НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
1882
ИЗДАВАЕМЫЙ А.Ф МАРКСОМЪ
Годъ тринадцатый.

ОГЛАВЛЕНІЕ „НИВЫ“ ЗА 1882 ГОДЪ.

СТРАН.

I. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и пр.

СТРАН.

II. Біографіи и характеристики.

III. Историко-археологическіе очерки.

IV. Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки.

СТРАН.

V. Естествознаніе.

VI. Наука, новыя изобрѣтенія и технологія.

VII. Архитектура и скульптура.

Всероссійская художественно-промышленная выставка въ Москвѣ:

Дозволено цензурою 18 декабря 1882 г.
Типографія А. Ф. Маркса, Прачечный пер., № 5.

XIII годъ — годъ XIII

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 1 — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы" 25 к. съ перес. 30 к.

Выданъ 2 Января 1882 г.

Открыта подписка на 1882 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ **4** р.	Съ доставкою въ Петербургѣ **5** р. **50** к.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Московское отдѣл. конторы „НИВЫ" въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, домъ Петровскихъ Торгов. линій **5** р.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . **6** р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 3 руб., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб. На четверть года безъ доставки 1 руб., съ доставкою 1 руб. 50 коп., съ пересылкою иногороднымъ 1 руб. 50 коп.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ЯНВАРЬ 1882 г. съ 19 рисунками и отдѣльное приложеніе съ 27 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 23 узора для малороссійскихъ костюмовъ, печатанныхъ двумя красками.

При этомъ № прилагается календарь на 1882 годъ, печатанный двумя красками.

Сторонись дѣдушка!.. Новый годъ ѣдетъ!.. Оригин. рисун. Н. Каразина, грав.

На новый годъ.

(Рисунки на стр. 1 и 9).

Новый годъ! Сколько тревогъ, ожиданій, сколько раздумья передъ грядущимъ! Бьетъ полночь, подымаются бокалы, въ ярко освѣщенныхъ, наполненныхъ гостями залахъ—начинаются пожеланія счастья, добра другъ другу! Какъ говоритъ нашъ поэтъ:

Что новый годъ—то новыхъ думъ,
Желаній и надеждъ
Исполненъ легковѣрный умъ
И мудрыхъ, и невѣждъ—
Лишь тотъ, кто подъ землей сокрытъ,
Надежды въ сердцѣ не таитъ...
Давно ли ликовалъ народъ
И радовался міръ,
И начинался новый годъ
При звукахъ флейтъ и лиръ..

И вотъ уже наѣзжаетъ новый. „Берегись, сторонись дѣдушка—Новый Годъ ѣдетъ!" кричитъ возница старому, уходящему Году, уходящему со всѣми своими невзгодами, ужасами, горемъ и всѣми потрясающими событіями и да пошлетъ Господь намъ лучшій, чѣмъ этотъ, сбытый нами, годъ! Мчится новый годъ въ Невскую столицу, какъ его изобразилъ нашъ художникъ—на горячемъ конькѣ съ удалымъ возницей, ѣдетъ быстро, конь и безъ того несется такъ, что снѣгъ крутится и носится какъ въ вихрѣ вокругъ—а конька все гонятъ...

Каждый по своему представляетъ себѣ явленіе новаго года, сообразно своему характеру, своему настроенію. Вотъ у другаго художника Новый годъ нисходитъ на землю такимъ милымъ, чуднымъ видѣніемъ, окруженнымъ веселыми, рѣзвыми, маленькими духами и приноситъ съ собой счастье, исполненіе желаній, конецъ горестямъ. Непремѣнно радость приноситъ это несомнѣнно благодѣтельное видѣніе. Такое милое, чудное лицо, полное выраженія всеобъемлющей любви и кротости, не принесетъ съ собою зла, горя и страданій...

Да будетъ же такъ! Пожелаемъ же всѣмъ въ довольствѣ и радости встрѣтить наступающій Годъ!..

Подъ землею.

повѣсть.

Н. К. Лебедева (Н. Морскаго).

I.
Нечистый.

Надъ небольшимъ губернскимъ городомъ N, расположеннымъ на правомъ, нагорномъ берегу Волги, распростерлась морозная лунная ночь. На улицахъ, застроенныхъ небольшими деревянными домиками, изрѣдка каменными, никакъ не свыше двухъ этажей, не было замѣтно ни малѣйшаго движенія: пѣшеходовъ почти не встрѣчалось, равно какъ и ѣздоковъ; только у обширнаго и мрачнаго зданія, именуемаго городскимъ театромъ, стояло нѣсколько извощиковъ и помѣстительный, предназначенный вѣроятно для доставки въ театръ обширнаго семейства, возокъ, да тутъ-же, на подъѣздѣ—бесѣдовали другъ съ другомъ жандармъ и двое полицейскихъ. По мѣрѣ удаленія отъ этаго центральнаго мѣста—движеніе совершенно прекращалось: открывались пустынныя улицы, обставленныя домами съ наглухо запертыми ставнями, черезъ щели которыхъ пробивались лучи свѣта, слышались смягченные двойными рамами звуки фортепіанъ и топотъ танцующихъ. Время было праздничное: только что окончилось Рождество и наступили святки.

По одной изъ наиболѣе уединенныхъ улицъ торопливо ковыляла женская фигура, съ столь неясными разграниченіями таліи отъ прочихъ частей, незамѣтно сливающихся другъ съ другомъ, что въ общемъ, благодаря еще надѣтому на ней лисьему салопу, являлось совершенное подобіе шара. Ночь была лунная, свѣтлая какъ день: на улицѣ, по которой шла шарообразная женщина, царствовали полнѣйшее безмолвіе и тишина, что не мѣшало однако ковыляющей фигурѣ со страхомъ оглядываться по сторонамъ и назадъ, всякій разъ ожидая, что на нее кто-нибудь выскочитъ изъ-за угла или схватитъ ее, подкравшись, сзади. Ничего такого однако не случилось и, подгоняемая страхомъ, шарообразная женщина благополучно достигла до цѣли своего путешествія, небольшаго деревяннаго флигелька, ставни котораго были плотно заперты. Оставалось только перейти улицу и, намѣреваясь это сдѣлать, задыхавшаяся отъ быстрой ходьбы, женщина остановилась противъ флигелька, чтобы перевести духъ.

Она стояла тяжело дыша, около забора, утыканнаго, вбитыми остріями вверхъ, гвоздями, изъ-за которыхъ торчали голыя вѣтви деревьевъ, стояла, съ пріятностью помышляя о скоромъ отдыхѣ въ теплѣ и на мягкомъ, имѣя въ перспективѣ пріятную бесѣду, чай, ужинъ и спанье, какъ вдругъ, совершенно неожиданнымъ и внезапнымъ образомъ была испугана до такой степени, что почувствовала полнѣйшую неспособность двинуться съ мѣста, слабость въ ногахъ, заставившую ее въ ужасѣ опуститься на тротуарный столбикъ. За мгновеніе ея мысли были далеки отъ чего-нибудь способнаго причинить ей страхъ: воръ, напавшій на нее въ виду домика, противъ котораго она находилась, не лишилъ-бы ее голоса и она ужъ конечно закричала-бы благимъ матомъ, призывая на помощь, въ ожиданіи которой дерзнула-бы вступить даже въ борьбу съ грабителемъ. Но тутъ... она безъ голоса опустилась на тротуарный столбикъ, блѣднымъ лицомъ своимъ смотря на освѣщенный луною заборъ, около котораго пріостановилась, чтобы перевести духъ, шепча побѣлѣвшими губами:

— Господи, спаси и помилуй!

Ей показалось, что прямо противъ того мѣста, у котораго она остановилась, кто-то застучалъ съ такой силой къ заборъ, что онъ потрясся, а затѣмъ мусоръ посыпался съ неимовѣрною продолжительностью. Точно тамъ, за этимъ заборомъ, какимъ-нибудь ломомъ долбили или проламывали каменную стѣну. Въ такомъ-то мѣстѣ! И вторично въ ужасѣ старушка прошептала:

— Господи, спаси и помилуй!

Стукъ за заборомъ смолкъ. Въ концѣ улицы показалось что-то темное, раздался скрипъ полозьевъ и понуськиваніе лошаденки. Ѣдущіе сани быстро приближались къ тому мѣсту, гдѣ все еще сидѣла напуганная путешественница, и наконецъ поровнялась съ нею и тихо миновала ее. Въ саняхъ сидѣли закутанные мужчина съ дамой, и на колѣняхъ у нихъ мальчикъ и дѣвочка. Мужчина съ дамой о чемъ-то разговаривали, но поровнявшись съ недвижно сидящею старухой, смолкли и только уже нѣсколько отъѣхавъ, заговорили снова. Появленіе этихъ живыхъ существъ какъ-бы влило нѣкоторую бодрость въ испуганную женщину и возвратило ей силы. Она быстро поднялась со столбика и не оглядываясь назадъ, на страшный почему-то для нея заборъ, перебѣжала черезъ улицу и прильнувъ глазомъ къ щелочкѣ ставня одного изъ трехъ оконъ флигелька, черезъ которую видѣнъ былъ свѣтъ, стремительно застучала.

Въ щель ей виднѣлась часть небольшой комнатки съ окрашенными голубою масляною краской стѣнами, съ огромными стѣнными часами съ желтымъ, какъ какой-нибудь тать двигающимся взадъ и впередъ, мѣднымъ маятникомъ и пожелтѣвшимъ отъ времени циферблатомъ съ нарисованнымъ на немъ букетомъ брусничныхъ розъ и голубыхъ незабудокъ. Прямо противъ щели, спиною къ окнамъ, на какой-то подушкѣ, положенной на полъ, сидѣла женская фигура, смотрясь въ зеркало, освѣщенное двумя сильно нагорѣвшими сальными свѣчами. Стукъ въ ставни повидимому не испугалъ смотрящую въ зеркало женщину, хотя былъ совершенно неожиданъ и раздался въ то время, когда вниманіе ея было устремлено

на разсматриваніе рисующихся утомленнымъ глазамъ туманно-облачныхъ пятенъ самой неопредѣленной формы, являющихся въ концѣ перспективы, многократно отраженныхъ двумя зеркалами свѣчей. При внезапномъ стукѣ гадающая не выронила зеркала изъ рукъ, тихо опустила его на колѣни и полуобернулась къ окну, прислушиваясь. Ей стукнули снова и въ тоже самое время кто-то и что-то кричалъ ей съ улицы. Тогда она встала, подошла къ окну, стараясь черезъ щель разсмотрѣть стучащаго. До нея донеслись слова:

— Отоприте поскорѣе, голубушка!

— Ахъ, это Пелагея Карповна!..

Гадавшая, очень молодая особа, проворно выбѣжала въ маленькую переднюю, отперла дверь и въ одномъ платьѣ, ничего не накинувъ на себя, спустилась съ крылечка на дворъ, подбѣжала къ калиткѣ, загремѣвъ задвижкой, распахнула ее и приняла ту, которую называла Пелагеей Карповной. Послѣдняя, торопясь отъ какой-то опасности, не здороваясь съ дѣвушкой, спѣшила перевалиться своимъ грузнымъ тѣломъ черезъ порогъ, тяжело дыша.

— Ахъ, родная, какъ я испугалась.

— Чего?

Дѣвушка съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ необычайно нервнымъ оживленіемъ, высунувшись въ калитку, смотрѣла по сторонамъ безлюдной и тихой улицы, освѣщенной луной и искрящейся снѣжинками. Если-бы не надѣтое на ней темненькое шерстяное платье, рѣзко выдѣляющееся своимъ цвѣтомъ на бѣломъ фонѣ зимней, лунной ночи, то бѣлокурая головка дѣвушки, бѣлизна ея лица, какъ нельзя болѣе подходили-бы ко всей этой обстановкѣ. Въ отвѣтъ на сдѣланный ею вопросъ, чего испугалась Пелагея Карповна, послѣдняя указала рукою на заборъ.

— Да вонъ.

Отсюда, съ противуположной стороны, видѣнъ былъ не только заборъ, не только свѣшивающіеся черезъ этотъ послѣдній голые сучья деревьевъ, но поверхъ деревьевъ, высился верхній этажъ бѣлаго дома, тогда какъ нижній оставался скрытымъ. При лунномъ освѣщеніи можно было отлично разсмотрѣть, что домъ этотъ повидимому находился въ какомъ-то запустѣніи, былъ заброшенъ, необитаемъ. Штукатурка во многихъ мѣстахъ полопалась, обвалилась, открывая красный кирпичъ, какими-то присохшими пятнами крови выдѣлявшійся на бѣломъ фонѣ окраски; одиннадцать полукруглыхъ оконъ смотрѣли мрачно; въ нѣкоторыхъ были выбиты стекла; балконная дверь, несмотря на зимнее время, оставалась открытою и черезъ нее можно было усмотрѣть часть потолка той комнаты, въ которую она выходила, освященную луннымъ свѣтомъ, съ движущимися по ней какими-то тѣнями. Въ одномъ изъ концовъ огораживающаго домъ забора виднѣлся полуразрушенный подъѣздъ, повидимому посредствомъ корридора соединяющій улицу съ домомъ. Въ этомъ запустѣніи, тишинѣ и лунномъ освѣщеніи было дѣйствительно что-то таинственное. Дѣвушка съ любопытствомъ устремила свои блестящіе черные глаза на странный домъ, спрашивая Пелагею Карповну:

— Развѣ вы тамъ что видѣли?

Пелагея Карповна только что открыла было ротъ, чтобы объяснить своей слушательницѣ, что именно напугало ее, какъ вдругъ, темное облачко, нашедшее на луну, подернуло таинственный домъ темноватымъ покровомъ и одновременно съ этимъ повторился за заборомъ совершенно такой-же поразительный и странный стукъ, подобный которому напугалъ Пелагею Карповну. Она съ стремительностью отдернула отъ калитки дѣвушку, захлопнула дверцу, задвинула задвижку и на протестъ молодой особы, которую вся эта таинственность занимала, съ сердцемъ прикрикнула:

— Будетъ вамъ!.. И въ какомъ мѣстѣ, право, нашли нанимать квартиру!

Когда Пелагея Карповна, войдя въ переднюю разоблачилась, ея шарообразное очертаніе обрисовывалось съ полнѣйшею ясностью. Это была дама лѣтъ шестидесяти, съ нѣсколько горделивымъ выраженіемъ лица, съ вздернутымъ носомъ, оттопыренною нижней губой, короткой шеей и сплошною массою тѣла безъ всякихъ переходовъ одной части въ другую. На головѣ Пелагеи Карповны ничего не было, ибо свой чепецъ греческаго тюля, она, изъ боязни измять, носила, переходя изъ одного дома въ другой, тщательно завязаннымъ въ носовой платокъ. Голова украшалась сѣденькими волосами свернутыми въ луковицеобразную косу, пришпиленную сзади роговымъ гребнемъ, по величинѣ своей превосходящимъ размѣры косы по крайней мѣрѣ втрое. Гдѣ жила Пелагея Карповна, какъ-то терялось во мракѣ неизвѣстности и если даже она гдѣ и занимала постоянную квартиру, то надо думать, что являлась на этой послѣдней пришлой гостьей, такъ сказать мимоходомъ, вращаясь въ остальное время по городу вслѣдъ за движеніемъ солнца изъ одного дома въ другой, отъ однихъ знакомыхъ къ другимъ. Срокъ пребыванія Пелагеи Карповны въ каждомъ изъ домовъ, которые она посѣщала, былъ весьма различенъ и зависѣлъ отъ того, что будучи дамой взыскательной, требующей себѣ уваженія отъ людей даже высшаго ранга, Пелагея Карповна покидала тѣхъ или другихъ изъ своихъ знакомыхъ только тогда, когда усматривала въ отношеніи себя съ ихъ стороны какое нибудь невниманіе, холодность или, подъ часъ, и насмѣшку. Тогда она складывала свои пожитки, начинала куда-то торопиться, дѣлалась холодна и сурова, при чемъ ея нижняя губа оттопыривалась обыкновенно болѣе обыкновеннаго и, прощаясь, на вопросъ, скоро ли зайдетъ вновь, обыкновенно отвѣчала отрицательно:

— Нѣтъ, скоро не соберусь. Ноги старыя, а вы живете далеко. Да и возни со мной старухой не мало.

Но, конечно, забывъ обиду, являлась черезъ нѣсколько времени. Въ сущности это было жалкое, одинокое существо, получающее самую ничтожную пенсію, существо переходящее изъ дома въ домъ и благодарное тому, кто выказывалъ хоть каплю расположенія. Впрочемъ не безъ нѣкоторой горделивости, что возвышало ее надъ приживалкой, и съ значительнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства.

Проходя черезъ залъ, Пелагея Карповна низвела свой голосъ до шепота, изъ боязни потревожить остальныхъ обитателей флигелька.

Шепотомъ она освѣдомлялась:

— Папенька уснулъ?

— Да.

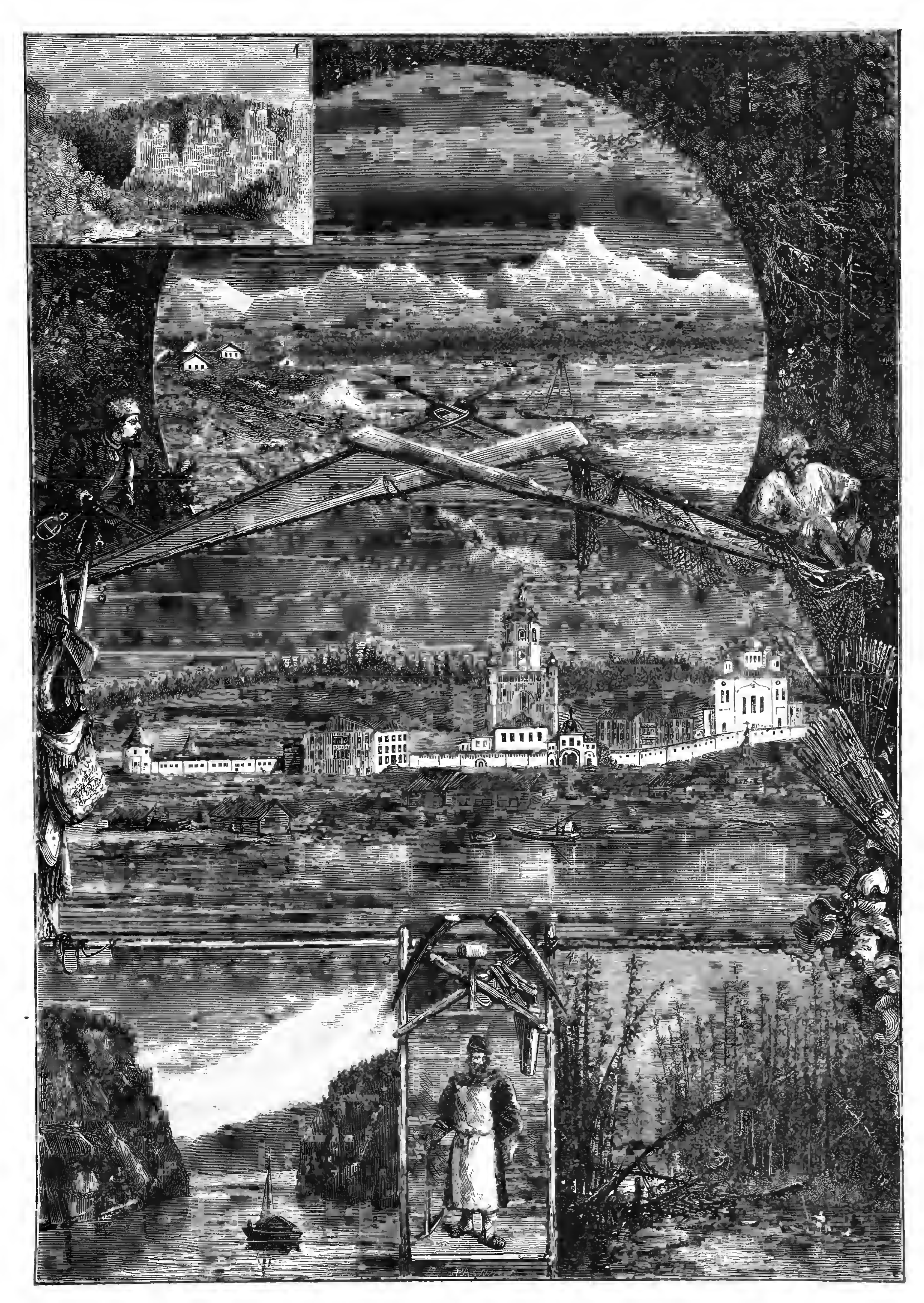
— И Сашенька!

Дѣвушка махнула рукой:

— Давно. Набѣгался: гору себѣ на дворѣ сдѣлалъ и катался цѣлый день.

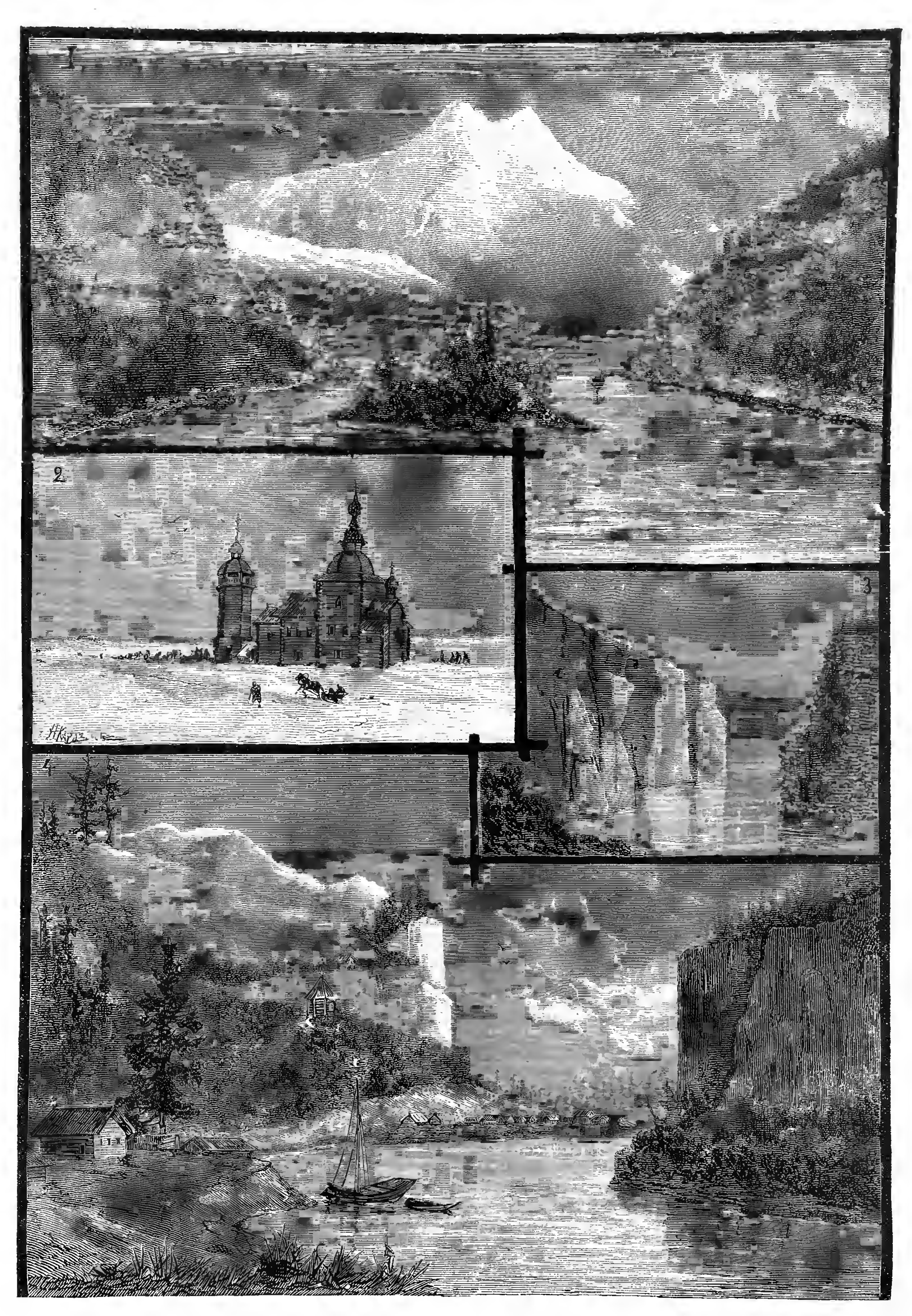
И, вслѣдъ за этими словами, вдругъ обняла гостью: Саша день деньской на дворѣ, папаша лежитъ, а я всё одна. Отъ васъ хоть о людяхъ добрыхъ, что услышишь. Пройдемте туда.

Она указывала по направленію слѣдующей комнаты и ввела въ нее гостью, прикрывая свѣчу рукою и ступая кончиками носковъ. Въ маленькой комнаткѣ стояли двѣ кровати, было жарко и пахло лекарствами. Обернувшись въ байковое сѣрое одѣяло, лицомъ къ стѣнѣ, спалъ старикъ, выставивъ свою сѣдую, гладко остриженную голову. На другой, меньшей по размѣрамъ, кровати, сбивъ съ себя голыми, довольно полными ножками одѣяло, лежа на спинѣ, почивалъ бѣлокурый, похожій на молоденькую сестру мальчикъ, лѣтъ семи или восьми, съ прелестнымъ личикомъ, залитымъ яркою краской. Мальчикъ спалъ съ широко раскрытымъ ротикомъ, что придавало его лицу нѣсколько комичное выраженіе какого-то удивленія. Осторожно слѣдуя по пятамъ молодой дѣвушки, Пелагея Карповна шепнула:



1) Скалы на рѣкѣ Подчермѣ. 2) Видъ на рѣку Саблю. 3) Троицкій-Ульяновъ монастырь. 4) Лѣсные завалы на рѣкѣ Сѣв. Мылвѣ. 5) Ворота на рѣкѣ Щугорѣ

Въ Печорскомъ краѣ. По наброскамъ Н. Иваницкаго, рисовалъ Н. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.



1) Видъ на гору Толпазъ. 2) Церковь въ селѣ Деревянскѣ на Вычегдѣ. 3) Скалы на р. Подчермѣ. 4) Сопляcская брусило-точильная гора.

Въ Печорскомъ краѣ. По наброскамъ Н. Иваницкаго, рисовалъ Н. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

— Молодой-то человѣкъ въ какомъ дезабилье.

И проходя, накинула на обнаженныя ножки мальчика простыню. Миновавъ комнату—спутницы очутились въ кухнѣ, уставленной лавками, и бѣлымъ некрашеннымъ столомъ и русскою печью, около которой возвышалась кровать, покрытая набраннымъ изъ ситцевыхъ лоскутковъ одѣяломъ. Въ кухнѣ, какъ и въ спальнѣ, было жарко натоплено. За столомъ, упиваясь чаемъ, возсѣдала пожилая, одѣтая въ синій сарафанъ и ярко розовую ситцевую рубаху, женщина, съ широкимъ, нѣсколько рябоватымъ, но весьма добродушнымъ лицомъ. При входѣ молодой дѣвушки и Пелагеи Карповны, эта женщина не заблагоразсудила встать, хотя лицо ея послало на встрѣчу входящимъ что-то въ родѣ улыбки. Усаживаясь на лавку около стола, Пелагея Карповна внушила:

— Поклониться-бы, Степанидушка, не мѣшало.

На что та, которую назвали Степанидушкой, невозмутимо спокойно отозвалась:

— Ну, и поклонюсь. Что-жъ: голова не отвалится.

— Я думаю.

И когда Степанида встала и поклонилась, Пелагея Карповна благосклонно склонила свою голову:

— Здраствуй, Степанидушка. Здорова-ли?

— Ничего. Вы какъ?

— Твоими молитвами. Налейка мнѣ чайку. Не остылъ?

— Зачѣмъ остыть. Чай хорошій, горячій.

Степанида торопливо начала мыть для гостьи чашку. Дѣвушка, доставъ себѣ откуда-то стулъ, присѣла также къ столу, торопясь распросить гостью объ интересующемъ ее предметѣ.

— Милая, Пелагея Карповна,—спрашивала она,—что-жъ вы тамъ видѣли?

— Ничего, съ какой-то гордостью отвѣтила гостья, принимаясь за чай.

— Ну, слышали? вѣдь напугало же васъ что-то.

Въ разговоръ вмѣшалась Степанида:

— Гдѣ это? Не въ Языковскихъ-ли хоромахъ?

— Ну, да. Страхи тамъ, Степанидушка,—удовлетворила ея любопытство Пелагея Карповна.

Степанида безмятежно отпила изъ своей чашки и категорически ясно высказала свое мнѣніе:

— Нечистый.

— Вотъ,—торжественно, какъ-бы убѣждая невѣрующую, сдѣлала Пелагея Карповна жестъ рукою, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ,—къ ночи-то только не хотѣлось мнѣ поминать его чернаго.

Съ мгновенно заблиставшими глазами, и вспыхнувшими щеками молодая дѣвушка, прислушивалась къ краткому обмѣну словъ между Степанидой и Пелагеей Карповной. Видимо она вѣрила въ правдивость того о чемъ шла рѣчь и какъ-бы вся ушла въ бесѣду этихъ женщинъ, чуть-ли не въ сотый разъ ощущая трепетное біеніе сердца, вызываемое въ ней разговоромъ сверхъестественнаго содержанія. Съ разгорѣвшимися глазами она допрашивала Пелагею Карповну:

— Что это за домъ?

Ей почти разомъ отвѣтили обѣ собесѣдницы, мало впрочемъ удовлетворивъ ея любопытству.

— Франкмасоны тутъ жили,—сказала Пелагея Карповна съ важностью.

— Баютъ, что барыня Языкова тутъ померла нехорошей смертью,—болѣе просто объяснила Степанида.

— Ну?

— Хоромы-то съ тѣхъ поръ и забросили, *онъ* и поселился въ барыниной-то спальнѣ.

Все это звучало такъ таинственно, такъ странно, такъ приковывало любопытство и возбуждало интересъ. Пристально смотря въ пламя свѣчи, бѣлокурая дѣвушка, медленно выговаривая слова, точно цѣдя ихъ, произнесла:

— И что-же, съ самой кончины этой Языковой въ домѣ никто и не жилъ?

Степанида съ положительностью отозвалась на это:

— Никто.

— Бойка, ты, дружокъ,—съ оттѣнкомъ наставленія и нѣкоторой укоризной, внушила Степанидѣ Пелагея Карповна, вспотѣвшая послѣ выпитаго ею чая,—ани жили, да жить-то нельзя было.

— А что?—любопытствовала дѣвушка.

— Жилъ тутъ одинъ вахтеръ, дружочекъ, съ женой и дѣтьми,—пояснила Пелагея Карповна,—для присмотра за домомъ его поставили. Жили они въ комнатѣ, внизу, да трехъ дней не выжили.

— Почему-же?

— Видишь ты,—таинственно понизила голосъ Пелагея Карповна, отирая платкомъ выступившій на ея лбу крупными каплями потъ, *онъ* ужъ очень со своей свитой началъ безпокоить. На верху-то, фортопьяны стояли, такъ какъ ночь, такъ такая музыка и танцы начнутся, что страсть! Ну, это еще бы ничего на верху-то, но и внизъ *они* стали заглядывать. Чуть кто выйдетъ, понимаешь-ли, изъ комнаты, такъ сверху-то на него, что попало сыплютъ: кости какія то летятъ, камешки, не то перья изъ перины. И днемъ не унимались. Пойдетъ вахтеръ-то на верхъ, что жъ бы ты думала: мебель вся переворочена, соръ, бумага, а въ сосѣдней комнатѣ, за дверью, слыхать, какъ вѣникъ мететъ, стульями двигаютъ. Ну, ни дать, ни взять прислуга горницу убираетъ. А только войди: вѣникъ посереди комнаты валяется, стулья отодвинуты, на столѣ крыло, точно для того, что бы пыль сметать. А сору-то, сору-то—ну какъ тутъ жить. Вахтеръ-то...

Разсказъ прервался. Черезъ отворенную въ спальную дверь послышался старческій голосъ, прерываемый кашлемъ.

— Пашенька... поди сюда.

Молодая дѣвушка проворно вскочила съ мѣста, оставивъ своихъ собесѣдницъ продолжать бесѣду вдвоемъ и убѣжала въ спальню къ зовущему ее больному отцу.

II.

Ночныя приключенія.

Какъ бы ни была примитивна душа, какъ бы ни былъ узокъ ея горизонтъ, какъ бы ни была тѣсна сфера и невѣжественно общество, среди которыхъ она живетъ, ей всегда доступны, хоть на самый краткій мигъ, паренія къ небесамъ, созерцаніе грандіозно величественныхъ явленій природы, которыхъ, правда, она не умѣетъ себѣ объяснить, но которыя тѣмъ не менѣе отвлекаютъ ее отъ обыденнаго и пошлаго, не давая погрузиться и задохнуться въ таковомъ совершенно. Малъ и глухъ былъ городъ, гдѣ родилась и выросла Пашенька, незатѣйливо протекала ея жизнь и несложныхъ понятій окружали ее люди,—но вѣдь и въ тюрьму, гдѣ окружающее еще однообразнѣе—одиночно заключенному свѣтитъ черезъ крошечное оконце солнце, видѣнъ краешекъ небесъ, ночью блещутъ звѣзды и сіяетъ луна, все такія возбуждающія мысль, такія дѣйствующія на воображеніе явленія.

Въ тѣсномъ кругѣ, въ которомъ заперта была Пашенька, она видѣла не одно только звѣздное небо, непонятное, это неимѣющее предѣлѣвъ, не имѣющее конца небо, она видѣла величественную рѣку, протекающую подъ горою, на которой стоялъ городъ, видѣла синѣющую даль, и открывающіяся тамъ, гдѣ рѣка дѣлала поворотъ, величавыя горы. Все это будило вопросы лучше всякой умной книги, но все это не находило отвѣта въ неопытномъ умѣ, возбуждая въ немъ юношески нелѣпую, но милую сердцу мечту и вѣру въ чудесное, въ тайное и сверхъестественное, что въ самой непонятности своей, въ темномъ и запутанномъ рѣшеніи вопроса, какъ бы отвѣчало на то, что тревожило и мучило, какъ бы разрѣшая сомнѣнія. Но это не былъ отвѣтъ. Неудача, постигающая умъ на этомъ пути, за-

ставляла его броситься въ область неимѣющихъ основъ мечтаній, просыпаясь отъ которыхъ душа жаждала подвиговъ, самопожертвованія, любви... Самыя грандіозныя препятствія устранялись съ чрезвычайною легкостью, какъ какія нибудь соломенки или пушинки, и понятія великодушія, доходящаго до самопожертвованія, богатства, силы—казались легко и просто осуществляемыми.

Созерцаніе величественныхъ картинъ природы изъ крохотнаго мірка, въ которомъ жила Пашенька, именно воспитало изъ нея мечтательницу, водворило въ ней вѣру въ таинственное и чудесное. Иногда въ лирическомъ порывѣ какой-то тоски, Пашенькѣ хотѣлось вырваться изъ тѣснаго кружка, въ которомъ она до сихъ поръ жила, хотѣлось испытать нѣчто захватывающее духъ и останавливающее біеніе сердца... Лѣтомъ Пашенька просиживала цѣлые дни въ городскомъ саду, расположенномъ на крутомъ берегу, подъ которымъ протекала любимая ею рѣка. Она изучила эту рѣку до тонкостей. Она видѣла ее свѣтло-голубою и тихою, пріятно оттѣняющею ся съ небесами яснаго дня...

За рѣкой виднѣлась песчаная отмель, за которою вдали разстилалась зеленая степь... Воздухъ былъ чистъ и спокоенъ. По рѣкѣ величаво плыли пароходы, за которыми какой-то недвижимой полосой тянулся медленно исчезающій въ тихомъ воздухѣ дымъ... Бѣлѣли паруса, косили „косовуши“ и грузно сидѣли въ водѣ росшивы. Но вотъ наступалъ безлунный вечеръ: тамъ и сямъ на рѣкѣ зажигались огоньки: ѣхала лодочка, на которой повѣсили красный фонарь; плылъ, пыхтя, пароходъ, выпуская изъ трубы густой хвостъ искръ; гдѣ то звучала пѣсня, сперва ближе, а потомъ уходя куда-то вдаль, смолкая для Пашеньки, но начиная быть слышною для кого нибудь другаго... Рѣка вѣяла какой-то задумчивостью, погружала молодую дѣвушку въ грустный лиризмъ, но въ другіе моменты, возбуждала своей бурной стихіей, какъ бы возмѣщая для молодой дѣвушки то, чего недоставало ея слишкомъ пассивному образу жизни, заставляя ее мыслями участвовать въ борьбѣ, въ проявленіи своихъ силъ, волнуя ее...

Вылъ и гудѣлъ вѣтеръ и рѣка становилась бурлива и грозна... Скрипѣли барки, пароходныя пристани и купальни; лодки не отваживались пуститься въ путь... Лопались канаты, качались тяжелые пароходы, ломались мачты... Свинцовыя тучи бѣгали по небесному своду, бушевали песочно-мутныя волны, крутилась бѣлая пѣна... Эта бушующая рѣка—книга изъ немногихъ возвышающихъ энергію книгъ, это лицезрѣніе подвига, лицезрѣніе всесокрушающей силы... Что такое человѣкъ, въ сравненіи съ этой бушующей стихіей!.. Глаза Пашеньки горѣли, губы раскрывались и что-то шептали... Боже мой!.. но вѣдь жить постоянно въ тиши, запертою въ э ихъ стѣнахъ, погруженною въ томительную тоску —невозможно, нельзя!.. Вѣдь силы, замкнутыя въ тѣсный объемъ, просятся на просторъ, хотятъ движенія и жизни, хотятъ новаго неизвѣданнаго ощущенія, но сильнаго, неимовѣрно сильнаго, захватывающаго духъ, останавливающаго біеніе сердца...

Увы, этотъ лучезарный міръ смѣняла окружающая молодую дѣвушку тишина патріархальныхъ нравовъ, гдѣ въ привязанностяхъ близкихъ сердце ея находило себѣ отвѣтъ—но не умъ и пытливость... Время шло; молодыя силы просили исхода и рвались наружу, требовали приложенія къ чему нибудь, хотѣли быть дѣятельными... Становилось тяжело дышать и тѣсно жить...

Нелѣпыя желанія проникнуть ту или другую тайну, рискуя своею безопасностью и жизнью, не принимая въ соображеніе безплодности подобнаго рода экспериментовъ, приходили въ голову. Въ уединенно-живущихъ дѣвушкахъ непросвѣщеннаго ума, но одаренныхъ пытливостью—зрѣютъ Орлеанскія дѣвственницы, Шарлоты Корде, святыя Терезы, экстатическія мученицы за вѣру. Давно въ умѣ молодой дѣвуши и возникла мысль во что бы то ни стало проникнуть въ тайны заброшеннаго дома. День ото дня эта мысль становилась сильнѣе и неотступнѣе требовала выполненія. Эта простая дѣвушка вѣрила въ чорта, вѣрила въ сверхъестественное, выходящее изъ границъ человѣческаго вѣдѣнія, а потому желаніе проникнуть въ таинственный домъ, проникнуть именно въ тотъ страшный часъ, когда предполагаемыя ею силы дѣйствуютъ съ наибольшею рельефностью, почти сжилось съ ея существомъ. Въ этомъ пробѣгающемъ при одной мысли о подобномъ предпріятіи по тѣлу холодѣ, въ мысли отправиться въ таинственный домъ, ставшій сказкою цѣлаго города, отправиться одной, крылась какая-то таинственная прелесть.

И Пашенька рѣшилась.

Она сбиралась сдѣлать это давно, но болѣзнь отца удерживала ее отъ приведенія въ исполненіе подобнаго рѣшенія. Послѣднее время болѣзнь эта приняла болѣе ровное и спокойное теченіе и Пашенька хотѣла воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Въ тотъ вечеръ, когда къ нимъ зашла Пелагея Карповна и своими разсказами возбудила интересъ къ таинственному дому, Пашенька рѣшилась привести желаніе въ исполненіе.

Долго сидѣла она на постланной ей въ залѣ постели и близость исполненія того, что она обдумала давно, казалось лишила ее сознанія, заставила на время какъ-то совершенно обезумѣть, чтобы потомъ какими-то обрывками, зачатками мыслей обнаружить нѣчто сознательное, клонящееся къ извѣстной цѣли. Все закрылось въ ея сознаніи туманомъ, стихло и замерло, чтобы блеснуть опредѣленной мыслью: идти, идти туда! Она невольно поблѣднѣла при этомъ и вдругъ, съ непостижимой для ея шестнадцати лѣтняго возраста силой, подавила страхъ, встала, посмотрѣла на мирно почивавшую на диванѣ Пелагею Карповну, задула свѣчу и осторожно ступая, вышла въ переднюю.

Здѣсь она легко отыскала шубку, накинула на голову черный платокъ и прислушавшись и убѣдившись, что въ домѣ все тихо, отперла крюкъ, вышла на крыльцо и спустилась по ступенямъ на дворъ. Лунный свѣтъ облилъ ее съ головы до ногъ; снѣгъ хрустѣлъ подъ ея ногами. Страннымъ теченіемъ мыслей она не думала теперь о томъ, что ее ожидаетъ тамъ, и въ виду предпринятаго ею опаснаго предпріятія, какъ бы прощалась съ прошлымъ и настоящимъ, припоминая о томъ, что вотъ тутъ она шла еще недавно съ Пелагеей Карповной, припоминая, какъ они сидѣли въ кухнѣ за чаемъ, потомъ ложились спать, припоминая отца и Сашу, прикрытаго одѣяломъ цѣломудренной рукой Пелагеи Карповны. Съ этими мыслями она отворила калитку, оглядѣлась по сторонамъ и какъ-то насильственно смѣло, какъ-то вызывающе глянула на таинственный домъ.

Какъ прежде онъ стоялъ освѣщенный луною съ своими бѣлыми стѣнами и кровавыми пятнами кирпичей. Она рѣшительно перешла улицу, направляясь къ подъѣзду, двери котораго были сломаны и подъѣздъ припирался какой-то взятой изъ другаго мѣста дверью.

Поровнявшись съ подъѣздомъ, Пашенька однако не вошла въ него, только заглянула, повернулась назадъ и прошла медленно по длинѣ всего забора, потомъ снова поворотила къ подъѣзду и двинулась еще медленнѣе, направляясь къ нему. У входа она остановилась, пересчитала мысленно до трехъ, потомъ надбавила до десяти—и вдругъ съ наплывомъ какой-то скорѣе трусости,—такъ смѣшанно было это чувство,—сдѣлала шагъ къ приставленной двери, отодвинула ее и вошла.

Ей представился длинный корридоръ, темный въ началѣ и концѣ и только на самой серединѣ прерывающійся входящими съ боковъ двумя широкими, въ родѣ тѣхъ, которыя дѣлаются въ церквахъ—окнами. Ни единый звукъ не нарушалъ тишину этаго монастырскаго корридора и Пашенька, прислушавшись, пошла, держась одной изъ стѣнъ. Упавъ на одно изъ оконъ, лун-

ные лучи прорѣзали корридоръ въ косвенномъ направленіи и въ этомъ мѣстѣ было видно, что корридоръ выстроенъ съ полукруглымъ сводомъ, что, подобно дому, онъ оштукатуренъ и вѣроятно потомъ выбѣленъ, только все это обвалилось и стерлось... У дверей въ переднюю, гдѣ снова сдѣлалось темно, Пашенька чуть не упала на груду какихъ-то камней, если бы не успѣла ухватиться за одинъ изъ косяковъ входной двери. Чтобы нащупать дверь,—она подняла глаза и окаменѣла въ ужасѣ. Сверху, изъ темноты, на нее смотрѣло лицо, бѣлое какъ мѣлъ, съ какими-то черными пятнами на щекахъ и вмѣсто глазъ...

Она всматривалась въ темноту, стараясь побѣдить овладѣвшій ею ужасъ и видѣла, что отъ самой головы спускалось внизъ туловище... Вдругъ она сообразила, что ухватившаяся за косякъ ея трепещущая рука, ощущаетъ камень, тогда какъ если бы это было существо, она ощущала бы теплоту и жизнь, не твердость камня, а упругость формъ. Мысль, что ее испугала статуя,—заставила ее успокоиться и съ возвратившеюся къ ней храбростью она отворила одну изъ дверей, въ которыхъ еще сохранились стекла и вошла въ таинственный домъ съ болѣе ровно бьющимся сердцемъ. Неожиданный страхъ лишилъ ее силъ повидимому лишь временно, чтобы потомъ возвысить падающую бодрость духа.

Двери отворились со скрипомъ и откуда-то подулъ вѣтеръ. Пашенька очутилась въ обширной прихожей, благодаря окнамъ довольно свѣтлой и оглядѣлась по сторонамъ. На право и на лѣво шли длинныя анфилады комнатъ, то тонущихъ въ мракѣ, то освѣщенныхъ серебристымъ покровомъ луннаго свѣта... Прямо противъ входа подымалась вверхъ широкая лѣстница съ обломанными перилами, вверху которой тоже было повидимому довольно свѣтло. Подумавъ, Пашенька рѣшила прежде подняться по лѣстницѣ и осмотрѣть верхній этажъ...

Были трудны первые шаги, странно было рѣшиться, страшно было переступить порогъ, но въ сравненіи съ этимъ—дальнѣйшее движеніе по таинственному дому казалось легкимъ. Страхъ конечно не исчезъ и всякая неожиданность пугала; но разгадка таинственной статуи у входныхъ дверей, сведеніе сложнаго сверхъестественнаго факта на простое и реальное, давало надежду и при повтореніи испуга прибѣгнуть къ подобному пріему. Дѣвушка храбро поднялась по лѣстницѣ и со входной площадки повернула на право...

Она вошла въ обширный въ два свѣта, покой, высокіе своды котораго поддерживались двумя рядами колоннъ. Прямо противъ входа нѣсколько ступеней вели на какое-то возвышеніе, гдѣ отъ одной стѣны къ другой, были протянуты какъ-бы деревянныя рамки ширмъ, совершенно пустыя и ободранныя. Дѣвушка сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и снова вздрогнула...

Въ одну изъ рамокъ глядѣла на нее освѣщенное луннымъ свѣтомъ, въ темной одеждѣ старческое лицо съ сѣдою, какъ у патріарха бородою. Въ то же самое время что-то зашевелилось невдалекѣ отъ молодой дѣвушки, поднялось и сотрясаясь, двинулось въ сторону... Вѣроятно напуганная этимъ явленіемъ черезъ весь этотъ покой пронеслась стая крысъ... Движущаяся животная масса какъ-бы вытянулась, согнулась и съ блестящими какъ огоньки глазами, сдѣлала прыжокъ... Пронзительный крысиный визгъ рѣшилъ загадку: это не былъ духъ, это была старая кошка... Старческая фигура вдали отнеслась къ этому пассивно, не шелохнулась и осталась недвижимой... Вдругъ нѣсколько влѣво повыше этаго старца что-то блеснуло въ воздухѣ — и дѣвушка отличила вызолоченный крестъ...

Тогда Пашенька поняла все... Она стояла въ домашней церкви, гдѣ изъ рамокъ иконостаса повылѣзли образа и какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ одинъ Святитель и вызолоченный, надъ сломанными царскими вратами, крестъ... Со вздохомъ, облегчившимъ душу, дѣвушка перекрестилась и оставила церковь. Теперь она шла почти спокойная и близкая къ разочарованію, что встрѣтила въ этомъ таинственномъ домѣ не то, что ожидала въ немъ встрѣтить.

Она проходила анфилады когда-то богатыхъ барскихъ покоевъ, мрачныя залы съ остатками лѣпныхъ украшеній и краски, пустыя и холодныя, но чуждыя какихъ либо таинственныхъ явленій, — галлереи, которыя вѣроятно когда нибудь украшались фамильными портретами, все это полуобвалившееся, населенное крысами и усѣянное соромъ. Ничто не нарушало тишины этаго необитаемаго дома, кромѣ собственныхъ шаговъ дѣвушки... Разочарованная, она уже подумывала о возвращеніи, не хотѣла обходить комнатъ нижняго этажа, когда вступивъ въ новые, еще ею непройденные, покои, обратила вниманіе на одинъ предметъ, заставившій ее вспомнить таинственный разсказъ только что ею слышанный... При входѣ въ комнату, она увидѣла стоящую, прислоненную къ стѣнѣ, метлу.

Тутъ очевидно кто-то дѣйствительно подметалъ, ибо на полу было несравненно чище, чѣмъ въ другихъ комнатахъ... Но зачѣмъ? Комната какъ и другія, кромѣ нѣкоторой чистоты, не носила на себѣ жилаго характера и была совершенно пуста. Только окна въ ней не были разбиты, а потому не продувало, какъ въ другихъ комнатахъ... Теряясь въ догадкахъ насчетъ того, кто-бы, и съ какою цѣлію могъ убирать эту комнату, Пашенька подошла къ затворенной дверцѣ, ведущей въ сосѣднюю комнату и отворила ее...

И отступила пораженная... Маленькая комната въ одно окно была освѣщена лампой, стоящей на столѣ, на которомъ валялись колбы, горѣла спиртовая лампочка, на пламени которой въ фарфоровой чашечкѣ кипятился растворъ какого-то вещества, въ большомъ безпорядкѣ навалены были металлическія сѣтки, разныхъ размѣровъ трубки и вообще, если не таинственные, то непонятные для Пашеньки приборы... Кромѣ этаго она успѣла разсмотрѣть стоящую въ углу желѣзную кровать съ брошенною на нее подушкой и саломой, прикрытой чѣмъ-то темнымъ... Но главное что привлекло ея вниманіе—было отверстіе въ полу, вѣроятно подвалъ, около котораго стоялъ окрашенный въ зеленый цвѣтъ газометръ, ни назначенія, ни названія котораго молодая дѣвушка не знала... Около этаго газометра, спиною къ Пашенькѣ, стоялъ небрежно одѣтый и еще небрежнѣе причесанный, мужчина, осторожно опускающій въ отверстіе подвала, на длинной цѣпочкѣ, что-то въ родѣ зажженной лампы... Вдругъ оглушительный трескъ послышался въ подвалѣ, что-то посыпалось и мужчина съ восклицаніемъ „опять сорвалось!“ вытащилъ только что опущенную лампу изъ отверстія и повернулся къ застывшей отъ удивленія Пашенькѣ, наконецъ узрѣвшей въ необитаемомъ домѣ чорта.

Ей бросилось въ глаза худощавое лицо съ темной бородкой, какіе-то блуждающіе глаза, до сихъ поръ не обращавшіе на нее вниманія. Губы что-то шептали и Пашенька подумала, что видитъ передъ собою сумасшедшаго... Онъ сдѣлалъ по направленію къ ней нѣсколько шаговъ, все смотря на качающуюся, въ его рукахъ лампу и вдругъ, поднявъ опущенную голову, въ удивленіи остановилъ на ней, неподвижно стоящей въ дверяхъ, свой взглядъ... Потомъ, какъ-бы не довѣряя себѣ, протеръ глаза рукою, еще разъ посмотрѣлъ на Пашеньку и желая удостовѣриться что это не видѣніе и не призракъ, схватилъ со стола лампу и подбѣжавъ къ молодой дѣвушкѣ, освѣтилъ ея до сихъ поръ остающуюся въ тѣни фигуру.

Тогда она пошевелилась и сдѣлала шагъ къ нему на встрѣчу.

(До слѣд. №).

Новый годъ. Рис. Вейсъ, грав. Э. Бруннъ.

Во время бури.

Романъ

М. Іокая.

I.

Старыя гнѣзда.

Есть въ Божьемъ мірѣ страны, которыхъ чарующее дѣйствіе на человѣка неотразимо, которыхъ великое прошлое осѣнено ореоломъ неувядаемой славы. Если отъ Пресбурга мы направимся вверхъ—предъ нами раскинется прекрасная долина Ваага. Каждый шагъ этой восхитительной мѣстности открываетъ новыя и новыя чудесныя картины. Безконечными извилинами бѣжитъ рѣка, то покидающая, то вновь набѣгающая въ ложе, сдавленное съ обѣихъ сторонъ гористыми, покрытыми лѣсомъ, берегами. На этой рѣкѣ лежатъ древнѣйшіе города страны, во многомъ до сихъ поръ сохранившіе отпечатокъ среднихъ вѣковъ, иные и теперь еще обнесены стѣнами; тамъ и сямъ, на горныхъ скатахъ, еще высятся гордые замки и бурги, во всеоружіи бойницъ, шанцовъ и валовъ, готовые встрѣтить врага, а внутри—блещущіе всею роскошью убранства въ стилѣ эпохи Возрожденія; вокругъ—прекрасные парки, говорящіе о громадныхъ богатствахъ и великолѣпіи прежнихъ знатныхъ магнатовъ, парки съ прудами, переполненными лебедями, съ гротами фей, съ цѣлыми стадами дикихъ оленей и ланей. Далѣе, по закутаннымъ туманомъ вершинамъ горъ залегли громадныя развалины бурговъ; сквозь ниши зубчатыхъ стѣнъ видны еще итальянскія фрески, гербовые щиты соединенныхъ фамилій; образовавшаяся въ крышѣ разсѣлина разбила на двое и щитъ, и геній, украшавшаго его; на мѣстѣ обрушившагося балкона остались художественно выполненныя каріатиды; историческія стѣны все больше и больше, однако, утрачиваютъ теперь свою почтенную наружность, все больше и больше „сравниваются“. А между тѣмъ, исторія ихъ, этихъ безмолвныхъ стѣнъ, ихъ прошлое еще такъ близки къ намъ.

Вотъ—стѣны развалившагося бурга, въ величаво мрачныхъ залахъ котораго и донынѣ живетъ память о дивной красавицѣ Елизаветѣ Баторій. Преданіе говоритъ, что она была жестока. И теперь еще показываютъ одинъ изъ погребовъ замка, гдѣ, будто-бы, были, по ея приказанію, зарыты триста жертвъ. Неподалеку, напротивъ, виднѣются развалины сосѣдняго бурга, принадлежавшаго молодому рыцарю, въ угоду которому страшная сирена заботилась о своей красотѣ.

Рядомъ—опять развалины, еще болѣе ветхія, чѣмъ всѣ тѣ,—камня на камнѣ не осталось. Здѣсь было каменное гнѣздо, въ которомъ сбирались дерзкіе заговорщики, хотѣвшіе захватить Леопольда I-го.

Разгнѣванный властитель приказалъ сравнять съ землей замокъ, взятый приступомъ послѣ продолжительной осады. Гордый родъ прежнихъ властителей исчезъ, какъ и ихъ гнѣздо. Въ гербовыхъ залахъ чуждыхъ замковъ смотрятъ теперь на насъ со стѣнъ портреты бѣлокураго, голубоглазаго Петрѣши, которому принадлежалъ бургъ, и стройнаго Тёкёли, защищавшагося до послѣдней крайности.

На горномъ скатѣ противуположнаго берега возвышается, подобный громадному мавзолею, „Левенштейнъ“ (Львиный камень), а далѣе, изъ узкой ложбины, виднѣется знаменитый „Теметвени“, коренной родовой замокъ своевольныхъ, необузданныхъ Берчени.

Куда-бы, въ какую-бы сторону ни направилось капризное теченіе Ваага—отовсюду, навстрѣчу ему, одна за другою, встаютъ, подымаются, наступаютъ горныя выси, увѣнчанныя развалинами замковъ.

Въ ясные, свѣтлые дни, владѣльцы замковъ указывали съ зубчатыхъ стѣнъ своихъ, въ сторону Вѣнской башни св. Стефана, дымчатой полоской виднѣвшейся на далекомъ горизонтѣ, и говорили: мы придемъ туда!

Но небо омрачилось и скрыло отъ взоровъ ихъ заманчивую картину; загремѣла, зарокотала политическая буря и смела всѣ эти стѣны и башни.

Бурги, разрушенные этой бурей, превратились въ живописныя развалины, а тѣ, которые добровольно сдались — переданы были новымъ владѣтелямъ.

И новыя фамиліи поселились на пепелищахъ прежнихъ.

Но и ихъ господство длилось не долго. Все больше и больше, все чаще и чаще смѣнялись гербы на воротахъ бурговъ, ни одна изъ фамилій не удерживалась твердо на своемъ мѣстѣ. Эти владѣнія, границъ которыхъ не видно было и съ высоты замковъ дающихъ имъ свое имя, не терпятъ новыхъ господъ. Сторона эта отмѣчена какимъ-то особымъ характеромъ. Гордость Матвѣя Чака, смѣлость Петрѣши, мужество Тёкёли, патріотизмъ Ракоція, страданія Илона Црини, неукротимый духъ Берченьи, все это еще живетъ здѣсь.

Но, не одни гордые феодалы оставили здѣсь развалины памятниками по себѣ: и послѣ нищаго-монаха, смиреннаго схимника остались здѣсь руины, говорящія также о немъ, и развалины его обители такъ-же прекрасны, такъ-же живописны, какъ и руины княжескаго бурга. Остатки стѣнъ обрушившагося монастыря отражаются въ зеркалѣ протекающей около нихъ рѣки; сохранилась пещера отшельника; статуи святыхъ, всѣ закутанныя густою порослью и ползучими растеніями, все еще стоятъ въ темной своей нишѣ. Народъ разсказываетъ, что это самъ святой, превратившійся тутъ, въ теченіе столѣтій, въ камень.

А дальше, еще дальше—точно титаны возвели свои гигантскія зданія, но Божья сила сокрушила ихъ дворцы и повергла ихъ въ развалинахъ. Вся страна—какъ-бы дивный музей фантастическихъ образовъ; башни, пирамиды, обелиски нагромождены рядами, одни надъ другими, одни за другими, то гордо возвышающіеся, то обрушившіеся въ обломки,—точно остатки гигантскаго столпотворенія. Все повержено, все „прешло“ въ этой странѣ. Мы стоимъ здѣсь точно на кладбищѣ великановъ.

И только два остались нетронутыми тутъ — дерево и человѣкъ.

Такихъ громадныхъ деревьевъ, какія растутъ въ этой мѣстности—не встрѣтишь нигдѣ во всей странѣ. И съ ними связано столько воспоминаній. Могучій дубъ, скрывающій въ своей чащѣ Ровненскую церковку, напоминаетъ исторію Сусанны Лорандори; липы Ракоція шелестятъ поблеклыми листьями о своемъ прежнемъ господинѣ, а тамъ, гдѣ уже кончилась улица, среди хлѣбнаго поля возвышается вѣтвистая липа, украшающая гербъ одного знаменитаго рода; здѣсь срослись въ одинъ стволъ девять кленовъ, которые давно уже, еще въ первые годы Реформаціи, могучій феодалъ-рыцарь связалъ въ одинъ пучекъ. „Какъ этотъ пучекъ, въ землю посаженный, корень пуститъ, и живымъ древомъ взойдетъ,—сказалъ онъ приверженцамъ новой религіи,—такъ ваша вѣра распространится въ странѣ этой. Слабые ростки взошли пышнымъ деревомъ.

И народъ здѣшній пережилъ все это.

Удивительный народъ здѣшній, такой, какому равнаго не найдти во всей Венгріи. Онъ слишкомъ бѣденъ и многочисленъ и не можетъ пропитаться только одной землей, которую получилъ въ надѣлъ, нужда заставляетъ его покидать родную сторону и пускаться по широкому свѣту, но идетъ онъ не за подаяніемъ, какъ дервишъ и не въ наемники, какъ швейцарецъ, а идетъ на свободный трудъ, на промыселъ. Въ каждомъ большомъ городѣ, въ какой бы странѣ ни было, его сыновъ ждутъ готовыя мастерскія: улицы и площади, готовая корчма-гостинница. Парижу, какъ и Стамбулу, одинаково знакомы эти бродячія фигуры. Одинъ побывалъ въ Лондонѣ, другой въ Тегеранѣ, третій—въ Астрахани. А заработанныя и скопленныя на чужой сторонѣ денежки они бережно припрятываютъ въ завѣтномъ уголку подъ соломенной крышей, чтобы какъ нибудь облегчить неприглядную жизнь свою. Въ своихъ дальнихъ паломничествахъ по міру широкому, каждый выучится или по англійски, или по французски, по нѣмецки, по турецки, по персидски, но ровно настолько, сколько необходимо, чтобы понять и дать понять себя. Это—наши словаки. Отцы ихъ бились за Ракоція до послѣдней битвы, а въ сорокъ восьмомъ году, въ первомъ штурмѣ Тамаша, первыми же они вскочили на шанцы. Они не умѣютъ говорить по венгерски, но умѣютъ горячо любить родину свою, умѣютъ еще отдавать за нее кровь свою, и даже больше—терпѣть для нея и трудиться. Они составляютъ особую народность, особую рассу, но совершенно сроднились, „сплавились“ съ венгерскимъ дворянствомъ, которое, во всѣ времена, съ самаго начала и до сего дня, всегда и пребывало и пребываетъ вѣрнымъ отечеству и націи, и готовымъ для нихъ на всякія жертвы. Это тѣ самые, надъ провинціальнымъ выговоромъ которыхъ мы такъ часто подсмѣиваемся и подшучиваемъ, но которые, за то, нисколько на насъ не сердятся.

То—„Словацкая земля“, Словакія.

Ихъ картофельныя, хлѣбныя, льняныя поля, ихъ пашни, огороды, ихъ крытыя соломой избушки, образуютъ совершенно отдѣльную, своеобразную часть нашей ландкарты. Тутъ уже нѣтъ ни маисовыхъ полей, ни виноградниковъ; дорогія растенія южнаго климата составляютъ украшеніе только богатыхъ и важныхъ господъ, которые могутъ строить для нихъ стеклянные дома; нѣтъ тутъ и пшеницы. Но, не смотря на все это—громко раздаются и звенятъ по полямъ и лугамъ веселыя пѣсни.

Нынче пролегла вдоль всей долины желѣзная дорога. И когда мы изъ окна мчащагося поѣзда глянемъ на восхитительную панораму—намъ покажется, будто то далекія горы, съ своей дремучей лѣсной одеждой, съ своими бургами и башнями сдвинулись всей толпой съ мѣста и ушли отсюда въ даль, туда, къ горизонту, а тутъ, вмѣсто нихъ предъ нами все шире и шире, спокойно и безмятежно, развертывается равнина, съ своими зеленѣющими пажитями и нивами, среди которыхъ, подобно муравьямъ, разсыпанъ трудящійся народъ.

Отчего это такъ? И куда, и зачѣмъ убѣгаютъ тѣ лѣсистыя горы?

II.

Францъ Иллаваи.

Въ первый разъ мы видимъ г. Франца Иллаваи. Онъ сидитъ

передъ зеркаломъ. Нѣсколько странное занятіе для мужчины, не такъ ли? Оно и было бы такъ, если бы три причины не извиняли Иллаваи. Во первыхъ—онъ брился, чего, конечно, безъ зеркала нельзя сдѣлать, а тому, кто самъ привыкъ бриться—ежедневно приходиться любоваться на свою физіономію, нравится это ему, или нѣтъ. Во вторыхъ, Иллаваи съ сегодняшняго дня женихъ. Внизу, на дворѣ, его четырехмѣстная коляска, въ которой онъ поѣдетъ въ Дольнаваръ вѣнчаться съ своей нареченной. Понятно, что жениху простительно полюбоваться на себя нѣсколько дольше обыкновеннаго. Наконецъ, третья причина заключается въ самомъ зеркалѣ. Это не простое зеркало, какое мы привыкли видѣть чуть не каждый день, чуть ли не въ каждомъ домѣ и которое отражаетъ лицо такимъ красивымъ, каково оно на самомъ дѣлѣ. О—совсѣмъ нѣтъ. Это—злое зеркало, умѣющее только показывать одни рожи и гримасы; оно перекашиваетъ глаза, кривитъ ротъ, сдвигаетъ на сторону носъ, словомъ, развѣ тотъ только будетъ долго сидѣть передъ нимъ, кто наложилъ на себя за что нибудь эпитимію. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, зеркало это—вещь дорогая для Иллаваи. Генеалогія зеркала такова: Францъ Иллаваи получилъ его отъ матери, которая, въ свою очередь, получила его въ подарокъ отъ своего отца, пріобрѣвшаго эту драгоцѣнность на рынкѣ въ Маагъ-Нейштадтѣ. Она получила его когда сдѣлалась невѣстой. Тогда только что вошли въ моду шкатулки съ придѣланными къ нимъ зеркалами. Добрякъ Матвѣй Опатовскій былъ очень доволенъ подаркомъ, приготовленнымъ для дочери, но за то, какъ только молодая дѣвушка взглянула въ зеркало, то увидѣвъ тамъ вмѣсто своего юнаго личика нѣчто исковерканное чуть не бросила отцовскій подарокъ на полъ, до того перепугалась! Дѣлать, однако, было нечего, вещь уже куплена и возвращать назадъ купцу было невозможно, потому что онъ былъ уже далеко. Отецъ успокоилъ дочку, уговоривъ ее, что по крайней мѣрѣ, это зеркало не станетъ льстить ей, а будетъ правдивѣе, чѣмъ всякое другое.

— И какъ хорошо, прибавилъ Опатовскій, какъ хорошо человѣку имѣть всегда возлѣ себя истиннаго друга, который постоянно говоритъ ему въ лицо одну правду.

— Госпожа Варвара Опатовская прожила, до смерти своей, дружно и хорошо съ мужемъ, господиномъ Иваномъ Иллаваи, что прямо приписывала зеркалу.

Часто она говорила и сыну: „Уважай ты это зеркало. Я оставлю тебѣ его; оно избавило меня отъ многихъ опасностей. Когда, бывало, разсержусь—сейчасъ къ зеркалу и— одного взгляда довольно. Оно всегда говорило: „не ты ли сама виновата“? Повторяю, береги и почитай его, оно и тебѣ еще сослужитъ службу. И Францъ-Иллаваи бережно охранялъ зеркало и никогда не брился передъ другимъ, хотя его средства позволяли ему выписать изъ Венеціи хоть цѣлое трюмо, въ которомъ можно видѣть себя съ головы до ногъ. Это зеркало было самымъ близкимъ его другомъ, чѣмъ-то въ родѣ ежедневнаго совѣтника и строгаго критика его дѣйствій.

И такъ, Францъ фонъ-Иллаваи сидѣлъ и брился, а зеркало держало къ нему слѣдующую рѣчь: „Ну, вотъ, ты теперь думаешь, что куда какъ красивъ, не правда-ли? Неужели-же ты, въ самомъ дѣлѣ, воображаешь, что мужчина съ такой широкой головой какъ твоя, можетъ нравиться какой нибудь дѣвушкѣ? Вѣдь у тебя нѣтъ почти шеи. А лобъ, лобъ-то этотъ? Эти широкія густѣйшія брови, которыя такъ и лѣзутъ одна на другую? Развѣ ты не замѣчалъ до сихъ поръ, что отъ тебя прячутся маленькія дѣти? Если-бы еще твою круглую физіономію можно было хоть сколько нибудь вытянуть въ длину. Въ твоей фигурѣ какъ-то странно соединились комическое съ чѣмъ-то страшнымъ, простота какая-то съ чѣмъ-то дикимъ, необузданнымъ. Теперь ты отправляешься вѣнчаться. Ты думаешь, что тебя любятъ, потому что самъ влюбленъ? Ну, будь-же, хоть разъ, откровененъ съ собой: вообрази себя на мѣстѣ хорошенькой невѣсты и подумай — нашелъ-ли бы ты красивымъ лицо, которое теперь смотритъ на тебя? Что? смѣешься? Гляди, гляди—ты сталъ еще красивѣе.

Нѣмая рѣчь эта была прервана звукомъ трубы почтальона. Передъ домомъ остановился почтовый фургонъ. Иллаваи, занимавшій должность окружнаго судьи, подумалъ, что, вѣроятно, привезли дѣловыя бумаги. Чрезъ минуту, въ комнату вошелъ слуга съ пачкой писемъ въ рукахъ.

— Положи ихъ на столѣ, въ канцеляріи.

Какое письмо могло помѣшать жениху завязать получше галстухъ всего за часъ до вѣнца. Кромѣ того, сегодня были и именины Франца.

Наконецъ, галстухъ завязанъ.

— Ну-ка, проговорилъ женихъ, — именинникъ, взглянемъ на поздравленія.

Онъ пошелъ на верхъ, въ канцелярію, гдѣ на его бюро лежала цѣлая кипа писемъ разнообразной величины и формата.

Сердце сильно застучало въ груди Франца, какъ только онъ замѣтилъ самое маленькое изъ нихъ. То были, будто, не строчки, а бисеръ, ровными рядами насыпанный на бумагу. Что-же могла писать ему невѣста въ самый день вѣнчанія? Вѣдь сегодня-же она должна была стать женой его. Можетъ быть, она не могла уже дождаться этой минуты и въ своемъ нетерпѣніи послала ему слово любви?

— Да... но, зачѣмъ, однако, писала она?..

Дрожащей рукой вскрылъ онъ конвертъ. На раздушенной бумажкѣ былъ тотъ-же бисеръ, но что это такое, что это она пишетъ!..

„Милостивый Государь!..

„Я считаю себя обязанной сказать вамъ (время еще не ушло), что сердце мое не свободно. Если я причиняю вамъ досаду, или неудовольствіе этимъ признаніемъ, то пусть вся вина надетъ на меня, забудьте меня. Мое рѣшеніе неизмѣнно. Прощайте навсегда. Желаю вамъ счастія“.

Юлія.

Францъ безмолвно опустился въ кресло. Онъ спряталъ лицо въ свои широкія руки и только по судорожнымъ движеніямъ могучей груди его можно было догадаться, что онъ плачетъ.

— Такъ вотъ какъ! Все, все... и нѣжный шепотъ любви, и свиданія, полныя ласкъ, долгія разставанія и жадное ожиданіе свидѣться вновь... мечты о будущемъ... эти, никѣмъ невидѣнные и непонятые разговоры, взгляды или пожатія рукъ... эти поцѣлуи украдкой... все, все это уже забыто!!.. Такъ вотъ каковы женщины! Но тутъ, за этой женщиной, стоитъ мужчина. Вѣдь она написала ему: „Мое сердце болѣе не свободно“. А, такъ теперь подавай мнѣ его, того, который отнялъ у меня что принадлежало мнѣ! Гдѣ ты, выходи, я расправлюсь съ тобой!!

Высоко поднялась могучая грудь, затрещалъ на широкихъ плечахъ красивый долманъ, украшенный серебряными пуговицами. Желѣзные мускулы просились на свободу помѣриться силой...

Одна за другою быстро полетѣли во всѣ стороны принадлежности праздничнаго туалета, но галстухъ все-таки пришлось развязать передъ зеркаломъ.

А оно уже ждало Франца съ готовымъ монологомъ. „Ну что? я не говорилъ-ли тебѣ, что ты обманутъ? Но знай, что одурачилъ себя только ты самъ, самъ ты водилъ за носъ себя. Что, по твоему, привлекательнаго могла найдти въ тебѣ хорошенькая дѣвушка? Взгляни-же на себя опять! И почему это ты такъ разозлился? Потому что она полюбила другаго и, вѣроятно, красиваго молодца? Разруби ты его хоть въ куски и то не станешь менѣе уродливъ. Напротивъ, поблагодари дѣвушку за то, что она еще во-время тебѣ откровенно сказала правду, что не поступила какъ поступаютъ многія, которыя одному отдаютъ свою руку, а другому сердце. Она, конечно, могла выдти за тебя. Вѣдь окружный судья — очень удобный мужъ, ибо постоянно въ разъѣздахъ. Да, смотри,—въ злобѣ своей и позабылъ, что ты—окружный судья, такъ и оставилъ нетронутою всю кипу писемъ, что получилъ; а прочесть ихъ ты долженъ сейчасъ-же; почемъ знать—можетъ быть есть что нибудь и важное по теперешнему безпокойному времени. Теперь — война, страна вся въ волненіи. Ну полно, довольно гримасничать, иди-ка въ канцелярію и читай свою почту“.

Онъ повиновался тайному голосу и принялся за письма. Одно изъ нихъ было отъ коммиссара Венгріи подполковника Горомболи. Языкъ этого письма былъ не столько вѣжливъ, сколько рѣшителенъ.

„Гражданинъ судья!..

„Послѣзавтра утромъ прибуду съ моей бригадой. Приготовьте сорокъ тысячъ раціоновъ хлѣба, четыре тысячи раціоновъ сѣна, тысячу мѣръ овса и пятьдесятъ ведеръ водки. Всѣ мельницы должны быть приспособлены къ выдѣлкѣ пороха, а бумажныя фабрики—къ выдѣлкѣ сукна. Распорядитесь, чтобы желѣзные заводы были исключительно заняты отливкой 6-ти и 12-ти фунтовыхъ ядеръ и ничѣмъ инымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагаю вамъ немедленно изловить всѣхъ шпіоновъ, а также исправить дороги и мосты, дабы не проваливались и не портились при перевозкѣ тяжелыхъ орудій. Каждое изъ моихъ приказаній вы обязаны выполнить неукоснительно, въ противномъ случаѣ будете преданы военному суду и разстрѣляны.

Подполковникъ Горомболи“.

Не смотря на все горе свое, Иллаваи не могъ удержаться отъ громкаго смѣха.

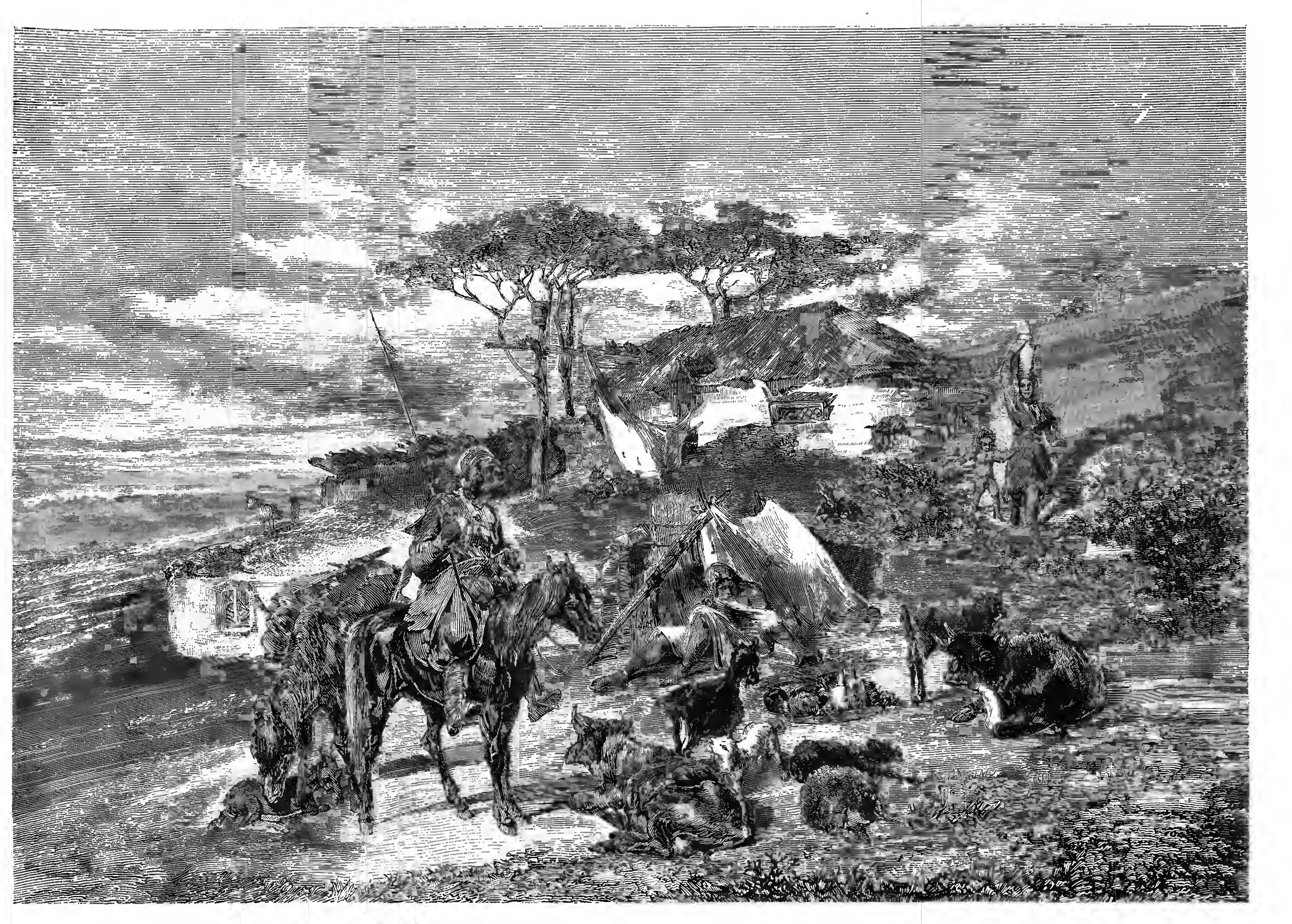
Второе письмо было отъ помощника окружнаго начальника. Изъ посланія бѣдняги было видно, что онъ перепуганъ чрезвычайно. Оно начиналось словами: „Ради Милостиваго Бога... и оканчивалось словами;“ Взгляните что только пишетъ правительственный коммиссаръ! Помогите намъ“! Къ сему была приложена копія съ энергическаго приказа Горомболи.

— Вы, лѣнтяй,—писалъ онъ,—если ко дню моего вступленія въ городъ, не закончите совершенно рекрутскій наборъ, порученный вамъ произвести еще въ прошломъ мѣсяцѣ, то всѣ будете преданы военному суду и разстрѣляны! и т. д.

Въ постскриптумѣ жалобнаго письма этого чиновника стояло: „Къ тому-же я еще и заболѣлъ“.

— Я думаю, еще-бы, проговорилъ Иллаваи.

Третье письмо принадлежало перу высокороднаго графа Теметвени. Пришлось не мало потрудиться Иллаваи, чтобъ изъ тяжелыхъ періодовъ и неясныхъ, сбивчивыхъ фразъ понять, что его сіятельство былъ напуганъ тѣмъ-же г. правительственнымъ коммиссаромъ, возвѣщавшимъ о своемъ прибытіи въ гости къ графу, а также и о томъ, что этотъ послѣдній, въ качествѣ



Крымскіе татары. Выставка невѣсты-татарки и ея приданаго. Оригин. рис. для „Нивы“ профессора Зверины, грав. М. Рашевскій.

Кайсаровъ. Кутузовъ. Коновницынъ. Раевскій Толстой. Беннигсенъ. Барклай де-Толли. Уваровъ. Толь. Дохтуровъ. Ермоловъ.

Военный совѣтъ въ Филяхъ, близъ Москвы, 1 сентября 1812 г. Съ картины Кившенко, грав. К. Ольшевскій.

главнаго начальника Гарговарской національной гвардіи, обязанъ былъ, раздѣливъ свой батальонъ на роты, подготовить его надлежащимъ образомъ, такъ, чтобы при вступленіи войскъ, батальонъ этотъ присоединился къ нимъ для слѣдованія на театръ войны. Въ противномъ случаѣ графъ будетъ преданъ суду и разстрѣлянъ и т. д.

Въ письмѣ, наполненномъ орфографическими ошибками, на половину французскомъ и наполовину нѣмецкомъ, графъ объяснялъ, что не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ обязанностяхъ начальника батальона и просилъ все того же Франца Иллаваи помочь ему.

Но графъ Теметвени не ограничился только однимъ письмомъ, тутъ-же лежало и другое. Изъ него можно было разобрать, что его сіятельству грозила еще одна опасность. Дѣло было въ томъ, что графъ Теметвени отправилъ изъ имѣнія возъ съ шерстью; возъ этотъ былъ захваченъ отрядомъ правительственнаго коммиссара, который велѣлъ шерсть взять для приготовленія солдатскаго сукна. Обстоятельство это могло причинить „величайшее несчастіе фамиліи Теметвени“, какое и почему—этого въ письмѣ сказать было неудобно, а потому г. судья приглашался заѣхать „хоть на полчасика“, сегодня, непремѣнно сегодня.

— Такъ-то такъ, проговорилъ Францъ, но какимъ-же образомъ я могу сразу попасть въ семь мѣстъ? Однако — какъ все сложилось къ лучшему. Поѣзжай я на свадьбу, не прочитавъ писемъ, я или былъ-бы схваченъ и пожалуй присужденъ къ разстрѣлянію, или мнѣ пришлось-бы бѣжать на край свѣта и прослыть измѣнникомъ; прочти я ихъ до свадьбы и увѣдомь семейство моей невѣсты, что не могу пріѣхать—они прославили-бы меня нечестнымъ человѣкомъ, бросившимъ дѣвушку, отказавшимся отъ своего слова, и были-бы правы. Ну-съ, а теперь—за дѣло.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ уже составилъ себѣ весь планъ кампаніи.

До обѣда должно уже начаться печеніе хлѣбовъ, въ послѣобѣденное время мѣстныя земскія власти обязаны немедленно приступить къ сбору рекрутъ, которые должны быть освидѣтельствованы и направлены, затѣмъ, въ городъ; вечеромъ Францъ ѣдетъ въ Гарго, къ графу Теметвени, ночью подыметъ съ постели дорожнаго смотрителя, заставитъ перемѣнить балки на мостахъ и осмотрѣть дороги; а на слѣдующій день будетъ ожидать подполковника Горомболи. И все это — въ 24 часа.

Обдумавъ свой планъ, Францъ посмотрѣлся въ зеркало.

— Ну вотъ, теперь ты мнѣ нравишься, — отвѣтило оно ему.

III.
Племянникъ.

Все утро Иллаваи провозился съ разными сельскими властями, которымъ пришлось объяснять и втолковывать какъ и что надо дѣлать. Затѣмъ пришлось потрудиться и надъ хлѣбомъ. страна этимъ важнымъ продуктомъ не богата; но, все, что можно было достать—было добыто, появился и хлѣбъ, а затѣмъ и рекруты.

Помощникъ судьи и многія другія власти были призваны въ ряды національной гвардіи, а потому Иллаваи пришлось взять на себя всю работу по пріемкѣ рекрутовъ. Онъ самъ записывалъ ихъ въ списокъ, пока окружный докторъ свидѣтельствовалъ ихъ тамъ, на крыльцѣ. Почти всѣ были признаны годными, потому что въ этой мѣстности народъ, по большей части, здоровый; мало тамъ кривыхъ, хромоногихъ, золотушныхъ и т. д. Охотно идутъ молодцы въ солдаты, чтобы сразиться за свое отечество. „Ja som magyar!“ съ восторженною гордостью восклицаютъ, колотя себя рукой по широкой груди. Дворъ переполненъ женщинами, пришедшими провожать своихъ жениховъ, возлюбленныхъ своихъ сыновей. Прощаются здѣсь родные съ принятыми на службу ребятами. Но рекруты еще не обмундированы, у нихъ только и есть, что національныя кокарды на шапкахъ; остальныя принадлежности они получатъ въ разное время и въ различныхъ мѣстахъ: ментикъ, можетъ быть, въ Тырнавѣ, долманъ—въ Пресбургѣ, ну, а ужь ружье и штыкъ—тамъ, гдѣ найдутъ непріятеля, у котораго ихъ отымутъ.

На улицѣ оборванные цыгане играютъ какую-то лихую національную пѣсню; а нѣсколько гонведовъ — унтеръ-офицеровъ подбадриваютъ молодежь и угощаютъ ихъ краснымъ виномъ.

Работа идетъ такъ быстро, что Иллаваи еле видитъ въ лицо, кого записываетъ и кому, послѣ освидѣтельствованія, выдаетъ на руки впередъ по три настоящихъ, добрыхъ цванцигера.

Въ этихъ хлопотахъ онъ и не замѣтилъ двѣ новыя фигуры, которыя, тѣсно прижавшись одна къ другой, старались протискаться сквозь толпу, къ столику, за которымъ онъ сидѣлъ.

Первый былъ высокій, скорѣе длинный и худощавый юноша, лѣтъ двадцати,—одно изъ тѣхъ лицъ, на которыхъ въ старости сохраняется выраженіе дѣтской наивности, чего-то ребяческаго. Лицо это обыкновенно блѣдное, часто покрывалось густою краскою, свѣтло-голубые глаза, очень близко сидящіе одинъ отъ другаго, никогда не смотрѣли на того, къ кому обращался, изъ нѣсколькихъ волосковъ надъ верхней губой, сильно намазанныхъ венгерской помадой и потому торчавшихъ двумя иголками по сторонамъ рта, видимо никогда не выйдетъ усовъ, а по наивному лицу видно, что обладатель его всего болѣе трусилъ именно тогда, когда пыжился. Долговязая неловкая фигура эта, съ огромными выпушками доломанъ, очевидно сшитый на другаго, меньшаго ростомъ,—молодой человѣкъ совсѣмъ, какъ говорится, вылѣзалъ изъ него. Голову его украшала шапка національной гвардіи. Второй, не отстававшій отъ товарища ни на шагъ, былъ такой-же юноша, и приблизительно тѣхъ-же лѣтъ, съ физіономіей, до такой степени густо заросшей черными бакенами и бородой, что сразу можно было замѣтить только два веселыхъ, и не лишенныхъ выразительной хитрости глаза. Шапка его была вытертая, а онъ былъ одѣтъ въ бѣлый, далеко уже не новый, китель, на которомъ не доставало многихъ пуговицъ. Безцеремонно растолкавъ мужиковъ, они добрались до стула Иллаваи, или, лучше сказать, до спины его; первый изъ двухъ нагнулся къ самому его уху и громко произнесъ:

— Пишите—„Сома Анатвари“.

При звукѣ этого голоса, Францъ поднялъ голову, и увидѣвъ подошедшихъ, бросилъ перо.

— Это что за новое дурачество? воскликнулъ онъ.

Долговязый юноша вытянулся во весь ростъ, принялъ геройскую позу и, затеребивъ тѣ нѣсколько волосковъ, которые называлъ своими усами, глянулъ черезъ голову судьи (а не въ лицо ему), какъ-бы обращаясь къ бутылкѣ съ чернилами въ углу.

— Это дурачество?! Вы трусъ и измѣнникъ, если хотите мѣшать геройской молодежи идти проливать кровь за отечество. Знаемъ мы васъ. Я напишу въ „Nepszava“ („Народный Голосъ“), что Петрѣшфальвскій окружный судья препятствуетъ становиться подъ знамена... я...

Тутъ его бродившій взглядъ случайно упалъ на Иллаваи и онъ, въ одну минуту, позабылъ все, что имѣлъ сказать еще.

— Взгляните на меня, Корнель, произнесъ этотъ послѣдній, уставившись въ него пристальнымъ, магнитическимъ взглядомъ Кто я?

Пока длинный недоросль, будто повинуясь какой-то силѣ, невольно смотрѣлъ въ глаза судьи, онъ не былъ въ силахъ выговорить ни одного слова, но, освободившись изъ этого „плѣна“, и опять направивъ свой взглядъ на бутылку съ чернилами, онъ снова пріободрился.

— Вы—больше не попечитель мнѣ! Отнынѣ я не подчиняюсь ни вамъ, ни комитату (т. е. провинціальному, комитатскому совѣту)—часъ свободы моей пробилъ. Ваша деспотическая власть надо мной прекратилась.

— Я васъ спросилъ не объ этомъ; а желалъ только, чтобы вы мнѣ сказали, гдѣ я, по вашему, собственно состою судьей?

— Въ Петрѣшфальвѣ! И говорю это вамъ, чтобы вы напередъ знали; теперь нѣтъ ни Пруснацы и никакихъ другихъ названій, кромѣ венгерскихъ, всякая деревня должна получить венгерское названіе, а каждый житель—венгерское имя.

— А, да! Такъ вотъ почему вы называете себя Анатвари.— Положимъ, это одно и то-же, что Онатовскій; но откуда это имя „Сома“? „Рожокъ“, что-ли?

— Г. окружный судья, прошу васъ не острить, когда рѣчь идетъ о столь святомъ дѣлѣ, какъ отечество, а лучше перестаньте удерживать героевъ отъ высокой цѣли!

— Хорошо, будь по вашему! Но скажите-ка мнѣ, вотъ,—побывали-ли уже герои у фельдшера, для осмотра.

— Это еще къ чему?

— Моя инструкція предписываетъ такъ—не угодно-ли вамъ отправиться къ фельдшеру и раздѣться.

— Ка-акъ! Я, магнатъ, да чтобы раздѣвался предъ деревенщиной?

— Ну! Вы сами говорите,—мы вѣдь теперь всѣ равны, „сограждане“.

— Но!... тотъ снова запнулся.

— Угодно вамъ, или нѣтъ? У меня нѣтъ времени разговаривать съ вами.

Молчаніе.

— А, послушайте, нельзя-ли это... завтра? вдругъ проговорилъ онъ въ полголоса.

— Нѣтъ, нельзя—я обязанъ еще сегодня-же вечеромъ отправить весь комплектъ новобранцевъ.

Сома обмѣнялся взглядомъ съ стоявшимъ за его спиной товарищемъ, и этотъ послѣдній сказалъ съ какою-то гримасой:

— Видите-ли, съ нами произошло маленькое несчастіе—молодой баринъ затерялъ рубашку.

— Эй вы, полноте болтать вздоръ-то!...

Иллаваи сердито хлопнулъ рукой по столу.

— Э, чортъ возьми! Пойду и раздѣнусь! воскликнулъ Сома и бросился было къ выходу, но, сдѣлавъ два шага, опять остановился. Нѣтъ, не пойду!

Взглядъ его вдругъ упалъ на стоявшій передъ судьей ящичекъ съ сигарами. Юношѣ пришла моментально благая мысль: онъ быстро схватилъ сигары, отсчиталъ себѣ нѣсколько штукъ и произнесъ, наконецъ, рѣшительнымъ тономъ:

— Ну, хорошо, я согласенъ идти, но только самымъ послѣднимъ, когда отпустятъ всѣхъ, а до тѣхъ поръ, пойдемъ брататься съ сослуживцами.

— Вы останетесь здѣсь! приказалъ Иллаваи спутнику Сомы, обладавшему разительнымъ сходствомъ съ павіаномъ.

(До слѣдующаго №).

Въ Печорскомъ краѣ.

(Рис. на стр. 4 и 5).

Печорскій край представляетъ одинъ изъ самыхъ глухихъ, уединенныхъ, обособленныхъ угловъ нашего отечества. Рѣчная область рѣки Печоры занимаетъ громадное пространство въ 7.850 кв. м. географич. и съ одной стороны примыкая къ горамъ Урала, съ другой къ Тиманскому хребту, онъ частью покрытъ дремучими лѣсами, частью едва проходимыми тундрами. Мало путей ведутъ въ этотъ глухой, уединенный край. Жителей мало (до 30,000) въ рѣдко разбросанныхъ селеніяхъ. Русскія поселенія расположены въ двухъ группахъ около Усть-Цыльмы и Бѣлозерска. Судоходство значительно вверхъ и внизъ по рѣкѣ, торговля составляетъ въ сложности оборотъ до милліона. Скотоводство, особенно оленеводство (между зырянами) достаточно развито. Одной замши вывозится болѣе чѣмъ на 100 т. рублей. Въ этотъ глухой лѣсистый и гористый край недавно ѣздилъ г. Иваницкій, доставившій намъ свои путевыя замѣтки и наброски, пользуясь которыми Н. Н. Каразинъ сдѣлалъ прилагаемые рисунки.

На лѣвомъ рисункѣ сверху открывается величественный видъ съ рѣки Щугоры на Гору Толпозъ.

Высота этой вершины Урала должна быть весьма значительна, потому что за 90 верстъ, съ Печоры, Толпозъ виденъ отлично.

Съ рѣки Щугора видъ на него наилучшій. Онъ представляется двуглавымъ великаномъ темносиняго цвѣта, съ вершины котораго сбѣгаютъ по бокамъ серебряныя полосы—это снѣгъ, залегающій въ ущельяхъ горы и никогда вполнѣ не растаявающій.

Попасть на Толпозъ трудно. Единственный путь къ нему—рѣка Щугора, по которой можно подняться до подножія горы въ 5—6 сутокъ, но съ огромными затрудненіями. Надо имѣть большую и широкую лодку, способную выстоять на страшныхъ быстринахъ а въ порогахъ Щугора и опытныхъ проводниковъ.

Слово Толпозъ—зырянское и значитъ „гнѣздо вѣтра". У печорцевъ существуетъ повѣрье, что на Толпозъ никто не можетъ взобраться безнаказанно. Едва человѣкъ пройдетъ полосу лѣса, одѣвающаго нижнюю часть горы и станетъ подниматься по камню, покрытому одними лишайниками, какъ съ вершины начинаетъ дуть бурный вѣтеръ, карабкаться на встрѣчу которому никто не въ состояніи.

Невдалекѣ отъ истоковъ Щугора беретъ свое начало и р. Подчеремъ, правый притокъ Печоры.

Вода этой рѣки отличается такою-же поразительною прозрачностью, какъ и вода Щугора. На двухсаженной глубинѣ вы можете ясно разглядѣть каждый камушекъ и каждую травку растущую на днѣ. Становится странно, когда глядишь съ лодки въ воду; лодка кажется висящею на воздухѣ, воды какъ будто нѣтъ.

Берега Подчерема чрезвычайно живописны; съ каждымъ поворотомъ рѣки открываются новыя картины, на которыя нельзя вдоволь налюбоваться.

Третій рисунокъ той же стр. представляетъ видъ рѣки протекающей между скалами горнаго известняка. Здѣсь направо видна отвѣсная скала; она какъ-будто поднялась вертикально со дна рѣки и стала передъ береговымъ лѣсомъ, напоминая нѣсколько театральную декорацію; влѣво скалы съ острыми ребрами, какъ-бы обсѣченными рукою человѣка; за мысомъ праваго берега скрыты такія-же скалы, такъ что тутъ образуются ворота. Отвѣсная скала направо называется „парусомъ".

На первомъ рисункѣ правой страницы видно какъ на берегу рѣки возвышаются словно замки; такихъ замковъ шесть, ихъ тоже зовутъ парусами.

Стѣна отвѣсная, на р. Щугорѣ, состоящая изъ горнаго известняка, прорѣзанная рѣкою, образуетъ какъ-бы ворота, (рис. 5 на правой сторонѣ) черезъ которыя рѣка и проходитъ довольно медленно, а вовсе не стремится съ ужасающею быстротой, какъ разсказываетъ въ своей книгѣ одинъ путешественникъ, вѣроятно никогда и не видавшій Щугора. Вершина воротъ покрыта большимъ лѣсомъ и взойти на эту вершину весьма легко, объѣхавъ ворота и приставъ къ берегу въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ берегъ поднимаешься къ вершинѣ воротъ пологимъ скатомъ. Отсюда, т. е. съ вершины, открывается прекрасный видъ на Уралъ.

Въ 300 слишкомъ верстахъ отъ Троицкаго погоста, внизъ по Печорѣ, впадаютъ въ эту рѣку съ лѣвой стороны двѣ небольшія рѣчки Сопляс и Воя. Вытекая изъ болотъ, прилегающихъ къ Печорѣ и пройдя нѣсколько десятковъ верстъ дремучими лѣсами, рѣчки эти встрѣчаютъ на своемъ пути хребетъ горъ, состоящій изъ песчаника, прорѣзавъ который и образовавъ въ немъ живописныя ущелья, вливаются въ Печору на разстояніи 20 верстъ одна отъ другой.

Пригодность сопляссказо песчаника для выдѣлки точилъ и брусьевъ была признана съ древнихъ временъ. Еще царь Михаилъ Ѳодоровичъ въ лѣто отъ Р. Хр. 7146 предоставилъ ломку камня на Сопляссокй Брусяной горѣ крестьянамъ печорскаго и Устьнемскаго (на Вычегдѣ) обществъ. Это жалованье мотивировалось недостаткомъ хлѣба и покосовъ на р. Печорѣ (дѣйствительно, мы знаемъ, что хлѣбъ на Печорѣ родится плохо, а ниже села Щугора и вовсе не родится).

Первоначально крестьяне сами занимались ломкою бруса, но потомъ отдали гору въ арендное содержаніе и отдаютъ до сихъ поръ, получая весьма незначительный доходъ (по 4 р. 50 к. на человѣка), тогда какъ арендаторы наживаютъ огромныя деньги. Замѣчательно при этомъ то, что сами владѣльцы горы и нанимаются въ рабочіе къ арендатору на все лѣто опять таки за весьма скудную плату.

При устьѣ рѣчки Сопляса стоитъ деревенька Усть-Сопляс. Отсюда можно попасть на гору или пѣшкомъ, пройдя 7 в. лѣсной тропой, или поднявшись по Соплясу на лодкѣ (ок. 12 в.). Тропа идетъ веселымъ боровымъ мѣстомъ и часа черезъ полтора пути вы увидите изъ за лѣсу вершину Брусяной горы, покрытую елями и огромными лиственицами. Выйдя на открытое мѣсто, т. е. на берегъ р. Сопляса, я остановился, пораженный прекрасной картиной. Понятіе объ этой картинѣ дастъ читателю прилагаемый рисунокъ, (4 на лѣвой сторонѣ) снятый тутъ-же на мѣстѣ. Отвѣсныя стѣны Брусяной горы поднимаются отъ береговъ рѣчки Сопляса саженъ на 60—70 въ вышину и представляютъ какъ-бы стѣны замка, сложенныя изъ гигантскихъ плитъ. На лѣво впереди видна изба, занимаемая управляющимъ и служащими; правѣе по берегу рѣчки расположены хатки рабочихъ; выше на уступѣ горы походная церковь, въ которой по временамъ совершается служба священникомъ, пріѣзжающимъ сюда изъ села Щугора.

Разрабатывается часть горы праваго берега; мѣсто разработки не видно на рисункѣ; оно находится немного позади вершины и представляетъ котловину, края которой и растираются постоянно выемкою каменныхъ глыбъ. Лѣвая половина еще не тронута.

Во время пребыванія г. Иваницкаго на горѣ (въ іюнѣ 1881) рабочихъ было не болѣе ста человѣкъ (не считая женщинъ, занятіе которыхъ заключается въ шлифовкѣ брусьевъ и точилъ); главная работа шла на Войской горѣ.

Рабочіе располагаются гдѣ кому удобнѣе на склонахъ котловины, откалываютъ ломами глыбы камня отъ общей массы и затѣмъ особаго рода топориками раздробляютъ эти глыбы и вытесываютъ изъ нихъ брусья и точила. Работа эта тяжелая и вредная для здоровья, такъ какъ при вытескѣ отъ камня отдѣляется тончайшая пыль, засоряющая глаза и проникающая въ легкія. Рабочіе встаютъ и принимаются за работу въ 2—3 часа утра, а кончаютъ въ 4—5 вечера. Выдѣланные ими брусья и точила поступаютъ для окончательной отдѣлки (шлифовки) женщинамъ и затѣмъ до времени сдачи управляющему хранятся въ хаткахъ, о которыхъ упомянуто выше.

Принятіе брусьевъ и точилъ начинается въ августѣ. Принятый грузъ помѣщается на особаго рода суда (каюки), которыя и поднимаются вверхъ по Печорѣ до Троицкаго погоста. Отсюда нѣкоторая часть груза идетъ печорскимъ волокомъ на Вычегду, а большая поднимается еще выше въ пермскую губернію до Якшинской пристани и здѣсь опять дѣлится: часть идетъ въ Сибирь, часть на Волгу, въ Нижній.

Въ этихъ пустыняхъ есть и прекрасный монастырь.

20 лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ монастыря (видъ котораго читатели найдутъ на 3 рис. съ права) стояла маленькая деревянная церковь и при ней три избушки. Это была Спасская Ульяновская пустынь, основанная въ концѣ XVI в. Стефаномъ Великопермскимъ, просвѣтителемъ зырянъ и упраздненная еще до 1764 г. До 1860 г. въ этой пустынѣ жилъ священникъ съ двумя причетниками. Они пользовались землею, пожалованною пустыни царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1671 г. въ количествѣ 215 слишкомъ десятинъ.

Тяжело было вначалѣ положеніе пришельцевъ въ глухомъ и дикомъ краю; они жили чуть не въ шалашѣ, ѣли съ донышковъ, отбитыхъ отъ горшковъ, ложками, сдѣланными изъ бересты, но энергія и любовь къ труду на пользу братій сдѣлали то, что въ короткое время Ульяновскій монастырь сталъ на ряду съ лучшими монастырями на Руси.

Теперь монастырь этотъ—цѣлый городокъ. Соборъ отличается своей архитектурой, хорошей живописью и внутреннимъ устройствомъ.

По дорогѣ изъ Ульяновскаго монастыря въ Усть-Сысольскъ стоитъ на лѣвомъ берегу Вычегды село Деревянскъ, въ которомъ вниманія заслуживаетъ деревянная церковь, построенная болѣе ста лѣтъ тому назадъ и являющаяся типомъ построекъ этого рода. Представляемый читателямъ „Нивы" видъ этой церкви не требуетъ комментарій. Внутренняя отдѣлка церкви не представляетъ никакихъ особенностей—она уже обновлена и самую церковь въ непродолжительномъ времени предположено перенести ныне на берегъ и обшить тесомъ.

Къ рисункамъ.

Свадебные обряды крымскихъ татаръ.

(Къ рисунку проф. Зверины, стр. 12).

Крымскіе Татары еще до сихъ поръ сохранили много своеобразныхъ и характерныхъ чертъ какъ въ обычаяхъ, такъ и въ образѣ жизни, завѣщанныхъ имъ глубокою, незапамятною стариною. Особенно выдаются по своей оригинальности ихъ свадебные обряды, въ которыхъ смиренный и расчетливый татаринъ дѣлается неузнаваемъ, выказывая совершенно необычныя ему свойства, какую-то воинственную удаль, размашистость натуры, нѣкоторую расточительность и шумное, даже бѣшеное веселье. Такъ женихъ еще задолго до свадьбы долженъ приготовиться къ очень значительнымъ расходамъ, чтобы имѣть возможность снабдить всѣмъ необходимымъ свою невѣсту, угощать до отвалу цѣлую недѣлю толпу гостей званыхъ и незваныхъ, удовлетворить подарками сватовъ и жениныхъ родственниковъ и наконецъ разсчитаться съ деревенскимъ муллой, всегда умѣющаго пользоваться такимъ счастливымъ событіемъ, какимъ всегда бываетъ никяхъ, т. е. бракосочетаніе. Кромѣ того свадьба по незапамятно-древнему обычаю должна праздноваться всю недѣлю по извѣстному церемоніалу.

Въ первый день невѣста обыкновенно купается, краситъ голову *кною*, т. е. растительною красною краскою и помѣщается надъ занавѣсомъ, подъ которымъ и пребываетъ до тѣхъ поръ, пока не поступаетъ въ полное распоряженіе мужа. Съ этаго дня ее начинаютъ посѣщать гости, принося ей свадебные подарки. Въ послѣдній же день является мулла, чтобы при свидѣтеляхъ спросить о согласіи невѣсты. Невѣста обыкновенно ничего не отвѣчаетъ, а только заливается слезами—что считается полнѣйшимъ ея согласіемъ. Кромѣ муллы, важную роль на свадьбѣ еще играетъ сваха (ала). Эта ала является между гостями съ подносомъ, на которомъ стоитъ чашка съ кною, предназначенная для окрашиванія невѣсты. Свахѣ сопутствуютъ музыканты и толпа дѣтей съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Собравъ посильныя приношенія со всѣхъ присутствующихъ, ала идетъ къ невѣстѣ, окрашиваетъ ей руки и ногти и стрижетъ ей волосы оставляя въ знакъ замужества по сторонамъ лба двѣ большія букли, называемыя *зелифами*. Между тѣмъ женихъ, во время этаго туалета невѣсты, продолжаетъ веселиться и угощаться въ мужской компаніи, въ которой по этому случаю уничтожается громадное количество бузы и водки. Наконецъ послѣ сытнаго ужина новобрачный отправляется въ опочивальную комнату, куда вслѣдъ за нимъ приводится съ связанными ногами и новобрачная однимъ изъ своихъ родственниковъ. Тогда мужъ поднимается съ своего мѣста, развязываетъ ей ноги и совершаетъ вмѣстѣ съ нею *намазъ* или молитву. Въ это время всѣ пирующіе на свадьбѣ выходятъ на улицу, съ музыкой, шумятъ, поютъ и пляшутъ.

Особенно интересенъ обрядъ смотринъ, представленный на прилагаемомъ нами рисункѣ и исполненный съ натуры извѣстнымъ художникомъ-этнографомъ проф. Звериною.

По словамъ проф. Зверины этотъ обрядъ происходитъ обыкновенно послѣ праздника Байрама и особенно ревностно соблюдается среди семей, считающихъ себя прямыми потомками Золотой Орды Чингизъ-Хана. Предметомъ для публичной выставки обыкновенно избирается дѣвушка безупречная какъ въ физическомъ такъ и въ нравственномъ отношеніи. Въ назначенный день, который называется здѣсь *джиль*, она выставляется на показъ женихамъ этой мѣстности, при чемъ около нея раскладывается все ея приданое. Такимъ образомъ лишь подъ охраною почетной конной стражи (кумари), красавица остается до вечера предметомъ созерцанія исключительно мущинъ, сохраняя но все это время самое упорное молчаніе. Женщины имѣютъ право наблюдать за нею лишь въ самомъ почтительномъ отдаленіи. Съ закатомъ солнца выставка прекращается и дѣвушка отправляется домой, сопровождаемая цѣлой свитой поклонниковъ. Такъ разсказываетъ проф. Зверина объ этомъ обычаѣ.

Литературный альбомъ. „Скупой Рыцарь", А. С. Пушкина.

(Рисунокъ на стр. 17).

„Скупой рыцарь" принадлежитъ къ ряду небольшихъ, но удивительно изящныхъ по формѣ и замѣчательныхъ по глубинѣ содержанія драмъ нашего славнаго поэта. Любопытно, что было еще нѣсколько ненапечатанныхъ драмъ, списокъ которыхъ найденъ въ бумагахъ поэта, напримѣръ: „Курбскій", „Дмитрій и Марина" и т. д. Затеряны ли онѣ потомъ или уничтожены Пушкинымъ осталось неизвѣстнымъ. Въ первомъ изданіи „Скупаго рыцаря" драма эта приписана Ченстону, автору разныхъ сценъ и идиллій, жившему въ прошломъ столѣтіи, хотя до сихъ поръ никто не нашелъ такого произведенія у Ченстона. Какія причины заставили Пушкина указать на этаго именно автора неизвѣстно, ясно только одно, что въ „Скупомъ рыцарѣ" сила, оригинальность, прелесть стиха такъ велики, что несомнѣнно у Ченстона, судя по извѣстнымъ его произведеніямъ, не могло быть ничего приближающагося къ этому хотя сколько нибудь по достоинству.

Рисунокъ нашего художника относится къ знаменитой сценѣ драмы, извѣстной каждому грамотному русскому. Сцена начинаясь словами „Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья", отличается геніальною законченностью и чисто Шекспировскою мощью. Рыцарь зажигаетъ свѣчи и жадно любуется блескомъ золота...

„Я царствую! какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава:
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава!
„Читалъ я гдѣ то" (говоритъ онъ далѣе)
„Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу
И гордый холмъ возвысился и царь
Могъ съ вышины, съ весельемъ озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося,
Привычно дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвласт

Извѣстно содержаніе драмы. Сынъ, отважный царь, измученный скупостью и безсердечіемъ герцога, государя своего, вступиться за него и старикомъ. Герцогъ исполняетъ его просьбу, по ходитъ только то, что молодой рыцарь, оскорбл ведливыми обвиненіями отца, у котораго страс поглощаетъ всѣ болѣе благородныя чувства — перчатку. Герцогъ вступается, гнѣвно прекрап но старикъ такъ потрясенъ этимъ, что падает его послѣднее восклицаніе

Гдѣ ключи!

Ключи, ключи мои!

коментируется превосходно словами поражен „Умеръ! Боже! Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!"

Татаринъ-халатникъ.

(Рис. на стр. 18).

Казанскій татаринъ не чета татарину-крымцу, своему-собрату по вѣрѣ и происхожденію. Такъ, въ то время, какъ крымскій татаринъ стрижетъ своихъ овецъ и барановъ и холитъ свои виноградники, казанскій татаринъ промышляетъ то мыломъ, то халатами, то разнымъ старьемъ, успѣшно конкурируя съ оборотливыми сынами Израиля. Смѣло входитъ онъ на каждый дворъ, съ огромнымъ мѣшкомъ за плечами, выкрикивая рѣзкимъ, гортаннымъ голосомъ: „халатъ! халатъ!" и упорно смотря въ окна особенно верхнихъ этажей. Онъ знаетъ по опыту, что халаты его теперь не въ модѣ, а потому онъ ихъ имѣетъ всегда въ самомъ ограниченномъ количествѣ, но кромѣ этого необходимаго атрибута восточной роскоши, у него найдется цѣлый ворохъ поношеннаго платья и старыхъ вещей, которыми онъ и ведетъ свою главную, прибыльную торговлю. Купивъ какую-нибудь носильную рухлядь за безцѣнокъ, татаринъ перепродаетъ ее другимъ маклакамъ; старье реставрируется, обновляется, снова продается въ улучшенномъ видѣ въ темныхъ углахъ толкучаго рынка. А татаринъ—это пронырливая ищейка всего стараго и поношенаго, снова беретъ свой мѣшокъ, и съ крикомъ: „халатъ! халатъ!", внимательно устремитъ свои узкіе, хитрые глаза на окна четвертаго или пятаго этажа, гдѣ живетъ большая часть его постоянныхъ данниковъ.

Военный Совѣтъ въ деревнѣ Филяхъ.

(Картина Кившенко, стр. 13).

Эпоха отечественной войны—это борьба на смерть двухъ гигантскихъ соперниковъ, это побѣда русской мощи и патріотизма надъ всѣми усиліями многочисленнаго и искуснаго врага, содержитъ въ себѣ такъ много высокихъ, чисто эпическихъ подробностей и эпизодовъ, что невольно удивляешься тому равнодушію нашихъ художниковъ, съ какимъ относились они къ этой богатой темѣ до появленія въ свѣтъ извѣстнаго романа графа Л. Н. Толстого „Война и миръ". Неожиданно эта книга своими высоко художественными красотами, своею картинностью и живостью изложенія, какъ бы воскресила давно забытую эпоху въ умахъ нашего современнаго общества и съ легкой руки нашего знаменитаго романиста, событія отечественной войны снова стали и предметомъ серьезныхъ научныхъ изслѣдованій, и сюжетомъ художественныхъ произведеній.

Съ однимъ изъ этихъ послѣднихъ, а именно съ талантливою картиною Кившенко „Военный совѣтъ въ деревнѣ Филяхъ", мы и желаемъ на этотъ разъ познакомить нашихъ читателей.

Въ то самое время, когда едва замолкли громы Бородинской битвы и когда еще обѣ арміи, непріятельская и наша, обезси-

(Продолженіе на стр. 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 и 24).

Литературный альбомъ. „Скупой рыцарь" А. С. Пушкина. Оригин. рисун. Н. Земцова, грав. Флюгель.

ленныя страшными потерями, въ виду Москвы, въ нерѣшимости стояли другъ противъ друга, невольно возникалъ для русскихъ вождей роковой вопросъ: принять ли сраженіе, заслонивъ грудью первопрестольную столицу, или отступить, отдавъ ее на жертву непріятелю. Этотъ то неотложный вопросъ и былъ рѣшенъ вечеромъ 1-го сентября 1812 года въ Филяхъ, деревушкѣ отстоящей въ полуторахъ верстахъ отъ Дорогомиловской заставы, на пути ведущемъ изъ Москвы въ Можайскъ. Здѣсь въ убогой, небольшой избѣ собралась блестящая толпа русскихъ генераловъ съ самимъ фельдмаршаломъ во главѣ и долго, долго шелъ здѣсь хотя и тихій но оживленный споръ, пока самыя точныя стратегическія выкладки и доказательства не убѣдили большинство въ печальной необходимости—отдать Москву врагамъ безъ выстрѣла. Но къ этому рѣшенію пришли не безъ отчаянной борьбы; особенно долго защищалъ свой планъ сраженія на избранной имъ позиціи генералъ Бенигсенъ, старавшійся всегда идти на перекоръ Кутузову; по его словамъ необходимо было отважиться на битву и заслонить собою Москву, потеря которой могла самымъ невыгоднымъ образомъ отразиться какъ на духѣ арміи, такъ и всего русскаго народа. Съ нимъ соглашались Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ и Ермоловъ, но Барклай де-Толли возсталъ противъ такого односторонняго мнѣнія и энергически сталъ доказывать, что на предполагаемой позиціи наши войска будутъ разбиты навѣрное и что тогда мы останемся не только безъ Москвы но и безъ арміи. „Съ потерей Москвы, говорилъ онъ, еще не потеряна Россія“ и указывалъ на путь отступленія къ Владиміру и Нижнему Новгороду. Его поддерживалъ храбрый Раевскій, прибывшій на совѣщаніе позже другихъ и съ откровенностью солдата прямо высказавшійся за уступку Москвы и за немедленное отступленіе.

Наконецъ послѣднимъ заговорилъ Кутузовъ, молча выслушавшій всѣ разнообразныя мнѣнія членовъ совѣта и ни однимъ словомъ не изобличилъ своего плана дѣйствій, уже давно созрѣвшаго въ его опытномъ умѣ. Маститый вождь уже сознавалъ печальную необходимость отдать Москву и не колеблясь готовъ былъ принести ее въ жертву для спасенія Россіи.

— Знаю, сказалъ онъ, что отвѣтственность обрушится на меня, но я жертвую собою для блага отечества.

Сказавъ это, онъ поднялся со стула, прибавивъ: „Приказываю отступать“.

Военный совѣтъ въ Филяхъ, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, извѣстнаго нашего историка отечественной войны, продолжался очень долго. Лишь поздно вечеромъ отворились двери избы, занятой фельдмаршаломъ; одинъ за другимъ начали выходить оттуда генералы и мало по малу скрытно и шепотомъ начала распространяться страшная вѣсть объ уступкѣ Москвы непріятелю—вѣсть, поразившая всѣ сердца неожиданною и глубокою скорбью.

Типы нашихъ инородцевъ. Татаринъ-халатникъ.
Оригин. рисун. Н. Панова, грав. Нуцъ.

Конечно, нечего и говорить, что описаніе военнаго совѣта которое есть въ романѣ графа Толстого „Война и миръ“ отличается чрезвычайною живостью и художественностью.

Въ просторной избѣ крестьянина Андрея Севастьянова происходитъ военный совѣтъ, въ черной избѣ черезъ сѣни толпится мужики, бабы и дѣти, а маленькая Малаша, внучка хозяина, даже остается въ большой избѣ на печи и такимъ образомъ присутствуетъ нечаянно при историческомъ совѣщаніи, любуется мундирами и регаліями генераловъ и съ любопытствомъ смотритъ на дѣдушку, т. е. на Кутузова, который сидитъ глубоко опустившись въ складное кресло и безпрестанно покряхтываетъ и расправляетъ воротникъ сюртука, который хотя и разстегнутый, все какъ будто жалъ его шею“. Какъ массивная фигура Кутузова, такъ и типы другихъ извѣстныхъ нашихъ генераловъ двѣнадцатаго года весьма удачно воспроизведены нашимъ художникомъ г. Кившенко, и вообще вся его картина, во всѣхъ ея подробностяхъ, передаетъ очень жизненно и правдиво одну изъ лучшихъ, высоко художественныхъ страницъ „Войны и мира“. Въ картинѣ много оживленія и вмѣстѣ простоты. На серьезныхъ лицахъ чувствуется великая важность переживаемой минуты. Ермоловъ даже всталъ, съ напряженнымъ вниманіемъ вслушиваясь въ слова Главнокомандующаго. Говоритъ Кутузовъ, и интересъ картины сосредоточивается около его личности. Картина эта была на выставкѣ прошлаго года въ Императорской Академіи Художествъ и обратила на себя вниманіе.

Смѣсь.

Прививка оспы китайцами. Хотя ни одинъ портъ въ мірѣ не подверженъ такъ оспенной эпидеміи какъ Гонконгъ, однако, она никогда тамъ не появляется. Почти всѣ китайцы носятъ слѣды оспы на рукѣ, и именно отъ прививки, которую совершаютъ туземные врачи госпиталя Тунгво, не только жителямъ Гонконга, но также поручаютъ врачамъ, ѣдущимъ съ этою цѣлью прививать оспу въ сосѣднихъ провинціяхъ китайскаго государства.

Еще средство противъ укушенія змѣи. Изъ Ріо-Жанейро сообщаютъ, что въ физіологической лабораторіи мѣстнаго музея, противъ укушенія змѣи съ успѣхомъ употребляли марганце-кислый кали. Опыты производились надъ собакой, укушенной Кобра (Bothrops jararaca), ей дѣлали подкожныя впрыскиванія изъ марганцекислаго кали въ количествѣ 2 грамъ.

Наши перелетныя птицы въ Африкѣ. Всякій пріѣзжій изъ Европы въ Египетъ зимою, бываетъ пріятно пораженъ видомъ знакомыхъ птицъ, прилетѣвшихъ сюда ранѣе его. Тысячи ласточекъ носятся въ прозрачномъ воздухѣ Каира: въ Дельтѣ и по Нилу красуются водяныя птицы, которыя встрѣчали насъ на нашихъ рѣкахъ. Щеголицы и скворцы, большими массами встрѣчаются отъ Нила до Оивъ, по берегу рѣки и въ деревняхъ большія стаи скворцовъ залетаютъ далеко въ пустыню. Наши пѣвчія птицы залетаютъ еще дальше, въ глубь Африки. Перелетныя наши птицы чувствуютъ себя тамъ хорошо, никто не помышляетъ наносить имъ вредъ и даже коршуны ихъ не трогаютъ. Пугливая у насъ щеголица, въ Африкѣ садится часто на руки человѣку. Египтяне преслѣдуютъ только перепеловъ. Какъ только они появляются въ Саидѣ, Александріи и другихъ прибрежныхъ городахъ Нижняго Египта, тутъ для нихъ приготовлены сѣти, но опасность ихъ минуетъ, какъ только они достигнутъ Ливійской или Аравійской пустыни. Слѣдуетъ упомянуть, что арабы берегутъ всѣхъ безвредныхъ животныхъ. Если взять въ руки хамелеона, который часто встрѣчается въ апельсинныхъ садахъ Яффы, чтобы посмотрѣть на измѣненіе цвѣтовъ его кожи, то близьстоящій арабъ попроситъ васъ выпустить животное на свободу, иначе оно умретъ, прибавляетъ онъ.

Къ анатоміи инфузорій. Эренбергъ приписывалъ инфузоріямъ такую организацію, которая могла равняться съ организаціей высшихъ животныхъ, Дюжарденъ, напротивъ, оспаривалъ это мнѣніе. Одинъ французскій естествоиспытатель недавно наблюдалъ инфузорій изъ группы флагеллатовъ, величина которыхъ была 1/6 миллиметра, и на которыхъ простымъ глазомъ замѣтно было совершенное анатомическое строеніе. Выдѣленія указывали на присутствіе желудка и кишечнаго канала, а также можно было различать ротъ,

далѣе, оказалось, что покровы состояли изъ четырехъ слоевъ, лежащихъ одинъ на другомъ. Животныя обладали движущими и схватывающими органами, даже была видна мускульная система, съ ясными волокнами мускуловъ.

Хотя прошло немного времени съ открытія электрической дороги, но въ устройствѣ ея уже сдѣланы значительныя улучшенія. Человѣкъ можетъ безнаказанно переходить рельсы этой дороги, такъ какъ онъ не можетъ встать заразъ на оба рельса, но лошади — животныя четвероногія, ставши заразъ на оба рельса получаютъ такой сильный ударъ, что падаютъ мертвыми. Для устраненія этаго неудобства фирма Сименсъ и Гальске придумала въ мѣстахъ перехода за городомъ, одинъ рельсъ сдѣлать непроводящимъ электричество, и возстановить электрическое соединеніе между рельсами при помощи подземнаго кабеля. На электрическихъ дорогахъ, внутри городовъ, двигающая сила сообщается вагону сверху, помощью обыкновенной телеграфной проволоки и металлической веревки, оканчивающейся блокомъ, который приводится въ движеніе вагономъ. Такъ предполагается устроить дорогу въ Сент-Готтардскомъ туннелѣ, если Сименсъ и Гальске получатъ концессію на ея проведеніе.

Какъ купаются японцы. Какъ извѣстно народы востока купаются гораздо чаще, чѣмъ народы запада. Особенною любовью къ чистотѣ отличаются японцы. Даже самый бѣдный японецъ и тотъ считаетъ необходимымъ принять ванну ежедневно, но не холодную или теплую, а непремѣнно горячую съ температурой въ 35 и 45° Ц. Холодную ванну японецъ причисляетъ къ числу покаяній. Еще очень недавно женщины и мужчины купались вмѣстѣ; подъ вліяніемъ европейской культуры мужскія купальни отъ женскихъ стали отдѣляться стѣнкой вышиною въ 1½ аршина. Эти общественныя купальни всегда переполнены; тутъ встрѣчаются знакомые и проводятъ время въ болтовнѣ. Въ гостинницахъ также находятся ванны для пріѣзжающихъ, которые тотчасъ по пріѣздѣ, въ легкихъ купальныхъ халатахъ, идутъ купаться. Первенство принадлежитъ самому знатному гостю, затѣмъ, по очереди, прочимъ гостямъ; а потомъ купаются уже хозяева и послѣ нихъ прислуга. Не слѣдуетъ особенно удивляться тому, что въ одной и той-же водѣ купается 30 и болѣе лицъ, такъ какъ такія купанья происходятъ ежедневно и при этомъ не употребляется мыла. Болѣе страннымъ кажется принятый обычай, за неимѣніемъ купальной комнаты, ставить ванны на дворѣ и даже на улицѣ, такъ что лица обоего пола принуждены купаться на глазахъ прохожихъ. Въ знатныхъ домахъ устроены прекрасныя ванны, куда ведетъ комната для раздѣванія; очень чистая ванна стоитъ на деревянной рѣшеткѣ, на маленькомъ столѣ поставленъ металлическій сосудъ съ водой для умыванья, тутъ-же стоитъ чашка съ рѣчной водой и фарфоровая чашечка съ поваренной солью для чистки зубовъ. Зубная щетка—это ивовая палочка, на одномъ концѣ которой сдѣланъ вырѣзъ. Вода въ ваннахъ нагрѣвается трубою, проходящею въ узкомъ концѣ ванны и отапливаемой каменнымъ углемъ. Кромѣ того, у японцевъ въ обычаѣ разминать тѣло и кости и это дѣлается по преимуществу слѣпыми, которые по вечерамъ ходятъ по улицамъ съ длинными бамбуковыми тростями, играютъ на флейтахъ и выкрикиваютъ *Аммаранъ*, т. е. разминальщикъ.

Счастливые издатели — извѣстные методистскіе проповѣдники Мооди и Санкей, молитвенники которыхъ разошлись болѣе чѣмъ въ 10 милліонахъ экземпляровъ.

Александръ Дюма заключилъ съ директоромъ театра Variétés контрактъ, по которому послѣдній обязался уплачивать Дюма 1,000 франковъ сверхъ гонорара, всякій разъ какъ пьеса его послѣ двадцати пяти представленій дастъ 60,000 франковъ сбора. Во время 25-го представленія, во второмъ актѣ Дюма идетъ къ директору.— Безконечно сожалѣю, начинаетъ тотъ, но я только что сосчиталъ выручку, оказывается только 59,997 франковъ такъ что я не могу заплатить вамъ 1,000 франковъ сверхъ условленнаго гонорара — Дюма ничего не отвѣчаетъ, но отправляется въ кассу, покупаетъ билетъ за пять франковъ и снова идетъ къ директору.—Безконечно сожалѣю, говоритъ онъ, но вотъ билетъ, за который заплачено пять франковъ, такъ что выручка составляетъ 60,002 франка смѣю-ли просить?—Тогда онъ получаетъ условленную сумму.

Розовыя пчелы и медовые муравьи. Одинъ естествоиспытатель сообщилъ недавно о породѣ дикихъ пчелъ, которыя по преимуществу водятся на дюнахъ и около морскаго берега. Тутъ онѣ строятъ себѣ въ разщелинахъ гнѣзда, которыя выстилаютъ розовыми лепестками. Но объ этихъ интересныхъ насѣкомыхъ извѣстно также мало какъ и о медовыхъ муравьяхъ. Гнѣзда послѣднихъ находятся на высокихъ и сухихъ мѣстахъ; рѣдко они заходятъ въ Новую Мексику, гдѣ за ними стали внимательно слѣдить. Медовые муравьи—животныя ночныя, дѣлаютъ медъ изъ сока дубоваго чернильнаго орѣха тѣхъ странъ. На вкусъ медъ немного горькій отъ содержанія дубильной кислоты, но мексиканцы и индѣйцы считаютъ его лакомствомъ. Тысяча муравьевъ собираетъ около фунта меда.

Электричество и его будущность. Профессоръ Перри въ Лондонѣ читалъ недавно объ электричествѣ и будущемъ его развитіи. Между прочимъ онъ поставилъ вопросъ, можно-ли отвести силу электричества за нѣсколько тысячъ миль и на такомъ разстояніи воспользоваться ею для механическаго дѣйствія. До сихъ поръ отрицали такую возможность. Въ скоромъ времени думаютъ устроить главныя электрическія станціи, если возможно въ глубинѣ угольныхъ копей; тамъ громадная паровая машина будетъ приводить въ движеніе такія-же громадныя электрическія машины: проволоки протянутъ по улицамъ и въ дома, какъ теперь газопроводы, количество электричества, потребное въ каждомъ домѣ, внесутъ въ списокъ, подобно учету нынѣшнихъ газометровъ. Электричество получится посредствомъ небольшихъ электрическихъ машинъ, которыя послужатъ для освѣщенія, вентиляціи и отопленія и замѣнятъ печи, лампы и многое другое.

Думали вообще, что для отвода силы Ніагарскаго водопада къ Нью-Іорку нуженъ мѣдный кабель огромной толщины, но профессоръ Айртонъ уже доказалъ, что можно-бы сдѣлать этотъ отводъ посредствомъ мѣдной тонкой проволоки, если-бы только эту проволоку можно было совершенно уединить. Единственное препятствіе для достиженія полной силы отвода состоитъ въ механическомъ треніи машины. Айртонъ и Перри пришли къ убѣжденію, что очень большія машины съ постояннымъ движеніемъ, отдѣльными возбудителями, магнито-электрическія машины будутъ несомнѣнно играть очень важную роль въ будущемъ. Съ помощію этихъ машинъ будетъ возможно, напр., отапливать всѣ дома въ Нью-Іоркѣ, вентилировать и освѣщать ихъ. Опыты Сименса доказали, что устройство электрическихъ желѣзныхъ дорогъ вопросъ только денежный.

Палка Гамбетты. Палка, которою Гамбетта ударилъ по столу, во время бурнаго засѣданія въ предмѣстьи Парижа—Бельвиллѣ, съ цѣлью добиться тишины, можетъ сдѣлаться исторической достопримѣчательностью. Палку эту Гамбетта взялъ у г. Рабаньи — члена муниципальнаго совѣта въ Бельвиллѣ. Рабаньи послалъ эту палку къ фабриканту для счистки зарубокъ, какія были сдѣланы на ней во время засѣданія. Фабрикантъ оказался изобрѣтательнымъ, онъ посовѣтывалъ Рабаньи продать палку съ аукціона — именно съ знаками, свидѣтельствующими о возбужденіи Гамбетты. Предложеніе было принято и *палка Гамбетты* была куплена съ аукціона за 3,652 франка извѣстнымъ въ Парижѣ собирателемъ рѣдкостей.

Пирамида гробовъ въ Лондонѣ. Естественно, что въ городѣ, гдѣ ежедневно умираетъ среднимъ числомъ до 220 лицъ въ день, часто не хватаетъ мѣста для погребенія людей. Нѣкто Вильсонъ предложилъ гигантскій проектъ, выполненіе котораго произведетъ переворотъ къ употребляемыхъ до сего способахъ погребенія мертвыхъ и устранитъ на долгое время недостатки настоящаго устройства кладбищъ. Но выполненіе этаго проекта представляетъ такія трудности, передъ которыми останавливаются даже предпріимчивые англичане. Вильсонъ предлагаетъ построить пирамиду для гробовъ, которой хватитъ на нѣсколько столѣтій, такъ какъ будетъ вмѣщать пять милліоновъ труповъ. Площадь основанія этаго новаго чуда свѣта, будетъ занимать 18 акровъ (акръ 889 саж.), высота-же будетъ вдвое болѣе башни церкви св. Павла, что замѣнитъ собою 1,000 акровъ теперешнихъ кладбищъ. Наружныя стѣны будутъ покрыты плитами, а четыре гигантскія лѣстницы будутъ вести на верхъ, гдѣ будетъ помѣщенъ обелискъ съ обсерваторіей. Входъ въ пирамиду образуетъ высокій египетскій порталъ, вдоль стѣнъ идутъ террасообразныя галлереи, въ каждомъ углу возвышается сторожевая башня и кругомъ воздвигнута стѣна, заключающая еще нѣсколько акровъ земли частью для помѣщенія памятниковъ, частью для постройки необходимыхъ зданій, капеллы, регистратуры, и жилищъ для смотрителей, сторожей, духовенства и рабочихъ. Расходъ на пирамиду высчитанъ въ 2½ милліона фунтовъ (фунтъ стерл. 6 р. 28 к.), причемъ по приблизительному разсчету въ продолженіи 100 лѣтъ окажется сбереженій отъ 13 до 14 милліоновъ фунтовъ. Планъ прекрасно исполненъ на бумагѣ и разсчетъ произведенъ очень подробный.

Сравненіе національныхъ богатствъ. Г. Коанъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о народныхъ богатствахъ. Хотя цифры и не совсѣмъ точны, тѣмъ не менѣе представляютъ значительный интересъ. По его исчисленію столицы имѣютъ: Англійская (безъ колоній)—44,000 милліона долларовъ, Франціи—36,700 мил. дол., Соединенныхъ Штатовъ [illegible]6,000 мил. дол., Германіи—22,000 мил. дол. Россіи 15,000 мил. дол.; Нидерландовъ—11,150 мил. дол. Ежегодный доходъ на человѣка составляетъ въ Великобританіи и Ирландіи 165 долларовъ, столько же въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Нидерландахъ—130, во Франціи—125, въ британскихъ колоніяхъ—90, въ Германіи—85, Скандинавіи тоже 85 долларовъ. Ежегодный приростъ богатствъ высчитанъ для Германіи въ 200 мил. дол., Великобританіи 325 мил. дол., Франціи 375 мил. дол., Соединенныхъ Штатовъ 825 мил. дол. Соединенные Штаты приростомъ ихъ народнаго богатства съ 1850 года могли-бы купить всю Германію съ ея деревнями, городами, банками, кораблями, фабриками и проч. Каждое десятилѣтіе народное богатство Соединенныхъ Штатовъ увеличивается на сумму большую чѣмъ та, какая составляетъ весь капиталъ Италіи и Испаніи: каждый же день національное богатство республики увеличивается на 4½ милліона рублей.

Столѣтній орелъ. Около Ракова на островѣ Лааландѣ убитъ недавно королевскій орелъ, имѣвшій отъ конца одного крыла до другаго 6½ футовъ. На шеѣ у него была мѣдная цѣпочка, на которой была привѣшена жестянка, съ надписью на датскомъ языкѣ: „пойманъ и снова выпущенъ“ 1792 г. Н. и Е. Андерсенъ. Данія.

Добываніе Каучука въ южно-американскихъ лѣсахъ производится очень своеобразно и первобытнымъ способомъ. Собиратели выкапываютъ у дерева яму, устранивъ раньше попавшіеся корни и убиваютъ землю по возможности плотнѣе, тогда въ корѣ дѣлаютъ надрѣзъ въ формѣ V. Прежде всего течетъ молочно бѣлый сокъ, затѣмъ чернѣетъ и застываетъ и тогда его легко вынуть изъ ямы. Какъ только сокъ вытекаетъ, дерево срубается и надрѣзается еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Понятно что при этомъ истребляется лѣсъ и каучуковыхъ деревьевъ скоро совсѣмъ не станетъ.

Рѣшеніе шашечной задачи № 90,
помѣщенной въ № 48 за 1881 годъ.

Бѣлые	Черные
Съ № 14 на № 18	Съ № 21 на № 14
„ № 22 „ № 26	„ № 30 „ № 21
„ № 29 „ № 12	„ № 8 „ № 15
„ № 20 „ № 25	„ № 17 „ № 13
„ № 5 „ № 10	„ № 13 „ № 9
„ № 25 „ № 29	„ № 9 „ № 5
„ № 29 „ № 19	„ № 5 „ № 23
„ № 16 „ № 20	„ № 23 „ № 16
„ № 24 „ № 11	„ № 16 „ № 12
„ № 11 „ № 7	„ № 12 „ № 8
„ № 7 „ № 4	и шашка черныхъ заперта.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Ситникова. Чирво; **Москва**—Нутрецова, Архипа, Ларіонова, В—ва; **Вонляровъ**—Соколова, **Горки**—Кокушкина, **Калуга**—Волокова, **Ломжа**—Печникова, **Муромъ**—Васильева.

Рѣшеніе ребуса № 86.

Видна ворона по полету.

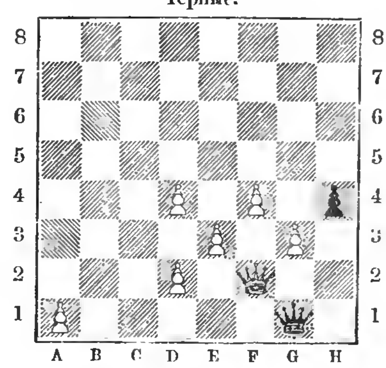
Рѣшеніе задачи ходъ короля и коня № 89.
помѣщено въ № 48 за 1881 г.

94	97	86	89					82	79	32	33
91	88	93	96	85			78	30	31	34	80
98	95	90	87	23	25	27	83	29	81	76	35
	92	99	22	24	84	26	28	77	37	36	
		21	20	19	73	41	40	38	75		
			100	103	18	42	74	39			
				17	101	72	43				
			102	16	104	44	45	71			
		112	105	14	15	70	46	51	52		
	10	12	13	1	48	47	50	53	66	59	
9	11	108	111	106	2	49	69	55	54	62	65
109	8	5	4	3			56	63	60	67	58
7	6	110	107					68	57	64	61

Настала осень золотая:
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана.
Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ, и вотъ сама
Идетъ волшебница-зима.
Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки-зимы.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.** — Чельцова, Полевицкаго, Шеръ, Утина, Стежинскаго, Матусевичъ, Мѣшкова, Поземковской; **Москва** — Г. К., Надеждина, Ильина, Воборец, Балашова, Юркевичъ, Коробанова, Терентьева; **Бахчисарай**—Дремджи; **Бѣлостокъ**—Блюмбергъ; **Бѣльскъ**—Лэвъ; **Великіе-Луки** — Потылицына; **Житоміръ**—Грабовской; **Ивэн.-Вознесенскъ**—Коровина;

Шашечная задача № 1.
К. Цѣхановича.
Черные.



Бѣлые.
Бѣлые начинаютъ и запираютъ обѣ шашки черныхъ въ 17 ходовъ.

РЕБУСЪ задача № 2.

Редакторъ **Ф. Бергъ**. Издатель **А. Ф. Марксъ**.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Каразина**, *второе изданіе*, съ 30 рисунками автора, большой томъ in 8° - всего 304 стр. Цѣна **2 р.**, съ перес. **2** р. **30** к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

„БУДИЛЬНИКЪ“,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ РИСУНКАМИ И КАРРИКАТУРАМИ.

18-й годъ изданія

Въ 1882 году „Будильникъ“ будетъ выходить, на прежнихъ основаніяхъ, **еженедѣльно** (50 нумеровъ въ годъ), тетрадями отъ 1½ до 2½ листовъ большаго формата. Въ каждомъ нумерѣ читатели найдутъ отъ 4 до 6-ти **хромолитографированныхъ**, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, рисунковъ и отъ 15 до 20 столбцовъ текста, что составитъ въ годъ два большие тома, содержащіе **не менѣе 250 хромолитографій и до 1000 столбцовъ текста** самаго разнообразнаго содержанія.

Цѣлый рядъ капитальныхъ, потребовавшихъ не малыхъ трудовъ и затратъ, улучшеній, предпринятыхъ въ „Будильникѣ“ еще съ конца 1881 года, далъ съ, собственно говоря, право редакціи отказаться отъ подношенія подписчикамъ такъ называемыхъ „премій“; тѣмъ не менѣе, желая сохранить обычай доброй старины, она предлагаетъ своимъ **годовымъ** подписчикамъ слѣдующіе роскошные подарки на новый 1882 годъ:

1) Большую альбертотипію (работы гг. Шереръ и Набгольцъ, въ Москвѣ) съ новой картины **В. Е. Маковскаго**, спеціально для этого заказа воспроизведенной самимъ художникомъ,— **„Дѣловое утро“**.

2) Альбомъ рисунковъ **К. Н. Чичагова: „Нашъ вѣкъ“**, -коллекція героевъ (типовъ) современной намъ эпохи: 1) кассиръ,—2) концессіонеръ,—3) журналистъ,—4) спиритъ,—5) гусаръ безъ узды,—6) адвокатъ,—7) подрядчикъ,—8) пиковая дама,—9) донъ-Жуанъ,—10) ростовщикъ,—11) кулакъ-міроѣдъ,—12) думецъ.

Альбомъ и альбертотипія будутъ разосланы **годовымъ** подписчикамъ вмѣстѣ съ первымъ № „Будильника“ 1882 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „БУДИЛЬНИКЪ“:

въ Москвѣ безъ доставки, на годъ	7 р.	на полгода	4 р.	— к.
„ „ съ доставкою на домъ	8 „	„ „	4 „	50 „
съ пересылкою въ Петерб. и пров.	9 „	„ „	5 „	— „

Лица, доплачивающія къ подписной суммѣ **одинъ рубль**, получатъ **Альманахъ „Будильника“ на 1882 годъ** (IV-й г. изд.), въ который, между прочимъ, войдетъ **ребусъ**, за разгадку котораго до 1 марта 1882 года **редакція „Будильника“ объявляетъ денежную премію въ 400 рублей.**

Контора редакціи покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ **торопиться** заявленіемъ своихъ требованій, во избѣжаніе задержки первыхъ №№ журнала. Денежные пакеты адресуются на имя **Л. Н. Уткиной: Москва, Леонтьевскій пер., д. Мичинера,** отдѣленіе конторы „Будильника“ находится при **Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ** европейскихъ газетъ **Л. Метцль** въ Москвѣ, Петровка, домъ **Солодовникова.** Ц. № 1840 3—1

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1881 года,

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,100 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. С. Соловьева—„Сергѣй Горбатовъ“**, большой романъ **Іокая—„Червонное золото“**; разсказъ **Авсѣенко—„Мгновеніе“**, повѣсть **П. Петрова—„Горные орлы“**; разсказы **Н. Каразина**, **Н. Успенскаго**, **П. Гнѣдича** и много другихъ повѣстей и разсказовъ, до 200 популярно-научныхъ статей по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч. и двѣ оригинальныя акварельныя премія-картины Придворнаго художника **М. Зичи** изъ повѣсти **Гоголя „Тарасъ Бульба“**:

1) Свиданіе Андрія съ красавицей-полькой.
2) Встрѣча Тараса съ Андріемъ на полѣ битвы.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к.	Въ каленко. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 5 „ — „	Съ пересылкою 7 „ — „

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Марлиттъ*. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к., для подписч. „Нивы“ 1882 г. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Садовое заведеніе

И. Г. Карлсонъ

въ Воронежѣ,

высылаетъ, по требованію, немедленно безплатно полные иллюстрированные, со множествомъ политипажей въ текстѣ, прейсъ-куранты всякаго рода сѣменамъ,

деревамъ, растеніямъ и пр. на 1882 годъ.

Постояннымъ покупателямъ они уже разосланы.

№ [illegible]

Невскій просп. № 44, С.-Петербургъ.

Иллюстрированные Прейсъ-Куранты по востребованію высылаются во всѣ города Россійской Имперіи безплатно.

Ц. № 1867 1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1882 годъ
НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ".
ГОДЪ ТРЕТІЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:		Съ пересылкою въ города:	
На 12 м. 8 р. 50 к.	На 6 м. 4 р. 60 к.	На 12 м. 9 р. — к.	На 6 м. 5 р. — к.
„ 11 „ 8 „ — „	„ 5 „ 3 „ 90 „	„ 11 „ 8 „ 50 „	„ 5 „ 4 „ 60 „
„ 10 „ 7 „ 60 „	„ 4 „ 3 „ 25 „	„ 10 „ 8 „ „	„ 4 „ 3 „ 70 „
„ 9 „ 6 „ 75 „	„ 3 „ 2 „ 50 „	„ 9 „ 7 „ 40 „	„ 3 „ 2 „ 75 „
„ 8 „ 6 „ — „	„ 2 „ 1 „ 90 „	„ 8 „ 6 „ 70 „	„ 2 „ 2 „ - „
„ 7 „ 5 „ 25 „	„ 1 „ 1 „ — „	„ 7 „ 5 „ 90 „	„ 1 „ 1 „ 10 „

За границу: на 12 м. 17 р., на 6 м. 9 р., на 3 м. 5 р., на 1 м. 2 р.

Подписка принимается въ конторѣ изданія. Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина, въ отдѣленіи конторы—близъ Петровки, Столешниковъ пер., д. Карзинкина, въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Спб., и въ Парижѣ—Rue Clément. 4, Adam. Гг иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія

№ 1681 „РУССКІЙ КУРЬЕРЪ" 10—8

Редакторъ-Издатель Н. П. ЛАНИНЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1882 годъ

на большую ежедневную политическую, литературную и коммерческую газету

„НОВОСТИ"
и
БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА,

ИЗДАВАЕМУЮ АКЦІОНЕРНЫМЪ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ съ основнымъ капиталомъ 3,000,000 финск. мар. или около 1,200 000 р., раздѣленныхъ на 3000 акцій по 1,000 ф. м. каждая. Газета „Новости" имѣетъ: **собственныя двѣ писчебумажныя фабрики, собственную типографію, собственный книжный магазинъ** и съ 1882 года будетъ имѣть: **собственный домъ**, въ которомъ будутъ сосредоточены: редакція, типографія, литографія, хромолитографія и переплетное заведеніе, приспособленныя для печатанія всевозможныхъ произведеній печати въ безграничномъ количествѣ экземпляровъ. Газета „Новости" благодаря своему **обширному и разнообразному содержанію и необычайной дешевизнѣ**, сравнительно съ другими большими 17-ти рублевыми газетами одинаковаго съ нею содержанія, въ теченіе пяти лѣтъ достигла огромной распространенности и въ 1881 г. уже расходилась въ количествѣ **около 22,000 экземпляровъ.**

Газета „НОВОСТИ" выходитъ, **безъ предварительной цензуры**, ежедневно полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней, если получаются важныя телеграммы. Форматъ газеты—самый большой изъ существующихъ у насъ газетныхъ форматовъ и заключаетъ въ себѣ 28 столбцовъ (по семи столбцовъ на страницѣ) или около 4,500 строкъ убористаго шрифта.

Въ газетѣ участвуютъ лучшія силы современной періодической литературы.

Кромѣ ежедневнаго текущаго содержанія, отличающагося разнообразіемъ, полнотою и самостоятельностью, газета даетъ еще, въ теченіе года, обширный матеріалъ для чтенія, состоящій изъ серьезныхъ научныхъ произведеній и **не менѣе пяти большихъ романовъ**, которые въ отдѣльной продажѣ представляютъ стоимость, почти равную подписной цѣнѣ газеты.

Немаловажную выгоду для подписчиковъ газеты „Новости" представляетъ предоставленное имъ право пріобрѣтать книги, имѣющіяся въ книжномъ магазинѣ „газеты „Новости" и публикуемыя въ этой газетѣ, СО СКИДКОЮ 20% СЪ НОМИНАЛЬНОЙ СТОИМОСТИ. При этой скидкѣ, пріобрѣтающій книги, даже разновременно, въ теченіе года, на 40 или 45, р., **получаетъ газету даромъ.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Петербургѣ:	р. к.		р. к.	Въ другихъ городахъ:	р. к.		р. к.	Заграницею:	р. к.
На 12 мѣс.	8 —	На 6 мѣс.	5 —	На 12 мѣс.	9 —	На 6 мѣс.	5 —	На 12 мѣс.	17
„ 11 „	7 50	„ 5 „	4 50	„ 11 „	8 25	„ 5 „	4 50	„ 6 „	9 —
„ 10 „	7 —	„ 4 „	3 80	„ 10 „	7 50	„ 4 „	4 —	„ 3 „	5 —
„ 9 „	6 50	„ 3 „	3 —	„ 9 „	7 —	„ 3 „	3 —	„ 1 „	2 —
„ 8 „	6	„ 2 „	2 —	„ 8 „	6 25	„ 2 „	2 —	На другіе сроки подписка не приним.	
„ 7 „	5 50	„ 1 „	1 —	„ 7 „	5 50	„ 1 „	1 —		

ОБЪЯВЛЕНІЯ: На послѣдней страницѣ 10 коп., на первой 20 коп. за строку петита.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ, черезъ ихъ казначеевъ, по третямъ, а для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ: 3 р при подпискѣ, 3 р въ концѣ марта и 3 р. 1-го августа—для иногородныхъ подписчиковъ. Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Письма и деньги адресуются: **въ С.-Петербургъ, въ контору газеты „НОВОСТИ"** (Невскій, 44). Редакторъ О. К. Котовичъ.

№ 1782 4—4

Подписка на 1882 годъ на

„МЕДИЦИНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ".
(Девятый годъ).

„Медицинское Обозр." будетъ издаваться въ 1882 г. по прежней программѣ.

Годовая цѣна, съ пересылкою или доставкою, ДЕСЯТЬ руб.

Иногородные обращаются исключительно въ редакцію (Москва, редакція „Медицинскаго Обозрѣнія": Тверской бульваръ. домъ Эфросъ.

Ц № 1709 10—5 Редакторъ-издатель Спримонъ.

ПЕРВАЯ РОССІЙ-

СКАЯ ПАРОВАЯ

ФОРТЕПІАННАЯ
ФАБРИКА
К. М. ШРЕДЕРЪ.

Вслѣдствіе многихъ, часто повторяющихся, недоразумѣній и вслѣдствіе заявленій многихъ лицъ, впавшихъ въ непріятныя для нихъ ошибки, имѣю честь покорнѣйше просить многоуважаемую публику, не смѣшивать мою фирму съ новооткрытымъ фортепіаннымъ магазиномъ однофамильца, и замѣтить, что инструменты моей фабрики, основанной въ 1818 году, можно получать въ С.-Петербургѣ, **исключительно изъ единственнаго моего склада, находящагося по Казанской улицѣ, въ собственномъ домѣ. № 54.**

Мануфактуръ-совѣтникъ **К. М. Шредеръ,**

поставщикъ: **Двора Ихъ Величествъ: Императора Всероссійскаго, Императора Германскаго, Императора Австрійскаго и Короля Баварскаго, Императорскаго** русскаго музыкальнаго общества, с.-петербургской и московской консерваторій, учебныхъ заведеній вѣдомства **Императрицы Маріи, Императорскихъ** с.-петербургскихъ театровъ и театральнаго училища, военно-учебныхъ заведеній и педагогическаго музея.

Фортепіанная фабрика К. М. Шредеръ — **ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ**, получившая по музыкальному отдѣлу на всемірныхъ выставкахъ: въ Вѣнѣ—**медаль преуспѣянія и орденъ Франца-Іосифа** и на послѣдней всемірной выставкѣ въ Парижѣ—**золотую медаль и орденъ Почетнаго Легіона.**

54. Казанская улица, собственный домъ. 54.

№ 1838 1—1

Вышла и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ книга:

НРАВСТВЕННЫЯ ОСНОВЫ ЖИЗНИ.
сочиненіе **Ф. Р. Вейсса,** переводъ съ французскаго.

Содержаніе: Томъ 1. Предисловіе. Введеніе О добродѣтели. Объ истинѣ. О предразсудкахъ. Объ общественномъ мнѣніи. О лучшихъ качествахъ человѣка. О личныхъ достоинствахъ. О счастьи. Объ утѣшеніи въ несчастьяхъ. О страстяхъ. О любви. О честолюбіи. О зависти. О ревности. О гнѣвѣ. О лѣности. О гордости. О скупости. О бережливости. Объ умѣренности. О здоровьи. Объ осторожности. О познаніи человѣка. О женщинахъ. Нѣсколько мыслей о животныхъ. Объ общественныхъ добродѣтеляхъ. Объ искусствѣ говорить. О любезности. О снисходительности. О скромности. Объ откровенности. О злословіи. О дружбѣ. О благородствѣ. О смѣшномъ. О приличіи. Объ умѣ. Утѣшеніе для заурядныхъ людей. О хорошемъ тонѣ. О модѣ. Размышленіе о стыдливости. О цѣломудріи. О домашней жизни. Счастливый бракъ. Томъ II. Черты мудраго. О знаніи. Объ изящныхъ искусствахъ. Объ опытности. О самооцѣнкѣ. О гражданскомъ обществѣ. О происхожденіи обществъ. О происхожденіи правительствъ. Сравненіе различныхъ правительствъ. О законахъ вообще. О свободѣ. О преступленіяхъ и наказаніяхъ. О нравственности. О роскоши. Правитель. Гражданинъ. Сенаторъ. Клерикалъ. Военный. Объ естественной религіи. О существованіи Бога. О свойствахъ Божества. О безсмертіи. О богослуженіи. Смерть. Могила.

Цѣна 2 руб. 50 коп., въ переплетѣ 3 рубля.

Книгопродавцы могутъ получать въ складѣ изданія: Галерная, 7. № 1827

„ОПЫТЪ ЕСТЕСТВЕННАГО БОГОСЛОВІЯ".
ГОДЪ ВТОРОЙ.

Подписная цѣна за четыре книги: **„Современное общество"** и одну книгу **„Религія и современное знаніе"** 4 руб., съ перес. 5 р. (до 1,400 печ. стр.). **Всѣ книги уже напечатаны** и немедленно высылаются. Продажная цѣна по 1 р. 25 к. за книгу, съ перес. 1 р. 50 к. Деньги и адресы высылать **С.-Петербургъ**, въ складъ книгъ въ типографіи Товарищества „Общественная Польза". Большая Подъяческая, домъ № 39, у книгопр. Тузова, Эмиль Гартье, Карбасникова и Цылова, гдѣ также можно получить изд. перваго года, за 3 р. 50 к. **Въ Москвѣ:** у Ферапонтова, Карбасникова и въ конт. А. С. Ушакова, Рыбный пер. **Въ Кіевѣ:** у Іогансона на Крещ. № 41. № 1829

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ"

на 1882 годъ (23 й съ начала изданія) принимается въ Москвѣ у редактора, протоіерея **В. Нечаева,** въ Толмачахъ, также у книгопродавцевъ Ферапонтова к Вольфа, въ С-Петербургѣ у книгопродавца Тузова. Цѣна за 12 книжекъ 3 рубля 50 к., съ доставкой и пересылкой 4 рубля. № 1813 2—2

Дозволено цензурою. СПБ. 28 декабря 1881 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | годъ XIII

№ 2 | 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 9 Января 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Николай Ѳедоровичъ Щербина.

Поклоненіе классической красотѣ древней Эллады и восторженный призывъ давно исчезнувшихъ миѳовъ и образовъ античнаго міра встрѣчаются у многихъ нашихъ поэтовъ, но ни у кого изъ нихъ это поэтическое увлеченіе не сопровождалось такимъ обиліемъ истинно-поэтическихъ произведеній, прелестныхъ по идеѣ и гармоническихъ по стиху, какъ у покойнаго нашего поэта Щербины. Въ стихахъ его видны не тяжелыя усилія воспринять и передать другимъ что-нибудь изъ жизни давно минувшаго міра, но напротивъ того, поражаетъ васъ передача смысла и предмета какъ бы близкаго, знакомаго, роднаго. Дѣйствительно, классическая Эллада не была чужда Щербинѣ; онъ хорошо зналъ ея языкъ; изучилъ его основательно и увлекался безгранично, не переставая быть человѣкомъ и писателемъ своего народа и времени.

Николай Ѳеодоровичъ Щербина родился 2-го декабря 1821 года въ Харьковской губерніи, въ имѣніи своей матери, отстоящемъ въ 60-ти-

Н. Ѳ. Щербина. Рис. и грав. А. Нейманъ.

верстахъ отъ Таганрога.

Съ восьмилѣтняго возраста Таганрогъ сдѣлался для него уже роднымъ городомъ; здѣсь онъ учился сначала въ училищѣ, а потомъ въ гимназіи и здѣсь-же постоянно вращался среди грековъ, изучающихъ пѣсни и преданія этого народа, съ которымъ онъ имѣлъ кровную связь. (Бабушка Щербины была гречанка изъ Мореи). Съ этихъ-же поръ впечатлительный юноша сдѣлался восторженнымъ поклонникомъ Эллады и объ этомъ его живомъ времени увлеченія и восторга даже упоминается въ одномъ изъ его позднѣйшихъ прекрасныхъ стихотвореній:

„Все что меня въ младенчествѣ плѣняло,
Въ чемъ видѣлъ я родство съ моей душой,
Гдѣ сердце послѣ бурь житейскихъ отдыхало.
О, Греція, все связано съ тобой!..

Но время шло и среди оживленныхъ бесѣдъ съ греками нужно было подумать и о требованіяхъ реальной жизни, о своей будущности, и вотъ шестнадцатилѣтній Щербина отправляется

сначала въ Москву, а потомъ въ Харьковъ, гдѣ и вступаетъ въ число студентовъ университета. Въ 1840-же году онъ переселяется въ Одессу, гдѣ и издаетъ свои „Греческія стихотворенія", сразу замѣченныя публикой и послужившія основаніемъ его ранней литературной извѣстности.

Въ 1850 году Щербина поселяется въ Москвѣ; здѣсь онъ вступаетъ въ государственную службу—въ московское губернское правленіе, исполняя въ тоже время обязанности помощника редактора „Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". Но московская его дѣятельность продолжалась не долго и въ мартѣ 1858 года, мы видимъ Щербину уже въ Петербургѣ, гдѣ онъ опредѣлился въ министерство народнаго просвѣщенія чиновникомъ особыхъ порученій при товарищѣ министра князѣ П. А. Вяземскомъ. Вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, Щербиной были изданы „Полное собраніе сочиненій", „Сборникъ русской поэзіи" и „Пчела", книга для народнаго чтенія.

Въ послѣдніе годы своей жизни поэтъ состоялъ на службѣ въ Главномъ управленіи по дѣламъ печати и несмотря на тяжелую, хроническую болѣзнь, не переставалъ заниматься литературой и интересоваться ея явленіями. Въ этомъ періодѣ онъ является талантливымъ сатирикомъ; его обличенія иногда болѣзненно раздражительны и рѣзки, но въ нихъ свѣтится всегда любовь къ правдѣ и родинѣ. Особенно ѣдко и безпощадно бичевалъ Щербина темныя стороны нашего литературнаго и журнальнаго міра. Щербина умеръ скоропостижно 10-го апрѣля 1869 года, сдѣлавшійся жертвою своего давнишняго недуга—хроническаго съуженія горла. Его эпиграммы, мѣткія и злыя, до сихъ поръ ходятъ по рукамъ въ обществѣ и пользуются извѣстностью. Говорятъ, предполагается вскорѣ ихъ издать отдѣльно.

Подъ землею,

повѣсть

Н. К. Лебедева (Н. Морскаго).

(Продолженіе).

III.

Потомокъ захудалаго рода.

Мысли, одна вслѣдъ за другой, быстро пробѣжали въ головѣ Пашеньки, когда она, сама хорошенько не отдавая себѣ отчета зачѣмъ такъ поступаетъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ молодому человѣку. Пашенька была убѣждена, что передъ нею находится такое-же существо съ плотью и кровью, какъ она сама, а не чортъ, что это существо отнюдь не злоумышленникъ какой нибудь, человѣкъ, повидимому преданный мирнымъ хотя для нее, неизвѣстнымъ занятіямъ,—но все это мало успокоило ее и, въ концѣ концовъ, она все таки была смущена одною пришедшею ей въ голову и весьма вѣроятною мыслью. Ея появленіе было необычно: въ пустомъ домѣ, о которомъ въ городѣ сложилась какая-то странная молва, ночью, точно съ небесъ сваливается неизвѣстная дѣвушка а, между тѣмъ какъ она отлично видѣла, это обстоятельство нисколько не удивило, не смутило непонятнаго ученаго; онъ и лампу-то взялъ какъ бы не столько изъ-за того, чтобы убѣдиться въ странномъ появленіи Пашеньки, сколько изъ-за того, чтобы посвѣтить ей. Онъ до такой степени странно, безъ малѣйшаго признака удивленія, отнесся къ ней, такъ мало показалъ какого нибудь интереса къ новому лицу, точно къ нему вошелъ кто нибудь живущій съ нимъ, входящій въ его комнату по нѣскольку разъ въ день. Онъ вскользь, тѣмъ взглядомъ, который выражаетъ поглощеніе одною мыслью, свѣтя, оглядѣлъ ее и торопливо поставивъ лампу на столъ, схватилъ въ руки странной формы металлическую вещь, и принялся дрожащими руками вертѣть въ ней какіе-то винтики, бросивъ Пашенькѣ вскользь:

— Все не удается...

Она была убѣждена, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ и едва-ли, придя къ подобному заключенію, не болѣе испугалась, чѣмъ если-бы встрѣтила чорта. Не зная, что дѣлать, она стояла передъ нимъ въ крайнемъ смущеніи, ничего не произнося... Мимоходомъ, все не выпуская изъ одной руки металлической вещи, онъ, правою рукою, подвинулъ ей стулъ:

— Сядьте.

Пашенька въ прежнемъ смущеніи сѣла на стулъ, не зная, что сказать этому блѣдному, видимо плохо питающемуся человѣку, съ всклоченными темными волосами и жидкой бородкой, одѣтому въ старенькій пиджакъ, безъ галстуха, въ резиновыхъ калошахъ вмѣсто сапогъ. Вертя въ своихъ рукахъ металлическую вещь, онъ бормоталъ:

— Да, да, это такъ... Эти трубки не хорошо запаяны... И вотъ винтъ... Ахъ!

Онъ вдругъ, какъ-бы утомленный своимъ занятіемъ, или видя, что въ интересующей его вещи надо много, очень много исправить, что ее надо почти всю снова собрать,—поставилъ ее со вздохомъ на столъ и съ задумчивостью устремивъ на нее глаза, обратился къ безгласной, до сихъ поръ, Пашенькѣ.

— Вамъ понятно назначеніе?

О какомъ назначеніи онъ спрашивалъ ее, она рѣшительно не понимала и на его вопросъ не отвѣтила ничего. Онъ, впрочемъ и не нуждался въ отвѣтѣ и еслибъ даже она поняла о чемъ онъ ее спрашиваетъ и знала-бы смыслъ назначенія неизвѣстнаго ей предмета, онъ все таки подробно-бы разъяснилъ ей это.

— Видите-ли... Слыхали вы когда нибудь о рудникахъ?.. Да! — какъ-то торопясь заговорилъ онъ, по обычаю волнующихся чѣмъ либо людей, сбиваясь съ послѣдовательнаго и яснаго изложенія, прерывая нить, вставляя множество вводнаго, какъ-бы разомъ желая ввести ее въ то, что его поглощало. — слыхали?.. Не слыхали вы, что тамъ, въ этихъ глубокихъ и темныхъ рудникахъ — газъ, воздухъ, знаете, такой особенный, часто выдѣляется... И понимаете, тамъ вѣдь темно, съ огнемъ надо работать, а этотъ-то газъ, о которомъ я вамъ говорю, горитъ... понятно?

Она кивнула головой. Онъ продолжалъ съ прежнею поспѣшностью:

— Представьте, что свѣча, или лампа — этотъ газъ зажжетъ... Понимаете: вѣдь тогда взрывъ произойдетъ и масса рабочихъ погибнетъ... Это много разъ случалось, пока...

Онъ разсказалъ ей о незамысловатомъ, но глубокомысленномъ изобрѣтеніи англійскаго химика Дэви... Пламя охлаждается сѣткой—объяснялъ онъ — взрывы, маленькіе взрывы, происходятъ въ предѣлахъ сѣтки, а не внѣ ее... Но это предохраняетъ только отчасти... Если ужъ очень много газа—взрывъ неизбѣженъ и лампа не спасетъ.

Онъ не ожидалъ, чтобы она спросила его о чемъ нибудь, онъ самъ отводилъ душу, торопясь повѣдать ей то, что, видимо, до чрезвычайности занимало его.

— Можетъ я нѣсколько одностороненъ,—сказалъ онъ, между прочимъ,—я родился и росъ въ суровой природѣ и среди печальныхъ людей... Я старше своихъ лѣтъ кажусь: вѣрите-ли, мнѣ только двадцать три года... Я долженъ посвятить васъ въ мою біографію...

Съ этаго момента, она смутно почувствовала, что все, что до сихъ поръ пугало въ немъ странностью, нѣсколько выясняется... Съ большимъ, нежели прежде, спокойствіемъ она слушала его.

— Мой отецъ родился здѣсь, въ этомъ домѣ и въ самой ранней молодости былъ сосланъ въ Сибирь. Тамъ онъ жилъ на поселеніи, тамъ женился и тамъ умеръ съ матерью... Мнѣ возвращены права при Коронаціи нынѣшняго государя... Этотъ домъ — принадлежитъ мнѣ.

Положительно—таинственность исчезала. Но онъ бросилъ разсказывать о своемъ происхожденіи и вернулся къ односторонности своего развитія и ума, о которыхъ началъ было говорить.

— Я много несчастія видѣлъ,—сказалъ онъ и углы его губъ нервно дрогнули,—и отсюда мой взглядъ на знаніе, на науку и искусство... Скажите: милліоны умираютъ въ невѣжествѣ, въ голодѣ, безъ свѣта, воздуха и тепла, а мы пишемъ въ такой степени очаровательныя картины, что тѣло-то, тѣло-то человѣческое вотъ только не дышетъ, цвѣты—только ароматы не даютъ... Вонъ я въ газетѣ читалъ, что въ Петербургѣ актриса какая-то, фамилію забылъ, такъ жизнь несчастной, дѣвушки изображаетъ, что слезами, настоящими слезами обливается, послѣ пьесы—въ разслабленіи, безъ чувствъ въ уборную относятъ ее... Но вѣдь это роскошь, излишество!.. Ахъ, я не хочу унижать искусство, но когда на землѣ много слезъ — зачѣмъ оно?... И наука, казалось мнѣ, и повторяю, что все это легко можетъ статься односторонне и совсѣмъ не умно, лиризмомъ, зрѣлищемъ страданій и слезъ навѣяно,—но мнѣ казалось, что намъ, русскимъ особенно, преимущественно слѣдуетъ заниматься разработкою такой науки, которая имѣетъ приложеніе въ жизни, а не существуетъ ради науки самой... Вы слѣдили?

Она слушала то, что ей говорилъ этотъ маньякъ не столько понимая о чемъ онъ говоритъ, сколько съ какимъ-то новымъ для нее любопытствомъ слѣдя за его изложеніемъ, котораго односторонности и узкости—она не могла оцѣнить. Она чувствовала только одно, что-то, что онъ говорилъ ей теперь—она слышала впервые и разговора въ такомъ направленіи и тонѣ — никто и никогда до сихъ поръ не велъ съ нею. Она напрягала всѣ усилія, чтобы понимать его, тогда какъ онъ, попривычкѣ всѣхъ энтузіастовъ, всѣхъ людей слишкомъ отдавшихся спеціальности, болѣе и болѣе увлекаясь, становился менѣе понятенъ, говорилъ не соображаясь съ ея знаніями. Увлекаясь, онъ даже перестаЛъ обращать на нее вниманіе, заслушался самаго себя. Его односторонность высказывалась болѣе и болѣе.

— Фуркруа,—сказалъ онъ,—какъ изслѣдователь общихъ законовъ химіи для меня менѣе имѣетъ значенія, чѣмъ тотъ-же самый ученый спустившійся въ парижскіе подвалы и мастерскія съ цѣлью изученія условій жизни въ нихъ... Бертоллэ важенъ для прогресса не тѣмъ, что открылъ законы солей, а тѣмъ, что придумалъ способъ приготовленія пороха изъ естественныхъ продуктовъ Франціи, окруженной отовсюду враждебными націями, препятствующими подвозу пороха извнѣ...

Она перестала его понимать и уловивъ мгновеніе молчанія съ его стороны, спросила:

— Вы провели, какъ говорите, свое дѣтство и молодость въ Сибири? Вы учились тамъ?

Онъ отвѣтилъ утвердительно и прибавилъ:

— Потомъ я былъ въ Петербургѣ... Я техникъ...

И потеревъ рукою лобъ, какъ-бы припоминая на чемъ остановился, вспомнилъ и вернулся къ изобрѣтаемой имъ лампѣ:

— Вотъ она,—онъ взялъ со стола приборъ, который держалъ въ рукахъ,—вотъ моя лампа. Ахъ, какъ трудно, что нибудь изобрѣсть!.. Вы не повѣрите какихъ тревожныхъ мученій стоило мнѣ это дитя и какъ оно дорого и мило мнѣ, точно вправду дитя, живое существо... Вѣдь это я съ перваго курса все задумалъ... Да и задумалъ-то развѣ разомъ! Нѣтъ: сперва все что-то смутное такое рисовалось въ воображеніи, но не ясно сознанное, недостаточно продуманное и уносилось куда-то вдаль, оставляя въ головѣ одну усталость и пустоту, въ сердцѣ — тоску. Потомъ цѣль-то задачи выяснилась... ахъ, но вѣдь это была неосуществленная, безплодная мысль!.. Впрочемъ, это все прошло!..

Онъ махнулъ свободной рукой и вдругъ оживился, любовно смотря на изобрѣтенную имъ лампу.

— Вы видите,—указывалъ онъ ей на непонятный для нее механизмъ,—видите эти трубочки различной толщины... Пройдя подъ сѣть лампы — газъ, нагрѣтый пламенемъ, пойдетъ по этимъ трубочкамъ и даетъ музыкальный тонъ извѣстной высоты, то низкій, то высокій, смотря по количеству газа въ рудникѣ... Этотъ тонъ, свистокъ, звукъ и долженъ служить предостереженіемъ рабочему: чѣмъ выше тонъ, тѣмъ газа больше въ рудникѣ, тѣмъ значительнѣе опасность...

Она какъ бы начинала понимать и полюбопытствовала:

— А этотъ газъ?.. гдѣ же вы берете его здѣсь?..

— Видите—я добываю его изъ уксуса или точнѣе изъ вещества въ родѣ уксуса и изъ извести... этой половины комнаты.., Добывъ, сохраняю газъ вотъ тутъ,—онъ указалъ на газометръ,—а отсюда, когда надо испытать лампу,—на ея пламя и пускаю по трубочкѣ изъ газометра газъ... поняли?

Онъ вдругъ какъ-то осѣкся и его лицо приняло необычайно сконфуженное выраженіе. До сихъ поръ поглощенный своей мыслью—онъ какъ-бы началъ приходить въ себя и удѣлилъ вниманіе окружающему. Точно пробуждаясь отъ сна, онъ только теперь поразился мыслью какимъ образомъ эта молодая женщина, точно свалившись съ неба, стоитъ тутъ передъ нимъ, въ домѣ, который пользовался въ городѣ дурной репутаціей, стоитъ,—онъ сообразилъ время,—въ такой часъ... Не чудо-ли это! но онъ не вѣрилъ въ чудеса и со смущеніемъ предложилъ ей вопросъ:

— Откуда вы?

Пашенька отвѣтила:

— Я живу напротивъ...

— Зачѣмъ вы здѣсь?

Пришла ея очередь сконфузиться, но она созналась чистосердечно, хотя съ краскою на лицѣ:

— О вашемъ домѣ разсказывали чудеса и я этому вѣрила. Что-то даже о чортѣ говорили и всѣмъ этимъ возбудили мое любопытство до того, что я тихонько ушла ночью изъ дома и рѣшилась убѣдиться во всемъ сама...

Онъ съ отеческой покровительственностью посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Разному вздору вѣрить не слѣдуетъ... Въ этомъ домѣ живутъ только мыши, голуби, да я...

А потомъ съ кроткой улыбкой, взявъ со стола лампу, предложилъ ей:

— Вѣроятно вамъ время домой, васъ могутъ хватиться... Я провожу васъ съ огнемъ до выхода...

Она молча наклонила голову и двинулась въ сопровожденіи его по комнатамъ, которыя еще такъ недавно проходила одна, съ такимъ трепетомъ и біеніемъ сердца...

IV.

Бедламъ.

Все, что мы разсказываемъ, было уже довольно давно и объ этомъ въ свое время въ городѣ N было много толковъ. Незадолго до того дня, въ который Пашенька рѣшилась предпринять—и дѣйствительно предприняла—свое ночное путешествіе въ „Языковскія палаты", гдѣ думала встрѣтить чорта, но гдѣ на самомъ дѣлѣ увидѣла повидимому самое безобидное существо,—въ N прибылъ новый губернаторъ. Уже самое назначеніе новаго губернатора было принято съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, а когда онъ дѣйствительно прибылъ въ N, когда „высшее" N—ское общество и ознакомилось съ нимъ—тогда неудовольствіе перешло въ положительную непріязнь. Предшественникъ новаго начальника края велъ образъ жизни открытый, что „оживляло" N. Ни именемъ, ни открытымъ образомъ жизни новый губернаторъ не могъ пощеголять. Титула у него никакого не было и носилъ онъ фамилію очень незвучную—Капустинъ. Слухи шли объ немъ, что онъ очень. Даже и непріятный человѣкъ. Дурное впечатлѣніе на общество произвелъ образъ жизни и обстановка Капустина. Онъ оказался человѣкомъ дѣловымъ, большимъ формалистомъ, ушедшимъ по уши въ канцелярскіе распорядки, вслѣдствіе своего продолжительнаго пребыванія въ одномъ изъ петербург-

Въ Нормандіи. Ловля Креветокъ. Съ картины А. Д. Кившенко рисов. на деревѣ самъ авторъ, грав. М. Рашевскій.

скихъ департаментовъ, но человѣкомъ въ обществѣ мало занимательнымъ и даже скучнымъ. Съ дамами новый губернаторъ оказался способнымъ вести только разговоры о погодѣ и освѣдомляться объ ихъ здоровьи, а съ мужчинами и въ частныхъ сношеніяхъ велъ постоянно разговоры дѣловые и въ карты не игралъ. Относительно этаго послѣдняго обстоятельства на первыхъ порахъ по пріѣздѣ губернатора—предсѣдатель губернской земской управы высказалъ легкомысленное слово, что дескать „поживетъ—научимъ“; но время шло, губернаторъ корпѣлъ надъ дѣлами, выходилъ аккуратно въ одинъ часъ изъ дома на прогулку, дѣлалъ иногда визиты, объѣзжалъ разныя учрежденія, и выучиться играть въ карты желанія не обнаруживалъ.

Но ужъ кто дѣйствительно возмутилъ N—ское общество и сдѣлался мишенью для насмѣшекъ N—скихъ дамъ—такъ это супруга начальника края. Это была дама пожилыхъ лѣтъ, по происхожденію чухонка, весьма добродушная, но держащаяся до наивности просто, что совершенно не шло къ ея положенію. Это послѣднее обстоятельство стало для всѣхъ очевиднымъ съ самаго перваго посѣщенія Христиной Карловной Капустиной N—скихъ дамъ и еще болѣе подтвердилось, когда N—скія дамы въ свою очередь отдали Христинѣ Карловнѣ визитъ и посмотрѣли ее въ домашней обстановкѣ. Если при первомъ визитѣ губернаторша не понравилась туалетомъ, безвкуснымъ и какъ-бы передѣланнымъ самою, экономическаго цвѣта шелковымъ платьемъ и очень ужъ простой шляпой, то при второмъ свиданіи, когда Христину Карловну застали по домашнему, N—скія дамы воспылали благороднымъ негодованіемъ. Въ той самой гостинной, гдѣ еще такъ недавно бывшая губераторша княгиня Алатырская, возлежа на козеткѣ, очаровывала N—скихъ дамъ изящною болтовнею на французскомъ діалектѣ, теперь возсѣдала Христина Карловна, одѣтая поразительно чисто въ сѣренькое ситцевое платье, съ кожанымъ поясомъ около таліи, на которомъ висѣли ключи, съ четыреугольникомъ чернаго кружева на посѣдѣлыхъ волосахъ, сидѣла занятая срисовываніемъ какой-то выкройки съ узора, на которомъ эти выкройки были нарисованы въ миніатюрѣ. Христина Карловна приняла пріѣхавшихъ дамъ очень радушно, занятіе свое оставила, засуетилась, все просила на диванъ, а потомъ, когда наконецъ всѣ кое-какъ усѣлись, взволновалась угощеніемъ, предлагая сначала кофею или чаю. Дамы отказались, но тѣмъ не менѣе не отдѣлались отъ Христины Карловны. Она такъ пристала съ вареньемъ—(утромъ-то варенье!), что неволей заставила пріѣхавшихъ дамъ, между которыми находилась роскошная N—ская предводительша, согласиться попробовать. Стараясь занять, она болтала безъ умолку. Варенье подали въ простоватой стеклянной вазѣ и оно оказалось свареннымъ изъ клюквы. Накладывая на блюдечки довольно миніатюрныя порціи, Христина Карловна извинялась за незатѣйливость угощенія.

— Хозяйства не завели, сказала она при этомъ, гдѣже въ зимнее время?... Лѣтомъ здѣсь, говорятъ, много ягодъ и дешевы. Къ будущей зимѣ наварю разнаго варенья.

Послѣднія слова Христина Карловна произнесла съ гордостью, совершенно не подходящею къ смыслу сказанной ею фразы. Дамы переглянулись между собою. Въ гостинной, гдѣ еще недавно княгиня Алатырская поучала своихъ собесѣдницъ самымъ изящнѣйшимъ odeurs de Paris, суетилась теперь эта кухарка съ клюковнымъ вареньемъ, которое въ добавленіе всѣхъ эффектовъ варила сама!... Шокированная такимъ предметомъ, предводительша, скушавшая одну ягодку изъ своей порціи, старалась перенести разговоръ въ болѣе приличныя сферы. Она заговорила о томъ, сколько лишеній долженъ испытать столичный житель, переселяясь въ N—скую глушь. Губернаторша кажется не поняла, о какихъ лишеніяхъ говоритъ ея гостья, хотя выслушала ее съ добродушнѣйшей улыбкой. Предводительша вошла въ подробности.

— Теперь итальянская опера,—начала было она, но вынуждена была остановиться, ибо Христина Карловна прервала ее съ заблиставшими глазами:

— Ахъ, что за опера въ Петербургѣ! воскликнула она.—Я такъ ее люблю!

— Но страшно дорого,—обрадовалась предсѣдательша тому, что нашла приличную тему разговора,—ложа рублей 25—30. Костюмъ.

— О, нѣтъ, —съ горячностью защитила дешевизну итальянской оперы губернаторша, зачѣмъ-же вы такъ дѣлали? Я была абонирована по пятницамъ въ балконѣ, на первой лавкѣ. Это дешево и костюма тутъ не нужно.

— Да? закусила губы предводительша, и видя, что получила пораженіе на этомъ пути, еще разъ рѣшилась перемѣнить разговоръ. Указывая глазами на листы развернутаго моднаго журнала, свѣтская дама любезно освѣдомилась: однако мы отвлекли васъ отъ занятія?

— Ничего, отвѣтила Христина Карловна, усмѣю. Выкройку корсажа для невѣсты своей снимала.

— У васъ есть дочь? спросила одна изъ дамъ.

— Нѣтъ; намъ съ Иваномъ Федоровичемъ,—глубоко вздохнула губернаторша,—Богъ дѣтокъ не далъ. У насъ живетъ племянница моего мужа вмѣсто дочери.

— Взрослая? освѣдомилась предводительша.

— О, да! Ей девятнадцать лѣтъ.

Не столько изъ желанія, сколько изъ любопытства посмотрѣть, какая еще такая тамъ племянница, дамы въ одинъ почти голосъ воскликнули:

— Было-бы пріятно познакомиться! на что, къ удивленію всѣхъ, Христина Карловна, съ одной стороны видимо польщенная выраженнымъ дамами желаніемъ, дала чрезвычайно нерѣшительный, какъ-бы даже робкій отвѣтъ, причемъ даже понизила голосъ, точно боясь, что ее кто-нибудь услышитъ:

— Она занята кажется. Я спрошу.

И съ этими словами поднялась съ кресла и осторожно ступая, приблизилась къ затворенной двери, ведущей въ сосѣднюю комнату, тихо отворила ее и вошла. Какъ ни былъ краткокъ моментъ, пока дверь оставалась полуоткрытою, зоркіе глаза N—скихъ дамъ, успѣли усмотрѣть сидящую за мольбертомъ молодую дѣвушку, одѣтую въ черное платье съ широкимъ бѣлымъ воротничкомъ, съ распущенными по плечамъ золотистыми волосами, съ правильно-строгими чертами лица, украшеннаго чрезвычайно выразительными глазами темно-синяго цвѣта. Дѣвушка рисовала стоящую подъ развѣсистымъ деревомъ одѣтую въ бѣлое женщину, въ молитвенномъ экстазѣ поднявшую къ небесамъ глаза. Христина Карловна тихо затворила за собою дверь и слышно было, какъ зашептала что-то племянницѣ, въ отвѣтъ на это произнесшей тономъ нежелающаго оторваться отъ дѣла человѣка:

— Не интересуюсь.

— Bitte... умоляла Христина Карловна шепотомъ.

Молчаніе, а затѣмъ снова шепотъ Христины Каловны, въ отвѣтъ на который ужъ положительное раздраженіе со стороны молодой особы:

— Это невыносимо! Вѣдь я-же не мѣшаю вашимъ занятіямъ. Почему вы не даете мнѣ дѣлать своего?

— Still! боязливый шепотъ со стороны Христины Карловны, затѣмъ пауза молчанія, послѣ которой въ гостинную, гдѣ многозначительно переглядывались другъ съ другомъ дамы, по прежнему неслышно вошла губернаторша, нѣсколько смущенная.

— Извините, сконфуженно улыбнулась она дамамъ, она нездорова... не можетъ...

Дамы притворно пожалѣли:

— Очень жаль!...

— Я васъ познакомлю съ нею потомъ, съ тою-же неидущею къ дѣлу гордостью, съ какою еще недавно собиралась наварить разнаго варенья на будущій годъ, сказала Христина Карловна и прибавила: познакомлю непремѣнно... О, это прекрасная дѣвушка!...

Усѣвшись съ одной изъ дамъ въ карету и отъѣзжая отъ губернаторскаго дома, предводительша желчно воскликнула:

— Но это ни на что не похоже. Утромъ угощаетъ вареньемъ!.. Въ ситцевомъ платьѣ!.. Варенье изъ клюквы!.. Сама кроитъ и шьетъ...

Собесѣдница напомнила:

— А какъ вамъ нравится отношеніе тетушки къ племянницѣ? Неправда-ли, мило?

Предводительша привскочила на подушкахъ при этомъ напоминаніи и ядовито характеризовала домъ:

— Это—Бедламъ!

V.

Племянница.

Съ этомъ „Бедламѣ“ было до невѣроятности тихо, что не совсѣмъ согласовалось съ названіемъ знаменитаго лондонскаго убѣжища для душевно-больныхъ. Дни проходили за днями среди поразительной тишины. Иванъ Федоровичъ восѣдалъ въ своемъ кабинетѣ, погрузившись въ дѣло, принималъ просителей въ пріемной и объѣзжалъ городъ; Христина Карловна выѣзжала по воскресеньямъ съ молитвенникомъ въ рукахъ въ церковь, въ будни, какова-бы ни была погода, гуляла по одной и той-же улицѣ; старательно подобравъ отъ грязи, снѣга или пыли юбки, хозяйничала, перешивала что-то, или дѣлала для благотворительныхъ лоттерей совершенно безполезныя вещи изъ бисера и шерсти, въ родѣ тушилокъ для лампъ, сопетокъ, чехолковъ для зубочистокъ и пр. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что какъ правитель губернаторской канцеляріи, такъ и чиновники особыхъ порученій почти ежедневно являвшіеся въ губернаторскій домъ, оставались чужды семьѣ начальника, никогда не приглашались къ семейному столу, ограничиваясь только кабинетомъ и пріемной. Съ Христиной Карловной только раскланивались а племянницу губернатора видѣли какъ-то мелькомъ и издали. То она проходила гулять, закрытая довольно густымъ креповымъ, совершенно траурнымъ вуалемъ, то за какою нибудь надобностью, спѣшно пробѣгала черезъ пріемную въ кабинетъ дядюшки, столь-же поспѣшно возвращаясь оттуда. Мелькомъ многимъ удалось разсмотрѣть, что губернаторская племянница—особа молодая, не только интересная, но положительно привлекательная. Желая въ этомъ отношеніи возможно болѣе углубиться въ предметъ, что-бы узнавъ кой какія подробности о молодой особѣ, отчетливо ясно очертить эту послѣднюю въ различныхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ губернскихъ салонахъ, чиновники особыхъ порученій во время своихъ просиживаній посвящали въ пріемной немалое время тому, чтобы, разузнать о ней что нибудь, но тщетно.

Но вотъ однажды, когда молодой правовѣдъ Засѣкинъ, любимецъ княгини Алатырской, самый пріятный собесѣдникъ N-скихъ гостиныхъ, усѣвшись на клеенчатый диванчикъ губернаторской пріемной, вознамѣрился было вздремнуть, пока не призоветъ его начальникъ, въ кабинетѣ губернаторской племянницы раздались на столько громкіе голоса, что молодой человѣкъ счелъ за полезное навострить уши и прислушаться. Время было послѣобѣденное и пріемная оставалась пустой. Висящая по серединѣ потолка лампа освѣщала комнату на столько мало, что оставляла въ полусвѣтѣ углы. Все это въ соединеніи съ мѣрнымъ чиканьемъ стѣнныхъ часовъ, показывающихъ половину седьмого, дѣйствительно призывало ко сну, когда вдругъ за дверью—ухо г-на Засѣкина отличило голоса: одинъ повидимому принадлежавшій Христинѣ Карловнѣ, убѣждалъ, другой, вѣроятно голосъ племянницы,—на что-то повидимому сердившейся. Г-нъ Засѣкинъ въ этомъ спорѣ уловилъ нѣкоторую нить. Голосъ Христины Карловны говорилъ:

— Но это прелестно! Prachtvoll!...

— Ахъ,—съ положительнымъ раздраженіемъ возражалъ другой голосъ, вы не понимаете меня. Можетъ я вѣрна вашему Шиллеру, но не вѣрна правдѣ.

— Правдѣ?, почему-жъ? съ важностью спрашивала Христина Карловна;—Шиллеръ не лгалъ.

— Потому... начала было молодая дѣвушка, но вдругъ какъ-бы осѣклась, нашла, что споромъ не убѣдитъ свою противницу, что даромъ терять времени не стоитъ, а потому перешла къ другому и съ очевиднымъ раздраженіемъ воскликнула: ахъ, что здѣсь за духота!. Дышать нечѣмъ!.

И приблизившись къ двери, выходящей въ пріемную, гдѣ находился г-нъ Засѣкинъ, съ силою толкнула ее ногою и отворила. Видимо взволнованная, она стояла на порогѣ, не замѣчая присутствія посторонняго лица, съ глазами ушедшими въ самую себя, и вздымающеюся грудью и пылающими щеками. Засѣкинъ приподнялся съ дивана и отвѣсилъ почтительный поклонъ молодой дѣвушкѣ. Тогда она замѣтила его, въ испугѣ отступила было назадъ, но вдругъ, подъ вліяніемъ какого-то внезапно пришедшаго ей въ голову намѣренія, блеснула своими задумчивыми глазами, вышла на половину пріемной, точно въ какомъ то забытьи твердя:

— Это пристрастіе, родственное чувство. Это негодится никуда. Вотъ посторонній человѣкъ: судите, права-ли я?.

И не давъ опомниться молодому человѣку, схватила его за руку и повела въ только что покинутый ею кабинетъ. Слѣдуя за дѣвушкой,—Засѣкинъ припомнилъ слова предводительши, которую за отсутствіемъ княгини Алатырской привыкъ считать первою дамой въ городѣ, сказавшей относительно губернаторской семьи, что это—сумасшедшій домъ,—Бедламъ. Дѣвушка втащила молодаго человѣка въ свой кабинетъ, поставила его передъ картиной, на которой изображена была женщина въ бѣломъ и безъ всякихъ предварительныхъ поясненій, съ запальчивостью заговорила, не выпуская его руки изъ своей:

— Будьте справедливы: скажите—неужели это возможно? Эта нѣжная женщина съ такими прелестными руками работала въ полѣ, пахала, разбивала земляные комки, жала, пасла скотъ! Руки-то, руки посмотрите! И обратите вниманіе на нѣжность кожи: загаръ-то, вліяніе солнца, какъ тутъ приняты во вниманіе. А вѣдь она пастушка, вѣдь она болѣе живетъ въ полѣ, чѣмъ дома. Нѣтъ, что значитъ увлечься идеей, и не продумать, не прочувствовать ее. Смотрите: у меня вышла нѣжная барышня, уже которая понятно солнца никогда не знала, выходила гулять по вечерамъ, на холодку, и по солнышку гуляла не иначе, какъ подъ зонтикомъ. И ужъ глупа же я была, право!

Она вдругъ бросила руку Засѣкина, сѣла на диванъ и въ мечтательномъ раздумьи прислонилась къ спинкѣ, какъ-бы совершенно позабывъ о присутствующихъ. Христина Карловна, которой нарисованная племянницей картина въ сущности нравилась, но которая въ виду молчанія со стороны г. Засѣкина и энергическихъ доводовъ племянницы относительно того, что картина никуда негодится, нѣсколько сбавила тонъ и обращаясь къ Засѣкину довольно нерѣшительно пригласила его высказаться:

— Право, это не такъ дурно? неправда-ли?

Засѣкинъ не успѣлъ открыть рта, чтобы сказать, слова, какъ молодая дѣвушка быстро поднялась съ дивана, схватила толстую кисть, обмакнула ее въ растворъ какой-то сѣрой краски и неожиданно для всѣхъ, съ разъяреннымъ видомъ, провела по нѣжному лицу нарисованной женщины, въ бѣломъ, нѣсколько широкихъ полосъ, совершенно испортившихъ картину. Христина Карловна и Засѣкинъ воскликнули въ одинъ голосъ:

— Ахъ, зачѣмъ-же?!

Но она не слушала ихъ и продолжала замазывать сѣрою краской картину, уничтожая пробѣлы между проведенными ею первоначально полосами. Она дѣлала это какъ-то нервически быстро и скоро вся картина завѣсилась сѣрымъ однотоннымъ покровомъ. Дѣвушка какъ бы сердилась на свое произведеніе и только уже совершенно уничтоживъ его, отошла отъ гнѣва, стихла, какъ-бы потускнѣла и завяла. Она имѣла теперь утомленный видъ и зѣвнула.

— Какая скука! воскликнула она и вдругъ обратилась къ Засѣкину: послушайте—скажите мнѣ, что у васъ здѣсь интереснаго въ городѣ? Развлеките меня чѣмъ нибудь?

Засѣкинъ затруднился:

— Есть театръ, но это такъ плохо, что не стоитъ смотрѣть....

Она махнула рукой, отклоняя такое развлеченіе. Христина Карловна предложила съ своей стороны въ утѣшеніе:

— Можно вечеръ сдѣлать.... танцы.

Молодая дѣвушка снова отмахнулась.

— Ахъ, тетя, но вѣдь еслибы это было и дѣйствительно весело, то нельзя-же этаго сдѣлать сейчасъ.

И опять, обращаясь къ Засѣкину, просила его продолжать далѣе перечисленіе н—скихъ развлеченій. Тогда онъ сдѣлалъ попытку развернуться въ остроуміи и тѣмъ упрочить положеніе свое въ губернаторскомъ домѣ.

— Наши дамы,—сказалъ онъ,—развлекаются довольно своеобразно. Прежде всего онѣ конечно отдаютъ значительную дань судамъ и пересудамъ другъ о другѣ. Затѣмъ играютъ въ карты и по большой, но такъ какъ все это, не исключая и ходьбы по гостиному двору и моднымъ магазинамъ, не восполняетъ всего ихъ свободнаго времени, то онѣ прибѣгаютъ еще къ двумъ формамъ развлеченія.

— Именно?

— Къ гаданьямъ въ карты и богомолью....

Онъ неожиданно осѣкся, остановленный нетерпѣливымъ движеніемъ руки молодой дѣвушки....

— Вы остроумничаете. Это скучно.

Христина Карловна бросила на племянницу испуганно-укоризненный взглядъ, какъ бы говорящій, что нельзя высказывать подобныя вещи въ глаза незнакомому человѣку:

— Ахъ, Миньона!

— Ничего, тетя,—успокоила та, которую тетка назвала такимъ поэтическимъ именемъ и которая на самомъ дѣлѣ звалась Эрминіей,—онъ не обидится.

Онъ дѣйствительно, какъ ни непріятно было ему то, что его остроуміе не имѣло успѣха, при неожиданной его остановкѣ со стороны Эрминіи, наружно не выдалъ чувства возникшаго въ его душѣ, принялъ покорный видъ и стоялъ передъ нею, какъ провинившійся школьникъ. А она, какъ-то мелькомъ обращая на все это вниманіе, но въ тоже самое время инстинктомъ понявъ, что находящійся передъ нею человѣкъ изъ той занимательной породы покладистыхъ и на все готовыхъ людей, составившихъ свою спеціальность изъ того, что-бы быть на всѣ руки, чтобы подлаживаться, приспособляться, найти надлежащій тонъ въ отношеніи нужныхъ людей, и все это сдѣлать безъ какого либо особеннаго съ своей стороны низкопоклонства, а такъ подъ видомъ простоты, безцеремонности,—понявъ это, она совѣтовала ему:

— Придумайте что нибудь позанимательнѣе.

Ея задумчивые глаза остановились въ это время случайно на піанино, на которомъ никто никогда не игралъ, но которое осталось вмѣстѣ съ прочею обстановкой губернаторскаго дома. Она спросила:

— Можете вы играть?

Вмѣсто отвѣта онъ молча, съ покорностію взялъ стулъ, подвинулъ къ піанино, открылъ его и приготовился играть. Съ своего мѣста на диванѣ, Эрминія послала молодому человѣку одобреніе:

— Да вы просто кладъ... Скажите: даже играетъ!

Готовясь слушать, она безъ всякой церемоніи прилегла, на диванъ и приказала молодому человѣку:

— Ну-съ... Начинайте... Я—скучающій Саулъ, а вы развлекайте меня звуками Давида.

Онъ все еще медлилъ, обдумывая что бы начать. Удобнѣе укладываясь, Эрминія послала ему:

— Слушаю-съ: извольте бренчать... На что сконфуженная Христина Карловна еще разъ кинула испуганно укоризненный взглядъ на нее и возгласъ:

— Миньона!

Повелѣвая добродушною теткой, племянница относилась по временамъ къ ней съ тою шутливою нѣжностью, съ которою взрослые относятся къ дѣтямъ. Такъ и теперь она послала ей въ отвѣтъ на ея укоризненный возгласъ нѣсколько воздушныхъ поцѣлуевъ, крикнувъ съ дивана:

— Милая, мнѣ лѣнь вставать, чтобы чмокнуть васъ, милое дитя... Ничего: онъ не обидится...

И во второй разъ напомнила ему:

— Слушаю-съ: извольте начинать.

Засѣкинъ игралъ очень мило и съ чувствомъ. Онъ началъ какою-то салонною пьесой, мало оригинальною и сообразивъ, что продолжая ее, рискуетъ пожалуй быть остановленнымъ и на этомъ пути, какъ былъ остановленъ въ своемъ остроуміи, незамѣтнымъ образомъ перемѣнилъ пьесу и перешелъ въ изящно пѣвучій ноктюрнъ Фильда... Какая-то простая и трогательная пѣсенка, довольно однообразная, но съ каждымъ тактомъ, съ каждымъ оборотомъ дѣлающаяся все печальнѣе и печальнѣе, почти исходящая слезами, составляла содержаніе пьесы... То была какая-то молитва, которую слушали ночныя небеса и яркія звѣзды, свидѣтели человѣческаго горя, молитва не для людей, а для самаго себя, въ присутствіи молчаливо-кроткихъ небесъ. Самъ исполнитель, какъ онъ ни тяготѣлъ къ землѣ, увлекся пьесой, ушелъ въ ея исполненіе, позабывъ о своихъ успѣхахъ бравурными вальсами въ салонѣ княгини Алатырской. Вдругъ раздавшіяся назади рыданія, совершенно неожиданно, повидимому, вырвавшіяся изъ груди молодой дѣвушки, заставили Засѣкина оборвать на полутактѣ пьесу и вскочить со стула... Эрминія рыдала на диванѣ, успокоиваемая теткой, гладящей ее нѣжно рукою по волосамъ и въ тоже самое время старающеюся почему-то смягчить этотъ неожиданный припадокъ передъ постороннимъ молодымъ человѣкомъ.

— На нее музыка всегда такъ дѣйствуетъ... Вы такъ прекрасно играли... Ничего, это пройдетъ...

Дѣйствительно рыданія Эрминіи быстро стихли и ея орошенное слезами лицо улыбнулось молодому человѣку. Взявъ принятый ею въ обхожденіи съ нимъ тонъ, она поблагодарила его:

— Благодарствуйте... Вы очень мило бренчите...

Тетка подавала ей стаканъ, изъ котораго она отпила немного воды и положительно успокоилась, сказавъ молодому человѣку:

— Мнѣ стало легче, когда я проплакалась... Ну-съ, придумайте еще что нибудь, чтобы развлечь меня окончательно... Музыки больше не хочу, хотя вы играете очень мило... Мнѣ скучно, понимаете, со мной тоска!.. Вотъ это меня разстроило... Она кивнула на замаранное сѣрою краскою полотно... Эта дѣвственница должна быть иною... какой, я не знаю именно, но непремѣнно другою... Конечно, огонь въ глазахъ долженъ горѣть особенный, но... впрочемъ не объ этомъ... Ну-съ, придумывайте, развлекайте меня. Ну, фокусъ какой нибудь покажите, ну разскажите мнѣ что нибудь занимательное... Ну-съ!

Она положительно находилась въ какомъ-то не-

Литературный альбомъ. Деспо, стихотвореніе А. Н. Майкова. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Барановскій.

обычайномъ нервномъ волненіи, теребила, почти рвала свой носовой платокъ, смотря на Засѣкина блестящими, лихорадочными глазами. Послѣдній какъ бы въ нѣкоторомъ отчаяніи развелъ руками:

— Но что-жь я придумаю?

— Что нибудь, только очень интересное...

Онъ минуту находился въ крайнемъ затрудненіи, но именно минуту, ибо этотъ изобрѣтательный молодой человѣкъ задумываться не привыкъ. Онъ вдругъ ударилъ себя по лбу, схватилъ отъ піанино стулъ, пододвинулъ его къ дивану, на которомъ продолжала покоиться молодая дѣвушка, тогда какъ Христина Карловна усѣлась на оставленное было ею мѣсто и снова принялась за свое вязанье. Вѣроятно стараясь болѣе заинтересовать свою слушательницу, Засѣкинъ заговорилъ какъ-то таинственно:

— Здѣсь есть одинъ домъ..

— Ну?

— Онъ брошенъ, въ немъ никто давно не живетъ и народная молва говоритъ, что въ немъ водится нечистая сила...

— Старо!—махнула было рукой Эрминія, но на этотъ разъ Засѣкинъ не перемѣнилъ немедленно предмета, а съ нѣкоторой смѣлостью настоялъ на продолженіи бесѣды:

— Но вы извольте выслушать сперва весь разсказъ и ужь потомъ скажите занимателенъ онъ или нѣтъ... О домовыхъ и чертяхъ я распространяться не буду...

Она позволила:

— Говорите.

— Изволите видѣть: сегодня утромъ ко мнѣ является одинъ молодой человѣкъ, худой и блѣдный, который, какъ оказывается изъ его словъ, болѣе трехъ мѣсяцевъ одинъ одинешенекъ проживаетъ въ этомъ заброшенномъ домѣ, съ выбитыми рамами, съ мусоромъ, съ обвалившимися потолками и сломанными лѣстницами.

Кажется разсказъ заинтересовывалъ.

— Что же это,—бѣдный какой-нибудь?

— Вѣроятно, хотя кажется этотъ молодой человѣкъ поселился въ разрушенномъ домѣ не столько изъ за бѣдности, сколько вслѣдствіе другихъ причинъ...

— Именно?

— Это—энтузіастъ спеціальности. Онъ техникъ... учился и жилъ въ Петербургѣ уроками, задумалъ одно техническое изобрѣтеніе и пріѣхалъ сюда.

— Но зачѣмъ же сюда?

— Вотъ по этому-то онъ и являлся ко мнѣ: у насъ есть общіе знакомые въ Петербургѣ, которые направили его ко мнѣ. Видите-ли: домъ, въ которомъ онъ живетъ, принадлежитъ собственно ему, хотя это надо еще оформить, что не совсѣмъ легко...

— Принадлежитъ ему? Это интересно. Вы слушаете, тетя?

— Да. Я слушаю.

(До слѣд. №)

Во время бури.

Романъ

М. Іокая.

(Продолженіе).

Илловаи всталъ, послѣ ухода воинственнаго Сомы и отвелъ рппа его за собою къ окну.

— Какую глупость вы еще выдумали? Такъ-то вы смотрите за тѣмъ, къ кому приставлены?

— Да, что-же, помилуйте, я-то тутъ могу сдѣлать? отвѣчалъ маленькій человѣчекъ съ подобострастной улыбкой. Не умнѣе-же я всего комитата. Комитатъ рѣшилъ, что юнкеръ Корнель, какъ признанный идіотомъ, будетъ находиться подъ вѣчнымъ попечительствомъ; а чтобы отнять у него всякій поводъ къ сумасбродныиъ выходкамъ, его послали въ Дебречинъ, чтобы ходилъ тамъ въ школу и пріучался-бы къ обществу. Помѣстили его на полное содержаніе къ профессору, человѣку умнѣйшему и опредѣлили меня къ нему въ качествѣ товарища его, или жертвы его, а по моему лучше правду сказать,—такъ для того развѣ, чтобы вмѣсто одного дурака—была ихъ пара. На дѣлѣ-то, въ Дебречинѣ ничему хорошему онъ не могъ научиться. Да и что тутъ было дѣлать, когда вдругъ началось это возстаніе, всѣ ушли въ гонведы, да и школу-то пришлось закрыть?

— Все это я знаю; но я вѣдь тогда немедленно-же послалъ деньги профессору, для того, чтобы онъ отправилъ Корнеля домой.

— Да, а профессоръ сказалъ г. Корнелю, что честь обязываетъ его надѣть красную кокарду національнаго гвардейца и спѣшить въ лагерь въ Наги-Баныо, и сунулъ намъ путевыя деньги, чтобы сами дорогу нашли. Ну, и нечего сказать, вдвоемъ-то мы изображали не очень умнаго четвероногаго.

— Да вѣдь все это случилось въ Августѣ; а потомъ-то, дальше что-же было. Неужели, съ тѣхъ поръ вы все и путешествуете?

— Вотъ что было потомъ. Отдохнувъ, мы снова выступили въ походъ и направились въ Коморнъ. Тамъ ждало насъ страшное извѣстіе о приближеніи Елачича.

— Но вѣдь онъ шелъ по другому берегу!

— Но онъ могъ переправиться съ того берега и на нашъ? Мы благоразумно отступили опять назадъ въ Пештъ; и вотъ тутъ-то и познакомились съ учрежденіями...

— Съ игорными домами!

— Вы, г. судья, удивительно догадливы,—какъ по печатному читаете.

— И закончили тамъ катастрофою: проиграли все, до послѣдняго гроша!

— Не только всѣ гроши, но и свои дорожныя шинели. А не то мы и до сихъ поръ были-бы тамъ. Въ одной кофейнѣ кто-то сжалился надъ Корнелемъ и далъ ему лакированный картузъ. Это и навело его на блестящую мысль поступить въ солдаты.

— Да вѣдь это просто сумасшествіе! Вы хорошо знаете малаго, знаете, что онъ вовсе не годится въ солдаты: голова у него плоха и сложеніе слабое. Развѣ вы не могли отговорить его?

— Мало я уговаривалъ его! А онъ взялъ да и отколотилъ меня.

— Кликните малаго сюда!

Корнель-Сома явился съ дымящейся сигарой во рту.

— Чего еще надо?

— Прежде всего, извольте вотъ тамъ взять ключъ отъ моего шкафа и идите въ другую комнату; тамъ найдете платье для себя.

— Съ ума что-ли я сошелъ, чтобы нарядиться въ платье, которое сшито на вашу фигуру!

— Я былъ увѣренъ, что вы возвратитесь домой не иначе, какъ въ живописныхъ лохмотьяхъ, и приготовилъ вамъ приличную одежду. Я выписалъ платье для васъ изъ Пешта, отъ Форманека, у котораго вы экипировались въ послѣдній разъ.

Слова эти обезоружили молодаго человѣка, онъ взялъ ключъ и гордою поступью направился переодѣваться въ указанную ему комнату. Нѣсколько минутъ спустя онъ вышелъ оттуда настоящимъ дэнди.

— Я иду въ гусары! объявилъ внезапно Сома.

— Куда хотите! Но начните съ того, чтобы васъ освидѣтельствовали.

На этотъ разъ Корнель уже не сопротивлялся. Во время осмотра, какъ ни старался долговязый юноша выпячивать впередъ грудь свою, докторъ нашелъ, что грудь черезъ-чуръ узка, за что, конечно, свидѣтельствуемый назвалъ его „измѣнникомъ“; затѣмъ, когда докторъ объявилъ, что и руки рекрута очень слабы, этотъ послѣдній крикнулъ во все горло: „Какъ! Что! Будто я этой рукой не умѣю фехтовать?“ и съ этими словами онъ неожиданно выхватилъ у близь стоявшаго фельдфебеля тесакъ и началъ отчаянно махать имъ передъ докторомъ. Тотъ, перепугавшись за свой носъ и уши, немедленно провозгласилъ: „годенъ!“

Новый рекрутъ высокомѣрнымъ жестомъ бросилъ на столъ судьи удостовѣреніе годности.

— Вотъ оно вамъ! Ну—малюйте тамъ мое имя: Сома Апатвари.

— Пожалуй, такъ будетъ и лучше, пробормоталъ Иллаваи,—по крайней мѣрѣ, если дезертируетъ, такъ не будутъ искать подъ настоящей фамиліей.

— Но это ложь! „Онъ“ не будетъ дезертировать! вскочивъ крикнулъ юноша,—онъ будетъ драться какъ левъ! Онъ не будетъ дезертировать, а возвратится съ войны героемъ, украшенный орденомъ Маріи-Терезіи! На боевомъ конѣ! Да! Ну дайте-же мнѣ теперь денегъ.

Иллаваи отсчиталъ ему три цванцигера.

— У моего отца было сорокъ лошадей на конюшнѣ! А я долженъ идти какъ рядовой! И меня осматриваютъ!

Корнель впалъ въ сентиментальное настроеніе. Глаза покраснѣли, губы задрожали. Сейчасъ можно было ожидать парок-

сизма: онъ или могъ заплакать, или забушевать, разбивая и уничтожая все, что ему попадетъ подъ руку, пока его не свяжутъ. Иллаваи хорошо зналъ его натуру: онъ былъ дядей ему и назначенъ опекуномъ юнаго сумасброда. Францъ обыкновенно сдерживалъ его своей спокойной и твердой манерой. И на этотъ разъ онъ поспѣшилъ предупредить взрывъ.

— Послушайте, милый Корнель, нѣжно обратился онъ къ племяннику, вашъ отецъ могъ позволить себѣ такую роскошь—имѣть сорокъ лошадей на конюшнѣ. потому что зналъ, что у него есть умный сынъ, который съумѣетъ привести въ порядокъ его хозяйство; но у васъ вѣдь еще нѣтъ такого сына.

Юноша снова былъ обезоруженъ; онъ улыбнулся словамъ родственника.

— Глупый вы,—право, совсѣмъ глупый, я вижу, произнесъ онъ, уже совсѣмъ смягченный,—но, однако, поговоримъ-же серьезно, милый дядя...

Хорошо, хорошо, мой мальчикъ! Но, если вы желаете переговорить серьезно, то прошу предоставить мнѣ слово. Вы имѣете большую склонность къ военному дѣлу,—я не буду мѣшать вамъ. Но на мнѣ лежитъ обязанность наблюдать за вами. оберегать васъ и тамъ. Я озабочусь, чтобы вы были прилично экипированы, вооружены и чтобы у васъ была хорошая лошадь, и во все время вашей службы, буду снабжать васъ всѣмъ необходимымъ. Все это я сдѣлаю. Только знайте одно: денегъ я вамъ въ руки не дамъ, потому что тогда не будетъ у васъ ни коня, ни мундира. Завтра я вручу потребную сумму вашему маіору, и онъ уже справитъ все, что надо.

— Какъ? Вы не довѣряете мнѣ денегъ? Такъ вы не считаете меня честнымъ человѣкомъ? Развѣ кто-нибудь смѣетъ сомнѣваться въ моемъ честномъ словѣ? Тому, кто позволитъ себѣ это, я скажу, что онъ...

Иллаваи, побоявшись, чтобы Корнель не посылалъ, въ пылу. какими-нибудь отборными выраженіями, и не началъ-бы свою военную карьеру съ гауптвахты, внезапно и неожиданно оборвалъ его на словѣ, крикнувъ могучимъ своимъ голосомъ:

— Направо кругомъ, маршъ!

Энергическая команда подѣйствовала—Сома смѣшался и замолчалъ.

Кацуръ потащилъ его за дверь.

Забранныя сигары надо было, однако, куда-нибудь положить. Въ карманѣ новаго сюртука оказался портъ-сигаръ: попечитель подумалъ и объ этомъ. Заботливость его шла и еще дальше: когда юный герой открылъ портъ-сигаръ, въ одномъ изъ его отдѣленій весело блеснуло нѣсколько штукъ золотыхъ.

При видѣ такого богатства, Корнель вырвался изъ рукъ своего спутника, влетѣлъ назадъ въ канцелярію судьи и, бросившись, безъ дальнѣйшихъ прелюдій, на шею своему тирану, покрылъ его лицо горячими поцѣлуями.

— Милый, добрый дядя! Скажите,—вѣдь вы не сердитесь на меня, нѣтъ? Простите меня! Дай Богъ вамъ всего хорошаго! Если только когда-либо вамъ будетъ угрожать какая-нибудь опасность, скажите слово, одно. слово—и я прилечу, чтобы избавить васъ! Ну—впередъ ребята!

Само собою понимается, что золотой фондъ былъ пропитъ въ ту-же ночь его новыми товарищами.

IV.
Видѣніе.

Иллаваи окончилъ свои занятія только поздно вечеромъ, а затѣмъ собрался къ графу Теметвени, въ Гарговарскій замокъ. Владѣніе это съ незапамятныхъ временъ не переходило въ другія руки. Теметвени постоянно были вѣрны трону, жили въ Вѣнѣ и сюда пріѣзжали только на охоты. Замокъ пользовался общею извѣстностью во всей странѣ пышнымъ убранствомъ своихъ безчисленныхъ комнатъ, которыя, однако, открывались не болѣе двухъ, трехъ разъ въ году, для пріема знатныхъ гостей, пріѣзжавшихъ къ графу. Вокругъ гордаго зданія, какъ обыкновенно, идетъ глубокій ровъ, хотя уже давно лишенный воды; но, зато, подъемный мостъ продолжали, по прежнему, подымать на ночь и опускать. по звуку трубы. при появленіи запоздалаго гостя, У подножія массивныхъ воротъ, точно сторожевые вѣрные псы, лежатъ двѣ пушки безъ лафетовъ, отбитыя въ старое время у турокъ.

На главномъ дворѣ повсюду пробилась трава, изъ трубы тритона, украшающаго фонтанъ, вода уже не бьетъ. Но всему видно, что графская семья пріѣхала неожиданно и некогда было выполоть траву и поправить фонтанъ. Да и не время было заниматься этимъ, приходилось теперь думать о вещахъ болѣе важныхъ.

Иллаваи провели въ одну изъ красивыхъ комнатъ въ парадной части дома. Здѣсь камердинеръ сказалъ ему, что графиня Пальма желаетъ переговорить съ нимъ, прежде чѣмъ онъ увидится съ самимъ графомъ; и едва слуга удалился, какъ отворилась другая боковая дверь и вошла молодая графиня.

Она была одна. Францу показалось, что прежде чѣмъ затворить дверь, она удостовѣрилась, не п... [illegible] -ли ихъ кто-нибудь.

Ея продолговатое лицо блѣдно, какъ бѣлый снѣгъ и какъ отъ снѣга, вѣетъ отъ этого лица холодомъ; густые. бѣлокурые, точно ленъ, волосы составляютъ разительный контрастъ съ черной дугой бровей, изъ-подъ которыхъ гордо и спокойно смотрятъ большие глаза, не то черные, не то темносиние. Ея стройную, высокую фигуру красиво облегаетъ бѣлое платье строгой формы, придавая ей какой-то обликъ, какое-то сходство со статуей. Это было что-то въ родѣ прекраснаго видѣнія, безшумно отдѣлившагося отъ потемнѣвшаго фона стѣнъ стариннаго салона.

Графиня Пальма протянула гостю свою узкую, аристократическую и холодную ручку.

— Извините, сказала она, указавъ Иллаваи на кресло, извините, что я остановила васъ на порогѣ, но мнѣ необходимо переговорить съ вами, прежде чѣмъ вы увидите моего отца. Вы, конечно, знаете его?

— Я видѣлъ графа только одинъ разъ, когда онъ пріѣхалъ въ свое имѣніе—было дѣло...

— Въ такомъ случаѣ вы не можете его знать такъ, какъ тѣ немногіе, кто уже изучилъ его. Отецъ мой очень сдержанный и осторожный человѣкъ. Виною тому—замкнутый узкій кругъ, въ которомъ онъ постоянно живетъ. Тамъ всякій привыкъ взвѣшивать малѣйшее свое слово и запоминать слова, произнесенныя другими, привыкъ не высказывать всего, что знаетъ. Это уже обыкновеніе, законъ. Но въ теперешнемъ нашемъ положеніи, излишняя неоткровенность могла-бы повредить намъ. Отецъ писалъ вамъ?

— Я получилъ отъ него два письма.

— Онъ, конечно, писалъ вамъ, что не въ состояніи выполнить требованій коммисара временнаго правительства, что вовсе не приготовленъ къ тому, чтобы принять у себя и накормить четыре тысячи гостей и еще менѣе—къ тому, чтобы принять начальство надъ батальономъ Гарговарской національной гвардіи, онъ никогда не служилъ въ военной службѣ и... и еще чувствуетъ себя нездоровымъ.

— Да, онъ писалъ мнѣ въ этомъ родѣ.

— Ну, вотъ, видите-ли, это его привычка. Онъ высказалъ вамъ только часть своихъ затрудненій. и кто захотѣлъ-бы помочь ему, не имѣлъ-бы возможности сдѣлать этаго какъ слѣдуетъ. И если-бы вы были такъ добры оказать ему содѣйствіе въ томъ только, что онъ проситъ и намѣреніе ваше увѣнчалось-бы полнымъ успѣхомъ, то вышло-бы то, что коммиссаръ сказалъ-бы: „хорошо, если графъ не можетъ прокормить четыре тысячи человѣкъ, то я поставлю къ нему четыреста; а разъ они явились-бы сюда, то объявили-бы моему отцу, что онъ можетъ не вести самъ Гарговарскую національную гвардію въ лагерь, и будетъ совершенно достаточно, если онъ вооружитъ ее, дастъ ей вышитое у насъ въ замкѣ знамя и скажетъ имъ патріотическую рѣчь. И скажите сами—какъ-же было-бы можно отказать имъ въ этомъ?

— Конечно, нельзя-бы было.

— А именно этого-то отецъ и боится больше всего. Онъ вовсе не боленъ и легко могъ-бы вынести всякое физическое напряженіе. Но—не хочетъ! Сдѣлать это ему невозможно, но онъ ни за что не сознается вамъ въ томъ. Ни за что не скажетъ онъ вамъ, что не желаетъ принимать участія въ нынѣшнихъ волненіяхъ ни за ту, ни за другую сторону; вѣдь мы по этой-то причинѣ и выѣхали изъ Вѣны. При первыхъ-же признакахъ возмущенія и какъ только мы увидали изъ своихъ оконъ скопища бунтовавшаго народа, сейчасъ-же тайно оставили столицу чтобы укрыться въ нашемъ родовомъ гнѣздѣ, въ этомъ тихомъ уголку Венгріи, надѣясь спокойно переждать здѣсь пока пройдетъ гроза. Намъ и мысль не приходила, что и здѣсь насъ ждетъ тоже самое, что и здѣсь намъ придется отвѣчать на тотъ-же вопросъ: къ какому лагерю принадлежите вы? Вотъ, что смущаетъ моего отца, и чего онъ не можетъ рѣшиться откровенно высказать кому-нибудь. Но за то я рѣшаюсь и говорю вамъ прямо все. Для насъ было-бы одинаково вредно—пришелъ-бы къ намъ коммисаръ съ четырьмя тысячами или только съ сорока солдатами, и для моего отца мысль о томъ, что онъ былъ-бы вынужденъ со знаменемъ въ рукѣ, броситься въ сраженіе,—нисколько не страшнѣе, нежели перспектива узнать, что его имя примѣшано къ какому-нибудь эпизоду возстанія. Поэтому я прошу васъ не ограничиваться только письмами его, а сдѣлать больше чѣмъ онъ самъ требуетъ; убѣдите, пожалуйста, коммисара избавить насъ отъ великой чести видѣть его въ нашемъ домѣ и. вообще оставить насъ въ покоѣ.

Иллаваи, вмѣсто отвѣта, покачалъ головой.

Графиня Пальма замѣтила это.

— Если вамъ не удастся сдѣлать то, что я прошу, то могу заранѣе сказать, какъ все произойдетъ: отецъ не станетъ дожидаться здѣсь коммисара. а если его захотятъ принудить выбирать между той или другой партіей, то онъ уѣдетъ отсюда въ Баденъ: а я не хочу, чтобы онъ переходилъ въ лагерь, враждебный Венгріи.

Иллаваи пристально глянулъ въ лицо молодой дѣвушки; она начала интересовать его. Но въ этомъ лицѣ онъ не замѣтилъ ни малѣйшаго проблеска чувства. И она тотчасъ-же поспѣшила убѣдить его, что онъ понялъ ее вовсе не такъ, какъ она хотѣла, на прелестныхъ устахъ красавицы мелькнула холодная улыбка.

— Только, пожалуйста, не ищите въ моихъ словахъ никакого неумѣстнаго патріотизма. Я вовсе не проникнута „идеею“, а говорю вамъ изъ простаго эгоизма: я не желаю, чтобы мой

Видъ новой мастерской профессора Спб. Академіи Художествъ В. И. Якобія, отъ входа. Съ фотогр. Вишнякова, грав. М. Ганевскій.

Видъ новой мастерской профессора Спб. Академіи Художествъ В. И. Якобія, къ сторонѣ входа. Съ фотогр. Вишнякова, грав. М. Рашевскій.

отецъ скомпрометировалъ себя предъ одною изъ сторонъ. Еще неизвѣстно, какая изъ обѣихъ возьметъ верхъ, но хорошо извѣстно, что побѣдитель, конечно конфискуетъ имѣнія побѣжденныхъ, а я вовсе не имѣю охоты сдѣлаться нищею и идти заработывать себѣ кусокъ хлѣба тяжелымъ трудомъ, какъ это случилось съ женами, дочерьми, сестрами и матерями французскихъ эмигрантовъ. Повторяю вамъ, во мнѣ говоритъ одинъ только эгоизмъ.

Откровенность эта совершенно расхолодила Иллаваи, и это не ускользнуло отъ вниманія графини Пальмы. Она снова улыбнулась. Улыбка необыкновенно шла къ ея прелестному лицу.

— Неправда-ли, я откровенна? И несмотря на то, я требую, чтобы вы сдѣлали для насъ все, что можете, хотя я не имѣю никакого права требовать. Но вы сами виноваты. Здѣсь всѣ говорятъ, что вы чрезвычайно добрый и хорошій человѣкъ.

На этотъ разъ улыбнулся и самъ Иллаваи.

Повидимому, графиня была права.

— Хорошо, отвѣтилъ онъ, вставая; я постараюсь сдѣлать все возможное.

— Подождите, пожалуйста, немного. Еще одно слово. Отецъ написалъ вамъ и другое письмо?

— Да—о подводѣ съ шерстью, которая дорогой взята въ реквизицію.

— Онъ написалъ, вамъ, что остальное объяснитъ при свиданіи на словахъ, но онъ вамъ и теперь, изъ осторожности, не скажетъ всего, а развѣ только,—что въ мѣшкахъ находится не одна шерсть, а что въ самомъ нижнемъ спрятана стальная шкатулка. Мы не рѣшились везти эту шкатулку съ собой, когда уѣзжали изъ Вѣны, потому что бунтовщики обыскивали всѣхъ проѣзжихъ. Изъ столицы мы выѣхали въ городской коляскѣ, какъ будто поѣхали только покататься. Шкатулку-же мы отправили на подводѣ съ шерстью подъ наблюденіемъ одного нашего коммиссіонера и подъ наблюденіемъ дворецкаго, который сопровождаетъ возъ. Онъ увѣдомилъ насъ, что подвода взята въ реквизицію правительствомъ. Мой отецъ не скажетъ вамъ ясно, что въ ней находится. Изъ его словъ вы только узнаете, что тамъ важныя фамильныя бумаги. И опять-таки, изъ этого можетъ выдти много дурнаго, потому что если вы потребуете шкатулку только на томъ основаніи, что въ ней бумаги, то коммисаръ непремѣнно отвѣтитъ вамъ, что не можетъ выдать бумагъ, такъ какъ въ нихъ быть можетъ есть что-нибудь противуправительственное, что необходимо пересмотрѣть ихъ, и, конечно, возьметъ шкатулку съ собой. Поэтому я считаю необходимымъ сказать вамъ (и прошу васъ передать отцу, что я открыла вамъ секретъ), что въ шкатулкѣ, кромѣ фамильныхъ бумагъ, находятся еще и фамильные брилліанты больше чѣмъ на полмилліона. Убѣдительно прошу васъ говорить съ отцомъ рѣшительно. Скажите ему, что вамъ извѣстно все. Потребуйте отъ него полномочіе и ключъ отъ шкатулки, для того, чтобы имѣть возможность открыть ее и показать коммисару. Извините, что я такъ безцеремонно возлагаю на васъ все это. Тѣмъ, кто находится въ затруднительномъ положеніи, остается только одно—прибѣгать къ людямъ, которые могутъ и умѣютъ помочь.

Съ этими словами она снова подала руку Иллаваи. Но на этотъ разъ маленькая ручка уже не была такъ холодна. Видѣніе, казалось, проникалось теплотой человѣческой крови. Иллаваи взглянулъ вслѣдъ удалявшейся и ему какъ будто стало легче, что онъ не стоитъ предъ нею и не слышитъ болѣе этаго чарующаго голоса.

V.

Послѣдній изъ графовъ Теметвени.

— А откровенность прекрасная вещь,—проговорилъ онъ, идя за камердинеромъ, который, съ канделябромъ въ рукѣ, велъ его по корридору на половину графа. — Хорошая вещь! Такъ вотъ, просто и сказала мнѣ, безъ малѣйшаго кокетства: вы обязаны вывести насъ изъ непріятнаго положенія и за это ничего не ждите!..

Гостя ввели въ изящную пріемную, камердинеръ отлучился на минуту и, вернувшись, просилъ его подождать его сіятельство, который переодѣвался; еще чрезъ одну минуту камердинеръ снова возвратился и передалъ Иллаваю, что его сіятельство проситъ его лучше отсюда перейдти и подождать въ библіотекѣ. Правду сказать, графъ Теметвени въ это время размышлялъ, что лучше надѣть — жакетку-ли, или фракъ со звѣздой. Онъ уже разрядился въ это послѣднее одѣяніе и направился было къ двери, но на полъ-дорогѣ остановился, одумался и переодѣлся въ жакетку. Магнатъ взглянулъ въ зеркало и — не узналъ себя. Что сталось съ этой гордой фигурой, украшавшей собою великолѣпныя залы императорскаго дворца въ Вѣнѣ?! Прежде онъ былъ головой выше обыкновеннаго человѣческаго роста и этою особенностью пользовался, чтобы глядѣть черезъ головы тѣхъ, кого не желалъ видѣть.

— Тысячу извиненій, господинъ судья, произнесъ магнатъ обращаясь къ вошедшему Иллаваи,—тысячу извиненій, что показываюсь вамъ въ такомъ видѣ, и борода моя похожа на какой-то лѣсъ, но тутъ не къ кому обратиться, чтобы выбриться. Теперь, впрочемъ, и не знаешь, кому можешь довѣрить горло свое, свѣтъ перевернулся совсѣмъ вверхъ дномъ. Я, въ настоящую минуту, читаю „Исторію Жирондистовъ“ Ламартина и нахожу, что точно наше время изображено, удивительное сходство событій! Вы читали эту книгу?

— Нѣтъ.

Графъ взялъ со стола книгу и принялся „сравнивать событія“.

— Смотрите, даже имена, à peu près, одни и тѣ-же: тогда былъ Маратъ, теперь—Мадарашъ. И что-же сдѣлали такого жирондисты? Они были хорошіе патріоты, но дурные революціонеры. Они всѣ вмѣстѣ погибли на гильотинѣ, и даже m-me Роланъ! Г. Иллаваи! Если-бы вы знали ее! Если-бы вы слышали, какъ она со мною споритъ—у васъ сердце просто дрогнуло-бы!

— Кто это—m me Роланъ, казненная въ 1792 году?

— Э, нѣтъ, нѣтъ — моя дочь. Она совсѣмъ m-me Роланъ, т. е. по духу, а не по наружности. Пожалуйста возьмите съ собой „Исторію Жирондистовъ“. Вы увидите—правъ я, или нѣтъ.

— Я возьму эту книгу, графъ, но не для того, чтобы ее читать, а для того, чтобы вы ея не читали! То было иное время и иная страна, у насъ нѣтъ почвы ни для санкюлотовъ, ни для шуановъ. Затѣмъ, я долженъ сказать вамъ, что уже имѣлъ честь видѣть графиню и слышать отъ нея для чего вы пригласили меня.

— Да? произнесъ графъ, (онъ незамѣтно притянулъ книгу къ себѣ, положилъ ее на диванъ сначала около себя, а потомъ сѣлъ на нее). Такъ моя дочь говорила съ вами? О чемъ-же?

— Не безпокойтесь, графъ,—графиня говорила со мной о вещахъ, совершенно невинныхъ. Я нахожу совершенно соотвѣтственнымъ съ занимаемою мною должностью принять, подъ личною отвѣтственностью моею, мѣры и оградить васъ отъ всего, что васъ такъ тревожитъ.

— Подъ личною „вашею“ отвѣтственностью? — такъ, что я буду въ сторонѣ?

— Совершенно въ сторонѣ. Я хорошо понимаю, что вамъ не надо ссориться ни съ тою, ни съ другою изъ борющихся теперь партій. Я устрою это и пусть все свалится на меня, но вы обязаны будете безпрекословно выполнять все, что я потребую отъ васъ какъ власть.

— Т. е., что вы потребуете форменнымъ предписаніемъ? спросилъ педантическій магнатъ.

— Конечно.

— Но отъ кого-же вы сами имѣете полномочія? отъ какого нибудь народно-патріотическаго комитета?

— Нѣтъ, отъ закономъ установленныхъ властей—начальника комитата—конгрегаціи комитата (собранія).

— Ну, а этотъ коммисаръ временнаго правительства—вѣдь это какой-то отчаянный сан-кюлотъ.

— Вовсе не сан-кюлотъ, а добрѣйшій, отличнѣйшій малый, нашъ здѣшній дворянинъ.

— Вы только прочтите-ка, что онъ написалъ мнѣ.

— Я знаю. Онъ любитъ страху задать. Да, я умѣю ладить съ нимъ—онъ мой старинный, хорошій пріятель. Это ужь у него всегда такъ, — начинаетъ съ того, что требуетъ цѣлое море, а удовольствуется стаканомъ воды. Не надо только спорить съ нимъ, не безпокойтесь—все устрою.

— Но будьте осторожнѣе—какія времена теперь!

— Извините, графъ, перебилъ его Иллаваи,—намъ надо дорожить временемъ. Позвольте мнѣ сѣсть за вашъ столъ и набросать нѣсколько необходимыхъ предписаній.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Прежде всего я составлю предписаніе вамъ.

— Мнѣ?

— У васъ, графъ, есть большое собраніе оружія.

— Ну, не большое...

— Большое или маленькое, я беру его въ реквизицію.

Какъ ни былъ графъ Теметвени остороженъ, или, лучше сказать, трусливъ, но тутъ забылся и вспылилъ.

— Но позвольте, позвольте! Вѣдь это остатки старины, воспоминанія, кремневыя ружья временъ французскихъ войнъ, ружья, которыми мой отецъ вооружилъ свой собственный батальонъ.

— Они сослужатъ службу тамъ, гдѣ будетъ идти штыковая работа. А то, можетъ быть, графъ, вы желаете приберечь эти ружья для Гарговарской національной гвардіи.

— Этаго еще не доставало! И что это пришло въ голову комисару? Чтобы я, изволите видѣть, повелъ баталіонъ какихъ то мужиковъ противъ императорскихъ войскъ? Я, я, который никогда не былъ военнымъ? Да, кромѣ того, у меня въ ногахъ такой ревматизмъ, что я и въ комнатѣ безъ палки не могу ходить...

— Вотъ, именно поэтому-то, я и думаю, что гораздо лучше будетъ раздать ваши ружья рекрутамъ-гонведамъ, которыхъ я сегодня отправилъ въ нашъ окружный городъ и которыхъ интендантство въ состояніи вооружить только косами.

— Ага, я начинаю понимать васъ. Безъ ружей не было бы никакой національной гвардіи. Хорошо, хорошо; пишите же, пишите вашъ приказъ мнѣ, да какъ можно построже.

Магнатъ перестилъ прихрамывать и въ голосѣ его уже не было слышно никакой одышки; онъ сразу выросъ на цѣлую голову.

Францъ написалъ свой приказъ и запечаталъ его.

— Это предписаніе вы выполните сегодня же ночью, а я отправлюсь на встрѣчу комисару.

— Такъ, хорошо. Скажите ему только, чтобы онъ не жаловалъ сюда ко мнѣ съ 4 тысячами человѣкъ, такое множество я не могу накормить, и хлѣба-то для нихъ не достать мнѣ. Пусть беретъ съ собой поменьше народу.

— Я скажу ему, чтобы онъ двинулся въ другое мѣсто, а въ Гарговаръ чтобы вовсе не ходилъ.

— Да, да. Какой вы умный человѣкъ. Или вы это съ моей дочерью переговорили? А это будетъ лучше всего, если онъ совсѣмъ не придетъ къ намъ—этотъ достоуважаемый согражданинъ.

— Но вы, графъ, доставите въ лагерь временнаго комисара то количество хлѣба и овса, которое эти гости, все равно, уничтожили бы у васъ, еслибъ простояли здѣсь три дня.

— Отчего же нѣтъ? Съ большимъ удовольствіемъ, но не иначе, однако, какъ на основаніи предписанія г. судьи.

— Предписаніе уже готово. Ну-съ, а теперь, прошу васъ, графъ, сѣсть, въ свою очередь сѣсть за столъ и написать мнѣ...

— Что-о-о?

— Во первыхъ—на венгерскомъ языкѣ—довѣренность—которою вы уполномочиваете меня взять изъ реквизированнаго у васъ воза шерсти находящуюся въ одномъ изъ мѣшковъ стальную шкатулку, а во вторыхъ—на нѣмецкомъ языкѣ—приказъ сопровождающему возъ вашему дворецкому. чтобы онъ выдалъ мнѣ шкатулку.

— Хорошо; на цѣломъ листѣ прикажете, такъ? и тоже надо запечатать эти бумаги?

— Нѣтъ, не надо, а я попрошу васъ приложить печать вашу подъ вашею подписью.

— А вѣдь вы приложили свою печать вездѣ выше имени.

— Да. тамъ гдѣ я подписывалъ въ качествѣ судьи.

— Ага! понимаю. Ну, хорошо, такъ я это скоро сдѣлаю.

И графъ быстро принялся за работу.

— Вы знаете, вѣроятно, что въ шкатулкѣ находится? Фамильныя...

— Брильянты, дополнилъ Францъ.

Графъ вскочилъ съ кресла и безмолвно, съ широко раскрытыми глазами. уставился на гостя.

— Это... это... вы... узнали отъ моей дочери?

— Да.

Графъ внезапно почувствовалъ себя неспособнымъ писать; въ глазахъ его померкло.

— Напишите, графъ, какъ можно скорѣе, настаивалъ Иллаваи. Мнѣ надо нагнать ваши подводы еще въ эту же ночь, прежде, чѣмъ они дойдутъ до Брезноварскаго лѣса.

— Какъ это такъ? Развѣ вы хотите уѣхать отъ насъ? Этого я не могу допустить. У меня нѣтъ въ обычаѣ вечерняго гостя выпускать изъ дому.

— Очень благодаренъ вамъ за гостепріимство, графъ, но сегодня я не могу воспользоваться этою честью, потому что рано утромъ обязанъ встрѣтить въ Брезноварѣ комисара, иначе послѣ-завтра онъ явился бы сюда съ четырьмя тысячами гостей.

Доводъ этотъ убѣдилъ графа. Нечего было дѣлать, онъ сѣлъ за столъ и. скрѣпя сердце, написалъ двѣ бумаги, которыя отъ него потребовалъ Иллаваи.

— Но, вы все таки поужинаете съ нами?

— Благодарю, неимѣю времени даже и для этаго, да къ тому же, я никогда не ужинаю.

— Не ужинаете? ну, такъ по крайней мѣрѣ, дадите лошадямъ хоть маленькій роздыхъ!

— Меня ждутъ свѣжія подставы; но тутъ мнѣ еще надо видѣть дорожнаго комисара, съ которымъ предстоитъ поговорить относительно мостовъ.

Все таки ничего не подѣлаешь съ этимъ судьей—приходилось отдать ему бумаги, подписанныя полнымъ титуломъ и именемъ!

— А теперь—еще одна просьба къ вамъ.

— Что такое?

— Насчетъ ключа отъ той шкатулки.

— Ключа? ключа? Зачѣмъ это вамъ его?

— Когда комисаръ временнаго правительства спроситъ, что въ шкатулкѣ, я отопру ее и покажу ему. Вотъ зачѣмъ...

— Ему показать?.. показать ему что находится въ... шкатулкѣ?!.. съ ужасомъ вскрикнулъ перепуганный магнатъ. „Если онъ только увидитъ...

— Могу увѣрить васъ, графъ, что когда комисаръ увидитъ, что въ шкатулкѣ брильянты, то скажетъ мнѣ: „Бери, я и смотрѣть не хочу, отдай тому, кому это принадлежитъ“. Но если я скажу ему, что тамъ бумаги, дѣло другое,—онъ отвѣтитъ мнѣ: „Это подавай сюда, тутъ могутъ быть государственныя тайны“. И тогда уже я не знаю — куда шкатулка ваша попала бы! Если вы не дадите мнѣ ключа, то мнѣ придется велѣть сломать шкатулку.

Капли пота выступили на лбу графа Теметвени. Что за жестокій человѣкъ этотъ судья! Самъ онъ обратился къ нему, значитъ приходится ему и ввѣриться!

Снявъ съ часовой цѣпочки маленькій стальной ключикъ, онъ объяснилъ ему секретъ, при помощи котораго шкатулка отворялась.

Иллаваи тотчасъ же уѣхалъ.

Магнатъ не былъ въ силахъ ждать вечерняго чая увидѣться съ дочерью, ему не терпѣлось объясниться съ нею и онъ направился тотчасъ-же прямо въ ея комнату.

— Отлично ты выдала насъ этому человѣку, произнесъ онъ съ нѣкоторою рѣзкостью.

— Да, вѣдь, ты же самъ послалъ за нимъ.

— Не за тѣмъ однако. чтобы все разсказать ему.

— Безъ этого онъ не могъ бы помочь намъ. Надо же намъ довѣриться хоть кому нибудь.

— Не первому же встрѣчному. Какъ могла ты только повѣрить ему? О, еслибъ ты только изучала Лафатера? У этого человѣка разбойничьи глаза.

— Съ этимъ я не согласна,- напротивъ, сразу видѣнъ приличный, честный человѣкъ.

— Совершенно Дантоновская рожа. Взгляни только въ „новомъ Плутархѣ“ портретъ Дантона и сравни. Эти выдающіяся лобныя кости. это возвышеніе на лбу, кровожадный, суровый ротъ! Онъ—весь злоба и коварство. Не хотѣлъ остаться ужинать. Зная, что наши головы въ его рукахъ, онъ боялся, вѣроятно, быть отравленнымъ. А ты предала ему насъ... Моя сѣдая голова—не бѣда. это уже отпадающій плодъ, но когда я подумаю, что твоя прелестная головка могла бы упасть, какъ было съ m-me Роланъ!

На глазахъ почтеннаго человѣка блеснули слезы. Пальма засмѣялась.

— На что же ему головы наши? Полно, отецъ, перестань! Онъ, увѣряю тебя, очень хорошій человѣкъ!

(До слѣдующ. №).

Мастерская профессора В. И. Якобія.

(Рис. на стр. 36 и 37).

Въ настоящемъ № читатели „Нивы“ найдутъ два снятыхъ съ разныхъ сторонъ перспективныхъ вида студіи профессора живописи Валерія Ивановича Якобія. Въ этой-то грандіозной и вмѣстѣ уютной, комфортабельно устроенной мастерской и созрѣваютъ тѣ колоритныя, полныя жизни, картины, которыя дали такое имя почтенному художнику. Помѣщенная въ нижнемъ этажѣ зданія Императорской Академіи Художествъ и выходя окнами на третью линію Васильевскаго острова, какъ разъ противъ Соловьевскаго сквера, и обелиска Румянцева мастерская эта, по обилію свѣта и своему удобному помѣщенію, одна изъ лучшихъ студій Академіи, а та заботливая тщательность деталей, съ которой обставилъ ее хозяинъ, дѣлаетъ ее въ тоже время и красивѣйшимъ салономъ артиста.

Имя Валерія Ивановича Якобія пользуется большою извѣстностью. По выбору своихъ сюжетовъ, по нѣкоторымъ традиціямъ, а главное по отношенію къ Академіи и отечеству, онъ далеко отстоитъ отъ тѣхъ собратовъ по искусству, которые получивъ въ Россіи. на ея счетъ, художественное образованіе и добившись почетнаго званія профессора, уѣзжаютъ навсегда за границу, не считая себя ничѣмъ обязанными родинѣ, давшей имъ знаніе и положеніе. Якобій, съ любовью предаваясь изученію русской исторіи, уже получилъ достойное имя какъ историческій живописецъ. Въ талантѣ художника есть тонкая сатирическая жилка. Превосходное, изящное исполненіе, теплый, задушевный колоритъ, что-то живое, радужное и блестящее — придаетъ особенную отличительность его картинамъ.

Валерію Ивановичу пришлось выступить впервые передъ публикой какъ самостоятельному художнику въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ эту смутную эпоху броженій, поднявшихся послѣ севастопольскаго погрома. Самъ молодой, пылкій, увлекающійся, еще недавно служившій въ рядахъ ополченія, куда вступилъ подъ вліяніемъ высокаго патріотическаго порыва, онъ увлекся новымъ, казавшимся такимъ свѣтлымъ, движеніемъ. Къ картинѣ его „Привалъ арестантовъ“ сравнительно слабой, многіе привязали свои тенденціи; публика, по выраженію одного остряка дѣлала передъ картиной „привалъ“. За нее авторъ удостоился званія пенсіонера и отправился за границу. Западъ обогатилъ Якобія колоритомъ. Явился рядъ симпатичныхъ, милыхъ картинокъ „Выходъ изъ тратторіи“, „Политики послѣ завтрака“, „Тарантелла“; историческія картины „Смерть Робеспьера“, „Кардиналъ Гизъ“ и друг. Все это однако было только подготовкою къ настоящимъ серьезнымъ работамъ, за которыя онъ взялся по пріѣздѣ въ Россію въ самомъ концѣ 60-хъ годахъ. Эпоха царенія Анны Іоанновны съ ея расшитыми золотомъ кафтанами, съ вычурной обстановкой стиля рококо, вся эта тревожная эпоха находитъ своего художника, котораго воображеніе поразилось драматизмомъ эпизодовъ ея борьбы. Какъ бы увертюрой этой серіи произведеній является „Арестъ Бирона“ появившійся на выставкѣ 1870 года. Черезъ три года на весенней выставкѣ академіи появилась надѣлавшая столько шуму картина „Шуты Анны Іоанновны“—какъ первый блестящій опытъ исторической сатиры. Какъ pendant къ ней художникъ пишетъ своего „Волынскаго въ кабинетѣ министровъ“ и наконецъ „Ледя-

ной домъ", появленію которой предшествовало много слуховъ—она пріобрѣтена въ Галлерею Академіи.

Въ 1879—1880 году В. И. предпринялъ весьма интересное путешествіе. Страсть къ путешествіямъ, разнообразію обстановокъ, приключеніи, свойственная душѣ каждаго художника,—чѣмъ онъ между прочимъ и отличается отъ людей не озаренныхъ лучемъ дарованія—завлекла его далеко. Черезъ Парижъ, Барселону—проѣхалъ онъ въ Марокко и Алжиръ, былъ въ Тангерѣ и Тетуанѣ—здѣсь онъ набрасывалъ эскизы и писалъ прелестныя картины свои „Танецъ сабли" и „Продажа невольницы". Черезъ Константину проѣхалъ онъ въ оазисы Бискра Бусада и Лагуатъ, послѣдній принадлежащій французамъ, оазисъ. На конѣ, съ небольшимъ караваномъ верблюдовъ, въ костюмѣ араба, съ проводниками арабами, ѣхалъ нашъ художникъ великою песчаною степью, одно имя которой возбуждаетъ такое величаво-мрачное представленіе. Въ Бусада писалъ художникъ эскизы и прекрасную картину свою „Левъ". Тамъ считаютъ дѣломъ богоугоднымъ, взявъ маленькаго львенка, воспитать его, кормя и холя (накидываютъ льву даже на голову зеленый вуаль) у могилы какого нибудь чтимаго святаго, у которой льва держутъ привязаннаго цѣлый годъ и, затѣмъ, выпускаютъ на волю. Фигура льва на картинѣ превосходна, впечатлѣніе оазиса пустыни и разгорающагося пламеннаго заката знойной страны переданы вполнѣ художественно.

Мы сказали, что мастерская художника производитъ пріятное и грандіозное впечатлѣніе. Множество изящныхъ и чрезвычайно рѣдкихъ вещей, вкусъ, выраженный художникомъ въ разстановкѣ предметовъ, все это ясно съ перваго взгляда. Ковры, богатые костюмы, оружіе, пріобрѣтенное въ Алжирѣ и Марокко, палатка одного властителя, пріобрѣтенная имъ тамъ-же, матеріей которой обиты стѣны. Превосходный шкафъ, золоченый, въ испанско-мавританскомъ вкусѣ конца XIV столѣтія, музыкальные инструменты арабовъ, все это прекрасно развѣшанное и разставленное невольно обращаетъ вниманіе. Фонтанъ журчитъ у входа на лѣво, смягчая нѣсколько сухость воздуха обширной студіи, свѣтъ широко ложится изъ огромныхъ оконъ. Картины самаго художника въ изящныхъ рамахъ — конечно лучшія украшенія мастерской.

Прямо противъ окна, въ широкой рамѣ, за это время, обращало на себя вниманіе послѣднее произведеніе художника, его картина „Дорогой гость", писанная для премiи „Нивы" на нынѣшній годъ. На первомъ планѣ одной изъ перспективъ студіи на стр. 35 читатель видитъ ее въ полъ-оборотѣ на мольбертѣ. Сюжетъ своего произведенія г. Якобій взялъ изъ извѣстнаго романа А. К. Толстаго „Князь Серебряный". Глубоко-драматическій и вмѣстѣ тонко-психологическій моментъ сцены выраженъ превосходно. Комнату озаряетъ яркій лучь, проникая въ оконце, играя на розовомъ шелковомъ сарафанѣ хозяйки и золотѣ посуды. Бояринъ Морозовъ наливаетъ въ стопу вино а юная жена его, влюбленная въ гостя—князя Серебрянаго и давно его невидѣвшая, въ глубокомъ смущеніи опускаетъ глаза. Все выписано съ обычнымъ мастерствомъ В. И. отъ прелестнаго личика молодой Морозовой и выразительнаго лица старика—боярина и до узорной посуды на полкахъ. Впрочемъ наши подписчики, живущіе въ губернскихъ городахъ, скоро увидятъ первые оттиски копій масляными красками съ картины „Дорогой гость" профессора Якобія, такъ какъ эти копіи будутъ выставлены въ скоромъ времени въ книжныхъ магазинахъ губернскихъ городовъ, чтобы наши подписчики заранѣе могли убѣдиться въ достоинствѣ исполненія копій съ этой прекрасной картины.

Отъ В. И. публика можетъ ожидать еще многаго. Онъ въ полномъ разцвѣтѣ силъ и таланта, — что доказалъ и послѣдней своей картиной, обратившись въ ней къ жизни XVI вѣка и показавъ еще большую силу мастерства чѣмъ въ прежнихъ.

Къ рисункамъ.

Въ Нормандіи. Ловля креветокъ.

(Картина А. Д. Кившенко на стр. 28 и 29).

Нашъ художникъ г. Кившенко лѣто 1881 года проводилъ на западномъ берегу Франціи въ маленькомъ городкѣ Нормандіи, St. Valery en Caux близъ Діеппа. Изъ картинъ и эскизовъ, имъ тамъ исполненныхъ, мы здѣсь представляемъ нашимъ читателямъ одну, изображающую ловлю креветокъ. Почти весь берегъ Нормандіи, омываемый Ламаншемъ, представляетъ собою совершенно отвѣсную неприступную стѣну, приблизительно саженъ 20—25 высоты,—сѣроватаго цвѣта, мѣстами же совершенно бѣлаго—признакъ свѣжаго обвала—съ пятнами въ видѣ потековъ кирпичнаго цвѣта; по такому фону идутъ въ горизонтальномъ направленіи черными линіями слои кремня, въ разстояніи одного или полутора аршинъ одинъ отъ другаго.

Во время полнаго прилива моря вода доходитъ вплоть до этихъ скалъ, обмывая и подтачивая волнами основаніе ихъ, во время же отлива вода отходитъ на довольно значительное разстояніе, обнажая широкую полосу земли вдоль скалъ, усѣянную камнями всевозможныхъ размѣровъ и формъ, покрытыхъ морской травой и плѣсенью бураго и темно-зеленаго цвѣта. Картина такого громаднаго поля камней весьма живописна и величественна своей дикостью и суровымъ характеромъ.

Санъ Валери городъ, имѣющій маленькую приморскую гавань, подверженную всѣмъ неудобствамъ приливовъ и отливовъ моря; есть здѣсь и морскія, не совсѣмъ удобныя, купанья, вслѣдствіе того что дно усѣяно массой круглыхъ мелкихъ камней. Коренное населеніе города по преимуществу рыбаки, которые ѣздятъ, на небольшихъ судахъ особаго типа и конструкціи, на ловлю сельдей и трески. Рыбу они тамъ же послѣ лова слегка просаливаютъ, а сельдей тщательно укупориваютъ въ боченки, и продаютъ свой уловъ: невозвращаясь домой, опять ѣдутъ на промыселъ, опять продаютъ и т. д.; такимъ образомъ они пропадаютъ для семьи и для своего города по полугоду и болѣе; бываетъ и такъ что вмѣсто ожидаемаго возвращенія мужей, братьевъ и отцовъ получается лишь извѣстіе о ихъ гибели. Въ лѣтнее время мало мужскаго элемента въ Санъ Валери: остаются только или старики или слишкомъ еще юные или же по профессіи не рыболовы—остальное все уходитъ въ море. Рыбакъ, отправляясь въ море ранней весной и возвращаясь поздней осенью—оставляетъ весь домъ, семью и всѣ заботы по прокормленію ся всецѣло на женщинъ—жену, сестру, мать. Здоровыя, крѣпкаго сложенія женщины ходятъ съ сѣтками на отмели въ море для ловли креветокъ; для этого именно нужно крѣпкое здоровье, потому что онѣ находятся въ водѣ 2—2½ часа, вынося на себѣ все время удары прибойныхъ волнъ, которыя даже въ тихую погоду ощутительны. Креветки ловятся только во время отлива на равномъ песчаномъ днѣ, они очень вкусны, но малопитательны и вотъ почему вѣроятно весь уловъ свой они продаютъ скупщикамъ, которые немедленно отправляютъ ихъ въ ближайшіе большіе города Франціи. Всѣмъ тѣмъ что они успѣютъ собрать во время отлива, они съ своими семьями питаются до слѣдующаго дня, съ прибавленіемъ хлѣба, селедокъ, картофеля, какой нибудь зелени и сидра. *Сидръ* это Нормандскій квасъ, приготовленный изъ яблокъ, весьма пріятный, кисловатаго вкуса—онъ есть необходимая принадлежность стола богатаго и бѣднаго. Само собою разумѣется, что мули, виньоли, крабы и проч. не есть исключительная лѣтняя пища бѣднаго класса, но что она все же есть главная и существенная ея часть.

Литературный альбомъ. „Деспо" А. Н. Майкова.

(Рис. на стр. 33).

„Новогреческія пѣсни" высоко-талантливаго нашего поэта А. Н. Майкова принадлежатъ къ прелестнѣйшимъ его произведеніямъ. Здѣсь глубокое проникновеніе предметомъ и духомъ подлинниковъ, которые имъ большею частью не переводятся, а великолѣпно „воспроизводятся", идетъ рядомъ съ блестящею, совершенною формою дальше которой пока еще ни чего не сдѣлано.

Въ настоящемъ стихотвореніи—относящемся къ эпохѣ греческаго возстанія, героическаго подъема народнаго духа—разсказывается, какъ одна изъ героинь доблестной страны, Деспо, въ послѣднюю минуту нашла въ себѣ великую силу и рѣшимость не сдаваться врагамъ отчизны. Этотъ превосходный мотивъ чрезвычайно удачно разработанъ Н. Н. Каразинымъ на нашемъ рисункѣ, гдѣ виднѣется въ пороховомъ дыму, съ пистолетомъ въ рукѣ и факеломъ въ другой, полная одушевленія героиня—красавица Деспо. Поэтъ говоритъ:

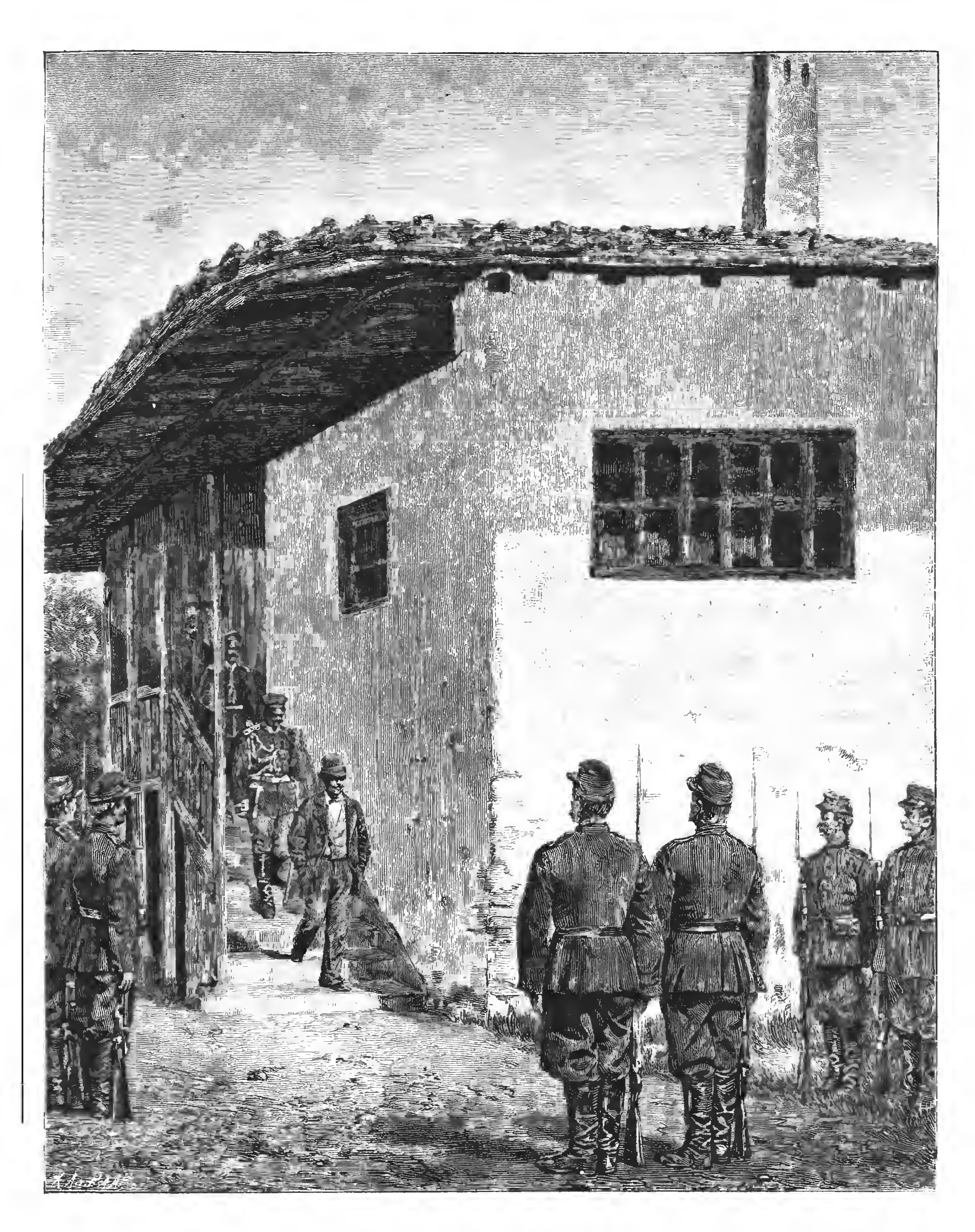
Сули пали, Кьяфа пала
Всюду флагъ турецкій вьется
Только Деспо въ Черной башнѣ
Заперлась и не сдается.
„Положи оружье, Деспо!
Вамъ-ли спорить глупымъ женамъ?
Выходи къ нашѣ рабою,
Выходи къ нему съ поклономъ!"
„Не бы а рабою Деспо
И не будетъ вамъ рабою!"
И схвативъ зажженный факелъ—
„Дѣти, крикнула, за мною?
Факелъ брошенъ въ темный погребъ,
Дрогнулъ доль, ударъ раздался,
И на мѣстѣ Черной башни
Дымный столбъ заколебался...

„Шпіонъ". Картина В. В. Верещагина.

(Рис. на стр. 41).

Въ настоящее время на выставкѣ въ Парижѣ, въ залахъ редакціи „Gaulois", находятся картины, изображающія сцены изъ послѣдней русско-турецкой войны. Выставка эта была недавно, какъ извѣстно, въ Вѣнѣ и тамъ произвела фуроръ. Вся Вѣна перебывала тамъ, высшее общество, дворъ и Императоръ. Вѣнскіе художники восхваляли нашего даровитаго соотечественника, устроивъ въ честь его великолѣпный банкетъ. Въ Парижѣ

(Продолженіе на стр. 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, и 48).

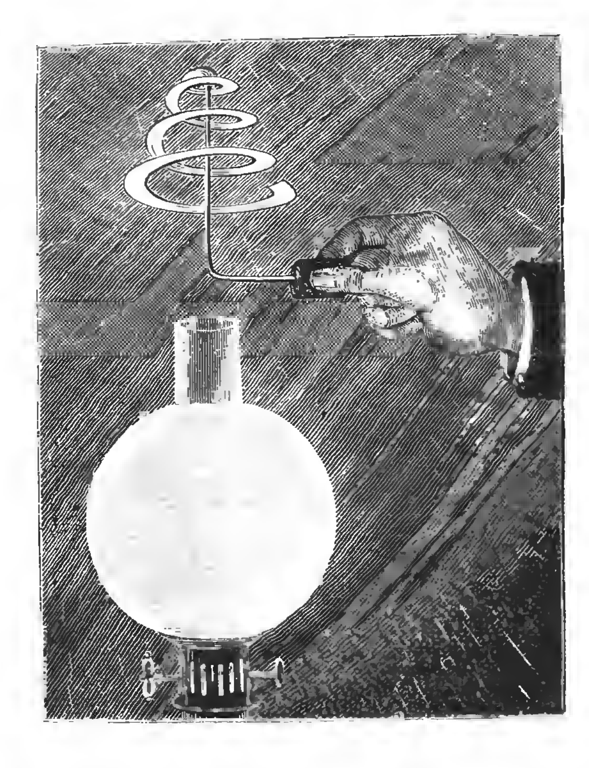


Шпіонъ. Съ картины В. В. Верещагина, грав. Пааръ.

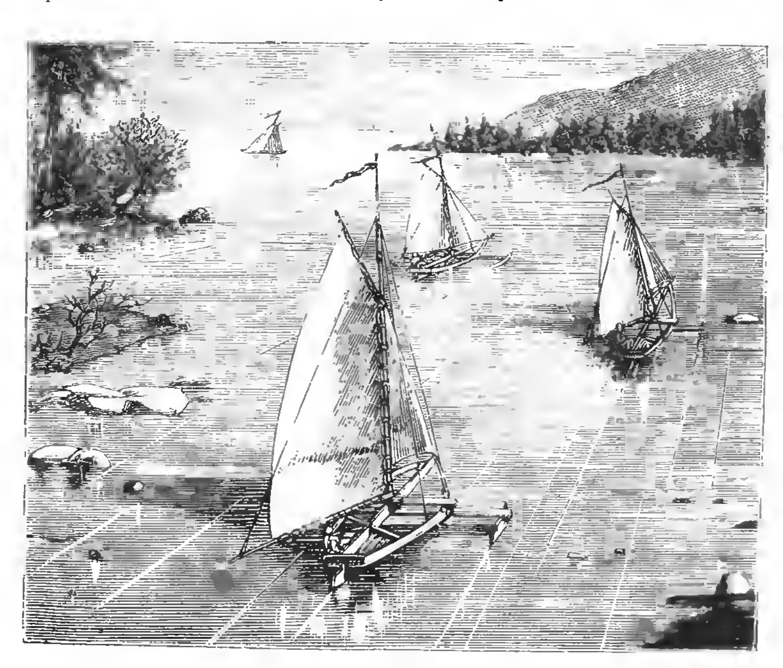
отнеслись сдержаннѣе, но успѣхъ сопровождаетъ обыкновенно всюду энергическаго и талантливаго В. В. Верещагина.

Въ Петербургѣ выставка этихъ-же картинъ, какъ конечно помнятъ наши читатели, надѣлала много шуму въ мартѣ 1880 года. Тогда-же мы помѣстили портретъ В. В. и свѣдѣнія о его жизни. Живость и яркость изображенія, глубокая правдивость, и оригинальность — отличительныя черты этихъ произведеній В. В., который самъ участвовалъ въ экспедиціяхъ на Дунаѣ съ нашими молодцами и даже раненъ тамъ (8 іюля, на шлюпкѣ Скрыдлова).

Здѣсь мы представляемъ одну изъ самыхъ драматическихъ, интересныхъ по сюжету картинъ В. В. а именно картина „Шпіонъ". Турецкій шпіонъ схваченъ на линіи и приговоренъ къ смерти. Кто онъ? грекъ, еврей? Богъ знаетъ. какія темныя личности берутся за эти вещи,—ненависть-ли къ врагу побуждала его или просто соблазнило его золото—все равно, онъ идетъ туда, гдѣ уже ничего ему не будетъ нужно. Заложивъ руки въ карманы пиджака, съ дѣланной аффектаціей спокойствія, идетъ онъ съ высокой каменной лѣстницы на встрѣчу смерти. Офицеръ, опустивъ голову, прижимая къ себѣ нервно портфель, торопливо спускается вслѣдъ за нимъ. Недвижный строй солдатъ съ ружьемъ у ноги придаетъ особенную мрачную торжественность сценѣ. Рѣдко случается видѣть картину, которая-бы производила такое глубокое, сильное впечатлѣніе своей безпощадной правдой и реальностью изображенія.



Опытъ со спиралью изъ бумаги.



Американскіе буеры, употребляемые нынѣ въ С.-Петербургскомъ Яхтъ-Клубѣ.

Сани-Яхта.

(Рис. на стр. 42).

Зимою любители катанья въ Америкѣ строятъ такъ наз. яхты для льду (ice yacht). Это большая рама, положенная на два деревянные полоза, которыхъ оконечности снабжены продолговатыми подрѣзами. Эти яхты имѣютъ еще третій полозъ сзади, какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ. Этотъ родъ спорта практиковался съ огромнымъ успѣхомъ въ 1879 г. на льду Гудсоновой рѣки и на озерахъ Канады. Американцы увѣряютъ что эти яхты при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ, подъ парусами, могутъ поспорить въ скорости съ курьерскимъ желѣзнодорожнымъ поѣздомъ. Парусъ поставленъ впереди всей рамы и управляющій имъ лоцманъ можетъ свободно давать ему направленіе.

Яхта, которая представлена на нашемъ рисункѣ, построена А. Иннесомъ въ Соединенныхъ штатахъ. Киль имѣетъ длину около 8 метровъ, мачта 7 метровъ вышины. Прочія части соотвѣтственны этому размѣру. Въ морскомъ музеѣ въ Соутъ-Кенсингтонѣ, въ Лондонѣ, есть модели финскихъ яхтъ на полозьяхъ съ двумя и однимъ парусомъ. Американскіе спортсмены употребляютъ только одинъ парусъ. Они утверждаютъ, что яхта на льду, разъ пущенная въ ходъ, идетъ съ быстротою вѣтра, который ее двигаетъ по льду.

Физическій опытъ.

(Рис. на стр. 42).

Опытъ изображенный на нашемъ рисункѣ внизу этой страницы, указываетъ волнообразное теченіе нагрѣтаго воздуха и его можно варьировать различнымъ образомъ. Вырѣзаютъ изъ обыкновенной игральной карты спираль, которую растягиваютъ вверхъ и укрѣпляютъ верхнимъ концомъ на проволочномъ стержнѣ. Если эту спираль ввести въ струю нагрѣтаго воздуха, такую напр. какую дастъ пламя изъ ламповаго стекла, то спираль эта начинаетъ быстро вертѣться. Спираль изъ бумаги можетъ быть также помѣщена надъ горячею печкой и будетъ вертѣться также быстро. Опытъ этотъ указываетъ что воздухъ можетъ производить механическія дѣйствія когда теченіе его сильно. Такъ, если постоянно и сильно дуть въ большую рюмку, въ которую положено яйцо, то можно яйцо это привести въ такое положеніе, что оно, постепенно поднимаясь, наконецъ вывалится изъ рюмки. Всѣ такіе опыты не требуютъ никакихъ аппаратовъ.

Глухонѣмота.

Очеркъ.

Теперь уже можно считать вполнѣ рѣшеннымъ положеніе, что большинство глухонѣмыхъ людей не говорятъ только потому, что они глухи. Ребенокъ, лишенный слуха,—не говоритъ, какъ-бы богато ни былъ онъ одаренъ отъ природы умственными способностями. Мало того, ребенокъ, который не говорилъ до двухлѣтняго возраста и потомъ оглохъ, начинаетъ утрачивать съ этого момента даже уже развившуюся способность рѣчи.

Даръ слова, которымъ такъ гордится человѣкъ, рѣчь, которую считаютъ исключительною и отличительною принадлежностью человѣка, — результатъ воспитанія. Даръ слова вовсе не есть врожденная способность; онъ не развивается самъ по себѣ, но мѣрѣ того, какъ человѣкъ ростетъ: звуки и слова заучиваются мало по малу вслѣдствіе продолжительнаго упражненія.

Несмотря на наслѣдственность, дѣйствующую въ безчисленномъ множествѣ поколѣній, владѣвшихъ словомъ—ребенокъ не заговоритъ самъ по себѣ; нужно, чтобы онъ *научился* говорить. Способность рѣчи не представляетъ собою, слѣдовательно, чего-либо наслѣдственно переходящаго, это есть личное пріобрѣтеніе, начала котораго передаются традиціонно. Не для одного человѣка звуковые знаки являются личнымъ пріобрѣтеніемъ; у животныхъ они также передаются путемъ подражанія и утрачиваются отъ недостатка упражненія.

Собаки, оставленныя однѣ на пустынныхъ островахъ, теряютъ способность лаять. Недавно были привезены въ Англію нелающія собаки съ рѣки Мэккензи и самая молодая изъ нихъ научилась лаять лишь среди англійскихъ собакъ.

Чтобы ребенокъ могъ научиться говорить—необходимо, чтобы онъ слышалъ. Оттого всѣ ушныя болѣзни, кончающіяся разрушеніемъ слуховаго нерва, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ глухоту и нѣмоту. Излеченіе этихъ болѣзней хоть настолько, что еще сохранится нѣкоторая способность слышать,—только такое излеченіе и можетъ спасти ребенка отъ страшнаго недуга, который называется *глухонѣмотой*.

Недавнія изслѣдованія французскаго ученаго г. Бушерона

подаютъ надежду на возможность излеченія дѣтей, пораженныхъ глухотой, если только леченіе начато во время, а именно въ возрастѣ приблизительно отъ одного до двухъ лѣтъ и раньше.

Излеченіе глухонѣмыхъ вообще долгое время считалось невозможнымъ. Всѣ средства, употребленныя для уничтоженія дѣтской глухоты—остались безъ всякихъ результатовъ. По мнѣнію Бушерона, иначе и быть не могло, такъ какъ леченіе начинали слишкомъ поздно. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ четыре года послѣ нѣкоторыхъ болѣзней, окончившихся глухотой,—слуховой нервъ безвозвратно разрушается: онъ превращается въ нить соединительной ткани и чувство слуха утрачивается навсегда. Во время преній, происходившихъ во французской академіи наукъ въ 1853 году, почти всѣ выражали мнѣніе о невозможности излеченія глухонѣмыхъ. Только нѣкто Жюль Геренъ сказалъ, что прежде всего нужно установить извѣстныя категоріи между глухими и глухонѣмыми и что нѣкоторые случаи, по всей вѣроятности, излечимы. Но это мнѣніе не имѣло последователей и глухонѣмота стала считаться положительно неизлечимой. Въ этомъ мнѣніи образовались слѣдующія поколѣнія медиковъ, а новыхъ изслѣдованій между тѣмъ не производилось.

Принималось, что глухонѣмота есть слѣдствіе неправильнаго образованія уха, пріостановки развитія этого органа или, наконецъ, слѣдствіе серьезныхъ повреждeній черепа или мозга и т. д.

О врожденной глухотѣ, также какъ о врожденной слѣпотѣ, и не упоминали—считая ихъ вполнѣ безнадежными.

Но новѣйшія изслѣдованія глазныхъ болѣзней показали, что настоящая природная слѣпота, какъ результатъ неправильнаго образованія глаза,—встрѣчается чрезвычайно рѣдко; что случаи слѣпоты, происходящей отъ повреждeній мозга или черепа въ дѣтствѣ, также очень рѣдки, ибо мало дѣтей, которыя бы переживали подобныя повреждeнія.

Съ другой стороны найдено, что большая часть дѣтей, считаемыхъ слѣпорожденными, и одаренныхъ нормальными умственными способностями, сдѣлались слѣпыми лишь вслѣдствіе нѣкоторыхъ глазныхъ болѣзней (чаще всего вслѣдствіе гнойнаго воспаленія глазъ), начавшихся въ первые дни жизни; а это значительно уменьшаетъ число случаевъ врожденной слѣпоты.

Большіе успѣхи, сдѣланные въ области леченія глазныхъ болѣзней, не остались безъ вліянія на цѣленіе ушныхъ недуговъ.

Неправильныя образованія и недостатки въ развитіи уха—такъ же рѣдки, какъ и въ глазѣ.

Глухота дѣтей, происходящая отъ воспаленія мозговой оболочки или мозга или отъ другихъ мозговыхъ болѣзней, точно также встрѣчается чрезвычайно рѣдко, ибо весьма немногіе больные переживаютъ ихъ и, притомъ, изъ этихъ немногихъ у большей части умственныя способности бываютъ поражены.

Глухонѣмота чаще всего встрѣчается въ дѣтяхъ съ нормальными умственными способностями, и это даетъ возможность учить ихъ объясняться посредствомъ знаковъ. Но не слѣдуетъ-ли изъ этого, что такая глухонѣмота, почитаемая врожденной, есть, на самомъ дѣлѣ, только слѣдствіе болѣзни, начавшейся съ первыхъ дней жизни? Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Бушерона. Дѣти, которыхъ онъ излечивалъ отъ глухонѣмоты, обладали нормальными умственными способностями; ни мозгъ ихъ ни уши не представляли собою какого-либо неправильнаго образованія или недостатковъ въ развитіи, а родители ихъ никогда не замѣчали никакихъ внѣшнихъ признаковъ болѣзни мозга.

Г. Бушеронъ нашелъ, что глухонѣмота чаще всего происходитъ отъ болѣзни, обнаруживающейся въ упорномъ давленіи на слуховой нервъ, что влечетъ за собою полное разрушеніе нерва и глухоту; излечить глухота въ этомъ случаѣ, можно только тогда когда еще не произошло разумѣется полнаго разрушенія слуховаго нерва.

Чтобы уяснить себѣ, какъ происходитъ это давленіе на слуховой нервъ и какъ излечить глухонѣмоту, припомнимъ устройство человѣческаго слуховаго органа.

Наше ухо устроено такимъ образомъ, что звуковыя колебанія воздуха проникаютъ, по слуховому проходу, до такъ называемой барабанной перепонки, которая сама приходитъ отъ этого въ колебаніе. Черезъ посредство цѣпи прикрѣпленныхъ къ ней слуховыхъ косточекъ, барабанная перепонка передаетъ свои колебанія внутреннему уху, или „лабиринту“, съ полостью котораго соприкасаются эти косточки. Всѣ движенія барабанной перепонки передаются ими другой перепонкѣ, которая закрываетъ собою овальное отверстіе лабиринта. Самый „лабиринтъ“ представляетъ собою трубку, наполненную жидкостью, въ которой погружены тончайшія нити слуховаго нерва. Одинъ изъ концовъ этой трубки называется овальнымъ отверстіемъ: онъ закрывается *стременемъ*,—одной изъ слуховыхъ косточекъ. Другое круглое отверстіе закрывается небольшой упругой перепонкой. Движенія стремени сообщаются жидкости, находящейся въ лабиринтѣ; вмѣстѣ съ этою жидкостью приводятся въ колебаніе нити слуховаго нерва, погруженныя въ ней. Такъ получаются слуховыя впечатлѣнія. Самое-же стремя приходитъ въ движеніе отъ колебанія барабанной перепонки, подъ давленіемъ воздуха.

Необходимымъ условіемъ для образованія слуховаго ощущенія служитъ присутствіе воздуха по обѣимъ сторонамъ барабанной перепонки, такъ какъ безъ этого она не можетъ приходить въ колебаніе. Воздухъ этотъ проникаетъ по Евстахіевой трубѣ въ полость, находящуюся тотчасъ за барабанной перепонкой.

И вотъ, если, вслѣдствіе какого-либо повреждeнія Евстахіевой трубы (это случается при нѣкоторыхъ болѣзняхъ), воздухъ перестанетъ проникать за барабанную перепонку и содержащійся за нею, по крайней мѣрѣ, кислородъ будетъ поглощенъ,—то за барабанной перепонкой не будетъ уже противовѣса внѣшнему атмосферному давленію—перепонка вдается, вслѣдствіе этого, внутрь и вгонитъ туда цѣпь слуховыхъ косточекъ, изъ которыхъ послѣдняя, стремя, проникнетъ въ самый лабиринтъ. Въ этомъ случаѣ, слуховой нервъ подвергается давленію и слуховое отправленіе нарушается. По прошествіи нѣкотораго времени, при продолжающемся давленіи, нѣжный нервъ разрушается окончательно и наступаетъ глухота, переходящая потомъ въ глухонѣмоту у дѣтей. Если-же прекратить давленіе во-время, какимъ-либо способомъ, то не произойдетъ этихъ страшныхъ послѣдствій: все придетъ въ нормальное состояніе и чувство слуха возвращается.

Очевидно, что прекратить давленіе можетъ только вдуваніе, по Евстахіевой трубѣ, воздуха въ полость, находящуюся за барабанной перепонкой. Въ этомъ случаѣ явится противовѣсъ внѣшнему атмосферному давленію и прекратится давленіе на нервъ вогнанныхъ внутрь частей слуховаго органа.

Не входя въ подробности, скажемъ, что такова система, которою успѣшно пользуется Бушеронъ для излеченія глухонѣмоты. Возвративъ больному ребенку слухъ, онъ возвращаетъ ему и способность рѣчи, которая представляетъ собою, какъ уже сказано, результатъ привычки, воспитанія и можетъ быть пріобрѣтена путемъ упражненія.

Глухонѣмыхъ много—нельзя не признать большой заслуги за Бушерономъ, и нельзя не пожелать успѣха его леченію.

Когда глухота оказывается неизлечимой,—необходимо облегчить до возможной степени положеніе больнаго. Это дѣлается посредствомъ различныхъ акустическихъ инструментовъ, изъ которыхъ самымъ лучшимъ и въ высшей степени оригинальнымъ нужно признать *аудифонъ*, изобрѣтенный Родесомъ, въ Америкѣ.

Извѣстно, что многіе глухіе не слышатъ хода часовъ, приставленныхъ къ уху, но слышатъ, приставивъ ихъ къ зубамъ. Узнавъ это, Родесъ задумалъ устроить такой аппаратъ, который давалъ-бы возможность глухимъ слышать посредствомъ зубовъ.

Это ему удалось и придуманный имъ аппаратъ названъ „аудифономъ“. Аппаратъ очень несложенъ. Аудифонъ Родеса представляетъ собою пластинку изъ твердаго каучука, съ ручкой, согнутой посредствомъ нѣсколькихъ шнурковъ.

Глухой беретъ аудифонъ за эту ручку и, приставивъ къ зубамъ верхнюю часть инструмента, получаетъ способность слышать весьма ясно разнообразные звуки, а въ томъ числѣ человѣческій голосъ и музыку.

Легко можно представить себѣ, какое благодѣтельное значеніе имѣетъ аудифонъ для глухихъ, какую радость и удовольствіе ощущаютъ они, вступивъ, благодаря аудифону, въ прерванное сношеніе съ внѣшнимъ міромъ посредствомъ чувства слуха.

Что-же касается до странной способности зубовъ передавать звуки, то она объясняется очень просто. Дѣло въ томъ, что зубные нервы находятся въ сообщеніи со слуховымъ нервомъ. Изъ этого объясненія естественно слѣдуетъ, что только тѣ глухіе могутъ пользоваться аудифономъ, у которыхъ слуховой нервъ еще цѣлъ. Очевидно, что глухимъ отъ рожденія инструментъ этотъ не можетъ оказать никакой помощи. Но такихъ, какъ мы уже говорили, мало а потому для большей части больныхъ аудифонъ является изобрѣтеніемъ, въ высшей степени благодѣтельнымъ.

Стихотворенія.

Тебя онъ въ шутку звалъ старушкой,
Тобою жилъ для добрыхъ дѣлъ,
Тобой былъ веселъ за пирушкой,
Тобой былъ честенъ, гордъ и смѣлъ!

* * *

Въ него глаза твои свѣтили...
Такъ лучъ, въ мракъ сѣвъ заронёнъ,
Идетъ по длинной лентѣ пыли
Играть по плитамъ у иконъ.

* * *

Погасла ты и лучъ затмился
Мракъ человѣка обуялъ,
И не повѣрить что свѣтился
Въ той тьмѣ кромѣшной - идеалъ...

II.

Точно какъ лебеди бѣлые
Дремлютъ и очи сомкнули,
Тихо качаясь надъ озеромъ
Такъ твои чувства заснули!

* * *

Точно какъ лотосы блѣдные,
Лики сокрывъ восковые
Подъ серебристыми листьями —
Грезы твои молодыя!

* * *

Вы просыпайтеся лебеди,
Троньте струю голубую!
Вы раскрывайте же лотосы
Вашу красу восковую...

К. Случевскій.

Политическое обозрѣніе.

Суэзскій каналъ.— На Балканскомъ полуостровѣ.— Ирландія.— Вост. Румелія.— Тунисъ.

Новый годъ наступилъ среди затрудненій и усложненій, о которыхъ мы отчасти говорили въ прошломъ обозрѣніи. Англія и Франція предложили египетскому хедиву охранять порядокъ въ его государствѣ. Испуганное правительство обнародовало ноту этихъ державъ и нота эта была встрѣчена въ Египтѣ, понятно, съ негодованіемъ. Англичане сильно стараются подготовить въ Египтѣ дѣла такъ, чтобы возможенъ былъ захватъ Суэзскаго канала подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Всѣ державы однако заинтересованы этимъ, чтобы каналъ не сдѣлался исключительно достояніемъ Англіи. Во Франціи общественное мнѣніе не считаетъ серьезною угрозу Англіи и видитъ въ ней только желаніе напугать французское правительство и заставить его возобновить торговый договоръ. Англія недавно пугала Францію своимъ вмѣшательствомъ въ тунисскія дѣла, теперь пугаетъ захватомъ Египта, хотя и предлагаетъ Франціи дѣйствовать сообща.

Французское правительство, какъ извѣстно, имѣетъ намѣреніе предложить вмѣстѣ съ избирательной реформой сената, и подачу голосовъ по спискамъ для избранія депутатовъ. Палата депутатовъ будетъ избираться всеобщею подачею голосовъ по спискамъ, на условіяхъ, которыя будутъ выработаны избирательнымъ закономъ. Предполагается, что въ принципѣ это будетъ принято теперь-же, но примѣненіе новаго закона, такъ какъ оно представитъ значительныя затрудненія, отложится до конца законодательной сессіи.

Затрудненія въ Южной Далмаціи и Герцеговинѣ все усиливаются и говорятъ что фельдцехмейстеръ Филиповичь будетъ назначенъ главнокомандующимъ войсками въ Босніи. Черногорія повидимому не хочетъ отказаться отъ притязаній на Герцеговину, которую черногорцы отвоевали кровью еще до Берлинскаго конгресса. Черногорскому правительству невозможно строго поступать съ инсургентами, ищущими убѣжища въ Черногоріи. Недавно въ Вѣнѣ происходило совѣщаніе относительно мѣръ, которыя слѣдуетъ принять для подавленія возстанія въ Бокѣ Каторской. Рѣшено распространить во что бы то ни стало законъ о воинской повинности на Боснію и Герцеговину. Всѣ расположенныя въ Далмаціи части приводятся въ усиленный составъ. Ассигновано два милліона на покрытіе военныхъ расходовъ.

Мусульманское населеніе Герцеговины рѣшительно противится подчиниться новому закону о воинской повинности. Нѣсколько тысячъ семействъ пожелали даже выселиться въ Турцію лишь бы избавиться отъ этой повинности. Нѣкоторые же мусульмане присоединились къ шайкамъ повстанцевъ, составленнымъ изъ православныхъ. Болѣе умѣренные признаютъ обязательнымъ служить въ австрійскихъ войскахъ, но только лицамъ, которыя родились по занятіи Австріей Босніи и Герцеговины.

Что сдѣлано въ Англіи по роковому и безконечному Ирландскому вопросу? Какъ прежнее такъ и настоящее министерство Гладстона дѣйствительно старались сдѣлать что то серьезное, но усилія его были парализованы парламентомъ и даже палатою Общинъ. Правительственное большинство въ Англіи не составляетъ однороднаго тѣла а составное. При составленіи своихъ проэктовъ Гладстонъ долженъ былъ имѣть въ виду, что необходимо удовлетворить болѣе или менѣе каждую изъ составныхъ частей парламентскаго большинства и проэкты его вышли крайне сложными и нерѣшительными. Онъ дѣлалъ значительныя уступки и той и другой сторонѣ и ни та и ни другая сторона не удовлетворились. Между тѣмъ положеніе дѣлъ крайне печальное для страны. Всѣ путешественники французскіе, нѣмецкіе и англійскіе въ одинъ голосъ говорятъ что такаго страшнаго нищенства нѣтъ нигдѣ въ Европѣ какъ въ Ирландіи. Положеніе дѣлъ все тамъ обостряется и столкновенія безпрестанныя.

Вслѣдствіе обнаруженія безпорядковъ въ финансовомъ управленіи Восточной Румеліи многіе депутаты выразили желаніе, чтобы завѣдующій финансами Румеліи Стронскій былъ удаленъ. Смѣна его требовалась весьма настойчиво, хотя лично въ злоупотребленіяхъ онъ не виноватъ. Кандидатомъ на открывающуюся должность былъ выставленъ Каравеловъ, извѣстный дѣятель Болгаріи. Прибывъ въ Восточную Румелію послѣ понесеннаго имъ въ Болгаріи пораженія, онъ съумѣлъ пріобрѣсти себѣ симпатіи и какъ лицо уже завѣдывавшее финансами Болгаріи и обладающее опытностью былъ выставленъ и здѣсь кандидатомъ на эту должность. Но Румелійское правительство не можетъ не стѣсняться его отношеніями къ Болгаріи, хотя друзья этого пресловутаго дѣятеля сильно за него хлопочутъ.

До турецкихъ властей дошло извѣстіе, что въ Аѳонскомъ монастырѣ сохраняются склады оружія.

Вслѣдствіи полученныхъ свѣдѣній посланы были для изслѣдованія дѣла турецкіе чиновники. Осмотръ монастырей и опросъ греческихъ монаховъ, дѣйствительно подтвердилъ справедливость полученныхъ Портою свѣдѣній. Значительное число оружія было отобрано и на будущее время установленъ надзоръ и строгія правила чтобы впредь ничего подобнаго не повторялось. Нѣкоторые изъ грековъ-монаховъ были арестованы: они говорили что не могутъ не сочувствовать движенію своихъ братій въ Греціи. Большой переполохъ произвело это событіе на Аѳонѣ.

Тайные запасы оружія въ Македоніи, оказалось, сдѣланы греками. Нѣкоторые, болѣе скомпрометированные, скрылись и разыскиваются.

Въ Тунисѣ колонна Ложеро уже окончила усмиреніе возставшихъ на югѣ Арада. Дивизіи Ложеро пришлось много пропутешествовать по Тунису. Будучи почти вся составлена изъ войскъ, прибывшихъ изъ Франціи, она выказала дѣйствительно цѣнныя качества въ исполненіи данной ей программы. Уже прошло болѣе четырехъ мѣсяцевъ, какъ нѣкоторые баталіоны, составляющіе ея, находятся постоянно въ дорогѣ, спятъ на бивуакахъ и питаются пищею, подвозимою подводами отряда. Сверхъ того, сопротивленіе возмутившихся племенъ было гораздо серьезнѣе въ тѣхъ территоріяхъ, по которымъ проходила эта дивизія, нежели въ юго-западной части регентства, гдѣ дѣйствовала дивизія Форжемоля. Нѣсколько разъ контингенты мятежниковъ сначала изъявляли покорность, а затѣмъ снова возставали противъ насъ. Генералу Ложеро приходилось со своими солдатами возвращаться въ тѣ мѣста, которыя они уже прежде занимали.

Смѣсь.

Въ зрительномъ залѣ театра Валгалла въ Берлинѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ директоровъ театровъ и другихъ приглашенныхъ лицъ, происходили опыты сжиганія матерій пропитанныхъ составомъ, изобрѣтеннымъ Кюльвейномъ. Инженеръ Кюльвейнъ изобрѣлъ составъ, который въ такой мѣрѣ предохраняетъ отъ сгоранія всякую матерію, что она горитъ только въ этомъ мѣстѣ, гдѣ къ ней непосредственно прикасается пламя, не передавая огонь на другія мѣста. Пропитывать этимъ составомъ можно платья и даже легчайшія газовыя матеріи, такъ какъ онъ не измѣняетъ ни цвѣта, ни мягкости ихъ. По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ продолжительность дѣйствія состава неограничена. Произведенные опыты указываютъ на прекрасныя качества состава. Спиртовая лампа въ 25 сантиметровъ вышины была поставлена у вертикальной занавѣски изъ легкаго тюля; пламя лампы прожгло только часть занавѣски, соотвѣтствующую формѣ лампы все-же остальное не было тронуто огнемъ. Затѣмъ, пламя держали у зубца вырѣзанной декораціи; зубецъ хотя и обуглился, но пламя не распространилось далѣе. Точно также было и съ кускомъ большой декораціи, подверженной дѣйствію огня. Къ куклѣ, одѣтой въ балетный костюмъ изъ газа, была поднесена лампа; пропитанныя составомъ матеріи, лежавшія одна поверхъ другой затушили сразу пламя. Затѣмъ, на проволоку были навѣшаны газовые костюмы пропитанные составомъ, въ перемежку съ костюмами не пропитанными и все вмѣстѣ зажжено. Все не пропитанное составомъ сгорѣло, а остальныя платья обуглились только тамъ, гдѣ къ нимъ прикасалось пламя. Доступъ воздуха благопріятенъ для состава. Не менѣе удачны были и опыты съ газовымъ пламенемъ. Связанный квадратный метръ газовой и тюлевой матеріи пропитанной составомъ, былъ положенъ на горящій газовой рожокъ, который тотчасъ погасъ и пламя не проникло черезъ матерію. Прекрасное изобрѣтеніе инженера Кюльвейна имѣетъ богатую будущность.

Почитаніе собакъ. Книга Зароастра, повѣствующая о многихъ любопытныхъ вещахъ, отводитъ собакѣ исключительное мѣсто въ обществѣ. По Зендавестѣ, собака въ прямой линіи происходитъ отъ Правителя міра, и заслуживаетъ почитанія вѣрующихъ. Въ книгѣ перечисляются и подробно описываются многочисленныя

породы собакъ. Ормуздъ — богъ добра у персіянъ—порицаетъ того кто бьетъ собаку; душа того послѣ смерти не находитъ покоя. Но кромѣ почитанія и оцѣнки заслугъ собаки, законодатель сравниваетъ ее почти съ человѣкомъ и устанавливаетъ для нея законы. Въ нихъ говорится: „Если собака укуситъ человѣка или животное въ первый разъ, то отрѣжь ей правое ухо, во второй разъ лѣвое ухо, въ третій перебей ей правую ногу, въ четвертый лѣвую ногу и въ пятый отрѣжь ей хвостъ; если и послѣ того собака не исправляется, то убей ее“. Вѣрующій, который неоднократно билъ и ранилъ собаку, умерщвляется. Собакамъ превосходно живется въ Персіи. Если собака голодаетъ, то вѣрующіе должны поторопиться накормить ее. Кто подаетъ собакѣ вредное или неподходящее кушанье—наказывается кнутомъ. Рожденіе щенковъ встрѣчается съ нѣкоторой торжественностью. До двухъ недѣль сторожатъ у нихъ помѣщенія. По прошествіи полугода щенковъ кормитъ молодая дѣвушка. Этимъ занятіемъ она пріобрѣтаетъ особенное уваженіе какимъ напр. пользуются жрецы, поддерживающіе священный огонь Ормузда.

Предостереженіе. Изъ Сагана пишутъ: Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ десятилѣтній сынъ господина Р. началъ жаловаться на боль въ печени. Такъ какъ боль не унималась и въ этомъ мѣстѣ образовалась припухлость, то позвали врача. По осмотрѣ ребенка врачъ объявилъ, что, по всей вѣроятности, собака лизала мальчика и глисты ея перешли къ нему и умѣстились около печени. Діагнозъ врача былъ вѣренъ. Мальчикъ былъ доставленъ въ Берлинъ и профессоръ Бардслебенъ въ присутствіи 20-ти другихъ врачей сдѣлалъ операцію и нашелъ около печени мѣшечекъ, въ которомъ было два литра воды и безчисленное множество собачьихъ глистовъ. Мальчикъ счастливо вынесъ операцію и силы его замѣтно возстанавливаются. Этотъ случай указываетъ какъ осторожно нужно обращаться съ собаками, не позволять имъ лизать себя и въ особенности дѣтей.

Изъ Австраліи привозятъ теперь въ Англію не только искусственно замороженное мясо, но также яблоки, груши, апельсины, орѣхи и виноградъ; все это такъ хорошо упаковывается, что не портится въ дорогѣ.

Подарокъ музея. Князь Филанджьери въ Неаполѣ подарилъ городу Неаполю свой музей, который перенесенъ въ историческій дворецъ Куомо. Музей оцѣнивается въ полтора милліона лиръ. Онъ состоитъ изъ собранія оружія XV и XVI столѣтій изъ оружія китайскаго, японскаго, малайскаго, индійскаго и др. изъ драгоцѣннаго собранія картинъ Доминикино, Луки-Джіордано, Тиціана, Мурильо, Робера, Ванъ-Дейка, Жерарь-Доу и Барочи, изъ прекрасныхъ работъ слоновой кости, рѣзьбы на деревѣ, древнихъ стеколъ, миніатюръ, монетъ, восточныхъ ковровъ, вѣеровъ, художественныхъ вещей изъ перламутра, эмали и коралловъ; мраморныхъ и бронзовыхъ бюстовъ и пр.

Еврейскія одалиски. Въ Европѣ мало извѣстно, что у евреевъ въ Аравіи, вышедшихъ изъ Палестины до разрушенія втораго храма, а потому и не знающихъ позднѣйшихъ постановленій Талмуда, у раввиновъ практикуется многоженство. Но во всякомъ случаѣ, съ извѣстными ограниченіями. Обыкновенно они берутъ двѣ жены, къ которымъ, съ разрѣшенія своихъ раввиновъ, прибавляются еще двѣ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ четыре. Двѣ первыя жены называются *супругами*—„санджа“, остальныя-же *одалисками* — „альма“. По истеченіи извѣстнаго времени, альмы дѣлаются санджами. Но всѣ шесть женъ должны быть непремѣнно обвѣнчаны и могутъ быть отосланы только послѣ полученія формальнаго разводнаго акта. (Тагарпръ). Жены также покупаются у родныхъ, но евреямъ запрещено вступать въ бракъ съ арабскими дѣвушками.

Дикія лошади развелись въ послѣднее время въ Австраліи въ такомъ количествѣ, что не знаютъ какъ отъ нихъ избавиться. Убиваютъ ихъ во множествѣ. Для мѣстныхъ фермеровъ это настоящій бичь; онѣ разоряютъ, вытаптываютъ поля и сады, кусаютъ и пугаютъ даже домашнихъ лошадей, которыя дичаютъ около нихъ и въ такомъ случаѣ пропадаютъ для хозяевъ. Для европейца выраженіе „охота на лошадей“ звучитъ какъ-то странно и кажется варварскимъ, но австралійскій колонистъ терпитъ отъ нихъ такъ много что только порохъ и свинецъ могутъ защитать его отъ ихъ опустошительныхъ для полей набѣговъ.

Постройка изъ папки. Журналъ „Архитекторъ“ сообщаетъ о предположеніи покрыть папкой куполъ колоссальнаго зданія суда въ Брюсселѣ, постройка котораго близится къ концу и который первоначально предположено было покрыть мѣдью. Вѣсъ купола будетъ равняться 26-ти тоннамъ.

Предосторожности отъ пожаровъ въ театрахъ. Берлинскій корреспондентъ „Times“ пишетъ отъ 18-го (30-го) декабря: сегодня въ присутствіи префекта полиціи, командира пожарной бригады и содержателей всѣхъ берлинскихъ театровъ, былъ сдѣланъ весьма интересный опытъ, съ выдаваемою за вновь изобрѣтенную „анти-пирогенною“ или противопожарною жидкостью, которая предназначается, если все, что говорятъ о ней, правда, изгнать воду какъ болѣе дѣйствительное средство противъ воспламененія. Занавѣсы, веревки, газъ, искусственные цвѣты, ковры, костюмы и другія театральныя принадлежности были пропитаны этою химическою жидкостью. Кажется, явилось даже два конкурента. Принесли факелы и стали поджигать театральныя принадлежности, онѣ только обугливались и тлѣли безъ пламени и переставали тлѣть тотчасъ какъ отнимались факелы, тогда какъ другіе предметы, не пропитанные этою „анти-пирогенною“ жидкостью, едва касался ихъ огонь, тотчасъ воспламенялись и мгновенно сгорали. Испытываемые предметы, надо правду сказать, были довольно долго намочены, раньше опыта, этою противопожарною жидкостью, но это нисколько не повредило свѣжести ихъ красокъ.

1-й заемъ 1864 года. 34-й тиражъ 2-го Января 1882 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
2	33	500	2172	45	500	4515	46	500	7258	3	500	10188	8	500	13214	11	500	15510	47	500	17388	10	500
26	14	1000	2196	35	500	4792	18	500	7439	10	500	10307	5	500	13325	44	500	15528	17	500	17502	35	1000
127	5	1000	2226	31	500	4907	47	500	7443	15	590	10386	23	500	13337	14	500	15553	13	500	17828	49	500
217	4	500	2313	23	500	4925	48	500	7519	33	500	10392	50	500	13141	19	500	15608	29	500	17902	32	590
276	7	500	2376	3	500	5040	1	500	7630	5	500	10393	38	500	13456	13	500	15831	6	500	17918	45	500
276	10	500	2409	41	590	5084	48	500	7638	17	500	10496	43	500	13492	32	500	15863	14	5000	17925	13	75000
397	13	500	2620	50	1000	5110	10	500	7649	14	500	10499	42	500	13558	44	500	15866	6	500	17945	8	500
412	40	500	2693	47	500	5117	10	5000	7791	25	500	10908	50	500	13621	31	500	15881	46	500	17960	32	509
462	17	500	2710	22	500	5131	41	500	7797	14	500	10987	28	500	13701	49	1000	16040	44	500	17965	28	500
489	10	500	2715	3	500	5380	28	8000	7916	4	500	11000	25	500	13706	33	500	16067	25	500	18035	2	509
566	40	500	2732	44	500	5456	39	500	8022	8	200000	11051	41	500	13713	46	500	16145	42	1000	18045	39	509
572	39	500	2816	19	500	5588	20	500	8137	12	500	11154	12	500	13797	42	500	16203	39	500	18093	37	500
608	42	500	2870	49	500	5666	22	500	8235	42	500	11203	47	8000	13927	40	10000	16203	42	500	18222	4	1000
623	2	500	2871	38	500	5703	35	500	8306	23	500	11233	20	1000	14002	12	500	16205	25	500	18388	6	5000
660	17	8000	2974	37	500	5784	22	500	8421	17	500	11235	14	590	14019	41	500	16315	40	500	18455	19	500
856	43	500	2995	14	500	5815	21	500	8489	28	500	11275	43	500	14146	23	500	16329	40	500	18467	17	500
867	39	500	3220	13	8000	5954	29	500	8544	26	500	11299	38	500	14180	44	500	16348	48	500	18480	34	500
900	43	500	3246	5	500	6002	48	500	8559	48	500	11325	6	500	14204	40	500	16396	27	500	18501	13	500
903	14	500	3280	44	500	6008	9	500	8560	16	500	11420	13	500	14373	40	500	16473	33	500	18775	43	500
960	23	500	3284	16	500	6099	17	1000	8747	36	500	11433	4	500	14494	38	500	16482	8	500	18776	32	500
974	7	500	3408	8	500	6176	1	8000	8749	13	500	11451	30	500	14533	11	500	16497	36	500	18908	25	500
1103	5	500	3409	6	500	6188	2	500	8861	49	500	11528	29	500	14582	37	1000	16548	50	500	19021	5	500
1201	43	500	3422	29	500	6203	39	500	8894	29	500	11725	19	500	14598	39	500	16572	2	500	19033	31	500
1238	41	500	3567	31	500	6216	16	1000	9007	33	500	11774	17	10000	14606	27	25000	16679	37	500	19092	43	500
1361	10	500	3586	15	500	6283	28	500	9185	42	500	11793	22	500	14625	40	500	16719	5	500	19172	7	500
1410	17	500	3642	3	500	6339	47	5000	9282	29	500	11847	8	500	14648	33	500	16734	12	500	19192	5	500
1444	5	1000	3690	16	500	6356	9	500	9343	29	1000	12231	2	500	14803	13	1000	16775	26	500	19229	3	5000
1522	17	500	3729	43	500	6406	48	10000	9408	28	500	12241	29	500	14818	49	500	16945	45	500	19315	48	1000
1559	44	500	3844	39	500	6545	11	500	9444	14	500	12547	45	500	14837	7	1000	17100	36	1000	19363	33	500
1593	24	500	3860	38	5000	6686	7	500	9668	7	500	12615	21	500	14947	34	500	17013	11	1000	19554	7	500
1611	49	500	3960	9	500	6769	25	500	9780	15	500	12628	13	500	15048	46	500	17026	7	500	19587	20	500
1628	1	500	4218	34	500	6785	30	500	9786	20	500	12709	12	500	15288	2	500	17029	25	500	19676	26	500
1736	27	500	4227	49	500	6924	8	500	9802	38	1000	12873	30	500	15328	6	500	17057	32	500	19684	13	500
1767	1	500	4300	23	500	7100	32	500	9886	47	500	12881	15	500	15386	42	500	17245	23	500	19697	17	500
1783	36	500	4335	31	500	7145	48	1000	9980	32	500	12911	46	500	15467	25	5000	17318	45	500	19743	34	500
1827	1	5000	4418	34	500	7146	17	500	10003	29	500	12999	22	500	15486	20	40000	17337	45	500	19783	47	500
1848	15	500	4432	17	500	7178	14	500	10100	50	500	13208	39	500	15502	47	500	17374	9	500	19926	10	500
2090	17	500	4485	37	500	7256	6	500	10104	3	500												

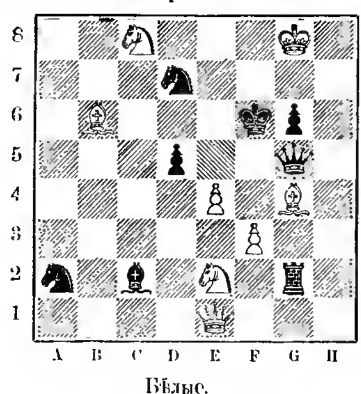
№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ.

548, 878, 966, 1029, 1021, 1328, 2584, 3009, 3183, 3247, 4078, 4371, 4501, 4543, 4751, 5405, 6082, 6266, 6540, 6654, 7154, 7438, 7660, 7888, 8038, 8486, 8763, 8931, 9156, 9211, 9434, 9568, 9643, 9648, 10402, 10230, 10258, 10291, 10410, 11071, 11426, 11774, 13201, 13290, 13505, 13546, 14108, 14395, 15019, 15282, 15509, 15623, 15946, 16131, 16207, 16522, 16528, 16829, 16893, 16982, 17086, 17374, 17720, 18110, 18205, 18785, 19209, 19278, 19512, 19871.

РЕБУСЪ задача № 3.

Шахматная задача № 4.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинають и выигрывають въ 3 хода.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ПОЛНОЕ ПРИДАНОЕ.

ОТЪ 450 ДО 800 РУБЛЕЙ.

Ротонда на лисьемъ мѣху съ куньей или голубоватаго песца пальто покрытая шолковой матеріей.

Манто ліонскаго бархата на гагачьемъ пуху и шолковой подкладкѣ, отдѣлано американскимъ скунксомъ или лучшимъ imitation котика.

Муфта подходящая къ отдѣлкѣ манто.

Пальто d'homme на лисьемъ или другомъ мѣху съ куньей отдѣлкой, покрытое трико.

Шапочка imitation котика.

ОТЪ 900 ДО 2,700 РУБЛЕЙ.

Ротонда на мѣху голубыхъ песцовъ, съ такою же шалью покрытая ліонскимъ бархатомъ.

Манто на норковомъ или олсньемъ мѣху, отдѣланное соболемъ, покрыто новѣйшей французской матеріей.

Муфта соболья, подходящая къ отдѣлкѣ манто.

Пальто d'homme на лисьемъ мѣху, покрытое французскимъ драпомъ, отдѣланное камчатскимъ бобромъ.

Шапочка настоящаго американскаго котика.

Sortie de Bal бѣлаго кашемира, отдѣланное марабу.

ОТЪ 1,500 ДО 7,000 РУБЛЕЙ.

Ротонда на мѣху сибирскихъ соболей, съ такой же шалью, покрытая высокимъ ліонскимъ бархатомъ.

Манто visite шелковаго плюша или бархата broché, на гагачьемъ пуху и шолковой подкладкѣ, отдѣланное черно-серебристой лисицей.

Муфта fantaisie, отдѣланная черно-серебристой лисицей.

Пальто d'homme на лисьемъ мѣху, покрытое драпомъ, отдѣланное камчатскимъ бобромъ.

Шапочка настоящаго американскаго котика.

Sortie de Bal бѣлаго сисильена.

ОТЪ 2,000 ДО 5,500 РУБЛЕЙ.

Ротонда на высокомъ черно-буромъ мѣху съ шалью черно-серебристой лисицы, покрытая широкимъ ліонскимъ бархатомъ.

Манто для визитовъ, на куньемъ мѣху, покрытое новѣйшей шолковой матеріей broche или плюшемъ, отдѣланное сибирскими соболями.

Муфта сибирскихъ соболей, подходящихъ къ манто.

Манто для прогулки, на гагачьемъ мѣху и цвѣтной шолковой подкладкѣ, покрытое шолковымъ матласе, отдѣланное американскимъ котикомъ.

Муфта fantaisie, подходящая къ манто.

Шапочка американскаго котика.

Пальто d'homme, на лисьемъ мѣху, покрытое французскимъ драпомъ, отдѣланное камчатскимъ бобромъ.

Шапочка камчатскаго бобра.

Sortie de Bal ліонской шолковой матеріи.

ОТЪ 3,500 ДО 12,000 РУБЛЕЙ.

Ротонда на мѣху черно-серебристыхъ лисицъ съ черно-лисьей шалью, покрытая широкимъ чернымъ или цвѣтнымъ бархатомъ, спеціально по заказу нашему въ Ліонѣ выработаннымъ.

Манто visite ліонскаго чернаго или цвѣтнаго бархата, вышитое гладью, на мѣху сибирскихъ соболей, отдѣланное высшаго сорта соболями.

Муфта высшихъ сибирскихъ соболей.

Манто de promenade, velour frappé, шолковаго плюша или другой новѣйшей французской матеріи, на гагачьемъ пуху и цвѣтной шолковой подкладкѣ или плюшѣ, отдѣланное чернымъ съ просѣдью камчатскимъ бобромъ.

Манто роскошное, на шелковомъ плюшѣ, съ новѣйшими отдѣлками и къ оному какъ послѣдняя новость **боа** сибирскихъ собольихъ хвостовъ.

Муфта fantaisie съ самой причудливой отдѣлкой.

Шапочка новомодная съ соотвѣтствующей отдѣлкой.

Пальто d'homme на лисьемъ мѣху, покрытое французскимъ драпомъ, отдѣланное настоящимъ американскимъ котикомъ.

Шапочка настоящаго американскаго котика.

Ротонда на мѣху бѣлыхъ тибетскихъ козъ, покрытая ліонскимъ бархатомъ, также velour broché.

Sortie de Bal замѣчательной роскоши.

МѢХА всѣхъ сортовъ отъ дешевыхъ до высшихъ цѣнъ. ШУБЫ и ПАЛЬТО какъ мужскія такъ и дамскія, готовыя и по заказу, всѣхъ цѣнъ и размѣровъ.

Гг. ИНОГОРОДНЫЕ БЛАГОВОЛЯТЪ ОПРЕДѢЛИТЬ СЛѢДУЮЩІЙ РАЗМѢРЪ: длину отъ шва воротника до таліи и всего роста, длину рукава, объемъ вокругъ груди, таліи и турнюра; вѣрнѣй же прислать лифъ платья.

Въ торговомъ домѣ: Н. Б. ЭГГЕРСЪ. На Кузнецкомъ мосту въ Москвѣ.

Л. № 1851

СЕМЬЯ И ШКОЛА иллюстр. дѣтскій и педагогич. журналъ въ 1882 г. (XII годъ изданія) подп. ц. съ дост. и перс.: **Полный же.** (оба отдѣла) **12** р. или отдѣльно: 1) **Иллюстр. отд. для дѣтей** (12 №№) 10 р. 2) Учебно-воспит. отдѣлъ съ Педагогич. Хроникою (10 №№ ж. и 40 №№ Пед. Хр.) **5** р. Адресовать: въ контору журнала „Семья и Школа" (адресъ почтамту извѣстенъ). № 1846 5—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

„БУДИЛЬНИКЪ",

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ РИСУНКАМИ И КАРРИКАТУРАМИ.

18-й годъ изданія

Въ 1882 году „Будильникъ" будетъ выходить, на прежнихъ основаніяхъ, **еженедѣльно** (50 нумеровъ въ годъ), тетрадями отъ 1½ до 2½ листовъ большаго формата. Въ каждомъ нумерѣ читатели **найдутъ** отъ 4 до 6-ти **хромолитографированныхъ**, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, рисунковъ и отъ 15 до 20 столбцовъ текста, что составитъ въ годъ два большіе тома, содержащіе **не менѣе 250 хромолитографій и до 1000 столбцовъ текста** самаго разнообразнаго содержанія.

Цѣлый рядъ капитальныхъ, потребовавшихъ не малыхъ трудовъ и затратъ, улучшеній, предпринятыхъ въ „Будильникѣ" еще съ конца 1881 года, даетъ, собственно говоря, право его редакціи отказаться отъ поднесенія подписчикамъ такъ называемыхъ „премій"; тѣмъ не менѣе, желая сохранить обычай доброй старины, она предлагаетъ своимъ **годовымъ** подписчикамъ слѣдующіе роскошные подарки на новый 1882 годъ:

1) Большую альбертотипію (работы гг. Шереръ и Набгольцъ, въ Москвѣ) **съ новой** картины **В. Е. Маковскаго**, спеціально для этого заказа воспроизведенной самимъ художникомъ,—**„Дѣловое утро"**.

2) Альбомъ рисунковъ **К. Н. Чичагова: „Нашъ вѣкъ"**.—коллекція героевъ (типовъ) современной намъ эпохи: 1) кассиръ,—2) концессіонеръ,—3) журналистъ,—4) спиритъ,—5) саврасъ безъ узды,—6) адвокатъ,—7) подрядчикъ,—8) пиковая дама,—9) донъ-Жуанъ,—10) ростовщикъ,—11) кулакъ-міроѣдъ,—12) думецъ.

Альбомъ и альбертотипія будутъ разосланы **годовымъ** подписчикамъ вмѣстѣ съ первымъ № „Будильника" 1882 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „БУДИЛЬНИКЪ":

въ Москвѣ безъ доставки, на годъ	7 р. на полгода	4 р. — к.
„ „ съ доставкою на домъ	8 „ „ „	4 „ 50 „
съ пересылкою въ Петерб. и пров.	9 „ „ „	5 „ — „

Лица, доплачивающія къ подписной суммѣ **одинъ рубль**, получатъ **Альманахъ „Будильника" на 1882 годъ** (IV-й г. изд.), въ который, между прочимъ, войдетъ **ребусъ**, за разгадку котораго до 1 марта 1882 года **редакція „Будильника" объявляетъ денежную премію въ 400 рублей.**

Контора редакціи покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ **торопиться** заявленіемъ своихъ требованій, во избѣжаніе задержки первыхъ №№ журнала. Денежные пакеты адресуются на имя **Л. Н. Утиной: Москва, Леонтьевскій пер., д. Мичинера,** отдѣленіе конторы „Будильника" находится при Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ **Л. Метцль** въ Москвѣ, Петровка, домъ Солодовникова. Н. № 1840 3—2

Пригласительные билеты

на свадьбу и обручальныя карточки въ новѣйшемъ вкусѣ.

Меню и столовыя карточки въ большомъ изящномъ выборѣ.

Иногородные заказы исполняются въ самомъ скорѣйшемъ времени. Артистическое Гюропечатное заведеніе **Вильяма Кене и К°** Спб., Большая Морская 32. № 1859 2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1882 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ".

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:		Съ пересылкою въ города:	
На 12 м. 8 р. 50 к.	На 6 м. 4 р. 50 к.	На 12 м. 9 р. — к.	На 6 м. 5 р. — к.
„ 11 „ 8 „ — „	„ 5 „ 3 „ 90 „	„ 11 „ 8 „ 50 „	„ 5 „ 4 „ 60 „
„ 10 „ 7 „ 50 „	„ 4 „ 3 „ 25 „	„ 10 „ 8 „ „	„ 4 „ 3 „ 70 „
„ 9 „ 6 „ 75 „	„ 3 „ 2 „ 50 „	„ 9 „ 7 „ 40 „	„ 3 „ 2 „ 75 „
„ 8 „ 6 „ — „	„ 2 „ 1 „ 90 „	„ 8 „ 6 „ 70 „	„ 2 „ 2 „ „
„ 7 „ 5 „ 25 „	„ 1 „ 1 „ — „	„ 7 „ 5 „ 90 „	„ 1 „ 1 „ 10 „

За границу: на 12 м. **17** р., на 6 м. **9** р., на 3 м. **5** р., на 1 м. **2** р.

Подписка принимается въ конторѣ изданія Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Ч. П. Ланина, въ отдѣленіи конторы—близъ Петровки, Столешниковъ пер., д. Карзенкина, въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Спб., и въ Парижѣ—**Rue Clément. 4, Adam**

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія „РУССКІЙ КУРЬЕРЪ"

№ 1681 10-9

Редакторъ-Издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.**

---

1 января вышелъ № 1-й дѣтскаго журнала

„РОДНИКЪ".

Содержаніе: Родники стих. **А. В. Круглова.** Дѣдушка—Буранъ. бабушка—Пурга **Н. Н. Каразина** (съ карт.). Два человѣка **М. Б. Чистякова** (съ карт.). Очерки изъ исторіи Россіи **Н. А. Бѣлозерской.** Павлинъ **Е. А. Сысоевой** (съ карт.). Старушка, стихот. **А. В. Круглова.** Персія (къ картинкѣ). Наше житье **В. М. Сорокина** (съ рисунками). **Смѣсь:** Русскій человѣкъ—художникъ. Думаютъ и животныя. Замѣчательное число. Александръ Македонскій и африканскій царь. Начало газоосвѣщенія. Петръ Великій у голландскаго крестьянина. Подвигъ 12-и лѣтняго мальчика. Загадки.

Журналъ **„РОДНИКЪ"** (бывшій „Воспитаніе и Обученіе") рекомендованъ Собственной Е. И. В. Канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи, **какъ весьма полезный для низшихъ классовъ женскихъ институтовъ и гимназій.**

„РОДНИКЪ" выходитъ 1 числа каждаго мѣсяца, книжками **отъ 6 до 7 печ. лис.**, а приложеніе къ нему—педагог. сборникъ „Воспит. и Обуч."—3 раза въ годъ, отъ 5 до 6 лис. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на одинъ **„РОДНИКЪ"** 5 р., а съ приложеніемъ педаг. сбор. 6 р. въ годъ; на одинъ сборникъ 2 р. Подписка принимается: въ С.-Петерб., Спасская ул., д. № 1.

№ 1850 1—1

Редакторъ-издательница Е. А. СЫСОЕВА.

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ ЗОЛОТЫЕ ДАМСКІЕ ЧАСЫ

заводящіеся безъ ключа (въ ручку).

Анкерные, закрытые на 15 камняхъ 75, 80 и 85 руб. (смотря по вѣсу золота въ корпусѣ). Такіе же 1-го сорта съ брегетовскимъ волоскомъ 95, 100, 110 и 125 руб.

Тоже высшаго достоинства съ указательнымъ маятникомъ отъ 165 до 275 руб.

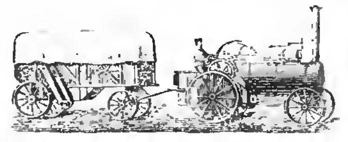
съ ручательствомъ на 2 года въ магазинахъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23, противъ большой Конюшенной. Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Картельемъ).

Пересылка на счетъ магазиновъ.

Подробные прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно. № 1506 10—4



Имѣются всевозможныя земледѣльческія машины въ большомъ выборѣ

ВЪ СКЛАДѢ

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ ОРУДІЙ и МАШИНЪ

МАЛЬЦОВСКАГО

П. Т. Товарищества

въ Москвѣ

у Красныхъ воротъ по Садовой собств. д. Каталоги высылаются безплатно.

№ 1849 2—1

Новое привиллегированное изобрѣтеніе!!!

СВѢТО-МАГНИТНАЯ

ЛАМПА

даетъ свѣтъ безъ огня. При употребленіи никакіе матеріалы и поэтому никакіе расходы ненадобны. Чрезвычайно важно для всѣхъ нефтяныхъ и спиртовыхъ складовъ деревянныхъ зданій, конюшень и т. п.

Единственная продажа для всей Россіи въ конторѣ Новаго переносскаго газоваго освѣщенія **А. Юнгъ и Комп.** по Екатерининскому каналу № 12, близъ Невскаго проспекта, въ С.-Петербургѣ.

Прейсъ-куранты посылаются безплатно. Торговцамъ даютъ скидки. Ищутъ агентовъ во всѣхъ городахъ Россіи. № 1852

Совершенно отличительнаго качества

далматская ромашка

ОТЪ ВСѢХЪ НАСѢКОМЫХЪ

у Р. КЕЛЕРЪ и К°. въ Москвѣ

П. № 1813 5—1

Итальянскія струны

Неаполитанскія, Римскія и знаменитыя Падуанскія КВИНТЫ (единственный агентъ для Москвы)

П. Юргенсонъ.

Коммиссіонеръ Имп. Русск. Музык. Общ. и Консерваторіи

МОСКВА (Неглинный пр. 10).

№ 1660 3—2

Спеціальность,

пломбированіе золотомъ, вставленіе искусственныхъ зубовъ на золотѣ и каутчукѣ, не выдергивая корней.

Зубной врачъ А. КРАМЕРЪ,

уголъ Тверской и Газетнаго переул., домъ Голяшкина, квар. № 30. Пріемъ отъ 10 до 5 ч. веч. П. № 1856 1—1

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

НОВЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

ПОМАДЫ, ФИКСАТУАРЫ, МАСЛО ДЛЯ ВОЛОСЪ, УМЫВАНІЕ ДЛЯ ВОЛОСЪ ВІОЛЕТЪ.

ДУХИ: **Эссъ Віолетъ, Эссъ Буке, Опопонаксъ, Бриза де-ласъ-Пампасъ, Иланъ-Иланъ, Майглекхенъ (Ландышъ), Бѣлый Геліотропъ**; другіе приготовляются.

Шампуйнь для мытья головы (Мыльная эссенція).

Туалетная Вода, Кольдъ-Кремъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ,

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ**, д. № 32, Католической церкви.
2) **Невскій проспектъ**, у Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій проспектъ**, уголъ Казанской ул., домъ № 18—51, Шредера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою **С.-Петербургской Химической Лабораторіи**, ей не принадлежатъ. № 1795

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

ПОЭМА Джона Мильтона.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами **Густава Дорэ**. Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р. съ перес. въ ящикѣ 30 р. въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р. съ пересылкою въ ящикѣ 35 р. **Подписчикамъ „Нивы“ на 1881 г. дѣлается уступка 5 руб.**

Самый полный и дешевый ежемѣсячный иллюстрированный

ЖУРНАЛЪ для ДѢТЕЙ.

Полное изданіе 24 книжки въ годъ—8 р.: старшій возрастъ, 12 книжекъ въ годъ 4 р.; младшій возрастъ, 12 книжекъ въ годъ—4 р. съ доставкою и пересылкою.

ПРЕМІИ каждому 25-му подписчику по выбору: годовое изданіе журнала за 1881 годъ, олеографическая картина или роскошно изданная книга.

Подписка принимается на 1882 г. въ конторѣ редакціи въ Москвѣ, (Спасская Садовая, Докучаевъ переулокъ, д. Шорина) и у всѣхъ книгопродавцевъ. П. № 1857 2—1

ВЪ ДЕПО МАШИНЪ

ТОВАРИЩЕСТВА

Буркгардъ и Урлаубъ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, № 29

Москва, Мясницкая, д. Сытова.

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ:

молотилки отъ 75 руб., вѣялки-сортировки отъ 35 р., сѣнныя пресса, уравнители дорогъ, мельницы, кирпичные пресса, плуги, кукурузоотборныя машины, соломорѣзки отъ 20 р. и проч. земледѣльческія машины.

КРОМѢ ТОГО ПРЕДЛАГАЕМЪ

насосы и пожарныя трубы собственной фабрики отъ 18 рублей до 350 рублей и

машины всякаго рода

для оборудованія заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ.

Иллюстр. каталоги по востребованію.

№ 1739 Фирма основана 1870 года 6—5

ПЕЧИ ДАВЫДОВА.

Печи переносныя: кафельныя, въ желѣзныхъ оболочкахъ и кухонные очаги, разныхъ видовъ и величинъ, пріученныя ко всякимъ растительнымъ и минеральнымъ топливамъ, можно получить въ совершенно готовомъ видѣ, съ пересылкою по Россіи и заграницу, въ единственной фабрикѣ печей самого изобрѣтателя О. Д. Давыдова С.-Петербургъ, уголъ 7-й ул., и Греческаго прос., Песковъ д. № 31—2 № 1768 10—5

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„ВАСИЛІЙ КЛИМУШИНЪ“

имѣетъ честь увѣдомить гг. потребителей и торгующихъ чаями нашей фирмы, что **цѣны и условія** продажи чаевъ **оптомъ и въ розницу остаются прежнія**, безъ измѣненія и **на предстоящій 1882 годъ.**

Прейсъ-курантъ нашъ немедленно высылается по требованію.

При этомъ считаемъ нелишнимъ замѣтить, что вывезенные въ текущемъ году изъ Китая чаи состояли преимущественно изъ среднихъ и низкихъ сортовъ. Что-же касается до высшихъ и лучшаго достоинства чаевъ, то количество таковыхъ было весьма ограниченное. Вслѣдствіе такого обстоятельства намъ было-бы весьма затруднительно сдѣлать сообразно нашей торговлѣ достаточные запасы и удержать нашимъ чаямъ прежнія цѣны, **если бы между большинствомъ торгующихъ чаями не было сбыта среднихъ и низкихъ сортовъ китайскихъ, такъ же какъ и японскихъ, явскихъ и индѣйскихъ чаевъ.** Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ требованія на высшіе сорта не могли быть велики, а потому они и не могли повыситься въ цѣнахъ, что и дало намъ возможность сдѣлать значительные запасы чаевъ и удержать имъ прежнія цѣны.

АДРЕСЫ НАШИХЪ МАГАЗИНОВЪ:

Въ **Москвѣ** 1) главный у Боровицкихъ воротъ, 2) на Тверской, въ д. Сазикова и 3) на Варваркѣ, въ д. Знаменскаго монастыря.

Въ **С.-Петербургѣ** Михайловская, д. Европейской гостинницы.

Въ **Варшавѣ** Цѣдзалая и Вержбовая улицы.

Въ **Кіевѣ** на Крещатикѣ и Подолѣ.

Въ **Харьковѣ** Николаевская площадь, домъ бывш. Грановскаго.

Въ ярмаркахъ **Нижегородской** 1) Малый Овощный рядъ, №№ 2 и 3, 2) на Шоссе №№ 49, 50. Въ **Урюпинѣ** (З. В. Д.) въ Воронежскомъ хрустальномъ корпусѣ №№ 9, 10, 11 и 12. Въ **Симбирской**; въ **Ростовѣ** (Ярославской губ.), во всѣхъ **Украинскихъ** и **Ярмолинцахъ**.

ВООБЩЕ ЧАИ ТОРГОВАГО ДОМА МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ПОСТОЯННО

въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Орлѣ, Костромѣ, Саратовѣ, с. Бековѣ, Бузулукѣ, въ с. Барскомъ, Нижне-Уральскѣ, Оренбургѣ, Ташкентѣ, Царицынѣ, Сарептѣ, въ ст. Нижне-Чирской, Усть-Медвѣдицкой, Черномъ-Ярѣ, Енотаевскѣ, Астрахани, Дербентѣ, Шемахѣ, Кубѣ, Владикавказѣ, Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Баку, Керчи, Симферополѣ, Таганрогѣ, Ростовѣ-на-Дону, Валуйкахъ, Ефремовѣ, Орлѣ, Курскѣ, Конотопѣ, Кролевцѣ, Золотоношѣ, Ромнахъ, Нѣжинѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Глуховѣ, Ямполѣ, Переяславлѣ, Кременчугѣ, Елисаветградѣ, К.-Подольскѣ, Винницѣ, Проскуровѣ, Летичевѣ, Измаилѣ, Хотинѣ, Бельцахъ, Бессарабской обл., Житомірѣ, Сквирѣ, Бердичевѣ, Бѣлой Церкви, Смѣлѣ, Городищѣ, Новгородѣ, Боровичахъ, Псковѣ, Люблинѣ, Ломжѣ, Радзинѣ, Сувалкахъ, Ковнѣ, Россіенахъ, Шавляхъ, Поневѣжѣ, Гроднѣ, Бѣлостокѣ, Бѣльскѣ, Брестъ-Литовскѣ, Могилевѣ, Минскѣ, Несвижѣ, Новогрудкѣ, Вильнѣ и другихъ городахъ.

Во всѣ мѣста ЧАИ ОТПУСКАЮТСЯ исключительно изъ ГЛАВНАГО СКЛАДА въ Москвѣ, у Боровицкихъ воротъ.

№ 1848

Дозволено цензурою. СПБ. 7 января 1881 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ — годъ XIII

№ 3 — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 мод. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 16 Января 1882 г. Цѣна этаго №„Нивы" 15 к. съ перес. 20 к

Открыта Подписка на 1882 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ".

Безъ доставки въ Петербургѣ **4 р.** | Съ доставкою въ Петербургѣ **5 р. 50 к.** | Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Московское отдѣл. конторы „Нивы" въ конторѣ Н. Н. Печковской, домъ Петровскихъ Торгов. линій. **5 р.** | Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . **6 р.**

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Видъ горы Олимпъ въ Греціи (въ Өессаліи). Рис. Өеоксапи, грав. Мель.

Гора Олимпъ въ Өессаліи.

Вершины высокихъ горъ, часто покрытыя облаками какъ бы таинственною завѣсою, всегда возбуждали въ первобытномъ человѣкѣ какой то необъяснимый ужасъ и благоговѣніе; здѣсь онъ обыкновенно помѣщалъ жилище своихъ боговъ; отсюда слышались ему вѣщіе голоса, то милостивые, то грозные и сіялъ яркій свѣтъ надежды и утѣшенія въ минуты отчаянія или горя. Такой культъ горъ существовалъ и у первоначальныхъ обитателей Греціи, которые считали вершину Олимпа мѣстомъ пребыванія какъ самого Юпитера, такъ и всего подвластнаго ему божественнаго ареопага.

Этотъ Олимпъ, — дѣйствительно самая высокая гора во всей Греціи—лежитъ на границѣ сѣверной Өессаліи и Македоніи, въ 3-хъ верстахъ отъ Өермопильскаго залива, возвышается она болѣе чѣмъ на 9000 футовъ и образуетъ совершенно особую, выдающуюся по своей формѣ возвышенность среди цѣпи другихъ горъ, и между прочимъ Оссы и Пеліона, часто упоминаемыхъ у Гомера на ряду съ Олимпомъ. Такъ въ Одиссеѣ разсказывается, что Гиганты, сыны Земли, угрожая богамъ, старались взвалить Оссу на Олимпъ а Пеліонъ на Оссу, чтобы такимъ образомъ добраться до небожителей. Но кромѣ значенія религіознаго, Олимпъ по самому своему положенію на порогѣ Греціи, имѣлъ еще важное значеніе стратегическое; такъ во время первыхъ переселеній дикихъ племенъ на почву Эллады всѣ они прошли этимъ горнымъ путемъ; здѣсь же встрѣтили они первый отпоръ кореннаго населенія и отдыхали послѣ долгой и утомительной дороги. Затѣмъ Олимпъ пріобрѣлъ громкую историческую извѣстность въ эпоху могущества Македоніи, служа главной ареной ея борьбы противъ Грековъ и особенно противъ Римлянъ.

Въ средніе вѣка снова пролагаютъ здѣсь себѣ путь новые переселяющіеся народы, но затѣмъ Олимпъ очень долго не играетъ никакой роли во всемірной исторіи; лишь въ болѣе близкое къ намъ время, въ эпоху отчаянной борьбы Грековъ съ Турками, онъ снова дѣлается извѣстнымъ какъ послѣдній оплотъ непобѣжденнаго народа, гдѣ по словамъ новогреческихъ пѣсенъ врагъ около каждаго куста встрѣчалъ страшнаго для него Клефта.

Теперь кругомъ Олимпа все тихо и покойно и у его подножія мирно процвѣтаютъ множество мелкихъ греческихъ селеній, а нѣсколько выше раскинулся небольшой монастырь во имя св. Діонисія. Что же касается до верхней части горы то она совершенно пустынна; здѣсь встрѣчаются лишь одни громадные, горизонтальные пласты сѣраго мрамора, образующіе иногда то остроконечные выступы то глубокія впадины, въ которыхъ сохраняется снѣгъ почти въ продолженіи цѣлаго года. Рисунокъ нашъ очень вѣрно изображаетъ видъ горы съ южной стороны.

На самой вершинѣ Олимпа построена теперь небольшая часовня во имя пророка Иліи, въ которой лишь разъ въ годъ совершается божественная служба. Въ древности здѣсь возвышался жертвенникъ Юпитеру Олимпійскому и жрецъ дважды въ годъ приходилъ сюда, чтобы принести ему торжественную жертву. Впрочемъ впослѣдствіи, когда греческія племена значительно разселились, Олимпъ уже утратилъ свое первенствующее религіозное значеніе; каждое племя хотѣло имѣть свой собственный Олимпъ и четырнадцать горъ Греціи удостоились этаго священнаго названія. Теперь Олимпъ конечно грекамъ не внушаетъ ни прежняго благоговѣнія, ни ужаса, но суевѣрный Клефтъ все таки признаетъ за нимъ разныя чудодѣйственныя свойства; по его убѣжденію, воздухъ этой горы сообщаетъ бодрость тѣлу, излѣчиваетъ опасныя раны и придаетъ силы для новой битвы. Даже въ заговорахъ не забываетъ древній грекъ упомянуть объ Олимпѣ, на вершинѣ котораго, по его вѣрованію, таинственно была сокрыта судьба каждаго человѣка.

Подъ землею.

повѣсть.

Н. К. Лебедева (Н. Морскаго).

(Продолженіе).

Христина Карловна дѣйствительно отложила свою работу въ сторону и слѣдила за разсказомъ Засѣкина со вниманіемъ. Ободренный вниманіемъ дамъ, онъ продолжалъ съ большей увѣренностью:

— Домъ этотъ принадлежалъ его дѣду, сосланному на поселеніе въ Сибирь за что-то. Его отецъ, родившійся въ годъ ссылки дѣда—жилъ и умеръ въ Сибири. Онъ тоже родился тамъ и могъ вернуться только тогда, когда при восшествіи на престолъ Императора были прощены ссыльные. Вы понимаете, сколько прошло лѣтъ— и его утвердить въ правахъ наслѣдства не легко...

— Слѣдовательно онъ и пріѣхалъ сюда за этимъ и объ этомъ совѣтовался съ вами?

— Не совсѣмъ... Онъ пріѣхалъ затѣмъ, чтобы въ уединеніи и тишинѣ лучше отдаться своей работѣ. Неудобствъ для него не существуетъ. Онъ энтузіастъ, онъ фанатикъ...

— Что-жь, онъ сдѣлалъ свое открытіе?

— Да... И вотъ теперь-то именно онъ и желалъ бы продать этотъ домъ, что бы съ помощью вырученныхъ отъ продажи денегъ имѣть возможность дать своему открытію ходъ.

— Что-жь вы посовѣтовали ему?

— Я посовѣтовалъ бросить это дѣло. Въ правахъ наслѣдства ему, по моему мнѣнію, нечего утвержаться: родовыя имѣнія пошли за долги, остался только этотъ домъ, а это—руины. Онъ больше заплатитъ разнымъ ходатаямъ, чѣмъ выручитъ за продажу дома, ибо въ нашемъ городѣ цѣны на дома невысокія... Онъ ушелъ отъ меня,—заключилъ Засѣкинъ свой разсказъ,—до такой степени ошпаренный моими словами, что чуть не плакалъ... Вѣрно надежда на продажу дома была сильна.

— Была сильна... какъ-то задумчиво повторила Эрминія за молодымъ человѣкомъ, устремивъ глаза на слегка вздрагивающее пламя лампы, а затѣмъ, все не сводя своихъ прелестныхъ глазъ съ пламени—вспомнила: да, вы не сказали въ чемъ заключается изобрѣтеніе этаго молодаго человѣка?

И одинаково съ теткой была удивлена, когда Засѣкинъ далъ слѣдующій отвѣтъ:

— Онъ изобрѣлъ поющую лампу.

— Поющую лампу? удивленно раскрыла глаза Эрминія, тогда какъ Христина Карловна еще разъ, заинтересованная разсказомъ, отложила на время работу.

— Именно... Лампа—ужь не умѣю вамъ сказать какимъ образомъ это у него устроено—высотою свистка даетъ знать о приближеніи опасности отъ чрезмѣрнаго накопленія въ шахтѣ рудничнаго газа... Болѣе въ этомъ отношеніи—ничего не могу вамъ сообщить... Открытіе кажется могло бы имѣть будущность и въ особенности не у насъ, а за границей. Эти господа, они вѣчно придумаютъ что нибудь неподходящее...

Эрминія перестала какъ бы его слушать, снова задумалась, такъ что на время въ комнатѣ воцарилось молчаніе, которое нарушила Христина Карловна. Принимаясь за оставленное вязанье—она сентенціозно и съ важностью произнесла.

— Да, молодымъ и даровитымъ людямъ трудно подвизаться на поприщѣ науки.

Эрминія встрепенулась и смѣющимися глазами посмотрѣла на тетку, снисходительно ободряя ее:

— Почти невозможно, но...

И недосказавъ, приложила палецъ къ губамъ, какъ бы призывая себя къ молчанію, а затѣмъ повернулась къ Засѣкину и весело сказала:

— Вы мастеръ развлекать—моя скука прошла... Но знаете: вы должны еще для меня сдѣлать кое что...

— Что-же именно? отозвался онъ съ полнѣйшею готовностью.

— Познакомьте меня съ этимъ молодымъ человѣкомъ. Поѣзжайте къ нему и привезите его сюда... Я этаго хочу.

Засѣкинъ задумался:

— А если онъ не поѣдетъ?.. Тогда что?

— Тогда,—Эрминія встала съ дивана и рѣшительно блеснула глазами:—тогда я поѣду къ нему сама... А

теперь,—шутливо закончила она.—я васъ отпускаю, вы мнѣ болѣе не нужны, merci... Привезите же ко мнѣ вашего ученаго и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

Откланиваясь, Засѣкинъ спросилъ:

— Если онъ поѣдетъ, за что не ручаюсь, въ какое время дня удобнѣе привезти его?

— Отъ девяти часовъ утра до двѣнадцати ночи... Устройте же это, голубчикъ... Вы кажется мастеръ на всѣ руки... Прощайте.

Очутившись снова въ пріемной, Засѣкинъ припомнилъ всѣ обстоятельства сопровождающія ново-пріобрѣтенное имъ знакомство съ губернаторской племянницей, нѣкоторую эксцентричность послѣдней, безцеремонность ея обращенія, слезы во время его игры и припомнивъ все это, невольно пришелъ къ заключенію, что въ пущенной по городу характеристикѣ губернаторскаго дома какъ Бедлама, если не всецѣло заключалась истина, то ужъ извѣстная доля истины несомнѣнно имѣлась. Остроумная предводительша права!

VI.

Сирота.

Первоначальнымъ намѣреніемъ Пашеньки было, если бы ей удалось благополучно вернуться изъ своего опаснаго ночнаго визита въ заброшенный домъ, утромъ, когда всѣ проснутся, подробнѣйшимъ образомъ изложить свое путешествіе, всѣ ужасы и страсти, которые ей довелось во все время испытать. Едва-ли даже перспектива подобнаго заманчиваго разсказа не представляла самаго пріятнаго во всемъ предпріятіи; но къ удивленію своему Пашенька такого удовольствія себѣ не доставила а когда въ слѣдующее за ночнымъ визитомъ утро, сошлась со своими домашними, то не сказала ни слова о томъ, что добровольно испытала въ эту ночь. Почему это такъ случилось, Пашенька сама хорошенько не знала и не умѣла себѣ объяснить. Заранѣе создавъ въ головѣ какой-то неясный контуръ разсказа, заключающаго въ своемъ основаніи нѣчто совершенно иное нежели то, что случилось на самомъ дѣлѣ, Пашенька непонятно почему чувствовала себя стѣсненною въ передачѣ новыхъ чертъ, совершенно измѣняющихъ основное содержаніе разсказа, а потому и не передала таковаго своимъ собесѣдникамъ. Свидѣтелей же ея ухода и возвращенія не было никого, ибо какъ она вышла изъ дому и какъ вернулась—не видѣлъ никто.

Но если Пашенька не расширила свѣдѣній своихъ ближнихъ о таинственномъ домѣ, то въ ближайшее утро это удалось сдѣлать проницательной Пелагеѣ Карповнѣ. Окончивъ утренній чай, почтенная дама чрезвычайно удобно устроилась въ залѣ у одного изъ выходящихъ на улицу оконъ съ вязаньемъ, нѣсколько сдвинувъ цвѣточные горшки въ сторону, чтобы растенія не могли препятствовать смотрѣть на прохожихъ. Пелагея Карповна подосадовала только на то, что противъ-то высится какая-то необитаемая развалина, а не благородный домъ, на окна котораго ужъ конечно было бы интереснѣе смотрѣть, чѣмъ на окружающій языковскія палаты заборъ. Оставалось надѣяться на прохожихъ, но ихъ въ довольно глухой улицѣ было не много и отъ десяти почти до часу—изъ интересныхъ прошелъ только священникъ, съ попадьей въ лиловомъ атласномъ салопѣ старомоднаго фасона и больше никого.

Но въ началѣ втораго Пелагея Карповна была до такой степени поражена и изумлена неожиданнымъ событіемъ, что положительно не могла усидѣть на мѣстѣ, вскочила на ноги, сдернула съ носа большіе въ серебряной оправѣ очки, въ которыхъ по старческой дальнозоркости имѣла обыкновеніе работать, протерла глаза и вся уставилась въ окно. Какъ бы не довѣряя собственному зрѣнію, она на мгновеніе оглянулась вокругъ, но видя что въ комнатѣ никого кромѣ ея нѣтъ, поспѣшила прильнуть къ стеклу, прошептавъ:

— Господи, да что-же это?!

Дѣйствительно было чему удивиться. Къ дому, въ которомъ никто не жилъ, подкатили парныя сани, остановившіяся у полуразрушеннаго подъѣзда. Изъ саней, какъ отлично разсмотрѣла Пелагея Карповна, выскочилъ молодой человѣкъ, прекрасно одѣтый, и выскочивъ помогъ выйти молодой женщинѣ, одѣтой во все черное, главное совершенно незнакомой Пелагеѣ Карповнѣ, ужъ конечно отлично знавшей всѣхъ ѣздящихъ на парныхъ саняхъ. Затѣмъ молодой человѣкъ сказалъ что-то кучеру, повернувшему лошадей и очевидно оставшемуся ждать,—и вмѣстѣ съ молодою женщиной скрылся за сломаными дверями подъѣзда, ведущаго, какъ положительно было извѣстно Пелагеѣ Карповнѣ, въ жилище чорта. Что все это значило, Пелагея Карповна понять не могла и только глубоко вздохнула, рѣшившись въ виду интересныхъ наблюденій ни за какія коврижки не покидать своего поста. Вдругъ она услышала позади себя:

— Чтой-то ты, мать, въ окно-то влѣзла?, не продави стекло лбомъ-то.

Она оглянулась и увидѣла простодушную прислужницу, вооруженную тряпкой, которою она стирала съ мебели пыль. Въ другое время Пелагея Карповна привела бы за столь нецеремонное обращеніе неотесанную прислужницу въ достодолжныя границы, но теперь было не до того. Точно боясь, что занимательное зрѣлище исчезнетъ, если она скажетъ громко, Пелагея Карповна заговорила шепотомъ:

— Посмотри, голубушка! ужъ право не знаю, что и подумать.

Не оставляя тряпицы, прислужница подошла къ окну и посмотрѣла на улицу. Парныя сани не удивили ее нисколько.

— Ну, что-жъ?

— Да вѣдь, знаешь-ли, двое пріѣхало.

— Ну, и двое. Что-жъ?

— Мущина съ дамой и вошли... туда! съ какимъ-то ужасомъ указала Пелагея Карповна на таинственный подъѣздъ.

— Что-ты? Врешь?!

— Сама видѣла: пріѣхали и вошли.

— Ой!

Прислужница подперла рукой, вооруженной грязной тряпицей, въ раздумьи щеку и вдругъ, что-то придумавъ, быстро отперла у самаго носа Пелагеи Карповны форточку и высунувъ лице, крикнула кучеру:

— Чьи будете?

На этотъ окрикъ, толстый кучеръ въ темносинемъ кафтанѣ и малиновой бархатной шапкѣ даже не оглянулся и отвѣтилъ молчаніемъ. Прислужница нѣсколько опѣшенная такой нелюбезностью, оторвалась отъ форточки и обернувшись къ Пелагеѣ Карповнѣ, донесла:

— Молчитъ.

На что та посовѣтовала:

— Спроси еще: можетъ тугъ на ухо... мущина въ лѣтахъ.

Тогда прислужница громче прежняго крикнула.

— Чьи будете?

Кучеръ вторично отвѣтилъ молчаніемъ, только слегка повелъ глазомъ въ сторону докучливой вопрошательницы. Тогда эта послѣдняя, объятая внезапнымъ ужасомъ, быстро захлопнула форточку и еле переводя духъ, произнесла:

— Господи!

— Что ты?

— Глазъ-отъ черный...

— Ну, что-же?

— Ахъ, испугалась какъ онъ на меня глянулъ. Глазъ-отъ черный такой.

— Что-жъ, что черный?

— Да, може, барыня, это и впрямь оборотень какой... я его спрашиваю...

Красавица. Рис. Ф. Лейтонъ, грав. С. Робертъ

И обѣ оглянулись назадъ. Поглощенныя интересомъ зрѣлища, обѣ какъ-то разомъ уразумѣли, что кто-то давно ихъ зоветъ. Въ дверяхъ спальни стояла Пашенька блѣдная и испуганная, съ очевиднымъ раздраженіемъ и почти слезами кричавшая имъ:

— Да, что вы оглохли что-ли? Зову, не дозовусь. Съ папенькой нехорошо. Подите, Бога ради!

VII.

Горе.

Отецъ Пашеньки, отставной чиновникъ, болѣлъ уже много лѣтъ, такъ что съ его болѣзнью свыклись и въ концѣ концевъ даже перестали его лѣчить, ибо приглашать докторовъ было не по средствамъ. Къ тому же болѣзнь была странная, тихая, съ какими-то чрезвычайно неясно выраженными признаками, что вводило въ заблужденіе и заставляло относиться къ этому чрезвычайно легко. Конечно капля долбила камень и всѣ эти легкія, летучія боли, всѣ эти постоянныя колебанія температуры тѣла, жаръ и ознобъ, въ концѣ концевъ дѣлали свое дѣло, подтачивали организмъ до такой степени, что недѣли за двѣ до посѣщенія Пашенькою языковскаго дома больной слегъ въ постель и ослабѣлъ до такой степени, что уже не вставалъ безъ посторонней помощи. Но и тутъ болѣзнь не проявила какихъ нибудь острыхъ и рѣшительныхъ симптомовъ: ночь больной спалъ довольно сносно, а днемъ то зябъ, то чувствовалъ жаръ въ легкой степени, оставаясь все время въ полнѣйшей памяти, чувствуя только все усиливающуюся и усиливающуюся слабость.

Въ то время, когда Пелагея Карповна занималась интересными наблюденіями, больной, какъ это съ нимъ часто случалось съ тѣхъ поръ, какъ онъ не покидалъ постели, позвалъ Пашеньку, чтобы перемѣнить бѣлье, которое совершенно смокло отъ чрезвычайно сильнаго пота, послѣ чего, все чувствуя въ своемъ тѣлѣ жаръ, сбросивъ одѣяло, больной на ощупь представлялъ такую низкую температуру, что было возможнѣе предположить въ немъ чрезвычайный ознобъ, а ужь никоимъ образомъ не жаръ. Объ этомъ можно было заключить даже не прикладывая ко лбу его руки, а просто глазомъ: больной имѣлъ какой то мертвенный видъ, до невѣроятія блѣдный, какъ-бы съ какими-то желтоватыми налетами, мѣстами переходящими въ синеву мертвеннаго лица. Затаивъ вызванный этимъ видомъ испугъ, Пашенька спросила отца:

— Вамъ не холодно, папаша?

Онъ какъ-бы испугался ея вопроса:

— Нѣтъ, а что?

— Зябнете вы, какъ вспотѣете.

Онъ почему-то осердился, какъ это случается съ людьми находящимися подъ вліяніемъ гнетущей ихъ страхомъ мысли, когда въ полусловѣ или намекѣ другаго лица, они усматриваютъ подтвержденіе того, что ихъ страшитъ и что они желали бы отъ себя прогнать.

— Зябъ, зябъ! Никогда я, сударыня, не зябъ, привычки этой не составилъ-съ.

Она замолчала, не желая его раздражать, но въ душѣ своей страшась за него, рѣшила остаться около его постели, оставивъ на время свои хозяйственныя занятія. Это отступленіе отъ обыденныхъ правилъ не укрылось отъ его подозрительнаго взгляда и онъ не безъ ядовитости замѣтилъ дочери:

— Что-жъ ты остаешься-здѣсь... Иди: умирать буду— позову.

Она молча встала и не говоря ни слова пошла изъ комнаты, но онъ остановилъ ее. Какъ-бы чувствуя окоченѣніе въ пальцахъ, онъ теръ ихъ другъ объ друга. На его зовъ Пашенька остановилась. Онъ заговорилъ на этотъ разъ какъ-то нерѣшительно, какъ бы ожидая опроверженія и подкрѣпленія съ ея стороны:

— Пальцы нѣмѣютъ... Что это?

Она поняла волнующее его чувство боязни и успокоила:

— Это отъ того, что вы сильно вспотѣли... Это пройдетъ.

— Я думаю, что пройдетъ,—какъ-то тихо и уже совершенно безъ признаковъ прежняго раздраженія проговорилъ онъ. Она посовѣтовала:

— Вы постарайтесь о чемъ нибудь другомъ думать, развлекитесь... Все и пройдетъ.

Больной сталъ послушенъ, какъ ребенокъ и въ состояніи овладѣвшей имъ боязни, не зная что дѣлать самому, очевидно отдался руководству дочери, болѣе не довѣряя собственнымъ силамъ. Онъ сдѣлалъ попытку отвлечься отъ одолѣвающихъ его мыслей.

— Гдѣ Саша?

Пашенька усѣлась около кровати отца и онъ болѣе не думалъ ее отсылать.

— На дворѣ. Гору тамъ сдѣлалъ съ хозяйскимъ мальчикомъ и катаются съ утра до ночи.

— Гору? большую?

— Да, большую...

Пашенька по глазамъ видѣла, какъ мало интересуетъ отца то, о чемъ онъ говоритъ и какъ какія-то другія мысли неотвязно лѣзутъ ему въ голову, повидимому занимая собою всѣ сознательныя способности его души и освобождая безсознательныя, подъ рефлективнымъ наитіемъ которыхъ, больной располагалъ все въ опредѣленномъ направленіи, клонящемся къ какому-то единому и неизбѣжному выводу. Все занятый поглощающимъ его страхомъ, онъ спросилъ Пашеньку между прочимъ:

— Давно ты мой мундиръ смотрѣла?.. какъ бы его не съѣла моль.

— Давно. Весной мы сундукъ перебираемъ и провѣтриваемъ платье.

Тогда онъ снова вернулся къ Сашѣ:

— Сашу-то бы позвать не мѣшало...

— Зачѣмъ?.. пусть пока бѣгаетъ... Обѣдать станемъ— позовемъ.

— Ну, пусть бѣгаетъ... и то!

Потомъ, какъ бы забывшись нѣсколько, старался припомнить:

— Кто у насъ былъ?

— Пелагея Карповна...

— Какъ это я забылъ: конечно Пелагея Карповна: утромъ видалъ... Гдѣ вы, Пелагея Карповна?.. Пожалуйте сюда, сударыня.

Но въ этотъ моментъ Пелагея Карповна вела оживленную бесѣду съ прислужницей, которую такъ напугалъ своимъ взглядомъ кучеръ на парныхъ саняхъ. Почтенная дама не слышала обращенныхъ къ ней словъ больнаго.

— Не слышитъ: или она туга на ухо стала, или я тихо говорю... Тихо я говорю, Паша?

— Какъ всегда.

— И я думаю, какъ всегда. Съ чего же, Пашенька, говорить-то мнѣ тихо?!. Постой... Ты куда же?..

Она не двигалась съ мѣста и тихо, наклоняясь къ его лицу, сказала:

— Я никуда не иду.

— Вижу... На глаза у меня все какое-то облако находитъ... Вотъ теперь прошло...

И вдругъ, какъ бы испугавшись чего-то, схватилъ Пашеньку за руку и со страхомъ оглядѣлся по сторонамъ.

— Что вы, папаша?

— Не знаю... Странное что-то померещилось... Темное что-то, ужь не умѣю сказать что... И знаешь: свѣжей землей запахло...

На его глазахъ вдругъ выступили слезы и онъ сказалъ дочери:

— Всю жизнь я боялся... сначала родителей, царство имъ небесное, потомъ начальниковъ, какъ поступилъ на службу... Матери твоей покойной—ухъ, какъ боялся.. А теперь, Паша... смерти боюсь.

Она обняла его и успокоила:

— Что это вы, папаша?!

Онъ положительно захлебывался отъ слезъ, какъ малый ребенокъ.

— Не возвращалась бы, Паша.

— Что не возвращалась?

— Да дурнота-то эта...

Но при этомъ позабывъ о своихъ слезахъ, улыбнулся Пашенькѣ и какъ бы возвращаясь къ оставленному имъ предмету бесѣды, о томъ, какъ онъ всегда кого-нибудь боялся, посовѣтовалъ ей:

— Ты не бойся, не бойся никого...

И вдругъ, вытянувшись на постели и поблѣднѣвъ, взглянулъ на дочь совершенно безсмысленно и со словами: „мундиръ-то выпь и почисти“ закрылъ глаза и остался недвижимъ и безгласенъ.

Прибѣжавшія на испуганный крикъ Пашеньки Пелагея Карповна и прислужница застали его мертвымъ и почти окоченѣвшимъ.

VIII.

Свиданіе.

Вечеромъ того же дня простодушная прислужница осиротѣвшей столь неожиданно, хотя и совершенно естественно, Пашеньки, умаявшись всѣми тревогами дня, вышла за калитку подышать свѣжимъ воздухомъ, да кстати и закрыть ставни. Она почти не чувствовала подъ собою ногъ, такъ много бѣготни выпало на ея долю въ этотъ день. Ей, почти одной, пришлось съ помощью знакомаго водовоза обряжать его въ тотъ самый мундиръ, о которомъ онъ такъ заботился, затѣмъ все прибрать какъ должно, сбѣгать къ доктору, который когда-то лѣчилъ покойнаго, сбѣгать къ гробовщику и священнику. Можно сказать, что почти всѣ хлопоты, включая сюда и заботы о томъ, чтобы чѣмъ нибудь накормить Пелагею Карповну и Сашу, выпали на долю этой женщины, ибо Пелагеѣ Карповнѣ было не до того, такъ какъ эта почтенная дама была растрогана кончиной своего стариннаго знакомаго въ самой высшей степени, выразившейся тѣмъ, что она такъ ослабѣла, что не вставала съ креселъ и при всякомъ появленіи прислужницы слабымъ голосомъ просила подать или принести ей то одно, то другое, извиняясь слабостью. Что же касается до Пашеньки, то ужь на ея помощь, особенно въ первые, послѣдовавшіе за кончиной, часы разсчитывать было трудно.

Стоя у калитки, прислужница зѣвнула разъ другой, почесалась, посмотрѣла на небо, и затѣмъ уже думала приступить къ закрыванію ставень, когда увидѣла, что справа идетъ поспѣшной походкой какой-то прохожій. Она рѣшила дать ему миновать ихъ флигелекъ, чтобы затѣмъ уже приступить къ выполненію своего намѣренія, какъ вдругъ усмотрѣла, что поравнявшійся съ окнами флигелька прохожій, замедлилъ почти до остановки шагъ, нѣсколько наклонился къ стекламъ, и затѣмъ, замѣтивъ ее, спѣшно подошелъ къ ней и съ оттѣнкомъ удивленія, совершенно непонятнаго со стороны незнакомаго человѣка, спросилъ:

— Покойникъ?

Трезвое понимание внушило прислужницѣ мысль о странности тона, которымъ былъ предложенъ вопросъ, что она и дала замѣтить въ данномъ ею отвѣтѣ:

— Покойникъ... Что-жъ? мрутъ вѣдь люди-то... не вѣчно жить...

Прохожій не обратилъ никакого вниманія на тонкую иронію этаго отвѣта и съ неменьшимъ удивленіемъ нежели прежде спрашивалъ:

— Да когда же онъ умеръ?

— Сегодня померши...

— Былъ боленъ?..

— Нѣтъ, вотъ такъ, здорово-живешь, взялъ да и померъ... Знамо былъ боленъ...

— Странно.

Прислужница поинтересовалась:

— А вы знали его что-ли, господинъ?

Прохожій, одѣтый не смотря на зимнее время, въ легкое драповое пальто, впалъ въ задумчивость и не отвѣтилъ на вопросъ. Прислужница объяснила тѣмъ, что онъ не слыхалъ ея словъ.

— Знакомые вы ихъ, что-ли?

Тогда онъ какъ бы пробудился отъ сна, взглянулъ на нее разсѣянно и въ свою очередь спросилъ:

— Чей?

— Барина-то нашего.

Онъ отрицательно покачалъ головой:

— Даже никогда и не видалъ... Иду мимо и вижу, что старикъ какой-то умеръ, свѣчи горятъ и онъ лежитъ на столѣ...

И не давъ прислужницѣ сообразить всю чрезвычайную странность предложенныхъ имъ съ такимъ интересомъ и удивленіемъ вопросовъ, прибавилъ какъ бы мимоходомъ:

— Я барышню вашу знаю, ту вонъ,—указалъ онъ глазами на окно, что около покойника стоитъ...

И не объяснивъ, какъ онъ знаетъ барышню, которая нигдѣ не бываетъ, почти никуда кромѣ церкви не ходитъ и въ то же самое время не знаетъ ея скончавшагося отца, съ нѣкоторою робостью освѣдомился у своей собесѣдницы:

— Послушайте... Можно туда пойти?..

Прислужница осмотрѣла съ головы до ногъ прохожаго, какъ бы желая удостовѣриться не мошенникъ ли это какой, чего впрочемъ при бѣгломъ осмотрѣ не поняла, хотя сообразила, что съ такимъ щедушнымъ человѣчкомъ въ случаѣ какого-либо буйства съ его стороны—отличнѣйшимъ образомъ справится одна. Тѣмъ не менѣе прежде чѣмъ рѣшиться высказать согласіе на то, чтобы онъ вошелъ, она спросила:

— Поклониться покойничку желаете?.. Можетъ попъ будетъ, обѣщался...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ,—я съ барышней вашей повидаться бы желалъ...

Все еще съ нерѣшительностью прислужница отодвинулась отъ калитки и какъ-то робко со вздохомъ, точно не вѣсть что дѣлаетъ такое, разрѣшила:

— Что-жъ, войдите коли желаете...

Тогда онъ вошелъ на дворъ поспѣшно, какъ бы боясь, чтобы впустившая его прислужница не измѣнила своего рѣшенія и не остановила его. Она кричала ему вслѣдъ:

— Съ передняго крыльца пожалуйте... Дверь-отъ отперта...

Онъ взбѣжалъ на крыльцо, отворилъ дверь и не снимая пальто, черезъ темненькую прихожую вошелъ въ залъ.

Онъ вошелъ тихо и остановился у дверей. Онъ видѣлъ, какъ надъ покойникомъ, сѣденькимъ старичкомъ, одѣтымъ въ чиновничій мундиръ, читаетъ дьячекъ, что въ большомъ креслѣ, въ углу простовато убраннаго зала, безмятежно спитъ толстая старуха, слегка повременамъ похрапывая. Онъ видѣлъ все это, но остановился на молодой дѣвушкѣ, одѣтой въ черное, съ бѣлымъ горошкомъ, ситцевое платье и смотрѣлъ на нее. Она стояла къ нему бокомъ, на колѣняхъ, не плача и не молясь, какъ бы окаменѣвъ и застывъ своимъ миловиднымъ, поблѣднѣвшимъ лицомъ... Ея бѣлокурые волосы свѣсились нѣсколькими мелкими и короткими вьющимися прядями на лобъ и пали тѣнью на опущенныя вѣки. Только легкое движеніе груди и колебаніе густыхъ рѣсницъ выдавало жизнь въ этомъ застывшемъ и какъ бы погрузившимся въ самою себя существѣ... Вдругъ изъ сосѣдней комнаты мелкими шажками выбѣжалъ прелестный мальчикъ, съ такой же бѣлокурою головкой, какъ и у застывшей на колѣняхъ дѣвушки, съ вьющимися въ мелкіе колеч-

ки волосами, розовый и пухленький, одѣтый въ самаго яркаго цвѣта красную рубашку. Мальчикъ подбѣжалъ къ дѣвушкѣ, сталъ рядомъ съ нею на колѣни, перекрестился трижды и затѣмъ какъ-то исподлобья посмотрѣлъ на нее, что дескать она дѣлаетъ, потомъ набожно закланялся земно и закрестился, а затѣмъ, уставъ стоять на колѣняхъ, присѣлъ на согнутыхъ ножкахъ, какъ-то зарумянился и сморщился въ самый аппетитный зѣвокъ. Его близость разбудила молодую дѣвушку, вывела ее изъ забытья. Она медленно встала съ преклоненныхъ колѣнъ, съ какимъ-то серьезнымъ, даже нахмуреннымъ лицомъ, подняла съ полу мальчика и повернулась съ нимъ, ведя его въ сосѣднюю комнату. То не былъ вчерашній робкій ребенокъ, съ такимъ вниманіемъ и какъ бы страхомъ слушающій объясненія устройства непонятнаго механизма, несложившійся и хрупкій организмъ развивающейся женщины — нѣтъ; нѣсколько часовъ, какіе нибудь сутки измѣнили его, состарили, наложили на это нѣжное лицо складочки заботы, запечатлѣли его опытомъ тяжелаго горя!.. Вчера это было опекаемое чей-то заботой существо, вырвавшееся на волю изъ пустой прихоти, нынче на немъ лежали свои собственныя заботы, свои обязанности, неотложныя ни для какого горя. Съ этаго дня сирота становилась матерью, опорою и руководительницею ребенка, котораго теперь отводила спать...

Съ этой смертью она какъ бы даже выросла и повидимому всѣ, кто окружалъ молодую дѣвушку,—этотъ мальчикъ, эта простодушная прислужница,—съ этаго дня стали какъ-то иначе относиться къ ней... Всѣ какъ-бы почувствовали въ ней главу, почтили неопытнымъ умомъ тѣ обязанности, которыя смерть старика-хозяина, какъ бы налагались на молодую дѣвушку. Прислужница взяла отъ нея мальчика, выслушала что она ей сказала и удалилась изъ зала. Тогда молодая дѣвушка вернулась къ покойнику и уже готовясь встать снова на колѣни, случайно встрѣтилась своимъ задумчивымъ взглядомъ съ остановившимся у косяка двери молодымъ человѣкомъ.

Она тотчасъ-же узнала своего вчерашняго знакомца и медленно направилась къ нему.

— Вотъ какъ встрѣчаемся мы вторично,—грустно улыбнулась она,—вотъ какое горе посѣтило меня...

И указывая глазами на покойника, сказала:

— Это мой отецъ?

Потомъ, готовясь отойти отъ молчаливо выслушивающаго слова молодаго человѣка, подала ему руку и поблагодарила съ трогательною простотой:

— Благодарствуйте, что пришли. Безъ папаши я вотъ осталась съ мальчикомъ братомъ—одна. На мнѣ лежатъ обязанности воспитать дитя... Какъ я это выполню—не знаю, но конечно выполню, хоть и не имѣю ничего, хоть и бѣдна... Совѣтъ добраго и знающаго человѣка для меня необходимъ...

Еще разъ пожавъ его руку, она простилась съ нимъ:

— Заходите.

И заняла оставленное мѣсто около покойника.

IX.

Жертва вечерняя.

Христина Карловна, знавшая о посѣщеніи Эрминіей Языкова, рѣшительно отказавшагося поѣхать съ Засѣкинымъ въ губернаторскій домъ, съ самаго возвращенія племянницы домой замѣтила въ ней какую-то новую особенность. Въ самомъ дѣлѣ Эрминія обнаружила чрезвычайную, лихорадочную дѣятельность, повидимому изощрила свою способность на придумываніе разныхъ способовъ времяпрепровожденія, имѣющихъ единственную цѣль чѣмъ-нибудь убить праздное время, ибо съ прекращеніемъ рисованія картины—Эрминія проводила дни въ полнѣйшемъ бездѣльи. На слѣдующій-же день она объявила теткѣ, что намѣрена сдѣлать съ нею визиты ко всѣмъ главнѣйшимъ и именитѣйшимъ дамамъ города и надо сказать, что при выполненіи этаго намѣренія,—тою лихорадочною живостью, съ которою поддерживала разговоръ, Эрминія стяжала среди N—скихъ дамъ несравненно большій успѣхъ, чѣмъ ея тетушка. Эрминію встрѣчали съ холодной учтивостью, но съ теченіемъ визита поддавались ей, дѣлались съ нею необыкновенно любезны, и проводивъ, отзывались о ней какъ объ очень, очень милой дѣвушкѣ за ея достоинства, нѣсколько даже простивъ прегрѣшенія тетки. Сдѣлавъ визиты, Эрминія стала таскать тетку на различные вечера, общую монотонность и скуку которыхъ въ значительной степени оживила своей веселостью, такъ что вечеръ, на которомъ заранѣе было извѣстно, что ее не будетъ, считался не стоящимъ посѣщенія и на него не ѣздили. Эрминія посѣщала балы, ѣздила въ театры и вдругъ, въ самый разгаръ своихъ успѣховъ среди N—скаго общества, возвращаясь съ теткою въ каретѣ съ одного бала, сѣвъ и отъѣхавъ отъ освѣщеннаго подъѣзда, заявила своей спутницѣ:

— Довольно!

Дремлющая Христина Карловна поинтересовалась узнать о чемъ говоритъ ея непостоянная племянница, что послѣдняя и выяснила ей:

— Теперь не скоро увидятъ меня на какомъ-нибудь балѣ.

И оборвала свои выѣзды въ свѣтъ. Тщетно N—скія дамы посылали ей записки, приглашая ее на вечера, напрасно заѣзжали повидаться съ нею, онѣ заставали, какъ въ былыя времена, въ гостинной одну Христину Карловну съ ея неизмѣннымъ вязаньемъ, съ ея выкройками и, на вопросъ объ Эрминіи получали одинъ и тотъ-же отвѣтъ:

— Не совсѣмъ здорова.

Эрминія спрятала свои нарядныя платья, вывезенныя изъ Петербурга, облеклась въ неизмѣнный черный шерстяной костюмъ съ бѣлымъ воротничкомъ, подобрала свои роскошные волосы въ скромную прическу и съ какимъ-то благочестивымъ видомъ однажды появилась передъ теткой, надѣвая безъ зеркала шляпу. Тетка освѣдомилась:

— Куда ты, Миньона?

— Ко всенощной, тетя, отвѣтила она скромно, завтра у насъ большой праздникъ.

Какъ ни привыкла тетка къ различнымъ эксцентричностямъ племянницы, такая неожиданная благочестивость показалась ей несовсѣмъ обыкновенной. Она съ оттѣнкомъ упрека воскликнула:

— Ахъ, Миньона. Опять новая выдумка!

На что Миньона съ совершенно серьезнымъ видомъ и со скромностью, сентенціозно замѣтила:

— Надо, надо, тетя, молиться Богу, а я Его забыла...

Въ чемъ Христина Карловна нѣсколько усомнилась, вздохнувъ:

— Ахъ, когда-бы такъ, Миньона.

Тогда Миньона заѣздила по церквамъ, становясь въ толпѣ, горячо молясь, не подымая опущенныхъ глазъ. Съ смиреннымъ видомъ шла она къ образамъ, клала передъ ними поклоны и ставила свѣчи. Однажды, совершенно неожиданно, во время обхода сторожемъ съ кружкой и просфиркей съ тарелочкой церкви, она взяла у изумленной просфирни тарелочку и пошла между рядами молящихся съ низкими поклонами, выпрашивая на украшеніе храма, чѣмъ несказанно удивила собравшихся, никогда ничего подобнаго не видѣвшихъ. И вотъ, именно послѣ этаго раза, когда ея благочестіе достигло своего апогея, возвратившись домой и проходя черезъ пріемную съ громадною просфорою въ рукахъ, эта смиренница съ поникшею долу головой, скромно отвѣтивъ на поклонъ г-па Засѣкина, спросила:

— Сегодня есть маскарадъ?

Въ N разъ пять-шесть въ зиму давались маскарады въ нѣмецкомъ клубѣ и дворянскомъ собраніи: первые

Литературный альбомъ. Порченая („Причинна“) Т. Г. Шевченко. Ориг. рисунокъ М. Зиновьева, грав. Флюгель.

бывали многочисленны, но на нихъ ѣздили, по выраженію N—скихъ дамъ, „сапожники и портнихи“; вторые, обыкновенно малолюдные, посѣщались и аристократической публикой. Въ этотъ день назначался маскарадъ въ нѣмецкомъ клубѣ, что и было доложено шепотомъ Эрминіи ея поклонникомъ и повѣреннымъ. На это обстоятельство Эрминія не обратила ни малѣйшаго вниманія.

— Слушайте, шептала она, вы освободитесь вечеромъ?

Онъ отвѣтилъ утвердительно.

— Вы должны проводить меня. Но это подъ величайшимъ секретомъ, чтобы никто, понимаете: никто! не зналъ. Меня тутъ именно прельщаетъ тайна. Дядя не занимается нами, а тетушка ужь конечно не въ силахъ меня въ чемъ-нибудь остановить. Но, понимаете, я хочу тайны. Желаю тайны.

Онъ возразилъ:

— Но маскарады въ нѣмецкомъ клубѣ здѣсь не посѣщаются дамами...

Она махнула рукой:

— Это мнѣ все равно. Ровно въ одиннадцать вы будете меня ждать у стараго собора, я приду и мы сядемъ на извощика.

— Это мило! Но что-же я по вашему мнѣнію въ этомъ вицъ-мундирѣ поѣду въ маскарадъ?

— Это почему?

— Я только освобожусь къ одиннадцати. Когда-же я успѣю съѣздить домой, переодѣться и доѣхать до собора? На это потребуется не менѣе часа.

Она все быстро сообразила и рѣшила въ умѣ своемъ.

— Хорошо-съ. Это можно устроить иначе. Вы пошлете домой къ себѣ какого-нибудь лакея за фракомъ и освободясь здѣсь, сойдете внизъ и переодѣнетесь въ швейцарской...

— Положимъ.

— Нѣтъ, не „положимъ“, а вы дѣйствительно сдѣлаете такъ. А потомъ выйдите, наймите извощика и дожидайтесь у собора...

Передъ ея находчивостью и упорствомъ, съ которымъ она настаивала на этой поѣздкѣ, могущей сдѣлать ее достояніемъ городской сплетни, онъ только развелъ руками:

— Да зачѣмъ, зачѣмъ все это?

— Зачѣмъ? Она давно перестала стѣсняться съ этимъ молодымъ человѣкомъ, котораго покорила себѣ до такой степени, что онъ отступилъ для нея отъ своей обычной болтливости и сплетничая обо всѣхъ N—скихъ дамахъ, для одной Эрминіи дѣлалъ исключеніе и что-бы она не сказала ему—сохранялъ въ глубокой тайнѣ. Отвѣтивъ на его вопросъ въ свою очередь вопросомъ, она не пошла далѣе, и сохранила молчаніе.

— Неужели, приставалъ Засѣкинъ, только прелесть тайны? Это неправда. И закончилъ стихомъ изъ Маріонъ де-Лормъ:—„интрига? шалость новая? Любовь?!“

— Положимъ.

— Но въ такомъ случаѣ,—прикинулся онъ огорченнымъ, — неужели вы думаете, что навязываемое вами мнѣ положеніе, можетъ быть пріятно?..

Смѣясь, она сдѣлала движеніе удалиться отъ него, сказавъ съ увѣренностью:

— Такъ устройте-же, голубчикъ, какъ я хочу.

Но онъ настаивалъ съ прежнимъ обиженнымъ видомъ:

— Стараться для другаго!.. Неужели дѣло идетъ опять объ этомъ чудакѣ, который былъ столь любезенъ, что на ваше приглашеніе отвѣтилъ отказомъ: пусть, дескать, если ужь такъ желаетъ со мной познакомиться, сама ѣдетъ ко мнѣ; я не поѣду. Ну, вѣдь, съѣздили, видѣли, насладились... Довольно-бы...

Она съ живостью вскричала:

— Онъ интересенъ!

— Не нахожу.

— Оригиналенъ!..

— Такъ вы ѣдете въ маскарадъ для него?

— О, нѣтъ, — съ лукавой усмѣшкой опровергла она это предложеніе,—можно-ли это думать?.. Неужели онъ согласится пріѣхать на свиданіе въ маскарадъ?.. Похоже-ли это на него?

— Ну, такъ, я не понимаю, зачѣмъ вы ѣдете,—развелъ Засѣкинъ руками.—Она въ усиленной степени повторила это движеніе, передразнивая его, и сказала съ таинственнымъ видомъ:

— Чтобы испытать прелесть тайны.

— Но какая-же, покрайней-мѣрѣ, награда меня ожидаетъ за то, что я приму участіе въ доставленіи вамъ случая испытать подобную прелесть тайны?

— Награда?.. — Ей надо было разстаться съ нимъ, ибо она слышала приближающіеся шаги Христины Карловны, возвратившейся изъ кирки и она поспѣшила: — награда?.. Вотъ, батюшка, за ваше здравіе вынимала: кушайте на здоровье...

И съ этими словами, сунувъ въ руки, не успѣвшаго что-либо сказать, Засѣкина, громадную просфору, моментально юркнула въ сосѣднюю комнату и скрылась за опущенной портьерой.

(До слѣд. №).

Во время бури.

Романъ

М. Іокая.

(Продолженіе).

VI.

Партія шерсти.

Вопреки распоряженіямъ Иллаваи, дорожный коммисаръ отказался выполнить приказаніе—приступить немедленно къ исправленію мостовъ и дорогъ. Коммисаръ этотъ объявилъ, что онъ—не сова и не летучая мышь, чтобы выходить изъ дому по ночамъ, что завтрашняго дня достаточно будетъ и безъ того. Францъ, хоть и разсердился, но принявъ во вниманіе что это чиновникъ уже пожилой, и страдалъ одышкой, что онъ, дѣйствительно, въ осеннюю ночь и простудиться могъ бы, взялъ на себя и эту часть. Быстро собравъ человѣкъ шестнадцать рабочихъ, снабдивъ ихъ кирками, судья отправилъ ихъ въ телегѣ, поправлять дорогу, по которой ожидали Горомболи съ отрядомъ. Иллаваи поѣхалъ и самъ наблюдать за ходомъ работы. Дорога пролегала по горной мѣстности и шла то повышаясь, то спускаясь; да иначе и не могло быть въ такой холмистой сторонѣ.

Комитатская дорога дѣлитъ Киранскую равнину на двѣ части и дѣлитъ такъ, что съ одной стороны къ ней примыкаютъ имѣнія графовъ Теметвени, и къ другой—Опатовскихъ, третьяго господскаго имѣнія не встрѣчается здѣсь ва цѣлый день пути.

Граница владѣній Теметвени обозначена чугунной рѣшеткою гигантскаго графскаго парка, а большая лѣсистая гора насупротивъ указываетъ пограничную черту владѣвій Опатовскихъ. Охотничій паркъ этихъ послѣднихъ былъ уже упразднёнъ, и теперь не было больше тамъ ни кабановъ, ни дикихъ оленей, изъ за которыхъ старому Опатовскому приходилось, ежегодно, за потравы хлѣбныхъ полей своихъ крѣпостныхъ, выплачивать отъ сорока до пятидесяти тысячъ гульденовъ. Дорогое то было жаркое! Теперь здѣсь лѣсопильни неустанно перепиливали могучіе стволы, а поташные заводы освѣщали пламенемъ непроходимыя лѣсныя чащи; а въ низменныхъ частяхъ имѣнія мѣсто кабановъ заняли мирныя свиньи, а мѣсто оленей и дикихъ козъ—стада барановъ. Всѣ эти перемѣны введены въ хозяйство Опатовскихъ Францемъ Иллаваи.

Мѣсяцъ ярко освѣщалъ лѣсистую возвышенность. Кругомъ все было безмолвно. Хороша была эта лунная осенняя ночь... Осмотрѣвъ мосты, въ сопровожденіи нерховыхъ пандуровъ, которые везли съ собою связаннаго шпіона Горомболи, бѣглаго каторжника—ѣхалъ Иллаваи по комитатской дорогѣ, въ погоню за фургономъ съ шерстью. Онъ задремалъ въ своемъ тарантасѣ. Ему казалось, что онъ пріѣхалъ въ Дальнаваръ. Домъ уже былъ переполненъ гостями, которые дружелюбно привѣтствовали жениха. Но—гдѣ-же невѣста? Ему отвѣтили, что она одѣвается и сейчасъ выйдетъ. Такъ хочется ему увидѣть ее! Вотъ отво-

рилась дверь и въ залу вошла хорошенькая дѣвушка, но это была не она, а одна изъ подругъ, вотъ выходитъ еще одна, но опять не она, а другая подруга. Наконецъ, идетъ невѣста въ бѣломъ подвѣнечномъ платьѣ. Она идетъ прямо къ жениху. Высокая, стройная, съ бѣлокурыми какъ ленъ волосами, черными рѣзко обозначенными бровями и бѣлоснѣжнымъ лицомъ. Какіе, глаза у нея: голубые или черные? Трудно разглядѣть, но они сіяютъ, блестятъ, ослѣпляютъ его...

— О! что это со мною! Прочь, прочь безумный сонъ! Странно было-бы, еслибъ окружной судья, завѣдывающій спокойствіемъ и миромъ 60-тысячнаго населенія, не имѣлъ силы воли прогнать подобное сновидѣніе, освободиться отъ его чаръ! Онъ овладѣлъ собой какъ разъ во-время: въ эту минуту его экипажъ нагналъ возъ съ шерстью.

— Гей! Стой! Что вы за люди?

На передкѣ воза помѣщались рядомъ какой-то человѣкъ съ гладко выбритымъ лицомъ и въ шубѣ и ефрейторъ-гонведъ, съ боку котораго стояло ружье съ примкнутымъ штыкомъ. Извозчикъ-же шелъ пѣшкомъ возлѣ своихъ лошадей. Всего на все—три человѣка.

Извозчикъ не обратилъ никакого вниманія на окликъ и, дѣлая видъ, что ничего не слыхалъ, продолжалъ понукать лошадей.

Пандуръ Яносъ быстро соскочилъ съ козелъ судейскаго тарантаса и, подбѣжавъ къ сильнымъ, большимъ конямъ, тащившимъ реквизированный возъ, схватилъ ихъ за уздцы.

— Это еще что такое? запальчиво крикнулъ съ воза чисто выбритый человѣкъ,—кто смѣетъ останавливать проѣзжихъ на большой дорогѣ?

— Тотъ, кто имѣетъ право на то! возразилъ Иллаваи, подходя къ возу.

— Стой! Тутъ не проходятъ! крикнулъ въ свою очередь солдатъ, подставляя Иллаваи штыкъ.

Извозчикъ, остановивъ лошадей, подбѣжалъ къ гонведу и схватилъ его за руки.

— Что ты, что ты—стрѣлять, чортъ эдакій! Вѣдь это нашъ окружный судья! Не видишь развѣ гайдука-то?

— Хорошо что сказалъ, промолвилъ солдатъ — не то какъ разъ хотѣлъ выпалить.

— Какъ-же, братъ, не стыдно тебѣ, произнесъ спокойнымъ голосомъ Иллаваи, обращаясь къ солдату,—хочешь стрѣлять въ меня, а вѣдь знаешь хорошо, что запалки не вложилъ.

— Чудно, право, откуда г. судья знаетъ это? спросилъ солдатъ, опуская ружье снова къ ногамъ.

Иллаваи только что узналъ это изъ бумагъ взятыхъ имъ на шпіонѣ коммиссара.

— Ну такъ кто-же вы? Куда и почему такъ поздно въ дорогѣ?

Чисто выбритый баринъ очевидно ни за что не желалъ разставаться съ своей шубой. Онъ отвѣчалъ съ своего мѣста и съ большимъ апломбомъ:

— Я дворецкій его сіятельства графа Фердинанда Теметвени и сопровождаю партію шерсти, которую г. коммисаръ правительства взялъ въ реквизицію. Товаръ я сдамъ отъ имени его сіятельства въ городѣ, гдѣ и получу деньги. Солдатъ данъ мнѣ для прикрытія г. коммисаромъ.

На послѣднюю часть вопроса Иллаваи онъ однако не далъ отвѣта.

— Все это хорошо, но зачѣмъ-же вы ѣдете ночью?

— У насъ съ одного колеса соскочила шина и пока кузнецъ чинилъ его, ночь и настала.

— Отчего вы лучше не заночевали въ той деревнѣ, гдѣ это случилось съ вами?

Дворецкій начиналъ злиться.

— Да чего тутъ бояться, никто мѣшковъ-то нашихъ не станетъ тащить съ воза.

— А нѣтъ-ли у васъ въ мѣшкахъ еще чего-нибудь другаго, кромѣ шерсти?

При этомъ вопросѣ, допрашиваемый откинулъ воротникъ шубы и уставился въ Иллаваи широко раскрытыми глазами.

— Факелъ сюда! крикнулъ Иллаваи. Вотъ письмо графа къ дворецкому.

Выбритый незнакомецъ прочелъ посланіе его сіятельства (факелъ свѣтилъ достаточно ясно для того), но письмо это, однако, оказалось не по вкусу его.

— Что-же вамъ угодно?

— Вы могли видѣть изъ письма.

— Но, какъ-же это—здѣсь, на открытой дорогѣ?

— Гдѣ-бы ни было, повсюду,—такъ сказано въ данномъ мнѣ полномочіи.

— Но вѣдь весь грузъ конфискованъ коммисаромъ.

— Только одна шерсть, но не то, что спрятано въ ней.

— А намъ сказано и наказано, что кто посмѣетъ дотронуться до товара—мертвый человѣкъ будетъ!

— Ну—значитъ обо мнѣ и сказано это, потому что я именно и хочу дотронуться до товара вашего.

Дворецкій слегка толкнулъ въ бокъ свое „прикрытіе“.

— Ты обязанъ воспротивиться этому.

— Ну, чего тамъ еще, что-же мнѣ дѣлать-то прикажешь?

— Не допускай.

— Съ пустымъ ружьемъ-то?

— Ну, такъ я заявляю, что грузъ этотъ—собственность государства, и такъ какъ отвѣчаю за него головою коммисару временнаго правительства, то не позволю трогать мѣшки.

У Иллаваи внезапно промелькнула въ головѣ одна мысль. Обратившись къ рабочему, сторожившему шпіона, онъ сказалъ ему въ полголоса:

— Освободи-ка этому бѣднягѣ голову, а то еще пожалуй онъ у насъ и задохнется.

— Ну этотъ-то ужъ вѣрно задохнется не тутъ, а въ „хорошемъ“ мѣстѣ! съострилъ мужикъ.

Иллаваи снова повернулся къ дворецкому.

— Если вы осмѣлитесь произнести еще слово—я велю помѣстить васъ рядомъ вотъ съ этимъ негодяемъ.

У дворецкаго вырвалось невольное восклицаніе испуга, когда обернувшись назадъ, онъ увидѣлъ арестованнаго. Всѣ присутствовавшіе подумали, конечно, что его испугалъ видъ схваченнаго бродяги и перспектива подобной же участи и для него, но зоркій Иллаваи однимъ взглядомъ понялъ, что именно *лицо* плѣнника произвело на него такое сильное впечатлѣніе.

Съ этой минуты дворецкій сдѣлался необычайно послушенъ. Колѣни его дрожали, на лбу показались капли пота, и не смотря на то, онъ принялъ дѣятельное участіе въ перекладкѣ мѣшковъ и обязательно указалъ „господину судьѣ“ на тотъ, въ которомъ находилась стальная шкатулка.

Гонведъ между тѣмъ мирно прилегъ на травкѣ, у самаго края дороги. положилъ рядомъ съ собою свое пустое ружье и принялся насвистывать народную пѣсенку, уставившись въ раскинутый надъ нимъ небосклонъ, озаренный луннымъ сіяніемъ.

Равнодушный ко всему, что происходило вокругъ него, онъ и не думалъ о томъ, что въ первый и, вѣроятно, послѣдній разъ въ жизни своей, проѣхался сидя на полмилліонѣ, что, именно, благодаря этому обстоятельству, былъ какой-нибудь часъ назадъ на волосокъ отъ смерти, которую, въ это военное время, могъ найдти онъ завтра или послѣ-завтра въ какой нибудь стычкѣ.

Вынувъ изъ мѣшка шкатулку, Иллаваи бережно уложилъ ее и заперъ въ дорожный ящикъ своего экипажа. Дворецкому онъ выдалъ удостовѣреніе въ томъ, что получилъ отъ него въ цѣлости. Шкатулка была припечатана гербовой печатью графа.

— Теперь можете ѣхать съ шерстью въ городъ; въ военномъ прикрытіи, я думаю, уже не нуждаетесь?

— Нѣтъ.

— А ты, землякъ, обратился Иллаваи къ солдату, садись тутъ, на этотъ возъ, возлѣ шпіона и смотри, чтобы онъ не сбѣжалъ. Доставь его въ лагерь маіору Горомболи и передай, что человѣкъ этотъ схваченъ окружнымъ судьею, который самъ будетъ немедленно туда же. Скажи также маіору, чтобы велѣлъ построже наблюдать за этимъ негодяемъ, такъ какъ онъ изъ опасныхъ.

Для большей предосторожности Иллаваи далъ въ помощь солдату еще и двухъ рабочихъ.

Затѣмъ онъ поспѣшилъ въ тѣ пункты, гдѣ былъ заготовленъ хлѣбъ, для того чтобы къ полудню слѣдующаго дня все уже было въ порядкѣ и не встрѣтилось какого нибудь замедленія въ чемъ либо, или недостачи.

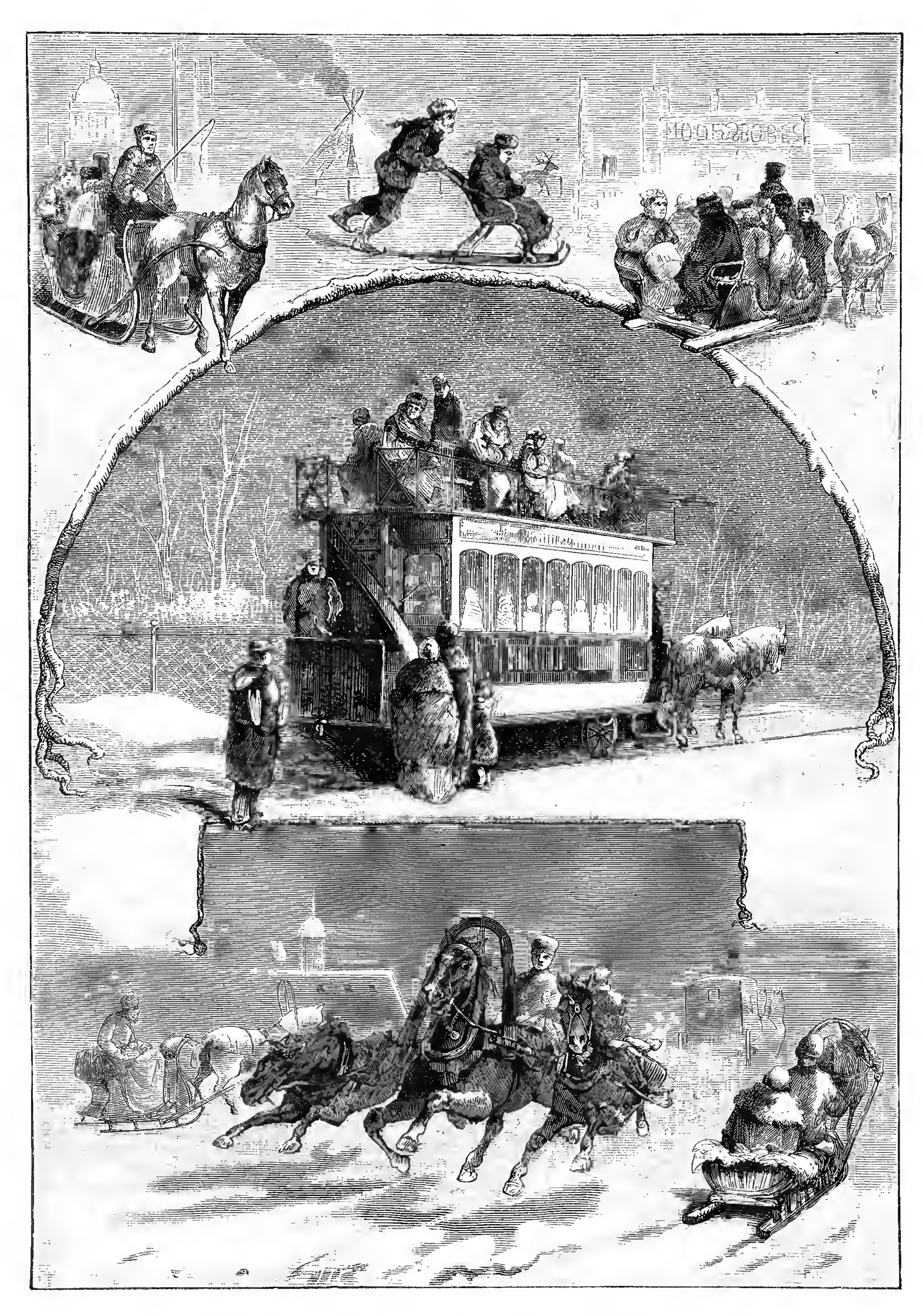
Когда дѣло уже устроено и остается только явиться за наградой, то обыкновенно является множество охотниковъ раздѣлить славу и выгоды успѣха, но если въ дѣлѣ оказывались промахи и ошибки, то никто никогда не желалъ заявить о своей долѣ участія въ немъ — и все бремя предоставлялось окружному судьѣ.

VII.

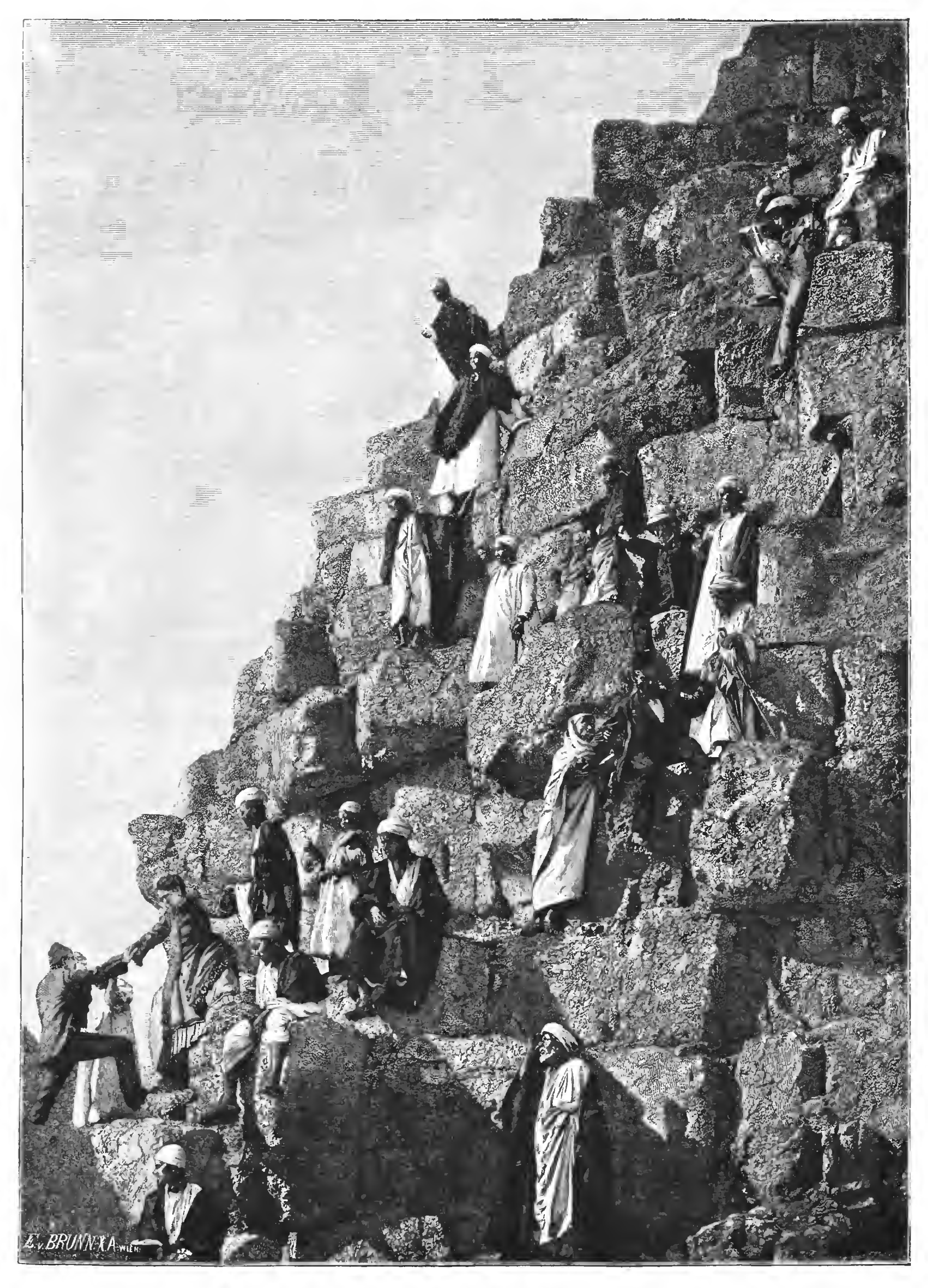
Горомболи.

Надѣлавшій такъ много шуму и перепугавшій столько народу правительственный комисаръ Горомболи прибылъ, наконецъ, въ Бедрощь, куда предписалъ явиться и Иллаваи. Слѣдуя во главѣ авангарда своего отряда, онъ былъ, однако, тамъ прежде Франца, что, конечно, можетъ служить только въ похвалу военачальнику. Горомболи—это была одна изъ красивѣйшихъ и величественнѣйшихъ героическихъ фигуръ, какую вы когда либо видали: фигура Ахилла, оживленная всѣмъ пыломъ молодости. Голосъ его, когда онъ повелѣвалъ, звучалъ какъ труба, звенѣлъ какъ колокольчикъ, когда онъ смѣялся. Затѣмъ, Горомболи успѣлъ уже быть всѣмъ, чѣмъ могъ быть 27-лѣтній венгерецъ: въ Вѣнѣ—офицеромъ лейбъ-гвардіи, у себя дома—вице-гешпаномъ полу-словакскаго, но почти совершенно омадьяреннаго комитата. Сумѣвъ показать себя хорошимъ администраторомъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилъ и военныя дарованія, его быстрые, смѣлые маневры и набѣги ставили въ тупикъ генераловъ старой системы. Онъ самъ собралъ, укомплектовалъ, экипировалъ и обучилъ свой отрядъ, съ которымъ производилъ движенія по собственнымъ соображеніямъ и никого никогда не спрашиваясь.

Но, сверхъ всего этого, онъ еще умѣлъ и любилъ напускать на себя необыкновенную свирѣпость—на словахъ; грозить, кричать—у него было возведено въ особое искусство. Его люди готовы были идти за нимъ въ огонь и воду. Къ крику его они, впрочемъ, скоро привыкли хорошо зная, что онъ ихъ не съѣстъ.



Зимняя ѣзда въ С.-Петербургѣ. Ориг. рисун. П. П. Гнѣдича, грав. М. Рашевскій.



Восхожденіе на пирамиду въ Египтѣ. Съ фотогр. грав. Е. Брунъ.

Увидавъ что окружнаго судьи нѣтъ на мѣстѣ, онъ, конечно, немедленно же взбѣсился.

— Лѣнтяй этотъ! А! Вѣдь онъ долженъ былъ бы быть здѣсь — руки по швамъ и въ зубахъ держать рапортъ! Сидитъ теперь брѣется, а я тутъ жди его. Ну, да я съ нимъ быстро расправлюсь. Гдѣ „соломенный коммисаръ?" (Онъ называлъ такъ комисара по продовольствію).

Тотъ немедленно явился.

Хлѣбъ доставленъ? Сколько? Четыре тысячи рацiоновъ! А остальное?.. Больше ничего нѣтъ? Вмѣсто сорока тысячъ четыре тысячи! Гдѣ окружный судья? Я велю его разрѣзать на остальныя, недостающiя тридцать шесть тысячъ частей. Что это тамъ везутъ?

То приближался шпiонъ Шиборакъ со стражей своей.

Горомболи тотчасъ же узналъ своего собственнаго шпiона.

— Кто это осмѣлился связать его и вернуть?!

Ему отвѣтили—окружный судья.

— Какъ!! моего военнаго шпiона! связать! Да это... это... тысяча чертей!! Говори—что такое?

Шиборакъ, ставъ на колѣни, съ рыданiями передалъ господину командиру какъ съ нимъ поступилъ судья.

— Развязать его сiю же минуту! крикнулъ онъ, а судью я предамъ военному суду, я пошлю его въ Коморнъ. Кто конвоировалъ его? Розогъ!

При этомъ словѣ подводчики немедленно ретировались, толкнувъ впередъ солдата.

— Ты какъ очутился тутъ?

Гонведъ отрапортовалъ все, что произошло на дорогѣ, въ томъ числѣ и эпизодъ съ шкатулкой.

— Этого еще со сотворенiя мiра не видано!! яростно закричалъ Горомболи. Я судью этого повѣшу тутъ же! Я примѣръ покажу на немъ. Чтобы сейчасъ же былъ собранъ военный судъ!

Въ эту минуту во дворъ въѣхалъ экипажъ Иллавади и судья, сойдя съ экипажа пошелъ къ крыльцу, на которомъ Горомболи изливалъ свою ярость.

— Господинъ окружный судья! крикнулъ онъ, ни съ мѣста! вы сейчасъ предстанете предъ военный судъ и вамъ придется выбирать между свинцомъ и веревкой!

— Брось это, добрѣйшiй другъ, я вѣдь самъ судья, возразилъ тотъ съ невозмутимымъ хладнокровiемъ.

— Здѣсь мы не друзья, здѣсь мы—судья и обвиняемый. Получили-ли вы письмо мое?

— Получилъ и обязанъ за него тебѣ большою благодарностiю.

— Благодарностiю? Неожиданный отвѣтъ нѣсколько опѣшилъ пылкаго маiора.

— Конечно! Знаешь-ли я вѣдь долженъ былъ ѣхать вѣнчаться, какъ вдругъ невѣста извѣстила, что больше меня не любитъ, что любитъ другаго, а что я могу убираться ко всѣмъ чертямъ. Къ счастью, тутъ же пришло твое письмо, въ которомъ ты обѣщалъ разстрѣлять меня, и оно такъ разсмѣшило меня, что я снова развеселился.

— Вѣдь это надо, право, перевернуть весь здѣшнiй комитатъ! снова крикнулъ Горомболи, мнѣ присылаютъ окружнаго судью, я ему говорю о дѣлѣ, а онъ мнѣ разсказываетъ о своихъ невѣстахъ!

— Не шуми, не шуми такъ!

Горомболи видѣлъ, что не пугаетъ Иллавади своей обыкновенной манерой стращать.

— Хорошо-съ, господинъ окружный судья, пойдемте въ комнаты, тамъ можемъ переговорить спокойно.

Но онъ все таки еще не хотѣлъ такъ легко положить гнѣвъ на милость.

— Немедленно соберите военный судъ, которому я предаю окружнаго судью Иллавади, сказалъ онъ подошедшему въ эту минуту аудитору, да чтобы у дверей были поставлены двое часовыхъ съ заряженными ружьями. Пожалуйте, пожалуйте, входите господинъ окружный судья, сдѣлайте одолженiе, присядьте на диванъ, отдохните.

Иллавади комфортабельно растянулся на диванѣ.

Маiоръ, облокотясь на столъ и скрестивъ руки на груди, сталъ противъ него.

— Прежде всего можете ли мнѣ объяснить основанiя, по которымъ вмѣсто 40 тысячъ рацiоновъ вы доставили мнѣ всего 4 тысячи?

— 33 основанiя и первое изъ нихъ то—что больше нигдѣ ничего уже нѣтъ.

— Это не основанiе. Ваша обязанность добыть откуда хотите. Солдата необходимо накормить.

— Мое второе основанiе, затѣмъ, состоитъ въ томъ, что хлѣба, который я доставилъ, совершенно достаточно для твоего отряда.

— Что за вздоръ!! Не могу же я шестью хлѣбами накормить четыре тысячи человѣкъ.

— Да, у тебя не четыре съ половиной тысячи человѣкъ, а всего 140 гусаръ, 270 стрѣлковъ-гонведовъ и двѣ пушки, трехъ и шести фунтовыхъ, съ небольшимъ числомъ артиллеристовъ.

— Однако, откуда это вы такъ хорошо все знаете? А четыре тысячи нацiональной гвардiи?

— Это наше мужичье-то съ косами и въ лаптяхъ? Но, вѣдь, ихъ нельзя брать на войну. И къ чему только ты таскаешь ихъ съ собой? Все это разбѣжится при первомъ выстрѣлѣ. И всего хуже, что они на цѣлую милю вокругъ твоего лагеря все разорятъ и съѣдятъ и тебя-же оставятъ безъ припасовъ. Повѣрь мнѣ—лучше отправь ты ихъ теперь-же по домамъ.

— Пожалуйста, не читайте вы мнѣ лекцiй по стратегiи. Что можетъ въ ней понимать штафирка. Это, вѣдь, военное искусство.

— Понимаю, понимаю, это тебѣ надо, чтобы было извѣстно, что ты дебушировалъ съ горъ, съ такъ называемой „бригадой"; вслѣдствiе чего непрiятель вынужденъ былъ бы выслать противъ тебя отрядъ, равный твоему и, такимъ образомъ, ослабить свои главныя силы. Но это уже произошло и твой маневръ, значитъ, удался.

— Очень вамъ благодаренъ, что признаете за мной какое нибудь соображенiе, весьма вамъ обязанъ!

— Ну, такъ и распусти теперь своихъ косцовъ. Тебѣ не надо будетъ 40 тысячъ рацiоновъ хлѣба.

— Вы предписываете мнѣ,—что вы—фельдмаршалъ?

— Совершенно, совершенно такъ, вотъ прочти-ка въ „Пресбургской Газетѣ" распоряженiе главнокомандующаго, который приказываетъ всѣмъ бригаднымъ командирамъ, набравшимъ нацiональную гвардiю, немедленно ее распустить. Прочти, прочти, если еще не получалъ газету.

Горомболи, дѣйствительно, еще не зналъ о приказѣ. Теперь, читая его, онъ забормоталъ что-то про „пилюльнаго мастера", котораго посылалъ къ чорту. (Гергей, одно время занимался химiей и ему дали эту кличку).

— На этотъ разъ ты правъ, т. е. я хотѣлъ сказать,—вы правы, господинъ окружный судья. Намъ, поэтому, достаточно хлѣбнаго запаса, который вы доставили. Косцы могутъ себѣ идти домой—объѣдаться картофелемъ. А все-таки мнѣ жаль, что я ихъ не покормилъ хоть немного на счетъ графа, въ Гарго.

— Ты и самъ не будешь тамъ.

— Ну, это извините, тамъ я буду и непремѣнно, господинъ окружный судья! Но можетъ быть неисправны дороги! А?! Если только это такъ—сдеру кожу съ дорожнаго коммисара и зашью въ нее окружнаго судью! Угроза эта, однако, разсмѣшила его самаго. Засмѣялся и Иллавади.

— Да нечего тебѣ дѣлать-то тамъ!

— Это еще что такое? Мнѣ лучше знать! Я желаю присоединить къ своему отряду батальонъ Гарговарской нацiональной гвардiи подъ командой графа Теметвени.

— Батальонъ этотъ и не существуетъ вовсе. Вчера я роздалъ всѣ годныя ружья Гарговарскаго арсенала рекрутамъ-гонведамъ, которымъ, я думаю, они болѣе необходимы, чѣмъ мужичью.

Замѣчанiе было разумно и Горомболи не нашелся отвѣтить на него, но, за то, тотчасъ-же ухватился за другой поводъ, дававшiй выходъ его досадѣ.

— Въ полномъ-ли количествѣ поставлены рекруты?

— Вдвое больше противъ исключеннаго числа.

— Ваша вина это, чертъ возьми, ваша! А все-таки я пойду на Гарго и заставлю графа, хоть одного, безъ своего батальона, сопровождать меня въ Пресбургъ, въ качествѣ маiора нацiональной гвардiи.

— Не спорю—можетъ быть вышло-бы очень хорошо, только—еслибъ непрiятельскiй авангардъ уже не преградилъ, въ эту минуту, тебѣ дорогу на Пресбургъ, а это—еще новое основанiе для тебя—обойдти Гарго.

— Напротивъ—это даетъ мнѣ сто тысячъ основанiй идти туда! Я брошусь съ моимъ маленькимъ отрядомъ въ горный проходъ, и ужъ цѣлымъ десяти тысячамъ гамашныхъ героевъ не вытѣснить меня оттуда.

— Да—прибавь, опять-таки, — въ случаѣ, если аптекарь городка Цеэ успѣетъ приготовить для твоихъ ружей запальные снаряды. Вчера почью я писалъ ему объ этомъ.

— Откуда-же это ты-то знаешь, что у меня нѣтъ ихъ?

— Я знаю еще кое-что и побольше. Ты забываешь, что я — полицiя здѣшняго округа!

— Такъ, такъ, но — понимаешь-ли ты, что уже одного того обстоятельства, что тебѣ извѣстенъ подобный секретъ, достаточно чтобы тотчасъ-же разстрѣлять тебя.

— Это ужъ касается меня лично, а потому и поговоримъ о томъ послѣ, въ другое время, а теперь-же—дѣло идетъ о тебѣ. Прежде, чѣмъ запальники не будутъ готовы ты конечно не можешь ничего предпринять; причину, по которой тебѣ надо оставить Гарго въ сторонѣ и спѣшить пройдти Кранинскую долину рѣки Ваага—ты найдешь на оборотѣ газеты, которую держишь въ рукахъ теперь. Тамъ крупными буквами напечатано, что главная квартира оставила Пресбургъ и переведена въ Раабъ. Если ты сообразуешься съ этой перемѣной, направь голову твою хотя въ ту-же сторону.

— Это, чортъ знаетъ, что такое! крикнулъ Горомболи. — неужели ты во всемъ долженъ быть правъ? Къ чему, однако, вы изволили схватить моего шпiона и препроводить его назадъ? Какъ осмѣлились вы сдѣлать это?

— Кого это, Шиборака?

— Какое мнѣ дѣло до его имени—онъ мой военный шпіонъ, вотъ и все.

— Да, это извѣстный здѣсь, въ нашей сторонѣ, воръ.

— А вы думали, что шпіоновъ вербуютъ среди джентльменовъ? Между тѣмъ, вы едва не пріостановили одно мое распоряженіе тѣмъ, что взяли этого шпіона.

— Какъ? какъ? вы говорите—*едва* не пріостановили?! Теперь уже Иллаваи вскочилъ съ дивана и подбѣжалъ къ маіору. — Такъ вы, пожалуй, освободили плѣнника моего?

— Конечно, освободилъ.

— Ну, такъ вы сдѣлали огромную глупость!

— Какую-же это?

— А ту, что не я одинъ знаю теперь настоящую численность вашей бригады и слабыя стороны вашего положенія, но завтра-же ихъ будетъ знать и непріятель. Но, вотъ, смотри, кричалъ уже въ свою очередь Иллаваи, сунувъ маіору бумаги, найденныя у Шиборака,—тутъ у него отмѣчено подробно все о твоемъ отрядѣ. Видишь—это былъ непріятельскій шпіонъ, а не твой!

Горомболи бросился къ окну.

— Эй! крикнулъ онъ — тащите мнѣ сюда шпіона! Но Шиборакъ уже изчезъ.

Маіоръ схватился за голову.

— Ну, произнесъ онъ съ сильнымъ волненіемъ, обращаясь къ Иллаваи, теперь ты имѣешь право искрошить меня въ мелкіе кусочки! Никогда еще такой глупости я не дѣлалъ!

— Что-то такое въ этомъ родѣ произошло и съ Наполеономъ, успокоилъ его Иллаваи. Хорошо еще, что я хоть нѣсколько заставилъ опоздать Шиборака. Я думаю, однако, что у негодяя было еще какое нибудь другое дѣло тутъ. Кто знаетъ—можетъ быть и графскій возъ съ шерстью...

— Да, кстати! воскликнулъ Горомболи, обрадованный случаемъ снова придраться къ Францу — какъ ты смѣлъ дотронуться до этого воза, который взятъ былъ въ реквизицію отъ имени правительства? За это ты подлежишь ссылкѣ...

— Я не трогалъ того, что взято правительствомъ въ реквизицію, а взялъ только одну шкатулку, которую требовалъ собственникъ, меня уполномочившій.

— Гдѣ эта шкатулка?

— Вонъ она. Мой гайдукъ сидитъ на ней.

— Я долженъ видѣть шкатулку, въ ней могутъ находиться важныя бумаги. Члены Вѣнской камарильи умѣютъ отлично раскидывать повсюду нити своей паутины. Мнѣ необходимо знать что въ этой шкатулкѣ!

— Въ ней фамильные бриліанты графовъ Теметвени.

— Кто утверждаетъ это? Графъ? Такъ это вздоръ.

— Его дочь.

— Пальма? Ну, тогда это можетъ быть и вѣрно.

— Да ты можешь самъ удостовѣриться, если желаешь. Вели внести шкатулку сюда—мы откроемъ и осмотримъ все.

— Нѣтъ, если тамъ бриліанты, не хочу и глядѣть. Отвези ихъ самъ графу, пусть не безпокоится. Успокойся и ты—я не дотронусь до его особы. Бѣдная Пальма! Она никогда не выйдетъ замужъ. У нея такой болванъ отецъ. Ну его къ чорту. А теперь, старый дружище, обними меня. Мы, все-таки, остаемся, по прежнему, добрыми пріятелями. Будь это не ты — висѣлъ-бы уже давно у меня! А развѣ, въ самомъ дѣлѣ, невѣста написала тебѣ: „оставайся себѣ дома, я ужь выбрала другаго?“ Оригинально! Эхъ, еслибъ ты зналъ все, что знаю я! Ну, да ужь, что тамъ! Теперь такія времена, что, можетъ быть, и лучше носъ-то получить. Скоро мы опять съ тобой встрѣтимся, я—ужь генераломъ, а ты—вѣроятно, министромъ. Addio!

Онъ обнялъ и поцѣловалъ своего друга.

— А теперь, господинъ окружный судья, прошу васъ — ни слова никому о томъ, что мы тутъ говорили! ни слова! Не то-знайте, что есть у меня и порохъ, и свинецъ. И — будьте вы любимѣйшимъ сыномъ моего отца!..

Въ сосѣдней комнатѣ, между тѣмъ, за длиннымъ столомъ уже разсѣлся военный судъ.

Чтобы онъ не даромъ собирался, — Горомболи поставилъ предъ членами грознаго суда огромную кружку вина.

— Вотъ, ребятушки, позабавьтесь винцомъ, а потомъ возвращайтесь къ вашимъ занятіямъ.

(До слѣд. №)

Имперія на акціяхъ.

Очеркъ.

Осенью 1599 года, нѣсколько богатыхъ англійскихъ купцовъ, составивъ капиталъ въ 30,000 фунтовъ стерлинговъ, (около 300,000 р. по теперешнему курсу) задумали отправиться изъ Лондона въ Остъ-Индію и другія восточныя земли и острова съ цѣлью попытать счастія внѣ своего отечества. Для этаго они обратились съ ходатайствомъ къ царствовавшей въ то время королевѣ Елизаветѣ о выдачѣ имъ разрѣшительной грамоты. Такая грамота была подписана королевой въ концѣ 1600 года: въ ней просители были названы „торговымъ обществомъ“ и обществу этому предоставлялось исключительное право на 15 лѣтъ производить торговлю восточнѣе мыса Доброй-Надежды вплоть до Магеланова пролива, въ странахъ не принадлежащихъ христіанскимъ владѣтелямъ. Далѣе обществу было предоставлено право пріобрѣтать земли и другія владѣнія. Пользуясь такими широкими правами, маленькій флотъ изъ пяти кораблей всего, подъ начальствомъ Джэмса Ланкастера отправился въ далекую страну, слывшую сказочнымъ земнымъ раемъ и носившую названіе Индіи.

Со времени открытія Америки и морскаго пути вокругъ южнаго берега Африки, у португальцевъ, голландцевъ и англичанъ вошло положительно въ моду составлять торговыя общества съ спекулятивными цѣлями и предпринимать путешествія въ Индію, которой до сихъ поръ никто не видалъ и о которой имѣлись лишь весьма сомнительныя сообщенія отъ арабскихъ купцовъ. Страсть къ такимъ путешествіямъ въ особенности сильно развивалась у самонадѣянныхъ, предпріимчивыхъ и жадныхъ къ наживѣ англичанъ; уже въ 1553 году образовалась англійская Ганза, подъ названіемъ „Русское общество“, получившее право торговли на берегахъ Норвегіи, Бѣлаго моря и Сибири.

Англичане, отправившіеся подъ начальствомъ Ланкастера, остановились около Атчина на островѣ Суматрѣ и передали тамошнему властителю Аладину, за подписью королевы Англіи, очень искусно составленное письмо, въ которомъ говорилось, что португальцы распространяютъ слухи, будто они настоящіе владѣтели страны, а властителя и его народъ считаютъ своими подданными. Это сильно подѣйствовало на встревожившагося Аладина, и онъ вступилъ съ англичанами въ союзъ, заключилъ съ ними торговое условіе и дозволилъ основать колонію.

Такимъ образомъ лондонскіе торгаши утвердились въ этой части свѣта, начали свою торговлю и коварное мирное подчиненіе страны. Торговля шла такъ успѣшно, что и другіе англійскіе купцы испросили себѣ также разрѣшительныя грамоты, но поѣздки ихъ были неудачны. Остъ-Индская компанія не щадила денегъ на подкупы и одновременно съ другой компаніей исхлопотала себѣ особыя привиллегіи и не только на извѣстный срокъ, но на „вѣчныя времена“, съ тѣмъ только условіемъ, что торговля ихъ не будетъ приносить вреда странѣ. Союзъ этотъ становился все солиднѣе—это было товарищество на акціяхъ, съ общимъ рискомъ; всѣ предпріятія его велись необыкновенно дѣятельно, по заранѣе опредѣленному плану и вознаграждались громадными барышами. Ихъ ввозъ пряностей, перца и бумажныхъ матерій вызвалъ въ Англіи новую отрасль промышленности. При помощи разныхъ хитростей и обмановъ компаніи удалось завести свои факторіи въ Сіамѣ и Японіи, и пріобрѣсть вліяніе на внутреннія дѣла страны, благодаря распрямъ индійскихъ раджей; члены компаніи въ Лондонѣ возъимѣли даже смѣлую мысль основать англо-азіатскую имперію. Пришли къ тому заключенію, что при помощи денегъ и подарковъ легко можно было справиться съ индійскими раджами враждовавшими между собою и что изъ личныхъ выгодъ можно было вооружать одного изъ нихъ противъ другаго. Тогда началась цѣлая система интригъ и подкуповъ. Англичане не боялись португальцевъ и голландцевъ, имѣвшихъ тутъ также свои факторіи, такъ какъ всегда разсчитывали на помощь своего правительства, сознавшаго приносимую ими выгоду. У компаніи было 36 кораблей, поддерживавшихъ непрерывное сообщеніе между отечествомъ и индійскими колоніями; основной капиталъ ея равнялся теперь 1.600.000 фунтовъ стерл. и число участниковъ возросло до 954 человѣкъ. Въ 1622 году компанія съ помощью наемныхъ войскъ сразилась съ португальцами и отняла у нихъ цвѣтущій торговый городъ Ормузъ. Полученная здѣсь добыча была неимовѣрна и мудрые директоры индійской компаніи въ Лондонѣ поднесли въ то время 10.000 фунтовъ (100,000 руб.) вліятельному Герцогу Букингаму. Въ то же время компанія укрѣпила свои факторіи, подчинила себѣ нѣкоторыя области индійскихъ владѣтелей, и заставила увеличить подати, платимыя туземцами; теперь только набобы узнали истинную цѣну дружбы англичанъ. Если же на компанію доходили жалобы въ Англію, то директоры ея умѣли всегда отвратить угрожающую опасность богатыми подарками кому слѣдуетъ, даже самому королю. Какъ руководители акціонернаго общества, они были могущественными правителями настоящаго богатаго государства.

Съ теченіемъ времени, компанія построила въ различныхъ торговыхъ мѣстахъ укрѣпленные замки. Въ 1668 году Карлъ II подарилъ компаніи бомбейскую гавань; тутъ было положено основаніе большому англійскому городу, который и былъ сдѣланъ столицей индійскихъ владѣній. Директоры компаніи настаивали, чтобы правители Бомбэя, дѣйствовали въ интересахъ Англіи, и уполномочили своихъ высшихъ индійскихъ чиновниковъ въ случаѣ надобности прибѣгать къ оружію. Во времена Стюартовъ права компаніи все увеличивались; она получила право держать войско, имѣть свой военный судъ и чеканить монету. Прибыли общества, благодаря вымогательствамъ въ подвластныхъ ему мѣстностяхъ, возрасли до того, что въ 1680 году индійская стофунтовая акція стояла 360 фунт. стерлинговъ.

Наконецъ общественное мнѣніе въ Англіи возстало противъ неслыханнаго политическаго положенія этаго общества торгашей, такъ что парламентъ принужденъ былъ принять мѣры для ограниченія дѣйствій общества. Несмотря на подкупы, на которые впродолженіи трехъ лѣтъ израсходовано 252,467 фунт. стерл., парламентъ постановилъ ограничить торговыя привиллегіи компаніи и 5-го сентября 1698 года далъ еще одному англійскому обществу королевскую разрѣшительную грамоту на право веденія торговли въ Индіи. Между соперничающими компаніями возгорѣлась междуусобная война, длившаяся много лѣтъ, за которой въ Англіи слѣдили съ большимъ интересомъ. Наконецъ въ 1708 году, при вмѣшательствѣ короля и парламента, миръ былъ возстановленъ и общества слились въ одно. Теперь притязанія стараго общества возрасли еще болѣе. Вскорѣ послѣ пріобрѣтенія небольшой рыбачьей деревни Калькуты въ Бенгаліи, англичане завладѣли всей этой провинціей и сдѣлали Калькуту значительнымъ торговымъ пунктомъ. Но постоянныя притѣсненія ими туземцевъ вывели тѣхъ наконецъ изъ терпѣнія; въ 1756 году Калькута была раззорена и болѣе сотни англичанъ были заключены въ темницы, гдѣ они и умерли. Съ этаго времени казалось могущество англичанъ въ Индіи было подорвано. Но нашелся смѣлый и ловкій человѣкъ, спасшій англичанъ, который и былъ истиннымъ основателемъ англо-индійскаго государства въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ.

Это былъ Робертъ Клифъ, сынъ англійскаго адвоката, искатель приключеній, служившій въ индійской военной службѣ. Онъ отличился въ одномъ походѣ, затѣмъ былъ назначенъ комендантомъ замка, а потомъ командующимъ войсками; завладѣлъ снова Калькутой и, такимъ образомъ, выручилъ англичанъ. Клифъ трудился безъ устали и въ 1757 году заключилъ миръ. Затѣмъ снова выступилъ въ походъ и при Муршедабадѣ сразился съ 60,000 войскомъ, имѣя у себя только 3,000 человѣкъ, разсѣялъ непріятельское войско и взялъ въ плѣнъ набоба. Добыча, полученная теперь, равнялась 2.500,000 фунт. стерл.; цѣлый флотъ въ 100 судовъ отвезъ 800.000 фунт. стерлинговъ чеканной монеты въ Калькуту. При этомъ Клифъ не забылъ и себя—онъ составилъ себѣ состояніе, о которомъ и понынѣ ходятъ баснословные разсказы въ Европѣ. Остъ-индская компанія владѣла теперь громадной Бенгальской провинціей, въ которой Клифъ былъ ленникомъ ея властителя. Но индійскій князь пользовался властью только номинально и подъ вліяніемъ Клифа вымогалъ отъ своихъ подданныхъ небывалые налоги въ пользу англичанъ.

Директоры Общества въ Лондонѣ сами теперь испугались власти выпавшей на ихъ долю. Они и слышать не хотѣли о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ; но Клифъ отвѣтилъ имъ, что они должны покорить всю Индію и раздвинуть свои владѣнія.

Но директоры компаніи опасались, чтобы парламентъ не задался вопросомъ, могутъ-ли подданные Англіи быть владыками другихъ государствъ и политическая власть ихъ не должна-ли быть уступлена правительству Великобританіи? И тутъ также Клифъ, повѣренный купцовъ въ Калькутѣ, успокоивалъ ихъ тѣмъ, что остъ-индская компанія не формально владѣетъ государствомъ. Льготныя-же грамоты отъ набобовъ и султановъ, которые для народа оставались прежними владыками, заставляютъ общество быть защитниками этихъ султановъ. Затѣмъ, Клифъ прибавилъ: Съ тѣхъ поръ какъ мы возвышаемъ налоги, мы, дѣйствительно, владѣемъ землею. Набобу остается только имя и призракъ правителя, но намъ выгодно и нужно поддерживать этотъ призракъ.

Но чего опасались директоры, то, дѣйствительно, наступило, и въ этотъ разъ ни ихъ вліяніе, ни подкупы не могли отвратить опасности. Въ 1766 году парламентъ назначилъ коммиссію для провѣрки дѣйствій этой индійской Ганзы и ея чиновниковъ. Притѣсненіе ими народа, разстройство хозяйства страны, безсовѣстное обогащеніе высшихъ управителей, и въ особенности Клифа, дали основательный поводъ парламенту положить конецъ политической власти этой акціонерной компаніи. Напрасно директоры употребляли всю энергію потушить это дѣло, напрасно друзья ихъ въ прессѣ и парламентѣ заступались за компанію. Возраженія ихъ, что торговля ведется подъ верховнымъ управленіемъ властителя Дельги, что правители и князья Индіи сами возвышаютъ налоги, были признаны выдумкой. 18-го мая 1773 года лордъ Нортъ предложилъ проэктъ закона, которымъ регулировались дѣла индійской компаніи въ Индіи и въ отечествѣ. Не помогли никакіе происки, протесты и даже грубости, законъ былъ принятъ и „окончательнымъ актомъ“ положеніе компаніи измѣнилось до основанія и англійское государство само наслѣдовало земли, пріобрѣтенныя купцами счастливой спекуляціей, хитростью и силой.

Во главѣ управленія Бенгаліей, Бигаромъ и Оризой былъ поставленъ королевскій намѣстникъ съ жалованіемъ въ 25,000 фунт. стерл. ежегодно, при немъ находился равноправный совѣтъ изъ 4-хъ лицъ, съ жалованьемъ по 8,000 фунт. стерл. Намѣстникъ завѣдывалъ дѣлами гражданскими и военными. Бенгалія была первымъ президентствомъ и за исключеніемъ случаевъ личной обороны, не имѣла права ни вести войны, ни заключать договоры съ индійскими князьями. Главные чиновники этого индійскаго королевства на первые пять лѣтъ были назначены правительствомъ, затѣмъ, Ганзѣ было предоставлено избраніе 25-ти директоровъ, которые, однако, утверждались правительствомъ. Чиновникамъ, находящимся на службѣ общества или правительства, возбранялось принимать подарки; правители и судьи не допускались участвовать въ торговлѣ. Верховный королевскій судъ судилъ по англійскимъ законамъ англичанъ и туземцевъ.

Позднѣйшія парламентскія постановленія дополняли законы о компаніи. До 1833 года она пользовалась еще многими преимуществами, которыя съ теченіемъ времени утратила и въ 1858 году королева Викторія сдѣлалась правительницею Индіи, а въ апрѣлѣ 1876 года возложила на себя корону индійской имперіи, основаніе которой положено небольшимъ купеческимъ обществомъ на акціяхъ.

Бракосочетанія дѣтей въ средніе вѣка.

(Картина **Митчеля** стр. 65).

Въ бурномъ круговоротѣ историческихъ событій иногда существа слабыя являлись виновниками важныхъ переворотовъ и даже, какъ это ни странно, непонятно—дѣти фигурировали часто въ исторіи какъ крупные и самостоятельные дѣятели. Конечно иногда такая необходимая роль налагалась на нихъ необходимостью и силою обстоятельствъ, но случалось и то, что они дѣлались просто орудіемъ интриги и происковъ извѣстной партіи, которая и управляла ими по собственному своему произволу. Вообще увлекаясь извѣстною политическою или религіозною цѣлью, люди стараго времени были мало разборчивы въ средствахъ къ ея выполненію; нѣжный, слабый ребенокъ не смущалъ ихъ своею беззащитною простотою, безъ всякаго снисхожденія дѣлали его орудіемъ и иногда даже жертвою своего часто рискованнаго замысла. Такъ въ эпоху общаго увлеченія крестовыми походами, фанатическіе проповѣдники не довольствуясь тѣмъ, что громадная масса мужественныхъ воиновъ безслѣдно гибла отъ безплодной борьбы и лишеній всякаго рода, вздумали даже дѣтей сдѣлать участниками войнъ съ невѣрными, смѣло предполагая, что само Провидѣніе будетъ руководить этими юными воинами и защищать ихъ отъ всѣхъ бѣдъ и опасностей. „Богъ открывшій младенцамъ то, что утаилъ отъ мудрыхъ невѣрія, увѣнчаетъ успѣхомъ подвигъ дѣтей“ говорили фанатики и вотъ 30.000 мальчиковъ, увлеченные ихъ восторженною проповѣдью отправляются освобождать Святую Землю; идутъ они впередъ на авось, безпечно распѣвая гимны и гибнутъ всѣ безъ исключенія даже не достигнувъ цѣли своего странствованія. Другой столь-же яркій и замѣчательный примѣръ эксплоатаціи дѣтей и вреднаго и неумолимаго извращенія ихъ неиспорченной, чистой натуры, встрѣчается въ XV столѣтіи, въ исторіи Флоренціи, когда Саванарола пользовался тамъ громаднымъ общественнымъ вліяніемъ.

Увлекаясь высоко нравственнымъ и даже нѣсколько аскетическимъ идеаломъ, Саванарола задумалъ поднять нравственность развратныхъ и безпечныхъ флорентинцевъ и искоренить ихъ стремленія къ роскоши и наслажденіямъ съ помощью ихъ собственныхъ дѣтей. Изъ нихъ то онъ устроилъ особые отряды для наблюденія за пороками городскихъ жителей; дѣти безъ церемоніи входили въ дома и уничтожали все то, что по ихъ мнѣнію было роскошно и безнравственно, вмѣстѣ съ тѣмъ книги, художественныя произведенія и даже музыкальные инструменты; все это слагалось на огромный костеръ, на главной городской площади и торжественно сожигалось. Казалось бы, что дѣти были самыми лучшими выполнителями высоко-нравственнаго плана Савонаролы, но вышло совершенно иначе: дѣтски-неопытное страстное увлеченіе идеей испортило все дѣло. Маленькіе цензоры пріучились подглядывать, подслушивать, шпіонить, и такимъ образомъ, заботясь о нравственности, Савонарола, самъ того не сознавая, страшно деморализировалъ подростающее поколѣніе и тѣмъ еще болѣе усилилъ всеобщую, общественную порчу и разложеніе.

Но кромѣ этихъ упомянутыхъ нами историческихъ эпизодовъ лучшіе люди жертвовали лучшими чувствами дѣтей въ пользу своихъ личныхъ цѣлей; мы должны указать еще на одно изъ поражающихъ золъ средневѣковой Европы а именно на частые бракосочетанія дѣтей изъ разныхъ политическихъ и родовыхъ соображеній.

Въ эту темную и суровую эпоху, что нельзя было взять силою, то старались добыть хитростью, изъ которыхъ самою невинною считались браки, иногда очень неравные и часто соединявшіе навѣкъ другъ съ другомъ дѣтей самаго ранняго возраста. Такіе случаи встрѣчаются нерѣдко въ историческихъ хроникахъ и въ примѣрахъ нѣтъ недостатка. Возьмемъ хоть извѣстный эпизодъ половины XV вѣка, когда Филиппъ Бургундскій, желая во что-бы то ни стало породниться съ королемъ Франціи, просваталъ своего сына, тогда еще малолѣтняго графа Шароле, будущаго Карла Смѣлаго, за десятилѣтнюю дочь

(Продолженіе на стр. 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71 и 72).

Изъ средневѣковой жизни. Брачный союзъ по политическимъ соображеніямъ.
Съ картины И. Митчеля, грав. М. Рашевскій.

Карла VII Екатерину. Обрученіе было совершено съ большою торжественностью, но маленькая невѣста, привезенная на воспитаніе въ Бургундію, своею раннею смертью разстроила всѣ политическія соображенія тогдашнихъ дипломатовъ. Впрочемъ, послѣдніе иногда уже черезъ чуръ рано дѣлали ребенка орудіемъ своихъ плановъ и случалось просватывали его чуть не въ колыбели. Такъ, напримѣръ, по Арасскому договору, заключенному 23 декабря 1482 года двухлѣтняя дочь Максимиліана, Маргарита, обязывалась отправиться во Францію, получить тамъ воспитаніе и впослѣдствіи сдѣлаться женою дофина Карла, сына Людовика XI.

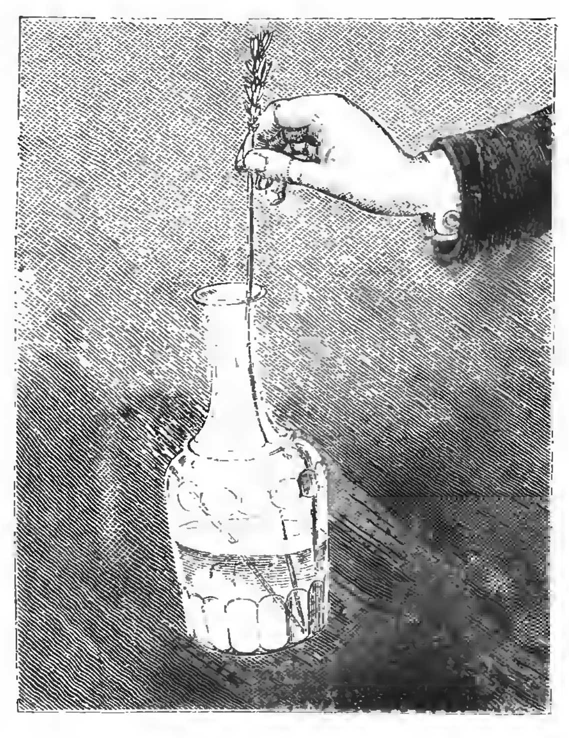
Само собой разумѣется, что подобные браки дѣтей ставши частыми среди государей, были въ то-же время въ обычаѣ и у ихъ вассаловъ и вообще у знати, гдѣ порождали ихъ тѣ-же родовые, эгоистичные расчеты, которымъ часто приносилось въ жертву будущее счастіе юныхъ супруговъ. Одинъ изъ такихъ эпизодовъ а именно бракосочетаніе малолѣтнихъ и изображаетъ прекрасная картина извѣстнаго англійскаго художника Митчеля. Сцена производитъ полукомическое, полугрустное впечатлѣніе. Костюмы и аксессуары, представленные художникомъ, указываютъ, что дѣло происходитъ въ концѣ средневѣковой эпохи. Изъ широкихъ дверей храма, надъ которыми виситъ изображеніе родовыхъ гербовъ жениха и невѣсты, выходитъ блестящая процессія, направляясь мимо длиннаго ряда монаховъ, освѣщающихъ ей путь факелами и распѣвающихъ торжественные гимны. Налѣво, впереди колѣнопреклоненной толпы народа, стоитъ вытянувшись эффектная фигура высокаго герольда съ алебардою въ рукѣ, въ раззолоченной короткой туникѣ, украшенной на груди тремя вышитыми леопардами. На первомъ планѣ маленькіе новобрачные, сопровождаемые блестящей и многочисленной свитой. Крошка-супруга въ своемъ роскошномъ платьѣ и съ короной на головѣ, похожа на разодѣтую куколку; мило-смущенно и неумѣло выступаетъ она подлѣ своего маленькаго жениха, который имѣетъ также словно обиженный и тоже смущенный видъ. На его личикѣ есть однако серьезность, требуемая какъ этикетомъ, такъ и торжественностью обряда, заставившими безпечнаго мальчика какъ-бы призадуматься надъ важностью и исключительностью своего новаго сана и положенія.

Къ рисункамъ.

Красавица.

(Рис. на стр. 52 и 53).

Типъ англійской красоты отмѣчается особеннымъ изяществомъ, спокойствіемъ, достоинствомъ и „породистостью“. Насмѣшливый Гейне, имѣя въ виду небольшіе короткіе носики англичанокъ, называлъ ихъ прекрасными статуями съ отбитыми носами. Если это замѣчаніе и имѣетъ за собою въ общемъ нѣкоторую злую мѣткость, то тѣмъ не менѣе среди типовъ красоты, отличающихъ Европу, англичанка-красавица занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.



Физическіе опыты. Поднятіе графина, наполненнаго до половины водой, посредствомъ соломины.

Физическіе опыты. Плавка олова на картѣ.

Кому случалось много путешествовать по Европѣ, тому случалось и встрѣчать вездѣ семьи англичанъ, всюду гдѣ только есть воды, галлереи. Полные достоинства, проходятъ они, внимательно останавливаясь и замѣчая все встрѣчающееся. Тутъ нельзя часто не любоваться миловидностью и воспитанностью англійскихъ мальчиковъ и дѣвушекъ, особенно послѣднихъ. Въ картинѣ своей Лейтонъ изобразилъ одну изъ такихъ своихъ прелестныхъ соотечественницъ.

Порченая (Причинна) Т. Г. Шевченко.

(Рисунокъ на стр. 57).

Въ прекрасномъ и мрачномъ, по обыкновенію, стихотвореніи Шевченки „Порчная“ столь удачно переведенномъ на русскій языкъ Вс. В. Крестовскимъ, передается грустная деревенская исторія; это разсказъ объ одной малороссійской дѣвушкѣ, которая сходитъ съ ума въ тщетномъ ожиданіи своего милаго—казака, покинувшаго ее не надолго и пропавшаго безъ вѣсти. Среди поселянъ она слыветъ за порченую, такъ какъ имъ непонятна настоящая причина ея душевной тревоги и страданія, какъ тѣнь бродитъ она по ночамъ, всюду отыскивая своего милаго, безчувственная ко всему окружающему, даже къ бурѣ и непогодѣ. Такъ она и изображена нашимъ художникомъ. Вотъ идетъ она все впередъ какъ бы увлекаемая какой нибудь сверхъестественной силой; кругомъ глухая ночь и безлюдье и лишь шумъ волнъ Днѣпра нарушаетъ общую, мертвенную тишину. Дѣвушка идетъ все дальше и дальше; въ дремучемъ лѣсу встрѣчается ей высокій дубъ и она взбирается на него, чтобы посмотрѣть въ ярко освѣщенную луною даль—не ѣдетъ ли по дорогѣ ея милый. Но все тихо и безлюдно; только лишь юныя русалки плещутся въ волнахъ рѣки, расчесывая свои густыя, зеленыя косы. Но вотъ они замѣтили сидящую на дубу красавицу.

„Захохотали зубоскалки;
Лѣсъ отозвался; рыкъ и вой...
Какъ сумасшедшія, русалки
Подъ дубъ кидаются толпой.

Окинувъ всю окрестность своимъ туманнымъ, блуждающимъ взоромъ, дѣвушка спускается съ дерева, но тутъ русалки окружаютъ ее и бросаются на нее какъ на давно поджидаемую, беззащитную жертву:

„Некрещенныя вкругъ дуба
Молча поджидали
Подхватили молодую
И защекотали...

Уже давно утро а красавица все спитъ; спитъ она сномъ непробуднымъ у дуба, на краю дороги; не слышитъ она топотъ

коня, на которомъ ѣдетъ ея милый, возвращающійся къ ней послѣ долгой разлуки.

„Притомился конь ретивый,
Шагъ и спотыкнется...
А вкругъ сердца удалаго
Дума змѣемъ вьется.
Вотъ и онъ, тотъ дубъ кудрявый...
Боже! Катерина!
Задремала, поджидая
Друга, сиротина!
Кинулъ поводъ и къ желанной
„Боже ты мой, Боже!"
Кличетъ милую, цѣлуетъ...
Не помочь... За что же,
Охъ, за что же разлучили
Насъ они тобою?

Стихотвореніе оканчивается трогательнымъ эпилогомъ; косцы находятъ подъ дубомъ два трупа: казака и дѣвушки. Рядомъ хоронятъ они ихъ, оплакиваютъ ихъ раннюю, таинственную кончину и надъ ихъ могилками сажаютъ кусты любимыхъ народныхъ растеній: калины, рябины и явора.

Средства зимняго сообщенія въ Петербургѣ.

(Рис. на стр. 60).

Такой зимы какъ настоящая не запомнятъ въ Петербургѣ за много, много лѣтъ. Это какая-то каррикатура зимы—ни снѣгу, ни морозу, ни на саняхъ, ни на дрожкахъ. Чуть выпадетъ хоть немного снѣгу—появляются сани, а на другой уже день—снѣгу нѣтъ! Опять др жки. То дождь, то буря и высокая вода на Невѣ—все осеннія удовольствія, а зимы нѣтъ какъ нѣтъ! А между тѣмъ все еще ѣздятъ на саняхъ, не смотря на то что на улицахъ вмѣсто снѣгу какое-то грязное мѣсиво.

Произведенная въ половинѣ минувшаго декабря однодневная перепись Петербурга дастъ намъ въ скоромъ времени приблизительную цифру народонаселенія громадной сѣверной столицы. По всѣмъ вѣроятіямъ, цифра эта превосходитъ милліонъ,—такъ какъ за послѣдніе пятнадцать лѣтъ народонаселеніе увеличилось почти вдвое.—Сравнительно малолюдный лѣтомъ—зимою онъ переполненъ жителями, жизнь кипитъ по всѣмъ улицамъ, и трудно не только провинціалу, но даже москвичу представить себѣ грандіозную картину,—ну хотя бы Невскаго проспекта въ солнечный зимній день, между двумя и пятью часами.

Вся масса жителей центра города, острововъ и окраинъ нуждается въ постоянныхъ, удобныхъ и недорогихъ средствахъ сообщенія. Конечно, наиболѣе удобнымъ и простымъ средствомъ сообщенія надо назвать легковаго извозчика, въ маленькихъ двумѣстныхъ санкахъ съ полостью, котораго изобразилъ художникъ на нижнемъ рисункѣ слѣва. Сравнительно извозчики въ Петербургѣ недороги, и значительное количество ихъ не допускаетъ чрезмѣрной платы, тѣмъ болѣе, что такса, которую пробовали нѣсколько разъ учреждать, рѣшительно не прививается къ нашей столицѣ. Кареты—двумѣстныя и четырехмѣстныя—второй типъ извозчичьихъ экипажей. Каретами Петербургъ славится: онѣ чрезвычайно дешевы, и въ большинствѣ случаевъ содержатся въ большомъ порядкѣ. На хорошихъ биржахъ можно всегда достать превосходные (особенно двумѣстные) экипажи.

Но конечно для массы недостаточнаго населенія ни легковые извозчики, ни кареты недоступны: бѣдному люду приходится довольствоваться общественными санями (см. рисунокъ наверху справа) и главнѣйшимъ образомъ—вагонами конножелѣзныхъ дорогъ.

За послѣднее время сѣть конножелѣзныхъ дорогъ значительно расширилась, и представляетъ въ общей сложности линію длиною около ста верстъ. Сотни вагоновъ, съ самаго ранняго утра расползаются по всѣмъ направленіямъ, доставляя наидешевѣйшее средство сообщенія окраинъ съ центрами. Конно-желѣзныхъ обществъ въ Петербургѣ два,—изъ нихъ первое, эксплоатирующее лучшими улицами столицы, имѣетъ большой доходъ, и отличается порядкомъ, быстротою ѣзды и чистотою вагоновъ. Второе общество несетъ съ самаго основанія большіе убытки,—и вѣроятно этимъ можно объяснить ихъ сравнительно худшее состояніе. Нѣкоторыя линіи пріобрѣли за послѣднее время паровыхъ двигателей—и примѣненіе маленькихъ локомотивовъ къ передвиженію по улицамъ оказалось болѣе чѣмъ удачнымъ.

Весьма оригиналенъ типъ шестимѣстныхъ санокъ (верхній рисунокъ слѣва), совершающихъ рейсы отъ адмиралтейства на Васильевскій островъ. Наконецъ къ общественнымъ же экипажамъ слѣдуетъ причислить и кресла, на которыхъ возятъ черезъ Неву по льду конькобѣжцы, — тѣ самые, которые лѣтомъ служатъ перевозчиками. Сообщеніе совершается съ быстротою захватывающею духъ—и за переѣздъ черезъ рѣку (саженъ 300) берутъ шесть копѣекъ съ одного, или десять съ двоихъ.

Въ видѣ особаго исключенія на масляной недѣлѣ дозволяютъ появляться въ Петербургѣ возницамъ совершенно особаго типа:—окрестнымъ чухнамъ, пріѣзжающимъ въ столицу на маленькихъ сытыхъ лошадкахъ съ бубенцами, на низенькихъ крохотныхъ саночкахъ. Рисунокъ такого экипажа видѣнъ внизу справа, возлѣ самаго дорогаго и самаго лучшаго типа петербургскихъ закладокъ:—тройки. Ими поддерживается сообщеніе съ загородными ресторанами, которыхъ за послѣднее время расплодилось подъ Петербургомъ достаточное количество.

Восхожденіе на пирамиду.

(Рис. на стр. 61).

„Все боится времени кромѣ пирамидъ", говоритъ арабская пословица и дѣйствительно эти колоссальныя зданія египетскаго искусства возвышаются гордо и непоколебимо, не смотря на то, что надъ ними пронеслось уже нѣсколько тысячелѣтій. Все измѣнилось вокругъ этихъ памятниковъ, подъ тѣнью ихъ прошли и исчезли въ исторической дали самыя разнообразныя письмена и народы; давно уже представители высокой египетской культуры смѣнились бѣдными арабскими... Однѣ пирамиды остались неизмѣнимы. Да неизмѣнима окружающая ихъ пустыня, да извилистый Нилъ, омывающій ихъ подножія.

Но—кругомъ все тихо; уже не слышно здѣсь шума и движенія жизни; невидно здѣсь ни пышнаго шествія фараоновъ, сопровождаемыхъ блестящей свитой, ни длинныхъ рядовъ направляющихся къ храму жрецовъ, ни многочисленной какъ муравьи густой толпы народа и рабовъ—этихъ послушныхъ тружениковъ и скромныхъ строителей колосcальныхъ обелисковъ и пирамидъ.

Теперь здѣсь все пусто и беззвучно; лишь только изрѣдка гарцуетъ здѣсь бедуинъ, да появляются толпы любопытныхъ туристовъ, чтобы съ помощью мускулистыхъ арабовъ взобраться на вершину пирамиды. Какимъ образомъ это дѣлается — это видно наглядно на нашемъ рисункѣ, видно также, какъ огромны уступы пирамидъ.

Впрочемъ годъ отъ году эти посѣщенія пирамидъ Европейцами дѣлаются все люднѣе и чаще: иные приходятъ сюда изъ пустаго любопытства, иные же, люди мыслящіе, невольно задумываются надъ этими памятниками давно минувшаго времени. На нихъ пирамиды производятъ глубокое, непередаваемое словами впечатлѣніе; особенно поразительна по своей грандіозности такъ называемая пирамида Хеопса, имѣвшая по своей постройкѣ 450 футовъ высоты и 700 футовъ ширины у основанія. Теперь она нѣсколько ниже, такъ какъ вершина ея разрушена мусульманами, но это поврежденіе почти незамѣтно снизу; громадность и грандіозность пирамиды нисколько отъ этаго не пострадала и теперь еще, изъ строительнаго матеріала пирамиды Хеопса, по вычисленію ученыхъ, можно вывести стѣну въ 6 футовъ вышины, а длиною въ 1,000 лье.

„Зрѣніе,—говоритъ французскій путешественникъ Жокмаръ,—даетъ самое неполное понятіе о громадности этаго гигантскаго сооруженія; лишь мыслію можно какъ слѣдуетъ понять ея ужасающіе размѣры. При видѣ этихъ громадныхъ глыбъ камня, нагроможденныхъ другъ на друга и при прикосновеніи къ нимъ невольно поражаютъ каждаго загадочные вопросы: какая могучая, почти сверхестественная сила могла поднять на такую высоту и поставить на мѣсто эти громадные камни? какая масса людей должна была трудиться надъ сооруженіемъ подобнаго колосса; сколько времени они употребили на этотъ страшный трудъ и какими орудіями могли они довести его до успѣшнаго окончанія?

Занимательные физическіе опыты.

(Рис. на стр. 66).

Опыты механической физики могутъ представить много интереснаго. Такъ, здѣсь помѣщено изображеніе какъ можно поднять графинъ, до половины наполненный водою, посредствомъ простой соломины. Складываютъ соломину, прежде чѣмъ погрузить ее въ графинъ, такимъ образомъ, что выгнувшаяся часть стебля соломины представляетъ сильное сопротивленіе своимъ упоромъ. Рисунокъ очень наглядно показываетъ какъ производится опытъ. Нужно чтобы соломины были свѣжія, цѣлыя, безъ малѣйшихъ изломовъ снаружи и внутри и тогда, если опытъ неудастся, можно его производить нѣсколько разъ, перемѣняя соломины, пока графинъ не будетъ держаться на такомъ привѣсѣ.

Что касается опытовъ съ дѣйствіемъ теплоты, то ихъ можно производить не имѣя никакихъ сложныхъ приборовъ. Чтобы наглядно видѣть какими сильными проводниками теплоты являются металлы, кладутъ легкую тонкую пластинку муслина на кружокъ полированнаго металла, такъ чтобы они непосредственно соприкасались; на муслинъ накладываютъ раскаленный уголь, котораго горѣніе поддерживаютъ дуновеніемъ. Муслинъ при этомъ не сгараетъ, жаръ весь уходитъ въ одинъ металлъ, который его принимаетъ сквозь матерію, поглощая его въ своей массѣ. Нашъ рисунокъ на стр. 66 представляетъ аналогическій опытъ. Кладутъ оловянную пластинку на обыкновенную игральную карту, которую держатъ надъ спиртовой лампой. Можно расплавить металлъ не сожигая карты. Но надо осторожно держать карту надъ огнемъ и главное именно тѣми частями, которые соприкасаются съ оловянной пластинкой, поглощающей исключительно весь жаръ.

Политическое обозрѣніе.

Китайцы на нашей границѣ.—Изъ за Каспія.—Болгарія.—Австро-Венгрія.—Германія.—Франція.—Египетъ.—Посланники султана въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Испанія и Португалія.

Наши сосѣди на дальномъ востокѣ, китайцы, вѣроятно, предполагая, что въ будущемъ они не разъ еще подадутъ поводъ къ столкновенію съ Россіей, стараются всѣми мѣрами обезпечить себѣ успѣхъ на границѣ съ нами. Правительство богдыхана, прежде всего, придвинуло къ границамъ возможно большее число населенія, которое снабжаетъ землей и всѣмъ необходимымъ: такъ согласно предложенію гиринскаго тзянь-тзюня (губернатора), ассигнована довольно значительная сумма для распашки 100,000 десятинъ пустопорожней земли между нашей пограничной чертой и Сянь-Синомъ въ двухстахъ верстахъ отъ первой, и вслѣдъ за симъ мѣстность эта была заселена; независимо отъ этого, китайцы энергически занялись усиленіемъ средствъ обороны сѣверной части Манчжуріи; за Кульджу китайцы начали уже платить намъ: недавно первая часть уплаты внесена переводомъ на лондонскій банкирскій домъ Беринга.—Что касается нашихъ дѣлъ въ закаспійскомъ отдѣлѣ, то изъ англійскихъ источниковъ мы узнаемъ, что нашъ гарнизонъ въ Асхабадѣ доведенъ до 3000 ч. всѣхъ родовъ оружія, а именно: въ этотъ городъ прибылъ русскій отрядъ изъ 2500 ч. пѣхоты, 500 ч. кавалеріи, 16 пушекъ и 400 артиллерійскихъ лошадей, вмѣстѣ съ большимъ транспортомъ боевыхъ снарядовъ, затѣмъ небольшой русскій отрядъ двинулся впередъ на 16 верстъ къ востоку отъ крайняго передоваго поста, находящагося въ 24 миляхъ отъ Асхабада по дорогѣ въ Мервъ; часть праваго берега. Атрека, до 35 верстъ отъ ручья Мугашмадъ, занята казаками. Повидимому, обращаясь постоянно къ англійскимъ источникамъ, мы можемъ смѣло дать нашимъ читателямъ обѣщаніе сообщить имъ во всей подробности, о томъ, что происходитъ въ Асхабадѣ или на такой то верстѣ отъ того города, въ ту или другую стороны: англичане не упускаютъ изъ виду ни одного движенія, ни одного шага нашего тамъ, и каждое движеніе. каждый шагъ имъ совершенно извѣстенъ. Интересно было бы знать—откуда это они все такъ хорошо видятъ?

Въ иностранныхъ газетахъ сообщается странное извѣстіе, будто-бы столица Болгарскаго княжества, Софія подожжена въ разныхъ пунктахъ нигилистами. Извѣстіе это передано, между прочимъ, австрійскою прессою, въ которой слышны намеки на необходимость послать князю Болгарскому войска Императора Франца-Іосифа для усмиренія мятежа. По обыкновенію, мы не будемъ спѣшить выводами, не будемъ торопиться и вѣрить всему, что передается вѣнской прессой. Одно изъ двухъ: тутъ или легкомысленно подхваченный и искаженный слухъ. или же нѣчто болѣе значительное... Между тѣмъ, 31 декабря, въ той-же Софіи обнародованъ княжескій указъ объ открытіи засѣданій болгарскаго государственнаго совѣта, въ составъ котораго входятъ министры, а также назначенные синодомъ епископы, четыре члена по назначенію отъ короны и восемь выборныхъ членовъ; большая часть членовъ совѣта консерваторы, либераловъ всего четыре; президентомъ избранъ Икономовъ, вице-президентомъ—Грековъ; въ тотъ-же день министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ, вмѣсто бывшаго подполковника русской службы Ремлинга, болгаринъ Ночевичъ, жившій въ Вѣнѣ до освобожденія его отечества.

Австро-Венгрія наводняетъ войсками свои славянскія провинціи, въ которыхъ обнаружились волненія; въ Далмаціи уже 12 тысячъ, въ Герцеговину и Боснію двинуто отъ 7 до 9 тысячъ, къ которымъ въ февралѣ предполагаютъ присоединить еще отъ 5 до 7 тысячъ; но—мало того: имѣется въ виду сосредоточить, на всякій случай (!), въ видѣ резерва. двинутыя на югъ войска, корпусъ въ 35 тысячъ человѣкъ.

Неужели австрійцамъ необходимо такое огромное количество войскъ для того, чтобы справиться съ еле-вооруженными ничтожными отрядами возставшихъ славянъ, сильныхъ только своею геройскою любовью къ родинѣ? Или уже Австрія обезпечила себѣ полную возможность приступить къ осуществленію своихъ плановъ? Едва-ли, но — къ чему эта масса войскъ?

Въ тронной рѣчи Германскаго Императора указано, между прочимъ, значительное улучшеніе финансовъ государства: избытокъ доходовъ надъ расходами достигъ 29 милліоновъ марокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ рѣчи сказано, что установившіяся дружественныя отношенія съ папой дозволяютъ Германской имперіи возобновить дипломатическія сношенія съ Ватиканомъ.

Гамбетта намѣренъ примѣнить во Франціи проектъ князя Бисмарка относительно учрежденія страховыхъ обществъ для рабочихъ, но еще настойчивѣе первый министръ стоитъ за свой проектъ закона (о новой системѣ выборовъ по общимъ спискамъ), проектъ, который, говорятъ, имѣетъ мало сторонниковъ; увѣряютъ даже по этому поводу, что Гамбетта хочетъ выйдти въ отставку, если ему не удастся добиться своего. Недавно, по поводу годовщины смерти Бланки, была произведена крайними радикалами шумная демонстрація, послѣдствіемъ чего было вмѣшательство полиціи и арестъ многихъ изъ участниковъ, которые уже преданы суду и приговорены къ разнымъ наказаніямъ. Всѣ соціалистическія фракціи, конечно, въ страшнѣйшемъ неудовольствіи на министерство.

Франція и Англія, повидимому, все еще продолжаютъ считать національное движеніе въ Египтѣ какимъ-то едва ли не возстаніемъ и недавно отправили хедиву тожественныя ноты, въ которыхъ предлагаютъ ему матеріальную помощь на случай нарушенія порядка въ его вице-королевствѣ. Хедивъ очень хорошо понялъ, что помощь эта ни болѣе, ни менѣе, какъ оккупація и, конечно, встрѣтилъ „дружественное“ предложеніе съ полнымъ неудовольствіемъ, а Порта прямо высказалась, по поводу этихъ нотъ, за свои верховныя права надъ хедиватомъ. Можно думать, что Германія и Австро-Венгрія поддерживаютъ и султана, и хедива.

Что касается султана, то въ этомъ едва ли можно и сомнѣваться. Его чрезвычайные посланники — Али-Низами-Паша и Решидъ-бей. побывавъ въ Берлинѣ, гдѣ удостоились самаго ласковаго пріема (внѣшній поводъ ихъ пріѣзда въ столицу Пруссіи состоялъ въ врученіи императору ордена Османіэ), отправились затѣмъ, по совѣту, данному имъ тамъ,—въ Вѣну, гдѣ были встрѣчены не менѣе радушно. Результатомъ этаго объѣзда, какъ говорятъ, послѣдовало соглашеніе, въ силу котораго, будто бы, Германія и Австро-Венгрія гарантировали Турціи status quo на востокѣ, а Порта приглашаетъ къ себѣ чиновниковъ и офицеровъ изъ Германіи.

Союзъ Испаніи и Португаліи укрѣпляется все болѣе и болѣе; между королями обоихъ государствъ завязываются дружественныя отношенія.

Умъ и языкъ слоновъ.

Много писано уже о понятливости слоновъ, но очень мало лицами наблюдавшими слоновъ; а потому сообщенія этихъ послѣднихъ должны интересовать каждаго. Сообщенія эти подтверждаютъ именно то предположеніе ученыхъ, что слонъ на столько выше прочихъ животныхъ, на сколько человѣкъ выше его.

Жаколіо говоритъ. что онъ долгіе годы провелъ въ Индіи и на Цейлонѣ и видѣлъ такіе примѣры понятливости, чувства, благодарности, памяти и силы воли слоновъ, что составляетъ гораздо болѣе, чѣмъ простой инстинктъ. Онъ передаетъ только то, въ чемъ дѣйствительно убѣдился лично. вмѣстѣ съ свидѣтелями европейцами и что могутъ подтвердить многія англійскія семейства, жившія долго въ Индіи.

Слонъ—это домашнее животное, но не плѣнникъ, убѣгающій при первой возможности. Всякій, жившій на востокѣ и видѣвшій слона. свободно двигающагося, въ качествѣ слуги, спутника и защитника человѣка, удивляется такому неосновательному предположенію. Стоитъ видѣть слона на берегахъ Гаудуры и Каллао. Онъ живетъ въ лѣсахъ Каттограма или въ ущельяхъ Бадуллы, не опасаясь нападенія. Вдругъ онъ встрѣчаетъ толпу слоновъ, которые бродятъ повидимому безъ цѣли. Неосторожный присоединяется къ нимъ и вмигъ собратія его схватываютъ и вяжутъ его; теперь только въ припадкѣ безсильной злобы. слонъ видитъ впервые человѣка, который выслалъ товарищей его на эту охоту, и другомъ котораго онъ вскорѣ станетъ и самъ. Вскорѣ затѣмъ слонъ этотъ встрѣчается въ Каллао уже какъ собственность купца, торгующаго кокосовыми орѣхами, посудой, рисомъ и копченой рыбой. Каждую недѣлю слонъ идетъ въ Кальтуру, Негомбо, Коломбо и несетъ покупателямъ товары своего хозяина, въ началѣ подъ надзоромъ корнака, затѣмъ мальчика, а въ концѣ одинъ, не ошибаясь ни дорогой и не минуя ни одной двери. Спустя два или три дня, послѣ раздачи товаровъ, онъ возвращается обратно и ждетъ дня слѣдующаго недѣльнаго путешествія. Между тѣмъ. въ свободное время, онъ ходитъ въ лѣсъ и приноситъ дрова и плоды для семьи и траву для домашнихъ животныхъ; вечеромъ онъ набираетъ воду изъ колодцевъ и поливаетъ ею, въ продолженіи часа или двухъ, рисовыя поля и поля бетеля.

Какая же сила удерживаетъ его? онъ не бываетъ привязанъ и никакая цѣпь даже не въ состояніи его удержать. Ничто не препятствуетъ ему уйдти къ своимъ дикимъ сотоварищамъ.

Въ продолженіи долгой своей жизни, онъ часто мѣняетъ хозяевъ и каждому изъ нихъ служитъ съ одинаковой преданностью и добродушіемъ, то какъ носитель тяжестей или дровоносъ. то какъ охотникъ или собирающій пожертвованіе на пагоду. то сражаясь съ тиграми и носорогами.

Въ Котмальскихъ горахъ, на Цейлонѣ, Жаколіо видѣлъ слоновъ. которые на неприступныхъ высотахъ рубили большими топорами гигантскія деревья, стволы которыхъ предназначались для постройки кораблей; стволы эти они очищали отъ вѣтвей и на себѣ переносили въ гавань Коломбо, гдѣ другіе слоны принимали ихъ и очень искусно укладывали. Жаколіо говоритъ, что справедливость этаго удостовѣрятъ всѣ капитаны

торговыхъ кораблей изъ Марсели, Бордо, Навта и Гавра бывавшіе въ Индіи и въ особенности на Цейлонѣ. И эти слоны работаютъ одни въ лѣсахъ и вожакъ ихъ посѣщаетъ ихъ не болѣе одного раза въ день. Имъ очень легко уйдти въ лѣсъ на свободу, но этому не бывало примѣровъ, напротивъ того, они особенно ненавидятъ дикихъ слоновъ и при встрѣчѣ съ послѣдними вступаютъ въ бой, во время котораго нерѣдко цивилизованный слонъ побѣждаетъ дикаго.

Въ подтвержденіе разсказовъ о работахъ слоновъ, по переноскѣ стволовъ въ Коломбо, Жаколіо приводитъ свидѣтельство маіора Скиннера, жившаго долго въ Индіи. Однажды вечеромъ, говоритъ Скиннеръ, я ѣхалъ черезъ лѣсъ около Канди. Вдругъ лошадь моя, испуганная громкимъ шумомъ, остановилась. Слышны были звуки урмфъ! урмфъ! Вскорѣ я увидѣлъ откуда они шли: это былъ ручной слонъ, предоставленный самъ себѣ и занятый толканіемъ тяжелаго ствола своими клыками; тропинка была очень узка, а потому онъ долженъ былъ поворачивать голову то вправо, то влѣво и разсерженный издавалъ эти звуки. Какъ только онъ насъ увидѣлъ, онъ поднялъ голову, оставилъ стволъ и отошелъ въ сторону, давая намъ дорогу. Моя лошадь вся дрожала отъ страха, что замѣтя, слонъ отошелъ еще дальше, при чемъ его „урмфъ" сдѣлался очень мягкимъ, точно онъ желалъ насъ успокоить. Какъ только мы прошли, слонъ принялся опять за свою трудную работу.

При ближайшемъ наблюденіи оказывается, что звуки, издаваемые слонами, очень разнообразны. У нихъ цѣлая система выраженій, состоящихъ изъ сотни различныхъ модуляцій, соотвѣтствующихъ словамъ и названіямъ предметовъ, которые они обозначаютъ всегда однимъ и тѣмъ же голосомъ. кромѣ того для выраженія радости, боли или удивленія у нихъ существуютъ восклицательные звуки. Магуты (корнаки, вожаки слоновъ), подмѣтившіе эти различные переливы голоса, раздѣляютъ ихъ на три категоріи, 1) горловые, восклицательные звуки, числомъ до 15, выражающіе радость, боль и т. п. 2) звуки, издаваемые хоботомъ, числомъ до 30 и которыми выражается гнѣвъ, безпокойство и призывается на помощь. 3) Издаваемые ртомъ и такъ называемые смѣшанные звуки изъ горла, рта и хобота. Это звуки самые многочисленные, ихъ бываетъ 60 и слонъ употребляетъ ихъ неизмѣнно, для названія своего хозяина. вожака, воду, кормъ и другіе часто имъ употребляемые предметы.

Жаколіо часто слышалъ, какъ вожакъ разговаривалъ съ своимъ слономъ. Индѣецъ отвѣтитъ совершенно спокойно на вопросъ чего хочетъ слонъ, голоденъ ли онъ, страдаетъ ли онъ отъ жажды и проч. Всякій разъ, какъ слонъ казался безпокойнымъ и издавалъ уже извѣстные звуки, корнакъ говорилъ: онъ хочетъ хлѣба, сахарнаго тростника, плодовъ и всякій разъ, получая требуемое, слонъ успокоивался. Слонъ не принималъ хлѣба, если онъ хотѣлъ рису или чего нибудь другаго.

Въ одну изъ поѣздокъ по Малабарскому берегу слонъ Жаколіо началъ ворчать и старался всевозможными звуками дать понять корнаку свое дурное расположеніе. Корнакъ, желая его успокоить, обращался къ нему съ дружескими и ласковыми словами, наконецъ рѣзко приказалъ ему замолчать. Но это было напрасно, слонъ не унимался, такъ что корнакъ выбранилъ его. Жаколіо спросилъ о причинѣ безпокойства, оказалось, что слонъ требуетъ непремѣнно, чтобы ему сняли кокосовый орѣхъ съ дерева. Они именно проѣзжали мимо этихъ деревьевъ. Ничего нѣтъ легче, какъ удовлетворить слона, сказалъ Жаколіо, да отвѣтилъ вожакъ, но если меня увидитъ сторожъ, то я заплачу штрафъ. Ты правъ, у перваго же владѣльца мы купимъ столько кокосовъ, что слону хватитъ на весь день.

Сказано, сдѣлано. Какъ только продающій индѣецъ влѣзъ на дерево, слонъ сдѣлался покойнымъ. Когда Жаколіо подалъ ему первый орѣхъ, упавшій на землю, слонъ началъ издавать всевозможные радостные звуки и уже весь день не тревожилъ болѣе корнака.

Можно положительно утверждать, что слонъ обладаетъ языкомъ, который становится понятнымъ человѣку. Въ подтвержденіе чего Жаколіо говоритъ, что находясь въ Каттограмѣ, на обѣдѣ у судьи, онъ слышалъ, какъ хозяйка дома сказала слону, стоящему передъ окномъ и просящему кусокъ сахару: „принеси Эрнеста".

Животное издало какой-то непонятный звукъ, по дама тотчасъ отвѣтила: „ты его найдешь у садовника". Слонъ ушелъ и черезъ 10 минутъ вернулся съ мальчикомъ, котораго онъ осторожно снялъ хоботомъ со спины и поставилъ передъ матерью. Тотъ же слонъ звонилъ въ обѣденный колоколъ, накачивалъ воду для кухни и ходилъ гулять съ дѣтьми, наблюдая, чтобы ни одинъ ребенокъ не ушелъ далеко. Въ томъ же округѣ Жаколіо видѣлъ, какъ слонъ помогалъ землемѣру въ его работахъ и приносилъ ему инструменты изъ дома. Подобныя работы слоновъ видѣлъ каждый жившій въ Индіи.

Смѣсь.

Парусныя сани. Въ предъидущемъ № мы помѣстили рисунокъ и описаніе саней-яхты или такъ-называемыхъ *буеровъ*, употреблявшихся въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и нынѣ устроенныхъ членами с.-петербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба,—всего семь буеровъ. Въ воскресенье, 3 января, происходила гонка буеровъ на льду и предполагалось пустить въ ходъ четыре буера, но участвовали въ гонкѣ только два. Читатель уже знаетъ изъ описанія, нами помѣщеннаго, устройство такого буера. Участвовали въ гонкѣ, какъ мы сказали, только два буера: одинъ американской системы съ японскимъ парусомъ, похожимъ на исполинскую бабочку и простой буеръ. Первымъ управлялъ Н. А. Марковъ, вторымъ князь Я. Н. Несвицкій. Оба буера тронулись съ мѣста въ половинѣ втораго, и нерѣдко застрявали въ порошахъ и наносахъ и на пробѣгъ дистанціи въ 32 версты употреблено ими три съ половиною часа. Князь Несвицкій попалъ на болѣе удобную поляну и имѣлъ всего четыре человѣка съ собою; Марковъ же взялъ съ собою восемь человѣкъ. Другіе же два буера гг. Бендемана и Кованько сдѣлали небольшія увеселительныя поѣздки, воротились къ яхтъ-клубу и любезно предложили желающимъ прокатиться на буерахъ. Сначала все шло хорошо: съ утра тянулъ свѣжій вѣтеръ, который продолжался до двухъ часовъ. Затѣмъ вѣтеръ упалъ и могли идти только болѣе легкіе буеры такъ какъ болѣе тяжелые двигались трудно. Но вотъ буеръ выходитъ на открытое мѣсто, на полный вѣтеръ и несется по гладкому льду быстро, легко, свободно какъ птица по воздуху. Это чудное, неиспытанное ощущеніе, ощущеніе этой необычайной быстроты и легкости стремленія по гладкой ледяной пустынѣ, гдѣ только вдали видна черная точка—это „Красный кабачокъ", гдѣ прозябшихъ пассажировъ буеровъ ждалъ завтракъ. Гонка окончилась около пяти часовъ пополудни.

Докторъ Сименсъ, во время празднованія открытія института въ Бирмингамѣ, въ сказанной имъ рѣчи упомянулъ о томъ, какъ онъ будучи еще молодымъ человѣкомъ съ очень небольшой суммой денегъ и съ головой, наполненной всевозможными планами и изобрѣтеніями прибылъ въ Лондонъ. По англійски онъ зналъ очень мало, и не имѣя рекомендаціи не зналъ къ кому обратиться. Опечаленный онъ ходилъ по улицамъ, какъ вдругъ замѣтилъ вывѣску, на которой большими буквами стояло: X. X. Underlaker. Какое счастье! подумалъ онъ, переводя это слово буквально словомъ „предприниматель", которое соотвѣтствуетъ французскому слову entrepreneur, и полный самыхъ радостныхъ надеждъ, вошелъ въ магазинъ. Но къ немалому изумленію и страху увидѣлъ онъ, что попалъ къ гробовщику: underlaker по англійски значитъ именно гробовщикъ. „Но такъ какъ я не имѣлъ желанія, заключилъ онъ свой разсказъ, похоронить себя со всѣми моими проектами, то извинившись и поторопился уйти оттуда".

Въ Японіи телеграфныхъ линій насчитывается около 2400 нѣмецкихъ миль; десять лѣтъ тому назадъ была проложена первая линія. Большой врагъ телеграфовъ—это паукъ, появляющійся большими массами и опутывающій проволоку; какъ только въ эту пряжу накопится дождь или ночная роса, то токъ мгновенно прекращается. Поэтому Японцы держатъ цѣлый отрядъ рабочихъ, которые длинными бамбуковыми палками и снимаютъ паутину съ проволокъ; конечно средство это не можетъ считаться удовлетворительнымъ.

Величайшія рѣки по новѣйшимъ географическимъ даннымъ Даніеля слѣдующія: Миссисипи съ Миссури и притокомъ послѣдней Мидизонъ составляетъ 7275 километровъ (1 кил., около версты), Нилъ—6450, Амазонская рѣка съ Мадейрой 6420, Янтсекьянгъ 5350, Енисей и Амуръ по—470, Гоанго—4440, Обь съ Иртышемъ 4350, Камбоджа—4200, Лена—4100, Ла-Плата съ рукавомъ 3700, Волга—3688, Конго—3600, Св. Лаврентія—3550, Нигеръ тоже 3550, Макензи—2300, Замбези—3150, Брамапутра—2950, Индъ 2900, Евфратъ—2900, Дунай 2888 километровъ. Рейнъ имѣетъ только 1295, Эльба—1165, Висла—1050 и Одеръ 1005 километровъ.

Населеніе Японіи по послѣдней переписи состоитъ изъ 35.925,313 душъ, изъ нихъ 18.210,500 мужскаго и 17.714,813 женскаго пола. Въ столицѣ Токіо считается 957,000 жителей; въ прежней резиденціи Кіото 822,000 и въ городѣ Оасака 583,000. Замѣчателенъ перевѣсъ мужскаго населенія.

Открытіе Сентъ-Готардскаго тонеля. Большой Сентъ-Готардскій тонель былъ открытъ для движенія и сданъ подрядчикомъ компаніи; первый пробный поѣздъ прошелъ его въ одномъ направленіи въ 33 мин. и въ другомъ направленіи въ 50 минутъ. Финансовые результаты, впрочемъ, весьма неудовлетворительны. Чистая потеря по контракту доходитъ до 100,000 фунтовъ стерлинговъ.

Радикальное средство отъ пьянства. Бывшій докторъ дома призрѣнія бѣдныхъ въ Вѣнѣ. Жюрье, заявилъ въ послѣднемъ засѣданіи вѣнской Коллегіи докторовъ о способѣ, какой онъ съ успѣхомъ примѣнялъ при леченіи отъ пьянства. Двухъ паціентовъ онъ помѣстилъ на двѣ недѣли въ госпиталь и строго за ними велѣлъ слѣдить. Впродолженіи этаго времени, оба субъекта, которые прежде неоднократно наказывались полиціей за пьянство, получали питье и кушанье отзывавшееся водкой. Вода, вино, молоко, супъ, говядина, даже лекарство и постель были пропитаны водкой. Въ первый день паціенты смѣялись надъ подобнымъ леченіемъ и охотно ѣли и пили, на второй день, запахъ водки сталъ имъ надоѣдать, на третій уже опротивѣлъ и они умоляли избавить ихъ отъ него. Но несмотря на это, въ продолженіи двухъ недѣль ихъ все продолжали лечить такимъ-же образомъ. Съ тѣхъ поръ ни одинъ изъ нихъ не бралъ въ ротъ ни капли водки.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 91.

(Помѣщ. въ № 50 1881 г.)

1-е число	=	x;
2-е "	=	y;
3-е "	=	z;
4-е "	=	u;
5-е "	=	f;
6-е "	=	t;
7-е "	=	s;
8-е "	=	q;
9-е "	=	r;
10-е "	=	g;
11-е "	=	m;
12-е "	=	p;
13-е "	=	l;
14-е "	=	n;
15-е "	=	h;
16-е "	=	d;
17-е "	=	e;
18-е "	=	k;

I) $2x=y+z$;
II) $y+u+g=2s+k$;
III) $3f=2q-m$;
IV) $t+p=20$;
V) $q+l=2y$;
VI) $3t-g=50$;
VII) $q-r+(m\ \ p)=y-1$;
VIII) $p:n=1:4$;
IX) $h+d=2u$;
X) $3x=4f$;
XI) $s+n=z$;
XII) $5n+2h=100$;
XIII) $r:e=3:5$;
XIV) $x+m=e$;
XV) $h\ \ p=t$;
XVI) $g\ \ k=7$;
XVII) $3y=u+t$;
XVIII) $q\ \ s=10$;

Изъ ур. VIII им. $n = 4p$;
XII) $5n + 2h = 100$;
$10p + h = 50$;
XV) $h \mp p = -t$;

$11p \pm t = 50$
IV) $-t + p = -20$

$10p = 30$
$p = 3$.

$x = 20$	=	у
$y = 13$	=	м
$z = 27$	=	ъ
$u = 22$	=	х
$f = 15$	=	о
$t = 17$	=	р
$s = 15$	=	о
$q = 25$	=	ш
$r = 15$	=	о
$g = 1$	=	а
$m = 5$	=	д
$p = 3$	=	в
$l = 1$	=	а
$n = 12$	=	л
$h = 20$	=	у
$d = 24$	=	ч
$e = 25$	=	ш
$k = 6$	=	е

Умъ—хорошо, а два—лучше.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.** — Судакова, Тарновскаго, Лебедева, Доброхотова, Х., Боронина; **Москва**- Кокарскаго, В. Е. Е., Аскарханова, Смирнова, Ларіонова; **Бахчисарай**—Дремджи; **Вологда**—Степанова; **Дерптъ**—Пома; **Епифань**—Уралова; **Ив.-Вознес.**—Брынина; **Керчь**—Дервисье; **Коломна**—Шевлягина; **Кронштадтъ** — Пшіемскаго; **Курскъ**— Ш—ш—на; **Ловичъ** — Романенко; **Мальце-Бродово** — Терентьева; **Медвѣдево** — Лейцингеръ; **Могилевъ** — Когонъ; **Новочеркаскъ**— Полякова; **Полтава** — Флейтеръ; **Самара** — Журавлева; **Саратовъ** — Флеровскаго; **Серпуховъ** — Плотникова; **Смоленскъ** — Максимова; **Ставрополь** — Остапенко; **Уфа**— Тимашева; **Ярославль** — Трескина; **Астрахань** — Цѣхановича.

Рѣшеніе ребуса № 91, помѣщеннаго въ № 50 1881 г.

„Весна, выставляется первая рама,
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣсть ближняго храма,
И говоръ народа и стукъ колеса".

Рѣшеніе ребуса № 95, помѣщеннаго въ № 52 1881 г.

„Поздравляемъ нашихъ читателей съ праздниками и съ Новымъ годомъ."

Разгадку этаго послѣдняго ребуса мы получили отъ весьма многихъ подписчиковъ, которые, благодаря насъ за поздравленіе съ праздникомъ, отвѣчаютъ намъ также поздравленіемъ и также въ видѣ ребусовъ. По ихъ многочисленности имена ихъ мы не можемъ здѣсь помѣстить и благодаримъ за поздравленія.

Рѣшеніе шашечной задачи № 93,

Бѣлые	Черные
Съ № 22 на № 27	Съ № 23 на № 30
" № 10 " № 13	" № 32 " № 1
" № 31 " № 27	" № 30 " № 23
" № 18 " № 31	" № 25 " № 9
" № 12 " № 15	" № 20 " № 11
" № 8 " № 19	" № 23 " № 14
" № 17 " № 10	" № 14 " № 5
" № 3 " № 6	" № 11 " № 2
" № 31 " № 24	" № 2 " № 6
" № 24 " № 2	и дамка и 2 шашки черныхъ заперты.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Москва**—Лохина, Ларіонова, Васильева; **Горки**—Кокушкина, **Калуга**—Волокова, **Липица**—Медвѣдникова, **Муромъ**—Васильева, Голубева, **Просяныя Поляны**—Шелоумова.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

СЕМЬЯ И ШКОЛА иллюстр. дѣтскій и педагогич. журналъ въ 1882 г. (XII годъ изданія) подп. ц. съ дост. и перс.: **Полный же.** (оба отдѣла) **12** р. или отдѣльно: 1) **Иллюстр. отд. для дѣтей** (12 №№) **10** р. 2) Учебно-воспит. отдѣлъ съ Педагогич. Хроникою (10 №№ ж. и 40 №№ Пед. Хр.) **6** р. Адресовать: въ контору журнала „Семья и Школа“ (адресъ почтамту извѣстенъ). № 1846 5—2

РУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

помѣщающаяся на Большой Московской ул., близъ Владимірской, въ д. 5, объявляетъ, что пріемъ учениковъ на ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ назначенъ ежедневно отъ 4 до 7 ч. вечера. ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНІЯ: пѣніе соло, фортепіано, и всѣ др. инструменты. На пѣніе соло приглашенъ преподаватель **А. И. ЕВГЕНІЕВЪ.** № 1870 1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1882 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:		Съ пересылкою въ города:	
На 12 м. 8 р. 50 к.	На 6 м. 4 р. 60 к.	На 12 м. 9 р. — к.	На 6 м. 5 р. — к.
„ 11 „ 8 „ — „	„ 5 „ 3 „ 90 „	„ 11 „ 8 „ 50 „	„ 5 „ 4 „ 60 „
„ 10 „ 7 „ 50 „	„ 4 „ 3 „ 25 „	„ 10 „ 8 „ „	„ 4 „ 3 „ 70 „
„ 9 „ 6 „ 75 „	„ 3 „ 2 „ 50 „	„ 9 „ 7 „ 40 „	„ 3 „ 2 „ 75 „
„ 8 „ 6 „ — „	„ 2 „ 1 „ 90 „	„ 8 „ 6 „ 70 „	„ 2 „ 2 „ „
„ 7 „ 5 „ 25 „	„ 1 „ 1 „ — „	„ 7 „ 6 „ 90 „	„ 1 „ 1 „ 10 „

За границу: на 12 м. **17** р., на 6 м. **9** р., на 3 м. **5** р., на 1 м. **2** р.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина, въ отдѣленіи конторы—близъ Петровки, Столешниковъ пер., д. Карзинкина, въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Спб., и въ Парижѣ—**Rue Clément. 4, Adam**

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія

№ 1681 **„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“** 10—10

Редакторъ-Издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.**

Всемірная Иллюстрація 1882 г.

Цѣна 13 р. с. съ пересылк. 16 р. с.

ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ НУМЕРА ВЫШЛИ.

VII-ой годъ ПОДПИСКА НА годъ **VII**-ой

художественно-юмористическій журналъ

„СТРЕКОЗА“

въ 1882 году

!!Сотрудниковъ—легіонъ, читателей милліонъ!!

О ТЕКСТѢ „СТРЕКОЗЫ“.

Журналъ благонравный и прекраснодушный. Говорить о винѣ, о женщинѣ, о вѣнѣ и вообще вполнѣ приходится по плечу современному обывателю, занграваемуся по части прогресса и потому рѣшившемуся „остепениться“; охотно вѣрить въ свѣтопреставленіе, убѣжденъ, что за театральными кулисами настоящій чортъ сидитъ, ждетъ волшебнаго появленія для всѣхъ коровъ тучныхъ и манны небесной, настойчиво предостерегаетъ на счетъ гордыхъ разумомъ Платоновъ, пріятно, не мудрствуя лукаво, развлекаетъ и учитъ такъ жить, чтобы день, да ночь и сутки непремѣнно были прочь.

„О РИСУНКАХЪ СТРЕКОЗЫ“.

Рисунки журнала стоятъ на самой высокой ступени совершенства. Ступень эту слѣдуетъ искать еще надъ Петропавловскимъ шпилемъ. Дальше идти—некуда. Художники, сдавая рисунки, плачутъ разставаясь съ ними, ибо не могутъ не сознавать, что каждый ихъ рисунокъ есть вѣковѣчный вкладъ въ область безсмертнаго искусства. И въ данномъ случаѣ самолюбіе художниковъ воздаетъ лишь слабую и ничтожную дань ихъ, вполнѣ заслуживающимъ подписки заслугамъ. У всей Европы только одинъ рисовальщикъ—Дорэ, а у „Стрекозы“ одной—толпа рисовальщиковъ. Ergo...

О ПРЕМІИ „СТРЕКОЗЫ“,

Въ будущемъ 1882 году „Стрекоза“ и дастъ вмѣсто обычной преміи, цѣлый памятникъ. Знаете „Божественную комедію“ Данте? Въ пандант къ ней, журналъ выпуститъ особымъ, толстымъ, какъ книга Магабараты, томомъ

„Человѣческую комедію“.

энциклопедію типовъ, сценъ, эскизовъ, набросковъ, съ такимъ количествомъ рисунковъ, котораго ни римская, ни арабская цифры выразить не могутъ. Нѣкоторое представленіе объ этомъ библіографическомъ монументѣ можетъ дать развѣ только одна „La Comédie de notre temps“ Берталя. „Человѣческая комедія“ составитъ альбомный томъ убористой печати, переплетенный въ иллюстрированную папку. Текстъ альбома будетъ составленъ „Буквою“; рисунки—обычныхъ художниковъ журнала. Почта доставитъ премію только **годовымъ** подписчикамъ на журналъ.

Наконецъ, нѣчто вполнѣ серьезное.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „СТРЕКОЗУ“:

	На годъ съ преміею:	По полугодіямъ безъ преміи:
Съ перес. во всѣ города	10 р.*)	5 р. 50 к.**)

Гг. иногородные адресуются непосредственно въ редакцію журнала „СТРЕКОЗА“, Лиговка, № 32.

Съ доставкою въ С.-Петербургъ .	9 р.	5 р. — к.
Безъ доставки	8 „	4 „ 50 „
За границу	12 „	7 „ — „

Городскіе же обращаются со всякими требованіями своими и съ подпискою въ Контору журнала, по Михайловской улицѣ, въ домѣ „Европейской Гостиницы“.

Редакторъ журнала „Стрекоза“: **И. Ф. ВАСИЛЕВСКІЙ (Буква).**

Издатель журнала „Стрекоза“: **Германъ Корнфельдъ.**

*) За журналъ 9 р. 50 к. и 50 к. за пересылку преміи.

) Просятъ **не прилагать мелочи почтовыми марками. № 1754

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1881 года,

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,100 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. С. Соловьева—„Сергѣй Горбатовъ“**, большой романъ **Іокая—„Червонное золото“**; разсказъ **Авсѣенко—„Мгновеніе“**, повѣсть **П. Петрова—„Горные орлы“**; разсказы **Н. Каразина. Н. Успенскаго, П. Гнѣдича** и много другихъ повѣстей и разсказовъ, до 200 популярно-научныхъ статей по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч. и двѣ оригинальныя акварельныя преміи-картины Придворнаго художника **М. Зичи** изъ повѣсти **Гоголя „Тарасъ Бульба“**:

1) **Свиданіе Андрія съ красавицей-полькой.**
2) **Встрѣча Тараса съ Андріемъ на полѣ битвы.**

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к.	Въ коленко. пер, 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 5 „ — „	Съ пересылкою 7 „ „

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

на

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“

Большую газету биржи, финансовъ, торговли, политики и общественной жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	на годъ.	на полгода.	на 3 мѣс.	на 1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 руб.	7 руб.	4 руб.	1 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: въ С.-Петербургѣ, Малая Морская, д. № 19.

Посвящая преимущественное вниманіе вопросамъ биржи, финансовъ и торговли, газета тѣмъ не менѣе ставитъ своею задачею постоянно слѣдить за всѣми явленіями внутренней и внѣшней политической жизни. Чуждаясь всякаго пристрастія и односторонности въ своихъ отношеніяхъ къ вопросамъ русской жизни, газета полагаетъ необходимымъ преслѣдовать только истину и мирное развитіе русскаго народа.

Биржевой, финансовый и торговый отдѣлы газеты управляются спеціалистами этого дѣла и отличаются обиліемъ и точностью сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній. Благодаря этому, газета пріобрѣла широкій кругъ читателей въ средѣ банковаго, биржевого и акціонернаго міра, купечества, крупныхъ владѣльцевъ %-ныхъ бумагъ, торговцевъ и землевладѣльцевъ.

Въ видѣ безплатнаго прибавленія къ газетѣ, редакція выпускаетъ „Тиражный листокъ русскихъ %-ныхъ бумагъ.

„Биржевыя вѣдомости“ вступаютъ въ 1882 г. въ четвертый годъ своего существованія.

Сознавая необходимость постояннаго усовершенствованія изданія, мы не остановимся передъ затратами, чтобы придать постепенно возрастающій интересъ всѣмъ отдѣламъ газеты.

Редакторъ **П. С. Макаровъ.** Издатель **С. М. Проппeръ.**

№ 1786 3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

„БУДИЛЬНИКЪ“,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ РИСУНКАМИ И КАРРИКАТУРАМИ.

18-й годъ изданія

Въ 1882 году „Будильникъ“ будетъ выходить, на прежнихъ основаніяхъ, **еженедѣльно** (50 нумеровъ въ годъ), тетрадями отъ 1½ до 2½ листовъ большого формата. Въ каждомъ нумерѣ читатели найдутъ отъ 4 до 6-ти **хромолитографированныхъ**, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, рисунковъ и отъ 15 до 20 столбцовъ текста, что составитъ въ годъ два большіе тома, содержащіе **не менѣе 250 хромолитографій и до 1000 столбцовъ текста** самаго разнообразнаго содержанія.

Цѣлый рядъ капитальныхъ, потребовавшихъ не малыхъ трудовъ и затратъ, улучшеній, предпринятыхъ въ „Будильникѣ“ еще съ конца 1881 года, даетъ, собственно говоря, право его редакціи отказаться отъ подношенія подписчикамъ такъ называемыхъ „премій“; тѣмъ не менѣе, желая сохранить обычай доброй старины, она предлагаетъ своимъ **годовымъ** подписчикамъ слѣдующіе роскошные подарки на новый 1882 годъ:

1) Большую альбертотипію (работы гг. Шереръ и Набгольцъ, въ Москвѣ) съ новой картины **В. Е. Маковскаго**, спеціально для этого заказа воспроизведенной самимъ художникомъ,—**„Дѣловое утро“.**

2) Альбомъ рисунковъ **К. Н. Чичагова: „Нашъ вѣкъ“.**—коллекція героевъ (типовъ) современной намъ эпохи: 1) кассиръ,—2) концессіонеръ,—3) журналистъ,—4) спиритъ,—5) саврасъ безъ узды,—6) адвокатъ,—7) подрядчикъ,—8) вѣковая дама,—9) донъ-Жуанъ,—10) ростовщикъ.—11) кулакъ-міроѣдъ,—12) думецъ.

Альбомъ и альбертотипія будутъ разосланы **годовымъ** подписчикамъ вмѣстѣ съ первымъ № „Будильника“ 1882 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „БУДИЛЬНИКЪ“:

въ Москвѣ безъ доставки, на годъ	7 р. на полгода	4 р. — к.
„ „ съ доставкою на домъ	8 „ „ „	4 „ 50 „
съ пересылкою въ Петерб. и пров.	9 „ „ „	5 „ — „

Лица, доплачивающія къ подписной суммѣ **одинъ рубль**, получаютъ **Альманахъ „Будильника“ на 1882 годъ** (IV-й г. изд.), въ который, между прочимъ, войдетъ **ребусъ**, за разгадку котораго до 1 марта 1882 года **редакція „Будильника“ объявляетъ денежную премію въ 400 рублей.**

Контора редакціи покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ **торопиться** заявленіемъ своихъ требованій, во избѣжаніе задержки первыхъ №№ журнала. Денежные **пакеты адресуются** на имя **Л. Н. Уткиной: Москва, Леонтьевскій пер., д. Мичинера,** отдѣленіе конторы „Будильника“ находится при Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ **Л. Метцль** въ Москвѣ, Петровка, домъ Солодовникова. **Ц. № 1840 3—3**

Дозволено цензурою. СПБ. 14 января 1881 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ № 4 — годъ XIII 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 23 Января 1882 г. Цѣна этаго №„Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Л. А. Стрепетова.

Недавно поступившая па петербургскую драматическую сцену г-жа Стрепетова, — портретъ которой мы даемъ въ этомъ номерѣ,—уже нѣсколько лѣтъ пользуется, какъ въ обѣихъ столицахъ, такъ и въ провинціи, обширною и вполнѣ заслуженною извѣстностью высоко-даровитой драматической актрисы. Въ Москвѣ, подвизаясь съ успѣхомъ на общедоступномъ театрѣ, г-жа Стрепетова пріобрѣла любовь и расположеніе публики; въ провинціи о ней сложилось мнѣніе, какъ объ артисткѣ стоящей выше критики; въ Петербургѣ—мнѣнія раздѣлились: одни изъ критиковъ утверждали, что г-жа Стрепетова являетъ своимъ дарованіемъ нѣчто до такой степени необычайное, что далеко оставляетъ позади себя лучшихъ представительницъ современнаго драматическаго искусства въ Европѣ, какъ напр. Круазеттъ и Сара Бернаръ; другіе, охлаждая такой восторженный критическій пріемъ, говорили, что г-жа Стрепетова имѣетъ слишкомъ ограниченный репертуаръ, что у нея четыре-пять ролей дѣйствительно отдѣланныхъ и вполнѣ удачныхъ, внѣ которыхъ артистку будто-бы ожидаетъ полнѣйшее фіаско.

Артистка СПБ. Императорскихъ Театровъ. П. А. Стрепетова.
Съ фотогр. Бергамаско, грав. Ю. Барановскій.

Будущему предстоитъ рѣшить, какое мѣсто займетъ г-жа Стренетова въ исторіи русской драматической сцены. Репертуаръ этой артистки, повидимому, дѣйствительно не великъ; но это еще ничего не говоритъ въ пользу того мнѣнія, что дарованіе г-жи Стрепетовой мало. В. В. Самойловъ съигралъ съ успѣхомъ въ теченіи сорока лѣтъ 500 ролей; Мартыновъ въ одинъ и тотъ-же вечеръ являлся въ пяти различныхъ роляхъ; но весь репертуаръ Тальмы ограничивался 30-ю ролями, Рашели—25-ю. Изъ этого примѣра видно, что величина таланта не измѣряется разнообразіемъ амплуа. Г-жа Стрепетова, насколько намъ кажется, играетъ *вдохновеніемъ*, но *не школой*. Тамъ, гдѣ она увлекается, гдѣ забываетъ, что она играетъ, находится на сценѣ, ею овладѣваетъ какой-то артистическій экстазъ— и это тотъ моментъ, когда она покоряетъ самаго

предубѣжденнаго противъ нея зрителя, заставляетъ его переживать съ собою всѣ страданія и радости, которыя артистка переживаетъ на сценѣ сама. Ея первое лицо при этомъ вполнѣ отвѣчаетъ душевнымъ движеніямъ, выражая всѣ оттѣнки страстей; голосъ модулируетъ съ удивительной правдивостью, переходя отъ оживленнаго смѣха къ истерическому рыданію. Это моменты большой артистки и дарованіе заурядное ихъ не въ силахъ проявить не только въ 5—6 роляхъ, а даже и въ одной. Но вотъ артистическій порывъ миновалъ, регистръ изъ высокаго перешелъ въ средній и г-жа Стрепетова преображается: она *играетъ*, играетъ вяло, потому что ей недостаетъ школы.

Таково наше безпристрастное мнѣніе о новоангажированной въ петербургскую драматическую труппу артисткѣ. Мы не скрашивали правды потому, что находимъ, что талантъ г-жи Стрепетовой не нуждается въ прикрасахъ. Истинную школу дарованію г-жи Стрепетовой получить было не легко, какъ можно заключить изъ біографическихъ данныхъ, которыя мы имѣемъ объ артисткѣ. Полина Антипьевна Стрепетова—дитя провинціи и на сценѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, такъ что не смотря на свои еще молодые годы — она упражняется въ драматическомъ искусствѣ болѣе двадцати лѣтъ. П. А. воспитанница провинціальной актрисы Стрепетовой, давшей нашей артисткѣ фамилію; по мужу — фамилія г-жи Стрепетовой — Писарева, такъ какъ Полина Антипьевна вышла замужъ за небезъизвѣстнаго въ провинціи актера Писарева. Большую часть своей артистической карьеры, Полина Антипьевна провела въ провинціи, гдѣ, какъ мы говорили, заслужила общую любовь. Появляясь въ самыхъ разнообразныхъ амплуа, артистка выработала здѣсь и отдѣлала съ чрезвычайною тщательностью небольшое число ролей, каковы роли: Лизаветы въ „Горькой судьбинѣ“, Катерины въ „Грозѣ“, Марьи Андреевны въ „Бѣдной невѣстѣ“, Маріи Стюартъ—въ трагедіи Шиллера и Маріи—во французской мелодрамѣ „Материнское благословеніе“. Въ переѣздахъ изъ мѣста въ мѣсто, въ различныхъ неудобствахъ, съ которыми сопряжена жизнь провинціальной актрисы—находится объясненіе того, что репертуаръ г-жи Стрепетовой малъ, а равно, въ этой кочевой жизни,—лежитъ, быть можетъ, зародышъ того болѣзненнаго состоянія, въ которомъ мы находимъ артистку въ настоящее время. Въ самомъ дѣлѣ какой затраты силъ требовалось отъ г-жи Стрепетовой, чтобы достичь сперва частной московской сцены, а затѣмъ—Императорскаго театра въ Петербургѣ. Артистка перенесла все, достигла цѣли, но достигла до таковой больная. По отзывамъ очевидцевъ, во время исполненія роли Лизаветы въ „Горькой судьбинѣ“ зимою 1881 г. на частной сценѣ, по окончаніи каждаго акта, артистка падала за кулисами на диванъ и недвижно лежала, полузакрывъ глаза. Бывшій на этомъ спектаклѣ С. П. Боткинъ нѣсколько разъ навѣщалъ больную. Раздавался колокольчикъ, дѣйствіе начиналось и г-жа Стрепетова шла на сцену.

Таковъ общій обликъ артистки, съ которой мы имѣемъ дѣло, высокодаровитой артистки. Г-жа Стрепетова еще молода; если ея здоровье улучшится — отъ нея несомнѣнно можно будетъ ожидать и расширенія ея репертуара и большаго совершенства школы.

Подъ землею.

повѣсть.

Н. К. Лебедева (Н. Морскаго).

(Продолженіе).

X.

Тайна.

„Тайна“ была соблюдена замѣчательно. Эрминія простилась съ теткою, зашедшею къ ней передъ тѣмъ какъ ложиться спать и заставшею ее за чтеніемъ,—въ половинѣ одиннадцатаго и какъ только Христина Карловна удалилась, немедленно приступила къ совершенію своего маскараднаго туалета. Надѣвъ черное шелковое платье и наскоро сметанное изъ тюля домино, Эрминія достала перчатки, накинула шубку и платокъ на голову и безъ особенныхъ предосторожностей оставила свою спальню, чтобы пройти на улицу чернымъ ходомъ. „Тайна“ была кажется болѣе на словахъ, ибо Эрминія особенныхъ мѣръ никакихъ къ тому, чтобы пройти никѣмъ незамѣченною не предпринимала: никто-бы изъ прислуги не посмѣлъ остановить ее. Заперевъ на ключъ свою комнату, Эрминія благополучно добралась до ведущей на черную лѣстницу прихожей, гдѣ никого изъ прислуги не было, но гдѣ еще горѣлъ огонь, несмотря на то, что въ домѣ ложились всѣ рано,—и вышла на темную лѣстницу. Ощупью она стала спускаться съ лѣстницы и опять-таки не встрѣтивъ никого, вышла на дворъ и пошла къ воротамъ. Здѣсь у отворенной калитки караулилъ сторожъ, что-то мурлыкавшій себѣ подъ носъ. Закрывъ лицо платкомъ, Эрминія юркнула мимо его на улицу; онъ не узналъ ее, принявъ за одну изъ горничныхъ и лукаво подшутилъ на счетъ ея поздняго выхода.

— Освѣжиться вышли?

Не отвѣчая, она пробѣжала до угла дома и повернула за него. Губернаторскій домъ стоялъ на улицѣ, примыкающей къ площади, на которой около, такъ называемаго, Стараго Собора, по условію, ждалъ Эрминію Засѣкинъ.

Ему пришлось ждать недолго. Онъ только что успѣлъ подъѣхать къ собору, какъ въ бѣгущей по направленію отъ губернаторскаго дома фигурѣ узналъ Эрминію. Онъ хотѣлъ вылѣзть, чтобы помочь ей сѣсть въ сани, но остановивъ извощика, она сама отстегнула полость и вскочила къ нему, что было не легко сдѣлать, ибо одной рукой она подбирала шлейфъ, другой держала маску которую боялась измять.

Она торопила ѣхать, въ то-же время наскоро передавая Засѣкину подробности своего ухода изъ дома. Нѣмецкій клубъ, помѣщавшійся въ одномъ частномъ домѣ, внизу котораго находились лавки, былъ довольно ярко освѣщенъ и черезъ двойныя рамы слышалась музыка, но у подъѣзда не видно было ни одного экипажа, ни одного извощика. Это бросилось Эрминія въ глаза:

— Вѣроятно, мы будемъ вдвоемъ? спросила она своего спутника, или здѣсь собираются позднѣе?

— Не безпокойтесь, отвѣтилъ онъ, помогая ей вылѣзть, бьюсь объ закладъ, что биткомъ набито. Отсутствіе экипажей объясняется просто на просто тѣмъ, что члены, люди скромные вообще, приходятъ сюда и расходятся отсюда пѣшечкомъ.

Онъ былъ правъ. Въ комнатѣ, гдѣ раздѣваются, всѣ вѣшалки были увѣшаны различными пальто и салопчиками; сверху вмѣстѣ съ звуками кадрили доносился до низу пискъ масокъ. Очевидно, было полнехонько. Оправившись передъ зеркаломъ и надѣвъ маску, Эрминія подъ руку съ Засѣкинымъ поднялась по лѣстницѣ во второй этажъ и вошла въ залъ.

Помѣщеніе оказалось не обширнымъ; комнаты строились не для клуба, а для частной квартиры и хотя были не малы, но для большаго стеченія людей тѣсноваты. Поэтому духота была невообразимая, что однако не препятствовало собравшейся публикѣ веселиться и съ большимъ оживленіемъ танцовать. Большинство посѣтителей оказалось замаскированнымъ, но не въ домино, а въ чрезвычайно разнообразные костюмы, иногда совершенно фантастическіе, придуманные повидимому дома и сдѣланные изъ того, что нашлось подъ руками. Господствовала кисея разнообразныхъ окрасокъ, буфъ-муселинъ, золотая и серебряная бумага, разноцвѣтная фольга и снятые для маскарада со шляпъ цвѣты. Домино встрѣчалось преимущественно у мужчинъ и сдѣлано было изъ шалей, принадлежащихъ вѣроятно женамъ и матерямъ; оно дополнялось обыкновенно цилиндрической шляпой, съ повязанною вокругъ таковой яркаго цвѣта лентой. Вся эта пестрая толпа являла необыкновенное одушевленіе, переходящее съ веселящейся молодежи на пришедшихъ посмотрѣть на таковую старичковъ, конечно не замаскированныхъ. Плоховатый оркестръ старался изо всей силы, взвизгивая скрипками, гремя барабаномъ; надъ танцующею толпой стояло тонкое облако пыли, вслѣдствіе духоты повисшее недвижимымъ навѣсомъ; изъ буфета появлялись пунцовыя, улыбающіяся лица; доносился стукъ билліардныхъ шаровъ и запахъ кухни; керосиновыя лампы обливали желтоватымъ свѣтомъ дви-

жущуюся массу людей, между которыми шныряло нѣсколько дѣтей.

Только по окончаніи кадрили, когда скучившаяся въ залѣ толпа разошлась по разнымъ комнатамъ, Эрминія съ своимъ кавалеромъ имѣла возможность пройти, хотя самымъ медленнымъ шагомъ, по комнатамъ. Какъ это часто случалось, отъ оживленія Эрминія перешла, попавъ въ толпу, къ скукѣ, выразившейся въ ней нѣкоторой даже раздражительностью. Напрасно ея находчивый кавалеръ старался развлечь ее тѣмъ, что обращалъ ея вниманіе на что-либо смѣшное, на серьезную физіономію какого-нибудь сапожника или на смѣшной костюмъ какой-нибудь содержательницы прачешнаго или красильнаго заведенія, Эрминія почти не смотрѣла ни на что, а разъ или два даже осердилась и обрѣзала своего спутника.

— Мой Богъ, воскликнула она послѣ одной изъ его наиболѣе удачныхъ остротъ, когда вы бросите этотъ глупѣйшій обычай выказывать себя?

Онъ замолчалъ и надулся и нѣкоторое время они шли въ молчаніи, какъ вдругъ, въ одной изъ гостиныхъ, съ рѣдкою непослѣдовательностью, Эрминія обратила его вниманіе на то, противъ чего только что сама возставала.

— Ахъ, вскричала она, посмотрите, что за смѣшная госпожа съ трехъ-этажнымъ подбородкомъ! Да смотрите-же, будетъ вамъ дуться!

Онъ не видѣлъ особы, на которую она ему указывала. Ихъ раздѣляла толпа.

— Постойте, торопилась она, пройдемъ между этими толстыми господами. Ну-съ, вы впередъ.

Онъ повиновался и, протискавшись дѣйствительно между чрезвычайно объемистыми господами, очутился въ какомъ-то водоворотѣ женскихъ шлейфовъ, чтобы не оборвать которые, требовалось съ его стороны большой ловкости и вниманія. Готовясь показать эти блестящія свойства, изощренныя въ немъ при разныхъ губернаторшахъ, онъ усмѣхнулся и пошутилъ:

— Тутъ не до того, чтобы смотрѣть по сторонамъ, тутъ нужно все свое вниманіе устремить подъ ноги. Неправда-ли?

Онъ оглянулся на свою спутницу и каково-же было его удивленіе, когда увидѣлъ себя одинокимъ съ согнутою для того чтобы вести даму рукою. Эрминія выскользнула незамѣтно и осторожно, выскользнула въ то время, когда онъ протискивался между двоими толстыми господами, уловила этотъ короткій, но удобный для своего исчезновенія, моментъ. Но гдѣ-жъ она?.. Въ это время въ залѣ заиграли ритурнель кадрили и толпа непрерывною лентой потянулась туда изъ гостиныхъ и буфета... Засѣкинъ напрасно вытягивалъ голову, чтобы усмотрѣть Эрминію: ее не видно было нигдѣ... Къ тому-же его заталкали, такъ какъ онъ стоялъ на дорогѣ и вслѣдствіе этого онъ вынужденъ былъ отодвинуться къ стѣнѣ... Только уже, когда толпа стала полегче, Засѣкинъ могъ обойди ставшія свободными комнаты, но Эрминіи не было видно нигдѣ... Онъ напрасно обыскалъ всѣ уголки, зашелъ даже въ билліардную и буфетъ, куда не заходили дамы, но своей спутницы не видѣлъ. Проходя мимо дамской уборной, онъ освѣдомился у горничной — нѣтъ-ли тамъ дамы въ черномъ домино и такъ какъ въ такомъ костюмѣ во всемъ маскарадѣ была одна Эрминія, то получилъ на вопросъ довольно обстоятельный отвѣтъ:

— Проходили мимо-съ, въ залъ.

Въ залъ!.. Но въ это время тамъ только что началась кадриль-монстръ, привлекшая къ танцующимъ почти все клубное общество, образовавшее около нихъ непроницаемый кругъ... Быть можетъ Эрминія была тамъ среди этаго круга зрителей, но чтобы убѣдиться въ этомъ слѣдовало ждать конца кадрили... Тогда Засѣкинъ вернулся въ буфетъ и безцѣльно бродя, пошелъ черезъ какой-то узкій корридоръ и вышелъ на парадную лѣстницу... Онъ былъ убѣжденъ, что Эрминія ждетъ его гдѣ нибудь и на всякій случай спустился съ лѣстницы, чтобы посмотрѣть—не дожидается-ли она его тамъ, гдѣ они оставили платье... Но тамъ не было никого... Сторожъ, усмотрѣвъ Засѣкина и узнавъ его, предупредительно снялъ его пальто съ вѣшалки, готовясь набросить ему на плечи съ ловкостью опытнаго швейцара, но Засѣкинъ остановилъ его:

— Нѣтъ, я еще не ѣду...

Тогда сѣдоусый унтеръ, вѣшая снова на вѣшалку пальто Засѣкина, счелъ за нужное объяснить свою предупредительность:

— Я думалъ, ваше высокородіе, что и вы желаете уѣхать, такъ какъ дама ваша уѣхала.

— Уѣхала? — воскликнулъ Засѣкинъ, начиная что-то подозрѣвать.

— Да-съ. — отрапортовалъ унтеръ, съ господиномъ какимъ-то только-что вышли... Я имъ дверь отворялъ, взяли извозчика и поѣхали...

Засѣкинъ стоялъ, какъ оглушенный громомъ...

XI.

Свиданіе.

Въ первомъ часу ночи N. совершенно безлюденъ и большинство жителей спитъ. Бодрствуютъ только одни клубы, даже гостинницы и тѣ запираются въ двѣнадцать, ибо посѣщающіе ихъ купцы и чиновники къ этому времени расходятся по домамъ. За мѣсяцъ или полтора до маскарада, на главной улицѣ города, противъ городскаго театра, открылась кондитерская, въ которой, кромѣ магазина, находилось двѣ комнаты, гдѣ можно было кушать чай, шеколадъ и кофе, гдѣ имѣлись ликеры, легкія закуски—и за все это брались чрезвычайно высокія цѣны. Послѣднія опредѣлили достоинства посѣтителей заведенія: купцы и чиновники конечно не заглядывали въ кондитерскую; но именно по этому мѣстные аристократы N—скіе посѣщали ее какъ всетаки общественное мѣсто, въ которомъ можно было кое съ кѣмъ встрѣтиться и убить праздное время. Это значительно поддерживало торговлю и утромъ въ кондитерской почти постоянно толпился народъ. За то вечеромъ комнаты при кондитерской оставались пусты, а между тѣмъ, желая превзойти всѣ прочія заведенія, кондитерская не закрывалась до двухъ часовъ. Это была ошибка: посѣщавшіе по утрамъ кондитерскую гости — вечеромъ стремились въ клубы и такимъ образомъ заведеніе оставалось пусто. Тѣмъ не менѣе оно упорно продолжало освѣщаться и оставалось отпертымъ до двухъ часовъ. Кондитерской завѣдывала и устроила ее одна старушка-чиновница, вдова, лишившаяся единственнаго сына, поддерживавшаго ея старость. Это было добродушнѣйшее существо, какимъ-то непостижимымъ образомъ превратившееся изъ хозяйки небольшой семьи въ содержательницу заведенія, требующаго для своего успѣшнаго процвѣтанія — нѣкоторой предпріимчивости. Марья Тихоновна умѣла угодить всѣмъ и держала свою кондитерскую весьма прилично. Никакихъ скандаловъ, никакого шума у нее никогда не случалось и заведеніе процвѣтало, хотя и оставалось пусто по вечерамъ.

Сидя за прилавкомъ освѣщеннаго магазина и клюя носомъ, съ нетерпѣніемъ дожидаясь двухъ часовъ, Марья Тихоновна услышала, какъ къ крыльцу подъѣхали сани, раздался веселый женскій смѣхъ и вслѣдъ затѣмъ отворилась, съ оглушительнымъ звономъ колокольчика, ведущая въ магазинъ стеклянная дверь. Мгновенно отогнавъ свою дремоту Марья Тихоновна поднялась изъ-за прилавка и съ любезною улыбкой встрѣтила вошедшую въ магазинъ молодую дѣвицу, въ которой немедленно признала губернаторскую племянницу. Она была не одна: ее сопровождалъ молодой господинъ, какъ показалось Марьѣ Тихоновнѣ, съ нѣсколько сумасшедшими глазами, худой и блѣдный, съ темной бородкой, одѣтый

Контрабандистъ на русско-галиційской границѣ. О Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

плоховато, видимо бѣдный. Марья Тихоновна не могла объяснить себѣ странности этого поздняго посѣщенія ея заведенія дамою, имѣющею извѣстное положеніе въ городѣ, и выразила ясно на своемъ старушечьемъ лицѣ нѣкоторое недоумѣніе. Эрминія, замѣтивъ это, поспѣшила ее успокоить на счетъ благонамѣренности своего поздняго посѣщенія.

— Не бойтесь: вы не отвѣтите за меня ни передъ моимъ дядей, ни передъ теткой, сказала молодая дѣвушка, — не только имъ обоимъ, но всѣмъ — вы можете разсказывать, что я была здѣсь въ сопровожденіи этого господина. Это не секретъ... Но дѣло вотъ въ чемъ,— мѣшали мнѣ, намъ надо переговорить объ одномъ дѣлѣ.

Марья Тихоновна улыбалась „проказницѣ“, какъ назвала Эрминію въ умѣ своемъ.

— Ничего не прикажете?

— Дайте чаю.

— Съ лимономъ?

— Хоть съ лимономъ, а главное проведите насъ, гдѣ бы мы могли переговорить.

Марья Тихоновна указала стеклянную дверь направо:

— Пожалуйте туда-съ.

Прибывшіе вошли въ прилично и чисто убранную комнату. Эрминія сбрасывала съ себя пальто и покрывающую ея голову шаль, тогда какъ молодой человѣкъ, сопровождающій ее, не снимая верхняго платья, усѣлся въ кресло и погрузился въ сосредоточенное разсматриваніе образуемаго на потолкѣ пламенемъ лампы свѣтлаго круга. Освободившись отъ верхняго платья и оставшись въ домино, Эрминія сѣла въ кресло противъ своего спутника и молча устремила на него пристальный взглядъ. Потомъ, какъ бы осторожно пробуждая его отъ сна, прошептала:

— Послушайте.

Онъ до такой степени былъ углубленъ въ разсматриваніе свѣтлаго круга на потолкѣ, что не слышалъ ея обращенія къ нему. Тогда она сказала громче:

— Неужели я затѣмъ вызвала васъ, чтобы молчать... Послушайте, вы спите?

Онъ дѣйствительно, какъ будто проснулся, какъ-то испуганно посмотрѣвъ на нее:

— Что?

— Вы кажетесь мнѣ сумасшедшимъ.

— Нѣтъ,—совершенно спокойно отвѣтилъ онъ,—я не сумасшедшій: я думаю.

Ее какъ-бы что-то укололо и раздражило. Краска бросилась ей въ лицо и окрасила ея щеки яркимъ румянцемъ. Съ пылающимъ негодованіемъ взглядомъ, Эрминія излила поднявшуюся въ ней желчь цѣлымъ потокомъ взволнованнаго краснорѣчія.

— Такого существованія,—сказала она,—я не понимаю. Знаю, что есть люди до того преданные идеѣ, что внѣ ея міра какъ-бы не существуетъ для нихъ. Только одна цѣль, къ которой стремятся они — свѣтитъ имъ яркой путеводной звѣздой, остальное, всѣ чуждые интересующаго ихъ умъ предмета краски и звуки—расплываются для нихъ въ какой-то безформенный туманъ, задергиваются на ихъ глазахъ какой-то темнотой безъ просвѣта, безъ луча... Но вѣдь въ такомъ случаѣ какова должна быть идея, какъ громадны должны быть ея размѣры, какъ силенъ свѣтъ, которымъ она призвана освѣтить міръ, чтобы забыть все остальное!..

Онъ, казалось полувнимательно относившійся къ ея словамъ, удѣлилъ ей вниманіе и спокойно остановилъ бурный потокъ ея словъ:

— Вы говорите это на мой счетъ?

Она не смутилась вопросомъ:

— Положимъ...

— Вы правы: — я не великій. О, великіе очень рѣдки!.. Міръ требуетъ свѣта не только отъ нихъ.. Вѣрьте, что всякая крупица принесенная для человѣческаго счастья примется въ разсчетъ...

— Можетъ я слишкомъ была рѣзка, поправилась она, я судила по женски... При первомъ свиданіи я заинтересовалась вами именно въ силу вашей преданности извѣстной идеѣ. Это выдвигало васъ изъ ряда другихъ и дѣлало оригинальнымъ; но... но потомъ такое достоинство обратилось въ орудіе, направленное противъ васъ...

— Почему?

— Потому что біеніе жизни, теплоты и движеніе,— являлись у васъ именно только тогда, когда вы говорили о вашей лампѣ; внѣ этого — вы казались мнѣ трупомъ.

— Можетъ быть.

— Не „можетъ быть“, а да... Она остановилась, какъ бы затрудняясь продолжать, точно то, что ей слѣдовало говорить, касалось какихъ-нибудь интимныхъ чувствъ, открывать которыя ей было неудобно—и, понизивъ голосъ, съ какой-то робостью ограничилась замѣчаніемъ: вотъ сегодня, умоляя васъ запиской пріѣхать на этотъ маскарадъ—я не была увѣрена въ томъ, что вы исполните мою просьбу.

Онъ молча всмотрѣлся въ ея глаза и какъ-бы пораженный какою-то мыслью, вдругъ смутился и слегка покраснѣлъ. Въ это время Марья Тихоновна внесла въ комнату изящно сервированный чай. Эрминія спросила ее, чтобы что-нибудь сказать:

— Мы можемъ оставаться у васъ до двухъ?

— Сколько вамъ угодно,—отвѣтила съ любезной улыбкой кондитерша и въ недоумѣніи поставивъ чай, немедленно удалилась.

Молодые люди остались снова вдвоемъ и оба нѣкоторое время молчали. Языковъ не смотрѣлъ теперь на свѣтлый кругъ на потолкѣ, и сидѣлъ, опустивъ голову. Эрминія находилась въ какомъ-то волненіи, ощущая въ себѣ съ одной стороны желаніе вернуться къ только что прервавшемуся разговору, съ другой—боязнь его возобновить. Она прервала молчаніе помимо своего желанія не такъ, какъ хотѣла. Она заговорила объ его лампѣ.

— Вы мнѣ сказали въ маскарадѣ,—начала она, мѣшая ложечкой чай, что сегодня день рожденія вашей лампы, что наконецъ вы изобрѣли ее?

— Да.

— Чтожъ теперь?

— Теперь слѣдуетъ ѣхать въ Петербургъ, отвѣтилъ онъ, — заказать ее тамъ какому-нибудь опытному технику, показать ея устройство въ техническомъ обществѣ, а затѣмъ...

— Затѣмъ?

— Затѣмъ — поѣхать заграницу, ознакомить съ ея устройствомъ и дѣйствіемъ тамъ спеціалистовъ и взявъ привиллегію, т. е. права на принадлежность этого открытія мнѣ, — пустить ее въ ходъ...

— На все это нужны деньги?

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— И вы ихъ думаете достать?

Съ нѣкоторою неувѣренностью въ тонѣ, онъ отвѣтилъ:

— Да.

Эрминія замолчала и думала, что разговоръ снова оборвется, какъ вдругъ, совершенно неожиданно для нея, онъ, точно сбираясь сказать что-то необыкновенно для него трудное, слегка откашлянулъ и произнесъ:

— Все это надо привести къ концу. Это открытіе дастъ вѣрныя деньги, которыя въ настоящее время мнѣ нужны болѣе чѣмъ когда либо...

Она вопросительно подняла на него глаза. Совершенно покраснѣвъ и съ великимъ трудомъ онъ сдѣлалъ попытку объяснить своей собесѣдницѣ, почему въ настоящее время ему болѣе чѣмъ когда либо нужны деньги.

— Видите ли, заговорилъ онъ, путаясь и торопясь, вы такая милая и добрая дѣвушка, что ужъ я скажу вамъ непремѣнно все... Видите ли: теперь мнѣ нужнѣе чѣмъ когда либо устроиться и обезпечить себя... Деньги нужны не одному мнѣ, но и ей...

Она не поняла о комъ онъ говоритъ и спросила:

— У васъ есть родные, сестра?

— О, нѣтъ, — съ живостью отвѣтилъ онъ, — она мнѣ чужая... Но вы не можете себѣ представить, какъ ей трудно жить!.. Представьте: ни радостей, никакихъ умственныхъ интересовъ, шестнадцать лѣтъ и нужда... И на рукахъ мальчикъ братъ!.. Вѣдь нельзя жить въ одномъ постоянномъ сознаніи того житейскаго правила бѣдности, что перемелется такъ дескать мука выйдетъ... Но вѣдь ужасно утратить первоначальную форму зерна, — почти вскричалъ онъ, вѣдь это значитъ потерять образъ Божій...

Она прислушилась къ тому, о чемъ онъ говорилъ съ такимъ невиданнымъ ею волненіемъ, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ... Да, о комъ-же, о комъ-же онъ говоритъ?!. что-то вскрикнуло въ ней и нагнало блѣдность на ея лицо... Почти дѣлая нечеловѣческое усиліе не обнаружить передъ нимъ своего волненія, она тихо спросила его:

— О комъ вы говорите? Я не понимаю васъ.

Онъ подбѣжалъ къ ней, схватилъ ее за обѣ руки и вскричалъ:

— Боже мой! вѣдь я не разсказалъ вамъ кто для меня эта дѣвушка... не сказалъ вамъ, что люблю ее...

И не выпуская ея руки изъ своихъ, разсказалъ, какъ въ одну изъ минутъ горькаго разочарованія въ своемъ трудѣ, къ нему, въ заброшенный уголъ разрушеннаго дома, явился тихій ангелъ, котораго вскорѣ онъ увидѣлъ въ горѣ, моментально выросшею изъ ребенка въ женщину и мать. Эрминія слушала его разсказъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, на которомъ мелькала стоющая ей неимовѣрныхъ усилій улыбка снисходительной матери, смотрящей на кающагося сына... Такъ вотъ какъ!.. Она вдругъ ощутила въ себѣ какой-то холодъ одиночества, хотя отлично поняла, что не въ правѣ упрекать его за то, что онъ обманулъ ея надежды... Ей нѣтъ мѣста на пиру взаимности и любви!.. Пусть... пусть такъ... Съ барабаннымъ невыносимымъ для первовъ боемъ — она схоронитъ никому не повѣданное чувство: оно заглохнетъ, умретъ для всѣхъ тайною навсегда! Въ ней волновался какой-то благородный порывъ... О, она споетъ по умершемъ въ самомъ разцвѣтѣ чувствѣ достойную панихиду! Улыбнувшись на его патетическій разсказъ о любви блѣдною улыбкою, она сжала его руки и заговорила съ нимъ съ особенно рѣшительною твердостью:

— Благодарю за откровенность... Я добилась своего, я знаю, что вы не трусъ... Но я желаю еще одного отъ васъ...

— Чего?

— Чтобы вы считали меня сестрой, чтобы вы, какъ отъ сестры, приняли отъ меня одно предложеніе...

— Какое?

— Видите... У меня есть небольшой капиталъ, которого вамъ будетъ достаточно на то, чтобы дать ходъ вашему открытію... Если вы дѣйствительно мнѣ другъ и братъ — возьмите у меня его взаймы... Возьмете?

Онъ съ жаромъ воскликнулъ:

— О, конечно, я не стѣсняюсь взять отъ васъ!

Тогда она вдругъ встала, положила руки на его плечи, всмотрѣлась въ его глаза съ какимъ-то мучительнымъ чувствомъ, а затѣмъ взяла его голову и совершенно неожиданно для него поцѣловала его въ лобъ.

— Передайте этотъ поцѣлуй отъ меня вашей милой невѣстѣ. Скажите ей... она какъ-бы проглотила подступавшія къ ея горлу слезы, скажите ей, что съ этихъ поръ я не буду отнимать васъ у нея глупыми просьбами пріѣхать въ маскарадъ. Вѣдь я отняла васъ у нея на сегодняшній вечеръ? Ну, пусть проститъ, впередъ этаго не будетъ.

Она одѣлась, какъ-бы торопясь уйдти и во всей ея фигурѣ было что-то жалкое, какъ-бы упавшее духомъ и пришибленное. Чувствъ, волнующихъ эту великодушную дѣвушку, онъ не въ силахъ былъ понять и остался къ нимъ слѣпъ за собственнымъ счастіемъ. Въ Петербургъ, за границу! кричало въ немъ что-то. Вѣдь это два только шага, которые онъ теперь совершитъ несомнѣнно съ успѣхомъ! Онъ вспомнилъ, что въ его карманѣ было двадцать пять рублей, весь капиталъ, оставшійся отъ его сбереженій. Онъ пожелалъ ознаменовать свою радость какимъ-нибудь подаркомъ Пашенькѣ, и выбѣжавъ въ магазинъ, купилъ тамъ нарядную бонбоньерку, заплативъ за нее очень дорого. Въ эгоизмѣ счастія, онъ терзалъ сердце своей спутницы. Съ восхищеннымъ видомъ онъ показывалъ ей бонбоньерку, спрашивая:

— Какъ вы находите: вѣдь хорошо? Это я ей купилъ.

О, скорѣе-бы, скорѣе уйдти! Но готовясь отворить ей дверь на улицу, онъ съ необычайнымъ добродушіемъ воскликнулъ:

— Ахъ, а Сашѣ-то вѣдь я не купилъ ничего. Надобы порадовать ребенка!

Наконецъ они вышли на безлюдную улицу. Извощиковъ по близости не оказалось и они пошли пѣшкомъ, надѣясь найдти по дорогѣ. Чьи-то медленно ѣдущіе сани обогнали ихъ и свѣтъ ближняго фонаря освѣтилъ фигуру сидящаго въ саняхъ господина.

— Засѣкинъ! узнала и крикнула Эрминія своего кавалера. Постойте: довезите меня!

Засѣкинъ остановилъ извощика и замѣтивъ, что Эрминія была не одна, злясь на нее, что она бросила его въ маскарадѣ, встрѣтилъ ее гробовымъ молчаніемъ. Эрминія торопливо простилась съ Языковымъ, вскочила въ сани и крикнула извозчику:

— Поѣзжай!

Извозчикъ пустилъ лошадь. Видя, что Засѣкинъ молчитъ, догадываясь, что онъ дуется на нее, Эрминія заговорила:

— Да что же это, что вы сидите, какъ столбъ какой! Развлеките меня: вы великій мастеръ на малыя дѣла. Не дуйтесь. Теперь не время на меня сердиться, потому что я убита, уничтожена, потому что нечѣмъ мнѣ дышать и темно вокругъ. Воздуха мнѣ больше, воздуха и свѣта!

XII.

Наперстникъ.

Когда извощичьи сани, въ которыя усѣлась Эрминія, скрылись, съ оставшимся одинокимъ на пустынной улицѣ Языковымъ произошло нѣчто странное. Все его существо прониклось какою-то особою теплотою, какъ-бы опьянившею его, заставившею болѣе чѣмъ когда-либо стать непослѣдовательнымъ, болѣе чѣмъ когда-либо отбросить всѣ нити сколько-нибудь логическаго образа мышленія, — погрузившею его въ какой-то радужный хаосъ образовъ и представленій, сплошь проникнутыхъ самою пылкою симпатіей ко всѣмъ, съ кѣмъ жизнь приводила его до сихъ поръ въ соприкосновеніе. Сердце его усиленно билось, въ вискахъ стучало. То былъ какой-то приливъ блаженства и счастія, волнами котораго онъ готовъ былъ подѣлиться со всякимъ встрѣчнымъ. Онъ ощущалъ въ глубинѣ души страстную благодарность и почти любовь къ дѣвушкѣ, съ такой сердечной искренностью предложившей ему средства для осуществленія его проэкта, давшей ему возможность сдѣлать извѣстнымъ и пустить въ ходъ сдѣланное имъ открытіе. Кабинетное, доведенное до страсти и до маніи занятіе, сдѣлало его положительнымъ невѣждою въ дѣлѣ людскихъ отношеній и ни на одну минуту онъ не остановился на обсужденіи всѣхъ мелочей, сопровождающихъ свиданіе съ Эрминіей, ни на минуту не задумался о томъ интересѣ, который возбуждала его личность въ ней. Все случившееся безъ малѣйшаго признака разъясненій, казалось ему естественнымъ и до невѣроятія простымъ. Онъ шелъ даже далѣе, захватывалъ рѣшительнѣе. Въ его умѣ остался образъ милой дѣвушки, столь непостижимо и внезапно появившейся передъ нимъ

ночью въ пустомъ и заброшенномъ домѣ. Онъ видѣлъ ее потомъ молящеюся у гроба отца, затѣмъ заходилъ къ ней раза три-четыре, просиживалъ по цѣлымъ часамъ въ молчаніи, прерывая потомъ разговоромъ о спеціально его интересующемъ дѣлѣ и ни о чемъ другомъ. Она, занятая какимъ-нибудь шитьемъ, выслушивала его со вниманіемъ, спрашивала, чего не понимала, привыкла къ его обществу, пріучила къ таковому и его. Но никогда она не сказала ему, что любитъ его, что въ ней возникла къ нему какая-нибудь привязанность; не говорилъ и онъ ей ничего подобнаго. Но въ умѣ своемъ онъ какъ-то вдругъ рѣшилъ, что любовь есть и что она непремѣнно взаимна—и теперь бѣжалъ къ Пашенькѣ, не смотря на поздній часъ, бѣжалъ глубоко убѣжденный, что его удача столь-же близка ей, какъ и ему, бѣжалъ что-то окончательно устроить, сказать послѣднее и рѣшительное слово тамъ, гдѣ ни малѣйшимъ намекомъ, полусловомъ или мимолетнымъ выраженіемъ не было положено начало того конца, который онъ хотѣлъ теперь сдѣлать.

Онъ бѣжалъ, прижавъ къ своей груди, купленныя имъ у Сѣмечкиной коробки, шатаясь и спотыкаясь почти на каждомъ шагу. Ему пришлось пройти не мало. Пашенька, схоронивъ отца, въ видахъ экономическихъ, переселилась на новую квартиру, на самомъ краю города. Оставшись единою и полновластною хозяйкой и распорядительницею тѣхъ миніатюрныхъ средствъ, которыя оставилъ ей и маленькому Сашѣ покойный—Пашенька совершенно забыла и оставила свою склонность къ мечтательности, незамѣтно для самой себя впала въ экономически-дѣловое направленіе. Какъ ни была дешева въ N жизнь,—двухсотеннаго пенсіона конечно не доставало и первою заботою Пашеньки было по возможности уменьшить расходъ и хоть сколько-нибудь увеличить доходъ. Перемѣняя квартиру на болѣе дешевую, Пашенька, какъ ей ни было этого жаль, рѣшила отпустить Степаниду, на что добродушная женщина навела сама, сказавъ своей молодой госпожѣ по переѣздѣ на новую квартиру:

— Вы-бы, барышня, меня отпустили...

— Жаль, Степанида, привыкла къ тебѣ.

— Такъ-то такъ, задумчиво отозвалась на это Степанида, и мнѣ васъ очень жалко... да гдѣ-же вамъ съ малымъ ребенкомъ—еще меня кормить.

И прибавила въ утѣшеніе:

— Знакомы будемъ.

Все это конечно удешевило содержаніе, но Пашенька пошла далѣе. Какъ ни были малы тѣ познанія, которыми она обладала, она рѣшила пустить ихъ въ ходъ. Пелагея Карповна отыскала ей трехъ учениць, дочерей мелкихъ чиновниковъ, которыхъ ввѣрили молодой дѣвушкѣ для обученія грамотѣ и рукодѣльямъ. Это принесло рублей пять въ мѣсяцъ, кромѣ которыхъ Пашенька стала получать, весьма впрочемъ нерегулярно, трехъ и шести рублевыя суммы за вышиванье гладью, въ которомъ была опытна, разныхъ юбокъ и простынь въ приданое купеческимъ невѣстамъ, знаемымъ Пелагеею Карповной наперечетъ. Конечно, все это были крохи, но этими крохами, достающимися съ величайшимъ трудомъ, все-же сколько-нибудь оживлялся приходъ, а главное воспитывалась энергія и дѣятельность молодой дѣвушки.

Когда обезумѣвшій отъ счастія Языковъ добѣжалъ наконецъ до маленькаго флигелька, въ которомъ Пашенька занимала съ братомъ двѣ крошечныхъ комнатки у одной вдовой просфирни, его вдругъ поразила мысль, что всѣ ужъ спятъ. Флигелекъ былъ закрытъ ставнями. Но, обойдя его, Языковъ усмотрѣлъ, что Пашенька еще не спитъ, ибо изъ щели ставня, закрывающаго ея пріемную—видѣлся свѣтъ. Тогда, какъ это дѣлалось обыкновенно, чтобы не будить хозяйку, онъ стукнулъ легонько въ ставень и направился къ калиткѣ. Вскорѣ за заборомъ послышались шаги и Пашенькинъ голосъ спросилъ:

— Неужели это вы?

— Я... Отворите, пожалуста.

Право, вы съ ума сошли... Почти три часа и я сбираюсь спать... простите: я васъ не пущу.

Онъ ничего не хотѣлъ слушать:

— Ничего. Я войду всего на нѣсколько минутъ.

— Странный вы человѣкъ,—засмѣялась, все не отпирая калитки, Пашенька,—поймите, что это просто неприлично. Что это ночью я буду впускать васъ!.. Приходите завтра.

Онъ настаивалъ на своемъ:

— Нѣтъ, ужъ я не уйду... Какъ хотите—впустите меня... Всего на нѣсколько минутъ...

Она упорствовала на отказѣ:

— Невозможно.

— А я еще вамъ гостинецъ принесъ,—какъ-то по дѣтски упрекнулъ онъ ее за то, что она не впускала его:

— Саша спитъ. Не будить-же его?

Онъ нѣсколько растерялся и пріунылъ отъ ея непоколебимости и на мгновеніе замолчалъ, разочарованный тѣмъ, что обманулся въ своихъ надеждахъ. Потомъ вдругъ, схватившись за внезапно озарившую его мысль:

— Послушайте,—сказалъ онъ,—мнѣ надо, мнѣ необходимо сказать вамъ нѣсколько словъ... Хорошо; если невозможно не впускайте меня въ комнаты, но сдѣлайте такъ: отворите калитку, я войду на дворъ и въ десять, пять минутъ передамъ все... А потомъ уйду...

Она все еще медлила.

— Ради Бога,—почти умолялъ онъ.

Тогда она отворила калитку, съ удивленіемъ смотря на него, думая не рехнулся ли онъ окончательно. Они стояли другъ противъ друга подъ сѣрымъ безъ звѣздъ небомъ, съ котораго падалъ легкій снѣжокъ, онъ по прежнему возбужденный, съ блестящими глазами, съ какимъ то страннымъ волненіемъ на блѣдномъ лицѣ, она, удивленная его поведеніемъ, закрывшаяся наброшенною въ торопяхъ на голову шалью, въ одномъ платьѣ и легкихъ башмакахъ.

— Что вамъ? прервала она молчаніе.

(До слѣд. №).

Во время бури.

Романъ

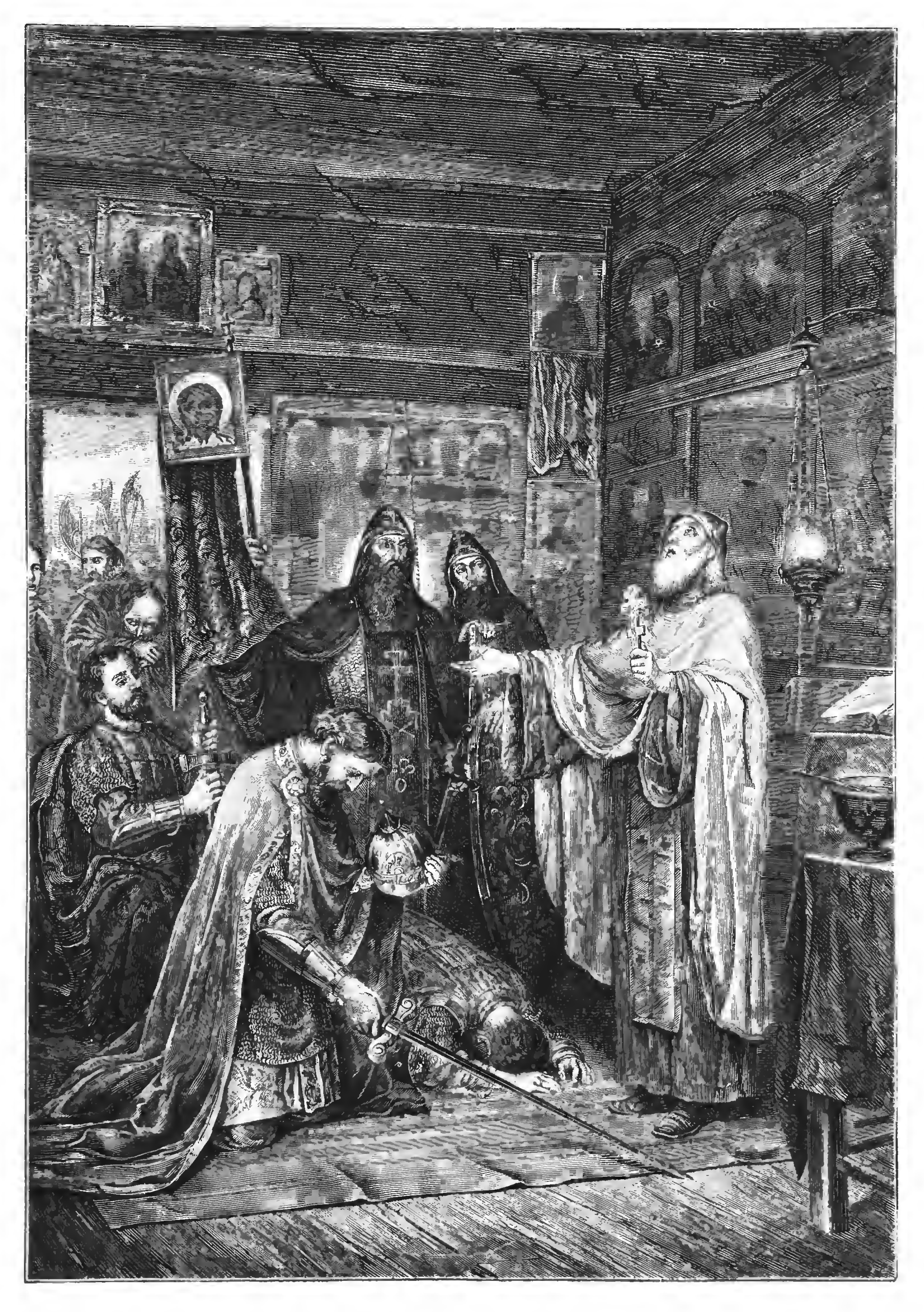
М. Іокая.

(Продолженіе).

Иллаваи тотчасъ же отправился въ Гарго,—и хорошо сдѣлалъ, что поторопился. Графъ Теметвени не спалъ всю ночь изъ страха, чтобы окружной судья не обманулъ его. Онъ вовсе и не ложился, а все время, одѣтый по дорожному, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, изрѣдка подходя къ окну и поглядывая въ даль. Снаружи, на всѣхъ болѣе высокихъ холмахъ близъ замка, были разставлены люди, съ приказаніемъ дать огнями знать о приближеніи экипажа или всадниковъ. На дворѣ стоялъ запряженный экипажъ, готовый, во всякую данную минуту; не пріѣзжай Иллаваи—Теметвени не легъ бы спать и слѣдующую ночь, но, къ вечеру, т. е. не прошло еще и двадцати четырехъ часовъ—а пунктуальный судья уже былъ въ замкѣ. Всѣ страшныя опасности, висѣвшія надъ обитателями Гарго и такъ безпокоившія ихъ,—Иллаваи устранилъ: коммисаръ временнаго правительства не будетъ сюда, ни одинъ, ни съ четырьмя тысячами солдатъ, и графу Теметвени не придется вести на войну Гарговарскаго батальона національной гвардіи. Войска двинуты по совершенно другому направленію и кровь будетъ окрашивать волны Дуная и Тиссы,—ни одной капли не попадетъ въ Ваагъ.

Но, кромѣ того и дорогая шкатулка на своемъ мѣстѣ. Вотъ она—передъ графомъ, на его письменномъ столѣ.

Графиня Пальма была тоже тутъ, въ графской библіотекѣ. Молодая дѣвушка пришла сюда не случайно, она ждала здѣсь



Св. Сергій благословляетъ Великаго Князя Дмитрія Іоанновича Донскаго передъ Куликовской битвой

Картина Новооскольцева. (первая золотая медаль програм.) съ фотогр. Вишнякова, грав. Флюгель.

исхода кризиса, и такъ какъ все обошлось благополучно, хотѣла удалиться.

— Останься пожалуйста. сказалъ графъ,—я рѣшилъ, что если шкатулка счастливо вернется домой, то дамъ тебѣ изъ нея одну изъ лучшихъ вещей - перстень бабки твоей. съ солитеромъ.

— Къ чему? вѣдь все, что тамъ есть, одинаково принадлежитъ и тебѣ, и мнѣ.

— А къ тому, чтобы ты носила его въ память о моемъ обѣтѣ. Другое кольцо я обѣщалъ пожертвовать Цельской Божьей Матери и сейчасъ же отошлю его.

— Еще успѣешь. Позволь мнѣ уйдти послѣ переговоримъ обо всемъ этомъ.

Иллаваи прекрасно понялъ все. Графу хотѣлось удостовѣриться—цѣлы ли брильянты и поэтому онъ приводилъ различные благовидные предлоги. чтобы можно было е у открыть шкатулку еще при томъ. кто доставилъ ее.

Этотъ послѣдній самъ поспѣшилъ къ нему на помощь.

— И мнѣ бы желательно было, графъ, чтобы вы осмотрѣли шкатулку пока я здѣсь, такъ какъ ключъ находился у меня.

— О! помилуйте!.. развѣ я для этаго!! А знаете что моя дочь сказала о васъ?

— Отецъ! перебила его Пальма.

Францъ взглянулъ въ лицо прелестной статуи. Можетъ ли быть. чтобы это высшее существо удостоило своимъ вниманіемъ его, простаго смертнаго?

Легкій румянецъ разлился по бѣлоснѣжному холодному лицу. Что это? Гнѣвъ, или что другое?

— Откройте. графъ, и взгляните- все ли въ порядкѣ.

Теметвени разложилъ на столъ роскошныя украшенія. объясняя Францу достоинство и красоту той или другой вещи.

— Взгляните на этотъ солитеръ.

Камень былъ дѣйствительно великолѣпенъ и въ особенности въ ту минуту когда засіялъ на прелестной ручкѣ Пальмы.

— Вы, вѣдь. останетесь у насъ сегодня? сказалъ Теметвени. обращаясь къ Иллаваи,—всю ночь вы провели въ дорогѣ. Мы не выпустимъ васъ.

— Съ удовольствіемъ остался бы. но у меня есть еще важное дѣло. Я попечитель моего несчастнаго племянника.

— Знаю. знаю,—это послѣдній изъ фамиліи Опатовскихъ. Ну. онъ—сынъ своего отца! Я зналъ этого отца; тоже былъ сумасшедшій.

— Мальчикъ этотъ поступилъ въ гусары. Я увѣренъ, что онъ найдетъ тамъ множество поводовъ надѣлать исторій. Онъ—въ состояніи затѣять въ лагерѣ ссору, за которую пожалуй, еще разстрѣляютъ его. Къ тому же онъ слабаго здоровья.

— Да, вѣдь, всѣмъ этимъ вы можете заняться и завтра. Останьтесь сегодня здѣсь.

— Боюсь, что я и теперь слишкомъ поздно пріѣду туда.

— Уговори его, Пальма.

— Поѣзжайте туда, сказала молодая графиня.

При этихъ словахъ, въ груди Иллаваи шевельнулось какое-то чувство уваженія къ красавицѣ. Онъ немедленно же распрощался съ отцомъ и дочерью.

— Знаешь ли, Пальма, сказалъ графъ по выходѣ Франца, если этотъ безмозглый Опатовскій гдѣ нибудь свернетъ себѣ шею—всѣ его громадныя имѣнія перейдутъ къ Иллаваи, который такъ заботится о жизни и здоровьи своего племянника.

Пальма уставилась на отца своими огромными потемнѣвшими въ эту минуту, глазами.

— Такъ онъ—чрезвычайно богатъ!

Т. е. будетъ.

— Нѣтъ—онъ уже теперь богатъ! Если онъ такой человѣкъ!

VIII.
Графиня Пальма.

До своего шестилѣтняго возраста, Пальма была хорошенькимъ избалованнымъ ребенкомъ. Но, когда ей минуло шесть лѣтъ—она отошла въ семействѣ на задній планъ.

У графа и графини родился сынъ и всѣ ласки, вся нѣжность были перенесены съ дочери на него. Онъ, впрочемъ, скоро умеръ и родители начали баловать все таки не Пальму а другаго. младшаго сына. Когда дѣвочкѣ наступило четырнадцать лѣтъ. ее отдали въ монастырь. Она тогда же поняла, что ей придется постричься. А такъ хотѣлось ей повеселиться, потанцовать! Строгія урсулинки старались отвратить ее отъ всего земнаго. Однако ей суждено было, все-таки. возвратиться къ земному. Однажды, младшій братъ, катаясь верхомъ, разбился до смерти и Пальму наконецъ взяли изъ монастыря. Ее вернули домой, но мать не вернула ей своей нѣжности, своей любви, она была вся въ воспоминаніяхъ о своихъ умершихъ сыновьяхъ. Пришло время вывозить молодую дѣвушку въ свѣтъ. Когда ее одѣвали на первый придворный балъ, куда она была приглашена съ родителями, мать разложила предъ нею фамильные брильянты.

Вотъ, взгляни, сказала графиня, указывая ей на драгоцѣнности, сіявшія и искрившіяся въ открытыхъ футлярахъ.—*это твоя нищета!* Впрочемъ, объ этомъ я поговорю съ тобой, въ каретѣ.

Пальма не поняла.

Дорогой въ каретѣ графиня возобновила разговоръ.

— Я сказала тебѣ, что брилліанты эти твоя нищета, сказала она, чтобы ты не воображала, что послѣ смерти брата своего наслѣдовала огромное богатство. Ты въ нуждѣ въ нуждѣ гораздо болѣе тяжелой, чѣмъ та. въ какой находится самая простая, самая бѣдная швея, выпрашивающая по домамъ работу. Это неизвѣстно никому, кромѣ меня. Могъ-бы догадаться и отецъ, но онъ боится и думать. Владѣнія фамиліи Теметвени покрывали пространство отъ пяти до шести квадратныхъ миль! Какъ-же могли исчезнуть богатства этого дома? Разскажу тебѣ и это. Оба помѣстья—наше и Опатовскихъ — принадлежали нѣкогда одному владѣльцу. Послѣ Ракоцієвскихъ смутъ, онъ исчезъ и правительство раздѣлило имѣніе его на двѣ половины. Одну получили въ ленъ Теметвени. а другую—Опатовскіе. И съ самаго-же начала, между главами обѣихъ фамилій возникло соперничество, война—то рыцарская, то сумасбродная. Вся цѣль заключалась въ томъ, какъ превзойти соперника? Во время войны за австрійское наслѣдство тотъ и другой выстави. и на свой счетъ по кавалерійскому полку и оба старались одѣть своихъ гверильясовъ богаче одинъ другаго. Когда-же они появлялись при дворѣ, то каждый заботился другъ передъ другомъ роскошнѣе убрать свой дворецъ и т. п. Уже къ началу нынѣшняго столѣтія дѣла обѣихъ фамилій были такъ плохи, что во время французской войны. они могли кое-какъ поставить только нѣхотный полкъ, затѣмъ, при финансовомъ кризисѣ, оба дома такъ сильно потерпѣли, что Опатовскій не выдержалъ и отказался продолжать это соревнованіе. Онъ сдѣлалъ видъ, что будирует и переѣхалъ въ деревню, будто-бы изъ желанія сблизиться съ провинціей. съ народомъ. И началась тогда комитатская. провинціальная жизнь, сдѣлавшаяся другой его забавой. Дорогая была забава! На бѣгахъ онъ постоянно бралъ верхъ. Графъ Теметвени остался при дворѣ. При помощи одной большой кредитной сдѣлки, поправилъ онъ свое финансовое положеніе. Сдѣлка состояла въ займѣ нѣсколькихъ милліоновъ, которые графъ обязался возвратить посредствомъ постепенной выплаты въ теченіе 40 лѣтъ. Но для того, чтобы это принесло пользу, необходимо было вернуться въ замокъ и жить тамъ спокойно до тѣхъ поръ, пока не погашено послѣднее обязательство. Вмѣсто того мы поспѣшили броситься въ дипломатическую карьеру, которая и поглотила почти все. Еслибы онъ былъ живъ, то его красота, знатное имя, заслуги предковъ доставили-бы ему можетъ быть блестящую партію. Судьба рѣшила иначе. Ты заняла его мѣсто. Твое положеніе и легче, и въ то же время, труднѣе. Оно труднѣе, если ты поставишь себѣ цѣль. Хватитъ-ли у тебя силъ на это? Вотъ въ чемъ вопросъ. Легче подчиниться катастрофѣ, которая неминуемо настанетъ послѣ смерти твоего отца. какъ и было съ Опатовскими. Но тамъ можно было помочь дѣлу. Кредиторы этой фамиліи были безжалостные ростовщики и комитатъ отдалъ единственнаго сына Опатовскаго подъ опеку его дяди, который имѣлъ полное право не церемониться съ ними. У насъ иначе. Нашъ заимодавецъ банкирскій домъ, ссудившій деньги на частныхъ условіяхъ и Теметвени не могутъ обманывать и идти на сдѣлки. Въ тотъ день, когда мы не будемъ въ состояніи возвратить денегъ, мы обязаны оставить свой замокъ, съ сознаніемъ, что въ немъ ни одной вещи не принадлежитъ намъ больше. Ты должна была когда-нибудь узнать это: всѣ эти великолѣпія, которыя окружаютъ тебя—не твои. Единственное, что принадлежитъ тебѣ, это наши брилліанты, составлявшіе во всѣ времена собственность женщинъ рода Теметвени. По книгамъ можетъ быть доказано, что онѣ пріобрѣтены и пріобрѣтались исключительно женщинами, которыя инстинктивно, не довѣряя прочности всѣхъ этихъ предпріятій, имѣній и замковъ, старались постоянно увеличивать коллекціи брилліантовъ. Они стоятъ полмилліона и если у тебя не останется ничего кромѣ нихъ, то этого еще достаточно, чтобы удалиться отъ свѣта. въ которомъ мы живемъ, въ какой-нибудь маленькій городокъ. Вотъ отчего я называю ихъ „твоею бѣдностью!" Но мы пріѣхали. Выходи, не махай такъ нервно вѣеромъ и не забывай того, что я разсказала тебѣ.

И Пальма застыла на первомъ-же порогѣ своего жизненнаго праздника...

Черезъ годъ умерла жена графа Теметвени. Дѣла графа пошли еще хуже прежняго, доходы его уменьшились на половину.

Всегда такъ — если кому однажды мы сдѣлаемъ что нибудь лишнее—тотъ считаетъ себя, какъ бы, въ правѣ требовать отъ насъ уже постоянныхъ такихъ же услугъ. Съ тѣхъ поръ. какъ Иллаваи избавилъ графа Теметвени и его дочь отъ непріятностей, они уже стали во всемъ разсчитывать на его помощь. Каждые два, три дня приходило отъ графа письмо или записочка, съ приглашеніемъ въ замокъ; если онъ пріѣзжалъ вечеромъ, его удерживали къ чаю, который сама графиня Пальма наливала своими нѣжными ручками въ севрскія чашки. а послѣ чаю отъ засиживанья до двухъ, до трехъ часовъ ночи. Мужчины курили, молодая графиня сидѣла около нихъ и если не курила, то принимала самое живое участіе въ дѣловыхъ разговорахъ. Хозяйство графа совершенно почти разстроилось, все шло въ разбродъ и хотя графъ попробовалъ разобраться въ этомъ хаосѣ, но это ему не удалось. И тутъ Иллаваи принялся помогать. Онъ имѣлъ большой навыкъ въ хозяйствѣ. Графъ всегда настаивалъ, чтобы Пальма присутствовала при этихъ разговорахъ.

— Посиди съ нами, говорилъ онъ ей, тебѣ будетъ полезно

познакомиться съ положеніемъ нашего хозяйства. Вышло, однако, такъ, что ближе знакомилась съ разъясненіями Иллаван скорѣе Пальма, чѣмъ отецъ ея, которому сухая матерія, излагавшаяся первымъ, входила въ одно ухо, и вылетала въ другое.

Зато Иллаван и графиня занимались усердно. Онъ объяснялъ, а она внимательно слушала и вникала, пока его сіятельство сладко дремалъ. Просыпаясь, онъ, обыкновенно, принимался извиняться предъ Францемъ.

— Видите ли, милый другъ, я очень дурно сплю по ночамъ. Никогда мнѣ не удается выспаться хорошимъ, здоровымъ сномъ, и оттого, вотъ случается всегда, что днемъ я дремлю отъ времени до времени, и всегда вижу страшные сны: только сомкну глаза — а они тутъ какъ тутъ.

Иногда они разсказывали судьѣ свое прошлое.

Молча слушалъ своихъ собесѣдниковъ Иллаван. То, что они разсказывали ему, была правда, но въ ихъ словахъ не доставало чего то. Теметвени, конечно, не были обязаны съ совершенною откровенностью говорить судьѣ объ истинной причинѣ, удерживавшей ихъ въ Вѣнѣ въ то время, когда всѣ другіе венгерскіе аристократы разбѣжались въ разныя стороны, когда графъ, въ виду происходившаго движенія, не могъ имѣть ни малѣйшаго повышенія, такъ какъ давно уже онъ не пользовался никакимъ вѣсомъ въ правительственныхъ сферахъ, да и самый дворъ оставилъ городъ.

Отецъ говоритъ: „мы не уѣзжали, потому что боялись“, а дочь: „мы оставались, потому что намъ не было страшно“. И оба были, по своему, правы, но только истина заключалась не въ этомъ.

И Иллаван нашелъ ее.

Онъ сообразилъ, что въ то время, въ Вѣнѣ образовалась лига феодаловъ, поставившая себѣ задачей отстоять въ рейхстагѣ „урбаріальный законъ“ *). Въ Австріи дѣло это шло не такъ гладко, какъ въ Пештѣ; въ Венгріи достаточно было, чтобы потребовали уничтоженія „урбаріальнаго закона“! И рейхстагъ далъ тотчасъ же единогласный отвѣтъ: „Да будетъ такъ“! Въ Австріи же между требованіемъ и отвѣтомъ выстроилось много занятыхъ, скобокъ, а въ особенности кавычекъ. Въ вѣнскомъ „учредительномъ собраніи“ по поводу вопроса этого возгорѣлась цѣлая война. Либеральные депутаты требовали освобожденія крѣпостныхъ и принятія уплаты выкупа на счетъ государства.

При голосованіи направленнаго въ ущербъ крестьянамъ предложенія феодаловъ, депутаты „глупыхъ“ словаковъ совсѣмъ ушли изъ залы — „учредительному собранію“ пришлось закрыть засѣданіе, вслѣдствіе отсутствія законнаго числа голосовъ. Обѣ партіи обмѣнились только удивленнымъ взглядомъ. Вопросъ былъ рѣшенъ совсѣмъ не такъ, какъ каждая изъ нихъ желала!

Такое рѣшеніе нанесло страшный ущербъ австрійскому дворянству. Графъ Фердинандъ и не подозрѣвалъ, что этотъ судья въ совершенствѣ понялъ положеніе его. Но онъ старался понять съ единственною цѣлью — помочь.

Однажды Теметвени опять послали за Иллаван; просили пріѣхать какъ можно скорѣе, по очень важному дѣлу.

Теперь онъ уже, болѣе или менѣе, хорошо былъ знакомъ съ причудами графской фантазіи и пріѣхалъ вполнѣ приготовленнымъ.

— Секретъ! большой секретъ! таинственно произнесъ графъ, обращаясь къ входившему Иллаван. Объ этомъ никому неизвѣстно еще кромѣ меня одного, я даже не хотѣлъ говорить и дочери, чтобы не пугать ее.

Графиня Пальма была тутъ же, но лицо ея выражало полнѣйшее спокойствіе. Очевидно, отцу хотѣлось дать понять, что онъ былъ храбрѣе дочери.

Магнатъ вынулъ изъ стола какой-то желѣзный перстень.

— Видите?

— Да — желѣзный перстень.

— Видите ли на печаткѣ три выгравированные буквы: U. S. S.

Теметвени произнесъ эти слова съ торжественностью, какъ бы ожидая, что Иллаван воскликнетъ: „Какъ *они* уже здѣсь“?

— Я нашелъ это у себя въ саду.

Францъ взялъ перстень и, повертѣвъ его со всѣхъ сторонъ, вопросительно взглянулъ на Пальму.

Та пожала только плечами. Она ничего не понимала во всей исторіи перстня.

— Знаете ли что означаютъ эти три буквы?

Тѣмъ же торжественнымъ, вызывающимъ тономъ вопросилъ магнатъ.

— Нѣтъ, я плохой археологъ.

— Эти три буквы означаютъ: „Ut slovenské svornosti“.

Не смотря на старанія графа, Иллаван все еще не казался пораженнымъ.

— Знаете ли что это, значитъ? — Членъ славянской сворности. Знаете ли что такое „сворность“? Это — одно изъ самыхъ страшныхъ тайныхъ обществъ. Когда члены пражской сворности явились въ Вѣну, они не сошлись ни съ венгерскими, ни съ нѣмецкими студентами, а стали въ враждебныя отношенія къ тѣмъ и къ другимъ. Видѣлъ я и столкновенія съ военными, и военныхъ между собой, и пролетаріевъ съ національной гвардіей; видѣлъ я бунты изъ за работы и паденія акцій: но все это не можетъ идти въ сравненіе съ „Сворностью“ и вотъ, присутствіе ихъ уже ощущается здѣсь, какъ показываетъ перстень этотъ.

Францъ убѣдился, что графъ вполнѣ вѣрилъ и въ существованіе этой „сворности“ и въ ея могущество, но ему казалось, что магнатъ, поднявъ исторію съ своей находкой и распространившись обо всѣхъ тѣхъ ужасахъ, имѣетъ въ виду какую-то скрытую цѣль.

— „Сворность“ пожалуетъ къ намъ, которые со всѣхъ сторонъ окружены словаками.

Но Иллаван не могъ стерпѣть, чтобы задѣвали словаковъ.

— Графъ, вы можете быть совершенно спокойны, если бы весь міръ превратился въ бушующее море, то наша сторона осталась бы островомъ, среди волнъ, и если придетъ время, когда большинство превратится въ измѣнниковъ, этотъ народъ не измѣнитъ своимъ стариннымъ вождямъ. Здѣсь, и только здѣсь, графъ, вы можете спать спокойно, потому что вы находитесь среди людей, преданныхъ вамъ и готовыхъ пролить за васъ кровь свою. Въ другомъ мѣстѣ, куда бы вы ни удалились, вы не можете ни въ чемъ быть увѣрены.

Замѣтивъ, что, можетъ быть, онъ сказалъ слишкомъ много, онъ прибавилъ шутливымъ тономъ:

— Тотъ, кто потерялъ этотъ перстень, вѣроятно принесъ сюда и свои пальцы. А я ему дамъ по пальцамъ!

— Да господинъ судья, такъ то такъ, но „сворность“ вѣдь многочисленна.

— У меня будетъ сила еще многочисленнѣе! А теперь, графъ, поговоримъ о серьезномъ предметѣ, для котораго вы меня пригласили?

— Я васъ и просилъ, чтобы поговорить объ этомъ перстнѣ?

— Какъ? О перстнѣ! Ну-съ, а я привезъ вамъ кое что посерьезнѣе; венгерское правительство рѣшило обратить убытки, понесенные помѣщиками, сельскимъ хозяйствомъ страны, вслѣдствіе отмѣны урбаріальнаго закона, въ государственный долгъ въ здѣшнемъ комитатѣ и поручено мнѣ составить смѣту и планъ.

— Прекрасно, милый другъ, но только что же мы выиграемъ отъ этого, если венгерское правительство полетитъ вмѣстѣ съ своимъ парламентомъ.

— Мы выиграемъ очень много — все. Законъ этотъ останется неизмѣннымъ и какая бы потомъ ни была власть въ странѣ — убытки заплатитъ. Да и не такъ то легко справиться съ нами. Францъ прочелъ графу и его дочери составленное имъ предположеніе, по которому фамиліи Теметвени приходилось получить милліонъ.

Милліонъ!

Въ эту, именно, цифру опредѣленъ выкупъ, слѣдующій фамиліи Теметвени. Снова появляется на горизонтѣ лучезарный мѣсяцъ, снова какъ бы по волшебству, выдвигается изъ пропасти родовой гордый замокъ, съ своими башнями и гербовыми щитами и новымъ блескомъ разгорается прежній ореолъ вокругъ древняго имени, прекращается нужда богатаго человѣка.

Узнавъ все обстоятельно и въ подробности, графъ Фердинандъ Теметвени уже не могъ скрывать облегченія, которое ему доставило это радостное извѣстіе. Теперь онъ уже пересталъ засыпать во время разговора, а напротивъ, сдѣлался чрезвычайно бодрымъ и подвижнымъ, сны также болѣе его не безпокоили. Къ чаю онъ велѣлъ подать вина, которому мужчины отдали предпочтеніе предъ китайскимъ напиткомъ. Графиня Пальма сѣла за фортепіано и съиграла чардашъ. За ужиномъ графъ увлекся до того, что поднялъ стаканъ и предложилъ тостъ въ честь Иллаван.

Съ этихъ поръ графъ успокоился и больше не пугала его мысль о желѣзномъ перстнѣ съ буквами „U. S. S.“. Такой чародѣй былъ этотъ Иллаван!

IX.
Въ погоню за Корнелемъ.

На другой день графъ вовсе не хотѣлъ отпускать Франца.

— Когда же вы пріѣдете? Чрезъ два дня, чрезъ три? чрезъ недѣлю? Но, только навѣрное.

— Когда желаете, графъ.

Желанія этого пришлось бы Иллаван ждать долго. Вѣдь графъ Фердинандъ успокоился, больной былъ исцѣленъ.

Прежде, однако, чѣмъ прошла недѣля, Францъ получилъ отъ графини Пальмы маленькую записочку. Въ ней была только одна строчка: „Прошу васъ не пріѣзжать, пока не напишу вамъ“.

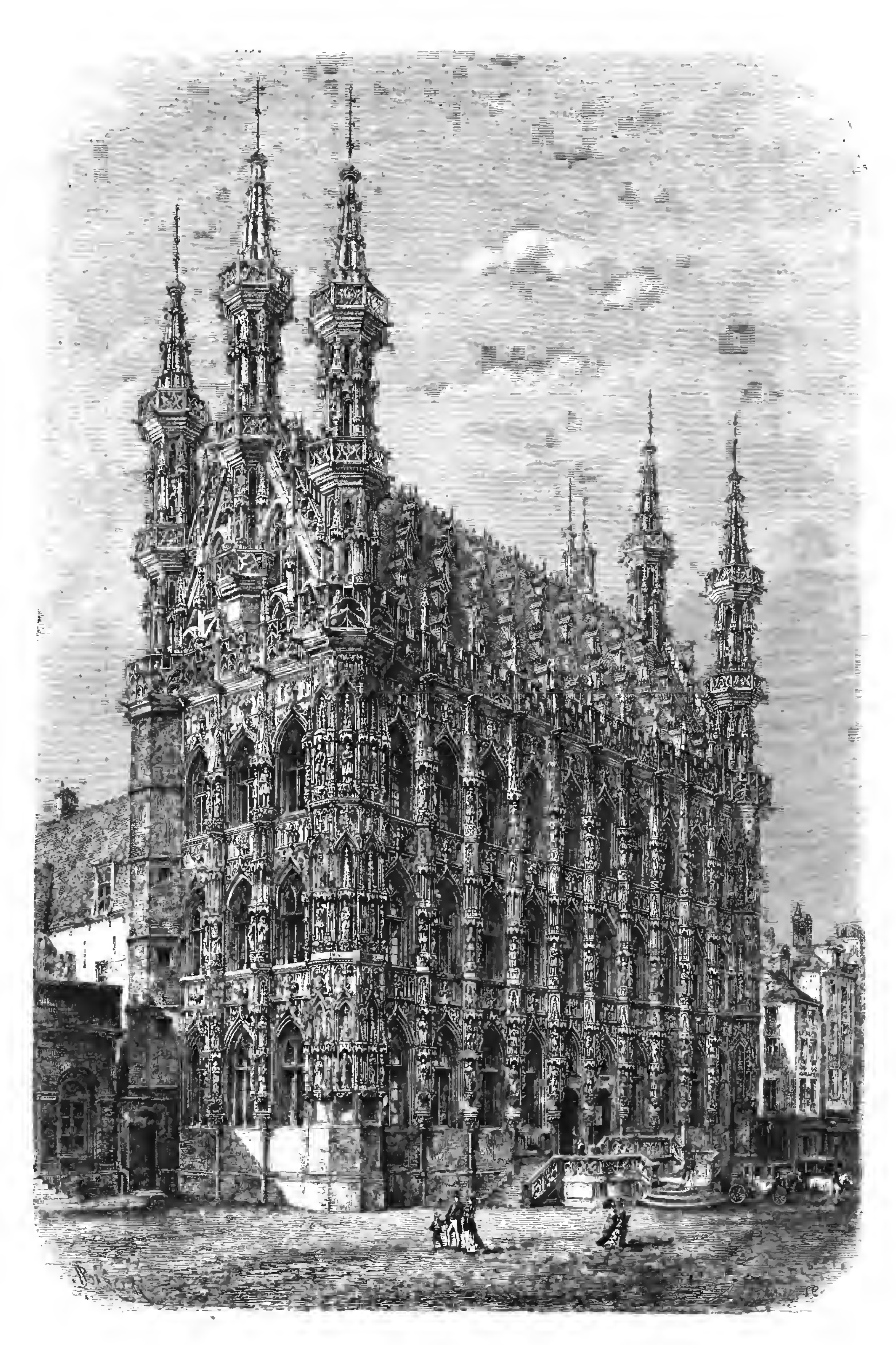
Странно. Вѣрно что нибудь да произошло тамъ. Но Иллаван не пришлось долго ломать себѣ голову надъ этой загадкой, такъ какъ съ этою же самою почтою пришло къ нему и еще другое письмо, начертанное рукою Кадура, вѣрнаго спутника Корнелія Опатовскаго:

„Господинъ достоуважаемый патронъ! писалъ онъ, если не желаете, чтобы сдѣлалось худо съ нами, то спѣшите. Моего друга, Сому, хотятъ разстрѣлять, насъ заковали и отсылаютъ дальше для военнаго суда“.

— Чортъ его возьми! воскликнулъ Иллаван, — вѣдь зналъ я, что надѣлаетъ онъ какихъ нибудь глупостей, а этотъ болванъ не пишетъ даже въ чемъ дѣло.

Францъ велѣлъ заложить сани, написалъ помощнику о своемъ отъѣздѣ, завернулся въ шубу и помчался въ путь.

*) Urbarium — законъ, опредѣлявшій въ Австріи отношеніе между помѣщиками и крѣпостными.



Бельгія. Видъ Ратуши въ Лувенѣ. Рис. Барклай, гран. Бертранъ.

Бельгія, Брабантскій крестьянинъ дома. Рис. К. Менье, грав. Гильдебрандъ.

На первой же станціи онъ очутился въ объятіяхъ какой-то фигуры въ длинномъ сюртукѣ, съ длинными пейсами, радостно привѣтствовавшей его во имя Бога Авраама, Исаака и Іакова и прильнувшей къ его перчаткѣ. Иллаваи узналъ еврея Рокомоцера, который обыкновенно расхаживалъ по деревнямъ за разными гешефтами и былъ хорошо всѣмъ извѣстенъ въ трехъ комитатахъ.

— Чего это вы, Рокомоцеръ, такъ обрадовались мнѣ?

— Богъ послалъ мнѣ вашу милость въ самую необходимую минуту. Я прямо изъ лагеря и всю дорогу молилъ Всемогущаго, чтобы только Онъ помогъ мнѣ найдти вашу милость.

— Что вамъ надо было въ лагерѣ?

— Что мнѣ надо было?—да немного денегъ было надо. Я привезъ туда партію фланелевыхъ рубашекъ. вѣдь, они бѣдные, тамъ всѣ вымерли, кромѣ ментиковъ, у нихъ нечѣмъ и прикрыться то отъ холодовъ нынѣшнихъ.

— Видѣли вы моего племянника?

— Ахъ,—да какъ же я могъ не видѣть его! а лучше бы и не видать! Конецъ ему пришелъ, совсѣмъ конецъ ему. Торопитесь, господинъ судья, освободите его, пока есть еще время.

— А вмѣстѣ съ нимъ и денежки, которыя онъ долженъ вамъ?

— Ваша милость— какъ это вы изволили догадаться?

— Мудрено догадаться! А зачѣмъ это вы давали ему? вѣдь я запретилъ вамъ!

— Да онъ умѣетъ такъ хорошо плакать! И какъ только увидалъ меня, сейчасъ обнялъ и расцѣловалъ. А потомъ, тутъ же и сказалъ, что ему надо денегъ, много денегъ, иначе пришлось бы застрѣлиться, онъ, вѣдь, потерялъ ротныя деньги вмѣстѣ съ своимъ бумажникомъ и еслибы не возвратилъ, его разстрѣляли бы. Я отвѣтилъ ему: не дамъ вамъ, господинъ Онатовскій, денегъ, потому что вы еще несовершеннолѣтній. Но онъ поклялся мнѣ, что генералъ далъ ему честное слово убѣдить оберъ-комиссара правительства утвердить его въ правахъ владѣнія и тогда онъ немедленно же выставитъ на свой счетъ кавалерійскій полкъ, я повѣрилъ ему и далъ половину того, что было при мнѣ, онъ мнѣ выдалъ росписку; на другой день онъ опять ко мнѣ—ночью проигралъ все и ужъ, въ самомъ дѣлѣ, готовился, было, застрѣлиться, если бы я не далъ ему остальныя деньги. Ну что же мнѣ было дѣлать? Я, вѣдь, не каменный и потомъ никогда я не видалъ, чтобы кто-нибудь, у кого съ боку бренчитъ сабля—такъ хорошо плакалъ! Ну и отдалъ я ему остальное. На третьи сутки, вдругъ, слышу—онъ натворилъ тамъ чего-то, заковали его, арестовали и хотятъ разстрѣливать! что же я то буду дѣлать теперь! Не смѣю показаться женѣ на глаза, мои семеро дѣтей пойдутъ по міру, если разстрѣляютъ молодаго барина. Ничего бы, пусть бы ихъ стрѣляли направо и влѣво, только бы не въ него. И къ чему это, сами подумайте? Торопитесь, торопитесь, господинъ Иллаваи, пока они еще того не сдѣлали.

Иллаваи взялъ Рокомоцера съ собой и поспѣшилъ дальше. Клинобородый спутникъ Франца, однако, сказалъ ему, что не легко будетъ добраться до венгерскаго лагеря: на него со всѣхъ сторонъ наступаютъ императорскія войска,—великое множество кавалеріи, пѣхоты, пушекъ! И не пропустятъ, ни за что не пропустятъ!

Затрудненій, дѣйствительно, оказалось не мало. То не было свободныхъ лошадей, то непріятель былъ слишкомъ близокъ; но Иллаваи не любилъ останавливаться на своемъ пути: соря деньгами, онъ продолжалъ подвигаться впередъ.

— Право, господинъ Иллаваи, вы истратите тутъ на дорогѣ столько денегъ, что можно было бы купить трехъ такихъ молодыхъ господъ (еврей цѣнилъ Корнеля равно въ ту сумму, которую тотъ былъ долженъ ему).

Разъ они, какъ имъ показалось, заблудились. Пришлось остановиться, чтобы оріентироваться.

— Нѣтъ, сказалъ Францъ,—мы на настоящей дорогѣ. Вы слышите, Рокомоцеръ?

— Слы...ш...у... отвѣчалъ тотъ и его борода затряслась. Съ одной стороны доносились то сливавшіеся, то раздѣльные звуки канонады.

— Ну—такъ ѣдемъ туда.

Когда они объѣхали небольшой пригорокъ, предъ ними открылась вся мѣстность. Прямо, напротивъ, шелъ рядъ холмовъ, поросшихъ мелкимъ лѣсомъ: съ боку, близь большой дороги, возвышался великолѣпный замокъ, обруженный кольцомъ изъ сосенъ, въ снѣжномъ, зимнемъ уборѣ. Изъ трубъ замка вился дымъ, и съ холмовъ тоже валилъ дымъ, но уже другаго рода. Тамъ происходило сраженіе.

— Теперь—мы дома, произнесъ Иллаваи.

— Да... да... мы д...д...ома, проговорилъ дрожащимъ голосомъ Рокомоцеръ, —вонъ—Дальнаварскій замокъ.

— Это—венгерскій лагерь.

— Намъ надо взять...ть въ сторону, продолжалъ еврей.—и прямо ѣхать въ Дольнаваръ, тамъ примутъ господина судью съ удовольствіемъ (въ замкѣ жила невѣста, бросившая Иллаваи).

Тяжелое чувство овладѣло Францемъ при видѣ знакомой мѣстности.

— Мы ѣдемъ не въ Дальнаваръ, Рокомоцеръ, а туда, гдѣ видѣнъ вонъ дымъ.

Рядъ маленькихъ синеватыхъ клубовъ дыма указывалъ боевую линію венгерцевъ. На одномъ невысокомъ холмѣ была установлена ракетная конгревова баттарея, посылавшая снаряды въ лѣсокъ, откуда, въ свою очередь, показывались, поминутно, клубы бѣлаго дыма. Въ чащѣ гулко лопались гранаты.

— Мы ѣдемъ туда.

— О..... н....ѣтъ! закричалъ Рокомоцеръ,—я слѣзу съ саней.... Извозчикъ, хотя и не слѣзъ, но объявилъ, что не поѣдетъ.

— Сколько хочешь за одну изъ лошадей? спросилъ Иллаваи.

Тотъ заломилъ баснословныя деньги, Францъ заплатилъ и велѣлъ отпречь.

— Что это вы, что это вы, господинъ судья!! крикнулъ Рокомоцеръ, вѣдь не поѣдете же вы, и еще безъ сѣдла, туда, гдѣ съ обѣихъ сторонъ стрѣляютъ! Господинъ судья, господинъ Иллаваи! бросьте, вы этого безпутнаго молодаго барина, не губите себя изъ за него, не стоитъ онъ этого! Пусть пропадутъ мои деньги, вѣдь ихъ было немного, Богъ ужъ возвратитъ ихъ мнѣ, не ѣздите вы подъ эту бомбардировку для него! Еслибы вы знали—какъ онъ ругаетъ васъ! Ишь, все-таки поѣхалъ, поѣхалъ! Удивительный человѣкъ, удивительный!!

Иллаваи ничего не слышалъ. Ударивъ лошадь, онъ помчался впередъ, какое-то чудо охраняло его. Ни одна ракета, ни одна пуля не задѣвала лошадь, о себѣ онъ не думалъ. И онъ нашелъ то, что искалъ: онъ доскакалъ до венгерскаго лагеря, который только что снимался. Въ такія минуты, въ минуты неудачи, всякій непремѣнно золъ и никто не хочетъ отвѣчать. Съ величайшимъ трудомъ узналъ онъ, между прочимъ, что Сома вышелъ изъ гусарскаго полка, въ который онъ опредѣлилъ его. Отступленіе венгерскаго отряда тянулось цѣлый день и только къ вечеру остановились на бивуакѣ, здѣсь распространился слухъ, что дядя ищетъ племянника и слухъ этотъ привелъ къ нему Санхо-Пансу племянника, Кацура.

(До слѣд. №).

Памятная депеша.

Разсказъ П.

Во время американской войны 1780 года, англійскій генералъ, командующій войсками въ Квебекѣ, 17 ноября приказалъ явиться къ себѣ лейтенанту Георгу Прентисъ и вручилъ ему депешу для доставленія генералу Клинтону въ Нью-Іоркѣ.

Вотъ что заключала въ себѣ эта депеша:

„Французы первые устроили колоніи въ Канадѣ и только въ послѣдствіи она перешла во владѣніе къ англичанамъ. Согласно переписи народонаселенія въ 1775 г., не считая индійцевъ, тамъ было сто пятьдесятъ три тысячи колонистовъ. Изъ этаго числа сто пятьдесятъ тысячъ французскаго происхожденія, и только остальныя три тысячи англійскаго. Такая несоразмѣрность могла послужить поводомъ къ серьезнымъ размышленіямъ. Франція послала на помощь въ Америку свои войска и флотъ противъ англичанъ, принявъ такимъ образомъ сторону республиканцевъ. Извѣстіе объ этомъ сильно взволновало французскихъ канадцевъ, всегда сочувствовавшихъ своимъ соотечественникамъ и республикѣ. Комендантъ Квебека, главнаго города Канады, съ безпокойствомъ и недовѣріемъ относился къ этому броженію и опасался общаго возстанія въ средѣ населенія. Онъ представлялъ себѣ, какъ эти нѣсколько тысячъ пылкихъ храбрецовъ-французовъ тайно вооружатся, переплывутъ черезъ рѣку Св. Лаврентія и нападутъ съ тылу на англійскій лагерь. Но предположеніе его оказалось ложнымъ, хотя вѣроятно подобный планъ и имѣлся въ виду нѣкоторыми недовольными канадцами. Быть можетъ возстаніе состоялось бы, если бы война продолжилась долѣе. Комендантъ Квебека, неимѣющій въ своемъ распоряженіи достаточно войскъ, въ случаѣ возстанія могъ бы только защищать укрѣпленные города Квебекъ и Монреаль. Потому онъ счелъ своей обязанностью не медля извѣстить главнокомандующаго о предполагаемой имъ угрожающей опасности, чтобъ удержать его этимъ отъ предприпятія нѣкоторыхъ военныхъ дѣйствій на сѣверѣ".

Молодой лейтенантъ поклонился и спросилъ: какой мнѣ путь избрать? Моремъ или сушей?

— Разумѣется не сухимъ путемъ, возразилъ генералъ. Не безопасно стараться проникнуть линію непріятельскихъ войскъ, да если бы вы и рискнули сдѣлать это, переодѣться и т. п., то васъ можетъ постигнуть участь нашего бѣднаго Андре.

Англійскій лейтенантъ Андре, нѣсколько недѣль тому назадъ, схваченъ былъ американцами и принятый за шпіона, 2-го октября 1780 г. по приказанію Вашингтона былъ повѣшенъ.

— Значитъ мнѣ надо ѣхать моремъ?

— Конечно. Важность дѣла вызываетъ необходимость риска.

— Но по рѣкѣ Св. Лаврентія идетъ ледъ и можетъ быть рѣка скоро совсѣмъ станетъ.

— Потому то и надо вамъ спѣшить, пока свободенъ путь.

— Но идетъ такой сильный снѣгъ.

— Къ сожалѣнію, да!

— Я не о себѣ думаю, говоря это вамъ. Я готовъ исполнить свой долгъ. Но найду ли я такого отважнаго лодочника, который рѣшился бы теперь везти меня?

— Я уже нашелъ двоихъ.

— Двоихъ?

— Да, два лодочника за большую, конечно, цѣну согласились на это опасное дѣло.

— Но зачѣмъ ихъ двое?

— Другой поѣдетъ отдѣльно на особомъ суднѣ съ копіей этой депеши.

— Понимаю, въ случаѣ несчастія со мною...

— Съ вами или съ другимъ...

— Чтобы хоть одному достигнуть благополучно своей цѣли.

— Въ самомъ дѣлѣ, содержаніе депеши такъ важно для успѣха нашихъ военныхъ операцій, что нельзя не рисковать, лишь бы только мое извѣстіе дошло по возможности скорѣе до сэра Клинтона.

— Жду приказаній.

— Вы на все готовы, чтобы передать эту депешу генералу?

— На все! Честное слово англійскаго офицера.

— Я считаю васъ достойнымъ офицеромъ и вполнѣ довѣряю вамъ, поэтому я и избралъ именно васъ для этаго труднаго порученія.

— Благодарю за оказанную честь, поклонившись отвѣтилъ молодой офицеръ.

— Идите сейчасъ на бригантину капитана Грэна, которая стоитъ тамъ у пристани, готовая къ отплытію.

— Слушаю.

— Съ Богомъ, любезный Прентисъ!

Лейтенантъ поспѣшилъ на свою квартиру, наскоро уложилъ свой чемоданъ и отправился на бригантину, которая вскорѣ ушла съ попутнымъ вѣтромъ внизъ по рѣкѣ. Одновременно отчалила и шлюпка съ находящимся въ ней другимъ курьеромъ.

Къ удивленію своему офицеръ замѣтилъ, что кромѣ него и его деньщика, было на бригантинѣ еще нѣсколько пассажировъ, которые воспользовались случаемъ проѣхать въ Нью-Іоркъ. Другой такой случай конечно не могъ имъ представиться; наступала зима, судоходство по рѣкѣ прекратилось уже съ недѣлю тому назадъ.

Экипажъ судна состоялъ изъ тринадцати человѣкъ; пассажировъ было шестеро. Капитанъ оказался вскорѣ ненадежнымъ человѣкомъ, безпрестанно прикладывавшимся къ рюмкѣ и это очень озабочивало молодаго офицера.

Берега рѣки уже покрыты были тонкимъ слоемъ льда; но по срединѣ рѣки оставался еще довольно широкій открытый путь.

У Орлеанскаго острова, вслѣдствіе противнаго вѣтра, бригантина простояла около шести сутокъ. Можно было возвратиться. Но опьянѣвшій капитанъ, не желая возвращать полученную имъ съ пассажировъ сумму, увѣрялъ, что онъ проведетъ судно до Нью-Іорка, не смотря ни на ледъ и снѣгъ, ни на бурю и скалы. Прентисъ, сознавая важность своего порученія, не смѣлъ отговаривать его, хотя и былъ убѣжденъ въ несчастливомъ исходѣ такого плаванія. Прочіе пассажиры послѣ увѣреній капитана нѣсколько успокоились.

Наконецъ подулъ попутный вѣтеръ и можно было продолжать путь. Но тогда замѣтили что бригантина повреждена и въ трюмѣ воды набралось уже на нѣсколько футовъ.

Матросы начали выкачивать воду помпами. Шелъ такой сильный снѣгъ, что съ однаго конца корабля не видно было ничего на другомъ концѣ.

Еще въ болѣе печальномъ состояніи оказалась шлюбка, слѣдовавшая въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ. У острова Кудресъ она наѣхала на подводный камень и испуганные этимъ люди выстрѣлами давали знать объ опасности, прося помощи. Посланные съ бригантины матросы, за страшной вьюгой, не могли отыскать шлюбки. Вскорѣ выстрѣлы замолкли. Шлюбка погибла и никто не спасся, даже и несчастный второй курьеръ.

Бригантина одна продолжала свой путь и миновала широкое устье рѣки Св. Лаврентія. Холодъ увеличивался, снѣгъ шелъ все сильнѣе и сильнѣе, вѣтеръ крѣпчалъ и наконецъ разразился въ настоящій ураганъ.

Матросы упали духомъ и отказались работать при помпахъ. Они видѣли что гибель неизбѣжна и считали свою работу излишнею и безполезною. Розданы были усиленныя порціи водки, чтобы возбудить въ нихъ хоть искуственную энергію.

Проходя мимо острововъ Магдалины, гдѣ были самые опасные водовороты, у одной изъ скалъ, называемой „Мертвой", судно чуть не разбилось и спаслось только благодаря какому-то чуду.

Въ ночь на 3-е декабря, громадная волна залила палубу и судно наполнилось до половины водою. Носъ бригантины разбился о льдину. Напрасно всѣ бросились закрывать чѣмъ попало зіяющіе пазы; прибывающая вода съ каждой минутой болѣе угрожала потопить несчастное судно. Работа при помпахъ была уже вполнѣ безполезна.

— Мы погибли! кричали матросы.

— Мы должны какъ можно скорѣе пристать къ берегу, сказалъ мичманъ.

— Гдѣ? спросилъ нашъ офицеръ.

— У острова Св. Іоанна или вообще гдѣ нибудь у берега.

— Будетъ ли тогда возможность переправиться дальше съ моимъ порученіемъ?

— Никакой. Острова и берега эти необитаемы; только лѣтомъ тутъ живутъ временно рыбаки.

— Значитъ, если мы благополучно пристанемъ и при высадкѣ не утонемъ...

— Всетаки намъ грозитъ опасность замерзнуть или умереть съ голоду.

— Ну, однако неутѣшительно...

— Надо быть готовымъ къ самому худшему.

Утопающая бригантина, покачиваясь подъ напоромъ бурнаго вѣтра, тяжело подвигалась по пѣнящимся волнамъ, которыя безпрестанно набрасывали на палубу большія льдины—это еще увеличивало опасность. Крикъ чаекъ и дикихъ утокъ давалъ знать однако о близости берега.

Хотя прибой волнъ производилъ гулъ подобный грому, однако берега нельзя было разсмотрѣть: его заслоняла густая завѣса идущаго снѣга. Такъ проходили длинные, мучительные часы. Наконецъ къ полудню просвѣтлѣло. Снѣжныя тучи разсѣялись. Открылся берегъ, окаймленный огромными, покрытыми снѣгомъ, скалами. Зрѣлище было безотрадное. Между тѣмъ судно не могло держаться въ морѣ; его гнало къ берегу; саженъ за 200 отъ берега оно остановилось. Послѣдовалъ сильный подводный ударъ, отъ котораго сломалась мачта и чуть не убило одного матроса. Поврежденія были велики и судно каждую минуту грозило развалиться и пойти ко дну. Море все еще бушевало, погода была бурная. Наконецъ, съ невыразимымъ трудомъ, спустили лодку, покрытую ледяною корою.

Прентисъ, его деньщикъ, мичманъ, два матроса и одинъ молодой пассажиръ рискнули переѣхать. Прочіе остались на суднѣ и хотѣли еще переждать бурю. Они надѣялись такимъ образомъ, съ меньшимъ рискомъ достигнуть берега.

Лейтенантъ Прентисъ бережно спряталъ важную бумагу, взялъ съ собою топоръ, маленькую пилу и свою дорожную кассу, состоящую изъ 180 гиней. Прочіе запаслись съѣстными припасами.

Не успѣла лодка проѣхать половины дороги, какъ ее залило волною совсѣмъ. Къ счастью вслѣдъ за этой волною, другая съ страшною силою выбросила лодку на самый берегъ, такъ что она затрещала по всѣмъ своимъ пазамъ. Такъ стояли среди этой снѣжной пустыни шестеро несчастныхъ, дрожа отъ холода въ своемъ промокшемъ платкѣ, превратившемся на морозѣ въ какіе то ледяные панцыри.

Не въ далекомъ разстояніи отъ нихъ виднѣлся небольшой лѣсъ; они пошли туда, чтобы покрайней мѣрѣ найти защиту отъ рѣзкаго сѣвернаго вѣтра. Огня развести они не могли; трутъ былъ подмоченъ и не зажигался. Только постоянное движеніе спасало ихъ отъ замерзанія.

Молодой пассажиръ первый обезсилѣлъ; онъ не въ состояніи былъ бороться со сномъ и бросился въ глубокій снѣгъ.

— Что вы дѣлаете! вскричалъ Прентисъ, вы болѣе не проснетесь!

— Я не могу на ногахъ держаться, трепеща прошепталъ молодой человѣкъ. Я такъ ужасно усталъ. Если вы останетесь живы, сэръ, извѣстите моихъ родныхъ въ Нью-Іоркѣ о моей прискорбной кончинѣ!

И онъ впалъ въ непробудный сонъ. Напрасны были старанія Прентиса его разшевелить. Онъ спалъ, пока не прекратилось дыханіе; черезъ часъ молодой человѣкъ уже окоченѣлъ.

Наступилъ вечеръ, а затѣмъ и ночь. Потерпѣвшіе кораблекрушеніе, всѣ пятеро, не дозволяли себѣ ни минуты отдыха. Они бѣгали чтобы согрѣться, били другъ друга мерзлыми вѣтками... Такъ продолжалось всю ночь.

На разсвѣтѣ всѣ пошли къ берегу посмотрѣть на судно. Волнами его подвинуло еще болѣе къ берегу; можно было приблизиться къ нему на нѣкоторое разстояніе по канату; люди оставшіеся на палубѣ, перешли на берегъ; между ними былъ и капитанъ Грэнъ, у котораго нашлись огниво и трутъ. Нарубили дровъ и развели большой костеръ, чтобы хоть нѣсколько обогрѣться.

Вѣтеръ все еще сильно дулъ, холодъ становился еще пронзительнѣе. Переставшій было снѣгъ опять началъ идти. Они видѣли какъ бригантина совсѣмъ развалилась и обломки ея вмѣстѣ съ частью груза прибило къ берегу. Удалось спасти нѣсколько боченковъ вяленаго мяса и мѣшокъ съ сухарями.

Изъ выловленныхъ планокъ и досокъ, и древесныхъ стволовъ они построили себѣ обширную хижину, могущую хоть защитить ихъ отъ холода и вѣтра.

Съѣстные припасы были сосчитаны и раздѣлены поровну. Каждый въ сутки получалъ по ¼ фунта мяса и 4 сухаря.

Черезъ нѣсколько дней трое изъ этихъ несчастныхъ умерли отъ холоду. Прочіе, сознавая свое ужасное положеніе, равнодушно смотрѣли на умирающихъ; они даже радовались ихъ смерти: число ртовъ уменьшалось такимъ образомъ быстрѣе, чѣмъ оставшійся провіантъ.

Иногда Прентисъ и мичманъ бродили по окрестнымъ мѣстамъ: разъ они увидѣли слѣды оленя, въ другой разъ напали на брошенную индійскую хижину, въ которой нашли оленью шкуру и взяли ее себѣ.

Если-бы лейтенантъ не придумалъ средства, какъ выбраться изъ этаго несчастнаго положенія, онъ долженъ былъ-бы отка-

заться отъ мысли передать по назначенію депешу, и медленно выжидать приближенія голодной смерти.

1-е января 1781 г. онъ предложилъ починить, на сколько возможно, ихъ лодку и нѣсколькимъ человѣкамъ попробовать отыскать какую-нибудь помощь. Никто не возражалъ. Прентисъ былъ избранъ начальникомъ экспедиціи; съ нимъ поѣхали деньщикъ, капитанъ, мичманъ и два матроса. Только 4 января, когда стихъ сѣверовосточный вѣтеръ, могли они рискнуть выѣхать.

Они направились вдоль берега, но теченіемъ ихъ отнесло въ широкую бухту. Это принудило пристать къ берегу. Замѣтивъ неподалеку хижины, они поспѣшили къ нимъ, въ надеждѣ найдти тамъ людей. Но ожиданія оказались напрасными; хижины были обитаемы только лѣтомъ рыбаками.

Въ этомъ, охранившемъ ихъ временно, убѣжищѣ они пробыли еще дня три — буря опять разыгралась и гнала въ бухту громадныя льдины. На четвертую ночь буря утихла и расходившееся море мало по малу успокоилось.

Прентисъ побѣжалъ къ берегу и увидѣлъ предъ собой, въ лунномъ сіяніи, необозримую блестящую равнину: бухта замерзла. Черезъ три дня опять поднялся юго-восточный вѣтеръ, разогналъ льдины и унесъ ихъ въ открытое море. Только послѣ бури можно-бы было продолжать путь.

Переѣхавъ бухту, они направились вдоль крутаго, скалистаго берега, на встрѣчу высокому мысу. Вскорѣ лодка получила течь и половина людей была занята выкачиваніемъ воды.

Когда члены экспедиціи достигли мыса, вѣтеръ, снова превратившійся въ бурю, принудилъ ихъ пристать къ негостепріимному берегу, при чемъ шлюпка еще болѣе пострадала. Здѣсь они не нашли и хижинъ. Они вырыли себѣ въ снѣгу глубокую яму и покрылись оледенѣлымъ парусомъ. Къ счастью еще сыскали немного дровъ и съ большими трудами развели огонь, безъ котораго вѣроятно всѣ-бы замерзли.

Здѣсь они должны были пробыть до 21 января, тогда перетащили лодку по льду вдоль берега къ устью рѣки, вблизи которой былъ большой лѣсъ. Могучія сосновыя и еловыя деревья простирались вглубь страны. Но снѣгъ лежалъ на восемь и даже на двѣнадцать футовъ вышины. Нельзя было рѣшить, въ какую сторону направиться въ этой дикой мѣстности.

При нихъ не было ни дегтю, ни смолы, ни пакли исправить лодку. Прентисъ напалъ на счастливую мысль, покрыть ее снаружи и внутри ледяною корою, чего они и достигли, обливая ее нѣсколько разъ водою.

27 рѣшено было рискнуть ѣхать дальше, придерживаясь берега. Неуклюжая лодка хотя медленно и тяжело, но все-же подвигалась по волнамъ впередъ до тѣхъ поръ, пока отъ пошедшаго вдругъ проливнаго дождя не растаяла ледяная кора. Несчастные поспѣшили къ берегу, чтобы не потонуть и когда вторично на морозѣ образовалась на лодкѣ ледяная кора, они продолжали путь.

4-го февраля, вѣтромъ и теченіемъ прибило лодку къ берегу. Ударяясь постоянно о скалы, она избилась до того, что никуда болѣе не годилась. Вблизи находился сосновый лѣсъ, здѣсь можно было нарубить дровъ и развести хорошій огонь.

Провіантъ ихъ совершенно истощился. Страдальцы были до крайности измучены усталостью ходьбы и страданіями отъ холода и голода. Теперь они уже не думали уйдти отъ смерти. Матросы говорили, что пора тянуть жребій, кого изъ компаніи убить. Его мясо и кровь должны были продлить жизнь другихъ. Но никто не соглашался на такое отвратительное предложеніе. Стали находить на берегу раковины и устрицы и коекакъ питались этимъ. Все живое на землѣ словно вымерло. Даже волки, въ эту суровую зиму попрятались въ свои логовища.

Въ такомъ-то отчаянномъ положеніи томились несчастные вплоть до 18-го февраля. Кромѣ устрицъ и раковинъ, которыхъ находили все менѣе и менѣе, они питались оставшимися сальными свѣчами и морскими водорослями, варенымы въ снѣговой водѣ; получалась какая-то отвратительная масса. Они такъ ослабли, что едва были въ силахъ поддерживать огонь. Ложемъ ихъ была яма въ снѣгу, обложенная сосновыми вѣтками и покрытая сверху парусомъ.

Въ этотъ день, 18 февраля, они услышали человѣческіе голоса въ близьлежащемъ лѣсу. Они были уже такъ слабы, что не могли ни идти, ни ползти и подняли общій крикъ о помощи. Показалось нѣсколько индійцевъ, которые удивленно и съ участіемъ смотрѣли на эту пораженную несчастіемъ группу людей. Одинъ изъ нихъ на ломанномъ англійскомъ языкѣ распросилъ несчастныхъ и обѣщалъ помочь. Онъ побѣжалъ со своими товарищами и вскорѣ возвратился, принеся съ собою кусокъ сушеной оленины и пузырь съ рыбьимъ жиромъ. Это подкрѣпило бѣдныхъ, такъ долго терпѣвшихъ голодъ. Энергичные краснокожіе притащили одну лодку и перевезли шестерыхъ бѣлыхъ въ свою деревню, въ пяти миляхъ отъ этаго мѣста.

Въ хижинахъ нашлась еще лучшая пища, такъ что скоро путники оправились и окрѣпли.

Прентисъ не забылъ объ оставшихся страдальцахъ. Насколько возможно подробно онъ описалъ мѣстность, гдѣ пристала къ берегу бригантина приблизительно на разстояніи ста англійскихъ миль. Краснокожіе сказали, что мѣстность имъ знакома, но проникнуть туда черезъ лѣсъ весьма трудно. Прентисъ обѣщалъ имъ дать двадцать пять блестящихъ гиней, если они предпримутъ это доброе дѣло, на что индійцы согласились. Избранные въ экспедицію люди запаслись лыжами, припасами и отправились въ путь.

Черезъ четырнадцать дней, посланные вернулись, приведя съ собою трехъ матросовъ. Прочіе шесть умерли отъ голоду. Спасенные разсказывали, что они питались нѣсколько дней оленьей шкурой, когда истощился весь запасъ пищи. Затѣмъ они вырѣзали изъ тѣла умершихъ товарищей по куску мяса, чтобы утолить свой голодъ. Описаніе того, что было ими испытано въ это время было такъ ужасно, что даже индійцы, вообще не особенно сантиментальные, содрогались, слушая ихъ.

Затѣмъ Прентисъ условился за 40 гиней съ двумя краснокожими, самыми опытными людьми ихъ племени, чтобы они его съ деньщикомъ довезли до Галифакса въ Новой-Шотландіи. 2-го апрѣля они отправились на лыжахъ въ путь. Остальные потерпѣвшіе кораблекрушеніе рѣшили дождаться лучшаго времени года. Нѣсколько недѣль продолжалось это тяжелое путешествіе. Нерѣдко жизнь путниковъ подвергалась опасности вслѣдствіе мятели, при трудномъ переходѣ черезъ рѣки и замерзшія озера. Наконецъ они благополучно прибыли въ Галифаксъ, гдѣ Прентисъ нашелъ судно, привезшее его въ Нью-Іоркъ.

Передавая депешу главнокомандующему, онъ тутъ-же объяснилъ причину своего долгаго замедленія.

Сэръ Клинтонъ пожалъ плечами.

— Прежде нежели комендантъ Квебека написалъ эту депешу, я уже зналъ содержащіяся въ ней извѣстія, сказалъ онъ. На мои распоряженія и дѣйствія нашихъ войскъ это извѣстіе не могло имѣть ни малѣйшаго вліянія. Совсѣмъ напрасно было, пересылать мнѣ эту депешу. Генералъ могъ бы себя избавить отъ этого труда.

— О, если бы на это была воля Божья! возразилъ Прентисъ не безъ горечи. Я не говорю о перенесенныхъ мною страданіяхъ. Чудо что я остался въ живыхъ. Эта роковая депеша была причиною смерти 24 людей! Въ шлюпкѣ погибло четырнадцать, на бригантинѣ десятеро, кто потонулъ, кто замерзъ, кто умеръ голодной смертью. Всю жизнь свою буду помнить эту страшную депешу.

— Вы, при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, честно и отважно исполнили свой долгъ, любезный Прентисъ и потому имѣете всѣ права на повышеніе. Напишите немедля, подробный докладъ о вашихъ приключеніяхъ. Пусть это будетъ извѣстно высшему начальству.

Прентисъ представилъ этотъ докладъ, который впослѣдствіи былъ напечатанъ и вызвалъ въ Англіи и въ Америкѣ сильное сочувствіе. Этотъ самый докладъ и послужилъ темою для нашего разсказа.

Къ рисункамъ.

Бердко контрабандистъ.

(Рис. на стр. 76 и 77).

Лѣса дремучіе да болота топкія, чуть не безъ конца безъ начала, и вправо, и влѣво, и вдоль и поперегъ, а посреди ихъ просѣка прорублена саженей въ тридцать. Просѣка эта идетъ извилинами, дорога по ней тянется гдѣ широкая торная, а гдѣ и совсѣмъ чуть намѣченная конями тропиночка, а побокамъ этой дороги столбы стоятъ, съ одной стороны наши, полосатые, а съ другой австрійскіе, желтые съ черными орлами двуглавыми. Это общій характеръ пограничной линіи, отдѣляющей Галицію отъ нашихъ Волынской и Люблинской губерній. По этой чертѣ, верстъ на двадцать и болѣе одно отъ другаго — разбросаны небольшіе посты пограничныхъ стражниковъ... И днемъ и ночью проѣзжій и прохожій путники встрѣчаютъ то одиночныхъ, то парныхъ всадниковъ на крѣпкихъ казацкихъ лошадкахъ, въ мѣховыхъ папахахъ, съ винтовками за плечами и съ традиціонною казачьею нагайкою у пояса. Эти всадники зорко поглядываютъ вправо и влѣво, въ глубину лѣсной чащи, чутко прислушиваются къ каждому подозрительному звуку, не мелькнетъ ли гдѣ въ кустахъ отрепье контрабандиста, не брякнетъ ли гдѣ конская подкова о корневище дуба, о сучекъ и камешекъ, не въ добрый часъ подвернувшійся на дорогѣ. Они сильно заинтересованы всякою подобною находкою, служатъ не ради одного жалованья, одной служебной карьеры, — но и ради наградъ на счетъ конфискованной контрабанды. Иногда словно вода сквозь пальцы, проскальзываютъ опытные, стрѣлянныя птицы, Энкели, Шмульки и Ицки, да и проскальзываютъ не одни, а и со всею своею цѣнною поклажею.

И вотъ уже много лѣтъ какъ по этой пограничной полосѣ идетъ непрерывная борьба *опыта и энергіи поимки*, съ неменьшимъ, если не большимъ, опытомъ *ухода и увоза*.

Близь всей границы по окраинамъ лѣсовъ и въ Галиціи, и у насъ раскинуты грязныя жидовскія мѣстечки — эти селенія

(Продолженіе на стр. 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95 и 96).

Жена Египтянина-Феллаха. Ориг. рис. Н. Зихеля, грав. Бренд'Амуръ.

имѣютъ видъ самый жалкій, нищенскій; налетитъ команда объѣздчиковъ съ повальнымъ обыскомъ,— только и найдутъ, что вязку баранокъ да десять паръ вязаныхъ туфель, а межъ тѣмъ изъ потаенныхъ складовъ этихъ гнѣздъ мошенничества создаются и идутъ гулять по свѣту цѣлые милліоны; изъ вонючихъ Шмулекъ и Ицекъ, преображаются бароны, хотя и сохраняющіе по гробъ чесночный запахъ.

Вотъ онъ самъ лично, одинъ изъ такихъ будущихъ бароновъ и двигателей міровыхъ событій. Пока его кличка не громкая, просто Бердко. Пробирается Бердко цѣликомъ, лѣсною трущобою, безъ дороги, безъ всякой тропинки даже; знаетъ онъ хорошо всю эту лѣсную сторону, знаетъ ее и его тощая кобыла; оба въ темную, глухую ночь не собьются, отыщутъ дорогу. Сидитъ Бердко верхомъ на маленькихъ саночкахъ,—поверхъ тюка съ контрабандою, а саночки запряжены безъ задка, безъ хомута, безъ дуги и оглобель; просто двѣ веревочки, къ шлейкѣ подвязаны, застрянутъ гдѣ санки, въ виду погони, ножемъ обрѣзать одно мгновеніе, можно и удрать верхомъ отъ стражниковъ. Въ рукахъ у Бердки ружье старое, двухствольное, и владѣетъ онъ этимъ оружіемъ не хуже стрѣлка тирольскаго. Бердко трусъ отчаянный, но пустить пулю изъ-за куста въ своего врага не прочь, не задумается и пальнуть, когда погоня уже слишкомъ близко насядетъ... Но за себя, за свою собственную голову ему не страшно, лишь-бы тѣ проценты, что получитъ ему слѣдуетъ изъ главнаго склада контрабанды за свой товаръ, были-бы въ цѣлости... И вотъ изъ-за этихъ процентовъ и барышей, онъ готовъ на все, и героически выноситъ опасности ремесла: голодъ, холодъ,—безконечныя, полныя лихорадочной тревоги, безсонныя ночи.

А руководятъ этимъ Бердко—другіе Бердки, отработавшіе уже на своемъ вѣку низшую работу контрабанднаго ремесла и теперь уже хозяева „стодаловъ" въ пограничныхъ мѣстечкахъ, а тѣми руководятъ третьи Бердки, сидящіе по городамъ,—въ своихъ водочныхъ складахъ, а этими—опять четвертые Бердки, уже важные тузы-коммерсанты въ столичныхъ конторахъ и банкахъ, и въ свою очередь они почтительно сдаютъ отчеты и получаютъ инструкціи отъ самыхъ важныхъ бароновъ, и такихъ важныхъ, что только по шабашамъ, и то подъ строгимъ домашнимъ секретомъ, вспоминающихъ свое первоначальное происхожденіе.

Св. Сергій и Димитрій Донской передъ Куликовской битвой.

(Рис. на стр. 00).

На нынѣшній годъ въ Императорской Академіи художествъ ученикамъ предложена была прекрасная тема—именно высокознаменательный и рѣшительный моментъ нашей исторіи, когда Великій Князь московскій, Димитрій Ивановичъ, отправляясь въ походъ, чтобы отстоять своею грудью русскую землю отъ натиска невѣрныхъ, проситъ совѣта и благословенія и получаетъ ихъ отъ Св. подвижника Сергія, тогдашняго игумена Троицкой пустыни. Картины на эту тему уже исполнены и были выставлены учениками академіи, изъ коихъ удостоилось первой золотой медали произведеніе молодаго художника Новооскольцева; рисунокъ его мы представляемъ въ этомъ номерѣ. Св. Сергій, высокочтимый всѣмъ народомъ русскимъ, являлся здѣсь какъ опытный и мудрый совѣтникъ и его рѣшительное слово имѣло громадное вліяніе на пробужденіе энергіи и мужества въ Великомъ Князѣ и въ его сподвижникахъ. Дѣйствительно, Сергій былъ человѣкъ въ высшей степени чтимый современниками; всѣ знали его высокую жизнь, объ ней ходило множество легендъ и разсказовъ. Эта жизнь на самомъ дѣлѣ была въ высшей степени замѣчательной. Варѳоломей, сынъ богатаго боярина, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, удалился въ дремучіе лѣса, чтобы посвятить себя подвигамъ душевнаго спасенія; здѣсь онъ построилъ себѣ келью и при ней маленькую деревянную церковь, которая и была освящена во имя Св. Живоначальной Троицы. На 24-мъ году юный пустынникъ былъ постриженъ и названъ въ монашествѣ Сергіемъ и вслѣдъ затѣмъ ушелъ и три года жилъ совершенно одинъ среди пустыни. Мало по малу окружающая пустыня начала заселяться другими подвижниками, жаждавшими жить по примѣру и подъ надзоромъ строгаго и благочестиваго Сергія, который былъ возведенъ въ 1354 году въ санъ священника и вмѣстѣ съ тѣмъ игумена новосозданной имъ обители. Въ это время Сергій уже пользовался обширною извѣстностью и его высокія качества дѣлали его участникомъ даже политическихъ событій: такъ Великій Князь Московскій посылалъ его въ 1365 году въ Нижній, затѣмъ въ Рязань, гдѣ онъ склонилъ буйнаго Олега заключить вѣчный миръ съ Княземъ московскимъ. Вообще, какъ человѣкъ святой жизни и вмѣстѣ пламенный патріотъ, онъ не могъ не горѣть всѣми силами своей души за смѣлый планъ Димитрія Ивановича—возстать противъ удручающаго Русь татарскаго ига. Готовясь къ рѣшительной битвѣ Великому Князю необходимо было видѣться съ Святымъ мужемъ и принять отъ него благословеніе. И вотъ въ августѣ 1380 года онъ отправился въ Троицкую обитель.

Принявъ Князя съ подобающею честью, Преподобный устроилъ трапезу какъ для него такъ и для сопровождавшихъ его близкихъ людей и послѣ продолжительнаго разговора съ Великимъ Княземъ, благословилъ его и даже рѣшился помочь ему въ ратныхъ приготовленіяхъ. Онъ послалъ съ нимъ, по его просьбѣ двухъ монаховъ—Пересвѣта и Ослябю—богатырей по силѣ и сложенію, бывшихъ ратниками до своего иночества. Св. Сергій исполнившись вдохновенія, пророчески произнесъ: „Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ; онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя".

Черная могила въ Черниговѣ. Рис. Пановъ, грав. Паннемакеръ.

Вѣщія слова Св. Сергія вскорѣ исполнились и слѣдовавшая затѣмъ страшная Куликовская битва блеснула всей Руси яркою зарею освобожденія отъ ига татарскаго.

Въ Брабантѣ. Лувенъ.

(Рис. на стр. 84 и 85).

Весь Брабантъ съ его небольшими возвышенностями и незначительными покатостями, не представляющими ни рѣзкихъ профилей, ни крутыхъ спусковъ, перерѣзанный каналами, утопающій въ зелени, представляетъ панораму древнихъ развалинъ и цвѣтущихъ деревень съ приходскими церквами, колокольни которыхъ повсюду встрѣчаетъ глазъ. Такова почти вся мѣстность вокругъ Брюсселя. Пройдя фабрики Моленбека, Св. Іоанна—оживленнаго предмѣстья, фабричный дымъ котораго на сѣверѣ города образуетъ непроницаемую тучу, оставивъ за собою громъ машинъ съ работающимъ около нихъ народомъ, вступаешь на прекрасныя поля, обсаженныя деревьями: тутъ то тянутся, почти соприкасаясь другъ съ другомъ, хорошенькія деревеньки. Желѣзныя дороги еще болѣе придаютъ оживленія мѣстности. Житель деревни самой отдаленной въ часъ времени достигаетъ ближайшей станціи; такимъ образомъ между деревнями и городами Бельгіи поддерживается постоянное сообщеніе. Путешественникъ поражается живописными уголками мѣстности съ ея богатыми пастбищами, глубокими каналами и роскошной зеленью, освѣщенною яркимъ солнцемъ. Внутри въ этихъ деревенькахъ живутъ чисто и въ достаткѣ. Взгляните на прекрасный рисунокъ съ натуры на стр. 85, гдѣ видите семью брабантскаго крестьянина, съ его характернымъ лицомъ, серьезнаго и довольнаго, въ своей домашней обстановкѣ. Зеленыя брабантскія поля, съ ихъ лугами и холмами тянутся на далекое пространство а тамъ уже обрисовываются колокольни Лувена.

Если войдешь въ сумерки въ этотъ университетскій городъ, откроются широкія улицы съ правильными домами; вотъ квадратная площадь, гдѣ помѣщаются одно противъ другаго зданія церкви Св. Петра и прекрасной городской ратуши, изображенной на нашемъ рисункѣ. Движеніе на улицахъ замедляется и на тротуарахъ составляются группы; фабричное населеніе разбрелось по переулкамъ и мало по малу городъ успокоивается. На улицахъ остаются только запоздалые прохожіе или студенты, гуляющіе послѣ своихъ лекцій. И въ этой мирной тишинѣ, гигантское зданіе ратуши, съ ея легкими башнями, ея многочисленными навѣсами и статуэтками представится во всей своей красѣ: озаренный мѣстами блескомъ луны высокій фасадъ зданія, украшенный скульптурными рельефами, символическими животными въ нишахъ и легендарными патріархами, безподобно хорошъ.

Въ Лувенѣ много прекрасныхъ мѣстъ, между которыми особенно выдѣляется Бегинскій монастырь—это убѣжище для женщинъ ищущихъ уединенія. Это удаленный кварталъ, съ кирпичными небольшими домиками, окруженными садами и убранными статуями святыхъ. Женщины, живущія здѣсь, не имѣютъ строгаго монастырскаго устава; онѣ живутъ по нѣскольку человѣкъ подъ одною кровлею, выходятъ свободно днемъ, но вечеромъ улицы пустѣютъ и надъ этимъ кварталомъ воцаряется мертвая тишина.

Жена египтянина-феллаха.

(Рис. на стр. 89).

Кому только случалось быть въ таинственной странѣ Фараоновъ,—странѣ древнѣйшей въ мірѣ цивилизаціи,—Египтѣ, того не могъ не поразить совершенно особенный типъ мѣстной женщины, племенъ, заселяющихъ берега священной рѣки въ Среднемъ и Верхнемъ Египтѣ. Свободною, величественною или легкою, эластичною поступью спускаются онѣ къ рѣкѣ, граціозно покачивая на головахъ большіе глиняные кувшины, которые здѣсь въ неизмѣнномъ употребленіи съ незапамятныхъ временъ. Онѣ наполняютъ кувшины водою древней рѣки, довольно мутною и желтоватою, и несутъ легко тяжелые кувшины, стройныя и граціозныя, въ свои, сбитыя изъ глинянаго кирпича, дома и хижины. То жены и дочери поселенцевъ долины Нила—феллаховъ. Костюмъ почти всегда одинъ: длинное, ниспадающее складками, одѣяніе изъ темносиней бумажной ткани, родъ рубахи отъ шеи до лодыжекъ и наброшенное на голову покрывало, спускающееся на плечи, изъ той-же матеріи; часто это покрывало подвязываютъ у нижней части лица и закалываютъ большой булавкой. Очертанія лица изъ-за этой тонкой матеріи выдѣляются совершенно ясно. Лица большею частью красивыя, классически-правильныя черты у молодыхъ египтянокъ. На картинѣ своей Зихель нарисовалъ портретъ именно одной жены феллаха изъ Верхняго Египта. Черепъ феллаха, какъ извѣстно, представляетъ поразительное сходство съ черепомъ древняго египтянина, кромѣ того, по умственному и нравственному складу, это несомнѣнно потомки древнѣйшаго египетскаго сельскаго населенія.

Черная могила въ Черниговѣ.

(Рис. на стр. 90).

Замѣчательный курганъ, извѣстный подъ названіемъ *Черной Могилы* между мѣстными жителями города Чернигова, лежалъ въ самой чертѣ города, въ оградѣ Елецкаго монастыря, на правомъ углу улицы, ведущей отъ старой базарной площади къ Елецкому монастырю, на ровномъ мѣстѣ. Форма его была конусообразная, хотя бока уже нѣсколько и осыпались, и величина весьма значительна: высота равнялась по отвѣсной линіи пятнадцати аршинамъ; въ основаніи имѣло 180 аршинъ; при самомъ основаніи курганъ былъ обведенъ въ давнія времена широкимъ рвомъ, слѣды котораго сохранились и до настоящаго времени, несмотря на то, что вся мѣстность около кургана давно была распахана и пахалась много лѣтъ сряду.

Извѣстный нашъ археологъ г. Самоквасовъ, профессоръ Варшавскаго университета, занимаясь раскопками кургановъ на югѣ Россіи, обратилъ вниманіе и на *Черную Могилу*. Черная Могила была раскопана имъ въ 1873 году. Когда на вершинѣ кургана былъ снятъ дерновый слой, то въ насыпи было замѣчено четыре квадрата кирпичей, лежавшихъ одинъ на другомъ—какъ-бы фундаментъ бывшаго памятника. Подъ широкимъ квадратомъ кирпичей показался дубовый сгнившій столбъ. Ниже этаго столба, на пять аршинъ въ центрѣ кургана, найдена металлическая окисшая масса, которая, при внимательномъ разсмотрѣніи, оказалось заключающею въ себѣ слѣдующія вещи, два желѣзныхъ шлема и двѣ такихъ-же кольчуги. Какъ тѣ такъ и другія сильно перержавѣли и плотно слиплись другъ съ другомъ. Кромѣ этихъ остатковъ вооруженія, тутъ-же были найдены два замѣчательно сохранившіеся туріи рога, окованные съ широкаго конца серебромъ, съ вырѣзанными по этой оковкѣ узорами, изображающими звѣрей, птицъ и травы. Въ томъ-же мѣстѣ лежали въ землѣ двѣ византійскія монеты IX вѣка, жженыя кости барана и опаленная шерсть его. Ниже этихъ вещей, аршинъ на пять, открыто въ курганѣ обширное кострище, аршинъ 15 въ діаметрѣ—остатокъ громаднаго костра, на которомъ сожженъ былъ покойникъ. При подробномъ и внимательномъ изслѣдованіи толстаго слоя углей, составлявшихъ кострище, найдены обуглившіяся зерна ржи, овса и ячменя и цѣлая груда металлическихъ вещей, дѣйствіемъ огня и ржавчины слитыхъ въ одну общую массу. Изъ этой груды тщательно были выдѣлены изслѣдователемъ 2 меча, 2 копья, 1 сабля, 2 ножа, 2 стремени, 1 дротикъ; мѣдныя части двухъ щитовъ, 5 наконечниковъ копій; нѣсколько наконечниковъ стрѣлъ различной формы, 3 серпа, 3 долота, тонкія скрѣпы, дужки и обручи ведеръ, 4 сорта желѣзныхъ ключей; тонкіе мѣдные сосуды, желѣзный замокъ съ мѣдной внутренней пружиной; три сорта игральныхъ костей; 6 круглыхъ серебряныхъ пуговицъ; 3 серебряныхъ серьги съ привѣсками; куски костяныхъ гребенокъ, украшенныхъ рѣзьбою, нити золотой ткани; куски обуглившейся шелковой ткани, наконецъ, отрубленная половинка византійской монеты.

Такимъ образомъ отрытыя изъ могилы сокровища древности дали полное понятіе не только о бытѣ того племени, которое жило здѣсь, въ эпоху послѣ IX вѣка, но даже и объ одеждѣ лица, сожженнаго на кострѣ, надъ которымъ насыпанъ былъ высокій холмъ, получившій впослѣдствіи названіе *Черной Могилы.* Археологъ, занимавшійся раскопкою могилы, предполагаетъ, что ему удалось здѣсь открыть останки сѣверянскаго князя, и что Черная Могила особенно важна, какъ одна изъ весьма богатыхъ бытовыми подробностями чисто-славянскихъ могилъ. Въ особенности любопытно то, что въ кострищѣ, вмѣстѣ съ другими вещами и оружіемъ, положенными при покойникѣ, вмѣстѣ съ пищею и монетами, которыми снабжали его родственники при отправкѣ въ дальній путь *„на сторонку незнамую, чужедальную“* оказались еще и *кости игральныя*! Въ этой подробности сѣверянскаго погребенія высказалось особенно мѣстная черта отношеній между погребавшими и погребеннымъ... Родичи покойника очевидно заботились не только о томъ, чтобы ему было чего поѣсть и попить на томъ свѣтѣ, было-бы чѣмъ защититься отъ враговъ и опасностей—но также о томъ, чтобы ему было чѣмъ *поиграть, позабавиться* въ часы досуга!...

Политическое обозрѣніе.

Англичане и Россія.—Покушеніе на русскаго посланника въ Вѣнѣ.—Австро-Венгрія.—Франція.—Панамскій каналъ.

„Худой миръ лучше доброй ссоры“—противъ этого не приходится возражать, но въ то-же время не надо и забывать, что такой миръ—иногда необходимый—въ сущности не болѣе какъ слабая узда, слабая преграда для „доброй ссоры“, всегда готовой вырваться наружу и характеризующійся постоянными колебаніями въ отношеніяхъ между государствами (мы, конечно, говоримъ о государствахъ, находящихся въ „худомъ мирѣ“ другъ съ другомъ...) Изъ Лондона пишутъ: что „въ настоящее время отношенія кабинета Гладстона къ русскому правительству не такъ дружественны, какъ прежде (когда-же это было?).

Поступательное движеніе Россіи къ Мерву вновь обращаетъ на себя вниманіе англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ: припоминаютъ, что при осадѣ крѣпости Геокъ-Тепе, въ январѣ 1881 г., генералъ Скобелевъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 5 тысячъ чел., тогда какъ теперь генералъ Рербергъ командуетъ отрядомъ въ 8 тысячъ солдатъ при 16 орудіяхъ, причемъ задаютъ себѣ вопросъ о причинахъ соединенія такихъ значительныхъ силъ въ недалекомъ разстояніи отъ Мерва. Но—сдерживаемая „добрая ссора“ сказывается еще и въ другомъ. Антиеврейскія волненія, происходившія почти одновременно у насъ въ Россіи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи,—послужили поводомъ нашимъ друзьямъ-англичанамъ для организованной агитаціи именно только противъ насъ—русскихъ. Лордъ Шафтсбюри и нѣсколько высшихъ духовныхъ лицъ — епископовъ—стали во главѣ этаго дѣланнаго, искусственнаго движенія, не имѣющаго ничего общаго съ чувствомъ истинной филантропіи и справедливости, а имѣющаго совсѣмъ иную подкладку. Благородный лордъ собираетъ митинги, епископы гремятъ съ каѳедръ, но—противъ кого-же? противъ кого-же могутъ они гремѣть? не противъ властей-же, которыя дѣлали все, что могли, чтобы сдержать взрывъ народнаго негодованія, не противъ неразумнаго, темнаго народа, вышедшаго изъ терпѣнія подъ гнетомъ эксплоатаціи евреевъ,—народа, который у тѣхъ-же англійскихъ филантроповъ всегда нашелъ-бы себѣ оправданіе въ самой своей необразованности, если-бы—если-бы не понадобилось хоть за что-нибудь придраться къ Россіи и русскимъ.

Нашъ „Journal de St.-Pétersbourg“ смотритъ на дѣло прямо и, говоритъ, между прочимъ: подъ покровомъ филантропіи, лордъ Шафтсбюри и епископы, выступившіе во главѣ подписки въ пользу русскихъ евреевъ, занимаются политикою, притомъ политикою злонамѣренною, политикою антирелигіозною и, слѣдовательно, политикою антифилантропическою. Англійскія газеты, съ „Times“ на первомъ планѣ, печатаютъ о „русскихъ звѣрствахъ“ мнимыя подробности, гдѣ обнаруживается самая пылкая фантазія и въ то же время самая явная злонамѣренность... Какая-же тутъ цѣль? Какая цѣль всей этой лжи? Конечно—не филантропическая, говоритъ „Journal“, который предполагаетъ, что дѣло вовсе не въ благотворительности. „Чьи нибудь интересы — отдѣльной-ли личности или партіи—не требуютъ-ли, чтобы Россія поссорилась съ Англіей? Хорошія (т. е. внѣшне-хорошія) отношенія, установившіяся между обоими государствами съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ кабинетъ Гладстона, быть можетъ, не приходятся по вкусу извѣстнымъ лицамъ? Такъ надо думать, иначе трудно объяснить подобный союзъ лжи съ филантропіей“.

Надняхъ въ Вѣнѣ было совершено покушеніе на русскаго посланника при вѣнскомъ дворѣ, г. Убри. Посланникъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ секретарей, проѣзжалъ 7 (19) января въ $3^1/_2$ часа пополудни по Рингу. Экипажъ, запряженный парою лошадей, находился уже не въ далекомъ разстояніи отъ дома русскаго посольства, когда вдругъ, человѣкъ, принадлежавшій повидимому, къ рабочему сословію, вынулъ изъ за пазухи большой камень и бросилъ его со всею силою въ экипажъ; окно кареты разбилось въ дребезги и камень упалъ къ ногамъ посланника; смущеніе г. Убри и секретаря было не малое, но, къ счастью, ни тотъ, ни другой нисколько не пострадали. Егерь немедленно-же, соскочилъ съ козелъ и бросился въ погоню за виновникомъ покушенія, который скоро былъ схваченъ. „Почему вы бросили камень въ карету“? спросилъ егерь неизвѣстнаго, спокойно стоявшаго и не выказавшаго ни малѣйшаго сопротивленія. „Это я объясню въ свое время“ отвѣчалъ онъ—распорядитесь только, чтобы меня арестовали. Желаніе это не замедлило быть удовлетворено. Виновникомъ покушенія оказался чехъ по имени „Цихъ“. Служилъ волонтеромъ въ русской арміи въ прошлую турецкую войну, былъ и на Шипкѣ, между прочимъ. Оставшись безъ средствъ, онъ обратился въ русское посольство за пособіемъ. Но—оно было ему отказано. Намъ остается, конечно, только пожалѣть, что Цихъ—славянинъ...

Славянское движеніе въ Австріи разгорается. Начавшись въ сѣверной Герцеговинѣ, оно перешло въ южную; возставшіе успѣли прорвать кордонъ австрійскихъ войскъ и отдѣльные отряды ихъ разошлись во всей странѣ; въ единодушіи недостатка нѣтъ: къ христіанамъ присоединились и мусульмане; стычки происходятъ почти безпрестанно. Конечно — во всемъ снова виноваты русскіе: по этому поводу и на эту тему передается въ австрійскихъ газетахъ не мало „достовѣрныхъ“ извѣстій, въ родѣ того, что на плѣнныхъ находятъ русскія, панславистскія воззванія, что одинъ изъ главныхъ вождей, Стоянъ Ковачевичъ, даже ѣздилъ въ Москву недавно на совѣщаніе и т. д.

Гамбетта внесъ предложеніе о пересмотрѣ и измѣненіи конституціи Французской республики, для чего будетъ созванъ конгрессъ (собраніе сената и палаты депутатовъ); въ настоящее же время для разсмотрѣнія его предложенія въ палатѣ депутатовъ составлена комиссія изъ 33 членовъ: пока, комиссія соглашается относительно необходимости пересмотра статей конституціи объ организаціи сената и о взаимныхъ отношеніяхъ между государственными властями, но не коснулась вопроса о преобразованіи способа выборовъ, такъ какъ, большинство членовъ не сочувствуетъ предлагаемому первымъ министромъ, способу голосованія по общимъ спискамъ (Hrutin de liste). Гамбетта продолжаетъ, однако, стоять на своемъ. Говорятъ, даже, что онъ и пригрозилъ недавно: такъ, онъ объявилъ, что постановленія конгресса, выходящія изъ программы, предварительно выработанной сенатомъ и палатою депутатовъ, будутъ по существу, незаконными. Принимая такія постановленія, конгрессъ оказался бы на революціонной почвѣ, а въ такомъ случаѣ президенту республики пришлось бы, въ качествѣ охранителя конституціи, принять соотвѣтствующія мѣры. Увѣряютъ, что, будто бы, Гамбетта готовъ былъ и подать въ отставку. На парижской биржѣ произошелъ нѣкоторый кризисъ, вслѣдствіе искусственно произведеннаго пониженія бумагъ, за нѣсколько времени искусственно же повышенныхъ. Правительство и значительнѣйшіе банкирскіе дома и синдикаты рѣшились, однако предупредить кризисъ и теперь приняты уже мѣры. По слухамъ, причиною тому послужила начатая биржевымъ спекулянтомъ Бонту, соединившимъ въ своихъ рукахъ капиталы клерикаловъ, борьба противъ банкировъ-евреевъ. Въ отношеніи египетскаго вопроса соглашеніе Франціи и Англіи зашло уже такъ далеко, что державы рѣшили въ случаѣ дальнѣйшихъ усложненій въ странѣ, а также подстрекательства со стороны Порты въ ущербъ установленному европейскому контролю и правамъ Франціи и Англіи— эта послѣдняя, съ согласія первой и по ея уполномочію, займетъ Египетъ войсками, доставленными изъ Остъ-индіи.

А остальныя державы будутъ только зрителями. На Панамскомъ перешейкѣ уже начались работы по прорытію канала.

Смѣсь.

Электрическая выставка въ Соляномъ Городкѣ въ С.-Петербургѣ. 10-го января, въ воскресенье, открыта была весьма интересная выставка, электрическая, и къ 7 часамъ того-же дня была доступна для публики. Въ особой аудиторіи будутъ читаться лекціи объ электричествѣ гг. Егоровымъ, Бутлеровымъ и др. При этомъ будутъ производиться опыты съ фотографіей, внутреннимъ освѣщеніемъ и проч. Лекціи платныя. За телефонный сеансъ взимается также особая небольшая плата. У входа двѣ ламночки Лодыгина, нашего русскаго изобрѣтателя, усовершенствованныя Эдиссономъ. Въ ламночки эти для свѣтильни употребляются волокна бамбука или картонъ, накаливаемые въ безвоздушномъ пространствѣ. Въ телеграфномъ отдѣлѣ военно-походный аппаратъ г. Деревянкина, величиною всего въ $^1/_{10}$ куб. ф. и вѣсомъ въ 7 фун. Онъ представляетъ полную телеграфную станцію съ коммутаторомъ, громоотводомъ, часовымъ механизмомъ, пишущимъ приборомъ, сигнальнымъ звонкомъ и т. д. Г. Деревянкинъ представилъ еще карманный аппаратъ для пріема депешъ на слухъ и громоотводъ, выдерживающій самые сильные удары молніи. Въ отдѣлѣ гальванопластики обращаютъ на себя вниманіе превосходныя работы экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; есть и физіологическіе аппараты доктора Рагозина и изобрѣтенія полковника Якоби. Самое интересное, однако, выставка лампъ системы Сименса и Яблочкова и телеграфное отдѣленіе. Лампы системы Сименса горятъ чище и спокойнѣе, но за то онѣ слишкомъ сложны, лампы-же Яблочкова, хотя горятъ хуже, не требуютъ почти никакого ухода по простотѣ устройства, которое представляетъ въ данномъ случаѣ конечно первостепенную важность.

Въ особой комнатѣ можно слышать музыку посредствомъ микрофона, соединяющаго Соляной Городокъ съ нашими оперными сценами. Одно это стоитъ, чтобы посѣтить выставку. Чрезвычайно странное и новое ощущеніе слышать ясно и отчетливо все, что дѣлается на сценѣ и вообще въ театрѣ, отстоящемъ отъ васъ за двѣ версты. Подробное описаніе и рисунки этой любопытной выставки мы помѣстимъ въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ „Нивы“.

Отчего зависитъ окраска цвѣтовъ и растеній. До сихъ поръ вообще думали, что разнообразіе окраски цвѣтовъ и растеній вполнѣ зависитъ отъ разнообразія тѣхъ химическихъ соединеній, которыя входятъ въ составъ ткани каждаго растенія. Лишь въ послѣднее время проф. Шмецлеръ убѣдился долгими наблюденіями и доказалъ опытами, что съ помощью алкоголя можно съ любаго цвѣтка добыть его красящее вещество и посредствомъ кислотъ и алколоидовъ придать ему какую угодно окраску, встрѣчаемую обыкновенно въ растительномъ царствѣ. Такъ, добывъ изъ цвѣтка піона съ помощью алкоголя фіолетово-красную жидкость и примѣшавъ къ ней немного двукислаго кали, можно превратить ее въ совершенно красную или посредствомъ примѣси натрона (щелочной соли) въ фіолетовую, голубую и даже зеленую. Послѣдній цвѣтъ получается здѣсь при тѣхъ-же условіяхъ какъ и хлорофилъ, но при пропусканіи сквозь жидкость свѣтовыхъ лучей. При подобномъ-же опытѣ зеленыя чашечки піона съ ихъ красными краями, опущенныхъ въ растворъ двукислаго кали превращаютъ въ совершенно красныя.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такая произвольная окраска цвѣтовъ и растеній, прямо зависитъ отъ того условія, что всѣ они содержатъ въ своихъ тканяхъ извѣстныя кислоты или алколоиды, а потому даже обычный переходъ зеленыхъ цвѣтовъ въ красные, столь замѣтный осенью у многихъ растеній представляется ничѣмъ инымъ, какъ дѣйствіемъ на хлорофилъ дубильной кислоты (танина).

О преміи „НИВЫ“ на 1882 годъ.

Желая познакомить нашихъ подписчиковъ заранѣе съ главною преміей „Нивы“ на 1882 годъ—**большой картиной профессора Императорской Академіи Художествъ В. И. ЯКОБІЯ** подъ названіемъ

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“,

которая имъ будетъ выдана въ **1882 году (общая высылка послѣдуетъ въ серединѣ октября**, такъ какъ по громадному количеству экземпляровъ и при технической трудности исполненія—нѣтъ возможности изготовить всего количества ранѣе этаго срока). Получивъ первые экземпляры означенной картины, мы разослали ихъ нижепоименованнымъ библіотекамъ для чтенія и книгопродавцамъ, у которыхъ и можно видѣть эту картину — премію „Нивы“ за 1882 годъ.

Въ Главной Конторѣ Редакціи „Нивы“ въ С.-Петербургѣ въ теченіи около шести недѣль (въ Декабрѣ и Январѣ) былъ выставленъ **оригиналъ** картины профессора В. И. Якобія „Дорогой гость“ **рядомъ** съ олеографической копіей его, въ одинаковыхъ рамахъ и съ одинаковымъ освѣщеніемъ. Нѣсколько тысячъ лицъ видѣли обѣ картины, но большинство не могло различить которая изъ нихъ копія, которая—оригиналъ.

Такое совершенство техники при воспроизведеніи этой олеографіи—говоритъ само за себя и слѣдовательно публика сама можетъ судить о ея достоинствахъ. Мы вполнѣ увѣрены, что публика признаетъ громадныя жертвы, принесенныя нами при выдачѣ такой преміи, стоющей намъ вдвое больше чѣмъ преміи прошедшихъ годовъ.

Копіи картины „Дорогой гость“ профессора Якобія выставлены:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ „Нивы“ и у книгопродавцевъ: **М. О. Вольфа, Я. А. Исакова, Сократа Исакова, Ф. А. Битепажа, Анисимова, Глазунова, Цинзерлинга, Мартынова, Тузова, Карла Риккера, Курбатовыхъ, Эггерса и Комп., Цвылева, Эриксонъ, Дейбнера, Шмицдорфа**, въ книжн. маг. **„Новаго Времени“, „Новости“, Фену и Комп., Гартье** въ конт. объявл. **В. Вацлика, Матисенъ, въ Центральной конт. объввл.** и въ эстампныхъ магазинахъ: **Беггрова, Фельтена, Даціаро.**
„ **Москвѣ: въ отд. конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской** въ Петровскихъ линіяхъ, у книгопродавцевъ: **Живарева, М. О. Вольфа, Лангъ, Васильева, Поста, Мамонтова, Шапошникова** и **Девзткина** и въ бумажномъ магазинѣ **Попова**, у Иверской часовни, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ.
„ **Астрахани, у Рослякова.**
„ **Бердянскѣ, у М. Гаврилицы.**
„ **Варшавѣ, у Истомина** и въ **Русской книжной торговлѣ.**
„ **Вильнѣ, у С. П. Якубовича и Сыркина.**
„ **Владикавказѣ, у Е. Ф. Червинской.**
„ **Вологдѣ, у Н. В. Дорохова.**
„ **Воронежѣ, у М. П. Севастьянова, М. Селингъ и Н. Русинова.**
„ **Вяткѣ, у А. И. Залѣсской.**
„ **Гродно, „Народная Польза“.**
„ **Екатеринбургѣ, у Печенкина и Комп. и у Е. М. Лагутяевой.**
„ **Екатеринодарѣ, у П. Ф. Галладжіанцъ.**
„ **Екатеринославѣ, у Р. Ульманъ и Комп.,** и **Голубовскаго.**
„ **Елисаветградѣ, у Ю. Ободовской и Н. К. Менчица.**

Въ Ельцѣ, у Е. С. Русинова.
„ **Житомірѣ, у Кириченко.**
„ **Иркутскѣ, у Н. Н. Синицына.**
„ **Казани, у К. П. Алексѣева, А. А. Дубровина,** въ **„Восточной лирѣ“** и **З. Рязанова.**
„ **Калугѣ, у Ф. В. Тихѣевой.**
„ **Каменецъ-Подольскѣ, у А. С. Бугаева.**
„ **Кишиневѣ, у М. О. Шаха.**
„ **Кіевѣ, у Гюнтера и Малецкаго. Б. Корейво.**
„ **Кіевѣ, у Оглоблина. Л. Идзиковскаго и Іогансона.**
„ **Ковно, въ обществѣ любителей чтенія и у І. Кавана.**
„ **Козловѣ, у С. Ф. Муравьева.**
„ **Костромѣ, у Бекенева.**
„ **Кременчугѣ, у Ф. Н. Колачевскаго.**
„ **Кронштадтѣ, у Куликова.**
„ **Курскѣ, у А. В. Переплетенко и М. Н. Дружинина.**
„ **Минскѣ, у С. Ф. Савицкой.**
„ **Могилевѣ, у Сыркина.**
„ **Мценскѣ, у М. П. Поповой.**
„ **Ниж. Новгородѣ,** въ **„1-й Нижегор. арт.“**
„ **Николаевѣ, у И. С. Гаха.**
„ **Новочеркаскѣ, у Ѳ. А. Ананьева и Ф. К. Траилина.**
„ **Одессѣ: у Суворова, Е. Д. Пушкина, Распопова, П. И. Піотровскаго и въ Южн. агентствѣ журн. и газетъ.**
„ **Омскѣ, у В. М. Орлова.**
„ **Оренбургѣ, у Н. П. Кудрина.**
„ **Орлѣ, у Л. Потанина, В. Д. Кашкина и Г. А. Шемаева.**
„ **Острогожскѣ, у Н. Е. Новгородова.**
„ **Пензѣ, у Н. А. Магницкаго и А. С. Иванова.**
„ **Петрозаводскѣ,** въ **„Алексѣевской общественной библіотекѣ“.**

Въ Перми, у В. А. Наумова.
„ **Плоцкѣ, у И. Вассермана.**
„ **Полтавѣ, у Евтушевскаго, Богоявленскаго и Комп.**
„ **Псковѣ, у Ю. Вольфрана.**
„ **Ревелѣ, у Клуге и Штремъ.**
„ **Ригѣ, у Модель и Паапъ и І. Дейбнера.**
„ **Ростовѣ-на-Дону, у Фронштейна и И. А. Теръ-Абраміана.**
„ **Рыбинскѣ, у Е. Ф. Мусницой.**
„ **Самарѣ, у Грау.**
„ **Саратовѣ, у Печенкина и Комп., В. Летошинскаго.**
„ **Саратовѣ, у М. Шлейера и П. А. Хворова.**
„ **Севастополѣ, у О. Л. Протоповой.**
„ **Симбирскѣ, у Юргенса.**
„ **Симферополѣ, у С. Спиро.**
„ **Смоленскѣ,** въ **конт. „Смоленскаго Вѣстника“ у В. Ф. Лаврова.**
„ **Ставрополѣ губ., у М. Т. Тимофѣева.**
„ **Сѣдлецѣ, у О. О. Ходыницкаго.**
„ **Таганрогѣ, у М. Майкапара и Бѣлоновскаго.**
„ **Тамбовѣ, у Зотова.**
„ **Ташкентѣ, у Ю. В. Шварца.**
„ **Твери, у Л. Д. Кашкина.**
„ **Тифлисѣ, у Вартанова, Г. Беренштама и В. Шавердова.**
„ **Томскѣ, у Михайлова и Макушина.**
„ **Тулѣ, у П. Н. Аносова и Пузыревскаго.**
„ **Уфѣ, у Н. К. Блохина.**
„ **Харьковѣ, у В. А. Сыхра, Постриганева и А. И. Куколевскаго.**
„ **Херсонѣ, у М. О. Шаха.**
„ **Черниговѣ, у Данюшевскаго.**
„ **Ярославлѣ, у Кокуева (И. Н. Соболевъ).**

Изъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ наблюденій Шмецлеръ выводитъ заключеніе, что въ началѣ всѣ растенія содержали въ себѣ лишь одно красящее вещество—хлорофилъ, которое только впослѣдствіи подъ вліяніемъ различныхъ условій приняло тѣ разнообразныя тоны и цвѣта, которыя такъ обаятельно дѣйствуютъ на насъ своею яркостью и красотою въ многочисленныхъ произведеніяхъ растительнаго царства.

Дѣтская преданность. Извѣстный англійскій политикъ Робертъ Пиль въ дѣтствѣ былъ очень друженъ съ лордомъ Байрономъ. Оба они посѣщали лицей въ Гарровѣ. Одинъ изъ старшихъ учениковъ потребовалъ какъ-то отъ Пиля услуги, которую тотъ не желалъ сдѣлать. Но сопротивленіе его раздражило старшаго ученика, который вознамѣрился наказать Пиля, именно онъ сталъ бить его кулакомъ по мускуламъ руки, и чтобы увеличить еще боль, руку эту онъ выгнулъ. Юноша Пиль громко стоналъ и жаловался. Маленькій Байронъ присутствовалъ при этомъ истязаніи и сочувствовалъ страданіямъ своего друга: и хотя онъ зналъ, что еще слишкомъ малъ и слабъ и не въ состояніи заставить большаго ученика прекратить наказаніе, тѣмъ не менѣе, онъ подошелъ къ нему съ разгнѣваннымъ лицомъ и голосомъ дрожащимъ отъ волненія спросилъ его, сколько ударовъ тотъ намѣренъ дать еще его другу?—Тебѣ, какое до этого дѣло, мальчикъ, отвѣтилъ ученикъ, зачѣмъ ты спрашиваешь объ этомъ? Затѣмъ, что я хочу принять половину ударовъ, отвѣтилъ Байронъ, подставляя въ тоже время свою обнаженную руку. Томасъ Мооръ, біографъ Байрона, разсказавшій этотъ случай, прибавляетъ: черта эта доказываетъ возвышенную смѣсь невинности и великодушія, и какъ бы мы ни трунили надъ дружбою дѣтей, слѣдуетъ сознаться, что взрослые люди рѣдко способны и на половину такой жертвы.

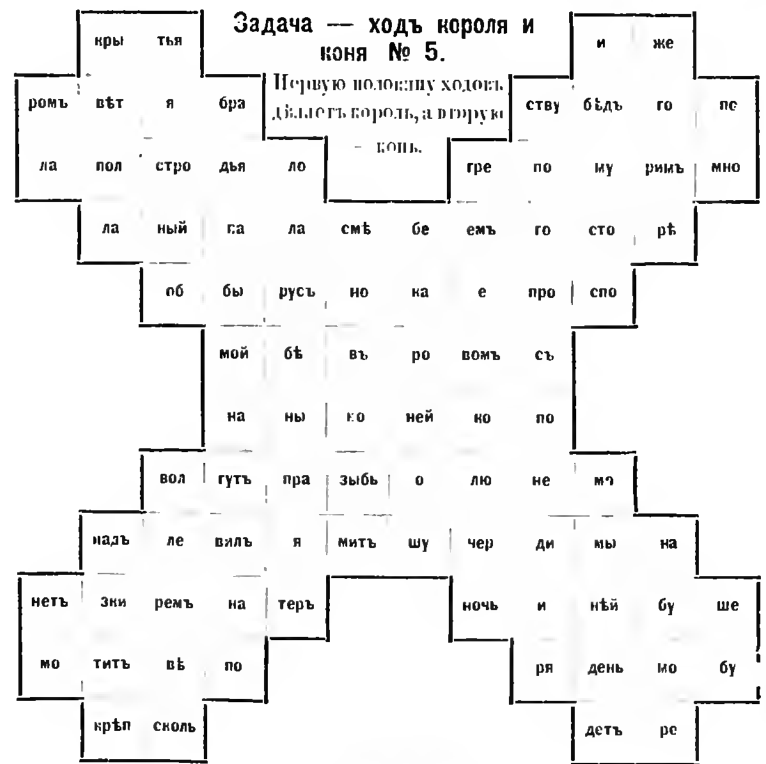
Въ древности также случались театральныя катастрофы, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто изъ Тацита: Во время консульства Лицинія и Кальпурнія (627 г. по Р. Х.) случилось великое непредвидѣнное несчастіе, во время котораго потери были ужасно большія. Нѣкто Атилло изъ вольноотпущенныхъ, построилъ амфитеатръ для фехтованія: но фундаментъ зданія былъ плохо уложенъ и стѣны не плотно скрѣплены. Постройку эту онъ предпринялъ только ради наживы. Жадные до подобныхъ зрѣлищъ римляне, лишенные увеселеній во время царствованія Тиверія, во множествѣ устремились въ амфитеатръ. Переполненное зданіе, во время представленія, рушилось и погребло массу людей. Было много убитыхъ и изувѣченныхъ, число которыхъ простиралось до 15.000. Вслѣдъ за этимъ несчастіемъ было издано постановленіе сената, запрещавшее устройство зрѣлищъ безъ предварительной уплаты 400.000 сестерій (около 10.000 рублей). Атилло былъ сожженъ. Послѣ катастрофы, дома знатныхъ гражданъ стояли открытыми: туда приносили раненыхъ, которые находили тамъ уходъ и врачей.

Выставка въ залѣ спб. городской думы проектовъ церкви на мѣстѣ катастрофы 1 марта 1881 года. Проектовъ выставлено всего 28 подъ девизами, безъ именъ авторовъ, потому нынѣ, до присужденія премій назвать ихъ не имѣемъ права. Кромѣ петербургскихъ архитекторовъ, которымъ принадлежатъ названныя композиціи, нѣсколько проектовъ прислано изъ Москвы и изъ-за границы. Кромѣ дамы, приславшей проектъ храма черченный чернилами безъ достаточнаго знакомства со строительнымъ дѣломъ, отрицательными качествами отличается проектъ раскрашенный очень ярко и присланный изъ Лондона, какъ видно по тону объясненія, лицомъ считавшимъ долгомъ благоговѣйно почтить память нашего въ Бозѣ почившаго Государя. Всѣ остальныя композиціи выполнялись не только людьми спеціальными, но въ большинствѣ, проявившими въ композиціяхъ своихъ много вкуса и дарованія при болѣе или менѣе строгомъ слѣдованіи условіямъ задачи.

Изъ лучшихъ тезъ проектовъ, каждый въ свою очередь обладаетъ своеобразными достоинствами. Болѣе другихъ поражаетъ изъ нихъ мастерскою выработкою плана и изящнымъ трактованіемъ деталей, въ романо-византійскомъ вкусѣ, проектъ съ девизомъ „Первое марта“. Онъ представляетъ церковь съ колокольнею, всего ближе напоминающую храмъ Св. Виталія въ Равеннѣ, только съ измѣненіемъ купола и выступомъ передней части — на самомъ мѣстѣ происшествія, съ оградою полукругомъ, необыкновенно изящно сочиненными и красиво и богато орнаментированными. Въ этомъ-же стилѣ и характерѣ но безъ ограды и еще ближе напоминая равеннскую базилику, есть другой проектъ, имѣющій также большія достоинства. Пятикупольный храмъ въ стилѣ графа Растрелли, отличается необыкновеннымъ искусствомъ орнаментаціи въ стилѣ нашего знаменитаго зодчаго Зимняго дворца; проектъ въ характерѣ ближе напоминающій идею надгробнаго памятника, а потомъ уже храмъ съ колокольнею и колоннами, съ сидящею бѣло-мраморною фигурою покойнаго Императора, передъ церковью, на мѣстѣ ужасной катастрофы — имѣетъ много достоинствъ, но при бойкости и силѣ выполненія даетъ чувствовать бѣдность и недостаточную выработанность формы. А пятая изъ среды лучшихъ композицій, въ русскомъ или еще точнѣе въ московскомъ стилѣ, при выдержанности характера отличается тоже большимъ величіемъ и грандіозностью.

Дамскія скачки. Какъ извѣстно англо-саксонскіе жители сѣверной половины Новаго Свѣта, такъ-называемые янки отличаются всевозможными эксцентричностями. Къ послѣднимъ принадлежатъ происходившія недавно дамскія скачки, которыя возбудили общее вниманіе даже въ Америкѣ. 3 сентября прошлаго года въ маленькій городъ Конзиль Блюфсъ въ штатѣ Іова, стали съѣзжаться со всѣхъ концовъ десятки тысячъ зрителей. Миссъ Нинко изъ Колорадо, во многихъ округахъ была извѣстна какъ прекрасная наѣздница, а мистриссъ Бурке хотя и не уступала ей въ искусствѣ, но никогда не выходила на состязаніе. Теперь-же премія составляла 5,000 долларовъ и дистанція для бѣга назначена была 10 англійскихъ миль, или 16 километровъ. Можно представить себѣ каково должно было быть физическое напряженіе, если припомнимъ, что самыя длинныя дистанціи принято назначать въ 5 верстъ, т. е. не болѣе 5 — 6 километровъ. Устроенная для бѣга дорога была въ прекрасномъ состояніи. Для каждой изъ наѣздницъ было приготовлено по пяти лошадей, которыхъ онѣ должны были смѣнять каждую милю. Вся масса зрителей раздѣлилась на двѣ партіи, изъ которыхъ большая часть держала пари за миссъ Нинко. Передъ самымъ началомъ скачки, отецъ миссъ Нинко объявилъ, что дочь его Минни нездорова и скакать не можетъ, но мѣсто ея заступитъ ея сестра Люція. Что побудило старика и его дочь поступить такимъ образомъ неизвѣстно, но несмотря на недовольство и настоянія публики миссъ Минни не показалась. Скачка была признана несостоявшеюся, наконецъ мистриссъ Бурке, послѣ долгаго колебанія рѣшилась скакать съ миссъ Люціей. По первому знаку обѣ всадницы погнали лошадей и первую милю проскакали вмѣстѣ. Теперь слѣдовало пересѣсть на свѣжихъ лошадей. Спустя восемь секундъ мистриссъ Бурке была уже въ сѣдлѣ, между тѣмъ какъ соперница ея, которой досталась безпокойная лошадь потеряла двѣ секунды. Эта первая потеря времени была роковою, такъ какъ при второй перемѣнѣ лошадей мистриссъ Бурке была въ сѣдлѣ черезъ шесть съ ¼ секундъ и разстояніе между соперницами еще увеличивалось. Одна изъ лошадей миссъ Люціи заартачилась и для успокоенія ея потребовалось извѣстное время. Побѣда мистриссъ Бурке становилась очевидной. Наконецъ на девятой милѣ ударившись колѣномъ, миссъ Люція выразила отцу желаніе отказаться отъ скачки. „Умри, но скачи“ приказалъ этотъ нѣжный отецъ, и миссъ Люція блѣдная и покачнувшись на сѣдлѣ продолжала скакать. Но уже не было болѣе сомнѣнія кто побѣдитъ. Радостный крикъ толпы, встрѣтилъ мистриссъ Бурке, проскакавшую пространство въ 21 минуту и 49 секундъ, въ то время какъ соперница ея употребила на скачку 23 минуты и 40 секундъ.

Задачи и игры.



Алгебраическая задача № 6.

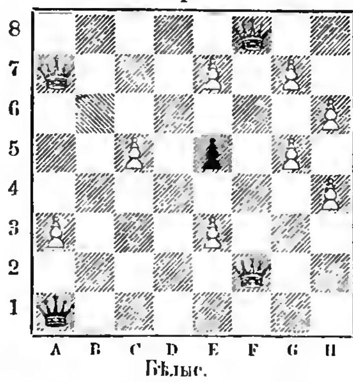
Названіе одного города въ Россіи состоитъ изъ 9 буквъ: если же эти буквы замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получатся слѣдующія соотношенія между ними:

1) Разность между седьмымъ и пятымъ числами равна 1.
2) Разность между четвертымъ и первымъ числами равна 2.
3) Разность между вторымъ и пятымъ числами равна 3.
4) Разность между восьмымъ и шестымъ числами равна 1.
5) Разность между седьмымъ и четвертымъ числами равна 5.
6) Сумма третьяго и пятаго чиселъ равна 10.
7) Сумма четвертаго и седьмаго чиселъ равна 15.
8) Сумма перваго и восьмаго чиселъ равна 20.
9) Сумма перваго и девятаго чиселъ равна 30.

Узнать названіе этого города.

Шашечная задача № 7.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ дамку черныхъ въ 11 ходовъ.

РЕБУСЪ, задача № 8.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ

ЗОЛОТЫЕ ДАМСКІЕ ЧАСЫ

заводящіеся безъ ключа (съ ручку).

Анкерные, закрытые на 15 камняхъ 60, 65 и 70 руб. (смотря по вѣсу золота въ корпусѣ). Такіе же 1-го сорта съ брегетовскимъ волоскомъ 85, 90, 100 и 125 руб.

Тоже высшаго достоинства съ уравнительнымъ маятникомъ отъ 150 до 250 руб.

съ ручательствомъ на 2 года въ магазинахъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23, (противъ большой Конюшенной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Бартельсомъ).

Пересылка на счетъ магазиновъ.

Подробные прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно. № 1606 10—8

СТАРАТЕЛЬНЫЙ

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ

22 лѣтъ, съ порядочными познаніями (русскій, нѣмецкій и латинскій языки и немного по англійски, хорошій почеркъ) ищетъ къ 15 апрѣля с. г. мѣсто на имѣніи, фабрикѣ или другое. Адресъ: въ г. Ригу, Мельничная дамба, № 19, 2 д. А. Петерсону. № 1876

Гувернантка и прислуга.

Конт. В. Н. де-Макс. Невскій, 58. Пріемъ публикацій во всѣ газеты и подписка на журналы. № 1875

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

И ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ И МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

1) **Трехголосн. хоровыя пѣсни** для школы сост. Г. Мареничъ. Ц. 75 к.

2) **Пѣсни для школы** на 1 и 2 голоса, 2-е измѣненное изданіе. Составилъ Г. Мареничъ. Цѣна 80 коп. № 1861 3—2

ПЕЧИ ДАВЫДОВА.

Печи переносныя: кафельныя, въ желѣзныхъ оболочкахъ и кухонные очаги, различныхъ видовъ и величинъ, пріуроченныя ко всякимъ растительнымъ и минеральнымъ топливамъ, можно получить въ совершенно готовомъ видѣ, съ пересылкою по Россіи и заграницу, въ единственной фабрикѣ печей самого изобрѣтателя О. Д. Давыдова С.-Петербургъ, уголъ 7-й ул., и Греческаго прос., Песковъ д. № 31—2 № 1768 10—7

ШВЕЙЦАРСКІЕ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЯЩИКИ

отъ 20 до 250 рублей

продаются въ музыкальной торговлѣ

П. ЮРГЕНСОНА,

Коммисіонера Имп. Русск. Муз. Общ. и Консерваторіи

въ **Москвѣ** (Неглинный пр., 10)

Н. № 1650.

ВСЯКАГО РОДА

ГРАВЮРЪ НА ДЕРЕВѢ (КЛИШЕ)

К. РИХТЕРЪ, ЗАГОРОД: ПР: №18 ВЪ С.ПБѢ:

БЕЗПЛАТНО

раздается въ сѣменномъ депо **Ф. В. Шульца** (Москва, Мясницкая, д. **Пѣгоза**) и по присланному адресу высылается по почтѣ новый **прейсъ-курантъ на 1882 годъ.** Сѣменамъ цвѣточнымъ, огороднымъ, экономическимъ, **пальмамъ, комнатнымъ растеніямъ** и **розамъ** съ цѣнами значительно **пониженными** противъ прошлогоднихъ, вслѣдствіе большихъ заказовъ, сдѣланныхъ заграницею моимъ депо. № 1873

Федоръ Васильевичъ **Шульцъ.**

увѣдомляетъ гг. сельскихъ хозяевъ и любителей садоводства, что главный иллюстрированный каталогъ сѣменамъ огороднымъ, экономическимъ, цвѣточнымъ и древеснымъ, книгамъ и садовымъ инструментамъ на 1882 г. вышелъ изъ печати и разосланъ всѣмъ постояннымъ гг. покупателямъ.

Желающіе получить таковой каталогъ уплачиваютъ 20 коп. почтовыми марками или деньгами, которыя возвращаются по полученіи заказа.

Въ каталогѣ на 1882 г., имѣющемъ 84 стр. въ четвертую долю листа, помѣщены: болѣе 400 рисунковъ овощей и цвѣточныхъ растеній, подробная культура красивѣйшихъ изъ нихъ, чертежи группъ и проекты ихъ обсадки. № 1878

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1881 года,

Иллюстрированный Журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,100 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. С. Соловьева—„Сергѣй Горбатовъ“**, большой романъ **Іокая—„Червонное золото“**; разсказъ **Авсѣенко—„Мгновеніе“**, повѣсть **П. Петрова—„Горные орлы“**; разсказы **Н. Каразина, Н. Успенскаго, П. Гнѣдича** и много другихъ повѣстей и разсказовъ, до 200 популярно-научныхъ статей по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч. и двѣ оригинальныя акварельныя преміи-картины Придворнаго художника **М. Зичи** изъ повѣсти **Гоголя „Тарасъ Бульба“**:

1) **Свиданіе Андрія съ красавицей-полькой.**
2) **Встрѣча Тараса съ Андріемъ на полѣ битвы.**

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к.	Въ коленкор. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 5 „ — „	Съ пересылкою 7 „ — „

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО { **Розовое** въ оловянной обертѣ. **Бѣлое** высш. кач. для дамъ и дѣтей. **Прозрачное**, по разнымъ цѣнамъ. „ Букетъ Императрицы.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ,

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ**, д. № 32, Католической церкви.
2) **Невскій проспектъ, у** Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій проспектъ,** уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою **С.-Петербургской Химической Лабораторіи,** ей не принадлежатъ. № 1795

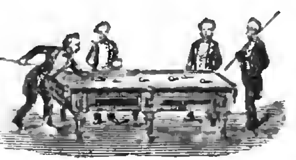
Самый полный и дешевый ежемѣсячный иллюстрированный

ЖУРНАЛЪ для ДѢТЕЙ.

Полное изданіе 24 книжки въ годъ—8 р.; старшій возрастъ, 12 книжекъ въ годъ—4 р.; младшій возрастъ, 12 книжекъ въ годъ—4 р. съ доставкою и пересылкою.

ПРЕМІИ каждому 25-му подписчику по выбору: годовое изданіе журнала за 1881 годъ, олеографическая картина или роскошно изданная книга.

Подписка принимается на 1882 г. въ конторѣ редакціи въ Москвѣ. (Спасская Садовая, Докучаевъ переулокъ, д. Шорина) и у всѣхъ книгопродавцевъ. Н. № 1857 2—1



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ

Измайловскій полкъ, Троицкій проспектъ, собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 6—4

!!! НОВОЕ ПЕРО !!!

которое при постоянномъ писаньи четыре дня сохраняетъ въ себѣ чернила и при особенномъ устройствѣ болѣе не даетъ изъ себя чернилъ, чѣмъ для писанья надо. Перо формы карманнаго карандаша, имѣетъ особую пружину, которая не даетъ вытекать черниламъ, такъ что можно его въ карманѣ носить.

Главный агентъ для Россіи

Константинъ Мальмъ,

СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

Товар. Россійск. Америк. Резинов. Мануфакт.

Большая Морская № 36.

Пересылка съ почтовыми расходами 3 руб.

Продавцамъ дѣлаютъ скидки.

По воскресеньямъ складъ открытъ. № 1858 4—2

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

Редакторъ **А. П. ПЯТКОВСКІЙ**

Годов. цѣна журнала (за 12 книгъ) 12 р. безъ дост., 13 р. съ дост. въ СПБ., 14 р. съ перес. Главн. контора: Поварской пер., № 5. (Содержаніе первой книги см. 25 дек. и 1 янв. во всѣхъ петербургск. и московск. газетахъ). № 1874

НОВАЯ КНИГА:

„Руководство къ изученію одинакой и двойкой итальянской бухгалтеріи“.

Составилъ кандидатъ коммерціи **В. А. Сладковъ.**

Цѣна **2** рубля.

Можно получать во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга. Складъ изданія: Москва, Большая Бронная улица, д. Живаго. Ц. № 1872

Итальянскія струны

Неаполитанскія, Римскія и знаменитыя Падуанскія КВИНТЫ (единственный агентъ для Москвы)

П. Юргенсонъ.

Коммиссіонеръ Имп. Русск. Музык. Общ. и Консерваторіи

МОСКВА (Неглинный пр. 10).

№ 1660 3—3

ПОРОШКИ

для легкаго возстановленія истертыхъ мѣстъ на высеребреныхъ подсвѣчникахъ, столовыхъ приборахъ, пуговицахъ и проч. продаются у

Р. КЁЛЕРЪ и К° въ Москвѣ.

XIII годъ — № 5 — годъ XIII — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 30 Января 1882 г. — Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1882 г. съ 19 рисунками и отдѣльное приложеніе съ 26 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 38 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ.

Назначеніе Князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова на высокій постъ Главно-начальствующаго гражданскою частью, и военными силами Кавказа, является выраженіемъ Монаршаго довѣрія къ одному изъ энергическихъ и полезныхъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, и справедливымъ воздаяніемъ его заслугъ кавказскому краю, которому онъ посвятилъ лучшіе годы своей молодости.

На Кавказѣ Князю Александру Михайловичу привелось дѣйствовать и какъ воину и какъ администратору; ему была полная возможность изучить этотъ край во всѣхъ отношеніяхъ и онъ принималъ къ сердцу его интересы съ тою же горячностью и неутомимостью, какими отличалась вообще его дѣятельность и на Дону, и въ Болгаріи и на Западѣ и на Югѣ Россіи.

Князь Дондуковъ-Корсаковъ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ по происхожденію изъ дворянъ Псковской Губерніи; родился 12 сентября 1820 года, получилъ высшее образованіе въ Спб. Университетѣ по юридическому факультету и по окончаніи курса былъ удостоенъ степени кандидата. Въ 1841 году Князь вступилъ на дѣйствительную службу на правахъ вольноопредѣляющагося въ Лейбъ-Кирасирскій Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ, въ которомъ и пробылъ съ небольшимъ годъ, дослужившись до чина корнета. Съ 1844 года начинается уже его кавказская дѣятельность, такъ какъ въ это время онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій къ тогдашнему командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса, Генералу Нейдгардту. Въ этомъ званіи онъ оставался недолго, такъ какъ уже въ слѣдующемъ году получилъ назначеніе состоять при Главнокомандующемъ Кавказскимъ корпусомъ князѣ Воронцовѣ, который вскорѣ оцѣнилъ способности молодаго офицера и постоянно показывалъ ему свое вниманіе, давая время отъ времени весьма важ-

ныя порученія. Въ 1850 году Князю Дондукову Корсакову было напр. поручено встрѣтить въ Крыму Наслѣдника Цесаревича и сопровождать во все время путешествія по Кавказу и Грузіи. Князь Александръ Михайловичъ считался во всѣхъ отношеніяхъ отличнымъ служакой: его храбрость и военные таланты были извѣстны всѣмъ тогдашнимъ кавказцамъ, такъ какъ онъ постоянно участвовалъ во всѣхъ значительныхъ экспедиціяхъ въ Кабардѣ, Чечнѣ и Дагестанѣ. За это отличіе по службѣ онъ былъ переведенъ въ Лейбъ Гвардіи Гусарскій полкъ тѣмъ же чиномъ, оставаясь впрочемъ по прежнему на Кавказѣ. Съ открытіемъ же турецкой компаніи онъ принималъ дѣятельное участіе въ нашихъ военныхъ операціяхъ въ Малой Азіи, также въ осадѣ и взятіи Карса. Въ 1855 году Князь былъ назначенъ командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка, во главѣ котораго онъ снова сражался противъ горцевъ до окончательнаго усмиренія мятежниковъ а въ 1859 году перешелъ на службу въ донское войско. Здѣсь онъ выполнялъ обязанности войсковаго начальника штаба, затѣмъ Наказнаго Атамана, и кромѣ того принималъ самое горячее участіе въ введеніи на Дону крестьянской реформы.

Непосильная дѣятельность разстроила наконецъ здоровье князя, значительно ослабленное ранами, полученными на Кавказѣ, и онъ въ 1863 году принужденъ былъ выйти въ отставку. За этотъ промежутокъ князь предался земской дѣятельности какъ губернскій гласный, членъ управы и почетный мировой судья. Въ 1868 году мы его видимъ снова на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ, занятаго работами первой важности. Такъ, ему было поручено участіе въ коммиссіи по сокращенію процентнаго сбора въ западныхъ губерніяхъ, а также въ пересмотрѣ дѣйствовавшихъ постановленій по вопросу переселенія крестьянъ. Въ этомъ-же году князь былъ снова зачисленъ въ 16-й драгунскій короля Виртембергскаго полкъ, съ оставленіемъ при министерствѣ, и въ то-же время назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи по составленію проекта объ упраздненіи мировыхъ посредниковъ.

Въ 1869 году, князь получилъ высшее назначеніе: сдѣланъ былъ кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генералъ-губернаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Всемилостивѣйше пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта. Дѣятельность его, какъ генералъ-губернатора, продолжалась до 1877 года, когда въ виду военныхъ приготовленій къ борьбѣ съ Турціей, онъ принялъ на себя командованіе кіевскимъ военнымъ округомъ. По объявленіи-же войны, князь былъ назначенъ командиромъ 13-го армейскаго корпуса, а въ 1878 году, по случаю отъѣзда съ театра военныхъ дѣйствій Наслѣдника Цесаревича, принялъ главное начальство надъ Восточнымъ отрядомъ дѣйствующей арміи. Въ этомъ-же достопамятномъ году князь Дондуковъ-Корсаковъ былъ произведенъ за отличіе въ генералы отъ кавалеріи и назначенъ императорскимъ россійскимъ коммисаромъ въ Болгаріи, а въ слѣдующемъ, т. е. 1879 году, командующимъ тамошнимъ окупаціоннымъ корпусомъ.

Дѣятельность князя въ Болгаріи пріобрѣла ему общее сочувствіе и глубокую благодарность народа только что освобожденнаго. Здѣсь онъ всегда дѣйствовалъ въ духѣ примиренія, постоянно оставаясь на почвѣ строгой законности: объявленіе независимости княжества и открытіе народнаго собранія — вотъ тѣ высоко знаменательные эпизоды его пребыванія среди болгаръ, которые никогда не будутъ забыты исторіей.

Какъ высшая царская награда его трудовъ и усилій по введенію въ Болгаріи гражданскаго управленія, былъ данъ ему по окончаніи миссіи, Высочайшій рескриптъ, весьма лестный и милостивый, съ назначеніемъ его Членомъ Государственнаго Совѣта и съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. Въ 1880-же году, когда для обузданія подпольной крамолы требовались энергическіе дѣятели, князь Александръ Михайловичъ былъ сдѣланъ командующимъ войсками и временнымъ генералъ-губернаторомъ сначала въ Харьковѣ, а потомъ въ Одессѣ.

Послѣднее назначеніе его главно-начальствующимъ гражданской частью на Кавказѣ и командующимъ кавказскою арміею состоялось, по Высочайшему указу, 1 января текущаго года.

Подъ землею.

повѣсть.

Н. К. Лебедева (Н. Морскаго).

(Продолженіе).

Въ его головѣ такъ много было чего ей сообщить, что желая все это разомъ высказать, онъ почувствовалъ полнѣйшую невозможность сдѣлать это сколько нибудь послѣдовательно и началъ ужъ совсѣмъ не ясно.

— Знаете: у меня есть другъ,—заговорилъ онъ скоро, торопясь, начиная и не досказывая, бросаясь съ одного предмета на другой, говоря необычайно туманно и сбивчиво.—Ахъ, да не объ этомъ надо говорить... Вотъ возьмите...

Онъ совалъ ей въ руки бонбоньерку.

— Это вамъ, а это Сашѣ отдайте... И знаете: положите ему на постель, чтобы когда проснется—понимаете, какъ только проснется—онъ увидѣлъ... Отъ сновъ-то золотыхъ, дѣтскихъ, чистыхъ, чистыхъ сновъ—къ гостинцу... Понимаете?

Ничего она не понимала и машинально брала то, что онъ совалъ ей въ руки, удивленно смотря на его лице и стараясь разсмотрѣть въ темнотѣ что такое съ нимъ. Онъ вдругъ схватилъ ея руки, въ которыхъ она держала коробки:

— Послушайте,—приблизилъ онъ свое лице къ ея,—скажите: вы меня любите?.. Вѣдь да?.. вѣдь я не ошибаюсь?

Онъ ласково-просяще заглядывалъ въ ея глаза, выраженіемъ всей своей физіономіи какъ бы говоря: пощадите меня... не бейте. Его лице, какъ ни было мало свѣта,—она отличала отчетливо ясно, благодаря близости разстоянія. Она не думала, что въ его вопросѣ, такъ просто, съ такой откровенною прямотою предложенномъ, рѣчь идетъ о любовномъ признаніи и съ снисходительной улыбкой смотря на этаго безумца, къ которому, какъ къ почти единственному своему собесѣднику со смерти отца привыкла, отвѣтила съ неменьшею простотой:

— Да, я люблю васъ.

— Ну, вотъ!..

Онъ положительно сіялъ, видя что все покончено такъ, какъ онъ желалъ и сжавъ ея руки, выпустилъ изъ своихъ и вдругъ странно заволновался и обезпокоился тѣмъ, что держитъ ее на холоду.

— Ну, вотъ, и все, все, что мнѣ нужно было узнать. Вѣдь я за этимъ только и приходилъ... А теперь прощайте, идите, спите съ Богомъ.

И намѣреваясь выбѣжать въ калитку, сдѣлавъ уже шагъ, остановился и въ невообразимомъ волненіи воскликнулъ:

— За этимъ только! да вѣдь только, только въ *этомъ одномъ*—все мое существованіе заключается... Ахъ, ахъ... нѣтъ, вы просто не можете себѣ представить до какой степени я васъ люблю... такъ люблю, такъ люблю... прощайте!

Онъ перешагнулъ за порогъ, но все еще не уходилъ. Отъ необыкновеннаго одушевленія, отъ чрезмѣрнаго прилива счастья, онъ испытывалъ теперь какой-то гнетъ. Казалось его счастливое настроеніе начинало переходить въ страданіе. Онъ вдругъ съ внезапнымъ упадкомъ силъ и съ примѣсью легкихъ нотъ чего-то похожаго на стонъ, схватилъ себя за голову.

— Нѣтъ, я кажется безумствъ какихъ нибудь надѣлаю!.. А впрочемъ... впрочемъ я все таки счастливъ... А вы?..

Онъ черезъ порогъ снова сжалъ ея руки... Она смотрѣла на него болѣе обыкновеннаго блѣдная, но съ какимъ-то любопытствомъ... Тутъ, подъ этимъ покровомъ сѣренькой ночи, осыпаемый рѣдкими снѣжинками и тотъ человѣкъ проведшій съ нею вдвоемъ не мало вечеровъ, постоянно молчаливый, изрѣдка заговаривавшій о своей лампѣ, этотъ техникъ-отшельникъ, въ тишинѣ ночи возившійся со своими винтами, колесами, трубками и ретортами—въ эту ночь высказался съ иной стороны, высказался, не какъ живой мертвецъ, ушедшій по уши въ свою химію и технологію, бравирующій всякое другое знаніе, относящійся къ иной сферѣ мышленія варварски,—но какъ человѣкъ не убившій въ себѣ сердца,

доступный сожалѣнію, сочувствію, согрѣтый любовью! А она считала его за трупъ... И никогда вопроса себѣ не задавала о томъ, любитъ-ли онъ ее, и ничего, положительно ничего относящагося до такого рода отношеній—ни въ немъ, ни въ себѣ не слѣдила... И вдругъ!... Въ продолженіи немногихъ минутъ, выслушивая его слова въ молчаніи, она переживала различныя душевныя состоянія, являющіяся сознательными процессами того неяснаго, глухо таящагося гдѣ-то въ глубинѣ души чувства симпатіи къ нему, чувства, которое легко и естественно возникло въ молодой дѣвушкѣ къ единственному человѣку, сколько нибудь способному вызвать къ себѣ расположеніе и заслужить любовь. При первыхъ словахъ, изъ которыхъ она поняла о какой любви говоритъ онъ, въ ней пробудилась къ нему какая-то жалость, не потому что она отказывала или думала отказать ему въ отвѣтѣ на его признаніе, а потому, что въ самомъ способѣ, которымъ онъ выразилъ это признаніе, выговорилъ первыя слова любви, мелькнуло ей что-то дѣтское, что-то безпомощное въ житейскихъ отношеніяхъ, быть можетъ сильное въ области своей спеціальности, но во всякомъ случаѣ—дѣтски не смыслящее, наивное и простодушное во всемъ, что выходило изъ границъ спеціальности... Но это на моментъ: чувство жалости какъ-то моментально перешло у нея въ такого рода расположеніе и даже нѣжность, какое мать испытываетъ къ своему ребенку, какое она сама питала къ своему маленькому брату... Отдавшись своимъ мыслямъ—она почти перестала его слушать, какъ вдругъ ухо ея уловило предложенный имъ вопросъ, счастлива-ли она? Тогда, задумчиво отвѣчая на его пожатіе руки, она тихо отвѣтила:

— Да, я счастлива.

— Ну, вотъ,—снова оживился онъ,—я такъ, именно такъ и думалъ... Знаете: мы вдвоемъ сдѣлаемъ счастливыми всѣхъ... Увѣряю васъ такъ... Тутъ вѣдь не деньги нужны, хотя они у насъ и будутъ, а сердце, сочувствіе, ласки и слезы потребны... Ахъ, любовью и кротостію можно сдѣлать многое... постойте, о чемъ я хотѣлъ еще сказать?.. Да... прощайте... Объ остальномъ завтра...

И вдругъ, опять такъ просто, такъ естественно наклонился къ ней и поцѣловалъ ее въ лобъ, засмѣялся чему-то и затѣмъ пустился почти бѣгомъ по скудно освѣщенной керосиновыми фонарями улицѣ и вскорѣ исчезъ въ темнотѣ.

Пашенька посмотрѣла за нимъ нѣкоторое время вслѣдъ, потомъ вздохнула, затворила калитку, и направляясь къ крыльцу, взглянула на небо. Снѣгъ прекратился; однообразно сѣрыя облака въ одномъ мѣстѣ раздвинулись и между ними блеснула маленькая, мерцающая слабымъ желтоватымъ свѣтомъ звѣздочка... На этомъ безграничномъ сѣромъ фонѣ—она казалась какъ-то дѣтски слабою съ своимъ умилительно кроткимъ мерцаніемъ... Пашенька невольно улыбнулась этой нѣмой свидѣтельницѣ перваго полученнаго ею поцѣлуя и прошептала:

— Это—звѣзда нашей любви.

XIII.

Визитъ.

Какъ ни была Христина Карловна покорна волѣ своей племянницы тѣмъ не менѣе, когда на слѣдующее за свиданіемъ съ Языковымъ утро, Эрминія, съ самымъ смиреннѣйшимъ видомъ, вошла въ комнату тетки и объявила ей, что такъ и такъ, ѣдетъ дескать на почту и проситъ тетку достать спрятанные у ней пяти-процентные билеты на пять тысячъ, Христина Карловна выдала таковые не безпрекословно, а предчувствуя нѣчто новое со стороны племянницы, воскликнула въ какой-то тоскѣ:

— Ахъ, Миньона! Ты что нибудь новое задумала?!

— Новое, дитя мое,—съ необычайною кротостью подняла Эрминія на тетку скромно потупленные глаза,—новое, вы правы. Вы очень проницательны, тетя и отъ васъ ничего не скроешь... Что дѣлать; приходится сказать. Я хочу употребить свой капиталъ на добрыя дѣла.

— Именно?

— Я отсылаю его, тетя, въ общество Краснаго Креста... Вотъ зачѣмъ и безпокою васъ...

— Ахъ, Миньона,—попробовала убѣдить племянницу тетка,—положимъ, это хорошо, очень хорошо, мой другъ, но ты забыла, что это все, что у тебя есть...

— Я это отлично помню, тетя.

— Представь, что сохрани Господи, и я, и твой дядя—помремъ... Ты, мой другъ, останешься безъ ничего...

— Безъ ничего, тетя.

— Какъ-же ты отдаешь, Миньона, послѣднее? подумай: я не въ правѣ удерживать эти деньги, ибо онѣ—твои, отъ твоей мамаши тебѣ достались; но подумай, Миньона, осторожно-ли, не слишкомъ ли опрометчиво ты поступишь, отославъ ихъ на доброе дѣло?..

— Я все обдумала, тетя... Позвольте получить.

Христина Карловна представила было еще два-три довода въ пользу того, что денегъ не слѣдуетъ отдавать, но получивъ на каждый смиреннѣйшій отвѣтъ, въ родѣ: совершенно справедливо, тетя; такъ-съ,—и затѣмъ всякій разъ прибавленіе: позвольте получить, тетя—измѣнила рѣшеніе убѣдить племянницу и стала торговаться съ нею на четверть, потомъ на половину и наконецъ на двѣ трети выдачи капитала на благотворительное пожертвованіе. Племянница не уступила ни копѣйки. Видя такое упорство, Христина Карловна притворилась чрезмѣрно холодною и вынувъ наконецъ деньги и отдавая ихъ Эрминіи, съ суровостью произнесла:

— Возьмите, Миньона, ваши деньги, но, если когда нибудь раскаетесь, что съ такою щедростью бросили ихъ, не пеняйте на меня...

Эрминія преспокойно вложила деньги въ маленькую сумочку, носимую въ рукахъ, и отвѣтила теткѣ:

— Не буду пенять, дитя мое... Знаю, что буду одна я виновата.

Затѣмъ съ материнскою нѣжностью поцѣловала тетку.

— Прощайте, дитя мое... На что, Христина Карловна, стараясь удержать на своемъ лицѣ холодность, все таки прорвалась улыбкой, укоризненно вздохнувъ въ слѣдъ удаляющейся племянницы:

— Ахъ, Миньона, Миньона! Я слишкомъ слаба, что бы руководить вами...

Ужъ конечно Миньона ни на какую почту не поѣхала, а взявъ извощика, приказала себя вести на квартиру Засѣкина. Послѣдній жилъ какъ разъ противу дома предводительши, которая могла легко увидѣть изъ своихъ оконъ Эрминію и, осудивъ легкомысленность посѣщенія дѣвушкой квартиры молодаго и холостаго человѣка, сдѣлать подобное посѣщеніе самымъ животрепещущимъ достояніемъ городской молвы,—это впрочемъ было совершенно безразлично для Эрминіи. Она пріѣхала такъ рано, что застала Засѣкина за чаемъ, одѣтаго по утреннему. Онъ бросился было при ея появленіи, въ другую комнату, но она остановила его съ дѣловымъ и озабоченнымъ выраженіемъ въ лицѣ:

— Пожалуйста, не безпокойтесь... Пріѣхала по дѣламъ, а не любоваться на васъ... Садитесь, прошу васъ.

Эрминія сѣла въ кресло, указавъ ему сдѣлать тоже самое, взглянула на своего собесѣдника съ напускною важностью и спросила его:

— Ну, какъ: странна я вамъ показалась вчера? Не правда-ли?

И не давъ еще успѣть ему отвѣтить на предложенный вопросъ, сама поспѣшила изъяснить причины своей вчерашней странности:

— Это безуміе, голубчикъ, но можете себѣ представить—отъ нечего дѣлать, положительно только отъ нечего дѣлать—ибо чѣмъ же я занята—вѣдь я было влюбилась...

Маленькая шалунья. Съ картины М. Мая, грав. Лерай.

Онъ такъ привыкъ шутить, что относясь къ угадываемой имъ склонности Эрминіи къ Языкову, въ глубинѣ души непріязненно и съ нѣкоторой примѣсью зависти оскорбленнаго въ немъ самомъ чувства—на дѣлѣ все таки съ комическимъ ужасомъ выслушалъ ея признаніе въ томъ, о чемъ подозрѣвалъ. Сквозь дѣловой видъ,—она улыбнулась на его жестъ, сказавъ:

— Вы—трезвый умъ: мнѣ отлично извѣстно, что я вамъ нравлюсь и что не совсѣмъ пріятно вамъ слушать мои откровенности на счетъ этой моей любви, а вы все таки шутите. Но не объ этомъ... Теперь видите-ли—и успокойтесь, это увлеченіе кончается... Онъ влюбленъ въ другую, мечтаетъ на ней жениться. мнѣ слѣдовательно тутъ рѣшительно нечего дѣлать. Вчера, конечно, я разстроилась,—оно и понятно... Само собою разумѣется, что легкомысленно было разсчитывать на взаимность... Думала: сидитъ тамъ со своей лампадкой, никого не видитъ,—ну и растаетъ при первомъ шагѣ къ сближенію съ нимъ женщины... Такіе люди, какъ онъ, сами-то этихъ первыхъ шаговъ ужь конечно никогда не сдѣлаютъ, но той, которая подойдетъ къ нимъ,—легко взять ихъ въ охапку... Права-ли я?

— Совершенно.

— Вы, молодой человѣкъ, другое дѣло; у васъ если не шипы, такъ хоть самыя крохотныя иголочки найдутся, о которыя все таки можно уколоться... Ну, а онъ, тотъ-то, именно таковъ, какъ я его вамъ обрисовывала —и что я не могла взять его, такъ это только потому, что поздно пришла, другая опередила. Вѣдь въ концѣ-то концовъ у такой добродушной трухи, голубчикъ, все же на первомъ планѣ его лампадка, а женщины—это только на тотъ случай, когда съ лампадкой-то что не сладится.. Но—довольно объ этомъ. Я вѣдь собственно пріѣхала не затѣмъ, чтобы въ ламентаціяхъ распространяться... У меня до васъ просьба.

— Съ удовольствіемъ готовъ служить...

— Знаю, что съ удовольствіемъ, иначе бы не пріѣхала просить.—Она отомкнула замочекъ сумки и достала оттуда полученныя ею отъ тетки деньги. Видите-ли: эту сумму, возможно скорѣе, вы должны отвезти въ запечатанномъ конвертѣ, отъ моего имени, г. Языкову. Я даю ему это въ долгъ, но никакихъ росписокъ, никакихъ документовъ—не надо. Такіе люди не обманываютъ и ужь, конечно, при первыхъ же деньгахъ онъ выплатитъ мнѣ все сполна. Но главное, голубчикъ, что бы все это между нами. Понимаете?

— И только?

— О, нѣтъ... Это не все. На нѣсколько дней, на два, на три, пока онъ здѣсь,—а онъ скоро уѣдетъ,—я прошу васъ нѣсколько сойдтись съ нимъ. Онъ почти ребенокъ и вы посовѣтуйте ему, что найдете полезнымъ... Обо всемъ этомъ—вы будете мнѣ доносить. Можно?

— Можно.

— Проводите его въ дорогу... Посмотрите—достаточно ли онъ тепло одѣнется...

— Боже мой, вы доводите свой интересъ къ этому чудаку до такихъ предѣловъ, до такихъ предѣловъ...

— До какихъ?

— До такихъ, что невольно рождается вопросъ:—не продолжаете ли вы все еще питать къ нему того чувства, съ которымъ по вашимъ словамъ вы покончили?

— Нѣтъ,—встала Эрминія съ своего мѣста, собираясь уѣхать,—нѣтъ не потому.

И прямо взглянувъ въ глаза своему собесѣднику, смущенно улыбнулась:

— Просто мнѣ нечего дѣлать, потому и интересуюсь. Такъ поѣзжайте-же, голубчикъ, буду ждать васъ съ отчетомъ. Благодарствуйте: не провожайте.

IX.

Женихъ.

Засѣкинъ въ точности исполнилъ желаніе Эрминіи. Два дня, проведенные Языковымъ въ городѣ, по полученіи имъ денегъ — Засѣкинъ видѣлся съ нимъ три раза: въ первый — когда ѣздилъ передать отъ Эрминіи деньги, во второй—самъ Языковъ зашелъ къ нему, и наконецъ въ третій—когда провожали Языкова въ дорогу. Послѣ каждаго свиданія Засѣкинъ доставлялъ самый подробный, стенографически-точный отчетъ о томъ, что ему удавалось видѣть и слышать. Онъ не безъ комизма передалъ послѣ перваго свиданія съ Языковымъ, какъ этотъ послѣдній отнесся къ привезенной ему отъ Эрминіи денежной суммѣ. По словамъ Засѣкина, Языковъ, занятый чисткою какихъ-то винтиковъ, все время очевидно поглощенный посторонними мыслями, взялъ изъ рукъ Засѣкина деньги и не посмотрѣвъ на нихъ, не сказавъ ни слова, сунулъ ихъ въ карманъ, не оставляя своей работы. Засѣкину стоило большаго труда добиться отъ своего собесѣдника слова. На предлагаемые имъ вопросы онъ отвѣчалъ не сразу, сперва молча смотрѣлъ въ глаза своего гостя, точно по глазамъ думалъ угадать недослышанный вопросъ и видя, что это ни къ чему не ведетъ, наконецъ переспрашивалъ:

— Вы что спрашиваете?

Засѣкинъ повторялъ вопросъ и ужь послѣ этого получалъ отвѣтъ. Сбираясь покинуть Языкова, его вдругъ поразила одна мысль — не потерялъ-бы онъ Языковъ, сунутыя имъ небрежно въ карманъ деньги. Онъ напомнилъ объ этомъ своему собесѣднику, прощаясь:

— Не потеряйте переданный мною пакетъ: вы кажется плохо его спрятали?..

Онъ замѣтилъ, что карманъ, въ который Языковъ положилъ пакетъ — былъ изорванъ. Языковъ, какъ-бы не понялъ о чемъ его спрашиваютъ, удивленно взглянулъ на Засѣкина и спросилъ:

— Какой пакетъ?

— Да, я-то вамъ который передалъ...

Тогда Языковъ вспомнилъ и не заботясь о судьбѣ пакета, спокойно отвѣтилъ Засѣкину:

— Нѣтъ, не потеряю.

На этомъ и разстались; но на слѣдующее утро, когда Засѣкинъ раздумывалъ не безъ скуки о предстоящемъ ему посѣщеніи Языкова, этотъ послѣдній вошелъ неожиданно къ нему въ комнату, нѣсколько смущенный и сконфуженный. Поздоровавшись, онъ усѣлся на предложенное ему хозяиномъ кресло и прежде чѣмъ что-либо сказать до такой степени покраснѣлъ, что на него жалко было смотрѣть. Его смущеніе видимымъ образомъ передалось даже и хозяину, человѣку не терявшемуся ни въ какомъ обществѣ. Оба сидѣли, не зная, что сказать другъ другу, пока Засѣкинъ первый не нашелся спросить:

— Что скажете?

Языковъ какъ-то заѣрзалъ по стулу и съ трудомъ, точно языкъ его прилипалъ къ гортани, выговорилъ:

— Да, вотъ вчера-то, когда она мнѣ эти деньги прислала, мнѣ пришло въ голову: желалъ-бы повидаться съ ней и поблагодарить ее.

— Вы когда ѣдете? вмѣсто отвѣта спросилъ Засѣкинъ.

— Да, должно быть сегодня вечеромъ. До Москвы съ однимъ попутчикомъ ѣду, знакомая дама одна, Пелагея Карповна мнѣ его нашла... А тамъ ужь одинъ на желѣзной дорогѣ-то...

— Ну, едва-ли вамъ придется повидаться съ ней... Она теперь занята, да и времени-то до вечера немного. Впрочемъ скажу ей и дамъ вамъ отвѣтъ.

Эрминія отклонила, къ немалому удовольствію Засѣкина, это свиданіе, просила передать Языкову отъ нея пожеланіе всего лучшаго, что и было сдѣлано молодымъ человѣкомъ при проводахъ. Уѣзжали Языковъ и попутчикъ его, купецъ Иволгинъ изъ дома этого послѣдняго, куда и собрались провожающіе. Засѣкинъ передалъ Эрминіи обстоятельно всѣ подробности этихъ проводовъ.

— Я пріѣхалъ рано, — разсказывалъ онъ, и добрыхъ часа полтора долженъ былъ просидѣть съ дочкой купца

Ивонина, ибо родители входили только на минуту, а то все вращались съ какими-то узелками между своей спальней и новозкой, подкаченной къ заднему крыльцу. Дѣвица сидѣла со мной видимо чисто по обязанности хозяйки, толстая и сонная такая и вдобавокъ при каждомъ моемъ вопросѣ—до того краснѣющая, что мнѣ становилось жалко спрашивать ее. Маменька...

Эрминія прервала разсказчика съ видимымъ нетерпѣніемъ:

— Ахъ, пожалуйста, безъ остроумія, переходите къ дѣлу...

Онъ покорно согласился:

— Перехожу-съ... Ждали, ждали, — просто терпѣніе всякое истощилось... Уже ни слова другъ съ другомъ не говоримъ, а просто въ окно глядимъ: она—въ одно, я—въ другое. Вдобавокъ, дверь-то въ прихожей, вслѣдствіе постоянныхъ тасканій все время отворена была, такъ такого холода напустили, что я дрожу весь, какъ въ лихорадкѣ... Наконецъ и укладыванье окончилось, и папенька съ маменькой замѣстили дочку, а попутчикъ все не идетъ...

— Да, перестаньте вы о папенькѣ съ маменькой,— остановила снова Эрминія. Къ дѣлу, прямо къ дѣлу...

— Ну, къ дѣлу, такъ къ дѣлу, — согласился онъ. Пришли. *Онъ*, васъ интересующій молодой человѣкъ, на рукахъ у него виситъ мальчикъ...

— Мальчикъ?

— Ну, да — и очень хорошенькій... А затѣмъ *она*...

Эрминія заинтересовалась:

— Ну, какая-же она? Умна? Красива? Красивѣе меня?

Засѣкинъ, какъ-бы сравнивая Эрминію съ впервые встрѣченной имъ дѣвушкой, посмотрѣлъ на свою собесѣдницу:

— Красивѣе-то она васъ не то, что красивѣе, а показалось мнѣ...

— Что?

— Разсудительнѣе... Особа очень молодая, но основательная...

— Это хорошо.

— Такъ прекрасно себя держитъ... Онъ-то, знаете, готовъ нюни распустить, а она ему то одно, то другое напомнитъ, то, дескать, здѣсь положено, это—тамъ, оттуда и отсюда напиши...

— Ну, ему такая и нужна!..

— Вотъ и я тоже думаю... Но послушайте-же однако. Какъ надо было ѣхать, сѣли сперва всѣ, потомъ встали, закрестились на образа и стали прощаться... Вотъ тутъ, по моему мнѣнію, она ему основательное слово сказала. Стала она, какъ помолилась, какъ-то особенно серьезна и строга даже... И молодая-то такая, какъ пожилая женщина, какъ мать, взяла и благословила его: дай Богъ, говоритъ успѣха въ дѣлахъ. А онъ, успокоить что-ли ее хотѣлъ, такъ легкомысленно ей на это: послѣдній, говоритъ, шагъ—и все сдѣлано!.. на что она по прежнему, безъ улыбки, замѣтила: но вѣдь этотъ послѣдній шагъ не сдѣланъ?.. Это основательное замѣчаніе, не правда-ли?

— Что-же онъ?

— Онъ ее успокоивалъ: трудное, говоритъ, позади... Остается вздоръ...

— Ну?

— Она ничего на это не сказала, промолчала, и потомъ посмотрѣла на образъ, какъ-бы призывая благословеніе... По лицу ея трудно было догадаться, что она думаетъ о послѣднемъ, остающемся ему легкомъ шагѣ... Это молчаніе навело его на мысль о томъ — не сомнѣвается-ли она въ успѣхѣ, о чемъ онъ и спросилъ ее... Она отвѣтила ему, не сдерживая прилива нѣжности своей къ этому взрослому ребенку и упавъ на его грудь головой: я не сомнѣваюсь только въ одномъ, что останусь къ вамъ неизмѣнно прежнею, достигнете-ли вы или нѣтъ успѣха...

Оба замолчали на нѣкоторое время и сидѣли въ полутемной гостиной, ибо огня еще не подавали, хотя былъ седьмой часъ. Вдругъ Эрминія тряхнула головой, какъ-бы прогоняя неотвязныя мысли и совершенно неожиданно обратилась къ Засѣкину:

— Ну-съ, довольно объ этомъ... Идемте обѣдать... Вы еще не обѣдали, не правда-ли? Мы ждали васъ.

Положимъ онъ дѣйствительно не обѣдалъ, но приглашеніе, сдѣланное Эрминіей, чрезвычайно его удивило. Уже нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія новаго губернатора въ городѣ не пріучили его къ этому. Впервые Эрминія приглашала его и зная ея эксцентричности, его первою мыслью было—не такъ-ли ей это взбрело въ голову и довольны-ли этимъ будутъ ея дядюшка и тетушка? Онъ попробовалъ было отклонить приглашеніе:

— Нѣтъ, ужь извините меня... Началъ было онъ, но Эрминія не дала ему окончить начатаго, схватила его за руку и потащила къ дверямъ столовой:

— Никакихъ извиненій... Дядя и тетка будутъ очень рады видѣть васъ...

И отворила съ этими словами дверь въ столовую, куда одновременно съ ними входилъ изъ противоположныхъ дверей Иванъ Федоровичъ. Христина Карловна хлопотала около накрытаго на четыре прибора стола и увидѣвъ гостя, встрѣтила его съ самою любезною улыбкой:

— Милости просимъ... Очень рады...

Иванъ Федоровичъ, состроивъ на своемъ сухощавомъ, чиновничьемъ лицѣ нѣчто въ родѣ улыбки, шелъ на встрѣчу гостю, руки котораго Эрминія не выпускала изъ своей и вышло такъ, что какъ-бы подвела Засѣкина къ дядѣ, какъ-бы представляя его ему,—произошло что-то странное. Иванъ Федоровичъ пріостановился со сложившейся на его сухощавомъ лицѣ улыбкой, смотря на Эрминію и точно ожидая отъ нея услышать о чемъ-то; Христина Карловна повернулась спиною къ столу, тоже повидимому ожидая услышать что-то чрезвычайное; наконецъ самъ Засѣкинъ, чувствуя устремленные на него и его даму взгляды, съ нѣкоторымъ смущеніемъ посмотрѣлъ на свою спутницу.

Она подвела его къ дядѣ и къ удивленію всѣхъ отрекомендовала:

— Мой лучшій другъ и женихъ...

Всѣ смутились этою неожиданностью и оставались нѣкоторое время въ молчаніи, которая нарушила первою Христина Карловна:

— Ахъ, Миньона, Миньона!..

XIV.

Поющая лампа.

Проводивъ своего жениха, хотя о свадьбѣ ничего не было условлено, въ Петербургъ, Пашенька взяла съ него слово, что онъ будетъ ей писать и будетъ дѣлать это аккуратно; но проходили дни за днями и считались недѣлями, а потомъ и мѣсяцами, а отъ Языкова не получалось ни строчки. То были тоскливые дни для Пашеньки, дни по прежнему полные самаго неблагодарнаго труда, но омраченные молчаніемъ человѣка, котораго Пашенька никогда не вызывала на любовь, который самъ, съ чисто дѣтскою наивностью признался ей въ любви, признался для того, какъ думалъ онъ, чтобы уѣхавъ въ другой городъ, немедленно выбросить ее изъ головы. Это равнодушное молчаніе оскорбляло и не могло быть извинено ничѣмъ. Пашенька отлично знала разсѣянность того, кто самъ предложилъ ей себя въ женихи, но подобной разсѣянности ставила извѣстный предѣлъ, требовала обузданія ее въ опредѣленной мѣрѣ. Она была далека отъ помышленія ревновать своего жениха въ его страстной склонности къ спеціальности, но въ тоже самое время мысль, что подобная склонность совершенно можетъ поглотить собою человѣка, отвергала, ибо признавъ ее, можно было дойти до очевидныхъ нелѣпостей, при которыхъ ужь невозможно было допустить любви, какъ сколько-нибудь

прочнаго чувства. Все это только разстроило Пашеньку, она похудѣла и сдѣлалась какъ-то раздражительна.

Многіе дни она думала объ этомъ и все ждала письма. Такимъ образомъ прошло мѣсяца полтора и Пашенька рѣшила выкинуть изъ головы и постараться забыть этого страннаго человѣка, такъ кратковременно и можно сказать необычайно съ ней сблизившагося и только разъ рѣшившагося высказать ей свои чувства. Но вотъ въ это-то самое время заглохшая было отчасти боль оскорбленнаго чувства—растравилось новымъ и совершенно случайнымъ образомъ. Пашенька отправилась къ вечернѣ въ архіерейскую церковь, гдѣ служба совершалась особенно долго, такъ что, когда окончилась, такъ ужь значительно стемнѣло. Народу было не мало, но Пашенька, вообще богомольная, не слишкомъ смотрѣла по сторонамъ, такъ что чрезвычайно была удивлена, когда передъ самымъ окончаніемъ службы совершенно неожиданно услышала около себя женскій голосъ, повидимому обращавшійся къ ней:

— Извините...

Пашенька подняла глаза. Передъ нею стояла молодая, чрезвычайно бойкая дѣвица съ румянымъ, мѣщанскаго склада, лицомъ, узкими заплывшими отъ сна глазами и пуговицеобразнымъ вздернутымъ носикомъ на широкой и плоской физіономіи. Пашенька вопросительно посмотрѣла на эту незнакомую ей особу, которая съ самой любезною улыбкой поспѣшила отрекомендоваться:

— Если не ошибаюсь—мы знакомы. Вашъ, кажется, сродственникъ уѣзжали съ моимъ папенькой. Вы провожали ихъ отъ насъ. Иволгины-съ.

Пашенька припомнила мелькомъ видѣнную ею въ день отъѣзда Языкова дочь купца Иволгина, въ обществѣ которой Засѣкинъ провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Оказалось, что дѣвица Иволгина обратилась къ Пашенькѣ въ настоящее время зная, что онѣ обѣ живутъ по сосѣдству и боясь въ темноту ходить одна, звала теперь Пашеньку въ спутницы для болѣе безопаснаго возвращенія домой. Конечно Пашенька изъявила на это полнѣйшее согласіе и по окончаніи службы спутницы отправились домой вмѣстѣ. Дѣвица Иволгина почти съ первыхъ шаговъ заболтала:

— Мы папеньку дожидаемъ на будущей недѣлѣ.

Пашенька не столько изъ интереса сколько изъ учтивости спросила:

— Что-жь онъ окончилъ въ Москвѣ дѣла-то?

— Ужь онъ и въ Петербургѣ побывалъ, какъ-бы прихвастнула быстротой папенькиныхъ дѣйствій дѣвица Иволгина. До Москвы-то они съ вашимъ сродственникомъ доѣхали, а потомъ вашъ сродственникъ одни уѣхали въ Петербургъ, а папенька цѣлый мѣсяцъ въ Москвѣ пробыли и недѣлю въ Петербургѣ...

— Что-же,—невольно спросила Пашенька, хотя и не хотѣла спрашивать,—что-же, скажите пожалуйста, этотъ господинъ... онъ вовсе мнѣ не родня, просто хорошій знакомый, — здоровъ онъ.

Дѣвица Иволгина сконфузилась:

— Ахъ, извините, пожалуйста... Я думала, что они вамъ сродственники... Да-съ, они должны быть здоровы... А вы не въ перепискѣ-съ?

— Нѣтъ.

— Они хорошо въ Москву доѣхали, только по ухабамъ-то ихъ закачало... Папенька еще тогда писали, что всю дорогу, почитай до Москвы, все спали-съ...

Спалъ! съ горечью подумала Пашенька, но не сказала ни слова. Дѣвица Иволгина рада была сообщать все, что знала объ Языковѣ.

— Папенька ихъ и въ Петербургѣ видѣли, возобновила она свой разсказъ.—случайно, пишутъ, на улицѣ столкнулись... Папенька ихъ сами окликнули, они-бы не узнали...

Это на него похоже! — подумала Пашенька, вслушиваясь съ усиленнымъ вниманіемъ въ то, что разсказывала дѣвица Иволгина.

— Они говорили папенькѣ, что дѣла ихъ хорошо идутъ... Такіе веселые и нарядные...

Веселъ и нарядёнъ!.. этого недоставало!.. Пашенька не въ силахъ была дольше слушать свою спутницу и, слава Богу, что въ скоромъ времени обѣ онѣ достигли дома Иволгиныхъ, у воротъ котораго и разстались съ взаимными любезностями. Пашенька побѣжала одна. Значительно стемнѣло и съ сѣрыхъ небесъ шла какая-то рѣдкая крупа съ мелкимъ дождемъ; грязный снѣгъ на улицѣ, затворенные ставнями дома и пустота всюду... Пустота, холодъ и на сердцѣ, а въ головѣ неотвязныя мысли: всю дорогу спалъ! нарядёнъ и веселъ!.. А о ней, о ней-то позабылъ... Что-жь онъ ребенкомъ-то такимъ прикидывался—и вызвалъ въ ней къ себѣ, если не любовь, то ужь во всякомъ случаѣ расположеніе... Такъ нельзя, не хорошо поступать... И вотъ въ этотъ моментъ, ей показалось, что что-то положительно оборвалось въ ея сердцѣ и какой-то свѣтлый лучъ—освѣщавшій ея однообразно сѣренькую жизнь—погасъ. Кругомъ воцарилась безразсвѣтная темнота, холодъ и тоска...

Съ этимъ тоскливымъ ощущеніемъ на сердцѣ вошла Пашенька къ себѣ и лишь только-что переступила порогъ, какъ маленькій Саша, держа что-то въ рукахъ высоко надъ головою, бросился ей на встрѣчу:

— Письмо! письмо!..

(Окончаніе въ слѣд. №).

Во время бури.

Романъ

М. Iокая.

(Продолженіе).

Санхо-Панса—Кацуръ—который вмѣстѣ съ Корнелемъ былъ зачисленъ въ кавалерійскій полкъ, оказался теперь уже въ мундирѣ пѣхотинца.

— Что-же это—лошадей-то вы своихъ съѣли?

— Нѣтъ,—пропили; да уже это давно было, еще въ Пештѣ. Юнкеръ Сома объявилъ, что не можетъ ѣздить верхомъ, что у него отъ этого сдѣлаются кривыя ноги и перешелъ въ пѣхоту, я нынче состою при немъ денщикомъ.

— Ну, а въ пѣхотѣ его ногамъ лучше стало?

— Конечно, потому что онъ, обыкновенно, въ походѣ усаживается въ фургонъ. Но, одинъ разъ, командиръ сдѣлалъ распоряженіе, что тотъ, кто осмѣлится сѣсть въ фургонъ или на возъ, получитъ немедленно-же 25 розогъ.

— Ну и безъ сомнѣнія, мой племянникъ первымъ-же заслужилъ и получилъ ихъ.

— Заслужилъ-то онъ, а получилъ я. Рѣшено было наказать обоихъ насъ, но такъ какъ мой баринъ заявилъ, что онъ боленъ, то мнѣ отсчитали и его порцію.

— Ну и оба остались довольны?

— Я удовольствовался, а баринъ поднялъ цѣлую исторію — какъ смѣли такъ поступать съ Сомой Опатовскимъ? вызвалъ командира на дуэль. Его сейчасъ-же заковали и подъ арестъ. Теперь ждутъ, когда выдастся свободный денекъ, чтобы судить его и разстрѣлять.

Подумавъ немного, Иллаван вдругъ сдѣлалъ Кацуру слѣдующій странный вопросъ:

— Какая любимая пѣсенка Сомы (у него была страсть къ разнымъ пѣсенкамъ).

— А вотъ эта: „Счастливъ часъ, когда впервые я увидѣлъ васъ“.

— Есть здѣсь цыгане?

— Есть, и отличный хоръ.

— Наймите ихъ и чтобы явились, какъ только потребую, надо ихъ имѣть подъ рукой. Онъ далъ деньги Кацуру. Затѣмъ онъ отправился къ бригадному командиру. То былъ серьезный, молчаливый человѣкъ. Какъ только Францъ назвалъ имя Сомы Опатовскаго, командиръ отвѣтилъ:

— Завтра утромъ его судятъ.

— Но вѣдь его не разстрѣляютъ?

— Нѣтъ—повѣсятъ.

— Его повѣсятъ! До свиданія.

И онъ захлопнулъ дверь передъ самымъ носомъ посѣтителя. Разговаривать было нечего.

Принцесса Уэльская и ея дочери. Рис. Гель, грав. Пааръ.

Францъ направился къ аудитору, котораго засталъ за игорнымъ столомъ, въ веселой компаніи. Чиновникъ вышелъ къ просителю.

— Ну ужъ тутъ ничѣмъ не поможешь! Этотъ—готовъ!

— Да вѣдь все дѣло не болѣе, какъ дурачество мальчишки: самое большое, что онъ заслужилъ—это, чтобы посмѣяться надъ нимъ.

— Пожалуй, еслибъ тѣмъ только и ограничилась вина его, но онъ настряпалъ еще кое-что. Когда ему прочли, что его разстрѣляютъ, онъ потребовалъ къ себѣ духовника. Тотъ пришелъ, а онъ объявилъ, что онъ и кальвинистъ, такъ какъ мать его была католичка и отецъ разрѣшилъ ему быть католикомъ. Прислали патера. Г. Опатовскій вмѣсто того, чтобы исповѣдываться, сталъ уговаривать его добыть ему монашескую рясу, въ которой онъ удеретъ, за это онъ обѣщалъ постричься и отдать на монастырь все свое состояніе. Патеръ разсердился и донесъ обо всемъ. И теперь буйнаго малаго не разстрѣляютъ, а повѣсятъ.

— Изъ этаго уже вы не видите развѣ, что онъ—идіотъ!

— Тѣмъ меньше стоитъ жалѣть о немъ. Ну его къ чорту. Говорятъ, что онъ чрезвычайно богатъ, и что послѣ него все перейдетъ къ родственникамъ его, людямъ вполнѣ порядочнымъ. И прекрасно. Вашъ покорный слуга!

Слова аудитора глубоко кольнули въ сердце Иллаваи.

Корнель долженъ погибнуть для того, чтобы родственникъ его, человѣкъ порядочный, получилъ его состояніе! Совѣсть начала упрекать его: онъ могъ запереть гдѣ-нибудь мальчишку, или убѣдить его остаться дома.

А теперь!... Францъ проклялъ-бы жизнь свою, если-бы произошло то ужасное несчастіе.

Онъ побѣжалъ къ презусу, о которомъ онъ уже прежде слышалъ, какъ о добромъ, мягкомъ человѣкѣ.

Маіоръ гонведовъ принялъ Иллаваи очень вѣжливо, узнавъ о поводѣ посѣщенія:

— Да, милый другъ, сказалъ онъ съ улыбкой, малому этому придется немножко умереть.

— Но подумайте маіоръ, вѣдь онъ сумасшедшій! Можно-ли приговаривать сумасшедшаго къ смертной казни?

— Тотъ сумасшедшій, другой сумасшедшій! Эдакъ всякій преступникъ выдастъ себя за сумасшедшаго. Ну и какъ можно знать это. Вѣдь не можемъ-же мы разсматривать въ микроскопъ — разширены у него зрачки, или нѣтъ.

— Ну, такъ хорошо,—я докажу вамъ, что мальчикъ невмѣняемъ. Когда соберется военный судъ?

— Чрезъ нѣсколько минутъ.

Иллаваи вышелъ.

Барабанная дробь возвѣстила, что засѣданіе полеваго суда началось. Обвиняемый былъ тотчасъ-же введенъ.

Корнель имѣлъ какой-то разсѣянный и вмѣстѣ тупой видъ: казалось, онъ не сознавалъ, гдѣ находился и не отвѣтилъ на первые вопросы, предложенные ему.

— Какой скрытный, закоренѣлый злодѣй! сказалъ про себя презусъ.

Вдругъ тишина нарушилась. На улицѣ раздались звуки прелестной пѣсенки: „Счастливъ часъ, когда впервые я увидѣлъ васъ".

При этихъ звукахъ, окаменѣвшіе, застывшіе глаза Сомы внезапно вспыхнули, губы вытянулись впередъ и, начавъ сначала насвистывать знакомую и любимую мелодію, онъ, затѣмъ, откинулъ голову назадъ и запѣлъ во все горло: „Счастливъ часъ, когда впервые я увидѣлъ васъ!", точно тутъ не было ни военно-судной коммиссіи, ни судей, ни протоколовъ, ни смертнаго приговора. Но,—по лицу его было видно, что онъ не сознаетъ что дѣлаетъ.

Презусъ хлопнулъ рукой по кипѣ лежавшихъ предъ нимъ бумагъ.

— Да вы, въ самомъ дѣлѣ, идіотъ! болванъ какъ есть! вскрикнулъ онъ, — убирайтесь къ чорту! Туда же, въ солдаты еще лѣзетъ!

Судъ, въ полномъ составѣ, опредѣлилъ, что обвиняемый лишенъ разсудка и долженъ быть выведенъ изъ лагеря.

Презусъ разорвалъ смертный приговоръ въ клочья и бросилъ ими въ юнкера Корнеля, приказавъ тотчасъ же позвать Иллаваи, которому и сдалъ „идіота". „Прошу васъ прихватить и другаго болвана, — спутника вашего почтеннаго племянника: ѣстъ онъ за троихъ, а бѣгаетъ за четверыхъ при первомъ же выстрѣлѣ. Уберите ихъ, пожалуйста, отсюда поскорѣе".

Корнель, во все время, стоялъ съ полною безучастностью, только бросая по сторонамъ какіе то дикіе взгляды. Онъ послушно побрелъ, вмѣстѣ съ Кацуромъ, за дядей.

Чрезвычайно трудно было найдти лошадей. Дѣло происходило въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ, жители котораго оказались такими же патріотами, какъ и сами венгерцы, и ни одинъ не хотѣлъ принять участія, въ качествѣ даже кучера, въ комическомъ выступленіи. Кончилось тѣмъ, что Иллаваи купилъ какія то на половину сломанныя сани и собственноручно впрегъ лошадь, на которой пріѣхалъ. Сюда обоихъ отставныхъ Марсовъ онъ толкнулъ къ задку а самъ сѣлъ за кучера. Въ этомъ видѣ оставили они лагерь, сопровождаемые такимъ громкимъ, всеобщимъ хохотомъ, какого едва ли когда уличная публика удостоивала своего обычнаго героя — „Петрушку".

Но Францъ не испытывалъ чувства оскорбленія. Въ его мощномъ организмѣ билось дѣтское, незлобивое сердце, которое теперь было преисполнено только радости о томъ, что ему счастливо удалось спасти своего родственника, ввѣреннаго заботамъ его.

Погибни Корнель и наслѣдуй послѣ него Иллаваи огромное состояніе его—онъ всю жизнь свою мучился бы укорами совѣсти.

Сома весь путь молчалъ. Къ обѣду они притащились въ маленькую деревеньку, гдѣ и остановились отдохнуть. На возвратномъ пути приходилось сдѣлать большой крюкъ, чтобы избѣжать непріятеля. Здѣсь Иллаваи удалось, наконецъ, послѣ продолжительныхъ настояній, уговорить хозяина домишки, куда они заѣхали,—свезти ихъ въ болѣе безопасное мѣсто въ своихъ саняхъ и на свѣжихъ лошадяхъ. Пока Францъ хлопоталъ на дворѣ, помогая закладывать, Сома и Кацуръ уписали поданнаго для путешественниковъ индюка, и пили вино предоставивъ своему покровителю удовольствоваться ветчиной съ кускомъ хлѣба. Но и это блюдо нашелъ онъ, голодный, очень вкуснымъ.

— Теперь, сказалъ племяннику Иллаваи, сани поданы, вы поѣли, постараемся быть благоразумными, пока не доѣхали до Петрешфальва, потому что, еслибъ насъ накрыли тутъ въ этихъ ментикахъ, — пожалуй не сдобровать бы намъ.

Предостереженіе помогло: Сома снова былъ укутанъ въ шубу и улегся въ сани, гдѣ и заснулъ подъ вліяніемъ и испытаннаго имъ страха, и выпитаго вина.

X.

Орелъ Криванскій.

Гроза шла дальше и теперь гремѣла уже надъ Дунаемъ и Тиссой; а здѣсь теперь все было тихо и спокойно.

Доставивъ благополучно домой своего воспитанника, Иллаваи рѣшилъ больше не выпускать его изъ рукъ и попытаться дать ему какое нибудь образованіе. Но это разумное намѣреніе дяди встрѣтило препятствіе въ самомъ племянникѣ, объявившемъ, что онъ не желаетъ быть ни священникомъ, ни адвокатомъ, ни докторомъ. Онъ ничего не дѣлалъ дома, ничѣмъ не занимался, даже и охотой не могъ развлекаться, какъ другіе помѣщики: верхомъ хорошо ѣздить онъ не умѣлъ, а на облаву пошелъ бы только въ такомъ случаѣ, еслибы ему доставили звѣря связаннымъ по ногамъ, да еще еслибы можно было съ собой въ дорогу брать теплую кафельную печь.

Теперь Францъ могъ бы свободно ѣхать въ Гарговарскій замокъ, не получи онъ тогда загадочную записку Пальмы.

Вскорѣ, впрочемъ, загадка разъяснилась. Отъ своего помощника Иллаваи узналъ, что Гарговаръ занятъ отрядомъ императорскихъ войскъ, что часть отряда стоитъ гарнизономъ въ мѣстечкѣ, а другая расположилась въ самомъ замкѣ.

Францъ понялъ теперь, что графиня Пальма не желала его присутствія, боясь какого нибудь столкновенія между представителями двухъ враждующихъ сторонъ, но, по мнѣнію его, она напрасно боялась, онъ оставался, совершенно одинаково, окружнымъ судьей какъ для арміи Цесаря, такъ и для венгерскихъ войскъ: для тѣхъ и другихъ онъ былъ только нейтральнымъ органомъ, обязаннымъ по возможности охравять порядокъ въ это бурное время.

Иллаваи предполагалъ, что все это устроилъ графъ: что изъ страха предъ „U. S. S.," предъ „сворностью" онъ обратился за защитой.

Теметвени, дѣйствительно, продолжалъ бояться—страхъ и подозрительность были нормальнымъ состояніемъ его духа. Онъ боялся всѣхъ и каждаго, отъ всѣхъ и каждаго онъ ожидалъ всевозможнаго зла.

Но, не смотря на то, нашелся таки человѣкъ, которому онъ довѣрился вполнѣ и всецѣло. Это было нѣчто въ родѣ эконома, что-то среднее между камердинеромъ и личнымъ секретаремъ; звали его Кузенъ и ему особенно было пріятно, когда графъ, произносилъ „mon cher Кузенъ" какъ будто магнатъ обращался къ своему родственнику. Съ давнихъ уже поръ распоряжается онъ въ домѣ графа и безъ „соизволенія" господина Кузена ни одинъ докторъ, ни одинъ повѣренный не могъ добраться до его сіятельства. Все и вся въ домѣ преклонялось предъ нимъ и кадило ему. Только одна графиня Пальма имѣла мужество часто поступать наперекоръ ему. Она его ненавидѣла. Впрочемъ, это, можетъ быть, происходило отъ нѣкоторой особенности характера молодой графини, которая не могла терпѣть, если кто либо изъ прислуги стремился занять выдающееся мѣсто, поэтому она никогда не хотѣла имѣть при себѣ и компаньонки. Но графу Кузенъ былъ необходимъ: онъ основательно изучилъ ипохондрическаго Теметвени и прекрасно былъ знакомъ со всѣми перемѣнами настроеній своего господина.

Графъ скучалъ здѣсь чрезвычайно. Не было здѣсь ни jours fixes'овъ, ни баловъ, ни концертовъ, ни театра, ни игры въ „тарокъ", длившейся съ вечера до утра; не было двора. Сосѣдніе землевладѣльцы сидятъ запершись по своимъ замкамъ и не показываются; на охоту, говоритъ Кузенъ, ѣхать опасно: лѣса кишатъ вооруженными авантюристами, да и ни на одного егеря положиться нельзя. А оставаться здѣсь, все таки, надо. Венгерскій парламентъ рѣшилъ конфисковать имѣнія всѣхъ тѣхъ, кто оставитъ страну. Скучно! А этотъ окружный судья забралъ у него всѣ любимыя его книги.

Графъ порядочно и трусилъ.

Въ одно прекрасное утро Кузенъ внезапно уѣхалъ. Цѣль поѣздки была извѣстна одному графу. Неподалеку стояла лагеремъ бригада императорскихъ войскъ. Кузенъ отправился по секрету сообщить командиру, что владѣлецъ Гарговарскаго замка, его сіятельство графъ Теметвени, былъ бы весьма радъ помѣстить у себя небольшой отрядъ на зимнія квартиры. Генералъ отвѣтилъ, что не можетъ отдѣлить отъ отряда ни одного человѣка и что если ужс графу такъ желательно оказать гостепріимство военному люду, или говоря проще, если онъ уже такъ боится своихъ мужиковъ, то пусть обращается къ кому нибудь другому. Ловкій Кузенъ отыскалъ однако одинъ партизанскій отрядъ, разгуливающій тутъ, по близости, около границы и пригласилъ его. Предводитель этого отряда—лихой малый (хотя, никто его хорошенько не зналъ) былъ оченъ радъ услужить его сіятельству.

Кузенъ вернулся изъ своей экспедиціи, и вскорѣ въ замокъ явился храбрый „Орелъ Криванскій", съ своими удалыми сподвижниками.

Графиня Пальма была очень недовольна этимъ сюрпризомъ. Тогда то она и написала свою загадочную записку Иллаваи.

Пока Францъ спасалъ своего милаго племянника, банда лихаго Криванскаго, въ числѣ около 300 человѣкъ, устроилась съ большимъ комфортомъ въ замкѣ и мѣстечкѣ.

Иллаваи, по возвращеніи, каждый день приходилось слышать о ратникахъ Криванскаго. Ежедневно къ судьѣ приходили изъ деревни съ жалобами на нихъ. Что только они ни увидятъ— тотчасъ попадаетъ имъ въ руки, никакой дисциплины, никакого порядка! Съ ними есть и походный капелланъ, но проповѣдуетъ онъ какъ-то очень странно. Въ замкѣ эти воины пьютъ съ утра до ночи и все перевернули вверхъ ногами.

Въ одно утро, наконецъ Францъ получилъ новую записку отъ графини Пальмы: „Пріѣзжайте и избавьте насъ отъ нашихъ—друзей".

Иллаваи всегда дѣйствовавшій быстро, созвалъ изъ окрестныхъ мѣстечекъ и деревень выборныхъ и съ ними составилъ планъ кампаніи, имѣвшей цѣлью вывести банду Орла Криванскаго изъ гарговарскаго замка; въ то же время онъ написалъ и другимъ окружнымъ судьямъ, прося каждаго продолжать дѣло, начатое имъ, т. е. гнать непрошеныхъ гостей какъ можно дальше.

Францъ приглашалъ съ собой и своего любезнаго племянника, хотя и съ улыбкой, но вовсе не для шутки. У него была и серьезная цѣль. Онъ надѣялся, что предстоявшая стычка, хотя и довольно жаркая, но въ которой, всетаки, будетъ больше шуму, нежели опасности, что эта стычка, на глазахъ прелестной дѣвушки, дѣйствительно подыметъ духъ его племянника, и что, затѣмъ, такъ романически избавленная красавица-героиня можетъ имѣть облагораживающее вліяніе на бѣднаго юношу. Сома-Корнель принялъ приглашеніе съ энтузіазмомъ. Отъ мужиковъ, приходившихъ въ домъ, онъ слышалъ, что они собираются сильно поколотить „криванцевъ" и ждутъ только, чтобы окружный судья велъ ихъ; онъ сообразилъ, что будетъ сраженіе, въ которомъ непріятель навѣрное побѣжитъ, а слѣдовательно онъ можетъ возстановить свой нѣсколько утраченный престижъ. Воинственный азартъ до того овладѣлъ юношей, что онъ не хотѣлъ вовсе ложиться спать и задалъ Кацуру работу: оттачивать сабли, чистить пистолеты и т. п.

Предъ выступленіемъ въ походъ, Сома подошелъ къ дядѣ:

— Послушайте-ка, я не сяду съ вами въ сани, а поѣду верхомъ. Гусаръ верхомъ — совсѣмъ другая штука, знаете! А вы развѣ сабли не берете съ собой?

— Къ чему-же? Мы, вѣдь, отправляемся не на комитатскую конгрегацію.

— Т. е. — а бить непріятеля чѣмъ-же будете?

— Ну, для этого я займу саблю у одного изъ непріятелей.

— Вы—всегда съ вашими шутками! Кто еще ѣдетъ съ вами?

— Янъ.

— Какъ? одинъ только пандуръ Янъ? Такъ это мы, всего, втроемъ пойдемъ на цѣлый отрядъ? Да вы шутите. Это не можетъ быть. Вы навѣрно уже выслали впередъ вооруженныхъ крестьянъ. На это-то у васъ хватило смыслу...

Сомѣ подвели коня и онъ молодцовато поскакалъ впереди саней—и даже на довольно благородной дистанціи. Нѣкоторое время все шло хорошо, но близь черты гарговарскихъ владѣній оказался на дорогѣ лѣсъ. Ну, а въ лѣсу кто можетъ быть въ чемъ-либо увѣренъ.

— Дядя, а дядя, распорядились-ли вы, чтобы были обезпечены наши фланги и линія отступленія?

— Все сдѣлано какъ надо.

Сома началъ было пѣть, но эхо, звучно повторившее его напѣвъ по лѣсу, болѣзненно подѣйствовало на его нервы и онъ перестачисленно пѣть.

— Дядя, дядя, по моему вовсе не хорошо, что я въ этой красной фуражкѣ, непріятель сейчасъ увидитъ, гдѣ нашъ генеральный штабъ. Дайте мнѣ вашу барашковую шапку, у васъ вѣдь взята съ собой шляпа.

Дядя надѣлъ шляпу и далъ племяннику свою бѣлую мерлушковую шапку.

Лошадь Сомы уперлась передъ однимъ горнымъ ручьемъ и ни съ мѣста!

— Это что еще? воскликнулъ Иллаваи.

— Лошадь нейдетъ черезъ мостъ.

— Э, вздоръ, она настоящій ягненокъ.

Онъ соскочилъ съ саней и взявъ лошадь подъ уздцы, перевелъ ее на ту сторону. Было очевидно, что не лошадь боялась, а всадникъ.

Юный воинъ вспылилъ:

— Послушайте, вы! Не дѣлайте изъ меня дурака! Я отлично понимаю весь вашъ планъ. Вы затащили меня сюда для того, чтобы дать укокошить этому мужичью! Но Опатовскій не станетъ драться съ этой сволочью. Я пойду противъ баттареи, но не противъ вилъ и граблей.

Крикнувъ это онъ соскочилъ съ лошади и, подхвативъ свою тяжелую саблю, со всѣхъ ногъ бросился въ лѣсъ, въ самую чащу. Напрасно Иллаваи кричалъ ему вслѣдъ, что это свои, что ему нечего бояться, онъ ничего не слушалъ и исчезъ за деревьями. Францу только и осталось сдѣлать, что передать лошадь мельнику, съ приказаніемъ возвратить ее молодому барину, если онъ вернется и прислать его въ Гарговаръ.

Ему стыдно было всей этой исторіи предъ крестьянами, собранными здѣсь.

Люди эти были его добрые словаки, изъ которыхъ половина на службѣ. Условившись съ ними—кому что дѣлать, онъ поѣхалъ дальше. Импровизированное это войско должно было подойти нѣсколько позднѣе.

Когда онъ подъѣзжалъ уже къ мѣстечку, внезапно къ его санямъ подбѣжала какая-то женская фигура. Онъ узналъ ее. Это была бѣдная дѣвушка, нѣмая, живившая подаяніемъ. Она бросила ему на колѣни письмо и протянула руку, прося награды за выполненное порученіе.

Ей была обѣщана хорошая награда, если она найдетъ судью на дорогѣ.

Иллаваи открылъ письмо. Оно было написано на латинскомъ языкѣ и содержало въ себѣ совѣтъ не пріѣзжать въ Гарговаръ, такъ какъ сподвижники Криванскаго намѣрены убить его. Почеркъ былъ явно измѣненъ. Но анонимный составитель ошибся въ своемъ разсчетѣ. Судьѣ, при помощи знаковъ, удалось кое какъ подробно распросить нѣмую и узнать, что все это было дѣло рукъ господина Кузена. А изъ этаго обстоятельства онъ вывелъ про себя еще нѣкоторыя важныя заключенія. Совѣта онъ конечно не послушался и продолжалъ путь, велѣвъ только подвязать колокольчикъ, чтобы его услыхали издали.

На площади, между постоялымъ дворомъ и церковью, собралась довольно большая толпа народа. Кто-то съ импровизированной кафедры держалъ толпѣ рѣчь. Говорившій былъ духовный, но лицо его совершенно не соотвѣтствовало сану, это было скорѣе лицо, какія видишь въ кабинетахъ восковыхъ фигуръ, изображающихъ знаменитыхъ разбойниковъ. Странный проповѣдникъ отчаянно жестикулировалъ длинными, огромными руками, произнося яростную рѣчь на тему „смерть мадьярамъ!"

Но вдругъ, увидавъ съ своей вышки подъѣхавшаго окружнаго судью, ораторъ круто перемѣнилъ тонъ, крикливыя ноты перешли въ мягкія и наконецъ, проповѣдникъ уже прямо обратился къ Иллаваи съ привѣтствіемъ.

— Bonum mane precor, Domine perlustrissime!

Францъ, выскочивъ изъ саней, прямо подошелъ къ нему. Тотъ протянулъ руку и назвалъ себя.

— Я—Маѳусаилъ Бараничъ, вашъ покорнѣйшій слуга.

— Продолжайте проповѣдь вашу, reverende pater, за обѣдомъ увидимся съ вами въ замкѣ.

Немедленно же по отъѣздѣ Иллаваи, Маѳусаилъ Бараничъ возобновилъ свою рѣчь съ прежнимъ пыломъ. Внимавшая ему толпа словаковъ состояла изъ жителей не одного Гарговара, но и другихъ окрестныхъ селеній, что можно было сразу видѣть по разнообразію головныхъ уборовъ: тутъ были и поярковыя шляпы съ широкими полями, и съ полями узкими, и остроконечныя, и кругловатыя, и плоскія. Ну, ни дать, ни взять— этнографическая выставка.

Рѣчь Маѳусаила Баранича произвела свое дѣйствіе на слушателей, отзывавшихся на его слова громкими восклицаніями, скоро слившимися въ одинъ явственный крикъ:

— Убьемъ окружнаго судью!

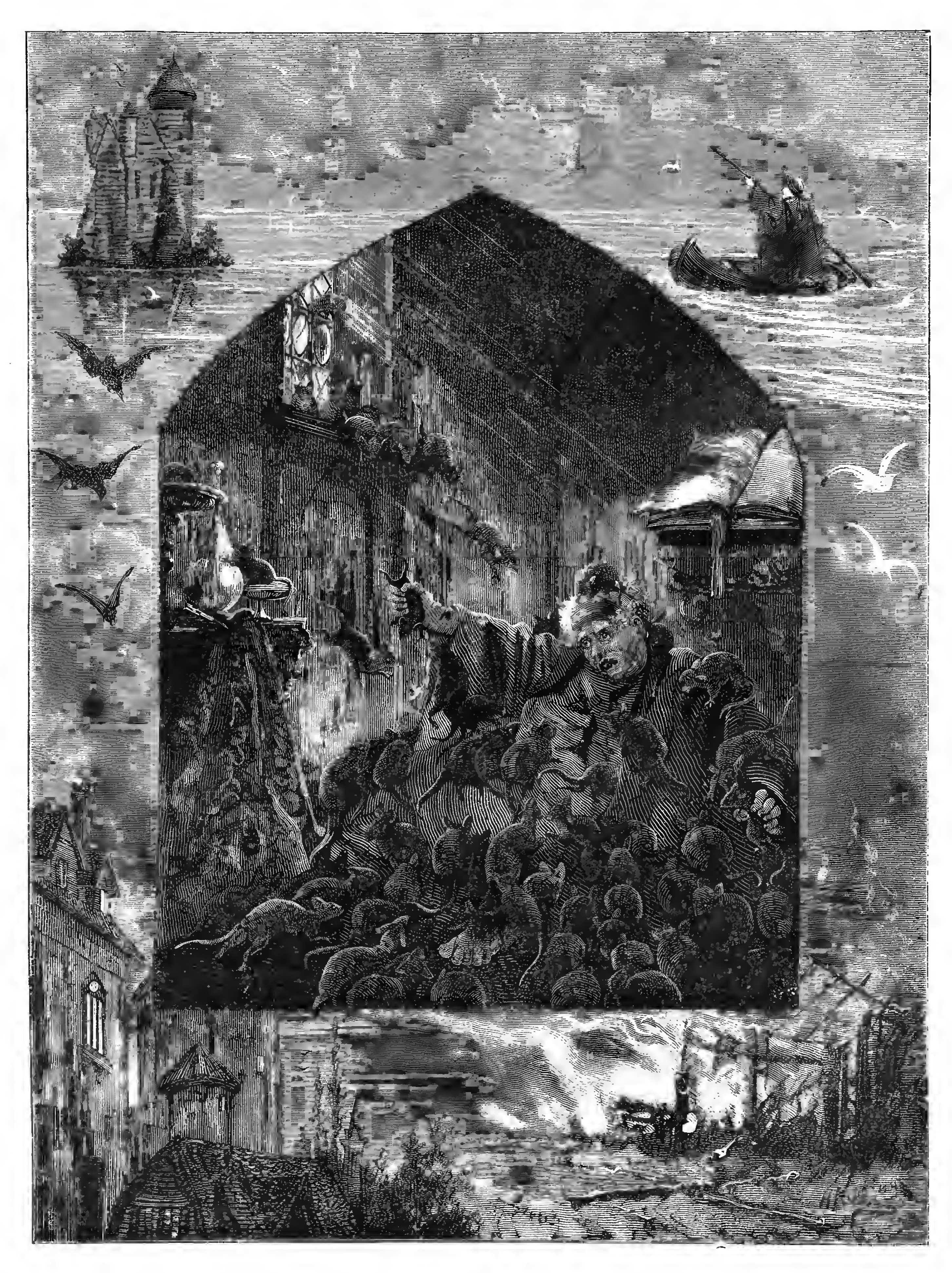
Проповѣдника обступили ближе, схватили съ его мѣста и торжественно понесли на дворъ замка.

XI.

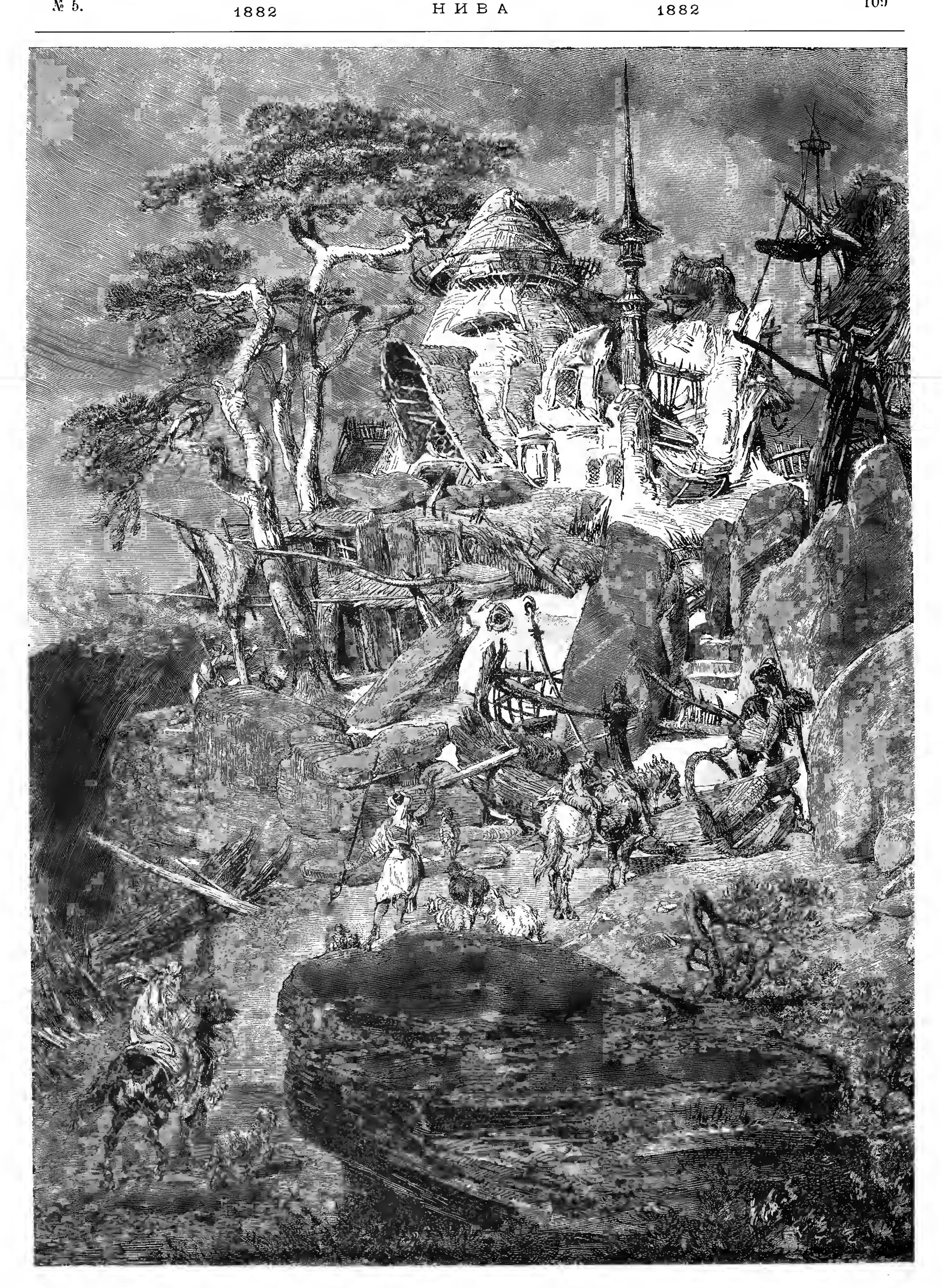
Битва.

Этотъ дворъ просто нельзя узнать!

Прекрасный фонтанъ былъ совершенно изуродованъ; съ изящной ротонды, на которой, въ прежнія времена, лучшими оркестрами давались концерты, неслись теперь нестройные звуки десятка пьяныхъ голосовъ, въ открытыхъ дверяхъ стояло цѣлое облако табачнаго дыма, а въ окнахъ перваго этажа лежали какія-то невиданныя до сихъ поръ мужскія фигуры, съ шапками на головахъ и грубыми, нахальными лицами. Въ разныхъ мѣстахъ протянуты веревки, на которыхъ были развѣшаны лохмотья, исправлявшія должность бѣлья доблестныхъ воиновъ Криванскаго. Среди двора стояла лужа какой-то красноватой жидкости, которую можно было принять за кровь, но то было разлитое красное вино: одинъ изъ боченковъ разсыпался и вино пролилось; въ этой лужѣ растянулся во весь ростъ и спалъ одинъ изъ пьяныхъ охранителей замка графа Теметвени.



Литературный альбомъ. „Судъ Божій“ баллада В. А. Жуковскаго.
Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.



Въ горахъ Албаніи. Ориг. рис. Профессора Зверины, грав. Свацкій.

Иллаваи, поднявшись по парадной лѣстницѣ, направился прямо на половину графа.

На поддорогѣ его встрѣтилъ Кузенъ.

— Графъ у себя?

— Никого не принимаетъ—молится.

— А графиня?

— Тоже нельзя видѣть, занята туалетомъ.

— Ну, а вы. Кузенъ, васъ можно видѣть? Вы принимаете?

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Кто-же это вамъ сказалъ, что убьютъ меня, если я войду въ этотъ домъ?

— Мнѣ? спросилъ Кузенъ, озираясь, будто желая узнать, — къ кому могъ относиться вопросъ этотъ.

— Да—вамъ; вы вѣдь меня о томъ извѣстили въ письмѣ вашемъ.

— Я?! Я написалъ письмо?

— Конечно, ваша посланница передала это мнѣ.

— Да вѣдь она—нѣмая, вырвалось у того.

— Вотъ вы сами проговорились—значитъ, ее посылали вы.

Дѣлать было нечего. Надо было сознаться:

— Ну да, я написалъ вамъ.

— Весьма благодаренъ! Я-бы только хотѣлъ посмотрѣть на господина, который желаетъ отправить меня на тотъ свѣтъ, будьте такъ добры, познакомьте меня съ нимъ.

— Да, но вѣдь это очень знатный баринъ, возразилъ Кузенъ съ нѣсколько насмѣшливой улыбкой. Если вамъ угодно взглянуть на него, идите туда, къ окну.

Подойдя къ послѣднему окну корридора, Иллаваи увидѣлъ, что по рынку и вдоль тянувшейся вверхъ аллеи валила къ замку толпа мужиковъ, вооруженныхъ вилами и косами; надъ нею въ самой серединѣ возвышалась фигура проповѣдника, которую поддерживали нѣсколько сильныхъ плечъ.

— Вотъ вамъ этотъ господинъ, произнесъ кастелянъ, съ поклономъ. Вы изволите слышать—кричатъ: убьемъ окружнаго судью! Если желаете, я велю поднять подъемный мостъ.

— О нѣтъ, это было-бы жаль! Пропустите ихъ. Я уже видѣлъ такія комедіи.

Въ эту минуту отворилась одна изъ дверей корридора и изъ нея показался высокій, стройный мужчина, одѣтый въ голубой уланкѣ съ краснымъ плюшевымъ воротникомъ и такими-же отворотами. Съ боку брянчала широчайшая сабля. На загорѣломъ лицѣ рѣзко выдавался хищный носъ, напоминавшій клювъ коршуна, верхняя губа совершенно скрывалась подъ густыми, какъ обыкновенно носятъ поляки, усами. Тяжелыми, твердыми шагами приблизившись къ разговаривавшимъ, онъ спросилъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ Иллаваи.

— Графъ дома?

— Да-съ, онъ молится.

— Пойду, помогу ему. А графиня?

— Одѣваются.

— И ей помогу.

Онъ не изъ австрійскихъ офицеровъ; тѣ извѣстны своею рыцарскою вѣжливостью, подумалъ Францъ и подступилъ къ улану.

— Я здѣшній окружной судья Францъ Иллаваи.

— Очень радъ этому. Я — императорско-королевскій ротмистръ и начальникъ партизанскаго отряда Орелъ Криванскій.

— Славная военная кличка „Орелъ"! Но я-бы просилъ г. ротмистра сообщить мнѣ его настоящее имя, подъ которымъ онъ значится въ военныхъ спискахъ.

— Милостивый государь!...

— Мнѣ надо знать это имя, какъ и обо всемъ, что происходитъ въ моемъ округѣ—я обязанъ сообщать главному командиру.

При этихъ словахъ Иллаваи, Криванскій громко брякнулъ саблей и сдѣлалъ было шагъ къ судьѣ, но ограничившись только тѣмъ, что сильно насупилъ брови и, грозно взглянувъ, тотчасъ-же повернулся на каблукахъ и быстро исчезъ въ дверяхъ, которыя вели въ апартаменты графа.

Этого не ожидалъ Кузенъ.

— Ну-съ, Кузенъ, прошу васъ велѣть приготовить сегодняшній обѣдъ пораньше, къ двѣнадцати часамъ дня, и доложите о томъ графу. Ваши гости сегодня-же отправятся отсюда, и могу васъ увѣрить, отправятся весьма поспѣшно.

— Я не слыхалъ, чтобы они собирались.

— Да ужъ вы повѣрьте мнѣ, что такъ. А если они отбудутъ на голодный желудокъ, такъ вина будетъ не моя.

Кузенъ уже видѣлъ, что приходится вѣрить словамъ этого человѣка и отправился сдѣлать необходимыя распоряженія.

Иллаваи ушелъ въ столовую, для надлежащаго осмотра. Тутъ изъ окна онъ увидалъ толпу съ проповѣдникомъ уже на дворѣ. И мужики, въ свою очередь, увидали его. И загремѣли крики: „Смерть"! Иллаваи улыбнулся.

Не только самъ Криванскій, но и его офицеры произвели весьма странное впечатлѣніе на Франца, который былъ убѣжденъ, что они или—выгнаны со службы, или-же никогда и не принадлежали къ арміи. Всѣ были разодѣты въ какіе-то фантастическіе, театральные мундиры, какъ одѣлись-бы разбойники, разграбившіе странствующую труппу актеровъ. И что за манеры, что за языкъ, что за лица!... И имена у всѣхъ были какія-то невозможныя. Нѣтъ это не словаки, это и не члены общества „Сворность"! Это просто на просто шайка негодяевъ. У каждаго была непріятная привычка избѣгать взгляда того, кто съ нимъ говорилъ, въ каждомъ чувствовался трусъ. Храбрѣйшимъ все-таки казался Францу носившій имя Маѳусаила Барановича. У всѣхъ ихъ была одна общая черта—чрезвычайная жажда къ крѣпкимъ напиткамъ и прожорливость. Они обыкновенно съ откровеннымъ нетерпѣніемъ ожидали завтрака и обѣда.

Два звонка подали и на этотъ разъ знакъ къ обѣду. Лакеи отворили двери столовой; изъ боковой залы вышли графъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, подъ руку съ Пальмой тоже въ черномъ, за ними Орелъ Криванскій. Отъ лица молодой графини вѣяло еще большимъ холодомъ, чѣмъ всегда. Опираясь на руку отца, ни на кого не глядя, никому не кланяясь, она шла какъ какое-то прелестное видѣніе. Но, проходя мимо Иллаваи, она бросила на него украдкой взглядъ. Была-ли это простая случайность? Служилъ-ли этотъ взглядъ выраженіемъ симпатіи? Или молодая дѣвушка была увѣрена, что увидитъ его здѣсь послѣ вчерашняго письма? При этомъ мимолетномъ взглядѣ, ея неопредѣленнаго цвѣта глаза блеснули яркимъ огнемъ, губы слегка дрогнули, по лицу пробѣжала еле замѣтная усмѣшка, она протянула руку и крѣпко сжала руку Франца, показавъ ему знакомъ, чтобы онъ сѣлъ по лѣвую сторону отца ея гдѣ имѣлъ обыкновеніе разсаживаться Барановичъ. Графъ былъ страшно блѣденъ. Лицо его, походившее въ эту минуту на лицо эпилептика, служило явнымъ отраженіемъ душевнаго состоянія, которое хорошо угадывалъ Иллаваи. Дѣйствительно, гордый Теметвейи чувствовалъ себя униженнымъ, оскорбленнымъ дома, въ своемъ собственномъ замкѣ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ боялся и дрожалъ каждую минуту. Инстинктивно угадавъ, что окружный судья явился сюда по приглашенію дочери, графъ думалъ про себя—что можетъ сдѣлать этотъ одинъ противъ столькихъ негодяевъ? Къ тому его уже предувѣдомили, что народъ взбунтовался противъ Иллаваи и что только присутствіе отряда Криванскаго мѣшаетъ мужикамъ ворваться въ замокъ, чтобы покончить съ судьей. Графъ не зналъ, кого больше бояться—своихъ „защитниковъ" или этого судьи, сидящаго теперь около него?

(До слѣд. №).

Дождевые черви.

Очеркъ.

Когда кто хочетъ выразить ничтожество земнаго существованія, тотъ сравниваетъ человѣка съ земнымъ червемъ, то есть ставитъ его на одну линію съ существомъ самымъ жалкимъ и низкимъ. И дѣйствительно, слѣпой, роющій землю, питающійся прахомъ на поверхностный взглядъ ничтожный, червь, кажется самымъ презрѣннымъ твореньемъ въ великомъ разнообразіи жизни. А между тѣмъ дождевой червь,—по сообщеніямъ Чарльза Дарвина—это одинъ изъ самыхъ неутомимыхъ работниковъ по переработкѣ земнаго шара, одинъ изъ успѣшнѣйшихъ культурныхъ борцовъ, по скольку это касается улучшенія культурной способности почвы и наконецъ убѣдительнѣйшій примѣръ силы повидимому малыхъ существъ во вселенной.

Полъ вѣка тому назадъ, британскій естествоиспытатель обратилъ вниманіе на дѣятельность дождевыхъ червей и въ 1837 году представилъ Лондонскому Геологическому Обществу небольшой трудъ, въ которомъ говорилось, что верхній слой производительной почвы, черноземъ, въ сущности ничто иное какъ произведеніе дождевыхъ червей. Дарвинъ указалъ уже тогда, какъ поверхность земли, проходя постоянно черезъ желудокъ этихъ животныхъ, освобождается ими отъ камней, постоянно перемѣшивается, растирается и разрыхляется, такъ что землепашецъ, съ незапамятныхъ временъ, находилъ въ червѣ своего предшественника, которому невоздѣланная почва обязана своимъ плодородіемъ и которому большею частью можно приписать то, что растительное царство на земномъ шарѣ достигло такого значительнаго развитія. Выводы свои онъ основываетъ на томъ, что слои жженаго мергеля или извести, размельченнаго древеснаго угля или кирпича, разсыпанные на невоздѣланныхъ мѣстностяхъ и лугахъ, въ особенности въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ пыли, покрываются увеличивающимся съ годами слоемъ черной земли, такъ что прежніе слои постепенно погружаются ниже и послѣ десятка лѣтъ, при выкапываніи въ полѣ ямы, на стѣнкахъ ея являются сплошными полосами, лежащими, смотря по обстоятельствамъ, на 4, 6 и 13 дюймовъ подъ поверхностью земли. Это постоянное погруженіе маленькихъ разсыпанныхъ на землѣ или утерянныхъ предметовъ, дѣло дождевыхъ червей, которые изверженія свои приносятъ на поверхность земли и покрываютъ ими камни и пр., между тѣмъ какъ изрытая червями земля по оставленіи ими своихъ ходовъ, постепенно опускается. Такимъ образомъ черви приносятъ новую землю съ низу на поверхность и способствуютъ постоянному обновленію и разрыхленію почвы.

Такъ какъ предположенія эти о важномъ значеніи червей неоднократно возбуждали сомнѣнія, то Дарвинъ постоянно слѣ-

дилъ за дѣятельностью дождевыхъ червей въ своемъ имѣніи около Лондона и наблюдалъ за ихъ физическими и умственными способностями. Наблюденія эти привели къ замѣчательнымъ результатамъ. Въ послѣднее время въ Германіи появились также сочиненія о червяхъ; Дарвинъ въ особенности упоминаетъ о трудахъ Гофмейера и Гензена. Кромѣ уясненія многочисленныхъ отдѣльныхъ пунктовъ, Дарвинъ послѣ многихъ опытовъ и наблюденій, опредѣлилъ геологическую дѣятельность червей. Для ближайшаго ознакомленія со способностями червей, Дарвинъ держалъ ихъ въ цвѣточныхъ горшкахъ съ землею въ своемъ кабинетѣ, такъ что удобно могъ наблюдать ихъ ночную работу. Вскорѣ оказалось, что животныя эти соблюдаютъ строгій порядокъ въ своемъ образѣ жизни; и хотя горшки были прикрыты, такъ что червямъ было темно, но долгое время они выходили изъ норокъ только ночью, точно также какъ и на свободѣ и постоянно въ одно время, точно у нихъ были часы. У червей очень много враговъ на землѣ, а потому то изъ предосторожности они и выходятъ только ночью.

Черви очень осторожны, и если они хотятъ изслѣдовать мѣсто около ихъ норки или поискать опавшихъ листьевъ, то хвостъ свой они оставляютъ въ норкѣ и прячутся при малѣйшей опасности. Только послѣ сильныхъ дождей они дѣлаютъ большие ночные переходы и поселяются на новыхъ мѣстахъ; тогда поутру на влажной почвѣ можно видѣть скрещивающіеся по всѣмъ направленіямъ слѣды ихъ. Весною и осенью, время ихъ главной дѣятельности, они по утрамъ лежатъ у входа своихъ норокъ и въ эту пору во множествѣ поѣдаются дроздами.

Хотя у нихъ вѣтъ и слѣда глазъ, но они также хорошо ощущаютъ искуственный свѣтъ какъ свѣтъ солнца, но только въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствуетъ на ихъ губной конецъ, т. е. на ту часть тѣла, гдѣ лежатъ ихъ главные нервные узлы или маленькіе мозги, находящіеся въ нервномъ кольцѣ окружающемъ ротъ. Тогда они двигаютъ этимъ переднимъ концомъ въ знакъ того, что вниманіе ихъ возбуждено и входятъ въ норки то медленно, то скоро, а иногда съ быстротою молніи. Если же губной конецъ затѣненъ или остается въ норкѣ, то все тѣло можетъ быть освѣщено и животное не прячется. Если же при помощи линзы сгустить свѣтъ на ихъ переднемъ концѣ, то въ большинствѣ случаевъ они поспѣшно прячутся, но иногда не обращаютъ вниманія на это усиленное раздраженіе и именно въ то время, когда заняты ѣдой листка или втягиваніемъ его въ норку. Поэтому поводу Дарвинъ замѣчаетъ, что черви, какъ и высшія животныя, способны такъ углубиться въ извѣстное занятіе, что не обращаютъ вниманія даже на помѣху.

Черви повидимому совсѣмъ не имѣютъ слуха. Ни рѣзкіе звуки трубы, ни громкій говоръ, ни игра на фортепьяно вблизи ихъ не прекращали ихъ подземной дѣятельности; но за то они очень чутки къ сотрясенію твердыхъ тѣлъ, такъ напримѣръ, если ставили горшокъ на фортепьяно, то послѣ перваго же звука черви поспѣшно исчезали съ поверхности.

Это способствуетъ тому, что иногда они уходятъ отъ кротовъ и тысяченожекъ, преслѣдующихъ ихъ подъ землею и отъ другихъ враговъ, угрожающихъ имъ извнѣ. Всякіе запахи, за исключеніемъ тѣхъ, которые дѣйствуютъ раздражительно на ихъ непокрытое тѣло, какъ напр. уксусъ и нашатырь, они ощущаютъ мало, однако скоро умѣютъ находить всякіе листочки, спрятанные въ горшкѣ. Вкусъ у нихъ очень разборчивый, кусочки моркови и луковицы поѣдаются ими прежде кусковъ капусты и рѣпы. Нѣкоторые листья съ острымъ запахомъ, какъ то, тимьянъ, шалфей, чернобыльникъ и пр. вѣроятно имъ противны, такъ какъ такіе листья всегда остаются нетронутыми.

Замѣчательны наблюденія Дарвина надъ способомъ ихъ втягивать опавшіе листья и другіе предметы. Прохаживаясь поздней осенью утромъ по саду мы видимъ массу опавшихъ листьевъ, корешковъ, сосновыхъ иглъ и соломенокъ, которые торчатъ изъ норокъ. Послѣ многотысячныхъ наблюденій Дарвинъ убѣдился, что въ этихъ случаяхъ черви дѣйствуютъ такъ, какъ дѣйствовалъ бы человѣкъ при втаскиваніи какого нибудь предмета въ узкое отверстіе. Если листъ уже къ сторонѣ корешка, то дождевой червь, тянетъ его къ себѣ этимъ узкимъ концомъ, и наоборотъ, если листъ уже со стороны крайней, какъ напримѣръ у липы, то червь тянетъ его въ норку крайнимъ концомъ. Различные виды иглъ, соединенныя по двѣ, втягиваются червями отъ пункта ихъ соединенія. Круглые листья, не имѣющіе съуженной стороны, если они довольно мягки, захватываются посрединѣ и тогда уже тянутся въ норку.

Однимъ словомъ приходится сознать, что дождевые черви, не смотря на недостающіе органы, на столько развиты, что могутъ судить о формѣ предметовъ и цѣлесообразно поступать съ ними. Также какъ и съ листьями, черви поступали и съ треугольниками бумаги, которые, для предохраненія ихъ отъ размоканія ночью отъ росы, были напитываемы жиромъ. Самые узкіе были втягиваемы за кончикъ, болѣе широкіе схватывались посерединѣ и втягивались по мѣрѣ того, какъ они складывались.

Втянутые въ отверстія предметы служатъ червямъ въ пищу, а также для выкладыванія норокъ и забиванія входа, для предохраненія норокъ отъ холода и отъ дождя. Если же они не находятъ листьевъ или корешковъ, то съ этой же цѣлью, они притягиваютъ маленькіе камни къ отверстіямъ норокъ, или укладываютъ ими стѣнки болѣе широкаго конца норки, куда черви уходятъ во время сильныхъ зимнихъ морозовъ или во время лѣтней засухи, вѣроятно съ цѣлью предохранить себя отъ соприкосновенія съ холодною землею. Листья, служащіе имъ въ пищу, они смачиваютъ щелочнымъ веществомъ, способствующимъ скорѣйшему унаданію листьевъ и дѣлающимъ ихъ болѣе удобоваримыми. У дождевыхъ червей нѣтъ твердыхъ челюстей, но за то есть желудокъ съ сильными поперечными мускулами; въ немъ постоянно находятся камни, которые служатъ для размельченія твердыхъ веществъ. Такъ какъ перегной и разлагающіеся листья, которые поѣдаютъ черви, кислы сами по себѣ, то въ желудкѣ червей не происходитъ обычнаго пищеваренія, какъ въ желудкѣ высшихъ животныхъ, но пищеварительный сокъ ихъ, какъ во рту такъ и въ желудочной железѣ обладаетъ щелочными свойствами, которыя усиливаются еще двумя железами, выдѣляющими въ пищеварительный каналъ большое количество углекислой извести.

Въ то время, когда листья не падаютъ, черви проглатываютъ большое количество земли, вытягиваютъ изъ нея пищу въ формѣ перегноя, яичекъ насѣкомыхъ, грибныхъ споръ и пр, все это они измельчаютъ и смѣшавъ со своими животными выдѣленіями, извергаютъ у входа норокъ въ видѣ ломаныхъ, нитеобразныхъ массъ на подобіе кучекъ червячковъ. За частую они проглатываютъ землю только для того, чтобы проложить себѣ путь далѣе. На вспаханныхъ пространствахъ черви легко пролагаютъ себѣ дорогу, причемъ переднею частью тѣла они отбрасываютъ землю на обѣ стороны, но въ болѣе плотной почвѣ, они положительно должны проѣдать себѣ путь, и тогда изверженія ихъ, смотря по почвѣ, состоятъ или изъ чистой углекислой извести, или желтаго или краснаго кирпича, очень мелко истертаго и притомъ всегда пропитаннаго животной жидкостью, хотя и не въ большомъ количествѣ.

Такимъ образомъ даже и безплодную почву они постепенно превращаютъ въ плодородную, какъ только находятъ возможность втаскивать листья и жить тамъ! Гензенъ видѣлъ, какъ благодаря дѣятельности двухъ дождевыхъ червей, поверхность бѣлаго песку, положеннаго въ котелъ въ 18 дюймовъ въ поперечникѣ и посыпаннаго листьями, черезъ полтора мѣсяца покрылась слоемъ темной пахатной земли, толщиною въ сантиметръ. Кромѣ того, черви вводятъ въ землю массу разбросанныхъ органическихъ вещей, какъ то: листьевъ, яичекъ насѣкомыхъ, скорлупу улитокъ, кости и т, п., взамѣнъ чего покрываютъ землю своими червеобразными кучками, и сѣмена растеній благодаря этому обмѣну попадаютъ въ землю и произрастаютъ. Корни отчасти находятъ себѣ мѣсто въ ходахъ червей, ходы эти удобрены уже животными выдѣленіями, такимъ образомъ корни повсюду находятъ приготовленную почву.

Производительная способность червей относительно той массы земли, которую они приносятъ изъ внутри на поверхность, точно не опредѣлено, такъ какъ никто не занялся тщательнымъ взвѣшиваніемъ ихъ изверженій; Гензенъ считаетъ что число червей на 1/2 десятинѣ земли доходитъ до 133,000 штукъ; находимые у норокъ изверженія разнились въ вѣсѣ отъ 1/2 унціи до 4 и до 1/4 фунта. Одинъ видъ дождевыхъ червей, происходящій по всей вѣроятности изъ Остъ-Индіи и занесенные на сѣверный берегъ Средиземнаго моря, строитъ тамъ надъ своими норками родъ башенокъ, вышиною въ два дюйма и въ поперечникѣ дюймъ: башенки эти состоятъ изъ землистыхъ изверженій и представляютъ своеобразный видъ. На Цейлонѣ существуютъ черви длиною въ два дюйма и толщиною въ 1/2 дюйма; изверженія ихъ гораздо больше по количеству. Въ Англіи считаютъ массу вынесенной на поверхность земли въ 10 тоннъ на одну десятину земли. Но Дарвинъ находитъ мѣстности, гдѣ количество это возрастало до 18 тоннъ.

Для археолога составляетъ не малый интересъ прослѣдить какъ подъ этой равномѣрной массой земли сохраняются не только камни, но и другіе потерянные предметы, какъ напр. монеты, украшенія, оружіе, разныя издѣлія изъ камня и бронзы. Въ этомъ отношеніи археологи и изслѣдователи обязаны червямъ не менѣе землекопцевъ а также и архитекторы, которые сохраненіемъ многихъ старыхъ памятниковъ и художественныхъ каменныхъ остатковъ обязаны единственно работѣ червей.

При помощи своихъ сыновей, Дарвинъ провѣрилъ это предположеніе на многихъ старыхъ аббатствахъ и сохранившихся полахъ старыхъ римскихъ виллъ. Дождевые черви, подтачивая стѣны, заставляютъ ихъ опускаться, что можно замѣтить на стѣнахъ съ плохими фундаментами. Но такъ какъ черви не идутъ глубже 5—6 футовъ внизъ, то стѣны съ хорошимъ фундаментомъ не подтачиваются червями, поэтому то многіе полы большею частью больше погнуты въ серединѣ, такъ какъ черви менѣе истачиваютъ землю вокругъ стѣнъ.

Въ заключеніе остается упомянуть о важной геологической дѣятельности дождевыхъ червей. Изверженія ихъ на равнинахъ, покрытыхъ растеніями и въ сырыхъ полосахъ, составляютъ единственное подвижное почвенное вещество, которое размельченное можетъ быть унесено вѣтромъ или смыто дождями. Если даже маленькая частичка этой тонкой земли, достигающей до 0, 2 дюйма, которую ежегодно приносятъ въ Англіи черви на поверхность, будетъ сноситься вѣтромъ и

смываться дождями, то конечно съ теченіемъ тысячелѣтій масса этой земли достигнетъ значительныхъ размѣровъ. вотъ почему Дарвинъ не преувеличиваетъ, когда говоритъ, что мягкость и округленность формъ, которыя представляютъ горы и долины въ плодородныхъ странахъ, и которыя радуютъ глазъ, все это отчасти дѣло дождевыхъ червей. Въ то же время, разрыхляя верхній слой земли, они тѣмъ самымъ препятствуютъ слишкомъ большому накопленію мягкой земли на скалистой почвѣ, а это важно въ томъ отношеніи, что поверхности скалъ дѣлаются болѣе доступными дѣйствію гнойныхъ кислотъ и дождевымъ червямъ. Такимъ образомъ постоянно разлагаются новыя массы скалъ, постоянно приносится новый слой земли, составъ которой постоянно пополняется новыми минеральными частями. И такъ презрѣнныя животныя, не смотря на ихъ незначительность, по мнѣнію англійскаго естествоиспытателя, стоятъ въ ряду полезнѣйшихъ работниковъ земнаго шара.

Часъ въ сказочномъ мірѣ

(Рисунокъ на стр. 113).

На нашемъ рисункѣ помѣщенномъ въ этомъ № изображенъ видъ электрической выставки въ Соляномъ городкѣ, о которой мы уже говорили въ предъидущемъ номерѣ. Слѣва, внизу — видъ комнаты такъ-называемой „телефонной“ и затѣмъ общій видъ всей этой любопытной выставки.

Въ воскресенье, въ часъ съ половиною дня, какъ мы уже говорили, состоялось открытіе выставки. Множество публики ее посѣщаетъ. Распорядители очень любезно отвѣчаютъ на вопросы зрителей и объясняютъ устройство различныхъ машинъ. Для приданія еще большаго интереса выставкѣ, гг. Бутлеровъ, Хвольсонъ, Бергманъ и Егоровъ (о чемъ мы уже говорили) будутъ читать лекціи четыре раза въ недѣлю. По такимъ днямъ плата будетъ взиматься по рублю, въ остальные-же дни по пятидесяти коп.

Во время лекцій будутъ производиться опыты по гальванопластикѣ, фотографіи и проч. Зайдемъ-же на выставку въ одинъ изъ обыкновенныхъ вечеровъ.

Первое, что поражаетъ при входѣ—это прекрасное, яркое и пріятное для глазъ освѣщеніе. Если присмотрѣться къ отдѣльнымъ лампамъ, то въ свѣтѣ ихъ замѣчается громадная разница: лампы, висящія у входа, устроенныя по системѣ Сименса, даютъ бѣлый, чистый, ровный, такъ сказать, холодный свѣтъ, который смѣло можно сравнить съ солнечнымъ свѣтомъ. И такъ какъ эти лампы горятъ не только свѣтло, но и безъ всякаго шума, то они могли-бы считаться лучшимъ электрическимъ освѣщеніемъ для театровъ и концертныхъ залъ, если-бы устройство ихъ не было сопряжено со многими неудобствами. Регуляторы ихъ слишкомъ сложны. Это лампы общества „Электротехникъ“, во главѣ котораго, стоитъ г. Чиколевъ. Затѣмъ слѣдуютъ лампы системы Яблочкова, которыя при первомъ взглядѣ кажутся какъ-бы гораздо хуже первыхъ; онѣ горятъ красноватымъ, неровнымъ свѣтомъ, шумятъ при горѣніи, часто мелькаютъ и мѣняютъ цвѣта, но за то устройство ихъ очень просто и лампы эти болѣе всего годятся для освѣщенія улицъ. Но обѣ системы конечно могутъ быть еще усовершенствованы. Отдѣльныя части и модели каждой системы выставлены тутъ-же. У маленькой будки, находящейся у входа на выставку и служащей абонементной конторой, для журнала „Электричество“, висятъ двѣ малыя, стеклянныя лампочки, въ величину обыкновенной груши. Въ этихъ изобрѣтенныхъ Ладыгинымъ лампочекъ, горитъ очень тонкій, въ видѣ буквы М. уголь изъ бамбуковыхъ волоконъ, который не подвергается скорому разрушенію, такъ какъ изъ стеколъ удаленъ воздухъ. Уголь въ нихъ можетъ служить въ продолженіи полугода. Лампы Эдисона, которыхъ въ Менло-Паркѣ ежедневно изготовляется болѣе двухъ тысячъ штукъ, двоякой величины: силою въ 8 и 16 свѣчей.

Перейдемъ теперь въ телеграфное отдѣленіе. Здѣсь помѣщены 4 портрета: Якоби, барона Шиллинга, Давида Гугеса и Самуила Морзе, умершаго въ 1872 г. Въ этомъ отдѣленіи выставлено не много аппаратовъ, между ними заслуживаетъ особенное вниманіе, бывшій на парижской выставкѣ „телекалъ“ русскаго инженера, полковника Якоби. Телекалъ — это передѣлка телефона для передачи депешъ по слуху. Въ маленькомъ замкнутомъ ящичкѣ, находится колокольчикъ, который при помощи клавишей, находящихся на верху крышки, можетъ издавать звуки, которыми депеша принимается по слуху. Знаки соотвѣтствуютъ азбукѣ Морзе, т. е. соединенія точекъ и тире. Звуки передаются также, какъ въ обыкновенномъ телефонѣ; аппаратъ очень простъ, удобенъ для переноски и установки въ любомъ мѣстѣ, можетъ быть включенъ въ любую линію, не требуя разобщенія дѣйствующаго станціоннаго аппарата, вѣситъ отъ 10 до 15 фунтовъ, не требуетъ батареи и дѣйствуетъ на разстояніи 1.800 верстъ, не утрачивая ясности и силы звука. При подобныхъ условіяхъ аппаратъ этотъ имѣетъ богатую будущность.

Посвятимъ немного времени гальванопластикѣ. Прекрасныя, никелированныя работы Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и полковника Ковако, начиная отъ посеребренныхъ пальмовыхъ листьевъ до электрогравюръ, извѣстны уже по выставкѣ прошлаго года.

Затѣмъ мы переходимъ въ машинное отдѣленіе, гдѣ двѣ локомобиля въ 12 и 20 лошадиныхъ силъ, приводятъ въ движеніе цѣлый рядъ динамо-электрическихъ машинъ. Тутъ находится та таинственная, безъимянная сила, которую мы видимъ въ разныхъ примѣненіяхъ, можемъ переслать на тысячи верстъ и получить въ любомъ количествѣ, но сущность которой и нынѣ мы знаемъ также мало, какъ и во времена Ампера, Гальвани, Нобили, Меллони, Якоби и проч. Еще недавно самой практической машиной считалась машина Грамма, теперь-же считается машина Сименса, а быть можетъ вскорѣ будетъ признана машина Эдисона: каждый день приноситъ новыя измѣненія, новыя усовершенствованія. Примѣненія этой силы мы видимъ тутъ въ печатномъ прессѣ и насосѣ, а также въ маленькой желѣзной дорогѣ.

Возлѣ этого отдѣленія стоитъ восьмиугольный оловянный поставецъ, около $^3/_4$ арш. вышины и $^1/_4$ арш. ширины по сторонамъ. На каждой сторонѣ помѣщено по 6 углей, длиною въ $^3/_4$ арш. каждый, соединенныхъ попарно. Это электрическая печь, которая вводится въ главный токъ. Токъ, находя въ угляхъ значительное сопротивленіе, при прохожденіи развиваетъ высокую температуру. Дальнѣйшее примѣненіе электрической теплоты, мы находимъ въ электрическихъ чайникахъ — шарообразныхъ стеклянныхъ сосудахъ, черезъ крышку которыхъ проходятъ три платиновыя проволоки, нагрѣваемыя до красна токомъ и которыя доводятъ воду до степени кипѣнія. Затѣмъ проходя далѣе, мы видимъ аппаратъ Давыдова, автоматически производящій выстрѣлы изъ корабельныхъ орудій; максимальный и минимальный термометръ, опредѣляющій высоту температуры на значительномъ разстояніи; вибраціонный телефонъ Якоби, состоящій изъ телефона и соединеннаго съ нимъ пневматическаго будильника; далѣе микро-микрофонъ, который заводится микро-метрическимъ винтомъ, имѣетъ отдѣльную батарею и на которомъ производятся всевозможныя соединенія металла съ углемъ.

Наконецъ мы попадаемъ въ свою очередь, вмѣстѣ со многими, въ телефонный кабинетъ, украшенный цвѣтами и статуями. По стѣнамъ его помѣщены доски, на которыхъ находятся телефонныя проволоки. Около двери стоитъ особенный ящикъ: это микрофонъ, соединенный съ Большимъ театромъ. Мы становимся около стѣны, приставляемъ къ ушамъ двѣ телефонныя проволоки. Совершается нѣчто изумительное. Оркестръ гремитъ тутъ, передъ нами, въ непосредственной близости. Удивленные, мы отнимаемъ телефонъ и ничего не слышимъ; но снова приставляемъ его и снова слышимъ каждый звукъ, во всей его полнотѣ и мелодичности, точно присутствуемъ сами въ Большомъ театрѣ. Вдругъ раздались аплодисменты. Мы невольно увлекаемся и кажется видимъ граціозныя па танцовщицъ. Но вотъ раздаются слова: „господа, ваши три минуты прошли“! И мы, хотя неохотно, возвращаемся къ дѣйствительности...

Одно уже это стоитъ, чтобы посѣтить выставку и публика повидимому оцѣнила усилія распорядителей выставки, ибо народу тамъ постоянно толпится много, въ особенности интересуясь телефоннымъ кабинетомъ и терпѣливо дожидается своей очереди, своихъ трехъ минутъ, съ ихъ страннымъ, необычнымъ впечатлѣніемъ дѣйствія какой-то изумительной, невѣдомой силы иного міра.

Къ рисункамъ.

Маленькая шалунья.

(Рис. на стр. 100 и 101).

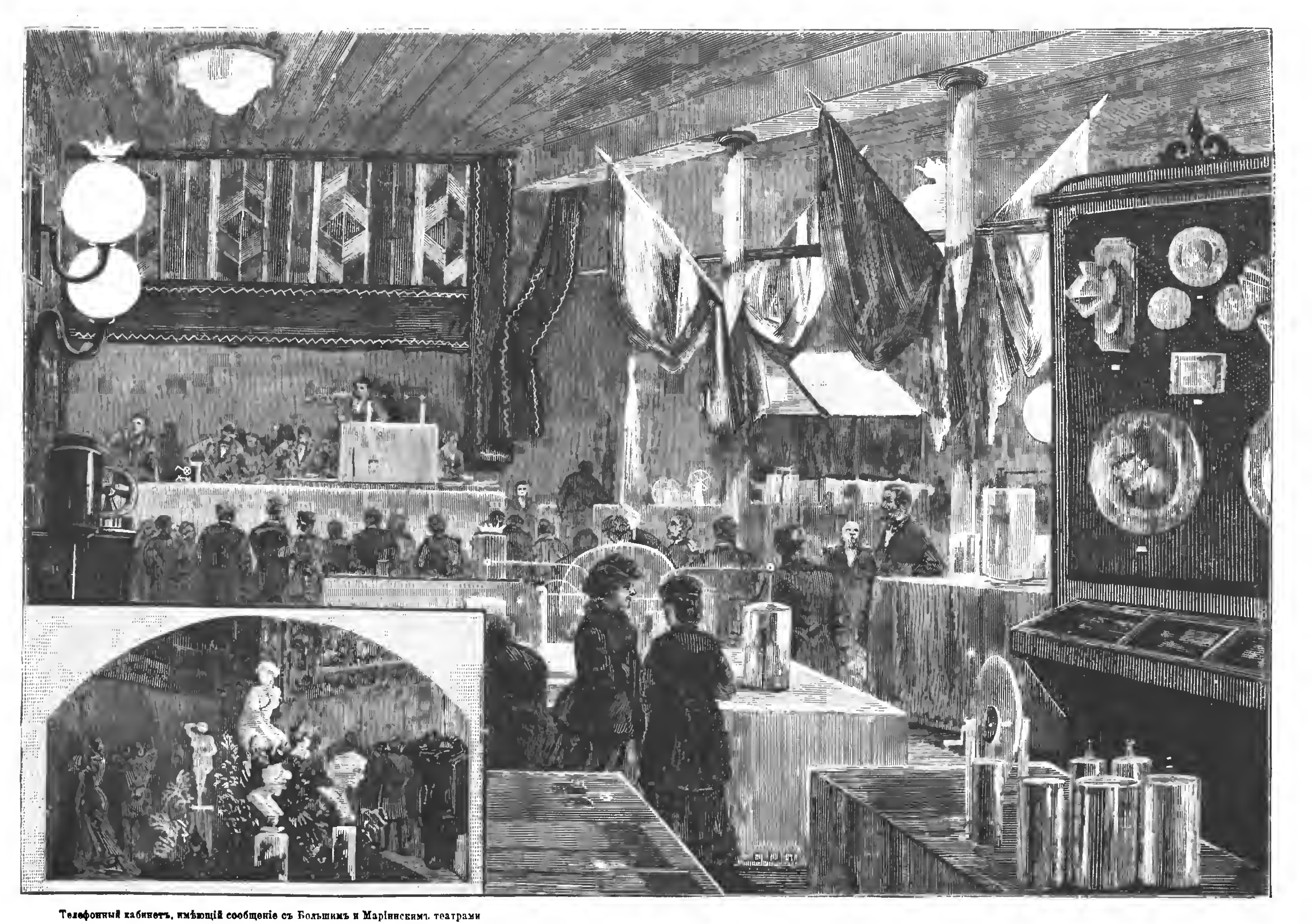
Утро маленькой, прелестной баловницы только что начинается. Послѣ ея чистыхъ, золотыхъ грезъ, послѣ крѣпкаго, мирнаго дѣтскаго сна, водила ее няня и уговариваетъ хорошенько докончить туалетъ, помолиться, пить чай и все что должна продѣлать умная дѣвочка смирно и тихо. Такъ уговариваетъ ее ея молодая, миловидная няня. Но баловница дѣвочка смѣется, плещется и говоритъ, что не хочетъ быть умной и смирной и не даетъ себя одѣвать, прыгаетъ и шалитъ. Она такъ мила и прелестна даже въ своихъ шалостяхъ, что хотя няня и старается быть серьезной, уговаривая свою питомицу, но не можетъ быть строгой — она ее такъ любитъ, что и сама не прочь побаловать эту общую любимицу и ни за что не рѣшится быть съ ней строгой.

Принцесса Уэльская и ея дочери.

(Рис. на стр. 105).

Прелестную группу представляетъ эта красавица-мать, любующаяся играми своихъ юныхъ дочерей. Эта истинная, милая картина семейнаго счастія. Особенное значеніе и высокій интересъ по-

(Продолжение на стр. 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119 и 120).



Телефонный кабинетъ, имѣющій сообщеніе съ Большимъ и Маріинскимъ театрами

Электрическая выставка въ СПбургѣ въ Соляномъ Городкѣ. Ориг. рис. Н. Н. Каразина. грав. М. Рашевскій.

лучаетъ эта картина, когда мы узнаемъ, что это супруга наслѣдника англійскаго престола, принцесса Уэльская, съ дочерьми. Принцесса Александра Уэльская, старшая дочь нынѣ царствующаго короля Даніи, Христіана IX и его супруги Луизы, родная сестра нашей Государыни Императрицы, родилась 1-го декабря 1844 года и 10-го марта 1863 года вступила въ супружество съ старшимъ сыномъ королевы англійской Викторіи, наслѣдникомъ престола Англіи принцемъ Альбертомъ Эдуардомъ Уэльскимъ, род. 9 ноября 1841 года. Принцесса не только отличается красотою наружною, но и высокими качествами и прекраснымъ образованіемъ. Въ Англіи она пользуется общею любовью и очень часто имѣетъ случай видѣть своихъ будущихъ подданныхъ, такъ какъ королева Викторія, со времени своего вдовства, часто предоставляетъ своему старшему сыну и его супругѣ заступать ея мѣсто на общественныхъ празднествахъ и т. п., требующихъ присутствія королевскаго дома. Но и за предѣлами Англіи принцесса Уэльская заслужила глубокое уваженіе своимъ участіемъ во всѣхъ начинаніяхъ, клонящихся къ поднятію и развитію женскихъ ремеслъ и работъ. У принцессы Уэльской пять человѣкъ дѣтей: два принца: Альбертъ Викторъ (род. 8 января 1864 г.) и Георгъ (род. 3 іюня 1865 г.) и три принцессы: Луиза (род. 20 февраля 1867 г.), Викторія (род. 6 іюля 1868 г.) и Маудъ (род. 26 февраля 1869 г.).

Оба принца служатъ въ англійскомъ флотѣ и въ настоящее время находятся въ кругосвѣтномъ плаваніи. Три юныя принцессы воспитываются подъ наблюденіемъ родителей: лѣтомъ онѣ проводятъ время въ Садрингамѣ—лѣтней резиденціи принца и принцессы Уэльскихъ. Нашъ рисунокъ переноситъ насъ въ уголокъ сада этого именно дворца; принцессы, пользуясь отдыхомъ отъ уроковъ, играютъ на свободѣ, а августѣйшая мать радостно смотритъ на ихъ забавы.

„Судъ Божій", баллада В. А. Жуковскаго.

(Рис. на стр. 108).

Цѣлый рядъ писателей съ XVIII вѣка вводятъ въ поэзію балладу—въ Англіи (Борнсъ и Соути) и въ Германіи (Бюргеръ и друг.). Жуковскій сдѣлалъ и у насъ ее популярною. Мрачныя эти произведенія въ его превосходномъ переводѣ пользовались и у насъ большимъ успѣхомъ. Подробнѣе мы говорили объ этомъ въ прошломъ году, помѣщая рисунки къ произведеніямъ Жуковскаго.

Къ одной изъ такихъ баллад „Судъ Божій надъ епископомъ" взятой поэтомъ изъ Соути и извѣстной каждому даже по хрестоматіямъ, нашъ талантливый художникъ, Н. Н. Каразинъ, сдѣлалъ эффектный рисунокъ, здѣсь помѣщаемый.

Были и лѣто и осень дождливы
Были потоплены пажити, нивы,
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ
Сдѣлался голодъ, народъ умиралъ...

Такъ начинается баллада. Но среди общаго бѣдствія у одного епископа Гаттона на Рейнѣ огромные запасы и склады хлѣба. Бѣдствующее населеніе прибѣгаетъ къ нему съ мольбами о помощи. Но Гаттонъ скупъ и жестокъ—въ тѣ угрюмыя времена жестокость и произволъ были явленіемъ довольно обычнымъ. Гаттону надоѣли эти крики и мольбы и онъ затѣваетъ страшное дѣло: объявляетъ что будетъ раздавать хлѣбъ, нуждающихся созываетъ къ себѣ, запираетъ въ пустой амбаръ и тамъ ихъ сожигаетъ. Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, хохочетъ, говоря: „я избавилъ страну отъ голодныхъ крысъ".

Но вотъ до него доходятъ страшныя и дикія вѣсти. Богъ караетъ его за ужасное дѣло. Весь округъ полонъ мышами, въ житницахъ Гаттона онѣ съѣли весь хлѣбъ и наконецъ страшною тучей осаждаютъ замокъ—Гаттонъ бѣжитъ отъ нихъ спасаться въ Рейнской башнѣ, ему принадлежащей. Онъ садится въ легкую лодку, ѣдетъ туда, прячется въ башнѣ, но тщетно!

Мыши плывутъ!
Ближе и ближе... доплыли... ползутъ...
Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ...

Гаттонъ въ ужасѣ. Онъ молится, рыдаетъ въ отчаяніи—ничто не помогаетъ. Мыши тучами лѣзутъ въ окно, облѣпляютъ его, грызутъ, рвутъ тѣло на части. „Такъ былъ наказанъ Гаттонъ", заключаетъ поэтъ. Описаніе замка, приступа крысъ и трагической гибели Гаттона, какъ извѣстно, превосходно, что выкупаетъ нѣкоторую наивность содержанія, переносящаго насъ совсѣмъ въ иныя времена, совсѣмъ къ иной жизни.

Въ горахъ Албаніи.

(Рис. на стр. 109).

Помѣщая въ прошломъ году въ № 43 большой прекрасный рисунокъ извѣстнаго вѣнскаго художника, профессора Зверины „Черная башня", мы уже говорили, съ какими трудностями и опасностями, въ одеждѣ францисканскаго монаха, художникъ этотъ совершалъ свои путешествія въ дикихъ горахъ Албаніи, гдѣ среди суровыхъ и воинственныхъ обитателей не разъ приходилось ему быть свидѣтелемъ и кровавыхъ сценъ. Побывавъ въ разныхъ мѣстностяхъ Албаніи, дотолѣ непосѣщенныхъ никѣмъ изъ путешественниковъ, Зверина перенесъ въ свой альбомъ многое изъ видѣннаго имъ. Мы уже не разъ помѣщали рисунки этаго талантливаго художника. На этотъ разъ мы представляемъ прекрасный оригинальный видъ одного изъ горныхъ поселеній, этихъ гнѣздъ удалыхъ горныхъ орловъ Албаніи, гнѣздъ, которыхъ такъ много въ ихъ горахъ. Вотъ передъ нами высятся эти глиняныя строенія со всѣми ихъ пристройками, которыя придаютъ такой живописный, разнообразный видъ всему сооруженію. Это первобытныя жилища прежнихъ бойцовъ албанскихъ и отважныхъ бойцевъ теперешней „лиги", которая такъ борется за свою жизнь и хищнически нападаетъ изъ этихъ притоновъ на своихъ сосѣдей.

Сумерки.

Вся закутана чадрою,
Ты стоишь передо мной,
Какъ полночное видѣнье,
Озаренное луной...

Ужъ давно пробили зорю,
Вѣчный сумрака сигналъ,
И мулла свою молитву
Съ минарета прокричалъ...

Поздно, поздно. Сны летаютъ,
Гаснутъ въ городѣ огни,
И лепечутъ что-то съ вѣтромъ
Тихо тополи одни...

Полны нѣги ночи душной
Льются чары и дары...
Для кого-жь блеснутъ зарницы
Этихъ глазъ изъ подъ чадры?

Акъ-Мечеть. **П. Гнѣдичъ.**

Политическое обозрѣніе.

Закаспійскій отдѣлъ.—Движеніе въ Герцеговинѣ и Босніи.—Болгарія и Румелія.—Князь Бисмаркъ.—Гамбетта.

Наша недавняя новая побѣда въ Азіи начинаетъ уже приносить плоды. По свѣдѣніямъ газеты „Кавказъ", въ Закаспійской области нынѣ царствуетъ совершенное спокойствіе. Русскіе офицеры, съ конвоемъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ, безпрепятственно проѣзжаютъ по всей странѣ и сосѣднимъ владѣніямъ, какъ у себя дома. Отъ конца Закаспійской желѣзной дороги, въ Кизилъ-Арватѣ, до Асхабада, на пространствѣ 216 в., русскіе солдаты, часто, въ одиночку, слѣдуютъ съ четверкою лошадей, ночуя на нѣкоторыхъ перегонахъ въ текинскихъ линіяхъ. Надо надѣяться, что власти озаботятся устройствомъ почтовой гоньбы. Предполагавшаяся въ Асхабадѣ обширная крѣпость въ окончательномъ проектѣ сокращена въ размѣрахъ значительно и нынѣ служитъ для города какъ бы цитаделью, прикрывая госпиталь, казначейство, походную церковь и т. д. Внѣшній видъ Асхабада, какъ и надо, конечно, ожидать, пока не поражаетъ великолѣпіемъ: 300 съ чѣмъ-то домиковъ, выстроенныхъ офицерами и чиновниками, сложены изъ кирпича и потому похожи на глинобитныя постройки.

Текинцы-гомуры, т. е. осѣдлые, возвратились уже на свои мѣста и принимаются за обычныя свои работы, чорва же, т. е. кочевники, ушли на зиму въ пески, къ колодцамъ (число ихъ еще не приведено въ извѣстность). Все извѣстное населеніе Закаспійской области, съ Мангишлакомъ, доходитъ до 100 тысячъ чел. обоего пола: въ текинскихъ селеніяхъ уже начинаетъ устанавливаться торговля на правильныхъ основаніяхъ, т. е., заводятся лавки и Тыкма-Сердарь, въ своемъ родовомъ имѣніи, въ Бами, выстроилъ себѣ небольшой домъ на манеръ русскаго. Словомъ, для этой „буйной окраины" какъ выразился генералъ Скобелевъ, настаетъ безповоротно новая эра переходная ступень отъ анархіи къ порядку и мирному развитію. Говоря о Закаспійскомъ отдѣлѣ, нельзя, конечно, обойти молчаніемъ генерала Скобелева. На дняхъ праздновалась годовщина взятія Геокъ-Тепе, по случаю которой молодой военачальникъ произнесъ рѣчь, главнымъ образомъ посвященную, конечно, воспоминаніямъ о боевомъ подвигѣ, совершенномъ нашими войсками въ январѣ прошлаго года, но, въ этой рѣчи генералъ не забылъ и тѣхъ братьевъ великой славянской семьи, для которыхъ русскій мечъ—лучшая надежда въ будущемъ. Съ глубокимъ чув-

ствомъ упомянулъ онъ о томъ, что на берегу Адріатическаго моря идетъ борьба за вѣру и народность и закончилъ словами: „Я не договариваю, господа... Сердце болѣзненно щемитъ, но великимъ утѣшеніемъ для насъ вѣра и сила историческаго призванія Россіи.“ Слова эти несомнѣнно найдутъ откликъ во всѣхъ истинно русскихъ людяхъ и да поддержатъ мужество въ тѣхъ, кому его такъ много надо теперь...

Въ иностранныхъ газетахъ мы находимъ яркую картину положенія герцеговинцевъ и босняковъ подъ властію австрійцевъ—картину, показывающую, что невыносимое иго турокъ было сравнительно легче нынѣшняго ига австро-мадьяръ. Какъ видно, мусульманамъ не только возвратили прежнее вліяніе и владычество надъ райею (христіане такъ и остались райею), но даже оказывали всевозможныя почести; феодальные порядки были возстановляемы нерѣдко при помощи военной силы. масса христіанскаго и, въ особенности, православнаго населенія осталось тѣмъ же безправнымъ стадомъ что и прежде; несмотря на чрезвычайное истощеніе края не только не послѣдовало уменьшенія налоговъ, а были, напротивъ, введены новые, не существовавшіе при турецкомъ управленіи: къ десятинѣ и третинѣ присоединились: налогъ на рогатый скотъ, поземельный налогъ, налоги на соль и табакъ, налоги на всѣ предметы потребленія и т. д. при этомъ всѣ налоги взимались съ безпощадной строгостью, жалобы оставлялись безъ послѣдствій, а въ Вѣну допускались сформированныя депутаціи, умѣвшія, какъ затверженый урокъ заявлять о благоденствіи края. И въ то самое время, когда во всей странѣ уже разлилось неудовольствіе общее и раздраженіе, изъ Вѣны пришло повелѣніе о воинской повинности. Повинность эта повліяла одинаково и на христіанъ и на мусульманъ и дошло уже до того, что, какъ мы сообщали, къ устанамъ присоединились отряды этихъ послѣднихъ.

Повидимому герцеговино-боснійское движеніе не осталось безъ вліянія и на другія славянскія племена Балканскаго полуострова: изъ Бухареста сообщаютъ, что въ Болгаріи возбужденіе достигло значительной степени, будто тамъ учреждается всюду бюро для вербовки волонтеровъ и что вообще весной ожидается всеобщее возстаніе балканскихъ славянъ противъ иноплеменныхъ завоевателей. Но, едва ли то не преувеличеніе, уже потому, напримѣръ, что Болгарское княжество не настолько могущественно, чтобы, не боясь Австріи, допускать открытую вербовку въ бюро.

Между прочимъ правительства Болгарскаго княжества и Румеліи—въ натянутыхъ отношеніяхъ.... Да—искуственное разъединеніе болгаръ придумано съ искуснымъ разсчетомъ... Впрочемъ, мы не сомнѣваемся, что событія въ Герцеговинѣ и Босніи не могутъ быть встрѣчены равнодушно славянами и что, конечно, возбужденіе есть, хотя и мало оно и едва ли заходитъ далѣе платоническаго и искренняго желанія побѣды своимъ, но все таки и при такой незначительности, (вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, какъ всякій понимаетъ) напряженія,—возбужденіе это освѣжаетъ чувство единенія среди славянства. Ходятъ слухи, будто албанская лига присоединяется къ устанамъ. Едва ли, впрочемъ, Германія дозволитъ кому либо изъ турецкихъ подданныхъ становиться противъ Австрійцевъ.

Князь Бисмаркъ съумѣлъ добиться большаго успѣха въ рейхстагѣ, не смотря на теперешнюю значительную оппозицію. Еще годъ тому назадъ, между канцлеромъ и городомъ Гамбургомъ состоялось соглашеніе, въ силу котораго, городъ этотъ отказался отъ своихъ правъ вольнаго порта (за исключеніемъ небольшаго пространства, за которымъ удержаны права вольнаго порта; такимъ только образомъ являлась возможность удержать за Гамбургомъ значеніе міроваго порта для вывозной торговли) и, со всѣмъ своимъ населеніемъ, вошелъ въ составъ обще-германской таможенной черты; за это канцлеромъ было обѣщано Гамбургу вознагражденіе въ 40 милліоновъ марокъ. Въ то время національ-либералы, прогрессисты и ультрамонтаны высказались противъ этаго проекта князя Бисмарка, но въ недавнемъ засѣданіи рейхстага, канцлеру удалось привести въ исполненіе свое предложеніе, противъ котораго остались прогрессисты и крайніе либералы и за которое вотировали націоналъ-либералы, ультрамонтаны и консерваторы, въ виду національнаго характера этаго предложенія. Но, вѣдь, и дѣло-то въ томъ, что князь Бисмаркъ никогда, въ своей политикѣ, не отступалъ отъ національныхъ интересовъ.

Гамбетта и его министерство подали въ отставку, такъ какъ значительное большинство палаты депутатовъ высказалось противъ его проекта о пересмотрѣ конституціи республики вообще и о замѣнѣ голосованія по округамъ вотированіемъ по общему списку (scrutin de liste), въ особенности. Президентъ Греви поручилъ составленіе новаго министерства Фрейсине: министерство это, въ ту минуту что мы пишемъ наше обозрѣніе, еще не составлено окончательно, но, между прочимъ, называютъ Леона Сэ, какъ министра финансовъ и это назначеніе встрѣчено съ удовольствіемъ.

СМѢСЬ.

Въ домѣ Гензена на углу Малой Конюшенной и Невскаго открылась надняхъ весьма интересная выставка картинъ двухъ нашихъ извѣстныхъ пейзажистовъ—Ю. Ю. Клевера и извѣстнаго мариниста Р. Г. Судковскаго. На выставкѣ всего до 60 картинъ, эскизовъ и этюдовъ. Указывать ихъ и подробнѣе говорить объ этой выставкѣ мы будемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ №№. „Зимній закать въ лѣсу“ Ю. Ю. Клевера поражаетъ необыкновеннымъ эффектомъ солнечнаго освѣщенія и всѣ передъ нею останавливаются невольно, „Буря“ Судковскаго такъ полна жизни и движенья, что мы не запомнимъ давно у маринистовъ (которыхъ вообще мало) ничего подобнаго. Выставка конечно имѣетъ успѣхъ. На этой-же выставкѣ есть еще картина Г. Семирадскаго „Предѣлы власти“ отличающаяся присущимъ ему блескомъ и силою красокъ и эффектами освѣщенія.

Музыкальная школа Альквиста. Въ одно изъ послѣднихъ Воскресеній происходило годовое испытаніе учениковъ прекрасной музыкальной школы, именно школы г. Альквиста, который вмѣстѣ съ г. Николаевымъ давно уже завѣдуетъ музыкальными классами въ Соляномъ Городкѣ. Программа школы довольно широкая и служитъ какъ подготовленіемъ для поступленія въ консерваторію такъ и для самостоятельныхъ занятій. Занятія ведутся систематически и правильно, ученики упражняются въ чтеніи нотъ, есть классы совмѣстной игры, классы теоріи обязательные. Школа эта всего только годъ какъ основана и состоитъ изъ пяти классовъ (въ двухъ отдѣленіяхъ). Пріемъ въ школу для всѣхъ возрастовъ и знаній; кромѣ хорошаго механизма получаются и хорошіе результаты относительно свѣдѣній. Несмотря на свое недолговременное существованіе, эта школа успѣла уже заявить себя съ самой лучшей стороны.

Извѣстнымъ нашимъ издателемъ А. Беггровымъ выпущенъ большой олеографическій портретъ Государя Императора по превосходной фотографіи Левицкаго. Портретъ отличается сходствомъ и прекраснымъ исполненіемъ и кромѣ того продажная цѣна его весьма невысока, именно по 10 руб. за экземпляръ съ пересылкою. Отпечатанъ портретъ на большихъ листахъ размѣра 18 × 15 вершковъ и магазинъ г. Беггрова предлагаетъ золоченыя четвероугольныя рамы цѣною отъ 5 руб. и выше. Нельзя не отдать справедливости тщательности выполненія портрета.

Ловля кефали. Кефаль (Mugiloidei) или Головель на сѣверѣ—рыба водящаяся по преимуществу въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ. По величинѣ и по виду она много походитъ на сельдь, только спина у ней болѣе округленная, а голова нѣсколько короче и шире; брюхо бѣлое. Она доставляетъ мѣстнымъ жителямъ какъ значительное средство наживы, такъ и дешевое, вкусное блюдо. Употребленіе этой рыбы распространено по всему югу, гдѣ, начиная съ скромнаго трактира до богатаго ресторана, ее приготовляютъ и подаютъ въ различныхъ видахъ. Самая ловля этой рыбы интересна.

Однажды одному нашему корреспонденту случилось быть на такомъ уловѣ. Съ ранняго утра въ рыбацкой слободѣ, расположенной на косѣ, далеко вытянувшейся въ море, шли дѣятельныя приготовленія къ предстоящей ловлѣ. Осматривались баркасы, починялись весла, но самое оживленное занятіе шло на берегу, гдѣ и мужчины и женщины внимательно осматривали и приводили въ исправность большія рогожи, каждая длиною отъ 20 до 30 саженъ. Рогожи эти не простыя, липовыя, а сплетены изъ рагозы, растенія въ родѣ камыша, изъ котораго дѣлаютъ такъ-называемые татарскіе ковры или циновки, коими на югѣ устилаются каменные полы. Ширина каждой такой рогожи бываетъ отъ 2 до 3 аршинъ. Это и есть собственно главный снарядъ для ловли и когда осмотръ ихъ былъ конченъ, то въ каждый баркасъ положили по одной такой рогожѣ, свернутой въ трубку. Настали сумерки; море было спокойно, переливаясь слабою рябью; только въ такую погоду и выѣзжаютъ рыбаки, потому что во время волны рыба прячется и ее трудно отыскать. Заговорили что „пора“ выѣзжать. Въ каждомъ баркасѣ помѣстилось по нѣскольку рыбаковъ, а корреспондентъ сѣлъ въ тотъ, гдѣ помѣстился бородатый рыбакъ, старшина. Подняли якоря и, перекрестившись, начали отчаливать. Женщины и дѣти провожали ловцовъ добрыми пожеланіями. Всѣхъ баркасовъ отчалило пять. Почти совсѣмъ стемнѣло; было новолуніе, что также необходимо для удачнаго лова. Настала тишина, морская тишина! Вдали лишь мерцали огоньки освѣщеннаго города. Рыбаки молчали въ баркасахъ. Не смотря на предупрежденіе, сдѣланное ему еще на берегу, нашъ корреспондентъ невольно обратился съ какимъ-то вопросомъ къ пожилому рыбаку, но тотъ прервалъ его, тихо сказавши: „теперь не разговаривай, рыба пуглива, боится всякаго шума“. Когда потеряли изъ виду городъ, то стали медленно приближаться къ берегу, такъ какъ кефаль по преимуществу держится около него. „Вонъ, косякъ“ шепнулъ кто-то. Косякъ — это выраженіе, означающее массу рыбы. Кефаль обыкновенно ходитъ табунами и выдаетъ свое присутствіе игрою на водѣ. Впереди колыхалась вода. Баркасы, шедшіе рядомъ, сейчасъ-же остановились, а потомъ медленно, раскрывая рогожи, стали опускать ихъ на воду: рогожи ложились плашмя, загнутыми ребрами вверхъ. Когда была опущена одна рогожа, то къ ней прикрѣпили другую и такимъ образомъ, постепенно подвигаясь, рыбаки окружили какъ-бы кольцомъ мѣсто, гдѣ играла рыба (косякъ). Когда наконецъ оба конца этого кольца были скрѣплены, то всѣ пять баркасовъ быстро направились къ косяку и дружно начали кричать и бить веслами по водѣ. Послѣ долгой тишины, крикъ этотъ казался дикъ и силенъ. Рыба, напуганная, бросается конечно въ стороны, чтобы уплыть, но тутъ встрѣчаетъ замкнутое кольцо рогожъ. Испугъ ея такъ великъ,

что, недогадавшись нырнуть подъ кольцо, вся она прыгаетъ на рогожи и дѣлается добычею рыбаковъ. Несмотря на то, что рогожное кольцо довольно длинно, отъ 125 до 150 саженъ, но рыбы попало на него такъ много, что рогожи едва не тонули въ водѣ подъ тяжестью добычи. Вмѣсто прежняго молчанія, раздался оживленный, громкій говоръ; рыбаки, довольные уловомъ, принялись за сборъ рыбы, которую сваливали въ баркасы. Работа эта продолжалась довольно долго; рыбы было поймано столько, что едва помѣстили ее въ баркасы. Начинало свѣтать, когда собравши рогожи, отправились въ обратный путь. Рыбаки зажгли свои люльки и затянули дружную, рыбацкую пѣсню. Далеко разносилась она по водѣ и должно быть, дошла и до рыбацкой слободы, потому что, лишь только баркасы завернули за косу, то показались на берегу группы рыбачекъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ своихъ. Причалили: пошла веселая работа!

Статуетка Марко-Поло. На недавно бывшей географической выставкѣ въ Венеціи обращала на себя общее вниманіе небольшая китайская статуетка, изображавшая ярко-позолоченную человѣческую фигуру съ голубыми усами и бородой, съ большой шляпой на головѣ и съ одной ногой короче нежели другая. Этотъ уродецъ—одинъ изъ пятисотъ геніевъ кантонскаго храма и китайцы его называютъ Малка-Пала. Это созвучіе именно и возбудило въ нѣкоторыхъ ученыхъ подозрѣніе не изображаетъ-ли эта фигура знаменитаго итальянскаго путешественника XIII-го столѣтія. Марко-Поло который можетъ быть оставилъ по себѣ какія-либо воспоминанія въ жителяхъ небесной имперіи и потомъ какимъ-либо чудеснымъ образомъ попалъ даже въ многочисленную коллекцію ихъ божественныхъ геніевъ.

Нервозность американцевъ. Въ одномъ изъ серьезныхъ американскихъ журналовъ нѣкто Ридъ помѣстилъ не такъ давно статью, указывающую на выдающійся физическій недостатокъ американцевъ—ихъ чрезвычайную нервозность. Авторъ указываетъ ея серьезную опасность, которой подвергается все американское населеніе вслѣдствіе своей лихорадочной дѣятельности и страсти къ сильнымъ ощущеніямъ и приводитъ фактъ, что мучительныя невральгіи, зубная боль и другія разстройства нервной системы все болѣе и болѣе дѣлаются обычнымъ явленіемъ у каждаго чистокровнаго янки. Такъ, по словамъ Рида, зубная боль напримѣръ приняла въ Америкѣ чисто американскій характеръ и благодаря этому здѣсь развелось громадное количество зубныхъ врачей, которые ежегодно выручаютъ до 500,000 долларовъ своей выгодной торговлей фальшивыми зубами, потребность въ которыхъ годъ отъ году увеличивается.

Потребленіе устрицъ въ Парижѣ. Парижъ всегда былъ большимъ любителемъ устрицъ и до пятидесятыхъ годовъ потребленіе этого питательнаго и нѣжнаго продукта росло съ каждымъ годомъ. Но съ 1852 года устрицы начали значительно дорожать и конечно разсчетливые французы стали покупать ихъ все меньше и меньше. Такъ напр. въ 1855 году устрицъ въ Парижѣ было продано 624,076 сотенъ по цѣнѣ немного дороже двухъ франковъ каждая; въ 1880 устрицъ разошлось лишь въ количествѣ 116,627 сотенъ и цѣна на нихъ за сотню повысилась чрезвычайно а именно до 9 франковъ. Такое ненормальное повышеніе цѣнности устрицъ, по общему мнѣнію, произошло отъ усиленія монополіи крупныхъ промышленниковъ, заключающихъ стачки съ главнѣйшими ресторанами столицъ. Конечно мелкая конкурренція уже не въ силахъ бороться противъ такого искуственнаго повышенія цѣнъ; она уменьшается и исчезаетъ съ каждымъ годомъ и приходитъ время, когда лакомая устрица бѣднымъ парижанамъ уже становится не по карману.

Число студентовъ въ средневѣковыхъ университетахъ достигало обыкновенно до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, что конечно объясняется тѣмъ, что въ эту эпоху существовало лишь нѣсколько главныхъ центровъ для пріобрѣтенія высшаго образованія. Студентовъ привлекалъ тогда какой-нибудь знаменитый въ лѣтописяхъ науки городъ, гдѣ бурщество находило широкій просторъ своей любознательности; такъ, знаменитый англійскій университетъ въ Оксфордѣ имѣлъ въ 1340 году не менѣе 24,000 студентовъ; Болонья въ концѣ 13 столѣтія считала у себя около 10,000 молодежи, изучавшей исключительно лишь одно правовѣденіе. Парижъ-же заключалъ въ себѣ въ эту эпоху до 12,000 студентовъ. Также много было учащихся въ Саламанкѣ и Прагѣ и особенно въ послѣдней. Пражскій университетъ долго удерживалъ свою славу и привлекалъ массу учениковъ и лишь въ 1409 году ряды его студентовъ стали рѣдѣть: послѣдніе стали переходить болѣе и болѣе въ Лейпцигъ и мало по малу научное значеніе Праги было отнято другими городами Германіи.

Мудрость жизни. Александръ Дюма, бывшій не только извѣстнымъ писателемъ, но и богатый житейскимъ опытомъ, установилъ слѣдующія основныя правила: гуляй ежедневно два часа и спи ночью семь часовъ. Проснувшись утромъ, вставай немедленно. Говори только тогда, когда это необходимо и высказывай только половину того что думаешь. Не пиши того, чего не можешь подписать. О деньгахъ не думай ни очень высоко ни очень низко, потому что деньги очень хорошій слуга, но худой хозяинъ.

Портретъ Колумба. Генуэзскія газеты заявляютъ, что въ зданіи испанскаго колоніальнаго управленія въ Мадридѣ недавно былъ найденъ портретъ Христофора Колумба, снятый съ него при его жизни. На немъ есть подпись: Columbus Ligur novi orbis repertor (Колумбъ изъ Лигуріи, открывшій новый свѣтъ). На портретѣ Колумбъ представленъ 40-лѣтнимъ человѣкомъ, безъ морщинъ, съ черными густыми волосами, живыми глазами и орлинымъ носомъ. Первая, сдѣланная съ этаго портрета копія, была подарена герцогу Верагуа, потомку великаго мореплавателя въ прямой линіи. Государственный секретарь Корреа заказалъ вторую копію, которая будетъ находиться въ Колоніальномъ управленіи. Думаютъ, что портретъ этотъ работы художника конца XV-го столѣтія.

Сдвинутая съ мѣста гостинница. Съ цѣлью расширить улицу, въ Бостонѣ былъ недавно подвинутъ на 13 фут. и 10 д. отель, вѣсомъ въ 2,000 тоннъ, не считая мебели. Работа продолжалась 13 часовъ и 40 минутъ и стоила 30,000 долларовъ; но на приготовленія къ работѣ потребовалось два мѣсяца. Самая большая скорость была ½ дюйма въ минуту. Между тѣмъ, во время работъ жизнь въ гостинницѣ шла своимъ порядкомъ и путешественники и владѣльцы магазиновъ оставались въ ней.

Новая подводная лодка. Одинъ молодой румынскій инженеръ изобрѣлъ судно, двигающееся подъ водою, которое превосходитъ всѣ предшествовавшія подобныя изобрѣтенія. Судно это извѣстной величины и съ соотвѣтствующимъ помѣщеніемъ для груза, можетъ находиться 12 часовъ подъ водою, на глубинѣ въ 100 футовъ. По изобрѣтатель опускался и на 300 футовъ въ глубину. На водѣ лодкой этой можно управлять также хорошо, какъ обыкновеннымъ пароходомъ. Скорость хода не такъ велика какъ у пароходовъ, но однако превосходитъ скорость парусныхъ судовъ. Погруженіе совершается при помощи винтовъ по вертикальному направленію, вдругъ или мало по малу. Подобнымъ-же образомъ лодка выплываетъ на верхъ. Подъ водою судно это освѣщается настолько сильно, что даетъ возможность различать встрѣчаемыя препятствія на разстояніи 130 футовъ отъ лодки. Воздуха для экипажа хватаетъ на 12—14 часовъ. Въ случаѣ-же недостатка его, воздушный резервуаръ можетъ быть наполненъ воздухомъ даже подъ водою, снова на 12 часовъ, причемъ телескопически устроенныя трубки выгоняются на поверхность воды. Движеніе и погруженіе лодки происходитъ безъ малѣйшаго шума. Судно это можетъ быть однимъ изъ страшныхъ вспомогательныхъ средствъ при употребленіи торпедъ, но также служить и для мирныхъ цѣлей, какъ напр. для отыскиванія затонувшихъ дорогихъ кораблей.

Рѣдкая находка. При постройкѣ новаго порта въ Ревелѣ, въ настоящее время, откопанъ старый шведскій военный корабль. Корабль этотъ вѣроятно остался тамъ въ 1601 году, когда шведскій флотъ стоялъ у Ревеля; въ то именно время одинъ изъ кораблей „Драконъ“ былъ выброшенъ на берегъ. Изъ пороховаго погреба уже вынуто болѣе 500 пушечныхъ ядеръ, большое число гранатъ, а также много слитковъ олова и ружейныхъ пуль. Между пушечными ядрами, найдено четыре большихъ, имѣющихъ восемнадцать дюймовъ въ поперечникѣ; каждыя два ядра соединены посрединѣ полосой въ 12 дюймовъ и помѣщаются въ деревянномъ цилиндрѣ; около соединительной полосы находится около 50 ружейныхъ пуль. Быть можетъ это разрывная граната изобрѣтенная графомъ Іоанномъ Нассаускимъ и впервые употребленная имъ въ дѣло, во время пребыванія его въ Ревелѣ въ 1601 году.

Корабль сидѣлъ въ водѣ 15 футовъ. Его нашли подъ слоемъ наноснаго песка въ 22 фута. Эта рѣдкая находка переноситъ насъ по всей вѣроятности въ то время, когда Карлъ IX шведскій, въ 1601—1605 гг., собралъ около Ревеля флотъ, состоявшій изъ восьмидесяти военныхъ кораблей, вмѣщавшихъ въ себѣ тридцать тысячъ шведскаго войска.

Трогательная привязанность животнаго. Въ Вестфальской провинціальной газетѣ пишутъ. Въ Энэ недавно умерла бѣдная женщина, за гробомъ ея шло нѣсколько человѣкъ знакомыхъ и кромѣ ихъ—кошка сосѣдей, которую умершая постоянно кормила и ласкала. Кошка провела гробъ до открытой могилы, и только удары присутствующихъ помѣшали ей войти туда.

Рабство въ Дагомеѣ. Вернувшійся въ Англію съ западнаго берега Африки корабль „Маюмба“, привезъ извѣстіе о нападеніи короля дагомейскаго и его амазонокъ на города, лежащіе по сѣверо-западъ отъ Абеокуты. Игано и Окено, насчитывавшіе нѣсколько тысячъ жителей, совершенно разрушены и всѣ люди, не успѣвшіе спастись бѣгствомъ, уведены въ плѣнъ въ Агомей. гдѣ часть ихъ предназначаетъ въ рабство и часть для принесенія въ жертву. Четыремъ мужчинамъ и тремъ женщинамъ удалось бѣжать, но они снова были пойманы, закованы въ цѣпи и возвращены своимъ хозяевамъ. Одинъ невольникъ, высвободивъ изъ цѣпей руку, схватилъ дубину и защищаясь, освободилъ нѣсколько заключенныхъ съ нимъ лицъ. Одинъ невольникъ разсказывалъ, что ребенокъ его былъ выхваченъ изъ рукъ матери и, несмотря на ея мольбы, на глазахъ ея принесенъ въ жертву.

Производство картъ въ Александровскѣ. Единственная карточная фабрика въ Россіи находится въ селѣ Александровскѣ, близъ Петербурга. Въ ней 500 человѣкъ рабочихъ и изъ нихъ три четверти женщинъ и одна восьмая дѣтей отъ 9 до 13-лѣтняго возраста. Взрослые получаютъ отъ 12 до 45 рублей въ мѣсяцъ. Самое большое содержаніе получаютъ мастера и ихъ помощники. Дѣти-же—отъ 6 до 14 руб. ежемѣсячно. Ежедневно на фабрикѣ выдѣлывается 4000 дюжинъ карточныхъ колодъ. Производство картъ достигаетъ 1¼ милліона руб. въ годъ, и составляетъ исключительное право Воспитательнаго Дома. При фабрикѣ находится прекрасно устроенная школа, гдѣ обучаются 35 дѣтей. Мальчики, окончившіе курсъ въ этой школѣ, пользуются правами одноклассныхъ народныхъ школъ.

Сломанную слоновую кость можно склеить, смочивъ яичнымъ бѣлкомъ негашенную известь въ порошкѣ. Превративъ ее въ тѣсто, намазываютъ имъ мѣсто перелома и затѣмъ не трогаютъ вещь въ продолженіи сутокъ.

Игры и задачи.

Японско-китайская игра Го.

Г. Коршельтъ, живущій въ Токіо въ Японіи издалъ подробное, поясненное таблицами, описаніе игры, которая хотя и не имѣетъ сходства съ шахматной игрой, но которая по своему культурно-историческому значенію представляетъ столько родственнаго съ нашимъ шахматнымъ искусствомъ, такъ аналогична съ нею по историческому развитію и общественному значенію, что сравненіе этихъ двухъ древнихъ умственныхъ занятій приводитъ къ самымъ поучительнымъ выводамъ.

Въ Го играютъ два игрока на доскѣ, раздѣленной параллельными линіями на квадраты. Въ мѣстахъ соединенія линій устанавливаются кости (не фигуры). Число костей соотвѣтствуетъ числу точекъ соприкосновенія линій, именно 19—19—361, изъ которыхъ половина бѣлыхъ и половина черныхъ костей. Игроки попеременно ставятъ одну изъ своихъ костей на незанятую точку. Цѣль игры сводится къ тому, чтобы изъ разставленныхъ на доскѣ костей образовать постепенно цѣпь, которая-бы окружала какъ можно болѣе пустаго мѣста. По окончаніи игры считаются точки соединенія замкнутыя цѣпью, и у кого болѣе этихъ точекъ — тотъ выигрываетъ.

Въ Японіи съ давнихъ временъ существовало двѣ игры на доскахъ. Одна, по имени Соги, — родъ шахматной игры, но только менѣе усовершенствованная, чѣмъ эта послѣдняя. Въ Соги, кромѣ пѣшекъ и короля, есть шесть родовъ офицеровъ, но впрочемъ имѣющихъ мало ходовъ. Въ Японіи игра въ Соги очень распространена, въ нее играютъ всѣ, вѣроятно потому, что карточная игра строго воспрещена. Но Соги никогда не была систематически изложенною, клубовъ Соги никогда не существовало, а также и не было никакихъ книгъ объ ней.

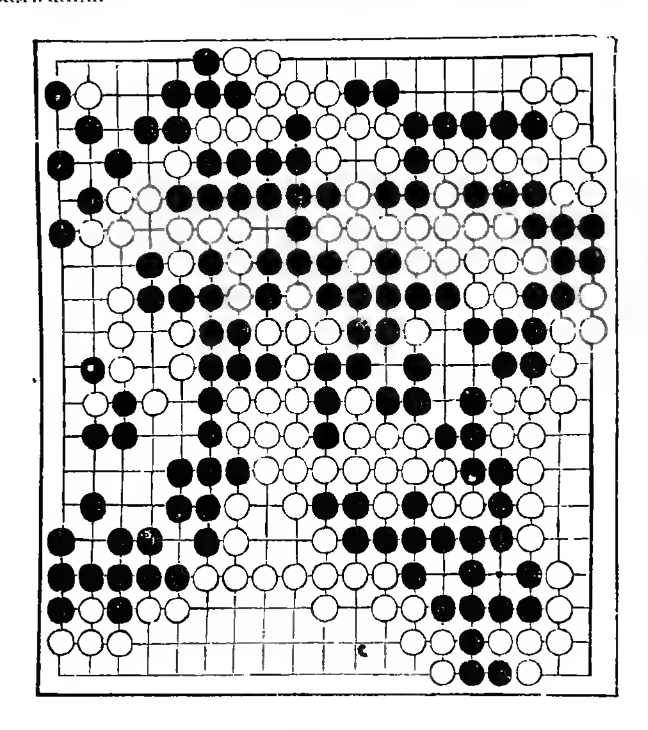
Совершенно въ другомъ положеніи находится другая японская игра на доскѣ—Го. Въ продолженіи 11 столѣтій, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, какъ эта игра была занесена изъ Китая, японцы очень усердно занимались ею. Они даже превзошли въ искусствѣ китайцевъ и считаютъ Го своей народной игроой. Какое значеніе придаютъ Японцы Го, видно уже изъ того, что во время послѣднихъ трехъ-сотъ лѣтъ, усовершенствованіе и изученіе этой игры, было дѣломъ государственнымъ. Въ это время образовалась академія—Го; лучшіе игроки были правительственные чиновники съ хорошимъ содержаніемъ и на ихъ обязанности лежало изученіе и развитіе этой игры. Академія, которая въ 1868 году рушилась вмѣстѣ съ другими учрежденіями въ Баку-фу, хорошо исполняла свою задачу. Она создала богатую литературу объ Го и довела игру до такого совершенства, что она можетъ быть сравнена съ нашей шахматной игрой. Но систематическаго изложенія игры, какое мы встрѣчаемъ въ нашихъ шахматныхъ книгахъ, не существуетъ въ книгахъ объ игрѣ Го. Въ нихъ помѣщены только собранія примѣровъ съ немногими и короткими помѣтками, въ которыхъ говорится, что такой-то ходъ хорошъ или дуренъ.

Послѣ 1603 г. Тайкунъ основалъ академію игры Го. Гонимбо Санса, лучшій игрокъ Японіи, былъ назначенъ директоромъ этаго учрежденія. Прочіе хорошіе игроки были опредѣлены профессорами съ значительнымъ содержаніемъ. Директоръ Гонимбо ежегодно получалъ 350 тсубо земли и 200 коку риса. Лучшіе игроки академіи разъ въ годъ являлись къ Тайкуну и играли передъ нимъ. Но чтобы церемонія эта, названная Го — цен—го, не затягивалась долго, партіи были впередъ заучены. Обычай этотъ сохранялся до устраненія Тайкуната (1868 г.); онъ прекратился вмѣстѣ съ разрушеніемъ академіи Го.

При основаніи Академіи Гонимбо Санса издалъ постановленіе, которое исполняется еще и теперь. Онъ давалъ игрокамъ Го степени. Достигавшій извѣстной силы въ игрѣ получалъ титулъ Со-дана, или первую степень. Самая высшая степень была девятая или Ку-данъ. Со времени установленія степеней, т. е. почти въ продолженіи трехъ столѣтій только девять человѣкъ были удостоены девятой степени. Въ настоящее время въ Японіи находится только одинъ игрокъ, имѣющій седьмую степень и 200 человѣкъ, имѣющихъ первую степень.

Уже нѣсколько лѣтъ какъ древне-народная игра эта снова въ большомъ употребленіи. Молодежь, обязанная изучать иностранные языки и науки, почти не играетъ, потѣмъ усерднѣе ведется эта игра чиновниками. Большинство высокопоставленныхъ государственныхъ чиновниковъ больше любители игры и лучшимъ игрокомъ считается министръ Ивакура. Въ войскѣ и въ особенности во флотѣ также много играютъ.

Ежемѣсячно лучшіе игроки собираются подъ управленіемъ Муразн и играютъ по одной партіи, которая безъ перерыва продолжается иногда цѣлые сутки. Затѣмъ Муразн публикуетъ о результатахъ игры съ приложеніемъ краткихъ критическихъ замѣчаній.



Рѣшеніе шашечной задачи № 94, помѣщенной въ № 52 1881 г.

Бѣлые.		Черные.	
G 3 —	H 4	A 3 —	B 2
A 5	C 3	B 2	D 4
F 4	E 5	D 4	F 6
H 4 —	G 5	F 6	H 4
H 6	E 3	H 4	G 3
E 3	F 2	G 3	H 2
F 2	G 1		

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Москва**—Ларіонова, М. В—ева. **Бѣлостокъ**—Блюмбергъ, **Калуга**—Волокова, **Киструсь**—Самарина, **Медвѣдево**—Лейнингеръ, **Николо-Раменье**—Смирнова, **Просяныя-Поляны**—Шелоумова, **Харьковъ**—Веранса.

Рѣшеніе шашечной задачи № 1,

	Бѣлые	Черные
1)	D 4 — E 5	G 1 — H 2
2)	E 5 — F 6	H 2 G 1
3)	F 6 — G 7	G 1 — H 2
4)	G 7 — F 8 D	H 2 G 1
5)	D 2 — C 3	G 1 — H 2
6)	C 3 — D 4	H 2 — G 1
7)	D 4 — E 5	G 1 H 2
8)	E 5 — F 6	H 2 G 1
9)	F 6 — E 7	G 1 H 2
10)	E 7 — D 8 D	H 2 G 1
11)	A 1 — B 2	G 1 — H 2
12)	F 8 — H 6	H 2 — G 1
13)	D 8 — G 5	H 4 — F 6
14)	F 2 — E 1	G 1 — A 1
15)	F 4 — E 5	F 6 — D 4
16)	E 1 — C 3	D 4 B 2
17)	H 6 — C 1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. **Москва**—Васильева, Ларіонова, **Калуга**—Волокова, **Харьковъ**—Веранса.

Рѣшеніе ребуса № 2.

Цѣна на все подымается, маклаки ликуютъ, а бѣдные плачутъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Редакторъ Ф. Бергъ. **Издатель А. Ф. Марксъ.**

Открыта подписка на „Ниву“ 1882 годъ.

Огромный успѣхъ, встрѣченный нашимъ журналомъ въ нынѣшнемъ году, побуждаетъ насъ познакомить нашихъ новыхъ читателей съ содержаніемъ его на 1882 годъ.

Со слѣдующихъ же №№ „Нивы“ по окончаніи романа „Подъ землею“ начнется цѣлый рядъ талантливыхъ литературныхъ произведеній, изъ коихъ мы назовемъ только нѣкоторые, именно—романъ **Вс. С. Соловьева „Волтерьянецъ“**, служащій продолженіемъ его же прекраснаго романа „Сергѣй Горбатовъ“—тѣ же лица являются уже дѣятелями новаго царствованія. Еще будутъ напечатаны большая повѣсть **П. П. Гнѣдича „Въ Южной глуши“**, разсказъ **В. Г. Авсѣенко „Испанскій дворянинъ“**, разсказъ **Н. Успенскаго „Нѣтъ худа безъ добра“**, разсказъ **С. В. Максимова „Барышники“**; разсказъ **К. К. Случевскаго „Маньякъ“**; разсказъ **Н. Боева „На озерѣ“**: очерки **Вс В. Крестовскаго;** рядъ разсказовъ **А. Я. Максимова** изъ жизни **на крайнемъ Востокѣ** и рядъ разсказовъ талантливаго **Н. Н. Каразина** изъ **жизни въ Средне-Азіатскихъ степяхъ.**

Какъ премія на 1882 годъ (кромѣ большаго стѣннаго календаря уже полученнаго нашими подписчиками при № 1) будетъ дана **новая, очень большая картина профессора В. И. Якобія**

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Картина печатана красками и величиною и качествами, можно смѣло сказать, превосходитъ всѣ прежнія преміи „Нивы“ ($82^1/_2$ сант. вышины и 62 сант. шир.). Никто еще ни въ Россіи, ни за границей не рѣшался выставлять оригиналъ картины **рядомъ съ копіей**, что было дѣлано нами въ главной конторѣ редакціи въ теченіи декабря и половины января. Выставлялись и оригиналъ, и копія вмѣстѣ для того, чтобы каждый желающій могъ самъ убѣдиться въ высокомъ достоинствѣ исполненія копіи съ этой превосходной картины. Теперь первые полученные экземпляры копій выставлены во всѣхъ большихъ городахъ Россіи. Общая высылка премій будетъ, по обыкновенію, въ октябрѣ сего года.

Премія эта будетъ выслана, не смотря на значительные расходы за высылку, какъ и въ прошлыхъ годахъ—совершенно **безплатно для годовыхъ подписчиковъ.**

Подробное объявленіе о цѣнахъ можно видѣть на 1-й страницѣ № подъ титуломъ.

Желающихъ подписаться просятъ обращаться въ **Главную Контору редакціи журнала „Нива“** (С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9).

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. номера со всѣми приложеніями.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

Одна изъ 50 картинъ **Густава Дорэ**, помѣщенныхъ въ изданіи **„Потерянный и возвращенный Рай“ (уменьшена около 7 разъ).**

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Поэмы Джона Мильтона

Большое изданіе in folio съ **50** большими превосходными картинами **Густава Дорэ.**

Переводъ съ англійскаго А. Шульговской, съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ.

ИЗДАНІЕ ЭТО ПОСВЯЩЕНО ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ.

Цѣна въ хорошемъ коленкоровомъ переплетѣ **25** р., съ перес. **30** р. **Для подписчиковъ „Нивы“** 1882 г. **20** р. съ перес. **25** р. Въ роскошномъ полушагреневомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ **30** р. съ перес **35** р. **Для подписчиковъ Нивы 1882 г.** 25 р. съ перес. 30 р.

По выходѣ оно было встрѣчено прессой живѣйшимъ сочувствіемъ и весьма лестными отзывами. Такъ въ **„Голосѣ“** въ № 336. отъ 5 Декабря, было сказано:

„Наша переводная литература обогатилась на дняхъ новымъ изданіемъ, въ которомъ несомнѣнное литературное „достоинство соединяется съ рѣдкою въ Россіи роскошью типографскаго искусства. Изданіе это, знаменитая поэма Мильтона „Потерянный рай“, переведенная въ прозѣ Г-жею А. Шульговскою. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ. Онъ соединяетъ въ себѣ замѣчательную близость къ подлиннику съ прекраснымъ литературнымъ языкомъ, передающимъ какъ нельзя лучше тонъ англійскаго текста.

„Что-же касается изданія, то оно поражаетъ тою солидною роскошью, которая составляетъ отличительное свойство французскаго изданія подобнаго рода. Оно представляетъ богато-переплетенный фоліантъ и украшено 50-ю великолѣпными гравюрами съ рисунковъ Густава Дорэ. Каждая мелкая подробность показываетъ чисто любительское отношеніе къ дѣлу и приноситъ честь издателю г. Марксу, надѣлившему нашу иллюстрированную литературу книгою, которая смѣло можетъ соперничать со всѣмъ, что выходитъ въ этомъ родѣ въ западной Европѣ. Лучшаго и изящнѣйшаго подарка нельзя и пожелать для тѣхъ, которые въ роскошныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, украшающихъ ихъ библіотеки или столы ихъ гостиныхъ ищутъ не одной только внѣшней изящности но и внутренняго достоинства книги.“

Подобные же, еще болѣе лестные, отзывы были помѣщены также во многихъ журналахъ.

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ.

Серебряные мужскіе часы,

заводящіеся ключкмъ.

Анкерные, закрытые на 15 камняхъ 22 25 и 30 руб.

Такіе же 1-го сорта 35, и 40 руб.

съ ручательствомъ на 2 года въ магазинахъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23, (противъ большой Конюшенной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Бартельсомъ).

Пересылка на счетъ магазиновъ.

Подробные прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно. № 1606 10—9

На 1882 г.

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

издаваемый **въ г. Елисаветградѣ** директоромъ зем. реальнаго учил. **М. Завадскимъ**, выходитъ два раза въ мѣсяцъ (20-ть №№). Цѣна 4 рубля въ годъ. № 1896

„ЖАТВА",

газета сельско-хозяйственная, земская, экономическая, политическая, посвященная району пятнадцати южныхъ губерній, Донской Области и Кавказа, въ 1882 году будетъ выходить въ количествѣ 80 нумеровъ при сотрудничествѣ гг. Аболенскаго, Алекса, Балабанова, Будаевскаго, Бубнова, Видгальма, Вейсберга, Гомилевскаго, Деларю, Кузьмина, Кудрявцева, Карасевича, Кулланда, Котельникова, Костычева, Леванда, М—нча, Мозговаго, Перучева, Подоба, Рейнхарта, Самодурова, Умисса, Фалиньева, Фаста, Хлюдзинскаго, Чефранова, Шредера и до 30 корреспондентовъ изъ разныхъ мѣстъ Южной Россіи. Цѣна „ЖАТВЫ" съ пересылкою: годовая — 5 р. 50 к., полугодовая — 3 р. 75 к. **Адресовать: Одесса, въ редакцію газеты „ЖАТВА".** № 1897

НОВЫЯ ПОЛЕЗНЫЯ

вещи инструментъ **„все въ одномъ"** содерж. 15 различныхъ инструментовъ: стамески, подпилки, буравки и проч. 4 руб.; ручной **фонарчикъ** 1 руб. 50 коп.; **садовый ножъ** лучшей стали и работы, съ пилой и проч. 4 руб.; **садовыя ножницы** 5 руб.; стальной **молотокъ** съ клещами 5 руб.; **цѣпи дверныя** отъ воровъ, позволяющія пріотворять дверь безъ опасности 1 руб. 50 коп. и 3 руб.; американскія **мышеловки** 30 коп.; **оселки** для точенія ножей и бритвъ 1 руб.; новая безопасная **механическая бритва** 3 руб.; **кольца** для ключей 35 коп.; англійскіе **вѣсы** (домашніе) 1 руб. 50 коп.; **свѣтящіяся** въ темнотѣ **спичечницы** 75 к. до 3 руб. 50 коп.; такіе-же подсвѣчники 2 руб. 50 коп.; **альбомы, щетки, гребни, помочи, запонки** и проч. Цѣны назначены съ пересылкой; менѣе чѣмъ на 3 руб. не высылаютъ. Магазинъ **„НЮРНБЕРГЪ"**, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, наискось церкви Успенія, домъ Шаховскаго, напротивъ брилліантщика Сергунина, въ Москвѣ.

П. № 1890

СПЕЦІАЛЬНО-ВОЕННЫЙ

ПОРТНОЙ

и магазинъ полнаго обмундированія военныхъ вещей для господъ офицеровъ и вновь поступающихъ вольно-опредѣляющимися въ кавалерію, **Майеръ Квейтъ**, Тверская, д. Алексѣева, въ Москвѣ.

П. № 1891

АНТИ-ПАРАЗИТЪ.

Средство для истребленія **клоповъ, таранововъ, блохъ и прусаковъ. Жидкость** отъ **коли, порошокъ и бумага отъ моли.**

Паровая машинка для радикальнаго истребленія **клоповъ**, единственно лишь силою пара.

Мышеловка и крыселовка, новой конструкціи, очень удобная и несложная.

Жидкость отъ **мозолей** Шмита.

Иногороднымъ заказы исполняются въ скоромъ времени, не менѣе на 2 р. 50 к.

Косметическая лабораторія,

№ 25. Невскій проспектъ, № 25. № 1892

ВЪ МАГАЗИНѢ ЭСТАМПОВЪ

А. БЕГГРОВА,

поставщика Двора Его Императорскаго Величества, Невскій проспектъ, № 4, поступилъ въ продажу

новый олеографическій портретъ

Его Величества Государя Императора Александра III.

съ фотографіи С. Левицкаго, печатанный на листахъ размѣра 18 15 вершковъ.

Цѣна портрету 10 руб. съ пересылкою.

Магазинъ рекомендуетъ большой выборъ золоченыхъ рамъ, овальныхъ и четырехугольныхъ, цѣною отъ 5 до 30 рублей безъ пересылки. № 1893 1—1

Вышла въ свѣтъ и продается въ конторѣ Редакціи „НИВЫ" и во всѣхъ извѣстныхъ Книжныхъ магазинахъ

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

историческая повѣсть въ двухъ частяхъ

Всеволода Сергѣевича СОЛОВЬЕВА

съ 21 рисунками **И. С. Панова**

Второе изданіе

большой томъ in 8—всего 310 страницъ С.-Петербургъ 1882 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** по больш. Морской д. № 9. Цѣна **2 рубл.**, съ пересылкою **2 рубл. 50 к.**

Подписчики „НИВЫ" за пересылку не платятъ. 3 1

Въ непродолжительномъ времени

ПОСЛѢДУЕТЪ

РОЗЫГРЫШЪ

XLIV ЛОТЕРЕИ

ВЪ ПОЛЬЗУ

С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ДѢТСКИХЪ ПРІЮТОВЪ.

ВСЕГО 600 ВЫИГРЫШЕЙ.

ИЗЪ НИХЪ ГЛАВНѢЙШІЕ:

Одинъ выигрышъ 225 фунтовъ серебра 84 пробы, столовый и чайный сервизы въ	**8,000 руб.**
Четыре выигрыша по 1,000 рублей	**4,000 "**
Два выигрыша по 500 рублей	**1,000 "**

БИЛЕТОВЪ НА ЛОТЕРЕЮ НАЗНАЧЕНО 50,000

ЦѢНА БИЛЕТУ I РУБЛЬ.

Билеты можно получать въ Канцеляріи Совѣта дѣтскихъ пріютовъ, по Казанской улицѣ, въ домѣ № 5 и въ магазинахъ и въ кондитерскихъ. Въ Москвѣ—въ значительнѣйшихъ магазинахъ. Иногородные же могутъ обращаться съ своими требованіями въ С.-Петербургъ, въ Канцелярію Совѣта по упомянутому адресу, или же—для **БОЛЬШАГО УДОБСТВА**—съ одинъ изъ ближайшихъ къ мѣсту ихъ жительства дѣтскихъ пріютовъ въ слѣдующихъ городахъ: Архангельскѣ, Астрахани, Кишиневѣ, Вильнѣ, Витебскѣ, Владимірѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Вяткѣ, Елабугѣ, Екатеринбургѣ, Екатеринославлѣ, Ростовѣ-на-Дону, Енисейскѣ, Иркутскѣ, Калугѣ, Казани, Кіевѣ, Ковнѣ, Костромѣ, Курскѣ, Минскѣ, Новгородѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Новочеркасскѣ, Петрозаводскѣ, Орлѣ, Оренбургѣ, Одессѣ, Острогожскѣ, Пензѣ, Перми, Полтавѣ, Псковѣ, Торопцѣ, Холмѣ, Рязани, Саратовѣ, Вольскѣ, Смоленскѣ, Симферополѣ, Таганрогѣ, Тамбовѣ, Твери, Тобольскѣ, Троицкосавскѣ, Томскѣ, Тулѣ, Харьковѣ, Старобѣльскѣ, Херсонѣ, Черниговѣ, Ярославлѣ, Угличѣ, Уфѣ, Якутскѣ и Читѣ, а также въ канцеляріяхъ губернаторовъ: въ Баку, Эриванѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Митавѣ и Каменецъ-Подольскѣ.

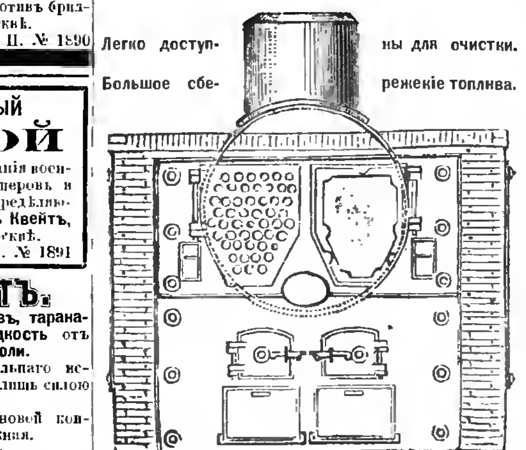
О днѣ розыгрыша лотереи будетъ въ свое время объявлено въ газетахъ.

Выигрыши будутъ выдаваться только предъявителямъ цѣльнаго билета.

Многія тысячи въ дѣйствіи.

Легко доступ- ны для очистки.

Большое сбе- реженіе топлива.



Господамъ заводчикамъ

предлагаю какъ спеціальность, поставку съ ручательствомъ

трубчатые паровые котлы системы Г. Паукша въ Ландсбергѣ на Вартѣ.

трубчатые паровые котлы разныхъ размѣровъ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ въ моихъ складахъ **здѣсь и въ провинціи.**

Паровые котлы другихъ конструкцій доставляются въ самые непродолжительные сроки.

С. Г. Конфельдъ.

Главный представитель машиностроительнаго завода Г. Паукша въ Ландсбергѣ, н. Вартѣ. **С.-Петербургъ**, Большая Московская, № 6. № 1883 3—2

Вышла изъ печати и раздается гг. подписчикамъ партитура 2-го выпуска ПОЛНАГО собранія духовно-музыкальныхъ сочиненій на 3, 4 и 8 голосовъ

ДМ. БОРТНЯНСКАГО.

Исправленныхъ и пересмотр. П. Чайковскимъ. Все изданіе предположено въ 10 ежемѣсячныхъ выпускахъ, около 100 страницъ каждый. Подписная цѣна всего изданія въ **партитурѣ** 10 р. въ **голосахъ** 10 р.

2-й выпускъ въ **голосахъ** выйдетъ черезъ 10 дней.

Содержаніе перваго выпуска:

Слава и нынѣ.—Единородный Сыне.—7 херувимскихъ.—Достойно.—Ангелъ вопіяше.—Отче нашъ.—Хвалите Господа.—Да исполнится.—Слава тебѣ.—Многая лѣта.—Слава и нынѣ.—Дѣва днесь. Господи силою Твоею.—Подъ Твою милость.—Ирмосы. 2 Нынѣ силы.—2 Вкусите.—Тѣло Христово.—О Тебѣ радуется.—Чертогъ Твой.—Благообразный Іосифъ.—Пріидите ублажимъ.

Содержаніе втораго выпуска:

8 духовныхъ тріо. Исполла ти деспота. Да исправится № 1, 2. 3 и 4.—Архангельскій гласъ. Воскресни Боже.—Надежда и предстательства.—**Литургія:** Слава и нынѣ.—Единородный Сыне.—Херувимская.—Вѣрую.—Тебѣ поемъ.—Достойно.—Отче нашъ.—Хвалите Господа.—**Первые 6 концертовъ на 4 голоса (Д. А. Т. Б.)** № 1 Воспойте.—№ 2 Торжествуйте.—№ 3 Господи силою Твоею.—№ 4 Воскликните Господеви.—№ 5 Услышитъ тя Господь.—№ 6 Слава въ вышнихъ Богу.

Все изданіе выйдетъ до 1 декабря сего года.

Подробный списокъ всѣхъ сочиненій Бортнянскаго высылается **безплатно.**

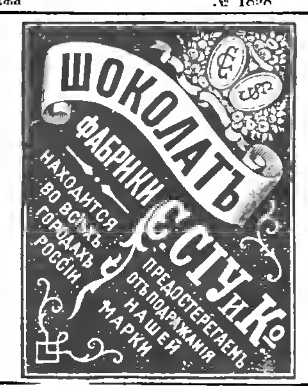
Подписка принимается въ **Москвѣ, у издателя П. Юргенсона** (10, Неглинный проѣздъ), въ С.-Петербургѣ, у І. Юргенсона, у М. Бернарда, у Ф. Стелловскаго.

Подписка съ разсрочкою принимается только у издателя въ Москвѣ и Петербургѣ.

П. № 1904

Общество попеченія о питомцахъ, воспитываемыхъ въ деревняхъ С.-Петербургскаго уѣзда, извѣщаетъ, что, вслѣдствіе воззванія, съ 22 декабря въ пользу Общества поступили слѣдующія пожертвованія: отъ г. О. 100 р., И. П. Дурдина 25 р., отъ дѣтей Юрія и Глѣба 20 р., А. Д. К. 20 р., А. А. 10 р., г. П. 10 р., въ память Ольги 5 р., г. Брезинскаго 5 р., Л. М. Демиса 3 р., А. И. Гвоздева 3 р., Л. П. Фукса 3 р., Л. В. 3 р., А. П. Орловскаго 2 р., М. П. П. 1 р., А. В. П. 1 р., маленькой Кати 1 р., П. Б—ва 1 р., маіора Ш. 1 р., de l'inconnue 3 р., отъ 8 неизвѣстныхъ: 5 р., 5 р., 1 р., 10 р., 5 р., 5 р., 3 р. и 3 р.; всего 254 руб. Кромѣ того вещами отъ неизвѣстныхъ: ситцевый капотъ, шерстяные: платокъ, юбка, чулки, 3 аршина ситцу и 2 ф. пряниковъ; три плитка, остатокъ ситцу и маленькая чашечка.

Принося жертвователямъ искреннюю признательность, Общество попеченія о питомцахъ позволяетъ себѣ надѣяться, что оно и на будущее встрѣтитъ поддержку въ своей дѣятельности со стороны всѣхъ лицъ, сочувствующихъ благой цѣли Общества. Пожертвованія принимаются М. П. Пущиной (Ковенскій пер. № 11), О. И. Кусовой (Большая Садовая, уголъ Невскаго, № 13), Н. Н. Кусовымъ и М. В. Посадскимъ—въ Обществѣ Взаимнаго Кредита С.-Петербургскаго уѣзднаго земства (Невскій № 50, возлѣ Пассажа № 1898



П. № 1903 1—1

ПЕЧИ ДАВЫДОВА.

Печи переносныя: кафельныя, въ желѣзныхъ оболочкахъ и кухонные очаги, различныхъ видовъ и величинъ, пріуроченныя ко всякимъ растительнымъ и минеральнымъ топливамъ, можно получить въ совершенно готовомъ видѣ, съ пересылкою по Россіи и заграницу, въ единственной фабрикѣ печей самого изобрѣтателя Ѳ. Д. Давыдова С.-Петербургъ, уголъ 7-й ул., и Греческаго прос., Песчовъ д. № 31—2 № 1768 10—8

Дозволено цензурою. СПБ. 28 января 1881 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ

№ 6

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XIII

1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 6 Февраля. 1882 г.

Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Гречвскіе монастыри. Угощеніе кофе. Рис. Коль, грав. Гильдебрантъ.

Греческіе монастыри „Метеоры“.

(Рис. на стр. 121, 124, 125 и 128).

Въ Европейской и Азіатской Турціи есть нѣсколько греческихъ монастырей чрезвычайно оригинальныхъ по своему устройству и расположенію на высокихъ скалахъ и интересныхъ по своимъ обычаямъ и историческимъ воспоминаніямъ съ ними соединеннымъ. Главнѣйшіе изъ нихъ носятъ названіе „метеоровъ“.

Названіе это истолковываютъ различно. Одни производятъ его отъ греческаго „метеоросъ“ высокій, высоко поднявшійся въ воздухѣ, что и соотвѣтствуетъ ихъ возвышенному мѣстоположенію. Другіе придаютъ этому значеніе возвышеннаго религіознаго настроенія. мысли витающей внѣ земныхъ предѣловъ, обращенной къ божественному. О происхожденіи этихъ монастырей узнали подробности только благодаря древнимъ рукописямъ, открытымъ въ библіотекѣ одного изъ такихъ монастырей нѣсколько лѣтъ тому назадъ. По этимъ документамъ построеніе метеоровъ относится къ XIV в., и въ 1367г. игуменомъ монастыря былъ Нилъ а епископомъ Метеоры близъ Трикалы преосвященный Висаріонъ. Чтобы доѣхать до монастырей „Метеоры“ въ Албаніи, изъ Салоникъ отправляются въ Трикалу и затѣмъ въ Калабаку. Привычныя лошади бойко выступаютъ по каменистой дорогѣ. Калабака расположена на краю ущелья. образованнаго теченіемъ рѣки Пенея, между двухъ крутыхъ горъ. Когда приближаешься въ Калабакѣ и видишь уже домики ея, глазъ поражается удивительнымъ зрѣлищемъ: то цѣлый лѣсъ скалъ, разбросанныхъ неправильными группами по всей равнинѣ, скалъ самыхъ разнообразныхъ формъ. То видишь грандіозныя колонны, вздымающіяся вверхъ, или огромные утесы, наклонно повисшія и кажется ежеминутно готовые рухнуть. Всѣ эти скалы и утесы раздѣлены между собою разщелинами и природными галлереями самаго причудливаго вида. На вершинахъ этихъ-то скалъ греческіе монахи воздвигли свои монастырьки, теперь большею частью заброшенные и полуразрушенные. Это уже конечно такія убѣжища, какихъ можетъ только желать человѣкъ вполнѣ удаляющійся отъ міра, разрывающій съ нимъ всѣ связи и посвятившій дни свои молитвѣ и созерцанію. Прекрасный видъ этихъ скалъ и вѣнчающихъ ихъ монастырей представленъ на рисункѣ на стр. 124.

Это религіозное глубокое настроеніе конечно главнымъ образомъ и побуждало къ построенію такихъ уединенныхъ обителей гдѣ кромѣ того было такъ надежно, неприступно и спокойно среди вѣчныхъ неурядицъ и войнъ тѣхъ странъ и нападеній разбойничьихъ шаекъ. И до сихъ поръ бѣдная братія принуждена принимать всевозможныя предосторожности противъ нападеній грабителей, льстящихся на ихъ скудные достатки. Метеоры — монастыри раскинутые на вершинахъ неприступныхъ скалъ въ пещерахъ и ущельяхъ и природныхъ галлереяхъ представляли къ защитѣ всѣ удобства. Теперь въ семи уцѣлѣвшихъ монастыряхъ Метеорахъ близъ Трикалы живутъ не болѣе 70—100 человѣкъ братіи. Въ этихъ уцѣлѣвшихъ монастыряхъ только и есть признаки жизни, въ остальныхъ-же развалинахъ царитъ глубокая торжественная непробудная тишина. Монастыри вообще заброшены и опустѣли вслѣдствіе того что у нихъ отобраны ихъ земли во времена частыхъ здѣсь политическихъ переворотовъ: главные монастыри здѣсь Метеоръ, Св. Варлаама, и Св. Стефана. Скала Метеора подымается отвѣсно на огромную вышину надъ долиной. Обыкновенно даютъ знать о прибытіи путниковъ крикомъ или свисткомъ. Тогда медленно тянется внизъ со скалы большая корзина на канатѣ, въ которой спускается какой-нибудь монахъ. Онъ спрашиваетъ есть-ли пропускъ и зачѣмъ пріѣхали. Затѣмъ подымается, чтобы показать пропускъ игумену и потомъ уже корзина поднимаетъ путника. Висѣть надъ пропастью на такой вышинѣ—возбуждаетъ въ непривычномъ человѣкѣ чувство ужаса и головокруженіе. Поднятіе этой корзины превосходно изображено Барбаномъ на стр. 128. Наверху встрѣчаетъ путника монахъ и ведетъ къ игумену, который обыкновенно привѣтливо принимаетъ странника, монахи показываютъ древнія развалины. обѣднѣвшіе храмы свои и свои маленькія смиренныя кельи, угощаютъ турецкимъ, крѣпкимъ и чернымъ кофе безъ сахару въ маленькихъ чашечкахъ и трубкой съ длинными чубукомъ. Извѣстно что обычай этотъ—куренье—очень распространенъ и не считается грѣхомъ среди православнаго духовенства. Такое питье кофе въ тѣни скалы на циновкахъ и коврикахъ и представлено на нашемъ рисункѣ на стр. 121.

Въ Малой Азіи. въ Анатоліи, около Бруссы есть также такіе монастыри. Видъ одного изъ нихъ, самаго оригинальнаго, въ горахъ Мурадъ-Дага, мы представляемъ на нашемъ рисункѣ на стр. 125. Пріѣхавъ изъ Бруссы, съ проводниками, верхомъ, въ Алтунтахъ, вы сворачиваете на боковую тропинку вправо къ монастырю. Дороги въ Малой Азіи непроѣздны большею частью для повозокъ и верховая ѣзда—главный здѣсь способъ сообщенія. Мѣстами тропинка такъ узка, что лошади не могутъ идти двѣ въ рядъ. Изъ Алтунтаха уже тропинка все подымается вверхъ, идетъ ущельями, среди скалъ, по берегамъ шумныхъ небольшихъ потоковъ и вдругъ за однимъ изъ поворотовъ открывается монастырь. Могучая скала вздымается передъ вами и вдали кажется какою-то стѣною громаднаго циклопическаго сооруженія. На высотѣ 70—90 фут. образовались разнообразныя пещеры, впадины и галлереи, и здѣсь-то немногочисленная братія нашла себѣ надежный, неприступный пріютъ. Сношенія съ внѣшнимъ міромъ производятся также единственно лишь посредствомъ корзины на канатѣ, подымающей вверхъ посѣтителей.

На рисункѣ очень ясно видно, какъ эта корзина подымается къ высѣченной въ скалѣ широкой лѣстницѣ въ семь ступеней, съ лѣвой стороны которой высится небольшая колоколенка. Послѣ обычныхъ опросовъ и освидѣтельствованія пропуска, путникъ вводится въ келліи и небольшія бѣдныя церкви, устроенныя въ природныхъ глубокихъ пещерахъ, въ которыхъ искусно изсѣчены жилья. Среди этихъ галлерей и переходовъ устроены небольшія деревянныя часовенки и келійки. Все это уютно и трогательно мало и производитъ въ высшей степени оригинальное впечатлѣніе. Здѣсь вы увидите и темную, освѣщенную лампадами, небольшую библіотеку монастыря. На широкихъ выступахъ скалъ нѣсколько человѣкъ братіи, здѣсь обитающей, развели огородики и цвѣтники. Дѣйствительно есть что-то наводящее глубокое раздумье и чувство уваженія среди этихъ пожилыхъ людей въ уединеніи и молитвѣ, отрекшихся отъ всего мірскаго и пропитаніемъ своимъ обязанныхъ единственно своимъ постояннымъ трудамъ воздѣлыванія земли.

Подъ землею,

повѣсть

Н. К. Лебедева (Н. Морскаго).

(Окончаніе).

Ея ноги задрожали и сердце забилось усиленно. Не снимая пальто, она схватила изъ рукъ Саши въ полутемнотѣ неосвѣщенной комнаты письмо, подбѣжала къ окну и при слабомъ мерцаніи чего-то похожаго на свѣтъ, отличила его руку... Въ волненіи, котораго она никогда не испытывала, она спрашивала, бросаясь по комнатѣ отъ стола къ окну:

— Спички?.. Гдѣ-же Саша, спички?.. Ты вѣрно ими шалилъ?.. Сколько разъ я просила этого не дѣлать... Ахъ, вотъ онѣ...

Она чиркала спичкой о стѣну и наконецъ зажегши свѣчу, распечатала и прочла письмо. Да, это писалъ онъ... Строки расплывались передъ ея глазами въ какой-то туманъ и прочтя все письмо,—она почти въ отчаяніи, чувствуя, что волненіе мѣшаетъ ей понять и уяснить смыслъ прочитаннаго, опустила руки на колѣна. Саша приставалъ къ ней:

— Это отъ дяди?

— Да, мой другъ.

— Что-жь онъ пишетъ?.. Скоро вернется?

Она, къ вящему недоумѣнію ребенка, созналась откровенно:

— Ахъ, Саша, я сама не знаю, что онъ пишетъ!..

Вдругъ эти неясныя литеры, слова и расплывающіяся въ ея глазахъ строки — теперь, когда она сидѣла, не смотря на письмо,—какъ-бы мѣстами стали яснѣть въ ея представленіи, принимать свойственное имъ начертаніе и цвѣтъ. Отрывками началъ и окончаній фразъ въ ея головѣ возникло представленіе, туманное еще и расплывчатое, но уже заключающее въ себѣ нѣчто понятное и возможное для соображенія. Сердце ея радостно забилось: не забылъ, любитъ и... что-же? Зоветъ, какое зоветъ,—проситъ, умоляетъ пріѣхать... Она подняла письмо и перечла снова, на этотъ разъ уяснивъ все его содержаніе.

Языковъ являлся передъ нею въ письмѣ, какъ живой... Мысли у него бѣжали впереди словъ и желая сказать многое, начиная объ одномъ и отвлекаясь къ другому,

онъ затемнялъ то, что возможно было изложить въ немногихъ словахъ съ достаточной ясностью. О томъ, что своимъ молчаніемъ онъ могъ нагнать на нее какое-либо безпокойство, онъ повидимому совершенно позабылъ; но за то онъ мучился, волновался и горѣлъ—тамъ, гдѣ писалъ объ успѣхѣ своего открытія... По словамъ письма все шло отлично... Какъ легко, писалъ онъ, — достичь того, чего желаешь... Только и нужно для этого—одно: страстное желаніе... Ужь конечно оно желаніе-то, страстное, никогда особнякомъ не стоитъ: оно порождаетъ непремѣнно энергію и упорство въ достиженіи цѣли". Опьяненный успѣхомъ — онъ бравировалъ трудности, почти отрицалъ ихъ, и счастливымъ ходомъ своихъ дѣлъ какъ-то свысока смотрѣлъ на тѣхъ, кому не удавалось достичь того, къ чему они стремились... Да, его лампа сдѣлана: весь сложный механизмъ научнаго примѣненія пройденъ и зданіе увѣнчано... Онъ описывалъ ей свой дебютъ въ техническомъ обществѣ, весь интересъ засѣданія котораго — сконцентрировался на его сообщеніи... Газеты дали подробный и лестный отчетъ объ его рефератѣ. Онъ прилагалъ при письмѣ вырѣзки изъ газетъ. Его лампа достигла успѣха... Оставалось, какъ совѣтывало ему одно компетентное лицо, принявшее въ немъ большое участіе, ознакомить со сдѣланнымъ имъ открытіемъ — западно-европейскихъ ученыхъ. Къ этому представлялся весьма удобный моментъ, ибо въ это время—въ одномъ изъ саксонскихъ или баварскихъ городовъ собирался съѣздъ германскихъ ученыхъ и техниковъ. Слѣдовало въ ихъ присутствіи реферировать устройство новой лампы и гдѣ-нибудь тамъ, въ саксонскихъ или баварскихъ рудникахъ—испытать ее какъ должно, испытать не въ кабинетно-лабораторной обстановкѣ, а въ условіяхъ, являемыхъ самой природой, въ борьбѣ съ тѣмъ врагомъ человѣческой безопасности — къ побѣдѣ котораго открытіе предназначалось... Получивъ уже въ этомъ ученомъ собраніи одобреніе, лампѣ обезпечивалась извѣстность и дальнѣйшій ходъ. Въ письмѣ сообщалось далѣе, что, имѣя возможность на свои средства отправиться за границу—Языковъ, благодаря ходатайству принявшаго въ немъ большое участіе упомянутаго компетентнаго лица, получилъ командировку и что такимъ образомъ все сложилось такъ, какъ онъ даже не ожидалъ.

„Но мнѣ скучно безъ васъ,—писалъ онъ далѣе, и отъ разлуки съ вами мое счастіе не полно". Тутъ онъ снова дѣлалъ отступленіе, снова вдавался въ мечты о томъ, какъ заговорятъ объ его лампѣ въ Западной Европѣ, какъ онъ помѣститъ ея описанія во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, какъ выгодно продастъ привиллегію на изготовленіе ея какому-нибудь англійскому или американскому механическому заводу и написавъ объ этомъ почти цѣлую страницу — дѣлалъ опять скачекъ и возвращался къ тому, о чемъ было началъ писать. „Вы сказали, писалъ далѣе онъ,—что вы не оставите меня во всю жизнь и будете для меня подругою. Вы, знаете, что если я силенъ въ кабинетномъ, научномъ трудѣ—я ничтоженъ, я невѣжда въ самыхъ простыхъ житейскихъ вещахъ... Теперь, когда *все* окончено, когда средствъ достаточно для всѣхъ насъ, зачѣмъ еще ждать и чего... Я вышлю вамъ на этихъ дняхъ деньги и вы ужь немедленно пріѣзжайте сюда съ Сашей. Пожалуйста, пріѣзжайте... И ужь не разстанемся съ этихъ поръ и на всю жизнь"...

Она наконецъ поняла письмо и сложила его, болѣе чѣмъ когда-либо задумчивая... Все не говоря ни слова Сашѣ о томъ, что она прочла, она подошла къ окну и въ молчаніи устремила свои глаза на темное небо... Вдругъ слезы навернулись на ея глаза и она тихо прошептала:

— Ахъ, я не вѣрю, что все достигнуто... Можетъ теперь-то именно и начинается то, чего я съ такой боязнью ждала... Но теперь-то именно и надо быть около этого взрослаго ребенка...

Она отерла слезы и обернулась къ Сашѣ.

— Ну, Сашенька, желалъ ты знать, что пишетъ дядя... Къ себѣ зоветъ, скучаетъ безъ насъ... И мы поѣдемъ съ тобой скоро — далеко, далеко, сперва въ Петербургъ, а потомъ далѣе, въ такія страны, дружокъ, гдѣ не говорятъ по русски... Къ нѣмцамъ...

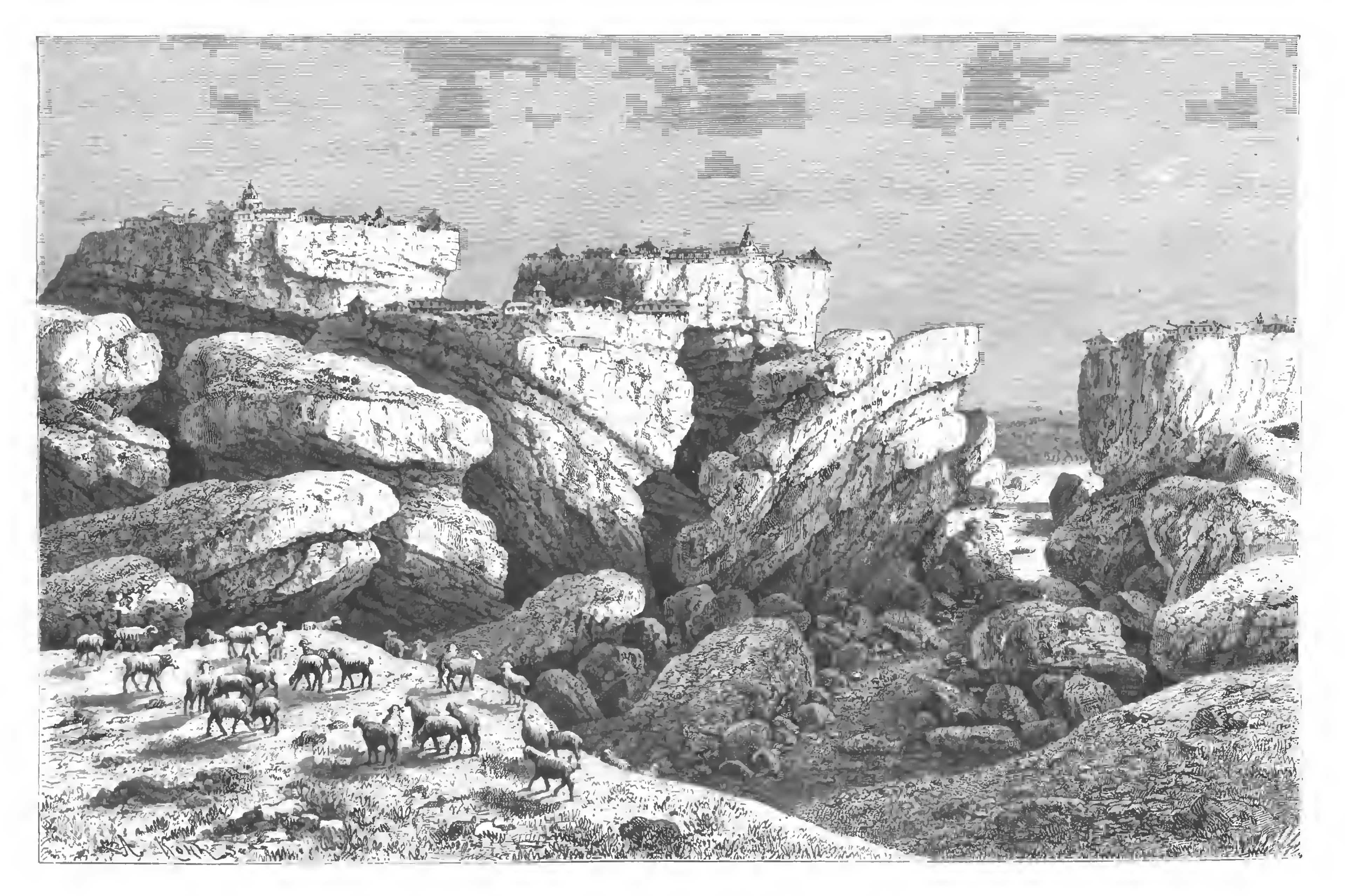
XI.

Въ Петербургѣ.

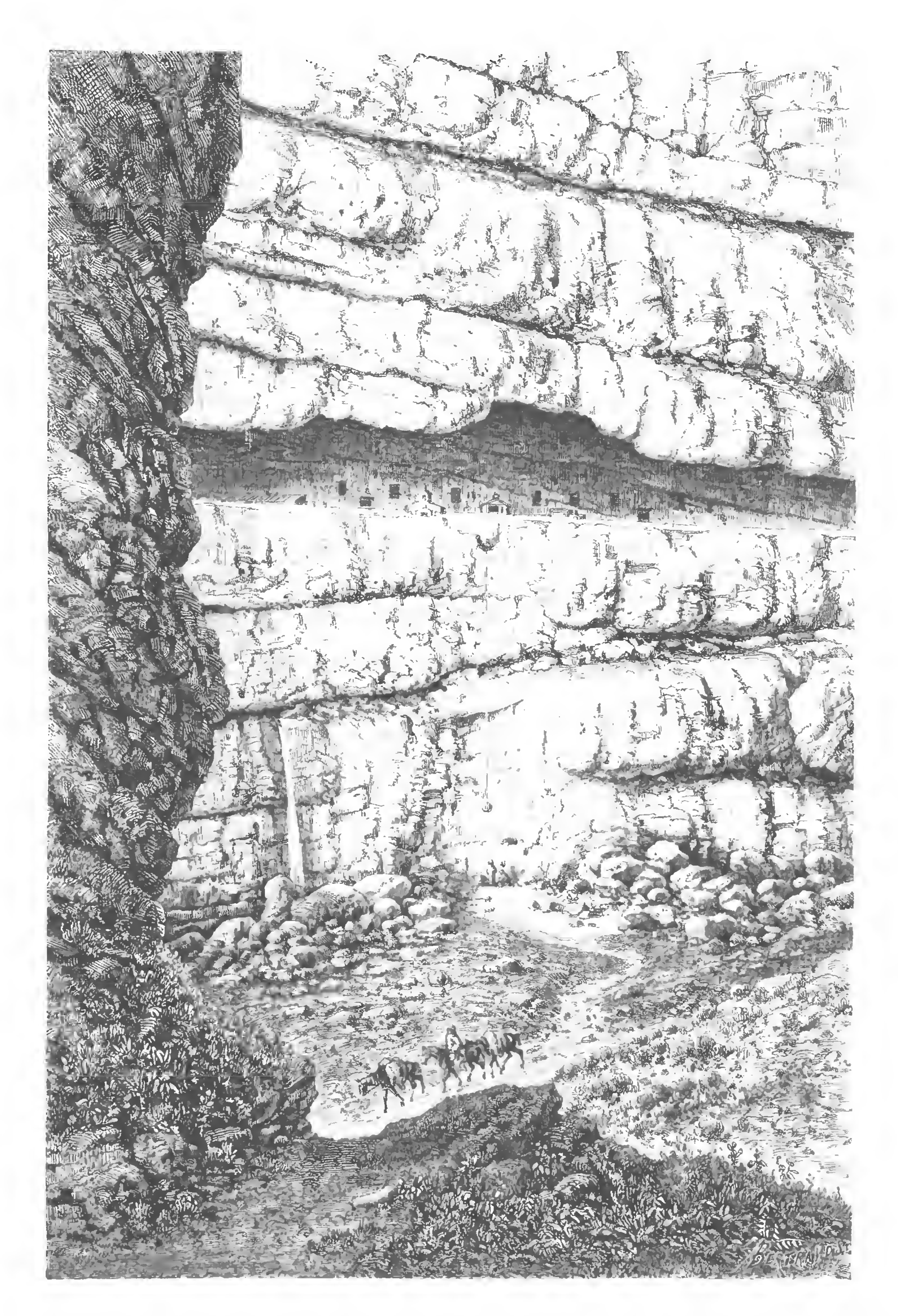
Пашенькѣ не легко было покинуть тихій городокъ, гдѣ она родилась и взросла, гдѣ прожила лучшіе свои годы, правда, не избалованная судьбою, но тѣмъ не менѣе подаренная многими свѣтлыми днями. Долго сбираться ей было нечего. Она распродала имѣющуюся у ней кой какую мебель, распростилась со своими учениками и ученицами, запаслась на дорогу необходимымъ и въ концѣ четвертой недѣли, получивъ отъ Языкова деньги, выѣхала на перекладныхъ. Проводы были немноголюдные: пришла, еще наканунѣ, Пелагея Карповна; въ день-же отъѣзда, за какой-нибудь часъ до него, прибѣжала Степанида, нашедшая себѣ пріютъ у купца Размазова, гдѣ, кромѣ большой семьи, ей пришлось готовить еще на десятерыхъ приказчиковъ и работниковъ. Пришла проводить отъѣзжающую, наконецъ, хозяйка Пашеньки—просфирня, при чемъ каждая изъ провожавшихъ принесла что-нибудь на дорогу. Профирня, какъ подобало ея занятію, вынула заздравную просфору, Степанида испекла старательно пирожокъ съ малиновымъ вареньемъ, а Пелагея Карповна благословила отъѣзжающихъ маленькими образками, когда-то и кѣмъ-то ей привезенными изъ Кіева. Проводили конечно только за калитку и всѣ три долго стояли подгорюнившись, смотря вслѣдъ за удаляющеюся кибиткой, стояли въ молчаніи, а затѣмъ, вздохнувъ, какъ слѣдуетъ въ подобныхъ случаяхъ, каждая вернулась къ своимъ дѣламъ: Степанида убѣжала, чтобы ее не „заругали" за продолжительное отсутствіе; просфирня пошла ставить тѣсто для просфоръ, а Пелагея Карповна заковыляла по улицѣ, размышляя къ кому-бы ей направить свои стопы.

Скученъ зимній путь. Сколько разъ Пашенька мечтала объ этихъ длинныхъ поѣздкахъ въ Москву и Петербургъ, о которыхъ доводилось ей слышать различные разсказы, мечтала, какъ-бы ей съѣздить хоть куда-нибудь, посмотрѣть на эти поля, на разсѣянныя тамъ и сямъ деревни и села, побывать въ какихъ-нибудь другихъ городахъ. Предположенія всегда лучше дѣйствительности и мечта не сообразуется съ временемъ и обстоятельствами. Пашенькѣ представлялись эти поля, о которыхъ она думала, зелеными, пестрѣющими цвѣтами, съ ароматомъ скошеннаго сѣна, а пришлось увидѣть ихъ покрытыми снѣгомъ, несравненно болѣе чистымъ, чѣмъ въ городѣ, гдѣ онъ уже сильно таялъ. Деревни встрѣчались, но все такія плохенькія, какія-то темныя, мало разнообразящія безконечно уходящую въ даль равнину. Города тоже мало оживляли ландшафтъ и къ тому-же замѣчательно походили другъ на друга. Все было не такъ, какъ рисовалось въ разсказахъ другихъ и особенно въ собственномъ воображеніи—и Пашенька перестала интересоваться тѣмъ, что встрѣчалось ей по пути—и начала думать.

Какъ невѣренъ міръ въ представленіи человѣка! Пашенька вспомнила, какъ разочаровалась въ чортѣ — и улыбнулась. Можетъ и все такъ? Разсказываютъ, что отдаленныя страны хороши. Она читала „Шильонскій замокъ"—таковъ-ли онъ? Можетъ это только такъ поэтъ его изобразилъ, можетъ онъ какой-нибудь гробъ, вросшій въ землю, а фантазія его разукрасила. Вотъ ѣдетъ и разочаровывается въ томъ, о чемъ мечтала и представляла въ такихъ яркихъ краскахъ. Она незамѣтно, ходомъ своей мысли, подошла къ своему жениху. Ужъ если мы ошибаемся, подумала она, если мы многое представляемъ себѣ невѣрно, то хуже, то лучше, чѣмъ есть,



Греческіе монастыри. Видъ монастыря Метеоры въ Албаніи. близъ Трикалы. Рис. Барбанъ. грав. Коль.



Греческіе монастыри. Монастырь въ Анатоліи (Малая Азія) близь Алтунтаха. Рис. Бертранъ, грав. Гильдебрандъ.

такъ онъ-то какое, я думаю, вѣрное понятіе имѣетъ о томъ, среди чего живетъ? Человѣку открытъ такой крохотный мірокъ, гдѣ онъ болѣе или менѣе, судитъ и дѣйствуетъ безошибочно и вѣрно, а остальное пожалуй все заблужденіе, иллюзія, мечта. Села стали наряднѣе и города оживленнѣе: они подъѣзжали къ Москвѣ. Пашенька бросила свои мысли и стала снова смотрѣть на дорогу.

Въ Москвѣ они только переночевали и на слѣдующее утро поѣхали по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Тутъ восторгамъ Саши не было конца. Пыхтящій локомотивъ, длинный поѣздъ, свистки и быстрое движеніе довели его до крайней степени оживленія. Сѣвъ въ вагонъ, онъ только и зналъ, что бросался отъ окна къ окну, хотя какъ съ одной, такъ и съ другой стороны виднѣлось почти одно и тоже, потомъ садился на диванъ и, хлопая руками по обивкѣ, считалъ въ тактъ поѣзда — разъ два, разъ два! На продолжительныхъ остановкахъ онъ и не думалъ объ ѣдѣ, а тащилъ сестру къ локомотиву, который интересовалъ его болѣе всего, спрашивалъ ее, какъ и что, чего она не умѣла конечно объяснить, утѣшая:

— Въ Петербургѣ дядя все разскажетъ.

Дядя! Пашенька долго его искала въ толпѣ, наводняющей дебаркадеръ Николаевскаго вокзала и не находя, рѣшила, что его нѣтъ, что онъ забылъ ихъ встрѣтить, какъ вдругъ радостное восклицаніе Саши, заставило ее оглянуться. Саша повисъ на шеѣ Языкова, въ тоже самое время приставая къ нему:

— Объясните мнѣ локомотивъ. Видите...

Онъ тащилъ его къ локомотиву. Языковъ кажется забылъ о Пашенькѣ и отвѣчая Сашѣ, двинулся было за нимъ, какъ вдругъ услышалъ позади себя знакомый голосъ:

— Да поздоровайтесь-же со мной. Вы положительно неисправимы. Ну, видано-ль, чтобъ женихъ когда-нибудь такъ встрѣчалъ невѣсту? Право, я кажется откажу вамъ.

Она говорила смѣясь, а онъ смотря на нее съ видомъ провинившагося ребенка, бросился цѣловать ея руки и когда, по окончаніи этихъ привѣтствій, онъ снова вернулся къ Сашѣ и идя съ нимъ, болталъ въ неимовѣрномъ оживленіи, видимо весь ушедши въ бесѣду съ ребенкомъ; она идя за ними обоими, улыбнулась:

— Это мои дѣти.

За чаемъ въ гостинницѣ Языковъ говорилъ безъ умолку — слушая его, Пашенькѣ казалось, что она слушаетъ ребенка. Какъ прежде, когда онъ работалъ надъ лампою, онъ казался молчаливымъ и сосредоточеннымъ, отрывался отъ работы съ видомъ пробуждающагося отъ сна, такъ теперь, когда его изобрѣтеніе получило нѣкоторый ходъ, когда ему пророчили успѣхъ, онъ какъ-то весь изливался наружу, весь дрожалъ отъ волненія и радостнаго чувства, спѣшилъ, начиная одно, и не оканчивая другаго, сталъ почти непонятливъ, но только радостенъ и до необыкновеннаго оживленъ. Отъ потока его рѣчей кружилась голова и Пашенька сдѣлала попытку заставить его послѣдовательнѣе и яснѣе говорить. Она заговорила съ нимъ объ его открытіи.

— Открыть что-нибудь, — сказала она, — вообще новое что-нибудь сказать — это такъ трудно.

Онъ въ молчаніи смотрѣлъ на нее, съ торжествомъ побѣдителя, преодолѣвшаго эту трудность.

— И будто вы знаете, — допрашивала она, — что никто, никогда и нигдѣ — не сдѣлалъ такой точно лампы?

Онъ удивился.

— Я изучилъ вопросъ. Наконецъ, здѣсь всѣ согласны со мной.

— Здѣсь? Она какъ будто припоминала: — не знаю, читала я гдѣ, или кто-то говорилъ, что мы русскіе — народъ менѣе способный къ наукѣ. Я народъ нашъ люблю, но вѣдь любить не значитъ закрывать глаза передъ слабостями и недостатками. Кто знаетъ, можетъ здѣшніе ученые и не судьи въ вашей спеціальности; къ тому-же ваша лампа даже болѣе предназначена къ тому, что процвѣтаетъ не у насъ. Ахъ, вы вѣчный мечтатель, для чего вы не взялись за что-либо болѣе примѣнимое въ Россіи?..

XII.

За границей.

Такъ какъ Языковъ спѣшилъ къ съѣзду техниковъ и естествоиспытателей, происходившему въ то время въ одномъ изъ небольшихъ баварскихъ городковъ, то Пашенькѣ съ Сашей пришлось недолго прогостить въ Петербургѣ — и, едва ознакомившись съ нашей столицей, пуститься въ дальнія и уже совершенно чуждыя страны. Они спѣшили необыкновенно и останавливались въ Берлинѣ на одинъ день, въ Мюнхенѣ пробыли всего нѣсколько часовъ, ожидая поѣзда, долженствовавшаго отвезть ихъ до мѣста. Впечатлѣніе смѣнялось впечатлѣніемъ, и засыпая, въ головѣ Пашеньки рисовался какой-то пестрый водоворотъ картинъ, подробности которыхъ она не имѣла возможности сознать, но которыя своей пестротой и быстрою смѣной — утомляли мозгъ, пока она не впадала въ глубокій сонъ. Пашенька отдохнула, пріѣхавъ на мѣсто и поселившись въ тихой и удобной гостинницѣ, изъ оконъ которой передъ нею разстилался великолѣпный видъ на средне нѣмецкіе Альпы, въ эту раннюю пору года почти сплошь покрытые снѣгомъ. У подножій впрочемъ уже достаточно было зелено: трава одѣла бархатомъ землю, плющъ пускалъ молодые побѣги, усѣянные свѣтлозелеными листочками, цвѣли ранніе цвѣты.

Языковъ сдѣлалъ визитъ къ тѣмъ изъ лицъ ученаго съѣзда, къ которымъ ему дали въ Россіи рекомендаціи — и сталъ посѣщать засѣданія. Этихъ засѣданій было назначено десять или двѣнадцать, но такъ какъ ученыхъ съѣхалось со всей Германіи масса, желающихъ дѣлать сообщенія явилось множество, то предсѣдатель, лѣзшій изъ кожи, чтобы умѣстить всѣхъ желающихъ реферировать въ эти десять засѣданій, выслушавъ Языкова, пришедшаго съ тѣмъ-же, — только пожалъ плечами:

— Почти невозможно.

Языковъ протестовалъ:

— Но я пріѣхалъ изъ Россіи съ единственной цѣлью реферировать объ устроенной мною лампѣ ученому съѣзду. Моя лампа имѣетъ будущность, наконецъ, болѣе у васъ, въ западной Европѣ, чѣмъ у насъ.

Предсѣдатель поддакивалъ тому, что говорилъ ему русскій техникъ, но когда онъ окончилъ все-таки пожалъ плечами.

— Но что-же дѣлать? войдите въ наше положеніе: осталось десять засѣданій. Мы сидимъ съ десяти до четырехъ — долѣе невозможно, ибо это цѣлыхъ семь часовъ. Засѣданій десять — слѣдовательно на всѣ рефераты остается 70 часовъ, а рефератовъ сколько вы думаете?

— Сколько?

— 910. Слѣдовательно на каждое сообщеніе мы можемъ отвести не болѣе четырехъ съ половиною минутъ! Гдѣ-же мы найдемъ время для васъ? Наконецъ, мы не имѣемъ права включить васъ, потому что отказали ужъ многимъ.

Языковъ опечалился.

— Можно попробовать вотъ что устроить для васъ, — потеръ рукою лобъ предсѣдатель, — вотъ что. Конечно вы ѣхали изъ Россіи, такая даль... Вотъ что предложу вамъ: ученые будутъ экскурсировать и между прочимъ посѣтятъ Зальцбергъ. Вы знаете что такое Зальцбергъ?

Языковъ отрицательно покачалъ головой.

— Это гора около Зальцбурга, между городомъ и Берхтесгаденомъ. Тамъ разрабатывалась соль, но, за истощеніемъ ея, разработка оставлена. Въ этихъ превосходно устроенныхъ копяхъ, въ одномъ мѣстѣ выходитъ изъ земли рудничный газъ. Случай совершенно подходящій для васъ. Покажите вашу лампу — не въ лабораторной,

а въ доставленной самой природою обстановкѣ. Что вы на это скажете? Это даже лучше для васъ, чѣмъ рефератъ въ лабораторіи?

Пришлось согласиться. Языковъ посѣщалъ собранія ученыхъ, слушалъ безчисленное множество сообщеній и скучалъ. Упорный въ кабинетномъ достиженіи цѣли — онъ какъ-то ослабѣвалъ при первомъ представляющемся ему на пути, внѣ кабинетныхъ исканій, препятствіи. Пустить въ ходъ свое изобрѣтеніе ему было труднѣе, чѣмъ сдѣлать его. Поѣздка къ Зальцбергу какъ-то все откладывалась; ѣздили въ горы, осматривали различные водопады, осматривали зальцбургскія древности, посѣтили небольшой серебряный рудникъ между Кицбюхлемъ и С. Іоганномъ въ Тиролѣ, а о Зальцбергѣ какъ будто всѣ позабыли. Съѣздъ приближался къ концу и Языковъ лѣниво напомнилъ предсѣдателю объ его обѣщаніи, на что тотъ успокоительно отвѣтилъ:

— О, какъ вы торопитесь. Будетъ, все еще будетъ.

Онъ былъ правъ. Закрывая осьмое засѣданіе, онъ объявилъ во всеуслышаніе:

— Завтра, многоуважаемые сотоварищи, по случаю воскресенья, засѣданіе не будетъ имѣть мѣста, а предлагается для желающихъ осмотръ Зальцберга, во время котораго русскій ученый г. Языковъ покажетъ устройство изобрѣтенной имъ, въ предохраненіе отъ вреднаго дѣйствія на рабочихъ рудничнаго газа, лампы. Послѣдняя изобрѣтателемъ названа „поющей“.

Засѣданіе закрылось при общихъ рукоплесканіяхъ.

XIII.

Подъ землею.

Въ этотъ достопамятный день Языковъ такъ долго возился со своей лампой, чистилъ ее, прихорашивалъ, что вслѣдствіе этаго къ назначенному часу конечно опоздалъ, долженъ былъ догонять членовъ съѣзда и нагналъ ихъ, поджидающими его въ небольшомъ ресторанѣ, помѣщавшемся у самой горы. Можетъ отъ того, что съѣздъ подходилъ къ концу, или отъ того, что былъ воскресный день и многіе ученые предпочли осмотру Зальцберга какія либо другія развлеченія, только народу собралось очень мало. Языковъ засталъ въ ресторанѣ всего на всего двоихъ профессоровъ, нѣсколькихъ техниковъ и старичка управляющаго однимъ заводомъ въ Саксоніи: этотъ послѣдній явился съ какой-то толстою книгой подъ мышкой и встрѣтилъ Языкова изъ подъ полей своей шляпы взглядомъ выражающимъ какую то особую торжественность... Все время пока другіе смѣялись и шутили между собою—старичекъ управляющій то и дѣло заглядывалъ въ книгу, что-то припоминалъ и чертилъ на поляхъ какіе-то механизмы, изрѣдка взглядывая на Языкова, причемъ его тонкія губы какъ-бы готовы были сложиться во что-то похожее на саркастическую улыбку.

По приходѣ Языкова немногочисленная компанія членовъ съѣзда немедленно двинулась въ сопровожденіи проводниковъ, одѣтыхъ въ костюмы чернорабочихъ, подъ землю. Ряды извилистыхъ галлерей съ полукруглыми сводами открылись передъ учеными и по мѣрѣ своего удаленія отъ входа, гдѣ на незначительное пространство еще брезжилъ свѣтъ, ихъ обняла темнота, въ которой слабо мерцали зажженые въ ихъ рукахъ фонарики,—обняла сырость и могильный холодъ. Шаги ихъ гулко раздавались подъ сводами галлерей, съ потолковъ которыхъ падали капли; глазъ уставалъ слѣдить за изгибами корридоровъ, ходовъ и переходовъ то идущихъ прямо, то вращающихся самыми разнообразными изгибами, идущихъ на право, и на лѣво, обозначающихся только своими началами и совершенно теряющихся продолженіями. Вдругъ находящійся надъ ихъ головами каменный сводъ—спустился отвѣсной стѣной внизъ и съ перваго раза казалось, что корридоръ не имѣетъ продолженія и болѣе некуда идти. На самомъ дѣлѣ въ этомъ мѣстѣ корридоръ вдругъ спускался внизъ, переходя при этомъ въ ровъ такого рода высоты, при которой человѣкъ могъ двигаться только въ согнутомъ положеніи. Спускъ этотъ имѣлъ видъ наклонной плоскости, по длинѣ которой былъ положенъ гладко обточенный толстый брусъ, на который вся компанія, имѣя во главѣ проводника, усѣлась верхомъ, нѣсколько приподнявъ отъ земли ноги. Держась одѣтыми въ кожаную рукавицу руками за протянутую по правую сторону рва веревку, ученые стремглавъ полетѣли внизъ и очутились въ сидячемъ положеніи на толстомъ слоѣ песка обширнаго и глубокаго подземелья. Грандіозное и по истинѣ волшебное зрѣлище открылось собравшимся на испытаніе лампы. То было громадное подземелье съ высоко уходящими сводами, облѣпленными галлереями, съ большимъ, совершенно круглымъ, отсвѣчивающимъ темнымъ зеркаломъ, озеромъ, берега котораго были усѣяны мелкими керосиновыми ламночками, свѣтящимися на подобіе какихъ-то желтыхъ звѣздочекъ, среди окружающей ихъ темноты не могущихъ побѣдить своимъ свѣтомъ густаго подземнаго мрака. По этому озеру плыла узкая и длинная лодка съ гребцомъ, напоминающимъ своимъ фантастическимъ костюмомъ Харона; дѣлаемые весломъ всплески волнъ звучали здѣсь подъ землею какимъ-то металлическимъ звукомъ; широкополая шляпа гребца казалась чѣмъ-то зловѣщимъ и вся совокупность этой эффектной обстановки—эта темнота и холодъ, эта куполообразная подземная зала съ рядами идущихъ по ея стѣнамъ галлерей, наконецъ это озеро съ движущимся по его зеркальной поверхности узкимъ челномъ,— навела на собравшуюся компанію какую-то особую тишину и серьезность... Челнъ, съ прежними металлическими всплесками волнъ, близился къ стоявшей въ ожиданіи его группѣ.

Тамъ за этимъ темнымъ зеркаломъ воды блисталъ сдѣланный изъ окрашенныхъ разными минеральными примѣсями соли, горящій на подобіе транспаранта гротъ, среди котораго струился фонтанъ соленой воды... Его серебристыя брызги рельефно выдѣлялись металлически голубоватымъ блескомъ на свѣтло-розовыхъ стѣнахъ этаго сказочнаго грота. Гротъ, освѣщенный лампами сіялъ и искрился отъ многократнаго дробленія лучей въ кристаллахъ соли, изъ которыхъ были составлены его стѣны. Среди этой темноты онъ блеснулъ Языкову, прижавшему къ своей груди свое дѣтище, свою лампу, чѣмъ-то радостнымъ, тѣмъ предѣломъ, до котораго такъ неустанно и долго шелъ онъ и дойдя до котораго—онъ сдѣлаетъ твердою стопою тотъ послѣдній шагъ, послѣ котораго съ спокойной совѣстью труженика, достигшаго лавроваго вѣнка за свои труды—можетъ вздохнуть облегченною грудью... Этотъ вздохъ облегченія, этотъ послѣдній моментъ на продолжительномъ пути, представился ему такъ ясно, что онъ какъ бы пережилъ его, какъ бы тутъ еще, стоя на берегу и ожидая приближенія челнока, ощутилъ его всѣмъ существомъ своимъ, встрѣтилъ съ радостно бьющимся сердцемъ и свѣтлою улыбкой своего блѣднаго лица. Вотъ она, вотъ, эта желанная цѣль! За этимъ гротомъ, какъ говорили ему ранѣе, есть та пропасть, какой-то темный и бездонный провалъ, отъ расщелинъ котораго струится газъ, который призвана побѣдить, сразить на смерть, его лампа... Образъ женщины, не смотря на молодые годы рѣшившейся предпринять ради его длинный и неизвѣстный путь, бросить тотъ уголокъ, въ которомъ она прожила восемнадцать лѣтъ, съ почвой котораго была связана корнями, чтобы ввѣрить ему свою будущность и будущность оставшагося на ея рукахъ ребенка,—мелькнулъ ему въ это мгновеніе, мелькнулъ въ той мирной обстановкѣ живописнаго уголка тамъ надъ землею и влилъ въ него новый притокъ бодрости... О, для нихъ, для этихъ милыхъ существъ—онъ все превозможетъ и, конечно, сдѣлаетъ ихъ счастливыми!.. Да и чего превозмогать!..

Въ это время они переѣзжали на челнокѣ озеро и приближаясь къ противоположному берегу—свѣтъ ярко блестящаго грота освѣтилъ ихъ лица. Ученые, что-то заговорили громко и Языковъ взглянулъ на нихъ, освѣщенныхъ среди этой темноты розоватымъ отблескомъ грота. Всѣ лица были оживлены, всѣ чему-то радовались, только старичекъ управляющій саксонскимъ заводомъ былъ сосредоточенъ и старчески угрюмъ. Онъ какъ бы задумался о чемъ-то и сидѣлъ, устремивъ глаза на темную поверхность озера. Только его губы въ уголкахъ рта по временамъ странно вздрагивали, будто онъ готовъ былъ улыбнуться злой улыбкой... Не зная самъ почему, Языковъ приковался къ этому сморщенному лицу и не отрывался отъ него до тѣхъ поръ пока лодка не причалила къ разноцвѣтному гроту и приподымаясь со скамьи, чтобы сойдти на берегъ, старичекъ не столкнулся своимъ взглядомъ съ устремленными и задумчиво на него смотрящими глазами Языкова. Тогда уголки его рта дѣйствительно, дрогнувъ разъ—другой, расширились въ какую-то недобрую, насмѣшливую улыбку, сопровождаемую загадочными словами съ которыми онъ обратился къ Языкову:

— Вотъ и конецъ вашего странствованія...

У Языкова мелькнула мысль, почему-же это конецъ только *его* странствованія, вѣдь странствовали-то всѣ они, не одинъ онъ. До сихъ поръ его радостно бьющееся сердце, полная увѣренность въ побѣдѣ, въ признаніи среди этихъ специалистовъ его изобрѣтенія, при видѣ этой улыбки, этаго старческаго лица, теперь явившагося ему въ иномъ свѣтѣ, при этомъ загадочномъ обращеніи къ нему на счетъ окончанія почему-то его странствованія, поколебались въ немъ и упали... Онъ ощутилъ какое-то странное волненіе, нѣчто въ родѣ того, которое чувствуетъ школьникъ, усердно готовившійся къ экзамену, знающій предметъ, изъ котораго слѣдуетъ ему экзаменоваться, но тѣмъ не менѣе, передъ самымъ вызовомъ его, увѣряющій себя въ глубинѣ души, что онъ срѣжется, что все, что казалось ему еще за минуту возможнымъ, теперь оказывается мечтой, вздоромъ, что онъ не знаетъ ничего... Увѣренность пропала и когда приблизились къ находящемуся за гротомъ провалу, ее не осталось и слѣда: только слабое „авось!“ шевелилось въ глубинѣ души этаго специалиста... Въ его вискахъ стучало, ноги и руки какъ-то тряслись. Не зная, начинать или подождать кого, онъ услышалъ чей-то голосъ:

— Ну-съ, начинайте... Покажите намъ вашу лампу.

На него смотрѣли всѣ собравшіеся, на время прекратившіе свои шутки, перекидываясь теперь между собою болѣе или менѣе приличествующими случаю замѣчаніями... Провалъ, около котораго всѣ размѣстились, представлялъ вопреки общему благоустройству этихъ когда-то богатыхъ мѣстонахожденій каменной соли, теперь оставленныхъ и поддерживаемыхъ единственно для любознательности туристовъ, нѣчто необдѣланное, наполненное какими то обломками и довольно глубокое. Слѣдовало спуститься на дно этаго провала, гдѣ между положенными дощечками зіяла глубокая разсѣлина, изъ которой, какъ оказалось незадолго передъ этимъ, выходилъ вѣроятно смѣшанный съ какими либо другими примѣсями — рудничный газъ. Когда Языкову сказали, чтобы онъ начиналъ, онъ вынулъ изъ футляра лампу, долго дрожащими руками поправлялъ въ ней винты и передвигалъ трубки, долженствующія въ случаѣ присутствія въ провалѣ рудничнаго газа возвѣстить о болѣе или менѣе значительномъ количествѣ таковаго посредствомъ музыкальнаго тона той или другой высоты, — а затѣмъ, все это кое какъ устроивъ, началъ шарить по карманамъ спичку съ цѣлью засвѣтить лампу. Кто то помогъ ему, ширкнувъ спичкой и зажгли лампу... Тогда установивъ на надлежащей высотѣ пламя, Языковъ, среди воцарившагося между его компаньонами серьезнаго молчанія, держа высоко передъ собою лампу, быстро началъ спускаться на дно провала. Ему закричали, оставшіеся на верху:

— Осторожнѣе... Не сломайте ногъ!

Онъ не слышалъ... Вперивъ свой взглядъ на зіяющее какой-то могилой темное отверстіе между положенными на днѣ провала дощечками — онъ спѣшилъ къ нему, не помня ничего, ничего не соображая. Съ своей лампой въ рукѣ, блѣдный, со сбившеюся на бокъ шляпой и всклокоченной бородой, — онъ, склонившись для удобства изслѣдованія передъ темнымъ отверстіемъ на колѣна, опустилъ руку съ лампой между досками и замеръ... Среди мертвой тишины опущенная и ставшая теперь для стоящихъ на верху невидимою лампа, возвѣстила яснымъ продолжительнымъ звукомъ средней высоты—о присутствіи въ расщелинѣ вреднаго газа.

— Что-же вы не апплодируете, господа? что-то радостно вскрикнуло въ глубинѣ души Языкова и не вынимая лампы, не вставая съ колѣнъ, онъ поднялъ свое торжествующее лицо вверхъ и смотрѣлъ на оставшихся тамъ экспертовъ. Апплодируйте-же!.. Почтите труды ученаго техника, который много, много лѣтъ посвятилъ на изобрѣтеніе этой чудной лампы... Апплодируйте, да апплодируйте-же наконецъ, господа!.. Люди науки признайте

Греческіе монастыри. Подъемъ на веревкѣ въ монастырь Метеоры въ Албаніи.

Малороссіянка. Оригин. рисун. М. Зиновьева, грав. Ю. Барановскій.

заслуги вашего собрата!.. Нѣмцы что-то говорили между собою въ полголоса и никто изъ нихъ не дѣлалъ ни малѣйшей попытки чего нибудь похожаго на радующіи сердце аплодисментъ... Они повидимому совѣщались, убѣждали въ чемъ-то другъ друга и какъ-бы позабыли о склонившемся тамъ на днѣ провала ученомъ-техникѣ, смотрящемъ на нихъ снизу и ожидающемъ отъ нихъ приговора... Вдругъ до него явственно донеслись слова, какъ-то болѣзненно отзывающіяся въ его сердцѣ, слова, сказанныя тѣмъ самымъ старичкомъ, который незадолго передъ этимъ сказалъ ему, что вотъ, дескать теперь его странствованіе и окончено:

— Лампа, которую вы показываете намъ, какъ новость, демонстрировалась на послѣднемъ съѣздѣ въ Майнцѣ... Вы можете о ней прочесть... и видѣть ея устройство...

Губы Языкова сдѣлали какое-то легкое движеніе, но остались безгласны... Самъ не зная что дѣлать—онъ нагнулся ниже надъ темнымъ отверстіемъ, рука его нервически дрогнула и кинула лампу, которая полетѣла внизъ, посылая изъ глубины жалобно свистящій тонъ... Что-же это такое?!

XIV.
Дома.

Пашенькѣ пришлось въ этотъ день не скоро дождаться своего спутника и жениха. Въ гостинницѣ, гдѣ они остановились, уже улеглись спать, лампы въ корридорѣ потушили, двери заперли. Рѣшившійся было ждать возвращенія Языкова Саша, вскорѣ задремалъ въ креслѣ, а потомъ и не замедлилъ заснуть; наскучивъ работой, Пашенька сложила ее и подойдя къ окну, выходящему на узкую, застроенную многоэтажными домиками, улицу, легла на подоконникъ руками и стала смотрѣть на усыпанное звѣздами темное небо. Звѣзды горѣли ярко, но между нихъ блестящими ореолами не видно было той свѣтящей желтоватымъ свѣтомъ звѣздочки, блеснувшей Пашенькѣ среди покрытыхъ тучами небесъ ея роднаго города, когда она услышала первое признаніе со стороны своего теперешняго жениха. Ожидая этаго послѣдняго, Пашенька искала знакомую звѣздочку и не могла найдти: звѣздочка пропала и среди массы блестящихъ свѣтилъ исчезла и потонула безслѣдно. Въ тщетномъ ожиданіи Пашенька не замѣчала, какъ проходило время и почти вздрогнула отъ неожиданности, когда стоящіе на каминѣ часы пробили одиннадцать. Не повѣривъ ушамъ, молодая дѣвушка оглянулась на часы и невольно вспыхнула. Изъ-за неслышно отворенной въ корридоръ двери глядѣло на нее, кажущееся еще болѣе блѣднымъ противъ обыкновеннаго, лицо ея жениха. Она не могла разсмотрѣть выраженія этаго лица и мгновенно оправившись отъ испуга, сама не давая себѣ отчета въ томъ, какъ опрометчивы ея слова, съ улыбкой пошла ему на встрѣчу:

— Все окончили? Ну, поздравляю.

Она сжимала его руку; онъ какъ-то криво ей улыбнулся и въ его головѣ мелькнула жестокая и эгоистичная мысль: ахъ, лучше, лучше, если-бы я былъ одинъ! Какъ вольная птица леталъ-бы и никому, ни въ чемъ не давалъ отчета. Въ немъ заронились мелкія чувства, подъ вліяніемъ которыхъ онъ сталъ подозрителенъ и ничего еще не сообщивъ Пашенькѣ о своей неудачѣ, въ поздравленіи ея усмотрѣлъ намекъ, иронію на счетъ его полнѣйшей негодности. Не снимая шляпы, онъ вошелъ въ комнату, сѣлъ въ кресло и закурилъ папиросу.

— Съ чѣмъ-же поздравлять? Или это насмѣшка?

Ее поразилъ этотъ тонъ. Пашенька знала своего жениха вѣчно волнующимся, вѣчно спѣшащимъ куда-то, знала его экспансивнымъ, но казалось ей—великодушнымъ. *Такъ* онъ никогда съ нею не говорилъ. Онъ какъ бы отчуждалъ ее отъ себя, признавалъ постороннею не имѣющею права высказать сочувствіе постигшей его неудачѣ. Онъ своимъ рѣзкимъ тономъ, какъ-бы говорилъ: къ чему твои вопросы? какое право ты имѣешь задавать ихъ? Она поблѣднѣла, и понявъ все, не сказавъ ему ни слова, отошла къ покинутому ею незадолго до его прихода мѣсту и на этотъ разъ, полная тревогъ и горечи, стала снова смотрѣть въ окно на темное, звѣздное небо.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Ни онъ, ни она не промолвили ни слова, и раздраженные думали одинъ о другомъ. Каждый, какъ это случается въ раздраженіи, предполагалъ въ другомъ, въ томъ, кого любилъ всѣми силами души, все несправедливое и обидное относительно самаго себя. Казалось въ Языковѣ мысль объ его неудачѣ отошла на задній планъ, затѣненная тѣми предположеніями насчетъ пренебреженія къ нему Пашеньки, которыя онъ сложилъ въ своей головѣ, сложилъ совершенно неосновательно и произвольно. О своей лампѣ онъ точно позабылъ, но волновался негодованіемъ противъ зародившагося будто-бы въ его невѣстѣ чувства недовольства имъ. Въ свою очередь Пашенька, обиженная его тономъ, какъ-бы впервые узнавала его, опрометчиво судя по неосторожно сказанному имъ въ раздраженіи слову. Она убѣдилась, что онъ ребенокъ въ спеціальности, но не упала отъ этаго духомъ: ребенокъ можетъ научиться,—и у ея жениха была усидчивость и прилежаніе,—слѣдовательно ему предстояла и будущность. Она казнила Языкова не за постигшую его неудачу, а за тотъ тонъ, съ которымъ онъ отнесся теперь къ ней, къ своему другу, къ своей невѣстѣ. Мѣрно чикающіе часы нарушали тишину и увлеченная овладѣвшимъ ею негодованіемъ, Пашенька смотрѣла на звѣзды, на этотъ разъ незанятая ими, а поглощенная своей собственной думой. Что жалѣть? она не связана съ Языковымъ, не жена его и ей легко все покончить съ нимъ. Вдругъ что-то привлекло ея вниманіе на темномъ небѣ. Неподалеку отъ созвѣздія Большой Медвѣдицы ей блеснула крошечная звѣздочка желтоватаго цвѣта, знакомая звѣздочка! Пашенька вздохнула и отерла набѣжавшія слезы. Все-бы, все,—подумала она,—я простила ему, но зачѣмъ онъ несправедливъ? Она порывисто обернулась отъ окна: передъ нею стоялъ съ смущенной улыбкой Языковъ.

— Простите меня.

Изъ глазъ Пашеньки полились слезы и будучи не въ силахъ произнести ни слова, она съ рыданіемъ упала на его грудь. Съ раскаяніемъ и мукою Языковъ цѣловалъ ея голову.

— Неужели я ни на что не способенъ? такъ-таки ни на что, ни на что?

Она перестала плакать, отерла слезы и оторвавшись отъ его груди, стала передъ нимъ, сосредоточенная и серьезная. Она понимала, что онъ ждетъ отъ нея утѣшенія и надежды, которой ему недоставало.

— Знаете что?—кротко заговорила она,—я дѣвушка простая, почти невоспитанная,—и вамъ можетъ показаться смѣшнымъ то, что я скажу... но это меня не остановитъ... и я все-таки скажу... знаете что? Въ несчастіяхъ, въ такихъ разочарованіяхъ, какъ съ вами,—помогаетъ молитва... Вы молитесь?

Онъ покачалъ отрицательно и грустно головой. Она, какъ показалось ему, строго посмотрѣла на него:

— О, какъ это ужасно!! Въ такомъ случаѣ вамъ не утѣшиться никогда!

Потомъ посмотрѣла съ мольбою на звѣздное небо и медленно выговаривая слова, убѣжденно произнесла:

— Я научу васъ молиться — вы увидите, какъ это будетъ облегчать печальную жизнь въ трудныя минуты...

Она улыбнулась и пожала ему руку:

— А остальнаго — съ вашей любовью къ труду,—вы всего еще успѣете достигнуть. Жизнь велика и еще много времени впереди.

И звѣздочка, ихъ звѣздочка, съ высокаго неба видѣла счастье человѣка, утѣшеннаго, примиреннаго съ жизнью . . . .

КОНЕЦЪ.

Во время бури.

Романъ

М. Іокая.

(Продолженіе).

Отецъ и дочь заняли мѣста рядомъ, за верхнимъ концомъ стола; по правую сторону, рядомъ съ молодой графиней и противъ Иллаваи, помѣстился Орелъ Криванскій. Этотъ послѣдній никакъ не могъ вынести хладнокровно упорно обращеннаго на него взгляда Франца. Онъ поминутно дѣлалъ какія-то гримасы, морщилъ лобъ, прищуривалъ глаза и странно мѣнялъ самый звукъ голоса.

— Напрасно, братъ, ты корчишь рожи,—думалъ про себя Иллаваи,—я уже узналъ тебя и твое имя, теперь оно мнѣ извѣстно, но только не изъ военныхъ списковъ.

И другіе соратники Криванскаго чувствовали себя скверно подъ взглядомъ Франца.

Блестящій Криванскій старался заговаривать съ графиней, отпуская ей, на скверномъ французскомъ и нѣмецкомъ діалектахъ, плоскіе комплименты и вставляя, отъ времени до времени, краткіе разсказы о своихъ подвигахъ. Пальма, не удостоивая его ни малѣйшаго вниманія, молча уставилась въ лицо Иллаваи. Лицо это выражало полное спокойствіе.

Снизу со двора доносились, по прежнему, крики толпы. Графъ вопросительно взглянулъ на Криванскаго. Тотъ понялъ, что надо разыграть роль „защитника спокойствія замка и его владѣльцевъ" и, подозвавъ Кузена, громко спросилъ его, чего кричатъ. Дворецкій счелъ неудобнымъ дать отвѣтъ вслухъ и, наклонившись къ уху командира, сказалъ ему что-то, слегка указавъ на графа и на Иллаваи.

Тотчасъ-же поднявшись съ своего мѣста, Орелъ, гордой и рѣшительной походкой, направился къ одному изъ оконъ, которое отворилъ.

— Эй, ребята! Слушайте! Вашъ господинъ—баринъ добрый и выполнилъ всѣ желанія ваши. Прошу крикнуть въ честь его „виватъ"! виватъ, господинъ графъ! три раза виватъ! Теперь, графъ, вы слышите, они кричатъ виватъ вамъ! сказалъ онъ, поворачиваясь.

Въ сущности прежній шумъ нисколько не унялся, и можно было, относительно раздававшихся криковъ, дѣлать всевозможныя предположенія.

Орелъ Криванскій снова обратился къ толпѣ:

— И оставьте въ покоѣ господина судью; онъ пріѣхалъ не за податьми, и не за тѣмъ, чтобы брать вашихъ сыновей въ рекрута. Скоро онъ опять уѣдетъ. (Толпа продолжала кричать какъ и прежде).

Въ глазахъ Пальмы, обращенныхъ на Иллаваи, мелькнуло неудовольствіе. Какъ? Онъ позволяетъ защищать себя? И кому-же? Человѣку, отъ котораго она просила его избавить ее.

Орелъ Криванскій вернулся къ столу съ видомъ великодушнаго и всесильнаго покровителя.

За кофеемъ Иллаваи вдругъ спросилъ Криванскаго:

— Откуда извѣстно вамъ, зачѣмъ я пріѣхалъ сюда и сколько времени останусь?

— Народу-то надо-же было что-нибудь сказать.

— Правду.

— А въ чемъ-же заключалась-бы правда?

— Въ томъ, что я пріѣхалъ сюда для производства слѣдствія по жалобамъ, принесеннымъ на васъ и вашихъ товарищей и что я уѣду только тогда, когда вы оставите Гарговаръ.

Орелъ Криванскій и на этотъ разъ звякнулъ саблей. Онъ и офицеры его, противъ обыкновенія, оставались за обѣдомъ при своихъ сабляхъ.

— Вы уже хотите подъ свой судъ и солдатъ? Ха, ха, ха!

— Вовсе нѣтъ. Я произведу только слѣдствіе, а здѣшній помѣщикъ (Иллаваи не сказалъ ни слова графу за обѣдомъ), какъ патронъ, попечитель народа этаго околодка, обязанъ передать дѣло на разсмотрѣніе пресбургскаго военнаго комендента, къ которому затѣмъ мы съ вами оба явимся для объясненій.

Предводитель партизанскаго отряда облокотился на столъ и произнесъ нахальнымъ тономъ:

— Попробуйте-ка произвесть это слѣдствіе. Какъ вы сдѣлаете это,—увидимъ?

— А къ этому я сейчасъ-же приступлю съ милостиваго разрѣшенія его сіятельства.

Иллаваи подошелъ къ тому-же окну:

— Сельскіе судьи — войдите сюда, въ замокъ! громко произнесъ онъ, — а остальные пусть ждутъ спокойно и чтобъ не шумѣли!

Крики стихли, какъ-бы по волшебству какому. Судью всѣ здѣсь знали.

Графъ сдѣлалъ знакъ дочери, чтобы она ушла.

Пальма вопросительно взглянула на Иллаваи.

Но Орелъ Криванскій, поклонившись, обратился къ ней:

— Я прошу графиню остаться, желаю, чтобы она была свидѣтельницей—изъ-за какихъ пустяковъ подымаетъ цѣлую исторію этотъ господинъ. Если мои храбрецы отняли у здѣшнихъ мужиковъ пару гусей, то я заплачу за это и дѣлу конецъ.

Но онъ удерживалъ молодую графиню не для того. Его „храбрецы" охотились не за одними гусями, а—что было хорошо извѣстно ему—и за женщинами и дѣвушками Гарговара; онъ надѣялся, что этихъ жалобъ графъ не допуститъ при дочери и велитъ немедленно-же прогнать мужиковъ, которые о томъ заикнутся.

Пальма хотѣла сама остаться. Тутъ, на ея глазахъ, началась борьба, въ которой одинъ человѣкъ, безоружный, шелъ противъ нѣсколькихъ сотенъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы.

И несмотря на то, какая-то тайная увѣренность говорила ей, что побѣдитъ безоружный.

Нѣсколько минутъ спустя, депутація крестьянъ вошла въ залу. То были три старика высокаго роста и могучаго сложенія. Они почтительно остановились у порога, держа въ рукахъ свои широкополыя шляпы.

— Ну что, братцы, обратился къ нимъ полушутя Криванскій, сколько у васъ мои герои потаскали гусей и утокъ? Говорите, сейчасъ заплачу вамъ.

— Дѣло-то не въ гусяхъ, да въ уткахъ, проговорилъ одинъ изъ стариковъ.

— Вѣрно, прихватили и барашковъ, можетъ еще и поросятъ? Злодѣи такіе! Чего-жъ вы раньше не говорили мнѣ?

На это сразу заговорили двое.

— Мы жалуемся не за барановъ и не за поросятъ!

— Ну такъ чего-же еще надо вамъ тамъ?

— Vespillo! произнесъ Иллаваи, обращаясь на латинскомъ языкѣ къ одному изъ вошедшихъ. Можно говорить по латыни?

— Я латыни не понимаю, возразилъ съ досадой Орелъ.

— Но, вашъ почтенный проповѣдникъ понимаетъ, вѣроятно?

Оказалось, что и капелланъ не понималъ латыни. Хорошій капелланъ, нечего сказать!

— Ну, да ужъ все это будетъ понято военнымъ судомъ, гдѣ мы съ вами увидимся, сказалъ Иллаваи.

Господа офицеры отряда Орла Криванскаго переглянулись между собою съ довольно кислой миной. Очевидно, имъ вовсе не нравилось, что дѣло принимало такой оборотъ. Въ эту минуту вошелъ дворецкій и почтительно подалъ письмо командиру отряда.

— Господа! произнесъ Криванскій пробѣжавъ письмо,—командующій войсками предписываетъ мнѣ двинуться въ Верхнюю Венгрію, дѣло спѣшное, чрезъ полчаса мы должны уже быть въ пути.

Товарищи и сподвижники его приняли извѣстіе это съ преувеличенною радостью. Криванскій тутъ же началъ прощаться (объ уплатѣ крестьянамъ за гусей, поросятъ, утокъ и барановъ, не могло уже быть и рѣчи при такой поспѣшности). Графъ, который во-время закашлялся и прикрылъ ротъ свой обѣими руками, „не могъ" пожать руку начальника партизанскаго отряда, не взирая на всѣ его высокопарныя фразы. Графу Теметвени неудобно было жать руку этаго человѣка послѣ такихъ обвиненій. Криванскій, затѣмъ, подошелъ къ графинѣ и схвативъ ее бѣлую ручку, на которой блестѣлъ знаменитый фамильный солитеръ „Стелла", прижался къ ней долгимъ, долгимъ поцѣлуемъ. Когда, наконецъ, онъ отнялъ свои губы, Пальма показала ручку Илловаи—перстня больше не было!

— Вы взяли мой перстень!! сказала она Криванскому.

Тотъ отвѣчалъ веселымъ смѣхомъ.

— На память о счастливыхъ часахъ, проведенныхъ около васъ.

— Прошу васъ отдать мнѣ его.

Криванскій поднялъ, шутя, вверхъ два сжатыхъ кулака.

— Угадайте, въ какой рукѣ.

Графу захотѣлось, наконецъ, отдѣлаться отъ этого общества.

— Отдай ему перстень, шепнулъ онъ дочери.

— Не отдамъ его никому. Я дорожу имъ не за стоимость его, а потому что онъ принадлежалъ матери моей.

— Хорошо, я возвращу вамъ перстень, но за поцѣлуй...

Графъ безсильно опустился въ кресло.

Пальма сдѣлала шагъ назадъ и стала блѣдна какъ мѣлъ.

Въ эту минуту она была олицетвореніемъ оскорбленной гордости и гнѣва.

— А вотъ „за это" ты не отдашь перстня? прогремѣлъ голосъ сзади молодой дѣвушки и въ то же мгновеніе Орелъ Криванскій получилъ такой страшный ударъ кулака по лицу, что... усы его внезапно полетѣли на полъ.

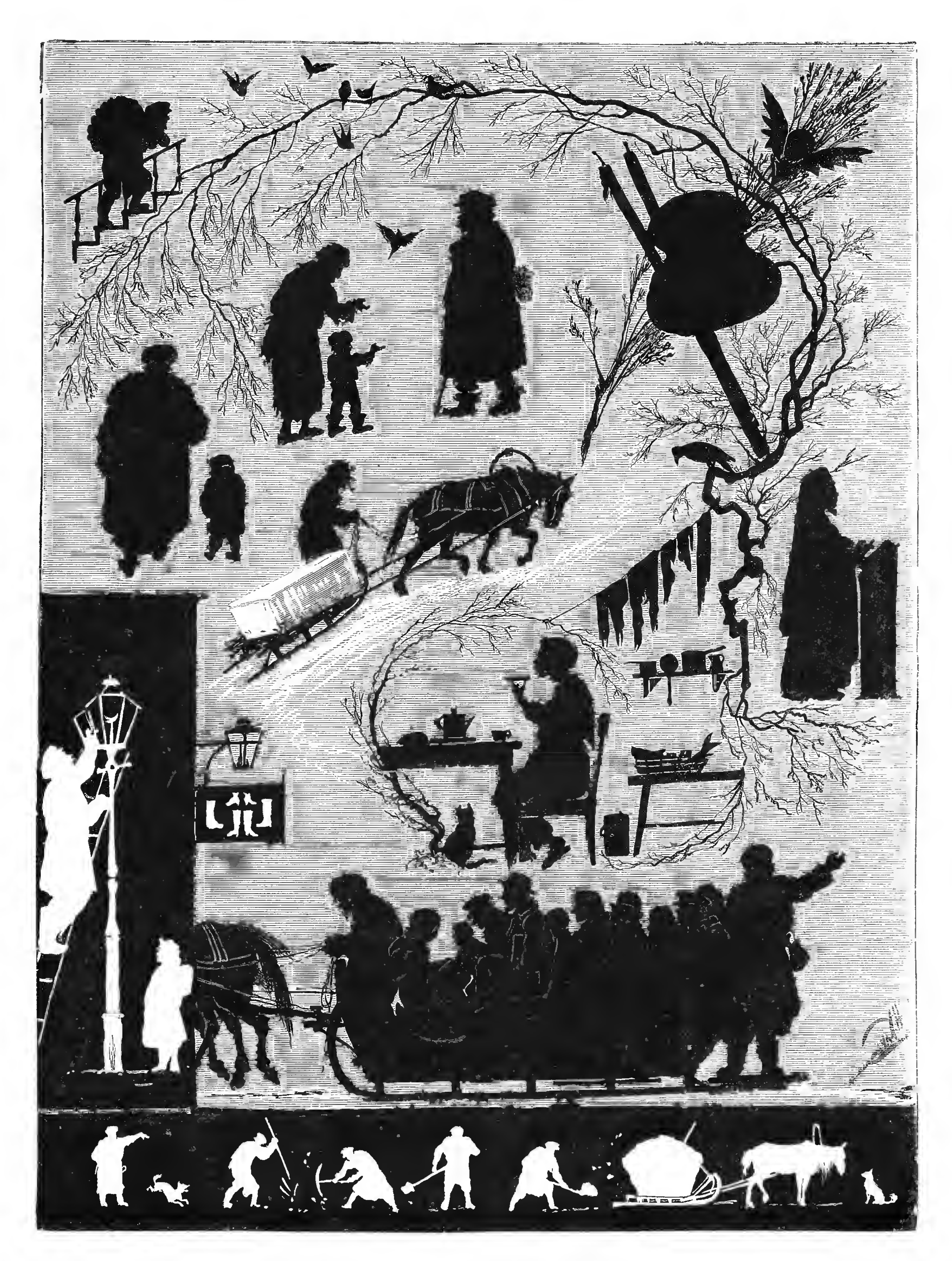
Маска пала—это былъ „онъ", мошенникъ Шиборакъ.

Графъ едва не лишился чувствъ.

— Ну теперь они перебьютъ насъ всѣхъ! проговорилъ онъ.

Одну секунду Криванскій простоялъ какъ одурѣлый, но затѣмъ, выхвативъ саблю, бросился, съ какимъ-то дикимъ крикомъ, на Иллаваи. Бой, однако, продолжался не долго. Францъ, оказавшійся сильнѣе противника, быстро схватилъ его за обѣ руки и—овладѣлъ и саблей, и перстнемъ. Тотъ, увидя себя обе-

Масляница. Силуэты Н. Н. Каразина, грав. Гельштейнъ.



Великій постъ. Силуэты Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

вооруженнымъ, моментально прыгнулъ черезъ окно на дворъ.
Кровь забушевала въ Иллаваи.
Высоко поднявъ надъ головою саблю, онъ повернулся и громко кликнулъ.
— Ну, кто еще тутъ? выходи!
Но—никого больше не было: офицеры послѣдовали уже за своимъ командиромъ въ окно.
Иллаваи выскочилъ на дворъ и тамъ раздался его могучій голосъ, теперь онъ командовалъ своими словаками, схватившимися уже съ „партизанами" Криванскаго.

XII.

Стелла.

Словаки погнали банду Криванскаго. Надо здѣсь замѣтить, что въ этой бандѣ выдѣлялся особый отрядъ, составлявшій какъ бы конвой предводителя, конвой, съ которымъ мы познакомимся впослѣдствіи еще ближе. Этотъ почетный отрядъ вербовался преимущественно изъ подонковъ арміи, изъ мародеровъ, невидимыхъ въ сраженіяхъ, но зато, выходящихъ на сцену потомъ, чтобы грабить помѣщиковъ и мужиковъ. Они то теперь и помѣстились въ замкѣ, тогда какъ „главныя силы" были расквартированы въ мѣстечкѣ, у крестьянъ.
Да, Пальма во время написала Иллаваи, чтобы онъ пріѣхалъ!
Все произошло согласно заранѣе условленному плану и разыграно было какъ по нотамъ. Съ словаками можно дѣлать дѣло, они—не болтуны и умѣютъ молчать когда и гдѣ надо.
Оказалось, что толпа, такъ внимательно слушавшая Баранича и безпрекословно послѣдовавшая за нимъ въ замокъ съ криками и угрозами противъ помѣщиковъ, мадьяръ и окружнаго судьи—были въ заговорѣ съ Иллаваи, въ большей части состояли именно, изъ тѣхъ, кого онъ выбралъ, и которые по первому же его знаку, бросились на авантюристовъ. Счастливы были еще эти послѣдніе, что обладали хорошими ногами и успѣли убѣжать.
Въ одно мгновеніе банда была прогнана за мостъ. На площади всадникамъ главной массы отряда Криванскаго удалось собраться и они начали стрѣлять. Какъ ни были храбры мужики—ружье все таки ружье, а изъ вилы, вѣдь, не выстрѣлишь.
— Ничего, ничего, пусть ихъ соберутся вмѣстѣ,—легче будетъ сразу справиться съ ними! крикнулъ Иллаваи.
Пальма стояла у окна и любовалась волнующей картиной схватки, Графъ, чрезвычайно разстроенный ходилъ нервными шагами, взадъ и впередъ по залѣ, отдавъ Кузену приказаніе подать ему пистолетъ и велѣвъ поднять мостъ.
Между тѣмъ, молодая графиня была просто увлечена этимъ зрѣлищемъ! О какъ хорошъ мужчина съ блестящимъ мечемъ въ рукѣ! Иллаваи сразу преобразился! Вмѣсто тяжелой фигуры, вмѣсто спокойнаго помѣщика—передъ нею боецъ! Сколько въ немъ огненнаго мужества, сколько отваги! По одному слову его движутся массы! Среди шума битвы, она ясно слышитъ его громкій, повелительный голосъ. Пули не трогаютъ, не смѣютъ коснуться его!
— Это что? майскіе жуки! смѣется онъ. И—ни однаго взгляда наверхъ! Вотъ онъ велѣлъ, трубой, подать своимъ сигналъ, который тотчасъ же былъ повторенъ съ сосѣднихъ горъ, съ двухъ, трехъ, четырехъ сторонъ. Ну—и пошла потѣха: отовсюду выбѣжали спрятанные до того въ лѣсу мужики. Авантюристы, видя себя окруженными, совершенно растерялись и кинулись въ разсыпную, бросая на бѣгу свое оружіе. Менѣе, чѣмъ въ полчаса мѣсто было очищено. Мужики, съ громкимъ крикомъ преслѣдовали побѣжденныхъ далѣе, къ лѣсу.
А онъ, тотъ, который никогда не выходилъ изъ скромной роли окружнаго судьи, онъ теперь руководитъ сраженіемъ, бросаясь самъ туда, гдѣ еще непріятель пытался оказать сопротивленіе. Онъ гонитъ его предъ собой какъ соколъ. Никакой магическій жезлъ не произвелъ бы въ этомъ человѣкѣ такой необычайной перемѣны, какую сдѣлала сабля, когда онъ взялъ ее въ руку. Пальма забыла и страхъ, и опасность, а она была въ экстазѣ.
Вскорѣ возвратились побѣдители съ развернутыми знаменами во главѣ. Въ отрядѣ Криванскаго на каждые пятьдесятъ человѣкъ имѣлось особое знамя. Въ своемъ бѣгствѣ храбрецы побросали всѣ свои знамена. Кампанія была окончена, совершенно окончена.
Великолѣпна была и въ эту минуту мужественная, героическая фигура Иллаваи, съ поднятымъ къ небу побѣдоноснымъ мечемъ своимъ. Окружившая его толпа обнажила головы передъ нимъ. Пальма стояла очарованная, она была совершенно подавлена всецѣло овладѣвшимъ ею восторгомъ. Онъ же, какъ бы желая сбросить съ себя рыцарскую оболочку, и снова превратиться въ обыденную прозаическую фигуру, кинулъ далеко въ сторону саблю, обтеръ, зачѣмъ-то, о свой сюртукъ руки и сдѣлалъ при этомъ карикатурную, пренебрежительную гримасу.
Но и смѣшная гримаса была такъ мила, что... она много-бы дала видѣть ее теперь, сейчасъ, какъ можно ближе къ себѣ...
Онъ скоро поднялся къ ней, ступая своею тяжелою походкой, подъ которой, какъ говорили въ шутку, земля дрожала.
Пальма сошла съ своего мѣста и приблизилась къ отцу.
— Разбойники бѣжали, сказала она,—ихъ прогналъ „этотъ человѣкъ" и „этому человѣку" надо хоть что нибудь сказать въ благодарность. Кузенъ спѣшилъ впереди, желая явиться первымъ съ доброю вѣстью: негодяи, улепетывали какъ зайцы! Трусишки! Онъ, Кузенъ, давно уже намѣревался выпроводить ихъ отсюда при помощи егерей его сіятельства. И только не смѣлъ распорядиться безъ разрѣшенія.
Теперь и графъ убѣдился какъ неоснователенъ былъ его страхъ предъ недавними гостями. Не будь онъ „такимъ мягкимъ, добрымъ человѣкомъ"—и онъ могъ бы прогнать ихъ съ такою же легкостью, какъ это сдѣлалъ Иллаваи.
Минувшая опасность, словомъ, теперь признана ничтожною; у графа была другая, болѣе важная забота, чѣмъ думать о такихъ пустякахъ,—куда дѣвался перстень съ солитеромъ, куда дѣвалась „Стелла"? Еще, пожалуй, раздавили во время этой возни? Глаза его еще продолжали искать на полу, въ ту минуту, когда предъ нимъ остановился Иллаваи.
— Графъ, обратился онъ къ нему тономъ, въ которомъ слышался упрекъ,—вы пригласили въ свой домъ опаснѣйшую шайку разбойниковъ! Не довѣряя своимъ крестьянамъ, вы обратились къ защитѣ негодяевъ. И тѣ же крестьяне явились на помощь къ вамъ и освободили васъ. Вы этотъ народъ должны любить! Скажите ему это!
— Правда, правда, я имъ очень обязанъ, очень обязанъ, заговорилъ графъ Теметвени,—и сейчасъ докажу имъ мою признательность. Кузенъ! Велите открыть для нихъ погреба замка.
Графъ хотѣлъ идти къ окну и оттуда сказать нѣсколько словъ народу (а кстати и взглянуть—не лежитъ ли „Стелла" гдѣ нибудь въ томъ мѣстѣ залы).
— Нѣтъ, графъ, не то, не такъ (Иллаваи теперь распоряжался въ домѣ)—откройте имъ не погребъ, а сердце свое! Сойдите внизъ къ нимъ и пожмите хорошенько каждому руку. Вы никогда еще не дотрогивались до болѣе честныхъ рукъ.
— Да, да, я сдѣлаю это, сдѣлаю! Это—хорошій, добрый, храбрый народъ, вѣрный, преданный. Я сойду къ нимъ.
И графъ пошелъ. Но Иллаваи замѣтилъ, что на каждомъ шагу онъ нагибался, какъ бы что-то искалъ на полу, на землѣ, толкая ногой всякую попадавшуюся на дорогѣ стекляшку, и догадался чего искалъ Теметвени.
Онъ, со смѣхомъ, протянулъ къ графинѣ свою лѣвую руку, сжатую въ кулакъ.
— Смотрите, графиня, во все время схватки, я, совершенно безсознательно держалъ перстень въ этой рукѣ.
Онъ сражался одной рукой.
Пальма отвѣтила ему улыбкой, прелестной улыбкой феи.
— Прошу васъ оставить этотъ перстень у себя.
Въ одно мгновенье улыбка исчезла съ лица Франца.
— Какъ? вы отдаете талисманъ матери вашей? произнесъ онъ съ оттѣнкомъ грусти.
— Я не предлагаю вамъ его въ подарокъ. Никто не смѣетъ оскорбить васъ подаркомъ. Я даю его вамъ въ обмѣнъ на то кольцо, которое у васъ виситъ на цѣпочкѣ.
То было обручальное кольцо, оставившей его невѣсты, Иллаваи носилъ его на своей груди, какъ всѣ люди на своихъ ладоняхъ носятъ вытѣсненную тамъ букву „M" что означаетъ: „memento mori". Не мѣшаетъ каждодневно имѣть это изображеніе предъ глазами: отучаетъ отъ самонадѣянности.
— Это—мой талисманъ, проговорилъ онъ тихимъ, полнымъ глубокаго чувства, голосомъ.
— Я знаю это и потому прошу въ обмѣнъ.
При этихъ словахъ черты Иллаваи приняли то выраженіе скрытаго, подавленнаго горя, которое придаетъ лицу мужчины столько величавой красоты.
— Графиня, сказалъ онъ грустно, я дорожилъ этимъ кольцомъ больше, чѣмъ всѣми брилліантами Голконды.
— Я знаю ихъ, эти страданія, которыя выше всякой цѣны, поспѣшила добавить Пальма.
— Это кольцо возвратили мнѣ, бросили мнѣ назадъ.
— Несчастная, которая сдѣлала это.
— Она любила меня, пока ей казалось, что любитъ, и поступила хорошо, что сказала мнѣ правду, когда поняла, что не любитъ.
— Развѣ вы боитесь, что и я поступлю точно такъ-же?
— Я увѣренъ въ этомъ.
— Къ чему это оскорбленіе?
— Графиня, графиня,—вамъ это только кажется такъ, это не болѣе, какъ минутное ослѣпленіе, мечта.
— Въ такомъ случаѣ вся жизнь не болѣе какъ мечта! Пока я не сдѣлалась взрослой дѣвушкой, меня держали въ отдаленіи отъ мужчинъ. А потомъ, когда повезли въ свѣтъ, мнѣ сказали: вотъ тебѣ стадо болтливыхъ обезьянъ, изъ которыхъ ты выберешь себѣ одну, чтобы сдѣлать ее несчастливой на всю жизнь. Но я вѣрила Богу и молитвы мои услышаны и мнѣ посланъ.... человѣкъ. какого я желала, мужчина, герой моихъ мечтаній. Можетъ быть и это—не болѣе какъ мечта? Развѣ я не видѣла сейчасъ тутъ, какъ онъ, одинъ противъ всѣхъ, защищалъ тѣхъ, которые были слабы и немощны, потому что жили только мечтой? Развѣ я не видѣла его въ такомъ величіи духовной мощи, что вся душа моя трепещетъ до сихъ поръ?..
Францъ грустно улыбнулся. Ему ясна была опасная ошибка! Дѣвушка въ минуту энтузіазма, вообразила его героемъ и этотъ мимолетный восторгъ принимаетъ за любовь. Но солнце закатится, свѣтъ лучей его исчезнетъ и позлащенная ими, за ми-

нуту, статуя явится во всей своей неприглядной, грубой простотѣ. Онъ молчалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Пальма, то не былъ сонъ, то не мечта была! Развѣ онъ не выдалъ себя самъ? Какое-же было дѣло окружному судьѣ, что грубый солдатъ поцѣловалъ графиню? Кто далъ ему право ударить за это солдата? Онъ — судья, чиновникъ, изъ-за чего онъ вмѣшался, зачѣмъ вырвалъ у него саблю, чтобы прогнать и того, кто это сдѣлалъ, и тѣхъ, кто смѣлъ быть очевидцемъ этой сцены? „Что-же“ заставило его поступить такъ?

Плаван вспыхнулъ. Измѣнить себя до такой степени!

Пальма засмѣялась счастливымъ, дѣтскимъ смѣхомъ.

— Вы спрашивали — вамъ отвѣчаютъ!!..

— Графиня, кто вы и — кто я!...

— Вы — мужчина, а я — дѣвушка. Лучшаго названія я не знаю и не придумаю.

— Разстояніе, раздѣляющее насъ...

— Разстояніе! произнесла съ горечью Пальма. Да, это правда! Я не болѣе, какъ украшенная, осыпанная брилліантами нищая, а вы — гордый человѣкъ, обязанный только себѣ и ни предъ кѣмъ не преклоняющійся, ни у кого не просящій. Вы стоите гораздо выше меня и я, я прошу васъ — забудьте о моемъ происхожденіи, возьмите меня, позвольте мнѣ раздѣлить съ вами вашъ честный хлѣбъ.

Плаван былъ поколебленъ. Въ голосѣ дѣвушки было столько искренней горечи, что онъ невольно началъ вѣрить. Онъ пожалъ ея руку, въ которую, однако, опустилъ перстень съ „Стеллой“.

— Вы не хотите мнѣ дать вашего кольца даже въ обмѣнъ? грустно спросила Пальма, — хорошо, такъ удержите его, пока я не буду его достойна! Я постараюсь его заслужить.

Францъ приблизилъ свое лицо близко, близко къ лицу графини.

— Видѣли-ли вы когда-нибудь человѣка уродливѣе меня?

— Неправда! пылко воскликнула Пальма.

Она внезапно охватила голову Плаван и онъ почувствовалъ на своихъ губахъ жгучій, страстный поцѣлуй... Молодая дѣвушка порхнула какъ птичка и исчезла.

Францъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Что такое произошло съ нимъ? Такъ его любятъ, любятъ? Преданною, вѣрною любовью супруги и поэтическою любовью дѣвушки? За чистую красоту его души, скрытой въ его неуклюжей фигурѣ дикаря? Или — то былъ обманчивый поцѣлуй феи, данный только для того, чтобы загубить душу его? Поцѣлуй виллисы, которая, въ поздній часъ, завлекаетъ путника въ глухой лѣсъ и тамъ душитъ его въ своихъ объятьяхъ до смерти?

Нѣтъ — то была дѣйствительность.

Слово можетъ быть ложью, сладкій любовный говоръ — обманомъ, но поцѣлуй веществененъ, его не возьмешь назадъ. Насмѣшливое зеркало не могло уже, на этотъ разъ, дразнить его. Онъ видѣлъ, какъ живое — это прелестное созданье, которое обожгло его поцѣлуемъ, которое сказало ему: „неправда! Я люблю тебя“.

XIII.

Одна изъ говорящихъ обезьянъ.

Плаван сошелъ внизъ, во дворъ, къ графу. Онъ не помнилъ себя отъ счастья и будто сквозь туманъ помнилъ, что послалъ Теметвени говорить рѣчь мужикамъ.

Тотъ успѣлъ уже пожать триста мозолистыхъ, потныхъ рукъ.

— Не сказалъ-ли я чего компрометирующаго этимъ почтеннымъ людямъ? спросилъ онъ Франца, думая въ своемъ, никогда не оставлявшемъ его, эгоизмѣ, что окружный судья только и былъ занятъ тѣмъ, — слѣдовать за нимъ и, поэтому, внимательно слушалъ и восхищался его умѣньемъ говорить съ народомъ.

— Можете быть спокойны, графъ, я отвѣчаю за все, что произошло сегодня здѣсь. Да и къ тому-же въ этомъ происшествіи нѣтъ ничего политическаго. Эта шайка состояла изъ авантюристовъ всевозможныхъ націй, и такъ какъ мы ее отсюда прогнали то она очутится черезъ нѣсколько дней или въ Германіи, или въ Россіи. У этой вольницы вѣдь нѣтъ отечества своего.

Это объясненіе очень успокоило графа.

— Такъ это была, въ самомъ дѣлѣ, просто на просто, разбойничья шайка?

— Я уже прежде имѣлъ честь знать нѣкоторыхъ членовъ доблестной компаніи. Самъ предводитель три раза побывалъ у меня въ рукахъ, но каждый разъ успѣвалъ ускользнуть. Преопасный бродяга! Во Франціи три раза бѣжалъ изъ тюрьмы. Еще прежде я хотѣлъ предупредить васъ, что слухъ о сокровищахъ, заключающихся въ Гарго, проникъ давно уже заграницу, и между прочимъ, къ такимъ любителямъ какъ эти.

— А пока и мы можемъ идти наверхъ пообѣдать, потому что давеча за столомъ, съ этими разбойниками, никто изъ насъ не дотронулся до блюдъ.

— Признаюсь, я не желалъ ѣсть хлѣбъ-соль вмѣстѣ съ этими негодяями. Да, впрочемъ, и теперь-то мнѣ не время думать объ ѣдѣ.

— Это отчего? Развѣ вы не голодны? Вѣдь уже, я думаю, часа три есть.

— Да, но меня ждетъ болѣе важное. Въ сегодняшней стычкѣ есть и раненые, и имъ необходимо оказать первую помощь, пока мы, еще только завтра, добудемъ для нихъ комитатскаго доктора (и, кто еще знаетъ — найдемъ-ли мы его дома?).

— Неужели и это относится къ вашимъ обязанностямъ?

— Когда окружный докторъ выступилъ въ походъ, въ качествѣ военнаго врача, такъ оставилъ мнѣ свою аптечку, которую я и развожу теперь какъ Дульвамара. Иногда бываетъ, что въ случаѣ надобности, я принимаю кое-какія мѣры, помогаю. Отчасти даже я и напрактиковался, потому что доктора вѣдь не легко найдешь въ деревнѣ. Теперь мнѣ необходимо холста для бинтовъ.

— Все это вы получите отъ моей дочери. Она знаетъ, гдѣ найдти что надо. Пойдемте къ ней.

Теметвени помогъ Плаван найдти Пальму, которая никакъ не могла понять, отчего отецъ называетъ Франца „господиномъ докторомъ“. Глаза ея наполнились слезами, когда она услыхала, что рѣчь шла о раненыхъ.

— Боже мой! Изъ-за насъ другіе пролили кровь свою?! А у насъ и доктора нѣтъ тутъ! Вы вѣдь позволите мнѣ ѣхать съ вами и помогать вамъ?

— Что это ты выдумываешь? съ ужасомъ воскликнулъ графъ, развѣ это прилично молодой дѣвушкѣ?

Пальма глубоко вздохнула.

— Въ монастырѣ я была еще моложе, а тамъ монахини постоянно ухаживали за ранеными и больными и это было моею ежедневною обязанностью.

Упрекъ, звучавшій въ голосѣ Пальмы, задѣлъ графа за живое: онъ болѣе не возражалъ и, объявивъ, что идетъ принести благодареніе Богу, — вышелъ изъ комнаты. Онъ спѣшилъ просто вымыться, чувствуя въ этомъ величайшую потребность, послѣ трехсотъ мужичьихъ рукопожатій.

Пальма могла теперь поступить какъ желала. Мнѣнія Плаван она и не думала спрашивать, онъ обязанъ былъ повиноваться ей: съ первымъ поцѣлуемъ она становилась повелительницею.

Графиня наготовила наскоро изъ своего тонкаго дорогаго бѣлья бинтовъ и повязокъ и они отправились въ деревню. Пандуръ (сидѣвшій съ кучеромъ) указывалъ дома, гдѣ лежали раненые. Ихъ, впрочемъ, оказалось немного, да и тѣ всѣ получили легкія раны. Большая часть пострадала отъ огнестрѣльнаго оружія, и этимъ раненымъ надо было наложить повязки, чтобы остановить кровь. Монастырка не испугалась вида ранъ и дѣятельно, и ловко помогала Плаван. И съ каждою оконченною перевязкой успокоивалось наболѣвшее сердце дѣвушки.

Въ замокъ они возвратились уже поздно вечеромъ. Оба были довольны и веселы, — вѣроятно оттого, что, какъ они видѣли, никто изъ крестьянъ не пострадалъ особенно, а можетъ быть хорошее настроеніе это имѣло и другую причину. Графъ не дождался ихъ возвращенія и уже сѣлъ за столъ, на противуположномъ концѣ котораго помѣстился Кузенъ. Впрочемъ, Кузенъ уважалъ этикетъ настолько, что не позволилъ себѣ дотронуться ни до одного блюда, пока господа не оказались въ полномъ сборѣ. Пальма весело поцѣловала графа, сказавъ ему, что „особаго несчастія не случилось“. Францъ сознался, что очень голоденъ, что заставило графа извиняться въ томъ, что онъ не ждалъ ихъ. — „Не бойся отвѣтила Пальма, — мы догонимъ тебя, — голодны, какъ волки!“ Молодая дѣвушка щебетала, какъ птичка.

Раненые были всѣ очень бодры, несмотря на свое положеніе и во время перевязки, забавляли импровизированныхъ докторовъ разсказами о томъ, какъ они поколотили непріятеля и теперь графиня съ оживленіемъ пересказывала все слышанное отцу. Плаван не удалось вставить ни одного слова, — какъ только онъ открывалъ ротъ, она перебивала его, и даже одинъ разъ, чтобы заставить его ѣсть и не мѣшать ей говорить, красавица встала съ своего мѣста и сама подала ему внесенное въ ту минуту блюдо. Неслыханная это была вещь, чтобы въ парадной столовой замка Теметвени, единственная дочь владѣтеля замка, прислуживала гостю! Но — теперь такія необыкновенныя времена!

Но не успѣли они окончить обѣда, какъ веселый разговоръ ихъ внезапно прервали восклицанія, и случилось нѣчто необычайное.

— Вотъ онъ! Ведемъ, ведемъ! На висѣлицу его!

Какой-то здоровенный малый ворвался въ залу и крикнулъ:

— Начальника-то ихняго — мы словили!

Неожиданный и безцеремонный вѣстникъ въ одной рукѣ держалъ конецъ веревки, которая тащилась за нимъ изъ самой передней, гдѣ обвивалась вокругъ шеи пойманнаго плѣнника.

Военноплѣнный былъ Сома, но — въ какомъ видѣ! Бѣлая мерлушковая шапка была нахлобучена до самыхъ глазъ, вмѣсто венгерки онъ теперь оказался въ красномъ доломанѣ. Откуда могъ онъ добыть его? Объяснялось это очень просто: юный воинъ надѣлъ венгерку навыворотъ, красной подкладкой вверхъ. Онъ былъ удивительно похожъ на обезьяну.

Францъ бросился къ плѣннику, котораго держали крестьяне.

— Вы рехнулись, что-ли! загремѣлъ онъ, — это мой племянникъ, сынъ вашего бывшаго помѣщика, Корнель Опатовскій! Сейчасъ развязать ему руки. Зачѣмъ вы связали его, ослы этакіе?

— Да онъ сказалъ намъ, что онъ начальникъ Свободности.

— Къ чему это вы выдумали такую глупость? спросилъ Плаван Корнеля.

(До слѣд. №).

Башня Сумбеки въ Казани.

(Рис. на стр. 136 и 137).

Въ исторіи Казани, въ эпоху борьбы ея со все болѣе и болѣе возраставшимъ могуществомъ московскаго царства, встрѣчается замѣчательная женская личность, которая одно время играла довольно видную роль въ судьбѣ своей родины. Это—Сумбека, татарская царица, объ которой до сихъ поръ среди татаръ ходятъ различные легендарные разсказы, прикрашивающіе довольно сухія и отрывочныя свѣдѣнія, сохранившіяся объ нея въ хроникахъ того времени. По послѣднимъ оказывается что Сумбека или правильнѣе Суюнбека, была дочерью ногайскаго князя Юсуфа, вышедшая въ самой ранней молодости за несовершеннолѣтняго казанскаго царевича Еналея. Еналей впрочемъ царствовалъ недолго; буйные и своевольные казанскіе вельможи убили его и пригласили снова на престолъ, бывшаго уже у нихъ прежде царемъ, Сафы-Гирея. Сафы-Гирей плѣненный красотою Сумбеки, тотчасъже женился на ней и жилъ съ ней довольно счастливо, имѣлъ отъ нея сына, но въ 1549 году внезапно скончался, ударившись въ нетрезвомъ видѣ объ поставецъ и разбивъ себѣ голову. Оплакавъ любимаго супруга, Сумбека неожиданно сдѣлалась правительницей государства, такъкакъ малолѣтній сынъ ея Утемишъ-Гирей былъ назначенъ царемъ и конечно не могъ обойтись безъ ея надзора и руководства. Но молодая и неопытная Сумбека вскорѣ подпала подъ вредное вліяніе одного татарина Кощака, который подговорилъ ее къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ московскаго правительства. Кощакъ былъ взятъ въ плѣнъ въ первой-же стычкѣ съ русскими и какъ измѣнникъ казненъ въ Москвѣ; не довольствуясь этимъ, Царь Московскій потребовалъ еще у казанцевъ выдачи Сумбеки вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ, желая тѣмъ положить конецъ кознямъ и интригамъ крымской династіи. Царь предложилъ въ то время Казани новаго царя въ лицѣ Шигъ-Алея, брата Еналеева, и съ нимъ обѣщалъ даровать и миръ и спокойствіе.

Съ Царемъ спорить было конечно не подъ силу и вотъ граждане рѣшились пожертвовать Сумбекой ради общественнаго блага; это былъ самый драматическій моментъ въ жизни Сумбеки когда она покидала родимый городъ, чтобы отправиться въ невѣдомую страну плѣнницей сильнаго и можетъ быть жестокаго врага. Особенно увлекательно описана эта сцена прощанія Сумбеки съ народомъ у Карамзина. „Не укоряя ни вельможъ, ни гражданъ, говоритъ онъ, Сумбека жаловалась только на судьбу, въ отчаяніи лобызала гробъ Сафи-Гирея и завидовала его спокойствію. Народъ безмолвствовалъ; вельможи утѣшали ее и говорили, что Іоаннъ милостивъ, что многіе цари мусульманскіе служатъ ему: что онъ изберетъ ей достойнаго между ними супруга и дастъ владѣніе. Весь городъ шелъ за нею до рѣки Казанки, гдѣ стояла богато украшенная ладья. Сумбека тихо ѣхала въ колесницѣ: пѣстуны несли сына ея. Блѣдная, слабая, она едва могла сойти на пристань и входя въ ладью, съ умиленіемъ поклонилась народу, который палъ ницъ, горько плакалъ, желалъ счастія бывшей своей царицѣ“.

Такъ печально отъѣзжала Сумбека изъ роднаго города; ее страшила неизвѣстность ея будущности, но этотъ страхъ былъ неоснователенъ: князь Оболенскій встрѣтилъ ее на берегу Волги, привѣтствовалъ именемъ Государя и повезъ на судахъ въ Москву, гдѣ Царь принялъ ее очень милостиво и одарилъ довольно щедро и даже царственная книга упоминаетъ, что „1551 года сентября 5 дня привозили царя и царицу казанскихъ къ Государю въ Москву, далъ Богъ здраво“. Тогда-же на мѣсто малолѣтняго Утемишъ-Гирея былъ назначенъ царемъ въ Казань Шигъ-Алей, который вскорѣ по волѣ Государя сдѣлался мужемъ Сумбеки.

Шигъ-Алей былъ безобразный толстякъ, трусъ и интриганъ и есть свѣдѣнія, что Сумбека не любила его, сдѣлавшись его женой лишь по волѣ Царя московскаго.

Даже существуетъ разсказъ, что молодая супруга пыталась съ помощью преступленія отдѣлаться отъ нелюбимаго мужа; такъ разъ она ему поднесла кушанье съ ядомъ и наколдованную рубашку, но предупрежденный Шигъ Алей далъ кушанье собакѣ а рубашку приказалъ надѣть на приговореннаго къ казни преступника и будто бы смерть какъ одну, такъ и другаго поразила мгновенно. Послѣ этого Шигъ Алей, добавляетъ преданіе, отослалъ Царицу съ сыномъ снова въ Москву. Что же касается до достовѣрной исторіи, то она упорно молчитъ объ дальнѣйшей судьбѣ Сумбеки и даже время ея кончины осталось для насъ неизвѣстнымъ. Сынъ же ея Утемишъ-Гирей, былъ крещенъ въ 1553 г., нареченъ Александромъ и послѣ смерти, послѣдовавшей въ 1566 г., погребенъ въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ.

(Продолженіе на стр. 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143 и 144).

Казань. Башня княгини Сумбеки въ Кремлѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Въ Казани до сихъ поръ еще сохранился памятникъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ Сумбекиной башни, изображенный на стр. 136. Это довольно высокое зданіе (около 35 саж.) находится въ Кремлѣ и состоитъ изъ основанія, представляющаго собою правильный четыреугольникъ и изъ семи ярусовъ. Изъ этихъ ярусовъ первые три четыреугольные а остальные — осьмиугольные; кругомъ же ихъ идутъ узкія террасы. Башня оканчивается шпицемъ, который украшенъ двухглавымъ орломъ и подъ нимъ прикрѣпленъ ярко сіяющій вызолоченый шаръ. Объ этомъ шарѣ долго ходили между Татарами таинственные слухи, что будто въ немъ скрыты какія то важныя и секретныя бумаги, но когда въ 1830 по распоряженію мѣстныхъ властей шаръ былъ снять и вскрытъ, то оказался совершенно пустымъ и сдѣланнымъ просто изъ латуни. Есть преданіе, будто Сумбека бросилась съ этой башни, узнавъ о взятіи Казани. Но изъ вышесказаннаго уже извѣстна ея судьба. Относительно времени постройки башни существуютъ самыя разнорѣчивыя мнѣнія; одни относятъ ея сооруженіе къ эпохѣ татарскаго владычества; другіе къ царствованію Алексѣя Михайловича; иные же думаютъ что она построена при Аннѣ Іоанновнѣ. Впрочемъ въ послѣднее время большинство нашихъ ученыхъ археологовъ думаютъ что она составляла одну изъ тѣхъ многочисленныхъ мечетей, которыя упоминаются въ разсказѣ князя Курбскаго объ осадѣ и взятіи Казани. Примыкающая же къ Сумбекиной башнѣ дворцовая церковь была первоначально такъ же мечетью и обращена въ христіанскій храмъ лишь по завоеваніи города. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія церковь эта была упразднена и обращена даже въ пороховой складъ но въ 50-хъ годахъ снова возобновлена и въ этомъ видѣ существуетъ до нашего времени.

Снимокъ съ древней картины. Царица Сумбека и ея семья. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Другой нашъ рисунокъ, изображающій Сумбеку съ мужемъ, Сафи Гиреемъ, и мальчикомъ сыномъ Утемишемъ — списокъ съ картины, бывшей въ 1877 году на выставкѣ въ Казани во время четвертаго археологическаго съѣзда. Картина эта очевидно старинная и рѣдкая, но конечно писана не татарскою кистью такъ какъ заниматься живописью вообще и портретами въ особенности — дѣло грѣховое и запретное для каждаго благочестиваго мусульманина. Вѣроятнѣе всего, что картина писана какимъ нибудь стариннымъ русскимъ художникомъ, который хотѣлъ въ ней представить Сумбеку, героиню древней Казанской исторіи.

Къ рисункамъ.

Малороссіянка.

(Рис. на стр. 129).

Кто-бы изъ художниковъ ни посѣтилъ прекрасный югъ нашъ, кто-бы ни побывалъ подъ благословеннымъ небомъ Украйны — каждый уноситъ чарующее впечатлѣніе ея задумчивыхъ, мелодическихъ пѣсенъ, ея чудныхъ ночей, стройныхъ тополей и степи. И типъ построекъ, и тополь, и аисты, и волы, и раздолье безконечной степи — все невольно поражаетъ сѣверянина. Низенькія чистовыбѣленныя стѣны мазанокъ топутъ въ зелени: мальвы, тюльпаны, подсолнечники обступаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Но особенною прелестью поражаетъ, вдругъ мелькнувъ гдѣ-нибудь, личико молодое, смуглое, прелестное — украинской красавицы - и оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе въ воображеніи художника и въ его портфелѣ появляются массы прелестныхъ милыхъ женскихъ головокъ, улыбающихся или задумчивыхъ подъ своими свѣжими вѣнками цвѣтовъ.

Одно такое прелестное личико нарисовалъ нашъ талантливый сотрудникъ М. А. Зиновьевъ и рисунокъ его мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ.

Масляница и Великій постъ.

(Силуэты Н. Каразина стр. 132 и 133).

Какъ мѣтко схвачены нашимъ художникомъ эти два жизненныхъ контраста, единственные въ году! Вотъ „прощальное Воскресенье" и „чистый Понедѣльникъ". Налѣво, наканунѣ, еще полный масляничный разгулъ, развѣваются флаги балагановъ, „дѣдко" кричитъ съ балкона что то къ народу, потряхивая своей пеньковой бородой, скачетъ мужикъ верхомъ съ полуштофомъ въ рукѣ и смѣясь ловитъ за хвостъ саешникъ обезьяну. А въ серединѣ рисунка двѣ вѣдьмы пекутъ блины и съ дымомъ изъ трубы вылетаютъ веселые масляничные чортики. На масляничный разгулъ задумчиво, сложивъ руки, поглядываетъ старый унтеръ —

городовой; внизу, влѣво, дворникъ тащитъ гуляку „проходи, молъ, проходи! чего безобразишь?“ — и лихая тройка мчитъ за городъ загулявшую компанію.... музыка, пѣсни, хохотъ и общее стремленіе повеселиться. Масляница наиболѣе у насъ, что называется „народный праздникъ“. Это желаніе повеселиться до одури какъ разъ наканунѣ великихъ дней покаянія—создали о венеціанскій и римскій карнавалъ и нашу широкую великороссійскую масляницу.

Но какъ картина мѣняется въ „чистый понедѣльникъ“! Вытянутыя, опухшія, точно еще несовсѣмъ проснувшіяся лица. Все входитъ въ обычную колею будничной жизни. Раздаются звуки великопостнаго колокола, вправо видны церковныя свѣчи и просфора. Начинаются обычныя сцены: вонъ дворникъ тащитъ дрова, чиновникъ идетъ въ баню съ вѣникомъ, повезли чухны ледъ съ Невы, кухарка, запасшись уже великопостными припасами — пьетъ утромъ чай и Васька смотритъ не перепадетъ-ли ему рыбки. Въ общественныхъ саняхъ потянулся по разнымъ направленіямъ занятой людъ по своимъ дѣламъ и хлопотамъ, свозятъ съ улицъ кучи мерзлой грязи и снѣгу. А въ церквахъ раздается строгая эктенья и высокая молитва о „смиренномудріи, терпѣніи и любви“ призываетъ всѣхъ къ покаянію, напоминаетъ, что всему есть конецъ и границы и скорѣе всего разгулу....

Стоянъ Ковачевичъ.

(Рис. на стр. 138).

Мы уже не разъ говорили въ Политическомъ Обозрѣніи о все болѣе разгорающемся движеніи въ Герцеговинѣ и о причинахъ его. Движеніе противъ австрійцевъ распространилось повсюду. Инсургенты вербуютъ по деревнямъ всѣхъ способныхъ носить оружіе; австрійцы сосредоточиваютъ тамъ значительныя военныя силы. Такъ называемыя „четы“ подъ предводительствомъ избранныхъ ими вождей разсыпаются повсюду. Извѣстнѣйшій и дѣятельнѣйшій изъ предводителей четъ—Стоянъ Ковачевичъ, портретъ котораго мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ. Жизнь его прошла въ непрестанной борьбѣ съ турками и его молодечество дало ему прозвище „юнака“ (т. е. молодца, богатыря). Ковачевичъ родился въ Автовакѣ, бѣдномъ и маленькомъ мѣстечкѣ, здѣсь есть одно только что можно назвать строеніемъ—это турецкая казарма, гдѣ во время безпорядковъ прежде помѣщался турецкій батальонъ.

Ковачевичу теперь 56—58 лѣтъ, это крѣпкій сильный и бодрый человѣкъ съ суровымъ и непривѣтливымъ лицомъ, полный жизни, несмотря на раны, полученныя въ многочисленныхъ стычкахъ съ турками, только его лѣвая рука повреждена и окостенѣла отъ глубокой раны, нанесенной ему ятаганомъ заптія лѣтъ двадцать назадъ. „Стоянъ“, какъ сокращенно называютъ его юнаки, въ теченіи своей тревожной жизни успѣлъ устроить себѣ однако домикъ съ садикомъ въ Здревицѣ близъ Гацко, гдѣ живетъ его жена и двое сыновей, старшему изъ которыхъ 19 лѣтъ. Обаяніе, которое теперь окружаетъ въ глазахъ герцеговинцевъ имя Ковачевича велико и объ его прежней боевой, тревожной жизни ходятъ цѣлыя легенды, въ которыхъ разсказывается о его стычкахъ и продѣлкахъ съ пандурами. Это тѣ же турецкіе заптіи, которые приняты на службу австро-венгерскимъ правительствомъ и составляютъ въ этой странѣ корпусъ жандармовъ: они боятся тронуть Ковачевича, зная что за впечатлѣніе произведетъ это на его соотчичей и не желая вызывать общаго безпощаднаго мщенія. Въ началѣ настоящаго движенія чета Ковачевича состояла всего изъ 60—80 человѣкъ дѣйствовала близъ Гацкаго поля на Черногорской границѣ, по новѣйшимъ же извѣстіямъ у него подъ рукой теперь уже болѣе 1000 человѣкъ инсургентовъ, большая часть которыхъ расположена въ южной Герцеговинѣ.

Стоянъ Ковачевичъ. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Два исчезнувшихъ города.

Очеркъ.

Между величественными явленіями, о которыхъ намъ повѣствуетъ исторія древности, жизнь двухъ міровыхъ городовъ—Вавилона и Ниневіи—занимаетъ первое мѣсто. Уже двѣ тысячи лѣтъ лежатъ они въ развалинахъ; но и самыя поразительныя созданія рукъ человѣческихъ послѣдующихъ временъ, не умаляютъ то впечатлѣніе, какое производятъ на насъ эти грандіозныя массы построекъ, хотя глазамъ нашимъ теперь онѣ являются только развалинами и обломками.

Одна окружность этихъ обоихъ городовъ не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ настоящее время. Вавилонъ занималъ пространство въ 490 квадратныхъ километровъ, т. е. въ четыре раза большую площадь земли, чѣмъ теперешній Лондонъ а Ниневія, надъ постройкой, которой, въ продолженіи восьми лѣтъ, работало постоянно 140,000 человѣкъ, имѣла въ окружности 104 километра (около 100 в.). Оба города были наполнены своеобразными величественными зданіями, изъ которыхъ нѣкоторыя и понынѣ считаются чудесами міра.

Описанія оставленныя бытописателями того времени, въ соединеніи съ данными и изслѣдованіями, добытыми раскопками, достаточно знакомятъ насъ съ этими гигантскими міровыми городами и ихъ главнѣйшими достопримѣчательностями.

Вавилонъ былъ столицей древней страны того-же имени и лежалъ въ обширной долинѣ Синеара на нижнемъ Евфратѣ, по обѣимъ берегамъ этой рѣки, въ 15 миляхъ отъ Багдада, 40 миляхъ отъ Персидскаго залива и 130 миляхъ отъ Іерусалима. Время и подробности его основанія теряются во мракѣ доисторическихъ временъ. Предполагаютъ, что городъ существовалъ уже во время перваго Вавилонскаго государства, быть можетъ, около 2000 лѣтъ до Р. Х.; но самый цвѣтущій его періодъ начинается съ паденіемъ Ассирійскаго царства, во времена царя Набонолассара и сына его Навуходоносора. Послѣдній, на расширеніе и украшеніе города потратилъ несмѣтныя суммы. Вавилонъ, въ то время, т. е. въ шестомъ столѣтіи до Р. Х., насчитывалъ два милліона жителей, о которыхъ дошли до насъ свѣдѣнія какъ о людяхъ изнѣженныхъ, любящихъ наслажденія и безнравственныхъ. Громадный этотъ городъ, имѣвшій форму четыреугольника, былъ окруженъ стѣною, вышиною въ 10 саженъ и шириною въ 7 саженъ. По ней свободно могло ѣхать въ рядъ нѣсколько колесницъ, сотни мѣдныхъ воротъ замыкали входы въ городъ и на стѣнахъ высились 200 сторожевыхъ башенъ. Кромѣ стѣны наружной была еще средняя и внутренняя городскія стѣны. Великолѣпный, построенный изъ плитняка, мостъ соединялъ обѣ части города, раздѣленныя Евфратомъ. Городъ былъ построенъ очень правильно, съ широкими и прямыми улицами. Вблизи упомянутаго моста, по обѣимъ берегамъ рѣки, возвышался Акрополь (Царскія ворота), состоявшій изъ двухъ гигантскихъ дворцовъ, окруженныхъ тройною стѣною. Здѣсь жилъ Навуходоносоръ, а впослѣдствіи Александръ Великій. Зданія Акрополя были необыкновенной, рѣдкой красоты и убраны и отдѣланы со всевозможной роскошью. Въ городѣ было еще много другихъ дворцовъ, между которыми, какъ чудо строительнаго искусства, извѣстенъ великолѣпный дворецъ Семирамиды.

Эта царица устроила также висячіе сады, которые находились невдалекѣ отъ Акрополя на восточной сторонѣ Евфрата и составляли одну изъ главнѣйшихъ достопримѣчательностей Вавилона. То былъ рядъ дворцовыхъ построекъ, возведенныхъ террасами на колоннахъ и аркадахъ; на свинцовомъ полу террасъ было наложено столько земли, сколько нужно было для деревьевъ съ самыми глубокими корнями. Помощью насосовъ вода изъ Евфрата была проведена по всѣмъ направленіямъ сада. Каждая терраса была вышиною въ 60 футовъ, такъ что верхушки деревьевъ нижней террасы приходились у ногъ зрителя и вмѣстѣ съ тѣмъ не закрывали вида въ даль. Широкія великолѣпныя лѣстницы вели на верхнія террасы: на самой-же верхней изъ нихъ, кромѣ фонтановъ, было еще нѣсколько роскошныхъ царскихъ павильоновъ, изъ которыхъ открывался великолѣпный видъ на окрестности.

Самая значительная достопримѣчательность Вавилона находилась въ западной части города: посреди мѣстности, посвященной богу Бэллу, возвышалась громадная башня, которую еще до разрушенія Іерусалима (588 года) Навуходоносоръ велѣлъ построить на томъ самомъ мѣстѣ и на томъ самомъ основаніи, гдѣ стояла старая вавилонская башня, о которой говорится въ Библіи. Башня имѣла въ вышину 96 саженъ и возвышалась на квадратномъ пирамидальномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ террасовидномъ основаніи въ 98 саж. вышины и 12 саж. ширины. Она состояла изъ восьми разноцвѣтныхъ этажей. Большая витая лѣстница тянулась вокругъ этой удивительной постройки, считавшейся священной, а на вершинѣ ея находился храмъ. Въ тоже время башня была астрономической обсерваторіей. Въ нижнемъ помѣщеніи башни хранилась разная драгоцѣнная утварь, массивныя золотыя статуи и изображенія боговъ; стоимость всего этого опредѣлена въ 13½ милліоновъ рублей. Сѣверная часть города заканчивалась колоссальной пирамидой, составлявшей одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ города, такъ какъ она была и самой древней постройкой, и вмѣстѣ съ тѣмъ гробницей бога Бэлла, и мѣстонахожденіемъ оракула. Александръ Великій, который при вступленіи своемъ въ городъ въ 330 г. обѣщалъ вавилонянамъ отстроить разрушенную гробницу Бэлла въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ не могъ даже успѣть очистить пирамиду отъ осыпавшихся камней, несмотря на то, что все это время надъ этимъ трудилось 10,000 рабочихъ. Дальнѣйшему исполненію его обѣщанія помѣшала смерть, застигшая его во дворцѣ Навуходоносора.

Къ этой гигантской постройкѣ примыкали еще и другія, какъ напр. храмъ Нинипа, Содана, Ао и тройная святыня — храмъ богини Нама, — зданія весьма замѣчательныя по величественности стиля. Собственно жилая часть города лежала на югѣ отъ Акрополя; весь юго-восточный уголъ квадрата былъ занятъ воздѣланными полями, невдалекѣ отъ которыхъ находилась извѣстная по исторіи пророка Даніила равнина Даурэ, называющаяся такъ и донынѣ; на ней стояла громадная колонна Мукатанъ, остатки которой и теперь еще возбуждаютъ удивленіе.

Время съ 2240 до 2050 г. до Р. Х. считается первой цвѣтущей эпохой Вавилона, какъ величайшаго города міра и какъ столицы Древней Вавилоніи — перваго царства, основаннаго Нимродомъ. И во время ассирійскаго владычества (отъ 2050 до 625 до Р. Х.) Вавилонъ спорилъ въ первенствѣ съ Ниневіей. Но самое блестящее для Вавилона время было отъ 625 до 538 гг. до Р. Х. когда онъ былъ столицей ново-вавилонскаго государства. О его тогдашнемъ великолѣпіи говорятъ и книги Ветхаго Завѣта.

Послѣ завоеванія Вавилона царемъ персидскимъ Киромъ начинается упадокъ города. Александръ Великій хотѣлъ сдѣлать его снова центромъ своей имперіи, но предположеніе это не осуществилось за его смертью. Во время владычества селевкидовъ городъ пустѣетъ все болѣе и въ первое столѣтіе христіанскаго лѣтосчисленія представляетъ только груды развалинъ, тянувшихся съ юга на сѣверъ на шесть миль. Со времени арабскаго владычества имя Вавилона совершенно исчезаетъ изъ исторіи. Маленькая деревенька того-же имени, выстроенная почти на томъ-же самомъ мѣстѣ, только и напоминаетъ о древнемъ великомъ городѣ.

Лишь съ XIX столѣтія развалины эти сдѣлались предметомъ строго научныхъ изслѣдованій, доставившихъ много любопытныхъ свѣдѣній объ устройствѣ громаднаго города. Развалины эти лежатъ въ пустынѣ Евфрата, южнѣе Багдада, и образуютъ цѣлыя горы обломковъ. Изъ нихъ выступаютъ шесть возвышеній, составляющихъ остатки вышеупомянутыхъ построекъ. Въ безчисленныхъ развалинахъ прежнихъ дворцовъ и храмовъ, покрывавшихъ улицы и площади Вавилона теперь водятся только львы, волки, гіены, шакалы... На мѣстѣ цвѣтущихъ висячихъ садовъ тянется безконечный тростникъ и ивнякъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. во дворцѣ Навуходоносора и въ башняхъ произведены раскопки и найдены остатки статуй, утвари и украшеній. Особенно цѣнную находку въ историческомъ отношеніи составляютъ кирпичи съ гвоздеобразными надписями. Въ башнѣ подрыто основаніе, но часть нѣкоторыхъ этажей еще сохранилась и подымается на 36 саж. Также сохранилась часть внутренней городской стѣны. Сотни лѣтъ уже груды камней этого поля развалинъ доставляютъ строительный матеріалъ для другихъ городовъ. И нынѣ еще внизъ и вверхъ по Евфрату ходятъ корабли, нагруженные камнемъ изъ бывшей міровой столицы, а для многихъ каменьщиковъ и проводниковъ развалины эти составляютъ единственный заработокъ.

Подобная-же участь постигла Ниневію, древнюю столицу ассирійскаго государства, лежавшую на Тигрѣ и открытую только недавно. По сообщенію греческаго писателя Ктезіяса (жившаго при персидскомъ дворѣ въ качествѣ врача въ 400 г. до Р. Х.) она была основана Ниномъ (въ 2100 году до Р. Х.), послѣ завоеванія Вавилоніи и Мидіи, онъ рѣшилъ выстроить городъ, который размѣрами своими превосходилъ-бы всѣ города, бывшіе до него и имѣвшіе быть послѣ него. Стѣна, окружавшая городъ, была такъ широка, что по ней въ рядъ могло ѣхать четыре колесницы; она была вышиною около 17 саженъ, украшена 1,500 башнями, каждая въ 30 саж. вышины. Очертаніе стѣны отчасти сохранилось до сихъ поръ, но цифры эти Ктезіасъ признаетъ преувеличенными. Будучи въ продолженіи столѣтій столицей ассирійскаго царства и резиденціей королей. Ниневія нѣсколько разъ была завоевана и опустошаема и въ 606 г. до Р. Х. совершенно разрушена мидяниномъ Сіаксаромъ и вавилоняниномъ Набопаласаромъ. Съ тѣхъ поръ она болѣе не возобновлялась; ея мѣсто занялъ Вавилонъ; разрушенная и забытая резиденція ассирійскихъ царей лежала въ развалинахъ и даже историки Александра Великаго не упоминаютъ о ней, хотя битва при Гаугамелѣ происходила невдалекѣ отъ развалинъ ея. Въ продолженіи столѣтій сомнѣвались даже гдѣ именно находилась Ниневія, сѣвернѣе или южнѣе, восточнѣе или западнѣе Тигра. Только раскопки нашего столѣтія привели въ извѣстность ея настоящее мѣстоположеніе. Въ 1880 году, когда послѣ дождей обнажилась алебастровая плита съ надписями и изображеніями, англійскій консулъ Рихъ приказалъ копать въ этомъ мѣстѣ, причемъ были открыты и другія плиты. Еще больше успѣха имѣли французъ Ботта и англичанинъ Леярдъ, которымъ удалось открыть цѣлые фундаменты дворцовъ и массу скульптурныхъ и другихъ остатковъ. Были открыты дворцы Нимврода и Сенахериба съ цѣлымъ рядомъ комнатъ и залъ, изъ которыхъ многія были до 30 саж. длины и великолѣпно разукрашены. Тогда-же было найдено много драгоцѣнныхъ картинъ, статуй людей и животныхъ, оружія, мѣдной, слоновой, мраморной, алебастровой и стеклянной посуды и утвари, а также безчисленное множество надписей. У входовъ во дворцы часто встрѣчаются въ 9 и 10 аршинъ вышины крылатыя фигуры львовъ съ человѣческими лицами и нерѣдко изображеніе могучаго Нимврода; на стѣнахъ картины домашняго быта ассиріянъ. Украшенія и драгоцѣнности носятъ отпечатокъ своеобразнаго высоко-развитаго искусства. Особенно часто попадаются изображенія завоеваній этого гордаго, могущественнаго народа. Такъ напримѣръ: осады города, уводъ плѣнныхъ и побѣжденныхъ, записываніе рубленныхъ человѣческихъ головъ, въѣздъ царя на великолѣпной колесницѣ, окруженнаго свитой. Изображены также и охоты, въ которыхъ принимали участіе женщины, верхомъ на лошадяхъ гнавшіяся за львами и пантерами съ копьями въ рукахъ. Все это согласно съ описаніями древнихъ историковъ. Если-же высокіе повелители не хотѣли выходить въ лѣсъ и горы, то они могли охотиться въ паркахъ, прилегающихъ къ дворцамъ. Объ этомъ между прочимъ говорится въ исторіи Даніила. Въ паркахъ въ особенныхъ клѣткахъ держали львовъ; въ клѣткамъ примыкала арена, входъ въ которую оберегался солдатами, державшими въ правой рукѣ копья, а въ лѣвой большихъ собакъ на цѣпи. Около клѣтокъ стоялъ ящикъ—изображеніе котораго откопано въ Ниневіи,—въ ящикѣ этомъ помѣщался человѣкъ, открывавшій двери калитки, когда нужно было выпустить животное на арену.

Такимъ образомъ найденныя скульптурныя произведенія знакомятъ съ обычаями той эпохи и съ комфортомъ ассирійскихъ дворцовъ, а многочисленныя гвоздеобразныя письмена, уже отчасти разобранныя, даютъ такой богатый историческій матеріалъ, что труды и затраты по раскопкамъ вознаграждены съ избыткомъ.

Политическое обозрѣніе.

Договоръ между Россіей и Персіей. — Австро-Венгрія. — Черногорія. — Болгарія. — Франція. — Египетъ.

Въ прошломъ декабрѣ русскимъ посланникомъ въ Тегеранѣ и шахскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ подписана конвенція, опредѣляющая новую пограничную черту Закаспійской области. Послѣ присоединенія къ Россіи текинскаго оазиса потребовалось точное опредѣленіе нашей границы съ Персіею и для этого начаты были минувшею осенью переговоры персидскимъ правительствомъ. Персіи при этомъ не было сообщено требованія объ уступкѣ Россіи всего праваго берега Атрека. Новая граница, принятая обѣими договаривающимися сторонами отступаетъ отъ Атрека у укрѣпленія Чата и идетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи по хребтамъ горъ и теченію р. Сумбара. Россія удовольствовалась удержаніемъ за собою самаго оазиса и склоновъ горъ, обезпечивающихъ оазисъ съ юга, такъ что граница отъ Сумбара проходитъ, главнымъ образомъ, по вершинамъ хребтовъ, оставляя за Персіею округъ Фирузе. Достигнувъ-же долины ручья Баба-Дурмазъ, граница направляется на сѣверъ и пересѣкаетъ дорогу изъ Гяурса въ Люфтабадъ, а затѣмъ теряется на сѣверѣ въ пескахъ, оставляя Атрекъ внѣ русской границы.

Недавно, австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Кальноки давалъ въ засѣданіи австрійской делегаціи разъясненія по герцеговино-боснійскому возстанію, разъясненія интересныя, какъ выраженіе офиціальнаго, такъ сказать, взгляда австрійскаго правительства на происходившее въ Босніи и Герцеговинѣ движеніе. Главныя выгоды общаго положенія дѣлъ заключается въ томъ, сказалъ министръ, *что мы имѣ-*

емъ дѣло съ чисто внутреннимъ вопросомъ. Когда мы возстановимъ, какъ имѣемъ на то право, порядокъ тамъ, то *ни одно иностранное государство не возбудитъ по этому предмету вопроса*, какъ до сихъ поръ не возбуждало." Вотъ точка зрѣнія австрійскаго правительства, старающагося прежде всего изолировать „своихъ" боснійцевъ и герцеговинцевъ отъ всякаго отношенія къ славянскому, къ восточному вопросу. Въ случаѣ-же—и кажется съ нѣкоторыхъ сторонъ дѣлаются усилія въ этомъ направленіи—(продолжалъ графъ Калькоки), если возникнетъ какое-нибудь столкновеніе между нами и Сербіей или Черногоріей, то тогда конечно положеніе существенно усложнится". Въ комитетѣ венгерской делегаціи министръ, какъ-бы дополнилъ свои разъясненія, указавъ на отношеніе различныхъ державъ къ „внутреннему" движенію въ Австріи: „По отношенію ко всѣмъ правительствамъ, императорское правительство пріобрѣло убѣжденіе, что дѣло это ими считается чисто внутреннимъ дѣломъ Австро-Венгріи и что они вовсе и не думаютъ о вмѣшательствѣ. Въ особенности такое убѣжденіе я питаю въ отношеніи Россіи, правительство которой, какъ мнѣ хорошо извѣстно, держится совершенно нейтрально относительно возстанія. Все, что разсказываютъ о русскихъ агентахъ,—не вѣрно. То-же можно сказать и о Сербіи, гдѣ агитація въ пользу инсуррекціи не является опасною. Важнѣе всего положеніе Черногоріи. Что касается до черногорскаго правительства, и поведенія князя безъ всякихъ со стороны Австро-Венгріи запросовъ, онъ далъ положительнѣйшее завѣреніе въ томъ, что сдѣлаетъ все возможное, чтобы удержать населеніе Черногоріи отъ участія въ возстаніи". Затѣмъ, министръ дѣлаетъ такое замѣчаніе, къ которому надо отнестись съ величайшимъ вниманіемъ. Окажется-ли князь Николай въ состояніи выполнить всѣ данныя имъ обѣщанія, въ этомъ имперское правительство не могло еще убѣдиться... но еслибъ князь черногорскій былъ поставленъ въ необходимость заявить, что онъ не въ состояніи гарантировать, то Австро-Венгрія оказалась-бы въ необходимости сама вмѣшаться, при случаѣ, въ дѣло, а такое положеніе правительство создать себѣ не желало-бы, такъ какъ оно полагаетъ, что справится съ возстаніемъ, не затрогивая Черногоріи. Оно постарается, во что-бы то ни стало, избѣгать международныхъ соглашеній, такъ какъ въ такомъ случаѣ нельзя предсказать, какой оборотъ могутъ принять событія. Министръ Кальноки не вѣритъ слухамъ „о русскихъ агентахъ". Въ Галиціи въ настоящее время полиція получила строгое предписаніе (секретный циркуляръ) слѣдить за тѣмъ, не получаются-ли изъ Россіи и Чехіи словакскимъ духовенствомъ, учителями народныхъ школъ и другими словаками, книги и брошюры; но вслѣдъ за циркуляромъ начались и аресты русскихъ, заподозрѣнныхъ австрійскими властями въ сношеніи съ русскими „панславистами"; арестовано уже не мало, и даже по этому поводу намѣстникъ Галиціи уѣхалъ недавно въ Вѣну.

Изъ Вѣны сообщено извѣстіе, будто на жизнь князя Черногорскаго было произведено покушеніе: нѣкто, Теодоровичъ выстрѣлилъ въ князя, но, къ счастью, промахнулся, однако, извѣстіе это не подтвердилось еще. Изъ Софіи идутъ снова какіе то странные слухи о неблагопріятномъ настроеніи въ княжествѣ и о томъ будто бы нашъ генеральный консулъ созвалъ всѣхъ русскихъ консуловъ и нѣкоторыхъ изъ русскихъ офицеровъ въ столицу княжества для инструкцій.

Германскій императоръ отправляетъ особое посольство, съ генералъ-адъютантомъ княземъ Радзивилломъ во главѣ, къ султану Абд-уль-Гамиду, для поднесенія его величеству ордена чернаго орла. Порта проситъ новый контингентъ нѣмецкихъ офицеровъ и чиновниковъ въ свою службу.

Въ германской либеральной прессѣ привѣтствуется паденіе Гамбетты, какъ признакъ хорошій для утвержденія мира.

Зато министерство Фрейсине не будетъ устрашать сторонниковъ мира. Недавно, Фрейсине прочелъ въ палатѣ депутатовъ заявленіе новаго кабинета, въ которомъ только и склоняется одно слово „миръ", почти замѣняющее собою всѣ другія, такъ часто оно повторяется. „При выполненіи возложенныхъ на насъ обязанностей, мы, главнымъ образомъ, проникнуты желаніемъ оберегать миръ: миръ въ странѣ, миръ въ общественномъ настроеніи, въ дѣлахъ, миръ внутри и въ внѣшнихъ сношеніяхъ"—затѣмъ, идутъ обѣщанія либеральныхъ реформъ, но вопросъ о пересмотрѣ конституціи откладывается до конца текущаго законодательнаго періода. Въ отношеніи египетскаго вопроса, повидимому Франція и Англія пришли къ убѣжденію что рѣшить его только вдвоемъ онѣ не могутъ, а рѣшеніе его будетъ зависѣть отъ общаго соглашенія всѣхъ державъ.

Въ Египтѣ военная партія, вліяющая на палату депутатовъ, заставила министерство Шерифа-Паши выйти въ отставку и уступить свое мѣсто новому министерству, въ которомъ постъ перваго министра принадлежитъ Махмуду-Баруди, а военнаго министра главѣ военной партіи Араби-Бею.

Гито—убійца президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Гарфильда—приговоренъ къ смертной казни.

Смѣсь.

Самые вѣрные предсказатели погоды. Кромѣ барометра существуетъ еще много способовъ узнавать погоду. Когда послѣ продолжительныхъ ясныхъ дней на небѣ образуются тонкія облака, заостренными концами обращенныя къ юго-западу, то это обозначаетъ, что въ верху тянетъ южный вѣтеръ—предвѣстникъ дождя, содержащій въ себѣ пары. Пока облака эти еще тонки и нѣжны и различной формы, дождя еще не будетъ, но какъ только нижніе слои насытятся парами, облака становятся гуще и заволакиваютъ небо. Если преобладаетъ вѣтеръ южный, то облака надвигаются еще ниже и начинается дождь; напротивъ, вѣтеръ сѣверный разгоняетъ облака.

Если солнце при восходѣ или закатѣ заливаетъ облако желтымъ огненнымъ блескомъ, или если утренній туманъ опускается, то атмосфера еще не вполнѣ насыщена парами и свѣтлые дни могутъ еще продолжиться. Также обильная ночная роса предвѣщаетъ свѣтлый день. Но если утренній туманъ значителенъ, облака, поднимающіяся днемъ отъ сырой земли сгущаются, когда лѣса и луга кажутся дымящимися и дымъ изъ трубъ опускается къ землѣ, а стѣны и камни потѣютъ, все это признаки насыщенія атмосферы парами—признаки приближающагося дождя.

Нѣкоторыя животныя движеніями своими также служатъ предвѣстниками перемѣны погоды. Иногда даже и люди, въ особенности больные, чувствуютъ эту перемѣну. Если обыкновенный паукъ высовываетъ изъ своего уголка головку и переднія лапки, а крестовый паукъ усердно работаетъ и въ продолженіи ночи сдѣлаетъ новую ткань, лягушки прыгаютъ въ травѣ, ласточки высоко летаютъ и жуки ищутъ прохладныхъ, сырыхъ мѣстъ—это признаки солнечныхъ дней. Если-же обыкновенный паукъ поворачивается головой къ стѣнѣ, паукъ-крестовикъ прядетъ мало или вовсе не прядетъ и прячется въ укромное мѣстечко, жуки вползаютъ на камни и деревья, если насѣкомыя прячутся, а ласточки летаютъ низко, когда рыбы выскакиваютъ изъ воды и ловятъ собравшихся надъ водою насѣкомыхъ, когда сверчки прячутся подъ листьями и въ деревьяхъ и пчелы роемъ летятъ въ улей, въ этихъ случаяхъ идетъ дождь и сырая погода продолжается нѣсколько времени.

Если производить сравнительныя наблюденія погоды въ нѣсколькихъ мѣстахъ одновременно, то замѣчается удивительная общность закона въ измѣненіяхъ погоды. Замѣчается, что средняя теплота и количество дождей на всей землѣ остается постоянно одно и то-же и что раздѣленіе теплоты и дождей на извѣстной части земли подвержено постоянному обмѣну. Послѣ значительнаго возвышенія температуры слѣдуетъ ея охлажденіе. Въ тѣ годы, когда май очень теплъ, прохладные дни начинаются позже. За теплымъ началомъ зимы слѣдуютъ холода и наоборотъ. Сильное пониженіе средней годовой температуры въ одной части земли, вызываетъ тѣмъ большее возвышеніе въ другой части. Если напримѣръ въ Европѣ суровая зима, то въ Америкѣ и въ другихъ мѣстахъ земнаго шара оно теплѣе и наоборотъ. Эта общность законовъ при различномъ ихъ примѣненіи, эта неизмѣнность порядка при всевозможномъ разнообразіи отношеній температуры обусловливаетъ богатство жизни на землѣ.

Къ свѣдѣніямъ о бѣшенствѣ. Недавно разрѣшенъ Маврикіемъ Рено вопросъ о прилипчивости бѣшенства и о передачѣ болѣзни помощью прививанія отъ человѣка животнымъ и другому человѣку.

Уже ранѣе того Гальтье доказалъ, что немного слюны, взятой отъ бѣшеной собаки и привитой кролику, черезъ очень недолгое время сообщало ему эту страшную болѣзнь. Оставалось только узнать можно-ли передать кролику бѣшенство человѣка.

10-го прошлаго октября въ госпиталь Ля-Рибоазьеръ, состоящій въ вѣдѣніи Рено, былъ помѣщенъ человѣкъ, укушенный двѣ недѣли тому назадъ бѣшеной собакой въ верхнюю губу. Укушенный, раны котораго спустя часа два были прижжены ляписомъ, благодаря этой предосторожности, считалъ себя совершенно обезпеченнымъ отъ послѣдствій. Но потомъ ранки начали чесаться, и 19 октября у него сдѣлалось воспаленіе горла (фарингизмусъ), такъ что онъ не могъ глотать даже ничего жидкаго. На слѣдующій день уже проявилась водобоязнь, а затѣмъ бредъ. Больной, спустя три дня, умеръ отъ удушья.

Несчастный этотъ чувствовалъ себя безвозвратно погибшимъ и говорилъ объ этомъ. Въ день смерти, въ одинъ изъ спокойныхъ моментовъ, онъ позволилъ взять немного крови и слюны. Кровь дала отрицательные результаты. Отравленный ею кроликъ остался здоровъ. Такіе-же результаты получены были при опытахъ и съ кровью бѣшеныхъ животныхъ. Но за то слюна дала результатъ положительный. Отравленный 11 числа кроликъ, уже 15 числа выказывалъ припадки бѣшенства и у него шла слюна и пѣна. Въ слѣдующую ночь онъ околѣлъ. Другой кроликъ, зараженный кускомъ правой слюнной железы перваго кролика, издохъ также черезъ два дня. Такимъ образомъ оказывается, что слюна бѣшенаго человѣка ядовита и бѣшенство его можетъ быть сообщено кролику.

Изъ этаго слѣдуетъ первый практическій выводъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ необходимо прививать слюну кролику. И, такъ какъ у этаго животнаго припадки обнаруживаются очень скоро, то это даетъ возможность узнать, что заподозрѣнный человѣкъ или животное дѣйствительно страдаетъ бѣшенствомъ. И второй практическій выводъ: такъ какъ слюна больнаго бѣшенствомъ человѣка признана

ядовитою для кролика, слѣдовательно она ядовита и для другаго человѣка. А потому слѣдуетъ остерегаться органовъ и продуктовъ выдѣленія слюны не только во время болѣзни бѣшеныхъ, но также и послѣ смерти ихъ, во время надзора за ними.

Священный огонь въ Баку. Едва-ли кто не слыхалъ о знаменитомъ храмѣ огнепоклонниковъ около Баку, на Кавказѣ. Теперь храмъ этотъ пришелъ въ упадокъ. Вотъ, между прочимъ, что пишетъ одинъ нѣмецкій зоологъ, недавно посѣтившій эту окраину Закавказья. „Въ минувшемъ году, говоритъ онъ, я совершилъ ученую поѣздку въ Сѣверную Персію, причемъ, по пути туда и обратно, заѣхалъ въ Баку. Въ первый разъ, пробывъ тамъ цѣлую недѣлю, я употребилъ время на то, чтобы осмотрѣть, по возможности, все, могущее интересовать путешественника и вообще, удовлетворить любознательности. Но моя надежда увидѣть знаменитыхъ бакинскихъ огнепоклонниковъ, о которыхъ я такъ много слышалъ,—не сбылась: меня положительно увѣряли въ Баку, что вся исторія о живущихъ еще тамъ огнепоклонникахъ не болѣе какъ басня, распространенная легковѣрными путешественниками. Самый храмъ, нѣкогда обновленный проживавшимъ тамъ богатымъ индѣйскимъ купцомъ, въ настоящее время, уже почти совершенно развалился. Индіецъ выписалъ съ родины нѣсколькихъ бѣдняковъ, нарядилъ ихъ въ бѣлую одежду и приставилъ въ храмъ — оберегать священный огонь. Теперь, говорятъ, ничего отъ этого не осталось, а можно, развѣ, найдти только изобрѣтательныхъ аферистовъ своего рода, эксплуатирующихъ любопытство посѣтителей и ихъ легковѣріе: взявъ съ нихъ плату за сопровожденіе по развалинамъ индійской святыни, эти чичероне, затѣмъ, продаютъ имъ напитки, являющіеся часто необходимостію послѣ утомительнаго осмотра руинъ въ жаркій день. Впрочемъ, нынѣ настала тамъ пора другихъ „промышленниковъ“ — около огня этого, близъ Баку (индійскій храмъ расположенъ нѣсколько дальше) уже хлопочутъ люди, имѣющіе мало общаго съ поклонниками догматовъ Зороастрова ученія и устроившихъ не мало заводовъ для извлеченія и разработки нефти. Вслѣдствіе этого значительно возвысилась и стоимость земли, десятина которой дошла уже до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей.

Жизненная мудрость. Александръ Дюма, между прочимъ, высказалъ нѣсколько слѣдующихъ основныхъ житейскихъ правилъ: ежедневно употребляй два часа на прогулку и спи не болѣе семи часовъ. Утромъ вставай тотчасъ-же какъ проснулся. Говори только тогда и тамъ, гдѣ надо, и при этомъ высказывай только половину того, что думаешь. Не пиши того, чего не можешь подписать. Деньгамъ не поклоняйся, но и не презирай ихъ: онѣ — хорошій слуга и дурной господинъ.

Необыкновенное множество сельдей появилось у береговъ Норвегіи у Лангезунда: самыя маленькія бухты положительно набиты этой рыбой, такъ что даже тамошніе старожилы не запомнятъ ничего подобнаго. Постоянно прибываютъ новыя массы, которыя, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, зорко стерегутся появившимися китами. Сельдей такъ много, что ихъ просто черпаютъ въ лодки корзинами и они такого хорошаго достоинства, какого бываютъ обыкновенно только въ концѣ марта. Вслѣдствіе такого ранняго появленія сельдей, къ ловлѣ ихъ не были подготовлены, не хватало соли, а также бочекъ и работниковъ для соленія улова. Повсюду были разосланы телеграммы, съ требованіемъ присылки рабочихъ и посуды и въ настоящее время не только заняты соленіемъ, но и разсылкой свѣжаго товара заграницу. По всей вѣроятности раннее появленіе сельдей вызвано необыкновенно мягкою зимою этого года. На югѣ Россіи показались уже бекасы и другія перелетныя птицы, которыя также появляются обыкновенно не ранѣе средины или конца марта.

Для охлажденія комнатъ больныхъ, одинъ французскій докторъ предлагаетъ очень хорошій способъ. Открытое настежъ окно онъ совѣтуетъ занавѣшивать мокрымъ полотномъ. Вода, переходя изъ жидкаго состоянія въ паръ, поглощаетъ теплоту, что и вызываетъ пониженіе температуры на 4—5 градусовъ, между тѣмъ, одновременно съ этимъ распространяющаяся въ комнатѣ сырость облегчаетъ дыханіе. Этимъ способомъ даже въ самые жаркіе дни комнаты больныхъ можно охладить до той температуры, какая бываетъ послѣ сильной грозы.

Игры и задачи

Задача буквъ № 9.

103 буквы (15а, 4б, 2в, г, д, 4е, 2з, 10и, і, й, 6к, 2л, 9м, 7н, 5о, п, 9р, 2с, 2т, у, 2ц, 3ч, 3ш, 5ъ, 2ы, ѣ, э, я), составляютъ 22 слова, имѣющія слѣдующія значенія:

1. Не печь и не очагъ а натрѣваетъ комнату.
2. Мужское имя.
3. Предсѣдатель муниципальнаго совѣта.
4. Уѣздный городъ, монашескій санъ.
5. Одинъ изъ главныхъ отдѣловъ театральнаго искусства.
6. Птица съ длиннымъ клювомъ.
7. Итальянскій городъ, принадлежащій французамъ (морск. куп.)
8. Анатомическій терминъ, знакомый портнымъ и модисткамъ.
9. Снарядъ для мытья половъ.
10. Паукъ, весьма опасный для рогатаго скота.
11. Неизбѣжная принадлежность костюма восточныхъ женщинъ.
12. Музыкальное произведеніе.
13. Лѣсной сторожъ.
14. Имя девяти римскихъ папъ.
15. Рѣчное гребное судно.
16. Сельскохозяйств. зданіе, дача.
17. Зерна, употребляемыя въ медицинѣ, кондиторами и для приготовленія горячительнаго, но питательнаго напитка.
18. Партія въ карточной игрѣ, рѣшающая состязаніе.
19. Бобовое растеніе.
20. Военно-административное подраздѣленіе.
21. Городъ, родина Бетховена.
22. Буква русской азбуки.

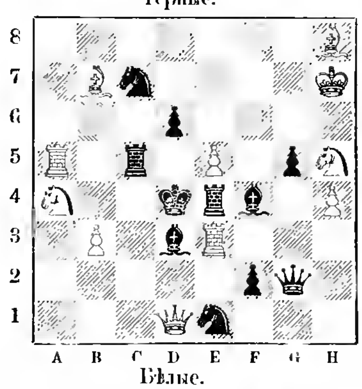
14	17	11	5	2	12	4
14						8
17	2	16		4	18	8
7	13	5	20		9	15
7						15
19	9	5	22	10	12	21
9						8
4		6	7	1		19
22						15
4	6	1	1	4	16	11
3				18	20	13
7		2		9	6	20
19						12
3	13	16	6	5	13	11
18		5	17	10		17
19		6		1		1
3						21
14	2	13	2	9	20	13
4		17	11	16	10	12
18		9	2	7	18	15
22						21
3	18	4	1	5	11	21

Предлагается: буквы найденныхъ словъ размѣстить по клѣткамъ фигуры на мѣста цифръ, показывающихъ нумера словъ по порядку, но такъ, чтобы въ горизонтальныхъ строкахъ слѣва направо, получились имена или фамиліи дѣйствующихъ лицъ —„герои“ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ одного изъ даровитѣйшихъ поэтовъ второй четверти текущаго столѣтія.

Цифры крупнымъ шрифтомъ означаютъ начальныя буквы именъ или фамилій. Буква ъ въ концѣ словъ необязательна и удержана лишь въ пяти словахъ.

Шахматная задача № 10.

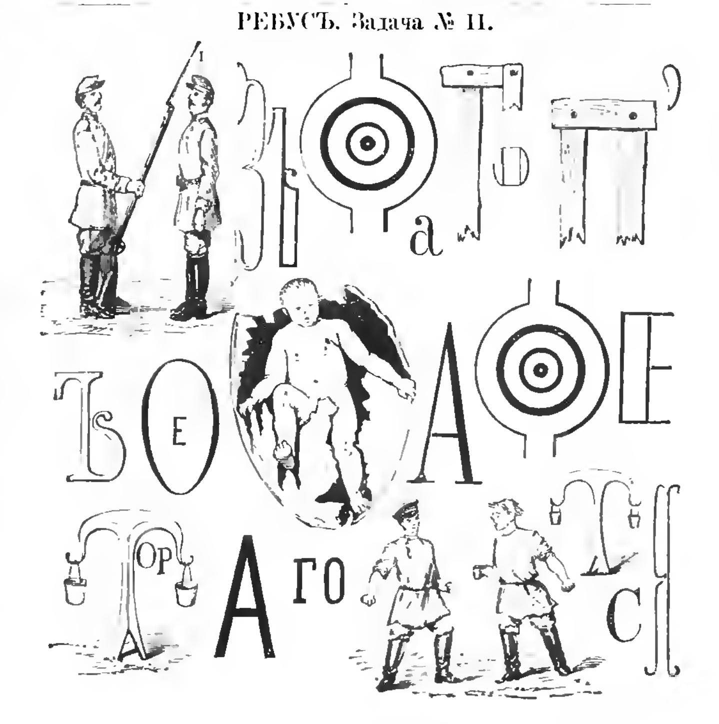
Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 2 хода.

РЕБУСЪ. Задача № 11.



Открыта подписка на „Ниву“ 1882 годъ.

Огромный успѣхъ, встрѣченный нашимъ журналомъ въ нынѣшнемъ году, побуждаетъ насъ познакомить нашихъ новыхъ читателей съ содержаніемъ его на 1882 годъ.

Со слѣдующихъ же №№ „Нивы“ по окончаніи романа „Подъ землею“ начнется цѣлый рядъ талантливыхъ литературныхъ произведеній, изъ коихъ мы назовемъ только нѣкоторые, именно—романъ **Вс. С. Соловьева „Волтерьячецъ“**, служащій продолженіемъ его же прекраснаго романа „Сергѣй Горбатовъ“—тѣ же лица являются уже дѣятелями новаго царствованія. Еще будутъ напечатаны—большая повѣсть **П. П. Гнѣдича „Въ Южной глуши“**, разсказъ **В. Г. Авсѣенко „Испанскій дворянинъ“**, разсказъ **Н. Успенскаго „Нѣтъ худа безъ добра“**, разсказъ **С. В. Максимова „Барышники“**; разсказъ **К. К. Случевскаго „Маньякъ“**; разсказъ **Н. Боева „На озерѣ“**; очерки **Вс В. Крестовскаго**; рядъ разсказовъ **А. Я. Максимова** изъ жизни **на крайнемъ Востокѣ** и рядъ разсказовъ талантливаго **Н. Н. Каразина** изъ **жизни въ Средне-Азіатскихъ степяхъ.**

Какъ премія на 1882 годъ (кромѣ большого стѣннаго календаря, уже полученнаго нашими подписчиками при № 1) будетъ дана **новая, очень большая картина профессора В. И. Якобія**

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Картина печатана красками и величиною и качествами, можно смѣло сказать, превосходитъ всѣ прежнія преміи „Нивы“ ($82\frac{1}{2}$ сант. вышины и 62 сант. шир.). Никто еще ни въ Россіи, ни за границей не рѣшался выставлять оригиналъ картины **рядомъ съ копіей**, что было дѣлано нами въ главной конторѣ редакціи въ теченіи декабря и половины января. Выставлялись и оригиналъ, и копія вмѣстѣ для того, чтобы каждый желающій могъ самъ убѣдиться въ высокомъ достоинствѣ исполненія копіи съ этой превосходной картины. Теперь первые полученные экземпляры копіи выставлены во всѣхъ большихъ городахъ Россіи. Общая высылка преміи будетъ, по обыкновенію, въ октябрѣ сего года.

Премія эта будетъ выслана, не смотря на значительные расходы за высылку, какъ и въ прошлыхъ годахъ—совершенно **безплатно для годовыхъ подписчиковъ.**

Подробное объявленіе о цѣнахъ можно видѣть на 1-й страницѣ № подъ титуломъ.

Желающихъ подписаться просятъ обращаться въ **Главную Контору редакціи журнала „Нива“** (С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9).

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. номера со всѣми приложеніями.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

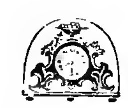
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Ф. ВИНТЕРА.



По Невскому пр., на углу Литейной, № 78, въ С.-Петербургѣ,

ВО ВРЕМЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ

подъ Главнымъ Домомъ въ Новомъ Пассажѣ, №№ 6, 7 и 8.

СУЩ. СЪ **РОЗНИЧНАЯ и ОПТОВАЯ ПРОДАЖА** 1867 ГОДА.

При моемъ огромномъ выборѣ часовъ, состоящемъ изъ болѣе 15,000 штукъ и дополняющемся постоянными доставками самыхъ новыхъ произведеній лучшихъ заграничныхъ фабрикъ, я вполнѣ увѣренъ удовлетворить каждому заказу и вкусу. По случаю же моего огромнаго оборота, и очень выгодныхъ условій съ фабрикантами я имѣю возможность продавать по самымъ дешевымъ нижеслѣдующимъ цѣнамъ:

ПРЕИСЪ-КУРАНТЪ.

I. СЕРЕБРЯНЫЕ МУЖСКІЕ ЧАСЫ.

1. Откр. цил. на 4 камн. 9 и 10 р.
2. „ „ „ 8 „ 10, 12, 13 и 14 р.
3. „ анк. „ 15 „ 15, 20 и 25 р.
4. „ „ „ 15 „ съ зав. безъ ключа 20, 25, 30 и 35 руб.
5. Глух. цил. „ 8 „ 12 и 14 р.
6. „ анк. „ 15 „ 14, 15, 16 и 18 р.
7. „ „ „ 15 „ лучш. сортъ 20, 25 и 30 р.
8. „ „ „ 15 „ съ шт. Ф. Винтеръ 35, 40, 45 р.
9. „ „ „ 15 „ съ фир. Ф. Винт. 50, 60, 75 р.
10. „ „ „ 15 „ съ эмалью 16, 18, 20, 25 р.
11. „ „ „ 15 „ съ отв. на верх. кр. 20, 25 р.
12. „ „ „ 15 „ съ зав. безъ кл. 20, 25, 30 р.
13. „ „ „ 15 „ такіе-же высшаго сорта 35, 40, 45, 50, 60 р.
14. „ „ „ 15 „ такіе-же съ зав. безъ ключа съ числами 30, 35, 40 р.

II. СЕРЕБРЯНЫЕ ДАМСКІЕ ЧАСЫ.

15. Откр. цил. на 8 камн. 10, 12, 14 р.
16. Глух. „ „ 10 „ 14, 15, 18, 20 р.
17. „ „ „ 10 „ съ зав. безъ кл. 20 до 25 р.
18. „ „ „ 10 „ такіе-же съ отв. на верхн. крышкѣ 20, 25 р.
19. „ „ „ 10 „ съ эмалью 16, 18, 20, 22 р.
20. „ анк. „ 15 „ 20, 22, 25 и 27 р.

III. ЗОЛОТЫЕ МУЖСКІЕ ЧАСЫ.

21. Откр. анк. на 15 камн. 40, 45, 50, 55, 60 р.
22. „ „ „ 15 „ съ шт. Ф. Винтеръ, 65, 75, 100, 125 р.
23. Глух. анк. „ 15 „ 45, 50, 55, 60 р.
24. „ „ „ 15 „ лучш. с. 65, 75, 85, 100 р.
25. „ „ „ 15 „ съ фирм. Ф. Винтеръ 125, 150, 175, 200, 275 р.
26. „ „ „ 15 „ съ зав. безъ ключа 60, 65, 75, 85, 100 р.
27. „ „ „ 15 „ такіе-же лучшій сортъ 115, 125, 130 и 150 р.
28. „ „ „ 15 „ съ фирм. Ф. Винт. 175, 200, 225, 250, 300, 350 р.
29. „ „ „ 25 и 28 камн. докт. съ бол. стрѣлкой. 125, 150, 200, 250 р.
30. Такіе-же съ зав. безъ кл. 175, 200, 250 до 375 р.
31. Глух. анк. съ четв. репетиторомъ зав. безъ ключа 250, 300, 350 р.
32. „ „ съ мин. репетит. 400, 500, 650, 800 р.
33. Хронографы съ зав. безъ кл. 300, 350, 400 р.
34. Часы съ календаремъ 225, 250, 300 р.

IV. ЗОЛОТЫЕ ДАМСКІЕ ЧАСЫ.

35. Откр. на 8 камн. 22, 25, 30 р.
36. Глух. „ 8 „ 28, 30, 35, 38 р.
37. „ „ 10 „ лучш. с. 40, 45, 50, 55, 60 р.
38. „ „ 10 „ съ фирм. Ф. Винтеръ 55, 60, 65 р.
39. Глух. на 10 камн. съ зав. безъ ключа 45, 50, 55, 65 до 85 р.
40. „ „ 10 „ такіе-же съ фирм. Ф. Винтеръ 65, 75, 85 р.
41. Анк. „ 15 „ 35, 40, 50, 60, 75 р.
42. „ „ 15 „ съ фирм. Ф. Винтеръ 65, 75, 85, 100, 125 р.
43. „ „ 15 „ съ зав. безъ кл. 50, 65, 75, 85 р.
44. „ „ 15 „ такіе-же съ фирм. Ф. Винтеръ 100, 110, 125, 150 р.
45. Цил. „ 8 „ съ эмалью 35, 40, 45, 50, 60 р.
46. „ „ 8 „ съ брилліант. 50, 60, 70 р.
47. „ „ 8 „ тоже съ зав. безъ кл. роск. отд. 85, 100, 125, 150, 175 р.
48. „ съ зав. безъ ключа нел. съ двугрив. самой изящн. раб. съ фирм. Ф. Винтеръ 125, 150 р.
49. Анк. на 15 камн. съ эмалью и брил. 85, 125, 150 р.

V. ЧАСЫ МУЖСКІЕ БѢЛАГО МЕТАЛЛА СЪ ЗАВОДОМЪ БЕЗЪ КЛЮЧА.

50. Откр. цил. 8, 9, 10, 12 р.
51. „ анк. 13, 14, 15 р.
52. Глух. „ 16 и 18 р.
53. Откр. цил. съ свѣтящ. ночью цифербл. 12, 13 р.
54. Анк. такіе-же 15, 16 р.
55. „ съ числами 16 р.

VI. ЧАСЫ БѢЛАГО МЕТАЛЛА ДАМСКІЕ СЪ ЗАВОДОМЪ БЕЗЪ КЛЮЧА.

56. Откр. цил. гладкіе 12 р.
57. „ „ съ чеканкою 13 р.
58. „ „ съ эмалью 14 р.

VII. ЧАСЫ СЕРЕБРЯНЫЕ НАКЛАДНАГО ЗОЛОТА.

59. Глухіе анкерные на 15 камн. 32, 35, 38 р.

VIII. ЧАСЫ ДОРОЖНЫЕ СТОЛОВЫЕ.

60. Будильн. съ час. суточн. 4, 5, 6, 8, 9, 10 р.
61. „ „ „ недѣльными 8 р.
62. „ съ карм. ходомъ 12, 13, 15, 18 р.
63. Часы тамбурные съ карм. ход. и боемъ 27, 30 р.
64. „ каретные съ будильникомъ 25, 28, 30 р.
65. „ „ съ буд. и боемъ 48, 50, 55 р.
66. „ съ анк. ходомъ и репетиціей 60, 70, 85, 100, 110, 120 р.
67. „ съ четвертн. репет. 100, 125, 150, 175 р.

IX. ЧАСЫ СТОЛОВЫЕ.

68. Недѣльные въ дерев. корп. 12, 16, 20 р.
69. Мрам. съ боемъ двухнед. зав. 25, 30, 35, 40 р.
70. Такіе-же высшій сортъ 45, 50, 60, 65 р.
71. Мраморные съ различн. фиг. 35, 40 до 125 р.
72. Такіе-же съ канделябр. 90, 100, 125, 150 р.
73. Такіе-же съ календ. и баром. 150, 200 р.
74. Вызолоченные подъ колпакомъ съ боемъ, глядя по величинѣ и отдѣлкѣ отъ 25 до 300 р.

X. ЧАСЫ СТѢННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ДВУХ-НЕДѢЛЬНЫЕ.

75. Круглые безъ боя 10, 12, 14, 15, 18 р.
76. „ съ боемъ 15, 16, 18, 20, 25 и 30 р.
77. Овальные въ различн. корп. 25 до 75 р.
78. Круглые съ боемъ и карм. ход. отъ 20 до 40 р.
79. Регуляторы безъ боя отъ 15 до 30 р.
80. Такіе-же съ боемъ отъ 25 до 85 р.

XI. СТѢННЫЕ ШВАРЦВАЛЬДСКІЕ СЪ ГИРЯМИ.

81. Различные суточные отъ 2 до 9 р.
82. „ недѣльные отъ 10 до 15 р.
83. „ съ кукушкою отъ 10 до 30 р.

XII. БАШЕННЫЕ ЧАСЫ

84. Безъ боя нед. 150, 200 до 400 р. смотря по величинѣ и числу циферблатовъ.
85. Съ боемъ нед. 350 до 1,000 р.
86. „ „ и съ четвертями 600 до 2,000 р.
87. Съ курантами отъ 1,500 до 5,000 р.

XIII. ЗОЛОТЫЯ ЦѢПОЧКИ И КЛЮЧИ.

88. Шейн. зол. разл. фас. отъ 20 р.
89. „ „ „ съ кисточ. 27, 30, 32, 35 и дор.
90. Короткія съ кист. отъ 23 до 60 р.
91. „ плоскаго фас. отъ 30 до 125 р.
92. Ключи дамскія отъ 1 р. до 5 р.
93. „ мужскія отъ 1 р. 50 к. до 10 р.
94. Крючки для дамъ отъ 5 до 10 р.
95. Цѣпочки для крестик. и медальон. отъ 10 до 40 р.
96. Подвѣски для ключиковъ отъ 2 до 6 р.

XIV. МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЯЩИКИ.

97.	На 2 піесы въ деревян. оправахъ		6 р.
98.	„ 3 „ „ „ „		8 р.
99.	„ 4 „ „ „ „		10 р.
100.	„ 4 „ большаго формата		25 р.
101.	„ 6 „	отъ 30	38 р.
102.	„ 8 „	„ 40	55 р.
103.	„ 8 „ съ мандолиной	„ 50	65 р.
104.	„ 8 „ съ цитрой и арфой	„ 45	70 р.
105.	„ 8 „ съ манд. тремоло и цитрой	„	70 р.
106.	„ 8 „ Sublime Harmonie	„ 80 —	90 р.
107.	„ 6 „ съ колокольчиками	„ 50	60 р.
108.	„ 8 „ „ „	„ 55	67 р.
109.	„ 6 „ „ колок. на виду	„ 65	80 р.
110.	„ 8 „ „ „ „ „	„ 70	85 р.
111.	„ 10 „ „ „ „ „	„ 85	95 р.
112	„ 12 „ „ „ „ „	„ 95	110 р.
113	Высшіе сорта музыкальныхъ ящиковъ подъ названіемъ органопиколо и проч.	„ 75	200 р.

Призы для войскъ, состоящіе изъ глухихъ анкерныхъ часовъ, съ серебряною цѣпочкою и серебрянымъ штуцеромъ отъ 18 р. и дороже.

Серебряныя цѣпочки шейныя и короткія разныхъ фасоновъ отъ 3 до 15 рублей.

Громадный выборъ цѣпочекъ, ключиковъ, медальоновъ и различныхъ брелокъ нечернѣющей композиціи и стали, а также и шнурковъ.

На часы съ моей фирмою обращено самое тщательное вниманіе и они отличаются отъ прочихъ работъ чрезвычайно вѣрнымъ, прочнымъ ходомъ и солиднымъ, краснымъ корпусомъ.

Башенные часы поставлены мною болѣе 200 шт. въ разныхъ мѣстахъ Россіи, что можетъ доказать ихъ доброкачественность.

☛ При моемъ магазинѣ находится спеціальная часовая мастерская, въ которой, подъ моимъ личнымъ надзоромъ, исправляются всякаго рода часы и музыкальные ящики, а также выполняются заказы новыхъ механизмовъ.

Посылку карманныхъ часовъ и золотыхъ цѣпочекъ я беру на свой счетъ, а за стѣнные и столовые часы прошу приложить по почтовой таксѣ.

Если бы случилось, что купленные въ моемъ магазинѣ часы не понравились, то я перемѣню ихъ на другіе, если они мнѣ будутъ возвращены неоцарапанными и съ пломбою, не позже 10 дней по полученіи ихъ на мѣстѣ.

Для гг. часовыхъ дѣлъ мастеровъ имѣю честь предложить всѣ существующіе часовые фурнитуры, инструменты и машины лучшихъ фабрикъ по умѣреннымъ цѣнамъ и по желанію высылаю на эти предметы подробный прейсъ-курантъ безплатно.

☛ Часы, купленные въ моемъ магазинѣ, гарантируются почтеннѣйшимъ покупателямъ выдачею письменнаго ручательства на два года.

Желающихъ получить смѣту о постановкѣ башенныхъ часовъ прошу увѣдомить, требуются ли часы съ четвертнымъ и часовымъ, или только съ часовымъ боемъ? Также о количествѣ и размѣрѣ требуемыхъ циферблатовъ.

Ф. ВИНТЕРЪ.

Дозволено цензурою. СПБ. 4 февраля 1881 г. Изданiя А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ | № 7 | годъ XIII | 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 13 Февраля. 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Марчелла Зембрихъ.

Недавно талантливая примадонна нашей итальянской оперы М. Зембрихъ дала замѣчательный концертъ, имѣвшій громадный успѣхъ, причемъ выказала удивительное разнообразіе талантовъ. Послѣ мастерскаго пѣнія она поразила всѣхъ прелестною игрою на скрипкѣ и на рояли и наконецъ акомпанировала сама себѣ. Примѣръ небывалый. Выручка съ этаго концерта (болѣе 5600 р.) пожертвована пѣвицей въ пользу нашей учащейся молодежи.

Марчелла Зембрихъ по происхожденію полька; она родилась въ 1858 году въ Львовѣ гдѣ отецъ ея, по фамиліи Кохановскій, былъ учителемъ музыки. Послѣднее обстоятельство дало ей возможность изучить музыку въ самомъ раннемъ возрастѣ и еще ребенкомъ уже артистически играть какъ на фортепіано, такъ и на скрипкѣ. Семнадцати лѣтъ Кохановская отправилась въ Вѣну для окончанія своего музыкальнаго образованія но здѣсь намѣренія ея измѣнились; по совѣту профессора Эпштейна, оцѣнившаго первымъ высокія качества ея голоса, она начала заниматься изученіемъ теоріи пѣнія и готовиться въ оперныя пѣвицы. Пользуясь уроками извѣстныхъ наставниковъ въ томъ числѣ Рокитанскаго и Ламперта.

Марчелла Зембрихъ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

На сцену Зембрихъ выступила въ первый разъ въ Афинахъ и имѣла значительный успѣхъ, который сопровождалъ ее и въ слѣдующихъ ея дебютахъ въ Миланѣ, Варшавѣ и Дрезденѣ. Но лавры, добытые ею на маленькихъ сценахъ, не могли дать ей громкой извѣстности, которая начинается для нея лишь съ того времени какъ она вступила на подмостки лондонскаго ковентгарденскаго театра. Здѣсь публика пришла въ восторгъ отъ этого необыкновенно свѣжаго и сильнаго голоса, пресса осыпала пѣвицу похвалами и директоръ театра поспѣшилъ заключить съ ней условіе—обязывающее ее цѣлыхъ пять сезоновъ пѣть въ Лондонѣ. Это условіе сопро-

вождаемое выгоднымъ вознагражденіемъ, заставило молодую пѣвицу окончательно отказаться отъ своего первоначальнаго плана —ѣхать въ Петербургъ и поступить на нашу маріинскую сцену.

Въ послѣдніе годы Марчелла Зембрихъ, кромѣ обязательнаго пѣнія въ Лондонѣ совершала еще артистическія поѣздки въ Варшаву и Дрезденъ, гдѣ часто въ концертахъ поражала публику разнообразіемъ своего музыкальнаго дарованія — превосходно исполняя въ одинъ и тотъ-же вечеръ и трудныя вокальныя партіи и различныя пьесы на фортепіано и скрипкѣ.

Въ концѣ 1880 года а именно 6-го декабря, въ роли Лучіи Зембрихъ дебютировала въ Петербургѣ, на сценѣ нашей итальянской оперы и тотчасъ-же обратила на себя вниманіе публики какъ пѣвица дѣйствительно замѣчательная, причемъ музыкальная критика отнеслась объ ней какъ о перворазрядной исполнительницѣ съ діапазономъ голоса чуть-ли не больше Патти, легко справляющейся со всѣми трудностями любой партіи и вполнѣ обладающей какъ красотою тембра такъ и выразительностью и изяществомъ исполненія.

Репертуаръ г-жи Зембрихъ пока не великъ; Лучія, Травіата, Сомнамбула, Севильскій Цирюльникъ, Волшебная флейта, Динора, Риголетто, вотъ почти всѣ тѣ оперы, въ которыхъ она до сихъ поръ проявляетъ свои дарованія, но эта бѣдность репертуара легко объясняется, если принять во вниманіе какъ ея молодость и кратковременность ея сценической карьеры, такъ и ту добросовѣстность, съ которою она изучаетъ и совершенствуетъ каждую новую, порученную ей роль, исполняя ее вполнѣ художественно какъ въ музыкальномъ такъ и въ драматическомъ отношеніи.

Испанскій дворянинъ.

Разсказъ

В. Г. Авсѣенко.

Отчего человѣкъ можетъ иногда обозлиться и точно съума сойти?

По поводу этого вопроса, какимъ-то случаемъ проскользнувшаго въ бесѣдѣ, одинъ изъ присутствующихъ разсказалъ цѣлую исторію, которая вся впрочемъ заключается почти въ одномъ лицѣ. Лицо очень не важное и не крупное, въ чемъ разсказчикъ впередъ извинился передъ нами. „Однако прибавилъ онъ—мнѣ лично человѣкъ этотъ показался занимательнымъ и представляющимъ нѣчто даже типическое, въ чемъ пожалуй выразилась одна изъ сторонъ нашей русской натуры. Всякая національность производитъ такъ называемыхъ пропащихъ людей, но всегда на свой складъ и ладъ; а у этого человѣчка, про котораго я вамъ разскажу, складъ вышелъ совсѣмъ русскій. Впрочемъ, судите сами".

И онъ началъ разсказывать, а я передамъ здѣсь все слышанное, собственными его словами.

I.

Встрѣтился я съ нимъ въ первый разъ давно, лѣтомъ 55-го года. Пришлось мнѣ ѣхать изъ Петербурга въ Вильну по такъ называемому тогда бѣлорусскому тракту, на почтовыхъ. Путешествіе вышло самое непріятное: по случаю войны разгонъ былъ страшный, по дорогѣ тянулись нескончаемые обозы, на станціяхъ приходилось не то что по часамъ, а по суткамъ ожидать лошадей. Даже подорожная „по казенной надобности" не производила ни малѣйшаго эффекта. На грѣхъ, время пришлось еще какъ разъ такое, когда въ кадетскихъ корпусахъ произвели усиленный выпускъ въ дѣйствующую армію, и безусые прапорщики, попарно, на перекладныхъ, то и дѣло обгоняли меня, стремясь въ Севастополь. Имъ, разумѣется, давали лошадей раньше чѣмъ мнѣ, никому ненужному обывателю, облеченному въ партикулярнѣйшую шинель и въ пуховую шляпу. А оттуда, изъ Севастополя, навстрѣчу скакали фельдъегеря и штабные, съ почернѣлыми и нахмуренными лицами, и вѣсти шли скверныя, такъ что на душѣ дѣлалось еще хуже.

Гдѣ-то за Опочкой мнѣ пришлось заночевать. Бѣлорусское шоссе въ то время только что было приведено въ порядокъ, т. е. верстовые столбы были выкрашены въ государственные цвѣта, станціи выстроены новыя, каменныя, всѣ по одному рисунку и плану, въ извѣстномъ вкусѣ графа Клейнмихеля. Даже диваны въ такъ называемой комнатѣ для проѣзжающихъ вездѣ были одинаковые, обтянутые одной и той же темнозеленой кожей, и даже физіономіи станціонныхъ смотрителей, мнѣ казалось, были похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды. Тѣмъ не менѣе, въ опрятной комнатѣ, на чистомъ диванѣ, спать было бы удобно—еслибъ только у меня не сказался товарищъ, тотъ самый неважный человѣкъ, о которомъ мнѣ предстоитъ вамъ разсказать.

Я пріѣхалъ вечеромъ, еще засвѣтло. Въ верстѣ находилось какое-то большое село, въ которомъ была ярмарка и потому подлѣ станціи толкалось много разнаго народу. На крыльцѣ стоялъ человѣкъ высокаго роста, русый, съ огромными мягкими усами и маленькими, голубыми, свѣтлыми глазками, глядѣвшими точно въ щелочку сквозь толстыя, красныя вѣки. Одѣтъ онъ былъ въ широкую чамарку со шнурами на груди, какія въ то время любили носить у себя дома небогатые помѣщики. Заложивъ руки въ карманы широчайшихъ панталонъ, онъ покачивался и повертывался съ видомъ человѣка, которому въ настоящую минуту рѣшительно нечего съ собой сдѣлать, какъ развѣ только выругать или отдуть кого нибудь. И онъ дѣйствительно ругался, обращаясь къ какимъ-то чуйкамъ и къ ямщицкому старостѣ, слушавшимъ его съ самымъ безобиднымъ равнодушіемъ и какъ бы даже съ одобреніемъ.

— Мошенники, налогъ на васъ мало... кидалъ онъ имъ съ крыльца.—Ишь вѣдь, оброчные! по торговой части... по ярмаркамъ шатаются... не бось за пазухой въ сахарной бумагѣ однихъ красненькихъ что заворочено...

— Чего не заворотить, отозвалась, оскаливъ бѣлые, какъ кипень зубы, одна изъ чуекъ.

— Это намъ не заказано.

— Я бы заказалъ, кабы меня спросили.

— Вотъ бѣда—не спрашиваютъ...

— То—то... а благородный человѣкъ ѣдетъ кровь проливать за отечество, такъ у него на прогоны нѣтъ, продолжалъ господинъ въ чамаркѣ. А отъ твоей мошны кому какая прибыль? знаю я вашу братію... поровите еще какъ бы обворовать, сапоги съ приклеиными подошвами ратникамъ поставить, да сухари гнилые... Въ Крыму солдатики дохнутъ черезъ васъ, проклятыхъ.

— Чего отъ насъ? мы въ это дѣло не вступаемся, возразила чуйка.

— Пазуха видно не толста еще... Ты понимаешь ли, куда я ѣду и для чего? Кровь проливать... Ты мою душу знаешь, что ли? Можетъ быть ты тамъ такое увидѣлъ бы... А па-азвольте узнать—вдругъ обратился ругающійся господинъ ко мнѣ, въ ту минуту какъ я подымался мимо него на крылечко—вы далеко ѣдете?

Я отвѣтилъ, что ѣду въ Вильну.

— Попутчики, объяснилъ онъ, и вошелъ вслѣдъ за мной въ пассажирскую комнату. Только лошадей до завтра не достанете, могу васъ поздравить.

II.

Онъ былъ нравъ, смотритель на отрѣзъ объявилъ, что на конюшнѣ нѣтъ ни одной разгонной пары. Приходилось покориться, и уже не въ первый разъ. Я велѣлъ внести свои вещи и поставить самоваръ. Господинъ въ чамаркѣ швырнулъ на окно бѣлую полу-военной формы фуражку, болѣе впрочемъ, похожую на блинъ, и принялся скорыми шагами ходить изъ угла въ уголъ.

— Вотъ, что называется, стеченіе обстоятельствъ: пятый день уже болтаюсь здѣсь, тогда какъ тѣло и душа рвутся въ Севастополь, вдругъ заговорилъ онъ, разомъ

повернувшись на каблукахъ. Мое мѣсто на залитыхъ кровью бастіонахъ, гдѣ пали Нахимовъ, Корниловъ... Позвольте рекомендоваться: помѣщикъ здѣшней губерніи, Семенъ Александровичъ Хохловъ.

Я въ свою очередь назвалъ себя, и мы пожали другъ другу руку. Отъ его пожатья у меня слиплись пальцы.

— Что же вамъ собственно мѣшаетъ ѣхать? спросилъ я.

— Стеченіе обстоятельствъ—не нахожу попутчика. Большею частью все ѣдутъ попарно, а у семейныхъ пассажировъ тоже нѣтъ мѣста.

Я догадался, что подъ попутчикомъ онъ подразумѣваетъ человѣка, который довезъ бы его даромъ.

— Но вѣдь вы не военный? спросилъ я.

— Былъ, но въ отставкѣ, а теперь стремлюсь вновь послужить на полѣ чести, объяснилъ Хохловъ. Хотѣлъ было записаться въ ополченье, но разсудилъ, что тамъ пожалуй и не придется испить бранную чашу. Поэтому ѣду прямо въ Севастополь, и съ тѣмъ чтобъ на Малаховъ курганъ.

Станціонный сторожъ втащилъ самоваръ. Я пригласилъ „попутчика" напиться чаю.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ онъ, и тотчасъ присѣлъ къ столу.

Тутъ рядомъ трактирчикъ есть, селянку недурно подаютъ, бросилъ онъ мимоходомъ.

Мнѣ показалось, что онъ голоденъ, и можетъ быть отъ этой мысли самому мнѣ какъ будто захотѣлось ѣсть.

— А что, не послать ли въ самомъ дѣлѣ за селянкой? предложилъ я.

Хохловъ живо встрепенулся.

— Разумѣется послать; что-жь пустой чай дуть! согласился онъ. Эй, какъ тебя, грымза станціонная! кликнулъ онъ сторожа: сбѣгай въ одну минуту въ трактиръ, принеси двѣ порціи селянки, сборной, и чтобъ бѣлорыбица была. И хлѣба побольше пусть дадутъ! Да живо у меня!

Я тѣмъ временемъ досталъ изъ погребца стаканъ и фляжку съ ромомъ. Хохловъ взглянулъ на все это одобрительно.

— Вотъ какъ судьба играетъ людьми, продолжалъ онъ. Видѣли, я на крыльцѣ съ канальями этими разговаривалъ? Вы думаете у меня отчего злость на нихъ? Вѣдь они, проклятые, не только капли крови не пожертвуютъ за отечество, а еще смѣются, что я тутъ сижу пятый день, не имѣю чѣмъ съ мѣста тронуться. А развѣ они понимаютъ меня, что у меня на душѣ? Развѣ они чувствуютъ, что можетъ быть черезъ недѣлю я буду лежать бездыханенъ, въ собственной крови? Эхъ, родина, стоишь ли ты еще того? Вотъ тутъ человѣкъ, который стремится лечь за тебя, а ты что для него сдѣлала? Чѣмъ ты его вспоила—вскормила?

Воззваніе къ родинѣ показалось мнѣ довольно неожиданнымъ.

Вы говорили, у васъ помѣстье въ этой губерніи? напомнилъ я, желая объяснить себѣ, какимъ образомъ помѣщикъ, собравшійся въ такой дальній путь, могъ очутиться вблизи своего имѣнія безъ копѣйки денегъ.

— Деревня, да... сто душъ... Эхъ было, времячко! отвѣтилъ Хохловъ и вдругъ озлобленно наморщилъ складки на лбу. Я, милостивый государь, недавно еще находился совершенно въ другомъ положеніи, чѣмъ вы меня видите. За большимъ не гнался, но пользовался достаткомъ, и могу сказать, при моей молодости чувствовалъ себя счастливымъ. То есть, если хотите меня понять, былъ я дуракъ совершеннѣйшій, и ничего рѣшительно представить себѣ въ его значеніи не умѣлъ.

— Вотъ именно когда вы такъ выражаетесь, я и не могу ничего понять, сказалъ я.

— Не понимаете? а выражаюсь я, кажется, какъ не можетъ быть проще, отвѣтилъ Хохловъ. Былъ я слѣпъ, и принималъ все сущее какъ оно представляется непросвѣтленному взгляду. Въ томъ и состояло истинное мое счастье. Но затѣмъ въ умѣ моемъ произошло просвѣтлѣніе, и я взглянулъ на себя и на другихъ людей иными очами, и тутъ ожесточился.

— Ожесточились?

— И въ ужасной степени. Такъ ожесточился, что подобно Нерону—а можетъ быть кому другому, не припомню—желалъ, чтобы весь родъ человѣческій имѣлъ одну голову, которую однимъ ударомъ снесть можно. Съ тѣхъ самыхъ поръ у меня совсѣмъ другія мысли стали, и самъ я другой человѣкъ сдѣлался.

— Какая-же собственно произошла въ васъ перемѣна? спросилъ я.

Хохловъ мрачно взглянулъ на меня изъ своихъ щелочекъ и потупился. Можетъ быть съ полминуты онъ не отвѣчалъ.

— Бусинъ сталъ, проговорилъ онъ наконецъ. Эхъ, что объ этомъ вспоминать! прервалъ онъ себя тотчасъ, дернувъ поочереди оба кончика усовъ. Самъ себя поджегъ съ четырехъ концевъ и прогорѣлъ какъ на рѣшеткѣ. Замертво выносили, вотъ какъ было. Однимъ словомъ, привелъ я себя къ такому состоянію, что omnia mea mecum—латинская пословица. И такъ моя душа перегорѣла, что только кровью человѣческою могу залить ее. Поэтому мнѣ одна дорога—въ Севастополь; подставлюсь подъ первую пулю, и баста.

III.

Я съ любопытствомъ взглянулъ на Хохлова. Не скажу, чтобъ мнѣ стало его жалко—мало-ли сколько прогорѣвшихъ людей шляется по свѣту—но въ голосѣ его слышалась глухая и почти наивная искренность, вмѣстѣ съ какою-то забавной притязательностью. Онъ искренничалъ, какъ будто не потому, чтобъ ему хотѣлось высказаться, а потому, что видѣлъ въ своей судьбѣ нѣчто общественное, о чемъ каждый долженъ знать.

На видъ ему было лѣтъ тридцать: лобъ высокій, бѣлый, можно было-бы подумать даже—умный лобъ; губы красивыя, красныя, голова крѣпко посаженная на широкія плечи, вся фигура складная и свѣжая—казалось-бы жить да поживать этому человѣку, да дѣло дѣлать.

Я перемѣнилъ ему уже третій стаканъ, доливая чуть не до половины ромомъ. Изъ трактира принесли селянку. Хохловъ съ жадностью принялся ѣсть, уписывая при этомъ такіе ломти хлѣба, что я подумалъ—не постился-ли онъ тутъ всѣ пять дней.

А какъ-же вы сюда-то пріѣхали? спросилъ я.

Подвезли. Я очень пьянъ былъ въ послѣднее время, отвѣтилъ совершенно просто Хохловъ. Должно быть хотѣли съ рукъ сбыть.

Во фляжкѣ еще оставался ромъ. Хохловъ уже самъ вылилъ его себѣ въ стаканъ, бросилъ нѣсколько кусковъ сахару и долилъ кипяткомъ.

— Отъ чаю не спится, объяснилъ онъ. Я однако усомнился, чтобъ онъ страдалъ безсонницей.

— А отчего-же собственно произошло у васъ, какъ вы выразились, просвѣтлѣніе ума? рѣшился я спросить.

Хохловъ какъ-то сморщился и поглядѣлъ въ стаканъ.

— Отъ любви, вдругъ сказалъ онъ.

— Отъ любви? повторилъ я. Это интересно. Разскажите.

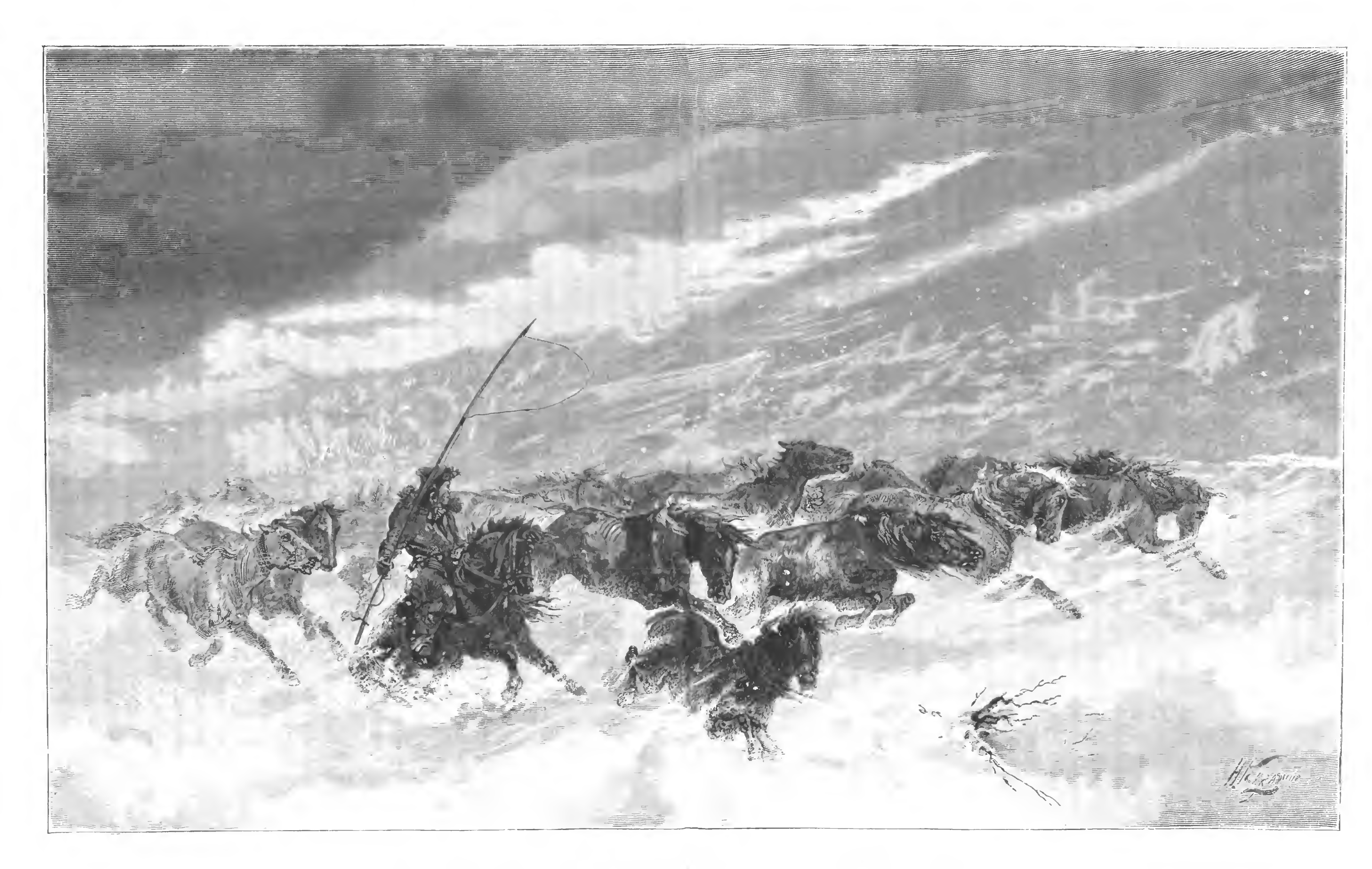
Онъ, обжигаясь, выпилъ разомъ нѣсколько глотковъ.

— Дайте папиросу. Или нѣтъ-ли хорошей сигары? спросилъ онъ.

Я раскрылъ портъ-сигаръ, гдѣ было то и другое. Хохловъ выбралъ самую толстую сигару, откусилъ кончикъ, зажегъ, и съ наслажденіемъ затянулся. Потомъ опять отхлебнулъ пуншу, и опять затянулся. Щелочки, изъ которыхъ глядѣли его глаза, почти закрылись. Такъ прошло минуты двѣ.

— Разскажите, повторилъ я.

Хохловъ внезапно насупился.



Табунъ во время снѣжнаго урагана въ Средне-азiатской степи. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскiй.

— Какое вамъ дѣло? почти закричалъ онъ. Чего я стану душу свою всякому встрѣчному-поперечному выкладывать?

— Да вы не сердитесь, мнѣ только непонятно, какъ это отъ любви можетъ просвѣтлѣніе ума произойдти, сказалъ я.

— Мало-ли что вамъ непонятно. Чего въ самомъ дѣлѣ пристали? Вы думаете, что если накормили да напоили человѣка, такъ и потѣшаться надъ нимъ можете? Въ душу къ нему залѣзть немытыми руками можете? кричалъ все больше Хохловъ, подымаясь и опираясь обѣими руками о столъ. Нѣтъ, врешь! Я вамъ не шутъ гороховый достался. Я къ себѣ въ душу съ грязными руками не пущу. У меня душа-то, можетъ быть... можетъ быть, такая... я ее за селянку не продамъ...

У него жилы натянулись на лбу, лицо было красно. Мнѣ и неловко, и непріятно стало, и я съ безпокойствомъ думалъ о томъ, что придется провести ночь съ совершенно пьянымъ человѣкомъ—но вышло совсѣмъ иначе. Въ самую эту минуту послышался звонъ почтоваго колокольчика, и къ намъ вошелъ новый проѣзжій, изъ тѣхъ-же безусыхъ прапорщиковъ, которыми былъ наполненъ весь бѣлорусскій трактъ. Недурненькій собой, въ мундирѣ съ иголочки, онъ производилъ впечатлѣніе очень еще молодаго пижона, старающагося пріободрить себя и побѣдить природную застѣнчивость.

Смотритель вошелъ вслѣдъ за нимъ.

— До утра подождать придется;—я васъ тутъ спокойненько устрою, а завтра чуть свѣтъ ужь откуда ни есть достану лошадокъ. Къ ночи обратныхъ жду, такъ хоть вздохнутъ маленько...

Прапорщикъ чуть-чуть надулъ щеки, какъ-бы собираясь раскричаться, но неувѣренный, выйдетъ-ли это у него, ограничился просьбой, чтобъ съ разсвѣтомъ лошади были непремѣнно.

— Да ужь будутъ, завѣрилъ смотритель. А васъ, сударь, я ужь опять тамъ устрою, обратился онъ къ Хохлову, кивнувъ по направленію къ заднимъ комнатамъ: нельзя, двое проѣзжающихъ, да въ ночь еще могутъ быть—вамъ тутъ негодится.

Хохловъ, при появленіи одиноко ѣдущаго прапорщика, сдѣлался совсѣмъ тихъ, и только пожиралъ его глазами, какъ-бы испытывая воплощенную въ его лицѣ судьбу свою. Послѣдній взглянулъ на насъ обоихъ и на опорожненную фляжку съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, однако присѣлъ къ столу и съ застѣнчивымъ видомъ спросилъ, можетъ-ли онъ тоже заварить чаю?

Съ нимъ оказался крошечный погребецъ, уставленный аккуратно пригнанными принадлежностями, между которыми я замѣтилъ даже стклянку съ одеколономъ. Мы немножко поговорили, причемъ я узналъ, что фамилія его Мейеръ, что онъ только что выпущенъ въ дѣйствительную армію, гдѣ надѣется честно исполнить свой долгъ, что папенька его былъ тоже военный, что онъ сирота, и что въ Перновѣ у него есть тетушка Амалія Францовна, которая нарочно пріѣзжала въ Петербургъ снарядить его въ дорогу и проводила его до Пулкова.

IV.

Хохловъ слушалъ все это съ благоговѣніемъ, продолжая пожирать пижона загорѣвшимися восхищеніемъ глазами. Хмѣль кажется совсѣмъ соскочилъ съ него, или по крайней мѣрѣ далъ его мыслямъ и чувствамъ иное направленіе.

— Я васъ понимаю! Я васъ совершенно понимаю! произнесъ онъ, вставая и крѣпко обѣими руками пожимая руку прапорщика—такъ крѣпко, что пальцы у него побѣлѣли и кровь бросилась въ лицо. Вы, господинъ Мейеръ, благороднѣйшій молодой человѣкъ, и клянусь вамъ головой, что черезъ мѣсяцъ имя ваше будетъ покрыто славой. Вы будете украшеніемъ русской арміи, клянусь головой стараго рубаки.

Мейеръ, озадаченный этимъ неожиданнымъ изліяніемъ, ужасно покраснѣлъ и смотрѣлъ на насъ обоихъ самымъ жалостливымъ взглядомъ. Онъ очевидно никакъ не могъ объяснить себѣ, что такое „понялъ“ въ немъ Хохловъ.

— Простите, я не успѣлъ вамъ отрекомендоваться—помѣщикъ здѣшней губерніи, отставной поручикъ Хохловъ—продолжалъ мой собесѣдникъ. Стремлюсь, подобно вамъ, въ окрававленный Севастополь, чтобъ отдать отечеству свое послѣднее дыханіе. Пригодится тамъ и моя боевая опытность, и зазубренная шашка стараго кавказца.

Онъ даже поискалъ подлѣ себя съ боку, какъ-бы вообразивъ, что у него въ самомъ дѣлѣ привѣшена шашка. Меня это окончательно убѣдило, что онъ не только никогда не былъ на Кавказѣ, но и вообще никакой шашки не носилъ, а развѣ пѣхотную полусаблю.

— Но вѣдь вы сами еще молодой человѣкъ! сказалъ Мейеръ, у котораго въ корпусѣ, за разговорами съ товарищами и за чтеніемъ Марлинскаго, сложилось совсѣмъ другое представленіе о кавказскихъ рубакахъ.

— Молодъ тѣломъ, но не душой и сердцемъ! возразилъ Хохловъ. Сердце мое перекипѣло въ такомъ горнилѣ страстей, о которомъ вы, молодой человѣкъ, не имѣете даже понятія... Но я сохранилъ сочувствіе къ молодости, я понимаю эти порывы, это беззавѣтное стремленіе туда, гдѣ свищутъ пули. Быть въ первый разъ въ боевомъ огнѣ—о, какое это ощущеніе. Знаете, я, надъ которымъ сто разъ была занесена черкесская шашка, я вамъ буду завидовать...

Мейеръ успѣлъ оправиться и даже получить нѣкоторый вкусъ къ тому, что говорилъ Хохловъ.

— Я очень радъ, что выпущенъ въ дѣйствующую армію, сказалъ онъ скромно. Я могу очень много выиграть. Конечно, могутъ также убить, или ранить... напримѣръ, въ ногу... это еще хуже.

— Ранить? Никогда! возразилъ тономъ глубочайшаго убѣжденія Хохловъ. Посмотрите на меня: ни одной царапины. Надо только быть всегда впереди и не думать—рѣшительно ни о чемъ не думать—и вы будете невредимы. Э, да вы еще ничего не понимаете въ боевыхъ дѣлахъ. Но я буду вмѣстѣ съ вами. Я поступлю въ одинъ и тотъ-же полкъ, на тотъ-же самый бастіонъ. Душа моя, я тебя полюбилъ... клянусь головой рубаки. Я отъ тебя ни на шагъ, и ты увидишь, что значитъ идти въ огонь рядомъ съ старымъ кавказцемъ. Поцѣлуемся, душа моя, и прости, что я такъ прямо... къ чорту эти церемоніи...

Онъ потянулся къ Мейеру, обнялъ его и поцѣловалъ. Пижонъ, совсѣмъ растерявшійся отъ внезапнаго натиска, краснѣлъ и видимо приходилъ въ волненіе.

— Прости, душа моя... ужь у меня такая натура—весь на распашку, продолжалъ Хохловъ, не выпуская его изъ объятій. Ужь коли полюблю, такъ сразу, безъ оглядки—бери мою жизнь. У меня душа... ты не знаешь какая у меня душа. Тамъ, въ траншеяхъ, ты поймешь, кого тебѣ Богъ посылаетъ въ эту минуту. Въ первую вылазку вмѣстѣ, локоть къ локтю, въ ногу... или нѣтъ, пополземъ на брюхѣ, по-кавказски... Тамъ, братъ, наши пластуны есть, чудеса дѣлаютъ...

Онъ продолжалъ фантазировать, и хотя я готовъ былъ голову прозакладывать, что онъ отродясь ни въ какомъ сраженіи не былъ и даже ни одного пластуна не видалъ, но очевидно все, что онъ разсказывалъ, необычайно живо носилось въ его мозгу, и въ ту минуту составляло для него почти дѣйствительность. Мейеръ слушалъ уже съ видимымъ удовольствіемъ, и хотя рука его какъ-бы въ раздумьи щипала чуть обозначавшіеся усики, но глаза и щеки начинали горѣть.

„Ну а всетаки пижонъ даромъ не повезетъ его“, подумалъ я, вставая и отправляясь устраивать себѣ ложе на одномъ изъ двухъ дивановъ.

Смотритель опять заглянулъ къ намъ и позвалъ Хохлова. Тотъ пробовалъ отдѣлаться.

— Нѣтъ, пойдемте, пойдемте; нельзя вамъ здѣсь, это вѣдь комната для пріѣзжающихъ, настаивалъ смотритель, и наконецъ увелъ его.

Мейеръ, наказавъ разбудить себя со свѣтомъ, аккуратнѣйшимъ образомъ постлалъ себѣ постель, раздѣлся и бережно сложилъ вещи.

— Отчего это смотритель все про проѣзжающихъ говоритъ? развѣ господинъ Хохловъ не проѣзжающій? вдругъ спросилъ онъ меня, задувая свѣчу.

Я не зналъ, что ему отвѣтить, и пожелалъ спокойной ночи.

V.

Никогда еще не случалось мнѣ въ дорогѣ такъ хорошо заснуть какъ въ ту ночь: очень ужъ удобны были эти новые диваны, съ крѣпкими пружинами и запахомъ новой кожи! Проснулся я довольно поздно, и нижона ужъ не засталъ: онъ уѣхалъ съ разсвѣтомъ и какъ оказалось къ крайнему моему удивленію—увезъ съ собой Хохлова.

— Да какъ это устроилось? вѣдь Мейеръ съ него ни копѣйки за прогоны не получитъ, сказалъ я смотрителю.

Тотъ засмѣялся.

— Еще вы посмотрѣли-бы какъ господинъ Хохловъ передъ ними куражился! отвѣтилъ онъ.—„Я, говоритъ, одолжаться не привыкъ, у меня душа гордая. Это, говоритъ, ничего что у меня теперь денегъ съ собой нѣтъ — я своей кровью заплачу“.

— Удивительно! произнесъ я, вспомнивъ и аккуратно приглаженный погребенъ нижона, и тетушку Амалію Францовну, и разсчеты его „много выиграть“ въ дѣйствующей арміи.

— И слава Богу! сказалъ смотритель, махнувъ рукою. Признаться, наскучилъ мнѣ этотъ господинъ Хохловъ. Пятый день вѣдь сидитъ... Такъ, ради только его ожесточенія держалъ.

— То-есть какъ это? не понялъ я.

— Ожесточенный вѣдь онъ.

Я всетаки не понималъ, что это за особенное званіе такое, и почему можно человѣка держать ради его ожесточенія.

— Вы его знали раньше? спросилъ я.

— Какъ-же, кто его тутъ не зналъ, отвѣтилъ смотритель. Онъ вѣдь, какъ нашло на него это ожесточеніе, такія чудодѣйства производилъ, по всей губерніи прославился, испанскимъ дворяниномъ его прозвали.

— Это почему-же?

— По случаю гордости. Гордъ вѣдь онъ до чрезвычайности сталъ, и въ родѣ Донъ-Кихота дѣйствовалъ.

Въ эту минуту послышался новый звонъ колокольцовъ. Смотритель высунулся въ окно.

— Исправникъ! вскрикнулъ онъ, вбѣгая.

Мнѣ было очень досадно, что такимъ образомъ прервался разговоръ, и что мнѣ можетъ быть не удастся узнать никакихъ подробностей о Хохловѣ. Но вышло напротивъ. Исправникъ, очень представительный мужчина, изъ военныхъ, распорядился тотчасъ принести изъ трактира завтракъ, а самъ разстегнулъ мундиръ, прилегъ на диванъ и спросилъ:

— А что-же Хохловъ? Спустили его куда-нибудь?

— Только сегодня и спустилъ, отвѣтилъ смотритель... Офицеръ молоденькій изъ Петербурга ѣхалъ, взялъ его съ собою.

— Ну и чудесно это, молвилъ исправникъ, пропуская сквозь усы струю табачнаго дыма. Эхъ, погибъ человѣкъ, прибавилъ онъ, обращая на меня тотъ испытующій взглядъ, который, какъ я замѣтилъ, вырабатывается иногда у полицейскихъ чиновниковъ.

— Я съ нимъ вчера здѣсь познакомился, сказалъ я, очень довольный разговоромъ. Скажите, отчего это онъ погибъ, какъ вы выражаетесь?

— Съ ума сошелъ, отвѣтилъ коротко исправникъ. Да вы развѣ про него не слыхали?

— Я не здѣшній...

— Ну, это цѣлая исторія. Пропалъ онъ, собственно, отъ любви, но мнѣ кажется у него давно уже тутъ не въ порядкѣ было.

И исправникъ показалъ на лобъ.

— Разскажите пожалуйста, это интересно, попросилъ я.

Станціонный смотритель разостлалъ на столѣ довольно чистую салфетку и поставилъ подносъ съ водкой, закуской и селянкой. Исправникъ любезно предложилъ мнѣ чокнуться, опрокинулъ въ ротъ большущую рюмку водки и запихнулъ кусокъ совсѣмъ рыжаго балыка.

— Разсказать-то даже это трудно, молвилъ онъ, жуя.

Я однако не сомнѣвался что онъ разскажетъ.

И дѣйствительно, прожевавъ балыкъ и обмочивъ усы въ селянку, онъ началъ такимъ образомъ.

VI.

Знаютъ его здѣсь лѣтъ пять, собственно съ тѣхъ поръ какъ онъ вышелъ въ отставку. Имѣніе у него было небольшое, однако сто душъ. Ну, съ этимъ можно жить. Онъ и основался, усадьбу перестроилъ, хозяйствомъ какъ слѣдуетъ занялся — однимъ словомъ зажилъ какъ всѣ мы, грѣшные, по своимъ медвѣжьимъ угламъ тутъ живемъ. Къ лошадямъ у него вкусъ есть — онъ и лошадокъ завелъ; охота тоже — не княжеская, а все было чѣмъ русака затравить. Принять, угостить сосѣда—это тоже все какъ быть должно. Ну и вообще человѣкомъ онъ себя показалъ смирнымъ, общительнымъ, права можно сказать даже веселаго—вѣдь не сразу это оказывается, если у кого тутъ не въ порядкѣ (исправникъ опять дотронулся пальцемъ до лба). Я къ нему въ ту пору разъ по одному случаю заѣзжалъ—тутъ онъ сейчасъ водочки, закусочки, самоваръ—все какъ слѣдуетъ по дворянски. Потомъ даже на своей тройкѣ прокатилъ— славная тройка, маленькая такая, однако рѣзвая.

Ну-съ, а въ прошедшемъ году вотъ это и началось у него. Надо вамъ сказать, что имѣньице-то его межа съ межой съ Краснымъ Верхомъ — изволите знать? Князя Воскурова, первое у насъ въ уѣздѣ. Тамъ ужъ порядки совсѣмъ другіе, понимаете. Старикъ— вельможа, да еще и чванный вдобавокъ, княгиня всю жизнь при дворѣ провела, а княжна первая красавица въ губерніи. Да что въ губерніи, я думаю и во всей Россіи развѣ еще одна такая сыщется. Княжна Мери Воскурова — не слыхали?

— Не слыхалъ, отозвался я.

— Помилуйте, извѣстность! продолжалъ исправникъ. Жила она передъ тѣмъ съ матерью все заграницей, да въ Петербургѣ, а прошлымъ лѣтомъ поселилась въ Красномъ Верхѣ. Увидѣлъ ее Хохловъ, и напала на него эта блажь—влюбился. А она, надо вамъ знать, дѣвушка бойкая, въ обращеніи доступная, и насмѣшница какихъ свѣтъ не создавалъ. Кокетства этого тоже много — потому ей что? развѣ ей тутъ кто пара? Дѣлай что хочешь — деревня, медвѣжій уголъ. Вотъ все равно какъ барыни не стыдятся передъ мужикомъ въ дезабилье ходить, потому что мужикъ развѣ мужчина? Замѣтила она, что Хохловъ гдѣ ни встрѣтится, глазъ съ нея не спускаетъ — и давай съ нимъ кокетничать. Такъ, пустяки самые,—а онъ пуще. Пригласила его бывать; тутъ вотъ и началось съ нимъ озлобленіе...

— Отчего-же озлобленіе? спросилъ я.

— Да все отъ любви. Напустилъ онъ это на себя, такъ сказать, очертя голову, не разсудивши напередъ, что изъ этого можетъ послѣдовать. Ему-бы поразмыслить, кто онъ, кто она, и какая, въ правду сказать, можетъ между ними любовь быть? Тогда можетъ быть блажь-то эта съ него и соскочила-бы. А онъ, вмѣсто того, возропталъ.

— Какъ-же это онъ возропталъ? перебилъ я разсказчика.

— Возропталъ, что отчего-молъ онъ не такой какъ другіе, объяснилъ исправникъ. Бывая-то въ домѣ ви-

дѣлъ онъ какъ увивались около княжны разные пріѣзжіе изъ Петербурга господа, ну и замѣтилъ, что княжна держала себя съ ними совсѣмъ на другой ногѣ. Ему-бы догадаться, что не туда попалъ, да и сгинуть въ свой медвѣжій уголъ, а онъ возроптал. И такая его вдругъ гордыня обуяла, повѣрить трудно. „Чѣмъ, говоритъ, я хуже другихъ? по какому такому случаю? Или почему, напримѣръ, у другаго тысяча душъ, а у меня сто? Почему, говоритъ, я по французски изъясняться не умѣю“? И вотъ въ такомъ родѣ. Однимъ словомъ такое съ нимъ стало дѣлаться, что можно было за сумасшедшаго признать. Тамъ, у князя-то, онъ еще смирялся — боялся должно быть, какъ-бы не выгнали изъ дому, — а какъ вырвется оттуда, и давай куралесить. Лѣзетъ къ каждому—знай, молъ, я дворянинъ, а дворяне всѣ равные, только я свою дворянскую честь лучше всякаго другаго поддержать умѣю. По этому самому его испанскимъ дворяниномъ прозвали, а другіе еще звали абиссинскимъ маэстро. Это собственно вотъ по какому случаю вышло. Былъ у него лѣсокъ. Продалъ онъ его за три тысячи, и на эти деньги купилъ чудеснѣйшаго жеребца арабской крови, да и сталъ на немъ каждый день гарцовать передъ княжеской усадьбой. Какъ только княжна выѣдетъ въ коляскѣ кататься, онъ рядомъ всю дорогу и скачетъ. А одѣваться онъ сталъ ни съ того ни съ сего въ черкесское платье, и папаху сталъ носить выше сахарной головы. Княжна съ гостями потѣшаются, а онъ знай себѣ гикаетъ, да гарцуетъ. Ну, тутъ припомнили что въ Петербургѣ былъ нѣкто господинъ Лазаревъ, прозванный абиссинскимъ маэстро, и что онъ точно также, влюбившись въ одну высокую особу, подкарауливалъ ея выѣздъ и гарцовалъ за ея экипажемъ по улицамъ. Только Хохлова больше все испанскимъ дворяниномъ звали. Это его сама княжна Мэри такъ прозвала. По правдѣ сказать, была и съ ея стороны вина: напрасно она такъ съ нимъ продолжала. Видимо человѣкъ съума сходитъ, такъ ужъ отвадить-бы его какъ-нибудь поскорѣй, вмѣсто того чтобы пуще дразнить да подъ бѣду подводить. Надо полагать, скучно ей очень съ непривычки въ деревнѣ стало, рада была что нашлась забава. Ну, да и что ей въ самомъ дѣлѣ жалѣть какого-то мелкопомѣстнаго сосѣда? Въ Петербургѣ, говорятъ, и не такими головами вертѣла. А по правдѣ, все таки можно было-бы пожалѣть.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Во время бури.

Романъ

М. Iокая.

(Продолженіе).

XV.

Идиллія.

Юноша отвѣчалъ не сразу, онъ не могъ вдругъ овладѣть языкомъ отъ страха. Убѣдившись, однако, что передъ нимъ стоитъ дядя и почувствовавъ свои руки свободными отъ веревокъ, онъ собрался съ силами и проговорилъ жалобнымъ, плаксивымъ голосомъ:

— Я... я... думалъ, что онъ... тоже... изъ Сворности... Милый, добрый дядя, спасите меня, а то они повѣсятъ меня!

При этихъ словахъ, въ залѣ раздался прелестный, серебристый смѣхъ. Расхохоталась Пальма, которой Корнель показался такимъ смѣшнымъ!

Расхохотались и остальные присутствовавшіе, неожиданно засмѣялся и самъ плѣнникъ. Среди общаго смѣха заговорили крестьяне, заговорилъ Корнель и изъ общихъ разсказовъ выяснилось недоразумѣніе. Юнкеръ, убѣжавъ отъ дяди, направился домой, чтобы избавиться отъ воображаемаго преслѣдованія своего попечителя—вывернулъ наизнанку венгерку, конечно съ цѣлью замаскировать себя и не быть узнанымъ. Дорогой храбрецъ наткнулся на мужиковъ изъ партіи Иллаваи и принявъ ихъ за часть отряда Криванскаго, еще издали крикнулъ имъ, что онъ—одинъ изъ предводителей „Сворности“. Тѣ немедленно же связали его и притащили въ замокъ. Онъ могъ благодарить теперь судьбу за то, что они не забыли его по пути на какомъ нибудь деревѣ.

Иллаваи разсердился не на шутку и выгналъ изъ залы всѣхъ набравшихся сюда крестьянъ. „Хорошъ вашъ первый визитъ!“ шепнулъ онъ на ухо Сомѣ.

На Пальму онъ не смѣлъ взглянуть. Молодая дѣвушка кусала платокъ, чтобы не расхохотаться снова.

— Господинъ управляющій! кликнулъ Иллаваи.

— Кузенъ, кликнулъ графъ.

— Велите, пожалуйста, дать моему племяннику другое платье.

— Распорядитесь, чтобы господину Опатовскому былъ поставленъ приборъ, приказалъ графъ. Бѣдный молодой человѣкъ, я думаю, очень голоденъ. Ему, прежде всего, надо закусить.

— Но вѣдь не можетъ-же онъ сѣсть за столъ въ этомъ нарядѣ, пропорчалъ Иллаваи.

— Э—ничего, возразилъ графъ—Опатовскій, во всякомъ положеніи и во всякомъ нарядѣ, остается Опатовскимъ. Садитесь пожалуйста; мы очень рады чести видѣть васъ у себя.

Сомѣ предстояло выбирать одинъ изъ двухъ совѣтовъ. На столѣ были разставлены такія вкусныя блюда, красовались бутылки, будто манившія его своими высокими горлышками! Ну, а переодѣваться, мыться, чиститься—вѣдь все это еще успѣется. Онъ послѣдовалъ совѣту графа, усѣлся передъ блюдами и бутылками и тотчасъ-же принялся за все. Въ эту минуту онъ былъ совершенно равнодушенъ къ тому—посмѣивается или нѣтъ то прелестное личико, обрамленное бѣлокурыми волосами.

Иллаваи запомнилъ, однако, многозначительныя слова графа:

— Опатовскій, во всякомъ положеніи и во всякомъ нарядѣ, все-же остается Опатовскимъ.

Послѣ такого пассажа юному Опатовскому уже было неудобно оставаться въ этой сторонѣ, гдѣ немедленно распространилась слава его. „Герою „Сворности“, какъ его прозвали, необходимо было, хотя на время, уѣхать куда-нибудь. Иллаваи отправилъ его въ Пресбургскую академію, въ которой студенты гораздо больше пили пиво, чѣмъ ходили на лекціи, что, однако, нисколько не смущало тамошнихъ профессоровъ.

Студенты скоро прознали о подвигахъ Опатовскаго. Его выдалъ чуть-ли не Кацуръ. И Корнелю дали кличку: „Партизанскій командиръ“.

Вскорѣ, однако, случилось кое-что, что, отчасти, оправдывало эту кличку.

Пресбургъ былъ занятъ императорскими войсками и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлался сборнымъ пунктомъ всѣхъ тѣхъ венгерскихъ магнатовъ, которые были недовольны патріотическимъ движеніемъ мадьяръ.

Нѣсколько времени спустя, Иллаваи получилъ слѣдующее письмо отъ Кацура:

„Мы опять перемѣнили карьеру! Академія намъ надоѣла—и теперь служимъ уже волонтерами въ отрядѣ графа Ноля подъ нашимъ настоящимъ именемъ, Корнеля Опатовскаго. Ну и пусть же бережется нашъ дядюшка, не попадайся онъ къ намъ въ руки, такъ какъ если мы его не повѣсили какъ измѣнника отечеству своему, то повѣсимъ теперь, какъ бунтовщика“.

— Дуракъ дуракомъ и останется, проговорилъ Иллаваи. Ну, да ужъ удерете и сами оттуда какъ запахнетъ порохомъ, прибавилъ онъ послѣ раздумья.

Только о дуракахъ напрасно онъ выразился съ такимъ пренебреженіемъ. Онъ забылъ, что дуракамъ счастье, забылъ онъ также, что и самъ чувствуетъ себя совсѣмъ тупѣющимъ подъ яркимъ блескомъ двухъ чудныхъ глазъ!

Пальмѣ была уже извѣстна тайна такъ близко касавшаяся Иллаваи. Впрочемъ—то не было и тайной, потому что ее знали многіе, въ чемъ онъ могъ-бы тотчасъ-же убѣдиться, еслибы желалъ сдѣлать вопросъ первому-же хорошему знакомому. Но гордый человѣкъ не спрашивалъ.

Графинѣ хотѣлось ближе знать все, что касалось человѣка избраннаго ею. Она написала „кому-то“ и вскорѣ получила отвѣтъ. Почеркъ на этомъ отвѣтномъ письмѣ, написанномъ на нѣжной лиловой бумагѣ, былъ женскій.

— Графиня доставила мнѣ большую радость сообщеннымъ ею извѣстіемъ, говорилось Пальмѣ.—Никто не можетъ желать „ему“ такъ много счастія, какъ я. Я утѣшаюсь при мысли, что онъ, потерянный для меня, оцѣненъ по достоинству вами.

„Человѣкъ, о которомъ мы говоримъ теперь съ вами,—человѣкъ замѣчательный, необыкновенный и котораго надо знать слишкомъ хорошо, чтобы понять противорѣчія его характера“.

Далѣе шло самое подробное, подробное до мелочей, изображеніе всѣхъ свойствъ, всѣхъ качествъ Иллаваи, всѣхъ привычекъ его, антипатій и симпатій. Говорилось и то, что читатели уже успѣли сами видѣть во Франциѣ до этой страницы разсказа, и также то, чего они еще не прочли. Иллаваи, этотъ простой, практическій человѣкъ, скрывалъ подъ маскою наружнаго холода, нѣжную, возвышенную, поэтическую натуру.

Бабушка и внучка. Ориг. рис. К. А. Трутовскаго, грав. Гельштейнъ.

Графиня не удовольствовалась однако только одними этими подробностями, она просила говорить ей еще и еще о немъ.

Снова не замедлилъ отвѣтъ. На этотъ разъ передавалась исторія зеркала.

Онъ имѣетъ привычку ежедневно запираться у себя, тогда онъ садится передъ зеркаломъ и разговариваетъ самъ съ собой, отвѣчая себѣ отъ имени зеркала.

Это какое-то помѣшательство: его мать была изъ фамиліи Опатовскихъ, къ которымъ, вѣроятно, перешла въ кровь капля безумія предка ихъ, воеводы Стибора. Но у него эти странные діалоги имѣютъ свое особенное значеніе. Я иногда подслушивала... Это что-то въ родѣ борьбы въ немъ между духомъ зла и добра, иногда-же—какъ будто происходитъ состязаніе тщеславія съ самоуничиженіемъ. И всегда побѣдителемъ въ немъ выходитъ добро. Но—будьте осторожны и не давайте ему ни малѣйшаго повода подумать, что вамъ извѣстны его странности. Онъ отвернулся-бы отъ васъ навсегда."

Графиня Пальма думала. Она составила себѣ цѣлый планъ.

Цѣлыхъ двѣ недѣли Иллаваи не появлялся въ замкѣ. У него было на рукахъ не мало дѣла по округу. Между прочимъ, ему пришлось объясняться съ императорскимъ комендантомъ по поводу того, что военный отрядъ, имѣвшій у себя императорскій штандартъ, былъ разбитъ и разсѣянъ—обстоятельство это было такого рода, что пожалуй можно бы было угодить и подъ военный судъ изъ за него! Въ эти двѣ недѣли онъ написалъ графу нѣсколько писемъ, въ которыхъ давалъ ему наставленія какъ поступать въ такихъ то и въ такихъ то случаяхъ. Пальма ждала его съ горячимъ нетерпѣніемъ и наконецъ, въ одно прекрасное утро, увидала всадника, быстро проскакавшаго, черезъ опущенный подъемный мостъ, во дворъ замка. Въ лицѣ его была какая-то перемѣна теперь, но графиня быстро подошедшая къ высокому окну, тотчасъ же узнала того, котораго такъ долго ждала.

Перемѣну въ Иллаваи произвела небольшая борода, выросшая за эти четырнадцать дней и сдѣлавшая лицо его нѣсколько менѣе некрасивымъ. Правду, сказать, Францъ со времени объясненія съ Пальмой, не имѣлъ разговора съ своимъ очарованнымъ зеркаломъ, которое уже сказало ему, что онъ дуренъ, глупъ, что его никто не можетъ любить.

Пальма своимъ поцѣлуемъ сказала ему, что зеркало говорило неправду. Онъ любилъ ее и вѣрилъ ей.

Молодая дѣвушка поспѣшила навстрѣчу къ нему. Ея черты свѣтились чудвымъ блескомъ радости и счастія. И какъ много мягкости, доброты выражало прелестное лицо въ эти минуты.

Францу, сердце котораго забилось отъ блаженства, казалось что предъ нимъ стоитъ идеалъ его сокровенной, самой завѣтной его мечты. Какая-то слабость разлилась по всему тѣлу, онъ задрожалъ. Ему не вѣрилось, что она принадлежитъ ему, ему одному.

Но, въ такія минуты счастливцевъ иногда любятъ и подразнить немного.

Пальма остановилась передъ нимъ съ притворно-серьезной миной и не протягивая ему своихъ рукъ.

— У меня есть жалоба на господина окружнаго судью.

Францъ пристально глянулъ ей въ лицо!

— Серьезная?

— Очень серьезная жалоба. Потокъ вышелъ изъ береговъ и сорвалъ всѣ мосты, а г. окружный судья не распорядился поправить ихъ и потому мой женихъ не можетъ попасть ко мнѣ.

Францъ, съ улыбкой, гладилъ свою новорожденную бородку.

— Ну—если только сердце есть въ его груди такъ перепрыгнетъ чрезъ всѣ потоки, да пріѣдетъ.

И—опять, и снова—все отдано ему, и маленькія руки, и прелестныя губки.

Да, здѣсь будто уже все принадлежало ему, все было ему близко. И въ Гарго вовсе не скрывали, что его считаютъ своимъ. Въ замкѣ Теметвени, онъ у себя дома. И самъ графъ пользовался едва-ли не каждымъ поводомъ, чтобы дать ему понять, что смотритъ на него, какъ на будущаго члена своего семейства. Фердинандъ Теметвени обладалъ совершенно своеобразною манерою посвящать кого либо въ полное свое довѣріе, но зато она уже не оставляла никакихъ сомнѣній въ посвященномъ. Графъ, понемногу, ввелъ Иллаваи въ самую сокровенную глубь своихъ тайнъ. Въ каждое посѣщеніе онъ открывалъ ему какой нибудь изъ своихъ секретовъ. Дѣло шло то объ одномъ векселѣ, то о другомъ; векселя были самыхъ различныхъ размѣровъ, оно, впрочемъ, и извѣстно всѣмъ, что наука о векселѣ самая богатая и разнообразная а у графа ихъ была цѣлая коллекція. Можетъ ли кандидатъ въ нарѣченные требовать отъ будущаго тестя болѣе интимнаго довѣрія, чѣмъ то, которое касается этой оргіи векселей, причемъ ему говорятъ: устрой какъ нибудь!

Графиня Пальма уже привыкла къ тому, что Францъ, тотчасъ же по пріѣздѣ, и послѣ краткаго рукопожатія, спѣшилъ прямо къ ея отцу, который уже ждалъ его съ новымъ признаніемъ.

Съ какимъ длиннымъ лицомъ вышелъ бы изъ кабинета будущаго тестюшки другой женихъ, выслушавъ такія откровенія! Но Иллаваи, напротивъ, казался счастливѣе, довольнѣе. Пальма прочла на этомъ счастливомъ лицѣ скрытую мысль:

— Разстояніе между нами все болѣе и болѣе уменьшается; ты, день отъ дня, становишься бѣднѣе, приближаешься ко мнѣ.

Служащіе графа убѣдились уже, что съ тѣхъ поръ, какъ его сіятельство слѣдовалъ въ своемъ хозяйствѣ указаніямъ и совѣтамъ Иллаваи, въ хозяйствѣ этомъ установилось болѣе порядка. Понятно, что въ замкѣ господствовало сильное волненіе въ тотъ день, когда туда пріѣхалъ Иллаваи, напрасно желали экономы и управляющіе, чтобы окружный судья, сломилъ себѣ гдѣ нибудь въ дорогѣ шею.

Но на этотъ разъ пріѣхалъ не судья, а—влюбленный. Онъ, правду сказать, былъ совершенно равнодушенъ въ этотъ день, ко всѣмъ счетамъ, какіе сочинялись и сводились.

Однажды графиня Пальма разговаривала въ угловой гостиной съ Иллаваи.

— Я беру ваше сердце, говорилъ онъ. Я беру честное, чистое сердце. Рѣдко кому достается такое на долю. Я угадываю, я чувствую высокія достоинства вашего. Вы знаете, я не умѣю льстить, не умѣю говорить въ лицо такія вещи, которыя заставили бы перваго меня же покраснѣть. Но въ женщинѣ, которой я поклоняюсь, я вижу только лучезарный ореолъ, окружающій ее. Сквозь него я не могу разсмотрѣть никакихъ недостатковъ, въ его блескѣ исчезаютъ для меня и брильянты, и отрепья. Вы говорите, что разстояніе между нами уменьшается. Но однако къ чему вести разговоръ въ такомъ тонѣ и повода нѣтъ никакого—вы, все таки, останетесь владѣлицей Гарго. Этотъ милліонъ...

— Неужели вы думаете, что и я вѣрю въ этотъ фантастическій милліонъ, отъ котораго у отца голова кружится?

— Но это совершенно вѣрно и гарантія—честь венгерскаго народа.

— А вы думаете, что венгерскій народъ не погибнетъ въ этой борьбѣ?

— Онъ не погибнетъ! пылко воскликнулъ Иллаваи. Онъ побѣдитъ—я въ это вѣрю!

— Если не сладитъ съ нимъ одинъ врагъ, на него напустятъ другаго.

— Тогда мы всѣ идемъ на бой Если нашей молодежи не достанетъ, пойдемъ мы старшіе, оставшіеся пока дома, чтобы не дать заглохнуть роднымъ всходамъ. А надо будетъ—я стану во главѣ моихъ словаковъ и мы покажемъ, что и цѣпы съумѣютъ справиться со штыкомъ!

И снова предъ Пальмой былъ другой Иллаваи, съ лицомъ горѣвшимъ отвагою и какою-то дикою, страстною энергіей.

Молодая дѣвушка съ восторгомъ глядѣла на это лицо. Только ей открывалась эта великая душа, только въ ея присутствіи загорался этотъ огонь, выходило паружу это пламя. Вѣдь высказавшись такъ, какъ онъ сейчасъ это сдѣлалъ, Францъ выдавалъ себя ей головой. Сказать: „я стану во главѣ моихъ словаковъ!" сказать это ей, дочери графа Фердинанда Теметвени... Имѣть мужество открыть такую тайну дочери вѣнскаго придворнаго вельможи... и въ то самое время, когда повсюду кругомъ военные суды дѣлаютъ свое страшное дѣло. Въ глазахъ Пальмы блеснуло выраженіе гордости; этотъ человѣкъ подчинился ей какъ рабъ, проданный въ неволю.

— Такъ ты любишь меня, любишь, хоть и узналъ, что я нищая?

— А ты, любишь ли ты меня, если видишь, что я тѣломъ и душой принадлежу Венгріи, поднявшейся противъ твоихъ...

Больше имъ уже нечего было говорить другъ другу. Сердца были переполнены.

XV.

Ему грозитъ опасность!...

Съ наступленіемъ теплаго весенняго времени сразу все выступило изъ почвы паружу.

И не только травы и цвѣты, но и венгерскіе воины.

Все совершенно измѣнилось, наступала новая глава исторіи. Всѣ эти скрывшіеся герои, изъ поручиковъ быстро превратившіеся въ генераловъ, возвратились побѣдоносными въ свое отечество. Произошли вещи невѣроятныя, неслыханныя.

Снова, изъ конца въ конецъ, прогремѣло имя Горомболи. Завтра онъ будетъ уже здѣсь! И онъ уже не маіоръ, а генералъ. Совершенные имъ подвиги граничатъ съ чудеснымъ, съ баснословнымъ. О немъ шли самые разнорѣчивые слухи. Одни говорили, будто у него 30 тысячъ войска, другіе—что только 3000, а третьи—что всего 300, но что каждый изъ рядовыхъ—герой богатырь. Увѣряли, напримѣръ, что онъ среди бѣла дня взялъ штурмомъ цѣлый городъ, который былъ вооруженъ пушками и занятъ кавалеріей и артиллеріей. Гарнизонъ этотъ онъ разсѣялъ, пушки захватилъ, а штабъ, заставъ за обѣдомъ, весь взялъ въ плѣнъ. Такого страха онъ напустилъ, что генералиссимусъ выслалъ цѣлую дивизію, чтобы остановить его побѣдоносное шествіе.

Вмѣстѣ съ штабомъ попались и офицеры партизанскаго отряда графа Поля и въ томъ числѣ нашъ пріятель Корнель Опатовскій. Офицеровъ препроводили въ Пештъ, правая береговая часть котораго была уже въ рукахъ венгровъ!

Плѣнные непріятельскіе офицеры всегда находили самый лучшій пріемъ у венгерцевъ.

Такъ, напримѣръ, для двухъ русскихъ офицеровъ, взятыхъ

въ плѣнъ подъ Германштадтомъ, время, проведенное въ Дебречинѣ, было нескончаемымъ рядомъ праздниковъ, не проходило ни одного дня безъ приглашеній. Они со всѣми сошлись самымъ искреннимъ образомъ.

Но положеніе юнкера Корнеля было далеко не такъ пріятно. Ему вновь грозилъ военный судъ. Законъ былъ строгъ.

Положеніе юнкера Корнеля было совсѣмъ не шуточное. Къ своему счастью, онъ принадлежалъ къ юрисдикціи Пештскаго военнаго суда, который, вслѣдствіе различныхъ причинъ, еще не былъ вполнѣ установленъ. Такъ бѣдняга выигралъ немного времени.

Едва дошло до дяди Франца извѣстіе о новомъ приключеніи племянника,—онъ поспѣшно простился съ Пальмой и прямо помчался въ Пештъ, взявъ съ собою удостовѣреніе, выданное комитатомъ и докторами и гласившее, что Корнель Опатовскій находится въ состояніи умственнаго разстройства, т. е. невмѣняемости. Такого больнаго нигдѣ въ мірѣ не судятъ и не наказываютъ. Хорошо еще было и то, что президентъ высшаго суда оказался гуманнымъ, юридически образованнымъ человѣкомъ и, къ тому-же, хорошимъ стариннымъ другомъ Иллаваи.

Едва успѣлъ Францъ уѣхать, какъ его невѣста получила письмо на той-же лиловой бумажкѣ и съ знакомымъ почеркомъ.

На этотъ разъ оно было кратко и заключало въ себѣ лишь эти нѣсколько словъ:

„Ему грозитъ опасность—берегите его!..“

Загадочное предупрежденіе повергло Пальму въ глубокое раздумье. Что дѣлать?

Какъ уберечь его ей! То, что въ ея силахъ, она сдѣлаетъ и безъ совѣта; невозможно-же ей повсюду слѣдовать за нимъ. Да еще за такимъ, какъ онъ, Иллаваи! За человѣкомъ, съ его яснымъ умомъ, съ его энергіей. И это возлагаютъ на нее, олицетворенную безпомощность. Отъ какой-же опасности надо беречь его? Опять-таки безъ основанія не написали-бы ей этаго.

Какъ ни ломала себѣ голову графиня, не могла придумать, что такое грозитъ Иллаваи?

Вскорѣ распространилось извѣстіе о приближеніи славнаго воина, героя Горомболи! Здѣсь его появленіе возбуждало не страхъ, напротивъ, его ждали съ нетерпѣніемъ, съ радостью, съ восторгомъ. Всюду на пути выходили депутаціи, всѣ окрестные города и деревни выставляли тріумфальныя арки, оспаривали другъ у друга честь угостить его войска. Самъ графъ Фердинандъ Теметвеи пришелъ въ нѣкоторое патріотическое возбужденіе, сталъ чуть-ли не молодцовато покручивать свой усъ, даже отправилъ Кузена къ герою, съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ просилъ сдѣлать честь пожаловать въ Гарговаръ.

Горомболи отвѣтилъ, что и безъ того имѣлъ намѣреніе посѣтить графа, хотя и на весьма короткое время, желая при этомъ воспользоваться случаемъ переговорить кое о чемъ. Графъ, казалось, совершенно забылъ про свою апатію и дѣятельно принялся за приготовленія къ торжественной встрѣчѣ знаменитыхъ гостей. Въ концѣ деревни была воздвигнута арка, съ надписью: „Добро пожаловать!“ Посреди базарной площади устроили трибуну, съ которой должны были привѣтствовать Горомболи мѣстный священникъ и крестьяне. Самъ графъ рѣшилъ выѣхать навстрѣчу верхомъ. Тутъ поднялись безконечныя совѣщанія—какой костюмъ изберетъ его сіятельство для этаго случая: великолѣпный-ли нарядъ магната, или-же выкажетъ больше вниманія демократическому вождю, если привѣтствуетъ его, одѣтый въ простой буржуазный костюмъ, въ круглой шляпѣ съ страусовымъ перомъ. Остановились именно на этомъ костюмѣ. Графъ все время заучивалъ, съ большимъ затрудненіемъ, коротенькую рѣчь. Вечеромъ, наканунѣ великаго дня, онъ, послѣ обѣда, вышелъ въ сосѣднюю комнату и сдѣлалъ тамъ себѣ репетицію.

На Пальму эти приготовленія производили странное впечатлѣніе, ей казалось, что все это принесетъ какое-нибудь несчастье.

Утромъ, когда кареты были уже поданы, графская свита сидѣла на коняхъ, а 24 молодыя дѣвушки выстроены были по бокамъ тріумфальной арки,—графъ вышелъ въ своемъ доломанѣ изъ чернаго бархата съ такимъ-же ментикомъ и въ шляпѣ и приготовился сѣсть на коня; онъ занесъ уже ногу—какъ вдругъ „случайно“ оступился и упалъ.

Его тотчасъ-же подняли и перенесли наверхъ, гдѣ случившійся весьма кстати окружный хирургъ велѣлъ ему наложить на ушибленное мѣсто холодный компрессъ. Кузенъ не замедлилъ объяснить, что его сіятельство сильно расшибъ себѣ колѣно, при этомъ онъ запретилъ передавать графинѣ Пальмѣ, почему молодая дѣвушка и узнала обо всемъ двумя, тремя минутами раньше, и прямо отъ своего туалета прибѣжала къ отцу.

— Отецъ, ради Бога! ты очень ушибся? разспрашивала перепуганная Пальма.

— Ты знаешь, я могу переносить сильную боль.

Это была правда. Какое-нибудь тяжелое страданіе онъ терпѣлъ молча, когда-же онъ стоналъ и охалъ, то это по обыкновенію служило признакомъ, что ему совершенно хорошо.

Теперь онъ лежалъ на кровати, но все еще въ своемъ костюмѣ. Пальма поняла, что отецъ желалъ, чтобы гость видѣлъ, что все было приготовлено къ парадной встрѣчѣ, что графъ уже былъ одѣтъ прилично случаю, но непредвидѣнное паденіе всему помѣшало!

Теметвеи поручилъ дочери встрѣтить его превосходительство—достославнаго героя; а затѣмъ привести его прямо къ графу.

Пальма ушла съ свою уборную, гдѣ дозволила камеристкѣ дѣлать съ ея роскошными волосами, что той заблагоразсудится.

Встрѣча удалась вполнѣ и произошла какъ по писаному. Привѣтственные салюты и рѣчи прогремѣли, прозвучали съ совершенною исправностью. Но и Горомболи не ударилъ лицомъ въ грязь: на венгерскія, словакскія и латинскія рѣчи онъ отвѣчалъ по-венгерски, словакски и по латыни. Нельзя было сказать только чтобы онъ, въ этотъ день, отличался великолѣпіемъ внѣшняго вида; наиболѣе рельефными украшеніями его костюма служили двѣ заплаты на рукавѣ венгерки; злые языки увѣряли, будто рукавъ и не былъ разорванъ, а что генералъ велѣлъ заштопать его нарочно, потому что покрытый заплатами, изорванный штыками мундиръ, составляетъ, во время войны, нѣкоторымъ образомъ, гордость солдата: понимается, что въ пылу битвъ некогда мѣнять мундира: золотой воротникъ на венгеркѣ тоже не былъ очень свѣжъ—но тутъ украшеніемъ и служило, собственно, поблекшее золото; на груди Горомболи красовался орденъ на красномъ бантѣ.

Несмотря на все это—едва-ли у Александра Македонскаго могъ быть при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ болѣе гордый видъ, чѣмъ тотъ, съ которымъ Горомболи совершилъ свое вступленіе въ замокъ Гарго. Сразу можно было прочесть на лицѣ этаго человѣка, что онъ неустрашимо побьетъ всякаго врага, переспоритъ всякаго оратора и овладѣетъ сердцемъ всякой женщины.

Ему тотчасъ-же сообщили о приключеніи съ графомъ.

Оставивъ свою свиту въ пріемной залѣ, онъ поспѣшилъ самъ въ спальню его сіятельства.

Пальма встрѣтила гостя.

— Какое несчастье съ моимъ отцемъ!

Горомболи былъ по натурѣ своей однимъ изъ довѣрчивѣйшихъ людей. Съ величайшимъ участіемъ подошелъ онъ къ графу, лежавшему теперь на кушеткѣ, съ ногой, протянутой въ перевязкахъ на близь стоявшемъ креслѣ.

— Позвольте выразить вамъ общее наше величайшее сожалѣніе, графъ. Надѣюсь однако, что вы не причинили себѣ серьезнаго вреда. Я уже послалъ за штабнымъ докторомъ: онъ у насъ настоящее золото!

Графъ слабымъ голосомъ разсказалъ всѣ подробности происшествія, сопровождая свою рѣчь гримасами, которыми желалъ показать—чего ему стоитъ терпѣть свою боль.

— Но пусть послужитъ для васъ утѣшеніемъ, графъ, сознаніе, что вы пострадали, такъ сказать, по службѣ отечеству. Рана эта—высокая заслуга предъ отечествомъ и я не премину засвидѣтельствовать о томъ лицамъ, на которыхъ лежитъ обязанность вознаграждать патріотическіе подвиги. Сегодня-же дамъ знать обо всемъ въ Дебречинъ.

— А—чортъ тебя возьми! мысленно переспугался графъ,—вотъ присталъ! Да прежде, чѣмъ это дойдетъ до Дебречина—повсюду разнесется, что пушечнымъ ядромъ мнѣ оторвало ноги.

— О—нѣтъ, нѣтъ объ этомъ не стоитъ вовсе и увѣдомлять, заговорилъ графъ съ внезапно оживившимся лицомъ—немножко только кожу содрало, и въ какихъ-нибудь два дня не останется и слѣда. Да еще и сегодня выйду къ обѣду, который ваше превосходительство сдѣлали мнѣ честь принять.

Горомболи счелъ необходимымъ обратиться къ Пальмѣ съ привѣтствіемъ.

— Дозволитъ-ли мнѣ героиня Гарговара прикоснуться къ ея рукѣ, въ знакъ особеннаго моего уваженія?

Она дозволила, хотя и съ нескрываемымъ удивленіемъ.

— Чѣмъ я заслужила титулъ Гарговарской героини?

— Да вѣдь весь свѣтъ называетъ васъ такъ. Теперь по всей странѣ гремятъ о васъ.

— Генералъ шутитъ! Ужъ не говорите-ли вы о нашей маленькой стычкѣ? спросилъ графъ.

— Какъ? вы называете это—маленькой стычкой? Графъ, извините, но вы ошибаетесь,—то былъ моментъ историческій! Всѣ наши дѣла, въ сравненіи съ этимъ—пустяки! Что такое Семиградскій походъ Бэма, сраженія, данныя Перчелемъ въ Банатѣ наряду съ этимъ геройскимъ подвигомъ Иллаваи? Генералы, которыхъ я только что назвалъ, двигали цѣлыя арміи, съ артиллерійскими парками, съ кавалеріей, а этотъ бросается на врага съ голыми руками, съ кучкой своихъ мужиковъ, вооруженныхъ только вилами да граблями и освобождаетъ насъ отъ серьезной опасности, угрожавшей всей верхней Венгріи. Графъ, это имя займетъ мѣсто въ ряду именъ спасителей отечества и я очень радъ, что, вмѣстѣ съ нимъ, будетъ произноситься и ваше.

— Неужели это былъ такой подвигъ? съ любопытствомъ спросилъ графъ.

— Настолько, что трудно найдти ему достойную награду. Но гдѣ же вашъ герой? Я думалъ встрѣтить его здѣсь.

Графъ обмѣнялся съ дочерью многозначительнымъ взглядомъ.

— Да, г. Иллаваи принадлежитъ къ числу самыхъ близкихъ друзей нашего семейства. Мы здѣсь „всѣ“ очень любимъ его.

Братъ и сестра. Рис. Л. Цорнъ, грав. Фаландеръ.

Борьба со львомъ въ Римскомъ циркѣ. Бронзовая группа Макса Клейна, грав. Веберъ.

Онъ, безъ сомнѣнія, пожалѣетъ, что самъ лично не слышалъ вашихъ словъ. Но, ему пришлось внезапно уѣхать въ Пештъ кажется изъ за племянника.

— Такъ и зналъ! Этотъ человѣкъ—истинный христіанинъ! Онъ хочетъ опять, во второй разъ спасти негодяя Только. ужъ теперь—то, напрасно старается. Нѣтъ оправданія измѣннику!

Пальма почувствовала жалость къ юношѣ, онъ былъ такой смѣшной, когда сидѣлъ здѣсь за столомъ въ своемъ вывороченномъ доломанѣ и уписывалъ кушанья. И его разстрѣляютъ!..

— Но, генералъ, нельзя же допустить, чтобъ убили сумасшедшаго!

— Графиня,—теперь мы всѣ сумасшедшіе. Развѣ я не сумасшедшій, когда становлюсь передъ пушками? Развѣ гонведъ, возвращающійся домой съ одной только ногой, не сумасшедшій? Мы сумасшедшіе и наши враги—не менѣе насъ. Но между нами всѣми, самый безумный—нашъ пріятель Иллаваи, желающій освободить человѣка, служащаго только бременемъ для отечества и для всего человѣчества, и который, кромѣ того, ему самому—злѣйшій недругъ. Исчезновеніе его принесетъ нѣкоторую пользу отчизнѣ и большую Францу.

— Можетъ быть именно по этой причинѣ онъ и желаетъ спасти его.

— Ну—повторяю, напрасно старается. Онъ можетъ себѣ ѣхать въ Пештъ, тамъ и слушать его не станутъ, а полетитъ въ Дебречинъ, такъ его схватятъ за воротъ и, на курьерскихъ ли, или на воздушномъ шарѣ, пришлютъ назадъ, сюда! ступай, другъ, обратно, на свой постъ, ты назначенъ Правительственнымъ Комисаромъ всей верхней Венгріи, скорѣе, скорѣе поѣзжай!

— Правительственнымъ комисаромъ? спросилъ графъ Фердинандъ Теметвени съ изумленіемъ. Пальма нагнулась къ отцу и шепнула ему что-то на ухо. Горомболи не замѣтилъ этого: когда онъ говорилъ, то обыкновенно уже ни на что не обращалъ вниманія.

— Подобное назначеніе будетъ, пожалуй, не по силамъ такому обыкновенному человѣку, какъ Иллаваи, насколько я имѣю честь знать его, сказалъ графъ.

— Обыкновенный человѣкъ! Онъ, Иллаваи! О, какъ вы ошибаетесь! Иллаваи—это венгерскій Каннингъ! Громадныя способности и какія глубокія познанія! Только онъ ими не хвастается. Когда, при немъ, какой-нибудь юный болтунъ высокопарно разсказываетъ о своихъ путешествіяхъ,—напримѣръ, отъ Пресбурга до Висбадена,—онъ молчитъ, о себѣ онъ никогда не говоритъ ни слова. Никто не знаетъ, что онъ, еще юношей, изучилъ на мѣстѣ и англійскую администрацію, и устройство полиціи Лондона, никому не извѣстно, что онъ прекрасно знакомъ съ англійскимъ языкомъ. Онъ какъ профессоръ знаетъ государственныя науки, а людей, знающихъ, какъ онъ, практическую жизнь,—мало. Намъ пришлось порыться въ немъ, „открыть" его, чтобы оцѣнить достоинства его. Пусть онъ побудетъ только съ полгода Правительственнымъ комисаромъ, я бьюсь объ закладъ, что онъ будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Горомболи весь раскраснѣлся отъ горячности, съ которою высчитывалъ качества и дарованія своего друга.

Слова эти сильно дѣйствовали на Пальму. Она хорошо знала богато-одаренную натуру своего Франца, натуру, которая ждала лишь толчка, чтобы выказаться во всемъ блескѣ, во всей мощи. Но, вспомнила она фразу: „берегите его"! и задумалась надъ значеніемъ ея.

Молодая дѣвушка опять шепнула что-то отцу на ухо.

— Мы хорошо знаемъ Иллаваи, сказалъ графъ, и потому, думаемъ, что ему, какъ человѣку, рожденному въ скромной средѣ, едва ли подойдутъ столь высокія обязанности.

— Какая скромная среда! Не пройдетъ и недѣли и Иллаваи будетъ такъ же знатенъ, какъ ваше сіятельство, такъ же богатъ какъ и вы, потому что получитъ въ собственность огромное имѣніе Анатваръ.

— Да вѣдь оно принадлежитъ Корнелю Опатовскому, замѣтила Пальма, которой, наконецъ, надоѣло ограничиваться одними замѣчаніями на ухо отцу.

— Онъ ужь болѣе не существуетъ.

— Но онъ живъ вѣдь еще.

— Если и живъ, такъ все равно, что нѣтъ его! Теперь, по нашимъ законамъ, имѣнія его отошли къ государству и Иллаваи получитъ ихъ не какъ наслѣдство, а какъ даръ, какъ награду.

Графъ теперь понялъ мысль дочери и уже продолжалъ самъ безъ ея помощи.

— Но, подумайте, ваше превосходительство,—если Францъ сдѣлается обладателемъ имѣній Опатовскихъ, въ теперешнемъ положеніи ихъ и если еще ему будетъ ввѣрено управленіе внутренними дѣлами Венгріи, то какъ же справиться со всѣмъ этимъ, будь у него еще бо̀льшія способности.

— Я не понимаю что можетъ такъ затруднить его. Долги на имѣніяхъ? но онъ получаетъ милліонъ ссуды и избавится отъ всѣхъ долговъ, да еще ему останется.

Графъ улыбнулся. Онъ понюхалъ изъ своей золотой табакерки.

— Да, но гдѣ же милліонъ?

— Гдѣ? Въ подвалахъ Дебречинской ратуши. Съ прошлой зимы четыре пресса только и дѣлаютъ, что печатаютъ милліоны; 100 милліоновъ, въ очень красивыхъ бумажкахъ, уже готовы, за ними скоро послѣдуютъ остальные 50 милліоновъ. Все это предназначено для ссуднаго фонда. Приготовлены пока только сотенныя. Вы еще не видали венгерскія сотенныя бумажки, графъ?

Графъ покачалъ отрицательно головой.

— Я сейчасъ покажу вамъ. Со мной тутъ ихъ 200 штукъ.

Вынувъ бумажникъ, онъ досталъ изъ пачки одинъ билетъ и подалъ Теметвени, который принялся разсматривать сквозь лорнетъ сѣроватую бумажку съ серебристымъ тисненіемъ.

— Да, это нѣчто дѣйствительное! Это—сотенная бумажка. Государство, осмѣливающееся выпускать сотенныя бумажки, имѣетъ право надѣяться, что не одно оно вѣритъ въ свою будущность, что вѣру эту раздѣляютъ и другіе.

— А если все опять перемѣнится къ худшему?

— Невозможно это!! страстно воскликнулъ молодой вождь.

Лицо его въ эту минуту напоминало Пальмѣ то выраженіе, которое вспыхнуло въ чертахъ Иллаваи, когда она ему сдѣлала точно такой-же вопросъ.

— Будьте спокойны графъ, продолжалъ Горомболи, возбужденіе котораго смѣнилось вновь прежнею гордою увѣренностью — безъ основанія я не стану увлекать кого-либо. Иллаваи — мой старинный другъ. Когда дѣла наши шли еще дурно, я не говорилъ ему: „иди съ нами", а напротивъ сказалъ: сиди-ка ты, братъ, дома; въ окружныхъ судьяхъ нуждаются. Вся Европа за насъ. Правительство поручило мнѣ передать Иллаваи письменное назначеніе его. Я, главнымъ образомъ, и прибылъ сюда потому, что дорогой слышалъ, что скорѣе всего найду его здѣсь, въ Гарго.

— Гдѣ это вы слышали? спросила Пальма.

— Въ Дальнаварѣ, нѣсколько необдуманно отвѣчалъ Горомболи.

— А, вы были въ Дальнаварѣ?

Теперь уже Пальма понимала совершенно ясно и опредѣленно смыслъ коротенькой записки.

Между тѣмъ, въ пылу разговора, графъ Теметвени совсѣмъ забылъ объ опасномъ ушибѣ колѣна и даже почувствовалъ себя достаточно сильнымъ раздѣлить съ своими храбрыми гостями предложенное угощеніе. Его перенесли на кушеткѣ въ столовую.

Пиръ былъ на славу. Кромѣ шести или семи офицеровъ — гонведовъ, тутъ находился еще мѣстный священникъ, лютеранскій насторъ сосѣдняго села, управляющій графа и нѣсколько значительныхъ лицъ изъ окрестныхъ мѣстностей, окружный докторъ, предводитель различныхъ депутацій и многіе другіе.

Генералъ Горомболи былъ привѣтствованъ какъ будущій Наполеонъ предстоявшаго похода. Тостъ былъ провозглашенъ самимъ хозяиномъ дома. Горомболи отвѣтилъ тостомъ, въ которомъ онъ назвалъ графа достойнымъ потомкомъ своихъ предковъ, а также несомнѣннымъ будущимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ независимаго Венгерскаго государства. Священникъ услыхалъ о назначеніи своемъ будущимъ княземъ-примасомъ, пасторъ былъ провозглашенъ первымъ суперинтендентомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ, въ верхней палатѣ, займетъ мѣсто среди прелатовъ римской церкви. Графиня Пальма, въ свою очередь, была признана второю Цециліею Родгони.

Подѣливъ между собою всѣ высшія должности, присутствующіе вспомнили затѣмъ и объ отсутствовавшихъ и, прежде всего, о мужественномъ, окружномъ судьѣ. Энергически подхватилъ тостъ католическій священникъ, восторженно наименовавшій Иллаваи освободителемъ Верхней Венгріи, привѣтствовавшій его въ качествѣ главнаго правительственнаго коммисара; къ этому онъ прибавилъ, что народъ такъ любитъ Иллаваи, что если вся Венгрія будетъ республикой, то—здѣшняя сторона превратится, именно для него, въ „Словацкое королевство". Горомболи не далъ затуманить себѣ головы этимъ тостомъ и выпилъ за здоровье Иллаваи, какъ будущаго министра внутреннихъ дѣлъ. Ободренный общимъ увлеченіемъ, рѣшился предложить и управляющій свой тостъ, который уже давно жегъ ему губы: поднявъ стаканъ, онъ провозгласилъ здоровье отсутствующаго, который вновь соединитъ, когда-то составлявшія одно цѣлое, и потомъ разъединенныя, владѣнія Гарго и Анатваръ! Смѣлый тостъ имѣлъ огромный успѣхъ. Графъ, скорчивъ сладенькую улыбку, произнесъ въ общій тонъ, что „это тоже и его мечта"!

По учащенному звону чокавшихся стакановъ Пальма могла видѣть насколько была популярна эта мысль! Всѣ спѣшили чокнуться и съ нею. Францъ вошелъ въ большой фаворъ и среди служащихъ графа, съ тѣхъ поръ что отстранился отъ счетовъ. И много выпили они за здоровье Иллаваи. А въ это самое время чествуемый герой сидѣлъ въ корчмѣ на проселочной дорогѣ, въ ожиданіи лошадей. Объ обѣдѣ, какой достался ему, можно было составить себѣ приблизительное понятіе уже изъ того, что тамъ за пять дней передъ тѣмъ прошли пѣхотная и кавалерійская бригады.

Горомболи тоже просилъ графа поберечь себя.

— Мы не позволяемъ вашему сіятельству оставаться здѣсь дольше, а съ батареями, которыя велѣли вы выставить намъ—

справимся уже сами. Не боялись мы бронзовыхъ—не побоимся и стеклянныхъ. Графиня Пальма, заставьте графа идти отдохнуть—вѣдь одного взгляда вашего достаточно, чтобы сдвинуть гору съ мѣста. Да и мнѣ-то необходимо переговорить съ графомъ, а для того намъ надо быть однимъ.

Доводъ подѣйствовать и Теметвени, поддерживаемый съ одной стороны Горомболи, съ другой—Кузеномъ и предшествуемый дочерью, заковылялъ въ спальню.

Когда графа уложили, Кузенъ удалился. Горомболи вынулъ изъ внутренняго кармана венгерки конвертъ и положилъ его на столъ.

— Мнѣ приходится, графъ, просить васъ, — въ виду отсутствія моего друга,—принять отъ меня эту бумагу. Позволяю себѣ обратиться съ этою просьбою именно къ вамъ, потому что мнѣ извѣстно уже то положеніе, въ какомъ Иллаваи стоитъ къ вашему семейству; но кромѣ того, мнѣ поручено, на случай, если не буду имѣть возможности видѣть лично Иллаваи—конвертъ этотъ, заключающій въ себѣ не одно его назначеніе, а еще нѣкоторыя другія важныя и секретныя бумаги—передать вашему сіятельству и просить вручить его ему, немедленно по возвращеніи въ Гарго. Мнѣ нельзя долѣе оставаться тутъ, а куда я направляюсь—это конечно моя тайна. Держать конвертъ при себѣ тоже не могу, такъ какъ не увѣренъ, что можетъ произойдти со мною въ тотъ или другой день. И такъ, вы будете добры передать, по порученію правительства, конвертъ Иллаваи.

— Довѣріе это я считаю для себя честью, отвѣчалъ Теметвени, принимая пакетъ съ четырьмя печатями. Вполнѣ понимаю всю важность порученія. А теперь попрошу ваше превосходительство передать вашимъ боевымъ товарищамъ, что мой замокъ—къ ихъ услугамъ.

Сподвижники молодаго вождя могли веселиться съ полной свободой. Апартаменты, въ которыхъ они находились, были настолько удалены отъ половины графа, что цыганскія хоровыя пѣсни и боевыя пѣсни сподвижниковъ Горомболи едва проникали сюда, въ укутанную коврами и драпировками спальню его сіятельства.

Вино лилось тамъ рѣкой, весело звучала музыка. Отецъ и дочь сидѣли одни здѣсь, въ безмолвной комнатѣ.

Едва успѣлъ Горомболи удалиться, какъ графиня быстрымъ движеніемъ схватила ввѣренный ея отцу пакетъ, разорвала его и вынула бумагу....

(До слѣдующ. №).

Къ рисункамъ.

Табунъ въ степи, во время бурана.

(Рис. на стр. 149).

Въ широкихъ, безпредѣльныхъ стеняхъ Центральной Азіи по бѣлымъ коврамъ роскошнаго ковыля, по пыльнымъ солонцамъ покрытымъ горькою полынью, а гдѣ и по песчанымъ пустынямъ, заросшимъ рѣдкою колючкою и джизганомъ бродятъ и день и ночь подъ открытымъ небомъ громадные косяки полудикихъ лошадей, бродятъ на волѣ, а все таки подъ зоркимъ присмотромъ и охраною косоглазыхъ номадовъ табунщиковъ. Эти малорослые, крѣпкіе кони, мохнатые, съ короткими, шустрыми ушами, съ огненнымъ бойкимъ взглядомъ, со стальными ногами, незнающими устали и разстоянія,—истыя дѣти пустыни. Неприхотливые на кормъ, легко переносящіе продолжительныя голодовки и жажду, не боящіеся ни жара палящаго лѣтняго солнца, ни рѣзкаго холода и непогодъ степной зимы,—эти кони не знаютъ теплыхъ загоновъ и конюшень, не знаютъ легкаго, заранѣе приготовленнаго запасливымъ хозяиномъ корма, они родятся въ степи подъ открытымъ небомъ, переживаютъ трудные мѣсяцы дѣтскаго возраста и страданія „мытомъ“ крѣпнутъ выростя на волѣ, не легко дрессируются попавъ подъ арканъ человѣка, но за то всю жизнь вѣрно и честно служатъ своему хозяину.

Въ косякахъ лошади живутъ, хотя и подъ присмотромъ табунщиковъ, какъ я уже сказалъ, но живутъ своевольно, своимъ разумомъ, они разбиваются на группы и въ каждой группѣ повинуются главному своему вожаку, старшему изъ жеребцовъ, который и беретъ на себя бдительный надзоръ за безопасностью довѣрившихся ему матокъ и жеребятъ. Пока тѣ мирно пасутся—жеребецъ-вожакъ зорко оглядываетъ степное пространство и во время замѣчаетъ малѣйшій признакъ опасности. Храбро, съ полнымъ самоотверженіемъ жеребецъ идетъ на встрѣчу врагу, въ какомъ-бы видѣ ни появился онъ изъ своей воровской засады... Похищеніе жеребятъ волками, бродящими въ степяхъ громадными стаями, явленіе почти небывалое. Степныя лошади выработали вѣковымъ опытомъ даже способъ общей обороны, въ случаѣ если-бы волки вздумали атаковать ихъ массами. Они быстро собираются въ тѣсный кругъ головами внутрь, загоняютъ въ середину все молодое, слабое, а сторожевой жеребецъ богатыремъ прыгаетъ и носится внѣ этого круга, и горе несчастному голодному хищнику если только онъ не увернется изъ подъ его желѣзныхъ копытъ, изъ подъ безпощадной зубной хватки.

Зима, конечно, самое трудное время для степныхъ табуновъ. Уже съ октября мѣсяца начинаются въ степи постоянные сѣверо-восточные вѣтры — этотъ страшный бичъ всего живаго. Рѣзкій холодъ этихъ воздушныхъ періодическихъ теченій леденитъ почву, вымораживаетъ быстро жалкіе остатки степной флоры, гонитъ кочевника къ его теплымъ зимовкамъ. Въ этотъ періодъ времени, особенно въ началѣ осени, рѣзкіе контрасты между жаромъ дня и холодомъ ночей вредно вліяютъ на здоровье молодыхъ, еще не окрѣпшихъ жеребятъ—въ это время приходится наибольшая цифра убыли молодаго конскаго поколѣнія. Въ концѣ ноября морозы усиливаются, выпадаетъ снѣгъ и сплошнымъ бѣлымъ покровомъ застилаетъ безпредѣльную степь. Мохнатые, понурившіе свои толстыя головы степняки, уныло бродятъ, добывая себѣ изъ-подъ снѣга корешки растеній; гложутъ высохшіе стебли, торчащіе изъ подъ снѣга, обгладываютъ колючія вѣтви саксаула и джизгана—ихъ крѣпкіе зубы способны выносить эту работу, привычные желудки способны переварить бурьянъ и хворостъ, стальныя копыта способны пробить толстую кору льда... Но это все еще ничего, это полъ горя, не настоящее горе. Настоящая бѣда приходитъ въ январѣ и первой половинѣ февраля, она налетаетъ съ того-же сѣверовостока, вмѣстѣ съ чудовищными мятелями „пургою“ и „бураномъ“ по здѣшнему. Вотъ такой-то моментъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ. Застигнутый на открытомъ мѣстѣ, сбитый съ пути и толку, ошеломленный, одичалый табунъ несется зря, гонимый страшнымъ воемъ и ревомъ мятели; горе коню, выбившемуся изъ силъ и павшему на бѣгу, черезъ нѣсколько минутъ только громадный сугробъ обозначитъ мѣсто его могилы... Попадается степная балка на пути этой бѣшеной скачки,—кони валятся туда одинъ на другаго, часто жестоко калѣчутся; все сильное выбирается къ затишью и изнеможенное, отдыхаетъ, сбившись въ плотныя кучи, слабое предоставляется своимъ собственнымъ силамъ, своему собственному счастью.

И долго еще, спустя сутки и болѣе послѣ улегшейся зимней непогоды, тамъ и сямъ въ степи чернѣются разбросанные остатки косяка мало по малу сходясь опять въ общую массу.

Иныя зимы выпадаютъ счастливыя, малоснѣжныя, не буранныя, но за то случаются и такія, что каждый день да какая невзгода, и послѣ такихъ роковыхъ зимъ, когда проглянетъ яркое мартовское солнце, быстро сгонитъ остатки снѣга и льда, вызоветъ изъ-подъ согрѣтой земли первые побѣги молодой зелени, въ отещавшихъ, еле двигающихся табунахъ владѣльцы ихъ находятъ много недочета, — легли костьми, за зиму отъ голода, мороза и всякаго калечья. Но дивная природа весенней степи быстро залечиваетъ раны, быстро насыщаетъ все голодное и также быстро пополняетъ недочетъ новымъ веселымъ, рѣзвымъ поколѣніемъ.

Бабушка и внучка.

(Рис. на стр. 153).

Не разъ мы помѣщали уже въ нашемъ журналѣ рисунки нашего талантливаго жанриста К. А. Трутовскаго, давно уже пользующагося извѣстностью, портретъ и біографія котораго были въ „Нивѣ“ 1880 г. № 31. Первыя его картины появились въ Москвѣ въ 1857 году и имѣли сразу значительный успѣхъ. Многочисленныя его произведенія, имѣющія большею частью предметомъ мирныя, тихія сцены деревенской жизни, показываютъ ея глубокое изученіе и любовь къ ней. К. А. подолгу живетъ въ деревнѣ а въ послѣднее время и совсѣмъ переселился туда.

Настоящій рисунокъ изображаетъ также уголокъ этой деревенской, любимой художникомъ, жизни. Бабушка сидитъ—шьетъ, прядетъ, чинитъ и около нея всегда ея любимая умница—внучка, которая такъ серьезно помогаетъ своей бабушкѣ вездѣ по дому, по хозяйству, не отходитъ отъ нея, слушаетъ ея наставленія и сказки долгими зимними вечерами. И будетъ рости эта умная дѣвочка—въ деревенской жизни дѣти рано развиваются—и будетъ хорошей, доброй матерью и хозяйкой въ дому.

Борьба со львомъ въ Римскомъ циркѣ.

(Рис. на стр. 157).

Отчаянная борьба человѣка съ разъяреннымъ дикимъ звѣремъ, представленная здѣсь такъ великолѣпно и рельефно художникомъ, выхвачена изъ жизни древняго, античнаго міра; изъ той эпохи суровыхъ и жестокихъ римскихъ Цезарей, когда играть человѣческою жизнью для своей потѣхи было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

Народныя массы тогда любили эти кровавыя зрѣлища, и каждый праздникъ, каждое особое торжество сопровождалось гибелью сотни людей въ борьбѣ другъ съ другомъ или съ дикими, голодными звѣрями. Для послѣдней цѣли существовали даже особаго рода гладіаторы, такъ называемые bestiarii. Это были преступники или рабы, которыхъ жизнь вполнѣ зависѣла отъ каприза буйной, кровожадной толпы. Лишь она могла пощадить

бойца, или отдать его на съѣденіе животнымъ. Впрочемъ, жалость была не въ привычкахъ римской публики—напротивъ того, часто случалось, что даже не хватало жертвъ чтобы удовлетворить ея кровожадности; всѣ требовали новаго зрѣлища, новой крови и тогда самъ Цезарь уступалъ желаніямъ народа; такъ Калигула разъ приказалъ, за недостаткомъ другихъ жертвъ, схватить нѣсколько человѣкъ изъ черни и бросить ихъ на съѣденіе звѣрямъ. Иногда-же въ такомъ случаѣ отдавали въ распоряженіе народа христіанскихъ мучениковъ. Christianos ad leones! раздавался тогда громкій крикъ толпы и этотъ крикъ сопровождали шумомъ на всѣхъ скамьяхъ обширнаго амфитеатра, смѣшиваясь съ рычаніемъ дикихъ звѣрей, которые, въ подземельи бѣшено мечутся взадъ и впередъ, мучимые голодомъ и жаждою крови.

Но вотъ загремѣли рога; въ толпѣ раздались громкіе крики восторга; дрогнулъ воздухъ отъ рева львовъ и пантеръ. Съ гривами, стоящими дыбомъ, съ огненнымъ взглядомъ, исполинскими скачками выскочили дикія животныя на арену. Затѣмъ началась ужасная, безчеловѣчная бойня. И эта бойня созерцалась съ наслажденіемъ, на нее спѣшили со всѣхъ угловъ громаднаго города, оставляя дома лишь старыхъ, да малыхъ: особенно бѣсновалась толпа, если дѣйствующими лицами бойни являлись христіанскіе мученики, эти оскорбители вѣчныхъ боговъ и даже невѣрующіе божественности самого Цезаря. И дикіе звѣри рвали въ клочки этихъ безбожниковъ; не было пощады. Лишь одинъ человѣкъ возвышалъ свой слабый голосъ противъ кровожадности народныхъ зрѣлищъ; это былъ знаменитый философъ Сенека; онъ одинъ стоялъ за человѣка, утверждая, что человѣкъ,—это предметъ священный Homo res Sacra; но его одинокій голосъ конечно не могъ преобразовать порочные нравы эпохи; для этаго требовалась особая, высшая сила, которая и явилась въ лицѣ Христіанства.

Что касается превосходной бронзовой группы Клейна, изображенной на нашемъ рисункѣ, то это колоссальное произведеніе поражало всѣхъ на Берлинской Выставкѣ 1878 г. Необычайно глубоко выражена здѣсь сосредоточенность силы, энергіи и ловкости человѣка и бѣшенства разъяреннаго звѣря. Максу Клейну, автору этаго произведенія, оно разомъ сдѣлало большое имя. Клейнъ родился въ Гёнецѣ, маленькомъ венгерскомъ мѣстечкѣ; онъ сынъ сельскаго учителя. Послѣ смерти отца, 12-ти лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ ученикомъ къ часовщику и тутъ его преслѣдовала и тревожила загорѣвшаяся въ немъ страсть къ ваянію и онъ занимался имъ потихоньку. Лишь въ 1867 г. удалось ему въ Пештѣ попасть ученикомъ къ извѣстному скульптору Сцентецу и уже съ этой подготовкой онъ явился въ Берлинъ. Бѣдность и заботы не давали ему заняться спокойно ни въ Дрезденѣ, ни въ Римѣ, ни въ Мюнхенѣ. Съ величайшими усиліями и жертвами, среди мелочныхъ заботъ и долговъ, часто преслѣдующихъ артистовъ и поэтовъ, онъ могъ привести къ окончанію свою превосходную группу. Геркулесовская фигура „бестіарія“, схватившагося на потѣху римской публики со львомъ, поразительна. Едва-ли часто удается искусству такъ уловить этотъ моментъ высшаго напряженія борьбы, какъ это сдѣлано Клейномъ.

Братъ и сестра.

(Рис. на стр. 156).

Прелестный рисунокъ Цорна, шведскаго художника, съ работами котораго наши читатели уже знакомы, переноситъ насъ въ милый, чистый міръ дѣтской невинной жизни. Крошечный мальчуганъ обнялъ свою маленькую сестричку, сконфуженно и любопытно глядя, какъ обыкновенно дѣтки смотрятъ на новое незнакомое лицо. Сестричка все же побольше и онъ инстинктивно жмется къ ней, ища въ ней опоры и защиты а она уже чувствуетъ маленькую гордость, что можетъ покровительствовать своему крошкѣ брату и не дать его обидѣть никому. Она знаетъ что онъ боится напрасно и улыбается его наивности и его напрасному страху.

Д. М. Леонова.

(Портретъ на стр. 160).

22 Января, въ пятницу, былъ концертъ и юбилей нашей, всѣмъ извѣстной, даровитой артистки Д. М. Леоновой. Рядъ оваціи, вѣнки, депутаціи рѣчи и адрссы—все говорило о высшей степени уваженія къ таланту пѣвицы и ея служенію искусству, со стороны общества, столько лѣтъ слушавшаго ея пѣніе.

Дарья Михайловна *Леонова* родилась въ 1835 г., въ Тверской губерніи въ Вышнемъ Волочкѣ. Четырехъ лѣтъ Д. М. была привезена въ Петербургъ и отдана въ патріотическую школу. Года черезъ два старикъ отецъ Леоновой получилъ мѣсто въ Нарвѣ—дорожнаго смотрителя—но вскорѣ остался безъ занятій. Бѣдной семьѣ пришлось опять перебраться въ Петербургъ. Здѣсь старый ветеранъ устроился при сенатѣ въ архивѣ въ положеніи маленькаго писца-чиновника съ жалованьемъ 10 р. въ мѣсяцъ и на эти скудныя средства продолжалъ воспитаніе дочери. Маленькой Леоновой удалось побывать въ театрѣ на представленіи *Гамлета*, сцена сумасшествія Офеліи произвела на ребенка чарующее впечатлѣніе. Всякій разъ, когда случалось ей быть въ театрѣ, она возвращалась домой подъ волнующимъ дѣйствіемъ театральнаго представленія и дома, устроивъ по своему сцену, повторяла на глазахъ семьи все видѣнное. Мало по малу у 10-лѣтней дѣвочки появился голосокъ. Друзья и знакомые обратили на это вниманіе и чтобы выручить семью изъ бѣдственнаго положенія, начали хлопотать, опредѣлить Д. М. въ театральный хоръ. Директоръ театровъ О. М. Гедеоновъ, обратившій вниманіе на поразительный слухъ и красивый голосъ дѣвочки, приказалъ ее учить учителю пѣнія Быстрову, а ужъ затѣмъ она перешла въ классъ Н. Ф. Вителяро. Два года занималась Леонова пѣніемъ и 16 лѣтъ появилась въ первый разъ на александринской сценѣ въ 1851 году въ „Жизни за Царя“, исполнивъ пѣсню Вани „Ахъ не мнѣ бѣдному“. Второй ея дебютъ былъ въ „Русской свадьбѣ“ — гдѣ пѣніе Леоновой русскихъ пѣсенъ произвело фуроръ и обратило на нее особенное вниманіе публики. Леонову стали готовить къ исполненію всей оперы „Жизни за Царя“. Къ этому времени относится и знакомство Леоновой съ Глинкой; Глинка, поразившись ея голосомъ, взялся за обработку его и сдѣлался ея безсмертнымъ учителемъ. Леонова была его *единственной* ученицей, которой онъ такъ сказать завѣщалъ свои традиціи. Съ появленія Леоновой въ „Жизни за Царя“ — начинается ея оперная дѣятельность; она всецѣло принадлежала сценѣ русской оперы и несла на своихъ плечахъ, вмѣстѣ съ покойнымъ О. О. Петровымъ весь репертуаръ русскихъ и иностранныхъ оперъ. Съ первыхъ-же шаговъ на сценѣ Леонова дѣлается любимицей русской публики—ея безчисленныя концертныя путешествія по Россіи способствуютъ популярности нашей драматической пѣвицы. Она справедливо можетъ назваться первою русской, національной пѣвицей-артисткой. Артистическая извѣстность ея не ограничивается сферою сценъ двухъ столицъ. Имя пѣвицы извѣстно въ Россіи повсюду.

Поступивъ на сцену — Леонова получала 300 руб. въ годъ. Покойный Императоръ Николай Павловичъ, слышавшій Лео-

(Продолженіе на стр. 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, и 168).

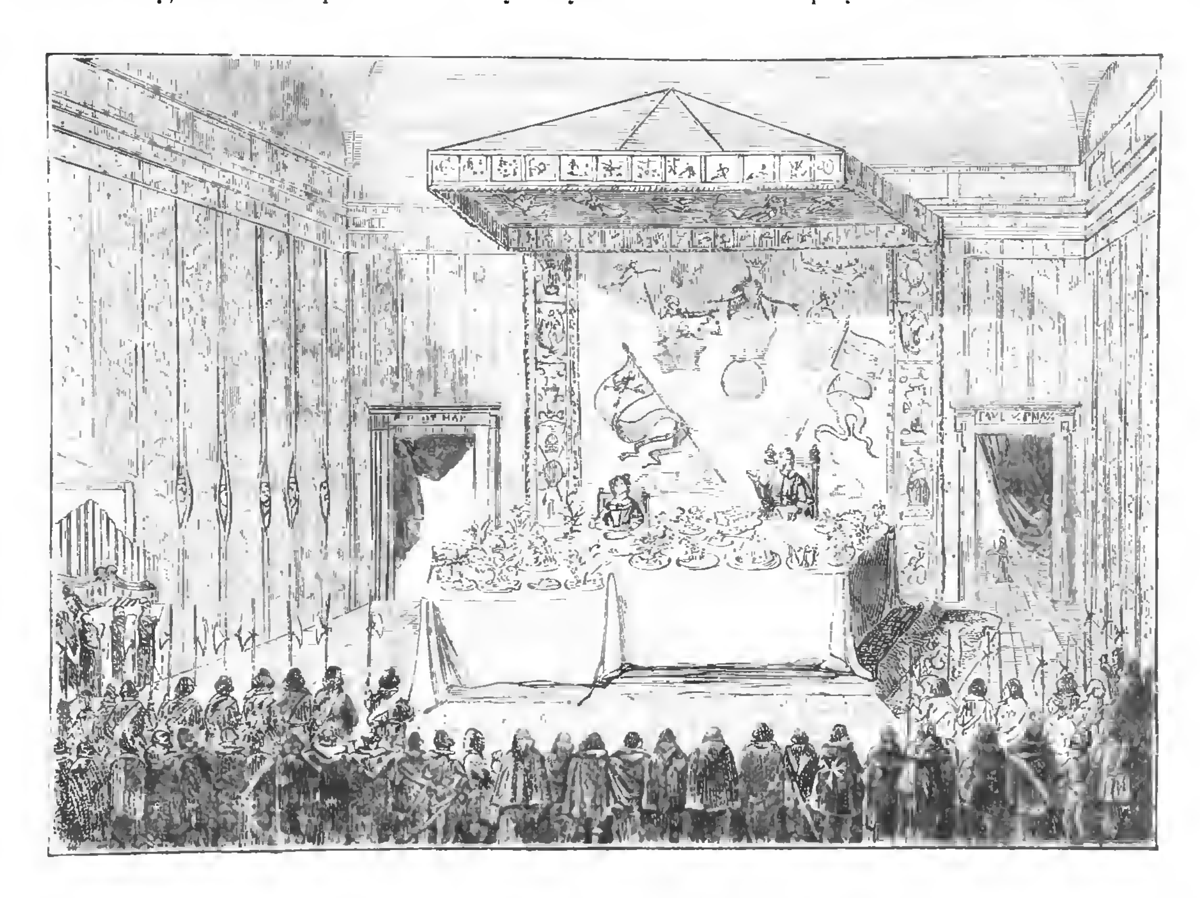
Д. М Леонова. Съ фотогр. Шапиро, грав. Ю. Барановскій.

Гейзеръ въ Исландіи. Приготовленіе кушанья въ источникѣ и вареніе яицъ.

Гейзеръ въ Исландіи. (Горячіе ключи). Бросаніе комлей земли въ жерло, чтобы вызвать изверженіе.

нову во дворцѣ гатчинскомъ и узнавшій что артистка служитъ за 300 руб. сказалъ: "А *что получаетъ другая примадонна*"? Шестьсотъ! былъ отвѣтъ. „*Сравнять*"! приказалъ Государь.

Въ 1857 г. Леонова отправилась за границу. Въ Берлинѣ встрѣчается съ гр. Кушелевымъ-Безбородко. Этотъ послѣдній ѣхалъ въ Петербургъ съ знаменитымъ Ал. Дюма (pѐre). Дюма слушаетъ пѣніе и предлагаетъ познакомить Д. М. съ Мейерберомъ, бывшимъ тогда въ Берлинѣ, который и устроилъ Д. М. ангажементъ на весь лѣтній сезонъ, въ Баденъ-Баденѣ, Эмсѣ, Висбаденѣ и Гамбургѣ. Въ первый разъ такимъ образомъ русская пѣвица поетъ въ концертахъ, даваемыхъ въ этихъ германскихъ городахъ. Осенью она, согласно условію съ Мейерберомъ, встрѣчается съ нимъ въ Парижѣ. Здѣсь Мейерберъ и Оберъ, ознакомившись съ драматическимъ характеромъ таланта русской пѣвицы — уговариваютъ ее нарушить контрактъ съ петербургской дирекціей и устраиваютъ ей дебютъ въ Grand Opera. Мейерберъ готовитъ съ ней роль Фидесъ въ „Пророкѣ". Но русская пѣвица остается неизмѣнна своимъ національнымъ связямъ и возвращается въ Петербургъ. По возвращеніи въ Петербургъ наша дирекція, въ виду ея европейскаго артистическаго значенія, полученнаго въ Парижѣ, Брюсселѣ и вообще въ Германіи, даетъ наконецъ ей полный окладъ жалованья въ 1,143 руб. и посылаетъ въ Москву, чтобы поддержать совсѣмъ упавшую



Папа Климентъ IX даетъ обѣдъ Королевѣ шведской Христинѣ. (1667 г.). Со стариннаго рисунка Поля Севена, грав. Флюгель.

тамъ русскую оперу. До 1873 года она и служитъ украшеніемъ этой русской оперы и лишь дослуживъ до пенсіона сходитъ со сцены, достигнувъ той извѣстности и уваженія, которыя такъ горячо и наглядно выразились въ знаменательный день ея юбилея.

Гейзеръ въ Исландіи.

(Рис. на стр. 161).

Большой Гейзеръ на островѣ Исландіи безъ сомнѣнія знаменитѣйшій и величественнѣйшій горячій источникъ на земномъ шарѣ. Наши рисунки представляютъ два интересныхъ момента — именно, одинъ когда готовятъ кушанье въ кипучей водѣ источника и варятъ яйца а другой когда, чтобы вызвать изверженіе, бросаютъ въ жерло источника глыбы земли, послѣ чего тотчасъ начинается клокотаніе, шумъ и подымается вода и паръ, и затѣмъ начинается съ большею или меньшею силою изверженіе. Большая часть горячихъ источниковъ выходитъ изъ земли у холма, возвышеннаго почти на 300 футъ. Гейзеры лежатъ на почвѣ неровной и занимаютъ пространство болѣе чѣмъ въ 27 десятинъ. Число источниковъ болѣе ста, они представляютъ всевозможные виды, есть большіе и малые и почти безводные. Большой Гейзеръ издали привлекаетъ вниманіе — по своему необыкновенному объему, обилію воды, по величію и великолѣпію изверженій. Онъ находится на незначительномъ возвышеніи на пустомъ утесѣ или окаменѣлой массѣ. По висящей надъ Большимъ Гейзеромъ массѣ пара видишь гдѣ онъ еще издали. Форма его — форма блюдечка, и въ спокойномъ состояніи онъ совершенно тихъ и наполненъ горячею, чистою какъ хрусталь, водою, температура которой доходитъ до 209 градусовъ. Самый бассейнъ глубиною въ 4 фута имѣетъ по срединѣ круглое отверстіе, которое идетъ въ землю на подобіе колодца.

Вверху поперечникъ колодца равняется 167 ф. а ниже съуживается до 10 футовъ. Эта труба гладка, кругла и пряма и идетъ внизъ отвѣсно на 65 фут. Когда же Гейзеръ находится въ дѣйствіи то дѣло принимаетъ иной оборотъ. Каждое свое изверженіе Гейзеръ возвѣщаетъ пальбою, выстрѣлами — это подземные взрывы, которые предшествуютъ каждому изверженію. Нѣтъ словъ для описанія подобнаго зрѣлища. Высота водяного столба достигаетъ 70—75 фут. Ужасный шумъ раздается съ такою силою, будто тысяча паровозовъ выпускаютъ свой паръ черезъ прудъ кипящей воды. Черезъ 8 много 10 минутъ, сила изверженія обыкновенно уменьшается, водяной столбъ становится ниже и еще черезъ 2—3 минуты, масса воды погружается въ трубу. Наибольшая высота, которой достигаетъ водяной столбъ большаго Гейзера, бываетъ 90—100 фут.

Другіе болѣе мелкіе источники, два изъ которыхъ представлены на нашемъ рисункѣ — именно большой и малый Сторкръ — также замѣчательны и интересны. Касательно всѣхъ гейзеровъ въ Исландіи существуетъ общее замѣчаніе, что чѣмъ они больше тѣмъ рѣже ихъ изверженія. Самыя сильныя изверженія большаго Гейзера происходятъ неболѣе одного раза въ день а меньшіе источники 2. 3 раза, иные производятъ изверженіе каждые 30—40 минутъ. Если бросить въ колодезь жерла дернъ или камни то можно довести источникъ до изверженія, что и представлено, какъ мы сказали выше, на нашемъ рисункѣ. На нѣкоторое время послѣ бросанія земли клокотаніе прекращается, затѣмъ вдругъ слѣдуетъ ужасный трескъ и столбъ грязной воды высоко взлетаетъ вверхъ. Вода кажется черною какъ чернила и вмѣстѣ съ собою выноситъ вверхъ и куски дерна. Все что попадаетъ въ выброшенную воду тотчасъ сваривается.

Въ пятнадцати или двадцати шагахъ къ западу отъ Большаго Гейзера находится ущелье футовъ 40 глубиною, со стѣнами почти отвѣсными. Въ ущельи этомъ течетъ ручей горячей воды, берега ручья состоятъ изъ вулканическихъ веществъ и красной земли. Здѣсь у ручья, съ обѣихъ его сторонъ слышно постоянно сильное клокотаніе, струи пара вылетаютъ часто изъ отверстій и вытекаетъ кипучій илъ. Глина окрашена ярко и красиво кругомъ разными цвѣтами, похожа на стекольную замазку и лежитъ слоями. Чаще всего попадаются красные, голубые и бѣлые цвѣта. Такая глина особенность горячихъ источниковъ Исландіи.

Конечно, въ такой водѣ должны прекрасно вариться всякія припасы и можно готовить кушанье, что и дѣлаютъ мѣстные жители. Яйцо, погруженное въ кипятокъ гейзера, варится тотчасъ и этотъ опытъ постоянно дѣлаютъ туристы, что изображено на верхнемъ нашемъ рисункѣ.

Папа Климентъ IX и Христина Шведская.

(Рис. на 162).

Едва-ли въ продолженіе всего семнадцатаго вѣка найдется другая болѣе эксцентричная и загадочная по натурѣ историческая личность какъ была королева шведская Христина. Дочь героя Густава-Адольфа она уже съ юныхъ лѣтъ была подготовлена къ управленію обширнымъ и пользующимся высокимъ политическимъ значеніемъ государствомъ. Густавъ-Адольфъ хотѣлъ сдѣлать ее мужчиной по характеру и энергіи; по созданному имъ плану воспитанія она должна была изучить въ совершенствѣ какъ всѣ древніе языки такъ и другія науки, необходимыя для правителей государствъ, но къ сожалѣнію Христина еще двухлѣтнимъ ребенкомъ лишилась руководителя своего, отца, убитаго, какъ извѣстно, въ 1632 году въ битвѣ при Люценѣ. Признанная королевой Швеціи, Христина росла подъ ближайшимъ присмотромъ знаменитаго канцлера Оксеншерна, но добродѣтельный старецъ конечно не могъ вліять на Христину какъ-бы ему хотѣлось, такъ какъ ему мѣшали другіе вельможи и члены правительственнаго совѣта. Юная королева отличалась необыкновенными способностями и обширными знаніями, въ тоже время во всѣхъ поступкахъ проявляла—гордую, своевольную и въ высшей степени эксцентричную натуру. Такъ она любила щеголять въ мужскомъ платьѣ, предаваться охотѣ и открыто осмѣивать освященныя стариной преданія и обычаи. Впрочемъ эти всѣ странности не мѣшали ей проявить высокія способности въ первые годы своего самостоятельнаго управленія народомъ. Она счастливо окончила войну съ Даніей, пріобрѣтя въ пользу Швеціи по договору въ Бромсебро нѣсколько провинцій. Другимъ ея политическимъ подвигомъ было умиротвореніе Германіи и заключеніе знаменитаго вестфальскаго договора. Но вскорѣ ея управленіе омрачилось ея слабостью къ разнымъ фаворитамъ и недостойнымъ любимцамъ и безумною страстью къ мотовству и роскоши, совершенно истощившею государственную казну. Христина увидѣла необходимость сложить съ себя бремя управленія и передать корону шведскому принцу Карлу-Густаву. Она мужественно выполнила этотъ обрядъ отреченія въ Упсалѣ 11 февраля 1654 года и съ этой поры рѣшилась посвятить свою жизнь исключительно наукамъ, искусствамъ и безпрерывнымъ путешествіямъ. Вскорѣ же послѣ отреченія Христина совершила дѣяніе, которое навсегда отрѣшило ее отъ шведскаго народа; она приняла католичество и такимъ образомъ дочь самаго яраго защитника протестанства сдѣлалась духовною дочерью папъ и ихъ послушнымъ орудіемъ. Сдѣлавшись католичкой, Христина почти совсѣмъ забыла свою родину; она блистала то при роскошномъ французскомъ дворѣ, то въ столицѣ папства и у римлянъ пользовалась чрезвычайнымъ почетомъ и уваженіемъ. Здѣсь она учредила академію и окружила себя литераторами и учеными; эксцентричныя дѣйствія здѣсь уже никого не удивляли; къ ней всѣ привыкли и считали все необходимымъ послѣдствіемъ ея необыкновеннаго ума. Но во Франціи надъ ней порядочно посмѣивались и кромѣ того обвиняли ее въ безчеловѣчіи и жестокости по поводу трагической смерти ея близкаго придворнаго Мональдески, котораго она приказала убить въ своемъ присутствіи. Между тѣмъ, политическіе перевороты въ Швеціи ставили ее въ самое неловкое положеніе; смерть Густава-Карла дала ей мысль снова завладѣть короной, но шведы встрѣтили ее такъ враждебно и недоброжелательно, что она волей неволей должна была поскорѣе бѣжать изъ негостепріимной своей родины. Съ этихъ поръ, забытая всѣми, она окончательно поселяется въ Римѣ, получая отъ Папы содержаніе въ 12.000 скудо. Особенно былъ благосклоненъ къ ней престарѣлый Папа Иннокентій IX (1667—1669) большой почитатель наукъ и искусствъ, часто проводившій свободное время въ пріятныхъ бесѣдахъ съ развѣнчанной и покинутой всѣми королевой. Эта эпоха по справедливости была названа золотымъ вѣкомъ Рима, когда этотъ городъ являлся средоточіемъ наукъ и художествъ. Христина жила въ Римѣ до конца жизни и скончалась тамъ въ 1689 году 63 лѣтъ отъ роду оставивъ послѣ себя громадную коллекцію медалей, художественныхъ произведеній, книгъ и рукописей.

Рисунокъ старинаго французскаго художника Пьера Поля Севена, котораго копію мы здѣсь помѣщаемъ, представляетъ замѣчательную рѣдкость. Онъ изображаетъ королеву Христину Шведскую на обѣдѣ у Папы Климента IX въ Монте Кавалло въ 1667 году.

Во время одного изъ своихъ путешествій въ Римъ, а именно въ 1667 году, королева Христина жила во дворцѣ Фарнезе и часто посѣщала Святаго Отца. Климентъ IX не только самъ навѣщалъ въ ея покояхъ эту добровольную изгнанницу Упсалы, но и принималъ ее у себя. Одинъ изъ такихъ пріемовъ и изображенъ современникомъ-художникомъ на мѣстѣ съ натуры.

Въ центрѣ этаго любопытнаго рисунка мы видимъ подъ сѣнью широкаго балдахина, Папу, сидящаго за столомъ, поставленнымъ нѣсколько выше стола королевы. Онъ изображенъ благословляющимъ трапезу. Ниже его нѣсколько и рядомъ съ нимъ, королева Христина совершенно заслонена множествомъ фигурныхъ сахарныхъ печеній, которыми такъ славились итальянцы. Фонъ картины—огромный коверъ съ вытканными на немъ священными изображеніями. На первомъ же планѣ два отряда алебардистовъ стоятъ впереди ряда гостей, капуциновъ, мальтійскихъ рыцарей, придворныхъ и даже шутовъ. Влѣво видѣнъ небольшой органъ и пѣвчіе, поющіе духовные гимны.

Евгеній Бонту.

Очеркъ.

Не такъ давно необычайное, ужасное волненіе произвелъ крахъ парижскаго банка, и имѣлъ огромныя послѣдствія. Разореніе множества людей, самоубійства, прекращенія платежей — все это сдѣлалось ежедневнымъ явленіемъ.

Съ удивительной быстротой дѣйствуютъ французскіе суды: спустя три дня послѣ краха банка Union générale послѣдовало распоряженіе объ арестованіи предсѣдателя его Евгенія Бонту. Изъ засѣданія совѣта своего учрежденія Бонту былъ вызванъ и отведенъ прямо въ тюрьму. Чтобы измѣрить всю глубину паденія достаточно упомянуть, что двѣ недѣли тому назадъ Бонту былъ принятъ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ, котораго завѣрялъ, что онъ употребитъ всѣ усилія для поднятія одного близкаго къ упадку портоваго города. Вся предшествовавшая дѣятельность Бонту, имѣвшая нѣкоторое время сильное вліяніе на весь финансовый міръ Европы, заслуживаетъ того, чтобы ознакомиться ближе съ характеромъ этаго въ нѣкоторомъ отношеніи замѣчательнаго человѣка.

Евгеній Бонту родился въ 1824 году. Онъ воспитывался въ политехническомъ училищѣ въ Парижѣ и желѣзнодорожную практику пріобрѣлъ на многихъ французскихъ дорогахъ. Въ своемъ отечествѣ онъ постоянно участвовалъ въ различныхъ смѣлыхъ спекуляціяхъ; но честолюбіе его нашло себѣ настоящую почву только тогда, когда онъ былъ призванъ въ Австрію къ управленію австрійской казенной дорогой и затѣмъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ южной дороги. Еще во Франціи онъ нѣсколько разъ пріобрѣталъ большія состоянія и терялъ ихъ снова въ рискованныхъ предпріятіяхъ, но никогда не унывалъ. Онъ твердо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду.

Въ качествѣ главнаго директора южной дороги Бонту получалъ прекрасное содержаніе. Но что значили эти суммы въ сравненіи съ его широкими планами. Благодаря своему положенію, онъ подружился съ домомъ Ротшильдовъ и дружескія отношенія эти продолжались почти до оставленія имъ мѣста главнаго директора южной дороги. Какъ извѣстно, дружба эта не принесла счастья южной дорогѣ, которую Ротшильдъ неоднократно ссужалъ большими суммами подъ проценты и этотъ долгъ дороги мѣшалъ развитію предпріятія. Но Бонту пользовался связями съ первымъ банкирскимъ домомъ въ мірѣ для своихъ личныхъ цѣлей.

Бонту пускался не только въ одни биржевые обороты. У него была слабость ко всякимъ производствамъ. Онъ постоянно составлялъ новые проекты и скоро приводилъ ихъ въ исполненіе. Онъ покупалъ рудники, строилъ дороги и заводилъ фабрики. Его не интересовала эксплоатація дѣла, но обзаведеніе, первое устройство, пріисканіе капиталовъ и общеніе съ прожектерами—это было его жизненной стихіей. Такъ онъ построилъ въ Венгріи линію Гатванъ-Мискольчъ, привелъ въ цвѣтущіе ткацкія фабрики Саградо въ Герцѣ и въ 1875 году завелъ на южной дорогѣ Грацкую фабрику желѣзнодорожныхъ матеріаловъ. Онъ устроилъ въ большихъ размѣрахъ вывозъ дровъ изъ Австріи во Францію. Во Франціи у него была фабрика винтовъ, а также онъ участвовалъ во многихъ другихъ предпріятіяхъ. Одновременно съ этимъ онъ присоединился къ барону Гиршу, когда тотъ началъ строить восточную дорогу; онъ рекомендовалъ Гиршу многихъ служащихъ южной дороги, для которыхъ такимъ образомъ открылась широкая будущность.

Во время кризиса 1873 г. Бонту потерялъ значительную часть своего состоянія. Этотъ ударъ не сильно на него подѣйствовалъ: онъ постоянно думалъ о новыхъ дѣлахъ. Работалъ онъ всегда много, но это не была конторская сидячая дѣятельность: онъ получалъ и диктовалъ письма, набрасывалъ планы, распредѣлялъ дѣло и пр. Въ 1873 году знакомымъ своимъ онъ сообщилъ проектъ большаго общества для разработки и плавки желѣза внутри Австріи. Слѣдствіемъ этаго проекта и было основаніе желѣзныхъ фабрикъ въ Грацѣ.

Въ это время произошло событіе, имѣвшее вліяніе на его будущность. Онъ разошелся съ домомъ Ротшильда и барономъ Гиршемъ. Бонту человѣкъ живаго темперамента, злопамятный, гордый; причины отчужденія неизвѣстны, но, по всей вѣроятности, онѣ произошли отъ характера Бонту, которому прискучились

чило работать на Ротшильдовъ въ качествѣ служащаго южной дороги. Бонту сталъ искать новаго поприща и нашелъ его въ политической дѣятельности. Онъ легитимистъ по воззрѣніямъ. Фурту, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ кабинетѣ герцога Брольи, его другъ дѣтства; Бонту друженъ также съ графомъ Шамборомъ. Онъ былъ избранъ въ палату, но избраніе это было признано недѣйствительнымъ. Тогда-то онъ произнесъ извѣстныя слова: „Всѣ двадцать лѣтъ я соблюдалъ въ Австріи французскіе интересы". Вскорѣ послѣ того онъ принужденъ былъ оставить мѣсто главнаго директора южной дороги, но все еще оставался тамъ въ качествѣ главнаго техника съ содержаніемъ въ 30,000 франковъ.

Служащіе дороги были недовольны его выходомъ. И хотя въ обращеніи съ ними онъ былъ очень сдержанъ, но тѣмъ не менѣе заботился о ихъ участи. Несмотря на свои клерикальныя воззрѣнія, онъ привлекалъ къ себѣ на службу много евреевъ, оцѣнивъ ихъ находчивость въ дѣловыхъ затрудненіяхъ.

То, что случилось въ настоящее время, касается финансовой исторіи Европы. Послѣ вступленія Бонту въ управленіе Union générale, къ нему стали поступать вклады всѣхъ клерикаловъ. Акціи банка постоянно подымались въ цѣнѣ. Состоянія легитимистскихъ семействъ были имъ удвоены, утроены. Получались баснословные биржевые выигрыши. Акціи Union générale оцѣненныя въ 125 дошли до 3,200 франковъ.

По счастіе его казалось упрочилось только тогда, когда политическіе кружки Австріи довѣрились ему.

Тогда онъ началъ войну противъ Ротшильда; съ барономъ Гиршемъ онъ помирился. Въ этой финансовой войнѣ Ротшильды проиграли. Но успѣхъ Бонту вскружилъ ему голову. Онъ сталъ принимать всякій предложенный ему планъ и думалъ что вспомогательные его источники неисчерпаемы. Въ его пріемной толпились прожектеры; онъ каждаго выслушивалъ и начиналъ всякое даже самое рискованное дѣло.

Ко всему этому присоединилось еще то, что Бонту не былъ вовсе свѣдущъ въ банковомъ дѣлѣ. Онъ считалъ и просчитывалъ мильоны. Онъ былъ фанатикомъ въ предпріятіи и видѣлъ только предполагаемую прибыль. Если-же наступали потери, онъ выдумывалъ новые проекты, долженствовавшіе покрыть убытки.

Но всѣ предпріятія, въ которыхъ участвовалъ Бонту, были мелочи въ сравненіи съ его грандіознымъ планомъ желѣзныхъ дорогъ. Онъ и его соучастникъ Рапнортъ предложили венгерскому правительству постройку дороги отъ Вѣны на Раабъ и Пештъ; они получили концессію на линію Пештъ-Землинъ; сербское правительство заключило съ ними условіе по которому они обязывались провести дорогу отъ Бѣлграда до Ниша. Бонту снова вошелъ въ союзъ съ барономъ Гиршемъ; онъ намѣревался закончить желѣзнодорожную сѣть: Вѣна, Пештъ, Бѣлградъ, Константинополь и Салоники должны были войдти въ прямое сообщеніе.

Между тѣмъ Бонту не переставалъ играть на биржѣ; онъ не былъ обманщикомъ, но только смѣлымъ игрокомъ. Настоящее разслѣдованіе дѣла покажетъ, какими путями онъ дошелъ до преступленія. Желая еще болѣе возвысить курсъ акцій своего банка онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы понизить цѣну Ліонскаго банка и кредита и попался самъ въ ловушку, которую подготовлялъ другимъ.

За все это время Бонту жилъ по княжески. Женатый на дочери французскаго генерала барона Блянкара, онъ въ началѣ велъ жизнь очень тихую. Жена его, потрясенная смертью своего единственнаго сына, умершаго на двадцатомъ году жизни, облачилась въ трауръ и сдѣлалась чрезвычайно религіозной. Со смерти сына она страдаетъ нервнымъ разстройствомъ и друзья ея опасаются, что она не перенесетъ катастрофы, постигшей ея мужа. Въ противуположность своей женѣ, Бонту, за послѣдніе годы, велъ жизнь чрезвычайно расточительную.

Въ то время, когда дѣла Union générale начинали колебаться, друзья Бонту предполагали, что онъ еще оправится. Такъ думалъ и онъ, но все это время онъ былъ необыкновенно возбужденъ. Кто видѣлъ его послѣдній разъ въ Вѣнѣ, тотъ замѣчалъ, какъ сильно онъ былъ поглощенъ своими мыслями. Когда акціи Union générale упали, онъ постоянно телеграфировалъ своимъ агентамъ въ Парижѣ: покупайте, покупайте! По всей вѣроятности, въ той надеждѣ, что дѣло обойдется, онъ на покрытіе биржевыхъ потерь употребилъ вклады своихъ довѣрителей.

Въ этомъ захватѣ чужой собственности онъ и обвиняется. Говорятъ, что въ особенности много было вкладовъ англійскаго общества, довѣрившаго ему суммы на постройку сербскихъ дорогъ, растрата которыхъ обнаружилась при первомъ судебномъ допросѣ. И такъ какъ въ кассѣ Union générale кромѣ акцій банка не было болѣе никакихъ цѣнныхъ бумагъ, то преступленіе очевидно.

Бонту, кромѣ недозволенной спекуляціи бумагами, обвиняется еще въ злоупотребленіи довѣріемъ (abus de confiance) преступленіи, которое строго карается во Франціи.

Политическое обозрѣніе.

Наша торговля въ Средней Азіи.—Черногорія и Австрія. Русины.—Египетъ.—Іерусалимъ. –

Изъ средней Азіи начинаютъ доходить вѣсти, благопріятныя для нашей торговли: произведенія наши открываютъ новую эру успѣшной конкурренціи съ англійскими. Недавно, одинъ изъ британскихъ агентовъ, комисаръ Эліасъ прислалъ въ Индію образчикъ русскаго полотна, бойко расходящагося въ Яркандѣ, причемъ сообщаетъ, что оно лучше получаемаго съ англійскихъ мануфактуръ и что, вообще, матеріи, приходящіи изъ Пенджаба становятся все хуже качествомъ и чрезъ нѣсколько лѣтъ будутъ вытѣснены съ рынковъ средней Азіи. Думаемъ, что о значительности этого факта нечего распространяться—всякій пойметъ всѣ послѣдствія нашего торговаго преобладанія въ средней Азіи. Остается только желать, чтобъ наши торговцы сумѣли поставить дѣло прочно: меньше спекуляціи и больше добросовѣстнаго отношенія къ задачѣ, имѣющей кромѣ промышленной, еще и великое государственное значеніе. Англичане все продолжаютъ бояться за Мервъ; имъ уже даже вообразилось, что онъ взятъ русскими войсками, какъ сообщилъ калькутскій корреспондентъ „Times'a".

Митинги о евреяхъ, кажется, не родили ничего, кромѣ мыши, чего и надо было ожидать. Но чего было трудно ждать,—это того, напримѣръ, что одинъ изъ наиболѣе ярыхъ инціаторовъ движенія въ пользу евреевъ, баронъ Ротшильдъ сказалъ нашему посланнику въ Лондонѣ, „что онъ не сочувствуетъ агитаціи"; да и вообще сама агитація успокоивается. Гладстонъ, въ Палатѣ Общинъ сказалъ на одинъ изъ запросовъ по еврейскому дѣлу, что это дѣло внутренняго управленія Россіи и вмѣшиваться въ него оффиціально нельзя. Надо думать, что Россію оставятъ, наконецъ, въ покоѣ. Это, впрочемъ, было ясно и съ самаго начала. На этихъ дняхъ, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" напечатано было правительственное сообщеніе, въ которомъ категорически заявлено, что русское государство не потерпитъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ посторонняго вмѣшательства или совѣта, въ какой бы то ни было формѣ.

Возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи разгорается, чему положительно уже можно вѣрить на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ корреспондентомъ „Правительственнаго Вѣстника". Вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе князя Черногорскаго становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Вотъ что пишутъ объ этомъ между прочимъ. Борьба происходитъ теперь у границы княжества. Не смотря на все желаніе князя Николая удержать черногорцевъ въ строгомъ нейтралитетѣ, несмотря на кордонъ, разставленный княземъ около Кривошеи, Билеча, Грахова и Баньи, возстаніе все сильнѣе и сильнѣе волнуетъ черногорскій народъ и горячіе юнаки открыто изъявляютъ готовность вступить въ войну съ Австріей: многіе изъ нихъ уже находятся въ рядахъ устанцей. Австрійцы это знаютъ и ихъ газеты, также открыто, предлагаютъ правительству занять княжество. Предложеніе это произвело до того раздражающее впечатлѣніе, наконецъ, на народъ и на самаго князя, что недавно, по его приказанію, въ офиціозной газетѣ „Гласъ Черногорца" былъ данъ отвѣтъ австрійской прессѣ въ самомъ рѣшительномъ тонѣ: „Совѣтовать Австріи занять Черногорію (сказано въ отвѣтной статьѣ), лишить насъ свободы, которую мы пять столѣтій оберегаемъ, мысль не дурная, но очень опасная; пусть Австрія вспомнитъ, что это не такъ легко, что черногорцы съумѣютъ защитить себя, что никогда никто не успѣвалъ занять Черногорію, что не только австрійскіе солдаты, но храбрые турки, имѣя во главѣ мужественнаго Сулеймана, заплатили шестью тысячами труповъ за путь отъ Никшича до Спужа, путь двухъ-часоваго разстоянія, пройти который понадобилась недѣля! Пусть придутъ австрійцы—мы ихъ ждемъ! Въ Катаро состоится свиданіе между австрійскимъ резидентомъ при князѣ черногорскомъ, полковникомъ Темелемъ и главнокомандующимъ войсками въ Герцеговинѣ, генераломъ Іовановичемъ, для окончательнаго совѣщанія о мѣрахъ относительно Черногоріи. Какъ-бы то ни было, но, по мнѣнію Правительственнаго Вѣстника": „Австрійское правительство хорошо понимаетъ, конечно, что князь не располагаетъ такими силами, которыя дали-бы ему возможность совершенно закрывать границы Черногоріи и не потребуетъ отъ него того, чего онъ не можетъ выполнить. Притомъ-же и самой Австріи выгоднѣе имѣть мирнаго и дружественнаго сосѣда, чѣмъ создать на своемъ флангѣ дѣятельнаго врага". Что-же касается Россіи, то „Правительственный Вѣстникъ" замѣчаетъ, что „она неоднократно уже имѣла случай засвидѣтельствовать о своемъ твердомъ намѣреніи строго выполнять свои обязательства и не затрогивать ничьихъ интересовъ". Вѣроятнѣе всего, движеніе славянъ приведетъ къ европейскому конгрессу, объ этомъ уже говорятъ, прибавляя, что князь Бисмаркъ противится этому. Но здѣсь, кстати, скажемъ, что прошелъ странный слухъ о томъ, будто фамильныя драгоцѣнности князя Николая, стоимостью въ нѣсколько милліоновъ, были переведены въ Антивари (зачѣмъ—неизвѣстно) и тамъ пропали. Пока этотъ слухъ передается безъ дальнѣйшихъ подробностей.

Австрія воздвигла цѣлое гоненіе на русскихъ въ Галиціи.

Одна уніатская волость—Гниличаны—заявила о своемъ желаніи обратиться въ православіе. Либеральныя польскія и австрійскія власти, громко провозглашающія принципъ религіозной свободы, немедленно-же приняли свои мѣры и мѣры, вѣроятно, настолько сильныя, что гниличане, до сихъ поръ, еще не могли выполнить свои намѣренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, увидѣвъ въ этомъ фактѣ вліяніе русофиловъ, и русскія интриги, власти принялись за аресты — арестовано было сначала семнадцать человѣкъ въ Львовѣ, Каломеѣ, Збарацѣ, Гниличахъ, въ Черновицахъ, а затѣмъ аресты продолжались чуть-ли не ежедневно, между прочимъ, такія лица, какъ профессоръ Жарскій, настоятель влахскаго православнаго монастыря и другіе, произведенъ рядъ обысковъ въ квартирахъ священниковъ, въ православной церкви св. Георгія въ Львовѣ, закрыты два кружка. Вѣнскія газеты сообщаютъ, что изъ задержанныхъ бумагъ и писемъ видны оживленныя сношенія между галицкими и венгерскими русскими. Но 1875 годъ—годъ значительный въ исторіи славянства: искра тлѣла подъ пепломъ а съ тѣхъ поръ она сверкнула наружу, и уже не затушить ея никому...

Съ выходомъ Гамбетты вопросъ о пересмотрѣ конституціи французской республики окончательно отложенъ на неопредѣленное время, о чемъ заявилъ Фрейсинэ, сказавшій, что теперь большинство въ странѣ не высказывается за это предложеніе.

Королева Викторія ѣдетъ на югъ Франціи.

Въ тронной рѣчи при открытіи парламента заявлено въ отношеніи Египта, что Англія, по соглашенію съ Франціею, обратитъ особое вниманіе на египетскія дѣла, причемъ будетъ выполнять международныя обязательства, позаботится объ интересахъ египетскаго народа и охранитъ неприкосновенность правъ султана; объ отношеніяхъ-же другихъ державъ къ египетскому вопросу ничего не сказано.

Между тѣмъ, новый египетскій премьеръ, Махмудъ-Буруци объявилъ въ своей программѣ, что право установленія бюджета принадлежитъ министерству и делегатамъ палаты нотаблей; когда-же французскій и англійскій консулы обратились къ нему съ заявленіями, то онъ отвѣчалъ имъ, что совѣтъ египетскихъ министровъ не признаетъ за европейскими контролерами права вмѣшиваться въ внутреннія египетскія дѣла.

Армянскимъ патріархомъ въ Константинополѣ получены изъ Іерусалима депеши, извѣщающія, что 60 халдеевъ бросились на армянскій алтарь въ храмѣ Гроба Господня, разрушили какъ самый алтарь, такъ и висѣвшія передъ нимъ святыя иконы, избили армянскаго діакона и ранили нѣсколькихъ армянъ, пытавшихся оказать сопротивленіе; іерусалимскому губернатору, прибывшему на мѣсто происшествія съ отрядомъ, съ трудомъ удалось возстановить порядокъ.

Библіографія.

Путешествіе Государя Императора въ іюлѣ 1881 г. Прекрасно составленное описаніе извѣстной поѣздки Государя Императора по Волгѣ конечно встрѣтится съ величайшимъ интересомъ всей Россіей, такъ восторженно привѣтствовавшей своего молодаго Царя въ его первомъ путешествіи.

Министръ ром. Ж. Кларесп. *Г-жа Бовари* г. Флобера, *Героиня* г. Мало, *Майоратъ* г. Раймунда. Спб., 1882 г., изд. Э. Гартье. Всѣ эти романы извѣстныхъ французскихъ и нѣмецкихъ авторовъ изданы г. Гартье очень изящно и въ хорошемъ переводѣ, за что конечно ему будутъ весьма признательны любители чтенія. Хорошій переводъ въ такихъ изданіяхъ вовсе не такая обыкновенная вещь, чтобы на нее не обратить вниманія публики.

Источники русской агіографіи Н. П. Барсукова. Спб. 1882. „Агіографія" значитъ исторія или „житія" святыхъ. Въ трудѣ г. Барсукова, предпринятомъ имъ въ 1877 году по предложенію предсѣдателя Общества Древней письменности, князя П. П. Вяземскаго, русскіе святые, канонизованные и неканонизованные, расположены въ алфавитномъ порядкѣ. За именемъ каждаго святаго въ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ указаніе времени, когда онъ подвизался, когда почилъ, когда канонизованъ, и затѣмъ сообщаются всѣ источники, печатные и рукописные, относящіеся къ жизни и трудамъ святаго. Самыхъ исторій святыхъ въ книгѣ г. Барсукова изложено немного, такъ какъ задачей автора было сообщить относительно нихъ только библіографическія данныя, при помощи которыхъ историкъ имѣлъ бы возможность ознакомиться съ жизнью того или другаго русскаго святаго. Для изучающаго исторію такой библіографическій трудъ имѣетъ громадное значеніе, ибо житія святыхъ служатъ не только „училищемъ благочестія" для народа, но, какъ указалъ П. М. Строевъ, представляютъ неисчерпаемый источникъ для „исторіи общежитія, мнѣній и повѣрьевъ прежней Руси". Книга г. Барсукова составляетъ томъ въ 615 стр. и конечно будетъ встрѣчена спеціалистами съ высокою похвалою, которой она по замѣчательной тщательности выполненія справедливо заслуживаетъ.

Нѣчто о древности типа деревянныхъ построекъ и рѣзьбы въ Важскомъ краѣ. Изданіе Общества Древней Письменности, съ 8-ю литографированными таблицами, Спб. 1882.

Еще нашъ ученый археографъ П. М. Строевъ указалъ на Двину и Поморье, какъ на классическія земли, въ которыхъ русскій историкъ найдетъ сохранившимся во всей неприкосновенности, непо별... непоколебленный временемъ и нововведеніями исконный укладъ,—какъ онъ выражается, новгородскаго „самобытія". Эта уединенная отъ пришлыхъ вліяній страна, издавна была заселена искусными древодѣлами, отчего и сохранила во всей чистотѣ и неприкосновенности типъ древней русской постройки, часовни, церкви и въ особенности избы. Интересная брошюра, заглавіе которой мы выписали, даетъ возможность возстановить типъ древне-русской избы; авторъ сообщаетъ при этомъ любопытный въ этнографическомъ отношеніи фактъ, что въ Важскомъ краѣ — малярному и столярному дѣлу обучаются между прочимъ и въ Соловкахъ, куда родители часто, по какому нибудь обѣщанію, посылаютъ своихъ первенцевъ „поработать на святое дѣло". Отсюда въ важскихъ издѣліяхъ этаго рода видно вліяніе узоровъ и рѣзьбы соловецкихъ. Думаемъ, что брошюра найдетъ себѣ цѣнителей не только между спеціалистами, но и вообще между интересующимися первобытною, чистою отъ постороннихъ вліяній, культурою древней Руси.

С. П. Глазенапъ. Кометы и падающія звѣзды. Спб. 1882. Кометы издавна служили источникомъ многочисленныхъ предразсудковъ. Въ появленіи ихъ съ самой глубокой древности искали какого нибудь страшнаго предзнаменованія. Такъ съ кометой 1556 года связывали смерть папы Урбана IV-го, скончавшагося въ день исчезновенія этой кометы; та же самая комета сильно напугала Карла V, увидѣвшаго въ ней предсказаніе своей смерти. Современный Ньютону астрономъ Вистонъ объяснялъ даже всемірный потопъ приближеніемъ въ то время къ землѣ кометы и т. п. Кометы всегда привлекали вниманіе астрономовъ, изслѣдованія которыхъ расширили наше знакомство съ этими интересными тѣлами. Въ послѣднее время работы русскаго астронома Ѳ. А. Бредихина позволили даже по формѣ хвостовъ кометъ судить о самомъ ихъ химическомъ составѣ. Желающіе подробнѣе ознакомиться съ кометами и однородными съ ними падающими звѣздами могутъ обратиться къ интересной книгѣ г. Глазенапа, обстоятельно излагающей этотъ вопросъ. Смѣло рекомендуемъ разбираемую книгу нашимъ читателямъ, тѣмъ болѣе, что относительно кометъ существуетъ много нелѣпыхъ представленій, разсѣяніе которыхъ, особенно въ такой доступной всѣмъ и интересной формѣ, несомнѣнно всегда полезно.

Смѣсь.

Канцелярія совѣта с.-петербургскаго женскаго патріотическаго общества заявляетъ, что главнѣйшіе выигрыши VII лот. въ пользу школъ патріотическаго общества, разыгранной 3 января сего года, пали на слѣдующіе номера: первый выигрышъ въ 8,000 руб. на билетъ № 4045, принадлежащій новгородскому мѣщанину Кириллу Лаврентьеву Гольману, второй — на № 24715, с.-петербургской мѣщанкѣ Евдокіи Михайловой Горбуновой и третій — на № 29353-сыну провизора Александру Павлову Гопие.

Ядовитыя свойства человѣческой слюны. Французскій химикъ Готье представилъ недавно въ Парижскую медицинскую академію отчетъ о своихъ наблюденіяхъ надъ ядовитыми качествами человѣческой слюны. По этимъ наблюденіямъ оказывается, что ядовитость нашей слюны отличается отъ яда змѣй только слабой силой дѣйствія—и что извѣстное мнѣніе объ опасности укушенія человѣкомъ имѣетъ долю основательности. При опытахъ Готье бралъ около 20 граммовъ человѣческой слюны и послѣ ея щелоченія и очистки вводилъ ее въ видѣ раствора подъ кожу птички. Черезъ нѣсколько времени обнаруживались уже симптомы отравленія: птичка начинала дрожать, шаталась, падала на полъ и оставалась совершенно неподвижной: смерть наступала иногда черезъ полчаса, а иногда и позже, смотря по дозѣ вводимаго яда и силѣ животнаго. Всѣ эти симптомы отравленія, столь сродныя съ послѣдствіями укушенія змѣи, происходятъ, какъ думаютъ, главнымъ образомъ отъ особаго алколоида, входящаго въ составъ слюны и имѣющаго всѣ свойства трупнаго яда. Замѣчательно, что еще у Рабле встрѣчается одна фраза, которая доказываетъ, что уже тогда была извѣстна ядовитость человѣческой слюны.

Выставка курительныхъ трубокъ. Выставленная недавно въ Лондонѣ богатая коллекція разнаго рода курительныхъ трубокъ, была одною изъ самыхъ интересныхъ.

Здѣсь собраны были трубки всѣхъ странъ и эпохъ и даже самыя первобытныя, украшенныя глиняными изображеніями духовъ — покровителей табачнаго культа. Франція доставила сюда свои фарфоровыя трубки—произведенія знаменитой Севрской фабрики; Германія старинныя дрезденскія трубки и кромѣ того трубку громаднаго размѣра, которую обыкновенно курилъ одинъ изъ кельнскихъ гражданъ саженнаго роста во время торжественной процессіи гильдій. Голландія прислала большую коллекцію маленькихъ трубочекъ, изъ

которыхъ особенно выдѣляются по своей внѣшней отдѣлкѣ и украшеніямъ изъ глиняныхъ лентъ, такъ называемыя трубки новобрачнаго, такъ какъ послѣдній куритъ изъ этой трубки лишь въ день своей свадьбы, а потомъ бережно хранитъ на полкѣ, дозволяя себѣ пользоваться ею лишь разъ въ годъ: въ памятный для него день брака. Кромѣ того въ коллекціи красовались до 700 старинныхъ англійскихъ трубокъ: скандинавскія съ руническими надписями; сибирскія, сдѣланныя изъ дерева и мамонтовой кости, а также тѣ дорогіе, роскошные кальяны, которыми наслаждаются разные паши и властители востока. Девяносто шесть трубокъ служили образцами японскаго искусства и были сдѣланы изъ самаго разнообразнаго матерьяла—изъ слоновой кости, изъ рѣдкихъ породъ дерева, изъ рога, горнаго хрусталя и агата, а ихъ украшенія представляли самыя забавныя сцены изъ домашней японской жизни. Одна-же трубка, которая прежде принадлежала Еномото, молочному брату императора, была украшена государственными символами и внутри обложена золотомъ. Изъ японскихъ трубочекъ нѣкоторыя чрезвычайно малы, такъ что въ нихъ помѣщается табаку лишь на одну затяжку и потому не удивительно, что японцы могутъ ихъ выкуривать до полсотни въ одно утро, какъ объ этомъ разсказываетъ лордъ Энджинъ. Изъ Китая присланы были трубки для куренія опіума—изъ графита, черепашьей кожи, серебра и эмали. Коллекцію дополнили индійскіе гукаты, трубки войны и мира дикихъ племенъ Сѣверной Америки, Атцековъ и Караибовъ, называемыя *табакко*; трубки дикарей внутренней Африки, изъ которыхъ курятъ лишь при торжественныхъ религіозныхъ церемоніяхъ; трубки, выточенныя изъ зуба кашалота, а также произведенія этаго рода туземцевъ Новой Гвинеи и Каледоніи.

Гильотина у римлянъ. Въ Люцернѣ (въ Швейцаріи) на одной изъ старинныхъ построекъ сохранилась средневѣковая живопись, изображающая мученія гельветскихъ христіанъ во времена языческихъ императоровъ Рима. На правой сторонѣ картины мучениковъ бросаютъ въ рѣку; на лѣвой-же, на видномъ мѣстѣ, возвышается гильотина, подъ которою лежитъ уже одинъ изъ христіанъ и тяжелый топоръ готовъ опуститься на его шею. Кругомъ разбросано множество обезглавленныхъ тѣлъ а головы ихъ собраны въ кучу тутъ-же около гильотины. Вообще эта средневѣковая живопись очень любопытна своимъ содержаніемъ она ясно доказываетъ, что гильотина была извѣстна еще въ раннюю эпоху и что и идея этого орудія смерти не принадлежала всецѣло знаменитому доктору Гильотену, современнику первой французской революціи и члену національнаго собранія 1789 года.

Прогрессъ женскаго труда въ Америкѣ. Миссъ Мери Ливерморъ разсказываетъ въ одномъ американскомъ журналѣ, что однажды вечеромъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, собравшееся у нея дамское общество, интересуясь женскимъ вопросомъ, начало считать тѣ занятія, которыя были тогда доступны женщинамъ, и не могли, несмотря на всѣ усилія, насчитать ихъ болѣе одиннадцати. Недавно эти-же дамы снова возобновили старый вопросъ и на этотъ разъ имъ удалось насчитать 287 занятій, въ которыхъ можетъ теперь быть участницей женщина.

Русская пѣвица заграницей. М. А. Соловьева-Андреева родилась въ Москвѣ въ 1854 г. Еще ребенкомъ проявляла она способности къ музыкѣ, въ особенности къ пѣнію; она готовилась быть піанисткой подъ руководствомъ Н. Г. Рубинштейна. 13 лѣтъ начала она учиться пѣнію въ консерваторіи у преподавательницы М. Вальзекъ: черезъ годъ-же уѣхала со своимъ семействомъ въ Дрезденъ; тамъ представлена капельмейстеру королевскаго оперныго театра Рицу, который предложилъ ей самъ давать уроки gratis. Послѣ года серьезныхъ занятій, она была приглашена, чрезъ посредство своего учителя Рица, въ Лейпцигъ для концертовъ въ Гевандгаусъ— честь большая— бывшій подъ управленіемъ капельмейстера Рейнеке и знаменитаго скрипача Давида. Уже 15 лѣтъ она въ концертѣ пѣла варіаціи Роде и дивила легкостью своей вокализаціи публику, и тогда-же ей пророчили блестящую будущность пѣвицы и даже хотѣли чтобъ она поступила на сцену въ королевскую дрезденскую оперу: но ея молодости это не было исполнено и послѣ двухлѣтняго пребыванія заграницей пѣвица снова вернулась въ Москву и 17 лѣтъ поступила на Императорскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ. Артисты, замѣтившіе прекрасные задатки таланта юной пѣвицы, посовѣтовали ей отправиться за границу въ Италію. Покончивъ свои обязательства съ русской оперой, она уѣхала въ Парижъ къ профессору Вартелю, а затѣмъ, для окончательнаго усовершенствованія въ Миланъ и занималась цѣлый годъ подъ руководствомъ извѣстнаго Буццо. Дебютировала она въ первый разъ въ Миланѣ весь весенній сезонъ съ успѣхомъ въ театрѣ Даль-Верме и была ангажирована въ Южную Америку, въ Ріо-Жанейро и Монтевидео: вернувшись въ Европу снова приняла предложенный ей контрактъ въ Миланѣ въ Даль-Верме въ маѣ 1880 г. Въ іюлѣ вызвали ее въ Венецію для гастролей въ театрѣ Малибранъ, тотчасъ-же потомъ на сентябрь и октябрь въ городъ Ровиго для ярмарки (fiere) на ноябрь въ городъ Витенцо для спектаклей „гала" по случаю открытія монумента короля Виктора-Эммануила гдѣ былъ весь итальянскій дворъ. Въ Европѣ цѣнятъ строгій стиль пѣнія нашей артистки, ея тонкій вкусъ, обширный и симпатичный голосъ. Быть можетъ и намъ приведется познакомиться съ ея талантомъ на сценѣ нашей Императорской оперы.

Мертвые Херонейцы. Недавно сдѣлана очень интересная археологическая находка, именно: въ пяти миляхъ отъ Херонеи, нынѣшней Капраны въ Греціи найдены останки 300 ѳиванцевъ, павшихъ въ битвѣ подъ Херонеей (4 августа 338 г. до Р. Х.) противъ Филиппа Македонскаго. Уже нѣсколько мѣсяцевъ производились тамъ раскопки и открыта была часть гробницы въ 25 метровъ длины, 10 ширины и 2 метра вышины. Въ образованномъ этою стѣною параллелограммѣ, на глубинѣ 4 метровъ, найдены останки 185 ѳиванцевъ лежащихъ рядами: 40 тѣлъ, въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ застигла смерть. Уже откопано семь рядовъ этихъ славныхъ бойцовъ. Они лежатъ такъ, что головы втораго ряда покоятся на ногахъ перваго. На всѣхъ видны еще слѣды глубокихъ ранъ. У одного копьемъ пробиты обѣ ноги, у другаго раздроблена челюсть, у третьяго пробитъ черепъ и т. д. Оружія не найдено, оно было отобрано у побѣжденныхъ: но найдено много костяныхъ пуговицъ, пробитыхъ въ срединѣ и чашъ изъ терра-котты съ двойными ручками. Раскопки продолжаются съ цѣлью отыскать недостающіе трупы знаменитой опиванской фаланги. Г. Стаматикеръ, руководитель раскопокъ, приготовляетъ подробный отчетъ объ этой исторической находкѣ, а также и рисунки положеній, въ какихъ были найдены павшіе герои.

Изъ Америки въ Европу по желѣзной дорогѣ. Для изобрѣтательнаго янки ни одинъ проектъ не кажется слишкомъ великимъ и несбыточнымъ. Все наше географическое знаніе ничто въ сравненіи со смѣлымъ замысломъ американскаго инженера Грегори, желающаго соединить желѣзною дорогою старый свѣтъ съ новымъ. Г. Грегори уже выработалъ планъ на бумагѣ во всей его полнотѣ, недостаетъ только капиталовъ для выполненія его. И хотя многіе капиталисты нерѣдко пускаютъ свои капиталы въ невѣрныя предпріятія, однако проектъ г. Грегори кажется имъ слишкомъ рискованнымъ. А потому пройдетъ не мало времени до его осуществленія. По плану Грегори предполагается провести желѣзную дорогу изъ территоріи Вашингтона къ британскимъ владѣніямъ. Оттуда, говоритъ онъ, Англія могла-бы продолжить дорогу черезъ Ново-Георгію, вкось черезъ Аляску къ мысу Принца Валлійскаго на Беринговомъ проливѣ. Отсюда уже Россія, или-же общество *„большихъ капиталистовъ міра"*, доведетъ дорогу до Петербурга. Пассажиры и грузы черезъ Берингов проливъ будутъ перевозиться съ мыса Принца Валлійскаго на мысъ Эстъ (въ Азіи) лежащій въ 40 морскихъ миляхъ напротивъ перваго, и оттуда уже въ Европу, такъ что дорога изъ Америки въ Азію займетъ только два часа. И весь путь вокругъ свѣта по желѣзной дорогѣ, за исключеніемъ 40 миль, займетъ не болѣе 130 часовъ, т. е. $5^1/_2$ дней, именно столько, сколько требуется на проѣздъ изъ Нью-Іорка въ Санъ-Франциско сухимъ путемъ. Не истинѣ планъ смѣлый!

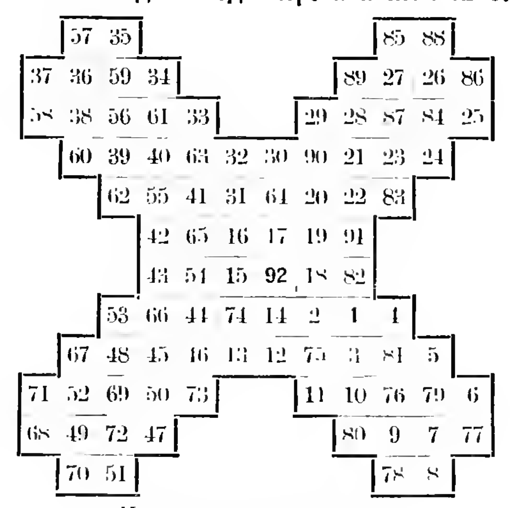
Историческіе часы. Наполеонъ I будучи еще бѣднымъ артиллерійскимъ лейтенантомъ разжился какъ-то деньгами, на которыя купилъ себѣ карманные часы. Часы эти не отличались ни особенной цѣнностью, ни работой, но Наполеонъ не разлучался съ ними даже и тогда когда сдѣлался властителемъ почти цѣлой части свѣта. Императоръ взглянулъ какъ-то на часы въ присутствіи маршала Бертье; часы остановились уже нѣсколько времени и маршалъ сдѣлалъ по этому поводу какое-то замѣчаніе. Чего-же вы хотите отъ часовъ, отвѣтилъ смѣясь Наполеонъ, мы имѣемъ большее значеніе и то остановимся когда-нибудь. Во всѣхъ походахъ Императоръ носилъ эти часы и разстался съ ними только умирая, на островѣ Св. Елены. Впослѣдствіи часы эти достались племяннику его Наполеону III, который носилъ ихъ, будучи плѣннымъ, въ крѣпости Гамъ и послѣ во время своихъ странныхъ похожденій въ Страсбургѣ и Булони. Подражая во всемъ своему великому дядѣ онъ также не разставался съ часами во всю свою жизнь. Наполеонъ III какъ и I кончилъ жизнь въ изгнаніи и семейная драгоцѣнность наполеонидовъ перешла къ сыну и наслѣднику сверженнаго Императора. Молодой принцъ, слѣдуя примѣру своихъ предковъ также носилъ часы постоянно, и отправился съ ними въ землю Каффровъ. Тутъ копье Зулуса положило конецъ молодой жизни; трупъ покойнаго былъ найденъ обезображеннымъ и ограбленнымъ, и вмѣстѣ съ прочими цѣнными вещами пропали также историческіе часы, впродолженіи цѣлаго столѣтія показывавшіе часы высочайшаго блеска, и глубокаго паденія. Теперь часы эти служившіе двумъ Императорамъ, быть можетъ украшаютъ шею грязной каффрской женщины и быть можетъ будутъ найдены въ пальмовой хижинѣ дикаго негра и закончатъ свои странствованія въ какомъ-нибудь изъ европейскихъ музеевъ.

Своеобразная гостиница. По дорогѣ отъ Санъ-Жозе до Санта-Крузъ въ Калифорніи находится самая замѣчательная гостиница въ мірѣ. Это пустой стволъ стараго дерева, имѣющаго въ окружности $21^1/_2$ метра. Около него разбитъ маленькій садикъ, въ которомъ вьющіяся растенія образовали бесѣдку, обращенную въ столовую. Девять другихъ, стоящихъ вблизи, пустыхъ деревьевъ обращены въ спальни и въ одномъ изъ нихъ устроена библіотека.

Физическій опытъ. Благодаря первоначальнымъ опытамъ Араго, извѣстно, что мѣдная пластинка, быстро вращающаяся вблизи магнитной стрѣлки, заставляетъ послѣднюю слѣдовать за нею. Профессоръ Эйтри недавно произвелъ подобный опытъ, считающійся пока научной тайной. Онъ привѣшиваетъ къ концу одного рычага вѣсовъ магнитную подкову, которая является какъ-бы противовѣсомъ, затѣмъ кладетъ въ горизонтальномъ положеніи подъ полюсомъ магнита мѣдную пластинку: ее легко можно привести въ вращательное движеніе. При этомъ движеніи видимо, что какая-то таинственная сила поднимаетъ магнитъ, между тѣмъ какъ другая чашка вѣсовъ опускается. Этотъ опытъ, разъ найденъ, будетъ ключъ къ разгадкѣ явленія, можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на условія „поднятія тяжести". Ясно, что подковообразный магнитъ, вслѣдствіе вращательнаго движенія мѣдной пластинки, — сталъ легче.

Игры и задачи.

Рѣшеніе задачи ходъ короля и коня № 5.



	57	35							85	88	
37	36	59	34					89	27	26	86
58	38	56	61	33			29	28	87	84	25
	60	39	40	63	32	30	90	21	23	24	
		62	55	41	31	64	20	22	83		
			42	65	16	17	19	91			
			43	51	15	92	18	82			
		53	66	44	74	14	2	1	4		
	67	48	45	46	13	12	75	3	81	5	
71	52	69	50	73			11	10	76	79	6
68	49	72	47					80	9	7	77
	70	51							78	8	

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно,
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Смѣло братья, вѣтромъ полный
Парусъ мой направилъ я,
Полетитъ на скользкія волны
Быстрокрылая ладья.

Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй,
Будетъ буря, мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.** — Зубчаниновой, Проценко, Гракуровой, Назарова, Барлкина, Заболкина, Великанова, Магусевича, Груздева, Шереметева, Рафальской, Панцова, Одинцова, Никитина, Кауровой, Голубева, Стежинскаго, Гейдлицъ, Санетти, Тихановой; **Москва** — Блюменталь, Ладыженской, Войникова, Копытиной, Ларіонова, Еремина, О. В. К., Подыхляевой; **Варшава** — Юденькова; **Вильна** — Ке—ока; **Елисаветградъ** — Баумгартенъ; **Житоміръ** — Грабовской; **Ижевское** — Мамарина; **Кіевъ** — Шнейера; **Крестцы** — Денисова.

Рѣшеніе шахматной задачи № 4.

Бѣлые.		Черные.
E 1	H 1	G 5 — H 4
E 4	E 5	Куда угодно.
B 6	D 1, D 8, E 3 +	

РЕБУСЪ. Задача № 11.

СОДЕРЖАНІЕ: **Марчелла Зембрихъ** (съ портр.) — **Испанскій дворянинъ.** Разсказъ **В. Г. Авсѣенко.** — **Во время бури.** Романъ **М. Іокая.** (Продолженіе). — **Табунъ въ степи, во время бурана** (съ рис.) — **Бабушка и Внучка** (съ рис.) — **Борьба со львомъ въ Римскомъ циркѣ** (съ рис.) — **Братъ и сестра** (съ рис.) — **Д. М. Леонова** (съ портр.) — **Гейзеръ въ Исландіи** (съ 2 рис.) — **Папа Климентъ IX и Христина Шведская** (съ рис.) — **Евгеній Бонту.** Очеркъ. — Политич. обозрѣн. — Библіографія. — Смѣсь. — Рѣшеніе задачи ходъ короля и коня. — Рѣшеніе шахматной задачи. — Ребусъ. — Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

При этомъ № прилагаются для гг. иногородныхъ подписчиковъ два прейсъ-куранта: 1) отъ чайнаго магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ и 2) отъ чайнаго магазина Н. Е. Киселева въ Москвѣ (послѣдній за исключеніемъ московскихъ подписчиковъ).

Дозволено цензурою. СПБ. 11 февраля 1881 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ | № 8 | годъ XIII | 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНIЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 20 Февраля. 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Кавказъ. Священная липа въ Ркоискомъ ущельѣ, въ Карталинскихъ горахъ. Ориг. рис. Н. Ярцева, грав. М. Рашевскiй.

Священная липа въ Ркронскомъ ущельѣ.

Много воспоминаній остается у того, кому пришлось побывать на Кавказѣ. И величественныя прелести природы, едва ли гдѣ либо въ Европѣ столь ярко развертывающіяся передъ глазами путника, и безчисленное множество памятниковъ, когда-то полной опасности, бурной боевой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, религіозной жизни обитавшаго здѣсь человѣка—множество развалинъ крѣпостей, замковъ, сторожевыхъ башенъ, церквей, остатковъ, виднѣющихся на самыхъ недоступныхъ мѣстахъ—все это надолго запечатлѣвается въ памяти путника и онъ невольно благоговѣетъ передъ могуществомъ природы, и удивляется, какимъ образомъ обитавшій здѣсь человѣкъ могъ воздвигать на такихъ высочайшихъ и неприступнѣйшихъ мѣстахъ свои, нѣсколько вѣковъ сохранявшіяся постройки.

Еще сильнѣе эти впечатлѣнія охватываютъ того, кому пришлось проникнуть южнѣе большихъ кавказскихъ горъ, въ ихъ южные отроги. Тамъ почти къ столь же громаднымъ каменнымъ массамъ, какія поражаютъ на знаменитой Военногрузинской дорогѣ, къ столь же мрачнымъ, тѣснымъ и глубокимъ ущельямъ, какъ Дарьялъ, присоединяется поразительно-роскошная растительность. Огромный букъ, черный кленъ и другія породы деревьевъ образуютъ лѣса, которые своею дикостью и массивностью производятъ неизгладимое впечатлѣніе. А кто могъ пожить нѣсколько времени въ какомъ нибудь уголкѣ Кавказа, тотъ знаетъ, какое множество легендъ и преданій существуетъ тамъ; они еще болѣе придаютъ чарующей силы впечатлѣніямъ тѣхъ видовъ поморья что и сами по себѣ приковываютъ вниманіе наблюдателя.

На прилагаемомъ рисункѣ изображена „священная липа“ въ Карталинскихъ горахъ; она стоитъ въ лѣсу въ Ркронскомъ ущельѣ, верстахъ въ 20-ти къ югу отъ станціи Грокали Поти-Тифлисской желѣзной дороги. Невольно останавливаешься передъ этой громадой, являющейся глазамъ въ столь причудливой и роскошной формѣ. А тутъ еще видишь, что проводники склоняютъ головы и молятся передъ этимъ произведеніемъ природы, какъ передъ какимъ-то священнымъ предметомъ.

— Вѣроятно это у васъ священное мѣсто, спрашиваете вы проводника-грузина.

Проводникъ грузинъ разскажетъ вамъ наивную легенду о Св. Георгіѣ, который однажды охотился здѣсь въ Ркони и на горѣ стрѣлялъ въ оленя, но не попалъ а стрѣла вонзилась въ этомъ мѣстѣ въ землю и тутъ выросло дерево. Сюда пріѣхалъ давно, давно однажды какой-то лезгинъ-князь, богатый, съ многочисленной свитой, и сѣвъ подъ деревомъ велѣлъ себя побрить. Онъ поднялъ голову и видитъ церковь а изъ церкви выѣзжаетъ на бѣломъ конѣ Св. Евстафій (Эстате) и пустилъ въ князя стрѣлу, которая и попала ему въ горло. И князь умеръ на мѣстѣ. Выходитъ нельзя, не хорошо подъ этимъ деревомъ кушать или отдыхать, или бриться. Испуганные слуги бросились домой и объявили что Св. Эстате застрѣлилъ князя, за то что онъ здѣсь брился и что выходитъ дерево святое, зачурованное; и давно уже всѣ считаютъ это дерево священнымъ и всѣ приходятъ сюда молиться и грузины и лезгины и татары. Кругомъ дерева нитки и камни и палки, которые богомольцы приносятъ съ собою и кладутъ здѣсь.

Испанскій дворянинъ.

Разсказъ

В. Г. Авсѣенко.

(Окончаніе).

VII.

Исправникъ докончилъ селянку и вторую бутылку пива, вытеръ усы и крикнулъ къ смотрителю:

— Однако распорядитесь... Да и для нихъ тоже, добавилъ онъ, считая долгомъ оказать покровительство человѣку, съ которымъ въ нѣкоторой степени познакомился.

Смотритель пообѣщалъ, что черезъ четверть часа лошади будутъ готовы.

— Чѣмъ-же кончилась исторія съ княжной? спросилъ я.

— Да вѣдь вы видѣли его, пропалъ человѣкъ, тѣмъ и кончилось, отвѣтилъ исправникъ. Произошло собственно такъ, продолжалъ онъ, что вдругъ Хохловъ пропалъ неизвѣстно куда. Пропалъ и нѣтъ его. Наконецъ недѣли черезъ три возвращается. Оказывается, что онъ ѣздилъ въ Петербургъ заложить имѣньице въ опекунскомъ совѣтѣ. И для чего-бы вы думали, ему понадобилось? Вообразилъ сдѣлать княжнѣ подарокъ, да такой, чтобы всѣ ахнули только. И заказалъ онъ у лучшаго ювелира фермуаръ бриллiантовый, превосходный. Средняя штучка величиной чуть не съ блюдечко, тоже изъ крупныхъ бриллiантовъ, и по срединѣ—какъ вамъ покажется—его собственный гербъ, эмалью выложенъ! Вѣдь какова затѣя-то, шельма онъ этакая (исправникъ слегка даже покраснѣлъ въ лицѣ). Взялъ онъ этотъ фермуаръ, разодѣлся въ лучшее платье, какое пошилъ въ Петербургѣ, и подноситъ княжнѣ. „Такъ и такъ, молъ, примите въ изъявленіе моихъ чувствъ“. Княжна на этотъ разъ не въ шутку обидѣлась, швырнула отъ себя подарокъ.

— Вы съума сошли! говоритъ.

Онъ поблѣднѣлъ, даже затрясся весь, однако въ ту минуту сдержалъ себя.

— Нѣтъ, говоритъ, я съума не сошелъ, а старался сдѣлать достойное вашей несравненной красоты и моей дворянской чести.

Тутъ княжна на него ножкой притопнула.

— Съ чего вы взяли чтобы я ваши бриллiанты носить стала, да еще съ вашимъ гербомъ? Я вотъ не велю васъ въ домъ пускать. Берите сейчасъ съ собой и уходите.

Хохловъ опять себя сдержалъ, только глаза у него какъ у дьявола засверкали. Поднялъ онъ футляръ и положилъ въ карманъ.

— Хорошо-же, говоритъ, уйти я уйду, а только вотъ вамъ мое дворянское слово порукой, что вы не то что носить эти бриллiанты, а спать въ нихъ будете.

И съ этимъ онъ уѣхалъ.

Однако чтожь бы вы думали, вѣдь вышло все таки такъ какъ онъ сказалъ!—продолжалъ исправникъ, пройдясь къ окну и взглянувъ готовятъ-ли лошадей. Этакой отчаянный оказался человѣкъ, что и ожидать нельзя было. Представьте себѣ, что въ ту же ночь пробрался онъ въ садъ, въ который выходила комната княжны, влѣзъ въ окно, подкрался къ постели, и надѣлъ на нее сонную фермуаръ. По утру она просыпается—чуть съума не сошла. Ну, тутъ ужь старый князь изъ себя вышелъ: призвалъ къ себѣ лѣсничаго — бравый такой мужчина, головой выше меня, на медвѣдя одинъ на одинъ хаживалъ — далъ ему этотъ фермуаръ, а на листочкѣ написалъ Хохлову нѣсколько строкъ: если, молъ, когда нибудь ваша нога въ мои владѣнія ступитъ, то я на томъ настою, чтобъ васъ изъ губерніи выслать—и велѣлъ это отвезти къ Хохлову и изъ рукъ въ руки ему передать.

Осатанѣлъ нашъ Хохловъ, какъ явился къ нему лѣсничій, чуть было шашкой его не зарубилъ, однако тотъ, понимаете, тоже не испугался.

Вотъ, собственно тѣмъ и кончилось. Дворянинъ нашъ уѣхалъ въ тотъ-же день въ Петербургъ, и уже что онъ тамъ выдѣлывалъ, я доподлинно вамъ разсказать не могу, а только должно быть бриллiанты продалъ и накутилъ шибко, потому что мѣсяца черезъ три выпроводили его оттуда полицейскимъ маперомъ и водворили на мѣстѣ жительства. Съ тѣхъ поръ и до сегодняшняго дня онъ изъ безобразія не выходилъ. Пить сталъ шибко, буйствовалъ, словомъ всяческое творилъ. Непонятно мнѣ, какъ до сихъ поръ подъ уголовщину не угодилъ. По ярмаркамъ сталъ таскаться, приставать къ каждому—по какому молъ случаю ты ко мнѣ уваженія такого не имѣешь, какъ къ кому другому. Озлобленіе это такое, понимаете. Разъ даже изъ ружья выстрѣлилъ.

— А это-жь зачѣмъ? спросилъ я.

— Да такъ, ни съ того ни съ сего. Дворянамъ, говоритъ, предоставлено владѣть оружіемъ. Такія чудеса

выдѣлывалъ, не перескажешь. Въ началѣ-то, какъ вернулся изъ Петербурга, деньги у него были—ну и протиралъ-же онъ имъ глаза! Пріѣдетъ на ярмарку, цыганокъ позоветъ, шампанскаго двѣ дюжины сразу выставитъ, пѣть заставитъ, потомъ сядетъ среди нихъ на полъ, да одну за другой изъ кармана радужныя на воздухъ выкидываетъ. А если только которая подойдетъ поговорить съ нимъ—не приведи Богъ! Осерчаетъ какъ звѣрь, вскочитъ и начнетъ чѣмъ попало швырять пока всѣхъ не разгонитъ. Повѣрите-ли, такую ненависть къ женскому полу получилъ, что отъ одного прикосновенія женщины въ изступленіе приходилъ. Пѣсни чтобъ пѣли—это онъ любилъ, а ни за что ни одну даже за руку не возьметъ. Ну, а послѣ, какъ деньги всѣ разшвырялъ, сталъ онъ буйствовать. Въ опекунскій совѣтъ не внесъ, деревеньку его описали, не сегодня, завтра продавать будутъ. Дома-то, разумѣется, пить-ѣсть находилось—въ крайности свои-же мужики накормятъ—за то какъ попадетъ бывало на ярмарку, лошадей и повозку продастъ, а потомъ голодаетъ. Истинно вамъ доложу — голодать приходилось. Гордость вѣдь эта у него осталась — не попроситъ, развѣ только ужь очень ему человѣкъ понравится. А въ послѣднее время, слава Богу, надумался онъ въ военную службу поступить. Добрые люди нашлись, нѣсколько разъ денегъ ему предлагали на дорогу—не беретъ. Разъ, впрочемъ, взялъ, да въ два дня и протеръ. Послѣ того его привезли сюда на станцію, да такъ и бросили: кто-нибудь молъ довезетъ. И вѣдь вышло-же что нашелся такой, взялъ его...

— А вы думаете доѣдетъ онъ до Севастополя? усумнился я.

— Доѣдетъ! отвѣтилъ съ полнымъ убѣжденіемъ исправникъ. Какъ не доѣхать, когда никакой другой дороги ему нѣтъ?

Лошади были наконецъ готовы. Я простился съ исправникомъ и уѣхалъ, не думая чтобъ мнѣ пришлось когда-нибудь опять встрѣтиться съ Хохловымъ.

VIII.

„Значитъ исторія еще не кончена“, подумалъ каждый изъ насъ.

Разсказчикъ продолжалъ.

— Много лѣтъ спустя, именно въ концѣ 60-хъ годовъ, мнѣ случилось недѣли двѣ прожить въ Баденѣ. Въ то время въ Германіи еще не подымали гоненія на рулетку и, „водный сезонъ“ былъ въ полномъ разгарѣ. Иностранцевъ, и въ особенности русскихъ и англичанъ, наѣхало множество. Разъ рано по утру, ко мнѣ постучались въ номеръ. Я пригласилъ войти. Появился господинъ высокаго роста, худой, съ красноватымъ лицомъ и сильною просѣдью, одѣтый въ довольно потертый пиджакъ и коротенькіе панталоны. Онъ съ поклономъ подалъ мнѣ Prospectus, въ которыхъ на французскомъ и русскомъ языкахъ было отпечатано, что нѣкто, постигшій способъ безпроигрышной игры въ рулетку, предлагаетъ ознакомить съ своею системою на очень выгодныхъ условіяхъ.

— Мнѣ не надо, сказалъ я по французски.

— Но я предлагаю вѣрный выигрышъ. Вы можете начать съ одного золотаго, отвѣтилъ незнакомецъ по-русски.

Это меня удивило: я никакъ не ожидалъ, чтобъ мои соотечественники обнаруживали заграницей столько изобрѣтательности и въ такой спеціальной отрасли промышленности.

— Вы русскій? спросилъ я.

Незнакомецъ отвѣчалъ утвердительно. Я внимательнѣе взглянулъ на него. Въ выраженіи его узенькихъ глазъ и въ особенности въ его усахъ, роскошныхъ не смотря на сильную просѣдь, мнѣ какъ будто припомнилось что-то знакомое.

— Вы не можете ли сказать мнѣ вашу фамилію? спросилъ я.

— Дворянинъ Хохловъ, отвѣчалъ незнакомецъ.

— Батюшки! Хохловъ! Ну, конечно, мы съ вами старые знакомые, вскричалъ я и припомнилъ ему нашу первую встрѣчу на почтовой станціи за Опочкой.

Хохловъ кажется совсѣмъ меня не помнилъ, но обрадовался несказанно: очевидно онъ былъ въ такомъ положеніи, когда всякій человѣкъ, соглашающійся признать знакомство, составляетъ находку.

— Скажите на милость! И вѣдь въ самомъ дѣлѣ такъ! Вотъ ужь правда—гора съ горой не сходится... восклицалъ онъ, бросаясь мнѣ на шею. Представьте, фамилію вашу совсѣмъ забылъ, но какъ только вошелъ, увидѣлъ васъ, сейчасъ это мнѣ все припомнилось... Станція, смотритель, прапорщикъ Мейеръ... Дай, думаю себѣ, смолчу, погляжу—узнаетъ ли меня?

Я видѣлъ по его разгорающимся глазкамъ, что онъ все вретъ, и что въ сущности у него просто разгорѣлись спекулятивныя вожделѣнія на мой счетъ. Но онъ смотрѣлъ такимъ голоднымъ, захудалымъ, что я не прочь былъ по крайней мѣрѣ накормить его.

— А не хотите ли позавтракать вмѣстѣ? предложилъ я.

Онъ тотчасъ согласился и пообѣщалъ провести меня въ какой-то мало кому вѣдомый ресторанчикъ, гдѣ будто подаютъ такія свиныя котлеты и такое пиво, какихъ нигдѣ нѣтъ. Мы отправились и устроились въ такомъ крошечномъ кабинетикѣ, въ которомъ третій человѣкъ рѣшительно не могъ бы помѣститься. У разсчетливаго баденскаго нѣмца очевидно все было въ обрѣзъ...

— Что жъ это вы тутъ за-границей дѣлаете? и какъ вы сюда попали? спросилъ я, пока намъ готовили свиныя котлетки.

— Да что, пропадаю я тутъ; мнѣ среди нѣмцевъ не житье... отвѣтилъ озабоченнымъ тономъ Хохловъ. Тѣснота тутъ, куда ни повернешься—жмутъ... А у насъ-то? въ деревнѣ, въ провинціи... простору сколько... гостепріимство... друзей собаками травi, не отгонишь. У меня одна мечта—вернуться въ Россію.

— Но какъ вы попали? вѣдь вы тогда въ Севастополь ѣхали,.. Мейеръ-то довезъ васъ?

Хохловъ на секунду задумался, изъ чего я заключилъ что онъ непремѣнно что-нибудь совретъ...

— Довезъ... отлично довезъ... отвѣтилъ онъ.—Этотъ Мейеръ, я вамъ скажу, золотая душа. Мы съ нимъ съ перваго дня подружились, и потомъ всю кампанію на одной кровати спали.

— Такъ вамъ удалось поступить въ военную службу? спросилъ я.

— Еще бы! Стараго кавказскаго рубаку да не принять! Мы съ Мейеромъ на другой же день на Малаховомъ курганѣ помѣстились, и такъ и не разставались. Я его два раза отъ смерти спасалъ. Вотъ у меня нога ранена, замѣтили какъ я ее волочу?

Я въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ что онъ волочитъ лѣвую ногу, но рѣшительно не повѣрилъ, чтобъ это было отъ раны.

— Не ревматизмъ ли? сказалъ я.

— Нѣтъ, штыковая рана... при отбитіи приступа... отвѣтилъ, не моргнувъ глазомъ, Хохловъ. А на послѣднемъ то штурмѣ, какъ наскочили на насъ французы—семеро на одного—я его на рукахъ вынесъ...

— А здѣсь то, за-границей, вы давно?

— Пятый годъ. Воротиться бы поскорѣе домой, чортъ ихъ бери совсѣмъ...

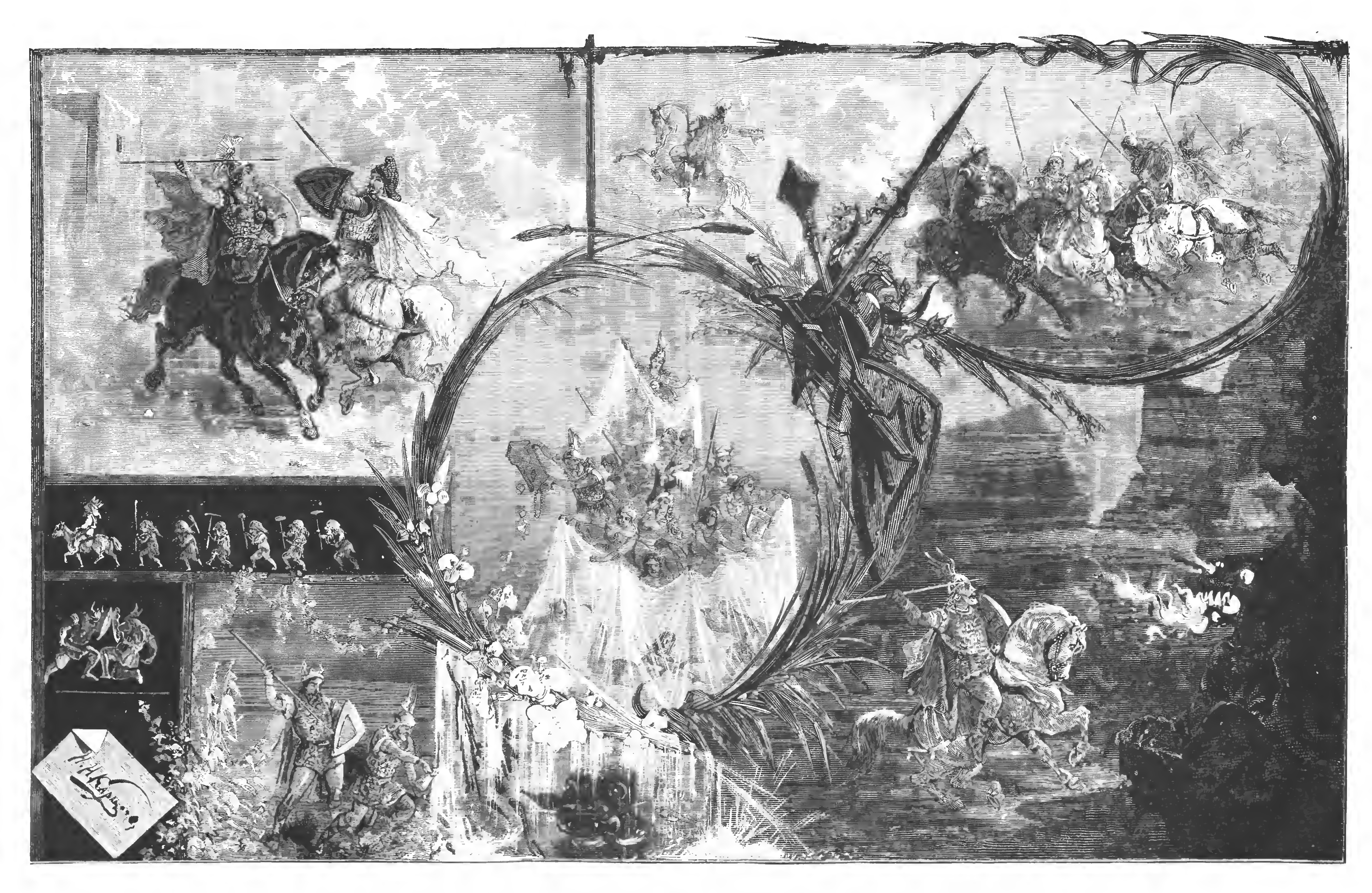
— Да какъ вы попали? привезъ васъ кто-нибудь?

— Купецъ одинъ. Онъ ни по французски, ни по нѣмецки не говоритъ, такъ меня взялъ съ собою.

— А вы говорите? спросилъ я.

Хохловъ сдѣлалъ безстрастное лицо.

— Ну, теперь научился немного... отвѣтилъ онъ.—Эн. *нолъ биръ!* закричалъ онъ кельнеру, желая вѣроятно представить мнѣ образчикъ своихъ знаній.



Циркъ Чинизелли въ С.-Петербургѣ. „Нибелунги". Балетъ-пантомима. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

IX.

Я продолжалъ не безъ любопытства разсматривать моего Испанскаго дворянина. Ему теперь на видъ было лѣтъ сорокъ пять, можно было бы дать и больше. Онъ уже не походилъ на здороваго, крѣпкаго, задурившаго съ жиру человѣка, которому жить бы да жить. Долгое шатанье впроголодь видимо растрясло его. Бѣлье съ отрепанными манжетами, потертый пиджакъ и въ особенности коротенькіе панталоны, изъ подъ которыхъ торчали стоптанные рыжіе сапоги, говорили краснорѣчиво. Но странное дѣло—въ этомъ мало блестательномъ видѣ онъ, на мой взглядъ, еще больше походилъ на Испанскаго дворянина. Есть такія фигуры, которыя, именно какъ испанцы, сохраняютъ что-то гордое даже подъ лохмотьями. Одно только безпощадное лганье не совсѣмъ шло къ этой гордости.

— Скажите пожалуйста, чѣмъ вы тутъ существуете? неужели продажей секрета безпроигрышной игры? спросилъ я.

Хохловъ какъ бы обидѣлся.

— Вы вѣдь не знаете моей системы, такъ какъ же вы можете судить? возразилъ онъ. Вотъ когда услышите, что я десять разъ подрядъ банкъ сорвалъ, тогда и скажете.

— А вы надѣетесь?

Онъ вспыхнулъ.

— До послѣдней минуты жизни! воскликнулъ онъ тономъ глубочайшаго убѣжденія. Только здѣсь никто меня не знаетъ, пріѣзжіе не имѣютъ довѣрія, надо вернуться въ Россію, тамъ отыскать компаньйона, и пріѣхать вмѣстѣ сюда, потомъ въ Гамбургъ, потомъ въ Монако, съ твердою цѣлью не отступать ни на шагъ отъ моей системы.

— Но вы до сихъ поръ не испробовали ее? спросилъ я.—Никто не вступалъ съ вами въ соглашенія?

— Нѣтъ, находились... отвѣтилъ, какъ будто не охотно Хохловъ.—Но что жъ вы будете дѣлать—тутъ нужно терпѣніе, хладнокровіе, упрямство, а они не выдерживаютъ. Эхъ, въ Россію-бы! заключилъ онъ со вздохомъ.

Я не спрашивалъ, что собственно мѣшало ему вернуться въ отечество: доказательства были на лицо. Но вмѣсто одного нескромнаго вопроса, я сдѣлалъ другой.

— А вы не встрѣчали потомъ эту княжну... въ которую были влюблены? спросилъ я.

Хохловъ вспыхнулъ, морщины вокругъ глазъ у него какъ-то съежились, усы подвигались и точно повисли.

— А вы откуда знаете? бросилъ онъ мнѣ почти враждебнымъ тономъ.

— Да тогда же, на станціи мнѣ разсказали... исправникъ, проѣзжалъ, отвѣтилъ я.

— Исправникъ каналья! выпалилъ вмѣсто объясненія Хохловъ. И вдругъ, съ внезапнымъ ожесточеніемъ, онъ началъ разсказывать какую-то исторію, въ которой исправникъ былъ замѣшанъ съ неблаговидной стороны. Я не зналъ, избѣгаетъ ли Хохловъ прямаго отвѣта на мой вопросъ, или съ нимъ произошло психическое явленіе, нерѣдкое послѣ большихъ нравственныхъ потрясеній, и сущность котораго заключается въ томъ, что человѣкъ сохраняетъ вѣчную боль воспоминанія, но самое воспоминаніе только мгновенно является въ мозгу и также мгновенно исчезаетъ.

Мы кончили нашъ завтракъ и Хохловъ, къ удивленію моему, вдругъ заторопился и не принялъ приглашенія пройтись по городу.

— Нѣтъ, не могу, тутъ одинъ нашъ соотечественникъ умеръ ночью, одинокій человѣкъ, такъ я надъ нимъ сижу... читаю... объяснилъ онъ.—А къ вамъ послѣ обѣда загляну на минутку.

Мы разстались, и я пошелъ по направленію къ курзалу.

Въ этотъ день судьба видимо благопріятствовала моему Испанскому дворянину. Не успѣлъ я сдѣлать сотню шаговъ, какъ на встрѣчу мнѣ попался одинъ петербургскій знакомый, лѣчившій тутъ жену отъ какой-то хитрой болѣзни.

— Представьте, жена хочетъ завтра же непремѣнно ѣхать назадъ. Здѣшнія воды ее хуже разстроили обратился онъ ко мнѣ тономъ, въ которомъ чувствовалась гримаса.

— Ну такъ что же? наивно спросилъ я.

— Какъ же, помилуйте? Она больна, я не могу ее одну пустить съ ребенкомъ. Я долженъ тоже ѣхать, а между тѣмъ... мнѣ здѣшній воздухъ очень полезенъ, я только что началъ замѣчать это. Ради Бога, не знаете ли какого нибудь простенькаго соотечественника, чтобъ проводить ихъ? Издержки на мой счетъ, и если надо даже вознагражденіе...

„Хохловъ!“ сверкнуло у меня въ головѣ, и я тотчасъ отрекомендовалъ его огорченному супругу. Онъ очень обрадовался.

— Но приличенъ ли вашъ individu сколько нибудь? Женщины, вы знаете, судятъ прежде всего по внѣшности, освѣдомился онъ.

Вопросъ поставилъ меня въ затрудненіе. Въ самомъ дѣлѣ, приличенъ ли Хохловъ? Надо было много доброй воли, чтобъ рѣшить утвердительно.

— Я къ вамъ приведу его, вы и посмотрите, главное то, что онъ можетъ завтра же ѣхать, а это не всегда найдете, отвѣчалъ я.

Хохловъ, когда я сообщилъ ему новость, даже затрясся отъ радости, кинулся обнимать меня и просилъ сію же минуту сводить его къ моему знакомому.

— Позвольте, тутъ еще есть препятствіе: если вы явитесь въ такомъ видѣ, вамъ вѣроятно откажутъ, предупредилъ я.

Испанскій дворянинъ задумался. Очевидно измѣнить „видъ“ составляло неразрѣшимую задачу.

— Ахъ, отлично! вдругъ вскричалъ онъ, срываясь и внезапно просіявъ.—Я сію минуту вернусь... въ хорошемъ фракѣ.

— Во фракѣ? это даже лишнее, замѣтилъ я.

— Нѣтъ, ужь пускай, возразилъ Хохловъ, и почти бѣгомъ выскочилъ изъ комнаты.

Черезъ полчаса онъ вернулся, облеченный дѣйствительно въ очень приличную фрачную пару. Только все было сшито рѣшительно не на него. Кто могъ снабдить его? Мнѣ пришла въ голову дикая мысль.

— Послушайте, гдѣ вы взяли это платье? спросилъ я.

— Что? тревожно отозвался Хохловъ.

— Да такъ... у меня подозрѣніе, что вы сняли его съ того соотечественника... надъ которымъ читаете...

— Ахъ, какія глупости! воскликнулъ Хохловъ, ужасно покраснѣвъ. Я замѣтилъ, что усы у него слегка дрожали, какъ будто онъ боролся съ упорно выступавшей усмѣшкой.

„Никакого сомнѣнія!“ подумалъ я.

Въ нѣсколько минутъ судьба Хохлова была рѣшена, и на другой день его увезли изъ Баденъ-Бадена. Онъ зашелъ ко мнѣ проститься. Изъ-подъ какой-то странной шерстяной накидки на немъ виднѣлись прежній потертый пиджакъ и коротенькіе панталоны. Фрачная пара вѣроятно была добросовѣстно возвращена имъ по принадлежности...

X.

Разсказчикъ остановился.

— Это была ваша послѣдняя встрѣча съ Хохловымъ? спросили мы.

Онъ отвѣчалъ утвердительно.

— Значитъ конецъ исторіи?

— Не совсѣмъ. Я никогда больше не видалъ моего Испанскаго дворянина, но лѣтъ пять назадъ, я встрѣтился съ Мейеромъ, продолжалъ разсказчикъ. Судьба такъ странно распорядилась, что опять свела моего ге-

роя съ бывшимъ прапорщикомъ, и уже въ послѣдній разъ, потому что то была послѣдняя глава изъ жизни Хохлова.

— Такъ онъ умеръ? спросилъ кто-то.

— О, нѣтъ, гораздо больше...

— Что-же можетъ быть больше, какъ умереть? удивились мы.

— А вотъ послушайте.

Я вамъ сказалъ уже, что встрѣтился съ Мейеромъ лѣтъ пять назадъ. Онъ былъ уже гвардейскій полковникъ, командовалъ баталіономъ и имѣлъ видъ совершенно свѣжаго, моложаваго и на военный ладъ щеголеватаго штабъ-офицера. Молодыя купчихи, я думаю, по немъ съума сходили. Мы узнали другъ друга и разумѣется вспомнили нашу первую встрѣчу.

— Ахъ, Хохловъ! воскликнулъ Мейеръ, разсмѣявшись. Но въ его смѣхѣ мнѣ почувствовался нѣкоторый злопамятный оттѣнокъ. Вы не можете себѣ представить, что онъ мнѣ надѣлалъ.

— Доѣхалъ на вашъ счетъ до Севастополя? догадался я.

— Нѣтъ, какое, отвѣчалъ Мейеръ: мы съ нимъ пропутешествовали подальше Гомеля, а тамъ онъ вздумалъ отправиться въ гостинницу и напиться. Я воспользовался случаемъ, и, признаюсь, поступилъ можетъ быть несовсѣмъ по-товарищески. Однакожъ, какой-же онъ мнѣ былъ товарищъ? Я за сутки совершенно въ немъ разочаровался и убѣдился, что это совсѣмъ пустой человѣкъ. Надоѣдалъ онъ мнѣ ужасно. Теперь, примите во вниманіе: денегъ у него не было ни копѣйки, приходилось его кормить изъ моихъ прапорщичьихъ прогоновъ и подъемныхъ. Въ Гомелѣ-же у меня нашелся попутчикъ, съ которымъ я могъ доѣхать на половинныхъ издержкахъ. Это вѣдь разница, вы согласны? Я воспользовался тѣмъ, что Хохловъ застрялъ въ гостинницѣ, и уѣхалъ.

— Но въ Севастополѣ вы потомъ съ нимъ встрѣчались?

— Да нѣтъ-же, онъ никогда не былъ въ Севастополѣ. Я его увидѣлъ уже здѣсь, въ Петербургѣ, въ прошломъ году, за мѣсяцъ до моей свадьбы. Я теперь женатъ, добавилъ Мейеръ съ нѣкоторымъ чувствомъ гордости.

Я, разумѣется, поздравилъ его.

— Вотъ я разскажу вамъ, какъ это было. Цѣлая исторія... продолжалъ Мейеръ. Надо вамъ знать, что у меня очень хорошая казенная квартира: я вообще удачно иду по службѣ... Шесть большихъ комнатъ, это вѣдь слишкомъ много для холостаго офицера? И такъ, какъ мое положеніе здѣсь упрочено, то я рѣшилъ жениться. Гвардейскому полковнику, вы знаете, очень легко найти невѣсту, въ особенности, если онъ... если онъ немножко лучше чорта, какъ говорятъ по-русски—добавилъ Мейеръ съ скромной улыбкой. Я былъ всегда очень экономенъ, и у меня для этого случая были отложены кайти небольшія деньги. Я ихъ употребилъ, чтобъ меблировать квартиру. Гостинную я сдѣлалъ штофную, темно-красную—это очень хорошенькій цвѣтъ и прочный. Коверъ во всю комнату, на каминѣ зеркало и фарфоровые часы съ такими-же точно канделябрами—увѣряю васъ, это очень недурно. Наконецъ я купилъ рояль Шредера, почти совсѣмъ новый, и тоже поставилъ въ гостинную. Для будуара теща сама покупала—тамъ все голубое, тоже очень прилично вышло. Вотъ вы увидите, если сдѣлаете мнѣ честь, пожалуете какъ-нибудь. Но, понимаете, въ ожиданіи свадьбы эти комнаты у меня были заперты, и я жилъ на своей холостой половинѣ, чтобъ понапрасну не топтать ковровъ и не захватывать мебель.

Разъ—это было скоро послѣ лагерей—мнѣ докладываютъ: Хохловъ. Какой Хохловъ? Я не могъ сразу вспомнить, но велѣлъ принять. Входитъ господинъ лѣтъ пятидесяти, высокій, худой, сгорбленный, съ огромными сѣдыми усами и въ самомъ жалкомъ видѣ. Я разумѣется не узналъ, но онъ сейчасъ все напомнилъ. Вы понимаете, что я вовсе не очень обрадовался, но постарался быть любезенъ. Мнѣ даже жалко его стало. Онъ говорилъ съ такой одышкой и имѣлъ такой болѣзненный видъ, точно ему два часа до смерти оставалось. Сталъ онъ разумѣется разсказывать про свою несчастную судьбу, но у меня такое правило—пока я не обезпечу себя совершенно, я никому не помогаю деньгами. Вѣдь если я еще не обезпеченъ совершенно, значитъ я самъ могу нуждаться, не правда-ли? Онъ впрочемъ ничего не просилъ, и я предложилъ ему обѣдать у меня. Угостить человѣка въ такомъ положеніи—это совершенно другое дѣло. Но еслибъ я зналъ, чѣмъ это кончится, я-бы ни за что его не оставилъ. Представьте, черезъ нѣсколько минутъ послѣ обѣда—онъ вдругъ умеръ! Можетъ быть, оттого, что давно не ѣлъ—я не знаю. Сидѣлъ у меня на диванѣ, разсказывалъ про какую-то систему игры въ рулетку, съ которой въ концѣ концовъ каждый можетъ сорвать банкъ и вдругъ схватился за грудь, захрипѣлъ и умеръ. Можете себѣ представить мое положеніе!

XI.

Мейеръ пріостановился, чтобъ дать мнѣ время войти въ его положеніе.

— Бѣдный Хохловъ, такъ онъ умеръ! сказалъ я, почувствовавъ искреннее сожалѣніе къ судьбѣ этого несчастнаго человѣка.

— Да, но онъ могъ умереть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, возразилъ какъ-бы даже обидчиво Мейеръ. Вѣдь это похоже, какъ будто онъ нарочно пришелъ, чтобъ поставить меня въ затруднительное положеніе. Сколько мнѣ помнится, я даже говорилъ ему, что собираюсь жениться, и что у меня отдѣлана квартира. Замѣтьте, что вѣдь я вовсе не былъ близко знакомъ съ нимъ, и вообще съ какой-же стати!

— Однако что-жь было дальше, спросилъ я.

— Разумѣется, я сейчасъ далъ знать въ полицію и требовалъ, чтобъ покойника увезли на его квартиру, продолжалъ Мейеръ. Но оказалось, что у него не было никакой квартиры, и что везти его некуда. Можете себѣ представить! Я просто съ ума сходилъ, не знаю, что дѣлать. Больше однако ничего не оставалось, какъ принять на себя всѣ издержки и хлопоты. Вы понимаете, что я предполагалъ сдѣлать все самымъ экономнымъ образомъ, лишь-бы только не похоронить его на счетъ полиціи — это ужь мнѣ какъ будто совѣстно показалось. Но, вопросъ: гдѣ его положить? Въ комнатахъ, которыя я самъ занималъ, рѣшительно не было мѣста, и потомъ спать чуть не рядомъ съ покойникомъ—это непріятно, знаете. Я рѣшился положить его въ гостинной, но конечно ничего не говорить объ этомъ невѣстѣ, потому что все-таки впечатлѣніе какое-то непріятное... Моя жена отличается очень нѣжной организаціей, я считаю, что женщина непремѣнно должна имѣть тонкіе нервы.

Распорядившись обо всемъ, я уже думалъ, что дѣло обойдется какой-нибудь сотней рублей, да тремя днями непріятныхъ хлопотъ, а вышло совсѣмъ другое. Подъ утро на вторую ночь вдругъ слышу что меня будятъ. Въ просонкахъ вижу блѣдное отъ страха лицо деньщика, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствую удушливый запахъ дыма и гари.

Понятно, вскакиваю съ постели, спрашиваю: что такое?

— Пожаръ, ваше высокородіе, говоритъ деньщикъ.

— Гдѣ пожаръ?

— У насъ.

Я одѣваюсь во что попало, бѣгу—дымъ все гуще, запахъ гари слышнѣе. Оказывается, что загорѣлось въ гостинной, гдѣ лежалъ Хохловъ, и горитъ уже давно, потому что представившаяся мнѣ картина имѣла просто

ужасный видъ. До сихъ поръ не знаю, какъ собственно все произошло: должно быть одна изъ свѣчей была плохо прилѣплена, упала на покровъ, оттуда все и пошло. Повѣрите-ли, покойникъ весь обгорѣлъ, страшно вспомнить. Но главное, гостинная была наполовину уничтожена — мебель, коверъ, даже уголъ рояля обгорѣлъ. Какъ вамъ это понравится? Все съ иголочки, цѣнное—ни на одномъ креслѣ я даже не посидѣлъ, по ковру ступить боялся. Позвольте васъ спросить, съ кого я могу все это взыскать? И почему, я васъ спрашиваю, долженъ былъ я все это на себя принять? Что я такое Хохлову—родня, другъ что-ли? Чѣмъ я виноватъ?

Мейеръ, говоря это, даже покраснѣлъ, и глядѣлъ на меня такими злыми глазами, какъ будто я былъ причиною происшедшаго съ нимъ непріятнаго случая.

Я, къ сожалѣнію, не могъ ничего сказать ему въ утѣшеніе, и подумалъ: Бѣдный Хохловъ, только этаго и недоставало ему!

Во время бури.

Романъ

М. Іокая.

(Продолженіе)

XVI

Брилліанты Теметвени.

— Пальма, что ты дѣлаешь? воскликнулъ графъ, поблѣднѣвъ какъ полотно,—ты открываешь „его" письмо?

— Да, и буду открывать всѣ письма, которыя попадутъ мнѣ въ руки. Это совершенно естественно.

— Но это государственная тайна.

— Тѣмъ болѣе. Я хочу знать, что ввѣряется ему. Мы имѣемъ на то полное право.

— Странное право. Никогда не слыхалъ о такомъ правѣ.

— Можетъ быть; но я пользуюсь имъ.

Молодая дѣвушка принялась читать „предписаніе" про себя. Бумага скоро задрожала въ ея рукахъ. Сначала на устахъ ея мелькнула улыбка, по лицу разлилось выраженіе удовольствія. Вѣроятно „его" расхваливали, высказывали признательность за заслугу. Затѣмъ, вдругъ, Пальма поблѣднѣла, черты исказились, очевидно подъ вліяніемъ ужаса, губы полураскрылись, какъ бы безсознательно и неслышно повторяя написанное, глаза тревожно переходили съ одной строчки на другую, руки мяли бумагу, переворачивая листы и окончивъ чтеніе, Пальма судорожно бросила бумагу на столъ.

— Ты, конечно, не передашь ему этого предписанія, произнесла она.

— Отчего?

— Я не хочу этого.

— Такъ что же мнѣ дѣлать съ этимъ?

— Запри въ столъ и никому не говори ни слова.

— Невозможно! Ему надо же какъ нибудь отозваться на эту бумагу, на это назначеніе.

— Это уже мое дѣло какъ онъ отвѣтитъ.

— Да что тамъ написано такое? Ты, однако, обязана признать, что я нѣсколько иначе понимаю „право", чѣмъ ты и не дотрогиваюсь до письма, которое адресовано не ко мнѣ.

— Да, да, я имѣю право поступить такъ, но только я одна, а никто другой. Поэтому и ты отъ меня не узнаешь что написано тамъ—могу сказать лишь, что тотъ кто приметъ на себя эти порученія—рискуетъ головой своей.

— Что жъ такое? Это—то я знаю и безъ бумаги. Конечно, онъ рискуетъ головой. Ему ввѣряется постъ правительственнаго комисара надъ 12 комитатами, т. е. неограниченная власть надъ жизнью и смертью 4 милліоновъ человѣкъ. Онъ располагаетъ собственностью каждаго. Если онъ кому нибудь скажетъ: „это принадлежитъ государству" то „это" и должно быть немедленно передано въ его распоряженіе, если онъ говоритъ кому нибудь: „вставай и иди"—тотъ обязанъ безпрекословно идти, куда онъ поведетъ! И эта власть распространяется одинаково и на знатныхъ, и на незнатныхъ. Если же Венгрія восторжествуетъ, то его наградой будутъ одна изъ высшихъ должностей въ государствѣ и имѣніе Анатваръ, сдѣлавшееся собственностью казны.

— А если венгры будутъ побѣждены?

— Тогда его разстрѣляютъ.

— И ты такъ говоришь объ этомъ!

— Да, вѣдь, это понятно. Mais c'est la guerre! И мы теперь какъ разъ въ войнѣ. Мужчины или возвращаются съ эполетами на плечахъ, или безъ головъ на плечахъ. Тутъ одно изъ двухъ: все, или ничего! Ему открыть путь къ почестямъ, къ великимъ почестямъ, онъ можетъ сдѣлаться магнатомъ, министромъ, княземъ, или какъ тамъ, въ этихъ республикахъ называются аристократы „первымъ гражданиномъ". Во всякомъ случаѣ онъ можетъ стать однимъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получить одну изъ высшихъ должностей. Изъ за этого отчего же и не рискнуть головой! Я думаю можно!

— А если эта голова для меня дороже всякихъ почестей и всякихъ богатствъ въ мірѣ?!

— Ну, тогда я не знаю какъ ты можешь помѣшать этому. Пожалуй, если тебѣ угодно, я припрячу письмо это, хоть разорви его,—твой взглядъ, пожалуй, допускаетъ и это—но чрезъ 14 дней явится изъ Дебречина другой комисаръ и передастъ ему тоже самое распоряженіе.

— Этихъ 14 дней для меня будетъ достаточно.

— Для чего?

— Чтобы привести въ дѣйствіе мой планъ.

— У тебя, развѣ, есть планъ?

— Я уже давно занята имъ. Именно, я боялась того, что случилось теперь. Какъ только Иллавай возвратится—мы обвѣнчаемся.

— Ты совсѣмъ рѣшила?

— Отецъ, вѣдь, ты-же не противился!

— Нѣтъ, напротивъ я вполнѣ сочувствую этому браку. Моимъ видамъ нисколько не противорѣчитъ твой союзъ съ человѣкомъ, который будетъ пользоваться громаднымъ вліяніемъ въ странѣ, если только восторжествуютъ венгры.

— А, понимаю,—по твоему, если венгры будутъ побѣждены, то его разстрѣляютъ и намъ ничто не помѣшаетъ заключить новый брачный союзъ, съ кѣмъ тогда будетъ выгоднѣе.

— Ну, ты говоришь такъ рѣзко... Впрочемъ конечно нѣчто въ этомъ родѣ...

— Нѣтъ, ничего въ этомъ родѣ не будетъ. Я въ этой войнѣ ничего не понимаю — это не мое дѣло. Они проливаютъ кровь за свободу? Къ чему-же кровь изъ-за свободы? Кому нужна эта свобода для того есть Швейцарія, Америка. Я возьму его съ собою и уѣду. Не отдамъ я кровь его этой свободѣ. И не надо умирать и убивать другихъ!

— Ты говоришь какія-то безразсудныя вещи. Съ такими сумасбродными намѣреніями ты разрушишь вѣковое зданіе, которое называется фамиліей графовъ Теметвени. Ты не понимаешь меня? Я дальновиднѣе, чѣмъ ты.

— О, напротивъ, хорошо понимаю. Бѣдная мать моя однажды объяснила что такое это гордое зданіе Теметвени. Я знаю, что оно нуждается въ новыхъ подпорахъ. А теперь, въ это демократическое время, гордая фамилія, хвастающаяся своими предками—воеводами, банами, князьями, маркграфами, должна позволить какому-то незначительному дворянину, „шляхтичу" бросить взглядъ свой на послѣдній женскій отпрыскъ свой! И правда, онъ можетъ подняться самъ высоко, можетъ сдѣлаться министромъ, магнатомъ. И тогда, при его помощи возвысится и окрѣпнетъ наше зданіе. Если-же онъ падетъ,— мы оттолкнемъ его, какъ ненужную вещь и пріищемъ себѣ другую подпору, въ рядахъ побѣдителей. Вѣрно-ли я поняла такъ?

— Совершенно.

— Ну такъ я желаю иного. Я хочу жить по своему, или лучше умру и откажусь отъ всего.

— Пустыя слова!

— Да, но слова совершенно ясныя. Одно изъ двухъ: или я выйду за этого человѣка, котораго самъ ты охотно принялъ-бы въ зятья, будь онъ богатъ и знатенъ, и раздѣлю судьбу его, или-же ты пошлешь меня назадъ въ монастырь.

— Другими словами: тебѣ все равно — что будетъ, что случится съ несущимся по волнамъ кораблемъ, корма котораго украшена гербомъ Теметвени. Хоть разбейся и потони онъ вмѣстѣ съ послѣднимъ штурманомъ. Ты заберешь съ корабля свое и съ единственнымъ оставшимся матросомъ отплывешь на ближайшій островъ. На деньги, которыя выручишь за брилліанты твоей матери, ты можешь купить себѣ небольшое имѣніе на Боденскомъ озерѣ, поселиться тамъ и жить, забывъ весь міръ, забывъ родной замокъ, отечество, родной народъ, отца!

— О нѣтъ, нѣтъ, дорогой! Никогда не оторвусь я отъ тебя, отъ родины! Не будетъ дня, въ который я не стала-бы молить Бога послать тебѣ долгую жизнь, а нашей бѣдной милой Венгріи лучшіе дни! Я буду любить васъ повсюду. Но ты, ты, значитъ, не любишь и не знаешь меня, если думаешь, что я жажду только эгоистическаго благополучія. Нѣтъ, меня ждетъ бѣдность. Я и его сдѣлаю нищимъ, потому что ему придется лишиться своего имѣнія, чтобы послѣдовать за мной. Мы будемъ жить трудомъ, тамъ, гдѣ трудъ не позоритъ людей. Брилліанты-же я оставляю тебѣ отецъ, оставляю дому Теметвени.

Графъ вскочилъ какъ ужаленный.

Фея горъ. Съ картины К. Дилица, грав. Кезебергъ и Эртель.

— Графиня Пальма! воскликнулъ онъ, — до сихъ поръ еще никто не позволялъ себѣ говорить мнѣ что-либо подобное! Вы ошибаетесь, если думаете, что Фердинандъ Теметвени позволитъ даже родной дочери оскорбить себя! Ужь не желаете-ли вы брилліантами вашей матери заплатить долги мои? Вотъ ключъ отъ шкатулки! Вы знаете, гдѣ она, возьмите ее сейчасъ-же, сейчасъ-же съ собой!

— Отецъ, отецъ!

— У меня есть еще и другое названіе. Я—попечитель вашъ. Вы—сирота. Брилліанты ваши были ввѣрены мнѣ на храненіе и, по закону, я обязанъ ихъ возвратить вамъ, при вашемъ выходѣ замужъ. Берите ихъ.

— Я не требовала ихъ.

— Но я, я требую этого! О—я еще не падалъ такъ глубоко. Какой-нибудь банкиръ, какой-нибудь банкрутъ сорветъ съ шеи своей жены и дочерей ожерелье, но графъ Теметвени не можетъ поступить такъ, прошу васъ взять что принадлежитъ вамъ.

— Отецъ, ради Бога, не огорчайтесь-же такъ, я, вовсе и не думаю оскорблять васъ.

— Но—вы сдѣлали это! Я не желаю болѣе имѣть въ своихъ рукахъ ваше состояніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, отецъ, прошу васъ!

— Я прошу... желаю... приказываю!

Онъ топнулъ ногой, той самой ногой, которую сегодня ушибъ и потому опрокинулся на подушки.

Пальма бросилась къ нему. Онъ крѣпко схватилъ дочь за локоть и, поднявшись съ своего мѣста, повелъ ее къ потайному шкафу въ стѣнѣ. Дверца была такъ устроена, что когда ее отворяли, то скрытый механизмъ дергалъ звонокъ, проведенный въ комнату дежурныхъ гайдуковъ, которые, въ этомъ случаѣ, были обязаны немедленно бѣжать въ спальню графа.

Теметвени быстро взялъ шкатулку, желая, чтобы спѣшившіе сюда люди не видѣли того, чего не должны были видѣть, и, отперевъ ее, подалъ графинѣ.

— Взгляните, все-ли?

Вдругъ лицо его помертвѣло, онъ издалъ нечеловѣческій крикъ — шкатулка была пуста...

XVII.
Поиски.

Пальму тоже охватилъ ужасъ. Но, она успѣла мгновенно овладѣть собой и бросивъ пустую шкатулку на прежнее мѣсто, захлопнула шкафъ.

Графъ продолжалъ стоять, ничего не понимая, почти ничего не чувствуя.

— Отецъ, опомнись, опомнись — домъ полонъ гостей! Садись, прошу тебя, сюда бѣгутъ люди.

Графъ прислонился къ столу. Онъ былъ не въ силахъ говорить и двигаться. Въ сосѣдней залѣ послышался шумъ шаговъ. По звонку бѣжали трое: Кузенъ, камердинеръ и гайдукъ. Графиня поспѣшила стать около дверей, чтобы никого не впустить въ комнату. Кузена она не удостоила и взглядомъ и обратившись къ камердинеру, сказала ему съ своей обычной улыбкой:

— Отецъ отдохнулъ и, чувствуетъ себя лучше и проситъ гостей устроить ему партію въ тарокъ въ игорной комнатѣ.

Люди удалились, успокоенные. Только Кузену показалось страннымъ, что графиня звонитъ въ этотъ звонокъ изъ-за такихъ пустяковъ. А графъ все еще безмолвно стоялъ у стола, но его блѣдно-желтому лицу было видно, что онъ какъ-бы старался уяснить себѣ что-то. Когда Пальма подошла, онъ произнесъ беззвучнымъ голосомъ:

— Ты можешь теперь подумать, что я продалъ ихъ?

Молодая дѣвушка обняла его, прижавшись къ нему съ дѣтскою нѣжностью.

— Неужели ты считаешь меня такой гадкой?

— Куда-же они дѣлись? Они—тамъ, они должны быть тамъ! Открой еще разъ шкатулку, можетъ быть я не хорошо видѣлъ. Погоди, погоди, — я вѣрно спряталъ ихъ въ какое-нибудь другое мѣсто. Да—теперь знаю? Я положилъ ихъ въ другую шкатулку, съ фамильными бумагами. Но нѣтъ! Я только хотѣлъ сдѣлать это, но не сдѣлалъ. И отчего-же я не спряталъ ихъ туда, если хотѣлъ? Но гдѣ-же, гдѣ-же они?

— Я думаю, они украдены.

— Кѣмъ?

— А твоими недавними гостями. Ты, вѣдь, держалъ у себя шайку разбойниковъ цѣлую недѣлю.

— Орелъ Криванскій? Но какъ могъ онъ добраться до секрета этого шкафа, откуда могъ получить мой ключъ?

— Разузнаемъ все это. А теперь успокойся только—мы свои брилліанты получимъ назадъ.

— Да кто-же намъ вернетъ ихъ?

— Мой неуклюжій женихъ. Я увѣрена, я нисколько не сомнѣваюсь, онъ найдетъ. А теперь — соберись съ духомъ, гости уже идутъ, выходи къ нимъ.

— Ну какъ ты хочешь, чтобъ я игралъ, когда у меня голова кругомъ идетъ.

— Я буду стоять за тобой и помогу. Никто не долженъ замѣтить, что съ нами произошло что-то.

На другой день пріѣхалъ Иллаваи. Онъ прямо поспѣшилъ къ графу; туда-же, узнавъ о пріѣздѣ его, пришла и Пальма. Магнатъ не успѣлъ еще сообщить окружному судьѣ о происшедшемъ. Онъ спросилъ его о результатѣ поѣздки.

— Успѣха еще нѣтъ никакого. Но дѣло моего племянника отложено до того времени, когда правительство окончательно утвердится въ Буда-Пештѣ. Это нѣсколько уменьшаетъ опасное положеніе Корнеля.

— Ну, за то у насъ совсѣмъ не хорошо, вставила Пальма, наши брилліанты украдены.

Они обмѣнялись долгимъ взглядомъ.

— Вмѣстѣ съ шкатулкой? спросилъ Иллаваи.

— Нѣтъ, шкатулку оставили на мѣстѣ.

— Это дѣло банды Орла Криванскаго? спросилъ онъ.

— Откуда могъ онъ узнать, гдѣ находились брилліанты, кромѣ насъ съ дочерью никто не зналъ, гдѣ они были спрятаны.

— Можетъ быть о томъ знаетъ еще кто-нибудь?

— Вы, намекаете на Кузена? Это невозможно! Онъ такъ преданъ мнѣ, что я довѣрю ему мою жизнь. Человѣкъ уже испытанный вполнѣ. Подумайте, когда въ Вѣнѣ произошелъ бунтъ, все сломя голову побѣжало и бросило домъ на произволъ судьбы, я довѣрилъ ему мою кассу и какъ вернулся нашелъ все въ совершенной цѣлости.

— Еще-бы, подумалъ про себя Францъ, бунтовщики-пролетаріи поставили около твоей кассы свою собственную стражу, для того, чтобы не забрался въ нее какой-нибудь воръ и не свалили-бы, потомъ, на нихъ.

— И если-бы онъ помогъ разбойникамъ этимъ украсть брилліанты съ какой-же стати ему оставаться здѣсь, а не послѣдовать за ними, чтобы получить свою долю?

На этотъ доводъ у Иллаваи тоже было возраженіе, но онъ опять промолчалъ.

— Знаетъ онъ, что пропажа брилліантовъ открыта?

— Нѣтъ.

— Такъ я попрошу васъ, графъ, ничего ему не говорить.

— Развѣ вы хотите отправиться на поиски за брилліантами?

— Да,—если вы желаете мнѣ поручить это. Брилліанты—не золото и не серебро—ихъ нельзя перелить. Кромѣ того, у васъ вѣроятно есть списокъ и я надѣюсь, при помощи этого списка, розыскать ихъ.

— Вы беретесь за очень трудную задачу.

— Я нѣсколько изучилъ полицейскую часть въ Англіи, Франціи и Германіи и теперь приложу къ дѣлу мои познанія. Тотъ, кто укралъ такіе цѣнные брилліанты, тотъ не остался съ нимъ въ Венгріи, гдѣ сбыть ему ихъ было-бы очень трудно. Въ Вѣну онъ тоже не поѣхалъ, такъ какъ тамъ теперь аристократіи нѣтъ, онъ не повезъ добычу свою и въ Парижъ, гдѣ въ настоящую минуту происходятъ волненія рабочихъ. Воръ направился въ Англію, о чемъ я навѣрное узнаю въ Гамбургѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ нѣмецкомъ портовомъ городѣ. Найди я только малѣйшій слѣдъ и доберусь до всего. Очень можетъ быть, что придется ѣхать и въ Америку, если воры догадаются, что гонятся за ними. Поэтому, графъ, я и прошу васъ держать все въ тайнѣ.

Графъ и дочь взглянули другъ на друга.

— Но, въ такомъ случаѣ, отсутствіе ваше затянется на долго. И какъ вы выберетесь изъ Венгріи—теперь это очень затруднительно, сказалъ магнатъ,—не желаете-ли, я дамъ вамъ письмо къ министру?

— Нѣтъ, потому что если мнѣ дадутъ паспортъ, то, вѣроятно, спросятъ о цѣли моей поѣздки и тогда я былъ-бы окруженъ шпіонами. У меня есть лучшее средство.

— Какое-же? спросила Пальма.

Иллаваи не отвѣчалъ.

— Тайна—лучшее условіе успѣха, неохотно промолвилъ онъ.

Графъ былъ въ нерѣшительности, барабаня пальцами по столу, въ которомъ находилось предписаніе правительства, онъ не зналъ, что дѣлать: послать-ли его въ дальній путь на поиски за фамильными драгоцѣнностями Теметвени, или—отдать ему оффиціальную бумагу, при одномъ взглядѣ на которую этотъ человѣкъ забылъ-бы обо всѣхъ брилліантахъ на свѣтѣ, для одной только драгоцѣнности, называющейся отечествомъ?

Послѣ нѣкотораго колебанія, магнатъ выбралъ первое, и передалъ ему довѣренность и списки брилліантовъ. О наградѣ нечего было говорить: ему принадлежали-же ужъ и „Стелла", и та, которая носила ее на рукѣ.

Пальма поспѣшила за нимъ, когда онъ вышелъ отъ графа.

— Вы мнѣ еще не отвѣчали на мой вопросъ—какимъ образомъ вы выберетесь изъ Венгріи. Я ни подъ какимъ видомъ и ни за какіе брилліанты въ мірѣ не хочу, чтобы вы рисковали жизнью. Теперь опасно переѣзжать границу.

— У меня есть англійскій паспортъ и я могу путешествовать съ полнѣйшею безопасностью.

— Увижу-ли я васъ передъ отъѣздомъ? Вы еще зайдете къ намъ хоть на одну минуту?

— Невозможно.

Францу приходилось загримироваться, передѣлать свою физіономію на новый ладъ и ему не хотѣлось и показываться своей невѣстѣ въ такомъ видѣ.

Охотно бросилась-бы она на шею къ нему, но—на нихъ смотрѣло слишкомъ много глазъ.

— Ну, поѣзжай и да хранитъ тебя Богъ, съ волненіемъ, въ

полъ-голоса произнесла молодая дѣвушка, въ глазахъ которой сверкнули крупныя слезы.

— Довольна-ли ты мной? спросилъ ее графъ, когда она возвратилась въ кабинетъ. Теперь онъ не будетъ ни коммисаромъ, ни министромъ, за то и не будетъ разстрѣлянъ. Пока онъ найдетъ наши брилліанты, игра уже будетъ сыграна.

— А если онъ не найдетъ эти брилліанты, то возвратитъ мнѣ самую большую драгоцѣнность—самого себя.

Слова эти вырвались изъ самой глубины души графини Пальмы, этой очаровательной статуи Гарговарскаго замка. Она поспѣшила къ окну одной изъ башень и оттуда долго смотрѣла вслѣдъ отъѣзжающему....

Иллаваи сбрилъ усы, загримировался и переодѣлся.

Въ Англіи и Америкѣ мало кто носитъ усы.

Кругомъ лица борода а на верхней губѣ—ничего: съ эдакой физіономіей человѣкъ въ Америкѣ называется янки, въ Африкѣ обезьяной, а у насъ, въ Венгріи—и тѣмъ, и другимъ вмѣстѣ.

Когда Пальма и Францъ разстались, оба усиленно принялись писать письма другъ другу, онъ—изъ всѣхъ странъ свѣта, она во всѣ страны свѣта. Графиня передавала обо всѣхъ перипетіяхъ борьбы венгерцевъ съ Австріей, а Иллаваи сообщалъ, какъ пріѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ тотчасъ же и открылъ кое-что, какъ, по горячимъ слѣдамъ отправился въ Лондонъ и тутъ, при помощи искусныхъ сыщиковъ англійской полиціи, нашелъ часть брилліантовъ, которые отдалъ въ Австрійское посольство, но не доставало еще самыхъ лучшихъ украшеній: ожерелья изъ солитеровъ, стоимостью въ 100 тысячъ гульденовъ и старинннѣйшей фамильной діадемы, составленной изъ 100 брилліантовъ. Этихъ вещей воры еще не обнаружили въ Лондонѣ. По примѣтамъ—укравшій былъ никто иной, какъ Бараничъ, разыгрывавшій роль отряднаго капеллана при бандѣ Криванскаго. Узнавъ что брилліанты уже ищутъ онъ прекратилъ ихъ продажу, перемѣнилъ „лицо" и имя и уплылъ съ первымъ пароходомъ въ Америку. Францъ, однако, не удовольствовался достигнутымъ имъ до сихъ поръ успѣхомъ, и продолжалъ свое дѣло съ увлеченіемъ, со страстью. Онъ добылъ уже три пятыхъ украденнаго полумилліона, добудетъ и остальные двѣ пятыхъ,—тутъ заинтересована честь Пальмы! Она такъ сказала! Съ слѣдующимъ же пароходомъ Иллаваи плылъ вслѣдъ за Бараничемъ въ Новый Свѣтъ, а съ нимъ вмѣстѣ одинъ изъ лучшихъ англійскихъ сыщиковъ и имъ удалось быстро найдти Баранича въ Нью-Іоркѣ. Но его арестовать оказалось чрезвычайно трудно и даже невозможно. Бараничъ сумѣлъ воспользоваться несообразностями американскаго законодательства. Придавъ всей исторіи характеръ политическаго преслѣдованія, Бараничъ поручилъ свое дѣло ловкому адвокату, который и отстоялъ его. Пришлось идти на мировую. Бараничъ, получивъ условленную сумму, поступилъ съ „добросовѣстностью", превзошедшей всякія ожиданія: онъ не только возвратилъ ожерелье изъ солитеровъ, но и открылъ мѣсто, гдѣ находилась послѣдняя недостававшая вещь—діадема. То было странное открытіе, удивившее Иллаваи! Діадема не была вывезена изъ Венгріи, она тамъ и теперь припрятана. Онъ разсказалъ Францу гдѣ и какъ найдти ее. Человѣкъ, въ рукахъ котораго она была—хорошій знакомый окружнаго судьи! Какъ могъ онъ такъ глубоко ошибаться въ немъ? Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить Бараничу, но тотъ передалъ ему такія подробности, что пришлось повѣрить.

Да, то было странное открытіе.

На границѣ между Венгріей и Австріей существовала совершенно правильная воровская организація, гнѣздившаяся въ деревнѣ Церена, гдѣ, поголовно, до единаго, всѣ жители, были или воры, или укрыватели. Въ этой маленькой деревенькѣ, спокойно ютившейся у подножія Бѣлыхъ Карпатовъ, сходились, какъ въ узлѣ, всѣ нити воровскихъ дѣлъ и предпріятій, совершавшихся въ средней Европѣ. Сюда же стекались, давно разыскивавшіеся полиціей знаменитѣйшіе мошенники, „уединявшіеся" въ „своемъ тихомъ уголку", чтобы отдохнуть въ пріятной компаніи и составлять планы новыхъ кражъ. Когда же „предпріятіе" удалось и если похищенныя драгоцѣнности не могли быть немедленно превращены въ деньги, онѣ доставлялись въ Церену. Кому же пришло бы въ голову искать ихъ тамъ? Отсюда же онѣ, маленькими частями, и съ большими предосторожностями, переправлялись на такіе рынки, гдѣ можно было продавать ихъ уже совершенно безопасно. Едвали во всемъ мірѣ найдется банкирскій или торговый домъ, который обладалъ-бы болѣе обширнымъ рынкомъ, нежели воровская шайка деревеньки Церены.

Покончивъ съ Бараничемъ, Иллаваи собрался въ путь. Ему было пора узнать—что происходитъ въ его округѣ, въ его родномъ комитатѣ. Правда и то, что сдѣланное имъ открытіе одно уже стоило путешествія.

Это была настоящая cause célèbre, но которая тогда прошла только оттого малозамѣченною, что въ то время вниманіе всѣхъ было отвлечено болѣе значительными, болѣе крупными событіями. Объ этихъ событіяхъ, однако, Иллаваи не зналъ ничего. Надо вспомнить, что тогда еще кабель не соединялъ, какъ теперь старый и новый свѣтъ и путешественникъ, находившійся въ Америкѣ, долго оставался въ неизвѣстности относительно всего, происходившаго подъ его ногами, у антиподовъ, въ другомъ полушаріи: изъ Европы газета шла въ Америку не менѣе шести недѣль.

Письма Пальмы, изъ которыхъ онъ могъ узнать все достовѣрно, не доходили до него. Онѣ, вѣроятно, затерялись гдѣнибудь, въ Вѣнскомъ „черномъ кабинетѣ", гдѣ распечатывались письма и даже можетъ быть встрѣтились тамъ съ письмами Франца.

Въ Тріестъ Францъ прибылъ уже осенью, уѣхалъ же онъ еще весной. Вернулся онъ все тѣмъ же янки-гориллой, но—за то въ его сакъ-вояжѣ находились четыре пятыхъ брилліантовъ Пальмы и онъ зналъ, гдѣ найдетъ остальную пятую. Въ Тріестѣ онъ ни съ кѣмъ не обмолвился ни словечкомъ, не взялъ въ руки ни одной газеты. Онъ былъ переполненъ одною мыслію, однимъ желаніемъ—скорѣе въ Церену!

Иллаваи былъ хорошо извѣстенъ въ каждой деревенькѣ на всемъ пути. Изъ Тріеста до Вѣны онъ мчался на почтовыхъ день и ночь, нигдѣ не останавливаясь. Въ Вѣнѣ онъ пробылъ ровно столько, сколько ему надо было, чтобы получить назадъ свой паспортъ; пока соблюдалась формальность, онъ не выходилъ изъ гостинницы, такъ какъ ему невозможно было стеречь брилліанты, которыхъ онъ ни за что не хотѣлъ довѣрить никому. А это, въ свою очередь, повело къ тому, что никого не видя, ни съ кѣмъ не разговаривая, онъ не могъ узнать никакихъ новостей, да и не старался справляться о нихъ. Францъ остановился въ гостинницѣ „Краснаго Быка", гдѣ всегда можно было найдти обратныхъ вozчиковъ изъ венгерскихъ словаковъ. Себѣ онъ нанялъ крытую полотнянымъ навѣсомъ и запряженную четверкой кибитку одного изъ такихъ своихъ земляковъ и выѣхалъ изъ столицы рано утромъ, можно сказать порядкомъ и не видавъ ея.

Въ ближайшей деревнѣ, за венгерской границей, ямщикъ перемѣнилъ лошадей. Такъ пошло и дальше—на каждой станціи мѣнялись ямщики и лошади.

Уже первый словакъ, везшій Иллаваи, узналъ его, несмотря на гримировку, и на станціи, пока перемѣняли лошадей, слегка толкнулъ его локтемъ и многозначительно подмигнулъ. Иллаваи призналъ земляка—это былъ одинъ изъ героевъ, помогавшихъ ему въ прошломъ году противъ банды Криванскаго. Онъ вышелъ за нимъ во дворъ.

Здѣсь крестьянинъ въ полъ-голоса быстро проговорилъ:

— Мы готовы... Только свистните... Долго мы ждали васъ... Мы вамъ послужимъ... Какъ кликните: „ребята! выходи!" мы сейчасъ...

Иллаваи не разслышалъ бормотанья ямщика и совсѣмъ не понялъ его. Ему показалось, что тотъ па-веселѣ. Онъ вскорѣ сѣлъ въ кибитку и поѣхалъ дальше. По мужичекъ опередилъ его, отправившись ближайшей дорогой черезъ горы. Колесъ ему не надо было подвязывать при спускахъ, такъ какъ онъ шелъ пѣшкомъ.

Когда Францъ подъѣхалъ къ слѣдующей станціи—то увидѣлъ 5 или 6 мужиковъ, собравшихся въ кучку у трактира: при видѣ его словаки сняли шляпы и отвѣсили низкій поклонъ, а затѣмъ немедленно подошли къ нему и, точно такъ-же таинственно забормотали:

— Мы ужъ готовы... всѣ готовы... и ружья припасены...

Опять онъ ничего не понялъ.

На третьей станціи, откуда большая дорога ведетъ въ Гарговаръ, а боковая спускается чрезъ глубокую лощину Карватовъ, въ Церену, онъ встрѣтилъ уже болѣе многочисленное сборище, среди котораго было и нѣсколько старшинъ изъ деревень его округа. Съ ними ему уже нечего было скрываться. Но мужики не торопились показать ему, что узнали его.

— Навло, обратился Иллаваи къ старшему изъ нихъ, не болтайте, что видѣли меня тутъ.

— Зачѣмъ болтать объ этомъ, пане, мы тоже вѣдь понимаемъ...

— Мнѣ надо здѣсь одно дѣло важное справить, такъ необходимо, чтобы поменьше толковали...

— Да мы ужъ знаемъ. Никому не скажемъ.

— Дѣло-то очень важное.

— Знаемъ, понимаемъ. Всѣ соберемся туда.

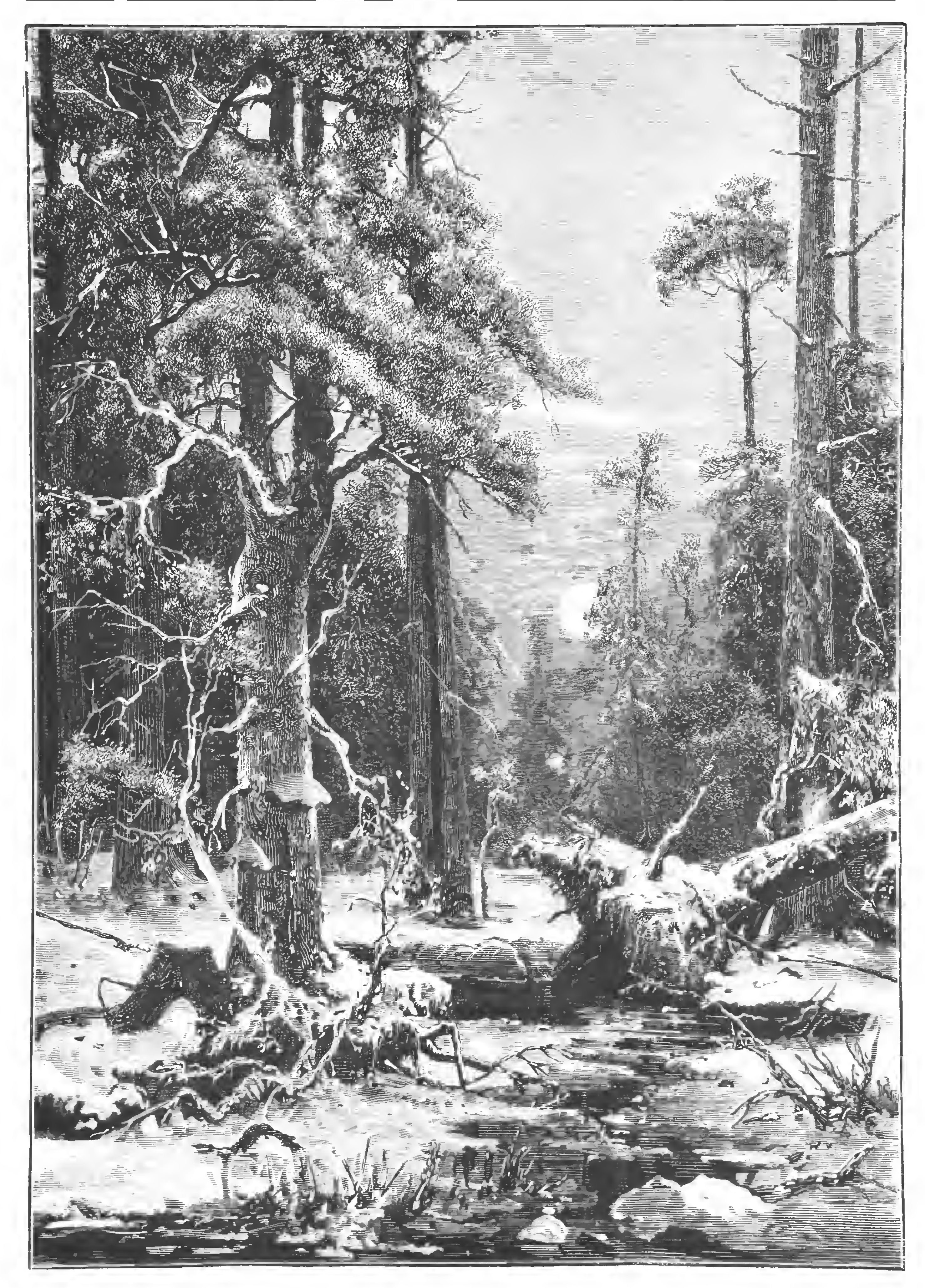
И они тотчасъ разошлись въ разныя стороны.

Иллаваи продолжалъ не понимать, онъ не догадывался *кого* они видѣли въ немъ.

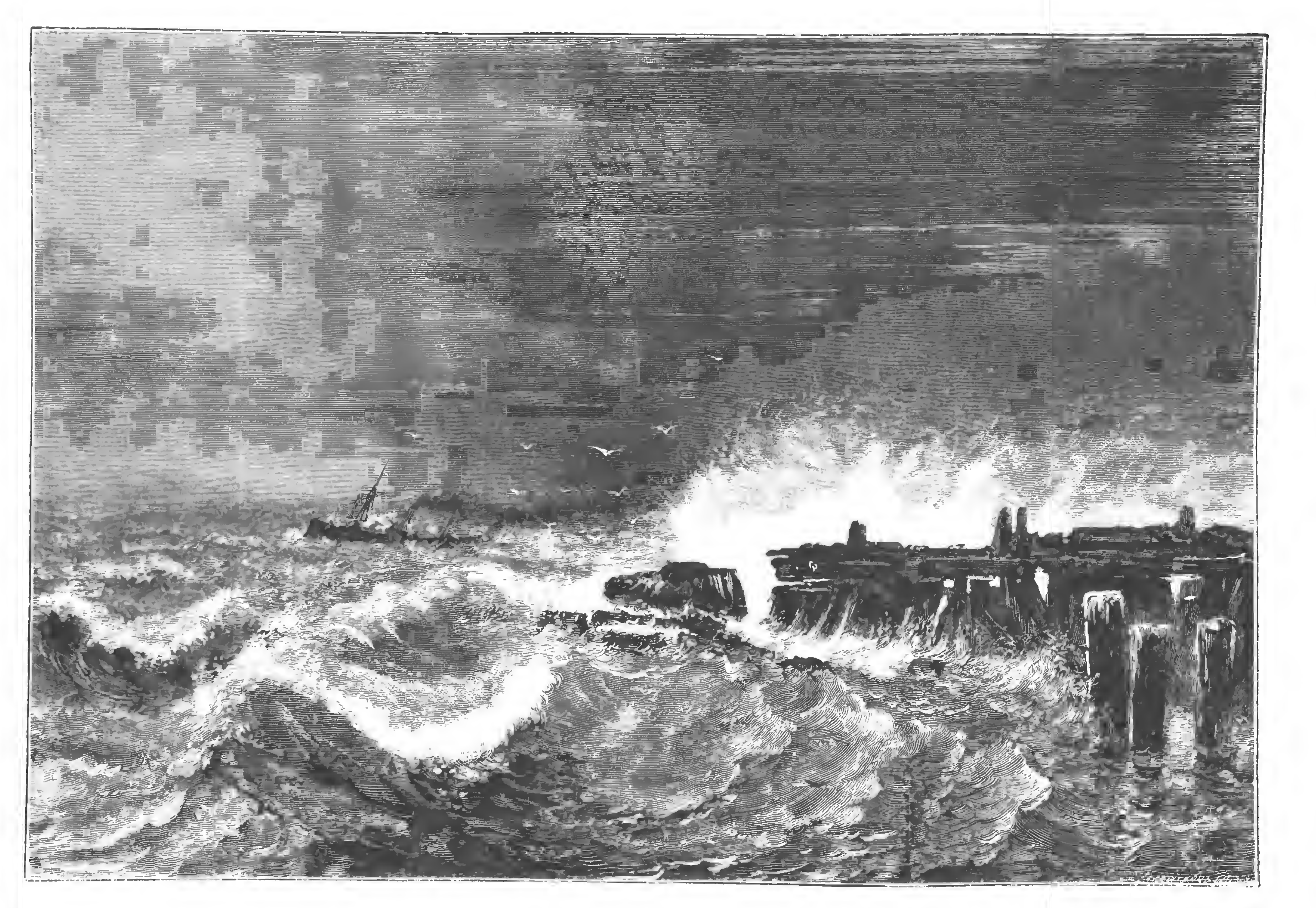
Была уже поздняя осень. Деревья съ оголенными вѣтвями и облетѣвшими листьями грустно качались по вѣтру.

Добрые деревенскіе простаки были убѣждены, что Иллаваи возвратился изъ-за границы, чтобы организовать народное возстаніе и какъ-бы ни увѣряли ихъ, что все уже кончено—„они знали лучше!..." Теперь въ помощь идетъ англичанинъ, французъ, турокъ уже подходитъ, и всѣ вмѣстѣ ударятъ на враговъ. Теперь только начнется настоящее дѣло а то до сихъ поръ были одни пустяки. Вотъ отчего панъ судья и усы сбрилъ себѣ.

По всѣмъ проселкамъ его встрѣчали съ одинаковою таинственностью, съ одинаковыми пріемами какихъ-то заговорщиковъ, причемъ предосторожности, которыя онъ принималъ, его гримировка, переодѣваніе—все это какъ разъ совпадало съ быстро распространившимися въ народѣ предположеніями. Даже и деньги, которыми онъ платилъ—то были франки—указывали.



Выставка картинъ Ю. Клевера и Р. Судковскаго. „Лѣсная глушь“.
Картина Ю. Клевера, съ фотогр. грав. М. Рашевскій.



Выставка картинъ Ю. Клевера и Р. Судковскаго. „Буря на морѣ“.
Картина Судковскаго, съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

съ положительною достовѣрностью, что французы тутъ помогають!

А у Франца, между тѣмъ, была одна забота—какъ-бы не улизнулъ куда-нибудь укрыватель діадемы.

Но, кто могъ ожидать подобнаго поступка отъ этаго человѣка?

XVIII.
Рокомоцеръ.

Дорога въ Церену идетъ густыми лѣсами, въ которыхъ, тамъ и сямъ, разбросаны хижины угольщиковъ; въ верхней части горнаго потока шумятъ колесами мельницы. И какое ихъ тутъ множество! Поневолѣ спрашиваешь себя—на что ихъ столько, потому что эта сторона небогата пахатной землей. Дома деревни бѣдны и грязны и почти нѣтъ слѣда садика или огорода ни при одномъ изъ нихъ.

Иллаваи слѣзъ съ телѣги, и взявъ подъ мышку мѣшечекъ съ бриллiантами въ одну руку—а въ другую отличный американскій кастетъ, направился прямо къ дому своего знакомаго—еврея Рокомоцера!

Францъ, съ своей длинной бородой, въ шапкѣ, долгополомъ кафтанѣ особаго покроя и высокихъ сапогахъ, изъ-за голенищъ которыхъ виднѣлись длинные чулки—былъ нѣсколько похожъ на еврея, такъ что, въ первую минуту, когда онъ вошелъ къ Рокомоцеру и остановился передъ нимъ, тотъ было не узналъ его и поздоровался на жидовскомъ діалектѣ.

— Здравствуйте, отвѣчалъ Иллаваи на томъ-же нарѣчіи — развѣ вы не узнаете меня, Рокомоцеръ?

Тотъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Чего-же вы такъ испугались? Мы вѣдь кажется старые знакомые.

Еврей успѣлъ уже собраться съ духомъ.

— И какъ-же не испугаться мнѣ, если я вижу васъ собственными моими глазами? А испугался я не за себя, а и за васъ-же.

— Почему-же изъ за меня?

— Вы, господинъ Иллаваи, были заграницей, всѣ говорятъ это.

— Да — былъ.

— И всѣ ждутъ васъ, какъ евреи Мессію, ждутъ васъ изъ Англіи съ извѣстіемъ, рѣшено-ли возстаніе начинать вновь! Какъ-же мнѣ было не испугаться, коли я вижу васъ здѣсь переодѣтымъ жидомъ? Вонъ у васъ и усовъ нѣтъ.

— Ну, въ этомъ всѣ ошибаются а въ особенности вы. Быть-то я заграницей былъ, да не за политическими дѣлами а просто гонялся за воровской шайкой, которая украла разныя бриллiантовыя вещи въ гарговарскомъ замкѣ. Я доѣхалъ до самой Америки.

— До Америки — да это, пожалуй, въ другомъ ужъ свѣтѣ?

— Знавали-ли вы одного человѣка, по имени Бараничъ?

Рокомоцеръ взглянулъ своими воспаленными, красноватыми глазами, въ верхъ, на потолокъ, потомъ куда-то въ сторону и развелъ руками.

— Какъ? Бераникъ?

— Нѣтъ, нѣтъ — Бараничъ.

— Бераника и Коравина я знаю, и то только по имени, по наслышкѣ, а о Бараничѣ никогда даже не слыхивалъ.

— Онъ — одинъ изъ главныхъ похитителей бриллiантовъ.

— Ого! Должно быть, ловкій мошенникъ!

— Да, только какъ ни ловокъ, а все-же нашли таки мы его.

— А, поздравляю васъ съ такимъ успѣхомъ, ну, и что-же, повѣсили?

— Нѣтъ еще—этого не сдѣлали: чтобы спасти себя, онъ признался во всемъ.

— Вотъ и прекрасно.

— Ничего особенно прекраснаго нѣтъ. Всѣ бриллiанты найдены, не достаетъ только одной діадемы.

— Діадема? что это такое значитъ — діадема?

— Остальные бриллiанты всѣ тутъ, со мной.

Иллаваи началъ выкладывать что-то на столъ изъ своего сакъвояжа.

— Вей, господинъ Иллаваи, не выкладывайте, пожалуйста, брильянты тутъ! Еще какой-нибудь закатится куда въ щель и я тогда буду пропащій человѣкъ.

— Что вы такъ встревожились? Я вовсе не бриллiанты хочу показать вамъ, а одну вещицу — вотъ эту.

— Что это такое!! Ай, вай, пистолетъ!!

— Пистолетъ, изъ котораго можно выстрѣлить подъ рядъ шесть разъ; это одно новое американское изобрѣтеніе.

— Ай вай-вай,—пожалуй и теперь онъ вдругъ начнетъ палить.

— Не бойтесь, самъ собой не будетъ онъ палить. Вы на него посмотрите хорошенько а потомъ отвѣтьте — правду-ли этотъ Бараничъ сказалъ, что діадема спрятана у васъ.

Рокомоцеръ захохоталъ и затрясъ головой, колотя себя почему-то въ грудь, но на лбу и на вискахъ у него выступили капли холоднаго пота!

— Боже ты мой! Эта бриллiантовая-то вещь, о которой вы говорили только что? И у меня? у меня? да все мое и богатство-то вся моя торговля тряпье да ветошки, а изъ бриллiантовъ-то я и видѣлъ во всю мою жизнь развѣ алмазъ у стекольщика.

— Эта вещь спрятана у васъ въ кухонной печи, подъ глиняной настилкой.

Смѣющееся лицо внезапно побѣлѣло какъ мѣлъ: хитрые глаза блеснули опаснымъ огонькомъ.

— Надо только снять слой глины, продолжалъ спокойно Францъ, подъ нею находится четырехугольный камень, имъ-то и прикрыта діадема, которую рѣшено разнять по частямъ, чтобы продать какъ только настанетъ удобное время.

Еврей глубоко вздохнулъ, лицо его приняло печальное выраженіе.

— Неужели, господинъ Иллаваи, вы можете повѣрить подобной вещи обо мнѣ? Развѣ Рокомоцеръ такой человѣкъ? Вѣдь вы сами, добрый господинъ мой, сколько разъ со мной посылали деньги въ городъ и не брали отъ меня никакой росписки! И всегда говорили вы: Рокомоцеру я вѣрю. Можете-ли меня, бѣднаго человѣка, такъ обидѣть? Я, вѣдь, признаться, знаю хорошо этого Баранича. Мошенникъ онъ, воръ! А я не хотѣлъ водить компанію съ нимъ, вотъ онъ и хочетъ навлечь бѣду на меня. Вы говорите: въ моей кухонной печи!

— Да, вѣдь, мы можемъ сейчасъ-же и удостовѣриться. Стоитъ только снять глину и приподнять камень. Если діадемы тамъ нѣтъ, значитъ онъ меня обманулъ и ты правъ. Ну, такъ, пойдемъ, да и сдѣлаемъ все поскорѣе, чтобы уже покончить съ этимъ.

— Теперь это невозможно, господинъ судья. Печь полна мацами, которыя мы готовимъ къ празднику. Нельзя открыть.

— Ну, это неправда, мацы вы не печете въ это время, да и праздниковъ нѣтъ теперь у васъ. Открывай-ка печь.

— Какъ это вы изволите говорить: приказываете, чтобы я открылъ?

— Приказываю!

— Вы изволите приказывать? А не знаете еще, что уже приказывать больше не можете? Вѣдь ваша милость — больше не судья! Видно, видно, что вы только что изъ Америки пріѣхали и ничего-то не знаете. Старые порядки кончились. Нѣтъ больше ни оберъ-гешпана, ни окружныхъ судей, ни пандуровъ. Вмѣсто оберъ-гешпана у насъ теперь „окружный комисаръ“, и это — его сіятельство графъ Теметвени; вмѣсто окружнаго судьи— уѣздный комисаръ назначенъ, какой-то дворянинъ изъ Чехіи: а пандуровъ замѣнили жандармы. Да, теперь не вы уже изволите отдавать приказанія здѣсь!

— Ну, коли такъ, то бѣда не для меня, Рокомоцеръ, а для васъ. Послушайте-ка меня хорошенько. Американскія судебныя власти не остановились только на томъ, что помогли мнѣ довести вора до сознанія, но еще и сообщили, офиціальнымъ порядкомъ, обо всемъ австрійскому правительству. Нашъ общій пріятель, Бараничъ не только указалъ мѣсто, гдѣ спрятана діадема, но разсказывалъ кое-что еще—такія вещи, что и австрійская полиція пожалуетъ сюда или сегодня-же ночью, или, самое позднее, завтра рано утромъ, да и не одна, а съ вооруженною помощью. Пошаритъ она въ каждомъ домѣ, даже въ тряпкѣ, въ вѣтошкахъ, уложенныхъ уже въ мѣшки для отправленія! Доносъ сдѣланъ на всю шайку вашу. Я-же не дождался прибытія жандармовъ въ Церену а пріѣхалъ раньше ихъ, потому, что, обыкновенно, когда полиція собирается въ Церену, то ваши шпіоны предупреждаютъ васъ заранѣе. Конечно — у васъ концы въ воду и ничего не найдти тогда. Поэтому я желалъ воспрепятствовать. Я останусь здѣсь и не тронусь до той минуты, пока не явятся жандармы. Вы будете сидѣть вонъ тамъ, за другимъ концомъ стола, противъ меня. Если вы только шелохнетесь, или какимъ-нибудь крикомъ подадите знакъ — я застрѣлю васъ наповалъ. Будемте-же спокойно сидѣть и ждать жандармовъ если вамъ угодно.

(До слѣд. №).

Варвара Капитановичъ.

Разсказъ **Ф. Огулича.**

(Изъ быта Хорватовъ).

Варвара Капитановичъ слыла первой красавицей въ Загорьи, хотя и не была изъ тѣхъ, у которыхъ только и дѣла, что глядѣться въ зеркало, да холить свои руки; была она простая крестьянка, привычная къ простой жизни и труду, но крестьянка богатая, умѣла она и сама прифрантиться и принарядиться. Не хуже любой актрисы бѣлилась и румянилась, и выводила себѣ брови, но это такой обычай въ нашей странѣ, перешелъ онъ къ намъ отъ близкихъ сосѣдей—турокъ, а обычая, вѣдь, не передѣлаешь. Но Варвара вовсе и не нуждалась въ этихъ прикрасахъ. Она была такъ хороша, что когда, бывало, въ Воскресенье, идетъ къ обѣднѣ въ своемъ праздничномъ нарядѣ—въ бѣлоснѣжной, вышитой шелками рубахѣ, короткой разноцвѣтной юбочкѣ, съ мѣховой кофточкой за плечами и монистами изъ кораллов и дукатовъ на своей лебединой шеѣ— то солнце уже непремѣнно разгонитъ всѣ облака и тучки на своемъ пути и выглянетъ, чтобы только полюбоваться на кра-

савицу, а потомъ сейчасъ же и спрячется, какъ только та исчезнетъ за массивной высокой дверью храма.

У ея мужа, богача Станки Капитановича, въ головѣ было столько же толку сколько и у турки, что намалеванъ на вывѣскѣ табачной лавочки. Отъ женщины ужь этого не скроешь — сейчасъ же подмѣтитъ, а Варвара была преумная бабенка. Она управляла имъ такъ, что онъ ничего не замѣчалъ. Все было въ ея рукахъ, въ ея полномъ распоряженіи и домъ, и хозяйство, и работники, но она этимъ нисколько не гордилась, носу не задирала, а со всякимъ была привѣтлива.

Загорянки тоже не промахъ, тоже умѣютъ и глазкомъ поиграть, умѣютъ и поболтать, съ ними можно весело время провести. Но у Варвары Капитановичъ къ этому охоты не было, мужа своего она ни за что бы не обидѣла. Пока онъ былъ живъ никого она не подарила взглядомъ а когда его похоронила — ровно изо дня въ день, цѣлый годъ справляла трауръ по немъ, какъ слѣдовало достаточной вдовѣ.

Въ новыхъ женихахъ недостатку не было, да Варвара и близко къ себѣ не подпускала, „не хочу себѣ больше господина имѣть" отвѣчала красавица, когда сосѣдки уговаривали выдти за того, или за другаго. По прежнему продолжала она хозяйничать, слѣдить за порядкомъ въ домѣ, въ садикѣ, пшеницу сѣять и вино на погребѣ холодить. Такъ на томъ все и стало.

Тѣмъ временемъ, зимой, день тянулся за днемъ, одинъ какъ другой; дѣла было меньше и чаще собирались у очага, подолгу засиживались и много разсказывалось разныхъ исторій; такъ и развлекались. Всего больше разговоровъ шло объ удаломъ разбойникѣ Данилѣ Господичѣ, который о ту пору доставлялъ не мало развлеченія народу въ Хорватіи.

Смѣлый онъ былъ, какъ самъ сатана и не менѣе его остеръ, и ловокъ. Сегодня, бывало, придетъ ему въ голову шутку пошутить съ жидомъ онъ и вольетъ ему растопленной смолы въ горло, завтра—ятаганомъ распоретъ животъ кому, обрѣжетъ уши и носъ купцу, да такъ и пуститъ; однажды—это было зимой — Варвара Капитановичъ сидѣла, не въ духѣ, за верстеномъ у своего очага, какъ вдругъ въ комнату вбѣжала ея служанка Милада, съ извѣстіемъ, что Господичъ пойманъ и что ужь завтра же и будутъ его вѣшать. Молодое прелестное лицо дѣвушки такъ и свѣтилось радостью, и сама Милада была не мало довольна. Въ тѣ времена казнь была праздникомъ народнымъ, да кромѣ того, въ городкѣ тогда же шла ярмарка, такъ вотъ и сразу оказалось два развлеченія, вмѣсто одного.

Народъ, населяющій эту узкую полосу между Венгріей и Турціей, и жившій въ ежедневной борьбѣ съ турками, которые его грабили и къ которымъ онъ самъ хаживалъ на грабежъ,—народъ этотъ, съ теченіемъ столѣтій, загрубѣлъ, лица хорватовъ стали какъ желѣзныя, а сердца ровно мѣдныя. Для нихъ смерть была ничто, они проливали кровь какъ красное вино, причемъ, надо замѣтить, виномъ дорожили гораздо больше.

Обѣ женщины встали на другой день ранымъ ранешенько, такъ рано, что еще звѣзды стояли въ небѣ, обѣ разодѣлись какъ на праздникъ, надѣли свои большія бараньи шубы, сѣли въ маленькія сани и поѣхали въ городокъ. Варвара сама правила лошадками, которыя были такія кругленькія, чистенькія и блестящія, что похоже было, будто красавица-вдова запрягла солнце и луну, а не коней.

Вокругъ царствовалъ таинственный полумракъ, между небомъ и землею лежалъ какой-то сѣроватый пластъ, точно какое-то безформенное чудовище, волной ходившее изъ стороны въ сторону. Все больше, и больше разгоралась свѣтлая полоса на восточномъ краѣ неба, на снѣгу былъ точно кровавый отблескъ. Откуда-то появилась небольшая стая вороновъ, нѣсколько минутъ они кружились около саней и провожали ихъ до тѣхъ поръ пока на небольшомъ холмѣ не показались городскія башни и вблизи ихъ—башенная висѣлица. При видѣ ея, они весело закаркали, усѣлись на нее и принялись чистить носы о свои блестѣвшія какъ сталь перья. Имъ тоже предстоялъ пиръ.

Казнь имѣла произойдти незадолго до солнечнаго заката, вѣроятно для того, чтобы дать собравшейся на ярмарку толпѣ возможность побольше времени позабавиться и повеселиться. Послѣ того что каждый сдѣлаетъ всѣ необходимыя закупки, осмотритъ восковыя фигуры, налюбуется всласть и танцующими медвѣдями, и обезьянами, галопирующими на пуделяхъ, и огромными змѣями, послѣ всего этого—на висѣлицѣ будетъ разыграна заключительная трагическая сцена.

Варвара Капитановичъ, оставивъ сани во дворѣ у знакомаго трактирщика, пошла на ярмарку, накупила что надо было, обошла, вмѣстѣ съ любопытной и всему всегда смѣявшейся Миладой, нѣсколько лавокъ и, затѣмъ, сытно закусивъ, отправилась на лобное мѣсто, за городомъ. Черный потокъ людей валилъ въ одно время съ ними и цѣлыя тысячи ждали уже на мѣстѣ появленія страшной телѣги. Чтобы лучше видѣть, Варвара стала на развалившуюся, искрошенную и почернѣвшую отъ дыма стѣну дома, расположеннаго около, нѣкогда сожженнаго турками и уже не возобновленнаго съ тѣхъ поръ; Милада помѣстилась тутъ-же рядомъ, на кучѣ мусора, покрытой снѣгомъ.

Раздался погребальный звонъ, показались гусары, посреди ихъ палачъ верхомъ, и телѣга, въ которой сидѣлъ Господичъ, весь въ цвѣтахъ и съ своей трубочкой въ зубахъ, и около него помѣщался монахъ. Въ толпѣ поднялся гулъ отъ общаго говора. Господичъ сидѣлъ гордо, будто паша, вступавшій въ завоеванный городъ.

Варвара ни на минуту, не оторвала глазъ отъ него, ея грудь высоко подымалась подъ черной барашковой шубой, а когда его связали и надѣли ему на шею веревку, красавица,—съ вытянутой впередъ головой, съ широко открытымъ ртомъ, изъ котораго блестѣли бѣлые зубы — казалась разъяренной волчицей, готовой броситься на свою жертву. Она пришла въ себя только тогда, когда Господичъ уже висѣлъ и толпа разошлась. Глубокій вздохъ вырвался изъ ея груди.

— Что съ тобой, госпожина? спросила дѣвушка, все время спокойно уписывавшая большой пряникъ.

— Ахъ, какъ мнѣ жалко его, отвѣчала та, -какъ молодецки онъ умеръ и какой онъ былъ красивый. Господи, прости мнѣ согрѣшеніе, — я не повѣсила-бы его.

Они пошли, вслѣдъ за другими, назадъ въ городъ. Варвара Капитановичъ велѣла заложить сани, а пока онѣ принялись за пироги, запивая ихъ сладкимъ медомъ.

Выѣхали онѣ поздно вечеромъ; но было еще несовсѣмъ темно; несовсѣмъ темно было и отъ бѣлаго снѣга, и отъ ясныхъ звѣздъ въ небѣ, и отъ полнаго мѣсяца, показавшагося по другую сторону холма и сильно, въ ту минуту, смахивавшаго на толстощекаго, красноволосаго деревенскаго парнишку, выглядывавшаго изъ-за забора.

Городъ былъ теперь пустъ и безмолвенъ — ни человѣка на улицахъ, ни огонька въ окнахъ. Свѣтло только съ неба.

Вотъ и висѣлица. Господичъ неподвижно виситъ между небомъ и землей. Вороны, то сидятъ на перекладинѣ, то съ веселымъ карканьемъ, летаютъ и кружатся около.

Снова тяжко вздохнула Варвара Капитановичъ и, проѣхавъ шаговъ пятьдесятъ отъ лобнаго мѣста невольно остановила лошадей.

— Что это ты, госпожина? испуганно крикнула Милада, пусти-же лошадей, да ударь ихъ хорошенько — скорѣе-бы намъ отъ этого мѣста уѣхать.

Красавица, не отвѣчая ни слова, соскочила съ саней и привязала лошадей къ ивѣ, стоявшей тутъ, у дороги.

— Госпожина, смилуйся!

— Чего пугаешься, возразила Варвара, сама подумай — не жаль, развѣ, такого человѣка оставлять на расклеваніе воронамъ?

— Да что-же это ты дѣлать хочешь?

— Снять его съ висѣлицы.

— Зачѣмъ?

— Чтобы похоронить его, какъ надо.

— Іезусъ-Марія! да ты рехнулась, Варвара Капитановичъ! воскликнула Милада, крѣпко обхвативъ руками свою госпожу, не дѣлай этого, не дѣлай.

— А ну если онъ еще живой?

— Какъ можетъ повѣшенный быть живымъ?

— Разбойникъ Прагачъ былъ повѣшенъ три раза, а все таки умеръ отъ пули жандарма.

Она смѣло пошла къ лобному мѣсту, Милада послѣдовала за нею, дрожа всѣмъ тѣломъ. Около нихъ, нѣсколько въ сторонѣ, вдругъ показались два огненные глаза.

— Это что такое? спросилъ Милада,—большая собака и вѣрно злая.

— Собака? гдѣ? Варвара Капитановичъ, при первомъ-же взглядѣ, узнала, что то была не собака и крикнула съ громкимъ смѣхомъ: это — волкъ!

Она схватила камень и бросила его въ хищника, обратившагося немедленно въ бѣгство. Когда они подошли къ самой висѣлицѣ, то вороны подняли страшное карканье.

— Слышишь, замѣтила шутливо Варвара, они злятся на меня за то, что я отнимаю у нихъ добычу. Эй вы — прочь отсюда!

Вороны—и тѣ имѣли уваженіе къ Варварѣ Капитановичъ, они поднялись, хотя и не безъ карканья, съ своихъ мѣстъ, немного покружились надъ головой красавицы и полетѣли по направленію къ городскимъ башнямъ.

Вдова протянула Миладѣ ножъ, который вынула изъ-за пояса, и велѣла дѣвушкѣ перерѣзать веревку повѣшеннаго.

— Всего, что хочешь требуй отъ меня, госпожина, только не этого.

— Я тебя подсажу, а тебѣ не трудно будетъ.

— Смилуйся—не могу.

Варвара Капитановичъ пожала плечами. Милада подсадила ее, она перерѣзала веревку и повѣшенный упалъ на снѣгъ.

— Какъ онъ хорошъ, произнесла вдова, разглядывая лицо казненнаго, котораго повернула на спину, обрѣзавъ ему и петлю.

— А если насъ увидятъ, поймаютъ?

— Я боюсь только одного Бога—больше никого.

— Господи! воскликнула вдругъ дѣвушка.

— Что такое?

— Смотри, смотри онъ... онъ дышетъ... онъ живъ!

И въ самомъ дѣлѣ, грудь разбойника еле замѣтно приподнялась и изъ нея вылетѣлъ легкій вздохъ. Съ этой минуты между обѣими женщинами не было произнесено ни слова. Варвара подхватила Господича подъ руки, а Милада взяла его за ноги. Онѣ быстро донесли его до саней, уложили туда, укрыли соло-

мой и Варвара взяла въ руки вожжи. Лошади помчались по снѣгу, точно ихъ облѣпили шмели. Тотчасъ-же по пріѣздѣ домой Варвара услала людей спать и какъ только всюду стало тихо, она съ Миладой внесла спасеннаго въ большую горницу.

Вскорѣ Господичъ пришелъ въ себя и частью самъ догадавшись, а частью узнавъ отъ женщинъ о томъ, что произошло, бросился въ ноги Варварѣ Капитановичъ и поцѣловалъ ея сапожки. Она, не медля ни минуты, обрѣзала ему волосы и бороду, тутъ-же велѣвъ одѣться въ платье ея покойнаго мужа, а то въ которомъ онъ былъ—кинула въ печь.

На другое утро прислугѣ, удивленной при видѣ новаго лица, было объявлено, что это—родственникъ госпожи, котораго она пригласила къ себѣ, чтобы имѣть около себя кого-нибудь изъ своихъ.

Господичъ скоро оправился совсѣмъ и однажды вечеромъ сказалъ такія слова своей спасительницѣ: Ты меня спасла отъ смерти, госпожа, и я всю жизнь свою буду тебѣ за это благодаренъ. Призывай меня, когда тебѣ надо и приказывай; а теперь мнѣ пора изъ твоего дома уходить. Вѣдь пожалуй меня могли-бы открыть и тебя потребовать къ отвѣту.

— Нѣтъ, Господичъ, возразила красавица,—ужъ дѣлать что такъ дѣлать не въ половину, оставайся ты у меня, если это тебѣ любо. Но—требую я только одного—никогда чтобы ты не пробовалъ быть здѣсь у меня господиномъ.

— Какъ могу я и подумать о томъ, отвѣчалъ Господичъ я буду доволенъ, если позволишь мнѣ быть твоимъ слугой.

Такъ и остался страшный разбойникъ въ домѣ богатой красавицы-вдовы, между тѣмъ, какъ во всей странѣ прошелъ слухъ, будто его съ висѣлицы снялъ самъ чортъ и унесъ къ себѣ съ волосами и кожей.

Господичъ, привыкшій повелѣвать, теперь, повидимому, совсѣмъ желалъ забыть о томъ. Онъ сталъ тихъ, какъ овечка и послушенъ, какъ хорошо дрессированная собака. Работалъ онъ за двоихъ, доволенъ былъ всѣмъ и казался совершенно счастливымъ, когда госпожа, бывало, дружески взглянетъ на него, или потреплетъ по плечу, или поднесетъ стаканчикъ вина, который сама пригубитъ. А сама вдовушка становилась все ласковѣе и ласковѣе къ нему. Она охотно просиживала съ нимъ по цѣлымъ вечерамъ и болтала, зимой у очага, а когда пришла весна—то подъ разцвѣтшей яблоней. И при этомъ они уже стали по временамъ обмѣниваться такими взглядами, какіе не совсѣмъ обычны между людьми. Она смотрѣла на него спокойнымъ взглядомъ, въ которомъ высказывалось глубокое чувство, и онъ иногда весь трепеталъ подъ блескомъ ея темныхъ очей, какъ трепещетъ раненый граничаръ подъ ножемъ врага, и въ тѣ минуты, когда вглядывался въ ея гордое лицо или взглядомъ охватывалъ ея прелестную фигуру, онъ испытывалъ какое-то болѣзненное чувство.

Варвара Капитановичъ ежедневно находила на своемъ окнѣ цвѣты. Она хорошо знала, кто ихъ рвалъ, бережно связывала ихъ и ставила въ воду; ея сапожки блестѣли теперь какъ звѣзды на небѣ и она знала, кто наводилъ на нихъ этотъ глянецъ, и знала также, кто наклеилъ на крышу ея ларя картинку, изображавшую св. Варвару.

Однажды, незамѣтно для всѣхъ домашнихъ, она ушла къ священнику и когда, возвратившись въ вечеру, глянула сквозь окно въ комнату, гдѣ теплившаяся предъ образомъ Богоматери лампада разливала вокругъ слабый свѣтъ, то увидала, что Господичъ стоитъ и смотритъ сквозь дверную скважину въ ея горницу.

— Ужъ теперь вотъ оно что съ тобой, птица моя, подумала она, — запуталась въ тенетахъ, бьешься, а улетѣть не можешь отсюда, и на полныхъ гордыхъ устахъ ея заиграла улыбка, въ половину счастливая, въ половину насмѣшливая.

— Ну что, братъ Господичъ, произнесла она, былъ-ли ты прилеженъ? усталъ, поѣсть хочешь?

— Что прикажешь, что желаешь, отвѣчалъ онъ, оглядывая своими пронизывающими, свѣтлыми глазами, мягкія линіи ея стройной фигуры.

— Ты сегодня пахалъ, что-ли?

— Такъ, какъ велѣла—то большое поле, по ту сторону креста.

— Ну ладно, такъ теперь закусимъ вмѣстѣ.

Она кликнула Миладу, велѣла накрыть столъ и усѣлась. Господичъ продолжалъ стоять среди комнаты, молча поглядывая на кончики своихъ сапогъ, покручивая усы и отъ времени до времени вздыхая.

— Люди поужинали уже? спросила вдова Миладу.

— Благодаримъ, ужъ поѣли.

— Ну такъ подай намъ капусты, сала и кружку вина.

Милада побѣжала за провизіей, а Варвара Капитановичъ сдѣлала Господичу знакъ, чтобы сѣлъ возлѣ нея. Пока дѣвушка входила и выходила, оба молчали, не зная съ чего начать разговоръ и молча-же принялись за ѣду. Безмолвіе длилось довольно долго и только вино развязало языки. Началъ Господичъ; онъ сталъ разсказывать про былые свои подвиги, зная, что Варвара любила послушать, когда онъ говорилъ о нихъ. Въ этотъ вечеръ онъ былъ особенно веселъ и разсказалъ о шуткѣ, которую пошутилъ съ однимъ богатымъ купцомъ изъ Дьяковара. Красавица такъ усердно прикладывалась къ вину, что щеки ея все больше и больше рдѣли и пылали и смѣялась при этомъ такъ громко, что дукаты мониста прыгали и звенѣли у нея на шеѣ.

— Ты такой удалой молодецъ, вдругъ сказала она, придвинувшись ближе къ нему—отчего-же это со мной ты робкій?

— Почемъ я знаю? произнесъ Господичъ, пожавъ плечами и глянувъ въ сторону.

Варвара Капитановичъ придвинулась еще ближе къ нему, совсѣмъ ужъ близко и вдругъ обхватила его бѣлыми руками за шею и поцѣловала.

(До слѣдующаго №).

Къ рисункамъ.

Циркъ Чинизелли въ С.Петербургѣ: „Нибелунги", балетъ-пантомима.

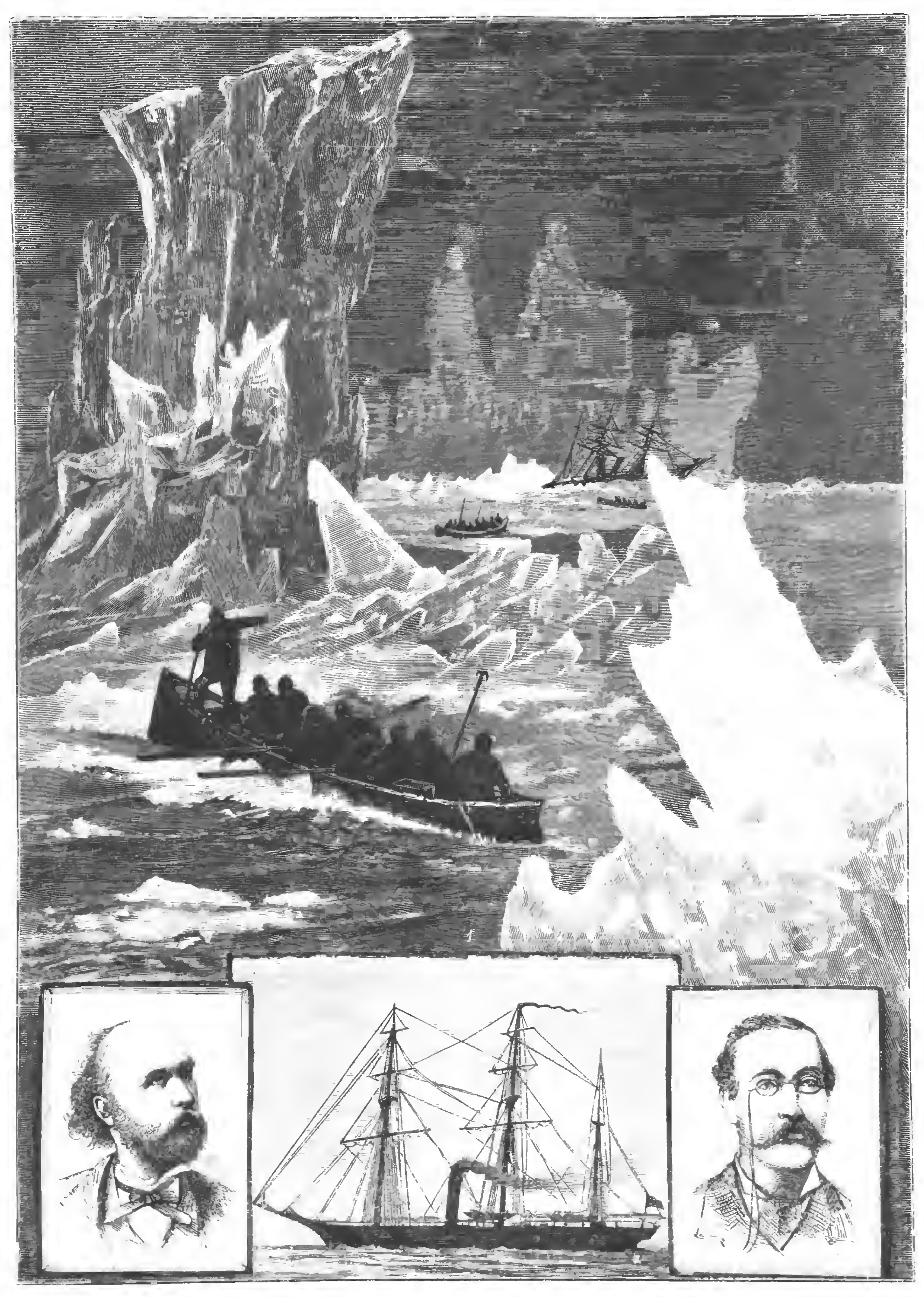
(Рис. на стр. 172 и 173).

Въ № 47 „Нивы" за прошлый годъ мы помѣстили большой рисунокъ Н. Н. Каразина, изображающій прекрасную пантомиму „Крысоловъ" поставленную въ циркѣ Чинизелли. Мы отдали должную справедливость ея прекрасной постановкѣ, но должны сказать, что она уступаетъ блестящей постановкѣ другой пантомимы, на которую съѣзжается теперь смотрѣть весь Петербургъ—и по значенію своему и по красотѣ картинъ, костюмовъ и дѣйствію она далеко оставляетъ за собою всѣ прежнія.

Сюжетъ новой пантомимы взятъ изъ знаменитаго сказанія среднихъ вѣковъ „Пѣсни о Нибелунгахъ".

Эта великая средневѣковая эпопея Германіи съ ея фантастическимъ, миѳическимъ характеромъ, эти сказанія о легендарныхъ герояхъ, въ устахъ рапсодовъ обратившихся въ полубожества, въ гигантовъ въ борьбѣ съ злыми духами и стихіями природы—эта эпопея конечно могла дать много матеріалу для постановки фантастической пантомимы и нужно сказать, что завѣдывавшій постановкой сценъ г. Зимсъ показалъ большое знаніе дѣла, пониманіе условій такого представленія и несомнѣнный талантъ. Изъ четырнадцати отдѣловъ „Пѣсни о Нибелунгахъ", одной изъ трехъ могучихъ отраслей поколѣнія героевъ (Нибелунги, Гагелинги и Амелунги) взятъ эпизодъ о Зигфридѣ. У славнаго короля Зигмунда и супруги его Зигелинды есть сынъ Зигфридъ. Смолоду онъ выказываетъ силу и доблесть, такъ что родители радуются за него, но къ несчастію, онъ уже слишкомъ дикъ и неукротимъ. Отецъ посылаетъ его въ обученіе кузнечному ремеслу, но буйный юноша убиваетъ своего хозяина-мастера и когда вернувшись къ отцу и матери застаетъ ихъ огорченныхъ и въ слезахъ о его дурномъ поступкѣ, слышитъ гнѣвныя слова отца, вдругъ смиряется, раскаявается и совершенно перемѣняется и дѣлается достойнымъ имени героя по благородству, отвагѣ, великодушію и добротѣ. Въ первой сценѣ Зигфридъ прощается со своими, отъѣзжая на подвиги, получаетъ мечъ и щитъ, его посвящаютъ въ рыцари. Здѣсь картина пиршества, турниръ суровыхъ воиновъ короля Зигмунда, поставлены великолѣпно и эффектно. Далѣе Зигфридъ проситъ руки прекрасной Хримгильды при дворѣ короля Бургундовъ Гунтера и получаетъ согласіе, но долженъ освободить принцессу, похищенную страшнымъ дракономъ. Энгель, король гномовъ, указываетъ Зигфриду пещеру и рыцарь смѣло вызываетъ чудовище на бой. Изъ пещеры выползаетъ весьма искусно сдѣланный ужасный драконъ, извергая изъ пасти пламя и пылая очами; Зигфридъ на своемъ прекрасномъ бѣломъ конѣ, покрытомъ серебряной сбруей, кидается на него, бьется съ нимъ и побѣждаетъ, валитъ его и изъ раны вмѣсто крови сыплются тучи искръ. Эффектное появленіе огромнаго чудовища, занимающаго чуть не три четверти арены цирка, всегда встрѣчается съ особеннымъ оживленіемъ въ верхнихъ мѣстахъ, гдѣ слѣдятъ за ходомъ дѣйствія съ напряженнымъ любопытствомъ; слышатся изумленныя восклицанія свѣжихъ дѣтскихъ голосовъ. Гунтеръ, король Бургундовъ, желаетъ сдѣлать предложеніе воинственной Брунегильдѣ: пріѣзжаютъ къ ней и застаютъ ее на конѣ, занятую рыцарскими играми. Гордая царица объявляетъ, что только тотъ кто побѣдитъ ее на поединкѣ, можетъ получить ея руку. Зигфридъ, въ волшебномъ шлемѣ, выѣзжаетъ вмѣсто Гунтера на поединокъ и побѣждаетъ царицу. Идутъ блестящія празднества въ честь обрученія. Но тутъ во время разговора за столомъ обнаруживается, что Брунегильду побѣдилъ Зигфридъ а не Гунтеръ и царица рѣшаетъ отмстить и обращается къ жестокому Гагену. На охотѣ, утомленный, Зигфридъ подходитъ къ ручью утолить жажду, когда изъ за скалы пронзаетъ его копье Гагена. Безутѣшная Хримгильда по смерти мужа велитъ перенести сокровища—кладъ Нибелунговъ въ Вормсъ. Но одинъ изъ богатырей Гагена узналъ гдѣ кладъ Нибелунговъ, отбилъ его у стражей, разломалъ сокровищницу, овладѣлъ кладомъ и погрузилъ его въ Рейнъ. На прекрасномъ рисункѣ Н. Каразина, слѣва, вверху, изображена борьба Зигфрида съ Брунегильдой. Подъ ними гномы съ ихъ королемъ Энгелемъ: ниже несчастная смерть Зигфрида отъ руки злаго Гагена. Вправо, вверху, военныя упражненія амазонокъ а вни-

(Продолженіе на стр. 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191 и 192).



Георгъ Мельвиль. Оставленіе судна 23 іюня 1881 г. Пароходъ „Жанета“. Лейтенантъ де-Лонгъ.

Сѣверная экспедиція парохода „Жанета“. Съ фотогр. грав. [illegible]

зу бои Зигфрида съ дракономъ. Въ серединѣ картины погруженіе сокровищъ Нибелунговъ.

Картина погруженія сокровища Нибелунговъ въ Рейнъ одна изъ лучшихъ во всемъ представленіи и не уступаетъ грандіозному апофеозу, представляющему образъ Зигфрида, окруженнаго своими сподвижниками-богатырями; колесница съ группами апофеоза медленно удаляется, напутствуемая всегда самыми оживленными рукоплесканіями довольной публики. Поставлено все это, мы повторяемъ, прекрасно, съ талантомъ, костюмы свѣжи, красивы; группы, танцы, музыка—все соотвѣтствуетъ предмету. Мысль, для такихъ „народныхъ“ представленій взять сюжетъ изъ области старинныхъ сказаній, нельзя не назвать счастливою и мы думаемъ, что еще болѣе благодарный матеріалъ для такихъ сценъ могли бы дать наши древнія былины, сказки, „Слово о полку Игоревомъ“ и т. п. Мы позволили себѣ сказать еще болѣе „благодарный“ потому, что это ближе было бы русской публикѣ и принималось бы ею какъ свое, русское, быть можетъ еще съ большимъ интересомъ, чѣмъ во всякомъ случаѣ вполнѣ безукоризненно поставленныя сцены изъ „Нибелунговъ“.

Фея горъ.

(Рис. на стр. 177).

Когда человѣкъ въ первый разъ видитъ горы съ ихъ туманными разнообразными таинственными очертаніями, съ ихъ неопредѣленными переходящими видами, мѣняющимися съ измѣненіемъ освѣщенія, онъ невольно чувствуетъ что горы—это цѣлый міръ грёзъ и не дивится что суевѣрное воображеніе горнаго жителя такъ глубоко проникается поэзіею горъ и населяетъ всѣ эти рощи, пустыни, скалы, пещеры, таинственными существами не здѣшняго міра. Вотъ заснулъ утомленный альпійскій молодой охотникъ и видитъ, что склоняясь надъ нимъ, воздушная, полупрозрачная, появляется волшебной красоты юная горная фея. Она такъ нѣжно и заманчиво глядитъ на него, она бросаетъ ему цвѣтокъ, ея легкіе покровы развѣваются по вѣтру—сердце его замираетъ отъ восторга, отъ страсти... Но пусть бережется молодой охотникъ, пусть не увлекается этой обманчивой, лживой красотой. Она понесется легкая, воздушная, прелестная и будетъ манить его за собой молящимъ, любящимъ взглядомъ. И бросится онъ за нею, увлекаемый безумною страстью, но поскользнется крѣпкая, привычная нога, посыплются мелкіе камешки въ бездонную пасть пропасти и только горные орлы будутъ рѣять широкими кругами надъ трупомъ разбившагося бѣднаго охотника, завлеченнаго дивною пѣснью коварной феи горъ... Нашъ рисунокъ передаетъ картину Дилица такъ, что даетъ полное, ясное представленіе объ этомъ превосходномъ произведеніи.

Зажиганіе фонаря на бакенѣ. Съ фотогр. Gr., грав. Гельштейнъ.

Выставка картинъ Ю. Клевера и Р. Судковскаго.

(Рис. на стр. 180 и 181).

Въ прошломъ № мы уже сообщали объ открытіи весьма интересной выставки картинъ высоко-талантливаго пейзажиста Ю. Ю. Клевера и мариниста Р. Г. Судковскаго, въ залахъ Общества Выставокъ въ домѣ Гензена, на углу М. Конюшенной и Невскаго. Теперь эту выставку много посѣщаютъ, и мы находимъ нужнымъ поговорить объ ней подробнѣе.

Это первый примѣръ такой совмѣстной дружественной выставки: и обстоятельства сложились такъ, что дѣятельность обоихъ художниковъ постоянно шла, такъ сказать, параллельно, хотя мы не хотимъ этимъ сказать что они близки и по таланту. Юлій Юльевичъ Клеверъ и Руфимъ Гавриловичъ Судковскій (род. въ Очаковѣ въ 1850 г.) въ одномъ году, въ 1868 поступили въ Академію и въ теченіи первыхъ-же трехъ мѣсяцевъ—чему не было примѣру—получили уже малую и большую серебряныя медали, будучи еще въ первомъ „головномъ“ классѣ. По различнымъ обстоятельствамъ, объясненіе которыхъ заняло-бы здѣсь слишкомъ много мѣста, оба художника вышли изъ Академіи и не участвовали въ конкурсахъ на золотую медаль. Съ 1875 года художники начали ревностно самостоятельныя работы—Клеверъ въ Петербургѣ, а Судковскій, удалившись на свою родину въ Очаковъ, гдѣ и донынѣ живетъ постоянно и гдѣ такое неотразимое впечатлѣніе произвело на него великое родное ему море, что это и опредѣлило его призваніе. На развитіе таланта обоихъ много подѣйствовали ихъ заграничныя поѣздки, изученіе образцовъ искусства, занятія въ галлереяхъ и студіяхъ и разнообразіе вынесенныхъ изъ путешествія впечатлѣній.

Званіе художника первой степени Клеверъ получилъ въ 1876 году за прекрасную картину свою „Березовая роща“ послѣ 13 разъ повторенную и ставшую собственностью покойнаго Государя Императора. Судковскій-же въ слѣдующемъ году получилъ званіе художника 1 степени за картину „Ночь и буря“. Оба впрочемъ, еще до полученія званія, пользовались уже значительною извѣстностью и получили преміи Общества поощренія художествъ. Картины Клевера, получившаго въ прошломъ году званіе профессора, покупались на расхватъ въ Петербургѣ. Судковскій-же въ это время работалъ въ Очаковѣ, не показываясь въ столицѣ и сдѣлавъ лишь двѣ выставки своихъ картинъ въ Одессѣ въ 1880 и 1881 гг., имѣвшихъ большой успѣхъ.

Выставленныхъ картинъ, эскизовъ и этюдовъ многихъ болѣе 60. Изъ нихъ мы помѣщаемъ здѣсь копіи съ двухъ картинъ: „Лѣсная глушь“, большей по размѣру и эффектнѣйшей изъ картинъ Клевера и „Въ бурю близъ Одесскаго мола“—картины Судковскаго. Въ залахъ, влѣво отъ входа, на выставку помѣщены произведенія Ю. Ю. Клевера, и публика останавливается, пораженная поэтическимъ и глубокимъ проникновеніемъ природы въ большой картинѣ „Лѣсная глушь“, которую можно бы назвать „Зимній закатъ въ лѣсу“. Художникъ удивительно освоился со всѣми эффектами и прелестью всѣхъ нашихъ сѣверныхъ освѣщеній, особенно зимнихъ. Величавое уединеніе лѣсной прогалины не нарушается ни однимъ звукомъ, ни однимъ живымъ существомъ. Бываютъ такіе моменты въ лѣсу, когда онъ стоитъ, какъ зачарованный, подъ теплымъ свѣтомъ багроваго солнца, встающаго въ туманѣ, и каждый звукъ тутъ, каждая фигура появляющаяся среди этой тишины, уже нарушаетъ очарованіе...

Въ этихъ-же залахъ можно ознакомиться и съ разнообразіемъ таланта нашего художника. Вотъ тихій, спокойный заливъ въ ясное утро, когда камни въ прозрачномъ воздухѣ кажутся какъ-бы вырѣзанными, и легкая рябь даже не трогаетъ залива. Вотъ зимній вечеръ. Заря окрашиваетъ прелестнымъ, блѣдно-пурпуровымъ свѣтомъ голые сучья и стволы березъ. Вотъ его превосходные этюды острова Паргена, котораго пустынная красота такъ поразила воображеніе художника своимъ нѣсколько угрюмымъ, оригинальнымъ сѣвернымъ характеромъ. (Копія была помѣщена въ „Нивѣ“ 1880 г. № 15). Вотъ тотъ этюдъ „Лѣсъ“, за который художникъ получилъ званіе профессора, въ которомъ впечатлѣніе сѣвернаго лѣса и его меланхолически-темная вѣчная зелень переданы съ такимъ мастерствомъ; вотъ его эффектная „Ночь“; вотъ еще прекрасный „Зимній вечеръ“ (принадл. князю С.-Донато); вотъ этюды дачъ Шувалова, острова Паргена и другіе, которые перечислить всѣ заняло-бы здѣсь слишкомъ

много мѣста. Всѣмъ этимъ теперь любуется многочисленная публика.

Отъ затишья зеленыхъ лѣсовъ, отъ таинственно молчаливыхъ зимнихъ зорь, утреннихъ и вечернихъ, отъ всей этой глубокой, навѣвающей раздумье, поэзіи природы, перейдемъ на правую сторону выставки въ область безконечной, могучей стихіи, поражающей и своей грозной тишиной и ужасами величаво-бѣшеной бури. Талантливый маринистъ освоился съ моремъ, и изучилъ его. Или бурлитъ оно ужасно великими волнами подъ грозно нахмурившимся небомъ лѣтняго дня и чайки тревожно несутся надъ нимъ, какъ на огромной картинѣ (5 арш. дл. и 3 выш.), принадлежащей князю С. Донато. Это море около Одессы. Пароходъ, сильно накренившись отчаянно борется съ волнами—его бросаетъ, какъ щепку. Осенью буря имѣетъ другой видъ — въ картинѣ „Буря осенью" замѣчательна строгость рисунка и прозрачность набѣгающей зеленоватой волны. Совѣтъ профессоровъ, обсуждавшій эту картину, призналъ ея достоинства и художникъ за нее получитъ званіе академика. Вотъ „Полдень", на берегу близь Очакова,—такъ и чувствуешь этотъ жаркій воздухъ, а волна какъ-бы ластится къ берегу; „Пустошь Бѣлое Озеро на Днѣпрѣ"—пустынное мѣсто, видно, что нога человѣческая не ступаетъ сюда и поэтическое затишье моря также прелестно, какъ ужасно и красиво его грозное возстаніе.

Яхта морскаго клуба въ Одессѣ несется въ бурный полдень. Облака кое-гдѣ разорвались, пропуская тусклые лучи. Вдали видна Одесса. Но вотъ „Сумерки на берегу Чернаго моря" — теплый, мглистый вечеръ! Какая нѣга въ этомъ заливѣ, окутанномъ наполненнымъ благоуханіями травъ и свѣжей волны, теплымъ, прозрачнымъ туманомъ!...

Есть интересные этюды мѣстъ на Потемкинскомъ островѣ на Днѣпрѣ около Херсона, гдѣ помѣщалась знаменитая Сѣча Запорожская. Нѣтъ гаму и шуму Сѣчи, ея удалой вольницы, нѣтъ ея шумныхъ сборищъ, разгульной жизни ея таборовъ. Все тихо, пустынно и заброшено...

И образъ моря послѣ этихъ картинъ остается ясный и памятный.

О море, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И вѣчно, вѣчно помнить буду
Твой шумъ въ вечерніе часы.
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ...

Съ лѣвой стороны, въ двухъ темныхъ залахъ, освѣщены лампами еще двѣ картины. Одна, Судковскаго, „Берегъ" съ пѣнистою, набѣгающею волною, другая — единственный на выставкѣ жанръ Семирадскаго „Предѣлы власти", отличающаяся присущею этому художнику силою красокъ, и солнечнаго освѣщенія.

Участь парохода „Жанетты" и ея экипажа.

(Рисунокъ на стр. 185).

Въ половинѣ 1879 года, въ Америкѣ возникла мысль о грандіозномъ предпріятіи: извѣстный Гордонъ Беннетъ, издатель газеты „New York Herald" (на деньги котораго было предпринято знаменитое путешествіе Стэнли во внутреннюю Африку), вздумалъ снарядить ученую экспедицію на сѣверный полюсъ. Вслѣдъ за идеей предпріимчивый американецъ тотчасъ же принялся за выполненіе своего проекта; онъ купилъ англійскій пароходъ „Пандору", который совершалъ дважды удачныя путешествія въ арктическія страны, заплативъ за него 20,000 долларовъ и кромѣ того употребилъ не менѣе 60,000 долларовъ для снаряженія судна и укомплектованія его выборнымъ экипажемъ. Такъ матросы „Жанетты" были набраны изъ людей крѣпкихъ и молодыхъ, имѣющихъ не менѣе 25 лѣтъ и не болѣе 35 и каждому изъ нихъ было назначено жалованье 25 долларовъ въ мѣсяцъ. 8-го іюля (н. с.) 1879 г. всѣ приготовленія были окончены и паровая яхта „Жанетта" (бывшая Пандора) при громкихъ кликахъ восторга собравшейся публики, вышла въ море изъ С.-Франциско, съ экипажемъ, состоявшимъ изъ 41 человѣка, подъ начальствомъ американскаго морскаго офицера Де-Лонга и съ большимъ запасомъ разнаго рода жизненныхъ припасовъ и различныхъ инструментовъ для ученыхъ изслѣдованій. Цѣль, предначертанная экспедиціи была—изученіе сѣверной части Берингова пролива, а также материковъ Врангеля и Кенетта, причемъ предполагалось достигнуть возможно большей сѣверной широты.

Начало путешествія „Жанетты" было довольно удачно; она время отъ времени заходила въ портъ Аляски и оттуда посылала о себѣ письменныя извѣстія: въ первыхъ же числахъ сентября нѣсколько китолововъ видѣли ее южнѣе Врангелевой земли, но съ этихъ поръ всѣ вѣсти о Жанеттѣ прекращаются и судьба ея долго оставалась неизвѣстной, не смотря на всѣ розыски другихъ судовъ, посланныхъ ее отыскивать. Наконецъ лишь 20-го декабря прошлаго года депеша присланная въ Петербургъ изъ Иркутска извѣстила, что какъ самый корабль, такъ и его экипажъ постигла самая несчастная участь. Вотъ какъ одинъ изъ спасшихся участниковъ экспедиціи, лейтенантъ Даненгауеръ передаетъ подробности этаго печальнаго событія:

„Изъ Колючиной бухты, говоритъ онъ, мы отправились на Сѣверъ—розыскивать неизвѣстныя страны. Подойдя къ Врангелевой землѣ встрѣтили ледъ, въ которомъ должны были пробиваться. 6-го сентября 1879 года невозможно уже было подвигаться впередъ—ледъ былъ очень густь. Мы были затерты льдами и въ такомъ положеніи провели 21 мѣсяцъ.

„12-го іюня 1881 года „Жаннета" была разбита льдами, приблизительно въ 900 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ устьевъ Лены. Мы пустились въ путь по льду, сначала пѣшкомъ, потомъ—въ шлюпкахъ до острова Симановскаго.

12-го сентября 1881 года отправились мы въ трехъ шлюпкахъ: первою командовалъ Де-Лонгъ, при немъ было 13 матросовъ; второю—лейтенантъ Чиппъ, съ семью матросами: третьею—старшій механикъ Мельвиль, съ десятью матросами. Въ ближайшую же ночь свирѣпствовала страшная буря. Мы скоро потеряли другъ друга изъ виду. Де-Лонгъ прибылъ къ устью Лены 17-го сентября. Такъ какъ, вслѣдствіе мелководья, невозможно было приблизиться къ землѣ, то онъ бросилъ шлюпку и всѣ отправились къ берегу пѣшкомъ. Де-Лонгъ отправился нѣсколько къ югу. Команда страшно ослабѣла; вслѣдствіе полнѣйшаго недостатка провизіи, Де-Лонгъ послалъ двухъ матросовъ впередъ—искать людей, припасовъ. Они шли 15 дней, въ теченіе которыхъ питались кожею сапоговъ, матеріею отъ одежды! Наконецъ 9-го октября, они нашли тухлую рыбу въ избушкахъ, покинутыхъ мѣстными промышленниками. Въ избушкахъ то и нашли этихъ матросовъ 27-го октября, три тунгуса, которые немедленно перевезли ихъ, совершенно уже ослабѣвшихъ, въ деревушку Булана".

Этотъ краткій но краснорѣчивый разсказъ достаточно передаетъ тѣ ужасныя страданія, которыя долженъ былъ перенести экипажъ „Жаннеты" блуждая почти три мѣсяца на шлюпкахъ, среди бурнаго, негостепріимнаго моря, усѣяннаго ледяными глыбами, въ безпрерывной борьбѣ съ непогодой и густымъ, непроницаемымъ туманомъ. Фактъ почти единственный въ лѣтописяхъ арктическихъ экспедицій!.. Теперь спасшаяся команда получила всевозможную помощь и кромѣ того приняты самыя энергическія мѣры для отысканія остальнаго экипажа. На поиски уже отправился лейтенантъ Мельвиль и два корреспондента Джексонъ и Леренсъ, присланные Беннетомъ изъ Америки. Кромѣ того извѣстный коммерсантъ и владѣлецъ парохода „Лена" г. Сидоровъ, уступилъ съ полною готовностью свое судно для дальнѣйшихъ попытокъ напасть на слѣдъ погибшей команды.

На рисункѣ нашемъ вверху мы видимъ мрачную картину затертой глыбами и разбитой „Жанеты" въ уныломъ царствѣ льдовъ и несчастныхъ пасажировъ ея, оставляющихъ свое судно и идущихъ на вѣрную ужасную смерть 23 іюня 1881 г. Внизу—портретъ старшаго механика Мельвиля и отважнаго лейтенанта де-Лонга.

Зажиганіе фонаря на пловучемъ маякѣ въ Англіи

(Рис. на стр. 186).

Въ Англіи, этой торговой и морской державѣ по преимуществу, содержаніе и освѣщеніе маяковъ, особенно у входа въ Темзу, всегда представлялось вопросомъ чрезвычайной важности. И дѣйствительно маяки доведены здѣсь до совершенства какъ въ отношеніи ихъ устройства, такъ и обилія свѣта, видимаго для судовъ даже на десять миль разстоянія.

Число такихъ маяковъ около Темзы простирается до десяти; иные изъ нихъ—крѣпкія, надводныя постройки, соединенныя съ берегомъ посредствомъ длиннаго и узкаго помоста: другіе-же устроены на пловучихъ судахъ неподвижно, укрѣпленныхъ нѣсколькими тяжелыми якорями. Для маяковъ существуетъ особая команда, на которой лежитъ трудная обязанность зажигать ихъ и смотрѣть за ихъ исправностью. Эта команда состоитъ обыкновенно изъ мастера, его помощника и нѣсколькихъ ламповщиковъ и матросовъ, которые по очереди смѣняются и съѣзжаютъ отдохнуть на берегъ. Кромѣ того, особое военное судно совершаетъ правильные рейсы, посѣщая всѣ маяки и снабжая ихъ жизненными припасами, свѣжей водой и всѣмъ необходимымъ и пополняя при этомъ убывающій иногда комплектъ маячной команды. Этотъ рейсъ обыкновенно продолжается три дня и затѣмъ команда пловучаго маяка снова остается одна среди волнъ, въ борьбѣ съ бурей и непогодой, поддерживая свое мужество лишь сознаніемъ великости и необходимости своего подвига. Дѣйствительно, жизнь маячной команды проходитъ среди постоянныхъ лишеній и опасностей и потому служить въ ней могутъ лишь люди въ высшей степени мужественные, энергичные и физически крѣпкіе, привыкшіе ко всѣмъ случайностямъ одинокой жизни, среди бурнаго моря. Лишь немногіе пловучіе маяки не имѣютъ постоянной команды: они освѣщаются газомъ; который горитъ на нихъ безпрерывно около мѣсяца. Въ извѣстные-же сроки къ нимъ подъѣзжаетъ судно, снабжаетъ ихъ освѣтительнымъ матерьяломъ и снова удаляется.

Мы видимъ на нашемъ рисункѣ, съ какими опасностями и затрудненіями, среди кипящихъ волнъ, въ бурю, сопряжено такое простое, повидимому, дѣло какъ зажиганіе фонаря на маякахъ.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Россія въ Средней Азіи. — Австрія. — Сербія и Болгарія. — Турція. — Франція. — Египетъ. — Рѣчь Скобелева.

Англичане продолжаютъ сильно безпокоиться по поводу нашего пріобрѣтенія въ Закаспійскомъ краѣ и новой границѣ съ Персіею (съ которой мы уже сообщали читателямъ); изъ Индіи уже сообщалось, будто наши войска взяли Мервъ и, въ то же время, въ палатѣ общинъ однимъ изъ членовъ (Стенгопъ) сдѣланъ запросъ — предлагала-ли Англія, до заключенія русско-персидскаго трактата, чтобы, при проведеніи новой русско-персидской границы, присутствовалъ уполномоченный Великобританіи? на это товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, Дилькъ, отвѣтилъ, что такого предложенія великобританское правительство не дѣлало, но, что въ настоящее время происходитъ обмѣнъ мнѣній касательно измѣненія части границы. Измѣненіе это, пожалуй, можетъ сдѣлаться значительнымъ, если мы уступимъ великобританскому „предложенію", согласно которому новая пограничная черта проходитъ въ 150 миляхъ отъ персидскаго укрѣпленія Серахса, отъ котораго, пока, она проведена на гораздо меньшемъ разстояніи. Войска наши не только не завоевывали Мерва, но даже и не двигались далѣе Асхабада; но, если вѣрить новѣйшимъ извѣстіямъ „Агентства Рейтера", имъ, пожалуй, придется и двинуться: среди мервскихъ туркменъ возникли разногласія, вслѣдствіе которыхъ они раздѣлились на нѣсколько небольшихъ становъ: въ 12-ти миляхъ отъ Серакса появилось 2 тысячи хорошо вооруженныхъ туркменъ, слѣдовавшихъ въ южномъ направленіи и, повидимому, готовившихся къ набѣгу.

Гинлицкіе крестьяне въ Галиціи приняли православіе и, какъ сообщилъ членъ галицкаго сейма Качала (которому было поручено изслѣдовать все на мѣстѣ), они поступили такъ по совѣту симпатизирующаго полякамъ барона Делла-Скала, семейство котораго тоже перешло въ православіе. Австрійскія войска въ Герцеговинѣ и Босніи, двинутыя, было, по всей линіи въ наступленіе, пріостановили движеніе, по причинѣ „дождливаго времени". До сихъ поръ, въ офиціальныхъ сообщеніяхъ постоянно передавались извѣстія о побѣдахъ надъ усташами во всѣхъ стычкахъ, происходившихъ съ самаго начала, но, повидимому, это несовсѣмъ вѣрно: корреспондентъ англійской газеты „Manchester Guardian" телеграфировалъ изъ Зары о томъ, что австрійцы были разбиты въ сраженіи между Невесиньемъ и Жоговою, причемъ усташамъ достался весь австрійскій транспортъ кромѣ того въ той-же депешѣ сообщено весьма важное извѣстіе, что 35 человѣкъ изъ одного далматскаго полка (Weber regiment) перешли къ усташамъ и что созывъ далматскаго резерва пріостановленъ, во избѣжаніе повторенія подобныхъ переходовъ. Другія депеши извѣщаютъ о захватѣ инсургентами стратегической позиціи между Сераевымъ и Мостаромъ и о новыхъ многихъ побѣгахъ изъ австрійской арміи. Чѣмъ-бы ни кончилась борьба горсти славянъ съ подавляющею силою Австріи — борьба эта будетъ плодотворна не для Австріи. Насколько уже и теперь чувство говоритъ въ усташахъ, мы можемъ видѣть изъ того, что главнымъ вождемъ семи отрядовъ, теперь, — мусульманинъ бегъ Бекиръ-Бей. Вообще, австрійскія свѣдѣнія о враждебности мусульманъ къ движенію невѣрны, такъ какъ весьма часто встрѣчаются четы смѣшанныя, изъ православныхъ и мусульманъ, а также и католиковъ, на которыхъ въ Вѣнѣ много надѣялись и надѣятся. Значительнѣйшіе отряды усташей силою отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ человѣкъ сосредоточены нынѣ въ трехъ главныхъ пунктахъ, отстоящихъ другъ отъ друга на нѣсколько десятковъ верстъ; промежуточное пространство наполнено мелкими четами, задача которыхъ состоитъ, главнѣйше, въ нападеніи на небольшіе австрійскіе отряды и транспорты, вербовки новыхъ добровольцевъ и поддержаніи сношеній между главными пунктами.

Изъ Сербіи и Болгаріи приходятъ вѣсти тревожныя. Въ Бѣлградѣ будто-бы открытъ заговоръ противъ князя Милана, котораго намѣревались свергнуть съ престола, въ дѣло замѣшаны многіе бѣлградцы и, между прочимъ, Ристичъ (?), успѣвшій бѣжать вмѣстѣ съ большею частью другихъ заподозрѣнныхъ. Въ Болгаріи, говорятъ, тоже открытъ заговоръ подобнаго рода и тоже, будто бы, однимъ изъ главныхъ участниковъ былъ прежній первый министръ Цанковъ, который, по указу князя, арестованъ. Въ княжествѣ собираются сходки, требующія возстановленія конституціи, все это увѣряютъ вѣнскія газеты. Князь Александръ, согласно дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ, вступитъ въ бракъ съ сестрою князя Милана.

Султанъ Абдулъ-Гамидъ, при передачѣ ему княземъ Радзивиломъ звѣзды Чернаго Орла, сказалъ, между прочимъ: „Оказанная мнѣ честь служитъ новымъ залогомъ дружескихъ сношеній между Германіей и Турціей, которыя, надѣюсь, съ теченіемъ времени, будутъ становиться все болѣе и болѣе прочными".

Изъ Парижа сообщаютъ слухъ, будто и тамъ открытъ заговоръ противъ Греви; слухъ этотъ, пока до того неопредѣленный, что болѣе нечего и прибавить, развѣ только то, что онъ, можетъ быть, не болѣе какъ выдумка! Гамбетта, возвратившійся изъ своей недавней поѣздки на югъ (въ Италіи, говорятъ, онъ видѣлся съ королемъ Гумбертомъ) оказываетъ дѣятельную поддержку Фрейсинэ. Франція и Англія обратились къ державамъ съ нотой, въ которой, говоря просто, просили о согласіи ихъ распорядиться въ Египтѣ по своему желанію, которое у этихъ двухъ великихъ свободолюбивыхъ цивилизованныхъ государствъ совершенно расходится съ стремленіемъ египетскаго народа добыть себѣ самостоятельность, начать обновленное государственное существованіе. Желаютъ французы и англичане, эти носители великихъ человѣческихъ принциповъ просто на просто захватить въ свои торгашескія руки страну, которая рвется на свободу, которой хочется жить по своему, безъ ига и ферулы иноземцевъ. Ходятъ слухи, будто державы дали свое согласіе на то, чтобы Франція и Англія распорядились въ Египтѣ по своему усмотрѣнію, т. е. прислали бы броненосцевъ, войска и агентовъ, распустили бы египетскія власти и армію и, затѣмъ, устроили бы свой порядокъ, наиболѣе подходящій къ ихъ эксплоататорскимъ цѣлямъ. Впрочемъ говорятъ, что Фрейсинэ желаетъ активной политики въ отношеніи Египта. А пока, египетское правительство декретировало уничтоженіе рабства въ Египтѣ.

Газеты полны теперь разсужденіями по поводу рѣчи нашего храбраго генерала Скобелева въ Парижѣ. Въ Парижѣ, гдѣ генералъ былъ случайно, явилась къ нему депутація отъ сербскихъ студентовъ и онъ имъ сказалъ весьма рѣзкую рѣчь, смыслъ которой тотъ что главные враги возрождающагося славянства — нѣмцы. Это возбудило цѣлую газетную бурю. Газеты нѣмецкія рѣзко укоряли генерала за возбужденіе національной вражды, за безтактность такого заявленія и придали повидимому слишкомъ большое значеніе этому выраженію во всякомъ случаѣ личнаго мнѣнія, которое ни малѣйшаго вліянія не можетъ имѣть на политику никакого правительства. Высочайшая воля въ смыслѣ политики вполнѣ миролюбивой, посвященной прежде всего общественному и гражданскому развитію страны, такъ ясно выражена въ манифестѣ 29 апрѣля что странно думать что какая либо рѣчь могла-бы измѣнить такое рѣшеніе Высочайшей власти. Всѣ возстающіе и толкующіе объ этой рѣчи уже этимъ самымъ раздуваютъ ее и придаютъ ей такое значеніе какого она не имѣетъ. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" и „Journal de St.-Pétérsbourg" тотчасъ появились сообщенія рѣшительнымъ образомъ отвергающія всякое значеніе этой рѣчи кромѣ личнаго мнѣнія генерала Скобелева.

Смѣсь.

Мосты изъ стекла. Въ Англіи теперь производятся опыты устройства изъ стекла небольшихъ мостовъ. Подъ непосредственнымъ руководствомъ изобрѣтателя этого способа, г. Сименса, приготовляются изъ стекла низшаго сорта опредѣленной величины пласты, по указанному имъ способу. Опыты, производимые надъ прочностью этихъ стеклянныхъ досокъ, дали удивительные результаты. Пласты эти, прикрѣпленные на концахъ такимъ образомъ, что могли свободно висѣть на длинѣ около одного метра (1 арш. 6½ вершк.), ломались только при напорѣ тяжести въ 5,000 килограммъ (312½ пуд.) — на серединную часть доски. При равномѣрно распредѣленной тяжести, они выдерживали двойное количество груза. Затѣмъ испытывали прочность пластовъ по отношенію къ толчкамъ и ударамъ, въ плоскости въ 500 кв. сантим. и 28 миллим. толщины. Для этой цѣли пласты помѣщались на песчаномъ грунтѣ. Затѣмъ сверху падала тяжесть въ 500 килогр. (около 33 пуд.) съ начальной вышины въ одинъ метръ. Такъ какъ стеклянные доски выдерживали эти удары безъ малѣйшаго измѣненія, то постепенно увеличивали вышину паденія. Только при паденіи этой тяжести съ высоты шести метровъ, они сломались, между тѣмъ какъ чугунные пласты, одинаковыхъ размѣровъ и крѣпости, не выдерживали и менѣе сильнаго паденія тяжести.

Въ настоящее время сдѣланы на полотнѣ желѣзной дороги у Стратфорда нѣсколько мостовъ изъ подобнаго матеріала, длиною въ одинъ метръ. Рельсы помѣщаются въ особо приготовленныхъ желобахъ поверхъ этихъ досокъ. Для того, чтобы предупредить образованіе въ стеклѣ трещинъ и дыръ, могущихъ появиться отъ давленія на подобный мостъ рельсъ и тѣмъ уменьшить его крѣпость, подложены металлическія подстилки. Стоимость стеклянныхъ мостовъ менѣе чѣмъ деревянныхъ или желѣзныхъ; слѣдуетъ, кромѣ того, принять въ соображеніе, что стекло не подвергается ни гніенію, ни ржавчинѣ.

Будетъ-ли имѣть это открытіе практическое значеніе, — докажутъ дальнѣйшія изслѣдованія.

Электрическая лампа для локомотивовъ. Во время поѣздки кронпринца Рудольфа въ С. Михаэль-Іосбенъ, въ ночь съ 19 на 20 прошлаго мѣсяца, въ видѣ пробы былъ пущенъ одинъ локомотивъ, съ котораго проѣзжаемый путь освѣщался электрическимъ свѣтомъ. Установленная на котлѣ электрическая лампа приводится въ дѣйствіе маленькой паровой машинкой, тоже помѣщающейся на

котлѣ и снабжающейся выходящимъ изъ него паромъ. Электрическая лампа находится надъ дверцами дымовой коробки. По мѣрѣ надобности, машинистъ можетъ измѣнять ея положеніе, съ цѣлью распространенія свѣта въ ту или другую сторону. Всѣ производимые до сихъ поръ опыты были неудачны, вслѣдствіе чрезвычайной чувствительности подобной лампы, не выдерживающей толчковъ локомотива. Въ результатѣ получался неровный и непостоянный свѣтъ. Лампа, изобрѣтенная нынѣ телеграфистомъ Седлецекъ и приготовленная С. Шубертомъ въ Нюрнбергѣ, оказалась вполнѣ удовлетворительной на произведенной пробной поѣздкѣ. Свѣтъ оставался равномѣрнымъ, и путь могъ быть наблюдаемъ на протяженіи 400 — 500 метровъ. При передвиженіяхъ лампы, во время поворотовъ полотна желѣзной дороги, путь былъ видѣнъ на 200 метровъ. На пробномъ пути находящійся туннель доставилъ возможность вполнѣ оцѣнить этотъ способъ освѣщенія, особенно пригодный при изслѣдованіяхъ туннелей. Ясность, съ которой можно было отличать на дальнемъ разстояніи сигнальные знаки и особенно ихъ цвѣта, была поразительна. Свѣтъ этотъ вызывалъ успокоительное чувство особенно при приближеніи къ станціи: каждое измѣненіе сигналовъ легко можно было видѣть. Результаты этого опыта могутъ считаться удачными во всѣхъ отношеніяхъ и было-бы желательно, чтобы пользованіе этими лампами не встрѣтило препятствія со стороны стоимости и расходовъ на содержаніе ихъ: только при осуществленіи послѣдняго условія возможно разсчитывать на примѣненіе подобнаго способа освѣщенія въ большихъ размѣрахъ.

Сложные портреты. Путешественники, побывавшіе въ странахъ, населенныхъ дикими народами единогласно утверждаютъ, что между отдѣльными представителями ихъ существуютъ такія черты различія и сходства, къ которымъ бываетъ сначала съ непривычки весьма трудно примѣниться. Съ другой стороны, индѣйцы, напримѣръ, легко принимаютъ одного англичанина за другаго. Всѣмъ извѣстно, наконецъ, что члены одного и того же семейства носятъ въ чертахъ своего лица нѣчто общее, дающее возможность распознавать ихъ, не смотря на различія по возрасту и полу; всякій знаетъ, что эта общая черта называется фамильнымъ сходствомъ.

Нельзя-ли, въ такомъ случаѣ, схватить эти таинственныя соотношенія и воспроизвести ихъ въ одномъ общемъ изображеніи, которое могло бы соединить въ себѣ одновременно всѣхъ представителей одного типа или, лучше сказать, самый этотъ типъ? Такой именно смыслъ имѣли недавнія попытки, произведенныя Гальтономъ.

Чтобы получить такое изображеніе, онъ беретъ нѣсколько различныхъ фотографическихъ карточекъ, снятыхъ въ одномъ и томъ же положеніи лицъ, положимъ, прямо, en face. Всѣ карточки эти должны быть одинаковой величины. Наложивъ таковыя одна на другую такъ, чтобы всѣ черты лица по возможности совпадали, онъ помѣщаетъ ихъ передъ объективомъ фотографическаго прибора.

Предположимъ, что у него десять портретовъ. Онъ фотографируетъ первый, положимъ, впродолженіи восьми секундъ, и закрываетъ аппаратъ; вынувъ снятую карточку, онъ получаетъ, затѣмъ, на той же самой пластинкѣ фотографическое изображеніе втораго портрета, впродолженіи также восьми секундъ; новый перерывъ, фотографированіе третьяго портрета и такъ далѣе, пока не будутъ воспроизведены на одной и той же пластинкѣ всѣ десять. На послѣдней получается, такимъ образомъ, одно общее изображеніе всѣхъ десяти лицъ или то, что можно назвать сложнымъ портретомъ.

На этомъ изображеніи, черты, общія всѣмъ десяти портретамъ, являются особенно ясно воспроизведенными на пластинкѣ. Наоборотъ, черты, свойственныя, положимъ, только одному портрету оставили на ней едва замѣтные слѣды, ибо они воспроизводились всего впродолженіи восьми секундъ. Далѣе, черты, общія только нѣкоторымъ портретамъ, а не всѣмъ, представляются тѣмъ яснѣе, чѣмъ больше число портретовъ, которымъ онѣ свойственны. Такимъ путемъ получается портретъ, изображающій одновременно десять первоначальныхъ лицъ или, говоря точнѣе, средній типъ этихъ десяти лицъ.

Безъ всякаго вреда для окончательнаго изображенія, можно снимать послѣдовательно и мужчинъ и женщинъ, и стариковъ и дѣтей, и бородатыхъ и безбородыхъ. Морщины, волосы, бакенбарды, свойственные исключительно одному лицу, оставляютъ на изображеніи только легкую тѣнь, совершенно незамѣтную въ общемъ. Что можетъ быть любопытнѣе подобнаго изображенія, похожаго на весь міръ вообще и ни на кого въ частности? Въ немъ заключается именно то неуловимое *фамильное сходство*, которое несомнѣнно существуетъ между чертами лица ребенка и морщинистымъ лицомъ старика.

Этотъ способъ можетъ, конечно, оказать большія услуги путешественникамъ, описанія которыхъ могутъ получить, благодаря ему, точность доселѣ недостижимую. Понятно, что общій портретъ народа красиваго типа будетъ лучше каждаго изъ его отдѣльныхъ представителей, потому что отдѣльныя неправильныя черты явятся въ немъ совершенно незамѣтными. Относительно народа безобразнаго должно наблюдаться, понятно, обратное явленіе.

Сложный портретъ членовъ одного и того-же семейства даетъ результаты въ высшей степени интересные. Гальтонъ дѣлаетъ чрезвычайно оригинальное примѣненіе своего способа, для опредѣленія чертъ лица ребенка, который долженъ родиться отъ извѣстнаго брака. Онъ беретъ для этаго портреты отца, матери, другихъ дѣтей, если они есть, дяди, тетокъ и пр. Затѣмъ, приготовивъ по нимъ карточки одинаковой величины и расположивъ ихъ извѣстнымъ образомъ, помѣщаетъ въ фотографическій приборъ и снимаетъ попеременно. Необходимо при этомъ, чтобы карточки отца, матери, братьевъ и сестеръ, по причинѣ большаго сходства ихъ съ будущимъ рисункомъ, находились вчетверо дольше подъ вліяніемъ свѣта, нежели карточки двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, дядей, тетокъ, бабушекъ и дѣдовъ. Такимъ образомъ получится изображеніе будущаго ребенка.

Такъ можно воспроизвести вѣрный портретъ лица по нѣсколькимъ его карточкамъ: если послѣднія похожи одна на другую, то въ сложномъ портретѣ сходныя черты останутся, а неправильности будутъ незамѣтны. Пользуясь медалями, Гальтонъ получалъ, такимъ путемъ, приблизительныя изображенія римскихъ императоровъ и греческихъ героевъ. Профиль очаровательной Клеопатры далъ сложное изображеніе, лучшее каждаго изъ его составляющихъ.

Съ помощію того же способа, Гальтонъ воспроизвелъ сложные портреты преступниковъ, осужденныхъ за убійство и другія преступленія. Получились два типа, значительно разнившіеся одинъ отъ другаго. Можно было бы попытаться получить такимъ путемъ портреты математиковъ, музыкантовъ, поэтовъ, писателей, словомъ, людей болѣе или менѣе различныхъ умственныхъ занятій. Умалишенные различныхъ родовъ, идіоты и пр. могли бы быть точно также сгруппированы съ пользой. Типы различныхъ родовъ животныхъ могли бы быть получаемы съ большимъ успѣхомъ такимъ путемъ. Но трудно перечислить всѣ возможныя примѣненія остроумнаго способа Гальтона. Можно надѣяться, что сложные портреты пріобрѣтутъ немаловажное значеніе, особливо когда будутъ усовершенствованы.

Водобоязнь. Изъ всѣхъ болѣзней, происходящихъ отъ отравленія какимъ-либо ядомъ, нужно признать водобоязнь и самой страшной и наименѣе изученной. Какъ она начинается—это извѣстно со всею точностію: отъ укушенія бѣшенаго плотояднаго животнаго, укушенія, приводящаго обыкновенно къ роковому концу, если ядъ привился. Но мы почти ничего не знаемъ ни о самомъ ядовитомъ веществѣ, ни объ анатомическихъ поврежденіяхъ, если зараженіе сопровождается таковыми. Что же касается до леченія, то мы знаемъ, можно сказать, только одно, а именно, что оно недѣйствительно. И въ виду такого характера болѣзни, ею занимались мало; статистика ея оставляла желать многаго: между тѣмъ, отъ нея погибаетъ много людей. Вотъ нѣкоторыя небезъинтересныя данныя статистики водобоязни относительно Франціи. Между 1850 и 1876 годами, умирало здѣсь отъ водобоязни, среднимъ числомъ, 28 человѣкъ. Женщины составляли нѣсколько меньше одной трети всѣхъ случаевъ, дѣти еще меньше, что совершенно понятно, въ виду ихъ болѣе сидячаго образа жизни. Число укушенныхъ бѣшенымъ животнымъ почти вдвое больше числа подвергшихся дѣйствительному зараженію, частію вслѣдствіе того, что ядъ оставался на платьѣ, частію оттого, что самое укушеніе было неядовито.

Общее число укушеній въ этотъ періодъ времени было произведено 700 собаками, 38 волками, 23 кошками и одной лисицей.

Смерть наставала, обыкновенно черезъ 3 или 4 дня; довольно часто, однако, случалось, что больной умиралъ и въ первый день; наконецъ, однажды, мученія болѣзни продолжались цѣлыхъ 15 дней.

Леченіе нѣкоторыми средствами оказывалось совершенно безполезнымъ. Такъ что самое лучшее, что нужно дѣлать въ такихъ случаяхъ, это смѣло прижигать раскаленнымъ желѣзомъ. Статистика показываетъ, что безъ прижиганія, смертность составляетъ 82 процента, т. е.: изъ 100 случаевъ укушенія—82 оканчиваются смертью; тогда какъ, при прижиганіи, она понижается на 36 процентовъ, то есть: изъ 100 случаевъ только 36 оканчиваются смертью. Таково значеніе прижиганія.

Микроскопическія существа въ водѣ и въ воздухѣ. Извѣстно, что знаменитый французскій химикъ Пастёръ, открылъ присутствіе микроскопическихъ веществъ всюду, въ водѣ, которую мы

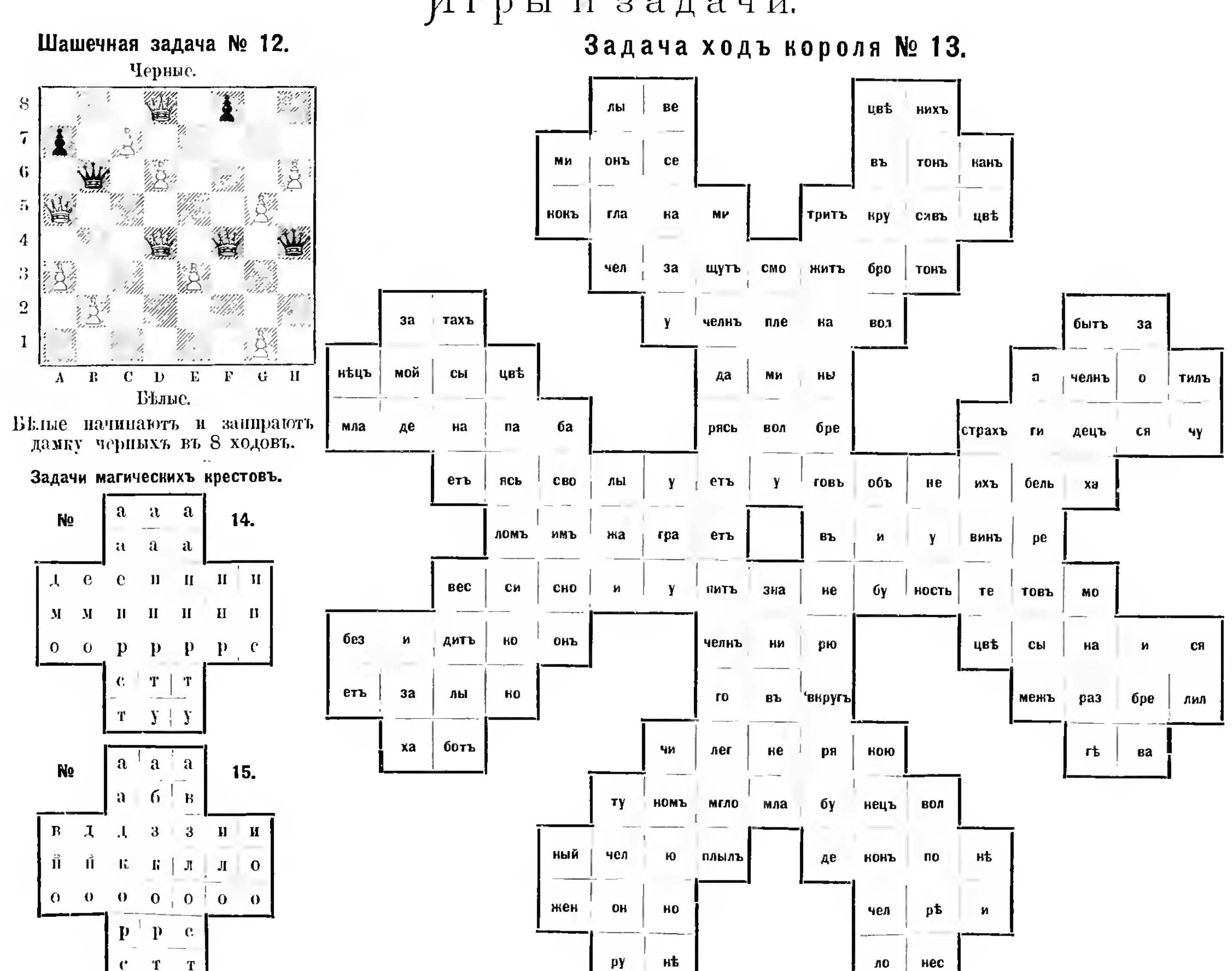
пьемъ, въ воздухѣ, которымъ дышемъ, въ пищѣ, которую потребляемъ. Чрезвычайно малая величина этихъ существъ, вслѣдствіе этого и названныхъ микроскопическими, дѣлаетъ не особенно легкимъ обнаруженіе ихъ посредствомъ увеличивающихъ оптическихъ инструментовъ. Дѣло въ томъ, что такъ называемыя инфузоріи, находящіяся въ водѣ, гиганты въ сравненіи съ тѣми микроскопическими существами, которымъ принадлежитъ главная роль въ происхожденіи и развитіи эпидемическихъ заразительныхъ болѣзней. Одинъ изъ ученыхъ, Сергъ, нашелъ средство, облегчающее открытіе въ водѣ микроскопическихъ существъ вообще малой величины. Онъ проливалъ въ изслѣдуемую воду чрезвычайно малое количество осміевой кислоты: поль-частицы на 1000 частей воды. При этомъ, всѣ микроскопическія существа, находящіяся въ ней, умирали, безъ всякаго измѣненія формы и осѣдали на дно сосуда. Одновременно происходило окрашиваніе ихъ слетка въ черный цвѣтъ.

Наименьшее количество различныхъ микроскопическихъ существъ, содержащихся въ воздухѣ, приходится, по изслѣдованіямъ г. Микеля, на долю такъ называемыхъ бактерій. Интересна слѣдующая особенность, которую они представляютъ сравнительно съ другими. Вмѣстѣ съ прочими онѣ подчиняются одинаково вышеприведенному вліянію временъ года, но относительно сырости обнаруживаютъ обратное явленіе. Именно, бактерій гораздо меньше содержится въ воздухѣ во время сырой погоды, тогда какъ во время засухи число ихъ значительно увеличивается. Соотвѣтственно этому, онъ замѣчалъ уменьшеніе и увеличеніе смертныхъ случаевъ отъ эпидемическихъ болѣзней, разносимыхъ этими микроскопическими существами.

Гарунъ-Аль-Рашидъ и арабскія сказки. Кто изъ насъ въ дѣтствѣ не увлекался арабскими сказками и незнакомъ съ однимъ изъ ихъ героевъ—величавымъ и справедливымъ Калифомъ Гаруномъ-Аль-Рашидомъ. Пылкая восточная фантазія дѣйствительно облекла его въ самый обаятельный образъ; по восточнымъ разсказамъ онъ былъ образцовый правитель, часто инкогнито бродившій по улицамъ Багдада, чтобы заботиться лично о благосостояніи и безопасности своихъ подданныхъ. Но вотъ англичанинъ Пальмеръ недавно издалъ въ свѣтъ исторію Гаруна-Аль-Рашида, основанную на несомнѣнныхъ документахъ и сказочный герой, справедливый и человѣчный калифъ оказывается очень обыкновеннымъ на старомъ востокѣ жестокимъ и вѣроломнымъ деспотомъ. Онъ дѣйствительно уважалъ поэтовъ и ученыхъ; самъ писалъ стихи и велъ безконечные богословскіе споры съ улемами о коранѣ, но лаская и награждая какого-нибудь умника, онъ не задумывался въ случаѣ отрубить ему и голову. Оффиціальный исполнитель казней часто сопровождалъ калифа, чтобы по его знаку быть готовымъ.

Преступникъ. Не такъ давно въ итальянской литературѣ появилась книга г. Ломброзо Homo delinquente (преступникъ), представляющая собою плодъ долгихъ, точныхъ и терпѣливыхъ изслѣдованій. Прежде нежели написать ее, авторъ собралъ настоящій музей, представляющій всѣ особенности жизни преступниковъ, начиная съ ихъ череповъ и фотографическихъ карточекъ и кончая образцами ихъ почерка. Въ своемъ трудѣ, г. Ломброзо точно раздѣляетъ нарушителей закона на совершающихъ преступленія по побужденію (импульсу) и по состоянію. Преступникъ по побужденію дѣлается таковымъ подъ какимъ-либо внезапнымъ вліяніемъ безъ всякаго предшествующаго и безъ повторенія преступнаго дѣянія. Въ этомъ смыслѣ, каждый изъ насъ можетъ, понятно, сдѣлаться преступникомъ. Наоборотъ, преступникъ по состоянію обладаетъ предрасположеніями къ преступленію, прочно утвердившимися и, такъ сказать, начертанными въ его организмѣ.

Игры и задачи.



О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 годъ.

Огромный успѣхъ, встрѣченный нашимъ журналомъ въ нынѣшнемъ году, побуждаетъ насъ познакомить нашихъ новыхъ читателей съ содержаніемъ его на 1882 годъ.

Со слѣдующихъ же №№ „Нивы“ по окончаніи романа „Подъ землею“ начнется цѣлый рядъ талантливыхъ литературныхъ произведеній, изъ коихъ мы назовемъ только нѣкоторые, именно — романъ **Вс. С. Соловьева „Волтерьянецъ“**, служащій продолженіемъ его же прекраснаго романа „Сергѣй Горбатовъ“—тѣ же лица являются уже дѣятелями новаго царствованія. Еще будутъ напечатаны — большая повѣсть **П. П. Гнѣдича „Въ Южной глуши“**, разсказъ **Н. Успенскаго „Нѣтъ худа безъ добра“**, разсказъ **С. В. Максимова „Барышники“**; разсказъ **К. К. Случевскаго „Маньякъ“**; разсказъ **Н. Боева „На озерѣ“**; рядъ разск. **А. Я. Максимова** изъ жизни **на крайнемъ Востокѣ** и рядъ разск. талантлив. **Н. Н. Каразина** изъ **жизни въ Средне-Азіатскихъ степяхъ.**

Какъ премія на 1882 годъ (кромѣ большаго стѣннаго календаря, уже полученнаго нашими подписчиками при № 1) будетъ дана **новая, очень большая картина профессора В. И. Якобія**

„Дорогой гость“.

Картина печатана красками и величиною и качествами, можно смѣло сказать, превосходитъ всѣ прежнія преміи „Нивы“ (82½ сант. вышины и 62 сант. шир.). Никто еще ни въ Россіи, ни за границей не рѣшался выставлять оригиналъ картины **рядомъ съ копіей**, что было дѣлано нами въ главной конторѣ редакціи въ теченіи декабря и половины января. Выставлялись и оригиналъ, и копія вмѣстѣ для того, чтобы каждый желающій могъ самъ убѣдиться въ высокомъ достоинствѣ исполненія копіи съ этой превосходной картины. Теперь первые полученные экземпляры копій выставлены во всѣхъ большихъ городахъ Россіи. Общая высылка премій будетъ, по обыкновенію, въ октябрѣ сего года.

Премія эта будетъ выслана, не смотря на значительные расходы за высылку, какъ и въ прошлыхъ годахъ—совершенно **безплатно** для **годовыхъ подписчик.** Подробное объявленіе о цѣнахъ можно видѣть на 1-й стран. № подъ титуломъ. Желающихъ подписаться просятъ обращ. въ **Главную Контору редакціи журнала „Нива“** (СПБ, Бол. Морская, № 9).

☛ **Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. номера со всѣми приложеніями.** ☚

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

Вышла въ свѣтъ и продается въ конторѣ Редакціи „НИВЫ“ и во всѣхъ извѣстныхъ Книжныхъ магазинахъ

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

историческая повѣсть въ двухъ частяхъ

Всеволода Сергѣевича СОЛОВЬЕВА

съ 21 рисунками **И С. Панова**

Второе изданіе

большой томъ in 8—всего 310 страницъ С.-Петербургъ 1882 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** по больш. Морской д. № 9. Цѣна **2 рубл.**, съ пересылкою **2 рубл. 50 к.**

Подписчики „НИВЫ“ за пересылку не платятъ. 3—3

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-Петербургъ
Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ, собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 26—

Только что отпечатана и поступила въ продажу въ Петербургѣ и Москвѣ
НОВАЯ КНИГА А. ЭСПИНАСА

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ.

Опытъ сравнительной психологіи съ краткимъ очеркомъ соціологіи. Переводъ **Ф. Павленкова.** Спб. 1882 г. 500 страницъ. Цѣна **2 р. 50 к.** № 1940

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовкаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 60 для подписч. „НИВЫ“ 1882 г. 75 к., съ перес. 1 р.

Единственное доказательство подлинности, если эта-же фабричная марка находится на этикетахъ.

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ отъ **Л. Г. ПИШТЪ и Комп. въ Бреславлѣ** *).

Признанъ за **лучшее средство** противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная съ **простаго катарра до чахотки** и противъ блѣдной немочи.

Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ въ **С.-Петербургѣ.**

Въ Москвѣ у Н. Магейзенъ; въ **Варшавѣ** у Лудвига Шписъ и Сына. № 1938

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. и 2 руб. у русск. общ. торговли аптекарск. товар. Казанская, 12, собственный домъ.

Первымъ мною приготовленная и введенная въ продажу

УКСУСНАЯ ЭССЕНЦІЯ

поддѣлывается многими. Позднѣйшія изслѣдованія мои обнаружили во всѣхъ поддѣльныхъ эссенціяхъ или меньшую крѣпость или же другіе, болѣе непріятные, недостатки. Нежелающіе практически убѣждаться въ этомъ, найдутъ **настоящую мою, подъ моимъ форменнымъ ярлыкомъ**, эссенцію какъ у меня, такъ и въ колоніальныхъ магазинахъ въ Москвѣ и повсемѣстно въ провинціи, начиная отъ Архангельска до Карса и отъ Варшавы до Самарканда и до Николаевска на Амурѣ. ц. № 1866 5—2

Ц. № 1866 5—1 **Р. Кёлеръ.**

СТАРШІЙ ВРАЧЪ Дагестанской области проситъ отставныхъ врачей: Александра Доброва и Арсенія Вейса сообщить о мѣстахъ ихъ жительства, адресув въ г. Темиръ-Ханъ-Шуру. № 1942

НОВЫЯ ПРИВИЛЛЕГИРОВАННЫЯ УНИВЕРСАЛЬНЫЯ СѢЯЛКИ ВЪ РАЗБРОСЪ КАРЛА БЕРМАНА по 125 руб.

УНИВЕРСАЛЬНЫЯ СѢЯЛКИ ВЪ РАЗБРОСЪ СИСТЕМЫ ЭКЕРТА по 110 р.

а также плуги, бороны и проч. земледѣльческія орудія и машины

предлагаетъ со склада

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, № 10 и **Москва,** Мясницкая, домъ Сытова.

Иллюстрированные каталоги по востребованію

№ 1935 4—1

ПОЛНЫЙ ТОМЪ
„НИВЫ“ 1881 года,

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,100 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. С. Соловьева—„Сергѣй Горбатовъ“**, большой романъ **Іокая—„Червонное золото“**; разсказъ **Авсѣенко—„Мгновеніе“**, повѣсть **П. Петрова**—„Горные орлы“; разсказы **Н. Каразина, Н. Успенскаго, П. Гнѣдича** и много другихъ повѣстей и разсказовъ, до 200 популярно-научныхъ статей по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч. и двѣ оригинальныя акварельныя преміи-картины Придворнаго художника **М. Зичи** изъ повѣсти **Гоголя „Тарасъ Бульба“**:

1) **Свиданіе Андрія съ красавицей-польной.**
2) **Встрѣча Тараса съ Андріемъ на полѣ битвы.**

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к.	Въ каленко. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 5 „ — „	Съ пересылкою 7 „ — „

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

Новѣйшій иллюстрированный альбомъ

МАШИНЪ ВЕЙЛЯ

содержитъ болѣе 150 прекрасныхъ иллюстрацій и техническихъ описаній машинъ всякаго рода и высылается франко и рекомендованный за пересылкой 1 рубля.

Моритцъ Вейль младшій машинный заводъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, Германія. Р. № 1902

Изданіе А. Ф. Маркса въ Спб.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Марлитта.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. **2** р., для подписч. „НИВЫ“ 1881 г. 1 р. 25 коп. съ перес. 1 р. 50 к.

Преданье старины глубокой.
А. Пушкинъ.

РАДОМІРЪ,

поэма **Ивана Бочарова.** Цѣна **одинъ** рубль: съ пересылкою: **въ Россіи**—1 руб. 25 коп., **за границу**—1 р. 50 к. (Музыка Н. П. Брянскаго). Складъ изданія: близъ Николаевскаго вокзала, Набережная Лиговки, домъ 24, кв. 17, въ СПБургѣ. № 1 34

Дозволено цензурою. СПБ. 18 февраля 1881 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ | годъ XIII

№ 9 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выдавъ 27 Февраля. 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Ея Императорское Высочество Великая Кн. Марія Павловна.

Уже не одну недѣлю наше столичное населеніе слѣдитъ съ душевной тревогой, съ замираніемъ сердца за всѣми фазами тяжкой болѣзни Великой Княгини Маріи Павловны. Чуть не на расхватъ читались ежедневно бюллетени докторовъ и каждый съ тревогой слѣдилъ за всѣми симптомами улучшающими или ухудшающими состояніе Августѣйшей больной. И это всеобщее участіе, эта всеобщая тревога, вызывается не только высокимъ общественнымъ положеніемъ Великой Княгини, но и общественными къ ней глубокими симпатіями и ея широкою благотворительною дѣятельностью, которая, какъ мы думаемъ, извѣстна каждому изъ жителей нашей столицы.

Великая Княгиня Марія Павловна по происхожденію Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, родилась въ Шверинѣ 2 (14) мая 1854 г. и при крещеніи была наречена Маріей, Александриной, Елизаветой, Элеонорой. Отецъ ея Великій Герцогъ Фридрихъ-Францъ II до нынѣ является представителемъ одной изъ германскихъ царственныхъ династій, состоящей въ самыхъ близкихъ связяхъ съ нашимъ Императорскимъ домомъ. Такъ дѣдъ В. К. Маріи Павловны, Великій Герцогъ Фридрихъ Павелъ былъ сыномъ второй дочери Императора Павла I, Елены Павловны а бабка приходилась родною сестрою Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Первое августа 1874 года было радостнымъ днемъ для нашей столицы: Высоконареченная невѣста В. К. Владиміра Александровича совершала свой торжественный въѣздъ въ Царское Село. Затѣмъ 16 августа слѣдовало бракосочетаніе августѣйшей четы. Празднества слѣдовали за празднествами и народъ ликовалъ, сочувствуя счастію и радости царственной семьи. Радость эта усугубилась еще и тѣмъ, что тогда же стало извѣстно что еще на своей родинѣ Великая Княгиня Марія Павловна отличалась глубокою религіозностью и самою широкою благотворительною дѣятельностью. Прощаніе ея съ населеніемъ

Е. И. В. Великая Кн. Марія Павловна. Съ фотогр. Левицкаго. грав. Ю. Барановскій.

Шверина было самое трогательное, самое сердечное; бѣдняки провожали свою добрую герцогиню молитвами и благими пожеланіями а высшее общество въ лицѣ нѣсколькихъ дамъ, поднесло Ея Высочеству старинную библію, въ голубомъ бархатномъ переплетѣ, съ серебрянымъ окладомъ.

Отрадное предчувствіе нашего общества дѣйствительно не было обмануто; Великая Княгиня и для насъ явилась въ томъ же обаяніи доброты и доступности и ея плодотворная дѣятельность блистательно отразилась на многихъ нашихъ общественныхъ, благотворительныхъ учрежденіяхъ, которые состоятъ подъ ея высокимъ попечительствомъ и покровительствомъ.

Радость Царственной Семьи—рожденіе Велик. Кн. Елены Владиміровны—омрачена была тяжкою болѣзнью Августѣйшей родительницы. Кромѣ Высоконоворожденной у Ея Высочества три сына: В. Кн. Кириллъ Владиміровичъ род. 30 сент. 1876 г. В. Кн. Борисъ Владиміровичъ. род. 12 Ноября 1877 г. и В. Кн. Андрей Владиміровичъ, род. 2 мая 1879 г. Здоровье Ея Высочества теперь значительно улучшается. Родитель Великой Княгини Маріи Павловны, Велик. Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, въ настоящее время находится въ нашей столицѣ, удрученный тяжкою скорбью, вслѣдствіе смерти его младшей дочери, юной герцогини Анны, недавно скончавшейся въ Шверинѣ отъ воспаленія легкихъ.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

помѣщеннаго въ „Нивѣ" 1881 года,*)

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.
Дома.

Съ нѣкотораго времени проходившіе и проѣзжавшіе по набережной Мойки, недалеко отъ Невскаго проспекта, замѣчали признаки особеннаго оживленія въ одномъ изъ роскошныхъ домовъ, который петербургскіе жители привыкли, въ теченіе восьми лѣтъ, видѣть всегда мрачнымъ и заколоченнымъ.

Домъ этотъ былъ построенъ еще въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Въ немъ когда-то жилось шумно и весело, потомъ онъ былъ покинутъ, запертъ и стоялъ такъ многіе годы. Затѣмъ, и именно восемь лѣтъ тому назадъ, онъ снова оживился, былъ отдѣланъ заново, къ его парадному широкому подъѣзду то и дѣло подкатывали богатые экипажи...

Но эта жизнь длилась самое короткое время, всего нѣсколько мѣсяцевъ и опять старый домъ погрузился въ тишину и печально глядѣлъ своими темными, каменными стѣнами, своими огромными заколоченными окнами.

Петербуржцы знали что домъ этотъ принадлежитъ представителю одной изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ русскихъ фамилій. Слыхали они что владѣлецъ его, молодой вельможа, живетъ гдѣ-то въ чужихъ краяхъ и уже восемь лѣтъ не возвращается на родину.

Смутно разсказывалось, если рѣчь заводилась о барскомъ заколоченномъ домѣ на Мойкѣ, будто владѣлецъ его пользовался большими милостями императрицы Екатерины, да видно съумѣлъ нажить себѣ враговъ сильныхъ и въ чужихъ краяхъ остается онъ не вольной волею,—и хотѣлъ-бы, молъ, на родину, да возвращаться не приказано.

Сначала объ этомъ шли по городу толки, интересовались молодымъ вельможею. Но промчался годъ, другой, третій, — говоръ стихалъ и теперь, черезъ восемь лѣтъ, никому не было дѣла до этого далекаго человѣка—его совсѣмъ позабыли. Старый заколоченный домъ стоялъ какъ надгробный памятникъ, съ котораго совсѣмъ уже стерлась эпитафія, — онъ не возбуждалъ ничьего любопытства...

И вдругъ въ этомъ домѣ движеніе, вдругъ заколоченныя окна стоятъ настежъ и лучи солнца, пробираясь внутрь обширныхъ покоевъ, скользятъ по лѣпнымъ потолкамъ, по золоченымъ рамамъ картинъ, по вазамъ, статуямъ и богатымъ штофнымъ драпировкамъ.

Прохожіе останавливаются и дивятся на эту выглядывающую роскошь барскихъ чертоговъ. А по вечерамъ, когда темень спустится на городъ и съ Мойки поднимется туманъ, сквозь который едва мигаютъ кое-гдѣ разставленные фонари набережной, еще изумительнѣе становится зрѣлище: мѣсто, которое всегда казалось какимъ-то проваломъ среди веселыхъ огней сосѣднихъ домовъ, теперь озаряется то меркнущимъ, то вновь появляющимся свѣтомъ, огни то показываются, то исчезаютъ, въ домѣ по всѣмъ покоямъ очевидно ходятъ со свѣчами...

— Горбатовскій домъ отперли! говорятъ въ городѣ. Проданъ онъ что-ли? Кто въ немъ жить будетъ?..

Старымъ позабытымъ мертвецомъ опять начинаютъ интересоваться и узнаютъ что домъ не проданъ, что его приготовляютъ къ пріѣзду владѣльца, который на этихъ дняхъ долженъ возвратиться изъ чужихъ краевъ.

И вотъ вспоминаютъ петербуржцы старый разсказъ о томъ „какъ молодой вельможа пользовался милостями Государыни, да видно съумѣлъ себѣ нажить враговъ сильныхъ и восемь лѣтъ пробылъ гдѣ-то далеко, не имѣя возможности возвратиться на родину"...

Проходитъ еще нѣсколько дней. Парадный подъѣздъ стоитъ настежъ. Внушительнаго вида швейцаръ съ огромной булавой то и дѣло показывается у высокихъ дверей, карнизъ которыхъ украшенъ старымъ гербомъ рода Горбатовыхъ. Владѣлецъ возвратился.

Ненастное петербургское утро озаряетъ своимъ блѣднымъ свѣтомъ обширную комнату. Частый окладной сентябрскій дождикъ стучитъ въ окна.

Въ комнатѣ, устланной мягкимъ ковромъ, заставленной массивной мебелью — большой безпорядокъ. По самой серединѣ, на коврѣ, стоятъ нѣсколько дорожныхъ ящиковъ. Они распакованы и изъ нихъ выглядываютъ корешки французскихъ и англійскихъ книгъ, старинные кожаные переплеты рѣдкихъ изданій. По комнатѣ взадъ и впередъ медленнымъ шагомъ бродитъ человѣкъ небольшаго роста, стройный и крѣпко сложенный, одѣтый въ черное траурное платье англійскаго покроя. Онъ еще молодъ, самое большее ему тридцать лѣтъ. Блѣдное тонкоочерченное лицо его чрезвычайно красиво. На этомъ лицѣ лежитъ постоянно тѣнь не то тоски, не то скуки и придаетъ ему утомленное, разсѣянное выраженіе.

Этотъ молодой человѣкъ и есть возвратившійся на родину изгнанникъ—Сергѣй Борисовичъ Горбатовъ.

Онъ пріѣхалъ поздно вечеромъ и, утомленный долгимъ путемъ, едва раздѣвшись, заснулъ какъ убитый.

Нѣсколько часовъ крѣпкаго сна какъ рукой сняли его усталость.

Онъ велѣлъ принести свой утренній завтракъ въ рабочую комнату, приказалъ никого не впускать къ себѣ и вотъ уже больше часу бродитъ между распакованными книгами не замѣчая времени. Завтракъ давно простылъ на столѣ, но онъ совсѣмъ и позабылъ о немъ...

Онъ опять здѣсь, въ своемъ петербургскомъ домѣ и кажется ему что все это было такъ недавно, когда онъ, передъ своимъ отъѣздомъ въ Парижъ, вошелъ въ послѣдній разъ въ эту комнату и заперъ на ключъ бюро.

*) Желающіе пріобрѣсти „Ниву" 1881 г. могутъ ее получить въ конторѣ за объявленную цѣну (безъ дост. 4 р., съ перес. 5 р. 50 к.).

Вотъ этотъ ключъ, онъ не забылъ его, привезъ съ собою.

Онъ отперъ бюро. Всѣ бумаги на мѣстѣ, будто вчера уложилъ онъ ихъ,—а вѣдь это было лѣтомъ 1789 года. Онъ уѣзжалъ торопливо, радуясь своей нежданной поѣздкѣ, о которой давно мечталъ, и въ то же время смущаясь нѣкоторыми обстоятельствами, вызвавшими эту поѣздку. Онъ уѣзжалъ розовымъ красавцемъ-юношей, едва окунувшимся въ водоворотъ столичной жизни, едва испытавшимъ и первые успѣхи, и первыя разочарованія.

Онъ невольно переносился теперь мысленно къ тому времени, вспоминалъ свои занятія въ иностранной коллегіи у графа Безбородки, веселости блестящей петербургской молодежи, которая тщетно старалась совратить его и съ досады называла „монахомъ". Вспоминалъ онъ оживленные вечера эрмитажа, неизмѣнное вниманіе и милости государыни къ нему, юному дипломату. Вспоминалъ аллеи и дорожки царскосельскаго сада, блѣдное и печальное лицо графа Мамонова, свою кратковременную дружбу съ нимъ; встрѣчу съ императрицей у царскосельскаго озера, въ тотъ жаркій лѣтній вечеръ, когда онъ мечталъ о своей невѣстѣ княжнѣ Танѣ Пересвѣтовой, которая все звала его въ деревню...

А вотъ и послѣдняя нежданная аудіенція у государыни. Онъ какъ теперь слышитъ тихій, спокойный голосъ Екатерины:

„Я намѣрена возложить на васъ такое порученіе, какое могу дать только человѣку, въ способностяхъ коего, скромности и разумности вполнѣ увѣрена. Я получила очень серьезныя депеши и письма отъ Симолина и мой отвѣтъ долженъ заключать въ себѣ подробную программу дальнѣйшаго способа нашихъ дѣйствій относительно Франціи. Мнѣ нуженъ вѣрный человѣкъ, который передалъ-бы Симолину письмо и нѣкоторые документы, и который-бы кромѣ того, зная мои взгляды, могъ быть ему полезнымъ помощникомъ въ такое трудное, шаткое время. Готовы ли вы служить мнѣ"?..

Она давала ему только одинъ день на приготовленія къ отъѣзду. Онъ не имѣлъ возможности заѣхать въ деревню проститься со старухой матерью, проститься съ невѣстой. Онъ успѣлъ только съѣздить въ Гатчину, къ цесаревичу.

Цесаревичъ считалъ эту поѣздку очень полезной для молодаго человѣка, очень своевременной — и благословилъ его въ путь.

Еще одно послѣднее посѣщеніе царскосельскаго дворца, прощаніе съ императрицей:

„Съ Богомъ — и добраго пути, мой другъ"!..

Ея полушутливыя, полусерьезныя наставленія... ея грустный и ласковый взглядъ... А у двери кабинета нахальное красивое, женственное лицо молоденькаго дежурнаго офицера — Платона Зубова. Онъ какъ теперь его видитъ, этого мальчика, который такъ заискивалъ передъ нимъ, который казался такимъ пустымъ, ничтожнымъ, который взялъ у него деньги чтобы кинуть ихъ къ ногамъ пѣвицы цыганки, отъ которой съ такимъ дѣтскимъ ужасомъ бѣжалъ онъ, Горбатовъ...

И вдругъ этотъ мальчикъ въ одинъ день, въ одинъ часъ сталъ неузнаваемъ.

— Позвольте пожелать вамъ счастливаго пути, Сергѣй Борисовичъ! А должокъ-то забыли?! Вотъ-съ, получите при великой моей благодарности!..

— Вы ничего не должны мнѣ, господинъ Зубовъ, и денегъ отъ васъ я не приму....

Все это въ мельчайшихъ подробностяхъ припоминается Сергѣю Горбатову.

Но онъ не можетъ вспомнить съ какою злобою посмотрѣлъ ему вслѣдъ Платонъ Зубовъ, съ какимъ бѣшенствомъ прошепталъ онъ:

— Этого я тебѣ, голубчикъ, не забуду!!

Онъ уѣхалъ со своимъ воспитателемъ, французомъ Рено, со старымъ преданнымъ другомъ — карликомъ Моською. Онъ радъ былъ забыть весь этотъ шумъ, всѣ эти волненія, которыя послѣ тихой деревенской жизни сразу нахлынули на него и отуманили. Онъ радъ былъ окунуться въ другую жизнь, о которой съ дѣтства восторженно толковалъ ему воспитатель, онъ трепеталъ отъ восторга помышляя о томъ, что завѣтная мечта осуществляется, что онъ увидитъ Парижъ — эту обѣтованную землю мыслящаго человѣчества!

Наконецъ онъ въ Парижѣ, въ послѣдніе дни версальскаго двора, въ страшные дни разразившейся революціи. Воспитатель покидаетъ его, охваченный революціоннымъ потокомъ. Карликъ Моська чувствуетъ себя въ самомъ центрѣ ада, и съ ужасомъ ждетъ погибели своего дорогаго Сергѣя Борисыча. Но какое дѣло Сергѣю Борисычу до этихъ мученій стараго пѣстуна! Онъ живетъ новой жизнью — первая страсть безумно и мучительно охватила его; позабыто все прежнее, будто никогда его и небывало. Позабыта далекая Таня!..

Онъ не видитъ еще и не предчувствуетъ, что его Мари, эта блестящая герцогиня д'Ориньи, одна изъ любимыхъ придворныхъ дамъ Маріи Антуанеты, уже натѣшилась его пыломъ, уже скучаетъ его страстной и требовательной любовью, уже замышляетъ измѣну.

И вотъ все разомъ, со всѣхъ сторонъ,—внезапно надвинулись тучи... Гроза разразилась. Революція бушуетъ... Онъ—свидѣтель версальскихъ ужасовъ... Версаль не существуетъ болѣе. Каждый день приноситъ печальную новость.

И вмѣстѣ съ этой громадной общественной драмой въ сердцѣ Горбатова разыгрывается другая драма—его вѣра въ любимую женщину поколеблена, его любовь опозорена, онъ ужь не можетъ сомнѣваться въ своемъ несчастьи.

А карликъ Моська торжествуетъ. Его загадочное письмо подѣйствовало — княжна Таня Пересвѣтова, этотъ вчерашній ребенокъ, превратившійся подъ вліяніемъ любви и опасности, грозящей этой любви, въ сильную рѣшительную женщину—въ Парижѣ со своей матерью. Она спасетъ его, своего дорогаго гибнущаго друга. Но спасти его трудно. Онъ околдованъ иными чарами и эти чары не могутъ сразу поддаться чистому и мечтательному чувству княжны Тани...

Вспоминается ему теперь его безобразная дуэль съ шарлатаномъ итальянцемъ, оказавшимся его соперникомъ въ сердцѣ развращенной, жаждавшей и искавшей только разнообразія женщины. Онъ раненъ. Онъ тяжко боленъ. Таня ухаживаетъ за нимъ и дни и ночи... Наступаетъ выздоровленіе. Тишина и спокойствіе нисходятъ въ сердце Сергѣя. Онъ долженъ покинуть Парижъ — императрица рѣшила прекратить дипломатическія сношенія съ Франціей. Отъѣздъ на родину, отъѣздъ вмѣстѣ съ нею, Таней, и тихая, спокойная семейная жизнь вдали отъ шума столицы и двора, въ уединеніи роднаго Горбатовскаго—все это рѣшено, все это должно осуществиться въ самомъ скоромъ времени.

Карликъ Моська торжествуетъ, его молитва услышана—„дите" спасено и вдобавокъ еще проклятый французъ Рено остается въ этомъ дьявольскомъ Парижѣ...

Сергѣй Горбатовъ присѣлъ къ отпертому бюро и наклонился надъ бумагами, оставленными имъ въ немъ восемь лѣтъ тому назадъ, въ день отъѣзда. Его рука дрогнула когда онъ прикоснулся къ синему золотообрѣзному листку, исписанному твердымъ, нѣсколько крупнымъ почеркомъ—письму Тани. Это она тогда еще писала ему, звала его, ждала его пріѣзда.

Онъ прочелъ и перечелъ это письмо и ему уже перестало казаться что это было такъ недавно. Теперь ему представлялось что не восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а прошла цѣлая вѣчность.

Какой довѣрчивой любовью дышали эти строки, какъ высказывалась въ нихъ чистая душа дѣвушки—ребенка, еще совсѣмъ незнакомаго съ жизнью, но уже умѣющаго любить и испытавшаго и тяжелыя мысли, и глубокое нравственное страданіе.

Литературный альбомъ, „Вій“, повѣсть Н. В. Гоголя. Ночь Хомы Брута. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Сергѣй положилъ письмо, нѣсколько минутъ сидѣлъ неподвижно и на блѣдномъ лицѣ его все яснѣе и яснѣе выступало выраженіе тоски и скуки.

— Зачѣмъ она ушла? думалъ онъ,—я былъ-бы счастливъ съ нею! Ее только одну и любилъ я въ жизни!!

II.

Что было.

Но она ушла и именно тогда, когда онъ думалъ что уже больше не разлучится съ нею. Какъ произошло это?

О! онъ никогда не забудетъ этого дня! Онъ уже почти совсѣмъ оправился послѣ своей болѣзни. Докторъ объявилъ ему что черезъ нѣсколько дней онъ будетъ въ состояніи выходить изъ дому. Онъ дѣлалъ послѣднія распоряженія совершенно увѣренный что не можетъ быть никакихъ препятствій къ его отъѣзду изъ Парижа на родину вмѣстѣ съ посольствомъ, вмѣстѣ съ княгиней Пересвѣтовой и Таней.

О герцогинѣ д'Ориньи онъ не думалъ, она для него не существовала, онъ считалъ ее умершей, навсегда для себя умершей. Успокоительное, ободряющее присутствіе Тани и все что онъ вынесъ за послѣднее время повидимому совсѣмъ вырвало изъ него эту безумную страсть, которая чуть было не стоила ему жизни.

А между тѣмъ герцогиня, такъ зло надъ нимъ насмѣявшаяся, такъ цинично его оттолкнувшая, вдругъ о немъ вспомнила. Исторія его дуэли не могла остаться для нея тайной. Она стала о немъ разузнавать и узнала что онъ былъ при смерти боленъ, что онъ выздоравливаетъ, что при немъ молодая дѣвушка, пріѣхавшая изъ Россіи, кто говоритъ — его родственница, кто говоритъ — невѣста.

Сергѣй Горбатовъ становился снова интересенъ для герцогини. Она захотѣла во чтобы то ни стало его увидѣть и увидѣть эту пріѣхавшую дѣвушку. Кто она и какія между ними отношенія? Если она его невѣста, если она думаетъ вырвать ее, герцогиню, изъ его сердца, то нужно показать ей что она жестоко ошибается.

„Развѣ онъ не моя собственность? думала герцогиня. Стоитъ только поманить его—и онъ вернется!“

Она послала ему коротенькую записку, въ которой освѣдомлялась объ его здоровьи, выражала свое сожалѣніе по поводу случившагося и заключала тѣмъ, что если онъ настолько еще непоправился чтобы пріѣхать къ ней, то она сама пріѣдетъ навѣстить его.

Записка эта попала въ руки карлика Моськи, который, не долго думая и безъ всякихъ угрызеній совѣсти, распечаталъ ее, прочелъ не безъ затрудненій, понялъ, снесъ въ свою комнату, заперся, сжегъ записку въ каминѣ, а потомъ тщательно вымылъ себѣ руки какъ послѣ прикосновенія къ чему нибудь отвратительному и ядовитому.

— Ну ужь не бывать этому, ворчалъ онъ самъ съ собою. Оно конечно, Сергѣй Борисычъ и самъ бы сжегъ, да нечего ему и въ ручки давать такое поганство... Жди, матушка, жди отвѣта!..

Карликъ шепталъ это рѣшительнымъ и увѣреннымъ голосомъ и не замѣчалъ что все же видно у него есть какое нибудь сомнѣніе, если онъ такъ тщательно скрываетъ фактъ полученія записки. Поганство оно—это такъ, въ этомъ спору нѣту, да вѣдь вотъ—вымылъ онъ руки и ничего не пристало; не опоганился бы и Сергѣй Борисычъ. Напротивъ, было бы пріятно видѣть спокойное презрѣніе, съ которымъ бы онъ отнесся къ посланію герцогини—нѣтъ, видно тутъ не одна боязнь опоганитъ „дитю“, а что нибудь другое.

Еслибы Моськѣ кто сказалъ, что онъ сомнѣвается въ „дитѣ“, онъ накинулся бы на такого человѣка и сталъ бы просто кусаться. А между тѣмъ онъ все же, тамъ гдѣ то въ глубинѣ своего сознанія, сомнѣвался. Онъ молчалъ про записку, про свой поступокъ и цѣлыхъ три дня бродилъ по дому, высматривая и прислушиваясь не будетъ ли другого посланца, другой записки.

Наконецъ онъ себя успокоилъ.

„Ожглась, грибъ съѣла... въ другой разъ видно не полѣзетъ!“

А герцогиня все ждала отвѣта. Прошло нѣсколько дней—о Горбатовѣ ни слуху, ни духу.

И вотъ, какъ нарочно въ то время какъ карликъ отлучился изъ дому, карета остановилась у подъѣзда дома, занимаемаго Сергѣемъ. Герцогиня д'Ориньи выпрыгнула на широкія ступени крыльца, сбросила закутывавшій ее плащь на руки засуетившейся прислуги и, ни слова не говоря, своей неслышной легкой и граціозной походкой пошла черезъ анфиладу залъ въ кабинетъ Сергѣя.

Устройство дома ей было извѣстно. Она знала въ какой комнатѣ найти хозяина.

Сергѣй полулежалъ въ длинномъ удобномъ креслѣ, придвинутомъ къ камину, огонь котораго озарялъ его блѣдное, похудѣвшее и сильно измѣнившееся лицо. Однако на этомъ лицѣ, не смотря на всѣ слѣды недавнихъ страданій, уже начинали показываться первые признаки возвратившейся жизни, здоровья и спокойствія. Сергѣй былъ еще довольно слабъ, но глаза его свѣтились по прежнему и временами съ тихой лаской останавливались на прелестномъ лицѣ Тани, сидѣвшей неподалеку отъ него за маленькимъ круглымъ столомъ и читавшей ему только что полученныя газеты.

Дверь едва слышно скрипнула, пріотворилась и на порогѣ комнаты показалась стройная женская фигура въ черномъ платьѣ, въ скромной прическѣ, замѣнившей теперь прежнія башни и корабли на головахъ парижскихъ свѣтскихъ женщинъ.

Прошло нѣсколько мгновеній прежде чѣмъ Сергѣй и Таня ее замѣтили. Она имѣла время сдѣлать свои наблюденія. По едва уловимымъ, но яснымъ для нея признакамъ она подмѣтила что эта красавица-дѣвушка, такая юная и свѣжая, съ такимъ энергичнымъ и въ то же время нѣжнымъ выраженіемъ въ лицѣ, не сестра, не сидѣлка. Эта дѣвушка можетъ быть ей соперницей и соперницей опасной.

„Я пришла во время“,—подумала герцогиня.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ по мягкому ковру. Таня обернулась, едва слышно вскрикнула и глядѣла на нее неотрываясь—изумленіе незамѣтно переходило въ страхъ, ужасъ.

— Кто это?! почти безсознательно спросила она Сергѣя и въ тоже время хорошо понимала кто эта женщина, и сколько страшнаго въ ея появленіи.

Сергѣй вскочилъ на ноги и тотчасъ же пошатнулся, ухватился за спинку кресла. Онъ не могъ произнести ни слова, онъ, какъ и Таня, глядѣлъ будто околдованный на герцогиню.

Она приближалась къ нему съ протянутыми руками.

— Serge! проговорила она...

Одно только это слово и проговорила—но она вложила въ него всѣ чары, съ помощью которыхъ такъ еще недавно владѣла этимъ человѣкомъ.

Она улыбнулась ему. Онъ былъ еще слабъ, онъ могъ ожидать чего угодно, только не этого появленія. Онъ не могъ сообразить что это такое, гдѣ онъ и кто съ нимъ. Онъ только слышалъ голосъ, который сразу поднялъ въ немъ все счастье и муки недавняго прошлаго. Онъ только видѣлъ эту улыбку, отъ которой всегда сходилъ съума.

И это, совсѣмъ было позабытое, невыносимое видѣніе все ближе, ближе... Она сжала его холодную, трепетавшую руку.

Онъ на мгновеніе отстранился, будто хотѣлъ защититься, онъ озирался испуганно и безпомощно, будто ища то существо, которое одно только и могло спасти его. Но онъ уже не видѣлъ, не замѣчалъ Тани, онъ ничего не видѣлъ.

И вдругъ, съ крикомъ страсти, кинулся къ герцогинѣ и упалъ у ногъ ея, теряя сознаніе...

Что потомъ было—онъ не помнилъ. Когда онъ совсѣмъ очнулся онъ лежалъ въ своей спальнѣ—не было ни Тани, ни герцогини, только Моська за нимъ ухаживалъ. Потомъ появился докторъ.

Моська былъ мраченъ. На всѣ вопросы Сергѣя онъ упорно молчалъ, только сморщенное крошечное старое лицо его какъ то передергивалось и на глазахъ то и дѣло навертывались слезы, которыя онъ смаргивалъ, или втихомолку вытиралъ дрожащимъ кулаченкомъ.

Прошло нѣсколько часовъ. Сергѣй снова чувствовалъ себя сильнѣе. Онъ съ ужасомъ вспомнилъ появленіе герцогини; но не понималъ что съ нимъ такое было.

Этотъ демонъ появился такъ нежданно, этотъ демонъ могъ опять очаровать его на мгновеніе, но прежней силы уже не имѣетъ надъ нимъ.

Нѣтъ, все конечно, возврата нѣтъ больше, онъ не любитъ ее—она ему ужасна... отвратительна...

— Гдѣ Таня!.. Таня!..

И онъ увидѣлъ Таню. Но Таня была не вчерашняя, не сегодняшняя... Таня была новая.

Онъ просилъ у нея прощенія за свою невольную вину передъ нею.

— Если бы я только могъ думать, говорилъ онъ,—что эта ужасная женщина рѣшится сюда явиться я бы приказалъ ее не впускать; но могъ ли я объ этомъ думать?! Я былъ въ такомъ ужасѣ...

Онъ пробовалъ защититься, онъ пробовалъ объяснить свой обморокъ неожиданностью и негодованіемъ. Но Таня только тихо качала головою и глядѣла на него какими то сухими, странными, но въ то же время спокойными глазами.

— Зачѣмъ, Сергѣй Борисычъ, не надо... тебѣ вовсе нечего извиняться передо мною!..

А между тѣмъ онъ все же чувствовалъ, что виноватъ и что врядъ ли получитъ прощеніе.

Онъ робко сталъ говорить объ ихъ отъѣздѣ. Таня тоже говорила объ отъѣздѣ. Но изъ словъ ея такъ выходило, что они, достигнувъ Россіи, разъѣдутся въ разныя стороны.

— Таня, какъ же это? едва слышно, едва ворочая языкомъ шепталъ Сергѣй.—Я думалъ что мы ужъ никогда не разстанемся съ тобою. Таня, зачѣмъ ты хочешь меня оставить, вѣдь это невозможно!.. или ты совсѣмъ разлюбила меня?!! ты меня презираешь?!

Она подняла на него тихіе глаза и сказала:

— Презирать?! Боже мой, да за что же? Я все та же и тѣ же мои чувства. Но того, о чемъ ты думаешь, Сергѣй Борисычъ, никогда не можетъ статься. Ты не меня любишь... и я скорѣе умру чѣмъ стану твоей женою...

Что онъ могъ возразить ей? Развѣ она не провела здѣсь все это послѣднее время, развѣ мало оскорбленій нанесъ онъ ея чувству. Да и самъ онъ не понималъ себя: вмѣсто вчерашняго спокойствія въ немъ былъ опять хаосъ. Онъ сознавалъ что недавнее прошлое еще не забылось, не стерлось окончательно.

— Это твое послѣднее слово, Таня? уныло проговорилъ онъ.

— Да, послѣднее слово и довольно объ этомъ. Знай что я навсегда останусь твоей сестрой, твоимъ другомъ, но мы ужъ не женихъ и невѣста... давно не женихъ и невѣста. Это была ошибка, дѣтская фантазія. Забудемъ же... и поскорѣе... и навсегда, такъ чтобы мысль о ней, объ этой нашей ошибкѣ, не стояла между нами и не портила нашей дружбы... вотъ и все... и хорошо что такъ кончилось... и будемъ навсегда друзьями!

Она протянула ему руку, она улыбалась ему, казалась такой спокойной.

Онъ сидѣлъ совершенно растерянный, ненавидя себя и презирая.

Таня еще разъ ему ободрительно улыбнулась и вышла отъ него своей твердой, походкой. Она медленно прошла рядъ комнатъ, дошла до своей спальни, заперла дверь на ключъ и нѣсколько мгновеній стояла неподвижно. Она была на себя не похожа—такимъ отчаяннымъ, такимъ страшнымъ казалось лицо ея. Наконецъ изъ широко раскрытыхъ, почти остановившихся глазъ брызнули слезы и полились онѣ неудержимо—тихія, неслышныя, горькія...

Старая поговорка—что бѣда не приходитъ одна, а приводитъ съ собою и другую—въ этотъ день оправдалась на Сергѣѣ.

У него оставалась одна надежда, одно утѣшеніе—время сдѣлаетъ свое дѣло, пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, ну хоть цѣлый годъ, и Таня наконецъ должна будетъ позабыть нанесенную ей обиду, должна будетъ убѣдиться, что онъ дѣйствительно ее любитъ и что ей незазорно стать его женою. Все же они вмѣстѣ поѣдутъ... и потомъ, въ Россіи, онъ не оставитъ ее. Зачѣмъ ему Петербургъ, зачѣмъ служба? Онъ уѣдетъ въ деревню, въ Горбатовское, чтобы быть какъ можно чаще съ Таней...

Вѣдь не могутъ же не отпустить его, не могутъ силой держать въ Петербургѣ.

А между тѣмъ въ этотъ же вечеръ ему доложили о пріѣздѣ старика Симолина. Онъ изумился. Посланникъ въ послѣднее время никуда не выѣзжалъ. Вѣрно что нибудь особенно важное.

Что было нѣчто важное—въ этомъ онъ долженъ былъ убѣдиться при первомъ же взглядѣ на своего гостя.

Добродушный и любезный старикъ держалъ себя какъ то странно, ему очевидно было неловко и наконецъ онъ вынулъ изъ кармана и подалъ Сергѣю какую то бумагу.

— Прочтите, сказалъ онъ,—только ради Бога не волнуйтесь, относитесь какъ можно спокойнѣе къ этому дѣлу,—это единственное что можно сдѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Сергѣй схватилъ бумагу, быстро пробѣжалъ и она выпала у него изъ рукъ. Онъ хотѣлъ говорить, но нѣсколько мгновеній не могъ произнести ни звука.

— Что же это? наконецъ прошепталъ онъ совсѣмъ блѣдный и едва подавляя злобу, внезапно подступившую къ его сердцу и начинавшую душить его. Вѣдь это уже не немилость, это изгнаніе!.. Я долженъ вернуться въ Россію! Я хотѣлъ тотчасъ же по пріѣздѣ подать въ отставку и удалиться въ деревню...

— Какъ видите, теперь нельзя объ этомъ и думать,—спокойно и ласково возразилъ ему Симолинъ,—обождите. О немилости пока и говорить нечего—вы видите какъ обставлено дѣло. Для васъ нѣтъ никакого пониженія по службѣ, напротивъ, скорѣе повышеніе. Я передамъ вамъ въ Лондонъ очень важныя бумаги, ваше положеніе въ Лондонскомъ посольствѣ будетъ прекрасно.

— Боже мой, я не могу, я не могу ѣхать въ Лондонъ, я долженъ вернуться въ Россію непремѣнно. За что же такъ?!..

— Будьте благоразумны! все также спокойно и ласково настаивалъ Симолинъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я все разузнаю и напишу вамъ. Будьте увѣрены, что все это только временно и не надолго. Вѣроятно уже получено извѣстіе о вашей дуэли. Конечно кто нибудь повредилъ вамъ, сообщилъ невѣрныя свѣдѣнія. Но я самъ буду говорить съ императрицей, я постараюсь васъ выгородить—положитесь на меня, Сергѣй Борисычъ.

Горбатовъ благодарилъ стараго дипломата, но въ то же время мало разсчитывалъ на его помощь. Для него было ясно, что тутъ вовсе не исторія его дуэли и что если поднимутъ эту исторію, то она будетъ только предлогомъ. Онъ уже догадывался кто истинный врагъ его и кто теперь окончательно портитъ его жизнь, разрушаетъ его планы. Это онъ, тотъ ничтожный мальчикъ, который, какъ слышно, сталъ теперь всемогущимъ человѣкомъ—это Платонъ Зубовъ.

И не прошло недѣли, какъ опустѣлъ роскошный домъ у церкви Магдалины. Сергѣй Горбатовъ съ депешами и письмами выѣхалъ изъ Парижа въ Лондонъ; княгиня и княжна Пересвѣтовы отправились въ Россію въ сопровожденіи карлика Моськи, безъ котораго ни за что не хотѣлъ отпустить ихъ Сергѣй. Карликъ долженъ былъ проводить ихъ и затѣмъ вернуться къ своему господину въ Лондонъ, въ этотъ новый, невѣдомый ему адъ, гдѣ опять вѣрно придется ему скорбѣть и дрожать со страху и оберегать „дитю“ отъ новыхъ погибелей и козней вражескихъ, которыя вотъ теперь осилили и разрушили его благополучіе. А въ это благополучіе такъ вѣрилъ и такъ страстно ждалъ его бѣдный карликъ...

Симолинъ сдержалъ слово, онъ прислалъ Сергѣю письмо изъ Россіи, но ничего пріятнаго не заключалось въ письмѣ этомъ. Отставки его не желаютъ, возвращеніе его въ Петербургъ считаютъ несвоевременнымъ и вмѣстѣ съ этимъ о дипломатической его карьерѣ заботятся: Упрочиваютъ его положеніе при Лондонскомъ посольствѣ, шлютъ ему знаки отличія.

Горбатовъ такъ и ожидалъ—онъ изгнанникъ. Но онъ еще не хотѣлъ примириться съ этой мыслью—какія-то вѣсти привезетъ карликъ Моська?

И карликъ вернулся съ двумя письмами: одно изъ нихъ было отъ Тани. Но лучше бы она и не писала. Она ли это? Такой сдержанностью, спокойствіемъ и холодомъ вѣяло отъ ея строчекъ. Онъ не смѣлъ жаловаться, не смѣлъ обвинять ее.

Другое письмо, и совсѣмъ уже неожиданное, было отъ цесаревича. Павелъ Петровичъ писалъ, что ему грустно было узнать о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, о легкомысленномъ и недостойномъ серьезнаго человѣка поведеніи, котораго онъ никакъ не ожидалъ отъ Сергѣя.

„Очень не хорошо, писалъ онъ,—но на сей разъ извинить еще можно по молодости и свойственному юнымъ годамъ легкомыслію. Однако пора одуматься и стать человѣкомъ. Тебя не пускаютъ въ Россію и ты, я чаю, не мало на сіе сѣтуешь. Ничего, урокъ нуженъ, одумайся хорошенько и не заставляй меня измѣнять навсегда доброе о тебѣ мнѣніе. Жена на тебя тоже очень сердита“.

Письмо было строгое; но ужь одно то, что цесаревичъ все же собственноручно написалъ, показало Сергѣю что онъ попрежнему расположенъ къ нему и заботится о судьбѣ его. Но вѣдь теперь онъ ничего не можетъ для него сдѣлать, онъ не въ силахъ помочь ему вернуться въ Россію, а вернуться необходимо.

Сергѣй сталъ отчаянно тосковать по родинѣ, ничто его не занимало. Онъ сдѣлалъ послѣднюю попытку—онъ написалъ государынѣ, онъ страстно просилъ ее дозволить ему вернуться. Писалъ что чувствуетъ себя дурно, что Лондонскій климатъ послѣ болѣзни вредно на него дѣйствуетъ. Въ отвѣтъ на это письмо онъ получилъ разрѣшеніе отправиться въ отпускъ для излеченія болѣзни на цѣлебныя минеральныя воды въ Германіи. Приходилось покоряться. Сергѣй махнулъ на все рукой, никуда не поѣхалъ, остался въ Лондонѣ и впалъ въ долгую апатію.

О Танѣ нѣтъ никакаго слуха. Она не въ деревнѣ, вѣроятно въ Петербургѣ, можетъ быть при дворѣ блистаетъ, окружена толпой поклонниковъ. Она такъ красива, молода, богата... женихи... можетъ быть уже и избрала кого нибудь, забыла его. Вѣдь она имѣетъ на это полное право. Первая дѣтская любовь пройдетъ сномъ и ничего отъ нея не останется.

Старуха мать пишетъ изъ деревни печальныя письма. Она уже помирилась съ мыслью жить въ разлукѣ, по цѣлымъ годамъ не видѣть сына. Она занята дочерью невѣстой, сложнымъ деревенскимъ хозяйствомъ. Она попрежнему каждую свободную минуту проводитъ на тихой могилѣ мужа, доживаетъ свой однообразный вѣкъ. И горячо хочется Сергѣю прильнуть къ ней, къ этой нѣжной, простодушной матери, своимъ рано уставшимъ сердцемъ. И онъ пишетъ ей нѣжныя письма, утѣшаетъ, обѣщаетъ скорое свиданіе. Но онъ не можетъ ей повѣрить свою тоску, разсказать ей свою душу—ей трудно было бы понять его, да и жаль мучить бѣдную старуху.

Другъ и воспитатель Рено былъ бы теперь самымъ нужнымъ, самымъ дорогимъ человѣкомъ, но онъ остался въ Парижѣ и что съ нимъ—Сергѣй не знаетъ. Онъ опять пропалъ въ бушующемъ морѣ революціи. Живъ ли онъ, этотъ пламенный демагогъ-ораторъ, съ ужасомъ отшатнувшійся отъ дѣла рукъ своихъ и такъ же страстно кинувшійся защищать то, что недавно проклиналъ?!

Кто же остается? Одинъ карликъ Моська. И этотъ единственный, неизмѣнный другъ слышитъ не разъ прорывающіяся жалобы Сергѣя и утѣшаетъ его по своему, но плохое отъ него утѣшеніе. Онъ находитъ что „дите“ черезчуръ провинилось, черезчуръ нагрѣшило и Богъ послалъ справедливое наказаніе, а слѣдовательно нужно раскаиваться и молиться, и ждать Божьяго милосердія.

Между тѣмъ время идетъ, и хоть на душѣ и тоскливо и мрачно, а все же оно идетъ быстро. Время тревожное, страшное, историческое,—событія разыгрываются одно за другимъ...

Мало по малу Сергѣй примиряется со своимъ положеніемъ, уже не просится въ Россію, онъ привыкъ къ изгнанію—ко всему можно привыкнуть. Онъ все болѣе и болѣе интересуется дѣлами посольства, начинаетъ показываться въ высшемъ лондонскомъ обществѣ, ему, какъ и въ Парижѣ, здѣсь всюду широко открыты двери. Онъ красивъ, богатъ, знатенъ, на немъ останавливаются взгляды молодыхъ, изящныхъ женщинъ. Онъ ищетъ разсѣянія, ищетъ забвенія, съ его именемъ уже связаны двѣ три романическихъ интриги; но онъ далеко не страстный любовникъ: женщины скоро ему надоѣдаютъ, онъ отрывается отъ нихъ для книгъ. И часто въ то время какъ его ждутъ въ свѣтскомъ салонѣ—сидитъ онъ у письменнаго стола и читаетъ.

Опять на сценѣ старые друзья—философы-энциклопедисты. Теперь онъ уже яснѣе понимаетъ ихъ чѣмъ въ тѣ юные годы, когда Рено страстно коментировалъ ему каждую фразу. Теперь уже старикъ Вольтеръ не возбуждаетъ въ немъ прежняго поклоненія, онъ уже способенъ критически къ нему относиться. Но все же этотъ смѣлый, блестящій и циничный умъ имѣетъ на него вліяніе, все же софизмы и облитыя тонкимъ ядомъ насмѣшки фернейскаго отшельника иной разъ такъ гармонируютъ съ раздражительнымъ настроеніемъ Сергѣя.

Однако и книги надоѣдаютъ. Скучно, скучно! въ жизни нѣтъ цѣли, нѣтъ захватывающаго интереса. Юность, горячая, восторженная, полная надеждъ и грезъ, исчезла. Давно ли такъ во все вѣрилось, давно ли было столько любви къ человѣчеству, такъ страстно думалось о судьбахъ его, объ его прогрессѣ?! теперь все это мертво. Снова жизнь даетъ отрезвляющіе уроки. Человѣчество безумствуетъ и, провозглашая что добивается счастія, свободы и равенства, творитъ только неправду, только насиліе. Нѣтъ правды, нѣтъ счастья на свѣтѣ—одна вѣчная и ужасная борьба за существованіе!

Какому же дѣлу служить, чего добиваться? Вся эта работа политиковъ и дипломатовъ только игра, въ значеніе и результаты которой по большей части не вѣрятъ сами игроки.

Скучно! скучно!..

Проходятъ годы какъ тяжелый сонъ и все то же, только скука и скептическое отношеніе ко всему и ко всѣмъ становятся хроническими и неизлѣчимыми...

Наконецъ, послѣ восьмилѣтняго отсутствія, онъ снова на родинѣ.

Онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ своей матери и вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ разрѣшеніе вернуться въ Россію. Онъ не сталъ медлить ни минуты и поѣхалъ, тос-

Діана. Статуя Г. Торнигрофта. грав. Жонаръ.

куя о своей утратѣ, вызывая передъ собою образъ доброй старушки, съ которой неудалось ему даже проститься, которая такъ и не дождалась любимаго сына.

Но не смотря на тоску и горе, онъ все же чувствовалъ, что сердце его какъ то горячо и живо бьется, на него пахнуло свѣжимъ воздухомъ.

И вотъ теперь, въ тишинѣ рабочей комнаты своего петербургскаго дома, онъ очнулся какъ бы отъ спячки.

„Да, это былъ сонъ, долгій и страшный сонъ!“—подумалъ онъ.

Ему захотѣлось жизни, движенія. Онъ сознавалъ наконецъ что все еще молодъ, что еще не все кончено, что впереди для него что нибудь можетъ быть такое, о чемъ онъ уже разучился думать. Ему вспомнилось, что онъ пріѣхалъ не на веселье, не на радость—а на борьбу, на цѣлый рядъ непріятностей.

„Но что же такое?! Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! думалъ онъ.—все же это жизнь, а до сихъ поръ не было никакой жизни. А главное—я дома!“

(До слѣд. №).

Во время бури.

Романъ

М. Іокая.

(Продолженіе).

XIX.

Открытія.

Рокомоцеръ судорожно рванулъ себя за грудь, оторвавъ часть борта своего кафтана.

— Вей, вей мнѣ! Пойдемте ужъ! все равно, пропалъ я!

— Молчать! безъ криковъ, слышишь! Ты хочешь, чтобы сбѣжались сосѣди—я ухлопаю каждаго, кто только посмѣетъ хоть носъ показать сюда!

— Да никто не придетъ, нѣтъ никакихъ сосѣдей, ни одного мужчины не осталось въ деревнѣ—всѣ на „ловѣ“. И все мнѣ равно, пусть застрѣлятъ меня, лучше ужъ сегодня, чѣмъ ждать до завтра! Все разскажу, все. Отдамъ діадему. Она тутъ, у меня! Только теперь дѣло не въ діадемѣ, а я выдамъ всю шайку. Чортъ съ ними! Это—мерзавцы и злодѣи! Если уже они выдали меня, такъ выдамъ-же я ихъ. Разскажу вамъ всю правду, всю подноготную! Противъ Гарговарскаго замка подготовленъ, устроенъ и слаженъ цѣлый заговоръ, который и приведутъ въ исполненіе не позже, какъ въ завтрашнюю-же ночь. Въ заговорѣ этомъ участвуетъ и господинъ Кузенъ и главный зачинщикъ-злодѣй онъ и есть. Настояще-то онъ зовется вовсе не Кузенъ а Рибо и онъ бѣглый каторжникъ, сосланъ былъ въ Тулонъ, на 20 лѣтъ, за грабежъ. Орелъ Криванскій старинный товарищъ его. Кражу брилліантовъ сострянали они оба. Только въ замкѣ еще много другихъ драгоцѣнностей, золота и серебра. Еще тогда-же они спроворили-бы все это, если-бы не помѣшали имъ вы съ вашими мужиками. Теперь они и хотятъ исправить дѣло. Сорокъ отъявленныхъ мошенниковъ изъ Польши и Германіи соединились въ одну шайку, чтобы завтра въ ночь забраться въ замокъ, да такіе сорокъ молодцовъ, что и ночью чорта не испугаются. Изъ окрестныхъ лѣсовъ (гдѣ они теперь попрятаны во всѣхъ ямахъ, въ кустахъ, гдѣ попало), ночью, они соберутся у большаго ручья. Отсюда водопроводъ (невысокій корридоръ) ведетъ наверхъ въ замокъ. Этимъ корридоромъ можно пробраться въ погреба замка. Теперь въ замкѣ двѣнадцать жандармовъ, составляющихъ стражу г. окружнаго комисара. Жандармовъ этихъ Кузенъ опоитъ дурманомъ, и заснутъ они какъ хорьки: а затѣмъ Кузенъ самъ отворитъ въ большомъ погребѣ дверь въ винный погребъ, гдѣ собрана будетъ уже вся шайка и перебьютъ всю прислугу, жандармовъ, графа, по—пощадятъ графиню Пальму, потому что Кузенъ самъ влюбленъ въ нее. Онъ хочетъ взять ее съ собой въ Шварцвальдъ и тамъ обвѣнчаться съ ней по ихнему разбойничьему уставу.

— Что за сказки такія, Рокомоцеръ!

— Сказки? Ваша милость думаете, что это сказки? Ну—хорошо, я не скажу больше ни слова. Пойдемте, я отдамъ вамъ эту, эту—какъ вы ее называете—діадему, что-ли?

Діадема нашлась въ указанномъ мѣстѣ. Брилліанты были цѣлы всѣ до единаго.

— Ну, ваша милость, скажите мнѣ теперь—хорошій человѣкъ Рокомоцеръ? развѣ нѣтъ?

— Странный вопросъ теперь!

— Да вѣдь вы довольны-же мною теперь? Неужели и то не заслуга, что я вамъ открылъ цѣлый воровской планъ насчетъ Гарговарскаго замка?

— Сказки это, сказки! возразилъ нетерпѣливо Францъ.

— Все еще не вѣрите мнѣ? Ну—такъ теперь повѣрите.

Рокомоцеръ досталъ съ полки большую, толстую книгу въ кожаномъ переплетѣ и съ замкомъ: это была какая-то еврейская книга духовнаго содержанія, но, повидимому, приспособленная ея хозяиномъ и къ другимъ цѣлямъ: въ двухъ мѣстахъ листы оказались склеенными. Рокомоцеръ, вскрывъ ихъ, вынулъ оттуда нѣсколько писемъ, которыя и подалъ Иллаваи.

Письма были написаны, въ различное время, Кузеномъ Рокомоцеру и притомъ на условномъ воровскомъ языкѣ, который Иллаваи зналъ, какъ бывшій судья.

Въ первомъ говорилось объ одномъ большомъ дѣлѣ, для котораго требовались компаньоны.

Во второмъ письмѣ уже дѣло шло о дѣлежѣ. Прибытіе Иллаваи ожидается чрезъ нѣсколько дней. Сейчасъ-же послѣ „свадьбы“ Рокомоцеръ отправится въ Вѣну размѣнять французскіе луидоры и англійскія гинеи и девять процентовъ принадлежатъ ему, двадцать Орлу Криванскому, двадцать Кузену, вмѣстѣ съ Пальмой. Въ ней Орелъ не имѣетъ доли....

Кровь ударила въ голову Иллаваи, когда онъ прочелъ имя Пальмы. О, пусть берегутся негодяи! Онъ имъ покажетъ!

Слѣдующее затѣмъ посланіе указывало на возникшее по этому именно поводу пререканіе. Оказывалось, что и Орелъ требовалъ себѣ Пальму. Кузенъ дѣлалъ предложеніе—чтобы, по окончаніи всего предпріятія, Пальмѣ предоставить выборъ, которому изъ двоихъ она пожелаетъ принадлежать.

Глаза Иллаваи горѣли бѣшенымъ огнемъ. Но надо было прочесть послѣднее письмо, въ которомъ былъ подробно изложенъ весь планъ ограбленія замка.

Иллаваи уже прибылъ—сообщалось въ этомъ письмѣ,—зѣвать больше нельзя, такъ какъ на слѣдующій-же день соберутся кредиторы, которые урвутъ значительный клокъ. Поэтому чрезъ день по полученіи письма „шайка“ должна сойтись и спрятаться въ лѣсахъ, примыкающихъ къ Гарговарскому замку. На горномъ скатѣ, прямо противъ Гарго, есть небольшое каменное зданіе съ желѣзною дверью. Тутъ источникъ цистерны, откуда низкій подземный ходъ ведетъ вверхъ, въ замокъ. По этому ходу тянется водопроводная труба, заканчивающаяся въ погребѣ, помѣщающемся подъ самымъ замкомъ. Выше вода тоже не подымается собственной силой, а гонится въ верхній резервуаръ посредствомъ машины, приводимой въ движеніе лошадьми. Слѣдующею ночью честная компанія найдетъ двери цистерны отворенными и по подземному ходу могутъ пробраться въ погребъ.

Ключъ у него въ рукахъ. Вечеромъ, при выдачѣ жандармамъ винной порціи, Кузенъ подбавитъ туда опіума.

Спальня Пальмы находится въ апартаментахъ, расположенныхъ со стороны парка, далеко отъ службъ и людей. Никакого шума она не услышитъ. Къ ея дверямъ уже приготовлены поддѣльные ключи...

Иллаваи не могъ читать дальше. Какъ безумный бросился онъ на Рокомоцера, схватилъ его за горло и, забывъ всякую осторожность, загремѣлъ могучимъ, въ эту минуту бѣшенымъ, голосомъ:

— Мерзавецъ! Ты зналъ все это и допустилъ-бы, если-бъ я не пріѣхалъ!

При каждомъ словѣ онъ встряхивалъ еврея съ такою силою, что у того, казалось, голова, руки, ноги хотѣли оторваться прочь и разлетѣться въ разныя стороны.

— Ты допустилъ-бы, негодяй, все это съ тою, которая, — ты знаешь это—дороже мнѣ всего на свѣтѣ!

И онъ со всего размаха „всадилъ“ его въ кресло. И хозяинъ, и кресло едва не треснули. Но Рокомоцеръ былъ до такой степени доволенъ, что ему удалось убѣдить г. окружнаго судью, что, казалось, не чувствовалъ боли. Онъ даже улыбнулся.

— А, такъ значитъ, правъ я? Правъ?

— Чтобъ ты околѣлъ съ твоей правдой, бестія ты эдакая!

— А все же было-бы хорошо, если-бы ваша милость поторопилась туда, чтобы помѣшать той вещи...

Францъ снова вцѣпился въ жида.

— Развѣ ты не зналъ, бестія, что эта дѣвушка—моя невѣста? Не зналъ, что она принадлежитъ мнѣ? Не могъ заявить обо всемъ?

Иллаваи выпустилъ Рокомоцера, вспомнивъ, что если отъ него хочешь получить отвѣтъ, то необходимо перестать такъ тискать его.

— Ваша милость, вѣдь вотъ подумаешь какой вы вѣрный человѣкъ! Ужъ если кого любите—такъ не измѣните.

— Дѣло вовсе не въ томъ—вѣренъ ли-я, или невѣренъ, а въ томъ—почему ты не открылъ заговора этого?

— Ваша милость, я открою вамъ еще кое-что. Вѣрьте мнѣ—я люблю васъ очень.

— Убирайся къ чорту съ своею любовью!

— Ну, ужъ какъ бы тамъ ни было, а я люблю вашу милость, люблю очень. Ежелибъ левъ захотѣлъ съѣсть васъ,—я сталъ бы передъ вами и сказалъ бы ему: „на, глотай сперва меня!“

Чудесный вы баринъ! Въ цѣломъ мірѣ только и нашелся такой, и нѣтъ больше, больше нѣту! и просто страхъ какъ это вы поскакали тогда въ самую пальбу, чтобы освободить того Опатовскаго! Я не могу пожаловаться на него; молодой баринъ заплатилъ мнѣ все, съ процентами, а отъ вашей милости я до сихъ поръ не получилъ ничего кромѣ синяковъ. А всетаки скажу, что вы—славный, отличный господинъ! Но—молодой юнкеръ Опатовскій! Я зналъ отца его; онъ не былъ хорошій, честный человѣкъ; но тотъ—еще худшій негодяй и злодѣй, чѣмъ его отецъ!

— Молчи ты, что тебѣ за дѣло?

— Молчу, молчу, да. Я только хочу сказать... ваша милость ужъ поймете меня потомъ: поѣзжайте лишь скорѣе въ Гарго. Потому—свѣтъ вверхъ ногами сталъ, а люди злы. Больше я не могу ничего сказать. И если ваша милость сюда назадъ пріѣдете и скажете: „Рокомоцеръ, я сердитъ на тебя!" то сниму я тогда свою ермолку и отвѣчу: „бейте теперь вашей свинцовой палкой, ваша милость!"

Отъ бѣшенства Иллаван былъ не въ силахъ говорить. Онъ только скомкалъ въ кулакѣ письма—живые свидѣтели того, что могло бы случиться съ Пальмой, затѣмъ, не произнеся ни слова, быстро вышелъ; Рокомоцеръ проводилъ его на улицу, на порогѣ онъ повторилъ ему вполголоса.

— Говорю вашей милости только одно: „Свѣтъ вверхъ ногами сталъ, а люди злы". Вы ужъ поймете это потомъ!

Иллаван, не обратилъ никакого вниманія на него и скоро уже скакалъ по той самой дорогѣ, по которой пріѣхалъ.

XX.
Дама сердца.

Иллаван, теперь, на пути въ замокъ, уже не скрывался отъ крестьянъ, а напротивъ, останавливаясь въ каждой деревнѣ, подзывалъ старшинъ и приказывалъ имъ направиться съ народомъ на слѣдующій день въ Гарговаръ, но еще до вечера, и собираться на рыночной площади, подъ предлогомъ пріѣзда на базаръ. Везти въ телѣгахъ оружіе, конечно хорошенько припрятанное—будетъ работа!

Его выслушивали какъ оракула.

Въ то время—время бури—кружились всѣ головы...

Вилы и кирки были у всѣхъ на готовѣ, и все ждало только человѣка, который крикнулъ бы: „Впередъ"! Иллаван былъ такимъ человѣкомъ...

Передъ вечеромъ слѣдующаго дня онъ подъѣхалъ къ Гарговарскому замку. Дорогой Иллаван узналъ много подробностей обо всемъ, что произошло за время его отсутствія. Грустно сдѣлалось ему. Старинные добрые друзья, хорошіе знакомые—все это исчезло. Новые, неизвѣстные люди заняли мѣста ихъ. Непріятно было ему узнать, что Фердинандъ Теметвени сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ лицъ въ этой сторонѣ. Какъ встрѣтятся они теперь?

Близъ мельницы онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ изъ тѣхъ преданныхъ ему крестьянъ, которые участвовали въ схваткѣ съ Орломъ Криванскимъ. И они сообщили ему, что бывшій партизанъ снова въ этой мѣстности и что жандармы не берутъ его! Иллаван объяснилъ имъ гдѣ собраться въ слѣдующую ночь и куда спѣшить по условленному знаку и направился къ замку. Теперь туда не такъ легко можно было попасть, какъ прежде. На подъемномъ мосту расхаживалъ жандармъ съ ружьемъ. Онъ остановилъ пріѣхавшихъ и далъ знать вахмистру, явившемуся для осмотра паспорта Франца. Но такъ какъ вахмистръ не понималъ по англійски, то побѣжалъ за господиномъ графскимъ секретаремъ Кузеномъ. Пришлось ждать секретаря. Наконецъ онъ явился.

— А, Monsieur! воскликнулъ Кузенъ (у него на воротникѣ красовалась одна звѣздочка) съ видомъ искренней радости,—добро пожаловать! Мы то ужъ думали, что больше и не увидимъ васъ.

— А вотъ я ужъ и пріѣхалъ, отвѣчалъ Францъ, бросивъ на него взглядъ, полной ненависти, съ которой не могъ, въ первую минуту, совладать.

— Брилліанты то вѣдь вы пожалуй и нашли?

Иллаван нахмурился: значитъ, не смотря на просьбу его, Кузену было сообщено это.

— Какъ я радъ, и какъ графъ будетъ радъ тоже!

— Возьмите, пожалуйста, этотъ сакъ и отнесите его наверхъ. Кузенъ нѣсколько обидѣлся—онъ вѣдь не лакей—здѣсь всѣ брилліанты и я не могу довѣрить ихъ никому другому. (Это уже было лестно и Кузенъ принялъ порученіе).

Иллаван, однако, отдалъ ему свой мѣшокъ только потому, что въ немъ находился также и револьверъ, а будь этотъ револьверъ найденъ при осмотрѣ багажа,—его не впустили-бы въ замокъ до тѣхъ поръ, пока не былъ-бы поданъ о томъ рапортъ графу и не получилось-бы разрѣшеніе его сіятельства. А такъ какъ ничего этаго не случилось, то Францъ, въ сопровожденіи жандарма, былъ чрезъ нѣсколько минутъ у дверей графской половины; тутъ принялъ его дежурный лакей и провелъ дальше, къ кабинету, а здѣсь камердинеръ, попросивъ его обождать, пошелъ доложить. Наконецъ, онъ былъ впущенъ къ его сіятельству.

Въ самомъ дѣлѣ, графъ теперь сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. И не только оттого, что на немъ надѣтъ мундиръ, присвоенный его новой должности. Нѣтъ—вмѣсто прежняго трусливаго, нерѣшительнаго Теметвени, Иллаван увидѣлъ предъ собою внушительную фигуру человѣка, вполнѣ увѣреннаго въ себѣ, съ примѣсью чего-то оффиціальнаго. Нѣтъ—то не былъ прежній Теметвени!

Впрочемъ, графъ сохранилъ прежнюю добродушную манеру обращенія.

— Хорошо сдѣлали, что назадъ пріѣхали, сказалъ онъ, пожавъ руку Франца. Мы очень безпокоились о васъ. Одно время о васъ ничего и не слыхали. Гдѣ это вы были?

— Въ Америкѣ. Надо было найдти остальную треть брилліантовъ.

— Да вы-бы ужъ бросили, не стоило изъ-за нихъ такъ безпокоиться.

Вотъ ужъ какъ нынче—не стоитъ заботиться о какихъ-нибудь 200 тысячахъ гульденахъ! подумалъ Иллаван. Но я нашелъ и эти брилліанты: одну часть въ Америкѣ, а одну часть здѣсь.

Графъ разсыпался въ похвалахъ и благодарности.—Ну, а теперь мы ужъ васъ не отпустимъ, вы останетесь у насъ, прибавилъ онъ.—Вы должны помогать мнѣ, служить со мной. вы—какъ будто созданы именно для того, что мнѣ надо. Я предлагаю вамъ одну изъ должностей въ комитатѣ, которымъ управляю.

Иллаван отступилъ на шагъ, изумленный этимъ предложеніемъ.

Графъ, между тѣмъ, принялся объяснять ему, что должность эта соотвѣтствуетъ прежнему вице-гешпану, но только съ большимъ жалованьемъ и значеніемъ.

— Ну, такъ что-же скажете?

— Благодарю васъ за сдѣланную мнѣ честь, но не знаю—буду-ли способенъ занять должность и притомъ я намѣренъ на нѣкоторое время удалиться въ частную жизнь.

— Напрасно, напрасно—грѣхъ оставлять втунѣ такія способности, какъ ваши, не слѣдуетъ вамъ отказываться отъ дѣятельности.

— У меня довольно будетъ занятія съ имѣніемъ Анатваръ.

— Анатваръ? Нисколько—вы теперь избавлены отъ этой обузы. Впрочемъ, вѣроятно, вы еще и не знаете. Корнель Опатовскій, въ награду заслугъ, оказанныхъ имъ, освобожденъ отъ опеки и вводится во владѣніе своими имѣніями. Кромѣ того, онъ возведенъ въ баронское достоинство.

Иллаван стоялъ какъ пораженный громомъ.

Да! Это часто бываетъ такъ! Умнѣйшіе, даровитѣйшіе люди страны сгинутъ, а выиграетъ какой-нибудь идіотъ!

— Я очень радъ, что бремя это сняли съ меня, проговорилъ онъ,—но нисколько, однако, не сомнѣваюсь, что если Корнелю будетъ предоставлена полная свобода въ распоряженіи имѣніями, то онъ весьма скоро сдѣлается нищимъ.

Теметвени улыбнулся.

— Оставимъ его судьбѣ своей. Въ рукахъ умной жены онъ совершенно перемѣнится.

— Его хотятъ женить! крикнулъ Иллаван.—да неужели въ мірѣ найдется отецъ, способный выдать свою дочь за сумасшедшаго?!

Теметвени засмѣялся.

— Милый другъ, не будьте такъ строги. Такой отецъ и такая дочь нашлись. Не угодно-ли взглянуть на портреты жениха и невѣсты.

Съ этими словами графъ, красивымъ жестомъ, указалъ Иллаван на стоявшій нѣсколько въ сторонѣ изящный мольбертъ, на которомъ находился портретъ какой-то дамы въ красномъ платьѣ. Францъ сначала не обратилъ на него никакого вниманія. Теперь онъ взглянулъ и узналъ—портретъ графини Пальмы.

— Похожа? Неправда-ли?

При этомъ вопросѣ Францъ вспомнилъ слова укрывателя воровскихъ вещей въ деревенькѣ Церенѣ. Опять прихлынула кровь ему къ головѣ и онъ почувствовалъ безумное желаніе поцѣловать руку стараго укрывателя и слѣды своихъ пальцевъ съ его шеи перенести на шею этаго магната.

Францъ глядѣлъ теперь на портретъ дамы въ красномъ платьѣ, какъ будто желая ее заставить отвѣчать на его нѣмой вопросъ. Ему вдругъ вспомнилось, что въ сущности Пальма и не была „объявлена" его невѣстой, что онъ еще и не дѣлалъ формальнаго предложенія отцу ея. Онъ считалъ это излишнимъ; и безъ того все установилось само собой и обстоятельства сблизили ихъ.

— Похожа она? повторилъ свой вопросъ графъ.

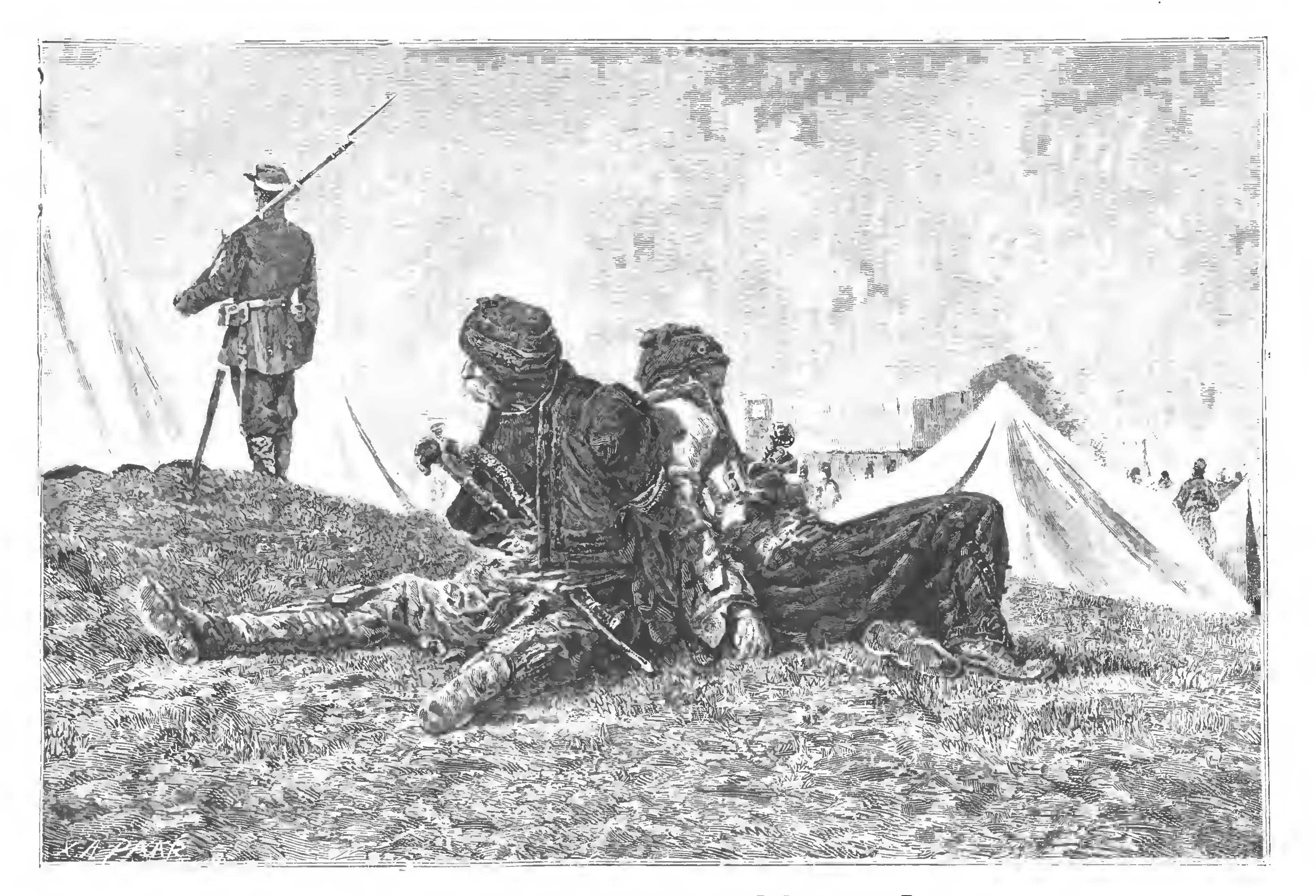
— Не знаю, я давно не видалъ графини, съ усиліемъ проговорилъ Францъ.

— Такъ зайдите къ ней, она у себя. Я уже велѣлъ увѣдомить ее, что вы прибыли. Еще разъ благодарю васъ за то, что такъ много потрудились для насъ и почту за особую честь для себя доказать вамъ мою признательность.

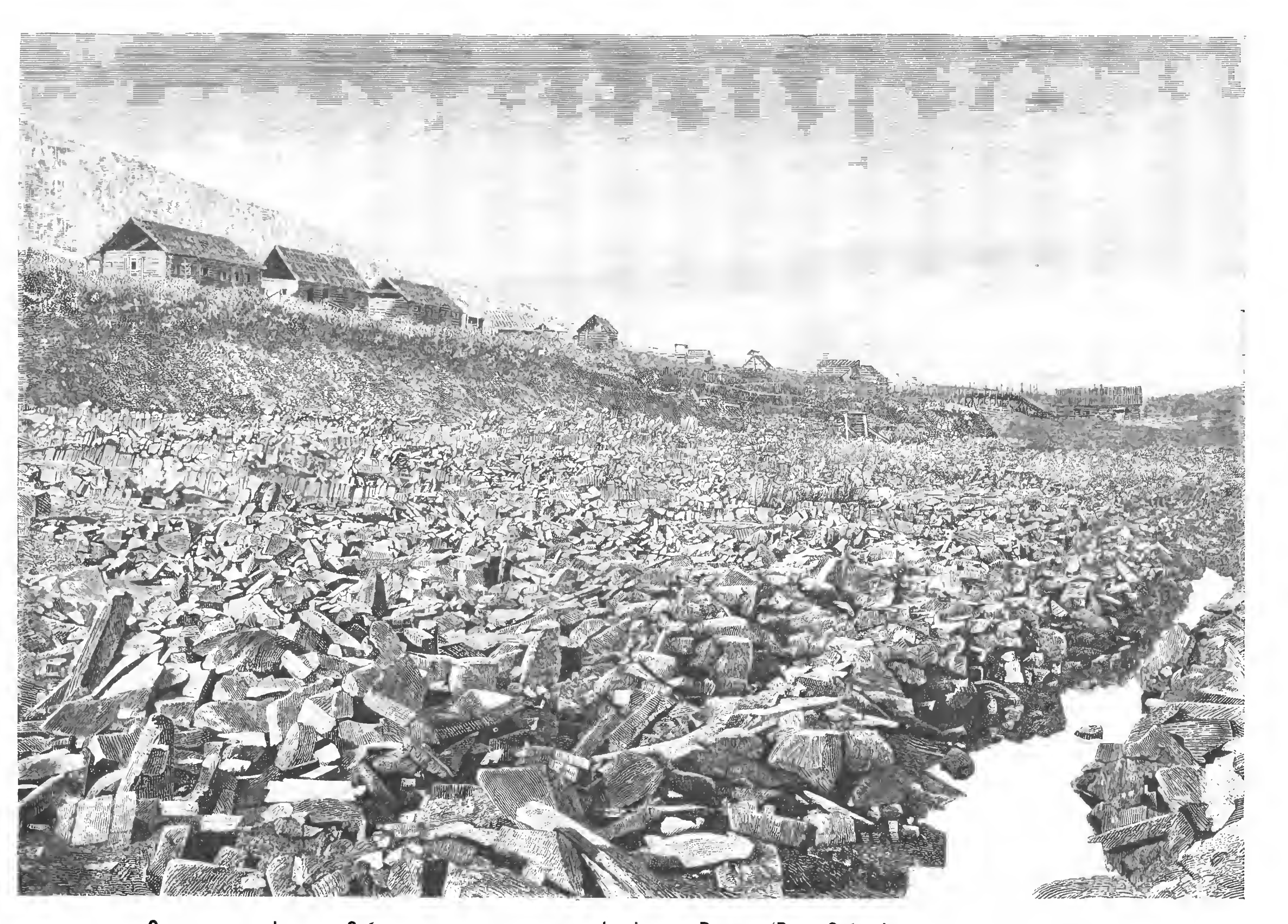
Иллаван пошелъ на половину графини Пальмы.

Въ салонѣ молодой графини сидѣли двѣ дамы. Пальма была теперь не одна, при ней состояла компаньонка, англійская миссъ, но Францъ не замѣтилъ ея, вниманіе его было слишкомъ поглощено другою.

„Другою"—не тою, которую онъ оставилъ уѣзжая, но тою,



Баши-Бузуки. Съ картины В. В. Верещагина, рис. Брейдвизеръ, грав. Пааръ.



Оставленное мѣсто на Собашниковскомъ золотомъ прiискѣ, у р. Витима, (Вост. Сибирь). Съ фотогр. грав. М. Рашевскiй.

которую видѣлъ теперь... А теперешняя Пальма—статная и холодная женская фигура, одѣтая въ пышное бархатное платье гранатоваго цвѣта; ея бѣлокурые волосы раздѣлены на боку и обрамляютъ лобъ мелкими локончиками. Прическа, туалетъ, все это еще могло измѣниться, не мѣняя самаго человѣка, но это какое-то иное, чуждое ему выраженіе лица, это презрительное высокомѣріе, этотъ равнодушный взглядъ! Нѣтъ—это не Пальма!

Но ее можно было узнать по ея вдругъ начинавшемуся и такъ же внезапно обрывавшемуся серебристому смѣху. Точно такъ же смѣялась она, прикрывая платкомъ губки, и въ то время, когда привели юнкера Корнели въ замокъ и когда онъ былъ такъ похожъ на обезьяну.

Увидѣвъ Иллавай, молодая дѣвушка мгновенно сдѣлалась серьезна (что было очень пріятно вошедшему), встала съ своего мѣста и быстро подойдя къ нему протянула руку.

— Здравствуйте, сказала она по англійски.

— „Да, я вѣдь еще англичанинъ“, вспомнилъ Иллавай.

Повернувшись къ миссъ, Пальма произнесла: „Мистеръ Иллавай“.

Англичанка пожала ему руку. И потомъ уже вовсе не хотѣла выпускать этой руки. Миссъ была чрезвычайно разговорчива. Въ разговорѣ ея участвовалъ, обыкновенно, не одинъ только языкъ, но и каждый мускулъ лица, даже двигался самый носъ. Она привѣтствовала мистера Иллавай, съумѣвшаго съ съ такимъ необыкновеннымъ искусствомъ найдти брилліанты графини и очень была бы рада, если бы мистеръ Айлоэу (такъ произносилось это имя по англійски) былъ такъ добръ разсказать подробно всѣ свои приключенія.

Во время ея болтовни Францъ видѣлъ одну Пальму, всѣ разговоры миссъ пропали даромъ. Англичанка, выхвалявшая искусство венгерской полиціи, повидимому принимала его за полицейскаго чиновника.

Нѣсколько раздраженный этимъ qui pro quo и англійской болтовней миссъ, онъ, неожиданно для послѣдней, обратился по венгерски къ Пальмѣ.

— Я явился не во время, графиня?

Миссъ была чрезвычайно шокирована. При ней заговорили на непонятномъ языкѣ. Это было очень, очень невѣжливо. Она отвернулась.

Пальма отвѣчала тоже по венгерски.

— Садитесь поближе ко мнѣ.

Работу она положила въ сторону.

— Я очень рада, что у васъ достало духу сдѣлать вопросъ этотъ и именно по венгерски. Я отвѣчу вамъ на все, на всѣ вопросы, сказала Пальма. Вы были уже у отца и видѣли оба портрета?

— Только одинъ—женскій.

— И этого было, конечно, довольно съ васъ! Другимъ вы не поинтересовались, а и онъ удивилъ бы васъ тоже. Тамъ изображенъ высокій, стройный молодой человѣкъ въ мундирѣ уланскаго офицера. Мастерской портретъ. Изъ женскаго портрета вы поняли все. Это уже не та дѣвушка, которую вы оставили здѣсь!

— Да—не та.

— Выслушайте. Я разскажу вамъ грустныя вещи, но я попрошу васъ сдѣлать видъ, что мы болтаемъ о пустякахъ. Моя компаньонка не понимаетъ по венгерски, но по тону разговора могла бы догадываться. Прошу васъ—смѣйтесь, когда и я засмѣюсь. Прежде всего скажу вамъ, что права ваши остались и теперь въ той же силѣ, какъ и до отъѣзда вашего, и послѣ того, что вы выслушаете меня, я поступлю такъ, какъ рѣшите вы. Вы довольны?

— Да.

— Теперь—смѣйтесь. Такъ, хорошо. Ну, такъ, когда все тутъ перемѣнилось—а вы уже знаете, что все очень перемѣнилось здѣсь—друзья ваши исчезли съ лица земли. Дѣло ваше погибло. Установился другой порядокъ вещей и мы, Темегвеви, сдѣлались распорядителями судебъ огромнаго округа. Великіе люди превратились въ ничто, а ничтожные сдѣлались великими. Какое мнѣ дѣло до всего этого? Но въ одинъ прекрасный день мнѣ пришлось узнать, что перевороты эти касаются и меня. Отецъ мой объявилъ мнѣ, что Корнель Опатовскій, въ воздаяніе его заслугъ, избавляется отъ опеки, получаетъ свои имѣнія, и что положеніе дѣлъ его можетъ быть легко поправлено, благодаря ссудѣ. Я отвѣтила, что желаю ему счастья, но отецъ возразилъ, что я могу поздравить самое себя, потому что этотъ интересный юноша просилъ моей руки. Смѣйтесь!

Оба засмѣялись.

— Я замѣтила, что дѣйствительно, партія завидная, но не для меня, такъ какъ я уже невѣста и мой женихъ скоро возвратится, я жду его со дня на день. На это получила въ отвѣтъ, что тотъ женихъ не дѣлалъ формальнаго предложенія, не обмѣнялся со мной обручальными кольцами и что теперь ему предстоитъ непріятность: онъ замѣченъ, какъ участникъ въ бывшемъ возстаніи, онъ игралъ выдающуюся роль, вмѣстѣ съ вооруженными бунтовщиками-крестьянами, напалъ на партизанскій отрядъ императорскихъ войскъ и разбилъ его. Смѣйтесь же! И прошу васъ не смотрѣть на меня такими удивленными глазами.

Иллавай нашелъ, что тутъ ужъ, въ самомъ дѣлѣ, надо было смѣяться.

— Я опять возразила: ты вѣдь хорошо же знаешь, что онъ избавилъ насъ отъ разбойничьей банды и что тутъ никакого бунта не было.—Это правда, но—его Дебреченскіе друзья прославили этотъ подвигъ на весь міръ и въ награду назначили правительственнымъ комиссаромъ всей верхней Венгріи.—Да тебѣ же извѣстно, что онъ и не видалъ предписанія объ этомъ назначеніи.—Онъ не получилъ, да, но бумага находится въ рукахъ такого лица, которое можетъ надѣлать ему много вреда. Но,—вѣдь, ты знаешь тоже, что онъ уѣхалъ за границу и не былъ здѣсь во все то время. Да, но говорятъ онъ отправился за границу по революціонному дѣлу. Ты, лучше всѣхъ, знаешь, что онъ отправился на поиски за нашими брилліантами и достаточно одного слова твоего, чтобы раскрыть истину.—Да, я сдѣлаю это, если ты откажешь ему и выйдешь за Опатовскаго. А если я не откажу ему. Тогда я не скажу этого слова, буду молчать. И что же произойдетъ въ такомъ случаѣ съ нимъ?—Его заключатъ на 10 лѣтъ въ крѣпость.

Иллавай такъ сильно смѣялся, что это походило на рыданіе и ему пришлось обтереть выступившія крупныя слезы.

— Теперь, скажите, что дѣлать мнѣ? произнесла Пальма, снова принимаясь за свое вышиванье. Выйдти мнѣ за другаго, для того, чтобы не засадили на 10 лѣтъ въ крѣпость, не прервали жизнь вашу на цѣлыхъ десять лѣтъ? Это—тяжелое страданіе, тяжелая мука. Тогда мнѣ было бы все равно—кто будетъ моимъ мужемъ: карликъ, великанъ, умный или глупый, хромой или кривой! Это, вѣдь не болѣе какъ говорящія обезьяны. Я не буду несчастливѣе другихъ ста тысячъ мнѣ подобныхъ. И теперь уже я смѣюсь надъ этимъ. Но если вы скажете мнѣ: я не возвращаю тебѣ слова твоего, ты обязана сдержать свое обѣщанье, что бы ни случилось со мной,—то я выполню и это. Вы отправитесь на 10 лѣтъ въ вашу крѣпость, а я останусь ждать здѣсь, пока пройдутъ эти годы. А потомъ когда, освободившись, вы захотите взять въ жены первую, злую, капризную, страдающую мигренями, старую дѣву—то найдете меня готовою. Отъ васъ зависитъ рѣшить—я могу выдти замужъ за другаго, могу и остаться ждать васъ.

(До слѣд. №).

Варвара Капитановичъ.

Разсказъ **Ф. Огулича.**

(Изъ быта Хорватовъ).

(Окончаніе).

Съ этого вечера красавица стала такъ явно отличать Господича и засыпать его подарками, что не только одни завидовавшіе ему работники и слуги начали замѣчать это, но обратила на это вниманіе и вся деревенская молодежь. Вдова подарила Господичу много изъ добра, оставшагося послѣ покойнаго ея мужа — отдала ему его трубку, его ножъ, его шубу, его часы. Кажется—будь живъ еще мужъ—она, вѣрно, сняла-бы съ него кожу и подарила-бы ее Господичу.

— А ужъ придется мнѣ этому цыгану бродягѣ кожу распороть, крикнулъ какъ-то разъ Николичъ, самый красивый парень и первый танцоръ во всей деревнѣ. Сказалъ онъ это и рѣшилъ добыть себѣ красавицу, а Господичу запустить свой ножъ между реберъ. Въ слѣдующее воскресенье онъ дождался выхода вдовы изъ церкви и сейчасъ-же приблизился къ ней, заговорилъ и пошелъ рядомъ, не спрашивая позволенія.

Господича не было тутъ; она послала его въ городъ за порохомъ, котораго надо было для больной лошади. Когда онъ прискакалъ назадъ и вошелъ въ горницу, то увидѣлъ, что Варвара, въ своемъ праздничномъ уборѣ, сидитъ за столомъ съ Николичемъ и пьетъ съ нимъ вино. Это не понравилось ему, а еще больше не понравилось, что она не только не пригласила его, но еще выслала присмотрѣть за больною лошадью.

Было уже поздно, когда Николичъ вышелъ. Господичъ, поджидавшій его у забора, въ темнотѣ, вѣроятно и не увидалъ-бы его, еслибъ его не выдала попыхивавшая въ зубахъ трубочка. Онъ прыгнулъ на него, схватилъ за воротъ и такъ прижалъ къ воротамъ, что тѣ затрещали.

— Ты сюда таскаешься затѣмъ, чтобы бабамъ лясы точить, прошипѣлъ Господичъ, скрежеща зубами—смотри, не пришлось бы тебѣ худо за это.

Николичъ осторожно потянулъ руку къ окну, но Господичъ сразу замѣтилъ движеніе и выпустивъ его быстро выхватилъ толстую жердь изъ частокола.

— Помолись Богу—тебѣ пришелъ конецъ, проговорилъ онъ съ сдавленнымъ бѣшенствомъ.

Николичъ закричалъ о помощи и бросился бѣжать со всѣхъ ногъ. Господичъ послѣдовалъ за нимъ, но, къ счастью упалъ, зацѣпившись за торчавшій на дорогѣ корень липы и только

этотъ случай спасъ молодого парня. Въ ту же минуту красавица-вдовушка показалась на крыльцѣ съ фонаремъ въ рукахъ.

— Что тутъ такое? спросила она.

— Ничего, отвѣчалъ Господичъ, отирая колѣно,— но немногаго не достало, чтобъ я укокошилъ этого парня, съ рожей, какъ яблоко и съ ногами, какъ у зайца.

Красавица захохотала и чѣмъ больше злился Господичъ, тѣмъ громче она смѣялась и такъ уже ее разобралъ смѣхъ, что отъ него она опустилась даже на землю.

— Ха ха ха!.. Охъ! бока заболѣли—да ты ревнивецъ, голубчикъ, какъ вижу,— ну, значитъ, надо мнѣ выдти за тебя замужъ, а не то пришлось бы еще разъ видѣть, какъ тебя вышать станутъ.

— Не смѣйся, вдругъ сказалъ Господичъ,— мнѣ кровь бьетъ въ голову... чего добраго, пожалуй, и могу забыть, вѣдь, что ты...

— Глупый, воскликнула Варвара Капитановичъ, вставъ на ноги,— ты чего это сбѣсивъ со мной сталъ? Любовь-то у тебя весь разумъ съѣла. Ну ладно, поговоримъ толкомъ. Вижу, надо мнѣ тебя въ мужья брать, и хорошо, я сдѣлаю это, но только если ты мнѣ поклянешься, что не будешь хозяина играть здѣсь. Довольно я ужъ подъ началомъ была, будетъ съ меня.

— Клянусь тебѣ во всемъ, въ чемъ желаешь, возразилъ Господичъ, если ты мнѣ обѣщаешь, что никого больше къ себѣ пускать не будешь.

— Ужъ не думаешь ли, что мнѣ есть какая нужда въ этихъ дуралеяхъ, что ли? Думаешь, развѣ?

— Не думаю.

— Ну такъ, пойдемъ, выпьемъ вмѣстѣ,— вино веселитъ, пойдемъ, голубчикъ.

Немного времени спустя, въ домѣ богатой красавицы-вдовушки все стало чиститься, прибираться, начали варить, жарить, печь—Варвара Капитановичъ праздновала свою свадьбу съ Данилой Господичемъ.

Происходило это лѣтомъ, незадолго до жатвы.

Но еще не всѣ свадебные пироги были съѣдены, а ужъ въ домѣ, къ общему удивленію, начали замѣчать, что Господичъ сталъ совсѣмъ не прежній, совсѣмъ другой, не удивлялась только одна Варвара.

— Знала я это напередъ, сказала она Миладѣ. Всѣ мужчины одинаковы, потому то я и не хотѣла снова надѣвать обручальнаго кольца, жметъ ужъ оно очень, ну, да ужъ если до этого дошло, такъ надо его носить терпѣливо.

Если до сихъ поръ Господичъ былъ однимъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ работниковъ въ деревнѣ, то теперь онъ сталъ лѣнивъ, какъ паша. Самое пустое занятіе было уже для него какимъ-то пугаломъ. По цѣлымъ днямъ онъ сидѣлъ ничего не дѣлая и если не ѣлъ и не пилъ, то покуривалъ трубочку. Наступила жатва, всѣ пошли на работу въ поле, Варвара распоряжалась работниками, сама прикладывала руку то тамъ, то сямъ, сама жала колосья и вязала снопы, не отставала отъ другихъ, подъ палящими лучами солнца. Господичъ остался дома, расположившись въ тѣни, а когда и выходилъ въ поле, то только для того, чтобы или подразнить жену, или покрикивать на работниковъ, обливавшихся потомъ надъ колосьями и надъ снопами.

Дома онъ все больше и больше началъ разыгрывать хозяина. Онъ сразу сталъ знать во всемъ толкъ лучше всякаго другаго, и теперь Варвара уже никакъ не могла угодить ему. То рубашка была дурно выстирана, то щи худо сварены: онъ приставалъ къ женѣ даже и за то, что будто бы она подливала ему воды въ вино. Въ началѣ она встрѣчала его выговоры съ гордымъ равнодушіемъ и спокойствіемъ, потомъ стала сдержанно возражать, но однажды отвѣтила ему съ такою же запальчивостью, съ какою набросился онъ, и съ тѣхъ поръ пошли безконечныя ссоры.

Пришла осень, началось собираніе винограда, снова Господичъ предоставилъ женѣ трудиться вволю, а какъ только молодое вино было разлито въ бочкахъ, онъ спустился въ погребъ и напился тамъ до такой степени, что его пришлось втащить наверхъ какъ мѣшокъ.

Варвара не сказала ему ни слова, но заперла погребъ и когда онъ спросилъ у нея ключъ, отвѣтила ему такъ, что больше онъ уже не пробовалъ повторить требованія своего. За то онъ сталъ уходить въ шинокъ, откуда каждый вечеръ возвращался совершенно пьянымъ и обыкновенно кричалъ и шумѣлъ какъ сумасшедшій.

И опять настала зима. Безъ всякой причины Господичъ возненавидѣлъ Миладу: бѣдная дѣвушка трепетала при одномъ его взглядѣ. Онъ ругался когда она ставила миску на столъ, ругался, когда она подавала ему трубку, которую набивала для него, ругался, когда подавала кружку съ виномъ. Не проходило ни одного дня, чтобы онъ не жаловался на нее женѣ, такъ что бѣдняжка только и знала, что плакала у себя въ каморкѣ и все время ходила съ красными глазками, какъ кроликъ.

— Я доберусь до тебя, постой! кричалъ онъ — выгоню изъ дому вонъ!

— Не пойму, что такое у тебя съ Миладой вышло, чего тебѣ надо? спросила какъ-то разъ Варвара.

— Чего мнѣ надо? Да развѣ ты не видишь, какая она лѣнивая, неловкая, грубая? Развѣ она умѣетъ что-нибудь сдѣлать какъ надо?

— Я всегда была ею довольна.

— Ты—можетъ быть, а я—совершенно недоволенъ, отвѣчалъ Господичъ, если ты не выгонишь ее, я что-нибудь да сдѣлаю съ нею, самъ не знаю — пожалуй еще убью ее!

Въ одно воскресенье, когда женщины были у обѣдни, Господичъ уже спозаранку забрался въ шинокъ, поподчивалъ тамъ какихъ-то двухъ отпускныхъ солдатъ, наговорилъ, нахвасталъ съ три короба, наподчивался самъ, возвратился домой пьянымъ и свалился на скамьѣ въ горницѣ, въ ту самую минуту, когда его жена пришла тоже.

Она только молча взглянула на него и прошла къ себѣ въ комнату, чтобы переодѣться. На несчастье въ горницу вошла Милада, еще въ своемъ праздничномъ нарядѣ, съ кораллами на шеѣ и кружевномъ платкѣ на головѣ, и стала накрывать на столъ.

— Ты не видишь развѣ, что трубка у меня погасла? началъ Господичъ. Милада подала огня. Съ минуту онъ, повидимому, курилъ спокойно, но, потомъ, вдругъ хлопнулъ по столу такъ, что глиняныя тарелки запрыгали.

— Что ты, смѣешься надо мною что-ли? ты — лѣнтяйка? Не говорилъ я тебѣ, что трубка моя погасла?

Дѣвушка зажгла другую лучину и, подойдя къ Господичу, опустилась на колѣни и старательно зажгла табакъ въ трубкѣ.

— Нѣтъ, не курится трубка, что-же это такое? вѣрно ты заколдовала ее! крикнулъ онъ, рванувъ дѣвушку за кораллы, которые дробью посыпались по полу, усѣявъ его точно кровавыми каплями.

Милада начала плакать.

— Ты еще ревѣть у меня! довольно ужъ я этой музыки наслушался, и онъ толкнулъ ее въ губы.

— Никто еще никогда не смѣлъ бить меня, всхлипывая проговорила Милада,— никто, кромѣ матери, а господина ни разу и пальцемъ не тронула, а вы...

— А я?.. что?.. крикнулъ снова Господичъ, вспрыгнувъ съ своего мѣста,— я теперь надаю тебѣ щелчковъ, которыхъ ты слишкомъ мало получала до сихъ поръ!

— Іезусъ-Марія!

— На — тебѣ, на — тебѣ! продолжая наносить удары бѣдной дѣвушкѣ,— иди, жалуйся, увидимъ, кто тутъ хозяинъ и господинъ — ты или я! Собирай-ка свои вещи, да убирайся отсюда сейчасъ-же вонъ, иди къ цыганамъ, тамъ тебѣ мѣсто. И онъ толкнулъ ее ногой изъ комнаты какъ собаку.

Милада, вдоволь наплакавшись, связала свой узелокъ, надѣла овчинную шубку, выломала изъ частокола добрую палку и вошла въ горницу къ хозяйкѣ, чтобы съ нею попрощаться.

— Куда это ты собралась? спросила Варвара съ изумленіемъ.

— Хозяинъ прогналъ меня.

— Кто?

— Хозяинъ — твой мужъ.

— А, вотъ какъ? а ты сейчасъ ужъ и уложилась, сказала Варвара,— но я тебя не отпускаю. Ты остаешься.

— Не могу, господина.

— А почему не можешь?

— Потому... потому, не въ моготу ужъ мнѣ это больше терпѣть.

— Да что такое терпѣть?

— Пока хозяинъ ругался только, да былъ недоволенъ всѣмъ, что я ни дѣлала — еще ничего, отвѣчала дѣвушка, но онъ началъ уже бить меня.

— Когда онъ билъ тебя?

— Вотъ только что.

— За что это онъ на тебя золъ?

— Да надо-ли тебѣ это знать?..

— Надо.

— Золъ онъ на меня за то, что я не хочу слушать его любовныхъ рѣчей; за это онъ золъ на меня и только за это одно: да, вѣдь, не могу-же я сдѣлать того, что онъ хочетъ. Развѣ ты не любишь свою жену, говорю я ему — самую, что ни на есть красавицу во всей нашей сторонѣ? А онъ смѣется въ отвѣтъ мнѣ. Она конечно хороша, сказалъ, да и ты мнѣ тоже нравишься. Будто у пѣтуха только всего одна курочка и есть? Онъ такъ и сказалъ, господина.

— Вѣрю тебѣ, Милада, и потому ты остаешься. Больше онъ тебя трогать не станетъ, не бойся, это ужъ мое дѣло.

Милада вышла, сняла свою шубу, развязала узелокъ и поставила палку у частокола.

Когда Господичъ съ женой сѣли за обѣдъ и Милада вошла съ супомъ, онъ вскочилъ и громко крикнулъ, страшно сверкая глазами: Ты еще здѣсь! развѣ я не велѣлъ тебѣ убираться изъ моего дома?

— Этотъ домъ — мой домъ, гордо возразила Варвара, а Милада—хорошая, честная слуга и останется у меня.

— Если я велѣлъ ей уйдти — она уйдетъ! крикнулъ Господичъ, ударивъ по столу.

— Милада все таки останется здѣсь, возразила Варвара, потому-что я того желаю.

— Ну, это еще увидимъ, едва могъ выговорить Господичъ, котораго душилъ гнѣвъ.

— Не злись ты, сказала Варвара,— это могло-бы повредить тебѣ.

— Вонъ отсюда! загремѣлъ Господичъ и, схвативъ чубукъ, кинулся на Миладу.

— Не смѣй трогать ее, крикнула Варвара,—не смѣть, я запрещаю!

Запрещать! мнѣ! Юбкѣ не позволю командовать мною!

— А что ты мнѣ обѣщалъ, въ чемъ клялся?

— А ты — мнѣ? Такъ это твое послушаніе? Онъ схватилъ Миладу за длинныя косы и началъ безпощадно бить ее.

При первомъ-же ударѣ на бѣдной дѣвушкѣ показалась кровь; почти въ ту-же минуту ему подъ руку попалась жена; выпустивъ Миладу, онъ взялся за Варвару, прижалъ ее къ стѣнѣ и принялся бить чубукомъ по чемъ попало. Красавица защищалась какъ могла, пока служанка не вцѣпилась въ Господича сзади; тогда она изо всѣхъ силъ толкнула его отъ себя. Онъ покачнулся и едва устоялъ.

— Знаю, знаю—ты оттого бьешь ее, что она не хочетъ тебя, что она честная дѣвушка — я знаю все, черезъ силу проговорила Варвара.

Господичъ смѣшался, ему показалось будто крыша свалилась на его голову, онъ испугано взглянулъ на ту, на другую и стремглавъ бросился бѣжать — прямо въ шинокъ.

Нѣсколько минутъ Варвара молча стояла среди комнаты. Она наскоро смотала толстыя, темныя косы, распустившіяся во время свалки съ мужемъ и поправила рубашку, которую онъ разорвалъ на ней. Бѣдная Милада тоже была неподвижна въ своемъ углу, только глаза ея боязливо уставились на холодное, мрачное лицо господины, стараясь что-либо прочести въ немъ и какъ-бы безмолвно моля о защитѣ и покровительствѣ.

— Хорошо, хорошо-же, произнесла, наконецъ, Варвара, опускаясь на скамейку у очага. Надо было ждать, что такъ случится, ну ужь по крайней мѣрѣ теперь знаемъ въ чемъ дѣло.

Слова эти были обращены къ Миладѣ, но та не имѣла силъ говорить, отвѣчать.

Варвара схватила кружку и выпила крѣпкаго вина, но оно не повліяло на нее возбуждающимъ образомъ, а скорѣе успокоило. На, выпей-ка, обратилась она къ дѣвушкѣ, — отъ вина-то похрабрѣе будешь.

Милада отпила и поставила кружку на мѣсто.

— Что теперь дѣлать? проговорила она, пристально глядя на дѣвушку, будто желая въ ея лицѣ найти отвѣтъ на свой вопросъ.

Милада обтерла потъ рукавомъ. О—было-бы лучше, сказала она, еслибъ ты его оставила на висѣлицѣ. Варвара бросила на нее новый взглядъ — страшный взглядъ судьи, рѣшающаго вопросъ о жизни и смерти подсудимаго— и молча опустивъ глаза къ полу, задумалась.

Долго о чемъ-то думала она. Лицо ея сначала строгое, серьезное, потомъ озарилось выраженіемъ какой-то странной радости — радости звѣря, почуявшаго добычу.

Поздно уже было, когда Господичъ возвратился, поддерживаемый двумя собутыльниками; они съ громкимъ хохотомъ приставили его къ двери и тотчасъ-же ушли. Когда Варвара отворила мужъ, какъ снопъ повалился къ ея ногамъ; она втащила его, заперла дверь и бросила лежать, гдѣ онъ былъ. Но вскорѣ онъ снова вошелъ, хотя и сильно пошатываясь, въ горницу, держа въ рукѣ палку, которую Милада оставила у частокола.

— Гдѣ эти проклятыя бабы! гаркнулъ онъ, качаясь изъ стороны въ сторону, поминутно теряя равновѣсіе,—я ужь ихъ выучу, кто здѣсь хозяинъ... а добрый вечеръ, женушка... небось теперь смирна стала... что? теперь я тутъ хозяинъ, я, одинъ я. Поняла ты это? Аль желаешь еще колотушекъ, сладкая голубка? Онъ началъ бить палкой вокругъ себя, упалъ на полъ, попробовалъ встать, но повозившись безплодно, заснулъ тутъ-же, подъ столомъ.

Варвара, окинувъ его довольнымъ взглядомъ, вышла на цыпочкахъ изъ горницы.

Люди были всѣ въ пекарнѣ.

— Да гдѣ же хозяинъ? спокойнымъ тономъ спросила она,— не знаетъ ли кто нибудь—гдѣ онъ?

— Да гдѣ же ему быть, какъ не въ шинкѣ, отвѣчала Милада, голосомъ полнымъ злобы и ненависти.

— Идите вы всѣ да поищите его, распорядилась Варвара,— и чтобы никто назадъ не возвращался, прежде, чѣмъ не найдете его. Милада, ты останься со мной.

Всѣ немедленно же и безпрекословно повиновались, одѣлись, взяли съ собою фонари и смоляные факелы и вышли на поиски въ звѣздную, но холодную зимнюю ночь.

— А ты, иди-ка, достань мнѣ веревокъ, вполголоса сказала Варвара, обращаясь къ Миладѣ.

— Какихъ веревокъ?

— Да тѣ, на которыхъ мы бѣлье сушимъ.

— Для чего?

— Нечего тутъ спрашивать.

Варвара возвратилась въ горницу, и сѣла на скамейку, не отрывая глазъ отъ Господича, будто боясь, чтобы онъ не ушелъ отъ нея. Вздохъ облегченья вырвался у нея изъ груди, когда дѣвушка вошла съ веревками.

— Ладно, сказала она, вставая,—теперь помоги мнѣ связать его.

— Кого?

— Моего мужа.

Какъ велишь, господина.

Ты вѣдь рада сдѣлать это?

Всѣмъ сердцемъ рада.

Ну такъ, прошептала Варвара, ты вяжи ему ноги, а я—руки.

Онѣ насѣли на него и хотя Господичъ, въ полуснѣ заметался и зарычалъ, но онѣ осилили его и въ нѣсколько секундъ связали ему ноги и скрутили за спину руки.

— Теперь... проговорила Варвара задыхаясь—онъ намъ ужъ ничего не сдѣлаетъ.

Милада засмѣялась, она была такъ счастлива, такъ весела теперь, что даже пустилась было въ плясъ и поцѣловала господину въ плечо.

Варвара кивнула ей головой и обѣ поспѣшили въ конюшню.

— Что это ты задумала, господина? съ любопытствомъ спросила дѣвушка.

— Успѣешь еще узнать.

Она вывезла, при помощи Милады, во дворъ сани и наполнила ихъ соломой, затѣмъ онѣ вывели лошадей и запрягли.

— Иди, одѣнься.

Что же мнѣ надѣть?

Да вѣдь видишь что мы поѣдемъ.

Милада бросила испуганный взглядъ на господину и побѣжала въ пекарню, а Варвара пошла къ себѣ, надѣла шубу, навязавъ на голову платокъ; вышла скоро и Милада, тоже въ шубѣ и въ платкѣ, обѣ походили на турчанокъ; видны были только ихъ глаза, блестѣвшіе будто изъ за гаремныхъ чадръ.

— Что дальше будетъ? спросила дѣвушка.

— Ты ужъ черезчуръ много спрашиваешь, возразила Варвара, только помогай мнѣ, вотъ все, чего прошу у тебя.

— На меня полагайся въ чемъ хочешь, я люблю тебя, всегда буду тебѣ вѣрна и готова пролить свою кровь за тебя.

— Ну такъ ѣдемъ!

Больше онѣ не обмѣнялись ни однимъ словомъ, понимая другъ друга взглядомъ и кивкомъ. Онѣ схватили Господича, вытащили его во дворъ, бросили въ санки и навалили на него солому. Милада отворила ворота, затѣмъ онѣ усѣлись. Варвара взяла въ руки вожжи и кнутъ и—понеслись въ темноту окружавшей ихъ ночи. Онѣ промчались деревней, сани летѣли по снѣгу, какъ вихорь, хижины, будто осѣвшія подъ снѣжными заносами, деревья, съ своими бѣлыми, растопыренными, какъ руки, вѣтвями, мелькали точно тѣни по сторонамъ. Близь лѣса показались было волки, которые однако тотчасъ же и скрылись.

Среди лѣса онѣ летѣли, будто среди какихъ то каменныхъ великановъ, вылѣзшихъ изъ своихъ гробовъ; Варвара перекрестилась, и дрожавшая всѣмъ тѣломъ дѣвушка принялась громко творить молитву. Онѣ безпрепятственно доскакали до открытаго поля и до висѣлицы.

Небо было ясно и все усѣяно звѣздами, при матовомъ освѣтѣ которыхъ блестѣли снѣжныя поля, замерзшіе, обледенѣлые каскады, заиндевѣвшіе кустарники.

Варвара потащила своего мужа за ноги, Милада толкнула его изъ саней. Онъ упалъ на снѣгъ и, приподнявъ голову, съ изумленіемъ осмотрѣлся кругомъ себя.

— Что за чортъ? произнесъ Господичъ,— гдѣ это я и кто связалъ меня?

— Я связала тебя, сказала Варвара.

Ты?—а зачѣмъ это? Господичъ замѣтилъ висѣлицу и дрожь ужаса пробѣжала по его тѣлу.

А затѣмъ, что опять повѣшу тебя, голубчикъ, туда откуда сняла, отвѣчала Варвара.

Шутишь ты, что ли!

Я не шучу. Милада—вѣдь поможешь мнѣ?

Его повѣсить? конечно, съ радостью.

Онѣ взялись за него, чтобы тащить на висѣлицу.

— Ради милосердаго Бога—жалобно заговорилъ Господичъ, пусти меня, развяжи, я уйду въ лѣсъ и никогда больше не покажусь тебѣ на глаза! я не хочу на висѣлицу! не хочу!

Но напрасно молилъ онъ, напрасно грозилъ; онѣ втащили его подъ висѣлицу, и крѣпко привязали къ лѣсенкѣ, которую привезли съ собой. Варвара вскарабкалась ему на плечи, утвердила веревку на перекладинѣ и наложила ему петлю на шею.

— Пощади! молилъ Господичъ,—все сдѣлаю, что желаешь, только не вѣшай!

— Нѣтъ будешь висѣть, отвѣчала Варвара. Она быстро соскочила, отвязала его отъ лѣсенки и выхватила ее изъ подъ него.

Господичъ завертѣлся въ воздухѣ.

— Что—развѣ и теперь на меня любовно смотришь? крикнула со смѣхомъ Милада.

— Лучше помолись за его бѣдн[illegible] душу, сказала строго Варвара.

Обѣ вмѣстѣ прочли крат[illegible] [illegible]олитву, перекрестились и оставили страшное мѣсто. Такъ совершилось это дикое дѣло...

Нѣсколько секундъ спустя сани уже мчались опять по гладкому, блестящему снѣгу.

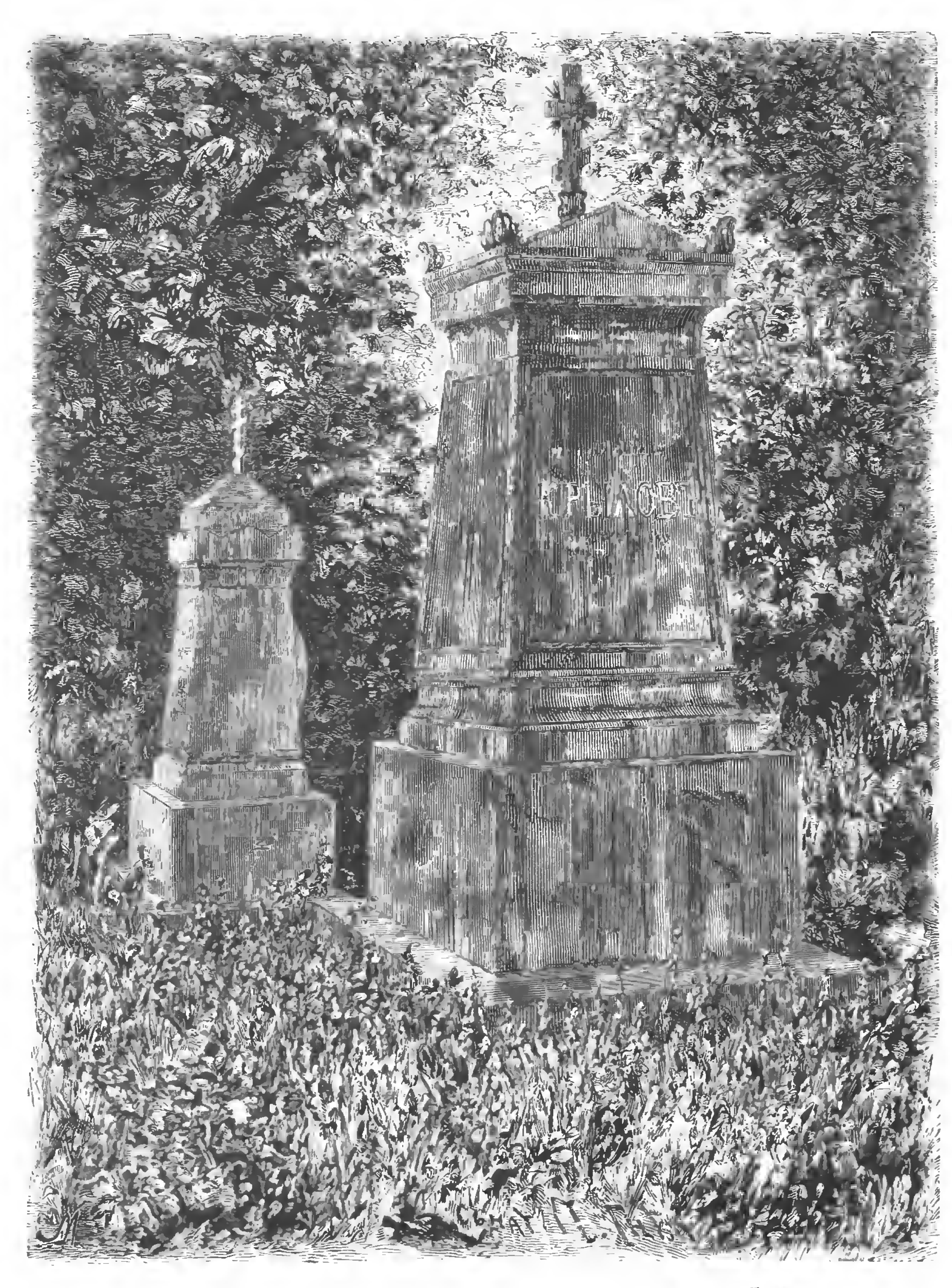
Загоряне, однако, были убѣждены, что и самому чорту Господичъ солонъ пришелся и тотъ принесъ его назадъ, къ великой радости вороновъ, которые уже потомъ вдоволь натѣшились имъ...

(Продолженіе № на стр. 20[illegible] 210, 211, 212, 213, 214, 215 и 216).

„Вій“, повѣсть Н. В. Гоголя.

(Рисунокъ Н. Каразина на стр. 196 и 197).

Кто не помнитъ трепетнаго и сильнаго ощущенія при чтеніи этой чудесной повѣсти, этихъ поэтическихъ, очаровательныхъ очерковъ Малороссіи? Какая глубина поэзіи, свѣжесть юмора, прелесть фантастическаго! Что за картины малороссійскихъ нравовъ, портреты бурсаковъ! Этотъ достолюбезный „философъ“ dominus Хома, который [illegible] послѣ своей страшной ночи, на вопросъ о страстяхъ, отвѣчаетъ, махнувъ рукою: „а много на свѣтѣ всякой дряни водится!“ и хоть половина головы у него поседѣла за эту ночь, а онъ все таки оттопываетъ трепака такъ, что добрые люди плюютъ и восклицаютъ: „вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ“! А этотъ казакъ сѣдоусый, который рыдаетъ что остался круглымъ сиротою... А чтеніе Хомы у гроба, возстаніе красавицы, явленіе Вія—какія все это чудные эпизоды! Послѣдняя сцена — ночь Хомы — и вдохновила нашего талантливаго художника и мы не помнимъ чтобы кто-нибудь съ такимъ искусствомъ трактовалъ эту сцену. Рисунокъ совершенно возстановляетъ впечатлѣніе мастерскаго разсказа.



Памятники Крылова и Гнѣдича въ Александро-Невской Лаврѣ въ СПБ. Рисов. съ натуры П. Гнѣдичъ, грав. В. Матэ.

„Вій“—это колоссальное созданіе народной фантазіи. Такимъ именемъ называется у малороссовъ глава „поганьщины“, у котораго вѣки на глазахъ спускаются до самой земли. Вся повѣсть превосходно переработана знаменитымъ писателемъ изъ народнаго преданія.

Извѣстно содержаніе повѣсти. Три бурсака кіевской семинаріи—богословъ Холява, философъ Хома Брутъ и риторъ Тиберій

Горобецъ пошли на вакацію домой. Они заплутались ночью въ степи и заночевали на небольшомъ степномъ хуторѣ, гдѣ старуха хозяйка, боясь незнакомыхъ путниковъ, положила ихъ спать врозь, въ разныхъ помѣщеніяхъ. Ночью философъ Хома увидѣлъ что дверь хлѣва его растворилась и старуха хозяйка вошла къ нему, страшно блестя глазами. „Вѣдьма"! подумалъ онъ въ испугѣ и вскочилъ а старуха вспрыгнула ему на спину и невольно, съ странной силой и быстротою, онъ выбѣжалъ съ нею со двора и понесся по степи. Измученный, онъ началъ читать заклятья и молитвы и высвободившись изъ подъ вѣдьмы самъ вскочилъ ей на спину и мчался на ней до тѣхъ поръ пока она въ изнеможеніи не упала на землю. Взглянувъ на нее онъ увидѣлъ, что вмѣсто старухи передъ нимъ въ травѣ лежитъ въ безчувствіи дивная красавица, разметавъ руки; онъ бросается бѣжать обратно въ Кіевъ и не можетъ долго успокоиться.

Между тѣмъ дочь одного богатаго сотника, у котораго былъ хуторъ въ степи, вернулась въ одинъ день съ прогулки вся избитая, и въ ночь-же скончалась, завѣщавъ отцу, чтобы отходную и молитву по ней три дня читалъ философъ Хома. Сотникъ послалъ за Хомою казаковъ и ректоръ, не смотря на его сопротивленіе, отправилъ Хому на хуторъ. Описаніе пути его, жизни хмѣль пропалъ, онъ началъ читать молитвы а между тѣмъ зазвенѣли стекла окошекъ, сорвались двери съ петель и несмѣтная сила „погани" влетѣла въ церковь. Страшный шумъ отъ крылъ и царапанье когтей... И слышитъ онъ что покойница глухимъ голосомъ восклицаетъ: „приведите Вія"!

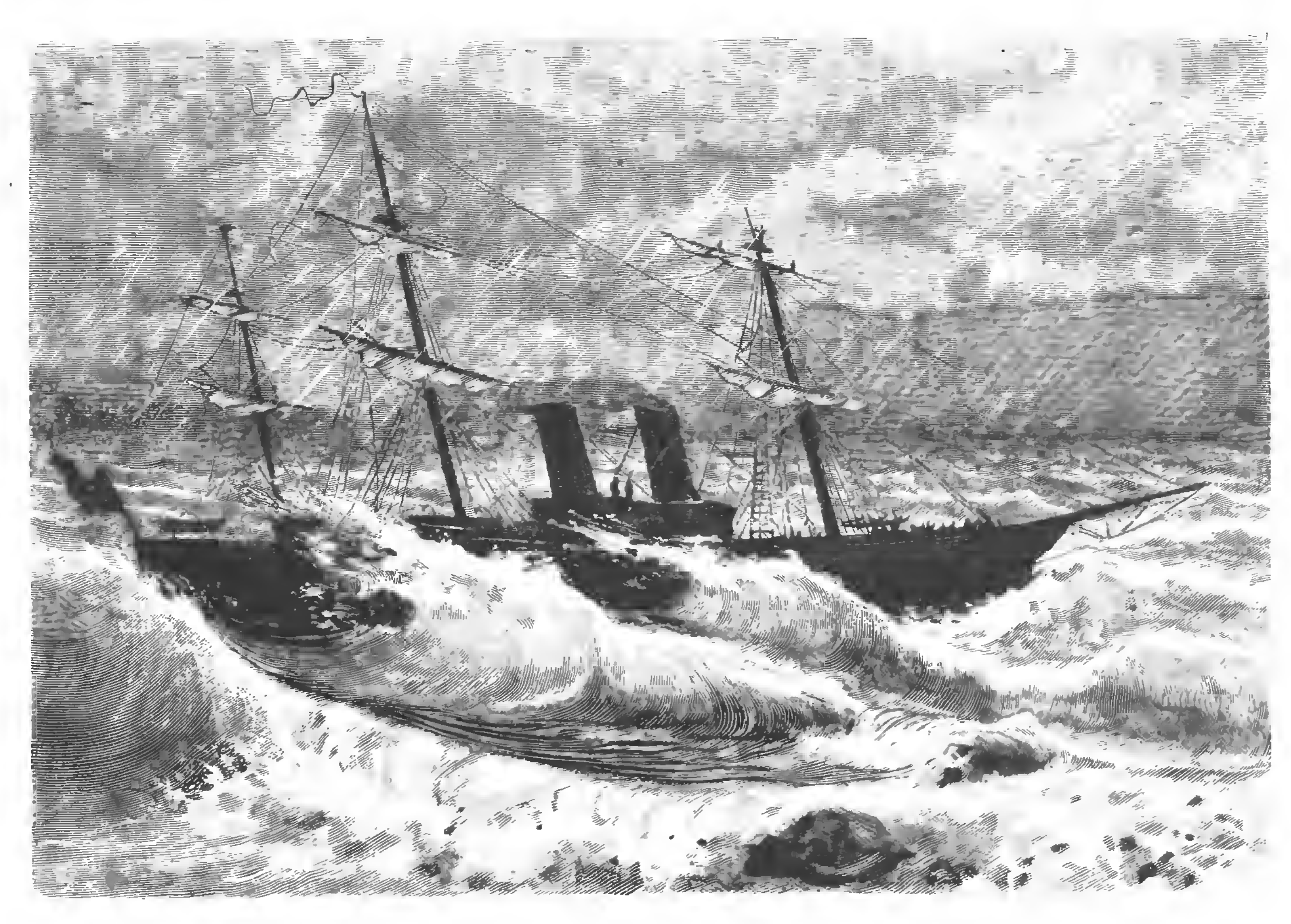
„И вдругъ настала тишина. Послышалось вдали волчье завыванье и раздались тяжелые шаги... Взглянувъ искоса увидѣлъ онъ что ведутъ какое-то огромное, дюжее, косолапое чудовище. Все оно въ черной землѣ. Какъ жилистые, крѣпкіе корни выдавались его, засыпанныя землею, руки и ноги. Тяжело ступалъ онъ, длинныя вѣки опущены были до самой земли. Съ ужасомъ замѣтилъ Хома что лицо его было желѣзное. Его привели подъ руки и поставили къ тому мѣсту гдѣ былъ Хома.

— Подымите мнѣ вѣки: не вижу! сказалъ подземнымъ голосомъ Вій и сонмище кинулось подымать его вѣки.

— Вотъ онъ! прохрипѣлъ Вій и уставилъ на него желѣзный палецъ и все, сколько ихъ ни было, кинулись на философа.

Бездыханный грянулся онъ на землю"... (Стр. 435, т. I).

Но тутъ раздается второй пѣтуший крикъ. Испуганные духи бросились какъ попало вонъ изъ церкви, но завязли въ дверяхъ и окнахъ... И уже на вѣки, по преданію, осталась цер-



Библіографія. „Путешествіе по Востоку и Святой землѣ". Д. А. Скалона. Шквалъ.

на хуторѣ, сцены въ кухнѣ—все это принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ мѣстамъ повѣсти. Когда покойницу отнесли въ церковь, въ кухнѣ начались разсказы о всякой чертовщинѣ и ужасахъ и настроенный всѣми этими разсказами Хома идетъ къ ночи въ церковь. Тамъ въ чудной, сверкающей красотой покойницѣ узнаетъ онъ вѣдьму, которую замучилъ въ степи. Все это усиливаетъ его ужасъ. Но вотъ покойница встаетъ изъ гроба и старается его поймать, а онъ молится и очерчиваетъ кругомъ себя кругъ, изъ-за котораго она его не можетъ видѣть и достать. На вторую ночь гробъ со свистомъ начинаетъ носиться по церкви. Хома въ ужасѣ послѣ этой ночи собирается бѣжать, но его ловятъ и не даютъ уклониться отъ послѣдней ночи. Чтобы быть смѣлѣе Хома выпилъ довольно горѣлки... И вдругъ ковь съ завязнувшими въ дверяхъ и окнахъ чудовищами, обросла лѣсомъ, корнями, бурьяномъ, дикимъ терновникомъ и никто не найдетъ никогда къ ней дороги... Такъ и погибъ философъ Хома Брутъ.

- Слышалъ что случилось съ Хомою? спрашиваетъ Горобецъ своего товарища Халяву.

— Такъ уже Богъ ему далъ, философски замѣчаетъ тотъ, пойдемъ въ шинокъ, помянемъ его душу!..

Сцена появленія Вія, разсказанная нами, изображена Н. Н. Каразинымъ прекрасно. Таинственная мгла храма, чудовища-полупризраки и ужасный Вій, которому поднимаютъ вѣки и закрывшійся въ ужасѣ риторъ — все передано съ большимъ искусствомъ.

Къ рисункамъ.

Діана. Группа Торнигрофта.

(Рис. на стр. 201).

Діана, эта богиня—дѣвственница особенно часто являлась въ произведеніяхъ ваятелей древности. Ея многочисленныя изображенія до сихъ поръ попадаются при раскопкахъ и кромѣ того многіе музеи обладаютъ замѣчательными коллекціями этого рода какъ напр. музеи Лувра и Ватикана. Это обиліе статуй

Діаны легко объясняется тѣмъ громаднымъ значеніемъ и широко-распространеннымъ культомъ, которымъ она пользовалась во многихъ странахъ древняго міра.

Она прелестна, но жестока и безпощадна. Діана пускаетъ смертоносныя стрѣлы въ дѣтей несчастной Ніобеи и безжалостно обращаетъ въ оленя юношу Актеона, осмѣлившагося бросить лишь одинъ нескромный взглядъ на ея божественныя прелести. Немудрено что такому жестокому, безпощадному божеству во многихъ мѣстахъ приносили даже человѣческія жертвы какъ напр. въ Тавридѣ, гдѣ умерщвляли въ честь Артемиды Діаны каждаго пловца, выброшеннаго бурей на берегъ.

Это типъ богини-дѣвственницы. Дѣвственная красота формъ, по словамъ Винкельмана, служитъ главнымъ, отличительнымъ признакомъ всѣхъ ея античныхъ изображеній. И въ статуѣ талантливаго шведскаго художника сохраненъ вполнѣ этотъ типъ. Это красота строгая, неподдающаяся чувственности; смѣло смотритъ богиня впередъ, какъ будто видитъ новую жертву для своей мѣткой стрѣлы и взоръ ея блещетъ отвагой и энергіей.

„Баши-Бузуки" В. В. Верещагина.

(Рис. на стр. 204).

Мы уже помѣстили въ № 4 „Нивы" одну изъ картинъ нашего высокодаровитаго художника В. В. Верещагина „Шпіонъ" и говорили уже какой огромный успѣхъ имѣла выставка ихъ въ Вѣнѣ, затѣмъ нѣсколько холоднѣе были приняты онѣ въ Парижѣ и теперь въ Берлинѣ опять привлекаютъ общее вниманіе и многочисленную публику. Наслѣдный Принцъ Германскій, посѣтившій выставку, лично отозвался художнику весьма лестно о его произведеніяхъ.

Къ картинѣ, здѣсь помѣщаемой нами „Баши-Бузуки", самъ художникъ даетъ слѣдующее объясненіе: „изъ многихъ только двое этихъ остались въ живыхъ. Изображенные здѣсь башибузуки, вмѣстѣ со многими другими, были захвачены русскимъ авангардомъ въ Адріанополѣ. Жители обвиняли ихъ въ ужасныхъ разбояхъ, невѣроятныхъ истязаніяхъ женщинъ и дѣтей и убійствахъ".

Итакъ мы видимъ ихъ, въ мастерскомъ изображеніи художника, двоихъ изъ этихъ разбойниковъ, появленіе которыхъ наводило ужасъ на цѣлыя населенія и которые и надъ нашими героями совершали такія поруганія и истязанія, что и турки регулярныхъ войскъ отзывались о нихъ съ ужасомъ и отвращеніемъ и всегда отказывались отъ всякой солидарности съ этими звѣрями.

Золотые пріиски на р. Витимѣ въ Вост. Сибири.

(Рисунокъ на стр. 205).

Восточная Сибирь—этотъ обширный и богатый, но до сихъ поръ малоизвѣстный и малоизслѣдованный край, орошается нѣсколькими большими судоходными рѣками, среди которыхъ Витимъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Выходитъ онъ за Байкаломъ, въ Верхнеудинскомъ округѣ, частію изъ ближайшихъ озеръ, частію изъ Яблоноваго хребта и изъ горъ окружающихъ съ восточной стороны Байкалъ и встрѣчаясь съ Леной, впадаетъ въ нее тремя устьями.

Витимъ, не смотря на свои многочисленныя мели и пороги, судоходенъ по всему теченію и еще въ 1638 году поднимался по этой рѣкѣ атаманъ Максимъ Перфильевъ съ цѣлью изслѣдовать теченіе рѣки Амура.

Съ тѣхъ поръ Витимъ мало измѣнился въ своей внѣшности; по прежнему онъ течетъ большею частью по пустынной, безлюдной странѣ и высокія горы, обрывающіяся съ берега, даютъ по прежнему очень мало простора для прибрежной колонизаціи. Но зато берега Витима теперь оживлены промыслами, получившими здѣсь значительное развитіе; такъ здѣсь добываютъ въ большомъ количествѣ слюду, бьютъ пушнаго звѣря, который здѣсь въ лѣсахъ водится въ изобиліи и даже разрабатываются золотые пріиски, изъ которыхъ одинъ (уже оставленный) Сабашниковскій и представленъ на прилагаемомъ нами рисункѣ.

Добываніе золота производится здѣсь старымъ несложнымъ способомъ, который давно принятъ и въ другихъ частяхъ Сибири—именно съ помощью глубокихъ рвовъ прорытыхъ въ золотоносной почвѣ, которая потомъ промывается въ особаго рода машинахъ или просто чанахъ и бочкахъ.

Началу такихъ работъ конечно предшествуетъ тщательное изслѣдованіе мѣстности, въ которой предполагается присутствіе золотоноснаго песка. Эти розыски вообще сопряжены съ большими трудностями и только счастливая находка золота можетъ заставить забыть всѣ труды и лишенія развѣдочной партіи. Богатство розсыпи вообще опредѣляется числомъ золотниковъ золота, добытыхъ изъ ста пудовъ песка и въ Сибири, если такая доля равна даже половинѣ или четверти золотника, то и тогда розсыпь считается годной для дальнѣйшей обработки.

При первоначальной развѣдкѣ золотоносной почвы рабочіе проводятъ ровъ, равный длиною и шириною предполагаемому золотоносному пласту или даже два рва, тянущіеся по одному и тому же направленію. Эти рвы такъ глубоки, что они обыкновенно прорѣзываютъ всю толщу верхняго слоя земли, такъ что на днѣ ихъ должна быть видна такъ называемая „постель" розсыпи.

На нашемъ рисункѣ изображенъ оригинальный видъ взрытой поверхности земли на одномъ такомъ пріискѣ (теперь заброшенномъ) на р. Витимѣ,—Сабашниковскомъ. Теперь тутъ все тихо и пустынно и странный видъ имѣетъ это какъ бы взволнованное и окаменѣвшее русло.

Могилы Крылова и Гнѣдича.

(Рис. на стр. 209).

Если вы, войдя въ ограду Александро-Невской лавры, пройдете нѣсколько шаговъ по неширокому въѣзду, раздѣляющему пополамъ старое монастырское кладбище, и потомъ завернете вправо на первое мѣсто,—то первый монументъ, который вамъ бросится въ глаза своей приземистой солидностью будетъ тотъ самый, что изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ. Золотая надпись блеститъ на черно-сѣромъ мраморѣ, надпись весьма лаконическая: „Иванъ Андреевичъ Крыловъ, родился 2 февраля 1762 года, умеръ 9 декабря 1844 года".

Это могила одного изъ популярнѣйшихъ русскихъ писателей. Есть личности, которыя вѣчно будутъ жить въ памяти народа, если не своимъ литературнымъ значеніемъ, которое рано-ли поздно-ли устарѣетъ, то такимъ языкомъ, такими своеобразно созданными оборотами мысли, что ихъ съ трудомъ можно отличить отъ непосредственныхъ выраженій народнаго мудраго опыта—пословицъ. Крыловъ именно принадлежитъ къ числу такихъ людей.

Какъ-то яснѣе, чѣмъ многіе его современники, выступаетъ Крыловъ передъ нами. Такъ живо и ярко рисуется его грузная, тяжелая натура, натура чисто русскаго чудака, талантливаго, удивительно апатичнаго, лѣниваго. Ореоломъ самыхъ анекдотичныхъ сказаній окружается его личность. Разсказываютъ цѣлыя легенды о его разсѣянности, при которой онъ забывалъ самыя обыкновенныя вещи, апатіи, лѣни, о его любви къ пожарнымъ зрѣлищамъ, дѣтямъ, голубямъ и т. п.

Въ Лѣтнемъ саду, въ Петербургѣ, поставленъ ему памятникъ. Скульпторъ П. Клодтъ, чрезвычайно удачно справился съ своей задачей. Крыловъ, слегка сгорбившись, грузно, массивно сидитъ на камнѣ, въ широкомъ, вольными складками повиснувшемъ сюртукѣ, съ открытой головой и лѣниво перелистываетъ книгу, лежащую у него на колѣняхъ. Трудно представить себѣ болѣе талантливое, подходящее къ данному мотиву, выполненіе его фигуры, жизненное, реально-правдивое. Это чисто русскій писатель, въ то-же время чисто русскій человѣкъ со всѣми его достоинствами и недостатками. Въ немъ какъ въ зеркалѣ отразилась вся русская натура, яснѣе чѣмъ въ другихъ его современникахъ.

Рядомъ съ могилою Крылова есть другая могила писателя, довольно значительной извѣстности, благодаря превосходному переводу гомеровой Иліады — Николая Ивановича Гнѣдича. Гнѣдича и Крылова — друзей при жизни — судьба не разлучила и послѣ смерти, положивъ ихъ рядомъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ общаго ихъ гостепріимнаго друга—А. Н. Оленина, въ домѣ котораго они проводили, въ средѣ литераторовъ и художниковъ, многіе часы. Надъ могилой Н. И. стоитъ небольшой монументъ, съ барельефнымъ его портретомъ и надписью: „Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омира". А нѣсколько ниже — стихъ изъ Иліады: „Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ — сладчайшія меда лилися".

Гнѣдичъ, снискавшій себѣ извѣстность прекрасными переводами съ греческаго, особенно идиліей Өеокрита „Сиракузянки" и Иліадой, чтимый въ кругу друзей и за свои оригинальныя стихотворенія, идилліи и поэмы,—отличался еще какъ декламаторъ, чтецъ, учитель драматическаго искусства. Мелодраматическая школа, съ „приподнятыми" страстями и чувствами, царившая на русской сценѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, была въ значительной степени обязана ему своимъ существованіемъ, такъ какъ онъ былъ учителемъ глубоко талантливой Семеновой и В. А. Каратыгина.

Н. И. первый рѣшился писать у насъ гекзаметромъ и не насиловалъ гомеровскаго стиха неудобнымъ александрійскимъ размѣромъ съ неизбѣжной рифмой на концѣ. Пушкинъ (А. С.) въ посланіи къ Н. И. намекая на это, говоритъ, что Гнѣдичъ—

воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера музу намъ явилъ,
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ.

Библіографія.

Путешествіе по Востоку и Св. Землѣ. Д. А. Скалона Спб. 1882. Рѣдко издаются у насъ книги съ такою роскошью. Тутъ все, начиная съ иниціаловъ и виньетокъ, рисованныхъ Шарлеманемъ и прекрасно гравированныхъ на деревѣ, рисунковъ съ натуры Макарова, до бумаги и печати—въ полномъ смыслѣ слова великолѣпно и представляетъ замѣчательный образчикъ работъ

Типографіи Экспедиціи Загот. Госуд. бумагъ.

Содержаніе книги представляетъ матеріалъ достойный хорошаго изданія. Интересныя путевыя письма Д. А. Скалона, печатавшіеся первоначально въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и составившіе настоящую книгу, еще тогда, при своемъ появленіи, обратили на себя вниманіе. Главное ихъ достоинство—это полная простота, точность и правдивость описаній, какъ бы даже боязнь сказать что нибудь лишнее, увлечься картиннымъ выраженіемъ, удобнымъ случаемъ краснорѣчиваго описанія, чтобы изъ за нихъ не потерпѣла правда изображенія и это придастъ книгѣ какой то своеобразный и весьма для нея выгодный оттѣнокъ. Разумѣется одного этаго было бы недостаточно чтобы сдѣлать книгу интересною а нуженъ тотъ талантъ и наблюдательность, которыя составляютъ отличіе автора книги. Кромѣ того г. Скалонъ въ посѣщенныхъ имъ мѣстахъ имѣлъ полную возможность видѣть гораздо болѣе чѣмъ обыкновенный туристъ, ибо онъ совершилъ путешествіе, состоя въ Свитѣ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго въ 1872 году.

Пестрыя, интересныя и разнообразныя картины развертываются передъ читателемъ.

Всѣ эти мѣста, о которыхъ здѣсь говорится, многими были посѣщены и описаны, но авторъ умѣетъ въ своемъ разсказѣ дать описанію свое освѣщеніе что заставляетъ относиться къ его разсказу съ особымъ интересомъ и довѣріемъ. Разсказъ этотъ вездѣ ровенъ, но нельзя не замѣтить особой теплоты и одушевленія въ описаніи тѣхъ мѣстъ, дорогихъ для всякаго христіанина, мѣстъ гдѣ жилъ и страдалъ Божественный Учитель, Спаситель міра, гдѣ священный Іорданъ катитъ свои волны.

Понятно, что такаго высокаго путешественника, какъ нашъ Великій Князь, всюду встрѣчали почтительно и торжественно. Описанія этихъ встрѣчъ и свиданій Его Высочества съ покойнымъ Султаномъ, Хедивомъ и т. п. представляютъ также особенный живой интересъ.

Чтобы представить образецъ изящества рисунковъ этой роскошной книги мы помѣщаемъ здѣсь изображеніе парохода, на которомъ слѣдовали путешественники во время бури 9 ноября, когда около двухъ часовъ дня налетѣлъ шквалъ и сломалъ верхушку фокъ-мачты. Отъ треска ея при паденіи на палубу всѣ встревожились.... На палубѣ закипѣла работа, подымали и крѣпили паруса, строились, расходились, тянули веревки. Погода разыгралась не на шутку: пароходъ такъ и кидало.

Нельзя не рекомендовать книгу съ такимъ интереснымъ содержаніемъ, и вдобавокъ, повторяемъ, изданную такъ какъ очень рѣдко издаются книги у насъ.

Политическое обозрѣніе.

Покушеніе на жизнь Королевы Англіи.—Австрія.—Сербія.—Болгарія.—Румынія.—Франція.—Египетъ.

Новое ужасное покушеніе! 18-го февраля (2 марта) когда Королева Викторія, прибывъ изъ Лондона, садилась въ карету, чтобы ѣхать въ виндзорскій дворецъ, нѣкто Родерикъ Маклеанъ выстрѣлилъ въ Ея Величество изъ пистолета. Никто не раненъ. Преступникъ схваченъ, онъ находился въ толпѣ, которая собралась, чтобы привѣтствовать Королеву при ея пріѣздѣ. Онъ стрѣлялъ въ то время, какъ Ея Величество садилась въ карету.

Вѣсти о положеніи дѣлъ въ Герцеговинѣ довольно разнородны, согласно однимъ—инсургенты имѣли нѣкоторый успѣхъ и придвинули свои позиціи къ Серасву, но—по другимъ, въ общемъ, успѣхъ на сторонѣ австрійцевъ. Австрійцы, выдвинувшіе цѣлую пѣхотную дивизію съ артиллеріею въ значительномъ количествѣ, успѣли занять плоскогорье Зимье, между среднею и верхнею Нарентою, а въ Кривошіи — овладѣть фортомъ Леденицею, близь Ризано, къ сѣверо-западу отъ Бокки Катарской; но за то, какъ трудно австрійцамъ вести войну съ усташами, видно изъ того, что въ дѣлѣ у Леденицы первые сражались (подъ командою товарища генерала Іовановича, генерала Винтергальтера), въ составѣ 6-ти стрѣлковыхъ батальоновъ, батареи горныхъ пушекъ, (а съ моря имъ помогали броненосный фрегатъ, корветъ и три канонерки), тогда какъ усташей было всего 600 человѣкъ, которые все-таки, не дали себя окружить и своевременно отступили къ Черногоріи.

Какъ въ 1876 г. въ Россіи, такъ теперь во всей Сербіи устроиваются подписки въ пользу герцеговинцевъ и происходитъ вербовка; изъ Ниша и Пирота недавно отправились 250 добровольцевъ въ Боснію, при общемъ сочувствіи городскихъ жителей; въ нашей Одессѣ сформировался отрядъ изъ южныхъ славянъ... Изъ Вѣны сообщаютъ, что вмѣсто военнаго министра Лѣшанина назначенъ Николичъ, извѣстный за человѣка рѣшительнаго; вѣнскія газеты стараются придать этому назначенію тотъ смыслъ, что сербское правительство намѣрено перейдти къ наступательной политикѣ противъ Австріи: и официозная газета венгерскаго правительства „Пештскій Ллойдъ" прямо требуетъ, чтобы Австрія выступила рѣшительно противъ Сербіи и Черногоріи, не обращая вниманія ни на какія помѣхи (это ли не ясно?), такъ какъ княжества эти поддерживаютъ герцеговинское возстаніе и, главнымъ образомъ, препятствуютъ упроченію верховнаго владычества Австріи на Балканскомъ полуостровѣ. Привѣтствуемъ правительства княжествъ—лучшаго аттестата имъ нечего и желать!—По слухамъ, нынѣшній посланникъ сербскій въ Петербургѣ, полковникъ Хорватовичъ, одинъ изъ способнѣйшихъ офицеровъ сербскихъ войскъ, возвращается въ Бѣлградъ, вѣроятно, къ своей спеціальной дѣятельности, что, конечно, и понятно... а на его мѣсто, говорятъ, будетъ присланъ г. Ристичъ, что тоже было бы совершенно понятно, если было бы вѣрно. Остается только желать... Въ Болгаріи, какъ оттуда сообщаютъ, не установился еще прочный порядокъ: между умѣренною и передовою партіями состоялось соглашеніе, имѣющее цѣлью возвратить княжеству прежнюю конституцію и говорятъ, будто Россія не прочь уступить этимъ требованіямъ, чтобы удержать свое вліяніе въ Болгаріи; однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ этомъ движеніи является Балабановъ, соединившійся съ Цанковымъ. Не сомнѣваясь въ добрыхъ намѣреніяхъ князя, они, однако, высказываютъ мнѣніе, что онъ слушается не надлежащихъ совѣтовъ и мало знакомъ съ страною. А между тѣмъ, и Берлинская пресса заботится о новомъ устройствѣ Балканскаго полуострова: „Національная Газета" предлагаетъ соединить Сербію, Болгарію и Боснію въ одно большое, вассальное въ отношеніи Австріи, государство подъ управленіемъ австрійскаго эрцъ-герцога Іоанна-Сальватора. Приводимъ это откровенное предложеніе какъ отголосокъ мнѣній, господствующихъ тамъ и отчасти характеризующихъ настроеніе...

Изъ Бухареста сообщаютъ, что правленіе плоешты-предвальской желѣзной дороги получило приказаніе весь подвижной составъ дороги держать на готовѣ для потребностей военнаго министерства; въ газетѣ „Monitorue" напечатано объявленіе о приглашеніи къ поставкѣ фуража и лошадей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, военное турецкое министерство потребовало у Порты 40 милліоновъ франковъ для усиленія артиллеріи.

Во Франціи, отъ времени до времени, комунары напоминаютъ о себѣ; недавно въ Марсели рабочіе, подъ вліяніемъ рѣчей одного изъ соціалистовъ, Фурне, ходили по всѣмъ кварталамъ города, развернувъ красное знамя и приглашая товарищей къ прекращенію работъ; все это сопровождалось „Марсельезой"; они бросали каменьями въ фабрики, продолжавшія работать, и въ нѣкоторыя врывались; власти потребовали войска.

Изъ Туниса получено извѣстіе о томъ, что будто на южной границѣ регентства произошло возстаніе нѣсколькихъ арабскихъ племенъ; инсургенты, заставивъ многія другія племена принять ихъ сторону, ограбили и разрушили городъ Каму, жители котораго не хотѣли присоединиться къ нимъ. Въ добавленіе къ этому сообщаютъ изъ Парижа, что войска не будутъ отозваны изъ Туниса, такъ какъ во всѣхъ частяхъ регентства вновь стали показываться значительные отряды инсургентовъ.

Смѣсь.

Истребленіе рыбъ посредствомъ динамита приняло столь громадные размѣры въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки, что обратило наконецъ на себя даже общественное вниманіе. Вслѣдствіе этого образовалась особая ассоціація покровительства рыбъ, которая всѣми мѣрами старается убѣдить правительство, положить предѣлъ особымъ закономъ такому варварскому способу рыбной ловли.

Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что въ глубину рѣки или во впадинѣ ея береговъ погружаютъ торпеду съ динамитомъ, которую и взрываютъ съ помощью особой трубочки. Ударъ обыкновенно бываетъ такъ силенъ, что убиваетъ или оглушаетъ всѣхъ рыбъ на пространствѣ семи и болѣе футовъ, въ тотъ моментъ когда рыба старается со дна выплыть на поверхность воды. Тогда большихъ рыбъ извлекаютъ сѣтями а мелкія остаются гнить и заражать воздухъ.

Растеніе, замѣняющее ваксу, водится въ Южномъ Новомъ Валлисѣ и называется Hibiscus rosa sinensis. Его багровые цвѣты содержатъ въ себѣ густой сокъ, придающій прекрасный глянецъ кожѣ. Растеніе разводится очень легко на какой угодно почвѣ и его цвѣты имѣютъ большое примѣненіе какъ совершенно замѣняющіе ваксу и сокомъ которыхъ можно сдѣлать блестящимъ любой сапогъ даже безъ пособія щетки.

Чувство слуха и его аномаліи. Какъ въ зрѣніи бываетъ иногда неспособность различать нѣкоторые цвѣта, такъ и въ чувствѣ слуха наблюдается подобное-же явленіе въ отношеніи нѣкоторыхъ звуковъ. Такъ нѣкто Лидеръ въ штатѣ Огіо никогда не можетъ уловить ухомъ даже того что отчетливо слышно всѣми другими какъ напр. пѣніе птицъ, если даже послѣднія поютъ въ самой небольшой комнатѣ. Равнымъ образомъ не слышитъ онъ и свиста производимаго человѣкомъ да и вообще отъ его уха ускользаютъ многіе звуки человѣческой рѣчи, которые онъ лишь дополняетъ по движенію губъ и

по знакамъ говорящаго. Еще замѣчательно что верхнія ноты музыкальныхъ инструментовъ не достигаютъ до его слуха, но за то нижнія онъ слышитъ совершенно явственно. Такія аномаліи слуха, которыя встрѣчаются довольно часто въ врачебной практикѣ, вызвали интересный докладъ читанный докторомъ Турибуллемъ въ пенсильванскомъ медицинскомъ обществѣ, о глухотѣ нѣкоторыхъ лицъ изъ желѣзнодорожной прислуги, изъ которой лишь меньшая часть обладаетъ слухомъ необходимымъ по самому роду ихъ занятій. По словамъ докладчика необходимо, чтобы всѣ кандидаты, желающіе посвятить себя желѣзнодорожной службѣ. въ отношеніи нормальности слуха были тщательно изслѣдованы медикомъ; кромѣ того послѣдній обязанъ о каждомъ отдѣльномъ случаѣ глухоты доносить высшему начальству и чтобы такого служащаго не допускать болѣе къ управленію локомотивомъ или къ службѣ по эксплоатаціи а употреблять его на другое дѣло.

Приданіе большей крѣпости вину.—Извѣстно, что если подвергнуть смѣсь воды и спирта достаточному охлажденію, то она частію замерзаетъ. Ледъ, образующійся при этомъ, состоитъ исключительно изъ воды; спиртъ же остается въ жидкомъ состояніи. И во Франціи нѣкоторые винные заводчики незамедлили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, для приданія большей крѣпости производимымъ ими виноградным винамъ. Въ самомъ дѣлѣ, при удаленіи льда, то же количество спирта остается въ меньшемъ количествѣ воды и смѣсь становится соотвѣтственно крѣпче. Такимъ образомъ, двѣнадцати-процентное содержаніе спирта возвышали до восемнадцати процентовъ. Такое вино хорошо сохраняется, пріобрѣтаетъ болѣе яркую окраску и болѣе сильный ароматъ.

Нѣкто г. Рауль, ради практическихъ цѣлей виноделія, произвелъ изслѣдованіе относительно температуры, при которой происходитъ замерзаніе смѣсей съ различнымъ содержаніемъ спирта. Оказалось при этомъ, что температура замерзанія тѣмъ ниже, чѣмъ больше спирту содержится во всякой данной смѣси.

Интересно то, что, какъ показалъ г. Мельсенсъ, замороженныя спиртныя жидкости могутъ быть потребляемы не безъ пріятности и довольно удобно, не смотря на ихъ часто чрезвычайно-низкую температуру. Водка, доведенная до температуры въ 30 или 35 градусовъ (по Ц.) ниже нуля и получившая сиропообразный видъ, показалась превосходной знатокамъ и тѣмъ больше, чѣмъ была она холоднѣе. Та-же водка, доведенная до температуры 40 и даже 50 градусовъ (по Ц.), казалась на языкъ все-таки теплѣе, чѣмъ, напримѣръ, обыкновенныя льдинки. Очень холодной казалась она только при 60 градусахъ.

Къ статистикѣ Рима. Городъ Римъ, включая такъ-называемое agro Romano, по послѣдней народной переписи считаетъ 300,292 жителя. При этомъ замѣчается рѣдкое явленіе: въ числѣ этихъ жителей 167,327 мужчинъ и 132,965 женщинъ, такъ что въ вѣчномъ городѣ на 34,000 болѣе мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Десять лѣтъ тому назадъ во время переписи было то же самое. Въ 1871 г. въ Римѣ было 244,484 человѣка жителей и между ними 139,267 мужчинъ и 105,217 женщинъ т. е. около 34,000 менѣе чѣмъ мужчинъ.

Извѣстный пловецъ капитанъ Бойтонъ, переплывшій рѣку Миссури по всей ея длинѣ, разсказываетъ объ этомъ плаваніи слѣдующее: „Большею частью путешествіе было очень однообразно. Звукъ собственнаго моего голоса пугалъ меня. Свистъ вѣтра и крики дикихъ гусей были единственными звуками доходившими до меня. Послѣ солнечнаго заката я взбирался на какую-нибудь песчаную косу и спалъ тутъ до пяти часовъ утра. Иногда я видѣлъ стада буйволовъ, антилопъ, оленей и горныхъ козъ. Однажды къ вечеру я наткнулся на старый стволъ дерева, изорвалъ свое одѣяніе и чуть было не утонулъ; исправивъ кое-какъ поврежденіе я отправился далѣе. Въ другой разъ къ вечеру я услышалъ шумъ. Взглянувъ въ сторону я увидѣлъ индѣйца цѣлившагося въ меня изъ ружья. Употребивъ всѣ усилія я всталъ въ водѣ и закричалъ на краснокожаго, который сильно испугался необыкновеннаго явленія и убѣжалъ со скоростью, которая бы сдѣлала честь любому скороходу. Вскорѣ послѣ того проплывая возлѣ форта Буфорда я услышалъ о смерти президента. Въ слѣдующую затѣмъ ночь, рѣка чуть меня не поглотила. Я попалъ на кучу наносная песка, который меня сталъ втягивать. Пришлось проработать два часа, чтобы освободиться отъ опасности. Приставъ разъ ночью къ берегу, я не могъ уснуть ни на минуту отъ раздававшагося вокругъ меня воя шакаловъ. Около Бертольдо — индѣйскаго агентства—индѣйцы приняли меня за волшебника. тѣмъ не менѣе на слѣдующій день разворовали половину моихъ вещей. Во время пути по Миссури, мнѣ болѣе всего приходилось заботиться о томъ, чтобы не сталкиваться со стволами деревьевъ, которые во множествѣ попадаются на этой рѣкѣ."

Рѣшеніе алгебраичекой задачи № 6.

1-е число $= x$;
2-е „ $= y$;
3-е „ $= z$;
4-е „ $= u$;
5-е „ $= v$;
6-е „ $= t$;
7-е „ $= s$;
8-е „ $= q$;
9-е „ $= r$;

V) $s - u = 5$;
VII) $u + s = 15$;

$2s = 20$;
$a = 10$;

I) $s - v = 1$;
II) $u - x = 2$;
III) $y - v = 3$;
IV) $q - t = 4$;
V) $s - u = 5$;
VI) $z + v = 10$;
VII) $u + s = 15$;
VIII) $x + q = 20$;
IX) $x + r = 30$;

$x = 3 =$ **В**
$y = 12 =$ **Л**
$z = 1 =$ **А**
$u = 5 =$ **Д**
$v = 9 =$ **И**
$t = 13 =$ **М**
$s = 10 =$ **І**
$q = 17 =$ **Р**
$r = 27 =$ **Ъ**

Владиміръ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.** — Труханова, Зиборова, Хеснна, Голубева, Бутаковой, Певскаго, Давыдовскаго, Коломійцева, Гибинетъ, Фейдингъ, Левтѣева, Инфляндъ, Кузминскаго, Шевлягина, Матвѣева, Гусакова, Погорѣлова, Лурьи, Фусъ, А. М., Головнина, Федорова, Михайлова, Груздева, Боронина, Д. В. К., Кривцова, Трапезникова, Колюбакина; **Москва** — Герберъ, Надсѣдина, Иванова, Стекольникова, Швецова, Дмитріева, Постникова, Константинова, Наза-

рова, Михалевича, Попова, Бабанина, Васильева, Завьялова, Николаева, Копытина, Никитина, Срѣтенскаго; **Астрахань**—Цѣхановича, Кузнецова; **Бахчисарай**—Дремдаи; **Бейсагола**—Атласъ; **Бобринецъ**—Любатинскаго; **Богородскъ**—Таршилова; **Борзна**—Александренко; **Бѣлгородъ**—Злобина; **Бѣлое**—Бѣлосельскаго; **Варшава**—Беневоленскаго; **Великіе Луки** — Михтетюрникова; **Вильноміръ** — Гуревича, **Вильно** — Булича, Гаврилова, Хорошевскаго, Прикъ, **Владиміръ** — Орлова; **Вологда** — Попова; **Воронежъ**—Полпера; **Гжатскъ**—Глушкова; **Гомель**—Борткевича, Бацанова; **Гостынинъ**—Сикорскаго; **Гродно**—Кащеева; **Данковъ**—Карпѣева; **Динабургъ**—Веллера; **Елецъ**—Попова; **Епифань** — Уралова; **Журавка** — Солодовникова; **Зарайскъ**—Терскаго; **Казань**—Шуструйскаго; **Калуга**—Кадмина, Саницкаго, Волоковой; **Камен.-Подосьскъ**—Ядловкиной; **Керчъ** — Дервисье; **Кіевъ** — Ливеръ, Кутелевскаго, Гаврика, Болсуновской; **Коломия** — Кохапенко; **Кострома** — Михайловскаго, Калинникова; **Крапивна**—Вьюкова; **Кронштадтъ** — Маркова, Престина; **Кузнецкъ** — Орлова; **Кѣльцы** — Пѣмѣстьева; **Ливны** — Яковлева; **Ломжа** — Печникова; **Луганскій заводъ** — Голикова; **Лухъ** — Грибукина; **Медвѣдево** — Лейцингеръ; **Минскъ** — Фишбейнъ, Столкингъ, Ледеръ, Цинкина, Максимовича; **Могилевъ** — Королько, **Муромъ** — Смольянинова, Звѣрева, Уткина, Засухина; **Нижній-Новгородъ** — Золотѣловой, Ермолаевой, Обухова; **Новомосковскъ** — Трифоновой; **Нов. Осколъ** — Исаевой; **Одесса** — Зуссманъ, Жуликова; **Орелъ** — Помышляева; **Оренбургъ** — Рѣпина; **Ошмяны** — Першина; **Павловка**—Семенова; **Пенза**—Янушевскаго, Герке; **Петергофъ**—Демидова; **Проскуровъ**—Тошиловской; **Псковъ**—Малаева, Стояпока; **Радзивилловъ**—Гинзбургъ; **Раненбургъ**—Медвѣдева; **Ростовъ** — Горлицына, Эрбергъ, — Попова; **Рыбинскъ** — Шубиной, Благовой; **Рязань**—Г—д—о—дъ, Гитцигратъ, Шумовыхъ; **Самара**—Полумордвинова, Быстрицкаго, В. С.; **Севастополь** — Скапони; **Сестрорѣцкъ** — Тимофѣева; **Симферополь**—Штейнбергъ, Мазлумова; **Скопинъ**—Волкова; **Слонимъ**—Вейнбергъ; **Смѣла**—Краснокитскаго; **Ставрополь** — Молокоѣдова, Котылевскаго; **Сумы** — Грошевой; **Сызрань**—Волкова; **Сѣнно**—Вильчикова; **Тамбовъ**—Сорокина, Толмачева, Хмѣлевскаго; **Татарбунары**—Вассерманъ; **Тверь**—Томилова; **Тула**—Берманъ; **Херсонъ**—Жолкверъ, Марголина, Лебединскаго; **Череповецъ** — Альпіемскаго; **Чугуевъ** — Богословскаго; **Шелковна** — Кочерова; **Ярославль**—Мосягина, Трескина; (Болгарія) **Шумла** — Иванова; (Италія) **Миланъ** — Кавелиной.

Рѣшеніе ребуса № 3.

Изъ одной лѣсины, да разное выходитъ: и лопаты тешутъ и образа дѣлаютъ.

Рѣшеніе шашечной задачи № 7,

Бѣлые	Черные
1) E3 — D4	E 5 — C 3
2) A3 — B4	C 3 — A 5
3) F2 — E3	A 1 — H 8
4) A7 — B6	A 5 — C 7
5) C5 — D6	C 7 — E 5
6) G5 — F6	E 5 — G 7
7) E3 — G5	G 7 — F 6
8) H6 — G7	F 6 — D 8
9) G5 — F6	D 8 — C 7
10) F8 — C5	C 7 — E 6
11) C5 — E7	и дамка заперта.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Панафидино, **Москва**—Ларіонова, Васильева, **Калуга**—Волохова, **Славяносербскъ**—Шиллера, **Хвалынскъ**—Пономаревой.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННЫЙ

ДЕШЕВЫЙ

МЕТРОНОМЪ.

№ 1-й **цѣна 75 к.**, № 2-й, въ мѣдной капсюлѣ 1 р. 50 коп., № 3-й въ мѣдной капсюлѣ, лучшей работы 2 р., № 4-й, въ капсюлѣ, новаго серебра 3 руб.

Метрономъ съ часов. механизм. 10 р.
тоже съ боемъ 12 р.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ

П. ЮРГЕНСОНА.

10, Неглинный проѣздъ (уголъ Кузнецкаго моста) въ Москвѣ.
П. № 1949

ПОРОШКИ

для легкаго возстановленія истертыхъ мѣстъ на высеребреныхъ подсвѣчникахъ, столовыхъ приборахъ, пуговицахъ и проч. продаются у

Р. КЁЛЕРЪ и К° въ Москвѣ.

Только что поступилъ въ продажу вторымъ, значительно измѣненнымъ и добавленнымъ изданіемъ

„ЮЖНО-РУССКІЙ ОРНАМЕНТЪ“
собранный А. ЛИСЕНКО, изданіе И. А. РОЗОВА.

Роскошный альбомъ, напечатанный изящно на отличной бумагѣ, вмѣщаетъ въ себѣ множество самыхъ красивыхъ и разнообразныхъ узоровъ для вышиванія мужскихъ и женскихъ рубахъ, фартуховъ, полотенцевъ, скатертей, сафелтокъ, и проч. Кромѣ значительныхъ измѣненій и добавленій, **по 2-му изданію приложены алфавиты разныхъ видовъ для вышиванія. Цѣна съ пересылкою 3 руб.** Въ этомъ альбомѣ находится много цвѣтовъ, розъ и растеній разныхъ, чрезвычайно красивыхъ въ вышиваніи, что въ другихъ изданіяхъ отсутствуетъ. **Высылается въ день полученія денегъ. Укупорка въ доскахъ. Адресъ: Кіевъ, Малая Васильковская, д. № 24 И. А. Розову.** № 1959 1—1

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга продается

„Фаустъ“,

трагедія Гёте, переводъ **А. ФЕТА.** I часть. Цѣна **1 р.** П. № 1950

ПЕРГАМЕНТЪ для дипломовъ литавръ и барабановъ.

ЗАМША лосиновая, коровья оленья, козловая и барановая.

САФЬЯНЫ заграничные и здѣшніе.

МАШИННЫЕ РЕМНИ

и проч., и проч.

КОЖЕВЕННЫЕ ТОВАРЫ.

Большая Садовая, противъ Государственнаго Банка, магазинъ № 1. № 1946

ФИРМА

Михѣева.

НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТЪ

для повѣрки часовъ во всѣхъ мѣстностяхъ для показанія странъ свѣта, для снятія плановъ съ натуры, для отвода участковъ съ плановъ въ натурѣ и служащій какъ **ЧАСЫ** въ солнечные дни, по своему малому объему удобоносимъ въ карманѣ жилета, съ печатнымъ наставленіемъ какъ употреблять: привиллегированъ. Съ перес. 3 р., большій 4 р., посеребр. 5 р., позолоч. 6 руб. Адресъ: г. **Вытегра,** Олон. губ. I. **Милевскому.** № 1945

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

О-ДЕ-КОЛОНЪ весьма освѣжительный, душистый и чрезвычайно крѣпкій, **двойной, тройной, № 4 экстрактъ.**

ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ разрѣшенный С.-Петерб. Врачебн. Управою, оживляетъ и освѣжаетъ кожу своими ароматическими составными частями, онъ также отличное средство для куренія въ комнатахъ, гдѣ находятся больные и вообще въ мѣстахъ, гдѣ воздухъ испорченъ, фл. 60 к. **Уксусъ Віолетъ де-Пармъ** превосходный, **Уксусъ карболовый анти-эпидемическій.**

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы: **„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.**

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ,** д. № 32, Католической церкви.
2) **Невскій проспектъ,** у Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій проспектъ,** уголъ Казанской ул., домъ № 18 54, Шредера.

Объ изданіи ежемѣсячнаго журнала

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬ

въ 1882 году (годъ 5-й)

Редакція журнала „Хозяйственный Строитель“ имѣетъ цѣлью оказать помощь лицамъ и учрежденіямъ, которыя, при недостаточномъ знакомствѣ со строительнымъ дѣломъ, встрѣчаютъ надобность производить различныя сооруженія. Оградить эти лица и учрежденія отъ эксплуатаціи со стороны разныхъ подрядчиковъ и мастеровыхъ, принимающихъ на себя роль архитекторовъ и возводящихъ постройки слишкомъ дорого, непрочно, неудобно и некрасиво,—составляетъ главную задачу журнала.

Изыскивая средства къ достиженію этой цѣли, редакція остановилась на мысли, не только высылать подписчикамъ, за ниже объявленную подписную сумму, журналъ, вполнѣ отвѣчающій своей программѣ, но еще служить и постояннымъ совѣтникомъ ихъ во всѣхъ строительныхъ вопросахъ.

Въ этихъ видахъ редакція установила—почти съ самаго основанія журнала—особенныя отношенія къ подписчикамъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) каждый подписчикъ имѣетъ право обращаться въ редакцію за содѣйствіемъ къ составленію проектовъ необходимыхъ ему построекъ; 2) редакція принимаетъ на себя безплатно посредничество въ заказѣ проектовъ или сотрудникамъ своимъ или же инымъ спеціалистамъ дѣла, причемъ всякая работа сотрудника обязательно подвергается разсмотрѣнію редакціоннаго собранія и посылается заказчику не иначе, какъ по одобреніи всѣми спеціалистами-сотрудниками; 3) редакція рекомендуетъ разнаго рода строителей и поставщиковъ матеріаловъ, и т. п., а также принимаетъ на себя, по порученію подписчиковъ, составленіе смѣтъ къ проектамъ и повѣрку сдѣланныхъ кѣмъ-либо исчисленій, за плату по соглашенію; 4) если подписчикъ, встрѣчающій необходимость заказать и получить изъ Петербурга какіе-либо предметы по строительной части, желаетъ произвести заказъ при посредничествѣ редакціи,—въ такомъ случаѣ редакція безвозмездно принимаетъ такое посредничество на себя, и, наконецъ, 5) редакція исполняетъ безплатно всѣ порученія по подпискѣ на журналы и газеты и покупкѣ всякаго рода книгъ.

Исчислить болѣе подробно все то, что редакція готова, съ своей стороны, предоставить гг. подписчикамъ, затруднительно въ объявленіи, и потому желающимъ высылаются немедленно и безплатно болѣе точныя свѣдѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ редакціи „Хозяйственнаго Строителя“ къ ея подписчикамъ.

Ведя такимъ образомъ журналъ, въ теченіи четырехъ лѣтъ, редакція получила о разныхъ нуждахъ подписчиковъ множество заявленій, изъ которыхъ она убѣдилась въ томъ, что журналъ можетъ быть весьма не безполезнымъ для сельско-хозяйственной архитектуры, какъ наиболѣе нуждающейся въ совѣтахъ спеціалистовъ дѣла, по отсутствію въ большей части нашего обширнаго отечества вполнѣ компетентныхъ техниковъ этого рода

На этомъ основаніи, съ 1882 года, редакція предполагаетъ удѣлять сельско-хозяйственнымъ постройкамъ болѣе значительное мѣсто, полагая, что гг. подписчики не откажутъ въ сообщеніи ей всѣхъ своихъ нуждъ по этаго рода вопросамъ, которые никогда не останутся безъ должнаго и возможно скораго разрѣшенія въ редакціи.

Форматъ изданія in 4°. Въ каждый нумеръ входятъ два проекта построекъ и не менѣе двухъ листовъ текста, съ приложеніемъ соотвѣтствующихъ чертежей и рисунковъ.

Подписная цѣна на годъ: безъ доставки—**12 р.,** съ доставкою въ С.-Петербургѣ—**13 р.,** съ пересылкою по почтѣ внутри Россіи—**14 р.,** съ доставкою за границу—**20 р.**

Желающіе получить экземпляры этого журнала вышедшіе въ 1878, 1879, 1880 и 1881 гг., высылаютъ требованія по нижеозначенному адресу въ редакцію.

Цѣна журнала за прошлые годы та же, какъ и за настоящій.

Отдѣльныхъ нумеровъ журнала не продается.

Требованія относительно высылки журнала, должны быть, вмѣстѣ съ подписными деньгами, присылаемы: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Хозяйственный Строитель“, Мойка, № 26.

№ 1955 Редакторъ-издатель **П. Мижуевъ.**

ПОДПИСКА

НА

„ОБЗОРЪ ГРАФИЧЕСКИХЪ ИСКУССТВЪ“

на **1882** годъ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

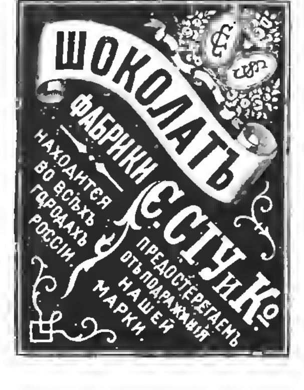
Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, т. е. 24 нумера въ годъ, съ разными безплатными приложеніями.

Цѣна за годъ:

Безъ доставки . . . . . . **4 руб.**
Съ доставкою и пересылкою **5** „
Съ пересылкою за-границу **6** „

Редакція **„Обзора Графическихъ Искусствъ“** помѣщается на Вознесенскомъ просп., д. № 53, въ С.-Петербургѣ.

№№ 1-й и 2-й за 1882 г. журнала высылаются желающимъ безвозмездно.



Ц. № 1903 12—2.

10%

ВОЗНАГРАЖДЕНІЯ

предлагаю лицамъ, имѣющимъ возможность по своему общественному положенію указать мнѣ владѣльцевъ, желающихъ продать нижепоименованныя старинныя вещи, которыя я покупаю **ПО ВЫСОКОЙ ЦѢНѢ: богатый сѣверскій и саксонскій фарфоръ, старинные бронзовые часы, канделябры и группы, золотыя эмальированныя табакерки, старинныя вещи изъ золота и серебра прошедшихъ столѣтій, старинную мебель съ богатыми бронзовыми украшеніями и фарфоровыми инкрустаціями, гобелены, вышитыя старинныя шелковыя матеріи, старинныя кружева, фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра** и вообще всякаго рода старинныя вещи XVI, XVII и XVIII столѣтій, кромѣ монетъ.

Указаніе адресовъ лицъ, имѣющихъ на продажу означенные предметы, могутъ быть сообщены мнѣ лично или письменно по адресу моему: въ Москву, **г-ну ЛЮДОВИКУ БЕКЪ,** Петровка, домъ Пенскаго, противъ петровской аптеки.

Выше упомянутое вознагражденіе въ 10% мною выплачивается немедленно за каждую сдѣланную покупку чрезъ рекомендацію. 6—2 Я. № 1905

АЛЬБЕРТЪ САЛМОНЪ,
Albert Sahlmon,
БЕРЛИНЪ, W.

КАКЪ СПЕЦІАЛЬНОСТИ

ПТИЧЬИ КЛѢТКИ

изъ лакированнаго, покрытаго цинкомъ, и отлично полированнаго дерева.

АКВАРІУМЫ и ТЕРРАРІУМЫ, просверленныя бляхи и прессы.

S. 1931 ИЩУТЪ АГЕНТОВЪ. 6—3

А. Дейбнеръ.

магазинъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, Невскій пр., д. 10, напротивъ Мал. Морской въ С.-Петербургѣ. Каталоги книгъ и журналовъ безплатно. № 1957

НОВОСТИ ДЛЯ ПРЕДСТОЯЩАГО СЕЗОНА

получилъ

портной Ж. КЛЕМПНЕРЪ.

Москва, Неглинный проѣздъ, домъ Товаровой,

противъ Малаго театра, гдѣ помѣщается гостиница Европа. Ц. № 1948

Единственное доказательство подлинности, если эта-же фабричная марка находится на этикетахъ.

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ** *).

Признанъ за **лучшее средство** противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная съ **простаго катарра** до **чахотки** и противъ блѣдной немочи.

Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ въ **С.-Петербургѣ.**

Въ Москвѣ у Н. Матейзенъ; въ **Варшавѣ** у Лудвига Шписъ и Сына. № 1938

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. и 2 руб. у русск. общ. торговли аптекарск. товар. Казанская, 12, Штоль и Шмидтъ, Малая Морская, 11.

Карманные никелевые часы

заводящіеся безъ ключа (въ ручку).

Анкерные мужскіе	открытые	14 руб.
Такіе же	закрытые	16 „
Малаго размѣра	открытые	15 „
Такіе же	закрытые	17 „

съ ручательствомъ на 1 года въ магазинахъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23, (противъ большой Конюшенной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Бартельсомъ).

Пересылка на счетъ магазиновъ.

Подробные прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно. № 1606 10—11

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЯЩИКИ.

Малые ручныя отъ 1 р. 75 к. до 4 р.
Малые заводные по 5 р., 6 р., 10 р., 15 р.
Большіе заводые по 20 р., 22 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 70 р.
Тоже съ колокольчиками и барабаномъ по 100 р., 150 р., 175 р., 250 р. и многіе другіе новые сорта съ цитрою, мандолиною и гитарою.
Шарманки отъ 12 до 40 р.
Итальянск. ручные органы отъ 100 р. до 275 р.
Новые піанино съ клавіатурою и съ валомъ 750 р. и разные другіе новые инструменты

РЕКОМЕНДУЕТЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ

Юлія Генриха Циммермана,

С.-Петербургъ, по Большой Морской, № 42. А. № 1952

ПОДПИСКА НА

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ редакціи (г. Елисаветградъ, директ. земск. реальн. училища, М. Завадскому) въ годъ 20-ть №№. Цѣна 4 р. № 1944 3—1

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ въ редакціи журнала „НИВА“
Больш. Морская, д. № 9, въ СПБ.
СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА:

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

Романъ-хроника (XVIII вѣка), въ 2-хъ частяхъ
Всеволода Соловьева.
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ жизни XVI вѣка,
Всеволода Соловьева.
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.
Подписчики „Нивы“ на 1882 годъ за пересылку не платятъ.

РАЗРѢШЕННЫЯ МОСКОВСКИМЪ МЕДИЦИНСКИМЪ ФАКУЛЬТЕТОМЪ САЛИЦИЛОВЫЯ ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА

зубнаго врача Л. Э. АДЕЛЬГЕЙМЪ въ Москвѣ,

пріобрѣтшія большое примѣненіе, рекомендуются какъ лучшія гигіеническія средства для рта и зубовъ, предупреждающія костоѣду, осажденіе слюннаго камня, дурнаго запаха во рту и проч.

Главное депо у зубнаго врача Л. Э. АДЕЛЬГЕЙМА, въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Соколова.

Оптовая и розничная продажа во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ магазинахъ, въ лучшихъ косметическихъ и другихъ магазинахъ всей Россіи.

Перепродавцамъ соразмѣрная скидка. Ц. № 1947

Вышла въ свѣтъ и продается въ конторѣ Редакціи „НИВЫ“ и во всѣхъ извѣстныхъ Книжныхъ магазинахъ

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

историческая повѣсть въ двухъ частяхъ
Всеволода Сергѣевича СОЛОВЬЕВА
съ 21 рисунками **И С. Панова**

Второе изданіе

большой томъ in 8—всего 310 страницъ С.-Петербургъ 1882 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** по больш. Морской д. № 9. Цѣна **2 рубл.**, съ пересылкою **2 рубл. 50 к.**

Подписчики „НИВЫ“ за пересылку не платятъ. 3—3

Въ **„MAGASIN ETRANGER“**
иностранномъ магазинѣ, Б. Морская, 30.

ПАРИЖСКІЯ

ИГРУШКИ,

!!! ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ !!!
Самое **прелестное, изящное и роскошное,** что только въ первѣйш. мастерск. и фабрик Парижа выдѣлывается, между проч.:

ЧУДЕСНЫЯ КУКЛЫ

Bèbè incassable.
въ **красивыхъ** нарядахъ, съ полнымъ туалетомъ и роскошнымъ **приданымъ** и неодѣтые. Цѣны неодѣтымъ. отъ 3 руб., одѣт. отъ 10 р., съ придан. отъ 25 р., перес. за 2 ф., 5 ф. и 10 ф.

!! АВТОМАТЫ !!

чудной конструкціи, разнаго движенія, куклы съ музыкой, ходящія, говорящія, скачущія, разныя животныя, лошадки механическія, верблюды, слоны, собаки, лягушки, чудной красоты павлины и проч. Локомотивы и поѣзда желѣзной дор. также съ механизм., пароходы съ механизм. ц. 5 р., 8 р., 10 руб. и 15 р., перес. отъ 2-хъ до 8 фунт. **Плиты, кухни,** чайные и столовыя приборы, **коробки, стадо, сказки** и проч. разставливать.

! СОЛДАТИКИ !

въ коробкахъ отъ 40 к. до 20 руб., лагерь, битва, парадъ и отряды, митральезы 1 р. 50 к. до 3 р., сабли отличной работы

! РУЖЬЕ МИРА !

безопасное ружье, стрѣл. пробкою, горохомъ и хлопающ. бумагою, ими можно стрѣлять въ цѣль. Ц. 1 р., 75 к., иног. съ пер. 2 р. 50 к. Пистолеты разнаго устройства.

! МЕТАЛЛОФОНЫ !

стальн. гармон., на которыхъ играть др. молоточками. Ц. 3 р., 5 и 8 руб. перес. за 3, 4 и 5 ф. **ДѢТСКІЕ**

ФОРТЕПІАНЧИКИ

восхищеніе дѣвочекъ. Цѣна 2 р. 50 к., 4 р. и 6 р., перес. за 5, 6 и 8 ф.

!ОРГАНИНО!

новость изъ Америки, очень пріятн. тона, играетъ этотъ чудный инстр. вращеніемъ ручки и посредств. полосы вырѣзанной бумаги, танцы, аріи и проч., очень уютный: 5 квадр. вершк., цѣна съ 12-ю пьесами 40 р., перес. за 15 ф. Трудно сдѣлать дѣтямъ пріятнѣе подарокъ, служ. какъ таперъ для веселья и пріятнаго развлеченія.

!! КАРМАННАЯ ФЛЕЙТА !!

или дудочка-флейта, оч. несложн. устройства. Ц. 20 к. Пріятное провожд. врем. для немузыкальн. любителей музыки.

МЕХАНИЧ. ПТИЧКА.

собств. гов. крылышко подымающееся, посредствомъ вращенія, на вышину до 300 аршинъ, подражаетъ полету птицъ, большое удовольствіе для мальчиковъ. Ц. 1 р., запасъ 6 крыльевъ 50 к., иногор. съ пер. 2 р., безъ запаса, только съ двумя 1 р. 50 к.

!! ЧУДО-СОЛОВЕЙ !!

можно подражать чуднымъ звукамъ соловья и канарейки, безъ малѣйшаго затрудненія, слѣдуетъ дуть легко или сильнѣе. Ц. 1 р., иног. съ перес. 1 р. 50 к.

! ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИГРЫ !

болѣе 200 различныхъ, между болѣе интересными. Шахматы, 1 р. 50 к., шахматн. доски 1 р., обѣ вещи съ перес. 3 р. Игра —осада крѣпости ц. 2 р., иног. съ пер. 3 р.

БИЛЛІАРДЪ

маленькаго размѣра: 2 арш. Восхищеніе молодыхъ людей и пріятное развлеченіе для старшихъ; особ. рекомендуется гг. работающ. сидя, для которыхъ это лучшая гимнастика. Ц. 60 р., при немъ 5 шаровъ и пирамида. Иногор. за упаковку и доставку на станцію жел. дор. 4 р., плата за провозъ при полученіи на мѣстѣ.

БИКСЪ

ц. 25 р. дубовый и 45 р. палисандроваго дерева.

ИГРА КРОКЕТЪ

съ мягкими шарами, для комнаты, ц. 10 р. и 18 р., доставка на желѣзн. дор. 1 р.

ИГРА „ПОКЪ“

очень интересная игра въ карты, цѣна съ описаніемъ 2 р., иногор. съ перес. 3 р.

! Я Й Ц А !

съ **нулями** и игрушками для мальчиковъ и дѣвочекъ. **Цѣна** отъ 1 р. до 25 руб. и дороже, иногор. по мѣрѣ денегъ получать возможно лучшее по указанію.

Адресъ въ Magasin Etranger. Иностранный магазинъ К. Бартольда, въ Большой Морской, д. № 30, въ С.-Петербургѣ.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ.

1) **Страхованіе на случай смерти** (для обезпеченія семейства и пр.).
2) **Страхованіе на дожитіе** (для обезпеченія старости, приданаго и пр.).
3) **Страхованіе доходовъ** (пенсіи на старость, вдовьи пенсіи).

Ближайшія подробности въ трехъ различныхъ **брошюрахъ страховаго общества „Россія“ (Большая Морская, д. № 13),** по востребованію высылаемыхъ безплатно.

№ 1937 3—2

Продолженіе отзывовъ частныхъ лицъ, больныхъ, полковъ и проч. (см. „Нива“ 1882 г. № 1).

ОБЪ АМЕРИКАНСКОЙ ПРАЧЕШНОЙ МАШИНѢ М. Н. ЛОВЕЛЬ и К°. (Продолж. будетъ).

СКЛАДЪ МАШИНЪ М. Н. ЛОВЕЛЬ и К° ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
мануфактурной компаніи

„ДЕВИСЪ“

С.-Петербургъ, Гороховая ул., №№ 17.56, у Краснаго моста.

Цѣна 1 прачешной машины	Р. 10
„ 1 выжимателя	Р. 12
„ 1 дубовой крашеной кадки	Р. 3
Съ упаковкою, но безъ доставки	Р. 25

Вѣсъ съ упаковкою около трехъ пудовъ.

„Вслѣдствіе просьбы, сообщаю, что купленная мною въ главномъ складѣ Мануфактурной Компаніи „Девисъ“ американская прачешная машина „М. Н. Ловель и К°“, при постоянномъ употребленіи ея въ дѣло въ теченіи трехъ почти лѣтъ, оказалась весьма практичной въ домашнемъ хозяйствѣ и обладаетъ слѣдующими качествами: 1) Бѣлья **не рветъ.** 2) При навыкѣ къ обращенію съ нею, моетъ чисто. 3) Устройство машины такое, что моется въ ней бѣлье самое тонкое и самыя толстыя ватныя одѣяла одинаково успѣшно. 4) Скорость мытья и опрятность при этомъ даютъ машинѣ полное преимущество передъ ручною работою. Выжиматель превосходный“. С.-Петербургъ. Казармы мѣстныхъ войскъ. (Подп.) Капитанъ **Корбановскій.**“ „Прачешная машина сокращаетъ трудъ, а слѣдовательно и расходы, употребляемые на стирку бѣлья, наибольшую пользу приноситъ выжиматель: онъ настолько полезенъ, что не только облегчаетъ тѣхъ, которые стираютъ бѣлье, но и предохраняетъ еще таковое отъ порчи, отъ рванія. Короче сказать: весьма выгодно и полезно имѣть въ хозяйствѣ обѣ эти машины“. С. Тарутино. Бессарабск. губ. (Подп.) **К. Теутъ.** | „Долгомъ считаю принесть мою благодарность изобрѣтателю Американской прачешной машины „М. Н. Ловель и К°“; при употребленіи въ дѣло, я увидѣлъ значительное уменьшеніе рабочей силы и оказалось бѣлье несравненно лучше ручной стирки. Производя стирку на машинѣ въ теченіе 11 мѣсяцевъ, я вполнѣ убѣдился въ достоинствахъ ея, что и удостовѣряю моею подписью“. Ст. Балыклейская. Саратовск. губ. (Подп.) **Гр. В. Сначновъ.** (Донской Землевладѣлецъ). | „Высланная мнѣ прачешная машина оказалась удовлетворительною для семейнаго употребленія... Выжиматель вполнѣ хорошъ“. Г. Владикавказъ. (Подп.) Инженеръ-поручикъ **Исаевъ.** | „Получивъ Вашу прачешную машину, я съ каждою стиркою бѣлья восхищаюсь ея достоинствами. Скажу коротко: это благо во всѣхъ отношеніяхъ имѣть ее въ хозяйственномъ обиходѣ. Соберусь немного со средствами —выпишу скоро и катокъ. Ваша машина многимъ нравится и кажется скоро послѣдуютъ требованія о ея высылкѣ. Остаюсь и т. д. Г. Тирасполь. (Подп) **Анна Керлеръ.**

XIII годъ | № 10 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — годъ XIII | 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 6 Марта 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за МАРТЪ 1882 г. съ 24 рисунками и отдѣльное приложеніе съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 24 рисунками выпильныхъ работъ.

На розыскахъ „Жанеты". Возокъ корреспондента New York Herald въ Сибири. По наброску Gr., рис. Н. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

На поискахъ экипажа „Жанеты“ въ Сибири.

Въ № 8 „Нивы“ мы помѣстили разсказъ объ судьбѣ несчастнаго парохода „Жанета“. Извѣстный Гордонъ Беннетъ, издатель New York Herald предпринялъ на свои средства отправить ученую экспедицію на сѣверный полюсъ. Мы уже сообщили подробности объ несчастной участи экипажа „Жанеты“ и ея командира лейтенанта де Лонга. Теперь спасшаяся команда получила всевозможную помощь и приняты мѣры къ отысканію остальнаго экипажа. Всѣ расходы по этому принялъ на себя Гордонъ Беннетъ. Кромѣ того со стороны нашего правительства ассигновано якутскому губернатору 12000 р. для розыска и отправленія путешественниковъ изъ Иркутска въ Петербургъ. Якутскій губернаторъ составилъ изъ отважныхъ людей особую поисковую партію и далъ знать прибрежнымъ инородцамъ, чтобы и они помогли въ розыскахъ. Сдѣлано распоряженіе принять телеграммы спасшихся, за границу, безъ предварительной оплаты—за первыя четыре телеграммы ихъ слѣдовало получить иркутской телеграфной станціи болѣе 500 руб. Интересенъ былъ ихъ адресъ: „Домъ Русскаго Кузьмы на р. Ленѣ въ Сибири“. Извѣстный комерсантъ нашъ, владѣлецъ парохода „Лена“ г. Сидоровъ, уступилъ свое судно для розысковъ. 3 Декабря прибыли въ Якутскъ черезъ Верхоянскъ, лейтенантъ Даненгауеръ съ пятью матросами. Остальные спасшіеся шесть человѣкъ и капитанъ Мельвиль прибыли также въ Якутскъ; кромѣ ихъ неотысканныхъ людей команды считаютъ погибшими. Въ поискахъ, кромѣ капитана Мельвиля, участвовали два корреспондента New York Herald Джексонъ и Лауренсъ, присланные Беннетомъ изъ Санъ-Франциско. Для своихъ поѣздокъ по Сибири, экспедиція Беннета, въ виду суровой сибирской зимы, для нихъ непривычной, купили себѣ особый большой возокъ, помѣстительный и совсѣмъ закрытый, въ которомъ они съ комфортомъ переѣзжаютъ по дорогамъ Сибири на тамошнихъ крѣпкихъ и быстрыхъ лошадкахъ. Возокъ этотъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ, снятый съ наброска одного изъ корреспондентовъ Беннета—Лауренса.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

III.

Первыя вѣсти.

Ручка запертой двери зашевелилась, а потомъ послышалось нѣсколько легкихъ ударовъ.

— Кто тутъ? очнувшись спросилъ Сергѣй.

— Это я, батюшка, съ отвѣтомъ... Разслышалъ онъ визгливый знакомый голосъ.

Онъ отперъ двери и въ рабочей комнатѣ появилась крохотная фигурка Моисея Степаныча—карлика Моськи.

Полный еще своихъ мыслей и воспоминаній о пережитомъ времени, Сергѣй любовно взглянулъ на своего стараго пѣстуна.

— А вѣдь ты все тотъ же! Ты совсѣмъ не постарѣлъ, Степанычъ! тихо проговорилъ онъ, будто послѣ долгой разлуки всматриваясь въ сморщенное дѣтское лицо карлика. Помнишь какъ мы выбирались отсюда? Восемь лѣтъ прошло, и гдѣ эти года?! Ты вотъ не измѣнился, а я—хоть и быстро промелькнуло время—что сталось со мною?!

Карликъ вздохнулъ и въ свою очередь внимательно и грустно поглядѣлъ на господина.

— Оно и впрямь, Сергѣй Борисычъ, шепнулъ онъ, сколько воды утекло, а вотъ мы опять тутъ, и словно не выѣзжали. Маменьки только больно жалко, не ждалъ я, и въ помышленіяхъ не было! Все мнѣ такъ и представлялось: пріѣдемъ въ Горбатовское... увидимся... Маменьки то вотъ жалко, Сергѣй Борисычъ!..

Голосъ его задрожалъ, лицо совсѣмъ сморщилось. Онъ сдѣлалъ усиліе чтобы удержаться отъ слезъ, но не смогъ и всхлипнулъ, утирая глаза кулаченкомъ. Сергѣй стоялъ опустивъ голову, забывъ свою руку на плечѣ карлика. Онъ стиснулъ зубы и смаргивалъ набѣгавшія слезы.

— Да что ужь, такова видна Господня воля—слезами то мы не поможемъ! оправляясь заговорилъ карликъ. Вотъ, батюшка, побывалъ я по твоему приказу у Льва Александровича, и писулька къ тебѣ отъ его милости. Дома онъ, ждетъ тебя...

Сергѣй быстро развернулъ и прочелъ записку Льва Александровича.

Нарышкинъ писалъ ему:

„Любезный племянникъ, по счастливой и рѣдкой случайности,—легкому моему нездоровью, сижу я нынѣ весь день дома. Поспѣши. Сердечно радуюсь свидѣться съ тобою и хорошо коли до меня никого не увидишь“.

— Степанычъ, вели скорѣе подать карету! оживившись приказалъ Сергѣй.

Онъ быстро прошелъ въ уборную, докончилъ свой туалетъ и отправился къ Нарышкину.

Въ сильномъ возбужденіи, даже съ легкимъ румянцемъ, то появлявшимся то исчезавшимъ на его блѣдныхъ щекахъ, онъ поднимался по широкимъ ступенямъ лѣстницы по прежнему всему Петербургу знакомаго дома знаменитаго „Левушки“. Онъ прошелъ вслѣдъ за указывавшимъ ему дорогу камердинеромъ цѣлый рядъ роскошныхъ залъ. И невольно припоминались ему веселые вечера, которые онъ когда-то проводилъ здѣсь, тотъ блестящій маскарадъ, во время котораго онъ впервые увидалъ цесаревича, гдѣ мелькало передъ нимъ столько разныхъ лицъ, изъ которыхъ многіе уже кончили свое земное странствіе, завершивъ такъ или иначе блестящую карьеру.

Но вотъ онъ въ тихой уютной комнатѣ, гдѣ произошелъ его первый знаменательный разговоръ съ цесаревичемъ. Передъ нимъ хозяинъ. Послѣ родственнаго и радостнаго привѣтствія, они разглядывали другъ друга.

— Дядюшка, какъ мало вы измѣнились! невольно сказалъ Сергѣй.

Нездоровье Льва Александровича очевидно было очень несерьезное; добродушное плутоватое лицо его все такъ и смѣялось. За эти восемь лѣтъ онъ только немного подался въ ширину, да можетъ быть появились двѣ, три лишнихъ морщины. Но отъ него все же дышало веселостью и здоровьемъ, въ немъ незамѣчалось еще никакихъ признаковъ подошедшей старости.

— Мало измѣнился, любезный другъ, да съ чего же мнѣ много-то и мѣняться?! А все же таки измѣнился—вотъ въ этомъ то и штука. Ну, а вотъ ты, я вижу, сильно измѣнился. Постой, погляди—молокососомъ уже называть не стану—да и красивъ же ты!.. еще лучше сталъ пожалуй! Да, это пустое... Радъ, дружокъ, что вижу тебя, сердечно радъ, потолкуемъ, благо досугъ есть. Скажи, положа руку на сердце, вѣдь, я чаю, сердишься ты на меня?

— За что же, дядюшка, мнѣ на васъ сердиться?!

— Вѣдь, я чаю, ты думаешь что я за тебя не хлопоталъ, не старался?!

— Я ничего такого не думаю, я увѣренъ, что еслибы отъ васъ зависѣло, если бы вы могли что нибудь, то я давно бы былъ въ Россіи.

— Такъ, такъ, съ видимымъ удовольствіемъ и въ то же время очень серьезно повторялъ Нарышкинъ. Видитъ Богъ все сдѣлалъ и ничего не могъ добиться... и думалъ о тебѣ часто—вѣдь восемь лѣтъ шутка ли?!

— Съ матерью не могъ проститься! невольно вырвалось у Сергѣя.

— Да, и вотъ какъ и въ первый разъ я вижу тебя послѣ такой потери—тогда отца схоронилъ, теперь мать!

— Но я былъ при кончинѣ отца! Да ужь что говорить объ этомъ, я не жаловаться хочу вамъ, я хочу чтобы вы мнѣ глаза открыли на то, что здѣсь дѣлается, чего мнѣ ожидать, вѣдь я какъ въ лѣсу—что я знаю! Помните тогда мальчикомъ пріѣхалъ, ничего не понималъ тоже, а теперь и того меньше. Насколько могъ сообразить оттуда, издалека, теперь тутъ все иное—научите!

— Веселаго отъ меня услышишь мало, сказалъ Нарышкинъ,—а объяснить тебѣ не только могу, но и долженъ. Ты вотъ сказалъ что я мало измѣнился—это можетъ быть, а другіе нѣтъ — другіе сильно постарѣли. Вотъ тебѣ и вся разгадка. Уже нѣсколько лѣтъ какъ я зачастую отъ самой слышу: Стара я стала! И мы ужь къ этому привыкли.—съ самой смерти Потемкина постарѣла.

Сергѣй печально усмѣхнулся.

— Да, но знаете, вѣдь я нахожусь въ самомъ невозможномъ, въ самомъ невыносимомъ положеніи. Вы вотъ говорите, что давно ко всему привыкли, оно понятно, время дѣйствуетъ. Перемѣны, происходящія изо дня въ день у васъ же на глазахъ, не такъ поражаютъ, а я былъ совсѣмъ отъ всего этаго оторванъ, я не въ силахъ примириться съ нѣкоторыми обстоятельствами, не могу смотрѣть на многое вашими глазами. Конечно я прежде всего буду говорить о Зубовѣ. Знаете ли что онъ такое для меня?!—ничтожный офицерикъ, несостоятельный мальчикъ, обуреваемый желаніемъ жить на широкую ногу, вкусить отъ всѣхъ удовольствій и потому подлизывающійся къ богатой молодежи, льнущій ко всѣмъ кто можетъ быть такъ или иначе ему полезенъ, увертливый низкопоклонный, нахальный когда это не можетъ повредить ему, однимъ словомъ сущая ничтожность и ничтожность противная. Такимъ я оставилъ его восемь лѣтъ тому назадъ, въ день моего отъѣзда изъ Петербурга. До этого дня онъ былъ совсѣмъ незамѣтенъ и если я его замѣтилъ, то единственно потому, что онъ случайно попался на моей дорогѣ. Онъ всячески ухаживалъ за мною, взялъ у меня деньги и потомъ, вдругъ преобразившись, почувствовавъ подъ собой почву, понявъ что я ему не нуженъ и не помѣха ему, онъ съ самымъ непристойнымъ, циничнымъ нахальствомъ хотѣлъ мнѣ вернуть эти деньги. Я сказалъ что не приму ихъ отъ него—и послѣ того мы не видались. Я знаю что я ему и одному ему обязанъ тѣмъ, что до сихъ поръ не могъ выбраться въ Россію. Но все же когда мнѣ приходилось поневолѣ о немъ думать, слушая почти невѣроятные разсказы о полученномъ имъ значеніи, я представлялъ и представляю его себѣ до сей минуты такимъ, какимъ онъ былъ тогда—онъ не могъ измѣниться. И вотъ этотъ человѣкъ, какъ мнѣ говорятъ, управляетъ всѣми дѣлами и наконецъ—вѣдь онъ мое высшее начальство! Безбородко уступилъ ему званіе президента коллегіи иностранныхъ дѣлъ! Послушайте, это сказка, это что то совсѣмъ невозможное!

Нарышкинъ добродушно улыбался и тихонько кивалъ головою.

А Сергѣй между тѣмъ разгорячался больше и больше.

— Да, мнѣ пришлось подумать объ этомъ ничтожномъ человѣкѣ. Онъ мелочный и мстительный какъ всякое ничтожество, какъ всѣ выскочки. Онъ зналъ что я не могу стать ему поперегъ дороги, я просилъ только свободы, просилъ позволенія вернуться въ деревню, я бы жилъ тамъ безвыѣздно—и я не могъ этого добиться. Ему очевидно нужно держать меня въ своей власти, доказать мнѣ что онъ мой тюремщикъ. Онъ доказалъ мнѣ это—но и того ему мало. Я все ждалъ что ему наконецъ надоѣстъ и онъ меня оставитъ въ покоѣ. Нѣтъ, я вижу, теперь ему нужно еще моего униженія. Получивъ извѣстіе о кончинѣ матушки, я опять просилъ отставки и опять получилъ отказъ. Я долженъ былъ прямо изъ Лондона явиться сюда. Я долженъ завтра же, послѣ завтра, однимъ словомъ на этихъ дняхъ представиться господину президенту иностранной коллегіи. Каково положеніе!! Какова роль!!

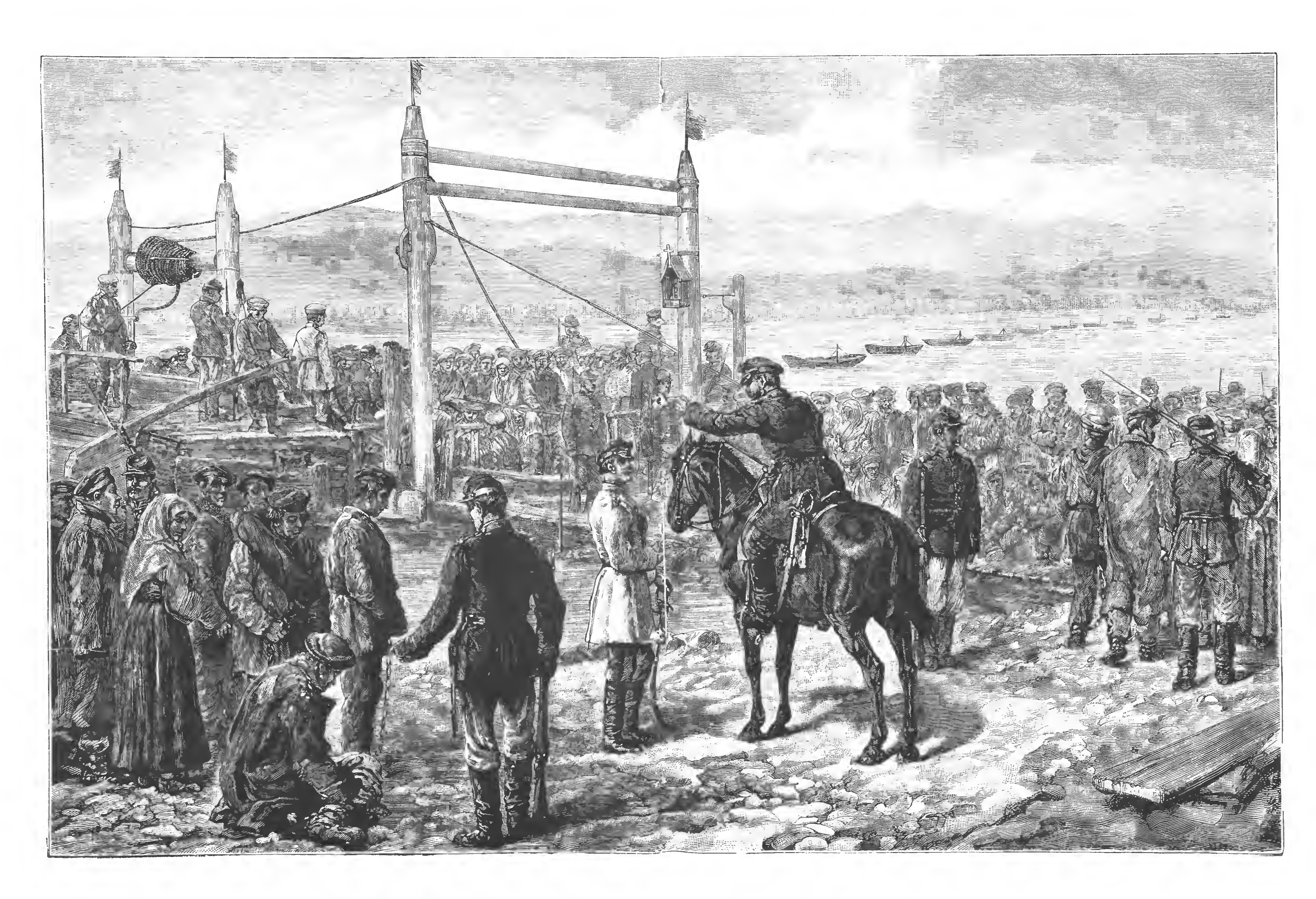
Нарышкинъ какъ-то полузакрылъ глаза, стиснулъ зубы, даже покраснѣлъ, пальцы его усиленно играли кистью халата. Волненіе Сергѣя очевидно сообщилось и ему, невозмутимому „Левушкѣ“. Но онъ все же молчалъ и только внимательно слушалъ.

Сергѣй продолжалъ:

— Знаете ли, дядюшка, въ первую минуту я уже было рѣшился не ѣхать въ Россію. Что же мнѣ—я опоздалъ, мать похоронена, денежныя мои дѣла, заботы по имѣніямъ въ надежныхъ рукахъ. Я чувствовалъ себя неспособнымъ на эти встрѣчи, на эти сцены, на эту невозможную, жалкую роль. А между тѣмъ это была только минута, я выѣхалъ въ тотъ же день, и съ радостью, и съ наслажденіемъ. Я русскій, я люблю Россію. Я будто проснулся, будто помолодѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ дышу роднымъ воздухомъ. Но скажите мнѣ, неужели нѣтъ никакой возможности избавиться отъ этого униженія, неужели я не могу сейчасъ же, немедленно получить отставку и уѣхать въ Горбатовское? Вѣдь ваше положеніе неизмѣнилось, вѣдь вы по прежнему близки, попрежнему другъ государыни. Прошу васъ, если не ради меня, то хоть ради памяти отца сдѣлать для меня это... Избавьте меня отъ униженія!!

Онъ замолчалъ и съ сильно бьющимся сердцемъ глядѣлъ на Нарышкина и ждалъ что тотъ ему отвѣтитъ.

— Милый мой, тихо и серьезно проговорилъ Левъ Александровичъ,—я ждалъ этого твоего ко мнѣ обращенія и обо всемъ подумалъ. Не всегда же я дурачусь и, повѣрь, твои чувства мнѣ понятны, я самъ возмущенъ, глубоко возмущенъ. Слушай что я скажу тебѣ. Отставки тебѣ не дадутъ, т. е. можетъ быть и дадутъ, но не сейчасъ. Ты долженъ показаться... но постой, не торопись, не волнуйся, твое положеніе вовсе не такъ дурно, какъ тебѣ оно можетъ казаться. Извѣстнаго господина ты описалъ вѣрно. Да, онъ ничтожный и мстительный, и весьма вѣроятно что онъ помышляетъ о твоемъ униженіи; но повѣрь мнѣ, я знаю что говорю—не онъ отказалъ тебѣ въ отставкѣ, государыня мнѣ говорила, что хочетъ тебя видѣть и не дальше какъ дня три тому назадъ о тебѣ спрашивала. Вѣдь я ее знаю и понимаю также хорошо какъ и самого себя, и я тебѣ говорю: тебѣ нечего боятся встрѣчи съ нею. Не знаю какъ она къ тебѣ относилась и что о тебѣ думала прежде, но теперь, именно теперь она не желаетъ тебѣ ничего дурного—напротивъ. Успокойся же—и потомъ знай, что хотя мы всѣ, твои друзья и родные, и обезсилены, но на столько же у насъ есть силъ, чтобы защитить тебя. Пусть Зубовъ желаетъ тебя унизить; но вѣдь ты не изъ тѣхъ, которыхъ можно легко унизить—онъ торжествовать не будетъ! Да, конечно тебѣ придется пережить непріятный часъ; но вѣдь мнѣ не учить тебя, самъ выйдешь изъ тяжелаго положенія, будь только хладнокровенъ, не теряй головы, думай о каждомъ своемъ шагѣ, о каждомъ словѣ. Ты ничего не ищешь, тебѣ никто не нуженъ, для тебя вонъ величайшимъ благополучіемъ представляется отставка, возможность уѣхать и запереться въ деревнѣ, т. е. именно то, что всѣмъ здѣшнимъ людямъ представляется величайшимъ несчастіемъ. Такъ чего же тебѣ—никто тебя не унизитъ. Въ такомъ случаѣ твое положеніе прекрасно, оно безконечно лучше положенія самого этого господина. Нѣтъ, дружокъ, напрасно только взволновался—это еще остатокъ юности. Подумай-ка, вѣдь я правъ?!



Транспортъ преступниковъ на переправѣ черезъ рѣку Енисей. По рисунку Gr., грав. Гельштейнъ.

Онъ ласково положилъ руку на колѣни Сергѣя и заглянулъ ему въ глаза.

Сергѣй нѣсколько мгновеній сидѣлъ задумчиво, насупивъ брови, разбираясь въ быстро нахлынувшихъ мысляхъ и ощущеніяхъ.

— Да, пожалуй вы правы, проговорилъ онъ наконецъ,—и спасибо вамъ. Я такъ былъ возбужденъ и взволнованъ это время и, пожалуй, глядѣлъ односторонне. Да, вы конечно правы, вы указали мнѣ по крайней мѣрѣ соломенку, за которую я могу ухватиться...

— Я укажу тебѣ еще нѣчто другое, перебилъ его Нарышкинъ. Есть обстоятельство, которое должно тебя успокоить и заставить снисходительнѣе смотрѣть на многое. Скажи мнѣ, измѣнились ли твои чувства относительно того человѣка, съ которымъ, помнишь, ты бесѣдовалъ здѣсь, вотъ въ этой самой комнатѣ, во время маскарада?

Лицо Сергѣя внезапно оживилось.

— Я почитаю и люблю этого человѣка по прежнему, быстро проговорилъ онъ,—и если я до сихъ поръ не сказалъ вамъ о немъ ни слова, то это вовсе не потому, что я о немъ не думаю. Если бы вы знали съ какимъ нетерпѣніемъ я жду возможности его видѣть!

— Вотъ я въ этомъ и былъ увѣренъ, сказалъ Нарышкинъ,—этотъ человѣкъ тоже ждетъ тебя, тоже желаетъ тебя видѣть. „Я люблю его“ —это онъ сказалъ мнѣ про тебя нѣсколько дней тому назадъ. Ну, другъ любезный, надѣюсь ты теперь не станешь доходить до отчаянія—вотъ тебѣ выходы. И если станетъ очень тяжко, если ты увидишь пустоту и ничтожество глумящимися надъ тобою, вспомни только объ этомъ человѣкѣ,—и ты непремѣнно долженъ будешь успокоиться. Онъ подвергается тому же, чему ты боишься быть подвергнутымъ, онъ воистину подаетъ всѣмъ намъ великій примѣръ долготерпѣнія и христіанскаго смиренія и если этого не хотятъ видѣть, тѣмъ хуже только для тѣхъ кто не видитъ.

Такъ, такъ, горячо проговорилъ Сергѣй. Но скажите мнѣ, неужели все идетъ совсѣмъ по прежнему, такъ какъ было тогда?

— Попрежнему! воскликнулъ Нарышкинъ. — Нѣтъ, не попрежнему, а во сто кратъ хуже. Тогда онъ кому уступалъ? Человѣку большихъ и чудныхъ дарованій, человѣку работавшему для славы Россіи, возведшему ее на степень могущества и вліянія. Свѣтлѣйшій былъ часто несправедливъ къ нему, но онъ никогда не былъ мелочнымъ и злымъ человѣкомъ, во всякомъ случаѣ онъ соблюдалъ приличія. Теперь же о приличіяхъ не думаютъ, теперь раздувшаяся тля унижаетъ и сноситъ это большой подвигъ. Мы всѣ возмущены, но что̀ онъ долженъ былъ чувствовать, что̀ чувствуетъ онъ теперь?! Ты вотъ говорилъ о ничтожномъ мальчишкѣ!—когда этотъ ничтожный мальчишка пошелъ въ гору, всѣ полагали, что дѣло ограничится только внѣшнимъ почетомъ, что онъ какъ человѣкъ необразованный и невоспитанный, не получитъ никакого вліянія на дѣла, къ тому же былъ еще живъ Потемкинъ. Но всеобщіе расчеты оказались пустыми. Мальчишка сразу задралъ голову и вообразилъ себя государственнымъ мужемъ. Его недостатковъ, его неспособности не видѣли. Потемкина не было въ Петербургѣ. Я знаю, что ему письменно рекомендовали полюбить господина Зубова и брата его Валеріана. „Милыя дѣти!“—для нихъ не было другого названія. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ передъ милыми дѣтьми всѣ преклонялись и ползали, а они задирали голову выше и выше. Мнѣ на своемъ вѣку не разъ приходилось быть свидѣтелемъ, какъ слѣпая фортуна невпопадъ сыпала дары свои на чью нибудь подвернувшуюся случайно голову; но подобнаго зрѣлища я никогда еще невидывалъ. Рогъ изобилія внезапно высыпался до дна на голову господина Зубова и удивляться надо какъ онъ не задохся подъ навалившейся на него грудой благополучія!.. Но онъ не задохся, а хотѣлъ еще большаго. Потемкинъ все же стоялъ ему поперегъ дороги. И вотъ ничтожный мальчишка, льстя, ухаживая, выискивая только способы быть пріятнымъ и не перечить, въ то же время копалъ яму великану и великанъ рухнулся въ эту яму, выкопанную столь ничтожными руками. Свѣтлѣйшій умеръ, потому что ему нельзя было больше жить. Умеръ оттого, что сознавалъ это, оттого что могъ примириться со всѣмъ, но не съ забвеніемъ своихъ истинныхъ заслугъ, не съ неблагодарностью. О немъ плакали, даже заболѣли отъ печали, но это продолжалось не долго. „Какъ я буду жить безъ Потемкина, кто мнѣ его замѣнитъ?“—такъ говорили. А между тѣмъ замѣститель былъ на лицѣ: едва Потемкинъ скончался, господинъ Платонъ Зубовъ былъ объявленъ государственнымъ мужемъ и забралъ въ свои руки верховное управленіе всѣми дѣлами государства. Мнѣ что, я никогда въ это не вмѣшивался и не терялъ ничего, но и стоя въ сторонѣ, и въ чужѣ было обидно смотрѣть. А ужъ что испытывали наши дѣльцы—самъ можешь легко себѣ представить. Но любимцу фортуны всего было мало — онъ хотѣлъ управлять Россіей—ему было это дано. Онъ захотѣлъ управлять внѣшними сношеніями—и Безбородко, самъ Безбородко, положеніе котораго казалось твердымъ и упроченнымъ, дарованія котораго всѣмъ были явны—долженъ былъ уступить ему свое мѣсто. Не каждый годъ, а каждый почти мѣсяцъ приносилъ намъ извѣстіе о новой милости, полученной счастливымъ юношей. Его грудь украшена всѣми знаками отличія, вѣдь еще съ 91 года онъ носитъ Александра Невскаго, Анну, Бѣлаго Орла и Станислава. Три года тому назадъ его отецъ, хвщникъ и взяточникъ, о которомъ никто не могъ никогда обмолвиться добрымъ словомъ, былъ возведенъ со своими сыновьями въ графское достоинство Римской имперіи. Платону былъ тогда же пожалованъ Андрей Первозванный. Онъ носитъ теперь всѣ титула и всѣ званія, занимаетъ болѣе тридцати различныхъ должностей самыхъ разнородныхъ. Наконецъ ему пожалованъ портретъ императрицы, осыпанный бриліантами. Кажется желать больше нечего, но и на этомъ онъ не могъ остановиться. Его мелкую душенку мучило, что онъ носитъ одинъ общій титулъ съ братьями. И вотъ послѣ долгихъ хлопотъ удалось наконецъ исполнить его желаніе—онъ свѣтлѣйшій князь Римской имперіи! Да, любезный другъ, это сказка, но никому отъ этого вѣдь не легче!..

— Скажите покрайней мѣрѣ, дядюшка, одно, проговорилъ Сергѣй, — есть-ли хоть что-нибудь порядочное въ его свѣтлости, умѣетъ-ли онъ покрайности обращаться съ людьми? Я слыхалъ что онъ невыносимо дерзокъ?

— И тебя не обманули. Высокомѣрью его нѣтъ предѣла, онъ до такой степени невоспитанъ, онъ держитъ себя совершенно какъ глупый лакей, котораго назвали бариномъ.

— И всѣ это выносятъ?!

— Да, всѣ безъ исключенія. Вѣдь иначе что-же и дѣлать, выносить приходится поневолѣ, и наконецъ люди съ истиннымъ достоинствомъ не могутъ себя считать оскорбленными. Оскорбить тебя можетъ только равный тебѣ, а онъ никому не равенъ. Кого ни возьми—онъ или безконечно выше этого человѣка или безконечно ниже.

— Дядюшка, я полагаю однако что это всеобщее долготерпѣніе не имѣетъ ничего общаго съ долготерпѣніемъ цесаревича. Оно указываетъ на всеобщее безсиліе, на нравственное ничтожество. Если цесаревичъ одинокъ и въ такомъ невозможномъ положеніи—это вина всѣхъ тѣхъ кто преклоняется передъ господиномъ Зубовымъ. Извините меня, я говорю прямо,—но положеніе этой новоявленной свѣтлости указываетъ на то, что всѣ, передъ нимъ преклоняющіеся, ничего иного недостойны.

Нарышкинъ усмѣхнулся.

— Не въ бровь, а прямо въ глазъ! Ну что-же, мой любезный, я и тутъ не стану съ тобой спорить, можетъ ты и правъ. Очень, очень быть можетъ что мы никуда не годны и насъ ничѣмъ не исправишь — мы пасуемъ передъ силой, каково-бы ни было ея происхожденіе. Мы помышляемъ только о самихъ себѣ, о нашихъ собственныхъ дѣлишкахъ и животишкахъ. И ради того чтобы получить какую-нибудь выгоду, чтобы добиться какой-нибудь удачи, ради того чтобы намъ кинули какую-нибудь подачку,—мы будемъ ползать и пресмыкаться передъ кѣмъ угодно. И всѣ мы таковы, всѣ безъ исключенія, мы таковы съ малолѣтства, такъ уже насъ воспитали, а добрыхъ примѣровъ откуда намъ взять?! Вонъ поэты воспѣваютъ на своихъ лирахъ всякія добродѣтели, клеймятъ порокъ, смѣются надъ лестью—а посмотри на нихъ! Возьмемъ хоть нашего перваго поэта. Гаврилу Державина,—и онъ пресмыкается передъ всесильной свѣтлостью, и онъ воспѣваетъ его мнимыя доблести въ звучныхъ одахъ.

— Я никогда не видалъ Державина, сказалъ Сергѣй,—но я знаю и люблю его творенія, въ нихъ видѣнъ смѣлый умъ и рѣдкое дарованіе. То что вы говорите о немъ—очень грустно. Да, если такіе люди способны пресмыкаться передъ случайно возвеличеннымъ ничтожествомъ то чего-же ждать отъ другихъ!

Сергѣй улыбнулся своей тихой усталой улыбкой.

— Восемь лѣтъ тому назадъ если-бы вы разсказали мнѣ это про Державина, я-бы почувствовалъ себя просто несчастнымъ, а теперь, въ сущности, вы не сказали мнѣ ничего новаго—я ко всему привыкъ и всего навидался. Но все-же, чтобы намъ покончить съ господиномъ Зубовымъ, вы должны-же мнѣ указать на что-нибудь въ немъ доброе. Будьте безпристрастны, дядюшка, найдите въ немъ это доброе, — ну хоть что-нибудь, самую малость.

— Доброе! если-бы я цѣлый день объ этомъ продумалъ то я все-же ничего-бы не выдумалъ, ничего-бы не могъ найти, отвѣчалъ Нарышкинъ. Этотъ господинъ во истину не имѣетъ никакихъ достоинствъ и только одни пороки. За всѣ эти восемь лѣтъ его могущества я не знаю ни одного добраго дѣла, которому бы онъ помогъ. Онъ ни разу еще не заступился за праваго и обиженнаго. Онъ способенъ только заступиться за неправое дѣло, сулящее ему выгоды. Онъ портитъ все, къ чему прикасается. Ну, вотъ ты хорошо знакомъ съ внѣшней политикой и можешь самъ посудить сколько надѣлано ошибокъ и какъ ослаблено вліяніе Россіи за эти восемь лѣтъ. Внутри государства царитъ несправедливость, хищеніе, распущенность. Онъ пожелалъ между прочимъ распоряжаться и войскомъ—и что онъ сдѣлалъ съ нимъ? Наше, еще недавно столь побѣдоносное воинство теперь въ самомъ жалкомъ видѣ. Посмотри что сталось съ гвардіей! Посмотри на офицеровъ, вѣдь они о своемъ дѣлѣ не имѣютъ понятія. Дисциплина уничтожена, офицеры расхаживаютъ въ партикулярномъ платьѣ, занимаются кутежами и всякими дебошами. Вотъ еще недавно мнѣ вѣрный человѣкъ разсказывалъ, что часто за офицера, который спитъ непробудно, солдатъ учитъ выходитъ его жена, переодѣвшаяся въ мужнино платье.

— Дядюшка, вы мнѣ разсказываете такія вещи, которымъ-бы я не повѣрилъ если-бы услыхалъ ихъ отъ другаго. Я былъ приготовленъ услышать многое, но все-же такого не ждалъ. И теперь мнѣ ясно что такое положеніе не можетъ продолжаться, скоро долженъ настать этому конецъ.

— Какой конецъ? спросилъ Нарышкинъ.

— А я почемъ знаю, но такъ или иначе все это должно измѣниться. Долго жить въ такомъ положеніи государство не можетъ. Что-же касается до меня—вы мнѣ оказали большую услугу—вы ободрили меня и теперь мнѣ уже не страшно подумать о представленіи его свѣтлости.

— А вѣдь только это и нужно было, другъ любезный! весело сказалъ Нарышкинъ.

Сергѣй простился съ „Левушкой“ и уѣхалъ къ себѣ разбираясь въ мысляхъ вызванныхъ этимъ разговоромъ.

IV.

„Дней гражданинъ золотыхъ“.

Послѣ цѣлой недѣли ненастья петербургское сентябрское небо наконецъ прояснилось. Солнечное утро заглянуло въ полуспущенныя занавѣси одной изъ комнатъ Зимняго дворца.

Это была обширная комната, которой трудно было дать опредѣленное наименованіе. Ее бы слѣдовало назвать спальней, но можно было назвать и уборной, и кабинетомъ, и пріемной, и всѣмъ чѣмъ угодно. Самая разнообразная мебель и мало подходящіе другъ къ другу предметы наполняли ее. Въ глубинѣ, подъ дорогимъ штофнымъ балдахиномъ, виднѣлась золоченая кровать; неподалеку отъ нея стоялъ туалетный столъ съ большимъ венеціанскимъ зеркаломъ, уставленный всякими скляночками и баночками, гребешками и щетками, однимъ словомъ вещами, необходимыми скорѣе для женскаго, чѣмъ для мужскаго туалета. По стѣнамъ висѣло нѣсколько большихъ и малыхъ картинъ съ самыми разнообразными сюжетами, и между ними, на самыхъ видныхъ мѣстахъ, превосходные портреты императрицы Екатерины. На всѣхъ этихъ портретахъ она была похожа и въ то же время необыкновенно красива и моложава.

Ближе къ окнамъ стоялъ большой письменный столъ заваленный бумагами; возлѣ него этажерка съ книгами. На другомъ столѣ лежали очевидно небрежно брошенныя орденскія звѣзды и другіе знаки отличія. На нѣсколькихъ стульяхъ виднѣлись различныя принадлежности богатаго мужскаго костюма. Рядомъ съ ночнымъ столикомъ, приставленнымъ къ кровати, былъ придвинутъ еще другой тяжелый вычурный столикъ богатой мозаичной работы и на немъ стояла перламутовая открытая шкатулка.

Шкатулка вся была полна драгоцѣнными украшеніями, по преимуществу табакерками и перстнями. И все это сверкало огромными бриліантами чистѣйшей воды, превосходными рубинами, изумрудами и яхонтами.

Но несмотря на роскошныя драгоцѣнныя вещи, разбросанныя повсюду, несмотря на золото, шелкъ и бархатъ — эта комната поражала своимъ безпорядкомъ, своей неряшливостью.

У ногъ кровати, на табуреткѣ прикрытой пушистымъ одѣяломъ спала свернувшись маленькая обезьяна. Она иногда вздрагивала, приподнимала свою безобразную и смѣшную мордочку, мигала большими черными глазами, нюхала воздухъ, зѣвала во весь огромный ротъ и чесала за ухомъ съ ужимками и манерами уже проснувшагося, но желающаго еще полѣниться и понѣжиться человѣка. Почесавшись, поморгавъ и позѣвавъ, обезьянка повертывала мордочку по направленію къ кровати, заглядывала подъ занавѣску балдахина, прислушивалась и затѣмъ опять свертывалась въ клубочекъ и засыпала.

Все было тихо въ комнатѣ. Только изъ-за запертой двери доносился едва слышный шопотъ, прерывавшійся иногда такимъ-же тихимъ возгласомъ:

Ш-ш!

Но вотъ подъ балдахиномъ кто-то зѣвнулъ разъ другой. Небольшая мужская рука съ длинными розовыми ногтями отдернула занавѣсь, на пышныхъ подушкахъ обрисовался тонкій профиль еще молодаго красиваго лица.

Обезьянка проснулась, прислушалась, взвизгнула и въ одинъ прыжокъ очутилась на кровати.

— Пошла! пошла! крикнулъ, еще нѣсколько охрипшимъ съ просонья голосомъ, молодой человѣкъ отстраняя отъ себя обрадованное и назойливое животное.

Обезьянка стала лизать ему руки; но тутъ-же была схвачена за шиворотъ и, смѣшно перекувырнувшись въ воздухѣ, полетѣла на коверъ.

Она поджала хвостъ, подползла подъ кровать и еже-

минутно выглядывала оттуда гримасничая самымъ уморительнымъ образомъ.

Молодой человѣкъ потянулся, еще разъ зѣвнулъ и спустилъ ноги съ кровати.

Теперь можно было хорошо разсмотрѣть всю его фигуру.

Онъ далеко уже не былъ юношей. Ему казалось на видъ лѣтъ тридцать, а можетъ и больше; небольшаго роста, сухощавый, съ нѣжнымъ, почти женскимъ сложеніемъ, онъ казался безсильнымъ и хрупкимъ, онъ былъ блѣденъ—матовой, нѣсколько желтоватой блѣдностью. На его лицѣ съ правильными тонкими чертами, съ большими темными глазами еще не успѣли показаться морщины, кожа была нѣжная и тонкая.

Но это безспорно замѣчательно красивое лицо поражало только въ первую минуту, а затѣмъ уже представлялось совсѣмъ незначительнымъ—ничтожнымъ. Онъ уже пережилъ тотъ возрастъ, когда его можно было принять за краснѣющую дѣвушку и когда это сходство говорило въ его пользу.

Теперь онъ былъ уже зрѣлымъ мужчиной, а между тѣмъ ничего твердаго, мужскаго не было замѣтно въ нѣжномъ, нѣсколько выцвѣтшемъ и увядшемъ лицѣ его.

Онъ потянулся къ колокольчику и позвонилъ.

Въ то же самое мгновеніе маленькая дверца за кроватью отворилась, появилась не слышно ступая по паркету фигура благообразнаго, вымуштрованнаго камердинера. Камердинеръ поставилъ на столикъ подносъ съ маленькимъ серебрянымъ умывальникомъ и полотенцемъ. Потомъ ловко обулъ молодаго человѣка, подалъ ему легкій восточный халатъ и также неслышно удалился.

Молодой человѣкъ, засучивъ рукава, вылилъ содержимое умывальника въ маленькую лоханку—это были густыя сливки. Онъ нѣсколько разъ окунулъ въ нихъ лицо, крѣпко зажмуривая глаза. Затѣмъ въ нихъ-же вымылъ руки и осторожно утерся полотенцемъ. Затѣмъ, пока оставшіяся жирныя и влажныя частицы высыхали на лицѣ, онъ опять прилегъ на кровать, свистнулъ обезьянку и играя съ нею, забавляясь ея гримасами и легкими прыжками, погрузился въ тихое раздумье.

Минуты проходили за минутами. Вокругъ было также все тихо, только по прежнему, за затворенной дверью, едва слышно раздавался не то шорохъ, не то шопотъ.

Мысли молодого человѣка перелѣтали отъ одного предмета на другой. Но собственно говоря о чемъ-бы онъ ни думалъ—онъ думалъ только о себѣ самомъ. Однако вотъ онъ остановился очевидно на очень для него важномъ, даже брови у него сдвинулись, даже глаза блеснули какъ-то особенно.

Онъ опять схватилъ за шиворотъ обезьянку и отшвырнулъ ее.

„Геній, геній! государственный умъ, великіе люди! думалъ онъ. Вонъ Потемкина въ великіе люди записали—а чѣмъ-же я хуже его?!..—Я былъ неопытенъ, я былъ почти ребенокъ, а все-же съумѣлъ съ нимъ справиться, осилилъ его. Великій человѣкъ! Онъ думалъ удивить весь міръ своимъ греческимъ проектомъ и что-же вышло изъ его мечтаній, изъ его проекта?!—ничего, все разлетѣлось какъ дымъ, потому-что все это былъ вздоръ. Нѣтъ, я докажу имъ что я поумнѣе и подальновиднѣе Потемкина. Мнѣ надоѣло наконецъ все это, зачѣмъ мнѣ имъ глаза колятъ! Сколько разъ она мнѣ повторяла: „втораго Потемкина не будетъ". Я докажу ей, я докажу всему міру! Развѣ мои мысли неосуществимы?! Вѣдь вонъ даже этотъ дерзкій сумасбродъ, этотъ кривляка Суворовъ ничего не могъ мнѣ возразить! Да, не пройдетъ и года и все будетъ сдѣлано. Братъ Валеріанъ займетъ всѣ важные торговые пункты отъ Персіи до Тибета, оставитъ тамъ наши гарнизоны, установитъ такимъ образомъ прямое сообщеніе Россіи съ Индіей. Потомъ направится съ русской арміей къ Анатоліи, возьметъ Анапу и сразу пересѣчетъ всѣ сношенія съ Константинополемъ. Между тѣмъ Суворовъ въ то же время двинется къ Константинополю черезъ Балканы и Адріанополь. Я же съ императрицей, находясь лично на флотѣ, осадимъ Константинополь съ моря. На долю брата Валеріана выпадетъ большая слава, опять онъ будетъ считать себя героемъ и опять получитъ знатныя награды. А вѣдь какой онъ герой! Съ дѣтства былъ трусишкой и ногу-то потерялъ единственно по глупости, а ужь никакъ не по геройству. А вѣдь думаетъ-то о себѣ сколько! Я увѣренъ что онъ себя умнѣе меня почитаетъ — избаловали, осыпали милостями, надавали всякихъ отличій и даже меня не спрашивались. Не стоитъ онъ совсѣмъ этого, ну да ужь Богъ съ нимъ, все равно нужно будетъ сунуть его въ это дѣло, все лучше ему, чѣмъ кому-нибудь другому. Чегобы онъ теперь ни надѣлалъ и какъ-бы его ни хвалили —все равно, ужь онъ не можетъ быть для меня опасенъ. Суворовъ! но безъ Суворова ужь никакъ обойтись невозможно. Да онъ теперь одумался, слушается, молчитъ, понялъ наконецъ глупый старикъ что не со мною ему тягаться. Что-же они мнѣ возразить могутъ, вѣдь все это такъ исполнимо и все это непремѣнно будетъ. Конечно дорого обойдется—пускай высчитываютъ. Да хоть-бы сотни милліоновъ, мнѣ какое дѣло. Денегъ, говорятъ, мало, откуда взять? Нашли чѣмъ пугать. Я имъ прямо сказалъ вѣдь, что есть предпріятія, для которыхъ не можетъ быть недостачи въ деньгахъ, нужно добыть и—добудутъ. Налоги отягощеніе народа!—да мнѣ-то какое дѣло?! Разъ что такая геніальная мысль пришла въ голову—необходимо тотчасъ-же осуществить ее, необходимо воспользоваться ею во что-бы то ни стало. Эта идея, которая конечно будетъ исполнена, на вѣки меня прославитъ, обезсмертитъ. Какую оду въ честь мою напишетъ этотъ подлипала Державинъ!... какъ это онъ теперь сказалъ про меня:

Кто сей любитель согласья?
Скрытый зиждитель-ли счастья?
Скромный смиритель-ли злыхъ?
Дней гражданинъ золотыхъ,
Истый любимецъ Астреи!

Какъ-же теперь-то онъ назоветъ меня? Въ божеское возведетъ достоинство, нарѣчетъ громовержцемъ Зевесомъ. Вся Европа ахнетъ, вся какъ есть! всѣ свои скверные языки прикусятъ, пусть лопаются съ досады и зависти, пусть всѣ видятъ, что меня поднялъ не случай, а мои таланты и... ужь она не рѣшится говорить мнѣ, что втораго Потемкина не будетъ"!..

И вдругъ онъ вспомнилъ что-то такое, что вдругъ заставило его вскочить съ кровати и даже нервно пройтись по комнатѣ. Онъ усмѣхнулся злой и самодовольной улыбкой и прошепталъ:

Я докажу ему, что онъ червякъ передо мною и что мнѣ стоитъ только такъ вотъ приподнять ногу, а потомъ опустить—и отъ него ничего не останется!..

Кто-же такъ могъ взволновать этого человѣка, находящагося на верху земныхъ почестей, и какъ онъ полагалъ, на верху земной славы? О комъ могъ вспомнить этотъ государственный человѣкъ, только-что помышлявшій о своемъ грандіозномъ и, геніальномъ, какъ онъ былъ твердо увѣренъ, проектѣ? Былъ-ли это политическій врагъ, какая-нибудь владѣтельная особа, какой-нибудь знаменитый министръ иностранной державы, съ которымъ ему приходилось бороться?

Нѣтъ, свѣтлѣйшій князь Платонъ Зубовъ вдругъ вспомнилъ, что онъ приказалъ въ это утро явиться къ себѣ только-что прибывшему изъ Лондона дипломату Сергѣю Горбатову, который вѣроятно и дожидается его тамъ, въ пріемной.

(До слѣд. №).

С.-Петербургская пожарная команда на пути къ мѣсту пожара. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Гельштейнъ.

Во время бури.

Романъ

М. Іокая.

(Продолженіе).

XXI.

Развязка.

Францъ пристальнымъ взглядомъ смотрѣлъ на Пальму; ему хотѣлось знать, не падаетъ ли и на нее часть вины за то, что происходитъ теперь? А что если и внутренно она перемѣнилась также, какъ перемѣнилась наружно?

Пальма замѣтила его нерѣшительность.

— Не давайте отвѣта теперь, сказала она ему, наклоняясь надъ шитьемъ—обдумайте хорошенько, останьтесь сегодня у насъ. Завтра я выслушаю рѣшеніе ваше — въ присутствіи моего отца.

Иллаваи поднялся, за нимъ встала и молодая дѣвушка. Она проводила его до дверей.

— Не спѣшите, запритесь въ вашей комнатѣ. У васъ есть хорошій другъ, который никогда не отказываетъ вамъ въ совѣтахъ, спросите его, переговорите съ нимъ.

Едва графиня произнесла эти слова, какъ лицо Иллаваи приняло такое страшное выраженіе, что она отшатнулась. Его щеки запылали, въ глазахъ сверкнулъ огонь еле сдержаннаго бѣшенства.

Пальма проговорилась, что знаетъ секретъ „волшебнаго" зеркала.

Зачѣмъ проговорилась она? Вѣдь, въ письмѣ ей именно совѣтовали не подавать ему даже вида, что ей извѣстна эта странность ея жениха?

Многіе имѣютъ глупую привычку, оставаясь наединѣ, говорить сами съ собой вслухъ. Свойственно это и умнымъ, и безумнымъ, но тотъ, кто замѣтилъ это и скажетъ имъ—возбудитъ противъ себя гнѣвъ одинаково и умнаго, и безумнаго.

Иллаваи, вопреки своей обычной вѣжливости, быстро вышелъ, не взглянувъ на молодую дѣвушку.

Теперь имъ овладѣло вполнѣ чувство свирѣпаго гнѣва, въ немъ забушевалъ какой-то хаосъ. Капля крови предка—воеводы Стибора—зажгла его кровь.

О чемъ это надо ему подумать? О чемъ совѣтоваться съ самимъ собой? Да развѣ можетъ быть малѣйшее сомнѣніе въ его отвѣтѣ? „Иди, отдавай себя этому идіоту, я тоже идіотъ! Тотъ, по крайней мѣрѣ, идіотъ робкій, а я звѣроподобный. Игра окончена—пока они видѣли себя въ положеніи людей, падающихъ въ бездну, а его—идущимъ въ гору—они хватались за него. Теперь же, когда онъ палъ, а ихъ звѣзда взошла высоко, они желаютъ избавиться отъ него. И къ чему эта басня о 10-тилѣтнемъ заключеніи въ крѣпость? Вѣритъ она сама этому?

Развѣ она не знаетъ, что сама написала эту басню въ запискѣ, въ которой было сказано: „Освободите насъ отъ нашихъ друзей"! Развѣ тѣ самые „друзья" не обобрали ихъ. Можетъ-ли быть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что народъ прогналъ шайку воровъ а не отрядъ императорскихъ войскъ? Аудиторы вѣдь тоже люди; имъ можно выяснить все въ трехъ словахъ и тогда не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ 10-ти-лѣтнемъ заключеніи въ крѣпость. Назначеніе-же свое комисаромъ онъ никогда и въ глаза не видалъ и все время пробылъ за границей. Что-же касается того, что онъ дѣлалъ тамъ, то все это можетъ быть удостовѣрено судами, посольствами, отмѣтками на его паспортѣ. О тождествѣ его съ паспортомъ, опять таки, прекрасно извѣстно семейству Теметвени, такъ какъ они писали ему на это имя. Поэтому Пальма не имѣетъ никакихъ основаній бояться, что его предадутъ военному суду. Его, просто на просто, тотчасъ-же освободятъ.

Если она, дѣйствительно, его любитъ, то нѣтъ никакого основанія ей приносить себя въ жертву изъ-за этой причины.

Но любитъ-ли она его?

И вновь начало его терзать сомнѣніе. Какъ могъ ты думать, что она любитъ тебя? Надо тебѣ зеркало, которое объяснило-бы тебѣ? О — да! Волшебное зеркало. Твой подслушанный, осмѣянный секретъ. Открыли и то, что ты сумасшедшій. Кровь кипѣла въ немъ и будто лавой переливалась въ жилахъ его. Не быть любимымъ — судьба обычная, но — быть осмѣяннымъ изъ-за любви своей! И чтобы это случилось два раза подъ рядъ въ его жизни! Дать одурачить себя опять! И снова выстрадать всю эту муку!

Окна комнаты Иллаваи выходили въ паркъ. Оттуда внезапно донеслися звуки веселаго смѣха.

Этотъ прелестный, серебристый смѣхъ, смѣхъ Пальмы — онъ хорошо былъ знакомъ ему. Раздавался этотъ смѣхъ рѣдко, но всегда при немъ — она сама сказала ему: когда васъ нѣтъ со мной, никто не слышитъ моего смѣха.

Да, вотъ, и теперь, онъ тутъ, близко. Вѣроятно смѣются надъ нимъ, надъ этимъ смѣшнымъ чудакомъ, который бесѣдуетъ съ своимъ зеркаломъ, какъ только остается наединѣ. Онъ такъ боялся теперь, чтобы его опять не подслушивали или не подсматривали за нимъ, что поспѣшилъ къ двери убѣдиться, есть-ли тамъ кто-нибудь.

А серебристый смѣхъ снова прозвенѣлъ въ воздухѣ, и на этотъ разъ, подъ самымъ его окномъ: какъ будто тутъ и остановились.

Чу — опять этотъ смѣхъ... Онъ не выдержалъ и, въ одну секунду, былъ уже у окна.

Пальма, стоя очень близко отъ окна, закуривала пахитосу о пахитосу своей компаньонки; ей это не удавалось и она заливалась веселымъ смѣхомъ.

Зачѣмъ дѣлала она это? Ей было извѣстно, что Францъ не могъ видѣть женщинъ, которыя курятъ!

Думы, бурныя, мучительныя, кипѣли, смѣняясь одна другой. Онъ ихъ потомъ не могъ вспомнить, но его хохотъ громко раздался въ комнатѣ.

Это привело его снова въ себя.

Демонъ гнѣва и злобы снова пробудился въ немъ и снова бросилась ему въ лицо пылкая кровь Стибора.

— Такъ пусть-же свершится надъ нею приговоръ судьбы. Тебѣ остается тоже только молчать. Теперь — ты уже „ничто": перестаЛъ быть женихомъ здѣсь и судьею въ комитатѣ. Какое тебѣ дѣло, что ночью на чей-то замокъ будетъ произведено нападеніе?

Ты уйдешь отсюда. И тогда—пусть ищетъ Онатовскій свою исчезнувшую невѣсту, а уѣздный комисаръ убійцъ графа Теметвени, его украденныя драгоцѣнности, его милліонъ. Ты больше имъ не слуга. Они сами искали судьбу свою, сойди съ ихъ дороги, не мѣшай. Тогда я успокоюсь.

Лицо, отражавшееся въ зеркалѣ, отвѣчало:

— Но будешь ли ты доволенъ собою послѣ всего, что произойдетъ? будешь ли ты доволенъ собой при мысли, что могъ помѣшать страшному несчастію, но не отвратилъ его? Конечно, никто не можетъ обвинять тебя, никто—кромѣ вонъ того, тамъ, въ зеркалѣ! Теперь—они твои должники; если же ты уступишь своему гнѣву, то сдѣлаешься ихъ вѣчнымъ должникомъ и долгъ твой былъ бы изъ неоплатныхъ. Можешь ли ты перенести, чтобы шайка Шиборака восторжествовала? Укрыватель Рокомоцерь и тотъ не захочетъ промѣнять совѣсти своей на твою ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ. Допустишь ли ты, чтобы негодяи владѣлъ „этой" дѣвушкой? и все это за то, что она не можетъ быть твоею? Забылъ ты ея первый поцѣлуй?

— Я останусь и спасу ее.

О жгучее воспоминаніе поцѣлуя!..

Прежде, чѣмъ Иллаваи снялъ свою американскую бороду — его добрый старый другъ, волшебное зеркало, выгнало изъ его сердца то неотразимо-прелестное видѣніе, которое царило тамъ, выгнало его совсѣмъ и навсегда и сталъ онъ прежнимъ энергическимъ, разумнымъ Иллаваи, какимъ былъ прежде.

XXII.

Одинъ.

Пробило шесть часовъ и камердинеръ пришелъ доложить Францу, что его просятъ внизъ, обѣдать. Но гость отказался.

— Передайте графу, что прошу извинить меня, сказалъ Иллаваи, я чувствую себя несовсѣмъ здоровымъ и желаю какъ можно скорѣе лечь въ постель. Пришлите мнѣ стаканъ рому.

Нѣсколько минутъ спустя вошелъ Кузенъ.

— Графиня Пальма поручила мнѣ навѣстить васъ и передать этотъ пузырекъ. Она очень жалѣетъ, что не увидитъ васъ за обѣдомъ. По ея приказанію будетъ сейчасъ послано въ городъ за докторомъ, а пока графиня проситъ васъ непремѣнно воспользоваться этими каплями. Онѣ приготовляются въ Пекинѣ и дѣйствіе ихъ удивительно.

Францъ, выслушивая „секретаря" графа, опровергалъ, про себя, каждое его слово. „Пальма не поручала тебѣ приходить сюда и никого не посылала въ городъ. Ей очень хорошо извѣстна причина нездоровья гостя. Капли эти приготовляются не въ Пекинѣ, а въ Берлинѣ. Онѣ составлены изъ спирта, глицерина, кокосоваго сока и, можетъ быть, чего-нибудь еще похуже".

— Благодарю васъ и очень тронутъ вниманіемъ графини. Прошу ее не безпокоиться обо мнѣ. Серьезнаго ничего нѣтъ, къ завтрему все пройдетъ.

— Средство это очень сильно, сказалъ Кузенъ, оно вамъ поможетъ.

Какъ ни умѣлъ владѣть собой Кузенъ, но, при этихъ словахъ углы его рта незамѣтно дрогнули. Опытный глазъ Иллаваи уловилъ это нервное движеніе.

Кузенъ поставилъ пузырекъ на столъ.

— Пузырекъ еще не открытъ. Прикажете откупорить его?

— Благодарю.

— Спачала надо снять каучуковую оболочку, а затѣмъ отвинтить головку; она служитъ, вмѣстѣ, и стаканчикомъ.

— Спасибо, спасибо, я знаю самъ, у меня ужь такіе пузырьки бывали въ рукахъ.

Всегда относясь къ слугамъ дружелюбно, Иллаваи и теперь обращался съ Кузеномъ какъ съ ливрейнымъ лакеемъ. Но г. „секретарь", мелькомъ покосившись на звѣздочку своего воротника, пожелалъ напомнить гостю ту разницу, которая теперь была между нимъ и прислугой замка.

Не желаете-ли, чтобы я прислалъ вамъ слугу?

— Спасибо. Я хочу запереться и лечь, а ужь разъ засну — меня не разбудитъ никакой шумъ.

— Графъ будетъ чрезвычайно жалѣть. Къ сегодняшнему дню онъ пригласилъ много гостей, но всѣ, подъ разными предлогами, отказались. Съ тѣхъ поръ, какъ его сіятельство получилъ свое нынѣшнее высокое назначеніе, никто изъ этихъ господъ не посѣщаетъ его.

Но Иллаваи не имѣлъ намѣренія заводить разговора на эту тему.

— Спокойной ночи. Кузенъ.

Заперевъ дверь тотчасъ послѣ выхода незванаго гостя, Иллаваи открылъ пузырекъ, налилъ нѣсколько капель на клочекъ бумаги и положилъ ее на окно. Рой мухъ, слетѣвшійся полакомиться, чрезъ нѣсколько секундъ лежалъ тутъ-же мертвый. Францъ принялся за мѣры предосторожности: зарядилъ револьверъ, затѣмъ снялъ сапоги, чтобы сдѣлать неслышными свои шаги: вѣдь легко можетъ быть что кто-нибудь и подслушиваетъ у двери, или внизу, въ комнатѣ, расположенной подъ нимъ. Въ замкѣ понемногу начала водворяться тишина. Снизу, изъ деревни доносился протяжный звонъ вечерняго колокола. Въ корридорахъ и на подъѣздахъ замка засвѣтились фонари. Иллаваи вдругъ увидѣлъ на потемнѣвшемъ полу своей комнаты свѣтящееся изображеніе звѣзды. Это повело его къ весьма важному открытію: въ верхней части двери передней была придѣлана маленькая сквозная, изъ мѣдной проволоки, дощечка въ формѣ звѣздочки, чрезъ которую можно было хорошо разглядѣть того, кто находился по другую сторону двери, оставаясь невидимымъ для него.

Пользуясь этимъ приспособленіемъ, Иллаваи могъ видѣть весь корридоръ вплоть до противоположной двери, которая вела въ угловую комнату. Корридоръ освѣщался большой висячей лампой. Вскорѣ послѣ того, какъ затихъ издалека долетавшій сюда шумъ обѣденнаго стола, Францъ услыхалъ, что къ его двери приближаются тихіе шаги. Кто-то осторожно постучался.

Онъ подошелъ къ скважинѣ и приложилъ глазъ. У двери стоялъ, съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, Кузенъ, съ нимъ—Пальма. Что ей надо здѣсь? Кузенъ два раза постучался, но безуспѣшно. Иллаваи не отворилъ. Обратившись къ графинѣ секретарь сдѣлалъ жестъ, ясно говорившій: „онъ ужь спитъ"!

Молодая дѣвушка, съ рѣзко-досадливымъ движеніемъ, повернулась и пошла назадъ.

— Что хотѣла она еще сказать мнѣ? думалъ Францъ.

Кузенъ направился, было, за молодой графиней, но она, взявъ у него подсвѣчникъ, знакомъ приказала не провожать ея и продолжала путь, даже не взглянувъ на него. Онъ остался, устремивъ ей вслѣдъ долгій взглядъ. Страшенъ былъ взглядъ этотъ!..

Иллаваи возвратился въ спальню. Окна этой комнаты выходили въ паркъ и нѣсколько наискось противъ половины, которую занимала Пальма. Ночь уже наступила, теплая осенняя ночь. На средину темносиняго неба выплыла полная луна, обливая все своимъ блѣднымъ свѣтомъ.

Въ этомъ году стояла прекрасная осень. Каштановыя деревья парка цвѣли во второй разъ; въ вечернемъ полусвѣтѣ онѣ принимали видъ громадныхъ канделябръ, съ несмѣтнымъ числомъ бѣлыхъ свѣчъ, кусты чайной розы были въ полномъ цвѣту; среди ковра розъ, красовались даліи всевозможныхъ оттѣнковъ; неподалеку группа американскихъ лилій, съ гроздами своихъ пурпуровыхъ маковокъ, напоминала алтарь, въ его огненномъ уборѣ. вокругъ фіалокъ вились рои ночныхъ бабочекъ а въ тѣни кустовъ точно разсыпанные бриллiанты, блестѣли свѣтящіеся весеннiе жучки.

Воздухъ былъ напоенъ свѣжимъ, душистымъ ароматомъ цвѣтовъ. Кругомъ было тихо и безмолвіе нарушалось только журчаніемъ фонтана.

Эта ночь была изъ тѣхъ, въ которыя такъ хорошо сидѣть у открытаго окна и любоваться вплоть до бѣлаго утра. Вотъ, совершенно такъ какъ та дама, въ опушенной мѣхомъ мантиліи, спустившейся съ алебастроваго плеча. А въ одномъ изъ оконъ боковаго крыла замка, изъ-за приподнятаго жалузи, кто-то жадно глядитъ на нее, будто не можетъ оторваться. Можетъ быть, дама узнаетъ, что на нее смотрятъ и ужъ что-нибудь да придумаетъ, чтобы избавиться отъ этого. Она закуриваетъ пахитосу. Красноватый огонекъ среди ея нѣжныхъ губокъ замерцалъ какъ соперникъ майскихъ жучковъ.

Иллаваи съ отвращеніемъ отошелъ отъ своего обсерваціоннаго пункта. Да и пора стряхнуть съ себя это. Онъ здѣсь не для того, чтобы любоваться паркомъ и его нимфами. Ему предстоитъ новая борьба.

Отчего не сообщилъ онъ никому о готовившемся нападеніи? Боялся-ли онъ чьей-нибудь нескромности? или не довѣрялъ этимъ людямъ, съ которыми у него не было теперь ничего общаго? Нѣтъ—онъ хотѣлъ сдѣлать все одинъ и въ награду себѣ готовилъ только горькое сознаніе неблагодарности тѣхъ, кого спасалъ.

Одно изъ оконъ его комнаты выходило на четырех-угольный дворъ, посреди котораго возвышалась каменная статуя какого-то древняго короля Венгріи. Далѣе у воротъ стояла небольшая будка, близь которой мѣрнымъ шагомъ ходилъ взадъ и впередъ дежурный жандармъ. При лунномъ свѣтѣ ясно можно было видѣть, что шаги его съ каждой минутой становились менѣе и менѣе твердыми и увѣренными: отъ времени до времени онъ прислоняется къ стѣнѣ, потомъ, какъ-бы стряхивая съ себя непонятное оцѣпенѣніе, снова принимается шагать; чрезъ минуту онъ замѣтилъ, что тотъ снова прислонился на этотъ разъ къ будкѣ, каска падаетъ съ головы, голову клонитъ на грудь: глаза, почему-то, слипаются. Вотъ, пробило 10 часовъ, пора уже смѣнить его, но—никто не приходитъ. Всѣ, подобно ему, отвѣдали опіума, всѣ спятъ; жандармъ пробуетъ крикнуть, но звукъ голоса его замираетъ: падаетъ изъ его рукъ ружье. падаетъ каска, падаетъ и онъ самъ... Онъ глубоко засыпаетъ...

Что будетъ дальше?

Иллаваи вошелъ въ спальню и снова приподнялъ жалузи.

Пальма еще у своего окна, по прежнему съ пахитосой во рту.

Вдругъ безмолвіе, царившее въ этотъ ночной часъ, нарушено: гдѣ-то слабо зазвенѣлъ колокольчикъ, который, обыкновенно, предшествуетъ въ католическихъ странахъ священнику, несущему св. дары къ умирающимъ.

При этомъ печальномъ звукѣ, молодая графиня сложила руки для молитвы, устремивъ свой взоръ въ небо.

— Да, да, молись! колокольчикъ этотъ звонилъ для тебя!..

Колокольчикъ звонилъ по плану разбойниковъ: первый разъ онъ давалъ сигналъ занять цистерну. Затѣмъ, второй — сообщалъ, что всѣ уже въ погребѣ и что руководитель можетъ впустить ихъ въ замокъ.

Пальма закрыла окно и опустила жалузи. Колокольчикъ все еще звонилъ. Прежде, чѣмъ онъ перестанетъ звонить, ты ужь будешь, вѣроятно, тоже спать, подумалъ Францъ, — но, каковъ будетъ сонъ, каково будетъ пробужденіе?.. Спи... я здѣсь... я тебя охраняю...

Иллаваи сосредоточилъ теперь свои наблюденія надъ дворомъ и надъ корридоромъ. Его планъ шелъ рука объ руку съ планомъ воровской банды. Первый звонокъ колокольчика служилъ сигналомъ и для его людей, собранныхъ частью недалеко отъ замка, частью на базарной площади, у ихъ телѣгъ: они должны были начать осторожно и незамѣтно свое наступленіе. По второму-же звонку—они бросаются къ цистернѣ. хватаютъ воровъ, поставленныхъ на стражѣ и запираютъ желѣзныя двери.

А если-бы шайка выбѣжала чрезъ открытыя двери погреба, то попалась-бы здѣсь въ плѣнъ во всемъ своемъ составѣ.

Было уже около полуночи, когда колокольчикъ снова зазвенѣлъ, но на этотъ разъ менѣе продолжительно.

Въ ту-же минуту, на другомъ концѣ корридора зашевелилась какая-то тѣнь, которая повидимому уже давно притаилась въ оконной нишѣ. То былъ Кузенъ.

На немъ былъ наброшенъ короткій плащъ, изъ подъ котораго слабо свѣтился маленькій потайной фонарикъ, часто употребляемый ворами. Тихо, неслышно приблизился онъ къ лампѣ, обыкновенно горѣвшей въ корридорѣ всю ночь и потушилъ ее.

Иллаваи пощупалъ свой револьверъ. Кузенъ открылъ окно въ корридорѣ и выглянулъ во дворъ, который освѣщался фонаремъ, прикрѣпленнымъ къ своду воротъ. Онъ могъ хорошо видѣть, что часовой спалъ.

Окно онъ оставилъ открытымъ и подойдя на цыпочкахъ къ двери Франца, попробовалъ отворить ее. Но дверь была заперта. Онъ постучался.

— Monsieur!

Сквозь звѣздочку Францъ ясно разсмотрѣлъ, что въ правой рукѣ негодяй держалъ широкій ножъ, къ длинной ручкѣ котораго были придѣланы два небольшихъ пистолета.

— Monsieur. повторилъ Кузенъ, вставайте — случилось несчастье!

Никакого отвѣта. Онъ приложилъ къ звѣздообразной скважинѣ сначала ухо, а потомъ глазъ.

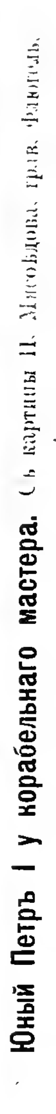
Я бы теперь отлично могъ уложить тебя, подумалъ Иллаваи. Но, это было-бы для тебя лучше, чѣмъ для меня. Иди-ка ты въ погребъ. Ты долженъ быть запертъ вмѣстѣ съ твоими товарищами, чтобы потомъ не могъ отказываться отъ дѣла своихъ рукъ.

Успокоившись насчетъ гостя, котораго считалъ теперь спящимъ подъ вліяніемъ капель, Кузенъ спряталъ оружіе подъ плащъ и удалился, освѣщая себѣ путь фонаремъ.

XXIII.
Опасность.

Иллаваи немедленно послѣдовалъ за нимъ. Въ замокъ вели три лѣстницы: парадная, людская и еще одна—круглая, соединявшая верхніе этажи съ нижними. Всѣ эти лѣстницы запирались рѣшетчатыми желѣзными дверьми, ключи отъ которыхъ всегда хранились у Кузена, запиравшаго подъѣзды собственноручно на ночь. Теперь онъ спустился по витой лѣстницѣ. Это было очень удобно для Франца. такъ какъ онъ могъ идти за розбойникомъ, не будучи замѣченъ имъ. У рѣшетчатой двери Кузенъ закрылъ фонарь: ночь была очень свѣтлая.

Иллаваи осторожно скользнулъ тоже чрезъ дверь во дворъ и спрятался за статуей короля.



Юный Петръ I у корабельнаго мастера. Съ картины П. Мясоѣдова, грав. Флюгель.

Типы славянскихъ народовъ. Кривошане. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Вѣрный слуга графа Теметвени подошелъ къ спавшему жандарму и всыпалъ полную горсть песку въ лежавшее около него ружье. Погасивъ и тутъ фонарь, онъ направился къ дверямъ погреба, образующимъ уголъ съ воротами. Своды этихъ дверей были громадны, сквозь нихъ могъ проѣхать большой возъ прямо въ переднюю половину погреба, гдѣ помѣщались виноградные прессы и откуда желѣзная дверь вела внизъ въ большой погребъ и къ резервуару. Передняя половина погреба была снабжена массивными двустворчатыми дубовыми дверями, которыя были устроены такъ, что захлопывались сами собой.

Разбойникъ, поставивъ фонарикъ на землю, сталъ искать въ связкѣ ключей тотъ, который ему былъ нуженъ. Иллаваи тихо подкрался къ нему сзади.

Кузенъ отперъ дверь и, придерживая колѣномъ одну створу, искалъ теперь въ своей связкѣ ключъ къ входу, соединявшему малый погребъ съ большимъ.

Вотъ, онъ держитъ уже этотъ ключъ. Но въ то же мгновеніе рука его очутилась какъ будто въ желѣзныхъ тискахъ и какой-то голосъ съ силою шепнулъ ему въ ухо: „Рибо!"

Бѣглый каторжникъ былъ и самъ ловокъ и силенъ. Разсужденія и переговоры были излишни. Надо дѣйствовать быстро и рѣшительно. Свободной рукой онъ успѣлъ отбросить ключъ и фонарикъ и въ наступившемъ затѣмъ мракѣ рванулся вмѣстѣ съ своимъ противникомъ впередъ, оба стремглавъ полетѣли въ темную часть погреба. Тяжелая створа, съ грохотомъ, захлопнулась за ними и на дворѣ воцарилось прежнее безмолвіе...

Въ этотъ самый день Фердинандъ Теметвени чувствовалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ на землѣ. Магнатъ былъ чрезвычайно доволенъ всѣмъ въ этомъ лучшемъ изъ міровъ и въ особенности самимъ собою.

Серьезно убѣжденный въ томъ, что игралъ дѣятельную и выдающуюся роль въ совершавшихся событіяхъ, онъ теперь считалъ себя замѣчательно тонкимъ дипломатомъ. Человѣкъ этотъ обладалъ завидною способностью увѣрить себя, что весь міръ ставитъ его такъ же высоко, какъ онъ самъ.

И, дѣйствительно, лично для себя онъ выигралъ все, чего жаждалъ въ самыхъ свѣтлыхъ мечтахъ своихъ. Изъ урбаріальнаго фонда онъ получилъ впередъ значительную ссуду, давшую ему возможность избавиться отъ наиболѣе обременительныхъ долговъ и, въ то же время, возстановить прежній блескъ имени Теметвени. По его предложенію молодой Опатовскій былъ освобожденъ отъ опеки и возведенъ въ баронское достоинство, причемъ „благодарный юноша сдѣлалъ немедленно предложеніе графинѣ Пальмѣ".

А Пальма? Она сначала твердо стояла „на своемъ" и возвратись Иллаваи еще изъ Англіи тотчасъ послѣ того какъ нашелъ первую часть украденныхъ бриллiантовъ, на его сторонѣ было много данныхъ. Но послѣ продолжительнаго ожиданія, узнавъ что онъ отправился далѣе въ Америку за ея остальными драгоцѣнностями, она искренно разсердилась. „Глупый!" вырвалось у нея. Какъ это такъ на долго оставлять свою невѣсту."

Время и разстояніе сдѣлали свое. Дѣвушка „отвыкла" отъ Франца и начала излечиваться отъ своего „безумія". Помогло, можетъ быть, тутъ и еще что нибудь другое. Случается дѣвушкамъ ея положенія посантиментальничать среди руинъ, помечтать о тихомъ, уединенномъ домикѣ, „шалашъ и милый другъ", но счастливый случай вдругъ приноситъ богатство, въ душѣ пробуждаются тогда иныя стремленія и страсти, а мечты разсѣялись какъ дымъ.

Встрѣча, какъ мы видѣли, сошла довольно гладко. Графъ Теметвени надѣялся на то, что „этотъ грубый человѣкъ вспылитъ и—навредитъ себѣ". Но нѣтъ, сдержался. Значитъ—человѣкъ онъ разсудительный и хорошо понялъ, что возможное полгода тому назадъ сдѣлалось невозможнымъ теперь. Даже если бы у него на пальцѣ уже было обручальное кольцо—онъ былъ бы обязанъ возвратить его.

Что же касается Пальмы, то она получаетъ такого мужа, какого ей именно надо: пустую, безхарактерную куклу, которою умная жена съумѣетъ распоряжаться по желанію. Женщины умѣютъ скрасить свою жизнь. Разумная женщина никогда не станетъ въ жалкое положеніе и всегда совладаетъ съ своимъ сердцемъ. И какъ хороши будутъ эти два портрета въ фамильной галлереѣ!

Графъ остановился передъ портретомъ дочери, вперивъ въ него долгій взглядъ.

Вдругъ изъ деревни донесся звонъ колокольчика. Теметвени невольно вздрогнулъ. Колокольчикъ продолжалъ звенѣть—долго, продолжительнымъ звономъ. Долго ли еще? Не перестаетъ!..

Наконецъ звонъ прекратился, но графъ все еще слышалъ его...

Теметвени былъ сильно взволнованъ. Ложась спать, обыкновенно, довольно поздно, онъ передъ сномъ, или когда нервы его находились не въ порядкѣ, развлекалъ себя какимъ нибудь затѣйливымъ пасьянсомъ. Но на этотъ разъ не помогалъ и пасьянсъ.

Ему почудились на верху, въ комнатѣ надъ его кабинетомъ, чьи-то шаги, но вѣдь тамъ—археологическій музей! Что же это такое?

Внизу, въ деревнѣ, во всѣхъ домахъ страшно лаяли собаки.

Онъ отворилъ окно; на дворѣ стояла свѣтлая звѣздная ночь. Въ комнатѣ было холодно, каминъ погасъ. Странно—во весь вечеръ сюда ни зашелъ никто изъ прислуги! Графъ позвонилъ, чтобы приказать раздѣть его и растопить каминъ.

Никто не пришелъ.

Онъ снова дернулъ за звонокъ и рванулъ такъ сильно, что шнуръ остался у него въ рукѣ. По прежнему никого.

Теметвени нетерпѣливо всталъ и пошелъ въ лакейскую. Здѣсь всѣ свѣчи уже догорѣли и непріятно мигали послѣдними вспышками пламени. На диванѣ лежалъ, со свѣсившейся головой, одинъ изъ камердинеровъ.

Графъ дотронулся до спящаго, но тотъ ничего не чувствовалъ. Онъ схватилъ его за плечи и началъ отчаянно трясти, крича ему надъ самымъ ухомъ. Лакей продолжалъ спать.

Къ этой комнатѣ примыкали спальни людей. Тамъ вѣроятно былъ егерь, постоянно сопровождавшій графа въ путешествіяхъ. Теметвени вошелъ въ его спальню, но тутъ едва не упалъ, наткнувшись на своего егеря, который спалъ на полу въ очень неудобной позѣ: ноги его остались на стулѣ, а остальная часть туловища лежала на полу. Ротъ и глаза его были открыты.

Графомъ началъ овладѣвать неясный, непонятный страхъ. Вѣрно произошло какое нибудь несчастье. Онъ поспѣшилъ въ свою комнату и отворилъ потайной шкапъ, механизмъ котораго, если помнятъ читатели, приводилъ въ движеніе звонокъ въ дежурной лакейской, внизу. Тамъ помѣщались теперь шесть жандармовъ. Остальные шесть, подъ начальствомъ вахмистра, держали внѣшній караулъ.

Но и на этотъ звонокъ не отозвался никто.

А на дворѣ раздался другой звонъ—опять колокольчикъ!..

То былъ второй сигналъ, быстрый, короткій.

Магнату показалось, что съ нимъ происходитъ галлюцинація. Что значитъ этотъ второй звонъ? Онъ прислушался.

Лай деревенскихъ собакъ усилился. Въ замкѣ больше часы заиграли свою обычную мрачную мелодію изъ „Черной Дамы". Полночь уже миновала. Снова наступила тишина, безмолвная, глухая, которую нарушалъ только монотонный тикъ-такъ часоваго маятника. Вдругъ среди этого подавляющаго безмолвія раздался какой-то грохотъ, точно выстрѣлъ... То захлопнулась тяжелая дубовая дверь погреба, куда скатились Кузенъ и Иллаваи...

Графъ выбѣжалъ въ сѣни, гдѣ обыкновенно во всю ночь горѣла большая висячая лампа. Теперь тутъ царилъ непроницаемый мракъ. Кто-же загасилъ лампу?

Не слуги же,—они всѣ спятъ. Струя свѣжаго воздуха потянула въ открытое окно. Теметвени подошелъ къ нему. И на дворѣ тоже фонарь потушенъ!

— Жандармъ! крикнулъ онъ.

Отвѣтомъ ему былъ громкій храпъ.

Ему сдѣлалось совсѣмъ страшно. Что тутъ такое происходитъ? Кто нибудь да не спитъ же въ замкѣ. Народу довольно: 13 жандармовъ, 4 кучера, 6 рейткнехтовъ, 2 доѣзжачихъ, поваръ съ своими помощниками, садовники, портные, женская прислуга. Куда дѣвались они всѣ?

А Кузенъ, а гость?

Одну минуту графу пришло на мысль, что Иллаваи, со злобы отравилъ весь домъ. Его разстроенное воображеніе сразу повѣрило этому болѣзненному движенію растерявшейся мысли.

Да, такіе люди на все способны!

Если только не взлюбятъ кого, такъ нѣтъ зла, котораго не сдѣлаютъ ему. Поэтому-то онъ и къ обѣду не пришелъ!

Комнаты Кузена находились по близости. Графъ возвратился къ себѣ и, взявъ съ собой свѣчу, пошелъ къ своему преданному слугѣ.

Дверь стояла отворенною.

Въ передней, къ удивленію, онъ увидалъ сакъ-вояжъ, совершенно приготовленный къ дорогѣ. Развѣ Кузенъ собирался уѣхать?

Въ гостинной было нѣчто еще болѣе краснорѣчивое. На письменномъ столѣ лежала какая-то бумага. Онъ подошелъ ближе—бумага оказалась паспортомъ.

Выдача паспортовъ производилась графомъ, какъ комисаромъ комитата, печать и подписанные имъ бланкеты онъ отдавалъ на сохраненіе своему секретарю.

Первое, что поразило Теметвени въ паспортѣ—это, что онъ былъ выданъ на имя совершенно не извѣстнаго ему лица. Примѣты, однако, принадлежали Кузену: орлиный носъ, черные волосы, рубецъ съ правой стороны рта, въ разговорѣ звукъ „с" произноситъ какъ „ш"; тутъ же и примѣты его жены. Кто же это можетъ быть? Бѣлокурые волосы, черныя брови, на самой серединѣ бѣлаго лба родинка въ формѣ чечевичнаго зерна...

Что это, сонъ?! Вѣдь это пятнышко—родовой, фамильный знакъ женщинъ рода Теметвени!

Графъ съ лихорадочною поспѣшностью продолжалъ свои поиски. Выдвинувъ изъ стола ящикъ, онъ нашелъ въ немъ нѣсколько пузырьковъ съ опіумомъ. Но его еще больше перепугала лежавшая тутъ же пачка пахитосъ.

Сегодня у Пальмы явился новый капризъ курить пахитосы. Отецъ поручилъ Кузену передать ихъ дочери. Если она попробовала ихъ, значитъ теперь тоже спитъ, какъ всѣ.

Какъ безумный бросился онъ къ себѣ. Надъ его постелью

висѣлъ цѣлый арсеналъ шпагъ, сабель и пистолетовъ. Онъ снялъ оружіе со стѣны и положилъ предъ собой на столъ. На пистолетахъ капсюли оказались цѣлы.

Теперь было ясно, что въ замкѣ всѣ усыплены. Какъ молнія блеснула у него въ головѣ мысль, что ему не дали сонныхъ капель, для того, чтобы онъ указалъ, гдѣ спрятанъ милліонъ. Въ замкѣ, конечно, уже никого не разбудишь. Иллаваи вѣрно, также спитъ, какъ и другіе. Теметвени, однимъ толчкомъ, раскрылъ окно. Онъ хотѣлъ поднять тревогу въ деревнѣ. Когда народъ услышитъ, что въ замкѣ стрѣляютъ, то прибѣжитъ сюда. Это, добрый и преданный народъ.

Графъ высунулъ руку, вооруженную пистолетомъ и потянулъ взводъ.

По его тѣлу пробѣжалъ трепетъ ужаса—пистолетъ не выстрѣлилъ, и не этотъ одинъ, а всѣ, всѣ до одного. Снявъ пистоны, онъ увидѣлъ, что капсюли забиты наглухо.

Въ нѣмомъ, паническомъ ужасѣ стоялъ онъ передъ открытымъ окномъ, не смѣя шелохнуться. Еслибъ теперь кто-нибудь внезапно отворилъ дверь, онъ былъ бы способенъ броситься прямо, съ этой высоты, на дворъ.

Въ деревнѣ все стихло, и собаки уже перестали лаять.

Зато, снизу, понемногу, сталъ доходить сюда какой-то глухой шумъ. Вотъ онъ усиливается и становится яснѣе. Будто какіе-то подземные бойцы вступили въ отчаянную борьбу между собою. Вотъ, изъ за рѣшетчатыхъ люковъ погреба слышны уже теперь крики, ругательства, проклятія, и все громче, и все ужаснѣе.

Что происходитъ тамъ, подъ его ногами? Кто это такое?—Откуда они пришли? Вѣрно они явились за драгоцѣнностями? Тѣже самые, которыхъ прогналъ Иллаваи!

И съ ними—этотъ негодяй, этотъ проклятый, который не желаетъ удовольствоваться однимъ золотомъ и брилліантами, а хочетъ овладѣть и ею, Пальмой!!

При этой мысли графомъ Теметвени овладѣло дикое отчаяніе. Онъ самъ теперь готовъ на все, готовъ на смерть, готовъ убивать!

Магнатъ вспомнилъ, что въ молодости славился своимъ искусствомъ въ фехтованіи. Онъ взялъ шпагу. Пусть идутъ сюда эти дьяволы, онъ будетъ защищать свою дочь, станетъ передъ ея дверью и даромъ не отдастъ. А если увидитъ, что не спасти ему ея, то лучше самъ убьетъ ее, чѣмъ видѣть опозоренною лакеемъ. И графъ поспѣшно направился къ половинѣ молодой дѣвушки.

Тамъ, внизу, шумъ все увеличивался.

Съ высокимъ канделябромъ пылающихъ свѣчь въ одной рукѣ, съ обнаженной шпагой въ другой, шелъ онъ быстро по темному корридору. Вокругъ него повсюду стоялъ непроницаемый мракъ. Повернувъ въ боковой корридоръ, онъ вдругъ увидѣлъ, что по витой лѣстницѣ подымалась какая-то мужская фигура. Въ темнотѣ трудно было разсмотрѣть лицо.

— Кто тамъ? спросилъ онъ прерывающимся голосомъ.

— Иллаваи! послышалось въ отвѣтъ. И его могучая фигура предстала предъ графомъ.

— Что тутъ дѣлается въ домѣ?

— Сюда забралась разбойничья шайка.

— Гдѣ же разбойники?

— Заперты крѣпко на крѣпко въ погребѣ. Оттуда не выбраться имъ.

— Вы не видали Кузена?

— Только что.

— А онъ гдѣ?

— Тамъ, въ погребѣ, у двери.

— Что вы сдѣлали съ нимъ?

— Отобралъ у него оружіе и связалъ его.

Францъ показалъ графу страшный ножъ, приготовленный для него.

— Защищался упорно и, надо сказать правду, презлорѣченный каторжникъ.

— Какъ каторжникъ?

— Да, онъ бѣглый каторжникъ, но могъ сдѣлаться зятемъ вашего сіятельства. Счастье перемѣнчиво.

— Гдѣ Пальма?

— Вѣроятно у себя, спитъ.

— Я разбужу ее.

— Не къ чему, графъ, она спитъ очень крѣпко. Я это узналъ самымъ положительнымъ образомъ. Когда я совсѣмъ скрутилъ вашего вѣрнаго слугу, негодяй принялся смѣяться и сказалъ: „Камрадъ, ужь если я не могу никакой пользы имѣть отъ штуки, которую придумалъ, такъ попользуйся ты. Графиня покурила пахитосокъ съ опіумомъ и съ ней, пожалуй, можетъ мало ли что случиться. Пожалѣй ты ея жениха!

Теметвени заскрежеталъ зубами.

— Я ему не далъ продолжать и завязалъ ротъ.

Графъ, какъ-то сконфуженно, началъ бормотать слова благодарности, которыя трудно было разобрать. Слышно было что-то въ родѣ: „Богъ послалъ васъ сюда“...

Кровь опять было закипѣла въ Иллаваи.—Ты, ты смѣешь говорить о Богѣ, мелькнуло у него въ закружившейся головѣ,—о, ты стоилъ бы, чтобы я освободилъ шайку и напустилъ ее на тебя.

— Пойдемте графъ къ вамъ. Я вамъ разскажу что привело меня сюда. Теперь безпокоиться и бояться уже нечего: шайка заперта и не можетъ выдти изъ погреба. Наши вооруженные крестьяне будутъ сторожить ее, пока жандармы не проснутся.

Онъ довелъ графа до его комнаты и затопилъ каминъ.

(До слѣдущаго №).

За кулисами.

(Н. В. Л—ой).

Боже мой, что за дорога!
Грязь и болото кругомъ...
Бѣдно, угрюмо, убого;
Это вѣдь только немного,
Что еще будетъ потомъ!..

* * *

Право, куда какъ не мило:
Разъ попадешь въ колею,
Выбраться нѣту ужь силы,
Такъ и тяни до могилы
Горькую долю свою!..

* * *

Грустно, боязно, неловко...
Будетъ-ли лучше въ концѣ?
Вашей-ли милой головкѣ
Быть въ этой жалкой обновкѣ,
Въ этомъ терновомъ вѣнцѣ?!

Славой на время потушишь
Грусть- и веселье найдешь;
Только вѣдь слезъ не осушишь,
Память въ себѣ не задушишь,
Чувства въ себѣ не убьешь!..

* * *

Шумный восторгъ видѣть сладко,
Лавры отрадно носить—
Но этихъ лавровъ подкладка,
Сплетенъ, интригъ лихорадка,
Врядъ-ли васъ можетъ плѣнить!..

* * *

Вчужѣ обидно и больно...
Какъ я помочь былъ-бы радъ
Бросить на вѣкъ, добровольно,
Весь этотъ омутъ подпольный,
Этотъ губительный адъ!..

С. Кречетовъ

Новыя раскопки въ Египтѣ.

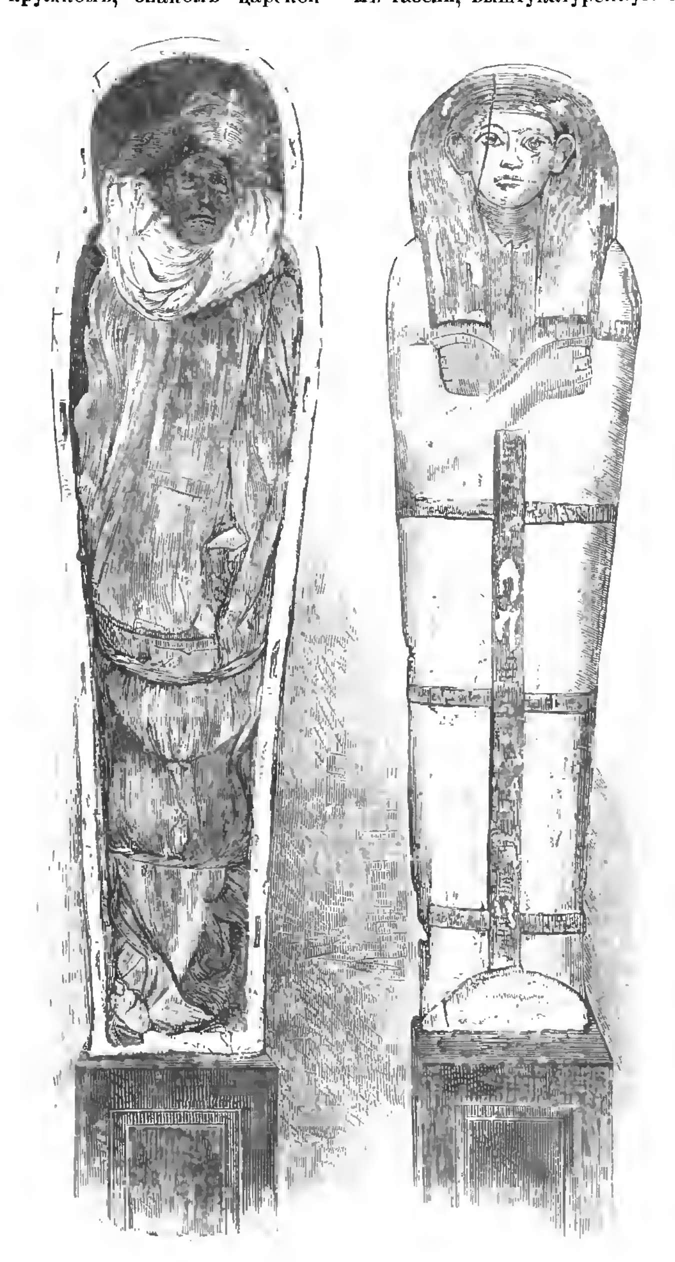
(Рис. на стр. 232 и 233).

Понемногу мы, люди XIX столѣтія, становимся лицомъ къ лицу съ „людьми“, съ міромъ, существовавшимъ нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, едва ли не съ тѣми людьми, не съ тѣмъ міромъ, которые стояли не очень далеко отъ рубежа временъ доисторическихъ. Изъ нѣдръ земли выходятъ дворцы Ниневіи, Вавилона, сокровища Пріама, Херонейское поле битвы, наконецъ—саркофаги фараоновъ, ихъ муміи, ихъ лики... Странное ощущеніе овладѣваетъ человѣкомъ при такомъ „матеріальномъ“ знакомствѣ съ тѣмъ, что до сихъ поръ было отдѣлено отъ него „сорока вѣками“, о чемъ онъ лишь слышалъ. Читателямъ нашимъ отчасти извѣстна уже исторія замѣчательной находки въ Верхнемъ Египтѣ, профессора Масперо, нынѣшняго хранителя древностей Хедива и Эмиля Бругша, смотрителя Булакскаго музея, открывшихъ въ прошломъ году усыпальницу фараоновъ, принадлежавшихъ къ нѣсколькимъ династіямъ (XIX, XX, XXI, XXVII, XXVIII), содержавшую въ себѣ 36 мумій царей египетскихъ, царицъ, принцессъ и такъ далѣе, кромѣ того множество свертковъ папируса, вазъ и другихъ предметовъ, всего до 6 тысячъ экземпляровъ. Вообще же предполагаютъ, что открытая усыпальница составляла фамильный склепъ царей-первосвященниковъ XXI-й династіи. Династія эта основана Херъ-Коромъ, царемъ, верховнымъ жрецомъ Аммона, въ великомъ храмѣ Аммона въ Ѳивахъ, овладѣвшимъ силою или наслѣдовавшимъ тронъ при послѣднихъ царяхъ XX-й династіи, Рамессидахъ, власть которыхъ была сильно поколеблена. Согласно однимъ источникамъ,

царица Нотемъ-Мотъ, принцесса изъ дома Ремессидовъ, была матерью Херъ-Кора, а по другимъ—его женой: ея имя всегда, гдѣ оно упоминается, окружено кружкомъ, знакомъ царской власти, царственнаго, высокаго происхожденія. Мумія Рамзеса II (предполагаемаго гонителя евреевъ въ Египтѣ), повидимому перемѣщалась чаще и болѣе всѣхъ другихъ; нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что его могила была разграблена, такъ какъ саркофагъ, въ которомъ онъ былъ погребенъ, разрушенъ, а тотъ прекрасный, изящной работы гробъ изъ рѣзнаго дерева сикоморы, въ которомъ лежитъ теперь его мумія, сдѣланъ, вѣроятно, въ первые годы царствованія Херъ-Кора и, по своему стилю, очевидно принадлежитъ именно къ этому періоду. Гробница Рамзеса I-го пуста и очень испорчена, гробница Тотмеса III-го—тоже, а мумія переломлена на три части. Любопытно, между прочимъ, читать въ одномъ изъ донесеній инспекторовъ, въ царствованіе Рамеса IX, о томъ, что при произведенномъ имъ обходѣ муміи царей Резекенена, Аменъ-Готепа I-го, найдены въ цѣлости—любопытно, говоримъ мы, читать это и видѣть, что муміи эти находятся въ такой же цѣлости и въ томъ же положеніи и теперь, тутъ, предъ нашими глазами. Изъ того что сказано становится понятнымъ, почему преемники Херъ-Кора избрали столь глухую и скрытую мѣстность для Некрополя своихъ предшественниковъ. Профессоръ Масперо предполагаетъ, что перенесеніе мумій туда совершилось не ранѣе конца періода XXI династіи, и именно при фараонѣ Менхеперрѣ, одномъ изъ послѣднихъ царей Херъ-Кора. Благоговѣйно помѣстивъ своихъ предковъ въ ихъ убѣжище и закрывъ его навсегда, велѣлъ онъ похоронить себя въ другой мѣстности. На приложенныхъ здѣсь рисункахъ изображены нѣкоторые изъ предметовъ, а также одна изъ наиболѣе интересныхъ мумій, найденныхъ Масперо и Бругшемъ.

На 1 рисункѣ мы видимъ открытую мумію жреца Небсени (въ періодъ XXI династіи). Небсени, принадлежавшій къ благородной ѳиванской фамиліи, сынъ ѳиванца Ѳири и его жены, Тэмозу, былъ въ свою очередь отцомъ царицы Гаторъ-Гонтъ-Тауи, мужемъ, какъ предполагаютъ, царицы Тентамены и дѣдомъ царя Пинотема II-го. Его саркофагъ принадлежитъ, по своему стилю, къ періоду XVIII династіи, такъ что, вѣроятно, и онъ переложенъ изъ своего — въ другой саркофагъ. Лицо муміи открыто и носитъ на себѣ выраженіе глубокаго покоя; голова покрыта короткими вьющимися волосами; губы слегка раскрыты, отчего видны верхніе зубы; положеніе вѣкъ указываетъ на отсутствіе глазныхъ яблокъ; ноздри широко раздвинуты — это произошло вслѣдствіе способа египтянъ, при бальзамированіи, вынимать мозгъ, при посредствѣ особаго инструмента, пропускавшагося чрезъ носъ. Но тѣмъ не менѣе, общій видъ муміи не имѣетъ ничего непріятнаго. Небсени очевидно умеръ еще молодымъ.

На 2-мъ рисункѣ изображена мумія газели; животное набальзамировано точно также, какъ египтяне бальзамируютъ тѣла людей, и помѣщено въ великолѣпно сдѣланную модель въ формѣ газели, выштукатуренную и разрисованную; одна часть модели разбита и сквозь отверстіе видны связанныя заднія ноги.



Фиг. 1. Мумія жреца Небесени.

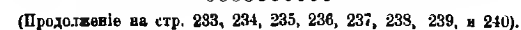
Рисунокъ № 3-й изображаетъ ящикъ съ жертвами, сдѣланный изъ листовъ папируса и бальзамированную ногу барана.

На 4-мъ рисункѣ изображены употреблявшіяся для возліяній вазы царицы Изи-Эмъ-Хебъ и ящикъ царицъ Макара и МотъЭмъ-Хатъ (XXI династіи). Эти четыре граціозной формы весьма распространенной въ ту эпоху, вазы, сдѣланы изъ бронзы и найдены въ той самой деревянной подставкѣ, которая видна на рисункѣ; онѣ принадлежали царицѣ Изи-Эмъ-Хебъ, женѣ царя Менхеперры, дочери старшаго брата царя, принца и великаго жреца Мазагирти. Въ Египтѣ обычай допускалъ бракъ между дядями и племянницами и даже между сестрами и братьями; для погребальныхъ возліяній обыкновенно употреблялось вино, молоко, пиво и вода и, легко можетъ быть, что эти четыре вазы предназначались для этихъ четырехъ видовъ напитковъ. Помѣщенный тутъ небольшой ящикъ заключаетъ въ себѣ значительное количество маленькихъ погребальныхъ статуэтокъ, называвшихся „шабти“, т. е. „дающіе отвѣтъ“ и выдѣлывавшихся въ формѣ мумій изъ глазированнаго фарфора; у нихъ руки скрещены на груди и держатъ земледѣльческія принадлежности, такъ какъ согласно CX главѣ египетской „книги мертвыхъ“, умершій обязанъ пахать, сѣять и жать въ горнихъ селеніяхъ; текстъ этой главы, обыкновенно написанъ на спинахъ шабти, которыя „отвѣчаютъ“ отъ имени муміи, какъ бы изображаютъ личность ея, работаютъ за нее.

Кромѣ глазированнаго и иногда очень тонкаго фаянса, статуэтки выдѣлывались изъ болѣе грубаго вещества, изъ твердаго камня, но непремѣнно полагались въ гробницу и самаго богатаго, и самаго бѣднаго египтянина. Ящикъ, о которомъ мы говоримъ здѣсь, раздѣленъ перегородкой и каждой изъ половинъ соотвѣтствуетъ особая іероглифическая надпись; въ одной сказано о „божественной супругѣ Амена, Макарѣ“, а въ другой — „о божественной супругѣ Амена, Мотъ-Эмъ-Хатъ“; однако, Мотъ-Эмъ-Хатъ была не супруга чья-либо, а дитя, дочь царицы Макары, умершей въ родахъ; мумія дитяти найдена въ саркофагѣ этой царицы.

Фиг. 2. Мумія газели.

5-й рисунокъ — „погребальный папирусъ царицы Макары“ (XXI династіи). Однимъ изъ важнѣйшихъ письменъ въ глазахъ древняго египтянина была, несомнѣнно, „книга мертвыхъ“, заключавшая въ себѣ 165 главъ—молитвъ и воззваній, которыя умершій обязанъ былъ произносить во время прохожденія чрезъ всѣ соблазны и опасности для его души въ теченіи 3-хъ-тысячелѣтняго періода, по прошествіи котораго мумія, по понятіямъ египтянъ, воскресала вновь для тѣлесной жизни. Копія рукописи или нѣсколько главъ ея всегда влагались въ саркофагъ.



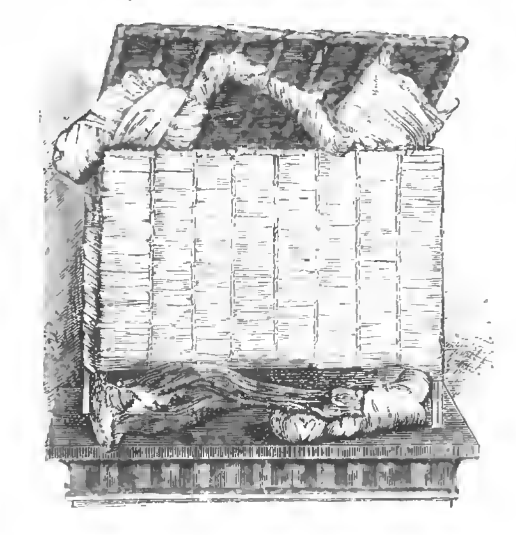
(Продолженіе на стр. 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, и 240).

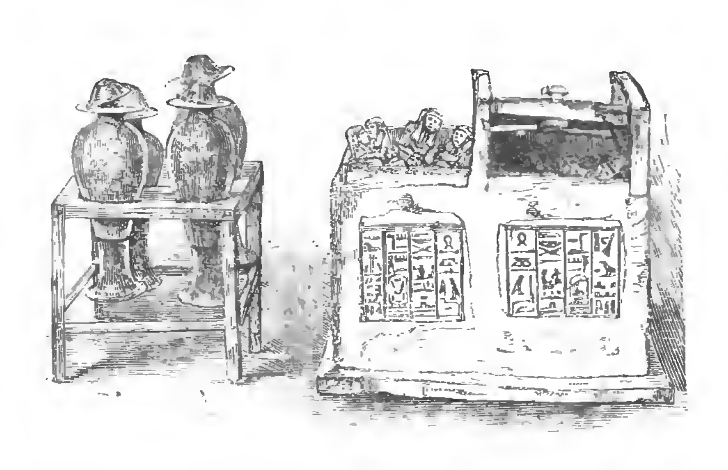
Къ рисункамъ,

Транспортъ ссыльно-каторжныхъ на переправѣ.

(Рис. на стр. 220 и 221).

Сибирь—этотъ край неистощимыхъ, естественныхъ богатствъ, дальнѣйшее развитіе котораго требуетъ все болѣе и болѣе трудолюбивыхъ и энергическихъ работниковъ, до сихъ поръ еще не можетъ освободиться отъ своего роковаго назначенія—быть мѣстомъ ссылки преступниковъ. Въ воззрѣніи народа Сибирь стала синонимомъ какого-то дантова ада; какой-то отдаленной безотрадной страной, въ которой нѣтъ конца страданію и стону грѣшниковъ; для людей-же развитыхъ и знакомыхъ съ положеніемъ края давно стало яснымъ какое вредное, тормозящее вліяніе оказываетъ на его развитіе эта ссыльная колонизація, состоящая изъ массы людей порочныхъ и глубоко испорченныхъ. Это мнѣніе теперь раздѣляетъ и правительство и нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ, съ устройствомъ центральныхъ тюремъ, Сибирь мало по малу будетъ освобождаться отъ преступнаго и вреднаго элемента, отравляющаго съ сихъ поръ ея трудолюбивое и честное населеніе. Мѣстомъ ссылки Сибирь сдѣлалась еще издавна а именно въ XVII столѣтіи. Такъ сохранился указъ царя Алексѣя Михайловича, по которому „денежнаго дѣла воры и мастера“ вмѣсто казни, по особой милости Государя, ссылались съ женами и дѣтьми на вѣчное житье въ Сибирь, гдѣ и были устраиваемы на пашню, причемъ ссыльные пользовались полной свободой дѣйствій, такъ какъ правительство, поселивъ ихъ, уже не заботилось объ дальнѣйшей ихъ участи. При Петрѣ колонизаторскія стремленія уже отступили на второй планъ и преступники, въ виду грандіозныхъ предпріятій и сооруженій великаго преобразователя, шли уже не въ ссылку а на работы какъ даровая, рабочая сила,





Новыя раскопки въ Египтѣ.

Фиг. 3. Ящикъ съ жертвами. Бальзамированная нога баранья.

Фиг. 4. Утварь царицъ XXI династіи.

Новыя раскопки въ Египтѣ. фиг. 5. Погребальный папирусъ царицы Мокары XXI династіи.

съ помощью которой образованъ галерный флотъ, строились капитальныя сооруженія, воздвигались крѣпостныя твердыни, добывалась соль и разрабатывались руды. Такимъ образомъ въ Сибирь шло мало народу, но за то въ слѣдующія царствованія снова начали сюда прибывать массы этихъ отверженниковъ общества, такъ что въ началѣ настоящаго столѣтія Сибирь уже была полна голодными, бездомными бродягами, которые не хотѣли или не могли сдѣлаться хорошими и полезными осѣдлыми жителями края. По свидѣтельству очевидцевъ, нищета нѣкоторыхъ сибирскихъ поселенцевъ была ужасная и нерѣдко человѣкъ встрѣтившійся на дорогѣ, не взирая на лютость сибирскихъ морозовъ, почти нагой, высохшій отъ голода, закоптѣлый, унылый, съ выраженіемъ отчаянія въ лицѣ былъ никто иной какъ „посыльщикъ“. Съ пріѣздомъ въ Сибирь Сперанскаго положеніе ссыльныхъ значительно улучшилось, такъ какъ вся его дѣятельность была направлена къ тому, чтобы каждаго изъ нихъ какъ-нибудь пристроить и дать каждому какое-нибудь занятіе по его силамъ и способностямъ. Кромѣ того съ изданіемъ „Устава о ссыльныхъ“ кончился опять беззаботный произволъ, которымъ славилась сибирская администрація стараго времени.

До сихъ поръ ссыльные всѣхъ категорій распредѣляются по селеніямъ старожиловъ, причемъ имъ предоставляется изыскивать пропитаніе какъ знаютъ и потому неудивительно что значительная часть такихъ поселенцевъ недолго удерживается на назначенномъ мѣстѣ; она разбѣгается, числится въ отлучкѣ или пропадаетъ безъ вѣсти. Особенно много ихъ исчезаетъ весною и лѣтомъ, когда становится легче ускользнуть отъ слабаго и безсильнаго волостнаго надзора и скрываясь въ лѣсахъ, мало по малу пробирается на родину. Въ это время, въ рѣдкой деревнѣ, лежащей на пути слѣдованія бѣглыхъ, не слышно о частыхъ кражахъ а на дорогѣ то и дѣло поднимаютъ какое-нибудь мертвое тѣло. Голодный, отчаянный бродяга не задумывается ни передъ грабежемъ, ни передъ убійствомъ; за то и народъ не церемонится при его поимкѣ и самъ же судитъ и казнитъ, не отдавая никакого отчета начальству. Особенно безпощадными врагами бѣглыхъ являются буряты, для которыхъ подстрѣлить *горбача* (т. е. бѣглаго) дѣло очень обыкновенное. Но русское населеніе рѣдко прибѣгаетъ къ такимъ жестокимъ, безпощаднымъ мѣрамъ; оно отчасти и жалѣетъ, отчасти и боится бродяги и потому во многихъ сибирскихъ деревняхъ существуютъ даже особыя пустыя избы, въ которыхъ бѣглые часто проводятъ ночи и находятъ пищу и даже теплую одежду и обувь, необходимыя для дальнѣйшаго странствованія. Такимъ образомъ часто само населеніе потворствуетъ бѣглецамъ, отъ которыхъ они рады скорѣе избавиться и проводить ихъ подальше; впрочемъ каждой весной сибирскому старожилу приходится встрѣчать новыя партіи, такъ какъ ссыльные тысячами ежегодно прибываютъ въ Сибирь и снова распредѣляются по мѣстнымъ селеніямъ. Путешествіе ихъ на мѣсто ссылки вообще совершается въ извѣстномъ порядкѣ, такъ какъ они доходятъ до Тюмени, то существующій въ этомъ городѣ Приказъ о ссыльныхъ вноситъ ихъ въ свои списки и распредѣляетъ по категоріямъ. Затѣмъ Приказъ указываетъ для каждаго ссыльнаго губернію или область, назначенную для его постояннаго пребыванія, причемъ административные ссыльные назначаются въ Западную Сибирь а приговоренные судомъ—въ Восточную. Доставляются-же партіи ссыльныхъ на мѣста назначенія этапами, подъ прикрытіями конвоя, причемъ входя въ каждую лежащую на пути деревню вся эта жалкая толпа заводитъ обычную, такъ называемую „милосердную“ пѣсню, вымаливая подаянія; водою же везутъ арестантовъ на особаго устройства большихъ баржахъ въ которыхъ ихъ и сплавляютъ по сибирскимъ рѣкамъ партіями человѣкъ въ 500 и болѣе. Одна изъ такихъ переправъ партіи ссыльныхъ черезъ Енисей и представлена на прилагаемомъ нами рисункѣ. Грандіозный видъ, разстилающейся громадной, пустынной рѣки и толпы этихъ отверженцевъ производитъ печальное и сильное впечатлѣніе.

Пожарная команда въ Петербургѣ.

(Рис. на стр. 225).

Уже давно Петербургъ не запомнитъ громадныхъ, губительныхъ пожаровъ. Не говоря уже о повтореніи ужасныхъ катастрофъ 1855 года, когда выгорѣлъ весь Измайловскій полкъ, и 1862 года, когда огонь уничтожилъ знаменитую „Толкучку“, даже сгоранія отдѣльныхъ каменныхъ зданій, теперь въ Петербургѣ величайшая рѣдкость. Развѣ искуственно-преднамѣренный поджогъ (какъ напр. Овсянниковской паровой мукомольни) и мѣры заранѣе предпринятыя съ цѣлью парализовать дѣйствія пожарныхъ командъ могутъ привести къ гибельнымъ результатамъ. Въ то время какъ въ провинціи, не исключая даже такихъ городовъ какъ Москва, Кіевъ и Одесса, пожарное дѣло находится въ очень плачевномъ состояніи—Петербургъ довелъ его до самаго блестящаго положенія, и справедливо можетъ хвалиться своей командой, какъ одной изъ лучшихъ въ мірѣ.

Но это процвѣтаніе началось очень недавно, всего съ 1866 г., когда вступилъ на должность оберъ-полицiймейстера генералъ Треповъ. Онъ, тотчасъ же сталъ хлопотать объ отпускѣ изъ страховаго сбора единовременной суммы и объ увеличеніи ремонта, выставляя на видъ крайнюю несостоятельность устройства пожарной части. Тогда, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, было приказано отпустить 50000 рублей единовременно, а потомъ еще около 20000; ремонтныя суммы тоже были увеличены. На эти суммы было дано полное переустройство обоза и инструмента. Прежнія закладки съ дугой (до сихъ поръ практикуемыя въ Москвѣ), какъ нецѣлесообразныя, исчезли. Вмѣсто нихъ появились красивыя закладки четверней въ дышло, съ линейками на лежачихъ рессорахъ и поворотнымъ кругомъ, выписаны были лучшія французскія трубы, бочки сдѣланы изъ дуба, мѣди и желѣза, всѣ экипажи были снабжены зимнимъ и лѣтнимъ ходами, и выкрашены: сани въ сѣрую краску,—а нижній ходъ въ ярко красную. Помимо этого были пріобрѣтены паровыя машины, могущія выбрасывать на высоту 15 саженъ до 40 ведръ въ минуту, сгущеніе паровъ въ которыхъ образовывалось въ теченіи 2½ минутъ. Для рѣчныхъ пожаровъ, пріобрѣтены: паровая баржа и пожарные пароходы, уже не разъ избавлявшіе во время пожара судовъ, цѣлые караваны отъ неминуемой гибели.—Для пожарныхъ пріобрѣтены дыхательные снаряды, дающіе возможность дышать въ самомъ густомъ дымѣ.

Въ настоящее время Петербургъ раздѣленъ на четырнадцать частей: Адмиралтейскую, Казанскую, Спасскую, Коломенскую, Нарвскую, Московскую, Александро-Невскую, Рождественскую, Литейную, Васильевскую, Петербургскую, Выборгскую, Охтенскую и Шлиссельбургскую. Каждая изъ нихъ имѣетъ обширное зданіе пожарнаго депо съ каланчею, на которой выкидываются пожарные знаки: днемъ—чорные шары, ночью—бѣлые фонари. На пожаръ съѣзжаются четыре ближайшихъ части. Въ случаѣ требованія остальныхъ частей—выкидывается на башнѣ днемъ—красный флагъ, ночью—красный фонарь. Въ случаѣ требованія резервовъ:—днемъ—бѣлый флагъ, ночью—зеленый фонарь. Впрочемъ части сносятся другъ съ другомъ болѣе телеграфомъ, чѣмъ сигналами. По звонку, команда моментально появляется на улицѣ, и черезъ три—четыре минуты послѣ тревоги весь обозъ уже запряженъ—и солдаты на мѣстахъ. Красота, сила и выѣздка нашихъ пожарныхъ лошадей поистинѣ изумительна. Порядокъ слѣдованія команды слѣдующій:

1) Ѣздовой,—(ночью со смоляным факеломъ).
2) Линейка на 20 человѣкъ, запряженная четверкой.
3) Труба,—при ней резиновый забирный рукавъ въ 6 аршинъ, и шесть поливныхъ рукавовъ отъ 5 до 10 саженъ каждый, и насосъ съ клапаномъ.
4) Три пожарныя бочки по 50 ведръ.
5) Багровый ходъ съ трехколѣнной лѣстницей.

Резервъ состоитъ изъ: трубы, насоса и бочки.

Части, гдѣ только позволяетъ возможность, ѣздятъ съ головоломной быстротой. Скорость пріѣзда на пожаръ обусловлена, если не ошибаемся, штрафами. Петербургскія Страховыя общества принимаютъ большое участіе въ наградахъ, раздаваемыхъ пожарнымъ, и нерѣдко назначаютъ на раздачу весьма значительныя суммы,—чего они вполнѣ заслуживаютъ, работая съ необычайнымъ мужествомъ, въ дыму и огнѣ, нерѣдко проваливаясь вмѣстѣ съ горящими потолками, защищенные на смерть, полуобгорѣлые, съ раздробленными руками и ногами. На рисункѣ нашемъ видна четырехконная линейка, несущаяся по улицѣ на своихъ сильныхъ коняхъ съ молодцами пожарными, на которыхъ всегда любуется народъ.

Юный Петръ у корабельнаго мастера.

(Рис. на стр. 228).

При оцѣнкѣ заслугъ Петра Великаго часто высказывается то мнѣніе, что многія изъ его преобразованій были уже подготовлены предшествовавшими событіями и что даже безъ его геніальнаго содѣйствія и безпощадной ломки всего устарѣлаго и отживщаго, Россія мало по малу, мирно, безъ борьбы пришла бы сама къ разрѣшенію его высокихъ задачъ и цѣлей. Но такое мнѣніе едва-ли основательно. Петръ, по своей геніальности стоялъ совершенно особнякомъ среди русскихъ людей своего времени. Развитіе его шло быстро и кромѣ того этотъ здоровый умъ проявлялся въ здоровомъ и крѣпкомъ тѣлѣ. „Бѣ возрастенъ, и красенъ и крѣпокъ тѣломъ“ говоритъ о Петрѣ Крекшинъ. По чѣмъ-же старались развить эти необыкновенныя способности?.. Да ничѣмъ особеннымъ, такъ какъ воспитаніе того времени всегда шло по извѣстному масштабу. Зотовъ училъ грамотѣ; другихъ-же болѣе высокихъ знаній дать онъ былъ не въ состояніи: наглядное-же знакомство съ разными животными и вообще произведеніями природы любознательный ребенокъ могъ извлекать изъ такъ-называемыхъ фряжскихъ листовъ—этой живописной энциклопедіи XVII вѣка. Но опасаясь вліянія ученія приближенные бояре не жалѣли издержекъ, создавая для Петра цѣлый арсеналъ игрушекъ и кромѣ того стараясь потѣшать его самыми разнообразными способами. То они заказывали для него клавикорды, то цимбалы, то возили въ маленькой каретѣ запряженной красивыми лошадками а съ четырехъ лѣтъ начали знакомить его съ *воинскими потѣшками*, для которыхъ набранъ былъ изъ его сверстниковъ особый отрядъ, носившій громкое названіе Петрова полка. Эти военныя потѣшки были дѣло не новое: ими забавлялись и другіе царевичи, но Петръ и здѣсь

проявилъ оригинальность и силу своего ума, устраивая экзерциціи на свой собственный ладъ, совершенно несходный съ воинскимъ артикуломъ того времени. Вообще Петръ еще ребенкомъ уже былъ поразительно уменъ и находчивъ и даже самъ Зотовъ при всей своей простотѣ не могъ не признать необычайныхъ способностей своего царственнаго ученика и по его словамъ „Егда сѣмя благихъ ученій вкоренилося въ сердцѣ юнаго отрока, то разжегся любовію, еже бы вся, предлагаемое въ ученіи, дѣйствіемъ исполнить; созидать грады, и тяжде брать, полки водить и дѣйствіе боевъ и морское плаваніе видѣть и красныя зданія созидать“. Такимъ образомъ въ Петрѣ съ ранняго возраста уже пробудилась жажда практической дѣятельности, безотлагательнаго приложенія знанія къ дѣлу. Этому стремленію отчасти удовлетворяли воинскія экзерциціи, но вскорѣ въ юномъ царѣ пробудилась другая страсть, другое увлеченіе. Забава эта, увлекшая юнаго Петра была — мореплаваніе, которая потомъ приняла болѣе широкіе размѣры, способствовала возникновенію русскаго флота.

Случайное обстоятельство пробудило въ Петрѣ эту новую охоту къ плаванію на судахъ и ихъ строенію. Въ маѣ мѣсяцѣ 1688 г. случилось ему разъ быть въ селѣ Измайловѣ гдѣ бродя около хоромовъ дѣда своего Никиты Ивановича Романова онъ зашелъ на льняной дворъ и случайно среди разнаго хлама увидѣлъ заброшенное здѣсь небольшое судно, какъ было замѣтно иностранной работы. Удивленный юноша конечно не могъ не обратить своего вниманія на такой новый для него и интересный предметъ. Что это за судно? спросилъ онъ у сопровождавшаго его Франца Тиммермана, преподававшаго ему фортификацію и геометрію. Это англійскій ботъ, отвѣчалъ Тиммерманъ и тутъ же прибавилъ, что онъ употребляется при корабляхъ для ѣзды и возки и кромѣ того имѣетъ то преимущество, передъ русскими судами, что можетъ ходить на парусахъ не только по вѣтру но и противъ вѣтра. Любознательный Петръ узнавъ такія неслыханныя вѣсти не могъ удержать своего восторга: тотчасъ же упросилъ Тиммермана сыскать мастера который бы могъ исправить ботъ и спустить его на воду. Тиммерманъ указалъ ему на Голландца Карштена Брандта, который и сдѣлался первымъ корабельнымъ мастеромъ Петра. Брандтъ починилъ ботъ, придѣлалъ къ нему мачту, поставилъ паруса и привелъ въ восхищеніе юнаго царя своими ловкими лавированіями по Яузѣ.

Съ этой поры Петръ всецѣло пристрастился къ морскому дѣлу; Яуза уже казалась тѣсна ему для плаванія; ботъ былъ перевезенъ на Переяславское а потомъ на Кубенское озеро. Въ то же время Брандтъ получилъ новый заказъ отъ царя: сдѣлать два малые фрегата и три яхты. Съ лихорадочнымъ нетерпѣньемъ слѣдилъ царь за своей работой, даже женитьба не могла удержать его въ столицѣ; могучая страсть такъ и влекла на Переяславское озеро и вотъ едва миновалъ медовый мѣсяцъ какъ Петръ уже поскакалъ на берега Трубежа, чтобы принять личное участіе въ работахъ по кораблестроенію, помогая Брандту и другому мастеру Корту. Работа шла быстро и удачно: корабли вышли по словамъ Петра „зѣло хороши“. Это были первые образцы, первые задатки будущаго русскаго флота. На картинѣ талантливаго Мясоѣдова представлено одно изъ посѣщеній юнымъ царемъ корабельнаго мастера Карштена Брандта. Картина эта на выставкѣ позапрошлаго года въ Академіи Художествъ обратила на себя вниманіе публики и критики.

Г. Германъ — профессоръ магіи.

Кривошане и ихъ борьба съ австрійцами.

(Рис. на стр. 229).

Броженіе, вызванное крутыми мѣрами австрійской администраціи среди славянскаго населенія южной Далмаціи, принимаетъ все болѣе и болѣе крупные размѣры. Кривошане всегда представляли въ такихъ случаяхъ главную боевую силу но не думайте, чтобы эти силы были внушительны по своей численности: напротивъ, послѣднія очень невелики, такъ какъ во всемъ Кривошіи насчитывается не болѣе десяти селъ, но зато эти селы разбросаны по скаламъ надъ обрывами и среди ущелій куда ведутъ лишь узкія, извилистыя тропинки. Немудрено, что замкнутый въ этихъ непросторныхъ горахъ кривошанинъ сохранилъ въ себѣ отвагу, но пока строй Сербіи и не заразился этою изнѣженностью буржуазностью, характеръ какимъ отличаются жители прибрежныхъ равнинъ Далмаціи — Боккезцы. Напротивъ того, кривошанинъ отличается особенною суровостью и замѣчательнымъ постоянствомъ какъ въ своей одеждѣ, такъ и нравахъ и обычаяхъ. Эти воинственные геройскіе типы, какъ кажется, не подчиняются вліянію времени: вооруженіе ихъ остается старое, прадѣдовское; костюмъ же вполнѣ черногорскій, состоящій изъ низкой шапочки и бѣлаго короткаго кафтана, какъ изображено на нашемъ рисункѣ. Образъ жизни кривошанъ самый патріахальный и никакая сила не заставитъ упрямаго горца измѣнить какъ своимъ старымъ обычаямъ, такъ и тому убѣжденію, что австріецъ врагъ его исконный и непримиримый. Кромѣ того, близость черногорцевъ и другихъ воинственныхъ славянскихъ племенъ всегда питаютъ въ кривошанахъ увѣренность, что родственные юнаки не оставятъ ихъ безъ быстрой помощи. Вотъ почему всякое давленіе со стороны австрійцевъ постоянно встрѣчаетъ здѣсь отчаянный отпоръ и единодушное сопротивленіе. Такъ уже не разъ австрійцы боролись съ кривошанами, желая фактически подчинить ихъ своей власти введеніемъ правильной воинской повинности и сбора возвышенныхъ податей и налоговъ. Но всѣ эти поползновенія австрійской администраціи разбились объ неприступныя скалы.

Кривошане-горцы заупрямились, а вся военная сила австрійцевъ не могла ихъ принудить къ покорности; напрасно солдаты искали доступа въ ихъ сокровенныя убѣжища; горцы дали имъ подойти поближе, сбрасывали на нихъ цѣлыя скалы или разстрѣливали ихъ по одиночкѣ въ узкихъ горныхъ проходахъ и ущельяхъ. Такимъ образомъ, регулярная армія, можно сказать, ежеминутно таяла, а инсургенты терпѣли самую незначительную потерю. Послѣднія извѣстія доказываютъ до очевидности, какъ преждевременны всѣ ожиданія быстраго и легкаго усмиренія возстанія и что въ то время, какъ австрійская армія едва успѣла занять кой-какіе незначительные пункты возмутившейся области, силы инсургентовъ все болѣе и болѣе увеличиваются присоединеніемъ къ нимъ другихъ сосѣднихъ горныхъ племенъ и съ утесовъ Черногоріи, то и дѣло спускаются толпы юнаковъ, чтобъ спѣшить на помощь своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ.

Г. Германъ — профессоръ магіи.

(Портр. на стр. 235).

Въ настоящее время въ Петербургѣ гостятъ два очень ловкіе престидижитатора: Казневъ и Германъ. Первый продѣлываетъ всевозможные квази-спиритическіе фокусы, второй — все-

возможную магію. Германъ даетъ свои представленія на императорскомъ Маломъ Театрѣ и собираетъ ежедневно массу публики. Онъ старый знакомецъ Петербурга и встрѣченъ имъ также радушно, какъ и лѣтъ тридцать назадъ, когда онъ впервые посѣтилъ сѣверную Пальмиру. Казневъ ограничивается частными сеансами, и потому за послѣднее время о Германѣ говору несравненно больше.

Дѣйствительно многіе его фокусы очень ловки. Одѣтый въ обыкновенный фракъ, худощавый старикъ, онъ вытаскиваетъ изъ-за пазухи четыре акваріума съ плескающимися въ нихъ рыбами, достаетъ оттуда четыре живыхъ утки, набираетъ изъ воздуха, волосъ, ушей, носовъ, шляпъ и муфтъ зрителей безконечное количество серебряныхъ денегъ, заставляетъ безслѣдно исчезать въ воздухѣ клѣтки съ живыми птицами и пр. и пр. И все это дѣлается съ необычайной серьезностью и въ то же время съ самымъ милымъ комизмомъ...

Германъ родился въ небогатомъ семействѣ вѣнскаго фокусника въ 1818 году. Составивъ себѣ своими безчисленными путешествіями большой капиталъ, онъ удалился на покой, но крахъ одного банка лишилъ его всего состоянія. Тогда онъ, на старости лѣтъ, снова взялся за фокусы,—и теперь опять его положеніе блестящее. Онъ славится своими благотворительными дѣлами: массу добра сдѣлалъ онъ во время войны 1870 года, онъ пожертковалъ въ бытность свою въ Португаліи 200,000 франковъ въ пользу бѣдныхъ, въ Испаніи 90,000—въ пользу раненыхъ; въ Америкѣ—около полумилліона!..

Изъ этого видно, какимъ громаднымъ доходомъ онъ владѣетъ...

Онъ женатъ на француженкѣ, талантливой піанисткѣ. Онъ объѣхалъ всю Европу и обѣ Америки, говоритъ на четырнадцати языкахъ,—французскимъ владѣетъ въ совершенствѣ и обыкновенно на немъ объясняется съ зрителями. Живой и веселый, онъ въ первые же дни своего пріѣзда, завтракая у Дюссо съ представителями печати, показывалъ самыя удивительныя вещи, замѣняя бокалы шампанскаго сапогами, заставляя пропадать яичницу и т. д. Вотъ напримѣръ характерный анекдотъ о немъ.

Однажды вечеромъ Германъ гулялъ съ пріятелемъ по брюссельскимъ улицамъ. Къ нему подходитъ нищій.

— Такой здоровый малый, какъ ты, не имѣетъ права просить милостыню, замѣчаетъ ему Германъ.

— Но я безъ работы,—я прошу, потому что не ѣлъ ничего.

— Отчего же?..

— У меня нѣтъ ни гроша...

Германъ нахмурился.—Ты лжешь,—рѣзко сказалъ онъ.—У тебя вотъ въ этомъ карманѣ есть деньги... Вынимай...

— Право, сударь...

— Вынимай, тебѣ говорятъ...

Испуганный его тономъ, несчастный опускаетъ машинально руку въ карманъ,—и лицо его застываетъ отъ изумленія: карманъ полонъ деньгами.

— Тамъ три, или четыре франка...

— Видишь, еще болѣе сердито крикнулъ Германъ,—я зналъ, что ты меня надуваешь...

На Босфорѣ Германъ закинулъ въ воду съ турецкаго каика драгоцѣнные часы визиря, которые потомъ нашлись въ только что пойманной и взрѣзанной рыбѣ, при чемъ они конечно были сухи и не останавливались. Султанъ Абдулъ-Азисъ заплатилъ ему за этотъ фокусъ 25,000 франковъ. Показывая фокусы Императору Николаю I, онъ словно нечаянно разбилъ драгоцѣнный хрустальный бокалъ, и замѣтивъ недовольное лицо Государя, накрылъ осколки платкомъ и вытащилъ изъ подъ него бокалъ цѣлымъ.

Германъ положительно „царь фокусниковъ", искусство его, дѣйствительно профессіонально, и выдуманное имъ же самимъ званіе „профессора магіи" онъ носитъ съ честью. Не смотря на очень высокія цѣны, билеты на его представленія достать затруднительно и вѣроятно онъ увезетъ объ насъ недурное воспоминаніе.

Политическое обозрѣніе.

Наша новая граница съ Персіей. — Миланъ I, король Сербіи. — Усташи. — Слухи о конгрессѣ.—Покушенія: на королеву Викторію, на Гамбетту. — Египетъ. —Греція.— Урагвай.

Новая русско-персидская граница продолжаетъ, конечно, интересовать англичанъ; такъ, недавно, въ палатѣ общинъ сэръ Дилькъ, отвѣчая на сдѣланный ему запросъ, высказалъ: „что линія наступательнаго движенія Россіи въ Средней Азіи, а также и часть пограничной черты Россіи и Персіи, еще не вполнѣ установленная недавнимъ договоромъ, составляютъ, въ настоящее время, предметъ обмѣна мыслей между правительствами русскимъ и англійскимъ". Несмотря на это „ожиданное", хотя и непрошеное вмѣшательство, будемъ надѣяться, что съумѣемъ уберечь наши интересы отъ гнета англійскихъ интересовъ.

Въ Бѣлградѣ, день 22-го февраля отмѣченъ знаменательнымъ событіемъ: князь Миланъ провозглашенъ скупщиной королемъ Сербіи: вся скупщина въ полномъ составѣ прибыла во дворецъ, чтобы передать князю Милану волю народа. Князь отвѣчалъ, что соглашается выполнить эту волю; затѣмъ послѣдовало торжественное объявленіе объ этомъ народу, при пушечной пальбѣ. Понятно, что актъ этотъ совершился не по вдохновенію скупщины, а былъ подготовленъ, какъ впрочемъ, можно было видѣть еще и до сего; едва-ли ошибочно было-бы предположеніе о томъ, что согласіе державъ уже получено заранѣе. Австрійскія газеты сочувственно отзываются о провозглашеніи князя Милана королемъ. Невольно вспоминаешь генерала Черняева...

Князь Александръ Болгарскій приглашается къ участію въ дѣлахъ управленія княжествомъ членовъ партій консервативной и либеральной, изъ среды которыхъ и будутъ выбраны министры; радикальная фракція (и уже въ Болгаріи она успѣла сформироваться!..), конечно, оставлена въ сторонѣ. Въ Софіи заложенъ храмъ въ память Царя-Мученика, освободителя Болгаріи, которая, несомнѣнно, обязана всегда чтить это Великое Имя.

Отношенія между Румеліей и Портой, или точнѣе — между княземъ Богоридесомъ и турецкими министрами весьма натянуты. генералъ-губернаторъ вассальной Румеліи, съ каждымъ днемъ, становится самостоятельнѣе и едва-ли не открыто ведетъ въ этомъ направленіи борьбу съ Портой, которой не даетъ вмѣшиваться въ дѣла провинціи. Въ Турціи далмато-герцеговинское возстаніе, какъ видно, порождаетъ нѣкоторыя нѣжныя надежды на возможность чѣмъ-нибудь да воспользоваться въ удобную минуту: и, между прочимъ, Порта, будто-бы, уже предлагала свое содѣйствіе Австріи, выговаривая себѣ за это право занять своими войсками балканскіе дефилеи...

Возстаніе въ славянскихъ областяхъ усиливается. Это подтверждается уже не корреспондентами, а — австрійскими офиціальными данными, а именно приказомъ по арміи, изданнымъ главнокомандующимъ австрійскими войсками въ Герцеговинѣ, генераломъ Іовановичемъ; въ приказѣ своемъ генералъ, сказалъ, что сѣверъ, востокъ и средняя часть Герцеговины, а также и вся Кривошія находится въ возстаніи, объясняетъ, что размѣры, принятые движеніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, малочисленность его отряда заставляютъ его пріостановить наступленіе до весны, т. е. до укрѣпленій; поэтому онъ предписываетъ отдѣльнымъ частямъ ограничиться энергичною обороною занятыхъ пунктовъ, причемъ положительно запрещаетъ мелкимъ отрядамъ вступать въ бой съ усташами, такъ какъ отрядамъ этимъ трудно справиться съ врагомъ ловкимъ, хитрымъ и хорошо знакомымъ съ страною.

Усташи-же пользуются удобствомъ своего положенія и постоянно отбиваютъ у австрійцевъ провіантъ. Недавно (какъ сообщаютъ одной изъ нашихъ газетъ) отряды Іоанна Мрава и Петра Тунгуза напали на провіантскую колонну, отняли ее и захватили весь провіантъ, навьюченный на 113 лошадяхъ, а также и 8 плѣнныхъ (5 чеховъ, 2 славонца и 1 австріецъ), которые тотчасъ-же выразили желаніе вступить въ отрядъ Мрава; въ другомъ мѣстѣ отряды Тандрича и Топовича (вожди-мусульмане), въ числѣ 300 чел., отбили провіантъ на 42 лошадяхъ. Австрійцы, конечно, умалчиваютъ объ этихъ „мелочахъ", тщательно схватывая всюду, гдѣ можно иностранныхъ корреспондентовъ, высылаютъ заграницу (Эвансъ, недавно былъ высланъ и взятъ нѣкто Гавриловичъ, назвавшійся русскимъ и корреспондентомъ газеты „Голосъ", но, по австрійскому изслѣдованію, оказавшійся не русскимъ и не корреспондентомъ, а однимъ изъ дѣятелей движенія — его почти немедленно-же разстрѣляли) вообще австрійцы не стѣснялись въ отношеніи мѣръ: помощникъ Іовановича, Чикошъ казнилъ, разстрѣливалъ, вѣшалъ неустанно и довелъ населеніе до такого раздраженія, что главнокомандующій замѣнилъ его другимъ. Понемногу, какъ мы сообщали, славянская семья начинаетъ присылать подмогу усташамъ, въ средѣ которыхъ находится теперь уже и до 100 гарибальдійцевъ. Мусульмане принимаютъ дѣятельное участіе въ движеніи, и беги оказываютъ значительную матеріальную помощь усташамъ, иные изъ нихъ отдаютъ все, чѣмъ владѣютъ. Не хотятъ они австрійскаго владычества. Много-ли Австрія выиграетъ, опять повторимъ мы — если она побѣдитъ славянъ?

Изъ Лондона сообщаютъ, что кабинетъ Гладстона намѣренъ предложить европейскій конгрессъ для обсужденія вопроса объ окончательномъ устройствѣ Босніи и Герцеговины; одна изъ статей (25) Берлинскаго трактата поручаетъ Австріи окупацію и временное управленіе, но не говоритъ о присоединеніи обѣихъ провинцій къ Австріи: вслѣдствіе этого высшій надзоръ за временнымъ управленіемъ принадлежитъ всѣмъ великимъ державамъ сообща. Германія и Австрія еще недавно отстаивали такъ же общее и совмѣстное право надзора за великими державами въ Египтѣ. Лишь бы это намѣреніе Гладстона было искренне и твердо, лишь бы оно нашло соотвѣтственную поддержку!

Съ негодованіемъ въ прошломъ обозрѣніи занесли мы въ нашу хронику извѣстіе о новомъ покушеніи на царственную особу: 18-го февраля, когда королева Викторія, прибывъ изъ Лондона въ Виндзоръ (въ 35 верст. отъ Лондона) садилась въ карету, нѣкто Мэклинъ выстрѣлилъ въ ея величество изъ револьвера,

къ счастью никого не ранивъ. Негодяй былъ схваченъ немедленно же толпой, едва не раздѣлавшейся съ нимъ тутъ же, такъ что полиціи съ трудомъ удалось вырвать его изъ рукъ народа. Мэклинъ—какъ до сихъ поръ извѣстно, принадлежитъ къ бѣдному классу, нѣчто въ родѣ приказчика, безъ занятій, человѣкъ лѣтъ тридцати съ небольшимъ. Вслѣдъ за арестованіемъ онъ былъ освидѣтельствованъ докторомъ, заявившимъ, что злодѣй находится въ полномъ разсудкѣ, что, впрочемъ, призналъ и онъ самъ. Повидимому, онъ стрѣлялъ съ прямымъ намѣреніемъ попасть въ ея величество, что оказывается изъ направленія, въ которомъ найдена пуля. Есть свѣдѣнія, будто онъ находился уже въ сумасшедшемъ домѣ; несомнѣнно, все скоро будетъ разъяснено. Королева отовсюду получаетъ привѣтственныя, поздравительныя депеши; одною изъ первыхъ получена отъ Его Императорскаго Величества нашего Государя.

Въ Парижѣ недавно приговоренъ къ 20 годамъ каторжныхъ работъ Эмиль Флоріонъ, явившійся въ Парижъ, въ октябрѣ прошлаго года, чтобы совершить покушеніе на Гамбетту, котораго онъ считаетъ „главою сытой буржуазіи“; не найдя бывшаго диктатора онъ рѣшилъ, вмѣсто него, „отомстить“ другому какому нибудь буржуа и выстрѣлилъ въ попавшагося ему доктора Мейнара.

Библіографія.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. Спб. 1882, 4 тома. Еще новое изданіе сочиненій нашего талантливаго романиста показываетъ какую популярность получили его произведенія въ средѣ читающей публики. Первые-же его романы „Бѣглые въ Новороссіи“ и „Бѣглые воротились“—произвели при появленіи своемъ наилучшее впечатлѣніе. Свѣжесть картинъ, живость дѣйствія, интересъ интриги, оригинальность типовъ—вотъ что сдѣлало сразу хорошее имя автору и до того уже впрочемъ пользовавшемуся извѣстностью. Главныя дѣйствующія лица этихъ романовъ именно „бѣглые“ люди, не уживавшіеся съ прежнимъ укладомъ жизни, съ городомъ и выѣхавшіе на просторъ благодатной южной степи, на жизнь и дѣло тамъ. И этотъ нетронутый, цѣлинный югъ, эта благодатная Новороссія, приняла ихъ гостепріимно. „Бѣглыми здѣсь земля стала“ говоритъ авторъ; бѣглые еще отъ крѣпостнаго права, отъ стѣснительныхъ условій города—все это населило широкія степи. Тема была очень благодарная. Что касается затѣмъ уже дальнѣйшей дѣятельности автора, его романовъ историческихъ, то наибольшее впечатлѣніе изъ нихъ въ концѣ 1879 года произвелъ его романъ „Мировичъ“, читавшійся на расхватъ. Мрачная таинственная исторія несчастнаго принца узника разсказана была блестяще и занимательно. Мастерски выдержанный языкъ того времени, интересъ самаго событія выдѣлили этотъ романъ очень замѣтно. „При Петрѣ па Индію“, „Потемкинъ на Дунаѣ“ и проч. особенно прелестные его „Разсказы прабабушки“ могли только прибавить извѣстности имени автора. Портретъ и біографія Г. П. были помѣщены въ „Нивѣ“ 1881 г. № 4. Въ новомъ, прекрасномъ изданіи помѣщены всѣ главнѣйшія произведенія автора „Мировича“.

Смѣсь.

Ядовитая долина. Въ одной изъ прекраснѣйшихъ въ Германіи мѣстностей, среди Альпъ, невдалекѣ Гаштейна съ его теплыми цѣлительными ключами, лежитъ одинокая долина, называемая ядовитой и которую окрестные жители ненавидятъ и избѣгаютъ. Это долина Роттгильдъ, гдѣ съ большимъ трудомъ и усиліями добывается опасный ядъ—мышьякъ. Въ горахъ, окружающихъ эту долину, мышьякъ находится въ изобиліи и несмотря на всю трудность, добываніе его очень выгодно, такъ какъ цѣна его въ торговлѣ очень высока, благодаря его полезнымъ свойствамъ. Какъ извѣстно въ маленькихъ пріемахъ мышьякъ не вреденъ; лошадямъ онъ придаетъ здоровый видъ и въ медицинѣ употребляется противъ перемежающихся лихорадокъ, удушья, падучей болѣзни, пляски Св. Вита, бѣшенства, рака и проч.; зеленому цвѣту онъ сообщаетъ особенный блескъ, котораго нельзя достигнуть другими средствами. на стеклянныхъ заводахъ употребляется для окраски стекла, предохраняетъ отъ порчи мѣха и другіе подобные препараты, употребляется на фабрикахъ дроби и наконецъ служитъ отравой для крысъ и мышей. Въ медицинѣ и живописи мышьякъ извѣстенъ былъ уже древнимъ народамъ, которые красно-желтый сѣрный мышьякъ называли разбойникомъ-металломъ, потому что онъ при своей летучести легко уноситъ полезные и благородные металлы. Въ названной ядовитой долинѣ, добываніемъ мышьяка ежегодно заняты 50 человѣкъ, которые въ годъ приблизительно добываютъ 100 центнеровъ его (1 центнеръ немного болѣе 3 пудовъ), стоимостью 14,000 марокъ.

Еще на далекомъ разстояніи отъ долины Роттгильдъ запахъ чесночный указываетъ на близость этой такъ называемой ядовитой долины, — это очень узкое ущелье. При выходѣ изъ долины дико шумящій ручей того-же имени соединяется съ Муромъ, текущимъ къ Штейермарку, омывающимъ Грацъ и въ Кроаціи недалеко отъ Эссега впадающимъ въ Драву. Въ верхней долинѣ появляются сѣрыя, каменныя строенія, это фабрики для рафинированія, отдѣлки и промывки руды, а также и жилища. Вблизи этихъ построекъ, листьевъ ольхъ, кустарники и трава все пострадало, все окрашено въ темнокрасный цвѣтъ и кажется увядшимъ.

Еще выше, на разстояніи получаса ходьбы находятся рудники. Отсюда по неудобнѣйшей дорогѣ мышьяковая руда доставляется внизъ и тутъ-же въ строеніяхъ для разбивки и промывки, толчется прежде въ муку и затѣмъ промывается. Потомъ въ большихъ печахъ обжигается и такимъ образомъ освобождается отъ сѣры, далѣе въ видѣ копоти собирается въ камерахъ уже ядовитой мукой и наконецъ въ большихъ рафинирныхъ котлахъ превращается въ снѣжно-бѣлую, стекловидную кору, толщиною въ дюймъ, которая очень похожа на фарфоръ. Въ этомъ видѣ или-же въ видѣ порошка мышьякъ поступаетъ въ продажу.

Добываніе этого ядовитаго продукта производится съ большими опасностями и неудобствами. Въ рудникахъ, гдѣ находятся богатыя залежи, работники съ трудомъ привыкаютъ къ запаху. Вначалѣ всѣ жалуются на стѣсненіе въ груди, тошноту и катарръ, пока наконецъ здоровыя и сильныя натуры не привыкнутъ къ яду. Раздраженіе кожи, острыя раны, воспаленія глазъ, рта и горла, а также гастрическія припадки, все это постоянныя болѣзни рабочихъ. Рудокопы не подвергаются вовсе отравленію, при толченіи руды также не особенно опасно; но зато опасность увеличивается постепенно при обжиганіи, сборѣ и упаковкѣ ядовитой муки и въ особенности при рафинированіи. Изъ печныхъ трубъ выходитъ мышьяковая кислота, она заражаетъ воздухъ на полмили въ окружности и обезцвѣчиваетъ листья и цвѣты. Вслѣдствіе этого производство мышьяка совершается только глубокою зимою, когда все вокругъ покрыто снѣгомъ. Когда въ 1862 году, работы начались въ сентябрѣ, работники сильно заболѣвали и приписывали болѣзнь именно раннему открытію работъ.

Въ странномъ повидимому противорѣчіи находится двойное свойство мышьяка, именно: убивать органы живые и сохранять органы мертвые. Это происходитъ отъ того, что мышьякъ какъ живыя такъ и мертвыя ткани не допускаетъ видоизмѣняться, претерпѣвать метаморфозы, а потому у живыхъ онъ отнимаетъ способность жизни, но за то мертвымъ сообщаетъ способность противустоять послѣдствіямъ смерти, т. е. разложенію.

Чума рогатаго скота. Во всѣхъ странахъ, заболѣванія этого рода домашнихъ животныхъ справедливо признаются настоящимъ бичемъ для сельскаго хозяйства и крестьянскаго благосостоянія. Всякому извѣстно, насколько справедливо это относительно нашего отечества, въ которомъ чума собираетъ такія обильныя жатвы.

Причины, порождающія чумное заболѣваніе скота—извѣстны: развитіе въ организмѣ микроскопическихъ существъ, проникающихъ въ кровь, производящихъ разложеніе послѣдней и отсюда, смерть животнаго. Первоначальное предположеніе относительно самопроизвольнаго зарожденія микроскопическихъ существъ (бактерій) и отсюда чумы—уже оставили. Заболѣванія происходятъ отъ бактерій уже существующихъ, какъ показалъ между прочимъ французскій химикъ Пастеръ, пищѣ, принимаемой животными.

Чаще всего, животное, сдѣлавшееся жертвой чумы, зарываютъ на небольшую глубину въ томъ же полѣ, гдѣ оно погибло. Когда трупъ приходитъ въ состояніе гніенія, бактеріи, не соприкасаясь съ внѣшнимъ воздухомъ, развиваются въ немъ чрезвычайно слабо и безвредно. Но кровь, зараженная ими, выходитъ изъ организма черезъ естественныя отверстія или кожу и попадаетъ въ землю, окружающую трупъ. Здѣсь они уже въ лучшихъ условіяхъ для развитія. Соприкасаясь съ воздухомъ, находящимся между частицами земли, они преблагополучно ростутъ, плодятся и множатся, не умирая въ землѣ впродолженіи нетолько мѣсяцевъ, но даже цѣлыхъ годовъ. Это показали многочисленные опыты.

Пастеръ нашелъ и тотъ путь, которымъ они достигаютъ поверхности земли и заражаютъ здоровыхъ животныхъ. Сами бактеріи не въ состояніи добраться до поверхности, тѣмъ болѣе, что вода, просачивающаяся черезъ почву, увлекаетъ ихъ еще глубже. Это дѣлаютъ земляные черви, являющіеся распространителями заразы. Они поглощаютъ землю вокругъ трупа, заключающую въ себѣ бактерій, и затѣмъ выдѣляютъ ее, въ видѣ маленькихъ цилиндриковъ на поверхности почвы, куда они выползаютъ въ сырую погоду, послѣ грозъ. Въ этихъ цилиндрикахъ и находятся бактеріи. Цилиндрики засыхаютъ и превращаются въ пыль, которая и осѣдаетъ на окружающія растенія. Понятно, что поглощая послѣднія, здоровыя животныя, пасущіяся тутъ, сами заражаются. Такъ распространяются чумныя заболѣванія рогатаго скота.

Нѣтъ болѣе порченыхъ продуктовъ. Прусскій препараторъ Викерсгеймеръ сдѣлалъ три замѣчательныхъ изобрѣтенія. Первое изъ этихъ трехъ очень важныхъ изобрѣтеній, имѣетъ цѣлью предохранить всѣ сорта хлѣба отъ порчи, помощью прибавленія къ нимъ очень вкуснаго и здороваго состава. Испеченный такимъ образомъ хлѣбъ не только не плесневѣетъ, но и не черствѣетъ, сохраняя такую свѣжесть и мягкость какъ на второй день послѣ печенія.

Игры и задачи.

Физическіе опыты. Шнуръ-сифонъ.

Интересные опыты гидростатики и опыты перемѣщенія жидкостей можно производить посредствомъ самыхъ несложныхъ пріемовъ. На нашемъ рисункѣ изображенъ одинъ изъ простѣйшихъ опытовъ. Именно, отрѣзываютъ полоску сукна или берутъ шерстяной шнуръ и погружаютъ оба конца его въ сосуды, стоящіе на различныхъ уровняхъ, одинъ выше другаго. Вода, наполняющая верхній сосудъ, не болѣе какъ въ часъ времени перельется вся въ ниже стоящій сосудъ. Полоска сукна будетъ такимъ образомъ служить въ этомъ случаѣ сифономъ.

Алгебраическая задача № 16.

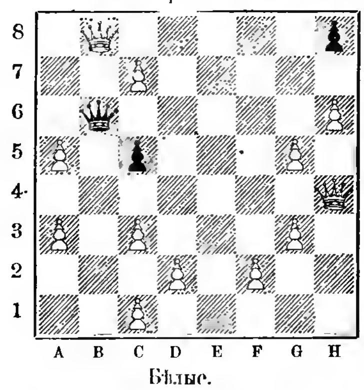
Фамилія одного писателя состоитъ изъ 11 буквъ: если-же эти буквы замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получимъ слѣдующія соотношенія между ними:

1) Сумма втораго и четвертаго чиселъ равна числу дней въ одной недѣлѣ.
2) Сумма восьмаго и десятаго чиселъ равна числу дней въ двухъ недѣляхъ.
3) Сумма перваго и седьмаго чиселъ равна числу дней въ трехъ недѣляхъ.
4) Сумма втораго, пятаго и одиннадцатаго чиселъ равна числу недѣль въ году.
5) Разность между четвертымъ и вторымъ числами равна 5.
6) Сумма третьяго и десятаго чиселъ равна 10.
7) Сумма перваго и десятаго чиселъ равна 15.
8) Сумма четвертаго и шестаго чиселъ равна 20.
9) Сумма шестаго и восьмаго чиселъ равна 25.
10) Сумма двухъ послѣднихъ чиселъ равна 30.
11) Сумма втораго, пятаго и девятаго чиселъ равна 40.

Узнать фамилію этого писателя.

Шашечная задача № 17.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ въ 9 ходовъ.

РЕБУСЪ. Задача № 18.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Дозволено цензурою. СПБ. 4 марта 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис., разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 13 Марта 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Въ Италіи. Деревенская принцесса. Рис. П. Вагнера, грав. Бренд'Амуръ.

Въ Италіи. Деревенская принцесса.

Подъ чуднымъ голубымъ небомъ Италіи, гдѣ нибудь среди холмовъ, потонувшая въ зелени итальянскихъ соснъ, дубковъ, краснаго вереска и золотаго дрока ютится мирная деревенька, гдѣ родилась эта миловидная дѣвочка. Люди здѣсь живутъ мирно и спокойно и мало заботятся о треволненіяхъ міра сего. Все тихо въ этомъ уголкѣ, движенія мало. По песчаной дорогѣ, идущей между каштановыми и пиніевыми рощицами ходятъ только ослики дровосѣковъ да волы каменьщиковъ. Въ этомъ мирномъ уголкѣ, въ достаточномъ богатомъ крестьянскомъ домѣ и выросла она—эта здоровая, веселая и ласковая дѣвочка. И она очень избалована, эта аристократка мѣстечка—ее такъ всѣ любятъ—не только родители, которые не могутъ ей отказать ни въ чемъ а и всѣ посторонніе, деревенскіе, всѣ ласкаютъ ребенка и эту общую любимицу называютъ „наша принцесса". Вотъ она лѣниво растянулась прислонясь къ колоннѣ, отставивъ корзину съ плодами и задумалась, радуясь своей молодой жизни, разцвѣтающей подъ ея родимымъ чуднымъ небомъ, въ виду южнаго голубаго моря, плещущаго въ чудные берега своими лазоревыми волнами. Теперь балованную дѣвочку занимаютъ только ея игры и забавы, дѣтское ея сердечко бьется любовью только къ своимъ родителямъ и сестрамъ, къ сосѣдямъ, потому что и они всѣ ее любятъ; но уже и въ ребяческомъ личикѣ малютки можно видѣть черты будущей роскошной красавицы-итальянки и не у одного деревенскаго юноши будутъ вспыхивать смуглыя щеки и загораться глаза при встрѣчѣ съ нею, когда она, проходя мимо, граціозно и плавно съ граблями на плечѣ и стыдливо потупивъ прелестные глаза, поклонится степенно и скромно, эта балованная „деревенская принцесса".

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Зубовъ вспомнилъ далекое время, красиваго любезнаго юношу, богатаго и знатнаго, который только-что появился въ петербургскомъ свѣтѣ, за которымъ такъ ухаживали, которому сулили блестящую карьеру. Онъ вспомнилъ, какъ онъ, Платонъ Зубовъ, ничтожный офицерикъ всегда нуждавшійся въ деньгахъ, потому что скупой отецъ рѣдко высылалъ ихъ изъ деревни, какъ онъ стремился познакомиться съ этимъ блестящимъ молодымъ человѣкомъ, какъ онъ втерся къ нему въ домъ, обратилъ на себя его вниманіе услужливостью. Вспомнилъ вечеръ у цыганки, кошелекъ съ деньгами, выпрошенный имъ у Горбатова и потомъ... сцену въ Царскомъ Селѣ, передъ запертыми дверями покоевъ императрицы, у которыхъ онъ стоялъ дежурнымъ.

„Я хотѣлъ возвратить ему эти деньги, а онъ наотрѣзъ отъ нихъ отказался и не взглянулъ! какимъ тономъ говорилъ со мною! Онъ готовъ былъ съѣсть меня отъ зависти и злобы, онъ долженъ былъ понять, что наши роли измѣнились. Но какъ-же смѣлъ онъ такъ говорить со мною, какъ смѣлъ оскорблять меня! Такія вещи не забываются. Можетъ быть онъ и хотѣлъ позабыть, да я-то ему забыть не дамъ, я уже доказалъ, кажется, ему, что нельзя безнаказанно обижать Платона Зубова! Восемь лѣтъ прошло! Ну что-же съ нимъ сталось за это время?! Я знаю, какъ ему хотѣлось вернуться. Я помню, какъ всѣ за него просили, но все-же я настоялъ на своемъ. Онъ не былъ для меня опасенъ даже и въ первое время. Еслибы ему желалось остаться заграницей, я бы заставилъ его вернуться сюда, но онъ хотѣлъ непремѣнно вернуться—и поэтому долженъ былъ тамъ оставаться. Что онъ получилъ въ это время, какую карьеру сдѣлалъ?! Его расхваливалъ и Симолинъ и Воронцовъ, хлопотали о повышеніяхъ, но онъ получилъ всего-на-всего двѣ-три ничтожныхъ награды по службѣ, онъ почти въ томъ-же положеніи какъ и уѣхалъ отсюда. Онъ знаетъ, конечно знаетъ кому онъ обязанъ этимъ. Онъ хорошо знаетъ, что такое теперь Платонъ Зубовъ, не пусть увидитъ своими глазами. Мнѣ пріятно будетъ взглянуть на него, на одного изъ мелкихъ затертыхъ мною чиновниковъ, какъ-то онъ станетъ теперь передо мною хорохориться?! „Господинъ Зубовъ, я не приму отъ васъ денегъ"! Господинъ Зубовъ! Нѣтъ, теперь ваша свѣтлость"!..

И онъ совсѣмъ позабылъ о своемъ знаменитомъ проектѣ, о многихъ государственныхъ дѣлахъ ждавшихъ его рѣшенія. Забылъ обо всемъ и думалъ только о совсѣмъ чуждомъ ему, никогда и ничѣмъ не повредившемъ ему человѣкѣ, которому онъ испортилъ восемь лѣтъ жизни и котораго хотѣлъ довести до крайняго униженія. Но вѣдь онъ никогда ни о комъ не думалъ и не заботился!? если ему встрѣчались люди, которые, какъ казалось ему, могутъ въ чемъ-нибудь помѣшать, могутъ встать поперегъ дороги,—онъ отстранялъ ихъ легко и внезапно безъ всякаго труда съ своей стороны. Ему достаточно было навести разговоръ, приготовить подходящую фразу, пустить въ ходъ наизусть заученныя и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ дѣйствующія уловки. Неудобный человѣкъ былъ устраненъ и затѣмъ ему не было до него никакого дѣла, онъ относился къ нему равнодушно. Онъ привыкъ теперь уже считать себя безконечно выше всѣхъ и всѣ казались ему такими ничтожными, мелкими. Государственные люди, люди знаменитые въ разныхъ сферахъ дѣятельности, преклонялись передъ нимъ, ловили его улыбку, его милостивый взглядъ, кланялись, ползали передъ нимъ. Такъ какъ-же ему было не считать себя великаномъ, а всѣхъ этихъ людей пигмеями!

Но въ такомъ случаѣ стоило-ли обращать вниманіе на незначительнаго человѣка, на неудавшагося дипломата, стоило-ли о немъ думать, мстить ему за какую-то давнюю обиду?!—видно стоило.

Платонъ Зубовъ во всѣ эти восемь лѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, да и вспоминалъ о Сергѣѣ Горбатовѣ и каждый разъ волновался при этихъ воспоминаніяхъ. Было что-то въ этомъ почти уничтоженномъ имъ человѣкѣ, что выводило его изъ себя, бѣсило. Онъ какъ-то непохожъ былъ на остальныхъ людей, на всѣхъ этихъ заслуженныхъ сановниковъ, увѣшанныхъ звѣздами и лентами, которыхъ свѣтлѣйшій князь считалъ мелкими мошками, и о которыхъ не было ему ни охоты ни досуга думать.

Наконецъ, Зубовъ взглянулъ на часы, позвонилъ камердинера и съ его помощью началъ умываться. Вмѣстѣ съ камердинеромъ въ спальню вошелъ молодой человѣкъ тоже лѣтъ около тридцати. Господинъ этотъ держалъ подъ мышкой портфель. Онъ съ видимыми знаками глубочайшаго почтенія, но въ то-же время не безъ нѣкоторой фамильярности раскланялся съ Зубовымъ. Тотъ довольно привѣтливо кивнулъ ему головой и продолжалъ умываться.

Господинъ съ портфелемъ былъ Грибовскій, одинъ изъ очень немногихъ любимцевъ Зубова, его секретарь и секретарь государыни.

— Видѣлся нынче съ Морковымъ? спросилъ тщательно вытирая себѣ лицо и глядясь въ зеркало Зубовъ.

— Видѣлся, ваше свѣтлость! отвѣтилъ Грибовскій.

— Ну и что-же? говорилъ онъ съ королемъ, успѣлъ его урезонить?

— Да какъ вамъ сказать, ваша свѣтлость, — король хоть и мальчикъ еще совсѣмъ, а все-таки упрямъ изрядно, стоитъ на своемъ. Но, конечно, въ концѣ концовъ его вы уговорите. Графъ Морковъ кой-что придумалъ и сказалъ мнѣ, что сегодня изложитъ вашей свѣтлости свой планъ.

— Хорошо, я поговорю съ нимъ. Скажи, пожалуйста, много сегодня тамъ собралось народу у меня въ пріемной?

— По обычаю, ваша свѣтлость, биткомъ набито.

— А не замѣтилъ ты, тамъ-ли пріѣхавшій изъ Лондона Горбатовъ, которому я вчера вечеромъ послалъ приказаніе явиться?

— Тамъ, ваша свѣтлость!

— Пойди, скажи, что я проснулся и выхожу, да скажи Горбатову, что онъ тоже можетъ войти.

Грибовскій съ изумленіемъ взглянулъ на Зубова.

Въ комнату, рядомъ со спальней, впускались только самыя высокопоставленныя и близкія князю лица—и вдругъ онъ разрѣшаетъ входъ въ это святилище малочиновному, бывшему такъ долго въ удаленіи человѣку—что значитъ эта необычная милость? Но онъ, конечно, не выразилъ своего изумленія.

Зубовъ вытеръ руки, накинулъ халатъ.

— Дай мнѣ твои бумаги, сказалъ онъ Грибовскому.

Тотъ вынулъ бумаги изъ портфеля.

— Да скажи цирюльнику, чтобы шелъ меня причесывать... Отвори дверь!

Грибовскій кинулся впередъ, распахнулъ двери и князь, одной рукой придерживая полы халата, другой держа взятыя у секретаря бумаги, вышелъ въ сосѣднюю комнату. Обезьяна выскочила изъ подъ кровати и прыгая и кривляясь, послѣдовала за своимъ господиномъ.

V.
Пріемъ.

Комната, въ которую вошелъ Зубовъ, была также обширна, какъ и его спальня, также роскошна и только нѣсколько менѣе безпорядочно убрана.

Зубовъ развалился въ покойномъ креслѣ, придвинулъ столикъ, положилъ на него бумаги, часть ихъ взялъ въ руки и сдѣлалъ видъ, что углубленъ въ чтеніе. Дверь отворилась и въ комнату начали входить одинъ за другимъ важные сановники, люди пожилые и заслуженные, увѣшанные знаками отличія, почти все представители старинныхъ русскихъ фамилій. Они были въ полной формѣ. Входя въ комнату всѣ отвѣшивали глубокій поклонъ хозяину и останавливались въ ожидательной и почтительной позѣ, недоходя нѣсколько шаговъ до его кресла. Онъ продолжалъ глядѣть въ бумаги незамѣчая поклоновъ, не поднимая глазъ.

Наконецъ, когда Грибовскій пропустилъ всѣхъ, кто имѣлъ право входа въ эту комнату, когда дверь затворилась, онъ положилъ бумаги на колѣни и обвелъ глазами присутствовавшихъ. Всѣ отвѣсили ему поклонъ вторично. Не приподнимаясь съ кресла, не измѣняя своей позы, онъ только слегка кивнулъ головою и разсѣянно проговорилъ:

— Здравствуйте!

Но въ то же время красивые глаза его, въ которыхъ блеснуло теперь какое-то непривычное выраженіе, скользнули и остановились на блѣдномъ лицѣ человѣка, стоявшаго въ отдаленіи отъ всѣхъ.

— О! какъ онъ измѣнился! подумалъ Зубовъ, — какой блѣдный, видно жилось неособенно весело! А красивъ попрежнему, еще красивѣе!

Но при этомъ онъ вспомнилъ про свою собственную красоту, о которой такъ много трубили ему со всѣхъ сторонъ и успокоился. Онъ еще разъ взглянулъ на этого стоявшаго поодаль человѣка, на Сергѣя Горбатова.

Тотъ тоже прямо и спокойно смотрѣлъ на него, не опустилъ глазъ отъ его взгляда. Горделивая и презрительная усмѣшка блуждала на губахъ его. Онъ стоялъ среди всѣхъ передъ хозяиномъ, развалившимся въ креслѣ и едва кинувшимъ своимъ гостямъ небрежное, „здравствуйте“! Онъ стоялъ въ такой непринужденной, горделивой позѣ, что Зубова всего перевернуло, злоба подступила къ груди его, щеки вспыхнули.

— А такъ-то! все такой-же! думалъ онъ. Ну, постой, я смирю твою гордость, а пока посмотри, полюбуйся, что я теперь такое.

Онъ отвелъ отъ него глаза.

Кто-то изъ сановниковъ почтительно склонился передъ нимъ, говорилъ ему, докладывалъ ему что-то. Онъ сдѣлалъ видъ, что слушаетъ, раза два одобрительно кивнулъ головою, промолвилъ:

— Такъ, такъ!

А потомъ, когда говорившій замолчалъ и отошелъ нѣсколько въ сторону, онъ будто-бы что-то вспомнилъ и позвалъ Грибовскаго.

— Пойди, пожалуйста, въ спальню, на кругленькомъ столикѣ увидишь маленькій футляръ—принеси!..

Грибовскій вышелъ изъ комнаты и вернулся съ футляромъ.

— Господинъ Милессино! протянулъ Зубовъ.

Старый, заслуженный генералъ, съ почтеннымъ, благообразнымъ лицомъ и военной выправкой, отдѣлился изъ кучки сановниковъ и приблизился къ креслу свѣтлѣйшаго князя.

— Что угодно, ваша свѣтлость? заискивающимъ тономъ проговорилъ онъ.

— Генералъ, я поздравляю васъ съ милостью государыни, она поручила мнѣ передать вамъ вотъ это...

Онъ протянулъ генералу принесенный Грибовскимъ футляръ.

Тотъ принялъ футляръ дрожащей рукою, открылъ его—въ немъ оказались орденскіе знаки Владиміра первой степени.

Увидавъ красныя и черныя полосы ленты, о которой онъ такъ долго мечталъ, генералъ совершенно растерялся отъ восторга. Въ лицѣ его что-то дрогнуло, на глаза набѣжали слезы и, въ порывѣ благодарности, онъ кинулся къ Зубову, склонился передъ нимъ своимъ тучнымъ, старческимъ, но все еще крѣпко перетянутымъ тѣломъ и—звонко чмокнулъ у него руку.

— Я не нахожу словъ для благодарности, запинаясь, говорилъ онъ,—ваша свѣтлость... благодѣтель!

Зубовъ, ничуть не смущенный тѣмъ, что старый генералъ поцѣловалъ у него руку, отвѣчалъ ему милостиво и величаво:

— Что-же, вы заслужили эту награду и вполнѣ достойны этой милости. Ахъ да, между прочимъ, мы и теперь на васъ расчитываемъ — вы, большой мастеръ устраивать фейерверки и маневры. Теперь нужно будетъ блеснуть этимъ передъ нашимъ гостемъ, молодымъ шведскимъ королемъ, или нѣтъ, графомъ Гагою, ибо мы такъ должны называть его. Мы на васъ расчитываемъ, и я надѣюсь, что вы сдѣлаете все возможное для доставленія удовольствія государынѣ!

— Ваша свѣтлость, постараюсь, все что въ силахъ! лепеталъ старикъ, весь красный отъ счастья, то и дѣло поглядывая на широкую, темно-красную, съ черными полосами ленту, бывшую въ рукахъ у него.

Эта сцена, очевидно, не поразила никого изъ присутствовавшихъ. Всѣ обступили генерала, поздравляли его, жали ему руку. На нѣкоторыхъ лицахъ изображалась зависть, только одинъ Сергѣй Горбатовъ стоялъ не вѣря глазамъ своимъ.

Онъ слышалъ многое, ожидалъ многаго, но все-же не того, чего ему пришлось быть свидѣтелемъ.

А между тѣмъ, въ пріемной комнатѣ свѣтлѣйшаго князя Зубова все шло своимъ чередомъ. Появился цирюльникъ, сталъ причесывать князя. Тотъ подставивъ ему свою голову, опять взялся за бумаги и дѣлалъ

Видъ города Виѳаніи. Съ фотогр. грав. Рау.

Сергіева пустынь близъ Петербурга. Рис. П. П. Гнѣдичъ, грав. М. Рашевскій

видъ, что читаетъ. Вельможи переговаривались между собою, иногда то тотъ, то другой, подходилъ къ хозяину и сообщалъ ему какое-нибудь интересное извѣстіе или замѣчаніе, которое считалось достойнымъ быть сообщеннымъ его свѣтлости.

Эти сообщенія начинались обыкновенно такою фразою: „Ваша свѣтлость, позвольте мнѣ имѣть счастіе сообщить вамъ! Покорнѣйше прошу вашу свѣтлость соблаговолить обратить вниманіе...“—и все въ этомъ родѣ.

— А? что такое? надменно произносилъ Зубовъ отрываясь отъ бумагъ, небрежно выслушивалъ то что ему говорили, цѣдилъ въ отвѣтъ нѣсколько словъ и затѣмъ опять принимался за свои бумаги.

Въ комнатѣ было много креселъ, стульевъ, но никто не смѣлъ сѣсть и Зубовъ никого не приглашалъ садиться.

Сергѣй вспомнилъ вечера въ Эрмитажѣ, простоту и ласковость державной хозяйки, ту непринужденность, которую чувствовали ея гости.

„Что же это такое? изумленно спрашивалъ онъ себя, или я брежу?“

Но онъ не бредилъ. Цирюльникъ сдѣлалъ свое дѣло и съ глубокимъ поклономъ, на который Зубовъ не обратилъ никакого вниманія, удалился. Зубовъ положилъ на столъ свои бумаги, еще болѣе развалился въ креслѣ, взялъ въ ротъ зубочистку, свистнулъ обезьянку и началъ играть съ нею. Обезьянка совсѣмъ разшалилась—завертѣлась, запрыгала, загримасничала, а потомъ вдругъ стала метаться изъ стороны въ сторону, прыгать то на того, то на другаго.

Вотъ она вскочила на спину къ пожилому господину, весьма почтеннаго и важнаго вида, и, въ мгновеніе ока, сдернула съ него парикъ. Зубовъ засмѣялся — стали улыбаться и всѣ остальные.

Бѣдный старикъ, представлявшій теперь очень смѣшную фигуру, въ пышномъ мундирѣ и съ совершенно голой головою, старался высвободить парикъ изъ лапъ обезьянки, но она не давала. Она помчалась съ его парикомъ въ противоположный уголъ комнаты. Она волочила парикъ по ковру.

— Не бѣда, разсѣянно улыбаясь, проговорилъ Зубовъ. Грибовскій, крикни цирюльника, онъ вѣрно еще не ушелъ. Онъ сейчасъ приведетъ парикъ въ порядокъ!

Сергѣй Горбатовъ не могъ больше вынести, въ немъ клокотало негодованіе, злоба и презрѣніе. Оставаться въ этой комнатѣ, быть свидѣтелемъ этихъ невѣроятныхъ сценъ, стоять передъ этимъ развалившимся господиномъ—онъ рѣшительно не могъ этого. Онъ круто повернулся, вышелъ и заперъ за собою дверь.

Зубовъ тотчасъ же замѣтилъ это. Онъ даже приподнялся съ кресла и стиснулъ кулаки, но тутъ-же опять развалился и подумалъ.

„А! не нравится! Но за эту дерзость, тебѣ придется отвѣтить.“

VI.

Философъ-практикъ.

Первая пріемная, въ которую вышелъ Сергѣй, была биткомъ набита народомъ. И здѣсь попадались важныя фигуры въ генеральскихъ мундирахъ, крупныхъ орденахъ, но рядомъ съ ними можно было увидать и нечиновнаго человѣка.

Въ эту первую пріемную разрѣшено было входить каждому, кто могъ имѣть дѣло до князя. Но несмотря на это разрѣшеніе, все-же для того, чтобы добраться сюда, нужно было предварительно пройти черезъ разныя мытарства, необходимо было задобрить нѣсколько человѣкъ камердинеровъ, которые ежеминутно заглядывали и миновать которыхъ не представлялось никакой возможности.

Опытные люди хорошо знали это и, отправляясь въ апартаменты свѣтлѣйшаго князя, заранѣе раскладывали себѣ по карманамъ деньги, которыя нужно было сунуть въ руки всемогущимъ лакеямъ.

Лакей, получивъ подачку, въ одно мгновеніе, очень ловко и привычно, даже не взглянувъ, оцѣнивалъ ея достоинство. Если подачка оказывалась достаточной, онъ съ покровительственнымъ видомъ кивалъ головою и пропускалъ посѣтителя дальше, сдавая его съ рукъ на руки слѣдовавшему за нимъ и уже внимательно поглядывавшему на посѣтительскій карманъ товарищу.

Если-же подачка казалась лакею недостаточной, то онъ безъ всякаго смущенія, презрительно и надменно качалъ головою и останавливалъ посѣтителя.

— Обождите! Да вы по какому дѣлу? Его свѣтлость и такъ жалуется, что въ пріемной продохнуть нельзя, столько народу шляется и не вѣсть зачѣмъ. Нынче тамъ больно много набралось—другой разъ пожалуйте!

Приходилось опять раскошеливаться, покуда алчность княжескихъ служителей не удовлетворялась.

Только люди уже очень хорошо извѣстные или получившіе, такъ сказать, именной приказъ явиться къ князю, невозбранно проходили мимо фаланги всегда готовыхъ на приступъ аргусовъ. Но и эти люди, если только они обладали благоразуміемъ, добивались лакейскихъ милостей и, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались убѣдить ихъ въ своей щедрости. Они хорошо знали, что въ рукахъ этихъ лакеевъ многое и что если всѣми мѣрами нужно добиться благорасположенія господина Грибовскаго или иного близкаго къ князю человѣка, то не слѣдуетъ пренебрегать и этими сравнительно маленькими людьми.

Бывали примѣры большихъ непріятностей для посѣтителей, не успѣвшихъ снискать милости лакея. Случалось, въ первой пріемной князя, что лакеи просто придирались не вѣсть къ чему и, сами заводя шумъ, выталкивали иныхъ посѣтителей въ шеи и выталкиваемые княжескими лакеями люди были вовсе не какіе-нибудь попрошайки. Однимъ словомъ, существовала цѣлая наука, основательное изученіе которой оказывалось неизбѣжнымъ, если человѣкъ желалъ чего-нибудь добиться въ пріемной Зубова.

Людей, изучавшихъ эту науку, было всегда многое множество, потому что никому неудавалось обойти эти пріемныя. Если у кого-нибудь и не было дѣла лично до князя, то вѣдь въ пріемныхъ его собирались всѣ сановники, всѣ правительственныя лица. Здѣсь устраивались знакомства, здѣсь подавались прошенія, подвигались и рѣшались всевозможныя дѣла, достигались иногда очень важные результаты.

И иногда все это обдѣлывалось очень быстро, нужно было только не скупиться, нужно было хорошенько тряхнуть мошною!

Въ безнадежномъ положеніи здѣсь оказывались одни бѣдняки; но бѣдняки никогда не заглядывали въ чертоги Зубова, они хорошо знали, что искать у него правды невозможно. Хорошо знали, что онъ не сдѣлалъ еще ни одного добраго дѣла, не выручилъ ни одного невинно обвиненнаго.

При Орловѣ и Потемкинѣ не то бывало, въ тѣ времена человѣкъ, котораго несправедливо засудили, у котораго кляузнымъ образомъ оттягали имѣнье, человѣкъ впавшій не по своей винѣ въ разореніе и нужду, стремился въ Петербургъ и помышлялъ только о томъ, какъ бы ему добраться до всесильнаго вельможи, стоявшаго у самаго кормила правленія. Часто онъ представлялъ это себѣ почти невозможнымъ и не мало изумлялся, когда оказывалось, что доступъ къ всесильному вельможѣ былъ вовсе не такъ труденъ.

А добьется бывало бѣдный, обиженный человѣкъ свиданія съ „самимъ“, изложитъ ему свое дѣло, представитъ доказательства правоты своей и—не пройдетъ и нѣсколькихъ дней, какъ его дѣло строго-на-строго пересматривается, дѣянія хищниковъ и неправедныхъ судей выплываютъ наружу. Ихъ ожидаетъ заслуженная кара, а неправильно обвиненный человѣкъ оправдывается,

ему возвращается его собственность, съ честнаго, загрязненнаго клеветою, имени снимается безчестіе. Однимъ словомъ, торжествуетъ справедливость и человѣкъ искавшій у всемогущаго вельможи правды и нашедшій ее, уже невольно считаетъ этого вельможу свѣтильникомъ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей и всеобщимъ благодѣтелемъ.

„Да, разсуждаетъ онъ, — велики милости и щедроты имъ получаемыя, громадны пожалованныя ему богатства, почести ему воздаваемыя, но вѣдь онъ заслуживаетъ все это своими добродѣтелями—онъ истинный сынъ Россіи, истинный слуга возвеличившей его государыни!“

Такъ разсуждаетъ сыскавшій свою правду у всесильнаго вельможи человѣкъ и подтверждаетъ свои разсужденія непреложными свидѣтельствами.

„Самъ видѣлъ! На себѣ испыталъ! вотъ, что слышалъ въ бытность свою у его свѣтлости!..“

И начинаются описанія образа жизни могучаго вельможи, его привычки, его особенности, иногда странности, передаются анекдоты, въ которыхъ образъ вельможи является въ ореолѣ могущества и въ то же время душевной доброты, простоты и ласковости.

Эти разсказы, анекдоты, наконецъ легенды, ростутъ съ каждымъ днемъ, распространяются дальше и дальше, заносятся въ самые темные уголки и репутація, популярность возвеличеннаго человѣка упрочены. У него много враговъ и завистниковъ, но эти враги и завистники совершенно теряются въ общей массѣ народа всѣхъ сословій, которая относится къ нему отнюдь не враждебно и не съ завистью, а напротивъ съ почтеніемъ, считаетъ его достойнымъ того исключительнаго положенія въ которое онъ поставленъ.

Такъ было съ Григоріемъ Орловымъ, такъ было съ Григоріемъ Потемкинымъ, но не такъ было съ Платономъ Зубовымъ.

Восемь лѣтъ продолжалось его могущество и въ эти восемь лѣтъ окончательно создалась и упрочилась его репутація. Въ темныхъ и далекихъ уголкахъ Россіи жива была память о богатырѣ Орловѣ, о великанѣ Потемкинѣ, но тамъ не знали о существованіи пигмея Зубова. О немъ знали въ другихъ слояхъ общества, въ другихъ сферахъ и здѣсь заслужилъ онъ общую ненависть, общее презрѣніе. На него смотрѣли всюду какъ на неизбѣжное зло, съ которымъ нельзя бороться, какъ на зло противное, отталкивающее. Никому и въ голову не приходило искать у него защиты, пытаться черезъ его посредство довести до всегда справедливой и любящей правду государыни, какое-нибудь вопіющее дѣло. Въ первое время пробовали, результаты оказывались всегда одинаковыми. Его система была—полнѣйшее презрѣніе къ чужимъ интересамъ и помышленія только о своихъ собственныхъ интересахъ. Онъ никогда не рѣшался безпокоить государыню дѣлами и нуждами подданныхъ. Онъ старался только о томъ, какъ бы лучше поддѣлаться подъ складъ ея мыслей и взглядовъ, поддакивать ей во всемъ, никогда не спорить, какъ спорилъ бывало съ нею Потемкинъ.

Если онъ говорилъ ей о комъ-либо, то единственно для того, чтобы оклеветать человѣка, лишить его милости государыни, подставить ему ногу.

И онъ былъ не одинъ. Онъ возвеличилъ вмѣстѣ съ собою всю семью свою, начиная со старика отца, который пользовался своимъ положеніемъ и вліяніемъ сына только для того, чтобы нажиться самымъ возмутительнымъ образомъ.

Старикъ Зубовъ прославился какъ кляузникъ, какъ хищникъ и грабитель чужихъ помѣстій. Не одну семью пустилъ онъ по міру.

Добиться чего-нибудь черезъ посредство Зубовыхъ можно было только угожденіями, подарками, грубой лестью, пресмыканіемъ.

Такъ было въ то жалкое время, по сказаніямъ всѣхъ современниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ. И въ этихъ многочисленныхъ сказаніяхъ не встрѣчается разногласія.

Что-же долженъ былъ чувствовать очутившійся въ пріемныхъ Зубова Сергѣй Горбатовъ, въ которомъ кипѣла гордая кровь благородныхъ предковъ, бывшихъ въ теченіи вѣковъ истинными слугами престола и отечества?

Сергѣй почти задыхался отъ негодованія, приглядываясь къ окружавшимъ его лицамъ, прислушиваясь къ отрывочнымъ разговорамъ, раздававшимся вокругъ него, къ этому боязливому шепоту. Все здѣсь какъ-то съеживалось, поджималось. Горланы и краснобаи, храбрецы и хвастуны у себя дома или въ подходящемъ кругу, здѣсь превращались въ трусливыхъ зайцевъ и вздрагивали при каждомъ звукѣ, доносившемся изъ сосѣдней комнаты, при малѣйшемъ скрипѣ двери. Люди, помыкавшіе десятками собственныхъ лакеевъ, располагавшіе сотнями и тысячами крѣпостныхъ душъ, подобострастно заглядывали въ надутыя спѣсью физіономіи княжескихъ лакеевъ.

Среди этихъ людей было нѣсколько лицъ, знавшихъ Сергѣя Горбатова восемь лѣтъ тому назадъ. Они узнали его и теперь; но пока онъ со всѣми дожидался въ первой пріемной пробужденія и выхода свѣтлѣйшаго князя, всѣ эти люди дѣлали видъ, что не узнаютъ его.

На какомъ основаніи онъ сюда явился? Каковы его шансы? Соображали разныя обстоятельства, относившіяся до его долгаго пребыванія заграницей и единодушно, будто сговорившись, рѣшили, что еще ранехонько узнать его. Нужно сначала посмотрѣть пріемъ, который будетъ ему оказанъ княземъ.

И вотъ, онъ, вмѣстѣ съ знатными сановниками, приглашенъ во вторую пріемную.

Едва онъ показался изъ двери, какъ старые знакомцы кинулись къ нему съ распростертыми объятіями. Только почтеніе къ этимъ стѣнамъ и присутствіе въ сосѣдней комнатѣ свѣтлѣйшаго князя, мѣшали ихъ восторженнымъ восклицаніямъ. Всѣ говорили полушепотомъ, завладѣвая рукою Сергѣя.

— Сергѣй Борисычъ, батюшка, вы-ли это?! А мы смотримъ, смотримъ, знакомое лицо, а признать не можемъ. Наконецъ-то къ намъ пожаловали, привелъ Господь Богъ свидѣться... все-ли въ добромъ здоровьи?

Сергѣй не зналъ кому отвѣчать.

— Ну что, Сергѣй Борисычъ, милостивъ былъ князь? Какъ онъ сегодня? продолжался таинственный шепотъ.

— Не знаю, какимъ онъ бываетъ, когда милостивъ и когда не милостивъ, я съ нимъ не бесѣдовалъ,—разсѣянно проговорилъ Сергѣй.

— Какъ-же вы вышли оттуда? какъ такъ?

— А вышелъ оттого, что тамъ черезчуръ весело — обезьяна на людей кидается, парики стаскиваетъ. Такъ я и не сталъ ждать, чтобы она и на меня прыгнула... Подобная забава мнѣ не по вкусу.

Онъ тутъ-же и раскаялся въ томъ, что сказалъ это: „Къ чему я говорю и кому, развѣ стоитъ!“

Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ и опустился въ первое попавшееся кресло.

Но дѣйствіе, произведенное его словами, было замѣчательно. Всѣ эти старые знакомцы, обступившіе было его и хватавшіе его руку, вдругъ отступили отъ него, какъ отъ зачумленнаго.

„Что онъ, сумасшедшій что-ли? Какова смѣлость, какова дерзость! И во всякомъ случаѣ онъ человѣкъ опасный, отъ него нужно подальше, не то еще наживешь себѣ бѣды!..“

Въ толпѣ, обступившей было Сергѣя и потомъ мгновенно отъ него отхлынувшей, находился одинъ человѣкъ, который очевидно не призналъ его зачумленнымъ и опаснымъ, напротивъ, онъ все внимательнѣе, серьезнѣе и ласковѣе смотрѣлъ на него.

На видъ этому человѣку казалось лѣтъ около пятидесяти, но онъ былъ еще очень бодръ и крѣпокъ; красотою не отличался: неправильныя черты, большой толстый носъ, крупный ротъ, небольшие, но зоркіе и пріятные глаза, на щекѣ бородавка. Одѣтъ онъ былъ скромно и держалъ себя просто и непринужденно. На кафтанѣ его виднѣлась звѣзда, указывавшая на довольно видное во всякомъ случаѣ служебное положеніе.

Нельзя было сказать чтобы онъ производилъ своей фигурой, своимъ лицомъ особенно привлекательное впечатлѣніе, но во всякомъ случаѣ лицо это было изъ тѣхъ, на которыхъ нельзя не обратить вниманія. Несмотря на некрасивость оно поражало чѣмъ-то особеннымъ, оно рѣшительно выдѣлялось среди окружавшихъ его лицъ—но чѣмъ, это трудно было опредѣлить сразу.

Человѣкъ этотъ вошелъ въ пріемную какъ разъ въ то время когда Сергѣй почти выбѣжалъ изъ завѣтныхъ дверей, сквозь которыя пропускались только избранные. Онъ услышалъ имя Горбатова, не проронилъ ни одного слова изъ разспросовъ, къ нему обращенныхъ и изъ даваемыхъ имъ отвѣтовъ.

И теперь, когда Сергѣй сидѣлъ одиноко въ своемъ креслѣ ни на кого не глядя, съ презрительной усмѣшкой то появлявшейся, то исчезавшей на губахъ его, когда онъ, пораженный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, уже начиналъ себѣ задавать вопросы:

„Да что-же я тутъ дѣлаю? чего жду? — просто уйти безъ всякихъ объясненій!.. вѣдь не сошлютъ-же меня за это на каторгу“!.. — этотъ, внимательно глядѣвшій на него господинъ, тихонько подошелъ къ нему и усѣлся рядомъ съ нимъ на стулъ.

— Вы вѣрно только-что изволили прибыть въ Петербургъ и еще незнакомы съ здѣшними порядками?—проговорилъ пожилой человѣкъ обращаясь къ Сергѣю.

Тотъ поднялъ глаза и изумленно взглянулъ на него. Лицо незнакомое, но голосъ такой мягкій и въ немъ звучитъ участіе. Вотъ и улыбка искривила нѣсколько блѣдныя, крупныя губы—такая тонкая, саркастическая улыбка.

— Да, я только-что пріѣхалъ и не знаю здѣшнихъ порядковъ, отвѣтилъ Сергѣй внимательно разглядывая нежданнаго своего собесѣдника.

— Оно и видно, продолжалъ тотъ понижая голосъ. Но предосторожность эта была лишняя—ихъ все равно никто не слышалъ: они были вдвоемъ въ опустѣвшемъ углу обширной комнаты.

— Оно и видно, повторилъ онъ.—вотъ вѣдь какъ вы всѣхъ этихъ господъ напугали... Мы совсѣмъ не привыкли къ подобнымъ событіямъ, а это—событіе!.. быть допущеннымъ во вторую пріемную его свѣтлости и уйти оттуда потому, что княжеская обезьяна непонравилась!.. Ахъ, Богъ мой, да вѣдь мы счастливыми себя почитаемъ если обезьянка на насъ кинется и пошалитъ съ нами—это обратитъ вниманіе его свѣтлости—онъ насъ замѣтитъ.

Сергѣй глядѣлъ вопросительно и изумленно. „Чего ему отъ меня нужно“?

Незнакомецъ очевидно понялъ его мысль.

— Васъ изумляетъ, что я подсѣлъ къ вамъ и загоорилъ съ вами, сказалъ онъ,—я сейчасъ объясню вамъ почему я это сдѣлалъ. Вотъ уже восемь лѣтъ какъ частенько бываю я въ этихъ апартаментахъ и имѣю даже честь быть допускаемымъ туда, откуда вы вышли. И повѣрите-ли, во все это время я ни разу не встрѣчалъ человѣка, который-бы бѣжалъ отъ обезьяны, который-бы говорилъ какъ вы и глядѣлъ какъ вы.

Лицо его оживилось, глаза блеснули.

— Я не могу удержаться чтобы не выразить вамъ своего удивленія и уваженія, хотя, конечно, что вамъ въ уваженіи незнакомаго человѣка.

— Своимъ изумленіемъ вы изумляете меня въ свою очередь, отвѣчалъ Сергѣй, — и за что-же вамъ уважать меня — за то что я показался вамъ можетъ быть несовсѣмъ лакеемъ. Да, это правда, я не лакей, но что-же въ томъ достойнаго уваженія? Я родился не лакеемъ и не могу имъ быть.

— О, господинъ Горбатовъ, (я слышалъ какъ васъ называли), вы принадлежите къ знаменитому роду, предки ваши не разъ записывали свои имена на страницахъ русской исторіи; но взгляните, государь мой, и тамъ, (онъ указалъ на запертыя двери), и здѣсь вотъ вы найдете представителей родовъ столь-же славныхъ, какъ и вашъ, а между тѣмъ...

Онъ усмѣхнулся.

— Тѣмъ хуже для нихъ, проговорилъ Сергѣй, — и если вамъ угодно знать мое мнѣніе, я скажу вамъ что не считаю ихъ потомками ихъ славныхъ предковъ. Благородство не въ имени ихъ, свое родовое благородство можно продать, растоптать, смѣшать съ грязью. Благороденъ только тотъ, кто умѣетъ сберечь полученное отъ предковъ достояніе, то есть, ихъ прославленное имя!

— Да, такъ, такъ! но здѣсь, высказывая подобныя мнѣнія, вы будете пророкомъ въ пустынѣ. Здѣсь, попавъ въ нашу среду, вы съ каждымъ днемъ будете убѣждаться въ величайшей испорченности нравовъ, здѣсь униженіе не сознается. Взгляните—всѣ чувствуютъ себя правыми, туманъ какой-то стоитъ у всѣхъ передъ глазами.

— Но вѣдь вотъ если вы согласны со мною, перебилъ Сергѣй, — значитъ передъ вами нѣтъ этого тумана, значитъ вы сознаете окружающее, значитъ вы не можете имѣть ничего общаго съ этими людьми. Вы сказали мнѣ что восемь лѣтъ бываете въ этихъ апартаментахъ, вѣроятно-же по обязанностямъ, по необходимости и конечно не станете цѣловать руку у Зубова какъ сейчасъ при мнѣ поцѣловалъ генералъ Мелиссино.

— А онъ поцѣловалъ у него руку? съ живостью и любопытствомъ переспросилъ незнакомецъ.

— Да, поцѣловалъ за Владимірскую ленту и даже прослезился.

— Ну вотъ видите-ли—это порывъ, это увлеченіе!

— Ахъ что вы говорите, это просто лакейство, дошедшее до послѣдней степени. И вотъ вы-же, я спрашиваю, не станете-же у него цѣловать руку?

— Да руки цѣловать не стану, но тоже не убѣгу какъ вы убѣжали и пожалуй поиграю съ обезьянкой... Приходилось играть.

Сергѣй пожалъ плечами.

— И все же я не далъ вамъ права презирать меня, продолжалъ незнакомецъ. Когда я отвлекаюсь отъ дѣйствительности, когда я уйду въ область мысли и чувства, я возвышаюсь душою, преклоняюсь передъ великимъ и прекраснымъ, ненавижу зло, презираю лесть. Все земное кажется мнѣ ничтожнымъ, я созерцаю величіе Божіе, сіяніе вѣчной правды. Но жизнь зоветъ меня, у жизни есть требованія, у человѣка есть обязанности, связанныя съ той средой, въ которой онъ дѣйствуетъ. Я чувствую, напримѣръ, себя не совсѣмъ безполезнымъ человѣкомъ, не совсѣмъ безсильнымъ. Я обязанъ употребить всѣ мѣры, чтобы расширить кругъ моей дѣятельности, потому что чѣмъ шире этотъ кругъ, тѣмъ могу быть нужнѣе, тѣмъ больше могу принести пользы тѣмъ, кто во мнѣ нуждается. Я иду прямо гдѣ могу пройти, наклоняю голову и прохожу бочкомъ если иначе пройти невозможно. Я не могу бороться съ свѣтлѣйшимъ княземъ, если я стану пренебрегать имъ: одно его слово—и всѣ мои труды, всѣ долгіе годы моей службы, вся польза, которую я обязанъ принести, все это пойдетъ прахомъ. Свѣтлѣйшій князь для меня не человѣкъ—это случай, это обстоятельство, на которое я долженъ обратить вниманіе. Если на меня налетитъ гроза, я прячусь въ укромное мѣсто, если меня жжетъ слишкомъ солнце, я надѣваю шляпу. Не спрячься я отъ грозы, меня убьетъ молніей, не накройся отъ солнца, я получу солнечный ударъ. Тутъ тоже стихійная сила, отъ которой я долженъ защищаться, я неизбѣжно обязанъ

У колодца. Картина Тускета, грав. Джіованни.

сдѣлать надъ собою усиліе, промолчать когда нужно, улыбнуться когда этого желаютъ. Иногда трудненько, иногда я не справляюсь съ собою и потомъ жестоко пеняю на себя, сдѣлаю ошибку, а потомъ долженъ поправлять ее. Вотъ и теперь ошибка—что бесѣдую съ вами, не зная какъ принята ваша выходка. Вѣдь непремѣнно доложатъ его свѣтлости о нашей бесѣдѣ: но я не могу не доставить себѣ этого удовольствія.

— Вы странный человѣкъ, замѣтилъ Сергѣй,—и, простите меня, мнѣ кажется вы совершенно не правы; но у васъ по крайней мѣрѣ все же есть какое нибудь оправданіе.

— Да, оправданіе, твердо проговорилъ незнакомецъ, и если бы вамъ была извѣстна моя дѣятельность, если бы вы знали сколько я воюю, какъ я бываю лютъ въ правдѣ, вы бы меня пожалуй и не обвинили. Не почитайте меня за хвастуна. Богъ дастъ еще придется встрѣчаться съ вами, еще побесѣдуемъ, еще поспоримъ, а пока дозвольте рекомендовать себя въ ваше благорасположеніе и надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ вашемъ знакомствѣ. До сердца вы меня тронули, государь мой!..

— Очень радъ познакомиться съ вами, улыбаясь сказалъ Сергѣй,—но вы вотъ знаете съ кѣмъ говорите, а я вашего имени не знаю?!

— Ахъ, вѣдь и то, я позабылъ совсѣмъ, прошу любить да жаловать—Гавріилъ Державинъ!

Но Сергѣй даже не успѣлъ выразить своего изумленія. Дверь распахнулась и на порогѣ показался князь Зубовъ.

(До слѣд. №).

Во время бури.

Романъ

М. Іокая.

(Продолженіе).

XXIV.

Дома.

Долго, пока не забрезжило утро, разсказывалъ Иллаван и нелегко было графу выслушать разсказъ его. Теперь онъ зналъ, почему Кузенъ остался, а не исчезъ вслѣдъ за шайкой Криванскаго.

Не мало тяжелыхъ мыслей возбудило въ немъ все, что случилось. Холодный потъ выступилъ на лбу его, когда онъ подумалъ, что происшествіе въ Гарговарскомъ замкѣ подастъ поводъ къ сенсаціонному уголовному процессу, въ которомъ будутъ названы имена графа и графини Теметвени, будетъ выведенъ на сцену замыселъ бѣглаго каторжника похитить Пальму и все это будетъ подхвачено газетами, которыя увѣковѣчатъ имя дочери его. Отчего Иллаван не убилъ этого разбойника! Но магната мучило еще и другое. Когда Пальма, изъ процесса, узнаетъ отъ какой опасности спасъ ее Францъ, явившійся какъ геній избавитель что будетъ тогда?

Иллаван разложилъ передъ нимъ письма, переданныя ему Рокомоцеромъ и разъяснилъ ихъ таинственный смыслъ. Эти письма—неопровержимыя доказательства. Иллаван не отдастъ ихъ. Въ его рукахъ это драгоцѣнность.

А волканъ все еще клокочетъ тамъ, внизу, у нихъ подъ ногами, онъ слышитъ крики, до него доносится шумъ отъ ударовъ чѣмъ-то тяжелымъ въ желѣзную дверь и рѣшетчатыя окна, которыя разбойники силятся пробить. Но ихъ онъ уже не боится, онъ знаетъ, что этотъ человѣкъ сумѣлъ бы защитить его. Теперь онъ занятъ одною мыслью—какъ онъ обманетъ его? Онъ слишкомъ многимъ обязанъ ему и соразмѣренъ будетъ и самый обманъ.

Когда Иллаван кончилъ свой отчетъ, графъ протянулъ ему руку и произнесъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ:

— Чѣмъ могу отблагодарить васъ за ваши благодѣянія?

Но тотъ, подражая истому янки, засунулъ свои руки въ карманы, и какъ только можно было глубже.

Графъ, нѣсколько удивленный, снова выставилъ впередъ руку и, перемѣнивъ редакцію фразы, повторилъ:

— Какую награду могу предложить вамъ за вашу геройскую услугу намъ?

Иллаван вынулъ руки, но для того только, чтобы смахнуть съ своего платья остатки пыли, приставшей во время борьбы съ Рибо, а затѣмъ сказалъ спокойнымъ, холоднымъ голосомъ:

— Въ награду за все это, ваше сіятельство, велите, согласно данной вамъ инструкціи, арестовать меня, какъ комисара революціоннаго правительства и передать военному суду. Я въ вашей власти!

Теметвени вскочилъ съ своего мѣста.

Онъ подвергся одному изъ тягчайшихъ оскорбленій, и тѣмъ болѣе тяжелому, что оно было заслужено.

— Господинъ Иллаван! въ моей фамиліи никогда не было измѣнниковъ и предателей! Въ моемъ домѣ гость выше короля.

— Извините, вы меня не поняли, я говорю, что вы можете велѣть арестовать меня въ моемъ домѣ.

— Вы ошибаетесь, вы меня мало знаете! Я вѣрный подданный моего императора, я преданный слуга правительства и новаго порядка вещей, но, если-бы мнѣ велѣно было арестовать человѣка, котораго я люблю, то я бросилъ-бы свой патентъ и сказалъ-бы: прикажите посадить меня въ темницу, я далъ этому человѣку возможность бѣжать. Но васъ никто ни въ чемъ не обвиняетъ. Да и въ чемъ можно васъ обвинять? Въ томъ, что вы были главнымъ комисаромъ національнаго правительства? Да, вѣдь, вы никогда и не получали письменнаго назначенія. Я получилъ его во время вашего отсутствія и уничтожилъ его, когда дѣло возстанія было проиграно.

Это, однако, была неправда. Декретъ о назначеніи Иллаван преспокойно лежалъ и теперь еще въ столѣ у графа. Но онъ не желалъ отдавать его своему избавителю, потому что ему не хотѣлось произнести слова: — «Пальма распечатала конвертъ, потому что, какъ ваша невѣста, имѣла право сдѣлать это». А отсюда, значитъ, приходилось-бы уже открыто признать, что его считали женихомъ, пока онъ былъ въ силѣ, а потомъ,—потомъ, когда положеніе его перемѣнилось къ худшему, — ему предпочли племянника. Къ тому-же, не мѣшало оставить эту бумагу у себя еще и для того, чтобы имѣть въ рукахъ хоть какую-нибудь узду на этого человѣка.

Иллаван иронически улыбнулся.

— Кто-же лжетъ — отецъ или дочь?

Теметвени поймалъ таки его руку и крѣпко пожимая ее проговорилъ:

— Въ вашемъ собственномъ домѣ вы не можете быть такъ любимы, какъ вы любимы здѣсь. И будь у меня еще одна дочь—я-бы отдалъ вамъ ее.

Францъ вздохнулъ свободнѣе. Значитъ — лгалъ отецъ, а не дочь. Дѣвушка вѣрила сама тому, что говорила ему. Что-же касается отца, то онъ могъ сказать правду развѣ только по ошибкѣ.

— Я попрошу у васъ награды, графъ, сказалъ Иллаван.

— Согласенъ напередъ на все, что зависитъ отъ меня.

— Это зависитъ отъ одного васъ. Я желаю, чтобы графиня Пальма никогда не узнала ничего о томъ, что происходило сегодня ночью здѣсь.

— Какъ это!

— Теперь она спитъ подъ вліяніемъ опіума, а когда проснется — жандармы успѣютъ встать и, при помощи мужиковъ, перевязать шайку. Скажите вахмистру, чтобы онъ взялъ честь поимки разбойниковъ на себя. Обо мнѣ не должно быть произнесено ни слова. Я обязанъ поберечь человѣка, открывшаго мнѣ заговоръ, а потому, вотъ, бросаю всѣ эти письма въ огонь. Надо уничтожить всякій слѣдъ плана, придуманнаго тѣмъ негодяемъ. Имя графини Пальмы не должно быть примѣшано къ этому процессу.

Графу Фердинанду пришлось сдѣлать надъ собой большое усиліе, чтобы подавить теплое чувство, шевельнувшееся въ немъ. Этотъ человѣкъ предупреждалъ его тайныя желанія, избавлялъ его отъ того, чего онъ такъ боялся!

Письма ярко вспыхнули и закоробились въ каминѣ. Великодушный человѣкъ! онъ хотѣлъ вырвать самую память о себѣ изъ сердца дѣвушки, которую любилъ.

— Ваше желаніе будетъ выполнено, даю вамъ торжественное обѣщаніе.

— Я не высказалъ еще всѣхъ моихъ желаній.

Графъ началъ безпокоиться.

— Такъ какъ Корнель Опатовскій—мой племянникъ и былъ питомцемъ моимъ, я желаю присутствовать при передачѣ его имѣній, чтобы имѣть возможность оберегать его интересы. И по этой-же самой причинѣ я желаю получить приглашеніе на всѣ свадебныя церемоніи, въ которыхъ буду участвовать какъ родственникъ жениха.

Графъ былъ чрезвычайно удивленъ. Что это значитъ?

Теперь Иллаван взялъ руку Теметвени.

— Еще желаю я, графъ,—чтобы между нами не было никакихъ другихъ отношеній, кромѣ офиціальныхъ.

Во дворѣ внезапно раздался кавалерійскій сигналъ. Жандармскій горнистъ очнулся и началъ будить своихъ товарищей.

— Такъ до свиданія графъ!

Графиня Пальма проснулась очень поздно, жалуясь на силь-

ную головную боль. У компаньонки оказалась еще болѣе тяжелая мигрень. Обѣ пробыли въ постели до вечера.

Иллаваи уже давно уѣхалъ. Пойманные воры, въ тотъ-же день, были отправлены, подъ сильнымъ прикрытіемъ въ Леопольдштадтъ.

Вечеромъ, Пальма, одѣвшись, поспѣшила къ отцу.

— Онъ говорилъ съ тобой? Что сказалъ онъ?

— Что онъ хочетъ присутствовать на твоей свадьбѣ какъ родственникъ, какъ посаженный отецъ Опатовскаго.

Глаза Пальмы сверкнули, но она не произнесла ни слова.

— Что ждетъ меня дома? проговорилъ Иллаваи, завидѣвъ издали крышу зданія, о которомъ онъ нѣкогда сказалъ кому-то: „это — нашъ домъ".

Подъѣзжая къ границѣ своей земли, онъ уже могъ, отчасти, угадать и отвѣтъ на вопросъ, который сдѣлалъ самъ себѣ. Земля его осталась совершенно необработанною. Онъ соскочилъ съ брички и прошелъ садомъ, къ крыльцу. На дворѣ онъ не нашелъ никого; никого, повидимому, не было и во всемъ домѣ, всѣ двери были заперты наглухо. Конюшня и амбаръ стояли пустые. На усиленный и многократный его зовъ, откуда-то съ земли поднялся, наконецъ молодой парень, идіотическаго вида. Всклокоченные волосы его были всѣ въ сѣнѣ.

— Гдѣ-же прислуга, Матвѣйко?

Иллаваи держалъ у себя Матвѣйку изъ милости. Пользы отъ придурковатаго малаго не было никакой, такъ какъ пуще всего онъ боялся всякой работы. И поднять его съ мѣста можно было только пинками.

— Не знаю.

— Не знаешь? А гдѣ кухарка?

— Она стряпаетъ.

— Гдѣ?

— У судьи, на кухнѣ.

Это было совершенно понятно. Ждала, ждала, своего господина, но не дождалась и ушла служить къ другому.

— А дворецкій?

— Онъ ушелъ въ Туретчину.

— Зачѣмъ?

— Поступить хотѣлъ въ Паши.

Тоже хорошо.

— А гайдукъ Иванъ?

— Въ жандармахъ.

Ну это естественнѣе.

— А кучера, работники, тѣ гдѣ?

Кретинъ захохоталъ, раскрывъ свой огромный ротъ до самыхъ ушей.

— Нашто кучеровъ и работниковъ, коли нѣтъ лошадей и быковъ?

— А кто же увелъ лошадей и быковъ?

— А баринъ съ серебрянымъ воротникомъ, онъ написалъ объ этомъ бумагу и судьѣ ее отдалъ.

Иллаваи понялъ, что „баринъ съ серебрянымъ воротникомъ" былъ какой-нибудь правительственный комисаръ, взявшій лошадей и быковъ въ реквизицію, и передавшій объ этомъ судьѣ квитанцію.

— Ну, а гдѣ моя собака, Каро?

— Она понравилась капитану, что здѣсь у насъ стоялъ.

Значитъ, въ его отсутствіе въ его домѣ былъ отведенъ постой.

— И онъ увелъ мою собаку?

— Не увелъ, собака ушла на своихъ ногахъ.

Горькое чувство овладѣло Францемъ.

— Отчего-же ты не оставилъ меня?

— Оттого, что меня никто не взялъ.

Францъ засмѣялся. Онъ обладалъ драгоцѣнностью, которой никто у него не отобралъ, потому что никто не соблазнился. Но собаки ему было жаль. Неужели и собачья преданность исчезла на землѣ?

Одиноко и холодно было Иллаваи, на этотъ разъ, на своемъ родномъ пепелищѣ. Нравственно и физически усталый легъ онъ въ свою постель.

XXV.
Женихъ.

Съ большой помпой былъ устроенъ въ Гарговарѣ пріемъ юному владѣльцу Анатвара.

Корнель Опатовскій пріѣзжаетъ въ замокъ графа Теметвени чтобы изъ рукъ его сіятельства получить ключи своего замка.

Къ услугамъ молодаго магната предоставленъ великолѣпный экипажъ графа.

Корнель ѣхалъ очень веселый. Улыбаясь каждому встрѣчному, онъ смѣялся надъ всѣми деталями тріумфальной встрѣчи. Около него, конечно, возсѣдаетъ неизмѣнный его другъ Кацуръ.

— Гляди-ка, гляди, вонъ у этой мельницы я спрыгнулъ съ лошади, а оттуда—подралъ въ лѣсъ! Ха, ха, ха! Видишь того высокаго дуралея съ знаменемъ въ рукахъ, это онъ сцапалъ меня. Постой, надо ему бросить цванцигеръ.

И молодой магнатъ, доставъ изъ дорожнаго мѣшка горсть мелкой монеты, бросилъ ее въ толпу. Его чрезвычайно заняла и позабавила завязавшаяся свалка.

— Ишь сколько эти дѣвушки, въ бѣлыхъ платьяхъ, мнѣ теперь цвѣтовъ-то въ коляску бросаютъ! А тогда-то, какъ меня здѣсь связаннаго проводили,—такъ онѣ меня забрасывали не цвѣтами, небось. Здравствуйте, здравствуйте Анефа, добрый день, Маринка! Ха, ха, ха! Смотри, смотри—даже тріумфальную арку устроили и написано: „за тебя на жизнь и смерть". Ха, ха, ха!

На минуту, однако, онъ сдѣлался серьезенъ: передъ коляской остановилась привѣтствующая депутація, во главѣ которой находились главный управляющій имѣніемъ и священникъ. Ему надо было выслушать привѣтственныя рѣчи.

Корнель старался изъ всѣхъ силъ имѣть видъ внимательный и серьезный, но это оказалось для него очень труднымъ, когда господа депутаты сняли шляпы. У управляющаго, поверхъ жиденькой бахромы волосъ, красовался на головѣ выцвѣтшій парикъ, бывшій нѣкогда, вѣроятно, каштановаго цвѣта, но теперь принявшій едва ли не всѣ оттѣнки радуги.

Но еще комичнѣе была самая рѣчь. Это была напыщенная тирада, какой могъ удостоиться развѣ міровой геній или какой нибудь прославленный герой. Когда хвала уже достигла крайнихъ предѣловъ, Корнель не могъ выдержать и прыснулъ давно сдерживаемымъ хохотомъ.

— Ха-ха-ха! Убирайтесь, старый болванъ!

И онъ сдернулъ парикъ съ оратора, голова котораго вдругъ явилась совершенно голая, подъ лучами этаго весенняго солнца, среди общаго взрыва хохота окружавшей толпы. Священникъ, не желая подвергнуться чему либо подобному, благоразумно отказался отъ своей доли участія въ привѣтствіи. Корнель хохоталъ во все горло, Кацуръ, стоя въ коляскѣ, замахалъ фуражкой и кричалъ „браво, браво!" Такимъ веселымъ эпизодомъ закончился первый фазисъ встрѣчи.

Въ салонѣ магната собралось много народу и все—дворянство. Богъ знаетъ, откуда онъ только набралъ ихъ. Всѣмъ и каждому, по порядку, графъ подвелъ молодаго гостя.

Здѣсь же находилось еще одно лицо, съ которымъ знакомить Корнеля было бы излишне—то былъ Францъ Иллаваи.

Когда Корнель, послѣ столькихъ незнакомыхъ и чуждыхъ ему физіономій, вдругъ завидѣлъ лицо Иллаваи, глаза его наполнились слезами. Юноша бросился къ нему и обнялъ, прижавшись съ громкими всхлипываніями къ его груди.

— Вы... видите?.. вѣдь... да? могъ онъ только вы говорить, самъ едва понимая смыслъ этихъ словъ.

Онъ, безъ сомнѣнія, поцѣловалъ бы и его руку, еслибы только Иллаваи позволилъ.

— Какъ, какъ я радъ, что вы тутъ тоже, милый дядя!

— Пока я живъ, вы найдете меня всюду, гдѣ будете нуждаться во мнѣ, спокойно и серьезно отвѣчалъ Францъ.

На другой день долженъ былъ Корнель получить изъ рукъ графа Теметвени орденъ Леопольда и патентъ на соединенный съ орденомъ этимъ титулъ имперскаго барона, а отъ Иллаваи—отчеты по завѣдыванію, въ теченіи десяти лѣтъ, имѣніями его. Но сегодня Корнель еще не баронъ и не вельможа а только женихъ.

Дамы появились лишь къ обѣду. Графиня Пальма была прелестно одѣта а на шеѣ блестѣло знаменитое брилліантовое ожерелье.

— Не хороша она сегодня, подумалъ Францъ.—Платье ли тутъ виновато, или прическа, можетъ быть ожерелье, но главное и вѣрнѣе всего—это совершенно новое выраженіе въ лицѣ. Такая перемѣна и изъ красавицы дѣлаетъ карикатуру.

Пальма и Францъ имѣли видъ людей, не желающихъ встрѣчаться. Поклонъ съ одной стороны, холодный, еле замѣтный кивокъ съ другой, вотъ все, чѣмъ они обмѣнялись.

На лицѣ дѣвушки Францъ могъ прочесть ясный, хотя и нѣмой вопросъ: почему этотъ человѣкъ здѣсь? А ей какъ бы отвѣчало лицо Франца: „потому что онъ обязанъ здѣсь быть!"

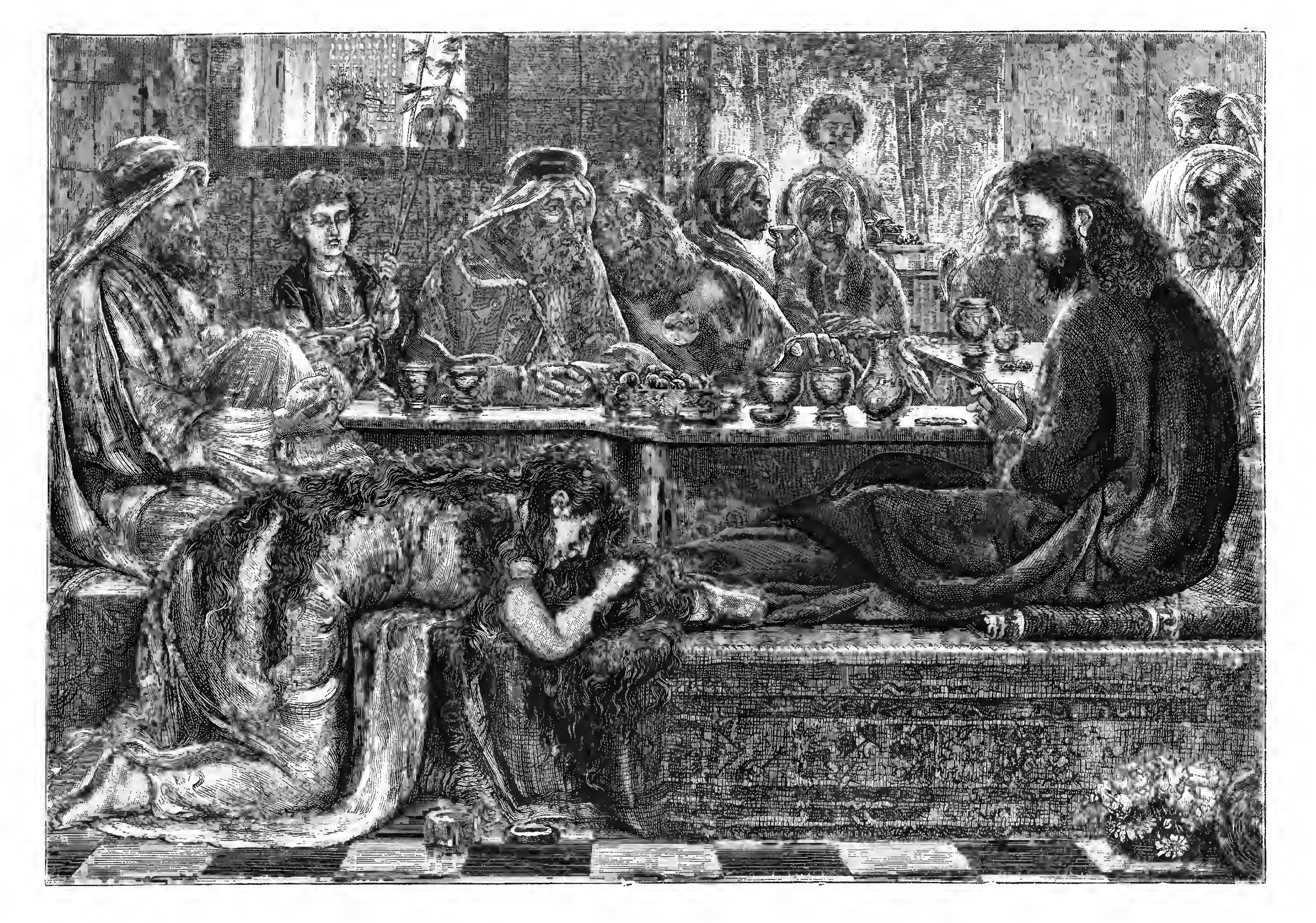
— Неужели на него ничто не дѣйствуетъ, ничто не волнуетъ его? думала между тѣмъ графиня. Ему вонзаютъ въ сердце отравленный кинжалъ, а онъ его вытаскиваетъ, съ спокойнымъ смѣхомъ, назадъ, ему не больно. Развѣ онъ хочетъ, чтобы кинжалъ повернули ему въ ранѣ?

Вскорѣ показался и Корнель. Онъ подошелъ къ невѣстѣ и поцѣловалъ ея руку, а затѣмъ протянулъ руку и англичанкѣ, дружелюбно сказавъ ей: „Goddam, miss!" увѣренный, что это означало: „да благословитъ васъ Богъ?"

Графиня Пальма собрала всѣ свои силы, чтобы казаться веселой и довольной.

А юный Опатовскій, между тѣмъ, не оставлялъ безъ благосклоннаго вниманія группу стакановъ и рюмокъ, стоявшую передъ его приборомъ и ежеминутно наполнявшуюся различными винами. Онъ дѣятельно осушалъ стаканъ за стаканомъ и когда встали изъ-за стола, Пальма замѣтила, что женихъ выпилъ слишкомъ уже много.

Она вышла въ залу и сѣла за фортепьяно. Корнель послѣдовалъ за невѣстой. Раздались вдохновенные звуки Бетховенской сонаты. Но Опатовскій, очевидно, не былъ тронутъ произведеніемъ великаго композитора. Глаза его начали, по немногу, слипаться, голова опускаться все ниже, отыскивая опору. Увидѣвъ подобное дѣйствіе классической музыки на эту юную душу, она немедленно же перешла къ венгерскимъ національнымъ пѣснямъ.



Іисусъ въ домѣ Симона. Картина Лаусона, грав. Флюгель.

Великій Князь Московскій Симеонъ осматриваетъ работы иконописцевъ. Съ картона Васнецова, грав. Флюгель.

При первыхъ же звукахъ сонливость Корнеля пропала какъ по волшебству. Онъ поднялъ голову, глаза его заблистали, а когда Пальма заиграла его любимую пѣсенку, онъ вскочилъ и, выйдя плавными, венгерскими танцовальными шагами на середину салона, запѣлъ:

Какъ счастливъ часъ,
Когда впервые я увидѣлъ васъ!

Плаван хорошо зналъ, къ чему это поведетъ. Онъ смотрѣлъ на происходившее изъ отдаленнаго угла комнаты. Графиня взглянула въ его сторону.

Францъ сдѣлалъ головою знакъ, ясно говорившій: прекратите это!

Но Пальма не желала прекращать, о нѣтъ!

Она принялась за бѣшеный чардашъ.

Испустивъ дикій крикъ, Корнель засѣменилъ въ національномъ танцѣ. Сначала плясалъ онъ одинъ, но затѣмъ, увидавъ тутъ даму, подлетѣлъ къ ней и, схвативъ безъ дальнѣйшихъ околичностей, сталъ отчаянно вертѣть съ собой по залѣ. Бѣдняжка еле вырвалась и безъ силъ упала въ кресло.

— Браво, браво! громко раздается голосъ Кацура. Плаван злится въ своемъ углу. Пальма увидала это разсерженное лицо и стала играть еще болѣе возбуждающіе танцы. Корнель вышелъ уже совсѣмъ изъ себя. Не зная, въ своемъ экстазѣ, чтобы выкинуть еще, онъ вскакиваетъ на столъ и продолжаетъ тамъ свои изумительныя па.

Браво, браво! слышится новое одобреніе Кацура. Графъ кусаетъ себѣ губы.

Одна часть гостей хохочетъ вслухъ, другая про себя. Францъ уходитъ изъ залы.

Пальма перестаетъ. Вѣрный Кацуръ бѣжитъ къ столу и снимаетъ оттуда Опатовскаго. Женихъ ужасно блѣденъ.

Теметвари сдѣлалъ знакъ лакеямъ, чтобы провели молодаго барина въ его апартаменты.

Вина были слишкомъ крѣпки, замѣтилъ магнатъ въ оправданіе Корнеля.

Молодость! поддержалъ его одинъ изъ гостей.

У него огневая натура, добавилъ другой.

Пальма поспѣшила къ себѣ и тамъ бросилась на кушетку, стыдясь своихъ слезъ.

Онъ пришелъ, чтобы это видѣть. Онъ видѣлъ!

-

Корнель проспалъ вплоть до слѣдующаго утра, разбудить его раньше оказалось невозможнымъ. Проснулся онъ въ очень нехорошемъ расположеніи духа. Онъ, можетъ быть, не открылъ бы глазъ и до обѣда, еслибъ не его наперсникъ, храпѣвшій въ сосѣдней комнатѣ и внезапно проснувшійся подъ вліяніемъ голода.

Плаван явился съ отчетами. Управленіе его привело имѣнія Опатовскаго въ блестящее положеніе. Большая часть долга была уже уплачена, остальное погашалось безъ всякаго обремененія изъ возстановленныхъ доходовъ имѣній. Кромѣ того, образовался значительный фондъ въ облигаціяхъ, приносившій 60 тысячъ флориновъ годоваго дохода. Отчетъ свой Францъ заключилъ совѣтомъ Корнелю никогда, ни подъ какимъ видомъ не продавать этихъ облигацій, обезпечивавшихъ ему вѣрный доходъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отказался отъ всякой платы за свои десятилѣтніе труды.

Оффиціальные делегаты, выслушавшіе отчетъ, единогласно высказали Корнелю, что онъ обязанъ вѣчною благодарностью бывшему опекуну своему.

Юноша бросился дядѣ на шею и осыпалъ его поцѣлуями. Онъ присталъ къ нему какъ ребенокъ, не отходя отъ него ни на шагъ. Отъ радости онъ не зналъ что ему дѣлать. Дядя Францъ сталъ для него чрезвычайно дорогъ. Что бы подарить ему?

Въ корридорѣ, по которому онъ тащилъ Франца за руку, они встрѣтили графиню Пальму, разодѣтую еще пышнѣе, чѣмъ наканунѣ. Корнель бросился къ ней навстрѣчу.

— Ахъ, графиня! Я счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Мое состояніе совершенно упрочено и я опять буду имѣть свой замокъ, лошадей, экипажи, однимъ словомъ—все. Я богатъ и этимъ обязанъ моему милому, чудесному дядѣ! Вы, графиня, можетъ быть и не знаете что Францъ — мой дядя! Что за человѣкъ! Если бы вы его хорошенько узнали, графиня, навѣрное влюбились бы въ него. Ну—дайте же ему поцѣловать руку. Поцѣлуйте ея руку. Францъ поцѣлуйте руку моей невѣсты. Вы конечно вѣдь будете называть ее вашей „маленькой племянницей". Вы будете часто пріѣзжать къ намъ, въ Анатваръ. Нѣтъ, лучше живите съ нами вмѣстѣ. Графиня полюбитъ васъ.

Первая дрожь пробѣжала по лицу молодой дѣвушки. Плаван, мелькомъ только взглянувъ на нее, опустилъ глаза. Ему стало жалко ее. Оба они хорошо знали другъ друга, оба думали, что угадываютъ мысли одинъ другаго и —ошибались.

Пальмѣ показалось, что слова юнаго идіота очень понравились Францу и она со смѣхомъ протянула руку Францу, который сдѣлалъ видъ, что поцѣловалъ ее.

Теперешняя Пальма сдѣлалась для него загадкой и онъ не умѣлъ разрѣшить эту загадку.

А между тѣмъ все объяснялось просто. Дѣвушка хотѣла, во что бы ни стало, оттолкнуть его, совершенно, безповоротно.

— Ужь если мы теперь чужіе другъ другу, такъ лучше намъ не видаться больше никогда, никогда! рѣшила она. Францъ не понялъ ее. Угадай онъ, что происходило въ этой дѣвушкѣ, которая когда-то любила его, которая любила его и теперь, онъ не заставилъ бы ее мучиться и терзаться при видѣ его наружнаго равнодушія, оно было невыносимо ей.

— Онъ хочетъ быть посаженымъ отцомъ ея жениха! Хочетъ показать ей, что она забыта уже его желѣзнымъ сердцемъ!

Корнель повелъ и оба его спутника послѣдовали за нимъ. Францъ довелъ Пальму подъ руку до самой двери гербовой залы, гдѣ уже собралось все общество. Прежде чѣмъ онъ отворилъ дверь, графиня спросила его:

— Вы, въ самомъ дѣлѣ, хотите быть посаженымъ отцомъ на моей свадьбѣ?

Да.

Чрезъ восемь дней будетъ обрученіе.

Я буду здѣсь.

И онъ отворилъ дверь, чтобы пропустить графиню.

Зала была полна гостей. Готовилась важная церемонія. Со всѣхъ окрестностей были приглашены дворяне, новые чиновники, духовныя лица, офицеры, сколько только можно было ихъ найдти. Всѣ были разодѣты по праздничному, лакеи стояли по мѣстамъ въ своихъ нарядныхъ ливреяхъ. Самъ графъ въ мундирѣ своей должности,—на немъ зеленый фракъ съ золотымъ шитьемъ и бѣлые панталоны съ золотыми же лампасомъ, подъ мышкой треуголка, съ боку блеститъ золоченый эфесъ тоненькой прямой шпаги.

Сегодня молодому владѣльцу Анатвара оффиціально и торжественно будутъ вручены орденъ Леопольда и дипломъ на баронское достоинство. Отнынѣ—онъ баронъ.

Онъ долго заставлялъ ждать себя—это вѣдь въ обычаѣ у знатныхъ, у вельможъ.

Наконецъ юноша изволилъ показаться и удивилъ все высокое собраніе своимъ костюмомъ. Онъ былъ одѣтъ въ пиджакъ изъ какой-то матеріи, чрезвычайно пестраго рисунка, въ которомъ встрѣчались, сходились и скрещивались зеленыя, коричневыя и красныя полосы, на ногахъ—высокіе, застегнутые выше колѣнъ, гамаши, въ рукахъ хлыстъ со свисткомъ, вдѣланнымъ въ рукоятку.

Камердинеръ передавалъ ему что-то о какой-то „кавалеріи", изъ чего онъ заключилъ, что дѣло шло, вѣроятно, о каруселѣ, или кавалькадѣ, а потому и избралъ, согласно указанію и совѣту Кацура, надлежащій костюмъ.

Графъ перепугался при видѣ страннаго явленія. Пальма крѣпко прижала ко рту платокъ, чтобы скрыть смѣхъ.

Герой дня самъ догадался что что-то не ладно, но сегодня онъ не въ уступчивомъ настроеніи. Въ немъ проснулось его болѣзненное раздраженіе.

(До слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Видъ города Виѳаніи.

(Рис. на стр. 241).

На юго-востокѣ отъ Іерусалима въ трехъ четвертяхъ часа пути отъ него расположена Виѳанія по арабски Эль-Азарія. Маленькое, незначительное мѣстечко это, не болѣе какъ въ сорокъ домовъ, принадлежащихъ исключительно мусульманамъ, раскинулось на юго-восточномъ предгорьи Масличной горы и тонетъ въ зелени масличныхъ деревъ и финиковыхъ пальмъ. Среди селенья находится могила воскрешеннаго Христомъ Спасителемъ Лазаря, гдѣ усердствующіе поклонники воздвигли часовню. Древній входъ къ гробницѣ заслоненъ теперь зданіемъ мечети. Прямо отъ входа крутой спускъ въ 21 ступени ведетъ въ глубокую пещеру, гдѣ устроенъ простой каменный престолъ, отсюда еще пять ступеней внизъ влѣво въ боковую пещеру здѣсь и есть гробница Лазаря. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ этого мѣста, къ югу, по преданію, былъ домъ Марѳы и Маріи, сестеръ Лазаря, а нѣсколько дальше холмъ, у котораго встрѣтила Христа Спасителя Марѳа, когда онъ шелъ въ Виѳанію. Во время пребыванія Спасителя въ Іерусалимѣ дорога изъ Іерусалима въ Виѳанію была наиболѣе часто проходима Божественнымъ Искупителемъ. Мѣсто это болѣе другихъ мѣстъ было для Него гостепріимнымъ кровомъ: тамъ обитало семейство Лазаря, Симонъ и многіе изъ Апостоловъ. Виѳанія даже едва ли не была собственностью семейства Лазаря, на что указываетъ 1 стихъ XI главы Евангелія Св. Іоанна. Приближаясь къ Виѳаніи, показываютъ мѣсто, гдѣ росла смоковница, отверженная Спасителемъ за неплодіе.

Сергіевская пустынь. близь С.-Петербурга.

(Рис. на стр. 245).

Сергіевская пустынь — перворазрядный мужской монастырь, лежитъ на южномъ берегу Финскаго залива, или вѣрнѣе Кронштадтской бухты, составляющей переходъ отъ устья Невы къ широкому простору залива. Какъ разъ мимо его воротъ проходитъ петербургское шоссе, и разстояніе его отъ столицы считается всего только въ восемнадцать верстъ. Въ двухъ верстахъ отъ монастыря, нѣсколько южнѣе, расположена станція Балтійской желѣзной дороги, той ея вѣтви, которая тянется къ Ораніенбауму. Такимъ образомъ средство сообщенія пустыни съ столицей превосходно — и это-то и было причиной, что вокругъ монастыря сгруппировалось множество дачъ, каждое лѣто переполненныхъ жителями.

Мѣстность нельзя сказать, чтобъ была выдѣляющаяся—обычный сѣверный пейзажъ, съ пескомъ, валунами и мощной растительностью, широко раскидывающейся во влажномъ, полномъ морскими испареніями воздухѣ. Но трудъ и время много помогли красотѣ пейзажа: на мѣстѣ пустырей поднялись густые сады, прорылись каналы, поля зажелтѣли хлѣбомъ (впрочемъ урожай здѣсь бываетъ очень плоховатъ), явилось множество построекъ. Старый храмъ построенъ въ 1764 г., работы знаменитаго Растрелли, отличается тѣмъ изящнымъ стилемъ рококо, который такъ великолѣпно умѣлъ выдерживать этотъ архитекторъ. Новыя постройки, даже самый новѣйшій храмъ византійскаго стиля, значительно ему уступаетъ. Тотъ-же фасадъ монастырскихъ келій, который мы видимъ на рисункѣ—строенъ академикомъ Горностаевымъ, и производитъ очень пріятное впечатлѣніе своимъ строго-національнымъ стилемъ.

Уже сказано выше, что вокругъ монастыря много дачъ,—но и кромѣ постоянныхъ жителей, пустынь посѣщается петербуржцами очень усердно, причемъ зимой обыкновенно туда ѣздятъ на тройкахъ. Лѣтомъ усердные богомольцы ходятъ изъ города пѣшкомъ; во время монастырскаго праздника, 5 іюля, ихъ набирается нѣсколько тысячъ.

Основана пустынь въ 1726 г. Основатель пустыни архимандритъ московской Троице-Сергіевой лавры Варлаамъ, управлявшій пустынью до смерти своей въ 1737 году. Членъ Св. Сунода и духовникъ императрицы Анны Іоанновны, онъ, живя по долгу въ Петербургѣ, пользовался особеннымъ ея благоволеніемъ и получилъ въ даръ для обители загородную дачу на берегу Финскаго залива. Бѣденъ былъ видъ пустыни при началѣ ея существованія. „Двѣ избы мѣрою по три сажени, къ онымъ избамъ дворъ да погребы съ напогребицею двухъ саженъ, да ограда худая“ говорится въ данной на эту приморскую царицыну дачу. Новыя деревянныя церкви служили единственнымъ украшеніемъ обители, построены были до каменныхъ строеній и еще разныя деревянныя зданія. Дарственной земли при обители было „длиннику тысяча, поперечнику сто саженъ“ (т. е. 41 дес. 1.600 саж.). Дача эта поросла лѣсомъ—сѣна собиралось всего до 150 пуд. въ лѣто. Но попечительный настоятель въ разное время прикупалъ земли у частныхъ смежныхъ владѣльцевъ. Въ 1764 г. обитель отошла отъ зависимости московской лавры и причислена къ с.-петербургской епархіи въ качествѣ второклассной и наконецъ возведена въ 1-й классъ въ 1836 году съ удержаніемъ названія пустыни.

Въ пустыни четыре церкви: Живоначальныя Троицы, построенная въ 1758 году — здѣсь находится чудотворная икона Св. Сергія Радонежскаго—о которой мы упоминали; храмъ преподобнаго Сергія, оригинальное, можно сказать образцовое произведеніе даровитаго профессора архитектуры Горностаева. Извѣстный настоятель пустыни, не такъ давно скончавшійся, преосвященный Игнатій (Брянчаниновъ) своими замѣчаніями и предначертаніями участвовалъ много въ работѣ профессора. Самъ преосвященный былъ отлично знакомъ съ строительнымъ искусствомъ, которое спеціально изучилъ еще въ юности, какъ лучшій въ свое время воспитанникъ инженернаго училища. Храмъ Апостола Іакова, освященный въ 1820 г. и Мученика Валеріана, при инвалидномъ домѣ, построенный въ 1806 году наслѣдниками графа В. А. Зубова, который тутъ и погребенъ съ прочими родственниками, между ними и графиня Наталья Зубова, дочь нашего знаменитаго полководца Суворова.

Здѣсь въ послѣднее время похоронены Е. В. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, князь А. А. Суворовъ, Мезенцовъ и другіе.

У колодца.

(Рисунокъ на стр. 249).

Въ маленькой пустынной деревенькѣ, затерявшейся въ горахъ, женщинамъ, цѣлые дни занятымъ по хозяйству по дому, негдѣ собираться, негдѣ заняться толками и пересудами, до которыхъ и простыя поселянки такія же охотницы, какъ и женщины общества. И вотъ, по вечерамъ, ихъ излюбленное сборное мѣсто на выѣздѣ узкой, кривой улицы—колодезь, куда онѣ сходятся съ своими большими глиняными кувшинами, въ которыя звонкой струей льется чистая, холодная вода. Но звончѣе воды звучатъ голоса деревенскихъ кумушекъ, которыя все переберутъ, что только ни дѣлается въ глухомъ гнѣздѣ ихъ и сборище у колодца это ихъ деревенскій клубъ.

На нашемъ рисункѣ другое: тутъ молодыя женщины, которымъ не до болтовни и пересудовъ. Онѣ заняты и торопятся, одна поднимаетъ высокій кувшинъ, другая задумчиво смотритъ: какъ льется чистая струя въ широкое ведро.

Іисусъ въ домѣ Симона.

(Рис. на стр. 252).

Рисунокъ талантливаго англійскаго художника Лаусона изображаетъ знаменательный моментъ жизни Христа Спасителя наканунѣ дня, въ который Онъ былъ преданъ Іудой Искаріотомъ. Вечеръ этотъ Спаситель провелъ за трапезой въ домѣ Симона и именно въ Виѳаніи, видъ которой помѣщенъ на страницѣ 244. „И когда въ домѣ Симона возлежалъ Онъ, Марѳа, сестра Лазаря, служила у стола а Марія взяла алавастровый сосудъ съ драгоцѣннымъ муромъ и помазала имъ ноги Спасителя и отерла ихъ волосами своими. Комната наполнилась благоуханіемъ. Іуда сказалъ тогда: „Къ чему расточать муро. Для чего не продать его и не раздать деньги нищимъ“. Что ты ее смущаешь, сказалъ Іисусъ, нищихъ вы всегда имѣете съ собою, Меня-же не всегда будете имѣть. Она сдѣлала что могла: предварила помазать тѣло Мое къ погребенію“. Такъ передаетъ Св. Евангелистъ эти знаменательныя слова Христа Спасителя. На картинѣ видно, какъ припавъ къ стопамъ Его, Марія отираетъ ихъ своими разсыпавшимися роскошными косами. Видно какъ внимательно и задумчиво прислушивается все это, глубоко приверженное къ Божественному Учителю, собравшееся здѣсь общество, къ загадочнымъ и пророческимъ рѣчамъ Его.

Великій князь Симеонъ Гордый осматриваетъ работы иконописцевъ.

(Рис. на стр. 253).

Вліяніе Византіи, такъ сильно отразившееся на всемъ внутреннемъ бытѣ древней Руси, наложило свою печать и на развитіе у насъ изящныхъ искусствъ вообще и въ особенности живописи. Такъ уже въ раннюю эпоху по просвѣщеніи Руси христіанствомъ, Греція стала снабжать наше отечество иконами и эти образцы византійскаго искусства явились могучимъ средствомъ для укрѣпленія и распространенія религіознаго чувства, давая недавнимъ язычникамъ возможность понимать полнѣе и нагляднѣе главнѣйшія основы новаго высокаго ученія. Въ этомъ отношеніи иконопись имѣла дѣйствительно громадное вліяніе и потому греческое духовенство часто даже пользовалось ею при своей миссіонерской дѣятельности и даже при обращеніи въ христіанство князя Владиміра. Греки показывали ему картину изображавшую Страшный Судъ—картину произведшую на него, по словамъ лѣтописи, сильное впечатлѣніе.

Съ распространеніемъ на Руси христіанства и съ уничтоженіемъ жрецовъ, Греція стала снабжать насъ не только иконами, но и художниками. Такъ въ XI вѣкѣ прибыло въ Россію много греческихъ мастеровъ — расписывать Кіево-Печерскій храмъ и ихъ искусство не прошло безслѣднымъ для развитія у насъ иконописанія. Съ этого времени многіе храмы стали украшаться стѣнною живописью и мозаикой и даже появилось русскіе подражатели византійскому художеству, изъ которыхъ однимъ изъ первыхъ былъ Св. Алимпій, монахъ Печерской обители. Въ XII же вѣкѣ число русскихъ художниковъ было уже такъ велико, что представилась даже возможность при украшеніи храмовъ обходиться безъ помощи иностранныхъ мастеровъ и поручать всѣ живописныя работы исключительно русскимъ. Съ увеличеніемъ же могущества и политическаго значенія Москвы, послѣдняя сдѣлалась средоточіемъ художественныхъ силъ того времени: въ ней начали сооружаться величественные храмы, для которыхъ московскіе великіе князья не жалѣли издержекъ. Такъ Симеонъ Гордый (1340 — 1353), всѣми силами заботившійся объ политическомъ первенствѣ своего княжества, украшалъ ея столицу роскошными храмами и являлся однимъ изъ выдающихся покровителей тогдашнихъ художествъ, за успѣхами которыхъ онъ слѣдилъ самъ въ свободное время, среди борьбы съ удѣльными князьями, въ тяжелую эпоху татарскаго владычества. Лѣтопись упоминаетъ, что въ 1343 году Великій Князь приказалъ росписать церковь Архангела Михаила нѣсколькимъ русскимъ художникамъ съ ихъ дружиной, т. е. помощниками и эта работа была кончена не скоро, по словамъ лѣтописца „величества ради и мелкаго письма“.

Это замедленіе вызывалось кромѣ того самымъ процессомъ тогдашней художественной работы, которая главнымъ образомъ состояла въ точномъ, до мелочей, воспроизведеніи греческихъ образцовъ. Фантазіи и творчеству художника тогда не предоставлялось произвола и каждое поползновеніе на уклоненіе отъ образца считалось грѣхомъ и преступленіемъ для древняго нашего иконописца. Не смѣя „мудрствовать“ онъ писалъ все тѣ же строгія, серьезныя фигуры съ темными ликами, въ длинныхъ и узкихъ одеждахъ, не увлекаясь ни эффектами красокъ, ни блескомъ колорита, ни роскошью художественной фантазіи. Лишь эти суровыя, строгія, безстрастныя

фигуры, только эти образа считались истинными и непогрѣшимыми. Только они вполнѣ подходили къ религіозному идеалу древняго религіознаго русскаго человѣка и онъ смотрѣлъ на нихъ не какъ на издѣлія художественной фантазіи, но какъ на дѣйствительныя изображенія угодниковъ Божіихъ и созерцаніе ихъ наполняло его душу живой вѣрой и глубокимъ благоговѣніемъ. Это-то благочестивое отношеніе къ „истинному" письму и выражается на серьезныхъ лицахъ Великаго Князя Симеона и его сопровождающихъ, изображенныхъ на картинѣ. Князь строго и неуклонно слѣдитъ, чтобы именно все было изображено „истинно и благолѣпно" и покрывъ стѣны строимаго имъ храма, возбуждало бы надлежащее настроеніе.

Св. Елисавета, картина Макса.

Всѣмъ еще памятно впечатлѣніе, произведенное во всей Европѣ превосходной картиной замѣчательно талантливаго чеха Гавріила Макса „Ликъ Христа Спасителя". У насъ въ Петербургѣ картину перевидало множество людей, съ нея снимались фотографіи, копіи, рисунки. Выраженіе многострадальнаго лика Искупителя было дѣйствительно божественно, величаво и кротко; печать глубокой скорби и вмѣстѣ высокаго спокойствія лежала на немъ и поражала зрителя. Слишкомъ большое значеніе придавалось особымъ образомъ написаннымъ закрытымъ очамъ, которыя, по пристальномъ взглядѣ на нихъ, казалось, открывались. Большія достоинства картины были несомнѣнны. Теперь мы помѣщаемъ копію другой его картины: то прелестный ликъ Святой Елисаветы. Это одинъ изъ поэтичнѣйшихъ женскихъ образовъ житій католическихъ святыхъ. Святая Елисавета ландграфиня тюрингенская, была дочь короля Венгріи Андрея II и родилась въ Пресбургѣ въ 1207 г. 14 лѣтъ отъ роду она была выдана замужъ за Людовика, ландграфа тюрингенскаго, и поселилась въ Вартбургѣ. Объ ея высокомъ благочестіи и добродѣтеляхъ сохранилось много преданій. Кто не знаетъ прелестной легенды о розахъ Св. Елисаветы, о томъ какъ она каждый вечеръ находила въ своей комнатѣ плащъ, послѣ того какъ отдавала свой какому-нибудь нищему. На картинѣ Макса Св. Елисавета представлена полуребенкомъ, въ тотъ періодъ какъ она впервые оставила родительскій замокъ образъ возвышенно граціозный и поэтичный.

Св. Елисавета. Картина Гавріила Макса, грав. Пааръ.

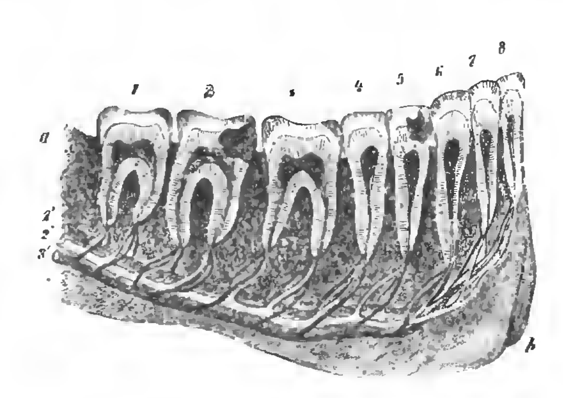
Письма о здоровьѣ.

Э. И. Н—скаго.

Зубы и слухъ.

Какъ ни справедлива старая испанская поговорка, что „зубъ дороже алмаза“, далеко не всѣ, даже люди образованные, усвоили себѣ эту истину. Весьма сравнительно немногіе заботятся надлежащимъ образомъ о сохраненіи 32 алмазовъ, называемыхъ зубами. Здоровые, бѣлые зубы украшаютъ и некрасивое лицо: дурные—безобразятъ даже прелестную улыбку. Плохо пережеванная пища дурно варится; а послѣдствія дурнаго пищеваренія отражаются какъ на физическихъ, такъ и на психическихъ отправленіяхъ организма.

У всѣхъ почти племенъ и народовъ рядъ бѣлыхъ, блестящихъ зубовъ считается однимъ изъ главныхъ украшеній лица человѣческаго; только весьма немногіе островитяне красятъ зу-



Фиг. I. Разрѣзъ черезъ зубы нижней челюсти. a—b. Челюстная кость. 1—8. Рядъ зубовъ въ продольномъ разрѣзѣ. 2 и 5. Больные зубы. 1' Челюстная артерія. 2' Нервы. 3' Вена.

бы въ черный или красный цвѣтъ. Нѣкоторыя дикія племена такъ высоко цѣнятъ зубы, что приносятъ ихъ въ жертву богамъ; поэты воспѣваютъ эти благородные органы человѣческаго тѣла.

Въ былое время ошибочно считали зубы безжизненными, не имѣющими органовъ. Они, также какъ и другія части нашего

Фиг. III. Паразиты слизи рта, увелич. въ 500 разъ микроскоп. (250,000 разъ по плоскости) a) отдѣленныя частички слизистой оболочки. b Твердые грибки. c) Дрожжевые грибки. d) Зубныя инфузоріи. e) Зубныя змѣйки -спириллы. f) Микрококки. g) Гнѣзда грибковъ въ полости рта. h) Инфузоріи полыхъ зубовъ. i) Бактеріи. k) Остатки пищи (салатъ). m) Остатки пищи (хлѣбъ). n) Остатки пищи (мясныя нити).

тѣла живутъ, питаются, имѣютъ свою кровеносную и нервную систему.

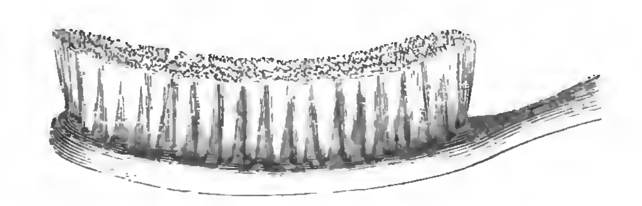
Между 18 и 24 годами нормальный человѣческій ротъ вооруженъ 32 зубами, такъ какъ въ этотъ промежутокъ выростаютъ такъ называемые „зубы мудрости“, которыми и завершается полное образованіе нашей челюсти. Каждый зубъ свободнымъ вѣнчикомъ направленъ въ полость рта; шейки его, окруженныя деснами, плотно ущемлены въ челюстной ячейкѣ, называемой „алвеолъ“.

Зубы раздѣляются на рѣзцы, глазные или клыки, личные и коренные. Фиг. I представляетъ разрѣзъ правой половины нижней челюсти взрослаго человѣка съ вмѣщающимися въ ней зубами: № 1 зубъ мудрости, №№ 2 и 3—большіе коренные, №№ 4 и 5—малые коренные или личные, № 6—глазной или клыкъ, №№ 7 и 8—рѣзцы. Упоминая о глазныхъ зубахъ, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что съ давнихъ поръ существующее мнѣніе, будто верхніе глазные зубы находятся въ близкой анато-

Фиг. II. Черепъ 6½ годовалаго ребенка. Молочные зубы и укрѣпленные въ челюсти, уже начинающіе образовываться, постоянные зубы.

мической связи съ глазами, такъ что болѣзни и выдергиваніе этихъ зубовъ могутъ вліять на зрѣніе—мнѣніе это не имѣетъ никакого основанія.

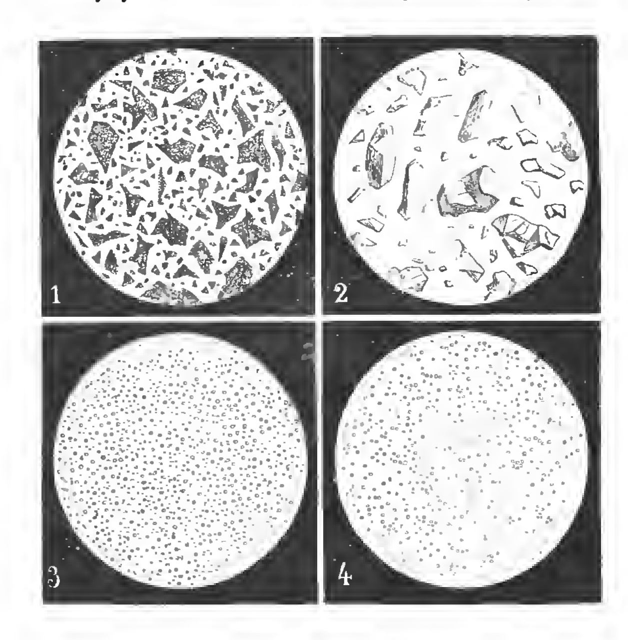
Изъ фиг. I усматривается, что каждый зубъ, отдѣльно взятый, состоитъ изъ различныхъ слоевъ. Вѣнчикъ покрытъ бѣлой массой, называемой эмалью и отличающейся твердостью и хрупкостью. По мѣрѣ приближенія къ шейкѣ зуба слой эмали истончается а у десны исчезаетъ вовсе. Подъ эмалью находится пористая съ мелкими канальцами субстанція—зубная кость, называемая дентинъ. Она даетъ форму зубу и составляетъ основную его часть. Ея безчисленные канальцы наполнены мельчайшими шаровидными тѣльцами — глобулиномъ. На ножкѣ зуба корешокъ одѣтъ слоемъ, похожимъ на цементъ и по строенію своему близко подходящимъ къ строенію кости. Внутри каждаго зуба находится полость, наполненная мягкой, рыхлой, красноватой массой—пульпой. Она состоитъ изъ сѣти тончайшихъ кровеносныхъ сосудовъ и нервовъ; раздѣляется на столько частей, сколько зубъ имѣетъ корешковъ и тончайшими нитями связана съ вышеописанными канальцами; сосуды же и нервы направляются къ отверстіямъ корешковъ, сквозь которые соединяются съ главными сосудами и нервами, лежащими, какъ видно на фиг. I (а—в), въ нижнечелюстномъ каналѣ. Каналъ этотъ заключаетъ артерію, вену и тонкое нервное сплетеніе. Кромѣ того тамъ же есть короткій нервный стволъ, проходящій сквозь челюстную кость наружу; онъ служитъ соединеніемъ описаннаго сплетенія съ чувствительными нервами. Въ верхней челюсти происходитъ точно то же, только въ обратномъ направленіи, т. е. снизу сверхъ. Всѣ зубные нервы соединяются съ большимъ головнымъ нервомъ, называемымъ Trigeminus—тройничный. На фиг. I изображено, какъ въ каждый зубной корешокъ вступаютъ питающія и нервирующія его: артерія 1', нервъ 2' и вена 3'.



Фиг. IV. Настоящая форма зубной щетки.

Постоянные зубы человѣкъ получаетъ, какъ извѣстно, на седьмомъ году, при чемъ молочные выпадаютъ. Замѣчательно, что постоянные зубы находятся въ челюстной кости уже въ то время, когда молочные есть на лицо. Даже въ зачаточномъ состояніи въ мягкой челюстной кости можно прослѣдить какъ

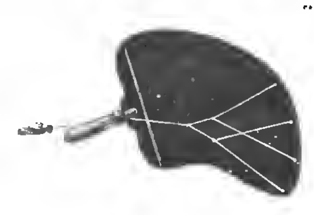
молочные, такъ равно нарождающіеся постоянные зубы, заключенные въ тонкіе мѣшечки. Молочные зубы выростаютъ у ребенка обыкновенно между шестымъ и седьмымъ мѣсяцами; а полное ихъ развитіе до втораго кореннаго включительно заканчивается въ промежутокъ между двадцатымъ и тридцатымъ мѣсяцами. Не мало существуетъ предразсудковъ по поводу труднаго прорѣзыванія зубовъ. Многія грудныя, пищеварительныя и нервныя болѣзни относятъ на долю ни въ чемъ не повиннаго прорѣзыванія зубовъ. Послѣдствія дурного ухода за ребенкомъ, случайно совпадающія съ прорѣзываніемъ зубовъ болѣзни, сваливаются кумушками, нянюшками, матерями на „зубы“, тогда



Фиг. V. Зубные порошки подъ микроскопомъ, увеличенные въ 200 разъ по линіи и 40,000 разъ по плоскости. 1) Угольный порошокъ. 2) Порошокъ устричной раковины. 3) Мѣловой порошокъ. 4) Зубное мыло.

какъ причины, вызвавшія эти болѣзни, совсѣмъ въ иныхъ лежатъ условіяхъ. Такъ, напримѣръ, при неосторожномъ переходѣ отъ молочной пищи къ болѣе плотной весь пищевой каналъ весьма легко подвергается болѣе или менѣе острымъ каттаральнымъ пораженіямъ, которыя всецѣло взваливаются на прорѣзываніе зубовъ.

Фиг. III представляетъ фотографическій снимокъ черепа ребенка, умершаго на шестомъ году жизни. Въ верхней и нижней челюстяхъ отчетливо переданы какъ готовые молочные зубы, такъ равно надъ и подъ ними лежащіе постоянные—въ полуразвитомъ состояніи. Съ началомъ седьмаго года начинаютъ выпадать молочные зубы, а коренные вслѣдъ за ними вступаютъ въ опустѣвшіе, такъ сказать, канальцы и нерѣдко какъ бы выталкиваютъ своихъ предмѣстниковъ. Коль скоро эти послѣдніе начинаютъ шататься, ихъ слѣдуетъ удалить, потому что они могутъ отклонить въ сторону постоянные зубы, чему не мало способствуетъ невольно являющаяся у дѣтей привычка языкомъ надавливать шатающіеся зубы. Къ шестнадцатому году выростаютъ одни за другимъ всѣ коренные зубы, за исключеніемъ зубовъ мудрости, которыми завершается зубная эволюція, большею частью между 17 и 24 годами, а въ рѣдкихъ случаяхъ и гораздо позже, чѣмъ и усиливается повѣрье о вторичномъ и третичномъ рядѣ зубовъ. Извѣстны между прочимъ исключительные случаи выростанія зубовъ у стариковъ, потерявшихъ до этаго всѣ прежніе; также точно были примѣры, что дѣти рождались съ вполнѣ развившимися зубами.



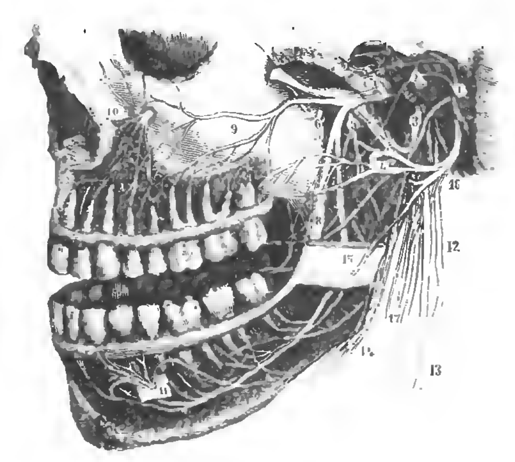
Фиг. VII. Аудифонъ.

Нерѣдко къ врачу обращаются съ вопросами, можно ли лѣчить или дергать болящіе, порченые молочные зубы? Во всякомъ случаѣ не только можно но и должно! Если зубъ полый, то слабый растворъ карболовой кислоты введенный на кусочкѣ ваты уничтожитъ боль; въ случаѣ воспаленія надкостницы ножки зуба слѣдуетъ выдернуть его, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Внимательный и раціональный уходъ за постоянными зубами сохраняетъ ихъ на всю жизнь; неряшливое содержаніе весьма скоро разрушаетъ эти столь важные вспомогательные органы. Нечистоты на зубахъ состоятъ не изъ однихъ, въ гніеніе пришедшихъ, частицъ пищи, но еще изъ цѣлаго ряда микроскопическихъ организмовъ, гнѣздящихся на краяхъ зубовъ, за деснами, проникающихъ до корешковъ. Грязнозеленыя, желтобурыя пятна, безобразящія зубы, состоятъ изъ микроскопическихъ грибковъ, инфузорій и мельчайшихъ частичекъ пищи, смѣшанныхъ съ разложившейся пищею. Фиг. III даетъ вѣрный образъ этихъ разнообразныхъ составныхъ частицъ при весьма сильномъ увеличеніи — это настоящій богато-населенный акваріумъ, гдѣ среди страннаго вида растительности пресмыкаются чудовищныя твари. Быстро шмыгающія, шустрыя, кругловатыя животныя скользятъ по полю микроскопа передъ ползающими инфузоріями, толкая передъ собою змѣеобразныхъ червячковъ, впиваясь въ частички пищи, служащей и для нихъ пропитаніемъ.

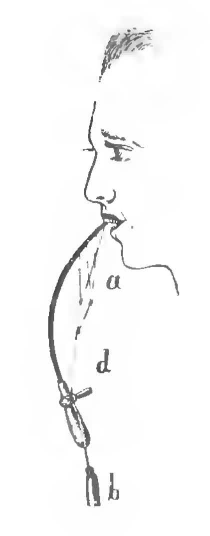
Нечего и доказывать необходимость возможно тщательнаго удаленія подобныхъ нечистотъ изъ полости рта, черезъ который поступаетъ весь контингентъ питанія человѣческаго организма.

Лучшая метода удаленія сора состоитъ въ старательной чисткѣ зубовъ, помощью щетки и воды, къ чему слѣдуетъ пріучать дѣтей съ трехмѣсячнаго возраста. Зубная щетка должна имѣть дугообразную форму, соотвѣтствующую направленію челюсти (фиг. IV). Дѣйствовать ею слѣдуетъ какъ въ горизонтальномъ такъ и въ вертикальномъ направленіи, т. е. проводить по зубамъ слѣва направо, сверху внизъ и обратно. Чистка зубовъ должна производиться послѣ каждой пищи, причемъ болѣе крупные остатки застрявшей между зубами пищи предварительно удаляются помощью роговой или костяной зубочистки, отнюдь не прибѣгая къ металлическимъ иголкамъ, булавкамъ, спицамъ и т. д.



Фиг. VI. Зубные нервы.

Изъ зубныхъ порошковъ годятся только такіе, которые, не имѣя химическаго дѣйствія на зубы, очищаютъ ихъ лишь механическимъ путемъ: мягкіе порошки, нейтральныя зубныя мыла, слегка вяжущія, ароматическія полосканія. Всѣ кислоты, хотя-бы въ разведенномъ видѣ, вещества разъѣдающія эмаль, должны быть изъяты изъ употребленія. Для удаленія дурнаго изо рта запаха, являющагося вслѣдствіе разложенія на фиг. III изображенныхъ паразитическихъ продуктовъ, весьма пригодны хлористыя и марганцовыя соединенія, въ растворѣ, съ придачей какихъ-нибудь ароматическихъ пріятнаго запаха настоевъ. Такъ напр. 500 частей дистиллированной воды, 10 ч. Kali oxymuriatici (Бертолетовой соли) и 5 ч. мятнаго настоя; или 100 ч. воды 1 ч. Kali hypermanganici, на стаканъ воды 1 чайную ложку. Для приготовленія порошковъ лучшее средство мелко-толченый чистый мѣлъ, медицинское мыло или смѣсь этихъ двухъ веществъ въ видѣ тѣста (Pasta) съ прибавленіемъ индифферентнаго красящаго начала краснаго цвѣта. Разнообразные, въ продажѣ встрѣчаемые, зубные порошки, составленные изъ угля, толченой устричной скорлупы, разрушая эмаль, весьма вредны для зубовъ. Уголь притомъ, проникая между зубами и деснами, окрашиваетъ края этихъ послѣднихъ въ черносизый цвѣтъ остающійся навсегда. Точно то же должно сказать и о сигарной золѣ.



Фиг. VIII. Конструкція аудифона.

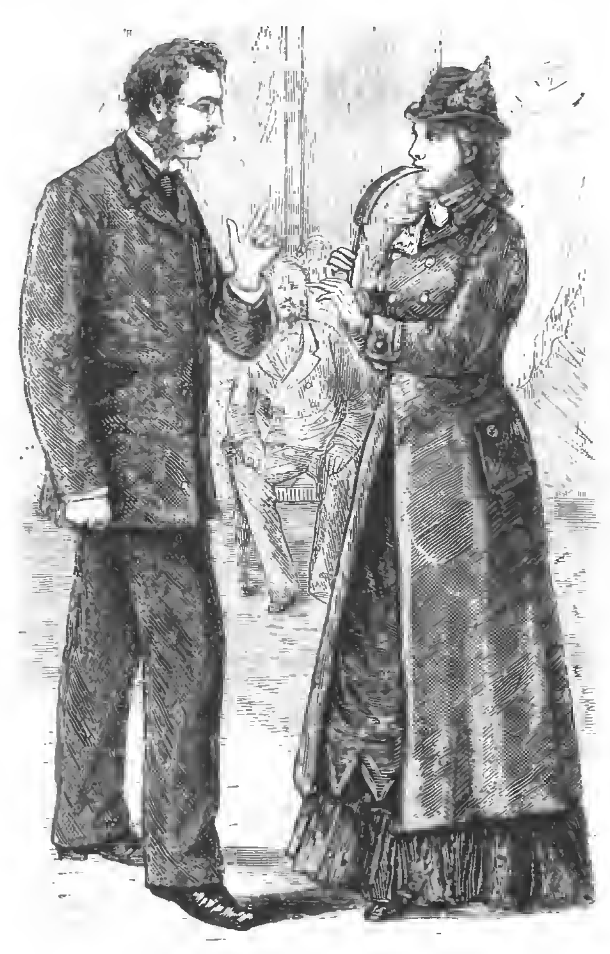
Какъ вредно дѣйствуетъ уголь, устричный порошокъ и другія подобныя вещества усматривается изъ рисунковъ фиг. 5, изображающихъ эмаль чищенную порошкомъ липоваго угля № 1; истолченной устричной скорлупы № 2; совсѣмъ иначе представляется эмаль, изъ подъ мѣла № 3 и медицинскаго мыла № 4. Микроскопическое увеличеніе одинаково для всѣхъ четы-

рехъ объектовъ. Грубые, рѣзко угловатые края трещинъ и царапинъ первыхъ двухъ эмалей ясно указываютъ на разрушающее дѣйствіе угля и раковинъ въ противуположность съ мѣлами и мыломъ.

Всѣ тинктуры съ примѣсью кислотъ дѣйствуютъ не менѣе вредно путемъ химическимъ. Модная въ послѣднее время, салицилловая кислота не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія.

Какимъ путемъ ни произошла-бы трещина въ зубной эмали, она даетъ доступъ паразитамъ, кислотамъ и другимъ, случайно попадающимъ въ полость рта веществамъ, — въ существѣ зуба причиняютъ раздраженіе, воспаленіе наружныхъ и внутреннихъ частей его, равно какъ помощью химическаго разложенія нарушаютъ его цѣлость и ведутъ къ костоѣду. Зубъ № 5 на фиг. I изображаетъ полость не дошедшую еще до зубнаго нерва. Тутъ еще нѣтъ боли. Идя дальше, костоѣда облегаетъ нервъ и тогда являются тѣ ужасныя боли, которыя доводятъ страждущихъ до изнеможенія, весьма трудно усмиряются лекарствами, и заставляютъ прибѣгать къ выдергиванію зуба.

Пломбированіе, къ которому такъ часто обращаются, также



Фиг. IX. Способъ употребленія аудифона.

устраняетъ на нѣкоторое время боль, предохраняя нервъ отъ вліянія попадающихъ въ полость зуба постороннихъ веществъ. Оно дѣлается помощью тѣста съ примѣсью ѣдкихъ, убивающихъ нервы веществъ, какъ мышьякъ, креозотъ и наркотиковъ, имѣющихъ свойство утолять боли какъ морфій, опіумъ, хлоралъ-гидратъ и другія. Пломба изъ листоваго золота дѣйствуетъ въ смыслѣ чисто предохранительномъ трудно вводится и требуетъ ловкости и навыка.

Мы хотѣли только указать въ общемъ самыя простыя средства, какими можно держать въ порядкѣ ротъ и зубы, такъ важные для здоровья всего тѣла.

Новѣйшая хирургія доказала, что вынутые съ больными корнями зубы можно вставить обратно, очистивъ предварительно хорошенько корень. Вставленіе зубовъ было извѣстно еще величайшему врачу древности, Гиппократу. Англійскій хирургъ Куперъ, чтобы доказать живучесть и возможность вростанія вырваннаго зуба, врѣзалъ зубъ въ гребень живаго пѣтуха и зубъ началъ питаться окружающими сосудами пѣтушьяго гребня, въ который и вросъ. При вынутіи больнаго зуба, для того чтобы вычистить и вставить вновь, должно снять напильникомъ верхушку корня; полость, въ которой находился зубъ, промываютъ чистой тепловатой водою, а самому вновь вставленному зубу даютъ то положеніе, въ какомъ онъ находился до вынутія.

Кто имѣлъ несчастье потерять много или даже большую часть зубовъ, то не одно только тщеславіе, какъ многіе полагаютъ, побуждаетъ вставлять искусственные зубы: это надо дѣлать тотчасъ, это обязанность самосохраненія. Вслѣдствіе недостаточности необходимыхъ орудій жеванія, пища недостаточно размельчается и вводится въ желудокъ въ видѣ слишкомъ большихъ кусковъ; начинаются желудочные катарры, недостаточность питанія и вялость отправленій организма. Особенно должны это помнить старые люди, у которыхъ и безъ того уже желудокъ варитъ слабѣе. Послѣ выпаденія зубовъ должно тотчасъ-же позаботиться объ искусственныхъ, чтобы даже временно не нарушать правильности питанія.

Зубные нервы находятся въ прямой связи съ такъ называемымъ „тройничнымъ“ нервомъ. Отъ этого тройничнаго нерва идетъ вѣтвь къ слуховому нерву, который передаетъ воспринимаемые ушною раковиною звуки мозгу, потомъ уже воспроизводится ощущеніе. На фиг. VI нашего рисунка мы представили общій видъ нервныхъ развѣтвленій на черепѣ и связь слуховаго и зубныхъ нервовъ.

Значительное число нервныхъ стволовъ, находящихся за ушной раковиной, входятъ въ черепную полость и достигаютъ мозга. Съ черепа (это представлено на нашемъ рисункѣ) съ большой осторожностью сняты всѣ мягкія части и оставлены одни нервы. Что кости головы хорошій проводникъ звука — вещь давно извѣстная; въ высшей степени вѣроятно, что въ настоящемъ случаѣ, кромѣ того и частицы головныхъ нервовъ, выведенные звукомъ изъ состоянія покоя, вибрируютъ и такимъ образомъ передаютъ звуки отъ зубовъ въ богатое нервными сплетеніями внутреннее ухо. Есть люди, оглохшіе вслѣдствіе того что была запущена простуда или другая какая-нибудь болѣзнь и нѣкоторые части слуховаго аппарата или сдѣлались неспособными проводить звукъ или-же совершенно разрушились, напримѣръ лежащая между барабанной перепонкой и полостью, передающая звукъ, слуховая косточка. Но такимъ оглохшимъ можно, помимо уха, передавать звукъ слуховому нерву и мозгу при помощи зубовъ, стоящихъ въ непосредственной связи съ костями черепа. На этомъ основаніи одинъ американецъ, Родесъ, самъ съ давнихъ поръ страдая глухотою,

Фиг. X. Деревянная пластинка для слушанія черезъ зубы.

придумалъ аппаратъ, изображенный у насъ на VII и VIII рисункахъ. Случайно взялъ онъ въ зубы свои карманные часы и тутъ совершенно явственно услышалъ ихъ ходъ. Это навело его на мысль привести въ соприкосновеніе съ зубами какую-нибудь отражающую поверхность, чтобы черезъ нее проходящій извнѣ звукъ усиливался и передавался-бы затѣмъ слуховому нерву. Собственно только при одномъ строго опредѣленномъ родѣ глухоты можно съ успѣхомъ пользоваться такимъ аппаратомъ: именно когда собственно нервныя слуховыя сплетенія не повреждены; и лишь неглухорожденнымъ, лишь тѣмъ, которые прежде слышали, въ мозгу которыхъ существуетъ представленіе о звукѣ, лишь тѣмъ можетъ этотъ аппаратъ принести пользу. Отъ рожденія глухія дѣти не слышатъ ничего и при помощи этого аппарата.

Аппаратъ, изобрѣтенный Родесомъ, походитъ по формѣ на японскій вѣеръ — это тонкая пластинка изъ твердаго каучука (фиг. VII), которой можно придать любую кривизну, такъ что образуется отражающая плоскость для звуковыхъ волнъ. При болѣе или менѣе сильныхъ звукахъ согнутая пластинка (a, d) начинаетъ колебаться и передаетъ свои колебанія косвеннымъ путемъ слуховому нерву. Близъ пластинки (b фиг. VIII), находится кисть помощью которой можно регулировать напряженіе перепонки.

На фиг. IX представлено практическое примѣненіе этого аппарата при разговорѣ.

Глаза глухой особы устремлены на губы разговаривающаго съ ней. По движенію этихъ губъ узнаетъ она согласныя, между тѣмъ какъ гласныя доходятъ до ея слуховыхъ нервовъ, передаваясь при посредствѣ зубовъ. Описанный нами инструментъ годенъ болѣе для передачи тоновъ, нежели словъ. Въ Европѣ этотъ аппаратъ значительно упростили. Профессоръ Калладонъ въ Женевѣ вмѣсто дорогой пластины изъ твердаго каучука употреблялъ простой лакированный бумажный картонъ; докторъ Флетшель въ Англіи, какъ лучшее средство для отраженія звука въ аудифонѣ, бралъ просто тонкую березовую пластинку, которой придавалъ выпуклую форму посредствомъ водяныхъ паровъ; къ пластинкѣ прикрѣплялъ одну рукоятку, какъ это изображено на фиг. X. На практикѣ этотъ простой аппаратъ оказывается также примѣнимымъ, какъ и аппаратъ Родеса.

Что можно слышать при посредствѣ зубовъ — это вовсе не ново. Уже во второй половинѣ прошлаго столѣтія въ заведеніяхъ для глухонѣмыхъ соприкасали съ зубами тонко обструганные куски дерева при объясненіяхъ съ учениками. Уже тогда было наблюдаемо, что только въ рѣдкихъ случаяхъ способъ этотъ дѣйствителенъ, между тѣмъ, какъ глухорожденнымъ и тѣмъ, у которыхъ слуховые нервы сдѣлались совершенно нечувствительными, это нисколько не помогаетъ слышать.

Многіе, совершенно повидимому глухіе, но которыхъ слуховой аппаратъ не поврежденъ, отлично слышатъ игру на фортепіано, если только будутъ во время игры держать въ зубахъ палку, упирающуюся другимъ концомъ въ декъ инструмента. Бетховенъ, оглохнувъ, пользовался этимъ способомъ, чтобы слышать исполненіе своихъ безсмертныхъ симфоній. Пишущій настоящія замѣтки имѣлъ случай производить опыты съ этимъ аппаратомъ съ глухонѣмыми дѣтьми и взрослыми и пришелъ къ убѣжденію, что глухонѣмые отъ рожденія или тѣ, которые въ очень молодыхъ годахъ потеряли слухъ, отлично ощущаютъ звуковыя колебанія, но не слышатъ ихъ. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда развѣтвленія слуховаго аппарата не повреждены и глухота не врожденная, можно рекомендовать опыты при помощи одного изъ представленныхъ здѣсь аппаратовъ, которые легко самому сдѣлать можно, въ родѣ изображеннаго на фиг. X.

Судьба всѣхъ новыхъ открытій постигла и аудифонъ Родеса. Возбужденныя надежды на облегченіе такого невыносимаго уродства какъ глухота, побуждали многихъ пріобрѣтать себѣ дорого стоющій американскій аппаратъ, и затѣмъ они роптали, жалуясь на обманъ. Авторитеты по ушнымъ болѣзнямъ единогласно рекомендуютъ аудифонъ, который теперь употребляется подъ именемъ дентофона. Онъ очень удобно складывается и носится въ карманѣ. Аппаратъ этотъ помогаетъ самымъ дурно слышащимъ людямъ. Правда, что слуховой рожокъ все-же остается лучшимъ средствомъ.

Библіографія.

Искусство Средней Азіи Вып. 1 Спб. 1882. Изданіе Общ. Поощр. худож. Этотъ сборникъ Средне-азіатскаго орнамента будетъ выходить выпусками и на него открыта подписка. Цѣна возможно дешевая (50 р. за все изданіе въ 50 листовъ) за такое изданіе, съ которымъ въ сравненіе могутъ идти очень не многія. Искусные рисунки на большихъ листахъ члена бывшей Самарской экспедиціи г. Симакова, изображающіе предметы гончарнаго дѣла, ювелирнаго и чеканнаго искусства и т. п. превосходно отпечатаны красками и золотомъ въ хромолитографіи Ильина. Это обширный матеріалъ для фабрикантовъ, мастеровъ, художниковъ, архитекторовъ. Замѣчательные памятники зодчества временъ Тамерлана, предметы искусства Туркестана, Ташкента, Бухары, Хивы—все это въ высшей степени интересно по изяществу и оригинальности и заслуживаетъ самаго полнаго вниманія всѣхъ интересующихся искусствомъ.

Историческіе и критич. очерки Н. Страхова. Милль, Ренанъ, Штраусъ и др. Спб. 1882. Вопросъ о нашей самобытности и самостоятельности, вопросъ о томъ какъ отразилось въ Россіи просвѣщеніе Запада, перенесенное на нашу почву—все это самые жгучіе вопросы, о которыхъ въ послѣднее время поднялось столько толковъ, и всякое здравое и свѣтлое по этому предмету сужденіе имѣетъ большой и животрепещущій интересъ. Настоящая книга нашего извѣстнаго мыслителя и философа чрезвычайно мѣтко и глубоко указываетъ на тотъ опасный современный недугъ „острой мечтательности“ когда люди тратятъ силы и дѣятельность на погоню за воображаемымъ, что и есть именно результатъ подражательности, результатъ разрыва съ родною дѣйствительностью. Очерки эти представляютъ въ такой степени большой интересъ, что мы не можемъ не указать на нихъ каждому, кто ищетъ яснаго, спокойнаго и глубокаго обсужденія затронутыхъ въ этой замѣчательной книгѣ вопросовъ.

Политическое обозрѣніе.

Сербія.—Австро-Венгрія.—Германія.—Франція.—Англія.—Китай.

Король сербскій Миланъ Обреновичъ 1-й признанъ и получилъ привѣтствія ото всѣхъ дворовъ Европы. Наше предположеніе о томъ, что провозглашенію короля предшествовали переговоры съ державами подтверждается вѣнскими офиціозными газетами, которыя утверждаютъ будто Сербія, при этомъ, обѣщала оставаться въ дружественныхъ и союзныхъ отношеніяхъ къ Австро-Венгріи. Король, на привѣтствіе президента скупщины, отвѣчалъ: „Я съ особеннымъ удовольствіемъ, могу сообщить, что уже въ первыя сутки послѣ возведенія Сербіи на степень королевства, двѣ великія державы, которыя всегда выражали намъ свое благорасположеніе, извѣстили о своемъ признаніи совершившагося факта. Полагаю, что я только выполню свою обязанность и обязанность Сербіи, если громко выражу признательность (такъ и кажется, что здѣсь говорится о Россіи) Императору Францу-Іосифу и Императору Вильгельму.

Австро-венгерскій посланникъ, привѣтствуя короля Милана, въ торжественной аудіенціи, высказалъ, что Австрія, съ удовольствіемъ, поспѣшила признать возвышеніе сосѣдняго государства; такая поспѣшность, прибавилъ онъ, является не только слѣдствіемъ географическаго сосѣдства, а также объясняется уваженіемъ, съ которымъ Австрія всегда относится къ разумной политикѣ (?); король благодарилъ за привѣтъ и высказалъ, что Сербія будетъ держаться той-же политики (!), какъ наиболѣе выгодной для ея интересовъ. Газета „Times“ прямо говоритъ, что Австрія удовлетворила стремленію Сербіи къ возведенію въ королевство въ награду за послушаніе и съ тѣмъ условіемъ, чтобы это послушаніе и впредь было руководящимъ принципомъ внѣшней политики Сербіи.

Вѣнскія газеты до того уже увѣрены въ непоколебимой вѣрности Сербіи къ ея фактическому сюзерену, что начинаютъ разсказывать такія небылицы, какъ напримѣръ, будто одинъ изъ сербскихъ министровъ, въ бытность свою въ Вѣнѣ, говорилъ, что въ случаѣ войны между Австріей и Россіей, Сербія примкнетъ къ первой. Послушаемъ теперь что говорятъ другія газеты. Нашъ „Journal de St.-Pétersbourg“ заявляетъ, что русскій народъ горячо сочувствуетъ ликованію доблестнаго сербскаго народа, такъ какъ и онъ принималъ свою долю участія въ борьбѣ, изъ которой вышла независимость Сербіи; онъ шлетъ самыя искреннія пожеланія сербскому народу и сербской династіи, онъ желаетъ имъ, въ особенности, мира и благоденствія, умѣренности и благоразумія, дабы они могли занимать достойнымъ образомъ скромное, но почетное мѣсто, предоставленное Сербіи въ европейской семьѣ... Слова эти — можемъ положительно завѣрить нашихъ читателей,—взяты не изъ какой-нибудь иностранной (напримѣръ австрійской) газеты, а — изъ „Journal de S.-Pétersbourg“. Весьма характеристична и „эта доля участія русскаго народа“ въ освобожденіи Сербіи, т. е. цѣлое столѣтіе борьбы! не менѣе значителенъ и совѣтъ умѣренности и благоразумія... Иначе на эту тему говоритъ органъ младо-чеховъ „Народные Листы“ (Narodni Listy); младо-чехи напоминаютъ новому королю и сербамъ о томъ, что хотя шесть лѣтъ тому назадъ Миланъ и отказался принять королевскую корону изъ русскихъ рукъ, они всетаки обязаны всѣмъ и, въ особенности, своею независимостью русскимъ а потому имъ не подобно увлекаться теоріею политической неблагодарности. Мадьярскіе государственные люди, помышлявшіе въ 1877 г. ударить въ тылъ русскимъ, конечно не заслуживаютъ себѣ признательности юнаго королевства. Далѣе, газета объявляетъ, что провозглашеніе Сербіи королевствомъ есть не болѣе какъ второстепенный эпизодъ въ современной исторіи славянства и того фазиса, который ожидается; когда-же настанетъ минута прибѣгнуть къ оружію для разрѣшенія вопроса — кому владѣть Балканскимъ полуостровомъ, то Сербія опять будетъ стоять на сторонѣ, указываемой ей ея исторіей, ея патріотическими чувствами и ея національными надеждами, т. е. на сторонѣ Россіи.

Славяне борются еще, но—имъ трудно. Іовановичъ перешелъ въ энергическое наступленіе и движеніе его имѣло, конечно, успѣхъ—оплотъ кривошанъ, крѣпостца Драганъ, взята его войсками. Усташи, числомъ отъ 900 до 1,000 чел., сражались нѣсколькими отдѣльными отрядами и партіями противъ 44 и 47 дивизій и, не смотря на такой перевѣсъ, успѣли подобрать всѣхъ своихъ раненыхъ и убитыхъ въ отступленіи; значитъ отступали, а не бѣжали, успѣвъ разрушить Драганъ; всѣ села и деревни опустѣли—жители ушли: усташи-же удалились въ Черногорію. Есть, однако, свѣдѣнія, что въ Кривошіи не все закончено. При движеніи своемъ къ черногорской границѣ, австрійцы оставили у себя въ тылу нѣсколько мелкихъ отрядовъ, которые служатъ какъ-бы кадрами для возставшихъ славянъ и теперь сообщаютъ уже о появленіи новыхъ отрядовъ въ окрестностяхъ Главашичево и Копицы, на сѣверѣ отъ только что очищеннаго австрійцами отъ усташей загорья, также и близь Фочи: вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ сѣверо-западнаго угла Герцеговины и изъ

Западной Боснія многочисленные и хорошо вооруженные отряды проникли въ Среднюю Далмацію. Объ этомъ, впрочемъ, изъ Вѣны не сообщается ничего.

Изъ Константинополя сообщаютъ, что султанъ, бесѣдуя съ главою чрезвычайной германской миссіи, княземъ Радзивилломъ, высказалъ желаніе лично познакомиться съ императоромъ Вильгельмомъ и посѣтить Западную Европу. Членовъ германскаго посольства чествуютъ всячески. Недавно отправились изъ Константинополя въ Бруссу на яхтѣ адмиралтейства, предоставленной въ ихъ распоряженіе: они проѣдутъ въ Дарданеллы, разсмотрятъ раскопки Трои Шлиманомъ, и также нѣсколько интересныхъ мѣстностей въ Мраморномъ морѣ, и затѣмъ послѣ аудіенціи, выѣдутъ въ Варну.

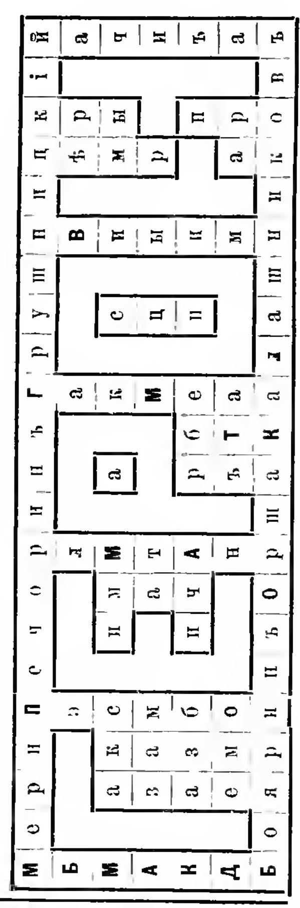
Прусская палата депутатовъ, вопреки голосамъ либеральной партіи, утвердила кредитъ, требуемый правительствомъ для учрежденія посольства при папскомъ дворѣ.

Въ Парижѣ офиціозныя газеты снова совѣтуютъ Франціи и Англіи принять энергическія мѣры въ Египтѣ для поддержанія власти хедива, который, прибавимъ отъ себя, вовсе и не проситъ о томъ, по крайней мѣрѣ—до сихъ поръ не было такихъ слуховъ. На станціи (Броттю) одной изъ желѣзныхъ дорогъ недавно былъ произведенъ обыскъ багажа какого-то путешественника — и путешественникъ этотъ сказался офицеромъ германскаго генеральнаго штаба; при немъ найдены различные топографическіе инструменты, географическія карты и планы крѣпостей.

Гладстонъ, въ настоящее время, находится въ сильной оппозиціи съ палатою лордовъ, которая рѣшилась воспротивиться слабой уступкѣ, сдѣланной ирландскимъ фермерамъ, т. е. земельному акту, давшему очень небольшія облегченія тамошнимъ арендаторамъ: лорды пожелали образовать особую комисію для провѣрки примѣненія „акта“ на дѣлѣ; первый министръ, понимая хорошо цѣль комисіи, которая вѣроятно, состоитъ въ томъ, чтобы вывести заключенія не въ пользу недавняго закона и пріостановить его дальнѣйшее примѣненіе—пошелъ противъ намѣренія пэровъ и, даже, говорятъ, рѣшился выйдти въ отставку, но палата депутатовъ поддержала его, высказываясь противъ учрежденія коммисіи.

Рѣшеніе задачи буквъ № 9.

1) Каминъ.
2) Эразмъ.
3) Меръ.
4) Игуменъ.
5) Мимика.
6) Аистъ.
7) Ницца.
8) Шов.
9) Швабра.
10) Чин.
11) Чадра.
12) Марш.
13) Лѣсник.
14) Пій.
15) Ялик.
16) Мыза.
17) Какао.
18) Роббер.
19) Чина.
20) Рота.
21) Бонн.
22) Еры.



Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. **Спб.**—Кузьмина, Гедда, Бѣлявикова, Кононовой, Вишняковой, **В. В.**, Голенищева, Нелли Р., Осипина, Ильина, Лагусъ; **Москва**—Соколовой, Болотова, Гальфтеръ, Еремина; **Астрахань**—Цѣхановича; **Варшава**—Агафонова; **Екатеринославъ**—П. Б—ва; **Казань**—Билюковича, Степанова; **Ковно**—Гренкова, **Кострома**—Михайловскаго; **Кронштадтъ**—Уткина; **Ревель**—Федорова; **Рязань**—Шумовыхъ; **Одесса**—А. С.; **Оренбургъ**—Рѣпина; **Пенза**—Карсъ; **Череповецъ**—Михайлова; **Черниговъ** — Никифорова.

2-й заемъ 1866 года. 32-й тиражъ 1-го Марта 1882 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
88	20	500	2504	49	25000	4971	14	500	7537	10	500	10128	6	500	13073	42	500	15256	7	500	17459	21	500
103	46	1000	2533	27	500	5004	29	1000	7555	37	500	10233	21	500	13103	9	1000	15275	32	500	17605	48	500
133	2	500	2589	40	500	5071	45	500	7616	22	500	10252	25	500	13129	12	500	15298	3	500	17668	39	500
223	50	500	2658	16	500	5173	18	500	7640	42	500	10338	1	500	13151	28	500	15353	16	500	17722	27	500
262	18	500	2673	45	500	5178	36	1000	7655	38	500	10385	38	500	13153	4	500	15361	47	500	17879	40	500
266	4	8000	2673	48	500	5186	35	500	7995	16	10000	10533	12	500	13214	12	500	15412	45	500	17904	40	500
339	10	500	2694	45	500	5193	43	500	8031	14	500	10554	17	500	13224	4	500	15435	7	500	17916	39	500
515	42	500	2716	41	500	5236	46	500	8058	1	1000	10581	20	500	13243	14	500	15459	37	500	18041	15	500
735	2	500	2747	28	500	5265	8	500	8121	18	500	10612	46	500	13317	38	500	15523	22	500	18060	32	500
749	26	500	2832	7	500	5269	38	500	8165	22	500	10748	35	500	13454	45	500	15557	46	500	18101	6	500
826	19	500	2889	14	500	5325	7	500	8183	10	500	10772	18	500	13639	31	500	15585	16	500	18141	1	500
897	14	500	2924	32	1000	5394	32	500	8189	34	500	10805	1	500	13651	30	500	15682	47	500	18157	31	500
927	12	500	2928	27	500	5414	37	500	8226	41	5000	10808	7	500	13805	24	500	15817	11	8000	18207	32	500
929	21	500	2964	6	500	5419	11	1000	8264	41	500	10965	38	500	13992	9	500	15887	33	8000	18496	20	500
982	31	500	2985	49	500	5447	9	500	8294	36	500	10970	3	500	14029	49	500	15951	5	500	18516	23	500
1159	37	500	2987	42	500	5583	1	500	8365	23	500	11057	13	500	14059	49	500	16304	29	500	18586	11	500
1190	26	8000	2990	31	500	5737	19	500	8371	33	500	11225	34	500	14108	46	500	16237	26	500	18613	6	500
1255	37	1000	3028	10	500	5770	3	500	8457	24	1000	11308	33	500	14302	45	500	16341	19	500	18701	9	500
1312	15	500	3081	30	500	5807	23	1000	8495	7	8000	11544	4	500	14315	14	500	16401	30	500	18708	1	1000
1422	19	500	3107	28	500	6038	29	500	8523	37	500	11554	18	500	14386	29	500	16428	16	500	18798	20	500
1476	5	500	3192	11	500	6040	40	500	8815	50	500	11891	32	500	14512	34	500	16450	23	500	18854	5	5000
1501	34	75000	3243	29	500	6377	3	500	8878	10	1000	12094	50	500	14541	9	5000	16477	1	500	18861	29	500
1574	26	500	3249	44	500	6380	15	500	9057	47	10000	12148	11	5000	14648	20	500	16560	43	500	18868	49	5000
1575	34	500	3332	1	500	6420	1	500	9100	30	500	12158	13	500	14720	32	500	16614	21	500	18926	35	500
1714	1	500	3193	38	500	6541	10	500	9204	45	500	12166	13	500	14739	44	500	16616	45	500	18943	1	500
1761	7	500	3527	47	500	6709	45	500	9261	8	1000	12289	4	500	14811	22	500	16690	44	1000	19008	4	500
1775	25	1000	3792	24	500	6735	18	500	9296	43	500	12308	36	500	14812	21	500	16700	37	500	19033	21	500
1806	21	500	3877	23	500	6739	19	500	9326	20	500	12321	35	500	14845	1	500	16742	48	500	19057	31	500
1817	11	5000	4025	17	500	6855	13	500	9368	7	500	12380	46	500	14906	26	500	16913	47	500	19187	5	5000
1835	33	500	4147	28	500	7093	48	500	9405	30	1000	12436	27	500	14947	40	1000	16949	10	500	19198	25	500
2052	47	500	4173	2	10000	7137	30	500	9568	45	500	12449	27	500	14979	22	500	17151	40	500	19232	20	5000
2061	29	500	4179	32	1000	7171	4	500	9627	30	500	12725	12	500	14991	15	500	17217	31	500	19622	10	1000
2066	11	500	4272	19	500	7201	17	200000	9686	17	500	12758	38	500	15135	28	500	17220	17	500	19796	32	500
2228	49	500	4355	37	500	7217	8	500	9959	28	500	12804	40	500	15161	1	500	17293	25	500	19851	49	500
2281	47	500	4550	39	500	7322	46	500	10031	43	500	12825	22	500	15217	15	500	17294	29	500	19876	32	500
2296	48	500	4700	42	500	7332	34	500	10052	9	500	12901	19	500	15247	14	505	17819	17	1000	19935	9	500
2459	26	500	4766	29	500	7422	8	500	10078	35	500	12932	43	500	15253	17	500	17340	32	500	19973	4	40000
2502	31	500	4820	39	500	7427	26	500	10103	25	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ.

227, 351, 1208, 1255, 2584, 2805, 3045, 3406, 3677, 3865, 4040, 4103, 4390, 4555, 4667, 5472, 5506, 5786, 6126, 6213, 6390, 6417, 6445, 6584, 6635, 6699, 7318, 7525, 7631, 8393, 8486, 8540, 8889, 9320, 9570, 9767, 9776, 10361, 10493, 11030, 11892, 12221, 12273, 12442, 12466, 12710, 12867, 13193, 13293, 13706, 13953, 14639, 15018, 15632, 16010, 17110, 17538, 1727, 18073, 18169, 18578, 18991, 19635, 19793, 19801, 19889.

ОТЪ КОНТОРЫ „НИВЫ“.

Въ виду предстоящихъ праздниковъ, по огромному количеству экземпляровъ (75,000), мы должны, во избѣжаніе задержки, начинать печатаніе слѣдующихъ №№ заблаговременно и поэтому покорнѣйше просимъ гг. желающихъ помѣщать **объявленія къ праздникамъ**, доставлять намъ ихъ для № 13 (выходящаго 26-го марта) не позже 17-го марта.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 40 коп. (1 Mark. 20 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ ¼ ширины страницы.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „Нивѣ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

Единственное доказательство подлинности, если эта-же фабричная марка находится на этикетахъ.

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ отъ Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ *).

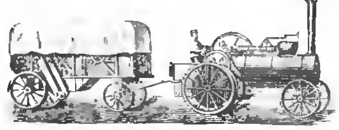
Признанъ за **лучшее средство** противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная съ **простаго катарра** до **чахотки** и противъ блѣдной немочи.

Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ въ **С.-Петербургѣ.**

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. и 2 руб. у русск. общ. торговли аптекарск. товар. Казанская, 12, Штоль и Шмидтъ. Малая Морская, 11.

Въ Москвѣ у Н. Матейзенъ; въ **Варшавѣ** у Лудвига Шписъ и Сына. № 1938



Имѣются всевозможныя земледѣльческія машины въ большомъ выборѣ

ВЪ СКЛАДѢ

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ ОРУДІЙ и МАШИНЪ

МАЛЬЦОВСКАГО

П. Т. Товарищества

въ Москвѣ

у Красныхъ воротъ по Садовой собств. д. Каталоги высылаются безплатно.

№ 1849 4—2

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ въ редакціи журнала **„НИВА“** Больш. Морская, д. № 9, въ СПБ. и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА:

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

Романъ-хроника (XVIII вѣка), въ 2-хъ частяхъ **Всеволода Соловьева.**

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ жизни XVII вѣка, **Всеволода Соловьева.**

Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

Подписчики „Нивы“ на 1882 годъ за пересылку не платятъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА:

„СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ВОПРОСЫ“.

Т. ФИЛИППОВА.

Содержаніе книги: Слово митрополиту Сербскому Михаилу.—Переписка съ патріархомъ Григоріемъ VI.—Три разсужденія о греко-болгарской распрѣ.—Письмо къ профессору Нильскому.—Четыре чтенія „о нуждахъ единовѣрія“.—Дополненія: о жезлѣ правленія, о Петрѣ Дамаскинѣ, о литургіи Св. Василія. Адресъ единовѣрцевъ патріарху Іоакиму III.

Цѣна **3** р. **50** к., съ пересылкою **4** р.

Иногородные обращаются къ Т. И. Филиппову: Невскій, 75 или въ контору товарищества „Общественной Пользы“, Б. Подъяческая, № 39.

РАЗРѢШЕННЫЯ МОСКОВСКИМЪ МЕДИЦИНСКИМЪ ФАКУЛЬТЕТОМЪ САЛИЦИЛОВЫЯ ЗУБНЫЯ СРЕДСТВА

зубнаго врача Л. Э. АДЕЛЬГЕЙМЪ въ Москвѣ.

пріобрѣтшія большое примѣненіе, рекомендуются какъ лучшія гигіеническія средства для рта и зубовъ, предупреждающія костоѣду, осажденіе слюннаго камня, дурнаго запаха во рту и проч.

Главное депо у зубнаго врача Л. Э. АДЕЛЬГЕЙМА, **въ Москвѣ,** Кузнецкій мостъ, домъ Соколова.

Оптовая и розничная продажа во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ магазинахъ, въ лучшихъ косметическихъ и другихъ магазинахъ всей Россіи.

Перепродавцамъ соразмѣрная скидка. Ц. № 1947

Новыя изданія книгопродавца Э. ГАРТЬЕ,

Невскій проспектъ, д. 27, у Казанскаго моста, въ С.-Петербургѣ,

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Красивые томы, изящно изданные, въ 16°.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЦАРСТВО.

В. И. Немировича-Данченко. **2 тома. 2 р.**

ДЕРЕВЕНСКАЯ НЕУРЯДИЦА, Глѣба Успенскаго. 3 тома. 3 р. 75 к.
БОЛЬНЫЕ ЛЮДИ. Романъ **А. И. Пальма.** 2-е изд. Спб. 1882. 2 тома. 2 р. 50 к.
ВЪ СТРАНѢ СВОБОДЫ. П. Огородникова. 2-е изд. 2 тома. 2 р. 50 к.
ДАЛЬ. В. И. Немировича-Данченко. 2-е изд. Спб. 1882. 1 томъ. 1 р. 25 к.
ВЪ ГОСТЯХЪ. В. И. Немировича-Данченко. 2-е изд. Спб, 1882. 1 т, 1 р. 25 к.
БЕЗУМНАЯ. Романъ **І. Крашевскаго.** Спб. 1881. 1 томъ. 1 р. 25 к.
РУССКІЕ ВЪ ПАРИЖѢ. (въ тип.) **Петра Петрова** (Амикуса) Спб. 1881. 2 т. 2 р. 50 к.

За пересылку прилагается 15 к. на каждый томъ. № 1994

ПОДПИСКА НА

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ редакціи (г. Елисаветградъ, директ. земск. реальн. училища, М. Завадскому) въ годъ 20-ть №№. Цѣна 4 р. № 1944 3—3

КНИГИ прод., покуп. и прин. на коммиссію въ Казани кн. маг. Александра Ильича Овчинникова, (б. учителя древн. яз.) Бываютъ библіогр. **рѣдкости.** Объ эт. торг. почти постоянно публик. уже 10 лѣтъ въ Казанск. газетахъ и мног. друг. изданіяхъ. № 188 4—3.

РУССКАЯ ТАМБОВСКАЯ КОПЧЕНАЯ ВЕТЧИНА

приготовленія Петра Степановича Мокроусова въ Тамбовѣ, получится къ предстоящему празднику во всѣ главные магазины **Черепеннинова на** Литейномъ проспектѣ.

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

1) Каковы мы были бы безъ Христа. Съ французскаго. Ц. 15 к.
2) Евангельская женщина, обличенная въ грѣхѣ людьми и оправданная Спасителемъ. Ц. 15 к.
3) Исповѣдь предъ духовникомъ—не лишнее ли дѣло? Ц. 40 к.
4) Послѣдніе дни жизни Пилата. Ц. 20 к.
5) Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ Съ нѣмецкаго Философо-религіозное разсужденіе. Ц. 20 к.
6) Обращеніе изъ невѣрія въ Христіанство. философа Августина. 15 к.

У автора по адресу:

въ г. Бѣлу Сѣдл. губ.. протоіерею А. Ковальницкому. Можно выписывать марками; **пересылка безплатна.**

ПАСУЮТЪ

другія средства предъ губительной силой

АНТИ-ПАРАЗИТЪ.

Который истребляетъ насѣкомыхъ какъ то **Клоповъ, Таракановъ** блохъ, муравьей, сверчковъ, и въ особенности незамѣнимъ противъ **Моли** и ея зародышей, дальнѣйшая реклама о его замѣчательномъ свойствѣ излишня, жестянка отъ 30 коп. до 10 р. Иногородн. высылается съ Апаратомъ не менѣе на 2 р., за ящикъ 40 к. Существуетъ поддѣлка при покупкѣ обращать вниманіе на этикетъ. „Единственное депо для всей Россіи Капалыгинъ Спб.“ помѣщается на углу Владимірской и Невскаго д. Палкина № 1—45.

МОЗОЛИ съ корнемъ и бородавки уничтожаетъ, жидкость Шмидта 35 коп., съ пересылкою 2 флакона 1 руб. 20 к., торговцамъ уступка, заказы исполняются немедленно.

№ 1993 1—1

Торфяныя и кирпичедѣлательныя машины и мѣшалки для растворовъ. новѣйш. конструкцій, на складѣ у **Людвига Ѳедоровича ШЛИКЭЙЗЕНЪ.** Москва, Мясницкая, д. Ермаковыхъ.

Прейсъ-куранты по востребованію безплатно. Ц. № 1996 3—1

Только что вышла изъ печати и продается въ книжн. магаз. **К. РИККЕРА** и другихъ:

НОВАЯ КНИГА:

РЫБОВОДСТВО

Соч. Фонъ-Демъ-Борне.

Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ дополненіями д-ра **О. А. ГРИММА.** Съ 64-мя политипажам. Изданіе **В. А. Грейга.**

Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. 75 к.

Книга эта представляетъ собою сводъ всѣхъ данныхъ, пріобрѣтенныхъ донынѣ практикою, и **по искусственному разведенію рыбъ** отличается краткостью изложенія, полнотою и практичностью. А. № 1987

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ВНОВЬ ВЫШЕДШИХЪ КНИГАХЪ.

ПОХОЖДЕНІЯ ХОЛОСТЯКА.

Юмористическій романъ въ стихахъ, текстъ Маралы Іерихонскаго, съ 156 рисунками **В. Буша,** изящное изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою.—**Содержаніе книги:** Памятная слеза; Старая дѣва; Черный попутчикъ; Профессорскій принципъ; Свиной хвостъ; Привольное затишье; Бормота; Отвергнутое гостепріимство; Въ чужомъ пиру похмѣлье; Ожившая покойница; Неожиданное дезабилье; Платоническая любовь; Возвращеніе домой. Всего 13 главъ.

СУПРУЖЕСКІЯ ТАЙНЫ СЧАСТЛИВАГО БРАКА.

Продолженіе юмористическаго романа **Похожденія холостяка,** въ стихахъ, текстъ Маралы Іерихонскаго, со 100 рисунками **В. Буша.—Содержаніе книги:** Сладость брачныхъ узъ; Супружескія забавы; Счастливыя минуты новобрачнаго; Терніи супружеской жизни; Недоразумѣніе; Неблагосклонный пріемъ послѣ кутежа; Громъ и молнія; Страшный переходъ и счастливое заключеніе. Всего 8 главъ. Цѣна 1 руб., съ пересылкою.

ПЛУТОВКА НАДЯ.

Юмористическій романъ въ стихахъ и 168 рисункахъ извѣстнаго **Буша.** Цѣна съ пересылкой 1 р. 20 к. Второе изданіе **Содержаніе книги:** Въ деревню; Ночная сорочка; Кузенъ Поль; Лягушка; Любовное письмо; Безпокойная ночь; Дѣвичьи развлеченія; Замужество; День свадьбы; Душеспасительные подвиги; Ворожея; Близнецы; Невѣрный другъ; Спиритизмъ; Роковое искушеніе; Торжество темныхъ силъ: Эпилогъ. Всего 16 главъ. Изящное изданіе съ художественно сдѣланными политипажами.

Иногородныхъ прошу выписывать означенныя книги исключительно изъ склада. находящагося въ Москвѣ близь Тверскаго бульвара Сытинскій пер., домъ Мальдзиневича, у Юлія Эдуардовича Конденъ. П. № 1995 1—1

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

НОВЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

ПОМАДЫ, ФИКСАТУАРЫ, МАСЛО ДЛЯ ВОЛОСЪ, УМЫВАНІЕ ДЛЯ ВОЛОСЪ ВІОЛЕТЪ.

ДУХИ: **Эссъ Віолетъ, Эссъ Буке, Опопонансъ, Бриза де-ласъ-Пампасъ, Иланъ-Иланъ, Майгленхенъ (Ландышъ), Бѣлый Геліотропъ;** другіе приготовляются.

Шампуйнь для мытья головы (Мыльная эссенція).

Туалетная Вода, Кольдъ-Кремъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы: **„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.**

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ,** д. № 32, Католической церкви.
2) **Невскій проспектъ,** у Аничкова моста, № 66
3) **Вознесенскій проспектъ,** уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

При этомъ № прилагается для гг. иногороднихъ подписчиковъ объявленіе отъ книжнаго магазина А. Земскаго въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 11 марта 1882 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса. Англ. пр., № 10.

XIII годъ | № 12 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — годъ XIII | 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 20 Марта 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Отреченіе Св. Петра. Ориг. рисун. графа Гарраха, грав. Эртель.

Отреченіе Апостола Петра.

(Картина Графа Гарраха).

Этотъ, весьма талантливый, рисунокъ Гр. Гарраха представляетъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ земной жизни Спасителя, которые оставляютъ въ насъ глубокое и сильное впечатлѣніе. Этотъ моментъ — отреченіе Апостола Петра отъ своего Божественнаго Учителя еще за долго пророчески предрекшаго ему „что прежде нежели пропоетъ трикратно пѣтухъ онъ отречется отъ Него три раза.“ Но Петръ никогда не могъ допустить и мысли, чтобы на немъ сбылись эти вѣщія, горькія слова, обращенныя къ нему его Великимъ Учителемъ. Онъ не въ силахъ былъ повѣрить, чтобы сердце его когда нибудь измѣнило столь долгой и горячей преданности, зародившейся въ немъ съ того самаго момента, когда Спаситель засталъ его за ловомъ рыбы и могучимъ словомъ увлекъ за собою. Но пророчество исполнилось и Петръ подъ вліяніемъ страха отрекся отъ своего Божественнаго Учителя въ самый скорбный часъ, когда Богочеловѣкъ готовился уже испить чашу своихъ великихъ страданій. И какъ ярко, какъ сознательно выразилась въ этомъ евангельскомъ разсказѣ слабость духа, присущая вообще человѣку... Давно ли Петръ еще вызывался встать съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своего Божественнаго Наставника а теперь открыто отрекается отъ него изъ одной боязни чтобы его не сочли сообщникомъ взятаго подъ стражу и судимаго. Здѣсь на дворѣ Каіаффы, грѣясь у костра, среди слугъ и воиновъ этотъ мужественный Апостолъ Петръ, этотъ камень, предназначенный во основаніе Христіанства, трепещетъ отъ одной мысли быть узнаннымъ какъ сопутникъ и единомышленникъ и трикратно увѣряетъ“, что онъ не имѣетъ никакихъ отношеній къ этому человѣку“. Слабость человѣческая взяла верхъ даже надъ душою высокой и чистой, но у Петра эта слабость продолжается недолго; новый крикъ пѣтуха снова напомнилъ ему его обязанности и онъ предался горькому раскаянію и рыдая упрекалъ себя въ своемъ поступкѣ. Это раскаяніе какъ говоритъ церковное преданіе, томило Апостола до конца жизни и при каждомъ полуночномъ возгласѣ пѣтуха онъ снова предавался слезамъ и молитвѣ.

На картинѣ Гарраха, моментъ отреченія Апостола Петра представлено въ высшей степени художественно и вполнѣ оригинально, не смотря на то что этотъ сюжетъ уже не разъ повторялся многими замѣчательными художниками и даже встрѣчается въ классическихъ произведеніяхъ Карраваджіо, Гверчино, Ванъ Дейка и Теньера. Вверху Спаситель, ведомый воиномъ, съ видомъ грустнаго упрека оборачивается къ апостолу, который въ глубокомъ смущеніи и мучась, и какъ бы едва держась на ногахъ отъ волненія, отходитъ, чувствуя на себѣ насмѣшливые взгляды молодыхъ римскихъ легіонеровъ, обратившихся къ нему съ вопросомъ.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

VII.

Его свѣтлость въ духѣ.

Зубовъ уже не былъ въ халатѣ. Онъ успѣлъ переодѣться въ богатый мундиръ зашитый золотомъ и увѣшанный осыпанными брилліантами звѣздами, среди которыхъ выдѣлялся портретъ императрицы, такъ и сверкавшій крупнѣйшими солитерами.

Теперь, въ этомъ блестящемъ мундирѣ, плотно облегавшемъ его тонкій станъ, онъ казался еще меньше ростомъ, еще худощавѣе. Онъ старался придать себѣ величественный видъ, но этого никакъ ему не удавалось, онъ попрежнему походилъ на „петиметра“. Въ немъ оставалась прежняя суетливая, нервная манера, съ которой онъ, бывало, восемь лѣтъ тому назадъ, перебѣгалъ отъ одного къ другому, стараясь всѣмъ понравиться, всѣмъ подслужиться.

За нимъ показалась вся его важная свита, т. е. всѣ тѣ сановники, которые находились во второй пріемной и присутствовали при его туалетѣ и его государственныхъ занятіяхъ, т. е. перелистываніи бумагъ изъ портфеля Грибовскаго. Не доставало только обезьянки, она осталась во второй пріемной.

Увидя Зубова и замѣтивъ что всѣ находившіеся въ комнатѣ вытянулись въ струнку, образовавъ собою шпалеру, Сергѣй сообразилъ, что ему легко будетъ пробраться незамѣченнымъ къ выходу. Онъ уже и хотѣлъ было исполнить это, но затѣмъ подумалъ:

„Съ какой стати, вѣдь я здѣсь не по своей волѣ, а по обязанностямъ службы, я въ пріемной моего высшаго начальника, президента Иностранной Коллегіи, и пока мнѣ не дана отставка, я не имѣю никакого даже права уйти отсюда. Изъ той комнаты я могъ, другое дѣло, ибо, какъ оказывается, туда попадоютъ вслѣдствіе особой милости и только очень важные сановники, по своему служебному положенію я не имѣю права входа туда. Я понимаю зачѣмъ онъ велѣлъ позвать меня, онъ желалъ показаться мнѣ во всемъ своемъ блескѣ. Онъ не забылъ меня. Ну вотъ и показался онъ мнѣ, сдѣлалъ молчаливый вопросъ и я ему отвѣтилъ тѣмъ, что отказался отъ чести, мнѣ предложенной. Онъ конечно замѣтилъ это и мы хорошо поняли другъ друга. Но тутъ я въ качествѣ прибывшаго изъ Лондонскаго посольства дипломатическаго чиновника. Тутъ я представляюсь ему какъ будто никогда не видалъ его прежде. Вотъ если онъ вздумаетъ лично оскорбить меня—ну тогда другое дѣло, но я увѣренъ, что онъ на это не рѣшится“.

Онъ оглядѣлся. Его страннаго и нежданнаго собесѣдника уже не было возлѣ него.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ протѣснился впередъ и сталъ на виду у Зубова, рядомъ съ другими. Но все же онъ не смѣшивался съ вытянувшейся въ струнку и подобравшейся толпою. Выраженіе лица его не измѣнилось, онъ бойко посматривалъ своими блестящими маленькими глазами и тонкая пріятная улыбка то и дѣло кривила его губы.

Очевидно онъ не чувствовалъ въ себѣ никакого смущенія, былъ въ себѣ увѣренъ. А сосѣди его такъ и просились въ каррикатуру. Всѣ лица, и старыя, и пестарыя, и толстыя, и худыя, со своими разнородными очертаніями теперь удивительно походили другъ на друга. Всѣ они выражали благоговѣйный трепетъ, всѣ глаза глядѣли на одну точку и эта точка была сверкавшая брилліантами фигурка Зубова, или вѣрнѣе ротъ его, отъ котораго ждали перваго слова.

Зубовъ находился очевидно въ хорошемъ настроеніи духа. Онъ довольно благосклонно кивнулъ всѣмъ головою и затѣмъ сталъ медленно подвигаться впередъ, останавливаясь на каждомъ шагу, удостоивая то того, то другаго какой нибудь незначущей фразой и выслушивая многочисленныя привѣтствія. Но никого не удостоилъ онъ пожатіемъ руки.

Всѣ эти люди были для него безразличны, а самъ онъ стоялъ такъ неизмѣримо выше ихъ.

Но среди этой толпы были и совсѣмъ незнакомыя ему лица: молодые чиновники, получившіе награды и всѣми правдами и неправдами добившіеся счастья представиться его свѣтлости и лично поблагодарить его. Затѣмъ слѣдовали люди неслужащіе, закупившіе княжескихъ лакеевъ, явившіеся сюда со своими просьбами.

Замѣтя подобнаго человѣка Зубовъ спрашивалъ:

— Вы кто такой?

И разслышавъ ничего не разъясняющую ему фамилію подозрительно оглядывалъ трепетно стоявшаго передъ нимъ просителя и цѣдилъ сквозь зубы:

— Что же вамъ отъ меня надо?

Проситель, запинаясь и заикаясь, излагалъ свое дѣло.

Зубовъ иногда прерывалъ его однимъ словомъ: „Короче... яснѣе“.

У него былъ навыкъ, онъ сразу соображалъ какое дѣло слѣдуетъ выслушать и какое оставить безъ вниманія.

Въ первомъ случаѣ онъ говорилъ:

— Къ нему обратитесь! и кивалъ на слѣдовавшаго за нимъ по пятамъ Грибовскаго.

Грибовскій тутъ-же протягивалъ руку и принималъ прошенія.

Въ противномъ-же случаѣ, то есть когда его свѣтлость находилъ дѣло не стоющимъ, хотя часто оно именно стоило чтобы обратить на него вниманіе, онъ даже недослушивалъ до конца, даже ничего не отвѣчалъ, а просто проходилъ мимо.

Наконецъ онъ дошелъ до Державина; тотъ раскланялся почтительно, но безъ благоговѣйнаго трепета и не прекращая своей улыбки.

Зубовъ оказался необыкновенно благосклоннымъ къ поэту.

— А, Гаврила Романычъ! выговорилъ онъ, — давно ненавѣдывался, мудрите видно опять?!

— Какъ мудрю, ваша свѣтлость, что такое?

— Не знаю что, а жалобы все на васъ, государыня опять говорила: „съ Державинымъ сладу нѣту“!

Гавріилъ Романовичъ смутился.

Но лицо Зубова не выражало гнѣва, а напротивъ, на немъ виднѣлись нѣкоторые признаки благорасположенія. Проницательные глаза Державина тотчасъ замѣтили это и онъ успокоился.

— Да, господинъ поэтъ, это не хорошо! Извольте-ка успокоиться и собраться съ духомъ—мы ждемъ вашего вдохновенія и разсчитываемъ на прекрасную оду въ честь радостнаго событія, которое должно совершиться.

— Моя муза готова воспѣть сіе событіе со всѣмъ жаромъ, на который еще способна, ибо сердце ей поможетъ своей искренней радостью! нѣсколько напыщеннымъ тономъ и уже окончательно успокоившись отвѣчалъ Державинъ.

Онъ видѣлъ что онъ еще нуженъ, что его задабриваютъ, ласкаютъ.

Видѣли это и окружающіе и съ тайной завистью смотрѣли на знаменитаго человѣка, значеніе котораго для многихъ было еще далеко неяснымъ.

Едва Зубовъ кивнулъ ему головою и отошелъ отъ него, какъ къ нему стали протискиваться чтобы шепнуть какую-нибудь любезность.

А Зубовъ въ это время замѣтилъ Сергѣя Горбатова.

Онъ все-же тутъ, подумалъ онъ, — негодная чванная фигура, того и жди новую дерзость сдѣлаетъ— отъ него всего ждать можно. Но нѣтъ, онъ ошибается, я не дамъ ему возможности сдѣлать мнѣ дерзость, я его доканаю такъ или иначе. А пока буду злить...“

И онъ вдругъ почувствовалъ наслажденіе кота, начинающаго заигрывать съ пойманной мышью.

Дойдя до Сергѣя онъ остановился и окинулъ его съ головы до ногъ. Онъ даже принялъ величественную и серьезную позу государственнаго мужа. Но поза не удалась и Сергѣй заставилъ его измѣнить ее раздраживъ своимъ холоднымъ спокойнымъ взглядомъ, своимъ офиціальнымъ, полнымъ достоинства поклономъ.

— Господинъ Горбатовъ изъ Лондона, мы вѣдь кажется встрѣчались прежде?

— Встрѣчались... Сергѣй запнулся, но сдѣлалъ надъ собою усиліе и прибавилъ — ваша свѣтлость!

Онъ вложилъ въ эти слова что-то неуловимое, чего не могли даже подмѣтить окружающіе, но что отлично понялъ Зубовъ, потому что губы его дрогнули и легкая краска мгновенно покрыла щеки.

— Долго въ Россіи не были... много перемѣнъ найдете, продолжалъ отрывисто Зубовъ. Бумаги ваши передайте въ канцелярію... если понадобится личное объясненіе я позову васъ. А засимъ, завтра извольте явиться на выходъ послѣ обѣдни.

Сергѣй былъ очень счастливъ что ему не приходилось даже отвѣчать. Онъ опять ограничился офиціальнымъ поклономъ.

Зубовъ былъ уже у дверей—онъ отправлялся къ государынѣ.

Едва скрылся онъ, въ пріемной все оживилось. Собравшіеся люди, за нѣсколько минутъ поражавшіе такимъ удивительнымъ сходствомъ между собою, мало по малу начинали возвращаться къ своимъ личнымъ особенностямъ и даже напротивъ, теперь стало проявляться большое разнообразіе въ выраженіяхъ лицъ. Нѣкоторые были очень довольны, его свѣтлость обратилъ на нихъ вниманіе. Другіе казались озабоченными, смущенными, на нихъ или совсѣмъ не было обращено вниманія или очень мало. Иные стояли совсѣмъ какъ въ воду опущенные— это были просители, которыхъ Зубовъ недослушалъ, которые уже понимали что ждать имъ больше нечего и надѣяться не на что.

Другіе просители были счастливы, обступили Грибовскаго и увивались вокругъ него.

Большая группа образовалась тоже около Державина, который что-то горячо и весело, черезчуръ громко разсказывалъ.

Старые знакомцы Сергѣя снова рѣшились подойдти къ нему.

Если послѣ такой выходки его все-же удостоили разговоромъ, если завтра ему приказано явиться на выходъ— значитъ дѣла его очень недурны и потому не слѣдуетъ пренебрегать имъ.

Но Сергѣй спѣшилъ скорѣе вонъ, онъ слишкомъ усталъ, онъ чувствовалъ себя черезчуръ раздраженнымъ да и наблюдать было уже нечего. Все стало ему совсѣмъ ясно и понятно.

VIII.
Слѣды времени.

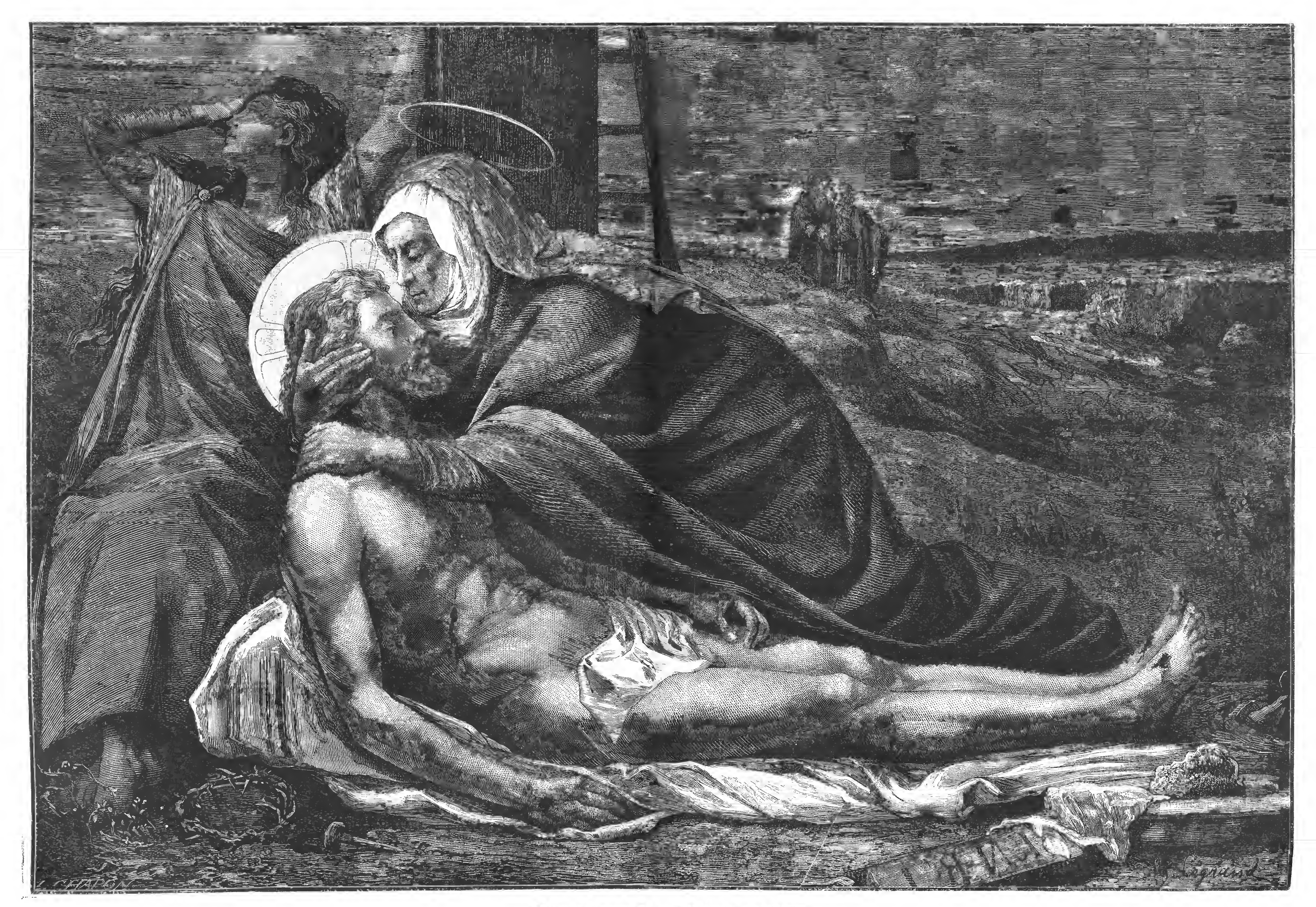
Слѣдующій день былъ—воскресенье. Около одиннадцати часовъ утра, Сергѣй, въ полномъ мундирѣ, вышелъ на подъѣздъ своего дома и, садясь въ карету, велѣлъ ѣхать во дворецъ.

Едва онъ завернулъ на Невскій проспектъ, какъ замѣтилъ огромное движеніе: всевозможные экипажи, перегоняя другъ друга, стремились въ одномъ и томъ же направленіи. Блестящія, вычурныя кареты новомоднаго фасона, старинные, огромные рыдваны, запряженные шестериками, съ форрейторами и гайдуками, открытыя коляски и наконецъ одноконныя дрожки, блестящіе мундиры придворныхъ и разноцвѣтные наряды дамъ, помѣщавшихся въ экипажахъ, толпа глазѣвшаго люда на панеляхъ,—все это представляло такую пеструю и оригинальную картину, отъ которой Сергѣй давно уже отвыкъ. Онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ самыхъ людныхъ городахъ Европы, видѣлъ народныя сборища и всевозможныя процессіи на улицахъ Парижа и Лондона, но все это было совсѣмъ другое и производило иное впечатлѣніе. Здѣсь бросалась въ глаза совершенно своеобразная пестрота и роскошь—смѣсь Европы съ Азіей.

Площадь передъ дворцемъ была буквально запружена экипажами. Къ дворцовому подъѣзду приходилось уже подвигаться крайне медленно.

Но вотъ карета остановилась, лакей распахнулъ дверцы, Сергѣй очутился на знакомой лѣстницѣ.

Когда-то, полный надеждъ, смущенія и любопытства, онъ входилъ по этимъ ступенямъ, теперь ни надеждъ,



Снятіе со креста. Съ картины П. Леграна, грав. Шапонъ.

ни любопытства, ни смущенія въ немъ не было, была одна скука, одно тоскливое чувство.

На лѣстницѣ, въ сѣняхъ и въ первыхъ комнатахъ происходила страшная толкотня и гудѣлъ несмолкаемый, глухой говоръ. Ливрейные лакеи стояли шпалерами съ верхнимъ платьемъ своихъ господъ; передъ зеркалами тѣснились дамы, поправляя прическу; всюду сновали расшитые мундиры кавалеровъ, всюду сверкали ордена, звѣзды и ленты.

Съ большимъ трудомъ удалось Сергѣю пройти въ дверь, но кое-какъ преодолѣвъ препятствіе, онъ наконецъ очутился въ большой залѣ, уже почти биткомъ набитой народомъ. Эта зала была рядомъ съ придворною церковью; двери туда стояли настежъ и ощущался запахъ душистаго ладона, доносилось церковное пѣніе и возгласы священнослужителей.

Оказалось, что Сергѣй нѣсколько опоздалъ, обѣдня уже началась. Государыня съ членами императорской фамиліи и свитой уже находилась въ церкви.

Сергѣй попытался было протискаться впередъ, поближе къ широкимъ дверямъ, такъ чтобы можно было разглядѣть что нибудь. Ему вдругъ захотѣлось издали взглянуть на императрицу и на цесаревича, но онъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія: оказывалось, что всѣмъ непопавшимъ въ церковь хотѣлось того же, чего и ему,—и поэтому у дверей нельзя было упасть и яблоку, поневолѣ приходилось остаться и удовольствоваться тѣми наблюденіями, которыя представляла окружающая толпа.

Сергѣй сталъ отыскивать знакомыя лица и скоро замѣтилъ ихъ среди блестящихъ мундировъ и пышныхъ дамскихъ туалетовъ. Онъ наблюдалъ измѣненія, произведенныя временемъ на этихъ лицахъ, вдругъ пришедшихъ ему на память, такъ ясно, въ такихъ подробностяхъ, какъ будто онъ вчера еще только разстался съ ними. Но времени прошло много—восемь лѣтъ не шутка. Люди, бывшіе тогда въ цвѣтѣ лѣтъ, теперь уже начинали стариться, красивыя молодыя женщины поблекли, а главное все это какъ-то выцвѣло, какъ-то приняло общій блѣдный, однообразный оттѣнокъ, краски жизни потускнѣли и показалось Сергѣю, какъ и вчера въ пріемной Зубова, что всѣ эти кавалеры и дамы, старцы и молодые—похожи другъ на друга, у всѣхъ у нихъ было общее, привычное, застывшее выраженіе. Но рядомъ со знакомыми постарѣвшими и выцвѣтшими лицами, которыхъ было очень немного, онъ увидѣлъ новыхъ людей. И этихъ новыхъ людей было несравненно больше. Все это появилось, все это устроилось послѣ него, во время его отсутствія. Да, много прошло съ тѣхъ поръ, много воды утекло.

Кругомъ шелъ тихій говоръ на всевозможныхъ языкахъ и это смѣшеніе языковъ производило тоже очень странное впечатлѣніе, отъ котораго такъ отвыкъ Сергѣй. И съ каждой минутой ему становилось все скучнѣе и все больше и больше казалось ему, что онъ здѣсь совсѣмъ чужой, совсѣмъ оторванный, не имѣющій ничего общаго съ этой толпою, живущей непонятными ему интересами.

Но вотъ разноязычный шопотъ смѣняется иными звуками: громче и громче доносится изъ церкви пѣніе двухъ хоровъ и въ этомъ звучномъ, могучемъ, за душу хватающемъ пѣніи, слышится Сергѣю что-то родное, совсѣмъ было позабытое. Давно не слышалъ онъ этаго пѣнія, совсѣмъ онъ отвыкъ отъ него и ему вспоминается дѣтство, вспоминается Горбатовская церковь, воскресная обѣдня; грузная большая фигура отца съ его орлинымъ профилемъ, благоговѣйно полузакрытыми глазами, красноватая рука размашисто кладетъ крестное знаменіе. Рядомъ съ отцемъ стоитъ мать, съ выраженіемъ доброты и не то робости, не то ласки, и она тоже горячо молится, ежеминутно опускаясь на колѣни. А вотъ и маленькая сестра, вотъ и Таня, которая изрѣдка украдкой бросаетъ на него взгляды и улыбается ему своими живыми горящими глазами. Куда дѣвалось все это и что отъ этого всего осталось? Вотъ уже и матери нѣтъ на свѣтѣ, сестра—она замужемъ,—она еще недавно извѣстила о рожденіи втораго ребенка—но врядъ ли она и узнаетъ брата при встрѣчѣ. Онъ покинулъ ее дѣвочкой,—теперь она женщина—какая? что изъ нея вышло—онъ совсѣмъ не знаетъ.

А Таня? Гдѣ Таня? за границей онъ ничего не могъ узнать о ней, а теперь еще и некогда было навести справки. Сестра, будто нарочно, въ своихъ рѣдкихъ письмахъ, ничего никогда о ней не сказала, да онъ и не спрашивалъ. Таня, уѣзжая, обѣщала ему дружбу, но не сдержала этого обѣщанія. Она только извѣстила его тогда же, лѣтъ семь тому назадъ, что, вѣроятно, на всегда уѣзжаетъ съ матерью изъ деревни, что вѣроятно поселится въ Москвѣ. Такъ должно быть она и теперь въ Москвѣ, можетъ быть вышла замужъ: хоть бы взглянуть на нее, хоть бы услышать ея голосъ, чего бы ни стоило это свиданіе, какую бы тоску ни принесло оно!..

„Нѣтъ, скорѣй, скорѣй отсюда на свободу! Умолю государыню отпустить меня, думалъ Сергѣй, неужели она мнѣ откажетъ! Я долженъ спѣшить въ деревню, я долженъ быть черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ. Я отыщу Таню!..“

Обѣдня кончилась. Будто электрическая искра пробѣжала по залѣ, поднялось всеобщее движеніе. Напирая другъ на друга всѣ тѣснились впередъ; у дверей появился гофмаршалъ и объявилъ, что государыня выходитъ изъ церкви.

Мгновенно замолкъ разноязычный говоръ, всѣ будто застыли и только по временамъ слышалось однозвучное покашливанье. Всѣ лица были обращены къ выходу изъ церкви, всѣ шеи вытянулись, люди малаго роста становились на цыпочки, выглядывали изъ-за счастливцевъ, которымъ удалось помѣститься въ первомъ ряду. Изъ дверей церкви появляются новыя лица и становятся тоже рядами—это послы, министры и уполномоченные иностранныхъ дворовъ, представители всевозможныхъ націй. Проходитъ еще двѣ, три минуты и изъ дверей попарно показываются камеръ-юнкеры и камергеры, за ними слѣдуютъ министры. Сергѣй глядитъ на нихъ и замѣчаетъ прибавившіяся морщины, признаки старости и утомленія на ихъ лицахъ. Вотъ и знакомое ему, хитрое и веселое лицо графа Безбородки, которому онъ еще не имѣлъ времени представиться. Но и Безбородко уже постарѣлъ, и въ немъ замѣтно что-то новое.

Когда министры прошли, появился въ своемъ сверкающемъ мундирѣ, со своими брилліантами,—Зубовъ. Зала дрогнула. Зубовъ подвигался своей обычной неровной и нервной походкой, изрѣдка кивая то направо, то налѣво, головой.

— Ну, все обстоитъ благополучно—его свѣтлость, кажется, въ духѣ! разслышалъ Сергѣй чей-то шепотъ.

И дѣйствительно лицо у Зубова было довольное, улыбающееся, но Сергѣй сейчасъ же и отвелъ отъ него глаза: на порогѣ показалась императрица.

Что-то шевельнулось въ сердцѣ Сергѣя, какое-то позабытое чувство... Онъ вспомнилъ эту дивную и привлекательную женщину, вспомнилъ свои долгія бесѣды съ нею и послѣднее свиданіе, вспомнилъ то благоговѣйно восторженное чувство, которое испытывалъ къ ней въ годы юности. Теперь къ остаткамъ этаго чувства примѣшивалась какая-то жалость. Онъ замѣтилъ что она измѣнилась болѣе другихъ, онъ увидѣлъ, что передъ нимъ не прежняя Екатерина. Она сильно пополнѣла, такъ что даже на ходу нѣсколько качалась изъ стороны въ сторону. На ней былъ парадный, старинный русскій костюмъ, состоявшій изъ шелковаго, блѣдно-голубаго сарафана, обшитаго золотымъ кружевомъ; поверхъ него была надѣта темно-синяя бархатная широкая безрукавка. Пышные кисейные рукава, собранные въ мелкія

складочки у кисти, скрывали ея тучныя руки, поражавшія прежде своей красотой. На головѣ помѣщалась высокая діадема, сверкавшая множествомъ драгоцѣнныхъ камней, на шеѣ колье, отливавшее всѣми цвѣтами радуги. Грудь императрицы была украшена двумя лентами и двумя брилліантовыми звѣздами: андреевской и георгіевской. Лицо ея еще нѣсколько удлиннилось, а подбородокъ еще болѣе выступилъ впередъ, такъ что ротъ углубился и придавалъ лицу старческое выраженіе, несмотря на все искусство, съ которымъ она была набѣлена и подрумянена. Но глаза ея оставались все еще прекрасными, все такъ же ясно и ласково блестѣли и попрежнему она улыбалась своей привычной, величественной и благосклонной улыбкой.

Выйдя изъ церкви, императрица остановилась на мгновеніе, а потомъ стала подходить то къ одному, то къ другому, разговаривая, и милостиво протягивая свою руку, которую цѣловали тѣ, къ кому она обращалась съ привѣтствіемъ. Но Сергѣй уже не могъ слѣдить за нею и вслушиваться въ слова ея: онъ видѣлъ другое лицо, появленіе котораго заставило дрогнуть его сердце: у дверей появился цесаревичъ.

Боже мой, онъ-ли это! Какъ онъ постарѣлъ, какъ измѣнился! Онъ казался такимъ мрачнымъ, такимъ раздраженнымъ. Презрительное выраженіе его оригинальнаго некрасиваго лица дѣлало его совсѣмъ недоступнымъ и объясняло новому человѣку его отчужденность. Но вѣдь Сергѣй не былъ новымъ человѣкомъ: онъ все зналъ и все понималъ и теперь онъ пытался проникнуть выше этой презрительной улыбки, этихъ расширенныхъ раздраженіемъ ноздрей, ему нужно было видѣть глаза цесаревича, эти полузакрытые, усталые глаза, въ которыхъ онъ всегда цѣликомъ выражался и которые только и могли отвѣтить на всѣ обращенные къ нему вопросы. И вотъ наконецъ поднялись эти синіе глаза и Сергѣй понялъ, что цесаревичъ все тотъ же, что онъ только еще больше утомленъ и измученъ тяжелой жизнью и трудной неустанной борьбой.

Сергѣй едва удержался, чтобы не броситься впередъ, ему на встрѣчу, едва осилилъ свое волненіе.

Рядомъ съ цесаревичемъ шла великая княгиня; вотъ она такъ почти не измѣнилась. Все такъ же молода и красива и такой же добротой и лаской сіяетъ нѣжное, прелестное лицо ея. А за нею кто же это—два стройныхъ юноши, изъ которыхъ одинъ совершенный красавецъ, въ лицѣ котораго соединяется и мужской умъ и нѣжная женственная прелесть. Другой далеко не такъ красивъ, но Сергѣю дорого это живое, поминутно измѣняющее свое выраженіе лицо, этотъ вздернутый носъ съ тонкими ноздрями. Дорого ему это лицо большимъ сходствомъ съ лицомъ цесаревича.

Они давно уже не дѣти, совсѣмъ взрослые люди, даже оба уже и женаты. Что-то сталось съ ними? Что изъ нихъ вышло?—И эти молодыя, цвѣтущія лица отвѣтили ему, что дурного ничего не вышло.

За великими князьями шли ихъ сестры, одна другой красивѣе, и среди нихъ старшая, счастливая невѣста юнаго шведскаго короля, воспѣвать бракосочетаніе которой приготовлялась лира Державина.

Но Сергѣй опять долженъ былъ оторваться отъ своихъ наблюденій: императрица была въ двухъ шагахъ отъ него и вдругъ онъ встрѣтился со взглядомъ ея голубыхъ глазъ.

— Господинъ Горбатовъ, проговорила она съ ласковой улыбкой и рука ея приподнялась по направленію къ нему.

Мгновенно все, что было вокругъ, что тѣснилось и давило другъ друга, отступило, пропуская Сергѣя впередъ. Онъ почтительно, чувствуя невольный трепетъ и что-то странное, что подступило къ груди его, поцѣловалъ руку императрицы и взглянулъ на нее еще разъ.

— Давно, давно не видались, сказала она. Я рада васъ видѣть и надѣюсь что не мало интереснаго отъ васъ услышу.

Онъ кланялся ища словъ; но словъ было ненужно—государыня уже прошла дальше.

Великая княгиня, отойдя отъ мужа, появлялась то здѣсь, то тамъ, для всѣхъ находила улыбку и привѣтствіе.

Цесаревичъ подвигался медленно, рѣдко кого удостоивая разговоромъ и вообще казался очень разсѣяннымъ.

Сергѣй пробрался впередъ и очутился передъ нимъ.

— А! сказалъ цесаревичъ, крѣпко стискивая ему руку. Пройди туда, ко мнѣ...

Сергѣй двинулся черезъ залу, вслѣдъ за толпою...

IX.

Загадка.

Въ залѣ великаго князя происходило опять тоже самое, т. е. всѣ тѣснились впередъ, всѣ старались попасть на глаза хозяина. Однако здѣсь чувствовали себя очевидно не такъ стѣсненными, разговаривали нѣсколько громче.

Павелъ Петровичъ подходилъ почти къ каждому и, не отставая отъ него, слѣдовала великая княгиня, которая своею любезностью сглаживала впечатлѣніе, производимое мрачнымъ видомъ и односложными фразами великаго князя.

Молодые великіе князья держали себя очень сдержанно. Они были прекрасно воспитаны и уже умѣли, въ особенности старшій, Александръ, придавать значеніе каждому своему слову, каждому движенію и улыбкѣ.

Гофмаршалъ представилъ имъ Сергѣя Горбатова. Они оба любезно сказали ему, что не забыли его и даже напомнили нѣсколько эпизодовъ изъ прежняго времени.

Обойдя всѣхъ, великій князь вышелъ на середину залы и наклоненіемъ головы отпустилъ присутствовавшихъ. Толпа начала расходиться, зала опустѣла, но Сергѣй медлилъ. Онъ чувствовалъ, что уходить ему еще не время и онъ былъ правъ.

Когда уже почти никого не осталось въ залѣ, великій князь подошелъ къ нему и положилъ, какъ бывало, ему на плечо свою руку.

— Вотъ и ты здѣсь, Сергѣй Борисычъ, сказалъ онъ. Ну что, сударь, покажись-ка. Нехорошо... блѣденъ... видно не красно жилось.

— Не красно, ваше высочество, да что толковать объ этомъ. Сегодня я счастливъ — я вижу васъ и все ваше августѣйшее семейство. Я изумляюсь и радуюсь, глядя на великихъ князей и княженъ.

— Да, выросли, меня переросли. Ну а жена, какъ ее находишь?

Въ это время подошла великая княгиня и, какъ всегда, мило и просто заговорила съ Сергѣемъ, вспоминая прежнее время.

— Ваше высочество, имѣю-ли я право поздравить васъ съ семейною радостью? Я знаю что это еще не объявлено...

Великій князь нахмурился.

— Благодарю тебя, проговорилъ онъ. Да, конечно, это можетъ быть и радостью, но къ сожалѣнію я не такъ довѣрчивъ какъ другіе. Я совсѣмъ почти не знаю жениха моей дочери и вопросъ о томъ, будетъ-ли она счастлива—для меня остается вопросомъ пока безъ рѣшенія. Значитъ—радоваться еще рано... Онъ почти еще совсѣмъ ребенокъ, что изъ него выйдетъ?!. Я всего три раза его видѣлъ, но хочу надѣяться, что онъ человѣкъ хорошій, всѣ его хвалятъ...

Великая княгиня улыбнулась своей милой и нѣсколько печальной улыбкой.

— А я знаю одно, сказала она, если мнѣ такъ же затруднительно будетъ выдавать замужъ всѣхъ моихъ дочерей, какъ эту дочь — я умру въ дорогѣ. Я почти каждый день пріѣзжаю сюда изъ Гатчины, чтобы видѣть ихъ. Я должна-же постараться узнать его, его

характеръ, убѣдиться въ искренности его чувства, иначе какъ-же я отпущу ее — у меня и дня спокойнаго не будетъ; вотъ и ѣзжу каждый день почти. Впрочемъ я къ этимъ поѣздкамъ привыкла...

Великій князь нервно повелъ плечами и нахмурился еще больше.

Сергѣй стоялъ печально опустивъ глаза и думалъ:

„Все то же самое! все неизмѣнно! да. дядя Левъ Александровичъ правъ—у нихъ нужно учиться терпѣнію".

— Теперь о тебѣ поговоримъ, сударь, сказалъ Павелъ Петровичъ. Какъ видишь мы тебя не забыли, но стоишь-ли ты этого? — я еще не знаю. Надѣюсь, однако, что образумился и сдѣлался серьезнымъ мужемъ, пора вѣдь ужъ — годы не малые.

— Я не знаю вашихъ обвиненій, ваше высочество, и потому не могу защищаться, да и во всякомъ случаѣ я защищаться не сталъ-бы, скажу только одно, что теперь, кажется, отъ меня — какимъ я былъ восемь лѣтъ тому назадъ — ничего ужъ больше не осталось.

Павелъ улыбнулся.

— Если ничего, такъ это плохо — напротивъ, многое должно было остаться, и если я увижу, что прежняго совсѣмъ нѣтъ больше, то тебя и знать не захочу. Ну и скажи мнѣ, прежде всего, помнишь-ли ты что я говорилъ тебѣ, передъ твоимъ отъѣздомъ, о томъ адѣ, въ который ты долженъ былъ попасть и въ который ты, кажется, хорошо окунулся. Правъ я былъ или нѣтъ? Хороши оказались результаты этихъ общественныхъ движеній, какъ вы ихъ называли?

— Результаты ужасны, ваше высочество, и отвратительны, но можетъ быть эта гроза очистила воздухъ и послужитъ знаменательнымъ урокомъ для будущаго. Человѣчество не можетъ, не должно забывать подобныхъ уроковъ.

— Пустое, все забывается и никакого очищенія воздуха я не вижу—напротивъ, воздухъ зараженъ и слѣдуетъ принимать всѣ мѣры чтобы очищать его. А у насъ только говорятъ объ этихъ мѣрахъ и ничего не дѣлаютъ. Если всеобщая распущенность была отвратительна восемь лѣтъ тому назадъ, то теперь она еще отвратительнѣе. Я удивляюсь какъ мы всѣ еще не задохлись въ этой атмосферѣ. Ну да обо всемъ этомъ мы еще поговоримъ съ тобою въ Гатчинѣ. Постарайся найти возможность заглянуть ко мнѣ, мнѣ нужно поразспросить тебя о многомъ, вѣдь не даромъ-же ты тамъ прожилъ столько времени, вѣдь, я чаю, многаго навидался, такъ интересно будетъ послушать твоихъ разсказовъ. А теперь скажи мнѣ, что-же ты намѣренъ дѣлать? зачѣмъ сюда пожаловалъ?

— Вы знаете, ваше высочество, что въ теченіи восьми лѣтъ моей мечтой было вернуться въ Россію, и если только теперь я могъ осуществить эту мечту, то не моя въ томъ вина. Вы, можетъ быть слышали, что я лишился матери...

— Да, слышалъ и подумалъ о тебѣ...

— Такъ вотъ, ваше высочество, нужно было-бы мнѣ съѣздить въ деревню, многимъ распорядиться, окончательно раздѣлиться съ сестрою. Я хочу проситься въ отставку.

— Я думаю—выпустятъ, замѣтилъ Павелъ, только повремени немного, обожди... Не надумалъ-ли жениться? Можетъ быть сыскалъ себѣ невѣсту? Или здѣсь поискать намѣренъ?

— Нѣтъ, ваше высочество, я о женитьбѣ не думаю.

Павелъ опять положилъ свою руку на плечо Сергѣю, а другой рукой взялъ его за пуговицу. Это была его привычка, и онъ дѣлалъ такъ, когда бывалъ особенно чѣмъ-нибудь заинтересованъ или взволнованъ и когда собирался сообщить собесѣднику что-нибудь очень важное.

— Послушай, вѣдь, насколько я помню, тогда еще у тебя была невѣста, ты самъ однажды мнѣ про нее говорилъ.

— Была, смущенно отвѣтилъ Сергѣй.

— Гдѣ-же она? Что сталось съ нею? Какимъ образомъ разстроилось это дѣло?

— Зачѣмъ вы меня спрашиваете, ваше высочество? Мнѣ кажется, что вы и такъ все знаете.

— Ну хорошо... да, знаю... Но скажи ты мнѣ, сударь, какъ ты полагаешь, кто былъ причиной того, что твой бракъ не состоялся, — ты или твоя невѣста?

— Конечно я.

— Значитъ ты признаешь себя виноватымъ передъ нею?

— Признаю, и эта мысль до сихъ поръ отравляетъ многія минуты моей жизни.

— Значитъ ты сожалѣешь — говори правду.

— Глубоко сожалѣю, ваше высочество.

— И никто потомъ не замѣнилъ для тебя ее? Ты ни къ кому не привязался? Ты былъ-бы пожалуй счастливъ, если-бы снова встрѣтился съ нею, если-бы все прежнее забылось и вы могли-бы сойтись на всю жизнь?..

— О, это было-бы большое счастье, но я о немъ и не мечтаю, я не знаю даже гдѣ она находится въ настоящую минуту, свободна-ли она? Можетъ быть она уже замужемъ. Я еще часъ тому назадъ думалъ о томъ, что прежде всего долженъ разузнать про нее. Полагаю, что она въ Москвѣ.

— Ты все это говоришь серьезно?

— Развѣ я когда-нибудь иначе говорилъ съ вами, ваше высочество?

— Да Богъ-же тебя знаетъ — вѣдь самъ-же сейчасъ объявилъ, что ничего прежняго въ тебѣ не осталось,— а тутъ и оказывается все прежнее! улыбнувшись сказалъ Павелъ. Такъ значитъ—правда, значитъ не позабылъ ты княжну Пересвѣтову, Татьяну Владиміровну— видишь я хорошо помню ея имя. Но ты слушай: узнавать о ней тебѣ нечего—я имѣю о ней самыя вѣрныя свѣдѣнія и сообщу ихъ тебѣ когда пріѣдешь ко мнѣ въ Гатчину... и пожалуйста поспѣши — мнѣ о многомъ нужно переговорить съ тобою. У меня даже есть для тебя подарокъ — но прежде его заслужить нужно и я долженъ убѣдиться достоинъ-ли ты этого подарка. Теперь-же некогда, прощай, до свиданья! Поди, простись съ женою...

Цесаревичъ опять стиснулъ ему руку и уже съ инымъ выраженіемъ въ лицѣ, не мрачнымъ, не раздраженнымъ, а довольнымъ вышелъ изъ залы.

(До слѣдующ. №).

Во время бури.

Романъ

М. Іокая.

(Продолженіе).

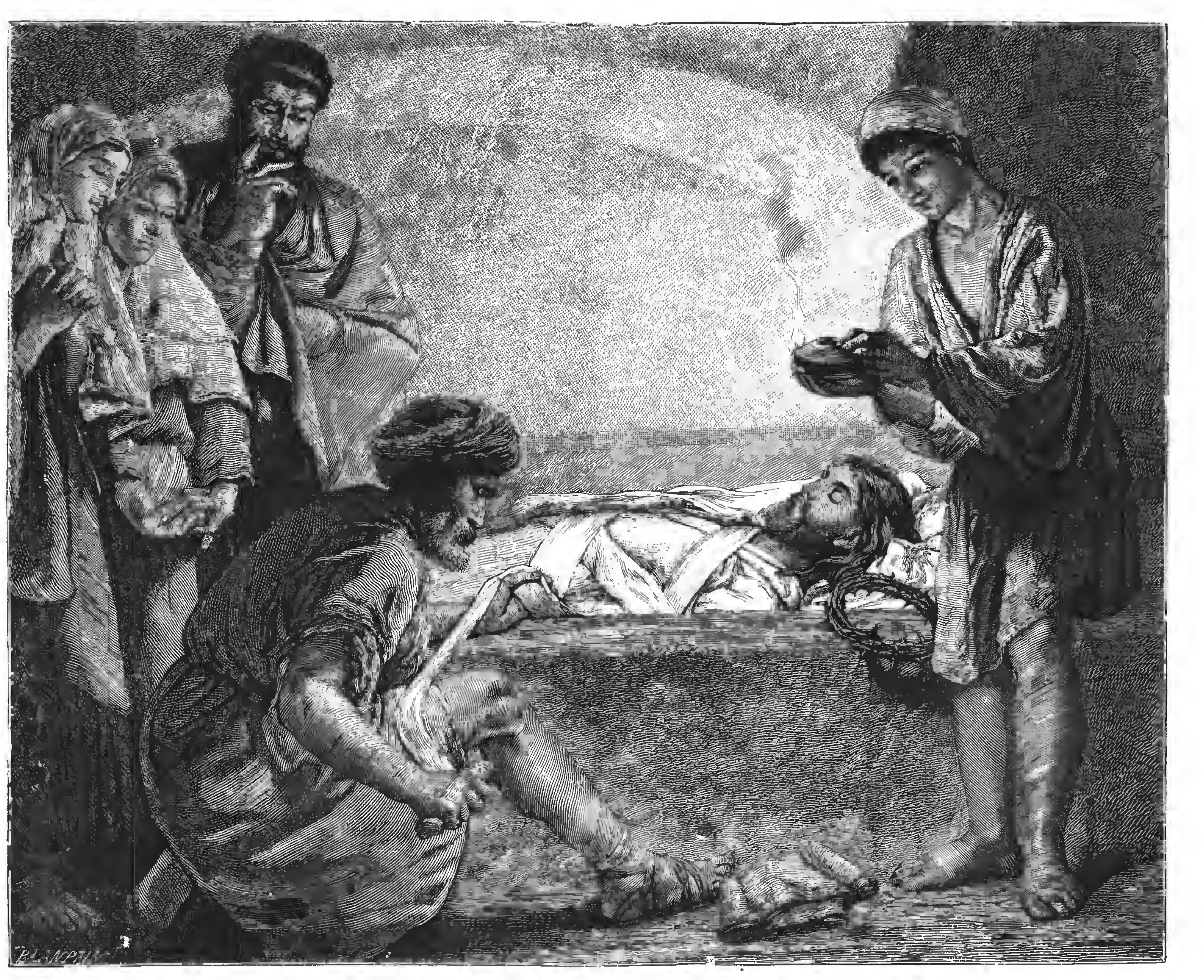
Хлопнувъ себя по гамашамъ своимъ хлыстомъ, Корнель развязно подошелъ къ Теметвени.

— Но, послушайте, милый Опатовскій, произнесъ тотъ съ явной досадой съ голосѣ,—я велѣлъ сказать вамъ, чтобы вы переодѣлись.

— Я и переодѣлся, отвѣчалъ Корнель, указывая на свой полишинельскій пиджакъ.

— Да вѣдь мы собираемся не на охоту, сейчасъ должепъ состояться торжественный актъ передачи вамъ мною вашего ордена и диплома на титулъ. Для такого случая вы могли бы надѣть уланскій мундиръ, не могу же я повѣсить орденъ Леопольда на этотъ шутовской нарядъ.

Но съ малымъ трудно было теперь сговорится. Онъ остановился предъ магнатомъ въ грубо вызывающей позѣ, съ гордо закинутой головой, выставленной впередъ ногой и подбоченившись.



Положеніе во гробъ. Картина К. Верлата, грав. Бланшенъ.

— Опатовскій останется Опатовскимъ во всякой одеждѣ! произнесъ онъ.

Графъ не сумѣлъ отвѣтить на выходку Корнеля, побившаго его собственнымъ же его афоризмомъ, и боясь, не вышло бы чего нибудь еще худшаго, онъ ограничился тѣмъ, что попросилъ будущаго зятя, по крайней мѣрѣ, не дотрогиваться до своего свистка, пока онъ будетъ надѣвать ему орденъ.

Опатовскій повиновался съ высокомѣрной снисходительностью.

Сегодня молодой баронъ уже не жметъ каждому руки, не цѣлуетъ всѣхъ встрѣчныхъ. какъ въ день своего пріѣзда. Нѣтъ, онъ ни на кого не смотритъ и наступаетъ всѣмъ на ноги. Онъ умѣетъ поддержать честь Опатовскихъ, нечего его учить!

— Здравствуйте, г. Иллаваи.

Такъ привѣтствовалъ онъ „дядю Франца", ведя мимо него подъ руку свою невѣсту.

Пальма чрезвычайно довольна перемѣной, происшедшей въ племянникѣ въ отношеніи дяди. Въ благодарность за это, она очаровательно мила къ своему жениху.

Ну, теперь можетъ быть Иллаваи не пріѣдетъ на обрученіе.

— До свиданія, графиня, до слѣдующей недѣли, чрезъ восемь дней, произнесъ Францъ, сдѣлавъ вѣжливый, глубокій поклонъ прелестной, гордой дѣвушкѣ, съ холоднымъ равнодушіемъ проходившей мимо него.

Баронъ Корнель успѣлъ, за эти восемь дней съѣздить въ Вѣну, гдѣ—едва ли не слишкомъ поспѣшно—сошелся съ какимъ-то чрезвычайно изящнымъ и франтоватымъ господиномъ, котораго не преминулъ привезти съ собой. Для него непостоянный владѣлецъ Анатвара отчасти пренебрегалъ теперь даже вѣрнымъ своимъ Кацуромъ. Новый другъ носилъ странное, хотя и „блестящее" имя „г. Діадема". Впрочемъ, не даромъ носилъ онъ такое имя—онъ былъ одною изъ „звѣздъ" Вѣнской биржи и самаго себя называлъ соперникомъ, антагонистомъ Ротшильдовъ. Въ Вѣнѣ онъ то же самое, что въ Парижѣ—Перейра. Его всякій знаетъ? Кому же можетъ быть неизвѣстенъ домъ Діадемы! „Онъ элегантъ", онъ левъ—театральнаго міра, знатокъ искусствъ и меценатъ.

И при всемъ томъ—онъ нисколько не гордъ, нисколько! вовсе не корчитъ аристократа и всякому готовъ всегда услужить, угодить. Когда баронъ Опатовскій познакомилъ его съ Иллаваи, биржевой левъ увѣрилъ этого послѣдняго, что очень хорошо знаетъ его, сейчасъ же принявшись расхваливать ту патріархальную методу, при помощи которой онъ привелъ въ порядокъ имѣнія Опатовскаго. Но метода эта хороша была только въ доброе старое время. Теперь же настала другая эра для сельскохозяйственной дѣятельности, эра широкихъ предпріятій. Почва требуетъ большихъ капиталовъ и даетъ обильные плоды. Биржевикъ разсказывалъ чудеса; Опатовскій внималъ съ энтузіазмомъ. По планамъ, изложеннымъ Діадемой, имѣніе Анатваръ будетъ приносить сотни тысячъ годоваго дохода.

Иллаваи устранился отъ всякаго спора, находя излишнимъ принимать даже участіе въ разговорѣ. Изъ словъ и намековъ Корнеля онъ понялъ, что юный баронъ перезнакомился въ Вѣнѣ съ различными важными лицами и семействами, обѣщавшими пріѣхать на его свадьбу, которая будетъ зимой. Послѣ свадьбы онъ ѣдетъ съ женой въ Италію, а до его возвращенія замокъ его будетъ приведенъ въ прежній блестящій видъ.

Главное завѣдываніе возложено на Кацура. Г. Діадема чрезвычайно восхищается Кацуромъ.

Иллаваи видѣлъ все, что готовилось.

Францъ не могъ больше оставаться въ замкѣ, видя какъ графиня съ нимъ обращается. Найдя Теметвени, онъ подошелъ къ нему.

— Графъ, моя задача окончена. Благодарю васъ—вы исполнили все, что обѣщали, вы скрыли отъ графини Пальмы все, что произошло въ ту ночь.

Это было ясно, потому что знай молодая дѣвушка обо всемъ, она отнеслась бы къ нему иначе.

— Я бы желалъ, продолжалъ Иллаваи, чтобы наши дороги разошлись въ разныя стороны. Опатовскій далъ мнѣ понять, что желалъ бы, вмѣсто меня, пригласить свидѣтелемъ какого-то магната. Онъ имѣетъ право поступить такъ и, значитъ, во мнѣ тутъ больше никто не нуждается. Но я считаю своею обязанностью сказать вамъ еще кое-что. Я, вѣроятно, пріобрѣту себѣ еще одного врага, да и вы, пожалуй, не повѣрите мнѣ, но не смотря на то, я не могу молчать, когда вижу опасность и поэтому, графъ, говорю вамъ, берегитесь: вашъ новый другъ, г-нъ Діадема, болѣе опасный плутъ, нежели вся банда Криванскаго, вмѣстѣ съ Кузеномъ и если вы не выгоните этого человѣка,—то отъ соединенныхъ имѣній Теметвени и Опатовскихъ не останется ничего.

Съ этими словами онъ оставилъ изумленнаго графа. Онъ пошелъ прямо, чрезъ горы, въ свой домикъ, который можно было ясно видѣть издали.

XXVI.
Аталанта.

Графъ Фердинандъ Теметвени считалъ уже завершенною свою **Сизифову работу возстановленія блеска своего дома.** Онъ думалъ, что взгромоздилъ уже всѣ камни зданія, до самой вершины. Между тѣмъ, самъ не чувствуя, онъ задѣлъ ногой за мелкій камешекъ, такой мелкій, что и замѣтить его было трудно графу.

Этимъ ничтожнымъ камешкомъ былъ Кацуръ и вдругъ это ничтожество оказалось опаснымъ. Въ тотъ день, когда Корнель былъ провозглашенъ барономъ и все спѣшило принести ему поздравленія, графъ сказалъ ему въ полъ-голоса; „намъ надо сдѣлать что нибудь и для добряка Кацура; мы устроимъ ему какое нибудь спокойное мѣстечко, только подальше отъ насъ, гдѣ онъ отдохнетъ отъ продолжительной своей службы вамъ".

Въ новомъ, блестящемъ положеніи своемъ, Теметвени желалъ имѣть около себя поменьше этихъ шутовъ, съ него было достаточно зятя, да и къ тому же Кацуръ—вовсе не украшеніе для порядочнаго общества, надо избавиться отъ него.

Но это была ошибка со стороны предусмотрительнаго графа Фердинанда, Кацуръ не разставался съ Корнелемъ съ самаго дѣтства, онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, умѣвшимъ дѣлить съ нимъ всѣ его сумасбродства, Корнель, съ своей стороны, чрезвычайно любилъ Кацура; боясь всѣхъ и каждаго, онъ довѣрялъ только ему одному, ему, котораго считалъ своею собственностью. „Придворный дуракъ" барона Опатовскаго вовсе не былъ глупъ, но онъ скрывалъ умъ свой про себя.

Корнель, оставшись наединѣ съ другомъ, немедленно же, со смѣхомъ, передалъ ему планъ графа. Кацуръ тоже засмѣялся, по—и заскрежсталъ зубами. А! господа, такъ вы хотите выбросить меня за окошко? Да—покуда мы были нужны я былъ хорошъ, я годился только на то, чтобы получать колотушки, да вывозить этаго дурака на своей спинѣ, нынче мы стали важными господами, такъ, значитъ: убирайся, дуракъ, тебя больше не надо! Ну, нѣтъ-съ, извините! Я вѣдь, не Францъ Иллаваи! Мы теперь посмотримъ еще—кто настоящій то дуракъ, кого скорѣе прогонять-то?

Первымъ послѣдствіемъ этого тайнаго монолога была поѣздка Корнеля съ Кацуромъ въ Вѣну и продажа облигаціоннаго фонда, приносившаго 60 тысячъ гульденовъ. И именно Кацуръ и свелъ его, для этого финансоваго оборота, съ банкиромъ Діадемой. Его намѣреніямъ не соотвѣтствовалъ солидный, серьезный банкиръ, а именно биржевой журъ, герой кулисъ и цирка, какимъ былъ Діадема, Кацуръ скоро нашелъ, въ лицѣ его, человѣка, котораго ему было нужно. Съ своей стороны и биржевикъ, съ перваго же раза, понялъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Иллаваи не ошибся: новый знакомый Корнеля одинъ стоилъ всей шайки Криванскаго! Діадема и Кацуръ сошлись тѣсно. Послѣ обрученія всѣ трое уѣхали въ столицу. Тамъ, Корнель принялся за самыя безумныя покупки для отдѣлки замка. И теперь еще разсказываютъ въ Вѣнѣ о юномъ венгерскомъ помѣщикѣ, который, входя въ мебельный магазинъ или магазинъ галантерейныхъ и всякихъ другихъ вещей, спрашивалъ, „что стоитъ вся лавка, со всѣмъ, что тутъ есть?" Онъ не говорилъ—что ему нужно, а желалъ все сразу. Милліонъ не давалъ покоя Корнелю. Онъ не зналъ что бы ему предпринять, руки чесались.

Подъ руководствомъ Діадемы и Кацура закипѣла веселая, разгульная жизнь, оба пріятеля погрузили неопытнаго юношу въ пучину кутежа и разврата. Цѣль ихъ состояла не только въ томъ, чтобы разрушить здоровье Корнеля, имъ хотѣлось, чтобы имѣнія его не достались Иллаваи, который снова привелъ бы все въ порядокъ, имъ желательно было обезславить Опатовскаго и они достигли этого. По всей Вѣнѣ сталъ извѣстенъ венгерскій магнатъ, нанимавшій по два этажа въ отеляхъ, единственно для того, чтобы не имѣть сосѣдей, раздававшій сотни гульденовъ на чай, забавлявшійся тѣмъ, что кормилъ пощечинами бѣдняковъ, которымъ платилъ за это удовольствіе тысячами. Кацуръ, однажды, посовѣтовалъ барону, вмѣсто того чтобы жить по отелямъ—лучше купить себѣ домъ, который онъ уже и нашелъ. Домъ былъ немедленно купленъ, за него просили 300 тысячъ гульденовъ, сто тысячъ были заплачены при покупкѣ, а остальныя двѣсти—разсрочены. Діадема упрочилъ положеніе юнаго Опатовскаго въ циркѣ, здѣсь молодой человѣкъ былъ какъ дома. Онъ до такой степени пристрастился къ цирку, что нерѣдко, загорался желаніемъ принять участіе въ какомъ нибудь steple—chass'ѣ, на этой аренѣ. Ухаживалъ юноша за всѣми наѣздницами, но все-таки оставаясь вѣрнымъ своей Пальмѣ. Онъ нисколько не стѣснялся разсказывать о ней этимъ женщинамъ, гордился его, говорилъ имъ, что у него есть прелестная невѣста съ огромными глазами, густыми бровями, длинной косой и такой бѣлой кожей!—Вы всѣ—дрянь въ сравненіи съ нею!

Но, въ столицѣ въ это время появилось чудо.

Чудо это было, какъ возвѣстили афиши, молодая испанка, красавица Аталанта; еще за долго до прибытія ея афиши гремѣли о ней, возбуждая всеобщее любопытство. Донна Аталанта, дочь дона Мануэля де Пеларгоніо, настоящаго испанскаго гранда, предки котораго бились еще съ сарацинами.

Впрочемъ, вопросъ о томъ сколько предки дома Пеларгоніо перебили сарацинъ, вовсе не настолько интересенъ, какъ другой, а именно: въ чемъ искусство дочери? На чемъ показываетъ она свою ловкость—на лошади или на канатѣ? въ водѣ или на воздухѣ? Ничего подобнаго! Она—героиня арены,

она женщина-атлетъ и нѣтъ такого мужчины, котораго она не поборола бы.

Съ перваго раза такая женщина представляется чѣмъ-то неуклюжимъ, нелѣпымъ. Могущество женщины—не въ ея физической силѣ а въ ея красотѣ, въ ея прелести. Женщина, съ мускулами, развитыми какъ у мужчины,—составляетъ курьезъ, игру природы: но зритель остается холоденъ предъ нею. Можетъ ли быть что-нибудь поэтическое, что либо эстетическое въ женщинѣ, съ мускулистой фигурой, выходящей на бой.

Да, но вмѣстѣ съ тѣмъ, говорятъ, что она удивительно хороша собой. Она привела въ восторгъ Парижъ и Лондонъ. Въ городѣ повсюду продавались ея портреты. Реклама дѣятельно работала.

„Грандъ“ отецъ и импрессаріо своей дочери, нанялъ на краю города маленькій домикъ, въ которомъ она будетъ жить совершенно одна. Начало было полно таинственности. Увѣряли, что „артистка“, всюду, куда пріѣзжала, обыкновенно выбирала такіе уединенные домики. Обстоятельство это всегда толковалось на различные лады. По словамъ однихъ, въ этихъ домикахъ у красавицы разыгрывались какія-то чуть не элевзинскія таинства, по другимъ—она вела аскетическую жизнь. Гидальго гордится своею старо-кастильскою честью и ревниво оберегаетъ дочь отъ ухаживателей.

Афиши гремѣли, любопытство разжигалось и, наконецъ, когда оно достигло крайнихъ предѣловъ возвѣщенъ былъ великій день—Аталанта должна была появиться въ циркѣ.

На этотъ разъ habitués не были допущены на репетицію. Вечеромъ же кавалеры, по обыкновенію своему, толкнувшіеся, было, въ гардеробную,—у входа натыкались, каждый по очереди, на длинную фигуру съ бронзовымъ лицомъ, высокомѣрно и въ упоръ спрашивавшую „Que buscas?“ (Что тебѣ надо тутъ?), мало помогало и то, если любопытный называлъ свое имя: со словами „Quabesquiera sei!“. (Кто бы ты тамъ ни былъ!) долговязая фигура, безъ дальнѣйшихъ церемоній, отталкивала его отъ двери. При этомъ, длинныя руки обнаруживали такую страшную, будто механическую силу, что казалось то были не человѣческія руки, а какіе-то рычаги, приводившіеся въ движеніе паровой машиной.

Наконецъ, программа исчерпана въ видѣ разныхъ „обручей“, скачковъ, неуловимыхъ для профановъ тонкостей „haute école“. На арену выбѣжали слуги и выровняли взбудораженный лошадьми песокъ. Оркестръ смолкъ, въ публикѣ возбужденное любопытство вылилось въ выжидательный говоръ. Всѣ бинокли направлены на выходную дверь.

Снова заигралъ оркестръ и вышелъ „прекрасный Ахиллъ“, который будетъ бороться съ непобѣдимой. Это былъ любимецъ публики, лучшій акробатъ труппы. Одѣтый гладіаторомъ, онъ граціозно раскланивается, нагибается къ землѣ, и натеревъ руки пескомъ, останавливается въ красивой позѣ. Она выходитъ.

Ее ведетъ самъ отецъ—гидальго, въ своемъ національномъ, расшитомъ костюмѣ, въ какомъ видимъ торреадоровъ на картинкахъ. Она—вся закутана въ длинную мантилью, голову и плечи прикрываетъ черное кружево. На самой серединѣ арены, отецъ, быстрымъ движеніемъ, сбрасываетъ съ дѣвушки roboso и мантилью и она теперь стоитъ вся залитая свѣтомъ лампъ. Въ циркѣ пронеслось тысячегласное „А!“ невольно вырвавшееся у публики.

И, дѣйствительно, передъ нею стояла античная красавица. Это была не простая женщина, не акробатка, не наѣздница,—то была богиня, прямо спустившаяся съ Олимпа и надѣвшая на себя трико.

Въ ея дѣвственной, идеально сложенной фигурѣ не было ни малѣйшаго признака сильно развитой мускулатуры. Лицо ея, греческаго античнаго овала, слегка напоминало восточный типъ своими черными, нѣсколько рѣзко очерченными, густыми бровями, и черными же большими глазами: розовыя тонкія ноздри дрожали отъ внутренняго огня, улыбка, образуя ямочки на нѣжныхъ, не нарумяненыхъ щекахъ, обнаруживала, въ то же время, рядъ жемчужинъ.

Красавица озирается, ищетъ противника; вотъ—увидала его. Вынувъ изъ волосъ розу, она взяла стебель въ ротъ, и потомъ откинувъ руки и слегка подавшись впередъ дѣвственною грудью, она будто бросила сопернику своеобразный вызовъ.

XXVII.
Борьба.

Возбужденный звуками музыки и вызывающей позой атлетки, Ахиллъ устремляется на нее и—бой начался. То не было, однако, серьезное ратоборство. Зрители видѣли предъ собой рядъ классическихъ позъ, въ которыхъ каждый моментъ былъ верхомъ пластической красоты. То были двѣ подвижныя мраморныя статуи. Обѣ идеально прекрасныя фигуры необыкновенно гармонировали другъ съ другомъ. Никогда изъ подъ рѣзца греческихъ скульпторовъ не выходило ничего болѣе чистаго, изящнаго. Аталанта, во все время борьбы, сохраняетъ всю прелесть женственности: каждое движеніе ея, каждый жестъ благородны, граціозны и, вмѣстѣ, цѣломудренны. Вотъ рѣшительная минута, казалось сейчасъ оба безобразной грудой упадутъ на землю, но—мраморная Аталанта, одною рукою, высвобождается изъ объятій Ахилла, а сильнымъ движеніемъ другой—заставила его дотронуться колѣномъ до песку. Этимъ и завершилось ратоборство, такъ какъ тотъ, кто коснется земли спиной или колѣномъ, признается побѣжденнымъ.

Прекрасный Ахиллъ сдается, преклоняетъ свою голову, готовясь принять смертный ударъ (Аталанта, какъ намъ извѣстно, отсѣкала головы у побѣжденныхъ ею юношей). Побѣдоносная амазонка обводитъ своими блестящими глазами амфитеатръ. Розанъ все еще зажатъ коралловыми губками а руки скрещены на груди.

Гидальго поспѣшно приближается къ ней и подаетъ платокъ, которымъ красавица отираетъ влажное лицо. Все видно она не набѣлена и не нарумянена.

Публика громко и восторженно аплодируетъ. Донъ Пеларгоніо хочетъ уже накинуть на нее мантилью, но она отстраняетъ его рукой. Ея зоркій глазъ и ухо подмѣтили кое-что. Одна часть публики „не аплодируетъ“. Изъ ея рядовъ слышенъ возгласъ „Керреръ!“

Въ одной изъ ложъ пожилой господинъ, съ бѣлой бородой что-то кричитъ, отчаянно жестикулируя.

— Что такое? спрашиваетъ своимъ взоромъ дѣвушка. Директоръ, переговоривъ съ бородатымъ зрителемъ, пользовавшимся, повидимому, большимъ значеніемъ въ циркѣ, возвращается къ Аталантѣ и знаками, кое-какъ, объясняетъ ей, что публика, считая ея борьбу съ Ахилломъ простымъ подражаніемъ ратоборству, требуетъ, чтобы она одолѣла Керрера если можетъ. Кто этотъ Керреръ?

Донъ Мануэль де Пеларгоніо отступаетъ съ мантильей назадъ, донна Аталанта остается на своемъ мѣстѣ и ждетъ этого Керрера.

Керреръ американскій боксеръ. Онъ скоро появляется тоже въ костюмѣ гладіатора. Это геркулесъ, съ широкими плечами, могучими мускулистыми руками и ногами, похожими на два столба: воловья голова и грубое, отталкивающее лицо, съ парой маленькихъ дерзкихъ глазъ—довершаютъ внѣшность геркулеса, „выпущеннаго“ противъ граціозной дѣвушки.

Аталантѣ едва ли удастся обворожить это животное блескомъ своихъ чудныхъ очей, которыми она побѣдила „прекраснаго Ахилла“.

Привѣтствуемый радостными кликами толпы, геркулесъ выходитъ на середину арены и останавливается тамъ, ожидая какъ примется за него Аталанта и что она можетъ съ нимъ сдѣлать?

И снова заиграла музыка, и снова публика затаила дыханіе.

Осторожно, какъ тигрица начала подходить, подкрадываться Аталанта и потомъ, вдругъ, какъ молнія, бросилась на Керрера. Двѣ страшныя руки протянулись впередъ, чтобы схватить дѣвушку, но она ловко миновала опасность, успѣвъ нанести ударъ въ бокъ противника, который слегка покачнулся. Мгновеніе спустя она снова кидается на геркулеса, теперь, однако, онъ ждалъ ее и, поймавъ за руку и за одну ногу, приподнялъ какъ перышко и перебросилъ черезъ свою голову. Но Аталанта упала на ноги, и въ ту же минуту Керреръ получилъ такой толчекъ, что снова пошатнулся, коснувшись земли рукой.

Часть публики аплодируетъ: другая же кричитъ, что онъ не побѣжденъ, потому что не упалъ совсѣмъ.

Аталанта сдѣлала жестъ рукой. Хорошо, она согласна начать съ начала. Она все еще держитъ во рту розу.

Геркулесъ нѣсколько раздраженъ. Бой возобновился. Опять дѣвушка нападаетъ, боксеръ защищается. Онъ ухватилъ ее за обѣ руки, поднялъ, какъ и тотъ разъ, и со всего размаха бросилъ оземь. Публика замерла въ ужасѣ. На этотъ разъ, дѣвушка, вѣроятно, разбилась въ дребезги! Нѣтъ—она снова на ногахъ и, какъ резиновый мячикъ отпрыгнула на нѣсколько шаговъ назадъ. Отъ этаго движенія, ея черные, какъ смоль, густые волосы распустились до колѣнъ, лицо пылаетъ, большие глаза искрятся и горятъ какою-то звѣрскою страстью. Она вынула розу изо рта, разорвала ее и разбросала лепестки вокругъ себя. Еще одинъ мигъ—Керреръ уже въ ея рукахъ, какъ добыча въ когтяхъ орла: схвативъ его за плечи, она, изо всѣхъ силъ, тряхнула его и чрезъ свое колѣно опрокинула на землю. Теперь онъ лежалъ на пескѣ пластомъ. Успѣхъ Аталанты былъ необычайный.

Буря рукоплесканій и дождь цвѣтовъ привѣтствовали побѣдительницу. Вызовамъ не было конца. Кавалеры изо всѣхъ ложъ побѣжали за кулисы, чтобы видѣть ее вблизи, на пути въ ея уборную, чтобы уловить хоть взглядъ ея чудныхъ глазъ. Но Гидальго растолкалъ молодежь и быстро увелъ дочь.

Больше всѣхъ пришелъ въ восторгъ баронъ Борнель.

— Это—не дѣвушка а просто фея какая-то, сказалъ онъ своему другу Діасемѣ.

— Въ томъ-то и бѣда!

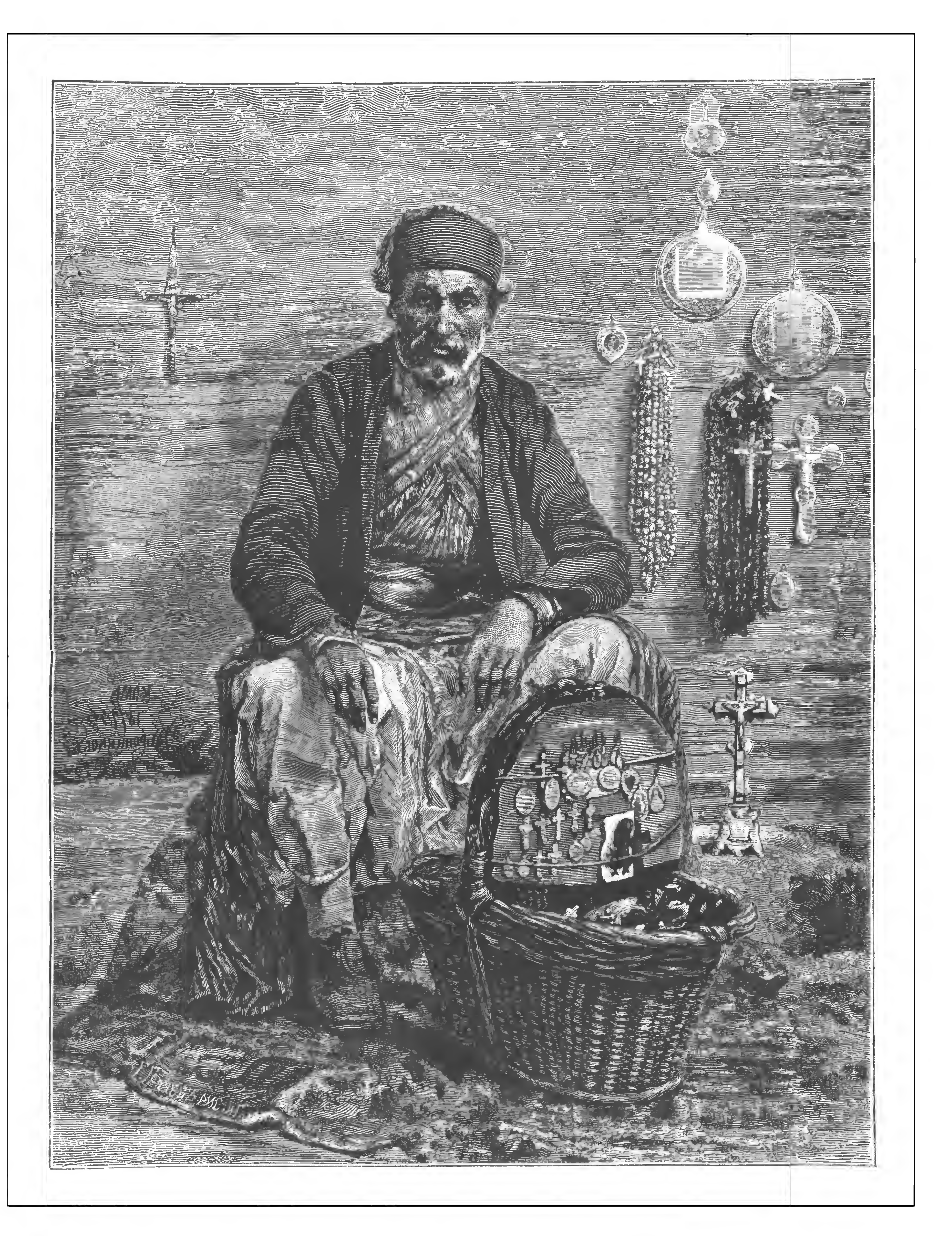
— Какъ-бы завоевать сердце ея?

— Ратоборствомъ, какъ видишь, трудновато.

— Не шути, пожалуйста! мнѣ не до шутокъ.

— Тѣмъ хуже для тебя. Не мало народу сошло съ ума изъ за той дѣвушки. Не гляди ты больше на нее. Не для тебя она.

Что такое? Развѣ я нищій?



Грекъ—продавецъ образковъ. Съ картины Ф. Бронникова, рис. и грав. Грачевъ.

— Я тебѣ говорю не объ этомъ. Да не въ томъ тутъ и дѣло. Здѣсь тебѣ не придется спросить: сколько стоитъ вся лавка? Я хорошо знаю донну Аталанту и увы — говорю по опыту. Она — богаче любаго индѣйскаго набоба. Ей за представленія ея платятъ баснословныя цѣны. Всѣмъ эта дѣвушка обязана только себѣ. Ну и бережетъ себя чрезвычайно, держитъ строгій régime. И напрасно будешь ты ждать ее у подъѣзда; твоя богиня выходитъ изъ цирка не раньше, какъ часа черезъ два. Сейчасъ-же, по возвращеніи съ арены ее завертываютъ въ мокрыя простыни, изъ нихъ она опускается въ холодную ванну, и уже, затѣмъ, переодѣвшись въ мужской костюмъ, отправляется домой, пѣшкомъ, но при этомъ идетъ такъ быстро, что ее и бѣгомъ не догонишь. Ужинаетъ почти сырымъ, съ кровью, мясомъ и ложится спать въ комнатѣ съ открытымъ окномъ, на простомъ волосяномъ матрацѣ, завернутая въ влажныя простыни. Утромъ опять — холодная вода, гимнастическія упражненія, приготовленія къ вечернему спектаклю и т. д., въ промежуткахъ-же — болѣе чѣмъ умѣренный завтракъ. Ее, милый другъ, не пригласишь на ужинъ, какъ этихъ твоихъ танцовщицъ. Она — раба своего искусства.

— Э! полно, я этому не вѣрю!

— Дѣло твое.

— Ты такъ хорошо знаешь всѣ ея привычки, значитъ ты былъ съ нею близко знакомъ.

— Ишь какой острый мальчикъ, а! вѣдь угадалъ! Да, конечно, я знаю ее ужъ давно, не мало я побѣгалъ за ней и въ соперникахъ тоже недостатка не было; но толку не выходило.

— Я доберусь до нея. Не смѣйся. Будетъ по моему!

— Увидимъ. Но, какъ-же ты начнешь? Божественная Аталанта умѣетъ говорить только по англійски и по испански, а ты—ты знаешь все на свѣтѣ, кромѣ этихъ двухъ языковъ. Какимъ-же образомъ ты объяснишься съ нею? Я уже сказалъ тебѣ, что къ ней нельзя обращаться на языкѣ денегъ.

— Стану учиться по англійски. Кацуръ! Сейчасъ-же приведи мнѣ учителя англійскаго языка. Въ восемь дней буду уже умѣть говорить!

И дѣйствительно, Корнель принялся за уроки. Но на третій день они ему надоѣли. По испански будетъ легче. Англійскій преподаватель былъ отпущенъ и замѣненъ испанскимъ. Кацуръ тоже долженъ былъ учиться. Но прошло два дня усиленныхъ занятій — надоѣло и это.

— Знаешь что! Я придумалъ одну штуку! крикнулъ на третій день Корнель, бросивъ на полъ грамматику — не надо мнѣ ни англійскаго, ни испанскаго!

— Мнѣ тоже не надо, поддакнулъ Кацуръ.

— Пойди и узнай — у какого садовника Аталанта беретъ свои розаны.

Кацуръ быстро доставилъ это свѣдѣніе.

Тогда Корнель сѣлъ, и съ величайшими усиліями, однако всетаки написалъ слѣдующую записку:

Богиня!

Уже цѣлую недѣлю я мучусь, чтобы выучиться языкамъ, на которыхъ говорите вы. Но, чѣмъ больше я учусь, тѣмъ меньше понимаю. Поэтому я обращаюсь теперь къ языку, который вы тоже знаете—къ языку цвѣтовъ. Эти цвѣты скажутъ вамъ, что я васъ обожаю. Если этимъ письмомъ я причиняю вамъ малѣйшую обиду — покажите его вашему отцу, пусть онъ убьетъ меня. Но, если вы желаете выслушать меня, то выучитесь по нѣмецки.

Баронъ Онатовскій.

— Геніально! воскликнулъ Кацуръ. Только Онатовскій въ состояніи изобрѣсти что-либо подобное.

Письмо это было поручено преподавателю перевести на испанскій языкъ.

Затѣмъ оба отправились въ цвѣточный магазинъ, въ которомъ Аталанта, обыкновенно, покупала розы.

— Сколько стоитъ вся лавка?

Заплативъ что запросилъ садовникъ, Корнель велѣлъ ему весь его запасъ цвѣтовъ доставить къ Аталантѣ и убрать ея квартиру, но только пока она будетъ на репетиціи, а записку вложить въ букетъ камелій.

Друзья ждали результатовъ.

Дни проходили за днями. Но Гидальго не являлся съ парой шпагъ подъ мышками, чтобы драться съ Корнелемъ за Кастильскую честь своей дочери. Корнель съ Кацуромъ не пропускали ни одного изъ „блестящихъ“ представленій въ циркѣ, гдѣ юный баронъ сорилъ деньгами, стараясь пробраться поближе къ уборной дивы, однако „грандъ“ отгонялъ его оттуда одною грозою свирѣпыхъ глазъ. Репертуаръ Аталанты былъ чрезвычайно разнообразенъ; каждый разъ она поражала публику чѣмъ-нибудь неожиданнымъ. Никогда зрители не знали заранѣе какое новое ощущеніе она заставитъ ихъ испытать. Отъ того, все, что она представляла, казалось не заученнымъ, какъ у другихъ, а чѣмъ-то непосредственно естественнымъ, какимъ-то проявленіемъ своеобразной дикой натуры. Все въ ней было ново, неожиданно, прекрасно. Одинъ разъ она изобразила индійца, гонявшагося въ степи за дикими конями. Съ изумительнымъ искусствомъ воспроизвела она, среди скакавшаго во всѣ стороны табуна въ 50 лошадей, всѣ перипетіи борьбы дикаря съ необузданнымъ животнымъ, борьбы отчаянной, полной ежеминутной опасности, заставляя публику то цѣпенѣть отъ испуга, при видѣ ея, уже почти раздавленною свирѣпымъ конемъ, то трепетать отъ восторга, въ минуту неожиданнаго торжества наѣздницы.

Аталанта ловко соскочила съ укрощенной лошади и послала зрителямъ граціозный поцѣлуй.

Корнель успѣлъ забѣжать ей на встрѣчу по дорогѣ въ уборную.

— Богиня! воскликнулъ онъ по нѣмецки, какъ вы напугали насъ!

Артистка взглянула на него и улыбнулась. Выраженіе недавняго ужаса за нее, еще ясно написанное на лицѣ барона, казалось польстило ей.

— Я — Корнель Онатовскій.

Красавица слегка кивнула головой и исчезла.

— Ты, послушай, она меня уже знаетъ теперь! крикнулъ онъ Кацуру.

И больше не произнесъ ни слова. Дома онъ велѣлъ повару готовить для него сырые бифстексы, и камердинеру — завертывать его въ мокрыя простыни.

Однажды за кулисами, когда Гидальго подавалъ Аталантѣ мантилью, чтобы снова показаться передъ вызывавшей ее публикой, прежде чѣмъ выбѣжать туда, дѣвушка слегка обернула голову къ юному барону и произнесла по нѣмецки:

— Добрый вечеръ, синьоръ!

Юноша чуть съума не сошелъ и, еслибъ его не удержали — навѣрное бросился-бы на арену, за Аталантой.

— По нѣмецки!.. Она говоритъ по нѣмецки! выучилась! Въ восторгѣ онъ разцѣловалъ попавшагося ему подъ руку паяца и стеръ ему этимъ дружескимъ поцѣлуемъ съ лица бѣлила. Когда дѣвушка возвращалась назадъ, онъ сталъ ей поперегъ дороги.

Гидальго высунулся было впередъ, но Корнель ткнулъ его въ грудь, крикнувъ по венгерски: убирайся къ чорту, а не то уничтожу!

— Вы говорите по нѣмецки! Еще одно слово, прошу васъ! Вокругъ никто не могъ понять — почему это его приводило въ такой восторгъ!

Красавица приложила къ лицу вѣеръ и шепнула такъ, что слышалъ только одинъ Онатовскій.

— Завтра... въ пять часовъ... у меня.

Баронъ едва помнилъ какъ онъ пріѣхалъ домой. Тотчасъ были созваны гости, съ которыми онъ хотѣлъ подѣлиться тріумфомъ. Онъ не могъ молчать, ему надо было разсказать всѣмъ. Радость его не имѣла предѣловъ. Дворецъ былъ освѣщенъ сверху до низу. За ужиномъ Корнель не могъ дотронуться ни до одного блюда.

— Божественная дѣвушка!

XXVIII.
Повелитель или рабъ?

Одноэтажный домикъ, въ которомъ жила Аталанта съ отцомъ, на концѣ города, у самыхъ укрѣпленій. Напрасно стали бы мы искать его теперь. Давно уже онъ исчезъ, пожертвованный, вмѣстѣ съ многими другими, дѣлу украшенія столицы.

Ровно въ пять часовъ экипажъ Онатовскаго остановился у массивныхъ воротъ домика. Это была всѣмъ тогда извѣстная въ Вѣнѣ карета, выкрашенная въ оранжевую краску и запряженная парою самыхъ огромныхъ лошадей въ столицѣ. Ни у кого не было такихъ громадныхъ коней!

Корнель, и конечно, Кацуръ, выскочили изъ кареты и позвонили у воротъ.

— А зачѣмъ ты пріѣхалъ, въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь мнѣ назначено свиданіе, а не тебѣ,—сказалъ Корнель обращаясь къ своему фактотуму.

— А чтобы отвлекать разговорами гидальго, пока благородный баронъ будетъ объясняться съ донной Аталантой.

— Да какъ же ты будешь разговаривать съ нимъ? вѣдь ты не знаешь по испански?

— Какъ не знаю? Развѣ я не учился вмѣстѣ съ вами? Взялъ семь уроковъ!

Ихъ впустили. Привратнику, отворившему калитку, Корнель сунулъ бумажку въ сто гульденовъ, горничная, снявшая съ него пальто, получила двѣсти гульденовъ.

Вотъ они въ салонѣ. Корнель, съ восклицаніемъ, увидѣлъ, что вся комната украшена присланными имъ цвѣтами, которые разсажены теперь въ дорогихъ вазахъ. Онъ уже и забылъ, что вѣдь заплатилъ и за вазы эти. Салонъ убранъ великолѣпно. Стѣны увѣшаны дорогими огромными серебряными блюдами, походившими скорѣе на щиты. А можетъ быть то и были древніе щиты, употреблявшіеся въ свое время на турнирахъ предками Аталанты. На каждомъ изъ этихъ блюдъ выбитъ 1235 годъ, гербъ и девизъ: тамъ же виситъ въ почернѣвшей отъ времени рамкѣ генеалогическое дерево фамиліи Пеларгоніо. Словомъ—это настоящая пріемная испанскаго гранда.

Въ одной изъ боковыхъ дверей показался и самъ грандъ съ дочерью. Дома онъ одѣтъ европейскимъ джентльменомъ, на ней же—обыкновенный туалетъ. Все театрально-испанское оставлено въ циркѣ. Гидальго ласково пожалъ руки гостямъ, донна, между тѣмъ, успѣла сдѣлать Онатовскому знакъ сѣсть около нея.

Баронъ съ трудомъ могъ узнать Аталанту. Здѣсь это не богиня; въ ней что-то дѣтское и чудные глаза смотрятъ тихо и спокойно, въ нихъ нѣтъ и малѣйшаго отблеска того страстнаго огня, которымъ они горятъ въ пылу борьбы.

Кацуръ знаками попросилъ хозяина разсказать ему исторію фамиліи и внимательно слушаетъ длиннѣйшее повѣствованіе разохотившагося гидальго.

— Баронъ, начала Аталанта, обращаясь къ Корнелю на нѣмецкомъ языкѣ, котораго отецъ ея не понималъ,—вы написали мнѣ письмо, которое поразило меня. Я еще никогда не получала такого. Всѣ другіе, обыкновенно, предлагали что нибудь: свое сердце, состояніе, жизнь свою. Вы не только ничего не предлагаете, но напротивъ требуете отъ меня жертвы, вы требуете, чтобы я выучилась языку, чтобы говорить съ вами. Это тронуло меня. Вотъ, подумала я—человѣкъ съ душой. А я еще никогда не видала человѣка съ душой и хочу видѣть.

Корнель впервые слышалъ такую лесть. У него закружилась голова и онъ не догадался даже спросить у дамы своего сердца, какимъ образомъ она, въ столь короткое время, могла выучиться такъ по нѣмецки.

— Богиня—какъ хорошо вы говорите по нѣмецки!

И они долго говорили. Съ большимъ тактомъ направляла она разговоръ на знакомыя юношѣ темы, была нѣжна и сентиментальна. Корнель былъ въ полномъ восторгѣ.

— Пріѣзжайте ко мнѣ, говорила она. Я буду рада видѣть васъ въ свободные дни, а когда они—вы можете узнавать изъ афишъ. И на репетиціи можете пріѣзжать. Но прошу васъ больше не повторять, что вы отдаете мнѣ свою душу. Такъ можетъ говорить мнѣ только тотъ, кто возьметъ меня изъ цирка, или кто пойдетъ за мной на арену цирка.

Она поднялась. Взглядъ и движенія ея напомнили въ эту минуту Діану, въ тотъ моментъ, когда она превратила Актеона въ оленя.

Такъ вотъ что—или мой повелитель, или мой шутъ! Другими словами—или ты раздѣлишь со мной свою баронскую корону, и введешь меня въ Аватварскій замокъ, или надѣнешь такую же шутовскую шапку съ погремушками, какую ношу я, и будешь переѣзжать со мной изъ цирка въ циркъ, будешь прыгать и кувыркаться, какъ и прочіе клоуны, твои будущіе милые товарищи.

Корнель понялъ. Высказано все было совершенно ясно. Но слабоумные люди хитры. Онъ сдѣлаетъ видъ, что согласенъ, пообѣщается. А тамъ!.. вѣдь отъ милліона-то осталось еще довольно.

Молодой человѣкъ почувствовалъ желаніе сдѣлать разговоръ менѣе серьезнымъ и подойдя къ открытому окну, спросилъ обращаясь къ Аталантѣ:

— Нравятся вамъ мои лошади?

— Они очень хороши. А! у нихъ гривы и хвосты выкрашены въ красный цвѣтъ это была мода при дворѣ Польскихъ королей.

— А мой экипажъ?

— Показываетъ что у васъ много вкуса.

— Позвольте мнѣ подарить его вамъ.

Дѣвушка взглянула на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Пожалуй, если это вамъ нравится, сказала она, слегка пожавъ плечами.

Грандъ окончилъ, въ эту минуту, свои геральдическія разъясненія, которыя Кацуръ все время слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Въ семь уроковъ можно, вѣдь, хорошо выучиться молчать по испански.

Гости откланялись и вышли.

— Кацуръ она приняла мой экипажъ въ подарокъ!! Ты понимаешь что это значитъ?

— А то, что мы домой вернемся пѣшкомъ.

— Какъ ты, братецъ, глупъ! Ее увидятъ въ моей каретѣ и всѣ будутъ думать, что я одержалъ побѣду.

Корнелю очень льстила такая перспектива.

Опатовскій спросилъ привратника, есть ли тутъ въ домѣ конюшни и сарай.

— Есть.

— Отвори ворота и впусти во дворъ мой экипажъ, онъ останется здѣсь.

Привратникъ заговорилъ что-то, но бумажка въ 100 гульденовъ немедленно закрыла ему ротъ. Экипажъ въѣхалъ.

— Что ты получаешь въ годъ? спросилъ Корнель кучера.

— 500 гульденовъ.

— Вотъ они. Съ сегодняшняго дня ты служишь доннѣ Аталантѣ. Если будешь вести себя хорошо, не постою за наградой. Лошадямъ надо сѣна и овса. На вотъ 200 гульденовъ. Хорошенько ходи за лошадьми.

Съ радости, въ клубѣ, Корнель страшно проигрался въ тарокъ.

Корнель всецѣло отдался теперь своей страсти къ Аталантѣ. Кромѣ нея и цирка онъ ни о чемъ не могъ и не хотѣлъ говорить. На репетиціи онъ являлся всегда первымъ и отбилъ у гидальго привилегію охранять мантилью красавицы. Чрезвычайно гордился онъ и тѣмъ, что она не принимала подарковъ ни отъ кого, кромѣ него и умѣлъ выразить ей свою признательность: къ дню повторенія (по востребованію публики) „боя быковъ“, онъ поднесъ ей сафьянные сапожки, которые, вмѣсто пуговицъ, застегивались двѣнадцатью солитерами.

Отъ нея же онъ не получалъ ничего, кромѣ цвѣтка пеларгоніи, который она ежедневно сама вдѣвала въ его петлицу. Онъ не рѣшался даже поцѣловать маленькой ручки. Красавица отчасти была похожа въ этомъ на всемірную выставку: „Почтеннѣйшую публику просятъ ни до чего не дотрогиваться“.

Репетиціи разрѣшено было посѣщать и другимъ, кромѣ Корнеля и онъ встрѣчался здѣсь со многими модными львами, между прочимъ, съ Діадемой.

(До слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Снятіе со креста.

(Рис. на стр. 268 и 269).

Нѣтъ болѣе эффектнаго изображенія „Снятія со креста“ какъ картина Рубенса; его всесвѣтно извѣстная картина поражаетъ яркостью колорита, свѣжестью и блескомъ красокъ и прекрасною, красивою группировкою лицъ сцены; но произведеніе талантливаго фламандца отличается именно болѣе этими достоинствами и не углубляется въ ту сторону событія, которая такъ сильно потрясаетъ и трогаетъ сердце; фигуры въ его картинѣ большею частью холодны. Евангельскій разсказъ, чрезвычайно кратокъ и простъ и именно такъ высокъ и трогателенъ въ этой простотѣ. Читая его, какъ бы видишь передъ собою Божественнаго Страдальца, изможденнаго страшными крестными мученіями, при видѣ которыхъ даже язычники не рѣшились приступить къ послѣдней операціи надъ казнимымъ—разбитію голеней. Увѣрившись, что Іисусъ уже испустилъ духъ, они скоро приступили къ снятію Его со креста, такъ какъ еврейскій законъ запрещалъ оставить тѣло на висѣлицѣ до вечера, тѣмъ болѣе что въ этотъ вечеръ уже наступилъ великій праздникъ Суббота, святость котораго не должна была быть омрачаема такимъ зрѣлищемъ. Тѣло же, съ разрѣшенія Пилата, должно было быть передано Іосифу и Никодиму. Такимъ образомъ снятіе со креста было исполнено весьма поспѣшно и въ ночи, при чемъ никакъ не могла присутствовать такая пестрая, яркая и многочисленная толпа какъ изображена у Рубенса, ни воины въ картинныхъ позахъ спускающіе на полотнѣ Пречистое Тѣло Спасителя. Трогательная простота Евангельскаго разсказа, какъ мы говорили, дастъ художнику и безъ того такъ много.

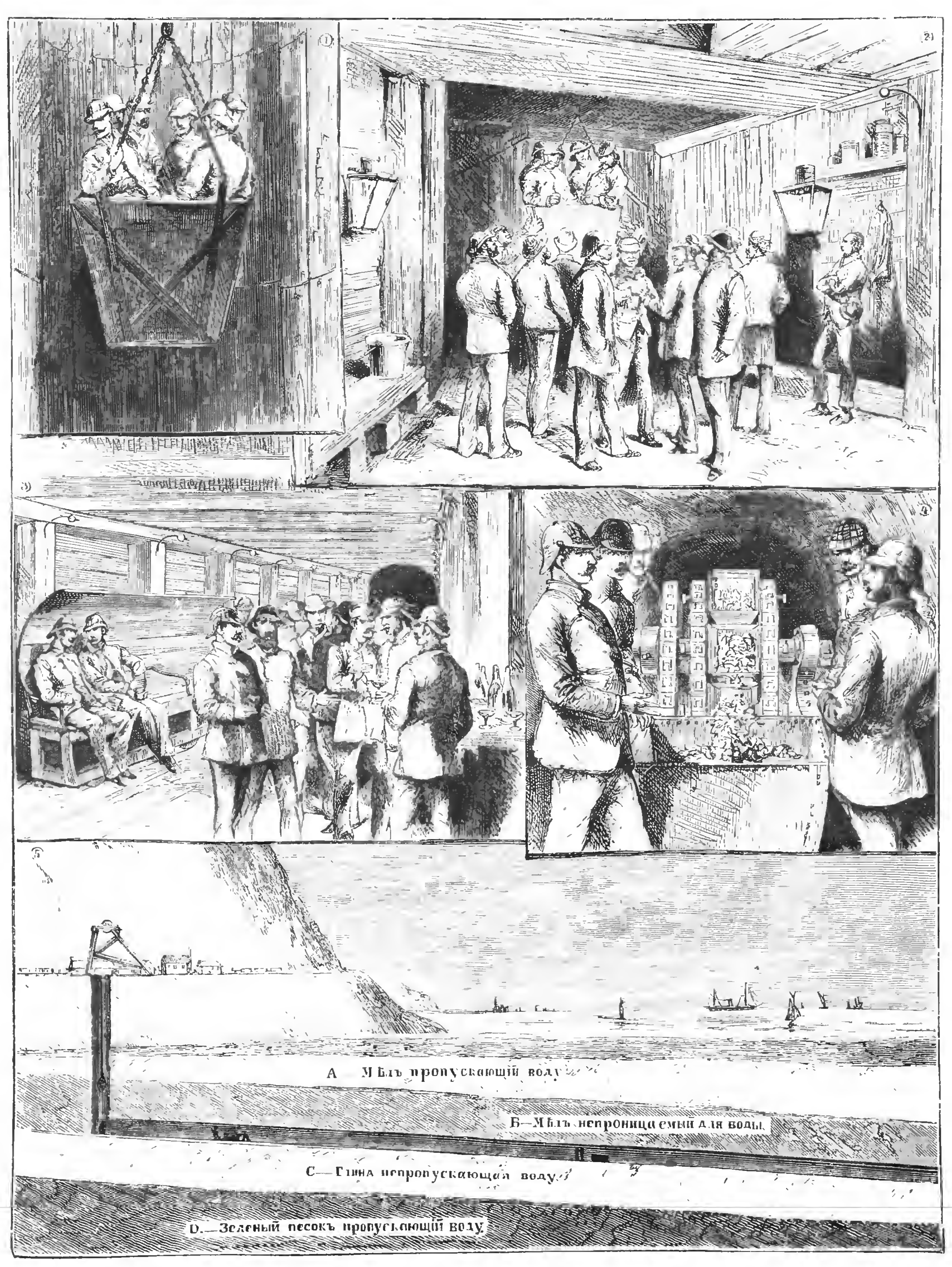
На картинѣ талантливаго Леграна, копія съ которой здѣсь помѣщается, взятъ тотъ моментъ когда тѣло уже снято и Пречистая Матерь въ глубокомъ и отчаянномъ горѣ припала къ божественному челу. Въ сторонѣ, рыдая, стоитъ Марія и все это въ невѣрномъ свѣтѣ потухающаго дня производитъ впечатлѣніе, которое указываетъ на то, что художникъ проникся смысломъ и духомъ событія и не отклонялся отъ прямаго указанія Св. Евангелиста.

Положеніе Спасителя во гробъ.

(Рисунокъ на стр. 273).

Послѣдующимъ евангельскимъ эпизодомъ по снятіи Спасителя со креста, конечно, является погребеніе Его пречистаго тѣла. Это погребеніе, какъ извѣстно, было совершено на скорую руку, такъ какъ всѣ приготовленія къ нему должны были окончиться до наступленія субботы—этаго высшаго, священнаго дня для каждаго Еврея. Но прежде нежели заботиться о погребеніи, вѣрнымъ ученикамъ и послѣдователямъ Божественнаго Учителя предстояла еще другая трудная и тяжелая задача—пріобрѣсти тѣло Его въ свое распоряженіе и спасти Его отъ посмертнаго поруганія, такъ какъ по римскому закону трупъ казненнаго отдавался на добычу хищнымъ птицамъ, а по еврейскому обычаю—бросался до погребенія въ особое мѣсто, считавшееся позорнымъ и нечистымъ. Чтобы избѣжать того и другаго, тайные ученики Спасителя, Іосифъ Аримаѳейскій и Никодимъ, люди вліятельные, члены синедріона, употребили всѣ свои усилія, чтобы добыть отъ Пилата право, взять для погребенія тѣло своего наставника. Тѣло Спасителя сняли со креста, и распорядители казни поторопились очистить Голгофу, въ виду того что въ праздникъ все городское населеніе обыкновенно прогуливалось по внѣшнимъ стѣнамъ города и по окрестнымъ холмамъ и зрѣлище орудій казни съ висящими на нихъ трупами не могло быть пріятно веселой, праздничной толпѣ. Нужно было поторопиться, чтобы сдѣлать обычное, честное погребеніе Тому, Кто перенесъ на себѣ всю горечь насилія и позора. Погребеніемъ занялись Іосифъ и Никодимъ съ нѣкоторыми благочестивыми женами. Сначала они, по еврейскому обычаю, оросили тѣло Спасителя чистою водою, потомъ умастили его ароматами, въ составъ которыхъ главнымъ образомъ входили цѣнныя муро и алоэ, и обвернули въ большой, четыреугольный, широкій платъ. Глава же и ликъ усопшаго были обвиты узкою пеленою (сударъ), которая была плотно

Покушеніе на жизнь Королевы Англіи Викторіи. По рис. Gr., грав. Гельштейнъ.



1) Спускъ въ шахту. 2) Прибытіе въ первую галлерею. 3) Входъ въ галлерею. 4) Выемочная машина. 5) Разрѣзъ почвы съ показаніемъ положенія туннеля.

Пробныя работы въ Ламаншскомъ туннелѣ. По рисунку Gr., грав. Флюгель.

прикрѣплена шнурами. Послѣ этихъ приготовленій оставалось лишь отыскать подходящую гробницу и послѣдняя была вскорѣ найдена тутъ же, неподалеку отъ Голгофы, въ саду Никодима. По обычаю того времени, она состояла обыкновенно изъ небольшаго узкаго покоя, высѣченнаго въ скалѣ, въ концѣ котораго устраивалась невысокая плита для помѣщенія мертваго тѣла, прикрытая сводомъ. Дверь большею частью замыкалась огромнымъ камнемъ. Такого же устройства была и та гробница, въ которую Іосифъ и Никодимъ благоговѣйно внесли тѣло своего Божественнаго Учителя и положили на приготовленное мѣсто. Потомъ входъ былъ заваленъ камнемъ и всѣ присутствовавшіе разошлись въ глубокой печали, намѣреваясь снова придти сюда черезъ день съ новыми благовоніями для довершенія погребальныхъ обрядовъ. Они и не подозрѣвали, что еще до ихъ прихода совершится чудо Воскресенія и Сынъ Божій возстанетъ изъ мертвыхъ, чтобы явиться имъ въ ореолѣ вѣчной славы и безсмертія.

Грекъ, торгующій образками.

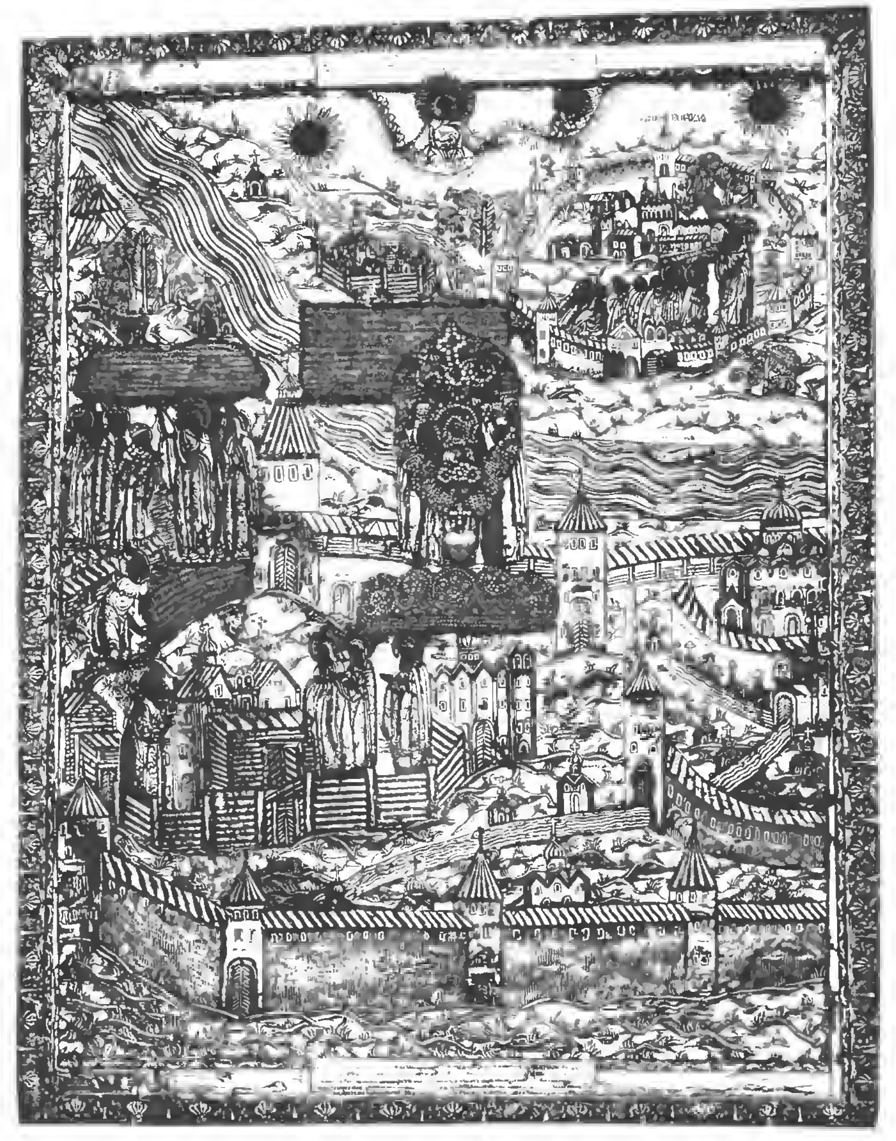
(Картина пр. Ф. А. Бронникова, стр. 276 и 277).

Наиболѣе извѣстныя и дѣйствительно замѣчательныя произведенія Ф. А. Бронникова, постоянно привлекавшія на выставкахъ массу публики, писаны болѣе всего на разные историческія темы и отличаются вообще драматизмомъ и захватывающимъ интересомъ содержанія. Вспомнимъ только эффектныя его картины: „Мозаичисты передъ судомъ трехъ въ Венеціи“, „Утренняя молитва Пиѳагорейцевъ“, которыя въ свое время производили очень сильное впечатлѣніе на зрителей. Но помимо этихъ капитальныхъ работъ, у нашего художника являлись иногда небольшія картины, съ сюжетомъ взятымъ изъ народной жизни, иногда ускользавшія отъ вниманія публики, но тѣмъ не менѣе весьма талантливыя, какъ, напримѣръ, его „Грекъ торгующій образками“, снимокъ съ которой мы помѣщаемъ.

Это художественно выполненный типъ одного изъ тѣхъ многочисленныхъ „хитроумныхъ Одиссеевъ“, которыми снабжаетъ насъ далекій Востокъ и особенно Аѳонъ, гдѣ какъ извѣстно производится обширная, оптовая торговля образками, крестиками, четками и другими вообще мелкими издѣліями иноковъ Святой Горы, сбываемыми потомъ во всѣ православныя страны и особенно въ наше отечество.

Вообще аѳонскіе монахи въ рѣзьбѣ большіе искусники: они рѣжутъ изъ дерева и изъ кости единорога разной величины крестики и образки, иногда очень тонкой работы. Иногда впрочемъ все это они дѣлаютъ и болѣе легкимъ способомъ: такъ иные монахи, не желая утомлять себя кропотливой и долгой работой, заказываютъ металлическія формы и размочивъ въ кипяткѣ кость единорога, оттискиваютъ на ней разныя священныя изображенія. Кромѣ того прибрежные жители сбираютъ на берегу моря выкидываемыя волнами раковины, которыя нанизываются на проволоку и такимъ образомъ обращаются въ очень изящныя четки. Четки эти, впрочемъ, не особенно удобны для долгой, монашеской молитвы, такъ какъ отъ нихъ болять пальцы, но за то благодаря красотѣ и дешевизнѣ, они на расхватъ покупаются поклонниками.

Оптовый сбытъ всѣхъ этихъ иноческихъ трудовъ производится въ небольшомъ городкѣ, единственномъ торговомъ центрѣ Аѳона Кареѣ. Здѣсь въ извѣстные дни, а именно по субботамъ, на главной улицѣ ставятся цѣлые ряды столовъ и на нихъ грудами наваливаютъ иноки плоды своего терпѣнія и искусства—кресты, четки, образки и т. п. Около каждаго стола стоитъ импровизированный торговецъ—смиренный и угрюмый инокъ; стоитъ онъ опустивъ голову и терпѣливо и молча ждетъ. Отъ этихъ-то не думающихъ о барышѣ отшельниковъ переходятъ всѣ эти продукты, большею частью въ руки уже торговцевъ по призванію, преимущественно грековъ, которые и распродаютъ ихъ по всему православному міру. Типъ одного изъ этихъ торговцевъ представленъ въ высшей степени правдиво на картинкѣ нашего талантливаго художника.



Псковъ. Икона Псково-Покровской Божіей Матери. (Древній планъ Пскова).
Рис. Н. Пановъ, грав. Паннемакеръ.

Покушеніе на жизнь королевы Викторіи.

(Рис. на стр. 280).

Мы уже говорили въ нашихъ „Политическихъ Обозрѣніяхъ“ объ этомъ новомъ покушеніи. 18 февраля вечеромъ весь Лондонъ узналъ страшную вѣсть—жизнь королевы была въ опасности. Королева, какъ извѣстно, не живетъ въ Лондонѣ и рѣдко остается тамъ болѣе двухъ дней и по окончаніи пріемовъ возвращается въ свое постоянное мѣстопребываніе, виндзорскій замокъ, въ 35 верстахъ отъ столицы. 18 февраля въ Виндзорѣ ее поджидалъ злоумышленникъ Маклинъ, прикащикъ безъ мѣста, на станціи желѣзной дороги и когда королева, выйдя изъ дебаркадера, садилась въ карету, онъ выстрѣлилъ въ нее, какъ это изображено на нашемъ рисункѣ, но промахнулся и тутъ толпа бросилась на преступника и полиція съ трудомъ вырвала его изъ рукъ разъяренной публики. Онъ стрѣлялъ въ 30 шагахъ и несмотря на небольшой калибръ револьвера, могъ ранить королеву. Оказывается теперь, что уже это седьмое покушеніе на жизнь ея Величества. Разумѣется, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, тотчасъ заговорили объ умопомѣшательствѣ, но тутъ-же засвидѣтельствована была нормальность умственнаго состоянія преступника. И вотъ со всѣхъ сторонъ въ Виндзоръ стали приходить телеграммы, выражающія сочувствіе, негодованіе и радость по поводу избавленія отъ опасности. Одною изъ первыхъ пришла телеграмма нашего Государя Императора. Начались разсказы во всѣхъ газетахъ о ненормальности умственныхъ способностей Маклина. Наперерывъ сообщали онѣ свѣдѣнія о разныхъ случаяхъ его жизни, о его бѣдственномъ положеніи, которыя потомъ впрочемъ всѣ опровергались. У преступника-же найдены записки, изъ которыхъ видно что онъ не чуждъ интернаціоналки и что у него были деньги наканунѣ и нуждаться онъ не могъ. Общая тревога охватила въ этотъ день населеніе столицы. Чтобы положить ей предѣлъ наслѣдный принцъ Уэльскій появился въ тотъ вечеръ въ „Коуртъ“ театрѣ. Громко извѣстили публику со сцены о благополучномъ исходѣ покушенія. Публика, вставъ съ мѣстъ, разразилась криками „ура“ и былъ пропѣтъ національный гимнъ. Королева не показала никакихъ признаковъ особаго

волненія и не измѣнила своимъ привычкамъ, занималась и совершала прогулки съ принцессой Беатрисой по обыкновенію.

Преступникъ (что весьма характеристично) справлялся въ тюрьмѣ много-ли говорятъ о немъ газеты и на допросѣ держалъ себя спокойно и даже часто улыбался. Онъ преданъ суду присяжныхъ по обвиненію за покушеніе на жизнь королевы, за что англійскими законами полагается смертная казнь. Преступникъ заявляетъ, что онъ только хотѣлъ обратить вниманіе на свое несчастное положеніе и вовсе не имѣлъ въ виду повредить королевѣ. Это позднѣйшее объясненіе, очевидно подсказанное ему защитникомъ, быть можетъ присяжные и примутъ во вниманіе. Тогда преступленіе будетъ подведено подъ законъ, по которому „намѣреніе посредствомъ выстрѣла или другимъ какимъ нибудь образомъ, испугать Ея Величество“ составляетъ преступленіе наказуемое 7-ми-лѣтними каторжными работами или публичнымъ ударомъ плетьми „не свыше трехъ разъ“ по указанію суда. Окончательное разбирательство дѣла назначено въ первыхъ числахъ апрѣля.

Пробныя работы въ Ламаншскомъ туннелѣ.

(Рис. на стр. 281).

Мы уже не однажды сообщали о различныхъ проэктахъ мостовъ или туннелей черезъ проливъ Па-де-Кале, представлявшихся разными французскими инженерами, особенно покойнымъ Т. де Гамономъ.

Проливъ между Кале и Дуврюмъ имѣетъ ширину въ 30 километровъ (свыше 28 верстъ) и болѣе углубленъ съ южной стороны къ французскому берегу, положеніе его довольно ровно и дно его состоитъ изъ глиняныхъ и мѣловыхъ пластовъ, одинаковаго характера съ тѣми, изъ которыхъ состоятъ утесистые берега пролива. Изслѣдовавъ здѣсь вполнѣ точно составъ и характеръ морскаго дна, пришли къ заключенію, что туннель слѣдуетъ предпочесть всякимъ мостовымъ сооруженіямъ. Образовалась цѣлая компанія французскихъ и англійскихъ инженеровъ и капиталистовъ съ цѣлію произвести пробныя работы подъ проливомъ. Работы, начатыя нѣсколько лѣтъ назадъ, пріостанавливались, измѣняли направленіе, вслѣдствіе несогласій между лицами самой компаніи и еще недавно послѣ сенсаціоннаго заявленія, которымъ англійскіе патріоты предостерегали соотечественниковъ отъ такаго опаснаго сооруженія, указывая, что туннель этотъ можетъ послужить путемъ для вторженія континентальныхъ армій въ Англію. Однако на это не могли взглянуть серьезно и англійскій парламентъ едва ли на основаніи подобныхъ эксцентричныхъ заявленій можетъ отказать въ дозволеніи сооруженія такаго канала. Во всякомъ случаѣ Англичане предполагаютъ возвести такія надежныя входныя укрѣпленія, что всѣ подобныя опасенія не будутъ имѣть мѣста. Упомянутая выше „Международная компанія подводнаго Ламаншскаго туннеля“ состоитъ изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ правленія южно-англійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Она объявила, что будетъ продолжать какъ можно далѣе прорытіе тѣхъ обширныхъ галлерей, которыя уже имѣются подъ морскимъ дномъ и затѣмъ уже приступитъ къ работамъ собственно по туннелю. Направленіе туннеля, принятое компаніей, именно то, которое съ давнихъ поръ считается самымъ удобнымъ. Начальный пунктъ работъ въ мѣстности между Дуврюмъ и Фолькстономъ а исходный—на французскомъ берегу между Кале и Сангаттомъ. Слѣдуя по этой линіи, длиною въ 40 километровъ (болѣе 37 верстъ) инженеры встрѣтили на пути сравнительно узкую полосу—плотный слой грубаго мѣловаго состава, безъ трещинъ и когда его просверлили на пространствѣ почти 1500 метровъ (700 саж.) онъ оказался непропускающимъ воду. Направленіе этаго слоя, дѣлаетъ линію нѣсколько длиннѣе, но за то она надежнѣе. Сверленіе пробныхъ галлерей производится съ обоихъ береговъ пролива, галлереи эти идутъ встрѣчно съ обѣихъ сторонъ до точки соединенія подъ серединой дна Па-де-Кале.

18-го февраля глава компаніи, Эдвардъ Ваткинсъ, пригласилъ цѣлое общество ученыхъ инженеровъ и частныхъ лицъ для осмотра работъ по туннелю, со стороны англійскаго берега. По открытіи шахты, черезъ которую проходятъ въ эти галлереи, шесть человѣкъ помѣстились въ корзину, укрѣпленную на толстомъ канатѣ, какъ видно на нашемъ рисункѣ. Спустившись внизъ на глубину 50 метровъ (75 арш.), посѣтители прошли узкимъ ходомъ въ галлерею, имѣвшую видъ длиннаго обширнаго коридора, длиною до 700 саж. и шириною около сажени. Эта галлерея была освѣщена электрическими лампами и дойдя до конца ея приглашенные очутились какъ бы въ небольшой залѣ, представлявшей образецъ вида будущаго туннеля. Здѣсь уже ждалъ гостей завтракъ. Надъ ихъ головами шумѣло море и былъ скалистый слой въ 40 аршинъ толщиною.

Прорытіе пробной галлереи дѣлается, какъ видно на нашемъ рисункѣ, автоматически, болѣе посредствомъ выемочныхъ машинъ чѣмъ сверлильныхъ. Эти выемочныя машины изобрѣтеніе англійскихъ инженеровъ Энглиша и Бомона; онѣ дѣйствуютъ посредствомъ сжатаго воздуха и въ одно и то же время, пробивая слой, отбрасываютъ быстро назадъ осколки, части выпутой земли и мѣлу въ особыя бадьи, высыпающія содержимое въ небольшіе вагончики стоящіе на рельсахъ. Одинъ рабочій впереди машины и одинъ за нею могутъ дѣлать все что нужно и болѣе людей не требуется. Сжатый воздухъ доставляется въ резервуарѣ изъ твердаго толя, поставленномъ на рельсы. Если бы сверлить туннель прежнимъ способомъ, понадобилось бы не менѣе 20—30 лѣтъ для приведенія къ окончанію всего сооруженія. Съ выемочной же машиной Бомона потребуется на это менѣе 10 лѣтъ, такъ какъ машина, теперь работающая въ пробной галлереѣ пробиваетъ 12 метровъ (17 арш.) въ 17 часовъ, но опытъ показалъ, что дѣйствіе машины можно ускорить настолько, что она будетъ пробивать по 1 метру (1,4 арш.) въ часъ. Если сверленіе будетъ вестись равномѣрно съ французской и съ англійской стороны, въ день будетъ прорываться до 34-хъ метровъ. Независимо отъ силы механической, которую сообщаетъ выемочной машинѣ, сжатый воздухъ, вырываясь вслѣдствіе своего напора, разсѣевается по галлереѣ и образуется токъ возобновленнаго воздуха, что и дѣлаетъ атмосферу вполнѣ удобною для дыханія находящихся тамъ рабочихъ.

Икона Псково-Покровской Божіей Матери.

(Рис. на стр. 282).

Эта замѣчательная икона, одна изъ драгоцѣннѣйшихъ святынь древняго Пскова, находится въ церкви *Покрова отъ Пролома* и представляетъ въ срединѣ изображеніе Богоматери, а вокругъ событіе изъ временъ осады города Пскова польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Есть основаніе предполагать, что она показана вскорѣ послѣ осады города, какъ свидѣтельствуютъ о томъ памятныя надписи на самой иконѣ. Одна изъ нихъ гласитъ слѣдующее:

„Въ лѣто 7089 (1581) Августа въ 29 день при державѣ Благовѣрнаго царя и Великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи пріиде подъ Псковъ-градъ Польскій Король Абатуръ (т. е. Баторій) а людей съ нимъ сто тысячъ. Въ градъ же Псковъ повелѣніемъ Царевымъ принесенъ былъ изъ обители Печерскія чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія въ житіи, по заступленіи града“.

Икона эта чрезвычайно важна и какъ памятникъ археологическій, такъ какъ здѣсь изображена „съ птичьяго полета“ значительная часть древняго Пскова. На первомъ планѣ самый *Кремль* или *дѣтинецъ* Псковскій, окруженный высокой и толстой каменной стѣной, съ глухими и воротными башнями. Въ самой срединѣ Кремля, на право отъ деревяннаго, бревенчатаго забора, изображенъ Троицкой соборъ, главная святыня города. На лѣво отъ собора, заборъ окружаетъ, повидимому, дворъ и палаты владыки. Правѣе собора, внутри самаго Кремля, стѣны и башни внутреннихъ укрѣпленій. За стѣнами Кремля, лентой, черезъ всю икону наискось, изображена рѣка Великая. За рѣкою, часть города, именуемая *за Величьемъ*, существующая и теперь подъ тѣмъ же названіемъ. Видно, что въ ту пору, и эта часть города была обнесена стѣнами и обстроена башнями. На лѣво отъ *Завеличья*, отдѣленный отъ него небольшимъ ручьемъ, знаменитый монастырь Мирожскій, съ которымъ мы уже ознакомили читателей „Нивы“ (см. № 51—1880 г.).

Около верхняго края иконы, обложеннаго древнимъ басменнымъ окладомъ, въ доскѣ иконы видны двѣ круглыя пробоины, по преданію оставшіяся отъ пуль, пробившихъ икону во время однаго изъ вражескихъ нашествій.

Весною.

(Н. П. Веймарну.)

Безконечный разливъ... И летятъ, и летятъ
Караваны кочующихъ птицъ,
И весеннія первыя пѣсни звучатъ,
И не видно конца верницъ...

* * *

И на голосъ, взывающій голосъ весны,
Въ полномъ блескѣ проснувшихся силъ,
Отряхая минувшіе зимніе сны,
Всѣ цвѣты возстаютъ изъ могилъ.

* * *

Возстаютъ,—и съ улыбкою дѣтской глядятъ
На сіянье небесъ голубыхъ.
И на вѣнчикахъ капли росинокъ дрожатъ,
Словно перлы въ вѣнцахъ золотыхъ...

П. Гнѣдичъ.

Политическое обозрѣніе.

Россія и Турція.—Славяне.—Черногорія.—Императоръ Вильгельмъ.—Греція.—Египетъ.

Въ свое время мы сообщали уже нашимъ читателямъ свѣдѣнія о переговорахъ нашихъ съ Турціею относительно уплаты военной контрибуціи. Переговоры эти, конечно, и до сихъ поръ продолжаются, безъ особенныхъ результатовъ. Дѣло дошло и до того, что нашему посольству пришлось обратиться къ Портѣ съ особымъ заявленіемъ. Соглашеніе состоялось относительно гарантій въ выплатѣ ежегодныхъ взносовъ. Русское правительство выразило желаніе инспектировать уплату лично и было условлено, что оттоманскій банкъ будетъ дѣлать взносы въ русскій государственный банкъ въ Петербургѣ. Но когда проектъ этотъ былъ отправленъ изъ дворца въ Порту, первый министръ возсталъ противъ нѣкоторыхъ, уже утвержденныхъ пунктовъ и нашелъ себѣ поддержку во многихъ членахъ. За проектъ стоитъ частный секретарь султана Рагибъ-бей и пока еще неизвѣстно, чье мнѣніе окажетъ вліяніе на Абд-уль-Гамида, отъ котораго зависитъ рѣшеніе въ ту или другую сторону. Русскій посланникъ г. Новиковъ обратился съ слѣдующимъ заявленіемъ къ Портѣ (изъ него видно все положеніе и ходъ дѣлъ): 1-го (13-го) марта начинаетъ свою дѣятельность административный совѣтъ, который обязанъ служить представителемъ владѣльцевъ турецкихъ облигацій при Портѣ и управлять присужденными имъ, согласно конвенціи, статьями доходовъ. Русскіе делегаты не переставали обращать вниманіе турецкаго правительства на то, что въ нѣкоторыхъ статьяхъ упомянутой конвенціи заключаются статьи, противорѣчащія утвержденнымъ Берлинскимъ конгрессомъ принципамъ, и потому наносящія ущербъ интересамъ Россіи. Русское правительство обязано требовать уваженія къ своимъ интересамъ. Съ другой стороны Порта постоянно увѣряла, что русскимъ интересамъ никакая опасность не угрожаетъ, такъ какъ уплата Россіи военной контрибуціи такъ же солидно обезпечена, какъ интересы владѣльцевъ турецкихъ облигацій. Русскіе делегаты не сомнѣваются въ намѣреніяхъ Порты выполнить принятыя на себя обязательства по отношенію Россіи; но въ виду, однакожъ, того, что русскимъ делегатамъ пока еще ничего неизвѣстно въ точности въ чемъ, собственно, заключается окончательное рѣшеніе относительно вопроса о гарантіи, а также, что предстоитъ еще соглашеніе по нѣкоторымъ другимъ пунктамъ, съ другой же стороны принимая во вниманіе предстоящую дѣятельность административнаго совѣта владѣльцевъ турецкихъ облигацій, русскіе делегаты считаютъ своею обязанностью формально отстаивать права своего правительства *въ отношеніи тѣхъ статей доходовъ Турціи, которыя не подлежали ипотекѣ во время Берлинскаго конгресса, но которыя теперь присуждены владѣльцамъ турецкихъ облигацій*, судя по заключенной съ ними конвенціи. Въ то же время русскіе делегаты удерживаютъ за собою право обратиться съ такими же заявленіями къ заинтересованнымъ сторонамъ. Этому столкновенію предшествовало другое: въ Босфорѣ явилось русское судно „Москва“, нашего добровольнаго флота, на которомъ отправлялись новобранцы на островъ Сахалинъ; турецкое правительство сочло себя въ правѣ объявить, что не пропуститъ его чрезъ Дарданеллы и обратилось къ нашему съ заявленіемъ; дѣло конечно уладилось, но прецедентъ придирки готовъ и что же будетъ далѣе, если такіе случаи будутъ повторяться? Султанъ, говорятъ, желаетъ лично управлять государствомъ и ожидаются нѣкоторыя реформы, а именно—Порта, будто бы, будетъ совершенно упразднена, какъ и званіе и должность великаго визиря (въ который разъ?), причемъ Абд-уль-Гамидъ будетъ управлять какъ диктаторъ и входить въ непосредственныя сношенія съ посланниками державъ. Въ возставшихъ славянскихъ провинціяхъ произошелъ случай столкновенія между австрійскими и турецкими войсками: первыя перешли границу, и турки немедленно же встрѣтили ихъ выстрѣлами: австрійскій командиръ послалъ извиниться предъ турецкимъ. Возстаніе въ Аравіи не прекратилось, но, повидимому, идетъ довольно вяло, вяло настолько, что и турецкія власти не придаютъ ему значенія. Есть, однако, одно обстоятельство, которое не особенно нравится Портѣ: это слухъ о желаніи арабовъ провозгласить новаго калифа, чѣмъ, конечно, не мало былъ бы подорванъ авторитетъ султана въ мусульманскомъ мірѣ; увѣряютъ даже, что нашлось уже и лицо, готовое вступить въ роль главы ислама. Султанъ намѣренъ совершить путешествіе по западной Европѣ и, по слухамъ, скоро будто бы будетъ въ Петербургѣ.

Ничего новаго, болѣе или менѣе выдающагося изъ Босніи и Герцеговины еще не приходило пока, но ждать, конечно, надо. Судя по всѣмъ свѣдѣніямъ, болгары высказываютъ благодарность свою тѣмъ, кому они, въ извѣстной степени, обязаны первымъ, такъ сказать, толчкомъ къ великой борьбѣ, приведшей къ освобожденію нынѣшняго княжества, а также и Румеліи: въ Болгаріи продолжаютъ формироваться отряды добровольцевъ для помощи герцеговинцамъ и босникамъ. Населеніе едва ли не всего кривошанскаго округа бѣжало въ Черногорію. Князь Николай отправилъ въ Вѣну своего зятя, сенатора Пламенца съ порученіемъ ходатайствовать въ пользу кривошанскихъ и герцеговинскихъ семействъ, находящихся въ Княжествѣ. Король Миланъ, повидимому, желаетъ сблизиться съ Ристичемъ. Недавно этотъ замѣчательный государственный человѣкъ имѣлъ разговоръ съ корреспондентомъ мадьярской газеты „Hislap“, которому и высказалъ съ полною откровенностью, между прочимъ, что Сербіи и необходимо, да и нельзя держаться иной державы, какъ только Россіи, а также и то, что сербское королевство никогда не откажется отъ Босніи.

Но, будто въ отвѣтъ на это мнѣніе Ристича—появился слухъ, что графъ Волкенштейнъ, назначенный австрійскимъ посланникомъ въ Петербургъ, предварительно съѣздилъ въ Берлинъ, къ Князю Бисмарку, у котораго выхлопоталъ согласіе на присоединеніе и Босніи, и Герцеговины къ Австріи. Что же тутъ невѣроятнаго?

Въ англійской „Синей книгѣ“ помѣщенъ русско-персидскій трактатъ о новой границѣ: вотъ эта новая линія: направляясь по Атреку до Шата, она идетъ къ Ходжекъ-Калѣ чрезъ Сомбаръ, причемъ Кари-Кала переходитъ къ Россіи, затѣмъ граница тянется по гребню горъ въ 20 миляхъ къ югу отъ Геокъ-Тепе и въ семи миляхъ къ югу отъ Аскабада до деревни Багодармекъ, находящейся въ двадцати миляхъ къ востоку отъ Говера. Персія очищаетъ округа Гермобскій и Киликиллибскій, причемъ Россія обязывается въ этой мѣстности укрѣпленій не строить (еще бы—тутъ ужь, вѣроятно, „построены“ англійскіе интересы).

Какъ Россія, такъ и Персія обѣщаютъ препятствовать продажѣ оружія туркменамъ.

Въ Греціи министерство Комундуроса замѣнено министерствомъ Трикуписа (онъ же и министръ иностранныхъ дѣлъ): новый министръ, при чтеніи программы своего кабинета, высказалъ, что „восточныя дѣла грозятъ значительными опасностями, почему и надо готовиться къ возможнымъ перемѣнамъ“. Слова эти, конечно, полны значенія, въ нихъ звучитъ не только увѣренность прозорливаго государственнаго дѣятеля, но и то общее чувство, которое подсказываетъ, что будущее, и можетъ быть, вовсе не далекое—сулитъ грозу, грозу великую.

Придирки къ Египту безконечны: напримѣръ правительство хедива заказало въ Италіи недавно большое количество динамита, въ которомъ оно нуждается для очистки русла Нила у Картума. Итальянское правительство, подозрѣвая, что египетское замышляетъ что-то противъ Суэзскаго канала (!), воспротивилось отправкѣ динамита въ Египетъ: попытка пріобрѣсти это взрывчатое вещество въ Англіи тоже не удалась; тогда египетское правительство приступило само къ изготовленію динамита: вотъ что значитъ слабому (сравнительно) желать себѣ самостоятельности, желать себѣ того, чѣмъ пользуется сильный. Желаемъ хедиву, Араби-Пашѣ, желаемъ Египту достигнуть своей цѣли.

Смѣсь.

Водоуглеродная реторта Голланда (отопленіе и освѣщеніе посредствомъ водорода). Преимущества газообразнаго горючаго матеріала передъ твердымъ или жидкимъ уже признаны техникою. Въ Америкѣ вмѣстѣ съ Стронгомъ *) надъ осуществленіемъ этого положенія работалъ съ успѣхомъ еще д-ръ Голландъ въ Чикаго, и патенты, полученные Голландомъ съ 1877 года на его приборы для разложенія перегрѣтаго пара посредствомъ углерода нефти, а также и успѣхъ примѣненія на практикѣ его способа сдѣлали имя Голланда весьма извѣстнымъ.

Одна нью-іоркская компанія которая пріобрѣла привилегію на это изобрѣтеніе для цѣлой части Соединенныхъ Штатовъ, поставили себѣ задачею возможно широкое примѣненіе принципа „водоуглеродной реторты“ Голланда съ тѣмъ, чтобы сдѣлать доступнымъ публикѣ удобное и дешевое, отопленіе, освѣщеніе, а также паровой двигатель.

Реторта эта, для кухонной печи, состоитъ изъ двухъ смежныхъ камеръ: въ одной изъ нихъ вода обращается въ паръ, который и разгорячается, а въ другой нефть обращается въ газъ, который проводится подъ самую реторту и тамъ зажигается. Притокъ воды и нефти къ обѣимъ камерамъ регулируется кранами на проводныхъ трубкахъ. Чтобъ пустить въ ходъ приборъ, слѣдуетъ зажечь налитую въ сосудѣ подъ ретортами нефть въ количествѣ около ложки, чѣмъ и вызывается разгорячение въ ретортахъ воднаго пара и нефти; тогда послѣдняя (въ видѣ газа) проходитъ черезъ трубку подъ середину дна обѣихъ ретортъ, въ то время какъ водяной паръ проходитъ черезъ трубку, оканчивающуюся также подъ ретортами въ видѣ кольца, снабженнаго множествомъ узкихъ отверстій, изъ которыхъ выходящій паръ непосредственно смѣшивается съ плаже-

*) Стронгъ и Лоу изобрѣли печь, въ которой разложеніе воды и нагрѣваніе угля, пара и газа производится не наружнымъ отопленіемъ, а горѣніемъ самаго угля.

немъ нефти. При этомъ водородъ воды соединяется съ частью углерода нефти, и это соединеніе потомъ сгараетъ съ кислородомъ воздуха, въ то время какъ кислородъ разложеннаго водяного пара сжигаетъ другую часть углерода нефти, отчего образуется окись углерода. Возникающіе при этихъ измѣненіяхъ газы развиваютъ при горѣніи необыкновенный жаръ и не производятъ ни копоти, ни непріятнаго запаха.

Притокъ воды и нефти можетъ быть усиленъ или уменьшенъ по произволу для произведенія большей или меньшей теплоты.

Для полученія свѣтильнаго газа служитъ другой приборъ, который въ существѣ имѣетъ тѣже черты. При этомъ реторты также нагрѣваются пламенемъ (нефтяного газа), но въ нихъ, кромѣ газовъ, для отопленія добывается еще перегрѣтый водяной паръ и масляный газъ, которые соединяются въ одной трубкѣ, гдѣ они превращаются въ горючіе газы; отсюда они проводятся черезъ ящикъ съ желѣзными опилками и наконецъ переходятъ въ маленькій котелъ, откуда потомъ обыкновеннымъ способомъ проводятся черезъ трубки къ лампамъ. Реторту Голланда также легко приспособить къ каминамъ.

Такъ какъ по наблюденіямъ Фавра и Зильбермана одна часть, по вѣсу водорода, развиваетъ въ четверо болѣе теплоты, чѣмъ такая-же часть по вѣсу углерода, то выходитъ, что при способѣ Голланда получается въ пятеро болѣе тепла, чѣмъ если-бы горѣла одна нефть.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ и наиболѣе извѣстныхъ результатовъ, достигнутыхъ Голландомъ своей ретортой, была поѣздка по желѣзной дорогѣ Лонгъ-Айланда, причемъ паровой котелъ локомотива нагрѣвался двумя ретортами. Высшее давленіе, котораго достигли, равнялось 125 фунт. на квадратный дюймъ, и машина пришла въ движеніе черезъ 40 минутъ послѣ введенія ретортъ, съ давленіемъ въ 60 футовъ. На протяженіи пути въ 6 миль было потрачено только 3 галлона (почти 3/4 ведра) нефти, такъ что горючій матеріалъ на этомъ протяженіи стоилъ только 54 цента (1/2 доллара 80 к.) Въ послѣднее время по указаніямъ Голланда строится локомотивъ въ Патерсонѣ для желѣзной дороги между Филадельфіей и Жерземъ.

Судя по всѣмъ опытамъ, прибору Голланда предстоитъ блестящая будущность, такъ какъ способъ его отопленія въ высокой степени удовлетворяетъ всѣмъ теоретическимъ требованіямъ дешевизны горючихъ матеріаловъ, наибольшей степени теплоты при наименьшемъ объемѣ горючаго матеріала, простотѣ прибора, отсутствія копоти и запаха и проч.

Асфальтовый кровельный толь. Къ числу самыхъ главныхъ бѣдствій, подрывающихъ народное благосостояніе, можно причислить частые пожары, опустошающіе цѣлые города и села, приносящіе страшные убытки народонаселенію, убытки, которые въ короткій періодъ десятилѣтія доходятъ до милліоновъ рублей.

Въ послѣднее время въ особенности цѣлыя тысячи семействъ были разорены и лишены пристанища пожарами. Неудобная для построекъ мѣстность, самый родъ построекъ въ нашихъ селеніяхъ, не предохраняющихъ отъ опасности, служитъ главной причиною частыхъ пожаровъ и быстраго распространенія огня, вслѣдствіе чего цѣлыя селенія, большіе города дѣлаются жертвою пламени. Спасти домъ, выстроенный изъ одного дерева, крытый досками, соломою или гонтомъ—почти невозможно, если вблизи его вспыхнетъ сильный пожаръ, особенно при тѣхъ первобытныхъ огнегасительныхъ способахъ и средствахъ, которыя преобладаютъ въ нашихъ селахъ и маленькихъ городахъ.

Преобразовать деревянный домъ въ прочную каменную постройку, конечно не по средствамъ большинства нашихъ домовладѣльцевъ, но за то у нихъ подъ рукою средство предохранить свои дома отъ огня прочнымъ кровельнымъ матерьяломъ и для этого очень удобенъ по своей легкости, прочности и дешевизнѣ асфальтовый кровельный толь, который легко можно получить во всей Россіи. Доказательствомъ неразрушаемости отъ огня асфальтоваго кровельнаго толя можетъ служить то, что всѣ русскія страховыя общества взимаютъ одинаковыя преміи за асфальтовыя какъ за желѣзныя крыши. Въ отношеніи же легкости и дешевизны онъ превосходитъ всѣ остальные матерьялы. Кромѣ того крыши изъ толя очень прочны и требуютъ самаго незначительнаго ремонта.

Для металлическихъ и другихъ заводовъ онѣ необходимы, такъ какъ не портятся отъ сѣрнаго газа какъ желѣзныя крыши и потому ихъ употребляютъ почти вездѣ. Для Россіи асфальтовый кровельный толь составляетъ еще почти новую вѣтвь промышленности, но и здѣсь съ году на годъ, онъ получаетъ большую извѣстность и входитъ въ употребленіе.

Заслуга распространенія во всей Россіи этой новой вѣтви промышленности, извѣстной до сихъ поръ только въ одной Варшавѣ, принадлежитъ А. Науману въ Петербургѣ.

Въ 1868 году онъ основалъ въ Петербургѣ первую асфальтовую кровельную фабрику, которая и до сихъ поръ снабжаетъ всю Россію лучшимъ кровельнымъ толемъ. Въ теченіе одного послѣдняго года, онъ, при помощи своихъ хорошо пріученныхъ рабочихъ, покрылъ асфальтовымъ толемъ протяженіе крышъ на 25,000 квадр. саженъ.

При употребленіи этаго асфальтоваго толя вся суть заключается въ работѣ, и нужно обратить вниманіе на исполненіе ея, чтобы толь годами держался безъ особеннаго ремонта и удовлетворялъ вполнѣ назначенію. Поэтому г. Науманъ имѣетъ къ услугамъ своихъ покупателей опытныхъ кровельщиковъ, которые исполняютъ всѣ эти работы. Если же вслѣдствіе разстоянія или другихъ причинъ, невозможно пользоваться ими, то необходимо строго придерживаться подробнаго описанія, снабженнаго иллюстраціями для большей ясности, которые контора г. Наумана прилагаетъ къ каждой отправкѣ кровельнаго толя.

Весьма желательно чтобы эти строки послужили къ большему распространенію употребленія этого кровельнаго матеріала. Если онъ и не предохраняетъ зданіе отъ воспламененія, то все же препятствуетъ быстрому распространенію огня и уже этимъ приноситъ не малую пользу.

Маленькій ледникъ для домашняго обихода. Для избѣжанія устройства дорогихъ шкафовъ для льда и чтобы имѣть всегда ледъ подъ рукою, слѣдуетъ пріобрѣсть два боченка, изъ которыхъ одинъ на четверть аршина долженъ быть выше и шире другаго. На дно большаго насыпаютъ слой угольнаго порошка или опилокъ, вставляютъ тогда въ него меньшій боченокъ и наполняютъ его какъ можно плотнѣе льдомъ. Пространство между стѣнками также заполняютъ толченымъ углемъ или опилками и затѣмъ боченки закрываются крышкой, сверху которой находится клеенка и подъ нею настилка изъ опилокъ, сѣчки, отрубей и пр. и наконецъ все покрывается войлокомъ, соломой или чѣмъ нибудь подобнымъ. Боченки ставятся на возвышеніи, въ днѣ пробуравливается отверстіе до втораго боченка, которое закрывается пробкой и отъ времени до времени черезъ него выпускается натаявшая вода. Въ такомъ приспособленіи ледъ сохраняется очень долго. Еще лучшіе результаты достигаются, если обернуть боченки соломеннымъ матомъ. Для сохраненія льда вмѣсто боченковъ можно употреблять и ящики.

Библіографія.

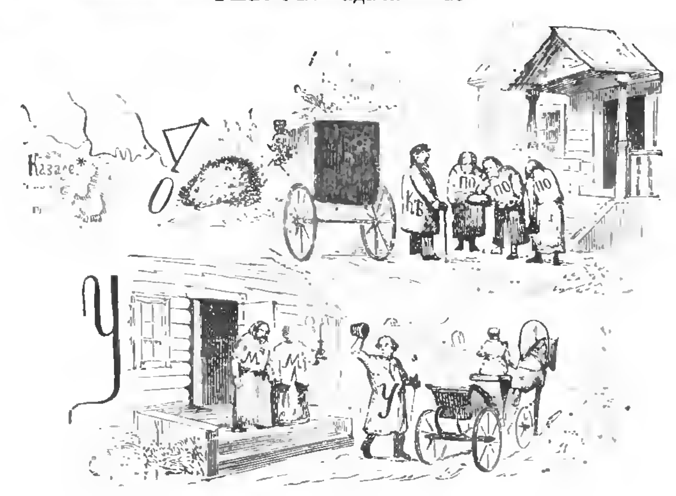
Виртуозы. Повѣсть К. К. Случевскаго Спб. 1882. Талантливый поэтъ, произведенія котораго такъ часто появляются въ разныхъ журналахъ въ послѣднее время, въ то же время и занимательный разсказчикъ. При простотѣ замысла повѣсть читается легко и съ большимъ интересомъ, который не ослабѣваетъ съ развитіемъ интриги, что у авторовъ бываетъ часто, когда они какъ-бы устаютъ и торопятся какъ-нибудь закончить завязанный разсказъ—этого недостатка нѣтъ въ новомъ произведеніи г. Случевскаго.

Мои семидесятилѣтнія воспоминанія. Н. Макарова. 1882. Спб. Въ „Современникѣ" 1859 г. помѣщена была большая статья г. Макарова „Задушевная исповѣдь" написанная очень бойко и направленная преимущественно противъ одного извѣстнаго лица. Въ ту эпоху всяческихъ обличеній, и это обличеніе имѣло извѣстнаго рода успѣхъ. Въ настоящей книгѣ разсказывается не мало интересныхъ фактовъ, заслуживающихъ вниманія. У г. Макарова есть серьезныя заслуги: онъ извѣстенъ лексикографическими трудами. Кромѣ того этотъ разнообразный авторъ, какъ мы узнаемъ изъ исповѣди, и замѣчательный гитаристъ.

Скоромный и постный столъ О. Павловской. Съ рисунками Бореля. 2 изд. 1882. Спб. Что книга эта выходитъ вторымъ изданіемъ — это составляетъ ей конечно рекомендацію. Здѣсь почти 3,000 наставленій. Кромѣ наставленій собственно приготовленій кушанья, предлагаются средства для сохраненія припасовъ и для исправленія испорченныхъ, и приложены очень недурные раскрашенные рисунки.

ИГРЫ И ЗАДАЧИ

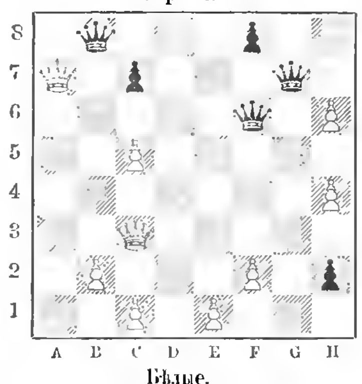
РЕБУСЪ. Задача № 19.



Шахматная задача № 20.

Цѣхановича.

Черные.

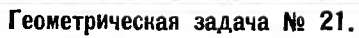


Бѣлые.

Бѣлые начинають и запирають дамку черныхъ въ 8 ходовъ.

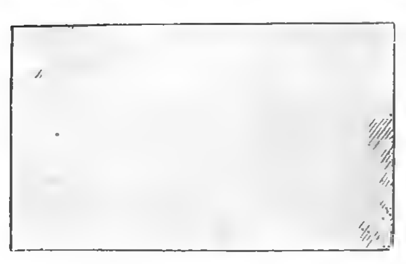
Рѣшеніе ребуса загадка № 11.

Изъ цѣлаго первое родится, а цѣльное втораго боится.
(„Виноградъ").



Геометрическая задача № 21.

Изображенный прямоугольный четыреугольникъ раздѣлить на 9 равныхъ квадратовъ и 12 прямоугольныхъ трехъугольниковъ и изъ полученныхъ фигуръ составить крестъ.



Задачи магическихъ Крестовъ.

№ 22.

		а	а	а		
		к	к	к		
к	к	к	л	м	м	о
о	о	о	о	о	о	о
о	о	п	п	п	п	с
		т	т	т		
		т	ч	ч		

№ 23.

		а	а	а		
		а	а	а		
а	а	б	б	е	г	д
д	п	п	к	к	л	н
п	п	о	о	о	о	о
		о	п	п		
		р	р	р		

Рѣшеніе шахматной задачи № 4.

Бѣлые.		Черные.
1) N 5 — G 7		1) E 4 — E 3
2) G 7 — F 5 ++		
1)	A.	1) G 2 N 3 или G 4
2) E 3 — E 4 ++		
1)	B.	1) D 4 — E 3
2) G 7 — F 5 ++		
1)	C.	1) D 4 — E 5
2) D 1 — A 1 ++		

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Астрахань**—Коссовскаго; **Кишкевъ**—Гольденвейзеръ.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ

ЗОЛОТЫЕ ДАМСКІЕ ЧАСЫ

заводящіеся безъ ключа (въ ручку).

Анкерные, закрытые на 15 камняхъ 75, 80 и 85 руб. (смотря по вѣсу золота въ корпусѣ). Такіе же 1-го сорта съ брегетовскимъ волоскомъ 95, 100, 110 и 135 р.

Тоже высшаго достоинства съ уравнительнымъ маятникомъ отъ 165 до 275 руб.

съ ручательствомъ на 2 года въ магазинахъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23, (противъ Большой Конюшенной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Бартельсомъ).

Пересылка на счетъ магазиновъ.

Подробные прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

Д-ра Ф. ЛЕНТИЛЯ.

Извѣстное туалетное умываніе, единственный настоящій; представляетъ на этикетѣ **Березовое дерево.** Утвержденъ для фабрикаціи Марка; продается во всѣхъ извѣстныхъ Аптекарскихъ, Косметическихъ и Парфюмерныхъ магазинахъ.

КОСМЕТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ,

№ 25, Невскій просп., № 25.

Мастерская воздушныхъ и электрическихъ

ЗВОНКОВЪ

устройство и ремонтъ, по весьма умѣреннымъ цѣнамъ, съ ручательствомъ. Уголъ Казанской ул. и Демидова пер., д. № 27 5. F. **Freischmidt.** № 2005

ПОКУПКА ДРЕВНОСТЕЙ

ИЗЪ

ЗОЛОТА и СЕРЕБРА

какъ-то: **старинныхъ золотыхъ эмальированныхъ табакерокъ, вазы, кубки и бокалы** изъ гонеза или камней въ золотой оправѣ, **старинныя серебряныя вещи, какъ-то: кружки, бокалы, кубки, группы и фигуры,** вообще всякаго рода древностей XVI, XVII и XVIII стол., кромѣ монетъ.

Письменно или лично обращаться въ Москву, **г-ну ЛЮДОВИКУ БЕКЪ**, Петровка, домъ Пенскаго, противъ петровской аптеки.

Л. № 1910 6—4

ДЛЯ

РЫБОЛОВЛИ

полные приборы: одинъ въ 5 руб. для мелкихъ рыбъ (составное удилище, поплавки, лѣски, крючки и проч.) а другой въ 10 руб. для мелкихъ и крупныхъ рыбъ. Цѣна назнач. съ перес. по почтѣ. Магазинъ „НЮРНБЕРГЪ" въ Москвѣ, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, ниской церкви Успенія, домъ Шаховскаго, напротивъ бриллiантщика Сергунина. II. № 2007

РУССКАЯ ТАМБОВСКАЯ

КОПЧЕНАЯ

ВЕТЧИНА

приготовленія Петра Степановича Мокроусова въ Тамбовѣ, получена къ предстоящему празднику во всѣ главные магазины **Черепенникова** на Литейномъ проспектѣ.

Вышелъ изъ печати и продается въ конторѣ редакціи „Нивы" и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ,

историческій романъ конца XVIII вѣка въ 2-хъ частяхъ,

Всеволода Соловьева.

Большой томъ in 8- болѣе 40 печатн. листовъ, (около 650 стр.) напечатанный на лучшей веленевой бумагѣ, съ виньетками.

Романъ этотъ служитъ началомъ печатаемаго нынѣ въ „Нивѣ" романа „ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ". Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 коп., **для гг. новыхъ подписчиковъ „Нивы" на 1882 годъ.** Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Депо Американскихъ Швейныхъ Машинъ.

М. МОРГЕНСТЕРНА.

Переведено въ слѣдствіи увеличеній дѣла **на Большую Морскую въ № 23 уголъ Гороховой ул.,** и рекомендуетъ по умѣреннымъ цѣнамъ громадный выборъ **лучшихъ** ножныхъ и ручныхъ швейн. машинъ. Кромѣ того рекомендуются извѣстныя **Прачешныя машины** системы **ЛОВЕЛЬ,** съ **выжималкой** и съ кадкой вмѣстѣ за 25 рублей. **Катки** для **бѣлья** по 30 рублей. Машины для **складыванія плиссе** отъ 15 до 30 рублей. № 2009 1—1

ВАЖНО ДЛЯ ВСЯКАГО.

КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ.

ДЛЯ ВСѢХЪ

РОССІЙСКИХЪ ГАЗЕТЪ

В. А. Вацлика,

СПБ., Литейный просп., № 45—8, уголъ Семіоновскаго пер.

Принимаетъ всякаго рода объявленія для напечатанія во всѣхъ газетахъ и журналахъ, по цѣнамъ редакцій и дѣлаетъ уступку отъ **5, 10, 15, до 20**% смотря въ какія газеты и на сколько разъ будутъ помѣщаемы. Тутъ же принимаются **объявленія** и подписка на газету **„СВѢТЪ"**, самую распространенную въ Россіи (27,000 экземпляровъ).

Продается во всѣхъ книжн. магаз. новая книга:

Д-ра **H. PLOSS,**

РЕБЕНОКЪ ОТЪ КОЛЫБЕЛИ ДО ПЕРВАГО ШАГА.

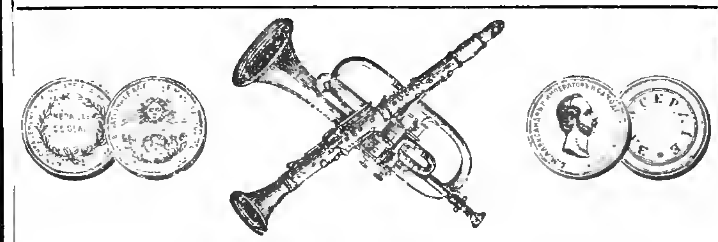
СПОСОБЫ УХОДА ЗА ДѢТЬМИ У РАЗНЫХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

Переводъ съ нѣмецкаго, съ 122 рисунками въ текстѣ.

Содержаніе: I. Укладываніе ребенка. II. Ношеніе ребенка. III. Колыбели и качаніе. IV. Усаживаніе и V. Первые шаги ребенка.

Цѣна на веленевой бумагѣ 1 р. 50 к., на слоновой, въ папкѣ 2 р.

Складъ изданія въ типографіи Д. Г. Малиева, Троицкій переулокъ, домъ № 38.



Вильгельмъ Карловичъ ЛАНГЕ (младшій).

Почетный членъ Парижской Академіи Мануфактуръ и торговли, имѣющій медаль за Парижскую выставку и единственно въ Россіи удостоенный почетнымъ похвальнымъ дипломомъ и большой серебряной медалью за духовые музыкальные инструменты, предлагаетъ свои мѣдные и деревянные инструменты, также сигнальныя трубы для желѣзныхъ дорогъ и починку всякаго рода. Покорнѣйше проситъ замѣтить свой нижеслѣдующій адресъ:

СПБургъ. у Кокушкина моста, д. Ѳомина, № 67. № 2006

Вышла въ свѣтъ и продается въ конторѣ Редакціи „НИВЫ" и во всѣхъ извѣстныхъ Книжныхъ магазинахъ

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

историческая повѣсть въ двухъ частяхъ

Всеволода Сергѣевича СОЛОВЬЕВА

съ 21 рисунками **И. С. Панова**

Второе изданіе

большой томъ in 8- всего 310 страницъ. С.-Петербургъ 1882 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** по больш. Морской д. № 9. Цѣна **2 рубл.** съ пересылкою **2 рубл. 50 к.**

Подписчики „НИВЫ" за пересылку не платятъ. 3—3

ЖЕЛАЮТЪ

КУПИТЬ НЕБОЛЬШОЙ

ДОМЪ

въ центрѣ города или нанять большое помѣщеніе для типографіи безъ посредства коммиссіонеровъ.

Просятъ обращаться письменно: въ редакцію журнала **„НИВА"**. Большая Морская, домъ № 9.

„НАБЛЮДАТЕЛЬ",

РЕДАКТОРЪ

А. Пятковскій.

Годов. цѣна журнала (за 12 книгъ) 12 руб. безъ дост.; 13 р. съ дост. въ СПБ.; 14 р. съ перес. Главная контора: Поварской пер., № 5. Третья книга вышла 1 марта, № 4 выйдетъ 1 апрѣля. № 2004 3—1

СТРУНЫ

самыя лучшія падуанскія, нѣмецкія и вѣнскія, для скрипки, віолончели, контрабаса, гитары и цитры, лучшая канифоль, камертоны, метрономы, деревянные и желѣзныя складныя пюпитры, рекомендуетъ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬН. ИНСТР.

Юлія Генриха Циммермана.

СПБургъ, по Большой Морской, № 42.

Единственное доказательство подлинности, если эта-же фабричная марка находится на этикетахъ.

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ отъ Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ *).

Признанъ за лучшее средство противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная съ **простаго катарра до чахотки** и противъ блѣдной немочи.

Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ въ **С.-Петербургѣ.**

*) **Цѣна:** за бутылку 1 руб. и 2 руб. у русск. общ. торговли аптекарск. товар. Казанская, 12, Штоль и Шмидтъ, Малая Морская, 11.

Въ Москвѣ у Н. Матейзенъ; въ **Варшавѣ** у Лудвига Шписъ и Сына. № 1938

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ 2 объявленія: 1) отъ акціонернаго общества Лильпопъ, Рау и Левенштейнъ въ Варшавѣ и 2) отъ шляпной фабрики Лемерсье въ Москвѣ (послѣднее за исключеніемъ московскихъ подписчиковъ.

Дозволено цензурою. СПБ. 18 марта 1882 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ — № 13 — годъ XIII — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 27 Марта 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Казань. Входъ въ Кремль съ Воскресенской улицы. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Кремль въ Казани.

Русская Казань сооружена на развалинахъ татарскаго города и съ первой-же поры ея возникновенія она должна была сдѣлаться важнымъ оборонительнымъ пунктомъ. Это обусловливалось тѣмъ, что хотя въ 1552 году татарская Казань и пала, по окрестная страна долго еще не могла быть вполнѣ подчинена русскому владычеству. Татары не разъ серьезно угрожали русской Казани и послѣдняя внезапно сдѣлалась главнымъ оплотомъ нашего наступательнаго движенія на востокъ среди чуждаго и непріязненнаго намъ инородческаго населенія. Вотъ почему въ первые-же года по взятіи Казани Грозный уже дѣлаетъ заботливыя распоряженія о сооруженіи каменнаго Кремля за казанскими стѣнами, не расширяя впрочемъ крѣпости, чтобы не увеличить линіи защиты. Такимъ образомъ возникло новое укрѣпленіе, построенное уже московскими каменщиками въ той-же мѣстности гдѣ стояла и старая татарская крѣпость, на горѣ, окруженная болотами. Постройка казанскаго Кремля была начата въ 1556 году и онъ существуетъ и понынѣ, хотя подвергался иногда сильнымъ поврежденіямъ, какъ напримѣръ во время нападенія въ 1774 году на Казань Пугачева; въ то же время было уничтожено и нѣсколько башенъ съ воротами, такъ что донынѣ уцѣлѣли лишь двѣ такія башни. Одна изъ нихъ—Спасская—главный въѣздъ въ крѣпость съ Воскресенской улицы, изображенная на нашемъ рисункѣ, а другая Тайницкая—съ противуположной стороны отъ первой, при спускѣ изъ крѣпости къ рѣкѣ Казанкѣ. Остатки старой деревянной стѣны существовали до начала царствованія Анны Іоанновны, когда они были уничтожены по распоряженію тогдашняго казанскаго губернатора, знаменитаго впослѣдствіи по своей трагической судьбѣ Артемія Волынскаго.

Особенно оригинальною красотою отличается Спасская башня по только по внѣшнему виду; внутри-же ея вы видите простую, грубую работу старинныхъ русскихъ мастеровъ, заботившихся болѣе всего не объ изяществѣ а объ прочности кладки. На этой башнѣ виситъ колоколъ въ сорокъ пудовъ вѣса и въ этотъ колоколъ, по древнему обычаю, до нынѣ бьютъ *сполохъ* или набатъ во время пожара и его рѣзкій и сильный звукъ раздается тогда по всей Казани, такъ какъ Спасская башня составляетъ самый высокій пунктъ во всемъ городѣ. На лицевой юго-восточной сторонѣ Спасской башни, надъ воротами, поставленъ въ особой рамѣ, образъ Нерукотвореннаго Спаса очень большаго размѣра, точный спимокъ знаменитаго изображенія на знамени, которое сопровождало царя Ивана Васильевича при взятіи Казани а нынѣ хранится въ московской Оружейной палатѣ.

Зданія Кремля образуютъ отъ Спасскихъ воротъ къ Тайницкимъ длинную улицу, по правую сторону которой помѣщается военная тюрьма, зданіе присутственныхъ мѣстъ, архіерейскій домъ, Благовѣщенскій соборъ; по лѣвую: спасо-преображенскій монастырь, церковь Кипріана и Устиніи, зданія юнкерскаго училища; за соборомъ-же открывается площадь передъ императорскимъ дворцомъ, построеннымъ въ 1847 году; отъ него направо, между площадью и спускомъ къ Тайницкимъ воротамъ, возвышается, уже извѣстная нашимъ читателямъ, Сумбекина башня.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

X.

Ожиданіе.

Свиданіе съ цесаревичемъ подѣйствовало самымъ неожиданнымъ и благотворнымъ образомъ на Сергѣя, сразу освѣтило внутренній міръ его, разогнало его тоску и скуку. Столько лѣтъ ему было какъ-то холодно и непривѣтно въ жизни и эта жизнь, съ виду такая блестящая, представлялась ему тяжелымъ и неизбѣжнымъ бременемъ. И вдругъ, нежданно и негаданно — тепло, вдругъ пахнуло чѣмъ-то роднымъ дорогимъ...

У Сергѣя друзей не было и почти единственнымъ близкимъ себѣ человѣкомъ считалъ онъ своего карлика Моську; но конечно этотъ другъ не могъ удовлетворять его.

Съ отсутствіемъ горячихъ привязанностей могутъ уживаться только очень холодные, себялюбивые и самодовольные люди, да и тѣмъ подчасъ становится невыносимо душевное одиночество, а Сергѣй вовсе не былъ ни холоденъ, ни себялюбивъ. Онъ нуждался въ сердечной привязанности, но судьба отнеслась къ нему жестоко, оторвала его на долгое время отъ всего, что было ему близко, отъ всѣхъ, кого любилъ онъ въ годы юности.

Его чувство къ цесаревичу восемь лѣтъ тому назадъ было восторженнымъ молодымъ чувствомъ. Въ долгой разлукѣ оно не исчезло, но естественно, должно было ослабнуть. Оно тѣснилось гдѣ-то тамъ, глубоко въ сердцѣ, и вспыхивало только тогда, когда подливалось въ него масло, когда какое-нибудь очень рѣдкое обстоятельство напоминало ему въ далекомъ Лондонѣ о цесаревичѣ. И во всякомъ случаѣ Павелъ Петровичъ превращался для него мало по малу въ воспоминаніе, уходилъ въ прошедшее. Въ настоящемъ его не было, а о будущемъ Сергѣй старался не думать.

Но вотъ онъ здѣсь! Онъ снова его увидѣлъ и съ первыхъ же словъ его убѣдился, что прежняя связь не порвана, что цесаревичъ, не смотря на долгую разлуку, на тревоги и заботы своей нерадостной жизни, не забылъ его и относится къ нему съ прежней, пока еще ничѣмъ незаслуженной имъ добротой.

Теперь въ Сергѣѣ уже не было восторженнаго ребяческаго чувства, оно видоизмѣнилось, оно осмыслилось.

Онъ сознавалъ, что глубоко преданъ этому человѣку, что готовъ пойти за него въ огонь и въ воду, потому что онъ стоитъ этого, но было и другое... Сергѣй полуинстинктивно, полусознательно чувствовалъ что такъ относиться къ цесаревичу его долгъ, его священная обязанность. Это было что то традиціонное, что то родовое, наслѣдованное отъ отца. Сергѣй такъ думалъ и чувствовалъ потому что онъ былъ сыномъ Бориса Горбатова. Какъ отецъ любилъ Петра III и служилъ ему, такъ сынъ теперь любилъ и готовъ былъ служить сыну Петра III.

Взгляды старика Горбатова, изъ за которыхъ онъ заперся на всю жизнь въ деревнѣ, теперь вдругъ передались сыну. Восемь лѣтъ тому назадъ онъ недумалъ объ этомъ, но теперь все сложилось, все выяснилось и онъ смотрѣлъ на Павла не только какъ на человѣка, достойнаго привязанности, не только какъ на великаго князя, который выказываетъ ему особенные знаки милости, онъ глядѣлъ на него какъ на своего законнаго государя.

Да, тутъ было что то традиціонное, родовое. Тамъ, въ Гатчинѣ, его настоящее мѣсто, вѣдь онъ еще передъ отъѣздомъ заграницу просилъ цесаревича принять его къ себѣ на службу. Тотъ отказалъ ему, любя его и думая объ его выгодахъ.

Восемь лѣтъ прошло! Долгіе, печальные восемь лѣтъ! Но теперь нужно наверстать потерянное, нужно наконецъ оказаться при своихъ законныхъ обязанностяхъ.

Отъ мысли о цесаревичѣ Сергѣй переходилъ къ другимъ мыслямъ.

Онъ не могъ незамѣтить особеннаго выраженія въ лицѣ Павла, когда тотъ спрашивалъ его про Таню... Онъ сообразилъ и еще одно обстоятельство:

„Вѣдь про нее тогда никакого разговора не было!.. онъ совсѣмъ не зналъ что я былъ женихомъ, а теперь сказалъ что ему это было черезъ меня извѣстно. Онъ хочетъ сообщить мнѣ про Таню,—значитъ онъ заинтересованъ ею... Но откуда же онъ все знаетъ?!.“

И вспомнилось ему, что вѣдь Моська, провожавшій Пересвѣтовыхъ въ Петербургъ, былъ тогда съ его письмомъ въ Гатчинѣ. Моська, вернувшись въ Лондонъ ничего ему не разсказывалъ, но старикъ вѣдь хитрый, навѣрное онъ все тогда разсказалъ великому князю!...

И вотъ, вернувшись домой изъ дворца, онъ позвалъ карлика и прямо спросилъ его—откуда цесаревичъ знаетъ Таню?

У Моськи глаза заблестѣли, сморщенное личико сдѣлалось такимъ счастливымъ, такимъ плутоватымъ. Но онъ упорно молчалъ и только усиленно сморкался, что обыкновенно дѣлалъ въ минуты смущенія.

— Что же ты молчишь, Степанычъ? развѣ не слышишь о чемъ я тебя спрашиваю? Говори мнѣ правду безъ всякой утайки, навѣрно всю мою подноготную цесаревичу выболталъ когда съ моимъ письмомъ являлся въ Гатчину?

— Эку старину вспомнилъ, батюшка Сергѣй Борисычъ! наконецъ проговорилъ Моська и въ то же время глаза его бѣгали съ предмета на предметъ и никакъ не могли остановиться на Сергѣѣ.

— Эку старину!.. повторялъ онъ, и все сморкался, и все краснѣлъ, очевидно еще не находя выхода изъ своего затруднительнаго положенія.

— Не вертись, Степанычъ, не серди меня даромъ. Коли спрашиваю—значитъ надо, и ты долженъ отвѣчать мнѣ. Вѣдь я тогда отъ тебя путнаго слова не могъ добиться!.. Ну да время было такое, не до разспросовъ. Сказалъ ты мнѣ, я помню, что цесаревичъ самъ тебѣ свое отвѣтное письмо вынесъ, что пошутилъ съ тобою. А больше я ничего не помню, больше ты мнѣ ничего не разсказывалъ...

— Да и я тоже ничего не помню, золотой мой!

— Не вертись... былъ разговоръ обо мнѣ и о княжнѣ Татьянѣ Владиміровнѣ?

Карликъ почесалъ за ухомъ.

— А дай кось вспомню! Было что то такое, точно,—было.

— Ты жаловался на меня конечно?

— Жаловался, батюшка, это помню теперь, сильно жаловался его высочеству.

— Ну и что же онъ?

— А вѣстимо что—не сталъ хвалить твою милость даже словомъ не хорошимъ обозвалъ.

— Какимъ словомъ?

— Словомъ то какимъ! Ну ужь коли такъ тебѣ любопытно—я тебѣ скажу какимъ: дуракомъ онъ тебя обозвалъ, вотъ что.

— Дальше!

— Дальше! пожалѣлъ онъ нашу княжну, сказалъ что ты ея недостоинъ и что онъ ей лучшаго жениха чѣмъ ты найдетъ... Ну, вѣстимо—обидно мнѣ это было слушать, а слушалъ, потому что его высочество правду говорить изволилъ... И самъ я съ ними былъ во всемъ согласенъ.

— Степанычъ, о твоихъ согласіяхъ я вовсе не спрашиваю!

— А ужь спрашиваешь, нѣтъ ли, а велѣлъ все припоминать—я и припоминаю.

„Лучшаго жениха сыщетъ!.. не узнавать о ней не побывавъ въ Гатчинѣ!.. Подарокъ мнѣ приготовилъ, да хочетъ знать стою ли я его!..“—быстро мелькало въ головѣ Сергѣя.

И вдругъ радостное предчувствіе поднялось въ его сердцѣ.

— Степанычъ, а не говорилъ онъ тебѣ что княжну хочетъ видѣть?

Карликъ опять началъ сморкаться и опять глаза его забѣгали во всѣ стороны.

Наконецъ онъ оставилъ въ покоѣ свой носъ и съ отчаянной рѣшимостью развелъ руками.

— Этого, батюшка Сергѣй Борисычъ, хоть убей—не помню!

А потомъ совсѣмъ перемѣнивъ тонъ и заглядывая въ глаза Сергѣя съ кошачьей ужимкой, онъ пропищалъ ему:

— А что, золотой мой, видѣлъ ты нынче цесаревича?

— Видѣлъ.

— Ну и что же онъ, нашъ милостивецъ, въ добромъ ли здоровьѣ?

— Ни на что не жаловался.

— А ну, а какъ онъ съ тобою то? какъ всегда что ли,—хорошъ былъ?

— Хорошъ.

— Въ Гатчину поѣдешь?

— Поѣду, Степанычъ, и даже вотъ когда—завтра рано утромъ поѣду! Завтрашній день еще урвать можно, а то боюсь какъ бы разныя дѣла не стали задерживать.

— А меня то, сударь, возьмешь съ собой?

— Зачѣмъ?

— Да ужь возьми, сдѣлай Божескую милость!

— Зачѣмъ не взять, только вѣдь въ Гатчинѣ порядки строгіе—пожалуй меня съ тобой не пропустятъ—что ты тогда будешь дѣлать?

— Пропустятъ, батюшка, меня и незамѣтятъ совсѣмъ, а коли замѣтятъ и станутъ опрашивать—я прямо скажу что его высочество приказалъ мнѣ явиться... И не солгу, не солгу—какъ передъ Богомъ, пускай ихъ самихъ спросятъ—они припомнятъ. Такъ и сказалъ: „ежели когда будешь въ Петербургѣ навести меня“—это ихъ слова доподлинныя...

— Въ такомъ случаѣ поѣдемъ. Распорядись съ вечера.

Моська оживился и радостно вышелъ отъ своего господина.

Онъ былъ очевидно въ какомъ то особенномъ, возбужденномъ состояніи, онъ будто помолодѣлъ, такъ и вертѣлся, чуть не прыгалъ. Диву даже далась, глядя на него, многочисленная Горбатовская прислуга.

Сергѣй весь день никуда не выѣзжалъ. Приводилъ въ порядокъ свои бумаги, разбирался. А мысли его становились все радостнѣе и радостнѣе, доброе предчувствіе усилилось. Ему казалось что онъ снова начинаетъ жить и эта новая жизнь сулила что то хорошее, что то счастливое.

XI.
Разгадка.

На слѣдующее утро ранымъ рано выѣхалъ Сергѣй съ карликомъ въ Гатчину.

Та же пустынная, однообразная дорога, тѣ же впечатлѣнія. Тѣ же впечатлѣнія и при въѣздѣ въ Гатчину: пропасть караульныхъ, вытянутыхъ въ струнку, всюду только фигуры солдатъ, чинность и порядокъ. Здѣсь время будто остановилось.

Бѣдный карликъ застрялъ въ дворцовыхъ сѣняхъ—дальше его не пустили. Но онъ шепнулъ Сергѣю:

— Пройду... такое слово знаю, дойду до самаго цесаревича, вотъ увидишь, батюшка.

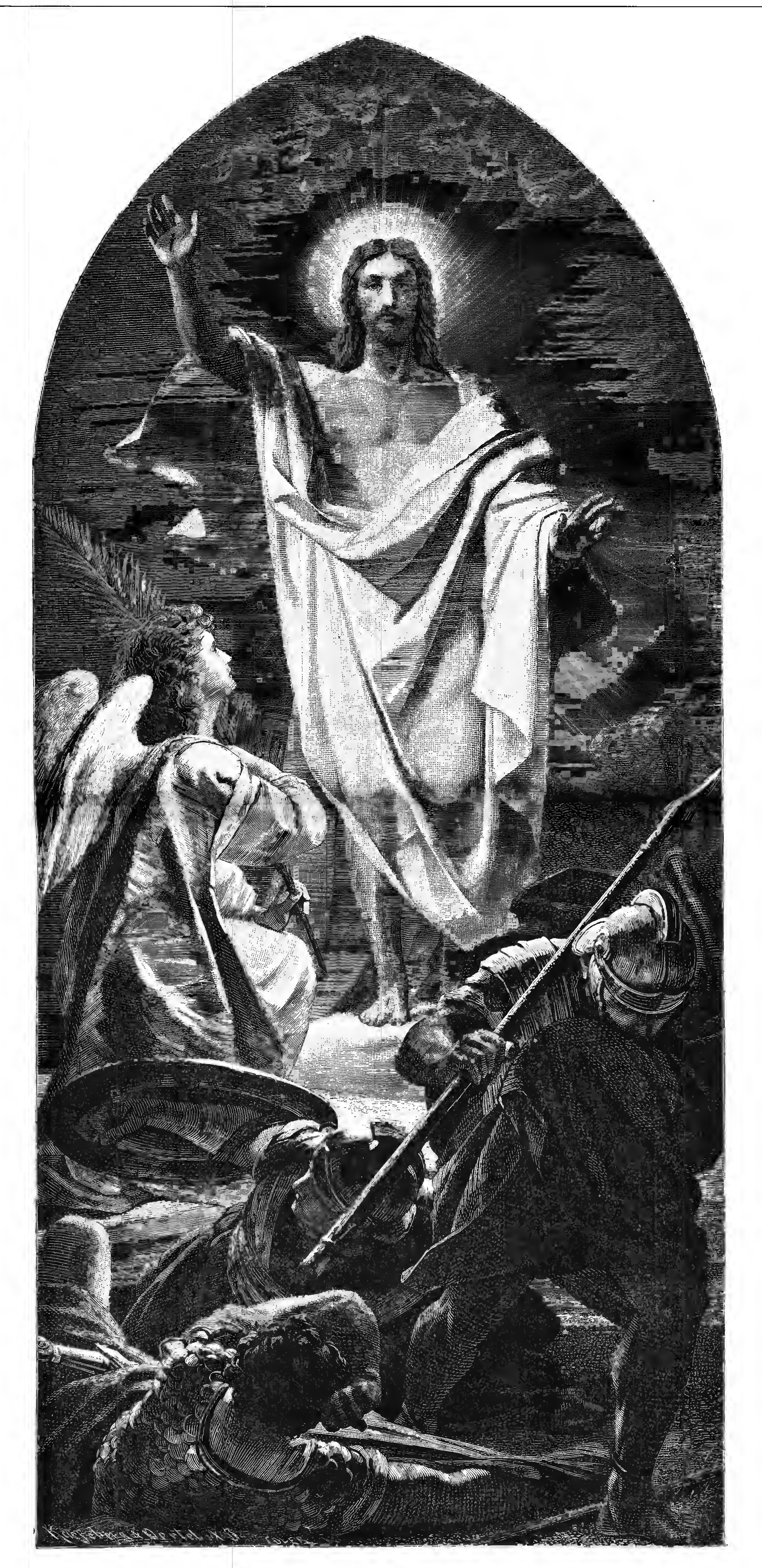
Дежурные пригласили Сергѣя въ пріемную.

Тѣ же самыя маленькія, просто, почти бѣдно обставленныя комнатки съ низенькими потолками, та же монастырская печальная пустота.

Сергѣю пришлось дожидаться довольно долго—великій князь былъ занятъ гдѣ то внѣ дворца, да и изъ приближенныхъ его никого вѣроятно не было.

Сергѣй помѣстился на жесткомъ стулѣ и невольно ему взгрустнулось:

Развѣ такъ долженъ жить цесаревичъ? Развѣ такъ должна проходить его жизнь? По тому, что онъ успѣлъ



Воскресеніе Христово. Картина профессора Б. Плокгорста, грав. Кезебергъ и Эртель.

уже увидѣть, ему начинала все яснѣе и яснѣе представляться ненормальность этой уединенной, странной жизни: дисциплина маленькаго войска, доведенная до необыкновеннаго совершенства, эти маленькіе смотры, маневры, ученья... и такъ годы, десятки лѣтъ—игра въ солдаты, которая не приноситъ никакихъ результатовъ, до сихъ поръ отъ этой игры не видно никакой пользы. Гатчинцы вымуштрованы, но надъ ними только смѣются, а петербургская гвардія, и вообще все русское войско, становится все болѣе и болѣе распущеннымъ. Въ этомъ маленькомъ, отдѣльномъ мірѣ чувствуется что то душное и въ то же время фантастическое, даже нездоровое. Да, вредно жить въ подобной атмосферѣ—можно отвыкнуть отъ дѣйствительной жизни!

Но скоро Сергѣй отъ этихъ мыслей перешелъ къ другимъ—къ мыслямъ радостнымъ, къ ожиданію, которое не покидало его со вчерашняго дня и заставило такъ спѣшить сюда.

Однако минуты проходили, онъ все былъ одинъ и тихо было кругомъ него, только раздавался стукъ стараго маятника.

Неужели такъ таки никого и нѣтъ?

Онъ вышелъ изъ пріемной и, увидавъ дежурнаго офицера, сталъ спрашивать о своихъ здѣшнихъ знакомыхъ, о томъ, скоро ли вернется цесаревичъ. Но офицеръ не зналъ, гдѣ цесаревичъ, да и вообще не смѣлъ разговаривать. Сергѣй долженъ былъ отойти отъ него и опять вернуться въ пріемную. Однако скучать ему не пришлось—скоро къ нему вышелъ старый знакомецъ, Кутайсовъ; они встрѣтились пріятелями.

Кутайсовъ очевидно теперь чувствовалъ себя еще лучше, чѣмъ восемь лѣтъ тому назадъ. Онъ раздобрѣлъ нѣсколько, но мало состарѣлся и въ его пріемахъ и манерахъ сказывалось необыкновенное чувство собственнаго достоинства и въ то же время благодушная снисходительность. Глядя на него никакъ уже нельзя было сказать, что это бывшій плѣнный турченокъ-цирюльникъ: онъ держалъ себя если не хозяиномъ, то во всякомъ случаѣ близкимъ другомъ дома и, какъ другъ дома, онъ счелъ своею обязанностью особенно обласкать Сергѣя.

Онъ сказалъ, что цесаревичъ будетъ здѣсь съ минуты на минуту, болталъ, переходя съ предмета на предметъ, занималъ гостя своимъ разговоромъ.

— Вотъ-съ, какъ видите, Сергѣй Борисычъ, говорилъ онъ, у насъ все то же, мы не двигаемся, да оно и хорошо—сами посудите, гдѣ движеніе, гдѣ перемѣны въ предметахъ, тамъ перемѣны и въ людяхъ, а у насъ все на своемъ мѣстѣ, и люди все тѣ же, и уже разъ кто попалъ къ намъ, кого мы полюбили—такъ и остаемся... мы не измѣнчивы. Сколько времени вотъ съ вами не видались, а увидите: всѣ вамъ обрадуются... ну, а тамъ то, чай, вѣдь не такъ—тамъ забывчивы...

— Да, это истина, отвѣтилъ ему Сергѣй, только что же вы какъ будто оправдываетесь? Я вѣдь съ вами не спорилъ и ни въ чемъ не порицалъ здѣшнихъ порядковъ.

— Не сказали—такъ подумали! пріятно улыбаясь своими сочными губами и показывая два ряда бѣлыхъ зубовъ проговорилъ Кутайсовъ.—Петербуржцы все смѣются надъ нами, замороженными насъ называютъ... Живемъ-съ какъ можемъ — не по своей волѣ... Только вотъ-съ бѣда, скажу вамъ откровенно, цесаревичъ-то... охъ, какъ меня тревожитъ!...

— А что? Развѣ нездоровъ онъ?

— Не то-съ, нездоровья не видно, хотя вѣдь онъ, собственно говоря-съ, крѣпкимъ здоровьемъ никогда не отличался, но онъ такую жизнь ведетъ, что поддерживаетъ себя: какъ одинъ день, такъ и другой—никакихъ излишествъ, по прежнему чѣмъ свѣтъ на ногахъ, въ движеніи, закалилъ себя... а другое тутъ—грустить сталъ часто. Мраченъ иногда такъ бываетъ, что ничѣмъ и не развлечешь его, пуще прежняго раздражителенъ сталъ. Доброту его вы знаете—добрѣе я человѣка не видывалъ—и терпѣніе тоже великое у него. Не будь терпѣнія, развѣ такую жизнь можно выносить?.. но въ мелочахъ-то... въ мелочахъ все и сказывается. Вѣдь ужь сколько лѣтъ я думалъ объ этомъ и такъ рѣшалъ всегда, что слѣдовало бы ему на чистый воздухъ вырваться, освѣжиться, проѣхаться... осмѣливался даже и докладывать объ этомъ,.. и что-жь бы вы думали!—слышать не хочетъ! Ну-съ, а дѣло въ томъ, что все идетъ хуже и хуже и коли еще такъ долго будетъ, такъ я ужь и не знаю...

Но Кутайсовъ не договорилъ, дверь отворилась и въ пріемную, своей твердой военной походкой, въ высокихъ ботфортахъ, съ большой трехугольной шляпой подъ мышкой, вошелъ Павелъ.

— А, Горбатовъ!.. Ну, спасибо, сударь, что ждать не заставилъ. Не чаялъ я что ты сегодня будешь, спасибо, это хорошо!

Онъ взглянулъ на часы.

— Уже и полдень скоро. Кутайсовъ, вели лишній приборъ къ обѣду поставить... проголодался чай, да и я тоже.

Кутайсовъ, уловивъ какую то мину на лицѣ Павла, вышелъ изъ комнаты.

Сергѣй остался вдвоемъ съ цесаревичемъ. Тотъ положилъ ему на плечо руку.

— Ну что, никого со вчерашняго дня не видалъ? Ничего интереснаго не узналъ?

— Ничего, ваше высочество—вѣдь вы же приказали мнѣ не разузнавать и не дѣлать никакого шага не побывавъ у васъ.

— А, такъ по этому-то ты и явился такъ скоро, не терпѣлось!.. Обѣщалъ сообщить тебѣ интересное и до твоего предмета касающееся—и исполню обѣщанное, потерпи не много... Это послѣ обѣда. Когда голоденъ, я не люблю разсказывать... Только, сударь, ты не жди тутъ у меня веселья—одинъ я, жены нѣту, опять въ Петербургъ уѣхала.

— А Екатерина Ивановна? спросилъ Сергѣй.

— Екатерина Ивановна! тихо повторилъ Павелъ—и вдругъ его ноздри раздражительно раздулись, въ глазахъ что то вспыхнуло, но тутъ же и потухло—и ее нѣту... А ты и не зналъ о томъ, что уже нѣсколько лѣтъ какъ ее нѣтъ въ Гатчинѣ?

— Гдѣ же она? Надѣюсь она здорова, ваше высочество?

— Здорова... она въ Смольномъ. Довели до того, что отпросилась и уѣхала. Она навѣщаетъ насъ... не слишкомъ часто... Пріѣдетъ такъ все же становится какъ то веселѣе, какъ то тише... Да, во всю жизнь у насъ съ женой не было лучше друга... ну, и конечно нужно было насъ лишить этого друга.

— Кто же могъ это сдѣлать? Кому это было нужно? и зачѣмъ она согласилась уѣхать? невольно выговорилъ Сергѣй, но тутъ же и спохватился.—Извините, ради Бога, ваше высочество, сказалъ онъ,—я никакого права не имѣю спрашивать и даже говорить о такихъ дѣлахъ, но я такъ изумленъ... такъ мнѣ странно и такъ тяжело, что нѣтъ съ вами Екатерины Ивановны... Я именно разсчитывалъ видѣть ее сегодня. Хоть я и мало зналъ ее, но она произвела на меня такое впечатлѣніе, которое не забывается. Мнѣ она до сихъ поръ представляется исключительной, святой женщиной.

— Такая она и есть, мой другъ, сказалъ Павелъ, и тебѣ не въ чемъ извиняться—если ты искренно расположенъ ко мнѣ, то долженъ интересоваться моими дѣлами и я скажу тебѣ прямо и просто, эта исторія—старая исторія. Нелидова была лучшимъ нашимъ другомъ и, надѣюсь, навсегда имъ останется. Пока она жила съ нами, мнѣ было хорошо—въ ней дѣйствительно есть что-то особенное, что на меня дѣйствуетъ успокои-

тельнымъ образомъ. Она всегда была моимъ врачемъ, я ей многимъ... многимъ обязанъ. И вотъ наши дружескія, близкія отношенія стали мозолить глаза людямъ, которые не понимаютъ подобныхъ отношеній; ее начали чернить, оклеветали... испробовали всѣ средства, чтобы изъ за нея поссорить меня съ женой. Это не удалось, потому что жена цѣнитъ ее и любитъ также какъ и я и потому что она была равно какъ мнѣ такъ и ей полезна и необходима. Мы выносили пока могли; но клевета выросла до такой степени, что я почувствовалъ себя не вправѣ держать дольше Нелидову въ Гатчинѣ—мнѣ нечѣмъ было оградить ее отъ этихъ змѣиныхъ жалъ. Намъ оставалось одно—разстаться, но конечно не вслѣдствіе ссоры, доказать что наши отношенія не измѣнились, что о ссорѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. И вотъ Екатерина Ивановна въ Смольномъ...

— А она часто здѣсь бываетъ?

— Не очень часто... нѣтъ—это затруднительно, да и здоровье ея не крѣпкое, устаетъ очень всегда, хоть путешествіе и не Богъ вѣсть какое...

Сергѣй начиналъ возмущаться, но въ то же время въ немъ шевелилось уже новое, рождался протестъ противъ этого терпѣнія цесаревича—терпѣнія, которое граничило со слабостью. Но конечно онъ не высказалъ вслухъ своихъ мыслей.

Появился Кутайсовъ и доложилъ, что обѣдъ поданъ. Павелъ взглянулъ на него, сдѣлалъ ему опять быстрый знакъ, тотъ отвѣчалъ подобнымъ же знакомъ. Улыбка мелькнула на лицѣ Павла.

— Пойдемъ, Сергѣй Борисычъ. Не думай все же, что я тебя совсѣмъ скучать заставлю, можетъ найдется у насъ и дамское общество: одна изъ фрейлинъ моей жены замѣнитъ за обѣдомъ хозяйку, я тебя познакомлю, прекрасная и премилая дѣвушка. Пойдемъ.

Сердце такъ и заходило, такъ и забилось въ груди Сергѣя.

Она, или не она? А вдругъ все это пустое... одна только фантазія! Вдругъ войдутъ они въ столовую—и тамъ... какое нибудь незнакомое лицо, ненужное, неинтересное...

Онъ не помнилъ какъ они дошли до столовой, у него рябило передъ глазами.

Вотъ накрытый, просто сервированный столъ, вотъ женская фигура, высокая, стройная... Она приподнялась на встрѣчу входившимъ.

Сергѣй чуть не вскрикнулъ—передъ нимъ была Таня, а за нею стояла улыбающаяся, сіяющая блаженствомъ крошечная фигурка Моськи.

И Таня была приготовлена къ этой встрѣчѣ, и Сергѣй, почти навѣрное, ожидалъ ее, но все-же сюрпризъ, устроенный цесаревичемъ, оказался совершенно удачнымъ и онъ стоялъ потирая отъ удовольствія руки и улыбаясь глядѣлъ попеременно, то на Сергѣя, то на Таню. Въ лицѣ его не было и помину мрачнаго, презрительнаго и насмѣшливаго выраженія, а глаза такъ и сіяли, такъ и искрились. Никто въ эту минуту не назвалъ-бы его некрасивымъ.

— Ну, сударь, проговорилъ онъ наконецъ, насладившись смущеніемъ молодыхъ людей, — представлять-ли тебя княжнѣ, или вы уже и такъ хорошо знакомы?

Таня протянула руку Сергѣю и онъ чувствовалъ какъ рука ея дрогнула, онъ видѣлъ, какъ яркая краска вспыхнула на щекахъ ея. Онъ ничего не могъ сказать, хотѣлъ говорить, но языкъ не слушался, онъ только изумлялся тому, совсѣмъ позабытому, счастью, которое вдругъ охватило его.

Гдѣ-же все это было? и что такое были эти семь лѣтъ?

XII.

Опять изъ прошлаго.

Такъ вотъ отчего Сергѣю пришлось такъ долго дожидаться въ пріемной: карликъ Моська сказалъ „свое слово“ и былъ тотчасъ-же проведенъ къ цесаревичу. Моська былъ совершенно увѣренъ, что слово его отворитъ ему двери хотя вотъ уже семь лѣтъ тому назадъ, передъ его отъѣздомъ въ Лондонъ, Павелъ приказалъ ему, когда-бы онъ ни пріѣхалъ обратно въ Россію со своимъ господиномъ, явиться тотчасъ-же. Карликъ не смутился тѣмъ, что прошло съ тѣхъ поръ столько времени, не боялся, что цесаревичъ, поглощенный своими заботами и хлопотами, позабылъ о немъ — и онъ былъ правъ: цесаревичъ ничего не забывалъ и время здѣсь остановилось. Тутъ все шло не такъ какъ вездѣ, тутъ приготовлялась развязка волшебной сказки, о которой столько лѣтъ мечталъ Моська и которую добрый и странный гатчинскій волшебникъ рѣшился устроить.

Моська молчалъ о своемъ посѣщеніи Гатчины по крѣпкому наказу цесаревича и Сергѣю не могло придти въ голову, что въ теченіи семи лѣтъ между его старымъ Степанычемъ и Гатчиною не прерывается связь, что карликъ знаетъ нѣчто такое, чего не знаетъ онъ, Сергѣй, и что знать такъ ему всегда хотѣлось...

Пріѣхавъ тогда въ Петербургъ съ княгиней Пересвѣтовой и Таней карликъ сообразилъ, что прежде всего ему непремѣнно надо побывать въ Гатчинѣ, повидаться съ цесаревичемъ и разсказать ему обстоятельно обо всѣхъ приключеніяхъ „дитяти“, повѣдать ему свое горькое горе и искать у него защиты и покровительства.

„На кого-же теперь и надежду имѣть какъ не на его высочество? Кто его защититъ, кто его пожурятъ какъ не онъ“?

Моська свято хранилъ въ себѣ родовыя горбатовскія традиціи и даже не сталъ задумываться относительно возможности дурнаго пріема со стороны цесаревича.

Онъ явился въ Гатчину; его не пропускали, ему прямо объявили, что великій князь его не приметъ, но онъ не унывалъ. Онъ пустилъ въ ходъ всю свою хитрость, всѣ свои кошачьи ужимки, не испугался страшныхъ солдатъ и гатчинскіе стражники мало по малу перешли на его сторону, на сторону забавнаго, потѣшнаго человѣчка.

Такимъ образомъ Моська хотя медленно, но все ближе и ближе подвигался къ своей цѣли. Вотъ ужь онъ объясняется съ офицерами и офицеры рѣшаются наконецъ ему способствовать.

— Да какъ-же доложить о тебѣ?

— Какое такое дѣло можетъ быть у тебя?

— Коли письмо есть у тебя какое или прошеніе—передай, оно тотчасъ-же будетъ доставлено цесаревичу.

— Не могу я этого, твердо и рѣшительно отвѣчалъ карликъ,—говорю, я долженъ самъ видѣть его высочество и говорю вамъ, государи мои, что его высочество тотчасъ-же меня и приметъ какъ будетъ ему обо мнѣ доложено. Такъ и скажите—карликъ молъ отъ Сергѣя Борисыча Горбатова, изъ чужихъ краевъ, неужто трудно?.. чай вѣдь языкъ не отвалится.

— Эхъ, глупая ты птица! замѣчали ему. Иной разъ и легкое дѣло труднымъ кажется — въ какую минуту попадешь, нынче его высочество сердитуетъ съутра, его осердили. Развѣ вотъ что—пойдемъ къ большому человѣку, къ господину Кутайсову.

— Давно-бы такъ-то! пойдемте, радостно запищалъ Моська.

Теперь онъ чувствовалъ, что добился своего и скоро очутится у желанной цѣли.

Кутайсовъ какъ услышалъ въ чемъ дѣло тотчасъ-же и сказалъ ему:

— Доложить о тебѣ, я доложу и думаю такъ, что тебя примутъ, но только ты смотри не наболтай глупостей, держи ухо востро.

Карликъ закивалъ головою „ладно молъ, не учите—самъ знаю“.

Кутайсовъ пошелъ докладывать.

Въ этотъ день Павелъ Петровичъ дѣйствительно былъ очень не въ духѣ, но умный Кутайсовъ, зная его ха-

рактеръ, разсудилъ, что пожалуй такой нежданный, странный визитъ произведетъ хорошее впечатлѣніе.

Такъ оно и вышло.

Цесаревичъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, окруженный книгами, ландкартами, планами. Онъ чертилъ что-то, дѣлалъ какія-то вычисленія, былъ углубленъ въ мечтанія относительно того, что должно быть и чего нѣту, но что когда-нибудь пожалуй и сбудется, коли будетъ на то милость Божія. За отсутствіемъ дѣйствительной, живой дѣятельности, онъ ушелъ въ дѣятельность фантастическую: это была безплодная мучительная работа, которая наполняла многіе часы унылыхъ дней его.

Увидѣвъ передъ собою Кутайсова, Павелъ оторвался отъ работы и сердито, крикливо спросилъ его:

— Еще что?.. Чего тебѣ надо?.. Какъ смѣешь ты являться, когда я занятъ?..

Но Кутайсовъ не смутился, онъ уже давнымъ давно привыкъ къ характеру своего благодѣтеля и къ его вспышкамъ.

— Ваше высочество, васъ карликъ спрашиваетъ.

— Карликъ?

— Да.

— Ты съума сошелъ, какой тамъ карликъ! Что ты, смѣешься что-ли надо мною!?.

— Карликъ изъ чужихъ краевъ, отъ господина Горбатова.

Павелъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Зови этого карлика, проговорилъ онъ.

Кутайсовъ увидѣлъ, что бури не будетъ, что наступаетъ затишье.

„Вишь вѣдь какъ онъ любитъ этого Горбатова, подумалъ онъ. Ну да что-же, отчего и не любить хорошаго человѣка“!

Онъ торопливо ввелъ Моську въ кабинетъ цесаревича, а самъ вышелъ и заперъ двери.

Карликъ сталъ быстро раскланиваться со всѣми пріемами стараго царедворца, усвоенными имъ еще при дворѣ государыни Елисаветы Петровны, но вдругъ почувствовалъ приливъ душевнаго волненія и, забывая свои пріемы, просто, по русски, палъ ницъ передъ великимъ княземъ и заплакалъ.

Комичная фигурка карлика, смѣшная манера, съ которой вошелъ онъ и потомъ этотъ внезапно явившійся порывъ произвели на Павла самое лучшее впечатлѣніе: недавняго его раздраженія какъ ни бывало, напротивъ того, что часто съ нимъ случалось, онъ теперь вдругъ сдѣлался спокоенъ и ласковъ.

— Встань, крошка, сказалъ онъ мягкимъ голосомъ.

Моська вскочилъ, поднялъ на него свое заплаканное, растроганное лицо и шепталъ дрожащими губами:

— Батюшка ты нашъ... красное наше солнышко!.. привелось моимъ старымъ глазамъ тебя видѣть!..

Павелъ улыбнулся и протянулъ ему руку. Карликъ сталъ цѣловать ее, моча своими слезами.

Павелъ все улыбался не то грустно, не то радостно. Онъ дорожилъ такими искренними проявленіями чувства къ нему: не часто приходилось ему ихъ видѣть.

— По какому дѣлу? наконецъ спросилъ онъ.

— А вотъ, государь, батюшка, вотъ, ваше императорское высочество, о Сергѣѣ Борисычѣ доложить нужно вашей милости...

— Такъ говори, что съ нимъ такое случилось...

Цесаревичъ сѣлъ къ столу и приготовился слушать карлика. Тому только этого и было нужно: какъ маленькій, дребезжащій колокольчикъ полился потокъ его рѣчи. Онъ выложилъ передъ цесаревичемъ всю свою душу, передалъ ему всѣ свои страхи и ужасы, разсказалъ о мерзостяхъ содома, Парижемъ именуемаго, о грѣхѣ и погибели „дитяти“, о княгинѣ Татьянѣ Владиміровнѣ. Онъ говорилъ какъ старая нянька, явившаяся передъ отцомъ порученнаго ей ребенка, который надѣлалъ много бѣдъ и долженъ былъ предстать передъ судомъ родительскимъ. Онъ и обвинялъ и оправдывалъ „дитю“, просилъ пожурить его хорошенько, наказать даже, но затѣмъ и помиловать, ибо дите неразумное попало въ когти дьяволу и больше не своей вольной волею, а наважденіемъ грѣхъ взяло на душу и провинилося.

Послѣ этой бесѣды, Павелъ почувствовалъ, что полюбилъ этого смѣшнаго карлика, будто зналъ его долгіе годы, почувствовалъ онъ также, что любитъ и „дитю“. Пуще всего заинтересовался онъ судьбою княжны Татьяны Пересвѣтовой, образъ которой выступилъ во всей своей чистотѣ и прелести изъ довольно безпорядочныхъ, горячихъ рѣчей карлика.

Онъ сидѣлъ задумавшись, опершись объ руку головою и не замѣчалъ, что карликъ давно уже молчитъ и глядитъ на него вопросительно, съ волненіемъ и трепетомъ ожидая отъ него рѣшенія, приговора.

Наконецъ Моська не вытерпѣлъ:

— Какъ-же, ваше императорское высочество? проговорилъ онъ, заглядывая въ глаза цесаревичу. Какъ-же теперь быть намъ въ такихъ горькихъ бѣдахъ?

Павелъ очнулся.

— Такъ вотъ что, сказалъ онъ — не полагалъ я что за твоимъ господиномъ такія дѣла водятся, не ждалъ я отъ него этого, думалъ, онъ умнѣе. А коли таковъ онъ, такъ я и знать его не хочу, мнѣ такихъ не надобно.

Карликъ такъ весь и встрепенулся и замахалъ ручонками.

— И, что вы, что вы, всемилостивый государь! Ради Создателя, не гнѣвайтесь! Божескую милость сдѣлайте простите! Оно точно, не ладно все это Сергѣй Борисычъ сдѣлалъ, да Богъ дастъ исправится и вотъ, какъ передъ Истиннымъ говорю, ужъ теперь-то онъ не таковъ, ужъ потерпѣлъ наказаніе... вѣдь жалко на него глядѣть было, какъ прощался съ княжною... Осталась-бы она — и все было-бы ладно, да съ ней тоже ничего не подѣлаешь, тоже вдругъ это гордость взялась у нея... уговаривалъ я ее,—нѣтъ, и слушать не хочетъ!.. А чтобы за его вину, да ваше императорское высочество отъ него отступились, нѣтъ, это... это не ладно!..

— Это и вамъ грѣхъ будетъ! вдругъ крикнулъ карликъ внѣ себя. Нѣтъ, того быть не можетъ! Кабы знали вы, государь, какъ онъ любитъ васъ, какой онъ слуга вѣрный вамъ былъ и будетъ до скончанія дней своихъ!.. да нѣтъ, это вы такъ, вы изволили только попугать меня... не могу тому вѣры дать, не отступитесь вы отъ него!

Павелъ глядѣлъ на карлика и опять улыбался.

— Ну, коли не вѣришь, такъ и Богъ съ тобой, не вѣрь—оно и точно, отступиться отъ него, я не отступлюсь, только Боже тебя сохрани и избави ему заикнуться о нашемъ разговорѣ. Я отпишу ему и пошлю письмо съ тобою, а покуда слушай: я хочу видѣть княжну, хочу познакомиться съ нею.

— Вотъ это самое лучшее, обрадованно взвизгнулъ карликъ. Когда-же прикажете... что прикажете сказать имъ?

Цесаревичъ задумался.

— Это я безъ тебя рѣшу и устрою, только какъ онѣ сюда ко мнѣ поѣдутъ и ты будь съ ними.

— Слушаю-съ, ваше императорское высочество, да наградитъ васъ Богъ за доброту вашу. Камень тяжелый сняли вы съ меня, теперь не такъ ужъ мнѣ тошно будетъ возвращаться къ бусурманамъ — знать буду, что сердечное дѣло наше вы подъ свое покровительство взять изволили. Теперь ужъ дурнаго ничего быть не можетъ!..

— Надѣюсь и желаю, проговорилъ Павелъ. Добра имъ желаю и буду радъ ежели устрою ихъ соединеніе. Прощай, любезный, вскорѣ еще увижусь съ тобой, къ тому времени и письмо твоему господину приготовлю.

И опять цесаревичъ милостиво допустилъ къ рукѣ своей карлика и ласково кивнулъ ему головою, когда тотъ выходилъ отъ него.

(До слѣд. №).

На Пасху. Силуэты Н. Н. Каразина, грав. Флюгель.

Во время бури.

Романъ

М. Iокая.

(Продолженіе).

XXXII.

Чья возьметъ.

Слухъ о подвигахъ Корнеля скоро достигъ и графа и Иллавая. Графъ былъ не мало озабоченъ. Онъ пошелъ къ дочери.

— Пальма, намъ надо ѣхать въ Вѣну.

— Всю зиму мы провели здѣсь, а теперь, когда сезонъ въ Вѣнѣ уже оканчивается, мы поѣдемъ туда? Зачѣмъ?

— Послѣдній придворный балъ еще не былъ.

— Что же мнѣ-то до этаго?

— Пальма, отъ тебя не хочу скрывать опасности. Еслибы Опатовскій ограничивался только ухаживаніемъ за кордебалетомъ и т. п., то конечно, все это были бы пустяки, но онъ попался въ сѣти опасной интриганки, интриганки, которая ищетъ не одного только состоянія своихъ обожателей. Она желаетъ больше—она отдаетъ свою красоту только въ обмѣнъ на обручальное кольцо, и именно—обручальное кольцо твоего жениха. Женщина эта—пресловутая Аталанта.

— И изъ-за этого я должна ѣхать теперь въ Вѣну?

— Да.

Молодая дѣвушка горько засмѣялась.

— Я виновата, знаю это, но не ожидала, что буду наказана такъ скоро и такъ жестоко! Я не думала, что мнѣ придется унизиться до того, чтобы оспаривать своего жениха у канатной плясуньи! Никогда еще Теметвени не испытывали такого оскорбленія! я должна начать борьбу съ Аталантой! и яблоко раздора—Корнель Опатовскій! Боже мой!

— Да, ты права, но все же надо, надо ѣхать и вернуть Корнеля.

— Хорошо. Жду вашихъ приказаній: когда ѣхать намъ и какія взять съ собой брилліанты и наряды! Я понимаю всю важность дѣла и буду слѣдовать вашимъ совѣтамъ. Я явлюсь на поединокъ во всеоружіи. Пусть рѣшатъ тогда—которая изъ насъ двухъ сильнѣе и искуснѣе.

Но графиня Пальма вышла на этотъ женскій турниръ не одна: у нея оказались могущественные союзники. Баронъ Корнель не успѣлъ еще оправиться, какъ получилъ отъ командовавшаго войсками въ Богеміи длинную, предлинную бумагу, которою предписывалось ему немедленно же явиться въ полкъ, въ качествѣ резервнаго офицера. А съ этимъ ни спорить, ни шутить нельзя! Опатовскій подумалъ про себя, что вѣроятно дѣла въ арміи совсѣмъ идутъ дурно, если ужь и въ немъ нуждаются. Натянувъ опять свой уланскій мундиръ, онъ поѣхалъ прощаться съ Аталантой: при этомъ онъ увидѣлъ, какъ на милыхъ ему глазахъ задрожали двѣ крупныя слезы. Молодые люди обѣщали прилежно писать другъ другу.

Полкъ Корнеля стоялъ въ Прагѣ. Однажды полковой командиръ, потребовавъ его къ себѣ, объявилъ ему, что на слѣдующей недѣлѣ въ императорскомъ дворцѣ будетъ балъ, на который отъ каждаго полка приглашены по два офицера. Баронъ Опатовскій ѣдетъ отъ своего полка и ему дается недѣля отпуска.

Корнель выѣхалъ въ ту же ночь. Всю дорогу онъ злился на то, что поѣздъ идетъ слишкомъ медленно и, съ каждой станціи, отъ скуки, телеграфировалъ Аталантѣ о своемъ пріѣздѣ. Ему и въ голову не могло придти, что привратникъ, котораго изъ-за этихъ депешъ будили цѣлую ночь, съ досады клалъ ихъ себѣ подъ подушку и засыпалъ еще крѣпче. Наконецъ поѣздъ прогрохоталъ подъ сводами Вѣнскаго дебаркадера. Корнель выглянулъ въ окно, чтобы видѣть—ждетъ ли его кто нибудь.

Конечно его ждали.

Но не та, кого онъ хотѣлъ бы видѣть тамъ, а тотъ, о существованіи кого онъ совсѣмъ уже позабылъ а именно милый, ласковый графъ Теметвени.

Они чрезвычайно обрадовались одинъ другому: обнялись и нѣсколько разъ поцѣловались.

— Я пріѣхалъ для придворнаго бала.

— И мы тоже приглашены на этотъ балъ.

— Ахъ, вѣдь это отлично! Долго пробудете здѣсь?

— Недѣлю.

— Что вы? Вѣдь и я тоже останусь недѣлю. Гдѣ вы остановились?

— Да гдѣ же иначе, какъ не въ своемъ домѣ? Развѣ вы не знаете отель Теметвени здѣсь?

— Ахъ, да, да, конечно! Pardon!

— Тамъ и для васъ приготовлено мѣсто: вамъ отведенъ отдѣльный флигель. Мы, вѣдь, не чужіе теперь.

Корнеля передернуло.

— Извините... но... у... меня есть тутъ свой отель. Кацуръ управляетъ имъ...

Графъ сдѣлалъ серьезную мину и пожалъ плечами.

— Какъ, милый Корнель, вы развѣ не знаете, что произошло съ вашимъ домомъ?

— Что такое? развѣ сгорѣлъ?

— Хуже! Вы пропустили второй срокъ взноса платы за домъ и онъ возвращенъ прежнему владѣльцу.

— Но вѣдь я заплатилъ 100 тысячъ гульденовъ.

— Они пропали—такъ было условлено въ договорѣ.

— Кацуръ ничего не писалъ мнѣ объ этомъ.

— Конечно нѣтъ, и не могъ писать, потому что его выслали изъ столицы какъ не имѣющаго занятій.

Корнель стоялъ какъ пораженный громомъ. Графъ ободрительно похлопалъ его по плечу.

— Ну, стоитъ вамъ огорчаться изъ-за какой нибудь сотни тысячъ гульденовъ, а съ другими, вѣдь, бываетъ это; только напередъ поручайте составлять ваши договоры людямъ болѣе надежнымъ. Выбросьте же себѣ изъ головы эти пустяки и поѣдемте къ намъ. Пальма тоже здѣсь.

Никогда еще Опатовскій не чувствовалъ себя такъ плѣнникомъ, какъ теперь. Прощай, Аталанта!

Графъ взялъ его подъ руку и повелъ въ карету, украшенную гербами, усѣвшись самъ на край его шинели. Значитъ отсюда можно будетъ выдти не прежде, чѣмъ подъѣхавъ къ дому Теметвени. Вотъ и домъ этотъ.

— Положимъ отсюда-то я удеру, подумалъ юный баронъ.

Но онъ скоро увидѣлъ, что ошибался.

Едва устроился онъ въ своемъ новомъ апартаментѣ, состоявшемъ изъ трехъ комфортабельно убранныхъ комнатъ, какъ къ нему вошелъ камердинеръ и подалъ на серебряномъ подносѣ цѣлый ворохъ писемъ. То были различныя приглашенія и приказы, на всю недѣлю. Вопервыхъ—предписаніе явиться по начальству, затѣмъ—приглашеніе отъ оберъ-гофмейстера на придворный балъ и отъ оберъ-шталмейстера на карусель и на репетиціи: далѣе—общее предписаніе всѣмъ офицерамъ въ такой-то день, собраться для привѣтствованія прибывшаго въ Вѣну фельдмаршала Радецкаго, приглашеніе къ парадному пріему у новаго турецкаго посланника, циркулярное предписаніе офицерамъ всю недѣлю, съ вечера и до самаго утра, находиться дома, такъ какъ ожидается репетиція ночной тревоги: каждый долженъ заранѣе знать въ которую изъ казармъ долженъ будетъ идти. Засимъ, еще—приглашеніе на танцовальный вечеръ, съ концертомъ, къ англійскому посланнику, приглашеніе на лекцію, которую прочтетъ полковникъ баронъ Аугустинъ офицерамъ всѣхъ родовъ оружія и т. д. и т. д.

Какъ успѣть видѣть Аталанту? А тутъ еще у него сидятъ на шеѣ его родственники—Теметвени!

— Погодите! Я ужь что-нибудь да изобрѣту, вырвусь—таки! думалъ Корнель.

Когда онъ одѣлся, ему подали одинъ изъ экипажей Теметвени, чтобы ѣхать являться военному начальству.

— Ну—вотъ теперь можно будетъ и удрать!

Не тутъ-то было. Ему, вдругъ, какъ-бы нечаянно, попался на дорогѣ товарищъ, офицеръ, молодой графъ, родственникъ Теметвени по женской линіи, который немедленно-же потащилъ его къ распорядителю каруселя; тамъ онъ записалъ его и выбралъ для него лошадь.

Дама у него уже была—конечно, графиня Пальма. Потомъ, оказалось необходимымъ условиться съ Пальмой о костюмѣ.

Встрѣча была чрезвычайно дружелюбная, оба были очень рады свидѣться.

— Не будетъ ваш дядя Иллавай?

— Пожалуй, еще не былъ-ли онъ влюбленъ въ васъ! Что вы интересуетесь имъ?

— Мы были очень расположены другъ къ другу.

— Вотъ что!! Задамъ-же я ему!

— Очень дурно поступили-бы. Мы многимъ обязаны ему. Онъ избавилъ насъ отъ большой опасности, рискуя собственной жизнью. Вы, въ особенности, должны быть благодарны ему. Два раза спасъ онъ васъ отъ смерти.

Одушевленіе, съ которымъ Пальма говорила, подѣйствовало и на ея собесѣдника. Сердце Корнеля было мягко какъ воскъ и легко поддавалось всякому новому впечатлѣнію.

— Вы правы, милая Пальма, произнесъ онъ цѣлуя ея руку. Вы—мой добрый ангелъ. Видите, я вовсе не дурной человѣкъ. Позвольте мнѣ васъ очень, очень любить.

— Мы соединяемся-же навсегда.

Графиня продолжала успѣшно играть роль нѣжной, любящей невѣсты и, понемногу, снова завладѣла своимъ безхарактернымъ женихомъ. Молодая дѣвушка пустила въ ходъ все, что могло производить на него впечатлѣніе. Она рѣшилась бороться съ соперницей—героиней цирка—ея-же оружіемъ: на карусели она оказалась не только самой граціозной, но и самой лучшей наѣздницей. Въ своемъ верховомъ костюмѣ Пальма казалась какимъ-то милымъ видѣніемъ.

Влюбившись теперь въ свою невѣсту, Корнель совершенно охладѣлъ къ Аталантѣ. За нимъ уже не надо было присматри-

вать, онъ самъ постоянно торчалъ дома. Прямо съ разводовъ, съ какихъ-нибудь смотровъ, онъ спѣшилъ къ невѣстѣ, а на вечерахъ не отходилъ отъ нея ни на шагъ, подчинившись ей во всемъ какъ ребенокъ.

Пальма ясно видѣла свое полное торжество. А тамъ еще предстояло главное, piecé de resistance. Эффектъ, который она, въ присутствіи Корнели, произведетъ на придворномъ балѣ!..

Трудно на словахъ передать все великолѣпіе придворнаго бала въ вѣнскомъ императорскомъ замкѣ.

Вы видите предъ собою ярко освѣщенную сплошную массу въ три тысячи приглашенныхъ, изъ которыхъ каждое третье лицо - магнатъ, каждое десятое—генералъ, каждое пятидесятое—бывшій, настоящій или будущій министръ и только каждый пятисотый — вашъ знакомый.

Цѣлый калейдоскопъ національныхъ костюмовъ, военныхъ и статскихъ шитыхъ мундировъ, среди которыхъ черный фракъ похожъ на муху, попавшую въ супъ. Но мы не будемъ вдаваться въ область придворнаго хроникера.

Корнель въ восторгѣ. Съ нимъ такъ внимательны и любезны. Онъ опустился на табуретъ около невѣсты. Между дамами, сидѣвшими тутъ-же, начался разговоръ о каруселн, о тѣхъ, кто принималъ участіе въ немъ.

Одной изъ разговаривавшихъ циркъ больше нравится, чѣмъ карусели. Разъ заговоривъ о циркѣ — заговорили и объ Аталантѣ. Другая дама нашла, что здѣсь неприлично и произносить подобное имя. Но третья взяла ее подъ свое покровительство. По ея мнѣнію, Аталанта—артистка, а объ искусствѣ можно говорить всюду.

— Да, но о какомъ искусствѣ? возразила четвертая, все это до такой степени непристойно, что при Меттернихѣ, конечно, не было-бы даже дозволено!

Одинъ молодой офицеръ горячо принялъ сторону наѣздницы. Ея игра — идеально-прекрасна, и самая строгая чопорность не можетъ найдти въ ней ни малѣйшей непристойности.

Всѣ дамы единодушно напустились на него. Атакованный офицеръ сдѣлалъ промахъ, начавъ утверждать, что Аталанта дѣвушка безупречнаго поведенія. Ну, ужь это было слишкомъ.

Одна изъ атаковавшихъ объявила, что Аталанта была выслана изъ Петербурга. Объ этомъ, вѣроятно, извѣстно русскому посланнику! Но его нельзя было теперь нигдѣ найдти.

Подъ руку попался одинъ изъ attachés. Онъ обязанъ разрѣшить вопросъ. Что ему извѣстно достовѣрнаго объ Аталантѣ? Она добродѣтельная дѣвушка или нѣтъ?

Attachés вывернулся чисто по дипломатически. Ему неизвѣстно — добродѣтельна-ли, или недобродѣтельна она, но онъ знаетъ навѣрное, что она—непревзойденный прелестный юноша! Петербургъ ей пришлось оставить именно потому, что обстоятельство это открылось...

Во время этого разговора Пальма должна была сидѣть тутъ, дѣлая видъ, что ничего не понимаетъ и очень заинтересована перешептываньемъ съ своимъ женихомъ. Она шептала ему о томъ—какъ теперь, вѣроятно, уже хорошо тамъ, на Комо и въ той виллѣ, гдѣ они проведутъ весну: и ни одна черта ея лица не выдала того мученья, какое испытывала она при мысли объ этомъ пребываніи на Комо съ Опатовскимъ. Корнелю было жарко. Пальма кокетливо протянула ему свой вѣеръ.

— А вы, графиня, не видали еще этотъ феноменъ? вдругъ обратилась къ ней одна изъ дамъ.

— Кого? спросила молодая дѣвушка, какъ-бы не понимая.

— Донну Аталанту.

— Нѣтъ еще, не случилось.

— А! непремѣнно посмотрите! Это — демонъ а не женщина. Какъ разъ завтра она показываетъ „Португальскій бой быковъ“. Это — великолѣпное зрѣлище.

— Хорошо, я поѣду. А вы, спросила она Корнеля, будете въ нашей ложѣ?

— Не знаю. — именно завтра вечеромъ, баронъ Аугустинъ читаетъ намъ свою лекцію, на которой обязаны собраться всѣ офицеры.

Въ этомъ отвѣтѣ Корнель выказалъ столько такта и ума, сколько еще никогда ему не случалось въ жизни. Ему, ни подъ какимъ видомъ, не хотѣлось своимъ присутствіемъ указать Аталантѣ—кто соперница ея и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотѣлось этого нѣмаго столкновенія между тою, которой онъ измѣнилъ и ея счастливою соперницею, какъ будто пріѣхавшею хвастаться передъ нею своимъ торжествомъ, насмѣяться надъ ея головоломнымъ искусствомъ.

Графиня Пальма охотно приняла-бы извиненіе Корнеля, но она почувствовала все коварство своихъ пріятельницъ. Она замѣтила скрытую улыбку и многозначительный взглядъ, которыми онѣ обмѣнялись и ей захотѣлось похвастаться своимъ торжествомъ. Въ побѣдѣ она была увѣрена заранѣе!

— Вы можете съ лекціи пріѣхать въ циркъ. Аталанта выйдетъ подъ конецъ спектакля.

— Хорошо, я пріѣду.

Пріятельницы перестали улыбаться и заговорили о всемірной выставкѣ, но каждая рѣшила про себя непремѣнно тоже быть въ циркѣ: вдвойнѣ будетъ интересно.

Никогда еще не собиралась такая блестящая публика любоваться Аталантою, появлявшейся, какъ было извѣстно, въ послѣдній разъ. Пальма сидѣла въ ложѣ съ своей теткой, княгиней Малиновской.

Раздалась музыка, и опять показалась дива подъ руку съ гидальго. Ее привѣтствовали оглушительныя рукоплесканія.

Не обратись на нихъ ни малѣйшаго вниманія, она продолжала, по своему обыкновенію, обходить арену, пристально разсматривая дамъ.

Чтобы лучше видѣть, графиня Пальма приподняла свою вуалетку. Первая дрожь пробѣжала въ ту же минуту, по всему тѣлу акробатки. Она узнала свою соперницу. Еще-бы не узнать: ей слишкомъ часто и много говорили объ этихъ бѣлокурыхъ локонахъ, объ этомъ прекрасномъ, алебастровомъ лицѣ и черныхъ бровяхъ, изогнувшихся дугой надъ чудными глазами.

Аталанта гордо проходитъ мимо. Опатовскій усѣлся около дамъ и между ними завязался оживленный разговоръ. Повидимому, у него есть много кое о чемъ порасказать. Бой быковъ нисколько не интересенъ для него — вѣдь онъ такъ часто видѣлъ все это! Самая обыкновенная комедія, и больше ничего.

А Аталанта не можетъ оторваться отъ ихъ ложи. Она взволнована, движенія ея не такъ быстры какъ всегда, они неувѣренны; артистка даже дѣлаетъ ошибки. Уже одинъ разъ гидальго пришлось оттолкнуть ее въ сторону, не то быкъ проткнулъ-бы ее своими рогами.

Наступаетъ сцена со шпагой и краснымъ плащемъ.

— Шш! Шш! Тише! крикнуло нѣсколько голосовъ изъ публики слишкомъ громко разговаривавшей ложѣ.

Теперь не только не надо разговаривать, дохнуть нельзя!

Пальма, сдѣлавъ знакъ Корнелю, чтобы онъ молчалъ, взяла свой бинокль и направила его на Аталанту.

Акробатка почувствовала на себѣ этотъ взглядъ, онъ будто жегъ ея лицо. Вотъ скоро та минута, когда ей предстоитъ совершить обходъ вдоль ложъ.

Красный плащъ взвился въ воздухѣ и быкъ съ ревомъ кинулся на прелестнаго пикадора! Но, на этотъ разъ, Аталанта, вмѣсто того, чтобы бросить плащъ и шпагу и схватить животное за рога — быстро вонзила ему лезвіе въ шею. Быкъ повалился на песокъ, обливаясь кровью. Этого въ афишѣ не стояло. Зрители ахнули отъ отвращенія и испуга, наѣздники, клоуны и акробаты подбѣжали къ мѣсту неожиданной катастрофы. А Аталанта, отсалютовавъ своей соперницѣ окровавленною шпагою, медленно ушла съ арены, кутаясь въ плащъ.

Всеобщая сумятица. Дамы кричатъ, нѣкоторыя попадали въ обморокъ, завизжали дѣти; публика спѣшила протѣсниться къ выходу. Никакихъ овацій, букеты остались неброшенными; всякій смутно угадывалъ, что произошла какая-то трагедія.

Пальма почувствовала себя дурно. Опатовскій едва довелъ или скорѣе донесъ ее до кареты. Сегодня они не будутъ пить чай вмѣстѣ.

Онъ пошелъ къ своему экипажу. Но, въ эту минуту, кто-то схватилъ его за плечо. Знакомое лицо - Кацуръ!

— Ты тоже здѣсь?

— Съ вашего милостиваго разрѣшенія, а нѣтъ — такъ и безъ онаго. Ну-съ, добрый господинъ мой — вы меня отлично пристроили.

— Да, тебя куда-то выслали...

— Цадема меня выручилъ, по его ходатайству и вернули меня.

— На представленіи былъ ты?

— Да оно еще и теперь продолжается. Вы, развѣ, не понимаете, что сегодня бенефисъ вашъ?

— Слушай — можно мнѣ какъ-нибудь видѣть Аталанту, переговорить съ ней?

— Да проводите ее, какъ всегда, когда она возвращается пѣшкомъ домой.

— Останься со мной.

— Пока вамъ не будетъ угодно велѣть выпроводить меня?

— Я тебя больше уже не отпущу отъ себя, чтобы тамъ ни говорили они.

— Увидимъ, увидимъ.

Въ этотъ вечеръ Аталанта вышла очень скоро. Сегодня она не завертывалась въ мокрыя простыни: но, по обыкновенію, была одѣта въ мужской костюмъ, къ ней необыкновенно шедшій.

Корнель преградилъ ей путь, пока Кацуръ остановилъ гидальго.

— Что надо вамъ отъ меня? сверкнувъ глазами, спросила дѣвушка.

— Простите меня, богиня.

— Я должна простить вамъ, что вы унизили меня, что вы обманули меня? что вы отдали меня на посмѣшище? или что вы разбили сердце мнѣ, что привели сюда вашу невѣсту: пусть видитъ свою побѣжденную соперницу и презираетъ ее? Вы видѣли, что я сдѣлала?

— Богиня — и все поправлю, я заплачу за все...

— Что такое?! Вы не понимаете что говорите! Я заколола моего бѣднаго любимца, мою гордость! моего единственнаго друга! Теперь — кончено! Я — больше не комедіантка! Больше меня не увидятъ въ циркахъ. Я — такая-же дама, какъ и другія, такая-же графиня, какъ и она. И прошу помнить, что мои предки входили къ королямъ съ покрытой головой, въ то время, когда предки ея пасли своихъ лошадей въ Азіи!

Безкровная жертва. Съ карт. И. Фукса, грав. Гильдебрандъ.

Мимоходомъ. Сценка изъ древне-греческой жизни. Э. Тишендорфа, грав. Бренд'Амуръ.

— Выслушайте меня, Аталанта, погодите, не убѣгайте отъ меня, клянусь вамъ, что никого не люблю такъ, какъ васъ. Я безумно обожаю васъ. Я отдалъ вамъ мою душу и не могу уже взять ее назадъ. Но поймите меня — отъ этой женитьбы зависитъ вся будущность, вся карьера моя. Положеніе, состояніе — все связано съ этимъ, и если я разорву эти цѣпи, то всѣ они, кто теперь помогаетъ мнѣ возвыситься, всѣ они соединятся, чтобы уничтожить меня!

Аталанта, какъ ни была взволнована, но все-таки, замѣтила, что, за это короткое время, кто-то научилъ Корнеля благоразумію.

— Такъ что-же вы имѣете сказать мнѣ еще, сеньоръ?

— Дѣлайте со мной, что хотите, я не могу сдѣлаться вашимъ повелителемъ, но буду хоть вашимъ шутомъ!

— Ха, ха, ха!

Они вошли на мостъ Фердинанда, соединявшій Леопольдштадтъ съ главною частью города. Прохожихъ еще было много и имъ пришлось идти тутъ довольно медленно.

— Такъ вамъ, просто на просто, угодно одну взять себѣ въ жены, и другую — въ любовницы?

Корнель молчалъ.

— Остановитесь здѣсь. Мнѣ надо сказать вамъ кое-что.

Они были на самой серединѣ моста.

— Вы хотите стать ея господиномъ и быть моимъ шутомъ — хорошо я согласна. Женитесь на этой дѣвушкѣ, пусть она будетъ вашей женой. Но я — я отдамся вамъ только въ тотъ день, когда вы, на самомъ дѣлѣ покажете, что вы мой шутъ, когда, изъ любви ко мнѣ, вы надѣнете шутовской нарядъ, какъ я, и выйдете, подобно мнѣ, въ циркѣ, при свѣтѣ огней, при всей публикѣ. Скажите — да, и можете идти со мной, если нѣтъ — го возвращайтесь назадъ. Торопитесь, я не могу долго ждать.

Опатовскій, неожиданно, при всѣхъ прохожихъ, охватилъ ее обѣими руками и страстно поцѣловалъ.

Дѣвушка, въ ужасѣ, вырвалась изъ его объятій.

— Если бъ... другой... сдѣлалъ... это, дрожащимъ голосомъ проговорила она — я бы убила его, но это вы и, поэтому, я убью себя...

И, во мгновеніе ока, перескочивъ черезъ перила моста, она исчезла подъ темнѣвшей поверхностью рѣки. Прохожіе, бывшіе очевидцами этой сцены, раздраженной толпой обступили Опатовскаго: юноша инстинктивно опустивъ руки въ карманы, вынулъ банковые билеты и разбросалъ ихъ вокругъ себя. Нападающіе моментально присѣли на землю подбирать банкноты, а Опатовскій улизнулъ, черезъ переулокъ, въ свой экипажъ, и оттуда громко крикнулъ:

— Спасите ее — сто тысячъ гульденовъ тому, кто вытащитъ ее!

Кучеру онъ велѣлъ тихимъ шагомъ ѣхать вдоль берега, онъ видѣлъ, какъ со всѣхъ сторонъ отчалили лодки, чтобы искать утопленницу, какъ опускали багры въ воду и, наконецъ, какъ нашли ее и въ сопровожденіи большой толпы народа, понесли въ нанятый фіакръ.

Опатовскій поѣхалъ вслѣдъ за двигавшимся, шагъ за шагомъ, извозчикомъ. Красавицу внесли въ ея комнаты.

Подъѣхавъ къ домику Корнель остановился въ нерѣшительности — войдти, или нѣтъ?..

Въ эту минуту вышелъ изъ дома Кацуръ.

— Жива еще она? спросилъ Корнель.

— Не знаю, сейчасъ пріѣхалъ докторъ, спросите его. Она пробыла въ водѣ пять минутъ?

— Я пойду наверхъ, къ ней.

— Гидальго ухлопаетъ васъ.

— Иди, поговори съ нимъ, скажи ему, что онъ получитъ отъ меня пол-милліона.

Кацуръ пошелъ впередъ. Корнель — за нимъ.

Гидальго казался, дѣйствительно, взбѣшеннымъ и кричалъ во все горло, какъ изступленный. Извѣстно, что сильный испугъ творитъ иногда чудеса съ человѣкомъ. Бываетъ, что нѣмые начинаютъ говорить. Съ дономъ Мануэлемъ произошло еще большее чудо: онъ неожиданно заговорилъ по нѣмецки, прибирая самыя рѣзкія ругательства для убійцы своей дочери.

— Негодяй! поди сюда, взгляни на свое дѣло! Вотъ она! Убита тобой, моя дочь! послѣдняя изъ Пеларгоніевъ!

И онъ потащилъ Корнеля въ комнату Аталанты. Дѣвушка лежала на постели, обнаженная, съ распущенными волосами, съ которыхъ струилась вода. Около нея хлопотали два доктора.

— Озолочу васъ — приведите ее въ чувство! воскликнулъ Корнель. Онъ опустился около дивной статуи, распростертой передъ нимъ, и началъ цѣловать ея ноги.

Гидальго, однако, поспѣшилъ оттащить молодаго барона, а то невзначай, онъ могъ, какъ нибудь, поцѣлуемъ пощекотать розовую пятку. Аталанта, пожалуй, не выдержала бы, и тогда фокусъ не удался бы.

Одинъ изъ докторовъ поднесъ къ губамъ дѣвушки зеркало а другой осторожно приподнялъ голову.

Лицо перваго вскорѣ озарилось улыбкой: поверхность зеркала слегка запотѣло, второй приложилъ ухо къ груди: сердце слабо билось. Аталанта спасена. Вотъ, она открыла глаза.

— Жива! вырвалось у Корнеля. И онъ хотѣлъ, было, броситься къ ней. Но, желѣзная рука Гидальго схватила его опять и повлекла изъ комнаты.

— Нѣтъ! Valga me Dios! Стой — если жива она, то вы должны умереть! Ты видѣлъ мою дочь обнаженною и послѣ того жить не можешь. Мы, испанцы, не шутимъ этимъ. Вотъ шпаги — мы оба дворяне, стыдъ этотъ смоется только кровью. Вотъ и сабли. Выбирай!

Но Корнель выбирать вовсе не имѣлъ желанія.

— Сеньоръ, проговорилъ онъ съ усиліемъ, позвольте мнѣ только сказать одно слово Аталантѣ, а потомъ, если хотите — убейте меня, я и защищаться не стану.

Онъ шепнулъ на ухо Гидальго то слово, которое хотѣлъ сказать Аталантѣ.

— А, ну это дѣло другое, буркнулъ тотъ и повѣсилъ сабли назадъ на стѣну.

Корнель подбѣжалъ къ Аталантѣ, которая теперь лежала закутанная въ шелковый плащъ. Онъ снова на колѣняхъ передъ нею.

— Я хочу быть твоимъ повелителемъ! твоимъ повелителемъ!

Красавица, съ улыбкой, положила ему на голову свою прелестную ручку.

— Чья возьметъ? Ея взяла!

Но по улицѣ затрещали вдругъ барабаны: грянулъ генералъ-маршъ — началась репетиція тревоги. Конные горнисты скачутъ по всѣмъ направленіямъ, громко трубя сборъ. Къ оружію! къ оружію! Но — пусть бьютъ барабаны всѣхъ армій на свѣтѣ. Корнеля никто уже отсюда не вытащитъ...

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Фіалки и лунный свѣтъ.

Разсказъ **Вента.**

Женщинамъ говорятъ часто, что онѣ ангелы и часто также онѣ не прочь поддержать такую репутацію. Старается иныя придать себѣ такой видъ, словно онѣ живутъ только запахомъ цвѣтовъ, соловьями и луннымъ свѣтомъ. Къ такимъ принадлежала и Лотти, прелестная дочка однихъ богатыхъ родителей, живущихъ хорошо и открыто. Имъ это позволяли средства и кромѣ того они очень желали выдать какъ можно лучше замужъ свою взыскательную, разборчивую дочку.

Къ прекрасному обѣду, данному родителями Лотти, былъ приглашенъ молодой сосѣдъ — помѣщикъ Ледловъ — имѣвшій серьезные виды на хорошенькую Лотти. Но такъ какъ родители этаго не подозрѣвали, то они усадили его довольно далеко отъ предмета его страсти, однакоже такъ, что молодые люди могли хорошо видѣть другъ друга. Съ лѣвой стороны Лотти помѣстился ея кузенъ, молодой Стенце, о которомъ говорили, что онъ ухаживаетъ за Лотти также съ серьозными намѣреніями. Это было дурное начало для Ледлова. Ему было крайне непріятно видѣть какъ соперникъ его ухаживалъ за дѣвушкой, и печаль свою онъ старался заглушить ѣдою и питьемъ. Уничтожая вино и жаркое, онъ то и дѣло поглядывалъ на молодую парочку и видѣлъ какъ кузенъ становился все оживленнѣе, а она — молчаливѣе, какъ тотъ постоянно ѣлъ, она же ни до чего не дотрогивалась — настоящій ангелъ!.. Наконецъ умолкъ и кузенъ и оба они въ замѣшательствѣ глядѣли въ тарелку.

Молодой Ледловъ сидѣлъ ни живъ ни мертвъ. Ну, подумалъ онъ, дѣло у нихъ слажено.

Послѣ обѣда онъ не могъ успокоиться и отозвавъ своего сосѣда въ курильную комнату, началъ его распрашивать о молодой парѣ.

— Онъ сдѣлалъ ей предложеніе, отвѣчали Ледлову, я сидѣлъ противъ нихъ и все слышалъ ясно.

У Ледлова сердце на минуту перестало совсѣмъ биться отъ страху.

— Счастливецъ! сказалъ онъ, ему достается такая прелестная жена.

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣтилъ тотъ, она ему отказала.

— Отказала! дѣйствительно ли отказала?

— Да, отказала потому, что онъ много ѣстъ, продолжалъ тотъ: Лотти не можетъ выносить мущинъ матеріалистовъ, она хочетъ имѣть такого-же поэтическаго мужа какъ она сама.

Ледловъ снова свалился на землю съ своего неба. Взволнованный и огорченный онъ ѣлъ гораздо болѣе Стенце, а все время она на него смотрѣла.

Сигара докурилась и опечаленный онъ умолкъ.

— И она ничего не ѣстъ? спросилъ онъ наконецъ робко.

— По крайней мѣрѣ очень мало, она питается только благоуханіемъ фіялокъ и луннымъ свѣтомъ, отвѣтилъ смѣясь сосѣдъ.

Вечеромъ старики усѣлись за карточные столы: молодежь отправилась къ дамамъ.

Около Клотильды былъ пустой стулъ; при входѣ Ледлова она оглянулась и ему по неволѣ пришлось сѣсть возлѣ нея.

— Обѣдъ вамъ показался вкуснымъ? были ея первыя слова, съ которыми она, смѣясь, обратилась къ Ледлову.

Молодой человѣкъ былъ какъ ошпаренный, но вдругъ его озарила счастливая мысль.

— Ну нѣтъ, не могу сказать, отвѣтилъ онъ.

Какъ? У васъ былъ такой аппетитъ!

Ледловъ посмотрѣлъ вокругъ себя, точно желая убѣдиться не подслушиваетъ ли его кто нибудь.

— Я ѣлъ только изъ вѣжливости, прошепталъ онъ.

Изъ вѣжливости? но въ отношеніи кого-же эта вѣжливость.

— Вашихъ уважаемыхъ родителей... Если гостямъ предлагаютъ такой прекрасный обѣдъ, какъ же огорчить хозяевъ, не дотрогиваясь до блюдъ.

Теперь дѣвушка посмотрѣла на него съ большимъ вниманіемъ: мужественная, красивая наружность его уже ранѣе нравилась ей.

— Значитъ вы обыкновенно не кушаете такъ много? спросила она.

— Совсѣмъ ничего, то есть почти совсѣмъ ничего.—только сколько нужно чтобы поддержать существованіе: чашку бульону, лѣтомъ пару рѣдисокъ, зимой какое нибудь англійское печенье и маленькая рюмка венгерскаго.

— И вы всегда здоровы?

О постоянно! Послѣ сегодняшняго обѣда я буду боленъ цѣлую недѣлю и лишенъ удовольствія видѣть васъ.

Къ вниманію теперь присоединилось уже сожалѣніе, а это много значитъ въ любви. Такъ было и здѣсь: молодой Ледловъ сталъ бывать все чаще и ѣлъ все меньше, потому что передъ всякимъ обѣдомъ, на который его приглашали, онъ наѣдался дома. Молодые люди томно смотрѣли другъ другу въ глаза, вздыхали и наконецъ Ледловъ сдѣлалъ предложеніе и былъ осчастливленъ согласіемъ нѣжной дѣвушки, а двоюродный братецъ Стенце, не отличавшійся мягкостью характера, злился и раздумывалъ о мщеніи.

Но такъ какъ ничто не подавало ему повода помѣшать предстоящему союзу, то бракъ совершился и эфирная супруга послѣдовала за своимъ не менѣе эфирнымъ мужемъ въ его имѣніе.

Здѣсь положеніе дѣлъ измѣнилось и природа стала заявлять свои права. И хотя это очень дурно, но перемѣнить этого нельзя. Молодая женщина, которая и прежде по секрету ѣла гораздо больше, чѣмъ старалась показать, отступила отъ своихъ ангельскихъ привычекъ, и стала проявлять человѣческія желанія,—словомъ сильно проголодалась—но не знала какъ удовлетворить голодъ.

Къ завтраку подавалась крошечная чашечка кофе съ маленькой булочкой, на обѣдъ—бульонъ и нѣсколько рѣдисокъ, а вечеромъ чай съ англійскимъ печеньемъ.

Дня два, и то съ большимъ трудомъ, еще можно было выдержать такую жизнь, но дольше силъ не было. Когда Лотти не въ состояніи была долѣе переносить голодъ, она стала пить и ѣсть втихомолку, при содѣйствіи своей горничной, которую посвятила въ тайну. Мужъ ея дѣлалъ тоже самое съ перваго же дня, посвятивъ въ тайну своего камердинера.

Лотти очистила въ буфетѣ маленькое мѣстечко, гдѣ стояли стаканы и рюмки и туда наложила разнаго кушанья, а супругъ ея устроилъ маленькій потайной шкапчикъ для кушанья у себя въ кабинетѣ. Конечно приходилось довольствоваться холоднымъ кушаньемъ, но все же лучше чѣмъ ничего. Оба не мало про себя дивились обоюдному воздержанію.

— Она все таже! думалъ молодой мужъ, невѣроятно, какъ человѣкъ можетъ такъ жить!

— Онъ дѣйствительно не ѣстъ ничего! размышляла молодая женщина, и при этомъ такъ здоровъ... это поразительно!

Такъ продолжалось цѣлую недѣлю. Вдругъ на восьмой день появился Стенце. Онъ не составилъ себѣ еще плана мщенія, но дома не находилъ покоя и думалъ: поѣду къ нимъ, тамъ навѣрное придумаю что нибудь.

Посѣщенія родственника были очень непріятны молодымъ супругамъ, но не принять Стенце не было возможности. Однако завидя его Ледловъ подумалъ: погоди же, ты у меня не засидишься; или уѣдешь завтра же, или я проморю тебя голодомъ.

Прибывшій къ вечеру Стенце былъ встрѣченъ очень радушно. Ты навѣрное, дорогой братъ, проголодался, сказалъ Ледловъ послѣ первыхъ привѣтствій, позволь пригласить тебя въ столовую.

— Вотъ и прекрасно, отвѣтилъ Стенце, ѣхалъ я восемь часовъ по желѣзной дорогѣ и полтора часа въ экипажѣ: и аппетитъ теперь у меня волчій.

Каково же было его удивленіе, когда онъ вошелъ въ столовую. На столѣ стоялъ только серебряный чайный приборъ, тарелочка съ печеньемъ, другая тарелочка съ рѣдисками, а въ серединѣ всего этаго прелестная ваза съ цвѣтами, распространяющими нѣжный сильный запахъ.

— О противный чай! подумалъ про себя Стенце, ненавижу его! Но вѣроятно послѣ подадутъ что нибудь мясное. Онъ выпилъ чашку чая и отказался отъ рѣдиски и печенья.

Но и послѣ не подавали ничего болѣе и несчастный Стенце легъ спать голоднымъ.

— Это неслыханная вещь! разсуждалъ онъ самъ съ собою въ отведенной ему комнатѣ, эти люди должно быть обѣдали очень поздно, и не обращаютъ вниманія, что другіе могутъ быть голодны. Попробую поскорѣе уснуть—будетъ же утренній завтракъ. Въ деревнѣ завтракъ—вещь прекрасная!.. вмѣстѣ съ кофе тутъ всякая всячина... яйца... горячая ветчина... вино...

Съ пріятными мыслями уснулъ онъ, но во снѣ испытывалъ муки Тантала: всю ночь онъ ѣлъ и все былъ голоденъ. Поутру, проснувшись, онъ моментально всталъ. Теперь онъ испытывалъ уже не только голодъ, но и судороги въ желудкѣ. Онъ одѣлся и сошелъ внизъ.

— Господа въ саду, сказалъ ему слуга. Дѣйствительно Стенце нашелъ ихъ тамъ.

Увидя его, любезные хозяева поспѣшили къ нему на встрѣчу.

— Доброе утро, дорогой братъ! сказалъ Ледловъ, держа въ рукѣ цвѣтокъ; посмотри на этотъ прекрасный голубой гіацинтъ, онъ чуть было не завялъ, но я спасъ его.

— Онъ спасаетъ цвѣты, подумалъ Стенце, а меня моритъ голодомъ.

— Ты увидишь самъ какъ мы тутъ счастливы, продолжалъ Ледловъ, притягивая къ себѣ Лотти, посмотри на насъ, ты видишь передъ собою людей дѣйствительно любящихъ другъ друга. Когда любишь, дорогой братъ, то требуешь такъ мало; пробѣгающая тучка, журчаніе ручейка—все это наполняетъ сердце невыразимымъ блаженствомъ. Мы слышимъ пѣніе соловья и отъ восторга у насъ выступаютъ слезы и съ рыданіемъ мы бросаемся другъ другу въ объятія.

— Чортъ знаетъ что такое! размышлялъ Стенце. Но все же я думаю, скоро будетъ завтракъ.

Молодая женщина во время рѣчи своего мужа тихо вздохнула. Какой чудный человѣкъ мой мужъ! думала она... Это сама поэзія! О, если бы онъ зналъ, какая у него прозаическая жена!

Въ то же время Ледловъ со своей стороны думалъ: Боже, если бы она знала, что я ѣмъ какъ добрый дровосѣкъ и что даже теперь мнѣ страшно хочется ѣсть.

Но что испытывалъ Стенце!

— Вы вѣроятно встали очень рано и уже успѣли позавтракать? спросилъ онъ нерѣшительно.

— О нѣтъ еще, отвѣтилъ хозяинъ, но объ этомъ мы такъ мало думаемъ. И если бы ты не напомнилъ намъ, мы бы еще дольше наслаждались чуднымъ запахомъ цвѣтовъ. Однако пойдемте, уже пора, а то испортимъ себѣ обѣдъ.

— Ну вотъ, подумалъ Стенце, наконецъ-то будетъ что нибудь существенное.

Но войдя въ столовую, онъ увидѣлъ китайскій кофейникъ, три крошечныя чашки, немногимъ больше наперстка и злополучную тарелку со вчерашнимъ англійскимъ печеньемъ. Послѣдняго ему не предложили, такъ что онъ получилъ только два глотка кофе.

Завтракъ тѣмъ и окончился и всѣ разошлись до обѣда.

Когда же вы обѣдаете? спросилъ уходя Стенце.

Въ два часа, но если это для тебя слишкомъ рано...

Нѣтъ, о нѣтъ! прервалъ его Стенце.

Но вы городскіе жители привыкли обѣдать такъ поздно.

Нѣтъ, нѣтъ, я обѣдаю еще раньше!.. До того времени быть можетъ я еще выдержу, добавилъ онъ мысленно: кто ѣстъ разъ въ день, вѣроятно ѣстъ хорошо.

Въ два часа—горькое разочарованіе: по чашкѣ бульона, земляника со сливками и по крошечной рюмочкѣ сладкаго венгерскаго.

— Меня радуетъ, ты хорошо свыкаешься съ нашимъ скромнымъ образомъ жизни, сказалъ Ледловъ, не правда-ли? мы въ такомъ поэтическимъ настроеніи!

— Если это такъ, однако, продолжится, я умру до завтра, подумалъ Стенце, не отвѣчая на вопросъ.

Послѣ обѣда съ отчаянія онъ ушелъ гулять. На дорогѣ онъ встрѣчаетъ горничную. Послушай, милая, говоритъ онъ ей, я дамъ тебѣ золотой, но принеси мнѣ хоть кусокъ бифтекса.

Горничная пожала плечиками. Очень жаль, отвѣтила она, но у насъ бифтекстовъ не водится.

Пойду въ огородъ, подумалъ Стенцель и хоть нарву моркови, у меня силъ нѣтъ ждать ужина, да и за ужиномъ вѣрно ничего тоже здѣсь не ѣдятъ.

Онъ увидѣлъ камердинера. Послушай, любезный, началъ снова Стенце, останавливая его, я дамъ тебѣ золотой за кусокъ хлѣба съ масломъ и сыромъ, но чтобы кусокъ былъ побольше.

Прошу извиненія, отвѣтилъ тотъ, но хлѣба съ масломъ и сыромъ у насъ вовсе нѣтъ въ буфетѣ.

Стенце мысленно посылалъ всѣхъ въ очень недобрыя мѣста.

— Нѣтъ, уѣду, рѣшилъ онъ, и тотчасъ. Недоставало еще умереть здѣсь съ голоду; поскорѣе прощусь и положу конецъ этимъ мукамъ.

Онъ быстро зашагалъ по корридору, направляясь въ кабинетъ Ледлова: на порогѣ онъ остановился въ остолбенѣніи.

Что онъ увидѣлъ? Ледловъ стоялъ въ кабинетѣ передъ открытымъ шкапикомъ, повернувшись спиною къ дверямъ и что-то усердно ѣлъ, наливая себѣ стаканъ отличнаго краснаго вина.

Пораженный Стенце повелъ носомъ. Боже — это бекасы! подумалъ онъ, отличные жареные бекасы!

Мученья голода стали невыносимы.

— Несчастный! воскликнулъ онъ глухимъ голосомъ, очутившись въ одинъ прыжокъ около Ледлова и хватая его за горло, дай мнѣ бекаса, иначе я... задушу тебя.

Ледловъ страшно перепугался, но потомъ оттолкнулъ родственника и захлопнулъ шкафъ.

Не получишь ни кусочка! крикнулъ онъ, если-же ты меня выдашь женѣ, я прострѣлю тебѣ голову!

И съ угрожающимъ жестомъ, держа въ рукѣ крылышко бекаса, вышелъ изъ комнаты.

Ну пѣть! подумалъ Стенце, я не боюсь твоихъ выстрѣловъ! Ага! мщеніе найдено?.. Этотъ лицемѣръ попался мнѣ! и Лотти еще пожалуй разведется съ нимъ и выйдетъ за меня замужъ!

Тотчасъ Стенце направился на половину Лотти.

Но, только-что онъ приподнялъ тяжелую портьеру, какъ остановился на порогѣ въ изумленіи. И было отчего! Молодая женщина, синной къ двери, сидѣла въ большомъ креслѣ и съ апетитомъ кушала хлѣбъ и холодное жаркое.

При шорохѣ портьеры она обернулась и отъ страха поблѣднѣла какъ полотно.

— Кузенъ, не выдавайте меня! зашептала она упавшимъ голосомъ. Но тотъ стоялъ не двигаясь. Къ чему было выдавать ее теперь? И мужу и женѣ не въ чемъ было упрекать другъ друга — слѣдовало только простить другъ другу обоюдную комедію.

Перепуганная кузина, все еще умоляюще смотрѣла на него а въ комнату какъ бомба влетѣлъ Ледловъ. Какъ только молодая женщина увидѣла его, она страшно вскрикнула и спрятала хлѣбъ съ масломъ въ карманъ своего лѣтняго свѣтлаго платья.

Ледловъ, не замѣтившій этого, метнулъ молніеносный взглядъ на Стенце, точно желая сказать: а, такъ ты все-же меня выдалъ? Несчастный, ты умрешь за это!

Лотти-же думая, что взглядъ этотъ относится къ ней, упала на колѣни и со сложенными руками потянулась къ мужу.

— Что это значитъ? спросилъ тотъ, я тебя не понимаю.

— Прости меня, милый! произнесла бѣдная женщина поблѣднѣвшими губами, о прости меня!

— Но въ чемъ, въ чемъ? что ты сдѣлала? Не тревожь меня — говори скорѣе. Что это у тебя за пятно на карманѣ платья?!

Лотти, сконфуженная, вытащила изъ кармана кусокъ хлѣба съ масломъ и держала его въ дрожащихъ рукахъ.

Ледловъ не вѣрилъ глазамъ своимъ.

Что? вскричалъ онъ, ты ѣшь?

Перепуганная Лотти кивнула робко головою.

— Съ тѣхъ... съ тѣхъ поръ какъ мы здѣсь?

Лотти подтвердила и это. Но вмѣсто того, чтобы бранить ее и Ледловъ упалъ передъ ней на колѣни.

— Прощаю тебѣ, сказалъ онъ, но прости ужь и ты меня!

Какъ? и ты, и ты также ѣлъ, проговорила она обрадованная.

— И какъ много, если-бы ты знала! послѣдовалъ конфузливый отвѣтъ, и пилъ также...

Мужъ и жена радостно обнялись.

— Арти! Лотти! О какже хорошо мы заживемъ теперь, какъ будемъ счастливы! Кончилась эта глупая комедія!

Оба схватили Стенце за руки и привлекли его къ себѣ. Добрый Стенце! говорили они, ему мы обязаны своимъ счастіемъ. При этомъ они оба цѣловали его.

— Вотъ такъ штука! думалъ тотъ, я какъ разъ сдѣлалъ наоборотъ тому что хотѣлъ, нечего дѣлать!

— Послушайте! проговорилъ онъ громко, вы-то ѣли втихомолку а я ничего не ѣлъ и если черезъ пять минутъ вы меня не накормите, со мною будетъ ударъ...

— Прости, сказалъ Ледловъ, я хотѣлъ тебя поморить голодомъ; но такъ какъ твой пріѣздъ сдѣлалъ насъ счастливыми, то я велю разогрѣть бекасовъ и кушай себѣ на здоровье!

Спустя четверть часа всѣ трое усѣлись за столъ, счастливые и довольные.

Вода и соли.

Очеркъ.

Всѣмъ извѣстно, что вода, взятая изъ различныхъ источниковъ, на пьющихъ ее дѣйствуетъ различно. Причина различнаго дѣйствія такой воды заключается въ соляхъ, которыя содержатся въ ней, хотя и въ незначительныхъ количествахъ.

Если прибавить нѣсколько капель мыльнаго раствора къ дистиллированной (перегнанной и не содержащей въ себѣ никакихъ солей) водѣ, то онѣ не произведутъ въ ней никакого измѣненія: при встряхиваніи этой дистиллированной воды, образуется обыкновенная мыльная пѣна въ большомъ количествѣ. Повторимъ этотъ-же опытъ съ водой, содержащей въ себѣ большее или меньшее количество извести, напримѣръ, съ колодезной. Отъ прибавленія мыльнаго раствора къ этой водѣ—тотчасъ же образуются въ ней бѣлые хлопья: при встряхиваніи, пѣны не получается. Это значитъ, что известь образовала съ жирной кислотой мыла нерастворимое соединеніе. Продолжая приливать мыльный растворъ, мы дойдемъ до такаго момента, когда хлопья перестанутъ образовываться и, при встряхиваніи, получимъ, наконецъ, мыльную пѣну. Такой моментъ не наступаетъ тѣмъ долѣе, чѣмъ больше извести содержитъ въ себѣ взятая вода. Такимъ именно способомъ опредѣляютъ *гидротиметрическую силу* воды.

Воды, гидротиметрическая сила которыхъ не превышаетъ 30° очень пригодны для стирки бѣлья; тѣ-же, гидротиметрическая степень которыхъ равна или больше 30 процентовъ,—не годятся для этой цѣли. Коль скоро для стирки бѣлья берутъ известковую воду, то, для полученія одного и того-же результата, нужно истратить тѣмъ больше мыла, чѣмъ больше содержится въ этой водѣ известковыхъ, сѣрнокислыхъ или углекислыхъ солей.

Такимъ образомъ, потребленіе мыла находится въ прямой зависимости отъ *жесткости* воды. Понятно, что присутствіе известковыхъ солей значительно увеличиваетъ издержки производства, при нѣкоторыхъ промышленныхъ предпріятіяхъ и, наоборотъ, уменьшаетъ ихъ при другихъ.

Подобно жирвымъ кислотамъ мыла, нѣкоторыя растительныя начала подвергаются дѣйствію известковыхъ солей. Такъ напримѣръ, *легуминъ* образуетъ съ сѣрнокислой известью (гипсомъ) нерастворимое соединеніе. Это азотистое вещество, имѣющее большое сходство съ казеиномъ молока, содержится въ большомъ количествѣ въ горохѣ и бобахъ. Вслѣдствіе этого, если варить эти овощи въ водѣ, заключающей въ себѣ сѣрнокислую известь, то они только затвердѣваютъ отъ нея. Такъ точно, всѣ известковыя воды крайне неудобны для варенія овощей.

Тоже самое замѣчается относительно чаю. Всѣмъ и уже давно извѣстно, что крѣпость чая зависитъ отъ воды, въ которой завариваютъ его, что чай тѣмъ труднѣе расходится, чѣмъ жестче вода. Найдено что вода, требующая 18 частицъ чая, при прибавленіи къ ней щавелевокислаго аммiака, дѣйствующаго на содержащуюся въ ней известь, довольствуется уже только 10 частицами чая. Найдено также что для приготовленія чая извѣстной крѣпости, нужно настаивать его десять минутъ въ известковой жесткой водѣ и только пять съ половиной—въ мягкой.

Во всемъ этомъ для общественной гигіены заключается такой-же интересъ, какъ и для домашней экономіи. Возьмемъ два стакана, — одинъ съ дистиллированной (перегнанной) водой, а другой съ обыкновенной, и положимъ въ каждый изъ нихъ по свинцовой, тщательно-отчищенной, пластинкѣ. Черезъ полчаса или часъ, мы замѣтимъ, что въ стаканахъ произошли различныя явленія: въ дистиллированной водѣ образовался бѣлый порошокъ, неосѣвшій на дно, обыкновенныя же вода осталась прозрачной, причемъ пластинка оказывается покрытой черноватымъ налетомъ. Это значитъ, что водный углекислый свинецъ, образовавшійся въ послѣдней жидкости, также какъ и въ дистиллированной водѣ, осажденъ известковыми солями на поверхность самаго свинца. Вслѣдствіе этого, на свинцѣ образовалась нѣкоторымъ образомъ кора, защищающая его отъ дѣйствія воды. Ясно, поэтому, что свинцовыя трубы, по которымъ протекаетъ известковая вода, вполнѣ безопасны.

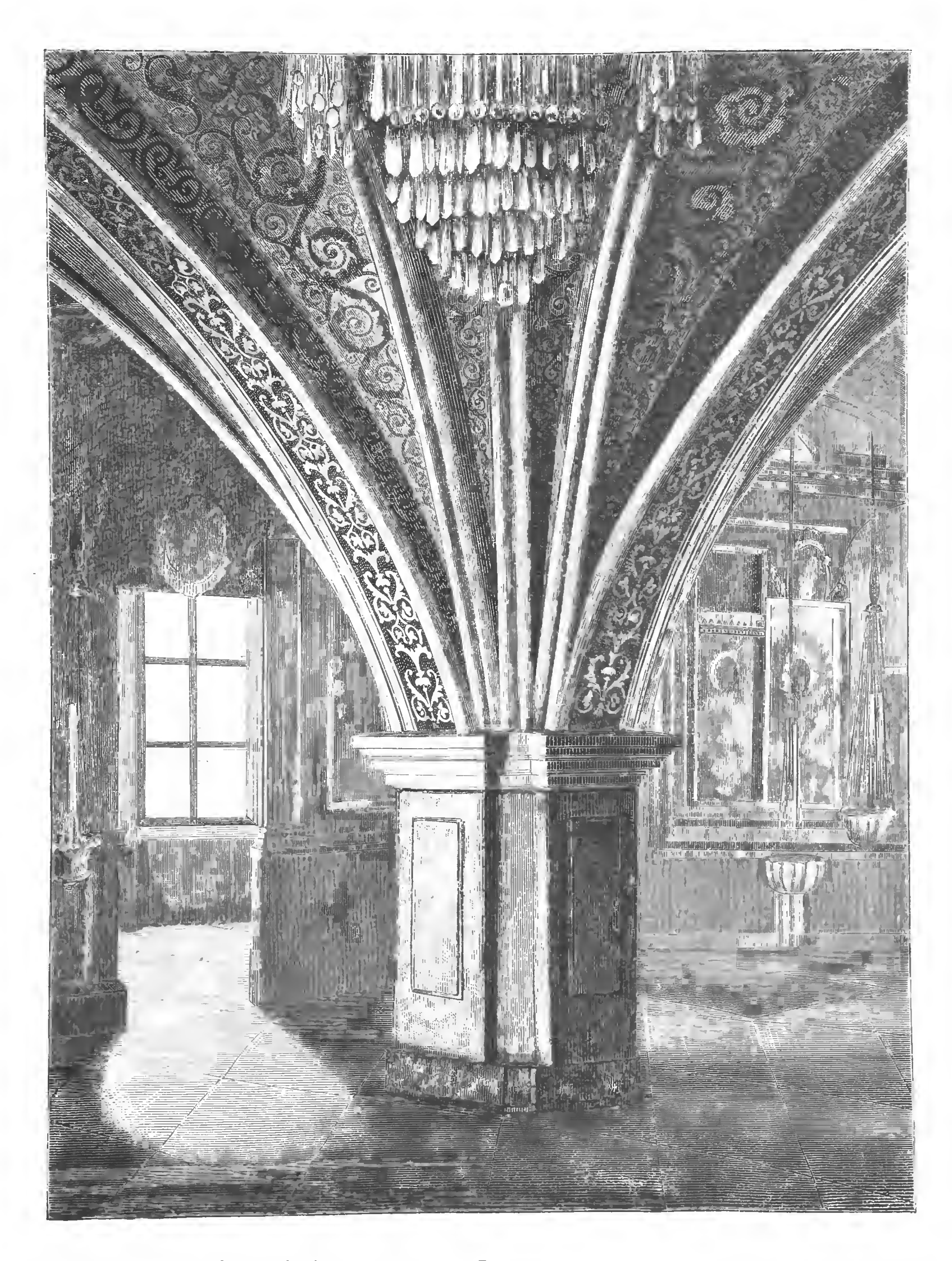
Въ водѣ, которую проводятъ въ дома по трубамъ, содержится свинецъ, во почти всегда въ незначительныхъ и потому безвредныхъ количествахъ. Одна часть образующихся солей остается въ трубахъ, другая разлагается, соприкасаясь съ воздухомъ, такъ что мы принимаемъ въ себя самыя незначительныя количества солей, оставшихся въ растворѣ.

Производя ученое изслѣдованіе по этому предмету, Шлезингъ открылъ весьма много интересныхъ и важныхъ явленій, съ которыми мы и познакомимъ сейчасъ читателя.

Положимъ одинаковыя количества чернозема въ большіе стаканы,—одинъ съ дистиллированной водой, а другой съ обыкновенной. Сдѣлавъ это, мы увидимъ, что въ дистиллированной водѣ земля не осѣла на дно стакана, а такъ и осталась въ ней въ состояніи равновѣсія, тогда какъ въ обыкновенной она опустилась на дно, вслѣдствіе чего послѣдняя снова сдѣлалась черезъ нѣсколько времени совершенно прозрачной.

Теперь прильемъ въ стаканъ съ дистиллированной водой нѣсколько капель хлористаго кальція—тотчасъ же земля осѣдаетъ на дно хлопьями, вода становится совершенно прозрачной, какъ и въ другомъ стаканѣ. Количество хлористаго кальція, необходимое для полученія такаго результата, можетъ быть весьма незначительно. Впрочемъ, осажденіе чернозема происходитъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше прилито хлористаго кальція.

Приведемъ другіе столь же любопытные опыты. Дистиллированная вода почти не проходитъ черезъ землю, лишенную известковыхъ солей; то же малое количество ея, которое проходитъ, становится совсѣмъ мутнымъ. Въ то же время, черезъ эту самую землю можно прекрасно фильтровать обыкновенную воду, остающуюся совершенно прозрачной. Положимъ нѣкоторое количество земли, не содержащей въ себѣ известковыхъ солей, въ сосудъ съ дистиллированной водой, къ которой прилито нѣсколько капель аммiака (нашатырнаго спирта). Взболтавъ ее, оставимъ все это спокойно стоять впродолженіи двадцати четырехъ часовъ. Къ концу этого времени въ сосудѣ образуется обильный осадокъ. Сольемъ теперь мутную жид-



Новгородъ. Храмъ св. Іоанна Архіепископа, бывшая Грановитая палата. Съ фотогр. Лядова, грав. М. Рашевскій.

кость въ другой такой-же сосудъ и оставимъ его простоять тоже двадцать четыре часа. Образуется новый осадокъ, состоящій изъ чрезвычайно тонкихъ частицъ, меньшій по объему перваго. Снова сольемъ мутную жидкость и снова будемъ ждать образованія осадка. Цѣлые мѣсяцы можно продолжать эти операціи, при которыхъ постоянно образуется осадокъ, состоящій изъ частицъ, дѣлающихся постепенно все мельче и мельче, и остается мутная жидкость. Черезъ пять или шесть мѣсяцевъ, осажденіе становится нечувствительнымъ, но вода такъ и остается мутноватой до безконечности. Но если прибавить къ ней небольшое количество азотной кислоты—тотчасъ же мутноватость исчезнетъ и образуются хлопья, которые осѣдаютъ на дно сосуда, дѣлая воду совершенно чистой и прозрачной. Хлопья эти, будучи высушены, даютъ въ остаткѣ бурое вещество, имѣющее большое сходство съ шубнымъ клеемъ, по своему внѣшнему виду и свойствамъ. Это водный кремнекислый аллюминій.

Эта глина является цементомъ для пахатной земли, спаивающимъ между собою мельчайшія частицы песку, цементомъ, который разлагается дистиллированной водой и соединяется съ обыкновенной: послѣдней достаточно самое незначительное количество если спаиваемыя частицы очень мелки.

Итакъ въ известковой водѣ происходитъ осѣданіе нѣкоторыхъ растительныхъ началъ, мыла и, наконецъ глины. Послѣднее явленіе—самое интересное, такъ какъ имъ прекрасно объясняется много другихъ въ высшей степени важныхъ явленій.

Прежде всего является вопросъ: какимъ образомъ дождь падая на поля, не производитъ разложенія земли, подобно дистиллированной водѣ, и не уноситъ глину въ рѣки, оставляя на мѣстѣ только песокъ.

Въ дѣйствительности, дождевая вода имѣетъ большое отличіе отъ дистиллированной; она содержитъ въ растворѣ небольшія количества солей, предоставляющихъ ей возможность дѣйствовать на почву, подобно обыкновенной водѣ. Въ ней находится аммiакъ, хлористый натръ (поваренная соль); поваренная соль содержится въ дождевой водѣ въ различныхъ количествахъ, тѣмъ меньшихъ чѣмъ дальше отъ береговъ. Присутствіемъ солей дождевая вода обязана морскимъ брызгамъ, которые, будучи увлечены вѣтромъ, испаряются въ воздухѣ, оставляя по себѣ маленькія частички солей; дождевая вода, пересѣкая атмосферу, встрѣчается съ этими брызгами и растворяетъ ихъ.

Въ дождевой водѣ находятъ также сѣрнокислый натръ и сѣрнокислый кальцій.

Но упомянутыя соли содержатся въ дождевой водѣ въ самыхъ незначительныхъ количествахъ и не могли-бы помѣшать ей сами по себѣ производить на почву въ извѣстной степени разлагающее дѣйствіе. Между тѣмъ такого дѣйствія не наблюдается въ дѣйствительности. Слѣдовательно существуетъ какая-либо причина, препятствующая разложенію почвы дождевою водою. Такой причиной является присутствіе въ пахатной землѣ углеизвестковой соли и большой дозы угольной кислоты. Въ самомъ дѣлѣ, найдено, что вода, не содержащая углекислоты,—вовсе не растворяетъ углеизвестковую соль, тогда какъ вода, заключающая въ себѣ угольную кислоту, весьма быстро растворяетъ эту соль и въ количествахъ тѣмъ большихъ, чѣмъ больше въ ней угольной кислоты; она становится известковой и не можетъ разлагать песчано-глинистое соединеніе. Изъ этого слѣдуетъ что почва, лишенная известковыхъ солей, неудобна для обработки, хотя роль этихъ солей и ограничивается сказаннымъ. И это потому, что такая почва или очень скоро потеряла-бы свою глину или, при отсутствіи наклона, она не могла-бы освободиться отъ мутной воды, которая стояла-бы на ея поверхности.

Дождевая вода можетъ унести изъ такой почвы громадное количество известковой соли. Послѣдняя, попавъ въ рѣку, становится прекраснымъ водоочистительнымъ средствомъ,—мутная вода дѣлается прозрачной.

Замѣтимъ мимоходомъ что сильные и продолжительные дожди мало проходятъ черезъ почву; взмѣсивъ поверхность и сдѣлавъ почву непроницаемой, дождевая вода течетъ въ ручьи, не принявъ въ себя известковой соли.

Количество твердыхъ веществъ, содержащихся въ растворѣ въ водѣ, весьма значительно. Въ наибольшемъ количествѣ присутствуетъ въ водѣ углеизвестковая соль.

Много можно было-бы еще привести интересныхъ явленій, объясненныхъ опытами г. Шлезинга, но мы ограничимся послѣднимъ замѣчаніемъ. Если вода, текущая изъ горныхъ ледниковъ не вполнѣ прозрачна, то очевидно — это происходитъ отъ отсутствія въ ней солей, присущихъ обыкновенной прозрачной водѣ. Если, наоборотъ ключевая вода бываетъ обыкновенно весьма прозрачна и чиста, то это происходитъ отъ того что она, проникая различные слои земли, насытилась углеизвестковой солью.

Стихотвореніе.

М***

И для меня была пора,
И я, какъ ты, безъ друга,
На берегахъ крутыхъ Днѣпра
Блуждалъ подъ солнцемъ юга...

* * *

И неба блескъ не веселилъ
Моей души разбитой,
И для нея могилой былъ
Садами Днѣпръ залитый.

* * *

И жаромъ смутнаго огня
Душа была палима,
И дальній сѣверъ влекъ меня
Къ себѣ неотразимо...

—ъ.

Къ рисункамъ.

Воскресеніе Христово.

(Картина Б. Плокгорста, стр. 292 и 293).

Магдалина Марія и Іоанна и Марія, мать Іакова и другія съ ними, въ ночь погребенія къ полуночи, пришли, неся приготовленные ароматы, ко гробу Спасителя. И вотъ вдругъ сдѣлалось великое землетрясеніе. Ангелъ Господень, сошедшій съ небесъ, приступивъ отвалилъ камень отъ двери гроба и сидѣлъ на немъ. Видъ его былъ какъ молнія и одежда бѣла какъ снѣгъ. Устрашившись его, стерегущіе пришли въ трепетъ и стали какъ мертвые... Ангелъ-же рекъ женщинамъ: не бойтесь, знаю что вы ищете Іисуса Распятаго. Его нѣтъ здѣсь. Онъ воскресъ какъ сказалъ. Идите посмотрите мѣсто гдѣ Онъ лежалъ, идите скорѣе, скажите ученикамъ Его, что онъ воскресъ изъ мертвыхъ и въ Галилеѣ Его еще увидите. И со страхомъ и радостью великою побѣжали возвѣстить. Такъ говорится въ гл. 28 стихъ 1—8 Евангелія Матѳея. Радостная вѣсть всюду распространилась между учениками, произведя глубокое и восторженное волненіе. Петръ и другіе ученики побѣжали ко гробу вмѣстѣ, но другой ученикъ бѣжалъ скорѣе Петра и пришелъ ко гробу первый. Наклонившись, увидѣлъ лежащія пелены. Вслѣдъ за нимъ Симонъ Петръ входитъ въ гробъ и видитъ лишь пелены лежащія и платъ, что былъ на главѣ Его. Ученики возвратились къ себѣ. Послѣ нихъ стояла у гроба Марія и плакала: „Унесли Господа моего и не знаю гдѣ положили“. И видитъ вдругъ Іисуса стоящаго. „Что плачешь, кого ты ищешь, Марія! И съ горячимъ порывомъ вѣры и восторга, узнавъ Его, восклицаетъ она „Раввуни“! и бѣжитъ возвѣстить о Его явленіи. Въ Евангеліи Матѳея говорится еще, что стражи объявили въ городѣ первосвященникамъ о случившемся и тѣ совѣщались съ старѣйшинами и довольно денегъ дали воинамъ чтобы тѣ сказали, что тѣло Господа вынуто учениками Его: тѣ сказали такъ и „пронеслось слово сіе между іудеями и до сего дни“ прибавляетъ Св. Евангелистъ.

Такъ разсказывается въ Писаніи эта радостная, тревожная ночь величайшаго событія христіанскаго міра. И доселѣ, вездѣ гдѣ проповѣдано Евангеліе, въ память этой Ночи Воскресенія, въ часъ возстанія Христа Спасителя изъ гроба, радостно и благоговѣйно собираются толпы христіанъ, братски соединяясь и лобызаясь въ радостной, торжественной молитвѣ и вездѣ, при невѣрномъ свѣтѣ занимающагося утра, звучитъ восторженный возгласъ „Христосъ Воскресе“!

На Пасху. Силуэты.

(Рис. на стр. 297).

Не правда ли какія знакомыя сцены? Вверху—чисто петербургское явленіе: эта длинная линія поздравителей, держащая домохозяина и квартиранта въ осадномъ положеніи. Дворники, толстый кучеръ, повара, трубочистъ, почтальонъ, полотеръ... Приходится раскошеливаться—все это стоитъ съ такими праздничными лицами, съ волосами намазанными масломъ, съ красными яичками въ рукахъ. „Христосъ Воскресе!“—„Воистину воскресе!“ не безъ нѣкоторой сумрачности отвѣчаетъ хозяинъ, роясь въ своемъ портмоне. Но вотъ онъ расплатился и несется съ визитами. Всѣхъ надо посѣтить, поздравить! Пріѣзжаетъ: „Христосъ воскресе матушка!“ возглашаетъ онъ, лобызаясь трикратно съ хозяйкой дома а вправо маленькіе шалуны уже отставили столы въ „гостиной“ и завели на коврѣ такую возню, катая красивыя разноцвѣтныя яица по лубочку, что матери прихо-

дится и прикрикнуть: „да тише вы озорники—что это, право, за мученье! слова не дадутъ сказать! Развѣ нельзя играть тише!“ А ужъ на балаганахъ и подъ качелями идетъ говоръ и веселье. Вонъ влѣво, высоко взлетая на воздухъ, подвыпившій мужичекъ уронилъ шапку. „Держи ее, держи!“ дружно и весело хохоча подхватываетъ толпа: а вонъ, погоняя деревянную лошадку карусели, мчится малый, которому бы ужъ это пожалуй и не по росту и не по лѣтамъ. А внизу, вставъ довольно поздно, отдохнувъ послѣ длинной заутрени и обѣдни, Сидоръ Кузьмичь съ супругой истово и благословясь, садятся за обильную трапезу, за пасхальныя вкусныя яства и кухарка торжественно тащитъ свѣтлый, ярко отчищенный огромный самоваръ. Праздникъ въ разгарѣ! Въ серединѣ же рисунка пасхальное яичко наше съ христосующимися малютками—„Христосъ Воскресе!“

Безкровная жертва.

(Рис. на стр. 300).

По старинному итальянскому обычаю, по всей вѣроятности остатку языческихъ временъ, временъ древняго Рима, въ извѣстный праздничный день въ году (теперь напр. на Пасху) приносятся въ храмъ какъ жертва—голуби. Но жестокія старыя времена давно прошли и голуби имѣютъ всѣ основанія такъ спокойно сидѣть, воркуя, въ своей корзинкѣ, не боясь за свою жизнь. Прежде бѣдныхъ птицъ конечно убивали, принося въ жертву какому нибудь изъ боговъ, теперь же эта жертва—безкровная. Вотъ молодая, красивая итальянка, которая сидитъ на церковной скамьѣ, терпѣливо ожидая своей очереди, тотчасъ граціозно поднесетъ свою корзинку и священнослужитель окропитъ голубей святою водою: затѣмъ дѣвушка отнесетъ ихъ домой и они опять будутъ летать по волѣ, въ синемъ небѣ, мелькая, своими бѣлыми, сверкающими на солнцѣ какъ серебро, крыльями.

Картина, копія съ которой помѣщена здѣсь, принадлежитъ Н. Фуксу, одному изъ талантливѣйшихъ вѣнскихъ художниковъ. Онъ составлялъ рисунки и планъ послѣдней блестящей Карусели въ Вѣнѣ и въ настоящее время завѣдуетъ художественною частью въ городскомъ вѣнскомъ театрѣ (Burgtheater). Талантъ его пользуется большимъ уваженіемъ.

Церковь Св. Архіепископа Іоанна въ Новгородѣ.

(Рис. на стр. 305).

Святой архіепископъ Іоаннъ особенно чествуется въ Новгородѣ какъ угодникъ Божій, много послужившій для пользы и славы своего отечества. Онъ родился въ Новгородѣ отъ богатыхъ и именитыхъ родителей и былъ рукоположенъ святителемъ Нифонтомъ въ 1144 году въ санъ священника въ церкви святаго Власія, что на Волосовой улицѣ. По кончинѣ же архіепископа Аркадія Новгородцы единодушно избрали себѣ владыкою смиреннаго священника Іоанна, принявшаго при пострижении въ монашество имя Иліи. Вскорѣ по возведеніи Іоанна въ санъ Архіепископа настало для Новгорода трудное время: Великій Князь Суздальскій Андрей Юрьевичъ Боголюбскій желая однимъ ударомъ сломить гордыню вольнаго города, послалъ многочисленное войско для его покоренія. Въ третью ночь осады, какъ говоритъ преданіе, Святитель Іоаннъ со слезами молился объ избавленіи роднаго города отъ угрожающей ему напасти и вдругъ услышалъ гласъ, повелѣвавшій ему идти въ церковь Спаса, что на Ильинской улицѣ, взять тамъ икону Богоматери и отнести ее на городскія стѣны. Все это было исполнено: икону поставили прямо противъ осаждающихъ. Тучами посыпались стрѣлы на молящихся граждапъ и одна изъ нихъ даже вонзилась въ священное изображеніе Богоматери. Внезапно икона обратилась лицомъ къ городу и слезы потекли изъ глазъ ея. Совершившееся чудо ободрило осажденныхъ и въ то же время привело въ ужасъ осаждающихъ. Суздальцы потерпѣли страшное пораженіе и оставили въ рукахъ Новгородцевъ множество плѣнныхъ. Но не смотря на эту блестящую побѣду, смуты и междоусобія не прекращались въ Новгородѣ и благочестивому пастырю часто приходилось то усмирять народъ, то умилостивлять князей, оскорблявшихся непокорствомъ Вѣча. До конца жизни престарѣлый святитель заботился о благѣ роднаго города и только почувствовавъ приближеніе смерти, принялъ схиму и вскорѣ потомъ скончался 7-го сентября 1186 г.

Изображенная на нашемъ рисункѣ церковь во имя святителя Іоанна построена въ 1822 году въ Кремлѣ, въ такъ называемомъ Іоанновскомъ корпусѣ архіерейскаго дома, гдѣ нѣкогда была келья святителя а потомъ помѣщалась Грановитая Палата. При входѣ въ эту Грановитую Палату невольно приходятъ на память два грозныхъ историческихъ эпизода, происшедшихъ подъ этими пестрыми, росписными сводами. Здѣсь объявлено было Псковитянамъ отъ имени великаго князя Василія Ивановича 6-го января 1510 года, что ихъ вѣче и вольность не должны болѣе существовать и здѣсь же 2-го февраля 1570 года архіепископъ Пименъ угощалъ Іоанна IV и вдругъ за обѣдомъ „вскричалъ царь громкимъ, грознымъ голосомъ обычнымъ царскимъ ясакамъ“ и приказалъ схватить епископа, бояръ и слугъ, брать подъ стражу граждапъ. Это было предвѣстіемъ послѣдняго, страшнаго Новгородскаго погрома.

Въ притворѣ, при самомъ входѣ въ Грановитую Палату, на правой сторонѣ дверей, въ нишѣ, находится старинное изображеніе Спасителя, надпись надъ которымъ свидѣтельствуетъ, что передъ этимъ именно образомъ слезно молился Св. Архіепископъ Іоаннъ 24-го февраля 1170 года о помощи осажденному городу. Живопись же на стѣнахъ сѣней изображаетъ разные эпизоды этой осады, а также чудесное пораженіе Суздальцевъ.

Позади Іоанновой церкви находится келія св. Іоанна, состоящая изъ двухъ небольшихъ комнатъ и тутъ же указываютъ тѣсную моленную, куда часто уединялся святитель для благочестивыхъ размышленій и молитвы.

Мимоходомъ.

(Рис. на стр. 301).

Помѣщенный здѣсь рисунокъ изображаетъ граціозную сценку изъ домашней жизни гепикея богатаго дома въ древней Греціи. Новѣйшія изслѣдованія уже дошли до той степени подробности, что съ значительною полнотою можно себѣ представить черты домашней жизни древнихъ грековъ. Одухотворенный міръ статуй и барельефовъ, стѣнной живописи и мозаики возстановляетъ передъ нами давно исчезнувшій міръ, изящный міръ классической красоты, граціи и величія.

На картинѣ мы видимъ молодую дѣвушку, которая, въ одномъ изъ переходовъ гепикея, неся рабочую корзинку съ клубками, пріостановилась, любуясь на крошечнаго бѣлаго котенка и забавляется, бросая ему клубокъ и улыбается его смѣшнымъ, граціознымъ прыжкамъ и его оживленію.

Политическое обозрѣніе.

Депеша Государя Императора къ Императору Вильгельму и отвѣтъ Его Величества.—Герцеговина.—Сербія.—Черногорія.—Австрія.—Турція.—Египетъ.—Англія.—Соединенные Штаты.

Государь Императоръ изволилъ адресовать Германскому Императору слѣдующую депешу по случаю дня рожденія Его Величества: Императрица и Я—Мы сердечно и мысленно присутствуемъ на празднествѣ дня рожденія Вашего. Къ выраженіямъ любви и уваженія, которыми Вы окружены, присоединяемъ и Наши. Да продлитъ Господь еще на многіе годы жизнь Вашу, столь преисполненную славными дѣяніями, для благоденствія Германіи, для мира Европы и для скрѣпленія узъ дружбы, связывающихъ Насъ и оба Наши государства. Императоръ Вильгельмъ отвѣчалъ: Примите вмѣстѣ съ Императрицей мою сердечную благодарность за добрыя пожеланія, высказанныя по случаю дня моего рожденія. Каждое Ваше слово нашло живой откликъ въ моемъ благодарномъ сердцѣ. Молю Всевышняго, да благословитъ Онъ ваше царствованіе на благо Вашего народа и для сохраненія мира Европы.

Въ Герцеговинѣ усташи раздѣлились на мелкіе отряды, для того чтобы, пока, вести партизанскую войну. Изъ Бѣлграда сообщаютъ, что коронованіе сербскаго короля произойдетъ, вѣроятно, 15-го іюня, въ день несчастной битвы при Коссовѣ—въ монастырѣ Тицс-Кароновацѣ, гдѣ уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ короновались сербскіе короли; въ то же время, какъ думаютъ, будетъ созвана большая скупщина, на утвержденіе которой сообщены будутъ обѣщанныя королемъ измѣненія въ конституціи; по этому же случаю учреждается новый орденъ, который будетъ пожалованъ на первый разъ министрамъ и депутатамъ. Надо прибавить къ этому, что, по слухамъ, въ Вѣнѣ неожиданно оказалась, въ числѣ дворцовыхъ сокровищъ, древняя сербская корона; за этимъ слухомъ прошелъ другой—будто изъ Бѣлграда отправлено въ Вѣну особое посольство съ ходатайствомъ о возвращеніи этой короны; говорятъ однако, что все это не совсѣмъ вѣрно: такой же слухъ распространялся и о румынской коронѣ во время возведенія Румыніи въ королевство.

Черногорцы привѣтствуютъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ Сербское королевство: Для насъ, говоритъ „Гласъ Црногорца“ (органъ Черногорскаго правительства) Сербія—тоже, что и Черногорія, слава Сербіи составляетъ нашу славу, ея величіе—наше величіе. Все что выгодно для Сербіи—выгодно и для насъ... Сербія возстановляетъ нить своей древней государственной жизни и хотя сербское государство не можетъ быть возстановлено въ своихъ прежнихъ предѣлахъ, но тѣмъ не менѣе оно пріобрѣтаетъ обаяніе, внѣшній блескъ и титулъ своего древняго королевства“. Въ этихъ немногихъ словахъ цѣлая политическая система, которою надо, необходимо славянамъ руководствоваться...

Въ Австріи парламентъ утвердилъ избирательную реформу, предложенную союзомъ славянскихъ депутатовъ и консерваторовъ. Члены родовой аристократіи въ Чехіи отстояли пять новыхъ парламентскихъ мѣстъ за владѣльцами майоратовъ, депутаты славянства понизили избирательный цензъ въ сельскихъ общинахъ (размѣры уплачиваемыхъ прямыхъ налоговъ) съ де-

сяти флориновъ до пяти. Говорятъ, что реформа упрочила министерство графа Таафе.

Султанъ примирился съ бывшимъ хедивомъ, Измаиломъ, которому, будто-бы, даже разрѣшилъ возвратиться въ Египетъ и снова занять свой престолъ. Между тѣмъ „Times" говоритъ, что державы условились относительно политики, которой будутъ держаться въ Египтѣ, по словамъ газеты — окупація рѣшена въ принципѣ, и при этомъ выборъ державы, которая, при извѣстныхъ условіяхъ, заняла бы Египетъ, имѣетъ второстепенное значеніе (?): ни Англія, ни континентъ не относятся враждебно къ мысли о свободномъ Египтѣ (неужели?), но (но не допускаютъ ея на практикѣ) необходимо заставить его принять международныя обязательства (которыя и будутъ обязательны только для него и не для кого иного).

Въ Англійскомъ парламентѣ разсматривается билль депутата Арнольдса объ однообразномъ законѣ о выборахъ для всего соединеннаго королевства въ новомъ распредѣленіи избирательныхъ округовъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки численность арміи опредѣлена, по прежнему, въ 25 т. человѣкъ. Сенатъ недавно разсматривалъ предложеніе относительно внесенія бывшаго генерала Гранта въ списки арміи съ чиномъ и жалованіемъ генерала, отъ которыхъ онъ отказался для принятія президентства, и сенатъ постановилъ: въ воздаяніе важныхъ услугъ Улисса Гранта, бывшаго генерала арміи, назначить его въ армію съ чиномъ генерала и съ жалованіемъ.

Китай и Японія заказываютъ Круппу пушки и вооружаютъ свои флоты.

Смѣсь.

Солнце и земля. По изслѣдованіямъ профессора Гельмгольца первыя впечатлѣнія передаются со скоростью ста футовъ въ секунду. Такъ, напримѣръ, если бы великанъ ростомъ въ 200 футовъ былъ укушенъ змѣею въ ногу, то прошло бы двѣ секунды пока онъ почувствовалъ бы боль. Представимъ себѣ новорожденнаго ребенка съ такой длинной рукой, которою бы онъ могъ достать до солнца и тѣмъ бы обжегся онъ умеръ бы старости прежде чѣмъ почувствовалъ бы боль, такъ какъ боль эта достигла бы его мозга только черезъ полтораста лѣтъ. Звукъ выстрѣла съ солнца достигъ бы земли черезъ четырнадцать лѣтъ, а пуля — при условіи сохраненія своей первоначальной скорости — черезъ девять лѣтъ. Если бы замѣнить силу притяженія солнца проволоками, посредствомъ которыхъ земля бы поворачивалась вокругъ солнца, то для этаго потребовалась бы проволока толщиною въ телеграфную, и покрывающая обращенное къ солнцу полушаріе земли такъ часто, что на одномъ квадратномъ дюймѣ помѣщалось бы по девяти рядовъ проволоки. Сила тяжести дѣйствуетъ моментально — явленіе оставшееся до сихъ поръ необъясненнымъ — въ то время, какъ сила притяженія, идущая отъ солнца и которая при помощи проволокъ должна привести землю въ движеніе, почувствовалась бы на землѣ только черезъ триста дней. Тепло, издаваемое солнцемъ въ теченіи одной секунды, равняется теплу, получаемому въ то же время отъ сожиганія 16.456 билліоновъ тоннъ каменнаго угля.

Американская нефть въ восточной Азіи. Ничто такъ не способствуетъ распространенію полезнаго матеріала какъ низкія на него цѣны: это наглядно доказано на нефти. Восемь, десять лѣтъ тому назадъ нефти доставлялось очень мало на востокъ и югъ Азіи: нынѣ потребленіе нефти тамъ быстро увеличивается. Въ 1872 году въ Японію не привозили вовсе нефти, въ 1876 году туда уже было доставлено 2,550,000 галлоновъ (= 212,500 ведеръ). Въ Остъ-Индію и Китай одиннадцать лѣтъ тому назадъ Америка высылала только 550,000 галлоновъ, въ 1875 году уже 6,600,000 галлоновъ.

Своеобразный китайскій обычай, препятствованіе росту женской ноги, произошелъ, какъ говоритъ преданіе, по слѣдующей причинѣ. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи въ Китаѣ царствовалъ императоръ Тшу-Кунгъ. Онъ былъ человѣкъ очень суровый, но жена его Та-Кія была еще суровѣе и строже чѣмъ онъ. Она была красавица и единственное ея безобразіе были изуродованныя ноги. Чтобы скрыть этотъ недостатокъ, она обертывала ихъ разными повязками и надѣвала маленькіе башмачки. Придворныя дамы вскорѣ последовали примѣру своей повелительницы и такимъ образомъ установилась странная мода, удержавшаяся въ Китаѣ и досел́ѣ.

Много-ли рыбъ въ морѣ? Вопросъ идетъ собственно не о количествѣ отдѣльныхъ рыбъ, но о количествѣ различныхъ сортовъ. Большинство людей довольствуется знаніемъ нѣсколькихъ названій рыбъ и рѣдко знаніе это простирается далѣе десятка, много двухъ, названій. Но уже древній римскій историкъ Плиній называетъ около ста особей рыбъ. Великій шведскій естествоиспытатель Линней, исчислилъ всѣ тогда извѣстныя породы рыбъ, которыхъ оказалось 478 видовъ, тогда какъ въ продолженіи XVII столѣтій, прошедшихъ отъ Плинія до Линнея, сдѣлалось извѣстнымъ неполныхъ 300 видовъ рыбъ. Поэтому должны казаться удивительными успѣхи въ Ихтіологіи (наукѣ о рыбахъ), которыхъ достигли въ нашемъ столѣтіи. Экспедиціи съ цѣлью изслѣдованія морей и изслѣдованія ученыхъ: Кювье, Агасиса, Гюнтера и проч. открыли уже до 12,000 различныхъ видовъ рыбъ.

Гимнастическія упражненія. Гимнастика по послѣднимъ наблюденіямъ оказывается вредной, если ею заниматься безпрерывно болѣе трехъ мѣсяцевъ. Недавно во французской военной школѣ происходили оффиціальныя изслѣдованія физическаго вліянія гимнастики на воспитанниковъ. Шестимѣсячныя наблюденія дали слѣдующіе результаты: сила мускуловъ увеличивается на 15 и 17, а иногда даже отъ 25 до 30 процентовъ, и въ равной степени на обѣихъ половинахъ тѣла. Ширина груди увеличивается по меньшей мѣрѣ на одну шестую часть. Вѣсъ тѣла повышается на 5 и 7 и даже 10 и 15 процентовъ, въ то же время объемъ или масса тѣла уменьшается. Это доказываетъ полезное вліяніе гимнастики на мускульную систему. Но увеличеніе мускульной силы происходитъ всегда только въ первые три мѣсяца, въ послѣдующіе затѣмъ три мѣсяца наступаетъ убавленіе силы. Въ этомъ отношеніи динамометръ указывалъ ясно на необходимость пріостанавливать время отъ времени гимнастическія упражненія, что и дѣлаютъ всѣ силачи и клоуны, которыхъ мы видимъ въ циркахъ.

Источники англійскаго богатства. Часто было говорено, что источники неисчислимаго богатства англичанъ находятся въ Индіи. Справедливость этаго подтверждается фактически, при перечисленіи громадныхъ доходовъ, полученныхъ англичанами въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ прошлаго и первыхъ двадцати лѣтъ настоящаго столѣтія въ Индіи, посредствомъ торговли, монополіи, налоговъ и всевозможныхъ притѣсненій, черезъ отобраніе сокровищъ у мѣстныхъ князей и проч. Частное имущество служащихъ въ Остъ-Индской компаніи, за все упомянутое время достигло до 68 милліоновъ 800,000 фунтовъ стерлинговъ: прибыль отъ торговли приблизительно до 16.700.000 фунт.: монополія торговли рисомъ, во время голода въ Бенгаліи принесла ровно 6.000.000 фунтовъ; контрибуція во время войны съ Типо-Сагибомъ въ 1792 г. доставила 3.000.000 фунтовъ: отобранное въ 1794 г. имущество Рогитмеда простиралось до 1.000.000: имущество Типо-Сагиба, захваченное въ 1798 г. достигло звонкой монеты 18.750.000 фунтовъ, брилліантовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней, а также слоновъ, оружія и другихъ драгоцѣнностей, по меньшей мѣрѣ на 56.250.000 фунтовъ стерлинговъ: имущество, набоба Карнати, захваченное въ 1801 году, равнялось 3.000.000 фунтовъ. Все это взятое вмѣстѣ, составитъ громадную цифру въ 203.500.000 фунтовъ стерлинговъ, а на наши деньги 2,000 милліоновъ рублей.

Въ области электрическаго освѣщенія заслуживаетъ вниманія изобрѣтеніе американца Голланда. Какъ извѣстно токъ въ электрическихъ лампахъ перескакиваетъ съ одной заостренной верхушки угля на другую и при этомъ появляется свѣтъ. Но угли скоро сгораютъ при температурѣ въ 2.000 градусовъ по Цельзію, которую имѣетъ электрическій токъ. Угли поэтому должны быть часто замѣняемы новыми, что и дорого и неудобно. Голландъ предлагаетъ замѣнять угли рѣдкимъ металломъ — иридіемъ, который хотя очень дорогъ, но за то переноситъ высокую температуру не сгорая.

Европейскіе почтовые обороты въ послѣдніе 6 лѣтъ увеличились на 60.000.000 писемъ и повѣстокъ. Число пересланныхъ въ 1880 году писемъ, повѣстокъ, печатныхъ оттисковъ и нумеровъ газетъ равняется 5.834.000.000 шт., изъ нихъ 3.151.000.000 писемъ, 416.000.000 повѣстокъ, 884.000.000 печатныхъ оттисковъ, образчиковъ товаровъ и пр. и 1.383.000.000 нумеровъ газетъ. Такимъ образомъ на каждаго жителя приходится 18.5 штукъ, изъ нихъ 11,3 писемъ и повѣстокъ и 7,2 печатныхъ оттисковъ. На одного жителя въ Великобританіи и Ирландіи приходится 48,2 почтовыхъ отправокъ, Швейцаріи — 46,1, Бельгіи — 35,5, Франціи и Нидерландахъ по 29,5, въ Германіи 28,7, Даніи — 26,6, Люксембургѣ — 20.9, Австріи — 16.0, Италіи 13,4, Швеціи — 12,6, Норвегіи — 12,1, Венгріи 7,6, Испаніи 7,1, Португаліи 5,4, Россіи — 2,6, Греціи 2,3, Румыніи — 1,6, Сербіи 0,7 и Болгаріи — 0,3. Ежегодно въ Америкѣ обращается около 1.300 милліоновъ писемъ и повѣстокъ, въ Азіи 200 милліоновъ, въ Африкѣ 12 милліоновъ и въ Австраліи 40 милліоновъ. Если считать населеніе земнаго шара въ 1.400 милліоновъ людей, то среднимъ числомъ на каждаго человѣка въ годъ придется около 3,6 писемъ и повѣстокъ.

Нашъ освѣтительный матерьялъ. Ежедневно во всемъ свѣтѣ потребляется среднимъ числомъ 44.000 бочекъ нефти. Американскіе источники ежедневно доставляютъ 75.000 бочекъ и биржевые обороты нефтью достигаютъ тамъ баснословныхъ размѣровъ. Въ Нью-Іоркѣ иногда въ одинъ день поступаетъ запросъ на 3—4 милліона бочекъ. Въ общихъ торговыхъ оборотахъ наступили большія перемѣны. Брадфордская область превзошла всѣ прочія и конкуренція съ нею сдѣлалась немыслимой, такъ какъ въ ней нефть въ большомъ количествѣ вытекаетъ сама, тогда какъ въ нижнихъ областяхъ, Паркисѣ, Больонѣ и пр., т. е. почти во всей Пенсильваніи, работы производятся при помощи насосовъ и другихъ дорогихъ приспособленій. Поэтому-то пенсильванскіе источники совершенно опустѣли: дома, постройка которыхъ стоила 8000 долларовъ, продаются теперь за 1.000 долларовъ и все дѣло рушится.

Первый туннель. Въ 11 № „Нивы" мы сообщали объ одномъ изъ величайшихъ современныхъ сооруженій Даманскомъ туннелѣ — но туннели были извѣстны и въ древности. Страбонъ разсказываетъ, что въ Вавилонѣ царскій дворецъ былъ соединенъ подъ Евфратомъ съ храмомъ Белоса подземнымъ сводообразнымъ ходомъ, въ 15 футовъ ширины и 12 высоты; ширина же Евфрата равнялась

въ этомъ мѣстѣ одной стадіи (около 90 саженъ). Къ этому Геродотъ добавляетъ, что во время работъ по прорытію этого туннеля, русло Евфрата было временно осушено и вода спущена.

Балы французской колоніи. Весь Петербургъ помнитъ еще конечно балы, данные послѣдовательно въ 1877, 1878 и 1879 годахъ въ залѣ Кононова и Дворянскомъ Собраніи въ пользу Краснаго Креста. Мы узнали что французская колонія приготовляется устроить 31 марта такой же балъ вмѣстѣ съ комитетомъ Общества Краснаго Креста.

Организаторы этаго бала, по большей части тѣже, которые устраивали блестящіе костюмированные балы предшествовавшихъ годовъ, предполагаютъ теперь нѣчто блестящее, подобное бывшимъ баламъ. Великолѣпныя залы Дворянскаго Собранія будутъ освѣщены a giorno и роскошно украшены русскими и французскими флагами и знаками Краснаго Креста и наполнятся такою же блестящею и разнообразною костюмированною толпою какъ было въ 1878 году. Играть будутъ извѣстные оркестръ Манжана и оркестръ пожарной команды. Билеты лотереи Аллегри будутъ продавать артистки нашихъ театровъ. Все это будетъ конечно устроено также великолѣпно какъ всегда. Но чтобы и тѣ, которые не попадутъ на самый балъ, могли бы полюбоваться великолѣпнымъ убранствомъ залъ Собранія, распорядители придумали устроить въ Среду на Пасху 31 марта, въ 5 часовъ по полудни, въ этихъ же залахъ дѣтскій балъ подъ дирижерствомъ извѣстнаго нашего артиста Стуколкина. Вездѣ кіоски, бесѣдки, гдѣ будутъ продаваться игрушки, лакомства, пирожки дамами изъ общества. Ея Императорское Высочество В. Кн. Александра Іосифовна соизволила принять этотъ дѣтскій балъ подъ свое покровительство. Входная плата на этотъ балъ 1 руб., для дѣтей и взрослыхъ. Конечно будетъ масса желающихъ посѣтить этотъ праздникъ; многіе, конечно, пожелаютъ также сдѣлать свои взносы вещами для лотереи аллегри. Вещи будутъ принимаемы съ благодарностью Жертвователи могутъ обращаться къ M-me Leopold Lecocq (magasin Philippe) Михайловская ул., № 7.

Александровская Община сестеръ милосердія „Утоли моя печали". Александровская община, освященная и нареченная Святымъ Именемъ въ Бозѣ почившаго Царя-Мученика, который особенно благосклонно относился къ этому полезному учрежденію, подписавъ настоящій уставъ общины за 10 дней до своей мученической кончины, благодаря энергіи своей учредительницы, начальницы и предсѣдательницы Совѣта, княгини Н. Б. Шаховской, вложившей въ это полезное учрежденіе все свое громадное состояніе—приступила къ расширенію своей благотворной дѣятельности и здѣсь, для чего назначила одного изъ своихъ почетныхъ членовъ уполномоченнымъ для пріема, въ память Державнаго Благодѣтеля своего, всякаго рода пожертвованій и принятія прошеній отъ желающихъ вступить въ члены ея.

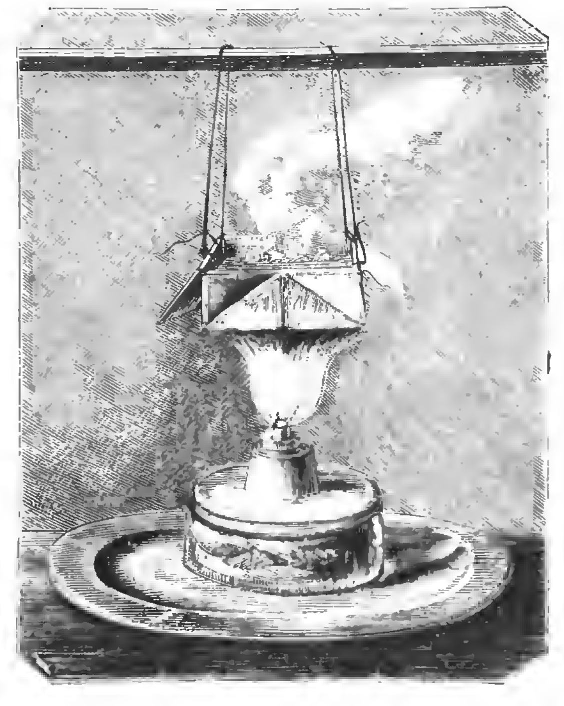
Возможно большему развитію учрежденій для сестеръ милосердія, имѣющихъ такое важное общественное и государственное значеніе, нельзя не порадоваться въ интересахъ страждущаго человѣчества. Такъ какъ въ нашей столицѣ чувствуется большая потребность въ сестрахъ для тѣхъ больныхъ, которые лечатся на дому и часто не могутъ дождаться приглашенной сестры за щедрую плату, то сообщенному намъ извѣстію о предположеніи въ непродолжительномъ времени, на средства членовъ и благотворителей Общины, устроить здѣсь въ память Царя-Мученика убѣжище для сестеръ милосердія, съ часовнею при онома, конечно нельзя не порадоваться. Намъ кажется, что учрежденіе убѣжища для сестеръ милосердія есть лучшій памятникъ милосердному, человѣколюбивому и добрѣйшему Царю-Мученику. Прелестный по красотѣ, легкости и глубинѣ мысли эскизъ часовни и убѣжища, благотворители и желающіе могутъ видѣть въ квартирѣ уполномоченнаго: Николаевская, домъ № 43, кв. № 4.

ИГРЫ И ЗАДАЧИ

РЕБУСЪ. Задача № 23.
П. Кирѣевскаго.

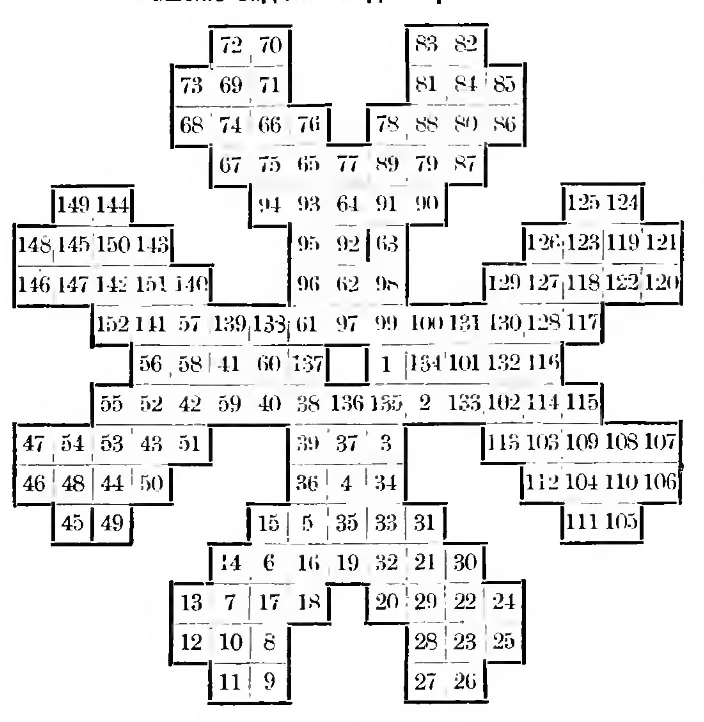
Кипяченіе воды въ бумажной коробкѣ.

Мы уже говорили въ № 3 „Нивы" какъ металлы сильно принимаютъ теплоту, причемъ указывали любопытный опытъ растапливанія оловянной пластинки на игральной картѣ, не сожигая этой послѣдней. Теперь мы укажемъ на не менѣе интересный опытъ кипяченія воды въ бумажной коробкѣ. Складываютъ изъ плотной бумаги коробочку такъ, какъ отлично умѣютъ ихъ складывать маленькіе шалуны-школьники. Подвѣшиваютъ такую коробочку на шнуркахъ надъ пламенемъ спиртовой лампы, наполнивъ коробочку водою. Бумага при этомъ не загорится такъ какъ вода будетъ принимать въ себя весь жаръ исключительно. Черезъ нѣсколько минутъ вода начинаетъ кипѣть, испаряться, между тѣмъ какъ бумага останется совершенно нетронутою. Бумажная коробочка должна непремѣнно быть такъ подвѣшена, чтобы огонь касался только тѣхъ частей ея, которыя соприкасаются съ водою, иначе коробка загорится непремѣнно. Этотъ опытъ требуетъ однако внимательности и нѣкоторыхъ предосторожностей и лучше его дѣлать не вдругъ а въ нѣсколько пріемовъ, начиная съизнова. Перекладину на которую будутъ подвѣшивать коробку можно положить горизонтально на верхушки двухъ совершенно одинаковыхъ графиновъ.



Кипяченіе воды въ бумажной коробкѣ.

Рѣшеніе задачи—ходъ короля № 13.



Въ бурю, въ легкомъ челнокѣ,
Окруженный тучи мглою,
Плылъ младенецъ по рѣкѣ
И несло челнокъ волною.
Буря вкругъ него кипитъ,
Челнъ ужасно колыхаетъ,
Беззаботно онъ сидитъ
И весломъ своимъ играетъ.
Волны плещутъ на челнокъ,
Онъ веселыми глазами
Смотритъ, бросивъ въ нихъ цвѣтокъ,
Какъ цвѣтокъ кружитъ волнами.
Челнъ, ударясь у бреговъ
Объ утесы—развалился...
И на брегѣ, межъ цвѣтовъ,
Морсходецъ очутился.
Челнъ забытъ! А гибель? страхъ?
Ихъ невинность и не знаетъ:
Улыбаясь на цвѣтахъ
Мой младенецъ засыпаетъ.

Вѣрныя рѣшенія этой садачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Лурьи, Соннина, Александровскаго, Барулина, Павлова, Бѣлицкаго, Матяѣевскаго, Попова, Оглобыстина, Цорнъ, Шадурскаго, Фусъ, Федоровичъ, Рагоза, Шеръ, Поварнинной, Успенскаго; **Москва**—Завьялова, Серлова, Лыжина, Крупичева, Лысенкова, Бѣлянкина, Бочарова, Котова, Лохина, Недыхлевевой: **Астрахань** Цѣхановича; **Бѣлгородъ**—Дагаева; **Бѣлое**—Бѣлосельскаго; **Варшава** — Трусовой, Лихтнекеръ, Блюмбергъ; **В. Луки**—Злотоѣдова; **Вологa** Поповой; **Вороиежъ**—Соколова; **Гжатсиъ**—Гаушкова; **Гомель**—Бекиновскаго; **Горбатовъ**- Юрасова, Ратпнова; **Городия**—Скойбеда; **Грязи**—Хамеаева, **Духовщиия**- Волонцевича; **Екатеринославъ** -Павловскаго; **Елецъ** -Алпатовой; **Елисаветградъ**—Баумгартенъ; **Еремино** Жуковской; **Зарайскъ**— Лопухина, Шошина; **Земетчино**—Городковой; **Ив.-Вознесенскъ**—Куликова; **Казань**—Флоринскаго; **Калуга**—Ворошилова; **Калязинъ** — Малиновскаго; **Кіевъ** — Васильева, М. С. — **Киндяки** — Симонтовскаго; **Кирсаиовъ** — Весляцкаго; **Кишииевъ** — Мауэрмейстеръ; **Козловъ**—Мызникова; **Липиаиы** — Михальча; **Ломжа** — Куляко; **Мальце-Бродс.** — Терентьева; **Макарьевъ**—Л. К.; **Николаевка** — Калинкина.

Рѣшеніе шашечной задачи № 12.

Бѣлыс	Черные
1) D 8 — F 6	B 6 — D 8
2) G 1 — F 2	H 4 — E 1
3) B 2 — C 3	E 1 — E 7
4) D 4 — B 6	A 7 — C 5
5) F 4 — D 6	D 8 — C 7
6) A 5 — D 8	C 5 — D 4
7) E 3 — C 5	F 8 — G 7
8) H 6 — F 8	

Вѣрныя рѣшенія присланы отъ гг.: **Москва**—Ларіонова, **Калуга**—Волкова, **Елецъ**—Волуйскаго.

ОПЕЧАТКА: Въ № 12 „Нивы“ слѣдуетъ читать вмѣсто Шахматнвв задача—**Шашечная задача № 20.**

Рѣшеніе ребуса № 11, помѣщеннаго въ № 7.

Пень не околица, а глупая рѣчь не пословица.—

Рѣшеніе магическихъ Крестовъ.

№ 14.

		м	у	с		
		е	р	а		
м	е	п	о	н	и	т
у	р	о	д	и	п	а
с	а	п	и	т	а	р
		и	н	а		
		т	а	р		

№ 15.

		и	с	к		
		з	л	о		
и	з	в	о	р	о	т
с	л	о	б	о	д	а
к	о	р	о	в	а	й
		о	д	а		
		т	а	й		

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ въ редакціи журнала „НИВА“ Больш. Морская, д. № 9. въ СПБ. и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА:

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

Романъ-хроника (XVIII вѣка), въ 2-хъ частяхъ
Всеволода Соловьева.
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ жизни XVII вѣка.
Всеволода Соловьева.
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.
Подписчики „Нивы“ на 1882 годъ за пересылку не платятъ.

Дозволено цензурою. СПБ. 24 марта 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ — № 14 — годъ XIII — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 мод. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 3 Апрѣля 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за АПРѢЛЬ 1882 г. съ 22 рисунками и отдѣльное приложеніе съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 12 рукодѣльныхъ работъ.

Н. Я. Соловьевъ.

Нельзя сказать чтобы у насъ было велико число талантливыхъ людей въ области драматургіи. Хотя безпрестанно ставятся новыя пьесы и есть цѣлое, довольно большое, общество драматическихъ писателей, тѣмъ не менѣе людей выдѣлившихся изъ ряда посредственностей немного. По прежнему самымъ крупнымъ драматическимъ писателемъ остается все тотъ-же А. Н. Островскій, хотя новыя его пьесы значительно уступаютъ по выдержкѣ первымъ, прославившимъ его имя, произведеніямъ.

Къ числу лицъ, выдѣлившихся въ этой сферѣ несомнѣннымъ талантомъ, принадлежитъ молодой драматургъ Николай Яковлевичъ Соловьевъ, котораго первая-же пьеса „Женитьба Бѣлугина" имѣла такой успѣхъ и до сихъ поръ не сходитъ съ репертуара столичныхъ и провинціальныхъ сценъ. Послѣ этой пьесы нѣсколько слѣдующихъ писалъ онъ въ сотрудничествѣ съ А. Н. Островскимъ, который разумѣется не могъ не внести много въ эти пьесы съ его глубокимъ знаніемъ сцены и высокимъ талантомъ.

Н. Я. Соловьевъ, драматургъ. Съ фотогр. Шапиро, грав. Ю. Барановскій.

Н. Я. Соловьевъ родился въ 1845 году въ Рязани. Отецъ его, архитекторъ, скончался, когда мальчику было всего семь лѣтъ и жизнь опредѣлилась для него тяжелой борьбой. По окончаніи курса въ гимназіи въ 1861 г., слушаніе лекцій въ московскомъ университетѣ года черезъ три онъ долженъ былъ прекратить по недостатку средствъ, и въ его тяжеломъ положеніи юноша находилъ единственную отраду, когда ему удавалось попасть въ театръ, гдѣ такіе исполнители какъ Садовскій, Шумскій, Самаринъ, не могли не оставить сильнаго впечатлѣнія въ этомъ талантливомъ юношѣ, который уже началъ слагать въ своемъ воображеніи комедіи, драмы — призваніе его тогда уже опредѣлялось. Онъ кое-что и писалъ, но принужденъ былъ, уѣхавъ изъ Москвы, взять мѣсто учителя, въ глуши, въ Калужской губерніи, и обязанности эти исполнялъ лѣтъ шесть, когда ему удалось встрѣтиться съ К. Н. Леонтьевымъ (портретъ и біо-

графія котораго были помѣщены въ „Нивѣ“ № 20—1879 года). Этотъ въ высшей степени оригинальный, искренній человѣкъ, тонкій и изящный писатель-художникъ принялъ участіе въ молодомъ человѣкѣ и замѣтивъ въ немъ признаки несомнѣннаго дарованія, занялся имъ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ. Въ то время была написана Н. Я. вчернѣ комедія „Женитьба Бѣлугина“ и черезъ посредство К. Н. Леонтьева, по нѣкоторомъ исправленіи, была передана А. Н. Островскому, отозвавшемуся радушно и тепло настолько, что выразилъ готовность способствовать молодому автору. Участіе такого человѣка конечно оживило Н. Я. воскресило всѣ его надежды, возбудило энергію, и тутъ-же состоялось литературное сотрудничество, которое несомнѣнно много подвинуло все дѣло, имѣвшее за себя такое имя какъ имя творца „Бѣдность не порокъ“, „Свои люди сочтемся“ и другихъ всей Россіи извѣстныхъ произведеній. Въ сотрудничествѣ съ А. Н. Островскимъ г. Соловьевымъ написаны пьесы: „Счастливый день“, „Женитьба Бѣлугина“, „Дикарка“ и драма „Свѣтитъ да не грѣетъ“; безъ этого-же сотрудничества — „На порогѣ къ дѣлу“, „Прославились“ и „Медовый мѣсяцъ“ драма въ 5 дѣйствіяхъ.

Н. Я. Соловьевъ въ полномъ развитіи своего таланта и наша сцена можетъ еще многаго ожидать отъ него.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XIII.

Добрый волшебникъ.

Моська торжествовалъ и тотчасъ же, окрыленный новой надеждой, поспѣшилъ къ Танѣ, таинственно, и подъ великимъ секретомъ сообщилъ ей о своемъ посѣщеніи Гатчины, о разговорѣ съ цесаревичемъ и объявилъ какое приглашеніе ее ожидаетъ.

Таня все это время была такъ грустна и задумчива, что жаль было глядѣть на нее. Она твердо исполнила то, что считала себя обязанной исполнить, она, не смотря на всю жалость наполнявшую ее, на всю свою любовь, оторвалась отъ Сергѣя, уѣхала отъ него, но теперь, когда трудное дѣло ея было сдѣлано, ей не за чѣмъ было крѣпиться—вѣдь уже никто не уговоритъ ее вернуться туда, къ нему. Она тосковала и грустила по своей, едва расцвѣтшей и уже погубленной, юности, по честной любви, которая должна была теперь такъ безвозвратно погибнуть.

Она была увѣрена, что уже ничто и никогда не соединитъ ее съ Сергѣемъ, она думала, что навсегда порваны связывавшія ихъ нити и въ то же время она знала, что радости ея жизни покончены, что никого она не полюбитъ больше и что никогда не разлюбитъ она его, хотя онъ и недостойнымъ оказался любви ея.

Дорогою о многомъ и о многомъ она передумала, помышляла даже и о монастырѣ—какая дѣвушка ея лѣтъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, о немъ не помышляетъ—но мысль уйти отъ міра не долго ее останавливала на себѣ. Въ ней было черезъ чуръ много жизни и безсознательно для нея эта жизнь заявляла свои права. Во всякомъ случаѣ не теперь еще рѣшать съ собою—теперь она еще нужна матери и не уйдетъ отъ нея, а княгиня именно въ это время вдругъ почувствовала себя снова не совсѣмъ здоровой. Всѣ эти передряги, эта поѣздка, вопреки наставленіямъ и предсказаніямъ медиковъ, вовсе не имѣли на нее хорошаго дѣйствія, вовсе не укрѣпили ее, а напротивъ разстроили. При этомъ она мучилась мыслью о судьбѣ Тани, она странно негодовала на Сергѣя, негодовала отчасти и на Таню, потому что видѣла, что могло все иначе кончиться, что стоило только Танѣ немного сдержать себя, позабыть свою гордость, свое оскорбленное чувство, простить ему и онъ конечно былъ бы самымъ лучшимъ мужемъ и старался бы загладить всѣ прежніе свои проступки.

Вліять на Таню она конечно не могла и сознавала это, она не рѣшалась даже уговаривать ее, просить. Она считала своею обязанностью подчиняться во всемъ рѣшеніямъ своей дочери и вотъ теперь, утомленная и недовольная, она только спрашивала у дочери:

— Что же мы будемъ дѣлать? Куда мы отправимся? здѣсь жить что ли останемся, въ Петербургѣ? Или въ Москву? Или въ деревню—какъ ты рѣшила это, Таня?

— Никакъ не рѣшила, матушка. Отдохни, родная, съ врачами еще нужно о тебѣ посовѣтоваться—что они скажутъ. Ты все нездорова.

— Ахъ, да не думай ты о моемъ нездоровьи, перебила ее княгиня. Вотъ какъ увижу тебя счастливой и сама буду здорова—мое здоровье въ твоемъ счастьи.

Танѣ становилось еще тоскливѣе, но каково бы ни было ея душевное состояніе, она не могла равнодушно отнестись къ извѣстію, принесенному Моськой. Навсегда разставшись съ Сергѣемъ, она все же еще не вышла изъ подъ его вліянія относительно нѣкоторыхъ предметовъ. Она знала горячее чувство, которое онъ питалъ къ цесаревичу и уже по одному этому сама любила его, хотя никогда не видала. Она обрадовалась тому, что онъ пожелалъ увидѣть ихъ, что онъ позоветъ ихъ въ Гатчину.

И вотъ, на слѣдующій же день получила она съ матерью приглашеніе.

Княгинѣ доложили, что ее спрашиваетъ неизвѣстная дама.

— Кто бы это могъ быть? Сейчасъ выйду.

Ее дожидалась маленькая, тоненькая фигурка съ какими то особенными граціозными, воздушными движеніями, съ нѣжнымъ, будто созданнымъ изъ тонкаго фарфора, лицомъ, съ глубокими, лучистыми глазами.

Эта нежданная посѣтительница далеко не могла назваться красавицей, но вся она сіяла такой необычайной духовной красотою, что княгиня съ волненіемъ и изумленіемъ на нее взглянула. Оказалось, что это была—Екатерина Ивановна Нелидова, фрейлина великой княгини Маріи Ѳеодоровны.

Княгиня не успѣла и сообразить—какъ, что и почему, и уже узнала, что завтра утромъ ихъ ждутъ въ Гатчинѣ. Нелидова кажется и не объяснила причины, по которой цесаревичъ съ супругою пожелали ихъ представленія, она такъ ловко и мило обошла эту причину, она только совершенно обворожила княгиню. А когда вошла Таня, то взглянувъ другъ на друга, онѣ сразу и полюбили другъ друга, какъ будто были старыми, давнишними друзьями—такъ бываетъ иногда при встрѣчѣ двухъ очень хорошихъ женщинъ, въ особенности, если одна изъ нихъ обладаетъ такой „геніальностью сердца“, какою обладала Нелидова.

На слѣдующій день, въ назначенное время, онѣ были въ Гатчинскомъ дворцѣ. Тамъ ихъ встрѣтилъ самый ласковый пріемъ, какого даже онѣ никогда не могли ожидать.

И мать и дочь были очарованы простотой и добротой красавицы великой княгини. Марія Ѳеодоровна, съ необыкновеннымъ умѣньемъ опытной хозяйки успѣла занять княгиню, которая въ сущности конечно была для нея довольно скучной гостьей.

Павелъ Петровичъ сосредоточилъ свое вниманіе на княжнѣ и съ первой же минуты плѣнился ею.

Не смотря на свою непривычку къ обществу, Таня держала себя съ такимъ чувствомъ собственнаго достоинства, съ такимъ спокойствіемъ и умѣньемъ, что нужно было только удивляться, глядя на нее—откуда все это взялось въ семнадцать лѣтъ, послѣ деревенской замкнутой жизни?.. Или это душевное горе всему научило,—иногда такъ бываетъ.

Послѣ обѣда Павелъ шепнулъ великой княгинѣ.

— Мой другъ, былъ ли я правъ или нѣтъ? Стоитъ ли позаботиться о судьбѣ ея.

— Конечно да, отвѣчала великая княгиня,—это прелестная дѣвушка и было бы очень горько, если бы она сдѣлалась несчастной.

— Eh bien, vous me donnez carte blanche?

— Certainement, mon ami.

Тогда цесаревичъ устроилъ такимъ образомъ что остался вдвоемъ съ Таней. Въ первую минуту онъ даже испугалъ ее—такъ рѣзко приступилъ къ объясненію съ нею.

— Княжна, сказалъ онъ, я полюбилъ одного человѣка, который оказался недостойнымъ моего вниманія, я намѣренъ доказать ему это... вы понимаете, что я говорю о Сергѣѣ Горбатовѣ...

Таня вся вспыхнула.

— Ваше высочество, чѣмъ же это?.. Чѣмъ онъ такъ провинился передъ вами? Я хорошо его знаю и... повѣрьте мнѣ... я ручаюсь вамъ, что онъ не могъ заслужить такой немилости... онъ, который такъ сердечно вамъ преданъ...

— А, и вы тоже! напуская на себя сердитый видъ, воскликнулъ Павелъ.— Вотъ этотъ глупый карликъ тоже толкуетъ о его ко мнѣ привязанности. Хороша привязанность! Чѣмъ онъ ее можетъ доказать мнѣ?.. Единственно тѣмъ, что долженъ быть честнымъ, благороднымъ человѣкомъ, и какъ онъ поступилъ съ вами?.. Я знать его не хочу послѣ этого!

Таня опустила глаза.

Зачѣмъ проговорился Степанычъ! Вотъ ея тайна, тяжелая тайна, прикосновеніе къ которой, каждый разъ, такъ больно отзывается въ ея сердцѣ, теперь въ рукахъ цесаревича—еще пожалуй она будетъ причиной непріятностей для Сергѣя—зачѣмъ это? Какъ это ужасно! И что теперь дѣлать?

— Ваше высочество, проговорила она, стараясь совладѣть со своимъ волненіемъ, вы все знаете... я не умѣю благодарить васъ за участіе, которое вы во мнѣ приняли, но дозвольте мнѣ сказать вамъ, что въ моемъ дѣлѣ вы не можете быть судьею. Я одна только имѣю право судить Сергѣя Борисыча—и я его давно оправдала.

— Vous êtes un ange de bonté, mais tant pis pour lui! съ чувствомъ сказалъ Павелъ.—Вы побѣдили меня и даете мнѣ хорошій урокъ. Да, вы правы—это ваше дѣло и вы въ немъ судья, но я буду просить васъ все же не считать меня совершенно постороннимъ человѣкомъ въ вашемъ дѣлѣ. Видите ли, я имѣю глупую слабость къ нему, къ этому недостойному васъ, Сергѣю, а познакомиться съ вами и не полюбить васъ, я тоже не могъ, ну и понятно, что мнѣ больно подумать о томъ, какъ этотъ глупый человѣкъ нанесъ вамъ обиду и самъ убѣжалъ отъ своего счастья. Я не могу успокоиться на этомъ, я долженъ вернуть васъ другъ другу, да, я ставлю это себѣ задачей. Я до тѣхъ поръ не успокоюсь... слышите не успокоюсь, пока васъ не повѣнчаю.

— Ахъ, какъ вы добры, ваше высочество, съ навернувшимися слезами прошептала Таня,—но то, что вы говорите, невозможно, никогда этого не будетъ.

— Будетъ, не сердите меня, будетъ непремѣнно, я вамъ за это ручаюсь, хотя конечно не сейчасъ, не скоро... нѣтъ, его проучить надо. Нужно, чтобы онъ прошелъ хорошую школу, чтобы онъ хорошенько, какъ слѣдуетъ, наконецъ понялъ всю гнусность вины своей передъ вами, чтобы онъ переродился и перерожденнымъ, истинно раскаявшимся грѣшникомъ явился передъ вами, да и тогда еще вы его испытаете, и тогда еще не сразу покажете ему возможность счастья, пусть онъ его заслужитъ хорошенько. Когда онъ вернется сюда я не знаю, можетъ быть пройдетъ годъ, другой, третій, все возможно, но знаете, какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что онъ вернется именно такимъ, какимъ я желаю его видѣть. Онъ не можетъ забыть васъ, онъ не можетъ найти кого-нибудь другого на ваше мѣсто—такихъ какъ вы не забываютъ. Пусть онъ помучится хорошенько, а все же къ вамъ вернется. Пока же у меня до васъ большая просьба: мы съ женой сразу, съ первой минуты полюбили васъ какъ родную, какъ будто бы вы были нашей дочерью, видите, я говорю прямо и просто—я не умѣю иначе, когда мнѣ сердце подсказываетъ слова—оставайтесь у насъ, не покидайте насъ и ждите здѣсь съ нами вмѣстѣ возвращенія вашего Сергѣя. На этихъ дняхъ вы будете вѣроятно назначены фрейлиной великой княгини—согласны?

Таня поднялась растерянная, растроганная, она уже не могла удерживать благодарныхъ слезъ и невольнымъ движеніемъ протянула руки къ великому князю.

— Ахъ, какъ вы добры, шептала она сквозь слезы.—Сергѣй много говорилъ мнѣ о добротѣ вашей, но то, что я вижу и слышу...

Она не могла договорить. Павелъ крѣпко сжалъ ея руки.

— Успокойтесь, дитя мое, сказалъ онъ ласково, нѣжнымъ, почти даже женскимъ голосомъ.

Когда Таня нѣсколько успокоилась, первая мысль, пришедшая ей въ голову, была о томъ, что все же ей невозможно воспользоваться добротой и милостями цесаревича и его супруги—а какъ же мать? Она не имѣетъ никакого права ее покинуть, да если бы и имѣла, она по чувству своему никогда не рѣшится на это. Она прямо и выразила все это цесаревичу.

— А вы полагаете, что объ этомъ не подумали и не поняли, отвѣтилъ онъ—конечно и княгини должна тоже здѣсь остаться и не разлучаться съ вами и вотъ можетъ быть теперь, въ эту минуту, жена и говоритъ ей объ этомъ.

Возраженій никакихъ не оставалось: дальнѣйшая судьба Пересвѣтовыхъ была рѣшена—онѣ оказались жительницами Гатчины. Карликъ былъ отправленъ со всякими инструкціями, съ письмомъ отъ цесаревича къ Сергѣю и со строжайшимъ наказомъ чуть что не подъ страхомъ смерти молчать обо всемъ, чему онъ былъ свидѣтелемъ. Онъ долженъ былъ извѣщать княжну время отъ времени о себѣ и о своемъ господинѣ, ему обѣщано было, что и его не оставятъ безъ вѣстей—но Сергѣй долженъ былъ оставаться въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что Таня находится въ Гатчинѣ.

Добрый волшебникъ взялся все устроить ко всеобщему благополучію и употребилъ всѣ способы для того, чтобы все совершилось именно такъ, какъ онъ задумалъ. Когда должна была наступить развязка, черезъ годъ, черезъ два, черезъ три—это былъ самый дальній срокъ, какой только могъ представляться дѣйствующимъ лицамъ, а между тѣмъ время шло не принося ничего новаго; прошло цѣлыхъ семь лѣтъ. Вотъ уже три года, какъ умерла княгиня Пересвѣтова, вотъ уже три года какъ Таня совсѣмъ одинока, но не чувствуетъ себя сиротою въ семьѣ цесаревича—къ ней всѣ такъ привыкли, ее всѣ такъ любятъ, время отъ времени Павелъ Петровичъ напоминаетъ ей объ обѣщанной развязкѣ. Великая княгиня, напротивъ, давно уже предлагаетъ ей разныхъ жениховъ, давно уже заботится о томъ, чтобы устроить судьбу ея—княжна Таня богатая, знатная невѣста—но усилія великой княгини не приводятъ ни къ

Изъ средневѣковой жизни. Ландскнехты. Картина Э. Гильдебрандта, грав. БрендʼАмуръ.

чему: въ Гатчинѣ мало жениховъ подходящихъ къ Танѣ, но главное дѣло и не въ женихахъ—Таня никого знать не хочетъ, она вѣрна далекому человѣку, который не имѣетъ о ней, благодаря распоряженію цесаревича, никакихъ извѣстій, но о которомъ сама она, черезъ стараго друга Моську, знаетъ все, что ей знать нужно. Таня ждетъ и каждый разъ, когда добрый волшебникъ напоминаетъ ей, что цѣль непремѣнно будетъ достигнута, что счастливая развязка наступитъ, она снова ободряется и снова вѣритъ доброму волшебнику, и ни она, ни этотъ добрый волшебникъ не замѣчаютъ, что время идетъ, хотя медленно, однообразно, но идетъ своею чередою, унося годъ за годомъ, унося жизнь и молодость, не замѣчаютъ они этого—вѣдь время остановилось въ Гатчинѣ...

XIV.

Сбудется ли?

Добрый волшебникъ былъ правъ. Вернувшись въ воскресенье изъ Петербурга, онъ тотчасъ же отправился въ помѣщеніе, которое занимала княжна Таня.

Она сидѣла за чтеніемъ—своимъ любимымъ и главнѣйшимъ занятіемъ среди тишины и однообразія гатчинскаго существованія.

Павелъ Петровичъ почти никогда не заглядывалъ въ ея комнату и потому она очень изумилась его появленію. Но взглянувъ на него она сейчасъ же догадалась, что случилось что нибудь важное и хорошее. Она давно уже научилась читать въ лицѣ цесаревича, знала всѣ его пріемы, всѣ мины. Встрѣчаясь съ нимъ, она тотчасъ же видѣла въ какомъ онъ настроеніи, хорошо ли у него на душѣ, или дурно. Если онъ разсерженъ, если что нибудь томитъ его, мучаетъ—тогда не видно его глазъ, они будто чѣмъ-то подернуты—тогда онъ дуренъ. Если хорошо, если какое нибудь доброе чувство, какая нибудь надежда трепещутъ въ его сердцѣ—глаза сіяютъ и искрятся и освѣщаютъ собою все это некрасивое странное лицо, онъ неузнаваемъ, будто другой человѣкъ, смотришь на него и не понимаешь, какъ это можно считать его некрасивымъ.

Вотъ и теперь взглянула Таня, онъ хорошъ—значитъ пришелъ съ хорошей вѣстью.

— А вы за книжкой, дитя мое, проговорилъ цесаревичъ, подсаживаясь къ ней—и пожимая ея руку. Мнѣ кажется вы слишкомъ много читаете, слишкомъ много пишете, глаза себѣ только испортите. И что вы такое пишете?

— Извлеченіе изъ каждой книги, которую я прочла, и которая меня заинтересовала, ваше высочество.

— Ну, и потомъ...

— Мои разсужденія по поводу этой книги.

— Вотъ какъ! Вы у насъ ученой дѣвицей стали, философомъ пожалуй, а я и не зналъ объ этомъ. Ну, а эти тетрадки ваши, эти разсужденія, вы мнѣ дадите ихъ на просмотръ, на цензуру?

— Съ большимъ удовольствіемъ, ваше высочество, если это можетъ интересовать васъ.

— Очень даже интересуетъ, только не теперь, не сейчасъ—теперь я другимъ занятъ. Я пришелъ къ вамъ съ доброй вѣстью.

— Это я тотчасъ же и увидѣла. Я жду вашей вѣсти, но сама не посмѣла васъ спрашивать.

— И мысленно бранили меня за то, что я медлю?

— Еще бы не бранить, я просто обвиняю васъ въ жестокости—вѣдь уже не первый разъ я замѣчаю, что вы любите томить человѣка.

— Ну полно, полно, я не хочу съ вами ссориться и браниться—вотъ вамъ добрая вѣсть. Сегодня я видѣлъ одного знакомаго вамъ человѣка.

— Какого человѣка?

— Сами догадайтесь.

Таня вспыхнула.

— Неужли онъ наконецъ вернулся? Неужли онъ здѣсь? прошептала она.

— Да, онъ вернулся. Вѣдь нужно же было когда нибудь ему вернуться, вѣдь и такъ мы съ вами черезъ чуръ долго ждали, другъ мой.

Таня опустила голову и глубоко задумалась.

— Что же вы какъ будто печальны? Неужели я не обрадовалъ васъ моей вѣстью?.. Да, понимаю, того, что я сказалъ вамъ, мало... но успокойтесь же—вѣсть моя добрая не потому только, что онъ вернулся, а потому, что вернулся именно такимъ, какимъ мы съ вами его ждали. Я успѣлъ кое о чемъ разспросить его и доволенъ имъ. Онъ намѣренъ васъ разыскивать и никакого понятія не имѣетъ о томъ, что вы здѣсь: карликъ не проговорился.

— Я въ этомъ не могла и сомнѣваться.

— Ну, и вотъ на этихъ же дняхъ онъ здѣсь будетъ, сами увидите, каковъ онъ. Я и хотѣлъ предупредить васъ и при этомъ дать вамъ совѣтъ, какъ его встрѣтить.

— Какъ его встрѣтить, ваше высочество... какъ же иначе могу я его встрѣтить, если не какъ стараго друга?

— Да, конечно, но повѣрьте мнѣ, о дружбѣ не будетъ и рѣчи, онъ потребуетъ отъ васъ другаго и вотъ тутъ то вы должны быть осторожны, слышите-ли, сразу сдаться и не думайте—я вамъ это запрещаю! Вы должны будете не на словахъ только, а на дѣлѣ убѣдиться въ его раскаяніи, пусть онъ хорошенько заслужитъ свое прощеніе—иначе онъ васъ не получитъ, мы васъ не отдадимъ ему.

Таня слабо улыбнулась.

— А вѣдь вы еще меня видно мало знаете, ваше высочество,—мнѣ не нужно вашего запрета и вашего предупрежденія. Тогда я была совсѣмъ ребенкомъ, а и тогда вѣдь справилась съ собою, теперь же... неужели вы полагаете, что я сдѣлаю рѣшительный шагъ, рѣшительный, неповоротный, не получивъ твердой увѣренности, что новой ошибки не будетъ. И нечего намъ больше говорить объ этомъ. Только скажите мнѣ, ваше высочество, какъ вы его нашли? Здоровъ ли онъ?.. измѣнился... каковъ сталъ онъ теперь?

— Да, онъ измѣнился, уже далеко не мальчикъ... впрочемъ вамъ, сударыня, вѣрно не того надобно, съ улыбкою прибавилъ Павелъ, вѣрно желаете знать, не подурнѣлъ ли вашъ Сергѣй Борисычъ? Успокойтесь и въ этомъ не хуже сталъ чѣмъ былъ, на мой взглядъ даже лучше.

— Я о красотѣ его вовсе не думала, серьезно отвѣтила Таня, но вотъ вы заговорили о красотѣ и наводите меня на новую мысль. Я то съ тѣхъ поръ измѣнилась, мнѣ вѣдь ужъ двадцать пять лѣтъ—для дѣвушки это года большіе. Вы должны знать, ваше высочество, что я не много думаю о своей наружности—даже великая княгиня не разъ меня бранила за это—но я все же хорошо знакома съ зеркаломъ, и зеркало говоритъ мнѣ, что я очень измѣнилась и уже конечно не въ свою пользу.

Павелъ Петровичъ откинулся въ креслѣ и смѣрилъ Таню быстрымъ, внимательнымъ взглядомъ.

— Да, вы измѣнились, проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—но только не смѣйте клеветать на себя—вы стали несравненно лучше, чѣмъ когда я узналъ васъ. Если бы я былъ моложе и считалъ это для себя дозволительнымъ, я насказалъ бы вамъ много комплиментовъ, но моихъ комплиментовъ вамъ не надо и я не люблю ихъ. Я гляжу на васъ какъ старый другъ, почти какъ отецъ.

Таня довѣрчиво, благодарно протянула руки къ цесаревичу и посмотрѣла на него въ свою очередь съ искреннимъ, дочернимъ чувствомъ.

— Вотъ поэтому то, что вы меня немножко любите,

съ милой улыбкой произнесла она. я вамъ. можетъ быть. и кажусь лучше. чѣмъ въ дѣйствительности и вы не хотите видѣть тѣхъ перемѣнъ. которыя оставило на мнѣ время: къ тому же вы привыкли къ нимъ. Вамъ трудно и замѣчать ихъ—я всегда на глазахъ у васъ. но человѣкъ. не видѣвшій меня семь лѣтъ. не то скажетъ. Онъ сразу увидитъ всѣ эти перемѣны. неизбѣжныя, фатальныя перемѣны.

— Лжете. лжете! почти уже начиная сердиться. перебилъ ее Павелъ Петровичъ.—Да. очень можетъ быть. если бы эти семь лѣтъ вы иначе прожили... въ другомъ мѣстѣ. если бы вы жили въ Петербургѣ. тамошней вредной жизнью. въ тамошнемъ вредномъ воздухѣ. если бы превращали день въ ночь. а ночь въ день. утомлялись на разныхъ глупыхъ празднествахъ. очень можетъ быть. даже навѣрное. вы бы измѣнились и постарѣли. а здѣсь не то... Гатчинскій воздухъ не чета петербургскому—здѣсь деревня. никакой болотной сырости... Здѣсь вы ведете правильную жизнь. рано встаете. рано ложитесь. во всемъ мѣру знаете. никакихъ излишествъ. Я смѣю думать, что мы сберегли васъ и этотъ Сергѣй долженъ намъ сказать большое спасибо. Да и наконецъ. о какихъ пустякахъ мы съ вами толкуемъ... пусть бы вы даже измѣнились наружно. пусть бы вы подурнѣли—хорошъ онъ будетъ. если обратитъ на это вниманіе! Если онъ любитъ не васъ. а только вашу свѣжесть и молодость—намъ его не надо. не такъ-ли?

— Такъ. ваше высочество. такъ. отвѣтила Таня. но все оставалась задумчивой.

Не смотря на всю свою серьезность и благоразуміе. на полное отсутствіе въ ней кокетства и желанія нравиться. она все же была женщиной. и больно было ей думать о томъ. что можетъ быть человѣкъ. котораго она столько любила. котораго забыть не была въ силахъ. который оставался ея первой и конечно уже последней любовью. при встрѣчѣ найдетъ ее подурнѣвшей. постарѣвшей.

И не замѣчала она въ своей задумчивости. что цесаревичъ продолжаетъ глядѣть на нее и любоваться ею, не понимала, что для него ясно рѣшеніе этого вопроса и что про себя онъ шепчетъ: „Останется благодаренъ. что сберегли ее... Нужно глазъ не имѣть, чтобы не плѣниться такой красавицей... Конечно она стала еще лучше. чѣмъ была прежде!“

И онъ былъ правъ. Танѣ рано было старѣться и здоровая. крѣпкая натура, при скучной и однообразной. но правильной жизни. сдѣлала ее. именно теперь. въ двадцать пять лѣтъ. самой прелестной. самой роскошной женщиной, какую только можно себѣ представить.

Съ дѣтства живое и выразительное лицо ея теперь совсѣмъ осмыслилось; съ него сбѣжали излишнія юношескія краски. на немъ лежала прелесть чистой, разумно пережитой юности.

Таня поражала всякаго своей красотою и объ этой красотѣ говорили всѣ, кто хоть разъ ее видѣлъ. Но она не знала этого, она никогда не подмѣчала изумленныхъ и восторженныхъ взглядовъ.

И вотъ когда. послѣ радостнаго свиданія съ Моськой. ободренная цесаревичемъ. она вышла въ столовую. гдѣ должна была встрѣтиться съ Сергѣемъ. она трепетно ждала этой первой минуты. Она позабыла свои страхи, не думала о своей наружности. И Сергѣй въ первую минуту не замѣтилъ лица ея, онъ ощущалъ только ея присутствіе. ея близость. онъ почувствовалъ только пожатіе руки ея. замѣтилъ невольную дрожь. пробѣжавшую по ея рукѣ. Этого съ него было довольно. онъ былъ счастливъ. онъ не смѣлъ даже поднять глазъ на нее.

Но первыя минуты прошли. онъ рѣшился. онъ взглянулъ и былъ ослѣпленъ ея красотою.

— Боже. какъ вы измѣнились. княжна! невольно выговорилъ онъ и растерянно и счастливо ее разглядывая.

Она испугалась. она всѣ силы употребила. чтобы скрыть свое волненіе. сердце ея больно застучало.

„Ну вотъ. я измѣнилась. я такъ измѣнилась, что онъ сейчасъ же и сказалъ мнѣ это!“

— Подурнѣла. конечно? съ насмѣшливой улыбкой спросилъ цесаревичъ.

— Какъ подурнѣла?!

Сергѣй даже ничего не понялъ. онъ совсѣмъ растерялся.

— Я помню васъ другою... я такъ привыкъ съ дѣтства къ вашему лицу и я никогда не зналъ. что вы такая красавица... Простите мнѣ—я самъ не знаю. что говорю.

Цесаревичъ смѣялся.

— На сегодня должны тебѣ проститься всѣ твои глупости. Ну. а теперь скажи мнѣ. сударь. какъ же ты съ отставкой.—будешь хлопотать, что ли? Намѣренъ уѣзжать въ деревню?

Сергѣй оглянулся. Добрый волшебникъ обо всемъ подумалъ: за столомъ кромѣ нихъ никого не было. Только карликъ Моська приткнулся къ спинкѣ Танинаго кресла и радостно на всѣхъ поглядывалъ.

— Да. ваше высочество. сказалъ Сергѣй. я буду хлопотать объ отставкѣ. но не съ тѣмъ. чтобы ѣхать въ деревню... Я рѣшаюсь опять. послѣ восьми лѣтъ. обратиться къ вамъ съ просьбой: возьмите меня. ради Бога. къ себѣ. дозвольте мнѣ служить вамъ здѣсь. въ Гатчинѣ. найдите мнѣ какое нибудь занятіе—все равно какое—можетъ въ чемъ и пригожусь вамъ.

— Объ этомъ подумаемъ. серьезно отвѣчалъ цесаревичъ. Теперь пожалуй какъ нибудь это еще возможно устроить—терять тамъ тебѣ нечего. только послушай. сударь. я ненадежныхъ людей не принимаю. а ты ужь записанъ въ ненадежные. Знаешь-ли. вчера я про тебя слышалъ... тебя называютъ вольтерьянцемъ.

— Вольтерьянцемъ? изумленно переспросилъ Сергѣй. Кто меня такъ называетъ?

— Да какъ сказать тебѣ... не пройдетъ и недѣли—всѣ такъ величать станутъ. Слово это произнесено княземъ Зубовымъ. а онъ считается великимъ знатокомъ людей и поставляетъ своею задачею изгонять духъ вольтеріанства.

— Я долженъ былъ ожидать этого. замѣтилъ Сергѣй. но въ такомъ случаѣ мнѣ легче будетъ получить отставку. А вы. ваше высочество... вы не сочтете меня вольтерьянцемъ за то, что я въ юности зачитывался этимъ философомъ и своими глазами видѣлъ все то ужасное зло. которое произошло отъ того. что мечты писателей насильно вздумали проводить въ жизнь. не справившись о томъ, подготовлена ли почва. могутъ ли созрѣть и принести добрые плоды эти мечтанія?!.

— Но все же Вольтеръ, по твоему. великій писатель?.. перебилъ Павелъ.

— Конечно. ваше высочество, и его творенія, смотря по тому кто и какъ ими пользуется, могутъ принести и огромную пользу и вредъ огромный. Не знаю удачно ли будетъ мое сравненіе. но я скажу, вспомнивъ недавній мой разговоръ съ однимъ знаменитымъ англійскимъ медикомъ. который дѣлаетъ наблюденія надъ ядовитыми веществами: Мышьякъ—страшный и могучій ядъ. но все зависитъ отъ того въ чьихъ онъ рукахъ и какъ имъ пользуются. Мышьякъ можетъ сразу убить человѣка. заставить его умереть въ страшныхъ мученіяхъ и въ то же время. судя по наблюденіямъ и опытамъ медика, о которомъ я говорю. этотъ же мышьякъ. принятый въ извѣстныхъ дозахъ и надлежащимъ образомъ. излѣчиваетъ многія болѣзни.

Цесаревичъ задумался.

— Да, пожалуй ты правъ и если ты дѣйствительно умѣешь обращаться съ господиномъ Вольтеромъ, то это

еще грѣхъ не большой. Но все же тебѣ отъ этого не легче: разъ убѣдятъ кого слѣдуетъ, что ты вольтерьянецъ—ты пропалъ. Отставятъ тебя отъ службы—это конечно и безъ всякихъ просьбъ твоихъ и хлопотъ отставятъ—но при этомъ тебя не пустятъ ни въ Гатчину, ни даже въ деревню пожалуй, а попросятъ тебя поселиться въ какомъ нибудь иномъ мѣстѣ, для тебя совсѣмъ неудобномъ.

Таня невольно поблѣднѣла. Нѣкоторое безпокойство выразилось и на лицѣ Сергѣя.

— Зачѣмъ вы меня пугаете, ваше высочество, сказалъ онъ. Я надѣюсь на защиту друзей моихъ, которые не дадутъ меня въ обиду. Я твердо разсчитываю на справедливость государыни, я докажу ей, что я вовсе не вольтерьянецъ въ томъ смыслѣ, который можетъ считаться предосудительнымъ.

— Только будь остороженъ, замѣтилъ цесаревичъ, и о твоихъ дѣлахъ нужно хорошенько теперь подумать. Я соображу кое что и потолкуемъ.

Скоро въ иныхъ разговорахъ, разспросахъ и Сергѣй и Таня, да и самъ цесаревичъ забыли объ опасныхъ предзнаменованіяхъ, вызванныхъ пущеннымъ мстительнымъ Зубовымъ словомъ „вольтерьянецъ“.

Только Моська, продолжавшій неподвижно стоять за кресломъ Тани, не забылъ объ этомъ. Съ его лица сошло вдругъ блаженное выраженіе, онъ снова сморщился, нахмурился и что-то шепталъ про себя.

Наконецъ, улучивъ удобную минуту, онъ подкрался къ Сергѣю и пропищалъ ему на ухо:

— Вотъ, батюшка, еще въ Горбатовскомъ толковалъ я, никакого проку отъ вашего Вольтера не будетъ, такъ ты меня съ французомъ въ заней гналъ! анъ и правду говорилъ я тогда, напакоститъ тебѣ господинъ Вольтеръ—что мы тогда сдѣлаемъ?!

— О чемъ это онъ шепчется? спросилъ цесаревичъ замѣтивъ карлика.

— О томъ же, ваше высочество, о Вольтерѣ... тоже пугаетъ.

— Такъ и ты, любезный, знакомъ съ этимъ господиномъ? съ улыбкой обратился Павелъ къ Моськѣ.

— А то какъ же, ваше императорское высочество, запищалъ карликъ, я книжки то его, сочиненія эти, самъ отъ доски до доски разъ десятокъ перечитывалъ, только многаго понять не могъ, потому—глупости, сущіе пустяки тамъ написаны... Пустой это человѣкъ, господинъ Вольтеръ, доложу я вашему императорскому высочеству, ужь повѣрьте, совсѣмъ пустяшный—французъ—одно слово!..

Цесаревичъ подозвалъ къ себѣ Моську и съ видимымъ удовольствіемъ началъ его разспрашивать.

Сергѣй и Таня были предоставлены самимъ себѣ, но разговоръ ихъ все какъ-то не вязался—они не могли еще сладить со своимъ волненіемъ и радостью.

(До слѣд. №).

Во время бури.

Романъ

М. Іокая.

(Окончаніе).

XXX.

Опять Иллаван.

— Вотъ вамъ моя благодарность за „маленькое, спокойное мѣстечко для меня, подальше отъ Корнеля!“ произнесъ съ злораднымъ смѣхомъ Кацуръ, вложивъ (напечатанное золотыми буквами), приглашеніе въ конвертъ и надписывая адресъ: „его сіятельству, графу Фердинанду Теметвени. Приглашеніе на свадьбу Донны Аталанты Маріи Долоресъ и барона Корнеля Опатовскаго.“

Это приглашеніе, впрочемъ, не было неожиданностью для Теметвени: однажды утромъ графиня Пальма нашла у себя на столѣ газету, въ которой была подробно разсказана вся исторія: прыжокъ въ воду, причина этого поступка, чудесное спасеніе и романическое заключеніе. Все остальное угадать было не трудно.

— Что же теперь дѣлать намъ? спросила она отца—бѣжать за нимъ въ Прагу?

— Не огорчайся, Пальма, я отплачу за это, клянусь! Но теперь дѣло не въ томъ, а намъ необходимо предупредить непріятное положеніе, въ которомъ мы могли бы очутиться. Намъ необходимо такъ повернуть все это, какъ будто мы прогнали его, а не онъ отказался. Скандалъ, произведенный имъ, можетъ служить достаточнымъ поводомъ къ разрыву отношеній и свѣтъ пойметъ и санкціонируетъ это. Но твоя свадьба должна произойдти прежде чѣмъ будетъ его.

— Моя свадьба? Можетъ быть, вы прикажете, чтобы я добыла себѣ жениха чрезъ контору брачныхъ дѣлъ?

— Пиши сейчасъ же Иллаван.

— Иллаван? Иллаван? Не должна ли я написать ему: шайка Криванскаго опять здѣсь. Спѣшите на помощь къ намъ! Поѣзжайте опять вокругъ свѣта и привезите мнѣ назадъ ту драгоцѣнность, которой я лишилась—ваше сердце?

— Ты не лишилась его. Онъ еще любитъ тебя и не переставалъ думать о тебѣ.

— И въ награду за это я сдѣлаю ему честь объявить ему, что обезьяна убѣжала, клѣтка пуста, придите занять ея мѣсто?

— Ты не должна извращать моихъ словъ. Я искренно желаю его возвращенія и самъ бы написалъ ему, но онъ не повѣритъ мнѣ. А, между тѣмъ, могу поклясться предъ Богомъ, что призываю его, потому что безконечно его уважаю, потому что хорошо узналъ его и отказался отъ пустаго тщеславія, изъ за котораго разъединилъ васъ обоихъ. Объ этомъ я уже больше не думаю и желаю сдѣлать его почетнѣйшимъ членомъ нашей фамиліи. Я открою ему путь къ блестящей карьерѣ и если онъ желаетъ—передамъ ему все состояніе мое, но онъ не повѣритъ мнѣ. А я искренно желаю этого.

— Такъ ты желаешь чтобы я написала Иллаван?

— Прошу, умоляю тебя.

— А знаешь ли что выйдетъ изъ этого?

— Я знаю только одно, что ты 16-го числа этого мѣсяца должна появиться въ свѣтъ какъ его жена.

— Скажу тебѣ напередъ—вотъ что будетъ. Я напишу Иллаван. И если онъ, послѣ всѣхъ оскорбленій, которыя вынесъ отъ насъ, отъ меня, пріѣдетъ вновь просить моей руки,—то я буду презирать этого человѣка, замужъ за него я выйду, но—замучаю его до смерти. Но, если же онъ отвѣтитъ мнѣ, что имъ играть нельзя, что нельзя сегодня гнать его, а завтра призывать назадъ,—то я буду обожать его и умру отъ этого...

— Пиши, пиши! нетерпѣливо произнесъ въ отвѣтъ графъ, который, прежде всего, хотѣлъ избѣгнуть униженія дома Теметвени.

— Не знаю какъ начать.—Какъ я напишу ему—„Милостивый Государь!“—„Многоуважаемый“. „Милый другъ!“—„Мой единственный, послѣдній другъ!“

— Да, такъ будетъ хорошо.

— Такъ въ этомъ тонѣ. Помоги мнѣ, диктуй.

Графъ продиктовалъ:

— „Я оттолкнула идіота“...

Пальма написала говоря „нѣтъ, не такъ!“

— „Идіотъ оттолкнулъ меня“...

Она написала, она смирялась, она звала его опять...

Иллаван, въ то время, былъ уже адвокатомъ—у себя дома. Въ прежнее время, не то что теперь, адвокатское сословіе пользовалось общимъ почетомъ, котораго тогда вполнѣ и заслуживало.

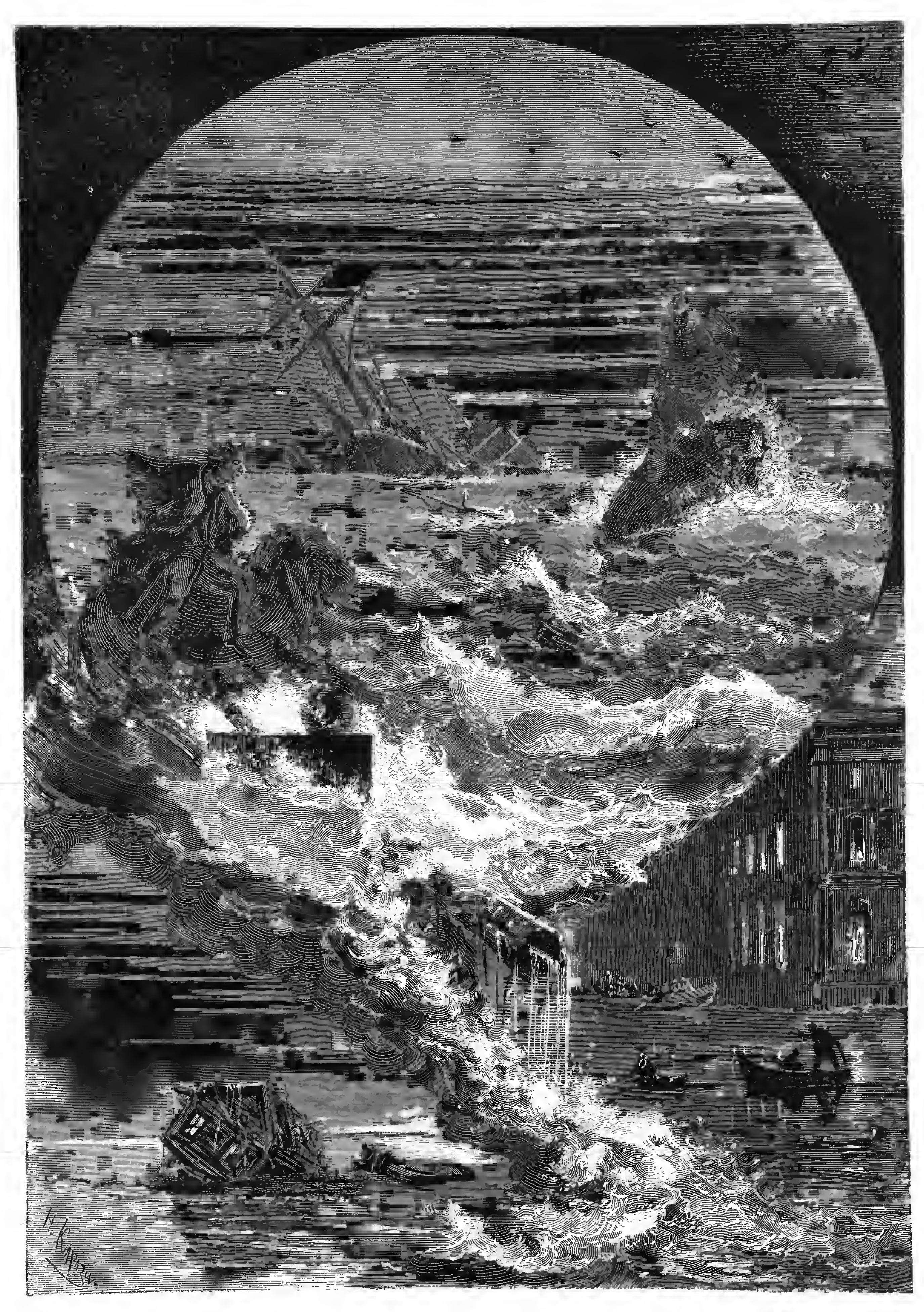
Францъ былъ усердный, трудолюбивый человѣкъ, и дѣла его шли успѣшно. Одно только неудобство смущало его: въ его помѣстьи не было почтовой станціи и потому, каждое болѣе важное письмо ему приходилось отсылать съ своимъ помощникомъ въ мѣстечко, гдѣ было почтовое отдѣленіе, откуда тотъ привозилъ ему квитанцію.

Когда пришло письмо Пальмы, онъ былъ одинъ въ своей канцеляріи.

И хорошо вышло, что никто не видѣлъ выраженія его лица въ ту минуту, когда онъ узналъ отъ кого письмо, открылъ его и прочелъ.

Торжествующій вскочилъ онъ съ своего мѣста, потрясая письмомъ надъ головой.

— И твое имя стоитъ здѣсь, графъ Фердинандъ Теметвени? „Читалъ“. Ну, такъ, иди сюда, прочти и то письмо, которое ты написалъ мнѣ десять дней тому назадъ, читай оба сразу! „Въ нашемъ кругу это называется юношескими шалостями“ „...наконецъ промѣнялъ меня на канатную плясунью“—„наши чувства не перемѣнятся къ нему“. „Я—трупъ—презрительный смѣхъ свѣта служитъ мнѣ похороннымъ звономъ“.



Литературный альбомъ. „Мѣдный всадникъ", поэма А. С. Пушкина. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

— А! мнѣ открываютъ блестящую карьеру! Уже теперь не тюрьму больше? не военный судъ? Ты умѣешь держать обѣщаніе, графъ Фердинандъ Теметвени: будь у тебя еще одна дочь ты бы отдалъ ее мнѣ! Ну, вотъ, нашелъ дочь и мнѣ отдаешь.

Еще разъ прочелъ онъ письмо Пальмы. Лицо его еще омрачилось. „Ужъ не шутка ли это? Не хотятъ ли они опять сыграть со мной что нибудь скверное? Отъ нихъ станется! Опять, пожалуй, хотятъ насмѣяться надо мною. Вѣрно держали съ кѣмъ нибудь пари.

Но, въ эту минуту ему попалось на глаза другое письмо. То было приглашеніе на свадьбу Аталанты и Корнеля.

— Вотъ какъ! Анатварское княжество соединяется съ княжествомъ Зафаринскимъ!

Францъ понялъ теперь, почему Теметвени снова обратились къ нему.

— А! вы тоже получили это приглашеніе и подъ уничтожающимъ впечатлѣніемъ его, написали мнѣ ваше письмо! И онъ въ четвертый разъ принялся читать его, бросая, послѣ каждаго періода, взглядъ на золоченое шутовское приглашеніе. Графъ Фердинандъ Теметвени—и кавалеръ ордена Фламинго dos-à-dos!

— И у васъ хватило духу написать мнѣ это письмо, прелестная графиня! Неужели же я такъ жалокъ въ вашихъ глазахъ?

Иллаваи тотчасъ же сѣлъ къ столу и написалъ отвѣтъ, которымъ остался доволенъ. Все высказалъ онъ, спокойно и съ достоинствомъ. Изъ этого отвѣта они узнаютъ его еще лучше. Они его вполнѣ заслужили! Ему захотѣлось отвезти свое письмо сейчасъ же самому.

Нѣсколько минутъ спустя онъ уже ѣхалъ по направленію къ мѣстечку, гдѣ было почтовое отдѣленіе.

Иллаваи подъѣхалъ къ почтовому дому. Почтмейстеръ встрѣтилъ его у самаго крыльца. Къ нашему общему, съ читателями, удивленію, это былъ никто иное, какъ—Горомболи.

Оставшись, послѣ сдачи главныхъ венгерскихъ силъ, подъ Коморномъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни, онъ избралъ эту скромную карьеру, такъ какъ она все же болѣе подходила венгерцу: приходится имѣть дѣло съ лошадьми.

Францъ передалъ ему свое письмо къ Пальмѣ.

— Ага! воскликнулъ Горомболи, ты пишешь графинѣ Пальмѣ! Отчего же самъ не ѣдешь? Она теперь одна въ Гарговарѣ и приметъ теперь тебя съ самой граціозной улыбкой.

— Туда я никогда больше не поѣду а женскихъ улыбокъ съ меня уже довольно.

— Пойдемъ, я внесу твое письмо въ реэстръ.

Пока Горомболи перелистывалъ свою книгу, Иллаваи вдругъ пришло на память одно обстоятельство.

— Горомболи! помнишь ты свою знаменитую экспедицію, когда еще хотѣлъ разстрѣлять меня? На прощаньи мы заговорили съ тобой о той... Дальнаварской... Ты сказалъ мнѣ вотъ этими словами: „О, еслибы ты зналъ то, что знаю я!“

— Какъ же не помнить!

— Скажи же мнѣ—что ты такое зналъ тогда. Ты, вѣдь, былъ въ Дальнаварѣ. Видѣлъ ты ее?

Горомболи взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Да развѣ тебѣ ничего не извѣстно о ней?

— Да я и спрашивать то никогда не хотѣлъ, а теперь хотѣлось бы знать—за кого это она вышла?

— За кого? Да она совсѣмъ не выходила замужъ, милый другъ, и никогда не выйдетъ; за нѣсколько дней до вашей свадьбы бѣдняжка получила оспу, которая порядочно таки испортила лицо ей.

Иллаваи поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Какъ? Не оттого ли она написала мнѣ, что не любитъ меня а избрала другаго?

— Конечно оттого. Она знала, что ты изъ чувства чести возьмешь ее и боялась сдѣлать тебя несчастнымъ на всю жизнь.

Францъ не произнесъ ни слова. Онъ вынулъ записку, которую нѣкогда получилъ изъ Дальнавара и съ которой онъ никогда не разставался.

Эту записку онъ теперь покрылъ поцѣлуями. Въ глазахъ его были слезы.

— Вели закладывать.

— Куда же? въ Дальнаваръ?

— Конечно!

И онъ поскакалъ въ Дальнаваръ. Онъ былъ слишкомъ погруженъ въ мысли о той бѣдной дѣвушкѣ.

А она, дѣйствительно, много вынесла за эти два года, которые прошли со времени ея отказа Иллаваи. Ея братъ убитъ въ сраженіи, мать ея умерла съ горя и дѣвушка осталась почти совсѣмъ одна въ бѣломъ свѣтѣ. Дальнаваръ стоитъ угрюмый и молчаливый. Никто не появляется въ немъ, ни родные, ни знакомые. Да и къ чему теперь смотрѣть на нее, эту бѣдную страдалицу? Прелестное лицо покрыто рябинами. И только благородныя очертанія классическаго профиля, прекрасные, блестящіе глаза и пунцовые, какъ кораллы, губы напоминаютъ о ея прежней красотѣ.

Она знаетъ и страдаетъ молча. Но не объ одной себѣ она горюетъ. Въ эти длинные, безконечно-длинные и монотонные дни одиночества, дѣвушка часто думаетъ о томъ, кого такъ много и сильно любила и любитъ и теперь еще.

Какъ должна быть грустна и его жизнь! Это она писала Пальмѣ тѣ письма объ Иллаваи. И какъ она радовалась счастью, которое улыбалось ему! За то какъ горько было ей узнать, что все рушилось!

Тяжело, слишкомъ тяжело, если жизнь одинъ разъ отнимаетъ у человѣка его счастье—но—дважды!..

Какъ долженъ онъ теперь ненавидѣть весь міръ! Этотъ міръ, въ которомъ для него осталась только одна суровая, бсзконечная зима...

Деревья и трава снова зеленѣютъ; имъ недолго ждать обновленія, но усталое сердце считаетъ: опять весна! Когда же для меня наступитъ послѣдняя осень?

Теперь весь ея міръ въ саду.

„Онъ“ помогъ ей разбить и насадить его еще въ то время, когда они были счастливы и принадлежали другъ другу. Тамъ—кустъ, здѣсь—дерево, всѣ они говорятъ ей о немъ. „Помнишь-ли его?“

Вонъ та бесѣдка съ розанами. Здѣсь онъ училъ ее шахматной игрѣ. „Когда состаримся—будемъ играть въ шахматы“.

Съ тѣхъ поръ она каждый день послѣ обѣда приказываетъ туда подать шахматы, подаренные имъ, и играетъ одна, воображая его партнеромъ. Онъ всегда выигрываетъ у нея.

Со времени смерти матери ея, къ ней переѣхала ея пожилая тетка, которая и завѣдывала всѣмъ домомъ. Молодая дѣвушка была слишкомъ погружена въ свое горе и слишкомъ безучастно относилась ко всему окружающему. Большую часть времени она проводила въ саду. Грустно ходитъ она взадъ и впередъ по этому саду, у нея довольно времени считать милліоны минутъ, отдѣляющіе ее отъ могилы; каждая минута похожа на другую и шаги похожи одинъ на другой. Но все таки есть между шагами разница. Есть такіе, подъ которыми дрожитъ земля и тогда дрожитъ тоже и ея сердце.

Это вѣрно сонъ: кто-то идетъ! Да. Нѣтъ, нѣтъ—не сонъ. Вотъ онъ, онъ, онъ!!

Могучія руки уже охватили ея стройный станъ. Иллаваи покрываетъ поцѣлуями ея лицо, руки...

— Зачѣмъ ты поступила такъ жестоко со мной?

Дѣвушка отвѣтила ему только истерическими рыданіями.

— Я думала, могла она наконецъ проговорить, что ты перестанешь любить меня, если увидишь такою ужасною.

— Вѣдь это неправда, это ложь! Развѣ можно найдти гдѣ нибудь другіе такіе глаза, такія губки, такую талію! И онъ снова страстно цѣлуетъ ее. Ты, вѣдь, знаешь, конечно, что наша свадьба назначена на 10-е этаго мѣсяца, т. е. завтра.

— Да—была назначена—два года тому назадъ! съ глубокимъ вздохомъ произнесла она.

— Эти два года вычеркнуты изъ моей жизни. Три публикаціи о насъ были сдѣланы тогда еще и завтра мы вѣнчаемся. Матушка твоя?..

— Умерла она.

— А братъ?

— Убитъ на войнѣ.

— И ты мнѣ ничего не писала объ этомъ!

— Я боялась, чтобы ты не пріѣхалъ и не увидалъ меня.

— О, еслибъ я раньше пріѣхалъ, сколько горя миновало бы насъ. Такъ неужели ты совсѣмъ одна тутъ?

— Со мной живетъ старая тетка. Пойдемъ, я познакомлю тебя съ нею. Еслибы ты зналъ, какъ много мы съ ней говорили о тебѣ.

Тетушка, увидѣвъ, что какой-то мужчина ведетъ Юлію, да чуть-ли не обнялъ за талію—всплеснула отъ удивленія руками и уронила свою работу на полъ. Само собою понимается, что она тотчасъ же и успокоилась—не долго пришлось объяснять ей, въ чемъ дѣло. Къ тому же, въ эту самую ночь ей приснилось, что Юлія выходитъ замужъ.

— Это не сонъ. Оно такъ и будетъ, возразилъ Иллаваи. Но вотъ я видѣлъ сонъ—что женюсь на дѣвушкѣ безъ сердца! О, какая ужасная будущность предстояла мнѣ! Знаешь ли ты, Юлія, что сдѣлали со мной?

— Не говори, не говори, если это что нибудь такое дурное.

— Но они сами наказали себя! Сегодня еще они снова зовутъ меня. Прочти это письмо! Тебѣ вѣдь знакомъ этотъ почеркъ, ты переписывалась съ нею! вѣдь это ты давала ей совѣты какъ ей поступать со мной, чтобы заставить полюбить себя. И ты же выдала ей одинъ мой секретъ!

Лицо молодой дѣвушки покрылось сильнымъ румянцемъ.

— Сегодня, однако, мнѣ надо разсчитаться съ нею. Прочти же ея письмо ко мнѣ, а потомъ—мой отвѣтъ.

Его письмо къ Пальмѣ поразило Юлію своею жестокостью.

— Неужели ты могъ написать такое письмо? Нѣтъ—это не ты!

— Я хотѣлъ излить передъ ней всю злобу, которая накипѣла во мнѣ!

— Но развѣ можетъ что нибудь довести тебя до такой злости? Прочти теперь свое письмо, ты самъ не узнаешь себя въ немъ!

Францъ повиновался и, пробѣжавъ свое посланіе, протянулъ руку Юліи.

— Ты права—не хорошо это. Но въ ту минуту я былъ внѣ

себѣ! Мнѣ хотѣлось заставить ее хорошенько поплакать, а теперь я ужъ и не знаю—зачѣмъ желалъ этого?

— Разорви его и напиши другое.

Онъ повиновался и написалъ:

„Графиня!

Письмо свое вы, несомнѣнно, написали противъ воли и, вѣроятно, уже жалѣете, что послали его. Чтобы васъ успокоить—возвращаю его вамъ. Если обратите вниманіе на число, отъ котораго я вамъ пишу, то увидите, что я снова вернулъ себѣ мое счастіе. Желаю и вамъ счастія и пусть оно будетъ такъ же истинно и прочно какъ мое. Для себя, графиня, прошу у васъ только одного: прислать мнѣ тѣ письма на лиловой бумажкѣ, которыя вы нѣкогда получили изъ Дальнавара. Письма эти—„мои" драгоцѣнности. Да хранитъ васъ Богъ.

Иллаван".

На глазахъ дѣвушки показались слезы; она протянула ему руку и поцѣловала его.

— Вотъ это писалъ ты!

XXXI.
Въ Иллавѣ.

Пальма не жила съ той минуты, какъ отправила свое письмо. Она была одна въ Гарго и съ нетерпѣніемъ ждала отвѣта.

Каковъ бы ни былъ отвѣтъ этотъ—онъ принесетъ ей только дурное.

Ей приходилось выбирать одно изъ двухъ.

— Возвратится онъ ко мнѣ—я убью его; отвернется—онъ убьетъ меня; мнѣ остается умереть.

Мужчина, который способенъ забыть такія оскорбленія, заслуживаетъ одного презрѣнія и дѣвушка должна будетъ, во всю жизнь, давать ему чувствовать это презрѣніе. Женщина можетъ простить мужчинѣ все, кромѣ трусости—если бы даже эта трусость называлась ангельской добротой. Но когда мужчина гордо отталкиваетъ призывъ дѣвушки — она уничтожена, убита. Никто не можетъ запретить оскорбленному человѣку показывать всѣмъ и каждому, цѣлому свѣту, письмо прежней своей невѣсты, въ которомъ она молитъ его вернуться и это убиваетъ дѣвушку. Для высокопоставленной женщины стыдъ равняется смерти. Пальма одинаково страшилась и того исхода, и другаго, или наоборотъ она ждала и того и другаго.

Тяжела была для нея мысль, что еслибы прежній женихъ возвратился вновь,—ей пришлось бы повергнуть въ прахъ идола, предъ которымъ она, въ душѣ, преклонялась какъ предъ высшимъ идеаломъ (хотя это ниспроверженіе идола и льстило ея женскому тщеславію). Но, если не возвратится онъ, то ей остается одно жгучее страданіе раздавленнаго самолюбія и сознаніе, что въ жизни своей она встрѣтила человѣка,—мужчину въ полномъ смыслѣ этого слова,—высоко стоявшаго надъ всѣми другими, что человѣкъ этотъ любилъ ее искреннею, неподдѣльною любовью!

Ей было невыносимо оставаться въ замкѣ.

Въ первый же день своего пріѣзда въ Гарго, она сдѣлала прогулку верхомъ къ развалинамъ. Тамъ, до самаго солнечнаго заката, просидѣла она у окна крытаго балкона старой башни, устремивъ взглядъ вдаль, туда, гдѣ виднѣлась крыша одного, хорошо знакомаго ей дома.

Какъ быстро удалился онъ? Развѣ труднѣе будетъ ему возвратиться. Развѣ тому, кто былъ выброшенъ съ „параднаго подъѣзда", надо совершить кругосвѣтное путешествіе, чтобы пройдти назадъ „чернымъ ходомъ?" Она возвратилась въ замокъ только поздно вечеромъ, и тотчасъ же спросила не было ли письма на ея имя.

Одно письмо пришло, но не то, котораго ждала она. Отецъ писалъ ей изъ Вѣны, сообщая о скоромъ прибытіи своемъ въ Гарго. Присутствіе его оказывалось необходимѣе дома, чѣмъ при дворѣ.

Терпѣніе Пальмы истощалось. Она отдала одному изъ рейткнехтовъ приказаніе—въ тотъ же день, хотя бы даже ночью, узнать—у себя ли Иллаван.

Всю ночь на пролетъ, до возвращенія посланнаго, она не ложилась спать.

Рейткнехтъ передалъ, что Иллаван рано утромъ уѣхалъ, съ первой станціи отослалъ свой экипажъ назадъ и поѣхалъ на почтовыхъ дальше, но неизвѣстно куда и когда пріѣдетъ обратно.

Слѣдовательно, можетъ быть также, что онъ не получалъ письма ея. Значитъ, надо ждать пока онъ возвратится.

Ждать—но это ужасно!

И ждать ей придется долго! потому что „тѣмъ тамъ" не до писемъ. Въ Дальнаварѣ нѣтъ почтоваго отдѣленія, да и въ тотъ день нѣтъ присутствія въ почтовой конторѣ Горомболи: онъ отправился на свадьбу Иллавана. Письмо передадутъ ему въ руки. Торопиться не для чего. Но для Пальмы этотъ день—день приговореннаго къ смертной казни—помилованіе или смерть?

Она не въ силахъ больше оставаться дома. Съ утра она велѣла запречь и поѣхала по окрестностямъ. Дорогой молодая дѣвушка интересуется всѣмъ, что видитъ, каждой руиной, каждымъ замкомъ, каждымъ обломкомъ старины, каждымъ встрѣчнымъ городомъ.

Вотъ какой-то хорошенькій городокъ. Надъ живописной группой домовъ высится старинное зданіе, напоминающее монастырь. Ей говорятъ, что это „Иллава".

Названіе поразило ее.

— Кто живетъ тамъ, въ этомъ замкѣ?

Въ замкѣ обитали весьма замѣчательныя особы, а именно одни только злодѣи, приговоренные не менѣе какъ къ десятилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ, одни только извѣстнѣйшіе разбойники, убійцы. То была государственная тюрьма, „всемірная выставка" отборныхъ преступниковъ, мѣстопребываніе легіона чудовищъ.

Пальмѣ пришло странное желаніе осмотрѣть этотъ домъ, видѣть людей, заживо погребенныхъ закономъ, отверженныхъ человѣчествомъ, героевъ ада, первыхъ людей земли съ противоположнаго конца.

Она подъѣхала къ зданію и велѣла доложить о себѣ директору. Обыкновенный посѣтитель не былъ бы допущенъ безъ особаго разрѣшенія министра, но графинѣ Пальмѣ Теметвени достаточно было назвать себя—и тяжелые замки и запоры тюремнаго замка отворились а директоръ предложилъ свои услуги.

Мрачное это мѣсто.

Графинѣ показываютъ рядъ мастерскихъ, кухонь, спаленъ, госпиталь, школу. Все за работой. Въ одной изъ залъ стоятъ музыкальные инструменты: между арестантами есть музыканты, и даже художники и скульпторы.

Все это Пальма можетъ видѣть сквозь густой вуаль, скрывающій лицо ея.

Посѣтителямъ дозволяется вступать въ разговоры съ заключенными, которые, въ свою очередь, обязаны отвѣчать на предлагаемые имъ вопросы. Что сдѣлалъ онъ? за что осужденъ? кого убилъ? даже если убилъ отца или мать свою; отравилъ ли онъ кого, или зарѣзалъ, или поджегъ домъ? На всѣ вопросы эти они, обыкновенно, отвѣчаютъ съ пунктуальною точностью, какъ будто докладываютъ о заслугахъ своихъ. Вопросовъ они, съ своей стороны, предлагать не смѣютъ.

Графиня, между прочимъ, видитъ тутъ лица, которыя, какъ ей кажется, она уже гдѣ-то и когда-то встрѣчала. То, быть можетъ, былъ кто нибудь изъ шайки Шиборака, слѣдившій за аристократическимъ обѣдомъ въ Гарговарѣ. О, да и самаго господина Орла Криванскаго нашла бы она здѣсь, еслибы потрудилась посмотрѣть машину для очистки шерсти; тамъ онъ вертитъ колесо, отличаясь прекраснымъ поведеніемъ и послушаніемъ. Но туда ее не повели.

Она хотѣла знать здѣсь все, все до мелочей. Дѣйствительно ли эти люди исправляются тутъ? Очищаются ли, облагораживаются ли ихъ души здѣсь? Не пытаются ли они бѣжать оттуда? Сильно ли говоритъ въ нихъ жажда свободы? Не могутъ ли они составить заговоръ и напасть на гарнизонъ. Какъ наказываютъ ихъ здѣсь за проступки?

Директоръ объяснялъ все до мельчайшихъ подробностей. Только строгой дисциплиной можно поддержать порядокъ среди этихъ людей. Между ними есть весьма опасные экземпляры. Въ особенности одинъ изъ нихъ. Ужъ не разъ попадался въ подговорахъ устроить подкопъ, ломалъ замки, у часоваго едва не отбилъ ружье. Въ наказаніе онъ теперь въ одиночномъ заключеніи и у него отобраны рабочіе инструменты.

— Какъ его зовутъ?

— Рибо.

— Можно видѣть его?

— О, да.

Директоръ и Пальма взошли, въ сопровожденіи вооруженныхъ жандармовъ, по особой лѣстницѣ и остановились предъ дверью, запертою тремя различными замками; за дверью былъ узкій дворъ, по которому взадъ и впередъ шагалъ часовой, при каждомъ поворотѣ заглядывавшій въ окошко камеры. Окошко было снабжено двойной рѣшеткой. Дверь въ камеру отворилась и Пальма вошла, окруженная жандармами, директоромъ и смотрителемъ отдѣленія.

Арестантъ поднялся съ своего мѣста и повернулся къ вошедшимъ. Въ немъ не было однако ничего страшнаго. Пальма увидѣла предъ собою довольно красивое, вѣжливое, улыбающееся лицо, обладатель котораго при видѣ дамы отвѣсилъ граціозный поклонъ. Но она отступила въ ужасѣ: это былъ Кузенъ!

Со времени исчезновенія его изъ замка, она никогда не спрашивала ничего объ этомъ человѣкѣ, присутствіе котораго было ей всегда невыносимо.

Теперь ею овладѣло какое-то непонятное любопытство. Ей захотѣлось спрашивать его. Вопросы свои она передавала шепотомъ директору.

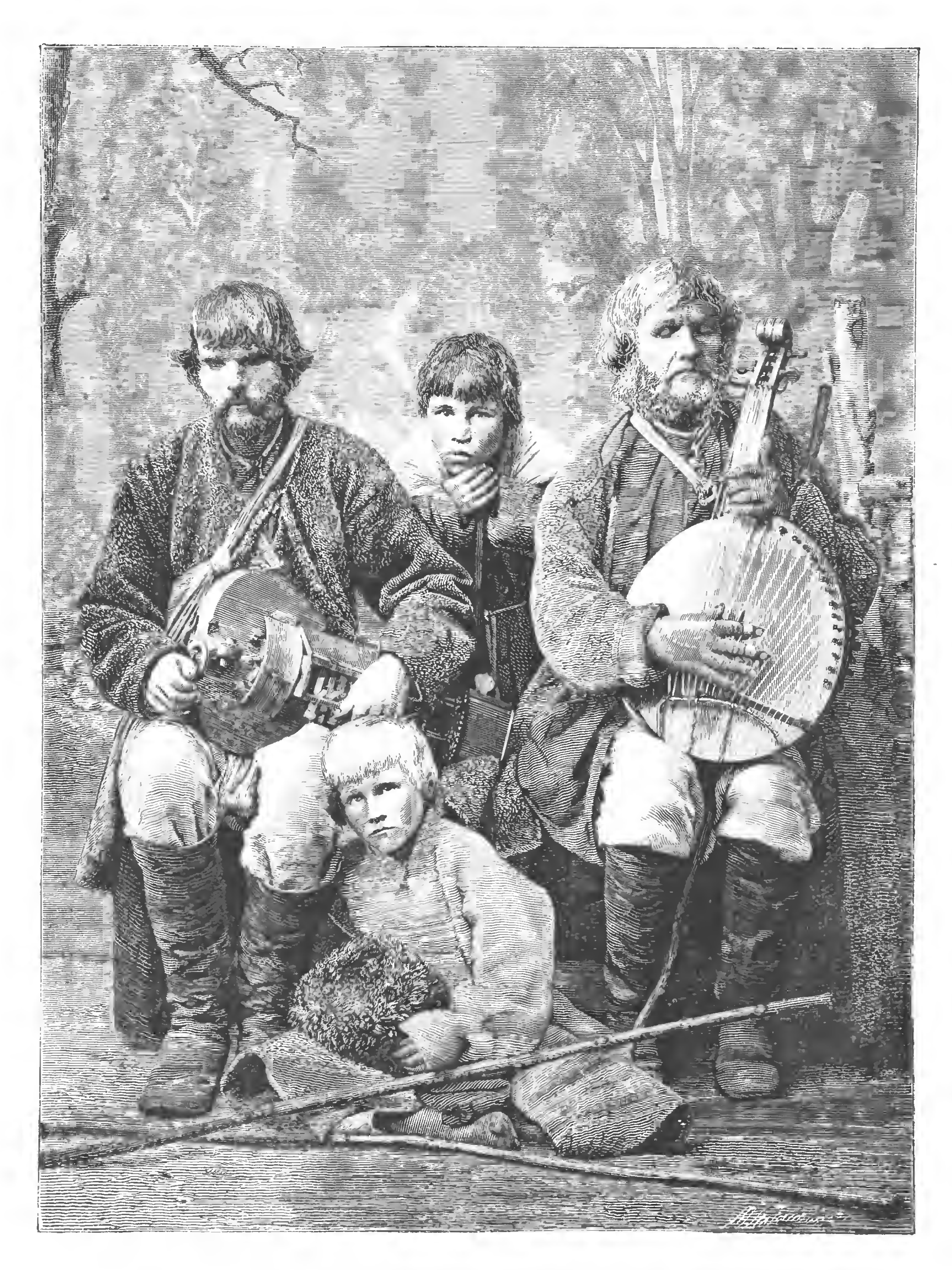
— Какъ ваше имя?

— Мое настоящее имя—Рибо. Я—французъ, бѣглый каторжникъ, обычнымъ, машинальнымъ тономъ арестанта отвѣчалъ онъ, обращаясь къ дамѣ.

— За что вы приговорены къ содержанію здѣсь.

— Я сговорился съ шайкой Шиборака ограбить замокъ графа Теметвени и впустилъ въ погребъ 36 разбойниковъ. Мы хотѣли перебить всѣхъ тамъ, за исключеніемъ графини, которую я намѣревался взять себѣ въ любовницы.

— Что-же помѣшало вамъ сдѣлать все это? прошептала дама.



Русскіе типы. Малороссійскіе лирникъ и кобзарь. Съ фотогр. Пжилускаго, грав. Ю. Барановскій.

Весною. Картина Бейшлага, изъ средневѣковой жизни, грав. Кнезингъ.

— Всего только одинъ человѣкъ и помѣшалъ! Когда мнѣ уже удалось усыпить всѣхъ слугъ и жандармовъ, соннымъ порошкомъ, а графиню — пахитосами съ опіумомъ — этотъ человѣкъ одинъ не спалъ; онъ прослѣдилъ меня и напалъ въ ту минуту, когда я отворялъ дверь погреба, чтобы выпустить товарищей Шиборака. Ножъ мой только оцарапалъ его и онъ повалилъ и связалъ меня. Вѣдь онъ былъ женихомъ графини — болванъ! Будь онъ проклятъ! Зовутъ его, вотъ, какъ эту тюрьму — Иллаваи! Тутъ Рибо впалъ въ бѣшенство.

Пальма выбѣжала изъ камеры, ей показалось, что она задыхается отъ тюремной атмосферы. А можетъ быть—тому была и совершенно иная причина?

Наскоро поблагодаривъ директора, она поспѣшила оставить это страшное мѣсто.

Съ ней сдѣлался обычный припадокъ лихорадки, вслѣдствіе испытаннаго ею волненія. Въ дорогѣ она уже вся тряслась отъ озноба.

Дома она нашла отца.

— Гдѣ это ты была?

— Въ Иллавѣ, рѣзко отвѣтила Пальма, на лицѣ которой теперь блѣдность смѣнилъ пылающій румянецъ. Тамъ я видѣла Кузена и онъ мнѣ разсказалъ за что осудили его; правда-ли все то, что онъ разсказалъ мнѣ?

— Да.

— Что Иллаваи спасъ тебя отъ смерти, меня—отъ страшной будущности, которую готовилъ мнѣ Кузенъ.

— Да.

— Въ ночь того самаго дня, въ который я оттолкнула и оскорбила его? Въ эту самую ночь онъ охранялъ меня. Отчего-же ты не сказалъ мнѣ этого? Оттого, что ты былъ увѣренъ, что узнай я обо всемъ—я-бы оставила тебя съ твоими замками и дворцами и побѣжала-бы за нимъ на край свѣта или въ тюрьму, куда-бы ты запряталъ его!

— Онъ потребовалъ самъ, чтобы я никогда не говорилъ тебѣ о томъ.

— Онъ самъ! И я отвернулась отъ него, я отказалась отъ этого человѣка!

Молодая дѣвушка бросилась къ изваянію Богоматери и упала передъ нимъ на колѣни.

— О! пришли мнѣ его, молю Тебя, дай мнѣ возможность упросить его прощенія, возврати мнѣ его любовь. Онъ любилъ меня, но теперь уже этого нѣтъ! Я оттолкнула его!

Графъ подошелъ къ дочери, блѣдный, взволнованный.

— Дитя мое, успокойся, не огорчайся.

— Отецъ—мнѣ очень тяжело. Прежде я нашла себѣ убѣжище отъ него—я думала, что могу презирать, ненавидѣть его, если онъ возвратится ко мнѣ. Но теперь я молю, чтобы онъ ко мнѣ пришелъ. Теперь мнѣ некуда уйти отъ него; имъ наполненъ весь міръ вокругъ меня, онъ — вездѣ, но только не тамъ, гдѣ я, не со мною!

— Онъ вернется къ тебѣ, повѣрь мнѣ.

— Я молюсь объ этомъ, хотя и не надѣюсь.

Письмо Иллаваи было уже въ дорогѣ.

XXXII.

Траурное объявленіе.

На слѣдующій день, столь ожидаемое письмо пришло. Пальма была увѣрена, что оно содержитъ въ себѣ полный, совершенный отказъ Иллаваи. Послѣ того, что узнала она въ тюрьмѣ — у нея уже не могло быть никакихъ сомнѣній.

Но то, первое письмо, которое Францъ изорвалъ по просьбѣ своей Юліи, не причинило-бы ей такого мучительнаго страданія, какъ это. То письмо было наполнено обидныхъ словъ, упрековъ, которые могли-бы разсердить, возбудить досаду и показывали-бы интересъ къ ней. Но онъ лишилъ ее и этого. Онъ отнялъ у нея возможность ненавидѣть его, не хочетъ даже, чтобы ихъ соединяло хотя и это чувство.

Собравъ всѣ письма, полученныя ею изъ Дальнавара, Пальма, затѣмъ, написала что-то на листкѣ бумаги и пошла къ отцу.

Она показала ему письмо Иллаваи.

Теметвени безмолвно опустилъ голову.

— Отецъ, сказала Пальма, ты, неправда-ли, позволишь мнѣ распорядиться теперь своей судьбой.

Графъ сдѣлалъ знакъ согласія.

— У насъ въ Пресбургѣ есть старинный домъ, въ которомъ мы останавливаемся только проѣздомъ. Этотъ домъ (онъ, вѣдь, всегда стоитъ пустой) ты велишь переписать на мое имя, чтобы никто никогда не могъ меня выгнать оттуда. Кромѣ того, ты помѣстишь въ пресбургскую сберегательную кассу капиталъ, процентовъ съ котораго будетъ достаточно, чтобы обезпечить мнѣ приличное существованіе. Деньги эти тоже будутъ предоставлены въ полное мое распоряженіе.

На все это графъ изъявилъ согласіе молчаливымъ наклоненіемъ головы.

— Вели напечатать и разослать это объявленіе нашимъ знакомымъ.

Объявленіе гласило слѣдующее:

„Графъ Фердинандъ Теметвени, съ глубокимъ прискорбіемъ, извѣщаетъ о послѣдовавшей, послѣ сильныхъ страданій, кончинѣ своей 22-лѣтней дочери, графини Пальмы“.

— Что это значитъ? воскликнулъ изумленный Теметвени.

— Это — траурное объявленіе, только безъ обычнаго прибавленія „миръ праху ея“! Я умираю для свѣта, для себя самой я еще буду жить долго. Тетки мои дожили до девяноста лѣтъ — я еще переживу ихъ. Но я хочу такъ незамѣтно уѣхать въ пресбургскій домъ, и тамъ я буду жить такъ тихо, что никто даже и не будетъ подозрѣвать о моемъ существованіи.

— Но, ради Бога, Пальма! Что это ты выдумала?! Я не могу дать согласія моего на такой ужасъ.

— Хорошо. Я предоставляю тебѣ обдумать до завтрашняго дня твое рѣшеніе. Мое — неизмѣнно. Подпишешь завтра это объявленіе — прекрасно, если-же нѣтъ, то послѣзавтра тебѣ останется прибавить къ нему недостающія слова: „миръ праху ея“! Я готова въ путь. Отъ тебя будетъ зависѣть рѣшить—куда?..

Съ этими словами она вышла отъ графа.

Траурное объявленіе было разослано безъ заключительныхъ словъ. Бываютъ такіе случаи смерти, въ которыхъ знакомые не разспрашиваютъ о подробностяхъ, изъ понятнаго чувства деликатности.

Только одинъ человѣкъ могъ догадаться кое о чемъ, получивъ пачку писемъ, очень дорогихъ ему и доставленныхъ по почтѣ изъ Пресбурга.

КОНЕЦЪ.

Роковой бракъ.

Разсказъ Л.

Уже дважды слышала я одно и тоже странное предсказаніе! И произошло это не только безъ всякаго съ моей стороны желанія но даже прямо противъ моего желанія. Старая, несносная колдунья все попадалась мнѣ на встрѣчу: она какъ-то особенно приставала къ молодымъ деревенскимъ дѣвушкамъ. Насъ было четыре дѣвушки: мы учились и жили всѣ, на квартирѣ, въ одной общей комнатѣ, въ домѣ пастора беритальскаго прихода. Въ сумерки, когда кончались занятія, любимый нашъ разговоръ былъ о всякихъ „страшныхъ“ вещахъ.

У самаго конца деревеньки близъ опушки лѣса, жила одинокая старуха, вдова Крамъ, которую деревенскіе мальчишки прозвали „колдуньей“. Правда, она была безобразна, вела себя какъ-то странно, гадала на картахъ, на кофейной гущѣ. Говорила она словно ворона каркала.

— Боже мой! думала я всегда, состаримся и мы всѣ, а въ старости ужъ что красиваго и привлекательнаго. Кто знаетъ, чего не пережила, эта бѣдная старуха: надо пожалѣть ее.

Въ кружкѣ нашемъ были двѣ молоденькія дѣвушки, дочери богатыхъ родителей, большія шалуньи. Послѣ обѣда мы всегда гуляли и какъ-то разъ, на обратномъ пути, Лена Тальвицъ, поровнявшись съ избушкой колдуньи, воскликнула:

— Слушайте, дѣвушки! Пойдемте къ ней, пусть намъ погадаетъ!

Двѣ другихъ быстро побѣжали за ней, я-же, болѣе робкая и нерѣшительная, медленно вошла за ними.

Старуха встрѣтила насъ съ улыбкою, впрочемъ, болѣе похожею на гримасу. Лена тотчасъ-же просила погадать. Крамъ тотчасъ взяла ея руку. Каждая по очереди подходила и каждой старуха предсказывала что-нибудь пріятное и лестное. Я съ недовѣріемъ относилась ко всему этому и признаться, вся эта грязная обстановка, уродливая старуха, ея огромный черный котъ, постоянно терewшійся около нашихъ ногъ, все это мнѣ не нравилось. Мнѣ и въ голову не пришло-бы просить погадать, я не придаю ни малѣйшаго значенія всѣмъ этимъ предсказаніямъ. Но „колдунья“ такъ ласково попросила и мою руку, а подруги обступили меня.

— Ты то ужъ что-же? И ты вмѣстѣ? со смѣхомъ воскликнула веселая Лена и потянула меня къ старухѣ.

Я подошла и протянула руку. Но когда грубая, костлявая рука коснулась моей, снова охватило меня брезгливое чувство и желаніе избавиться.

— Судьба вамъ хорошая, барышня, сказала она: вамъ предстоитъ что-то новое. Вы получите письмо, и кто напишетъ его будетъ вашимъ женихомъ. Но берегитесь, эта перекрестная линія—кровь...

Быстро вырвала я свою руку и пробормотавъ, что все это вздоръ, поспѣшно выбѣжала вонъ. Другія послѣдовали за мной и заливаясь звонкимъ, веселымъ смѣхомъ, всю дорогу дразнили меня и поздравляли съ предстоящей свадьбой. Мнѣ было стыдно и досадно; слезы душили меня.

Дома, во время приготовленія уроковъ, мы поминутно возвращались къ разговорамъ на тему объ этомъ замужествѣ. Лена все старалась представить себѣ, каковъ тотъ рыцарь, что былъ мнѣ обѣщанъ.

Я вспомнила, что мѣсяцевъ девять тому назадъ, одна цыганка тоже предрекла мнѣ замужество до окончанія года. Всѣ

тогда смѣялись надъ такимъ вздоромъ. Теперь предсказаніе повторилось, а мнѣ не было еще и шестнадцати лѣтъ. Разумѣется, я и теперь не придавала этому никакого значенія; но въ этотъ вечеръ мои мысли какъ-то невольно возвращались къ словамъ старухи.

Мы и не замѣтили, болтая, какъ совсѣмъ стемнѣло, когда мы пришли домой. Подруги мои шумѣли и болтали. Я сидѣла, удобно прислонившись къ стулу. Уроки и всѣ дневныя работы покончены. Полумракъ какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ моимъ настроеніемъ. Но отворилась дверь и показалась голова нашей хозяйки.

— Что вы сидите безъ огня! вскричала она, — милая Люси, принесите, пожалуйста. Я бы-желала поговорить съ вами кое о чемъ въ своей комнатѣ, обратилась она ко мнѣ. Я послѣдовала за ней. Пасторъ сидѣлъ у стола и читалъ. Присутствіе его стѣсняло меня. Приподнявъ голову, онъ слегка поклонился и снова погрузился въ прерванное чтеніе. Хозяйка-же подошла къ письменному столу и взявши что-то въ руки, серьезно обратилась ко мнѣ. Я вздрогнула, когда замѣтила, что въ рукѣ у ней было письмо съ черною каймою.

— Соберитесь съ духомъ, милая Усти, промолвила она, мнѣ приходится сообщить печальное извѣстіе...

— Мой отецъ боленъ?! вырвалось у меня. Кромѣ отца у меня не было никого, о комъ я могла-бы такъ безпокоиться: мать моя умерла, когда мнѣ минуло десять лѣтъ и съ той поры я жила въ этомъ домѣ въ Берталѣ.

— Будьте готовы ко всему, моя милая, тихо продолжала хозяйка, я должна исполнить грустную обязанность: вашъ батюшка скончался.

Я вскрикнула... Несмотря на то, что я очень рѣдко видѣлась съ отцомъ, отставнымъ морскимъ капитаномъ, и что единственной связью между нами были его рѣдкія и лаконическія письма, я всетаки часто представляла себѣ, какъ будетъ хорошо, когда я опять возвращусь къ нему. Старушка бережно усадила меня въ кресло и продолжала разсказывать. Я узнала, что отецъ умеръ два мѣсяца тому назадъ. Незадолго до смерти онъ написалъ къ хозяйкѣ письмо, въ которомъ высказывалъ свое послѣднее желаніе. Воля эта заключалась въ томъ, что я должна была принять опеку надъ собой друга моего отца, Бремера.

— Тутъ есть также письмо и отъ самого г. Бремера—прибавила старушка, нѣсколько нерѣшительно, вручая мнѣ письмо. Письмо было на грубой желтой бумагѣ и написано такъ, какъ будто храбрый капитанъ дѣйствовалъ весломъ вмѣсто пера. Не менѣе страннымъ показался мнѣ и способъ выраженія. Въ нѣсколькихъ словахъ передавалъ Бремеръ ходъ болѣзни отца: затѣмъ слѣдовало: какъ вы видите, другъ мой ея отецъ поручилъ моему попеченію своего ребенка. Когда его дѣла приведены будутъ въ порядокъ, то еще, навѣрно, ей достанется нѣкоторое имущество. До тѣхъ-же поръ я желаю, чтобы она жила у моей кузины—Вальтеръ. Она можетъ пріѣхать сейчасъ; прилагаю при семъ деньги на покупку чернаго платья и на дорогу.

Отъ горя я не могла говорить. Пасторъ сказалъ нѣсколько утѣшительныхъ словъ, и я, по знаку его жены, возвратилась въ классную комнату. Тутъ я залилась слезами и, Лена, обыкновенно легко ко всему относящаяся, выказала даже нѣкоторое волненіе. Какая грустная недѣля послѣдовала затѣмъ! Траурное платье было куплено, подруги окружили меня и мы всѣ заливались слезами.

— Считайте меня всегда своимъ другомъ; домъ мой во всякое время открытъ для васъ, и мы всегда окажемъ вамъ помощь, когда будете въ ней нуждаться, сказала пасторша, помогая мнѣ сѣсть въ карету.

Да, печальное было это прощаніе. Рыданія душили меня, мнѣ казалось, что сердце разрывается на части. Грустно усѣлась я въ углу кареты.

Былъ вечеръ, когда я пріѣхала въ Гамбургъ. Скоро я нашла квартиру, указанную мнѣ въ письмѣ. Дверь отворила грязная служанка и ввела меня въ грязную, старомодную комнату, наполненную табачнымъ дымомъ. „Я пойду наверхъ, позову г-жу Вальтеръ“ сказала она. Вскорѣ затѣмъ въ комнату вошла толстая, красноносая женщина. Ея живые черные глаза удивленно остановились на мнѣ, она подсѣла ко мнѣ.

— Вы, вѣроятно Усти Ланге? спросила она покачивая головой.

— Да, я только что пріѣхала изъ Бернталя, отвѣтила я, капитанъ Бремеръ дома?

— Въ настоящую минуту онъ въ гавани, хлопочетъ о своемъ суднѣ, но, я думаю, скоро возвратится. Милости просимъ, располагайтесь.

— Не стоитъ пожалуй и раздѣваться,—возразила я нерѣшительно, съ отвращеніемъ озираясь въ этой грязной конурѣ.

— Какъ не стоитъ? съ удивленіемъ спросила она.

— Мы, вѣроятно, не долго здѣсь останемся — отвѣтила я, капитанъ Бремеръ вернется и проводитъ, вѣдь, меня въ свою квартиру?

— Капитанъ здѣсь живетъ, возразила она. Францъ Вальтеръ, мой мужъ, его двоюродный братъ.

Я испугалась.

— Значитъ вы г-жа Вальтеръ, о которой онъ писалъ?

— Разумѣется, кто-же я иначе? Не стѣсняйтесь.

Слова сказаны были довольно сурово: вѣроятно, мое удивленіе было ей не особенно пріятно. Она отворила мнѣ дверь въ маленькую спальню: и въ эту комнату проникъ запахъ табачнаго дыма и пива. О, какъ хотѣлось мнѣ возвратиться въ маленькую комнатку въ миломъ домикѣ пастора?

Я сѣла на свой чемоданъ и съ полчаса оставалась въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Когда меня стало знобить, я вышла въ другую комнату и начала прислушиваться къ шуму, доходившему до меня съ улицы. Скоро возвратилась г-жа Вальтеръ: кажется, она сочла своей обязанностью занимать меня. Она разспрашивала меня о моей жизни у пастора и какъ мнѣ нравится свобода, на которую я вырвалась наконецъ.

— Вы очень блѣдны, замѣтила она наконецъ—дорогой вы кушали что-нибудь?

Я дѣйствительно ничего не ѣла съ утра. Она принесла мнѣ чашку кофе.

— Капитанъ сказалъ, что если онъ не вернется къ восьми часамъ, чтобы вы не стѣснялись и легли спать, если вы желаете. Онъ увидится съ вами утромъ. Знаете-ли, капитанъ вѣдь не имѣетъ и понятія сколько вамъ лѣтъ, съ громкимъ смѣхомъ заключила она.

— Мнѣ почти шестнадцать, возразила я съ достоинствомъ.

— Охотно вѣрю. И какая вы высокая для вашихъ лѣтъ! Она оглянула меня съ ногъ до головы.

Вслѣдъ затѣмъ послышались на лѣстницѣ чьи-то голоса и въ комнату вошелъ капитанъ Бремеръ.

— Вотъ и Усти Ланге! вскричала г-жа Вальтеръ, странно какъ-то подмигивая при этомъ.

Вошедшій сбросилъ свое тяжелое пальто и нерѣшительно протянулъ мнѣ свою руку.

— Боже! Неужели вы Усти?.. Конечно, я могъ-бы знать это, но я никакъ не предполагалъ встрѣтить такую большую. Нутѣмъ лучше: садитесь, пожалуйста. Отъ души радъ васъ видѣть.

Онъ что-то шепнулъ г-жѣ Вальтеръ: она вышла, замѣтивъ, что пора приготовлять ужинъ. Я глядѣла на капитана и почему-то мнѣ стало его жаль, когда онъ присѣлъ на край стула и въ смущеніи потиралъ свои красныя руки. Теперь я вполнѣ могла разсмотрѣть его. Онъ былъ сильнаго и коренастаго сложенія, съ краснымъ лицомъ, съ живыми, въ глубокихъ орбитахъ, глазами и густыми, сдвинутыми бровями. Несмотря на свое смущеніе, онъ глядѣлъ на меня такъ проницательно, что я не могла перенести этого.

— Вашъ отецъ немного походилъ на васъ, началъ онъ послѣ небольшой паузы. Вы его не помните?

Я забросала его вопросами о подробностяхъ жизни отца. Я спрашивала, какъ онъ умеръ, заболѣвъ вдали отъ родины. Капитанъ охотно отвѣчалъ мнѣ на все.

Вошла грязная служанка и стала накрывать на столъ.

Никогда не забуду я этого ужина. Для меня онъ былъ началомъ испытаній...

Скверная комната, противный запахъ и грубые, необразованные люди,—все это непріятно такъ дѣйствовало на меня. Меня невольно тянуло обратно въ Берталь.

Но, старая истина—что голодъ лучшій поваръ—и теперь получила новое подтвержденіе; я должна сознаться, что съ удовольствіемъ ѣла горячія, хотя и грубо приготовленныя блюда.

Г-жа Вальтеръ одна вела разговоръ, капитанъ былъ смущенъ; что касается меня, то я считала себя самой несчастной дѣвушкой. Оба они принуждали меня пить, и когда я отказалась, то г-жа Вальтеръ замѣтила, что она выпьетъ и мою долю, а затѣмъ пойдетъ провѣдать что дѣлаетъ внизу мужъ.

Мы остались одни. Капитанъ закурилъ трубку, пуская огромные клубы дыма. Мнѣ очень хотѣлось уйти, но я не имѣла смѣлости встать и осталась сидѣть, въ самомъ грустномъ настроеніи духа. Наконецъ онъ положилъ свою трубку, подошелъ ко мнѣ и, къ удивленію моему, протянулъ мнѣ руку.

— Мы будемъ хорошими друзьями, Усти, сказалъ онъ. Я представлялъ себѣ васъ еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой; я вижу передъ собою уже даму, это меня невольно поразило. Но, видитъ Богъ, какъ это мнѣ пріятно! Матушка ваша вышла замужъ, когда ей было еще меньше лѣтъ, чѣмъ вамъ теперь. Да, я, можетъ быть, нѣсколько суровъ и прямодушенъ, но у насъ, моряковъ, такая ужь манера. Вы скоро привыкнете къ нашему тону. Впрочемъ, что говорю! Вы, должно быть, устали съ дороги! Позвольте пожелать вамъ спокойной ночи, и... примите поцѣлуй, во имя начала нашей дружбы.

Къ моему удивленію и испугу, онъ вдругъ прижалъ меня къ своей груди и поцѣловалъ въ лобъ.

На слѣдующее утро я написала пасторшѣ и умоляла ее прислать за мною. Единственною моей мыслью было какъ можно скорѣе уѣхать отсюда. Когда я послѣ этого вошла съ письмомъ въ другую комнату, то застала капитана и г-жу Вальтеръ, громко и горячо спорящихъ.

Нѣсколько минутъ я испуганно прислушивалась. Они, не замѣчая моего присутствія, продолжали говорить.

— Говорю тебѣ, что было-бы нелѣпо съ моей стороны откладывать дѣло до слѣдующаго путешествія. Если разъ оно должно случиться, пусть будетъ теперь-же. Чего еще ждать...

Въ эту минуту они замѣтили меня и замолчали, многозначительно переглядываясь между собою.

Послѣ завтрака я съ нетерпѣніемъ ожидала г-жу Вальтеръ, и когда она, наконецъ, вошла въ комнату, я ей передала свою просьбу отправить письмо.

— Вотъ и хорошо, что вы обратились ко мнѣ, отвѣтила она оживленно, я иду сейчасъ на почту и возьму ваше письмо.

Мнѣ и въ голову не пришло не довѣрять ея словамъ. Незнакомая съ ложью и обманомъ, я считала что мое письмо въ вѣрныхъ рукахъ.

Въ этотъ вечеръ капитанъ вернулся изъ гавани раньше обыкновеннаго и очевидно находился въ отличномъ расположеніи духа.

Его корабль „Чайка", какъ онъ самъ разсказалъ, ждалъ только попутнаго вѣтра, чтобы отправиться съ грузомъ въ Австралію.

Мы сѣли за столъ, но я не чувствовала ни малѣйшаго апетита. Какое-то безпомощное чувство овладѣло мною: я нетерпѣливо считала часы, остающіеся до срока, когда могла получить отвѣтъ на мое письмо. У меня болитъ голова, сказала я, когда капитанъ закурилъ свою трубку.

На лицѣ его появилось выраженіе обманутой надежды. „Я бы охотно еще немного поболталъ съ вами. Ну, что дѣлать, идите съ Богомъ".

И на слѣдующее утро еще не было отвѣта отъ г-жи Леберъ. Я сидѣла у окна, когда вошелъ капитанъ. Онъ, какъ замѣтно было, принарядился и имѣлъ очень веселый видъ.

— Я сегодня поспѣшилъ окончить всѣ свои дѣла, сказалъ онъ. Вамъ конечно доставитъ удовольствіе осмотрѣть нашъ городъ. Собирайтесь, и я васъ немного ознакомлю съ нимъ.

Что сказали бы мои прежнія подруги, увидя меня, идущую подъ руку съ такимъ кавалеромъ! И что бы подумала про это жена пастора? О если бъ только она скорѣй пріѣхала и увезла меня отсюда! простонала я въ душѣ. Капитанъ Бремеръ былъ веселъ и доволенъ. Онъ оживленно говорилъ со мною и гордился вниманіемъ, которое мы повсюду возбуждали.

Возвратясь домой, я чувствовала себя такой несчастной и усталой, что охотно бы удалилась послѣ ужина, ни говоря ни слова, но это было не въ моей власти. Капитанъ послѣ ужина не закурилъ трубки, противъ своего обыкновенія и спросилъ меня, отвѣчу-ли я откровенно на его вопросъ.

— Разумѣется.

— Ну, видите ли, вы должны быть моею женою, высказалъ онъ какъ то вдругъ, однимъ разомъ. Я вздрогнула и почувствовала, какъ вся кровь прилила къ сердцу.

— Нѣтъ нѣтъ никогда! воскликнула я, какъ только возвратилась ко мнѣ способность говорить.

— Я бы желалъ знать, почему нѣтъ, Усти? Вы не можете ничего лучше сдѣлать, какъ покориться тому, что уже суждено. Всѣ молодыя дѣвушки дичатся, но все же охотно выходятъ замужъ. Впрочемъ, отецъ вашъ настоятельно желалъ этого, и вы, вѣроятно, не рѣшитесь поступить противъ его желанія.

Я не вѣрю теперь чтобы отецъ мой могъ имѣть подобную мысль. Но тогда я не сомнѣвалась въ сказанномъ и безутѣшно плакала, а онъ, гладя меня по щекѣ, называлъ своей милой, молоденькой женкой.

Остальную часть вечера я припоминаю какъ во снѣ. На слѣдующее утро я встала еще до разсвѣта, и первая моя мысль была бѣжать, бѣжать куда бы то ни было.

Мнѣ не пришло тогда въ голову, что вѣдь я въ чужомъ городѣ, безъ копѣйки денегъ. Кромѣ того я вскорѣ замѣтила что за мной строго слѣдятъ. Какъ только я хотѣла выйдти изъ комнаты, то сейчасъ же показывались или г-жа Вальтеръ или грязная служанка. Даже капитанъ на этотъ разъ не выходилъ изъ дому

Напрасно я старалась возбудить участіе къ себѣ въ г-жѣ Вальтеръ—она стояла на своемъ, увѣряя, что я самая счастливая на свѣтѣ дѣвушка.

— Вы подумайте только, какая хорошая партія, вы вѣдь почти что ребенокъ!

— Но вѣдь вы должны же видѣть, что г. Бремеръ мнѣ не пара! возражала я; вѣдь онъ бы могъ быть мнѣ отцомъ!

— О Усти, какъ можете вы говорить объ отцѣ, когда именно хотите противиться его волѣ! съ упрекомъ сказала она. Желая этаго брака, онъ желалъ вамъ счастья. Подумайте, капитанъ какой хорошій человѣкъ!

Я не знаю, какъ прошли слѣдующіе дни; кажется я была больна. Въ одно утро г-жа Вальтеръ мнѣ принесла бѣлое платье, вуаль и миртовый вѣнокъ.

— Вотъ вашъ свадебный нарядъ,—сказала она.

— Одѣвайтесь, прибавила она. Я вамъ помогу!

Я была такъ слаба, что не съумѣла даже противиться, какъ слабая жертва, влекомая на закланіе.

Г-жа Вальтеръ, все время разговаривая, помогла мнѣ надѣть свадебный уборъ и когда я была готова, повела меня въ другую комнату Она надѣла пестрое шолковое платье. Капитанъ шелъ мнѣ на встрѣчу въ совершенно новомъ съ иголочки костюмѣ.

Подъѣхала карета. Капитанъ подалъ мнѣ руку, г-жа Вальтеръ и разряженная служанка слѣдовали за нами. Прохожіе съ любопытствомъ посматривали на насъ.

Послѣ недолгой ѣзды, мы достигли холодной, мрачной церкви. Тутъ дожидались еще другія пары, и священникъ торопился исполненіемъ обряда. Не знаю и не могу себѣ представить, какъ я могла отвѣтить утвердительно на вопросъ священника. Вѣроятно, сознаніе жалкой безпомощности довело меня до помѣшательства. Дома даже сдѣлали попытку устроить брачный ужинъ. Все это казалось мнѣ страннымъ сномъ.

— Мы должны выпить вина за здравіе моей жены, сказалъ капитанъ немного взволнованнымъ голосомъ, опрокидывая рюмку за рюмкой.

— За ваше здоровье, г-жа Бремеръ! язвительно произнесла хозяйка.

— Я долженъ теперь тебя оставить, милая Усти, сказалъ капитанъ вскорѣ послѣ ужина. Сегодня предстоитъ много работы на суднѣ. Если погода и вѣтеръ будутъ благопріятны, то завтра „Чайка" выйдетъ въ море. Я велѣлъ приготовить тебѣ парадную каюту. Предстоитъ прекрасное, веселое путешествіе.

— И я должна тоже ѣхать? испуганно спросила я. Капитанъ засмѣялся. Такъ бы я и оставилъ здѣсь свою женку? Напротивъ, это будетъ наша свадебная поѣздка Будь повеселѣй, женушка! Завтра пустимся въ бушующее море.

II.

На слѣдующее утро капитанъ привелъ меня въ гавань. Подойдя къ борту, онъ сурово взялъ меня за руку и съ омраченнымъ лицомъ сказалъ мнѣ на ухо:

— Послушай Усти! Мнѣ все равно, какъ ты себя держишь относительно меня, но я требую, что бы въ присутствіи моихъ людей ты казалась счастливой женой. Они всѣ знаютъ, что мы только вчера повѣнчаны.

Люди стояли на палубѣ и съ громкимъ крикомъ „ура", встрѣтили насъ. Мужъ, улыбаясь, кланялся: я также улыбалась—въ первый разъ послѣ моего пріѣзда! Улыбалась я, подвигаемая страхомъ. Мнѣ принесли на палубу стулъ, закрыли меня одѣялами и платками. Я сидѣла какъ во снѣ, смотря на мелькающіе мимо берега. До сихъ поръ я не видѣла моря ни разу: видъ его заставилъ меня на время забыть свое горе и несчастное положеніе. Капитанъ сталъ совершенно другимъ, какъ только подняли якорь. На своемъ суднѣ, въ морской формѣ, окруженный послушнымъ и почтительнымъ экипажемъ, онъ казался мнѣ въ болѣе выгодномъ для него свѣтѣ. Въ моей груди возникло нѣчто вродѣ уваженія къ нему, и теперь еще я припоминаю, что я стала съ нимъ ласковѣе. Онъ былъ этимъ очень доволенъ.

— Кажется ты назначена быть женою капитана, Усти, сказалъ онъ гордо.—Многіе не переносятъ моря или покрайней мѣрѣ, должны къ нему привыкнуть. Сынъ нашего хозяина уже лежитъ въ своей каютѣ и ужасно страдаетъ морской болѣзнью.

Молча стояла я на краю корабля и слѣдила за игрою волнъ, а слезы медленно катились по щекамъ моимъ.

На слѣдующій день, когда я опять сидѣла на палубѣ, я замѣтила молодаго человѣка, поднимающагося на палубу.

Лицо его было очень блѣдно, но въ немъ видно было человѣка хорошаго общества. Мой мужъ подошелъ къ нему, почтительно подалъ ему руку и сказалъ:—„Какъ я радъ, что вы рискнули выйдти на палубу, г-нъ Вильмаръ. Позвольте васъ представить моей женѣ. Милая Усти, это г-нъ Муставъ Вильмаръ, сынъ хозяина „Чайки".

Протягивая мнѣ руку, молодой человѣкъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня. Ему было на видъ года 23. Сѣрые кроткіе глаза, милая улыбка. Рѣдко я встрѣчала лицо болѣе привлекательное.

— Съ васъ я могу взять примѣръ г. Бремеръ, сказалъ онъ задумчиво улыбаясь. Вы въ состояніи дать морю крѣпкій отпоръ, а мнѣ все казалось что я былъ близокъ къ смерти, какъ покинулъ берегъ. Если бы я предвидѣлъ, что мнѣ придется перенести на морѣ, ни за что бы не поѣхалъ.

— Лучше-ли вы себя теперь чувствуете? съ участіемъ спросила я.

— О да, и видъ вашъ придаетъ мнѣ бодрости. Я и не предвидѣлъ, что мы будемъ имѣть честь везти на своемъ кораблѣ даму, сказалъ онъ, обратясь къ моему мужу.

— Я долженъ былъ бы васъ извѣстить о своей женитьбѣ, отвѣтилъ капитанъ немного смущенно, но я не имѣлъ случая этого сдѣлать. Смѣю надѣяться, что присутствіе моей жены не стѣснитъ васъ!

— Нисколько! отвѣтилъ Вильмаръ; напротивъ, для меня это весьма пріятная неожиданность.

Онъ быстро прервалъ рѣчь. Щеки его вдругъ зарумянились.

Впослѣдствіи я узнала, что отецъ его, милліонеръ, изъ опасенія, чтобы его единственный сынъ не заболѣлъ чахоткою, послалъ его въ море, полагая, что продолжительное плаваніе и пребываніе въ болѣе тепломъ климатѣ подкрѣпятъ его слабое здоровье.

Однажды Вильмаръ пришелъ въ каютъ-компанію, неся съ собою книги, которыя положилъ на столъ.

— Я забылъ вамъ сказать, г-жа Бремеръ, говорилъ онъ, что у меня съ собой небольшая библіотека: не пожелаете-ли вы воспользоваться ею.

— Какъ это меня радуетъ! воскликнула я. Опять могу я читать любимыхъ поэтовъ. Въ школѣ это было моею страстью.

— Если такъ, вы можете пользоваться этимъ.

Съ тѣхъ поръ мы иногда вмѣстѣ читали, то на палубѣ, то въ каютѣ при лампѣ. Мужъ мой сидѣлъ и курилъ трубку и спокойно сквозь облака дыма слѣдилъ за нами.

Вестминстерское аббатство Галлерея.

Не хочу останавливаться слишкомъ долго на нашей поѣздкѣ. Недѣли проходили. Г-нъ Вильмаръ имѣлъ сильный припадокъ и я долго его не видѣла. Я изъявила желаніе ухаживать за нимъ, но мужъ не допустилъ этаго.

Когда Вильмаръ опять пришелъ на верхъ, то хотя и имѣлъ веселый видъ, я не могла не замѣтить, что онъ сильно похудѣлъ и ослабъ. Мы опять стали читать вмѣстѣ, это мнѣ доставляло большое удовольствіе.

Послѣ только пришло мнѣ въ голову, что мы слишкомъ углублялись въ наше чтеніе и капитанъ Бремеръ, не понимая почти ничего, находилъ это неприличнымъ для своей жены. Но эта совсѣмъ не приходило мнѣ въ голову; у меня и мысли не являлось видѣть въ этомъ что нибудь дурное.

Нѣсколько дней былъ полный штиль. Нашъ корабль стоялъ неподвижно. Паруса слабо спускались по мачтамъ, и я начала уже желать какой-нибудь перемѣны.

— Перемѣна наступитъ скоро, сказалъ въ одинъ вечеръ серьезно мой мужъ, входя въ каюту. Эту ночь будетъ буря, Усти. Только ты не бойся. Не всегда же можетъ быть хорошая погода. Сегодня не ожидай меня, я долженъ быть на палубѣ.

Я прислушивалась къ приближенію бури — море бушевало,

Вестминстерское аббатство. Западная башня.

корабль сильно погружался въ ярыя волны, и я могла слышать, какъ волны хлестали черезъ палубу; казалось, все должно было рухнуть; въ страхѣ я ухватилась за свой столъ.

Капитанъ заглянулъ еще разъ въ дверь.

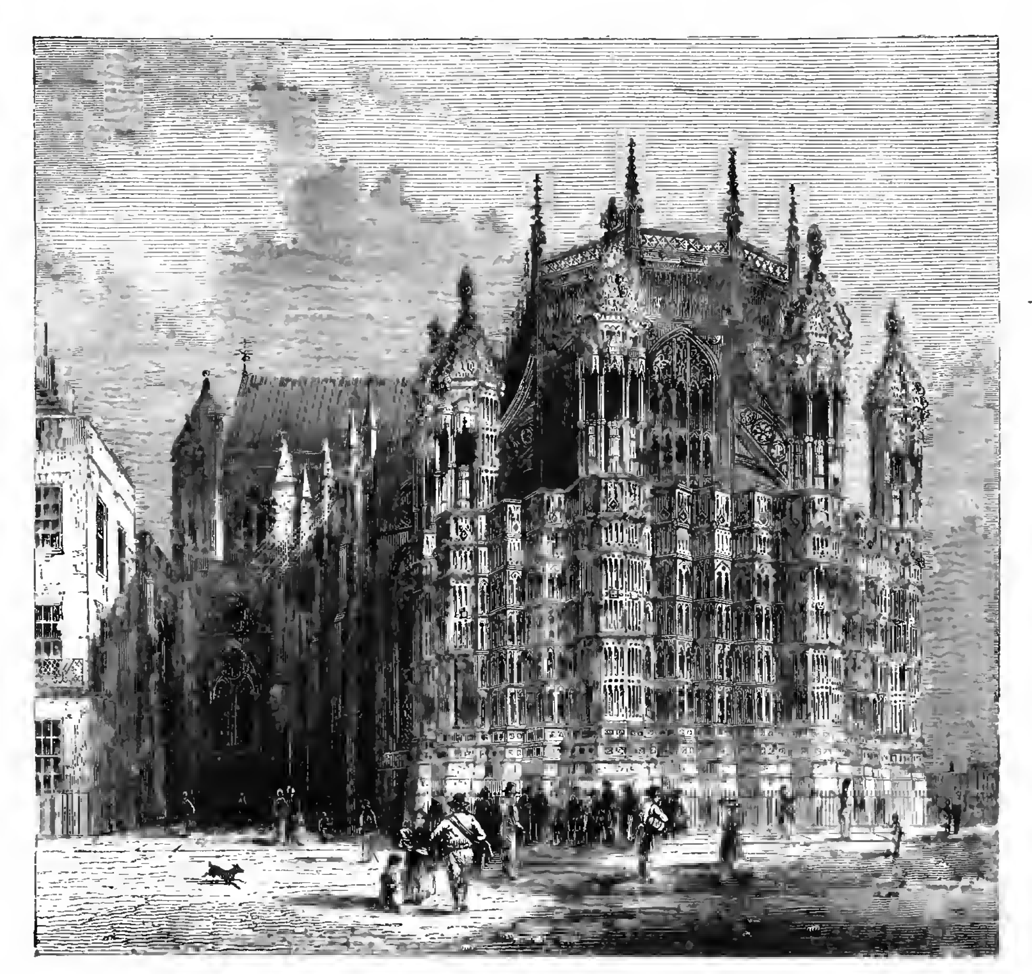
— Не бойся, уговаривалъ онъ меня. Это еще только начало. Придется закрыть люки. Гдѣ г-нъ Вильмаръ?

— Кажется, онъ пошелъ на палубу, отвѣтила я; мнѣ по крайней мѣрѣ, показалось, что онъ подымался по лѣстницѣ. Я держалась за столъ и видѣла какъ матросы покрывали окна просмоленной парусиной и съ шумомъ захлопывали люки.

Въ полномъ мракѣ и дрожа отъ страху я прислушивалась къ страшной бурѣ. Отъ времени до времени до меня доходилъ голосъ мужа, кричащаго въ рупоръ.

Не много погодя я замѣтила, что что-то шевелится въ каютѣ и чуть не вскрикнула отъ испуга, слыша что Густавъ Вильмаръ зоветъ меня по имени.

— Гдѣ вы, г-жа Бремеръ? прошепталъ онъ. Ахъ, какая страшная буря!



Вестминстерское аббатство. Часовня Генриха VII.

— Я думала, что вы на палубѣ, въ смущеніи отвѣтила я.

— Да, но я не могъ болѣе выдержать. Я слишкомъ слабъ, чтобы быть полезнымъ; они вѣдь не нуждаются въ моей помощи.

Голосъ его звучалъ глухо и слабо. Онъ подошелъ близко къ мѣсту, гдѣ я сидѣла. Мы оба судорожно схватились за желѣзные прутья и молча прислушивались къ шуму волнъ и бури надъ нашими головами. Всю ночь въ смертельномъ страхѣ сидѣли мы и съ каждой минутой ожидали что будемъ похоронены въ холодныхъ волнахъ.

Когда первые лучи разсвѣта проникли въ каюту, намъ еще страшнѣе стало при видѣ нашихъ блѣдныхъ, какъ у мертвецовъ лицъ.

Лицо Вильмара было пепельнаго цвѣта; онъ не могъ подняться. Я старалась его ободрить, разрѣзала апельсинъ и сокомъ смочила ему губы; затѣмъ принесла двѣ подушки, чтобы ему было удобнѣе отдохнуть.

— Кажется, я умираю, вздохнулъ онъ. Для меня нѣтъ больше спасенія. Два брата мои погибли отъ этой страшной болѣзни. Если вы когда встрѣтите мою мать или моего отца, то передайте имъ мой искренній привѣтъ. Я ожидаю этаго отъ васъ и увѣренъ въ вашемъ благородствѣ.

Послѣ этого онъ, кажется, потерялъ сознаніе и молчалъ нѣкоторое время. Когда опять заговорилъ, то рѣчь его была несвязна.

Буря продолжалась цѣлыя сутки и всю слѣдующую ночь. На второе утро я услышала тяжелые шаги по лѣстницѣ и мужъ мой взошелъ въ каюту. Никогда я не забуду его вида! Шапка его была привязана къ головѣ; лицо его отъ работы и утомленія опухло. Онъ осмотрѣлъ каюту. Взоръ его упалъ на г-на Вильмара, который лежалъ на подушкахъ, покрытый одѣялами и успѣвшій нѣсколько окрѣпнуть.

— Такъ я и предполагалъ! произнесъ капитанъ хриплымъ голосомъ. Открывъ шкафъ, онъ досталъ бутылку водки, приложилъ ее ко рту и сталъ пить.

— Ты убьешь этимъ себя! воскликнула я, подбѣгая и взявъ его за руку.

— Это мнѣ не вредитъ, отвѣтилъ онъ съ горечью, съ начала бури я ничего не ѣлъ.

— Г-нъ Вильмаръ, обратился онъ сурово къ нему, я желалъ бы посмотрѣть на карту, которая въ вашей каютѣ. Будете-ли такъ любезны мнѣ ее показать?

Бѣдный молодой человѣкъ съ усиліемъ поднялся и пошелъ въ маленькую боковую каюту. Я слышала какъ затворилась за ними дверь. Внезапное чувство страха овладѣло мною. Я подошла къ дверямъ, но они были крѣпко заперты; слышенъ былъ только голосъ капитана, свирѣпо и дико кричащаго. Онъ выкрикивалъ мое имя и обвинялъ бѣднаго юношу Богъ знаетъ въ какихъ преступленіяхъ. Напрасно доказывалъ тотъ свою невинность, тщетно молилъ о пощадѣ. Мнѣ слышно было, что между ними происходитъ борьба. Вскорѣ наступила тишина.

Бремеръ вышелъ одинъ.

— Теперь ты можешь войдти туда, проговорилъ онъ съ хриплымъ смѣхомъ! Твой любовникъ захотѣлъ лучше остаться съ тобою, вмѣсто того, чтобы находиться на палубѣ и исполнять свой долгъ, какъ подобаетъ мущинѣ. Ступай теперь къ нему. Взоръ его былъ какъ у помѣшаннаго, Съ страшными проклятіями поднялся онъ по лѣстницѣ на палубу. Я посмотрѣла въ боковую комнату—Густавъ блѣдный и неподвижный лежалъ на полу. По направленію къ двери отъ него текла струя крови.

Не знаю, что было дальше,—вѣроятно я потеряла сознаніе. Помню только, какъ капитанъ бѣгалъ и звалъ кого-то.

Дулъ сильный вѣтеръ, хотя волненіе значительно уменьшилось. Немного времени спустя я услыхала, какъ выломано было кѣмъ-то стекло въ окнѣ боковой комнаты: раздалось паденіе какого-то тяжелаго предмета въ воду. Вслѣдъ затѣмъ капитанъ вошелъ ко мнѣ и приказалъ мнѣ уничтожить слѣды кровяныхъ пятенъ, оставшихся на полу.

— Никогда я не сдѣлаю этого, быстро возразила я съ рѣшимостью. Никогда я не буду участницей такого гнуснаго преступленія. Пусть весь свѣтъ узнаетъ о твоемъ поступкѣ.

— Какая сильная угроза капитану на его кораблѣ, презрительно возразилъ онъ. Свѣтъ никогда не узнаетъ ни о чемъ другомъ кромѣ того, что твой милый любовникъ утонулъ также, какъ и два матроса, люди болѣе достойные, чѣмъ онъ. А если ты не можешь молчать, такъ я съумѣю поставить на своемъ.

Съ этими словами онъ повлекъ меня въ другую крошечную каюту и заперъ за мною дверь. Я слышала, какъ онъ смывалъ пятна крови. Ужасъ оковалъ мои члены; я какъ бы оцѣпенѣла. Цѣлыми часами лежала я на полу и думала о назначенной мнѣ голодной смерти.

Когда уже стемнѣло и зажжены были лампы, капитанъ явился ко мнѣ. Онъ принесъ чаю и хлѣба. Совершенно истощенная я не могла отказаться отъ пищи. Когда онъ вышелъ, я услышала слова его, обращенныя къ матросамъ:

— Буря ужасно подѣйствовала на мою жену: она совсѣмъ какъ помѣшанная. Ничего нѣтъ удивительнаго, она не привыкла къ бурѣ. Когда она узнала, что двухъ матросовъ и г-на Густава Вильмара снесло волною съ палубы, то была такъ поражена, что безъ чувствъ упала на полъ. Я долженъ ее держать въ спокойствіи и въ ближайшей гавани обратиться за врачебной помощью.

Мнѣ казалось, что я должна выскочить и закричать: я не сошла съума, и Густавъ Вильмаръ не утонулъ. Но отъ страху у меня отнялся языкъ, и дрожа всѣмъ тѣломъ я продолжала лежать. Прошло нѣсколько недѣль. Бремеръ ни слова не говорилъ со мной. Два, три раза въ день онъ приносилъ мнѣ ѣсть, едва глядя на меня — вся любовь его ко мнѣ перешла въ глубокую ненависть.

Огромный путь былъ слишкомъ продолжителенъ; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось.

Наконецъ послышалось приближеніе лодокъ къ нашему кораблю и бѣготня людей надъ моею головой.

Слабый лучъ свѣта проникъ въ мою каюту. Желая сейчасъ-же узнать причину этого, я подошла къ двери и замѣтила, что замочная скважина не была прикрыта. Посмотрѣвъ въ нее, я увидѣла человѣка, накрывавшаго на столъ.

Керберъ былъ честный человѣкъ, съ которымъ я иногда разговаривала; онъ былъ очень преданъ мнѣ.

Приложивъ губы къ скважинѣ, я тихо назвала его по имени.

— Керберъ, я должна съ вами говорить. Вы должны мнѣ помочь. Я не сошла съума. Я должна выйдти на берегъ и явиться къ г. Вильмару, владѣльцу этого корабля. Вы будете щедро награждены, когда поможете мнѣ.

Онъ медлилъ; потомъ шепнулъ, что посмотритъ, нельзя-ли будетъ рѣшиться на что-нибудь.

Вскорѣ онъ вернулся и я разслышала, какъ онъ черезъ скважину тихо говорилъ мнѣ: я все обдумалъ и хочу вамъ помочь. Что могу для васъ сдѣлать?

— Доставьте мнѣ вашу одежду и помогите мнѣ бѣжать.

— Хорошо.

Вскорѣ я услышала какъ отворили мою дверь, кто-то протолкнулъ въ дверь узелъ съ платьями и бросилъ мнѣ ключъ отъ дверей.

Керберъ остановился на минуту. Отъ страху и волненія лицо его побагровѣло.

— Если меня найдутъ и узнаютъ, я погибъ; сказалъ онъ: завтра съ разсвѣтомъ будьте готовы, но ждите моего сигнала. Утромъ я долженъ ѣхать на берегъ за хлѣбомъ и вы пойдете вмѣсто меня.

Онъ убѣжалъ; я соскочила съ постели, заперла дверь и спрятала ключъ. Затѣмъ взяла ножницы и обрѣзала себѣ волосы.

Только успѣла я это сдѣлать, какъ дверь моя быстро отворилась и капитанъ вошелъ въ каюту съ какимъ-то господиномъ очень серьезнаго вида. Сдерживая дыханіе, лежала я на своихъ подушкахъ; лицо горѣло, глаза вѣроятно имѣли дикое выраженіе,—я такъ боялась быть открытой. Докторъ нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на меня, послушалъ мой пульсъ, и обратясь къ капитану, сказалъ: „пока жена ваша въ такомъ возбужденномъ состояніи, напрасно вы оставляете ей ножницы. Взгляните, что она сдѣлала“!

Я замѣтила, какъ изумился капитанъ при видѣ моихъ обрѣзанныхъ волосъ и волненія охватившаго меня. Можетъ быть, онъ дѣйствительно подумалъ, что я не въ своемъ умѣ, но ничего не отвѣтилъ. Когда они вышли изъ каюты, я слышала какъ докторъ сказалъ: не медля ни минуты, я дамъ вамъ свидѣтельство о ея помѣшательствѣ. Было-бы хорошо и для этой несчастной учредить надъ ней, какъ можно скорѣй, тщательный присмотръ.

— Хорошо, отвѣтилъ капитанъ, завтра утромъ мы ее пристроимъ.

Никогда не забуду я этого, безконечно тянувшагося дня. Иногда, казалось, я готова была и вправду сойдти съ ума.

Свѣтало, но еще мерцали звѣзды, когда подошелъ къ самой двери Керберъ и приказалъ быть готовой.

— Капитанъ спитъ, сказалъ онъ; шлюбка сейчасъ отвалитъ.

Я одѣлась, дрожащей рукою отворила дверь и качаясь вышла изъ каюты. Ноги мои, послѣ долгаго заточенія, стали совсѣмъ неповоротливыми.

Керберъ ожидалъ у дверей и вручилъ мнѣ большую корзину.

— Вы поступайте такъ какъ будто это я, но говорите какъ можно меньше, а то васъ узнаютъ. Подымите корзину на голову.

Я такъ и сдѣлала. При начинающемся разсвѣтѣ я незамѣтно прошла мимо матросовъ и спустилась по лѣстницѣ; люди въ шлюбкѣ нетерпѣливо дожидались, спѣша отплыть; спотыкаясь, спустилась я въ лодку.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Керберъ? сказалъ одинъ, ты опять приготовилъ свой грогъ слишкомъ крѣпко! Ты совсѣмъ заспанный. Узнай только объ этомъ нашъ старикъ.

До берега было близко и какъ только причалила лодка, я взбѣжала по ступенькамъ вверхъ, бросила корзину въ воду и помчалась, забывая даже боль въ ногахъ. Не знаю, долго-ли я бѣжала; я остановилась только, когда силы совсѣмъ оставили меня.

На улицахъ начиналось обычное движеніе, каждый шелъ по своему дѣлу, не обращая на меня вниманія.

При мнѣ былъ адресъ г-на Вильмара и при томъ бѣдный Густавъ мнѣ такъ все подробно описалъ, что послѣ недолгихъ

розысковъ я была у его дома. Лакей, отворившій дверь на мой звонокъ, съ удивленіемъ и недовѣріемъ оглядѣлъ меня. Онъ, кажется, не хотѣлъ впускать, но когда онъ узналъ, о моемъ желаніи сообщить г-ну Вильмаръ важное извѣстіе о его сынѣ, тотчасъ же провелъ меня въ большую, мрачную комнату.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, я прислонилась къ столу. Увѣренность въ томъ, что я достигла наконецъ цѣли, сильно подѣйствовала на меня: я была близка къ обмороку. Вошелъ старикъ Вильмаръ.

Съ удивленіемъ оглядѣлъ онъ меня.

Матросская шапка лежала на полу, и онъ хорошо могъ разсмотрѣть что лицо мое—лицо женщины.

— Ради Бога выслушайте меня! вскричала я въ смертельномъ страхѣ. Выслушайте меня! Я молю вашей защиты. Я не мущина, я переодѣтая женщина, жена капитана Бремера, насильно женившагося на мнѣ. Теперь онъ хочетъ засадить меня въ домъ умалишенныхъ, потому что я была свидѣтельницей его кровавой тайны. Не вѣрьте, что вашъ сынъ погибъ въ морѣ; нѣтъ,—мужъ мой убилъ его подлымъ образомъ, я видѣла кровь вашего сына.

Старикъ поблѣднѣлъ и пошатнулся.

До него успѣло уже дойдти извѣстіе о смерти сына, и онъ былъ въ страшномъ горѣ.

— Успокойтесь, сударыня, проговорилъ онъ, я позову жену: она побудетъ съ вами, пока я разузнаю подробнѣе объ страшномъ преступленіи, въ которомъ вы обвиняете своего мужа.

Вошла г-жа Вильмаръ, почтенная старушка; замѣтя мой разстроенный и взволнованный видъ, она усадила меня на диванъ и стала разспрашивать. Съ глазами, полными слезъ, повела она меня въ свою комнату и предложила переодѣться. Едва успѣла я сдѣлать это, какъ подъѣхала карета и къ намъ вошелъ старикъ-хозяинъ. Съ выраженіемъ глубокой горести онъ опустился на стулъ и проговорилъ: „Только что передъ моимъ приходомъ на „Чайку", злодѣй застрѣлился и предсталъ теперь передъ высшаго Судію".

Такъ я овдовѣла. Преступленіе Бремера было искуплено смертью. Я сильно заболѣла, и г-жа Вильмаръ ухаживала за мной, какъ за своей дочерью.

Теперь я снова живу въ домикѣ пастора, въ Бирнталѣ. Я получаю ежегодно по 800 талеровъ, въ счетъ процентовъ съ завѣщаннаго мнѣ отцомъ капитала. Моя жизнь, значитъ нѣсколько обезпечена.

Дрожь пробираетъ меня при одной мысли о прошломъ. Мнѣ еще нѣтъ и двадцати лѣтъ; а между тѣмъ въ моихъ короткихъ каштановыхъ волосахъ, виднѣются уже серебристыя нити. Когда я думаю о своемъ насильномъ замужествѣ и выпавшихъ на мою долю тяжелыхъ дняхъ, мнѣ всегда съ болью въ сердцѣ вспоминается о всѣхъ дѣтяхъ, которые также безпомощны какъ была тогда я.

Стихотвореніе.

Къ Г*.**

Давно-ли сказкою докучной
Тебѣ казалися мечты,
И шуму жизни однозвучной
Съ нѣмой тоской внимала ты?

* * *

Давно-ли спали подъ землею
Цвѣтовъ весеннихъ сѣмена?—
Но вотъ повѣяло весною,
И все возстало ото сна...

И эти силы, что таились
Среди снѣговъ погребены,
Внезапно къ жизни пробудились
При первомъ лепетѣ весны!..

* * *

Летятъ клубы цвѣточной пыли,
Несетъ любовь дары свои.—
И муки сердца заглушили
Волшебнымъ пѣньемъ соловьи...

П—ъ.

Къ рисункамъ.

Пирующіе ландскнехты.

(Рис. на стр. 132 и 133).

Величественные, закованные въ латы рыцари—эти безстрашные паладины крестовыхъ походовъ и участники блестящихъ турнировъ уже въ XIII столѣтіи стали мало по малу терять свою родовую доблесть и страсть къ воинственнымъ приключеніямъ. Собирать ихъ для какого-нибудь крупнаго сраженія становилось все труднѣе и труднѣе: монополія военнаго дѣла незамѣтно уже переходила отъ нихъ въ другія руки и ихъ соперницею являлась другая, новая сила—пѣшіе воины—простолюдины, грозные числомъ и болѣе подвижные и легкіе, нежели латники, прикованные къ своимъ громаднымъ конямъ. Такъ война съ Гуситами уже показала превосходство пѣшаго строя. Войско, составленное изъ мужиковъ, обратило въ бѣгство 100.000 рыцарей, отнявъ у нихъ громадный вагенбургъ съ восьмью тысячами повозокъ. Ясно было, что нужна другая болѣе свѣжая и живая сила — сила массъ, соединенныхъ дисциплиной и сознаніемъ долга и общаго дѣла. Первымъ увидалъ это Максимиліанъ I, одинъ изъ знаменитѣйшихъ государей своего времени и по его почину, въ 1380 году уже образовалось въ Германіи новое постоянное войско—ландскнехтовъ.

Ландскнехты, т. е. земскіе слуги, были народъ вольный, наемный, собираемый изъ всѣхъ сословій, особаго рода вербовщиками, ходившими изъ селенія въ селеніе при звукѣ флейты и барабана. Но, поступивъ въ ландскнехты, каждый долженъ былъ подчиняться всѣмъ условіямъ военной дисциплины—условіямъ иногда очень тяжелымъ и даже жестокимъ, такъ какъ всякій важный проступокъ наказывался смертью и готовая висѣлица обыкновенно красовалась около каждаго военнаго лагеря.

Живописно было шествіе ландскнеховъ во время похода: вообразите себѣ массу людей, въ разнохарактерныхъ и яркихъ, средневѣковыхъ нарядахъ, при чемъ иные въ широкихъ шляпахъ съ перьями, другіе-же въ вычурныхъ головныхъ уборахъ. Вся эта толпа вооружена алебардами и пиками; надъ ней развѣваются разноцвѣтныя знамена, съ боковъ плетутся женщины и дѣти, везутъ повозки съ припасами, да гонятъ различныхъ домашнихъ животныхъ, захваченныхъ по дорогѣ. Особенно привольно жилось ландскнехту, когда онъ отдыхалъ въ лагерѣ послѣ какого-нибудь прибыльнаго и успѣшнаго похода. Скромные и благочестивые люди сторонились ландскнехта и считали его нехристіаниномъ, погибшимъ человѣкомъ. Шумными толпами бродили воинственные ландскнехты по городу, входили въ таверны и здѣсь-то разыгрывались сцены въ родѣ той, которая такъ превосходно изображена на нашей картинкѣ. За столомъ въ своихъ живописныхъ одеждахъ сидятъ воины. Одинъ изъ нихъ цѣлуетъ насильно хорошенькую прислужницу. „Стой!" гремитъ изъ-за стола молодой воинъ, „я тебѣ этаго не позволю!" Другіе двое, рядомъ сидящіе, добродушно и весело смѣются. „Цѣлуй, цѣлуй, да хорошенько! Нечего на нее смотрѣть!"—Я сорву съ тебя голову! продолжаетъ кричать, вскакивая съ сжатыми кулаками и хватаясь за мечь, молодой ревнивецъ. Двое, болѣе пожилыхъ и серьезныхъ, сидящихъ по краямъ стола, уговариваютъ товарищей: „Ну, полно, будетъ вамъ—какъ вамъ не стыдно! Брось мечь! Довольно съ васъ!" Огромные кувшины вина, непремѣнные спутники такихъ сценъ, стоятъ и на столѣ, и на полу. Средній молодецъ, смѣясь, поднимаетъ кружку за здоровье молоденькой Гебы. Громъ мечей, грубыя, воинственныя пѣсни опьяненныхъ воиновъ раздаются кругомъ....

Бейся и пей, и цѣлуй — обнимай—
Спуску вину и врагамъ не давай!
Смѣло иди и на женщинъ, и въ бой—
Жизнь коротка, ходитъ смерть за тобой!

Литерат. Альбомъ. „Мѣдный всадникъ", Пушкина.

(Рисунокъ на стр. 321).

Чудесныя описанія Петербурга и его историческаго прошлаго не рѣдко встрѣчаются въ произведеніяхъ нашего геніальнаго поэта и въ нихъ онъ является порой даже восторженнымъ поклонникомъ нашей сѣверной столицы, этаго величественнаго памятника великаго преобразователя.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье
Береговой ея гранитъ.
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный...

Такъ говоритъ поэтъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ", произведеніи, въ которомъ съ такимъ художественнымъ совершенствомъ изобразилъ онъ одно изъ самыхъ печальныхъ и трагическихъ событій въ исторіи Петербурга—страшное наводненіе 1824 г. Впечатлѣнія этого несчастія были тогда еще такъ недавни и свѣжи: объ немъ еще ходили изъ устъ въ уста таинственные а иногда даже странные разсказы и преданія а потому немудрено, что одна изъ такихъ легендъ послужила канвой для „Мѣднаго Всадника" непропущеннаго впрочемъ цензурой и появившагося въ свѣтъ лишь послѣ смерти поэта. Причина такого неодобренія цензуры заключалась въ томъ что Пушкинъ выводилъ здѣсь дѣйствующимъ лицомъ бронзовую статую Петра и какъ казалось тогда, оскорблялъ тѣмъ память Великаго Императора. Большинство публики да и весь оффиціозный міръ не допускали тогда и малѣйшаго намека на недостатки петровской

реформы и потому-то появленіе „Мѣднаго Всадника" могло возбудить общественное негодованіе.

Но теперь „Мѣдный Всадникъ" занялъ въ нашей литературѣ подобающее мѣсто и ни одинъ, даже самый строгій судья, не укоритъ по этому поводу поэта въ желаніи умалить заслуги Великаго Преобразователя и оскорбить его священную память. Герой разсказа — это нѣкій Евгеній, молодой человѣкъ, сошедшій съ ума отъ страшной потери своей возлюбленной, погибшей во время наводненія. Полный горя и отчаянія, въ рубищѣ, пронизываемый холоднымъ ноябрскимъ вѣтромъ, бродитъ онъ по улицамъ города, сохранившимъ еще слѣды страшной катастрофы и вдругъ случайно попадаетъ на Петровскую площадь, гдѣ возвышается памятникъ Петра Великаго, воздвигнутый Екатериной. Здѣсь приходитъ ему на мысль, что никто иной какъ Петръ, единственный виновникъ его несчастія и имъ овладѣваетъ страшное бѣшенство. Но вотъ какъ самъ поэтъ описываетъ эту сцену, въ которой такъ художественно и психологически вѣрно изображенъ припадокъ буйнаго, яростнаго умопомѣшательства:

Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣдный обошелъ
И взоры дикіе навелъ
На ликъ державца полуміра.
Стѣснилась грудь его... Чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ
Вскипѣла кровь...
И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился... Показалось
Ему, что грознаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лице тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой
Какъ будто грома грохотанье,
Тяжелозвонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ
За нимъ несется всадникъ мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ
За нимъ повсюду „Всадникъ Мѣдный"
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ...

Это воображаемое преслѣдованіе, какъ разсказываетъ въ концѣ поэтъ, окончательно сломило безумца и спасаясь отъ него, онъ бросился въ волны Невы, откуда его вытащили уже холоднымъ, безжизненнымъ трупомъ.

Кобзари и Лирники въ Малороссіи.

(Рис. на стр. 324).

Многіе еще помнятъ, безъ сомнѣнія, какою славою пользовался кобзарь Остапъ Вересай на третьемъ Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ. Интересно было образовавшееся въ то время на съѣздѣ ученыхъ мнѣніе, будто бы Вересай былъ уже *послѣдній Кобзарь* Украйны. Можетъ быть относительно Украйны это и такъ. Но въ нашей заднѣпровской Малороссіи иначе. Оригинальный рисунокъ съ натуры, сдѣланный въ г. Нѣжинѣ, изображаетъ именно такихъ современныхъ намъ лирника и кобзаря.

Эти слѣпые пѣвцы давно прошедшихъ временъ Малороссіи и Украйны, ходятъ по большей части вмѣстѣ, посѣщая особенно людные пункты по городамъ и мѣстечкамъ Черниговской губерніи во время ярмарокъ. Они сидятъ, какъ извѣстно, обыкновенно среди площади, и далеко разносится ихъ мастерское пѣніе, съ оригинальнымъ акомпаниментомъ первобытной „лиры" и бандуры, собирая вокругъ себя цѣлые десятки и сотни народу, желающаго послушать старинныя былины, о Хмѣльницкомъ, двѣнадцати пятницахъ и т. п. Толпа не шелохнется, не проронитъ ни единаго слова, а пѣвцы съ одушевленіемъ, ровнымъ речитативомъ распѣваютъ.

За каждымъ речитативомъ слѣдуетъ дуэтъ на лирѣ и бандурѣ подъ мотивъ пѣсни, которымъ обыкновенно она и заканчивается. Послѣ этого пѣвцы истово кладутъ крестное знаменіе; слушатели также крестятся. За тѣмъ въ шапки пѣвцовъ сыплются деньги отъ слушателей *на молитву*, и снова начинается новая пѣсня, новая былина въ поученіе православнымъ.

Случается, что собравшіеся слушатели сами заказываютъ пѣть извѣстную думу или пѣсню, и всѣ съ такимъ чувствомъ внимаютъ, что иные начинаютъ даже плакать, въ особенности, когда заказная пѣсня бываетъ напр. „О блудномъ сынѣ" и т. п.

Умираетъ онъ, несчастный, лежитъ онъ во гробу. Ему доля въ пеклі (аду) и.

Біжитъ грішникъ огнемъ—пекломъ...
Узрівъ свого отця и матку,
Проситъ ратунку:
Ратуй мене, я чадо твое, отецъ—мати,
Докиль я буду въ сімъ огні слізно крычати.

Когда не бываетъ ярмарки или базара, наши лирники и кобзари, при помощи своихъ *поводаторовъ* мальчиковъ, которые изображены на нашей картинкѣ, ходятъ по домамъ, прося милостыню, и когда ихъ просятъ, охотно начинаютъ пѣть.

Есть у нихъ и веселыя пѣсни: они умѣютъ наигрывать и пѣсни *підтанцовыя*, т. е. танцовальныя; но чтобы заставить ихъ спѣть или сыграть эти пѣсни, нужно привести ихъ въ веселое настроеніе, или застать въ своей компаніи, среди земляковъ, гдѣ они не стѣсняясь, чувствуютъ себя въ своей сферѣ, и готовы, какъ кобзарь Шевченки въ его „Гайдамакахъ", и повеселить добрыхъ людей при случаѣ.

Долго ли еще подобные лирники и бандуристы просуществуютъ въ Малороссіи? Едва ли. Тѣмъ болѣе дороги эти носители истинныхъ народныхъ образовъ и вѣрованій, во всей ихъ первобытной простотѣ и непосредственности.

Весною.

(Рис. на стр. 325).

О, какъ длинна и скучна казалась эта снѣжная, суровая зима молодой затворницѣ гордаго замка! Какъ печально выла буря и полосами снѣгу била мятель въ узкія, стрѣльчатыя, готическія окна! Мужъ ея поѣхалъ съ многочисленною свитой на своемъ могучемъ, тяжеломъ конѣ, весь закованный въ желѣзо, куда-то—хотѣлъ скоро вернуться, а она съ дочкой все одна, сидитъ, поетъ или вышиваетъ. И дѣвочка ея такъ проситъ ее идти гулять въ лѣсъ. „Пора, говоритъ она, пора! Гляди, жаворонки ужь прилетѣли!".

И вотъ дѣйствительно появились жаворонки вѣстники весны. Распустились почки, изъ травы нѣжной, шелковистой, выглянули первые яркіе цвѣты. „Теперь пойдемъ, говоритъ она дѣвочкѣ, пойдемъ". И весенній вѣтеръ обдуваетъ тихо ея нѣжное лицо и молодая грудь свободно, и легко дышетъ чуднымъ воздухомъ весны.

Вестминстерское Аббатство.

(Рис. на стр. 329).

Аббатство это —одно изъ древнѣйшихъ зданій Англіи. Первымъ строителемъ его называютъ Св. Зиберта, короля восточныхъ саксовъ, или короля Эссекскаго (East saxons), въ 610 г. Разрушенное затѣмъ датчанами, оно было вновь выстроено королемъ Едгаромъ. Въ XI столѣтіи, когда церковь пришла въ упадокъ, король Эдуардъ Исповѣдникъ, въ 1055—65 гг., возобновилъ ее съ царскимъ великолѣпіемъ, пригласивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, монаховъ изъ Экcетера; освященіе было совершено 28 декабря 1065 года. Папа Николай II постановилъ, чтобы аббатство служило мѣстомъ коронованія англійскихъ королей, и съ тѣхъ поръ коронованіе и происходило тамъ съ чрезвычайною пышностью. Если даже случалось, что церемонія эта бывала гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ, то, затѣмъ, считалось необходимымъ повторять ее въ Вестминстерѣ, въ присутствіи всѣхъ знатнѣйшихъ лицъ королевства. Въ минуту возложенія короны на главу короля, обыкновенно, производился изъ пушекъ королевскій салютъ. Генрихъ III, въ 1220—69, снова перестроилъ аббатство, еще съ большимъ великолѣпіемъ. Большія галлереи, главное монастырское зданіе и домъ настоятеля были возведены въ царствованіе Эдуарда II, Эдуарда III и Ричарда II. Западная часть и придѣлы перестроены между 1340 и 1483 гг. Названіе свое Вестминстеръ получилъ согласно однимъ источникамъ—вслѣдствіе своего положенія на западъ (west) отъ собора св. Павла, или же—по другимъ отъ того, что въ прежніе времена, на его мѣстѣ стоялъ монастырь, называвшійся „Истминстеръ" (Eastminster). Зданіе аббатства такъ обширно и требуетъ такъ много постоянныхъ исправленій, что почти всегда найдешь тамъ искусныхъ мастеровъ, занятыхъ работой или мозаикой, или мраморомъ, или бронзой, или росписными окнами.

Величавое зданіе производитъ необыкновенное впечатлѣніе на зрителя. Вашингтона Ирвинга глубоко поразило мрачное величіе аббатства, когда онъ пошелъ туда и остановился среди гробницъ (аббатство, какъ извѣстно, служитъ усыпальницей королей и знаменитыхъ людей Англіи) ...„Сокровищница уничиженія", вырвалось у него.

Великолѣпнѣе и обширнѣе другихъ частей аббатства - часовня Генриха VII, галлереи которой изображены на нашемъ рисункѣ. Готическій потолокъ, утвержденный на высокихъ сводахъ, покрытъ чудесной рѣзьбой, состоящей изъ чрезвычайно богатаго сочетанія орнаментовъ. Въ этой часовнѣ, между прочимъ, происходило посвященіе кавалеровъ ордена Бани и теперь еще видны ихъ пышно орнаментированныя скамьи, надъ которыми развѣшано ихъ вооруженіе, знамена и выбиты девизы фамильныхъ гербовъ. Превосходная рѣзьба украшаетъ гробницу основателя этой часовни, тутъ же видны и изображенія Генриха VII и королевы Елизаветы.

Политическое обозрѣніе.

Россія.—Австрія и Турція.—Франція.—Италія.—Испанія.—Китай.

Если свѣдѣнія иностранныхъ газетъ вѣрны, то между правительствомъ нашимъ и австрійскимъ идутъ переговоры о свиданіи Государя Императора съ Императоромъ Францемъ-Іосифомъ; говорятъ, что Его Императорское Высочество В. К. Владиміръ Александровичъ, по прибытіи въ Вѣну, вручилъ императору собственноручное письмо Государя, и всѣ эти слухи приводятъ тамъ къ убѣжденію въ томъ, что нынѣ отношенія обѣихъ державъ болѣе чѣмъ удовлетворительны. Зато—едва-ли удовлетвориться мы можемъ отношеніемъ къ намъ Турціи, примѣняющей къ вопросу соглашенія съ нами относительно уплаты военной контрибуціи свое обычное правило festina lente (спѣши медленно); нашему посланнику при султанскомъ дворѣ снова пришлось обратиться къ Турецкому правительству съ нотой, въ которой заявилъ, что со времени послѣдняго обмѣна мнѣній по этому вопросу прошло двѣ недѣли, а между тѣмъ отъ Порты не получено еще никакого отвѣта относительно формы гарантированія взносовъ контрибуціи; почему г. Новиковъ и просилъ не медлить болѣе отвѣтомъ, отказываясь отъ обсужденія всего вопроса опять съизнова. Въ отвѣтъ Порта сообщила, что она принимаетъ соглашеніе, выработанное при послѣднихъ переговорахъ, объ уплатѣ военной контрибуціи (сколько извѣстно—300 милліоновъ) но при этомъ: 1) оставляетъ за собою право замѣнить, въ случаѣ надобности, условленныя гарантіи другими, равными съ ними и превышающими гарантируемую сумму, не болѣе, чѣмъ на 25% и 2) чтобы Россія отказалась отъ назначенія делегатовъ для контроля взиманія гарантируемыхъ налоговъ—назначеніе это будетъ поручено оттоманскому банку; когда г. Новиковъ сообщилъ, что готовъ принять всѣ предложенія за изъятіемъ этого послѣдняго, то турецкое правительство вновь отвѣтило, что посланникъ не будетъ настаивать на томъ пунктѣ, почему оно считаетъ соглашеніе достигнутымъ.

Славяне продолжаютъ свою геройскую борьбу съ австрійцами, ихъ отдѣльные отряды мелькаютъ то тамъ, то сямъ, извѣстія оттуда, однако, весьма рѣдки, такъ какъ, вѣроятно австрійское правительство приняло мѣры, чтобы кромѣ офиціальныхъ никакихъ другихъ не появлялось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно приступаетъ къ сбору новобранцевъ, намѣреваясь произвести наборъ самымъ энергическимъ способомъ, пользуясь нравственнымъ, какъ оно думаетъ, впечатлѣніемъ побѣды его войскъ на мирное населеніе; но—число новобранцевъ едва ли будетъ многочисленно, такъ какъ сами австрійцы сообщаютъ, что изъ большинства мѣстностей мужское населеніе ушло.

Возстаніе въ Тунисѣ, повидимому, теперь оканчивается, какъ сообщаютъ французы,—одинъ изъ главнѣйшихъ вождей, Али-бенъ-Калифъ, высказываетъ намѣреніе покориться; инсургенты южнаго Туниса, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія или частью перебираются или же покоряются. Въ Сенегаліи также возмутилось одно изъ туземныхъ племенъ, которое блокировало французскій постъ Седіу (Sedhion) но блокада уже снята и взбунтовавшіяся села заняты войсками. Въ Италіи происходилъ рядъ патріотическихъ празднествъ—юбилеевъ событій изъ исторіи италіанскаго народа: въ Миланѣ праздновались „quinque giornate“, т. е. „пять дней“—когда въ 1848 году миланцы выгнали изъ своего города корпусъ въ 25 т. ч. генерала Радецкаго; въ Пьемонтѣ, въ Ассіеттѣ, на границѣ Тироля—итальянцы праздновали блестящую побѣду, одержанную ими въ половинѣ прошлаго столѣтія здѣсь надъ французами и въ Палермо праздновалось 800-лѣтіе знаменитыхъ „сицилійскихъ вечерень“, этотъ праздникъ сильно безпокоилъ власти, такъ какъ боялись взрыва національнаго чувства противъ французовъ, но — все прошло благополучно, не смотря, или лучше сказать, благодаря прибытію Гарибальди. Но, во всякомъ случаѣ—всѣ эти праздники возбудили патріотизмъ, придали новой энергіи партіи, „Italia irridente“, которая теперь предлагаетъ цѣлый планъ союза изъ нѣсколькихъ отдѣловъ—Slavia irridente, Ungheria irridente, Grecia irridente, Romania irridente и т. д. Итальянцы вообще высказываютъ большое сочувствіе славянамъ, совѣтуя, между прочимъ, Сербіи не сливаться съ Австріей, если она желаетъ играть на Балканскомъ полуостровѣ роль Пьемонта; совѣты эти даются и министерскими газетами; Австрійскіе императоръ и императрица обязаны сдѣлать визитъ королю и королевѣ итальянскимъ, недавно бывшимъ у нихъ въ Вѣнѣ, но Императоръ Францъ-Іосифъ желалъ бы отдать визитъ не въ Римѣ, а гдѣ нибудь на границѣ, такъ какъ онъ во 1-хъ, не желаетъ поступить противъ Папы, являясь въ Римѣ гостемъ короля, во 2-хъ, ему не ловко какъ-то и въ отношеніи супруги бывшаго короля неаполитанскаго, сестры Императрицы, а въ 3-хъ, онъ не увѣренъ въ хорошемъ пріемѣ народа. Такъ объясняютъ то, что до сихъ поръ ихъ величества еще не были въ Италіи. Въ Испаніи, въ Барселонѣ, произошли волненія рабочихъ. Въ Ирландіи, если фермеры нѣсколько утихли, то теперь на сцену явились феніи, которые намѣреваясь отторгнуть Ирландію отъ Англіи, желаютъ достигнуть этого терроромъ при помощи динамита; недавно они взорвали въ Дублинѣ одно зданіе, къ счастію не причинивъ никому вреда.

Китайцы намѣрены взяться за репрессаліи въ отношеніи Америки: они объявили, что если Соединенные Штаты будутъ настаивать на недопущеніи китайскихъ рабочихъ въ предѣлы Штатовъ, то для американцевъ будутъ закрыты порты Китая.

Смѣсь.

Изобрѣтеніе сохраненія хлѣба отъ порчи. Военное германское министерство особенно интересуется этимъ изобрѣтеніемъ и вскорѣ будутъ произведены опыты въ императорской пекарнѣ. Второе изобрѣтеніе касается сохраненія мяса въ свѣжемъ видѣ, вмѣсто практиковавшагося до сихъ поръ, вреднаго для здоровья, соленья и копченья. Произведенныя въ лабораторіи зоологическаго музея въ Берлинѣ опыты надъ баранинои, карпами и куропатками дали удивительные результаты. Инфекціонная жидкость, которая спустя цѣлые мѣсяцы, во время варки мяса, сохраняетъ его свѣжимъ и пріятнымъ на вкусъ, въ состояніи и уже испортившееся мясо сдѣлать годнымъ къ употребленію. Третье изобрѣтеніе касается пива. Черезъ прибавку извѣстнаго состава во время варки пива, оно прекрасно сохраняется и не поддается вліянію воздуха и тепла.

Перелетъ маленькихъ птицъ черезъ Средиземное море, по наблюденіямъ одного натуралиста, недавно обнародованнымъ въ журналѣ „Nature“ представляется въ высшей степени интереснымъ. По его словамъ маленькія перелетныя птички, которыя не въ силахъ совершить перелетъ въ 350 миль черезъ Средиземное море, переправляются черезъ него на спинахъ журавлей. Такъ осенью видны цѣлыя стаи журавлей возвращающіеся съ сѣвера; они летятъ низко и оглашаютъ воздухъ страннымъ крикомъ, какъ-бы выражающимъ чувство страха даже и тогда когда они носятся надъ тихими, пахатными полями. Тогда-же можно видѣть и маленькихъ птицъ всякаго рода летящихъ высоко надъ журавлями а иногда-же комфортабельно сидящихъ на ихъ спинахъ и крикливое щебетанье которыхъ явственно слышно на большомъ пространствѣ. Такимъ образомъ благодаря инстинкту самохраненія маленькіе странники избѣгаютъ вѣрной смерти, такъ какъ оставшись на сѣверѣ они-бы непремѣнно погибли всѣ безъ изъятія, сдѣлавшись жертвою зимняго холода.

Домашняя собака. Какое бы мѣсто ни принадлежало этому животному въ ряду органическихъ существъ, оно, по всей справедливости, можетъ считаться наиболѣе привязаннымъ къ человѣку. Собака всюду сопровождаетъ человѣка, всегда съ нимъ. По словамъ древнѣйшей индійской книги *Зенда-Веста* „міръ много обязанъ собакѣ“, и въ этомъ заключается своя доля правды. Съ самыхъ первыхъ періодовъ жизни человѣчества собака была вѣрной помощницей человѣка въ подчиненіи себѣ всего живущаго и всегда оставалась и осталась его дѣятельнымъ, вѣрнымъ и надежнымъ другомъ.

Ея исторія до такой степени смѣшивается съ исторіей человѣчества, что въ вопросѣ о ея происхожденіи, естествоиспытатель сталкивается съ такими же трудностями, какъ и въ вопросѣ о происхожденіи человѣка. И этотъ вопросъ, возбуждавшій множество попытокъ къ разрѣшенію, такъ и остается неразрѣшеннымъ. Породъ домашнихъ собакъ чрезвычайно много, но они такъ видоизмѣнились, что опредѣлить, произошли-ли они отъ одной или нѣсколькихъ различныхъ особей, въ высшей степени спутанная задача. Прирученіе животнаго шло чрезвычайно сложнымъ путемъ и обусловливалось множествомъ разнообразныхъ обстоятельствъ.

Что собака чрезвычайно смышленое животное—это внѣ сомнѣнія. Въ общежитіи о ней выражаются, что она только что не говоритъ. Разсказовъ о ея понятливости ходитъ, какъ извѣстно, множество.

Многіе наблюдатели утверждаютъ, что собака способна понимать членораздѣльную рѣчь. Брэмъ приводитъ въ примѣръ одну англійскую собаку, обнаруживавшую чрезвычайно ясное пониманіе разговора своего хозяина. Перевезенная во Францію, она выказала большое смущеніе и досаду, не понимая новаго языка; но скоро она освоилась и съ нимъ: „научилась по-французски“.

Еще болѣе поразительный примѣръ передаетъ Вальтеръ Скоттъ. Его собака была однажды наказана за то, что укусила булочника. Съ этихъ поръ она не могла равнодушно слышать разговора объ этой исторіи, но какъ бы пристыженная, при этомъ постоянно удалялась въ уголъ. „Она понимала, говоритъ ея знаменитый хозяинъ, о чемъ идетъ рѣчь, какимъ-бы тономъ ни велся разговоръ“.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, въ Парижѣ жила старушка, чрезвычайно любившая собакъ. За это прозвали ее „благодѣтельницей собакъ“. Однажды она притворилась, что хочетъ продать своего любимаго пуделя. Самымъ спокойнымъ тономъ, не дѣлая ударенія ни надъ однимъ словомъ, она сошлась въ цѣнѣ и сдѣлала видъ, что продажа—дѣло рѣшеное. Животное, о которомъ шла рѣчь, тотчасъ-же, съ жалобнымъ воемъ, начало кататься у ея ногъ...

РЕБУСЪ. Задача № 23.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ однаго города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Только что вышелъ въ свѣтъ и продается въ конторѣ Редакціи „Нивы“ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сергѣй Горбатовъ.
Историч: ром: конца XVIII в.
Всеволода Соловьева.
Изданіе А. Ф. Маркса
С. Петербургъ.

Большой томъ in 8° всего 672 стр., напечатанный на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. **Романъ этотъ служитъ началомъ печатаемаго нынѣ въ „Нивѣ“ романа „ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“.** Цѣна 3 р. съ перес. 3 р. 50 к., въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ **4 р.**, съ перес. **4 р. 50 к., для гг. новыхъ подписчиковъ „Нивы“ на 1882 годъ** цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ въ редакціи журнала **„НИВА“** Больш. Морская, д. № 9, въ СПБ. и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА:

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

Романъ-хроника (XVIII вѣка), въ 2-хъ частяхъ
Всеволода Соловьева.
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ жизни XVII вѣка.
Всеволода Соловьева.
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.
Подписчики „Нивы“ на 1882 годъ за пересылку не платятъ.

Дозволено цензурою. СПБ. 1 апрѣля 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ — № 15 — годъ XIII — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выдан. 10 Апрѣля 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 40 коп. (1 Mark. 20 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ ¼ ширины страницы).

КОНТОРА журнала открыта ежедневно (кромѣ Воскресн. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 8 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ ...	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія	5 р.
Съ доставкою въ Петербургѣ ...	5 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ. Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати авторамъ не возвращаются.

Викторія, королева Англіи.

Послѣднее покушеніе на жизнь англійской королевы Викторіи, вызвавшее вопль негодованія во всей странѣ, послужило въ то же время краснорѣчивымъ доказательствомъ той привязанности, какою пользуется королева среди своего народа, умѣющаго цѣнить ея личныя добродѣтели и заслуги ея долгаго царствованія, несмотря на шумныя разногласія различныхъ политическихъ партій. И дѣйствительно, она глубоко уважается въ Англіи людьми самаго противуположнаго направленія и всѣ единодушно согласны въ томъ, что королева Викторія во всю свою жизнь всегда служила высокимъ нравственнымъ образцомъ для каждаго изъ своихъ подданныхъ.

Королева Викторія родилась 24 мая 1819 года и еще ребенкомъ лишилась отца, герцога Кентскаго, долженствовавшаго наслѣдовать престолъ послѣ бездѣтнаго брата своего Вильгельма IV. Такимъ образомъ, она неожиданно сдѣлалась наслѣдницей англійской короны и согласно своему высокому назначенію получила самое тщательное образованіе, сначала подъ надзоромъ герцогини Нортумберландской а потомъ подъ руководствомъ, извѣстнаго главы виговъ, лорда Мельбурна, ознакомившаго ее съ политическими науками и съ конституціоннымъ устройствомъ страны. Викторія вступила на престолъ 20-го іюня 1837 года т. е. послѣ смерти Вильгельма IV а въ слѣдующемъ году она уже торжественно короновалась въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Нечего и говорить, что юная, прелестная, высокообразованная, королева сильной, могущественной страны конечно была блестящей партіей и что многіе представители самыхъ первостепенныхъ царственныхъ домовъ Европы спѣшили просить руки ея; но она рѣшила выбрать себѣ въ супруги принца очень скромнаго въ политическомъ значеніи, но за то отличавшагося высокими умственными и нравственными качествами а именно принца Альберта Саксенъ-Кобурготскаго.

Королева Англіи, Викторія. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

Бракосочетаніе происходило въ февралѣ 1840 г.

и несмотря на нѣкоторое недоброжелательство, встрѣченное въ началѣ, принцъ Альбертъ вскорѣ своимъ тактомъ и достоинствами привлекъ къ себѣ симпатіи чуждаго ему народа и даже удостоился отъ него особенныхъ отличій и почестей. Такъ онъ былъ назначенъ членомъ тайнаго совѣта; ему было присвоено законное право—давать совѣты своей вѣнценосной супругѣ. Послѣднимъ правомъ Альбертъ пользовался въ самомъ лучшемъ смыслѣ и его вліяніе на королеву было самое благотворное, вполнѣ отражавшее въ себѣ его честную, высокую натуру. Кромѣ того принцъ Альбертъ былъ нѣжный супругъ и отличный семьянинъ и королева Викторія наслаждалась своими семейными радостями даже мало возмущалась безпрерывною борьбою виговъ съ торіями продолжавшейся до 1846 года. Съ этого времени партія торіевъ восторжествовала и королева, уступивъ право управленія страной парламенту, предоставила себѣ лишь выборъ государственныхъ людей, причемъ впрочемъ всегда руководилась преобладающимъ мнѣніемъ. Тихая семейная жизнь ея разнообразилась лишь небольшими путешествіями въ Бельгію, Германію и Францію и пріемомъ у себя различныхъ вѣнценосныхъ путешественниковъ. Изъ послѣднихъ особенно долго гостилъ въ Лондонѣ Наполеонъ III съ супругой Евгеніей, къ которой королева Викторія сохранила нѣжную, безкорыстную дружбу и послѣ паденія Наполеонидовъ.

Въ 1861 году королеву Викторію неожиданно поразило страшное горе. Она потеряла страстно любимаго супруга и подъ вліяніемъ этой потери нѣсколько лѣтъ не только чуждалась всякаго общества но и не появлялась даже въ парламентѣ. Только желанія народа, да настоянія министровъ снова вызвали ее въ Лондонъ изъ уединенныхъ убѣжищъ Виндзора и Осборна. Въ 1876 году, по совѣту Дизраели, Викторія приняла громкій, блестящій титулъ императрицы Индіи, но этотъ титулъ, навязанный Викторіи политическими соображеніями, не вызвалъ особеннаго одобренія націи и скромная, по прежнему, королева чаще и чаще уединяется въ послѣднее время, подальше отъ Лондона, въ свои укромные загородные замки.

Замѣчательно, что кромѣ недавняго покушенія Маклина на жизнь королевы Викторіи покушались еще многіе злоумышленники, но къ счастію всѣ ихъ преступные замыслы оканчивались неудачно.

Королева пять разъ уже, въ теченіи своего долгаго царствованія, подвергалась покушеніямъ въ родѣ того, которое поразило теперь ужасомъ весь міръ. Первое произведено въ іюнѣ 1840 года, когда королева съ принцемъ супругомъ проѣзжала въ коляскѣ. Молодой человѣкъ, по имени Оксфордъ, два раза въ нее выстрѣлилъ, но далъ промахъ. Присудили его къ пожизненному заключенію въ домѣ умалишенныхъ. 29 января 1842 г., съ того-же мѣста, гдѣ стрѣлялъ Оксфордъ, снова было произведено покушеніе на жизнь королевы. Она ѣхала съ принцемъ Альбертомъ, какъ изъ толпы направленъ былъ противъ нея пистолетъ, который, однако, не выстрѣлилъ. Виновника задержать не удалось. На другой день явился въ полицію мальчикъ, объявившій, что стоялъ рядомъ съ человѣкомъ, который цѣлился въ королевскую чету, и послѣ проѣзда экипажа воскликнулъ: „Что я за дуракъ, что не выстрѣлилъ“! Королева и принцъ были тѣмъ сильнѣе взволнованы, что имѣли поводъ опасаться повторенія покушенія со стороны этого человѣка. При всемъ томъ, рѣшено было выѣхать на другой день пополудни. „Я—писалъ принцъ къ отцу, въ письмѣ—вездѣ выискивалъ это проклятое лицо“. На обратномъ пути, близь самаго дворца, въ пяти шагахъ отъ экипажа, раздался выстрѣлъ, причемъ, однако, преступникъ промахнулся. Покушавшагося задержали. Онъ оказался 22-хъ-лѣтнимъ сыномъ театральнаго машиниста, Фрэнсисомъ. „Это не помѣшанный—говорилъ въ письмѣ принцъ—а отъявленный, продувной негодяй: отвѣты его грубы и онъ насмѣхается надъ своими судьями“. Въ іюнѣ его судили и приговорили за государственную измѣну къ смертной казни. Когда приговоръ былъ ему объявленъ, онъ упалъ въ обморокъ. Королева пожелала, чтобы смертный приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, и казнь была замѣнена пожизненной ссылкой. На другой день послѣ того, какъ постановлено было это рѣшеніе, 3-го іюля 1842 года, произведено третье покушеніе на жизнь королевы. Преступникъ, горбатый человѣкъ, по имени Бинъ, задержанный только вечеромъ, былъ аптекарскимъ помощникомъ и написалъ своему отцу, что „намѣренъ предпринять“ нѣчто, отчаянное. Королева узнала о покушеніи Бина только по возвращеніи своемъ въ бекингемскій дворецъ. Когда ей сообщили объ этомъ, она не обнаружила никакого волненія, а сказала, что была готова къ тому. У нея было съ нѣкоторыхъ поръ предчувствіе, что на нее снова будетъ произведено такое безумное покушеніе. Странно что преступленіе Бина подало парламенту поводъ измѣнить законъ. 12-го іюня былъ внесенъ билль о караніи покушеній, направленныхъ противъ главы государства, вмѣсто смертной казни *ссылкою на семь лѣтъ* и тюремнымъ заключеніемъ съ тяжелою работою или безъ нея, на срокъ *не далѣе трехъ лѣтъ*. Когда Оксфордъ, содержавшійся въ домѣ умалишенныхъ, узналъ объ этихъ новыхъ покушеніяхъ, онъ сказалъ, что, еслибъ его повѣсили, въ королеву больше не стрѣляли-бы. Послѣ осужденія Бина прошло восемь лѣтъ. Въ іюнѣ 1850 г., ея величество хотѣла сѣсть въ экипажъ, когда „изящный джентльменъ“, по имени Робертъ Пэтъ, подошелъ къ ней и палкою нанесъ ей по лицу ударъ, сила котораго была ослаблена, правда, шляпой, но который всетаки оставилъ на лбу большой синякъ. Причина, вызвавшая это нападеніе, осталась невыясненной. Пэтъ, отказавшійся дать какія-нибудь показанія былъ присужденъ къ ссылкѣ на семь лѣтъ. Пятое покушеніе происходило двадцать два года послѣ этого, 29 февраля 1872 г. Виновникомъ его былъ молодой ирландецъ, по имени Артуръ О'Коннорь, всего 17-ти лѣтъ. Покушеніе Маклина, 2-го марта, 1882 г., является шестымъ въ царствованіе королевы Викторіи.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XV.

Иные интересы.

Возвращеніе Сергѣя Горбатова изъ-за границы на родину совпало съ самымъ шумнымъ и веселымъ для Петербурга временемъ. Уже нѣсколько лѣтъ петербургскіе жители не видали такихъ празднествъ, такого веселья.

Первою причиною этихъ празднествъ было взятіе Дербента, затѣмъ рожденіе великаго князя Николая Павловича и наконецъ близившееся осуществленіе горячаго желанія императрицы, а именно сватовство молодаго шведскаго короля на старшей дочери цесаревича, Александрѣ Павловнѣ.

Императрица давно уже мечтала объ этомъ, но такъ какъ встрѣчались нѣкоторыя затрудненія, то дѣло все какъ-то затягивалось.

Князь Зубовъ однако поставилъ себѣ цѣлью непремѣнно довести его до благополучнаго окончанія и этимъ обрадовать государыню. Дѣятельнымъ ему помощникомъ явился графъ Морковъ — дипломатъ новой школы, соперникъ Безбородко, успѣвшій снискать расположеніе Зубова и усиленно выдвигаемый имъ на первый планъ.

3-го августа въ городѣ узнали о пріѣздѣ давно ожидаемыхъ дорогихъ гостей. Восемнадцатилѣтній шведскій король Густавъ Адольфъ IV въ сопровожденіи своего дяди регента, Карла Зюдерманландскаго и нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, поселился въ домѣ своего посланника Штединга.

Король принялъ, такъ какъ считали необходимымъ поддерживать инкогнито, имя графа Гага; регентъ назвался графомъ Вазой.

Императрица, именно въ ожиданіи этого посѣщенія, очень рано переселилась изъ Царскаго Села въ таврическій дворецъ, а теперь даже въ Эрмитажъ, дабы имѣть возможность встрѣтить юнаго короля съ достодолжнымъ почетомъ и давать въ честь его самые блестящіе празднества.

Что-же это были за люди, и почему императрица такъ дорожила дружескими отношеніями съ ними, такъ желала съ ними породниться?

Екатерина, несмотря на многія перемѣны, происшед-

шія съ нею, на наступающую старость и усталость, и признаки, неизбѣжнаго при этомъ, ослабленія нравственныхъ и умственныхъ силъ, все еще оставалась тонкимъ политикомъ, все еще крѣпко и твердо стояла на стражѣ интересовъ Россіи. При тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ Европы, прочный и постоянный союзъ съ Швеціей представлялся ей необходимымъ.

Побѣдительница Густава III, осыпавшая его насмѣшками и стрѣлами своего остроумія, она вдругъ измѣнила свои отношенія къ побѣжденному врагу. Причиной такого внезапнаго перехода была все та-же французская революція.

Пускай Швеція во враждѣ съ Россіей, но она еще въ большей враждѣ съ Франціей и потому нужно всѣми мѣрами постараться помириться со Швеціей, привлечь ее на свою сторону, тѣсно сплотиться съ нею для борьбы съ общимъ врагомъ.

Черезъ годъ послѣ заключенія позорнаго для Швеціи мира, результата успѣховъ русскаго оружія, Екатерина подписала новый трактатъ, который обезпечивалъ Густаву III большую денежную помощь петербургскаго кабинета подъ условіемъ, чтобы эта помощь была употреблена для рѣшительныхъ дѣйствій противъ французской революціи.

Густавъ дѣйствительно намѣревался раздавить „революціонную гидру", рѣшился принять самыя энергичныя мѣры, но не сообразовался со своими силами, онъ не замѣчалъ, что эта гидра разростается съ каждымъ часомъ, что ея развѣтвленія проникаютъ уже въ Швецію и его самого опутываютъ.

Густавъ неожиданно умеръ, смертельно раненый во время маскарада.

По его завѣщанію шведскій престолъ достался его малолѣтнему сыну, Густаву Адольфу, регентомъ онъ назначилъ брата своего, герцога Карла.

Если Густавъ III не отличался дарованіями, то братъ его Карлъ въ этомъ отношеніи былъ еще безнадежнѣе его, однако несмотря на бездарность, регентъ обладалъ большой хитростью. Онъ сознавалъ, что съ петербургскимъ дворомъ надобно ладить и поэтому послалъ къ императрицѣ генерала Клингскорра съ вѣстью о кончинѣ короля и съ полномочіемъ намекнуть императрицѣ о желаніи покойнаго породниться съ русскимъ царствующимъ домомъ посредствомъ брака Густава Адольфа со старшей внучкой императрицы.

Императрица несказанно обрадовалась. Сама она изъ понятнаго самолюбія никогда-бы не заикнулась объ этомъ дѣлѣ, теперь-же разъ возникъ разговоръ не по ея инниціативѣ, она ухватилась за этотъ планъ обѣими руками. Она оживилась, окружающіе давно не видѣли ее такой веселой, такой счастливой. Родственный союзъ со Швеціей! да вѣдь это уничтоженіе вліянія Турціи въ Стокгольмѣ, владычество русскаго флота на Балтійскомъ морѣ! Это крѣпкій союзъ противъ Франціи! Положимъ, жениху всего четырнадцать лѣтъ а невѣстѣ девять, но время такъ быстро идетъ и, наконецъ, нужно только окончательно и безповоротно рѣшить вопросъ, такъ чтобы уже не могло быть ни съ той, ни съ другой стороны отступленія—и тогда все равно: совершится уже бракъ или нѣтъ еще.

Несмотря однако на все желаніе императрицы, интересовавшій ее вопросъ подвигался весьма медленно и въ теченіи четырехъ лѣтъ не былъ еще рѣшенъ окончательно.

Виною тому оказался регентъ: самъ заговоривъ о бракѣ племянника и хорошо сознавая его выгоды, онъ тѣмъ не менѣе началъ хитрить и лукавить, играть въ двойную игру.

Тотчасъ послѣ смерти брата, онъ вызвалъ изгнаннаго барона Рейтергольма, фантазера, мистика, яраго приверженца Франціи.

Рейтергольмъ всячески вооружалъ его противъ союза съ Россіею и напротивъ склонялъ его къ союзу съ Турціей и даже съ конвентомъ.

Регентъ писалъ Екатеринѣ любезныя, изысканныя письма, увѣрялъ ее въ своей преданности и въ то же время не дѣлалъ ни одного шага къ дѣйствительному сближенію съ Россіей.

Императрица при своей проницательности, конечно тотчасъ-же замѣтила его игру. Она поручила русскому посланнику въ Стокгольмѣ, графу Стакельбергу, осторожно выразить регенту ея неудовольствіе.

Онъ принужденъ былъ задуматься; онъ увидѣлъ, что любезными письмами трудно провести императрицу; онъ понялъ, что его игра грозитъ отказомъ въ субсидіяхъ, получаемыхъ изъ Россіи, которыя были крайне необходимы для истощенной шведской казны. И вотъ онъ опять началъ толковать и хлопотать о бракѣ племянника и въ то же время оттягивалъ и выигрывалъ время, склоняя Порту къ разрыву съ Россіей.

Онъ послалъ въ Петербургъ для переговоровъ о сватовствѣ барона Виталя, еврея, который не былъ даже членомъ дипломатическаго корпуса.

Императрица сама не приняла этого еврея и поручила объясниться съ нимъ князю Зубову.

Регентъ опять дѣлалъ свои предложенія, такъ сказать, частнымъ, келейнымъ образомъ. Императрица отвѣтила на нихъ оффиціально, выразивъ свое удовольствіе.

Регентъ долженъ былъ понять, что шутить съ ней невозможно, что она отлично проникла во всѣ его замыслы. И въ то же время Стакельбергъ сдѣлалъ, по приказанію государыни, представленіе шведскому кабинету о двусмысленныхъ дѣйствіяхъ Швеціи относительно Россіи.

Стакельбергъ выразился довольно рѣзко. Регентъ обидѣлся и просилъ у императрицы отозванія посла.

Екатерина тотчасъ же это исполнила, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекратила выдачу субсидій Швеціи. Она мотивировала это, указывая на дѣйствія Швеціи въ Константинополѣ и на дружескія ея отношенія къ Франціи.

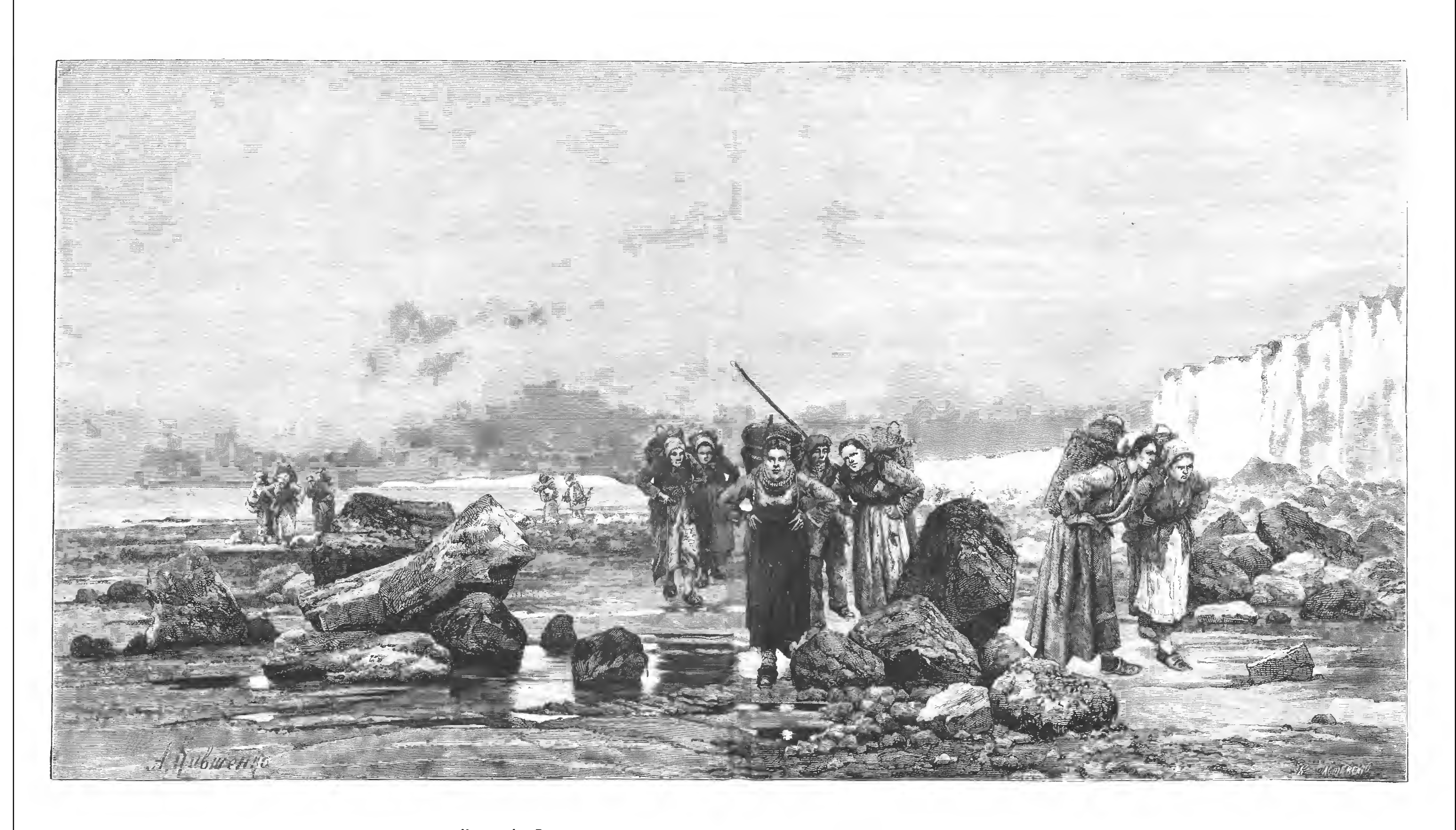
Многіе ждали окончательнаго разрыва и войны, но войны не послѣдовало. Екатерина была слишкомъ благоразумна, а регентъ слишкомъ труслив. Нѣсколько времени между Швеціей и Россіей не существовало никакихъ отношеній.

Постъ русскаго посланника въ Стокгольмѣ оставался вакантнымъ, но вотъ, по случаю женитьбы великаго князя Александра Павловича, явился въ Петербургъ съ поздравленіемъ отъ регента графъ Штенбокъ и снова возобновилъ прерванные переговоры о бракѣ шведскаго короля.

Теперь Зубовъ взялся окончательно за это дѣло. Онъ требовалъ отъ имени императрицы, чтобы регентъ и король пріѣхали въ Петербургъ. Штенбокъ отвѣчалъ, что это невозможно, что это противно шведскимъ законамъ. Зубовъ объявилъ, что великая княжна не можетъ перемѣнить религію. Прямого отвѣта на это заявленіе не послѣдовало, однако Штенбокъ увѣрилъ Зубова, что врядъ ли тутъ встрѣтятся какія либо препятствія. Пока на этомъ и остановились переговоры; очевидно не было еще ничего рѣшеннаго, но въ Петербургѣ уже всѣ толковали о помолвкѣ великой княжны.

Екатерина назначила посланникомъ въ Швецію графа Сергѣя Румянцева. Дружественныя сношенія возстановились, но судьба какъ будто противилась планамъ Екатерины. Дѣло, которое съ перваго взгляда казалось очень легкимъ, о которомъ равно должны были заботиться обѣ стороны, и въ особенности Швеція, получавшая не малыя выгоды, рѣшительно не ладилось: на каждомъ шагу вставали нежданныя препятствія.

Шведскій баронъ Армфельдтъ, бывшій въ очень близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ покойнымъ Густавомъ III, явился во главѣ большаго заговора, имѣвшаго цѣлью ниспроверженіе регента.



Нормандія. Возвращеніе рыбачекъ съ ловли. Ориг. рис. А. Д. Кившенко грав. К. Ольшевскій.

Армфельдтъ былъ давно извѣстенъ императрицѣ, велъ даже съ ней переписку, отличался искренней преданностью къ Россіи. Заговоръ его былъ открытъ, онъ бѣжалъ и перебрался въ Россію.

Императрица приняла его, оказала ему много знаковъ вниманія, назначила ему большую пенсію и разрѣшила поселиться въ Калугѣ.

Регентъ вознегодовалъ — Армфельдтъ, государственный преступникъ, имѣніе его конфисковано, имя его прибито къ позорному столбу и вдругъ императрица его такъ принимаетъ!

Регентъ написалъ Екатеринѣ письмо, въ которомъ обвинялъ ее въ нарушеніи международныхъ правъ.

Снова окончательный разрывъ казался неизбѣжнымъ, но ближайшій, неизмѣнный совѣтникъ регента, Рейтергольмъ, объяснилъ ему всѣ невыгоды подобнаго разрыва и вопросъ о бракѣ шведскаго короля съ русской великой княжной вступилъ въ новый фазисъ. Вести это дѣло было поручено шведскому посланнику въ Петербургѣ, Штедингу.

Швеція ставила три пункта: первый, о приданомъ невѣсты; второй, о переходѣ ея въ лютеранство; третій, о выдачѣ Армфельдта.

На первый и второй пункты Екатерина пока ничего не отвѣчала, на третій отвѣтила категорическимъ отказомъ, но не успѣла она еще хорошенько обдумать этихъ важныхъ вопросовъ, какъ вдругъ получила извѣстіе о томъ, что въ Стокгольмѣ объявлено оффиціально о помолвкѣ короля съ принцессою Мекленбургъ-Шверинскою. 1-го Ноября 1795 года состоялось обрученіе и во всѣхъ стокгольмскихъ церквахъ служились молебны о здравіи будущей королевы.

По вслѣдъ за этимъ неожиданнымъ и страннымъ извѣстіемъ пришло другое. Оказалось что регентъ дѣйствовалъ, не спросившись юнаго короля и вотъ король объявилъ ему, что вовсе не желаетъ жениться на принцессѣ макленбургъ-шверинской, что не чувствуетъ къ ней никакого влеченія, что она кажется ему непривлекательной въ высшей степени.

Екатерина успокоилась. Изъ Петербурга въ Стокгольмъ былъ посланъ Будбергъ, который такъ успѣшно повелъ дѣло, что наконецъ Петербургъ увидѣлъ давно жданнаго гостя и хитраго регента.

Позадивъ со шведскими законами, они явились лично просить руки великой княжны.

Императрица наконецъ торжествовала: вѣдь она съ самаго начала добивалась именно личнаго свиданія. Невѣстѣ всего тринадцать лѣтъ, но она уже достаточно развита физически и имѣетъ видъ совершенно взрослой дѣвушки. Она хороша какъ ангелъ, добра, привѣтлива, умна, это самая любимая внучка императрицы.

Стоитъ только юношѣ королю взглянуть на нее и онъ неизбѣжно долженъ будетъ страстно полюбить ее— чего не могли до сихъ поръ устроить дипломаты и государственные люди, то легко устроитъ „наша малютка“, какъ всегда называла любимую свою внучку императрица.

XVI.

Сказочный принцъ.

Графъ Гага, графъ Ваза и ихъ приближенные, какъ уже было сказано, остановились въ домѣ шведскаго посланника Штединга.

Юноша—король, конечно, имѣлъ самыя превратныя понятія о Россіи, но въ то же время онъ очень хорошо зналъ о могуществѣ императрицы, о необычайномъ богатствѣ и роскоши ея двора и очень желалъ породниться съ этимъ богатымъ, могущественнымъ домомъ. Имѣлъ онъ и миніатюрный портретъ великой княжны, своей будущей невѣсты, на которомъ она была изображена самымъ прелестнымъ ребенкомъ, но онъ не особенно заглядывался на этотъ портретъ, полагая, что въ немъ заключается больше рвенія художника, чѣмъ сходства съ оригиналомъ. Вообще онъ мало еще пока думалъ о невѣстѣ и о своихъ будущихъ обязанностяхъ, хотя дорогою дядя-регентъ и толковалъ ему о томъ, какъ онъ долженъ вести себя, какъ долженъ стараться всѣмъ понравиться, не выказывать дурныхъ сторонъ своего характера.

Король пропускалъ мимо ушей эти наставленія, которыя ему давно уже сильно надоѣдали и успокоивалъ себя тѣмъ, что скоро уже, очень скоро, онъ будетъ избавленъ отъ всѣхъ этихъ наставленій и скучной опеки, ибо наступаетъ наконецъ его совершеннолѣтіе.

Густавъ Адольфъ въ это время уже превратился изъ ребенка въ юношу, онъ былъ высокъ и строенъ, очень красивъ собою. Сразу онъ долженъ былъ произвести пріятное впечатлѣніе, но и не особенно тонкій наблюдатель скоро замѣчалъ, что внѣшнія, физическія достоинства юнаго короля вовсе не отвѣчаютъ внутреннимъ. Густавъ Адольфъ былъ однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ юношей, которымъ судьба дала высокое назначеніе и не позаботилась ихъ къ нему приготовить. Но начать съ того, что въ сущности онъ даже не имѣлъ права занимать шведскій престолъ: ни для кого не было тайной, что преемникъ Густава III-го не былъ его сыномъ; отцомъ его считали графа Монка.

При шведскомъ дворѣ того времени, равно какъ и въ высшемъ шведскомъ обществѣ, господствовали легкомысленные нравы, проникнувшіе туда вмѣстѣ съ модами изъ Версаля.

Король Густавъ III-ій, большой поклонникъ веселья и женщинъ, былъ плохимъ мужемъ. Примѣръ его заразилъ и королеву; она стала подражать ему тѣмъ съ большею легкостью, что, какъ человѣкъ своего времени, онъ не считалъ себя вправѣ слѣдить за ея поведеніемъ. Онъ пользовался самъ полной свободой и предоставлялъ такую же свободу и королевѣ. Когда у нея родился сынъ, онъ даже очень обрадовался этому, не задумываясь призналъ его своимъ сыномъ, нѣжно къ нему относился, восхищался его красотою, его удивительными способностями, которыя ему чудились съ первыхъ дней жизни ребенка, и всѣхъ окружающихъ заставлялъ имъ восхищаться.

Мальчикъ подросталъ въ этой атмосферѣ всеобщаго поклоненія, притворныхъ похвалъ и лести. Онъ искренно считалъ себя существомъ особеннымъ, почти сверхъестественнымъ по красотѣ, уму и всевозможнымъ дарованіямъ, онъ привыкъ съ первыхъ лѣтъ своей жизни чувствовать себя на недосягаемомъ пьедесталѣ и съ этого пьедестала относиться ко всѣмъ людямъ, какъ къ ничтожному стаду, которое должно себя чувствовать счастливымъ отъ одного позволенія лицезрѣть его совершенства.

Придворные каждый день видѣли самыя краснорѣчивыя доказательства высокомѣрія и своенравія этого возвеличеннаго ребенка.

Семи лѣтъ отъ роду Густавъ Адольфъ получилъ званіе почетнаго члена Упсальскаго университета. Почтенные ученые являлись къ нему на поклонъ и не хуже царедворцевъ трубили ему въ уши о его достоинствахъ.

Послѣ трагической кончины отца своего, король-ребенокъ оказался куклой въ рукахъ дяди-регента. Для того, чтобы съ успѣхомъ пользоваться этой куклой и заставлять ее двигаться по своему желанію, хитрый регентъ понялъ, что нужно постоянно дѣйствовать на самолюбіе племянника, этимъ онъ держалъ его постоянно въ своей власти, избѣгалъ всякихъ непріятныхъ для себя столкновеній, творилъ свою волю во всемъ. За все время регентства только одинъ разъ король взбунтовался противъ дяди: это было по случаю помолвки его на принцессѣ макленбургъ-шверинской. Но и этотъ единственный случай доказывалъ только, что расчеты регента дѣйствовать на самолюбіе юноши были совершенно вѣрны; здѣсь хитрый правитель забылъ свое

правило и потерпѣлъ пораженіе: бракъ съ внучкой императрицы русской льстилъ юному самолюбію короля. вдобавокъ—принцесса мекленбургъ-шверинская была не хороша собой и произвела на маленькаго полубога непріятное впечатлѣніе.

Но разъ уже ошибка была сдѣлана, ее трудно было поправить.

Король вдругъ сталъ противорѣчить на каждомъ шагу регенту, объясняться съ нимъ раздраженнымъ и даже повелительнымъ тономъ. Тотъ, изумленный, не привыкшій къ подобному обращенію со стороны племянника, наконецъ замѣтилъ ему:

— Другъ мой, вы вѣрно забываете съ кѣмъ говорите!

— Совсѣмъ не забываю, я хорошо знаю, что вы мнѣ дядя и регентъ, но помните и вы, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я самъ буду королемъ!—ничуть не смущаясь отвѣтилъ юноша.

Этимъ не кончилось. Въ одинъ прекрасный день юный полубогъ объявилъ регенту:

— Прикажите сдѣлать необходимыя приготовленія и поѣдемте въ Петербургъ.

— Какъ въ Петербургъ? всполошился регентъ.—Это невозможно, это противно исконнымъ обычаямъ нашей страны, вы не можете ѣхать сами просить руки иностранной принцессы; для этого существуетъ дипломатическій корпусъ, уполномоченные.

— Мы съ вами поѣдемъ въ Петербургъ и я буду просить у императрицы руку ея внучки! рѣшительно повторилъ король.

На слѣдующій день онъ спросилъ сдѣланы ли необходимыя приготовленія, и узнавъ, что къ нимъ еще не приступали, сталъ рвать и метать. Объяснять ему, уговаривать было безполезно. Регентъ понялъ это и такимъ образомъ была нежданно рѣшена поѣздка въ Россію.

— Но покрайней мѣрѣ, при этомъ дворѣ вы держите себя, какъ подобаетъ вашему положенію, ни на минуту не забывайте о своемъ достоинствѣ, упрашивалъ регентъ.

Король съ презрительной усмѣшкой взглядывалъ на дядю и даже не удостоивалъ его никакимъ отвѣтомъ.

„Учить меня вздумалъ, думалъ онъ, самъ можетъ съ меня примѣръ брать, я покажу имъ, этимъ русскимъ, каковъ долженъ быть настоящій король“!

И больше онъ не задумывался объ этомъ предметѣ. Онъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что очаруетъ всѣхъ.

Познакомившись нѣсколько съ исторіей, онъ плѣнился Карломъ XII и пожелалъ взять его себѣ за образецъ. Онъ старательно изучалъ всѣ подробности его жизни, узналъ всѣ его привычки, манеры; онъ пересталъ смѣяться, рѣдко позволялъ себѣ доходить до раздражительности, потерялъ всякую искренность въ обращеніи, отъ него вѣяло холодомъ, къ нему нельзя было подступиться, онъ окончательно увѣровалъ, что въ близкомъ будущемъ его ожидаетъ великая слава, подвиги завоевателя и весь родъ людской представлялся ему еще ничтожнѣе, еще презрѣннѣе.

„О, я покажу имъ, этимъ русскимъ, какіе бываютъ настоящіе короли!“—нѣсколько разъ повторялъ онъ себѣ, подъѣзжая къ Петербургу, и дѣйствительно началъ съ того, что обворожилъ своею внѣшностью всѣхъ, начиная съ императрицы.

Екатерина, внушавшая при первомъ свиданіи невольный трепетъ государственнымъ людямъ и опытнымъ европейскимъ царедворцамъ и дипломатамъ, нисколько не смутила напыщеннаго юношу. Онъ увидѣлъ въ ней только полную, красивую старушку, съ которой нужно быть любезнымъ, которой нужно понравиться.

Съ нѣсколько размашистыми военными ухватками подошелъ онъ къ рукѣ ея, когда былъ представленъ ей подъ именемъ графа Гага.

Императрица, ласково оглядывая красиваго юношу, отстранила свою руку, и, тонко улыбаясь, проговорила:

— Нѣтъ, я вижу, что не въ состояніи позабыть о томъ, что графъ Гага—король.

Графъ Гага улыбнулся въ свою очередь и отвѣчалъ:

— Если ваше величество не желаете дозволить мнѣ поцѣловать вашу руку какъ императрица, то покрайней мѣрѣ дозвольте какъ дама, которой я обязанъ почтеніемъ и удивленіемъ.

Послѣ перваго, непродолжительнаго свиданія, императрица осталась въ полномъ восхищеніи отъ своего гостя. Она была такъ весела, такъ радостна и поспѣшно передавала всѣмъ окружающимъ близкимъ ей людямъ свои впечатлѣнія:

— Я думала, что онъ польщенъ на портретахъ, говорила она,—нисколько. Никакой художникъ не въ силахъ передать его прелести. Красота его заключается не въ однихъ внѣшнихъ чертахъ, въ его лицѣ сіяетъ его умъ, его душевныя качества. Ахъ, какъ онъ уменъ, какъ онъ находчивъ, какъ онъ умѣетъ держать себя! Я увѣрена, что его сердце должно быть прекрасно, малютка будетъ съ нимъ счастлива, я ручаюсь за это. Ахъ какой прелестный юноша, я сама просто влюблена въ него!..

И великая Екатерина, мудрый знатокъ человѣческаго сердца, окончательно превратилась въ добрую бабушку. Она такъ хотѣла счастья своей любимой внучки, и въ то же время этотъ бракъ такъ давно составлялъ любимую мечту ея—и вотъ она уже не задумывалась и не размышляла. Она видѣла только то, что хотѣла видѣть и спѣшила увѣрить близкихъ людей, что лучше молодаго короля шведскаго не можетъ и быть никого на свѣтѣ, спѣшила увѣрить, будто боясь, что кто нибудь станетъ разубѣждать ее, что кто нибудь попытается разрушить ея мечты. Но никто, конечно, не имѣлъ подобнаго намѣренія: ей поддакивали.

Императрица плѣнилась графомъ Гагой и весь дворъ тотчасъ же имъ плѣнился и разсказы о его достоинствахъ, о его необыкновенныхъ качествахъ, умѣ, талантахъ, красотѣ, быстро стали разноситься по городу. Всѣ радовались, ликовали, собирались веселиться, ждали необыкновенныхъ празднествъ. Предлогъ для всего этого былъ найденъ, о чемъ же задумываться? Нужно пользоваться этимъ предлогомъ. Но оставался одинъ важный вопросъ, какъ встрѣтятся женихъ съ невѣстой, какое впечатлѣніе произведутъ они другъ на друга?

Если король не успѣлъ еще подумать о невѣстѣ, если онъ, когда регентъ или кто нибудь говорилъ ему о ней, ограничивался только одною фразой: „я увѣренъ, что она во всякомъ случаѣ гораздо красивѣе и милѣе принцессы мекленбургъ-шверинской“,—то сама невѣста, великая княжна Александра Павловна, прелестный тринадцатилѣтній ребенокъ, живое воплощеніе самой граціозной, самой чистой мечты художника, давно уже думала и мечтала о своемъ суженомъ.

Она хорошо знала, что добрая бабушка задумывается о ея судьбѣ и готовитъ ей въ женихи короля шведскаго. Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Екатерина подарила ей медальонъ съ его портретомъ; она подолгу и почасту засматривалась на портретъ этотъ, на которомъ онъ былъ изображенъ истымъ Адонисомъ.

Великая княжна имѣла живой и пытливый умъ, развивалась быстро, всѣмъ интересовалась, училась съ большою охотою и очень много знала для своихъ лѣтъ; въ ея отличной памяти хранился уже большой запасъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, но вотъ, въ послѣднее время, она, сама не замѣчая этого, сдѣлалась разсѣянной, училась уже не съ такой охотой. Ее иногда мо-

жно было замѣтить съ забытою въ рукѣ книгой, съ горящимъ, невѣдомо куда устремленнымъ взоромъ, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ.

Императрица не разъ заставала ее въ такомъ положеніи, она нѣжно называла ее по имени, но великая княжна не слышала. Бабушка тихонько подходила, цѣловала ее.

— Дѣточка, что съ тобой? ты не слышишь, что я зову тебя!.. или ты нездорова?

Великая княжна вздрагивала, смущенно глядѣла на бабушку и кидалась обнимать ее.

— Нѣтъ, бабушка, милая, дорогая бабушка, я совсѣмъ здорова.

Екатерина улыбалась, отходила отъ нея, а сама думала:

„Ахъ, какъ она хорошѣетъ, съ каждымъ днемъ хорошѣетъ! Какая будетъ красавица"!

Но не останавливалась бабушка на той мысли, что не рано ли такъ хорошѣть, такъ мечтать любимой внучкѣ? не старалась проникнуть въ тайну ея первыхъ мечтаній. А причиною этихъ мечтаній, этого румянца, этого блеска глазъ, былъ портретъ подаренный бабушкой, были доносившіеся до чуткой дѣвочки толки о молодомъ королѣ шведскомъ, о его красотѣ, его достоинствахъ, о томъ, что лучшаго жениха для великой княжны и найти невозможно.

Она дѣлала видъ, что не слышитъ этихъ толковъ, не принимала никакого участія въ этихъ разговорахъ, даже будто уходила, будто занята была совсѣмъ другимъ дѣломъ, а между тѣмъ ни одно слово отъ нея не ускользало и потомъ, оставаясь одна, она долго, долго разбиралась въ каждомъ слышанномъ словѣ и каждое слово являлось для нея матерьяломъ, на основаніи котораго она рисовала себѣ широкую, прелестную картину.

И вотъ этотъ предметъ первыхъ полудѣтскихъ, полуженскихъ мечтаній наконецъ въявь предсталъ передъ нею...

Бабушка пришла въ комнаты внучки, сама, своимъ зоркимъ, привычнымъ глазомъ оглядѣла нарядъ ея, поправила своей маленькой пухлой рукой выбившійся локонъ, и шепнула ей:

— Allons, ma petite, je veux te presenter quelqu'un.

Великая княжна поблѣднѣла, она навѣрное не знала, но уже догадывалась.

Она пошла за бабушкой, робко прижимаясь къ ней, испуганно и недоумѣвающе заглядывая въ свѣтлые, блестящіе глаза ея, въ которыхъ ей хотѣлось прочесть отвѣтъ на свой вопросъ, не смѣвшій сорваться съ языка.

Но глаза бабушки ласково сіяли—и только.

Она не видѣла куда ведутъ ее, не видѣла никого и очнулась тогда лишь, когда голосъ бабушки произнесъ имя графа Гага.

Она взглянула—передъ нею высокій, стройный юноша, красавецъ юноша, польщенный, но все же нѣсколько похожій портретъ котораго и теперь спрятанъ отъ всѣхъ взоровъ за корсажемъ ея платья, у шибко, вдругъ шибко такъ забившагося сердечка.

Она чуть не вскрикнула отъ какой то сладкой боли.

Красавецъ юноша въ изысканныхъ, напыщенныхъ выраженіяхъ ее привѣтствовалъ, она граціозно ему поклонилась, протянула руку, проговорила обычную фразу.

Ея рука нѣсколько мгновеній трепетала въ рукѣ его и это первое пожатіе рѣшило ея судьбу: она полюбила графа Гага той фантастической, волшебной, первой любовью, въ которой мало земного, но въ которой отражаются лучи небеснаго блаженства...

XVII.

Ясные дни.

Графъ Гага чувствовалъ себя совершенно довольнымъ и счастливымъ, онъ никогда такъ весело не проводилъ времени, какъ въ Петербургѣ. У себя въ Стокгольмѣ онъ самъ долженъ былъ придумывать себѣ развлеченія и забавы и онѣ, въ концѣ концовъ, отличались однообразіемъ и ему уже пріѣлись.

Все одно и то же, тѣ же лица, та же обстановка, одинъ день какъ другой!

Онъ часто скучалъ; лесть и поклоненіе придворныхъ принимались какъ должное, съ дѣтства привычное. Здѣсь же совсѣмъ иное. Здѣсь онъ не долженъ былъ придумывать какъ веселѣе провести день, просыпался утромъ и зналъ, что каждый новый часъ будетъ приносить ему что нибудь нежданное, любопытное и веселое. Здѣсь, что ни часъ, новыя лица и та же лесть, то же всеобщее поклоненіе, но вѣдь это совсѣмъ не то, что поклоненіе *его* придворныхъ.

Въ Стокгольмѣ никто не могъ относиться къ нему иначе: если бы и хотѣли—такъ не смѣли; здѣсь же онъ не властелинъ, здѣсь онъ гость. Чужой, блестящій, могущественный дворъ, великая, прославленная императрица, толпа важныхъ сановниковъ...

И вотъ и сама императрица, и всѣ члены ея семейства, и всѣ эти сановники преклоняются передъ нимъ, восхищаются имъ, объявляютъ его самымъ безукоризненнымъ, самымъ умнымъ и прелестнымъ существомъ въ мірѣ. Значитъ таковъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ! Не будь онъ таковъ, не стали бы такъ и принимать его. Вѣдь вотъ же дядя регентъ не разъ убѣждалъ его быть осмотрительнымъ, обдумывать каждое свое слово, каждый свой шагъ, именно для того, чтобы произвести хорошее впечатлѣніе и конечно боясь, что впечатлѣніе можетъ быть и не особенно хорошимъ. Но ему вовсе не пришлось дѣлать надъ собой усилій, обдумывать свои поступки,—онъ просто, съ первой минуты своего появленія въ Петербургѣ, встрѣтилъ ото всѣхъ самый лучшій пріемъ. Его сразу захвалили, залюбовались имъ и поэтому онъ оказался въ хорошемъ настроеніи духа. Онъ былъ веселъ, доволенъ, снисходителенъ, любезенъ со всѣми и его мнѣніе о себѣ съ каждымъ днемъ возростало больше и больше.

Когда онъ ѣхалъ сюда въ немъ все время нѣтъ, нѣтъ—да и мелькнетъ почти безсознательная мысль:

„А что, если я отъ кого нибудь получу обиду? Что, если кто нибудь косо на меня взглянетъ?"

И когда подобная мысль приходила ему въ голову, онъ также почти безсознательно рѣшалъ, что въ такомъ случаѣ покажетъ себя, плюнетъ на все и на всѣхъ, все броситъ и вернется обратно въ Стокгольмъ.

Но возвращаться не приходилось: все шло какъ по маслу, да наконецъ явилось и нежданное благополучіе—невѣста произвела на него очень сильное впечатлѣніе. Онъ никогда еще не видалъ такого прелестнаго созданія и въ то же время конечно сразу понялъ, что и она въ свою очередь плѣнена имъ. Его юное самолюбіе было удовлетворено какъ никогда, и немудрено, что онъ былъ самъ добрѣе и лучше чѣмъ обыкновенно.

Приближенные его, съ нимъ пріѣхавшіе, изумлялись на него глядя. Онъ даже сталъ менѣе пренебрежителенъ и съ ними, даже иногда шутилъ и почти ласково улыбался, чего прежде никогда не бывало, даже позабылъ играть свою всегдашнюю роль, подражать Карлу XII.

Онъ вставалъ рано, раньше чѣмъ въ Стокгольмѣ, и тотчасъ же начиналъ будить дядю регента.

— Вставайте, вставайте! говорилъ онъ—здѣсь не время спать, одѣнемся, позавтракаемъ и отправимся осматривать Петербургъ; я ужъ приказалъ экипажъ заложить. Право я никогда не думалъ, чтобы этотъ городъ былъ такъ интересенъ!..

Регентъ безпрекословно слушался племянника, торопился одѣться и отправлялся съ нимъ на осмотръ разныхъ достопримѣчательностей Петербурга и его окрестностей. И петербуржцы со всѣхъ сторонъ сбѣгались смотрѣть на дорогихъ гостей.

(До слѣд. №).

Патриціанка. Ориг. рис. П. Веле, грав. Пааръ.

Землетрясенье.

Драматическія сцены

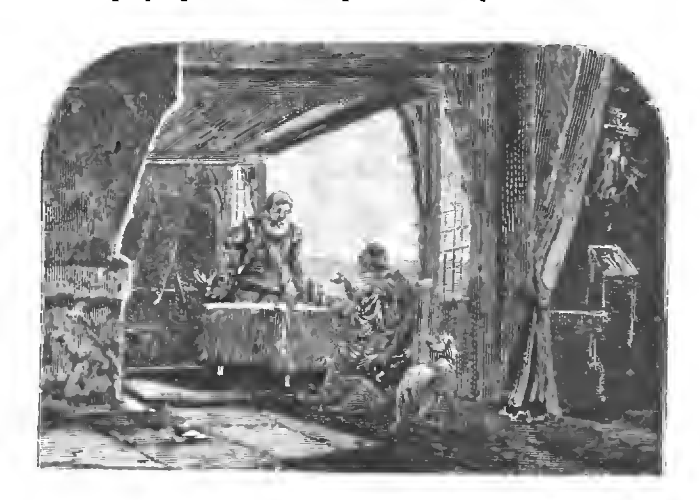
К. К. Случевскаго.

(посвящ. Н. Н. Каразину).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Резидентъ.
Дженевра.
Алонзо.
Роджіеро
Лида.
Телла.
Смотритель караитина.
Его помощникъ.
Пастухъ.
Дѣвочка.
Стражники, всадники, факелоносцы, прислуга, народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ 1503 году, въ Южной Италіи, на берегу Средиземнаго моря, подлѣ карантина.



I.

Небольшое помѣщеніе въ домѣ смотрителя карантина, съ видомъ на море. Смотритель карантина и его помощникъ.

Смотритель.

Хоть оба мы съ тобою старики,
И въ службѣ нашей мелочной и скучной,
И въ жизни также, многое видали,
А все таки... ты резидента знаешь?

Помощнинъ.

Нѣтъ, даже не видалъ.

Смотритель.

Ровесникъ мой...

Помощникъ.

Богатъ какъ Крезъ онъ, говорятъ. и знатенъ,
И любитъ жить и до сихъ поръ красивъ!

Смотритель.

Красивъ... богатъ... и любитъ жить! да, правда!
Все то чѣмъ никогда не отличался я.
Но, всякому свое! а дѣло вотъ въ чемъ:
Его встрѣчать я не хочу... нельзя!

Помощиикъ.

Какъ? Резидента?!

Смотритель.

Да.

Помощникъ.

Край объѣзжаетъ,
И посланъ королемъ? Вотъ десять лѣтъ
Что власти къ намъ сюда не наѣзжали.
И, вдругъ, не встрѣтить! Резидента! полно!
Ты не въ своемъ умѣ.

Смотритель.

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя!

Помощнинъ.

Да почему же такъ?

Смотритель.

Не любопытствуй.

Помощникъ.

Однако же?

Смотритель.

На старости то лѣтъ
Да любопытствовать! и что же проку?
Ну, хорошо, узнаешь, а потомъ?
Не юноша ты чтобы взять примѣромъ;
А пересказомъ тѣшить любопытныхъ
Пустое дѣло, ни къ чему не служитъ!
Я Резидента видѣть не могу...

Помощникъ.

Однако, сторожамъ того не скажешь
Что мнѣ сказалъ? вѣдь это ужь секретъ?

Смотритель.

Секретъ? совсѣмъ не то!.. былое горе!

Помощникъ.

Какъ?! у смотрителя? а я-то думалъ
Что кромѣ счета кухонной посуды,
Исправности замковъ и палисадовъ,
И балахоновъ съ прорѣзями глазъ,
Да сотенъ двухъ пищалей, что хранятся
Чтобъ пристрѣлить кого на случай бѣгства,—
У насъ съ тобой другой заботы нѣтъ?

Смотритель.

Не въ нашей власти всѣ перемѣщенья
Страстей въ сердцахъ людскихъ! Сосудъ ничтожный,
Червь незамѣтный—человѣкъ пригоденъ
Не по статьямъ задачи исполнять...
Несешь пока способенъ! нѣтъ—сломаетъ...

Помощиикъ.

Ай-да смотритель! Отъ тебя не ждалъ
Такихъ рѣчей!

Смотритель.

Давно ужь это было...
Студентами въ Болоньѣ были мы...

Помощиикъ.

Ты былъ студентомъ?

Смотритель.

Онъ и я, мы оба.
Я—бѣденъ, онъ—богатъ. И я всѣмъ сердцемъ
Его любилъ! Затѣмъ женился я...
И, вслѣдъ за этимъ, не прошло и года,
Обманутъ былъ я!.. скрежетомъ зубовнымъ
Отвѣтилъ я! Жена ушла! Малютка
Осталась дочь... Совсѣмъ иное время,
Иное мѣсто насъ свело опять!
Пятнадцать лѣтъ спустя я порывался
Убить его...

Помощникъ.

Все за нее?! За дочь!

Смотритель.

Богатый, сытый, счастливый повсюду,
Онъ услыхалъ о ней! услышавъ—видѣлъ...
Онъ зналъ что между нимъ и между ею
Есть гнѣвъ отца... онъ жениха послалъ!
Клевретъ безстыдный принялъ исполненье;
Красавецъ писаный ея опуталъ,
Сманилъ ее; въ день самой свадьбы отдалъ...
Его Алонзо звали... Имя злое...
Онъ какъ теперь передо мной...

Помощникъ.

Ну, дальше!?

Смотритель.

То ночь была осенняя! Ночь крови,
Могла бы быть, когда бы не судьба!
Я въ пышный садъ прокрался. На балконѣ
Сидѣлъ онъ съ дочерью и балагурилъ;
Алонзо имъ прислуживалъ обоимъ!
Подкрался... слушаю... Ступени вижу
Передъ собой... согнувшись дальше крадусь
И ножъ держу у груди... ближе... близко...
Уже могу рукой одеждъ коснуться...
Дочь—противъ! видно мнѣ ея лицо!
Когда бы, только, дочка не смѣялась?
Когда-бы только не игра каменьевъ
На ней... Не знаю что со мной случилось...
Приникъ... застылъ... смотрю! Глаза-ли блескомъ
Своимъ кошачьимъ выдали меня...
Дочь, поблѣднѣвъ, откинулась назадъ,
Взглянулъ онъ въ сторону ко мнѣ, вскочилъ...
Алонзо подбѣжалъ... Затѣмъ не помню...
Я связанъ былъ... и былъ потомъ отпущенъ!

Помощникъ.

И не встрѣчались вы потомъ ни разу?

Смотритель.

Ни разу... Долго я затѣмъ скитался...
Двойной обидѣ какъ-то легче стало
Со временемъ. Кто могъ убійцей стать
И сдѣлалъ все чтобъ быть убійцей, только
Случайно, какъ нибудь, былъ остановленъ,—
Тотъ вразумленъ! Меня урокъ великій
Преобразилъ. Въ Святую Землю къ Гробу
Господню я ходилъ; у зачумленныхъ
Служилъ; и принялъ я тогда рѣшенье
Святое дѣло продолжать. Случайно
Жену я повстрѣчалъ... Совсѣмъ больную...
Я взялъ ее къ себѣ! Чужое имя
Ношу... Я этимъ дальше отъ позора...
Жена, ты знаешь, умерла. Лежитъ
Здѣсь, подлѣ насъ, недалеко въ могилѣ...
Конечно Резидентъ меня забылъ!
Увидѣвъ—онъ узнаетъ. Не желаю...

Помощникъ.

Но какъ-же быть?

Смотритель.

Да это очень просто.
Онъ, говорятъ, по близости теперь;
У насъ, ты знаешь, судно въ карантинѣ;
За частоколъ я перейду. Ты скажешь:
Смотритель тамъ, чтобъ дѣло наблюсти.
Пожалуй не замѣтитъ онъ и вовсе!
Но, если-бы... отвѣтъ какъ я сказалъ...
Согласенъ ли съ моимъ предположеньемъ?

Помощникъ.

Конечно да!

Смотритель.

Онъ быстро промелькнетъ.

II.

Красивая, гористая, но совершенно голая мѣстность на берегу моря. При дорогѣ, на скалѣ развалина. Подлѣ сидитъ старый пастухъ. Головой на его колѣняхъ лежитъ засыпающая дѣвочка. Кругомъ разлегшееся на ночь стадо. Поздній вечеръ. Порою прорѣзывается луна.

Пастухъ (напѣваетъ пѣсню).

Встрѣчу ноченьки
Сомкни оченьки,
Помолись голубка,
Спи дитя!

Дѣвочка (засыпая).

Ave Maria!

Пастухъ.

Заснула! Спитъ! какой хорошій сонъ...
Кажись не сыро тутъ, а все прикрою,
Туманъ болѣзнью дышетъ!

(Осторожно встаетъ, покрываетъ ее овечьею шкурою и замѣчаетъ за скалою яркій, красноватый свѣтъ)

Что за свѣтъ!?
Ужь не пожаръ-ли? Точно столбъ румяный
Поднялся въ ночь? Жилья тамъ вовсе нѣтъ!
Жилье тамъ было: людная деревня:
Сожгли до тла въ послѣднюю войну...
Огни Сентъ-Эльма можетъ быть? видѣнье!?

(Взбирается на вершину).

Нѣтъ! всадники! и сколько ихъ! безъ счету!
Везутъ кого-то... Факелы пылаютъ.
И стукъ и смѣхъ... убрать-бы мнѣ дѣвчонку
Невѣсть какіе люди...

(Возвращается къ дѣвочкѣ, но не успѣваетъ дойти до нея, какъ подскакиваютъ два всадника).

1-й Всадникъ.

Эй! мохнатый!

2-й Всадникъ.

Далеко-ли до карантина, сѣрый!

Пастухъ.

Близехонько честные господа!
Близехонько!

1-й Всадникъ.

Такъ! чортово отродье!
Вишь, шубищу одѣлъ, хлыстомъ и не проймешь!

(Ударивъ пастуха хлыстомъ, продолжаетъ путь дальше).

Средневѣковой католическій монахъ на охотѣ. Съ карт. Карстенса, грав. Кезебергъ и Эртель.

Литературный альбомъ. „Каменный гость“ А. С. Пушкина. Ориг. рис. Земцова, грав К. Ольшевскій.

Пастухъ (кланяясь вслѣдъ).

По гайдукамъ спасибо господину!
Что-бъ вамъ, господчикамъ, на противнѣ шипѣть
У сатаны! Потянутъ васъ къ отвѣту!
Однако дѣвочку-бы мнѣ прибрать!
И стадо взбаломутятъ: разбѣжится!
По утру собирай — не соберешь,
А имъ и не въ догадъ! улепетнутъ
На новыя безчинства—чѣмъ не воля!

(Съ вершины горы спускаются два конныхъ факелоносца; за ними другіе. Въ каретѣ, украшенной живописью и позолотой, Резидентъ съ Дженеврой; подлѣ, на конѣ, Алонзо. Карета, съѣхавъ съ вершины, останавливается. За нею еще кареты и всадники).

Резидентъ (выходя изъ кареты вслѣдъ за Дженеврой).

Ну вотъ и хорошо! здѣсь обождемъ!
Видъ на море, утесы! мысль прелестна:
Расположиться ужинать въ горахъ!
Ба! и развалина!

Дженевра.

И стадо подлѣ!

Многіе.

Луны, луны давайте! вотъ луна!

(Луна вырѣзывается въ полной силѣ. Прислужники разбиваютъ шатеръ; лошадей привязываютъ по сторонамъ; разводятъ огни. Стадо отходитъ въ сторону).

Дженевра (подойдя къ дѣвочкѣ).

Ахъ! дѣвочка! и какъ глубоко спитъ?

Резидентъ.

Красавица моя, коварная Дженевра!
Все дышетъ сказкой здѣсь, вокругъ тебя!
Пусть сказка съ дѣвочкой случится; хочешь?
Озолотимъ ее? счастливой будетъ...
Твоя она, пастухъ?

Пастухъ.

Пріемышъ! Птичка
Полей! Господня дочь!

Резидентъ.

Поэзія какая
Въ словахъ: Господня дочь? да, всѣ мы боги!..
Отъ человѣчества какъ торжество любви
Здѣсь на развалинахъ погаснувшаго Рима...
Алонзо!

Алонзо.

Резидентъ!

Резидентъ.

За мандолину!
Импровизацію на тему: „лучъ луны"!

Алонзо играя на мандолинѣ, поетъ).

Вышелъ мѣсяцъ надъ горою
И на дѣвочку глядитъ!
Отвори свое сердечко,
Свѣтлый мѣсяцъ говоритъ!

* * *

Дай погрѣться надъ тобою
Гостю лунному лучу
Такъ тебя я успокою.
Какъ надъ сердцемъ посвѣчу!

* * *

Озарю твои желанья,
Страхъ ночной заговорю,
Всѣ мечты и ожиданья,
Даже сны посеребрю!

Резидентъ.

Брависсимо! Дженевра, ты въ восторгѣ!
А что-же дѣвочка? забыли про нее?

(бросаетъ на овчину кошелекъ).

Тутъ много больше чѣмъ ей нужно будетъ,
Во очію пусть совершится сказка...
А ты, Алонзо, мастеръ сердце трогать;
Ты, что ни говори, вполнѣ поэтъ!
Я помню Аретинъ въ тебѣ провидѣлъ
Большую силу, не ошибся онъ...
Всѣмъ возрастамъ дана своя отрада!
А что-же ужинъ нашъ? Роджіеро?

Роджіеро.

Резидентъ?!

Резидентъ.

Костры пылаютъ: трапеза готова-ль?

Роджіеро.

Мы захватили рыбаковъ. Они
Уже за дѣломъ: сѣти подтащили...

Резидентъ.

А дамы гдѣ?

Роджіеро.

Въ шатрѣ собрались, ждутъ!

Резидентъ (отозвавъ Роджіеро въ сторону).

Сегодня, или завтра, какъ случится,
Съ Алонзо кончить можешь подъ шумокъ!
Но только такъ чтобъ всѣ концы запрятать...

(Направляются къ шатру).

III.

Всадники, факелоносцы. Роскошно увѣшанный и обложенный коврами шатеръ. Богато сервированный ужинъ. Резидентъ, Дженевра, Алонзо Роджіеро, Лида и другіе спутники.

Резидентъ (прочтя только что полученное письмо).

Я бѣдному Орсини говорилъ:
Святѣйшій Борджіа заткнетъ за поясъ
Васъ всѣхъ! и что-же? бѣдный поплатился!
Отравленъ! ты, Алонзо, зналъ его?
И ты, Роджіеро, тоже? Любопытно:
Кого-то папой выберетъ конклавъ
Чуть Александръ глаза свои закроетъ?
Кинжаломъ и отравою прочищенъ
Конклавъ за Цезаря, онъ папой будетъ...
Но, слышно, боленъ при смерти и Цезарь!!

(Задумывается).

Играетъ въ прятки иногда судьба...
Но, если-бы природа не мѣшалась
Въ дѣла людскія, in extremi fures,
Вдругъ не вѣщала своего: „довольно",—
Перестановокъ вдругъ не совершала,—
Въ людскихъ разсчетахъ не вела своихъ;
Своей фантазіей фантазій нашихъ
Не покрывала — чѣмъ-бы стали мы?!

(Сжигаетъ письмо).

А есть восторгъ и въ самомъ преступленьи...
И мнѣ понятны Борджіи вполнѣ...
Назойливость упрековъ, какъ помѣху,
Разъ навсегда спокойно отклонить!..
Сознавъ себя — счесть міръ за обстановку...
Быть центромъ культа жизни... взять свой день!..

(Оглядывая собесѣдниковъ).

На чемъ остановились мы? да, помню!
Тебя, Алонзо, мы вѣнчать хотѣли!
Дантъ, правда, вѣнчанъ не былъ! онъ хотѣлъ
Самъ увѣнчать себя! но мы не Данты...
За то тебѣ на долю выпадаетъ
При жизни быть увѣнчаннымъ отъ насъ!

Телла (входитъ съ вѣнкомъ въ рукѣ).

Вотъ и вѣнокъ! сплела я какъ умѣла:
Но лавровъ подлѣ нѣтъ, есть только плющъ одинъ.

Алонзо.

Онъ мнѣ къ лицу! вѣнчайте поскорѣе.

Дженевра.

Плющемъ?

Алонзо.

Плющемъ! Обрызганный росой,
Изъ милыхъ рукъ онъ будетъ лучше лавра!
Созрѣла пѣсня, искрится вино...

Роджіеро.

А ну-ка пѣсню!

Алонзо (поетъ, играя на мандолинѣ).

Блеститъ вино! трепещутъ грезы!
Ахъ! что за грезы у вина!
Имъ власть дана развѣять грозы,
Имъ власть волшебная дана.

* * *

Да, есть въ винѣ душа живая,
Она съ лучами низошла,
И, отстоявшись, вновь играя,
Горитъ и блещетъ со стола!

* * *

Мы душу пьемъ! мы возвращаемъ
Свободу жизни тѣмъ лучамъ,
И солнце чувства зажигаемъ
Свѣтить таинственнымъ ночамъ!

* * *

Да! жизнь сладка и преступленьемъ!
Сладка намъ мукъ людскихъ слеза!
Но, слаще, чуя смерть, съ презрѣньемъ
Ей кинуть вызовъ свой въ глаза!

Резидентъ.

Поэтъ. поэтъ! вѣнчать его скорѣй!

Роджіеро.

Вѣнчать! вѣнчать! кому-же честь вѣнчанья?

Лида.

Я, я хочу вѣнчать!

Телла.

А отчего-жь не мнѣ?

Резидентъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Дженевра! пусть она вѣнчаетъ!
Что-жь?

Дженевра (встаетъ отъ стола и идетъ въ столовую).

Отчего-же нѣтъ!

Алонзо.

Дженевра!

Дженевра (возлагая на Алонзо вѣнокъ).

Мой поэтъ!
На жизнь и смерть Алонзо я вѣнчаю!

(Слѣдуетъ общее молчаніе: слышна пѣсенка пастуха и звонъ бубенчиковъ стада).

Пастухъ.

Ты засни, дитя, засни!
Сладкій сонъ къ себѣ мани,
Только-бъ пира шумъ и гамъ
Не мѣшалъ счастливымъ снамъ!

Роджіеро.

Что если-бъ кликнуть пастуха въ шатеръ?
Для полноты живаго впечатлѣнья
Его послушать?!

Резидентъ.

Кликнуть пѣсню спѣть,
А нѣтъ такъ разсказать какую сказку,

Роджіеро (уходитъ).

Рожденную въ горахъ, у стада, въ полѣ!
Да! пастуха!

Многіе.

Счастливѣйшая мысль!

Роджіеро (приведя пастуха).

Ты пѣсню пѣлъ, такъ спой намъ что-нибудь,
А нѣтъ — такъ разскажи...

Резидентъ.

Да, что-нибудь такое
Чтобъ тутъ была луна, коварство, чародѣй...
Такое что-нибудь что выросло сказаньемъ
Въ полуночной росѣ, и въ блѣяньи овецъ,
Въ лучѣ звѣзды, скатившемся на струйку,
Въ отвагѣ юности, иль старческомъ раздумьи...
Такое что-нибудь — не правду, и не ложь,
А — музыку... волнующее нѣчто,
Но чтобы трогало...

Пастухъ.

Нѣтъ, господинъ!

Многіе.

Пой что-нибудь...

Пастухъ.

Мои унылы пѣсни!

Роджіеро.

Намъ это-то и нужно, потому
Что веселы мы всѣ!..

Пастухъ.

Что-жъ я могу?
Здѣсь, по ночамъ, развалина порою
Поетъ! Въ ней духъ какой-то гордый плачетъ...

Резидентъ.

Вотъ тутъ? въ развалинѣ?

(Откидываетъ пологъ шатра и смотритъ на развалину, ярко освѣщенную луною).

Роджіеро.

Да это любопытно;
А чей-же это духъ?

Пастухъ.

Не знаемъ, господинъ!
Онъ гордый духъ, себя не называетъ...

Резидентъ.

А ну, старикъ! послушаемъ—узнаемъ—
Кто этотъ гордый духъ!

Пастухъ (говоритъ на распѣвъ).

Духъ развалины забытой
Я давно витаю здѣсь,
На горѣ, въ степи открытой...
Охраняю берегъ весь
И въ ночи всегда скрываюсь,
И меня не отыскать.
Какъ кукушка забираюсь
Къ птицамъ въ гнѣзда куковать...

(Раздается подземный ударъ, бокалы на столѣ шевелятся и звенятъ).

Резидентъ.

Землетрясенье!

Алонзо.

Земля играетъ! таже мандолина!

Резидентъ.

Одна струна—да очень ужъ густа!
Однако дальше...

(Новый подземный ударъ, гораздо ближе перваго; бокалы опрокидываются: нѣкоторые изъ собесѣдниковъ подымаются съ мѣстъ).

Резидентъ (сидя).

Къ новому куплету!
Что поблѣднѣли? стыдно господа?
А гордость гдѣ? гдѣ смѣлость человѣка?
Повелѣвающая міромъ власть ума?
Еще вина сюда! еще бокаловъ!

Алонзо.

Пируемъ мы! За тосты, за вино...

(Пиръ продолжается. Пастухъ, получивъ монеты, уходитъ. Луна въ полномъ блескѣ. Глухіе удары).

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Нормандскія рыбачки.

(Рис. на стр. 340 и 341).

Въ № 2 „Нивы“ настоящаго года мы уже помѣстили одинъ изъ прекрасныхъ рисунковъ, присланныхъ намъ А. Д. Кившенко изъ Нормандіи, гдѣ онъ жилъ довольно долго близь Діеппа на западномъ берегу Франціи, въ маленькомъ городкѣ Сантъ-Валери. Коренное населеніе этаго городка по преимуществу рыбаки. Въ лѣтнее время въ Сантъ-Валери мало мужскаго элемента. „Рыбакъ, говоритъ въ своемъ письмѣ г. Кившенко, отправляясь въ море раннeй весной и возвращаясь поздней осенью—оставляетъ весь домъ, семью и всѣ работы по прокормленію ея всецѣло на женщинъ—жену, сестру, мать. Здоровыя, сильнаго сложенія женщины ходятъ на отмели въ море для ловли рыбы. Нужно для этаго крѣпкое здоровье, потому что часто онѣ находятся въ водѣ по два по три часа, вынося на себѣ все время удары прибойныхъ волнъ, которыя сильны даже въ тихую погоду. Настоящій рисунокъ представляетъ рыбачекъ, нагруженныхъ своей добычей, возвращающихся домой. Рыбу послѣ улова слегка просаливаютъ а сельдей тщательно укупориваютъ въ боченки и продаютъ тотчасъ же свѣжую рыбу скупщикамъ, которые уловъ напр. креветокъ немедленно отправляютъ весь въ ближайшіе большіе города Франціи. Это поле камней, обрывы Ламаншскаго берега,—живописный и величественный видъ—представлены художникомъ весьма удачно.

Патриціанка.

(Рисунокъ на стр. 345).

Многочисленный высшій классъ патриціевъ или нобилей, въ цвѣтущее время итальянскихъ республикъ пользовался громадною политическою властью и значеніемъ. Особенно долго и ревностно сохранялась эта власть въ Венеціи. Здѣсь патриціи исключительно занимали всѣ высокія государственныя должности и то блескомъ и величіемъ, то таинственнымъ терроромъ подчиняли себѣ народныя массы. Время это было временемъ блеска и силы Царицы морей: блестящіе праздники слѣдовали одни за другими; безконечно было упоеніе пестраго, веселаго карнавала и каналы и площадь Св. Марка постоянно пестрѣли шумной, праздничной толпой. На этихъ-то непрерывныхъ праздникахъ женщина-патриціанка играла главную, выдающуюся роль: здѣсь то она успѣвала заглушать иногда даже свирѣпые порывы политической ненависти. Повсюду видны были эти роскошно одѣтыя женщины, безпечно катающіяся въ гондолахъ или весело толкующія съ молодыми людьми на рѣзныхъ балконахъ своихъ палаццо и прислушиваясь къ звонкому смѣху и говору невольно забывались и темныя стороны знаменитой республики. Кромѣ того, обаятельная въ обыденной жизни, венеціанка являлась еще обаятельнѣе во время карнавала, подъ маской. Здѣсь тайна давала ей еще больше средствъ прельщать и очаровывать и если она начинала какую нибудь интригу, то она велась такъ же таинственно и осторожно, какъ какая нибудь политическая интрига во дворцѣ дожей. Лишь тогда когда влюбленные короче узнавали другъ друга, когда между ними устанавливалась взаимность чувства, венеціанка сбрасывала ненужную маску и являлась опять во всеоружіи красоты и обаятельности, такою напримѣръ, какою она изображена на прилагаемомъ нами рисункѣ талантливаго художника.

Средневѣковый монахъ на охотѣ.

(Рис. на стр. 348).

Типъ католическаго монаха воина и монаха охотника, какъ извѣстно, не былъ исключительнымъ, рѣдкимъ явленіемъ въ средневѣковую эпоху и смиренные иноки того времени часто вдругъ преображались въ вооруженные отряды, не уступавшіе никому въ воинственныхъ наклонностяхъ и умѣвшіе владѣть оружіемъ лучше всякаго присяжнаго воина. Въ этомъ случаѣ въ монахѣ проявлялись тѣ же страсти, которыя увлекали его въ свѣтской жизни: онъ становился снова или прежнимъ рыцаремъ или отчаяннымъ искателемъ приключеній и страстнымъ охотникомъ, но цѣлымъ днямъ не выпускающимъ изъ рукъ своего арбалета. И эта страсть вкоренилась такъ глубоко въ большинствѣ духовной и монашествующей братіи, что стоило большаго труда разнымъ соборамъ и каноническимъ предписаніямъ убѣждать и поучать, что такое занятіе для служителей алтаря и грѣховно и неприлично. Но за то въ то же время свѣтскіе писатели восторженно относились объ охотѣ какъ о забавѣ чрезвычайно пріятной и даже высоко нравственной, съ помощью которой избѣгали грѣха, такъ какъ она отвлекала отъ праздности—этой главной причины всевозможныхъ пороковъ. Монахъ конечно помнилъ и зналъ эти краснорѣчивые трактаты, посвященные охотѣ и потому становился въ затрудненіе какъ согласовать увѣщанія духовной власти съ глубоко вкоренившимся убѣжденіемъ того времени, что лучшее занятіе для благороднаго человѣка это охота. Монахъ, который былъ въ мірѣ страстнымъ охотникомъ, конечно не оставлялъ этой забавы и въ монастырѣ и благодаря обилію тогдашнихъ лѣсовъ и многочисленности въ нихъ звѣрей охотился по прежнему за дичью съ арбалетомъ въ рукѣ, какъ это изображено на прилагаемой нами картинкѣ.

Литературный альбомъ. „Каменный гость“ Пушкина.

(Рисунокъ на стр. 349).

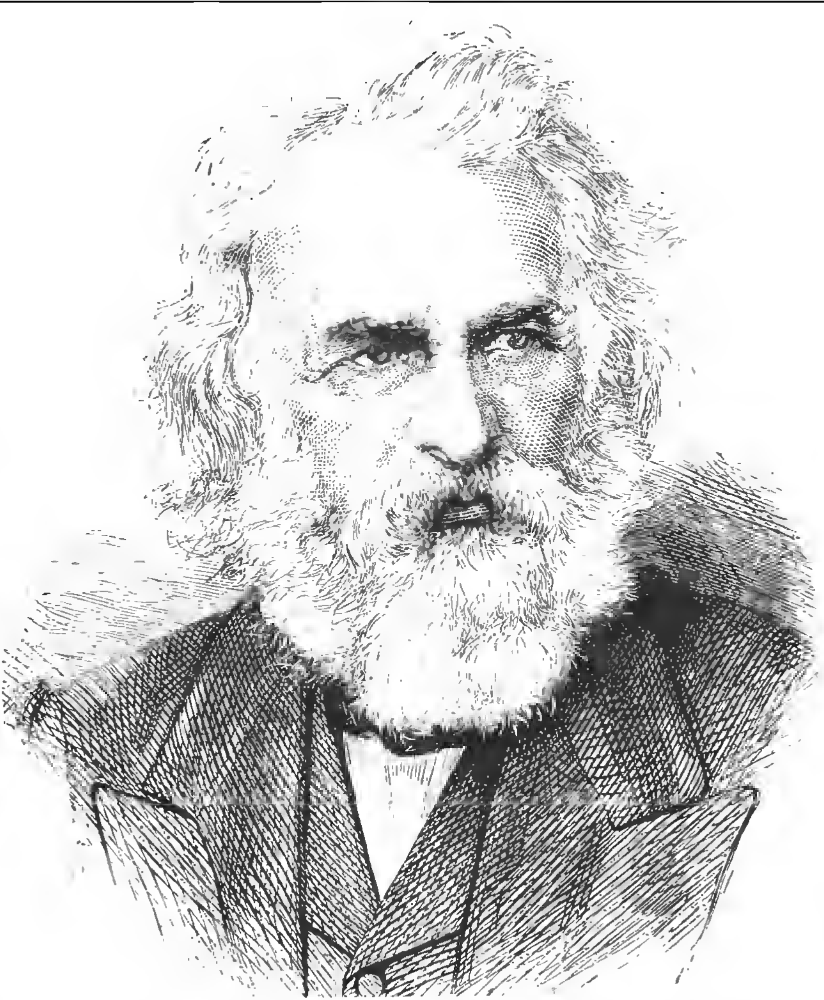
Какъ Фаустъ — типъ пытливаго, глубокаго ученаго, продавшаго аду душу, чтобы добыть болѣе знанія и мудрости—явился продуктомъ философской, серьезной Германіи, такъ живой, увлекательный типъ Донъ-Жуана является произведеніемъ пылкаго, страстнаго юга. Здѣсь герой народной легенды губитъ себя не изъ-за жажды знанія а изъ-за страстнаго желанія жить во всю ширь, испытать все доступное человѣку, всецѣло наслаждаться настоящимъ днемъ. Неудивительно что такой типъ явился прежде всего въ Испаніи — этой классической странѣ ночныхъ свиданій, серенадъ, страсти къ приключеніямъ и нашелъ себѣ воплощеніе въ народной легендѣ, основаніемъ которой послужило истинное происшествіе, разсказанное въ одной изъ старинныхъ севильскихъ хроникъ. По словамъ этой хроники Донъ-Жуанъ Теноріо, молодой кавалеръ знатной фамиліи, однажды ночью похитилъ дочь командора Уллоа и при этомъ убилъ ея отца. Тѣло несчастнаго командора похоронили въ монастырѣ св. Франциска, въ особомъ склепѣ и надъ гробомъ поставили его величественное каменное изображеніе. Между тѣмъ Донъ-Жуанъ, пользуясь знатностью своего имени, продолжалъ безчинствовать, такъ что многочисленные враги его порѣшили покончить съ нимъ тайнымъ образомъ. Для этой цѣли они заманили его обманомъ въ монастырь и тамъ умертвили, распустивъ слухъ, что его увлекла въ адъ статуя командора, которую онъ осмѣлился оскорбить дерзкимъ кощунствомъ. Эта-то, какъ видимъ, очень простая тема послужила канвою для множества литературныхъ произведеній, явившихся сначала въ Испаніи, потомъ и въ остальной Европѣ. Но особенно популярнымъ сдѣлала Донъ-Жуана знаменитая опера Моцарта, въ которой легенда передана чудной, неподражаемой музыкой.

Въ „Каменномъ гостѣ“ нашъ знаменитый поэтъ высоко-художественно и драматично изобразилъ въ удивительныхъ сценахъ легендарныя похожденія Донъ-Жуана. Въ этихъ сценахъ Пушкинъ представилъ своего героя какъ и Моцартъ, т. е. человѣ-

комъ блестящимъ, обратившимъ всѣ свои богатые дары именно, такъ сказать, на беззавѣтное наслажденье жизнью. Въ чудномъ типѣ, созданномъ Пушкинымъ, нѣтъ и тѣни того безстыднаго кощунства, которымъ старались украсить Тирсо ди Молино и Мольеръ и безъ того уже рельефный типъ Донъ-Жуана. Напротивъ того, у Пушкина, съ первой сцены, является весь этотъ увлекательный герой приключеній, искатель сильныхъ ощущеній, который бѣжитъ опять въ свое отечество изъ ссылки,— гдѣ онъ нашелъ невыносимо-туманнымъ небо и невыносимо-холодными, разсудительными женщинъ. Теперь онъ опять въ Испаніи со своимъ вѣрнымъ Лепорелло и, не смотря на опасность, первая мысль его—продолжать прежніе подвиги. Весело и откровенно болтая о своихъ похожденіяхъ онъ приходитъ на кладбище, лежащее какъ разъ на его пути къ Мадриту. Здѣсь, оказывается, погребенъ убитый Донъ-Жуаномъ командоръ, Де Сильва, на могилу котораго приходитъ ежедневно неутѣшная его вдова, прелестная донна Анна. Увлеченный красотою донны Анны, Донъ-Жуанъ, во чтобы то ни стало, хочетъ овладѣть ея сердцемъ и вотъ, въ третьей сценѣ, мы его видимъ уже подъ рясою монаха, чтобы удобнѣе обольстить строгую, недоступную красавицу. И дѣйствительно, вкрадчивая, нѣжная рѣчь мнимаго монаха произвела свое дѣйствіе; вдова колеблется, чувствуя все болѣе и болѣе чарующую силу своего собесѣдника, у нея невольно, наконецъ, вырывается сознаніе своей слабости, когда она, уходя, говоритъ Донъ-Жуану:

„Нѣтъ, видно, мнѣ уйти...
Къ тому-жъ моленье
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы
развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ
нихъ ужъ ухо
Мое давно отвыкло. —
Завтра
Я васъ приму...“

Вымоливъ свиданіе, Донъ-Жуанъ внѣ себя отъ восторга; въ безумномъ увлеченіи онъ громко приглашаетъ статую командора придти съ нимъ вмѣстѣ въ назначенный часъ. Донъ-Жуанъ въ ужасѣ видитъ что статуя киваетъ ему головою въ знакъ согласія. Эта именно сцена и изображена на нашемъ рисункѣ. Но Донъ-Жуанъ не суевѣренъ и



Лонгфелло, Генри Ведсвортъ. † 25 Март . Съ фотогр. грав. Нель.

Старый соборъ въ Саратовѣ. По фотогр. Пятницкаго, грав. Гельштейнъ.

потому спокойно отправляется на свиданіе. Между тѣмъ статуя командора сдерживаетъ свое слово и въ тотъ самый моментъ, когда Донъ-Жуанъ срываетъ съ устъ донны Анны первый нѣжный поцѣлуй, онъ является. „Я на зовъ явился“, говоритъ статуя, приближаясь къ Донъ-Жуану, въ то время какъ Донна Анна падаетъ безъ чувствъ на полъ.

Донъ-Жуанъ. О, Боже! Донна Анна!
Статуя. Брось ее,
Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ.
Донъ-Жуанъ. Я? нѣтъ!.. Я звалъ тебя и радъ что вижу.
Статуя. Дай руку!
Донъ-Жуанъ. Вотъ она... О, тяжело
Пожатье этой каменной десницы!
Оставь меня, пусти, пусти мнѣ руку!..
Я гибну—кончено—о, Донна Анна!

Старый соборъ въ Саратовѣ.

За свое трехсотлѣтнее существованіе Саратовъ часто подвергался грабежамъ и набѣгамъ безпощадной поволжской вольницы, въ рядѣ которыхъ конечно первое мѣсто занимаетъ осада и взятіе города Пугачевымъ. Кромѣ того Саратовъ часто опустошался пожарами, и такими повальными болѣзнями какъ моровая язва и холера. Всѣ эти несчастія долго не давали городу собраться съ силами чтобы развиться и обстроиться, такъ какъ большинство населенія и имущества гибло въ этой борьбѣ съ видимыми и невидимыми врагами. Этимъ объясняется бѣдность въ Саратовѣ капитальныхъ, старыхъ зданій и даже церквей—эти памятники народнаго религіознаго чувства только въ последнее столѣтіе начинали воздвигаться съ должнымъ благолѣпіемъ, напримѣръ Новый соборъ, построенный здѣсь въ 1814 году и дѣйствительно служащій украшеніемъ города. Старый же соборъ, до сихъ поръ уцѣлѣвшій на старинной и довольно оживленной Михайловской улицѣ, самой простой архитектуры, хотя и замѣчателенъ какъ древнѣйшій историческій памятникъ, вмѣщающій въ себѣ много драгоцѣнностей и между прочимъ Чудотворную икону Всемилостивѣйшаго Спаса, высокочтимую народомъ и драгоцѣнную ризницу, пожертвованную Императоромъ Александромъ Первымъ въ память прекращенія чумы, опустошившей Саратовъ въ 1807 году. Въ первоначальное же время существованія Саратова, въ немъ былъ соборъ деревянный во имя Живоначальныя Троицы. Три раза онъ горѣлъ и наконецъ въ 1697 году по волѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей было приступлено къ постройкѣ каменнаго двухэтажнаго собора. Сооруженіе это продолжалось очень долго, такъ что когда въ 1722 году Петръ Великій посѣтилъ Саратовъ то нашелъ оконченною лишь нижнюю часть церкви во имя Успенія Божьей Матери; верхняя же, во имя Живоначальныя Троицы еще была обставлена лѣсами. Между тѣмъ же въ концѣ прошлаго столѣтія явилась потребность въ Новомъ соборѣ на сооруженіе котораго Императрица Екатерина II и пожертвовала въ 1786 году пятнадцать тысячъ рублей: впрочемъ постройка новаго собора затянулась а старый соборъ ветшалъ все болѣе и болѣе и наконецъ даже былъ закрытъ для богослуженія. Въ 1804 году онъ былъ исправленъ, но въ 1813 г. снова освидѣтельствованъ, найденъ сомнительнымъ и во второй разъ запертъ. Послѣ этого велѣно было починить его фундаментальнымъ образомъ: сдѣлать контрфорсы снаружи и прилично украсить внутри. Въ этомъ обновленномъ видѣ Саратовскій старый соборъ существуетъ и до нашего времени.

Лонгфелло.

(Портр. на стр. 353).

Марта 25 скончался Лонгфелло, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей нашего времени, чрезвычайно популярный въ Америкѣ и Англіи американскій поэтъ и беллетристъ. Лонгфелло, сынъ Портлэндскаго нотаріуса, въ Штатѣ Мэнъ, родился 27 февраля 1807 г. и воспитаніе получилъ въ Бодвинской коллегіи, куда вступилъ на четырнадцатомъ году отъ роду. Литературную дѣятельность свою онъ началъ очень рано—еще въ коллегіи онъ сдѣлался сотрудникомъ „Литературнаго журнала Соединенныхъ Штатовъ“, гдѣ его стихотворенія обратили вниманіе на его поэтическое дарованіе. Окончивъ курсъ, молодой Лонгфелло принялся за практическое занятіе законовѣдѣніемъ въ нотаріальной конторѣ отца, но ему тогда же была предложена кафедра новѣйшихъ языковъ въ Бодвинской коллегіи. Прежде чѣмъ принять кафедру, онъ объѣздилъ почти всю Европу, въ 1829 г. онъ возвратился въ Брюнсвикъ (гдѣ коллегія находится), гдѣ и принялся за свои обязанности. Извѣстность его началась съ романа „На берегу моря“ и въ 1835 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ той же кафедры въ первомъ высшемъ учебномъ заведеніи Штатовъ, Гарварскомъ университетѣ, въ Кэмбриджѣ, въ штатѣ Массачусетѣ. Желая вполнѣ основательно изучить языки сѣверной Европы, Лонгфелло вновь предпринялъ путешествіе въ Европу и провелъ болѣе года въ Даніи, Швеціи, Германіи, а также Швейцаріи, затѣмъ, по возвращеніи онъ, въ 1842 г., временно оставилъ кафедру и совершилъ новое путешествіе въ Англію и Францію, а въ 1854 г. вышелъ въ отставку и удалился въ частную жизнь; въ 1869 г.—Лонгфелло снова въ Европѣ; въ Англіи ему былъ оказанъ горячій пріемъ и торжественно поднесенъ дипломъ доктора правъ оксфордскаго университета.

Изъ его произведеній наибольшею славою пользуются: „Гайавата“, изъ быта индійцевъ сѣверной Америки, „Евангелина“, „Эконея“—идилліи, отличающаяся звучными стихами (написана гекзаметрами), „Гемеріонъ“, художественный романъ, написанный подъ вліяніемъ продолжительнаго пребыванія поэта въ Германіи: „Золотая Легенда“, которую, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, сравниваютъ даже съ „Фаустомъ“ Гете; „Ночные голоса“ (vones of the night 1840), Баллады и иныя поэмы (Ballads and other poems 1841), „Испанскій Студентъ“, „Пѣсни о невольничествѣ“.

Во всѣхъ его произведеніяхъ видѣнъ свѣтлый и честный умъ, глубокое христіанское чувство и любовь къ человѣчеству. Англичане, ставя Лангфелло на ряду съ Уодсвортомъ, Теннисономъ, увѣряютъ, что онъ еще болѣе популяренъ у нихъ въ Англіи, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ Англіи Лонгфелло—въ полномъ смыслѣ слова народный поэтъ, книгу котораго найдешь среди самой разнообразной публики, куда ни Теннисонъ, ни Броднингъ еще ни проникали, между тѣмъ какъ въ Америкѣ онъ считается художникомъ, поэтомъ, доступнымъ только для людей съ образованнымъ вкусомъ. Лонгфелло — въ одно и то же время, обладалъ способностью говорить воображенію, сердцу и облекать свое поэтическое вдохновеніе въ прекрасныя формы. Все что онъ писалъ лилось прямо, искренно, съ полнымъ чувствомъ одушевленія обращаясь къ сердцу читателя.

Среди американцевъ и англичанъ очень популярна, между прочимъ, его пьеса „Деревенскій кузнецъ“; не обладая высшими поэтическими достоинствами, пьеса эта, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ лучшихъ, наиболѣе типичныхъ образчиковъ народныхъ пѣсенъ-поэмъ Лонгфелло, производящихъ глубокое впечатлѣніе, удерживающихся въ воображеніи, въ памяти. Да и кому не симпатиченъ этотъ кузнецъ? Мы видимъ его непреклонно стоящимъ у своей наковальни „недѣлю за недѣлей, отъ утра и до ночи“, онъ неустанно бьетъ своимъ молотомъ по наковальнѣ, среди неумолчнаго грохота, среди пламени и огненныхъ брызгъ,—чтобы заработать свой хлѣбъ

Его чело подернуто тѣнью заботы
Онъ зарабатываетъ въ потѣ лица хлѣбъ свой
И прямо смотритъ въ лицо всему свѣту:
Онъ никому ничѣмъ не обязанъ!

Мы его видимъ въ воскресенье, въ церковной галлереѣ, съ его мальчиками; „онъ благоговѣйно внимаетъ службѣ и проповѣди пастора“, но, въ то же время слушаетъ, какъ поетъ его дочка—„своимъ голосомъ напоминая голосъ ея матери“ и грубая, мозолистая рука кузнеца смахиваетъ съ честныхъ глазъ навернувшуюся слезу.

Большою извѣстностью пользуется также другая его лирическая пьеса „Мостъ въ полночь“, оригинальная по своей формѣ.

На русскій языкъ пьесы Лонгфелло переводились довольно часто. Первый съ ними познакомилъ русскую публику извѣстный поэтъ-переводчикъ М. Л. Михайловъ, занявшись, впрочемъ, спеціально „Пѣснями о невольничествѣ“. Затѣмъ В. Костомаровъ, Плещеевъ и другіе. Въ слѣдующемъ же № мы приведемъ нѣсколько пьесъ Лонгфелло въ удачномъ переводѣ г. Садовникова.

Что стоило у насъ издать книгу въ 1649 году.

Очеркъ.

Лѣтомъ 1648 года, царь Алексѣй Михайловичъ постановилъ издать знаменитое „Уложеніе“ этотъ замѣчательный по объему и полнотѣ памятникъ русскаго законодательства. Были собраны всѣ указы и постановленія изданные ранѣе, два Судебника и дополнительные указы. Составителями были пять лицъ Одоевскій, Прозоровскій, Волконскій и два дьяка. Они занялись собираніемъ и просмотромъ матеріала, во всемъ что касалось преступленія противъ церковнаго устройства они почерпали опредѣленій изъ правилъ Св. Отецъ и Апостоловъ а также византійскаго и древне-римскаго права. Для принятія и утвержденія законопроектовъ были вызваны выборные со всего государства. Черезъ три мѣсяца составители уже окончили свои трудъ. Съ октября 1648 г. до января 1649 г. происходили чтенія текста законовъ передъ выборными, утвержденіе законовъ и переписка на бѣло. 29 января 1649 года было утверждено новое „Уложеніе“ и можно уже было приступить къ его печатанію.

Оригиналъ этой книги, писанный на полосѣ бумаги (столбцѣ) длиною въ 434 аршина, какъ извѣстно, прекрасно сохранился. Въ печати эта книга появилась въ 1649 году въ трехъ изда-

ніяхъ, а впослѣдствіи перепечатывалась еще тринадцать разъ; были также и переводы ея на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Вѣсу въ столбцѣ безъ оберточной бумаги и безъ завязки 11 фунтовъ 79 золотниковъ. Отъ временъ царя Алексѣя Михайловича оригиналъ хранится въ красномъ суконномъ мѣшкѣ. Екатерина II приказала изготовить для него серебряный вызолоченный ковчегъ, въ которомъ онъ сохраняется и донынѣ въ Оружейной Палатѣ.

Недавно въ московскомъ архивѣ найденъ интересный документъ, въ которомъ говорится о расходахъ по изданію „Уложенія“ въ 1649 году. Это подробный счетъ всѣхъ матеріаловъ, употребленныхъ при печатаніи книги, а также счетъ платы рабочимъ.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что книга занимаетъ 160 столбцовъ, т. е. почти 20 печатныхъ листовъ или около 300 страницъ въ 8-ю долю листа. Первое изданіе было напечатано въ 1,200 экземплярахъ. Весь расходъ по изданію составлялъ 952 рубля. Изъ нихъ болѣе половины, именно 506 руб. употреблено на бумагу; рабочимъ, наборщикамъ, переплетчикамъ и пр. было уплачено 320 руб., и на всѣ остальные расходы пошло около 120 рублей.

Послѣдній отдѣлъ расходовъ заслуживаетъ наибольшаго вниманія: онъ указываетъ на степень развитія книгопечатанія въ то время. Теперь всѣ типографіи находятъ въ торговлѣ уже готовую черную краску, которая въ большомъ количествѣ изготовляется на фабрикахъ, въ половинѣ-же семнадцатаго столѣтія типографія въ Москвѣ для составленія необходимой краски должна была покупать всѣ составные матеріалы отдѣльно. Въ документѣ находится слѣдующій счетъ: 16 фунтовъ киновари, 70 кружекъ краски для чернилъ, 2 фунта бѣлой краски, 1 кусокъ резины, нѣсколько кусковъ красокъ, 2 мѣры золы для щелока и пр.

Щетки также изготовлялись въ типографіи, на что указываетъ такой счетъ: 7 фунтовъ щетины „для щетокъ“, 6 фунтовъ смолы „для щетокъ“ и пр.

Есть много данныхъ, указывающихъ на то, что весь нужный матеріалъ не получался готовымъ, а потому ранѣе чѣмъ приступить къ печатанію нужно было сдѣлать всѣ подготовительныя работы. Такъ напримѣръ, сказанное подтверждается слѣдующимъ счетомъ: 3.600 гвоздей, 1 пудъ 30 фунт. коровьяго масла для намазыванія листовъ и пресса, 267 аршинъ полотна, ½ мѣры муки для клею, мѣшокъ углей, 4 полосы желѣза, 20 связокъ лыка, 13 веревокъ и проч. Къ сожалѣнію неизвѣстно сколько работало рабочихъ, но печатаніе книги продолжалось „полъ мѣсяца и два дня“. Время это кажется очень короткимъ. При всемъ несовершенствѣ техники того времени, такая объемистая книга была напечатана такъ скоро, потому что очень торопились изданіемъ новыхъ законовъ. И вѣроятно число платныхъ рабочихъ было велико. Сумма въ 300 руб. израсходованная на рабочихъ, кажется очень значительной, принимая во вниманіе большую денежную единицу того времени. Во всякомъ случаѣ, есть примѣры, что въ то время, когда обыкновенная работа оплачивалась мало, трудъ наборщиковъ, переплетчиковъ и др. оплачивался очень хорошо. Однако расходъ въ 300 рублей все-же кажется значительнымъ, тѣмъ болѣе что въ счетѣ значится, что „справщики, корректора и писаря“ получили 1 р. 25 к. Это обстоятельство и даетъ поводъ предположить, что рабочихъ при печатаніи книги было много.

Не всѣ расходы поименованы отдѣльно. Въ концѣ счета стоитъ общая замѣтка: „кромѣ того на дрова, уголь и свинецъ, на мелочи, бумагу и чернила, желѣзо и мѣдь, починки“, роскошные переплеты для экземпляровъ, предназначенныхъ для Государя и Патріарха, на калачи для рабочихъ, плата духовенству, на воскъ и сальныя свѣчи и пр. израсходовано 24 р. 91½ к.

Должно быть послѣ окончанія печатанія были розданы калачи рабочимъ и происходило молебствіе. Изъ счета узнаемъ, что книга печаталась не безъ поправокъ. Уже послѣ отпечатанія, почти пятую часть книги пришлось перепечатать. Причина перепечатокъ неизвѣстна.

Затѣмъ было послано 6 книгъ царю „золотообрѣзныхъ“ и 3 книги въ простомъ переплетѣ, 2 золотообрѣзныхъ и 1 простой экземпляръ патріарху; о переплетѣ 5 экземпляровъ, отданныхъ корректорамъ (справщикамъ) ничего не говорится.

Прежде чѣмъ приступить къ печатанію было высчитано, что расходъ будетъ составлять 828 р. и каждый экземпляръ обойдется въ 69 коп. Но такъ какъ на перепечатку израсходовано еще 124 р., то цѣна каждаго экземпляра увеличилась на 20 к., такъ что каждый экземпляръ обошелся въ 79½ к. Неизвѣстно по какой цѣнѣ книга продавалась публикѣ, но по всей вѣроятности не менѣе одного рубля.

Высока или низка такая цѣна? Слѣдуетъ составить себѣ понятіе о стоимости рубля въ то время и о величинѣ денежной единицы того времени.

Во время царствованія Алексѣя Михайловича серебряный рубль содержалъ въ себѣ въ два и три раза болѣе серебра, чѣмъ серебряный рубль настоящаго времени, такъ что одинъ рубль 1649 года будетъ равняться 4—5 нашимъ рублямъ. Принимая мѣриломъ стоимость денегъ, чтобы имѣть понятіе о цѣнности денегъ того времени, слѣдуетъ ихъ умножить 4 и 5 разъ. Но и этого недостаточно для яснаго пониманія стоимости рубля два съ половиною вѣка тому назадъ. Для большей точности слѣдуетъ ознакомиться съ цѣною необходимыхъ предметовъ того времени.

Изъ оставшихся прежнихъ расходныхъ книгъ бывшихъ предметомъ хозяйственно-историческихъ изслѣдованій мы узнаемъ: четверть ржи стоила 40 к., балка въ 25 футовъ длины—1½ к., пудъ свинины—11 коп., курица — 3—4 к., 10 яицъ—1 к. и пр. Въ счетѣ типографіи фунтъ коровьяго масла значится по 2 к.

По этимъ даннымъ о жизненныхъ припасахъ легче можно судить о расходѣ по изданію книги.

Чтобы пріобрѣсть одинъ экземпляръ „Уложенія“ нужно было истратить столько, сколько стоило 20, 30 фунтовъ масла, или 2—3 четверти ржи, или-же 1.000 яицъ. Однимъ словомъ книга въ 300 страницъ была такъ дорога, что если принять во вниманіе цѣны на необходимые предметы въ наше время, то стоимость такой книги теперь равнялась-бы 20—30 рублямъ.

St. P. Z.

Политическое обозрѣніе.

Мервъ.—Россія и Турція.—Австро-Венгрія и Сербія.—Румынія и Дунай.—Англія.

Наши отношенія съ текинцами Мерва, повидимому, крѣпнутъ и развиваются; изъ Мешхеда сообщаютъ (опять таки англичанамъ), что недавно, подъ предводительствомъ русскаго офицера и трехъ армянъ, прибылъ въ Мервъ русскій караванъ для производства мѣны; оттуда же сообщаютъ также, что текэ-турхмены раздѣлились на четыре группы, изъ которыхъ двѣ подчинились русскимъ, одна перешла на персидскую территорію, съ цѣлью поселиться близь Серакса, а остальные ведутъ переговоры съ русскими, изъявляя готовность вступить въ подданство Россіи, съ условіемъ освобожденія отъ податей въ теченіе 30 лѣтъ. Вотъ и другое свѣдѣніе изъ Асхабада: туда явились трое иностранныхъ путешественниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и англійскій правительственный агентъ, говорятъ — членъ посольства; каждый оказался ученымъ, а ученою ихъ цѣлью было осмотрѣть Текинскій оазисъ, но ихъ попросили уѣхать. Порта, какъ мы говорили, противилась проходу нашихъ судовъ чрезъ Дарданельскій проливъ; для непосвященныхъ мы сообщаемъ текстъ статей Лондонскаго договора 1 марта 1871 г.; ст. 1 гласитъ, между прочимъ, что въ мирное время е. в. султану предоставляется открывать доступъ въ проливы военнымъ судамъ, принадлежащимъ дружественнымъ и союзнымъ державамъ, въ случаѣ если Блистательная Порта сочтетъ это необходимымъ для того, чтобы обезпечить выполненіе парижскаго договора 30 марта 1856 г., основной принципъ котораго—закрытіе Дарданельскаго и Босфорскаго проливовъ остается въ силѣ; а въ ст. 3 сказано, что Черное море открыто, по прежнему, купеческимъ судамъ всѣхъ государствъ. Изъ этого уже можно видѣть, что Порта не имѣла основанія не пропускать нашихъ судовъ добровольнаго флота. Нашъ посланникъ въ Константинополѣ, г. Новиковъ, продолжаетъ настаивать относительно военной контрибуціи, необходимости предоставленія русскому посольству контроля надъ ходомъ улаженія вопроса о контрибуціи.

Нѣкоторыя данныя указываютъ на возможность предположенія, что возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ—дѣло Турціи, которая едва ли можетъ быть довольною тѣмъ, что окупація почти превратилась въ присоединеніе: многіе изъ боснійскихъ и герцеговинскихъ беговъ приглашались въ Константинополь, имъ объяснилось, что австрійцы, поддерживая католическую пропаганду, хотятъ обратить мусульманъ въ христіанство; оттуда же имъ доставлено было въ изобиліи оружіе; беги, пока, не всѣ примкнули къ усташамъ, но австрійцы, какъ говорятъ, ждутъ возобновленія волненій съ наступленіемъ теплаго весенняго времени, причемъ ожидаетъ поддержки мусульманскаго элемента.

Бѣлградская газета „Народное Освобожденіе“ передаетъ какіе-то совершенно невѣроятные слухи, будто между Австро-Венгріей и Сербіей заключена военная конвенція, въ силу которой взамѣнъ уступки Сербіи пространства между Дриною и Боснoю — *Австро-Венгрія пріобрѣтаетъ право держать гарнизоны въ Бѣлградѣ и Нишѣ и императору Францу-Іосифу предоставляется верховное начальство надъ сербскою арміею и право назначенія на офицерскія должности*... Мы думаемъ необходимо было привести этотъ курьезъ. Пока всего этаго не случилось—въ Бѣлградѣ учреждена должность австрійскаго военнаго агента...

Румынія, по прежнему, твердо противится гегемоніи Дуная, отвергая „добрыя услуги“ Франціи къ улаженію этаго вопроса между обоими сосѣдями: венгерцы конечно требуютъ снова „энергичныхъ“ мѣръ противъ Румыніи.

Въ настоящее время, какъ увѣряютъ, происходятъ переговоры относительно свиданія трехъ императоровъ, **въ** которомъ, можетъ быть примутъ участіе и короли итальянскій, румынскій и сербскій.

Англійская парламентская жизнь, или лучше сказать почти вся жизнь королевства, проходитъ теперь весьма важный фазисъ значительныхъ реформъ, задуманныхъ и осуществляемыхъ Гладстономъ. Первый министръ, испытавъ при проведеніи ирландскаго аграрнаго билля всю трудность борьбы, всѣ тѣ препятствія, которыя могутъ быть создаваемы въ интересахъ партій правительству королевы въ вопросахъ государственнаго значенія и блага—рѣшился измѣнить этотъ порядокъ и успѣлъ уже провести „билль о прекращеніи" (clôture bill), согласно которому пренія по тому или другому предмету могутъ быть прекращены, если того потребуетъ извѣстное большинство: билль этотъ необходимъ Гладстону потому, что до сихъ поръ всякій членъ парламента могъ затягивать пренія безконечно, а если съ этою цѣлью составлялась стачка, то и цѣлыя сессіи парламентскія могли дѣлаться непроизводительными. Вслѣдъ за этимъ нововведеніемъ, премьеръ предполагаетъ провести реформы: избирательную, съ предоставленіемъ голоса всѣмъ плательщикамъ податей на равныхъ основаніяхъ, судебную, т. е. замѣну неоплачиваемыхъ мировыхъ судей судьями, получившими спеціальное образованіе и служащими хотя и по выборамъ, но за жалованье городскаго самоуправленія Лондона и приходскаго самоуправленія въ остальныхъ городахъ и сельскихъ округахъ.

Постройка Ламаншскаго туннеля пріостановлена, по распоряженію Англійскаго правительства, которое поручаетъ военной комисіи, назначенной парламентомъ, разсмотрѣть проектъ туннеля

Смѣсь.

Маякъ Тилламокъ. Коммисія по устройству маяковъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ продолженіи прошлаго года окончила одинъ изъ важнѣйшихъ маяковъ Тихаго Океана, на скалѣ Тилламокъ на берегу Орегоны, 18 морскихъ миль южнѣе Колумбіи. Маякъ этотъ въ то же время снабженъ туманными паровыми рожками и чрезвычайно важенъ для всѣхъ кораблей, идущихъ въ Портлэндъ и Асторію. Весь берегъ скалистъ, крутыя, окутанныя часто мглою, базальтовыя скалы возвышаются на 1,500 футовъ; скала Тилламокъ удалена на цѣлую милю отъ материка и маякъ стоитъ на вершинѣ ея, выдающейся на 90 футовъ надъ моремъ. Маякъ былъ построенъ въ теченіе 1½ года, не смотря на страшныя трудности, сопровождавшія постройку. Ранѣе предполагалось построить маякъ наискось отъ Тилламока, на скалѣ, составлявшей предгоріе утеса, но впослѣдствіи, въ 1878 г., рѣшено воздвигнуть маякъ на самомъ утесѣ. Для этого нужно было прежде всего измѣрить скалу, но море начало такъ сильно бушевать и представляло столько трудностей для приближающихся кораблей, что къ измѣренію можно было приступить не ранѣе іюня 1879 года. Тогда то катеръ привезъ къ скалѣ лодку и съ большими затрудненіями высадилъ на скалу двоихъ людей. Но пока успѣли прикрѣпить лодку и вынуть приборы какъ начался приливъ, достигающій тутъ до 60 футовъ и оба человѣка, предвидя въ то же время бурю, побросались въ море и съ трудомъ были спасены. Спустя три дня снова былъ подвезенъ къ скалѣ человѣкъ, который наскоро сдѣлалъ измѣреніе, на основаніи котораго и построенъ маякъ.

Изъ этаго измѣренія оказалось, что по снятіи верхушки скалы до 90 футовъ, выйдетъ площадь въ 3.600 квадратныхъ футовъ, которая можетъ служить основаніемъ для маяка. Въ іюлѣ 1879 года проектъ былъ готовъ, но только въ сентябрѣ на скалу могъ быть доставленъ опытный строитель, именно англійскій архитекторъ Джонъ Тревагасъ, который долженъ былъ высказать свое мнѣніе объ удобоисполнимости плана. Въ сопровожденіи матроса Тревагасъ достигъ скалы, но тутъ оборвался и не смотря на всѣ усилія матроса спасти его, онъ утонулъ. Это несчастіе вызвало возраженія противъ постройки этаго маяка и прошелъ еще мѣсяцъ, пока приступлено было къ новымъ попыткамъ. 12-го октября пароходъ „Корвинъ" повезъ къ скалѣ рабочихъ, къ которымъ долгое время никого не допускали, чтобы не напугать ихъ сложившимися о скалѣ слухами и только 21-го числа можно было пристать къ скалѣ.

Утесъ выдавался одной стороной на 115 футовъ надъ моремъ и глубина воды вокругъ него была отъ 16 до 40 саженъ. На южной сторонѣ скалы была трещина, куда вода заходила такъ высоко, что пѣна волнъ хватала до верхушки скалы. Поверхность скалы съ многочисленными базальтовыми остріями равнялась 100 квадр. фут. и вся была занята моржами, не хотѣвшими вовсе уходить. Рабочіе начали съ того, что устроили съ „Корвиномъ" сообщеніе при помощи кабеля, прикрѣпленнаго за выступъ скалы на высотѣ 85 ф. надъ моремъ. По кабелю взбирались не только люди, но доставлялись и матерьялы. По прошествіи двухъ недѣль самой утомительной работы, люди на гладкомъ мѣстѣ скалы разбили палатки, укрѣпили ихъ и тогда приступлено было уже къ распланированію мѣстности.

Работа была трудная и чрезвычайно опасная; между тѣмъ люди оставались на скалѣ всю зиму, такъ какъ пароходъ не могъ къ ней приблизиться. Въ январѣ 1880 года поднялась страшная буря, сорвавшая и унесшая палатки и провизію. Въ срединѣ мая, по истеченіи семимѣсячной работы, планировка была окончена и можно было приступить къ постройкѣ башни, матеріалъ для которой заготовлялся въ Асторіи. Каждый камень препровождался на скалу при помощи кабеля; зачастую работы прекращались за непогодой и бурями.

Главная постройка имѣетъ въ длину 48 и въ ширину 45 футовъ, въ ней заключаются также помѣщенія для четырехъ сторожей. Надъ этой постройкой возвышается каменная башня въ 35½ футовъ вышины. Все пространство нужно было тщательно размѣрить, такъ какъ поверхность скалы длиною только въ 100 и шириною въ 45 футовъ; при этомъ слѣдовало оставить мѣсто для водоса, съ вмѣстилищемъ на 13,000 галлоновъ воды для котла. 8-го іюля 1880 г. постройка была начата и окончена въ январѣ 1881 г. и 21-го этаго же мѣсяца огонь былъ зажженъ въ первый разъ. Расходы по постройкѣ составляютъ 600.000 долларовъ, изъ которыхъ болѣе четверти было употреблено на доставку матерьяловъ. Въ скоромъ времени предполагаютъ соединить маякъ съ материкомъ посредствомъ телеграфа.

Московскій университетъ въ XVIII столѣтіи. Московскій университетъ, старѣйшее изъ всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеній, былъ основанъ „для борьбы съ сектанствомъ и подавленія онаго въ народѣ", какъ говорится въ проектѣ, составленномъ графомъ Шуваловымъ и подписанномъ императрицею Елисаветою 12-го января 1755 года. На основаніе университета изъ средствъ казны и отъ частныхъ лицъ было собрано болѣе сорока тысячь рублей. Вначалѣ былъ открытъ философскій факультетъ съ восемью кафедрами и медицинскій факультетъ съ одной кафедрой. Хорошій профессоръ получалъ въ то время 500 руб. содержанія въ годъ. Во все время курса студенты были стипендіатами и получали по 100 р. въ годъ. Главною доходною статьею университета были „Московскія Вѣдомости", расходившіяся однако не болѣе какъ въ 500—600 экземплярахъ. Когда же въ послѣдней четверти восемнадцатаго столѣтія завѣдываніе этой газетой принялъ на себя знаменитый Н. И. Новиковъ, она быстро начала подниматься и вскорѣ имѣла уже болѣе 4.000 подписчиковъ—цифра для того времени весьма значительная.

Преподаваніе на русскомъ языкѣ сдѣлалось обязательнымъ только въ семидесятыхъ годахъ, но еще долго латинскій языкъ не выходилъ изъ употребленія, пока наконецъ не убѣдились, что всѣ науки могутъ быть преподаваемы на русскомъ языкѣ.

Въ первыя десятилѣтія не соблюдалось строгаго подраздѣленія наукъ. Профессоръ Роговъ, бывшій въ университетѣ съ 1768 до 1772 года былъ прежде учителемъ геометріи въ приготовительномъ пансіонѣ, въ университетѣ же онъ читалъ финансовое право и кромѣ того былъ смотрителемъ лазарета стипендіатовъ. Профессоръ Ростъ, преподававшій математику съ половины пятидесятыхъ годовъ до начала девяностыхъ годовъ, былъ въ то же время и главнымъ агентомъ Голландской компаніи, имѣя болѣе сотни русскихъ агентовъ и велъ значительную для своего времени хлѣбную торговлю. Профессоръ Барсовъ, состоявшій при университетѣ съ начала его основанія до начала 90 годовъ, былъ въ то же время корректоромъ „Московскихъ Вѣдомостей" и въ качествѣ послѣдняго былъ арестованъ за вкравшуюся ошибку въ титулѣ одного высокопоставленнаго лица.

Насколько иногда странно было положеніе профессоровъ того времени доказываетъ тотъ фактъ, что профессоръ анатоміи Эразмусъ принужденъ былъ разувѣрять Московское общество въ томъ, что анатомія не имѣетъ ничего общаго съ живодерствомъ. Но всѣ его усилія мало помогли и полиція насилу рѣшалась доставлять ему трупы для анатомическаго кабинета.

Студенты жили всѣ вмѣстѣ въ устроенномъ для нихъ помѣщеніи; у нихъ была общая форма и всѣ они должны были тщательно пудрить волосы. Главной частью формы была шпага, которую студентъ получалъ на первомъ по своемъ вступленіи актѣ. Самый прилежный и благонравный студентъ сажался въ камерѣ—такъ назывались помѣщенія студентовъ—на почетномъ мѣстѣ въ переднемъ углу подъ образами и назывался камеръ-студентъ. Также за обѣдомъ примѣрные студенты сидѣли отдѣльно и получали вкусныя кушанья, въ то время какъ лѣнтяи сидѣли за такъ называемымъ ослинымъ столомъ и должны были довольствоваться одними щами. За дурное поведеніе студентовъ одѣвали на три дня въ крестьянское платье и сажали на хлѣбъ и на воду: изъ отпускаемыхъ 100 рублей вычиталась сумма на покупку Библіи, которую студенты должны были читать по воскресеньямъ.

На Пасху для развлеченія студентовъ на университетскомъ дворѣ устраивались качели. Съ наступленіемъ теплыхъ дней, кромѣ научныхъ лекцій начинались военныя упражненія на свободѣ. Во время прогулокъ съ этою цѣлью въ окрестностяхъ Москвы, студенты не смѣли выходить изъ рядовъ и затѣвать игры. Въ особенности строго запрещалось принимать участіе въ кулачныхъ бояхъ, любимой въ то время игрѣ московской молодежи.

Если же и случались провинившіеся, то они поступали на университетскій судъ, которымъ завѣдывали профессора юридическаго факультета, которые и обсуждали дѣло по латыни, что вело иногда къ забавнымъ сценамъ. Такъ въ кражѣ простыни замѣшанъ былъ квасоваръ, по поводу котораго поднялся диспутъ, поставившій профессоровъ въ затрудненіе, не знавшихъ какимъ именемъ назвать квасовара, такъ какъ у Римлянъ этотъ напитокъ былъ неизвѣстенъ.

Начальство университета сильно заботилось о томъ, чтобы сту-

денты диспутировали и насколько сами студенты любили диспуты видно изъ того, что когда въ 1768 году на медицинскомъ факультетѣ былъ только одинъ студентъ, онъ хотѣлъ перемѣнить факультетъ потому только, что ему не съ кѣмъ было диспутировать.

Крылатый воръ. Надъ каменными перилами главной башни Швейдницкой ратуши находилось прежде каменное изваяніе человѣка, о которомъ исторія говоритъ слѣдующее. Противъ ратуши жилъ нѣкогда чрезвычайно скупой человѣкъ, любившій деньги больше всего на свѣтѣ. Скряга сдѣлался членомъ ратуши. Онъ увидѣлъ, такимъ образомъ, что городскія деньги оставались на ночь разложенными на столѣ, въ полной сохранности. Это страшно возбудило жадность скупца. У него былъ ручной ученый воронъ, продѣлывавшій различныя удивительныя вещи. И членъ ратуши воспользовался склонностью птицы брать блестящіе предметы, для того чтобы выкрасть деньги изъ ратуши. Въ одномъ изъ оконъ съ желѣзными рѣшетками ратуши находилось отверстіе, чрезъ которое воронъ могъ свободно влетать и вылетать обратно. Скряга отбиралъ деньги у птицы, когда она являлась съ ними, и побуждалъ ее къ дальнѣйшимъ подвигамъ въ этомъ направленіи. Пропажи стали настолько замѣтны, что за воромъ учрежденъ былъ дозоръ и днемъ и ночью. Такимъ образомъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, воръ былъ обнаруженъ. Далѣе, съ цѣлью открыть настоящаго вора, бургомистръ приказалъ выложить на столъ еще нѣсколько золотыхъ монетъ. Воронъ унесъ и ихъ. На слѣдующій день бургомистръ собралъ думу, которая рѣшила или сбросить вора, въ наказаніе, съ башни ратуши, или уморить его голодомъ въ тюрьмѣ. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ и скрѣпленъ подписями всѣхъ членовъ ратуши, въ томъ числѣ и хозяиномъ ворона, который подписалъ, такимъ образомъ, свой собственный смертный приговоръ. Въ это время явился служитель ратуши съ украденными червонцами и ворономъ. Послѣ непродолжительнаго запирательства, членъ ратуши сознался во всемъ, и такъ какъ смертный приговоръ былъ подписанъ имъ самимъ, то тотчасъ же и былъ приведенъ въ исполненіе, ибо въ тѣ суровыя времена съ приговорами не шутили. Статую же его поставили на башнѣ ратуши.

Въ числѣ множества игръ, занимательныхъ, и небезполезныхъ не можемъ не отмѣтить появившейся къ праздпику игры подъ названіемъ Добчинскій и Бобчинскій. Эта игра знакомитъ съ гоголевскими типами „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ" и поэтому не можетъ не интересовать русскаго человѣка. Игра основана на правилахъ игры въ домино, и въ ней могутъ участвовать до девяти человѣкъ; ее разнообразитъ необходимость прикупки и уплаты штрафа за нѣкоторыя изъ фигуръ. Значеніе игры разсказано въ предисловіи гладкими стихами, и авторъ говоритъ не безъ основанія, что игра эта представляетъ „картину нашихъ дней". Фигуры гоголевскихъ героевъ переданы весьма удачно и типично.

Плантаціи кофе на Цейлонѣ приносятъ громадные доходы. Общество Ланко, купившее кофейныя поля за шестьсотъ семьдесятъ пять тысячъ руб., имѣло въ прошломъ году чистой прибыли болѣе ста тысячъ рублей.

Игры и задачи

Задачи магическихъ квадратовъ № 25, 26 и 27.

а	а	а	а	а
а	б	б	б	в
в	з	к	к	к
л	л	л	о	о
о	о	о	о	р

а	а	б	б	д
д	д	д	з	з
к	к	к	л	о
о	о	о	о	о
р	х	ы	ы	ѣ

а	а	а	а	а	а
а	а	а	а	а	а
а	а	б	и	и	к
м	м	м	н	н	н
н	о	о	р	р	р
с	с	т	т	т	т

Шахматная задача № 24.

Черные.

	A	B	C	D	E	F	G	H
8								
7				♗		♘		
6			♙				♟	
5		♝		♚			♟	
4		♙	♛	♟	♜			
3	♟		♖	♖		♕		
2		♗			♘		♔	
1								

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 2 хода.

Рѣшеніе шашечной задачи № 17.

Бѣлыя	Черныя
Съ G 3 на F 4	Съ B 6 на D 8
„ H 4 „ G 3	„ D 8 „ H 4
„ G 3 „ H 2	„ H 4 „ E 1
„ H 6 „ G 7	„ H 8 „ F 6
„ F 4 „ G 5	„ F 6 „ H 4
„ B 8 „ G 3	„ H 4 „ F 2
„ A 3 „ B 4	„ C 5 „ A 3
„ H 2 „ G 1	„ A 3 „ B 2
„ C 1 „ A 3	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Калуга**—Волокова; **Кронштадтъ** — Житькова; **Луг. зав.** — Голубева; **Нижн. Новгородъ** — Обухова; **Орелъ**—Александрова; **Славяносербскъ**—Шиллеръ.

Алгебраическая задача № 28.

Фамилія одного русскаго писателя, состоитъ изъ 10 буквъ; если же эти буквы замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получатся слѣдующія соотношенія между ними:

1) Разность между первымъ и четвертымъ числами равна разности между вторымъ и пятымъ числами.

2) Второе число на 1 менѣе удвоеннаго третьяго числа.

3) Сумма шестаго и седьмаго чиселъ на 1 болѣе удвоеннаго втораго числа.

4) Сумма перваго и девятаго чиселъ равна разности между третьимъ и четвертымъ числами.

5) Отношеніе пятаго числа къ шестому=1: 2.

6) Разность между шестымъ и послѣднимъ числами втрое менѣе третьяго числа.

7) Удвоенное четвертое число на 1 менѣе седьмаго числа.

8) Третье число во столько разъ менѣе послѣдняго, во сколько седьмое число менѣе восьмаго.

9) Разность между пятымъ и третьимъ числами вдвое болѣе предпослѣдняго числа.

10) Сумма перваго, восьмаго и девятаго чиселъ равна суммѣ втораго и седьмаго чиселъ.

Узнать фамилію этого писателя.

Рѣшеніе ребуса № 18.

На всякаго мудреца довольно простоты.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 16.

1-е число = x	I) $y + u = 7$	$x = 12 =$ л
2-е „ = y	II) $g + n = 14$	$y = 1 =$ а
3-е „ = z	III) $x + s = 21$	$z = 7 =$ ж
4-е „ = u	IV) $y + v + m = 52$	$u = 6 =$ е
5-е „ = v	V) $u - y = 5$	$v = 24 =$ ч
6-е „ = t	VI) $z + n = 10$	$t = 14 =$ н
7-е „ = s	VII) $x + n = 15$	$s = 9 =$ и
8-е „ = g	VIII) $u + t = 20$	$g = 11 =$ к
9-е „ = p	IX) $t + g = 25$	$p = 15 =$ о
10-е „ = n	X) $u + m = 30$	$n = 3 =$ в
11-е „ = m	XI) $y + v + p = 40$	$m = 27 =$ ъ

ЛАЖЕЧНИКОВЪ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. **Спб.**—Матисенъ, М-ской, Баккалъ, А. А. Т, Картаева, Нестерова, Дороховой, Колюбакино, Гиббенетъ, Шубартъ, Е. М., Короблева, Погорѣлова, Вишневскаго, Гринчакъ, А. И. З., Ваншейдтъ, Глама, Боронина, Петлинъ, Матусевичъ, Забанина, Ротштейнъ, Матвѣева, Хесинъ, Непастнаго, Соймонова, Деммени, В. В. Ш., Вошкина, Лифляндъ, Висленева, Фусъ, Герасимова, В. Д., Грибовскаго, Рагоза, Дьяконовой, Гоголева, Левтѣевъ, Фегедингъ, О. А. Д., Вицъ, Лагусъ, Богдановъ; **Москва**—Костарева, Новиковой, Лаврентьева, Доманова, Воеводскаго, Юхнева, Зотова, Смирнова, Покровскаго, Флагге, Томбахеръ, Никифорова, Андреева; Копытина, Михалевича, Назарова, Кальнингъ, Данилова, Лебедева, Антоновскаго, Лысенкова, Щіотикова, Миланова, Булаковыхъ, Тупицына, Бычкова, Еремина, Шведова, Мечева, Селивановскаго, Е. Е., Кафтанникова, Карасева, Ларіонова;—**Алатырь**—Богоявленскаго; **Астрахань**—Цѣхановича; **Бахчисарай**—Бебешъ, **Бахмутъ**—Гавжеева, **Березна**—Рожновскаго, **Борзна**—Александренко; **Бѣжецкъ**—Прибыльскаго; **Бѣлгородъ**—Краснитскаго, Артемьева, Злобина; **Бѣлевъ**—Воскова; **Бѣлое**—Бѣлосельскаго; **Варшава**—Никитина, Ерефъ, Пашеннаго, Лихтпекеръ, Борніо; **Вильно**—Акулова, Ярошенко; **Вологда**—Попова, Бѣляева, Суховцова; **Воронежъ**—Курицына; **Гатчино**—Т.; **Гомель**—Дуранова; **Данковъ**—Карпѣева; **Динабургъ**—Маковской, Смирновой, Вавилова; **Единцы**—Бынзаря; **Елецъ**—Попова, Валуйскаго; **Житоміръ**—Наказной; **Муравка**—Солодовникова; **Зарайскъ**—Лопухина; **Зеньковъ**—Григорьевъ; **Ивенецъ**—Бергеръ; **Калуга**—Кадмина; **Каменецъ**—Колпакчи; **Керчь**—Дервисье; **Кіевъ**—Евреинова, Сорокина, Ливеръ Болсуновской, Шкоттъ, Таврикъ, Алехина, Кулишеръ, Сикаръ; **Кишиневъ**—Гершензонъ; **Ковно**—Блюменталь; **Коломна**—Чикалкина, Шевлягина; **Коровино**—Терскаго; **Кострома**—Федосѣева, Михайловскаго; **Крапивно**—Вьюкова; **Кромы**—Максакова; **Кронштадтъ**—Усова, Уткина; **Кузнецкъ**—Орлова; **Курскъ**—Никольскаго, Пашкова; **Либавская**—Михайлова; **Ливны**—Брандтъ; **Лодзь**—Рундбергъ; **Луг. зав.**—Голикова; **М. Вишера**—Генриха, Баркова; **Мальце-Бродово**—Н. П. Т.; **Медвѣдево**—Лейцингеръ: **Минскъ** Цыпкина, Финбейнъ; **Могилевъ**—Оллакъ; **Моншаны**—Быстрепина; **Муромъ**—Засухина, Звѣрева, Смольянинова; **Нахичевань**—Кечерзіева; **Нижн.-Новгор.**—Ермолаева, Соболева; **Николаевъ**—Тихоновой; **Нововоронцовка**—Левченко; **Новгородъ**—Рождественскаго; **Новомосковскъ**—Рождественской; **Новочеркаскъ**—Овсова, Иванова, Лепивова, Наголкина; **Нов.-Осколъ**—Исаевой; **Одесса**—Ковзиль, Жуликова, Зусманъ; **Опочка**—Подчекаева; **Ошмяны**—Першина; **Подольскъ**—Будникова; **Полтава**—Челова; **Присады**—Полева; **Пронскъ** — Соколова; **Псковъ**—Дьвкова; **Радзивиловъ**—Гинсбургъ; **Радзиковская**—Цвѣткова; **Раненбургъ**—Преферансова; **Ревель**—Отоцкаго, Федорова; **Ростовъ**—Ѳедосѣева, Кочеткова, Васиной, Мельницкой; **Рыбинскъ**—Благовой, Казанской, Трусова, Левинова, Савицкой; **Рыльскъ** — Аристархова; **Рязань** — Башие, Сныткина; **Самара** — Малышевой, Чигирь Быстрицкаго. Гр-ва; **Саратовъ**—Надеждина, Варфоломѣева; **Севастополь**—Жеребцова; **Серпуховъ**—Крашенинникова; **Симферополь** — Джеварджи, Штейнбергъ Халаримвицъ, Хрущова, Глазманъ; **Скопинъ**—Бѣляева, Волкова; **Слонимъ**—Вейсенбергъ; **Смоленскъ**—Львова; **Ставрополь** — Молокоѣдова; **Судогда**—Трелина; **Сѣдлец**—Данилевскаго; **Сѣнно**—Рильчикова; **Сызрань**—Нахтармина, Волкова; **Тамбовъ**—Бисарновой, Трескина, Летивой, Сорокина; **Татарбунары** — Вассерманъ; **Тирасполь**—Русакова; **Тифлисъ**—Иванова; **Торжокъ**—Клюшина; **Тула**—Вышегородцева, Мусселіусъ; **Харьковъ**—Свитальскаго, Ковалевскаго; **Череповецъ**—Алвіанскаго, Пушкова; **Шавли** — Залѣской; **Шостка**—Ходулина; **Ярославль**—Ферязь, Пефедьева, Мосягина, Трескина; **Миланъ** (Италія)—Кавелиной; **Женева** (Швейцарія) Стеккеръ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Медали: Вѣна 1873, Мюнхенъ 1876; Гентъ 1880 и т. д.

Какъ подарки случая я могу рекомендовать **ВЕЩИ ИЗЪ ФАРФОРА** съ **НАЖИГАЕМЫМИ** и **НЕСХОДЯЩИМИ ФОТОГРАФІЯМИ** высылаемыхъ картинъ, **портретовъ**, ландшафтовъ и т. п.

Овальные и квадратные подносы, чашки, столов. приборы, вазы, блюдечки, медальоны для брошъ, пуговицы для манжетовъ, головки курительн. трубокъ и т. п. **Самое вѣрное сходство—гарантируется. Иллюстр. прейсъ-куранты—даромъ и франко.** Фотографо-Артистическое заведеніе **А. Лейснера** въ **Вальденбургѣ (Германія). A. Leisner, in Waldenburg in Schlesien.** S. № 2040 1—1

Медали: Амстердамъ 1877; Бреславль 1878 и 1881; Теплицъ 1879 и т. д.

Картины печатанныя масляными красками,

собственнаго изданія,
весьма дешево для
ИЗДАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦ. и ЭКСПОРТЕРОВЪ
Иллюстрир. каталоги даромъ ! ФРАНКО !
Berlin S. (Берлинъ S), Grimmstrasse 7. (Карлъ Каулишъ) Carl Kaulisch.
Хромо-литографич. заведеніе и печатня.
S. № 2041 4—1

ГИТАРНЫЙ КЛУБЪ въ Лейпцигѣ, утвержденъ Правительствомъ. При клубѣ международный союзъ гитаристовъ. Желающіе быть членами послѣдняго вносятъ ежегодно не менѣе 3-хъ марокъ и получаютъ членскій билетъ и уставъ клуба. Тамъ же можно заказывать въ 6, 9 и 12-ть струнъ басъ, теноръ, терцъ, квинтъ и октавъ гитары, цѣною отъ 40 до 160 марокъ и баски — звучные и прочные. Инструменты отличаются продолжительностію звука, вслѣдствіи особаго механизма, устроеннаго внутри. № 2047 3—1
Адресъ: **Leipzig. Richard Löpke.** Markt. 2.

5—3 ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

СВѢТЪ

Годъ 4 руб.
1/2 г. 2 „
1/4 г. 1 „
Редакція: Гороховая, № 41.

Изданія А. Ф. Маркса въ СПБ.

БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!... Романъ *Э. Вернера* Перев. съ нѣм. Ц. 1 съ перес. 1 р 25 к.. для подписч. „НИВЫ“ 1882 г. 75 к. съ перес. 1 р.

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ Цѣна 1 р.

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Самое лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко. Оно питательно и удобоваримо и охотно принимается всякимъ ребенкомъ.

СГУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ Цѣна 75 к.

ГЛАВНОЕ ДЕПО въ Спб. Казанск., 3, у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**

также у Штоль и Шмидтъ, въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами и во всѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской Имперіи.

Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

☛ Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится **синій штемпель** и **подпись** Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

Р. № 2012 5—2 **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).**

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ въ редакціи журнала „НИВА“
Больш. Морская, д. № 9, въ СПБ.
и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ
СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА:

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

Романъ-хроника (XVIII вѣка), въ 2-хъ частяхъ
Всеволода Соловьева.
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ жизни XVII вѣка,
Всеволода Соловьева.
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.
Подписчики „Нивы“ на 1882 годъ за пересылку не платятъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ!

„ЭЛЕОПАТЪ“

БЕЗПОДОБНЫЙ ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА

употребляется противъ перхоти головы и отъ выпаденія волосъ, и опытомъ признанъ вѣрнѣйшимъ и какъ ничѣмъ незамѣнимымъ цѣлебнымъ средствомъ для останавливанія выпаденія и укрѣпленія корней волосъ. Пользуется всеобщимъ довѣріемъ и вниманіемъ врачей и публики. Тысячи обязаны единственно „Элеопату“ своими длинными хорошими волосами. Родители и воспитатели и друг. должны обращать вниманіе на волосы дѣтей. Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ складахъ и косметическихъ магазинахъ Россійской Имперіи. Для иногородныхъ заказчиковъ высылается не менѣе 2-хъ флаконовъ за 4 руб., содержащихъ по 120 граммовъ. Отправка и пересылка производится во всякое время и исполняется немедленно и добросовѣстно. При высылкѣ денегъ на заказъ и пересылку необходимо указать вотъ этотъ адресъ для иногородныхъ:

въ Главное Депо „Элеопата“ Пассажъ, Магазинъ № 52, въ С.-Петербургѣ.

Пересылка-же болѣе чѣмъ на 1,500 верстъ отдаленные города отъ С.-Петербурга одна обойдется почти наравнѣ съ стоимостью самаго заказа, а потому почтовые расходы слѣдуютъ на счетъ покупателя. № 1906

ПРІЕМЪ ДЕНЕЖНЫХЪ ВКЛАДОВЪ.

ГРЕБЕНЕВСКОЕ ССУДО-СБЕРЕГАТЕЛЬНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

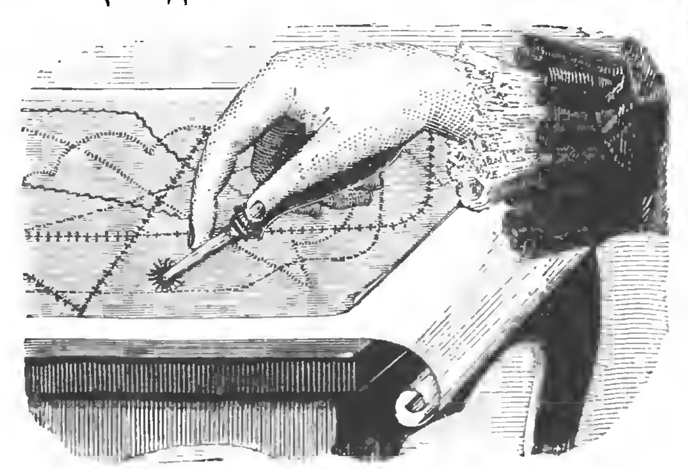
Опочецкаго уѣзда Псковской губерніи, принимаетъ

вклады всякой величины отъ иногородныхъ постороннихъ лицъ и присланные по почтѣ, съ обязательствомъ возвращенія ихъ въ декабрѣ мѣсяцѣ любаго года. По вкладамъ этимъ Правленіе товарищества уплачиваетъ десять процентовъ годовыхъ. Проценты могутъ получаться вкладчиками лично или почтою помѣсячно, по истеченіи каждаго мѣсяца. При уплатѣ процентовъ никакихъ вычетовъ, кромѣ почтовыхъ расходовъ, не дѣлается.

Товарищество обращаетъ свои капиталы въ предѣлахъ всего Опочецкаго уѣзда, удовлетворяя потребности населенія въ мелкомъ кредитѣ и на пріобрѣтеніе крестьянами въ личную собственность мелкихъ земельныхъ участковъ (отрѣзовъ отъ ихъ надѣловъ). Внесенные вклады обезпечиваются капиталомъ товарищества и всѣмъ имуществомъ членовъ товарищества. Товарищество основано въ 1872 году, имѣетъ собственныхъ капиталовъ **93783** рубля. Оборотъ операцій товарищества въ **1881** году составляетъ сумму **959,091** рубль. Товарищество взимаетъ за ссуды съ членовъ-заемщиковъ двѣнадцать процентовъ годовыхъ. Высшій размѣръ ссуды, допускаемой для каждаго члена, составляетъ сто рублей. Въ товариществѣ состоитъ **4857** членовъ, изъ нихъ **586** членовъ на полученную ссуду пріобрѣли въ собственность землю, большею частью цѣлыми селеніями отрѣзы отъ ихъ надѣловъ. Отчетъ печатается ежемѣсячно и разсылается всѣмъ желающимъ безплатно. Адресъ: г. Опочка, Псковской губерніи, Правленію Гребеневскаго ссудо-сберегательнаго товарищества.

Распорядитель **П. Пленъ.**

РѢЗЦЫ ДЛЯ СНЯТІЯ ВЫКРОЕКЪ.



Рѣзцы подобнаго образца необходимы при снятіи выкроекъ; цѣна безъ футляра 75 к., съ перес. 1 р. 25 к.; съ футляромъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к., можно получить въ Конторѣ Редакціи „НИВЫ“ въ СПБургѣ, Б. Морская, № 9.

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ я изобрѣлъ удачный составъ (Гальманинъ), совершенно предотвращающій прѣніе частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ повсюду. ***Состоя изъ веществъ совершенно безвредныхъ, оно не задерживаетъ пота, но поглощаетъ его и превращаетъ въ мелкіе микроскопическіе кристаллы.*** *Эти-то качества и даютъ ему преимущество надъ средствами, до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.*

Гальманинъ, осушая части тѣла, дѣлаетъ невозможнымъ ихъ прѣніе; по этому лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно разъ въ нѣсколько дней при помощи ваты, полотна или кисточки натереть Гальманиномъ прѣющія части чтобы избѣгнуть непріятныхъ послѣдствій, какимъ подвержены лица, принужденныя много ходить въ лѣтніе жаркіе дни.

☛ ***Вполнѣ ручаясь за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина,*** *что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей,* ***прошу публику остерегаться поддѣлокъ и покупать Гальманинъ только въ коробочкахъ, снабженныхъ моею фирмою.*** ☚

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 коп., малая 30 коп.

В. Карпинскій.

Магистръ фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Электоральная, № 35.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Марлитта.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1882 г. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Дозволено цензурою. СПБ. 8 апрѣля 1882 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБ.** Тип. **А. Ф. Маркса,** Англ. пр., № 10.

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIII годъ | № 16 | годъ XIII | 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 17 Апрѣля 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

И. Д. Деляновъ.

Назначеніе д. т. сов. статсъ секретаря Ивана Давыдовича Делянова Министромъ Народнаго Просвѣщенія уже давно ожидалось и предвидѣлось въ послѣднее время большинствомъ нашего общества, которому хорошо извѣстна какъ долгая и полезная дѣятельность этого выдающагося нашего администратора такъ и его научные труды, посвященные интересамъ русской науки и просвѣщенія.

Иванъ Давыдовичъ родился въ Москвѣ 30 ноября 1818 года. По окончаніи курса наукъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета удостоенъ степени кандидата. Службу началъ во II Отдѣленіи Собственной Е. И. Канцеляріи 4 ноября 1838 года: съ 1845 года по 1858 годъ состоялъ при Главноуправляющемъ II Отдѣленіемъ Графѣ Блудовѣ. Во время службы во II отдѣленіи Ив. Д. участвовалъ въ составленіи двухъ изданій свода законовъ а именно 1842 и 1857 годовъ и уложенія о наказаніяхъ 1845 года а также въ другихъ важныхъ законодательныхъ работахъ того времени. Съ 1858 года начинается дѣятельность Ивана Давыдовича по Министерству Народнаго Просвѣщенія.

И. Д. Деляновъ. Министръ Народнаго Просвѣщенія.
Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

18 Іюля 1858 года онъ былъ назначенъ попечителемъ спб. учебнаго округа, а 8-го ноября того-же года завѣдующимъ временно учебною частью въ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, въ александровскомъ училищѣ а равно и въ спб. екатерининскомъ институтѣ. Эту послѣднюю обязанность онъ выполнялъ до возвращенія изъ-за границы бывшаго члена по учебной части въ этихъ учрежденіяхъ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Норова. 18 января 1860 года Иванъ Давыдовичъ назначенъ членомъ Совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати а 4 августа 1861 года директоромъ д-та народнаго просвѣщенія. По назначеніи-же барона Корфа главноуправляющимъ II отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи Иванъ Давыдовичъ 6-го декабря 1861 года сдѣланъ директоромъ Императорской публичной би-

бліотеки, и съ самаго своего вступленія въ эту должность обратилъ всѣ свои усилія на то чтобы все болѣе и болѣе обогащая наше книгохранилище капитальными пріобрѣтеніями такимъ образомъ поставить его въ уровень съ лучшими подобнаго рода учрежденіями Западной Европы. Но среди этихъ заботъ о преуспѣяніи Императорской Публичной Библіотеки Иванъ Давыдовичъ въ то же время не переставалъ выполнять важныя обязанности по Министерству Народнаго Просвѣщенія а впослѣдствіи и по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. Такъ онъ долгое время состоялъ въ должности попечителя Спб. учебнаго округа; при Министрѣ Гр. Толстомъ былъ его товарищемъ а въ 1877 году по смерти Шторха назначенъ исполняющимъ, по IV Отдѣленію Собственной Е. И. В. Канцеляріи и Опекунскому Совѣту, обязанности опекуна, возложенныя на него особымъ Государя Императора распоряженіемъ. Въ этомъ же высокомъ званіи Иванъ Давыдовичъ принялъ на себя должность Главноуправляющаго IV Отдѣленіемъ, по кончинѣ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

Кромѣ того, при обозрѣніи долговременной и плодотворной служебной дѣятельности Ивана Давыдовича, нельзя не упомянуть объ его трудахъ какъ предсѣдателя по двумъ важнымъ коммиссіямъ—одной по пересмотру университетскаго устава, а другой по вопросу о служебныхъ правахъ воспитанниковъ нашихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Въ прошломъ году Ивану Давыдовичу было Высочайше довѣрено собираніе матеріаловъ для исторіи Императора Николая Перваго—что лежало до того времени на обязанности князя С. Н. Урусова.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Высокаго, красиваго юношу и маленькаго, сухого, пожилого человѣка всюду встрѣчали восторженно, не смотря на ихъ инкогнито. Богатѣйшіе сановники: Строгановъ, Остерманъ, Безбородко, Самойловъ, Нарышкинъ на своихъ загородныхъ дачахъ давали въ ихъ честь великолѣпнѣйшіе праздники, желая сдѣлать угодное императрицѣ, тратили баснословныя суммы.

Такой роскоши, такого великолѣпія графъ Гага никогда въ жизни своей не видывалъ. Даже петербургскій климатъ будто улыбался желанному гостю. Былъ конецъ августа, но погода по большей части стояла чудесная и загородные, вечерніе праздники удавались какъ нельзя лучше. На Невѣ и на островахъ сжигались гигантскіе фейерверки. Загородные дворцы вельможъ, окруженные густыми, прекрасными садами, являли великолѣпное зрѣлище: придетъ вечеръ и все горитъ, залитое огнями иллюминацій, раздаются несмолкаемые звуки музыки.

Графъ Гага послѣ интересно, разнообразно проведеннаго дня вступаетъ подъ покровъ темной осенней ночи, будто въ какой-то сказочный міръ и въ этомъ мірѣ волшебныхъ огней, музыки и великолѣпія онъ не случайный пришлецъ, онъ самый дорогой гость: весь этотъ міръ созданъ для него, его на рукахъ носятъ, передъ нимъ разсыпаются въ самыхъ изысканныхъ любезностяхъ, всѣ стараются уловить довольный взглядъ его, каждое небрежно брошенное имъ слово принимается съ восторгомъ, повторяется, мгновенно обѣгаетъ весь городъ, измѣняется, дополняется, украшается и является перломъ остроумія и находчивости.

Самолюбіе юноши бьетъ радостную тревогу и вмѣстѣ съ этимъ самодовольнымъ чувствомъ растетъ другое чувство. Среди этаго волшебнаго міра, рядомъ съ нимъ маленькая прелестная фея. Ея свѣтлые глаза глядятъ на него съ дѣтски откровеннымъ восторгомъ, ея нѣжныя щеки вспыхиваютъ отъ каждаго его взгляда, и радостный, счастливый, въ сознаніи своего величія и превосходства, среди шумной, блестящей толпы, подъ несмолкаемые звуки оркестра, онъ тихонько пожимаетъ маленькую ручку и шепчетъ на ухо своей прелестной невѣстѣ нѣжныя слова, которыми, до сихъ поръ, еще никого не удостоивалъ.

Такъ проходитъ недѣля, другая, но вотъ графъ уже насытился всѣмъ этимъ блескомъ, всѣми этими праздниками, уже привыкъ ко всеобщему восторгу, вызванному его особой, ему уже начинаетъ недоставать чего то.

„Одно и тоже! Одно и тоже! думаетъ онъ. Я танцую съ нею, прогуливаюсь съ ней подъ руку по освѣщеннымъ заламъ и аллеямъ, но вѣдь намъ нѣтъ возможности и поговорить какъ слѣдуетъ. Начнешь фразу—не кончишь, спросишь—она станетъ отвѣчать и не имѣетъ возможности договорить отвѣта. То тотъ подойдетъ, то другой, слѣдятъ за каждымъ шагомъ, ловятъ каждое слово—это скучно!"

Ему хотѣлось бы остаться вдвоемъ съ нею, хотѣлось бы, не смущаясь ничьимъ присутствіемъ, высказать ей всю нѣжность, на какую онъ способенъ и услышать отъ нея такія слова, которыхъ она не могла ему прошептать при постороннихъ...

Во время бала, даннаго императрицей во дворцѣ 3-го сентября, всѣ вдругъ замѣтили, что графъ Гага не совсѣмъ веселъ и любезенъ, въ его лицѣ замѣтили что-то новое, признаки тоски и скуки. И прежде всѣхъ замѣтила это императрица. Она зорко стала слѣдить за нимъ и, улучивъ удобную минуту, когда танецъ былъ оконченъ и графъ Гага отошелъ отъ своей дамы, она приблизилась къ нему, взяла его подъ руку.

— Пройдемтесь немного, мой другъ, сказала она, я недолго задержу васъ, не долго заставлю скучать съ такой неинтересной дамой.

— Ахъ, ваше величество, помилуйте, я всегда такъ счастливъ быть съ вами! наклоняясь къ ней и какъ-то бережно ведя ее, проговорилъ юноша.

— Я хочу о чемъ-то спросить васъ, ласково глядя на него, продолжала императрица. Я ужъ старуха и глаза мои начинаютъ плохо видѣть, но все же я еще не совсѣмъ ослѣпла и безъ очковъ замѣтила въ васъ сегодня нѣкоторую перемѣну. Скажите же мнѣ откровенно, скажите какъ бабушкѣ, которая успѣла отъ всего сердца полюбить васъ, что съ вами? Мнѣ было бы очень грустно думать, что произошло что нибудь непріятное.

— Ничего непріятнаго, ваше величество, отвѣтилъ онъ, а только если вы замѣтили во мнѣ перемѣну, то я долженъ откровенно сказать вамъ: да, мнѣ сегодня грустно.

— Отчего же? Кто тому причиной? — надѣюсь не наша малютка? Или вы съ ней поспорили во время танцевъ?

— Нѣтъ, мы не поспорили, но вы угадали, ваше величество, великая княжна причиною моей грусти—вѣдь она моя невѣста, я женихъ ея и, надѣюсь, что уже теперь ничто не разстроитъ нашего брака. Я ѣхалъ сюда и не зналъ еще чѣмъ все это кончится, но она побѣдила меня на вѣки.

Императрица сжала его руку.

— И я надѣюсь, что она доставитъ вамъ прочное, истинное счастье. Такъ въ чемъ же дѣло?

— А въ томъ, ваше величество, что я долженъ по-

ближе узнать ее—вѣдь намъ о многомъ, о многомъ переговорить нужно другъ съ другомъ. А развѣ здѣсь это возможно? До сихъ поръ я встрѣчаю ее только среди толпы. мы едва успѣваемъ обмѣняться двумя тремя словами. Ваше величество. я покорнѣйше прошу васъ дозволить мнѣ иначе видѣться съ нею. Мнѣ хотѣлось бы, и я полагаю, что имѣю на это право, быть съ нею запросто, видѣть ее среди домашней обстановки.

Екатерина задумалась, потомъ улыбнулась.

— О, вы нетерпѣливы и вижу я, что вы дѣйствительно влюбленнымъ сдѣлались. Ну что-жь, если это единственная причина вашей грусти, то я считаю своей обязанностью помочь вамъ и хоть я старуха, но васъ понимаю. У меня хорошая память и я помню свою молодость. я знаю требованія молодости. Успокойтесь же, забудьте вашу грусть — къ вамъ такъ идетъ когда вы веселы и довольны. Не портите нашего общаго веселья и я вамъ обѣщаю, что на этихъ дняхъ вамъ данъ будетъ случай нѣсколько часовъ провести съ великой княжной. не среди публики, а именно какъ вы желаете—въ семейной обстановкѣ. Я устрою это, даю вамъ слово. А теперь благодарю, что провели меня, скорѣй возвращайтесь въ танцовальный залъ—тамъ уже навѣрное ждутъ васъ...

Графъ Гага разсыпался въ любезностяхъ и благодарностяхъ и поспѣшилъ къ великой княжнѣ.

Екатерина раза два прошлась по комнатѣ и все добродушнѣе улыбалась и покачивала головою.

— Милыя дѣти! наконецъ прошептала она и замѣтивъ одного изъ придворныхъ кавалеровъ, который проходилъ черезъ комнату, приказала позвать къ себѣ графа Николая Ивановича Салтыкова.

Салтыковъ явился тотчасъ же.

Что приказать изволите, ваше величество? спросилъ онъ. привычнымъ движеніемъ склоняя голову передъ императрицей.

— А вотъ что, любезный графъ. сказала ему Екатерина, дѣло касается дѣтокъ. Видите-ли, женихъ нашъ загрустилъ, что не можетъ хорошенько наглядѣться на невѣсту и поговорить съ ней—вы всѣ, господа, ему мѣшаете. Ну такъ вотъ что: пожалуйста. сегодня напишите цесаревичу, напишите именно то, что я вамъ сейчасъ сказала и прибавьте, что я нахожу подобное свиданіе между королемъ и моеи внучкои,— въ настоящее время. когда дѣло можно уже считать окончательно улаженнымъ,—вполнѣ пристойнымъ, но конечно, въ томъ только случаѣ, если таковое свиданіе произойдетъ въ присутствіи родителей великой княжны. Просите цесаревича, отъ моего имени, быть здѣсь непремѣнно въ пятницу вмѣстѣ съ великой княгиней... Да. постойте, я вспомнила, цесаревичъ говорилъ мнѣ, что до понедѣльника здѣсь не будетъ... ну все равно, попросите. можетъ быть и заблагоразсудитъ исполнить сію мою просьбу. Если же не пожелаетъ пріѣхать, то дѣлать нечего. обойдемся и безъ него, только чтобы великая княгиня была непремѣнно и пораньше. Будемъ обѣдать у великаго князя Александра Павловича, а послѣ обѣда великая княгиня всѣхъ пригласитъ въ свои покои, также и короля съ регентомъ и до бала женихъ и невѣста будутъ имѣть возможность бесѣдовать запросто безъ всякаго стѣсненія. Пожалуйста. напишите.

— Непремину исполнить, ваше величество. отвѣчалъ Салтыковъ.—завтра пошлю нарочнаго въ Гатчину.

Императрица кивнула головою и вышла въ залъ взглянуть на танцующихъ.

XVIII.

Первое облако.

На другой день. получивъ письмо Салтыкова и прочтя его, цесаревичъ прошелъ въ покои великой княгини. Онъ засталъ ее съ княжной Пересвѣтовой и другою фрейлиной.

Взглянувъ на него великая княгиня, по сумрачному лицу его, сразу замѣтила. что онъ не въ хорошемъ расположеніи духа и имѣетъ что-то сообщить ей.

Она сдѣлала знакъ фрейлинамъ удалиться и обратилась къ нему.

— Что такое, мой другъ? Какое нибудь неиріятное извѣстіе?

— Нисколько, отвѣчалъ цесаревичъ. подходя къ ней, здороваясь съ нею и нѣжно ее цѣлуя. Я вотъ сейчасъ получилъ письмо отъ Салтыкова, прочти пожалуи.

Она прочла и подняла на него свои свѣтлые, голубые глаза, молча и не зная что сказать.

Она вовсе не хотѣла раздражать его еще больше, потому что видѣла, что онъ уже раздраженъ. Она замѣчала, что въ этомъ сватовствѣ, котораго такъ всѣ желали, котораго и она въ свою очередь желала, ему что-то не нравится.

— Что же ты молчишь, Маша? наконецъ проговорилъ цесаревичъ, садясь рядомъ съ нею и закусывая губу.

— Мы поѣдемъ?! отвѣтила она не то вопросительно, не то утвердительно.

— Мы поѣдемъ. повторилъ онъ, онъ унирая на слово „мы“, да, ты опять поѣдешь, ты будешь ѣздить до тѣхъ поръ, пока не заболѣешь отъ этихъ поѣздокъ.

Онъ положилъ свою руку на ея руку.

— Но я, Маша... не поѣду—и безъ меня обойдется. Что-жь я то? я сторона въ этомъ дѣлѣ.

— Какъ сторона? печально выговорила великая княгиня,—развѣ отецъ можетъ быть стороною?

— Къ сожалѣнію—можетъ. Не я началъ это дѣло и я хочу снять съ себя всякую отвѣтственность!

— Да вѣдь ты, надѣюсь, ничего не имѣешь противъ брака малютки?

— Ничего не имѣю. Рано или поздно мы должны будемъ разстаться со всѣми нашими дочерьми, къ тому же вѣдь мы и всегда почти въ разлукѣ съ ними. Я ничего не имѣю противъ этого брака. но я не знаю жениха и не имѣю возможности узнать его. Онъ былъ здѣсь разъ, но по одному разу я не могъ составить себѣ о немъ должнаго понятія.

— По этому-то мнѣ. другъ мой, и кажется, что тебѣ слѣдуетъ ѣхать. слѣдуетъ пользоваться всякой возможностью поближе разглядѣть и узнать его.

Павелъ усмѣхнулся.

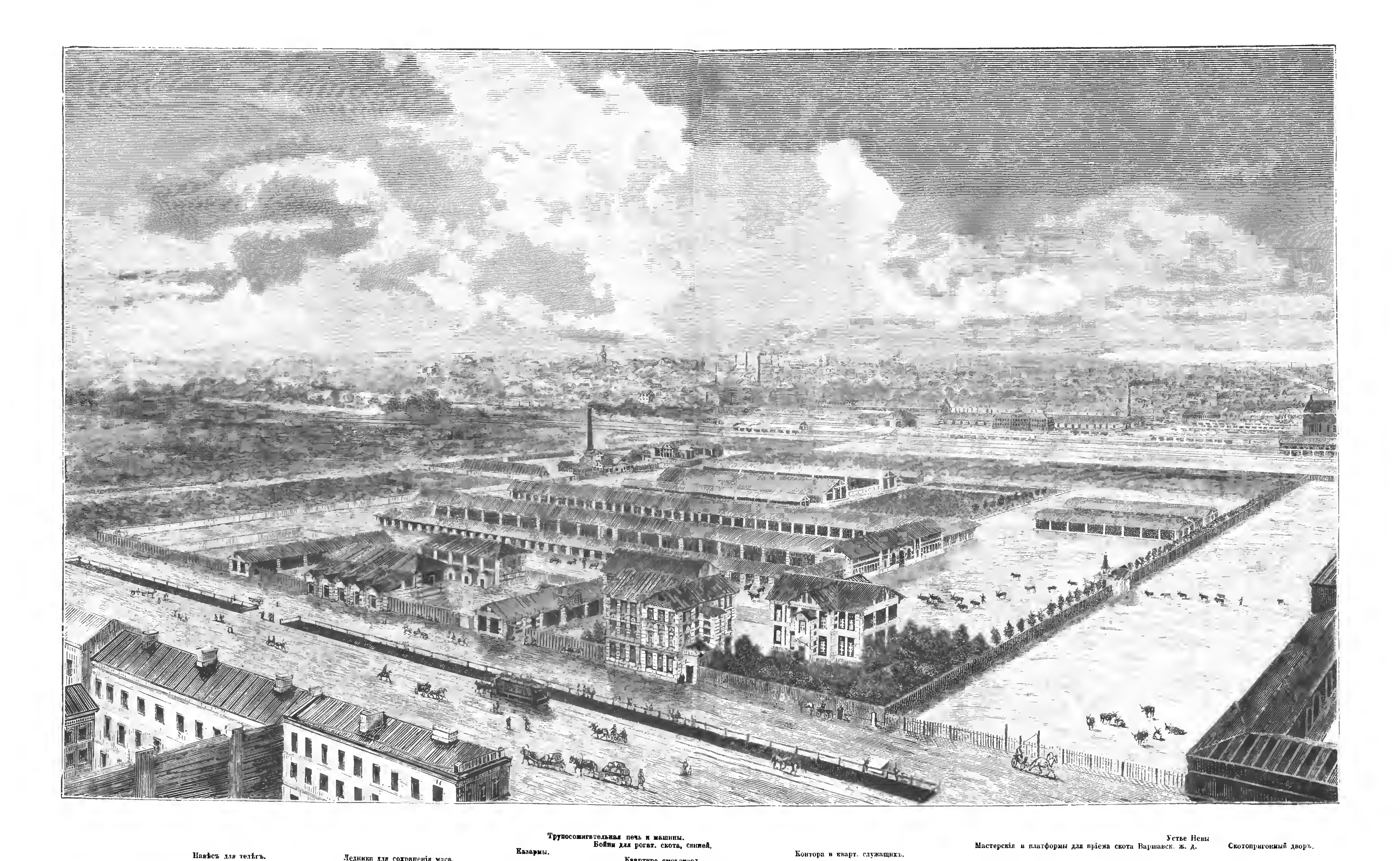
— Вѣдь это все устраивается для того, чтобы *имъ* быть вмѣстѣ, чтобы *имъ* узнавать другъ друга, чтобы имъ никто не мѣшалъ: такъ что же—я поѣду для того именно, чтобы мѣшать имъ? Нѣтъ, никакихъ наблюденій завтра я не буду имѣть возможности сдѣлать, да и потомъ, каковы бы ни были мои наблюденія, вѣдь изъ этого ничего не выйдетъ. Ну, представь, что онъ мнѣ не понравится, что я замѣчу въ немъ такія свойства, какихъ не желалъ бы видѣть въ своемъ зятѣ... вѣдь придется только мучиться за дочь... нѣтъ, оставь меня, я не поѣду, я говорю тебѣ...

И голосъ его уже дрогнулъ и онъ началъ съ каждой секундой все больше и больше раздражаться.

— Я говорю тебѣ: не я затѣялъ это дѣло и не я буду отвѣтственъ въ послѣдствіяхъ. Если нашу дочь сдѣлаютъ несчастной, на моей совѣсти покрайней мѣрѣ, грѣха не будетъ. Я ничему не могу помѣшать... дѣлайте какъ знаете... оставьте меня въ покоѣ!

Великая княгиня печально вздохнула.

— Ты меня право пугаешь, сказала она.—Вѣчно эти дурныя предчувствія. Конечно. своей судьбы заранѣе узнать невозможно; иногда семейная жизнь, начавшаяся при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. оканчивается ужасно. но вѣдь тутъ никто виноватъ быть не можетъ. А я. по истинѣ. не могу ничего имѣть противъ желанія императрицы. противъ этого жениха. Я мать и ты знаешь, какъ вопросъ этотъ меня тревожитъ и вол-



Видъ съ птичьяго полета новыхъ городскихъ скотобоенъ въ Петербургѣ близь Варш. ж. д. Съ акварели архитектора Гефтлера, гравир. М. Рашевскій.

пусть. Повѣрь, я наблюдаю и, кромѣ хорошаго, ничего не замѣтила въ королѣ... и къ тому же наша малютка совершенно плѣнена имъ.

Цесаревичъ поднялся съ мѣста и своимъ нервнымъ шагомъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Плѣнена... и ты говоришь это, Маша! но вѣдь она совсѣмъ ребенокъ, черезчуръ рано ей плѣняться!.. все это вредно и не хорошо! Ей вскружили голову, ее заставили думать о такихъ вещахъ, о которыхъ она еще не должна думать. Это отрава!

— Но вѣдь иначе нельзя, робко перебила его великая княгиня. Конечно ей слишкомъ рано думать о замужествѣ, но что же дѣлать когда такъ складываются обстоятельства?

— Что дѣлать! Что дѣлать! повторялъ онъ, возвышая голосъ.—Очень часто мы сами складываемъ обстоятельства и объявляемъ, что не причемъ, что обстоятельства сами собою складываются. Не поѣду я завтра!.. А ты поѣзжай и подробно сообщи мнѣ все, что тамъ произойдетъ.

— Но вѣдь матушка будетъ сердиться,—ты обидишь ее своимъ отказомъ присутствовать при этомъ свиданіи.

— Обижу... я ее обижу? Я никогда въ жизни не обижалъ ее. Мнѣ очень трудно добиться того, чтобы она была мною довольна и я уже отказался стараться объ этомъ... Маша, не раздражай меня! Вѣдь у меня ужъ почти вылѣзли и давно сѣдѣютъ волосы, пора же наконецъ мнѣ имѣть свои взгляды и хоть въ чемъ нибудь поступать такъ, какъ я самъ считаю лучшимъ... А женихъ вашъ... я полагаю, что ему слѣдовало бы еще побывать въ Гатчинѣ!..

Проговоривъ это, онъ вышелъ изъ комнаты великой княгини и она слышала издали его раздраженный голосъ.

Она долго сидѣла задумавшись, перечитывая оставленное цесаревичемъ письмо Салтыкова. Она думала о дочери, объ этомъ женихѣ, который успѣлъ очаровать и ее вслѣдъ за другими.

„Неужели не будетъ счастлива моя дѣвочка? Нѣтъ, она должна быть счастлива! Онъ такъ молодъ, онъ самъ почти еще ребенокъ, они такъ подходятъ другъ къ другу. Зачѣмъ же смущать, зачѣмъ все видѣть въ мрачномъ свѣтѣ, зачѣмъ только и себя и другихъ мучить?“

А между тѣмъ неясныя предчувствія цесаревича уже и на нее дѣйствовали. Въ послѣдніе дни она не разъ чувствовала припадокъ какой-то тоски, какихъ-то невѣдомо откуда бравшихся опасеній.

Вотъ и теперь ей сдѣлалось такъ тяжело, такъ грустно, она даже заплакала.

Но плакать, грустить, предаваться своимъ разнообразнымъ мыслямъ ей не пришлось долго — ей доложили о томъ, что въ Гатчину пріѣхали графъ Гага и графъ Ваза.

Она оживилась.

„Вотъ это хорошо, подумала она — авось теперь онъ нѣсколько успокоится. Хорошо, что именно сегодня они пріѣхали“...

Цесаревичъ принялъ юнаго короля съ той изысканной любезностью, на которую онъ былъ способенъ и которую умѣлъ выказывать даже и въ тѣ дни, когда чувствовалъ себя особенно раздраженнымъ.

Маленькій регентъ зорко поглядывалъ своими хитрыми глазками, всѣ силы употребляя, чтобы занять великую княгиню.

Цесаревичъ вступилъ въ продолжительную бесѣду съ юношей, наводилъ разговоръ на самые разнообразные предметы, очевидно разглядывалъ его, вывѣдывалъ его познанія и образъ мыслей.

Добрый часъ продолжалась эта бесѣда. И хотя цесаревичъ по прежнему любезно и ласково относился къ гостю, и гость по прежнему выказывалъ ему всѣ внѣшніе знаки глубокаго почтенія, но посторонній наблюдатель могъ бы легко замѣтить по ихъ лицамъ, что они далеко не были довольны другъ другомъ.

„Пустой мальчикъ! думалъ цесаревичъ. — Плохо его учили, плохо воспитывали, мало знаетъ, много о себѣ думаетъ, ко всему легко относится. Молодъ еще очень— могъ бы исправиться, могъ бы наверстать потерянное время, да ужъ если до сихъ поръ некому было объ этомъ позаботиться, такъ теперь и того меньше. Добръ-ли онъ? Есть-ли у него сердце? Хорошій-ли мужъ будетъ? Какъ узнать это? Можетъ быть въ рукахъ разумной женщины и вышелъ бы изъ него прокъ, а ребенокъ что съ нимъ сдѣлаетъ!.. Политика, политическіе виды!.. чуетъ, чуетъ мое сердце, что дѣвочка будетъ несчастна!..“

Онъ навелъ разговоръ на свою дочь, на положеніе будущей шведской королевы и прямо высказалъ:

— Мнѣ было бы крайне тяжело, еслибы дочь моя встрѣтила религіозную нетерпимость. Она родилась православной, воспитана въ православіи и, на мои взглядъ, который раздѣляетъ и весь русскій народъ, она ни коимъ образомъ не можетъ перемѣнить свою религію.

Юный король поморщился.

— Уже не въ первый разъ, ваше высочество, мнѣ говорятъ объ этомъ, къ этому вопросу то и дѣло возвращаются, но мнѣ кажется, что его нужно оставить. Конечно, я не стану ничѣмъ стѣснять великую княжну.

— Такъ вы мнѣ обѣщаете серьезно, что не будетъ никакихъ стѣсненій въ этомъ отношеніи?

— Обѣщаю, съ удовольствіемъ обѣщаю.

— Вы меня успокоиваете, проговорилъ цесаревичъ и предложилъ королю пройтись съ нимъ въ паркъ.

Король съ удовольствіемъ согласился, ему надоѣла эта бесѣда, въ которой онъ чувствовалъ себя какимъ-то ученикомъ, котораго выспрашиваютъ и экзаменуютъ. Ему непріятно было подъ зоркимъ, испытующимъ взглядомъ своего будущаго тестя.

Онъ не хотѣлъ сегодня ѣхать въ Гатчину и только согласился послѣ усиленныхъ, настоятельныхъ убѣжденій регента.

Здѣсь такъ скучно, такъ мрачно, такъ мало общаго съ блестящей, ежеминутно измѣняющейся, сверкающей, и шумной петербургскою жизнью.

Прогулка состоялась, юный король очутился въ обществѣ великой княгини и двухъ красивыхъ, сопровождавшихъ ее фрейлинъ. Онъ оживился, былъ любезенъ, притворно восхищался старымъ гатчинскимъ паркомъ, описывалъ Стокгольмъ, свои дворецъ, королевскія забавы и увѣрялъ великую княгиню, что когда ея дочь сдѣлается шведской королевой, то скучать не будетъ.

А цесаревичъ въ это время бесѣдовалъ съ регентомъ. Слова короля, что онъ не станетъ принуждать Александру Павловну къ перемѣнѣ религіи его мало успокоили. Онъ хотѣлъ выспросить на этотъ счетъ регента, но тотъ отвѣчалъ ему въ такомъ-же родѣ, какъ и племянникъ, тоже увѣрялъ, что великую княжну никто принуждать не станетъ, но въ тоже время Павелъ Петровичъ видѣлъ, что хитрый графъ Ваза не все договариваетъ, обходитъ вопросъ и отвѣчаетъ на него не прямо.

„Не бывать моей дочери шведской королевой“! быстро рѣшилъ онъ самъ съ собою“. Какъ всѣ они увѣрены, въ томъ, что это дѣло рѣшенное. Я теперь вижу что рѣшеннаго еще очень мало. Вѣдь не могутъ-же они обходить такого вопроса, вѣдь должны-же они будутъ рѣшить всѣ подробности и все оформить. На такую уступку матушка не пойдетъ—это было-бы уже слишкомъ!..“

XIX.

За слѣпками камей.

Несмотря на всѣ просьбы Маріи Ѳеодоровны, цесаревичъ все-же не поѣхалъ на слѣдующее утро въ Петербургъ.

— Если я имѣю почему нибудь серьезныя резоны поступить такъ, то нужно меня оставить въ покоѣ, мрачно проговорилъ онъ.

— Что-же мнѣ сказать императрицѣ?

— Скажи правду — я нездоровъ и притомъ считаю себя лишнимъ въ этомъ дѣлѣ, не я его задумалъ, не я началъ, пусть безъ меня оно и окончится.

Марія Θеодоровна не стала больше возражать и поспѣшно собралась въ привычный ей путь.

Все обошлось благополучно, императрица не выразила никакого неудовольствія по поводу отсутствія сына, подробно разспрашивала о его здоровьи и вообще показалась великой княгинѣ очень ласково настроенной. Великую княгиню въ ней поразило только одно: видъ какой-то черезмѣрной усталости, которой до сихъ поръ она не замѣчала, но несмотря на эту усталость, ея лицо все-же скоро оживилось, глаза опять блистали, когда она говорила о томъ, что дѣло идетъ на ладъ, о томъ что „малютка" непремѣнно будетъ счастлива, потому что очень любитъ своего жениха и онъ достоинъ этой любви.

День прошелъ наилучшимъ образомъ. Юный король достигъ своей цѣли: онъ имѣлъ возможность въ теченіи долгихъ часовъ бесѣдовать съ невѣстой среди интимной обстановки зимняго дворца.

Три раза въ этотъ день великая княгиня отрывалась отъ гостей своихъ и принималась писать подробные отчеты о всемъ происшедшемъ цесаревичу въ Гатчину.

Такимъ образомъ между главными дѣйствующими лицами установились постоянныя сношенія. Цесаревичъ въ Гатчинѣ нѣсколько разъ въ день получалъ присылаемыя съ курьерами письма великой княгини.

Императрица, остававшаяся въ своемъ Таврическомъ дворцѣ, также получала отъ нея записки и сама писала ей.

Великой княгинѣ пришлось остаться въ Петербургѣ и на слѣдующій день, и еще на одинъ день.

Екатерина торопилась, она ждала слишкомъ долго и теперь не хотѣла терять ни одной минуты. Возбужденъ былъ вопросъ объ обрученьи, объ обмѣнѣ колецъ женихомъ и невѣстой. Разъ это будетъ сдѣлано, тогда уже нечего опасаться, тогда пусть король уѣзжаетъ и приготовляетъ въ Стокгольмѣ встрѣчу своей нарѣченной. Но какъ устроить это обрученіе—въ церкви или комнатѣ?

Екатерина забыла всѣ дѣла и только и думала объ этомъ. Она нашла въ исторіи примѣръ, что обѣщанія могутъ быть даны уполномоченными: дочь дѣда Ивана Васильевича была обручена при посредствѣ уполномоченнаго съ Александромъ, великимъ княземъ литовскимъ. Обрядъ обрученія нужно обставить какъ можно торжественнѣе, въ немъ должны принять участіе митрополитъ и архіереи, но, во всякомъ случаѣ, еще разъ нужно серьезно переговорить съ молодымъ королемъ.

Екатерина сама не хотѣла уже лично объясняться съ нимъ и поручила это великой княгинѣ, взявъ съ нея обѣщаніе, что она тотчасъ-же извѣститъ ее письменно о результатахъ этого разговора.

Въ воскресенье, 7-го сентября, король почти цѣлый день провелъ въ зимнемъ дворцѣ, въ покояхъ великой княгини.

Маріи Θеодоровнѣ долго не удавалось такъ устроить, чтобы имѣть возможность переговорить съ нимъ безъ помѣхи, но вотъ наконецъ она достигла своей цѣли. Всѣ посторонніе лица были удалены, она очутилась наединѣ съ женихомъ и невѣстой.

Молодые люди сидѣли въ небольшой, уютной комнатѣ у окошка и, тихонько перѣговариваясь между собой, дѣлали изъ воску слѣпки камей.

Великая княгиня подошла къ нимъ, посмотрѣла ихъ работу, придвинула себѣ стулъ и сѣла рядомъ съ дочерью.

— Я очень недовольна вами обоими, заговорила она своимъ ласковымъ голосомъ, — у васъ такія печальныя лица, между тѣмъ этого никакъ не должно быть.

Лица у молодыхъ людей были дѣйствительно печальны и въ особенности у великой княжны.

— Чѣмъ-же мы виноваты? Если у насъ печальныя лица, значитъ есть тому причина! тихо, едва слышно прошептала „малютка".

— Твою печаль я понимаю, сказала великая княгиня — ты грустишь, потому что онъ не веселъ, значитъ главный виновникъ вы, monsieur Gustave!.. за что вы заставляете ее грустить, отчего не хотите ее успокоить? Сдѣлайте, ее веселой, — вы развеселитесь и она развеселится вслѣдъ за вами.

— Я уже просилъ ее успокоиться, отвѣтилъ король,— я сказалъ ей, чтобы она не обращала вниманія на мою грусть—въ ней нѣтъ ничего серьезнаго и опаснаго.

— Ну, это плохое успокоеніе. Очень недостаточно сказать — успокойтесь, нужно объяснить причину, нужно быть откровеннымъ, вотъ въ чемъ дѣло, и я прошу васъ, monsieur Gustave, говорить со мной откровенно, какъ съ другомъ. Повѣдайте намъ дѣйствительную, настоящую причину вашей грусти, вѣдь еще нѣсколько дней тому назадъ вы были совсѣмъ другой.

— Когда она будетъ у меня въ Стокгольмѣ, настанетъ конецъ всѣмъ моимъ печалямъ, отвѣтилъ король, указывая глазами на великую княжну. Видите, я совсѣмъ откровененъ съ вами и видите теперь, что причина моей грусти естественна, что иначе быть не можетъ и что, слѣдовательно, я не виновенъ. Я недавно узналъ ее, а между тѣмъ мнѣ кажется, что я всю жизнь ее зналъ, я такъ къ ней привязался, я не могу себѣ представить какъ буду жить безъ нея. Знаете-ли, ваше высочество, мнѣ кажется, что теперь только я живу по настоящему и все это—благодаря вамъ, вашей добротѣ... а главное вамъ, вамъ!..

Онъ черезъ столъ протянулъ руку великой княжнѣ и склонился, чтобы поцѣловать ея маленькую, затрепетавшую руку.

— Я будто родился снова и какъ-же мнѣ не грустить, думая о томъ, что черезъ нѣсколько дней я съ вами разстанусь?! мнѣ невыносима мысль эта, я хотѣлъ-бы быть веселымъ, хотѣлъ-бы улыбаться, смѣяться, шутить, и не могу, — чѣмъ я виноватъ?

На лицѣ великой княгини мелькнула едва замѣтная улыбка.

„Я поймаю его на словѣ", подумала она.

— Да, въ такомъ случаѣ вы правы, и я очень рада слышать, что вы такъ говорите, и я вамъ вѣрю, но что-же дѣлать? Нужно быть благоразумнымъ, вѣдь вы еще долго не будете видѣться. Вы взаимно любите другъ друга и конечно я предвижу, что вы станете тосковать по ней, а она по васъ, вы будете тревожиться другъ о другѣ. Послушайте, сосчитаемъ сколько мѣсяцевъ проведете вы въ разлукѣ?

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ король, вы и представить себѣ не можете какая это будетъ невыносимая, долгая разлука, какъ много разныхъ дѣлъ неизбѣжныхъ! Такъ много нужно будетъ мнѣ устроить и прежде всего я долженъ дожидаться своего совершеннолѣтія. Я уже не разъ считалъ и пересчитывалъ и вижу, что раньше восьми мѣсяцевъ не можетъ быть наша свадьба...

Его голосъ дрогнулъ и на глаза его набѣжали слезы.

— Это очень долго, тихонько проговорила великая княгиня.

Малютка сидѣла, опустивъ глаза и то и дѣло изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ ея капали одна за другой блестящія слезы.

— Долго, долго, безконечно долго! почти крикнулъ король.

— Въ такомъ случаѣ нужно хорошенько обдумать это дѣло, сказала великая княгиня; вы говорите, что всѣ ваши печали окончатся когда она будетъ съ вами въ Стокгольмѣ,—постарайтесь-же ускорить эту минуту, не ссылайтесь на препятствія, устранить которыя можетъ быть отъ васъ зависитъ.

— Если-бы я могъ что-нибудь сдѣлать, я-бы конечно

сдѣлалъ, но къ несчастію это невозможно. Мы можемъ отпраздновать свадьбу только осенью или весною — зимою нельзя!

— Теперь осень, кто вамъ мѣшаетъ жениться теперь, немедля?

— Но мой дворъ не въ полномъ сборѣ и аппартаменты не готовы.

— Если только въ этомъ всѣ затрудненія, серьезно замѣтила великая княгиня,—то я удивляюсь вамъ: что касается двора — его собрать недолго, а если кто кого любитъ, то не обращаетъ вниманія на аппартаменты. Женитесь здѣсь, „малютка“ поѣдетъ съ вами и дѣло съ концомъ, и вы не будете мучить другъ друга вашей печалью.

— Но какъ-же мы поѣдемъ? Море опасно теперь, а я скорѣй умру, чѣмъ подвергну ее опасности!

Великая княжна Александра подняла на него свои большие, грустные глаза, въ которыхъ мгновенно засвѣтилась восторженная рѣшимость.

— Съ вами, прошептала она, я буду вездѣ считать себя въ безопасности!

Онъ схватилъ ея руки, покрылъ ихъ поцѣлуями и съ обожаніемъ глядѣлъ на нее — въ его глазахъ стояли слезы.

— Довѣрьтесь мнѣ, monsieur Gustave, сказала великая княгиня,- вы говорите что желали-бы поскорѣй видѣть окончаніе дѣла?

— Очень-бы этого желалъ, но пока все еще зависитъ отъ герцога—регента.

— Въ такомъ случаѣ, если желаете, я поговорю съ императрицей, я возьму все на себя.

— О, благодарю васъ, но пожалуйста дѣлайте такъ, чтобы я былъ въ сторонѣ. Пусть императрица предложитъ регенту не отъ меня, а отъ себя.

— Непремѣнно. Такъ вотъ значитъ мы и договорились, значитъ теперь не о чемъ вамъ и печалиться, развеселитесь и развеселите „малютку“. Видите что нужно было начать съ откровенности.

— Да, вы правы, благодарю, благодарю васъ, говорилъ король, цѣлуя ея руку, но только пожалуйста, чтобы никто не зналъ о нашемъ этомъ разговорѣ, и я буду молчать, постарайтесь устроить это — вы сдѣлаете меня самымъ счастливымъ человѣкомъ.

Въ это время въ комнату вошла княгиня Ливенъ, воспитательница великой княжны. Разговоръ пресѣкся. Молодые люди снова занялись лѣпкой камей.

Марія Ѳеодоровна отошла отъ нихъ, присѣла къ другому столику и взяла свое вышиванье. Время отъ времени, разговаривая съ княгиней Ливенъ, она зорко взглядывала на жениха и невѣсту и мало по малу успокоивалась.

Теперь они уже не были грустны.

Онъ что-то оживленно говорилъ ей, она улыбалась. Вотъ раздался и его веселый смѣхъ, онъ всталъ съ своего мѣста, что-то показывалъ жестами. Онъ разсказывалъ ей о своихъ охотахъ, о приключеніяхъ, съ нимъ бывшихъ, въ которыхъ конечно онъ игралъ роль героя и выказывалъ чудеса храбрости.

И „малютка“ съ обожаніемъ глядѣла на героя, и не было границъ ея счастью. А между тѣмъ герой только что именно и выказалъ свою трусость и свое ребячество. Онъ не могъ даже скрыть отъ великой княгини своего страха передъ герцогомъ-регентомъ.

Откуда-же взялся этотъ страхъ? Да онъ и самъ не зналъ.

Регентъ, сговорившись съ посланникомъ Штедингомъ, рѣшилъ, что молодой король черезчуръ увлекся и что теперь онъ, того и жди, поступитъ неосторожно. Слишкомъ поспѣшитъ и, ради своей внезапной любви къ великой княжнѣ, сдѣлаетъ такія уступки, которыхъ допустить невозможно.

Вотъ уже три дня какъ оба они, и регентъ и Штедингъ, пользовались каждой свободной минутой, чтобы внушить ему быть сдержаннѣе и осторожнѣе.

— Вы не можете быть судьею въ этомъ дѣлѣ, вы не можете сами теперь рѣшить, потому что будете пристрастны. Поручите это намъ: повѣрьте, что мы все сдѣлаемъ именно такъ, какъ слѣдуетъ, потому что отнесемся къ дѣлу спокойно. Подумайте, что дѣло черезчуръ важно, что отъ такого или инаго рѣшенія этого дѣла зависитъ ваше будущее, интересы Швеціи. Вы знаете, что государь не имѣетъ никакого права забывать объ интересахъ своего государства ради собственныхъ личныхъ интересовъ, что подобный образъ дѣйствій является преступнымъ передъ государствомъ и можетъ повлечь за собою страшныя послѣдствія.

Густавъ сначала едва слушалъ ихъ доводы, но и регентъ и Штедингъ, сговорившись, съумѣли наконецъ заставить себя слушать, съумѣли даже запугать юношу. И, самъ не сознавая этого, онъ вдругъ почувствовалъ себя будто чѣмъ-то связаннымъ, будто въ зависимости отъ кого-то и отъ чего-то.

Чтобы окончательно отвратить опасность какого-нибудь необдуманнаго поступка влюбленнаго юноши, регентъ затронулъ наконецъ самую слабую струну его, подѣйствовалъ, какъ всегда это дѣлалъ въ важныхъ случаяхъ, на его самолюбіе.

— Невѣста ваша существо прелестное, сказалъ онъ ему, и я очень понимаю ваше увлеченіе, но дѣло тутъ не въ ней, — всѣмъ извѣстно до какой степени умна и какой тонкій дипломатъ императрица Екатерина. Она очаровала васъ своею ласковостью и любезностью и въ то же время желаетъ забрать васъ въ руки, сдѣлать васъ простымъ орудіемъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Вы слишкомъ молоды, вы объ этомъ не думали, но вѣдь вотъ, достигнете вы вашего совершеннолѣтія, еще немного дней и я сложу съ себя мое званіе регента, вы будете самостоятельнымъ государемъ—такъ пора-же вамъ объ этомъ подумать. Любите вашу невѣсту, но не заблуждайтесь на счетъ ея родныхъ, не поддавайтесь имъ, мнѣ кажется они и такъ считаютъ васъ слишкомъ большимъ простячкомъ и я вовсе не хочу чтобы надъ вами смѣялись.

Услышавъ эти слова, король вскочилъ съ мѣста, нахмурилъ брови и нѣсколько разъ нервно прошелся по комнатѣ.

— Я желалъ-бы посмотрѣть какъ это кто-нибудь будетъ смѣяться надо мною! Императрица конечно очень умна и знаменита, но напрасно она считаетъ меня дурачкомъ — я ей не поддамся!

И онъ, горделиво поднявъ голову, вышелъ изъ комнаты.

Регентъ съ удовольствіемъ потеръ руки. Цѣль была достигнута.

И вотъ теперь король искренно говорилъ съ великой княгиней, былъ очень растроганъ, очень влюбленъ въ свою невѣсту, очень желалъ какъ можно скорѣе навѣки соединиться съ нею, но въ то же время онъ и побаивался регента, то есть собственно не его побаивался, а того, чтобы онъ не счелъ его слабымъ и обманутымъ. Не довѣрялъ онъ уже и императрицѣ; ласковая манера и прелестное лицо великой княгини на него дѣйствовали, но, черезъ полчаса послѣ разговора съ нею, онъ невольно задавалъ себѣ вопросъ:

„А вдругъ это она только притворяется такой доброй и искренней, вдругъ она тоже хочетъ обмануть меня?!..“

Брови его сдвигались, на щекахъ вспыхивалъ румянецъ, онъ задумывался и сердился. Но вотъ опять слышалъ онъ почти у самого своего уха укоризненный, нѣжный голосъ, онъ взглядывалъ на невѣсту, забывалъ все и шепталъ ей:

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ весело, я счастливъ, и не буду больше хмуриться!..

(До слѣд. №).

Торговка. Съ картины академика Творожникова, рис. на деревѣ Чистяковъ, грав. Вейерманъ.

Землетрясенье.

Драматическія сцены

К. К. Случевскаго.

(посвящ. Н. Н. Каразину).

(Окончаніе).

IV.

Окрестности карантина. Помощникъ смотрителя и одинъ изъ стражниковъ. Яркій солнечный день.

Помощникъ.

Какъ смутны мысли у меня... Какъ грозно
Пугнувшее вчера землетрясенье...
И появленіе чумы изъ Яфы...
И Резидентъ по близости... и дочь
Смотрителя! Не знаю только такъ-ли
Я написалъ.

(Читаетъ письмо).

„Вчера, гуляя подлѣ вала въ полдень
„Она портретъ твои какъ-то увидала
„Въ окошко. Вынести его велѣла
„И смотритъ на него, и тихо плачетъ...
„Я дочь твою призналъ въ ней тотъ-же часъ.
„Алонзо тоже въ свитѣ Резидента...

(Дочитавъ письмо сворачиваетъ его).

Ему объ этомъ не писать нельзя.

(Отдаетъ письмо стражнику).

Возьми!
Отдай наружной стражѣ, пусть доставятъ
Смотрителю!

(Стражникъ уходитъ).

Игривая судьба!
Зачѣмъ свела такъ близко ихъ обоихъ
И занесла чуму помѣхой встрѣчѣ?
Оно и хорошо, быть можетъ? случай!

(Увидѣвъ подходящую Дженевру).

Но вотъ и дочь опять... Ко мнѣ подходитъ!
Подругъ назадъ отправила... идетъ!

Дженевра (подойдя).

Скажи: давно-ль чума тамъ показалась?

Помощникъ.

Вчера! вотъ черный флагъ!

Дженевра.

Кто за оградой.
Тотъ сообщаться тамъ ужъ не можетъ?

Помощникъ.

Подъ страхомъ смерти. кто-бы ни былъ онъ —
Законъ суровъ!

Дженевра.

Но, развѣ, самъ смотритель
Его не можемъ преступить?

Помощникъ.

Не можетъ!

Дженевра.

И онъ туда на смерть прямую шелъ?

Помощникъ.

Примѣры были. вымирали люди!
Мы въ карантинъ входили — только трупы
Встрѣчали! иногда, и то бывало,
Спасались тотъ, да этотъ...

Дженевра.

Но, скажи:
Нельзя-ли такъ. чтобъ властью Резидента?

Помощникъ.

Самъ Резидентъ погибнетъ, коль пройдетъ,
И вздумаетъ вернуться...

Дженевра (послѣ раздумья).

Ну, такъ слушай:
Когда уѣдемъ мы. никакъ не раньше,
Вотъ это ты кольцо мое пошлешь
Смотрителю! Ему сказать ты долженъ.
Что много слезъ на томъ кольцѣ блестѣло,
И что вина — искуплена давно,
И что. скорѣй чѣмъ кажется. мы можемъ
Съ нимъ встрѣтиться опять... Гдѣ Резидентъ?

(Отдаетъ кольцо).

Помощникъ.

На поиски съ восходомъ солнца вышелъ!
Ближайшій холмъ на взморьѣ разрываетъ!
Уже нашли какія-то монеты.
Двухъ истукановъ и одну амфору...

Дженевра.

Гдѣ тутъ пройти поближе?

Помощникъ.

Вотъ тропинка,
Она къ холму ущельемъ приведетъ.

(Помощникъ уходитъ. Дженевра. Телла и Лида направляются въ противоположную сторону и встрѣчаютъ Роджіеро).

Роджіеро.

Куда красавица? блѣднѣетъ полдень
Передъ твоей счастливой красотой?..
И эта свита! точно три богини!

Дженевра.

Но ты. Роджіеро, вовсе не Парисъ.

Роджіеро.

Конечно нѣтъ! Вѣнчанному поэту —
Не намъ — вашъ блескъ! мы жалки, мы смѣшны!
Вѣдь вы его всѣ три вѣнчать хотѣли?

Дженевра.

Но увѣнчала я!

Роджіеро.

Да, да! на жизнь. и смерть!
Всѣ это видѣли! всѣ этимъ восхищались!
И преклоняемся...

(Кланяется).

Дженевра (уходя съ Лидой и Теллой).

Вотъ такъ тебѣ... къ лицу!

Роджіеро (имъ вслѣдъ).

Съ зарею будетъ пиръ; не опоздайте!
Алонзо, думаю, давно въ горахъ,
Онъ бродитъ гдѣ нибудь, слагая пѣсни,
И къ ночи цѣлый ворохъ принесетъ!
Смотрите-же: хвалить не позабудьте!

V.

Поздній ясный вечеръ. Другое мѣсто наружной ограды. Часовой съ пищалью. Роджіеро и Алонзо.

Роджіеро.

Идемъ Алонзо! празднество готово!
Развалину огнями разсвѣтить
Приказано! то что въ холмѣ отрыли
Приказано на столъ поставить! землю
И ржавчину не обтирать отнюдь!
Пусть древность эта пиръ нашъ украшаетъ,
И нашу скатерть пылью порошитъ.
И съ запахомъ вина, мѣшаетъ запахъ тлѣнья...

Алонзо.

Мысль Резидента?

Роджіеро.

Такъ идемъ скорѣй!
Безъ насъ не справятся!

Алонзо.

А ночь какъ хороша!
Зачѣмъ, подумаешь, въ такомъ сіяньи
Гоститъ такая гостья какъ чума?
И близко какъ?! любовный лунный свѣтъ
Ласкается къ предметамъ зачумленнымъ?
Здѣсь пиръ у насъ! а тамъ, за этимъ валомъ...

Роджіеро.

Идемъ, идемъ!

Алонзо.

Сейчасъ иду! постой!
Мнѣ жаль уйти — разрушу ощущенье!
Все пропадетъ — чуть съ мѣста! всѣ контрасты
Какъ краски поблѣднѣютъ, пропадутъ...
Чума... любовь... луна... и близость смерти...
И синева небесъ... и моря гинь...
И, даже, этотъ стражникъ полосатый
Весь залитый сіяніемъ луны —
Все пропадетъ...

Роджіеро.

Poeta laureata!
Влюбленъ?!

Алонзо.

Влюбленъ... да, тысяча смертей
За эту ночь волшебную, живую!
Въ воспоминанье врѣзалась она...

Роджіеро.

А развѣ?..

Алонзо.

Долго-ли, однако, Резидентъ
Намѣренъ тутъ остаться? по сосѣдству
Чума,— легко заразу перебросить!

Роджіеро.

Контрасты, милый мой, ему контрасты
Какъ и тебѣ по сердцу! но, конечно,
Опасность въ этомъ есть! мышь полевая
Перебѣжавъ сюда, насъ всѣхъ спровадить
Способна къ предкамъ!

Алонзо.

Ѣхать-бы скорѣй...

(Со стороны карантина, между мелкихъ кустовъ, замѣчается ползущій человѣкъ. Часовой увидѣвъ его, готовитъ пищаль).

Роджіеро.

Смотри, смотри!

Алонзо (часовому).

Стрѣляй въ него скорѣе...
Иль, нѣтъ, постой.

(Подбѣгаетъ къ часовому и беретъ у него пищаль).

Подай-ка мнѣ пищаль!
А! язва азіатская! поясками!
Буравишься какъ червь вдоль по землѣ!
Постой...

(Выстрѣлъ. Человѣкъ падаетъ безъ движенья).

Вотъ хорошо!

Роджіеро.

Да, выстрѣлъ ловокъ...
Какъ грохнулся, и навзничь повернулся,
И не шолохнется.

(Издали доносится возгласъ: Джиневра!).

Алонзо.

Ты слышалъ?

Роджіеро.

Резидентъ?!!

(Сбѣгаютъ съ вала и осторожно приближаются къ тѣлу).

Алонзо (вглядываясь).

Не онъ...

Часовой.

Смотритель это, нашъ смотритель!

Роджіеро.

Чего-жъ онъ ползъ къ намъ!?

Алонзо.

Погоди:
Черты лица его мнѣ будто-бы знакомы...
Джиневру называлъ, вѣдь и ты слыхалъ?

Роджіеро.

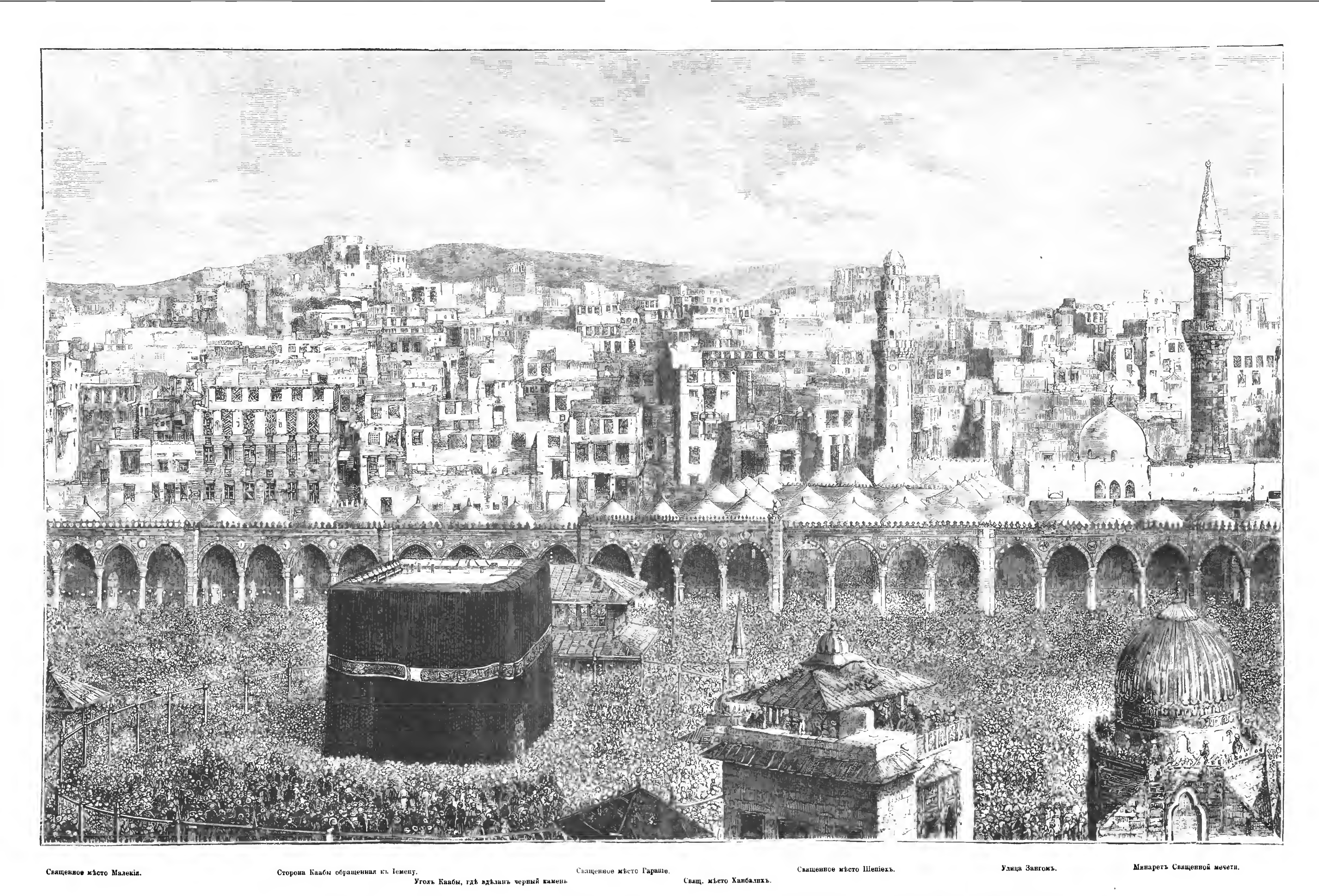
Слыхалъ!

Алонзо.

При немъ кинжалъ... Изъ подъ берета
Торчитъ письмо... (Хочетъ взять его)

Роджіеро (останавливая).

Да ты съ ума сошелъ!



Въ Меккѣ на богомольи. Общій видъ священнаго города мусульманъ, его святынь, Большой мечети и Каабы. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

Алонзо (продолжая глядѣть на мертваго).

Съ ума сошелъ не я! съ ума сошла судьба!
Отецъ Дженевры!

Роджіеро.

Что?!

Алонзо.

И какъ-же мѣтко я
Намѣтилъ въ сердце? Точно по заказу!
Какъ будто во врага какого цѣлилъ?
Ни на волосъ ошибки! ни на проблескъ
Минутный жизни не осталось, что-бы
Сказать: куда онъ ползъ, зачѣмъ кинжалъ?

Роджіеро.

Убить, пожалуй, Резидента думалъ?

Алонзо.

А отъ чего-же не меня, не дочь?
Старикъ замолкъ въ надеждѣ совершенья
Другими силами чего не докершить!
Хозяйничала тутъ не воля человѣка,
Не близорукій, мелкій нашъ разсчетъ,
А что-то страшное...

Роджіеро.

И довершило!
Пойдемъ, однако-же!

Алонзо.

Теперь пойдемъ, согласенъ!
Слѣпое назначенье я исполнилъ...
И въ тотъ-же самый день, подумаешь... мнѣ тяжко...
Пойдемъ!

(Неожиданный, сильный порывъ вѣтра предшествуетъ глухому подземному удару).

Роджіеро.

Насъ унесетъ, не надобно идти!

(Рѣзкія и могучія колебанія почвы).

Часовой (падая на колѣни).

Мать Богородица!

(Удары слѣдуютъ непрерывно одинъ за другимъ; сѣрный запахъ).

Роджіеро.

Я такъ и ждалъ!
Бѣжимъ! не то задохнемся... Вонъ. щели
Чернѣя зазіяли... Кратеръ близко!!
И дрогнула луна, все закачалось...

(Убѣгаетъ; на пути нѣсколько разъ спотыкается, падаетъ и исчезаетъ).

Алонзо (остается стоять на мѣстѣ, глядитъ на тѣло смотрителя).

Какъ онъ спокоенъ по сравненью съ нами!
Все рушится кругомъ а онъ недвиженъ?
Прахъ человѣка выше человѣка...
Онъ такъ презрителенъ къ мученію природы!
Корабль вошелъ въ чуть дремлющій заливъ —
Всѣ бури назади! Да! властвуй разрушенье!
Дженевра! гдѣ-то ты?

Часовой.

Владычица! спаси!

(Новые сильнѣйшіе удары и опусканія почвы: карантинъ рушится; мѣстность покрывается густымъ, сѣрнымъ туманомъ. Ничего не видно: слышны крики).

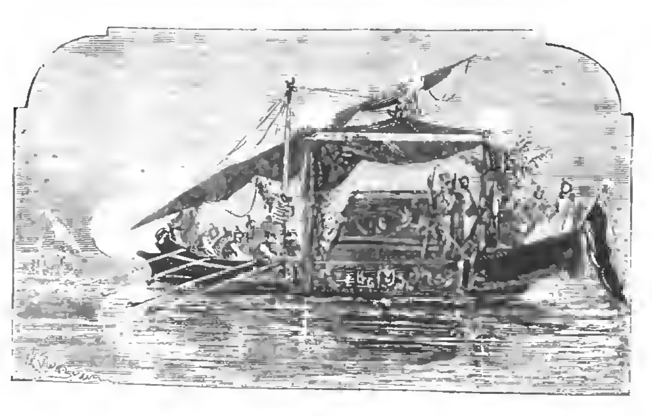
VI.

Внутренность катакомбъ. Длинные ходы ихъ переломаны только-что миновавшимся землетрясеніемъ. Резидентъ сидитъ передъ зажженнымъ фонаремъ.

Резидентъ.

Вотъ сколько времени, что я засыпаю!
Кричалъ, кричалъ! Отвѣта нѣтъ...
(Кричитъ).
Го-ла!!
Разносится мой голосъ какъ-то глухо,
И будто возвращается въ меня...
И голоденъ-же я... Ослабнетъ голосъ
Когда не ѣмъ, пожалуй что два дня?
И тишина-же мертвая какая?
Глазъ утомился въ этихъ бурыхъ краскахъ...
И въ этихъ очертаніяхъ кривыхъ...
(Беретъ лампу и осматриваетъ ее).
Забавный случай! будто-бы нарочно
Для лампочки моей сыскалось масло?
И много масла! мѣсяцъ прогоритъ!..
(Оставивъ лампу встаетъ).
Я помню, я вошелъ сюда подъ вечеръ
И заказалъ въ развалинѣ банкетъ...
Луна свѣтила ярко и Роджіеро
Мнѣ обѣщалъ съ Алонзо порѣшить...
Покончилъ-ли? Что сдѣлалось съ банкетомъ?
Я помню громъ и гулъ, и запахъ сѣрный!
Срывались своды, лампа погасала;
Я думалъ. что меня придавитъ сразу...
Ошибся! Вслѣдъ за этимъ тишина
Настала мертвая! Я обошелъ
Рядъ катакомбъ— повсюду разрушенье...
Наткнулся на одну могилу... Эту
Плита безъ надписи; лампадка тлѣла
Передъ иконою, а подлѣ стѣнки
Сосудъ нашелъ я съ масломъ. Видно кто-то
Могилу посѣщалъ и приготовилъ...
Не выпить-ли? бррръ! не могу. противно!
А между тѣмъ плита...
Качается! отстала!
(Плита подается и падаетъ на землю; видѣнъ гробъ и на доскѣ надпись).
А! молчаливый компаньонъ! здорово!
Дай познакомимся съ тобой! кто ты?
(Подноситъ лампу и отшатывается).
Лютеція Манчини!! мать Дженевры!
Гей!.. есть-ли люди тамъ?! живьемъ похороненъ!

Обманываться не зачѣмъ!.. на вѣки!..
Но эта тишина смутитъ меня...
Мнѣ звуковъ надо, звуковъ...
Тихо! Что тамъ?
Хруститъ! совсѣмъ не слышно, поддается!
Взглянуть хочу я на нее теперь?
Давно-ль, въ сіяньи солнца, холмъ мы рыли?
Продолжить поиски...
(Надаетъ крышка гроба. Видѣнъ скелетъ въ истлѣвшихъ лохмотьяхъ; на шеѣ золотое ожерелье).
Печальный обликъ!
Когда-то такъ тепло меня любила?
И ожерелье это мнѣ знакомо,
И годы юности какъ-бы горятъ съ него
Куда онѣ всѣ дѣлись эти феи?
(Кладетъ руку на черепъ).
Ты, черепъ, слышалъ-ли? Печально, мрачно!
Что-жъ? развѣ страшно такъ? Чего страшиться?
Прохладой свѣжей въ руку отдаетъ...
И много юмору есть въ сочетаньи
Насъ двухъ подъ растревоженной землей!
Я помню: точно такъ держалъ я руку
Когда она спала передо мной...
И, мой подарокъ, это ожерелье
Въ живомъ дыханьи двигалось волной...
Была прелестна! что за превращенье?!
Вотъ еслибы художника сюда!
Обидно: не придетъ сюда художникъ,
И красота мгновенья пропадетъ...
(Задумывается).
Однако нѣтъ-ли хлѣба тутъ? облатки?
Вѣдь въ гробъ кладутъ... да, кажется кладутъ?
Пыль! ветошь! мнѣ знакомый запахъ тлѣнья!
Но что-же я? Да будь-же самъ собой!
Не ждать-же здѣсь услугъ голодной смерти?
Мнѣ пища издавна служила наслажденьемъ;
Мнѣ голода позывъ служилъ весельемъ!
И что-бъ я голоду осилить далъ себя?!
Не быть-же мнѣ засыпаннымъ землею
Когда я землю рылъ, въ ея пахучихъ ранахъ
Лопатой срѣзалъ, ломомъ оглушалъ!
Земля молчала все и вдругъ заговорила
Въ разгромѣ силъ, въ крушеніи безумномъ
Основъ незыблемыхъ—я слышу родники
Бѣгутъ и шепчутся! Во тьмѣ кромѣшной
Хлопочетъ жизнь... торопится занять
Мѣста открытыя для новыхъ наслоеній...
И пламя и вода свой исполняютъ долгъ. —
Такъ развѣ мысль моя и сознанная воля
Слабѣй безумія клокочущихъ началъ?
Довольно жили мы и насладились...
(Вынимаетъ кинжалъ).
Го-ла! въ послѣдній разъ! есть кто —отвѣтъ?
Земля отвѣтила... пошла ссыпаться...
Сводъ опускается... гулъ раздается...
Такъ нѣтъ-же, нѣтъ! не вы, а я кончаю,
И этотъ-то исходъ есть у меня всегда!
(Закалывается).



VII.

Ясный солнечный день. Карантинъ, почти разрушенный, оцѣпленъ стражниками. Судно, стоявшее въ карантинѣ, выброшено на берегъ. Въ сторонѣ, на берегу, толпится народъ, глядя на отходящую въ море траурную галеру съ тѣломъ Резидента, отысканнымъ въ развалинахъ. На галерѣ всѣ сопровождавшіе его, кромѣ Роджіеро. Джиневра и Алонзо, отдѣльно отъ прочихъ сидятъ на кормѣ. На берегу, на возвышеніи, поодаль, пастухъ съ дѣвочкой, стерегущіе стадо.

Пастухъ.

Ты помни, Лея, видишь-ли галеру?

Лея.

Какая черная!

Пастухъ.

А море-то какъ сине
Тамъ человѣка одного везутъ.
Большаго человѣка! только тѣло —
Души ужъ нѣтъ! она теперь предъ Богомъ!
Онъ добръ съ тобою былъ: богата будешь!

Лея.

Богата!?

Пастухъ.

Это онъ тебѣ богатство далъ!
Мы за него помолимся-ка вмѣстѣ...
(Становятся на колѣни и шепчутъ молитву).

Дѣвочка.

А отъ чего-жъ онъ умеръ?

Пастухъ.

Былъ засыпанъ
Землетрясеньемъ! Помнишь какъ гудѣла
Земля и горы наши шевелились!

Дѣвочка.

А кто-же ѣдетъ съ нимъ? Вотъ эти,
Что тамъ, за гробомъ, высоко сидятъ?

Пастухъ.

Должно быть братъ съ сестрой!

Дѣвочка.

Онъ обнимаетъ
Ее! утѣшить хочетъ? жаль сестры...

Пастухъ.

Пожалуй такъ! а, впрочемъ я не знаю...
Однако скоро какъ идетъ галера?
Вонъ лебедь бѣлый повернулъ отъ насъ...
За мертваго помолимся-ка вмѣстѣ!

Новыя Петербургскія скотобойни.

(Рис. на стр. 364 и 365).

Между Забалканскимъ проспектомъ и соединительной вѣтвью Варшавской желѣзной дороги находится громадная постройка новая городская скотобойня, находящаяся въ непосредственномъ соединеніи съ скотопригоннымъ дворомъ. Скотобойни занимаютъ площадь въ девять десятинъ земли. На рисункѣ справа прямо обозначена площадь, между скотопригоннымъ дворомъ и скотобойнями, куда пригоняютъ скотъ, доставленный по желѣзной дорогѣ и гдѣ онъ свидѣтельствуется ветеринарами и распродается. Скотъ, проданный и предназначенный на убой, а также и непроданный, загоняется черезъ другія ворота въ новый дворъ, гдѣ и сортируется. Напротивъ этихъ воротъ, какъ видно на рисункѣ, находятся ворота, ведущія въ длинныя зданія скотобоенъ, построенныхъ въ швейцарскомъ стилѣ со сводами и занимающихъ по фронту 15 саженъ. У входа въ бойни стоятъ ветеринары, которые свидѣтельствуютъ скотъ вторично. Отсюда мы снова попадаемъ на большую площадь, на которой скотъ распредѣляется по сортамъ и ведется на убой. Затѣмъ для рогатаго скота выстроено зданіе, въ серединѣ котораго находится дворъ въ 82 сажени длины и 12 саженей ширины. По обѣимъ сторонамъ двора выстроено по два ряда загоновъ, раздѣленныхъ между собой узкимъ дворомъ; съ обѣихъ же сторонъ въ наружныя загоны вгоняется скотъ, въ ожиданіи убоя

и оттуда черезъ узкій дворъ ихъ уводятъ рѣзники собственно въ бойню. Въ бойнѣ этой 38 нумеровъ, т. е. по 19-ти нумеровъ, съ каждой стороны двора. У входа въ такой нумеръ находится пространство, отдѣленное желѣзной задвижкой въ сажень вышины, тутъ рѣзникъ большимъ ножемъ, направленнымъ въ центръ нервной системы, моментально убиваетъ быка, который падаетъ на подвижную платформу на колесцахъ. По истеченіи крови изъ туши, платформа вводится въ другую часть нумера. Задвижки эти введены съ цѣлью скрыть отъ предназначенныхъ къ убою животныхъ судьбу ихъ предшественниковъ, что прежде вызывало всегда упорное, отчаянное сопротивленіе животныхъ во время шествія на убой, и заставляло рѣзниковъ прибѣгать къ различнымъ истязаніямъ, какъ напримѣръ ломать хвосты у животныхъ, съ цѣлью заставить ихъ идти впередъ. Со введеніемъ заслонокъ все это прекратилось. Затѣмъ туша отвозится въ отдѣленіе съ вертикальными желѣзными брусьями, на которыхъ укрѣплены желѣзныя рѣшетки, куда туши подвѣшиваются за ноги спиною внизъ. Въ этомъ положеніи туша очищается и потомъ при помощи особаго приспособленія на блокахъ поднимается вверхъ и вѣшается на крюкъ; приспособленіе это устроено на 20 быковъ, на 7,000 пудовъ мяса. Въ этомъ висячемъ положеніи мясо очищается окончательно и передвигается въ другой конецъ отдѣленія, откуда уже грузится на подводы. Каждый нумеръ старательно вентилируется. Стѣны, отъ пола, на 2½ аршина вверхъ, покрыты сланцемъ, въ дюймъ толщины, въ виду того, что сланецъ не впитываетъ крови и воздухъ не портится. Кромѣ того повсюду проведена вода, смывающая всѣ нечистоты. Полъ въ бойнѣ асфальтовый; въ полу устроены скаты, по которымъ сбѣгаютъ нечистоты и выливаются отсюда, а также изъ другихъ боенъ по чугуннымъ трубамъ въ подвалы и проходятъ въ гигантскій резервуаръ, а оттуда паровыми насосами отводятся на семь верстъ далѣе по Обводному каналу въ Финскій заливъ. На противуположномъ такомъ же широкомъ дворѣ, какой построенъ для рогатаго скота, находятся загоны для свиней и поросятъ. Загоновъ этихъ пять, съ прилегающими къ нимъ ледниками для мяса, видными на лѣвой сторонѣ рисунка и хлѣвами. По убоѣ свиней туши ихъ подвѣшиваются надъ столомъ на потолкѣ, на двигающихся по желѣзному полукругу крючьяхъ на блокахъ. Подъ полукругомъ находится большой котелъ съ кипящей водой, куда погружаютъ туши: тамъ онѣ ошпариваются и освобождаются отъ щетины. Тутъ же помѣщаются столы для окончательной ихъ обработки. Въ санитарномъ отношеніи бойни эти устроены также, какъ и бойни рогатаго скота. Кромѣ того тутъ устроенъ кабинетъ для микроскопическихъ изслѣдованій, для производства анализа свинаго мяса, чтобы узнать нѣтъ ли въ немъ трихинъ.

Брабантка. Съ картины Боденмюллера, грав. Бренд'Амуръ.

При входѣ въ скотобойни, стоящія отдѣльно отъ нихъ, видны зданія—то небольшіе хлѣва, два загона съ лазаретомъ и небольшой казармой для рѣзниковъ и фельдшеровъ. Это бойня для скота сомнительнаго здоровья.

По прибытіи поѣздовъ скотъ во время высадки свидѣтельствуется ветеринарами. Если въ пригнанной партіи находится больной экземпляръ, то вся партія отводится въ лазаретъ и здѣсь или подвергается леченію, или же частію убивается и цѣликомъ сжигается въ громадныхъ печахъ, которыя видны вверху слѣва на рисункѣ. Это дѣлается для предупрежденія развитія міазмовъ. Тутъ же не вдалекѣ находится зданіе съ паровой машиной, съ крѣпкими цилиндрами и насосами въ 3 и до 20 силъ для препровожденія собирающихся въ резервуарѣ нечистотъ на взморье. Рядомъ помѣщаются 4 большихъ котла, изъ которыхъ 3 служатъ для приведенія въ дѣйствіе цилиндра, а четвертый накачиваетъ паръ для отапливанія. Здѣсь же стоитъ и трупосожигательная печь.

Отъ машиннаго зданія ко всѣмъ бойнямъ идетъ туннель-подвалъ, въ которомъ проходятъ трубы съ водой чистой, водой горячей, нечистотами и трубы паровыя, выходящія въ калориферъ.

По Забалканскому проспекту, какъ видно на рисункѣ, внизу по линіи забора, выстроенъ рядъ зданій съ садиками. Первое трехъэтажное зданіе—это помѣщеніе для ветеринаровъ и для смотрителя. Затѣмъ идетъ двухъ-этажный домъ — контора скотобоенъ съ квартирами бухгалтеровъ и служащихъ, и еще зданіе въ два этажа, гдѣ помѣщаются казармы, квартиры рѣзниковъ съ прачешной, конюшнями и ледникомъ, влѣво по линіи забора.

Далѣе вдоль улицы влѣво выстроены лавки и ледники бойни. Лавокъ 5, въ глубинѣ ихъ находятся двери, ведущія въ холодныя помѣщенія —кладовыя, надъ которыми на желѣзныхъ стропилахъ и помостѣ находится ледъ. Всѣ кладовыя съ двойными стѣнами и большими свѣсами крышъ, что служитъ предохраненіемъ погребовъ отъ дѣйствій лучей солнца.

Такія же два зданія находятся не вдалекѣ для запасовъ мяса. За этими слѣдуетъ небольшой дворикъ, помѣщаются телѣги боенъ, послѣднее влѣво зданіе, на рисункѣ нашемъ изображенное.

Всѣ постройки скотобоенъ обнесены частоколомъ въ 4 аршина вышины, который тянется на 500 саженъ. Расходы по устройству скотобоенъ простираются до 1,200,000. Постройки начались въ маѣ 1880 года и окончились только къ январю 1882 года.

Прекрасный рисунокъ, помѣщенный здѣсь, исполненъ архитекторомъ г. Гефтлеромъ, однимъ изъ участниковъ въ постройкѣ этихъ новыхъ сооруженій.

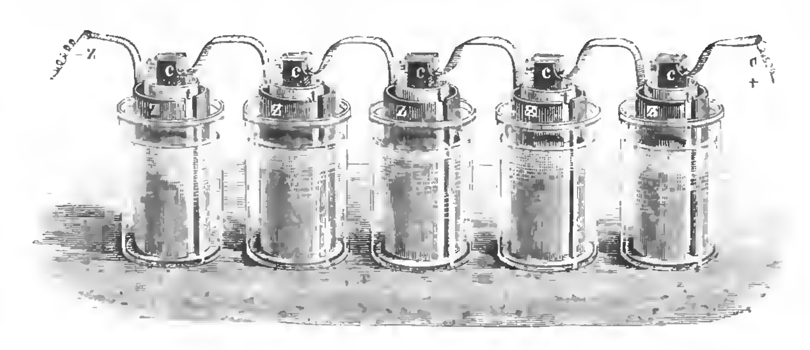
Электрическій свѣтъ.

Очеркъ **Н. Фогеля.**

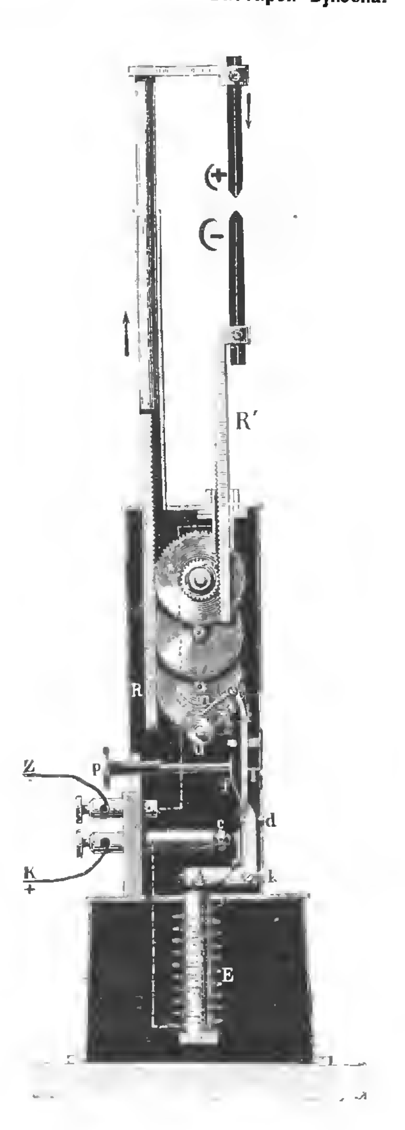
Лѣто и осень 1881 года ознаменовались многочисленными выставками, мѣстными, народными и международными, общими и спеціальными. Но ни одна изъ нихъ не обратила на себя такаго общаго вниманія какъ электротехническая выставка въ Парижѣ.

Уже давно электричество сдѣлалось посредникомъ обмѣна мыслей, уже давно оно употребляется въ гальванопластикѣ и служить помощникомъ художника и издавна занимаетъ въ терапіи выдающееся мѣсто. но еще недавно стало оно примѣняться въ области электротехники: для телефоновъ и электрическаго освѣщенія. Всѣ были изумлены когда во время выставки 1876 года, Яблочковъ представилъ прекрасныя электрическія лампы, примѣнивъ къ нимъ практически то электричество, которое до этихъ поръ считалось рѣдкостью и употреблялось только для ослѣпительныхъ электрическихъ солнцъ.

Теперь огромное значеніе электрическаго освѣщенія сдѣлалось очевиднымъ и многіе электрики стали подражать Яблочкову или старались достигнуть той же цѣли другимъ путемъ.

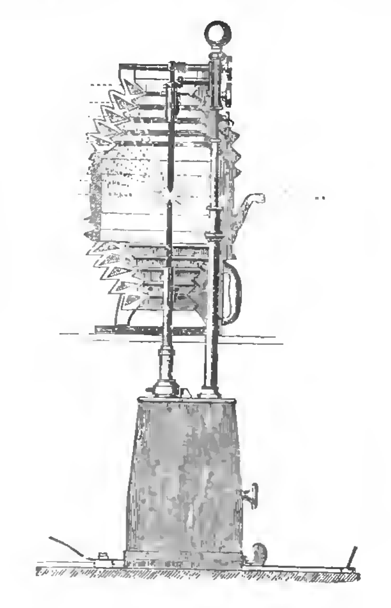


Фиг. I. **Баттарея Бунзена.**

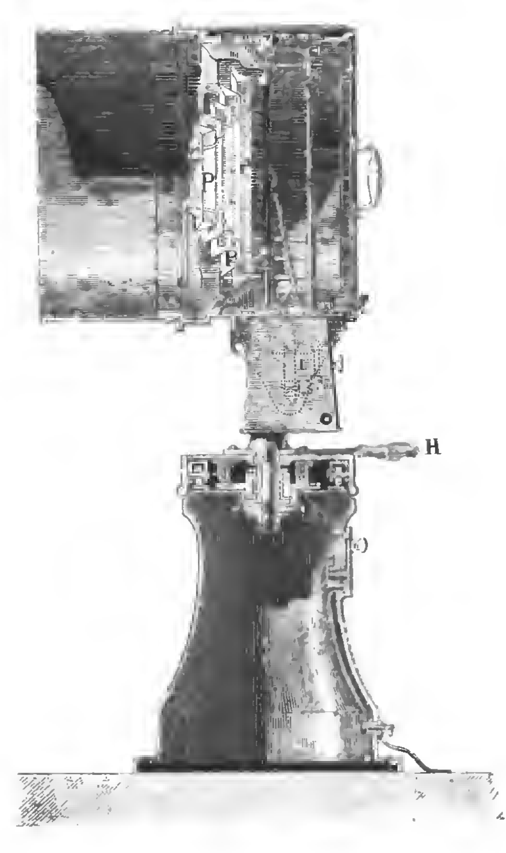


Фиг. II. **Лампа-Регуляторъ Сименса.**

Съ интересомъ всѣ вообще ожидали открытія электрической выставки, надѣясь получить тамъ свѣдѣнія объ успѣхахъ электрическаго освѣщенія. И выставка оправдала ожиданія публики. Чтобы показать дѣйствіе электрическаго освѣщенія во всемъ блескѣ, выставка открыта была и ночью. На крышѣ находились два электрическихъ солнца старой системы, освѣщая пространство на далекое разстояніе. Но еще ярче горѣли окна зданія выставки, внутри котораго пылали тысячи электрическихъ огней, начиная съ самыхъ сильныхъ солнцъ, равняющихся 8000 свѣчей, до лампъ, силою свѣта не превышающихъ обыкновенную керосиновую лампу.



Фиг. III. **Фонарь освѣтительнаго маяка.**



Фиг. IV. **Прожекторъ.**

Какое разнообразіе въ свѣтѣ противъ выставки 1878 г., когда экспонентомъ являлся только одинъ Яблочковъ, какія успѣхи въ продолженіи трехъ лѣтъ, въ сравненіи съ медленнымъ развитіемъ дѣла, со времени открытія электрическаго свѣта Дэви въ 1813 году!

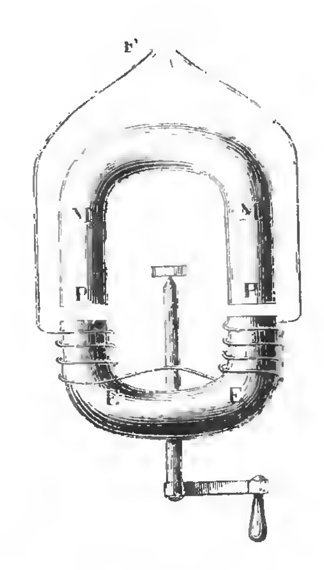
Еще въ 1878 г. когда успѣхъ Яблочкова былъ очевиденъ, В. Сименсъ объявилъ, что электрическое освѣщеніе роскошь,

такъ какъ при одинаковой силѣ свѣта, оно стоитъ въ четверо болѣе газоваго освѣщенія. Но теперь электрическій свѣтъ не заслужитъ болѣе подобнаго упрека. Отношеніе измѣнилось, и при раціональномъ устройствѣ онъ обходится ⅓ менѣе того, что стоитъ газовый свѣтъ, не говоря уже о преимуществахъ его, т. е., о пріятномъ бѣломъ свѣтѣ, отсутствіи копоти и запаха и незначительномъ развитіи теплоты.

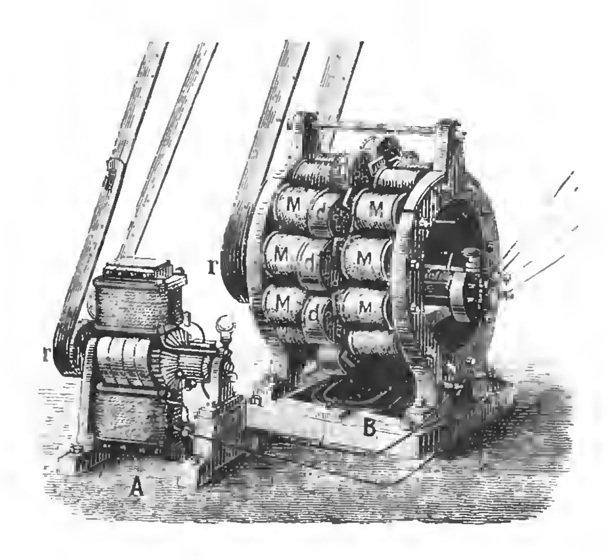
На успѣхъ вліяли различныя причины: дешевое добываніе электричества и цѣлесообразное устройство такъ называемыхъ электрическихъ лампъ.

Прежде для произведенія электричества употребляли исключительно гальваническія батареи, устройство которыхъ разнообразно. Одна изъ самыхъ сильныхъ батарей—это баттарея Бунзена (фиг. I).

Согнутыя цинковыя пластинки Z Z Z вставлены въ стеклянныя банки съ разжиженной сѣрной кислотой; посрединѣ банокъ вставляются цилиндры изъ пористой глины t t t, содержащіе въ себѣ угли и наполненные селитряной кислотой. Въ каждой такой банкѣ, отъ дѣйствія жидкостей на тѣла твердыя развивается та таинственная сила, которую мы зовемъ электричествомъ, и силу эту мы можемъ увеличить по произволу, соединяя нѣсколько банокъ или *элементовъ*, какъ показано на рисункѣ. Если затѣмъ на концѣ + C (съ положительнымъ) и — Z (съ отрицательнымъ электрич.) прикрѣпить длинныя проволоки и соединить ихъ между собою свободными концами, то присутствіе электричества обнаруживается искрой. Чѣмъ больше число элементовъ, тѣмъ ярче искра, а при 30—40 элементахъ она переходитъ въ прекрасный свѣтъ. Если заставить искру перепрыгивать между остріями углей, соединенныхъ между проволоками + C и - Z, то получится такъ назыв. электрическій углевой свѣтъ. При этомъ острія углей горятъ очень свѣтлымъ бѣлымъ свѣтомъ, невыносимымъ для глазъ, равняющимся нѣсколькимъ тысячамъ свѣчей.



Фиг. V. Магнито-электрическая машина.



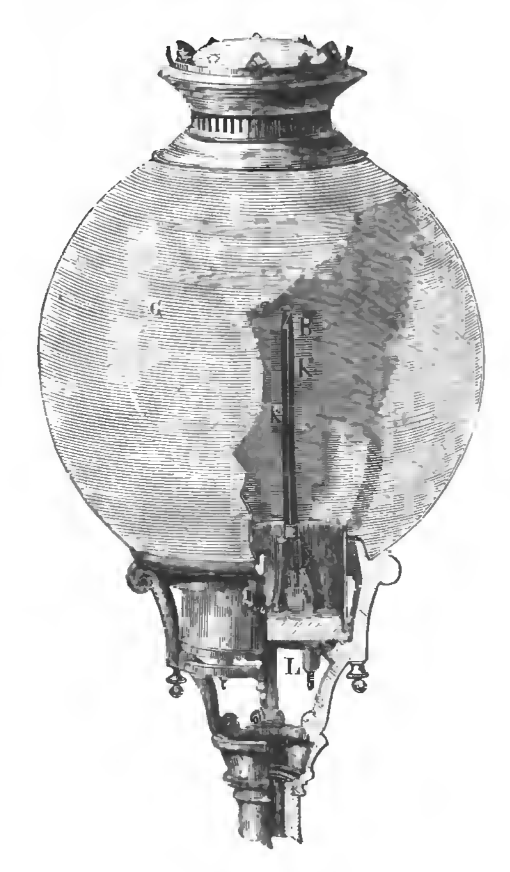
Фиг. VI. Машина съ перемѣннымъ токомъ Сименса.

Но при горѣніи угли разрушаются; разстояніе между ними увеличивается, и послѣ увеличенія до извѣстной степени, свѣтъ гаснетъ.

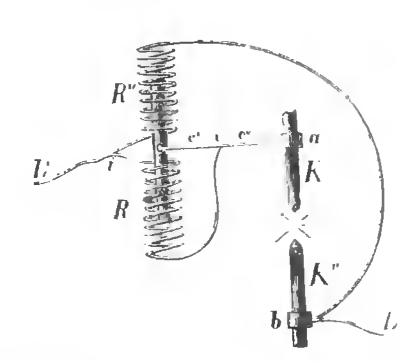
Для избѣжанія этаго, отъ времени до времени, по мѣрѣ удаленія концовъ углей, ихъ слѣдуетъ сближать. И такъ какъ дѣлать это руками неудобно и трудно, то пришлось озаботиться устройствомъ механизма для регулированія лампъ. Такимъ образомъ были придуманы регуляторы.

Устройство регуляторовъ очень разнообразно, ихъ насчитывается до 100 системъ. Для примѣра приведемъ одинъ изъ старѣйшихъ регуляторовъ системы Сименса (фиг. II).

Угли, между которыми образуется свѣтъ, C + и C —, сидятъ на зубчатыхъ пластинкахъ R и R', входящихъ въ систему колесъ. Если отъ тяжести лѣвая пластинка опустится, то правая подымается; когда острія углей соприкасаются, то электрическій токъ, проводимый черезъ проволоки Z и K, замкнуть. Токъ этотъ, прежде чѣмъ достичь верхняго угля, проходитъ черезъ спираль, обернутую вокругъ желѣза E, и намагничиваетъ ее. Вслѣдствіе этаго желѣзная полоска A притягивается, черезъ что рычагъ съ винтомъ m поворачивается влѣво. Винтикъ входитъ въ колесо n, толкаетъ его влѣво, и это движеніе, которое въ то же время передается верхнимъ колесамъ, снова разъединяетъ угли C + и C —, такъ что между ними снова можетъ образоваться свѣтовая дуга. Если дуга эта слишкомъ длинна, то сила тока уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и магнитическая сила желѣза E. Желѣзная полоска A подается назадъ и рычагъ T, надавливаемый пластинкой f, подвигается въ право. Этимъ освобождается колесная система и верхній уголь, вслѣдствіе своей тяжести, подается къ низу до тѣхъ поръ, пока отъ сближенія углей, увеличенная сила тока не увеличитъ магнитной силы желѣза, и болѣе сильнымъ притяженіемъ желѣзной полоски A не произведетъ новаго движенія винта m.



Фиг. VII. Лампа Яблочкова.



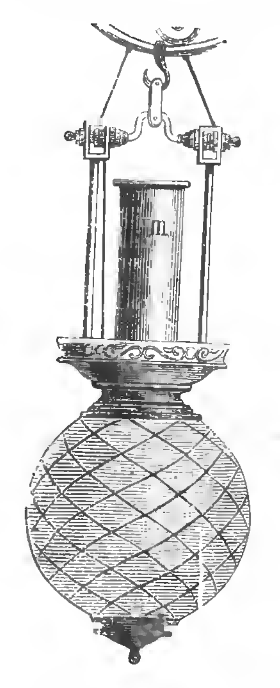
Фиг. VIII. Устройство диференціальной лампы.

Необыкновенная сила свѣта, получаемаго при помощи такихъ регуляторовъ, очень пригодна для нѣкоторыхъ театральныхъ свѣтовыхъ эффектовъ, а также для оптическихъ опытовъ и для маяковъ, т. е. для сигналовъ.

Слѣдующая фигура III представляетъ устройство электрическаго фонаря на маякѣ. Стеклянныя призмы и линзы, составляющія стѣнки фонаря, расположены такъ, что всѣ лучи электрическаго свѣта выходятъ изъ фонаря горизонтально. На фиг. IV, изображено примѣненіе электрическаго свѣта къ такъ назыв. *прожекторамъ*, употребляемымъ преимущественно на военныхъ корабляхъ и при осадахъ крѣпостей, съ цѣлью сосредоточенія свѣта на извѣстномъ пунктѣ въ отдаленіи. Здѣсь также какъ и въ фонарѣ для маяка употребляется цѣлый рядъ стеклянныхъ призмъ p p, для того чтобы свѣтъ, выходящій изъ точки горѣнія электрической лампы, направить параллельными лучами по извѣстному направленію.

Рукоятка H служитъ для поворачиванія инструмента на перпендикулярной оси, кромѣ того онъ можетъ быть наклоненъ. Подобные инструменты неоднократно употреблялись французами для наблюденія за ночными работами нѣмцевъ при осадѣ Парижа въ 1870 году. Въ настоящее время, со введеніемъ динамоэлектрическихъ машинъ инструменты эти значительно усовершенствованы.

Не смотря на дѣйствительныя преимущества, электрическій свѣтъ употребляется только въ исключительныхъ случаяхъ. Содержаніе потребной для этаго батареи и дорого и сопряжено съ неудобствами, какъ то: разъѣдающее дѣйствіе кислотъ и развитіе кислыхъ паровъ. Въ 1860 году при постановкѣ электрической батареи въ складѣ веревокъ въ театрѣ Викторія въ



Фиг. IX. **Диференціальная лампа-регуляторъ, Сименса.**

Берлинѣ, отъ дѣйствія кислотъ веревки были испорчены а желѣзные гвозди настолько перержавѣли, что стропила грозили рушиться.

Начали прибѣгать поэтому къ другимъ источникамъ электричества и нашли такой въ магнитоэлектрической индукціонной машинѣ.

Представимъ себѣ сильный магнитъ M (фиг. V), передъ полосами котораго находится мягкій кусокъ желѣза E E обмотанный проволокой, который приводится въ вращательное движеніе ручкой или чѣмъ нибудь другимъ. При этомъ вращаніи образуется электрическій токъ, обнаруживающійся искрой при приближеніи къ свободнымъ концамъ проволоки. Точно также какъ и въ обыкновенной батареѣ съ цинкомъ и углемъ (фиг. I) является электричество различнаго вида, какъ то положительное (+) и отрицательное (−) и въ магнитоэлектрической машинѣ одинъ конецъ проволоки бываетъ положительный, а другой отрицательный. По характеръ электричества измѣняется, смотря по тому удаляются ли или приближаются концы желѣза къ сѣверному или южному полюсу магнита. Положительное электричество переходитъ то на правый, то на лѣвый конецъ проволоки; такимъ образомъ токъ въ этой машинѣ постоянно мѣняетъ свое направленіе.

При одномъ магнитѣ получается токъ слабый, но при соединеніи цѣлаго ряда магнитовъ и при вращеніи ихъ помощью машины, получаются сильные электрическіе токи, очень пригодные для питанія электрическихъ лампъ. Такія машины, въ шестидесятыхъ годахъ, употреблялись во Франціи и Англіи, для произведенія свѣта на маякахъ и такой свѣтъ втрое дешевле чѣмъ равносильный свѣтъ, получаемый изъ батареи Бунзена.

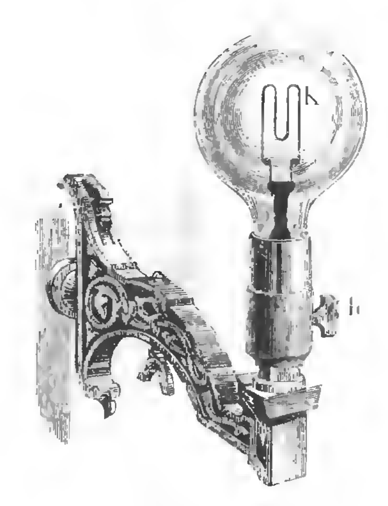
Конечно для дѣйствія такихъ аппаратовъ требуется извѣстный двигатель, напримѣръ, паровая машина, что во всякомъ случаѣ дешевле, чѣмъ постановка батарей съ дорогими матерьялами (цинкъ и кислоты). И такъ магнито-электрическія машины способствовали много успѣху электрическаго освѣщенія.

Недостатокъ ихъ однако заключался въ томъ, что онѣ требовали большихъ магнитовъ, сила которыхъ не была постоянной. Поэтому вмѣсто магнитовъ стали употреблять электромагниты, т. е. мягкіе куски желѣза (какъ на фиг. V E), обмотанные проволокой съ электрическимъ токомъ.

На фиг. VI изображена машина Сименса съ перемѣннымъ токомъ, употребляемая нынѣ при электрическомъ освѣщеніи. Она состоитъ изъ двухъ частей. A—это машины дающія прямые токи, которые возбуждаютъ, находящіеся въ машинѣ B съ перемѣннымъ токомъ, электромагниты M M, между которыми вращаются катушки съ проволокою d d. Вращаніе въ обѣихъ машинахъ производится ремнями. Машина Сименса стоитъ въ шесть разъ и вѣситъ въ десять разъ менѣе, а также даетъ въ 3⅔ раза болѣе свѣта чѣмъ старая электромагнитная машина системы компаніи Альянсъ.

Распространенію динамоэлектрическаго свѣта не мало способствовала также маленькая газовая машина Отто изъ Дейтца. Она пригодна для постановки въ мѣстахъ, гдѣ нельзя располагать ни силой пара, ни силой воды и благодаря своимъ небольшимъ размѣрамъ можетъ быть установлена въ любомъ мѣстѣ. Маяки, театры и фотографическія мастерскія съ успѣхомъ пользовались этой машиной.

Электрическій свѣтъ былъ непріятенъ своимъ неестественнымъ, портящимъ глаза, блескомъ, что если и удобно для театровъ и маяковъ, то негодится для обыкновеннаго употребленія на улицахъ, въ мастерскихъ и домахъ, производя слишкомъ яркій свѣтъ вблизи и слишкомъ слабый въ отдаленіи, такъ какъ сила свѣта уменьшается съ квадратами разстоянія. Существовавшіе до 1876 года регуляторы не допускали раздѣленія одного сильнаго свѣта на нѣсколько болѣе слабыхъ. Такія электрическія лампы съ болѣе слабымъ свѣтомъ были впервые изго-



Фиг X. **Электрическая лампа Максима.**

товлены Яблочковымъ на новыхъ основаніяхъ. Онъ бралъ два угля KK (фиг. VII представляетъ лампу Яблочкова) и спаивалъ ихъ параллельно гипсомъ или каолиномъ. Сверху онъ ихъ соединялъ кускомъ графита B и вставлялъ ихъ въ оправу h, i, по которой проходилъ электрическій токъ. Токъ изъ проволоки L идетъ въ правую оправу h, затѣмъ въ одинъ изъ углей, черезъ графитное соединеніе переходитъ въ другой и выходитъ черезъ i. Графитъ горитъ и этимъ образуетъ свѣтовую дугу. Угли сгораютъ медленно, каолинъ между углями накаляется и испаряется. Въ горящемъ состояніи проводя токъ, онъ содѣйствуетъ саморегулированію, такъ что регулирующій механизмъ оказывается излишнимъ. Такимъ образомъ система электрическаго освѣщенія еще упростилась, при чемъ теперь въ одинъ токъ можно было включить вмѣсто одной четыре лампы. Вмѣсто сильнаго, ослѣпительнаго, въ 4,000 свѣчей свѣта, получилось четыре отдѣльныхъ свѣта, каждый въ 200 свѣчей. Для уменьшенія силы блеска былъ устроенъ колпакъ G.

Однако при практическомъ примѣненіи лампъ Яблочкова обнаружились ихъ недостатки. Вопервыхъ онѣ были дороги, далѣе, угли горѣли не болѣе полутора часа, часто гасли и если гасла одна лампа, то гасли и остальныя три.

На электрической выставкѣ въ Парижѣ появилось нѣсколько новыхъ лампъ, уже съ устраненными недостатками, между прочимъ лампы Вильде и Жамена, въ которыхъ угли не соединяются гипсомъ или каолиномъ, но раздѣлены воздухомъ. Угли наклонены другъ къ другу такъ, что соприкасаются, но при прохожденіи тока немного разъединяются и тогда образуется электрическая свѣтовая дуга.

Отдавъ должную дань удивленія лампамъ Яблочкова, снова вернулись къ системѣ регуляторовъ, но уже новыхъ. Старые регуляторы годятся не столько для включенія нѣсколькихъ лампъ въ одинъ и тотъ же электрическій токъ, сколько для

регулированія силы тока. Можетъ случиться, что отдѣльныя свѣтовыя дуги различныхъ лампъ горятъ неровно, между тѣмъ сила тока остается одинаковой и уравновѣшиваніе не состоится. При правильной системѣ освѣщенія каждая лампа должна регулироваться сама, не причиняя вреда другимъ и не подвергаясь вліянію случайныхъ колебаній тока.

Это достигается регуляторомъ новой такъ называемой дифференціальной лампы.

Фиг. VIII L′ изображаетъ токъ, который раздѣляется при i и съ одной стороны идетъ въ толстую катушку R′, а съ другой въ тонкую катушку R″. Изъ толстой катушки токъ идетъ въ рычагъ c″ c′, который вращается вокругъ o и слѣва поддерживаетъ пластинку, входящую въ катушки, а справа удерживаетъ оправу для угля K′. K″—это нижній укрѣпленный уголь. При соприкосновеніи углей бóльшая часть тока идетъ черезъ толстую катушку, черезъ угли и при b снова входитъ въ главный проводъ L″. Этимъ токомъ катушка R′ намагничивается, притягиваетъ пластинку, а съ нею и лѣвую сторону укрѣпленнаго рычага c′. Правая же сторона его съ укрѣпленнымъ углемъ тогда поднимается, при этомъ угли разъединяются и происходитъ свѣтовая дуга. Какъ только длина ея при сгараніи достигается извѣстной мѣры, возрастаетъ сопротивленіе, которое токъ встрѣчаетъ при переходѣ съ одного полюса на другой, вслѣдствіе чего бóльшая часть тока идетъ въ тонкую катушку R″. Эта послѣдняя снова поднимаетъ желѣзную пластинку вмѣстѣ съ рычагомъ и этимъ снова сближаетъ угли. Наконецъ желѣзная пластинка останавливается въ томъ пунктѣ, гдѣ магнитизмъ верхней и нижней катушекъ уравновѣшиваются. Этотъ дифференціальный регуляторъ въ большомъ употребленіи при новой системѣ лампъ Сименса и Гальске въ Берлинѣ, Лонтэна въ Парижѣ и Бруша въ Нью-Іоркѣ, и который благодаря Ифнеру—Альтенеку, электрику у Сименса, чрезвычайно усовершенствованъ.

На фиг. IX изображена дифференціальная лампа съ колпакомъ Сименса. Механизмъ заключенъ въ металлическомъ цилиндрѣ m. Новыя лампы Сименса и Яблочкова силой свѣта равняются 150 свѣчамъ. Это не много въ сравненіи со старыми электрическими солнцами, но много для освѣщенія не большихъ помѣщеній. Начались пробы изготовленія лампъ еще съ меньшей силой свѣта. Если пропустить сильный токъ черезъ тонкую платиновую проволоку, то она загорается и даетъ довольно свѣта для обыкновенной лампы. Но къ сожалѣнію проволока легко плавится. Лучше брать тонкіе угли, которые накаляются при прохожденіи черезъ нихъ электрическаго тока; такія лампы были выставлены Ренье и Вердерманомъ въ Парижѣ. Ихъ также нѣсколько можетъ быть включено въ одинъ токъ. Толстый конецъ изъ мѣди помѣщался противъ острія угля, однимъ концомъ уголь прикасался къ мѣди, замыкалъ токъ, накалялся и сгоралъ. По мѣрѣ сгоранія угли, особымъ приспособленіемъ придвигался свѣжій уголь. Такія лампы силой свѣта равняются сорока свѣчамъ; но еще съ меньшей силой свѣта изготовлены лампы Сваномъ, Эдиссономъ и Максимомъ. Они изготовляли тонкія угольныя нити при помощи закаленія волоконъ бамбука въ желѣзныхъ формахъ. Эти угольныя нити накаляются электрическимъ токомъ, но сгораютъ въ воздухѣ, для предотвращенія чего изобрѣтатели замыкаютъ ихъ въ стеклянные шары, изъ которыхъ удаленъ воздухъ. Съ наружнымъ воздухомъ концы углей сообщаются платиновыми проволоками, которыя при введеніи въ токъ моментально зажигаютъ лампу.

Фигура X изображаетъ такую лампу изобрѣтателя Максима въ Нью-Іоркѣ. Винтъ h напоминаетъ газовый проводъ, но служитъ только для прекращенія тока или же соединенія угля K съ токомъ, заключеннымъ въ стѣнной прикрѣпѣ и проведеннымъ черезъ стѣну. У Эдиссона угли имѣютъ форму подковы. Стеклянный шаръ не больше кулака. Свѣтъ этой лампы отличается отъ электрическаго еще тѣмъ, что онъ горитъ не бѣлымъ а желтымъ цвѣтомъ, на подобіе обыкновенной лампы.

Лампы эти пригодны очень для домашняго обихода, въ особенности они употребительны на англійскихъ панцырныхъ корабляхъ, при работахъ водолазовъ и въ горномъ дѣлѣ. Дальнѣйшее распространеніе электрическаго освѣщенія зависитъ отъ дешеваго производства электричества, т. е. отъ дешеваго изготовленія электромагнитныхъ машинъ. Есть довольно мѣстностей, гдѣ съ этой цѣлью можетъ быть употреблена сила воды, а также такихъ, гдѣ топливо для нагрѣванія котловъ дешево. Тогда электричество будетъ проведено въ дома по трубамъ, какъ это дѣлается теперь съ водою и газомъ и введеніе электрическаго освѣщенія не встрѣтитъ болѣе препятствій.

Къ рисункамъ,

Мусульманскіе пилигримы въ Меккѣ.

(Рис. на стр. 372 и 373).

Пилигримство предписывается благочестивому мусульманину самимъ кораномъ, въ которомъ цѣлая глава посвящена вопросу о религіозныхъ странствованіяхъ и объ ихъ важномъ и таинственномъ значеніи. Такимъ образомъ, повинуясь корану, каждый добрый мусульманинъ, при первой возможности, спѣшитъ хоть разъ въ жизни, посѣтить разныя священныя мѣстности и предпочтительно передъ всѣми, города Медину и Мекку. Особенно много поклонниковъ собирается сюда, въ двѣнадцатый магометанскій мѣсяцъ Мослемъ; въ Меккѣ, мѣсторожденіи Магомета, въ это время стекается народу до 100000 и вся эта масса пилигримовъ идетъ сюда чтобы помолиться въ большой мечети Эль-Гарамъ и облобызать „черный камень“ сохраняемый въ Каабѣ.

Общій видъ святынь Мекки, представленный на нашемъ рисункѣ, сдѣланъ съ фотографіи, снятой однимъ изъ мусульманскихъ поклонниковъ, такъ какъ европейцу не всегда можно безопасно созерцать религіозныя обрядности и проникать въ святилища подозрительнаго и фанатическаго востока. Если же инымъ смѣлымъ туристамъ и удавалось побывать въ Меккѣ и Мединѣ то только подъ одеждой мусульманскихъ пилигримовъ строго соблюдая всѣ предписанія и установленія Корана. Однимъ изъ такихъ отважныхъ путешественниковъ былъ англичанинъ Джонъ-Кинъ, который и издалъ интересное описаніе своего шестимѣсячнаго пребыванія въ Меккѣ. По его словамъ Гарамъ священнаго города это широкая, четырехугольная площадь, окруженная со всѣхъ сторонъ колоннадой въ 25 футовъ вышины украшенной тамъ и сямъ небольшими куполами. Отъ каждой изъ этихъ колоннъ идетъ рядъ плитъ, проложенныхъ черезъ весь песчаный дворъ по направленію къ главной святынѣ—Каабѣ. Кааба—это простое безъ всякихъ украшеній, массивное, совершенно закрытое продолговатое зданіе высотою до сорока и шириною до 38 футовъ. Внѣшняя его сторона покрыта толстою, черною матеріею, въ которой замѣтна значительная примѣсь шелка. Кругомъ же всего зданія, на разстояніи пяти футовъ отъ его основанія, идетъ широкая полоса шелковой ткани, на которой вышитъ золотомъ мусульманскій символъ вѣры—Калума. Въ самую Каабу ведутъ три входа, изъ которыхъ главный состоитъ изъ дверей, обитыхъ серебромъ, занавѣшанныхъ тяжелыми вышитыми занавѣсями. Въ одномъ углу зданія существуетъ круглое отверстіе около пяти футовъ въ окружности, въ которомъ вставленъ священный черный камень, обдѣланный со всѣхъ сторонъ серебромъ. Эта серебряная оправа оставляетъ открытой лишь такую частичку камня, какая необходима для лобызанія его благочестивыми поклонниками. Размѣръ же всего камня равняется размѣру головы взрослаго человѣка: это какая то черно-бурая стекловидная масса съ неровною и шероховатою поверхностью, которая по мнѣнію Кина, болѣе всего походитъ на агатъ. Легенды объ этомъ камнѣ очень разнообразны, но самая популярная та, которая передаетъ, что въ этотъ камень обращенъ ангелъ, приставленный стражемъ къ Эдему, въ то время какъ тамъ еще обитали Адамъ и Ева и своею оплошностью попустившій змію обольстить нашихъ прародителей и дать имъ отвѣдать запрещеннаго плода. Въ послѣдній день вселенной, по словамъ мусульманскаго сказанія, окаменѣвшій ангелъ приметъ опять свой прежній образъ небожителя. Кромѣ того въ юго-восточномъ углу Каабы находится еще другой небольшой и продолговатый гранитный камень, которому также усердно поклоняются пилигримы, обойдя семь разъ около священнаго зданія. Здѣсь же, по близости, возвышаются и другія постройки, важныя по своему религіозному значенію, какъ напримѣръ куполообразное зданіе, воздвигнутое надъ священнымъ колодцемъ Земъ-Земъ, изъ котораго, по преданію, напоила Агарь сына; святыня, вмѣщающая въ себѣ камень, на которомъ отпечатлѣлся слѣдъ Авраама а также многочисленныя молельни разнообразныхъ сектъ. Каабу, какъ они утверждаютъ, мусульмане построили на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Адамъ, по изгнаніи изъ рая, принесъ первую жертву Богу, въ особой скиніи, ниспосланной ему Богомъ. На этомъ же мѣстѣ построилъ себѣ жилище Сифъ а послѣ потопа Авраамъ. Здѣсь же идолопоклонники Арабы были научены Магометомъ истинной вѣрѣ и потому мусульманинъ, совершая молитву, обращаетъ лицо свое къ Меккѣ—гдѣ его предки творили свои первыя молитвы.

Мекка имѣетъ теперь до 45.000 жителей, находится въ аравійской провинціи Хеджасъ, въ песчаной, безплодной равнинѣ, окруженной голыми возвышенностями и раздѣляется на Верхній и Нижній городъ съ предмѣстьями. Улицы широкія и правильныя, дома трехъэтажныя (отдаются въ наймы пилигримамъ) окна ихъ обращены на улицу, не такъ какъ въ другихъ мусульманскихъ городахъ. Единственная большая площадь занятая Большою Мечетью съ дворами, колоннадами и священными мѣстами, изображена на нашемъ рисункѣ. Надъ городомъ возвышается крѣпость. Главная мечеть имѣетъ 16 воротъ и семь минаретовъ—обширнѣйшее зданіе, испорченное позднѣйшими пристройками. Вода проведена отъ Арафата, за 7 часовъ пути отъ города.

Кромѣ Мекки, каждый правовѣрный считаетъ своею непремѣнною религіозною обязанностью посѣтить и Медину, гдѣ находится гробница Магомета. Здѣсь, въ большой мечети Эль-

Гарамъ, возвышается Хурія или мавзолей, увѣнчанный зеленымъ куполомъ. Внутренность этаго мавзолея можетъ быть видима лишь черезъ небольшое отверстіе, которое потому называется окномъ пророка. Около же самой гробницы висятъ тяжелые, яркіе ковры, которые и скрываютъ ее почти совершенно отъ взоровъ стекающихся сюда многочисленныхъ поклонниковъ.

Торговка.

(Рис. на стр, 369),

Торгъ на рынкѣ въ полномъ разгарѣ. Шумъ, гамъ, гомонъ не унимаются; по „съѣстнымъ“ рядамъ раннимъ утромъ ходятъ хозяйки, закупая нужную провизію и въ углу, у стѣны, съ своимъ незатѣйливымъ товаромъ, расположилась наша торговка. Кругомъ нея разнообразныя произведенія подгородныхъ огородовъ — и красная морковь и свѣжая, крѣпкая, бѣлая рѣпа и зеленые огурцы. Много ли барышей она выручитъ, а въ ватной бацавейкѣ, такой старой, сидѣть весеннимъ холоднымъ утромъ таки нелегко, продрогнешь, руки краснѣютъ какъ морковь отъ холоду и ноги замлѣли. А дома ребятишки и мужъ мастеровой ждутъ результатовъ ея торговли, когда, облегченная отъ своей ноши, съ пустыми корзинами, вернется она по вечеру домой.

Типъ базарной торговки очень удачно переданъ академикомъ Творожниковымъ, въ его картинѣ, копію съ которой, рисованную г. Чистяковымъ, мы здѣсь помѣщаемъ.

Брабантка.

(Рис. на стр. 376).

Путешественникъ вездѣ поражается въ Бельгіи живописными мѣстностями, богатыми пастбищами, роскошною зеленью и прекрасной обработкой земли: поражается онъ и чистотою и мирною красотою деревенекъ и видимымъ довольствомъ обитателей этой густо заселенной страны, гдѣ житель деревни самой глухой, въ часъ времени уже достигаетъ станціи желѣзной дороги. Зеленыя брабантскія поля съ ихъ холмами и огородами и работающими на нихъ поселянами тянутся далеко и тутъ то нельзя не замѣтить спокойную красоту мѣстнаго женскаго типа, часто чрезвычайно симпатичнаго и привлекательнаго. Женщины и дѣвушки въ ихъ оригинальномъ нарядѣ нерѣдко поражаютъ такою прелестью и осмысленностью выраженія лица, какою очевидно поразился и извѣстный германскій художникъ Боденмюллеръ, изобразившій молодую брабантку на своей картинѣ.

Политическое обозрѣніе.

Наши переговоры съ Портой. Турція. Болгарія.—Присоединеніе Босніи. Герцеговина и Австрія.—Испанія.—Итальянская армія.—Египетъ.

Наши переговоры съ Портой относительно военной контрибуціи, повидимому, еще не вступили въ благопріятный фазисъ, по крайней мѣрѣ изъ Константинополя сообщаютъ, что русское посольство увѣдомило Порту, что гг. Новиковъ и Тернеръ выѣдутъ чрезъ двѣ недѣли, такъ какъ русскіе уполномоченные убѣдились въ невозможности дальнѣйшихъ успѣшныхъ переговоровъ по тому вопросу. Затѣмъ оттуда же телеграфируютъ, что г. Новиковъ имѣлъ прощальную аудіенцію у султана. Въ настоящую минуту вліяніе въ Турціи или, лучше сказать, на султана принадлежитъ болѣе всего Германіи и Австро-Венгріи, что, какъ кажется, не очень нравится самимъ туркамъ, въ виду того, что вліяніе это очень сильно: ему не противятся ни Англія, ни Франція, ни Россія къ удивленію старотурокъ, въ родѣ Намыка-Паши, Махмута—Надимъ-Паши, Савфета-Паши; германскіе агенты, въ особенности, обнаруживаютъ много умѣнья — они съумѣли уже укрѣпить отношенія во всѣхъ слояхъ общества и даже съ мусульманскимъ духовенствомъ; ихъ очень много и они отлично дисциплинированы, подчиняясь безусловно и какъ машина всѣмъ велѣніямъ, идущимъ изъ могучаго центра.

Возстаніе усиливается въ Босніи, въ центральной части, на сѣверъ отъ кривошанскаго округа и умиротворенной части Герцеговины; Вѣнскія газеты приписываютъ движеніе черногорскому вліянію. Такъ какъ изъ Кривошіи жители ушли, то Австрійское правительство намѣрено колонизировать эту провинцію.

Румынія обращается къ Англіи за помощью противъ Австріи въ Дунайскомъ вопросѣ: на банкетѣ у лорда мэра румынскій посланникъ г. Пека произнесъ политическую рѣчь, въ которой высказалъ прямую надежду, что Англія будетъ поддерживать Румынію въ ея стремленіи отстоять свободу плаванія по Дунаю противъ всѣхъ австрійскихъ домогательствъ. Но кто же поддержитъ Болгарію: турецкій гарнизонъ находящейся на болгарской границѣ крѣпости Джумы—съ трехъ ротъ усиленъ до трехъ батальоновъ и кромѣ того замѣчено какое-то передвиженіе оттоманскихъ войскъ, имѣющее какъ бы цѣлью сосредоточеніе ихъ у этой границы: обо всемъ этомъ поручено болгарскому дипломатическому агенту потребовать отъ Порты объясненія. Недавно турки нарушили болгарскую границу: отрядъ ихъ войскъ расположился въ Корстендильскомъ округѣ: корстендильская дружина двинута ему на встрѣчу. Снова прошелъ слухъ о намѣреніи Турціи занять войсками горные проходы въ Балканахъ.

Что касается Босніи и Герцеговины, то едва ли уже не опредѣлено окончательно ихъ дальнѣйшее положеніе: президентъ австрійской делегаціи, при открытіи засѣданій, обѣщалъ поддержку парламента къ присоединенію этихъ провинцій къ Австріи.

Въ Силезіи, среди сельскаго населенія организуются сельскіе союзы имѣющіе, несомнѣнно, кромѣ значенія экономическаго и значеніе политическое, которое, вѣроятно, дастъ и почувствовать себя во время парламентской борьбы.

Англійское правительство выпустило Парнеля и онъ уже уѣхалъ на континентъ; отрядъ французскихъ войскъ разбилъ Бу-Амему, но африканскій вождь не попался въ плѣнъ.

Барселонскіе безпорядки возникли, главнымъ образомъ, изъ франко-испанскаго торговаго трактата; недавно происходила сходка въ Мадридѣ, на которой депутація каталонскихъ рабочихъ и высказала свои неудовольствія по поводу трактата; отстаивая покровительственныя пошлины, депутація заявила, что торговый трактатъ съ Франціей, если онъ будетъ утвержденъ кортесами, неминуемо раззоритъ испанскую промышленность, для поддержанія которой правительству надлежало бы обложить иностранные товары высокими пошлинами: въ противномъ случаѣ испанскимъ мастеровымъ и фабричнымъ рабочимъ придется дойти до крайняго раззоренія и въ концѣ концевъ эмигрировать за границу: Испанія вывозитъ во Францію одно сырье, а привозитъ оттуда готовыя уже издѣлія; при такихъ условіяхъ торговый трактатъ, заключенный правительствомъ съ Франціей, оказывается, съ точки зрѣнія испанскихъ національныхъ интересовъ, очень невыгоднымъ. Едва ли кто и будетъ спорить противъ этихъ доводовъ, тѣмъ болѣе, что и сторонники фритредерской теоріи думаютъ, что покровительственная система еще необходима для Испаніи.

Итальянская армія преобразовывается, согласно министерскому биллю она будетъ состоять изъ 12 корпусовъ, въ 427 тысячъ человѣкъ, кромѣ 20 тысячъ альпійскихъ стрѣлковъ и 190 тысячъ подвижной милиціи; парламентская комисія, которой было поручено разсмотрѣніе этаго билля, проектировала и организацію земской милиціи; министерство испрашиваетъ 200 милліоновъ лиръ.

Въ Каирѣ открытъ военный заговоръ, подготовлявшійся исподволь; причиною его—неудовольствіе среди египетскихъ офицеровъ, что Араби-Бей не въ состояніи былъ пока выполнить данныя офицерамъ обѣщанія болѣе быстраго повышенія и увеличенія содержанія; 15 главныхъ зачинщиковъ, хотя, говорятъ, однимъ изъ главнѣйшихъ является Измаилъ-Паша, желающій возвратиться въ Египетъ, и также и Гамидъ-Паша, — внукъ Али-Паши, основателя египетской династіи. Всѣ эти волненія, однако же, не колеблятъ положенія партіи, желаніе которой формулируется тремя словами: „Египетъ - для египтянъ“.

Смѣсь.

Замѣчательная колонія садоводовъ, по сообщенію органа садоводства во Флоренціи, находится вблизи Аназерина въ Калифорніи. Жители колоніи, въ точномъ смыслѣ слова вегетарьянцы: они никогда не ѣдятъ говядины, рыбы, молока и яицъ, но питаются исключительно садовыми и огородными продуктами, дозрѣвшими на солнцѣ, но безъ всякаго искуственнаго приготовленія. Они утверждаютъ, что огонь портитъ растенія отнимая у нихъ эфирныя и летучія составныя части, которыя очень полезны человѣку, и говорятъ, что питаясь животной пищей человѣкъ самъ становится животнымъ. Одинъ англичанинъ, жившій долгое время между этими садовниками разсказываетъ, что они ѣли только огурцы, немного разваренный маисъ, абрикосы, персики, яблоки, груши и виноградъ и при такой пищѣ онъ чувствовалъ себя очень бодрымъ. Для старыхъ людей, не могущихъ жевать и кусать, изъ маиса и сухихъ плодовъ приготовляется тертая масса, разведенная сокомъ земляники.

Сдѣлаться великимъ виртуозомъ совсѣмъ не легко. Таузигъ говорилъ, что долгіе годы онъ игралъ по восьми часовъ въ сутки; Тальбергъ достигнувъ возможнаго совершенства, не хотѣлъ носить даже дождеваго зонтика, чтобы не утруждать рукъ. Гансъ Бюловъ недавно высказалъ: „если я не играю одинъ день, то я чувствую уже это, если не играю два дня, это замѣчаютъ мои друзья, если-же пропущу три дня, то это становится замѣтнымъ и публикѣ.“

Единственный газометръ въ Канадѣ вблизи Онтаріо уже нѣсколько мѣсяцевъ объятъ пламенемъ. При буравленіи того мѣста, на глубинѣ въ 600 футовъ наткнулись на нефтяной источникъ; оттуда поднялся газообразный воздухъ, который загорѣлся отъ факела рабочаго, стоявшаго въ тридцати шагахъ отъ этого мѣста. Огненный столбъ поднялся на 30 фут. въ выш.; отъ времени до времени поднимается сѣрнистая вода, придающая огню различные цвѣта. Ночью на огонь слетается множество птицъ и большинство изъ нихъ гибнетъ въ пламени.

Отъ редакціи „НИВЫ“.

Въ объявленіяхъ своихъ мы уже извѣщали нашихъ читателей, что приняли всѣ мѣры къ помѣщенію рисунковъ и статей обо всемъ, что будетъ выдающагося на предстоящей **Всероссійской Художественно-Промышленной Выставкѣ.** Въ Москву будутъ посланы отъ насъ спеціальный художникъ и корреспондентъ съ этою цѣлью. Появится рядъ сценъ, очерковъ, характеризующихъ жизнь первопрестольной столицы за это время, рисунки замѣчательныхъ предметовъ выставки, копіи картинъ и т. п.

Нѣкоторые экспоненты, зная огромную распространенность нашего журнала **(75,000 экз.)** *уже озаботились прислать къ намъ фотографіи и рисунки выставляемыхъ ими предметовъ для помѣщенія въ „Нивѣ“.* **Желающихъ еще помѣщать такіе рисунки и описанія къ намъ, мы просимъ поторопиться, чтобы успѣть заблагозвременно ихъ гравировать и приготовить къ печати.**

ИГРЫ И ЗАДАЧИ

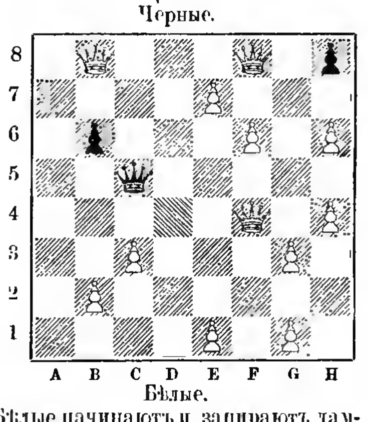
Задача № 29.

Въ данной фигурѣ размѣстить нижеозначенныя 15 фигуръ; при этомъ затушованныя части этихъ фигуръ должны составить одно названіе, чистыя же части представляютъ пустое пространство въ буквахъ и промежутки между буквами.

Шашечная задача № 30.

К. О. Цѣхановича.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ въ 7 ходовъ.

Задача—ходъ коня № 31.

(Аллегорическое изрѣченіе).

				о				
			х	о	п			
			п	ч	о			
		о	л	ь	д	е		
			г	м	м			
			ъ	ъ	о			
		т	н	н	о	т		
			е	ч	з			
	о	ъ	а	м	о	т	е	
		ѣ	к	т	ѣ	у		
		т	р	р	к	ѣ		
			д	д	р			
			ъ	о	р			
	о	ч	н	ѣ	ь	г	р	
	ц	ь	т	г	н	н	к	
с	у	л	е	ш	о	н	о	э

Рѣшеніе ребуса № 19.

По одеждѣ встрѣчаютъ по уму провожаютъ.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

XIII годъ | № 17 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — годъ XIII | 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 24 Апрѣля 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Н. К. Гирсъ.

Высочайшимъ указомъ отъ 28-го марта, Государственный Канцлеръ князь А. М. Горчаковъ, согласно его желанію, уволенъ отъ лежащихъ на немъ обязанностей и управлявшій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ до сего времени, статсъ-секретарь Николай Карловичъ Гирсъ, назначенъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ.

По своимъ преклоннымъ лѣтамъ и разстроенному здоровью, князь Горчаковъ еще въ послѣдніе годы прошлаго царствованія фактически передалъ, съ Высочайшаго соизволенія, управленіе текущими дѣлами Н. К. Гирсу, который такимъ образомъ являлся въ глазахъ другихъ державъ съ характеромъ дѣятеля несамостоятельнаго. Съ этой точки зрѣнія находятъ, что послѣдовавшая перемѣна имѣетъ очень важное значеніе, хотя конечно всѣмъ извѣстно, что верховное управленіе этими дѣлами всегда находилось и находится въ рукахъ Высочайшей власти.

Россія не забудетъ маститому ка[illegible]теру А. М. Горчакову, его высокихъ заслугъ; всѣ помнятъ съ какимъ достоинствомъ были поддержаны ея величіе и честь въ трудную минуту, когда мятежъ пылалъ на окраинѣ государства и три европейскія державы, подъ предлогомъ человѣколюбія, позволили было себѣ вмѣшаться въ дѣла нашей внутренней государственной жизни.

Н. К. Гирсъ. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ.
По фотогр. Левойна, грав. Ю. Барановскій.

Н. К. Гирсъ имѣетъ за себя прошлое пятилѣтняго управленія министерствомъ. Его имя и его личный характеръ можно сказать, извѣстны съ благопріятной стороны Европѣ, которая въ призваніи его на этотъ высокій постъ видитъ обезпеченіе политики мира. Въ этомъ назначеніи видѣли опроверженіе всякихъ толковъ о воинствующемъ, будто бы, настроеніи Россіи. „Г. Гирсъ, говорятъ берлинскія газеты, слыветъ за защитника западныхъ традицій. Государь Императоръ, возложивъ на него управленіе внѣшними дѣлами, проявилъ этимъ разительно свое намѣреніе остаться въ мирѣ съ Европой. Это многозначительная гарантія со

стороны Россіи. Назначеніе это разсѣетъ много опасеній, возникшихъ было съ небывалою силой".

Такъ говорятъ газеты европейскія. Устраненіе возможности войны не можетъ не радовать всякаго, заботящагося о мирномъ преуспѣяніи своей родной страны.

Н. К. Гирсъ родился въ Финляндіи 9 мая 1820 года; родители его были шведы. Окончивъ блестяще курсъ въ Царскосельскомъ Имп. Лицеѣ, онъ въ 1838 году, безъ состоянія и протекціи, вступилъ на дипломатическое поприще, которое тогда, какъ вездѣ такъ и у насъ, доступно было только богатымъ людямъ аристократическаго происхожденія. По вступленіи въ министерство иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирсъ былъ тотчасъ причисленъ къ департаменту азіатскихъ дѣлъ, и тутъ-то юный дипломатъ съ особеннымъ рвеніемъ началъ изучать восточные языки и исторію Востока, изслѣдуя при этомъ всѣ находящіеся въ департаментѣ документы, касающіеся отношеній Россіи къ Востоку.

Во время венгерскаго похода (1848—1849), Гирсъ былъ причисленъ къ русской главной квартирѣ генерала Лидерса въ качествѣ дипломатическаго дѣятеля. Своей дѣятельностію въ Венгріи онъ пріобрѣлъ уваженіе и благодарность друзей и недруговъ; уже тогда выяснились его миролюбивыя наклонности. Послѣ окончанія венгерской кампаніи Гирсъ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Константинополь; во время крымской войны онъ быть начальникомъ канцеляріи главнаго коммисара въ Молдаво-Валахіи, въ 1857 г.—въ Бессарабіи, гдѣ онъ познакомился съ семействомъ князей Кантакузенъ. Одна изъ дочерей князя вышла впослѣдствіи замужъ за Н. К. Гирса. Въ 1858 г. Гирсъ, въ качествѣ генеральнаго консула, отправился въ Египетъ, на постъ въ то время очень трудный и важный, вслѣдствіе турецко-египетскихъ несогласій. Въ концѣ 1859 г., послѣ разрѣшенія египетскихъ затрудненій, Гирсъ уѣхалъ генеральнымъ консуломъ и дипломатическимъ агентомъ въ Дунайскія княжества, гдѣ своими тактичными и рѣшительными дѣйствіями способствовалъ много къ утвержденію вліянія Россіи. Въ 1863 г., въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и уполномоченнаго министра Гирсъ уѣхалъ въ Тегеранъ, гдѣ его встрѣтилъ рядъ непріятныхъ разочарованій, выступившихъ на сцену, благодаря англійскому вмѣшательству и сообщеніе которыхъ могло произвести въ Петербургѣ непріятное дѣйствіе. Нашъ посолъ не впалъ въ ошибку и благодаря способностямъ и энергіи ему удалось во многомъ ослабить англійское вліяніе. Послѣ шестилѣтняго пребыванія при дворѣ Шаха, Гирсъ уѣхалъ посломъ въ Швейцарію и въ 1872 году въ Стокгольмъ, гдѣ послѣ краткаго пребыванія, сдѣлался любимымъ гостемъ короля въ Дротнингольмѣ. Спустя три года Гирсъ былъ отозванъ въ Петербургъ и назначенъ помощникомъ министра иностранныхъ дѣлъ, о чемъ мы уже выше говорили.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XX.

Обвинитель.

Вниманіе государыни было поглощено исключительно однимъ дѣломъ и этимъ-же дѣломъ были заняты и всѣ члены ея семейства и всѣ близкіе ей люди. Въ послѣдніе дни будто и не существовало ничего иного кромѣ предполагаемой свадьбы великой княжны съ королемъ шведскимъ: все остальное отошло на второй планъ, почти даже забылось.

Князь Платонъ Зубовъ то и дѣло былъ призываемъ къ императрицѣ, имѣлъ съ нею совѣщанія, возвращаясь къ себѣ призывалъ Моркова, писалъ митрополиту, любезничалъ съ регентомъ и Штедингомъ, успокоивалъ Екатерину, постоянно повторяя ей одну и туже фразу:

„Ручаюсь, что не встрѣтится никакихъ препятствій. я все обдумалъ, пускай регентъ хитритъ какъ ему угодно — мы перехитримъ его."

И Екатерина успокоивалась до какой-нибудь новой тревожной мысли.

Все, что соприкасалось съ придворною сферой, толковало о томъ-же. La grande question du jour былъ у всѣхъ въ мысляхъ и на устахъ. Отъ благополучнаго рѣшенія этого вопроса почти для каждаго что-нибудь зависѣло: радость государыни, исполненіе ея желанія должны были отразиться въ щедрыхъ милостяхъ и наградахъ. Удовольствіе Зубова, пожелавшаго играть роль главнаго дѣятеля при рѣшеніи вопроса, должно было сдѣлать его болѣе ласковымъ, болѣе способнымъ на подачки.

Можетъ быть во всемъ Петербургѣ одинъ только человѣкъ, имѣвшій внѣшнее соприкосновеніе съ этимъ волновавшимся придворнымъ міромъ, не думалъ и не толковалъ о „la grande question du jour" и даже не замѣчалъ того, что „question" раньше, чѣмъ кому либо, ему уже принесъ пользу — „question" заставилъ забыть о немъ государыню а, главное, Платона Зубова. Человѣкъ этотъ былъ Сергѣй Горбатовъ. Въ теченіи цѣлой недѣли его никто не трогалъ, не вызывалъ. въ теченіи цѣлой недѣли онъ не видался ни съ Зубовымъ, ни съ государыней, которой, по ея-же словамъ, интересно было съ нимъ побесѣдовать.

Сергѣй радовался тому, что о немъ забыли и желалъ только одного. чтобы это забвеніе продолжалось еще и еще — чѣмъ дольше, тѣмъ лучше.

Въ теченіи этой недѣли онъ четыре раза успѣлъ побывать въ Гатчинѣ и провести тамъ по нѣскольку часовъ съ Таней. Обстановка была самая благопріятная: великая княгиня въ Петербургѣ, слѣдовательно Таня свободна. Цесаревичъ все время поглощенъ своими обычными занятіями, а въ свободные часы бродитъ одинъ по парку или опять запирается въ своей рабочей комнатѣ. Онъ мраченъ, чѣмъ-то недоволенъ, но сдерживаетъ свое раздраженіе, только избѣгаетъ встрѣчъ съ людьми. Сергѣю онъ сказалъ:

— Когда можешь, пріѣзжай, хоть каждый день, только ты не ко мнѣ теперь пріѣзжаешь, а къ княжнѣ и поэтому собственно отъ нея зависитъ разрѣшить тебѣ это—се и спрашивай. А о дѣлахъ мы съ тобою потолковать успѣемъ. теперь мнѣ некогда, некогда...

Конечно Сергѣй не сталъ надоѣдать цесаревичу и не искалъ встрѣчъ съ нимъ и разговоровъ.

Таня его принимала, говорила ему „до свиданья" и онъ возвращался при первой возможности. Но все-же онъ не могъ сказать себѣ послѣ этихъ четырехъ посѣщеній Гатчины, чтобы дѣла его находились въ блестящемъ положеніи: до сихъ поръ между нимъ и Таней не было еще рѣшительнаго объясненія — она не допускала его до такого объясненія. Но онъ не очень страдалъ отъ этого. Пока ему было достаточно и того, что ему давалось. Онъ видѣлъ Таню, слышалъ ея голосъ, она глядѣла на него своими прежними глазами, она относилась къ нему такъ довѣрчиво, съ такой дружбой. Имъ было чѣмъ наполнить эти часы свиданій. Они сами не знали какъ это сдѣлалось, а между тѣмъ они, будто подчиняясь извѣстной программѣ, переживали съизнова всю жизнь свою, начиная еще съ самаго отдаленнаго времени, они вспоминали въ мельчайшихъ подробностяхъ свое дѣтство, первые дни своей юности, они шли постоянно впередъ. И Сергѣй уже перестал выказывать нетерпѣніе, онъ не дѣлалъ уже быстрыхъ переходовъ, быстрыхъ скачковъ, они просто не касались еще того времени, подойдя къ которому нужно было покончить объясненіемъ.

Но все же наконецъ они подошли къ этому времени.

Сергѣй видѣлъ по быстрому румянцу, то вспыхивавшему, то пропадавшему на щекахъ Тани, какое волненіе онъ возбудилъ въ ней двумя, тремя фразами объ обстоятельствахъ ихъ парижской встрѣчи. Она уже не перебивала его, не отводила его въ другую сторону, она, несмотря на все свое волненіе, прямо спросила про Рено.

— Къ несчастію, я ничего не могу вамъ сказать о немъ, отвѣтилъ Сергѣй,—какъ это ни странно, но я совсѣмъ потерялъ его изъ виду. Я получилъ отъ него въ Лондонѣ въ первые три года, нѣсколько писемъ. Эти письма со мною, если хотите, я когда нибудь принесу вамъ ихъ. Онъ много страдалъ и душою и тѣломъ, вы помните, что онъ говорилъ намъ тогда, помните какъ онъ разочаровался въ своей революціи, помните, какъ онъ объяснялъ, что его обязанность по возможности исправить то зло, которому онъ легкомысленно способствовалъ. Конечно его усилія были каплей въ морѣ, но какъ бы то ни было онъ исполнилъ свою обязанность. Онъ работалъ сколько силъ хватало и всюду вносилъ свою живость, свое увлеченіе. Онъ подвергался большимъ опасностямъ и, хотя писалъ мнѣ всегда наскоро, какъ-то впопыхахъ, ничего не разсказывая, а только намекая, но должно быть его жизнь въ эти страшные годы была полна самыхъ разнообразныхъ приключеній. Я удивлялся, что онъ тогда остался живъ, что его не извели—а потомъ вдругъ онъ пропалъ.

— И неужели вы ничего, какъ есть ничего не могли узнать о немъ?

— Ничего. Я наводилъ постоянно справки... пропалъ... какъ въ воду канулъ... Живъ-ли?!.. Вѣроятнѣе всего, что умеръ, можетъ быть убитъ... казненъ... я не знаю, что съ нимъ. Это меня сильно огорчало, но время... я уже привыкъ къ мысли, что Рено нѣту. А иной разъ вдругъ и придетъ въ голову: „А можетъ быть онъ еще вернется! можетъ быть еще придется съ нимъ увидаться—живъ онъ"...

— Бѣдный Рено! со вздохомъ проговорила Таня. Я тоже хочу думать и буду думать, что онъ еще живъ и что мы еще его увидимъ. Я не могу забыть, разлюбить его, я ему столькимъ обязана!

— Да, мы дѣйствительно ему многимъ обязаны, сказалъ Сергѣй, хоть онъ совсѣмъ не такой человѣкъ какимъ мы его считали въ наши юные годы. Я, да вѣдь и вы тоже, Таня, мы чуть не молились на него, мы считали его свѣтильникомъ разума—въ этомъ мы ошибались. Тѣхъ достоинствъ, которыя мы въ немъ видѣли, въ немъ вовсе нѣтъ, но если онъ потерялъ въ уваженіи, онъ еще болѣе выигралъ въ чувствѣ: переставъ по прежнему уважать его, мнѣ кажется, я полюбилъ его еще сильнѣе. Со всѣми своими слабостями, ошибками, заблужденіями, нашъ Рено былъ хорошимъ человѣкомъ, честнымъ и искреннимъ безъ всякаго лукавства.

— И онъ любилъ насъ, добавила Таня.

— Да, онъ любилъ насъ, повторилъ Сергѣй и, вы знаете, что послѣднее желаніе его передъ разлукой съ нами было, чтобы окончилось наше недоразумѣніе.

Таня вспыхнула.

— Вотъ мы о немъ вспомнили, продолжалъ Сергѣй— и глаза его заблистали—мы о немъ вспомнили и будемъ-же, въ память нашего милаго учителя, такъ-же искренни, такъ-же прямы, какъ онъ бывалъ всегда, не будемъ тянуть, не будемъ хитрить, подойдемъ прямо къ нашему вопросу и такъ или иначе рѣшимъ его. Таня, отвѣчайте мнѣ—случайно-ли теперь сошлись мы съ вами? Должны-ли опять разойтись навсегда? Или эта новая встрѣча, послѣ столькихъ лѣтъ, не случайная, но неизбѣжная и уже разойтись намъ не придется?

Таня сидѣла вдругъ совсѣмъ поблѣднѣвшая и молчала.

— Таня, да взгляните-же на меня, взгляните прямо, отвѣчайте...

Но она не поднимала на него глазъ своихъ. Прошло нѣсколько мгновеній, тяжелыхъ, показавшихся Сергѣю необычайно длинными. Онъ заговорилъ снова:

— Да, конечно, вы имѣете право не отвѣчать мнѣ... конечно я кругомъ виноватъ передъ вами и не смѣю, по настоящему, требовать отъ васъ отвѣта, не смѣю возвращаться къ прошлому...

Вдругъ что-то дрогнуло въ лицѣ Тани и по этому поблѣднѣвшему, будто застывшему лицу мелькнула тѣнь тоски и страданья.

— Зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ вы требуете моего отвѣта, проговорила она, зачѣмъ вы возвращаетесь къ тому, что должны были считать покончennымъ?

— Потому что я не могу иначе, страстно отвѣтилъ Сергѣй, потому что несмотря на все сознаніе моей вины передъ вами, я считаю эту вину искупленной долгими годами невыносимой жизни, даже и не жизни, потому что я не жилъ все это время. Повѣрьте, я не преувеличиваю и не фантазирую, я серьезно говорю вамъ, что всѣ эти годы — это было что-то странное, отвратительное, это было какое-то чистилище и вдобавокъ безъ надежды на рай. Но теперь у меня явилась эта надежда, я васъ вижу и я не могу не спросить васъ: достаточно-ли было мое искупленіе, заслужилъ-ли я наконецъ то, что потерялъ по собственной винѣ, но уже искупленной?

— Я васъ не понимаю, проговорила Таня, о какомъ чистилищѣ вы говорите? Неужели дѣйствительно во всѣ эти годы, что мы не видались, вы не были довольны вашей жизнью? Неужели вы захотите увѣрять меня, что все это время вы думали обо мнѣ и желали, чтобы я къ вамъ вернулась?

— Да, да, я именно это хочу сказать вамъ.

— Значитъ вы не были счастливы?!

Сергѣй печально, даже какъ-то зло усмѣхнулся.

— Ни одного мгновенья.

— Но считали вы, что между нами дѣйствительно все и навсегда кончено?

— Да, считалъ. На что-же мнѣ было надѣяться—послѣ вашихъ окончательныхъ рѣшеній я находился въ безвыходномъ положеніи... Вы знаете, что я былъ плѣнникомъ, изгнанникомъ, вы знаете, что никакія вѣсти о васъ до меня не доходили, я столько-же зналъ о васъ какъ теперь знаю о Рено. Живы вы, или нѣтъ, замужемъ вы или свободны—я ничего не зналъ. Сначала я спрашивалъ—мнѣ никто не давалъ отвѣта, я не понимаю какъ вы все это устроили.

Она не отвѣчала. Онъ продолжалъ.

— Такъ какъ-же я могъ надѣяться на встрѣчу съ вами? Я находился въ положеніи человѣка, потерявшаго, похоронившаго васъ. Вы были для меня только воспоминаніемъ. Но отъ этого воспоминанія я не могъ оторваться, я не могъ начать новой жизни. Меня все это время неизмѣнно и съ равной силой тянуло къ вашей могилѣ. А вы живы, вы свободны, я говорю съ вами, вы воскресли—такъ какъ-же мнѣ не спрашивать, какъ-же не ждать отъ васъ отвѣта, дѣйствительно-ли вы для меня воскресли!

Глаза Тани блеснули, застывшее было лицо оживилось снова, невольнымъ движеніемъ она подалась впередъ, будто хотѣла протянуть ему руки, но ея руки упали и она тихимъ, глухимъ голосомъ прошептала:

— А о моей жизни за это время вы не спрашиваете?

— О чемъ-же я и спрашиваю! вскричалъ Сергѣй. Скажите мнѣ какъ вы жили—это и будетъ отвѣтомъ на вопросъ мой.

— Какъ я жила? Обстоятельства этой моей жизни вамъ извѣстны. Вы знаете, что потерявъ мать я осталась одна, какъ есть одна на всемъ свѣтѣ. Меня пріютили... Я должна была въ теченіи этихъ лѣтъ убѣдиться въ истинной добротѣ цесаревича и великой княгини, въ добротѣ, которую знаютъ очень немногіе Я предана имъ всей душой, я готова за нихъ въ огонь

На конской ярмаркѣ. Съ картины Н. Сверчкова, по фотогр. Лаптева, грав. М. Рашевскій.

и въ воду—и это не пустыя слова—но вы понимаете, что все же они мнѣ не отецъ и не мать и что не смотря на всѣ ихъ ласки, на всю ихъ доброту, я все же одинока. Мои воспоминанія—вотъ все, чѣмъ я могла жить и чѣмъ жила. Къ чему мнѣ было поддерживать сношенія съ вами—если вы меня похоронили, то вѣдь и я васъ тоже похоронила. Можетъ быть и я часто приходила къ вашей могилѣ, но это не давало счастья. Я узнаю изъ словъ вашихъ, что вы провели тяжелые годы—я вѣрю вамъ конечно, но въ то же время изумляюсь. Я никакимъ образомъ не могла подумать, чтобы такъ было—хоть и изгнанникъ, хоть и плѣнникъ, какъ вы говорите, но все же вѣдь вы жили среди общества, у васъ были постоянно серьезныя занятія, вы могли найти себѣ цѣль, интересъ... У меня же, въ этомъ замкнутомъ кругѣ, въ этомъ уединеніи монастырскомъ всего было такъ мало, одинъ день какъ другой, тоска приходитъ- справляешся съ ней какъ знаешь, наполняя время чѣмъ умѣешь.

Что-же вы дѣлали, Таня?

Что дѣлала? Я училась, читала много, вотъ и все, но жизни все же не было. И въ этомъ у насъ оказалась общая доля—для меня тоже было чистилище безъ надежды на рай. Но вотъ вы сами сознаетесь, что вы виноваты были и должны были выкупить вину свою—я не сказала, чтобы вы были передо мной виноваты, вы сами считаете себя виновнымъ. То есть можетъ быть были минуты, давно, тогда, когда я была ребенкомъ почти, можетъ быть тогда я и находила въ васъ вину, но эти минуты были такъ давно—я совсѣмъ ихъ и позабыла, но все же вы сами считали себя виновнымъ и хоть въ этомъ то могли найти нѣкоторую долю успокоенія. У меня же и этого не было.

Сергѣй сидѣлъ опустивъ голову, внимательно, всѣмъ существомъ своимъ вслушиваясь въ слова Тани. Но вотъ онъ перебилъ ее.

— О, какъ вы горды, Таня! сказалъ онъ. Въ этомъ то и вина ваша. Вы испортили себѣ жизнь вашей гордостью.

Она взглянула на него изумленно и вопросительно.

— Гордостью? Въ чемъ же моя гордость?

— Развѣ не отъ гордости вы меня тогда оставили? Развѣ я не говорилъ вамъ, не умолялъ васъ? Вы не видѣли истины словъ моихъ и моихъ увѣреній, что та женщина, о которой я безъ ужаса не могу и теперь вспомнить, была сномъ, кошмаромъ, дьявольскимъ навожденіемъ, что вамъ нечего было ее бояться. Вашей обязанностью было не покидать меня, спасти меня отъ этого навожденія. Вы это и хотѣли сдѣлать, да вы и спасли меня отъ нея, а потомъ будто сами испугались своего добраго дѣла и покинули меня, и испортили и мнѣ и себѣ жизнь. Вотъ до чего мы договорились. Я началъ искреннимъ сознаніемъ вины моей, но теперь, въ первый разъ, втеченіи этихъ долгихъ лѣтъ, вижу, что ошибался, что клепалъ на себя. Вотъ вы меня до чего довели! повторялъ онъ, волнуясь все больше и больше. Нѣтъ я не виноватъ передъ вами, а вы передо мной виновны! Виновна ваша ужасная гордость! Вы говорите—въ монастырскомъ уединеніи жили, учились, читали, думали. Чему же вы учились? что читали? О чемъ думали? Ну, тогда оставивъ меня въ самыя ужасныя минуты, удовлетворивъ вашу гордость, какъ потомъ-то.... потомъ вы не побѣдили ее? Вѣдь вы знали, вы должны были знать, что вамъ стоитъ меня кликнуть и не смотря на все, я разорву мои цѣпи и буду у ногъ вашихъ, но гордость вамъ мѣшала. Ваша гордость не исчезала съ лѣтами, а росла въ этомъ уединеніи, вотъ вы предпочли и мнѣ и себѣ испортить жизнь. Таня, мы договорились: вы никогда не любили меня, потому что гдѣ есть любовь, тамъ не можетъ быть гордости.

Таня схватилась руками за голову и какъ то странно, недоумѣвающе, изумленно, отчаянно повторила:

— Я... не любила васъ...

Она хотѣла сказать еще что-то, но вдругъ замолчала и Сергѣй услыхалъ горькое, вырвавшееся рыданіе.

Она плакала, закрывъ лице руками.

— Что съ вами? Зачѣмъ вы плачете, Таня? Ради Бога успокойтесь! Развѣ я оскорбилъ васъ? Клянусь я не хотѣлъ этого!

Онъ бросился передъ ней на колѣни, старался оторвать отъ лица ея руки. Но она все плакала, неудержимо плакала, сквозь рыданія повторяя:

— Оставьте... это пройдетъ... я сейчасъ успокоюсь... Я сама не знаю, что со мною.

Онъ грустно отошелъ отъ нея и ждалъ.

Она дѣйствительно скоро совладѣла съ собой, отерла глаза, прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ, остановилась передъ нимъ и положила свою руку на плечо его.

— Serge, сказала она тихимъ, совсѣмъ прежнимъ голосомъ, который такъ и отдался у него въ сердцѣ, оставьте меня теперь, умоляю васъ. Уѣзжайте и вернитесь только тогда, когда я сама позову васъ. Вы явились моимъ обвинителемъ и ваши обвиненія тяжки... Я должна одуматься, должна разобраться въ самой себѣ чтобы отвѣчать на эти обвиненія. Подождите, дайте мнѣ успокоиться, дайте мнѣ самой рѣшить много вопросовъ и тогда будемъ говорить. До свиданья, Serge. Ждите—я скоро позову васъ.

Онъ глядѣлъ на нее, стараясь прочесть въ ея лицѣ то, чего она не договаривала. Но ея прелестное лицо, хранившее слѣды недавнихъ слезъ, было особенно непроницаемо. Онъ могъ въ немъ замѣтить только одно, что она приняла какое то рѣшеніе, одно изъ своихъ неизмѣнныхъ рѣшеній, противъ которыхъ нельзя было спорить. Къ тому же онъ самъ ясно видѣлъ, что теперь дѣйствительно говорить не о чемъ, нужно успокоиться.

Онъ не думалъ, что сегодняшнее свиданіе ихъ такъ кончится, онъ не думалъ, что станетъ обвинять ее, а между тѣмъ теперь онъ не намѣренъ былъ взять назадъ ни одного слова. Онъ былъ совершенно, какъ и всегда, откровененъ съ нею.

Да, пусть успокоится!

И быстро простившись съ Таней, онъ уѣхалъ изъ Гатчины.

XXI.

Тяжелые вопросы.

По отъѣздѣ Сергѣя Таня осталась крайне взволнованная и пораженная. Она предчувствовала уже въ этотъ день, что между ними произойдетъ наконецъ рѣшительное объясненіе, ждала этого объясненія съ невольнымъ восторгомъ и нетерпѣніемъ. Она знала, что не на долго хватитъ ея рѣшимости и сдержанности, рекомендованныхъ ей цесаревичемъ, знала, что томить дольше Сергѣя не будетъ въ силахъ и прямо наконецъ скажетъ ему истину, скажетъ что имъ только жила, его только и ждала въ теченіи долгихъ лѣтъ и что теперь уже не отпуститъ его отъ себя. А между тѣмъ вотъ вѣдь ничего этого не случилось: объясненіе произошло и результатъ его былъ совсѣмъ неожиданный: изъ обвиняемаго и прощаемаго Сергѣй внезапно превратился въ обвинителя. И какія тяжкія обвиненія!..

Она сама виновата во всемъ, она испортила жизнь и себѣ и ему, отравила и его и свою молодость, во всѣхъ этихъ безплодныхъ, мучительныхъ годахъ она, и только она одна, была виновата...

Счастливая, полная жизнь возможна была давно и она уничтожила эту возможность, отказалась отъ этой жизни. Однообразное уединеніе, существованіе среди безтѣлесныхъ туманныхъ мечтаній, вѣчное ожиданіе апофеоза волшебной сказки, въ который часто поневолѣ не вѣрилось... всему этому она причиной и, мало того, Сер-

гѣй пошелъ дальше, гораздо дальше, онъ произнесъ странныя, непонятныя, дикія слова, онъ ей сказалъ, что она поступала такъ, потому что не любила его...

Она его не любила! Что же лишило ее тепла и свѣта въ самые лучшіе, юные годы, что безслѣдно и безплодно унесло ея первую молодость, что чуть не съ дѣтства сдѣлалось ея сутью, преобладающимъ ея чувствомъ, какъ не эта любовь?—И онъ говоритъ, что она его не любила! О, какая неблагодарность! Какая клевета!

Зачѣмъ же она прямо не сказала ему, что онъ клеветникъ и неблагодарный? Зачѣмъ она не заставила его ужаснуться его собственныхъ словъ, отказаться отъ нихъ, просить за нихъ прощенья?

Она не сдѣлала этого потому, что онъ поразилъ ее какъ громомъ, потому что въ его словахъ, въ этомъ обвиненіи ей вдругъ послышалось что-то совсѣмъ особенное и тѣмъ болѣе ужасное, что это что-то вовсе не походило на неблагодарность и клевету. Но вѣдь не могло же въ такомъ обвиненіи заключаться правды!

Ея сердце ныло, ея мысли путались, она чувствовала себя пораженной, ослабѣвшей, она должна была придти въ себя, очнуться, понять что такое случилось, что значили эти странныя слова его, что такое въ нихъ заключается кромѣ клеветы и неблагодарности.

Она уже не могла сказать ему теперь того, что сказать собиралась, она не могла, какъ еще недавно мечтала, на груди его, у его сердца выплакать всѣ свои слезы, разсказать ему всю тоску этихъ долгихъ лѣтъ, всѣ ожиданія,—она могла только попросить его удалиться...

Его нѣтъ—она одна. Что же такое все это?

Долго не могла Таня успокоиться, собраться съ мыслями; она рада была, что въ этотъ день, за отсутствіемъ великой княгини, у нея мало домашнихъ дѣлъ, что она можетъ сколько угодно оставаться въ своихъ комнатахъ, запереться, никого не видѣть.

Она такъ и сдѣлала, она бродила изъ угла въ уголъ по комнатамъ, потомъ принималась за книгу, бросала ее и опять начинала бродить. Потомъ наконецъ легла въ постель, закрыла глаза, но не спала, а долго лежала въ полузабытьи, въ бездумьи, съ ощущеніемъ большаго, давно уже незнакомаго ей утомленія. Ей тяжело было подняться, тяжело было пошевельнуться, тяжело было думать.

Мало по малу это полузабытье перешло въ сонъ.

Таня спала, какъ спитъ человѣкъ послѣ чрезмѣрной работы, чрезмѣрной усталости.

Этотъ сонъ укрѣпилъ ее, возстановилъ нарушенное равновѣсіе ея тѣлеснаго и духовнаго организма.

Когда она проснулась, были уже сумерки. Она не слыхала въ своемъ крѣпкомъ снѣ какъ къ ней стучались, какъ ее звали къ обѣду, потомъ опять приходили и звали ее, и изумлялись что такое съ нею.

Она поднялась съ постели и сразу почувствовала, что сонъ освѣжилъ ее, что теперь она можетъ думать, можетъ рѣшить всѣ вставшіе передъ нею вопросы. Но дѣйствительность на этотъ разъ отвлекла ее, она должна была говорить съ людьми, объяснять имъ почему заперлась.

Она получила записку отъ великой княгини, поручавшей ей сдѣлать кой-какія распоряженія. Она аккуратно, какъ и всегда, исполнила все, что отъ нея требовалось, казалась даже совсѣмъ спокойной и бодрой.

Такъ прошелъ вечеръ и она рада была, когда снова могла запереться въ своей спальнѣ, снова остаться одна и въ долгую, безсонную ночь поговорить сама съ собой. И она приступила къ этой рѣшительной бесѣдѣ, понимая, что подобная бесѣда несравненно важнѣе того объясненія съ Сергѣемъ, котораго она ожидала такъ трепетно...

Чѣмъ окончится эта бесѣда? Во всякомъ случаѣ отъ нея зависитъ теперь окончаніе волшебной сказки.

Среди ночной тишины и молчанія, нарушаемаго только рѣдкими, далекими окликами часовыхъ, Таня вспоминала и переживала каждый день своей жизни съ той самой минуты, когда она встрѣтилась съ Сергѣемъ въ бесѣдкѣ деревенскаго парка.

Любила ли, любитъ-ли она его?

Она сходила въ самые сокровенные тайники своего сердца, она твердо рѣшилась подвергнуть строгому, безпристрастному допросу свое чувство и на каждый вопросъ свой, на каждое воспоминаніе отвѣчала: „всегда любила и люблю его!“

Онъ былъ первый человѣкъ, первый мужчина, который заставилъ ее убѣдиться, что на свѣтѣ есть нѣчто, о существованіи чего она прежде не знала и никогда не думала, что среди любви къ близкимъ, окружающимъ ее людямъ, которой много она съ дѣтства въ себѣ чувствовала, есть особая привязанность, неимѣющая ничего общаго съ остальными привязанностями, несравненно нихъ сильнѣйшая. Въ этой привязанности все ново и особенно въ ней мало спокойствія, много тревоги, волненій, сладости и боли. И это-то самое чувство, которое съ нежданной, внезапно прорвавшеюся силою испытала она тогда, въ бесѣдкѣ, когда руки Сергѣя сжимали ея руки, когда она въ первый разъ почувствовала его новый, не братскій поцѣлуй на губахъ своихъ, это самое чувство она испытывала въ теченіи всей своей жизни каждый разъ, когда сходилась съ Сергѣемъ, когда о немъ думала. Это самое чувство внезапно возникало въ ней и заслоняло собою всѣ другія чувства и помышленія, неудержимо влекло къ тому же Сергѣю и тогда, когда онъ былъ далеко, когда она даже думала, что онъ ужъ больше къ ней не вернется, что онъ на вѣки для нея потерянъ.

Однообразна была жизнь ея, но все же она встрѣчалась съ другими мужчинами и сознавала, что производитъ на нихъ сильное впечатлѣніе своей красотой, она сознавала и видѣла, что нѣкоторые изъ этихъ мужчинъ готовы будутъ при первомъ малѣйшемъ намекѣ съ ея стороны, при первомъ ея ласковомъ взглядѣ и словѣ, искать сближенія съ нею, искать ея любви. Великая княгиня даже указывала ей на нѣкоторыхъ какъ на жениховъ. Но каждый разъ она возмущалась и каждый разъ, когда она видѣла что человѣкъ, который могъ бы быть женихомъ для нея, заглядывается на нее, начинаетъ за ней ухаживать, она уходила сама въ себя, она, всегда одинаково простая и ласковая, превращалась въ неприступную, становилась горделива и отталкивала отъ себя холодностью человѣка, противъ котораго до сихъ поръ ничего не имѣла, который ей даже нравился, былъ пріятенъ. Она вдругъ даже ожесточалась и въ то же время въ ней поднималось снова знакомое, томительное и сладкое чувство, и опять рисовался ей образъ далекаго, быть можетъ навсегда для нея потеряннаго Сергѣя, и она со слезами простирала руки къ этому неосязаемому образу, звала его.

Въ ея здоровой, могучей натурѣ было много огня и страсти, внутренній огонь жегъ ее, потушить его было невозможно, а заставить горѣть ровнымъ и благотворнымъ свѣтомъ могъ только одинъ человѣкъ—и человѣкъ этотъ былъ Сергѣй...

Только теперь Таня увидѣла то, къ чему до сихъ поръ относилась безсознательно, существованія чего не замѣчала,—она увидѣла всю ненормальность своей монашеской жизни, своего гатчинскаго затворничества. Ей вспоминались эти горячія, безсонныя ночи, когда она, вся въ огнѣ, почти въ бреду, призывала далекаго Сергѣя и шептала ему страстныя рѣчи, и обнимала мечту, таявшую въ ея объятіяхъ. И часто возвращалась она къ этому призраку, вызывала его и такъ наконецъ сжилась съ нимъ, что уже почти позабывала о существованіи вещественнаго, живаго Сергѣя.

Что же, можетъ быть она любила только призракъ?..

Но вотъ предсказаніе волшебника исполнилось, живой Сергѣй явился передъ нею и все, что было въ ней страсти, проснулось съ новою силою, она едва владѣла собой, она готова была боготворить этого человѣка, она находила его неизмѣримо выше, дороже ей, милѣе и роднѣе прежняго Сергѣя, о которомъ осталось одно только воспоминаніе, и Сергѣя ея мечтаній, знакомаго ей призрака.

Рѣшивъ вопросъ, что она всегда любила только его, его одного, она рѣшила вмѣстѣ съ тѣмъ и другой вопросъ, что теперь она любитъ его горячѣе и больше, чѣмъ когда либо, что теперь она уже не выпуститъ его, не отдастъ его, готова за него бороться до смерти.

И такъ одно изъ страшныхъ обвиненій Сергѣя было устранено, Таня успокоилась. Но оставалось другое, не менѣе страшное—обвиненіе въ гордости, изъ за которой она будто-бы сама создала себѣ неестественную для нея, монашескую жизнь и испортила жизнь дорогаго и теперь обожаемаго ею человѣка.

Таня вернулась мыслями къ своей поѣздкѣ въ Парижъ, къ своему твердо принятому рѣшенію покинуть Сергѣя въ ту самую минуту, когда вѣчное соединеніе ихъ должно было совершиться. Она хорошо помнила какое подавляющее впечатлѣніе произвела эта ея рѣшимость тогда не только на Сергѣя, но и на всѣхъ близкихъ, окружавшихъ ее людей, на покойницу мать, Рено и карлика.

Каждый по своему старались всячески упросить ее перемѣнить гнѣвъ на милость, простить Сергѣя, не оставлять его. Мать даже плакала и все повторяла:

„Я чувствую что съ нимъ можетъ быть твое счастье: выйдешь за него—и я умру спокойно, буду знать что ты въ хорошую семью попала, гдѣ тебя не обидятъ... А что молодой человѣкъ глупостей надѣлалъ—такъ мало ли что—вѣдь онъ тебя любитъ, посмотри ты на него... ты его несчастнымъ дѣлаешь“...

Карликъ, въ полномъ отчаяніи, считалъ Сергѣя особенно виноватымъ, былъ возмущенъ противъ него, но въ то же время убѣждалъ Таню только попугать, задать острастку, а потомъ простить:

„Не то что же это такое будетъ, золотая моя, говорилъ онъ плаксивымъ голосомъ, вѣдь ты, матушка, всѣмъ чертямъ его отдаешь, спаси ты его душеньку“!

Рено говорилъ многословно и краснорѣчиво; Рено что то говорилъ ей о гордости (и онъ тоже о гордости!), но она не вслушивалась въ слова его, она была поглощена своимъ горемъ, своимъ рѣшеніемъ, никто теперь не могъ имѣть на нее вліянія.

А самъ Сергѣй? Онъ молчалъ, онъ ужь подъ конецъ ни о чемъ и не просилъ ее, онъ былъ уничтоженъ, подавленъ и какъ преступникъ ждалъ рѣшенія своей участи. И она, чуть не крича отъ страданія, задыхаясь отъ душившихъ ее слезъ, все же осталась непреклонной, простилась съ нимъ холодно, обѣщала ему свою неизмѣнную дружбу, обращалась съ нимъ милостиво, съ полнымъ сознаніемъ своей высоты и его паденія—и покинула его.

Она думала, думала до послѣдняго времени, что ея поступокъ былъ чуть ли не самымъ лучшимъ, высокимъ поступкомъ въ ея жизни, она считала себя героиней, гордилась собой, своей рѣшимостью, своимъ страданьемъ, считала Сергѣя виноватымъ и наслаждалась мечтами о томъ, какъ она проститъ его, какъ она будетъ всегда велика передъ нимъ, какъ онъ будетъ чувствовать все ея великодушіе и всю свою вину передъ нею.

„Вѣдь ты самъ пришелъ ко мнѣ и обѣщалъ мнѣ вѣчную любовь, потомъ измѣнилъ мнѣ для женщины недостойной, я спасла тебя, я тебя простила и повѣрила тебѣ снова и вдругъ явилась эта фурія, этотъ демонъ, и ты при мнѣ, спасшей тебя, любившей тебя, простившей, при мнѣ, на глазахъ моихъ кинулся къ ней, простиралъ къ ней руки, ты оскорбилъ меня такъ, какъ только можно оскорбить женщину, я не имѣла права унижаться болѣе, я ушла и что же я сдѣлала? Вмѣсто того чтобы забыть тебя, вмѣсто того, чтобы полюбить другого и счастливо устроить свою жизнь съ человѣкомъ, который бы лучше быть можетъ оцѣнилъ меня,—я думала о тебѣ, непрестанно любила тебя все такъ же, ждала тебя, отдала этому ожиданію свою молодость, лучшіе свои годы и, когда ты пришелъ снова, не имѣя уже на меня ни тѣни права, я опять и опять прощаю тебѣ, и люблю тебя, и соглашаюсь быть твоею“!

Вотъ что мечтала она сказать ему и невольно представлялось ей какъ онъ упадетъ передъ ней на колѣни въ сознаніи ея безграничнаго великодушія, ея святости. А онъ пришелъ и говоритъ ей, что она виновата во всемъ, что она взяла на себя чуть ли не убійство и самоубійство, онъ не говоритъ ей о великодушіи и святости, о ея безпримѣрномъ геройствѣ, онъ обвиняетъ ее въ тяжкомъ грѣхѣ, въ гордости... Неблагодарный клеветникъ! хоть бы другой кто, а то кто же... *онъ* ее въ этомъ обвиняетъ!.. неблагодарный клеветникъ!

Но вѣдь вотъ же она не посмѣла сказать ему этого, она только смутилась, ужаснулась, расплакалась и просила его удалиться, чтобы дать ей время очнуться. Эта клевета и неблагодарность сразили ее, но не оскорбленіемъ, а просто ужасомъ и въ этомъ ужасѣ съ первой минуты было сознаніе его правоты и своей грѣховности. Потому то она такъ и мучилась, такъ и томилась послѣ его отъѣзда. Но теперь, придя въ себя, она ясно видитъ, ясно чувствуетъ и понимаетъ, что онъ былъ правъ, что нѣтъ въ ней ни великодушія, ни святости, нѣтъ подвига и геройства, а есть страшная гордость, что дѣйствительно этой гордостью испортила она лучшіе годы и его и своей жизни.

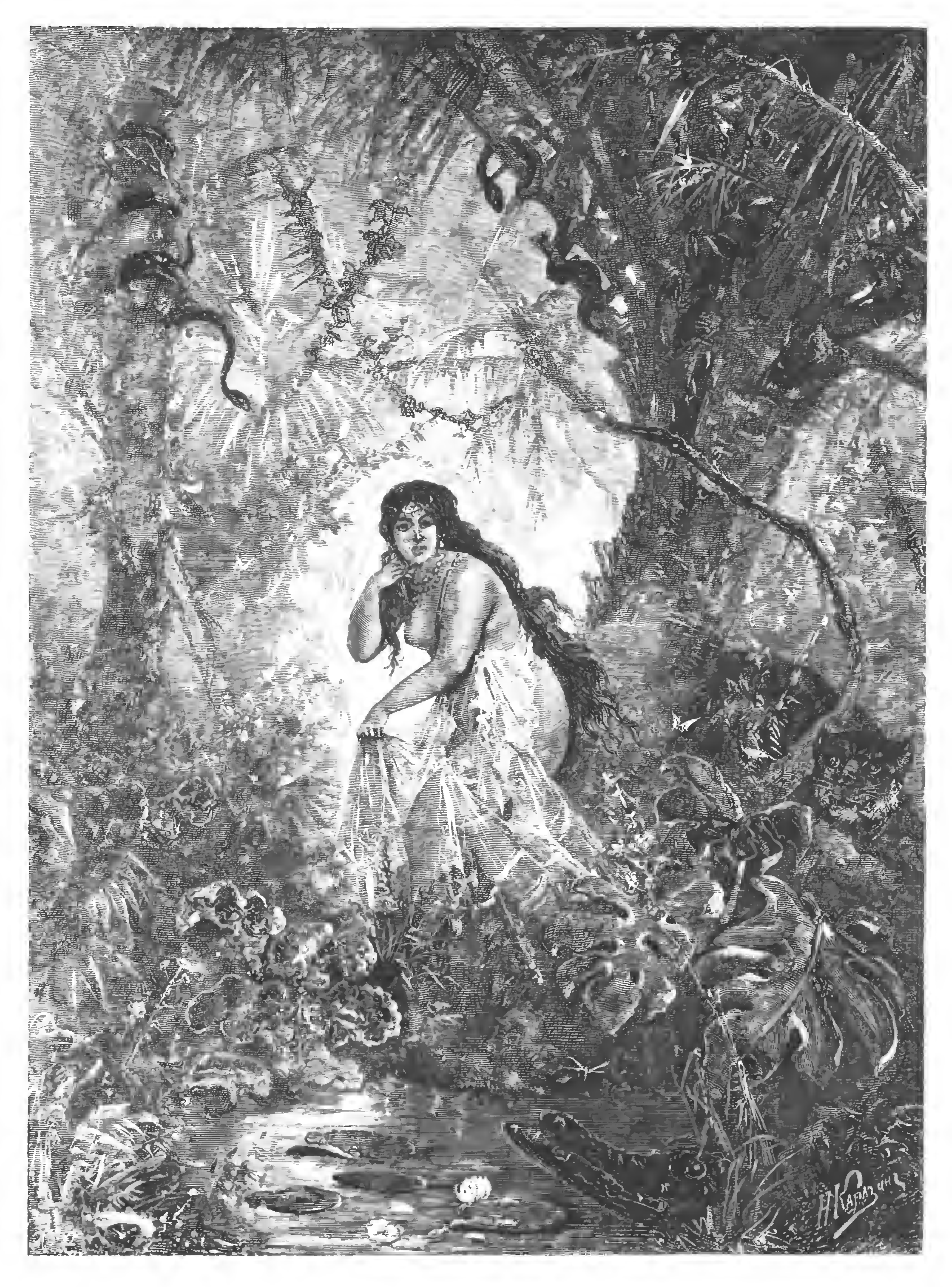
Она видитъ теперь сколько невозвратнаго времени потеряла въ ложныхъ мечтаніяхъ, видитъ, какъ она уходила все дальше и дальше отъ дѣйствительности, какъ эта дѣйствительность искажалась передъ нею.

Но теперь она наконецъ все понимаетъ.

Далекія тяжкія событія являются передъ нею уже въ новой окраскѣ и видитъ она какъ съ каждой минутой умаляется и умаляется вина передъ нею Сергѣя, какъ съ каждой минутой яснѣе и яснѣе выступаетъ необдуманность ея тогдашняго поступка и грѣхъ ея дальнѣйшей гордости...

Хоть и однообразная, хоть и мечтательная, уединенная жизнь началась для нея послѣ того времени, но все же эта жизнь прошла недаромъ; размышленія, разсужденія и серьезное чтеніе заставили ее понимать многое такое, чего она прежде, будучи еще почти ребенкомъ, не понимала—и видитъ она теперь, что этотъ демонъ, эта страшная женщина, никогда не могла стать навсегда между ней и Сергѣемъ, и видитъ она что правы были и ея покойная мать, и карликъ, и Рено. Должна она была ихъ послушаться, ихъ, ея лучшихъ друзей, болѣе ея опытныхъ, болѣе ея знавшихъ жизнь. Да и не то, не ихъ она должна была послушаться, должна она была послушаться своего сердца, которое страдало тогда, которое немолчно кричало ей, что она любитъ Сергѣя, что она не можетъ спокойно и счастливо жить безъ него и потому не должна уходить отъ него.

Вотъ онъ сказалъ ей, что она могла, когда хотѣла, вернуться къ нему, и не только вернуться, а просто кликнуть его, что она знала съ какимъ счастьемъ, съ какимъ восторгомъ онъ откликнется на этотъ зовъ. Знала ли она это? Да, конечно, она иногда это чувствовала, надѣялась на это—вѣдь этимъ и жила она; да, наконецъ, ей всегда была возможность убѣдиться: она обѣщала Сергѣю свою дружбу, и ни разу не написала ему, скрывала тщательно отъ него свою судьбу. Она вступила въ заговоръ противъ него, она слушалась совѣтовъ своего новаго друга, цесаревича—это онъ



Литературный альбомъ. „Наль и Дамаянти", переводъ В. А. Жуковскаго. „Дамаянти въ лѣсу".
Оригин. рисун. Н. Каразина, грав. К. Ольшевскій.

виноватъ во всемъ, онъ утверждалъ ее въ гордости, онъ толковалъ ей о томъ, что все придетъ въ свое время, что Сергѣя нужно подвергнуть испытанію, онъ повторялъ ей:

„Держитесь, не падайте духомъ, будьте сильны и сказка окончится благополучно“.

Онъ во всемъ виноватъ!

Но нѣтъ, зачѣмъ она станетъ винить его? Онъ самъ горячій мечтатель, какъ она въ эти послѣдніе годы, такъ и онъ всю жизнь жилъ въ области, созданной его воображеніемъ, онъ желалъ ей добра, но онъ не могъ понять чужаго ему дѣла, дѣла ея сердца. Зачѣмъ она слушалась его больше чѣмъ своего сердца, зачѣмъ она вѣрила чужимъ людямъ, когда должна была вѣрить только своему чувству, говорившему ей всегда правду?..

Ей уже некого было обвинять.

„Да, всему виною моя гордость, наконецъ прошептала она, окончательно сдаваясь. О, какъ я несчастна! О, какъ я преступна! Въ какомъ я была ослѣпленіи“!

Она схватилась за голову и долго не шевелясь сидѣла на своей кровати, не мигая смотря въ одну точку и ничего не видя среди полумрака, окутавшаго ея скромную дѣвическую комнату и едва озаряемаго слабымъ свѣтомъ лампады, зажженной предъ иконами.

„О! какъ я виновата!“ отчаянно повторила она.

И вдругъ неудержимыя слезы полились изъ глазъ ея, и долго она плакала, и многое она оплакивала. Она оплакивала каждый день этой сумрачной, безполезно, какъ ей теперь казалось, прожитой ею жизни, проведенной въ этихъ тихихъ стѣнахъ, оплакивала каждый день, уносившій ея юность, ея свѣжесть. О! что дала бы она теперь если бы можно было воротить это потерянное, загубленное время—но его не воротишь! Какъ нужно теперь торопить счастье, пришедшее такъ поздно... но пришло ли оно?..

Этотъ новый, нежданный вопросъ заставилъ болѣзненно забиться ея сердце.

„Пришло ли, стою ли я этого счастья? Не наступаетъ ли теперь наказаніе за мою гордость? Вернулся ли онъ ко мнѣ? Увижу ли я его? Быть можетъ онъ вернулся только затѣмъ, чтобы открыть мнѣ глаза, чтобы показать мнѣ всю мою вину и затѣмъ уйти отъ меня навсегда, оставить меня для новаго тяжкаго наказанія?!. Но вѣдь я уже наказана и такъ всѣми этими годами, я наказана... А то, что я заставила его перенести?...“

Таня вздрогнула. Она молила Бога, молила судьбу сжалиться надъ нею, она клялась всю жизнь свою посвятить на то, чтобы заставить его забыть это тяжелое время. И вотъ ея отчаяніе мало по малу улеглось, снова явилась бодрость, надежда.

„Нѣтъ, онъ мой теперь, я не отдамъ его, я сдѣлаю его счастливымъ, я заставлю его забыть все, я ворочу потерянное время!..“

(До слѣдующаго №).

На жизнь и на смерть.

Разсказъ.

Курьерскій поѣздъ изъ Санъ-Франциско остановился у платформы станціи Омага. Я поспѣшилъ выйти съ своимъ саквояжемъ. Въ эту минуту кто-то ударилъ меня по плечу и вслѣдъ за тѣмъ раздалось восклицаніе: — Эй, Джэкъ! Пораженный, я оглянулся и узналъ своего стараго друга Бена; крѣпко и радостно пожалъ я ему руку.

— Откуда старый другъ? воскликнулъ онъ, не менѣе моего обрадованный случайной встрѣчей.

— Изъ Виргиніи въ Неваду. А ты что тутъ дѣлаешь въ Омагѣ?

— Я служу машинистомъ на желѣзной дорогѣ Чикаго — и Рокъ-Исландъ, живу въ Омагѣ, и надѣюсь ты останешься у меня на нѣсколько дней.

Я съ удовольствіемъ согласился. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Бенъ Ватсонъ и я встрѣтились и подружились на золотыхъ и серебряныхъ пріискахъ въ Калифорніи и Невадѣ. По смерти отца Бена, его вызвали въ его родной городъ Чикаго, гдѣ онъ женился и объ этомъ я узналъ изъ его письма ко мнѣ. Вслѣдствіе страшнаго пожара 8-го Октября 1871 г. опустошившаго большую часть города, Бенъ лишился всего своего имущества. Ему, какъ хорошему машинисту, удалось выхлопотать мѣсто себѣ при Чикаго-Рокъ-Исландской желѣзной дорогѣ. Онъ останавливался въ Омагѣ, конечной станціи этой желѣзной дороги, съ тѣхъ поръ какъ построенъ былъ мостъ черезъ Миссури.

Все это онъ успѣлъ сообщить мнѣ по пути въ его квартиру, гдѣ я былъ встрѣченъ очень радушно. Его молодая жена знала меня только по моимъ письмамъ къ ея мужу. Отъѣздъ свой изъ Виргиніи я устроилъ такъ, что могъ свободно располагать цѣлою недѣлею передъ окончательнымъ возвращеніемъ въ Европу. Счастіе благопріятствовало мнѣ на пріискахъ: въ моемъ распоряженіи оказалась солидная сумма, позволившая весело провести съ недѣльку въ Чикаго, Нью-Іоркѣ или гдѣ мнѣ вздумалось бы. Но все же я согласился на предложеніе моего друга и предпочелъ прожить у него эти свободные дни. Пароходъ „Сицилія“ долженъ быть отправиться изъ Джерсей-Сити въ Гамбургъ 6-го Марта, и у меня былъ уже взятъ билетъ. То что я разсказываю происходило только 26-го февраля, и такъ какъ проѣхать изъ Омаги до Нью-Іорка можно въ 60 часовъ, то я располагалъ цѣлыми пятью днями. Я сдалъ на сохраненіе свой багажъ и возвратился къ Бену и его женѣ, желая воспоминаніями воскресить прошлое, осмотрѣть Омагу и ея окрестности, пользуясь отпускомъ Бена, который получилъ его на нѣсколько дней. Скоро я близко сошелся съ этой семьей и узналъ отъ молодой женщины, что мужъ ея 3-го Марта будетъ праздновать день своего рожденія, также и о томъ, что у него въ Унксіонѣ, третьей станціи отъ Омаги, живетъ нѣжно любимая имъ сестра. Какъ разъ третьяго Марта онъ долженъ будетъ ѣхать съ курьерскимъ поѣздомъ изъ Чикаго до Унксіона, гдѣ можетъ пробыть нѣсколько часовъ, въ ожиданіи прибытія курьерскаго поѣзда съ которымъ долженъ ѣхать дальше. Этотъ поѣздъ, идя мимо Клинтона и Фультона, переходитъ въ Унксіонѣ на линію Чикаго и Рокъ-Исландъ и послѣ краткой остановки въ Чикаго, идетъ прямо въ Нью-Іоркъ по линіи Эри. Я предложилъ женѣ сдѣлать мужу ея въ Унксіонѣ сюрпризъ, побуждая его сестру устроить на общія средства маленькое домашнее празднество, въ которомъ участвовали бы только она, съ ея трехлѣтнимъ ребенкомъ, да ея сестра. Молодая жена была очень довольна этимъ предложеніемъ. Намъ удалось извѣстить сестру его объ нашемъ заговорѣ и съ первою же почтою мы получили въ отвѣтъ ея согласіе.

Когда такимъ образомъ у насъ съ Г-жею Ватсонъ все было улажено, я занялся сборами къ своему отъѣзду съ поѣздомъ, отходящимъ изъ Омаги 3-го Марта въ 9 ч. утра. Не встрѣчая никакихъ препятствій, я могъ бы прибыть въ Джерсей-Сити 6-го Марта въ 4 ч. утра, могъ бы съ полнѣйшимъ спокойствіемъ поѣхать въ Нью-Іоркъ, проститься съ нѣкоторыми знакомыми и уже тогда только пріѣхать къ 2 часамъ на пароходѣ „Силезія“, отходящемъ въ этотъ часъ въ Гамбургъ. Въ обществѣ друзей дни незамѣтно и быстро пролетѣли. Воспоминанія и обмѣнъ впечатлѣній преобладали въ нашихъ бесѣдахъ.

Наконецъ настало 3-е Марта, и мнѣ удалось провезти и усадить въ вагонъ Г-жу Ватсонъ съ ея ребенкомъ, незамѣтно отъ Бена, занятаго своимъ локомотивомъ.

Помѣстивъ ее благополучно я подошелъ къ машинѣ и засталъ Бена за чисткой мѣднаго котла и безъ того ярко блестѣвшаго. Такъ какъ это было дѣло истопника, а не машиниста, то я спросилъ Бена о причинѣ такого усердія. Онъ отвѣтилъ, что истопникъ заболѣлъ и по несчастной случайности въ Омагѣ нѣтъ ни одного другого, который могъ бы его замѣнить. Только въ Унксіонѣ можно будетъ застать помощника. А что если бы я былъ твоимъ истопникомъ до тѣхъ поръ?“ спросилъ я его.

— Ге! если желаешь, входи сюда, у насъ всего 2 минуты времени“.

Въ одинъ мигъ я былъ на машинѣ, надѣлъ сверхъ своего дорожнаго пальто, рабочее, предложенное мнѣ Беномъ, и собрался звонить въ большой колоколъ локомотива.

Топка была для меня не новостью, во время морской службы приходилось не разъ исполнять эту обязанность, кромѣ того въ Невадѣ я завѣдывалъ также и паровой машиной. Все это Бенъ зналъ. Не разъ у меня являлось желаніе носиться по безпредѣльнымъ степямъ на летучемъ локомотивѣ и наконецъ мое желаніе исполнилось!

Манометръ указывалъ только 75 фунтовъ давленія, я взялъ большую лопату, чтобы подбросить подъ котелъ центнеръ угля, такъ что когда мы отъѣжали отъ станціи, давленіе было 100 ф. на квадратный дюймъ.

Поѣздъ медленно подвигался по мосту черезъ Миссури, на это требовалось около шести минутъ. Затѣмъ мы прибыли на первую станцію нашего пути. Не успѣли мы проѣхать первую сторожевую будку, какъ я замѣтилъ человѣка, держащаго красный флагъ. Я спросилъ Бена что это значитъ и онъ мнѣ объяснилъ, что человѣкъ этотъ имѣетъ ему сообщить что нибудь

касающееся службы. Затѣмъ онъ нагнулся нѣсколько и ловко подхватилъ обручъ отъ бочки, поданный ему рабочимъ. На этомъ обручѣ былъ сдѣланъ надрѣзъ и въ него вложена записка. Бенъ развернулъ бумажку: я зорко сталъ наблюдать за нимъ, такъ какъ мнѣ все это показалось сомнительнымъ. Если это касалось служебныхъ сообщеній, то почему же служащіе на станціи не заявили намъ объ этомъ словесно?

Бенъ открылъ бумагу; по виду это была депеша Телеграфнаго Союза и я замѣтилъ, какъ сильно онъ поблѣднѣлъ. Вынувъ часы, онъ смотрѣлъ на манометръ, открылъ кранъ и мы помчались съ отчаянной быстротой. До меня доходили слова, произнесенные имъ въ волненіи: Этаго не можетъ быть — это слишкомъ нелѣпо.

— Что ты тамъ ворчишь про себя?

— Ничего; насыпай больше угля.

— Но, Бенъ....

— Угля, говорю тебѣ, угля! Слышишь?

Слова эти онъ произнесъ суровымъ тономъ, котораго прежде никогда у него не было.

Изумленный посмотрѣлъ я на него и выронилъ изъ рукъ лопатку. Лицо Бена страшно измѣнилось. Глаза были неподвижно устремлены на манометръ. Судорожно держалъ онъ рукоятку пароваго котла, какъ будто желая еще болѣе его открыть.

Изъ груди его вылетали звуки, непохожіе на человѣческій голосъ. Я только могъ понять:

— На половину не хватаетъ силы! Не идетъ! Подбавь еще угля если жизнь тебѣ дорога, повелительно обратился онъ ко мнѣ.

Я бросалъ уголь, не понимая въ чемъ дѣло, хотя отъ непривычной работы и адскаго огня потъ лилъ съ меня, какъ вода. Мы должны были черезъ четверть часа прибыть въ городъ Миссури-Валлей, и встрѣтиться съ поѣздомъ Пацификъ, идущимъ изъ Нью-Іорка. Я хотѣлъ узнать, въ чемъ дѣло, такъ какъ серьезно опасался, не сошелъ-ли мой товарищъ съума. Но, что это? Вотъ, простое, бѣлое зданіе станціи Миссури-Валлей; служащіе стоятъ на платформѣ, но Бенъ и не думаетъ закрыть паровой кранъ и остановить поѣздъ. Нѣтъ, локомотивъ мчится съ невѣроятною быстротой, и Бенъ все приказываетъ бросать уголь.

— Больше угля, чортъ возьми, больше угля!

Наконецъ объяснилъ я ему, что при такомъ давленіи котелъ неминуемо должно разорвать. Эти слова произвели на него успокоительное дѣйствіе, потому что не смотря на страшное волненіе, въ которомъ онъ находился, онъ все таки болѣе спокойно сказалъ:

— Взгляни-ка внизъ... Видишь-ли приблизительно миляхъ въ четырехъ отсюда, сдѣлана выемка. Въ этой выемкѣ проложенъ запасный путь, куда мы должны достигнуть въ двѣ минуты, что бы не столкнуться съ Пасификскимъ поѣздомъ! Понимаешь-ли ты теперь? Не спрашивай больше. Подбрось углей подъ котелъ.

Я понялъ слишкомъ хорошо. Запасный путь былъ отъ насъ около одной англійской мили.

Если бы можно было во время свернуть, мы и весь поѣздъ были бы спасены, иначе столкновеніе поѣздовъ было неминуемо. Конечно опасность сойти съ рельсъ велика, — но за то опасность встрѣтиться съ другимъ поѣздомъ еще ужаснѣе; дѣло шло о жизни или смерти. Въ виду этаго я исполнялъ приказанія Бена, ни слова не говоря. Я весь былъ въ поту, и признаюсь не только отъ сильнаго жару, но и отъ страху.

И наконецъ достигли мы цѣли: передъ нами запасныя рельсы; въ этотъ же мигъ показался блестящій локомотивъ курьерскаго поѣзда. Вдругъ наша машина получила такой толчекъ вправо, что я упалъ. Мы были на запасныхъ рельсахъ; черезъ секунду по сильному напору воздуха, по раздирающему уши свисту и шуму можно было судить, что мимо промчался курьерскій поѣздъ. Мы были спасены, благодаря храброму выжиданію стрѣлочника, который какъ-бы руководимый какою-то высшею силою, съумѣлъ въ единственный вѣрный моментъ переставить стрѣлки! Бенъ медленно закрылъ регуляторъ, котораго прежде не выпускалъ и далъ паровику обыкновенный ходъ 40 миль въ часъ.

Скоро и манометръ сталъ показывать правильное давленіе въ 135 фунтовъ, между тѣмъ какъ раньше давленіе доходило выше 200 ф. на квадратный дюймъ.

Продолжая такимъ образомъ спокойно путь, я спросилъ Бена о причинѣ, заставившей его не ждать курьерскаго поѣзда, какъ всегда, на станціи Миссури-Валлей. Вмѣсто отвѣта онъ мнѣ показалъ депешу главнаго инспектора линіи Рокъ Исландъ, которую получилъ при отъѣздѣ. Въ ней было сказано: „Машинистъ курьерскаго поѣзда изъ Чикаго долженъ отправиться безъ остановки въ Миссури-Валлей прямо въ Ункціонъ, такъ какъ отъ вчерашняго дня курьерскій поѣздъ Атлантикъ у Клинтона сошелъ съ рельсъ и теперь только прибылъ въ Ункціонъ, опоздавъ на 16 часовъ; поэтому сейчасъ же по приходѣ поѣзда должно ѣхать дальше.“ Нельзя судить объ этомъ случаѣ по масштабу европейскихъ порядковъ; нужно мысленно перенестись въ Америку, гдѣ жизнь человѣка немного цѣнится. Особенно на западныхъ одно-колейныхъ линіяхъ, часто происходили случаи, совершенно непонятные спокойному европейскому уму. Привыкшій къ волненіямъ и даже требующій сильныхъ ощущеній американецъ, находитъ все это въ порядкѣ вещей.

Я прочиталъ эту депешу; мнѣ все стало ясно, но я также понялъ, что предполагаемое празднество не можетъ состояться, и потому лишнее было что либо скрывать отъ него, почему я и разсказалъ Бену о нашемъ планѣ съ его женою и сестрою. Впечатлѣніе, произведенное моими словами было громадно и совершенно непредвидѣнно мною. Бенъ, вытаращивъ глаза на меня, всплеснулъ руками, какъ бы подыскивая опору и упалъ на скамью.

Этотъ Бенъ, не задолго до этого, въ минуту страшной опасности не потерявшій присутствія духа—теперь узнавъ, что самое дорогое ему, его жена и ребенокъ — были въ такой опасности, при одной мысли объ этомъ совсѣмъ потерялъ сознаніе. Въ это время мы доѣхали до станціи Ункціонъ и я остановилъ поѣздъ.

Тутъ только я могъ позаботиться о своемъ товарищѣ, который вскорѣ и оправился.

Мы вышли на платформу, гдѣ насъ встрѣтила г-жа Дженкинсъ — сестра его, а изъ вагона вышла г-жа Ватсонъ съ ребенкомъ. Чувствуя себя окруженнымъ близкими сердцу, Бенъ въ волненіи пожалъ мнѣ руку, шепнувъ:

— Отъ души тебя благодарю, что ты не сказалъ мнѣ ранѣе о присутствіи на этомъ поѣздѣ моихъ дорогихъ; иначе я не въ состояніи бы былъ владѣть собой и дѣйствовать съ твердостью. Впрочемъ я сейчасъ донесу начальнику станціи, что черезчуръ утомленъ этой поѣздкой. Другой пусть ѣдетъ съ поѣздомъ.

Для меня насталъ часъ разлуки; я такъ полюбилъ этихъ людей, что было жаль разставаться съ ними. Еще одно пожатіе руки, я сѣлъ въ вагонъ и безъ дальнѣйшихъ препятствій уѣхалъ въ Чикаго.

Съ тѣхъ поръ мнѣ больше не пришлось исполнять обязанности истопника, но не разъ вспоминаю я эту бѣшеную ѣзду, ѣзду на жизнь и на смерть.

Куриное яйцо.

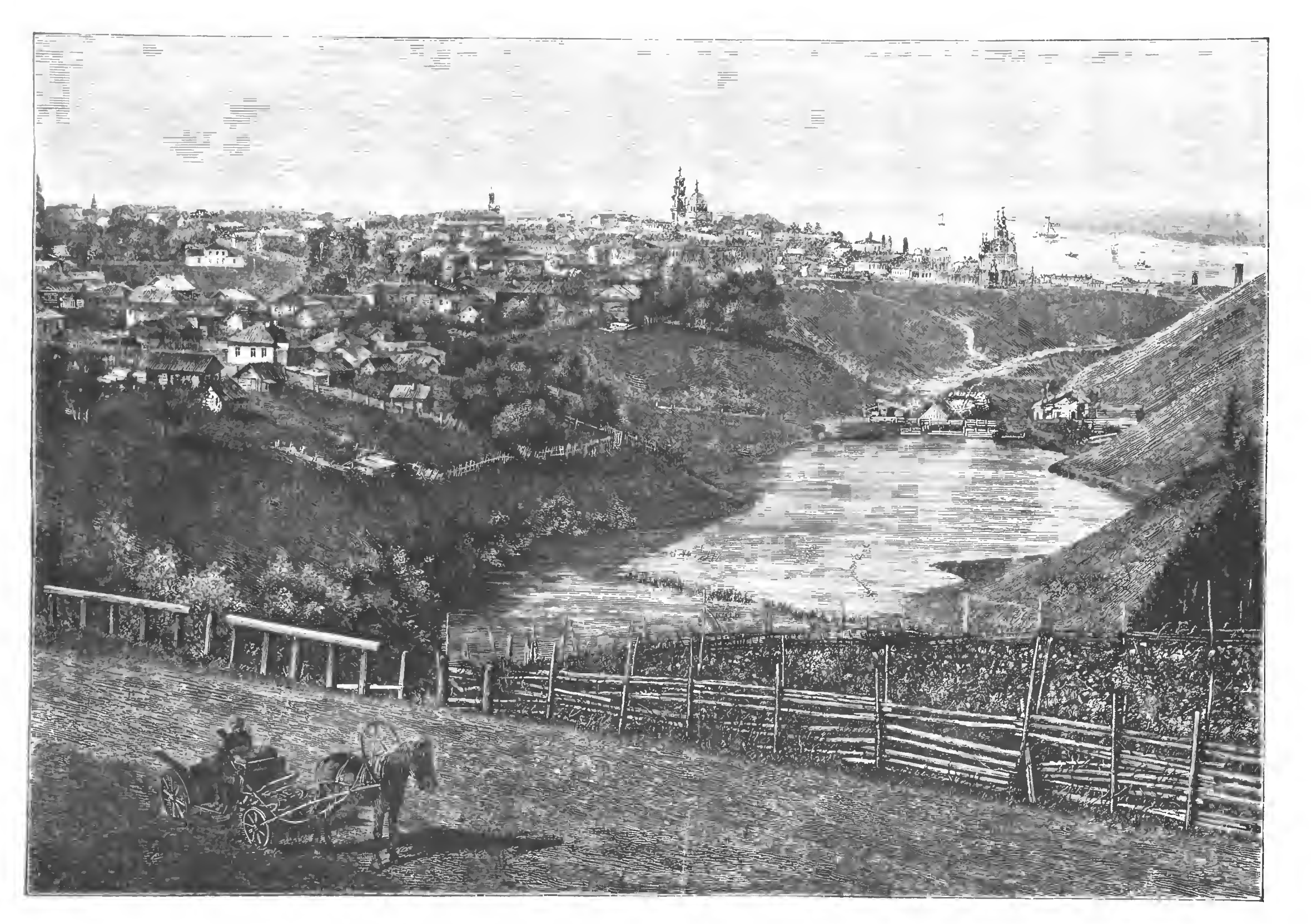
Очеркъ.

Куриное яйцо! Есть-ли на свѣтѣ что болѣе прозаичное и обыкновенное? И однако, смѣемъ утверждать, что на свѣтѣ нѣтъ ничего столь загадочнаго и чудеснаго, ничего что бы сильнѣе могло занять ученѣйшаго изслѣдователя. Это именно то обыкновенное куриное яйцо, которое мы ѣдимъ почти ежедневно, безъ всякихъ философскихъ о немъ размышленій, и считаемъ созданнымъ природою пожалуй чуть-ли не преимущественно для изготовленія изъ него яичницы.

Присмотрѣвшись къ яйцу поближе, съ цѣлью разгадать заключающіяся въ немъ загадки и чудеса, мы найдемъ въ немъ высокій интересъ. Уже одна свойственная яйцу продолговатая форма, тупая съ одного конца и острая съ другаго, оказывается, имѣетъ вполнѣ опредѣленное назначеніе. Для насъ становится понятною необходимость такой формы яйца, если мы узнаемъ, что, клювъ цыпленка помѣстится на широкой сторонѣ и съ этой стороны именно будетъ птенецъ выдвигаться на свѣтъ Божій. Именно въ этомъ-то широкомъ концѣ куринаго яйца, между скорлупой и бѣлкомъ, находится небольшое, наполненное воздухомъ, пространство, имѣющее огромное значеніе для развивающагося цыпленка. Въ немъ, въ этомъ пространствѣ, производитъ птенецъ первые дыхательные опыты и издаетъ первый робкій пискъ.

Окружающая яйцо известковая оболочка, повидимому совершенно непроницаемая, снабжена, въ дѣйствительности, множествомъ поръ (отверстій), впускающихъ и выпускающихъ воздухъ. Вслѣдствіе этого, въ яйцѣ находится вообще достаточно воздуха, больше, чѣмъ можно предположить. Если опустить яйцо въ стаканъ воды и, помѣстивъ стаканъ подъ колоколъ воздушнаго насоса, выкачивать воздухъ, находящійся въ немъ, то мы увидимъ, что изъ воды въ стаканѣ начинаютъ подыматься безчисленные пузырьки воздуха. Кажется тогда, что вода словно закипаетъ. Воздушные пузырьки образуются отъ воздуха, находящагося въ яйцѣ: воздухъ этотъ проникаетъ сквозь поры скорлупы, стремясь въ безвоздушное пространство подъ колоколомъ, вслѣдствіе дѣйствія воздушнаго насоса. Воздухъ этотъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для развивающагося птенца. Доказано, что въ непроницаемыхъ для воздуха, покрытыхъ напр. клеемъ, яйцахъ, при соблюденіи всѣхъ прочихъ условій для развитія зародыша, высиживанія не происходитъ. Внутри, подъ скорлупой яйца, находится пленка, оказывающаяся, при внимательномъ изслѣдованіи, состоящею изъ двухъ нѣжныхъ кожицъ. Одна изъ нихъ лежитъ непосредственно на скорлупѣ, тогда какъ другая окружаетъ бѣлокъ. Обѣ кожицы плотно прилегаютъ одна къ другой, и раздѣляются только въ области тупаго конца.

Бѣлокъ, находящійся подъ кожицею, вовсе не представляется однообразной массой, но оказывается, въ дѣйствительности, нѣжной клѣтчаткой заключающей въ себѣ густую жидкость—то что



Общій видъ города Перми. Съ фотогр. Ф. Лохмайера, грав. М. Рашевскій.

Молитва матери. Съ картины Т. Розенталя, грав. Кнезингъ.

называется собственно бѣлокъ. Клѣтчатка прикрѣплена съ двухъ сторонъ къ желтку, ядру яйца, двумя плотными скрученными бѣлковыми нитями. Нити эти, покоющіяся на обѣихъ сторонахъ желтка, въ видѣ узелковъ, образуютъ такъ называемые „глазки".

Желтокъ точно также заключенъ въ нѣжной кожистой оболочкѣ, освобождающей, при разрывѣ, свое расплывающееся содержимое. Подъ микроскопомъ, желтокъ представляется какъ-бы кашицей, состоящей изъ маленькихъ зернышекъ, между которыми опять-таки плаваютъ желтоватые шарики и капельки жира. Шарики оказываются вогнутыми и получаютъ свою окраску отъ желтаго жира, которымъ они наполнены. Если положить желтокъ передъ собой такъ, чтобы „глазки" находились направо и налѣво, и затѣмъ повертывать его, стараясь не разорвать оболочку, то можно замѣтить, какъ разъ между глазками, посерединѣ шара, темное пятнышко величиною съ приплюснутое горчичное зерно. Это — зародышевое пятно, маленькій кружокъ, состоящій изъ двухъ кожицъ, наложенныхъ одна на другую на подобіе листочковъ. Зародышевый кружокъ лежитъ въ видѣ крышечки, надъ чашечкообразнымъ углубленіемъ желтка, выложеннымъ бѣловатой слизью; на днѣ этого углубленія находится тонкій каналъ, какъ-бы заткнутый бѣлымъ зерномъ, и ведущій въ маленькую полость въ серединѣ желтка. Весь желтокъ, съ чашечкообразнымъ углубленіемъ и лежащимъ на немъ зародышевымъ кружкомъ, покрытъ особой оболочкой, черезъ которую и просвѣчиваетъ зародышевое пятно. Отдѣливъ оба листочка зародышеваго кружка и разсмотрѣвъ ихъ подъ микроскопомъ, мы не замѣтимъ на нижнемъ ничего особеннаго; верхній листикъ оказывается, между тѣмъ, состоящимъ изъ маленькихъ нѣжныхъ шариковъ.

Зародышевое пятно имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ именно изъ него образуется цыпленокъ. Въ періодъ высиживанія оно ростетъ, измѣняется, расширяется во всѣ стороны, опускается, складывается и такъ далѣе до тѣхъ поръ пока не образуется изъ него настоящій цыпленокъ, съ головой, клювомъ, лапками и крылышками. При этомъ онъ поглощаетъ особеннымъ образомъ все предназначающееся для него яйцо, кромѣ скорлупы. Никому не могло-бы придти въ голову, при разсматриваніи этого незначительнаго пятнышка, что это зародышъ цыпленка; и если-бы наука не доказала этого самымъ неопровержимымъ образомъ, то, конечно, мы сочли бы сумасшедшимъ того, кто вздумалъ-бы это утверждать.

Но если зародышевое пятно предназначено сдѣлаться живымъ цыпленкомъ, черезъ поглощеніе остальнаго яйца, то въ яйцѣ должны заключаться, поэтому всѣ матеріалы, изъ которыхъ образуется впослѣдствіи птенецъ. И дѣйствительно, химія показываетъ намъ, какія удивительныя вещи происходятъ въ яйцѣ. Кромѣ жира и винограднаго сахара, бѣлокъ содержитъ въ себѣ еще натръ, хлористый калій, обыкновенную поваренную соль и фосфорныя кислоты въ соединеніи съ нѣкоторыми химическими веществами. Желтокъ-же заключаетъ въ себѣ, кромѣ сырнаго вещества, особенные жиры, какъ-то: маргаринъ, элаинъ, холестринъ, съ сѣрой, желѣзомъ, известью и т. п. Короче сказать, мы видимъ въ яйцѣ цѣлую химическую лабораторію. Этихъ составныхъ частей достаточно при извѣстныхъ условіяхъ для развитія цыпленка изъ зародышеваго пятна. Именно, они содержатся въ яйцѣ какъ разъ въ такомъ количествѣ, изъ какого могли-бы образоваться кровь, кости, мясо, мускулы, перья и т. д. Такимъ образомъ, когда высиженный цыпленокъ оставляетъ скорлупу, эти вещества оказываются всецѣло поглощенными. Для цѣлаго ряда измѣненій названныхъ веществъ и ихъ взаимнаго дѣйствія по образованію и развитію птенца необходима температура въ 30° Р.

Если такая температура сообщена яйцу, тотчасъ-же начинается процессъ его измѣненія. Подъ вліяніемъ теплоты, начинается *движеніе* малѣйшихъ частицъ яйца, по направленію къ срединной части желтка, откуда требуемое вещество передается зародышевому пятну, черезъ вышеупомянутый тонкій каналъ. Уже по прошествіи шести часовъ, яйцо претерпѣваетъ значительное измѣненіе. Зародышевый кружокъ выростаетъ въ порядочный кусочекъ. Онъ не лежитъ уже въ видѣ покрышки надъ углубленіемъ въ желткѣ, но опирается широкимъ краемъ на поверхность желтка. Однако, увеличивается только верхній листокъ зародышеваго кружка: нижній-же листокъ сохраняетъ пока свою величину. Но съ верхнимъ произошло еще и другое измѣненіе. Передъ самымъ высиживаніемъ микроскопъ показывалъ въ зародышевомъ листкѣ только шарики, теперь-же мы замѣчаемъ въ немъ маленькія прозрачныя клѣточки, то есть тонкіе пузырьки, образовавшіеся изъ нѣжной кожица. Прежніе шарики умножились черезъ раздѣленіе на части, вслѣдствіе чего и образовались клѣточки. Незначителенъ этотъ процессъ въ глазахъ людей, незнакомыхъ съ наукою, но онъ чрезвычайно важенъ въ дѣйствительности. Этотъ процессъ является уже первымъ актомъ зарожденія живаго существа.

По прошествіи еще шести часовъ, измѣненіе становится еще значительнѣе. Теперь зародышевый кружокъ, именно верхняя его кожица, еще выше поднялась надъ желткомъ; количество клѣточекъ увеличилось и наконецъ нижній листокъ раздѣлился и сложился вновь, такъ что зародышевое пятно состоитъ уже изъ трехъ, наложенныхъ другъ на друга, листковъ.

По прошествіи приблизительно пятнадцати часовъ высиживанія, мы замѣчаемъ уже первые признаки образованія птенца. Посерединѣ верхняго зародышеваго листка, образуется легкая полоска, нѣсколько утолщенная съ одного конца. Это первое обозначеніе спины, по которому мы можемъ судить о положеніи будущаго цыпленка. Но птенецъ не располагается всею длиною своего тѣла по длинѣ яйца. Онъ лежитъ поперегъ яйца: если положить яйцо такъ, чтобы острый конецъ его находился на правой сторонѣ, то широкій конецъ спинной линіи—изъ котораго образуется потомъ голова цыпленка—окажется на верху, а тонкій (впослѣдствіи хвостъ) внизу.

Черезъ восемнадцать часовъ, зародышевый кружокъ оказывается значительно увеличеннымъ; оба верхніе зародышевые листки стали толще посерединѣ и, наконецъ, срослись у спинной линіи, вслѣдствіе чего образовалась продолговатая такъ называемая „осевая плоскость".

Къ концу перваго дня высиживанія, на верхнемъ зародышевомъ листкѣ, по обѣимъ сторонамъ, вдоль срединной линіи, образуются два валика. Получается бороздка, которая оказывается глубже по направленію къ головѣ. Одновременно, по обѣимъ сторонамъ бороздки, появляются два бѣлыя пятнышка—зачатки костей. Оба валика постепенно все ближе и ближе наклоняются другъ къ другу, вмѣстѣ съ косточками, пока послѣднія не срастаются и не образуютъ трубочку, позвоночникъ, предназначающійся для вмѣщенія впослѣдствіи спиннаго мозга. У перваго позвонка (имѣющаго сдѣлаться впослѣдствіи головкою цыпленка) образуется пузырькообразная припухлость со стороны нижняго листка. При этомъ спинка все болѣе и болѣе сгибается, и будущій цыпленокъ располагается по желтку въ видѣ закрытаго челночка. Понятно, что о настоящей головѣ или спинѣ не можетъ еще быть пока и рѣчи, ибо все это еще не болѣе какъ сгибаніе и свертываніе зародышевыхъ листковъ, лежащихъ въ выпукломъ и въ вогнутомъ видѣ на зародышѣ. Брюшная полость и грудь образуются позднѣе, черезъ замыканіе и размыканіе зародышевыхъ листковъ.

На второй день продолжается образованіе позвоночника. Въ то же время зародышевый кружокъ разростается настолько, что огибаетъ уже весь желтокъ, между тѣмъ какъ часть его, предназначенная для образованія цыпленка, подымается все выше и выше. Одновременно, въ области головы образуются четыре пузырькообразныя возвышенія, въ видѣ какъ-бы будущихъ головокъ; впослѣдствіи, они оказываются частями мозга. Къ концу втораго дня показывается, дѣйствительно, и будущая головка цыпленка, отличающаяся быстротою роста и все глубже и глубже опускающаяся въ желткѣ на будущую грудь птенца. Тогда-же, на переднемъ пузырькѣ головы, замѣчаются два возвышеньица—будущіе глаза маленькаго существа. Въ пустомъ доселѣ позвоночникѣ начинаетъ уже образовываться спинной мозгъ. Тамъ-же, гдѣ подымается, на подобіе пузырька, съ зародышевой кожи, головка — средняя зародышевая кожица отдѣляется отъ верхней и такимъ образомъ получается мѣшечкообразное пространство — будущее сердце птенца.

До сихъ поръ птенецъ представлялся только какъ-бы наростомъ на желткѣ. На третій день онъ начинаетъ подбираться снизу и желтокъ уже оказывается привѣшеннымъ къ нему въ видѣ большаго пищеваго мѣшка. Мѣшкообразная полость, изъ которой образуется сердце, начинаетъ теперь сокращаться, принимая кровь съ одной стороны и выгоняя ее съ другой: сердце начинаетъ биться. Одновременно полость головы складывается и изъ образующагося черезъ это крошечнаго отверстія развивается впослѣдствіи ротъ птенца. Соотвѣтствующія складыванія внутри образующагося организма обозначаютъ начала будущей кишечной полости, а двѣ лопасти главной жилы сердца—будущую печень. Въ грудной полости обозначаются двѣ небольшія припухлости — будущія легкія, причемъ замѣчаются уже и зачатки дыхательной трубки. Сердце производитъ легкія движенія, подымаясь и опускаясь, и вообще безпрестанно измѣняя свое положеніе. Мозговые пузыри все болѣе и болѣе приплющиваются, превращаясь позднѣе въ настоящую голову. Точно также представляются намъ, въ видѣ маленькихъ вѣтвей, отходящихъ отъ брюшной полости, и будущія крылья и лапки. На третій день, маленькое существо проявляетъ свои первыя движенія: оно поворачиваетъ направо голову, вслѣдствіе чего сердце, находившееся до сихъ поръ въ срединной линіи, занимаетъ свое настоящее мѣсто, въ лѣвой сторонѣ.

На четвертый и на пятый день размыканіе продолжается и брюшная полость все болѣе и болѣе съуживается. Позвонки удлинняются, а быстро развивающаяся шейка сгибается внизъ, вслѣдствіе чего туловище животнаго углубляется все болѣе и болѣе; между тѣмъ, конецъ хвоста загибается кверху, такъ что крайнія части животнаго почти касаются другъ друга. При этомъ бѣлокъ оказывается значительно меньше и плотнѣе противъ прежняго, между тѣмъ какъ желтокъ, наоборотъ—больше и жиже.

На третій день съ маленькимъ созданьицемъ происходитъ новое многозначительное явленіе: оно начинаетъ дышать. Происходитъ это чуднымъ образомъ, черезъ посредство пузыреобразнаго мѣшечка, соединеннаго каналомъ, пуповиной, съ брюшной полостью и доходящаго вплоть до скорлупы. Кровь приливаетъ изъ сердца животнаго къ этому мѣшечку, дѣйствующе-

му какъ легкія, съ распространяющимися въ немъ тонкими кровяными сосудами, выдѣляетъ изъ себя черезъ извѣстковую стѣнку скорлупы угольную кислоту: принимаетъ черезъ нее же новый запасъ кислорода и снова направляется въ сердце. Это своеобразное дыханіе, дѣйствіе котораго заключается въ сокращеніи и расширеніи сердца, продолжается почти до самаго вылупленія цыпленка, пока не начнется настоящая дѣятельность легкихъ.

Между шестымъ и десятымъ днемъ цыпленокъ растетъ чрезвычайно быстро, особливо шейка, изгибающаяся снизу. Будущему птенчику становится тѣсно занимаемое пространство и онъ дѣлаетъ усилія расположиться по яйцу уже во всю длину. Прежде всего, онъ выдвигаетъ головку съ клювомъ, такъ чтобы клювъ могъ поглощать воздухъ, находящійся въ области тупаго конца яйца. Для этого ему приходится принять крайне неудобное положеніе, согнувъ шейку въ видѣ латинскаго S, положеніе, сохраняющееся у молоденькаго цыпленка еще и по прошествіи нѣкотораго времени по вылупленіи.

Особенно замѣчательно развитіе клюва и лапокъ животнаго. Клювъ считали сначала за зарождающуюся рыбу, жабры которой обнаруживались прежде всего. Только позднѣе принимали эти „жабры" за то, что они есть на самомъ дѣлѣ, именно, за верхнюю и нижнюю челюсть будущаго клюва. Крылья и ножки представляются въ первое время незначительными отросточками, нисколько не отличающимися другъ отъ друга. Только при дальнѣйшемъ развитіи, вырабатываются изъ нихъ различные органы. Ножки загибаются впередъ, крылья отходятъ назадъ и въ то время какъ на ножкахъ развиваются лапки, на крыльяхъ появляются странныя уродливыя подобія рукъ, съ двумя длинными пальцами каждая. Это—первые зачатки будущихъ летательныхъ перьевъ.

Хотя легкія замѣчаются уже и въ первые дни, однако, вполнѣ развиваются они только къ концу періода высиживанія. Въ этомъ обнаруживается вновь цѣлесообразность всѣхъ проявленій природы, ибо въ яйцѣ животное не могло бы сдѣлать изъ легкихъ никакого употребленія. Оно дышетъ, какъ мы уже видѣли, черезъ посредство пуповины, своеобразнаго мѣшечка, лежащаго на скорлупѣ. Кровь течетъ отсюда не къ легкимъ, не смотря на то что для этаго уже есть путь, но совершаетъ гораздо болѣе короткое обращеніе, попадая черезъ особое уже имѣющееся отверстіе изъ одной части сердца въ другую. При первыхъ же вдыханіяхъ черезъ клювъ должно, очевидно, произойти измѣненіе въ кровообращеніи,—кровь должна оставить прежній путь и протекать уже черезъ легкія. Это происходитъ вслѣдствіе закрыванія вышеупомянутаго отверстія особой кожистой заслонкой, которая въ извѣстные моменты замыкаетъ это отверстіе и тѣмъ даетъ толчокъ развитію сердца.

Уже на восемнадцатый день желтокъ и бѣлокъ исчезаютъ почти совсѣмъ. Желточный мѣшокъ, все еще держащійся у пупка, но уже съ самымъ малымъ количествомъ жидкости, проскакиваетъ внутрь цыпленка передъ его вылупливаніемъ. Съ двадцатаго дня начинаются первые дыхательные опыты животнаго съ помощію легкихъ, причемъ оказываетъ свою полезность воздушное пространство въ области тупой стороны яйца. Съ этаго момента прекращаются—и прежнее своеобразное дыханіе и прежнее кровообращеніе: то и другое нужно было только до полнаго развитія легкихъ. Мѣшечекъ, служившій до тѣхъ поръ для дыханія, отсыхаетъ, а пуповина отодвигается при первыхъ движеніяхъ цыпленка туда, гдѣ остается у вполнѣ развившагося животнаго.

Цыпленокъ теперь смѣло начинаетъ проклевывать скорлупу и не успокоивается, пока не поддастся хотя бы малѣйшій кусочекъ скорлупы. Жадно поглощаетъ онъ ворвавшуюся въ отверстіе струю воздуха и особенно сильно начинаетъ ощущать все неудобство своей темницы. Отверстіе въ скорлупѣ будетъ расширяться, пока не удастся маленькому созданьицу просунуть головку черезъ образовавшееся окошечко. Такъ, часто по цѣлымъ часамъ, оно лежитъ, съ любопытствомъ осматривая новый, открывающійся передъ нимъ, міръ, пока послѣднимъ сильнымъ движеніемъ не раздробляетъ скорлупу и не выступаетъ на свѣтъ Божій.

Мы прослѣдили шагъ за шагомъ переходъ зародыша къ полному бытію. *Но какъ все это происходитъ?* Вотъ вопросъ, невольно возникающій въ каждомъ изъ насъ и не разрѣшаемый никакой наукой. Мы видѣли только своими глазами что изъ той удивительной вещи, которую мы называемъ яйцомъ, развивается живое созданіе,—но наука останавливается въ изумленіи передъ таинственной Силой, дѣйствующей въ этомъ жизненномъ процессѣ. И куриное яйцо такъ и остается одной изъ чудныхъ загадокъ великой жизни Божьяго міра.

Стихотворенія Г. В. Лонгфелло.

(Изъ книги „Перелетныя птицы")

I.

Свиданье.

Послѣ долгой тяжелой разлуки,
Мы съ тобой повстрѣчались опять—
Называть эту встрѣчу намъ счастьемъ,
Или мукой ее называть?
Покачнулося дерево жизни;
Уцѣлѣли въ вершинѣ вѣтвей
Два-три яркихъ цвѣтка запоздалыхъ,
Кое кто изъ давнишнихъ друзей.
Этой встрѣчѣ мы были такъ рады,
Тотъ же прежній и искренній тонъ:
Мы подумали, но не сказали
Какъ былъ старъ удивительно онъ.
Говорили о встрѣчахъ веселыхъ,
Свѣтломъ праздникѣ прожитыхъ лѣтъ,
Но при этомъ въ душѣ мы невольно
Вспоминали о тѣхъ кого нѣтъ.
О судьбѣ мы друзей говорили
И по поводу дѣлъ ихъ и словъ—
Мертвецы на живыхъ походили,
А живые—на рядъ мертвецовъ.
Подъ конецъ мы едва различали
Кто же мертвый и кто же живой.
И подернуты мглою печали
Были самыя шутки порой.

II.

Строитель замковъ.

Мой милый малютка съ кудрявой головкой,
Люблю твой мечтательный, любящій взглядъ...
Изъ кубиковъ строишь ты замокъ высокій
И башни, которыя въ небо глядятъ.

Безстрашный ѣздокъ на отцовскомъ колѣнѣ,
Любитель послушать и няни разсказъ,
О томъ сколько чудныхъ, какъ сонъ, приключеній
Герой этихъ сказокъ извѣдалъ не разъ.

Иныя построишь современемъ зданья,
Иныхъ для себя приручишь ты коней,
Услышишь другія людскія преданья,
Которыя будутъ пестрѣй и чуднѣй—

Строй, милый, и стѣны и башни, и крыши,
До неба фантазіи ихъ воздвигай,
Внимай голосамъ раздающимся свыше
И дѣтскую вѣру свою не теряй.

III.

Голосъ моря.

Проснулась въ ночь морская глубина
И далеко по низкимъ берегамъ,
Шумя и разбѣгаясь по камнямъ,
Пошла прилива первая волна.

Тотъ голосъ шелъ изъ глубины морской,
Тотъ голосъ былъ таинственно могучъ,
Какъ водопадъ бѣгущій съ горныхъ кручъ,
Или въ лѣсу зловѣщей бури вой.

Такъ къ намъ порой изъ глубины и тьмы
Невѣдомыхъ предѣловъ существа
Доносится приливъ душевныхъ силъ

И что зовемъ здѣсь вдохновеньемъ мы —
Предвидѣнье, намеки божества
На то, что умъ еще не разрѣшилъ.

IV.

У камина.

Сильнѣе дождь стучитъ въ окно
А небо все мрачнѣй;
Игла барометра идетъ
Къ чертѣ ненастныхъ дней...

Тогда къ камину я сажусь
Бесѣдовать безъ словъ
Съ толпой своихъ любимыхъ книгъ
И сердцу милыхъ сновъ.

Читаю то, что о краяхъ
Далекихъ пѣлъ поэтъ
И вкругъ меня тѣснятся дни
Давно минувшихъ лѣтъ.

И снова будто слышу я
Альпійскій водопадъ
И какъ въ Сіеррѣ на мулахъ
Бубенчики звенятъ:

Мелькаетъ бѣлый монастырь
Изъ за густыхъ лѣсовъ;
Темнѣютъ замки на скалахъ,
Вдоль Рейнскихъ береговъ....

Здѣсь старый паркъ передо мной,
Тамъ полевой просторъ,
Съ огнями маковыхъ цвѣтовъ
И блестками озеръ...

Куда бы за поэтомъ мнѣ
Не привелось идти,
Ни утомленья не боюсь
Ни трудностей пути.

Пускай другіе вдаль плывутъ
Отъ этихъ береговъ—
Я перелистываю міръ,
Читая томъ стиховъ,

Я отъ поэтовъ узнаю
Про чуждые края
И въ этихъ чудныхъ строфахъ все
Яснѣе вижу я.

V.

Карлъ Великій.

(Разсказъ поэта).

Разъ Датчанинъ Ольгеръ и Дезидерій,
Король Ломбардскій, съ башни наблюдая
За желтою равниной, что на сѣверъ
Бѣжала вплоть до бѣловерхихъ Альповъ,
Увидѣли безчисленное войско,
Занявшее собою всѣ дороги,
Что къ городу вели... И Дезидерій
Спросилъ Ольгера, годы молодые
Проведшаго во Франціи придворнымъ
И властелина видѣвшаго часто:
„Не самъ ли Карлъ Великій съ этимъ войскомъ"?
И королю Ольгеръ отвѣтилъ: „Нѣтъ".
А войско все расло и надвигалось
И шло... Тогда король опять воскликнулъ:
„Нѣтъ, это Карлъ, великій императоръ,
Средь сонмища блестящихъ меченосцевъ!"
Ему Ольгеръ отвѣтилъ: „Нѣтъ, не будетъ
Карлъ торопиться... „И король въ смущеньи
Спросилъ тогда: „Но что-жъ мы будемъ дѣлать
Когда придетъ онъ съ силой втрое большей?"
Ольгеръ ему отвѣтилъ! „Разъ придетъ онъ,
Увидишь ты что онъ за человѣкъ,
А съ нами что ужь будетъ—я познаю..."
Тутъ двинулись блестящихъ паладиновъ
Незнающія отдыха дружины
И Дезидерій въ ужасѣ воскликнулъ:
„Вотъ Карлъ Великій ѣдетъ!" Но какъ прежде
„Нѣтъ то не онъ!" Ольгеръ ему отвѣтилъ.
Затѣмъ во всемъ сіяньи показались
Епископы, аббаты, духовенство
И въ золотыхъ своихъ доспѣхахъ графы.
Король, всѣмъ этимъ блескомъ пораженный,
Какъ малодушный, зарыдалъ и громко
Воскликнулъ: „Нѣтъ, уйдемъ въ земныя нѣдра,
Куда нибудь далеко, гдѣ не можетъ,
Настичь насъ гнѣвъ ужаснаго владыки!
Тогда Ольгеръ сказалъ ему: „Послушай:
Когда колосья въ полѣ затрепещутъ,
Изъ береговъ повыступятъ всѣ рѣки
И станутъ биться въ стѣны городскія,
Ты знай—то Карлъ пришелъ..." Едва онъ кончилъ
На сѣверѣ вдругъ туча показалась,
Изъ нѣдръ ея оружіе сверкало,
Какъ молнія, на городъ трепетавшій—
Страшнѣе тьмы былъ этотъ блескъ зловѣщій
И показался Карлъ Желѣзный воинъ!
На немъ былъ шлемъ желѣзный и перчатки
Желѣзныя и латы изъ желѣза:
Желѣзное копье держалъ онъ лѣвой,
А правою рукою мечъ побѣдный,
Онъ на конѣ желѣзной силы ѣхалъ
И цвѣта стали. Свита подвигалась,
Закована въ доспѣхи и съ сердцами
Упорнѣй закаленнаго желѣза.
Поля, дороги залиты желѣзомъ,
На остріяхъ горѣло ярко солнце
И въ ужасъ приходило населенье.
Ольгеръ все это видѣлъ съ верху башни
И, задыхаясь, крикнулъ: „Дезидерій!
„Смотри вотъ тотъ кого ты дожидался
Съ такой боязнью..." И сказавши это,
Упалъ къ ногамъ его онъ бездыханный...

Д. Садовниковъ.

На конской Ярмаркѣ.

(Къ картинѣ Н. Сверчкова стр. 388 и 389).

Очерки **С. В. Максимова.**

Передъ нами ярморочная площадь. Вотъ, впереди, поднявшійся на дыбы великолѣпный жеребецъ, вправо идутъ за телѣгой еще два коня, слѣва „выгружаютъ" изъ тарантасика степнаго землевладѣльца, страстнаго до коней охотника... Обычныя сцены конской ярмарки... Въ ярморочномъ же трактирѣ кипитъ жизнь и вершатся дѣла. Половые въ рубашкахъ съ поясами и въ смазныхъ скрипучихъ сапогахъ съ перекинутыми черезъ лѣвое плечо салфетками, бойкіе услужливые и словоохотливые ребята, привыкшіе, согласно характеру посѣтителей становиться съ гостями за панибрата, прислушиваться и вмѣшиваться въ ихъ разговоры. Шумъ и говоръ.

Мы въ маленькомъ тамбовскомъ городкѣ Лебедяни, куда попали на ярмарку, и изъ всѣхъ трехъ годовыхъ именно на покровскую. Эта ярмарка сдѣлала ничтожный городокъ извѣстнымъ на всю Россію,—собственно потому, что конная. На нее сгоняютъ лучшихъ степныхъ лошадей, и преимущественно съ Дону. Грубосухой, крѣпкій низкій на мускулистыхъ ногахъ съ густымъ хвостомъ и гривой съ сильными и рѣшительными ходами вороной битюкъ—одинъ изъ видныхъ товаровъ на этой ярмаркѣ. Лошади иныхъ породъ также имѣются здѣсь во всемъ разнообразіи даже до рыженькихъ вятокъ, собранныхъ въ тройку. Торговля лошадьми—самое живое и больное мѣсто, прочіе виды торга только, какъ придатокъ, а безъ краснаго и желѣзнаго, какъ извѣстно, не только порядочная ярмарка, но и плохой сельскій торжокъ на храмовой праздникъ не обходится. Изо дня въ день въ трактирѣ все одни и тѣ же лица и однородные громкіе, за чайными столами, разговоры. Кое-кто для насъ выдѣлился изъ многихъ десятковъ и опредѣлился, такъ, что можно его оцѣнить и описать.

Пьютъ магарычъ. Одинъ угощаетъ, остальные съ нѣкоторою церемоніею принимаютъ и выпиваютъ рюмки. Онъ черный съ просѣдью, обрусѣлый цыганъ; называютъ его воронымъ: непосѣдливъ на мѣстѣ и горячъ въ разговорахъ, а потому пьетъ шибко. Продалъ лошадь—угощаетъ за поддержку и угостился раньше другихъ. Къ вечеру онъ опять шумливъ и навеселѣ—значитъ опять въ барышахъ, потому что купилъ и угощаетъ за отступное. Одинъ товарищъ его солиденъ и молчаливъ: или сильно денеженъ или, какъ опытный ловецъ, въ покупкѣ и продажѣ всегда счастливъ. Третій—новичекъ, по обычаю часто въ накладѣ, а потому предметъ обученія способомъ рѣзкихъ насмѣшекъ; его и надуваютъ, и зовутъ другомъ, и при неудачахъ и несчастіяхъ умѣютъ срывать съ него слитки.

— Парень-отъ во — какова коня купилъ: окорока съ добраго борова!

— Такъ чего жъ лучше тебѣ,—значитъ купеческаго.

Хохочутъ.

— Я за него 20-ти не дамъ а онъ далъ 105.

— Сойдетъ на темнаго барина.

— Да вѣдь слѣпая и т. д.

Четвертый товарищъ—сѣдой („сивой") дѣдушка: его боятся; отъ него въ разговорахъ прячутся. Онъ выходитъ,—противъ него спѣшатъ сговориться. Рѣчи свои онъ водитъ въ поучительномъ, приличномъ сѣдинамъ его, тонѣ:

— Наша торговля, что въ карты игра, толкуетъ онъ.

— Деньгами коня, сватъ, не купишь,—философствуетъ другой. Купишь коня удачей.

И, не торопясь, объясняетъ:

— Свой глазъ—свой алмазъ. Сегодня ухну, хоть завтра и будутъ бока пухнуть. Сегодня я передамъ за лошадь 10 рублей лишнихъ, а завтра на другой 25 барыша возьму.

Въ товарищахъ слушаютъ его: „темный", мало извѣстный, недавно пріѣхалъ (по объясненію половаго); другой—непьющій да горячій. Съ нимъ ровны; третій—честный: передъ нимъ благоговѣютъ, обходятся очень ласково и нисколько не стѣсняются и не скрываются.

Мѣстомъ свиданія и сдѣлокъ ремонтеровъ съ барышниками служитъ въ нерѣдкихъ случаяхъ ярморочная площадь со всѣмъ разнообразіемъ самобытныхъ пріемовъ лошадинаго ремесла и торговли. На одномъ краю усадили нескладнаго мужичонку на гнѣдаго коня, и онъ болтая длинными, обутыми въ лаптишки ногами, силится пустить лошадь въ скокъ и не успѣваетъ. Коня и всадника осыпаютъ насмѣшками. А тутъ же кругомъ шумятъ и торгуются ремонтеры барышники, побущики и *подсваты*...

Подсваты и *выводчики* въ хозяйскіе трактиры не ходятъ: для нихъ имѣются погрязнѣе, гдѣ они болтаютъ и высказываются другъ передъ другомъ, потому что и среди нихъ рука руку моетъ. Они съ благоговѣніемъ смотрятъ, и съ великимъ

почтеніемъ отзываются о главныхъ, около которыхъ и сами кормятся. Слѣпая мужичья ломовая и рабочая лошаденка — предметъ ихъ промысла и покупки на себя. Это — мѣщане лебедянскіе; главные изъ г. Бѣлева, Козлова и Тулы; наѣзжають изъ Москвы и Петербурга. Самые счастливые — оренбургскіе, торгующіе красцными лошадьми и дешевыми степными. Самые любопытные — это тѣ, которые работаютъ исключительно на большихъ барышниковъ: сами лошадей не имѣютъ и ими не торгуютъ, а въ качествѣ знатоковъ и ловчаковъ, скитаются съ одной ярмарки на другую.

На обязанности этой же мелкоты-скупщиковъ, высмотрѣть вновь приведеннаго рысака, разцѣнить его и устроить такъ, чтобы онъ достался его покровителю. Въ отвѣтахъ и оцѣнкѣ онъ долженъ быть точенъ и строгъ къ себѣ.

— Плечо длинное и отлогое, плечевая кость коротка и подпруга глубока, — хвастается онъ передъ покровителемъ.

— А цѣвка?

— Коротка и бабки недлинны и такъ хорошо пригнаны къ цѣвкѣ, словно бы припечатаны казеннымъ сургучемъ.

— А шея?

— Да тонкая, какъ быть надо и такъ хорошо выходитъ изъ плечъ кверху, какъ свѣча у дьякона, что носить передъ собой за всенощной.

— Копыто, гляди, торцоватое-ли?

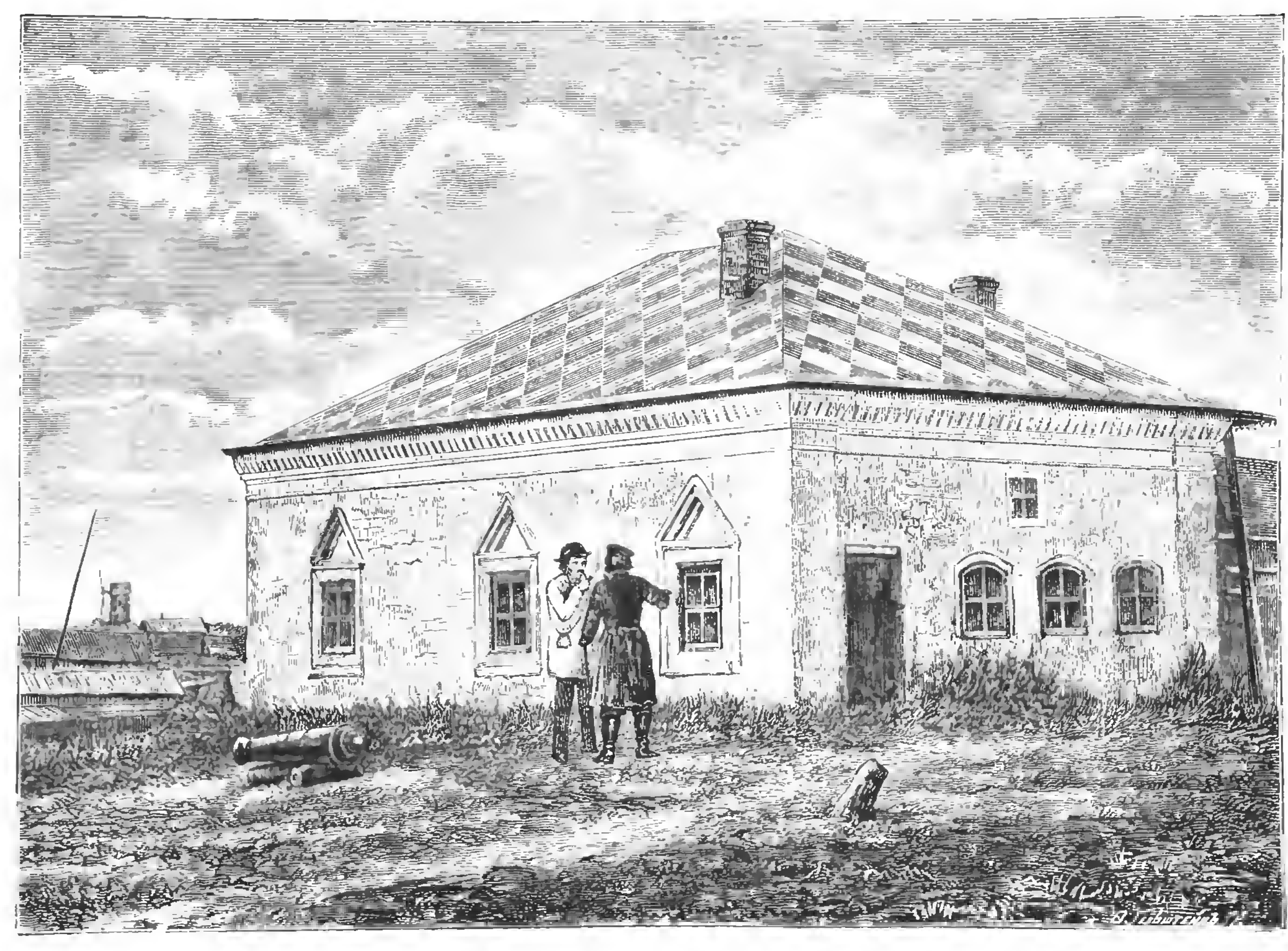
— Копыто — стаканъ, и на бабкахъ стоитъ не больно прямо.

— За то, поди, виснетъ на бабкахъ-то?

За кого-же ты меня принимаешь? Такихъ статей коня я тебѣ высмотрѣлъ, да развѣ я бы не доглядѣлъ пустяка такаго? Вѣдь я съ хозяиномъ-то въ трактирѣ еще не сидѣлъ, а прямо къ тебѣ, со двора.

Въ отвѣтѣ слышались обидчивость и упреки, на которые хозяинъ улыбнулся. Въ улыбкѣ его мнѣ, свидѣтелю разговора, показалась та мягкая, поощрительная благосклонность, которою награждаетъ учитель въ школѣ любимаго ученика. На него онъ надѣется, въ знаніи его твердо увѣренъ, да пожелалъ, ради шутки, сбить. Я чувствовалъ

Профессоръ В. Л. Груберъ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.



Домъ гдѣ жилъ Петръ I, въ городѣ Вологдѣ. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

себя въ положеніи почетнаго попечителя изъ неграмотныхъ купцовъ на публичномъ актѣ училища. Жертвовалъ я на этотъ разъ не капиталомъ, а только временемъ и досугомъ изъ любопытства и съ желаніемъ въ свою очередь понять хотя начальные азы мудреной науки лошадинаго барышничества.

Нахваленаго рысака барышникъ купилъ за ту цѣну, которую спросили и лишь на очистку совѣсти поторговался во ста рубляхъ. Переднія ноги прямы и вѣрны въ запястьяхъ, а поставъ заднихъ не очень согнутъ и несовершенно прямъ. Ребра длинныя, но не плоскія. Сухая голова съ неширокими щеками и хорошо сходится съ шеей на затылкѣ. Всѣмъ это видно и понятно. Только хозяинъ какъ будто не совсѣмъ убѣдился въ достоинствахъ и, вспомнивъ что-то, подозвалъ подручнаго и велѣлъ ему снова осмотрѣть коня. Тотъ, вернувшись, отвѣчалъ рѣшительно и громко:

— Почки высокія.

И нескрываемая самодовольная улыбка освѣтила лицо продавца и подзадорила покупателя. О цѣнѣ на площади не торговались, но лошадь досталась офицеру, именно за ту сумму, которую спрашивалъ барышникъ. Изъ всего этаго спектакля осталось въ памяти больше всего сосредоточенное молчаливое наслажденіе знатоковъ и любителей при видѣ благороднаго животнаго—этаго перваго друга человѣка, едва ли не съ первыхъ лѣтъ его появленія на землѣ. Другихъ животныхъ уже нѣтъ на свѣтѣ, которые ближе стояли бы и больше оказали человѣку незамѣнимыхъ и великихъ услугъ. Лошадь—по русской пословицѣ—„человѣку крылья".

И какъ не любоваться на красивое животное, точно вылитое по заказу величайшимъ скульпторомъ! Гордую голову украшаетъ умный лобъ; блестящіе большіе глаза, въ которыхъ горитъ мужество и небольшіе, постоянно сторожкіе уши. Во всемъ существѣ избытокъ жизненныхъ силъ при красотѣ и смѣлой упругости движеній, въ которыхъ разомъ соединяется сила и гордость. „Подъ копытомъ земля поетъ и дрожитъ, изъ широкихъ ноздрей пышетъ пламя",—разсказываютъ наши старинныя, богатырскія легенды.

При звонкихъ ударахъ копытъ о каменистую почву, которые разомъ услаждаютъ и ухо и глазъ, несетъ горская лошадь хищника черкеса, бедуина и курда въ набѣгѣ за добычей. Она же, при неудачѣ набѣга, спасаетъ его отъ преслѣдованій и опасности; когда съ воздушною, волнообразною упругостью движеній скачетъ черезъ глубокую пропасть съ накинутою на глаза полою бурки и ставитъ свою стальную ногу на твердое мѣсто противоположнаго берега бездны и ищетъ въ кряжѣ горъ такія тропинки и проходы, которыя невозможно опредѣлить и намѣтить человѣческимъ глазомъ...

Какъ на всякой другой ярмаркѣ всякимъ инымъ товаромъ, на конныхъ всегда неизмѣнное правило: продавцы жалуются, что нѣтъ покупателей, а покупатели не находятъ достойныхъ лошадей. Нагрѣваютъ руки само-собой все тѣже барышники, въ особенности прилипающіе къ ремонтерамъ, въ виду того, что и конозаводчики ихъ любятъ и ищутъ. Иной заводчикъ въ хорошей лошади дѣлаетъ уступку 5—10 проц., иная можетъ доставить золотую медаль во сто рублей, что дастъ шансъ на сбытъ лошадей, а самолюбивымъ—славу и извѣстность.

На этихъ конныхъ ярмаркахъ по этимъ причинамъ въ особенности суетлива работа мелкихъ барышниковъ, работающихъ на большихъ въ своей наукѣ, понять которую для насъ совершенно невозможно по ея сложности и запутанности.

Купивши худую лошадь, барышникъ съумѣетъ, выдержавши ее въ темной конюшнѣ черезъ три дня сдѣлать игривою. Покормивши отрубями съ известкой, придаютъ пріятную глянцовитость шерсти, рѣзче другихъ мастей выражающуюся на вороной. Добрую лошадь понимаютъ и предпочитаютъ, какой бы она ни была масти, и только очень свѣтлосѣрая (бѣлая) масть въ молодой лошади избѣгается всѣми, но при равныхъ достоинствахъ и цѣнѣ, вороную возьмутъ скорѣе, чѣмъ коня какой либо другой масти.

Дурная лошадь—понятное дѣло и притомъ дѣло въ крестьянскомъ быту непоправимое. Въ деревняхъ всѣ и давно знаютъ и толкуютъ „сытая лошадь меньше съѣстъ", и что надо на нее покупать не плеть, а овесъ, который и возитъ. Не гладь ее рукой, а посыпай мукой, потому что „бей ее одной рукой, а другой утирай слезы". По этимъ примѣтамъ около крестьянской лошади столько суевѣрныхъ обычаевъ и пріемовъ, что ихъ и не перечтешь. Нѣтъ друга больше, какъ конь, а продавать его надо, какъ только начнутъ появляться свѣжіе осенніе кормы, а потому лошади весеннимъ временемъ всегда дороже и стоятъ въ недоступной крестьянамъ высокой цѣнѣ. Полезное животное во многихъ случаяхъ сочли за ворога и постановили трудно исполнимое правило: къ собакѣ подходить сзади, а къ лошади спереди.

Однако лебедянская конная ярмарка кончилась. Всѣ стали разъѣзжаться. Поѣдемъ мы въ другую сторону отъ барышниковъ. Эти нажились около ремонтеровъ и для этой цѣли не щадили средствъ и силъ. Они даже прикидывались истинными ихъ друзьями и въ необходимыхъ случаяхъ не обманывали, соглашаясь на этотъ торговый пріемъ для частныхъ покупателей, изъ любителей.

Выводили прозженые выводчики лошадь. Вскидывался на нихъ простосердечный ремонтеръ и спрашивалъ:

— Это что за лошадь?

— Эта лошадь не ваша! самымъ откровеннымъ и искреннимъ образомъ отвѣчалъ барышникъ.

— Съ порокомъ? спрашивалъ покупщикъ.

— Поставили мы ее, и едва разобрали что маслакъ сбитъ. Надо вамъ другихъ поискать изъ подходящихъ.

Тѣмъ не менѣе барышникъ хорошо знаетъ и помнитъ, что, какъ только кончилась ярмарка и ремонтеры погнали лошадей, ему надо ѣхать за ними до пріемной коммиссіи, и по возможности ночевать и дневать съ купленными лошадьми на однихъ и тѣхъ же постоялыхъ дворахъ. Барышнику нельзя выпускать изъ виду тѣхъ лошадей, которыя куплены бракованными: тѣхъ, которымъ не минуло 4 лѣтъ, недоростковъ до казенной мѣры, жеребыхъ кобылъ, жеребцовъ съ кабыками, мериновъ съ мясистыми ногами и т. п.

Весь этотъ бракъ барышники въ военной коммисіи оставляютъ за собой, увѣренные заранѣе, что этихъ лошадей они непремѣнно съумѣютъ всучить въ другомъ военномъ округѣ. Для этаго станутъ коней часто выводить (безъ выводки трудно узнать лошадь), перчику подсыплютъ когда надо, и т. д.

Но теперь за барышниками крупной и сильной руки мы дальше не пойдемъ. „Около лошадокъ" имѣются еще другіе интересные типы, допотопные „коновалы" и современные „конокрады".

Къ рисункамъ.

Литерат. альбомъ. „Наль и Дамаянти" Жуковскаго.

(Рис. на стр. 393).

Наль и Дамаянти—прелестный эпизодъ изъ обширной индійской поэмы Магабгараты, переведенный Жуковскимъ, самыми роскошными красками рисуетъ тотъ нравственный идеалъ, къ которому должна была стремиться по ученію браминовъ каждая женщина.

Въ обаятельномъ образѣ Дамаянти вы видите скромную, безгранично преданную жену, которую никакіе удары судьбы не могли отвратить отъ выполненія ея высокаго долга. Содержаніе всего разсказа—это безпрерывная борьба добродѣтельной Дамаянти съ духомъ зла, отнявшимъ у нея надолго ея покровителя и супруга—Наля. Но эта простая повидимому тема здѣсь разукрашена самыми причудливыми картинами восточной фантазіи. Поэма начинается характеристикой двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ Наля и Дамаянти. Наль—это добродѣтельный царь, прекрасной души и прекраснаго образа, у него есть и недостатокъ—это страсть къ игрѣ въ кости. Но Дамаянти—это соединеніе совершенства физическаго съ совершенствомъ нравственнымъ и по словамъ поэта:

„Въ домѣ отца, окруженная роемъ подружекъ, какъ будто
Свѣжимъ вѣнкомъ, сіяла межъ нихъ Дамаянти какъ роза
Въ пышной зелени листьевъ сіяетъ и въ этомъ собраньѣ
Дѣвъ сверкала какъ молнія въ тучѣ небесной. Ни въ здѣшнемъ
Свѣтѣ, ни въ мірѣ безплотныхъ духовъ, ни въ странѣ, гдѣ святые
Боги живутъ, никогда подобной красы не видали.

Но вотъ время приходитъ позаботиться о замужествѣ; отецъ Дамаянти царь Бима сзываетъ жениховъ изъ всѣхъ странъ обширной Индіи, на его зовъ является много знатныхъ красавцевъ, ищущихъ руки прелестной дѣвушки и въ томъ числѣ даже свѣтлые боги: Индра, властитель воздуха, Агни повелитель огня, Варуна, двигатель водъ и Ямо основатель земной тверди. Но Дамаянти давно уже отдала свое сердце Налю и рѣшеніе ея неизмѣнно. Боги не противятся этому союзу и Наль соединяется съ Дамаянти. Одинъ лишь злой богъ Кали недоволенъ счастьемъ новобрачныхъ; онъ самъ мѣтилъ быть избраннымъ знаменитой красавицей и изъ мести старается во что-бы то ни стало разлучить ее съ любимымъ супругомъ. Для этой цѣли онъ вселяется въ Наля и разжигаетъ въ немъ безумную страсть къ игрѣ въ кости. Адскій планъ его удается; Наль проигрываетъ все свое царство своему сводному брату Путкарѣ и жалкимъ, нищенствующимъ странникомъ, въ сопровожденіи лишь вѣрной своей Дамаянти, долженъ скитаться по свѣту, не имѣя постояннаго пристанища. Стоически переноситъ онъ всѣ страданія какъ законную кару за свой грѣхъ, но что мучаетъ его и не даетъ ему покоя—это страданія ни въ чемъ неповинной жены. Подъ гнетомъ тяжелыхъ думъ онъ наконецъ рѣшается бѣжать отъ нее, чтобы дать ей свободу и возможность возвратиться къ отцу: во время сна отрѣзываетъ у нея половину ея одежды и скрывается въ глубину дремучаго лѣса. Но вотъ Дамаянти просыпается и тщетно начинаетъ звать мужа. Ей наконецъ становится яснымъ, что онъ ее покинулъ одну на произволъ судьбы, но она, покорная и любящая, не упрекаетъ его за это: она проклинаетъ лишь того злаго духа, который разстроилъ ихъ супружеское счастье.

Такъ проклявши врага, по дикому лѣсу
Полному злыхъ духовъ и чудовищъ пошла Дамаянти

Медленнымъ шагомъ куда глядѣли глаза и твердила
Грустною горлицей: „милый, возлюбленный гдѣ ты"? И слезы
Градомъ катились изъ глазъ и грудь разрывалась отъ вздоховъ.

Долго бродила такъ Дамаянти по лѣсамъ и пустынямъ, много перенесла горя и позора но ни разу не измѣнила своему долгу въ отношеніи богами даннаго ей Наля. Наконецъ судьба надъ ней сжалилась: она была отыскана однимъ браминомъ и отвезена въ отчизну, къ отцу. Но и здѣсь сердце ея не могло успокоиться: она всегда думала о Налѣ и старалась всѣми силами напасть на его слѣды, но всѣ поиски были тщетны. Наконецъ ей пришла счастливая мысль — огласить что она опять желаетъ выйти замужъ и потому приглашаетъ жениховъ для выбора. Снова цари-соперники начали стекаться во владѣнія Бимы: въ числѣ ихъ пріѣхалъ и царь Ритупернъ, у котораго до сихъ поръ скрывался Наль подъ безобразнымъ, жалкимъ образомъ придворнаго возничаго. Но неузнаваемый другими, Наль былъ узнанъ чуткою душей Дамаянти и увѣрясь въ ея вѣрности долгу и цѣломудрію, онъ снова принимаетъ свой прежній прекрасный видъ съ помощью волшебной чешуйки, полученной имъ отъ змѣя Кертоты.

Соединившись съ Дамаянти, Налю оставалась еще забота — воротить себѣ царство. Въ этомъ помогаетъ ему царь Ритуперпъ, который въ благодарность за наставленіе его въ искусствѣ управлять лошадьми, научаетъ Наля — какъ съ помощью безошибочнаго счета всегда выигрывать въ кости и торжествовать надъ какимъ угодно игрокомъ. Заручившись такимъ искусствомъ, Наль тотчасъ-же ѣдетъ въ Нишадъ, въ свое прежнее владѣніе и снова приглашаетъ Путкару на игру, ставя условіемъ въ случаѣ проигрыша отдать жену — въ случаѣ-же выигрыша получить назадъ царство. Путкара согласился на условіе; начинаетъ играть и проигрываетъ. Тогда Наль сталъ снова могучимъ царемъ и счастливымъ мужемъ и брачная жизнь добродѣтельныхъ супруговъ уже текла тихо и безмятежно, охраняемая свыше свѣтлыми вѣчными богами.

Городъ Пермь.

(Рис. на стр. 396).

Городъ Пермь одинъ изъ выдающихся пунктовъ по Большому Сибирскому почтовому тракту живописно раскинулся, совмѣстно съ прямыкающей къ нему деревней Данилихой, на лѣвомъ холмистомъ берегу многоводной рѣки Камы. Общій видъ города очень хорошъ, когда подъѣзжаешь къ пароходной пристани: прибрежье, занятое строеніями, мѣстами прорѣзывается зеленѣющими садами, которые какъ бы стараются прикрыть первыя; надъ всѣмъ этимъ тамъ и сямъ возвышаются колокольни церквей, разнообразной архитектуры.

Мѣстность, гдѣ расположенъ городъ, еще въ 1568 году была пожалована во владѣніе Якову Аникіевичу Строгонову, который тогда же завелъ здѣсь поселеніе, извѣстное подъ именемъ дер. Брухаловой. Въ 1723 г. около этой деревни былъ построенъ мѣдноплавильный заводъ, получившій отъ протекавшей небольшой рѣчки названіе Ягошихинскаго: строителемъ завода былъ капитанъ Берменъ, взятый Петромъ I въ плѣнъ подъ Полтавою. Въ 1757 г. Ягошихинскій заводъ былъ пожалованъ Императрицею Елисаветою Петровною графу М. Л. Воронцову, но въ 1780 г. опять пріобрѣтенъ казною, такъ какъ мѣстность его признана удобною для учрежденія города. При открытіи намѣстничества въ 1781 году, Ягошихинскій заводъ сдѣланъ главнымъ его городомъ съ переименованіемъ въ Пермь и съ того времени остается главнымъ здѣсь административнымъ пунктомъ. До 1830 года въ Перми находилось Горное Правленіе, въ вѣдѣніи котораго находились Уральскіе рудоплавильные заводы, переведенные отсюда въ Екатеринбургъ. Съ обращеніемъ завода въ городъ, Пермь быстро стала разростаться, такъ что въ 1793 году въ ней было уже около девятисотъ домовъ и не менѣе двухъ тысячъ жителей. Развитіе и постройка города сильно пострадали отъ опустошеній пожарами, бывшими въ 1759, 1842 и 1859 годахъ.

Въ настоящее время Пермь имѣетъ около 30,000 жителей обоего пола. Со дня послѣдняго пожара городъ украсился многочисленными новыми зданіями, изъ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе обширный театръ на центральной городской площади. Теперь въ городѣ 12 церквей, обширный гостинный дворъ, гимназіи мужская и женская, реальное училище, семинарія, духовное училище, публичная библіотека и масса школъ съ начальнымъ преподаваніемъ.

Съ первымъ пѣніемъ весны замѣчается особенное оживленіе въ городѣ: оживленіе начинаетъ проявляться замѣтнѣе на прибрежной окраинѣ города. Вскрывается Кама и тогда жизнь бьетъ ключемъ: денно и нощно слышится неумолчная работа, какъ на самомъ берегу, такъ и на облѣпившихъ его баркахъ. Свистъ пароходовъ не умолкаетъ по цѣлымъ часамъ. Въ послѣдніе пять лѣтъ, со времени открытія Уральской горнозаводской желѣзной дороги, которая отъ Перми прошла до Екатеринбурга, городъ чрезвычайно разросся и оживился. Фабричная и заводская дѣятельность на сумму около милліона: съ этой значительной пристани идутъ въ Петербургъ и другія мѣста сало, металлы, воскъ, привозится сахаръ, матеріи и т. п. и много товаровъ шли не такъ давно гужемъ, теперь конечно скоро исчезнетъ и самая память о такомъ способѣ перевозки. Уѣздъ преимущественно занятъ лѣсными промыслами, есть даже золотыя розсыпи, мѣдныя и чугунныя руды, платина, каменный уголь. Лѣса сбереглись преимущественно въ сосѣдствѣ Уральскихъ горъ. Не малымъ украшеніемъ города послужилъ и вокзалъ, съ цѣлымъ рядомъ примыкающихъ къ нему желѣзнодорожныхъ построекъ, возведенныхъ вблизи самой пароходной пристани.

Молитва матери.

(Рис. на стр. 397).

На прекрасной картинѣ Розенталя изображена цѣлая драма: безнадежно больная молодая дѣвушка, у постели которой поставлены на столикѣ лекарства, съ ужасомъ приподымается, по отчаянному рыданію матери догадываясь о близости конца своихъ страданій. Думая что ея любимая бѣдная дочка уснула, старуха-мать начала было горячо молиться, но не выдержавъ, въ порывѣ безпредѣльнаго горя, нагасть, роняя молитвенникъ, сѣдой головой на комодъ... Она молитъ Бога, съ заглушенными рыданіями, чтобы лучше онъ ее, старуху, прибралъ, лучше-бы ея многострадальная, долгая жизнь прекратилась, лишь-бы жило это прелестное, цвѣтущее молодое существо, составлявшее отраду всего мирнаго дома, оживлявшее его своею красотою и веселостью.

Въ картинѣ талантливаго художника столько чувства и движенія, что вся драма эта ясна съ перваго взгляда.

В. Л. Груберъ.

(Портретъ на стр. 401).

Въ воскресенье, 4 апрѣля, въ анатомическомъ театрѣ военно-медицинской академіи состоялся юбилейный праздникъ профессора Вячеслава Леопольдовича Грубера. Ровно въ 12 час. знаменитый профессоръ вошелъ изъ своего анатомическаго кабинета въ знакомую аудиторію, гдѣ и былъ встрѣченъ всею конференціей въ полномъ составѣ, депутатами отъ множества медицинскихъ обществъ и учрежденій, массою студентовъ и привѣтствованъ нескончаемыми горячими рукоплесканіями. Торжество началось съ прочтенія постановленія конференціи, что профессоръ В. Груберъ, согласно съ ходатайствомъ ея, утвержденъ въ профессурѣ военнымъ министромъ еще на пять лѣтъ. Взрывъ рукоплесканій привѣтствовалъ это извѣстіе. Потомъ были прочитаны привѣтствія отъ петербургскаго университета и отъ всѣхъ медицинскихъ факультетовъ Россіи. Сверхъ того, получено множество телеграммъ изъ Вѣны, Берлина и другихъ городовъ Европы, отъ университетовъ и медицинскихъ обществъ. Большинство изъ нихъ почтило В. Грубера избраніемъ въ число почетныхъ членовъ.

Юбилейный обѣдъ въ честь профессора состоялся 4-го апрѣля, въ ресторанѣ Бореля. Вмѣстимость залы оказалась несостоятельною, въ виду массы врачей, собравшихся побесѣдовать со своимъ учителемъ; во всѣхъ побочныхъ комнатахъ были накрыты столы: но и за ними едва хватало мѣстъ. Юбиляръ вошелъ въ залу подъ руку съ супругою профессора С. П. Боткина, а супруга знаменитаго юбиляра — съ профессоромъ С. П. Боткинымъ.

Первый тостъ былъ предложенъ профессоромъ С. П. Боткинымъ за здравіе Государя Императора — тостъ было горячо привѣтствованъ присутствовавшими, причемъ оркестръ лейбъ-гвардіи кавалергардскаго полка исполнилъ народный гимнъ: второй тостъ былъ предложенъ юбиляромъ — за здравіе военнаго министра и за процвѣтаніе академіи, третій тостъ за здоровье юбиляра. Началось чтеніе телеграммъ; профессора академіи вставали и читали привѣтствія. Не осталось въ Россіи уголка, въ которомъ не чествовалось бы имя Грубера.

Въ заключеніе обѣда, В. Л. Груберъ обошелъ всѣ столы, всѣмъ ученикамъ своимъ пожалъ руки, благодарилъ за пріемъ и многихъ называлъ по фамиліямъ, хотя не видалъ ихъ по 20 и болѣе лѣтъ. Отъѣздъ юбиляра и его супруги сопровождался также задушевными пожеланіями всего лучшаго дорогой четѣ Груберъ, а большинство присутствовавшихъ проводило ихъ до кареты.

Сверхъ почетныхъ дипломовъ и адресовъ юбиляру поднесенъ великолѣпный альбомъ съ карточками его учениковъ. Такъ какъ многіе медицинскіе журналы вышли съ портретомъ В. Грубера и его подписью, то первые оттиски этихъ журналовъ были поднесены сегодня юбиляру и пополнены воспоминаніями о его дѣятельности. Наконецъ, ко дню юбилея изданъ небольшой альбомъ видовъ комнатъ академіи и анатомическихъ залъ.

Исторія жизни В. Грубера интересна и поучительна. Онъ родился въ Чехіи, въ замкѣ Крюканицъ, 24 сентября 1814 года. По окончаніи курса въ гимназіи, В. Л. Груберъ работалъ въ пражскомъ университетѣ, въ которомъ и получилъ степень доктора хирургіи въ 1842 году и доктора медицины въ 1844 году. Съ 1842 по 1847 годъ онъ состоялъ прозекторомъ по анатоміи при профессорѣ І. Гиртлѣ: въ это время былъ приглашенъ занять каѳедру практической анатоміи въ петербургской медико-хирургической академіи, куда и прибылъ въ 1847 же году.

Съ этого времени онъ неустанно, въ теченіи 35-ти лѣтъ, тру-

дился въ стѣнахъ академіи по нынѣшній день и руководилъ практическими занятіями по анатоміи. По его настоятельному указанію и созданному имъ плану, устроенъ новый анатомическій институтъ; до пріѣзда-же профессора Грубера, студентамъ вовсе не преподавалась практическая анатомія. Посвятивъ лучшіе годы своей жизни преподаванію, профессоръ В. Л. Груберъ не забывалъ, въ тоже время, задачъ науки и издалъ 475 монографій только по анатоміи! Всѣ эти изслѣдованія основаны на десяткахъ тысячъ произведенныхъ вскрытій труповъ.

Ученый міръ высоко уважаетъ работы маститаго труженика и въ настоящее время В. Л. Груберъ состоитъ почетнымъ членомъ медико-хирургической академіи, всѣхъ петербургскихъ ученыхъ медицинскихъ обществъ, русскихъ и нѣмецкихъ, общества врачей въ Тифлисѣ, Минскѣ и т. п., членомъ-корреспондентомъ здѣшней академіи наукъ, академіи въ Филадельфіи, въ Брюсселѣ, медицинскихъ обществъ въ Вѣнѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, антропологическаго общества въ Берлинѣ, общества врачей въ Неаполѣ и членомъ академіи естествоиспытателей Карла Леопольда.

Заслуги профессора Грубера относительно Россіи неисчислимы. Имъ создана цѣлая школа преподавателей анатоміи, не говоря уже о множествѣ его учениковъ-врачей. Изъ этой школы вышли профессора по анатоміи: Ландертъ, Геппнеръ (уже умершій), Лесгафтъ, Ермолаевъ и Тарелецкій; большинство нынѣшнихъ профессоровъ военно-медицинской академіи и многихъ университетовъ Россіи — ученики знаменитаго профессора по практической анатоміи. Отдавъ Россіи тридцать пять лучшихъ лѣтъ своей жизни, В. Л. Груберъ доказалъ, что можно быть роднымъ отцомъ по наукѣ всякаго учащагося, желающаго работать. Профессоръ Груберъ сдѣлалъ болѣе 30000 вскрытій труповъ, напечаталъ 518 научныхъ медицинскихъ изслѣдованій, произвелъ 41000 экзаменовъ и приготовилъ для музея 11000 анатомическихъ препаратовъ.

Домъ, гдѣ жилъ въ Вологдѣ Императоръ Петръ I.

(Рисун. на стр. 401).

Петръ, какъ извѣстно, былъ въ Вологдѣ пять разъ, именно: въ 1692, 1693, 1694, 1702 и 1724 гг. Первое его посѣщеніе соединено было съ осмотромъ Кубенскаго озера: въ послѣдующихъ годахъ онъ посѣщалъ Вологду проѣздомъ въ Архангельскъ, гдѣ занимался устройствомъ торговаго порта и откуда въ 1702 году предпринялъ чрезъ Олонецкія дебри и болота свой знаменитый походъ на шведовъ, окончившійся занятіемъ Невы и основаніемъ Петербурга; наконецъ послѣдній разъ въ 1724 году Петръ былъ въ Вологдѣ на возвратномъ пути съ Марціальныхъ водъ (Олонецкой губерніи) въ Москву.

Представленный на прилагаемомъ рисункѣ домъ, гдѣ останавливался Петръ, принадлежалъ въ то время голландцу Гоутману, проживавшему въ Вологдѣ по своимъ торговымъ дѣламъ. Изъ переписной книги г. Вологды 1711 и 1712 гг. видно, что домъ этотъ былъ каменный, о трехъ жильяхъ, со свѣтлицами, кладовыми и значительнымъ количествомъ надворной постройки, при чемъ самый дворъ занималъ приблизительно около двухъ десятинъ. Теперь все бывшее тогда около дома конечно исчезло и измѣнилось. Въ семидесятыхъ годахъ онъ принадлежалъ вологодскому купцу Е. А. Витушешникову, отъ котораго, по случаю 200-лѣтней годовщины со дня рожденія Петра, домъ былъ купленъ на соединенныя средства земства, дворянства и городскаго общества, при чемъ второй деревянный этажъ дома былъ снятъ, а каменный низъ отдѣланъ снаружи, какъ показано на рисункѣ. Сначала земство предполагало устроить тутъ помѣщеніе для инвалидовъ, но въ 1875 году планъ этотъ оставленъ, а нынѣшній губернскій предводитель дворянства Д. В. Волоцкой, предлагалъ устроить въ домѣ музей въ воспоминаніе великихъ реформъ и начинаній въ сѣверной части Россіи, что вѣроятно и осуществится не въ дальнемъ будущемъ.

Первое пріобрѣтеніе будущаго музея составляетъ золоченая риза съ иконы Нерукотвореннаго Спаса изъ домика Петра Великаго въ Петербургѣ, присланная въ Вологду по ходатайству земства, дворянства и городскаго общества въ ноябрѣ 1875 г. г-мъ министромъ Императорскаго Двора по Высочайшему повелѣнію.

Домъ стоитъ надъ самой рѣкой, на высокомъ берегу, въ 20 или 30 саж. отъ старинной церкви Өедора Стратилата. Между домами и церковью поставлена высокая мачта, принадлежащая къ учрежденной въ Вологдѣ спасательной станціи. Кромѣ того около дома видна еще положенная тутъ старинная пушка.

Политическое обозрѣніе

Россія и Турція.—Вооруженія Германіи, Швейцаріи и Франціи.—Италія и Египетъ.

Изъ Вѣны сообщаютъ, что Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ вручилъ императорамъ австрійскому и германскому приглашенія присутствовать на коронаціи въ Москвѣ и что пріѣдутъ наслѣдные принцы. Въ нашихъ переговорахъ съ Портой о военныхъ расходахъ произошла нѣкоторая перемѣна, повидимому г. Новиковъ согласился сдѣлать уступки въ вопросѣ о контролѣ за уплатой; но онъ вскоре уѣзжаетъ изъ Константинополя: его отъѣздъ въ столицѣ Турціи, и именно въ офиціальныхъ сферахъ, истолкованъ какъ-бы неодобреніемъ ему нашего правительства; по этому поводу „Journal de St.-Pétersbourg“ высказался совершенно опредѣлительно: „никогда еще, говоритъ онъ, не оскорблялась истина такъ дерзко; въ Константинополѣ достовѣрно извѣстно, что г. Новиковъ съ точностью выполнилъ инструкціи своего правительства и что его образъ дѣйствій заслужилъ безусловное одобреніе; но на берегахъ Босфора наслаждались проволочками, достойными совсѣмъ иной эпохи и желаніе дать отъѣзду г. Новикова тотъ смыслъ, что его правительство слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за его дѣйствія, принадлежитъ къ числу устарѣлыхъ пріемовъ, къ которымъ сочли цѣлесообразнымъ прибѣгнуть въ этомъ случаѣ: дозволительно думать, что блистательная Порта скоро сама признаетъ свое заблужденіе и согласится удовлетворить столь-же законныя, сколько умѣренныя требованія гг. Новикова и Тернера; но совершенно понятно, что русское правительство желаетъ получить отъ русскаго посланника обстоятельныя устныя объясненія на счетъ пріемовъ, къ которымъ Порта обращалась съ нѣкотораго времени въ отношеніи Россіи“.

Оттуда-же, изъ Константинополя, а также и изъ Вѣны, сообщаютъ, что возстаніе въ Кривошіи вовсе не настолько усмирено, какъ думали, а корреспондентъ нашего „Правительственнаго Вѣстника“ пишетъ, что славяне измѣнили тактику, раздѣлились на небольшіе отряды, которые тревожатъ австрійцевъ и, при первой-же возможности, уходятъ въ горы. Между тѣмъ, австрійское правительство увѣряетъ всѣхъ, что славяне побѣждены и, за одно ассигновываетъ новые и новые кредиты для продолженія своихъ побѣдъ, съ столь проблематическими результатами.

Порта обогащаетъ свой гражданскій и военный персоналъ чиновниками и офицерами изъ Германіи, недавно прибылъ туда свѣжій контингентъ военныхъ инструкторовъ. Впрочемъ явились пока всего 4 офицера на приглашеніе Султана. Генералъ Берданъ предложилъ султану заградить Дарданеллы какими-то новоизобрѣтенными минами, совершенно гарантирующими оборону этихъ проливовъ отъ флотовъ цѣлаго міра: устройство минъ было разсмотрѣно особой коммисcіей и предложеніе немедленно принято. Увидимъ, что это такое... Германія тоже вооружается и, какъ извѣстно, уже давно, но — на этомъ пути она не останавливается, вѣроятно для того, чтобы дойдти до совершенства: едва-ли она далека отъ совершенства; новыя фортификаціи Страсбурга, вмѣстѣ съ Мецомъ, Майнцемъ и Кельномъ, составляющія главную линію укрѣпленій западной границы Германіи, будутъ окончены нынѣшнею весною. Одиннадцать отдѣльныхъ фортовъ, въ разстояніи одинъ отъ другаго на три или на пять миль, образуютъ окружность не только всего города съ двѣнадцатью эльзасскими деревнями и четырьмя баденскими, такъ какъ эти форты расположены и на правомъ берегу Рейна, но, кромѣ того, значительное пространство плодородной и воздѣланной страны.

Германія не довольствуется этимъ и вооружаетъ еще и Швейцарію для себя на случай войны съ Франціею: въ Швейцарію, съ этой цѣлью, уѣхалъ генералъ графъ Мольтке, дающій указанія и дирижирующій всѣмъ.

Вооружилась и вооружается и сама Франція. Въ сѣверо-восточныхъ и восточныхъ департаментахъ не только сооружено съ 1870 г. множество крѣпостей и отдѣльныхъ фортовъ, но вся страна приноcоблена къ самому упорному и успѣшному сопротивленію непріятельскому вторженію.

Отъ Монмеди, на Бельгійской границѣ, до Бельфора, на Баденской и Швейцарской всѣ возвышенности обнажены отъ лѣса, такъ что при первомъ приказаніи можно немедленно увѣнчать ихъ укрѣпленіями (странно, что еще „можно“, а не сдѣлано); въ мѣстностяхъ, имѣющихъ облегчить движеніе непріятеля и затрудняющихъ преграды, затрудняющія наступленіе; всѣ страны — въ стратегическихъ дорогахъ: центромъ оборонительной системы является крѣпость Туль; окруженная со всѣхъ сторонъ возвышенностями и расположенная на парижско-страсбургской дорогѣ, какъ нельзя лучше приспособлена къ роли обширнаго укрѣпленнаго лагеря и сборнаго пункта для оборонительныхъ и наступательныхъ движеній; шесть фортовъ окружаютъ городъ; одинъ изъ нихъ, фортъ С. Мишель, расположенъ на той самой возвышенности, откуда въ 1870 г. пруссаки обстрѣливали городъ; Туль, со своими фортами, господствуетъ надъ долиною Мозеля и обезпечиваетъ свои сообщенія не только съ Парижемъ, но и находится въ сношеніи съ Вердэномъ и съ системою обороны верхняго Мозеля, а также и съ сильными укрѣпленіями, строющимися у Фруара, гдѣ пересѣкаются страсбургская и медская дороги и у Бонъ С. Венсанъ, при впаденіи Мерты въ Мозель; Вердэнъ обороняется теперь двѣнадцатью фортами и не уступитъ Мецу.

Между Египтомъ и Италіей произошло недавно недоразумѣніе по поводу одного изъ приморскихъ пунктовъ египетскихъ, а именно Ассабской бухты, гдѣ основались итальянскіе подданные, устроившіе тамъ пунктъ торговый свой, но недоразумѣніе это устранено и итальянцевъ не будутъ безпокоить.

Смѣсь.

Полярная экспедиція 21 марта, австрійская полярная экспедиція, снаряженная графомъ Вильчекомъ, на пароходѣ „Поль“ отправилась къ острову Янъ-Майенъ. Такимъ образомъ проектъ Вейпрехта устроить вокругъ арктическаго полюса рядъ обсерваціонныхъ станцій, начинаетъ осуществляться. Въ экспедиціи участвуетъ 14 лицъ, въ числѣ которыхъ состоитъ завѣдывающій Эмиль фонъ Вольгемутъ. Экспедиція снабжена запасами на два года и перваго сентября 1883 года, корабль со всѣми матерьялами и экипажемъ отплыветъ съ острова на родину. Островъ Янъ-Майенъ, лежащій одиноко въ Гренландскомъ морѣ между 9° 4′ и 7° 52′ западной долготы отъ Гринвича и между 71° 5′ и 70° 49′ сѣверной широты. образовался изъ вулканическихъ горныхъ породъ. Длина его равняется 7½, а ширина 2-мъ географическимъ милямъ. Въ срединѣ острова возвышается угасшій вулканъ вышиною около 5000 футовъ. Около острова нѣтъ ни залива, ни мѣста удобнаго для стоянки и подойти къ нему можно только въ совершенно тихую погоду. Растительность острова очень бѣдна; интересенъ документъ оставшійся съ 1633 года, въ которомъ говорится много о метеорологическихъ явленіяхъ на островѣ. Это дневникъ семи матросовъ, принадлежавшихъ къ голландскому флоту, ѣздившему на ловлю китовъ. Эти матросы повидимому единственные люди, жившіе на островѣ Янъ-Майенъ. Они провели тамъ восемь мѣсяцевъ и умерли отъ цынги. Нѣкоторыя постройки, которыя, въ видѣ опыта, предполагается поставить на островѣ, были заготовлены въ морскомъ арсеналѣ въ Полѣ.

Для наблюденія за прохожденіемъ Венеры, 6 декабря этаго года, дѣлаются уже приготовленія. Для наблюденій имѣются въ виду слѣдующія мѣста: Германія вышлетъ двѣ экспедиціи въ Соединенные Штаты, и кромѣ того по одной экспедиціи къ Магелланову проливу и въ Аргентинскую республику. На мысѣ Доброй-Надежды Англія предполагаетъ устроить три обсерваторіи, кромѣ того послать астрономовъ на Ямайку, Барбадосъ и Бермудскіе острова, Новую Зеландію, Сидней, Мельбурнъ и Брисбанъ. Франція снаряжаетъ изслѣдователей въ Мартинику, во Флориду, Мексику, Чили и также въ Аргентинскую республику, гдѣ будетъ три обсерваторіи. Нидерланды и Данія посылаютъ на островъ Кирасо и Св. Фомы; Испанія на Кубу и Порторико: наконецъ Бразилія, Государь которой очень интересуется астрономіей, и сообщилъ Европѣ по телеграфу о появленіи прошлогодней кометы, высылаетъ экспедиціи въ Ріо-Жанейро, Пернамбуко и Итапева. Послѣднее мѣсто лежитъ на высотѣ 1800 метровъ а потому менѣе будетъ подвержено дѣйствію вѣтровъ чѣмъ другія. Наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры въ 1874 году не оправдали ожиданій, и такъ какъ слѣдующее появленіе Венеры ожидается въ 2004 году, то теперь принимаютъ всѣ возможныя мѣры къ болѣе точному вычисленію удаленія солнца отъ земли, что дастъ возможность вывести самые безошибочные результаты.

Ледяной орѣхъ. Провизоръ фармаціи, Кинуненъ, заявляетъ о новомъ весьма полезномъ лекарственномъ веществѣ растительнаго царства флоры сѣверныхъ губерній. Это растеніе пользуется уже извѣстностью въ Швеціи и Норвегіи при леченіи заболѣваній кожи. Тамъ, въ Швеціи, оно извѣстно подъ названіемъ „элеопата“, среди же населенія Архангельской и Олонецкой губерній подъ именемъ ледянаго орѣха, или „моховаго“, и “шведскаго бальзама“. Моховой орѣхъ растетъ преимущественно между скалами во мху, въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ, по низменнымъ мѣстностямъ, по такъ называемымъ затопамъ. Въ иное лѣто, шведскаго бальзама собирается довольно много, но рыночная цѣна его стоитъ все же высоко. Докладчикъ привезъ мохъ орѣха изъ Швеціи и химическій анализъ элеопата показалъ, что онъ содержитъ въ себѣ много вяжущихъ началъ, по вкусу похожъ на каштанъ и весьма душистъ, вслѣдствіе большой примѣси эфирныхъ маслъ.

Г. Кинуненъ обѣщаетъ собрать возможно подробныя свѣдѣнія о моховомъ орѣхѣ—хочетъ также обратиться къ мѣстнымъ медикамъ спеціалистамъ по болѣзнямъ кожи, прося ихъ доставить подробныя наблюденія относительно физіологическаго дѣйствія новаго лекарства. Между прочимъ, провизоръ Кинуненъ въ ряду другихъ лекарственныхъ растеній имѣющихся въ предѣлахъ нашего отечества, выставитъ моховой орѣхъ на предстоящей московской выставкѣ.

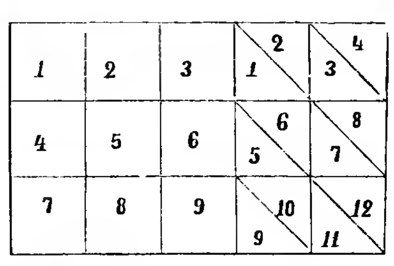
Силуетографія, изобрѣтенная въ началѣ текущаго года фотографомъ Е. Штумманомъ въ Лодзи, Петроковской губерніи. Кому не случалось любоваться черными картинками, такъ называемыми силуэтками, представляющими профиль лица или фигуры. Эти картинки, встрѣчающіяся въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, обращаютъ на себя наше особенное вниманіе тѣмъ, что, не видя чертъ лица, мы однакожъ можемъ узнать выраженіе и характеръ лица. Улыбка и плачь, гнѣвъ и умиленіе, радость и печаль живо представляются.

Силуетки были извѣстны еще въ прошломъ столѣтіи, и около 1757 года были въ Парижѣ очень въ модѣ; тогда то, по дешевизнѣ своей—въ сравненіи съ живописью—получили онѣ названіе свое, характеризуя тѣмъ тогдашняго министра финансовъ Ettienne de Silhouette, имѣвшаго склонность устраивать все самымъ дешевымъ образомъ. Около 30 лѣтъ тому Вильгельмъ Миллеръ, Георгъ Шмидтъ и Карлъ Фрейлихъ, а въ особенности ученикъ послѣдняго, Павелъ Коневка, прославились своимъ талантомъ, искусно вырѣзывать характеристическія картинки изъ черной бумаги,—почему дано было имъ названіе: черные художники (die schwarzen Künstler); но подобные артисты очень рѣдки, и къ тому ихъ произведенія были взяты болѣе изъ области фантазіи, чѣмъ съ натуры. Мысль о изобрѣтеніи средства дѣлать силуетки съ натуры фотографическимъ путемъ занимала г. Штуммана и послѣ многихъ опытовъ ему удалось достигнуть своей цѣли, тѣнь фигуры означается съ чрезвычайною математическою точностью, а поэтому и сходство выходитъ такое поразительное, что даже дѣти сейчасъ узнаютъ кого представляетъ силуетка. Этому изобрѣтенію и дано названіе Силуетографія.

Какъ новость и какъ оригинальная игрушка въ семейномъ кружкѣ Силуетографія очень можетъ привлечь публику, въ особенности она можетъ служить сюрпризомъ въ разныхъ случаяхъ; и это изобрѣтеніе конечно современемъ очень распространится.

Игры и задачи

Рѣшеніе геометрической задачи № 21.

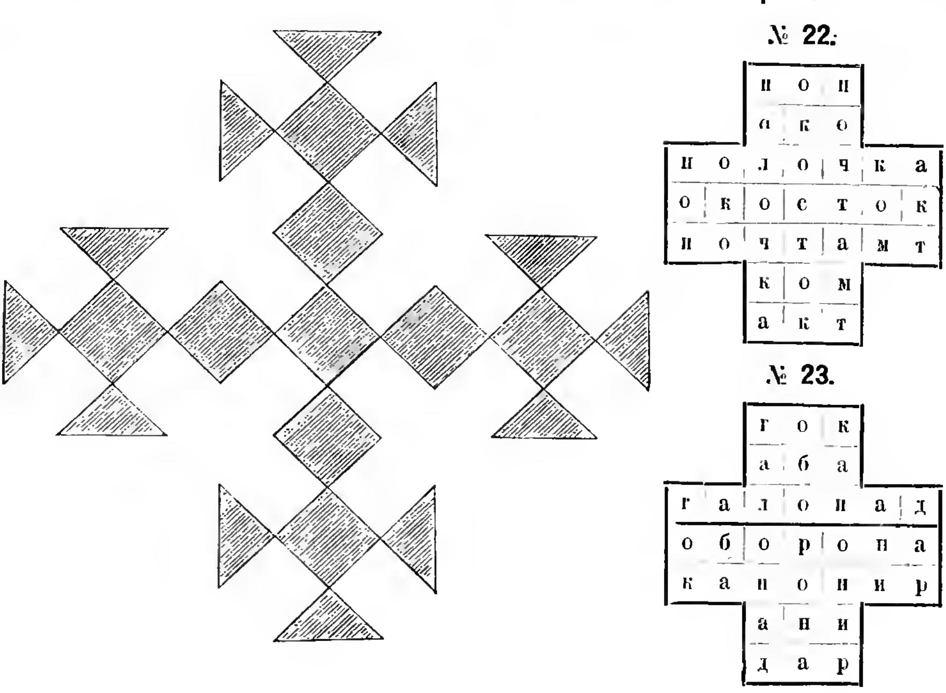


Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Бахчисарай**—Дремджи; **Гжатскъ**—С. Д. Г.; **Елецъ**—Попова; **Калуга**—Пржіямовскаго; **Каменецъ-Подольскъ**—Масленникова; **Керчъ**—Дервисъ; **Кострома** Михайловскаго; **Кронштадтъ**—Чечулина; **Курскъ** Пашкова; **Рязань**—Нечаева; **Тамбовъ**—Павлова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 20.

Бѣлые:	Черные:
a 7 — b 6	c 7 — a 5
f 2 g 3	h 2 — f 4
c 5 — d 6	b 8 — e 5
c 3 d 2	e 5 a 1
d 2 e 7	f 8 — d 6
h 6 b 4	a 5 — c 3
c 1 — b 2	c 3 — d 2
e 1 — c 3	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Москва**—Ларіонова, **Елецъ**—Волуйскаго, **Николо-Каменье**—Смирнова, **Просяныя поляны**—Шелагурова, **Тула**—Боташева-Зыбина.



Рѣшеніе магическихъ крестовъ.

№ 22.

		п	о	п		
		а	к	о		
п	о	л	о	ч	к	а
о	к	о	с	т	о	к
п	о	ч	т	а	м	т
		к	о	м		
		а	к	т		

№ 23.

		г	о	к		
		а	б	а		
г	а	л	о	п	а	д
о	б	о	р	о	н	а
к	а	н	о	н	и	р
		а	н	и		
		д	а	р		

О близорукости. Научныя изслѣдованія дѣтскаго глаза доказали, что онъ обладаетъ короткою глазною осью и посему склоняется болѣе къ дальнозоркости, чѣмъ къ близорукости. Если во время ученія въ школѣ глазъ принужденъ постоянно видѣть вблизи его находящіеся предметы, то отъ приспособленія зрѣнія къ этимъ требованіямъ вызывается понемногу удлиненіе глазной оси и слѣдствіемъ этого является близорукость. Особенно способствуетъ развитію близорукости образъ жизни дѣтей. Только что ребенокъ вернулся изъ школы онъ уже долженъ приняться за домашнія работы, чтобы выиграть время для другихъ занятій. Какъ совершаются эти занятія?

Обыкновенно дѣти сидятъ цѣлыми часами за работою, не давая ни минуты отдыха глазамъ и въ большинствѣ случаевъ при недостаточномъ свѣтѣ. Едва онѣ кончаютъ работу, какъ принимаются за какое либо имъ интересное чтеніе и этимъ еще болѣе раздражаютъ уставшій уже глазъ, или занимаются рисованіемъ и другими также утомляющими глазъ работами. Въ какой степени всѣ эти работы способствуютъ развитію близорукости, доказываютъ статистическія данныя доктора Сегселя. Онъ изслѣдовалъ глаза людей различнаго рода занятій и пришелъ къ слѣдующему результату: между земледѣльцами 2% близорукихъ, между рабочими 4%, между ремесленниками 9%, между купцами и писцами 44%, между вольноопредѣляющимися въ военную службу 58% и между окончившими курсъ гимназіи 65, 5%. Профессоръ Цеендеръ въ перечисленіи процента близорукихъ въ отдѣльныхъ классахъ Ростокской гимназіи, говоритъ: въ 1-мъ классѣ 10, 90%; во 2-мъ 16%; въ 3-мъ 31, 03%; въ 4-мъ 35, 45%; въ 5-мъ 33, 33%; въ 6-мъ 40%; и въ 7-мъ 41, 38% и т. д. Зная главныя причины, которыми обусловливается развитіе у дѣтей близорукости, слѣдуетъ искать средства устранить ихъ. И это легко сдѣлать. Сперва слѣдуетъ озаботиться, чтобы глазъ не напрягался безъ отдыху слишкомъ долго, чтобы между каждымъ урокомъ былъ установленъ отдыхъ въ 1/4 часа,—какъ это большею частью и дѣлается въ школахъ,—и чтобы и дома послѣ каждой работы дѣлались перерывы для доставленія отдыха глазамъ. Кромѣ того слѣдуетъ замѣнить преобладающую въ учебныхъ книгахъ мелкую и неясную печать, болѣе крупною. Прежде же всего слѣдуетъ озаботиться чтобы было достаточно свѣта при работѣ и лучше даже если его много, чѣмъ мало. Было бы полезно, если бы дѣти могли играть всегда на вольномъ воздухѣ. Малочисленность близорукихъ въ Англіи происходитъ говорятъ именно отъ того, что тамъ люди болѣе находятся на вольномъ воздухѣ, и въ этомъ много правды.

Было бы желательно, чтобы пришли къ принятію этихъ простыхъ мѣръ для уменьшенія въ будущемъ числа близорукихъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Дозволено цензурою. СПБ. 22 апрѣля 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | годъ XIII

№ 18 | 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 мод. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 1 Мая 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ" 1882 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

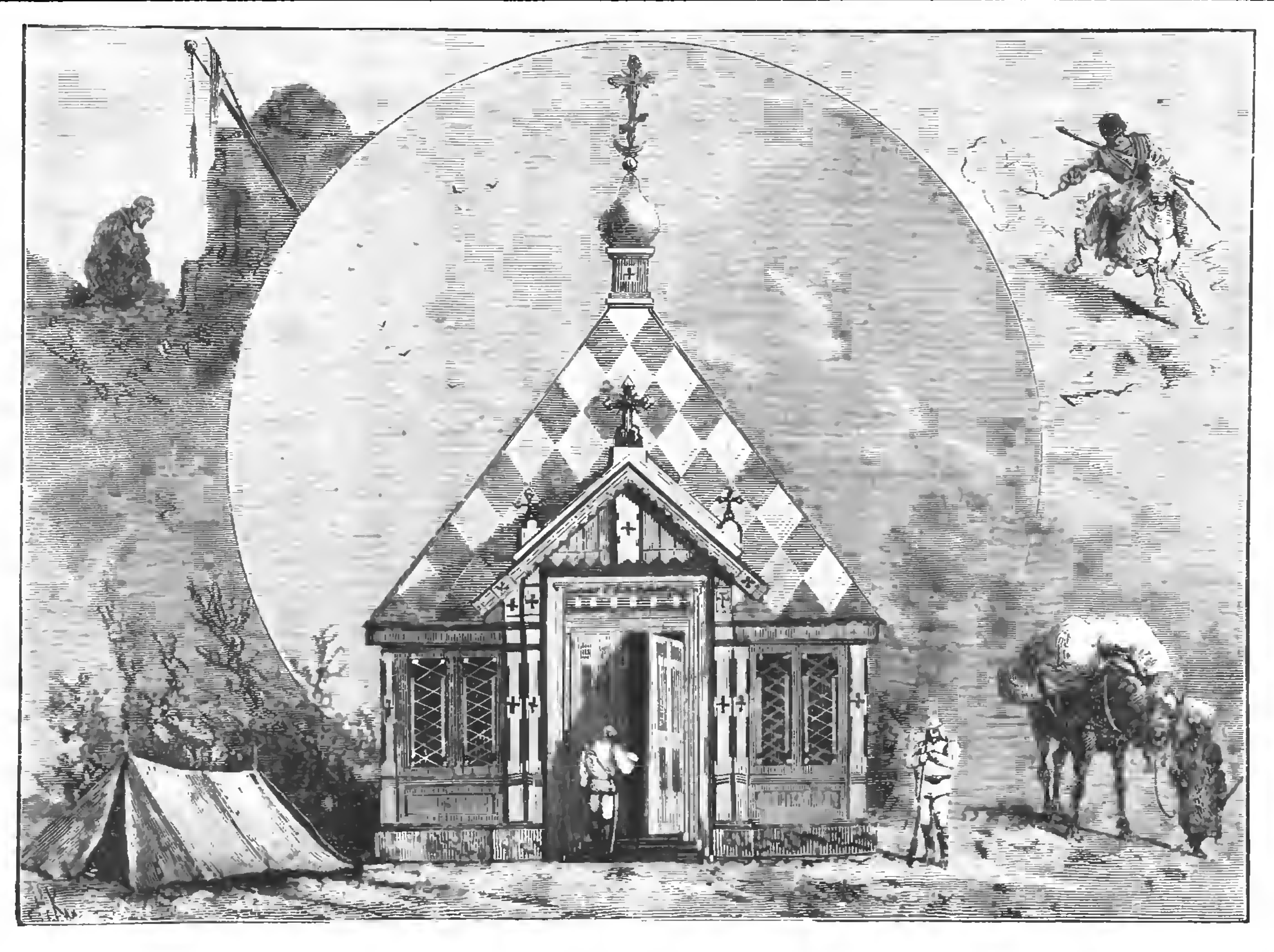
Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	4 р.
Съ доставкою въ Петербургѣ . . .	5 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія	5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1882 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за МАЙ 1882 г. съ 19 рисунками и отдѣльнымъ листомъ съ 24 выкройками и 25 рисунками рукодѣльныхъ работъ и 8 различныхъ алфавитныхъ буквъ для вышиванія.



Закаспійскій край. Русская часовня въ укрѣпленіи Болла-Ишемъ. Рис. Н. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

Русская часовня въ Закаспійскомъ краѣ.

Событія въ Средней Азіи въ періодъ 1880—1881 годовъ окончились какъ извѣстно штурмомъ, взятіемъ Текинскаго укрѣпленія Геокъ-Тэпе и покореніемъ враждебнаго намъ племени. Отрядъ, дѣйствовавшій въ Закаспійскомъ краѣ, былъ подъ начальствомъ генерала Скобелева. Экспедиція эта замѣчательна тѣмъ, что войскамъ приходилось дѣйствовать при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ мы привыкли представлять въ этомъ случаѣ.

Главный пунктъ Закаспійской области городъ Красноводскъ, расположенный на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Особенныхъ укрѣпленій этотъ городъ не имѣетъ, по этому понятно, что находившійся тамъ гарнизонъ, какъ до начала, такъ и во время дѣйствій экспедиціоннаго отряда, постоянно ожидалъ каждую минуту нападенія текинцевъ, которые свои набѣги, каждый разъ, производили отрядами въ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Отряду генерала Скобелева, для того чтобы попасть подъ Геокъ-Тэпе, пришлось направиться изъ Красноводска на пароходахъ въ Михайловскій и Чикишлярскій заливы и изъ этихъ двухъ пунктовъ походнымъ порядкомъ на Бами (укрѣпленіе, взятое нами въ первую экспедицію генерала Лазарева). Оба пути, т. е. отъ Чикишляра и Михайловскаго залива до Бами представляютъ собой сплошную песчаную степь, безъ всякой растительности, а второй путь (отъ Михайловскаго залива) кромѣ того и безводный.

Самый трудный участокъ для постройки тамъ желѣзной дороги былъ отъ Михайловскаго залива до укрѣпленія Молла-Кары, на разстояніи 12 верстъ. Мѣстность чрезвычайно пересѣченная, покрыта сыпучими песками и груды этого песка, при вѣтрѣ, обращаются въ густыя облака пыли, обдающей все живое удушливымъ дыханіемъ. Въ этихъ-то борханахъ, при 48 и болѣе градусахъ жару по Реомюру, подъ палящими, вертикальными лучами солнца, производилась нашими доблестными войсками эта постройка!

Съ началомъ Закаспійской экспедиціи пространство отъ Михайловскаго залива до Бами представляло, не говоря уже объ отсутствіи какого бы то ни было жилья, только сплошную массу песка, лишенную даже всякой растительности. По условіямъ экспедиціи лишь передовой отрядъ, находившійся подъ стѣнами Геокъ-Тэпе, имѣлъ походную церковь, остальные затѣмъ, находившіеся въ тылу, довольствовались для исполненія религіозныхъ обрядовъ палаткой подъ открытымъ небомъ.

Для удовлетворенія естественнаго религіознаго чувства, по иниціативѣ бывшаго командира 1-го резервнаго желѣзнодорожнаго баталіона полковника Бармина (нынѣ командиръ 85-го Выборгскаго полка) построена часовня, при личномъ участіи офицеровъ и нижнихъ чиновъ баталіона—это и есть первый храмъ для молитвы въ этой мѣстности. Часовня эта находится въ укрѣпленіи Болла-Ишемъ по линіи Закаспійской военной желѣзной дороги. Полковникомъ Барминымъ, по возвращеніи его въ Россію, прислана въ эту часовню икона.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXII.

У порога.

Если слова, такъ нежданно и внезапно вырвавшіяся у Сергѣя, поразили Таню, заставили ее очнуться и понять свою ошибку, понять то, чего она такъ долго не понимала, то на самого Сергѣя они не произвели никакого впечатлѣнія, онъ высказалъ то, что ясно представилось ему въ минуту, когда онъ говорилъ, онъ увидѣлъ впечатлѣніе, произведенное на Таню, понялъ его и, когда она попросила его удалиться, дать ей время одуматься, онъ исполнилъ это безпрекословно, потому что нашелъ, что такъ и надо, иначе быть не можетъ и что все идетъ самымъ лучшимъ для него образомъ.

Онъ возвращался изъ Гатчины въ Петербургъ въ самомъ счастливомъ настроеніи духа, всѣ его сомнѣнія, всѣ опасенія теперь разлетѣлись, онъ зналъ, что Таня непремѣнно скоро позоветъ его и сама уже скажетъ ему, чтобы онъ не покидалъ ее теперь никогда.

Онъ обвинилъ ее въ гордости, которая заставила его такъ страдать, онъ сказалъ ей, что она его не любила, но по впечатлѣнію, произведенному на нее его словами, да и наконецъ по каждой минутѣ ихъ свиданій, съ самой встрѣчи, онъ убѣдился, что теперь то ужъ она его любитъ.

Если бы не любила, не такова бы была ихъ встрѣча, не таковы бы были ихъ свиданія... этихъ свиданій совсѣмъ бы не было. Она его любитъ, она теперь плачетъ и мучится... Пускай поплачетъ, пускай помучится и пойметъ какъ не хорошо было томить его и себя въ теченіи этихъ безконечныхъ лѣтъ. Но теперь то ужъ не на долго слезы и мученія, теперь все кончено, старое прошло невозвратно, оно забудется очень скоро и не придется даже вспоминать о немъ.

Старое прошло—началось новое и въ этомъ сознаніи для Сергѣя заключалось столько счастья, что онъ не способенъ былъ оглядываться, вспоминать, упрекать и терзаться...

Увидѣвъ Таню послѣ многолѣтней разлуки, услышавъ ея голосъ и почувствовавъ пожатіе ея руки, онъ понялъ, просто и ясно, до какой степени она близка и дорога ему, до какой степени она нужна для счастья его жизни, и если сама она любитъ его, въ чемъ онъ теперь уже не сомнѣвался, то о чемъ думать, зачѣмъ копаться въ старыхъ ранахъ? Теперь онѣ навсегда закрылись...

Да, онъ снова живетъ, онъ веселъ и доволенъ, чувствуетъ такой приливъ силы и радости, такъ все кругомъ него прекрасно и мило, такъ онъ все любитъ, такъ всѣмъ наслаждается... чего еще больше?

Бывало цѣлые дни проходили въ тупой тоскѣ, въ отвращеніи къ жизни, все было противно и казалось ненужнымъ, надоѣдливымъ—теперь все нужно, все дорого. Вотъ онъ ѣдетъ по знакомой дорогѣ и каждая минута приноситъ ему новыя наслажденія: онъ любитъ и свою удобную, новую карету, въ которой такъ уютно ему сидѣть, рессоры которой такъ нѣжно и пріятно его подбрасываютъ; онъ любитъ и своего кучера на козлахъ, и этотъ четверикъ кровныхъ лошадей; онъ интересуется каждымъ встрѣчнымъ человѣкомъ, каждымъ деревомъ и камнемъ, попадающимся на дорогѣ. Все это такъ весело, такъ хорошо, такъ интересно.

„О, какъ славно жить на свѣтѣ!" думается ему, а вѣдь уже давно этого не думалось, напротивъ—постоянно думалось другое: „Какъ невыносимо, какъ тяжко жить на свѣтѣ!"

И это радостное настроеніе не проходило, а все увеличивалось по мѣрѣ того, какъ Сергѣй подъѣзжалъ къ Петербургу.

Вернувшись къ себѣ домой, онъ такъ и сіялъ. Онъ позвалъ карлика. Тотъ, какъ взглянулъ на него, такъ и понялъ что случилось что нибудь хорошее, а что это хорошее, онъ отлично зналъ, онъ зналъ зачѣмъ Сергѣй Борисычъ почитай каждый день ѣздитъ въ Гатчину, кого онъ тамъ видаетъ.

„Слава тебѣ, Господи! мысленно повторялъ карликъ. Наконецъ-то, наконецъ-то дождались, окончились наши мытарства! Слава тебѣ, Господи милосердый, что довелъ меня дожить до такой радости!"

— Что прикажешь, батюшка Сергѣй Борисычъ? пропищалъ Моська, лукаво посматривая на своего господина.

— А вотъ что, Степанычъ, вѣдь я за хлопотами своими до сегодня и дома то нашего не обошелъ какъ слѣдуетъ, все въ этихъ вотъ комнатахъ толкался; пойдемъ-ка, посмотримъ—все ли на мѣстѣ, сохранно-ли?

— Что же, пойдемъ, коли твоей милости угодно, изумленно отвѣтилъ карликъ, да я и такъ могу доложить тебѣ, что все въ исправности, я то вѣдь ужь каждую вещицу осмотрѣлъ, все на своемъ мѣстѣ, какъ передъ отъѣздомъ нашимъ было, такъ и осталось, да, батюшка, какъ же бы ему иначе и быть — вѣдь не чужихъ, а своихъ людей оставили, такъ они за барскимъ добромъ должны были наблюдать. Да и что это ты, погляжу я на тебя, Сергѣй Борисычъ, просто нынѣ не узнать тебя! Гдѣ это видано, что тебѣ до твоего добра дѣло есть? Вотъ сколько лѣтъ живу съ тобою, знаю вѣдь ужь тебя—ну скажи, сударь-батюшка, какъ передъ Богомъ, скажи правду: я такъ полагаю, что ты, къ примѣру вотъ, до сей поры не вѣдаешь сколько у насъ тамъ въ Лондонѣ комнатъ было, какія вещи. Что мы привезли съ собой, что оставили... Такъ я полагаю, что обобрали бы, обворовали тебя до чиста, такъ ты какъ есть ничего непримѣтилъ бы!..

Сергѣй улыбнулся.

— Правда, Степанычъ, правда, ничего не помню, убей Богъ—не могу себѣ представить моего лондонскаго дома!.. Кабинетъ вотъ помню, залу, гостиную, желтую гостиную, еще помню спальню мою, ну а что тамъ дальше... да я тамъ и не бывалъ никогда. Сколько тамъ у насъ было комнатъ?

— Сорокъ покоевъ, сударь, у насъ было. Да я это къ тому, что теперь то какъ это тебѣ вздумалось?

— А такъ, Степанычъ, тамъ все чужое было, въ чужомъ мѣстѣ, ну а этотъ домъ мой, мой собственный, отцовскій, все мое, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ доставшееся, ну вотъ и хочу осмотрѣть... Дома я, Степанычъ, вотъ что!

— Вѣстимо теперича мы дома, радостно повторилъ карликъ. Пойдемъ, батюшка, по всѣмъ уголкамъ проведу тебя...

И весь день, до самаго вечера, Сергѣй занимался осмотромъ своего дома, въ первый разъ въ жизни находя въ этомъ занятіи интересъ и прелесть.

Петербургскій домъ Горбатовы былъ полною чашею, много въ немъ было собрано дорогихъ родовыхъ вещей, и теперь каждый предметъ получилъ для Сергѣя интересъ и значеніе, онъ любовался каждой вещью, вспоминалъ ее, старался догадаться о ея происхожденіи. Теперь онъ въ первый разъ понялъ значеніе своей родной, родовой обстановки, своего гнѣзда и невольно урывками мечталъ о томъ, какъ хорошо будетъ устроить это богатое, теплое гнѣздо, въ которомъ наконецъ начнется его семейная жизнь съ дорогой хозяйкой.

И карликъ, хотя и ни о чемъ его не разспрашивалъ, отлично понималъ его мысли и ощущенія.

— Пришло наше время, думалъ онъ, оперился наконецъ Сергѣй Борисычъ, вить гнѣздышко собирается.

XXIII.

Ловушка.

Хотя въ эти послѣдніе дни императрица и была занята исключительно своими семейными дѣлами, но вѣдь въ основѣ этихъ дѣлъ лежала политика, международныя отношенія, а потому она, естественно, отрываясь отъ переписки съ великой княгиней, отъ мыслей о судьбѣ „малютки", обращалась къ дипломатическимъ сношеніямъ съ западно-европейскими дворами.

Она внимательно выслушивала доклады президента иностранной коллегіи, князя Зубова, доклады, составлявшіеся графомъ Морковымъ и, по большей части, плохо подготовленные Зубовымъ.

Императрица давно уже привыкла къ легкомыслію, а подчасъ и полной безтолковости созданнаго ею государственнаго человѣка. Она и не замѣчала этого легкомыслія и безтолковости, потому что сама все сразу схватывала на лету, усвоивала; такимъ образомъ весьма нерѣдко не Зубовъ былъ ея докладчикомъ, а она сама докладывала ему дѣло и объясняла.

Во время одного изъ подобныхъ докладовъ, когда вопросъ коснулся Англіи, Екатерина вспомнила о пріѣздѣ Горбатова.

— Ахъ, Богъ мой, сказала она, какъ я становлюсь разсѣянна и безпамятна! Я совсѣмъ было запамятовала, что хотѣла принять Горбатова и поговорить съ нимъ. Пожалуйста извѣстите его, что я его жду къ себѣ завтра утромъ часовъ въ десять, думаю, что это будетъ для меня самое удобное время!

Зубовъ поморщился. Онъ съумѣлъ заставить императрицу быть невольной пособницей его мелочнаго мщенія; съумѣлъ представить ей въ самыхъ черныхъ краскахъ поведеніе Горбатова за границей, его дуэль, которая, по его увѣреніямъ, оказывалась чуть ли не государственнымъ преступленіемъ. Онъ съумѣлъ въ теченіи восьми лѣтъ не пускать его въ Россію, и былъ совершенно уже увѣренъ, что отъ прежняго благорасположенія къ нему не осталось и слѣда, что императрица отнесется къ нему теперь безразлично и холодно, какъ къ человѣку ненужному и ничтожному, съ которымъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго.

А между тѣмъ онъ видѣлъ, вотъ уже третій разъ, что она черезъ чуръ внимательно относится къ этому человѣку. Онъ ужь окрестилъ Сергѣя многозначительнымъ въ то время именемъ „волтерьянца" и теперь рѣшился своевременно и разъ навсегда уничтожить его въ глазахъ императрицы.

— Мнѣ трудно понять, сказалъ онъ вызывая презрительную усмѣшку на губахъ своихъ,—какой интересъ ваше величество можете извлечь изъ разговора съ этимъ человѣкомъ?!

Екатерина съ изумленіемъ подняла на него глаза.

— Какъ, какой интересъ?! Горбатовъ не глупъ, онъ столько времени прожилъ въ Англіи, вращался постоянно тамъ въ самыхъ вліятельныхъ сферахъ и конечно сообщитъ мнѣ такія подробности, которыхъ недостаетъ въ получаемыхъ нами официальныхъ донесеніяхъ—живой человѣкъ всегда лучше бумаги.

— Далеко не всегда, смотря потому каковъ человѣкъ и какова бумага. Я позволю себѣ замѣтить что ваше величество, какъ мнѣ кажется, ошибаетесь въ этомъ человѣкѣ.

— Я... ошибаюсь?.. но почему же?. Да и наконецъ, мой другъ, я даже своего мнѣнія о немъ еще не высказала вполнѣ. Что онъ не глупъ, это говорятъ всѣ, кто его знаетъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ и его начальники. Я знаю что вы его не долюбливаете, между вами когда то, давно, была какая то ссора, но оба вы тогда были почти дѣти, пора забыть это... И пожалуйста не огорчайте меня—при вашей добротѣ и благородствѣ вашего характера вы должны стоять выше какихъ нибудь мелочныхъ счетовъ.

На щекахъ Зубова вспыхнулъ легкій румянецъ.

— У меня нѣтъ никакихъ счетовъ съ господиномъ Горбатовымъ!—проговорилъ онъ.—Да еслибы и были— я о себѣ не думаю; но я обязанъ постоянно и неизмѣнно помышлять о томъ, чтобы вы, государыня, по излишней добротѣ вашего сердца и довѣрчивости, не были обмануты недостойными людьми; отъ этого вѣдь могутъ иногда пострадать даже государственные интересы.

Онъ произнесъ слова эти съ напыщенной важностью. Екатерина усмѣхнулась.

— Государственные интересы! повторила она,—я что то не понимаю этого. Да и вообще излишней доброты и излишней довѣрчивости во мнѣ нѣту; но вы

Фанданго. Ориг. рис. Гаффеля, грав. Паар.

начинаете говорить такъ загадочно, что я прошу васъ объясниться. Развѣ вы узнали что нибудь особенное про Горбатова? Навѣрно какая нибудь сплетня, которой не слѣдуетъ придавать значенія!

— Вовсе не сплетня! Дѣло въ томъ, что если я рѣшился взять на себя какую нибудь обязанность, то считаю своимъ первымъ долгомъ заботиться о томъ, чтобы исполнять ее какъ слѣдуетъ. Я президентъ иностранной коллегіи, а потому имѣю точныя свѣдѣнія о всѣхъ дипломатическихъ чиновникахъ, слѣжу за ихъ дѣятельностью. Члены каждаго изъ нашихъ посольствъ мнѣ болѣе или менѣе извѣстны. Я стараюсь не утруждать ваше величество всякими мелкими дѣлами, и потому, конечно, не сообщаю многаго что можетъ быть легко улажено. Поэтому до сей поры не сообщилъ я вамъ и того, что господинъ Горбатовъ, хотя и не занимая особенно важнаго мѣста въ лондонскомъ нашемъ посольствѣ, но имѣя большія средства, завелъ связи въ лондонскомъ обществѣ. Тутъ, конечно, нѣтъ еще ничего предосудительнаго, и, напротивъ, для нашихъ интересовъ могла быть и выгода; но онъ пользовался своими связями никакъ не въ нашу пользу, а напротивъ, во вредъ намъ. Поэтому то я и былъ доволенъ его возвращенію въ Россію.

— Горбатовъ старался намъ вредить?! изумленно проговорила Екатерина,—да чѣмъ же? И право это на него не похоже, я его хорошо знала восемь лѣтъ тому назадъ—онъ былъ такимъ благороднымъ молодымъ человѣкомъ...

— Восемь лѣтъ много времени! Въ восемь лѣтъ человѣкъ можетъ измѣниться! Я не знаю подъ вліяніемъ какихъ людей находился онъ по выѣздѣ изъ Россіи; но какъ бы то ни было, это опасный мечтатель, проповѣдникъ разрушенія... волтерьянецъ!

— Горбатовъ—волтерьянецъ?!

— Къ несчастію—да! Мои свѣдѣнія идутъ изъ вѣрнаго источника. И согласитесь, ваше величество, что подобные люди не къ мѣсту на русской службѣ.

— Вы не обманываетесь? Въ васъ говоритъ не раздраженіе?

— Во всякомъ случаѣ это раздраженіе заговорило только съ той минуты, когда я окончательно убѣдился въ недостойномъ и вредномъ направленіи этого господина. Вотъ почему я и нахожу что ничего интереснаго ваше величество не извлечете изъ разговора съ нимъ.

— Да, если такъ, раздумчиво проговорила Екатерина,—это очень, очень жаль! Горбатовъ, — волтерьянецъ! не ожидала я... и во всякомъ случаѣ это нужно еще провѣрить. Можетъ быть у него есть враги, которые его оклеветали передъ вами. Я полагала что увлеченія его юности прошли, полагала что онъ какъ человѣкъ способный, будетъ намъ теперь полезенъ... Да нѣтъ же, право мнѣ трудно повѣрить, нужно разспросить хорошенько людей, которые ближе чѣмъ мы съ вами знаютъ его.

— Кого же разспрашивать? его родственниковъ, Льва Александровича Нарышкина? Родственники выдавать его не станутъ, да и наконецъ онъ такъ долго отсутствовалъ что его здѣсь не знаютъ; онъ, вѣроятно, остороженъ и не станетъ проговариваться въ Петербургѣ даже и передъ родственниками. Я доставлю вашему величеству самыя убѣдительныя доказательства истины словъ моихъ, доставлю въ скоромъ времени, а пока прошу васъ, государыня, быть съ этимъ человѣкомъ осторожнѣе.

Екатерина сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Я сама знаю какъ мнѣ нужно быть съ нимъ и теперь вижу, что мнѣ необходимо скорѣе съ нимъ увидѣться и разглядѣть его. Передайте же ему, что я его жду завтра въ десять часовъ.

Екатерина перешла къ другому разговору и повидимому совершенно забыла о Горбатовѣ. Но по уходѣ Зубова она нѣсколько минутъ сидѣла въ раздумчивости.

Ей вспоминался юноша, съ которымъ она когда то любила бесѣдовать, который поразилъ ее своей дѣтской чистотою и въ то же время возвышенностью мыслей, своею образованностью и серьезностью, которыя она такъ рѣдко встрѣчала среди свѣтской молодежи. И этотъ человѣкъ поддался вреднымъ вліяніямъ, этотъ человѣкъ, если вѣрить Зубову (а она такъ привыкла ему вѣрить), питаетъ враждебные замыслы!.. Но кто же виноватъ въ этомъ, однако?!.

Она не стала останавливаться на этомъ вопросѣ, ее ждали другія дѣла, другія заботы—и она отдалась имъ.

XXIV.
Неожиданность.

Къ вечеру того-же дня Сергѣй получилъ повѣстку, извѣщавшую, что государыня приметъ его въ десять часовъ на слѣдующее утро.

Совершенно поглощенный мыслями о своемъ новомъ благополучіи, въ близкомъ осуществленіи котораго для него не оставалось никакого сомнѣнія, онъ собирался на эту аудіенцію хладнокровно, глядѣлъ на нее только какъ на неизбѣжную формальность.

А между тѣмъ уже входя въ покои, которые занимала императрица въ таврическомъ дворцѣ, онъ почувствовалъ нѣкоторое волненіе. Онъ отошелъ отъ своей внутренней, сердечной жизни и на него снова нахлынули тѣ разнообразныя ощущенія, которыя онъ испытывалъ въ самые первые дни своего возвращенія въ Петербургъ, во время разговора съ Нарышкинымъ, въ пріемныхъ Зубова и во время воскреснаго выхода во дворцѣ.

Екатерина приняла его въ своей небольшой рабочей комнатѣ безо всякихъ формальностей. Она была одна и когда онъ вошелъ въ комнату то увидѣлъ ее сидѣвшей въ креслѣ у письменнаго столика; на ней былъ неизмѣнный утренній капотъ, въ рукѣ она вертѣла табакерку, памятную ему табакерку съ портретомъ Петра Великаго.

Яркій свѣтъ, падавшій изъ окошка, вблизи котораго помѣщался письменный столикъ, озарялъ лицо Екатерины. Сергѣй невольно вздрогнулъ разглядѣвъ лицо это. Ужъ и на выходѣ она показалась ему очень постарѣвшей и измѣнившейся, теперь-же перемѣна оказывалась гораздо еще болѣе значительной. Это было совсѣмъ увядшее, старое лицо, даже свѣтлые глаза, послѣ ночи, проведенной почти безъ сна, въ безпокойныхъ мысляхъ, казались потухшими. Она сидѣла нѣсколько сгорбившись съ выраженіемъ не то усталости, не то сильнаго нездоровья.

— Здравствуйте! проговорила она и протянула Сергѣю для поцѣлуя руку.

Онъ бережно взялъ эту руку и приложился къ ней почти съ тѣмъ ощущеніемъ, съ какимъ прикладываются къ рукѣ покойника—въ этомъ чувствѣ было и благоговѣніе, и жалость, и нѣчто тяжелое...

— Садитесь, сказала Екатерина тихимъ голосомъ, указывая ему на стулъ,—побесѣдуемъ. Я давно собиралась повидаться съ вами, да столько дѣлъ... не могла вотъ все удосужиться.

Она пристально взглянула на него, и вотъ въ ея утомленныхъ глазахъ вдругъ мелькнула прежняя живость и прежняя проницательность. Она тоже поразилась перемѣной, происшедшей въ Сергѣѣ.

Она опять, какъ и вчера послѣ разговора съ Зубовымъ, вспомнила свѣжаго, ежеминутно краснѣвшаго юношу, на руку котораго она когда-то опиралась возвращаясь въ тихій вечеръ съ прогулки по замолкнувшимъ аллеямъ царскосельскаго сада. Теперь отъ этого юноши ничего не осталось; передъ нею былъ окончательно сложившійся человѣкъ и блѣдное, красивое лицо его, съ двумя тремя преждевременными морщинами на высокомъ лбу, говорило ей о невесело проведенной молодости.

Но на этомъ красивомъ, тонкомъ лицѣ, сохранявшемъ родовыя черты длиннаго ряда предковъ, почти всегда являвшихся, среди различныхъ событій русской исторіи, съ признаками благороднаго и нѣсколько горделиваго характера, Екатерина напрасно искала того, что думала найти въ немъ послѣ разговора съ Зубовымъ. Ея проницательный взглядъ рѣшительно не могъ въ немъ подмѣтить никакой враждебности, никакого смущенія, никакой фальши.

Екатерина чувствовала какъ въ ней воскресаютъ прежняя симпатія и прежнее довѣріе къ этому человѣку. Она безсознательно улыбнулась ему тихой старческой улыбкой и, потомъ оживившись, стала его разспрашивать о томъ что ее интересовало и на что онъ могъ ей отвѣтить какъ живой свидѣтель.

Сергѣй мгновенно позабылъ эту поразившую его въ ней перемѣну. Онъ видѣлъ передъ собою умную и тонкую женщину, неограничивавшуюся разспросами, но вставлявшую то и дѣло свои замѣчанія, въ которыхъ всегда сквозило большое пониманіе предмета, критическій умъ, ясность мысли и блестящее остроуміе.

Скоро онъ самъ оживился, всякое смущеніе и неловкость были позабыты, онъ говорилъ много, онъ рисовалъ ей смѣлыми красками жизнь англійскаго двора и высшаго общества, представлялъ характеристики тѣхъ политическихъ дѣятелей, которыми она интересовалась. Она слушала все съ возроставшимъ вниманіемъ, повидимому совершенно довольная своимъ собесѣдникомъ, и оба они не замѣчали какъ шло время.

Но вотъ предметъ бесѣды началъ истощаться, оживленіе государыни проходило. Сергѣй видѣлъ въ ней уже не просто умную собесѣдницу, а свою государыню; онъ сдерживался и обдумывалъ каждое слово.

— Благодарю васъ, сказала Екатерина,—вы сообщили мнѣ много интереснаго и я очень рада что многія мои предположенія оправдываются или, покрайней мѣрѣ, подтверждаются вашими личными наблюденіями.

И въ то же время она думала:

„Онъ уменъ, наблюдателенъ... и тотъ-же прежній благородный образъ мыслей!.. неужели онъ лукавитъ?.. вѣдь ни разу не проговорился“!..

Она и увлекшись разговоромъ слѣдила за нимъ, за его тономъ, за малѣйшими оттѣнками, которые онъ придавалъ словамъ своимъ—и ровно ничего не указывало ей на то, что передъ нею волтерьянецъ, человѣкъ съ вреднымъ образомъ мыслей, человѣкъ враждебный интересамъ Россіи, какъ она ихъ понимала.

— Теперь скажите вы мнѣ о себѣ, продолжала она.—каковы ваши личные планы? Желаете вы вернуться въ Англію или остаться въ Россіи?

Грустная и нѣсколько насмѣшливая усмѣшка невольно скользнула по губамъ Сергѣя.

— Ваше величество, сказалъ онъ, — въ теченіи семи лѣтъ моей завѣтной мечтою было вернуться въ Россію и ужь никакъ не для того чтобы ее снова покинуть...

Екатерина замѣтила эту усмѣшку и немного поморщилась. Незачѣмъ было возвращаться назадъ, это повело бы только къ ненужнымъ длиннымъ объясненіямъ, онъ могъ самъ хорошо понять это...

— Если вы желаете остаться въ Россіи, проговорила она,—то, я полагаю, къ этому не можетъ предвидѣться никакихъ затрудненій: дѣло вамъ и здѣсь найдется, мнѣ нужны способные люди. Или можетъ быть вы желаете перемѣнить службу? Скажите мнѣ прямо, мы это обсудимъ.

— Ваше величество, отвѣчалъ Сергѣй,—относительно службы у меня нѣтъ никакихъ желаній. Я вовсе не высокаго мнѣнія о своихъ способностяхъ и ни на что не разсчитываю. Въ отвѣтъ на милостивыя слова ваши я въ настоящее время могу только просить васъ дозволить мнѣ хоть временно освободиться отъ какихъ-бы то ни было служебныхъ обязанностей. Мнѣ необходимо подумать о своихъ личныхъ дѣлахъ, оглядѣться...

— Что-же, развѣ вы хотите совсѣмъ выйдти въ отставку? Зачѣмъ-же это? Я понимаю что у васъ могутъ быть по возвращеніи въ Россію послѣ столь долгаго отсутствія различныя семейныя дѣла и тому подобное. Пожалуйста устраивайте ихъ, вамъ будетъ данъ отпускъ на какое хотите время.

И вдругъ она что-то вспомнила, сообразила, и снова внимательно взглянула на него, а на губахъ ея появилась улыбка, тонкая привлекательная улыбка прежняго времени.

— Я не спросила васъ еще объ одномъ: вѣдь вы единственный представитель вашего рода, вамъ пора думать о томъ чтобы родъ этотъ не угасъ, пора думать о женитьбѣ.

Сергѣй смутился, онъ никакъ не ожидалъ подобнаго вопроса.

Во время разговора Екатерина нѣсколько разъ, несмотря на всю свою внимательность къ нему и милостивое обращеніе, придавалъ своимъ словамъ нѣкоторый оттѣнокъ холодности. А въ этомъ вопросѣ и въ тонѣ, которомъ онъ былъ сдѣланъ уже не было холодности, напротивъ сказывалось такое отношеніе къ нему императрицы, на которое онъ никакъ не разсчитывалъ. Она-же съ своей стороны сдѣлала этотъ вопросъ совсѣмъ неожиданно для себя, она была такъ занята сама все это время брачнымъ вопросомъ... Все это вышло невольно, просто и естественно. Во всякомъ случаѣ нужно было отвѣчать.

— До сихъ поръ мнѣ не было никакой возможности жениться, проговорилъ Сергѣй,—теперь-же, ваше величество, придется подумать объ этомъ.

— Да, подумайте, вамъ пора жениться.

Но тутъ она окончательно позабыла разговоръ съ Зубовымъ, всѣ сомнѣнія, которыя родились въ ней относительно Сергѣя. Она все вспоминала прежнее, совсѣмъ было позабытое ею время. И эти воспоминанія заставили ее принять съ Сергѣемъ совсѣмъ уже новый, милый тонъ, который такъ шелъ къ ней, при которомъ окончательно забывалась величественная императрица и оставалась только женщина.

Съ каждой секундой она все болѣе и болѣе отдалялась отъ настоящаго и уходила въ прошлое.

Вотъ вспомнилась ей во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ ея прогулка подъ руку съ Сергѣемъ по береговой дорожкѣ царскосельскаго озера; вспоминалась тогдашняя ея тоска, сердечная тревога и молодое мечтательное лицо ея спутника.

Понималъ-ли онъ въ тотъ вечеръ ея состояніе, ея мысли и чувства?

Ее что-то кольнуло въ сердце, ей захотѣлось въ чемъ-то оправдаться—не то передъ нимъ, не то передъ самой собою.

— А вѣдь давно таки мы не видались?! сказала она задушевнымъ тономъ, который въ ея устахъ былъ памятенъ Сергѣю и который когда-то возбуждалъ въ немъ къ ней чувство благоговѣйнаго юнаго обожанія. Давно не видались, я вотъ совсѣмъ состарилась, да и вы теперь уже далеко не юноша. Опять повторяю: пора вамъ жениться. И, знаете, что я вспомнила? одну изъ послѣднихъ бесѣдъ нашихъ восемь лѣтъ тому назадъ. Да, такъ... Это восемь лѣтъ тому назадъ было! вспомните — я была нездорова и вышла пройтись вечеромъ въ садъ, думала освѣжиться; думала что никто не помѣшаетъ моей прогулкѣ... и вдругъ столкнулась съ вами; но вы мнѣ нисколько не помѣшали, напротивъ, я такъ утомилась — вы мнѣ помогли тогда дойти. Право вы были совсѣмъ ребенокъ, вы мечтали подъ соловьиныя пѣсни и я заставила васъ проговориться. Видите, я клеплю на себя—у меня все еще хорошая память! Я узнала отъ васъ, что вы влюблены, что у васъ гдѣ-то тамъ въ деревнѣ невѣста. Можетъ быть это очень нескромно съ моей стороны, но я старуха—старость, какъ

и юность бываетъ любопытна. Однако я не изъ простаго любопытства спрашиваю, а изъ участія къ вамъ... Куда дѣлась эта ваша невѣста и ваша любовь къ ней?

Сергѣй былъ изумленъ. Онъ могъ ожидать чего угодно, только не этого.

Екатерина замѣтила его изумленіе. Однако онъ долженъ былъ отвѣчать, а правду ему отвѣчать не хотѣлось.

— Ваше величество, наконецъ проговорилъ онъ,— меня глубоко трогають слова ваши, я и надѣяться не смѣлъ на такое съ вашей стороны милостивое участіе. Но мнѣ трудно отвѣчать на вопросъ вашъ — съ тѣхъ поръ столько прошло жизни...

Онъ не зналъ какъ кончить начатую фразу.

Екатерина сама помогла ему.

— Столько прошло жизни, перебила она его,—столько встрѣчалось женщинъ, что та юная любовь давно забыта... Конечно я должна была сама догадаться объ этомъ... Теперь вы встрѣтите здѣсь прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя безъ васъ выросли. Вамъ будетъ изъ кого выбрать и когда выберете которую нибудь — скажите мнѣ: я буду вашей посаженой матерью. Какъ старая бабушка я ужасно люблю свадьбы!

— Я не нахожу словъ благодарить ваше величество, пробормоталъ Сергѣй все продолжая изумляться.

— До свиданья-же! сказала Екатерина протягивая ему руку.

Выходя онъ думалъ:

„О! какъ она измѣнилась. И зачѣмъ она такъ говорила со мною“?

Ему было тяжело. Этотъ тонъ, это милостивое вниманіе возвращали его къ прежнему времени. А между тѣмъ онъ не могъ забыть восемь лѣтъ безрадостной жизни вдали отъ родины; не могъ забыть и Гатчины, гдѣ его ждали, можетъ быть, въ настоящую минуту.

Въ сосѣдней комнатѣ Сергѣй чуть не столкнулся съ Зубовымъ, но тотъ шелъ быстрыми шагами, опустивъ голову и глядя себѣ подъ ноги. Онъ сдѣлалъ видъ что совсѣмъ не замѣчаетъ Сергѣя. Онъ боялся, что если тотъ и поклонится ему, то во всякомъ случаѣ не такимъ поклономъ, къ какимъ онъ уже давно привыкъ. И онъ далъ Сергѣю возможность ему совсѣмъ не поклониться.

Только что Зубовъ вошелъ къ императрицѣ она живо заговорила:

— Вотъ вы и оказались неправы, я долго бесѣдовала съ Горбатовымъ и сама убѣдилась что вы неправы. Теперь для меня не можетъ быть сомнѣнія, что всѣ ваши извѣстія ложны и выдуманы его врагами. Онъ сообщилъ мнѣ много интереснаго и, увѣряю васъ, онъ вполнѣ порядочный человѣкъ, неспособный на измѣну — вольнодумства въ немъ тоже никакого не замѣтила.

Лицо Зубова перекосилось.

Неужели ему приходится бороться съ этимъ Горбатовымъ какъ съ равнымъ себѣ?!.

— А онъ не сообщалъ вашему величеству, проговорилъ Зубовъ дѣлая удареніе на каждомъ словѣ, — не сообщалъ онъ о томъ какъ весело проводитъ теперь время въ Гатчинѣ?

— Въ Гатчинѣ?

— Да, каждый день съ ранняго утра туда ѣздитъ.

— Что ему дѣлать въ Гатчинѣ?.. Что общаго?

— Не знаю, но вѣроятно общаго много. И ужь эти мои свѣдѣнія, я надѣюсь, вы не заподозрите въ невѣрности... Это-то вѣдь ужь легко провѣрить.

— Да, конечно легко, я спрошу великую княгиню...

Какая-то тѣнь мелькнула по лицу Екатерины. Она поморщилась и рѣзко спросила его:

— Есть-ли у васъ какія-нибудь новости по нашему дѣлу? Видѣли вы вчера вечеромъ короля?

— Видѣлъ.

— Ну, такъ разскажите пожалуйста!

(До слѣд. №).

По домашнимъ обстоятельствамъ.

(Изъ давно прошедшаго).

Разсказъ **П. П. Гнѣдича.**

— Изъ васъ, Кривцовъ, ничего не выйдетъ путнаго; великую истину сказалъ вашъ народъ: „горбатаго одна могила исправитъ“.

Мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, бѣлокурый, коротко стриженый, съ одутловатымъ блѣднымъ лицомъ и полусонными глазами, не то насмѣшливо, не то печально посмотрѣлъ на нѣмца-гувернера, говорившаго это, и ничего не отвѣтилъ.

— Наказанія васъ не исправляютъ,—продолжалъ тотъ,—господинъ директоръ не знаетъ, что съ вами дѣлать,—кончится тѣмъ, что васъ исключатъ. Такихъ какъ вы держать нельзя: это позоръ для всего учебнаго заведенія, особенно такого какъ наше, составившаго себѣ такую блестящую репутацію... Не могу же я не донести господину директору о томъ, что вы творите...

Мальчикъ перевелъ глаза съ очковъ гувернера на его жилетъ—синій съ золотыми пуговицами и массивной цѣпочкой, какъ-то конфузливо болтавшейся на его засаленномъ фонѣ. Посмотрѣлъ на орловъ, которые сидѣли на пуговицахъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: который бокомъ, который внизъ головой; посмотрѣлъ на скверно-накрахмаленную, пузырившуюся рубашку и опять уставился на очки гувернера.

— Да что же я такое дѣлаю,— тихо сказалъ онъ,—что бы меня исключать... Я шалю не больше другихъ.

— Всѣ ваши шутки злонамѣренны, онѣ не дѣтски, не наивны.... Вы воръ!

Мальчикъ вспыхнулъ и потупился.—Я не воръ,—сквозь зубы пробормоталъ онъ, невольно сжимая въ кулаки свои руки.

— Да это что же? Гувернеръ махнулъ передъ его носомъ папироской, которую все время мялъ въ пальцахъ.—Это папироса краденая... А разъ она краденая, значитъ ея владѣлецъ воръ. Наконецъ, ваше поведеніе въ классахъ.

— Я въ классахъ всегда веду себя смирно, герръ Штольцъ, спросите учителей...

— А во время рекреаціи? Эти дикія забавы—выжимать масло, рисовать на доскахъ пасквили... Я, признаюсь, такихъ феноменовъ не долюбливаю. Вы принадлежите къ той породѣ овецъ, которыя все стадо портятъ—и я даю вамъ слово, что или меня, или васъ здѣсь не будетъ...

Герръ Штольцъ сердито повернулся, и сердито пошелъ черезъ рекреаціонную залу, раскачиваясь на ходу всей своей сухой какъ щепка фигурой и потряхивая головой.

— Факельщикъ! раздалось ему вслѣдъ.

Онъ оглянулся.

— Послушайте, Кривцовъ, задыхаясь крикнулъ онъ,—вы переходите всякія границы...

— Чѣмъ-съ? хладнокровно, словно нѣсколько изумленный, спросилъ мальчикъ.

— Что вы сейчасъ сказали?

— Я сказалъ Ковылину,—онъ показалъ на товарища, стоявшаго возлѣ,—что факельщикъ по улицѣ прошелъ, вотъ и онъ видѣлъ, да вы сами посмотрите...

Нѣмецъ мелькомъ взглянулъ и на Ковылина и въ окошко, и стиснувъ зубы вышелъ изъ залы.

— Факельщикъ,—раздалось ему вслѣдъ,—у директора пятки лижешь...

— Охота тебѣ съ нимъ связываться, замѣтилъ Ковылинъ.— Только время попусту тратить...

— Что ему надо отъ меня,—злобно возразилъ Кривцовъ.— Что онъ пристаетъ ко мнѣ постоянно... Ну, и закачу же я ему сегодня ночью бенефисъ! Будетъ онъ меня помнить...

— Въ субботу опять тебя не отпустятъ...

— Ахъ, это хуже всего... Я десять разъ готовъ въ карцерѣ и классѣ сидѣть—только бы домой пускали...

— Экъ тебя домой тянетъ всегда...

— Потянетъ!.. Хорошо тебѣ говорить—ты приходящій, а поживи-ка здѣсь. Начнешь съ голоду резинку жевать.

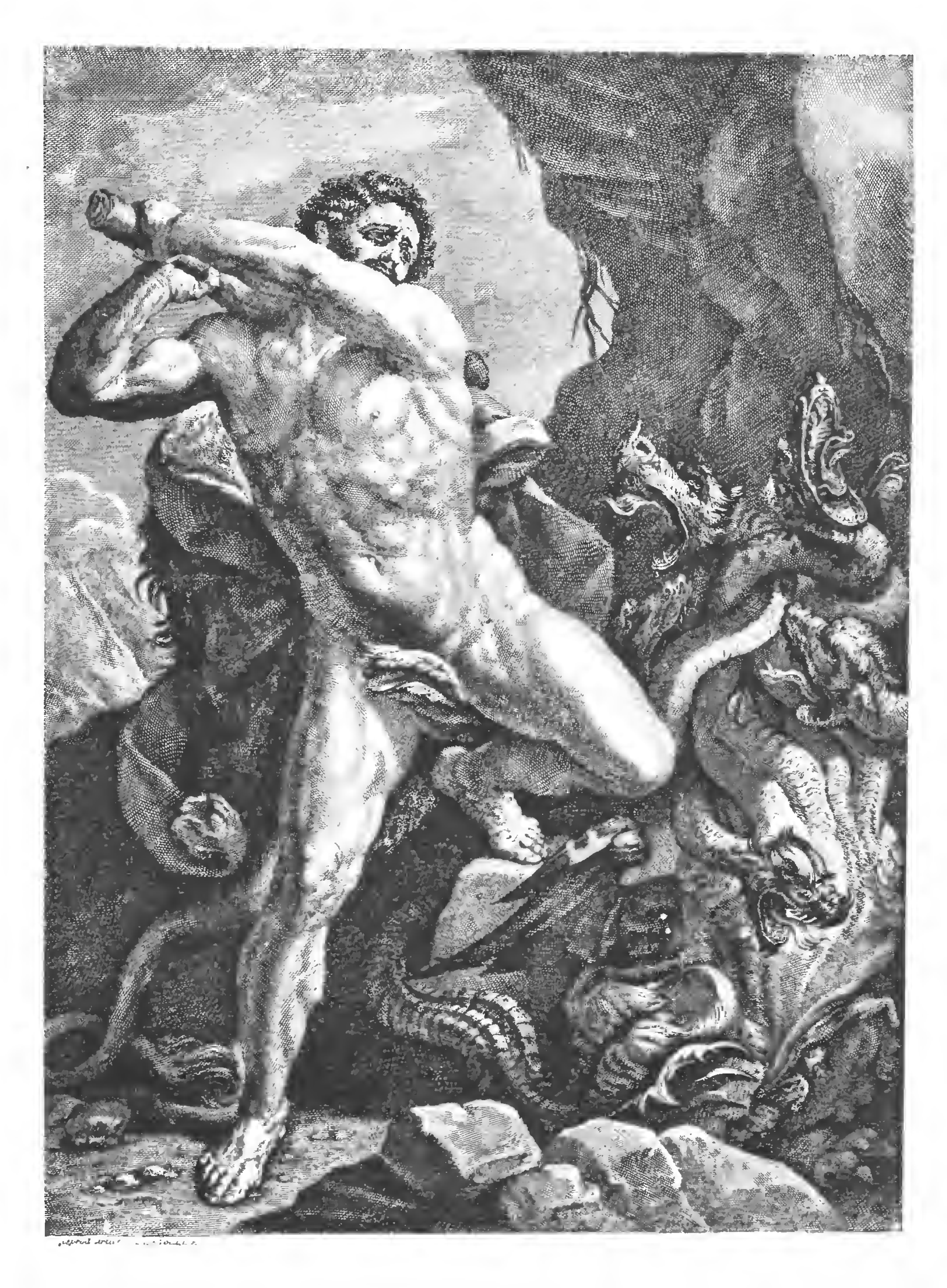
Въ дверяхъ снова показался Штольцъ.

— Что же вы въ классъ, господа! крикнулъ онъ.—Господа учителя уже прошли въ классы, а вы все еще нейдете... Какъ вамъ не стыдно, Ковылинъ,—первый ученикъ—и что вамъ за охота связываться съ этой... съ этимъ лѣнтяемъ.

Ковылинъ сконфузился и пошелъ нѣсколько въ сторону отъ Кривцова.

— Да не забудьте, Кривцовъ, — крикнулъ имъ въ догонку Штольцъ,—если я еще разъ застану васъ за списываніемъ задачъ—все будетъ передано господину преподавателю... А если вы, Ковылинъ, будете давать списывать, хоть вы и первый ученикъ, а подвергнетесь наказанію...

— Факельщикъ! крикнулъ ему издали Кривцовъ.



Геркулесъ поражающій гидру. Картина Н. Пуссена, Плафонъ Большой галлереи Лувра, грав. Жела.

Въ классъ, куда направились оба мальчика, только что вошелъ передъ ними учитель, и сѣлъ на кафедру: это была толстая фигура съ жирной, лоснящейся физіономіей, большимъ животомъ, крупнымъ носомъ и маленькими сѣренькими глазками. При входѣ запоздавшихъ, онъ скорчилъ утвленную мину и потянулъ луковицу изъ кармана.

— Опоздали! торжественно проговорилъ онъ и отмѣтилъ въ соотвѣтствующей графѣ журнала: „Кривцовъ опоздалъ полминуты, Ковылинъ опоздалъ полминуты“, а такъ какъ Кривцовъ опоздалъ и наканунѣ, то, по совокупности преступленій, ему была поставлена „точка въ поведеніи“; двѣ точки равнялись *нотабене*; двѣ нотабене—единицѣ въ поведеніи...

Въ классѣ воцарилась мертвенная тишина, тягостная, удручающая, только изъ окна слышалось воркованье голубей да отдаленное дребезжаніе дрожекъ. Учитель любилъ это гробовое затишье,—онъ сознавалъ въ немъ свою силу, свое вліяніе на учениковъ. Порядокъ, полный дисциплинарный порядокъ былъ его идеаломъ. У него самого всегда все въ порядкѣ, и вицмундиръ, и прическа, и перушко, и книги, но такого же порядка онъ требовалъ и отъ мальчиковъ. Тетрадка должна обязательно имѣть поля въ три пальца ширины, кусокъ клякс-папира въ форматѣ тетради, и два узаконенныхъ оберточныхъ листка. Каждый ученикъ долженъ сохранять абсолютное молчаніе, не шумѣть и „вести себя не какъ огромный быкъ, а какъ маленькій пѣтушокъ“. Въ случаѣ паденія пера на полъ, о таковомъ несчастіи надо было всенепремѣнно доложить преподавателю и поднять оное токмо съ его разрѣшенія, если таковое воспослѣдуетъ. Выражаться надо было ясно и точно. При перемѣнѣ старой, исписанной тетради на новую, нельзя было сказать: „у меня вышла тетрадь“, ибо на это слышалось изумленное восклицаніе: „куда она вышла?“ на поясненіе „она исписалась“,—возражали: „сама исписалась?“ и только на опредѣленную фразу: „я исписалъ мою тетрадь“—слѣдовало разрѣшеніе обмѣнить ее на другую. Самый обмѣнъ — была очень сложная процедура съ перепискою, хожденіями изъ одного этажа въ другой и пр. Выходить изъ класса было разрѣшаемо только по предъявленіи „соотвѣтствующаго узаконеннаго свидѣтельства врача“, а такъ какъ таковыхъ свидѣтельствъ, разумѣется, ни у кого не было, то и выходить воспрещалось. Занимались у него всегда плохо,—по крайней мѣрѣ если вѣрить журнальнымъ отмѣткамъ, то три четверти класса были ужаснѣйшіе лѣнтяи. Большинство сидѣло съ двойками, „полторашечками“, единицами—и даже „колечками“. „Колечко“ часто чередовалось съ единицей, и преподаватель остроумно замѣчалъ: „палочкой подкатишь колечко—оно и покатится!“... Впрочемъ „колечки“ составляли принадлежность преимущественно перваго класса, второй и третій продовольствовался единицами.

Преподаватель что-то такое писалъ у себя въ книжечкѣ, графилъ, сосредоточенно хмурился. Ученики—кто уткнулся носомъ въ тетрадь, кто зазубривалъ что-то въ грамматикѣ, кто исподлобья смотрѣлъ на учителя. Грузно воздымалась въ тишинѣ его крупная фигура, сидѣвшая прямо, какъ палка, на высокой кафедрѣ; грозно и мрачно смотрѣли стоявшія на возвышеніи по бокамъ кафедры доски, изъ которыхъ одна была плохо вытерта и на ней клочками торчали цифры какихъ-то пропорцій. Безмолвно висѣла грязная, выпачканная чернилами карта Африки. Высокая, бѣлая изразцовая печка играла на солнечныхъ лучахъ, пробивавшихся косыми столбами пыли въ классъ, а за окнами виднѣлся широкій дворъ и молодая, весенняя зелень сосѣдняго сада.

Кривцовъ, возбужденный разговоромъ съ Штольцемъ, нервно покусывалъ губы, машинально поглаживая рукой книгу. Его раздражали съ утра, ему такъ хотѣлось нагрубить кому нибудь, сорвать на комъ нибудь злость,—онъ даже не чувствовалъ, что сидитъ въ классѣ страшнѣйшаго изъ преподавателей, что передъ нимъ не лежатъ перо и тетрадь, обязательныя классныя принадлежности. Онъ не чувствовалъ, что перекличка кончилась, что опять водворилось ужасное молчаніе; онъ не чувствовалъ даже, что его назвали по фамиліи.

— Кривцовъ,—повторилъ учитель,—что вы спите?

Кривцовъ всталъ, посмотрѣлъ на него, хотя по глазамъ видно было, что онъ какъ-то механически отозвался на зовъ.

— Пожалуйте сюда, ко мнѣ. Книгу оставьте на мѣстѣ. Господинъ Рыбчинскій!

Рыбчинскій—длинный, щедушный мальчикъ, медленно двинулся къ кафедрѣ.

— Вы къ доскѣ, и вы къ доскѣ,—предложилъ обоимъ учитель. Мальчики, стараясь не стучать каблуками, взошли по ступенькамъ къ доскамъ.

— Мѣлъ не трогайте. Обратитесь лицомъ ко мнѣ. Не угодно ли вамъ начинать colloquium.

По классу прошелъ сдержанный хохотъ. Дѣло въ томъ, что къ этому дню было задано выучить наизусть изъ грамматики Кюнера шуточный разговоръ,—„О вставаньи“—De surgendo. Но никто не ожидалъ, что преподаватель устроитъ спектакль: заставитъ отвѣчать не подрядъ, а чередоваться для полной иллюзіи разговора.

— Начинайте, Рыбчинскій.

— Эй, эй, Карлъ, проснись! заговорилъ по латыни тоненькимъ, надтреснутымъ со страха голоскомъ Рыбчинскій,—проснись, пора вставать. Ты слышишь!

— Не слышу! долженъ былъ отвѣтить сонный Карлъ на привѣтъ товарища. Классъ замеръ отъ восторга, предвкушая заранѣе всю прелесть отвѣта.

— Я такъ не могу,—вдругъ прервалъ молчаніе Кривцовъ. Я подрядъ прочту, а такъ, Алексѣй Васильевичъ, я не могу... Вы не задавали...

Алексѣй Васильевичъ поднялъ брови и посмотрѣлъ въ записной журналъ.—Тутъ написано, торжественно сказалъ онъ, водя пальцемъ по книгѣ—выучить наизусть „De surgendo“.

— Да я выучилъ.

— Такъ отвѣчайте.

Опять молчаніе. Чернильное пятно близъ острова Мадагаскара рѣзко чернѣется и бьетъ прямо въ глаза. Алексѣй Васильевичъ ждетъ терпѣливо.

— Пожалуйте сюда, еще торжественнѣе пригласилъ онъ. Кривцовъ поднялся на кафедру; его такъ и обдало запахомъ камфоры отъ учительскаго вицмундира.—Здѣсь въ журналѣ написано,—и бѣлый палецъ съ треугольнымъ ногтемъ прошелся подъ блѣдно-написанной строкой,—здѣсь написано: выучить наизусть „De sngendo“.—Палецъ остановился и щелкнулъ ногтемъ по бумагѣ...

— Я знаю, Алексѣй Васильевичъ, а только...

— Что отвѣчаетъ Каролюсъ?

— Онъ... онъ отвѣчаетъ... „Не слышу“.

— Такъ-съ. Продолжайте, Рыбчинскій.

— „Гдѣ же ты имѣешь уши?“—быстро отрапортовалъ Рыбчинскій.

Минутное молчаніе. Алексѣй Васильевичъ трясетъ бородой и смотритъ неопредѣленно въ пространство. Гдѣ-то муха жужжитъ и бьется въ стекло. Онъ берется за перо и медленно макаетъ въ чернильницу. Еще медленнѣе рука переносится къ журналу, отыскиваетъ клѣтку. Вотъ кончикъ пера коснулся верха графы.

— „Въ постелѣ!“ внезапно произнесъ требуемую фразу Кривцовъ.

Перо отходитъ отъ журнала и опять ложится въ перегибъ книги.

— „Я это вижу“,—продолжаетъ Рыбчинскій,—но что ты дѣлаешь до сихъ поръ въ постелѣ?“...

Снова пауза.—Экій проклятый у него носъ, думаетъ Кривцовъ, и смотритъ на завитокъ уха учителя, круглый, мясистый, на его рыжеватую клиномъ бороду и свиные глазки. Вѣдь вотъ и у Штольца носъ такой же противный, думаетъ онъ, только у него онъ тоньше. Онъ переводитъ глаза на потолокъ, карнизъ безучастно смотритъ на него. Лампа виситъ и слегка покачивается: вѣроятно въ перемѣну ее качнулъ кто нибудь. Весь классъ замеръ, всѣ на него смотрятъ, одинъ Ковылинъ весь погрузился въ зубренье. А муха все жужжитъ—ей и горя мало...

— Одинъ баллъ! деревянно произноситъ Алексѣй Васильевичъ. Опять перушко въ роковой графѣ; тоненькая-тоненькая палочка съ носомъ (чтобы въ четыре нельзя было переправить), и такая же палочка въ его записной книжкѣ.—Единица! значитъ въ субботу во всякомъ случаѣ отпуска не дадутъ...

— Садитесь!

Кривцовъ также механически повернулся, пошелъ на свое мѣсто и механически опустился на скамью, возлѣ слегка посторонившагося Ковылина.

Все точно ушло изъ его глазъ, затянулось дымкой и голова учителя, и доски, и Мадагаскаръ, и чернильное пятно и печка. Въ субботу не отпустятъ... Не могу же я не довести до свѣдѣнія господина директора,—звучала въ его ушахъ фраза Штольца. Одинъ баллъ! говорилъ голосъ Алексѣя Васильевича... не выучилъ „De surgendo“...

— ....Но что же ты дѣлаешь до сихъ поръ въ постелѣ“, слышится голосъ Рыбчинскаго.

— „Что дѣлаю?—сплю“,—мѣрнымъ басомъ отвѣчаетъ Соколовъ.

— „Спишь, и въ то же время говоришь со мной?..

— Что они ко мнѣ привязываются? думалъ Кривцовъ, ловя ухомъ звуки рѣчи, и не вникая въ смыслъ знакомыхъ фразъ.—Что я сдѣлалъ такое, за что меня исключитъ? Завернулся въ простыню, вымазалъ сажей физіономію да съ двухъ первоклассниковъ сдернулъ одѣяла... Курить хотѣлось какъ... какъ собакѣ, подыскалъ онъ нелѣпое сравненіе,—такъ взялъ у Штольца три папироски... и табакъ-то прескверный... На грѣхъ сегодня одна изъ кармана на глазахъ у него выпала... воръ! Какъ онъ смѣетъ это говорить, какое у него на это право...

Слезы подступали къ горлу и душили его.

— Кривцовъ,—раздался снова голосъ учителя.—Неугодно-ли вамъ выучить къ концу класса „De sngendo“.

Онъ молча раскрылъ Кюнера, и сталъ читать разговоръ, буквально не понимая того, что читаетъ.... Странно, — думалъ онъ: пока я занимался дома—учился всегда отлично, получалъ пятерки—какъ поступилъ сюда—все единицы и двойки... Пока я одинъ учился,—я какъ надо готовилъ уроки, а здѣсь я никогда ничего не знаю...

— „Гдѣ-же у тебя уши?“ въ шестой разъ звучала знакомая фраза.
— „Въ постелѣ“...

Въ рекреацію (или по просту въ перемѣну), ученикъ седьмаго класса Ахлестышевъ, поймалъ за рукавъ бѣгущаго мимо Кривцова.
— Ты это видишь,—сказалъ онъ развертывая передъ нимъ толстую книгу, всю испещренную цифрами. Знаешь, что это такое?
— Нѣтъ.
— Это логариомы... Святая книга. Поцѣлуй! И онъ сунулъ ему книгу прямо въ носъ: тотъ увернулся.
— Ты чего рыло воротишь! Цѣлуй, когда тебѣ говорятъ.— Онъ больно захватилъ его за вихоръ, что росъ на самомъ темени.—Цѣлуй, а то *волчка спущу.*
Кривцовъ поцѣловалъ,—вихоръ былъ выпущенъ на волю.— Пай-мальчикъ,—сказалъ Ахлестышевъ, смазавъ его всею пятерней по головѣ и лицу.—Въ другой разъ цѣлуй сразу...
Онъ повернулся и пошелъ.— Дуракъ! пустилъ ему вслѣдъ вполголоса Кривцовъ, и когда тотъ отошелъ подальше, еще разъ крикнулъ:—дуракъ!..
Ахлестышевъ услышалъ и повернулся. Кривцовъ хотѣлъ „задать дерка“, но врагъ живо настигъ его.
— Ты что сказалъ? улыбаясь говорилъ онъ, глядя на испуганное лицо мальчика, невольно поднявшаго кверху руки.— Кто дуракъ? Я?.. Вотъ тебѣ за это волчекъ, вотъ тебѣ!
„Волчокъ спустить“ на гимназическомъ жаргонѣ значило большимъ ногтемъ правой руки и костяшкой указательнаго пальца очень больно не то сверлить, не то щипать голову наказуемаго.
Послѣ трехъ волчковъ у Кривцова брызнули слезы.
— Пустите, крикнулъ онъ... Я факельщику скажу...
— Что? Ты фискалить...
— Скажу, скажу факельщику...
— Что? факельщику?.. Пойдемъ къ Herr Штольцу... Herr Штольцъ,—пожалуйте сюда.
Herr Штольцъ подошелъ на зовъ старшаго воспитанника.
— Вотъ онъ васъ факельщикомъ зоветъ,—я ему говорю, что это богохульство...
— А онъ дерется, волчки спускаетъ...
— Herr Штольцъ,—это я вашу честь защищалъ,—какъ-же онъ смѣетъ васъ звать факельщикомъ... Вы развѣ похожи на факельщика?.. У васъ нѣтъ ни шляпы, ни фонаря.
— Идите, Ахлестышевъ, своей дорогой, не трогайте младшихъ,—не вы призваны наказывать ихъ. Это наше дѣло...
— Помилуйте, Herr Штольцъ,—онъ не уважаетъ не только васъ, но даже науку,—даже руководство барона Вега,—(онъ показалъ на книгу) не хочетъ признавать логариемическихъ величинъ синусовъ и тангенсовъ... Это ужасно...
— Смотрите лучше за собой: сами вы, Ахлестышевъ, не уважаете науки: я видѣлъ какъ вы сегодня на урокѣ физики играли въ пикетъ..
— Herr Штольцъ—ей Богу я въ пикетъ не умѣю играть...
— Уходите, уходите... Слышите—звонокъ, сейчасъ придетъ господинъ преподаватель...
— За васъ мы умереть готовы, ехидно улыбаясь замѣтилъ Ахлестышевъ, и грозя Кривцову пальцемъ прибавилъ: помни, всегда надо почитать старшихъ: Herr Штольца и меня.
И вѣжливо поклонившись гувернеру, онъ пошелъ внизъ, гдѣ помѣщались старшіе классы.
— А съ вами я раздѣлаюсь,—скрипя зубами говорилъ Штольцъ, васъ посадятъ въ карцеръ и въ субботу вы останетесь безъ отпуска. Господинъ директоръ еще сегодня о васъ справлялся... Васъ вообще надо выкинуть отсюда, какъ выкидываютъ на улицу негодную старую подошву... Идите въ классъ...
Онъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ классной комнатѣ, откуда несся ужаснѣйшій содомъ: въ одномъ углу „жали масло“, то есть на скамейкѣ, вмѣщавшей четверыхъ, сидѣло человѣкъ пятнадцать и всѣми силами напирали другъ на друга, такъ что попавшимся въ середину было куда какъ жутко; по срединѣ класса дрались на кулачкахъ, при чемъ дерущіеся сидѣли верхами на своихъ товарищахъ, которые, изображая лошадей, старались въ свой чередъ лягнуть другъ друга;—кто-то гдѣ-то жалобно, но кошачьи кричалъ;—и все это покрывалось зычнымъ хоромъ человѣкъ въ тридцать, во всю глотку пѣвшимъ „Настасью“. При появленіи Штольца все моментально смолкло. Онъ постоялъ на порогѣ, посмотрѣлъ на всѣхъ черезъ очки.
— Что такое у васъ,—спросилъ онъ.
Красный какъ ракъ Соколовъ, весело посмотрѣлъ ему въ глаза.
— Слава Богу, всѣ живы, никто не умеръ...
— Умеръ?.. изумился нѣмецъ.
— Вы о погребеніи изволите спрашивать?
Весь классъ покатился со смѣха. Факельщикъ! раздалось со всѣхъ концовъ.
— Уличные, скверные мальчишки,—заскрежеталъ про себя Штольцъ, выходя изъ класса.
— Ребята,—вали „Акулину“! отчаянно крикнулъ Кривцовъ, едва гувернеръ переступилъ порогъ,—и мгновенно хоръ голосовъ грянулъ:

„Акулина—повернись“,
„Душа радость—повернись“...

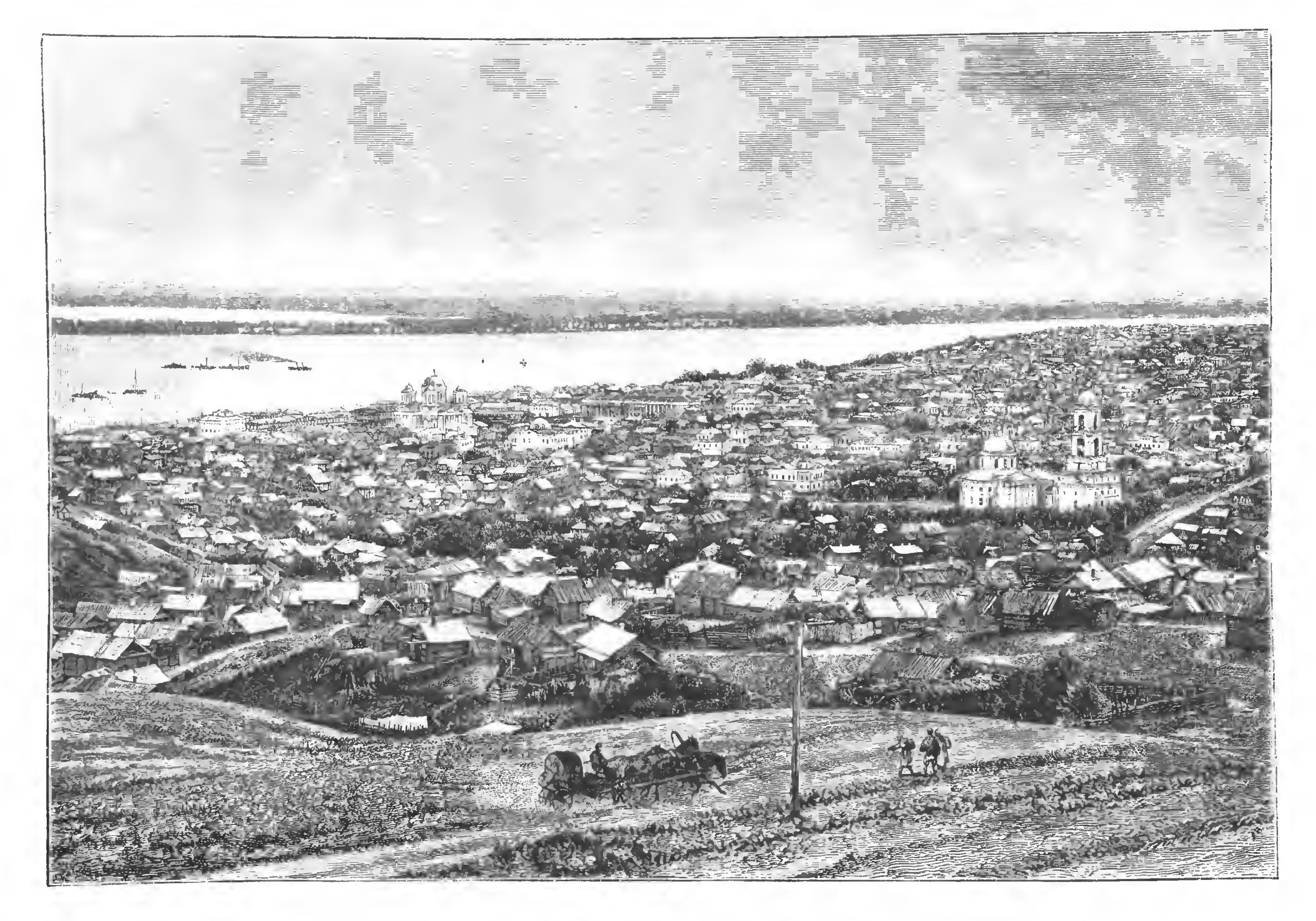
И даже старый солдатъ, стиравшій съ доски, прозванный „дѣдка“, ухмыльнулся на забористый припѣвъ, и перекинувъ черезъ плечо тряпку съ радостной гримасой похвалилъ:
— Черти, право черти!..

— Выбросить какъ старую подошву? за что?.. За то, что захотѣлось попугать ребятъ, за то что взялъ у факельщика три скверныя папироски,—да я ему тридцать ящиковъ папиросъ изъ дома принесу. Ну ходилъ завернутый въ простыню, ходилъ!.. Такъ за что-же выбрасывать?..
— Это что? раздался громкій голосъ, и господинъ директоръ вошелъ скорыми шагами въ классъ. Штольцъ завязъ въ дверяхъ.
Всѣ встали. Маленькая, круглая фигурка начальника метала молніи, руки судорожно обдергивали жилетъ.
— Что это такое? Что это за кабакъ! продолжалъ. Вы, кажется, забываете, гдѣ вы находитесь... Это школа!.. Это не кабакъ... Развѣ кабакъ это? Я съ вами говорю,—отвѣчайте: да—или нѣтъ!.. Опусти руку,—крикнулъ онъ на Ковылина.—Отвѣчай: кабакъ это?
— Нѣтъ, чуть слышно прошепталъ Ковылинъ.
— Нѣтъ?.. директоръ удивленно развелъ руками.—Нѣтъ—это кабакъ. Это пьяные мужики... Это уличный сбродъ. Кто изъ васъ пѣлъ? Отвѣчайте, кто пѣлъ?
Всѣ молчали.—Директоръ строго возвысилъ голосъ.—Ну-съ, никто не отвѣчаетъ? Эй, солдатъ,—кто пѣлъ?
— Я не знаю, ваше превосходительство.
— Какъ не знаешь? ты былъ здѣсь...
— Кто ихъ разберетъ—всѣ орутъ... я съ доски стираю, почемъ мнѣ знать...
Дѣдко ухмыляясь направился къ двери, шлепая своими туфлями по полу.
— Такъ никто не сознается?
— Это Кривцовъ пѣлъ,—вставилъ свое слово Штольцъ,—я слышалъ его голосъ.
— Кривцовъ? Директоръ шагнулъ по направленію того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ.
— Ты что? Онъ обдалъ его съ головы до ногъ строго холоднымъ взглядомъ.—Я, братъ, про тебя слышу такія вещи... Берегись!.. Ты не учишься, ничего не дѣлаешь, собираешься по два года въ классахъ сидѣть, по ночамъ маскарады устраиваешь, гувернерамъ грубишь... Ты что?..
— Я...
— Молчать! Не смѣй перебивать, когда я съ тобой говорю... Ты пѣлъ сейчасъ?
— Всѣ пѣли.
— Я про всѣхъ не говорю, я про тебя спрашиваю.
— Я... я пѣлъ...
Директоръ такого сознанія никакъ не ожидалъ, и опять развелъ руками...
— Что же, ты мѣста другаго не нашелъ? Что это классъ пѣнія? Тѣ пѣсни, что ты поешь, пьяный сапожникъ пѣть не будетъ... Сегодня ты будешь въ карцерѣ... Кто еще пѣлъ?
— Я не знаю.
— Кто пѣлъ,—обратился онъ къ Ковылину.
— Не знаю-съ...
— Въ карцеръ!
— Соколовъ пѣлъ,—внезапно объявилъ перепугавшійся Ковылинъ.
„Мерзавецъ,—прошипѣлъ про себя Кривцовъ,—выдаетъ товарищей“.
Въ дверяхъ показался преподаватель географіи.
— Вы потрудитесь, обратился къ Штольцу директоръ,—отправить послѣ классовъ этого мальчишку въ карцеръ, а остальныхъ продержите часъ въ запертомъ классѣ.

Во время класса географіи слѣдующая записка, написанная рукою Кривцова, обошла всѣхъ учениковъ.
„Дѣдка не выдалъ. Предлагаю ему собрать на чай ото всего класса. Деньги присылайте на первую скамейку.—А Ковылина вздуть за фискальство“.
На преподавателя географіи обращали очень мало вниманія, кто рисовалъ лошадокъ, кто дѣлалъ бумажныя стрѣлки, кто рѣшалъ задачи къ завтрашнему дню... Вызванные ученики наугадъ тыкали грязными пальцами въ неизслѣдованную внутренность Африки и несли ужаснѣйшую дребедень.
— Мози-ка-Тунія,—говоритъ учитель.—Какъ вы не можете выговорить... Мози-ка-Тунія,—это очень звучно.
— Господа,—Ковылина вздуть! громко, на весь классъ предложилъ Кривцовъ, очевидно обуреваемый рядомъ возмущавшихъ его мыслей.
— Вздуемъ, отозвалось сочувственно нѣсколько голосовъ.
Скорчился Ковылинъ, съежился и весь ушелъ въ учебникъ Смирнова, чувствуя, что не миновать ему послѣ классовъ товарищеской потасовки.

Новая электрическая желѣзная дорога въ Берлинѣ съ передаточн. электр. ток. Сименса.

Рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.



Видъ города Вольска. Саратовской губерніи. Съ фотогр. Пятницкаго, грав. М. Рашевскій.

— Господа,—тише! усовѣщевалъ преподаватель, опираясь ладонью въ восточный берегъ Африки и сердито глядя на буйныхъ мальчишекъ.

— Мнѣ никто еще никогда не говорилъ дома—выбросить какъ подошву, думалъ Кривцовъ...

— Мози-ка-Туніа,—говорилъ преподаватель, выпячивая губы... Мози-ка-Туніа...

— —

Передъ самымъ отводомъ Кривцова въ карцеръ, вышло маленькое недоразумѣніе: оказалось, что по случаю недавняго пожара, карцеръ обгорѣлъ, и теперь тамъ шли ремонтныя работы. Штольцъ пошелъ съ докладомъ къ господину директору.

Директоръ очень разсердился, что ему помѣшали читать „Голосъ“, хотя, правду говоря, онъ держалъ его кверху ногами, весь уйдя въ глубокое мягкое кресло, и вытянувъ скрещеныя ножки на великолѣпной шкурѣ бѣлаго медвѣдя.

— Кривцовъ усугубилъ свою вину,—началъ Штольцъ:—сейчасъ была въ классѣ ужаснѣйшая свалка: били бѣднаго Ковылина, вѣроятно за то, что онъ назвалъ вамъ фамилію ноющаго. Къ счастію я подоспѣлъ во время: онъ весь въ синякахъ и фонаряхъ, я отвелъ его въ лазаретъ. Кривцовъ въ этомъ побоищѣ исполнялъ активную роль.

— Ну,—теперь пускай исполнитъ пассивную: на три дня его на хлѣбъ и на воду.

— Въ карцерѣ работы...

— Ну, заприте его куда нибудь въ другое мѣсто... Неужели нельзя найти чулана для одного?.. Теперь не зима вездѣ тепло, хоть на чердакъ сажайте.

— Потомъ Ахлестышевъ, онъ въ классѣ въ пикетъ играетъ.

— Ну что-же я могу сдѣлать съ Ахлестышевымъ,—ученикъ въ выпускномъ классѣ, учится прекрасно, вдобавокъ протеже Сѣрно-Собакевича! Съ нимъ отецъ ничего не можетъ сдѣлать—такъ что-же ужь мы... Скоро онъ кончитъ и мы съ нимъ развяжемся: перекрещусь обѣими руками,—чортъ его побери!

— Онъ очень грубъ...

— Ну поѣзжайте къ Сѣрно-Собакевичу, жалуйтесь: а я умываю руки.

Онъ перевернулъ „Голосъ“ какъ надо и погрузился, или сдѣлалъ видъ что погружается въ московскій фельетонъ.

Штольцу оставалось только уйти.

— —

Помѣщеніе нашлось и довольно просторное. Это была длинная комната, слабо освѣщавшаяся сверху грязнымъ, нѣсколько лѣтъ не мытымъ окномъ, на которомъ паукъ привольно раскинулъ свои тенета. Здѣсь прежде, очевидно, лежали дрова: по крайней мѣрѣ скрученые обрывки бересты и множество мелкихъ щепочекъ ясно говорили объ этомъ: да и деревомъ сильно пахло. У стѣны—два грязныхъ табурета, вода, хлѣбъ—и даже никакой подстилки на полу, собачьей подстилки, чтобы лечь... Неужели не принесутъ и къ ночи?..

Ключъ щелкнулъ. Шаги сторожа и Штольца удалились. Хлопнула еще дверь, и все смолкло. Кривцовъ постоялъ. Тихо. Слышно, какъ сердце бьется. Въ виски кровь стучитъ, слезы подступаютъ. Онъ подошелъ къ табурету—сѣлъ. Не сидится. Всталъ—опять прошелся. Какой тяжелый, непріятный воздухъ. Сыро здѣсь зимой должно быть. Кривцовъ въ первый разъ попалъ въ карцеръ.

За что онъ попалъ сюда, этого онъ никакъ не могъ понять. Положимъ, что дерзкіе, шаловливые мальчики страшно раздражали гувернеровъ и учителей. Положимъ, что нельзя было не наказывать—но почему же Кривцовъ одинъ несетъ за всѣхъ отвѣтственность? Правду говоря, большинство дѣтей получили самое несчастное домашнее воспитаніе: отъ излишней-ли распущенности и игры въ бабки на дворѣ съ уличными ребятишками, отъ чисто-ли семейныхъ условій и отсутствія порядочныхъ примѣровъ передъ глазами,—но только мелкіе гаденькіе пороки глубоко гнѣздились въ этихъ молодыхъ натурахъ. Украсть перо, карандашъ, книгу—было дѣло самое обыкновенное. Надуть кого нибудь, продавши грошевую вещь за рубль—это своего рода геройство. Избить новичка, изщипать его, облить чернилами, вымазать мѣломъ—это обязательно. Устроить на кафедрѣ особый, иногда очень хитрый механизмъ, чтобы старикъ учитель свалился со стула, или провалился сквозь сидѣнье: это значитъ „задать бенефисъ“. Исподняя сторона досокъ, кафедра, стѣны все это было исписано самыми нецензурными надписями, а на географическихъ картахъ были прибавлены чернилами такія названья городовъ, что страшно становилось за бѣдныхъ дѣтей... И замѣчательно, что все это практиковалось въ первыхъ двухъ—трехъ классахъ: далѣе число учениковъ начинало рѣдѣть—изъ шестидесяти человѣкъ оставалось двадцать, много тридцать,—а въ седьмомъ классѣ нерѣдко пятнадцать-восемнадцать, весь ненужный, сорный баластъ выбрасывался, оставался отборный сокъ учениковъ, крѣпкія словца исчезали, и въ результатѣ получался очень порядочно учившійся классъ, игравшій, правда, въ пикетъ во время уроковъ, но все же кой чему научившійся—хотя бы правильно писать по русски.

Но чтобы дотянуть до четвертаго, пятаго класса, сколько мытарствъ надо пережить, особенно для пансіонера, мальчика оторваннаго отъ семьи, шаловливаго, выросшаго на волѣ, съ радостью ринувшагося въ заведеніе, и сразу оглушеннаго, придавленнаго съ первыхъ же шаговъ. Его лишаютъ свободы. Въ первый-же день поступленія въ гимназію Кривцовъ нечаянно брякнулъ въ карманѣ деньгами, нарушивъ тѣмъ тишину класса Алексѣя Васильевича. Алексѣй Васильевичъ сдѣлалъ выговоръ и деньги отобралъ. Потомъ у него отобрали часы и возвратили съ условіемъ: не носить въ классѣ. Когда на него въ первый разъ налетѣлъ товарищъ, и съ размаха далъ ему такаго пинка въ спину, что онъ пребольно ударился лбомъ о печку, его разбранилъ гувернеръ, зачѣмъ онъ ходитъ съ желвакомъ на лбу. Въ другой разъ онъ погнался за ударившимъ его изъ-подтишка мальчикомъ и, поймавъ его въ корридорѣ, сталъ тузить,—на грѣхъ подвернулся Штольцъ, и ему сразу сбавили изъ поведенія. Онъ никакъ не могъ привыкнуть, что надо всегда быть насторожѣ. Не то налетитъ кто нибудь, дастъ „подножку“, уронитъ, схватитъ за ногу, протащитъ всего по паркету. И ходитъ онъ потомъ весь желтый, въ мастикѣ. Инспекторъ ругаетъ за неряшество. Я не виноватъ—меня по полу валяли“.—Кто васъ валялъ? „Я не могу выдать“.—Ну, такъ вотъ и останьтесь на субботу безъ отпуска...

Голодный, послѣ вкусныхъ домашнихъ обѣдовъ, привыкшій никогда не ложиться безъ ужина, завтракать мясное,—онъ принужденъ былъ довольствоваться говядиной, походившей вкусомъ на пробку, какой-то бурдой вмѣсто супа, и чѣмъ-то невообразимымъ вмѣсто чая.—Раннее, бездѣльное вставанье, драки въ умывальной, грубые дядьки, еще болѣе грубые гувернеры—начинали день. Затѣмъ являлись учителя: глухіе старики, у которыхъ въ классахъ звонили въ колокольчики, которыхъ привязывали къ стульямъ и ругали вслухъ—или педанты, подобные Алексѣю Васильевичу, которые высчитывали ½ минуты, ставили точки въ поведеніи. Исключеніе составлялъ учитель математики, правда, грубоватый полякъ, но превосходно преподававшій, умѣвшій всегда заставить заниматься... Въ рекреацію начинались побоища, старшіе мучили младшихъ. За завтракомъ его сажали за черный столъ, за обѣдомъ отнимали изъ трехъ блюдъ одно. Потомъ онъ, голодный, подъ тычки, щипки и волчки, садился за готовленіе уроковъ, окруженный атмосферой, пропитанной запахомъ ламповаго масла, пота, всякой мерзости и грязи. Вокругъ ругались, дрались, бились, готовы были загрызть другъ друга за лишній кусокъ мяса... Кривцовъ нечувствительно втягивался въ эту жизнь, начиналъ выть съ волками по волчьи, также просилъ приходящихъ принести „поѣсть“, и также съ яростью накидывался на обрывокъ несчастной плюшки, выпутой изъ сумки товарища.—Даромъ никогда никто никому ничего, — это былъ школьный девизъ.—„Подскажи“.—А дашь поѣсть?...—„Дай задачу списать“.—А поѣсть принесешь? „Хочешь, рисунокъ подарю: лошадь съ индѣйцемъ“?—Хочу!—„А что дашь“?—Поѣсть принесу.—„Сайку съ колбасой или икрою“?—Ладно.—„Ну, бери картину, а надуешь, — вздую“!

— —

Въ старшихъ классахъ этой „борьбы за существованіе“ не было, — оттого-ли, что юноши были больше и умнѣе; оттого-ли, что они были поставлены въ лучшія условія, пользовались большей свободой, — вѣроятно отъ того и другаго вмѣстѣ. Каждый вечеръ они могли уходить куда угодно, и даже находясь въ стѣнахъ училища могли пріятно проводить время, играя съ гувернерами въ шахматы, или отправляясь въ садъ на свиданіе съ дочкой эконома, Амаліей Ѳедоровной, перезрѣлой дѣвой, одинаково благоволившей ко всѣмъ воспитанникамъ старшаго возраста, и щедро вознаграждавшей ихъ за ту проголодь, которую они постоянно чувствовали, благодаря хозяйничанью ея отца. Да и требовалось то въ старшихъ классахъ меньше, и учили-то лучше, — преподаватели были отборнѣе, не рѣшались говорить двадцатилѣтнимъ юношамъ того, что говорили тринадцатилѣтнимъ... Многіе были съ учениками въ дружественныхъ отношеніяхъ, и съ удовольствіемъ слушали анекдотики, въ свою очередь и отъ себя подбавляя такой пикантности, которая отнюдь не мѣшала процвѣтать наукѣ въ дружескомъ кружкѣ молодежи...

Отчего дома Кривцовъ съ такимъ наслажденіемъ занимался иными предметами, географіей, напримѣръ; отчего здѣсь она ничего не внушаетъ ему, кромѣ отвращенія? Отчего онъ сталъ забывать французскій и нѣмецкій языки, отчего?..

Отчего дома онъ вставалъ не въ седьмомъ часу, а въ десятомъ, всегда хорошо выспавшійся, безъ головной боли, отчего онъ такъ скоро выучивалъ уроки? Ему никто не мѣшалъ? Нѣтъ, — да онъ обыкновенно тамъ и садился за работу, гдѣ было больше народа, больше говора, смѣха; подъ этотъ-то смѣхъ и говоръ и училось. Онъ сытъ былъ всегда, здоровъ — а вѣдь извѣстно in corpore sano—mens sana *); а здѣсь директоръ другую поговорку приводитъ: сытое брюхо къ ученью глухо... Всѣ знанія, полученныя дома отъ учителей, укладывались такъ прочно въ головѣ, а тутъ — и прежнее забылось, и новаго ничего не прибавилось...

Ему всѣ начальствующіе здѣсь говорятъ, что онъ невыносимъ... Отчего-же дома ему говорили, что онъ шалунъ—и только?.. Его никто не звалъ потеряннымъ мальчикомъ, напротивъ, находили развитымъ не по лѣтамъ, умнымъ, бойкимъ... Здѣсь онъ вдругъ оказывается тупымъ. Ему въ примѣръ ставятъ Ковылина, — его зовутъ подошвой, собираются вышвырнуть за

*) Здорово тѣло — и духъ бодръ.

окно... Неужели-жъ онъ ни на что не годенъ, такъ-таки рѣшительно ни на что?.. На его способности никто не хочетъ обращать вниманія, его бьютъ товарищи, запираютъ въ карцеръ,—за что?..

А годъ назадъ въ это время? Онъ выходитъ на крыльцо у себя, въ деревнѣ. Весенній, душистый воздухъ льется легкими волнами вокругъ. На немъ не этотъ потасканый, вытертый по швамъ мундирчикъ, — а легкая сѣренькая курточка. Конюхъ Василій держитъ подъ уздцы двухъ бойкихъ лошадокъ: „Дружка“ и „Мышку“. Онъ садится на „Дружка“. „Дружокъ“ сердито встряхиваетъ косматой головой, хватаетъ его зубами за стремя, за что удостоивается удара носкомъ въ морду, и недовольно начинаетъ скрести копытомъ по травѣ; онъ ждетъ не дождется пока сядетъ барышня на свою поджарую сухенькую казацкую „Мышку“... Разъ, два! Подняли съ мѣста галопомъ. Простучала плотина, и вотъ они въ полѣ. „Держи ихъ“! Слышится веселый голосъ сзади: это дядя на своемъ рыжемъ догоняетъ ихъ... Не догнать! Варя хохочетъ, разгорѣлась, вѣтеръ бьетъ ей въ лицо... Путка налѣво въ березовую рощу! Маршъ-маршъ!.. Лужа... Неужто объѣзжать? Тррахъ! „Дружокъ“ окатилъ грязью всю амазонку Вари... Шляпка ея съѣзжаетъ... Богъ съ ней... больше, больше,—свалилась,—ничего, здѣсь сухо: дядя подниметъ. Варя подстегни моего „Дружка“, — я хлыстъ дома позабылъ... Плетень,—ну черезъ него! Бацъ... подпруга лопается и Варя летитъ на землю... Дядя въ испугѣ, а она-то заливается—хохочетъ!

Эти теплыя, пронизанныя солнцемъ опушки владимірскихъ лѣсовъ, грибныхъ рощицъ, малинниковъ, просѣкъ. Шуршитъ надъ головой зеленая сѣтка золотистой листвы, какъ по паркету скользитъ отполированный мохомъ сапогъ по лѣснымъ тропинкамъ. Шумъ, гамъ!.. Медвѣдя боятся, — говорятъ медвѣдь объявился гдѣ-то недалеко... Да какой медвѣдь не убѣжитъ отъ этого гама...

А зимою, здѣсь, въ городѣ? Имянинные обѣды: длинный столъ уставленный хрусталемъ, лампами, цвѣтами... Гости, музыка... Вечеромъ — блестящая зала въ театрѣ, громадная матовая люстра, яркій занавѣсъ, блескъ костюмовъ...

А здѣсь... грязныя крашеныя стѣны, игра въ городки, въ чехарду... На дняхъ проломили голову инспекторскому сыну, а Попандопуло вывихнулъ себѣ позвонки... Грязь, гадость, куда бѣжать, куда?.. Голубое небо, лѣсъ, „Дружокъ“.

Онъ поднялъ мокрое отъ слезъ лицо и оглядѣлся... Темнѣетъ. Ужели вечеръ? Онъ началъ жевать черствый хлѣбъ... Ѣсть не хочется... Онъ чувствовалъ въ себѣ силы, чувствовалъ, что если онъ захочетъ, онъ уйдетъ отсюда — какимъ-бы то ни было путемъ уйдетъ... Вонъ труба какая-то — водопроводная что-ли ведетъ наверхъ... Возлѣ нея саженяхъ въ двухъ высоты — какое-то черное отверстіе, куда оно ведетъ?

Онъ на минуту задумался. О чемъ онъ думалъ?..

Онъ обхватилъ трубу обѣими руками, обнялъ ногами, протянулся на рукахъ... Эге, не даромъ я занимался гимнастикой... Двухъ саженъ какъ не бывало,—окно.—Ба! да это чердакъ.

Одинъ прыжокъ и онъ на чердакѣ. Кошка съ испугомъ шарахнулась изъ-подъ его ногъ. Пахнетъ кирпичами, известью, пылью. Красные кирпичи сводомъ нависли со всѣхъ сторонъ, чрезъ слуховое окно виденъ клочекъ яснаго вечерняго неба, трубы сосѣдняго дома... Хорошо теперь въ деревнѣ!

— Надо выучить colloquium... Какая скука!.. Вотъ рамы стоятъ—у кого-то ужь выставили окна. Сундукъ чей-то. Что внутри? Пустой. Бѣлье мокрое сушится,—юбки... жены Штольца—это у нея такія прошивки—оборванныя старыя, вотъ ей еще... благо ножикъ есть... Она, говорятъ, вѣдьма, до того скупа, что сама полы моетъ... Такъ вотъ ей...

Кошка трусливо пробѣжала мимо съ мышью въ зубахъ. Гдѣ-то стукъ, отворяютъ двери. Гдѣ окно? Гдѣ-то въ темномъ закоулкѣ, — то окно, что въ карцеръ ведетъ. Это вошелъ дядька Панкратій и прачка съ корзинками. Они будутъ сейчасъ развѣшивать бѣлье... Куда дѣваться?

Вылѣзть развѣ на крышу... Кажется можно?..

Чаша терпѣнія была переполнена. Побѣгъ изъ карцера — да еще на крышу—это ужь совсѣмъ не дѣтское преступленіе. Совѣтъ единогласно постановилъ: исключить...

Но директоръ, былъ добрѣйшій старикъ,- и дѣло окончилось тѣмъ, что Кривцовъ оставилъ заведеніе согласно прошенію отца „по домашнимъ обстоятельствамъ“.

Къ рисункамъ.

Фанданго.

(Рис. на стр. 412 и 413).

Ни въ одной странѣ міра такъ не любятъ танцы какъ на знойномъ югѣ, на Иберійскомъ полуостровѣ. Страсть испанцевъ къ танцамъ была извѣстна еще въ древности и еще во времена римлянъ славились гадитанскія (кадикскія) танцовщицы и кордульскіе (кордовскіе) музыканты. И уже Баски, эти древнѣйшіе обитатели Иберіи, извѣстны были въ глубокой древности какъ страстные и искусные танцовщики. Знаменитѣйшій изъ испанскихъ танцевъ и наиболѣе любимый въ народѣ конечно „Фанданго“. Испанка въ немъ поражаетъ прелестью и граціею движеній, и пламенною живостью, его отличающею. Одинъ испанскій поэтъ говоритъ о дѣвушкѣ танцующей „Фанданго“: „о, она стоитъ того чтобы ее поставить въ храмѣ Венеры въ Пафосѣ. Каждое ея чудное движеніе, какъ молнія, поражаетъ сердце: всѣ и старые и молодые, всѣ какъ-бы пробуждаются, оживляются, какъ только выступаютъ танцующіе: одни прищелкиваютъ пальцами, другіе трещатъ кастаньетами. И эта яркая, смѣлая, чудная музыка поддерживаетъ танцующихъ, они живо и граціозно идутъ въ тактъ ея“...

Есть еще много другихъ танцевъ въ Испаніи. Въ то время какъ другіе народы довольствуются какимъ нибудь однимъ своимъ танцемъ національнымъ, заимствуя еще два-три у другихъ—испанцы обладаютъ цѣлымъ разнообразнымъ лексикономъ названій однихъ своихъ національныхъ танцевъ. Сюда относятся также танцы, оставшіеся отъ древнихъ временъ. Нѣкоторые опять перешли въ балетъ на сцену, какъ болеро—или изъ нихъ выкроили разные салонные современные танцы. Къ стариннымъ танцамъ принадлежатъ: полло, жиро, бицcаро и много другихъ, въ Андалузіи любятъ и донынѣ преимущественно цапатеадо, пайзана, гальярда и друг. Во время празднествъ народныхъ порядокъ танцевъ распредѣляется заранѣе, и всѣ они въ такой степени отличаются отъ нашихъ что видишь несомнѣнно ихъ національное происхожденіе. Такія программы обыкновенно только заключаютъ въ себѣ названія танцевъ напримѣръ: 1) сегедильосъ, 2) болеро, 3) іота, 4) бито, 5) контрабандиста и т. д. и этотъ порядокъ непремѣнно исполняется строго и болѣе любимыхъ номеровъ всѣ окружающіе танцующихъ ждутъ съ нетерпѣніемъ.

Геркулесъ поражающій Гидру.

(Рис. на стр. 417).

Николай Пуссенъ считается по праву однимъ изъ великихъ французскихъ мастеровъ XVII вѣка, картины котораго, разбросанныя по всѣмъ главнымъ музеямъ Европы, до сихъ поръ привлекаютъ знатоковъ силою и строгою трезвостью художественной фантазіи. Какъ историческій живописецъ Пуссенъ всегда отличался большимъ изученіемъ данной эпохи и его громадная эрудиція проявляется даже въ самомъ незначительномъ изъ его произведеній, не смотря на то что онъ былъ художникъ чрезвычайно плодовитый, написавшій болѣе чѣмъ 350 картинъ въ продолженіи своей довольно долгой жизни (1594—1665). Особенно много своихъ работъ оставилъ онъ въ Римѣ—сдѣлавшемся его второй родиной послѣ того какъ онъ окончательно распростился съ Франціей. Въ Парижѣ онъ жилъ недолго, такъ какъ не могъ выносить зависти и интригъ своихъ собратій по искусству, старавшихся всѣми силами повредить Пуссену въ глазахъ Людовика XIII и Герцога Ришелье, высоко цѣнившихъ его талантъ и нарочно вызвавшихъ его въ Парижъ для живописныхъ работъ въ Луврѣ. Одна изъ такихъ композицій „Геркулесъ, поражающій Гидру“, предназначенная художникомъ для плафона въ Луврѣ и представлена на нашемъ рисункѣ въ прекрасной гравюрѣ Жела.

Въ этой композиціи какъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ Пуссенъ обнаруживаетъ то же строгое и добросовѣстное изученіе антиковъ и вся фигура Геркулеса—этаго знаменитаго героя греческой миѳологіи, дышетъ необычайной энергіей и отвагой, вызванными отчаянною борьбою съ гигантскимъ и ужаснымъ чудовищемъ. По миѳическому сказанію Лернейская гидра была порожденіемъ двухъ злыхъ существъ Тифона и Эхидны и представляла собою громаднаго дракона съ девятью головами. Это чудовище являлось бичемъ всей страны, истребляя стада и жатву и заражая самый воздухъ своимъ ядовитымъ, смертоноснымъ дыханіемъ. Геркулесъ, вызвавъ гидру изъ ея уединеннаго убѣжища, смѣло вступилъ съ ней въ борьбу, но побороть ее окончательно оказалось трудомъ нелегкимъ, такъ какъ вмѣсто каждой отсѣкаемой головы тотчасъ же выростала другая. Только напрягши всѣ свои силы Геркулесу удалось сбить своею дубиною всѣ головы чудовища и такимъ образомъ одержать надъ нимъ рѣшительную побѣду. Этотъ то ожесточенный, рѣшительный періодъ борьбы и представленъ на рисункѣ Пуссена.

Электрическая ж. д. близь Берлина.

(Рис. на стр. 420).

Первая электрическая желѣзная дорога была открыта во время Берлинской выставки въ 1879 году и объ ней подробно говорилось въ „Нивѣ“ того года № 36, гдѣ былъ помѣщенъ и ея рисунокъ. Новое открытіе получило осуществленіе тогда въ Лихтерфельдской желѣзной дорогѣ. Эта дорога послѣ первыхъ же опытовъ была устроена фирмою Сименса и Гальске. Эта же

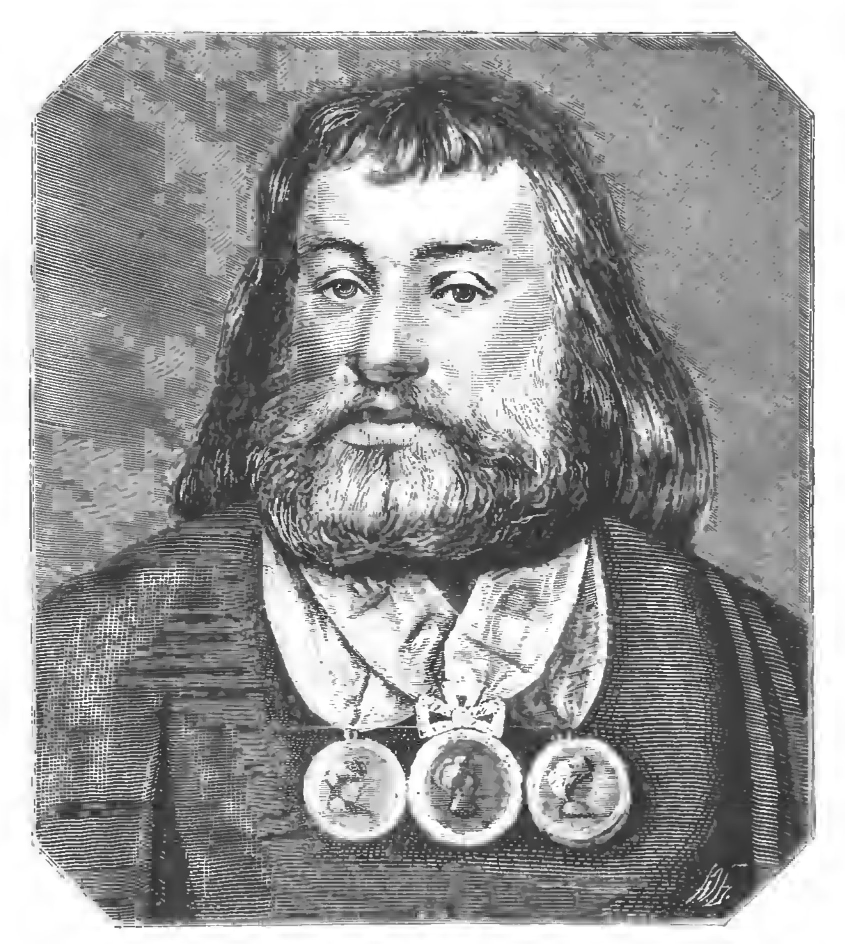
фирма построила неподалеку отъ Берлина еще одну такую же дорогу съ нѣкоторыми усовершенствованіями, рисунокъ которой, здѣсь помѣщенный, по наброску сдѣлалъ Н. Н. Каразинъ. Общество желѣзно-конной дороги между Берлиномъ и Шарлотенбургомъ до Шпандаускаго подъема рѣшило на свои 2½ версты принять электрическую силу двигателемъ. Нужно сказать что изъ всѣхъ желѣзно-конныхъ дорогъ Берлина эта имѣетъ наиболѣе крутой подъемъ (1: 30) и по ней могли ходить только небольшіе вагоны безъ имперіальныхъ мѣстъ и кромѣ того всегда при въѣздѣ на гору припрягались лошади. Фирма Сименса и Гальске взялась устроить движеніе посредствомъ электрической силы. Приспособленія по устройству такой дороги оказались почти такія же какъ и для устройства Лихтерфельдской электрической желѣзной дороги. Здѣсь какъ и тамъ, есть машина, которой дѣйствіе вызывается электрическимъ токомъ, и передается колесамъ вагона и которая помѣщена въ полу вагона между колесами и спрятана такъ что ее не видно. Но передача тока изъ динамо-электрической машины производится не такъ какъ на Лихтерфельдской дорогѣ, не посредствомъ рельсовъ. Токъ передаваемый рельсами слишкомъ подверженъ внѣшнимъ вліяніямъ напр. дождя и снѣга. На этой Шарлотенбургъ-Шпандауской дорогѣ сдѣлали иное остроумное приспособленіе, изображенное наглядно на нашемъ рисункѣ. Близь дороги поставленъ рядъ столбовъ, въ родѣ телеграфныхъ и на нихъ на особыхъ желѣзныхъ упорахъ натянуты двѣ параллельныя проволоки на высотѣ 4—5 метровъ отъ земли и изолированы. По этимъ проволокамъ, какъ по рельсамъ, катится передаточный снарядъ, которому дана форма маленькаго вагончика на колесцахъ. Этотъ снарядъ и получаетъ электрическій токъ и передаетъ его посредствомъ проволоки, проведенной отъ него къ пасажирскому вагону. Электрическій токъ идетъ, такимъ образомъ, съ ближайшей станціи отправленія (въ Липовой аллеѣ, Вестендъ) изъ электрической машины по проволокамъ передается колесцамъ маленькаго вагончика, а отъ него уже по соединительной проволокѣ, машинѣ, помѣщенной въ полу пасажирскаго вагона а изъ этой послѣдней уже колесамъ вагона пасажирскаго. При движеніи пасажирскаго вагона маленькій вагончикъ постоянно идетъ за нимъ, передавая токъ. Пассажирскій вагонъ на видъ не имѣетъ ничего особеннаго, такъ какъ машина, помѣщенная въ полу его, невидима для глазъ. Онъ трогается въ путь и останавливается посредствомъ рукоятки, которою управляетъ кондукторъ. Удивительно видѣть какъ такой, наполненный публикой, вагонъ несется безъ всякихъ видимыхъ машинъ, дыму и шуму, какъ бы самъ собою. Очень интересный опытъ былъ произведенъ Сименсомъ—именно движеніе одновременно двухъ вагоновъ вмѣстѣ. Два вагона двигались совершенно также мѣрно и быстро какъ и одинъ вагонъ и разница въ движеніи была незамѣтна даже и тогда когда одинъ изъ вагоновъ былъ отцѣпленъ. Эти опыты вполнѣ доказываютъ цѣлесообразность и полную возможность движенія посредствомъ электрической силы пасажирскихъ вагоновъ и на большія разстоянія, что конечно также не замедлитъ.

Городъ Вольскъ и его основатель, Злобинъ.

(Рис. на стр. 421 и 424).

Судьба города Вольска, живописно раскинутаго на правомъ берегу Волги, въ 135 верстахъ отъ Саратова, тѣсно связана съ судьбою одного изъ именитыхъ гражданъ—Василія Алексѣевича Злобина. До 1780 года на этомъ мѣстѣ находилось лишь небольшое село Малыковка, когда-то бывшее во владѣніи князя Александра Даниловича Меньшикова а послѣ его ссылки поступившее въ казенную собственность. Въ этомъ-то селѣ около 1760 года у бѣднаго волостнаго писаря Алексѣя Половинина, прозваннаго народомъ за свой буйный, задорный характеръ Злобинымъ, родился сынъ Василій — будущій знаменитый коммерсантъ и благодѣтель Вольска. Смѣтливый, способный мальчикъ самъ кое-какъ выучился грамотѣ и сталъ выполнять обязанности подпаска у мѣстнаго пастуха а послѣ смерти отца занялъ мѣсто волостнаго писаря. Здѣсь вскорѣ, благодаря уму, ему удалось не только пріобрѣсть большое вліяніе среди своихъ земляковъ, но даже сдѣлаться извѣстнымъ одному изъ любимцевъ императрицы генералъ-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, владѣвшему обширными помѣстьями неподалеку отъ Малыковки.

Убѣдившись въ способностяхъ Злобина, князь началъ сперва давать ему различныя порученія по своимъ имѣніямъ и потомъ даже не задумался поручить ему громадное откупное дѣло предоставивъ ему и свои капиталы и свою протекцію. Такимъ образомъ выдвинутый княземъ Вяземскимъ, Злобинъ взялъ винные откупа въ нѣсколькихъ губерніяхъ и повелъ дѣло такъ ловко и умѣло, что въ короткое время составилъ себѣ громадное состояніе а казнѣ далъ около ста милліоновъ дохода. Начавъ такъ удачно, Злобинъ смѣло уже брался за самыя крупныя торговыя предпріятія; онъ занимался не только питейными откупами но держалъ еще на откупѣ соль и игральныя карты. Состояніе его было милліонное; лично извѣстный Екатеринѣ, Павлу и Александру Первому и щедро награжденный ими по заслугамъ, Злобинъ жилъ роскошно и открыто; вращался въ обществѣ вельможъ, но не забывалъ и бѣднаго народа, являясь его постояннымъ благодѣтелемъ. Особенно была близка его сердцу его родина — Малыковка, переименованная въ 1780 г. въ гор. Вольскъ. Избранный здѣсь городскимъ головою Злобинъ употреблялъ всѣ усилія чтобы поднять благосостояніе вновь созданнаго города и его усилія дѣйствительно были не напрасны. При немъ Вольскъ украсился многими хорошими каменными зданіями и церквами; въ немъ явились крупныя торговыя фирмы и жители быстро богатѣли, состоя участниками различныхъ обширныхъ коммерческихъ предпріятій Злобина. Дѣла Злобина подъ конецъ его жизни значительно разстроились, такъ что послѣ его смерти въ 1814 г. оказались даже за нимъ громадныя казенныя недоимки—на покрытіе которыхъ пошло не только все его состояніе но и состояніе многихъ богатыхъ коммерсантовъ Вольска. Портретъ этого основателя города—копія съ стариннаго, ему современнаго портрета и помѣщенъ здѣсь.



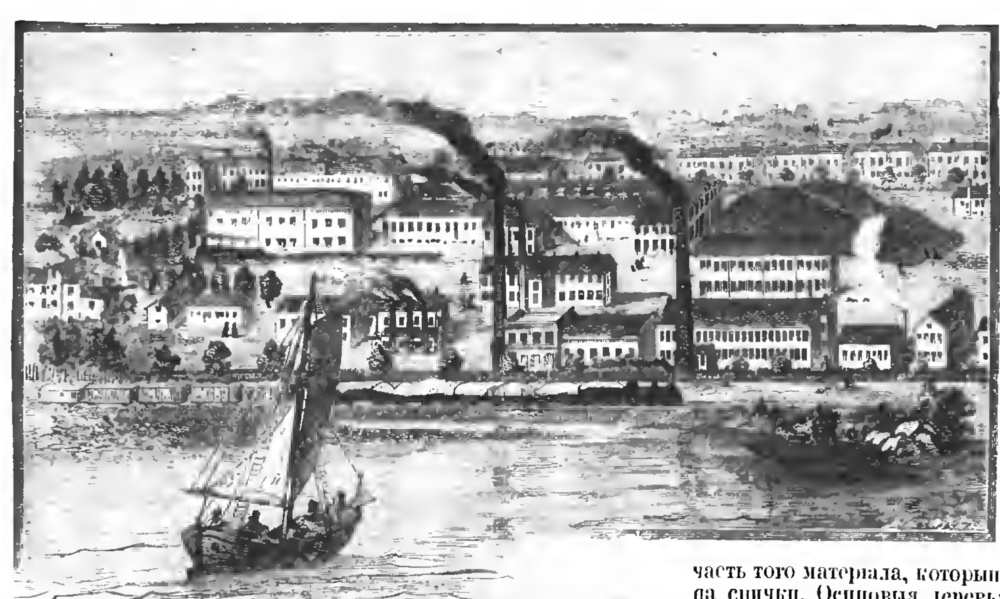
В. А. Злобинъ, основатель г. Вольска. Съ фотогр. Пятницкаго, гр.-в. Ю. Барановскій.

Теперь Вольскъ занимаетъ довольно скромное мѣсто среди городовъ поволжья, хотя въ немъ считается болѣе 30,000 жителей и между ними много богатыхъ купцовъ, торгующихъ преимущественно хлѣбомъ и пшеницей. Кромѣ того жители занимаются рыбною ловлею и садоводствомъ въ довольно обширныхъ размѣрахъ. Особенно оживляется Вольскъ лѣтомъ, когда сюда собирается до 20,000 рабочаго народа, стекающагося со всѣхъ сторонъ Россіи на Волгу для уборки хлѣба.

Главная и лучшая часть города, съ обширною площадью, соборомъ и каменнымъ гостинымъ дворомъ, примыкаетъ къ Волгѣ, откуда открывается прелестный видъ на эти холмы, покрытые строеніями и утопающіе въ свѣжей зелени многочисленныхъ садовъ. Жаль только, что почти на всѣхъ улицахъ встрѣчаются слѣды запустѣнія и видніются хорошіе каменные дома пустые и заколоченные, какъ-бы свидѣтельствующіе, что въ жизни Вольска были когда то болѣе счастливые, и благодатные дни — дни богатства и роскоши.

Фабрика шведскихъ спичекъ въ Іенкёпингѣ,

Нужны особенныя рекомендаціи чтобы получить разрѣшеніе осмотрѣть эту извѣстную въ мірѣ фабрику. Даютъ это разрѣшеніе, не прежде какъ по завѣреніи. что посѣтитель не техникъ и не можетъ изслѣдовать устройство машинъ. Затѣмъ, въ сопровожденіи директора — техника фабрики посѣтитель обходитъ все и получаетъ надлежащія поясненія.

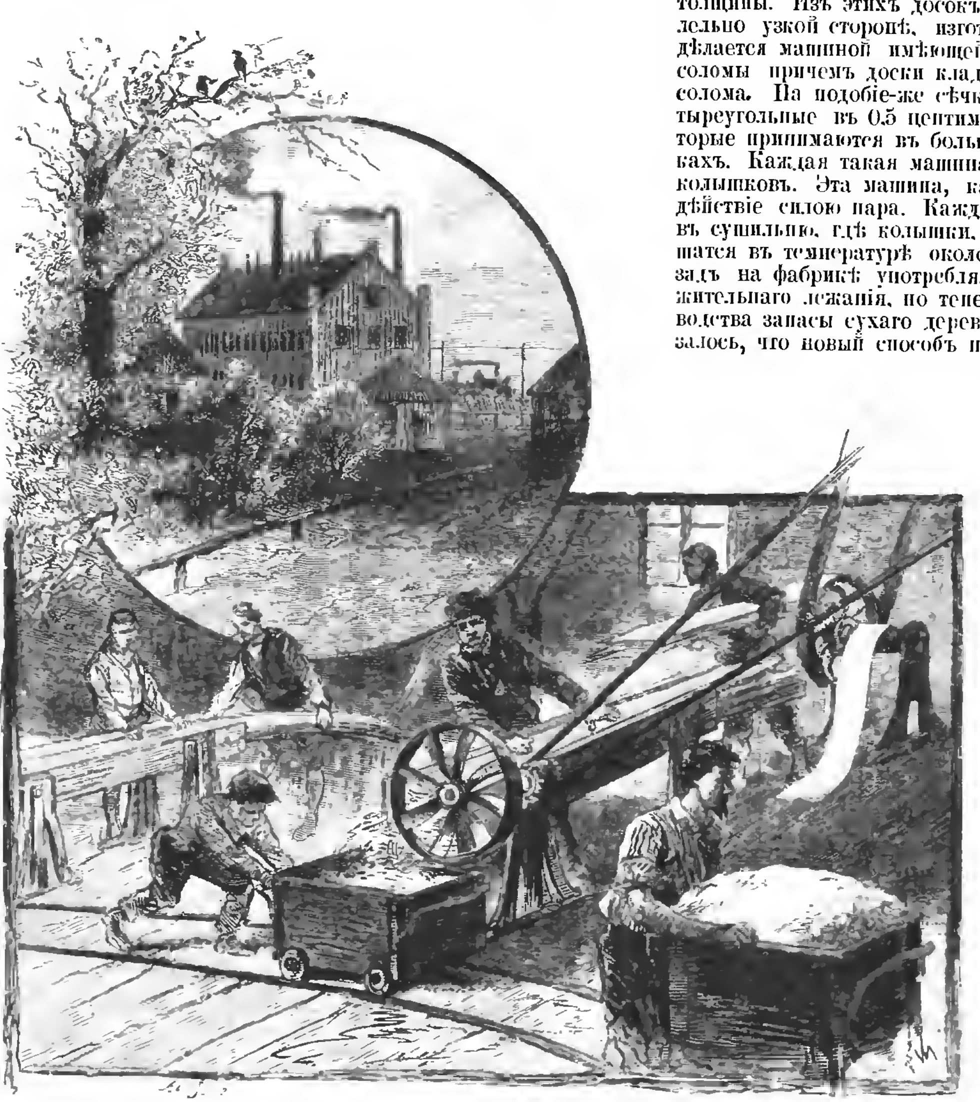


Спичечная фабрика Іёнкепингская въ настоящее время.

Фабрика, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. помѣщалась въ одномъ деревянномъ строеніи, какъ изображено на нашемъ рисункѣ, а теперь занимаетъ со всѣми машинными зданіями, пристройками. складами и пр.. четверть города. Кромѣ многочисленныхъ инженеровъ, техниковъ, служащихъ и пр. получающихъ значительное вознагражденіе. здѣсь до 6,000 человѣкъ рабочихъ, а потому неудивительно, что незначительный городокъ Іенкёпингъ, сдѣлался теперь богатымъ торговымъ пунктомъ Швеціи.

Пройдя запертые постоянно ворота, попадаешь на первый дворъ, гдѣ сложены массы осиноваго дерева; съ удивленіемъ узнаешь, что это только десятая часть того матеріала, который потребляется въ продолженіи года на спички. Осиновыя деревья рубятся вблизи Іенкёпинга. Въ настоящее время въ лѣсахъ фабрики находится еще большой запасъ дерева, но истощеніе его уже предвидѣно а потому закуплены еще другіе лѣса въ разныхъ мѣстностяхъ.

Въ первой мастерской деревья разрубаются на колоды вышиною въ $1/2$ дюйма и затѣмъ при помощи машины съ нихъ снимается кора и они разрѣзаются на доски въ 0,25 центиметровъ толщины. Изъ этихъ досокъ. волокна которыхъ идутъ параллельно узкой сторонѣ, изготовляется дерево для спичекъ; это дѣлается машиной имѣющей сходство съ машиной для сѣчки соломы причемъ доски кладутся такимъ-же образомъ какъ и солома. На подобіе-же сѣчки здѣсь попадаютъ маленькіе четыреугольные въ 0,5 центим. длины деревянные колышки, которые принимаются въ большой ящикъ поставленный на колесахъ. Каждая такая машина рѣжетъ въ минуту 15,000 штукъ колышковъ. Эта машина, какъ и всѣ прочія, приводится въ дѣйствіе силою пара. Каждый наполненный ящикъ отвозится въ сушильню, гдѣ колышки, въ продолженіи 4 — 6 часовъ сушатся въ температурѣ около 75° Ц. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на фабрикѣ употреблялось дерево высохшее отъ продолжительнаго лежанія, но теперь вслѣдствіе усилившагося производства запасы сухаго дерева уже истощены. и кромѣ того оказалось, что новый способъ просушки дерева даетъ болѣе дешевый и болѣе прочный матеріалъ. Высушенные колышки должны быть немного отполированы. что производится въ такъ называемыхъ шлифовальныхъ барабанахъ. Эти барабаны въ 2 аршина въ поперечникѣ. вертятся на оси. Въ нихъ то всыпаются колышки и въ продолженіи двухчасоваго верченія они выглаживаются другъ о друга. Изъ барабановъ колышки высыпаются въ безпорядкѣ, и для дальнѣйшей обработки должны быть уложены параллельными рядами. Это дѣлается помощью приспособленія. изъ двухъ наложенныхъ одна на другую деревянныхъ рамъ, длиною около аршина, $3/4$ арш. ширины и $1/2$ дюйма вышины; верхняя рама задернута крѣпкой проволочной рѣшеткой извѣстной величины. и проходящіе черезъ отверстія ея колышки, непремѣнно должны принять опредѣленное положеніе въ отдѣленіяхъ нижней рамы. Но теперь, хотя колышки и сложены въ порядкѣ, для дальнѣйшей обработки ихъ нужно утвердить еще на листахъ въ самомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Для этой цѣли есть деревянныя доски обшитыя жестью и въ каждой изъ нихъ находится по 1,000 воронкооб-



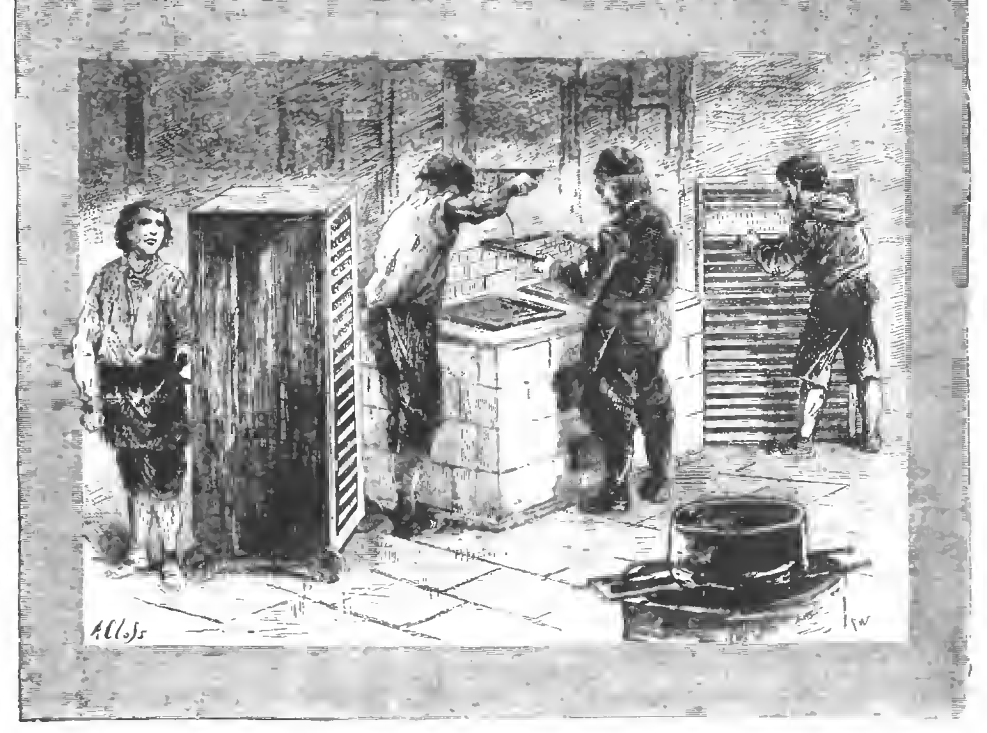
Видъ фабрики 12 лѣтъ назадъ. Производство спичечнаго дерева.

разныхъ отверстій. На доски эти ставится рама съ прямостоящими колышками и встряхивается, колышки выпадаютъ и защемляются тисками. Колышки выдаются надъ доскою на $^3/_4$ своей длины и такой листъ имѣетъ сходство со щеткой. Каждые 50 листовъ укладываются въ шкафообразныя телѣжки на колесахъ и отвозятся въ слѣдующія мастерскія.

Затѣмъ слѣдуетъ *парафинированіе* колышковъ. Парафинъ находится въ плоскомъ жестяномъ ящикѣ и держится постоянно въ расплавленномъ состояніи. Возлѣ жестяного ящика помѣщается нагрѣтая желѣзная пластинка, на которую рабочій нажимаетъ листъ съ колышками, вынутый изъ телѣжки. Поры колышковъ расширяются и дѣлаются способными къ принятію парафина. Послѣ чего колышки погружаются въ расплавленный парафинъ и затѣмъ въ тѣхъ-же телѣжкахъ отвозятся далѣе для наложенія уже на нихъ зажигательнаго матеріала. Этотъ послѣдній состоитъ изъ тягучей, тѣстообразной смѣси краснаго хромокислаго кали, порошка изъ стекла, хлористокислаго кали, сѣры и раствора резины. Пропорціи этого состава держатся фабрикою въ тайнѣ. Смѣшиваніе этихъ составныхъ частей производится въ аппаратѣ, устройствомъ своимъ напоминающемъ аппаратъ шоколадныхъ фабрикъ для растиранія массы. Готовая зажигательная масса накладывается на вальцы, похожіе снаружи на типографскіе и затѣмъ вальцы эти вкладываются въ машину, составными частями напоминающую печатную машину. Листъ съ колышками подкладывается подъ вальцы и такимъ образомъ колышки получаютъ головки изъ зажигательной массы. Изъ машины выходитъ листъ уже съ готовыми спичками и снова укладывается рабочими въ телѣжки.

Готовыя спички въ продолженіи получаса просушиваются въ сушильняхъ и затѣмъ уже ихъ стряхаютъ съ листовъ и задѣлываютъ въ коробки. Спички переводятся въ рамы и устанавливаются вертикально.

При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что упавшія спички не поднимаются съ полу даже тогда, когда онѣ представляютъ извѣстную цѣнность. Посѣтителю объяснятъ что производительность фабричныхъ машинъ такъ значительно, что время употребленное насобираніе упавшаго гораздо дороже для фабрики, чѣмъ самая потеря товара. По этому уже можно заключить о размѣрахъ производства.



Парафинированіе спичекъ.

Коробочки для укладыванія спичекъ изготовляются машиной чрезвычайно своеобразнаго и остроумнаго устройства. Въ машину эту, кромѣ клея, бумаги и проч., вкладываются тонкія деревянныя полоски въ 1,30 центиметра ширины и около 4 центим. длины, которыя передъ глазами зрителя рѣжутся, фальцуются, гнутся и черезъ нѣсколько секундъ выходятъ готовыми извѣстными намъ коробочками съ ящичкомъ и бумажнымъ чехломъ. Кромѣ того въ этой же машинѣ коробочки обклеиваются синей бумагой, снабжаются желтымъ этикетомъ и въ порядкѣ выдвигаются на подставку.

Машины эти, замѣчательныя по устройству, будутъ вскорѣ замѣнены еще болѣе усовершенствованными. Всѣ машины замѣненныя новыми и лучшими, не смотря на то что представляютъ цѣнность въ сотни тысячъ, складываются въ кладовыя, гдѣ и сохраняютъ тайну ихъ устройства. Бывши въ употребленіи хотя и нѣсколько лѣтъ, онѣ уже вознаградили затраченныя на нихъ деньги.

И такъ передъ нами находятся и готовыя спички и готовыя коробки, остается ихъ только наполнить. Еще недавно это производилось ручной работой, но теперь уже машинной. Въ нужномъ количествѣ въ особыя гнѣзда вкладываются и спички и коробки; затѣмъ машина уже сама открываетъ одну коробку за другою и наполняетъ ихъ спичками. Наполненныя коробки сильно встряхиваются и спички укладываются плотно. Наконецъ обѣ боковыя стороны коробокъ намазываются аморфнымъ фосфоромъ и уже закрытыя коробочки правильными рядами сдвигаются въ телѣжку на колесахъ. Далѣе для задѣлыванія коробокъ по 10 штукъ въ пачки и затѣмъ пачекъ этихъ въ деревянные и жестяные ящики для отправокъ по назначенію, для всего этаго также есть машины.

Чтобы составить себѣ общее понятіе о размѣрахъ производства фабрики не лишне будетъ привести еще нѣсколько статистическихъ данныхъ. Фабрика теперь принадлежитъ товариществу изъ пяти лицъ, изъ которыхъ каждый ежегодно получаетъ среднимъ числомъ около 240,000 шведскихъ кронъ чистой прибыли. Это не покажется преувеличеннымъ, если мы узнаемъ, что ежегодно изготовляется 15 милліардовъ спичекъ, каждыя 500 штукъ которыхъ по фабричнымъ цѣнамъ стоятъ въ продажѣ 10 эръ ($5^5/_8$ копѣекъ). Въ настоящее время на фабрикѣ исполняется заказъ въ 50 милліоновъ штукъ для Китая и Японіи и ведутся переговоры о поставкѣ спичекъ для Сѣверной Америки. Ежедневно пять нагруженныхъ поѣздовъ выходятъ съ фабрики по соединительной желѣзнодорожной вѣтви и направляются въ близь-лежащіе порты.

На фабрикѣ изготовляются всѣ нужныя машины, аппараты, инструменты и пр., она непосредственно сообщается со всѣми большими машинными и горнозаводскими фабриками. Собственная литографія фабрики, кромѣ печатанія счетныхъ книгъ, счетовъ, объявленій, бланокъ и проч. изготовляетъ еще желтые этикеты, на что расходуетъ ежегодно 36.000 кронъ.

Совершенство, съ какимъ устроено и ведется все дѣло, обязано постоянному стремленію къ улучшенію. Какъ сказано выше, все прежнее постоянно замѣняется болѣе усовершенствованнымъ, выдержавшимъ установленное испытаніе. Идя постоянно по этому пути, фабрика пользуется услугами одного очень талантливаго инженера, которому назначено 15,000 кронъ содержанія; задача его состоитъ въ томъ, чтобы всѣ свои новыя изобрѣтенія и усовершенствованія сообщать фабрикѣ, не выдавая тайны ихъ другимъ; понятно, что за каждую его работу фабрика щедро платитъ еще и отдѣльно.

Заботливость фабрики о бытѣ ея рабочихъ достойна подражанія. На фабрикѣ есть больница съ аптекой и медицинскимъ персоналомъ, богадѣльня. Увѣчные и осиротѣлые рабочіе и дѣти получаютъ средства къ дальнѣйшему существованію. Въ отдѣльной столовой за баснословно низкую плату рабочіе получаютъ столъ. Въ чайной, за 3 эра (около 2 коп.) даютъ стаканъ чаю съ сахаромъ,—напитокъ очень здѣсь любимый—и низкая цѣна зависитъ отъ того, что чай выписывается прямо изъ Китая.

При той удивительной скорости съ какою производится превосходнаго качества товаръ, не удивительно, что ни одна подобная фабрика въ мірѣ не можетъ конкурировать съ этой, и хотя во многихъ странахъ и существуютъ фабрики „шведскихъ спичекъ“ но онѣ едва покрываютъ свои расходы. Успѣхъ фабрики Іенкёпинга, побудилъ одно акціонерное общество основать тамъ-же другую спичечную фабрику, при чемъ рѣшено было принять этикетки, напоминающія видомъ этикетки старой фабрики. Но такъ какъ это сдѣлано было безъ надлежащаго разрѣшенія, то фабрика предъявила искъ къ новому обществу и выиграла дѣло.

Утро послѣ дождя.

Вставай, вставай! Веселый день
Занялся надъ землею,
Угрюмой тьмы ночная тѣнь
Побѣждена зарею.
* * *
Вчера стада свинцовыхъ тучъ
Суровыя блуждали,
Но ихъ спугнулъ веселый лучъ
И вдаль они бѣжали...
* * *
Бѣгутъ,—ихъ солнце золотитъ
Багряной пеленою,
И плащъ ихъ траурный блеститъ
Рубиномъ съ бирюзою...

П.

Политическое обозрѣніе.

Миролюбіе русской политики.—Германія.—Австрія.—Сербія.—Египетъ.

Недавно прошелъ слухъ о созваніи, будто бы, въ Петербургѣ русскихъ посланниковъ при дворахъ великихъ державъ для полученія инструкцій отъ своего новаго начальника; опровергая этотъ слухъ „Journal de St.-Pétersbourg" заявилъ, что назначеніе г. Гирса министромъ иностранныхъ дѣлъ не произведетъ никакихъ перемѣнъ во внѣшней политикѣ императорскаго правительства. Вообще же назначеніе г. Гирса встрѣчено за границею весьма сочувственно, такъ какъ оно принято за признакъ желанія Россіи слѣдовать миролюбивой политикѣ.

Миролюбіемъ пахнуло; всѣ желаютъ, во что бы ни стало, мира. Въ тронной рѣчи при открытіи германскаго рейхстага, говорится, что въ области внѣшней политики отношенія германской имперіи ко всѣмъ прочимъ державамъ внушаютъ полную увѣренность въ прочности дружественнаго ихъ характера, на который указывалось еще въ предшествовавшей ноябрской тронной рѣчи. Въ настоящее время Германское правительство занято разработкой важной мѣры—сокращеніемъ земскихъ налоговъ (Landes-und Communal-Steuern); но такъ какъ необходимо будетъ пополнить казну, то увеличится, въ соотвѣтственной степени другой источникъ — косвенные налоги, причемъ согласно мнѣнію большинства союзныхъ правительствъ, цѣль эта можетъ быть всего удобнѣе достигнута введеніемъ табачной монополіи. Въ Мюнхенѣ произошла весьма загадочная исторія; вотъ какъ о ней разсказываютъ: власти арестовали въ столицѣ Баваріи троихъ мужчинъ и женщину, такъ какъ успѣли собрать доказательства замышляемой ими государственной измѣны; главнымъ виновникомъ оказался проживавшій тамъ нѣкоторое время французскій офицеръ, баронъ Гралье, которому, какъ онъ утверждалъ, его правительство поручило разузнать важныя военныя тайны; соучастниками его называютъ швейцарскаго подданнаго Бруннера и какого-то баварскаго офицера, фамилію котораго еще держатъ въ секретѣ; открылось все вслѣдствіе того, что Гралье предложилъ другому офицеру баварской службы 30,000 марокъ: согласившись для вида, офицеръ этотъ немедленно же далъ знать о томъ своему начальству. Оффиціальнаго опроверженія со стороны французскаго правительства еще не сдѣлано, а изъ частныхъ извѣстій изъ Парижа видно, что во французской арміи нѣтъ офицера съ фамиліей Гралье, что онъ—бельгійскій подданный.

Едва ли Австро-Венгрія не слишкомъ рано отпраздновала побѣду надъ герцеговинцами и далматинцами, главные центры возстанія хотя и очищены, но, взамѣнъ, образовалось множество мелкихъ центровъ и теперь австрійскія войска выбиваются изъ силъ, гоняясь за незначительными отрядами усташей, слишкомъ хорошо знающихъ свою страну и умѣющихъ пользоваться этимъ въ неустанной борьбѣ съ арміей императора Франца: вмѣстѣ съ тѣмъ и расширяется самый театръ возстанія; несмотря на то, что, очевидно, главнымъ толчкомъ (это не причина, такъ какъ причина находится, конечно, гораздо глубже) возстанія служила и служитъ свирѣпая система управленія въ возставшихъ областяхъ, не смотря на всю очевидность этого—нѣкоторые изъ вліятельнѣйшихъ членовъ австро-венгерскаго правительства, и именно, между прочимъ, министръ финансовъ Слави и военный министръ генералъ Биландтъ настаиваютъ на необходимости поддержать эту систему гнета и гоненій. Биландтъ при этомъ требовалъ ассигнованія 27.733.000 гульденовъ для содержанія, въ тѣхъ областяхъ почти стотысячной арміи, сооруженія крѣпостей и проведенія стратегическихъ дорогъ. Такими средствами эти министры думаютъ удержать въ повиновеніи славянъ; можетъ быть и удержатъ, но—желательны ли эти средства въ видахъ самой Австріи; это-ли настоящая государственная мѣра? не намъ, русскимъ, конечно, отсовѣтывать Австріи подобныя мѣры съ славянами, и понятно почему, но—близки намъ страданія нашихъ единоплеменниковъ... Графъ Андраши возсталъ противъ системы, желаемой Слави и Биландтомъ, противъ управленія Босніей и Герцеговиной, противъ распространенія всеобщей воинской повинности, требуя отложить примѣненія ея до болѣе благопріятнаго времени. Делегаціи примкнули къ мнѣнію графа Андраши и согласились на ассигнованіе, гораздо менѣе значительное, что сочтено парламентскимъ пораженіемъ правительства; Слави подалъ въ отставку, но императоръ еще не принялъ ея. Давленіе на Сербію, конечно, идетъ своимъ чередомъ; изъ Бѣлграда пишутъ, что все настойчивѣе и настойчивѣе повторяются слухи о сербо-австрійской военной конвенціи: кромѣ того, королевство Сербское вступаетъ въ таможенный союзъ съ Австріею....

Въ Египтѣ арестованные офицеры (по большей части черкесы) признались, что ихъ заговоръ имѣлъ цѣлью убіеніе Араби-Паши, низложеніе Тевфика-Паши и возведеніе Измаила-Паши на вице-королевскій тронъ.

Библіографія.

Стрѣлки Императорской Фамиліи. Истор. очеркъ Е. Богдановича. Спб. 1882. Извѣстно что во время крымской компаніи въ 1854 году развитіе военныхъ силъ потребовалось громадное и въ помощь регулярнымъ войскамъ прибѣгли къ ополченію. Дворянство повсемѣстно руководило образованіемъ дружинъ и само становилось въ ряды, когда въ октябрѣ и изъ удѣльныхъ крестьянъ Государь повелѣлъ выставить полкъ, назвавъ его Стрѣлковымъ Императорской фамиліи полкомъ. Съ тѣхъ поръ стрѣлки показали себя достойными своего происхожденія. Дѣйствія ихъ въ Польшѣ во время мятежа 1863 г. и въ послѣднюю войну извѣстны. Разсказъ Е. В. Богдановича очень живъ и интересенъ, изданіе роскошное.

Родъ Шереметевыхъ Кн. II Александра Барсукова. Спб. 1882. Мы уже говорили о первомъ томѣ этого замѣчательнаго труда и отдавали справедливость талантливости и мастерству изложенія автора. Теперь вышелъ II томъ, обнимающій время отъ вступленія на престолъ Ѳеодора Іоанновича, послѣдняго царя Рюриковой династіи, по 1619 годъ. Тревожное и грозное время лихолѣтья и московской разрухи живо и ярко рисуется передъ читателемъ, что особенно замѣчательно въ виду тѣсныхъ границъ, въ которыхъ находится авторъ, держась согласно задачѣ своей только того, что имѣетъ какое либо отношеніе къ роду Шереметевыхъ. Особенно замѣтно выдѣляется увлекательное описаніе смутнаго времени, какъ живая возстаетъ стародавняя Русь въ это ея многострадальное время. Изданіе въ высшей степени роскошное, образцовое съ великолѣпными приложеніями, лучшее изъ когда либо бывшихъ въ Россіи такого рода изданій.

Энциклопедическій всенаучный словарь сост. подъ редакціей В. Клюшникова III т. Изд. Х. К. Небе. Спб. 1882. Вышли два послѣдніе тома прекраснаго изданія Х. К. Небе, временно задержавшагося по независящимъ отъ издателя причинамъ. Наша справочная литература обладаетъ многими трудами, къ сожалѣнію большею частью неоконченными. Словарь Толя уже не имѣется въ продажѣ и во многихъ частяхъ нѣсколько устарѣлъ. Настоящее изданіе отличается еще доступною цѣною—за 3 тома всего 12 руб. Словарь г. Небе сжатый, компактный, прекрасно составленный и весьма удобный для подручныхъ справокъ, конечно найдетъ много желающихъ имъ пользоваться. По числу объясненныхъ словъ словарь этотъ полнѣе другихъ русскихъ изданій такого рода. Число экземпляровъ этого изданія весьма ограниченно, такъ что желающіе имѣть этотъ словарь должны поторопиться воспользоваться случаемъ пріобрѣсти его, на это обстоятельство мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей.

Русскій среди американцевъ. М. Владимірова съ картой Соед. Шт. и рисунками Спб. 1882. Безусловное благоговѣніе передъ жизнью и порядками великой Заатлантической республики, представленіе ея въ видѣ какого то рая, образца, которому должны мы во всемъ подражать, повидимому все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто именно спокойному отношенію именно благодаря подробнымъ и болѣе или менѣе правдивымъ характеристикамъ и описаніямъ этой жизни, появляющимся въ нашей литературѣ. Г. Владиміровъ четыре года провелъ въ Америкѣ и многое въ его книгѣ представляетъ поучительный интересъ и заслуживаетъ вниманія. Разсказъ оживленъ и занимателенъ.

Смѣсь.

Нефть и мѣста ея нахожденія. Во всѣхъ хозяйствахъ нефть признана самымъ дешевымъ освѣтительнымъ матеріаломъ, даже въ мѣстахъ, гдѣ существуютъ газопроводы, дорогой газъ не въ состояніи вытѣснить своего болѣе дешеваго конкуррента.

Нефть находится во всѣхъ частяхъ свѣта, въ Южной Австраліи и въ Новозеландіи, въ Индіи, Китаѣ и Южной Америкѣ. Что нефть есть въ Центральной Африкѣ это доказано знаменитымъ Ливингстономъ. Но изъ всѣхъ этихъ странъ, а также и многихъ другихъ нѣтъ вовсе вывоза нефти. Значительное исключеніе составляютъ Сѣверная Америка и Россія.

Американскіе индѣйцы знали о существованіи нефти и употребляли ее при церемоніяхъ во время празднествъ и съ цѣлями лечебными, но въ хозяйствѣ не примѣняли. Первые бѣлые поселенцы, тоже знали о нефти: на одной изъ картъ Сѣверной Америки, помѣченной 1670 годомъ значится: „фонтанъ нефти". Въ началѣ этого столѣтія полведра нефти въ Филадельфіи стоили на наши деньги около тридцати рублей; способъ добыванія былъ первобытный: обыкновенно обмакивали куски шерстяныхъ матерій, съ которыхъ потомъ нефть и стекала или-же зачерпывали обыкновенными черпальцями. Въ 1859 году Георгъ Биффель началъ буравить землю и на глубинѣ 70 футовъ нашелъ источникъ, который сталъ доставлять болѣе четырехъ тысячъ бутылокъ ежедневно. Вскорѣ предпріимчивые американцы образовали компанію для разработки нефти. Теперь американская нефть вывозится во всѣ части свѣта.

Нефтяная область Пенсильваніи занимаетъ въ окружности тринадцать миль; мѣста-же дѣйствительно доставляющія нефть представляютъ область въ сотню квадратныхъ верстъ. Большею частью керосинъ попадается въ пористыхъ песчаныхъ каменныхъ образованіяхъ. Каждый колодезь среднимъ числомъ дѣйствуетъ въ продолженіи трехъ лѣтъ; на 200 буравленій 70 изъ нихъ, т. е. до 14.7 процентовъ остаются безъ результата. Такъ называемый первый масляный слой песку лежитъ обыкновенно на 200 футовъ подъ землею и даетъ большею частью только смазочное масло; второй слой масляного песку лежитъ на 115 футовъ ниже и третій самый обильный и чистый еще на 100 футовъ ниже. Американское неочищенное масло содержитъ среднимъ числомъ 85 процентовъ углерода и 15 процентовъ водорода. Нефть выходитъ въ большомъ количествѣ; такъ напр. ньютонскій источникъ при Титусвиллѣ доставляетъ ежедневно около 40 милліоновъ кубическихъ футовъ. Присутствіе отдѣльныхъ источниковъ узнается послѣ получасоваго буравленія, по появленію пузырей и затѣмъ масляной струи высотою до сотни футовъ, бьющей въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Замѣчательно, что нефтяная область идетъ параллельно съ цѣпью Аллеганскихъ горъ.

Въ Россіи нефть въ громадныхъ размѣрахъ разработывается на южномъ склонѣ Кавказа, т. е. на Кавказѣ и въ Баку. Вѣчные или священные огни въ Баку, извѣстны уже съ 920 г. послѣ Р. Х. до сихъ поръ чтятся огнепоклонниками. Вся мѣстность примыкающая къ Каспійскому морю богата нефтью и источниками землянаго масла; очень возможно, что нефтяные источники Малой Азіи (Моссулъ), Персіи и Туркестана, находятся въ связи съ русской нефтяной подземной областью на протяженіи болѣе 400 миль. Въ Бакинскомъ округѣ получается около двадцати четырехъ милліоновъ пудовъ нефти, а при большей предпріимчивости и лучшихъ средствахъ перевозки количество это могло-бы удесятериться. Источникъ въ Тамани, открытый въ 1866 году доставляетъ нефти на девять милліоновъ рублей ежегодно. Англійскій консулъ Чорчиль, занимавшійся буравленіемъ, сообщаетъ, что артезіанскій колодезь въ 126 футовъ глубины близь Балаханы выбрасывалъ ежедневно около 10.000 центнеровъ масла; далѣе онъ сообщаетъ, что вблизи этого колодца было найдено озеро въ 12 футовъ глубины и 2 версты въ окружности, наполненное милліонами пудовъ нефти, которою никто не пользовался. Колодезь на Апшеронскомъ полуостровѣ доставлялъ въ день болѣе 180,000 пудовъ нефти, которая лилась по землѣ, образовала цѣлыя озера, и сгустилась испаряясь подъ вліяніемъ солнца. Количество нефти въ Россіи такъ велико, что быть можетъ превосходитъ даже Америку, и только недостатокъ въ средствахъ сообщенія виною тому, что наша нефть не идетъ далѣе Персіи и Россіи.

Въ западной и восточной Галиціи дѣйствуетъ около четырехсотъ масляныхъ шахтъ, дающихъ болѣе трехъ милліоновъ пудовъ масла. Самые обильные колодцы даютъ ежедневно до 1,800 пуд. Масляная область Галиціи занимаетъ около 240 квадратныхъ миль. Буравленія достигаютъ болѣе тысячи футовъ глубины и привели къ заключенію что большія количества нефти, смѣшанной съ землянымъ масломъ и смолой, находятся еще ниже. Примыкающіе къ галиційскимъ румынскіе нефтяные источники даютъ ежегодно около 700,000 пуд. нефти, которой значительная часть вывозится въ Австрію и Турцію.

Въ Германіи и Австрійской Галиціи нефтяные источники извѣстны уже болѣе 500 лѣтъ и нѣкоторыя мѣстности напр. Пахельбронъ въ Эльзасѣ, получили свое названіе отъ горнаго масла или смолы „Pech". Нахожденіе нефти замѣчается во многихъ мѣстахъ, верхней Баваріи, Виртемберга, Вестфаліи и Саксоніи, но правильнымъ производствомъ занимаются только въ Брауншвейгѣ, на югѣ и юго-востокѣ Ганновера и въ Нижнемъ Эльзасѣ. Ежегодно тамъ получается до 75,000 пудовъ нефти.

Изъ жизни животныхъ. Одинъ ученый разсказываетъ случай изъ жизни утокъ, который заставилъ его относиться съ большимъ вниманіемъ къ этимъ неуклюжимъ, непріятно кричащимъ пернатымъ. На небольшомъ, прекрасно отѣненномъ деревьями прудѣ въ своемъ имѣніи онъ разводитъ лебедей и утокъ. Между послѣдними, въ числѣ прочихъ, находятся также двѣ обыкновенныя сѣрыя утки. Утки эти съ маленькими утятами плавали у берега, но ихъ часто безпокоили два бѣлыхъ лебедя, которые съ вытянутыми шеями, шипя, подплывали къ уткамъ, стараясь отбить отъ нихъ малютокъ. Утки приноровились плавать одна впереди утятъ, а другая позади, оберегая свое сокровище. Въ одно утро помѣщикъ былъ заинтересованъ страшнымъ крикомъ и шипѣніемъ, подойдя къ окну онъ увидѣлъ, что лебеди загнали утокъ въ уголъ пруда и одинъ изъ лебедей, поднявъ крылья, бросился на утятъ и схватилъ одну крошку. Въ первую минуту утки были ошеломлены, но жалобный пискъ малютки въ клювѣ лебедя заставилъ ихъ опомниться. Съ необыкновенною ловкостью и быстротою, какую даже трудно предполагать въ неуклюжихъ уткахъ, онѣ бросились на своихъ враговъ и такъ удачно дѣйствовали, что всякій разъ попадали въ цѣль, вырывая бѣлыя перья у своихъ противниковъ и въ то же время ловко избѣгая ударовъ сильныхъ крыльевъ. Одна изъ утокъ впрыгнула на спину къ лебедю и тутъ вцѣпилась клювомъ въ его длинную шею. Уже давно схваченный утенокъ былъ выпущенъ, но утки продолжали бой до тѣхъ поръ, пока лебеди съ крикомъ не оставили мѣсто боя, преслѣдуемые утками еще далеко. Подойдя къ берегу, ученый увидѣлъ, что вода сплошь была покрыта перьями, но не сѣрыми, а только одними бѣлыми. Вернувшись съ преслѣдованія, утки собрали своихъ дѣтенышей, а также и раненая малютка, плававшая съ трудомъ, была бережно вытолкнута матерью на солнышко на берегъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ побоища раненый утенокъ былъ здоровъ и рѣзвился вмѣстѣ съ прочими. Съ этихъ поръ лебеди болѣе не безпокоили утокъ и даже не подплывали къ нимъ близко.

Вырожденіе народа во Франціи. Уже 80 лѣтъ во Франціи замѣчается вырожденіе народа; казни, войны и ссылки похитили людей сильныхъ и въ особенности франкскій элементъ. Ученый докторъ Вильерме первый обратилъ на это вниманіе, замѣчая изъ года въ годъ измельчаніе расы при рекрутскихъ наборахъ. Изъ его наблюденій сдѣлалось извѣстнымъ, что ростъ людей въ войскахъ уменьшается постепенно. Такъ до революціи въ гренадеры поступали люди ростомъ не менѣе 1, 70 метра, во время республики ростъ въ 1, 66 метр. считался обязательнымъ, затѣмъ во время первой имперіи уже довольствовались ростомъ въ 1, 63 мет. и во время реставраціи ростомъ въ 1, 62 метра. Затѣмъ въ послѣдующее время для пополненія войскъ принуждены были не обращать строгаго вниманія на ростъ.

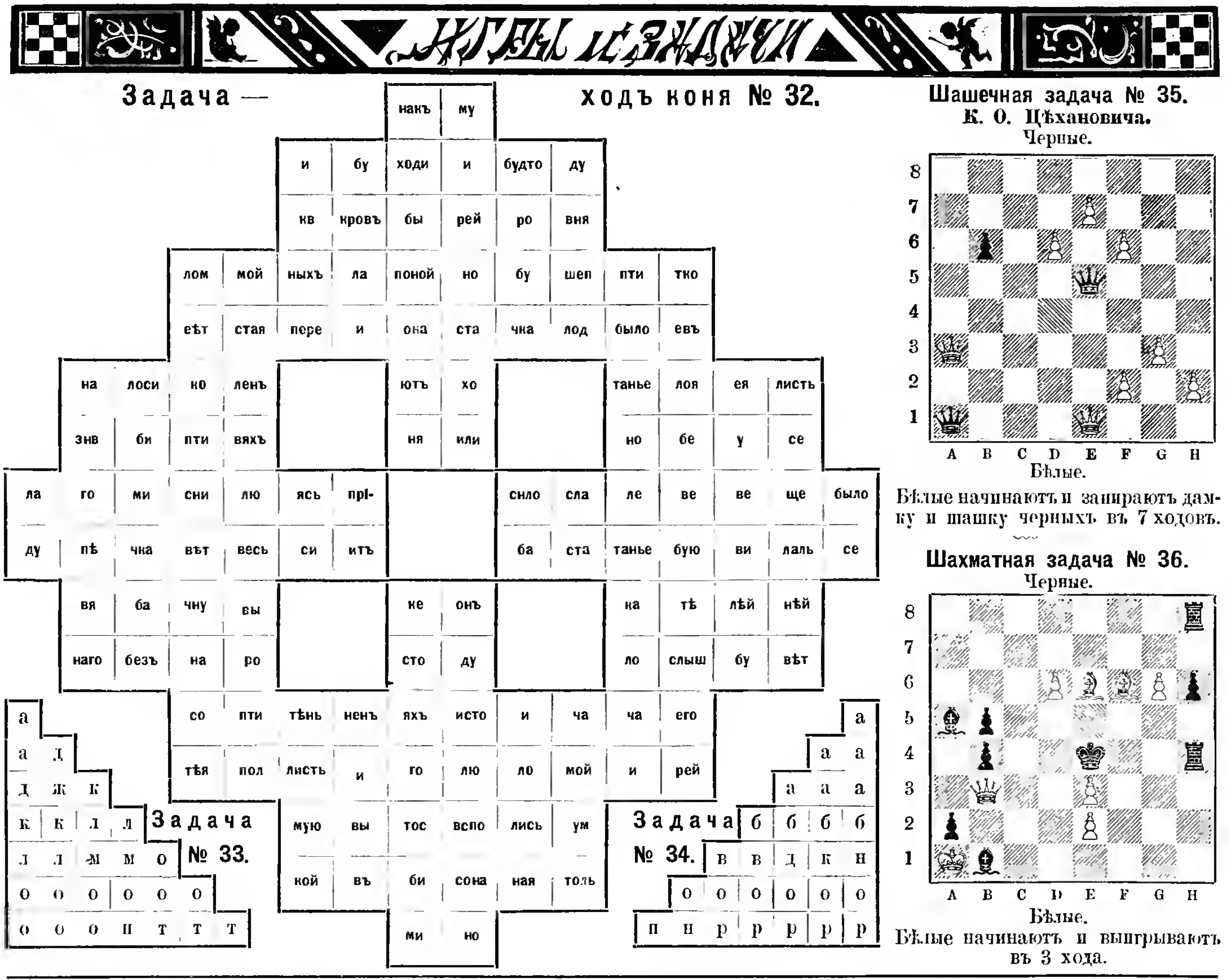
Кромѣ войнъ и политическихъ бурь вырожденіе зависитъ и отъ другихъ причинъ. По докладу доктора Бертольона, читанному недавно въ антропологической школѣ, съ 1800—1810 г. насчитывалось среднимъ числомъ 33 рожденія на 1000 жителей; въ послѣдующія семь столѣтій число это уменьшается до 31, 17; 3 6, 6; 28, 7; 27, 3; 26, 7 и 25, 8. За это же время число браковъ увеличилось. Въ то время какъ въ Англіи 1000 замужнихъ женщинъ въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ рожаютъ среднимъ числомъ 248 дѣтей, въ Пруссіи 275 и въ Бельгіи 279, во Франціи на то же число женщинъ приходится только 173 ребенка, между тѣмъ изъ всѣхъ упомянутыхъ странъ, во Франціи наиболѣе замужнихъ женщинъ, именно 140 н 1000 жителей, тогда какъ въ Бельгіи только 106, въ Пруссіи 120 на въ Англіи 133.

Дальнѣйшая причина вырожденія та, что законъ освобождалъ отъ военной службы нѣкоторые классы женатыхъ людей, слѣдствіемъ чего было то, что молодые люди, для избѣжанія службы, торопились жениться на дѣвушкахъ слабаго здоровья или же старше себя годами. Дѣти отъ такихъ браковъ были слабы и нерѣдко уродливы. Это обнаружилось при наборахъ въ тридцатыхъ годахъ, послѣ уничтоженія упомянутаго закона. Число неспособныхъ къ службѣ значительно увеличилось противъ прежняго времени. Подобные же результаты замѣчались въ годы революціи. Нужда и голодъ сильно вліяли на дѣтей того времени. Замѣчателенъ случай бывшій въ 1815 году: для Англійскаго отряда, находившагося въ то время во Франціи, были заказаны каски у французскихъ поставщиковъ, которые въ этомъ случаѣ руководствовались предписаніемъ французскаго военнаго министерства. По доставленіи касокъ, поставщики къ ужасу своему узнали, что двѣ трети касокъ не годились вовсе, такъ какъ были малы, и что каски сдѣланныя по наибольшей французской мѣркѣ приходились на самую небольшую англійскую голову; между тѣмъ англійское войско еще не такъ высоко какъ напр. германское или венгерское. Въ деревняхъ народъ здоровѣе, хотя городскіе жители выше ростомъ; во время переходовъ французскіе солдаты, набранные изъ деревень, гораздо выносливѣе, несмотря на свой меньшій ростъ въ сравненіи съ городскими.

Средства, предохраняющія продукты отъ порчи. Въ послѣднемъ засѣданіи общества наукъ и художествъ въ Лондонѣ профессоръ Барфъ производилъ опыты съ предметами подверженными порчѣ, которые отъ прибавленія этаго средства не теряли вкуса. Профессору Барфу удалось составить смѣсь, которая примѣнима для всѣхъ продуктовъ и имѣетъ то преимущество, что не измѣняетъ ни цвѣта ихъ, ни вкуса. Это соединеніе глицерина съ кислотой. Глицеринъ нагрѣвается очень сильно и затѣмъ туда прибавляется столько кислоты, сколько въ немъ можетъ распуститься. Составилась смѣсь въ 92 части глицерина и 62 части кислоты; этимъ способомъ изъ глицерина были

удалены водяныя части и замѣнены кислотой. Это соединеніе профессоръ Барфъ называетъ Бороглицеридъ и химически выражается: C3 H 5 BO 3. При обыкновенной температурѣ Бороглицеридъ похожъ на мороженое, отъ него отбиваются куски молоткомъ, въ теплѣ онъ дѣлается тягучимъ и распускается въ горячей водѣ. Профессоръ Барфъ произвелъ цѣлый рядъ опытовъ, распуская одну часть бороглицерида въ 20 до 60 частяхъ воды, съ молокомъ, говядиной, устрицами и т. п. Но опыты эти, по словамъ Барфа, онъ производилъ только съ научной цѣлью, не имѣя въ виду ихъ примѣненія. Молоко съ примѣсью этаго средства посылалось въ Занзибаръ и Ямайку, куда прибыло совершенно свѣжимъ. Смѣсь эта не вредитъ здоровью; профессоръ ежедневно пилъ молоко съ этою примѣсью, не чувствуя никакихъ перемѣнъ въ здоровьи. Въ Бомоновой коллегіи, лѣтомъ молоко также подавалось съ этою примѣсью и ни ученики, ни учителя не замѣчали этаго. Во время лекціи профессоръ Барфъ показывалъ убитыхъ голубей, плоды изъ Ямайки, сардины изъ Испаніи, омары, сельди, устрицы, языкъ, говядину, баранину и проч. Все это въ продолженіи долгаго времени предохранялось отъ порчи бороглицеридомъ. Нѣсколько кусковъ были приготовлены тутъ-же и съѣдены и не имѣли никакого посторонняго вкуса. Докладъ возбудилъ общее вниманіе. Барфъ заявилъ, что будутъ еще произведены опыты для опредѣленія примѣненія бороглицерида на практикѣ.

Интересная находка. По сообщенію Датскихъ газетъ, въ болотѣ около Рингобинга въ Ютландіи найденъ вполнѣ сохранившійся превосходный экипажъ, обитый мѣдью. И такъ какъ въ Даніи до XVI столѣтія не было въ употребленіи экипажей, то компетентныя лица предполагаютъ, что это языческій экипажъ временъ желѣзнаго періода, въ которомъ возили идола. Деревянные ободья колесъ выгнуты изъ цѣльнаго куска и желѣзныя шины наложены раскаленными безъ прикрѣпленія гвоздями.



О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Заявленіе.

Въ послѣднее время С.-Петербургскимъ Почтамтомъ неоднократно были конфискуемы деньги, посланныя на наше имя въ заказныхъ пакетахъ, почему мы просимъ нашихъ иногородныхъ подписчиковъ, въ виду ихъ же интересовъ, деньги посылать не иначе какъ въ установленномъ Почтамтомъ порядкѣ для денежныхъ писемъ.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Сокращенный прейсъ-курантъ перчатокъ.
на двѣ пуговицы—за дюжину:

Лайковыя дамскія и мужскія	руб.	8
Шведскія „ „	„	6
Замшевыя желтыя и сѣрыя	„	14
„ офицерскія бѣлыя	„	18

За отправку по почтѣ 50 коп. съ дюжины.
Требованія, деньги адресовать:
Торговый Домъ „Commerce Russe" въ Варшавѣ.
Требуются надежные агенты.
№ 2077 10—1

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е изданіе Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к., для подписч. „НИВЫ" 1882 г., 75 к. съ перес. 1 р.

Картины печатанныя маслян. красками,
собственнаго изданія,
весьма дешево для
ИЗДАТЕЛЕЙ, ТОРГОВЦ. и ЭКСПОРТЕРОВЪ
Иллюстрир. каталоги даромъ ! ФРАНКО !
Berlin S. (Берлинъ S), Grimmstrasse 7.
(Карлъ Каулишъ) Carl Kaulisch.
Хромо-литографич. заведеніе и печатня.
S. № 2041 4—4

Вышелъ изъ печати и продается въ конторѣ редакціи „Нивы" и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ,

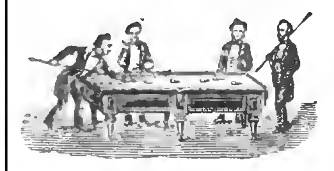
историческій романъ конца XVIII вѣка въ 2-хъ частяхъ,
Всеволода Соловьева.
Большой томъ in 8—болѣе 40 печатн. листовъ, (около 650 стр.) напечатанный на лучшей веленевой бумагѣ, съ виньетками.
Романъ этотъ служитъ началомъ печатаемаго нынѣ въ „Нивѣ" романа „ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ", цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 коп., въ красив. каленк. перепл. 4 руб., съ перес. 4 р. 50 к. **для гг. новыхъ подписчиковъ „Нивы" на 1882 годъ.** цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ такомъ же перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 коп.

СТРАХОВАНІЕ БИЛЕТОВЪ
по **50** коп въ конторѣ
П. ВЫДРИНЪ и СЫНЪ.
Москва, Тверская, 31.
Условія продажи билетовъ съ задаткомъ въ 15 р. высылаются безплатно. П. № 2072. 8-1.

ВЪ КАМЫШАХЪ. повѣсть **Н. Каразина**, *второе изданіе*, съ 39 рисунками автора, большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна **2 р.**, съ перес. **2** р. **30** к. Подписчики „Нивы" за перес. не платятъ.

Въ виду новизны предмета и дороговизны изданія.
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО. (Карта).
рода человѣческаго, всѣхъ животныхъ и растеній, отъ появленія первой жизни на землѣ и до нашихъ временъ.
Печатается только въ количествѣ 100 экз. поэтому прошу Гг. желающихъ имѣть это любопытное изданіе, поспѣшить со своими требованіями. Цѣна экземпляра 4 р. съ пересылкой. Адресъ: Курскъ, Фабіану Ивановичу Струпинскому. № 2071

!!! НѢТЪ БОЛЬШЕ ПОЖАРОВЪ !!!
Новоизобрѣтенный патентованный
ручной пожарный насосъ.
Дѣйствуетъ вездѣ и всегда. Выбрасываетъ воду на 40 футовъ и никогда не портится. Съ приборомъ для спасенія людей и вещей, устройствомъ предохраняющимъ отъ сильной жары во время тушенія, сосудомъ для воды и металлическимъ пожарнымъ шлемомъ. Цѣна 30 р. на мѣстѣ въ Варшавѣ. Укупорка **1** рубль. Деньги-требованія адресовать:
Торговый Домъ „Commerce Russe" въ Варшавѣ.
Требуются надежные агенты.
№ 2078 10—1



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ
С.-Петербургъ
Измайловскій полкъ. Троицкій проспектъ, собственн. домъ № 13, близъ Египетскаго моста. № 1765 26—11

ГАЛЬМАНИНЪ.

MENTION HONORABLE PARIS 1878

Извѣстный своими свойствами предотвращающими прѣніе частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ, ***Гальманинъ*** *продается въ аптекахъ, а также у дрогистовъ значительнѣйшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи.* ***Главное депо*** *находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца аптеки, магистра фармаціи* ***В. Карпинскаго,*** *улица Электоральная, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к.* ***Нужно остерегаться поддѣлокъ*** *и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г.* **В. Карпинскій** *магистръ фармаціи.*

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ въ редакціи журнала „НИВА" Больш. Морская, д. № 9, въ СПБ. и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, **СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА:**

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ

Романъ-хроника (XVIII вѣка), въ 2-хъ частяхъ
Всеволода Соловьева.
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп., въ красивомъ каленк. перепл. **3 руб, съ перес. 3 руб. 50 коп.**

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА

Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ жизни XVII вѣка,
Всеволода Соловьева.
Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп., въ красивомъ каленкоровомъ перепл. **3 руб, съ перес 3 руб 50 коп.**
Подписчики „Нивы" на 1882 годъ за пересылку не платятъ.

Первымъ мною приготовленная и введенная въ продажу

УКСУСНАЯ ЭССЕНЦІЯ

поддѣлывается многими. Позднѣйшія изслѣдованія мои обнаружили во всѣхъ поддѣльныхъ эссенціяхъ или меньшую крѣпость или же другіе, болѣе непріятные, недостатки. Нежелающіе практически убѣждаться въ этомъ, найдутъ **настоящую мою, подъ моимъ форменнымъ ярлыкомъ**, эссенцію какъ у меня, такъ и въ колоніальныхъ магазинахъ въ Москвѣ и повсемѣстно въ провинціи, начиная отъ Архангельска до Карса и отъ Варшавы до Самарканда и до Николаевска на Амурѣ. Ц. № 1866 5—3

Ц. № 1866 5—2 **Р. Кёлеръ.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ЖИДКОСТЬ отъ МОЛИ.

Для сбереженія на лѣтнее время шубъ, платьевъ, ковровъ, мебели и проч., признана по 20-ти лѣтнему опыту однимъ изъ лучшихъ существующихъ средствъ для истребленія моли.
Употребляется тоже для очищенія воздуха въ комнатахъ. Цѣна флакону 30 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.
Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) **Невскій проспектъ**, д. № 32, Католической церкви.
2) **Невскій проспектъ**, у Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій проспектъ**, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54. Шредера. № 2070 2—1
Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою СПБургской Химич. Лабораторіи ей не принадлежатъ.

Вышла въ свѣтъ и продается въ конторѣ Редакціи „НИВЫ" и во всѣхъ извѣстныхъ Книжныхъ магазинахъ

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ

историческая повѣсть въ двухъ частяхъ
Всеволода Сергѣевича СОЛОВЬЕВА
съ 21 рисунками **И. С. Панова**
Второе изданіе
большой томъ in 8—всего 310 страницъ С.-Петербургъ 1882 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** по больш. Морской д. № 9. Цѣна **2 рубл.**, съ перес. **2 р. 50 к.** въ красив. каленк. перепл. **3 р.**, съ пер. **3 р. 50 к.**
Подписчики „НИВЫ" за пересылку не платятъ. 3—3

Только что вышелъ изъ печати и продается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

„НАВОЖДЕНІЕ"

Романъ **Всеволода Соловьева.**
Большой томъ in 8—всего 272 стр.. печатанный на лучшей веленевой бумагѣ, съ виньетками. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к. въ красивомъ каленкоровомъ переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

СТРАХОВАНІЕ ПЕНСІИ НА СТАРОСТЬ.

ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себѣ пенсію (доходъ) въ

1,000 РУБЛЕЙ ЕЖЕГОДНО,

уплата которой начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста застрахованнаго и продолжается до его смерти.
За это страхованіе слѣдуетъ платить Страховому Обществу **„РОССІЯ"** до начала пенсіи по 29 руб. 64 коп. чрезъ каждые три мѣсяца.
Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ

Страховаго Общества „Россія",

выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами. 5—3 № 2050

Любители и знатоки хорошаго ЧАЯ

СИМЪ ИЗВѢЩАЮТСЯ ЧТО

въ склады извѣстнѣйшаго по своей торговлѣ и превосходному выбору чаевъ Московскаго Торговаго Дома

ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО

ТОЛЬКО ЧТО ДОСТАВЛЕНЫ И ПОСТУПИЛИ

въ Оптовую и Розничную продажу

СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ

ГЛАВНЫЙ ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ **СКЛАДЪ** КЯХТИНСКИХЪ ПЕРВОСБОРНЫХЪ ЧАЕВЪ ТОРГОВАГО ДОМА ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО НАХОДИТСЯ на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Торлецкаго, въ Москвѣ.

ЖЕЛАЮЩІЕ воспользоваться всѣми выгодами покупки ЧАЕВЪ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ РУКЪ на условіяхъ сего прейсъ-куранта, съ требованіями своими благоволятъ относиться по нижеслѣдующему адресу.

огромныя партіи свѣжихъ первосборныхъ чаевъ необыкновенно высокаго достоинства, въ особенности же рекомендуются Гг. любителямъ слѣдующія серіи: подъ № 4 Императорскій **„Отборный“** черный чай по 1 р. 80 коп. за фунтъ: подъ № 5 необыкновенно пріятнѣйшаго вкуса и аромата, съ сильнымъ букетомъ, **„Рѣдкостный Ханскій“** черный чай **„Царскій Букетъ“** по 2 руб. за фунтъ; подъ № 6 чрезвычайно пріятнѣйшаго нѣжнаго вкуса и аромата **„Ханскій Розанистый“** черный чай **„Царская Роза“** по 2 р. 30 коп.; подъ № 7 необычайно высокаго достоинства весьма рѣдкостный **„Ханскій нѣжно-ароматный“** черный чай **„Индійская Роза“** по 2 р. 60 коп. за фунтъ; подъ № 66 **„Новый сортъ“** чернаго чая, впервые вывезенный изъ Китая, рекомендуется какъ рѣдкость изъ рѣдкостей, **„Особый сортъ“** по 2 р. 75 коп. за фунтъ; изъ цвѣточныхъ и лянсинныхъ чаевъ весьма хороши подъ №№ 13, 14, 15 и въ особенности подъ №№ 16, 17 и 18. Прочіе же лянсины высокіе, а равно чаи Желтые и Зеленые отменно высокаго достоинства.

Прейсъ-курантъ свѣжимъ первосборнымъ чаямъ

СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ И ВЫБОРА.

МОСКОВСКАГО ТОРГОВАГО ДОМА ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО.

ЧЕРНЫЕ ДУШИСТЫЕ ЧАИ:	Цѣна за фунтъ.	
№ 2. Ароматный душистый **„Нанхэо-Пеха“**	1	40
№ 3. Императорскій высшій сортъ **„Фучефу“**	1	60
№ 4. Императорскій отборный, пріятнѣйшаго вкуса и аромата, **„Букетъ Фучана“**	1	80
№ 5. **Ханскіе ароматные чаи**, необыкновенно пріятнѣйшаго вкуса и аромата, нашей собственной выписки и выбора, душистый, съ сильнымъ букетомъ рѣдкостный ханскій черный чай **„Царскій букетъ“**	2	—
№ 6. Чуднаго, необыкновенно нѣжнаго и пріятнаго вкуса и аромата нашей выписки и выбора **„Ханскій розанистый“** черный чай **„Царская Роза“**	2	30

ЧЕРНЫЕ ХАНСКІЕ ЧАИ:	Цѣна за фунтъ.	
№7. Превосходнѣйшаго достоинства, весьма рѣдкостный, черный Ханскій, нѣжно-ароматный чай, нашей собственной выписки и выбора, **„Индійская Роза“**	2	60
№ 66. Новый сортъ чернаго чая никогда еще небывалый здѣсь въ продажѣ, изъ рѣдкостей рѣдкость **„Особый сортъ“**	2	75
ЧАИ ЦВѢТОЧНЫЕ:		
№ 13. Цвѣточный **„Отборный“**	2	25
№ 14. Лянсинъ Мьютолъ-Нонджимъ-Пеха.	2	50

ЦВѢТОЧНЫЕ ЛЯНСИНЫ:	Цѣна за фунтъ.	
№ 15. **„Букетный Лянсинъ“**	2	70
№ 16. **„Букетъ Розы“**	3	—
№ 17. **„Китайской Императрицы“**.	3	20
№ 18. **„Шилунга“**	3	50

а также имѣются въ продажѣ Лянсины бѣлые по 4 р., 5 р., 6 р., 7 р. и 10 р. за фунтъ.

Зеленые чаи въ 3 р., 50 к., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р. и 10 р. за фунтъ.

Желтые чаи въ 3 р. 50 к., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р., и 10 рублей за фунтъ.

Выписывающіе и покупающіе чай единовременно на 50 руб., кромѣ 5% уступки получаютъ **безплатно** по своему выбору **одинъ** изъ нижеслѣдующихъ предметовъ чайнаго сервиза:

1) Новоизобрѣтенный высшаго достоинства бретонскаго металла **чайникъ**.
2) **Ларчикъ** съ замкомъ, на 1 фунтъ чая.
3) Серебряный вызолоченный **совочекъ** для засыпки чая.
4) Серебряная 84 пробы **ситка** для чая.
5) Серебряные 84 пробы **щипцы** для сахара.
6) Два римскіе **подстаканчика** накладнаго серебра.
7) Три серебряныя вызолоченныя 84 пробы **чайныя ложки** новаго фасона съ рисунками.
8) **Сахарница** бретонскаго металла.
9) **Сливочникъ** бретонскаго металла.
10) Серебряная вызолоченая 84 пробы десертная дѣтская **ложка** съ рельефнымъ рисункомъ.
11) Серебряная вызолоченная 84 пробы **столовая** ложка новаго фасона съ рисункомъ.
12) Два **подсвѣчника** съ гасильниками изъ мельхіора.
13) Серебряный вызолоченный 84 пробы **дѣтскій стаканчикъ**.
14) Серебряная вызолоченная 84 пробы **солонка**.

Гг. иногородные желающіе

выписывать чай, съ требованіями своими благоволятъ относиться **въ МОСКВУ, на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Торлецкаго, въ Главную Контору Торговаго дома Ольги Арсеньевны КОРЕЩЕНКО.**

Требованія исполняются немедленно.

ПЕРЕСЫЛКУ ЧАЕВЪ ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ

контора принимаетъ на свой счетъ и сверхъ того дѣлаетъ уступку 5% съ рубля всѣмъ выписывающимъ извѣстныхъ сортовъ чая на 25 руб., а выписывающимъ на 50 руб, высылается кромѣ уступки безплатно одинъ изъ предметовъ чайнаго сервиза, по выбору и назначенію покупателя, или же чая на 3 руб.

ПРИМѢЧАНІЕ: Чай цѣною въ 1 р. 40 к. высылается на нашъ счетъ только на разстояніи отъ Москвы до 1000 верстъ; чай цѣною въ 1 р. 60 к. и 1 р. 80 к. высылается на нашъ счетъ только на разстояніи отъ Москвы до 2000 верстъ. Затѣмъ выписывающіе въ отдаленные города чай отъ 2 р. и выше пользуются уступкой и преміей.

Дозволено цензурою. СПБ. 29 апрѣля 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — годъ XIII

№ 19 — 1882

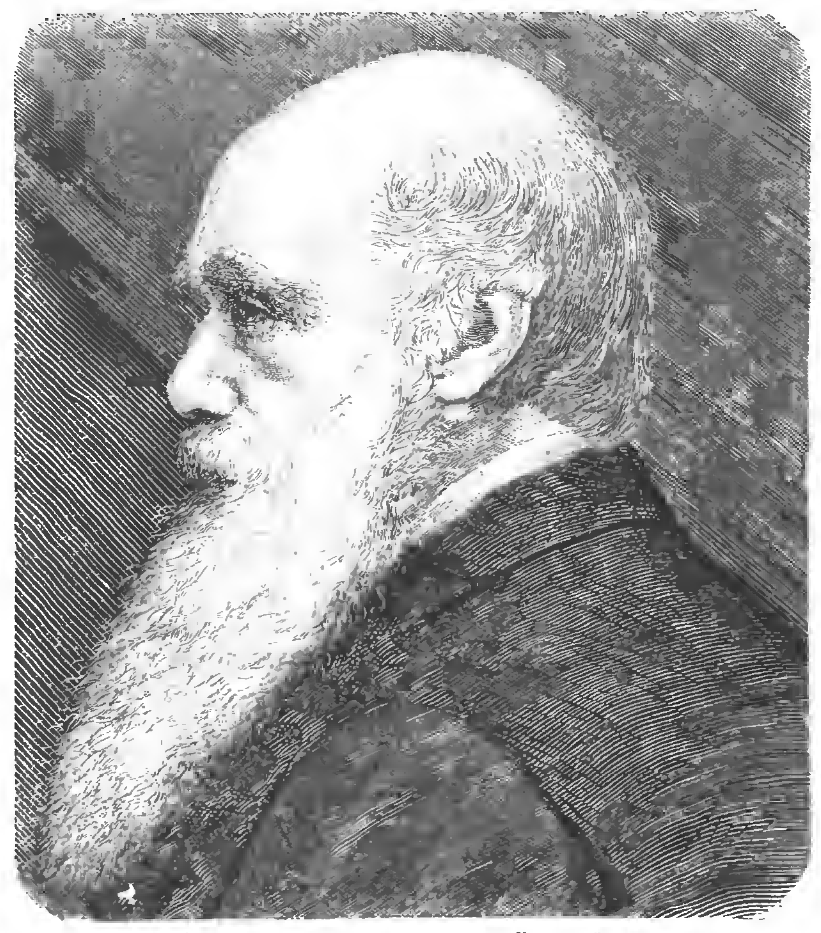
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 8 Мая 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Чарльзъ-Робертъ Дарвинъ.

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ ученыхъ, надѣлавшій на своемъ вѣку много шума своими смѣлыми теоріями и изслѣдованіями, знаменитый естествоиспытатель Чарльзъ-Робертъ Дарвинъ, скончался 7-го (19-го) апрѣля въ Лондонѣ. Онъ былъ внукомъ англійскаго врача и поэта Эразма Дарвина, умершаго въ 1802 г., котораго поэмы „Храмъ природы или происхожденіе Общества" и „Ботаническій садъ" пользовались въ свое время большою извѣстностью.

Чарльзъ Дарвинъ родился въ маленькомъ городѣ Шрьюсбюри, 12-го февраля 1809 г. Первое образованіе онъ получилъ въ этомъ его родномъ городкѣ, гдѣ, въ теченіи 7 лѣтъ, посѣщалъ городскую школу. На 17 году онъ поступилъ въ эдинбургскій университетъ и черезъ два года перешелъ въ кэмбриджскій. Здѣсь онъ сошелся съ профессоромъ Генслау, который покровительствовалъ его наклонности къ изученію естественной исторіи. Вліяніе Генслау на Дарвина было



Ч. Р. Дарвинъ. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

самое сильное и плодотворное. Оно оставило въ немъ на всю жизнь благодарное теплое воспоминаніе. Въ 1831 году Дарвинъ выдержалъ въ Кембриджѣ экзаменъ на степень баккалавра искусствъ, а затѣмъ пріобрѣлъ, въ томъ-же университетѣ, степень магистра искусствъ.

Получивъ степень магистра, Дарвинъ посвятилъ свое свободное время изученію безпозвоночныхъ организмовъ, занявшись практически этимъ предметомъ у д-ра Гранта, тогда частнаго преподавателя (затѣмъ профессора въ лондонскомъ университетѣ). Здѣсь Дарвинъ сдѣлалъ свое первое научное открытіе. Онъ первый увидалъ мшанокъ (Bryozoa) въ подвижномъ состояніи плавающихъ гусеницъ.

Въ томъ-же году, воспользовавшись представившимся ему случаемъ, онъ, въ качествѣ натуралиста, отправился въ дальнее путешествіе, предпринятое съ научною цѣлью капитаномъ Фицъ-Рой на кораблѣ „Beagle". Путешествіе это, продолжавшееся болѣе пяти лѣтъ, имѣло

большое вліяніе на дальнѣйшую дѣятельность Чарльза Дарвина. Онъ посѣтилъ Бразилію, Магеллановъ проливъ, западное побережье Южной Америки, многіе острова Тихаго океана и возвратился въ Англію только 2-го октября 1836 года.

Возвратясь изъ путешествія, Дарвинъ прожилъ три года въ Лондонѣ, приводя въ порядокъ свои богатыя коллекціи, обрабатывая свои путевыя замѣтки и трудясь, какъ дѣятельный сотрудникъ геологическаго общества, которое избрало его въ почетные секретари. Затѣмъ онъ отправился въ Мэръ-Галль, къ своему дядѣ, сыну извѣстнаго химика Эзриха Уэджвуда. Здѣсь, въ 1839 году, онъ женился на своей двоюродной сестрѣ, миссъ Уэджвудъ. Отъ этого брака у нихъ родилось пять сыновей и двѣ дочери.

Въ продолженіи путешествія Дарвину удалось собрать множество драгоцѣнныхъ научныхъ наблюденій. Заручившись сотрудничествомъ Оуена и нѣкоторыхъ другихъ естествоиспытателей, Дарвинъ въ 1840 году издалъ въ свѣтъ первый томъ обширнаго сочиненія: „Zoology of the voyage os Her Majestys ship Beagle" (5 томовъ). Въ этомъ сочиненіи онъ впервые высказалъ взгляды, совокупность которыхъ получила впослѣдствіи названіе „дарвинизма". Его наблюденія надъ животными Южной Америки убѣдили его въ неудовлетворительности классификаціи, которой держались въ то время зоологи. Постепенно онъ пришелъ къ заключенію, что какъ животныя, такъ и растенія происходятъ отъ небольшаго числа первобытныхъ видовъ, быть можетъ даже отъ одного, и что всѣ ихъ послѣдующія видоизмѣненія зависятъ отъ постояннаго закона преобразованія, отъ правильнаго выбора расъ и индивидуумовъ, наиболѣе подходящихъ къ обстоятельствамъ времени и мѣста. Идеи эти излагаются и въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ. Дарвинъ пропагандировалъ также въ издаваемомъ имъ „Журналѣ изслѣдованій по части естественной исторіи, геологіи и т. д.".

Съ 1840 года, до тѣхъ поръ крѣпкое, здоровье Дарвина, подорванное долгими, утомительными путешествіями и постоянными трудами, начало измѣнять ему. Вскорѣ послѣ женитьбы, въ 1842 г., онъ долженъ былъ отказаться отъ общества и удалиться въ Доунъ, небольшую деревеньку съ 500 жителей, лежащую въ Кентѣ, между городками Бэкенгэмомъ и Бромлэ. Здѣсь, почти безвыѣздно, онъ провелъ съ своимъ семействомъ около 38 лѣтъ, отчасти обработывая наблюденія, собранныя во время путешествія, отчасти отдаваясь своей любимой идеѣ развитія всѣхъ растеній и животныхъ изъ весьма немногихъ первоначальныхъ типовъ. Эта идея зародилась въ первый разъ на берегахъ Патагоніи и съ 1833 года преслѣдовала его неотступно. Съ 1842 года, длинный рядъ годовъ былъ отданъ Дарвиномъ наблюденіямъ и опытамъ надъ воспитаніемъ и разведеніемъ домашнихъ животныхъ, съ цѣлью выяснить и подтвердить свою теорію.

Эта теорія изложена Дарвиномъ съ замѣчательною ясностью въ знаменитомъ сочиненіи „Происхожденіе видовъ" (Лондонъ, 1859 года).

Появленіе этого сочиненія, которое, немного спустя послѣ выхода его въ свѣтъ, было переведено почти на всѣ европейскіе языки, произвело давно невиданное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ. Не только ученые, но даже простые смертные раздѣлились на два враждебныхъ другъ другу лагеря, возгорѣлась ожесточенная полемика, продолжающаяся до сихъ поръ, при чемъ не только теорія Дарвина, но даже личность его сдѣлались предметомъ, съ одной стороны, почти фанатическаго удивленія и обожанія, съ другой—глумленія и рѣзкихъ нападокъ.

Въ 1872 и 1873 годахъ предложена была кандидатура Дарвину въ члены-корреспонденты французской академіи наукъ по отдѣлу зоологіи; но, послѣ жаркихъ споровъ его забаллотировали.

Дарвину же принадлежитъ прекрасное, систематическое изложеніе явленія, которое имъ было названо „борьбою за существованіе". Замѣчательною ясностью изложенія отличается также появившееся въ 1862 г. въ Лондонѣ сочиненіе Дарвина: „Объ оплодотвореніи растеній". Затѣмъ вышелъ рядъ замѣчательныхъ сочиненій Дарвина; болѣе другихъ извѣстны русской публикѣ: „Измѣненіе животныхъ и растеній подъ вліяніемъ человѣка" (1868 года). „Происхожденіе человѣка". „Коралловые рифы „(1878) и мн. др. Сверхъ того, Дарвинъ сотрудничалъ во многихъ научныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ особенности въ журналѣ лондонскаго геологическаго общества. Послѣднее изъ сочиненій Дарвина, вышедшее въ нынѣшнемъ году, имѣло предметомъ изслѣдованіе роли дождевыхъ червей въ образованіи чернозема, изслѣдованіе, съ которымъ мы познакомили читателей „Нивы" въ №. 5, нынѣшняго года.

Каждая его книга являлась исходнымъ пунктомъ, побужденіемъ для новыхъ изслѣдованій, каждая книга порождала новую литературу по вопросамъ, которые онъ давалъ одинъ за другимъ для разработки ученому міру.

Доунъ, маленькое мѣстечко въ Кентѣ, гдѣ жилъ и работалъ изслѣдователь, та лабораторія, изъ которой являлись къ намъ, одинъ за другимъ, цѣлый рядъ блестящихъ открытій, всѣмъ извѣстна. Сѣдой, высокій старикъ, съ длинною сѣдою бородою, съ добродушнымъ видомъ, онъ любезно встрѣчалъ посѣтителя. Оригинальное лицо его поражало своимъ выраженіемъ. Это ученый, оставившій глубокій слѣдъ въ исторіи своего времени и смерть его громадная потеря для науки.

Среди трогательныхъ заявленій глубокаго общаго уваженія къ памяти знаменитаго ученаго, происходило торжественное погребеніе Чарльза-Роберта Дарвина въ Уэстминстерскомъ Аббатствѣ 16 Апрѣля (28). Кисти у траурнаго балдахина держали: герцоги Девонширскій и Арджайльскій, американскій посолъ Лоуэль, лордъ Дерби, сэръ Джозефъ Гукеръ, сэръ Джонъ Леббокъ, каноникъ Феррарь, Спортвудъ, Уэллесъ и профессоръ Гексли. Въ похоронной процессіи слѣдовало за гробомъ Дарвина множество высокопоставленныхъ лицъ, въ томъ числѣ маркизъ Гартингтонъ, спикеръ палаты общинъ, баронесса Буттсъ и многіе другіе.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXV.

Тонкій дипломатъ.

Герцогъ Карлъ Зюдерманландскій съ очевидными признаками волненія ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету въ домѣ Шведскаго посольства.

Если петербургскіе жители, восторженно встрѣчавшіе дорогихъ гостей, бывали поражены ничуть не величественнымъ, а скорѣе ничтожнымъ видомъ герцога, то теперь, взглянувъ на него, врядъ ли бы кто могъ удержаться отъ улыбки. Чувствуя устремленные на него взгляды толпы, герцогъ все же придавалъ себѣ нѣкоторую важность, подъ пышнымъ нарядомъ старался скрыть недостатки своей фигуры. Теперь же, у себя, наединѣ съ самимъ собою, ему нечего было заботиться о своей внѣшности. Домашній костюмъ безъ всякихъ знаковъ отличія выставлялъ всю угловатость этого маленькаго, болѣе чѣмъ некрасиваго человѣчка. Къ тому же теперь на подвижномъ лицѣ его, которому онъ въ обществѣ умѣлъ по желанію придавать всевозможныя выраженія, отпечатлѣвались волновавшія его мысли и чувства. Онъ то какъ бы въ недоумѣніи моргалъ глазами и приподнималъ плечи, то потиралъ себѣ лобъ указательнымъ пальцемъ и вертѣлъ передъ собой рукою, то очень комично сжималъ губы, то хитро улыбался, то пригорюнивался.

Онъ чрезвычайно походилъ на обезьяну, на хитрую обезьяну, поставленную въ затруднительное положеніе и искавшую изъ него выхода.

Онъ дѣйствительно былъ поставленъ въ затруднительное положеніе и долженъ былъ все осмотрительно обдумать, чтобы выпутаться изъ непріятныхъ для него обстоятельствъ и уяснить себѣ свои дальнѣйшіе ходы.

Для него наступило такое время, когда нужно было держать ухо очень востро, чтобы не очутиться на мели, чтобы не потерять всего что было имъ пріобрѣтено отчасти случаемъ, отчасти мелкой, дешевой хитростью.

Пройдетъ нѣсколько недѣль и своенравный мальчикъ потребуетъ отъ него уступки всѣхъ правъ, всего значенія, какимъ онъ до сихъ поръ пользовался. И онъ зналъ заранѣе, что этотъ своенравный и холодный мальчикъ

не выразитъ ему благодарности за годы его регентства, что онъ просто на просто спихнетъ его съ занимаемаго имъ мѣста и затѣмъ, если и не будетъ стараться вредить ему, то, во всякомъ случаѣ, никогда не позаботится объ его интересахъ...

— Да нѣтъ, конечно и вредить будетъ!

А по какому праву?! вдругъ разводя руками, выпрямляясь и чуть не становясь на цыпочки прошепталъ герцогъ.—По какому праву онъ столкнетъ меня и сядетъ на тронъ шведскій? Этотъ тронъ моя законная собственность, а не его, потому что онъ не сынъ моего брата!.. И вотъ я долженъ уступить Швецію этому безправному ребенку только потому, что брату угодно было, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, признать его своимъ сыномъ. Да, я вижу хорошо теперь, что слѣдовало выяснить истину тотчасъ же послѣ кончины брата, а теперь это ужъ трудно, неловко, черезчуръ рисковано!

И онъ предался позднимъ сожалѣніямъ.

Дѣло было въ томъ, что мысль о разоблаченіи истины уже не въ первый разъ приходила ему въ голову: напротивъ, она приходила именно тогда, когда, какъ онъ рѣшилъ сейчасъ, было самое время поднять вопросъ о законности происхожденія Густава IV, то есть, немедленно послѣ трагической смерти короля.

О! онъ тогда въ первую минуту готовъ уже былъ рѣшиться на это; но затѣмъ тотчасъ же одумался. Его остановили не уваженіе къ королевѣ, не любовь къ мальчику, остановила его трусость. Густавъ III былъ измѣнически убитъ во время маскарада. Герцогъ Карлъ боялся королевскаго титула, ему показалось безопаснѣе прикрыться за малолѣтнимъ королемъ — менѣе отвѣтственности, а власти столько же. Къ тому же этотъ мальчикъ былъ мягкимъ воскомъ въ рукахъ его и ему казалось, что онъ могъ вылѣпить его въ какую угодно форму и не бояться даже времени его совершеннолѣтія,—оно ни въ чемъ не должно было измѣнить ихъ отношеній.

А между тѣмъ теперь онъ ясно видѣлъ, что сильно ошибся въ этихъ разсчетахъ. Мальчикъ вышелъ совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ желалъ его видѣть,—мальчикъ становился ему поперегъ дороги.

Что же предпринять? На чемъ же остановиться, чтобы обезопасить свое будущее, для того чтобы въ одинъ прекрасный день, по капризу взбалмочнаго ребенка, не оказаться въ безвыходномъ положеніи?

Въ теченіи своего регентства герцогъ достигъ одного—онъ обезпечилъ себя матеріальными средствами, успѣлъ скопить очень даже значительную сумму.

Онъ былъ неразборчивъ, не щекотливъ и, какъ разсказывали тогда люди, которымъ недовѣрять не было основанія, принялъ, напримѣръ, четыре милліона отъ французской директоріи. Онъ во все время своего регентства только и думалъ о томъ, какъ бы дороже, какъ бы выгоднѣе продать свои ненадежныя услуги.

Этими разсчетами объяснялся и его странный образъ дѣйствій съ Екатериной по поводу сватовства племянника. Но всѣ его хитрости все же завершились тѣмъ, что онъ помимо своей воли, по капризу племянника, очутился въ Петербургѣ и теперь долженъ былъ окончательно рѣшить вопросъ о бракѣ короля съ великой княжной.

И онъ видѣлъ, что нечего ему было возставать противъ этого брака, вооружать противъ себя императрицу, напротивъ, хорошо что дѣло такъ повернулось—племянникъ, неподозрѣвая этого, оказалъ ему важную услугу.

Екатерина повидимому позабыла всѣ прежнія недоразумѣнія, она убѣждена что все зависитъ отъ него, герцога, поэтому его такъ и ласкаютъ. Онъ можетъ воспользоваться обстоятельствами, приготовить себѣ здѣсь отступленіе въ случаѣ невзгоды. Онъ можетъ заручиться благодарностью русскаго Двора.

„Да, нужно женить ихъ непремѣнно, это будетъ самое лучшее,—рѣшилъ наконецъ герцогъ. Мальчикъ, кажется, влюбленъ, но на его страсть нельзя полагаться. Теперь я внушилъ ему чтобы онъ не поддавался на ласки, чтобы онъ не дѣлалъ большихъ уступокъ—и вотъ уже онъ начинаетъ ломаться, привередничать. Это хорошо! Извлечемъ какъ можно больше выгодъ изъ этого брака, благо что его здѣсь такъ желаютъ. Дѣло поставлено такъ, что насъ не могутъ выпустить, слѣдовательно нужно воспользоваться этимъ. Пусть Штедингъ съ компаніей требуютъ какъ можно больше для Швеціи. А я... я буду требовать какъ можно больше для себя. Но этотъ бракъ необходимъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія“!

И только что герцогъ рѣшилъ это, какъ въ дверь его кабинета тихонько постучали. Онъ отперъ—ему доложили о пріѣздѣ князя Зубова.

— Просить, просить! оживленно, крикливымъ голосомъ приказалъ герцогъ.

Вошелъ Зубовъ во всемъ блескѣ своей красоты и расшитаго мундира.

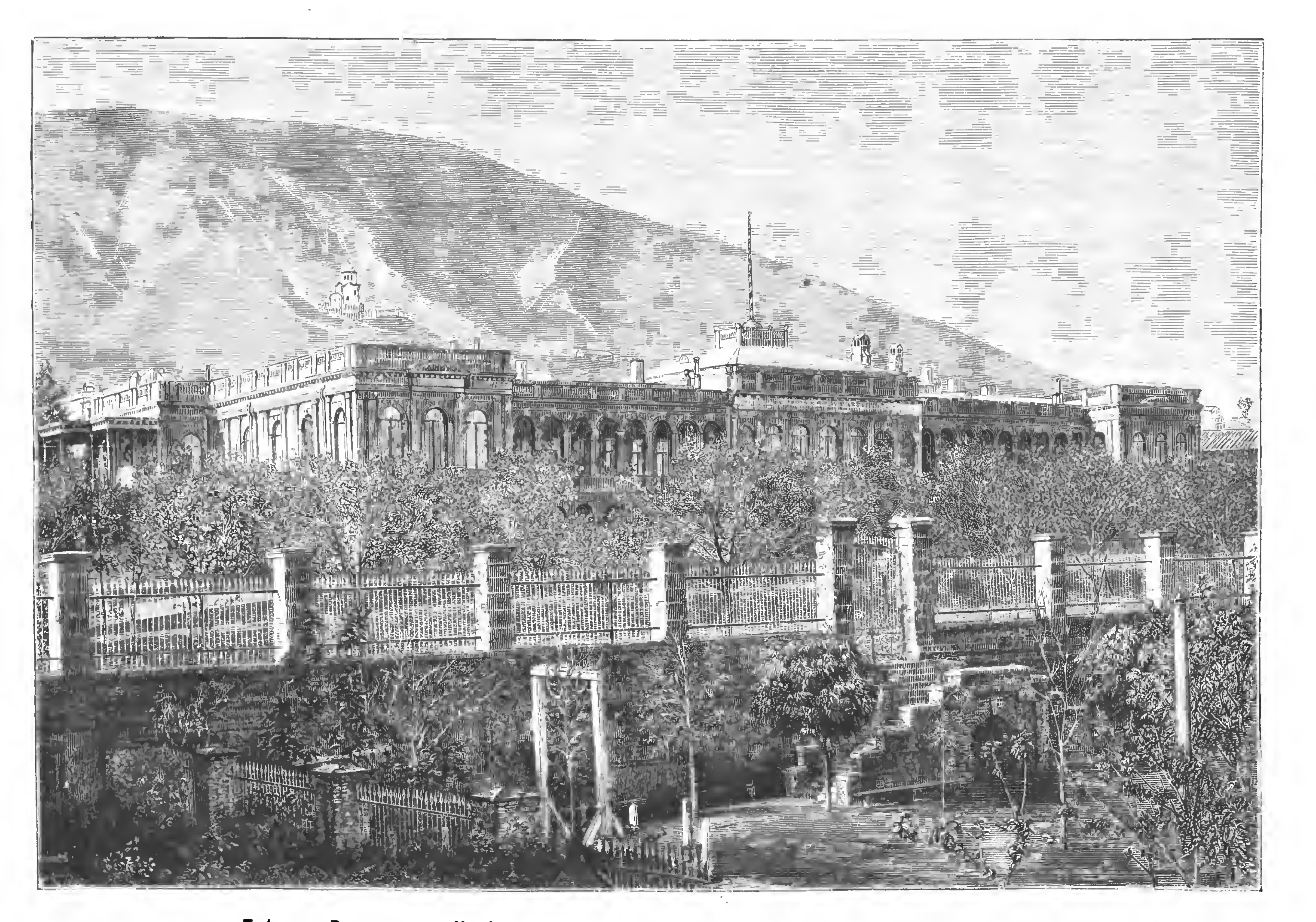
Онъ сталъ извиняться въ томъ, что потревожилъ герцога, но объяснялъ свой визитъ необходимостью окончательно установить нѣкоторые пункты въ дѣлѣ, которое ихъ такъ занимаетъ.

Герцогъ разсыпался въ любезностяхъ и принялъ на себя добродушный видъ.

— Ахъ, Боже мой, говорилъ онъ,—да неужели вы до сихъ поръ не видите, что этотъ бракъ составляетъ мою мечту, мое самое горячее желаніе. Если у меня прежде и могли быть какія нибудь сомнѣнія, то теперь этихъ сомнѣній не можетъ быть съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ удовольствіе, имѣлъ счастіе лично познакомиться съ императрицей и другими членами ея августѣйшаго семейства. Да и наконецъ помимо моихъ человѣческихъ чувствъ я хорошо знаю, что родственный союзъ съ Россіей нуженъ для Швеціи. Мнѣ кажется я уже ясно высказалъ все это какъ императрицѣ, такъ и вамъ, князь, и повторяю еще разъ только потому, что мнѣ кажется, будто вы не вполнѣ довѣряете моей искренности.

— О, ваше высочество, я вполнѣ довѣряю ей, иначе и быть не можетъ. Но согласитесь, не смотря на всеобщее наше желаніе устроить какъ можно скорѣе это дѣло, мы до сихъ поръ еще не рѣшили его окончательно. А между тѣмъ пора—вы сами знаете что пора. Ея величество не любитъ проволочекъ, она, какъ вамъ конечно и самимъ извѣстно, воплощеніе рѣшительности, энергіи. Она такъ все ясно видитъ и, разъ рѣшивъ вопросъ въ своемъ умѣ, любитъ тотчасъ же и приступить къ исполненію его на дѣлѣ. Вы могли убѣдиться въ искренности ея чувствъ и въ ея твердомъ желаніи способствовать всѣми мѣрами къ тому, чтобы Швеція считала себя совершенно удовлетворенной. До сихъ поръ ея величество не отказала вамъ ни въ одномъ вашемъ требованіи, она согласна принять на себя всѣ обязательства, которыя вы выставили. Такимъ образомъ остается только одинъ вопросъ, повидимому незначительный, но которому вы однако придаете первостепенное значеніе. Я говорю опять о томъ же, о чемъ говорилъ съ вашимъ высочествомъ въ послѣдній разъ—о вѣроисповѣданіи великой княжны и теперь мы должны окончательно рѣшить этотъ вопросъ. Съ нашей стороны тутъ не можетъ быть уступки, этому не было примѣра, великая княжна не можетъ и не должна отказаться отъ вѣроисповѣданія, въ которомъ родилась и въ которое крещена. Въ теченіи этой недѣли необходимо назначить обрученіе; но вѣдь вы хорошо знаете, что обрученіе можетъ быть только тогда, когда этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ въ окончательной формѣ. И такъ, ваше высочество, я жду вашего прямаго отвѣта для того, чтобы передать его моей государынѣ!

Тифлисъ. Новое зданіе Кавказскаго музея. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.



Тифлисъ. Видъ дворца Намѣстника изъ сада Кавказскаго музея. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Глаза герцога такъ и забѣгали. Онъ пожевалъ губами, поморгалъ глазами и наконецъ отвѣтилъ.

— Вы сейчасъ сказали, князь, что вопросъ незначительный и что это я его выставляю на первый планъ. Мнѣ кажется вы немного ошибаетесь. Если его кто выставляетъ на первый планъ—то это не я, а вы—на мой взглядъ онъ не болѣе какъ второстепенность. Вы хотите вписать этотъ вопросъ огненными буквами въ брачный контрактъ и въ этомъ-то заключается, какъ мнѣ кажется, ошибка. Если его нельзя обойти, то не слѣдовало бы выставлять его на первый планъ, тогда все обошлось бы безо всякой помѣхи. Никто въ Стокгольмѣ и не сталъ бы упрекать великую княжну за то, что она молится по обрядамъ своего вѣроисповѣданія, отъ нея имѣли бы только право требовать, чтобы она не относилась съ пренебреженіемъ къ нашимъ религіознымъ обрядамъ и обычаямъ. Конечно, она не стала бы этаго дѣлать и никакихъ недоразумѣній не могло бы произойти. Но вы непремѣнно желаете, чтобы прежде всего на вѣроисповѣданіе невѣсты—будущей королевы Швеціи, было исключительно обращено вниманіе какъ вашего, такъ и нашего народа. Такимъ образомъ мы сталкиваемся съ народными воззрѣніями...

— Иначе и быть не можетъ, перебилъ его Зубовъ,— если бы вы больше знали Россію, то убѣдились бы сами, что иначе быть не можетъ. Да и наконецъ, какъ изъ вашихъ же словъ оказывается, и шведскій народъ вовсе не индеферентенъ въ этомъ отношеніи. Однимъ словомъ, ваше высочество, разсуждать и спорить намъ тутъ нечего, нужно рѣшить—да или нѣтъ?!

Герцогъ развелъ руками.

— Все, что въ нашей власти, будетъ исполнено.

— А въ вашей власти—все! сказалъ Зубовъ. Это дѣло зависитъ отъ короля, а вы, его уважаемый дядя и регентъ, имѣете на него такое вліяніе!..

— О! вы въ этомъ очень и очень ошибаетесь, крикнулъ регентъ,—прежде, можетъ быть, я и имѣлъ на него вліяніе, когда онъ былъ ребенкомъ, теперь же онъ совсѣмъ отъ рукъ отбился. И мнѣ даже очень грустно, если императрица находится въ такомъ заблужденіи относительно моихъ отношеній къ племяннику. Если бы я имѣлъ больше на него вліянія, то намъ бы теперь не о чемъ было бы разсуждать, все было бы исполнено по желанію ея величества. А въ этомъ то и дѣло что тутъ не я, а онъ и отъ меня вовсе не все зависитъ, какъ вы говорите.

— Такъ постарайтесь, ваше высочество, и главное не теряйте времени, потому что въ нашемъ распоряженіи дня два, три—не больше. Неужели это дѣло, которое теперь такъ далеко уже подвинуто и въ необходимости котораго мы всѣ такъ увѣрены, не состоится?

— О, это было бы ужасно! съ паоосомъ воскликнулъ герцогъ.

— Да, это было бы ужасно! повторилъ Зубовъ,—поэтому то вы должны рѣшительно повліять на вашего племянника, если до сихъ поръ не сдѣлали этого. Вотъ вы говорили мнѣ, ваше высочество, о томъ впечатлѣніи, которое произвела на васъ императрица и ея семейство, я съ своей стороны могу вамъ засвидѣтельствовать, что впечатлѣніе это взаимно, что вы можете разсчитывать на искреннюю дружбу государыни, которую она никогда не откажется доказать вамъ самымъ очевиднымъ образомъ. Вамъ извѣстно, что я пользуюсь довѣріемъ государыни, она часто откровенно бесѣдуетъ со мной и то что я теперь говорю вамъ—не фразы, а вещь очень серьезная. Но позвольте мнѣ, ваше высочество, на мгновеніе отойти отъ интересующаго насъ вопроса, позвольте мнѣ не въ качествѣ лица оффиціальнаго, а въ качествѣ частнаго человѣка, искренно вамъ преданнаго, высказать нѣкоторыя мои соображенія?

— Ахъ, князь, я такъ радъ буду выслушать все что вы мнѣ скажете!.. Повѣрьте, я такъ цѣню и уважаю васъ! любезно говорилъ герцогъ Карлъ пожимая крѣпко Зубову руки.

Зубовъ едва сдержалъ презрительную усмѣшку; почти даже брезгливо отвѣчалъ на рукопожатіе герцога и заговорилъ довольно неумѣло, дѣлая ударенія на нѣкоторыхъ словахъ, но очевидно проникнутый сознаніемъ своей тонкости, своихъ дипломатическихъ способностей.

— Я возьму на себя смѣлость указать вашему высочеству, что настоящій вашъ пріѣздъ въ Петербургъ можетъ и для васъ лично доставить немало выгодъ въ виду тѣхъ отношеній, которыя установились между вами и государыней и которыя, надѣюсь, не будутъ нарушены. Мы живемъ въ тревожное время и вы знаете это лучше чѣмъ мы, потому что только Россія гарантирована отъ смутъ, происходящихъ почти во всей Европѣ. Швеція уже отчасти попала въ водоворотъ, вы испытали слѣдствія этого. Чувствуете ли вы, увѣрены ли вы что и впередъ не можетъ повториться то, что было? Да и наконецъ, я уже не стану говорить о политической безопасности, о политическихъ непріятностяхъ, которымъ вы можете подвергнуться. Увѣрены ли вы что у васъ не можетъ быть непріятностей другаго рода, какихъ нибудь столкновеній съ вашимъ племянникомъ?

Герцогъ широко раскрылъ свои глаза, но тотчасъ же почти совсѣмъ закрылъ ихъ и приготовился жадно ловить каждое слово Зубова.

Между тѣмъ Зубовъ остановился на нѣсколько мгновеній—онъ припоминалъ урокъ, данный ему Екатериной, припоминалъ все, что онъ долженъ былъ сказать герцогу чтобы окончательно заворожить его.

— Вотъ вы изволили упомянуть о томъ что молодой король началъ выходить изъ подъ вашего благотворнаго вліянія... вспомнивъ началъ онъ.

— Да, это правда, прошепталъ герцогъ.

— Слѣдовательно необходимо вамъ быть вполнѣ обезпеченнымъ отъ разнаго рода случайностей, отъ разныхъ недоразумѣній. Бракъ великой княжны съ королемъ представляетъ въ этомъ отношеніи уже значительныя гарантіи, ибо ея вліяніе на супруга всегда будетъ въ вашу пользу. Она, подобно своей августѣйшей бабкѣ и своимъ родителямъ, окажется вамъ самой преданной родственницей. Да, и наконецъ, я позволю себѣ говорить совсѣмъ откровенно, вслучаѣ какихъ нибудь временныхъ недоразумѣній вы всегда найдете здѣсь, въ Россіи, въ Петербургѣ, въ лицѣ государыни и ея семейства самыхъ преданныхъ друзей. Да и наконецъ вы можете сблизиться съ Россіей еще больше!

Зубовъ остановился и наблюдалъ за впечатлѣніемъ, которое произвели его послѣднія слова.

Герцогъ слушалъ его очень внимательно, наклонившись впередъ и то и дѣло моргая глазами, а при послѣднемъ словѣ даже привскочилъ на своемъ креслѣ.

— Какимъ образомъ? невольно проговорилъ онъ.

— Мнѣ кажется, конечно это только мое мнѣніе, протянулъ Зубовъ, мнѣ кажется, что титулъ вашего высочества нисколько не будетъ униженъ если къ нему будетъ прибавленъ титулъ великаго герцога Курляндскаго?!

Герцогъ Карлъ вторично привскочилъ на своемъ креслѣ.

Объ этомъ онъ еще не думалъ, этого онъ не ожидалъ, Зубовъ открывалъ ему новые горизонты.

Конечно онъ говоритъ неспроста. Такъ вотъ та награда, которая его ожидаетъ. Благопріятныя обстоятельства сами идутъ ему навстрѣчу. Вѣдь вотъ только что передъ пріѣздомъ Зубова онъ самъ все рѣшилъ и теперь оказывается что онъ правъ, болѣе чѣмъ правъ. Да развѣ онъ когда нибудь ошибается? Онъ такъ хитеръ, дальновиденъ, такъ уменъ!

Да, нужно устроить этотъ бракъ непремѣнно. Да, онъ уѣдетъ изъ Россіи вполнѣ успокоенный насчетъ будущаго.

— Ну, мой дорогой князь, проговорилъ онъ принимая равнодушный тонъ,—то что вы сейчасъ сказали—это фантазія, я объ этомъ никогда не думалъ. Перейдемте же къ нашему дѣлу. Передайте ея величеству что я не имѣю ни минуты покойной пока все благополучно не кончится. Я сегодня же переговорю съ племянникомъ и всѣ мѣры употреблю чтобы заставить его на все согласиться. Сегодня вечеромъ или, самое позднее, завтра утромъ я напишу вамъ. Да, въ теченіи этой недѣли необходимо обручить ихъ. Будьте спокойны, я увѣренъ что никакихъ новыхъ усложненій и недоразумѣній уже не будетъ.

Онъ говорилъ теперь такимъ увѣреннымъ, рѣшительнымъ тономъ. И даже не подозрѣвалъ этотъ хитрый, дальновидный человѣкъ что съ головою выдаетъ себя Зубову.

Въ началѣ разговора оказывалось что онъ ничего не можетъ, что все зависитъ отъ короля, а король вышелъ изъ подъ его вліянія, теперь же онъ увѣрялъ что никакихъ недоразумѣній больше не будетъ.

Еслибы Зубовъ былъ поумнѣе и повнимательнѣе онъ бы потомъ могъ вспомнить эту внезапную перемѣну, всѣ подробности этого разговора; но онъ ни о чемъ не задумывался, онъ спѣшилъ только теперь извѣстить государыню, что дѣло улажено, что магическія слова возъимѣли свое дѣйствіе.

Онъ простился съ герцогомъ и помчался въ Таврическій дворецъ, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждала его Екатерина.

XXVI.

Опасный соперникъ.

Зубовъ такъ спѣшилъ, что даже не замѣтилъ, отъѣзжая, какъ съ нимъ повстрѣчалась карета, изъ которой на него выглянуло хорошо знакомое ему лицо и тотчасъ же скрылось, очевидно не желая быть имъ замѣченнымъ.

Карета остановилась у подъѣзда шведскаго посольства и черезъ минуту герцогу Карлу докладывали объ англійскомъ посланникѣ лордѣ Чарльзѣ Витвортѣ.

Герцогъ поморщился.

„Чего ему отъ меня нужно? Почти каждый день сталъ являться... и главное мнѣ-то онъ ужь совсѣмъ теперь не нуженъ... Все рѣшено и отступать отъ рѣшеннаго было бы глупо.“

А между тѣмъ не принять лорда было неловко. Витвортъ пользовался въ Петербургѣ большимъ почетомъ. Онъ былъ принятъ при дворѣ самымъ лучшимъ образомъ, успѣлъ обворожить всю петербургскую знать, находился съ Зубовымъ въ дружескихъ отношеніяхъ, угождалъ ему когда было нужно.

Витвортъ пользовался давно установившейся репутаціей очень ловкаго дипломата и до сихъ поръ всегда отлично устраивалъ свои дѣла.

По пріѣздѣ молодаго шведскаго короля и регента въ Петербургъ, онъ, еще прежде знавшій герцога Карла, тотчасъ же явился, успѣлъ оказать шведамъ нѣсколько пріятныхъ услугъ, да и самъ герцогъ Карлъ счелъ необходимымъ обласкать его, такъ какъ съ Англіей все же необходимо было поддерживать добрыя отношенія, въ особенности вслучаѣ непріятнаго оборота дѣла съ Россіей. Теперь герцогъ Карлъ полагалъ, что обстоятельства измѣнились, но, не смотря на свое нерасположеніе, онъ все же счелъ необходимымъ немедленно принять посланника.

Онъ встрѣтилъ англичанина совсѣмъ не въ такомъ настроеніи духа въ какомъ встрѣчалъ передъ тѣмъ Зубова. Теперь маленькій герцогъ былъ оживленъ, сіялъ удовольствіемъ, глазки его то и дѣло самодовольно и лукаво щурились.

— Очень радъ, любезный лордъ, видѣть васъ. Что новаго?.. Не сообщите ли мнѣ какое нибудь интересное извѣстіе? Садитесь пожалуста... вотъ сюда, тутъ вамъ будетъ удобнѣе.

Онъ указалъ ему на покойное кресло.

Лордъ Витвортъ былъ человѣкъ еще далеко не старый, прекрасно сохранившійся, имѣвшій всегда такой видъ какъ будто бы онъ только что вышелъ изъ холодной ванны. Отъ него дышало свѣжестью, здоровьемъ. Сухое, мало подвижное лицо его было всегда розоваго цвѣта, свѣтлые глаза ясно и холодно блестѣли, губы были сложены въ неопредѣленную легкую улыбку. Движенія его были плавны, медленны и только иногда казалось, что онъ чувствуетъ какъ будто нѣкоторое затрудненіе сгибать руки и ноги и поворачивать туловище. Впрочемъ въ немъ не было никакой угловатости и рѣзкости, вообще онъ производилъ пріятное впечатлѣніе и нравился многимъ женщинамъ.

Лордъ опустился въ указанное ему кресло, подогнулъ одну ногу, принялъ свою обычную позу, которой никогда не измѣнялъ и откинувъ голову въ сторону и съ улыбкой глядя на герцога проговорилъ нѣсколько густымъ, хотя звучнымъ голосомъ.

— О, ваше высочество, какія же у меня новости! Я къ вамъ явился за новостями, такъ какъ теперь всѣ здѣшнія новости сосредоточены въ рукахъ вашихъ. Не сообщите-ли мнѣ что нибудь? Какъ идутъ дѣла, улаживаются ли недоразумѣнія, о которыхъ вы изволили говорить мнѣ въ послѣдній разъ?

Герцогъ рѣшилъ, что скрываться ему особенно нечего, да и потомъ захотѣлъ посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведутъ слова его на англичанина.

— Конечно каждый день приближаетъ насъ къ окончательной развязкѣ, сказалъ онъ.

— Благополучной? процѣдилъ Витвортъ.

— Надѣюсь. Вѣдь если мы сюда пріѣхали, то разумѣется не съ цѣлью уѣхать, не рѣшивъ въ утвердительномъ смыслѣ того, зачѣмъ пріѣхали. Эта поѣздка была сопряжена съ большими затрудненіями—мы ихъ преодолѣли. Затрудненія встрѣтились и здѣсь—и ихъ преодолѣть необходимо... необходимо рѣшиться на нѣкоторыя уступки... Какое же дѣло можетъ устроиться безъ взаимныхъ уступокъ!

— Но судя по словамъ вашимъ, замѣтилъ Витвортъ, я полагалъ, что вопросъ о вѣроисповѣданіи будущей королевы шведской не такая уступка, на которую легко рѣшиться. Это дѣйствительно вопросъ первой важности: такое или иное рѣшеніе его можетъ повести къ значительнымъ послѣдствіямъ. Я полагалъ, что во всякомъ случаѣ придется уступить императрицѣ, а между тѣмъ не далѣе какъ вчера еще князь Зубовъ говорилъ мнѣ, что въ этомъ смыслѣ съ русской стороны уступокъ быть не можетъ. Такъ неужели вы рѣшились, ваше высочество?.. Это крайне важно и интересно.

— Приходится рѣшиться, сказалъ герцогъ пожимая плечами.

— И Зубовъ уже получилъ вашъ окончательный отвѣтъ? на мгновеніе оживившись, но тотчасъ же снова и застывая, спросилъ англичанинъ.

— То есть... вѣдь это же не отъ меня одного зависитъ. Рѣшить долженъ король... я обѣщалъ Зубову... я постараюсь... Тянуть съ этимъ дольше нельзя, такъ какъ дня черезъ три, четыре должно совершиться обрученіе.

И говоря это герцогъ думалъ:

— А, любезный другъ, тебя все это сильно затрогиваетъ за живое! И понимаю я какъ тебѣ должно быть это непріятно. Но все твое краснорѣчіе пропадетъ даромъ—вѣдь изъ за того, что Швеція породнится съ Россіей не можетъ же Англія объявить намъ войну!

Витвортъ нѣсколько мгновеній сидѣлъ въ задумчивости. Но вотъ глаза его засвѣтились, на губахъ показалась и исчезла улыбка. Онъ успѣлъ въ нѣсколько свиданій и разговоровъ хорошо разглядѣть герцога Карла, онъ видѣлъ что съ этимъ человѣкомъ нечего особенно церемониться. Онъ понялъ, что регентъ съ удовольстві-

емъ продастъ и Швецію и своего племянника тому, кто больше за это предложитъ. Онъ рѣшился нецеремониться и говорить прямо.

„Съ этимъ человѣкомъ незачѣмъ даже хитрить, съ нимъ не нужно быть умнымъ!“ презрительно подумалъ онъ.

А въ то же время лицо его выражало добродушную любезность.

— Я отъ души желаю, сказалъ онъ, чтобы всѣ ваши начинанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ, чтобы важныя уступки, на которыя вы теперь рѣшились, оказались дѣйствительно полезными, но откровенно говоря я не могу избавиться отъ чувства нѣкотораго недовѣрія къ тому, что эта уступка такъ неизбѣжна.

— Помилуйте, отвѣчалъ герцогъ, я сдѣлалъ все, что могъ, но теперь наконецъ вижу, что уступить необходимо, потому что въ противномъ случаѣ бракъ не можетъ состояться. А если мы уѣдемъ не устроивъ этого дѣла, то намъ грозитъ разрывъ съ Россіей.

— Врядъ ли! Императрица очень осмотрительна и теперь ей крайне невыгодно начинать военныя дѣйствія съ кѣмъ бы то ни было изъ западныхъ сосѣдей — ея взоры устремлены на востокъ. Она упорно мечтаетъ объ Азіи. Я понимаю, что лично вамъ, ваше высочество, не слѣдуетъ ссориться съ здѣшнимъ дворомъ, но вѣдь вы не отвѣчаете за короля—онъ накануне совершеннолѣтія. Вы сами сейчасъ сказали, что можете только просить его, а дѣло отъ него зависитъ,—представьте себѣ такой случай, что не смотря на всѣ ваши увѣщанія король не согласится на уступку и дѣло разстроится.

— Нѣтъ, я не могу допустить этого, даже съ нѣкоторымъ испугомъ проговорилъ герцогъ. Если бы такъ случилось, меня во всемъ бы обвинили и все обрушилось бы на меня. Мое положеніе вообще очень затруднительно, мое будущее не обезпечено и, прямо говорю вамъ, я долженъ заручиться дружбой императрицы, къ которой со своей стороны питаю большое уваженіе.

— Благодарю васъ, что вы такъ откровенно говорите со мною, сказалъ англичанинъ, благодарю васъ за довѣріе—оно и мнѣ даетъ возможность прямо высказать мои мысли.

Витвортъ, истый дипломатъ, слѣдовалъ по пути Зубова. Человѣкъ дальнозоркій и человѣкъ легкомысленный оба увидѣли, что къ герцогу Карлу нѣтъ другаго пути.

— Я понимаю, говорилъ Витвортъ, что положеніе вашего высочества заставляетъ васъ думать о будущемъ, но какія же гарантіи можетъ вамъ представить Россія? Какія гарантіи!

Онъ отлично зналъ—какія, потому что не далѣе какъ вчера вечеромъ, въ дружеской бесѣдѣ, Зубовъ проговорился ему, что намѣренъ плѣнить регента обѣщаніемъ великаго герцогства Курляндскаго. Онъ отлично понялъ, что объ этомъ именно былъ передъ этимъ разговоръ между регентомъ и Зубовымъ, а сіяющее лицо Зубова, спѣшившаго изъ шведскаго посольства въ Таврическій дворецъ, сказало ему, что обѣщаніе произвело надлежащее дѣйствіе.

— Какія гарантіи? повторилъ онъ. О, ваше высочество, я знаю здѣшнихъ людей лучше чѣмъ вы, я къ нимъ присмотрѣлся. Здѣсь имѣютъ обычай обѣщать что угодно, но очень скоро забываютъ свои обѣщанія, повѣрьте—надежно только то, что въ рукахъ. Разберемте дѣло: я надѣюсь, что вамъ никогда не придется лично для себя прибѣгнуть къ помощи Россіи, но еслибы такое несчастіе случилось, что вы здѣсь найдете? Я говорю прямо—вы очутитесь въ фальшивомъ положеніи и слишкомъ поздно убѣдитесь, что значатъ здѣшнія обѣщанія. Да и наконецъ хоть императрица и крѣпка еще, но все таки годы ея не малые, мало ли что можетъ случиться; вдругъ ея не станетъ—что тогда?.. ужъ тогда ничего не останется отъ ея обѣщаній.

Слова англичанина начинали дѣйствовать на герцога Карла. Онъ почувствовалъ нѣкоторое безпокойство.

„А вѣдь онъ правъ! Только то вѣрно, что въ рукахъ и гарантировать себя будетъ очень трудно!“

Мысль о возможности скорой кончины императрицы до сихъ поръ не приходила герцогу въ голову, теперь Витвортъ навелъ его на эту мысль и передъ нимъ предсталъ образъ Павла.

Павелъ предупредителенъ съ нимъ и любезенъ, онъ повидимому ничего не имѣетъ противъ этаго брака. Великая княгиня не менѣе императрицы желаетъ этого брака, но вѣдь Павелъ—какъ говорятъ всѣ здѣсь—измѣнчивъ, очень трудно предугадать заранѣе какъ поступитъ онъ въ томъ или въ другомъ случаѣ... Только вѣдь другаго пути все же нѣтъ... Если не увѣренность, то здѣсь по крайней мѣрѣ все же остается надежда... а больше надежды, больше увѣренности вѣдь не дастъ никто... не дастъ и этотъ Витвортъ.

Между тѣмъ англичанинъ понялъ его мысль и отвѣчалъ:

— Повѣрьте, ваше высочтство, что не одинъ русскій дворъ искренно расположенъ къ вамъ лично, не одинъ русскій дворъ желаетъ представить вамъ доказательство этого. Я могу вамъ сказать одно: разсчитывайте на Англію. Если не смотря на ваше желаніе и на ваши усилія король вдругъ оказался бы неуступчивымъ и дѣло о бракѣ разстроилось бы, вы можете разсчитывать, что Англія не останется безучастной. Въ виду возможнаго недоразумѣнія между Россіей и Швеціей, въ виду личнаго затрудненія вашего высочества, вы можете тотчасъ же получить отъ насъ поддержку.

— Поддержку! Какую же? наивно спросилъ герцогъ.

— Англія можетъ поддерживать своихъ друзей только деньгами. Видите, я говорю прямо, если паче чаянія брачный контрактъ не будетъ заключенъ и обрученіе короля съ великой княжной не состоится, въ тотъ же часъ ваше высочество можете получить черезъ меня значительную сумму, которая находится въ моемъ распоряженіи. Размѣръ ея вы сами опредѣлите—слава Богу наши фонды въ исправности и за лишній милліонъ мы не постоимъ, чтобы доказать вамъ наше истинное расположеніе и участіе, чтобы облегчить вамъ затрудненія, которыя могли бы возникнуть у васъ съ Россіей.

Герцогъ Карлъ сидѣлъ совсѣмъ растерянный, въ немъ заговорила вся его природная жадность. Онъ не ожидалъ этого предложенія: оно было черезчуръ соблазнительно. То, что за часъ до этого, во время разговора съ Зубовымъ казалось ему величайшимъ для него благополучіемъ, то теперь уже являлось въ нѣсколько иномъ свѣтѣ.

Тамъ обѣщанія, положимъ и заманчивыя обѣщанія, а здѣсь—прямо деньги въ руки и большія деньги!

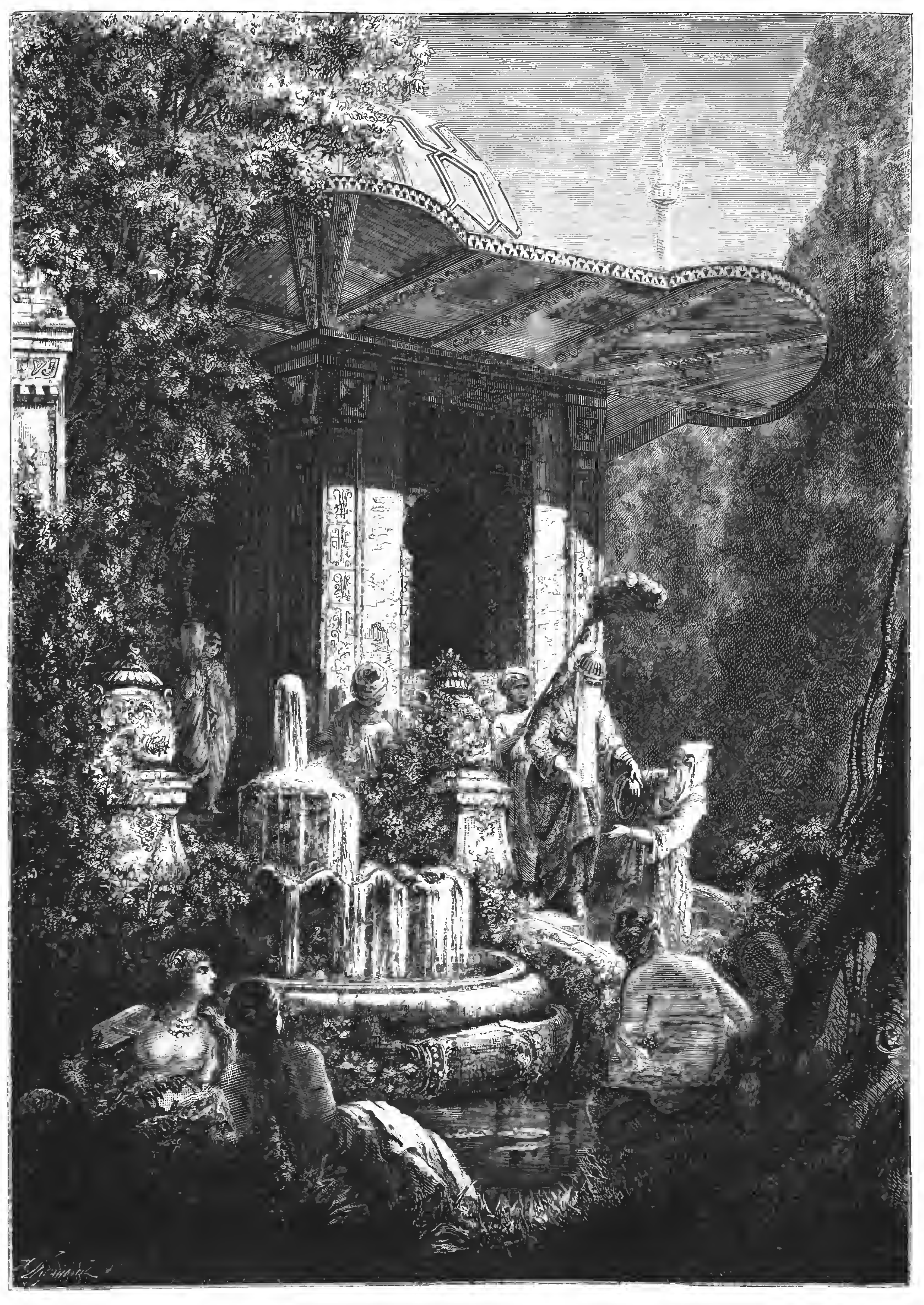
Деньги ему очень нужны. Онъ собралъ ихъ достаточно, но вѣдь вотъ представляется возможность можетъ быть почти удвоить свой капиталъ. Вѣдь это успокоеніе отъ всѣхъ заботъ и тревогъ! Пусть совершится самое худшее, пусть онъ совсѣмъ разойдется съ племянникомъ и долженъ будетъ покинуть Швецію—деньги въ карманѣ. Европа велика, гдѣ угодно найдется прекрасный уголокъ... можно будетъ прожить въ свое удовольствіе.

Но все же эта картина мирной жизни его не удовлетворяла, у него была другая еще страсть—честолюбіе. Онъ уже привыкъ къ власти, къ значенію. Англія ничего этого не можетъ дать ему.

— Ваше доброе, дружеское предложеніе меня сердечно трогаетъ, проговорилъ онъ. Я всегда питалъ и питаю глубокія симпатіи къ вашему королю и правительству. Но разрывъ съ Россіей!.. Мысль о томъ, что мои личныя отношенія къ императрицѣ и ея семейству будутъ навсегда испорчены—тяжела мнѣ.

„Разсчиталъ и взвѣсилъ, подумалъ Витвортъ, и обѣщанія Зубова все же перетягиваютъ!“

— Я рѣшительно не могу понять, сказалъ онъ, чего вы опасаетесь, ваше высочество. Я понимаю, что ваши



Литературный альбомъ. „Бахчисарайскій фонтанъ“. Поэма А. С. Пушкина.
Ориг. рис. Штейна, грав. Ю. Барановскій.

личныя отношенія къ здѣшнему двору могли бы испортиться, если бы вы высказались противъ брака, если бы вы убѣждали вашего племянника быть неуступчивымъ—но вѣдь тутъ совсѣмъ на оборотъ: вы желаете этого брака, вы его уговариваете, вы дѣлаете все, что отъ васъ зависитъ и если ваши совѣты, убѣжденія, настоянія не дѣйствуютъ на молодаго короля, кто же можетъ васъ обвинять въ этомъ?

— А между тѣмъ обвинятъ, обвинятъ непремѣнно!

— Да, обвинятъ, если заподозрятъ неискренность съ вашей стороны—но вѣдь отъ васъ зависитъ, чтобы этого не заподозрили. Молодой король произвелъ здѣсь въ Петербургѣ сразу сильное впечатлѣніе. Съ перваго же дня я всюду слышалъ неисчерпаемыя похвалы ему. Начиная съ императрицы онъ представлялся всѣмъ безъ исключенія чудомъ совершенства человѣческаго—теперь въ эти послѣдніе дни его восхваляютъ все также, но между тѣмъ среди этого восхваленія я подмѣчаю новыя ноты. Его совершенства оказываются относительными, у него уже находятъ недостатки: онъ своенравенъ. упрямъ... „Своенравенъ и упрямъ" это слова императрицы. Вчера Зубовъ прямо сказалъ мнѣ, что онъ боится его своенравія и упрямства. Видите, они сами находятъ это, такъ чѣмъ же вы будете виноваты, если опасенія ихъ оправдаются?

Герцогъ Карлъ не могъ усидѣть на своемъ креслѣ. Онъ вскочилъ и нѣсколько разъ нервно прошелся по комнатѣ. Витвортъ открывалъ ему новые горизонты.

Вѣдь онъ уменъ, этотъ англичанинъ, и онъ опять правъ, онъ понимаетъ дѣло. Нужно только осмотрительно дѣйствовать и можно одновременно получить и англійскія деньги и сохранить русское расположеніе. Да, обо всемъ этомъ надо хорошенько подумать.

Герцогъ ощутилъ въ себѣ вдругъ большой приливъ энергіи; онъ не думалъ, что такъ сложатся обстоятельства. Онъ находился все время въ удрученномъ состояніи духа и вотъ въ одинъ часъ какой нибудь все измѣнилось.

Да, Витвортъ открываетъ новые горизонты!

— Тяжелые дни, жалобно заговорилъ онъ, просто страшно и подумать о томъ, какъ придется вывернуться изъ всѣхъ этихъ затрудненій. И вся отвѣтственность на меня падаетъ а я, говоря откровенно, болѣе чѣмъ когда либо неувѣренъ въ племянникѣ. Ужь если здѣсь эти слѣпые люди подмѣтили въ немъ упрямство и своенравіе, то что же мнѣ то сказать! Я знаю его со дня его рожденья, я слѣдилъ за нимъ. Вы думаете, мало усилій употребилъ я для того, чтобы воспитать его какъ слѣдуетъ, но есть натуры, съ которыми никакое воспитаніе ничего не сдѣлаетъ. По дружбѣ скажу вамъ откровенно: мой племянникъ приводитъ меня въ отчаяніе. я ни въ чемъ не могу на него положиться... И вотъ я говорилъ вамъ, что надѣюсь на устройство нашего дѣла, а вѣдь въ сущности я самъ себя обманываю—я ни на что не надѣюсь. Я буду хлопотать, но состоится ли обрученіе или нѣтъ—Богъ знаетъ, дня черезъ три-четыре вы увидите это.

— Если не состоится, то я прошу только ваше высочество не забывать того, что я сказалъ вамъ. Мы горячо примемъ къ сердцу эту вашу непріятность.

— Еще разъ благодарю васъ! проговорилъ герцогъ, протягивая руку Витворту.

Тотъ всталъ такой же свѣжій, розовый, съ блестящими глазами, съ неопредѣленной улыбкой и, откланявшись герцогу, вышелъ изъ его кабинета своей мѣрной тихой походкой.

Оставшись на единѣ съ самимъ собою Карлъ Зюдерманландскій опять превратился въ обезьяну, какъ-то нелѣпо подпрыгнулъ, заметался неровными шагами по комнатѣ, потирая себѣ руки. Глаза его моргали, ротъ кривился.

Нѣтъ, это непремѣнно нужно будетъ устроить, это неожиданный и лучшій выходъ. И отчего же не устроить? О, я проведу ихъ всѣхъ, начиная съ этой прославленной, мудрой императрицы! Меня никто не называетъ ни мудрымъ, ни великимъ, но дѣло не въ названіи... О, я оберну ихъ всѣхъ вокругъ пальца!

И онъ опять съ удовольствіемъ потеръ себѣ руки. Онъ былъ очень доволенъ собою.

(До слѣд. №).

Месть Сипая.

Разсказъ.

Сэръ Ричардъ Паульсонъ, принадлежащій къ одной изъ самыхъ знатныхъ англійскихъ фамилій, вскорѣ послѣ усмиренія сипаевъ посѣтилъ Остъиндію и пробылъ нѣсколько недѣль въ Калькуттѣ у своего друга полковника Гамильтона. Погода ему казалась такою жаркою, что онъ рѣшался выходить изъ дома только вечеромъ и тогда, покуривая сигару, онъ бродилъ по улицамъ, задумчиво разглядывая темныхъ туземцевъ, которые казалось вовсе не ощущали дѣйствія солнечныхъ лучей.

Въ одинъ изъ вечеровъ онъ пришелъ въ мѣстечко Байхъ, лежащее въ трехъ англійскихъ миляхъ отъ Калькутты и гдѣ большею частью живутъ европейцы. Вниманіе его вдругъ было привлечено двумя женщинами, показывавшими фокусы. Одна изъ нихъ была стара, а другая молода и необыкновенно красива. Ея черные глаза, роскошные волосы, прелестное личико и совершенныя формы поразили бы всякаго художника. Сэръ Ричардъ остановился и сталъ смотрѣть фокусы, состоявшіе большею частью въ бросаніи колецъ и шаровъ, при чемъ изъ первыхъ составлялись различныя фигуры, между тѣмъ какъ послѣдніе то появлялись, то исчезали; незнакомый съ индійскими фокусами сэръ Ричардъ находилъ это непостижимымъ.

Замѣтя его удивленіе, молодая дѣвушка подошла къ нему и протянула руку, прося денегъ. Онъ положилъ очень крупную золотую монету, такъ что дѣвушка поблагодарила его самымъ изысканнымъ восточнымъ жестомъ. Сэръ Ричардъ былъ въ восторгѣ не только отъ красоты дѣвушки, но также и отъ ея обращенія, а потому началъ съ нею разговаривать; но хотя ей и было это повидимому пріятно, она тѣмъ не менѣе не понимала ни слова. Между тѣмъ стоя около черноглазой красавицы сэръ Ричардъ услышалъ звукъ похожій на шипѣніе змѣи, обернувшись онъ увидѣлъ свирѣпаго вида сипая, подкрадывавшагося къ нему съ ножемъ.

— Что тебѣ надо? спросилъ сэръ Ричардъ, невольно подавшись назадъ.

Сипай проговорилъ что-то на своемъ языкѣ и подступилъ къ англичанину съ сверкающими глазами. Повидимому это былъ мужъ молодой женщины, красота которой такъ поразила англичанина и обуреваемый ревностью онъ намѣревался зарѣзать его.

Сэръ Ричардъ, кромѣ палки не имѣлъ при себѣ другаго оружія, но онъ былъ ловкій боксеръ, а потому замахнувшись палкой онъ такъ ударилъ по рукѣ Сипая, что ножъ у того отлетѣлъ на далекое разстояніе, вдобавокъ онъ ударилъ его еще разъ самаго, такъ что сипай принужденъ былъ убѣжать.

Взволнованный направился сэръ Ричардъ домой, при чемъ замѣтилъ, что обѣ женщины тоже убѣжали.

Когда онъ разсказалъ полковнику Гамильтону свое приключеніе, тотъ разсмѣялся и прибавилъ: берегитесь однако этаго сипая; онъ можетъ изъ-за угла всадить вамъ въ сердце ножъ; онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не отомститъ вамъ.

— Пусть только попробуетъ! отвѣтилъ сэръ Ричардъ. Отъ сегодняшняго дня я стану носить свой револьверъ и сожалѣю очень, что его не было нынче со мною, я бы угостилъ его.

— Это злыя собаки; мы это испытали въ только что оконченной войнѣ.

Этимъ разговоръ окончился. На другой день вечеромъ оба товарища вышли вмѣстѣ погулять. Къ нимъ подошелъ индѣецъ въ европейскомъ костюмѣ и низко поклонился.

— Хочетъ ли англійскій господинъ быть добрымъ и дать мнѣ свою карточку? сказалъ онъ ломанымъ англійскимъ языкомъ сэру Ричарду.

Слѣдуя первому побужденію тотъ подалъ ему карточку. Что вамъ угодно? послѣдовалъ затѣмъ вопросъ англичанина, кто вы? дайте мнѣ свою!

Но вопрошаемый еще разъ низко поклонился и вскорѣ исчезъ въ толпѣ.

— Непонятный поступокъ, сказалъ удивленный англичанинъ. Что нужно было этому человѣку?

— Гмъ, я думаю, что вчерашній Сипай рѣшился мстить вамъ и сдѣлалъ уже къ этому первый шагъ, запасшись вашимъ адресомъ. Онъ что нибудь да замышляетъ.

Случай этотъ такъ разсердилъ сэра Ричарда, что онъ возна-

мѣрился сократить время своего пребыванія въ Индіи, и спустя нѣсколько дней отплылъ въ Англію.

Не имѣя причины опасаться чего-бы то ни было на родинѣ, современемъ воспоминаніе о случаѣ въ Остъ-Индіи совершенно изгладилось изъ памяти сэра Ричарда, а если иногда онъ и вспоминалъ объ немъ, то все-же не безъ нѣкотораго ужаса.

Однажды возвратившись домой онъ узналъ что ему принесли посылку въ видѣ ящика прекрасной работы. Адресъ былъ написанъ настоящими индѣйскими чернилами, тутъ-же былъ припечатанъ странный ключъ и написано приглашеніе дружески принять присланное.

Удивленный посылкою отъ неизвѣстнаго друга, сэръ Ричардъ повернулъ ключъ, замокъ подался и вмигъ крышка высоко отскочила на пружинѣ.

Но, о ужасъ! Одновременно съ крышкой поднялась плоская голова гигантской змѣи и толстая гладкая шея вытянулась ранѣе чѣмъ онъ успѣлъ снова захлопнуть крышку.

Не сознавая самъ, въ первую минуту замѣшательства, что онъ дѣлаетъ, обѣими руками онъ схватилъ шею змѣи, которая между тѣмъ продолжала ползти изъ сундука пока наконецъ на полу не вытянулась въ пятнадцать футовъ длины.

Сэръ Ричардъ былъ очень силенъ, и держалъ шею чудовища—настоящаго удава—въ желѣзныхъ тискахъ. Но онъ не могъ помѣшать змѣѣ обернуться вокругъ его ногъ и сжимать ихъ съ возрастающей силой. Но пока еще на его сторонѣ было преимущество, и если только у него хватитъ силъ, онъ выйдетъ побѣдителемъ изъ этой ужасной борьбы. Однако онъ боялся что нижнія его конечности будутъ изломаны и измяты удавомъ.

Онъ все продолжалъ сжимать шею змѣи, которая вдругъ развернулась и своимъ длиннымъ тѣломъ стала швырять и бить все находящееся въ комнатѣ, мебель, зеркала и прочее, а потомъ снова обвилась вокругъ ногъ сэра Ричарда и отъ боли онъ чуть не лишился чувствъ.

Съ большимъ и большимъ напряженіемъ мускуловъ онъ давилъ шею змѣи, такъ что наконецъ подъ пальцами онъ началъ чувствовать шейные позвонки. При этомъ онъ ни на минуту не отводилъ глазъ отъ блестящихъ и угрожающихъ глазъ удава.

Змѣя также какъ и человѣкъ не можетъ жить безъ процесса дыханія, а потому удушеніе начинало дѣйствовать. Усилія змѣи ослабли, повороты ея замедлились и наконецъ она осталась безъ движенія. Сэръ Ричардъ разжалъ пальцы и шатаясь, вышелъ изъ комнаты.

По истеченіи получаса онъ вернулся съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей пожелавшихъ увидѣть это странное зрѣлище. Осторожно, вооруженные револьверами они открыли дверь. Большимъ кольцомъ лежала змѣя на коврѣ безъ движенія. Она была мертва. Измѣривъ змѣю оказалось, что она немногимъ была меньше пятнадцати футовъ. Одинъ изъ товарищей хозяина, свѣдущій въ естественныхъ наукахъ, объяснилъ, что судя по свирѣпости животное должно было находиться долгое время безъ пищи. Въ сундукѣ было найдено много маленькихъ отверстій для притока воздуха.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ сэръ Ричардъ узналъ, что какой-то индѣецъ пріѣхалъ въ Англію на купеческомъ суднѣ съ подобнымъ сундукомъ. Въ Лондонѣ индѣйцу было не трудно узнать адресъ сэра Ричарда и какъ узнали впослѣдствіи индѣецъ самъ принесъ сундукъ.

Не могло быть болѣе сомнѣнія, что это тотъ сипай, который смертельно былъ оскорбленъ англійскимъ аристократомъ и который избралъ странный способъ мести.

Сэръ Ричардъ изъ змѣи велѣлъ сдѣлать чучело въ воспоминаніе своего остъ-индскаго приключенія и покушенія на его жизнь, о которомъ онъ и не помышлялъ.

О своемъ врагѣ онъ ничего съ тѣхъ поръ болѣе не слышалъ. Нужно предполагать,что о тотъ снова вернулся на родину, будучи увѣренъ въ неминуемой смерти сэра Ричарда или-же опасаясь преслѣдованій англійской полиціи.

Русскій театръ въ XVII вѣкѣ.

Историческій очеркъ **С. Свѣтлова.**

Театральныя зрѣлища на Руси начинаются при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1673 году, со времени прибытія въ Москву первой труппы нѣмецкихъ актеровъ. Впрочемъ нѣкоторые историки русскаго театра утверждаютъ, что бояре давали любительскіе спектакли и ранѣе 1673 г. Въ подтвержденіе приводятъ слѣдующіе факты: 25 января 1671 г. въ кремлевской палатѣ была поставлена и исполнена *боярами „Баба-яга костяная нога“*, комедь съ плясками, пѣснями и хороводами. Затѣмъ, въ іюнѣ того же года, была поставлена комедь *„Туръ съ пѣснями, плясками козацкими, уральскими, польскими танцами и игрищами разны“*, а въ іюлѣ—комедія *„Праздникъ Лада“*.

Однако достовѣрныя, такъ сказать документальныя или оффиціальныя извѣстія о русскомъ театрѣ, имѣются только съ 1673 года, когда Готфридъ Яганъ прибылъ въ Москву съ небольшой труппой нѣмецкихъ кочующихъ актеровъ *); а слѣдовательно и начало театральныхъ представленій въ Россіи слѣдуетъ считать съ названнаго года.

Подобно всѣмъ иностранцамъ, попадавшимъ въ то время въ столицу Руси, Яганъ поспѣшилъ представиться просвѣщеннѣйшему русскому человѣку второй половины XVII в., боярину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, и предложилъ ему свои услуги для увеселенія и развлеченія царя. Матвѣевъ, сочувственно относившійся къ западу и его цивилизаціи, принялъ въ заѣзжемъ иноземномъ артистѣ участіе и не замедлилъ передать предложеніе Ягана царю. Разрѣшеніе послѣдовало, и 21 октября, въ то время какъ царь ужиналъ со своими придворными въ потѣшныхъ хоромахъ, нѣмецкій оркестръ, состоявшій изъ трубъ, литавръ и органа, впервые выступилъ передъ русской публикой. Царь остался нѣмцами очень доволенъ и разрѣшилъ имъ приходить по праздникамъ во дворецъ и увеселять дворъ музыкою.

Но Яганъ не удовольствовался этими придворными концертами и обратился съ просьбою о разрѣшеніи устроить ему „родіши“, чтобы публично „изобразить комедь въ лицедѣйствіяхъ“. Царю Алексѣю Михайловичу предложеніе Ягана пришлось по душѣ; тѣмъ не менѣе онъ колебался изъявить свое согласіе, такъ какъ боялся нарушить постановленія церкви, смотрѣвшей на разнаго рода игрища, а тѣмъ болѣе чужеземныя, отнюдь не благосклонно.

Не зная на что рѣшиться, царь приказалъ своему толмачу, Водонійцѣ, распросить нѣмцевъ о характерѣ ихъ представленій, и когда узналъ, что нѣмецкія лицедѣйства ничего предосудительнаго и противу-религіознаго въ себѣ не заключаютъ, обратился за совѣтомъ къ духовнику. Послѣдній, выслушавъ царя, сказалъ:

„Если бы таковыя позорища были богомерзки и нравамъ вредны весьма, то христолюбивые государи иныхъ земель и у себя бы ихъ не дозволяли. Но всякое веселіе и пляска дозволительны въ дни воскресные, и примѣры есть, что и при вѣчно-блаженныя памяти императорахъ Палеологахъ таковыя игрища церковію возбраняемы не были и въ потѣху свѣтлыхъ очей царственныхъ въ царьградскихъ палатахъ исполнялися“.

Заручившись такимъ одобреніемъ духовнаго лица, царь разрѣшилъ Ягану дать первое представленіе въ с. Преображенскомъ. На этомъ спектаклѣ, состоявшемся 2 ноября, присутствовали, по приглашенію царя, всѣ придворные чины. Нѣмцы исполнили комедію: „какъ Юдиѳь царица царю Олоферну голову отсѣкла“, и имѣли такой успѣхъ, что спустя нѣсколько времени дали новое представленіе о томъ, „какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана по царицыну челобитью и Мардохеину научепію“. Кромѣ поименованныхъ піэсъ впослѣдствіи были представляемы еще: „Ассуръ и Эсфирь“, „Адамъ и Ева“, „Странствіе и бракъ молодаго Товія, сына Товитова“ и т. п.

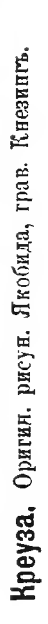
Въ 1675 году, въ субботу сырной недѣли, Яганъ далъ блистательное балетное представленіе, о которомъ сохранились довольно подробныя и весьма интересныя свѣдѣнія. Спектакль происходилъ въ Преображенскомъ и начался въ часъ пополудни. Царь, войдя въ театръ, поклонился на четыре стороны и занялъ свое мѣсто, возвышавшееся на нѣсколько ступеней, покрытыхъ алымъ сукномъ. По лѣвую руку царя стали главные переводчики его: Гроцій и Виній. Близь царскаго мѣста, на лавкахъ, размѣстились бояре: Нарышкинъ, Долгорукій, Матвѣевъ, Одоевскій, Ромодановскій и Дохтуровъ. Остальные зрители размѣстились по боковымъ сторонамъ театра. Когда оркестръ, состоявшій на этотъ разъ изъ ручнаго органа, скрипки, двухъ флейтъ и барабана, окончилъ играть, то на сцену вышелъ въ костюмѣ Орфея актеръ, сопровождаемый двумя ярко-освѣщенными пирамидами съ іероглифическими надписями и транспарантами. Поклонившись три раза царю, Орфей началъ пѣть, въ честь его, куплеты, которые переводились на русскій языкъ толмачами. Въ куплетахъ обращаются сперва къ царю, радуясь что насталъ наконецъ день, въ который могутъ дерзнуть увеселить его зрѣлищами, восхваляютъ царя, желаютъ ему здравія и долгоденствія.

Въ послѣднемъ куплетѣ Орфей приглашаетъ пирамиды протанцовать что нибудь и начинаютъ всѣ танцовать; затѣмъ на сцену вышли въ роскошныхъ костюмахъ всѣ актеры, и въ теченіи нѣсколькихъ часовъ забавляли зрителей разными плясками и танцами.

Такимъ образомъ театральное дѣло пустило въ Россіи довольно значительные корни. Спектакли, иногда весьма продолжительные *), стали даваться при дворѣ каждый праздникъ, причемъ въ репертуаръ ихъ входили преимущественно піэсы религіозно-нравственнаго содержанія. Иногда, какъ-бы для разнообразія, представлялись балеты и показывались фокусы. Сценическое искусство такъ полюбилось нашимъ предкамъ, что кромѣ извѣстнаго уже намъ театра въ Преображенскомъ, былъ

*) По свѣдѣніямъ, имѣющимся въ разрядной книгѣ Галицкой четверти. По другимъ извѣстіямъ Яганъ пріѣхалъ въ Москву въ 1671 году.

*) 21 февраля 1675 года одна комедія началась въ пятомъ часу вечера и кончилась за три часа до разсвѣта.



Креуза. Оригин. рисун. Якобида, грав. Кнезингъ.

Павшіе на полѣ чести. Съ картины В. В. Верещагина, грав. О. Ротъ.

выстроенъ въ Москвѣ новый театръ, или, какъ тогда говорили—„палаты для комидійнаго дѣйства“. Театръ этотъ имѣлъ видъ полукружія; сцена находилась на возвышенномъ помостѣ, украшенномъ елками и краснымъ сукномъ. Передъ нею стояло обитое алымъ-же сукномъ царское мѣсто, а за нимъ находилась закрытая рѣшетчатая галлерея для царицы и царской семьи. Около галлереи были разставлены полукружіемъ лавки для сановниковъ, а по бокамъ — для остальныхъ зрителей; во время представленій театръ освѣщался сальными свѣчами. Употреблялись-ли въ то время декораціи, съ точностью сказать нельзя, однако намъ извѣстно, что въ труппѣ Ягана находился мастеръ „перспективнаго письма“, т. е. декораторъ. Что касается костюмовъ, то они были роскошны и шились на царскій счетъ, причемъ на нихъ расходовались довольно значительныя денежныя суммы.

Съ появленіемъ на Руси театра, не замедлили появиться и русскіе актеры, для образованія которыхъ Ягану были даны на выучку 27 мѣщанскихъ мальчиковъ, срокомъ на три мѣсяца. Положеніе этихъ первыхъ русскихъ жрецовъ сценическаго искусства было, по всей вѣроятности, весьма незавидно, такъ какъ не только въ обществѣ, но даже и въ собственной ихъ семьѣ на нихъ смотрѣли съ пренебреженіемъ, какъ на шутовъ, скомороховъ и людей погибшихъ; экономическое-же положеніе ихъ мы можемъ видѣть изъ словъ слѣдующей челобитной, поданной ими царю: „учася у него (т. е. у Ягана) платьишкомъ оободрались и сапожишками ообносились, а ѣсть-нить нечего и помираемъ мы, холопи твои, голодною смертію“. Государь Алексѣй Михайловичъ приказалъ выдать имъ жалованье по двѣ копѣйки въ день на человѣка. Сколько получали жалованья нѣмецкіе актеры—неизвѣстно.

Со смертью Алексѣя Михайловича и удаленіемъ завѣдывавшаго театрами боярина Матвѣева отъ двора, нѣмецкій театръ прекратился и труппа разсѣялась. По взамѣнъ его, при дворѣ царевны Софьи Алексѣевны, началъ развиваться театръ уже чисто русскій. Царевна любила сценическое искусство и собрала около себя кружокъ любителей изъ бояръ, съ которыми разыгрывала различныя піесы. Изъ числа этихъ любителей особенно отличалась Т. Н. Арсеньева, прабабка знаменитаго драматическаго писателя и знатока театральнаго дѣла, князя А. А. Шаховскаго. Она, по преданію, замѣчательно хорошо исполняла роль Екатерины въ стихотворной драмѣ царевны Софьи „Екатерина-Великомученица“. Имена остальныхъ артистовъ извѣстны изъ дошедшаго до нашего времени распредѣленія ролей въ комедіи Мольера „Лекарь принужденный“ (Le medecin malgré lui), исполненной 17 сентября 1678 года: Сганорель дровосѣкъ — кн. Ю. А. Долгорукій; Мареа, его жена—княгиня А. И. Хованская; Робертъ, сосѣдъ его — кн. В. В. Голицынъ; бояринъ Геронъ—кн. Я. Н. Одоевскій; Луцинда, его дочь—кн. Н. И. Барятинская; Валерьянъ, дворецкій — кн. Д. Н. Щербатовъ; Лука, слуга Герона—полковникъ С. О. Грибоѣдовъ, Акулина, его жена — А. Б. Шереметева; Фибонъ, мужичокъ — кн. М. Я. Черкасовъ; Перинъ, сынъ его — кн. Г. А. Козловскій; Леандеръ, суженый Луцинды — кн. К. О. Щербатовъ. Иногда въ спектакляхъ принимала участіе даже сама царевна Софья.

Къ сожалѣнію какъ о театрѣ царевны такъ и о домашнихъ театрахъ Матвѣева, Милославскаго, Шереметева и Долгорукова, до насъ дошло очень немного свѣдѣній, да и тѣ, которыя имѣются, основаны скорѣе на преданіи, чѣмъ на историческихъ памятникахъ.

Что касается репертуара описываемой нами эпохи, то онъ, какъ было сказано выше, состоялъ главнымъ образомъ изъ піесъ религіозно-нравственнаго содержанія, причемъ сюжеты брались либо изъ Ветхаго, либо изъ Новаго Завѣта. Затѣмъ были въ большомъ ходу піесы фантастическаго и сатирическаго содержанія, напримѣръ: „Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ“, „Мечъ-Кладенецъ“, „Баба-Яга костяная нога“, „Кикимора или ночное пугалище“, „Шемякинъ судъ“ и т. п. Историческихъ піесъ, въ родѣ „Убіенія Ярополка братомъ Володиміромъ“, сравнительно немного.

Для образчика языка тогдашнихъ пьесъ мы приведемъ два отрывка, одинъ драматическаго характера (изъ мистеріи „Алексѣй Божій человѣкъ“), а другой съ оттѣнкомъ комическимъ (изъ комедіи „Навуходоносоръ, Мемухонъ, Моавъ, Амманъ, Нееманъ, Корей, Ланиодъ, четыре протазанщика, четыре спальника“). Изъ первой піесы возьмемъ тотъ моментъ, когда невѣста Алексѣя, покинутая своимъ женихомъ, плачется на свою судьбу. Вотъ ея монологъ:

„Алексѣева же сстемъ, не таюся, облюбеница, але признаюся... отъ Алексѣя же есмь посрамлена и оставлена. Наиславнѣйшими межъ панами всѣми, и наиечастливѣйша была, колибъ въ Римѣ, бо здѣ сстемъ царска урожона, теперь згожона. Сенаторскіе не тылько сынове, але жертентеи славны панове, абы мя собѣ за невѣсту мѣли, сердечно хотѣли, але всѣмъ тымъ сталемся отмовна, бо мысль моя была къ нимъ не любовна; до Алексѣя сердце мя склонило“...

Теперь представимъ образчикъ комическаго языка. Разговариваютъ два воина, Сусакимъ и Сомнасъ:

Сусакимъ. Ходи, брате, печальныя сія думы да въ винной бочкѣ погребемъ; пойди со мною на завтракъ, азъ ти пару колбасъ ужарити велю.

Сомнасъ. Ха, ха, ха! смѣюся тому: всегда опасался еси, что свиными жаркими и колбасами не удоволишися; и видѣ же что, когда еще годъ здѣ пребудеши, тогда всѣ кишки твои въ колбасы, ты же самъ въ свиное мясо премѣнишися.

Сусакимъ. Ни, брате, не хощу свиніею быти, инако бо возмоглъ бы окорокъ единъ отъ мене нашему воеводѣ на столъ достатися. Пойди, брате, до сего дня возвеселимся“...

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о драматическихъ писателяхъ XVII вѣка, большинство которыхъ принадлежало къ монашескому званію. Такое явленіе объясняется, вопервыхъ тѣмъ, что духовенство и преимущественно черное, составляло въ то время въ Россіи самый образованный элементъ общества и во вторыхъ, существовавшимъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ обычаемъ, согласно которому ученики, въ свободное время, должны были разыгрывать комедіи, „что зѣло полезно къ наставленію и къ резолюціи, сіе есть честной смѣлости“. Для этихъ ученическихъ спектаклей учителя Академіи (въ огромномъ большинствѣ случаевъ монахи) сочиняли разныя драмы и мистеріи, которыя, конечно, не оставались въ стѣнахъ академическихъ, но попадали въ общество и на сцену свѣтскихъ театровъ.

Изъ сказаннаго будетъ понятно, почему въ числѣ главнѣйшихъ драматическихъ писателей XVII в. мы встрѣчаемъ имена такихъ лицъ, которыя, повидимому, къ театру никакого отношенія не имѣютъ. Сюда, напримѣръ, относятся: Симеонъ Полоцкій, св. Димитрій Ростовскій, Өеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій, Георгій Конисскій, архимандритъ батуринскій Өеофилъ и т. д.

Изъ свѣтскихъ же писателей замѣчательна только царевна Софья, которая написала драму „Екатерина Великомученица“ и комедію „Русалки или словенскіе нимфы“.

По мнѣнію Карамзина, читавшаго драму „Екатерина Великомученица“ въ подлинникѣ, драма эта могла бы равняться съ произведеніями лучшихъ писателей всѣхъ временъ, если бы авторомъ руководилъ болѣе просвѣщенный вкусъ. Ни въ одномъ изъ каталоговъ нашихъ рукописныхъ собраній она не поименована и, по всей вѣроятности, погибла, какъ погибали многіе другіе памятники нашей отечественной старины.

Изъ Тэннисона.

Лордъ Бёрлей.

Шепчетъ ей онъ: „Если сердцемъ
Не обманутъ я своимъ —
Мнѣ сдается, дорогая,
Что и я тобой любимъ...“

Родилась она въ деревнѣ:
Онъ —бѣднякъ-простолюдинъ...
И отвѣтъ ея онъ слышитъ:
„Милъ мнѣ только ты одинъ.“

Ихъ вѣнчаютъ въ сельскомъ храмѣ
А затѣмъ, изъ подъ вѣнца
Онъ домой ее уводитъ
Отъ любимаго отца.

„Подарить жену мнѣ нечѣмъ,
Да, голубка, бѣденъ я;
Но тебя люблю я больше
Жизни, милая моя!“

Вотъ идутъ они дорогой,
Видятъ замковъ пышный рядъ;
Парковъ гордыя вершины,
Колыхаяся, шумятъ...

И, подумавъ, говоритъ онъ
Молодой женѣ своей:
„Дай посмотримъ на жилища
Этихъ лордовъ богачей!“

Вслѣдъ идетъ она за мужемъ,
По пути любуясь съ нимъ
Блескомъ оконъ замковъ гордыхъ,
Ихъ убранствомъ дорогимъ:

Тѣнью буковъ и каштановъ,
Вереницей пышныхъ дачъ,
Что себѣ настроилъ всюду
Именитый лордъ-богачъ.

Все ей кажется чудесно...
Вотъ ужъ виднтся ей домъ
Гдѣ они, любя другъ друга,
Заживутъ себѣ вдвоемъ.

Ахъ, любитъ она какъ будетъ!
И какъ только въ домъ войдетъ—
Все по своему уставитъ,
Свой порядокъ заведетъ.

Сердце весело такъ бьется
Въ этихъ сладостныхъ мечтахъ;
Вотъ проходятъ подъ ворота,
Видѣнъ гербъ на воротахъ.

Этотъ домъ еще богаче
Прежде видѣнныхъ въ пути;
У дверей толпятся слуги,
Приглашая ихъ войти.

На вопросы отвѣчаютъ
Всѣ съ почтеньемъ; онъ идетъ
Рядомъ залъ; его встрѣчаютъ
Уваженье и почетъ.

И пока она дивится,
Озираясь кругомъ;
Онъ съ улыбкой говоритъ ей:
„Дорогая—вотъ нашъ домъ!“

Въ этомъ замкѣ онъ хозяинъ,
Независимъ, смѣлъ и гордъ,
Лордъ Борлей, извѣстный всюду,
Именитый, знатный лордъ.

Ей лице румянецъ яркій
Покрываетъ: смущена,
Вдругъ безъ чувствъ, блѣдна, на кресло
Опускается она.

Какъ за милою женою,
Онъ ухаживалъ за ней;
Что ни день онъ становился
Все нѣжнѣе и нѣжнѣй.

И привыкла понемногу,
Присмотрѣлася она
Къ сану новому, въ который
Имъ была облечена.

И была она любима
Всей окрестною страной,
Стала леди благородной
И примѣрною женой.

Но тревожно было сердце
И давила словно гнетъ
Все мечта о прежнемъ миломъ...
Что богатство и почетъ!!

Все хирѣла, все шептала:
„Ахъ когда-бъ остался онъ
Тѣмъ простымъ и добрымъ малымъ,
Что въ меня былъ такъ влюбленъ!“

Незамѣтно увядая,
Съ нимъ жила она года:
Трехъ оставила малютокъ
И скончалась молода.

Лордъ Борлей безумно плакалъ,
Ранней смертью пораженъ,
И роскошный замокъ лорда
Весь былъ въ трауръ облеченъ.

Лордъ сказалъ, на вѣкъ прощаясь
Съ кроткимъ мертвеннымъ лицемъ:
„Въ то ее одѣньте платье,
Какъ стояла подъ вѣнцомъ!“

Свой простой нарядъ вѣнчальный
Въ тѣсный гробъ она взяла:
Въ немъ была она любима,
Въ немъ счастливою была...

Д. Садовниковъ.

Кавказскій музей въ Тифлисѣ.

Очеркъ.

Директора музея **докт. Радде.**

(Рис. на стр. 436).

Въ Тифлисѣ имѣется теперь прекрасный Кавказскій музей, который по полнотѣ и богатству коллекцій и устройству своему заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Пятому археологическому конгрессу, состоявшемуся по почину графа Уварова и мѣстнаго комитета въ сентябрѣ этаго года, обязанъ этотъ музей своимъ блестящимъ развитіемъ. До сихъ поръ въ Тифлисѣ не происходило ученыхъ конгрессовъ и о послѣднемъ конгрессѣ внутренняя и заграничная пресса отзывалась съ большой похвалой. Въ значительной мѣрѣ научнымъ успѣхомъ конгрессъ обязанъ Кавказскому музею; въ немъ старательно собранъ и подраздѣленъ богатый матеріалъ не только сокровищъ Кавказа и народовъ тамъ обитающихъ, но также историческіе памятники прошлаго, оставленные его жителями на землѣ и въ нѣдрахъ ея.

Начиная отъ каменныхъ топоровъ, которые, какъ извѣстно, свидѣтельствуютъ о людяхъ каменнаго періода, жившихъ въ странѣ Аргонавтовъ, топоровъ, которые найдены въ бассейнѣ Ріона—до Скифо-Эллинскихъ древностей въ нижней Кубани и Анапѣ, великолѣпной утвари арабскаго происхожденія—изъ области Каспія и изъ Дагестана и даже древнихъ ассирійскихъ рельефовъ и неразобранныхъ гвоздеобразныхъ письменъ,—все это собрано въ музеѣ и напоминаетъ посѣтителю давно минувшія времена. Не безъинтересно будетъ ознакомиться ближе, какъ образовалось это учрежденіе.

Чтобы дать понятіе о первомъ началѣ Кавказскаго музея, приходится упомянуть о князѣ М. С. Воронцовѣ, и о Кавказскомъ Отдѣленіи Императорскаго географическаго общества и считать днемъ нарожденія музея 10-е мая 1852 года. Но въ тѣ безпокойныя времена, когда горцы въ Дагестанѣ безпрестанно требовали бдительности и энергіи съ нашей стороны, устройство научнаго музея на Кавказѣ было очень неудобно и идея этаго устройства сама по себѣ преждевременна. На это указываетъ и дальнѣйшее развитіе музея, которое не подвигалось въ продолженіи 15-ти лѣтъ. Наконецъ музей былъ совершенно забытъ. Многіе изъ вліятельныхъ людей, которымъ музей обязанъ своимъ существованіемъ, уже умерли, другіе были далеко отъ Кавказа. Но между тѣмъ времена перемѣнились. Шамиль жилъ въ Калугѣ, лезгины сложили оружіе. Западный Кавказъ былъ покоренъ и большинство черкесъ выселились. Миръ былъ возстановленъ на Кавказѣ. Теперь настало время подумать объ устройствѣ центра, въ которомъ можно было бы сохранять различныя сокровища страны.

По волѣ великаго князя Михаила Николаевича весною 1864 года мнѣ было поручено біологическо-географическое изслѣдованіе Кавказа и работы свои я началъ въ дикой вольной Сванетіи — области, лежащей высоко въ горахъ по Ингуру, странѣ малодоступной и малоизвѣстной и гдѣ съ научной цѣлью побывало не болѣе двухъ-трехъ европейцевъ. Оттуда я вывезъ богатый матеріалъ; но въ то же время возникъ вопросъ что дѣлать съ этимъ собраніемъ, которое съ каждой такой экспедиціей должно было увеличиваться. Въ Кавказскомъ отдѣленіи Императорскаго географическаго общества, обладавшаго нѣкоторыми этнографическими предметами, нѣсколькими надписями и очень драгоцѣнными вещами, подаренными княземъ Воронцовымъ, я увидѣлъ первое начало музея. Мысль эта была одобрена Великимъ Княземъ и въ Январѣ 1867 года состоялось открытіе музея въ присутствіи Его Высочества. Вскорѣ отведеннаго мѣста сдѣлалось недостаточно для музея. Напротивъ дворца Намѣстника находилась незанятая строеніемъ прекрасная площадь, на южной сторонѣ которой князь Юрій Гагаринъ началъ нѣкогда оригинальную постройку въ мавританскомъ стилѣ. Теперь это были развалины, къ которымъ примыкали другія съ массивными и крѣпкими сводами, гдѣ прежде находился клубъ съ садомъ и бассейномъ и гдѣ давались балы княземъ Воронцовымъ. Эта площадь была куплена правительствомъ и предназначена подъ музей.

На переднемъ планѣ площади по угламъ было предположено построить по одноэтажному зданію въ персидскомъ стилѣ—одно собственно для музея, другое для публичной библіотеки и оба зданія соединить галлереей на сводахъ. Передъ зданіемъ предполагалось устроить скверъ, а надъ галлереей, по срединѣ, возвести надстройку съ большимъ заломъ для концертовъ, засѣданій ученыхъ обществъ и пр. Остальное свободное пространство предназначалось для сада съ клѣтками для птицъ, фонтанами и помѣщеніями для большихъ дикихъ животныхъ страны. Все это мало по малу разрѣшалось правительствомъ. Въ 1869 году новое зданіе музея было окончено и въ слѣдующемъ приступлено къ окончанію библіотеки; за неимѣніемъ средствъ постройка галлереи и большаго зала пріостановилась. Она и впослѣдствіи не была окончена, такъ какъ въ 1873 году вышло распоряженіе снести галлерею, сравнять мѣсто и на сѣверо-восточной сторонѣ зданія, выстроить женскую гимназію. Подъ садъ музея было оставлено только узкое пространство, идущее вдоль всего зданія.

Въ теченіи слѣдующихъ десяти лѣтъ музей снова переполнился. Изъ каждой своей поѣздки я привозилъ новыя сокровища.

Стремленія мои соединить въ одномъ мѣстѣ въ Тифлисѣ всѣ имѣющіяся кавказскія коллекціи, не остались безъ успѣха, и что въ этомъ отношеніи не было сдѣлано добровольно, къ тому принудили обстоятельства и время. Когда въ 1878 г. въ Тифлисѣ находился графъ Уваровъ, заслуженный русскій архео-

логъ, съ цѣлью подготовить пятый археологическій конгрессъ, я воспользовался его пребываніемъ въ интересахъ музея. Я выставилъ на видъ, что въ Тифлисѣ впервые будетъ происходить конгрессъ и что музей не уйдетъ отъ его критики. Возникнетъ вопросъ, что сдѣлала для науки Россія, владѣющая 80 лѣтъ Кавказомъ, въ странѣ богато одаренной природой и исторія которой такъ разнообразна. Мысль была поддержана Великимъ Княземъ и его старшимъ сыномъ Николаемъ Михаиловичемъ. Въ продолженіи одного года, при усиленной работѣ была окончена надстройка и расширеніе Кавказскаго музея. Въ 1881 году начались работы внутри зданія. Въ верхнемъ этажѣ былъ устроенъ обширный этнографическій отдѣлъ, за которымъ въ двухъ залахъ помѣщались ботаническій и энтомологическій отдѣлы; низъ зданія былъ оставленъ для геологіи и зоологіи. Здѣсь въ центральномъ главномъ залѣ выставлены только большія четвероногія и птицы, позади находится комната для рыбъ и пресмыкающихся, другая—для меньшихъ млекопитающихся и для остеологическихъ собраній. Съ площадки, высокія стѣны которой украшены великолѣпными фресками, ведетъ витая лѣстница въ отдѣленіе для древностей, размѣщенныхъ въ шести комнатахъ. Такое значительное развитіе музея измѣняетъ совершенно не только его хозяйственныя потребности, но также и научныя отъ него требованія. Для удовлетворенія этихъ требованій необходимо изданіе иллюстрированнаго каталога, что вполнѣ осуществимо, такъ какъ въ настоящее время большая часть собраній приводится въ порядокъ многими спеціалистами какъ русскими, такъ и иностранными.

зальтовыя контуры сосѣднихъ строеній. Высокій итальянскій тростникъ насаженъ группами вмѣстѣ съ лавровой вишней и Японской акаціей. Всѣ стѣны и заборы покрыты различными сортами плюща, вьющимися розами и дикимъ виноградомъ.

Въ самой глубинѣ сада находится уютное, тихое мѣстечко. Тутъ на искусственномъ возвышеніи, обсаженномъ фіалками и мѣстными папоротниками поставленъ прекрасный надгробный памятникъ съ кладбища въ Джульфи и скамейка для отдыха. Все вокругъ покрыто роскошной зеленью. Надгробный камень этотъ свидѣтельствуетъ о богатствѣ и вкусѣ Армянъ изъ Джульфи, а также напоминаетъ о могуществѣ суроваго шаха Аббаса, по приказанію котораго жители большаго города на Араксѣ были переселены насильно въ окрестности Испагани. Въ своемъ отечествѣ они оставили только свои кладбища съ нѣсколькими тысячами прекрасныхъ монументовъ изъ краснаго песчаника.

Какъ и вообще на всемъ югѣ, весна—самое благопріятное время года для сада музея. Тогда то гряды и клумбы его покрываются пестрыми цвѣтами, которыхъ въ самомъ краѣ насчитывается множество разнообразныхъ видовъ. Рядомъ съ мерендерой ростутъ бѣлыя фіалки, за ними слѣдуютъ разные сорта сирени. Тутъ же въ саду ростутъ—рѣдкость въ Тифлисѣ—три сосны, которыя хотя и часто встрѣчаются въ лѣсахъ западнаго и центральнаго Кавказа, но очень трудно сохраняются въ самомъ Тифлисѣ, благодаря необыкновенной жарѣ лѣтомъ.

Собраніе живыхъ птицъ должно было также быть соразмѣрено съ небольшимъ пространствомъ сада. Нѣтъ сомнѣнія, что

На Шипкѣ. Съ картины В. В. Верещагина, грав. О. Ротъ.

Чудная мѣстность видна изъ небольшаго сада музея. Гора Давида, съ приподнятыми и разбросанными слоями графита и сланца круто спускается къ Курѣ. Ея обнаженная вершина много столѣтій подвергается дѣйствію вѣтровъ, а дождевые воды смываютъ глину съ графитныхъ слоевъ. Въ этомъ геологическомъ образованіи слѣдуетъ искать главную причину что улицы Тифлиса такъ грязны. Грязь эту не можетъ устранить самая тщательная заботливость о чистотѣ. Тутъ нѣтъ ни гранита, ни песка. Пузырчатыя, базальтовыя глыбы хрупки какъ стекло, а глинистый низшій слой земли не пропускаетъ воду.

Отъ дворца къ низу, пройдя широкую дворцовую площадь, начинается крутой спускъ, превращенный въ террасу, которая поддерживается каменной стѣной и обнесена желѣзной рѣшеткой. Въ концѣ террасы, на лѣво, Публичная Библіотека, присоединенная къ музею; въ ней насчитывается болѣе 30,000 томовъ книгъ. За исключеніемъ праздниковъ, она бываетъ открыта ежедневно зимою отъ 12—до 5 и лѣтомъ отъ 2—до 6 часовъ дня. Съ правой стороны рѣшетки террасы находится собственно музей со своимъ садомъ, въ который ведетъ желѣзная лѣстница. Роскошные вѣчно зеленые кусты розъ спускаясь шпалерами, отѣняютъ ступени, на которыхъ въ кадкахъ поставлены розы и другія лиственныя растенія. Лѣтомъ здѣсь стоятъ въ тѣни бегоніи и другія нѣжныя растенія, не переносящія горячаго южнаго солнца. Небольшое пространство сада занято вѣчно зелеными кустарниками, засажено различными сортами туй, изъ которыхъ особенно хорошо растетъ „compacta". Высокія плакучія ивы, сохраняющія зелень весь ноябрь и возобновляющія ее уже въ мартѣ, отчасти скрываютъ острыя ба-

въ Тифлисѣ изъ животныхъ страны и ея пернатыхъ обитателей можно было-бы составить богатый зоологическій садъ, но, какъ уже сказано, не хватаетъ мѣста. На Кавказѣ водятся большія четвероногія животныя, какъ то: тигры, пантеры, рыси, дикія кошки, гіены, волки, лисицы, шакалы, степныя лисицы (Canis melanotus) и пр.; все это легко достать. Кромѣ того единственно тутъ водятся прекрасные горные, такъ называемые каменные козлы, дикія овцы и серны, олени, козы и антилопы. Не менѣе разнообразенъ и отдѣлъ птицъ, между которыми есть нѣсколько рѣдкихъ экземпляровъ, какъ напримѣръ двѣ породы Megaloperdix съ кавказскихъ высотъ и множество водяныхъ птицъ какъ то: цапли, утки, чайки, и пр. Но перейдемъ къ обитателямъ клѣтокъ сада. Въ первой изъ нихъ, не особенно большой (1½ куб. сажени) вмѣстѣ съ фазанами и горлицами, сидитъ рѣдкая птица—это Megaloperdix caucasica или горная индѣйка. Она уже прожила въ неволѣ два жаркихъ лѣта и это служитъ ручательствомъ, что можетъ прожить и больше. Красивая эта птица водится только у подножія глетчеровъ кавказскихъ горъ, на высотѣ отъ 10 до 13,000 футовъ надъ моремъ; она очень пуглива и привыкла только къ шуму падающихъ камней и треску лопающихся глетчеровъ. Вторая клѣтка наполнена маленькими соколами и сороками и не представляетъ ничего особеннаго. Затѣмъ слѣдуетъ длинная просторная клѣтка, отѣненная виноградомъ. Тутъ въ особыхъ отдѣленіяхъ живутъ кобчики, курятники, малые орлы и три коршуна, изъ которыхъ самый старый подражаетъ голосу всѣхъ сосѣднихъ птицъ, а иногда мяукаетъ кошкой. Все что ему даютъ онъ тащитъ въ уголокъ своего домика, куда прячетъ и остающійся

кормъ. Въ слѣдующемъ большомъ отдѣленіи живутъ бѣлыя цапли, аисты, лысухи (водяныя куры), очень много рѣдкихъ утокъ и краснogорлый гусь, который не встрѣчается нигдѣ болѣе въ зоологическихъ садахъ. Здѣсь уже два года живетъ 3 экземпляра этой рѣдкой птицы. На сибирскихъ тундрахъ, лѣтомъ она высиживаетъ яйца, а зимою большими стаями летитъ къ юго-западу и залетаетъ даже къ Волгѣ. Въ концѣ послѣдняго крайняго отдѣленія сидятъ филины и съ ними черепахи. уходящія на зиму въ землю. Совершенно отдѣльно, занимая всю узкую часть сада, стоитъ высокая въ 20 куб. саж. клѣтка для коршуновъ и орловъ, и съ приспособленными сидѣніями для дикихъ птицъ. Эта клѣтка всегда занята и любой зоологическій садъ можетъ позавидовать такой коллекціи. Тутъ есть великолѣпный ягнятникъ, снизу совершенно почти бѣлый, молодые и старые королевскіе орлы, морскіе орлы и проч. Дикія эти птицы, въ особенности ягнятники, очень любятъ купаться, по преимуществу въ полдень, послѣ чего просушиваютъ свои крылья на солнцѣ.

Вѣчно зеленый садъ музея, простирающійся по сѣверной сторонѣ его, со своими обитателями представляетъ спокойное мѣсто посреди шумнаго Тифлиса.

Профессоръ С. П. Боткинъ. Съ фотогр. Шапиро, грав. Ю Барановскій.

С. П. Боткинъ.

Вскорѣ послѣ чествованія нашего ученаго В. Л. Грубера естественно возникло общее желаніе отпраздновать возможно торжественно день 25 лѣтняго юбилея другаго нашего русскаго ученаго, знаменитаго клинициста Сергѣя Петровича Боткина—день этотъ пришелся на 27 Апрѣля и отпразднованъ достойнымъ образомъ. За обѣдомъ въ честь юбиляра сказано было нѣсколько привѣтственныхъ рѣчей и со всей Россіи читались привѣтственныя телеграммы. Въ виду настоящаго юбилея ученаго, которымъ по справедливости могла бы гордиться всякая страна, мы напомнимъ здѣсь его значеніе и нѣкоторыя о немъ подробности. Въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ не одно русское имя стало уже достояніемъ всемірной науки и искуства, но въ об-

Новое зданіе суда въ Брюсселѣ. Рис. Деруа, грав. Гильдебрандтъ.

ласта медицины такихъ именъ наиболѣе. Пытливый умъ нашего ученаго съ первыхъ шаговъ профессуры его съумѣлъ вдохнуть и въ учениковъ и въ товарищей жажду идти путемъ опыта и наблюденія. Клиника Боткина стала центромъ такого стремленія къ самостоятельной научной дѣятельности: ближайшіе ученики его сами заняли почетныя мѣста профессоровъ русскихъ университетовъ. Кромѣ чисто научнаго дѣла и въ прикладной медицинѣ Боткинъ былъ главою русской школы. Его строгонаучное, разумное отношеніе къ дѣлу слишкомъ извѣстно. Скольким тысячамъ больныхъ сохранена жизнь и здоровье благодаря его искусству, знанію, вѣрности взгляда, даровитости, кто не скажетъ что юбилей этотъ нашъ русскій праздникъ. С. П. родился въ Москвѣ въ 1832 г. и принадлежитъ къ столь извѣстному семейству Боткиныхъ; онъ братъ автора превосходныхъ „Писемъ объ Испаніи“, и всегда люди науки и литературы были близки въ этомъ домѣ. Первоначальное образованіе получилъ С. П. въ пансіонѣ, изъ котораго перешелъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета, и въ 1855 году, въ самый разгаръ крымской войны, окончилъ курсъ. Въ это время покойный знаменитый хирургъ нашъ Н. И. Пироговъ образовалъ лазаретъ въ Бахчисараѣ и въ числѣ другихъ молодыхъ людей отряда Пирогова отправился и Боткинъ. Разумѣется въ данномъ случаѣ не могъ не имѣть рѣшительнаго вліянія на молодаго врача такой высоко замѣчательный практикъ какъ Пироговъ. Послѣ крымской компаніи С. П. отправился заграницу гдѣ съ величайшимъ вниманіемъ и трудолюбіемъ знакомился съ дѣятельностью знаменитыхъ европейскихъ медиковъ. Наиболѣе сильное вліяніе имѣли на него Клодъ-Бернаръ, Траубе и Вирховъ. По возвращеніи изъ заграницы С. П. пригласили занять мѣсто адъюнкта профессора Шипулинскаго, который завѣдывалъ терапевтическою клиникою и къ концу года умеръ а Боткинъ получилъ званіе ординарнаго профессора и сталъ завѣдующимъ клиникою. Превосходное, ясное, точное и блестящее изложеніе, которымъ отличались лекціи С. П. привлекали въ его аудиторію множество слушателей. Помимо лекцій и личной практики Боткинымъ были учреждены при клиникѣ лабораторія и пріемная, куда стекались со всѣхъ концовъ Россіи. Въ 1870 году С. П. сдѣланъ лейбъ-медикомъ и имѣлъ счастіе и заслугу передъ Россіей излечить отъ тяжкой болѣзни Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора а въ 1872 г. въ Крыму Государыню Императрицу Марію Александровну, за что удостоенъ былъ высшей награды, Владимірской звѣзды. Затѣмъ онъ сопровождалъ въ Бозѣ почившую Государыню Императрицу въ ея послѣднюю поѣздку и имѣлъ печальную возможность оказать послѣднюю помощь Царственному Страдальцу въ послѣднія минуты жизни Его въ скорбный для Россіи день 1 Марта минувшаго года. Недавно (10 Апрѣля) происходили въ конференціи военно-медицинской академіи выборы С. П. на новое пятилѣтіе службы въ качествѣ профессора терапевтической клиники. Надо ли добавлять что выборы эти сопровождались полнѣйшимъ сочувствіемъ всѣхъ присутствовавшихъ, прошли съ рѣдкимъ единодушіемъ и дали академіи еще пять лѣтъ дѣятельности знаменитаго учителя? Сверхъ того С. П. многими присутствовавшими на конференціи предложенъ въ число почетныхъ членовъ военно-медицинской академіи, при чемъ баллотировка снова показала полное единогласіе.

Къ рисункамъ.

Дворецъ намѣстника въ Тифлисѣ.

(Рис. на стр. 437).

Обогащеніе Тифлиса изящными постройками европейскаго образца началось сравнительно весьма недавно и конечно лишь съ водвореніемъ здѣсь русскаго владычества. До того же времени, т. е. до 1801 года Тифлисъ былъ городъ чисто восточный, дома его походили на землянки съ плоскими крышами; улицы же, узкія и кривыя, переулки и закоулки завалены всякимъ соромъ и нечистотами. Одни лишь его храмы съ высокими вызолоченными куполами придавали христіанскій характеръ городу и своею величественною внѣшностью выкупали нѣсколько непригладность общей картины. Но уже при кн. Циціановѣ на сѣверной сторонѣ Тифлиса возникли дома чисто европейской архитектуры, около которыхъ образовались обширныя, правильныя площади. Впрочемъ до 1845 года физіономія города мало измѣнилась и только сѣверная его часть обстраивалась все болѣе и болѣе. Такъ прежде всего возникъ здѣсь домъ главнокомандующаго—нынѣшній дворецъ Намѣстника, представленный на нашемъ рисункѣ, а около него сгруппировались разновременно: музей, гимназія, арсеналъ, ордонансъ-гаузъ, главный штабъ и другія казенныя зданія. Величественный дворецъ намѣстника служитъ однимъ изъ главныхъ украшеній Головинскаго проспекта—этой лучшей улицы Тифлиса, усаженной деревьями еще во время кн. Воронцова. Кромѣ того при дворцѣ обширный, тѣнистый садъ, расположенный террасами, что придаетъ ему очень оригинальный характеръ. Извилистыя аллеи покрыты здѣсь сводомъ вьющихся растеній, а клумбы такъ богаты цвѣтами, что ароматическій ихъ запахъ разносится далеко за стѣны сада. Обширный бассейнъ съ лебедями и небольшой звѣринецъ и птичникъ также есть въ саду. Что же касается до архитектурной внѣшности дворца, то на нашемъ рисункѣ выбранъ очень удачный пунктъ со стороны ботаническаго сада, откуда виденъ весь его величественный фасадъ, а вдали въ горахъ на высотѣ виденъ монастырь Св. Давида.

Здѣсь въ продолженіи шестнадцати лѣтъ жилъ Великій князь Михаилъ Николаевичъ. Постройка временъ Ермолова, зданіе это въ 1864—65 году было расширено и перестроено во вкусѣ Возрожденія. Въ саду съ тѣнистыми липами, платанами, орѣховыми деревьями и красивыми кониферами; благодаря заботливости садовника Егорова, есть многіе экземпляры пальмъ, и въ ноябрѣ уже цвѣтутъ фіалки а въ февралѣ нерѣдко распускаются прекрасные цвѣты магнолій. Позади сада, поднимаясь на гору, идутъ параллельныя улицы; здѣсь находится институтъ благородныхъ дѣвицъ и воспитательный домъ Св. Нины. Еще выше, дома становятся бѣднѣе и рѣже, а надъ ними высится темная, обнаженная вершина горы Давида. Высоко надъ Тифлисомъ, среди пустынныхъ скалъ, возвышается монастырь Св. Давида. Тутъ покоится прахъ безсмертнаго автора „Горя отъ ума“. Надъ монастыремъ, въ воздухѣ кружатся орлы, и декабрское солнце, о которомъ на сѣверѣ не имѣютъ и понятія, озаряетъ гору. Тифлисъ бываетъ иногда необыкновенно красивъ.

Литерат. альб.: „Бахчисарайскій фонтанъ“. Пушкина.

(Рис. на стр. 441).

Очаровательная, роскошная природа Крыма, которую такъ восторженно воспѣлъ Мицкевичъ въ своихъ крымскихъ сонетахъ, не могла не дѣйствовать на Пушкина вдохновляющимъ образомъ. И дѣйствительно, нашъ поэтъ здѣсь нашелъ богатый матерьялъ для своего поэтическаго творчества. Такъ одно изъ крымскихъ народныхъ преданій послужило ему темой для небольшой но прелестной поэмы „Бахчисарайскій фонтанъ“, удивлявшей современниковъ поэта неслыханной доселѣ гармоніей языка и роскошью стиховъ и описаній. Лишь самъ поэтъ не былъ ею доволенъ и подмѣчалъ въ ней нѣкоторую отрывочность и анекдотичность содержанія. „Радуюсь, писалъ онъ изъ Одессы, что мой фонтанъ шумитъ; недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины“. Такимъ образомъ на „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ съ одной стороны отразилось вліяніе устнаго разсказа, съ другой стороны старое вліяніе Байрона, которымъ Пушкинъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ буквально зачитывался. Но подражаніе у Пушкина никогда не было рабскимъ и поэма полна красотъ присущихъ лишь нашему геніальному поэту и вполнѣ оригинальныхъ. Кто, напримѣръ, не помнитъ ея высокохудожественнаго начала, въ которомъ такими блестящими стихами описано чисто восточная сцена во дворцѣ грознаго и полновластнаго хана:

Гирей сидѣлъ потупя взоръ,
Янтарь въ устахъ его дымился,
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ,
Но повелитель горделивый
Махнулъ рукой нетерпѣливой
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ...

Вельможи и народъ не узнаютъ своего прежняго хана: забылъ онъ бранную славу, охладѣлъ къ своему гарему, лишился сна и покоя:

„И ночи хладные часы
Проводитъ мрачный, одинокій,
Съ тѣхъ поръ какъ польская княжна,
Въ его гаремъ заключена.

Эта плѣнница, завладѣвшая сердцемъ грознаго Гирея, была полька—Марія Потоцкая, которая попала въ руки татаръ во время быстраго, опустошительнаго набѣга на Польшу и какъ красавица доставлена въ гаремъ хана. Здѣсь ее помѣстили въ отдѣльномъ зданіи, чтобы не мѣшать ей плакать и молиться, самъ ханъ уважаетъ невинность затворницы и терпѣливо ждетъ, когда она удостоитъ его ласковаго и благосклоннаго взгляда. Но среди гарема есть одно существо, которое ненавидитъ Марію—это грузинка Зарема, прежняя любимая жена Гирея, теперь же имъ оставленная, забытая. Эту перемѣну въ любви Гирея она приписываетъ Маріи и не смотря на бдительность стражи даже прокрадывается разъ ночью въ опочивальню плѣнницы Маріи, гдѣ умоляетъ ее отдать ей назадъ сердце Гирея, и грозитъ мщеніемъ. Выполнила ли Зарема свою угрозу осталось неизвѣстнымъ, только Марія скончалась внезапно и неожиданно и горестный ханъ, оплакивая ея потерю, снова умчался въ вихрѣ хищнаго, опустошительнаго набѣга.

„Забытый, преданный презрѣнью,
Гаремъ не зритъ его лица...
Стенаютъ жены. Между ними
Давно грузинки нѣтъ: она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.
Въ ту ночь какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье...
Какая-бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье!

Послѣ набѣга ханъ возвратился въ свою столицу Бахчисарай уже болѣе спокойнымъ и тогда-то онъ воздвигъ въ память Маріи фонтанъ, прозванный въ народѣ „фонтаномъ слезъ“. Такъ кончаетъ Пушкинъ свою поэму, мы же съ своей стороны считаемъ нужнымъ добавить, что этотъ фонтанъ существуетъ до сихъ поръ и указывается каждому посѣтителю ханскихъ чертоговъ. Рисунокъ нашъ изображаетъ собравшихся, въ саду гарема, женъ грознаго Гирея.

Креуза.

(Рисунокъ на стр. 444)

Сюжетъ картины заимствованъ художникомъ изъ довольно извѣстнаго греческаго миѳическаго сказанія, облеченнаго въ первый разъ Еврипидомъ въ драматическую форму. По этому сказанію Язонъ, во главѣ другихъ аргонавтовъ, пріѣзжаетъ въ Колхиду съ цѣлью добыть во что бы то ни стало завѣтное золотое руно. Это ему дѣйствительно удается при помощи дочери тамошняго царя Медеи, страстно полюбившей Язона и готовой для него на какую угодно жертву. Она не задумывается покинуть для него и отчій домъ и родину. Но вотъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ счастливой жизни съ Медеей, Язонъ отправляется въ Коринѳъ къ царю Креону. Здѣсь прельщаетъ его красота юной дочери Креона Креузы и вскорѣ онъ добивается согласія отца отдать ему ее въ супруги. Медея — этотъ вѣщеносный демонъ какъ въ страстной любви такъ и въ ненависти, узнавъ объ этомъ брачномъ договорѣ, конечно тотчасъ-же составляетъ адскій планъ какъ-бы погубить свою соперницу.

Искусная въ чарахъ, съ помощью которыхъ удалось ей добыть и золотое руно, она тотчасъ-же придумала средство ужаснаго мщенія—средство, которое во всѣ времена и у всѣхъ народовъ наичаще употреблялось оскорбленной страстью и ревностью. Смертоносным ядомъ напитываетъ она роскошную одежду и золотую діадему и посылаетъ то и другое юной невѣстѣ какъ свадебный подарокъ съ увѣреніемъ, что она болѣе не противится этому браку и охотно уступаетъ Креузѣ своего мужа. Невѣста, ничего не подозрѣвая, облеклась въ роскошное платье и возложила діадему на свою голову. Губительное дѣйствіе яда тотчасъ-же обнаружилось; невѣста почувствовала невыразимыя боли и страданія, платье жгло тѣло какъ огнемъ; діадема-же давила голову какъ-бы раскаленнымъ желѣзомъ и не было силъ освободиться жертвѣ отъ этихъ адскихъ, ужасныхъ украшеній. Безъ чувствъ упала наконецъ царевна и отецъ ея, извѣщенный объ этомъ несчастіи, не могъ уже ничѣмъ пособить своей несчастной дочери и ему привелось лишь плакать смотря на ея страшныя, предсмертныя мученія.

Картина Якобида ни въ чемъ не отступаетъ отъ этого миѳическаго разсказа и потому не требуетъ дальнѣйшихъ комментарій при объясненіи его содержанія. Что-же касается до художественнаго достоинства то послѣднее было высоко оцѣнено какъ посѣтителями послѣдней берлинской выставки такъ и всѣми органами нѣмецкой періодической печати. Кромѣ того мюнхенская академія наградила художника большою серебряною медалью. Якобидъ родомъ грекъ, уроженецъ Лесбоса, поселившійся теперь въ Мюнхенѣ.

Картины В. В. Верещагина.

(Рис. на стр. 445 и 448).

Мы продолжаемъ вомѣщать серію превосходныхъ копій съ картинъ нашего талантливаго художника В. В. Верещагина, которыя теперь на европейскихъ выставкахъ дѣлаютъ такой фуроръ. На этотъ разъ мы даемъ двѣ изъ его коллекціи сценъ послѣдней русско-турецкой войны. Всѣмъ еще памятны тѣ споры, которые вызвали эти картины въ средѣ нашего общества и печати, когда одни, преувеличенно восхваляя даровитаго художника, ставили ему въ особое достоинство не только реализмъ и правду его изображеній а именно такое отношеніе къ нашей войнѣ, за которое горячо укоряла художника противная сторона, говоря что ни въ одной странѣ ни одинъ художникъ не позволилъ-бы себѣ выставлять картины, гдѣ его соотечественники - герои представлены въ такіе моменты и еще относить эти явленія къ своей войнѣ исключительно- явленія присущія каждой войнѣ въ мірѣ. Но не возвращаясь къ этому спору, мы остановимся только на несомнѣнномъ мастерствѣ и оригинальности, на которую обращено вниманіе заграницей всѣми знатоками искусства, восхвалявшими нашего соотечественника. Оригинальность и сила таланта В. В. несомнѣнно велика и это нельзя не признать помимо всякихъ постороннихъ соображеній.

Картины, копіи съ которыхъ представлены нами, относятся къ двумъ доблестнѣйшимъ и кровавымъ эпизодамъ грандіозной плевненской эпопеи. Художникъ, самъ присутствовавшій при погребеніи нашихъ героевъ и подписавшій протоколъ объ невѣроятномъ видѣ въ какомъ были трупы найдены, потрясенный зрѣлищемъ, съ ужасающею правдою перенесъ сцену на полотно.

16 октября наша армія подъ Плевной имѣла чрезвычайно важный успѣхъ. Въ этотъ день взятъ былъ Телишъ, лежащій на самомъ шоссе верстахъ въ 10 позади Горнаго Дубняка. Участвовали 4 гвардейскихъ полка и кавказская казачья бригада. Дѣло было страшное и кровавое, наши войска вели себя такъ, что это всегда будетъ гордостью каждаго русскаго. На другой день по взятіи Телиша, 19 утромъ, пришли команды лейбъ-егерей съ офицерами отдать послѣдній долгъ павшимъ на полѣ чести товарищамъ. Въ картинѣ нашего художника эта важная „подробность“ однако опущена и почему-то поставленъ только одинъ священникъ съ унтеромъ, исполняющимъ обязанности причетника. Трупы нашихъ героевъ оказались сложенными въ небольшіе ряды, слегка засыпаны землею и страшно изуродованы, о чемъ и составленъ извѣстный протоколъ... Картина производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Три небольшіе эскиза „на Шипкѣ“ изображаютъ постепенность честной, ужасной смерти на своемъ посту нашего часоваго. Сильные вихри и мятели и глубокіе снѣга въ началѣ ноября 1877 года донимали нашихъ на южномъ фронтѣ противъ горы Св. Николая, на Шипкинскомъ перевалѣ. Густые туманы, холодные вѣтры, облака плававшіе ниже нашихъ позицій, вѣчная перестрѣлка, вѣчное ожиданіе аттаки, полусонъ—полубодрствованіе, ужасныя лишенія, нерѣдкіе случаи замерзаній—тяжелое положеніе! Но не вырвали у героевъ Шипкинскаго перевала!

Невольно навѣваются такія мысли при воспоминаніи объ этихъ скорбныхъ и славныхъ дняхъ великаго боя...

Мысль художника—показать въ поражающихъ образахъ всѣ ужасы, всѣ мрачныя и отталкивающія стороны войны.

Новое зданіе судебныхъ мѣстъ въ Брюсселѣ.

(Рис. на стр. 449).

Богатая и щеголеватая столица Бельгіи уже не разъ была описана на страницахъ нашего журнала какъ въ общихъ очеркахъ такъ и въ частныхъ ея подробностяхъ. Теперь мы помѣщаемъ видъ роскошнаго зданія судебныхъ мѣстъ (Palais de Justice) воздвигнутое въ Брюсселѣ въ замѣнъ обветшалой и неуклюжей прежней постройки. Весь этотъ раіонъ нѣкогда занималъ старинный монастырь Іезуитовъ, котораго величественная церковь, построенная по рисункамъ извѣстнаго зодчаго Жака Франкре, еще была цѣла въ началѣ настоящаго столѣтія. Для любознательнаго туриста посѣщеніе зданія суда можетъ доставить не малое эстетическое наслажденіе, такъ какъ здѣсь въ главной залѣ кассаціонной палаты красуются двѣ прекрасныя, большія картины, изображающія замѣчательные моменты въ исторіи Нидерландовъ. Одна, кисти Луи Гален, представляетъ отреченіе отъ престола Карла V а другая Бифа, „Совѣщаніе вождей оппозиціи въ 1566 году“. Обѣ эти картины замѣчательны по искусной группировкѣ многочисленныхъ фигуръ и по ихъ исторической вѣрности въ отношеніи сходства лицъ и другихъ аксесуаровъ. Кромѣ этого въ зданіи суда помѣщается и главный государственный архивъ, въ которомъ хранятся всѣ правительственные акты, явившіеся до 1794 года. Особенно обширную коллекцію составляютъ отчеты счетной палаты, протоколы засѣданій государственнаго совѣта, различные документы, касающіеся внѣшнихъ сношеній и военныхъ дѣйствій а также различныя хартіи и манускрипты, относящіеся какъ къ монастырямъ Іезуитовъ такъ и къ другимъ монашескимъ конгрегаціямъ. Всѣ эти богатые архивы ежедневно открыты для публики и каждый изслѣдователь старины, запасшись извѣстной рекомендаціей, можетъ рыться здѣсь сколько ему угодно не только въ бумагахъ, имѣющихъ частный интересъ но даже въ документахъ первостепенной государственной важности. Внѣшній видъ новаго зданія судебныхъ мѣстъ красивъ и величественъ.

Политическое обозрѣніе.

Кульджа.—Наши переговоры съ Турціей.—Румынія. Новый великій визирь. Убіеніе лорда Кэвендиша и Борка.

Кульджа окончательно сдана китайцамъ: главный начальникъ края Дзянь-Дзинь-Цзинь прибылъ уже туда съ главнымъ управленіемъ и войсками; все произошло въ совершенномъ спокойствіи: лишь бы новые властители не принялись за обычныя свои жестокости въ отношеніи оставшагося въ Или населенія. Что же касается тѣхъ, которые не захотѣли оставаться въ числѣ „счастливыхъ“ подданныхъ Срединной Имперіи, и перешедшихъ къ намъ (ихъ до 5,000 дворовъ), въ предѣлы Туркестан-

скаго генералъ-губернаторства, то они устроились въ Семирѣченской области, гдѣ имъ отведены земли и теперь они произвели уже посѣвы, провели каналы и т. д., думаемъ, что и мы кое что выиграемъ отъ этого трудолюбиваго и мирнаго населенія; оно все увеличивается, такъ что движеніе кульджинцевъ къ намъ продолжается въ значительныхъ размѣрахъ.

Наши переговоры съ Турціей какъ будто бы и обѣщаютъ хорошее: недавно обнародованъ султанскій ирадэ, которымъ повелѣвается Оттоманскому банку принять въ свой составъ русскаго делегата; нашъ посланникъ г. Новиковъ и уполномоченный для переговоровъ о военныхъ расходахъ г. Тернеръ отложили свой отъѣздъ и остаются въ Константинополѣ для подписанія особой конвенціи по этому предмету.

Румынія геройски борется за свои естественные интересы въ Дунайскомъ вопросѣ, борется уже не противъ одной Австріи, а чуть ли не противъ цѣлаго союза, такъ какъ Франція и Англія вмѣшались въ вопросъ, предложивъ свое „посредничество“, по вѣроятно съ явнымъ оттѣнкомъ доброжелательства къ Австро-Венгріи, что Румынія не соглашается на эти „добрыя услуги“ (bons offices на дипломатическомъ языкѣ); предложенъ и французскій проектъ разрѣшенія вопроса о судоходствѣ по Дунаю, названный по имени его составителя, проектомъ Баррера, но Румынія отклонила и его, по крайней мѣрѣ отклоняетъ до сихъ поръ. Какъ мы относимся ко всему этому,—можно видѣть легкое указаніе въ слѣдующемъ: „Агентство Гавасъ“ сообщило будто и Россія приняла въ принципѣ предложеніе Франціи, но „Journal de St.-Pétersbourg“, заявивъ, что проектъ Баррера былъ недавно переданъ русскому министерству иностранныхъ дѣлъ, прибавилъ, что сообщеніе Агентства о согласіи нашего правительства „слишкомъ рискованное“. Желалось бы, и очень, видѣть въ этихъ словахъ какъ можно болѣе надеждъ для румынъ. Вскорѣ въ международной комисіи по Дунайскому судоходству будутъ разсматриваться три вопроса: о расширеніи сферы вѣдомства европейской комисіи отъ Галаца до Браилова (Англія подъ этимъ только условіемъ соглашается одобрить Барреровскій проектъ); о назначеніи смѣшанной комисіи и продленіи полномочій европейской комисіи.

Вернемся на минуту въ Турцію, чтобы сказать, что тамъ перемѣненъ великій визирь: вмѣсто Саида-Паши назначенъ бывшій багдадскій губернаторъ Абдурахманъ-Паша; въ этомъ назначеніи видятъ желаніе султана приступить къ реформамъ. Турецкій посланникъ въ Берлинѣ спросилъ. конфиденціально, мнѣнія германскаго правительства относительно вооруженнаго вмѣшательства Турціи въ египетскія дѣла; но князь Бисмаркъ отвѣчалъ неодобрительно, замѣтивъ только, что оно поведетъ къ безцѣльному усложненію египетскаго кризиса.

Съ глубочайшимъ негодованіемъ заносимъ мы въ наше обозрѣніе извѣстіе объ отвратительномъ злодѣяніи, совершенномъ ирландскими феніями, или ихъ „крайними“. Правительство, т. е. министерство Гладстона, желая по возможности успокоить Ирландію и войдти въ какое нибудь соглашеніе съ тѣми. кто предполагался во главѣ „всего“ движенія, рѣшился смѣнить Форстера, министра по ирландскимъ дѣламъ, не заслужившаго симпатіи въ Ирландіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было освободить и всѣхъ вождей движенія. На мѣсто Форстера былъ назначенъ лордъ Фрэнсисъ Кэвендишъ (младшій братъ лорда Гартингтона). 24-го апрѣля вечеромъ Кэвендишъ и товарищъ его по министерству (младшій статсъ-секретарь) Боркъ прогуливались въ Фениксъ-Паркѣ (въ Дублинѣ), когда къ нимъ подъѣхалъ экипажъ, изъ котораго выскочили двое злоумышленниковъ; они нанесли Кэвендишу и Борку нѣсколько ранъ въ шею и грудь и, успѣвъ покончить съ своими жертвами, быстро скрылись и не найдены до сихъ поръ; несчастный министръ и его товарищъ были найдены уже мертвыми и страшно изуродованными, такъ какъ, повидимому, они отчаянно защищались. Излишне говорить о томъ впечатлѣніи, которое произведено этимъ убійствомъ, которое считаютъ отвѣтомъ крайнихъ феніевъ на примирительную политику Парнелля; что касается этого ирландскаго вождя и его друзей—то они открыто выразили свое негодованіе; проживающіе въ Лондонѣ ирландцы собрали митингъ въ Гайдъ-Паркѣ, чтобы заявить и съ своей стороны о томъ, что они не желаютъ имѣть ничего общаго съ негодяями-убійцами Кэвендиша и Борка. Одно время полагали, что министерство Гладстона не устоитъ, но консерваторы поддерживаютъ его, такъ какъ понимаютъ, что теперь не время мѣнять министерство, тѣмъ болѣе, что это министерство приняло рѣшеніе во что бы то ни стало установить порядокъ въ Ирландіи.

Смѣсь.

Храбрый машинистъ, по имени Ирвингъ подвергъ свою жизнь опасности для спасенія другихъ. На желѣзнодорожной станціи Вайнсборо въ Америкѣ одиннадцать товарныхъ поѣздовъ ожидали прибытія нѣсколькихъ запоздавшихъ пассажирскихъ поѣздовъ. По прибытіи послѣднихъ и по удаленіи ихъ со станціи, въ западномъ направленіи стоявшій первымъ на очереди товарный поѣздъ пустился въ путь. Онъ долженъ былъ подняться на значительное возвышеніе и такъ какъ поѣздъ не былъ въ состояніи подвигаться, то машинистъ слѣдующаго поѣзда, молодой Ирвингъ, отцѣпилъ свой локомотивъ и поспѣшилъ на помощь первому поѣзду. Въѣхавъ на возвышеніе товарный поѣздъ вошелъ въ туннель, а Ирвингъ вернулся къ своему поѣзду. Но по прибытію къ мѣсту онъ къ ужасу своему увидѣлъ, что тринадцать нагруженныхъ вагоновъ, отцѣпились отъ перваго товарнаго поѣзда и катились обратно; они уже подходили къ спуску возвышенія. Черезъ нѣсколько минутъ должно было послѣдовать страшное столкновеніе съ поѣздами, стоящими на станціи, причемъ должно было погибнуть много людей и огромное количество товара. Молодой машинистъ рѣшился дѣйствовать; не заботясь о самомъ себѣ, онъ на всѣхъ парахъ пустился снова съ локомотивомъ на встрѣчу вагоновъ, катящихся съ увеличивающеюся скоростью. Столкновеніе было ужасное. Передній вагонъ положительно поднялся на локомотивъ и разбился, но прочіе вагоны были остановлены. Храбрый машинистъ былъ вытащенъ изъ-подъ осколковъ, но къ счастью съ незначительными ранами.

Вѣскій доводъ. Въ Лондонѣ дѣятельно занимаются операціями надъ живыми животными для опытовъ. Вотъ что разсказывается въ журналѣ „Природа“. Извѣстный ученый описываетъ тамъ свою встрѣчу съ ярой непріятельницей вивисекціи миссъ Коббе. Она посѣтила его съ цѣлью заставить прекратить это жестокое занятіе. Но такъ какъ у миссъ на шляпѣ было страусовое перо, на муфтѣ прелестный колибри, а ручка ея зонтика была изъ слоновой кости, то ученый отвѣтилъ ей слѣдующей рѣчью:

„Сударыня, всякъ воленъ дѣлать что ему угодно. Но когда вы не будете болѣе носить страусовыхъ перьевъ, которыя вырываются у живой птицы, что причиняетъ ей неимовѣрную боль, когда вы откажетесь отъ колибри, изъ которыхъ, для сохраненія красоты перьевъ, внутренности вынимаются при жизни, и когда вы не будете болѣе употреблять слоновой кости, такъ какъ клыки изъ которыхъ она дѣлается, вырѣзаются у умирающаго слона, тогда приходите и браните меня за мою жестокость. Разница между нами та, что я причиняю боль въ видахъ науки и желая принести пользу людямъ, между тѣмъ какъ вы жестоки въ видахъ украшенія только своей личности“.

Замѣчательныя явленія на Циркницкомъ озерѣ. Неправильная зима страшно повліяла на Цирквицкое озеро. Оно ушло въ подземныя отверстія. Побережные жители получили возможность собрать въ руслѣ озера сѣно, они также дѣятельно занимались охотой на дикихъ утокъ. Въ началѣ дождей озеро быстро начало наполняться, декабрь выдался очень хорошій и вода — противъ обыкновенія — стала снова стекать въ подземные бассейны черезъ отверстія. Въ это-же время озеро начало замерзать и въ нѣсколько дней образовался довольно толстый слой льду. Но и подо льдомъ вода не переставала убывать и стекла вся въ самыя глубокія мѣста озера. Тогда началась дѣятельная рыбная ловля около всасывающихъ отверстій, куда стекала вода и уходили рыбы. Кому-то вздумалось зажечь на берегу въ нижней деревнѣ сухой верескъ и водяныя растенія и видъ этого освѣщеннаго льда казался волшебнымъ.

Шестнадцать мѣсяцевъ на необитаемомъ островѣ. Американскій Корветъ, „*Маріонъ*“ прибылъ 20 февраля къ Капштату и привезъ съ острова Герда 33 человѣка, оставшихся послѣ крушенія въ октябрѣ 1880 г. американской барки Тримфи у названнаго острова. Капитанъ Тримфи, Джонъ Вильямсъ, 1 іюня 1880 г. отправился изъ Новаго Лондона на ловлю моржей и китовъ въ Южномъ Океанѣ и 2 октября присталъ къ острову Герду. Барка стала на якорь у верхней стороны необитаемаго острова, находящагося подъ 53 градусомъ южной широты и 73° восточной долготы. До 17 октября, все было благополучно, но въ этотъ день, въ бурю, барка стала погружаться. Принуждены были снять якорь и для спасенія экипажа подойти возможно ближе къ берегу. Было очень холодно и пока выходили на берегъ, семь матросовъ поотмораживали себѣ руки и ноги. Въ ту же ночь барка была угнана въ открытое море и съ тѣхъ поръ о ней ничего не было извѣстно. Къ счастью, людямъ удалось захватить съ собою пищу на три мѣсяца, которую они разнообразили мясомъ и яйцами пингвиновъ. На островѣ, потерпѣвшіе крушеніе нашли хижины, которыя, по всей вѣроятности были выстроены людьми, пріѣзжавшими сюда для ловли китовъ. Въ хижинахъ этихъ они размѣстились. Впродолженіи 16 мѣсяцевъ своего заключенія матросы охотились на морскихъ слоновъ. Большую часть года матросы сильно страдали отъ холода; 30 января 1881 года два матроса замерзли при переходѣ черезъ глетчеръ. 15 февраля этаго года, въ 5 часовъ вечера вдали показался корабль. При помощи парусовъ былъ поданъ сигналъ, что примѣтилъ пароходъ Маріонъ и направилъ путь къ острову. На слѣдующій день съ разсвѣтомъ, потерпѣвшіе крушеніе были уже на пароходѣ. Островъ Гердъ вулканическаго образованія, имѣетъ 30 миль въ длину и 3 въ ширину.

Большой дѣтскій праздникъ. Маркизъ Батъ, одинъ изъ богачей католической Англіи, очень любящій дѣтей, по случаю рожденія сына. устроилъ въ Кардифѣ (въ Валлисѣ) большой дѣтскій праздникъ; на праздникѣ было 20000 дѣтей, которыхъ угощали чаемъ и пирожками. Ряды столовъ занимали пять англійскихъ миль, а такъ какъ вмѣстѣ съ дѣтьми прибыло 50000 взрослыхъ, то было съѣдено 600 пудовъ пирожковъ.

Поддѣлка сигаръ. Одна нью-іоркская бумажная фабрика постоянно получала, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, значительные заказы на чрезвычайно тонкую бумагу, не зная, какое назначеніе дается ея произведенію. Только недавно стало извѣстно, что бумага эта шла въ Гаванну и предназначалась для поддѣлки сигаръ. Вымочивъ эту бумагу въ отварѣ остатковъ табака, ее высушивали, затѣмъ помѣщали подъ прессъ и придавали видъ табачныхъ листьевъ; самый опытный глазъ не могъ-бы замѣтить обмана — такъ искусно продѣлывалось это. И вотъ, такіе-то листья превращались въ настоящія гаванскія сигары, которыми наслаждались любители.

Телефонъ и правосудіе. Въ Нью-Іоркѣ воспользовались телефономъ для подслушиванія разговоровъ въ тюрьмѣ между арестантами. Микрофонъ, служащій, какъ извѣстно, для передачи звуковыхъ колебаній настоящему телефону, позволяетъ различать всѣ звуки, раздающіеся въ комнатѣ, внутри ея. Это подало американцамъ мысль прикладывать микрофонъ къ стѣнѣ тюремной камеры, тщательно прикрывая отверстіе микрофона-передавателя тонкой бумажкой, пробитой едва видимыми отверстіями. Въ камеру впускаютъ, положимъ, соучастниковъ или родственниковъ арестанта, оставивъ ихъ, затѣмъ, одихъ. И вотъ, представляется возможность слушать ихъ разговоръ, не возбуждая подозрѣній. Такъ практикуется это въ Американской республикѣ.

ИГРЫ И ЗАДАЧИ

Англійская игра въ мячъ на лугу (Lawn-tennis).

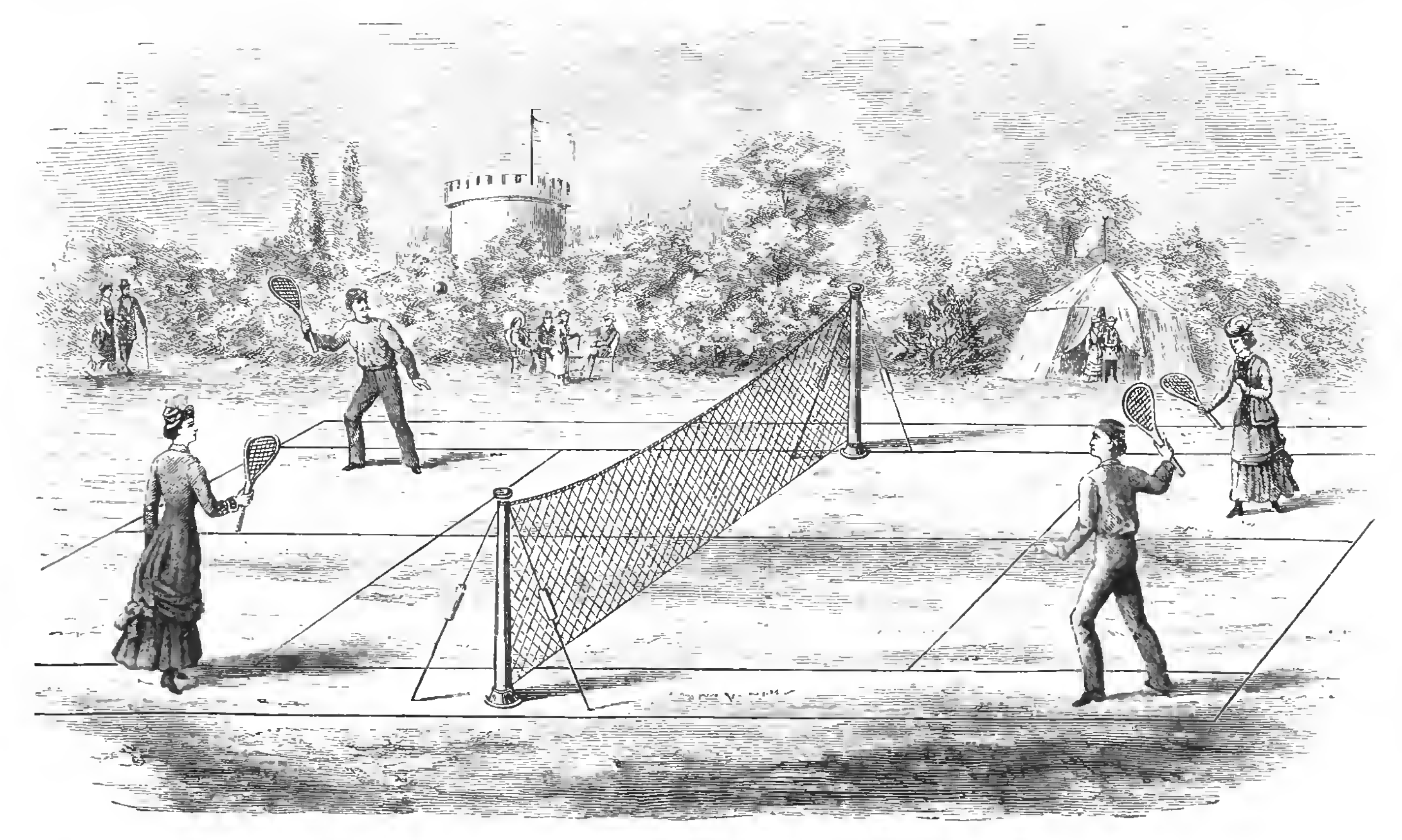
Игры и зрѣлища занимали всегда въ жизни человѣка важное мѣсто. Греки такъ высоко ставили свои игры, что побѣдителямъ въ нихъ давались не только лавровые вѣнки, но и воздвигались имъ статуи. По играмъ велось даже лѣтосчисленіе. Древніе народы знали что игры имѣютъ большое вліяніе на тѣлесное развитіе человѣка.

Въ Англіи чрезвычайно употребительна игра въ мячъ на лугу — Lawn tennis. Для игры этой требуется мѣсто на лугу въ 80 футовъ длины и 40 ширины, которое должно быть совершенно горизонтальное, — это составляетъ непремѣнное условіе игры. Все это пространство раздѣляется такъ, какъ показано на рисункѣ бѣлыми полосками, которыя проводятъ кистью съ известью или же бѣлыми шнурами, которые укрѣпляются на лугу проволокой, загнутой шпильками.

Англійская игра въ мячъ на лугу. Планъ игры.

Для ударовъ по мячу употребляются такъ называемыя ракеты, которыя дѣлаются изъ крѣпкой, нѣсколько выгнутой въ видѣ груши, деревянной рамы, съ переплетомъ изъ толстой римской струны. Мячи берутся резиновые, пустые внутри, въ 2 1/2 дюйма въ поперечникѣ; они обтягиваются козлиной кожей. Одежда должна быть также приспособлена для быстрыхъ движеній, въ особенности сапоги употребляются съ резиновыми подошвами, которые не скользятъ по травѣ и не истаптываютъ ее сильно, на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ болѣе всего приходится стоять. Въ игрѣ могутъ участвовать два, три и четыре лица. Здѣсь изображена игра для четырехъ лицъ, игра же вдвоемъ и втроемъ послѣ этаго уже будетъ сама собою понятна.

Четыре игрока занимаютъ свои мѣста, какъ обозначено на рисункѣ. Игроки, стоящіе рядомъ по одну сторону сѣтки, должны помогать и поддерживать другъ друга. Игра начинается слѣдующимъ образомъ: игрокъ стоящій у цифры 1, лѣвой ру-



Англійская игра въ мячъ на лугу (Lawn-tennis). Разстановка партнеровъ.

На линіи А А укрѣплена сѣтка, которая у столбиковъ вышиною въ 4 фута и посрединѣ въ 3 фута; нижнимъ же концомъ она прикасается къ травѣ.

кою легко подбрасываетъ мячикъ, ударомъ ракеты посылаетъ его черезъ сѣтку такъ, чтобы мячъ коснулся земли въ противуположномъ каре е, і, к, m, лежащимъ по діагонали; у цифры 3

стоитъ противникъ, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы однимъ ударомъ по мячу перебросить его ракетой черезъ сѣтку назадъ; мячъ не долженъ непремѣнно коснуться земли въ противуположномъ каре по діагонали, но не долженъ выйти за предѣлы обоихъ непріятельскихъ каре а, в, о, р. При вторичномъ возвращеніи мяча, каждый изъ партнеровъ можетъ отбить его и для того чтобы отпарировать мячъ, гдѣ онъ упадетъ— занимаются мѣста на переднемъ планѣ и на заднемъ.

Счетъ игры ведется такъ:

Игра проиграна 1) если начинающій сдѣлаетъ двѣ ошибки, т. е. если посылая мячъ онъ не перебросить его черезъ сѣтку или же если мячъ упадетъ за черту каре противниковъ (напр. при началѣ отъ 1, за черту е. i, к. m.); 2) если какая нибудь сторона не успѣетъ отослать обратно мячъ черезъ сѣтку, или же мячъ упадетъ за границы каре противниковъ.

3) Если мячъ будетъ отбитъ ранѣе, нежели онъ коснется земли:

4) Если мячъ коснется платья играющаго или если будетъ ударенъ ракетомъ болѣе нежели одинъ разъ.

5) Если мячъ отпарированъ ранѣе, нежели онъ пройдетъ сѣтку. При одномъ изъ этихъ случаевъ сторона, сдѣлавшая ошибку, теряетъ одинъ мячъ, а противная сторона выигрываетъ его.

Затѣмъ идетъ счетъ: при выигрышѣ перваго мяча считаютъ пятнадцать, при второмъ—тридцать, при четвертомъ—сорокъ, при пятомъ—пятьдесятъ и партія выигрывается. Исключеніе составляется только тогда, если обѣ стороны дошли до сорока, т. е. выиграли по три мяча, тогда говорится „игра стоитъ“ и не достаточно выиграть четвертый мячъ, а слѣдуетъ подъ рядъ выиграть два мяча. Если же выиграется одинъ мячъ—четвертый и противная сторона тоже выигрываетъ одинъ мячъ, то снова игра уравнивается и для окончанія необходимо взять два мяча подъ рядъ.

Партнеръ начавшій игру, т. е. кидающій мячъ, бросаетъ его во все продолженіе партіи до пятидесяти, причемъ при всякомъ потерянномъ или выигранномъ мячѣ онъ можетъ мѣняться мѣстами со своимъ партнеромъ. Такъ напр. № 1 кидаетъ разъ мячъ № 3-му, а другой № 4-му. По окончаніи каждой игры киданіе мяча предоставляется игроку противной стороны, до тѣхъ поръ пока всѣ четверо не перекидаютъ мяча. Если три игры выиграны на одной сторонѣ, то считается что сторона выиграла всю партію. Если же каждая сторона выигрываетъ по двѣ игры, то мячъ начинаетъ бросать снова первый игрокъ и вся партія рѣшается пятою игрою.

Если начинающій (№ 1) сдѣлаетъ ошибку, то принимающій мячъ (№ 3) долженъ выкрикивать ошибки, если же онъ отсылаетъ назадъ мячъ, то ошибка не считается, если даже она и была сдѣлана.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 28.

1) a	$a - d = b - e$	$a = 4 = $ Г
2) b	$b + 1 = 2e$	$b = 17 = $ Р
3) c	$f + g = 2b + 1$	$c = 9 = $ И
4) d	$a + y = c - d$	$d = 2 = $ Б
5) e	$e : f = 1 : 2$	$e = 15 = $ О
6) f	$f - z = \frac{c}{3}$	$f = 30 = $ Ѣ
7) g	$2d + 1 = g$	$g = 5 = $ Д
8) x	$c : z = g : x$	$x = 15 = $ О
9) y	$e - c = 2y$	$y = 3 = $ В
10) z	$a + x + y = b + g$	$z = 27 = $ Ъ.

ГРИБОѢДОВЪ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Шульца, Лагусъ, Боронина, Нестерова, Кузьмина, Колюбакина, Пея, В. Дн., Хухрина, Веле, Вильсонъ, Величко, Зальманъ, Фамусова, Катламо; **Москва** — Якобъ, Покровскаго, Зотова, Флагге, Шустова, Иванова, Тульскаго, Лысенкова, Ларіонова, Зелькина, Еремина, Березкина; **Бакчисарай**—Дрембжа; **Бѣлгородъ**—Артемьева; **Бѣлевъ**—Воскова; **Вильно**—Гайжевскаго; **Вологда**—Попова, Бѣляева; **Гатчино**—Фейлигъ; **Геническъ**—Литягиной; **Данковъ**—Карнѣева; **Дерптъ**—Шутенбахъ; **Ив.-Вознес.**—Якобсонъ; **Калуга**—Шмакова, **Каменецъ**—Колпакчи; **Кашинъ**—Жданова; **Коломна**—Горева, Бѣлколодскаго, Охотскаго; **Коровино** — Терскаго; **Кострома** — Михайловскаго; **Кременчугъ** — Андреева, Брука; **Крутое**—Окорокова; **Кузнецкъ**—Орлова; **Курскъ**—Янышина, Пашкова; **Лебединъ** — Яснинской; **Ловичъ** — Ф—аго; **Люцинъ** — Столбошинскаго; **Мальце-Бродово**— П. Н. Т.; **Марковичи**—Саковича; **Медвѣдево**—Лейцингеръ; **Нахичевань**—Кечеджіева; **Нижн.-Новг.** — Тюленева, Бусъ, Вихирева; **Николаевъ** — Крастелева; **Одесса**—Подгорнаго; **Оренбургъ**—Калачева; **Ранненбургъ**—Проферансова; **Ревель**—Отоцкаго; **Ростовъ**—Герцона, Данилова; **Рыбинскъ**—Трусова, Сотсковой, Левинова; **Рыльскъ**—Аристарховой; **Самара** — Парбутята, Рычкова; **Саратовъ** — Крафтъ; **Сасово**—Соколова; **Симферополь**—Джеварджи, Гласманъ; **Скопинъ**—Волкова; **Софійская**—Драмутенова; **Сѣдлецъ** — Данилевскаго; **Сызрань** — Волкова; **Торжокъ**—Клюшина; **Тула**—Малицкаго; **Хмѣльникъ**—Красниковой; **Череповецъ**—Пушкова; **Шостка**—Ходулина, Куценко; **Ярославль**—Нефедьева.

Рѣшеніе ребуса № 23.

Языкъ голову кормитъ, онъ-же и до побоевъ доводитъ.

Рѣшеніе ребуса № 23.

Частенько намъ удавалось распутывать разныя хитрости и замысловатыя вещи, а такую-то легкую тотчасъ разгадаемъ.

Вѣрныя рѣшенія этаго ребуса присланы отъ гг.: **Спб.**: Струкова, Хайлова, Стежинскаго, Гурьевой; **Москва**—Доброва, Гербова, **Владиміръ**—Коптева, **Вологда**—Изюмова, **Казань**—Горталова, Герстель, **Калуга**—Захарьина, Ворошилова, **Кишиневъ**—Гольденвейзера, **Клинъ**—Цыганова, **Козелецъ**—Павлова, **Коломна**—Шевлягина, **Корчево**—Кирилова, **Митава**—Шульцъ, **Николаевъ**—Морозовой, **Одесса**—Ефимова, Діевскаго, **Рига**—Керцелли, **Скопинъ**—Бѣляева, **Тамбовъ**—Хмѣлевскаго.

Рѣшеніе магическихъ квадратовъ.

№ 25.

б	о	к	а	л
о	к	о	в	а
к	о	р	о	б
а	в	о	л	а
л	а	б	а	з

№ 27.

к	а	р	а	с	а
а	м	а	н	а	т
р	а	б	о	т	а
а	н	о	н	и	м
с	а	т	и	р	а
а	т	а	м	а	н

№ 26.

ѣ	з	д	о	к
з	л	о	б	а
д	о	х	о	д
о	б	о	р	ы
к	а	д	ы	к

Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано отъ Ф. Боронина въ **СПБургѣ**.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ЖИДКОСТЬ отъ МОЛИ.

Для сбереженія на лѣтнее время шубъ, платьевъ, ковровъ, мебели и проч., признана по 20-ти лѣтнему опыту однимъ изъ лучшихъ существующихъ средствъ для истребленія моли.

Употребляется тоже для очищенія воздуха въ комнатахъ. Цѣна флакону 30 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ**, д. № 32, Католической церкви.
2) **Невскій проспектъ**, у Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій проспектъ**, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54. Шредера. № 2070 2—2

Всѣ прочіе магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою СПБургской Химич. Лабораторіи ей не принадлежатъ.

ВЫШЕЛЪ и РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

МАЙСКІЙ № 53-й ЖУРНАЛА

„ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬ“.

Содержаніе вышедшихъ нумеровъ (49, 50, 51, 52 и 53).

ПРОЕКТЫ: Хранилища для фруктовъ, городскаго дома въ двѣ квартиры, птичника, металлическихъ рѣшетокъ и оградъ, маслобойни, школы, земскаго дома, саманной постройки, овина и печи для сушки сноповъ и дачи. **СТАТЬИ:** объ устройствѣ стропилъ, о водопроводныхъ бакахъ въ домахъ, о дешевыхъ и прочныхъ краскахъ для деревянныхъ построекъ, объ Императорскомъ сельско-хозяйственномъ музеѣ, усадьбы и ихъ расположеніе, временныя и переносныя дороги для сельскаго и лѣснаго хозяйства, по поводу статьи „Императорскій сельско-хозяйственный музей“ и американскіе вѣтряные двигатели. Сверхъ того въ каждомъ нумерѣ: корреспонденція, отвѣты редакціи, библіографія, смѣсь и объявленія.

Подписная цѣна на годъ: безъ доставки—12 р., съ доставкою въ С.-Петербургѣ — 13 р., съ пересылкою внутри Россіи по почтѣ 14 р.

Подписка на 1882 годъ продолжается.

Требованія о высылкѣ журнала, вмѣстѣ съ подписными деньгами, должны быть адресованы въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Хозяйственный Строитель“, Мойка, № 26.

См. объявленіе въ № 9 „Нивы“. № 2092

ГАЛЬМАНИНЪ.

После многочисленныхъ опытовъ я изобрѣлъ удачный составъ (Гальманинъ), совершенно предотвращающій прѣніе частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ повсюду. ***Состоя изъ веществъ совершенно безвредныхъ, оно не задерживаетъ пота, но поглощаетъ его и превращаетъ въ мелкіе микроскопическіе кристаллы.*** *Эти-то качества и даютъ ему преимущество надъ средствами, до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.*

Гальманинъ, осушая части тѣла, дѣлаетъ невозможнымъ ихъ прѣніе; по этому лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно разъ въ нѣсколько дней при помощи ваты, полотна или кисточки натереть Гальманиномъ прѣющія части чтобы избѣгнуть непріятныхъ послѣдствій, какимъ подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе жаркіе дни.

Вполнѣ ручаясь за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина, *что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей,* ***прошу публику остерегаться поддѣлокъ и покупать Гальманинъ только въ коробочкахъ, снабженныхъ моею фирмою.***

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 коп., малая 30 коп. **В. Карпинскій.**

Магистръ фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Электоральная, № 35.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ КУМЫСО-ЛЕЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ВРАЧА ЧЕТБУЛАТОВА, за смертію арендатора Свѣчина, перешедшее къ г-жѣ Четбулатовой; Самарской губ. въ 35 верстахъ отъ станціи Безенчукъ Оренбургской дороги.

Лечебный сезонъ съ 1-го мая по 1-е сентября. При заведеніи опытный врачь и акушеръ г. Волянскій; медицинскіе совѣты безплатно. Леченіе сгущеннымъ воздухомъ. Меблированныя квартиры, расположенныя въ саду—паркѣ, по берегу большого пруда, отъ 12 до 70 руб. въ мѣсяцъ; столъ изъ 4-хъ блюдъ 20—22 р., кумысъ 25 к. бутылка, кругомъ заведенія ковыльная степь, для пастьбы кобылицъ. Аптека, бильярдъ, библіотека, журналы, газеты, почта 2 раза въ недѣлю; для катанья экипажи, верховыя лошади.

На ст. Безенчукъ для проѣзда на заведеніе покойные, крытые тарантасы, лошади по таксѣ. За справками обращаться: на ст. Безенчукъ къ буфетчику; въ Самарѣ: гостинница Краснова къ агенту заведенія. Почтовый адресъ: Марьевская станція Самарской губерніи Варварѣ Александровнѣ Четбулатовой. № 2093 1—1

ВЕНЦЕЛЬ. МОЛОЧНАЯ МУКА ГЕНРИХА НЕСТЛЕ

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ Цѣна 1 р.

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Самое лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко. Оно питательно и удобоваримо и охотно принимается всякимъ ребенкомъ.

СГУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ Цѣна 75 к.

ГЛАВНОЕ ДЕПО въ Спб. Казанск., 3, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ

также у Штоль и Шмидтъ, въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами и во всѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской Имперіи.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится **синій штемпель и подпись** Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

P. № 2012 5—4 **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).**

ВЫШЛА МАЙСКАЯ КНИЖКА

„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ: **Тайна мистера Сильвестера,** Анны Катарины Гринъ.—**Непонятное исчезновеніе,** Джонни Людло.—**Кривляющійся женихъ.—Сватъ.—Отчего я не сдѣлался врачемъ,** Я. Васильева. Всѣ статьи закончены.

Въ первой книжкѣ помѣщенъ разсказъ Жюля Верна Жангада. Пилюли Эсфири Ридъ. О вліяніи душеной говядины на семейное счастье. Первые плоды. Исторія духовнаго завѣщанія. Во второй: Самоубійца ли она? разсказъ А. А. Шкляревскаго. Записки монахини. Проблема сердца. Стефанія. Шопотъ въ лѣсу.

„Собраніе Романовъ“ выходитъ шесть разъ въ годъ и стоитъ **четыре рубля пятьдесятъ коп.,** съ доставкой **пять,** съ пересылк. **шесть рублей.** Каждая книга, составляющая отдѣльное цѣлое, всегда съ законченными статьями, продается въ Редакціи и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ по 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к. Подписка принимается исключительно на имя Е. Н. Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Для присутственныхъ мѣстъ, Земскихъ управъ, Волостныхъ правленій, Мировыхъ Судей и училищъ.

ПОРТРЕТЪ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ АЛЕКСАНДРА III,

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО.

Олеографическій поясный въ натуральную величину 17×13½ вершк., цѣна 4 руб. съ перес. Портретъ не отличающійся отъ писанныхъ масляными красками на полотнѣ. Продается въ книжной и картинной торговлѣ Т. Ф. Кузина, внутри двора графа Апраксина, № 120, по Большой линіи, въ С.-Петербургѣ. № 2087

ОТЪ ДОЖДЯ И ПЫЛИ

РЕКОМЕНДУЕМЪ ПО НИЖЕСЛѢДУЮЩИМЪ ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ

НЕПРОМОКАЕМЫЯ ПАЛЬТО.

Пальто съ рукавами изъ черной резиновой матеріи за штуку	10 руб.	—	коп.
Плащи съ крыльями „ „ „ „ „ „	13 „	—	„
Капюшоны къ нимъ „ „ „ „ „ „	1 „	25	„
Военныя пальто „ „ „ „ „ „	17 „	—	„
Пальто дамскія съ рукавами „ „ „ „ „	13 „	—	„
Дамскія тальмы „ „ „ „ „ „	11 „	—	„
Плащи для дѣтей „ „ „ „ „ „	10 „	—	„
Пальто, съ рукавами всѣхъ цвѣтовъ изъ самой лучшей англійской матеріи на **шерстяной** подкладкѣ съ незамѣтнымъ резиновымъ слоемъ	30 „	—	„
Плащи съ крыльями такіе-же	30 „	—	„
Пальто съ рукавами изъ англійск. шерст. мат. на **бумажной** подкладкѣ съ незамѣтнымъ резиновымъ слоемъ	22 „	—	„
Плащи съ крыльями такія же	22 „	—	„
Военныя пальто изъ сукна на сѣрой подкладкѣ (саржа)	34 „	—	„

Нужна мѣрка: а) для пальто: вся длина,—длина рукавовъ, объемъ груди и шеи; в) для плаща—вся длина и объемъ шеи.

ПРОТИВЪ МОЛИ

рекомендуемъ особенно для храненія мѣховыхъ вещей

РЕЗИНОВЫЕ МѢШКИ ОТЪ МОЛИ,

которые оказались превосходными, съ герметическимъ закроемъ, по слѣдующимъ дешевымъ цѣнамъ:

Для храненія	1 шубы	за мѣшокъ	5 руб.	— коп.
„ „	2 шубъ	„ „	6 „	50 „
„ „	3 — 4 шубъ	„ „	8 „	— „
„ „	4 — 5 шубъ	„ „	9 „	50 „
„ „	5 — 7 шубъ	„ „	11 „	— „

Въ провинцію заказы исполняются немедленно и просятъ гг. покупателей за пересылку по почтѣ прибавлять на пальто или мѣшокъ отъ моли до 1000 верстъ 1 р., болѣе 1000 верстъ—2 р.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА и РИКСА.

16. Въ С.-Петербургѣ, Гороховая улица, **16.**

1-го МАЯ ВЫШЕЛЪ и РАЗОСЛАНЪ

№ 5,

Содержаніе: I. Тысяча лѣтъ назадъ (по случаю юбилея Кіева) **Д. Мордовцева.** II. Богатырство Кіевское. **В. Авенаріуса.** III. Древне-Кіевская былина. IV. Отъ бревенчатой хижины до Бѣлаго дома (продолж.). V. Абиссинія. VI. Доброе дѣло (очеркъ). VII. Для самыхъ маленькихъ дѣтей: Пятьдесятъ куколъ (разсказъ). VIII. Смѣсь. IX. Загадки.

Подписка на 1882 г. продолжается

Цѣна въ годъ съ дост. и перес. (12 книгъ журнала и 3 книги педагогическаго сборника) **6** руб., безъ приложенія **5** руб.

Адресъ редакціи: СПБ., Спасская ул., № 1.

При конторѣ „Родника“ продаются слѣдующія книги:

1) **Исторія маленькой дѣвочки.** Соч. **Е. Сысоевой,** 2 т. въ коленк. переплетѣ **2** р. **50** к., съ пер. **3** р.
2) **Спенсеръ.** Воспитаніе умственное, нравственное и физическое, перев. **Е. Сысоевой. Ц. 85 к.** съ перес. **1 р. 10 к.**
3) **Брунсъ.** Астрономическій атласъ. Ц. **3** р., съ перес. **3 р. 50 к.**

Подписч. на „Родникъ“ пользуются 20% уступки.

Карманные никелевые часы

заводящіеся безъ ключа (въ ручку).

Анкерные мужскіе открытые 14 руб.
Такіе же закрытые 16 „
Малаго размѣра открытые 15 „
Такіе же закрытые 17 „

съ ручательствомъ на два года, въ магазинахъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23, (противъ Большой Конюшенной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Бартельсомъ).

Пересылка на счетъ магазиновъ. Подробные прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

НОВОСТЬ!

Рѣзецъ и аппаратъ для шитья петель на всякой матеріи и бѣлье. Цѣна 3 р. съ перес.
№ 9. Гороховая ул., домъ Лембке. кварт. № 8., въ С.-Петербургѣ.
№ 2060 2—2

ДАЧА

близь Выборга на берегу озера въ здоровой, прелестной мѣстности, съ мебелью, продается дешево и отдается на лѣто. Мильхъ Большая Морская, д. № 39 до 12 час. утра и 6—8 час. вечера.
№ 2085 4—1

ПОРОШКИ

для легкаго возстановленія истертыхъ мѣстъ на высеребреныхъ подсвѣчникахъ, столовыхъ приборахъ, пуговицахъ и проч. продаются у

Р. КЕЛЕРЪ и Кº въ Москвѣ.

ТОПИЧЕСКІЙ. РУССКІЙ СЛОВАРЬ.

Вып. I. Трудъ первый, единственный въ этомъ родѣ къ изученію языка у самаго языка. Г. Тверь, Чирьева улица, д. № 62, у составителя Яснецкаго. Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ книжн. магазинъ „Новое Время“ Суворина. Цѣна 1 р. 60 к., пересылка за 1 фунтъ. На напечатаніе прилагается деньгами и почтовыми марками на 2 руб. 86 к. Присяжный повѣренный Кол. Совѣтникъ Иванъ Семеновичъ Яснецкій. Г. Тверь, Чирьева улица, соб. домъ № 62. № 2084 1—1

А. СІУ и Кº.

ПАРФЮМЕРНЫЙ и КОСМЕТИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

Тверская, д. Варгина. МОСКВА. ПОДРОБНЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ.

Только что вышли изъ печати и продаются въ конторѣ журнала „НИВА“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историч. романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, большой томъ in—8, всего 672 стр., напечатано на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Для новыхъ подписчиковъ „Нивы“ 1882 г. ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть съ 20 рисунками Ив. Панова. 2-е изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ XVII вѣка. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Два новопатентованныхъ американскихъ практичныхъ изобрѣтеній.

Неподражаемой доброты **вакса для обуви** сохраняющая кожу и дающая превосходный и прочный блескъ, **50 полуфунтов.** или **25** фунтовыхъ жестянокъ . . . . 7 руб. 50 коп.
Замѣчательная **помада для чистки и полировки въ ¼ минуты:** металловъ, самоваровъ, кухонной мѣдной посуды, утвари и проч. 50 меньшихъ или 25 большихъ жестянокъ . . . . 3 руб. 75 коп.
Укупорка и провозъ отдѣльно. При заказахъ не менѣе ста руб. 10% скидки. При заказѣ свыше 300 руб. **10% скидки и провозъ** не считается.
Требованія, деньги, адресовать:

Торговый домъ „Commerce Russe“ въ Варшавѣ.

Исключительная продажа на всю Европу.
Требуются надежные агенты. № 2082 5—1

КУМЫСЪ ВЪ САМАРѢ.

Съ 1-го мая, открывается XXV сезонъ на первомъ кумысо-лечебномъ заведеніи доктора медицины Н. В. Постникова. Подробныя свѣдѣнія о кумысѣ и заведеніи можно прочесть въ монографіи о кумысѣ д-ра Постникова, имѣющейся въ Петербургѣ у Вольфа, въ Москвѣ у Вольфа, въ Самарѣ у автора по 1 руб. съ пересылкою.

Тамъ же и кромѣ того въ 1 Центральной конторѣ объявленій Матиссена (у Казанскаго моста, д. № 28—21, въ С.-Петербургѣ) и у многихъ книгопродавцевъ Петербурга можно имѣть безплатную публикацію на XXV сезонъ съ обозначеніемъ цѣнъ и всѣхъ условій леченія, съ краткимъ описаніемъ пути до Самары и цѣнъ на всѣ предметы и проч. № 2065 4—2

Болѣе 200 медалей **перваго класса.** Еженедѣльное производство **болѣе 10,000 машинъ.**

НОВѢЙШІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ КОМПАНІИ ЗИНГЕРЪ

(ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ).

Ввозъ въ Россію и продажа производятся исключительно черезъ Главнаго Уполномоченнаго.

Г. НЕЙДЛИНГЕРЪ.

Въ С.-Петербургѣ: Казанская улица, № 42.
Въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.
Р. № 2090 2—1

СТРАХОВАНІЕ ПЕНСІИ НА СТАРОСТЬ.

ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себѣ пенсію (доходъ) въ

1,000 РУБЛЕЙ ЕЖЕГОДНО,

уплата которой начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста застрахованнаго и продолжается до его смерти.

За это страхованіе слѣдуетъ платить Страховому Обществу **„РОССІЯ“** до начала пенсіи по 29 руб. 64 коп. чрезъ каждые три мѣсяца.

Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ

Страховаго Общества „Россія“,

выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами. 5—4 № 2050

СКРИПКИ

старыхъ и новыхъ мастеровъ, віолончели, альты, контрабасы, рекомендуетъ въ громадномъ выборѣ, отъ самыхъ дешевыхъ до самыхъ дорогихъ сортовъ, ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

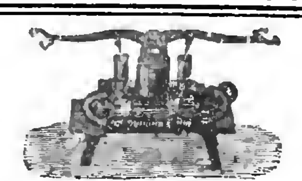
Юлія Генриха Циммермана,

С.-Петербургъ, по Большой Морской, № 42.
А. № 2021

УРОКИ

англійскаго языка даютъ въ городѣ и въ окрестностяхъ С.-Петербурга. Невскій просп., д. Католической церкви, кв. 26, П. В.

!!! НѢТЪ БОЛЬШЕ ПОЖАРОВЪ !!!
Вездѣ примѣняемая полная пожарная Команда за 75 рублей.
Состоитъ **изъ 4 ручныхъ пожарныхъ насосовъ** выбрасывающихъ воду на 40 футовъ, помощью даже одного мальчика. Насосы никогда не портятся.
1. Механическ. носилки для спас. вещей.
1. Снаряда для спасанія людей.
1. Устройства предохраняющаго отъ сильной жары во время тушенія **дозволяющаго подойти къ самому огню.**
1. Резервоара для воды.
1. Патентованнаго пожарнаго ведра.
1. Пояса ножанаго.
1. Сигнальнаго пожарнаго рожка.
1. Металлическаго англійскаго шлема.
2. Большихъ пожарныхъ крюковъ.
1. Стальнаго пожарнаго топора.
Укупорка 5 рублей. Требованія и деньги адресовать: **Генриху Барыцкому** Владѣльцу Торговаго Дома „Commerce Russe“ **въ Варшавѣ.** № 2080 10—1



Русская пожарная труба

ТОВАРИЩЕСТВА БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,

ЛУЧШАЯ НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ,

съ мѣдными цилиндрами и такими же клапанами, выбрасывающая въ часъ около 480 ведеръ воды на разстояніи 12 до 14 саж. со всѣми рукавами, брандспойтомъ и ключами, цѣною въ 115 р. имѣется постоянно въ наличности въ большомъ количествѣ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 1 линія, № 10 и Москва, Мясницкая, домъ Сытова.
Требуйте иллюстр. каталоги. 2086 3—1

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
изданный журналомъ

„СТРЕКОЗА“

стихотворный сборникъ - кипсэкъ

„РОСИНКИ“

съ цвѣтовъ всемірной поэзіи
ОРИГИНАЛЬНЫЯ И ВЪ ПЕРЕВОДѢ
ПЕРВОКЛАССНЫХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ
изданіе миніатюрное. Стр. 150.
Цѣна въ художеств. обложкѣ 40 к. Съ пере.. **50 к.**
№ 2088 6—1

Учрежденное С.-Петербургскимъ Собраніемъ Сельскихъ Хозяевъ Сельскохозяйственное Коммиссіонерство

„РАБОТНИКЪ“.

Въ С.-Петербургѣ: Фонтанка, Соляной городокъ, въ зданіи Императорскаго Сельскохозяйственнаго музея.
Въ Москвѣ: Воздвиженка, № 11.
Въ Кіевѣ: Уголъ Безаковской и Жилянской улицъ.

Имѣетъ на своихъ складахъ постоянно большой выборъ **земледѣльческихъ машинъ и орудій** новѣйшихъ системъ и лучшихъ заводовъ, а также **молочную посуду**, приборы по садоводству и для домашняго хозяйства.

Заказы на **локомобили, паровыя молотилки, мельницы** и нѣкоторыя другія машины, направляемыя съ заводовъ прямо къ гг. заказчикамъ, выполняются коммиссіонерствомъ **по заводскимъ цѣнамъ** безъ надбавки коммиссіи. Коммиссіонерство состоитъ агентомъ лучшихъ иностранныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутльворта, Рансома, Іеда и Джеферса, Говарда, Джонстона и Кº, Пеннеа, Эккерта, Беккера** и др. Заказы исполняются немедленно. Каталоги выдаются и высылаются безплатно. № 2069 10—3

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 15 Мая 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Гавріилъ Максъ.

Мы уже говорили въ № 11, при помѣщеніи копіи съ картины „Св. Елисавета“, о томъ, что Петербургу не чуждо имя художника, соплеменника нашего, Макса. Чудный, величавый божественный ликъ Искупителя міра дѣйствительно производилъ глубокое, незабываемое впечатлѣніе и доселѣ у насъ можно видѣть во многихъ домахъ большія фотографіи съ этой превосходной картины, высоко оцѣненной во всей Европѣ. Гавріилъ Максъ, ученикъ знаменитаго Пилоти, занялъ быстро высокое, почетное мѣсто среди современныхъ художниковъ. Талантъ его совершенно особаго, оригинальнаго свойства и каждое его произведеніе всегда представляетъ шагъ впередъ, всегда вызываетъ оживленные толки, производитъ шумъ. Критики утверждаютъ что артистъ пока стоитъ на распутіи и не опредѣлилъ свою дорогу. Каждое новое его произведеніе является какъ бы совершенною неожиданностью, что особенно заинтересовываетъ публику и знатоковъ искуства. Въ то время какъ другой знаменитый ученикъ Пилоти, Гансъ Макартъ, можно сказать всегда изображаетъ плотское, чувственное, внѣшній блескъ и жизнь и часто образамъ его недостаетъ именно духовной, внутренней жизни—товарищъ его, Максъ, занятъ исключительно міромъ сверхчувственнаго, міромъ духовной жизни и приверженцы реалистической школы нападаютъ на него за это. Произведенія обоихъ художниковъ оставляваютъ на себѣ вниманіе зрителя, но дѣйствуютъ совершенно различными сторонами; глубже и серьезнѣе впечатлѣніе произведеній Макса, но пріятнѣе—Макарта, который тѣшитъ воображеніе и поражаетъ жизнью и блескомъ красокъ. Максъ мужественно избралъ путь, который въ нашъ вѣкъ нельзя назвать очень благодарнымъ. Однако картины его постоянно имѣютъ успѣхъ. Но художникъ не приноситъ въ жертву своей задачѣ и условій современнаго искуства. Онъ превосходный техникъ, колоритъ его свѣжъ, замыселъ широкъ и свободенъ.

Гавріилъ Максъ. Съ фотогр. грав. О. Готъ.

Гавріилъ Максъ, сынъ талантливаго ваятеля Іосифа Макса, родился въ Августѣ 1840 года въ Прагѣ и началъ свое художественное образованіе подъ руководствомъ отца. Затѣмъ онъ поступилъ въ Пражскую академію художествъ и перешелъ изъ нея въ Вѣнскую, гдѣ пробылъ съ 1858—61 годъ. Въ 1862 году появились его фантастическія картины къ различнымъ музыкальнымъ произведеніямъ, картины эти произвели фуроръ. Въ слѣдующемъ году художникъ переѣхалъ въ Мюнхенъ и до 1869 г. занимался у Пилоти. Непосредственно одно за другимъ стали появляться слѣдующія его произведенія: „Св. Юліана", „Весеннее адажіо", „Весенняя грёза", „Монахиня", „Людмилла", „Юлія Капулетъ", „Невѣста льва" и многія другія. Въ послѣднее же время знаменитый „Ликъ Спасителя" и образъ „Св. Елисаветы"; копія съ этой послѣдней помѣщена въ „Нивѣ" настоящаго года № 11.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXVII.

Регентъ дѣйствуетъ.

Императрица успокоилась, ей казалось что всѣ затрудненія наконецъ улажены. Изъ разговора великой княгини съ Густавомъ она должна была убѣдиться, что молодой король, влюбленный и естественно желающій скорѣйшаго соединенія съ предметомъ любви своей, не можетъ выставить никакихъ препятствій, если не будетъ къ тому вынужденъ настояніями своего дяди. Значитъ нужно было хорошенько поладить съ регентомъ— и вотъ это исполнено.

Торжествующій и самодовольный Зубовъ объявилъ, что регентъ сдался, что онъ одержалъ надъ нимъ полную побѣду, благодаря своему дипломатическому искуству.

Подтвержденіе этому не замедлило:

Шведскій посланникъ, Штедингъ, просилъ особой аудіенціи у императрицы и сдѣлалъ формальное предложеніе, заявивъ при этомъ, что отъ великой княжны не потребуется отреченіе отъ ея вѣроисповѣданія.

Императрица, едва скрывая свою радость, удовольствовалась этой фразой.

Обрученіе было назначено на 11-е сентября.

Это было въ понедѣльникъ 8-го сентября. Во дворцѣ былъ небольшой танцовальный вечеръ, на которомъ присутствовали всѣ члены императорской семьи, за исключеніемъ цесаревича, уже нѣсколько дней не пріѣзжавшаго изъ Гатчины.

Вечеръ казался необыкновенно оживленнымъ, на всѣхъ лицахъ выражалось удовольствіе, чувствовалось, что тучи, начавшія было какъ будто сбираться въ послѣдніе дни, совсѣмъ разсѣялись.

Молодой король почти не отходилъ отъ своей невѣсты, танцовалъ съ нею безпрестанно, шутилъ и смѣялся. Она сіяла счастьемъ и дѣтской, ясной красотою.

Императрица, чувствовавшая себя все время очень нехорошо, внезапно оживилась, казалась такой бодрой, нѣсколько разъ въ теченіи вечера призывала „малютку", цѣловала ее, говорила ей, что не будетъ теперь уже видѣть ея грустнаго личика.

„Малютка" улыбалась, благодарила бабушку, ласкалась къ ней и опять спѣшила къ поджидавшему ее жениху.

Не меньше дочери чувствовала себя счастливой и великая княгиня, всѣ эти дни находившаяся въ Петербургѣ и переживавшая большое волненіе. Узнавъ о томъ, что обрученіе назначено черезъ три дня, она поспѣшно было собралась въ Гатчину къ цесаревичу, чтобы успокоить его и обрадовать этой новостью. Но императрица задержала ее, сказавъ, что она должна переночевать здѣсь съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день утромъ присутствовать на завтракѣ, къ которому будетъ приглашенъ и молодой король для свиданія съ невѣстой въ семейной обстановкѣ.

Марія Феодоровна подчинилась этому требованію и такъ какъ танцы кончились на этотъ разъ рано и король уже уѣхалъ, простилась съ императрицей и отправилась устраивать себѣ ночлегъ. Она уже привыкла къ этой бивуачной жизни,—ей приходилось ночевать то здѣсь, то тамъ.

На этотъ разъ она попросила великаго князя Александра Павловича уступить ей свою комнату. Она чувствовала себя утомленной; но прежде чѣмъ уснуть, ей предстояло еще исполнить одно дѣло. Она не могла оставить цесаревича безъ извѣстія. Она присѣла къ письменному столу и принялась писать съ тѣмъ чтобы тотчасъ же отправить письмо свое,—такимъ образомъ оно застанетъ цесаревича при раннемъ его пробужденіи.

Вотъ что она писала:

„Добрый и дорогой другъ мой, благословимъ Господа: обмѣнъ обѣщаній назначенъ въ понедѣльникъ вечеромъ въ брильянтовой комнатѣ. Онъ будетъ происходить въ присутствіи нашемъ, при дѣтяхъ, при посланникѣ, будутъ еще Эссенъ, Рейтергольмъ, Остерманъ, Зубовъ, Салтыковъ и генеральша Ливенъ. Свидѣтелемъ обѣщаніи будетъ митрополитъ. Все это рѣшилось достаточное время спустя послѣ ужина. Обручальныя кольца будутъ золотыя съ ихъ вензелями. Послѣ обрученія назначенъ балъ въ тронной залѣ. Ея величество поручила мнѣ все это вамъ передать, любезный другъ, и прибавила, что затѣмъ обрученные могутъ придти къ намъ ужинать. Она мнѣ сказала: „Будетъ-ли вамъ достаточно времени, чтобы пріѣхать?" Я отвѣчала, что, конечно, будетъ, такъ какъ намъ надобно всего пять часовъ на переѣздъ изъ Гатчины"...

Великая княгиня положила перо, откинулась на спинку кресла и закрыла свои утомленные глаза.

„Ничто такъ не раздражаетъ его какъ эти постоянные переѣзды, думала она,—но теперь онъ не станетъ раздражаться; онъ больше всего боялся, что, не смотря на всѣ эти хлопоты и мученія, дѣло не уладится... онъ боялся униженія... Пусть же успокоится—съ нашей стороны не было и быть не можетъ никакого униженія, никакихъ излишнихъ уступокъ... мы настояли на своемъ... О, онъ будетъ радъ, будетъ счастливъ такъ же какъ и я"...

Она снова взялась за перо и продолжала письмо свое:

„И такъ, благодаря Бога, первая половина дѣла сдѣлана. Король ни мало не затрудняется присутствіемъ митрополита. Покончивъ съ этимъ, императрица, немного спустя, подошла ко мнѣ и приказала ночевать здѣсь, а завтра пригласить короля на завтракъ, чтобы онъ могъ увидѣться съ малюткой. Тотчасъ послѣ завтрака я сяду въ карету и отправлюсь прямо въ Гатчину. Они явятся ко мнѣ между 10 и 11 часами и останутся до часу. Я прикажу взять въ карету холодной говядины, чтобы не останавливаться въ дорогѣ для обѣда и поскорѣе свидѣться, съ вами, мой дорогой другъ. Въ часъ я, безъ сомнѣнія буду въ каретѣ, а въ пять— надѣюсь быть уже въ Гатчинѣ. Король и регентъ въ среду пріѣдутъ къ вамъ въ Гатчину. Штедингъ все ждалъ васъ, чтобы имѣть честь вамъ это сообщить. Они выѣдутъ въ восемь часовъ утра и, вѣроятно, пріѣдутъ

около часа пополудни. Надѣюсь, мой милый другъ, все это доставитъ вамъ удовольствіе; я очень рада, сообщая вамъ эти добрыя вѣсти"...

Ея глаза слипались, она едва водила перомъ. Эти постоянныя тревоги, хлопоты, все что она испытала въ послѣдніе дни—все это довело ее до большаго утомленія. Вся жизнь вышла такая тревожная — не то, такъ другое. Всегда что-нибудь улаживать, стараться примирить непримиримое, всегда куда-нибудь торопиться... Прекрасное здоровье, кроткій характеръ, доброе сердце спасали ее. Но все-же время дѣлало свое дѣло—видно силы уже не тѣ, что прежде! давно не испытывала она такого утомленія, такого желанія отдохнуть, забыться, понѣжиться немного...

Но какой ужь теперь отдыхъ! — четыре-пять часовъ сна, а потомъ опять за дѣло,—нужно быть бодрой, осмотрительной, наблюдательной, нужно взвѣшивать каждое свое слово, каждый шагъ свой!..

„Конечно, мой дорогой другъ, писала дальше великая княгиня, — вы не будете противъ того, чтобъ я здѣсь ночевала, такъ какъ это приказаніе есть слѣдствіе счастливаго устройства дѣла, о которомъ я говорила выше, за что нельзя достаточно возблагодарить Бога. Признаюсь вамъ по совѣсти, что я очень устала сегодня вечеромъ и чуть не заснула на балу. Знаете-ли, любезный другъ, что у меня здѣсь нѣтъ ничего. Александръ уступилъ мнѣ свою постель, генеральша (Ливенъ) дала ночной чепчикъ и гдѣ-то нашлась для меня ночная кофта. Я приказала моимъ камеръ-юнгферамъ, которыя всѣ въ Павловскѣ, не пріѣзжать сюда, а отправиться въ Гатчину. Довольствуюсь Прасковьей, а за Бренной пошлю завтра утромъ"...

Нѣтъ, она рѣшительно не въ силахъ больше писать, хотя и хотѣлось-бы еще поговорить съ нимъ... Онъ тамъ одинъ... всегда одинъ! онъ говоритъ, что такъ любитъ ея письма!..

Ей представилось такъ часто мрачное и скорбное лицо мужа, этого человѣка, плохо понимаемаго и цѣнимаго, въ которомъ почти всѣ видѣли только недостатки, и не хотѣли видѣть добрыхъ качествъ. Но вѣдь она-то знала его, она умѣла глядѣть на него совсѣмъ иначе. Въ ея сердцѣ дрогнуло нѣжное и грустное чувство, слезы навернулись ей на глаза.

„Доброй ночи, любезный другъ, дописывала она,— спите хорошо; желала-бы, чтобъ уже настало завтрашнее утро для того, чтобъ имѣть извѣстія о васъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца и прошу васъ хотя немного думать о вашей Машѣ".

Въ то время какъ великая княгиня писала это письмо, въ которомъ выражалась вся нѣжная душа прекрасной женщины, въ домѣ шведскаго посольства тоже еще не спали.

Молодой король и дядя регентъ вели между собою бесѣду. Густавъ, еще въ бальномъ костюмѣ, котораго онъ не успѣлъ снять по пріѣздѣ изъ дворца, ходилъ большими шагами по комнатѣ.

Маленькій герцогъ съежился въ креслѣ и не спускалъ глазъ съ племянника.

— И такъ, мой другъ, васъ наконецъ можно поздравить окончательно?! говорилъ онъ. Вы счастливы, всѣ ваши желанія исполнены. У васъ будетъ прелестная жена, въ которую вы, кажется, влюблены безъ памяти, до самозабвенія, до ослѣпленія...

— Влюбленъ! перебилъ юноша вдругъ высоко поднимая голову и принимая тотъ неестественный, напыщенный видъ, который, по его мнѣнію, дѣлалъ его какъ двѣ капли воды похожимъ на Карла XII. — Влюбленъ! повторилъ онъ,—я не знаю что значитъ это слово. Оно довольно глупо и я полагаю что на влюбленность я не способенъ. Великая княжна прелестна — думаю вы согласны съ этимъ? Конечно болѣе милой невѣсты мнѣ не найти во всей Европѣ; но ея красота свести съ ума меня не можетъ. И вы меня оскорбляете, дядя, говоря, что я ослѣпленъ.

Герцогъ лукаво усмѣхнулся.

— Оскорбляю! — зачѣмъ такъ играть словами, дорогой мой? Вы не хотите сознаться, вамъ непріятно слышать правду, а это не хорошо. Конечно ослѣплены какъ и всякій молодой человѣкъ въ вашихъ обстоятельствахъ и я сейчасъ докажу это. Насколько мнѣ помнится вы увѣряли меня что не дадите себя дурачить, что не сдѣлаете никакихъ уступокъ въ ущербъ вашему достоинству и достоинству вашего государства. А между тѣмъ, мой другъ, эти уступки уже сдѣланы.

— Что за пустяки, какія уступки, что такое?! перебивая его, крикнулъ Густавъ.

— Вопросъ о вѣроисповѣданіи вашей невѣсты рѣшенъ такъ какъ желала императрица, а не такъ какъ вы желали и должны были желать. И вотъ, какъ я предполагалъ такъ и случилось, — мы пойманы, насъ испугали тѣмъ, что если мы не уступимъ, то можемъ вернуться въ Швецію безъ великой княжны. Но мы объ этомъ и подумать не можемъ! Берите все, на все согласны, подавайте только нашу дорогую невѣсту! А что скажетъ вся Швеція — о томъ мы забываемъ, мы забываемъ нашу отечественную исторію, которую, кажется, хорошо изучали; наши обычаи, освященные вѣками, укоренившіеся въ народномъ понятіи! Какъ взглянетъ народъ на то, что на шведскомъ престолѣ будетъ королева, исповѣдующая чуждую религію? До этого нѣтъ намъ никакого дѣла. Пусть говорятъ всѣ что внучка русской императрицы снизошла до насъ; но что она все-же презираетъ страну, на тронъ которой восходитъ, не хочетъ быть шведкой, остается русской...

Яркая краска вспыхнула на щекахъ Густава. Онъ зашагалъ еще скорѣе.

— Какой вздоръ! какой вздоръ! почти кричалъ онъ. Зачѣмъ вы это говорите? Вѣдь вы сами хорошо знаете, что это не такъ. Я желалъ-бы посмотрѣть какъ это насъ презираютъ и снисходятъ до насъ! Мы кажется видѣли противное и вы сами очень хорошо знаете, что скорѣе мы снисходимъ, насъ желаютъ!

— Я ничего этого не знаю, невозмутимымъ и твердымъ голосомъ сказалъ герцогъ, — я знаю только, что мы уже нарушили всѣ обычаи пріѣхавши сюда. Здѣсь, для достиженія нашей цѣли, мы соглашаемся на все— и народъ будетъ имѣть полное право разсуждать такъ какъ я говорилъ сейчасъ.

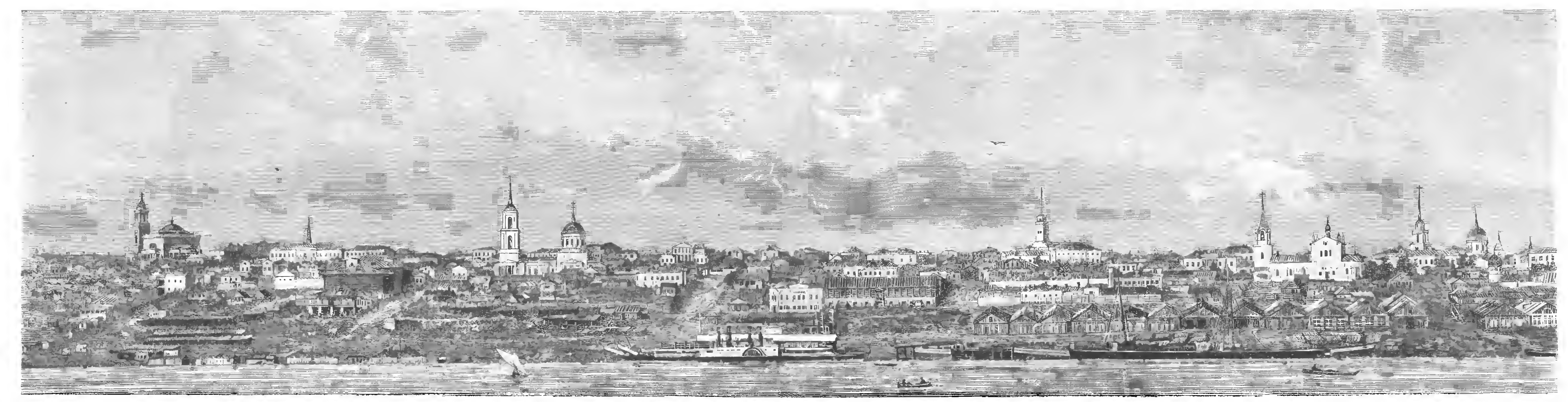
— Совсѣмъ нѣтъ. Народъ не будетъ даже и знать къ какому вѣроисповѣданію принадлежитъ она. Мы обойдемъ этотъ вопросъ, вотъ и все. Она никогда не захочетъ, а если и захотѣла бы, то не посмѣетъ выказать презрѣнія къ нашей религіи. О! за это я вамъ отвѣчаю! И, наконецъ, вы говорите о моемъ ослѣпленіи, вы полагаете, что я способенъ унижаться, что я ни о чемъ не думаю кромѣ какъ о красотѣ ея—и вы жестоко ошибаетесь. Не далѣе еще какъ сегодня во время бала я имѣлъ съ нею разговоръ относительно религіи. Когда она будетъ моей женою, увѣряю васъ что она перемѣнитъ вѣроисповѣданіе. Моя воля будетъ для нея закономъ.

— Вы фантазируете, мой другъ, ее отпустятъ именно съ тѣмъ уговоромъ, чтобы не принуждать къ перемѣнѣ религіи и если вы думаете это потомъ сдѣлать, то возникнутъ большія непріятности, которыхъ допустить невозможно.

— Это вы такъ думаете, дядя, а я думаю совсѣмъ иначе. Никакихъ непріятностей не будетъ, все обойдется тихо. Я сказалъ ей, что она во время коронаціи должна будетъ пріобщиться вмѣстѣ со мною.

— А, вы сказали ей это?! Что же она вамъ отвѣтила?

— Она отвѣтила что съ удовольствіемъ исполнитъ мое желаніе.



Общій видъ города Саратова съ Волги. Съ фотографіи Пятницкаго. грав. М. Рашевскій.

Коттабосъ (игра). Сцена изъ древне-греческой жизни. Съ картины А. Сципіона, грав. Э. Меоль.

— Въ самомъ дѣлѣ?! такъ и отвѣтила?.. и ничего не прибавила при этомъ? приподнимаясь со своего кресла и зорко глядя въ глаза племянника, спросилъ герцогъ.

Густавъ нѣсколько смутился.

— Ну, положимъ, она прибавила: „если бабушка на это согласится„.

Герцогъ, начинавшій нѣсколько смущаться, внезапно успокоился.

— Вотъ видите! а „бабушка“ никогда на это не согласится...

— Да, но поймите же,—вѣдь это теперь говорится такъ потому, что она еще ребенокъ, потому что у нея не было до сихъ поръ иного авторитета кромѣ „бабушки“.

— Я очень вѣрю, что вы окажетесь скоро высшимъ для нея авторитетомъ, но дѣло не въ томъ. Очень можетъ быть что она будетъ страстно хотѣть исполнить ваше желаніе, но она будетъ связана обязательствами и если вы станете заставлять ее нарушать эти обязательства и станете сами нарушать ихъ, то васъ обвинятъ въ неблагородномъ образѣ дѣйствій, въ обманѣ и вы не будете имѣть никакой возможности оправдаться.

Но Густавъ не смущался.

— Какія обязательства? Что вы мнѣ все говорите объ обязательствахъ! повторялъ онъ, тутъ только слова... слова—и ничего больше. Мы обходимъ этотъ вопросъ. И что мы обѣщаемъ? Обѣщаемъ что не будетъ никакого насилія и никто не станетъ принуждать великую княжну—и такъ оно и будетъ. Принуждать ее я и не подумаю конечно.

— Ну а если въ брачный контрактъ будетъ прямо включено это условіе?

Густавъ остановился и сверкнулъ глазами.

— Они никогда этого не сдѣлаютъ, они должны хорошо понимать, что это невозможно.

— Имъ тутъ понимать нечего, съ ихъ стороны высказывается требованіе — мы на него соглашаемся. Пунктъ такого рода очень льститъ самолюбію Россіи и очень унижаетъ Швецію! конечно они включатъ этотъ пунктъ въ контрактъ — я почти не сомнѣваюсь въ этомъ.

— Я бы имъ этого не посовѣтовалъ!

— А что же вы сдѣлаете? Или униженіе Швеціи и ваше собственное униженіе,—или вамъ придется отказаться отъ невѣсты! Вотъ какъ поставлено теперь дѣло.

— Я и откажусь!

— Другъ мой, какъ вы обманываетесь—это вамъ теперь, въ разговорѣ со мною, кажется легкимъ, а дойдетъ до дѣла—и вы пожертвуете всѣмъ, чтобы только не разстаться съ великой княжной.

Юноша опять весь вспыхнулъ; но вдругъ выпрямился во весь ростъ, закинулъ голову и проговорилъ обиженно:

— Я вижу что вы мало меня знаете, дядя, а кажется могли бы знать; но теперь говорить объ этомъ нечего. Я очень усталъ и мнѣ спать хочется... прощайте!

Онъ пожалъ руку герцогу и вышелъ изъ комнаты.

Регентъ долго смотрѣлъ ему во слѣдъ съ радостной улыбкой.

„Не знаю я тебя! еще бы, гдѣ же мнѣ тебя знать! это такъ трудно, а я такъ простъ!.. Но, покрайней мѣрѣ, я знаю теперь, что мнѣ надо дѣлать. Да, теперь все ясно и ошибки кажется быть не можетъ“!..

XXVIII.

Грезы и дѣйствительность.

Великая княжна проснулась рано, вся еще полная ночныхъ грезъ, волшебнаго тумана, среди котораго она заснула, послѣ вечера проведеннаго съ женихомъ.

Она подумала что уже пора вставать, такъ какъ знала, что король и герцогъ пріѣдутъ не позже какъ къ часамъ десяти; но сквозь спущенныя занавѣси едва пробивался свѣтъ, солнце еще не всходило.

Великая княжна тихонько зажгла свѣчку, взглянула на часы, прислушалась—все было тихо. Она задула свѣчку и легла снова, но заснуть уже не могла.

Какой тутъ сонъ! Сердце такъ шибко бьется, мысли одна за другой стучатся въ голову. Есть о чемъ подумать, не до сна теперь.

Разомъ вставали и повторялись передъ нею всѣ эти дни, нежданные, странные, мучительные и блаженные дни, въ которые все такъ быстро измѣнилось въ ней и вокругъ нея. То, что было до этихъ дней, до пріѣзда короля, казалось ей такимъ далекимъ, все это она едва помнила. Теперь она была совсѣмъ другая, жила новой жизнью, горячей лихорадочной жизнью, среди которой некогда было очнуться, некогда было спокойно подумать, уяснить себѣ свое положеніе.

А между тѣмъ несмотря на то, что великая княжна была почти еще ребенкомъ, она уже умѣла думать и обдумывать, она чувствовала потребность въ этомъ.

„Я невѣста, думала она,—теперь уже кончено, бабушка сама сказала: послѣ завтра обрученіе! Я невѣста—какое счастіе! Я скоро буду его женою и уже никогда, никогда мы не разлучимся съ нимъ—всегда вмѣстѣ... вмѣстѣ!.. Милый! какое счастіе! О! не будетъ онъ уже больше хмуриться, а нахмурится — я его поцѣлую и онъ улыбнется. Я ни въ чемъ никогда не буду ему перечить, онъ будетъ доволенъ мною. Да и развѣ могутъ у меня быть теперь какія нибудь желанія, кромѣ его желаній. Мнѣ кажется я скоро научусь угадывать всѣ его мысли, я ужь теперь очень часто знаю, только взглянувъ на него, о чемъ онъ думаетъ, чего желаетъ,—онъ самъ мнѣ еще вчера сказалъ это“.

„Милый!..“ почти вслухъ пролепетала она, тихо, блаженно улыбнувшись и даже протягивая впередъ свои тонкія, будто изъ мрамора выточенныя руки.

Ей казалось что она видитъ его передъ собою. И она манила его къ себѣ, она мысленно прижимала его къ груди своей, въ которой горячо билось ея счастливое сердце.

„Милый! навсегда съ тобою, тамъ въ новой, чудной странѣ... въ твоей странѣ! О! какъ тамъ должно быть все хорошо, какъ хочется мнѣ скорѣе туда!“...

Но вдругъ ея нѣжный шепотъ прервался, по прелестному лицу ея скользнула легкая тѣнь.

„Я счастлива, подумала она,—но вотъ мнѣ и грустно! Неужели на свѣтѣ нѣтъ полнаго счастья?! Да, я должна грустить, я не смѣю быть такой счастливой, вѣдь я уѣзжаю на долго, быть можетъ на всегда, я разстаюсь со всѣми!“...

Она начинала упрекать себя въ холодности, въ эгоизмѣ. Ее всѣ такъ любятъ, и родители, и бабушка, и сестры, и братья. Ее съ тѣхъ поръ какъ она себя помнитъ окружаютъ ласки, всѣ желанія ея исполняются. Положимъ, она никогда не желала ничего неисполнимаго, она всегда старалась быть доброй и ласковой со всѣми, всѣхъ любила, всѣхъ жалѣла... Такъ что же это теперь съ нею? Неужели она, полюбивъ одного, новаго, едва появившагося передъ нею человѣка, вдругъ разлюбила всѣхъ, кого всегда знала, кто былъ ей всегда дорогъ, кто заботился о ней и ласкалъ ее. Неужели это правда, неужели у нея такое злое сердце?!

„Нѣтъ, нѣтъ не правда, я люблю ихъ, я вѣрно буду очень тосковать по нимъ. Это только такъ теперь... сама не знаю что со мною! Вѣрно такъ всегда бываетъ!.. Нѣтъ я люблю ихъ, я не злая!..“

Но вдругъ она позабыла опять всѣхъ, она опять только думала о немъ одномъ. Ей начинала представляться ея будущая жизнь съ нимъ, тамъ далеко въ иной землѣ, среди иной обстановки, среди иныхъ людей, которыхъ она не знала.

„Будутъ ли тамъ любить меня? Что меня ожидаетъ?!“

И она серьезно задумалась, пристально глядя въ полутьму своими большими свѣтлыми глазами, будто старалась разглядѣть таинственное будущее.

„О! я знаю, о многомъ, о многомъ мнѣ нужно подумать... Мнѣ нужно постоянно думать о томъ какъ жить и что дѣлать... Я буду молиться Богу, горячо буду молиться, чтобы Онъ вразумилъ меня... чтобы я могла исполнять свои обязанности... а у меня много этихъ обязанностей“...

И вспомнились ей разговоры, которыхъ часто она была свидѣтельницей въ комнатѣ бабушки, вспомнились ей бабушкины слова о томъ что первою заботою правителей должно быть—благо ихъ подданныхъ.

Вотъ она станетъ королевой, значитъ она должна будетъ хорошенько познакомиться съ этой новой страной, которая сдѣлается ея второй родиной. Она должна узнать все: какъ тамъ живутъ люди, чѣмъ они занимаются, чего имъ надо. Она должна будетъ узнавать не можетъ ли помочь кому нибудь. Ея щеки разгорались, глаза блестѣли, грудь высоко поднималась.

„О, она конечно будетъ много работать, она всѣ силы употребитъ для того чтобы сдѣлаться достойной всеобщей любви, она заставитъ любить себя, а главное его, милаго дорогого Густава! Она сдѣлаетъ такъ, что вокругъ нихъ не будетъ горя, нужды и отчаянія. Никто не уйдетъ отъ нея безъ помощи, она будетъ все узнавать тихонько, осторожно; она придумаетъ какъ это устроить. Ея помощь будетъ приходить неожиданно и бѣдные, добрые люди не узнаютъ даже откуда пришла эта помощь. И конечно онъ, ея милый Густавъ, во всемъ будетъ помогать ей. Какъ счастлива такая жизнь и какъ она должна благодарить Бога за то, что онъ даетъ ей возможность дѣлать добро, много добра“.

И она мечтала, не замѣчая времени, не замѣчая какъ мало по малу въ комнату прорывался утренній свѣтъ, какъ уже начинали раздаваться дневные звуки. Она мечтала съ блаженной улыбкой и ей почти казалось что у нея выростаютъ крылья и что на этихъ крыльяхъ, незримая и счастливая, она летаетъ всюду гдѣ человѣческая нужда, горе и слезы ждутъ ее.

Она никогда не видала ни горя, ни слёзъ, ни нужды; но она хорошо знала что онѣ есть на свѣтѣ, объ нихъ ей говорили. Говорила и бабушка такъ хорошо, горячо говорила о нуждѣ человѣческой, какъ будто сама ее испытала.

„Да, счастливая будетъ жизнь и будутъ меня любить люди, потому что я сама стану любить ихъ, стану для нихъ дѣлать все что только въ моей власти. Нужно будетъ поговорить объ этомъ съ Густавомъ, мы еще объ этомъ никогда не говорили. Онъ навѣрное думаетъ также какъ и я, и навѣрно будетъ радъ, что я такъ думаю“.

— Chère enfant, levez-vous,—il est bien temps! раздался ласковый голосъ.

Великая княжна очнулась отъ своихъ мечтаній. Передъ нею стояла ея воспитательница, госпожа Ливенъ.

И вотъ великая княжна позабыла въ мигъ всѣ свои думы, всѣ волновавшія ее ощущенія, при звукахъ этого давно знакомаго голоса, при видѣ нѣсколько чопорной и строгой фигуры воспитательницы, которую она изрядно побаивалась въ тѣ минуты, когда чувствовала себя въ чемъ нибудь провинившеюся.

— Pardon, pardon, je serai prête a l'instant! испуганно проговорила она и быстро начала одѣваться съ помощью подоспѣвшей камеръ-медхенъ.

Одѣвшись она знакомъ удалила дѣвушку и, оставшись одна, стала горяче молиться передъ образами. На сердцѣ у нея сдѣлалось спокойно и ясно, на губахъ заиграла дѣтская, счастливая улыбка и, свѣжая и прелестная, она поспѣшила къ матери.

Великая княгиня уже была готова. Но на ея лицѣ можно было различить признаки утомленія. Ей немного пришлось поспать въ эту ночь, да и сонъ былъ тревожный. Она, то и дѣло просыпаясь, принималась думать свои думы, а ужь какъ придутъ онѣ—отъ нихъ трудно отдѣлаться, забыться, и заснуть снова...

Король и регентъ не заставили себя ждать, минута въ минуту явились къ назначенному времени.

Великая княжна такъ и впилась глазами въ Густава, въ то время какъ онъ, здороваясь съ нею, цѣловалъ ея руку.

— Здоровы ли вы? тревожно спросила она.

Ей показалось что лицо его не совсѣмъ такое какимъ было вчера вечеромъ.

Великая княгиня подмѣтила взглядъ дочери и тревожный тонъ ея вопроса.

— На этотъ разъ вы можете не отвѣчать ей, Густавъ, улыбаясь проговорила она,—ваше лицо за васъ отвѣчаетъ! Развѣ съ такимъ сіяющимъ лицомъ можно быть нездоровымъ? обратилась она къ „малюткѣ“.

Но „малютка“ глядѣла на жениха еще тревожнѣе и опять спрашивала:

— Здоровы ли вы, что съ вами?

Несмотря на этотъ сіяющій видъ она ясно замѣчала въ молодомъ королѣ уже понятные ей и изученные ею признаки чего то такого, что ее очень смущало и чего никакъ не должно было быть въ немъ сегодня, когда всѣ заботы и недоразумѣнія были окончены.

— Разумѣется я чувствую себя очень хорошо, отвѣчалъ король еще разъ цѣлуя ея руку.—Я только заспался и очень спѣшилъ, боялся опоздать.

Онъ говорилъ правду. Онъ спалъ какъ убитый послѣ своего поздняго разговора съ дядей. Никакія мечтанія не нарушили сна его и не грезился ему даже прелестный образъ невѣсты. Ея красота, обаяніе ея дѣтской чистоты и кротости дѣйствовали на него когда онъ былъ съ нею; но едва она исчезала, исчезало и ея обаяніе, онъ погружался въ восхищеніе самимъ собою, въ самообожаніе.

Скоро всѣ, кто долженъ былъ принять участіе въ этомъ семейномъ завтракѣ, оказались въ сборѣ: братья и сестры невѣсты, нѣкоторыя изъ самыхъ приближенныхъ лицъ. Всѣ были довольны,—веселы. Великая княгиня, со свойственной ей простотой и граціей, исполняла обязанности хозяйки. Велась оживленная, но не шумная бесѣда, время отъ времени прерываемая звонкими голосами и смѣхомъ младшихъ членовъ царскаго семейства.

Даже король, сидѣвшій рядомъ съ невѣстой и уже начинавшій поддаваться ея обаянію, оживился и мало по малу перешелъ къ любимой темѣ своихъ разговоровъ—къ своимъ охотничьимъ похожденіямъ.

Великая княжна внимательно и съ восхищеніемъ вслушивалась въ каждое его слово; но впрочемъ онъ говорилъ теперь не для нея, ему хотѣлось главнымъ образомъ поразить этими разсказами молодыхъ великихъ князей, Александра и Константина, показать имъ какъ они должны быть счастливы пріобрѣтая въ его лицѣ такого родственника. Они должны преклониться передъ его достоинствами и почувствовать его превосходство.

Великій князь Александръ слушалъ его съ любезнымъ вниманіемъ; но напрасно-бы юный король сталъ искать на лицѣ его признаковъ удивленія и восторга — женственно-прекрасное и мечтательное лицо великаго князя не выдавало его ощущеній.

Разсказчикъ отвелъ глаза въ другую сторону—и вдругъ недоговоренное слово замерло на губахъ его, онъ вспыхнулъ и съ недовольнымъ взглядомъ рѣзко оборвалъ разсказъ, склонился къ невѣстѣ и сталъ что-то не въ попадъ у нея спрашивать. Дѣло въ томъ, что его глаза встрѣтились съ другими глазами, въ которыхъ слишкомъ ясно искрилась самая задирательная насмѣшка.

Это были глаза великаго князя Константина, который въ началѣ завтрака сидѣлъ насупившись, почти не принимая участія въ разговорѣ.

Живой, порывистый, здоровый, всегда придумывавшій какую-нибудь новую шалость, иногда непослушный и черезчуръ рѣзкій на словахъ,—великій князь Константинъ доставлялъ не мало заботъ какъ бабушкѣ, такъ и отцу съ матерью.

Вотъ и теперь, послѣ новой какой-то шалости, имъ были недовольны и не далѣе еще какъ вчера онъ долженъ былъ объясняться съ бабушкой и матерью.

Онъ сознавалъ свою вину, искренно и со слезами обѣщалъ матери исправиться. Великая княгиня сказала ему одну фразу, которая его глубоко тронула.

„Хоть-бы теперь ты пожалѣлъ меня! у меня столько заботъ, тревогъ, я такъ устала за это время, а ты еще меня мучаешь!.. Ты доказываешь этимъ, что совсѣмъ меня не любишь"!..

Но онъ любилъ ее и эти слова глубоко отозвались въ его сердцѣ.

Онъ чувствовалъ себя такимъ виноватымъ, униженнымъ въ собственныхъ глазахъ; онъ провелъ плохую ночь и проснулся съ угрызеніями совѣсти. Ему было теперь неловко и стыдно глядѣть на мать. Поэтому онъ сидѣлъ хмурый и молчаливый.

Но вотъ молодой король началъ свои хвастливые разсказы—и природная насмѣшливость поднялась въ великомъ князѣ. Онъ несовсѣмъ довѣрялъ этой храбрости и мужеству, его возмущалъ этотъ напыщенный тонъ и оттѣнокъ какого-то даже пренебреженія. съ которымъ женихъ сестры относился къ нему и его брату.

Въ его головѣ уже складывались язвительныя и насмѣшливыя фразы, которыми онъ могъ-бы отвѣтить сомнительному герою. Въ другое время онъ не сталъ-бы стѣсняться, но теперь чувствовалъ, что долженъ сдержать себя, долженъ молчать. И все, что рвалось у него съ языка, онъ выразилъ въ своемъ насмѣшливомъ взглядѣ, который такъ смутилъ Густава.

„Ага! понялъ, любезный другъ! подумалъ онъ,— понялъ что не всѣхъ удается морочить!.. замолчалъ!—ну и хорошо, только это и нужно"...

И онъ перенесъ свои насмѣшливыя наблюденія на маленькаго регента, который разсыпался въ любезностяхъ передъ великой княгиней. Регентъ въ это утро игралъ роль счастливѣйшаго изъ смертныхъ, онъ шепталъ великой княгинѣ, что это одинъ изъ лучшихъ дней его жизни, что такъ какъ соединеніе молодыхъ людей наконецъ рѣшено безповоротно—всѣ самыя горячія желанія его исполнены.

Великая княгиня ему вѣрила,—теперь уже не въ чемъ было сомнѣваться.

Завтракъ былъ конченъ. Всеобщее оживленіе усиливалось. Юная невѣста оказалась въ нѣкоторомъ отдаленіи, рядомъ съ женихомъ. Ея тихій, нѣжный голосокъ нашептывалъ ему о тѣхъ мечтаніяхъ, которымъ она предавалась рано утромъ.

Она рисовала ему фантастическую картину блаженной жизни, исполненной добра и радости, она вся горѣла отъ волненія и восторга и въ этомъ восторгѣ не замѣчала даже, что онъ относится къ ея мечтаніямъ вовсе не такъ, какъ-бы долженъ былъ относиться, какъ она того желала.

Онъ глядѣлъ на нее, любуясь ея красотою, блескомъ ея глазъ, ея доброй, счастливой улыбкой; но то, что она говорила, казалось ему неинтереснымъ и онъ пропускалъ мимо ушей слова ея, не придавая имъ значенія.

Все это были только грезы, воплощеніе которыхъ почти невозможно въ жизни; но это были грезы молодой, благородной души, стремившейся къ добру и свѣту. Эти грезы наполняли ее, составляли весь ея нравственный образъ. Но онъ конечно не могъ понять этого, онѣ казались ему милой дѣтской болтовней—и только.

Его сердце на нихъ не откликнулось. И хоть онъ былъ юноша, едва вступавшій въ жизнь, но въ немъ уже ничего не было юнаго кромѣ самонадѣянности, ему никогда не суждено было жить сердцемъ и понять счастье и муку такой жизни...

А великая княжна все говорила и только время отъ времени, прерывая потокъ своей восторженной рѣчи и обдавая жениха ласкающимъ взглядомъ, спрашивала его:

— Вѣдь да? вѣдь я права?.. вы согласны со мною. Густавъ?!.

— Конечно согласенъ, конечно вы правы, всегда правы! разсѣянно отвѣчалъ онъ.

Онъ начиналъ уже скучать и былъ доволенъ когда въ комнатѣ показалось новое лицо. Вошелъ князь Зубовъ прямо отъ императрицы.

Къ его манерѣ и тону давно уже всѣ привыкли и никого не поражало, что онъ держитъ себя вовсе не такъ какъ-бы слѣдовало; онъ вовсе не намѣренъ былъ выказывать особую почтительность. Онъ развязно подошелъ къ герцогу, взялъ его подъ руку и увелъ въ сосѣднюю комнату.

— Вотъ все и улажено, сказалъ онъ;—императрица очень довольна; она только что выразила мнѣ чувства самаго искренняго родственнаго расположенія къ вашему высочеству... И такъ, послѣзавтра вечеромъ обрученіе!

— А брачный договоръ? спросилъ регентъ;—вы его уже составляете?

— Да. императрица поручила составленіе его Моркову. Онъ будетъ готовъ завтра.

— Зачѣмъ-же ужь такъ торопиться! сказалъ регентъ. Лишь-бы онъ поспѣлъ послѣзавтра къ вечеру. Король можетъ подписать его передъ самымъ обрученіемъ! Только пожалуйста не забудьте чего-нибудь. Каждый пунктъ долженъ быть выраженъ подробно и ясно.

— Объ этомъ не тревожьтесь, ваше высочество! отвѣтилъ Зубовъ,—Морковъ человѣкъ осмотрительный и прекрасно пишетъ.

„Увидимъ много-ли выйдетъ изъ его писанія"! подумалъ регентъ.

Они вернулись въ комнату, гдѣ находилась великая княгиня.

(До слѣд. №).

Персидскій посолъ.

(Эпизодъ изъ жизни Людовика XIV).

По мѣрѣ того, какъ Людовикъ XIV старѣлся, при дворѣ его становилось все монотоннѣе и скучнѣе. Миновали блестящія празднества, бывшія насущною потребностью короля, прекратились охоты, придворныя увеселенія и игрища! Дряхлый король одинъ сохранялъ свое величіе. Г-жа Ментенонъ, утомленная ролью, выпавшею на ея долю, постоянными интригами при дворѣ и образомъ жизни, который она вела, уже потеряла талантъ занимать и развлекать своего высокаго покровителя.

Въ это грустное время. когда въ Луврѣ и Тюльери царила съ незначительными перерывами торжественная тишина, когда Версаль и Фонтенбло, сравнительно съ прежнимъ оживленіемъ, казались вымершими, образовалась группа ловкихъ придворныхъ, старавшихся пышными парадами и хорошо поставленными зрѣлищами воскресить въ старѣющемъ королѣ его прежнюю подвижность. Ришелье разсказываетъ, въ своихъ мемуарахъ, разныя вещи, имѣвшія мѣсто въ это время, различныя зрѣлища и приключенія, устраиваемыя съ цѣлью позабавить Людовика XIV и вывести его изъ одолѣвающей его умственной усталости. Въ Фонтенбло, гдѣ въ послѣднее время своей жизни пребывалъ часто король, устраивались нерѣдко религіозно-фантастическія представленія, при прямомъ или косвенномъ участіи г-жи Ментенонъ.

Особенное оживленіе и интересъ какъ въ королѣ, такъ и въ народѣ возбудилъ пріѣздъ персидскаго посла.

Мѣсяцевъ за 7 до смерти короля внезапно распространился

Весна. Оригин. рисун. К. Голембьовскаго, грав. Ю. Барановскій.

слухъ, будто шахъ персидскій, султанъ Гуссейнъ, посылаетъ въ „Святую Францію“ своего посла.

Молва о величіи и славѣ Людовика XIV достигла стѣнъ Испагани и побудила „владыку солнца“ засвидѣтельствовать черезъ уполномоченнаго свое почтеніе могучему властелину. Узнавъ о прибытіи персидскаго посла Магомета Риза-Бея, король приказалъ немедленно приготовить все къ торжественному пріему. На встрѣчу посла въ Марсель послали камергера графа С.-Олонъ.

Въ двухъ миляхъ отъ Парижа церемоніймейстеръ, баронъ Бретейль и маршалъ Матиньонъ должны были его привѣтствовать.

Когда Бретейль вошелъ въ комнату посла, то нашелъ его сидящимъ съ поджатыми подъ себя ногами предъ каминомъ, на разостланномъ коврѣ и положенномъ сверху ковра матрацѣ. „Признаюсь“, пишетъ Бретейль въ своихъ запискахъ, вышедшихъ въ 1798 г., „что въ первый моментъ онъ показался мнѣ просто обезьяной. Но я полагаю, что если персіянинъ впервые увидитъ европейца сидящимъ на стулѣ, то и ему это должно казаться смѣшнымъ“. Посолъ жестомъ пригласилъ барона сѣсть и послѣдній началъ рѣчь, составленную въ восточномъ духѣ.

Въ началѣ посолъ держалъ себя весьма вѣжливо и скромно, что Бретейль приписывалъ его восточному воспитанію. Когда же рѣчь коснулась предстоящихъ празднествъ, персъ сталъ несговорчивъ. Онъ требовалъ себѣ, послу „царя солнца“, больше почестей, чѣмъ было предназначено. Прежде всего онъ настоялъ на томъ, чтобы министръ иностранныхъ дѣлъ, маркизъ Де-Торси, котораго по чину онъ считалъ равнымъ великому визирю, пріѣхалъ за нимъ въ Шарантонъ. До этаго пункта онъ согласенъ былъ ѣхать въ королевской каретѣ, но затѣмъ непремѣнно на конѣ, такъ какъ неподходящее для него было дѣло сидѣть съ невѣрнымъ въ одной каретѣ. Затѣмъ онъ потребовалъ, чтобы въѣздъ его въ Парижъ назначенъ былъ послѣ новолунія, для избѣжанія „несчастныхъ дней“. На эти странныя требованія Бретейль объявилъ, что Торси и прочіе министры—не визири, а просто „секретари“ короля, которымъ его величество отдаетъ приказанія. Бретейль, дѣлая такія объясненія, вѣроятно, разсчитывалъ лучше устроить дѣло.

Тѣмъ не менѣе, все министерство, узнавъ объ этомъ, пришло въ сильное негодованіе на барона, за его мысль отождествлять министровъ съ обыкновенными секретарями. Не малаго труда стоило уговорить обиженныхъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ справокъ въ календарѣ, 7-е февраля было выбрано какъ „счастливый день“ для въѣзда. Но когда Бретейль, Матиньонъ и прочіе кавалеры пришли за посломъ, то представились новыя затрудненія. Магомедъ-Риза-Бей рѣшительно отказывался встать съ своего матраца въ присутствіи христіанъ. Это была просто дерзость и потому Бретейль не замедлилъ отплатить тѣмъ же. Онъ объявилъ слишкомъ гордому послу, что если онъ не съумѣетъ держать себя съ большею вѣжливостью, то ему не разрѣшатъ въѣзда въ Парижъ и не дадутъ аудіенціи короля. Они оставили восточнаго человѣка сидѣть на своемъ матрацѣ и удалились. Только что успѣли они дойти до двора, какъ замѣтили спѣшившаго вслѣдъ за ними посла, бѣшено жестикулирующаго. Онъ вскочилъ на заранѣе приготовленную лошадь и направился къ выѣзднымъ воротамъ. Произошло еще большее смятеніе. Бретейль бросился — такъ разсказываетъ онъ самъ—къ лошади, схватилъ ее подъ уздцы и потащилъ обратно. Между посломъ и барономъ завязался горячій споръ. Посолъ хотѣлъ во что бы то ни стало одинъ и безъ помощи невѣрнаго въѣхать во французскую столицу; баронъ доказывалъ въ неособенно лестныхъ выраженіяхъ всю невозможность подобнаго поведенія, нарушающаго всякія правила этикета. Взбѣшенный противорѣчіемъ, Магометъ-Риза-Бей схватился за саблю, далъ лошади шпоры и рѣшился миновать кавалеровъ. Но не тутъ-то было! Бретейль успѣлъ уже приказать затворить ворота, и посолъ, сдерживая бѣшенство, принужденъ былъ возвратиться въ свое помѣщеніе. Бретейль послѣдовалъ за нимъ. По знаку, данному посломъ, онъ былъ вдругъ окруженъ 6 персидскими воинами его свиты. Баронъ не потерялся: онъ приказалъ перевести посланнику, что стоитъ ему только свиснуть, какъ явятся 6000 войска и докажутъ, какъ уважается воля великаго короля. Затѣмъ не стѣсняясь Бретейль схватилъ несговорчиваго Магомедъ-Риза-Бея за путовицу кафтана и заставилъ такимъ образомъ подняться съ матраца. Посолъ наконецъ покорился. Онъ убѣдился въ невозможности инаго образа дѣйствій и вскочилъ такъ проворно, что сшибъ съ ногъ трехъ свидѣтелей ссоры. Поспѣшивъ къ каретѣ, онъ усѣлся въ самый отдаленный уголъ. Маршалъ Матиньонъ и Бретейль также сѣли въ карету, но Риза-Бей повернулся къ нимъ спиной. Такимъ образомъ торжественно въѣхала въ Парижъ эта оригинальная компанія. На ихъ счастіе, посолъ далѣе ни въ чемъ не упорствовалъ.

Въ Парижѣ онъ сталъ нѣсколько обходительнѣе. Первымъ ему представили министра де-Торси, какъ представителя короля; Риза-Бей былъ съ нимъ вѣжливъ и учтивъ и поднесъ ему апельсинъ въ знакъ почтенія и дружескаго расположенія. Онъ убѣдительно просилъ отложить аудіенцію у короля до 13-го февраля, ссылаясь на тѣ же „несчастливые дни“.

Послѣ долгихъ споровъ 11-е февраля принято за день не столь несчастливый и назначили аудіенцію у короля. Въ слѣдующіе дни посолъ ѣздилъ верхомъ по улицамъ со своимъ знаменемъ, свитой и четырьмя лошадьми, которыхъ вели за нимъ пажи. Въ посольскомъ домѣ онъ часто и съ удовольствіемъ принималъ придворныхъ дамъ, которыя очень желали видѣть такаго рѣдкаго гостя. Посла смущало только, что онъ не могъ никакъ привыкнуть къ свободному обращенію съ дамами и что при его разговорахъ съ ними присутствовали и другіе мущины.

Дамъ онъ встрѣчалъ вѣжливо, но не вставая съ мѣста и не переставая курить трубку. Угощалъ ихъ чаемъ и кофе, иногда велѣлъ приходить придворному оркестру чтобы имѣть удовольствіе видѣть танцы своихъ гостей. Магомедъ-Риза-Бей всю мебель приказалъ вынести и устроилъ помѣщеніе по своему, при помощи привезенныхъ имъ ковровъ и богатыхъ подушекъ. Одна только мягкая постель ему понравилась, такъ что онъ оставилъ ее.

Онъ серьезно и строго исполнялъ всѣ обряды, предписываемые его религіей; ѣлъ только приготовляемое имъ привезеннымъ поваромъ. Его столъ былъ весьма простъ и умѣренъ. На полъ разстилалась вышитая золотомъ скатерть, на которую и ставили блюда, вовсе не соблазнительныя для европейскаго вкуса. Риза-Бей ѣлъ по персидски. Онъ неаппетитно бралъ съ блюда руками рисъ.

Въ день аудіенціи свита посла съ его знаменемъ долженъ былъ ожидать его у подъѣзда Версальскаго двора. Въ концѣ большой галлереи возсѣдалъ на тронѣ король Людовикъ окруженный придворными, облеченными въ парадные наряды. Опасались, чтобы причудливый посолъ опять не сдѣлалъ чего нибудь, но все обошлось благополучно.

Малолѣтній дофинъ, герцоги Орлеанскіе, Шартрскіе и Бурбонскіе и графъ Шароле встрѣтили посла и подвели его къ трону, гдѣ король привѣтствовалъ его съ непокрытой головой. Это произвело впечатлѣніе на Магомеда-Риза. Скрестивъ на груди руки, онъ отдалъ королю низкій и почтительный поклонъ, поднялся на возвышеніе и передалъ монарху свою кредитивную грамоту. Этимъ закончилась аудіенція. Это зрѣлище развлекло короля. Онъ рѣшилъ во время пребыванія посла въ Парижѣ въ честь его устроить нѣсколько празднествъ и дать ему блистательную прощальную аудіенцію. Но до этого не дошло. Самые разнообразные слухи ходили о личности персидскаго посла. Никто не зналъ, имѣютъ-ли эти слухи какое-либо основаніе; тѣмъ не менѣе они проникли во дворецъ и волновали дворъ. Сперва говорили, будто-бы Магометъ-Риза-Бей былъ осужденный преступникъ, бѣжавшій, съ помощью французскаго посланника, изъ Константинополя. Подарки его, которыхъ онъ донынѣ не преподносилъ королю и которые всегда при церемоніяхъ велѣлъ нести передъ собою въ разныхъ ящикахъ и тюкахъ, состояли всего изъ 106 маленькихъ настоящихъ бусъ и 180 тюркуазъ, стоимостью въ 1,000 таллеровъ, и изъ нѣсколькихъ боченковъ гумми. Другіе говорили что это просто какой-то авантюристъ, нанятый разыграть комедію для развлеченія короля. По Брейтелю, чаще всего съ нимъ сходившійся и болѣе другихъ знающій его, горячо опровергалъ эти слухи въ своихъ „рукописныхъ замѣткахъ“ также какъ и историки Флассанъ и Бюлау въ своихъ „тайныхъ исторіяхъ“. По ихъ словамъ Магометъ-Риза-Бей былъ дѣйствительный посолъ.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ французскій консулъ въ Алеппо заключилъ съ Персіей договоръ, преимущественно касающійся облегченія положенія французскихъ торговцевъ и миссіонеровъ во владѣніяхъ Шаха. Ревностно интриговали армянскіе купцы, подстрекаемые на это, какъ полагаютъ, англичанами и голландцами, пока наконецъ маркизъ Дезальеръ, въ то время французскій посолъ при Высокой Портѣ, не вступился и не рѣшилъ скрѣпить отношенія Персіи со своей страной формальнымъ актомъ. Тогда персидскій дворъ, — вызванный на это обѣщаніями маркиза и его единомышленниковъ, — рѣшилъ для подтвержденія дружественнаго расположенія къ Франціи, послать чрезвычайнаго посла въ Парижъ.

По порученію Великаго Визиря, назначили для этой миссіи Магомета-Риза-Бея. Въ мартѣ 1714 года выѣхалъ посолъ и въ концѣ апрѣля прибылъ въ Смирну. Заподозрѣвъ въ лицѣ его шпіона, турецкія власти не хотѣли его пустить на корабль для отплытія въ Марсель, и Магомедъ-Риза принужденъ былъ бѣжать въ Константинополь, чтобы стать подъ защиту маркиза Дезальера. По прибытіи его немедленно арестовали, но благодаря французскому посланнику опять освободили, такъ что онъ могъ безостановочно продолжать свой путь въ Марсель, но переодѣтый.

Ришелье разсказываетъ, что посолъ, въ дѣйствительность полномочій котораго самъ онъ не вѣрилъ, въ самомъ дѣлѣ заключилъ торговый трактатъ съ Франціей. Главная причина такого недовѣрчиваго отношенія при Дворѣ къ личности посла основана была на томъ, что въ послѣднее время часто разыгрывались всевозможныя комедіи для развлеченія короля. Если-бы это была правда, то устраивавшіе это придали-бы болѣе пышности всей церемоніи. Мнѣніе это скоро было оставлено; незначительная наружность, сомнительныя манеры и весьма ограниченныя средства Магомета-Риза сдѣлали то, что въ глазахъ общества онъ былъ просто лжецъ и хвастунъ.

Дошло до того, что и король сталъ иначе относиться къ посланнику и находилъ образъ дѣйствій непристойнымъ для величія и достоинства французскаго престола.

Магометъ-Риза потерялъ популярность и ему вѣжливо дали понять, что онъ можетъ выѣхать изъ Парижа. Но Людовикъ всетаки не дешево отдѣлался; онъ долженъ былъ уплатить всѣ долги посла, что составляло сумму огромную и кромѣ того принять на себя путевыя издержки въ предѣлахъ французской территоріи.

Изрѣдка потомъ доносились до двора кое-какіе слухи объ оригинальномъ послѣ. Разсказывали, будто онъ появлялся еще въ Россіи, Швеціи, Даніи и Германіи. въ послѣдній разъ его видѣли въ Берлинѣ и Гамбургѣ. Затѣмъ онъ совершенно исчезъ, и разсказы объ этомъ оригинальномъ человѣкѣ мало по малу прекратились.

Въ странѣ „Янки".

Очеркъ.

Кто знаетъ, какъ иностранныя имена страшно коверкаются американцами, въ особенности на ихъ народномъ, уличномъ нарѣчіи, тотъ сочтетъ совершенно естественнымъ, что тоже самое произошло и съ ихъ прозвищемъ. Выраженіе *янки*, подъ которымъ европейцы подразумѣваютъ сѣвероамериканца, въ Америкѣ обозначаетъ именно жителя новыхъ англійскихъ штатовъ; именемъ этимъ, во время войны за освобожденіе негровъ, называли сѣвероамериканцевъ въ отличіе отъ южанъ, которыхъ звали „бунтовщиками" (Johnny Reb), „янки" испорченное индійское слово, передѣланное вѣроятно изъ слова „Anglais"—англичане. Жители громадной трансатлантической республики отличаются иногда поступками, носящими на себѣ печать странности и своеобразности. Но и оригинальные янки попадаются теперь, въ наше все уравнивающее время, все рѣже и рѣже, подобно бизонамъ большихъ равнинъ и дикимъ цесаркамъ американскихъ лѣсовъ. Неограниченная свобода охоты сдѣлала то, что вблизи городовъ весьма трудно отыскать, напримѣръ, зайца, а основное республиканское правило этого скучнаго уравненія всего безъ конца и всеобщаго однообразія, повело къ постепенному исчезновенію оригинальныхъ черть въ жизни американцевъ. И такъ дни янки сочтены—янки высокаго, худаго, одареннаго практическимъ умомъ, который бывало въ своемъ высокомъ цилиндрѣ, изношенномъ фракѣ и съ своей козлиной бородою встрѣчался на всемъ западѣ. Дѣти уже болѣе не янки; быть можетъ они наслѣдовали пороки, но потеряли природную логику своихъ отцовъ, способность къ мѣткой наблюдательности, необыкновенной выносливости и терпѣнію, ихъ живости и находчивости, которыми всегда отличался настоящій янки.

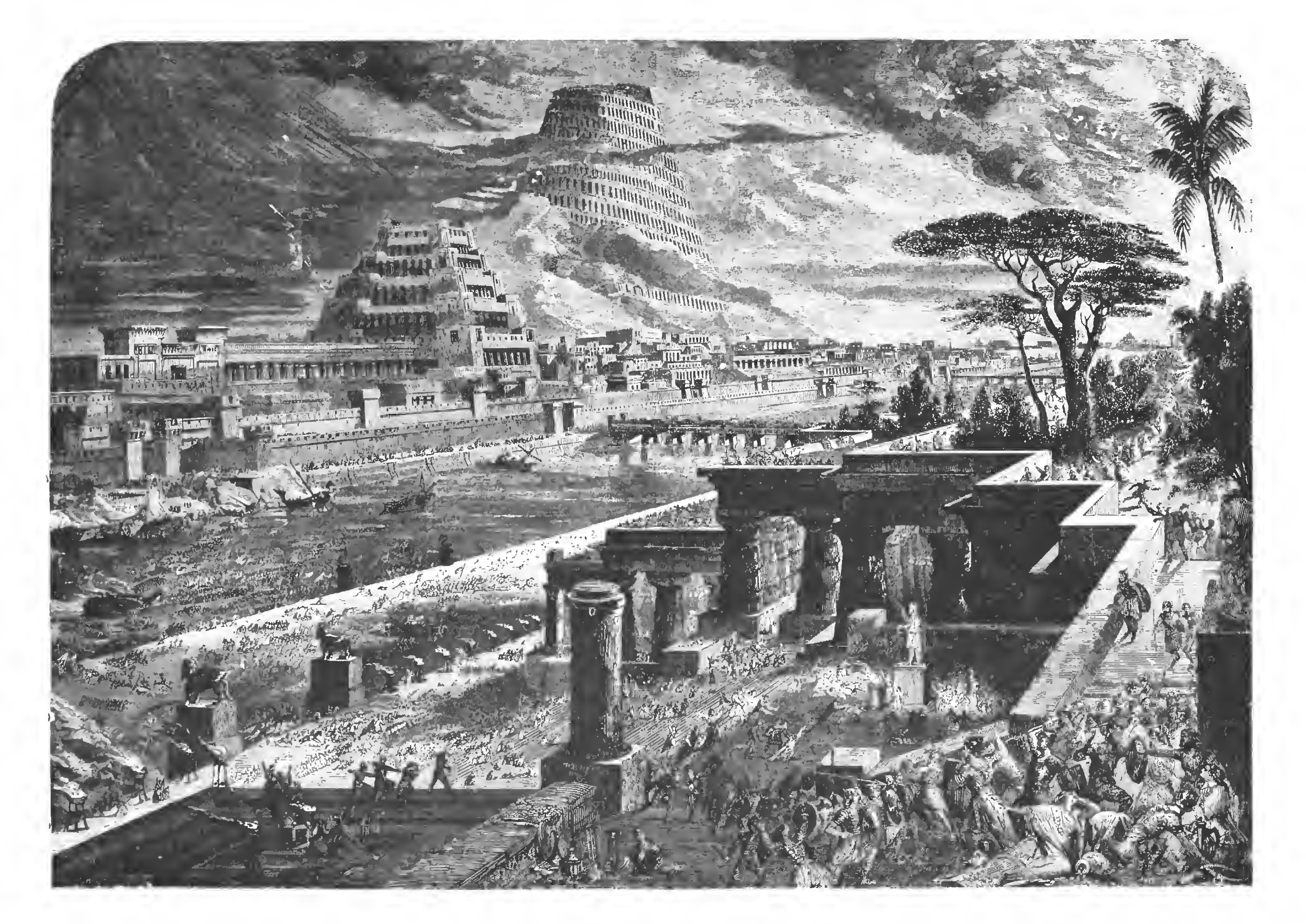
Какъ вездѣ и всегда, купецъ можетъ быть въ общемъ смыслѣ честный человѣкъ, но все же онъ доволенъ, если ему удастся такъ или иначе обойдти покупателя. Такъ и янки —тертый калачъ и каждый покупающій у него что нибудь долженъ быть осторожнѣе. Болѣзненное стремленіе къ возможно скорѣйшему обогащенію, наживѣ, заставляетъ его прибѣгать къ такимъ продѣлкамъ, которыя въ другомъ мѣстѣ считались бы обманомъ, но американская совѣсть покладлива. Еслибы напримѣръ какой нибудь подрядчикъ, принимая на себя постройку общественнаго зданія, подавалъ счеты дѣйствительныхъ расходамъ, а не набивалъ бы при этомъ себѣ карманъ, то янки нашелъ бы, что въ немъ нѣтъ дѣловой сметки. Ежегодно въ порты Западной Европы изъ Америки приходятъ корабли съ жизненными припасами; между тысячами пересылаемыхъ окороковъ находится множество искусно поддѣланныхъ изъ дерева, такъ что пріемщикъ не можетъ при быстротѣ провѣрки отличить ихъ отъ настоящихъ. А мускатные орѣхи, поставляемые янки, и точно также выточенные изъ дерева, вошли даже въ поговорку.

По случается также, что и янки ошибается въ своихъ разсчетахъ. Такъ напримѣръ одинъ предпріимчивый янки задумалъ получить хорошій заработокъ; онъ купилъ нѣсколько тысячъ громоотводовъ и съ большими расходами отправилъ ихъ въ Калифорнію, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ. Надежды его однако не оправдались, такъ какъ въ „странѣ золота" почти никогда не бываетъ грозы. Барнумъ—образецъ американской изобрѣтательности, показывалъ у себя въ музеѣ акварій съ тюленями, которымъ онъ искусно придѣлалъ какіе-то фантастическіе хвосты, объявивъ, что открылъ „сиренъ". Публика скоро разгадала эту уловку, но всѣ смѣялись и интересовались ловкой продѣлкой янки и шли въ музей просто посмотрѣть какъ онъ это сдѣлалъ. Перехитрить Барнума стало цѣлью желанія многихъ. На насъ европейцевъ американскія остроты не производятъ впечатлѣнія, иногда мы даже несможемъ понять, надъ чѣмъ смѣются, но для американца подобная штука его соотечественника —истинное, величайшее наслажденіе. Одинъ янки держалъ, напримѣръ, пари, что перехитритъ Барнума, но долго не находилъ къ этому удобнаго случая. Наконецъ ему удалось подмѣтить, что Барнумъ ежедневно передъ репетиціей въ своемъ театрѣ заходитъ къ парикмахеру и очень торопится. Онъ также началъ ежедневно нѣсколькими секундами ранѣе Барнума заходить бриться и тотъ принужденъ былъ ждать. Однажды Барнумъ особенно торопился, но незнакомецъ уже ранѣе его занялъ стулъ. Я уплачу за васъ, если вы уступите мнѣ мѣсто, сказалъ Барнумъ, который не могъ болѣе ждать. Незнакомецъ всталъ со стула. Выходя Барнумъ сказалъ: я плачу за этаго господина. Тогда оставшійся велѣлъ себя побрить, постричь, помыть, принялъ ванну, выбралъ нѣсколько ящиковъ сигаръ, дюжину бутылокъ кельнской воды, мыла и духовъ и такъ какъ Барнумъ сказалъ при свидѣтеляхъ, что уплатитъ, то и поплатился тридцатью долларами. Эта „практическая" американская продѣлка была съ восторгомъ привѣтствуема мелкими газетами.

Даже церковныя кафедры не избавлены отъ рекламъ и гешефта. Извѣстный проповѣдникъ Генрихъ Вардъ-Бехеръ взошелъ однажды на кафедру лѣтомъ въ очень жаркій день и послѣ молитвы вдругъ произнесъ слова: „Чертовски жарко сегодня!" и началъ вытирать платкомъ лобъ. Всеобщее удивленіе! Слова эти въ „порядочномъ" американскомъ обществѣ совсѣмъ не употребляются, слышать же ихъ отъ проповѣдника на кафедрѣ—было нѣчто невѣроятное! Слушатели остолбенѣли, но Бехеръ, улыбаясь, продолжалъ: „такъ говорятъ безбожники!" и затѣмъ произнесъ сильную филиппику противъ всякой божбы и клятвы. Успѣхъ этой выходки былъ колоссальный и на слѣдующее воскресенье церковь уже была полна народомъ. Пресса также съ цѣлью гешефта прибѣгаетъ безпрестанно къ разнымъ продѣлкамъ. Нью-Іоркская газета „Герольдъ" выпустила цѣлый листъ съ сообщеніемъ, что хищныя животныя выбѣжали, вырвавшись изъ клѣтокъ центральнаго городскаго парка; пантера напала на одного проповѣдника, волкъ на верховнаго судью, аллигаторъ на доктора такого-то; сосѣдніе дома подвергаются опасности: когда семейство одного генерала садилось за ужинъ, въ окнѣ показалась анаконда длиною въ 20 футовъ. Ужасное положеніе лицъ, на которыхъ напали хищныя животныя, было описано живыми красками и только въ концѣ слѣдовала короткая помѣтка, что это—сонъ одного изъ репортеровъ газеты. Многіе однако сильно обезпокоились, а газета спокойно перенесла общее порицаніе, она достигла своей цѣли: обратила на себя общее вниманіе.

Конечно было бы ошибочно заключать изъ всего сказаннаго, что американскіе купцы непремѣнно все обманщики. Напротивъ, за небольшими исключеніями, торговля ихъ ведется на прочныхъ основаніяхъ, всюду установлены цѣны и солидный торговый домъ считаетъ оскорбленіемъ, если въ его лавкѣ торгуются. Но изобрѣтательный янки находитъ много случаевъ пустить въ ходъ свою хитрость, составить какое нибудь акціонерное общество и заполучить барыши. Это не считается обманомъ. Одинъ изъ самыхъ характерныхъ случаевъ въ такомъ родѣ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Два янки, обладающіе нѣкоторыми средствами, предприняли путешествіе въ степи Арицоны и вернулись оттуда съ найденными ими брильянтами, оказавшимися дѣйствительными и представлявшими стоимость въ 1,000 долларовъ. Путешественники эти стали утверждать, что въ той мѣстности, которую они намѣрены изслѣдовать, находятся большія залежи драгоцѣнныхъ камней. Брильянты!—Слово это было заманчивѣе золота! Публика однако относилась скептически къ необыкновенной находкѣ, но недовѣріе было побѣждено. Эти ловкіе люди снарядили гораздо большую экспедицію въ страшную, недоступную пустыню, и взяли съ собой знатоковъ благородныхъ камней. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ экспедиція вернулась, привезя съ собой камней на сумму болѣе 20,000 долларовъ. Еслибы не недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ—такъ говорили участники экспедиціи—то они остались бы дольше и набрали бы гораздо болѣе драгоцѣнностей. Многими овладѣла „брильянтовая лихорадка"; тотчасъ было основано акціонерное общество, акціи котораго, восхваляемыя подкупленной прессой, сильно поднимались въ цѣнѣ. Оба главные зачинщика, посвятившіе вѣроятно въ свою тайну еще кого нибудь изъ членовъ экспедиціи, покупали тысячи акцій и перепродавали ихъ съ небывалымъ барышемъ. Былъ составленъ большой караванъ для отправки въ страну брильянтовъ; между тѣмъ геологи и естествоиспытатели, щедро вознагражденные, писали блестящія статьи о формаціи почвы и причинѣ происхожденія брильянтовъ въ этой пустынѣ. Караванъ отправился въ путь, а главные актеры, составивъ себѣ колоссальное состояніе, исчезли безслѣдно. Конечно караванъ не нашелъ никакихъ брильянтовъ, такъ какъ найденные ранѣе были просто положены на извѣстныхъ мѣстахъ ловкими зачинщиками всего этаго дѣла.

Худощавые янки, со своими острыми угловатыми профилями не представляютъ красивой расы; всѣ они обладаютъ наклонностью къ необыкновенному и эксцентричному, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ этаго могутъ извлечь пользу. Купецъ сидитъ за конторкой и размышляетъ. нѣтъ ли еще гдѣ нибудь страны или острова, гдѣ бы онъ могъ выгодно сбывать товаръ; онъ выдумываетъ новый способъ объявленій, которыми расписываются даже скалы, чтобы пассажиры несущихся мимо поѣздовъ читали объявленія; чтобы обратить на себя вниманіе янки краситъ свой домъ всевозможными цвѣтами; высылаетъ пестрые экипажи со звонками, покрытые объявленіями и людей



Паденіе Вавилона. Рис. Лемсъ, грав. Поль.

Австрійская полярная экспедиція. Складные дома наблюдательной станціи. Съ фотогр. грав. Брунъ.

одѣтыхъ арлекинами, для разбрасыванія объявленій. Въ одномъ городѣ было брошено въ ящикъ письмо, марка отъ котораго по всей вѣроятности отклеилась. Въ Америкѣ письма безъ марокъ не посылаются. На слѣдующій день отправитель получилъ запечатанное письмо отъ Джона Симонса, торговца сѣномъ, соломой и пр. въ которомъ онъ ему сообщалъ, что наклеилъ марку на его письмо, посланное безъ марки и вмѣстѣ предлагалъ ему свой товаръ. Оказывается, что г. Симонсъ постоянно бываетъ на почтѣ, гдѣ требуетъ письма безъ марокъ, оплачиваетъ ихъ марками и затѣмъ прочитавъ на конвертѣ адресъ отправителя (какъ было и въ этомъ случаѣ), пересылаетъ ему свое заявленіе. Такъ онъ соединяетъ любезность съ практической пользой. Янки—машинистъ, сельскій хозяинъ, морякъ—всѣ они думаютъ какъ бы изобрѣсти что нибудь новое, какой нибудь рычагъ, замокъ и т. п. Механическія способности янки безграничны; наши ученые изыскиваютъ прежде теоретически и уже затѣмъ приступаютъ къ практическому примѣненію изысканія, янки же пробуетъ и пробуетъ до тѣхъ поръ, пока не найдетъ какого нибудь именно практическаго примѣненія и затѣмъ уже приступаетъ къ теоріи. Морзи и Эддисонъ именно типы такихъ изобрѣтателей-янки.

Богатый янки передъ смертью устраиваетъ еще продѣлку со своимъ семействомъ. Онъ лишаетъ сыновей большей части своего состоянія и оставляетъ его на церкви, школы и нужды своего отечества. И тутъ сказывается стремленіе къ необычайному, а вмѣстѣ съ тѣмъ и практическая идея. Янки соображаетъ такъ: если я оставлю всѣ деньги моему сыну, онъ станетъ лѣнтяемъ; онъ будетъ думать, что родившись съ золотой ложкой во рту, не нужно ничего дѣлать, не нужно работать и создавать и такимъ образомъ сдѣлается безполезнымъ членомъ общества. А потому пусть сынъ получаетъ только извѣстную, ограниченную сумму, ибо долженъ полагаться только на свои силы.

Къ рисункамъ.

Саратовъ.

(Рис. на стр. 460 и 461).

Саратовъ принадлежитъ къ сравнительно молодымъ городамъ нашего отечества, такъ какъ существуетъ съ небольшимъ два столѣтія. Кромѣ того онъ не можетъ похвалиться богатствомъ и разнообразіемъ своей исторической жизни, такъ какъ никогда не игралъ важной роли въ ростѣ и развитіи государства, а стоялъ всегда особнякомъ, на его окраинѣ. Самое его основаніе было вызвано чисто внѣшними потребностями; нужно было обезопасить границу отъ набѣговъ татаръ и поволжской вольницы и вотъ въ царствованіе государя Ѳеодора Ивановича, около 1591 или 1592 года, было положено начало пограничному укрѣпленію на лѣвомъ берегу Волги, близъ устья рѣки Саратовки. Окруженная со всѣхъ сторонъ татарскимъ населеніемъ, эта крѣпостца получила даже чисто татарское названіе: Саратовъ, т. е. Саратау, желтая гора, и довольно часто была тревожима своими близкими, хищными сосѣдями. Оставленный наконецъ въ покоѣ татарами, Саратовъ сдѣлался цѣлью набѣговъ разныхъ разбойничьихъ шаекъ, такъ долго опустошавшихъ Поволжье. Особенно памятны для Саратова вторженія Стеньки Разина и Пугачева, отличавшіяся, какъ извѣстно, безпощаднымъ грабежемъ и страшными жестокостями. До сихъ поръ въ здѣшнемъ краѣ ходитъ много народныхъ преданій объ осадѣ и взятіи Саратова Пугачевымъ и объ его здѣсь пребываніи. Такъ въ числѣ сохранившихся старинныхъ зданій указываютъ на одинъ домъ, въ которомъ, по преданію, жилъ самозванецъ три дня по взятіи Саратова и этотъ домъ до настоящаго времени извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ „Царскаго“.

Самый древній архитектурный памятникъ Саратова—это его старый соборъ, едва ли не современный основанію города, т. е. перенесенію его въ концѣ XVII вѣка съ лѣвой луговой стороны Волги на правый нагорный. Кромѣ того въ Саратовѣ есть еще другія старинныя церкви—Спасопреображенская, Вознесенская, Введенская и Крестовоздвиженская. Изъ храмовъ же новѣйшаго времени самый замѣчательный—это каѳедральный Александро-Невскій соборъ, построенный въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, въ память освобожденія Россіи отъ нашествія полчищъ Наполеона.

Внѣшній видъ Саратова вообще очень красивъ; начиная съ берега Волги, покрытаго глубокимъ и сыпучимъ пескомъ, онъ поднимается амфитеатромъ по склону крутой возвышенности. Кромѣ того значительная часть города раскинута на плоскости, завершающей эту возвышенность и прилегающей къ ряду другихъ сосѣднихъ горъ. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательна высокая и остроконечная, такъ называемая Соколова гора, съ которой Пугачевъ во время осады обстрѣливалъ городъ. Отъ этой горы Саратовъ тянется по берегу Волги верстъ на семь. Расположенъ городъ довольно правильно; улицы его прямы и широки и хорошо обстроены. Самая главная и старинная улица—Московская, которая на половинѣ пересѣкается обширною площадью, называемою то Хлѣбною, то Театральною. На ней по одну сторону тянутся торговые ряды и хлѣбные магазины, но другую—новый Гостинный дворъ, а на серединѣ площади возвышается театръ—большое деревянное зданіе довольно хорошей архитектуры. Лѣтомъ особеннымъ движеніемъ отличается пристань Саратова, основанная еще въ XVII вѣкѣ, въ эпоху совмѣстнаго управленія Іоанна и Петра Алексѣевичей. На этой пристани ежегодно грузятся до 500 судовъ и видя эту шумную, суетливую дѣятельность и груды нагруженнаго товара невольно сознаешь, какое важное торговое значеніе имѣетъ Саратовъ для всего Поволожья и какіе богатые задатки имѣетъ онъ для будущаго своего развитія и процвѣтанія.

„Коттабосъ“.

(Рис. на стр. 460 и 461).

На античныхъ вазахъ и амфорахъ часто встрѣчаются изображенія древнегреческой игры, о которой упоминаютъ древнѣйшіе греческіе писатели и которая съ давнихъ временъ была въ употребленіи въ Аѳинахъ. Названіе свое „Коттабосъ“ игра получила вѣроятно отъ греческаго слова плескать, толкать; она состояла въ томъ, что остатки недопитаго вина съ ловкостью выплескивались на металлическую небольшую чашку, поставленную въ отдаленіи на короткой подпоркѣ надъ большимъ сосудомъ, причемъ чашечка опрокидывалась и со звономъ надала въ сосудъ. Большой сосудъ, надъ которымъ возвышалась балансирующая чашечка, по обыкновенію былъ подножіемъ свѣтильника, который украшался при этомъ всегда гирляндами изъ розъ, такъ какъ игра коттабосъ имѣла и эротическое значеніе и служила для молодыхъ людей оракуломъ любви. Коттабосъ называлась не только игра, но также чаша, изъ которой выплескивали вино, цѣль и призъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ игра коттабосъ служила для состязаній въ ловкости и призами назначались пестрыя ленты, вѣнки, яйца, пирожныя, лакомства, а также и поцѣлуи. Такъ одинъ древній писатель, упоминая объ игрѣ коттабосъ по поводу назначенія имени десятидневному малюткѣ, говоритъ: „и такъ, женщины, теперь всю ночь вы будете весело танцовать на именинахъ малютки; побѣдителю въ игрѣ коттабосъ я назначаю три ленты, пять яблокъ и девять поцѣлуевъ“.

Возліяніе въ честь боговъ предшествовало пиршеству, игра-же коттабосъ, съ ловко пролитыми каплями вина въ честь любимой женщины, заканчивала трапезу. Предзнаменованія, выводившіяся изъ игры, служили предметомъ оживленныхъ разговоровъ среди молодежи; такъ напримѣръ если вино было выплеснуто на чашечку удачно и она ударялась звонко, то это было хорошимъ признакомъ — постоянства въ любви; если-же вино не попадало на чашечку, то вѣрность въ любви была сомнительна а неудачный игрокъ подвергался насмѣшкамъ и поддразниваніямъ веселаго общества.

Нашъ рисунокъ переноситъ насъ къ концу трапезы молодыхъ людей: живѣе чѣмъ прежде наполняются кубки изъ принесенныхъ рабами большихъ вазъ, а возлежащія дѣвушки съ напряженіемъ слѣдятъ за юношей, который подъ гармоническіе звуки двойной флейты приступаетъ къ игрѣ. Увѣренный въ побѣдѣ, онъ вытянулъ правую руку съ чашкой, зацѣпивъ ее по правилу, указательнымъ пальцемъ за одно ушко, приготовляясь выплеснуть остатки вина, между тѣмъ какъ возлюбленная его, которую онъ держитъ за руку, несмотря на всю свою увѣренность въ его любви, все-же смотритъ съ нѣкоторой тревогой. Если ударъ будетъ вѣренъ, то конечно его наградятъ и вѣнкомъ и поцѣлуемъ, въ противномъ-же случаѣ, не избѣжать ему насмѣшекъ.

Игра коттабосъ требовала много ловкости и упражненія, такъ какъ изогнувъ руку нужно было вино выплеснуть такъ ловко и сильно, чтобы оно образовало дугу и упало прямо на цѣль, причемъ ни одна капля не должна была пролиться. Золотая молодежь древнихъ Аѳинъ очень гордилась своею ловкостью въ этой игрѣ, и это ставилось такъ-же высоко какъ и ловкость въ метаніи копій.

Феи весны (изъ Ленау).

(Рис. на стр. 465).

Лепестковъ быстрѣй летучихъ,
И легки, пестры какъ сны,
Мчатся съ утренней зарею
Феи свѣтлыя весны.

* * *

И въ лучахъ веселыхъ солнца,
И въ туманахъ вешнихъ росъ,
Ихъ несутъ стезей воздушной
Стаи легкія стрекозъ.

* * *

Вслѣдъ имъ жаворонковъ пѣнье
Льется въ синій неба сводъ,
Встрѣчу имъ жужжанье, стрекотъ,
Шумъ и жизнь весны встаетъ...

Паденіе Вавилона.

(Рис. на стр. 468).

Оригинальная, грандіозная сцена изображена на нашемъ рисункѣ. Эти колоссальныя зданія древняго города, достигающія до облаковъ, толпы сражающихся, рѣка покрытая оснащенными судами, каменные идолы давно исчезнувшаго съ лица земли народа, все это невольно овладѣваетъ воображеніемъ и переноситъ мысль въ мракъ отдаленныхъ вѣковъ—въ древній Вавилонъ.

Вавилоняне, какъ и ассиріяне, семитическаго происхожденія. Вавилонская каста жрецовъ, какъ и египетская, отличалась высокимъ образованіемъ. Послѣ того какъ Вавилонъ овладѣлъ Египтомъ, Іудеей и Финикіей, самъ онъ былъ покоренъ персидскимъ царемъ Киромъ. Послѣ паденія царства персидскаго Вавилонъ достался Александру Великому, умершему въ Вавилонѣ въ 323 году, затѣмъ онъ подпадалъ поочередно то подъ власть сирійцевъ, то парфянъ, римлянъ, арабскихъ калифовъ и наконецъ въ 1638 году, турокъ, которые этою страною владѣютъ и донынѣ.

Древняя столица эта была, какъ извѣстно, однимъ изъ величайшихъ городовъ своего времени. (Подробная статья о древнемъ Вавилонѣ помѣщена въ № 6 „Нивы“ за этотъ годъ). Въ западной части города, у юговосточной стороны стѣны, былъ расположенъ, отложившійся отъ Вавилона еще со временъ Дарія, городъ Форзиппа, и въ немъ-то была, описанная Геродотомъ, восьмиэтажная башня, выстроенная Навуходоносоромъ на томъ-же мѣстѣ гдѣ, по библейскому сказанію, была знаменитая башня Вавилонская. Теперь развалины эти называются Бирсъ-Нимрудъ.

Въ библіи, въ „Книгѣ Моисея“ I говорится: „на всей землѣ говорили только однимъ языкомъ. Послѣ потопа, сыновья Ноя пошли въ Мессопотамскую долину, и задумали построить тамъ городъ и посреди его башню, которая вершиною своей достигла бы неба. Но Іегова наказалъ ихъ дерзкій замыселъ. Онъ смѣшалъ языки строителей, такъ что они не понимали другъ друга и разсѣялъ ихъ по всей землѣ“. Городъ поэтому и былъ названъ Вавель т. е. смѣшеніе. Разсказъ этотъ указываетъ на древне-историческій фактъ, именно на основаніе города Вавилона, который неоспоримо считается мѣстомъ древнѣйшей культурной осѣдлости людей. Весь городъ со всѣми его несмѣтными сокровищами и великолѣпными постройками, взятъ былъ персидскимъ царемъ Киромъ весною 538 года.

По описанію Корвина, вавилоняне не опасались осады города; у нихъ было достаточно съѣстныхъ припасовъ а широкіе и глубокіе рвы защищали доступъ къ высокимъ городскимъ стѣнамъ, до которыхъ не могли достигать стрѣлы. Мудрый Киръ сообразилъ всѣ эти трудности; онъ началъ изучать мѣстность и нашелъ возможнымъ проникнуть въ городъ, отведя въ одномъ мѣстѣ рѣку. Приготовленія и работы должны были вестись такъ, чтобы вавилоняне ничего не замѣтили, иначе, если-бы не удалось отвести воду рѣки скоро, то задуманный планъ не удался-бы.

Для выполненія смѣлаго предпріятія Киръ выбралъ ночь, въ которую вавилоняне веселились по случаю праздника, когда они почти и не думали о Кирѣ, который въ послѣднее время ихъ не тревожилъ. Они небрежнѣе вслѣдствіе этого оберегали мѣста, хорошо защищенныя рѣкою. Киръ узналъ, что ворота, ведущія къ рѣкѣ, ночью не будутъ заперты. И вотъ въ ночь, пока вавилоняне плясали и пиршествовали, Киръ привелъ въ исполненіе свой планъ. Рѣка была спущена и когда вода уже стала достигать только до колѣнъ, отборная часть войска проникла въ городъ. Вавилонъ былъ взятъ, прежде чѣмъ вѣсть о постигшемъ несчастіи достигла центра города.

„Книга Даніила“ называетъ царемъ Вавилона Валтасара, сына Навуходоносора и говоритъ что городъ былъ осажденъ не Киромъ а Даріемъ. Валтасаръ давалъ большой пиръ. Вдругъ на стѣнѣ появилась надпись, которую мудрецы не могли прочесть. Тогда былъ призванъ Даніилъ, объяснявшій уже прежде сны Навуходоносора; онъ-то и разобралъ таинственныя слова: мани, факелъ, фаресъ (сочтено, взвѣшено, раздѣлено) что обозначало, что дни царствованія Валтасара сочтены, что сердце его взвѣшено и найдено слишкомъ легкимъ и что царство его будетъ раздѣлено между мидянами и персами. Въ ту же ночь царь Валтасаръ былъ убитъ, и мидяне захватили царство.

Послѣ завоеванія Киромъ вавилонскаго царства, плѣнные іудеи въ Вавилонѣ получили отъ Кира разрѣшеніе вернуться на родину, въ Палестину. Но этимъ разрѣшеніемъ воспользовались только плѣнные колѣна Левіина и Веніаминова; остальныя десять колѣнъ совершенно исчезаютъ изъ исторіи со времени изгнанія. По всей вѣроятности они такъ смѣшались съ родственнымъ имъ вавилонскимъ народомъ, что даже воспоминаніе о племенной родинѣ у нихъ исчезло.

Наблюдательныя станціи австрійской полярной экспедиціи.

(Рис. на стр. 469).

Первая мысль объ основаніи въ полярныхъ странахъ особыхъ станцій для астрономическихъ, магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденій принадлежала извѣстному изслѣдователю арктической природы и путешественнику, лейтенанту австрійской службы, Карлу Вейпрехту, который еще въ 1879 г. на гамбургской полярной конференціи представилъ обширный докладъ о пользѣ и цѣляхъ предлагаемыхъ имъ станцій. Въ этомъ замѣчательномъ докладѣ онъ развивалъ ту мысль, что добывать знанія о полярныхъ странахъ путемъ опасныхъ и трудныхъ экспедицій, стоившихъ жизни столькихъ людей, напрасный трудъ, не могущій привести ни къ какому полезному результату и что удовлетворить вполнѣ научнымъ цѣлямъ можно лишь цѣлымъ рядомъ одновременныхъ экспедицій, предназначенныхъ для устройства въ различныхъ пунктахъ полярныхъ странъ особыхъ наблюдательныхъ станцій. При этомъ главнымъ условіемъ для успѣшности дѣла онъ ставилъ, чтобы наблюденія всѣхъ этихъ станцій происходили при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, въ одно и то же время, при инструментахъ одинаковой точности и при одинаковомъ методѣ наблюденія.

Къ сожалѣнію Вейпрехтъ скончался въ мартѣ 1881 года и не могъ осуществить самъ своей любимой идеи, но тѣмъ не менѣе его проектъ принятъ былъ сочувственно во всей Европѣ и на послѣднихъ полярныхъ конференціяхъ было уже рѣшено, на какихъ пунктахъ должны быть устроены различными государствами наблюдательныя станціи. Всѣхъ этихъ станцій предполагается до сорока, причемъ, насколько это выяснилось до настоящаго времени, такія станціи будутъ основаны: русскими на Новой Землѣ и въ устьяхъ Лены, Даніей по западному берегу Гренландіи, Норвегіей — въ Босконѣ, въ Финмаркенѣ, Голландіей—въ портѣ Диксонъ, Англіей около Гудзонова залива, Швеціей на Шпицбергенѣ, Франціей на мысѣ Горнъ, Америкой на мысѣ Горнъ и въ заливѣ Лэди Франклинъ и Австро-Венгріей на островѣ Янъ-Майенъ въ Гренландскомъ морѣ. Открытіе наблюдательной станціи на послѣднемъ пунктѣ уже близко къ своему осуществленію, благодаря щедрости графа Вильгекъ, который ассигновалъ на снаряженіе австрійской полярной экспедиціи довольно значительную сумму. Кромѣ того по послѣднимъ извѣстіямъ не только уже снаряжено окончательно большаго размѣра первое транспортное судно, предназначенное для перевозки участниковъ экспедиціи на островъ Янъ-Майенъ, но даже готовы и всѣ постройки будущей наблюдательной станціи, которыя, будучи разобраны на составныя части, легко могутъ быть перевезены и опять собраны на мѣстѣ. Эти постройки, какъ можно видѣть по прилагаемому нами рисунку, имѣютъ полукруглую форму, дающую имъ возможность выдерживать давленіе большой массы снѣга. Кромѣ того высоко поднятыя двери облегчаютъ выходъ жильцамъ такого дома даже и тогда когда все кругомъ, на значительной высотѣ, занесено глубокимъ снѣгомъ. Внутренность этихъ построекъ обита пробковымъ деревомъ и фланелью, что служитъ прекрасной защитой какъ отъ холода такъ и отъ сырости. Каждое такое жилое помѣщеніе имѣетъ до 20 метровъ въ окружности и 15 метровъ вышины: на сѣверномъ-же концѣ этихъ, идущихъ зигзагами построекъ устроена обширная кладовая, изобильно снабженная всевозможными жизненными припасами, такъ какъ хорошее питаніе играетъ главную, выдающуюся роль при борьбѣ съ постояннымъ бичемъ полярныхъ экспедицій — цингою. Тутъ-же около кухни пристроена обширная баня. Населеніе станціи будетъ состоять изъ начальника, человѣка опытнаго и энергическаго, капитана Эмиля Фонъ-Вольгемута, четырехъ офицеровъ, врача и двѣнадцати матросовъ. Пребываніе этого маленькаго отряда на пустынномъ, покрытомъ большею частью вѣчнымъ снѣгомъ островѣ Янъ-Майенъ, отдѣленномъ отъ материка глубокимъ моремъ, продолжится цѣлыхъ 16 мѣсяцевъ. Только по истеченіи этого срока будетъ снова послано паровое судно для доставленія отважныхъ тружениковъ науки на родину.

Фридрихъ Фребель.

(Портр. на стр. 472).

9 (21) Апрѣля исполнилось и празднуется вездѣ и у насъ столѣтіе годовщины дня рожденія Фридриха Фребеля, извѣстнаго германскаго педагога, основателя новой системы воспитанія, которая имѣетъ такую популярность въ Европѣ и которую по склонности переносить все изъ Европы, стараются теперь и не безъуспѣшно привить у насъ. Главною заслугою почтеннаго педагога считаютъ то, что онъ ввелъ въ свою систему воспитанія и тотъ возрастъ, который до того времени не подлежалъ никакой системѣ; дѣтей воспитываютъ какъ воспитываютъ растеніе, заботливо, наблюдая за постепеннымъ ходомъ его развитія. Система первоначальнаго воспитанія въ дѣтскихъ садахъ основана на естественныхъ законахъ человѣческаго развитія, состоитъ въ упражненіи членовъ ребенка, развитіи и укрѣпленіи внѣшнихъ чувствъ, возбужденіи способностей помощью цѣлесообразныхъ игръ. Воспитательная система эта стремится къ гармоническому развитію различныхъ сторонъ человѣческой натуры. Фридрихъ Фребель, портретъ котораго помѣщается въ этомъ №, родился въ Обервейсбахѣ въ 1782 г. (въ Шварцбургрудольштадтѣ). Окончивъ курсъ въ Іенскомъ университетѣ на камеральномъ факультетѣ, въ 1808 г. по смерти отца, онъ отправился въ Иверданъ, гдѣ вступилъ въ близкія отношенія съ Песталоцци, затѣмъ продолжалъ занятія въ Геттингенѣ и Берлинѣ, въ 1811 году былъ учителемъ въ школѣ профессора Пламана и въ кампанію 1813—14 гг. вступилъ въ военную

службу, состоя въ корпусѣ Лютцова. По выходѣ въ отставку получилъ мѣсто старшаго инспектора Берлинскаго минералогическаго музея, но оставилъ и это занятіе въ 1876 году, основавъ въ Грисгеймѣ первое свое воспитательное заведеніе. Въ слѣдующемъ году онъ, въ компаніи съ Миддендорфомъ, значительно его расширилъ и перевелъ въ Кильгау. Свою педагогическую систему онъ изложилъ въ извѣстномъ сочиненіи „Воспитаніе человѣка“ (Кильгау 1826 I т.). Тутъ онъ выражаетъ свое твердое убѣжденіе, что при воспитаніи человѣка никогда не надо усиленно преслѣдовать развитіе одной какой либо способности въ немъ а стремиться къ ихъ совмѣстному гармоническому развитію. Такимъ образомъ школа не должна собою представлять нѣчто оторванное отъ жизни, но должна быть въ самой тѣсной связи съ нею. Въ своихъ сочиненіяхъ Фребель вовсе не задавался популярнымъ изложеніемъ, практическое же осуществленіе его идей, по которому можно-бы было судить насколько они примѣнимы, онъ предоставлялъ наблюдать въ открытыхъ имъ воспитательныхъ заведеніяхъ, такъ назыв. „садахъ“, куда собираются маленькія дѣти и гдѣ начинаются первыя заботы объ ихъ развитіи. Первый „дѣтскій садъ“ былъ открытъ Фребелемъ въ Бланкенбургѣ, въ Тюрингенвальдѣ. Въ 1851 году однако дѣйствія Фребеля встрѣтили значительное препятствіе. 7 августа появился циркуляръ прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ закрывались всѣ школы, основанныя Фребелемъ въ предѣлахъ прусскаго королевства, на томъ основаніи, что такія школы, какъ школа Карла Фребеля напр. исключали изъ воспитанія элементъ религіозный и способствовали распространенію атеизма. Хотя Фридрихъ Фребель тогда-же заявилъ, что его система не имѣетъ ничего общаго съ системою его однофамильца Карла Фребеля, ибо онъ въ основу своего воспитанія принимаетъ именно христіанство, однако запрещеніе, наложенное циркуляромъ, не только осталось въ своей силѣ, но и въ Саксоніи былъ изданъ такой-же циркуляръ. Эти циркуляры вызвали общее собраніе педагоговъ и „садовницъ“ состоявшееся въ Либенштейнѣ, для обсужденія принциповъ фребелевой системы. Одни превозносили ее, другіе рѣзко порицали. Истина однако между этими крайними мнѣніями. Заслуги Фребеля какъ педагога значительны, но христіанство онъ дѣйствительно принимаетъ, быть можетъ, слишкомъ поверхностно и отвлеченно, для дѣтей такого возраста, какими наполняютъ дѣтскіе сады.

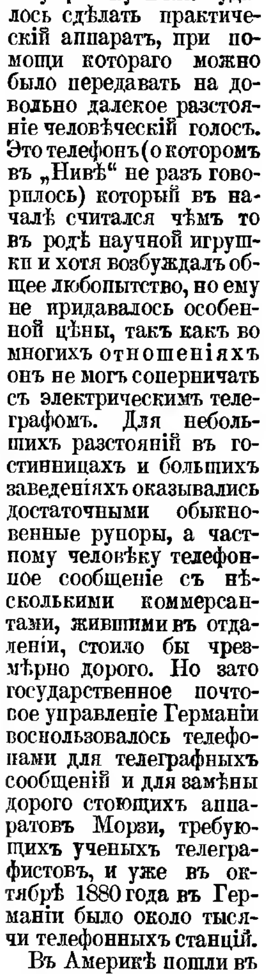
Фр. Фребель. Съ фотогр. грав. Р. Бончъ.

9 апрѣля, столѣтіе годовщины дня рожденія Фридриха Фребеля, было отпраздновано у насъ фребелевскимъ обществомъ, которымъ по случаю его устроено трехдневное празднество. Въ первый день этого празднества въ большой аудиторіи Солянаго Городка состоялось общее собраніе членовъ названнаго общества, посвященное памяти Фребеля. Въ залѣ засѣданія посрединѣ стѣны, вдоль которой была расположена выставка фребелевскихъ работъ, исполненныхъ дѣтьми дѣтскихъ садовъ, красовался небольшой, изящно задрапированный, бюстъ Фребеля; по сторонамъ его находились гирлянды изъ зелени, съ надписями золотыми буквами на одной: „Посвятимъ нашу жизнь дѣтямъ“, а на другой: „Дѣти будутъ нашими судьями“. Еще довольно задолго до начала торжества, залъ засѣданія переполнился публикою, главную массу которой составляли дамы. 10 апрѣля въ помѣщеніи Солянаго Городка былъ также праздникъ для дѣтей, обучающихся въ пріютахъ и начальныхъ школахъ. Программа праздника состояла въ различныхъ дѣтскихъ играхъ и онъ закончился опытомъ наполненія двухъ небольшихъ воздушныхъ шаровъ нагрѣтымъ воздухомъ, которые, послѣ объясненія причинъ поднятія воздушныхъ шаровъ, совершили въ аудиторіи полетъ.

Въ Россіи, въ настоящее время существуетъ 31 дѣтскій садъ, изъ которыхъ 21 открыты въ послѣднее десятилѣтіе. Въ нашей столицѣ находится 10 садовъ, въ Москвѣ — 2, въ Гельсингфорсѣ—7, въ Ригѣ—3, въ Ораніенбаумѣ—1. Кромѣ того сады находятся и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Россіи. Первый дѣтскій садъ былъ открытъ 23 года тому назадъ въ Гельсингфорсѣ; учрежденію для дѣтскихъ садовъ въ Петербургѣ было положено начало въ 1863 г. Всѣ сады содержатся на частныя средства. Число воспитывающихся въ каждомъ изъ нихъ дѣтей, за исключеніемъ сада для дѣтей рабочихъ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ оно достигаетъ до 100, колеблется между 20 и 50, а въ общей сложности число всѣхъ дѣтей въ дѣтскихъ садахъ простирается до 1,000.

Телефонъ въ С.-Петербургѣ.

(Рис. на стр. 473).



Шесть лѣтъ тому назадъ, американскому физику Белю удалось сдѣлать практическій аппаратъ, при помощи котораго можно было передавать на довольно далекое разстояніе человѣческій голосъ. Это телефонъ (о которомъ въ „Нивѣ“ не разъ говорилось) который въ началѣ считался чѣмъ то въ родѣ научной игрушки и хотя возбуждалъ общее любопытство, но ему не придавалось особенной цѣны, такъ какъ во многихъ отношеніяхъ онъ не могъ соперничать съ электрическимъ телеграфомъ. Для небольшихъ разстояній въ гостинницахъ и большихъ заведеніяхъ оказывались достаточными обыкновенные рупоры, а частному человѣку телефонное сообщеніе съ нѣсколькими коммерсантами, жившими въ отдаленіи, стоило бы чрезмѣрно дорого. Но зато государственное почтовое управленіе Германіи воспользовалось телефонами для телеграфныхъ сообщеній и для замѣны дорого стоющихъ аппаратовъ Морзи, требующихъ ученыхъ телеграфистовъ, и уже въ октябрѣ 1880 года въ Германіи было около тысячи телефонныхъ станцій.

Въ Америкѣ пошли въ этомъ отношеніи еще дальше. Тамъ сразу оцѣнили важное значеніе телефоновъ, и постарались какъ можно болѣе упростить телефонное сообщеніе при помощи такъ называемаго передаточнаго телефона. Для этаго устроили одну центральную телефонную станцію, куда провели проволоки отъ всѣхъ лицъ, желающихъ пользоваться телефонами. Каждая проволока имѣетъ свой особый нумеръ и каждый участникъ получаетъ списокъ прочихъ участниковъ, съ обозначеніемъ нумеровъ ихъ проволокъ. При такомъ устройствѣ сообщеніе очень легко. Если на примѣръ № 1 М. желаетъ говорить съ № 89 г. Р., то онъ объ этомъ даетъ знать по телефону центральной станціи говоря: № 1 желаетъ говорить съ № 89. Служащій на центральной станціи соединяетъ немедленно проволоки № 1 и № 89 и гг. М и Р. могутъ свободно переговариваться, при чемъ служащій не слышитъ ни слова изъ ихъ разговора. Условный сигналъ поставляетъ служащаго центральной станціи въ извѣстность о прекращеніи разговора и тогда онъ разъединяетъ проволоки.

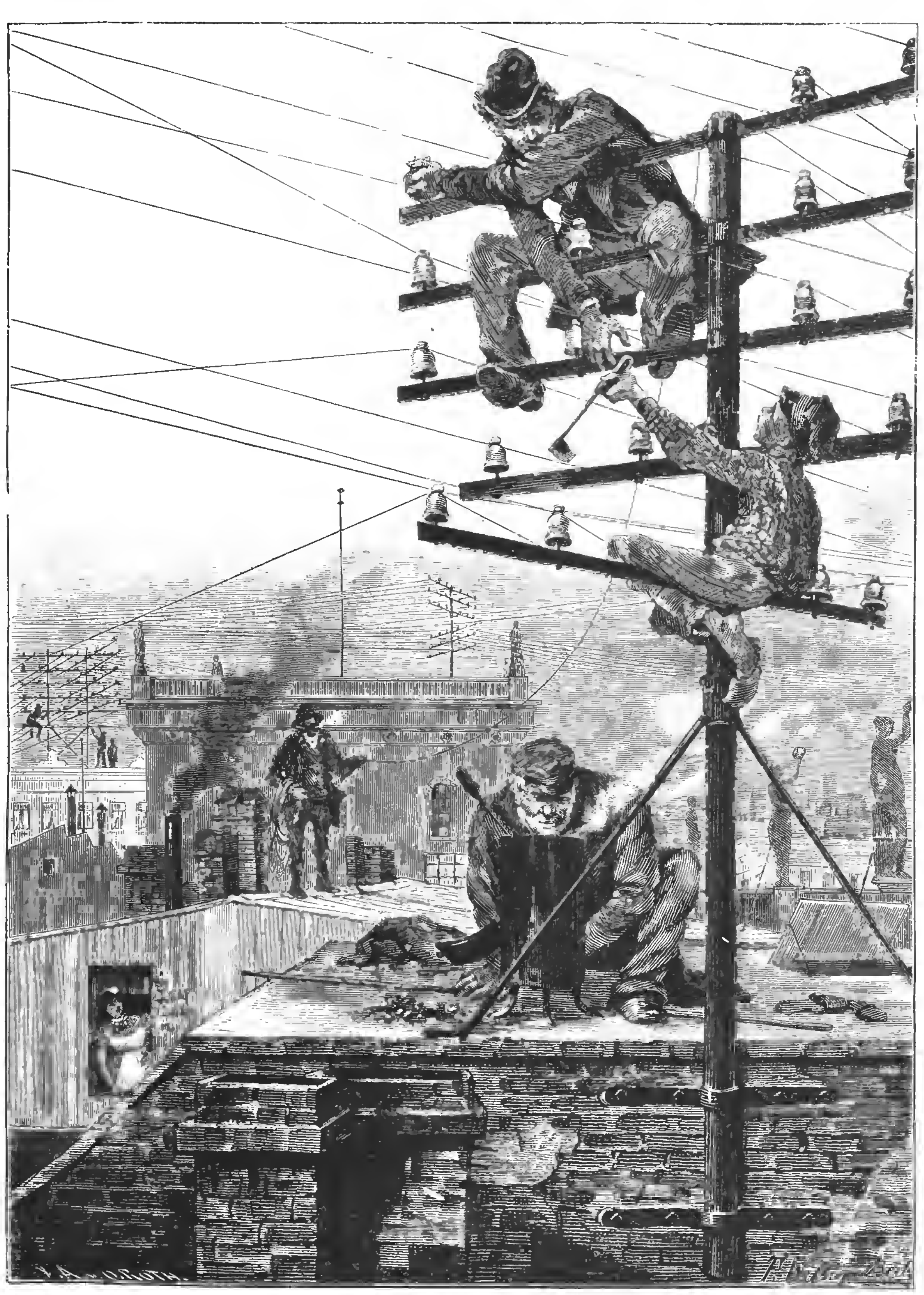
Такимъ образомъ упрощается телефонное сообщеніе, которое своимъ быстрымъ развитіемъ въ Европѣ и въ Америкѣ обязано лишь геніальному изобрѣтенію практическаго Американца. Только передаточныя станціи сдѣлали возможнымъ повсемѣстное введеніе телефоновъ—этаго чуда послѣдняго десятилѣтія,

только онѣ способствовали тому, что телефонъ сдѣлался важнѣйшимъ средствомъ сообщенія во многихъ городахъ.

Въ Парижѣ телефонныя проволоки проведены черезъ высокіе и большіе подземные каналы, въ Америкѣ, Англіи и Германіи, онѣ проведены надъ крышами домовъ и перекинуты черезъ улицы.

Вскорѣ такое телефонное сообщеніе будетъ введено и у насъ

странство въ 81 кв. ф. Вводимые у насъ телефоны системы Бэля-Блэка, коммутаторы Жиллянда изъ Индіанополиса (Индіана, соединенные штаты сѣверной Америки). Международное телефонное общество Бэля въ Нью-Іоркѣ взяло на себя устройство здѣшнихъ телефоновъ. Главная контора для европейскаго континента находится въ Антверпенѣ. Общество это



Закрѣпленіе телефонныхъ проводовъ на крышахъ.

въ Петербургѣ и дополнитъ собою городской телеграфъ и почту. Многіе проходящіе вѣроятно уже замѣтили надстройку на крышѣ дома Ганзена на углу Невскаго и Малой Конюшенной. Это и есть центральная станція, откуда будутъ проведены надъ крышами проволоки во всѣ стороны столицы. Эта красивая надстройка окружена желѣзной рѣшеткой и занимаетъ про-

эксплоатируетъ телефонную сѣть въ 29 самыхъ большихъ городахъ Европы. Для каждаго участника въ телефонномъ сообщеніи общество назначило плату въ 250 р. въ годъ, что много будетъ тормозить развитіе этаго практическаго изобрѣтенія. Теперь общество уже хлопочетъ въ телеграфномъ департаментѣ о разрѣшеніи понизить назначенную плату. За право введенія

телефоновъ въ Россіи и ихъ эксплоатированіе общество уплачиваетъ правительству ежегодно извѣстный процентъ съ доходовъ, во всякомъ случаѣ не менѣе 5000 р., внося при этомъ деньги впередъ. По истеченіи 20 лѣтъ все устройство переходитъ въ собственность государства. Служба на центральной станціи находится подъ строжайшимъ контролемъ государственныхъ телеграфныхъ чиновниковъ. Абоненты могутъ пользоваться проводами только для личныхъ цѣлей, не имѣя права передавать свои телефоны въ пользованіе другихъ, будь это даромъ или за деньги. Правительство оставило за собою право, запирать цѣлыя станціи или отдѣльныя пространства на неопредѣленное время, а также запрещать нѣкоторымъ абонентамъ пользоваться телефоннымъ устройствомъ. Всѣ повреждения и неисправности, должны быть немедленно починяемы, также общество должно возмѣщать убытки домовладѣльцевъ, причиненные проведеніемъ проволокъ. Директоръ телеграфнаго департамента имѣетъ право увольнять служащихъ центральной станціи. Назначенные правительствомъ телеграфные чиновники могутъ во всякое время дня и ночи обревизовать телефонную станцію. Уже по прошествіи 7 лѣтъ со дня открытія станцій, правительство можетъ взять телефоны въ свое управленіе. Устройствомъ здѣшней станціи и проведеніемъ проволокъ завѣдуетъ молодой американскій инженеръ-спеціалистъ г. Джонъ Крафордъ. До сихъ поръ записалось уже 100 абонентовъ, между ними банки, присутственныя мѣста и пр. До 1-го іюля, станція будетъ въ состояніи удовлетворить 200 абонентовъ.

Ядро и кора земнаго шара.

Очеркъ.

Самая глубокая шахта, когда либо вырытая человѣкомъ, находится въ свинцовыхъ копяхъ Чехіи, въ Прибрамѣ. Она идетъ въ глубь земли на 1000 метровъ (около 470 саженъ). Нѣсколько еще длиннѣе ея буровая шахта въ соляномъ слоѣ Шперенберга въ Бранденбургскомъ маркграфствѣ. Она достигаетъ глубины 1200 метровъ (около 562 саж.) Но эта дѣйствительно значительная глубина—ничтожна въ сравненіи съ разстояніемъ отъ земной поверхности до центра земли: эта глубина не составляетъ даже двухъ десятитысячныхъ долей такаго разстоянія.

Мы не можемъ, значитъ, изслѣдовать свойства внутренняго строенія земли путемъ прямаго наблюденія; это невозможно теперь и, конечно, никогда не будетъ возможно. И все, что мы знаемъ или думаемъ что знаемъ, о свойствахъ таинственнаго земнаго ядра, основывается единственно на гипотезахъ и вѣроятныхъ предположеніяхъ.

Геологія, наука, занимающаяся изученіемъ земной коры,—утверждаетъ, что ядро нашей планеты состоитъ изъ огненно-жидкой массы. Знаменитѣйшіе современные астрономы также дѣлаютъ согласныя съ этимъ предположенія объ общемъ происхожденіи нашей солнечной системы. Нѣкогда, въ самомъ центрѣ нынѣшней планетной системы, говорятъ они—тамъ, гдѣ теперь солнце,—было безконечно громадныхъ размѣровъ раскаленное міровое тѣло, огромный газовый шаръ, быстро вращавшійся вокругъ самаго себя. Отъ этого тѣла, подъ какимъ либо вліяніемъ, отдѣлились большія или меньшія части и ставъ шарообразными планетами, начали вращаться вокругъ центральнаго тѣла. Планеты затѣмъ постепенно болѣе или менѣе охлаждались. Солнце находится до сихъ поръ въ раскаленномъ состояніи, на планетахъ же образовалась, вокругъ огненно-жидкаго ядра, твердая кора. На корѣ этой, что мы видимъ по крайней мѣрѣ на нашей планетѣ, развилась полная и сложная органическая жизнь. То же думаютъ и о происхожденіи лунъ, которыя, въ свою очередь, отдѣлились отъ раскаленной, вращающейся центральной планетной массы и сдѣлались ея спутниками.

Что ядро земли огненно-жидкое мы можемъ видѣть и изъ весьма замѣтнаго возвышенія температуры, по мѣрѣ углубленія внутрь земли. На днѣ самой глубокой изъ вышеупомянутыхъ шахтъ, температура оказывается, по термометру Реомюра, на 24 градуса выше нежели вверху, при входѣ въ шахту. На то-же самое указываютъ и горячіе ключи, которыхъ такъ много въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности. Такъ, знаменитые карлсбадскіе ключи имѣютъ температуру до 60° Р. Главнымъ же образомъ свидѣтельствуютъ объ такомъ составѣ земнаго ядра вулканическія изверженія.

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, что будто внутри этой жидкой массы, гдѣ господствуетъ жаръ, превосходящій всякое воображеніе, существуетъ еще болѣе внутреннее твердое ядро, какъ думаютъ нѣкоторые геологи, или что будто вся внутренность земли находится именно въ такомъ состояніи. Очень понятно насколько представляетъ для насъ интереса вопросъ о толщинѣ земной коры, на которой развилась такая разнообразная органическая жизнь. Если принять постоянное увеличеніе температуры, по мѣрѣ углубленія въ два градуса Реомюра на каждые 100 метровъ (около 47 саж.), то температура, необходимая для расплавленія напр. базальта (базальтами называются скалы *огненнаго образованія*, то есть вытекшія изъ нѣдръ земли въ жидкомъ состояніи и покрывающія долины и скаты горъ) находится приблизительно, на глубинѣ почти шести миль. На глобусѣ же средней величины толщину коры въ 6 миль можетъ представить, приблизительно, толщина наклеенной на глобусъ бумаги. Но и это предположеніе мало вѣроятно. Астрономическія же вычисленія опредѣляютъ толщину твердой земной коры, по крайней мѣрѣ, въ 200 миль.

Но какова-бы ни была толщина оболочки, въ которой заключены раскаленныя массы, все еще находящіяся въ первобытномъ состояніи,—онѣ до сихъ поръ стремятся, по временамъ, прорваться наружу. Прошли, между тѣмъ, милліоны лѣтъ. Доказательства же огненно-жидкаго состоянія внутренняго состава земли, въ видѣ землетрясеній и вулканическихъ изверженій слишкомъ ясны. Кромѣ того, блестящее подтвержденіе такихъ доказательствъ есть и въ высшей степени интересныхъ теоріяхъ о происхожденіи горныхъ образованій.

Проявленія же вулканической дѣятельности, гораздо многочисленнѣе и распространеннѣе, нежели думаютъ. Число нынѣ дѣйствующихъ вулкановъ 270. Изъ данныхъ историческихъ извѣстны еще 400 дѣйствовавшихъ вулкановъ; общее-же число вулкановъ, которое можно вывести на основаніи состава горныхъ породъ потухшихъ „огнедышащихъ горъ“, будетъ въ двадцать разъ больше.

Вулканы обыкновенно находятся вблизи морей, ни одинъ дѣйствующій вулканъ не удаленъ отъ берега далѣе чѣмъ на 30 миль, большая же ихъ часть расположена на островахъ,—это проливаетъ любопытный свѣтъ на причины вулканическихъ явленій. И именно предполагаютъ, что, при такихъ условіяхъ, морская вода соприкасается съ раскаленною внутреннею частью земнаго шара, черезъ пропасти и разсѣлины своего дна и превращается, такимъ образомъ, въ паръ; сила пара этого разрываетъ мѣстами земную кору по своему стремленію къ расширенію т. е. именно дѣйствуетъ та сила, которая приводитъ въ движеніе наши паровыя машины—такимъ образомъ сила эта открываетъ внутренней огненно-жидкой массѣ путь на поверхность земли.

Весьма близкими къ собственно вулканическимъ явленіямъ представляются Газовые ключи (сольфатары), это тѣ же вулканическія явленія уже ослабѣвшей дѣятельности. Сольфатаромъ называется вообще всякій кратеръ, который выдѣляетъ лишь водяные пары и сѣрнисто-водородный газъ. О такъ называемыхъ „грязныхъ“ вулканахъ теперь думаютъ, что они дѣйствуютъ именно вслѣдствіе давленія горныхъ, горизонтальныхъ пластовъ на грязную массу. Но уже болѣе вулканическими явленіями представляются горячіе ключи, изъ которыхъ пользующійся, напримѣръ, всемірной извѣстностью исландскій Гейзеръ выбрасываетъ по временамъ на высоту 20—30 метровъ (около 10—15 саж.) кипящую струю воды весьма значительнаго объема.

Вулканическія изверженія непремѣнно сопровождаются колебаніями земной поверхности. Однако, всѣ безъ исключенія землетрясенія нельзя относить лишь къ вулканическимъ явленіямъ. Нѣкоторыя землетрясенія происходятъ отъ осѣданій и обваловъ огромныхъ пустыхъ пространствъ, пропастей и разсѣлинъ, и тогда совершаются перемѣщенія горныхъ слоевъ. Въ этомъ отчасти убѣждаетъ и то, что въ странахъ, гдѣ нѣкогда часто бывали землетрясенія и теперь нѣтъ уже вулканическихъ явленій, есть уже довольно много соляныхъ ключей, извергающихъ изъ года въ годъ значительныя массы горныхъ породъ. Большинство же землетрясеній, во всякомъ случаѣ, объясняется вліяніемъ кипѣнія огненножидкаго ядра на оболочку нашего земнаго шара.

Уже и въ наше время мы были свидѣтелями цѣлаго ряда страшныхъ, грозныхъ землетрясеній. Катастрофы въ Аграмѣ, въ Венгріи, разрушительныя землетрясенія на греческомъ островѣ Хіосѣ и итальянскомъ островѣ Искіа—во-очію указываютъ какъ безсиленъ человѣкъ передъ страшными явленіями природы. Но землетрясенія прежняго времени были еще ужаснѣе и губительнѣе. При страшной катастрофѣ, когда разрушенъ былъ въ 1755 году весь Лиссабонъ, погибло больше 60,000 человѣкъ.

Наука различаетъ два рода землетрясеній. Вопервыхъ, удары, идущіе прямо изъ нѣдръ земли и приводящіе ея поверхность въ сотрясеніе въ перпендикулярномъ направленіи, вовторыхъ—волнообразныя движенія почвы. Землетрясенія перваго рода самыя сильныя и опасныя. Для людей, погибающихъ часто въ большомъ числѣ, опасность заключается, конечно, не въ самыхъ сотрясеніяхъ, а въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя они влекутъ за собою: распадающіяся зданія погребаютъ подъ обломками своихъ обитателей; отъ паденія печныхъ балокъ возникаютъ пожары, принимающіе страшные размѣры; въ общемъ страхѣ и суматохѣ никто не заботится о ихъ прекращеніи. Особенно же гибельны наводненія, нерѣдко сопровождающія землетрясенія: вслѣдствіе пониженія и повышенія почвы, рѣка или даже море выходятъ изъ береговъ и производятъ опустошенія. Волненіе, сообщаемое при этомъ морю, принимаетъ иногда грандіознѣйшіе размѣры: волны достигаютъ 70 метровъ вышины (до 34 саж.). Во время лиссабонскаго землетрясенія, колебанія морскихъ волнъ отъ португальскихъ береговъ простирались до восточнаго берега Америки.

Вулканическая дѣятельность, собственно говоря, заключена, такимъ образомъ, въ совершенно опредѣленныя границы и, какъ было упомянуто, связана съ мѣстными условіями, какъ напримѣръ близость моря. Ни одна часть земной поверхности не можетъ почитаться навсегда вполнѣ обезпеченной отъ землетрясеній, которыя чаще происходятъ въ тропическихъ странахъ и гораздо рѣже въ другихъ, ибо землетрясенія чрезвычайно рѣдко переходятъ свои границы и если переходятъ то въ слабыхъ размѣрахъ. Къ благопріятнымъ въ этомъ отношеніи мѣстностямъ принадлежатъ, напримѣръ, сѣверно-европейскія области и большая часть сѣверно-азіатскихъ, именно отъ сѣверо-германскихъ низменностей, черезъ европейскую Россію и Сибирь, до Байкальскаго озера.

Новѣйшее объясненіе происхожденія землетрясеній принадлежитъ астроному Фальбу. Большинство землетрясеній совпадаетъ съ періодомъ наибольшей близости луны къ нашей планетѣ; морскіе приливы и отливы объясняются притягательной силой луны (и отчасти также солнца), и согласно теоріи Фальба огненно-жидкое содержимое земли такъ же приходитъ подъ тѣмъ же вліяніемъ въ движеніе, имѣющее свойства прилива. Движеніе это становится еще сильнѣе, когда наибольшая близость луны къ землѣ совпадаетъ съ близостью къ землѣ солнца. Понятно отсюда, какимъ образомъ вздымающаяся жидкая масса можетъ дѣйствовать на земную кору. Теорія Фальба требуетъ еще подтвержденія. Впрочемъ ему удалось нѣсколько разъ совершенно вѣрно опредѣлить время и мѣсто сотрясеній земли, на основаніи взаимнаго положенія земли и луны.

Вліяніемъ же внутреннихъ переворотовъ земли на поверхность слѣдуетъ объяснять повышенія и пониженія суши. Лѣтъ сто тому назадъ предполагали еще, что неровности на земной поверхности образовались единственно отъ дѣйствія воды. Позднѣе явилось предположеніе, что большинство горъ образовалось отъ внезапныхъ проявленій вулканической дѣятельности и что поэтому горы—древнѣйшія части суши. Новѣйшая геологія признаетъ, что нѣкоторые горные хребты и возвышенія почвы могли образоваться подъ вліяніемъ вулканическихъ силъ, разсматриваетъ однако эти явленія, строго ограничивая ихъ извѣстнымъ райономъ. Измѣненія земной поверхности продолжаются и доселѣ и геологія называетъ ихъ „процессомъ сморщиванія“—т. е. вслѣдствіе сильнаго охлажденія земной коры, происходитъ сжиманіе земнаго шара. Когда эта кора, вслѣдствіе дальнѣйшаго постояннаго охлажденія, слишкомъ измѣняется и давитъ массу ядра—тогда происходитъ сжатіе ея; за первымъ сгибомъ слѣдуетъ второй, третій, отдѣльные изгибы перемѣшиваются между собою и такимъ образомъ, при общемъ пониженіи верхняго уровня коры, являются одиночныя возвышенія почвы, называемыя горами, плоскогорьями и т. п. Вслѣдствіе этого континенты имѣютъ болѣе древнее происхожденіе нежели горы. И это вполнѣ согласуется съ тѣмъ логическимъ заключеніемъ, что каждая гора, съ окончательнаго момента своего поднятія, начинаетъ медленно но постоянно понижаться вслѣдствіе естественнаго процесса вывѣтриванія, подъ вліяніемъ воды и воздуха. Такимъ путемъ, съ теченіемъ времени совсѣмъ исчезаютъ самыя древнія горныя образованія. Въ настоящее время всюду признается именно эта теорія образованія горъ. Вычислено, что уже пониженіе температуры внутренности земли на 400 градусовъ Реомюра могло бы произвести укорочение половиннаго діаметра на 50,000 метровъ (почти на 45 верстъ) и объяснить, такимъ образомъ, всѣ горныя образованія. Повышенія и пониженія почвы—извѣстныя намъ изъ исторіи и тѣмъ болѣе поразительныя, что они происходятъ въ сравнительно короткое время—всюду неоспоримо произошли подъ вліяніемъ вулканическихъ причинъ. Въ вулканическихъ странахъ не разъ наблюдалось измѣненіе уровня небольшой полосы отъ 20 до 30 футовъ. въ продолженіи нѣсколькихъ дней; небольшой островъ Фердинанда, возвышавшійся въ 1831 и позднѣе въ 1863 г. надъ Средиземнымъ моремъ, къ югу отъ Сициліи, скоро исчезъ безъ всякаго слѣда.

Слѣдуетъ отличать, однако, эти повышенія и пониженія почвы, происходящія подъ вліяніемъ вулканическихъ причинъ, отъ другихъ замѣчательныхъ явленій, сходныхъ съ ними, именно, погруженія въ море береговъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и, наоборотъ, постепенное поднятіе ихъ въ другихъ. Такимъ образомъ берегъ Швеціи возвышается уже цѣлыя столѣтія на одинъ метръ (почти 22½ вершка) въ каждые сто лѣтъ; съ берегами Сѣверной Германіи, Голландіи и Бельгіи происходитъ, между тѣмъ, медленное но постоянное движеніе въ обратномъ направленіи. Такимъ образомъ, далѣе, Сибирь подвигается отъ устьевъ Лены къ сѣверу по направленію къ Берингову проливу, тогда какъ въ Индійскомъ и Тихомъ океанѣ, гдѣ скрылись уже подъ водой цѣлые континенты, постоянно замѣчается убыль береговъ, которые погружаются въ море. Это медленное возвышеніе и пониженіе суши не имѣетъ, однако, вполнѣ вулканическаго происхожденія; оно составляетъ послѣдствіе охлажденія внутренности земли и сосдиненныхъ съ охлажденіемъ сморщиванія и изгибанія поверхности нашей планеты. Измѣненія уровня, достигающія одного метра, положимъ, въ исторически-измѣримые промежутки времени представляютъ собою первичныя ступени горныхъ образованій. Эти, съ трудомъ наблюдаемыя теперь повышенія или пониженія почвы, образуютъ (въ продолженіи тысячъ, сотенъ тысячъ лѣтъ, съ которыми имѣетъ дѣло геологъ) огромные горные кряжи, пропасти, долины и покатости. А эти послѣднія, въ свою очередь, вновь покрываются корой, видоизмѣняются и переработываются подъ вліяніемъ зиждительныхъ силъ природы—воды и воздуха. Но пониженія европейскаго континента на 200 метровъ (почти на 94 саж.) достаточно было бы для погруженія въ море всей сѣверной европейской равнины, Россіи, и для образованія пролива между Сѣвернымъ и Средиземнымъ морями... Можно поэтому составить представленіе о размѣрѣ силы, производящей доселѣ незамѣтныя измѣненія земной поверхности.

На основаніи всего вышесказаннаго, пріобрѣтенія современной науки заключаются въ томъ, что въ уразумѣніи переворотовъ не прошедшаго геологъ не руководится болѣе представленіями фантастическими, но опирается на вѣчные законы природы говоря объ этомъ медленномъ развитіи, соединявшемся по временамъ съ мѣстными переворотами. Это именно и есть истинный путь знанія. Такимъ образомъ гипотезы, на которыхъ построены теперь воззрѣнія на этотъ предметъ, будутъ получать все большую и большую доказательность и точность, насколько то въ предѣлахъ человѣческой возможности.

Политическое обозрѣніе.

Наши соглашенія съ Турціею.—Болгарія.—Австро-Венгрія.—Египетъ.

Мы, наконецъ, договорились съ Портой; по крайней мѣрѣ, согласно частнымъ свѣдѣніямъ, проектъ условія относительно уплаты Турціею намъ военныхъ расходовъ совершенно уже редактированъ и даже подписанъ; на основаніи этого соглашенія Турція уплачиваетъ Россіи ежегодно 350 тысячъ турецкихъ лиръ, при чемъ платежъ этотъ обезпеченъ налогомъ на овецъ и десятиной съ четырехъ малоазіатскихъ провинцій: Конья, Костамуни, Адана и Сивасъ; сборы эти будутъ поступать въ Оттоманскій банкъ, который, въ свою очередь, будетъ переводить ихъ въ русскій государственный банкъ.

Читатели, вѣроятно, помнятъ тревожныя извѣстія изъ Болгаріи (распространявшіяся несомнѣнно не безъ цѣли) объ агитаціяхъ противъ князя, о шаткости его положенія и т. д. Теперь пишутъ изъ Софіи, что извѣстія эти ни на чемъ не основаны, дѣла тамъ текутъ самымъ мирнымъ порядкомъ и не требуютъ осаднаго положенія; оппозиціонная, т. е. либеральная партія весьма невелика и иностранныя газеты съ намѣреніемъ преувеличиваютъ ея значеніе; объ отреченіи князя Александра отъ болгарскаго престола не можетъ быть и рѣчи послѣ принятія имъ на себя чрезвычайныхъ полномочій. Осенью, въ обыкновенное время созовется народное собраніе, которому будетъ предложено разсмотрѣть бюджетъ и всѣ законопроекты, выработанные державнымъ совѣтомъ; русскіе офицеры, за самыми незначительными изъятіями, заслужили общее одобреніе и находятся въ лучшихъ отношеніяхъ съ княземъ Александромъ.

А герцеговинцы продолжаютъ свою борьбу и недавно происходило новое сраженіе, о которомъ передаютъ слѣдующія подробности. Въ районѣ возстанія, и именно въ томъ, гдѣ угломъ сходятся границы Черногоріи, Герцеговины и Кривошіи, возвышается почти неприступное плоскогорье „Вучій Зубъ“; усташи неожиданно для австрійцевъ заняли это плоскогорье. Генералъ Іовановичъ отдалъ приказъ выбить ихъ оттуда, такъ какъ изъ этой позиціи они угрожали одновременно Герцеговинѣ и Кривошіи и могли содѣйствовать возобновленію возстанія въ этихъ провинціяхъ; съ этою цѣлью, изъ Зубцовъ, въ Герцеговинѣ и изъ Кривошіи выступили два отряда, выдѣленные изъ состава 16 и 22 пѣхотныхъ полковъ; атакованные съ двухъ сторонъ, инсургенты, тѣмъ не менѣе, сопротивлялись цѣлыхъ 24 часа и когда австрійцамъ удалось овладѣть позиціею, усташи быстро отступили, не давъ себя окружить; думаютъ, что австрійцы возведутъ на Вучьемъ Зубѣ укрѣпленіе. Въ Австріи предполагаются военныя преобразованія съ цѣлью увеличить численность арміи и ускорить ходъ мобилизаціи. Согласно наиболѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ есть два проекта; одинъ изъ нихъ состоитъ въ сформированіи особаго корпуса постоянно квартирующаго въ Босніи и Герцеговинѣ и пополняемаго на общихъ основаніяхъ вербовкой, но болѣе шансовъ имѣетъ другой проектъ преобразованія резервныхъ пѣхотныхъ полковъ въ активные; въ настоящее время австрійская пѣхота состоитъ изъ 50 дѣйствующихъ полковъ трехъ-батальоннаго состава и 80 резервныхъ—двухъ-батальоннаго. Эти послѣдніе мало удовлетворяютъ своему назначенію, такъ какъ, по финансовымъ соображеніямъ, численность ихъ ничтожна; вслѣдствіе того предполагается уравнять резервные батальоны съ дѣйствующими и, кромѣ того, сформировать въ каждомъ резервномъ полку еще по батальону, такъ что, вмѣсто нынѣшнихъ 80 получится 160 дѣйствующихъ пѣхотныхъ полковъ; для этого потребуется увеличеніе ежегоднаго контингента до 40 тысячъ человѣкъ и въ мирное время численность австрійской арміи усилится 120 тысячами и, если не больше,

такъ какъ увеличится кавалерія и артиллерія. Армія эта, въ такомъ случаѣ, сравнится, по числу полковъ, съ Россіей и превысить 62 полками Италію. Что же касается мобилизаціи, то въ этомъ отношеніи будетъ принята германская территоріальная система; предполагается также сформированіе постоянныхъ дивизій и корпусовъ.

Въ Египтѣ, насколько видно изъ новѣйшихъ свѣдѣній, Араби-Паша и его министерство приняли положеніе, враждебное Хедиву; но инціативѣ перваго министра было созвано собраніе нотаблей, у котораго Араби-Паша хлопоталъ о низложеніи Теворика-Паши и созведеніи его сына; но нотабли не согласились. Англія и Франція, въ виду ненормальнаго хода дѣлъ въ Египтѣ, или придираясь къ этому, посылаютъ къ берегамъ вице-королевства соединенную эскадру.

Смѣсь.

О потребленіи табаку. Огромная распространенность потребленія табаку дѣлаетъ вопросъ о немъ, съ гигіенической точки зрѣнія, весьма важнымъ. Густавъ Ланьо говоритъ, что въ табакѣ находится одинъ изъ наиболѣе страшныхъ ядовъ, никотинъ, нѣсколькихъ капель котораго достаточно убить животное. Извѣстно довольно большое число и людей, сдѣлавшихся жертвою отравленія никотиномъ, черезъ табакъ. Въ нѣкоторыхъ сортахъ табаку, никотинъ содержится иногда въ количествѣ 7 процентовъ; впрочемъ, броженіе, претерпѣваемое табакомъ, а также нѣкоторыя обработки, которымъ онъ подвергается, удаляютъ изъ табака, особенно нюхательнаго, значительную часть этого ядовитаго вещества. Тѣмъ не менѣе, никотинъ поглощается, однако, во время куренія, въ порядочномъ количествѣ.

Далѣе, Ланьо говоритъ, что ядовитыя начала табаку, растворившіяся въ слюнѣ, или вдохнутыя въ видѣ дыма, производятъ несвареніе желудка и еще чаще разстройства кровообращенія, неправильности пульса, грудныя жабы и т. п.; точно также, они производятъ довольно часто головокруженія, ослабленіе памяти, умственныхъ способностей и зрѣнія, что доказано многочисленными наблюденіями. Болѣзни зубовъ точно также ведутъ свое происхожденіе отъ злоупотребленія табакомъ. Въ концѣ концовъ, Ланьо высказался, что признаетъ вреднымъ современное чрезмѣрное употребленіе табака.

Докторъ Геренъ добавляетъ, что, кромѣ вреднаго дѣйствія, табакъ производитъ на человѣка какое-то еще другое медленное вліяніе, требующее изслѣдованія на цѣломъ рядѣ явленій. По его мнѣнію, курильщики производятъ какое-то особенное впечатлѣніе своимъ физическимъ и нравственнымъ состояніемъ, выдающее вредную привычку, которой они предаются. Вообще, вредное дѣйствіе табака не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Статистика астрономическихъ обсерваторій. Вотъ краткія свѣдѣнія о всѣхъ астрономическихъ обсерваторіяхъ, существующихъ съ характеромъ общественныхъ учрежденій. 118 изъ этихъ обсерваторій находятся въ полномъ дѣйствіи: 84—въ Европѣ, 2—въ Азіи, 2—въ Африкѣ, 3—въ Австраліи и 27—въ Америкѣ. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты насчитываютъ ихъ собственно 27; кромѣ того, въ Мексикѣ имѣются 2 обсерваторіи; точно также Бразилія, Чили, Колумбія, Экуадоръ, Аргентинская республика и Новая-Бретань имѣютъ каждая свои собственныя.

Въ Европѣ, Пруссія—страна, имѣющая наибольшее число публичныхъ обсерваторій, а именно 29. Въ Англіи считается 14; въ Россіи—19; въ Италіи—9; Австріи—8; Франціи—6; Швейцаріи—4; Швеціи—3; Нидерланды, Норвегія, Испанія и Португалія имѣютъ каждая по 2 обсерваторіи; Бельгія, Греція и Данія по одной.

Лейденская обсерваторія—самая старинная: она основана въ 1632 году. Копенгагенская обсерваторія основана нѣсколько позднѣе, именно въ 1637 году. А сорокъ лѣтъ спустя явилась Парижская. Знаменитая Гринвичская обсерваторія, въ Англіи, существуетъ съ 1675 года. 41 обсерваторія, основанныя въ прошломъ столѣтіи, существуютъ до сихъ поръ; изъ нихъ 3 основаны между 1700 и 1725 годами; 6—между 1725 и 1750; 9—между 1750 и 1775; 13—между 1775 и 1800. 19 обсерваторій существуютъ съ нынѣшняго столѣтія, будучи основаны между 1800 и 1825 годами; 17—между 1825 и 1850, и 39—между 1850 и 1880. Итальянскія обсерваторіи основаны во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Москва владѣетъ старѣйшей русской обсерваторіей, основанной въ 1750 году. Обсерваторіи Варшавы и Вильны существуютъ съ 1714 года; 9 другихъ—отъ восемнадцатаго столѣтія.

Изслѣдованіе подземныхъ звуковъ, съ помощію микрофона. Какъ извѣстно, микрофонъ, приборъ усиливающій звуки, дѣлающій слышными такіе изъ нихъ, которыя такъ слабы, что недоступны нашему слуху. Вотъ нѣсколько новыхъ примѣненій этого интереснѣйшаго прибора.

Изслѣдованія Росси показали, что взрывамъ рудничнаго газа предшествуютъ легкія колебанія почвы и подземный шумъ. Послѣдній, обыкновенно не слышный, становится яснымъ, черезъ посредство микрофона. Росси полагаетъ необходимымъ, къ этому, устройство, въ сосѣдствѣ съ каменноугольными копями, обсерваторій, снабженныхъ микрофонами, для узнанія присутствія воспламеняющагося газа въ нѣдрахъ земли. При такихъ условіяхъ, возможно было-бы своевременно узнавать о грозящей опасности и принимать соотвѣтствующія мѣры. Извѣстно, какъ губительны бываютъ взрывы рудничнаго газа въ каменноугольныхъ копяхъ. Съ помощію микрофона, Росси предпринималъ также изслѣдованіе колебаній земли, которыя почти постоянны въ странахъ съ дѣйствующими вулканами, и изслѣдованіе вообще землетрясеній.

Графъ Энгенбергъ сдѣлалъ другое интересное примѣненіе микрофона въ своемъ имѣніи. Онъ воспользовался имъ, для отысканія водяныхъ ключей, погружая микрофоны въ почву на покатостяхъ холма и соединяя ихъ отдѣльно съ изолированнымъ телефономъ и гальваническимъ столбикомъ. Тогда ясно слышали шумъ подземныхъ ключей.

Лейденская банка изъ стакана съ дробью и ложки.

Физическіе опыты. Лейденская банка изъ стакана съ дробью и ложки.

Въ области электричества также можно производить нѣкоторые опыты, не имѣя для того никакихъ сложныхъ аппаратовъ. Напр. всякому извѣстно, что если кусочкомъ сукна потереть палку сургуча, то этотъ сургучъ получаетъ способность притягивать къ себѣ маленькіе кусочки бумаги, приближенный къ нимъ. Самыми простыми и подручными средствами каждый можетъ увеличить свой комплектъ электрическихъ приборовъ. Если напримѣръ дѣло идетъ о томъ, чтобы устроить электрофоръ и понадобится Лейденская банка и получить электрическія искры болѣе чѣмъ въ сентиметръ длины, которыя на руку будутъ производить свое обычное, характеристическое ощущеніе—то всего этаго можно достичь самыми простыми средствами. Берутъ обыкновенный желѣзный лакированный подносикъ сантиметровъ 30, 40 длины. Вырѣзываютъ четвероугольникъ изъ плотной и толстой бумаги, такой величины, чтобы онъ умѣщался на плоскости подносика. Его прилѣпляютъ посредствомъ сургуча съ двухъ концовъ къ полоскамъ бумаги, такимъ образомъ чтобы бумажку можно было свободно поднять. Подносикъ кладется на двѣ рюмки, которыя и служатъ ему постаментами. Электрофоръ устроенъ. Посмотримъ какъ онъ будетъ дѣйствовать. Начинаютъ согрѣвать четвероугольникъ изъ бумаги надъ сильнымъ огнемъ спиртовой ламночки. Грѣть надо довольно долго, въ нѣсколько пріемовъ, чтобы бумага совершенно высохла и чтобы температура ея была на сколько возможно выше. Затѣмъ ее скорѣе кладутъ на столъ, пока еще она не остыла и трутъ сильно обыкновенной щеткой, твердой и сухой, кладутъ эту бумагу на подносикъ, дотрогиваются пальцемъ до подносика и поднимаютъ бумагу за ея боковыя полоски. По приближеніи пальца къ подносику получается электрическая искра. Тогда можно вновь положить бумажку на подносъ, коснуться его, и отнять бумажку и опять получится электрическая искра и такъ каждый разъ.

Вотъ мы имѣемъ теперь настоящую электрическую машину. Какъ теперь сдѣлать Лейденскую банку? Ничего нѣтъ легче. Мы беремъ стеклянный стаканъ насыпаемъ въ него охотничью дробь и ставимъ обыкновенную чайную ложку и если всѣ эти предметы совершенно сухи, у насъ уже составилась прекрасная Лейденская банка. Чтобы ее зарядить мы будемъ дѣйствовать съ нашимъ электрофоромъ, какъ выше было указано. Пока одинъ дотрогивается до подноса и поднимаетъ бумагу, другой, поставивъ стаканъ на ладонь, приближаетъ его къ подносу, такъ чтобы искра коснулась рукоятки ложки. Лейденскую банку эту можно будетъ такимъ образомъ зарядить послѣдовательнымъ рядомъ искръ и получить небольшой запасъ электричества, или приближая стаканъ къ подносу.

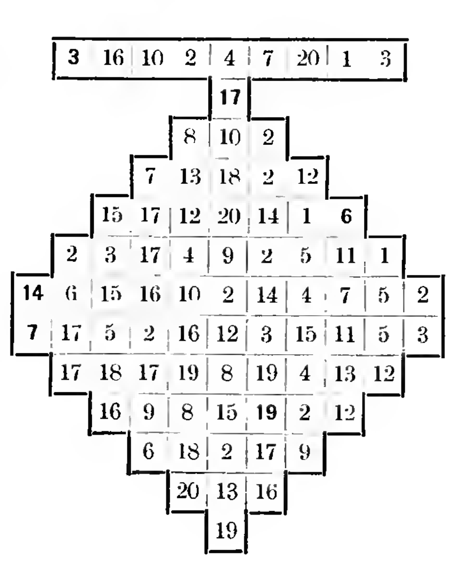
РЕБУСЪ. Задача № 37.

Задача буквъ № 38.

Изъ данныхъ буквъ составить 20 нижеслѣдующихъ словъ и затѣмъ буквы этихъ словъ, соотвѣтственно цифрамъ размѣстить въ клѣткахъ прилагаемой фигуры такимъ образомъ, чтобы составилась фамилія одного композитора и названія его пяти наиболѣе извѣстныхъ оперъ, причемъ цифры, напечатанныя болѣе крупнымъ шрифтомъ, соотвѣтствуютъ начальнымъ буквамъ фамиліи и каждой изъ оперъ.

7а, 2б, 2в, 3г, 2д, 8е, 4и, 2й, 1і, 3к, 2л, 6м, 6о, 3п, 6р, 3с, 2т, 1у, 3ф, 1х, 1ц, 2ч, 1ш, 2ъ, 1ь, 1ѣ, 6 я.

1) Кушанье.
2) Комната.
3) Военное званіе.
4) Рѣка въ Европѣ.
5) Атмосферическое явленіе.
6) Части головы.
7) Уродство.
8) Сферическое тѣло.
9) Обозначеніе времени.
10) Волшебница.
11) Вредное вещество.
12) Почва.
13) Весьма распространенное растеніе.
14) Спокойное состояніе.
15) Лице ухаживающее за дѣтьми.
16) Женское имя.
17) Птица.
18) Необходимая часть растенія.
19) Число.
20) Библейское имя.



Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

СКОПИНСКІЙ

ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БАНКЪ.

(ОСНОВНЫЙ И ЗАПАСНЫЙ КАПИТАЛЫ 1.200.241 руб.)

Банкъ принимаетъ вклады изъ всѣхъ мѣстностей Россіи: отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, монастырей и церквей, земскихъ и общественныхъ учрежденій, городскихъ и сельскихъ обществъ и акціонерныхъ компаній. Вклады принимаются отъ вкладчиковъ, лично и чрезъ почту, на безсрочное время, т. е. до востребованія, на опредѣленные сроки отъ одного года до двѣнадцати лѣтъ и на вѣчное время. По вкладамъ Банкъ выдаетъ:

На безсрочное время	6%	въ годъ.
» одинъ, два и три года	6½%	» »
» четыре, пять и т. д. до 12 лѣтъ	7%	» »
» вѣчное время	7½%	» »

Внесенные въ Банкъ вклады, обезпечиваются не только вышеозначенными Банковыми основнымъ и запаснымъ капиталами 1.200,241 руб., но и ручательствомъ за Банкъ Скопинскаго Городскаго Общества, состояніе котораго простирается на нѣсколько милліоновъ рублей.

Сумма вклада не можетъ быть менѣе 50 рублей. Билеты на вклады: не превышающіе 300 рублей, выдаются только именные; на сумму же свыше 300 рублей могутъ быть выдаваемы, по желанію вкладчиковъ, безъименные, т. е. на предъявителя. *)

Вклады возвращаются и проценты по нимъ выдаются наличнымъ вкладчикамъ въ тотъ же день, иногороднымъ высылаются съ почтою.

Лица, желающія перевести свои вклады изъ другихъ кредитныхъ учрежденій на процентное обращеніе въ Скопинскій Банкъ, могутъ поручать Банку истребованіе откуда слѣдуетъ ихъ вкладовъ, для чего они должны сдѣлать на именныхъ билетахъ засвидѣтельствованную нотаріусомъ или полиціею надпись, о предоставленіи Банку права истребовать слѣдующія по тѣмъ билетамъ деньги, безъименные же билеты, для перевода по нимъ вкладовъ, представляются въ Банкъ безъ всякой надписи.

Банкъ принимаетъ къ учету векселя, купоны отъ процентныхъ бумагъ и облигацій, вышедшія по тиражу, на сроки отъ 1-го до 12-ти мѣсяцевъ, и выдаетъ ссуды подъ залогъ строеній, состоящихъ въ г. Скопинѣ, и земель находящихся въ Рязанской губерніи отъ 1-го года до 12-ти лѣтъ, процентныхъ бумагъ, товаровъ и вещей отъ 1-го до 9-ти мѣсяцевъ. Проценты Банкъ получаетъ по учетной и ссудной операціямъ по восьми на сто въ годъ.

Правленіе Банка открываетъ засѣданіе ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, съ 10 час. утра до 3-хъ часовъ по полудни, и въ производствѣ Банковыхъ операцій и вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется Высочайше утвержденными: положеніемъ 6-го февраля 1862 года о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, и мнѣніями Государственнаго Совѣта 16-го мая 1866 года и 30 ноября 1870 года.

Директоръ *Рыковъ*.

---

*) Вклады вносятся въ Банкъ черезъ почту при объявленіяхъ слѣдующаго содержанія:

Въ Скопинскій Городской Общественный Банкъ (отъ такого-то) объявленіе. Представляя при семъ (столько-то рублей), прошу принять эту сумму во вкладъ для обращенія изъ процентовъ (на такой-то срокъ или до востребованія) и составить билетъ на мое имя, (или на имя такого-то или на предъявителя); который выслать въ *такое-то мѣсто. Число мѣсяцъ, годъ.*

Для гг. конноЗаводчиковъ,

любителей скачекъ и бѣговъ, докторовъ, артиллеристовъ, моряковъ, машинистовъ и др. новаго устройства

КАРМАННЫЕ ЧАСЫ,

съ хронометромъ.

Анкерные заводящіеся безъ ключа (въ ручку).
въ никелевыхъ корпусахъ 32 руб.
въ серебряныхъ „ 35 „
съ ручательствомъ на 2 года въ магазинахъ фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23, (противъ Большой Конюшенной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Бартельсомъ).

Пересылка на счетъ магазиновъ.
Подробные прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

СТРАХОВАНІЕ ВИЛЕТОВЪ
по 50 коп. въ конторѣ

П. ВЫДРИНЪ и СЫНЪ.

Москва, Тверская, 31.

Условія продажи билетовъ съ задаткомъ въ 15 р. высылаются безплатно. П. № 2072. 8—2.

НОВОСТЬ!

Весьма изящный и практичный бумажникъ, заграничной патентованной работы, содержащій

Правила игры въ „ВИНТЪ“

изящно отпечатанныя въ двухъ краскахъ.
Продажа во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.
Единственный складъ для оптовой продажи **Саперная, № 10, кв. 1, у Я. СЕГАЛЬ.**
При высылкѣ 3 руб. высылается франко обращикъ. № 2100

ВОЗДУШНЫЯ ФИГУГЫ.

Изъ прочной животной перепонки (peau de baudruche) надутыя, чрезвычайно эффектно подымаются по тонкой ниткѣ къ бумажнымъ змѣямъ; по своей большой величинѣ, красивой отдѣлкѣ и замѣчательной легкости служатъ весьма интересною игрушкой для дѣтей. **Фигуры** представляютъ **звѣрей, китайцевъ, турокъ, пьеро** и проч. (пер. за 5 ф., упак. 30 к.) **14 и 15 р.**

БУМАЖНЫЙ ЯСТРЕБЪ,

подымающійся на обыкновенной тонкой ниткѣ болѣе, чѣмъ на 1.000 фут., **40 к.**
Дюжина (упак. 40 к., пер. за 8 ф.), **3 р.**

ШЕЛКОВЫЙ ЯСТРЕБЪ,

въ коробкѣ съ катушкой, нитками и объясненіемъ **1 р. 60 к.**

Предлагаетъ **„С.-Петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ“.**
Спб., Троицкій пер., д. 11—3.
А. № 2102

Изданія А. Ф. Маркса,

Больш. Морская, д. № 9.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Каразина**, *второе изданіе*, съ 39 рисунками автора, большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна **2** р., съ перес. **2** р. **30** к. Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ трущобъ“), 3-е изданіе, Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к., для подписч. „Нивы“ 1881 г. 75 к., съ перес. 1 р.

ВОЛЖСКО-КАМСКІЙ

СКЛАДЪ

земледѣльческихъ машинъ, орудій и мельничныхъ принадлежностей

М. РАМЪ и К° въ Казани.

(Отдѣленіе въ Симбирскѣ).

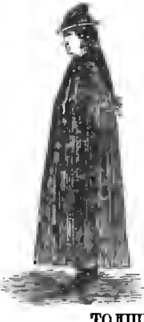
Плуги 1, 2, 3 и 4 лемешные, бороны, сѣялки, сѣнокосилки, жатвенныя машины, молотилки, вѣялки, сортировки и зерносушилки, заводовъ: Эккерта, Велерта, Говарда Лингарта и К°. Вальцовые станки Ганцъ и Вегманъ, французскіе жернова, швейцарскія шелковыя сита, мельничные поставы. Локомобили и молотилки Рустонъ Прокторъ и К°, паровыя машины, тюрбины, пожарныя трубы и проч., приблизительно по московскимъ цѣнамъ. Прейсъ-куранты и каталоги по востребованію. № 2098 2—1

РЕКОМЕНДУЕМЪ

ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ

ЧЕРНЫЯ РЕЗИНОВЫЯ НЕПРОМОКАЕМЫЯ

ПАЛЬТО



ПО НИЖЕСЛѢДУЮЩИМЪ ЦѢНАМЪ:

		ТОЛЩЕ.			ТОЛЩЕ.
Пальто съ рукавами	12 р. — к.	16 р.	Плащи для дѣтей	11 р. — к.	14 р.
Плащи съ крыльями	13 „ — „	18 „	Пальто съ рукав. для дѣтей	10 „ — „	13 „
Капюшоны къ нимъ	1 „ 50 „	— „	Армяки кучерскіе	24 „ — „	30 „
Военныя пальто форменн.	17 „ — „	22 „	Пальто ливрейныя изъ бѣлой матеріи для англійской упряжи	25 „ — „	30 „
Пальто дамск. съ рукавами	13 „ — „	18 „			
Тальмы дамскія	12 „ — „	15 „			

„НОВОСТЬ.“ Изъ англійской прорезиненной шерстяной матеріи, вполнѣ замѣняющія лѣтнія пальто.

Пальто съ рукавами	28 р. — к.	Пальто такія же на бумажной подкладкѣ	20 р. — к.
Плащи такіе же	30 „ — „	Плащи то же	22 „ — „
Военныя форменныя	30 „ — „	Башлыкъ къ нимъ	2 „ 50 „

РЕЗИНОВЫЕ МѢШКИ

ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ МѢХОВЫХЪ И ПРОЧИХЪ ВЕЩЕЙ ОТЪ МОЛИ:

Для храненія	1	шубы за мѣшокъ	5 руб.	— коп.
„ „	2	„ „ „	6 „	50 „
„ „	3—4	„ „ „	8 „	— „
„ „	4—5	„ „ „	9 „	50 „
„ „	5—7	„ „ „	11 „	— „

Мѣрка снимается: длина, кругомъ таліи в груди, длина рукава.
За аккуратность и точность исполненія Депо ручается.
За пересылку гг. иногородные благоволятъ прилагать за каждое пальто или мѣшокъ отъ моли 2 руб. сер.

Главное Депо Резиновыхъ Мануфактуръ

И. И. МАРКОВА.

Уголъ Невскаго и Литейнаго пр., домъ № 78/66. С.-Петербургъ. № 2095

Только что вышли изъ печати и продаются въ конторѣ журнала „НИВА“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историч. романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, большой томъ in—8, всего 672 стр., напечатано на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Для новыхъ подписчиковъ „Нивы“ 1882 г. ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть съ 20 рисунками Ив. Панова. 2-е изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ XVII вѣка. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

СТРАХОВАНІЕ ПЕНСІИ НА СТАРОСТЬ.

ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себѣ пенсію (доходъ) въ

1,000 РУБЛЕЙ ЕЖЕГОДНО,

уплата которой начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста застрахованнаго и продолжается до его смерти.

За это страхованіе слѣдуетъ платить Страховому Обществу **„РОССІЯ“** до начала пенсіи по 29 руб. 64 коп. чрезъ каждые три мѣсяца.

Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ

Страховаго Общества „Россія“,

выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами. 5—5 № 2050

КОРНЕТЫ À ПИСТОНЪ

лучшей парижской работы отъ 18 до 100 руб.
Альтгорны, баритоны, басы, тромбоны.
Флейты вѣнскія и парижскія отъ 3 до 125 руб.
Кларнеты вѣнск. и парижскія отъ 6 до 75 руб.
Николо-флейты, гобой, флажолеты, чаканы, рекомендуетъ въ больш. выборѣ.

Главное депо музыкальн. инстр.

ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА.

С.-Петерб., по Большой Морской, № 42.
А. № 2022 2—2

ДАЧА

близь Выборга на берегу озера въ здоровой, прелестной мѣстности, съ мебелью, продается дешево и отдается на лѣто. Мыльк Большая Морская, д. № 39 до 12 час. утра и 6—8 час. вечера.
№ 2085 4—2

Произведенія разсмотрѣны в разрѣшены Спб. Врачебнымъ Управленіемъ.

КРАСОТА И СОХРАНЕНІЕ КОЖИ.

Вода де Лисъ де Нинонъ придаетъ кожѣ бѣлизну и прозрачность, предохраняетъ ее отъ загара, краспоты, прыщей и проч. Необходима зимою противъ накожныхъ трещинъ и для освѣженія кожи разгоряченной газомъ и дурнымъ воздухомъ, лѣтомъ оно лучшее средство отъ загара и воспаленія вызваннаго пылью и солнцемъ. Цѣна больш. флак. 1 р. 50 к. съ пересылкою 2 р.

Кремъ де Лисъ де Нинонъ имѣетъ тѣ же свойства какъ вода де Нинонъ и рекомендуется преимущественно лицамъ употребляющимъ Кольдъ-Кремъ, котораго онъ превышаетъ качествомъ. Цѣна за банку 1 руб. съ пересылкою 1 р, 50 к.

Пудра де Нинонъ. Необходимое дополненіе въ Водѣ или Кремъ де Лисъ де Нинонъ и замѣняющая всѣ другія пудры.

Цѣна за коробку 75 коп. съ пересылкою 1 руб.

Цѣна за коробку съ пуховкою 1 р., съ пересылкою 1 р. 75 к.

ВЪ ПРОДАЖѢ:

На Невскомъ просп., въ Депо С.-Петербургской Химической Лабораторіи, домъ Католической церкви, № 32, магаз. № 3 и у *Аничкова моста*, домъ № 66.

На Вознесенскомъ проспектѣ, уголъ Казанской ул., № 54—18, домъ Шредера.

Оптовая продажа и отправка почтовая въ Конторѣ С.-Петерб. Химической Лабораторіи, по *Екатерининскому каналу, у Вознесенскаго моста*, № 80.—Описаніе и способъ употребленія высылаются по желанію безплатно. № 1602 4—4

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ

ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Безподобное и всѣмъ доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ.

Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главный складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Линде, Невскій просп., № 23, въ бель-этажѣ, а также можно получить во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; выписывающіе 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенція высылается въ жестяныхъ флаконахъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выписыв. 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гг. оптовымъ покупателямъ обычная уступка.

№ 2013 25—8

При этомъ № прилаг. для гг. иногор. подп. (за исключен. московскихъ) объявленіе отъ Конторы книжн. склада Г. Т. Бриллiантова въ Москвѣ“.

Дозволено цензурою. СПБ. 13 мая 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ — № 21 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — годъ XIII — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 22 Мая 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Карлъ Пилоти.

Наши читатели, какъ мы думаемъ, уже достаточно знакомы съ прекраснымъ талантомъ знаменитаго нѣмецкаго художника Карла Пилоти, такъ какъ снимки съ нѣсколькихъ его лучшихъ произведеній довольно часто появлялись на страницахъ нашего изданія (какъ напр. прекрасная большая премія 1875 года „Смерть Юлія Цезаря“ и друг.). На своей-же родинѣ Пилоти уже давно пользуется вполнѣ заслуженною славою и считается тамъ главнымъ представителемъ историческаго направленія въ живописи, образовавшимъ цѣлую массу учениковъ и подражателей. Пилоти — художникъ строго историческій; всѣ его картины почти исключительно изображаютъ разные замѣчательные эпизоды всемірной исторіи, причемъ онъ всегда отдаетъ предпочтеніе сценамъ полнымъ трагизма и ужаса. Кромѣ того всѣ его картины прекрасно задуманы, выполнены ярко, жизненно, колоритно и потому неудивительно, что онѣ всегда производятъ на зрителей глубокое и сильное впечатлѣніе.

Профессоръ К. Пилоти. Рис. С. Кольбе, грав. Эртель.

Карлъ Пилоти родился въ Мюнхенѣ въ 1826 году и первоначальное свое художественное образованіе получилъ отъ отца, пользовавшагося довольно большою извѣстностью какъ талантливый рисовальщикъ а вмѣстѣ съ тѣмъ основатель обширнаго литографическаго заведенія, существующаго до сихъ поръ и имѣющаго прекрасную репутацію во всей Германіи. Окончивъ свое образованіе въ мюнхенской академіи живописи, Карлъ Пилоти посѣтилъ Парижъ, Лондонъ и Брюссель и во время этого путешествія особенно изучалъ знаменитыхъ голландскихъ колористовъ и это изученіе оказало громадное вліяніе на развитіе его сильнаго, но не установившагося еще тогда, дарованія. По возвращеніи Пилоти на родину король Максимиліанъ I заказалъ ему для музея большую историческую картину „Провозглашеніе католической лиги Электоромъ Максимиліаномъ I въ 1609 году“.

Эта картина окон-

ченная въ 1854 году дала тотчасъ-же извѣстность молодому начинающему художнику, который, впрочемъ, не отдыхая на лаврахъ вслѣдъ затѣмъ написалъ другое замѣчательное произведеніе „Астрологъ Сени надъ трупомъ Валленштейна" (См. „Нива" 1879 г. № 23) за которую удостоился званія почетнаго члена мюнхенской академіи живописи и кромѣ того выбора въ профессоры этой академіи послѣ извѣстнаго Шорна.

Предавшись съ жаромъ и увлеченіемъ преподаванію любимаго искусства, Пилоти между уроками находилъ еще довольно времени, чтобы создать цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведеній. Въ длинномъ перечнѣ картинъ плодовитаго художника пользуются всемірною извѣстностью: „Сраженіе на Бѣлой горѣ близъ Праги", „Смерть Валленштейна", „Неронъ танцующій въ одеждѣ Гисперіона наразвалинахъ римскаго пожарища", „Галилей въ темницѣ", „Убійство Цезаря", „Чтеніе смертнаго приговора Маріи Стюартъ", „Генрихъ VIII и Анна Боллейнъ на балу" и громадная картина „Открытіе Америки" исполненная художникомъ для галлереи барона Шака. Кромѣ того Карлъ Пилоти украсилъ мюнхенскій максимиліанеумъ прекрасною стѣнною живописью и вообще какъ преподаватель и художникъ до сихъ поръ составляетъ гордость какъ своего роднаго города такъ и тамошней академіи живописи, которой онъ состоитъ уже директоромъ съ 1874 г. Множество учениковъ, со всѣхъ странъ свѣта стекаются теперь въ Мюнхенъ, чтобы слушать краснорѣчивыя, блестящія лекціи Пилоти объ искусствѣ и перенять у него хоть часть той изумительной техники, экспрессіи и колорита, которыми такъ богаты всѣ его многочисленныя произведенія.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXIX.

Гдѣ тонко — тамъ и рвется.

Обрученіе должно было совершиться съ необыкновенной торжественностью и пышностью. Всѣ лица, имѣвшія пріѣздъ ко двору, получили приглашеніе. Въ числѣ этихъ лицъ находился и Сергѣй Горбатовъ.

Послѣ своей аудіенціи у императрицы онъ не выѣзжалъ изъ Петербурга, дожидаясь извѣстія отъ Тани и, несмотря на все свое нетерпѣніе, твердо рѣшившись не показать малодушія, не явиться къ ней безъ ея зова. Онъ такъ уже былъ увѣренъ теперь въ своемъ благополучіи, онъ такъ хорошо зналъ, что пройдутъ еще дня два-три—и Таня непремѣнно позоветъ его; онъ видѣлъ, что ихъ роли перемѣнились—и въ немъ заговорило какое-то любовное злорадство, какая-то любовная жестокость.

„Довольно ей мучить меня своей гордостью! блаженно думалъ онъ;—пускай сама теперь немного помучается, пускай переломитъ свою гордость! низачто не поѣду пока сама не позоветъ меня"...

И онъ, этотъ уставшій, разочарованный человѣкъ, превращался въ капризнаго ребенка, ощущалъ въ себѣ такой приливъ молодости, какого, пожалуй, не было въ немъ и восемь лѣтъ тому назадъ, во время перваго пребыванія его въ Петербургѣ.

Онъ за эти дни объѣздилъ всѣхъ своихъ родственниковъ, всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Будь онъ въ иномъ настроеніи духа, ему пришлось-бы многимъ возмущаться, на многое негодовать; но теперь онъ не былъ способенъ па негодованіе. Онъ наблюдалъ проявленія людской пошлости, мелочности и дрянности совсѣмъ спокойно, съ легкой, даже болѣе добродушной чѣмъ насмѣшливой улыбкой.

Ему забавно было видѣть какъ многіе изъ его знакомцевъ и родственниковъ смущались при его появленіи, не зная какъ его встрѣтить: съ распростертыми-ли объятіями, или сдержанно и холодно. Его положеніе, его шансы на успѣхъ или неуспѣхъ, были пока еще для всѣхъ загадкой.

Императрица милостиво его встрѣтила и потомъ къ себѣ призывала — это отлично было извѣстно всѣмъ и каждому: но, съ другой стороны, было также извѣстно враждебное къ нему отношеніе всесильнаго Зубова.

И вотъ знакомцы и родственники начинали играть очень трудную роль: въ одно и то же время и простирали къ нему свои объятія, и боялись его. Но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ слишкомъ богатъ, носилъ слишкомъ громкое имя, — и, покуда положеніе его не выяснилось окончательно, никто не рѣшался пренебрегать имъ. Всѣ поспѣшно, хоть и съ большой опаской, возвратили ему визитъ. Сергѣй рѣшилъ, что требованіе приличій съ его стороны исполнено и положилъ какъ можно рѣже показываться въ обществѣ, ограничивая свое знакомство двумя-тремя домами, гдѣ ему былъ оказанъ дѣйствительно радушный пріемъ. Въ числѣ этихъ домовъ былъ, конечно, домъ Нарышкина.

Во дворецъ, на обрученіе, Сергѣй поѣхалъ съ большимъ удовольствіемъ. Ему предстояло увидѣть тамъ цесаревича, великую княгиню, быть можетъ отъ кого-нибудь изъ нихъ услышать про Таню.

Въ седьмомъ часу вечера дворцовыя залы были уже наполнены разряженной толпой. Мужчины въ парадныхъ мундирахъ, дамы въ роскошныхъ туалетахъ, украшенныя всѣми драгоцѣнностями, какія только заключались въ фамильныхъ укладкахъ и шкатулкахъ. Оживленный гулъ ходилъ по заламъ. Всѣ лица казались такими довольными, почти счастливыми. Всѣ хорошо понимали значеніе этого дня, этого событія, такъ долго ожидавшагося, послѣ столькихъ колебаній долженствовавшаго наконецъ совершиться.

Царское семейство не заставило себя ждать. Одновременно изъ внутреннихъ покоевъ появились — императрица, цесаревичъ, великая княгиня и всѣ ихъ дѣти.

Императрица была въ самомъ роскошномъ своемъ нарядѣ, въ которомъ показывалась весьма рѣдко. Она вся такъ и сіяла бриллiантами.

„Игра сихъ драгоцѣнныхъ камней теряется отъ блеска ея глазъ и ея улыбки"!—слова эти были сказаны Державинымъ и быстро облетѣли присутствовавшихъ.

Пѣвецъ Фелицы допустилъ конечно нѣкоторое поэтическое преувеличеніе; но все-же замѣчаніе его было вѣрно—давно, давно никто не видалъ государыню съ такимъ сіяющимъ, лучезарнымъ лицомъ. Она будто помолодѣла, она забыла всѣ недуги послѣдняго времени, всѣ свои заботы и каждымъ своимъ движеніемъ, каждымъ взглядомъ выражала горячую, сердечную радость.

Она вышла къ собравшимся придворнымъ, ведя подъ руку юную невѣсту, такую-же сіяющую какъ и она, прелестную болѣе чѣмъ когда-либо, стыдящуюся своего счастія и этихъ, со всѣхъ сторонъ устремленныхъ на нее, восторженныхъ взглядовъ.

Всѣ были довольны, даже лицо цесаревича не хмурилось. Онъ ласково здоровался направо и налѣво, ища глазами людей болѣе или менѣе ему симпатичныхъ и обращался къ нимъ съ милостивыми словами.

Прошло минутъ десять, толковали о томъ, что вотъ сейчасъ долженъ пріѣхать женихъ.

„Митрополитъ уже пріѣхалъ, въ бриллiантовой комнатѣ все уже приготовлено... Сейчасъ, сейчасъ прибудетъ король!" — говорили въ толпѣ.

Между тѣмъ минуты шли за минутами. Въ залѣ, гдѣ находилась императрица, показался Зубовъ. Онъ остановился не вдалекѣ отъ Сергѣя и тотъ невольно былъ пораженъ, взглянувъ на лицо его.

„Что это съ нимъ такое, онъ будто чѣмъ-то пораженъ, глядитъ какъ-то растерянно, смущенно"?..

Императрица, очевидно искавшая его, подошла къ нему. Сергѣй былъ отъ нихъ такъ близко, что невольно, вовсе не желая быть нескромнымъ, разслышалъ слова ихъ разговора.

— Что это значитъ? сказала она, — вѣдь ужь семь часовъ, даже больше, а его все еще нѣтъ?

— Я самъ не понимаю, отвѣчалъ Зубовъ — Морковъ отправился къ нему въ половинѣ шестого, какъ было условлено, для подписанія контракта и статей брачнаго условія.

— Что-же это значитъ? не случилось-ли чего-нибудь? уже съ тревогой въ голосѣ спросила императрица.

— Ничего не можетъ случиться, навѣрно онъ сейчасъ будетъ.

Но говоря это Зубовъ не могъ скрыть своего волненія и она отлично поняла, что онъ встревоженъ не менѣе ея.

— Сейчасъ-же поѣзжайте, скорѣй... я должна успокоиться!

Зубовъ даже ничего не отвѣтилъ и быстро исчезъ изъ залы.

Онъ почти выбѣжалъ на подъѣздъ, кликнулъ первую попавшуюся придворную карету, бросился въ нее и приказалъ кучеру, какъ можно скорѣе, ѣхать въ домъ шведскаго посольства.

Подъѣзжая онъ увидѣлъ нѣсколько дожидавшихся тамъ экипажей и въ томъ числѣ экипажъ короля.

Значитъ онъ еще здѣсь, да и не могъ онъ проглядѣть его дорогой!

Войдя въ первыя комнаты онъ уже замѣтилъ что-то странное; тревожное предчувствіе тяготило его. Онъ быстрыми шагами шелъ дальше къ комнатамъ, которыя занималъ король.

Вотъ онъ передъ дверью его кабинета. Дверь заперта, но до слуха его ясно донеслись громкіе рѣзкіе звуки раздраженнаго голоса. Онъ узналъ голосъ Густава и въ то же время дверь отворилась — передъ Зубовымъ очутился Морковъ.

Этотъ дипломатъ новой школы, въ послѣднее время, благодаря расположенію къ нему Зубова, почти замѣнившій Безбородку, поражалъ противуположностью со своимъ предшественникомъ. Безбородко, толстый, неуклюжій, всегда неряшливо одѣтый, совсѣмъ недумавшій о своихъ манерахъ и о впечатлѣніи, которое онъ производилъ, былъ похожъ на медвѣдя. Морковъ, красивый, тонкій, изящный, изучавшій каждый свой жестъ, каждое слово, представлялъ собою очень удачную копію съ французскаго маркиза дореволюціоннаго времени.

Но теперь, выйдя изъ кабинета короля, онъ очевидно позабылъ всю свою изящность, всю свою заученную грацію, лицо его было красно, ноздри раздувались, онъ сердито отплюнулся.

— Чортъ возьми, что же теперь дѣлать?! произнесъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

— Что такое, что случилось? испуганно спрашивалъ его Зубовъ,—контрактъ... статьи... подписаны?!

— Вотъ контрактъ, вотъ статьи! почти задыхаясь говорилъ Морковъ, потрясая передъ собою портфелемъ,— и ничего не подписано!

— Какъ не подписано?! крикнулъ Зубовъ.

— Не хочетъ подписывать, всѣ убѣждаютъ... заупрямился—не подпишу.—да и только.

— Господи, да вѣдь это невозможно! заломивъ руки простоналъ Зубовъ. Понимаешь, вѣдь четверть восьмаго, всѣ въ сборѣ, давно ждутъ—что же это такое?!

— Я за вами хотѣлъ ѣхать, хорошо что вы здѣсь. Вотъ, пойдите. можетъ уговорите!

Зубовъ кинулся въ кабинетъ. Тамъ у письменнаго стола, развалясь въ креслѣ, съ признаками сильнѣйшаго раздраженія, сидѣлъ молодой король, комкая въ рукѣ какую-то бумагу. Тутъ же былъ регентъ, Штедингъ, нѣкоторые члены шведскаго посольства.

При входѣ Зубова регентъ подбѣжалъ къ нему и отчаяннымъ голосомъ прошепталъ:

— Это просто припадокъ какой-то—онъ не хочетъ подписывать!

— Ваше величество, что все это значитъ? спросилъ Зубовъ подходя къ королю и кланяясь ему.—Меня прислала императрица, она очень тревожится, все готово для обрученія... васъ давно ждутъ... ради Бога поспѣшите!!

Король горделиво поднялъ голову и смѣривъ Зубова вызывающимъ взглядомъ проговорилъ:

— Мнѣ очень жаль, если я заставляю ждать, но не моя въ этомъ вина—вина ваша, господа—я не ожидалъ такого поступка!

— Какого поступка, ваше величество?

— Вы хотѣли воспользоваться обстоятельствами и въ послѣднюю минуту заставить меня подписать такія обязательства, которыхъ я подписать не могу. Гдѣ контрактъ, гдѣ ваши статьи? Дайте мнѣ,—обратился онъ къ Моркову.

И когда тотъ подалъ ему бумаги, онъ быстро перелисталъ ихъ.

— Вотъ смотрите, что это такое тутъ сказано? Что у шведской королевы въ моемъ дворцѣ должна быть особая часовня и особый причтъ. Кромѣ того еще другое, совсѣмъ для меня новое; но достаточно и этого. Скажите пожалуйста, развѣ я когда нибудь договаривался съ императрицей объ этомъ, развѣ я обѣщалъ что нибудь подобное?

— Ваше величество, сказалъ Зубовъ,—едва сдерживая себя, едва заставляя себя говорить спокойнымъ голосомъ и въ приличныхъ выраженіяхъ,—да вѣдь именно въ этомъ заключалось главное затрудненіе и обрученіе было назначено только послѣ того, какъ вы изволили обѣщать не стѣснять совѣсти великой княжны.

— Да, я сказалъ это и теперь не отступаюсь отъ словъ своихъ. Конечно я не намѣренъ стѣснять ея совѣсти, конечно она можетъ исповѣдывать свою религію, но никогда я не обѣщалъ дозволить ей имѣть въ моемъ дворцѣ часовню и причтъ. Напротивъ, я говорилъ, что въ публикѣ и во всѣхъ церемоніяхъ, она должна будетъ слѣдовать нашимъ религіознымъ обрядамъ. Ничего другого я не могъ говорить и, скажите мнѣ наконецъ, отъ имени ли императрицы мнѣ докладываютъ эти бумаги? Она ли требуетъ моей подписи подъ ними?

— Конечно, прошепталъ Зубовъ.

— Въ такомъ случаѣ нужно передать ей, что она требуетъ отъ меня невозможнаго, я ни за что не подпишу такихъ условій!

Зубовъ совсѣмъ растерялся. Онъ чувствовалъ, что почва подъ нимъ начинаетъ колебаться и тщетно искалъ за что ухватиться. Ему все казалось легко, онъ былъ такъ увѣренъ въ своемъ умѣ, въ своей ловкости, онъ такъ былъ избалованъ своими, ничего не стоющими ему, успѣхами, что еще за минуту, не смотря даже на невольное безпокойство и какое-то предчувствіе, сжимавшее его сердце, никакъ не предполагалъ возможности такого пораженія.

Со свойственной ему самонадѣянностью онъ постоянно увѣрялъ императрицу, что все обойдется, чтобы только она на него положилась...

„О, ему ничего не будетъ стоить уладить это дѣло, уговорить этихъ шведовъ!"...

Въ эти послѣдніе дни, послѣ оффиціальнаго предложенія, когда императрица сказала ему, что обѣщаніе, данное королемъ, во всякомъ случаѣ нужно оформить и включить въ брачный контрактъ.—онъ отвѣтилъ ей:

Московская промышленно-художественная Выставка. „Въ Монастырской Гостинницѣ“.
Картина А. Корзухина, гравировалъ И. Шюблеръ.

„Конечно мы это сдѣлаемъ!“

Онъ даже ни минуты не задумался о томъ, что объ этихъ статьяхъ контракта во всякомъ случаѣ надо обстоятельно и во-время договориться съ королемъ. Когда Морковъ принесъ ему составленный имъ проектъ статей и прочтя ихъ замѣтилъ:

— А вдругъ король, который, кажется, очень упрямъ и самолюбивъ, выставитъ новыя затрудненія въ послѣднюю минуту?

Зубовъ, горделиво поднявъ голову и презрительно усмѣхаясь, проговорилъ:

„Очень можетъ быть—отъ него это станется; но мнѣ хотѣлось бы знать что онъ сдѣлаетъ въ послѣднюю минуту?!. Ты поднесешь ему контрактъ для подписанія передъ самымъ обрученіемъ, во дворцѣ всѣ будутъ уже въ сборѣ, невѣста будетъ уже ждать жениха!.. Ахъ, Боже мой, да въ такихъ обстоятельствахъ онъ долженъ будетъ подписать все, что угодно, каково бы ни было его упрямство!.. Развѣ можетъ онъ когда нибудь осмѣлиться сдѣлать такую неслыханную дерзость?! Можетъ быть онъ станетъ просить объ измѣненіи того или другаго; но мы объявимъ, что измѣнить невозможно ни одного слова, что для этого уже нѣтъ времени—и онъ волей-неволей подпишетъ... Что онъ разсердится на насъ съ тобою—это вѣрно,—но вѣдь мы не смутимся! контрактъ будетъ подписанъ, ихъ обручатъ—и только вѣдь этого и нужно“...

Морковъ пожевалъ губами, потомъ сдѣлалъ глубокомысленную мину, потомъ тонко усмѣхнулся.

„Да, проговорилъ онъ,—это правда! мы его запремъ со всѣхъ сторонъ“.

„То-то же!“ самодовольно сказалъ Зубовъ.

Онъ заранѣе наслаждался дѣломъ рукъ своихъ, своей хитрой уловкой; заранѣе торжествовалъ побѣду. И вотъ все совершилось такъ какъ онъ желалъ: невѣста ждетъ жениха, король уже долженъ быть во дворцѣ, контрактъ и статьи передъ нимъ—и онъ не хочетъ ихъ подписывать. Все что можно было сказать—сказано, а онъ ничего не хочетъ слышать и твердитъ:

„Не подпишу!“

Въ его тонѣ чувствуется рѣшимость.

„Что же это такое?! Вѣдь это такой ужасъ, такой позоръ, о какомъ еще до сихъ поръ не слыхано! вѣдь это настоящее несчастье!“...

И Зубовъ вдругъ ослабѣлъ, вдругъ ощутилъ въ себѣ сознаніе полной безпомощности. Вся его самонадѣянность, весь апломбъ—исчезли. Онъ быстро, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и трясущимися губами, подошелъ къ Моркову и шепнулъ ему:

— Скорѣй, какъ можно скорѣй привези Безбородку! можетъ быть онъ уговоритъ, найдетъ резоны... Скорѣй, ради Бога, а я здѣсь останусь... Скорѣй... каждая минута дорога!..

Въ его голосѣ слышались мольба и отчаяніе.

Морковъ исчезъ изъ кабинета, а онъ снова подошелъ къ королю. Онъ былъ на себя непохожъ, онъ почти не понималъ что такое говоритъ.

— Ваше величество, ради Бога, успокойтесь!.. шепталъ онъ,—не гнѣвайтесь... войдите въ наше положеніе, мы никакъ не могли предвидѣть подобнаго недоразумѣнія, мы основались на словахъ вашихъ, офиціально переданныхъ императрицѣ господиномъ Штедингомъ...

— О чемъ это вы мнѣ говорите, князь?!. запальчиво крикнулъ Густавъ,—я очень хорошо знаю, что я обѣщалъ и что отъ моего имени было передано императрицѣ. Повторять мнѣ теперь все одно и то же нечего. Мнѣ никто не заявлялъ до этой минуты что я долженъ буду подписывать такія обязательства. Зачеркните эти статьи и я съ удовольствіемъ подпишу все остальное и ѣду во дворецъ—вы видите—я совсѣмъ одѣтъ.., совсѣмъ готовъ. Задержка происходитъ не отъ меня, а отъ васъ!

— Но развѣ я могу измѣнить что нибудь изъ того, что утверждено и рѣшено императрицей? отчаянно проговорилъ Зубовъ.

— Такъ доложите ей!

— Какъ же можно теперь докладывать, она уже въ тронномъ залѣ, окруженная всѣмъ дворомъ. Митрополитъ давно ждетъ... Уже около часу какъ ваше величество должны быть тамъ... Ваша невѣста... подумайте же о ней, ваше величество!..

— Я о ней очень думаю, нахмуривъ брови, сказалъ король;—но и для нея я не могу сдѣлать невозможнаго.

— Да вѣдь это что же?!. Это разрывъ... величайшее оскорбленіе, которое вы наносите императрицѣ, великой княжнѣ, ея родителямъ, равно какъ и всей Россіи!

Король сдѣлался совсѣмъ мрачнымъ и вдругъ поднялся со своего мѣста, выпрямился во весь ростъ, яркой краской заалѣли его щеки и бѣшенымъ голосомъ онъ крикнулъ.

— Оскорбленіе! что такое вы мнѣ говорите? Это мнѣ наносится величайшее оскорбленіе. Меня хотѣли поймать! Меня хотятъ силою принудить на унизительный для моего достоинства поступокъ, но я не поддамся вамъ, будьте въ этомъ увѣрены, князь Зубовъ!.. я докажу, что вы ошиблись въ расчетахъ!

И онъ, оттолкнувъ отъ себя ногой кресло, гнѣвно вышелъ изъ комнаты.

Зубовъ нѣсколько мгновеній стоялъ какъ окаменѣлый. Но вотъ онъ замѣтилъ регента, который совсѣмъ съёжился въ своемъ креслѣ и смущенно посматривалъ по сторонамъ.

— Ваше высочество, подбѣгая къ нему, проговорилъ Зубовъ,—вѣдь вы же меня увѣряли, вы мнѣ обѣщали... я больше всего на васъ расчитывалъ... Да пойдите же, уговорите его!

Регентъ съёжился еще больше.

— Что же я тутъ могу сдѣлать, глухо проговорилъ онъ разводя руками,—неужели вы думаете что я его не уговаривалъ... Но вы сами видите—съ нимъ нельзя сладить. Я могу просить, доказывать, убѣждать; но если ничего не дѣйствуетъ—я не могу силой его принудить.

— Такъ пойдите же... пойдите же, уговорите его! отчаянно повторялъ Зубовъ, почти силою поднимая регента съ кресла.—Пойдите, вѣдь вы понимаете положеніе... Ахъ, Боже мой, вы сами заинтересованы въ этомъ, прибавилъ онъ понижая голосъ.—Ваше высочество, все что угодно, всѣ ваши желанія будутъ исполнены, только уговорите его!

— Я пойду, я буду просить, я постараюсь его успокоить,—грустнымъ тономъ проговорилъ регентъ и пошелъ къ той двери, за которой скрылся племянникъ.

Зубовъ оглядѣлся. Въ кабинетѣ теперь находился только Штедингъ, который подошелъ къ столу и мрачно разглядывалъ разложенныя бумаги. Зубовъ хотѣлъ что то сказать, но не сказалъ ничего, только раздраженно махнулъ рукою и принялся быстрыми шагами ходить по комнатѣ.

„Господи, хоть бы скорѣе Безбородко!“

Онъ взглянулъ на часы—былъ уже давно девятый часъ. Холодный потъ выступилъ на лбу его.

„Что тамъ теперь?! Что она думаетъ?! И если онъ не подпишетъ... если я не приведу его... О! нѣтъ, это невозможно!!“

Безумное, безсильное бѣшенство запертаго въ клѣтку звѣря охватило его, онъ сжималъ кулаки, онъ уже совсѣмъ метался по комнатѣ.

А минуты шли за минутами и стрѣлка все ближе и ближе подвигалась къ девяти.

XXX.

Бѣда.

Наконецъ въ кабинетѣ короля появилась неуклюжая фигура Безбородки. Онъ вошелъ переваливаясь и за-

пыхавшись. Пухлое, всегда веселое и беззаботное лицо его на этотъ разъ было грустно.

— Графъ, наконецъ-то вы! кинувшись къ нему заговорилъ Зубовъ. Вѣдь девять часовъ... поймите—девять часовъ, а онъ не подписываетъ!

— Если ужь вы не съумѣли уговорить его, ваша свѣтлость, медленно произнесъ Безбородко, то я тѣмъ болѣе не уговорю. Я только сейчасъ, дорогой сюда, узналъ отъ него,—онъ указалъ на сопровождавшаго его Моркова,—всѣ подробности. На мой взглядъ дѣло безнадежно...

И наклонясь къ Зубову, онъ прошепталъ ему:

— Я полагаю что это не случайность, не внезапный капризъ, все это навѣрно подготовлено заранѣе.

— Вы думаете?! простоналъ Зубовъ, пораженный этой мыслью, еще не приходившей ему въ голову. Но кто-же могъ это сдѣлать, кого вы подозрѣваете?

— Я еще ничего не знаю, потомъ можно будетъ разслѣдовать, потомъ выяснится — а теперь что-же...

— Но вѣдь нельзя-же допустить такого несчастья... Постарайтесь, графъ, ради Бога, вы всегда такъ спокойны, такъ краснорѣчивы... можетъ вамъ удастся... на васъ только одна надежда!

И онъ, нелюбившій Безбородку, нанесшій ему не мало оскорбленій, всѣми мѣрами, хотя часто безуспѣшно, старавшійся стереть его съ лица земли, выставившій ему соперникомъ своего угодника Моркова,—онъ теперь засматривалъ ему въ глаза, готовъ былъ ему льстить. Онъ говорилъ съ нимъ такимъ тономъ, какимъ до сихъ поръ никогда еще не говорилъ.

— Ради Бога, графъ, на васъ одна надежда, повторялъ онъ, —только вашъ умъ можетъ насъ выручить!

— Напрасно такъ просите, ваша свѣтлость, съ легкой саркастической усмѣшкой проговорилъ Безбородко.

„Ваша свѣтлость“ въ его устахъ, при его малороссійскомъ выговорѣ, звучало какъ-то особенно насмѣшливо.

— Напрасно просите, я для императрицы и Россіи буду стараться; но ни на что не надѣюсь. Я не причастенъ къ этому дѣлу и если-бы вы раньше захотѣли меня выслушать, то я никогда-бы не посовѣтовалъ такого риска.

Онъ отошелъ отъ Зубова и обратился къ Штедингу, прося доложить королю о томъ что онъ проситъ дозволенія переговорить съ нимъ.

Штедингъ вышелъ и черезъ минуту Густавъ появился въ кабинетѣ. Онъ очевидно нѣсколько успокоился, въ немъ уже незамѣтно было недавняго бѣшенства.

Зубовъ замѣтилъ это, у него явилась слабая надежда на то, что регентъ успѣлъ уговорить племянника.

— Что вамъ угодно, графъ? обратился онъ къ Безбородкѣ,—вы вѣрно отъ императрицы? Если она согласна вычеркнуть извѣстныя статьи, я тотчасъ-же подпишу и немедленно ѣду во дворецъ.

Но Безбородко не имѣлъ никакихъ полномочій, онъ даже не успѣлъ переговорить съ государыней, Морковъ увлекъ его безъ всякихъ объясненій.

Безбородко могъ только повторять королю то, что ему говорилъ Зубовъ, указывать на то, что теперь нѣтъ никакой возможности договариваться, что каждая минута промедленія есть прямое оскорбленіе со стороны короля императрицѣ и ея семейству.

— Подумайте о послѣдствіяхъ, ваше величество, говорилъ Безбородко,—можетъ быть дѣйствительно произошло недоразумѣніе; но всякое недоразумѣніе впослѣдствіи легко выяснится въ личномъ объясненіи вашего величества съ нашей государыней. Подумайте о послѣдствіяхъ!..

— Хорошо, перебилъ его король,—если это недоразумѣніе, которое, какъ вы говорите, легко можетъ быть объяснено и улажено, я готовъ сейчасъ же ѣхать во дворецъ, пусть насъ обручатъ. Я повѣрю вашему торжественному удостовѣренію въ томъ, что излишнія статьи будутъ вычеркнуты и завтра подпишу все что могу подписать.

— Какъ? обрученіе безъ подписи?! но вѣдь это совершенно невозможно! невольно крикнулъ Зубовъ.

— А, вы это находите невозможнымъ! снова быстро багровѣя проговорилъ король,—вы непремѣнно хотите моего униженія... Я не подпишу!

Онъ театральнымъ жестомъ махнулъ рукою и сталъ быстро ходить по комнатѣ.

Зубовъ умоляюще глядѣлъ на регента.

Герцогъ Карлъ подошелъ къ племяннику и сталъ шепотомъ говорить ему:

— Мой другъ, положимъ вы правы и я очень понимаю ваше негодованіе, но сообразите: уже два часа какъ ждутъ васъ, вы ставите всѣхъ въ невѣроятное положеніе—подпишите!

И въ то же время регентъ думалъ:

„Еслибы я сталъ громко теперь доказывать что подписать невозможно и что я, какъ регентъ, не могу допустить этого—онъ бы подписалъ. Да, мнѣ стоитъ только указать ему на мое регентство, настаивать—и онъ подпишетъ. Но я прошу его подписать. Пусть всѣ видятъ, что я прошу его, что я самъ въ отчаяніи“.

— Подпишите, другъ мой, обстоятельства этого требуютъ, умолялъ онъ.

— А шведскій народъ!? А мои обязанности какъ государя—вы о нихъ забываете?! повторилъ король недавнія слова дяди. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу, не могу, не подпишу! громко крикнулъ онъ.

Регентъ махнулъ рукою и отошелъ отъ него.

А между тѣмъ двери кабинета то и дѣло отворялись, изъ дворца одинъ за другимъ прибывали русскіе сановники, къ нимъ присоединялись члены шведскаго посольства и королевской свиты.

Всѣ другъ передъ другомъ упрашивали короля подписать.

Часы показывали три четверти десятаго.

Съ каждой новой просьбой, съ каждымъ новымъ доказательствомъ кого либо изъ присутствовавшихъ о невозможности такого поступка, такого неслыханнаго оскорбленія,—король раздражался все больше и больше.

— Это все то же, все ясно, нечего повторять! нѣсколько разъ проговорилъ онъ, продолжая мѣрить комнату большими шагами.

Вдругъ онъ остановился, топнулъ ногою и крикнулъ:

— Наконецъ это скучно! Что бы ни случилось я не имѣю право нарушать основныхъ законовъ моей страны и ничего не подпишу... Прощайте!

Онъ кивнулъ головою, вышелъ изъ комнаты и заперся въ своей спальнѣ.

Регентъ упалъ въ кресло со всѣми признаками отчаянія.

Безбородко стоялъ насупившись, опустивъ голову, тяжело переводя дыханіе.

Зубовъ, раздраженно махнувъ рукою, выбѣжалъ изъ кабинета. Онъ спѣшилъ во дворецъ. Въ виски его стучало, въ головѣ путались мысли, онъ весь дрожалъ. Онъ понималъ что теперь все кончено — несчастіе совершилось.

Между тѣмъ дворцовыя залы, ярко освѣщенныя безчисленными лампами и кенкетами, пестрѣвшія разряженной толпой, представляли все то же праздничное и торжественное зрѣлище. Но стоило только попристальнѣе вглядѣться и вслушаться—и впечатлѣніе измѣнялось. Каждый изъ этой многолюдной толпы отлично сознавалъ, что совершается нѣчто неожиданное и крайне важное, что вотъ, вотъ разразится ударъ.

Сначала каждый оставлялъ при себѣ свои замѣчанія и предчувствія; но наконецъ уже перестали стѣсняться. По заламъ шелъ глухой говоръ—всѣ перешептывались.

Неизвѣстно откуда пронеслась вѣсть; всѣ уже хорошо знали въ чемъ дѣло, знали, что Зубовъ поѣхалъ къ королю, что туда же отправился и Безбородко, и Салтыковъ, и другіе.

„Король не хочетъ подписать контракта; обрученія не будетъ... свадьба не состоится... Его всѣ уговариваютъ; но онъ ничего не хочетъ и слышать... онъ идетъ на разрывъ!.. Что это такое будетъ? чѣмъ все разрѣшится?!"...

„Да нѣтъ, не допустятъ!—разсуждали другіе.—Какъ же это возможно?!—онъ никогда не осмѣлится такъ оскорбить императрицу!.. Нѣтъ, уговорятъ конечно... поломается, а все же подпишетъ!"...

А между тѣмъ время шло. Всѣ взоры искали государыню и членовъ ея семейства. Екатерина появлялась нѣсколько разъ, проходила по заламъ. Она крѣпилась сколько хватало силы, она все такъ же величественно несла свою красивую, старческую голову; на ея губахъ попрежнему блуждала благосклонная улыбка; она дѣлала видъ что спокойна, бросала нѣсколько словъ то тому, то другому...

Но нетрудно было замѣтить какъ дрожатъ ея руки, не трудно было замѣтить, даже сквозь бѣлила и румяна, покрывавшія ея щеки, какъ лицо ея то смертельно блѣднѣетъ, то дѣлается вдругъ багроваго цвѣта.

Великой княгини и невѣсты не видно. Онѣ удалились изъ залъ и ожидаютъ въ маленькой гостиной, куда не смѣютъ проникнуть посторонніе.

Великіе князья показываются то тамъ, то здѣсь, тоже стараются дѣлать видъ, что все благополучно, любезно разговариваютъ; но ихъ молодыя лица выдаютъ смущеніе.

Вотъ и цесаревичъ. Передъ нимъ разступаются; онъ идетъ очевидно никого не видя, мрачный какъ туча, съ нахмуренными бровями. Его ноздри нервно раздуваются; глаза потемнѣли и только изрѣдка вспыхиваютъ зловѣщимъ блескомъ. На щекахъ выступили красныя пятна.

Онъ идетъ, судорожно сжимая одной рукой эфесъ своей шпаги, въ то время какъ другая безсознательно, нервно перебираетъ пуговицы камзола.

Но вотъ онъ очнулся, оглядѣлся кругомъ и прямо передъ собою замѣтилъ Сергѣя Горбатова, замѣтилъ тревожный взглядъ его.

Цесаревичъ подошелъ къ нему, положилъ ему на плечо руку и порывисто проговорилъ:

— Здравствуй!

Они были нѣсколько поодаль отъ толпы, у глубокой амбразуры окна, почти прикрытые отъ постороннихъ взоровъ широкими складками бархатной драпировки.

Цесаревичъ еще разъ взглянулъ на Сергѣя, грустно и презрительно усмѣхнулся. Онъ забылъ свою руку на плечѣ этого преданнаго, всегда такъ симпатичнаго ему человѣка. Онъ почувствовалъ сильную потребность облегчить душу, высказаться.

Онъ заговорилъ:

— И ты здѣсь! Сейчасъ ты будешь свидѣтелемъ позора, которому мы подвергнемся... вотъ что мы себѣ приготовили! Мы получаемъ жесточайшій урокъ отъ своенравнаго, безсердечнаго ребенка...

— Ваше высочество, прошепталъ Сергѣй,—неужели вы думаете, что здѣсь что нибудь кромѣ недоразумѣнія, которое должно разъясниться?

— Недоразумѣніе!.. Никакого недоразумѣнія тутъ нѣтъ! Его хотѣли поймать, застать въ расплохъ, заставить экспромптомъ принять всѣ условія... Вздумали хитрить, затѣяли скверную игру—и кто же?! Зубовъ! этотъ безнравственный дуракъ, считающій себя геніемъ!

Онъ оглядѣлся—никто не могъ его слышать.

Онъ продолжалъ:

— Она не привыкла къ этому, никогда, никто не осмѣлился бы такъ поступить съ ней... Ты видѣлъ ее... она на себя не похожа.. какъ она перенесетъ это?!.. Но кто же виноватъ!.. Я предчувствовалъ все заранѣе... онъ сразу не понравился мнѣ, этотъ мальчикъ... и сразу передъ нимъ стали унижаться... На меня сердились за то, что я держался въ сторонѣ, за то что я не восхищался какъ всѣ восхищались.. Я говорю,—у меня было предчувствіе, я не хотѣлъ брать на себя отвѣтственности... Теперь видно кто правъ—я или они...

Едва онъ успѣлъ договорить это, какъ мимо нихъ, почти шатаясь, прошелъ Зубовъ. Вся его фигура выражала какое-то неестественное утомленіе, не то отчаяніе, его блѣдное искаженное лицо было слишкомъ краснорѣчиво.

— Вотъ, проговорилъ цесаревичъ, смертельно блѣднѣя,—вотъ онъ—вѣстникъ нашего позора!

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, за нимъ послѣдовалъ и Сергѣй.

На встрѣчу Зубову шла императрица.

— Что!? разслышалъ онъ ея слабый голосъ.

— Ничего нельзя сдѣлать, заикаясь, почти шепотомъ проговорилъ Зубовъ,—всѣ уговаривали... онъ не хочетъ подписать... заперся и никого не впускаетъ... Надежды нѣтъ никакой...

Екатерина не произнесла ни слова. Нѣсколько мгновеній она стояла неподвижно, съ остановившимися глазами, недоумѣніе выражалось на лицѣ ея.

Но вдругъ она вся вздрогнула.

— Позоръ... оскорбленіе!! прошептали ея побѣлѣвшія губы.

Еще мгновеніе—все лицо ея сдѣлалось багровымъ, глаза закатились, она покачнулась... Цесаревичъ и Сергѣй кинулись къ ней, подхватили ее подъ руки и кой какъ довели до перваго попавшагося кресла.

Ужасъ изображался на всѣхъ лицахъ. Всѣ невольно стали пятиться, не зная что дѣлать.

Зубовъ совсѣмъ растерялся. Цесаревичъ выхватилъ у него изъ рукъ пузырекъ со спиртомъ.

— Матушка! прошепталъ онъ поднося къ ея лицу пузырекъ.

Она открыла глаза, вдохнула спиртъ и потомъ черезъ нѣсколько мгновеній провела рукой по лицу, тяжело вздохнула и приподнялась съ кресла. Она сдѣлала надъ собой страшное усиліе, прошла нѣсколько шаговъ впередъ и дрожащимъ голосомъ проговорила, обращаясь къ толпѣ перепуганныхъ и смущенныхъ гостей:

— Король заболѣлъ внезапно и не смотря на все свое желаніе—прибыть не можетъ.

Какъ ни тихо произнесла она слова эти, но въ залѣ стояло такое гробовое молчаніе, что каждый ихъ разслышалъ. Она обернулась, оперлась на руку цесаревича и едва передвигая ноги вышла съ нимъ изъ залы. Зубовъ поспѣшилъ за нею.

Она кой какъ дошла до гостиной, гдѣ находилась великая княгиня, безуспѣшно старавшаяся въ теченіи цѣлаго часа успокоить свою дочь.

Едва императрица показалась у порога, какъ великая княжна кинулась къ ней на встрѣчу и вдругъ, взглянувъ на лицо бабушки, она отшатнулась и всплеснула руками.

— Бабушка, дорогая, что случилось? ради Бога скажите! Что такое случилось? крикнула она, задрожавъ всѣмъ тѣломъ.

Но императрица не въ силахъ была проговорить ни слова. Тяжело дыша опустилась она въ кресло.

Великая княжна въ своемъ нарядѣ счастливой невѣсты, вся усыпанная бриллiантами и цвѣтами упала на колѣни передъ кресломъ бабушки, сжимая ея холодныя руки.

— Бабушка, да что же такое?! Не мучьте меня, скажите... Не то я умру!!.

— Дитя мое, успокойся! прошептала наконецъ Екатерина. Большія непріятности, но все поправится... Его нѣтъ, онъ не можетъ пріѣхать... обрученіе не состоится сегодня... успокойся!..

Но великая княжна уже все поняла.

„Если бы была только непріятность, еслибы только

Идетъ поздравить. Ориг. рисун. К. Бекера, грав. Кезебергъ и Эртель.

обрученіе было отложено и должно было состояться не сегодня, а въ другой день, если бы возможно было поправить то, что совершилось, развѣ бабушка была бы такая!?.“

— Онъ отказался отъ меня... онъ меня не любитъ! простонала великая княжна.

Отчаянныя рыданія вырвались изъ груди ея. Она упала головой на колѣни бабушки и рыдала... рыдала неудержимо.

„Онъ меня не любитъ! повторялось въ ея сердцѣ,— онъ ненавидитъ меня, если рѣшился нанести мнѣ такое оскорбленіе. Зачѣмъ же онъ не сказалъ мнѣ этого прежде! Зачѣмъ не сказалъ прямо. Чѣмъ я заслужила такую жестокость... что я ему сдѣлала?!. Зачѣмъ онъ такъ обманывалъ меня все это время... Зачѣмъ увѣрялъ что меня любитъ!“...

Ей вспоминалась каждая минута ихъ свиданій. Ей вспоминались пожатія его руки... горячія пожатія, его украдкой сорванные поцѣлуи, которые каждый разъ сладостно и больно отдавались въ ея сердцѣ.

„За что Богъ такъ наказалъ меня?! Чѣмъ я провинилась!“...

Онъ какъ живой стоялъ передъ нею. Она еще чувствовала его присутствіе, этотъ горячій трепетъ, который каждый разъ сообщался ей, когда она его видѣла и о немъ думала.

„Онъ—воплощеніе всѣхъ совершенствъ человѣческихъ! Онъ— вѣдь выше его, благороднѣе... честнѣе она никого никогда не знала —развѣ онъ могъ поступить такъ... Развѣ онъ могъ лгать... обманывать ее, когда она ни разу, ни однимъ словомъ, ни одной мыслью не обманула его. Что это такое?!“

Она ничего не понимала.

„Вѣдь этого быть не можетъ... онъ не въ состояніи поступить такъ!?“

Она подняла голову, широко раскрыла свои заплаканные глаза. Сдерживая рыданія она взглянула на лицо бабушки, матери, отца. Эти три близкихъ лица не сказали ей ничего утѣшительнаго.

„Что же это, сонъ! ужасный сонъ!! Но нѣтъ, она не спитъ. Она не грезитъ—все это на яву. Это страшное несчастіе дѣйствительно случилось съ ней. Онъ обманулъ ее, онъ ее не любитъ!“...

Ей стало душно, ей казалось что она сходитъ съ ума. Она уже перестала совсѣмъ думать. Она чувствовала только, какъ замираетъ мучительной болью ея сердце. Тоска, страшная тоска ее охватила. И она опять уронила свою голову на колѣни бабушки и опять залилась слезами.

Все было тихо. Императрица сидѣла неподвижно, съ лицомъ будто окаменѣвшимъ. только грудь ея высоко и нервно поднималась. Великая княгиня тихо и горько плакала, закрывъ лицо руками. Цесаревичъ стоялъ за кресломъ матери—блѣдное съ трясущимися губами лицо его было страшно...

Но вотъ онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, провелъ рукою по лбу, будто отгоняя тяжелыя мысли. Онъ опустилъ глаза, склонилъ голову. Онъ нашелъ въ себѣ силы для молитвы, которая всегда подкрѣпляла его въ трудныя минуты жизни....

(До слѣд. №)

Дикія.

Разсказъ изъ галиційской жизни

Захеръ-Мазоха.

Это было уже очень давно.

Въ галиційской деревнѣ Раковѣ, состоящей изъ маленькихъ глиняныхъ мазанокъ не видно огня; только у Юма Матеуша, сквозь верхнюю ставню пробивался свѣтъ, такой блѣдный и печальный какъ сіяніе лампадки, горящей въ головахъ мертвеца; а черезъ почернѣвшую соломенную крышу выходилъ дымокъ. Хижины этой деревни были построены безъ трубъ и оконныхъ стеколъ и дымъ выходилъ тамъ, гдѣ были щели.

Домъ этотъ былъ настоящимъ галиційскимъ крестьянскимъ домомъ того времени, когда гнетъ австрійцевъ былъ особенно великъ и словакъ считался полурабомъ. Его называли животнымъ и дѣйствительно Юмъ Матеушъ жилъ мало чѣмъ лучше животнаго. Въ одномъ и томъ же мѣстѣ находился очагъ, гдѣ горѣлъ огонь, свинья съ четырьмя поросятами, жердь, на которой спали курица и пѣтухъ, красный, разрисованный цвѣтами сундукъ, набитый соломою мѣшокъ, замѣняющій кровать, другой такой же мѣшокъ съ подушкой и толстымъ одѣяломъ и грубо сдѣланный столъ, за которымъ помѣстились трое мущинъ и молодая дѣвушка. Двѣ другія дѣвушки сидѣли возлѣ очага, а около нихъ помѣстились собака и кошка.

На столѣ горѣлъ сальный огарокъ, воткнутый въ выдолбленную картофелину, а возлѣ листа сѣрой бумаги стоялъ премѣшной письменный приборъ. Заплесневѣлыя чернила налиты были въ разбитую бутылочку, а пустая тыква служила песочницей.

Крестьянинъ владѣлецъ хижины, Юмъ Матеушъ, былъ единственное лицо въ деревнѣ, умѣвшее читать и писать; онъ служилъ солдатомъ и дослужился до капрала. Вотъ почему онъ сидѣлъ съ чувствомъ сознанія своего достоинства и съ видомъ ученаго; онъ никогда не забывалъ заложить за ухо перо, когда оно вовсе не было ему нужно. Отъ времени до времени онъ нюхалъ не безъ достоинства табакъ изъ маленькой табакерки и это послѣднее обстоятельство не мало возвышало его въ глазахъ крестьянъ.

Сидящая съ нимъ рядомъ дѣвушка была его старшая дочь Домаха: у нея были прекрасные, умные глаза, а черныя густыя брови, маленькій носъ, прелестно очерченный ротъ и круглый подбородокъ обличали большую энергію.

Два крестьянина, сидѣвшіе вмѣстѣ за столомъ и внимательно слушавшіе Матеуша, пришли къ нему изъ сосѣдней деревни за совѣтомъ. Дѣло въ томъ, что еврей изъ кабатчиковъ постоянно ихъ обижалъ и притѣснялъ. Матеушъ прочиталъ имъ грамоту Іосифа II, которой галиційскій народъ освобождался отъ польскаго рабства, объяснилъ имъ ихъ права и обязанности и наконецъ сочинилъ имъ большое прошеніе въ уѣздный судъ въ Коломеа, при чемъ онъ, прибѣгая подъ сѣнь законовъ, упомянулъ по крайней мѣрѣ разъ двадцать имя Господа, Богородицы, всѣхъ святыхъ мучениковъ, короля, королеву и нѣкоторыхъ эрцгерцоговъ и эрцгерцогинь.

Только что оба крестьянина поставили по кресту вмѣсто подписи и послѣ того какъ подписался и Матеушъ, въ хижину вошла крестьянка, служившая во дворѣ у помѣщика.

— Дядя, начала она, я прибѣжала чтобы васъ предостеречь. Противъ васъ замышляютъ что-то недоброе. Управляющій пришлетъ за вами завтра.

— Зачѣмъ?

— Говорятъ что вы вооружаете крестьянъ противъ землевладѣльцевъ и пишете имъ жалобы, съ которыми они таскаются въ уѣздный судъ.

— Значитъ онъ на меня хочетъ жаловаться за жида, сказалъ Матеушъ и въ раздумьи понюхалъ табаку.

— Нѣтъ, тамъ задумываютъ совсѣмъ другое.

— Ну что же?

— Васъ хотятъ сѣчь.

— Гмъ! Вѣрно ли ты это слышала?

— О да, я слышала даже какъ управляющій разговаривалъ объ этомъ съ кривымъ писаремъ.

— Награди тебя Богъ, проговорилъ Матеушъ, но теперь торопись обратно, чтобы не замѣтили, что ты ушла въ деревню, а то тебѣ придется тяжело поплатиться за это.

Матеушъ закрылъ лицо руками и задумался.

— Но ты не пойдешь, отецъ? начала Домаха.

— Что же мы этимъ выиграемъ, отвѣтилъ онъ, они сильнѣе, и могутъ насъ заставить если захотятъ.

— Жиды сильнѣе, сказала Домаха, потому что мы трусимъ. Но развѣ насъ крестьянъ не больше?

— Допустимъ, отвѣтилъ Матеушъ, но чтобы изъ этаго вышло? Теперь насъ защищаютъ суды именемъ короля, а тогда?

— Но вы не позволите себя сѣчь, замѣтилъ одинъ изъ посторонних крестьянъ.

— Я прослужилъ 16 лѣтъ королю, отвѣтилъ Матеушъ, не получивъ ни разу даже замѣчанія, Богъ не оставитъ меня на старости.

— Если вамъ нужна помощь, сказалъ другой крестьянинъ, пошлите къ намъ въ деревню, мы придемъ всѣ.

— Благодарю васъ, сказалъ Матеушъ, объ этомъ не слѣдуетъ даже и думать.

Когда крестьяне ушли, онъ глубоко вздохнулъ, потушилъ свѣчку и долго еще сидѣлъ за столомъ, пристально вглядываясь въ тлѣющіе подъ очагомъ уголья.

На другой день, поутру, пришелъ гайдукъ и позвалъ Матеуша въ домъ. Старикъ явился въ своемъ праздничномъ нарядѣ, который состоялъ изъ сапогъ, полушубка поверхъ полотняной рубахи и барашковой шапки. Но онъ пришелъ не одинъ; съ нимъ была вся деревня. Много мущинъ, стариковъ, женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей пришли въ имѣнье и наполнили дворъ дома.

— Пресвятая Богородица, защити насъ, воскликнулъ одноглазый писарь, увидѣвъ всю массу народа; господинъ Ливальдъ—всѣ въ сборѣ. Будьте осторожны хоть на этотъ разъ.

Управляющій австріецъ Ливальдъ былъ заклятый врагъ словаковъ. Не слушая писаря, онъ надѣлъ шапку, схватилъ нагайку и вышелъ; здѣсь его съ озабоченнымъ видомъ ожидали два гайдука, казакъ и служитель. Одноглазый писарь послѣдовалъ за нимъ, но остановился на порогѣ.

— Гдѣ Юмъ Матеушъ? началъ нѣсколько встревоженный управляющій.

— Здѣсь.

— Теперь можешь идти, но завтра будешь наказанъ тѣлесно.

Послѣ обѣда пастухъ принесъ извѣстіе, что управляющій далъ знать обо всемъ случившемся въ городъ.

Матеушъ печально поникъ головою; онъ позвалъ свою дочь въ домъ и переговорилъ съ нею.

— Здѣсь уже намъ нечего дѣлать, продолжалъ старикъ, здѣсь въ деревнѣ насъ ждетъ позоръ и наказаніе, кромѣ того, австрійцы, поймавъ насъ, все равно отнимутъ отъ насъ домъ и землю, а потому я хочу съ вами уйти въ горы, туда куда уходятъ всѣ несчастные. Богъ не оставитъ насъ.

— Ты хочешь сдѣлаться бѣглымъ, отецъ? спросила его младшая дочь, Маруша.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, мы и безъ того достанемъ что намъ нужно. А теперь собирайтесь, съ наступленіемъ ночи мы выйдемъ въ путь.

Они такъ и сдѣлали. Когда совсѣмъ стемнѣло и небо покрылось звѣздами, Матеушъ вышелъ съ двумя младшими дочерьми, увозя съ собою все свое хозяйство. Они вели лошадь, единственную корову, свинью съ поросятами. Все же остальное имущество и куръ они несли въ корзинахъ. Собака также шла съ ними, только кошка, которую Маруша несла на рукахъ, вырвалась отъ нея и легкими прыжками вернулась въ покидаемый домъ.

Когда они отошли немного, оставшаяся еще Домаха зажгла солому и хворость, которымъ наполнила хижину и поспѣшила за ушедшими. Когда они подошли къ кресту, стоявшему на горѣ надъ селомъ, хижина ихъ была уже вся въ пламени. Матеушъ со слезами на глазахъ смотрѣлъ на нее долго, затѣмъ тяжело вздохнувъ, онъ пошелъ далѣе въ Карпатскія горы.

Это было уже давно, когда славяне—смѣлые жители Карпатовъ, которые отстаивали свою независимость даже во время нѣмецкаго гнета и не повиновались никому, жили со своими стадами на высокихъ горныхъ долинахъ, гдѣ они еще и донынѣ проводятъ обыкновенно время. Матеушъ хотѣлъ отыскать такое мѣсто, гдѣ еще не ступала человѣческая нога. Онъ не боялся что горные жители выдадутъ его, но онъ зналъ, что рука австрійскаго жандарма хватаетъ дальше, чѣмъ рука какого нибудь управляющаго и такъ какъ себя и дочь свою Домаху онъ считалъ виновными въ самовольномъ уходѣ, то и старался избѣжать той дороги, гдѣ всѣ ходили.

Послѣ утомительнаго, сопряженнаго съ опасностью жизни странствованія, по лѣсамъ, черезъ высокія скалы и глубокія пропасти, гдѣ шумѣли дикіе водопады, старикъ остановился въ ущельи, между двумя горизонтальными стѣнами. Сѣверная сторона ущелья закрывалась упавшими и сваленными бурей деревьями, а южная отъ внѣшняго міра отдѣлялась маленькимъ озеромъ. Здѣсь, гдѣ росли только высокія, черныя сосны, да исландскій мохъ, гдѣ орелъ кружился въ воздухѣ, а въ поросшихъ мохомъ пещерахъ водились медвѣди и волки, здѣсь бѣглецы построили хижину изъ стволовъ молодыхъ сосенъ, прикрыли ее хворостомъ и изъ камня устроили очагъ. При помощи заступа и гвоздей они сдѣлали необходимыя приспособленія и такъ какъ корова давала молоко а куры несли яйца и у нихъ не было недостатка въ пищѣ, то вскорѣ они помирились съ судьбою.

Въ то время какъ дѣвушки собирали грибы и разныя ягоды, водили корову и свинью на пашню, убирали по дому и стряпали, старикъ, въ сопровожденіи собаки, ходилъ по окрестностямъ единственно съ цѣлью убить какое нибудь животное, пригодное въ пищу. Онъ ставилъ силки для птицъ и почти каждый день онъ ловилъ ихъ по нѣскольку; вскорѣ онъ увидѣлъ, что въ маленькомъ озерѣ водятся прекрасныя форели и для ловли ихъ сплелъ сѣти.

Два раза дождь повреждалъ ихъ жилище, въ третій разъ ливень разрушилъ его почти совершенно, такъ что всѣ они были въ опасности. Только съ большими усиліями удалось имъ спастись на возвышенномъ уступѣ скалы и перевести туда свой скотъ: но и отсюда было унесено вѣтромъ два поросенка, которые утонули, а возвышающаяся постепенно вода ежеминутно угрожала потопить всѣхъ.

Въ минуту самой большой опасности, вода нашла себѣ выходъ и начала постепенно сбывать. Прошло однако нѣсколько дней, пока земля высохла на столько, что можно было снова заняться отстраиваніемъ хижины, и бѣглецы должны были много ночей провести подъ открытымъ небомъ. Но наконецъ явилась возможность сойти со скалы, гдѣ они пріютились и послѣ усиленной работы поврежденія были исправлены.

Въ одинъ изъ своихъ, нерѣдко многодневныхъ выходовъ, Юмъ Матеушъ дошелъ до границы владѣній Ракова. Въ то время какъ онъ сидѣлъ у ручья за кустомъ, по треску сучьевъ онъ услышалъ, что приближаются шаги и вскорѣ увидѣлъ управляющаго Ливальда, который съ ружьемъ и сумкой повидимому вышелъ на охоту. Матеушъ не успѣлъ удержать своего волкодава и тотъ съ громкимъ лаемъ бросился на приближающагося. Этотъ кинулъ въ собаку камнемъ, что еще болѣе ее раздражило и наконецъ чтобы отдѣлаться отъ нея, управляющій выстрѣлилъ въ нее. Выстрѣлъ не попалъ въ собаку, но за то она схватила Ливальда и повалила на землю. Въ эту минуту изъ-за куста показался Матеушъ.

— Богъ разсудилъ, сказалъ онъ, и отдалъ вашу жизнь въ мои руки.

— Что тебѣ нужно? спросилъ управляющій, дрожа и блѣдный отъ страха, ты хочешь меня убить?

Матеушъ взялъ ружье, лежавшее возлѣ его врага, позвалъ собаку и пригласилъ Ливальда встать.

— Дайте мнѣ вашу сумку съ патронами, сказалъ онъ, я употреблю ее съ большей пользой.

Управляющій повиновался. Старикъ принялъ сумку и зарядилъ ружье.

— Ты хочешь застрѣлить меня? спросилъ управляющій, вотъ деньги, пощади меня.

— Мнѣ не нужно вашихъ денегъ, отвѣтилъ Матеушъ, идите съ Богомъ и да проститъ вамъ небо зло, которое вы мнѣ дѣлали.

Управляющій поспѣшно спустился съ горы, а Матеушъ довольный добычей, вернулся домой.

Домаха злилась. Ну я не такая! Еслибы я встрѣтила его,—прибавила она,—я отомстила бы ему за всѣхъ, кого онъ сдѣлалъ несчастными.

— Нехорошо дитя мое, отвѣтилъ старикъ, слѣдуетъ прощать, только одинъ Богъ можетъ наказывать. „Азъ Воздамъ“! говоритъ Онъ.

Все лѣто и начало осени бѣглецы оставались въ своемъ убѣжищѣ. Теперь Матеушъ ходилъ на охоту уже съ ружьемъ, и такъ какъ онъ берегъ заряды, то всякій разъ какъ ему приходилось стрѣлять, онъ приносилъ домой какую нибудь дичь, серну, или по крайней мѣрѣ хорошаго зайца, и тогда семьѣ былъ праздникъ.

Съ приближеніемъ зимы старикъ заявилъ, что оставаться долѣе въ ихъ хижинѣ и опасно, и положительно невозможно, такъ какъ они каждый часъ могутъ быть засыпаны снѣгомъ. Онъ убѣдился, что пастухи давно оставили луга и что болѣе прочныя жилища построенныя ими тамъ, оставались пустыми. Въ одномъ изъ такихъ домовъ онъ рѣшилъ перезимовать; и такъ несчастные безпріютные снова выступили въ путь со всѣмъ своимъ скарбомъ.

Въ этотъ разъ они шли не долго. Вскорѣ показалась плоская возвышенность и на ней большой домъ, окруженный крѣпкимъ заборомъ. Здѣсь они устроились на зиму. Дѣвушки насобирали можжевеловыхъ ягодъ, изъ которыхъ онѣ приготовили отличную водку, а старикъ старался убить оленя, чтобы изъ копченаго мяса сдѣлать запасъ на зиму.

Какъ разъ послѣ того какъ выпалъ первый снѣгъ, Матеушъ на охотѣ встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ, котораго онъ ранилъ, но самъ былъ смятъ медвѣдемъ и задушенъ. Это случилось не подалеку отъ дома. Дочери слышали выстрѣлъ и крикъ отца, онѣ поспѣшили на помощь, но было уже поздно. Имъ удалось, только спугнуть медвѣдя и овладѣть трупомъ отца.

Домаха взяла ружье, а остальныя двѣ дѣвушки отнесли покойника въ домъ. Здѣсь онъ лежалъ два дня, на третій его похоронили и на могилѣ поставили деревянный крестъ.

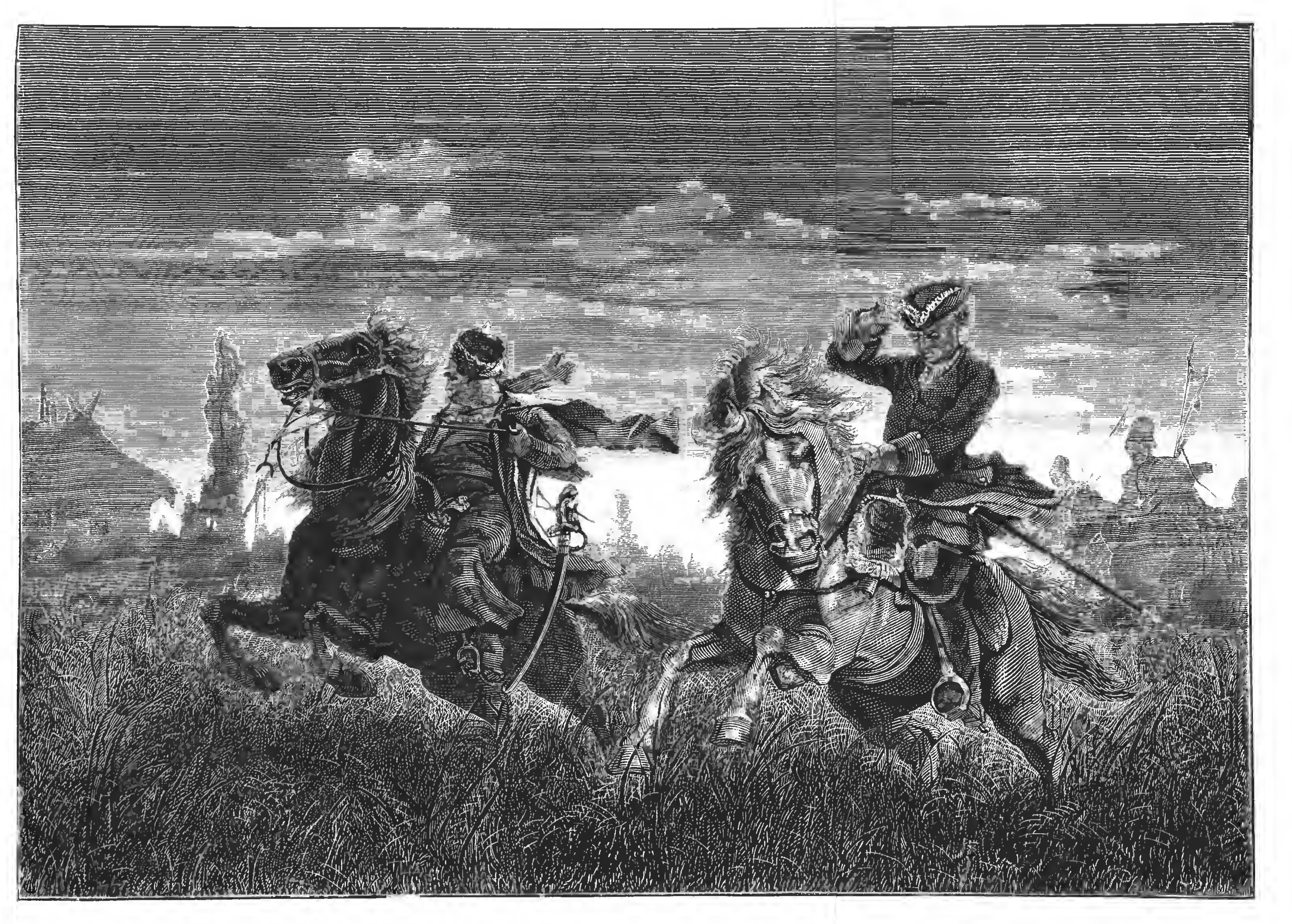
Тотчасъ послѣ погребенія Домаха объявила сестрамъ, что одна изъ нихъ должна теперь стать главою семьи, а остальныя должны ей повиноваться. Никоня и Маруша отвѣтили въ одинъ голосъ, что только она и можетъ быть ихъ главою и онѣ охотно будутъ ее слушаться.

Домаха подошла къ кресту, заставила сестеръ положить на него руки и поклясться въ вѣрности и послушаніи. Послѣ этого онѣ пошли въ домъ и совершили поминки, при чемъ, по древнему славянскому обычаю, причитая, вспоминали всѣ добрыя качества и дѣла усопшаго. Затѣмъ Домаха встала и поклялась отомстить за отца; она сказала что не она будетъ если не убьетъ медвѣдя, который смялъ ея отца, и накажетъ нѣмца-управляющаго, изгнавшаго ихъ изъ роднаго дома.

Уходя дѣвушки захватили съ собою кропильницу, которая теперь висѣла у дверей. Вечеромъ послѣ похоронъ Домаха вырѣзала крестъ на пулѣ, и съ молитвой положила ее въ освященную воду. На слѣдующее утро перекрестившись она вынула пулю изъ кропильницы, зарядила ею ружье, которое повѣсила черезъ плечо, привѣсила къ поясу длинный острый ножъ и обернувъ лѣвую руку толстымъ сукномъ, вышла изъ дому.

Вернулась она только вечеромъ, уставшая и серьозная, но довольная. Послѣ долгаго хожденія она отыскала слѣды мед-

Наводненія въ Америкѣ. Разливъ рѣки Миссисипи. По наброску Gr. рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.



Литературный Альбомъ. „Полтава" А. С. Пушкина. Бѣгство Карла XII и Мазепы. Ориг. рис. В. Штейна, грав. М. Рашевскій.

вѣдя, дошла по нимъ до скалы, гдѣ въ пещерѣ повидимому было его логовище. Она рѣшила разыскать его.

На слѣдующій день, еще до восхода солнца, она одѣлась по вчерашнему, простилась съ сестрами и ушла.

Шаговъ на сто отъ пещеры, гдѣ находилось страшное животное, стояли три большія сосны, окруженныя молодымъ лѣсомъ. Здѣсь она стала поджидать медвѣдя.

Онъ не долго заставилъ себя ждать. Когда солнце поднялось надъ черными верхушками сосенъ, вѣнчавшихъ скалы и окрасило розоватымъ свѣтомъ снѣгъ, онъ вышелъ изъ пещеры и сталъ медленно приближаться.

Когда онъ подошелъ на десять шаговъ, Домаха вышла изъ за кустовъ и закричала. Медвѣдь навострилъ уши и привсталъ.

Смѣлая дѣвушка выстрѣлила и хотя ранила звѣря, но не смертельно.

Теперь то медвѣдь поднялся во всю величину и яростный, съ раскрытой пастью, пошелъ на дѣвушку. Домаха бросила ружье и ждала его. Когда онъ подошелъ совсѣмъ близко, она подскочила къ нему, вложила ему въ пасть лѣвую руку, обернутую сукномъ, а правой ударила ножемъ въ сердце. Безъ звука звѣрь опустился на снѣгъ. Страшныя лапы, которыми онъ приготовился смять Домаху вырвали только клокъ шерсти изъ овечьей шкуры, которая была на ней накинута, она же сама не была ранена.

На выстрѣлъ, раздавшійся эхомъ по горамъ, прибѣжали ея сестры. Онѣ въ удивленіи смотрѣли на убитое громадное животное, дивились храбрости Домахи, привезли маленькія санки и всѣ вмѣстѣ торжественно повезли домой богатую добычу.

Тутъ онѣ раздѣлили медвѣдя. Окорока были повѣшены въ трубу, прекрасная мохнатая шкура была распялена, чтобы дать ей высохнуть, мясо послужило приманкой въ волчьихъ ямахъ, которые Домаха, чтобы обезопасить себя отъ многочисленныхъ хищныхъ звѣрей, вырыла вокругъ дома и прикрыла хворостомъ.

Въ короткое время онѣ поймали двухъ волковъ, пять лисицъ и одну рысь; и убили ихъ ударами топоровъ, чтобы не тратить пороха.

Одежда и овечьи шкуры, взятыя ими изъ деревни скоро поизносились, и потому дѣвушки изъ мѣховъ убитыхъ звѣрей сдѣлали себѣ новое одѣяніе.

Въ немъ онѣ казались дикарками, но прекрасными какъ скифскія амазонки. Недоставало только колчана и стрѣлъ чтобы дополнить картину.

Домаха носила кожаные башмаки съ ремнями, до колѣнъ, короткую юбку, родъ полушубка и медвѣжью шапку. Никоня была также одѣта въ волчью шкуру, а Марушка въ лисій мѣхъ. Теперь Домаха ходила на охоту, но она никогда не стрѣляла даромъ, и если возвращалась домой съ разряженнымъ ружьемъ, то, значитъ, навѣрное гдѣ нибудь въ лѣсу лежалъ убитый олень или серна. Она приходила домой за сестрами, которыя помогали ей отвозить добычу на санкахъ домой.

Никоня и Марушка занимались около дома. Онѣ мели и чистили, стряпали и шили, рубили молодыя деревья и кололи дрова, кормили скотъ, доили корову.

Такъ однообразно, но не безъ дикихъ удовольствій охоты проходило время.

Но вотъ у нихъ стало недоставать того, то другого; и хотя это были вещи очень незначительныя, тѣмъ не менѣе необходимыя. И вотъ онѣ начали съ большой осторожностью дѣлать экскурсіи въ сосѣднія деревни.

Онѣ выходили всѣ вмѣстѣ въ лунныя ночи. Домаха съ ружьемъ, Никоня съ топоромъ, а Марушка съ бичемъ. Приходя въ деревню, онѣ прокрадывались вдоль домовъ, чтобы узнать, гдѣ жители собрались на такъ называемыя вечерницы, на которыхъ женщины и дѣвушки прядутъ или чистятъ горохъ и бобы, а мущины колютъ лучину и рѣжутъ изъ дерева трубки и ложки.

Узнавъ домъ, гдѣ собрались деревенскіе, онѣ могли быть увѣрены, что по близости никого не было дома. Двери отперты. И пока на лай собакъ прибѣгали хозяева домовъ, онѣ всегда успѣвали взять что нужно. Кусокъ ли полотна, мотокъ нитокъ, нѣсколько кусковъ хлѣба, даже цѣлую овцу, которой связывали ноги и уносили съ собою. Но такъ какъ онѣ въ память отца не хотѣли запятнать себя нечестнымъ поступкомъ, то за все взятое оставляли или деньги или шкуры.

Это заставило суевѣрныхъ горныхъ жителей увѣровать, что ихъ посѣщаютъ „дикія бабы“ *) которыя согласно преданію, живутъ въ пещерахъ Карпатскихъ горъ и одѣтыя въ звѣриныя шкуры бродятъ во множествѣ по горамъ. Бѣда кто попадетъ къ нимъ въ руки, онѣ удавливаютъ его своими длинными волосами. Онѣ также заходятъ въ деревни, берутъ себѣ все нужное и зато оставляютъ подарки. Иногда онѣ уносятъ дѣтей, оставляя на мѣсто ихъ своихъ подкидышей.

Повѣрье это распространилось еще болѣе, послѣ того, какъ въ поздній вечеръ, одна крестьянка, возвращаясь домой, услышала у себя въ избѣ голоса. Перепуганная до смерти, она посмотрѣла въ освѣщенное окно и увидала трехъ красивыхъ, одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры женщинъ, которыя стояли у колыбели ребенка. Она не посмѣла войти, но перекрестилась и начала молиться, и только, какъ она разсказывала, благодаря ея молитвѣ, дикія бабы не унесли ея ребенка, а напротивъ поцѣловали его и оставили въ колыбели для него подарки.

Съ наступленіемъ весны, когда тающій снѣгъ началъ сбѣгать быстрыми ручьями съ горъ и вокругъ все зазеленѣло и деревья начали распускаться, одинъ охотникъ повстрѣчалъ дѣвушекъ. Онъ также принялъ ихъ за дикихъ бабъ. Сдѣлавъ крестное знаменіе, онъ пустился бѣжать.

Онѣ догадались почему онъ такъ страшно испугался и начали за нимъ бѣшено гнаться со смѣхомъ и криками. Бѣдный человѣкъ бѣжалъ точно травленое животное, прыгая по камнямъ и рытвинамъ, а рѣзвыя дѣвушки гнались за нимъ такъ настойчиво, точно и въ самомъ дѣлѣ, хотѣли его поймать. Смертельный страхъ ускорялъ шаги несчастнаго, который чтобы лучше бѣжать бросилъ ружье, ягдташъ, пороховницу и мѣшокъ съ дробью. Онъ уже сильно опередилъ дѣвушекъ, но его все еще преслѣдовалъ звонкій смѣхъ красивыхъ дикихъ бабъ.

Онъ почувствовалъ себя въ безопасности только когда достигъ первыхъ домовъ сосѣдней деревни.

На обратномъ пути, дѣвушки долго не переставали шутить и смѣяться, больше всѣхъ смѣялась Никоня, она радовалась что наконецъ раздобыла ружье и ягдташъ; Домаха удовольствовалась пороховницей и мѣшкомъ съ дробью.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Московская Выставка. Картина Корзухина.

(Рис. на стр. 484—485).

Московская выставка торжественно открыта. Толпы народа повалили туда и величественные стеклянные павильоны, галлереи и отдѣлы наполнились публикой, съѣхавшейся въ первопрестольную со всѣхъ концовъ Россіи. Переполненные вагоны то и дѣло проходятъ по лѣвому шоссе. Разукрашенный флагами фасадъ виденъ издалека, зданіе выставки красиво громоздится своими, крытыми стеклянными рамами, галлереями и павильонами, большею частью построенными на собственныя средства экспонентовъ.

Пустынное Ходынское поле превратилось въ роскошный паркъ. Затѣйливыя, узорчатыя клумбы, симметрично расположенныя на газонѣ внутри центральнаго павильона, густо покрыты множествомъ лѣтнихъ цвѣтущихъ растеній. Деревьевъ, насажено множество, во всемъ паркѣ тѣнь, и воздухъ не такъ душенъ. Три четверти деревьевъ посажены были еще въ прошломъ году и большинство ихъ уже принялось и укоренилось, можно ожидать, что старанія садоводовъ не пропадутъ даромъ. Жаль, что по окончаніи выставки придется выкапывать всѣ деревья и кустарники, въ виду того, что выставочныя зданія пойдутъ на сломку.

Канцелярія выставки, въ теченіи всего дня, осаждается массою публики, являющейся сюда за различнаго рода справками. Благодаря энергической и неутомимой дѣятельности генеральнаго комисара выставки, А. Б. Бэра, который положительно весь отдался интересамъ выставки, всѣ вопросы, безъ дальнихъ проволочекъ, разрѣшаются на мѣстѣ и весьма быстро. Но чтобы удовлетворить всѣхъ просителей и разрѣшить всѣ предъявляемые вопросы, комисару приходится съ ранняго утра и до вечера дежурить на выставкѣ и по нѣскольку разъ въ день появляться во всѣхъ отдѣлахъ ея, которые разбросаны, какъ извѣстно, на дистанціи огромнаго размѣра.

Охрана выставки поручена артельщикамъ и полиціи. Для помѣщенія артельщиковъ устроены громадный баракъ, болѣе чѣмъ на двѣсти человѣкъ, застольная и кухня. Постройки эти недавно кончены и, во избѣжаніе пожара, находятся за чертою выставки, въ полѣ, на противоположномъ концѣ отъ главнаго входа. Для помѣщенія полиціи на выставкѣ устроенъ особый павильонъ. Вода постоянно наготовѣ въ необъятной величины бакахъ фонтановъ. Всѣхъ фонтановъ на выставкѣ восемь, и девятый—бакъ очень значительной величины.

Генеральный коммиссаръ выставки А. Б. Бэръ, вѣдаетъ общею организаціей всего дѣла и является какъ-бы хозяиномъ всего дѣла. Онъ въ работахъ по выставкѣ, какъ по отдѣламъ такъ и внѣ ихъ, имѣетъ рѣшающій голосъ, поэтому со всѣми болѣе важными вопросами и справками слѣдуетъ обращаться къ Алексѣю Борисовичу Бэру, имѣющему въ зданіи выставки свой кабинетъ, открытый для всѣхъ нуждающихся въ генеральномъ коммиссарѣ. Въ сложныхъ занятіяхъ А. Б. Бэра помогаютъ ему два постоянные товарища: Г. А. Гивартовскій по строительной части и Ѳ. С. Михайловъ по хозяйственной. Далѣе слѣдуютъ распорядители отдѣловъ, самыя ближайшія лица къ экспонентамъ, которые занимаются группировкой ихъ предметовъ и даютъ имъ всѣ частныя справки, относительно отведеннаго мѣста, нужныхъ бумагъ (фактуръ) и пр. Вся выставка

*) Остатки сказаній объ амазонкахъ, сказаній очень распространенныхъ между Славянами, въ особенности Чехами.

раздѣлена на 14 группъ. Распорядителемъ *первой* художественной группы состоитъ академикъ М. П. Боткинъ: *Вторая*, научно-педагогическая группа, имѣетъ своимъ распорядителемъ Д. В. Григоровича, нашего извѣстнаго писателя, знатока литературы и искуства и извѣстнаго дѣятеля Общества поощренія художествъ. *Третья* группа—одна изъ крупныхъ по своимъ спеціальнымъ отдѣленіямъ и устраивается департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности Министерства Государственныхъ Имуществъ. Распорядителемъ этой группы состоитъ П. М. Сольскій, который имѣетъ спеціальныхъ помощниковъ: по лѣсоводству профессора Н. С. Шафранова, по пчеловодству профессора Бутлерова. Въ *четвертой* группѣ, горныхъ и соляныхъ промысловъ, распорядителемъ В. Е. Холостовъ. *Пятою* группою, производства шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, завѣдуетъ цѣлый комитетъ, предсѣдателемъ котораго Ѳ. О. Рѣзановъ (онъ же и предсѣдатель совѣта управленія выставки). Для устройства *шестой* группы, ювелирныхъ, бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій, также избранъ комитетъ, предсѣдателемъ котораго состоитъ М. П. Кузнецовъ. Въ *седьмой* группѣ, химическихъ издѣлій, спирту, табаку, сахару и т. п. распоряжается В. Н. Лепешкинъ. Предсѣдателемъ комитета *восьмой*, ковровыхъ, мебельныхъ, переплетныхъ и т. п. работъ, группы состоитъ И. А. Абрикосовъ. Въ *девятой*, машинной, группѣ распоряжается проф. А. К. Этлиманъ и пом. ген. ком. М. С. Орловъ. По *десятой* группѣ (садоводства) работаетъ предсѣдатель общества садоводства В. И. Ахшарумовъ, Распорядителемъ *одиннадцатой* (домашній скотъ и птица) группы состоитъ директоръ Петровской академіи Ѳ. К. Арнольдъ. Кустарнымъ отдѣломъ (XII группа) завѣдуетъ особая коммиссія. *XIII группа* министерствъ военнаго и морскаго и *XIV группа* Общества Краснаго Креста. Экспонентамъ будутъ присуждаемы экспертными коммисіями награды: почетные отзывы, денежныя преміи, медали: бронзовыя, серебряныя и золотыя.

На Выставкѣ, во II группѣ, есть большой павильонъ „Нивы“ съ ея преміями, изданіями и т. п. Въ Москвѣ находятся наши постоянные, спеціальные корреспонденты, которые будутъ въ рисункахъ и очеркахъ сообщать подробно обо всемъ выдающемся, что можетъ интересовать нашихъ читателей.

Особенное вниманіе нашъ журналъ, по своему характеру, обратитъ на отдѣлъ художественный, гдѣ находится множество прекрасныхъ произведеній русской живописи.

На первый разъ изъ этихъ произведеній мы даемъ копію съ прекраснаго жанра А. И. Корзухина „Въ монастырской гостинницѣ“. Талантливый художникъ, съ картинами котораго уже знакомы наши читатели, мастерски справился тутъ съ своей задачей. Обширный, не очень изящный, номеръ монастырской гостинницы живетъ самою хлопотливою жизнью. Уѣзжаетъ „благодѣтельница“ богатая, толстая молодая купчиха и всѣ пришли къ ней проститься и каждый ждетъ на прощанье получить еще что нибудь съ нея. Посѣтительница очевидно настолько почетная, что даже самъ отецъ-настоятель, еще молодой, красивый человѣкъ, пришелъ ее проводить и благословить на дорогу и переговаривается съ отъѣзжающей о какихъ нибудь постройкахъ, на которыя она пожертвовала деньги, узнавая ея желанія т. е. на что именно она жертвовала и представляя нужды обители. Чаю уже выпито столько, что воды не достаетъ и нагибаютъ самоваръ для послѣднихъ чашечекъ. Дѣти, равнодушные къ окружающему, заняты своимъ чаемъ а купеческій братъ, стоя въ углу, опоражниваетъ, запрокинувъ, свою чашку, готовясь идти къ тарантасу. Типы поражаютъ своею мѣткостью и вѣрностью; какъ выражаются „только что не говорятъ“. Эта чрезвычайная вѣрность типовъ и добросовѣстность работы всегда, вмѣстѣ съ мастерствомъ исполненія, отличала выгодно г. Корзухина среди нашихъ художниковъ-реалистовъ. Надо ему поставить еще одно въ достоинство: у многихъ его товарищей, даже очень талантливыхъ, замѣчается какое-то тенденціозное, слишкомъ натянуто-отрицательное отношеніе къ русской жизни, что мѣшаетъ полному художественному впечатлѣнію и чего нѣтъ у г. Корзухина. Его отношеніе къ сюжету всегда тепло и сердечно, юморъ добродушенъ и тонокъ, что способствуетъ всегда симпатичности и ясности впечатлѣнія, которое зритель выноситъ отъ его прекрасныхъ жанровыхъ работъ.

Къ рисункамъ.

Карлъ XII и Мазепа.

(Рис. на стр. 493).

Поэма А. Пушкина —„Полтава“ принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ произведеній нашего поэта, и отличается мѣстами удивительной красотой стиховъ и могучестью образовъ. Вдохновленный поэмой Рылѣева „Войнаровскій“, Пушкинъ написалъ „Полтаву“ всего на всего въ двѣ недѣли, осенью 1828 года.— Мощная фигура стараго гетмана Малороссіи, и непонятная страстная любовь къ нему его молоденькой крестницы Маріи (собственно Мотри) представляютъ, дѣйствительно, очень любопытную романическую канву,—а историческій элементъ еще болѣе способствуетъ развитію интереса въ читателѣ.

Послѣ Полтавской битвы, на голову разбитый Петромъ Великимъ, Карлъ XII, какъ извѣстно, бѣжалъ въ Бендеры, съ толпой своихъ приверженцевъ. Пушкинъ удачно воспользовался этимъ мотивомъ, заставивъ проскакать Мазепу мимо кочубеевскаго хутора, откуда нѣкогда онъ похитилъ Марію, сошедшую потомъ съ ума при извѣстіи о смерти отца, казненнаго по приказу Гетмана...

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба...
Бѣгутъ... Судьба связала ихъ...
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю...
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ, поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ,—
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ....
Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
Степей широкій полукругъ,
Съ нимъ старый гетманъ скачетъ рядомъ.
Предъ ними хуторъ... Что же вдругъ
Мазепа будто испугался,—
Что мимо хутора помчался
Онъ стороной во весь опоръ?
Иль этотъ опустѣлый дворъ,
И домъ и садъ уединенный,
И въ поле отпертая дверь
Какой нибудь разсказъ забвенный
Ему напомнили теперь!..

Этотъ-то моментъ и изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ. Фигура гетмана совершенно отвѣчаетъ данному положенію, безпокойный поворотъ головы и взглядъ изъ-подлобья удачно задуманы художникомъ. Не менѣе удачна по рисунку и поза его степнаго скакуна, бѣшено несущагося по степи...

Пушкинъ значительно отступилъ отъ историческихъ фактовъ, окончивъ свою поэму романическимъ сумасшествіемъ несчастной дѣвушки. Напротивъ того, Матрена Кочубей еще долго жила на Украйнѣ послѣ Полтавскаго погрома. Что она перечувствовала за это время—насколько состарили ее событія. все это становится понятнымъ, если вспомнить, что она мечтала быть королевой Малороссіи. Теряя Гетмана, она теряла въ немъ не только горячо любимаго супруга,—она теряла все будущее,—а прошедшее уже было ей самой уничтожено. Она видѣла, какъ Украйна, по приказу Петра, предавала анафемѣ Мазепу, какъ его изображеніе было подвергнуто позорному обряду казни черезъ палача. Но время все излечиваетъ,—и Матрена вышла замужъ за Чуйкевича, потомки котораго живутъ въ Малороссіи и до сихъ поръ, — и потому прелестные стихи, которыми заканчиваетъ Пушкинъ свою поэму —

.....преданья
О ней молчатъ. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою тьмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ народомъ
Онъ пѣсни гетмана бренчитъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говоритъ.

Стихи эти не согласуются съ изложенными нами свѣдѣніями, хотя о нихъ, конечно, могъ и не знать поэтъ.

Идетъ поздравить.

(Рис. на стр. 459).

Все въ домѣ въ праздничномъ настроеніи. Хозяинъ дома имянинникъ. Еще съ вечера заготовлены дѣтьми стихи и басни, которыя они будутъ читать отцу, къ утру заказаны букеты и подарки и все должно производиться въ глубокомъ секретѣ а главное самъ имянинникъ долженъ дѣлать видъ, что онъ не имѣетъ понятія объ этихъ приготовленіяхъ. Онъ давно видитъ, какъ при его появленіи быстро закрываются пяльцы, въ которыхъ ему вышиваютъ что-то: какъ потихоньку отъ него заучиваютъ двѣ малютки поздравительные стихи, завернись въ классной... И вотъ наступаетъ наконецъ жданное утро и молодая хозяйка, веселая, сіяющая, идетъ первая поздравить мужа и подкравшись съ букетомъ къ двери его кабинета тихонько отворачиваетъ портьеру и смотритъ что дѣлаетъ мужъ и ждетъ его радостнаго отвѣта на ея сердечное поздравленіе.

Разливъ рѣки Миссисипи.

(Рис. на стр. 492).

Теченіе Миссисипи очень быстрое, особенно въ верхней части, задерживается громадными плавающими массами де-

ревьевъ, иногда образующими даже цѣлый островокъ или полуостровъ, измѣняющими ея теченіе и заставляющими ее прокладывать себѣ новые пути. Кромѣ того Миссисипи подвергается частымъ періодическимъ разливамъ, изъ которыхъ одни случаются вслѣдствіе осеннихъ дождей и продолжаются цѣлую зиму а другіе вызываются таяніемъ снѣга и достигаютъ своего максимума весною. Во время подобныхъ разливовъ воды Миссисипи выступаютъ изъ береговъ и покрываютъ собою огромныя пространства материка, особенно въ низменныхъ мѣстностяхъ, несмотря на устроенныя здѣсь высокія береговыя насыпи.

Нынѣшнею весною, въ началѣ апрѣля „царь рѣкъ", какъ называютъ Миссисипи, проявилъ въ ужасныхъ размѣрахъ свою разрушительную дѣятельность. Небывалый разливъ нынѣшняго года разорилъ и сдѣлалъ несчастными сотни тысячъ людей. Сильные продолжительные дожди подняли рѣку необычайно и южные штаты сильно пострадали. Изъ Каиро на южной границѣ штата Иллинойсъ, гдѣ рѣка Огіо впадаетъ въ Миссисипи, до устья этой послѣдней у Мексиканскаго залива, на пространствѣ болѣе 1,000 миль выступила рѣка изъ своего обычнаго русла на 2 и на 3 мили въ стороны, разрушая и перенося чрезъ плотины въ 20 и 40 футовъ вышиною. Мѣстами вода разливалась въ стороны отъ 70 до 300 англійск. миль, затопляя и разрушая по пути дома, фермы, поселенія, унося домашній скотъ, мебель, дрова, крыши и заборы. Посѣвы въ этой плодороднѣйшей странѣ по большей части совсѣмъ уничтожены и смыты. Тысячи и сотни тысячъ людей потеряли все что имѣли — жилище, пищу, одежду; особенно пострадало негритянское населеніе въ плантаторскихъ штатахъ. Маисъ и хлопчатникъ, которые въ этой плодородной странѣ давали богатѣйшіе урожаи, вездѣ пропали и цѣна на хлопчатую бумагу уже сильно повысилась. Также сильно пострадали плантаціи сахарнаго тростника, размытые разливомъ на значительномъ пространствѣ. Конгрессъ уже постановилъ выдать помощь пострадавшимъ въ количествѣ 300,000 долларовъ и на эти деньги уже закупаются коммисарами необходимые припасы. Большія суда, шлюбки, лодки и пароходы дѣятельно объѣзжаютъ всѣ пострадавшія мѣста, одѣляя несчастныхъ пищей и платьемъ. Широкая частная благотворительность также идетъ на помощь правительству. Исправленіе и возстановленіе разрушенныхъ плотинъ обойдется не менѣе 20 милліоновъ долларовъ. Рисунокъ нашъ изображаетъ безпредѣльную даль разлившейся рѣки и огромный пароходъ, спѣшащій на помощь погорѣвшимъ, которыхъ такъ много теперь на опустѣвшихъ берегахъ Миссисипи.

Валаамъ и Коневецъ.

(Рис. на стр. 496 и 497).

Какъ разъ въ настоящее время, около недѣли Всѣхъ Святыхъ, на пристаняхъ Ладожскихъ пароходовъ, ежегодно замѣчается особенное движеніе, особенный наплывъ пассажировъ. Публика преимущественно „сѣрая"—старушки, сѣрые странники, мелкіе купцы, мѣщане, отставные унтеръ-офицеры,—кое гдѣ мелькнетъ росписная шаль необъятной купчихи, или полосатый плэдъ художника-туриста. Это все сѣверные паломники, пилигримы, направляющіеся въ недѣлю всѣхъ святыхъ въ Коневецкій и Валаамскій монастыри, на поклоненіе святынямъ Ладожскаго озера.

Мы уже имѣли случай въ 30 и 31 №№ „Нивы" 1878 года очертить состояніе ладожскихъ обителей и самый способъ сообщенія съ ними. Нынѣ, давая рядъ прекрасныхъ видовъ этихъ мѣстъ, мы хотимъ въ общихъ чертахъ напомнить читателямъ — какія чудныя картины даетъ намъ сѣверная природа на этихъ дикихъ островахъ.

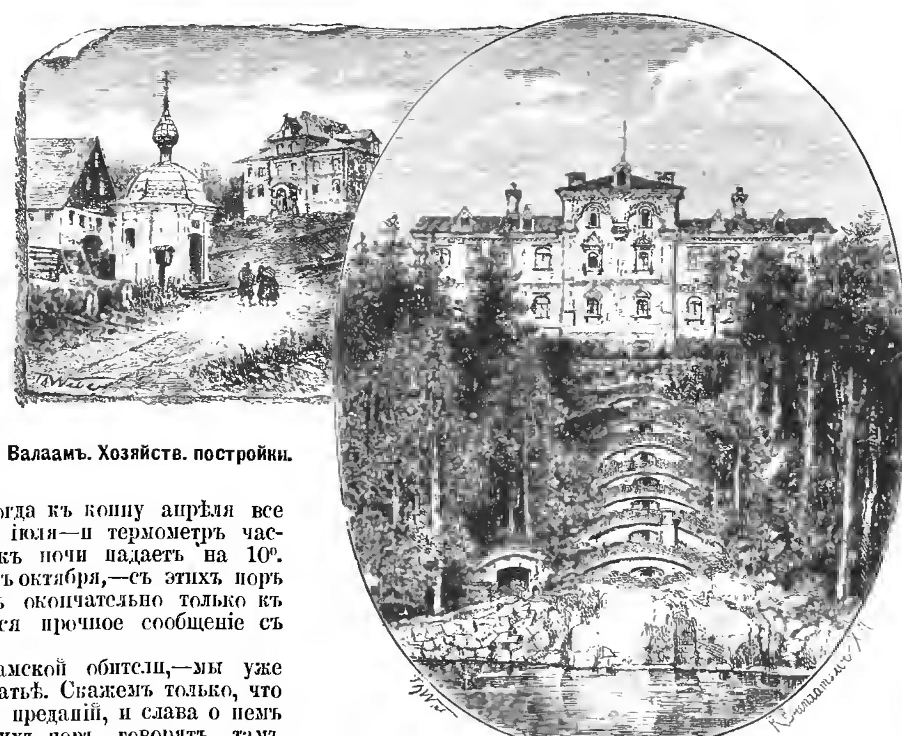
Конь-Камень на остр. Коневцѣ на Ладожскомъ Озерѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Островъ Валаамъ по красотѣ своей можетъ быть причисленъ къ прелестнѣйшимъ въ мірѣ мѣстностямъ. Мощная, грандіозная природа развернулась здѣсь во всей мрачной, сѣверной красотѣ. Представляя собой архипелагъ въ сорокъ островъ, онъ имѣетъ въ окружности всего какихъ нибудь тридцать вер. Мрачными, гигантскими, отвѣсными стѣнами поднимаются изъ воды гранитные кряжи, прикрытые мохомъ, вѣнчанные громаднымъ дикимъ лѣсомъ. Свѣтлыя, прозрачныя волны *Нево* (Ладожскаго озера) бьются о камни и приносятъ суда прямо къ берегу, такъ какъ глубина воды у самыхъ пристаней поразительна: 10—40 саженъ,—а въ четверти версты отъ берега глубина достигаетъ уже ста саженъ. Множество заливовъ представляютъ чудесныя гавани, защищенныя совершенно отъ озера и вѣтра, такъ что во время самыхъ сильныхъ бурь здѣсь бываетъ только легкая рябь...

Лѣсъ на Валаамѣ преимущественно хвойный: сосна, ель; но конечно есть и береза, и рябина, и черемуха, и кленъ, и калина, и жимолость и можжевельникъ. За послѣднее время пре-

восходно принялись тамъ дубы и липы, а въ разсадникахъ ростутъ даже каштаны, пихты, кедры, бальзамическій и серебристый тополь, вязъ, лѣсной орѣхъ. Огороды процвѣтаютъ въ полномъ смыслѣ слова: овощей родится достаточно не только для монашествующей братіи, но и для раздачи окрестнымъ обывателямъ. Не ограничиваясь морковью, картофелемъ, огурцами, капустой и проч., монахи разводятъ даже дыни и арбузы,

Не забыты на островѣ и плодовыя деревья: шпанскія вишни, смородина, крыжовникъ, сливы, груши, дули—все это здѣсь родится превосходно. Яблоки ростутъ всевозможныхъ сортовъ и въ громадномъ количествѣ...



Валаамъ. Хозяйств. постройки.

Валаамъ. Мастерскія и погреба.

Весна здѣсь начинается только въ половинѣ апрѣля, хотя до средины мая встрѣчаются въ низкихъ мѣстахъ залежи снѣга. На озерѣ же льдины плаваютъ даже въ іюнѣ. Зелень появляется только въ концѣ мая, за исключеніемъ конечно такихъ годовъ какъ нынѣшній, когда къ концу апрѣля все уже зеленѣло. Жары начинаются здѣсь съ іюля—и термометръ частенько подымается въ тѣни на 25°, а къ ночи падаетъ на 10°. Снѣгъ начинаетъ падать съ первыхъ чиселъ октября,—съ этихъ поръ начинаются и морозы. Вода же замерзаетъ окончательно только къ половинѣ февраля — когда устанавливается прочное сообщеніе съ берегами.

Мы не будемъ касаться исторіи Валаамской обители,—мы уже говорили объ этомъ въ указанной выше статьѣ. Скажемъ только, что о Валаамѣ дошло до насъ много темныхъ преданій, и слава о немъ гремѣла еще въ глубокую старину. До сихъ поръ, говорятъ, тамъ встрѣчаются памятники номадовъ съ какими-то знаками, которые недоступны пониманію монаховъ. Но оставивъ въ сторонѣ такую древность, можно положительно сказать, что Валаамъ былъ во времена оны спорной областью между древними обитателями Руси и ея сѣверными врагами. Здѣсь былъ алтарь (капище) Велеса и Перуна, и къ нему стекались окрестные жители для жертвоприношеній: несомнѣнно, что красивая мѣстность привлекала сюда жрецовъ, старавшихся дѣйствовать на воображеніе язычниковъ. Потомъ преданіе указываетъ на то, будто бы апостолъ Андрей, бывшій въ предѣлахъ Новгородскихъ, добрался до Валаама, и благословивъ горы каменнымъ крестомъ, истребилъ языческія капища.

Собственно основателями валаамской обители почитаются иноки Сергій и Германъ, мощи которыхъ, въ дорогихъ ракахъ, лежатъ въ монастырѣ и пользуются большимъ почетомъ въ средѣ богомольцевъ. Вообще же монастырь и иноки пользуются здѣсь особеннымъ уваженіемъ за свой строгій уставъ. Много замѣчательныхъ подвижниковъ вышло изъ него,—людей съ глубокой силой вѣры и убѣжденій, часто въ высшей степени ори-

Видъ монастыря.

Коневецкій Монастырь.

Валаамъ. Скитъ Св. Николая.

гинальныхъ. Такъ въ началѣ настоящаго столѣтія жилъ тамъ іеромонахъ Евѳимій изъ дворянъ, самоуничиженіе котораго достигало того, что онъ земнымъ поклономъ привѣтствовалъ каждаго встрѣчнаго, и не считалъ себя достойнымъ совершать литургію и причащаться въ алтарѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ былъ въ монастырѣ инокъ Мельхиседекъ, который тридцать пять лѣтъ страдалъ ревматическими страшными болями, и когда ему присылали нужную мазь, говорилъ:

— Знаю, что очень полезно это лекарство,—я весьма болю, тѣло проситъ пособія, но не дамъ ему, не дамъ: пусть терпитъ, пусть терпитъ,—пусть учится терпѣть...

Читатели найдутъ въ этомъ номерѣ рисунки разныхъ монастырскихъ зданій и пристроекъ, начиная отъ главнаго общаго вида стараго зданія монастыря и кончая маленькими побережными часовнями. Ничего особенно рѣзкаго и замѣчательнаго внутри ихъ нѣтъ, и они гораздо красивѣе снаружи, особенно часовня святителя Николая, на Крестовомъ островѣ, сдѣланная по чертежамъ покойнаго архитектора Горностаева... Вообще природа Валаама несомнѣнно привлекательнѣе зданій, подчасъ очень неуклюжихъ. Идиллія лѣсныхъ чащъ до сихъ поръ тамъ такова, что олени и лисицы, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ человѣка, спокойно подпускаютъ его къ себѣ...

Но несравненно бѣднѣе природа Коневецкаго острова, служащаго станціей пароходнаго сообщенія между Петербургомъ и Валаамомъ. Видъ Рождественскаго монастыря, приложенный въ этомъ номерѣ — чуть ли не единственный красивый видъ на островѣ, все остальное—плоско, безцвѣтно, сѣро. Обитель несравненно бѣднѣе Валаамской. Бѣднѣе и растительность. Самой интересной прогулкой на Коневцѣ является посѣщеніе такъ называемаго „Конь-камня“, видъ котораго тоже помѣщенъ въ этомъ № „Нивы“, и появляется еще первый разъ въ печати. Это тотъ самый „Конь-камень“, отъ котораго нѣкогда островъ получилъ свое названіе. Преданіе говоритъ, что эта семисаженная гранитная глыба была когда-то мѣстопребываніемъ злаго духа, который пожиралъ лошадей приносимыхъ ему въ жертву. Когда преподобный Арсеній поселился на островѣ, онъ рѣшился изгнать языческаго бога. Прочитавъ заклинаніе, онъ окропилъ валунъ св. водою, нечистые духи вырвались съ крикомъ оттуда, въ видѣ вороновъ и полетѣли на сѣверъ, къ финляндскому берегу и опустились въ заливъ, который съ тѣхъ поръ называется Чертовой Лахтой. Другіе говорятъ, что названіе Конь-камня произошло просто оттого, что валунъ формой похожъ на лошадиный черепъ. Какъ бы то ни было, теперь на камнѣ воздвигнута часовня, и каждый туристъ считаетъ необходимымъ посѣтить ее. Съ одного боку гласитъ надпись, что великій князь Константинъ Николаевичъ, въ бытность свою на Коневцѣ срисовалъ Конь-Камень себѣ на память. Видъ его среди густаго соснового лѣса дѣйствительно живописенъ.

Электрическая комнатная лампа.

Неутомимый Эдиссонъ по части электрическаго освѣщенія рѣшилъ еще одну чрезвычайно важную и трудную задачу. Онъ вводитъ электрическое освѣщеніе въ домашнее употребленіе. Новая лампа Эдиссона всецѣло перенесена и къ намъ, въ Петербургъ, „Обществомъ эдиссоновскаго электрическаго освѣщенія“. Отъ петербуржцевъ будетъ зависѣть ея распространеніе, которое дѣлаютъ весьма желательнымъ успѣшные опыты, производившіеся въ первыхъ числахъ сего апрѣля въ правленіи „общества страхованія капиталовъ и доходовъ“, у Поцѣлуева моста. Общество это намѣрено устроить необходимыя приспособленія и тогда желающіе будутъ въ состояніи воспользоваться дешевымъ и удобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ электрическимъ освѣщеніемъ. Каждая маленькая лампа будетъ стоить, по абонементной платѣ, 20 рублей въ годъ.

Всеобщее вниманіе обращала на себя, на прошлогодней парижской международной электрической выставкѣ, электрическая лампочка, предназначенная для примѣненія этого освѣщенія къ домашнимъ потребностямъ. Устройство ея весьма несложно. Свѣтъ получается отъ раскаливанія добѣла растительнаго проводника, по которому пробѣгаетъ электрическій токъ. Долго производя опыты надъ различными проводниками, Эдиссонъ остановился именно на растительномъ проводникѣ, избравъ для этого тончайшія волокна бамбука, обугленныя особымъ способомъ. Волокнамъ этимъ онъ придалъ, сгибая и сжимая сильнымъ прессомъ, видъ дугообразный. Каждая лампа состоитъ изъ согнутаго, такимъ образомъ обугленнаго бамбука, къ обоимъ концамъ котораго проведены платиновыя проволоки; но послѣднимъ проходитъ электрическій токъ. Всѣ эти части лампы заключены въ стеклянномъ шарѣ, грушевидной формы. Нижнее отверстіе шара плотно закупорено гипсовой втулкой, снабженной двумя мѣдными кольцами. Черезъ посредство этихъ колецъ, платиновыя проволоки собственно и сообщаются съ внѣшнимъ токомъ. Въ виду нѣкоторыхъ приспособленій, сдѣланныхъ на нижней части лампы, она можетъ быть навинчиваема на предназначенные для нея постаменты. Горѣніе и свѣтъ происходятъ въ безвоздушномъ пространствѣ.

Самое приготовленіе ламп (по 1000 штукъ сразу, машиннымъ способомъ) весьма интересно. Шаръ наполняется ртутью, затѣмъ туда вставляется упругая дуга бамбуковаго угля и выпустивъ ртуть мгновенно заключаютъ снизу стеклянный шаръ, отчего образуется въ немъ безвоздушное пространство. Такая лампа можетъ горѣть 1000 часовъ, но уже дѣлаются новыя примѣненія довести ее до 2000 часовъ. На нашемъ рисункѣ лампа показана въ половину натуральной величины. Въ разныхъ заведеніяхъ Петербурга будутъ вскорѣ такія лампы и зажигаліе пока, до правильной канализаціи, будетъ производиться посредствомъ переносныхъ электрическихъ резервуаровъ, смѣняемыхъ ежедневно. На дняхъ въ ресторанѣ Лежена (у Полиц. моста) будутъ поставлены такія лампы.

Комнатная лампа Эдиссона.

Много, весьма неблагопріятнаго для нынѣшнихъ способовъ освѣщенія вообще, было высказано на парижской выставкѣ. Искусно показывалъ ее, зажигалъ, гасилъ, усиливалъ и ослаблялъ свѣтъ, американецъ, агентъ Эдиссона. Собиравшаяся публика, описывала въ разговорѣ съ нимъ и между собою, всѣ неудобства масляныхъ, керосиновыхъ лампъ, свѣчей и проч. Тутъ и порча воздуха, и непостоянство свѣта, и опасность произвести пожаръ, и страхъ взрыва... Говорилось все это по поводу того, что электрическая лампа Эдиссона не представляетъ собою ни одного изъ этихъ неудобствъ и непріятностей.

Такъ какъ горѣніе или накаливаніе до-бѣла бамбуковыхъ волоконъ происходитъ въ безвоздушномъ пространствѣ, внутри стеклянпаго грушевиднаго сосуда, то порчи воздуха совсѣмъ произойти не можетъ. Понятно, какую огромную важность это представляетъ. Вспомнимъ о рабочихъ, трудящихся въ душныхъ помѣщеніяхъ, воздухъ которыхъ крайне быстро и сильно портится, отъ газоваго напримѣръ, освѣщенія. Электрическая лампа даетъ ровный, постоянный, желтоватый, пріятный для глазъ свѣтъ. Она не представляетъ и опасности пожара. Стекло шара нагрѣвается слабо и, потому не можетъ зажечь окружающіе предметы; проволоки также не въ состояніи создать подобную опасность. Эдиссонова лампа не грозитъ и взрывомъ; въ случаѣ проникновенія воздуха въ лампу, если-бъ разбилось стекло, она тотчасъ-же тухнетъ и, слѣдовательно, даже и тутъ не представляетъ никакой опасности. Словомъ, новая лампа Эдиссона является такимъ изобрѣтеніемъ, возможно широкое распространеніе котораго, въ виду огромныхъ представляемыхъ ею преимуществъ, передъ всѣми остальными способами освѣщенія, несомнѣнно.

Но безъ системы канализаціи она не могла-бы получить примѣненіе къ домашнимъ потребностямъ. Необходимы машины для производства электрическаго тока, необходимы проволочныя сѣти, которыя проходили-бы по улицамъ и проникали въ дома лицъ, желающихъ воспользоваться электрическимъ освѣщеніемъ. Изобрѣтательный американецъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи все, что нужно. На электрической выставкѣ въ Парижѣ можно было видѣть проэктируемый имъ способъ канализаціи, устраняющій всѣ возможныя неудобства. Проволоки проводятся такъ, что отъ частичнаго разрыва не прерывается общій ходъ освѣщенія. Далѣе, благодаря особому, изобрѣтенному

имъ, регулятору, проводники никогда не могутъ нагрѣваться до такой степени, чтобы зажигать окружающіе предметы. Кромѣ того, не удовольствовавшись той гарантіей противъ опасности, которую представляетъ этотъ регуляторъ, Эдиссонъ снабдилъ всѣ приводы предохранительными свинцовыми проволоками; въ случаѣ сильнаго возвышенія температуры, послѣднія расплавились-бы и токъ самъ собою тотчасъ-бы прервался, чѣмъ устраняется всякая опасност

Письма о здоровьи.

Оспа.

Очеркъ **Н.**

Оспа — одна изъ тѣхъ распространенныхъ болѣзней, которыя уносятъ въ могилу не мало жертвъ во всѣхъ странахъ. Наше отечество представляетъ собою, также обширное поле для ея опустошеній. Тяжкая сама по себѣ, часто оканчивающаяся смертью, болѣзнь эта всюду и легко свиваетъ себѣ гнѣздо.

Всякое зло можетъ быть устранено только тогда, когда съ нимъ, такъ сказать, коротко ознакомились, когда извѣстно, откуда и какъ оно начинается, какія условія благопріятствуютъ его развитію и какія можно ставить ему, болѣе или менѣе непреодолимыя, преграды.

Займемся практическими вопросами — условіями распространенія этой болѣзни и мѣрами, которыя принимаются противъ нея.

Можно съ увѣренностію сказать, что оспа распространяется черезъ посредство зараженія. Отъ одного больнаго она переходитъ къ другому, отъ другаго къ третьему и такъ далѣе, захватывая иногда, такимъ образомъ, большое число людей. Страны, въ которыя не попадаетъ больной оспою, не знаютъ ея. Наоборотъ, города, деревни, мѣстечки, въ которыхъ свирѣпствуетъ эпидемія, получаютъ ее именно этимъ путемъ. Явился извнѣ оспенный больной и—зараза распространилась. Въ 1875 г. оспа свирѣпствовала въ Ліонѣ, въ продолженіи трехъ лѣтъ, унеся съ собою около пятисотъ жертвъ. Началась она съ такою силой, послѣ десяти мѣсяцевъ, впродолженіи которыхъ не было ни одного случая оспеннаго заболѣванія. Пришелъ изъ Макона въ Ліонъ, гдѣ свирѣпствовала эпидемія, солдатъ, тотчасъ-же и заболѣвшій оспою. Очевидно, онъ заразился ею въ Маконѣ. Помѣщенный въ госпиталь, онъ умеръ, передавъ заразу двадцати пяти человѣкамъ больничной прислуги и лицъ, находившихся здѣсь на излеченіи. Четверо изъ нихъ скоро умерли. Затѣмъ, оспа обнаружилась сначала въ сосѣднихъ съ госпиталемъ домахъ, а потомъ охватила всю эту часть. Виновникомъ, очевидно, былъ этотъ солдатъ, пришедшій изъ зараженной мѣстности и перенесшій болѣзнь въ Ліонъ.

Такихъ примѣровъ множество и всѣ они доказываютъ что оспа переносится изъ одного мѣста въ другое, распространяясь въ послѣднемъ отъ одного больнаго по всѣмъ направленіямъ. Въ данномъ случаѣ, болѣзнь не ограничилась госпиталемъ, въ который попалъ зараженный солдатъ, но охватила весь городъ, распространилась и за предѣлы его, по сосѣднимъ городамъ. Посѣтители больныхъ заражались сами и выносили заразу за предѣлы госпиталя.

Зараженіе оспою происходитъ очень легко; непосредственное прикосновеніе къ больному, пребываніе съ нимъ въ одной комнатѣ, сосѣдство больнаго въ школѣ или гдѣ-либо,—все это можетъ послужить къ передачѣ заразы. Бѣлье больнаго и всѣ тѣ предметы, къ которымъ онъ прикасался, точно также могутъ повлечь за собою заболѣваніе. Съ особенною-же легкостью происходитъ зараженіе отъ выздоравливающихъ оспенныхъ больныхъ. Извѣстно, что подобное явленіе замѣчается и со многими другими болѣзнями заразительнаго свойства.

Итакъ, изъ сказаннаго слѣдуетъ, что оспа распространяется черезъ зараженіе, получаемое или отъ самого больнаго, или отъ предмета, къ которому онъ прикасался. Понятно вслѣдствіе этого, что есть полная возможность обезопасить себя отъ подобнаго страшнаго заболѣванія. И дѣйствительно, по словамъ французскаго доктора Лорэна, „оспа—одна изъ тѣхъ болѣзней, которыхъ можно избѣжать, но которыя поддерживаются единственно безпечностью людей“.

Условія распространенія болѣзни указываютъ уже и на способы борьбы съ нею. Оспенный больной долженъ быть, прежде всего, удаленъ отъ другихъ; комната, въ которой онъ жилъ, его платье и прочіе предметы, къ которымъ онъ прикасался, должны быть подвергнуты дезинфекціи (очищенію отъ заразы) извѣстными способами и средствами. Въ этихъ видахъ необходимо немедленное увѣдомленіе санитарныхъ властей о каждомъ заболѣваніи. Только при такихъ условіяхъ зараза можетъ прекратиться въ самомъ началѣ.

Переданный на попеченіе доктора больной долженъ быть удаленъ, уединенъ отъ другихъ. Общая больница не можетъ, понятно, послужить для такой цѣли. Зараза легко можетъ быть передана здѣсь другимъ больнымъ. Полнѣйшую безопасность въ этомъ отношеніи можетъ представить только спеціальная оспенная больница, находящаяся на значительномъ разстояніи отъ всякаго другаго жилья. Это признано въ настоящее время всѣми гигіенистами, причемъ разстояніе больницы отъ жилыхъ построекъ должно простираться, какъ думаютъ многіе, по крайней мѣрѣ, саженъ на пятьдесятъ.

Къ сожалѣнію, далеко не вездѣ имѣются подобныя спеціальныя больницы, дѣлающія невозможнымъ дальнѣйшее распространеніе заразительной болѣзни. Между городами, обладающими такими учрежденіями, можно назвать Нью-Іоркъ, котораго оспенная больница, такъ называемая Small-pox-hospital, расположена на пустынномъ островѣ Блэквелѣ, Лондонъ, имѣющій не менѣе шести такихъ госпиталей, Гласгоу, Вѣну, Неаполь, Миланъ, Филадельфію, Чикаго и т. д. Необходимо прибавить къ этому, что собраніе большаго числа больныхъ въ одномъ мѣстѣ вовсе не увеличиваетъ цифры смертности между ними.

За неимѣніемъ спеціальныхъ больницъ, большую пользу могутъ принести, во время эпидеміи, временные бараки, сожигаемые тотчасъ по миновавіи ея. Такъ дѣлаютъ, по крайней мѣрѣ, американцы.

Понятно, что для полнаго изолированія больнаго отъ здоровыхъ, впускъ въ больницу здоровыхъ долженъ быть запрещенъ. Такимъ образомъ, въ американскихъ и англійскихъ оспенныхъ госпиталяхъ, друзья и родственники больныхъ не допускаются далѣе швейцарской. Здѣсь ихъ извѣщаютъ о состояніи больныхъ, здѣсь оставляютъ и вещи, предназначенныя для нихъ. Выздоравливающіе выпускаются не раньше какъ спустя тридцать пять дней послѣ исчезновенія сыпи, и послѣ нѣсколькихъ продолжительныхъ ваннъ. Необходима строжайшая дезинфекція платья всѣхъ лицъ, выходящихъ изъ больницы. Такимъ образомъ, въ Чикаго, врачи, во избѣжаніе перенесенія заразы за предѣлы больницы, надѣваютъ, во время посѣщеній ея, поверхъ своего платья, еще длинное каучуковое платье.

Обыкновенный способъ очищенія отъ заразы, употребляемый въ Нью-Іоркѣ, весьма несложенъ. Двери, окна, камины дезинфекцируемой комнаты плотно закупориваются; затѣмъ, здѣсь ставится котелокъ, содержащій въ себѣ извѣстное количество сѣры и подогрѣваемый снизу спиртовой лампой. Сѣрные пары, образующіеся при этомъ, окончательно уничтожаютъ заразу, по прошествіи шестнадцати часовъ, и комната становится вполнѣ безопасной.

Полная безопасность противъ распространенія заразы достигается перенесеніемъ оспеннаго больнаго въ спеціальную больницу и дезинфекціей помѣщенія.

Какія-же мѣры должны быть принимаемы противъ распространенія заразы, которой впервые подвергся бы состоятельный человѣкъ, не имѣющій нужды въ больничномъ уходѣ, но пользующійся домашнимъ?

Въ этомъ случаѣ, необходимо дать знать другимъ, что въ извѣстномъ домѣ находится заразный больной. Подобное увѣдомленіе можно сдѣлать простой запиской на дверяхъ: „оспа“, Такъ дѣлается въ Швейцаріи, Амстердамѣ, Чикаго и даже въ Іокогамѣ (въ Японіи). Обитатели этого дома должны прекратить всякія сношенія съ другими. Въ Аѳинахъ и другихъ греческихъ городахъ за этимъ устанавливается особое наблюденіе. Въ Женевѣ санитарныя правила предписываютъ строжайшее уединеніе обитателей дома, подвергшагося заразѣ. На дверяхъ его, какъ сказано, вывѣшивается соотвѣтствующая записка и жители только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ приходятъ въ соприкосновеніе съ другими. Дѣти перестаютъ посѣщать школу, взрослые прекращаютъ свои стороннія занятія. И такъ до тѣхъ поръ, пока врачъ не удостовѣритъ, что больной не въ состояніи болѣе передать заразу другимъ.

Въ Нью-Іоркѣ, центральное санитарное бюро соединено телеграфными проволоками со всѣми частями города. Коль скоро гдѣ-либо оказался оспенный больной, онъ тотчасъ-же перевозится въ особой каретѣ въ бесѣдку на берегу Эста, откуда пароходъ доставляетъ его на островъ Блэквель, въ оспенный госпиталь, откуда его не выпускаютъ до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ всякая опасность передачи заразы. Платье его или сожигается или тщательно дезинфекцируется, съ помощію сѣрнистой кислоты.

Нѣтъ надобности доказывать права общества подвергать подобному, нѣкоторымъ образомъ, насилію зараженнаго оспою человѣка. Гибельныя послѣдствія, могущія произойти въ противномъ случаѣ, даютъ такое право.

Въ Америкѣ дѣло это поставлено лучше нежели гдѣ-либо. Огромная важность его заставляетъ желать точно такой-же постановки его и во всѣхъ другихъ странахъ. Отсутствіе безпечности и — заразительная болѣзнь теряетъ свое гибельное значеніе.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть объ оспопрививаніи. Давно уже этой операціи приписывается свойство предотвращать оспенное зараженіе для человѣка, которому привита эта болѣзнь. Послѣдній считается безопаснымъ отъ оспы даже при

самомъ близкомъ соприкосновеніи съ больнымъ. И въ виду такого значенія, оспопрививаніе сдѣлано обязательнымъ во многихъ странахъ. Однако, разъ произведенное оспопрививаніе не навсегда дѣйствительно. Необходимо, какъ думаютъ многіе врачи, возобновлять его по временамъ, приблизительно, черезъ семь или десять лѣтъ, для полнаго обезопасенія себя противъ оспеннаго заболѣванія.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобная мѣра установилась недаромъ. Продолжительный опытъ привелъ къ ней и широко распространилъ. И мы такъ сжились съ нею, что не можемъ иначе какъ съ изумленіемъ относиться къ врачамъ, возстающимъ противъ оспопрививанія. Между тѣмъ, такіе врачи существуютъ и число ихъ постепенно все увеличивается. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ Германіи состоялся даже съѣздъ противниковъ оспопрививанія—настолько число ихъ увеличилось. Многіе, указывали на то, что черезъ оспопрививаніе распространяются нѣкоторыя другія страшныя заразительныя болѣзни, напримѣръ, сифилисъ, если матерія взята отъ зараженнаго больнаго, доказывали недѣйствительность оспопрививанія, какъ мѣры противъ оспеннаго зараженія...

Трудно говорить, въ виду такого возраженія, противъ общепризнанной мѣры. Можно сказать только относительно перваго пункта возраженія, что оспенная матерія должна быть заимствуема осмотрительно, не прежде какъ по тщательномъ осмотрѣ лица, отъ котораго берутъ ее, и по удостовѣреніи въ его совершенно здоровомъ состояніи.

Политическое обозрѣніе.

Болгарія.—Порта и Египетъ.—Гладстонъ.—Гамбетта.—Разсказы о смерти Императорскаго принца.—Японія и Китай.

Какъ бы ни были хороши отношенія русскихъ офицеровъ въ Болгаріи лично къ князю Александру—тѣмъ не менѣе въ настоящую минуту тамъ что-то, въ ихъ сношеніяхъ съ остальнымъ болгарскимъ міромъ, ихъ окружающимъ, не совсѣмъ клеится. Русскій генералъ Крыловъ, бывшій военный министръ княжества, вышелъ изъ болгарской службы и тотчасъ же, какъ сообщаютъ изъ Софіи, почти всѣ русскіе офицеры выразили желаніе удалиться вслѣдъ за нимъ. Временный преемникъ Крылова, генералъ Лѣсовой издалъ приказъ, воспрещающій офицерамъ принимать участіе въ демонстраціяхъ и празднествахъ, имѣющихъ агитаціонный характеръ. Военнымъ министромъ Болгаріи назначенъ русскій генералъ, баронъ Каульбарсъ.

Герцеговинцы продолжаютъ свое дѣло; Любовичъ, глава одной изъ старѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилій въ Босніи, присоединился къ инсургентамъ съ отрядомъ во 100 ч.; недавно онъ напалъ на австрійскій отрядъ, у котораго отбилъ провіантъ.

Порта въ хлопотахъ: англо-французскій флотъ уже прибылъ къ Александріи и турецкое правительство выступило немедленно же съ заявленіемъ противъ этого акта соединившихся державъ. Правительство султана настаиваетъ въ оффиціальной нотѣ на верховныхъ правахъ Турціи на Египетъ; этихъ правъ никто не оспариваетъ, но англійскіе и французскіе броненосцы все-таки стоятъ въ „египетскихъ водахъ"; увѣряютъ, впрочемъ, будто Портѣ объявлено, что дессанта не будетъ сдѣлано, а если понадобились бы войска, то обратились бы къ султану. Араби-Паша являлся уже къ хедиву съ своими товарищами и (съ цѣлованіемъ руки) выразили почтительную готовность служить его высочеству, но Тевфикъ-Паша, вспомнивъ вѣроятно что еще такъ недавно предъ тѣмъ эти же люди хотѣли низвести его съ трона, принялъ ихъ холодно, а чрезъ нѣсколько времени появилось извѣстіе о томъ, что Араби-Паша получилъ отпускъ въ Европу; это, кажется, совершенно совпадаетъ съ желаніемъ Англіи и Франціи, которыя объявили, что явились для того только, чтобы укрѣпить власть хедива. Значитъ, не будетъ въ Египтѣ національнаго правленія...

Положеніе министерства Гладстона, вновь, говорятъ, не совсѣмъ прочно. И вотъ причина. Оказывается, что желая устроить какой нибудь порядокъ въ Ирландіи, оно вошло въ тайныя соглашенія съ Парнелемъ относительно уступокъ, на которыхъ можно было бы сойдтись. Обстоятельство это сдѣлалось извѣстнымъ и повело къ преніямъ въ Палатѣ Общинъ. Первый министръ не отрицалъ, что освобожденію Парнеля, Диллона и О'Келли предшествовалъ нѣкоторый обмѣнъ мыслей, въ формѣ частной переписки, но въ то же время онъ утверждалъ, что никакихъ обязательствъ между министерствомъ и ирландскими депутатами не существуетъ; отъ Гладстона потребовали, чтобы онъ прочелъ эту переписку, но онъ отказался; Парнель, находившійся въ засѣданіи, заявилъ, что по отношенію къ нему лично, все дѣло ограничилось письмомъ, которое онъ написалъ одному депутату и въ которомъ онъ излагалъ свои соображенія относительно способовъ къ устройству порядка въ Ирландіи; онъ и прочелъ это письмо, но—тутъ вмѣшался Форстеръ (бывшій министръ по ирландскимъ дѣламъ) и спросилъ—прочтено ли это письмо безъ пропусковъ и когда Парнелль отвѣчалъ, что, можетъ быть, какіе нибудь пропуски и есть, такъ какъ онъ не помнитъ, не имѣя въ рукахъ оригинала,—то Форстеръ сообщилъ копію съ письма Парнелля, причемъ смыслъ фразы, выпущенной Парнеллемъ, былъ тотъ, что еслибы министры приняли предложенія ирландскихъ депутатовъ, то они, въ свою очередь, помогли бы министерству въ проведеніи либеральныхъ реформъ. Форстеръ выказалъ тутъ себя противникомъ Гладстоновскаго кабинета. Ирландскіе феніи, или та часть ихъ, которая солидарна съ убіеніемъ Кэвендиша и Борка, приговорили Парнеля къ смерти. Убійцы Кэвендиша и Борка не найдены и теперь едва ли надѣются найдти ихъ.

Во Франціи пересматривается законъ о воинской повинности; предсѣдателемъ комиссіи парламентской, занимающейся этимъ вопросомъ, избранъ Гамбетта; проектовъ, собственно, два, изъ которыхъ одинъ—военнаго министра—поддерживаетъ разныя льготы отъ повинности, льготы, которыми могутъ воспользоваться немногіе, а другой, предложенный Гамбеттой, требуетъ совершеннаго равенства для всѣхъ и притомъ увеличиваетъ значительно и самую численность арміи, проектъ этотъ пользуется всеобщимъ сочувствіемъ. нельзя пройдти молчаніемъ исторію, которую недавно разсказывали относительно смерти императорскаго принца: газ. „Weenly chronicle" передаетъ, что одинъ изъ комунаровъ, недавно умершій, открылъ на своемъ смертномъ одрѣ тайну убіенія принца въ странѣ Зулусовъ: комунистъ Филиппъ Барре бѣжалъ въ Лондонъ и вступилъ тамъ въ члены тайнаго общества, которое постановило убить принца; съ тремя товарищами, (въ числѣ которыхъ были Топнелэ и Галусскій), Барре отправился въ экспедицію въ качествѣ художника; всѣ четверо познакомились съ принцомъ и во время одной изъ рекогносцировокъ застрѣлили его, кафра, который сопровождалъ комунаровъ, они тоже убили; Топнелэ и Галусскій, нѣсколько недѣль спустя, были тоже убиты, а Барре умеръ въ С. Франциско. Вотъ, что передаетъ газета, но герцогъ Нассано утверждаетъ, что принцъ Луи убитъ Зулусами.

Между Японіей и Китаемъ снова недоразумѣнія, могущія повести къ войнѣ. Японія обратилась къ нашему посредничеству, мы посылаемъ суда въ Тихій океанъ.

Смѣсь,

Цвѣты, найденные на муміяхъ. Обычай украшать цвѣтами тѣла умершихъ, какъ оказывается, чрезвычайно древній. Такъ при недавнемъ открытіи многихъ мумій египетскихъ царей XIX и XX династіи (о чемъ говорилось въ „Нивѣ" № 10) въ скалистыхъ подземельяхъ Дейри и Бихари, найдены въ гробницахъ гирлянды изъ листьевъ и цвѣтовъ, прекрасно сохранившіеся тамъ, благодаря полнѣйшему отсутствію влажности и свѣта. Эта то сохранность какъ листьевъ такъ и цвѣтовъ дала возможность тотчасъ-же сдѣлать ихъ научное опредѣленіе; такъ гирлянды оказались большею частью свитыми изъ листьевъ египетской ивы; цвѣты-же, принадлежавшіе къ тѣмъ-же видамъ, которые до сихъ поръ красуются на равнинахъ Египта а также тропической и Сѣверной Африки какъ напр. Delphinium orientale, употребляющійся до сихъ поръ на всемъ востокѣ для различнаго рода украшеній. Извѣстный ученый путешественникъ Швейнфуртъ бережно собралъ изъ гробницъ Египта образчики древнеегипетской флоры и засушилъ ихъ, смочивъ предварительно алькоголемъ. Такимъ образомъ у него составился въ высшей степени интересный гербарій изъ растеній и цвѣтовъ, которые росли за тридцать пять вѣковъ до нашего времени т. е. въ эпоху болѣе даже отдаленную нежели осада Трои. Но что особенно замѣчательно, это то, что проживъ столько столѣтій на грудахъ царскихъ мумій, эти листья и цвѣты сохранили вполнѣ свѣжесть красокъ; яркость ихъ не поблекла и они кажутся недавно сорванными на какомъ-нибудь полѣ современнаго намъ Египта.

Анекдотъ о Литтре. Нѣкоторые разсказы рисуютъ недавно умершаго французскаго ученаго какъ симпатичнаго человѣка. Такъ передаютъ, что одинъ другъ совѣтовалъ ему разъ отпустить старую, дряхлую служанку по той причинѣ что она уже не въ состояніи выполнять болѣе своей обязанности. „Дѣйствительно, она такъ стара, отвѣчалъ Литтре, что я легко могу обойтись безъ нея, но какъ-же она обойдется безъ меня, когда я теперь нуженъ ей болѣе нежели когда нибудь"? Во время господства коммуны, Литтре находился въ Версали, гдѣ тогда происходили и засѣданія палаты. По окончаніи обязанностей въ Палатѣ у него не оставалось никакого дѣла такъ какъ его библіотека была въ Парижѣ а безъ ея помощи онъ не могъ приняться за какой-нибудь трудъ. Это невольное бездѣйствіе дѣлалось для привычнаго къ труду Литтре болѣе и болѣе невыносимымъ и онъ наконецъ рѣшился искать себѣ какихъ нибудь занятій. Литтре жилъ тогда у своего друга, типографщика Серфа и къ нему-то онъ обратился съ просьбою поручить ему какія-нибудь корректурныя работы и съ этого времени онъ каждое утро приходилъ въ типографію работать до поздней ночи наравнѣ съ другими корректорами. Вскорѣ всѣ типографскія работы уже шли черезъ его руки; онъ провѣрялъ и журналы засѣданій и пренія палатъ и за-

конодательныя работы и конечно, нечего и говорить, что корректура Литтре была тщательная и образцовая.

Масло на морѣ. Подъ этимъ заглавіемъ Вильямъ Чэмберсъ въ издаваемомъ имъ въ Эдинбургѣ еженедѣльномъ журналѣ „Chamber's Journal“ уже нѣсколько лѣтъ помѣщаетъ рядъ статей о дѣйствіи масла на волны морей. Вѣра въ это дѣйствіе существуетъ издавна и еще Франклинъ указывалъ на это.

Въ послѣднихъ нумерахъ журнала находится нѣсколько сообщеній, заслуживающихъ ближайшаго съ ними ознакомленія. И во всякомъ случаѣ, въ отношеніи предохраненія судовъ отъ крушенія, дѣло настолько серьезно, что не лишнее было-бы произвести опыты.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ, я былъ задержанъ дѣлами на островѣ Св. Елены. Ловля китовъ еще дѣятельно велась американцами, и такъ какъ многіе корабли, занятые этой ловлей приставали у Св. Елены, то я имѣлъ возможность видѣть какіе именно корабли употреблялись для ловли китовъ. Вмѣсто новыхъ кораблей, какъ я ожидалъ, я видѣлъ все совершенно старые, уже негодные для другаго дѣла. Такъ напримѣръ одинъ изъ кораблей ушелъ къ Яметстоуну, свезъ туда 400 бочекъ ворвани, запасся провизіей и снова вышелъ на ловлю. Это былъ очень старый корабль, но матросы говорили, что онъ не боится волнъ. Отчего-же происходило это, ужь не обладалъ-ли онъ чуднымъ даромъ усмирять самыя высокія волны? Причина та, что вываривая жиръ въ котлахъ и выбрасывая черезъ бортъ ненужные куски жирнаго китоваго мяса, старый корабль, пропитавшись и самъ жиромъ, былъ защищенъ отъ ударовъ волнъ. Около 28 лѣтъ тому назадъ въ Гобсонскомъ заливѣ присталъ небольшой пароходъ, пришедшій изъ Новаго Лондона въ Соединенные Штаты, тяжело нагруженный и кромѣ того, имѣвшій еще на палубѣ грузъ дерева. Судно это чрезвычайно заинтересовало всѣхъ своими небольшими размѣрами, тяжелымъ грузомъ и тѣмъ что оно совершило невредимо четырехмѣсячный путь, выдержавъ сильную бурю. Капитанъ корабля, человѣкъ опытный, запасся на дорогу масломъ, которое во время бури понемногу выливалось за бортъ. Самыя сильныя волны нагоняли пароходъ но проскальзывали мимо, не нанося ему вреда. И капитанъ завѣрялъ, что благополучнымъ прибытіемъ къ мѣсту судно обязано только тому, что на воду паливали масло.

Слѣдующее письмо капитана Аллисона съ парохода „Loch-Ame“ адресовано капитану Митчелю въ Дунди. „Во время гибели парохода „Loch-Ame“ (въ началѣ января) какъ ни мало мы надѣялись на спасеніе нашей жизни въ оставшейся намъ еще лодкѣ, тѣмъ не менѣе мнѣ пришло въ голову захватить съ собою немного масла, что и было сдѣлано ранѣе чѣмъ спустить лодку. Оставивъ корабль и размѣстившись въ лодкѣ, насъ погнало вѣтромъ, и какъ только мы замѣчали приближающуюся волну, мы выливали за бортъ немного масла. Гребень волны сглаживался тотчасъ по достиженіи масла.“

Всякому кораблю, плывущему въ бурю, слѣдовало-бы выливать за бортъ немного масла или-же вывѣшивать крѣпкіе мѣшки, наполненные паклей и пропитаные масломъ, въ такомъ положеніи, чтобы они при надобности погружались въ воду, это помѣшаетъ волнамъ ударять на палубу и причинять серьезныя повреждения. Я видѣлъ такіе мѣшки у малыхъ судовъ, ведущихъ торговлю рыбою между Ньюфаундлендомъ и Европой и всѣ рыбаки утверждаютъ, что масло употребляется для того, чтобы воспрепятствовать волнамъ разбиваться о судно. Извѣстно, что на далекое разстояніе вокругъ мертваго кита или другого животнаго содержащаго въ себѣ жиръ, плавающаго на водѣ, поверхность ея бываетъ совершенно гладкою, даже и тогда когда море бушуетъ.

Корреспондентъ изъ Марселя пишетъ: я только что прочелъ послѣднюю статью въ вашемъ журналѣ объ употребленіи масла на морѣ. Вы сообщаете, что водолазы въ Средиземномъ морѣ для уровненія волнъ, наливаютъ на воду масло и прибавляете, что это основано только на слухахъ. Интересуясь самъ этимъ вопросомъ сообщаю вамъ достовѣрный фактъ. Провансальцы очень любятъ морскихъ ежей и считаютъ ихъ лакомствомъ. Многіе рыбаки занимаются ихъ ловлей и часто можно видѣть въ бухтахъ ихъ плоскія лодочки. Сидящій рыбакъ перегибается, держа въ рукѣ багоръ съ загнутыми зубьями, которыми онъ вытаскиваетъ ежей изъ подводныхъ скалъ. Но чтобы увидѣть животное, поверхность воды должна быть совершенно спокойна. Если-же море рябитъ, то рыбакъ достигаетъ цѣли, наливая на воду нѣсколько капель масла, изъ висящей у носа лодки бутылки. Одна единственная капля дѣйствуетъ мгновенно, сглаживая поверхность на небольшое разстояніе. 7 ноября 1881 года тасманскій корабль пришедшій въ Гобартъ съ острова Маврикія, выдержалъ страшную бурю и спасеніемъ своимъ обязанъ употребленію масла. Море вздымалось такъ высоко, что въ продолженіи двухъ дней нельзя было ничего варить и принуждены были закрыть всѣ отверстія, куда могла-бы проникнуть вода. Капитанъ Лесли твердо убѣжденъ, что корабль спасся только потому, что для удержанія волнъ въ отдаленіи употребляли масло. Для этого въ маслѣ мочили швабры и привѣшивали ихъ по бокамъ корабля. Дѣйствіе масла было поразительно; увидя необыкновенной вышивы волну, приближающуюся къ кораблю всѣ ожидали, что она его поглотитъ и затретъ, но какъ только она встрѣчала вокругъ корабля плавающее масло, она опывала его не причиняя никакого вреда судну.

Въ Петергедѣ въ Шотландіи недавно были произведены любопытные опыты. На бортъ судна клали особаго устройства трубы наполненныя масломъ. Масло, нажимаемое насосами, выливается изъ трубъ, поднимается на воду, образуя большую ровную поверхность. Для опытовъ былъ выбранъ день когда вода была высока и когда по обыкновенію на мели было очень бурно. Нажатое насосами масло поднялось на поверхность и превратило ее изъ бурной въ волнообразную гладкую.

На западномъ берегу Шотландіи въ гавани Монтрозъ также производились опыты. Послѣ обѣда тридцатаго января, за часъ до прилива, нѣсколько человѣкъ выѣхало въ спасительной лодкѣ въ море. За мелью море было неспокойно, тогда была вылита бутылка масла и дѣйствіе его было мгновенно. Потомъ лодка направилась черезъ косу Анатъ, гдѣ море сильно волновалось и масло снова производило то же дѣйствіе, нѣсколько разъ были еще повторены опыты и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Рыболовы очень довольны открытіемъ и постановили на будущее время запасаться всегда масломъ выѣзжая въ море.

Новый паровой вагонъ. Новый паровой вагонъ Камбіера доказываетъ, что паровыя машины представляютъ собою еще довольно обширную область для нововведеній. Онъ такъ легокъ, что два человѣка въ состояніи, безъ большаго труда, поднять вагонъ, который можетъ свободно и тихо везти шесть человѣкъ, управляемый даже неопытной рукою. Изобрѣтеніе Камбіера представляетъ собою тѣлѣжку съ поперечнымъ сидѣньемъ на четырехъ легкихъ колесахъ небольшой окружности, настолько низкую, что въ нее можно подыматься безъ помощи подножекъ. Механизмъ, приводящій ее въ движеніе, весьма несложенъ. Двигательные цилиндры находятся по обѣимъ сторонамъ въ нижней части механизма, расположенные горизонтально, самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Колеса обернуты каучукомъ, чтобы на ходу вагонъ производилъ наименѣе шума. Особенно оригинальнымъ устройствомъ отличается паровикъ, въ видѣ цилиндра изъ красной мѣди, самыхъ небольшихъ размѣровъ. Вагонъ несетъ съ собою извѣстный запасъ воды и кокса. Здѣсь есть всѣ приспособленія, дающія возможность управлять, безъ малѣйшей опасности пріемникомъ, въ которомъ получается довольно сильное давленіе паровъ. Труба выходитъ внизъ и невидима.

Электрическое освѣщеніе локомотивовъ. Этотъ новый родъ освѣщенія распространяется все шире и шире съ замѣчательною быстротою. Въ прошломъ году въ Австріи была произведена удачная попытка воспользоваться имъ уже для освѣщенія желѣзнодорожныхъ локомотивовъ.

Динамо-электрическая машина была помѣщена на паровой котелъ, снабжавшій ее двигательной силой. Лампа расположена притомъ такъ, что машинистъ могъ, съ большимъ удобствомъ, управлять ею, превосходно освѣщая себѣ путь на большое разстояніе впередъ.

Прежнія попытки воспользоваться электрическимъ свѣтомъ для локомотивовъ не давали хорошихъ результатовъ, вслѣдствіе затруднительности получить правильный и постоянный свѣтъ при быстромъ движеніи локомотива. Лампа, устроенная г. Седлачекъ устранила всѣ эти затрудненія и разрѣшила задачу. Свѣтъ, даваемый ею, отличается большимъ постоянствомъ и такъ силенъ, что освѣщаетъ малѣйшія подробности пути на разстояніи 400 метровъ (почти 187 саж.), считая впередъ отъ локомотива; предостерегательные знаки были также вполнѣ ясно видимы издалека. Такіе результаты можно назвать въ высшей степени благопріятными.

Телеграфныя линіи земнаго шара. Къ концу 1880 года, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, телеграфныя линіи имѣли протяженіе на 272,164 километра (метръ равняется почти 22½ вершкамъ на нашу мѣру длины; километръ равенъ одной тысячѣ метровъ, или 22,500 вершкамъ, или почти 469 саженямъ); число пересылаемыхъ телеграммъ доходило до 33.155,901. Телеграфныя-же проволоки имѣли въ длину около 500,000 километровъ, не считая спеціальныхъ приводовъ, при желѣзныхъ дорогахъ. Изъ другихъ странъ, наибольшую длину телеграфнаго сообщенія представляли собою: Россія, имѣющая 89,872 километра; Германія—66,289; Франція—59,152; Австро-Венгрія—48,644; Австралія—49,947; Англія—35,449; англо-индійскія владѣнія—29,120; Турція—27,336; Италія—25,382. Всего длина телеграфныхъ линій этихъ странъ заключаетъ въ себѣ около одного милліона километровъ. Если прибавить къ этому менѣе длинныя телеграфныя сѣти Швейцаріи, Бельгіи, Португаліи, Даніи, затѣмъ, многочисленныя сѣти, предназначающіяся исключительно для желѣзныхъ дорогъ, то это составитъ болѣе полутора милліона километровъ, то-есть: около сорока окружностей земнаго шара.

Сказанія о средоточіи земли. Въ средневѣковомъ христіанствѣ упорно держалось вѣрованіе, что средоточіе земли должно непремѣнно быть въ Іерусалимѣ и дѣйствительно оно тамъ обозначалось особымъ камнемъ, лежавшимъ на Голгофѣ, какъ объ этомъ разсказываютъ старинные западные и наши паломники. Даже магометане раздѣляли это убѣжденіе. Впрочемъ подобное-же представленіе относительно различныхъ священныхъ мѣстностей мы встрѣчаемъ и у многихъ древнихъ народовъ, какъ напр. Асгардсъ городъ боговъ у древнихъ скандинавовъ, гора Меру (Гималаи) у индусовъ, гора Боришъ на Кавказѣ у персовъ, гора Ригіенъ у тибетцевъ и Дельфа у античныхъ грековъ.

Паровыя машины во Франціи. Изъ отчета министра публичныхъ работъ, явствуетъ, что число паровыхъ котловъ, въ 1879 году, во Франціи, достигало до 5000. Число заведеній, пользовавшихся ими, во Франціи и Алжирѣ, кромѣ желѣзныхъ дорогъ, увеличилось на 1600 противъ предыдущаго года, и превосходило 32,000. Нелишнее замѣтить при этомъ, что 600 изъ нихъ примѣнены въ земледѣлію. Число двигательныхъ машинъ, употребляемыхъ на француз-

скихъ заводахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и на бортахъ судовъ, достигаетъ до 50,291 (изъ нихъ 7185 локомотивовъ), представляя номинальную силу въ 3.220,000 лошадиныхъ силъ.

Подземное телеграфное сообщеніе Германіи. Въ прошломъ году закончено сооруженіе подземной телеграфной сѣти въ Германіи. Послѣднія двѣ линіи соединяютъ Берлинъ со Штеттиномъ и Кельнъ съ Аахеномъ. Подземныя телеграфныя линіи пересѣкаютъ, въ разныхъ мѣстахъ, всѣ большія рѣки Германіи, такъ-же какъ и значительное число небольшихъ рѣчекъ и водныхъ теченій. 220 городовъ сообщаются черезъ посредство подземной сѣти. Издержки по устройству ея простираются до 30.210,975 марокъ.

Языкъ насѣкомыхъ. Одинъ англійскій ученый сдѣлалъ поразительное открытіе. По его мнѣнію, мухи имѣютъ особый языкъ, неслышный для человѣческаго уха, но совершенно ясный для насѣкомыхъ. Здѣсь рѣчь идетъ не о жужжаніи, производимомъ насѣкомыми, которое мы слышимъ такъ часто и которое происходитъ отъ быстраго движенія ихъ крыльевъ, но объ особыхъ звукахъ, составляющихъ языкъ, средство для взаимнаго пониманія.

Открытіе это было сдѣлано съ помощію микрофона. Извѣстно, что микрофонъ позволяетъ уху воспринимать самые слабые звуки, усиливая ихъ, точно такъ-же какъ микроскопъ увеличиваетъ предметы для нашихъ глазъ. На доску аппарата сажаютъ муху. Тогда становятся ясно слышными разнообразные звуки, совершенно отличные отъ жужжанія крыльями, и иногда похожіе даже на отдаленное ржаніе лошади или лай собаки.

Прейсъ-курантъ дикихъ звѣрей. Недавно изданъ оригинальный прейсъ-курантъ живущимъ въ Марсели поставщикомъ дикихъ звѣрей для звѣринцевъ и зоологическихъ садовъ. Заимствуемъ изъ него слѣдующія любопытныя цыфры: Индійскій слонъ стоитъ 12,500 франковъ (около 6000 рублей на наши деньги, по теперешнему курсу): королевскій тигръ — 7000 фр. (около 2,800 руб.). Цѣна обезьянъ измѣняется отъ 30 фр. (около 12 руб.), за самыхъ маленькихъ, до 260 фр. (около 104 руб.), за синещекаго павіана. Впрочемъ, хорошіе экземпляры послѣдняго рода обезьянъ продаются иногда за 3000 фр. (около 1200 руб.); это тѣ, которыя достигли уже полнаго развитія: такія бываютъ, обыкновенно, 4 футовъ росту и пріучаются носить ливрею. Наоборотъ, чрезвычайно высоки цѣны на нѣкоторыхъ травоядныхъ; такъ антилопы и зебры положительно недоступны; хорошій носорогъ стоитъ отъ 10,000 до 12,000 фр. (отъ 4000 до 4800 рублей, приблизительно).

Игры и задачи

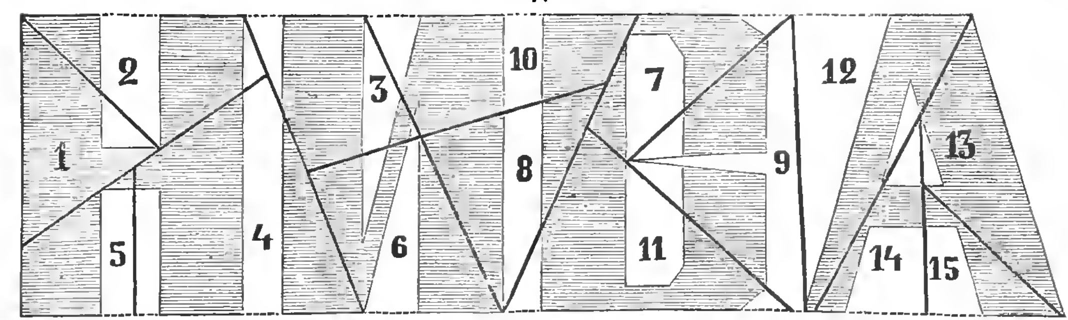
Рѣшеніе задачи — ходъ коня № 31.

				72				
			66	69	64			
			71	62	67			
		61	68	65	70	63		
			57	54	59			
			60	27	56			
		28	55	58	53	26		
			48	51	44			
	29	50	43	46	41	52	25	
		47	40	49	38	45		
		30	37	42	35	24		
			34	39	32			
			31	36	23			
	6	11	8	33	14	17	20	
	9	4	13	22	19	2	15	
5	12	7	10	3	16	21	18	1

Лишь солнце чуть кого пригрѣетъ,
Тотъ рѣдко, рѣдко разумѣетъ,
Что многимъ очень холодно.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Москва**—Воборси; **Астрахань**—Цѣхановича; **Варшава**—Лихтнекеръ; **Симферополь**—П. Д.

Рѣшеніе задачи № 29.



Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ г.г.: **Спб.**—Люхина, Кейдасъ, Броспіовскаго, Кузьмина, Брычева, Вестфаль, Хеснмъ-Икунваръ, Мэри, Шадурскаго, Кирьянова-Бѣльскаго, Янсона, Погосскаго, Жаворонкова, Геннингъ. **Москва**—Плѣшакова, Волкова, Максимова, Журавлева, Ларіонова Григорьева-Костерева, Якобъ, Еремина, Выгодчикова. **Арзамасъ**—Лаврентьева. **Астрахань**—Цѣхановича. **Бачнисарай**—Дремджи, Бебешъ, Лаврецкаго, Прикъ. **Балахна**—Цапанова. **Бѣжецкъ**—Фаленкова. **Бѣла**—Быстрова. Лежнева. **Бѣлгородъ**—Злобина. **Верро**—Эйзенбаумъ. **Вильноміръ**—Гурвича. **Вологда**—Извощикова. **Вольскъ**—Селиванова. **Гжатскъ**—Глушкова. **Галичъ**—Храмцова, **Гомель**—Шаловановa. **Динабургъ**—Вавилова, Маковскаго. **Житоміръ**—Евпсихіева. **Казань**—Перцова, **Калуга**—Шумилиной, Ворошилова, Жданова. **Калязинъ**—Малиновскаго. **Каменецъ**—Масленникова. **Керчь**—Дервисье. **Ковель**—Смольяниновой. **Козловъ**—Ухова. **Кострома** — Михайловскаго. **Красное-село** — Верещагина. **Кронштадтъ** — Пшіемскаго. **Ломжа**—Куляко. **Лухъ**—Ягенстовой. **Люблинъ**—Кирилова. **Одесса**—Діевскаго. **Орель**—Селихова, Полуянова. **Островъ**—Королева, Базунова, Крылова. **Печани**—Аржеухова. **Подольскъ**—Молчанова. **Покровское**—Бѣлобородко. **Ревель**—Отоцкаго. **Ростовъ на Дону**—Запорожцевой, Чугаева, Заграфиди. **Рыбинскъ** Трусова. **Рыльскъ**—Аристарховой. **Рязань** Нечаевой. **Самара**—Громова. **Саратовъ**—№ 52099. **Севастополь**—Жеребцова. **Серпуховъ**—Кузовлева, Костякова. **Симферополь**—Джеварджи. **Скопинъ**—Волкова. **Тамбовъ**—Елагиной, Павлова. **Тифлисъ**—Архіепископова. **Тула**—Ченгелліева. **Уманская**—Кисилѣва. **Шадовъ**—Тщалко. **Шата**—Полева. **Вѣна** (Австрія)—Руфъ.

Рѣшен. шашечн. задачи № 30.

Бѣлые.	Черные.
g 1 — f 2	c 5 — g 1
f 4 — e 7	b 6 — d 8
e 1 — f 2	g 1 — g 7
b 8 — f 4	d 8 — f 6
f 4 — g 5	f 6 — e 5
g 5 — f 6	e 5 — f 4
c 3 — e 5	

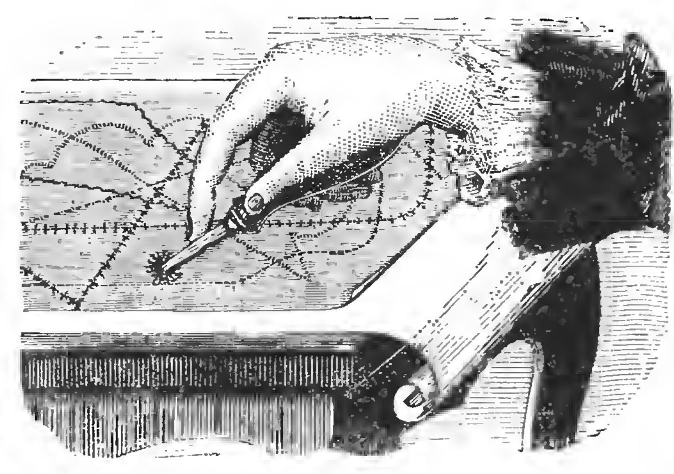
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.**—Филидоръ, Нея, Ворошихина; **Москва** — Гаврилова Попова, Васильева, **Елецъ** — Волуйскаго **Калуга** — Волокова,

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.**

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

РѢЗЦЫ ДЛЯ СНЯТІЯ ВЫКРОКЪ.



Рѣзцы подобнаго образца необходимы при снятіи выкроекъ; цѣна безъ футляра 75 к., съ перес. 1 р. 25 к.; съ футляромъ 1 р., съ перес. 1 р. 50 к., можно получить въ Конторѣ Редакціи „НИВЫ“ въ СПБургѣ, Б. Морская. № 9.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Марлитта*. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1882 г. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Единственный самый лучшій въ Имперіи источникъ для покупки перчатокъ
СОКРАЩЕННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
на двѣ пуговицы за дюжину лайковыя дамскія и мужскія 8 руб. Шведскія 9 р. Замшевыя желтыя и сѣрыя 14 руб. Замшевыя офицерскія бѣлыя 18 руб. За отправку по почтѣ 50 к. Требованія и деньги адресовать. **Торговый Домъ „Commerce Russe“ въ Варшавѣ.** № 2083 5—2

ДАЧА

близъ Выборга на берегу озера въ здоровой, прелестной мѣстности, съ мебелью, продается дешево и отдается на лѣто. Милькъ Большая Морская, д. № 39 до 12 час. утра и 6—8 час. вечера.
№ 2085 4—3

!!! Необходимо для всѣхъ!!! Для общаго блага !!!

Пожарные насосы выбрасываютъ воду на высоту 3 этажей 12 руб.

Насосы дѣйствующіе чрезвычайно сильной струей или дождеобразно, для сбрызгиванія садовъ, улицъ, полей, баштановъ, и чистки растеній отъ насѣкомыхъ 12 руб. 50 коп.

Укупорка отдѣльно 1 рубль. Требованія, деньги направлять по адресу.
Торговый домъ Генриха Барыцнаго въ Варшавѣ. № 2081 5 3

КЪ СВѢДѢНІЮ!

;„ЭЛЕОПАТЪ“.

БЕЗПОДОБНЫЙ ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА

употребляется противъ перхоти головы и отъ выпаденія волосъ, и опытомъ признанъ вѣрнѣйшимъ и какъ ничѣмъ незамѣнимымъ цѣлебнымъ средствомъ для останавливанія выпаденія и укрѣпленія корней волосъ. Пользуется всеобщимъ довѣріемъ и вниманіемъ врачей и публики. Тысячи обязаны единственно „Элеопату“ своими длинными хорошими волосами. Родители и воспитатели и друг. должны обращать вниманіе на волосы дѣтей. Продается во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ складахъ и косметическихъ магазинахъ Россійской Имперіи. Для иногородныхъ заказчиковъ высылается не менѣе 2-хъ флаконовъ за 4 руб., содержащихъ по 120 граммовъ. Отправка и пересылка производится во всякое время и исполняется немедленно и добросовѣстно. При высылкѣ денегъ на заказъ и пересылку необходимо указать вотъ этотъ адресъ для иногородныхъ:

въ Главное Депо „Элеопата“ Пассажъ, Магазинъ № 52, въ С.-Петербургѣ.

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ
ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Безподобное и всѣмъ доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ.

Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главный складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Линде, Невскій просп., № 23, въ бель-этажѣ, а также можно получить во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; выписывающіе 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенція высылается въ жестяныхъ флаконахъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выписыв. 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гг. оптовымъ покупателямъ обычная уступка.
№ 2013 25—9

Учрежденное С.-Петербургскимъ Собраніемъ Сельскихъ Хозяевъ Сельскохозяйственное Коммиссіонерство

„РАБОТНИКЪ“.

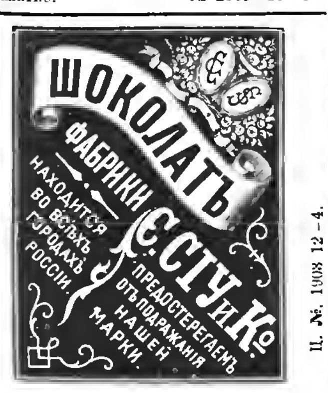
Въ С.-Петербургѣ: Фонтанка, Соляной городокъ, въ зданіи Императорскаго Сельскохозяйственнаго музея.

Въ Москвѣ: Воздвиженка, № 11.

Въ Кіевѣ: Уголъ Безаковской и Жилянской улицъ.

Имѣетъ на своихъ складахъ постоянно большой выборъ **земледѣльческихъ машинъ и орудій** новѣйшихъ системъ и лучшихъ заводовъ, а также **молочную посуду**, приборы по садоводству и для домашняго хозяйства.

Заказы на **локомобили, паровыя молотилки, мельницы** и нѣкоторыя другія машины, направляемыя съ заводовъ прямо къ гг. заказчикамъ, выполняются коммиссіонерствомъ **по заводскимъ цѣнамъ** безъ надбавки коммиссіи. Коммиссіонерство состоитъ агентомъ лучшихъ иностранныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутльворта, Рансома, Іеда и Джеферса, Говарда, Джонстона и К°, Пеннея, Эккерта, Бекнера** и др. Заказы исполняются немедленно. Каталоги выдаются и высылаются безплатно. № 2069 10—6



Ц. №. 1908 12—4.

ГАЛЬМАНИНЪ.

MENTION HONORABLE PARIS 1878

Послѣ многочисленныхъ опытовъ я изобрѣлъ удачный составъ (Гальманинъ), совершенно предотвращающій прѣніе части тѣла, особенно же нѣжныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ повсюду. ***Состоя изъ веществъ совершенно безвредныхъ, оно не задерживаетъ пота, но поглощаетъ его и превращаетъ въ мелкіе микроскопическіе кристаллы.*** *Это-то качества и даютъ ему преимущество надъ средствами, до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.*

Гальманинъ, осушая части тѣла, дѣлаетъ невозможнымъ ихъ прѣніе; по этому лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно разъ въ нѣсколько дней при помощи ваты, полотна или кисточки натереть Гальманиномъ прѣющія части чтобы избѣгнуть непріятныхъ послѣдствій, какимъ подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе жаркіе дни.

☞ ***Вполнѣ ручаясь за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина,*** *что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей,* ***прошу публику остерегаться поддѣлокъ и покупать Гальманинъ только въ коробочкахъ, снабженныхъ моею фирмою.*** ☜

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 коп., малая 30 коп.

В. Карпинскій.

Магистръ фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Электоральная, № 35.

ОТЪ ДОЖДЯ И ПЫЛИ

РЕКОМЕНДУЕМЪ ПО НИЖЕСЛѢДУЮЩИМЪ ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ

НЕПРОМОКАЕМЫЯ ПАЛЬТО.

Пальто съ рукавами изъ черной резиновой матеріи за штуку	10	руб.	—	коп.
Плащи съ крыльями „ „ „ „ „ „	13	„	—	„
Капюшоны къ нимъ „ „ „ „ „ „	1	„	25	„
Военныя пальто „ „ „ „ „ „	17	„	—	„
Пальто дамскія съ рукавами „ „ „ „ „	13	„	—	„
Дамскія тальмы „ „ „ „ „ „	11	„	—	„
Плащи для дѣтей „ „ „ „ „ „	10	„	—	„
Пальто, съ рукавами всѣхъ цвѣтовъ изъ самой лучшей англійской матеріи на **шерстяной** подкладкѣ съ незамѣтнымъ резиновымъ слоемъ	30	„	—	„
Плащи съ крыльями такіе-же	30	„	—	„
Пальто съ рукавами изъ англійск. шерст. мат. на **бумажной** подкладкѣ съ незамѣтнымъ резиновымъ слоемъ	22	„	—	„
Плащи съ крыльями такія же	22	„	—	„
Военныя пальто изъ сукна на сѣрой подкладкѣ (саржа)	34	„		„

Нужна мѣрка: а) для пальто: вся длина,—длина рукавовъ, объемъ груди и шеи; в) для плаща—вся длина и объемъ шеи.

ПРОТИВЪ МОЛИ

рекомендуемъ особенно для храненія мѣховыхъ вещей

РЕЗИНОВЫЕ МѢШКИ ОТЪ МОЛИ,

которые оказались превосходными, съ герметическимъ закроемъ, по слѣдующимъ дешевымъ цѣнамъ:

Для храненія	1 шубы за мѣшокъ	5	руб.	—	коп.
„ „	2 шубъ „ „	6	„	50	„
„ „	3—4 шубъ „ „	8	„	—	„
„ „	4—5 шубъ „ „	9	„	50	„
„ „	5—7 шубъ „ „	11	„	—	„

Въ провинцію заказы исполняются немедленно и просятъ гг. покупателей за пересылку по почтѣ прибавлять на пальто или мѣшокъ отъ моли до 1000 верстъ 1 р., болѣе 1000 верстъ—2 р.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА и РИКСА.

16. Въ С.-Петербургѣ, Гороховая улица, **16.**

Поступила въ продажу новая книга:
Методика ариѳметики для народныхъ школъ.
Курсъ первыхъ двухъ лѣтъ обученія малолѣтнихъ. **Съ приложеніемъ** стѣнной хромолитогр. таблицы и рисунковъ ариѳм. ящика. 160 стран. въ больш. 8 д. л. Сост. **Владиславъ Ислентьевъ. Одобрена Учен. Комитет. Мин. Народн. Просвѣщ. Цѣна 75 к.,** съ перес. на счетъ покупателя.

Складъ изданія въ **Казани,** книжн. магазинъ **А. А. Дубровина.** Гостиный дворъ. При выпискѣ изъ склада 100 экз.—**уступки 20%.**
№ 2105

Жизнеспасающій громоотводъ

(карманный инструментъ), необходимый всѣмъ, всегда и вездѣ. Цѣна **1 р.** съ „Объясненіемъ“ и пересылкою. Адр. Въ г. Петроковъ, подполковнику Дульцеву. № 2106 1—1

РУКОВОДСТВО франц. языка Шаверновской высыл. по почтѣ только изъ книж. магазин Петерб. Цѣна 40 к. № 2110 1—1

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
изданный журналомъ
„СТРЕКОЗА“
стихотворный сборникъ-книжка
„РОСИНКИ“
съ цвѣтовъ всемірной поэзіи
ОРИГИНАЛЬНЫЯ И ВЪ ПЕРЕВОДѢ
ПЕРВОКЛАССНЫХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ
изданіе миніатюрное. Стр. 150.
Цѣна въ художеств. обложкѣ 40 к. Съ перес. 50 к.
№ 2088 6—3

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА:
Дм. Бортнянскаго
35 ДУХОВНЫХЪ КОНЦЕРТОВЪ

для дисканта, альта, тенора и баса съ акком. фортепіано, изданные подъ редакціею **Н. Чайковскаго:**

Партитура въ 1 томѣ	5 р.
Голоса въ 4 томахъ	5 р.
Каждый голосъ въ 1 томѣ	1 р. 50 к.

Тѣже концерты въ отдѣльныхъ нумерахъ:

партитура по	25 к.
4 голоса	20 к.
каждый голосъ отдѣльно	5 к.

Фортепіанное переложеніе можетъ служить для **фисгармоніи** или **гармоніума.**

Принимается подписка на **полное собраніе** духовно-музыкальныхъ соч. **Дм. Бортнянскаго,** исправленныхъ и пересмотрѣнныхъ **П. Чайковскимъ.**

Фортепіанное переложеніе слишкомъ 40 нумеровъ сдѣланы вновь **П. Чайковскимъ.**

Цѣна **полному** изданію въ 10 томахъ:

партитуры	10 р.
голосовъ	10 р.

Вышли первые пять томовъ.

Москва, у ЮРГЕНСОНА, Неглинный проѣздъ № 10. С.-Петербургъ, у І. Юргенсона, Большая Морская № 9. II. № 2108 1—1

Серебряные дамскіе часы

заводящіеся ключемъ.

Анкерные на 15 камняхъ, зекрытмо, 25 р. и 30 руб.

Такіе же 1-го сорта 35 и 40 р.

Ручательство на два года.

фабриканта часовъ

ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., д. № 23, (противъ Большой Конюшенной). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Тверскаго подворья (рядомъ съ Бартельсомъ).

Пересылка на счетъ магазиновъ.

Подробные прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно.

ВОЛЖСКО-КАМСКІЙ

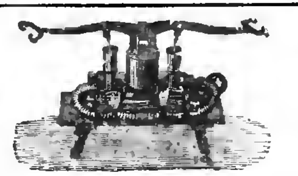
СКЛАДЪ

земледѣльческихъ машинъ, орудій и мельничныхъ принадлежностей

М. РАМЪ и К° въ Казани.

(Отдѣленіе въ Симбирскѣ).

Плуги 1, 2, 3 и 4 лемешные, бороны, сѣялки, сѣнокосилки, жатвенныя машины, молотилки, вѣялки, сортировки и зерносушилки, заводовъ: Эккерта, Велерта, Говарда Лингарта и К°. Вальцовые станки Ганцъ и Вегманъ, французскіе жернова, швейцарскія шелковыя сита, мельничные поставы. Локомобили и молотилки Рустонъ Прокторъ и К°, паровыя машины, тюрбины, пожарныя трубы и проч., приблизительно по московскимъ цѣнамъ. Прейсъ-куранты и каталоги по востребованію. № 2098 2—2



Русская пожарная труба

ТОВАРИЩЕСТВА

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,

ЛУЧШАЯ НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ,

съ мѣдными цилиндрами и такими же клапанами, выбрасывающая въ часъ около 480 ведеръ воды на разстояніи 12 до 14 саж. со всѣми рукавами, брандспонтомъ и ключами, цѣною въ 115 р. имѣется постоянно въ наличности въ большомъ количествѣ въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 1 линія, № 10 и Москва, Мясницкая, домъ Сытова.

Требуйте иллюстр. каталоги. 2086 3—3

!!! НѢТЪ БОЛЬШЕ ПОЖАРОВЪ !!!

Вездѣ примѣняемая полная пожарная Команда за 75 рублей.

Состоитъ **изъ 4 ручныхъ пожарныхъ насосовъ** выбрасывающихъ воду на 40 футовъ, помощью даже одного мальчика. Насосы никогда не портятся.

1. Механическ. носилки для спас. вещей.
1. Снаряда для спасанія людей.
1. Устройства предохраняющаго отъ сильной жары во время тушенія **дозволяющаго подойти къ самому огню.**
1. Резервоара для воды.
1. Патентованнаго пожарнаго ведра.
1. Пояса пожарнаго.
1. Сигнальнаго пожарнаго рожка.
1. Металлическаго англійскаго шлема.
2. Большихъ пожарныхъ крюковъ.
1. Стальнаго пожарнаго топора.

Укупорка 5 рублей. Требованія и деньги адресовать: **Генриху Барыцкому** Владѣльцу Торговаго Дома „Commerce Russe" **въ Варшавѣ.** № 2080 10—3

Для Электрическаго Освѣщенія.

Продаются: Динамо-электрическая машина системы Сименса и Гальске, на восемъ фонарей и 7 фонарей съ дифференціальными регуляторами Сименса и Гальске, коммутаторъ и изолированные мѣдные проводники.

О цѣнѣ узнать въ типографіи А. Ф. Марксъ Англійскій проспектъ домъ № 10 С.-Петербургъ.

Два новопатентованныхъ американскихъ практичныхъ изобрѣтеній.

Неподражаемой доброты **ванса для обуви** сохраняющая кожу и дающая превосходный и прочный блескъ, **50** полуфунтов. или **25** фунтовыхъ жестянокъ . . . . **7 руб. 50 коп.**

Замѣчательная **помада для чистки и полировки въ ¼ минуты:** металловъ, самоваровъ, кухонной мѣдной посуды, утвари и проч. **50** меньшихъ или **25** большихъ жестанокъ . . . . **3 руб. 75 коп.**

Укупорка и провозъ отдѣльно. При заказахъ не менѣе ста руб. **10%** скидки. При заказѣ свыше 300 руб. **10% скидки и провозъ** не считается.

Требованія, деньги, адресовать:

Торговый домъ „Commerce Russe" въ Варшавѣ.

Исключительная продажа на всю Европу.

Требуются надежные агенты. № 2082 5—2

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ Цѣна 1 р.

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Самое лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко. Оно питательно и удобоваримо и охотно принимается всякимъ ребенкомъ.

ВЕНЦЕЛЬ. МОЛОЧНАЯ МУКА ГЕНРИХА НЕСТЛЕ

СГУЩЕННОЕ МОЛОКО НЕСТЛЕ Цѣна 75 к.

ГЛАВНОЕ ДЕПО въ Спб. Казанск., 3, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ

также у Штоль и Шмидтъ, въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами и во всѣхъ москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россійской Имперіи.

Имѣю честь донести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится **синій штемпель** и **подпись** Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

Р. № 2012 5—5 **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).**

Только что вышли изъ печати и продаются въ конторѣ журнала „НИВА", С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историч. романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, большой томъ in—8, всего 672 стр., напечатано на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Для новыхъ подписчиковъ „Нивы" 1882 г. ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть съ 20 рисунками Ив. Панова. 2-е изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ XVII вѣка. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Подписчики „Нивы" 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Болѣе 200 медалей **перваго класса.** | Еженедѣльное производство **болѣе 10,000 машинъ.**

НОВѢЙШІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

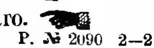
КОМПАНІИ ЗИНГЕРЪ

(ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ).

Ввозъ въ Россію и продажа производятся исключительно черезъ Главнаго Уполномоченнаго

Г. НЕЙДЛИНГЕРЪ.

Въ С.-Петербургѣ: Казанская улица, № 42.

Въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго. 

Р. № 2090 2—2

ФИСГАРМОНІИ

изъ лучшей париж. фабрики Бюссона рекомендуетъ въ большомъ выборѣ по фабричнымъ цѣнамъ отъ 90 до 400 р.,

Главное депо музыкал. инструм.

ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА.

Спб., по Большой Морской, № 42.

А. № 2036 2—2

Космет. спермацетовые личные

УТИРАЛЬНИКИ

косметика А. ЭНГЛУНДА,

приготовленныя съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Радикальное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей угрей и проч. При употребленіи сперм. утир. кожа лица дѣлается чистою и нѣжною. Удобное средство для дороги гдѣ особенно подвержены вліянію солнца, пыли и вѣтра, они единственное вѣрное средство для предупрежденія загара, также служитъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ въ театрахъ, салонахъ и проч. ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждой пачкѣ подпись **А. ЭНГЛУНДЪ.** Красныя чернила пачка 60 коп., съ перес. не менѣе 2 пачекъ 2 р., 4 пачки съ перес. 3 руб. Получать можно въ Русск. Общ. торг. апт. товаровъ, Казанская, № 12; Рульковіусъ и Гольмъ, Большая Московская ул., № 1; аптекарск. складъ бывшій Шишко и Пезингъ, Казанская № 37 и во всѣхъ апт. парф. торг. Гг. иногороднихъ прошу адресоваться: **С.-Петербургъ, парфюмерный магазинъ А. Рузанова Гостиный дворъ, Зеркальная линія, № 40.** № 2104

НОВОСТЬ!

Рѣзецъ и аппаратъ для шитья петель на всякой матеріи и бѣльѣ. Цѣна 3 р. съ перес.

Иполитъ Вакопъ. Гороховая ул., домъ Лембке, № 9, кварт. № 8., въ СПБургѣ.

№ 2060 1—1

---

55 к.

машинка **„патаунъ"** для рѣзанія стекла, точенія ножей и другихъ практическихъ употребленій; инструментъ **„все въ одкомъ"**, содержащій 15 различныхъ инструментовъ 4 р.; **спичечница-автоматъ** 2 р., спичечницы **свѣтящіяся** въ темнотѣ 75 1 р. и 3 р.; такіе же **подсвѣчники** 2 и 3 р.; **чудо мундштукъ** образующій картинки при куреніи 75 коп.; тутъ же изъ

ПОДДѢЛЬНЫХЪ БРИЛЛІАНТОВЪ

по игрѣ не уступающіе настоящимъ: **серьги** отъ 2 р. 50 к. до 9 руб., **броши** отъ 4 до 13 р., **булавки** отъ 2 до 5 р., **кольца** отъ 1 до 4 р., **запонки** грудныя 4 р., 50 к., **звѣзды** (въ волосахъ носить) 10 р.

НАКЛАДНАГО ЗОЛОТА

цѣпочки мужскія и дамскія отъ 2 р. 50 к. до 12 р.; **медальоны** мужскіе и дамскіе отъ 2 до 5 р.; **браслеты** 5 и 7 р.;

ЛѢТНІЯ ИГРЫ и ЗАНЯТІЯ.

Кронетъ (съ объясненіемъ правилъ игры) въ 8, 12 и 20 руб.; **диво-птица**, поющая какъ настоящая, съ движеніемъ хвоста и клюва 1 р. 50 к.; **полные рыболовные** приборы 5 и 10 р.; **фонари** для иллюминацій отъ 5 к. до 1 р.; бенгальскій огонь.

Всѣ цѣны назначены съ пересылкою; менѣе чѣмъ на 3 р. не высылаютъ. Магазинъ „НЮРНБЕРГЪ" въ Москвѣ, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, домъ Шаховскаго, наискось церкви Успенія, напротивъ бриліантщика Сергунина. Тутъ же: **Распродажа заграничныхъ палокъ, зонтовъ и зонтиковъ.** П. № 2107

Дозволено цензурою. СПБ. 20 мая 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ № 22 — годъ XIII 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 29 Мая 1882 г. — Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ.

Въ лицѣ недавно скончавшагося (27-го Марта 1882 г.) С. Г. Строганова угасъ одинъ изъ самыхъ высокихъ и благородныхъ представителей нашей старинной знати, игравшій въ продолженіи цѣлыхъ двухъ царствованій столь широкую и выдающуюся роль въ исторіи русскаго просвѣщенія и художественнаго развитія. Имя графа Строганова чуть ли не въ теченіе полустолѣтія связывалось съ самыми лучшими моментами нашей умственной жизни и вельможа, носившій это знаменитое имя, то являлся незабвеннымъ попечителемъ старѣйшаго изъ нашихъ университетовъ, то воспитателемъ Наслѣдника престола, то щедрымъ покровителемъ отечественнаго искуства и археологіи. Графъ Сергѣй Григорьевичъ родился въ Москвѣ въ 1794 году и получилъ высшее образованіе въ Институтѣ Корпуса Путей Сообщенія. Отецъ его былъ бароновъ, но Сергѣй Григорьевичъ, женившись на послѣдней представительницѣ рода графа Строганова, вмѣстѣ съ

Графъ С. Г. Строгановъ † 27 марта. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

тѣмъ получилъ графское достоинство. Прямо изъ корпуса, въ 1811 году, Строгановъ вступилъ въ военную службу и участвовалъ какъ въ походахъ отечественной войны, такъ и въ войнѣ 1828 года. По заключеніи мира съ Турціей, Сергѣй Григорьевичъ былъ назначенъ членомъ комитета, учрежденнаго для переустройства нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, главнымъ результатомъ дѣятельности котораго было составленіе проекта гимназій, введеннаго въ дѣйствіе 8-го декабря 1828 года. Въ 1831 году графъ былъ посланъ губернаторомъ въ Ригу, гдѣ заслужилъ общую признательность за свои успѣшныя дѣйствія противъ свирѣпствовавшей тогда холеры, а въ слѣдующемъ году управлялъ нѣсколько времени Минской губерніей. Въ 1835 году Сергѣй Григорьевичъ получилъ званіе генералъ-адъютанта и былъ назначенъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа. Эта эпоха его служебной и общественной дѣятельности, обнимающая собою цѣлыя двѣ-

надцать лѣтъ, была самою плодотворною для интересовъ русской науки и просвѣщенія. Московскій университетъ подъ управленіемъ графа Строганова занялъ передовое мѣсто въ ряду другихъ нашихъ университетовъ, и въ стѣнахъ его представителями русской науки явились такіе замѣчательные профессора, какими были Грановскій, Бодянскій, Крыловъ и Кудрявцевъ. Кромѣ того графъ на собственныя свои средства основалъ училище рисованія, извѣстное до сихъ поръ подъ именемъ Строгановскаго и оказавшее не малую услугу въ дѣлѣ развитія у насъ художественно-техническаго образованія. Въ то же время Сергѣемъ Григорьевичемъ было положено начало Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденному при Московскомъ университетѣ, а также особой археологической коммисіи для изслѣдованія босфорскихъ и синопскихъ древностей.

Благодаря раскопкамъ этой коммисіи нашъ Эрмитажъ обогатился впослѣдствіи такимъ богатымъ собраніемъ разныхъ рѣдкостей невѣдомаго до той поры скиѳскаго міра, какимъ не обладаетъ ни одинъ музей въ Европѣ. Отъ обязанностей попечителя графъ Строгановъ былъ призванъ довѣріемъ Государя къ выполненію еще болѣе важной обязанности, а именно назначенъ воспитателемъ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Но и среди трудовъ государственной важности графъ находилъ еще время заниматься своей любимой наукой—русской археологіей, посвящая ей всѣ свои досуги и предаваясь ей съ чисто юношескимъ увлеченіемъ. Такъ подъ его руководствомъ было издано роскошное описаніе древностей Россійскаго государства—изданіе капитальное по своему научному и художественному значенію. Кромѣ того на свой собственный счетъ графъ Строгановъ издалъ описаніе замѣчательнаго по древности Дмитровскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ, снабдивъ его прекрасными рисунками и строго-научнымъ текстомъ. Кромѣ того Сергѣй Григорьевичъ долгое время и до самой своей кончины состоялъ предсѣдателемъ Археологической коммисіи, трудъ которой подъ его руководствомъ пріобрѣлъ самое широкое и плодотворное развитіе. Послѣ археологіи графъ болѣе всего любилъ изящныя искусства и щедро покровительствовалъ нашимъ начинающимъ художникамъ, а его домашняя картинная галлерея была самою цѣнною и лучшею во всемъ Петербургѣ.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXXI.

Печальные дни.

Не въ характерѣ Екатерины было поддаваться слабости. Она чувствовала себя совсѣмъ разбитой, больной, измученной; въ ея сердцѣ было много томительныхъ ощущеній, въ головѣ много печальныхъ и мучительныхъ мыслей; но никто изъ постороннихъ не долженъ былъ знать того, что она чувствуетъ, не долженъ былъ видѣть какъ она упала духомъ. Она и такъ не справилась съ собою въ первыя минуты, чего съ ней никогда не бывало; но довольно, впредь этого не будетъ!... Всѣ ея члены будто разбиты, она едва можетъ двигаться, голова будто налита свинцомъ, тяжело дышать.

Но она сдѣлала надъ собой усиліе, ласково поцѣловала рыдавшую внучку и обратилась къ великой княгинѣ:

— Да, полноте, дочь моя, сказала она ей,—успокойтесь и успокойте малютку,—что отложено,—то еще не потеряно!.. Я завтра же распутаю это дѣло и все обойдется... А теперь прощайте! Я устала... поѣду къ себѣ...

— Je vous prie de m'accompagner, mon ami! обратилась она къ цесаревичу.

Страданіе выразилось на лицѣ ея когда она поднималась съ кресла, но она ни однимъ звукомъ себя не выдала, выпрямилась на сколько могла и величественно вышла изъ комнаты, опираясь на руку сына.

Залы были еще полны народомъ. Балъ не былъ отмѣненъ. Веселые звуки музыки неслись съ эстрады, почти незримой за маскировавшими ее тропическими растеніями и цвѣтами.

Любопытные, встревоженные и недоумѣвающіе взоры встрѣчали и провожали императрицу и цесаревича.

Екатерина привычнымъ жестомъ кивала на право и на лѣво головой, она даже силилась улыбаться; но улыбка на этотъ разъ ей не удавалась...

По выходѣ императрицы великая княгиня кинулась къ дочери, но не нашла въ себѣ силъ ни самой успокоиться, ни ее успокоить. Она только крѣпко обняла ее и такъ онѣ долго вмѣстѣ плакали.

„Малютка" хоронила свое внезапно пришедшее и еще внезапнѣе исчезнувшее счастье. Великая княгиня страдала страданіями дочери и въ то же время жестоко себя упрекала:

„Онъ былъ правъ, думала она вспоминая слова цесаревича,—его предчувствія не обманули. Не нужно было довѣряться этому безсердечному, ужасному мальчику, не нужно было допускать между ними короткости! тогда разлука не была бы для нея такъ мучительна, а теперь она успѣла страстно къ нему привязаться. Но можно ли было это предвидѣть?! Можно ли было ожидать съ его стороны такого возмутительнаго поступка!?.."

„Да, нѣтъ, нѣтъ! дѣло уладится!" успокоивала она себя и никакъ не могла успокоить.

Она уже не вѣрила ни во что хорошее...

Безсонную ночь провела она не отходя отъ постели великой княжны, которая совсѣмъ заболѣла: стонала и металась. Заснетъ на нѣсколько минутъ, а потомъ вдругъ вскочитъ, зарыдаетъ, говоритъ несвязныя фразы...

На слѣдующій день было рожденіе великой княгини Анны Федоровны, супруги юнаго Константина Павловича. По этому случаю во дворцѣ долженъ былъ состояться балъ и отмѣнить его не было возможности, такъ какъ это возбудило бы излишніе толки.

Великая княжна не въ силахъ была подняться съ постели и сама Марія Федоровна чувствовала себя совсѣмъ больной.

Между тѣмъ изъ Таврическаго дворца, отъ императрицы, пришло извѣстіе что на балу всѣ непремѣнно должны присутствовать, что сама она пріѣдетъ и что шведскій король также появится.

„Боже мой, да какъ же это возможно! съ отчаяніемъ подумала Марія Федоровна,—бѣдная дѣвочка невыдержитъ. Они не должны встрѣчаться. Да и я, хороша я буду на этомъ балу съ такимъ лицомъ!."

Она подошла къ зеркалу и взглянула на свои опухшіе отъ слезъ глаза.

„Нѣтъ. пусть сыновья съ женами отправляются, а я съ нею останусь!"

И она поспѣшно отправила императрицѣ такую записку:

„Признаюсь вамъ, дорогая матушка, что у меня глаза опухли и красны; всѣ увидятъ, что я плакала, и станутъ глядѣть на меня. При этомъ я кашляю. Если бы мнѣ было позволено не выходить, то вы мнѣ оказали бы большую милость".

Но посланный вернулся изъ Таврическаго дворца съ клочкомъ бумаги, на которомъ рукой Екатерины было наскоро написано:

„О чемъ вы плачете? Что отложено, то еще не потеряно. Вытрите ваши глаза и уши льдомъ, примите бестужевскихъ капель... Никакого разрыва нѣтъ... Я вчера была больна—и только. Вы досадуете на замедленіе, вотъ и все. Изъ за этого ваша дочь больна; а впрочемъ, вашъ супругъ передастъ вамъ, что я ему писала.“

Съ этой запиской Марія Федоровна отправилась въ покои цесаревича, который на этотъ день остался въ Петербургѣ.

— Ты видишь въ какомъ я положеніи, сказала она ему,—а Alexandrine!.. пойди, самъ взгляни на нее! И матушка требуетъ чтобы мы присутствовали сегодня на балу! Вотъ прочтите!..

Цесаревичъ нахмурившись пробѣжалъ глазами записку императрицы.

— Да, она крѣпится, сказалъ онъ,—хочетъ выдержать, все сгладить и поправить... сердится... Ну, что же, конечно нужно не подавать виду, соблюсти приличія... Будьте на балу!

— А о чемъ это матушка пишетъ, что вы должны сообщить мнѣ? спросила великая княгиня.

Цесаревичъ пожалъ плечами.

— Она увѣряетъ, что вся бѣда произошла оттого что въ статьѣ о вѣроисповѣданіи сказано: „православная, апостольская, греческая!..“ будто они всего на всего просили измѣнить такъ: „исповѣданіе, въ которомъ она родилась и воспитана“. Будто въ этомъ заключается все недоразумѣніе и, слѣдовательно, его легко разъяснить и уладить. Не понимаю зачѣмъ надо себя обманывать?! Ясное дѣло, что этой свадьбѣ не бывать и нужно теперь только одно—чтобы онъ скорѣе уѣхалъ отсюда. Это такое испытаніе—встрѣчаться съ нимъ, быть съ нимъ любезнымъ!.. Я просто не могу ихъ видѣть, и главнымъ образомъ не его, а этого герцога. Я увѣренъ что все это его рукъ дѣло. Такъ я и матушкѣ сказалъ, и она кажется согласна со мною... Постарайтесь успокоиться, мой другъ, все это тяжело и возмутительно, но, кто знаетъ, можетъ быть и къ лучшему. Малютка наша навѣрно была бы съ нимъ несчастна, быть можетъ это Господне милосердіе!.. До свиданья, мой другъ, идите къ ней, постарайтесь внушить ей мысль, что Богъ устроетъ все къ нашему благу, что часто думая, что теряемъ—мы только пріобрѣтаемъ.

Цесаревичъ поцѣловалъ руку жены и ласковымъ кивкомъ головы отпустилъ ее.

Великая княгиня вышла отъ него нѣсколько успокоенная. Она боялась большой бури съ его стороны; она боялась, что онъ не въ силахъ будетъ сдержать себя. Но вотъ онъ оказывается спокойнѣе всѣхъ, онъ даже почти доволенъ, что дѣло не состоялось.

„Опять предчувствіе! она кончитъ тѣмъ, что будетъ вѣрить его предчувствіямъ безусловно—онѣ такъ часто сбываются!..“

Однако успокоить малютку, внушить ей покорность волѣ Божіей было не легко. Въ ея года, при первомъ пробужденіи страстнаго чувства, о Богѣ думаютъ мало, а если и думаютъ, то въ этой мысли не находятъ того утѣшенія, которое является потомъ, въ иные годы, послѣ многихъ битвъ жизни...

Во всякомъ случаѣ и великой княгинѣ и „малюткѣ“ пришлось послѣдовать совѣту императрицы: онѣ вытерли себѣ глаза и уши льдомъ, приняли бестужевскихъ капель и появились на балу.

Это былъ очень печальный балъ: приглашенныхъ оказалось немного, оживленія никакого. Танцы совсѣмъ не клеились. Вотъ пріѣхалъ король, на него всѣ глядѣли съ негодованіемъ; но онъ ни на кого не обращалъ вниманія. На его тонкомъ, холодномъ лицѣ нельзя было прочесть никакого смущенія.

Онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, поздоровался съ великой княгиней, подошелъ къ великой княжнѣ съ привѣтственной фразой. И не замѣтилъ онъ даже, что при его приближеніи она смертельно поблѣднѣла и едва удержалась на ногахъ.

— Maman, мнѣ дурно, прошептала она великой княгинѣ,—ради Бога уведите меня!

Пришлось исполнить ея требованіе.

Появилась и императрица. Она уже за этотъ день окончательно справилась съ собою и даже внимательный наблюдатель не могъ бы замѣтить въ ней ничего особеннаго. Правда, она довольно холодно привѣтствовала короля, она мало кого удостоила своимъ разговоромъ и уѣхала очень скоро, сказавъ передъ отъѣздомъ великой княгинѣ:

— Поговорите съ нимъ, мнѣ любопытно, что̀ онъ вамъ скажетъ. Извѣстите меня запиской.

По ея отъѣздѣ великая княгиня подошла къ Густаву.

— Объясните мнѣ, сказала она ему,—что̀ все это значитъ? Какъ слѣдуетъ понимать вашъ поступокъ съ нами?., извините, я говорю прямо, я иначе не могу.—что̀ вы сдѣлали съ моей дочерью? Еслибы кто нибудь мнѣ сказалъ, что вы способны поступить такъ, я бы назвала такого человѣка клеветникомъ. Неужели вы такъ безсердечны! Неужели вы ее совсѣмъ не любите?! Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ было увѣрять, зачѣмъ было заставить всѣхъ насъ повѣрить?!

— Ваше высочество, отвѣчалъ король нѣсколько смущенный ея тономъ, замѣчая ея волненіе, слыша сдерживаемыя слезы въ ея голосѣ,—ваше высочество, упреки ваши несправедливы. Мнѣ очень тяжело все это, но я не могъ поступить иначе...

Онъ сталъ объяснять и оправдываться и закончилъ красивою фразою:

— Если мнѣ предстоитъ разбить свое сердце, я разобью его, но только исполняя свои обязанности короля Швеціи. Я не могу измѣнить этимъ обязанностямъ, хотя бы мнѣ пришлось умереть; но я надѣюсь что дѣло еще уладится! да, оно должно уладиться!

— Я бы хотѣла вѣрить этому, отвѣтила великая княгиня,—уладить это дѣло необходимо для вашего счастія. Но скажите мнѣ откровенно: дѣйствительно ли вы имѣете какую нибудь надежду?

— Я храню небольшой лучъ ея! проговорилъ онъ, замолчалъ и сталъ угрюмо глядѣть по сторонамъ.

Великая княгиня отошла отъ него и скрылась во внутренніе покои.

Король нѣсколько разъ прошелся по залѣ, особенно любезно раскланялся со всѣми и уѣхалъ. Это было его послѣднее появленіе передъ дворомъ Екатерины...

Прошло нѣсколько дней. Во дворцѣ не было ни баловъ, ни пріемовъ. Послѣ цѣлаго ряда блестящихъ празднествъ наступило затишье. Со шведами шли переговоры, которые не вели ни къ чему. Регентъ употреблялъ всѣ усилія для того чтобы убѣдить императрицу и великую княгиню въ своей къ нимъ преданности и своемъ отчаяньи по поводу того, что̀ случилось.

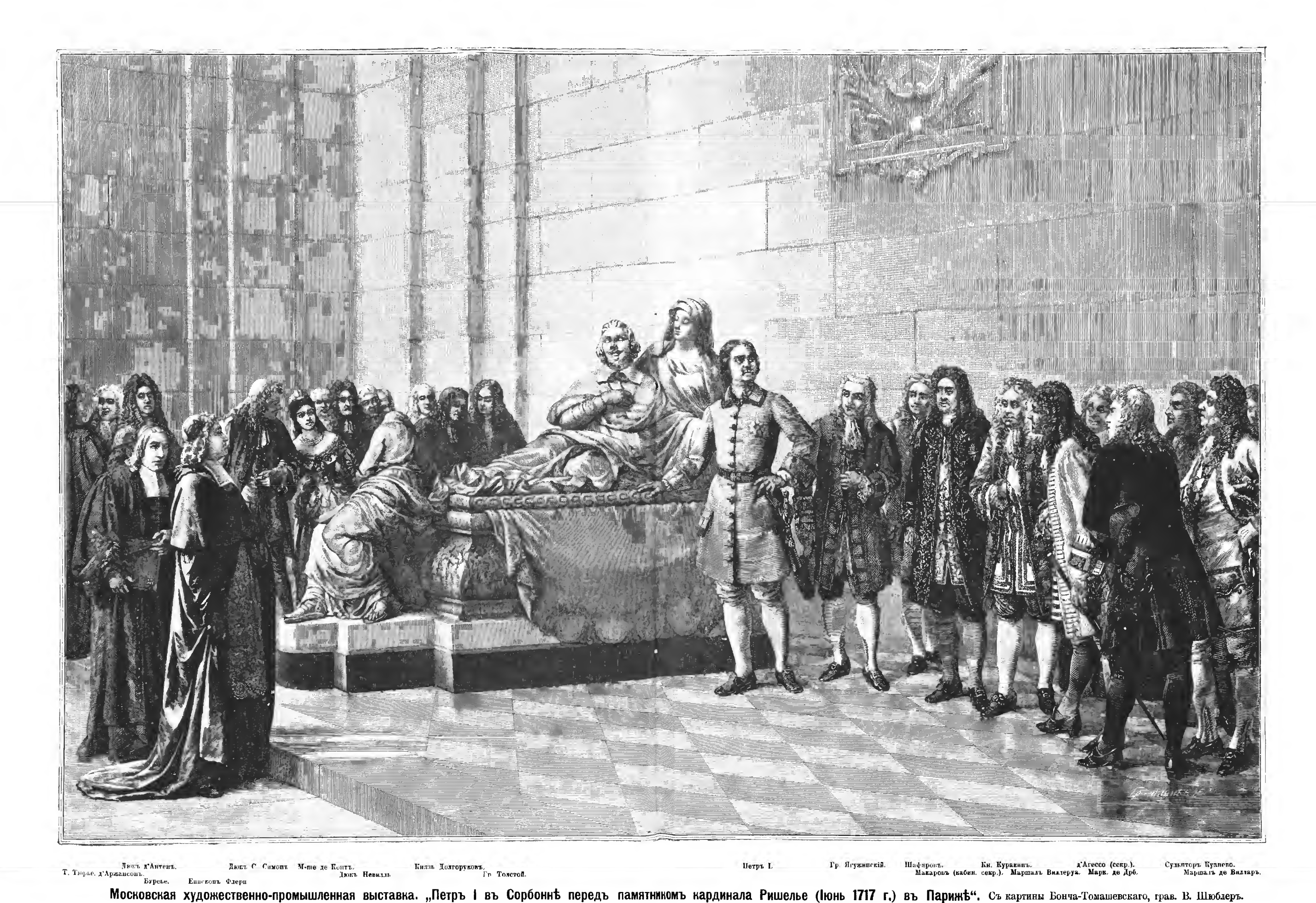
Густавъ выказывалъ необыкновенное упорство. Онъ то и дѣло повторялъ:

„Что я сдѣлалъ, то сдѣлалъ, что сказалъ—то сказалъ и никогда не измѣню сдѣланнаго мною и сказаннаго!“

Наконецъ рѣшили на конференціи, что ратификація короля послѣдуетъ черезъ два мѣсяца, то есть, послѣ его совершеннолѣтія.

Императрица дала понять, что теперь дѣлать больше нечего и что она не задерживаетъ гостей своихъ въ Петербургѣ. Отъѣздъ ихъ былъ назначенъ.

Такъ какъ прямаго разрыва не было и всѣ еще толковали о томъ, что дѣло можетъ уладиться, то были соблюдены всякія любезности: обмѣнялись богатыми подарками. Однако и тутъ Густавъ сдѣлалъ непристойность.



Московская художественно-промышленная выставка. „Петръ I въ Сорбоннѣ передъ памятникомъ кардинала Ришелье (Іюнь 1717 г.) въ Парижѣ“. Съ картины Бонча-Томашевскаго, грав. В. Шюблеръ.

Онъ не только не поѣхалъ лично въ Гатчину проститься съ цесаревичемъ и великой княгиней, но даже не послалъ имъ прощальнаго письма. Онъ только приказалъ секретарю шведскаго посольства Женнингсу съѣздить въ Гатчину и словесно передать его прощальныя привѣтствія.

Ему отвѣтили тоже словесно.

Но регентъ написалъ цесаревичу и великой княгинѣ самыя любезныя, льстивыя и даже трогательныя письма.

Цесаревичу онъ писалъ между прочимъ:

„Каковы бы ни были обстоятельства, я всегда пребуду вамъ преданъ и еще не отчаяваюсь имѣть счастіе обнять васъ какъ родственника вдвойнѣ дорогого и уважаемаго.“

Въ письмѣ къ великой княгинѣ заключались такія фразы:

„Какъ ни печальна для меня эта минута, я, однако, не теряю надежды видѣть вскорѣ осуществленіе моихъ желаній въ счастливомъ союзѣ, который упрочитъ счастіе двухъ націй; это будетъ предметомъ моихъ заботъ и цѣлью всѣхъ моихъ желаній. Благоволите сохранить меня въ вашей памяти. Эта драгоцѣнная надежда будетъ единственной отрадой, которая одна можетъ смягчить печаль, мною испытываемую въ минуту удаленія отъ вашей августѣйшей особы.“

Ему отвѣтили очень любезно, но нѣсколько сдержанно.

Не смотря на всѣ его увѣренія его подозрѣвали въ неискренности рѣшительно всѣ, начиная съ самой императрицы.

Наконецъ шведы уѣхали. Великая княжна бродила какъ тѣнь, на нее жалко было смотрѣть. Цесаревичъ замкнулся въ Гатчинѣ. Императрица чувствовала себя очень нехорошо и почти не выходила изъ своихъ комнатъ. Зубовъ былъ взбѣшенъ до крайнихъ предѣловъ. Къ нему все это время никто не могъ подступиться. Уже не говоря о томъ, что онъ ошибся въ расчетахъ такъ какъ, на слѣдующій день послѣ обрученія, долженъ былъ получить званіе фельдмаршала,—онъ наединѣ съ самимъ собою сознавалъ свою ошибку, чувствовалъ себя униженнымъ этимъ нежданнымъ фіаско, которое потерпѣлъ его дипломатическій геній.

Онъ долженъ былъ во чтобы то ни стало свалить свою вину на кого нибудь. Долженъ былъ оправдать себя въ глазахъ императрицы. И вотъ онъ вспомнилъ слова Безбородки о томъ, что это дѣло навѣрно было заранѣе подготовлено,—и занялся изслѣдованіями.

Онъ напалъ на слѣды сношеній регента съ Витвортомъ и вдругъ нежданная для него мысль пришла ему въ голову. Онъ вспомнилъ еще о чемъ то, или вѣрнѣе о комъ то. Глаза его злобно блеснули. Онъ позвалъ Грибовскаго и далъ ему какое то таинственное порученіе.

Въ тотъ же день Грибовскій вернулся къ нему со своими отмѣтками.

Зубовъ быстро прочелъ ихъ и усмѣхнулся.

— Ты ручаешься мнѣ, что эти свѣдѣнія вѣрны? спросилъ онъ Грибовскаго.

— Ручаюсь, ваша свѣтлость.

— Такъ онъ три раза былъ у Витворта? и именно въ эти дни и часы? а Витвортъ заѣзжалъ къ нему прямо отъ регента, изъ шведскаго посольства?

— Точно такъ, ваша свѣтлость!

— Хорошо!

Грибовскій удалился, а Зубовъ отправился къ императрицѣ.

XXXII.

Богъ наказалъ.

Наконецъ Сергѣй получилъ извѣстіе отъ Тани изъ Гатчины.

Это была маленькая записочка, заключавшая въ себѣ всего на всего нѣсколько словъ:

„Serge, пріѣзжайте завтра, я жду васъ.
Таня“.

Больше ничего. Но развѣ какое нибудь длинное и краснорѣчивое посланіе могло быть болѣе яснымъ, болѣе краснорѣчивымъ, чѣмъ эта лаконическая фраза?

Она зоветъ, она ждетъ, она подписалась просто „Таня!“ Недоговореннаго уже ничего не осталось.

Сергѣй ждалъ именно такой вѣсти. Она не сказала ему ничего новаго. А между тѣмъ, онъ какъ юноша, въ первый разъ въ жизни получившій любовную записку, перечиталъ разъ двадцать эти слова:

„Serge, пріѣзжайте завтра, я жду васъ. Таня“.

На него нахлынулъ потокъ такого счастья, такого восторга... ему казалось, что у него выростаютъ крылья.

Это было вечеромъ.

„Отчего же завтра, отчего она не прислала раньше, чтобы выѣхать тотчасъ же по полученіи записки?! Ждать цѣлую ночь; но дѣлать нечего, нужно подчиниться необходимости!“

Онъ прошелъ въ свою спальню и велѣлъ позвать къ себѣ Моську.

Карликъ появился тотчасъ же, заперъ за собою дверь, мелкими шажками подошелъ къ Сергѣю, заглянулъ въ глаза ему.

Онъ всѣ эти дни, послѣ послѣдней поѣздки Сергѣя въ Гатчину, находился въ возбужденномъ состояніи. Онъ не понималъ что это значитъ:

„Сергѣй Борисычъ веселъ, доволенъ, очевидно дѣло совсѣмъ наладилось, а между тѣмъ онъ не ѣдетъ въ Гатчину и оттуда нѣтъ никакой присылки!“

Ему смертельно хотѣлось узнать въ чемъ дѣло, но распрашивать Сергѣя Борисыча онъ не рѣшался и только ждалъ—авось самъ призоветъ да скажетъ. Онъ зналъ теперь, что пріѣхалъ изъ Гатчины посланецъ, привезъ конвертикъ. Вотъ и его позвали... наконецъ-то!

— Что прикажешь, батюшка? пропищалъ онъ.

— Прочти, Степанычъ! тихо сказалъ Сергѣй, подавая ему записку Тани.

Карликъ схватилъ записку, подбѣжалъ къ столу, вскарабкался на кресло, поближе къ лампѣ, прочелъ и нѣсколько мгновеній остался неподвиженъ.

Двѣ тихія, радостныя слезинки скатились по сморщеннымъ щекамъ его.

— Слава тебѣ Господи! прошепталъ онъ наконецъ и перекрестился.

— Степанычъ, понимаешь, что это значитъ? спросилъ Сергѣй.

— Понимаю, батюшка, понимаю, золотой мой, дождались... Можно, значитъ, поздравить твою милость?

Онъ живо соскользнулъ съ кресла и подбѣжалъ къ Сергѣю.

Сергѣй наклонился, обнялъ его. Карликъ цѣловалъ его руки и радостно всхлипывалъ.

— Господи, сколько то лѣтъ дожидался я этого, пищалъ онъ сквозь слезы. Вотъ что значитъ—Богъ!.. ужь какъ же я и молился, кажинный день молился!.. Маменька то какъ желала этого, вотъ бы теперь порадовалась, сердечная!..

Сергѣй любовно вслушивался въ слова карлика и все крѣпче обнималъ его. Онъ понималъ въ эти тихія минуты, болѣе чѣмъ когда либо, какъ близко ему это крошечное, старое существо; какое преданное, любящее и золотое сердце бьется подъ галунами этого старомоднаго кафтанчика.

— Спасибо, Степанычъ, проговорилъ онъ,—спасибо что радуешься моему счастью. Богъ дастъ заживемъ теперь. Пора, давно пора.

Онъ крѣпко поцѣловалъ карлика и выпустилъ его.

Моська мгновенно отеръ свои слезы. Лицо его вдругъ стало серьезно и важно, онъ усѣлся на бархатную ска-

меечку передъ кресломъ и заговорилъ совсѣмъ новымъ тономъ, котораго Сергѣй ужь никакъ не ожидалъ.

— Да, правда твоя, сударь батюшка, давно пора. Только вотъ скажи ты мнѣ отъ души, какъ передъ Богомъ, приготовленъ ли ты?

— Къ чему приготовленъ?! Какъ!? изумленно спросилъ Сергѣй.

— А вотъ приготовился ли, спрашиваю, къ новой то жизни, которая, по милости Божьей, тебя ожидаетъ? къ супружеской жизни?

— Что за странный вопросъ, Степанычъ?! улыбаясь сказалъ Сергѣй.

— Странный! ничего тутъ нѣтъ страннаго, даже обидѣвшись пропищалъ Моська. Дѣло первой важности... какая тутъ странность! Супруга давно тебѣ была приготовлена такая, что краше, добрѣе и милѣе ея на всемъ свѣтѣ сыскать нельзя и давно бы ты могъ получить ее, кабы приготовленъ былъ. Ну, а ты не былъ приготовленъ—и часъ твой отдалился... Вотъ тогда то, въ Парижѣ, и я, грѣшный человѣкъ, ее упрашивалъ, чтобы не отъѣзжала, чтобы не покидала тебя, а повѣнчалась съ тобою... И не понималъ я тогда, по глупости своей, что не она тутъ была причиной, не она тебя простить не хотѣла... И простила бы, такъ все же тогда ничего не вышло бы, Господь Богъ не могъ допустить, ибо ты не былъ приготовленъ въ чистотѣ сердечной вступить въ жизнь супружескую. Такъ вотъ и спрашиваю, теперь-то приготовленъ ли, чисто ли твое сердце, твои помышленія? достоинъ ли ты повести къ вѣнцу княжну нашу непорочную, Богомъ тебѣ назначенную?

Это былъ совсѣмъ новый взглядъ на дѣло—и Сергѣю хотѣлось разсмѣяться. Но онъ все же удержался, боясь оскорбить карлика, который говорилъ такимъ убѣжденнымъ, такимъ серьезнымъ тономъ.

— Кажется приготовленъ, Степанычъ!

— А почему ты такъ полагаешь?!

— Потому что никакихъ дурныхъ мыслей во мнѣ нѣтъ и ничего кромѣ любви къ Танѣ я не испытываю...

— И можешь поручиться, что будешь ей достойнымъ супругомъ? Ни о комъ во всю жизнь непомыслишь, пребудешь ей въ неизмѣнной вѣрности до скончанія дней своихъ?!

Сергѣй едва удерживался отъ радостнаго смѣха.

— Должно быть „пребуду!" проговорилъ онъ.—А поручиться все же не могу—вдругъ, неравенъ часъ, дьяволъ ослпитъ и такой соблазнъ выставитъ, что никакъ нельзя будетъ удержаться! Что тогда, Степанычъ?!.

Карликъ вскочилъ со своей скамеечки какъ ужаленный и замахалъ руками.

— Что ты?! Что ты! опомнись, безбожникъ! Я ему дѣло, а онъ шутить вздумалъ, нашелъ чѣмъ шутить... нашелъ время... Смотри ты, Сергѣй Борисычъ!—и онъ пригрозилъ ему своей рученкой,—смотри, не шути такъ, не то опять накажетъ Господь!.. Ты думаешь—теперь уже все кончено—анъ нѣтъ, вѣдь еще не повѣнчаны. Ты вотъ Богу помолись хорошенько, хоть теперь то вспомни о Богѣ—а то что же это! Вотъ и кіотъ съ образами, и лампадку я каждый день зажигаю, а ты, я чаю, и не взглянулъ ни разу на образа, и лобъ то не перекрестилъ!.. Ты думаешь, я не замѣчаю? Все, батюшка, вижу, знаю какой ты безбожникъ!.. Въ церкви то, въ церкви когда былъ?—ну ка скажи. А и былъ, такъ молился ли? Я вотъ каждное утро, каждный вечеръ дважды молюсь—за себя, и за тебя. Потому—знаю что ты и всталъ, и легъ безъ молитвы. Смотри ты, Сергѣй Борисычъ!.. А тутъ еще богопротивныя шутки вздумалъ въ такое время!..

Сергѣю становилось все веселѣе и веселѣе глядя на карлика.

— Я вовсе не шучу, Степанычъ, сказалъ онъ,—и ничего богопротивнаго въ словахъ моихъ нѣтъ. А разбери самъ, развѣ человѣкъ можетъ за себя ручаться. Ну вдругъ дьявольское навожденіе! Чай знаешь—и угодники не выдерживали, а я грѣшный человѣкъ! вдругъ возьму, да и плѣнюсь какой нибудь златокудрой или черноокой...

— Тьфу! Тьфу! Тьфу! съ азартомъ заплевался Моська.—Кабы зналъ, не пришелъ бы на зовъ твой. Этакій день, этакій часъ въ конецъ испортилъ. Ну, сударь, не ждалъ я отъ тебя такой дурости. Право слово—бѣду накличешь!

Сергѣй совсѣмъ превратился въ шаловливаго ребенка и громко смѣялся.

Карликъ пришелъ въ окончательное негодованіе.

— Въ такой день, передъ такимъ дѣломъ! повторялъ онъ.—Господи, да что же это такое?! Уйти поскорѣе... Прощай, сударь, засни, авось сномъ эта дурь пройдетъ въ тебѣ. Да Богу-то помолись, помолись хоть разъ въ жизни!..

Онъ снова погрозилъ Сергѣю рученкой и направился къ двери.

— Ну, прощай! крикнулъ ему вслѣдъ Сергѣй,—распорядись чтобы пораньше карета была готова. Ѣдешь со мною что ли?

Карликъ остановился у двери и грозно взглянулъ на Сергѣя.

— Смотри, самъ то еще поѣдешь ли! Вотъ какъ накажетъ тебя опять Богъ, тогда и увидишь какъ грохотать да шутить непотребно... Плохія это шутки...

И бормоча что-то себѣ подъ носъ, онъ вышелъ изъ спальни...

Сергѣй спалъ крѣпко и спокойно, какъ счастливый человѣкъ, уже успѣвшій свыкнуться со своимъ, долго жданнымъ и наконецъ пришедшимъ счастьемъ. Но онъ все же проснулся очень рано, со свѣжей головой, съ ощущеніемъ полнаго довольства.

Онъ не спѣшилъ вставать и одѣваться, онъ зналъ что еще можетъ понѣжиться нѣсколько времени, такъ какъ карликъ непремѣнно придетъ во время разбудить его. И онъ лежалъ потягиваясь и пріятно позѣвывая, мечтая о томъ, какъ въ скоромъ времени сложится его жизнь.

Конечно онъ не станетъ откладывать свадьбу въ долгій ящикъ. Слава Богу, достаточное время пробылъ женихомъ—больше восьми лѣтъ! И конечно она сама ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобы немного поторопиться. А если даже и заупрямится—онъ теперь съумѣетъ уговорить ее...

Онъ не оставлялъ мысли о томъ, чтобы поступить на службу къ цесаревичу. Онъ во что бы то ни стало добьется этого; но поселиться окончательно въ Гатчинѣ врядъ ли будетъ удобно. Да и наконецъ, хотя этотъ годъ цесаревичъ и намѣренъ долго прожить тамъ, но все же зимой переѣдетъ въ Петербургъ.

„Придется часто ѣздить въ Гатчину—такъ что же, это не трудно, ужь если вотъ великая княгиня чуть ли не каждый день совершаетъ такія прогулки—такъ ему о чемъ же заботиться!.. И такъ, значитъ, онъ поселится съ Таней здѣсь, въ своемъ домѣ. Необходимая меблировка нѣсколькихъ комнатъ не потребуетъ много времени—недѣли въ двѣ все можно будетъ сдѣлать".

Онъ забылся на нѣсколько мгновеній въ дремотѣ; но внезапно очнулся и опять продолжалъ мечтать объ этой будущей, близкой жизни.

„Мы не станемъ жить открыто. Таня привыкла къ уединенію, она скучать не будетъ. Мы ограничимся небольшимъ кружкомъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ, на расположеніе которыхъ я могу еще кое какъ положиться... Вотъ нужно будетъ завести знакомство съ Державинымъ, онъ заинтересовалъ меня. Онъ уменъ и оригиналенъ... Онъ чуть ли не единственный живой человѣкъ, котораго я замѣтилъ въ здѣшнемъ обществѣ..."

„Какъ хорошо жить"! кончилъ Сергѣй своей любимой теперь фразой, которую мысленно повторялъ по многу разъ въ эти дни. „Что же однако не идетъ Моська"?

Но Моська былъ легокъ на поминѣ. Только онъ вошелъ въ комнату не на цыпочкахъ, не осторожно, какъ всегда это дѣлалъ, а вкатился кубаремъ. Подбѣжалъ прямо къ кровати Сергѣя, быстро отдернулъ пологъ и завизжалъ что было въ немъ голосу:

— Сергѣй Борисычъ, вставай... бѣда приключилась. Бѣда, слышь ты... вставай, ради Бога!..

Испугъ и тоска были въ его голосѣ.

Сергѣй вскочилъ и самъ испуганный.

— Что такое? Пожаръ что ли?.. Горимъ мы?

— Какой пожаръ—хуже... Одѣвайся-ка!

Зубы карлика стучали и руки такъ и тряслись когда онъ подавалъ Сергѣю одѣваться.

— Вѣдь говорилъ я тебѣ: не искушай ты Господа Бога!.. говорилъ—покараетъ Онъ тебя за твое богохульство!.. Такъ оно и случилось... какъ по писаному... Говорилъ: невѣдомо еще—поѣдемъ ли мы въ Гатчину... Ну и что же, батюшка... ну и не поѣдемъ!..

„Что это за горе такое!—никакъ бѣдный Степанычъ рехнулся?!" подумалъ Сергѣй внимательно вглядываясь въ перепуганную и дрожащую фигуру Моськи.

— Степанычъ, голубчикъ, да приди ты въ себя, опомнись!.. Что за вздоръ ты болтаешь? Или ты не выспался, на яву грезишь?!

— Ахъ, кабы вздоръ то былъ, сударь-батюшка! Ахъ кабы грезилъ я, али съ пьяна болталъ!.. Да нѣтъ, правду говорю,—не ѣдемъ мы въ Гатчину, а что дальше будетъ—ума не приложу!.. Творится такое, что никакъ понять невозможно... разумъ отшибло. Одѣвайся вотъ поскорѣе... Дай я тебѣ подамъ умыться... вотъ самъ посмотри что у насъ такое дѣется!..

Сергѣй разсердился.

— Да будешь ты, наконецъ, говорить по человѣчески?! крикнулъ онъ топнувъ ногой.

— Батюшка, какъ же мнѣ говорить еще—тутъ и говорить то нечего... Проснулся это я, одѣлся, умылся, Богу помолился... закладывать велѣлъ карету... Хотѣлъ на крыльцо выйти, посмотрѣть какова погода—тепло али холодно... какой плащъ велѣть подать тебѣ... Схожу съ лѣстницы... глядь... а въ большихъ то сѣняхъ у насъ два солдата на караулѣ поставлены... Иваныча, швейцара, спрашиваю: что такое?.. А онъ съ испуга и говорить не можетъ.., отъ лакеевъ уже добился: постучались... вошли солдаты съ ружьями... во всей аммуниціи и встали на караулъ... Съ ними офицеръ... а то чуть ли не генералъ... въ пріемной дожидается... и распоряженіе отдалъ никого не выпускать изъ дома...

Сергѣй не могъ придти въ себя отъ изумленія... Онъ ничего не понималъ.

— Что же ты, морочишь меня что-ли?!

Карликъ всплеснулъ руками,

— Пойди, батюшка, посмотри морочу ли я тебя!.. Этотъ самый офицеръ, не то генералъ разбудить тебя велѣлъ... я съ нимъ уже заговаривалъ... подошелъ да и говорю: Сергѣй Борисычъ, молъ, почиваютъ, а какъ встанутъ—тотчасъ же изъ дому выѣдутъ, и карету, молъ, ужь велѣно закладывать... Такъ что же онъ мнѣ на это: „Ну, говоритъ, карету то отложить придется, никуда твой баринъ не поѣдетъ, чучело ты гороховое!.. Обругалъ ни за что ни про что чучелой гороховымъ!..

Сомнѣваться въ правдивости разсказа карлика не было болѣе возможности. Сергѣй былъ внѣ себя отъ негодованія.

„Что-же это, арестовать его пришли что-ли? Конечно въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія... И вѣдь онъ долженъ былъ давно ужь приготовиться къ этому. Государыня была съ нимъ милостива, но Зубовъ не дремалъ. Цесаревичъ предупреждалъ его, чтобъ онъ ожидалъ всякихъ непріятностей... Однако вѣдь есть-же всему предѣлъ и мѣра! Долженъ быть предѣлъ и власти этого безсовѣстнаго человѣка. Онъ могъ на него клеветать; но вѣдь для такого образа дѣйствія, для такого оскорбленія, для ареста въ его собственномъ домѣ нужно-же имѣть что нибудь въ рукахъ, какія нибудь доказательства. Какія-же доказательства могутъ быть? Онъ велъ себя осторожно, онъ ничѣмъ себя не скомпрометировалъ. Онъ во все это время не позволилъ себѣ лишняго слова, говорилъ откровенно и по душѣ только въ первые два, три дня по своемъ пріѣздѣ, когда еще не оглядѣлся. Да и съ кѣмъ говорилъ?—съ Нарышкинымъ. Вѣдь не станетъ-же дядя выдавать его — не такой человѣкъ"!..

Какъ бы то ни было онъ поспѣшно одѣлся и вышелъ къ дожидавшемуся его офицеру.

Ему на встрѣчу поднялась толстая, высокая фигура. Лицо было ему незнакомо; но онъ сразу понялъ что имѣетъ дѣло съ однимъ изъ высшихъ представителей петербургской полиціи.

— Что вамъ угодно? спросилъ Сергѣй.

— Милостивый государь мой, съ легкимъ поклономъ отвѣчалъ незваный гость,—прежде всего я долженъ объявить вамъ что вы арестованы и впредь до дальнѣйшаго распоряженія обязаны не выходить и не выѣзжать изъ дома, никого не принимать, ни съ кѣмъ не сноситься и не переписываться.

— Что такое? На какомъ основаніи? По чьему приказанію?

— По высочайшему повелѣнію! былъ отвѣтъ.

— Но въ такомъ случаѣ, потрудитесь объявить мнѣ мою вину.

— На это я не уполномоченъ. Я прошу васъ провести меня въ вашъ кабинетъ и передать мнѣ ваши бумаги.

Сергѣй поблѣднѣлъ отъ подступившей къ его сердцу злобы. Все это было такъ дико, возмутительно и нежданно. Но несмотря на волновавшія его чувства онъ все-же нашелъ въ себѣ силы съ виду остаться спокойнымъ.

Онъ сообразилъ что разсуждать съ этимъ господиномъ ему не приходится, что для него даже унизительно вступать въ какія-бы то ни было объясненія. Слѣдуетъ подчиниться всему этому безобразію.

Ну что-же, пускай роется въ бумагахъ! Что-же онъ найдетъ?!

Онъ припоминалъ, что́ именно могло находиться въ его бюро и письменномъ столѣ...

„Копіи интересныхъ дипломатическихъ бумагъ; но какъ чиновникъ иностранной коллегіи я имѣю право держать ихъ у себя. Затѣмъ что-же"?

Онъ вспомнилъ вдругъ, что между бумагами находится и его дневникъ, который по старой, съ дѣтства пріобрѣтенной стараніями Рено привычкѣ, онъ велъ до сихъ поръ, хотя и съ большими перерывами.

Что-же, пусть читаютъ, пусть читаетъ негодяй Зубовъ!..

Затѣмъ переписка: старыя и милыя письма Тани, два, три письма цесаревича, нѣсколько писемъ Нарышкина, Рено.

„Пусть все читаютъ, увидятъ какой я вольтерьянецъ. быть можетъ найдутъ многое для моего обвиненія... въ какія руки попадетъ все это"!..

— Сдѣлайте милость! проговорилъ онъ приглашая толстяка слѣдовать за собою.

Войдя въ кабинетъ, онъ отперъ бюро, письменный столъ, книжные шкафы.

— Распоряжайтесь! сказалъ онъ.

И присѣвъ къ камину онъ сталъ тоскливо слѣдить за тѣмъ, какъ этотъ неизвѣстный ему человѣкъ перебираетъ то, до чего еще не касалась посторонняя рука, всѣ эти тетради и листочки, въ которыхъ хранились слѣды его протекшей внутренней жизни.

Гдѣ дорога? Ориг. рисун. Н. Г. Богданова, грав. Флюгель.

„Таня, думалъ онъ, — вотъ какъ я къ ней ѣду. Эхъ кабы онъ убрался поскорѣе!.. напишу ей, пошлю съ Степанычемъ. Навѣрно цесаревичъ поможетъ мнѣ въ бѣдѣ этой"!..

Онъ совсѣмъ позабылъ что ему только что было объявлено о запрещеніи съ кѣмъ-бы то ни было пересылаться или переписываться.

Между тѣмъ посѣтитель выбралъ изъ всѣхъ ящиковъ всѣ письма, всѣ рукописи и обратился къ Сергѣю:

— Нѣтъ-ли у васъ такого портфеля, или шкатулки, чтобы уложить все это?

— Вы такъ все и возьмете съ собой?

— Конечно!

— Послушайте, вѣдь тутъ есть многое такое, напримѣръ, нѣкоторыя письма... ихъ отбирать у меня нѣтъ никакого основанія и мнѣ очень-бы хотѣлось чтобы они были оставлены!

— Это невозможно, я долженъ взять все.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ шкатулка, вотъ портфель, тамъ вотъ еще другой—выбирайте что угодно.

Толстякъ живо распорядился.

— Теперь я удаляюсь, сказалъ онъ. Такъ помните-же, государь мой, все что я объяснилъ вамъ. Я надѣюсь, что вы не вздумаете нарушить предписаніе?

— Не тревожьтесь пожалуйста, я никуда не тронусь до тѣхъ поръ пока это странное недоразумѣніе не выяснится.

Толстякъ какъ-то повелъ плечами и вышелъ изъ кабинета.

По его уходѣ Сергѣй тотчасъ-же присѣлъ къ столу и написалъ записку Танѣ. Онъ обернулся, возлѣ него уже стоялъ Моська.

— Вотъ, Степанычъ, отвези княжнѣ, да скорѣй!

— Мигомъ, золотой мой, ни минутки медлить не стану.

Онъ тяжело вздохнулъ, сложилъ записку, сунулъ ее въ кармашекъ камзола и вышелъ.

Минутъ черезъ пять онъ, уже совсѣмъ одѣтый, спускался съ лѣстницы во дворъ. Онъ хотѣлъ исчезнуть незамѣтно, не хотѣлъ, чтобы его видѣли солдаты, караулившіе въ парадныхъ сѣняхъ. Онъ поѣдетъ на почтовыхъ. Онъ уже спустился съ лѣстницы и хотѣлъ отворить дверь, какъ вдругъ чья-то крѣпкая рука схватила его.

Онъ поднялъ голову — передъ нимъ рослая фигура солдата.

— Куда, обезьяна? Назадъ, никого не выпускать приказано.

Карликъ взвизгнулъ отъ такой неожиданности.

„И здѣсь поставлены! весь домъ оцѣпленъ"!

— Пропусти, голубчикъ! Какъ это меня не выпускать приказано? Кто-же такой приказъ далъ? Я, батюшка, по своему дѣлу... я то что-же?..

Онъ не зналъ, что и говоритъ, онъ совсѣмъ спутался.

— Назадъ, слышь ты, назадъ! Нечего тутъ болтать по пусту. Не приказано никого выпускать, да и полно! Ну, направо кругомъ—маршъ!.. поворачивайся!..

Карликъ понялъ, что все пропало и что разсуждать съ этимъ солдатомъ ему дѣйствительно нечего. Онъ побрелъ назадъ, тяжело подымаясь по ступенямъ и въ отчаяніи думая:

„Такъ вотъ оно какъ! Вотъ какія порядки завелись! чтобы такого большаго боярина, да въ собственномъ домѣ оцѣпить какъ медвѣдя въ берлогѣ. Гдѣ-же такое видано?.. У нехристей, у басурманъ поганыхъ, въ дьявольскомъ ихнемъ Парижѣ, всякихъ вотъ ужасовъ пришлось навидаться, такъ это имъ, окаяннымъ, въ пору... Вотъ думалъ: „когда-бы домой?! Когда-бы домой добраться, у насъ не то, у насъ народъ христіанскій"—а тутъ это что-же такое?! А Таничка! Таничка!.. ждетъ, сердечная! Господи, вотъ такъ подлинно наказалъ Ты! И чего-же ждать теперь? Что дѣлать — ничего не придумаешь... Одно и осталось—ложиться да и помирать... одно и осталось"!..

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Дикія.

Разсказъ изъ галицiйской жизни

Захеръ-Мазоха.

(Окончаніе).

Приближалось время, когда пастухи возвращались на Карпатскіе луга, въ свои хижины. Дѣвушки рѣшили покинуть домъ, въ которомъ они провели зиму и вернуться въ свое прежнее убѣжище въ горахъ.

По пути онѣ встрѣтились съ толпою людей, одѣтыхъ въ костюмъ горцевъ; нѣкоторые изъ нихъ были вооружены. Несмотря на это видъ трехъ женщинъ въ звѣриныхъ шкурахъ, перепугалъ ихъ до смѣшнаго. Нѣкоторые повернулись и убѣжали, нѣкоторые повлѣзали на деревья, другіе не успѣвшіе влѣзть попадали на землю и просили о помилованіи.

Дѣвушки громко начали смѣяться.

— За кого вы насъ принимаете? воскликнула Домаха, за дикихъ бабъ что ли? Не бойтесь, мы такіе же бѣдные люди какъ и вы, я вижу—вы вѣдь гайдамаки.

— Да, это правда! отвѣтилъ предводитель толпы, рослый, сильный мущина, съ сѣдыми волосами, единственный, который встрѣтилъ ихъ смѣло, кто вы, и откуда идете?

— Мы дочери крестьянина изъ Ракова, который бѣжалъ въ горы.

Ватажко (начальникъ) приложилъ къ губамъ тромбитъ (родъ охотничьяго рога), который носилъ на красномъ шнурѣ, и созвалъ разсыпавшихся своихъ товарищей. Скоро всѣ были снова въ сборѣ и съ удивленіемъ и удовольствіемъ смотрѣли на красивыхъ, смѣлыхъ, дѣвушекъ, потомъ расположились на бархатистомъ мху вокругъ ватажко и Домахи, которые усѣлись на упавшей соснѣ, и разсказывали о своей превратной судьбѣ и жизни полной приключеній въ горахъ.

— И вы не хотите больше вернуться къ себѣ въ деревню? спросилъ ватажко, когда Домаха кончила.

— Не можемъ, отвѣтила та, развѣ по суду я не преступница? Меня бы схватили и посадили въ тюрьму.

— Что же вы будете дѣлать въ горахъ, въ глуши, тутъ и жить то опасно! продолжалъ старикъ. Вы хоть и бойки а и вы скоро тутъ изведетесь. Послушайтесь-ка меня, идите вы съ нами. Даю вамъ слово—среди насъ вамъ будетъ также хорошо какъ дома.

— Спасибо! сказала Домаха. Только покойный отецъ не простилъ бы намъ, кабы мы дѣлали то же что вы.

— Вы считаете насъ разбойниками, отвѣтилъ ватажко съ достоинствомъ. Но мы бѣглые, гайдамаки, а не убійцы, не разбойники. Мы противъ австріяковъ а не противъ добрыхъ людей. Къ намъ въ горы приходятъ всѣ бѣдные, которыхъ тѣснятъ нѣмцы, разсказываютъ они намъ свои обиды и у насъ имъ и защита и помощь. Еще разъ говорю вамъ, идите-ка вы съ нами, болѣе не буду и звать васъ.

— Пожалуй! Хорошо! сказала Домаха, будемъ дѣлить съ вами горе и бѣду, если вы обѣщаете мнѣ отомстить врагу моего отца, что довелъ его до смерти, отомстить такъ *какъ я этаго хочу*.

— Вотъ тебѣ моя рука, сказалъ ватажко, отецъ твой будетъ отомщенъ.

— И вы обѣщаете отдать мнѣ въ руки негодяя, австріяка вскричала Домаха, чтобы я могла наказать его!

— Коли мы только заполучимъ его живаго, сказалъ ватажко.

Такъ былъ заключенъ союзъ. Гайдамаки при радостныхъ крикахъ стрѣляли изъ своихъ ружей.

Когда ватажко подалъ тромбитомъ сигналъ выступать, всѣ выстроились и отрядъ двинулся въ путь. Впереди шли двое, чтобы въ случаѣ опасности предупреждать остальныхъ выстрѣлами или свистками, точно также по два человѣка было отряжено идти справа и съ лѣва на нѣкоторомъ разстояніи отъ колонны.

На пятьдесятъ шаговъ позади слѣдовалъ уже самый отрядъ. Прежде шло тридцать вооруженныхъ людей, затѣмъ ватажко съ дѣвушками, потомъ слѣдовалъ скотъ и пожитки и наконецъ болѣе двадцати гайдамаковъ. Пять человѣкъ замыкали тоже на извѣстномъ отдаленіи шествіе и прикрывали тылъ отряда.

Такъ шли они много часовъ черезъ обрывы и ущелья, то поднимаясь на обыкновенную вышину по узкимъ тропинкамъ, то переходя по упавшимъ деревьямъ, образовавшимъ естественные мосты надъ пропастями и водопадами, то наконецъ идя по первобытнымъ лѣсамъ или по цвѣтущимъ лугамъ. Отдохнувъ

съ часъ возлѣ ручья, они двинулись снова и передъ солнечнымъ закатомъ, пришли на плоское мѣсто между скалами. Сюда пролегала только съ одной стороны узкая тропинка—мѣсто это служило Гайдамакамъ и жилищемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ было неприступною крѣпостью.

Здѣсь они выстроили изъ большихъ бревенъ обширный домъ, деревянная крыша котораго для защиты отъ бурь и снѣга была покрыта каменьями; кромѣ того здѣсь у нихъ было еще нѣсколько жилищъ, кладовыхъ и проведено подъ скалами нѣсколько подземныхъ ходовъ.

Для присмотра за всѣмъ этимъ здѣсь оставалось четыре Гайдамака, которые встрѣтили ватажко ружейными выстрѣлами и звуками трембита, точно возвращающагося полководца.

Большой домъ ватажко предоставилъ пока дѣвушкамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился постройкой для нихъ отдѣльнаго жилища, и не прошло недѣли, какъ напротивъ перваго, былъ поставленъ маленькій домикъ, прислоненный къ скалѣ. Въ немъ былъ погребъ, куда можно было попадать прямо изъ кухни. Около же домика былъ придѣланъ сарай, а передъ нимъ разбитъ даже садикъ.

Лучше и удобнѣе нельзя было устроиться между голыми скалами на высотѣ шестисотъ футовъ надъ поверхностью моря.

Дѣвушки привыкли скоро къ своему новому положенію и каждая изъ нихъ стала дѣлать, что болѣе подходило къ ея вкусамъ. Марушка стряпала и шила на всю банду, и смотрѣла за погребомъ и сараемъ, Никоня ходила на охоту, а Домаха участвовала въ экспедиціяхъ Гайдамаковъ.

Уже два раза имѣла она случай выказать свою ловкость и отвагу.

Однажды безъ оружія, съ сосновой палкой въ рукахъ пошла она на встрѣчу отряду солдатъ, которые завидя ее, съ криками *„дикая баба“* бросились бѣжать назадъ и попали подъ перекрестный огонь гайдамаковъ, спрятавшихся по обѣимъ сторонамъ дороги между деревьями и скалами.

Въ другой разъ, она первая вошла въ имѣніе однаго австрійца и пока товарищи ея вязали женщинъ и слугъ она прошла въ комнату, гдѣ хозяинъ читалъ газету и курилъ длинную трубку.

Испуганный онъ вскочилъ и схватился за пистолетъ, висѣвшій на стѣнѣ.

— Стрѣлять въ женщину? воскликнула Домаха.

Австріецъ, бывшій военный, опустилъ руку, а въ слѣдующее мгновеніе уже былъ ея плѣннымъ.

Ранѣе чѣмъ даже Домаха могла надѣяться, ватажко сдержалъ свое слово.

Одинъ изъ многочисленныхъ вѣстовщиковъ, которые были у гайдамаковъ всегда между крестьянами сообщилъ ватажко, что управляющій Ливальдъ ежедневно выѣзжаетъ послѣ обѣда въ поле и что тамъ всего легче его схватить, такъ какъ ни одинъ работникъ-словакъ не станетъ защищать этаго человѣка.

Такіе набѣги въ долину, дерзкіе гайдамаки предпринимали всегда верхами. У нихъ были маленькія но сильныя и выносливыя горныя лошадки; не подкованныя, днемъ и ночью, онѣ съ одинаковой увѣренностью, даже безъ повода ходятъ по опаснымъ тропинкамъ.

Ватажко велѣлъ сѣдлать. Онъ самъ, Домаха, сгоравшая отъ нетерпѣнія мстить за отца и еще пятнадцать гайдамаковъ сѣли на лошадокъ и отправились въ опасное предпріятіе.

Солнце уже садилось когда они прибыли къ Ракову. Они поѣхали черезъ деревню, чтобы перерѣзать управляющему путь и въ то время какъ ватажко съ десятью гайдамаками расположился у входа въ имѣніе, Домаха съ остальными поскакала въ поле.

Ливальдъ готовился именно наказать однаго словака—крестьянина, когда мстительница явилась. Не успѣлъ Ливальдъ опомниться, какъ почувствовалъ на шеѣ петлю, которую Домаха набросила ему съ ловкостью казака.

— Боже, Боже! вскрикнулъ онъ, спасите!

И это были послѣднія слова, произнесенныя имъ.

Никто не тронулся къ нему на помощь. До такихъ ужасовъ доведены были славяне своими иноземными утѣснителями!

Управляющій хватился за шею, но Домаха погнала лошадь, стащила его съ сѣдла и поволокла за собою.

Случайно черезъ имѣніе Раково проходило два отряда драгунъ, возвращавшихся съ обхода. Когда имъ дали знать о гайдамакахъ, они вооружили, взявъ съ собою гайдуковъ и лѣсничаго и пошли на встрѣчу гайдамакамъ.

Произошла свалка, въ которой были ранены одинъ гайдукъ и лѣсничій, но за то ватажко палъ мертвымъ отъ пули драгуна.

Гайдамаки, разстроенные смертью своего предводителя, ударились въ бѣгство; драгуны преслѣдовали ихъ по пятамъ.

Тогда Домаха съ остальными гайдамаками бросилась къ бѣжавшимъ, остановила ихъ и начался бой. Она приняла начальство и всѣ какъ-то стали безпрекословно ей повиноваться.

Домаха сшибла одного драгуна съ коня, ранила другого и погнала остальныхъ въ деревню, гдѣ они побросали оружіе и бѣжали.

Послѣ того какъ все болѣе цѣнное было унесено гайдамаками и навьючено на забранныхъ на дворѣ Ливальда коней и когда крестьяне разгрѣбили домъ и овины, Домаха приказала зажечь строенія и привязавъ тѣло ватажко за своимъ сѣдломъ пустилась со всѣми въ обратный путь, въ горы.

Высоко, какъ на катафалкѣ, на дикомъ камнѣ лежалъ два дня подъ открытымъ небомъ мертвый предводитель гайдамаковъ. Двое стояли около него на стражѣ, надъ нимъ кружились орлы, а внизу въ ущельяхъ, точно съ горя по умершемъ, слышалось мрачное завываніе волковъ.

На третій день его похоронили въ скалахъ, сложили на могилѣ кучу изъ камней и поставили грубо срубленный крестъ. Затѣмъ всѣ собрались на поминки и послѣ этаго приступили къ выбору новаго ватажко.

Долго не могли рѣшить вопроса, наконецъ съ мѣста поднялся старый, сѣдой гайдамакъ.

— Я думаю, такъ началъ онъ, мы уже нашли предводителя. Домаха умѣетъ командовать и биться, она и должна начальствовать.

Многіе согласились съ нимъ, были однако и такіе, которые не хотѣли подчиняться женщинѣ.

— Однако женщинѣ повиноваться лучше чѣмъ мущинѣ, заговорилъ старикъ снова, мнѣ покрайней мѣрѣ трудно признать надъ собою старшинство человѣка, который ничѣмъ не лучше меня. А я не вижу стыда слушаться такой какъ Домаха.

Послышались горячія возраженія.

— Выслушайте-ка вы меня до конца, продолжалъ старикъ, что Богъ сотворилъ прежде лучшее и затѣмъ худшее или наоборотъ? Прежде всего Богъ создалъ небо и землю, солнце, луну и звѣзды, камни и другія безжизненныя вещи, затѣмъ растенія, животныхъ и мущину и наконецъ женщину: мущину онъ сдѣлалъ изъ земли, а женщину уже изъ ребра мущины, и такъ выходитъ, что женщина сдѣлана почище насъ.

Начали соглашаться, смѣясь.

— И такъ Домаха пусть и командуетъ, заключилъ старикъ.

Въ этотъ разъ никто не противорѣчилъ и Домаха была сдѣлана атаманшей. Въ знакъ ея власти ей былъ отданъ украшенный золотомъ топоръ умершаго ватажко. Она обѣщала управлять какъ можно лучше, затѣмъ всѣ клялись ей въ вѣрности и послушаніи.

Домаха вела теперь гайдамаковъ во время набѣговъ. Молодость всегда смѣлѣе и предпріимчивѣе старости; за смѣлымъ всегда идетъ счастье и всѣ ея самыя несбыточныя предложенія удавались и вскорѣ отрядъ ея сдѣлался грозою въ Карпатахъ.

Къ такимъ невозможнымъ дѣйствіямъ приведены были люди въ сущности хорошіе и добрые. Поступая такъ и нападая на австрійцевъ, они были убѣждены что дѣлаютъ отличное дѣло и что это только война, самозащита.

Когда Домаха, одѣтая по обычаю женщинъ гуцуловъ, въ желтыхъ сапогахъ, красныхъ турецкихъ шароварахъ, въ короткой голубой юпкѣ и бѣлой кофтѣ отороченной куньимъ мѣхомъ, въ богато-вышитой сорочкѣ, съ десятью рядами коралловыхъ нитокъ и монетъ на шеѣ и съ краснымъ тюрбаномъ на темныхъ волосахъ, ѣхала во главѣ отряда, то выглядѣла очень красиво.

Эта странная, еще молодая и красивая женщина, казалось была воодушевлена однимъ только чувствомъ мести притѣснителямъ славянскаго народа, къ которому она принадлежала и сама. Никто изъ мужчинъ, приближавшихся къ ней, не осмѣливался поднять на нее глазъ, каждый почтительно склонялся передъ ея добродѣтелью и сильной волей. Гдѣ только раздавалась жалоба на австрійцевъ, гдѣ слышалась просьба о помощи, туда налетала она словно орелъ.

Постоянно возраставшая дерзость гайдамаковъ побудила австрійскія власти дѣйствовать энергичнѣе противъ бандъ, безпокоившихъ Прикарпатскій край. Для дѣйствій выбрали лѣто, когда гуцулы со своимъ скотомъ находятся на пастбищахъ. Предположено было сдѣлать обширную облаву. Кромѣ гайдуковъ, и лѣсничихъ, посланы отряды съ огнестрѣльнымъ оружіемъ; землевладѣльцы-австрійцы должны были выставить десятаго человѣка, вооруженнаго косой или цѣпомъ.

Но вышло иначе. Всѣ словаки были за одно съ своими гайдамаками.

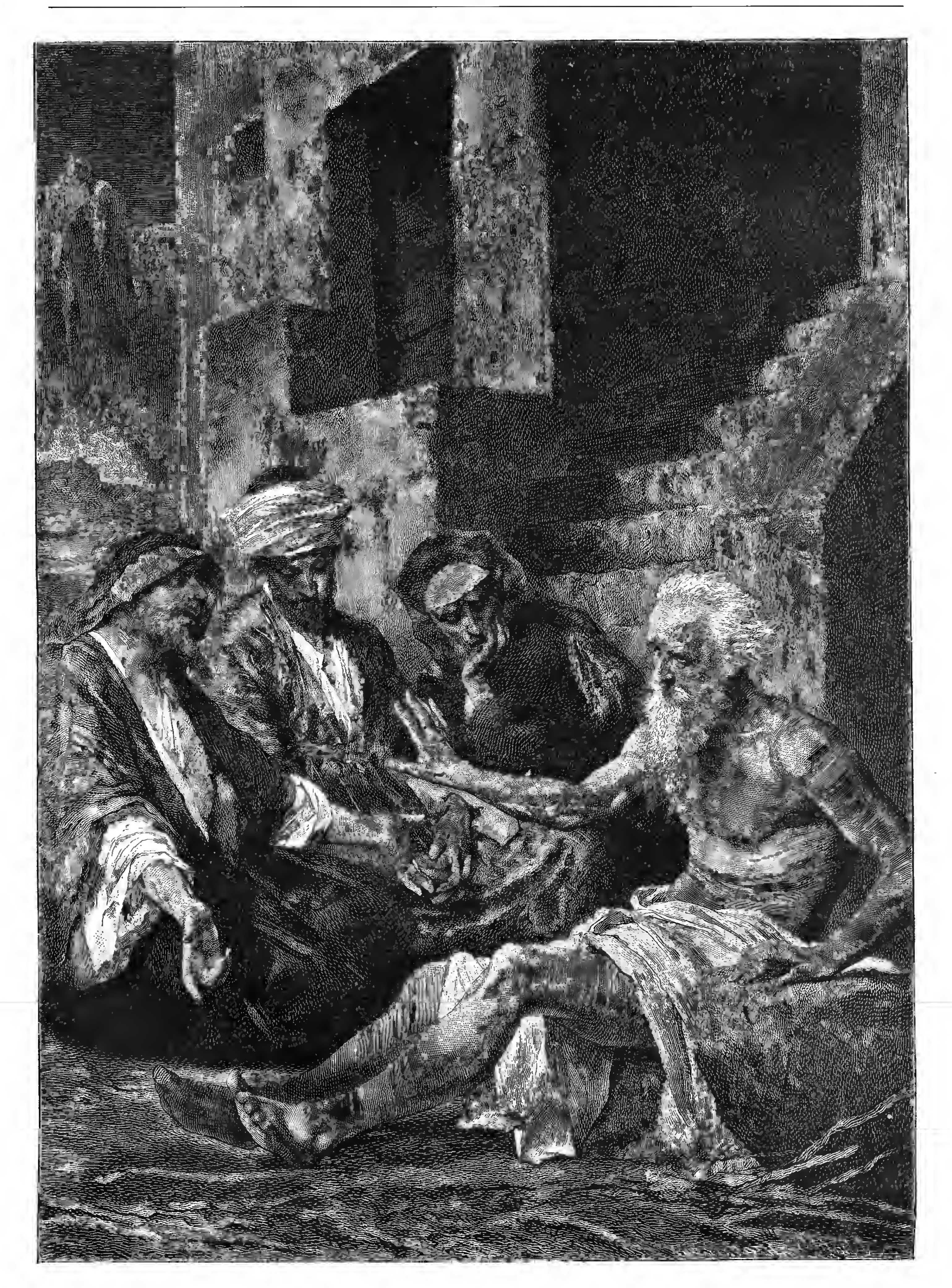
Вѣсть о предполагаемой облавѣ разнеслась съ быстротою молніи по странѣ.

Вначалѣ гайдамаки растерялись. Большинство было за то, чтобы уйти отъ опасности, перейдя границу Венгріи, гдѣ ихъ не могутъ уже болѣе преслѣдовать. Но вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что пограничные венгерскіе комитаты за одно съ галиційскими округами и снарядили своихъ пандуровъ занять кордоны и лишить гайдамаковъ возможности перейти границу.

Тогда во время всеобщаго отчаянія, Домаха стала объѣзжать горы и уговаривать отдѣльныя банды соединиться въ одну и сопротивляться австрійцамъ.

Уговорила она почти всѣхъ; главное затрудненіе было въ томъ, чтобы найти атамана, которому бы всѣ согласились подчиниться и который съумѣлъ бы защитить естественную скалистую крѣпость Карпаты. На всѣхъ сходкахъ, на которыхъ присутствовала Домаха, постоянно упоминалось имя одного ватажко изъ Стаславскаго округа, который съ небольшимъ, но хорошо вооруженнымъ отрядомъ, дѣлалъ смѣлые набѣги и заставилъ говорить о себѣ.

Крестовый походъ дѣтей въ средніе вѣка. Ориг. рисун. Г. Мерте, грав. Кнезингъ.



Іовъ и его друзья. Съ картины М. Михаэли, грав. О. Ротъ.

Къ нему то поѣхала Домаха съ нѣкоторыми изъ своихъ людей и съ предводителями другихъ отрядовъ.

Бойдакъ, такъ звался ватажко, принялъ ее въ своемъ станѣ, находящемся среди непроходимаго лѣса и окруженнаго земляннымъ валомъ.

Онъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу съ своими, одѣтыми какъ и онъ, по праздничному. На всѣхъ было живописное одѣяніе гуцуловъ. За поясомъ у нихъ были пистолеты и ножи, трубка, кремень и кисетъ съ табакомъ. На головахъ широкія шляпы. У всѣхъ ружья и топоры.

Молодой красивый ватажко былъ одѣтъ въ красный сардакъ отороченный куньимъ мѣхомъ, а Домаха въ свѣтлозеленую кофту на собольемъ мѣху, коса ея была перевита монетами и казалась украшенною золотою короною.

Встрѣтившись они, по обычаю гуцуловъ, пожали другъ другу руку и обмѣнялись долгимъ взглядомъ, полнымъ взаимнаго, наивнаго восторга, нескрываемаго удовольствія. Затѣмъ поѣхали въ лагерь. При входѣ въ него молодая женщина была встрѣчена ружейными выстрѣлами, звуками тромбита и криками.

Въ большомъ шалашѣ было подано угощеніе.

Домаха говорила, а Бойдакъ внимательно слушалъ и каждое ея умное, смѣлое слово запечатлѣвалось въ его сердцѣ и все болѣе подчиняло его этой женщинѣ съ такими чудными глазами и пунцовыми губами, которыя одинаково казались созданы и для поцѣлуевъ и для повелѣній.

Ватажко соглашался на все, но въ началѣ изъ скромности не хотѣлъ принять командованія, онъ охотнѣе-бы согласился стать подъ ея начало. Но наконецъ уступилъ и обѣщалъ выйти съ нею вмѣстѣ и соединиться съ прочими на Черной Горѣ, которую прежде всего враги замышляли оцѣпить.

Ни одинъ рыцарь временъ трубадуровъ, ни одинъ польскій магнатъ при дворѣ короля Станислава Августа не могъ быть болѣе вѣжливымъ въ отношеніи своей дамы какъ былъ ватажко въ отношеніи Домахи по пути изъ лагеря къ мѣсту общаго сбора. Никто не долженъ былъ къ ней приближаться, никому онъ не позволялъ ей услуживать и исполнять ея приказанія и все это принялъ на себя. Онъ помогалъ ей сѣсть на коня; когда они отдыхали, онъ самъ устраивалъ для нея изъ вѣтвей шалашъ, чтобы защитить ее отъ солнца, ходилъ къ ручью за водою, а когда она отдыхала, лежалъ у ея ногъ и прислушивался къ ея дыханію.

По дорогѣ съ ними соединилось еще нѣсколько бандъ, такъ что отрядъ ватажко состоялъ болѣе чѣмъ изъ 500 человѣкъ, когда они послѣ утомительнаго пути прибыли на Черную Гору. Здѣсь въ долинѣ было еще болѣе тысячи гайдамаковъ, которыми онъ былъ встрѣченъ громкими привѣтственными криками.

Бойдакъ тотчасъ вступилъ въ командованіе. И было уже пора. Пастухи, крестьяне и странствующіе цыгане извѣщали, что непріятель подвигается. Бойдакъ для битвы избралъ западный склонъ Черной Горы.

Кругомъ онъ поставилъ конные форпосты и когда тѣ на другой день вечеромъ обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами съ австрійскими разъѣздами, отступили и зажгли условные огни, онъ ночью-же занялъ своими людьми всѣ скалы, возвышенности и проходы, ведущіе на Черную Гору.

Австрійцы не имѣли понятія о силѣ, которая имъ была противупоставлена; они думали что имъ придется имѣть дѣло хотя съ отчаянной но отдѣльной бандой, которая засѣла вблизи границы. По утру они стали подвигаться впередъ.

Но когда ихъ начали обстрѣливать отовсюду кругомъ, они слишкомъ поздно поняли на сколько дѣло серьезно. Вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ, они принуждены были отступить въ болѣе безопасное мѣсто и оттуда уже защищаться.

Дѣло началось по всей линіи. Здѣсь происходило настоящее сраженіе.

Былъ полдень, когда начальники мѣстной стражи, чиновники, помѣщики и управляющіе составили нѣчто въ родѣ военнаго совѣта. Прежде чѣмъ они успѣли придти къ какому нибудь заключенію, Домаха, во главѣ двухсотъ гайдамаковъ, зашла имъ съ тыла. Объятые паническимъ страхомъ, они заботились только какъ-бы не попасть въ руки гайдамаковъ.

Еще два дня и двѣ ночи банды оставались подъ начальствомъ Бойдака. На третій они разстались, давъ торжественное обѣщаніе помогать другъ другу въ нуждѣ и опасности и бороться до послѣдняго человѣка. Не прошло и двухъ недѣль со дня дѣла на Черной Горѣ, какъ въ станъ Домахи прибыли гайдамаки въ праздничныхъ одеждахъ — то были сваты отъ ватажко Бойдака.

Домаха приняла ихъ и угостила очень хорошо, но отклонила предложеніе Бойдака.

— Еслибы я хотѣла выйти замужъ, объяснила она съ достоинствомъ, я-бы не выбрала никого какъ вашего ватажко, только зачѣмъ мнѣ покоряться, коли я могу жить сама по себѣ?

Бойдакъ улыбнулся какъ услышалъ это отъ сватовъ.

— У насъ есть обычай красть невѣсту у родителей, сказалъ онъ, это вовсе не шутка. И мы сдѣлаемъ такъ. Украдемъ ее у нея-же.

Однажды Домаха съ сестрами вышла къ озеру съ сѣтями ловить рыбу. Только что усѣлась она на поросшую мохомъ скалу, какъ изъ-кустовъ выскочилъ Бойдакъ съ двумя молодцами, обхватилъ своими мощными руками гордую красотку, поднялъ ее на коня и помчался. Вмигъ люди и сестры Домахи были на коняхъ и пустились вслѣдъ за смѣлымъ похитителемъ чтобы отнять у него дорогую добычу. Но Бойдакъ опередилъ всѣхъ—онъ былъ отличный наѣздникъ. Преслѣдуемый дикими криками, онъ доскакалъ къ пропасти, внизу которой шумѣлъ ручей.

На секунду онъ задержалъ коня; уже Никоня приближалась къ нему на своемъ ворономъ и, готова была набросить ему на шею предательскую петлю.

Но раздался крикъ Бойдака, отчаянный прыжокъ его коня, крикъ ужаса преслѣдователей и счастливый похититель и его добыча были уже въ безопасномъ мѣстѣ. Никто не посмѣлъ преслѣдовать его по такому пути—кони были не тѣ.

Съ удивленіемъ и нѣжностью глаза Домахи остановились на немъ. Она вдругъ обвила руками его шею и горячо поцѣловала его.

Бойдакъ счастливо довезъ ее до стана своего, гдѣ ихъ уже ждалъ священникъ, приведенный насильно гайдамаками для этой цѣли изъ сосѣдней деревни. Вѣнчаніе было совершено тотчасъ. Затѣмъ праздничное угощеніе, пляски и пѣсни до утра.

На другой день послѣ свадьбы Домаха вернулась къ своимъ. Ей не много труда стоило уговорить ихъ стать подъ начало ея мужа. Нѣсколько дней спустя обѣ банды соединились и разбили общій станъ.

Черезъ годъ послѣ свадьбы у Домахи родился сынъ. Теперь она вся предалась заботамъ о ребенкѣ; болѣе уже не сопутствовала мужу въ его наѣздахъ и ружье ея ржавѣло въ углу дома.

Ко всякому возвращенію мужа, Домаха наряжалась какъ невѣста, въ золото и дорогіе мѣха. Когда она сидѣла съ ребенкомъ на колѣняхъ, возлѣ своего мужа, тихое счастье и довольство царили въ этомъ разбойничьемъ притонѣ, точно въ мирной хижинѣ крестьянина. Но счастью этому не суждено было продолжаться долго.

Чтобы положить конецъ набѣгамъ гайдамаковъ, австрійцы образовали отряды такъ называемой „горной полиціи", задача которыхъ была единственно постоянная борьба съ гайдамаками.

Завязалась отчаянная, безпощадная война. Въ Карпатскихъ горахъ открылся постоянный военный судъ, а потому не одинъ гайдамакъ послѣ непродолжительнаго слѣдствія, кончилъ на висѣлицѣ свою печальную жизнь.

Все сильнѣе гайдамаковъ тѣснили и преслѣдовали въ горахъ. И настало время когда отрядъ Бойдака, послѣ цѣлаго ряда кровавыхъ стычекъ, долженъ былъ отступить въ свой станъ, который былъ осажденъ горной полиціей.

Но полиціи не удалось пробиться внутрь стана, а потому она заняла всѣ выходы и входы, чтобы голодомъ заставить осажденныхъ сдаться. Но и голодъ не подѣйствовалъ на этихъ отчаянныхъ людей. Когда припасы вышли, они рѣшили умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Съ двухъ сторонъ они пробовали спастись. Часть ихъ съ Домахой, ея ребенкомъ и сестрами пробралась черезъ подземный ходъ, а другая часть съ Бойдакомъ во главѣ вдругъ бросилась на непріятеля.

На обоихъ пунктахъ гайдамаки успѣли напасть на австрійцевъ въ расплохъ и отбросить ихъ назадъ. Часть всадниковъ прорвалась счастливо и повернула къ Венгріи, часть попала подъ перекрестный огонь. Бойдакъ былъ раненъ и покачнулся въ сѣдлѣ, остальные, не желавшіе оставить своего атамана, вернулись обратно въ свой станъ.

Другая же часть, вышедшая черезъ подземный ходъ, спаслась и бросилась черезъ скалы доступныя лишь сернамъ. Но когда Домаха увидѣла мужа падающимъ, она вернулась къ нему, перевязала его раны и понесла черезъ пробитыя въ скалахъ ходы въ пещеру, высоко на вершинѣ скалы и заложила въ нее ходъ.

Гайдамаки, число которыхъ значительно уменьшилось, защищались до послѣдней крайности. Только тогда, когда полегли всѣ, австрійцы могли проникнуть въ ихъ гнѣздо, но и теперь они напрасно требовали сдачи Бойдака и его жены. Выстрѣлъ за выстрѣломъ слѣдовалъ съ неприступной скалы, выхватывая жертву за жертвой.

Тогда одинъ старикъ австріецъ вспомнилъ страшную исторію изъ войнъ съ татарами, когда послѣдніе умерщвляли огнемъ бѣглецовъ, спрятавшихся въ скалахъ. И теперь также австрійцы обложили скалу, служащую убѣжищемъ гайдамаку и его женѣ, дровами и хворостомъ и зажгли ихъ.

Огонь поднимался все выше, дымъ проникъ въ пещеру; послѣдняя капля воды выпита, всѣ патроны вышли, у Бойдака не осталось надежды на спасеніе.

— Убей меня, угрюмо сказалъ онъ женѣ, и потомъ сдайся. Они пощадятъ тебя и ребенка.

— Нѣтъ, умирать такъ умремъ вмѣстѣ, отвѣтила та спокойно.

Онъ поцѣловалъ ребенка, жену; дымомъ наполнилась пещера и скоро пламя охватило все и задушило ихъ всѣхъ.

Много еще лѣтъ длилась отчаянная борьба славянъ и ихъ враговъ въ Карпатахъ и кончилась только въ 1848 году. Крестьянинъ бросилъ ружье и вернулся къ сохѣ. Съ этихъ поръ исчезла даже память гайдамаковъ.

Къ рисункамъ.

Моск. Выставка. Картина Бонча-Томашевскаго.

(Рис. на стр. 508 и 509).

Продолжая серію картинъ Московской выставки, въ настоящемъ № мы помѣщаемъ копію прекрасной картины извѣстнаго художника Бонча-Томашевскаго, котораго произведенія не разъ появлялись на академическихъ выставкахъ. Картина эта — „Петръ Великій въ Сорбоннѣ". Великій преобразователь Россіи при второмъ своемъ путешествіи за границу, въ 1717 году, осматривая разныя достопримѣчательности Парижа, остановился передъ памятникомъ Кардинала Ришелье (знаменитымъ произведеніемъ Франциска Жирардена исполненнымъ по рисункамъ Лебрена), и воскликнулъ: „*Вотъ, великій мужъ!*" къ этому преданіе прибавляетъ будто Царь сказалъ еще: *Еслибы онъ живъ былъ, далъ бы я половину царства, дабы научиться отъ него управлять другою*". Но это не вполнѣ вѣроятно и ни сколько несообразно съ характеромъ Петра I. Такихъ анекдотовъ о Петрѣ много и они часто имѣютъ характеръ недостовѣрный. На картинѣ изображены, составлявшіе его свиту въ этомъ путешествіи: генералъ адъютантъ Ягужинскій, кабинетъ-секретарь Макаровъ, вице-канцлеръ Шафировъ, князь Куракинъ. Вилеруа и другіе, въ лѣвой половинѣ: епископъ Флёри, наставникъ малолѣтняго короля Людовика XV, докторъ богословія при Сорбоннѣ Бурсье, составитель проэкта соединенія Восточной и Западной церкви; въ этой группѣ ближе къ памятнику князь В. А. Долгоруковъ и гр. П. Толстой (посолъ при генеральныхъ штатахъ). По простотѣ замысла, по вѣрности портретовъ, помѣщенныхъ въ этой картинѣ и по художественной отдѣлкѣ подробностей картина составляетъ одно изъ лучшихъ произведеній въ этомъ жанрѣ въ послѣдніе годы. Академикъ Бонча-Томашевскій (на всѣхъ картинахъ его лишь подпись „Бончъ") родился въ Петербургѣ въ 1839 году, получилъ воспитаніе въ Спб. Имп. Акад. Художествъ, въ 1858 г. за картину „*Похищеніе Прозерпины Плутономъ*" получилъ золотую медаль а въ 1860 году званіе академика; послѣдніе годы проживалъ въ Парижѣ, гдѣ написалъ множество картинъ, изъ которыхъ особенно извѣстны *Аррія Марчелла*—за нее онъ удостоился званія академика. *Венера и Амуръ*. „*Римлянка за туалетомъ*". „*Въѣздъ Людовика XI въ Парижъ*" (собствен. велик. князя Николая Константиновича) „*Три Великія эпохи Россіи*" аллегорическое изображеніе—въ Зимнемъ дворцѣ, въ кабинетѣ въ Бозѣ Почившаго Государя Александра Николаевича. *Тартюфъ* (сюжетъ изъ комедіи Мольера) и аллегорич. изображеніе „Роса".

Гдѣ дорога?

(Рис. на стр. 513).

Еще съ утра ушли дѣвочки по грибы въ лѣсъ. А лѣсъ такой большой, глухой, съ путанными тропинками—но деревенскіе дѣти не трусятъ. Вѣдь это ихъ родной лѣсъ, имъ съ дѣтства знакомый и безсознательно ими любимый, вливающій своимъ чудными воздухомъ здоровье въ дѣтскія груди. И вотъ ходятъ двѣ сестренки, аукая тонкими голосами среди глубокаго безмолвія и тишины жаркаго полудня. Кругомъ летаютъ бабочки и зеленыя мухи, сверкая на солнцѣ; стрекочутъ кузнечики а солнце все выше и выше и догадывается старшая дѣвочка что пора домой, что ихъ ждутъ. Глядитъ на право, на лѣво и начинаетъ тревожиться: она запуталась въ тропинкахъ—гдѣ дорога? Младшая дѣвочка, не понимая затруднительности положенія, беззаботно поглядываетъ, ища грибовъ въ травѣ.

Симпатичная картина г. Богданова, изображающая описанную нами сценку, очень нравилась публикѣ на выставкѣ въ Академіи Художествъ.

Крестовый походъ дѣтей.

(Рис. на стр. 516).

Когда въ 1187 году, послѣ кровавой битвы, Саладинъ султанъ Сиріи и Египта, овладѣлъ Іерусалимомъ, христіанскій міръ поставилъ себѣ высокою цѣлью—вырвать этотъ священный для каждаго христіанина городъ изъ рукъ язычниковъ. Предпринятый для этой цѣли третій крестовый походъ остался безъ послѣдствій, благодаря возникшимъ послѣ смерти Фридриха Барбароссы недоразумѣніямъ между Филиппомъ Августомъ французскимъ и Ричардомъ I англійскимъ; въ четвертый же крестовый походъ войска даже не достигли священной страны и по наущенію Венеціанцевъ удовольствовались разрушеніемъ Византійскаго царства. Не смотря на всѣ старанія папы Иннокентія III и его проповѣдниковъ воодушевить народъ, болѣе уже не составлялось общихъ крестовыхъ походовъ. Однако находились еще лица, желавшія посвятить свою жизнь великой цѣли, но небольшія эти экспедиціи, выступавшія изъ того или другаго государства Европы на опасное предпріятіе также мало могли способствовать его осуществленію какъ и толпы отважныхъ дѣтей, одушевившихся этою идеей и собравшихся для такой же цѣли, въ извѣстный такъ называемый „крестовый походъ дѣтей", эпизодъ котораго изображенъ на нашемъ рисункѣ. Въ іюнѣ 1212 года въ одной деревнѣ во Франціи, около Вандома появился красивый мальчикъ—пастухъ, Стефанъ, который объявилъ, что онъ призванъ Господомъ предводительствовать собравшимися идти на завоеваніе Святой земли.

Онъ ходилъ всюду и всюду слова его принимались съ живѣйшимъ воодушевленіемъ; „устами дѣтей Господь глаголетъ", говорили всѣ. Вскорѣ къ Стефану присоединились другіе мальчики, дѣйствовавшіе въ одномъ съ нимъ духѣ и приводившіе къ нему цѣлыя толпы сверстниковъ обоего пола. Никакія запрещенія, ни даже указъ короля Франціи, не могли удержать воспламененныхъ юношей; фантастическое юное войско крестоносцевъ все увеличивалось и наконецъ толпа, слѣдовавшая за Стефаномъ, (къ которому присоединились и многіе взрослые) достигла 30,000 человѣкъ. На рисункѣ представлена именно передовая группа войска. Шествіе открываетъ юный Стефанъ, стоящій на повозкѣ съ хоругвью въ рукѣ и крестомъ на груди, идущіе возлѣ него молоденькіе воины составляли его стражу. Затѣмъ слѣдовали мальчики и дѣвочки, между которыми видны также и взрослые пилигримы и пилигримки; вся толпа пѣла псалмы и несла кресты и хоругви. Изъ Марсели это необыкновенное крестовое шествіе пыталось достигнуть Сиріи на семи корабляхъ; но два судна были разбиты около острова Санъ-Пьетро, близъ Сардинскихъ острововъ, а остальные счастливо достигли Египта, но тутъ бѣдныя дѣти были схвачены и проданы въ рабство. Только немногіе изъ этихъ несчастныхъ были освобождены, послѣ заключенія мира Фридрихомъ II съ султаномъ Алькамилемъ въ 1229 г. Отвага французскихъ дѣтей повліяла также и на Германію. Здѣсь тоже на Нижнемъ Рейнѣ появился десятилѣтній мальчикъ, Николай, ревностный проповѣдникъ крестоваго похода, собравшій вскорѣ толпу въ 20,000 человѣкъ, съ которою онъ направился на югъ черезъ Альпы въ Святую землю. Конецъ этаго похода былъ также печаленъ какъ и французскаго. Большая часть дѣтей, не достигнувъ Италіи умирали отъ голоду, болѣзней и были перебиты разбойниками, другіе же, испугавшись страшныхъ затрудненій пути, вернулись обратно. Только нѣсколько тысячъ достигли Генуи и Бриндизи, но тутъ имъ, конечно, воспрепятствовали отправиться далѣе. На обратномъ пути сотни изнемогшихъ дѣтей умирали на улицахъ, другіе же попали въ рабство, и только не многіе вернулись на родину. Таковъ былъ печальный конецъ этаго фантастическаго похода, составляющаго одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ исторіи освобожденія Святой земли.

Іовъ и его друзья.

(Рис. на стр. 517).

Трогательный библейскій разсказъ объ многострадальномъ Іовѣ, такъ образно представляющій всю тщету и непрочность человѣческаго богатства и счастія, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ одинъ изъ драгоцѣнныхъ перловъ библейской, боговдохновенной поэзіи. Высокой и поразительной является здѣсь эта фигура — добродѣтельнаго старца Іова, жителя Аравіи, сначала счастливаго отца семейства, владѣвшаго громадными богатствами, а потомъ вслѣдствіе испытанія, посланнаго ему Богомъ, теряющаго и свою семью и свои богатства и обращающагося въ полуживаго страдальца, покрытаго язвами и отвратительнымъ рубищемъ. Но и среди этихъ ужасныхъ страданій, какъ физическихъ такъ и нравственныхъ, Іовъ остается, какъ прежде, покорнымъ Господу. Потерявъ богатство и счастье онъ не сожалѣетъ ни о томъ ни о другомъ. „Нагъ пришелъ я въ міръ, нагъ и отъиду", говоритъ онъ и чувствуя свою правоту, не допускаетъ мысли, чтобы правосудный Богъ отступился отъ него окончательно, хотя люди самые къ нему близкіе, его лучшіе друзья, часто поражали сомнѣніемъ его измученную душу. Изъ числа этихъ друзей въ разсказѣ поименованы только трое: Элифасъ, Бильдадъ и Софаръ. Всѣ они были Идумейцы и пришли къ Іову издалека, чтобы принести ему утѣшеніе и нравственную поддержку. Но увидѣвъ его, они не узнали своего стараго друга въ этомъ больномъ, чуть живомъ старикѣ, покрытомъ рубищемъ; отъ горя они испустили вопль и пролили слезы; въ отчаяніи они разорвали свои одежды и посыпали головы прахомъ. Рисунокъ нашъ изображаетъ именно этотъ моментъ. Когда же они стали утѣшать его, то каждое ихъ слово было новымъ испытаніемъ для Іова, такъ какъ они также какъ и другіе люди, не могли не раздѣлять общаго тогда воззрѣнія—что наказаніе есть слѣдствіе грѣха, что потому Іовъ, наказанный Богомъ, долженъ быть несомнѣнно грѣшенъ. Долгій, горячій споръ завязался между друзьями и Іовомъ и перевѣсъ часто оказывался не на сторонѣ праведника, такъ какъ ученые и краснорѣчивые доводы уже начинали колебать даже непоколебимаго до сихъ поръ Іова. Но Богъ наконецъ сжалился надъ страдальцемъ. Онъ разсѣялъ сомнѣнія друзей и облегчилъ душу Іова сознаніемъ его правоты и невинности. Іовъ сталъ по прежнему богатымъ и счастливымъ; опять у него родились семь сыновей и семь дочерей, а безчисленные его стада опять покрыли собою тучныя пастбища. Іовъ жилъ послѣ этаго искушенія, посланнаго ему Богомъ, еще много лѣтъ и видѣлъ свое потомство до четвертаго колѣна.

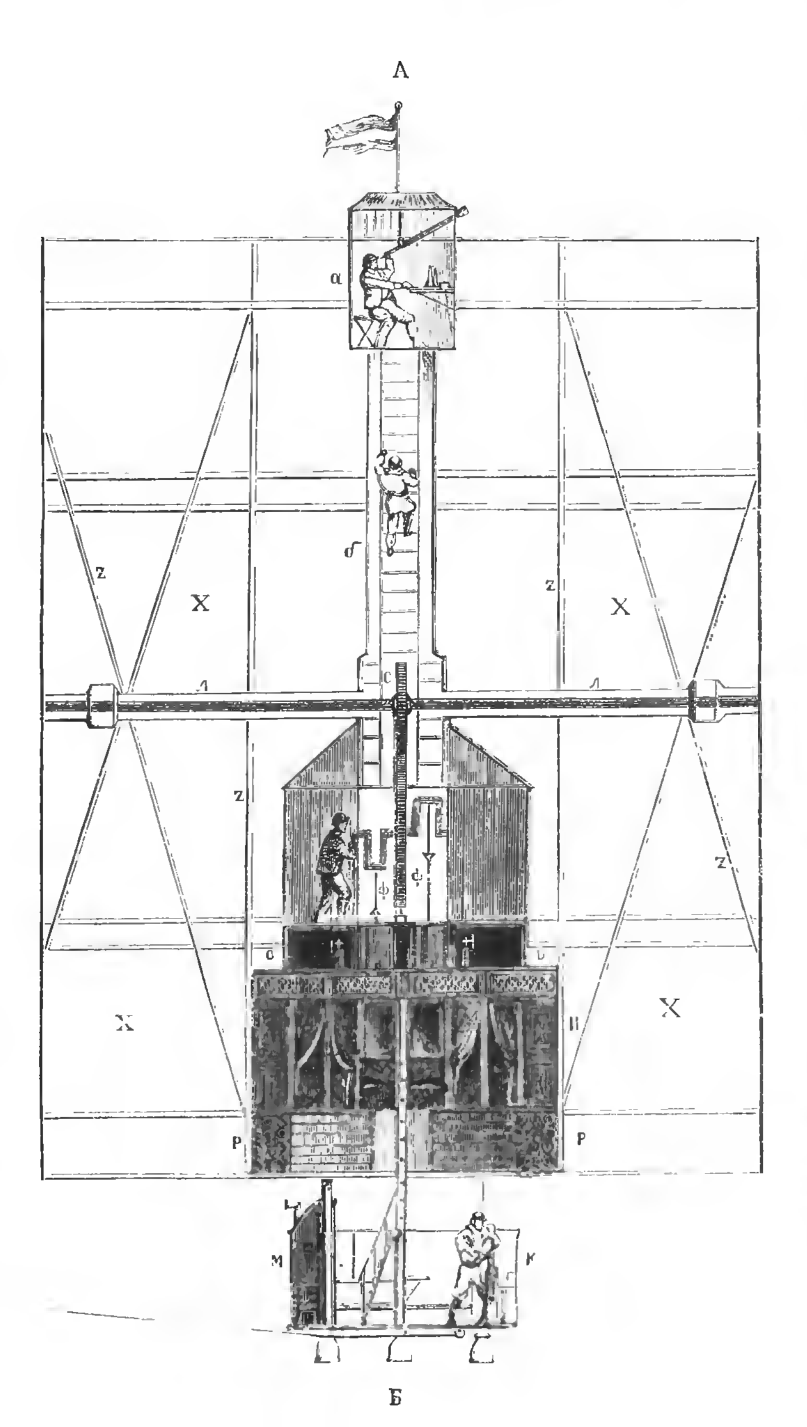
„Воздушный корабль" г. Костовича.

Прошло уже почти пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ извѣстный своими удачными изобрѣтеніями капитанъ Костовичъ началъ исключительно заниматься аэронавтикой и вскорѣ овладѣлъ этимъ предметомъ. Уже въ концѣ 1879 года, г. Костовичъ выразилъ свой взглядъ на аэронавтику, и опытами и математическими вычисленіями подтвердилъ правильность изысканій Гельмгольца и Бабинета, что сила мускуловъ человѣка недостаточна для того, чтобы онъ могъ приподнять вѣсъ своего тѣла, даже при помощи самаго остроумнаго механизма и что помощью силы собственныхъ мускуловъ, человѣкъ никогда не будетъ въ состояніи подняться на воздухъ.

Кромѣ того г. Костовичъ подвергъ тщательному изученію и опытамъ всѣ существующія нынѣ машины и способы по отношенію къ аэронавтикѣ для динамическаго (чисто механическаго) полета, причемъ устроилъ три очень удачные, чисто механическіе, летательные аппарата: одну модель съ винтами, аэропланъ и модель съ крыльями. Первая модель съ абсолютнымъ вѣсомъ въ 1/4 фунта, вторая въ 1/2 ф. и третья въ одинъ фунтъ. Всѣ три аппарата при помощи механизма поднимаются съ земли и летятъ въ данномъ имъ рулемъ направленіи до тѣхъ поръ пока дѣйствуетъ механизмъ. Но при всѣхъ этихъ хотя и удачныхъ аппаратахъ, г. Костовичъ доказалъ, что если бы сдѣлать ихъ въ большихъ размѣрахъ, при силѣ и вѣсѣ существующихъ машинъ, ни одинъ изъ этихъ аппаратовъ въ большихъ размѣрахъ не будетъ летать, такъ какъ отношеніе силы къ вѣсу будетъ недостаточно. Самыми точными математическими формулами онъ доказываетъ, что постройка большой летательной чисто механической машины представляетъ такія трудности, преодолѣть которыя въ настоящее время мы и думать не можемъ, такъ какъ мы еще очень далеки даже отъ приблизительныхъ основныхъ правилъ изобрѣтенія такой большой и по своему вѣсу легкой силы.*) Это недостижимыя комбинаціи колесъ, рычаговъ, эксцентриковъ и т. п., хотя бьется надъ этимъ не мало изобрѣтателей.

Что касается воздушныхъ шаровъ (аэростатовъ, баллоновъ), то г. Костовичъ выразился слѣдующимъ образомъ: воздушные шары предшественники настоящихъ воздушныхъ кораблей въ аэронавтикѣ, точно также какъ въ мореплаваніи парусныя суда были предшественниками нынѣшнихъ пароходовъ. Послѣ произведенія нѣкоторыхъ основательныхъ улучшеній и практическихъ измѣненій, аэростаты могутъ быть пригодны для астрономическихъ и метеорологическихъ цѣлей, для посыланія выстрѣловъ въ осажденныя крѣпости, (подобно тому, какъ употребляла австрійская армія во время осады Венеціи въ 49 году), при крушеніяхъ вблизи береговъ, гдѣ какъ извѣстно обыкновенно существуетъ сильное стремленіе вѣтра съ моря къ землѣ, а потому можетъ быть скоро подана помощь потерпѣвшимъ крушеніе, и наконецъ для небольшихъ свободныхъ поѣздокъ, пользуясь на разныхъ высотахъ различными направленіями вѣтра, но между тѣмъ достиженіе всѣхъ этихъ цѣлей всегда будетъ зависѣть отъ воли вѣтра точно также какъ парусный корабль зависитъ болѣе или менѣе отъ вѣтра.

Не смотря на все это г. Костовичъ изобрѣлъ вполнѣ пригодный для практическихъ цѣлей воздухоплавательный аппаратъ, устройство котораго основано на совершенно новыхъ началахъ.



План҄ воздушнаго корабля капитана Костовича.

Г. Костовичъ дѣлаетъ не чисто механическій аппаратъ и не аэростатъ, легкій какъ облако, но совершенно новую легкую и сильную машину (двигатель), вѣсъ которой еще облегчается посредствомъ газа на столько, что весь аппаратъ съ механизмомъ, людьми и проч. можетъ свободно держаться въ воздухѣ на высотѣ между 50 и 100 футами (которую можно регулировать при помощи балласта), а потому абсолютный вѣсъ этаго аэростата съ людьми и прочимъ, на той высотѣ, гдѣ онъ стоитъ въ равновѣсіи, при помощи вытѣсненнаго имъ воздуха, будетъ=0. Если аппаратъ находится въ равновѣсіи на высотѣ 100 футовъ и оттуда при помощи движущей машины мы поднимаемся выше, то въ высшихъ сферахъ встрѣчаемъ болѣе разрѣженный воздухъ, а поэтому пріобрѣтаемъ абсолютный вѣсъ, который мы можемъ извѣстнымъ еще способомъ или увеличить или уменьшить и по мѣрѣ надобности утилизировать при полетѣ.

Посредствомъ облегченія вѣса машины до такой степени что она держится въ воздухѣ съ людьми и развиваетъ 50 индик. лошадиныхъ силъ, г. Костовичъ нашелъ именно такую силу, которая въ состояніи не только поднять на любую высоту, но и легко вести корабль даже противъ вѣтра; понятно, что достигнувъ произвольнаго движенія, легко можно и управлять этими движеніями.

Еще труднѣйшую задачу представляло устройство прочной, сильной и притомъ легкой машины, которая бы соотвѣтствовала условіямъ атмосферическаго воздуха, *въ которомъ* приходится двигаться не какъ на водѣ, но будучи окруженнымъ это средою со всѣхъ сторонъ.

Г. Костовичъ сдѣлалъ модель въ 12 футовъ длины и 3 фута въ поперечникѣ, изобрѣтеннаго имъ воздушнаго корабля, которая удостовѣряетъ правильность его теоретическихъ предположеній и математическихъ доводовъ. Недавно образовалось общество изъ лицъ высокопоставленныхъ и изъ міра финансоваго, съ цѣлью устройства перваго воздушнаго корабля по системѣ Костовича. Величина его—164 фута длины и 41 ф. въ поперечникѣ. Постройка его уже начата подъ руководствомъ самого изобрѣтателя; весь нужный матерьялъ пріобрѣтенъ на русскихъ фабрикахъ.

Помѣщенный рисунокъ представляетъ это воздухоплавательное судно. Корпусъ состоитъ изъ цилиндра съ двумя конусами спереди и сзади. Ось винта А совпадаетъ съ осью цилиндра.

*) Двигатель съ остальн. механизм. 2 килограмма на 1 эффектив. лошад. силу.

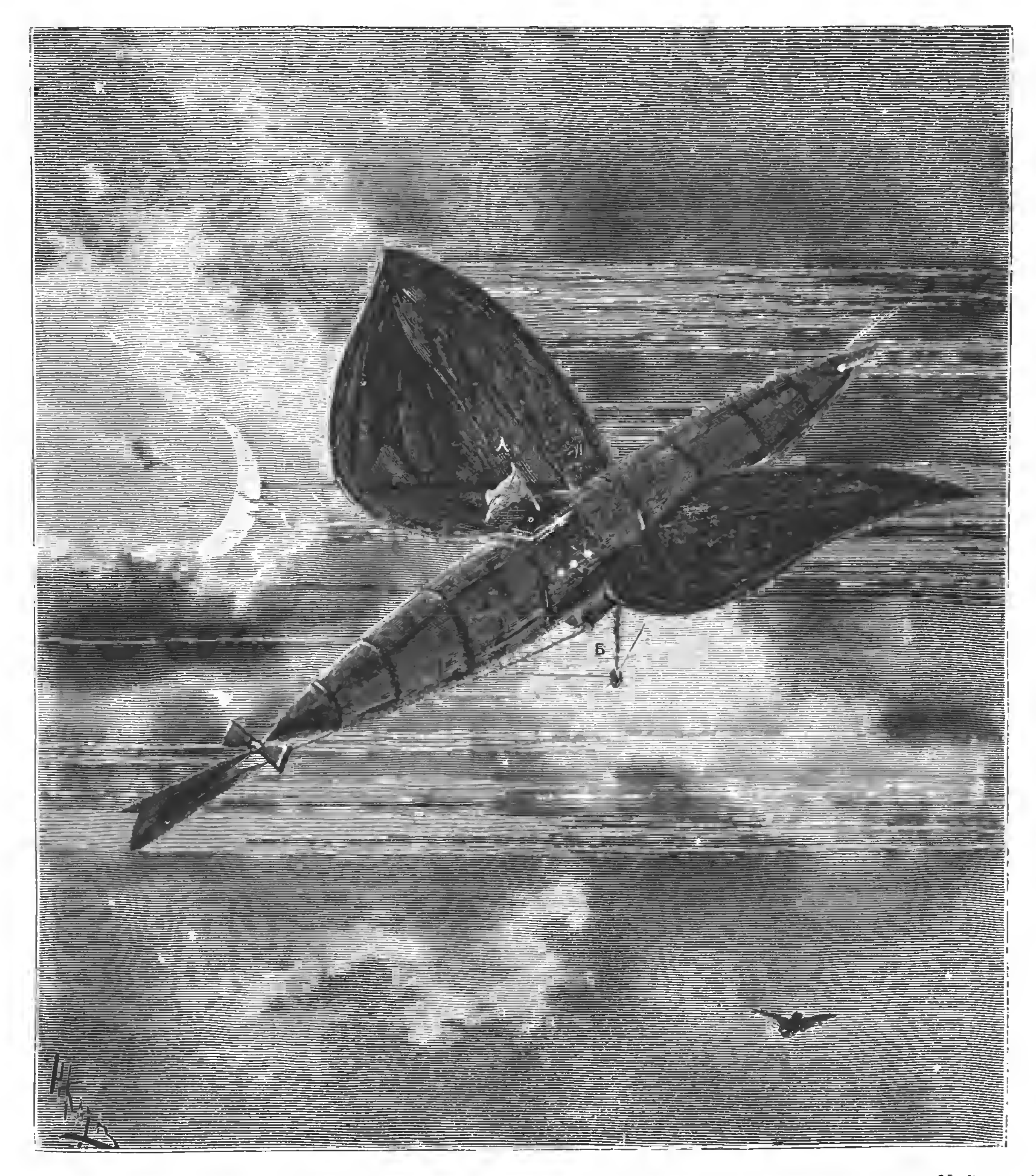
такъ что отъ дѣйствія винта корпусъ не мѣняетъ положенія, ибо треніе отъ движенія впередъ одинаково распредѣлено вокругъ движущей силы.

Задній конецъ судна Костовича походитъ на стрѣлу ⊤ т. е. состоитъ изъ двухъ площадей, одной горизонтальной, а другой вертикальной, вслѣдствіе чего корпусъ пріобрѣтаетъ большую устойчивость при движеніи, по линіи курса, ибо площади не столь легко допускаютъ уклоненія. Но если не смотря на то, по какому либо случаю, судно уклонится отъ линіи своего курса, то въ такомъ случаѣ контра-рычагомъ служитъ хвостъ

Всѣмъ механизмомъ, распоряжаются изъ башни коменданта, равно какъ и рулемъ (хвостомъ), который, находясь на универсальномъ шарнирѣ, да еще при особомъ механизмѣ, можетъ описывать кругъ, въ любой плоскости, и такимъ образомъ комендантъ имѣетъ возможность придать судну всякое желаемое направленіе мгновенно.

Двигателями для судна служатъ крылья и винтъ, которые приводятся въ движеніе машиною, равною 50-ти индикаторнымъ лошадинымъ силамъ.

При движеніи крыльевъ *) вверхъ не встрѣчается сопротив-



Воздушный корабль „Россія“, строющійся нынѣ по системѣ капитана Костовича. Съ натуры рис. Н. Каразинъ. грав. М. Рашевскій.

т. е. руль, который ему даетъ и сохраняетъ данное направленіе.

Управляемость воздушнаго судна объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что оно не носится теченіемъ воздуха, а движется посредствомъ самостоятельной двигательной силы, заключающейся въ его механизмѣ. Такое самостоятельное движеніе обусловливаетъ большей или меньшей силы упоръ прорѣзываемаго судномъ воздуха въ выставленную, подъ извѣстнымъ къ судну угломъ, площадь рулеваго весла (хвостъ), образующаго тѣмъ самымъ поворотный рычагъ, сила дѣйствія котораго и обусловливаетъ уклоненіе судна въ какую угодно сторону и подъ какимъ угодно угломъ.

ленія вслѣдствіе того, что поверхность крыльевъ устроена въ видѣ клапановъ, открывающихся при движеніи вверхъ. Заостренный-же остовъ крыльевъ представляетъ весьма незначительное сопротивленіе воздуху. При обратномъ движеніи клапаны закрываются и такимъ образомъ крылья, ударяя внизъ и нѣсколько къ заднему концу судна полною поверхностью, не только въ состояніи съ силою поднять въ воздухѣ судно, но и сообщить ему движеніе впередъ.

Кромѣ крыльевъ, мы видимъ на рисункѣ еще винтъ, который

*) Крылья показаны на прилагаемомъ рисункѣ нѣсколько иначе; настоящее устройство ихъ составляетъ секретъ изобрѣтателя.

при нормальномъ дѣйствіи дѣлаетъ 300 оборотовъ въ минуту, но эта скорость можетъ быть увеличена до 500 оборотовъ и изобрѣтатель полагаетъ, что если-бы этого оказалось недостаточнымъ, то она можетъ быть усилена еще и значительно болѣе, посредствомъ нѣкоторыхъ незначительныхъ измѣненій въ механизмѣ винта, но спеціалисты не думаютъ, чтобы въ этомъ встрѣтилась необходимость, такъ какъ скорость въ 300 оборотовъ въ минуту достаточна будетъ, чтобы двигать судно съ значительною силою.

Что же касается до устойчивости корабля, то она вполнѣ гарантируется положеніемъ центра тяжести ниже центра фигуры и кромѣ того тѣмъ, что къ судну прикрѣплена бамбуковая трость Б, съ тяжелымъ желѣзнымъ шаромъ на концѣ, который служитъ контра-балансомъ при малѣйшемъ наклоненіи судна къ одному изъ бортовъ, но этотъ-же рычагъ даетъ свободу судну принимать любое направленіе относительно горизонта.

Перейдемъ теперь къ внутреннему устройству (X,X,X,X) воздушнаго корабля капитана Костовича.

Въ центрѣ находится обсерваторная рубка а, со стеклянными стѣнками, возвышающаяся на 1½ фута надъ поверхностью судна. Въ этой же рубкѣ находятся и всѣ необходимые метеорологическіе и астрономическіе инструменты.

Изъ рубки можно спуститься по лѣстницѣ б во внутренность судна, въ довольно большое помѣщеніе, машиннаго отдѣленія Ф,Ф,О,О. Подъ этимъ отдѣленіемъ находится помѣстительный и комфортабельно устроенный салонъ Н равно какъ гостинная и столовая и вокругъ означеннаго салона удобно устроены спальныя каюты. Подъ описанными помѣщеніями находится родъ магазина Р гдѣ отдѣльно складываются: багажъ, почта, провіантъ, вода и балластъ. Отсюда имѣется выходъ въ низъ судна.

Непосредственно подъ этимъ выходомъ помѣщается площадка съ перилами К. (башня коменданта) прикрѣпленная къ судну такъ, что она составляетъ одно тѣло съ нимъ. Площадка снабжена всѣми нужными приспособленіями, какъ то: сообщеніемъ съ рулемъ, компасомъ и прочими инструментами, слуховою трубою, проведенною во внутрь судна къ машинѣ и на небольшой части этой площадки помѣщается кухня М.

Подъ вышеозначеннымъ магазиномъ по дну судна проложена труба, или вѣрнѣе, небольшой туннель. Въ этомъ туннелѣ помѣщается особаго устройства механизмъ, дѣйствующій автоматически, который при перемѣнѣ центра тяжести отъ передвиженія пассажировъ, возстановляетъ равновѣсіе, или вѣрнѣе предупреждаетъ его нарушеніе. Если судну умышленно, посредствомъ руля, дается косвенное положеніе, то автоматическій приборъ этотъ нисколько такой эволюціи не препятствуетъ.

Остальная часть внутренняго помѣщенія судна, х значительнѣйшая, *наполнена газомъ, цѣль котораго* не есть поднятіе судна на высоту, а лишь *облегченіе его вѣса, и именно на столько, чтобы при отсутствіи пассажировъ и багажа, и присутствіи соотвѣтственнаго количества балласта, судно могло бы достигнуть и удержаться на высотѣ 50—100 футовъ.*

Это обстоятельство уподобляетъ положеніе воздушнаго судна такому же положенію судна на водѣ; т. е. на указанной высотѣ воздушное судно находится въ естественномъ положеніи, которое даетъ ему свободу движенія.

При утилизаціи вѣса, судно выгребаетъ противъ бури посредствомъ данной ему тяжести, какъ сказано выше, и наклоннаго положенія, падаетъ и подымается вслѣдъ затѣмъ въ наклонной плоскости противъ бури.

Сама по себѣ тяжесть судна вслѣдствіе стремленія къ перпендикулярному паденію, такимъ образомъ нагнетаетъ на наклонную плоскость, образуемую корпусомъ и крыльями судна, что превращается непосредственно въ силу, подвигающую впередъ, а косвенно—въ силу подъемную.

Воздухоплавательное судно Костовича, пользуясь своимъ вѣсомъ, можетъ ходить противъ сильнѣйшей бури и безъ особой потери времени продолжать путь. По приступать къ вышесказаннымъ эволюціямъ очень рѣдко можетъ встрѣтиться надобность, такъ какъ уже сама по себѣ сила машины и двигателей по извѣстнымъ и испытаннымъ формуламъ законовъ сопротивленія и силы движенія, даетъ скорость полета до 40 географическихъ миль въ часъ въ тихомъ атмосферическомъ воздухѣ и теряется абсолютной скорости на столько, на сколько будетъ препятствовать вѣтеръ, но неболѣе какъ на половину отъ самаго сильнаго урагана.

Что касается до матеріала, изъ котораго будетъ построено судно, то скелетъ его, т. е. шпангоуты z.z, и связи ихъ z, z, сдѣланы изъ самаго крѣпкаго сорта дерева и другихъ матеріаловъ.

Постройка этого скелета разсчитана на правильное распредѣленіе тяжести по всѣмъ частямъ судна, такъ чтобы всѣ части напрягались равномѣрно, вынося однообразную тяжесть и напряженіе. Что же касается наружнаго матеріала корпуса, то матеріалъ составленъ г. Костовичемъ. Матерія почти непроницаемой плотности и при всемъ томъ отличается упругостью и чрезвычайною легкостью, такъ что ею можетъ быть обтянутъ снаружи весь корпусъ, чѣмъ придается судну красивая, ровная и крѣпкая форма. Изъ этого же матеріала сдѣланы крылья и руль; части машины стальныя и, вслѣдствіе особотщательной выдѣлки, отличаются легкостью и, въ то же время, прочностью.

На воздушномъ кораблѣ встрѣтится меньше опасности крушенія, нежели на морѣ и на желѣзныхъ дорогахъ, принявъ во вниманіе, что въ случаѣ поломки машины на любой высотѣ мы имѣемъ возможность извѣстнымъ способомъ мгновенно облегчить судно на столько, чтобы не только держаться на той высотѣ, на которой произошла катастрофа, но даже и подняться выше и тогда уже съ теченіемъ вѣтра и продолжать свой путь. Въ случаѣ поврежденія самаго корпуса (газоваго резервуара) имѣемъ механическую силу, чтобы даже продолжать путь и въ крайности безъ всякой опасности тихо спуститься внизъ. А въ случаѣ общей поломки образуется парашютъ, съ помощью котораго можно всетаки, безъ особенной опасности для людей, спуститься внизъ.

Воздушныя суда по системѣ Костовича могутъ быть устраиваемы въ различныхъ размѣрахъ, согласно ихъ назначенію.

Воздушный корабль „Россія" теперь строющійся, съ удобствомъ помѣщаетъ 10 человѣкъ, изъ коихъ 6 — составляютъ команду, а остальные 4 пассажиры. На человѣка расчитано брать по 25 килограммовъ багажа, 25 кил. провизіи и 35 кил. воды, на 8 сутокъ; кромѣ того этотъ воздушный корабль принимаетъ 200 килогр. почты и, на всякій случай, соотвѣтственнаго баласту.

Г. Костовичъ утверждаетъ, что можно устроить нынѣ же судно на 50—60 человѣкъ съ соотвѣтствующимъ багажемъ, баластомъ и запасомъ провизіи.

Ирландія и Англія.

Очеркъ (портреты на стр. 523).

По поводу убійства Кэвендиша и Борка.

24-го Апрѣля совершилось ужасное, звѣрское политическое убійство въ Дублинѣ, возмутившее всю Англію, даже вождей ирландской лиги и вызвавшее строгія мѣры для подавленія возстанія, тотчасъ утвержденныя палатами. Убитые—лорды Кэвендишъ и Боркъ (портреты которыхъ помѣщены здѣсь) не успѣли еще ничѣмъ даже показать себя, ибо пріѣхали въ Дублинъ только въ этотъ день.

Лордъ Кэвендишъ, младшій братъ лорда Гартингтона, былъ извѣстенъ за человѣка очень добраго и благороднаго и по своимъ воззрѣніямъ принадлежалъ къ партіи виговъ; выборъ Гладстона палъ на него именно въ виду того, что англійское правительство желало показать поворотъ къ болѣе мягкой политикѣ въ дѣлѣ Ирландіи, къ политикѣ примиренія. Но когда начинается „политика примиренія" противная сторона всегда пользуется этимъ и подымаетъ голову. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. 6-го мая (новаго стиля) утромъ лордъ Кэвендишъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ назначенный министромъ Ирландіи, прибылъ изъ Англіи, вмѣстѣ съ новымъ вице-королемъ, графомъ Спенсеромъ и высадился въ Кингстоунѣ; къ вечеру они вступили въ Дублинъ при громкихъ и восторженныхъ кликахъ народа. По выполненіи въ вице-королевскомъ дворцѣ нѣкоторыхъ формальностей, относившихся къ его должности и сдавъ присягу, лордъ Кэвендишъ отправился въ свою резиденцію въ экипажѣ. По дорогѣ ему встрѣтился его товарищъ, сэръ Томасъ Боркъ; лордъ Кэвендишъ вышелъ изъ экипажа и пошелъ съ Боркомъ гулять по саду пѣшкомъ; вскорѣ къ нимъ приблизилась небольшая группа (четыре человѣка) другихъ гуляющихъ, которые—почти всѣ—имѣли на головахъ мягкія широкополыя шляпы; сколько теперь извѣстно изъ разныхъ газетныхъ свѣдѣній, лордъ сказалъ Борку что-то въ родѣ вопроса о томъ, какая надобность этимъ людямъ до нихъ, но въ ту же минуту „эти люди" бросились на несчастныхъ. О томъ, что произошло затѣмъ, можно судить по разсказамъ нѣкоторыхъ лицъ, видѣвшихъ все издали и принявшихъ сцену за простую драку пьяныхъ; немного спустя—двое изъ дравшихся лежали уже на землѣ, а остальные быстро удалились въ экипажѣ. Вскорѣ на мѣсто прибыли двое молодыхъ людей, катавшихся на велосипедахъ и увидѣли въ чемъ дѣло. Раны были ужасны. Кэвендишъ еще дышалъ, но умеръ тутъ же, что же касается Борка, то его смерть послѣдовала вѣроятно моментально, такъ какъ у него голова была почти отрѣзана отъ туловища; у Кэвендиша оказалось 8, у Борка 11 ранъ, всѣ артеріи и вены—перерѣзанными; можно предполагать, что борьба была отчаянная. О томъ общемъ отвращеніи, которое возбудило это возмутительное убійство, нечего повторять—во всей Англіи, во всемъ мірѣ раздался одинъ крикъ негодованія и ужаса. Правительство объявило премію въ 100.000 р. за поимку негодяевъ, но, не взирая на всѣ усилія полиціи и частныхъ лицъ, до сихъ поръ

не найдено еще и слѣда. Въ одну англійскую газету пришло письмо, будто бы отъ участника, разсказывающаго, что тотчасъ же послѣ преступленія, всѣ четверо уѣхали въ условленное заранѣе мѣсто и тамъ переодѣлись — одинъ матросомъ, другой лейтенантомъ флота, третій офицеромъ, а четвертый въ обыкновенный костюмъ. Какъ бы то ни было, но до сихъ поръ ничего еще неизвѣстно, хотя розыски энергичны и арестовано нѣсколько подозрительныхъ личностей.

Сэръ Томасъ Боркъ, покойный товарищъ министра по ирландскимъ дѣламъ, родился въ маѣ 1829 года. Отецъ его постоянно жилъ въ Брюггѣ и онъ самъ получилъ воспитаніе въ Бельгіи и Германіи и былъ замѣчательнымъ лингвистомъ. Когда же сэръ Томасъ Редингтонъ занялъ мѣсто младшаго секретаря въ Ирландіи, то онъ взялъ къ себѣ и Борка и подъ его руководствомъ молодой человѣкъ началъ свою дѣловую, государственную карьеру. Свои оффиціальныя обязанности въ составѣ главнаго управленія Ирландіи онъ продолжалъ и послѣ смерти Редингтона при лордѣ Карлингфордѣ, при которомъ впослѣдствіи онъ состоялъ частнымъ секретаремъ: ту же самую обязанность онъ выполнялъ при Робертѣ Пилѣ и лордѣ Гардингтонѣ. Во время всего своего служебнаго поприща онъ принадлежалъ къ либеральной партіи и строго и съ неизмѣнною вѣрностью и постоянствомъ держался воззрѣній и плановъ нынѣшняго министерства.

Хотя не однажды мы возвращались къ ирландской смутѣ, но такъ какъ англійскіе порядки и англійское управленіе у насъ часто ставятъ въ какой-то примѣръ совершенства, то интересно припомнить историческія обстоятельства, приведшія къ такимъ крайнимъ дѣйствіямъ, къ которымъ теперь несомнѣнно присоединились уже и посторонніе, чисто революціонные элементы.

Болѣе 700 лѣтъ какъ англичане начали завоеваніе Ирландіи, но можно сказать, что они и до сихъ поръ не закончили его, что и до сихъ поръ имъ не удалось соединить, слить „Зеленый Эринъ" съ Англіей и сдѣлать его солидарнымъ съ Соединеннымъ Королевствомъ. До сихъ поръ Ирландію, ирландцы считаютъ „завоеванной" страной, чувствуютъ себя завоеваннымъ народомъ, не болѣе.

Фредерикъ Кэвендишъ † 24 Апрѣля. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Томасъ Боркъ † 24 Апрѣля. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Первое столкновеніе Ирландіи и Англіи произошло въ 1169 году. Послѣ упорныхъ битвъ англичане укрѣпились въ восточной части острова; но этотъ успѣхъ былъ не болѣе какъ прологомъ къ продолжительной борьбѣ, которая завершилась все таки тѣмъ, что въ 1603 году послѣдніе вожди побѣжденныхъ ирландцевъ явились въ Вайтголлъ признать власть короля Англіи Іакова I-го. Но эта покорность такъ и осталась только покорностью внѣшнею. Завоеватели пожелали ввести въ завоеванномъ островѣ свою реформированную религію. Ирландцы воспротивились. Англичане, отобравъ отъ ирландскаго духовенства его имѣнія, ввели свою іерархію: прислали четырехъ архіепископовъ, восемнадцать епископовъ и множество священниковъ, но — всѣ они остались безъ прихожанъ. Когда возгорѣлась борьба между королемъ Карломъ I и парламентомъ, и протестанты-англичане приняли сторону парламента, то католики-ирландцы стали за короля; междоусобіе дорого обошлось завоевателямъ: въ теченіе четырехъ дней пало до двадцати тысячъ англичанъ. Только въ 1650 г. справился Кромвелль съ ирландцами и принятыя имъ мѣры хорошо характеризуютъ суроваго правителя; болѣе 80 тысячъ человѣкъ отправилъ онъ на Вестиндскіе острова, а большую часть католиковъ переселъ въ Контаутъ и Клэръ, (на западѣ и югозападѣ); сѣверъ и востокъ были заселены англійскими колонистами; при Карлѣ II положеніе ирландцевъ нѣсколько облегчилось, но его наслѣдникъ Іаковъ II вовлекъ снова Ирландію въ междоусобную войну, кончившуюся битвой при Бойнриверѣ, въ которой Яковъ былъ разбитъ своимъ противникомъ, Вильгельмомъ III.

Ирландцамъ были предоставле ы нѣкоторыя льготы: Лимерикскимъ договоромъ Вильгельмъ даровалъ ирландскимъ католикамъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ они пользовались до него: они не были только допущены къ должностямъ. Однако, договоръ не выполнялся и остался на бумагѣ, а притязанія завоевателей все увеличивались. Католикъ не могъ пріобрѣтать недвижимаго имѣнія; протестантъ могъ всегда отобрать у него недвижимость: католикъ былъ обязанъ посѣщать англійскія церкви, не могъ владѣть даже дорогой лошадью, и всякій католикъ имѣлъ

всегда право насильно купить у него лошадь по опредѣленной низкой таксѣ. Въ отношеніи поземельнаго владѣнія англичане произвели въ Ирландіи реформу, бѣдственно отразившуюся на всей послѣдующей судьбѣ страны: заставъ тамъ, въ большинствѣ случаевъ общинное владѣніе, обезпечивавшее населеніе, они уничтожили эту форму владѣнія обезземеливъ народъ, отобрали землю и передали ее англійскимъ владѣльцамъ—протестантамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они уничтожили и торговлю Ирландіи; такъ въ видахъ пользы англійскихъ купцовъ, былъ воспрещенъ прямой отпускъ изъ ирландскихъ портовъ и колоній; воспрещенъ былъ также сбытъ въ Англію ирландскаго скота, масла и сыра; шерстяное производство, рыболовство, все было стѣснено — опять таки въ пользу англійской конкуренціи. Въ 1801 г. послѣдовало соединеніе ирландскаго парламента съ англійскимъ; нововведеніе это было, какъ выразился знаменитый О'Коннель, осуществлено англичанами при помощи террора, пытокъ и насилій. Такъ, мало по малу накопилось чувство ненависти у ирландцевъ противъ англичанъ. О положеніи ирландскаго земледѣльца, мелкаго фермера было уже не разъ писано и поэтому мы не будемъ распространяться относительно этого предмета, а скажемъ только, что это ничто иное, какъ бѣднякъ, владѣющій небольшимъ кускомъ земли на правѣ аренды,—аренды, не закрѣпленной за нимъ, такъ, что владѣлецъ можетъ или увеличить арендную плату, когда ему угодно, или согнать его съ семействомъ, съ его пепелища. Послѣдствія понятны: въ сущности эти невозможныя аграрныя отношенія и служатъ главной подкладкой настоящихъ волненій. Но—у ирландцевъ слишкомъ много счетовъ съ англичанами; оскорбленные въ своихъ національныхъ и религіозныхъ чувствахъ, униженные, раззоренные, они мечтаютъ не только объ улучшеніи аграрныхъ отношеній, но многіе изъ нихъ желаютъ даже полнаго отдѣленія отъ Англіи, доведшей Ирландію до нынѣшняго ея состоянія. Отсюда поземельная лига, гомрулеры (автономисты), феніи и т. д. Правительство Гладстона, какъ уже читателямъ извѣстно, рѣшилось улучшить положеніе фермеровъ, но изданный въ прошломъ году парламентомъ „Ирландскій поземельный актъ“ не оказался вполнѣ удовлетворительнымъ, не взирая на свою благую и раціональную цѣль—установить болѣе правильное процентное отношеніе между рентой арендатора и доходностью участка, а также обезпеченіе арендатора отъ произвола владѣльца. Въ настоящее время самымъ правдивымъ выразителемъ наиболѣе умѣренныхъ требованій ирландцевъ служитъ Парнелль, стоящій во главѣ „поземельной лиги“. Здѣсь, кстати, приведемъ цифры, указывающія распредѣленіе землевладѣнія въ Ирландіи:

24	владѣльц.	принадл.	1800000	акровъ.	т. е.	9. 5%	всего	колич.
74	„	„	3110000	„	„	16%	„	„
110	„	„	3600000	„	„	23%	„	„
2000	„	„	13000000	„	„	66%	„	„

О ненормальности тутъ нечего и распространяться, если прибавить сюда, что остальное населеніе обезземелено уже давно.

Земельная лига организована весьма солидно и до сихъ поръ 40000 войска и 12000 полицейскихъ не могутъ ничего сдѣлать, чтобы помѣшать выполненію тѣхъ мѣръ, какія она считаетъ необходимыми для достиженія своихъ цѣлей, ничѣмъ не могутъ воспрепятствовать ея насиліямъ. Но—послѣдній актъ насилія, послѣднее отвратительное преступленіе, т. е. убійство лорда Кэвендиша и Борка, тѣмъ не менѣе, какъ по всему видно—не дѣло „лиги“, которая и въ Ирландіи, и въ Америкѣ прямо выразило свое негодованіе по поводу подлаго убійства. Есть предложеніе, что оно совершено тайнымъ обществомъ, существующимъ помимо „лиги“ и Феніевъ: оно, говорятъ, образовалось давно и не имѣетъ ни центра, ни іерархіи и потому легко ускользаетъ отъ преслѣдованій; члены его называются „Ribbon men“ это—террористы и изъ нихъ вербуются такъ называемые „moon—lighters“ (т. е. дѣйствующіе при лунномъ свѣтѣ) между прочимъ, они приговорили Парнелля тоже къ смерти.

Стихотвореніе.

Ты помнишь-ли невѣдомый приливъ
Таинственнаго, жгучаго желанья...
И первый къ жизни пламенный призывъ
И первой страсти первыя лобзанья?!.

Ты помнишь-ли—сонливый говоръ струй...
И нѣжный шепотъ дремлющей березы...
И тѣ, въ отвѣтъ на первый поцѣлуй —
Прелестныя, пылающія розы?..

И было такъ свѣтло кругомъ!.. На пиръ
Мы жизни шли, и пиръ тотъ былъ такъ сладокъ!
Онъ открывалъ для насъ чудесный міръ
Волшебныхъ тайнъ, плѣнительныхъ загадокъ...

Въ разцвѣтѣ той душевной красоты
Не вѣрила ты въ будущія слезы...
Бѣдняжка- какъ могла повѣрить ты
Въ грядущія, безжалостныя грозы...

В. Н—въ.

Политическое обозрѣніе.

Конвенція съ Персіей.—Австро-Венгрія.—Румынія.—Италія и Франція.—Египетъ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ обнародована наша конвенція съ Персіей о разграниченіи къ востоку отъ Каспійскаго моря; новая граница съ Персіей идетъ отъ Чата на Атрекѣ, по хребту Сангу-Дагъ, затѣмъ на сѣверо-востокъ и востокъ, чрезъ русла рѣкъ Чандара и Сумбара до дороги на с. Дурунъ, далѣе продолжается по Канетъ-Дагскому хребту, отдѣлявшему прежде Персію отъ Ахалъ-Теке, здѣсь въ наши предѣлы входятъ Джерамбское ущелье и дороги на Кейрабатъ и Фирузу; въ долинѣ ручья Баба-Дурмазъ граница поворачиваетъ на сѣверъ въ оазисъ и пересѣкаетъ его около селенія Баба-Дурмазъ чрезъ дорогу изъ Гяурса въ Люфти-Абатъ.

О славянахъ эти дни дали мало свѣдѣній, стоющихъ вниманія. Интересною мы нашли только слѣдующую характеристику отношенія австрійцевъ къ славянамъ Босніи и Герцеговины. Когда обезоруженные повстанцы (изъ Горныхъ Поборовъ) явились къ Черногорскому князю, онъ сталъ имъ говорить въ примирительномъ духѣ съ Австріею, о томъ, что имъ надо покориться императору Францу-Іосифу. „Государь, отвѣтили они,—но подъ какимъ видомъ снова подъ австрійскую власть! Пошли насъ куда хочешь, убей насъ, а подъ Австріей мы не хотимъ больше быть!“—„Что же вамъ такъ невыносимо въ государствѣ моего добраго друга и сосѣда“? спросилъ князь.—„А вотъ что надоѣло намъ: правительство австрійское стало посылать въ Бокку-Катарскую какихъ-то фанатичныхъ чиновниковъ и учителей, которые намъ прямо заявляютъ, что мы не сербы, а если мы назовемъ себя сербами, они считаютъ насъ измѣнниками, скажемъ ли, напримѣръ, въ судѣ или школѣ что мы сербы, насъ гонятъ вонъ и потомъ клевещутъ на насъ предъ правительствомъ, вслѣдствіе чего мы попадаемъ въ подозрѣніе...“

Въ Румыніи замѣчается новый подъемъ патріотизма: партія „Неискупленной Румыніи“ (Romania irridente) издала воззваніе о борьбѣ, вмѣстѣ съ славянами, противъ всего иноземнаго.

Отношенія Италіи и Франціи все еще не могутъ установиться въ прежнемъ, миролюбивомъ смыслѣ; изъ Рима сообщаютъ, что тамъ господствуетъ сильное неудовольствіе на Францію, вслѣдствіе заявленія французскаго министерства о преимущественномъ значеніи въ Египтѣ французскихъ интересовъ, предъ интересами другихъ государствъ и этимъ настроеніемъ объясняютъ то, что назначеніе итальянскаго посланника въ Парижѣ отлагается на нѣкоторое время.

Общее вниманіе сосредоточено теперь на египетскихъ дѣлахъ. Отношенія между хедивомъ, съ одной стороны и министрами (съ Араби-Пашей во главѣ), военной и національной партіей, съ другой,—болѣе, чѣмъ натянуты.

По прибытіи союзной эскадры къ Египетскимъ берегамъ, министерство передало хедиву ноту слѣдующаго содержанія: Когда союзныя эскадры прибыли въ Александрію, ваша свѣтлость обратилась за инструкціями къ Портѣ и министерство ожидало ея отвѣта; затѣмъ вы объявили, что требованія Англіи и Франціи вами приняты. Министерство, усматривая въ этомъ поступкѣ шагъ, несогласный съ взглядами министерства, шагъ, допускающій чужеземное вмѣшательство, слѣдовательно нарушающій верховныя права султана, подаетъ въ отставку. Хедивъ, слѣдуя совѣтамъ дипломатическихъ агентовъ западныхъ державъ, принялъ эту отставку и поручилъ составленіе новаго кабинета Шерифу-Пашѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ хедивъ обнародовалъ воззваніе ко всѣмъ провинціальнымъ властямъ, приказывая имъ оберегать порядокъ, заявляя, что эскадры прибыли съ дружественными намѣреніями и приказывая прекратить начатый по распоряженію Араби-Паши наборъ; въ другой прокламаціи хедивъ объявилъ, что принимаетъ на себя верховное начальство, надъ Египетскими войсками; Тевфикъ собралъ всѣхъ сановниковъ гражданскихъ и военныхъ и высшее духовенство и произнесъ энергическую рѣчь, гдѣ и заявилъ, между прочимъ, о томъ, что становится верховнымъ начальникомъ своей арміи, въ которой намѣренъ ввести строгую дисциплину: генералы и другіе офицеры, съ своей стороны, въ дерзкихъ (какъ передаетъ Международное Агентство) выраженіяхъ, высказали ему, что не согласны принять ультиматумъ западныхъ державъ, что они признаютъ право вмѣшательства только за Турціей и, затѣмъ—оставили дворецъ; нѣсколько времени спустя хедивъ получилъ депешу отъ командировъ Александрійскаго гарнизона, въ которой они отказываются признавать своимъ начальникомъ кого бы то ни было, кромѣ Араби-Паши, даютъ хедиву 12 часовъ на размышленіе и прибавляютъ, что не отвѣчаютъ, послѣ этого времени, за порядокъ. Согласно новѣйшимъ извѣстіямъ, нотабли просили султана о низложеніи Тевфика-Паши.

Смѣсь.

Объ искусственныхъ зубахъ упоминается еще въ 500 г. до Р. Х. въ старомъ римскомъ законѣ. Законъ этотъ говоритъ противъ роскоши при погребеніи: имъ запрещалось класть на мертвыхъ золото и въ припискѣ значилось даже и то золото, которымъ были укрѣплены зубы мертвыхъ. Законъ этотъ указываетъ на то, что искусственные зубы, укрѣпленные помощью золотой проволоки, были уже въ то время не рѣдкостью.

Дружба животныхъ. У одного помѣщика въ Англіи была любимая охотничья собака. Какъ то разъ помѣщикъ замѣтилъ, что собака прокрадывалась изъ дому съ большимъ кускомъ хлѣба: желая узнать что она будетъ дѣлать, помѣщикъ прослѣдилъ за нею. Собака побѣжала въ конюшню и принесла хлѣбъ верховой лошади, съ которой она была дружна, такъ какъ постоянно проводила ночи въ ея стойлѣ. Помѣщикъ видѣлъ и слышалъ, какъ собака лаяла и какъ бы приглашала лошадь съѣсть принесенный хлѣбъ. Разспросивъ у людей хозяинъ узналъ, что они часто видѣли, какъ собака приносила лошади хлѣбъ и неоднократно было замѣчено, что повидимому была очень недовольна и жалобно выла, что лошадь не ѣла приносимыхъ костей.

Отравленіе трутомъ. Докторъ Мальгербъ, въНантѣ, имѣлъ однажды случай наблюдать свинцовое отравленіе, вслѣдствіе продолжительнаго употребленія трута для закуриванія папиросъ, который, какъ извѣстно, пропитанъ однимъ свинцовымъ соединеніемъ (именно, хромокислымъ свинцомъ). Случай этотъ обнаружилъ одинъ пожилой булочникъ, страдавшій нѣсколько лѣтъ коликами. Однажды страданія усилились до такой степени, что онъ потерялъ сознаніе, причемъ обнаружились всѣ признаки свинцоваго отравленія. Нужно было открыть источникъ яда. Подвергнувъ изслѣдованію воду, вино и т. д., докторъ нашелъ, что больной всегда пользовался, при куреніи, желтымъ трутомъ, содержащимъ значительное количество хромокислаго свинцу. Курилъ онъ притомъ весьма неумѣренно. Докторъ началъ лечить его отъ свинцоваго отравленія, и выздоровленіе незамедлило послѣдовать въ скоромъ времени. Весьма вѣроятно, что такое-же происхожденіе имѣютъ и многіе другіе случаи свинцовыхъ коликъ.

Среди американскихъ индѣйцевъ. На всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ, не считая Аляски (прежняя русская Америка), живетъ теперь не болѣе 256,000 индѣйцевъ. Изъ этого числа 78 тысячъ составляютъ округъ, именуемый индѣйской территоріей, къ западу отъ Миссисипи, причемъ большая часть, 60 тысячъ, значительно, частію полно, уже объевропеились а меньшая (18 тыс.) до сихъ поръ находится еще въ прежнемъ состояніи, сохраняя строго свои вѣрованія и обычаи. Въ Нью-Іоркскомъ штатѣ считается еще около 50 тыс. индійцевъ,—это остатки древнихъ племенъ гуроновъ и ирокезцевъ, воспѣтыхъ Фениморомъ Куперомъ. Въ штатѣ Мичиганъ около 10 т. индійцевъ—чиппевайсовъ.

Остальные индійцы, въ количествѣ 128 тысячъ разселились по территоріямъ запада, или въ штатахъ и территоріяхъ Тихаго океана. Изъ нихъ индійцы—сіуксы и іакимасы дѣлаютъ все большіе и большіе успѣхи въ объевропеиванія. Изъ кочевниковъ они сдѣлались осѣдлыми, и обращаются постепенно изъ народа охотничьяго въ народъ пастушескій и земледѣльческій. Въ 1879 году они обработали около 200.000 акровъ земли: они были вознаграждены за трудъ обильной жатвой, маиса, овса, ячменя и т. п., притомъ индійцы выкормили около 70,000 головъ рогатаго скота и 864.000 барановъ.

Краснокожіе индійской территоріи превзошли даже эти цифры, они давно уже зажили осѣдлою жизнію. Селятся они въ городахъ, имѣютъ школы и различныя учрежденія, наконецъ, посылаютъ на конгрессы въ Вашингтонъ представителей своихъ интересовъ.

Въ 1880 году, посѣщало школы грамотности въ области индійской территоріи 7000 дѣтей. Число школъ простирается до 110 съ 300 учителей. Въ 1881 году число школъ было еще увеличено. Молодые краснокожіе часто обнаруживаютъ охоту къ чтенію, письму, счетоводству, причемъ родители не только не препятствуютъ подобнымъ стремленіямъ, но иногда даже поощряютъ ихъ.

Мате. Мате—настой изъ листьевъ одного дерева, произрастающаго въ Южной Америкѣ. Онъ замѣняетъ собою чай, кофе и какао для жителей Бразиліи, Парагвая, Чили, Перу, Боливіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ былъ ввезенъ и во Францію, гдѣ успѣлъ получить нѣкоторую распространенность. Будучи возбуждающимъ средствомъ, вродѣ какао, мате составляетъ одновременно такъ сказать *экономическое пищевое вещество.* Въ Бразиліи можно видѣть нерѣдко людей, остающихся безъ всякой пищи впродолженіи нѣсколькихъ дней, кромѣ питья мате. Особливо женщины, иногда употребляютъ отъ десяти до двѣнадцати чашекъ въ день этого напитка. И всѣ потребители мате соглашаются, что онъ обладаетъ пищевыми свойствами, въ большей степени, нежели, напримѣръ, кофе. Въ то же время напитокъ этотъ цѣнностью гораздо дешевле кофе, и не дѣйствуетъ такъ сильно на нервную систему, какъ кофе. Уходъ за этимъ деревомъ весьма простъ и не требуетъ большихъ издержекъ.

Невольный кандидатъ на самоубійство. Недавно въ Парижѣ скончался учитель танцевъ Марковскій, натурализированный полякъ, игравшій извѣстную роль во время Имперіи, но кончившій жизнь въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Въ Парижѣ ходитъ много анекдотовъ о Марковскомъ: одинъ изъ нихъ мы и передаемъ. Марковскій обладалъ даромъ дѣлать долги, но чтобы не платить ихъ прибѣгалъ ко всевозможнымъ хитростямъ. Разыскать его квартиру было также трудно какъ найти perpetuum mobile. Однако портному его, одаренному какъ видно талантомъ сыщика, удалось таки найти его квартиру, которая въ то время находилась въ пятомъ этажѣ дома въ улицѣ Лепикъ. Портной поднялся, и такъ какъ Марковскій отворилъ на сильный стукъ, то портной не замедлилъ войти и подать ему длинный счетъ. Конечно это было сдѣлано не особенно вѣжливо. Марковскій принималъ всѣ мѣры успокоить своего кредитора, но напрасно. Тотъ сѣлъ на стулъ и сказалъ, что онъ просидитъ всю недѣлю, но не уйдетъ, не получивши денегъ. Наконецъ Марковскій что то придумалъ и тоже усѣлся у стола, взялъ нѣсколько листовъ бумаги и сталъ ихъ рѣзать на полоски дѣлая видъ, что готовитъ ихъ для заклейки скважинъ оконъ и дверей. Портной съ удивленіемъ слѣдилъ за этой работой и казался только немного обезпокоеннымъ, когда Марковскій сталъ накладывать въ каминъ дрова. Но однако онъ не сказалъ ни слова. Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій Марковскій обмакнулъ лучинку въ чернила и на большомъ листѣ бумаги написалъ крупными буквами слѣдующее: „Не вините никого въ нашей смерти! Жизнь намъ надоѣла! и какъ два брата мы порѣшили умереть отъ угара“. Эту надпись Марковскій приклеилъ на стѣнѣ и затѣмъ зажегъ спичку приготовляясь ею разжечь наполненную углями жаровню. Портной поблѣднѣлъ и вскочилъ со стула. Затѣмъ онъ вскрикнулъ, моментально открылъ дверь и поспѣшно спустился по лѣстницѣ, убѣгая отъ должника, расплачивающагося такимъ страннымъ образомъ. Съ этихъ поръ Марковскій никогда его болѣе не видѣлъ.

Всѣмъ фальшивымъ монетчикамъ и другимъ поддѣлывателямъ жить становится все труднѣе и вскорѣ настанетъ время, когда игра не будетъ стоить свѣчь. Послѣ того какъ долгое время занимались исключительно химическимъ составомъ печатной краски для денегъ теперь заняты изготовленіемъ бумаги совершенно разнящейся отъ бумаги обыкновенной, и которую поддѣлать тѣмъ труднѣе, что для изготовленія ея непремѣнно требуются большія машины и много людей. Какъ извѣстно тайна, въ которую замѣшаны многіе, уже болѣе не тайна. Исходя изъ этой точки зрѣнія, государственная печатня въ Берлинѣ купила патентъ на изготовленіе бумаги съ темными полосками, требующей непремѣнно большой машины. Еще труднѣе поддѣлать патентованную бумагу Кнорра въ Хемницѣ и Арндта въ Ейнзиделѣ. Для изготовленія этой бумаги, кромѣ бумажной фабрики требуется еще ткацкая фабрика съ совершенно особенными сложными станками.

Бумага состоитъ изъ своеобразной, ни для чего болѣе не годной ткани, которая вдавливается въ жидкую бумажную массу, такъ что обѣ становятся неотдѣлимы. Ткань просвѣчиваетъ и черезъ нее легко различить настоящую бумагу. При этомъ послѣдняя становится плотнѣе и крѣпче.

Парижане ни въ чемъ не хотятъ отставать отъ другихъ городовъ. Въ настоящее время городскія власти заняты разсмотрѣніемъ двухъ проэктовъ городскихъ желѣзныхъ дорогъ. Сторонники одного проэкта предполагаютъ провести сѣть подземныхъ дорогъ, на подобіе Лондонскихъ, которыя должны быть заложены на десять метровъ ниже уровня мостовыхъ, подъ фундаментами зданій и канализаціей города. При этомъ однако возникаетъ то неудобство, что въ длинномъ въ 37000 метровъ туннелѣ воздухъ будетъ сырой и отъ дыма локомотивовъ слишкомъ спертый. Другой проектъ болѣе цѣлесообразенъ. Здѣсь взяты за образецъ сообщенія Берлина и Нью-Іорка съ тою только разницею, что всѣ вагоны безъ исключенія будутъ двигаться силою электричества. Дорога будетъ на желѣзныхъ столбахъ, причемъ не потребуется локомотивовъ.

Торжество артиста. Извѣстный американскій трагикъ Эдвинъ Боотъ разсказывалъ, что онъ былъ очень польщенъ отношеніемъ къ нему публики во время его игры въ роли *Яго*, въ Большомъ Бэлѣ, въ то время недавно открытыхъ золотыхъ пріискахъ. Зрители, невидавшіе давно никакихъ представленій, были такъ возмущены коварствомъ и низостью Яго, что въ третьемъ актѣ вынули револьверы и стали стрѣлять на сцену. При первомъ залпѣ, актеру игравшему Отелло отстрѣлили нечаянно кончикъ носа, а Боотъ-Яго, которому предназначался выстрѣлъ, спасся только тѣмъ, что упалъ на полъ и убѣжалъ черезъ люкъ. Рѣчь режиссера успокоила публику, но Бооту посовѣтывали однако провести ночь въ театрѣ, такъ какъ нѣкоторые зрители сговорились поступить съ „негодяемъ“ по закону Линча.

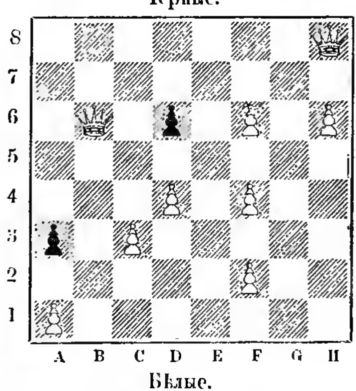
Страданія дипломатовъ. Роль, которую играли въ Константинополѣ европейскіе посланники въ XVII и XVIII столѣтій, была вовсе незавидна. Даже посолъ гордаго короля Франціи Людовика XIV, силою выводился изъ залы засѣданій по приказанію султана, если онъ не покорялся надменности турецкихъ владыкъ. Такъ напримѣръ посланникъ де-ля-Гэй былъ столкнутъ на полъ за то, что не довольно низко поклонился во время аудіэнціи и затѣмъ по приказанію султана былъ выгнанъ тотчасъ каймакамомъ. Не смотря на это де-ля-Гэй долго оставался на своемъ посту. Заступившій мѣсто названнаго посла, погрозилъ великому визирю, что передъ Константинополемъ появится французскій флотъ, если визирь будетъ принимать его во время аудіэнціи сидя, былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Спустя нѣсколько дней ему предложили забыть происшедшее и испросить новой аудіэнціи, которая будетъ считаться первою.

Извѣстная французская актриса Марсъ, прекрасно сохранившаяся, не любила упоминать о своихъ лѣтахъ. Когда въ 1835 году ей была предложена роль бабушки въ одной изъ пьесъ Скриба, то она отказалась играть говоря, что она слишкомъ молода для этой роли. Тогда въ одномъ журналѣ появилась замѣтка, гдѣ говорилось, что Марсъ родилась 19-го декабря 1778 года, т. е. что ей только 56 лѣтъ, ровно на 20 лѣтъ меньше, чѣмъ это значится въ ея паспортѣ. Кромѣ того было еще прибавлено, что сыну артистки уже 37 лѣтъ и что съ нею можетъ случиться то же что съ одной изъ ея подругъ, которую Наполеонъ I спросилъ сколько ей лѣтъ? Тридцать шесть, былъ отвѣтъ. А вамъ? спросилъ императоръ обращаясь къ сыну артистки. Тридцать семь, ваше величество. Вотъ какъ, засмѣялся Наполеонъ, только однимъ годомъ старше чѣмъ ваша мать!

Игры и задачи

Шашечная задача № 39.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ шашку черныхъ въ 9 ходовъ.

Задачи магическихъ квадратовъ №№ 40 и 41.

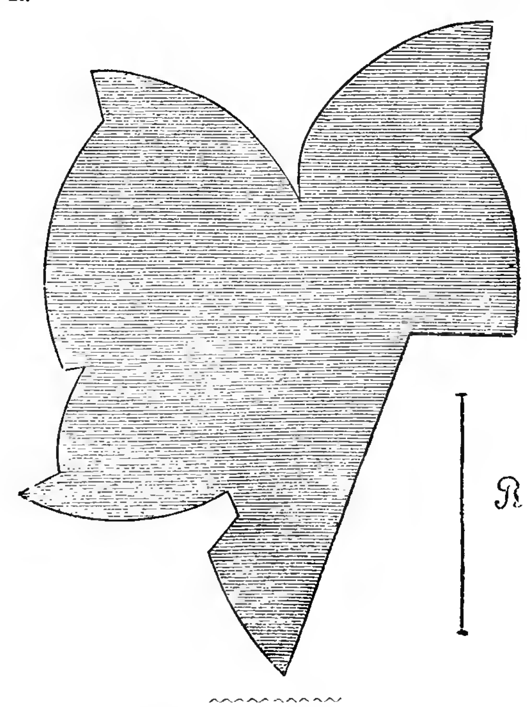
а	а	а	а	а
в	в	д	ж	ж
к	к	н	н	о
о	о	о	с	с
с	с	т	т	у

а	а	б	б	в
г	г	д	е	е
з	з	и	и	и
н	о	о	о	о
о	у	у	ч	ч

Геометрическая задача № 42.

А. Евсихіева.

Раздѣлить эту фигуру прямыми линіями на семь частей, изъ которыхъ требуется составить правильную окружность съ радіусомъ=R.



Алгебраическая задача № 43.

Одна русская пословица состоитъ изъ 24 буквъ; если-же эти буквы замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получатся слѣдующія соотношенія между ними:

1) Сумма восьмаго и девятаго чиселъ вдвое болѣе пятнадцатаго числа.
2) Разность между двѣнадцатымъ и двадцать вторымъ числами равна девятнадцатому числу.
3) Третье число вдвое болѣе четвертаго.
4) Сумма одиннадцатаго и двадцать перваго чиселъ вдвое болѣе шестнадцатаго числа.
5) Шестое число равно разности между удвоеннымъ десятымъ и двадцатымъ числами.
6) Отношеніе перваго числа къ четырнадцатому = 3 : 1.
7) Сумма восемнадцатаго и двадцать четвертаго чиселъ равна 50.
8) Четвертое число вдвое болѣе двадцатаго числа.
9) Сумма втораго и тринадцатаго чиселъ равна шестнадцатому числу.
10) Сумма утроеннаго послѣдняго и втораго чиселъ равна 100.
11) Сумма перваго и третьяго чиселъ равна суммѣ четвертаго и пятаго чиселъ.
12) Сумма седьмаго и семнадцатаго чиселъ вдвое болѣе девятнадцатаго числа.
13) Разность между пятнадцатымъ и шестымъ числами равна второму числу.
14) Сумма пятаго и двадцатаго чиселъ равна предпослѣднему числу.
15) Сумма десятаго и одиннадцатаго чиселъ равна двѣнадцатому числу.
16) Отношеніе втораго числа къ двадцатому = 1 : 3.
17) Сумма четырнадцатаго и пятнадцатаго чиселъ равна разности между двадцать четвертымъ и удвоеннымъ двадцать первымъ числами.
18) Третье число на 2 менѣе предпослѣдняго числа.
19) Отношеніе тринадцатаго числа къ четырнадцатому равно отношенію втораго къ двадцатому.
20) Сумма восьмаго и десятаго чиселъ равна разности между послѣднимъ числомъ и суммою двадцатаго и двадцать перваго чиселъ.
21) Пятое число на 1 менѣе удвоеннаго четвертаго числа.
22) Удвоенное послѣднее число равно суммѣ утроеннаго восьмаго и шестнадцатаго чиселъ.
23) Сумма трехъ первыхъ чиселъ вдвое болѣе десятаго числа.
24) Сумма трехъ послѣднихъ чиселъ равна числу недѣль въ году.

Узнать эту пословицу.

Заявленіе.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи **большой картины Профессора В. И. Якобія „Дорогой гость“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ в прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

EAU DE LYS DE LOHSE, **Lohse's Lilien-Milch**, противъ **ВЕСНУШЕКЪ**, солнечнаго загара, красноты, прыщиковъ, желтыхъ пятенъ, укушенія насѣкомыхъ, также для утонченія кожи и для приданія свѣжести и бѣлизны лицу, почти 50 лѣтъ употребляемое лучшее средство для лица. Ежедневное употребленіе „Eau de Lys de Lohse" дѣйствуетъ освѣжительно, дѣлаетъ лицо совершенно чистымъ и нѣжнымъ и придаетъ ему цвѣтущій здоровьемъ и свѣжій видъ. Цѣна (въ флаконахъ съ фирмой дома) 1 р. 50 к. и 3 р.

LOHSE, МЫЛО — LILIENMILCH по чистотѣ и нѣжности одно изъ лучшихъ туалетныхъ мылъ, цѣна за кусокъ 60 к., à la rose de Turquie 1 р. 25 к.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, парфюмеръ въ Берлинѣ, JAEGERSTRASSE, № 46.

Поставщикъ двора Ея Величества Императрицы Германской Имперіи. Первый призъ золотая медаль **Porto Allegre 1881.**
Требовать у парфюмеровъ, парикмахеровъ и пр. „Eau de Lys de Lohse".

ВЫШЛА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на станц. желѣзныхъ дорогъ весьма небезполезная справочная книга: **„СПУТНИКЪ-УКАЗАТЕЛЬ ПО ГЛАВНЫМЪ ГОРОДАМЪ РОССІИ"**, это сборникъ практическихъ свѣдѣній, указывающій **ПУТЕШЕСТВЕННИКАМЪ** лучш. гостинницы главныхъ гор. Россіи, пути съ сѣвера въ Крымъ, города на Крымскомъ полуостровѣ, ихъ достопримѣчательности, театры, гулянья, газеты и т. и. **БОЛЬНЫМЪ**— всѣ мѣстности Россіи, извѣстныя здоровымъ, мягкимъ климатомъ, минеральными водами, грязями, морскими купаньями, леченіемъ кумысомъ, виноградомъ и пр., и пр., съ приложеніями: краткій географическій и статистическій очеркъ Россіи, карта россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и пр. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ",

въ С.-Петербургѣ. № 2115

СТРАХОВАНІЕ БИЛЕТОВЪ
по **50 коп.** въ конторѣ

П. ВЫДРИНЪ и СЫНЪ.

Москва, Тверская, 31.

Условія продажи билетовъ съ задаткомъ въ 15 р. высылаются безплатно. П. № 2072. 8—3.

А. Дейбнеръ,

магазинъ иностранныхъ и русскихъ книгъ. Невскій пр., д. 10, напротивъ Мал. Морской, въ С.-Петербургѣ. Каталоги книгъ и журналовъ безплатно. П. № 2122

Совершенно отличительнаго качества

ДАЛМАТСКАЯ РОМАШКА

отъ всѣхъ насѣкомыхъ

у Р. КЕЛЕРЪ и К°. въ Москвѣ

Ц. № 1843 5—4

ЖЕЛАЮ КУПИТЬ.

Имѣніе—дачу отъ 25 до 100 д. земли съ хорошою устроенной усадьбой, близъ рѣки и недалѣе 15 верстъ отъ ст. желѣзн. дороги: въ одной изъ губерній: Курской, Харьковской Полтавской, Екатеринославской или Землѣ Войска Донскаго, исключительно при рѣкѣ Донѣ. Опись имѣнія и рѣшительную цѣну назначивъ, прошу адресовать: Екатеринославской губ. ст. Петропавловку Ивану Васильевичу Ляпко-Парафіевскому. № 2127

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

НОВЫЯ ПРОИВЕДЕНІЯ:

ПОМАДЫ, ФИКСАТУАРЫ, МАСЛО ДЛЯ ВОЛОСЪ, УМЫВАНІЕ ДЛЯ ВОЛОСЪ ВІОЛЕТЪ.

ДУХИ: Эссъ Віолетъ, Эссъ Буке, Опопонаксъ, Бриза де-ласъ-Пампасъ, Иланъ-Иланъ, Майгленхенъ (Ландышъ), Бѣлый Геліотропъ; другіе приготовляются.

Шампуйнь для мытья головы (Мыльная эссенція).

Туалетная Вода, Кольдъ-Кремъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

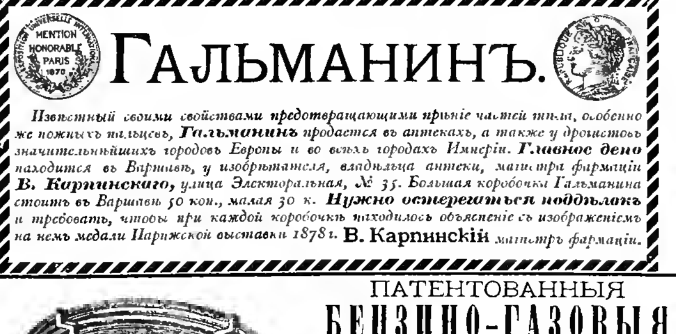
къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ**, д. № 32, Католической церкви.
2) **Невскій проспектъ**, у Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій проспектъ**, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54. Шредера. № 2070 2—2



ПАТЕНТОВАННЫЯ

БЕНЗИНО-ГАЗОВЫЯ

КУХНИ

СЪ РЕГУЛЯТОРОМЪ ПЛАМЕНИ

ДИТРИХА и КЕЗЕВИЦА
ВЪ ГАМБУРГѢ,

особенно пригодны для домашняго употребленія: горять безъ фителя, безъ запаха и копоти и совершенно безопасны.
Описаніе съ прейсъ-курантомъ безплатно.

Агентство для Россіи и складъ
у Р. НИППЕ.

Магазинъ химическихъ, фармацевтическихъ, техническихъ, физическихъ и другихъ научныхъ аппаратовъ и снарядовъ.
С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, домъ 2 уголъ Мойки.
Кухни продаются и въ магазинахъ Крумбюгеля на Большой Морской и Невскомъ проспектѣ.

П. № 2118

Для Электрическаго Освѣщенія.

Продаются: Динамо-электрическая машина системы Сименса и Гальске, на восемъ фонарей и 7 фонарей съ дифференціальными регуляторами Сименса и Гальске, коммутаторъ и изолированные мѣдные проводники.
О цѣнѣ узнать въ типографіи А. Ф. Марксъ Англійскій проспектъ домъ № 10 С.-Петербургъ.

НАТУРАЛЬН. МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ
СВѢЖАГО 1882 РАЗЛИВА ПОЛУЧЕНЫ
у РУЛЬКОВІУСЪ и ГОЛЬМЪ.

Уголъ Большой Московской улицы и Кузнечнаго переулка, д. Владимірской церкви, МI. № 2191 5 3
въ АПТЕКѢ Амброжевича въ КОЛПИНО.

!!! Необходимо для всѣхъ!!! Для общаго блага !!!

Пожарные насосы выбрасываютъ воду на высоту 3 этажей 12 руб.
Насосы дѣйствующіе чрезвычайно сильной струей или дождеобразно, для сбрызгиванія садовъ, улицъ, полей, баштановъ, и чистки растеній отъ насѣкомыхъ 12 руб. 50 коп.
Укупорка отдѣльно 1 рубль. Требованія, деньги направлять по адресу.
Торговый домъ Генриха Барыцкаго въ Варшавѣ. № 2081 5- 4

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Марлитта.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ" 1882 г. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Первый призъ **„Золотая медаль"** Порто Алегре 1881.

ПЕРЛЫ ВСѢХЪ ДУХОВЪ

для носовыхъ платковъ, платья, кружевовъ и т. п.

Maiglöckchen, Г. Лозе. | **Héliotrope blanc Г. Лозе.**
Edelweiss Г. Лозе. | **Königin der Nacht Г. Лозе.**
Bouquet Garmen Г. Лозе

въ подлин. бутылкахъ съ патентир. замыканіемъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 46, JÄGERSTRASSE, ВЪ БЕРЛИНѢ.

Поставщикъ Двора Е. В. Императрицы Германіи.

фабрика превосходныхъ духовъ и туалетныхъ мылъ.

Мои спеціальности признаны наилучшаго качества и пріобрѣли всеобщее одобреніе, прошу поэтому при закупкахъ обратить вниманіе на мою полную фирму, во избѣжаніе недоразумѣній. 2—2

Только что вышли изъ печати и продаются въ конторѣ журнала „НИВА", С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историч. романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ, большой томъ in—8, всего 672 стр., напечатано на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Для новыхъ подписчиковъ „Нивы" 1882 г. ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть съ 20 рисунками Ив. Панова. 2-е изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.: въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ XVII вѣка. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Подписчики „Нивы" 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

Дозволено цензурою. СПБ. 27 мая 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 5 Іюня 1882 г.

Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮНЬ 1882 г. съ 15 рисунками и съ 27 выкройками, а на оборотной сторонѣ 16 оригин. рисунками для выпиливанія работъ изъ дерева.

Городъ Троицко-Савскъ въ Забайкальской области. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Городъ Троицко-Савскъ въ Забайкальской области.

Въ октябрѣ 1725 года, торжественно, съ барабаннымъ боемъ и музыкой, въѣзжалъ въ Пекинъ русскій посолъ Савва Лукичъ Владиславичъ графъ Рагузинскій, лицо очень замѣчательное въ исторіи нашей дипломатіи, какъ дѣятельный и талантливый агентъ Петра Великаго въ его сношеніяхъ съ востокомъ. Цѣль посольства, отправленнаго въ Китай, состояла главнымъ образомъ въ возстановленіи согласія и свободы торговли между русскимъ и китайскимъ правительствами, а также въ назначеніи особыхъ коммисаровъ для пограничнаго размежеванія. Всѣ эти желанія нашего правительства были достигнуты, благодаря настойчивости и энергіи нашего посла, который вслѣдъ за заключеніемъ договора, а именно въ 1727 году, неподалеку отъ нашей китайской границы, положилъ начало небольшому укрѣпленію и назвалъ его Троицко-Савскомъ.

Нынѣ Троицко-Савскъ городъ Забайкальской области, Кяхтинскаго градоначальства лежитъ въ 416 верстахъ отъ Иркутска и въ четырехъ отъ китайской границы. Расположенъ онъ около рѣчки Кяхты, въ узкой, песчаной долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими горами, однимъ словомъ въ мѣстности очень неудобной для его правильнаго расширенія. Кромѣ того, лѣтомъ рѣчка Кяхта нерѣдко высыхаетъ, заставляя жителей нуждаться въ водѣ; во время же дождей грозитъ другою бѣдою: выступаетъ изъ береговъ и разливаясь на большое пространство причиняетъ не мало убытковъ городскимъ обывателямъ. Впрочемъ помимо этихъ неудобствъ своего мѣстоположенія, Троицко-Савскъ можетъ быть названъ по справедливости довольно красивымъ и опрятнымъ городомъ. Такъ здѣсь на отлогомъ берегу рѣчки возвышаются большія каменныя зданія пакгаузовъ и таможни; главная же улица, пересѣкающая весь городъ, обстроена порядочными домами, хотя почти исключительно деревянными. Кромѣ того въ Троицко-Савскѣ три церкви, изъ которыхъ одна каменная—соборъ, находящійся почти въ центрѣ города. Грунтъ земли здѣсь песчаный, такъ что на городскихъ улицахъ пѣшеходы вязнутъ въ пескѣ, а экипажи поднимаютъ цѣлые столбы ѣдкой, нестерпимой пыли. Лѣтомъ же при большой господствующей здѣсь жарѣ, песчаная почва до такой степени накаляется, что пребываніе въ городѣ становится настоящей пыткой и всѣ болѣе или менѣе зажиточные жители спѣшатъ выселяться на живописные берега Чикоя — рѣки протекающей въ 30-ти верстахъ отъ Троицко-Савска по направленію къ сѣверо-востоку. Вообще значеніе Троицко-Савска поддерживается теперь лишь торговою дѣятельностью Кяхты и всѣ интересы его двухтысячнаго населенія тѣсно связаны съ ходомъ и развитіемъ кяхтинскаго чайнаго рынка. Самостоятельная же торговля Троицко-Савска значительно упала съ 1861 г., когда таможня была переведена въ Кяхту, гдѣ такимъ образомъ не только сосредоточилась торговля чаемъ, но и отправка его во всѣ концы нашего обширнаго отечества.

„Вольтерьянецъ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ“

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

I.

Опять виновата.

Прошло около недѣли съ тѣхъ поръ какъ Таня послала Сергѣю свою лаконическую и краснорѣчивую записку.

Весь первый день она съ трепетомъ ждала его, но онъ не пріѣхалъ. Значитъ пріѣдетъ завтра... значитъ задержало его что нибудь неотложное, что нибудь важное... Но прошелъ и слѣдующій день, а Сергѣя нѣтъ, и нѣтъ отъ него никакой вѣсти.

Таня стала тревожиться, не знала какъ объяснить такой поступокъ съ его стороны. Часъ проходилъ за часомъ, еще день кончился, прошелъ и другой. Таня не спала ночей, бродила какъ тѣнь, поблѣднѣла, похудѣла. Теперь одна тяжелая мысль не давала ей покою: она рѣшила, что случилось то, чего она вдругъ испугалась въ ту ночь, когда, послѣ послѣдняго свиданія съ нимъ, рѣшала внезапно вставшіе передъ нею вопросы.

„Да, такъ и есть—это наказаніе. Онъ вернулся только затѣмъ, чтобы обвинить ее, чтобы доказать ей что она сама—единственная причина своего несчастія... онъ вернулся чтобы отмстить ей... онъ ее не любитъ... Теперь она навсегда уже его потеряла!

Она такъ боялась возможности этого, что вдругъ совершенно повѣрила въ такую несообразность. Она какъ будто сразу потеряла свой разсудокъ, она забыла, что не имѣетъ никакого права считать Сергѣя способнымъ на подобный поступокъ, что она оскорбляетъ его этимъ подозрѣніемъ. Если бы кто-нибудь изъ постороннихъ ей находился въ подобныхъ обстоятельствахъ, она конечно разсудила бы все какъ слѣдуетъ, она бы просто посмѣялась надъ такимъ нелѣпымъ предположеніемъ. но въ своемъ собственномъ дѣлѣ она запуталась. Въ ней поднялись всѣ муки внезапно вспыхнувшей и всю ее охватившей страсти, вся тоска разлуки.

Таня негодовала на подобный поступокъ съ его стороны, чувствуя оскорбленіе, и въ то же время безнадежно опустивъ голову она шептала:

— Я заслужила это. Такъ мнѣ и слѣдуетъ... такъ и слѣдуетъ!

Прошелъ еще день, но она уже перестала и ждать Сергѣя. Она знала, что все кончено, ей даже не пришло на умъ, какъ это ни страннымъ можетъ показаться съ перваго раза, что съ Сергѣемъ случилось какое нибудь несчастье, что онъ можетъ быть серьезно боленъ, что однимъ словомъ у него нѣтъ физической возможности пріѣхать къ ней, извѣстить ее. Она упорно оставалась со своимъ объясненіемъ: все теперь было ясно, все кончено! Она жила какъ въ туманѣ и заботилась только объ одномъ, чтобы никто не замѣтилъ ея мучительнаго состоянія. Она ни съ кѣмъ не намѣрена дѣлиться своимъ горемъ. Она выдержитъ его одна.

Но между тѣмъ она такъ истомилась за это время, что ея измученный, больной видъ долженъ былъ обратить наконецъ на себя вниманіе.

Какъ-то утромъ великая княгиня позвала ее къ себѣ. Великая княгиня сама была измучена не менѣе ея. Она только что вернулась изъ Петербурга, она оставила императрицу мрачной и больной, оставила свою дочь хотя на ногахъ, повидимому успокоившеюся, но такой блѣдной, такой грустной.

Она была погружена въ свои мысли, въ свои собственныя тревоги и страданія, но все же взглянувъ на Таню тотчасъ же замѣтила происшедшую въ ней перемѣну.

— Милое дитя мое, что это съ вами? сказала она своимъ тихимъ, ласковымъ голосомъ. Посмотрите на меня... да вы больны! Что у васъ болитъ? Отчего вы не скажете? Нужно поговорить съ докторомъ... нельзя медлить... Развѣ возможно такъ пренебрегать своимъ здоровьемъ!

— Я вовсе не больна... я совсѣмъ здорова, ваше высочество, отвѣтила Таня.

— Какъ не больны, вы рѣшительно больны! Дайте вашу руку.

Она взяла руку Тани, рука была холодна. На лицѣ Тани выражалось такое утомленіе, даже ясные великолѣпные глаза ея какъ-то потухли.

— Сядьте сюда! указала великая княгиня на мѣсто рядомъ съ собою на маленькомъ диванчикѣ. — Смо-

трите прямо на меня и если вы не больны, то скажите, что такое случилось съ вами? Какое несчастіе? Вѣдь есть же что нибудь, вѣдь не могло же у васъ сдѣлаться такое лицо безъ всякой причины. Я просто не узнаю васъ. Все это время мы рѣдко видѣлись, я почти здѣсь не бывала, я вся была въ своихъ заботахъ, но не думайте, моя милая, что я къ вамъ равнодушна, вы знаете, что я люблю васъ. Будьте откровенны со мною, говорите.

Она наклонила къ себѣ голову Тани и нѣжно ее поцѣловала.

— Говорите, еще тише, еще ласковѣе прошептала она.

Таня не была пріучена къ подобнымъ ласкамъ—она видѣла ихъ очень рѣдко и поэтому онѣ не могли на нее не дѣйствовать, а теперь, когда ея нервы были такъ натянуты, когда она чувствовала себя такой несчастной, измученной, нѣжный поцѣлуй великой княгини, пожатіе ея руки, ея тихій голосъ произвели на нее почти потрясающее дѣйствіе. Она хотѣла что-то сказать, но не могла произнести ни звука и вдругъ громко, истерически зарыдала.

Великая княгиня перепугалась, стала ее успокоивать и когда наконецъ Таня совладѣла съ собою и перестала рыдать, она сказала ей:

— Послушайте, другъ мой, я вижу, что вы очень страдаете, но поэтому то и прошу васъ быть откровенной. Дайте мнѣ узнать въ чемъ дѣло и рѣшить самой: быть можетъ все совсѣмъ не такъ важно, какъ вамъ кажется. Я начинаю догадываться, но все же ничего не знаю. Я не знаю, что тутъ было во время моего отсутствія? Чѣмъ такъ огорчилъ васъ вашъ женихъ?

Женихъ!

Таня даже вздрогнула.

— Онъ вовсе не женихъ мнѣ, прошептала она.

Великая княгиня взяла ея руку одной своей рукой, а другою обняла ее за талью и привлекла къ себѣ.

— Voyons, ma chère, почти на ухо прошептала она ей, будьте умница, разскажите все спокойно. Повѣрьте, вамъ во всякомъ случаѣ станетъ легче когда вы выскажетесь.

Таня была совсѣмъ покорена и все разсказала какъ на исповѣди.

Внимательно ее выслушавъ и задумавшись на нѣсколько мгновеній, Марія Ѳеодоровна подняла на нее свои свѣтлые глаза и сказала:

— Ну вотъ я и была права! Хорошо что вы мнѣ все разсказали—это слѣдовало бы сдѣлать раньше. И знаете, мой другъ, вы меня очень изумили, вы—такая разумная, такая разсудительная и вдругъ превратились совсѣмъ въ маленькую дурочку. Откуда взяли вы все это? Зачѣмъ вы такъ обижаете вашего жениха, это очень нехорошо съ вашей стороны! Я увѣрена, что онъ никогда бы не былъ способенъ заподозрить васъ въ томъ, въ чемъ вы его подозрѣваете. Развѣ порядочные люди такъ поступаютъ? мнѣ стыдно за васъ, я говорю серьезно, и пожалуйста никогда никому не говорите того, что вы мнѣ сказали—вамъ самимъ скоро будетъ стыдно за подобныя мысли.

Таня изумленно на нее глядѣла.

— Но, ваше высочество, да какое же другое объясненіе можетъ быть его поступку? Вѣдь вотъ цѣлая недѣля прошла, а его нѣтъ... Онъ даже не написалъ мнѣ, даже не прислалъ карлика.

— Конечно это очень важно, сказала великая княгиня —и конечно вы имѣете полное основаніе очень тревожиться. Я тоже начинаю тревожиться. Мнѣ кажется вамъ уже нѣсколько дней тому назадъ слѣдовало постараться узнать что съ нимъ.

Таня мало по малу начинала понимать свое безуміе.

Великая княгиня продолжала:

— Я полагаю, что съ нимъ случилось что нибудь не совсѣмъ обыкновенное. Что онъ живъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что иначе я бы услышала.

— Господи! Да что же могло случиться? крикнула Таня, хватаясь за сердце.

Ея мысли сразу прояснились и наконецъ пришло ей въ голову то, что должно было придти давнымъ давно.

— Въ этомъ весь вопросъ: что такое могло случиться? Это загадка, это очень странно и намъ нужно какъ можно скорѣй разрѣшить эту загадку. Можетъ быть цесаревичъ знаетъ, я спрошу его... Я сейчасъ пойду къ нему, подождите меня.

Великая княгиня ушла, но скоро вернулась и сказала Танѣ, что къ сожалѣнію цесаревича она не застала, что онъ уже два часа какъ выѣхалъ изъ дворца.

Я велѣла доложить мнѣ какъ только онъ вернется. Успокойтесь, мы сегодня же все узнаемъ и конечно ни минуты не промедлимъ.

Таня возвратилась въ свои комнаты совсѣмъ въ лихорадкѣ.

— Да что же это такое, отчаянно думала она, вѣдь я въ самомъ дѣлѣ сошла съ ума! Что я за несчастное, за дрянное существо — всегда поступаю именно такъ, какъ поступать не слѣдуетъ... во всю жизнь только дѣлаю глупости, а вѣдь я считала себя умной, я дура... дура... несчастная, сумасшедшая дура!

Она схватилась за голову, она себя ненавидѣла, презирала.

Можетъ быть съ нимъ Богъ знаетъ что случилось.... у него враги... этотъ ужасный Зубовъ, мало ли что можетъ быть! Но что же, что можетъ быть съ нимъ?

Она не могла ничего придумать.

„Знаетъ ли цесаревичъ? А если знаетъ, зачѣмъ же онъ молчитъ? зачѣмъ онъ ничего не скажетъ? Онъ добрый... нѣтъ—какой онъ добрый! онъ жестокій, онъ мой мучитель... А если и онъ ничего не знаетъ?! Чего же мнѣ ждать—я должна ѣхать въ Петербургъ...“

Она остановилась на этой мысли и рѣшила только дождаться возвращенія цесаревича, услышать что онъ скажетъ и немедленно же ѣхать.

Но объясненіе было гораздо ближе чѣмъ она думала.

Едва успѣла она рѣшить свою поѣздку, какъ ей доложили, что пріѣхалъ карликъ изъ Петербурга и проситъ принять его.

— Карликъ! Скорѣй, скорѣй!.. Гдѣ онъ?

Моська уже входилъ, запыхавшійся, мрачный.

— Степанычъ! Откуда ты? Гдѣ Сергѣй Борисычъ? Что у васъ такое случилось?

Моська поцѣловалъ ея руку и запищалъ:

— Дай только духъ перевести, золотая боярышня, все разскажу. Думалъ ужь не доѣду, не увижу тебя. Охъ, дѣла то у насъ какія!..

— Какія дѣла?

Онъ развелъ руками.

Таня такъ и впилась въ него глазами, силясь прочесть на лицѣ его.

— Что же наконецъ такое случилось? Гдѣ Сергѣй Борисычъ? Живъ онъ, здоровъ? скажи ты мнѣ хоть это.

— Живъ... здоровъ, матушка.

— Говори правду. Ты меня не обманываешь? Ты ничего отъ меня не скрываешь?

— Для чего скрывать... стану я скрывать отъ тебя! Говорю—живъ, здоровъ... только отъ этого не легче. Такія дѣла! Такія дѣла!.. Ой, дай духъ перевести! Голова идетъ кругомъ.

Онъ вскарабкался на стулъ, вынулъ свой свернутый въ клубочекъ платокъ, вытеръ себѣ лицо и нѣсколько разъ тяжело перевелъ дыханіе.

— Вѣдь я какъ сюда попалъ, матушка, вѣдь я убѣгъ... изъ подъ караула... вѣдь можетъ теперь меня, какъ поймаютъ, въ Сибирь сошлютъ.

— Степанычъ, ты хочешь свести меня съ ума! Неужто же ты никакъ не можешь сказать, въ чемъ дѣло... Потомъ все разскажешь подробно... Какой караулъ? Отчего Сергѣй Борисычъ до сихъ поръ не пріѣзжалъ? Гдѣ онъ?

Свержение ига татарскаго. Іоаннъ III и послы хана Ахмата. (1480). Ориг. рисун. Бухгольца, грав. Ю. Барановскій.

— Въ Петербургѣ, матушка, золотая боярышня... въ Петербургѣ Сергѣй Борисычъ... въ домѣ своемъ.

— Такъ что же?!..

— А отчего сюда не пріѣхалъ, отчего ждать то тебя заставилъ, да еще невѣдомо когда и выберется, такъ я скажу тебѣ отчего,—отъ безбожія, матушка, отъ безбожія все!

Таня разсердилась не на шутку.

— Нѣтъ, это невыносимо! крикнула она. Я тебя, Степанычъ, за добраго человѣка всегда считала, я такъ полагала, что ты любишь насъ, а это что же, ты пришелъ издѣваться надо мною!.. Ты видишь, что я сама не своя и только томишь меня больше... запутываешь... Что я могу понять изъ словъ твоихъ!.. Да и слушать то я тебя не хочу. Я уже рѣшила, я ѣду въ Петербургъ—я должна видѣть Сергѣя Борисыча.

— Постой, золотая, не торопись... не сердись ты ради Бога, ваше сіятельство. Всему свое время будетъ... и въ Петербургъ захочешь поѣхать... и поѣдешь, а торопиться то такъ ужь нечего. И за что ты это на меня такъ осердилась? Я тебѣ говорю то, что надо, что можно сказать и сама ты увидишь, что много ничего и говорить я не могу. Какъ тутъ говорить, когда такія дѣла вышли... Одно слово—Божеское наказаніе!

Таня въ изнеможеніи упала въ кресло.

Ну что съ нимъ дѣлать!

— Да говори же ты, говори... сквозь слезы повторяла она.

— И говорю, и говорю, золотая, сама ты меня перебиваешь. Вотъ посиди-ка смирненько, да послушай, все и узнаешь. Тогда и увидишь сама, что ничего другаго не могъ я и сказать тебѣ по первоначалу. Вотъ какъ получилъ это Сергѣй Борисычъ твою записочку, призвалъ это онъ меня, велѣлъ распорядиться, чтобы пораньше утромъ карета была готова, что ѣдемъ мы, дескать, въ Гатчину. Такъ и рѣшили, да тутъ онъ... какъ тебѣ сказать... ну, нечистый его попуталъ, такого онъ наговорилъ... Я ему сказывалъ, что Богъ накажетъ—такъ и случилось! Утромъ—ѣхать намъ—анъ ѣхать то и нельзя! Въ сѣняхъ-то, вишь, часовые поставлены... въ своемъ-то собственномъ домѣ... и не пускаютъ насъ—ни его, ни меня, карету отложить и пришлось. Да вотъ съ той поры и сидимъ взаперти: ни насъ не пускаютъ, ни къ намъ никого, никуда цыдулки послать невозможно—перехватываютъ... подъ карауломъ мы.

— Да за что же, Степанычъ? Я все же таки ничего не понимаю.

— А ты думаешь, голубка, мы то много понимаемъ!.. Офицеры пріѣхали, потомъ высшее петербургское начальство... самъ набольшій надъ всею полиціей—какъ его прозвище-то, вотъ запамятовалъ—говорятъ вишь ты, по царицыному указу. Вишь ты въ чемъ-то Сергѣй Борисычъ провинился... Изъ Англіи будто бумаги вывезъ какія то, да съ англичаниномъ съ петербургскимъ посломъ переговоры что-ли имѣлъ... Наплели и невѣсть чего! Разобидѣли, осрамили, оклеветали Сергѣя Борисыча... будто изверга какого, будто преступника.... срамъ такой что и не изживешь такого сраму... Плачу я, матушка, плачу, да слезами-то горю не поможешь.

И, говоря эти послѣднія слова, карликъ началъ всхлипывать.

Таня сидѣла пораженная, едва вѣря ушамъ своимъ.

— Да, вотъ дѣла какія! продолжалъ карликъ сквозь слезы. Весь кабинетъ Сергѣя Борисыча опечатали, въ бумагахъ его рылись, потомъ взяли нѣсколько пачекъ бумагъ, увезли, да вотъ съ той поры и сидимъ мы подъ карауломъ. Я не разъ просился: выпустите молъ—нѣтъ не пускаютъ—такъ полагаю, что и меня то приплели—и я вѣдь въ Англіи то былъ съ Сергѣемъ Борисычемъ, такъ можетъ тоже какія бумаги вывезъ... Ахъ Боже ты мой милостивый! И нашлись же такія гадины, что наклепали! И чѣмъ это кончится, какъ тутъ быть—ничего не понимаю.

— Какъ же ты наконецъ вырвался?

— Да какъ? Обманомъ. Въ первые-то дни ничего не дѣйствовало—сторожили насъ ровно звѣрей дикихъ. Я улещать... я то, другое, ничего не помогаетъ... ну а сегодня вырвался. Еще вчерась вечеромъ изъ погреба досталъ бутылочки... старыя бутылочки, всѣ въ плѣсени, а винцо въ нихъ такое... чудно дѣйствуетъ... Ну, извѣстное дѣло, двоихъ чертей этихъ, прости Господи, что меня сторожили и угостилъ,—такую я даже исторію читалъ гдѣ-то, не помню, какъ изъ подъ караула убѣгаютъ напоивши стражниковъ. Такъ вотъ и я, матушка, сдѣлалъ, напоилъ ихъ да и убѣгъ. Только что со мной за это будетъ, этого ужь я не знаю, развѣ вотъ его высочество, государь всемилостивый цесаревичъ за насъ вступится, на него только одного надёжа. Авось Богъ милостивый и на сей разъ проститъ, не продолжитъ своего наказанія.

— Какое тутъ божеское наказаніе—что ты такое говоришь, Степанычъ?

— А то что не провинился бы Сергѣй Борисычъ, такъ Господь такой бѣды и не попустилъ бы.

— Въ чемъ онъ провинился?

— Ну ужь я про то знаю. Лучше ты меня не спрашивай. А вотъ на-ка, ваше сіятельство, прочти, вотъ Сергѣй Борисычъ тебѣ пишетъ... а тутъ письмо къ цесаревичу... какъ бы это повидать его, похлопочи, матушка, слышалъ я — онъ въ Гатчинѣ... на него, говорю, только одна и надёжа... онъ, можетъ, выручитъ.

Таня схватила письмо Сергѣя.

— Что-жь ты, Степанычъ, креста на тебѣ нѣту! Да ты бы началъ съ того, что письмо мнѣ отдать.

Но ей некогда было бранить карлика, она жадно пробѣгала строки Сергѣя. Впрочемъ это письмо ничего новаго не сказало ей относительно обстоятельствъ нежданнаго и страннаго ареста.

Сергѣй писалъ глубоко возмущенный, измученный и оскорбленный.

Зубовъ оговорилъ его передъ государыней, а въ чемъ—онъ и самъ хорошенько понять не можетъ, у него произведенъ обыскъ, взяты многія бумаги—конечно въ нихъ не найдется ровно ничего предосудительнаго. Но между тѣмъ дни проходятъ за днями, а онъ все подъ арестомъ, въ своемъ собственномъ домѣ, подъ унизительнымъ, невозможнымъ, строжайшимъ арестомъ, оторванный отъ сообщенія съ кѣмъ бы то ни было. Когда къ нему кто нибудь пріѣзжаетъ, объявляютъ что его нѣтъ дома, что его нѣтъ въ Петербургѣ.

„И все это должно было случиться именно тогда, когда я рвался къ вамъ, заканчивалъ Сергѣй свое письмо, когда я считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Что должны были вы думать! Я совсѣмъ боленъ отъ этихъ мученій. Мнѣ кажется все это невѣроятное приключеніе какимъ-то сномъ. Когда же наконецъ все это разъяснится? Я пишу цесаревичу—авось онъ меня выручитъ! Но что можетъ быть ужаснѣе—находиться въ рукахъ перваго клеветника и негодяя. Я право боюсь сойти съ ума!..“

— Пойдемъ, пойдемъ скорѣе! торопливо шепнула Таня, схватила карлика за руку и почти побѣжала съ нимъ въ комнаты великой княгини.

II.

Разъясненіе.

Между тѣмъ великая княгиня уже успѣла переговорить съ возвратившимся цесаревичемъ и узнала отъ него, что ему неизвѣстна судьба, постигшая Сергѣя.

— Да и откуда-же мнѣ знать, сказалъ онъ, — я въ эти дни не выѣзжалъ изъ Гатчины. Ты была въ Петербургѣ и скорѣй могла-бы слышать. Конечно, это очень серьезно, прибавилъ онъ и дѣло это никакъ нельзя оставить. Напрасно княжна не сказала раньше... Вотъ мы такъ поглощены своими дѣлами, своими непріятностями. что забываемъ о другихъ. Я виноватъ, я даже

почти не видѣлъ княжны эти дни, не думалъ о ней и о Горбатовѣ... Нѣтъ, это немедленно-же нужно выяснить... Конечно я понимаю въ чемъ дѣло — это навѣрное штука Зубова.

— Но что онъ могъ придумать?

— Э! да развѣ трудно погубить человѣка! Но Горбатова я не могу оставить, я завтра-же нарочно съѣзжу въ Петербургъ и все узнаю.

Онъ въ волненіи сталъ ходить по своему кабинету.

— Когда-же наконецъ окончится власть этого отвратительнаго человѣка! Когда на него откроются глаза! Успокой, Маша, нашу милую княжну, скажи ей, что мы не оставимъ ея дѣла. Я рѣшусь на все, чтобы устроить ихъ счастье—она и такъ черезчуръ долго ждала— я обѣщалъ ей и исполню свое обѣщаніе.

Великая княгиня едва успѣла вернуться къ себѣ какъ къ ней вбѣжала Таня въ сопровожденіи Моськи.

Запыхавшійся и перепуганный карликъ расшаркивался по правиламъ стараго этикета.

— Вотъ... вотъ, ваше высочество... говорила въ волненіи Таня, вотъ онъ пріѣхалъ, привезъ письмо и все объяснилось. Вы были правы... но все это такъ дико, невѣроятно, возмутительно...

И она наскоро, почти изнемогая отъ волненія, передала все, что узнала отъ Моськи.

— Такъ пойдемъ сейчасъ-же къ нему, сказала Марія Θеодоровна. Онъ ничего не зналъ до сихъ поръ и очень огорченъ, ему нужно разсказать подробно. И ты, любезный, пойдемъ съ нами, ласково обратилась она къ карлику.

Цесаревичъ внимательно, насупивъ брови, выслушалъ разсказъ Тани, прерываемый поясненіями Моськи, прочелъ письмо Сергѣя, въ которомъ тотъ умолялъ его за него вступиться и вѣрить его полнѣйшей невинности во всѣхъ взводимыхъ на него преступленіяхъ, о которыхъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

— Будьте покойны, мрачно проговорилъ цесаревичъ обращаясь къ Танѣ, завтра-же я буду въ Петербургѣ, узнаю всѣ подробности и сообщу вамъ что можно сдѣлать.

— Но я не могу ждать до завтра! уже не владѣя собою, уже не находя необходимости скрываться прошептала Таня. Онъ въ отчаяніи, онъ такъ оскорбленъ, онъ пишетъ, что съ ума сходитъ — и есть отъ чего сойти съ ума... Я рѣшилась, ваше высочество... я сейчасъ ѣду, я должна быть съ нимъ, должна его успокоить.

— Пустое, сказалъ цесаревичъ. Къ чему такія экстравагантности! Это будетъ совсѣмъ неприлично, сударыня.

— Ваше высочество, есть обстоятельства когда нельзя думать объ условныхъ приличіяхъ, твердо отвѣтила Таня.

— Сегодня такихъ обстоятельствъ я еще не вижу. За одну ночь онъ не сойдетъ съ ума и ничего съ нимъ не случится. Да и наконецъ, какъ видно изъ объясненій этого героя (онъ указалъ на Моську), васъ и не пропустятъ. Вы сами виноваты: зачѣмъ вамъ было столько дней скрываться и ничего не предпринимать? Теперь можетъ быть уже все было-бы выяснено и онъ оказался бы на свободѣ. Сударыня, вы поступали очень неразумно и теперь желаете завершить вашъ способъ дѣйствій новымъ неразуміемъ, я запрещаю вамъ формально такой скандалезный поступокъ. Не далѣе какъ черезъ сутки вы обо всемъ узнаете.

Но съ Таней невозможно было теперь уже сладить: у нея явилась своя логика.

— Тѣмъ болѣе если я виновата, если я по своей глупости пропустила столько времени, сказала она, то я должна быть съ нимъ и его успокоить.

Цесаревичъ пожалъ плечами и сердито отъ нея отвернулся.

— Ваше императорское высочество, благодѣтель вы нашъ, прошепталъ карликъ, а мнѣ то что теперь дѣлать? Надо-бы извѣстить Сергѣя Борисыча,—да какъ я вернусь? Меня схватятъ какъ бѣглаго... вѣдомъ-то не впустятъ, а упекутъ куда ни на есть и никто меня не сыщетъ.

— Да, пока тебѣ нечего возвращаться. Оставайся-ка здѣсь да вотъ сторожи ее, чтобы она тоже какъ-нибудь не убѣжала—отъ нея станется!

Весь этотъ день великая княгиня и карликъ не покидали Таню, уговаривали ее успокоиться и терпѣливо дождаться результата поѣздки цесаревича. Сначала она было хотѣла ѣхать во что-бы то ни стало, потомъ должна была сдаться на представляемые ей резоны.

Нѣсколько придя въ себя и собравшись съ мыслями она и сама поняла, что такая поѣздка очень неблагоразумна, а главное пожалуй не приведетъ ни къ какому результату. Но ей было такъ тяжело знать, что онъ одинъ, она чувствовала такую потребность быть теперь съ нимъ, сказать ему, что каждая минута ея жизни принадлежитъ ему, исповѣдать передъ нимъ свою новую тяжкую вину — это глупое, возмутительное подозрѣніе, которое закралось въ нее и превратилось даже въ увѣренность, изъ за котораго она нѣсколько дней оставляла его среди опасностей, среди оскорбленій. Теперь она, какъ ребенокъ, считала часы и минуты и только карликъ своими разсказами о житьѣ въ Лондонѣ нѣсколько сокращалъ ей время...

Цесаревичъ исполнилъ свое обѣщаніе: на слѣдующее утро очень рано выѣхалъ въ Петербургъ.

Сначала онъ хотѣлъ было отправиться прямо къ императрицѣ, но затѣмъ раздумалъ — сперва нужно было собрать кой-какія справки, узнать въ чемъ состоятъ обвиненія, взведенныя на Сергѣя.

Къ кому-же обратиться?

Онъ заѣхалъ къ Нарышкину, но тотъ изумленно выслушалъ его вопросъ о Горбатовѣ и сказалъ, что ничего о немъ не знаетъ, полагалъ, что онъ нежданно выѣхалъ изъ Петербурга, а куда—не сказался.

Цесаревичъ не сталъ медлить ни минуты, велѣлъ везти себя въ Зимній дворецъ, спросилъ дома-ли великій князь Александръ Павловичъ и, узнавъ что дома, велѣлъ просить его.

Великій князь тоже ничего не слышалъ о Сергѣѣ.

— Здѣсь Ростопчинъ? спросилъ цесаревичъ.

— Должно быть здѣсь, я его видѣлъ съ полчаса тому назадъ, отвѣчалъ великій князь.

— Такъ вотъ что, мой милый, я тебя не задерживаю, только найди мнѣ Ростопчина и пришли его.

Черезъ нѣсколько минутъ къ цесаревичу входилъ молодой еще человѣкъ, очень некрасивый, съ неправильными грубыми чертами; но это почти безобразное лицо освѣщалось такими умными глазами, представляло такую игру физіономіи, что дурнота его скоро забывалась; оно начинало нравиться, дѣлалось пріятнымъ.

Изъ первыхъ-же фразъ, которыми обмѣнялись цесаревичъ съ Ростопчинымъ было видно, что между ними существуетъ значительная близость, было видно, что цесаревичъ очень жалуетъ этого человѣка.

— Какъ ты полагаешь, сударь, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ, когда ѣхать вовсе не предполагалъ и какія мнѣ нужны справки? спросилъ цесаревичъ.

— Я полагаю, что вашему высочеству нужна справка относительно того, что случилось съ господиномъ Горбатовымъ, отвѣтилъ Ростопчинъ.

— Да, это вѣрно, и тебѣ не трудно было догадаться, такъ какъ конечно великій князь сказалъ тебѣ, что я его объ этомъ спрашивалъ. Но весь вопросъ въ томъ, можешь-ли ты мнѣ сообщить что нибудь? Знаешь-ли ты что нибудь въ этомъ дѣлѣ?

— Знаю, ваше высочество.

— Такъ говори все, что знаешь.

— Господинъ Горбатовъ подвергнутъ аресту у себя въ домѣ по настоянію князя Зубова. Его бумаги отобраны и находятся на разсмотрѣніи князя. Дѣло держится въ большомъ секретѣ.

— Все это я и самъ знаю! раздражительно перебилъ его Павелъ. Мнѣ нужно знать въ чемъ его обвиняютъ.

— Обвиненія тяжки, его обвиняютъ въ сношеніяхъ съ англійскимъ посольствомъ по поводу...

Ростопчинъ немного замялся, но затѣмъ тотчасъ-же и докончилъ.

— По поводу шведскаго короля, или вѣрнѣе—герцога Зюдерманландскаго.

— Что? Что такое? изумленно переспросилъ цесаревичъ.

— Насколько я могъ узнать, продолжалъ Ростопчинъ, князь Зубовъ хочетъ доказать государынѣ, что господину Горбатову было дано секретное порученіе изъ Лондона, по поводу котораго онъ имѣлъ неоднократныя объясненія съ лордомъ Витвортомъ и будто слѣдствіемъ всего этого былъ извѣстный образъ дѣйствій герцога Зюдерманландскаго.

— Довольно! крикнулъ Павелъ. Спасибо, сударь—теперь я все понимаю. Я узналъ что мнѣ нужно. Хитро придумано, даже хитрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Оставайся здѣсь, я сейчасъ съѣзжу въ Таврическій дворецъ, а потомъ ты мнѣ можетъ быть будешь нуженъ.

Сказавъ это Павелъ поспѣшно всталъ и поѣхалъ къ императрицѣ.

Екатерину уже болѣе недѣли не видѣлъ никто кромѣ самыхъ приближенныхъ къ ней людей. Она не только не выѣзжала изъ Таврическаго дворца, но даже не выходила изъ своихъ комнатъ. Она не могла оправиться послѣ дурноты, случившейся съ ней 11-го сентября, чувствовала постоянную головную боль, у нея усилились припадки болѣзни, которою она страдала въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ—ноги ея сильно опухли, на нихъ открылись раны.

Между немногими лицами, съ которыми она видѣлась въ это время, шли разсужденія о томъ, что она находится въ очень мрачномъ настроеніи духа, что она постоянно озабочена, молчалива и выказываетъ признаки такого раздраженія, какого въ ней прежде никогда не замѣчалось.

Цесаревичъ зналъ обо всемъ этомъ отъ великой княгини и ему было очень трудно теперь рѣшиться на свиданіе съ императрицей, на объясненіе съ нею. Но это объясненіе онъ считалъ долгомъ своей совѣсти; у него не было другаго выхода.

Онъ велѣлъ доложить о себѣ государынѣ и о томъ, что онъ проситъ ее немедленно принять его.

Его не заставили ждать.

Онъ засталъ Екатерину въ маленькомъ кабинетѣ передъ маленькимъ письменнымъ столикомъ, за которымъ она, мѣсяцъ тому назадъ, принимала Сергѣя Горбатова. Но если ужъ тогда она имѣла больной и утомленный видъ—теперь она казалась еще болѣе больной и утомленной.

— Очень рада васъ видѣть, мой другъ, проговорила она протягивая руку сыну, — я не ожидала васъ. Вы такъ рѣдко пріѣзжаете, — вѣрно какое нибудь особенное дѣло привело. Что вамъ угодно? Я слушаю.

— Вы правы, дорогая матушка, я по дѣлу, смущенно проговорилъ Павелъ, цѣлуя ея руку. Матушка, будьте снисходительны, дозвольте мнѣ узнать отъ васъ, что такое случилось съ Горбатовымъ? Почему онъ арестованъ? Въ чемъ его обвиняютъ?

Екатерина подняла брови съ видомъ изумленія.

— А. такъ вотъ дѣло, которое заставило васъ пріѣхать изъ Гатчины! А я и не знала, что вы принимаете въ Горбатовѣ такое участіе... впрочемъ — нѣтъ, мнѣ говорили, что онъ у васъ бываетъ... Но откуда-же эта близость? Что общаго между вами?

Цесаревичъ закусилъ губу. Онъ былъ готовъ вспыхнуть, но тотчасъ-же совладѣлъ съ собою и проговорилъ:

— Этотъ молодой человѣкъ мнѣ всегда очень нравился, я всегда чувствовалъ къ нему влеченіе. Онъ дѣйствительно былъ нѣсколько разъ въ Гатчинѣ, потому что онъ женихъ фрейлины моей жены, княжны Пересвѣтовой.

— Да?.. этого я никогда не слышала. Впрочемъ я совсѣмъ не знаю княжну Пересвѣтову — я видѣла ее всего кажется одинъ разъ. Очень красивая дѣвушка, но мнѣ говорили, что она какая-то странная, какая-то недотрога, невидимка. Впрочемъ дѣло не въ этомъ, мнѣ все равно, если она нравится великой княгинѣ, если великая княгиня довольна ею, то больше ничего и не надо... Такъ Горбатовъ ея женихъ! Жаль!

— Почему-же жаль, матушка?

— Если она честная и хорошая дѣвушка, то мнѣ жаль, что она выбрала такого недостойнаго человѣка.

— Недостойнаго? Этотъ то вопросъ и нужно разрѣшить—дѣйствительно-ли онъ недостойный человѣкъ.

— Видите-ли, мой другъ, рѣзкимъ тономъ перебила его императрица, я сама считала Горбатова когда то прекраснымъ юношей, я готова была прощать ему многое... Онъ очень плохо велъ себя за границей, но я ему простила это, онъ остался на службѣ. Наконецъ и теперь, когда онъ вернулся сюда, я, уже имѣя нѣкоторыя основанія не совсѣмъ довѣрять его благонадежности, все же не хотѣла вѣрить ничему дурному, что мнѣ на его счетъ передавали. Я приняла его такъ какъ конечно онъ не заслуживалъ и что же—онъ оказывается измѣнникомъ.

— Измѣнникомъ? это неправда! горячо. рѣзко крикнулъ цесаревичъ весь багровѣя и вскакивая со стула.

— Неправда? значитъ я лгу?.. протянула Екатерина. Впрочемъ прошу тебя успокоиться, я понимаю, что тебѣ трудно этому повѣрить,—я сама съ трудомъ повѣрила, но обвиненія слишкомъ тяжки да наконецъ все легко и объяснить: онъ оказался человѣкомъ честолюбивымъ. Онъ былъ недоволенъ своей службой, своимъ начальствомъ, ему хотѣлось быстрыхъ повышеній... Онъ можетъ быть считалъ себя обиженнымъ, наконецъ можетъ быть онъ даже имѣлъ какое нибудь основаніе быть недовольнымъ...

Цесаревичъ хотѣлъ сказать что-то, но остановился. Екатерина замѣтила это.

— Что вы говорите? спросила она пристально взглянувъ на него.

— Ничего, матушка, я слушаю.

— Ну, и вотъ онъ вздумалъ намъ мстить. Онъ сошелся въ Лондонѣ съ людьми, враждебно относящимися къ моему правительству. Вы должны знать, что Англія теперь торжествуетъ послѣ неудавшагося сватовства шведскаго короля. Этотъ бракъ былъ вовсе не въ видахъ Англіи: она должна была постараться его разстроить. Теперь для меня все ясно: регентъ принялъ англійскія деньги—ему это не въ первый разъ! Онъ самымъ низкимъ, самымъ наглымъ образомъ обманулъ наше довѣріе, насмѣялся надъ всѣми нами, поставилъ насъ въ такое тяжелое положеніе... Вы видите—дѣло не шуточное... вы видите—тутъ не одна я, тутъ мы всѣ... Это также должно быть вамъ близко, какъ и мнѣ.

Лицо ея побагровѣло, глаза налились кровью. Въ волненіи она хотѣла было приподняться съ кресла, но тутъ же и опустилась опять съ тихимъ стономъ.

— Матушка, и вы считаете Горбатова замѣшаннымъ въ это скверное дѣло?

— Да. Черезъ него изъ Лондона переписались съ Витвортомъ... Онъ пріѣхалъ какъ разъ во время для того, чтобы устроить все это. Вотъ кого я ласково встрѣтила! Вотъ кого я принимала на этомъ самомъ мѣстѣ! съ кѣмъ я бесѣдовала откровенно какъ съ человѣкомъ достойнымъ моей бесѣды! Какая же измѣна можетъ быть хуже этой? Какое преступленіе найдете вы отвратительнѣе? О, онъ достоинъ примѣрнаго наказанія! Я едва сдерживаю свое негодованіе. Я бы въ двадцать четыре часа заставила Витворта выѣхать изъ Петербурга, но у

Мостовая пошлина. Съ картины Роберта Бейшлага, грав. Кнезингъ.

насъ руки связаны. Мы не можемъ сдѣлать теперь разрыва съ Англіей... но нашихъ измѣнниковъ карать мы обязаны.

Цесаревичъ поблѣднѣлъ.

— Ужасныя обвиненія, проговорилъ онъ, и если только есть въ нихъ хоть доля правды, не смотря на все свое расположеніе къ Горбатову, я первый готовъ явиться его обвинителемъ, но матушка... а если это чистая клевета его враговъ? если онъ какъ есть ни въ чемъ неповиненъ, а между тѣмъ обвиняется въ такомъ тяжкомъ преступленіи и долженъ понести за него наказаніе?!..

Екатерина тяжело дышала.

— Развѣ я когда нибудь была кровожадной и свирѣпой? развѣ я на дѣлѣ не доказывала, что слѣдую моему правилу, что лучше оправдать нѣсколько виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго? Я безъ явныхъ доказательствъ обвинять и карать не стану.

— Гдѣ-же эти доказательства?

— Они въ рукахъ у князя Платона Александровича.

Цесаревичъ стиснулъ зубы.

— Вы ихъ видѣли?

— Нѣтъ еще. Платонъ Александровичъ представилъ мнѣ достаточно уликъ для того, чтобы имѣть право арестовать Горбатова и конфисковать его бумаги.

— Уликъ... въ чемъ же состоятъ эти улики?

— Получено нѣсколько писемъ изъ Лондона, удостовѣрены постоянныя сношенія, переговоры между Витвортомъ и Горбатовымъ въ послѣднее время до 11-го сентября. Есть нѣсколько свидѣтелей, которые утверждаютъ, что слышали со стороны Витворта и со стороны Горбатова очень двусмысленныя фразы.

Цесаревичъ едва сдерживалъ свое негодованіе.

— Все это недостаточныя улики для того, чтобы такъ поступить съ человѣкомъ, который никогда не подавалъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать себя въ такомъ тяжкомъ преступленіи какъ измѣна. Если улики могутъ быть—то только въ бумагахъ Горбатова и эти бумаги нужно пересмотрѣть съ полнымъ безпристрастіемъ, безъ предвзятой мысли...

— Такъ оно и дѣлается сказала Екатерина.!

Цесаревичъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

Неужели онъ обманулся въ Горбатовѣ! Нѣтъ, этого быть не можетъ! Нѣтъ, стыдно останавливаться на этой мысли!

Но онъ видѣлъ, что Зубову пришелъ въ голову адскій планъ. Онъ нашелъ именно тотъ способъ, какимъ всего удобнѣе могъ погубить ненавистнаго ему человѣка. Пущенное имъ названіе „волтерьянецъ“ не подѣйствовало, такъ онъ воспользовался обстоятельствами и обвиненія его были ужасны. Ко всему бы императрица отнеслась осторожно и хладнокровно, во всякомъ бы дѣлѣ была безпристрастна, но въ дѣлѣ, съ которымъ было соединено неудавшееся сватовство Густава, она не могла быть безпристрастной. Для того чтобы подвигнуть ее на всякую несправедливость, для того чтобы заставить ее поступать такъ какъ она никогда не поступала, нужно было именно коснуться этой ея раны, которая заставляла ее претерпѣвать невыносимыя мученія—и Зубовъ сдѣлалъ это.

— Матушка, проговорилъ наконецъ Павелъ, останавливаясь передъ императрицей,—умоляю васъ исполнить одну мою просьбу.

— Что такое?

— Прикажите передать вамъ всѣ бумаги Горбатова и дозвольте мнѣ разсмотрѣть ихъ вмѣстѣ съ вами. Ради Бога не отказывайте мнѣ! Я чувствую, я увѣренъ, что тутъ, по меньшей мѣрѣ, недоразумѣніе. Но если мы должны будемъ убѣдиться въ виновности этого человѣка, то чѣмъ больше я ему вѣрилъ, чѣмъ больше я былъ расположенъ къ нему, тѣмъ вина его будетъ для меня ужаснѣе. Это дѣло, какъ вы справедливо выразились—наше общее дѣло, и я могу быть защитникомъ Горбатова только до той минуты пока не увижу перваго яснаго намека на вину его, а увижу—я превращусь въ его обвинителя. Матушка, исполните эту мою просьбу—вы мнѣ окажете этимъ большую милость!

Императрица подумала нѣсколько мгновеній и потомъ уставшимъ голосомъ проговорила.

— Хорошо, я согласна, разсмотримъ вмѣстѣ его бумаги.

— Еще одно, матушка: могу я къ нему съѣздить—я хочу его видѣть.

— Дѣлайте что вамъ угодно, произнесла Екатерина.

Она едва владѣла собой, она чувствовала въ ногахъ такую страшную боль, что готова была кричать, но ей не хотѣлось показать своихъ страданій сыну.

Цесаревичъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ изъ комнаты.

(До слѣдущаго №).

Обитатели острова Сахалина.

Изъ разсказовъ о крайнемъ Востокѣ.

А. Я. Максимова.

I.

Первое знакомство.

До каторги, Митька Грѣшный былъ извѣстенъ подъ именемъ Дмитрія Лопухова, крестьянина Орловской губерніи. Прозвище „Грѣшный“ онъ получилъ уже на каторгѣ отъ товарищей „по несчастью“ за его постоянный, однообразно лаконическій отвѣтъ на всѣ спросы начальства и любопытныхъ кандальниковъ относительно обстоятельствъ, вырвавшихъ Лопухова изъ родного Ольхина и пустившихъ его въ тяжелыхъ кандалахъ „по широкой владимірской дорогѣ“ на безсрочную каторгу.

— За что попалъ ты въ каторгу? нерѣдко спрашивали по дорогѣ Лопухова разные чиновники и любопытные проѣзжіе купцы, пораженные открытымъ, честнымъ лицомъ каторжнаго, рѣзко выдѣлявшимся изъ цѣлой серіи звѣрскихъ лицъ.

— За грѣхи! угрюмо, рѣзко обрывалъ обыкновенно любопытныхъ Лопуховъ, глянувъ на нихъ своими черными, глубокими, блестящими глазами.

Любопытные отходили отъ Лопухова съ сознаніемъ неумѣстности своего щекотливаго вопроса и переходили къ другимъ „несчастнымъ“, отъ которыхъ выслушивали необыкновенно бойкіе, иногда даже въ высшей степени циничные отвѣты на свои беззастѣнчивые вопросы...

Каторжные, любящіе надѣлять другъ друга всевозможными прозвищами, не замедлили воспользоваться лаконическимъ, угрюмымъ отвѣтомъ Лопухова и стали звать его не иначе, какъ Митькой Грѣшнымъ. Прозвище это незамедлило привиться къ Лопухову настолько сильно, что уже въ концѣ перваго года каторги онъ успѣлъ забыть свою настоящую фамилію и съ большою охотою сталъ откликаться на прозвище. Прошло еще нѣсколько времени, и прозвище окончательно поглотило фамилію, поглотило до такой степени, что даже въ оффиціальныхъ бумагахъ Лопуховъ началъ значиться не иначе, какъ подъ именемъ Дмитрія Грѣшнаго.

Сосланный на каторгу за убійство жены и ея любовника, Митька Грѣшный, раньше чѣмъ попасть на островъ Сахалинъ, побывалъ и въ Нерчинскомъ заводѣ, и на Нижне-Карійскихъ казенныхъ промыслахъ, и даже на частныхъ золотыхъ пріискахъ, находящихся на рѣкѣ Зеѣ, въ глухой, непроходимой тайгѣ, почти въ тысячѣ верстахъ отъ жилаго мѣста. Митька Грѣшный переходилъ изъ одного мѣста въ другое не по своей охотѣ, а потому что его желали загнать въ такую трущобу, изъ которой онъ не могъ бы уйти. Такое желаніе острожнаго начальства было вызвано необыкновенною, какою-то болѣзненною страстью Митьки къ бродяжничеству... Каждую весну, съ первой пѣсней кукушки, Митька дѣлался задумчивымъ, начиналъ тосковать, прятался отъ товарищей и отказывался отъ казеннаго хлѣба и острожныхъ щей...

Потоскуетъ, потоскуетъ Митька и вдругъ неожиданно для всѣхъ, не только для острожнаго начальства, но даже и для товарищей, скрывается изъ мѣста заключенія или работы, захвативъ съ собой кое-какія пожитки и скопленную заранѣе въ хоронушкахъ *) провизію. Всѣ поиски, самые энергичные и быстрые, не приводили обыкновенно ни къ какимъ положительнымъ результатамъ словно Митька проваливался

*) Хоронушка—потайное мѣсто, устраиваемое обыкновенно въ подпольѣ, около печей, за печками, подъ половицами, въ стѣнахъ острога или каторжной казармы. На устройство таинственныхъ хоронушекъ обыкновенно расходуется вся необыкновенная изобрѣтательность каторжныхъ.

въ землю или заносился за облака. Онъ пропадалъ безъ слѣда и пропадалъ обыкновенно до глубокой осени, до полнаго спада листа. Съ первыми же холодными днями онъ такъ же неожиданно, какъ и бѣжалъ, являлся въ какой нибудь сибирскій острогъ съ повинной, являлся обыкновенно въ страшно оборванной, измызганной одеждѣ, съ исхудалымъ, исцарапаннымъ лицомъ, съ руками и ногами въ синякахъ и занозахъ, но тѣмъ не менѣе болѣе веселымъ и здоровымъ духомъ... Лѣтнее бродяжничество дѣйствовало на Митьку Грѣшнаго въ высшей степени благотворно... Молча выносилъ онъ положенное число ударовъ розгами или плетьми и покорно возвращался къ мѣсту своихъ работъ, отъ котораго нерѣдко уходилъ за тысячу верстъ и болѣе... Гдѣ пропадалъ Митька, что дѣлалъ во время своего шестимѣсячнаго бродяжничества, чѣмъ питался— оставалось тайною не только для острожнаго начальства, но даже и для его товарищей, несмотря на ихъ ловкое выпытываніе о таинственныхъ похожденіяхъ неутомимаго бѣглеца... Въ одномъ только всѣ были убѣждены, что Митька не жилъ въ наймахъ по заимкамъ, а прятался отъ людскаго глаза въ непроходимой тайгѣ, въ лѣсной, заповѣдной чащѣ и все лѣто проводилъ только въ томъ, чтобы хоронить свои слѣды отъ всякаго, будь онъ такой же бродяга или помищикъ— все равно. Самъ Митька обыкновенно упорно отмалчивался на всѣ спросы товарищей, а тѣмъ болѣе своего начальства. Вообще онъ держался отъ всѣхъ въ сторонѣ, особнякомъ, и старался даже избѣгать заводить съ товарищами по заключенію самые обыденные разговоры изъ боязни, чтобы тѣ не воскресили своими расспросами былыхъ страшныхъ воспоминаній... Митька Грѣшный никогда никому не разсказывалъ о подробностяхъ своего преступленія и вообще старался даже избѣгать намека на невыносимыя обстоятельства, вырвавшія его изъ семейной обстановки и бросившія въ жизнь безсрочнаго каторжника... Обыкновенно смирный и скромный, Митька Грѣшный дѣлался звѣремъ, если кто нибудь позволялъ себѣ, въ шутку или серьезно, напомнить ему объ его преступленіи. Онъ дѣлался положительно неузнаваемымъ: небольшая тщедушная фигура его словно внезапно выростала и принимала упругость стальной пружины; черные, обыкновенно тусклые, смотрящіе какъ бы внутрь, глаза загорались зловѣщимъ огнемъ и наливались кровью; на поблѣднѣвшихъ губахъ Митьки появлялась кровавая пѣна; все его тѣло приходило въ какое-то страшное содроганіе, точно пронизывалось электрической искрой... Не проходило и минуты, какъ онъ съ дикимъ, нечеловѣческимъ ревомъ бросался на того, кто позволилъ себѣ разбередить его душевныя раны... Въ этотъ моментъ Митька не отдавалъ себѣ отчета въ дѣйствіяхъ. У него вдругъ являлось ненасытное желаніе утолить себя кровью того, кто осмѣлился растравить его раны... Подъ невыносимымъ впечатлѣніемъ воспоминаній Митька два раза бросался на должностныхъ лицъ и нѣсколько разъ на своихъ товарищей по заключенію... Только счастливый случай, благодаря которому у него не оказалось подъ рукою никакого оружія, спасъ чиновниковъ отъ смерти или увѣчья... За то изъ числа каторжныхъ, позволившихъ себѣ поглумиться надъ дѣломъ Митьки, одинъ былъ убитъ имъ наповалъ, а двое отдѣлались тяжкими увѣчьями...

Начальство взглянуло на выходки преступника настолько серьезно, что едва не предало его полевому суду; но, благодаря вмѣшательству острожнаго врача, объяснившаго дѣйствія Митьки, какъ теперь принято, „аффектомъ“, послѣдній отдѣлывался за свои страшныя вспышки жестокими плетьми и тяжелою цѣпью, которою обыкновенно его приковывали или къ тачкѣ, или же къ стѣнѣ на болѣе или менѣе продолжительное время... Наказаніе плетьми Митька выносилъ съ удивительнымъ стоицизмомъ...

Всю зиму обыкновенно Митька Грѣшный болѣлъ и залечивалъ рубцы отъ полученныхъ плетей... Съ первыми же теплыми днями онъ разомъ становился на ноги и не смотря на самое зоркое вниманіе острожнаго начальства, при первомъ же удобномъ случаѣ убѣгалъ и пропадалъ обыкновенно опять до глубокой осени. Положительно выбивались изъ силъ, какія предпринять бы мѣры противъ постоянныхъ, періодическихъ побѣговъ Митьки: ни цѣпь, ни запоры, ни плети не помогали. Съ наступленіемъ каждой весны всѣ мѣры обыкновенно оказывались недѣйствительными... Только что пахнетъ въ воздухѣ свѣжимъ, молодымъ, березовымъ листомъ, только что донесется до душнаго острога призывная пѣснь злодѣйки-кукушки, какъ Митька сбрасывалъ съ ногъ самые прочные кандалы, ухитрялся выползать на свободу изъ подъ самыхъ крѣпкихъ запоровъ и безслѣдно исчезалъ въ невѣдомыхъ для всѣхъ мѣстахъ и трущобахъ... Начальство теряло голову, переводило Митьку съ одного пріиска на другой, изъ одного завода въ другой, все дальше и дальше отъ роднаго Ольхина, и наконецъ препроводило его на самую отдаленную окраину безконечно раскинувшейся матушки Россіи, на уединенный, суровый Сахалинъ, съ котораго, казалось бы, бѣгство положительно было невозможно...

II.

Наступленіе весны.

Зима на исходѣ... Величественный, многоводный Амуръ уже взломалъ свою ледяную броню и несетъ ее въ милліонахъ разбитыхъ, раздробленныхъ кусковъ на песчаныя отмели острова Сахалина, ревниво заслонившаго устье великой рѣки, этой грандіозной столбовой дороги Восточной Сибири. Сильнымъ теченіемъ льдина нажимаетъ на льдину и сплошною массою лѣзутъ на отмели, уже загроможденные безобразными глыбами наноснаго льда, изнывающаго подъ первыми теплыми лучами солнца, только что прошедшаго точку равноденствія...

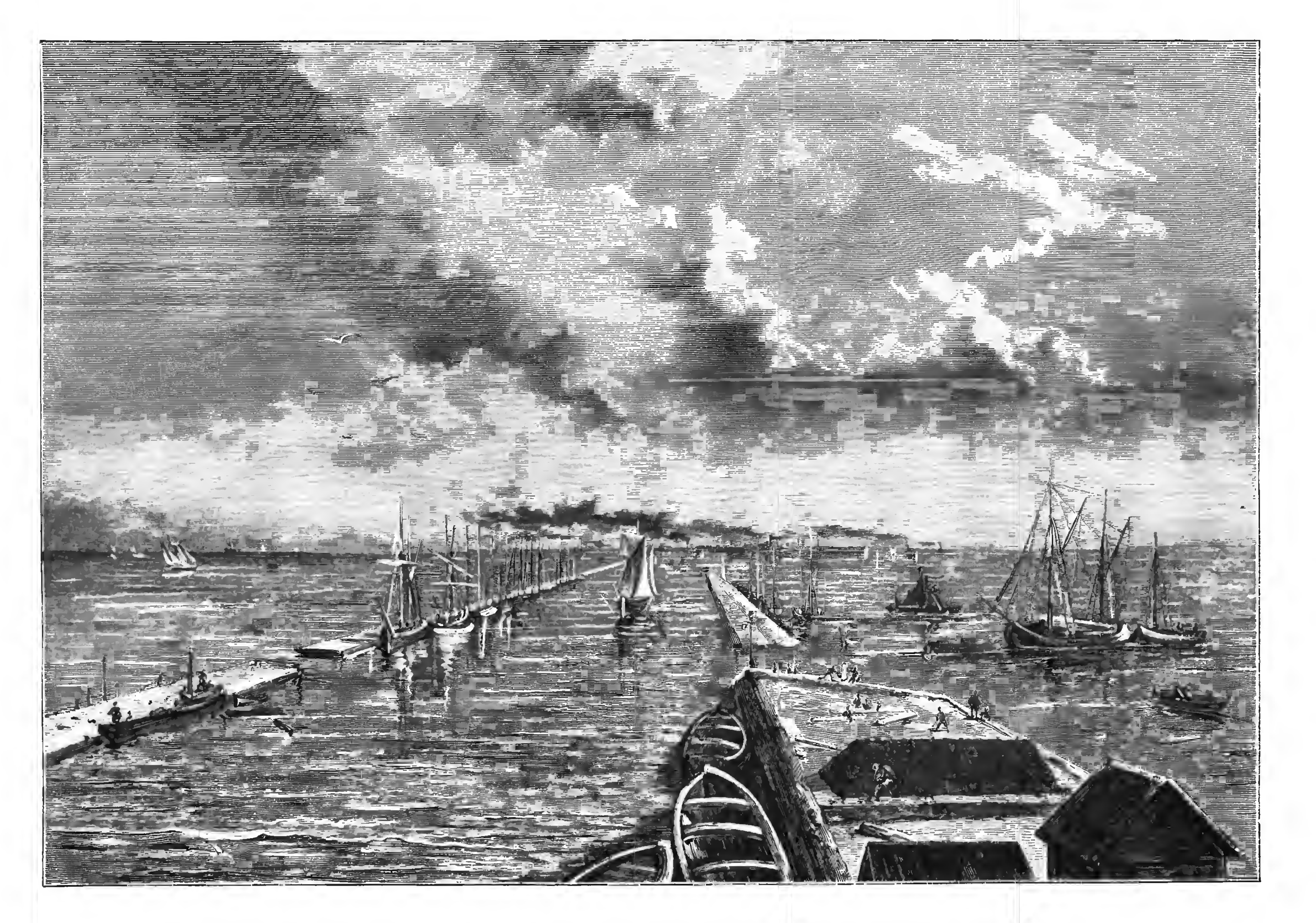
Вотъ подулъ легкій, южный вѣтеръ и принесъ съ собой густой, солоноватый туманъ—предвѣстникъ быстро приближающейся, давно ожидаемой весны... Сплошнымъ, непроницаемымъ покровомъ насѣдаетъ онъ на роскошныя, живописныя, базальтовыя скалы, діориты и діоритовые порфиры, далеко выступившіе въ море, въ высшей степени грандіозными, фантастическими очертаніями скалъ, еще не сбросившихъ со своихъ голыхъ вершинъ блестящихъ, пышныхъ, сверкающихъ на солнцѣ снѣжныхъ шапокъ... Медленно, сплошной стѣной наступаетъ туманъ на отвѣсный берегъ угрюмаго, непривѣтливаго Сахалина, обнажившаго въ своихъ высокихъ обрывахъ неистощимыя залежи минеральнаго угля, со всѣми ихъ уклоненіями и перерывами... Туманъ упорно ползетъ все дальше и дальше, все выше и выше... Постепенно окутываетъ онъ хребтовыя, лѣсныя трущобы, спускается въ многочисленныя, таинственныя пади и стелется надъ потемнѣвшею уже поверхностью безчисленныхъ рѣчекъ и ручьевъ, несущихъ свои быстрыя, свѣтлыя воды на западъ и востокъ, въ Японское море и Тихій океанъ...

Солнце постепенно начинаетъ входить въ свои права и медленно, но безповоротно, разрушаетъ обаяніе продолжительной, суровой зимы... Чаще и чаще проглядываетъ оно на ясномъ небѣ и обдаетъ угрюмый, застывшій за зиму Сахалинъ своими теплыми, яркими, словно ласкающими лучами... Въ воздухѣ начинаетъ пахнуть весной... Быстро таютъ снѣжные сугробы и пышныя, снѣговыя шапки фантастическихъ „кекуръ“, выдвинутыхъ съ морскаго дна вулканическою, могущественною силою... Многочисленныя рѣчки и ручьи быстро вздуваются и энергично рвутъ свои ледяные покровы... Всюду слышится то бурливый ропотъ, то веселое журчанье освобожденныхъ водъ... Изъ отвѣсной стѣны острова, изъ глубокихъ расщелинъ крутыхъ, разорванныхъ утесовъ ниспадаютъ съ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ небольшіе, пѣнящіеся каскады, разсыпаясь въ воздухѣ на милліоны блестящихъ, радужныхъ брызгъ...

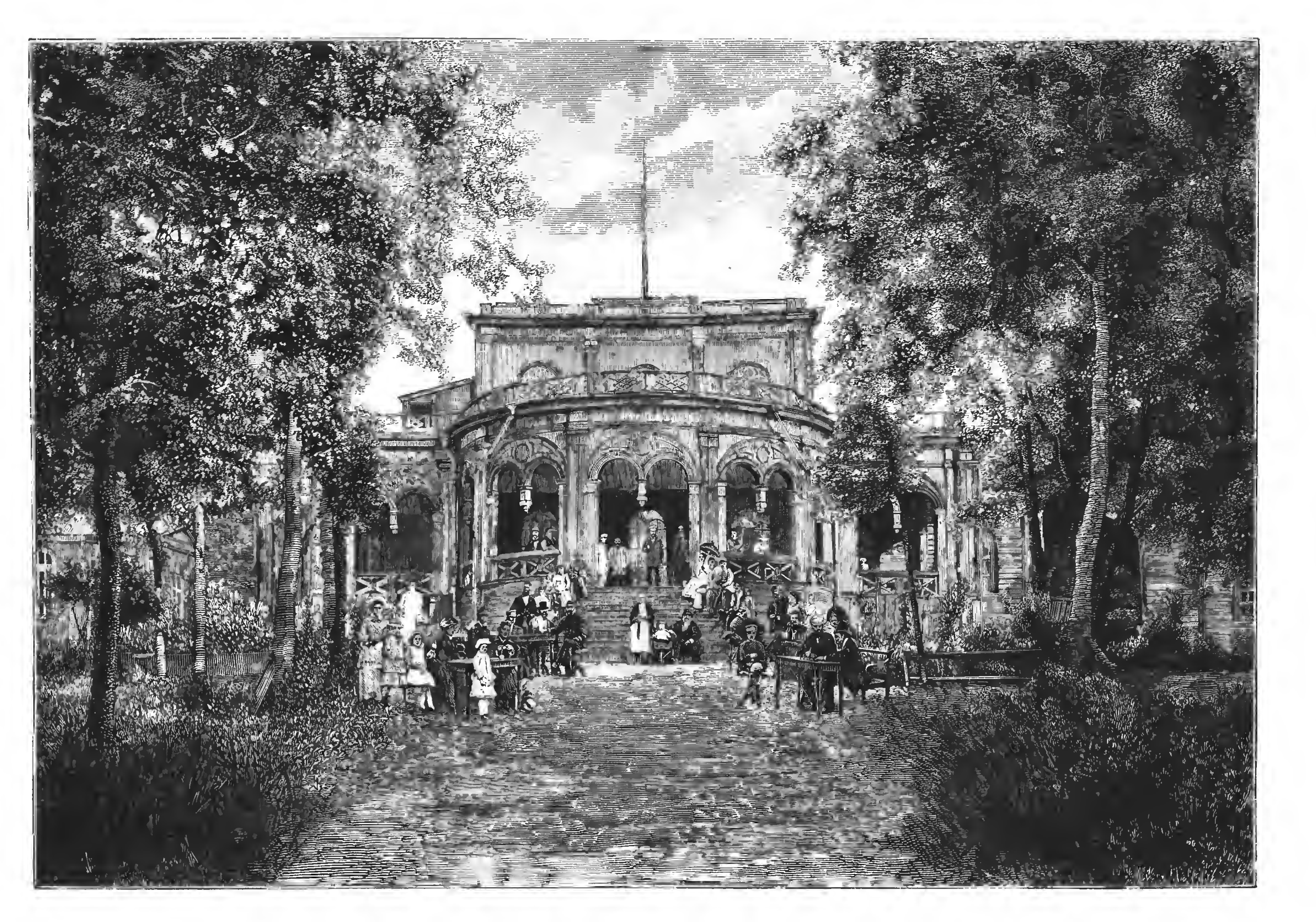
До сихъ поръ безмолвный, пустой лѣсъ оглашается рѣзкими криками первыхъ вѣстниковъ весны—грачей... Величественные кедры и стройныя лиственницы, мохнатыя ели и крѣпкіе, горные вязы, ольха и береза постепенно сбрасываютъ съ себя фантастическія кружева, навѣшанныя на нихъ недавними морозами, и начинаютъ расправлять свои закоченѣвшія вѣтви... Оттаявшіе корни усиленно втягиваютъ изъ отогрѣтой земли живительные соки и гонятъ ихъ къ вершинамъ деревьевъ, слегка покачиваемыхъ легкимъ, южнымъ вѣтеркомъ... Постепенно наливаются почки и лопаются подъ животворнымъ вліяніемъ теплаго, весенняго солнца... Въ воздухѣ слышится чудный, смолистый запахъ быстро распускающейся листвы... Хребты, пади, долины рѣчекъ и ручьевъ покрываются нѣжнымъ ковромъ ярко зеленыхъ побѣговъ молодой травы... Лѣса и рощи оживляются все больше и больше... Звонче и разнообразнѣе становятся голоса птицъ, вернувшихся изъ теплыхъ краевъ на родныя мѣста... Прошла еще недѣля, и весна въ полномъ разгарѣ; весна животворная, радостная, съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ожидаемая обитателями грязныхъ, душныхъ остроговъ и не менѣе грязныхъ арестантскихъ, каторжныхъ казармъ, разбросанныхъ здѣсь, въ самой дикой глуши необъятной Сибири... Среди разнообразныхъ, веселыхъ звуковъ животной жизни, охватившей самыя заповѣдныя, таинственныя мѣста обновленной тайги, слышится въ лѣсной чащѣ призывный голосъ чародѣйки-кукушки... Звонко раздается онъ подъ душистымъ сводомъ молодой, только что распустившейся листвы и несется дальше и дальше, за крѣпкія стѣны и запоры, туда, гдѣ тысячи заключенниковъ трепетно ждутъ призыва вѣщей птицы... Жадно вслушивается Митька въ звонкій, однообразный, тянущій за сердце, крикъ кукушки. Крѣпко прижалъ онъ свое поблѣднѣвшее лицо, покрытое крупными каплями холоднаго пота, къ крѣпкой, желѣзной рѣшеткѣ и всматривается лихорадочными глазами въ темнѣющую вдали лѣсную чащу, изъ которой несутся радостные, столько мѣсяцевъ ожидаемые звуки: „Ку-ку!.. Ку-ку!.. Ку-ку!“... И слышится ему въ этихъ холодныхъ, однообразныхъ звукахъ горячій призывъ. „Пора, пора!“ чудится Митькѣ въ пѣснѣ кукушки. „Сбрасывай кандалы, бѣги въ тайгу!.. Она не заморозитъ тебя... Тепло, хорошо въ тайгѣ!.. Она пропитаетъ тебя—не умрешь съ голода!.. Чего задумываться? Бѣги!“...

„Какъ проберусь я съ острова, куда пойду?“... тѣснятся въ воспаленной головѣ Митьки тревожные вопросы. „Все новыя мѣста, незнакомыя!“...

„Пора, пора! чудится ему опять въ однообразномъ кукованіи затаившейся въ чащѣ птицы. Не задумывайся!.. Не ты первый, не ты послѣдній съ Сахалина! Бѣги! Тряхнулъ стриженной головой Митька и отошелъ отъ окна, побрякивая тяжелыми кандалами... Забился въ самый отдаленный уголъ опустѣвшей казармы, присѣлъ на грязныя нары и впалъ въ тяжелое раздумье.



Общій видъ СПБ. Морскаго канала съ Сѣверной дамбы. Оригин. рисун. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.



Видъ курзала кумысо-лечебнаго заведенія Постникова близъ гор. Самары. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Въ казармѣ необычная тишина... Почти всѣ ушли на работу въ угольныя копи — остались только кто былъ избавленъ на время отъ работы по болѣзни...

Думы занесли Митьку далеко, въ таёжныя, привольныя мѣста... Не замѣтилъ онъ, какъ подошелъ къ нему первый силачъ въ Дуэ, каторжникъ Бажинъ, по прозванью Майданщикъ *). Это былъ мужикъ необыкновенныхъ размѣровъ, съ воловьей, короткой шеей и большой, угловатой головой. Лицо Майданщика изрыто оспой; маленькіе, свиные глазки смотрятъ зорко, постоянно перебѣгая съ предмета на предметъ; выдавшаяся впередъ нижняя челюсть съ крѣпкими, острыми зубами придавали лицу Майданщика какое-то непріятное, въ высшей степени хищное выраженіе. Бажинъ пользовался на Сахалинѣ репутаціей звѣря, для котораго жизнь человѣческая — трынъ трава.

Долго всматривался Бажинъ въ сильно исхудавшее, блѣдное лице Митьки, словно стараясь отгадать его затаенныя мысли...

— Ты что задумалъ? проговорилъ онъ наконецъ сиплымъ, сильно испитымъ голосомъ.

Митька вздрогнулъ и поднялъ свои черные, глубоко впавшіе глаза на Майданщика...

— Сказывай безъ обману, продолжалъ послѣдній, подсаживаясь на нары, „ты что задумалъ: кукушку слушать **) или только простокишки поѣсть ***)?.. Говори безъ обману: я не доносчикъ... Самъ съ тобой уйду, коли дѣло задумалъ, а не дурь какую“...

— Кукушку слушать пойду! твердо отвѣтилъ Митька. Уйду въ таёжныя мѣста!.. Не въ терпежъ мнѣ стало!.. Уйти-бы только съ острова, а тамъ...

— Была-бы охота!.. проговорилъ Бажинъ весело. „На то и голова намъ въ плечи ввинчена, чтобы дорогу къ кукушкѣ сыскать“!..

— Слушай, другъ, продолжалъ Майданщикъ таинственнымъ голосомъ послѣ короткой паузы. „Полюбился ты мнѣ... Бѣжимъ вмѣстѣ!.. Ты бродяга опытный—мы не затеряемся... У тебя, ужь все должно припасено?.. У меня также въ хоронушкѣ запасецъ есть, да змѣйка (пилка): живо ею ножные бруплеты перехватимъ“...

— Ладно, по рукамъ! согласился Митька, польщенный тѣмъ, что Бажинъ причислилъ его къ опытнымъ бродягамъ.

— Молодецъ! похвалилъ Майданщикъ товарища. Пойдемъ теперь хамло (водку) пить... У меня въ хоронушкѣ припасено довольно... А тамъ и гайда къ Кукушкину на вѣсти!..

III.

Въ казармѣ.

Арестанты только что поужинали — съѣли по куску чернаго хлѣба съ кирпичнымъ чаемъ безъ сахару... Въ каторжной казармѣ, едва освѣщенной чадными ночниками, царитъ какое-то дикое оживленіе, граничащее съ вакхическимъ разгуломъ... Стономъ стонетъ казарма... Точно стараются всѣ какъ можно рѣзче выказать отвратительнѣйшія стороны человѣчества: здѣсь спорятъ, тамъ ругаются; дальше идетъ какая-то безобразная свалка изъ-за гроша или прогнившей онучи... Еще дальше съ десятокъ человѣкъ окружили майданъ и съ какою-то дикою страстью играютъ въ карты, до невозможности засаленныя и обмочаленныя. Ставка самая разнообразная: болѣе зажиточные пускаютъ въ игру на̀ конъ пятаки, заработанные или краденные; другіе, за неимѣніемъ денегъ, ставятъ на карту казенную одежду, отъ куртки до онучи, паекъ до послѣдней крошки, хлѣбъ и даже соль... Если было-бы возможно, то приняли-бы на̀ конъ и человѣческую душу!..

Въ одномъ углу казармы, несмотря на хаосъ и шумъ, поютъ хоромъ пѣсни, но, Боже, какъ поютъ!.. Это не пѣніе, а какой-то хриплый ревъ дикихъ звѣрей, старающихся переревѣть одинъ другаго, старающихся заглушить дикимъ воплемъ гнетущую душу тяжесть...

Бывало у соколика времячко:
Леталъ-то соколъ высокохонько,
Высокохонько леталъ по поднебесью!..
Ужь-то онъ билъ-побивалъ гусей-лебедей,
Гусей-лебедей, утокъ сѣрыихъ...

ревутъ нѣсколько десятковъ арестантовъ, силящихся вылить въ пѣснѣ тюремное горе...

Въ другомъ концѣ казармы идетъ пляска... Плясуны, гремя кандалами, стараются перещеголять одинъ другаго и съ какимъ-то дикимъ азартомъ отбиваютъ закованными ногами дробь по донельзя загаженному, загрязненному полу... Пляшутъ подъ аккомпаниментъ острожной пѣсни:

Что за шутова коляска
Показалась въ городу?
Коней пару запрягаютъ,
Подаютъ ее сейчасъ,
Подаютъ эту коляску
Ко парадному крыльцу:
Сажаютъ бѣднаго мальчишку
Къ эшафотному столбу...
Палачъ Федька разбѣжался,
Меня за руки беретъ;
Становитъ меня мальчишку
У траурнаго столба...

бойко выводятъ каторжные своими хриплыми, испитыми голосами. Каторжникъ Рощинъ, по прозвищу Пырокъ, первый плясунъ на дуйской каторгѣ, отплясываетъ подъ звуки острожной пѣсни такой трепакъ, что любо-дорого. Грязный полъ стонетъ подъ бойко выбивающими дробь ногами; здоровенныя посвистыванья Пырка слышатся во всѣхъ концахъ обширной казармы... Подобравъ кандалы и заломивъ на гладко стриженный затылокъ сѣрую, арестантскую шапку, Рощинъ ловко выкидываетъ ногами самыя замысловатыя, отчаянныя колѣнца, то ходитъ гоголемъ, то лихо кружится въ удалой пляскѣ...

Палачъ Федька разбѣжался—
Рубашенку разорвалъ,
На машину меня клалъ.
На машину меня клали,
Руки, ноги привязали
Сыромятнымъ ремнемъ...
Беретъ Федька кнутья въ руки,
Закричалъ: „братъ берегись“!..
Онъ ударилъ въ первый разъ—
Полились слезы изъ глазъ!..

Гремитъ доморощенная пѣсня среди невообразимаго гама и крика остальныхъ каторжныхъ.

Толпа арестантовъ съ видимымъ удовольствіемъ любуется лихимъ Пыркомъ и невольно семенитъ ногами, какъ бы желая сейчасъ пуститься съ нимъ въ присядку и выполнить веселые, деревенскіе хороводы... Со всѣхъ сторонъ слышатся поощренія и одобренія...

— Ай, лихо, Пырокъ!.. Молодчина!.. Инь, шельмецъ, какъ онъ того, ногами-то перебираетъ! слышится съ одной стороны.

— Прибавь жару! кричатъ съ другой... Валяй! Позванивай бойчѣе!

Какъ-то дико гудитъ среди хаотическаго шума, ругани и спора плясовая пѣсня, перебиваемая заунывнымъ воплемъ, несущимся съ другаго конца казармы:

А нонѣ соколу время нѣту:
Сидитъ-то соколъ во неволи,
Въ той золотой клѣточкѣ,
На серебряномъ сидитъ на шесточкѣ,
Рѣзвы его ноженьки въ опуточкахъ!..

Не слышитъ Пырокъ этого вопля и не хочетъ слышать!.. Лихо отбиваетъ онъ трепакъ въ тактъ гремящей вокругъ него плясовой пѣсни, носится вихремъ, а кругомъ все еще слышатся поощрительные возгласы: „Прибавь жару!.. Махни во всю удалую!.. Не жалѣй ногъ!.. Побрякивай брушлетами бойчѣе!..

Въ самомъ отдаленномъ, темномъ углу казармы сидятъ на нарахъ наши знакомцы, Майданщикъ и Митька, намѣренно уединившіеся.

— Помни уговоръ, шепчетъ Майданщикъ Митькѣ. Какъ только наши угомонятся, я потушу ночникъ, сбрасывай подпиленные брушлеты на нары и ползи къ угловому окну... Захвати свой маршрутъ (буракъ съ припасами) да жуликъ (ножъ)... Рѣшотку я уже подпилилъ, стоитъ нажать легонько... Только-бы подъ пулю не нарваться, прибавилъ онъ съ легкой тревогой.

— Ладно, самоувѣренно отвѣтилъ Митька, „не въ первой-то бѣгать!.. Я тебя выведу... Только помни: внизъ не прыгай, а то какъ разъ на штыкъ наткнешься, а лѣзь, какъ я сказалъ, по угловому срубу-то вверхъ, на крышу... А тамъ выберемъ мѣстечко и спустимся: у меня и веревка есть... Скрутилъ я ее изъ суконныхъ полосъ — всю куртку казенную на полосы изрѣзалъ, да штаны“...

— Молодчина, я вижу, ты! похвалилъ Майданщикъ Митьку. Все-то ты видишь... Не даромъ я, видно, почуялъ въ тебѣ опытнаго...

— Бѣгалъ не разъ — не привыкать стать! самодовольно прошепталъ Митька, польщенный похвалой товарища... А теперь слушай: наши тамъ разыгрались въ картишки, пожалуй всю ночь проиграютъ, намъ помѣшаютъ. Надо-бы ихъ пугнуть!..

— Какъ пугнешь-то? съ сомнѣніемъ спросилъ Майданщикъ.

— Экой ты! Поди да и скажи имъ встать на стражу, а какъ заиграются—ты и крикни: „стрема“ (идутъ)! Угомонятся!..

— И то правда! весело прошепталъ Майданщикъ... Ловкачъ-же ты, доложу я тебѣ!..

— А ты думалъ что! съ самодовольствомъ проговорилъ Митька и направился къ своей койкѣ...

*) Въ каждомъ острогѣ и арестантской казармѣ существуетъ такъ называемый „майданъ“. Это въ тѣсномъ смыслѣ очищенное на нарахъ мѣсто, на которомъ производится игра въ карты, кости и около котораго группируются всѣ игроки. Майданщикъ—откупщикъ майдана, обыкновенно наиболѣе зажиточный каторжникъ.

**) Кукушку слушать—техническое выраженіе арестантовъ. Значитъ: „бѣжать на продолжительное время“.

***) Простокишку (простоквашу) ѣсть—бѣжать на короткое время и вернуться въ тюрьму

IV.

Бѣгство.

Близко полуночи... Пѣсни, ругань, безобразный шумъ и крики въ казармѣ прекратились... Большинство арестантовъ угомонилось послѣ тяжелой двѣнадцати часовой работы и широко разметались они на грязныхъ, измызганныхъ блинахъ—тюфякахъ. Очень немногіе, несмотря на позднее время, сидятъ у майдана и играютъ въ карты...

Въ казармѣ, несмотря на настежь открытыя окна, ужасная духота и запахъ.

Ночь темная, непроглядная... Въ казармѣ, тускло освѣщенной дымными ночниками, распространяющими вокругъ ѣдкій чадъ, царствуетъ полумракъ... У майдана нѣсколько свѣтлѣе: вставленная въ бутылку сальная, сильно нагорѣвшая свѣча, бросаетъ на суровыя, разгорѣвшіяся отъ страсти лица игроковъ неровный, колеблющійся свѣтъ. Играютъ молча, лихорадочно; изрѣдка слышится сдержанный споръ изъ-за ставки и затѣмъ опять раздается только звонкій хлястъ засаленныхъ картъ...

— Стрёма! неожиданно раздался оповѣщающій крикъ стоявшаго на стражѣ Майданщика.

Майданъ мигомъ исчезъ, и игроки разбѣжались по своимъ койкамъ... Майданщикъ быстро потушилъ ночники и въ казармѣ наступила непроницаемая тьма...

Митька, все время не спавшій, безшумно сползъ съ своего тюфяка, оставивъ на немъ перепиленные кандалы, ощупью добрался до своей хоронушки, досталъ изъ нея что надо и осторожно сталъ пробираться къ намѣченному имъ угловому окну.

Тамъ уже ждалъ его Майданщикъ, расшатывавшій своими богатырскими руками подпиленную рѣшетку.

— Ну что? едва слышно спросилъ Митька.

— Сейчасъ готово! тѣмъ-же шепотомъ отвѣтилъ Майданщикъ, налегая на рѣшетку и безъ шума вытаскивая три подпиленныя заранѣе желѣзныя полосы...

Какъ кошка проползъ Митька въ образовавшееся въ рѣшеткѣ отверстіе, осторожно добрался до угловаго сруба и ловко полѣзъ по выдавшимся концамъ бревенъ на крышу... Майданщикъ не замедлилъ послѣдовать за товарищемъ... Черезъ минуту, оба бѣглеца были уже на крышѣ и безшумно ползли къ наименѣе охраняемой стѣнѣ казармы... Митька доползъ первымъ и чутко сталъ прислушиваться, стараясь уловить въ ночномъ воздухѣ малѣйшій подозрительный шорохъ, который свидѣтельствовалъ бы о близкомъ присутствіи часоваго... Кругомъ таинственная, мертвая тишина... Повидимому, часовые сладко дремали въ своихъ полосатыхъ будкахъ и не подозрѣвали о бѣгствѣ изъ казармы двухъ каторжниковъ, притаившихся теперь на крутомъ скатѣ острожной, тесовой крыши... Митька быстро досталъ изъ своего узла свитую изъ суконныхъ полосъ веревку; одинъ конецъ ея онъ привязалъ къ ближайшей дымовой трубѣ, а другой — осторожно спустилъ съ крыши на землю... Въ этотъ моментъ раздался внизу, почти подъ ногами бѣглецовъ, глухой кашель часоваго... Бѣглецы плотно прижались къ крышѣ и затаили дыханіе... Черезъ минуту Митька, какъ болѣе смѣлый и рѣшительный, свѣсился съ крыши и зорко началъ всматриваться въ ночную тьму, въ надеждѣ опредѣлить точное положеніе часоваго. Напрасно напрягалъ Митька свои зоркіе глаза. Темь была непроглядная, и онъ едва только разсмотрѣлъ верхній косякъ ближайшаго окна; всѣ предметы, расположенные ниже, были, казалось, прикрыты чернымъ сукномъ... Тѣмъ не менѣе Митька инстинктивно чувствовалъ, что часовой стоитъ на мѣстѣ и чѣмъ-то занятъ... Мало того, бродягѣ вдругъ показалось, что въ ночной тьмѣ засвѣтились упорно обращенные на него глаза. Митьку обдало холодомъ; сердце его замерло и, казалось, ушло куда-то отъ страха; жадно впервилъ онъ расширенные зрачки въ пространство и, какъ очарованный, не можетъ оторвать своихъ глазъ отъ глазъ невидимаго человѣка... Вотъ, онъ уже начинаетъ разглядывать, что упорно направленные на него страшные глаза принадлежатъ усатому, корявому лицу Корнева—самаго твердаго солдата изъ всей дуйской команды... Митька отлично уже видитъ заломленную на затылокъ кепку, изъ подъ прямаго козырька которой выглядываетъ Корневъ на бѣглеца съ неумолимымъ выраженіемъ... Вотъ блеснулъ въ ночной тьмѣ стволъ ружья... Видитъ Митька, ясно видитъ, что Корневъ приложился и направилъ дуло своего ружья прямо въ его свѣсившуюся съ крыши голову... Въ глазахъ его заходили красные круги... Едва, едва онъ не скатился съ крыши кубаремъ и не смѣрилъ спиной высоту каторжной казармы... Съ трудомъ удержался бродяга на крышѣ своими обезсилѣвшими отъ страха руками и съ секунды на секунду ожидалъ смертельнаго выстрѣла... Прошло нѣсколько мгновеній... Вдругъ Митька уловилъ въ ночной тишинѣ усиленное чирканье спички, совсѣмъ въ другой сторонѣ отъ Корнева... Инстинктивно повернулъ онъ голову въ ту сторону и черезъ секунду увидѣлъ красноватое пламя зажженной спички, освѣтившее худое, безбородое лицо солдата Невѣрова, закуривающаго только что набитую подмоченной махоркой носогрѣйку... Митька быстро повернулъ голову на Корнева: послѣдняго какъ не бывало... Отлегло у бродяги отъ сердца, и онъ почувствовалъ въ себѣ опять силы...

— Ишь ты, почудилось! подумалъ онъ и сталъ слѣдить за Невѣровымъ.

Послѣдній поспѣша закурилъ трубку, и черезъ секунду раздались въ ночной тишинѣ его мѣрные, спокойные шаги... Нѣсколько разъ блеснулъ во тьмѣ вспыхивающій огонекъ трубки и наконецъ скрылся за угломъ казармы... Шаги Невѣрова уже слышались въ отдаленіи и наконецъ замолкли...

— Спускайся! Живо! шепнулъ Митька притаившемуся у дымовой трубы Майданщику.

— Полѣзай первымъ! отвѣтилъ трусливый Майданщикъ.

Митька не заставилъ себя упрашивать. Не теряя времени, онъ ловко ухватился за самодѣльную веревку, быстро, безшумно спустился съ крыши на землю и сталъ пробираться къ ближайшимъ кустамъ...

Не успѣлъ онъ сдѣлать десяти шаговъ, какъ услышалъ позади себя глухой ударъ упавшаго съ высоты тѣла и затѣмъ сдержанный стонъ: повидимому, суконная веревка не выдержала грузнаго Бажина и оборвалась... Митька не задумываясь, бросился назадъ — на выручку товарища... Взвалить на плечи ошеломленнаго паденіемъ Бажина—было ему дѣломъ одной секунды: страшная, смертельная опасность удесятерила его силы... Въ этотъ моментъ блеснула въ ночной тьмѣ яркая молнія... Загремѣлъ пущенный наугадъ выстрѣлъ часоваго и глухо разнесся по окрестнымъ холмамъ... Митька какъ бѣшенный, рванулся со своею тяжелою ношею къ кустамъ, спѣша скрыться отъ поднявшаго тревогу часоваго... Близкая опасность окрылила его и придала ему нечеловѣческую мощь; бойко шагалъ онъ по кочковатой землѣ съ Бажинымъ на плечѣ, точно по хорошо убитой, шоссейной дорогѣ... Но вотъ и кусты!.. Клиномъ врѣзался въ нихъ Митька и быстро сталъ пробираться въ самую чащу... Гибкія вѣтви калины и лещины хлестали по его глазамъ; колючая азалія и шиповникъ царапали лицо, шею, руки и въ клочья рвали арестантское, гнилое платье... Но онъ шелъ все дальше и дальше, точно вылитый изъ стали гигантъ, не чувствующій боли, устали и изнеможенія... Митька отлично слышалъ: ихъ уже ищутъ! Слышалъ позади себя громкій разговоръ, ругательства и споры сбѣжавшагося на выстрѣлъ караула, а онъ безъ устали шелъ со своею тяжелою ношей все глубже и глубже въ кусты, дальше и дальше отъ суетящихся солдатъ... Сколько онъ прошелъ, Митька не могъ отдать себѣ отчета.. Но вотъ голоса преслѣдующихъ смолкли и кругомъ опять мертвая тишина.. Солдаты поискали въ ближайшихъ кустахъ и возвратились въ казарму съ увѣренностью, что бѣглецы далеко не уйдутъ...

Какъ только опасность миновала, Митька вдругъ почувствовалъ страшное изнеможеніе... Бажинъ лежалъ на его плечѣ стопудовой гирей и до нестерпимой боли ломилъ тонкую ключицу. Съ нечеловѣческимъ трудомъ прошелъ Митька еще нѣсколько шаговъ и остановился: идти дальше стало уже не въ моготу... Только что онъ опустилъ Бажина на мягкую траву, какъ у него закружилась голова, въ глазахъ пошли огненные круги и безъ чувствъ грохнулся онъ рядомъ со своимъ товарищемъ...

(До слѣдующ. №).

Къ рисункамъ.

Іоаннъ III и послы хана Ахмата.

(Рис. на стр. 532 и 533).

Въ XIII вѣкѣ невѣдомый, кочевой народъ грознымъ потокомъ хлынулъ изъ центральной Азіи на Европу. Потокъ этотъ, опрокидывая все на пути, перекинулся черезъ Волгу, Донъ, Днѣпръ, достигъ Вислы, ринулся на Польшу и Венгрію. Западъ дрогнулъ. Въ самомъ Парижѣ произошло смятеніе: страшное слово „татары!“ было у всѣхъ на умѣ. Предводитель орды послалъ къ Фридриху II, императору германскому, требованіе покорности, обѣщая за это важную должность при своемъ дворѣ.

При Лигницѣ произошла битва, въ которой было уничтожено почти все нѣмецкое войско, но которая настолько устрашила монголовъ, что они болѣе не отваживались воевать съ „желѣзными людьми“. Они отступили къ востоку и вся тяжесть ихъ давленія обрушилась на Русь.

Двѣсти лѣтъ это страшное иго охватывало своими желѣзными тисками несчастную страну. Всякое развитіе ея должно было пріостановиться. Монголы были полными властелинами въ землѣ: вырѣзая семьи, гоняя ихъ въ полонъ, замучивая великихъ князей, спаливая города и селенія, они царили какъ истые азіатскіе варвары. Лучшіе центры русской торговли гибли: Кіевъ, Москва, Рязань, Коломна, Владиміръ, Тверь, Суздаль, Ярославль, Ростовъ, Юрьевъ—все это становилось жертвою ихъ произвола.

Были времена, когда казалось Ордѣ наносится смертельный ударъ: такова была, напримѣръ, Куликовская битва. Но татары снова собирались съ силами, сплачивались, и снова наносили жестокіе удары Руси. Не было среди русскихъ князей единства, силы, тѣхъ традицій, которыми силенъ былъ западъ— и могучаго отпора они дать не могли, пока на московскомъ престолѣ не сѣлъ Іоаннъ III.

Женившись на Софіи Палеологъ — племянницѣ послѣдняго императора Византіи, Іоаннъ провозгласилъ себя царемъ и принялъ въ гербъ своего царства двуглаваго византійскаго орла. Онъ окружилъ Кремль новыми огромными стѣнами, башнями, стрѣльницами. Могучіе громадные соборы, словно по мановенію волшебнаго жезла, поднялись изъ земли. Изъ-за моря были выписаны нѣмецкіе пушкари, уставившіе орудія на бойницахъ, войско сильно вооружено. Іоаннъ созналъ свою силу—и пересталъ посылать обычную дань въ орду.

Ханъ Ахматъ прислалъ пословъ въ Москву,—тѣхъ пословъ,— одинъ видъ которыхъ въ прежнее время заставлялъ трепетать князей. Смѣло и гордо, съ сознаніемъ своей мощи, вступили они въ Грановитую палату, неся съ собой *басму*—изображеніе хана, предъ которымъ должны были преклоняться князья, какъ передъ самимъ Ахматомъ. Они потребовали съ угрозами дани. Но Іоаннъ схватилъ басму, швырнулъ ее на полъ, растопталъ и приказалъ казнить пословъ, кромѣ одного, которому велѣлъ разсказать хану, что онъ сдѣлалъ съ басмою и послами. „Скажи ему,—заключилъ онъ свою рѣчь—что если онъ не оставитъ Русь въ покоѣ, то и съ нимъ будетъ тоже“.

Это былъ первый смѣлый шагъ къ сверженію ига. Окончательно обезсилилъ татаръ внукъ Іоанна III—Іоаннъ IV, завоевавшій царства Астраханское и Казанское. Татары совсѣмъ отодвинулись къ югу, перешли на Таврическій полуостровъ и раскинули свои роскошные дворцы въ прелестныхъ долинахъ Судака. Тамъ они, окончательно обезсиленные, жили до конца прошлаго столѣтія, пока завоеванія императрицы Екатерины не положили предѣла династіи „гиреевъ“.

Мостовая пошлина.

(Рис. на стр. 537).

Прекрасная картина Бейнлага изображаетъ граціозную сцену въ паркѣ на мосту; дѣйствующія лица въ костюмахъ XVII в. Молодые люди повидимому хорошо знаютъ другъ друга. Онъ такъ смѣло и свободно остановился, заграждая ей дорогу и требуя мостовой пошлины за проходъ по мосту—поцѣлуя—а она съ такимъ лукавымъ смущеніемъ опустила голову, нисколько кажется не сердясь на остановку, что суровый мостовой стражъ конечно получитъ тотчасъ пошлину безъ особаго сопротивленія да и сопротивленіе будетъ, повидимому, несовсѣмъ искреннее.

На Спб. Морскомъ каналѣ.

(Рис, на стр. 540).

Прошло почти два года съ тѣхъ поръ какъ мы съ Н. П. Каразинымъ объѣхали кругомъ грандіозное сооруженіе Петербургскаго Морскаго Канала и тогда же („Нива 1880 № 33) были помѣщены его прекрасные рисунки канала и подробное описаніе, съ разъясненіемъ значенія и важности порта и всего сооруженія. Съ тѣхъ поръ предпріятіе это приведено почти къ окончанію, и уже производятся разгрузки въ отпускномъ Путиловскомъ портѣ.

Въ ясное весеннее утро тронулись мы уже въ вагонѣ Путиловской желѣзной дороги съ Варшавской станціи. Дорога, описывая большой полукругъ идетъ со станціи Пущино—съ которой видны на противуположномъ берегу рѣчки мрачныя, закоптѣлыя полукруглыя зданія огромнаго Путиловскаго завода—съ этой станціи на Афтово и къ порту. Поѣздъ нашъ, состоявшій всего изъ одного пасажирскаго вагона и ряда платформъ, нагруженныхъ бревнами и досками для производящихся въ портѣ построекъ, потянулся, загибаясь на поворотахъ какъ огромный змѣй. Въ дали засинѣлось море, стройныя линіи дамбъ, бѣлыя зданія складовъ порта и отдаленный лѣсокъ Канонерскаго острова. Склады деревянные, весьма внушительныхъ размѣровъ уже высятся по одѣтымъ камнемъ, высокимъ дамбамъ пристани, ихъ еще достраиваютъ, слышенъ стукъ топоровъ многочисленныхъ рабочихъ. Этотъ портъ будетъ отпускной и временно сдѣланъ привознымъ до открытія порта Канонерскаго острова. Чтобы указать размѣры дѣла напомнимъ только, что товаровъ грузится въ Петербургѣ каждый рабочій день болѣе 1½ милліона пудовъ.

На пристани насъ приняли къ себѣ на пароходъ очень любезно служащіе и мы съ ними имѣли возможность объѣхать всѣ пункты сооруженія до конечнаго пункта дамбъ. И вотъ мы вышли въ синее море, въ жерло канала гдѣ уже видно оживленное движеніе, идутъ пароходы и баржи; вотъ черный пароходъ съ толпою рабочихъ, спѣшащихъ къ обѣду, одновременно съ коими вышли и мы къ служебнымъ строеніямъ сѣверной дамбы, съ вышки которой открывается оригинальный и широкій видъ. Угломъ выдается дамба въ море, гдѣ чернѣютъ вдали работающія мутъ-помпы, парусныя и паровыя суда а вдали на горизонтѣ чуть видными дымками намѣчается Кронштадтъ. Этотъ-то видъ и набросанъ такъ талантливо Н. Каразинымъ и его читатели встрѣтятъ въ нынѣшнемъ №. На мутъ-помпахъ идутъ оживленныя работы по углубленію канала; черныя чудовища, пыхтя и гремя своими могучими механизмами и размахивая громадными лапами, выхватываютъ со дна моря разомъ по 400 пудовъ нѣжной, мягкой, прекрасной глины и вываливаютъ эти глыбы въ большія шаланды, которыя мѣняются раза три въ день, увозя каждая по 30,000 пудовъ итого до 100,000 пуд. въ день! И всею этою силою управляетъ мастеръ, сидящій въ сквозной будкѣ и нажимающій то ту, то другую подножку или рукоятку. Громъ, шумъ и стукъ этотъ въ теченіи цѣлаго дня надо привычку выносить. Работы начинаются съ 4 часовъ утра а когда спѣшили, то шли день и ночь, съ перемѣнными рабочими и освѣщались электрическимъ свѣтомъ, что ночью среди моря очень эффектно. Къ зимѣ всѣ эти машины и пароходы уводятся въ Черную рѣчку. Гутуевскій портъ откроется не ранѣе будущей весны. Каналъ съ двухъ сторонъ огражденъ дамбами, которыя тянутся въ морѣ отъ Невы на 9½ верстъ. Затѣмъ по длинѣ 17 верстъ до Кронштадта мѣсто оставляется открытымъ. На 5 верстѣ изъ Невы каналъ раздѣляется на двѣ вѣтви: одна, собственно каналъ, идетъ въ Неву къ Гутуевскому порту, еще неоконченному. Этотъ портъ строится на средства казны на земляхъ бывшихъ Бенардаки; на береговой сторонѣ входной гавани Гутуевскаго острова расположенъ глубокій бассейнъ, берега котораго поднимаются; строятся пакгаузы, береговые склады, прокладываются рельсовые пути. Тутъ будетъ портъ для всей *ввозной* торговли. Другая вѣтвь идетъ на югъ къ барочному каналу. На развѣтвленіи же двухъ направленій этихъ и устроенъ 16 футовый бассейнъ, который предполагается еще углубить, и портъ Путиловскаго общества, для *вывозныхъ* товаровъ, хлѣба и т. п. Желѣзная дорога Путиловскаго общества соединяетъ портъ этотъ со всѣми желѣзными дорогами столицы. Кронштадтъ обращается исключительно въ военный портъ и каналъ будетъ имѣть огромное значеніе для движенія товарныхъ грузовъ. Съ подробностями же, повторяемъ, читатели могутъ ознакомиться изъ обстоятельной статьи № 33 „Нивы“ 1880 года.

Идя назадъ къ городу, мы видѣли оживленныя морскія работы Канонерскаго острова; вонъ красивая брандвахта, домъ конторы, лѣса и строительные матерьялы, на этомъ мѣстѣ, которому предназначено быть такимъ важнымъ пунктомъ всей привозной торговли столицы Имперіи.

Первое кумысолечебное заведеніе на Волгѣ.

(Рис. на стр. 541).

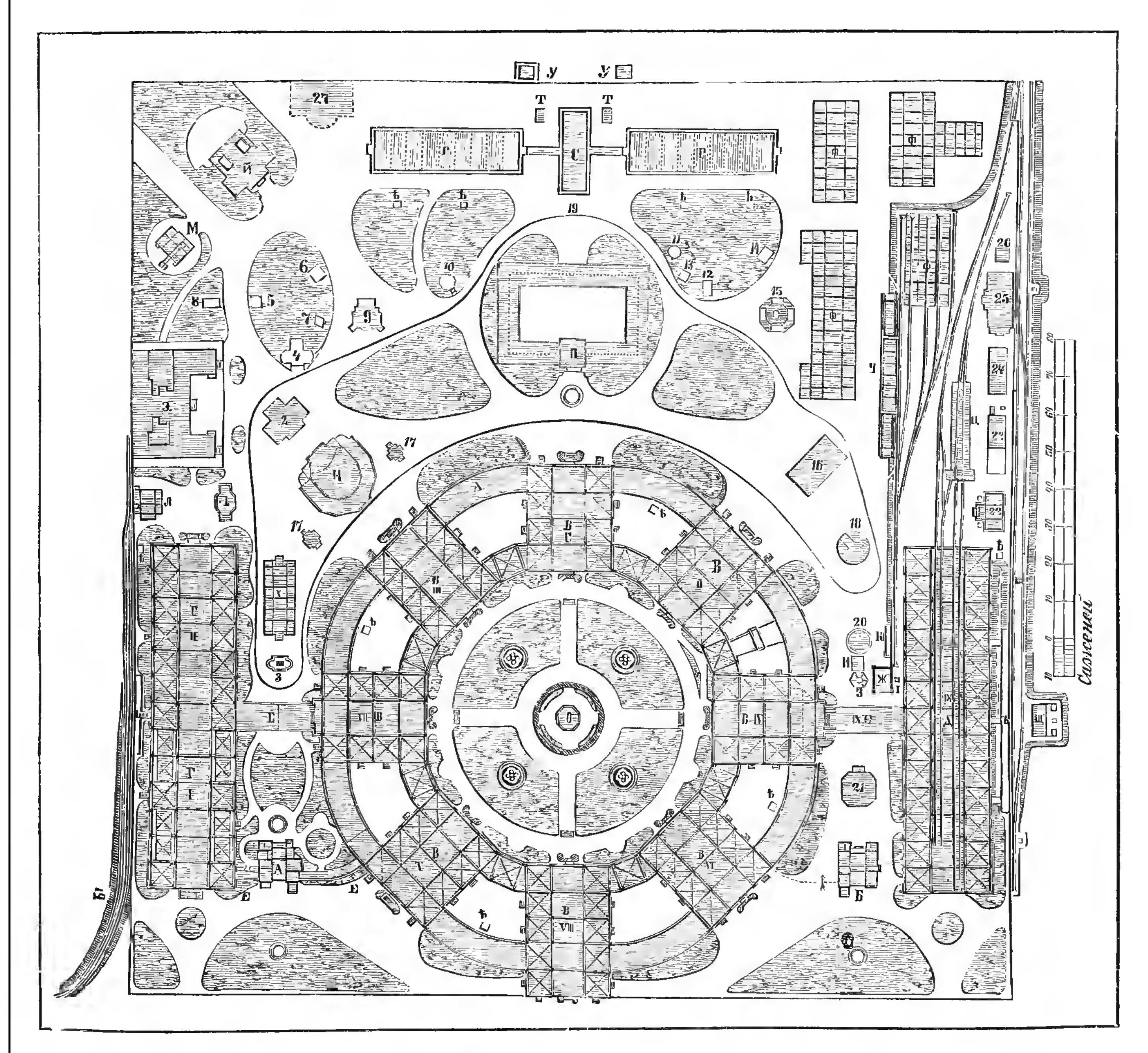
Кумысъ съ незапамятныхъ временъ извѣстенъ между кочевыми племенами Средней Азіи. Кочевники пристрастились къ кумысу и напитокъ этотъ тамъ сталъ совершенно домашнимъ, обыкновеннымъ напиткомъ — его цѣлебныя, драгоцѣнныя свойства уже окончательно признаны наукой и леченіе имъ уже вошло во всеобщее употребленіе. Дѣйствіе кумыса на человѣческій организмъ часто бываетъ поразительно. Но обыкновенно приступаютъ къ питью кумыса съ нѣкоторымъ къ нему отвращеніемъ, вслѣдствіе предубѣжденія, что вкусъ его будто бы противенъ и т. п. По хорошо сдѣланный, подъ надлежащимъ наблюденіемъ, кумысъ—очень пріятный, вкусный напитокъ, къ которому скоро привыкаютъ и убѣждаются, что нѣтъ болѣе питательнаго вещества, которое дѣйствовало бы такъ укрѣпительно и благодѣтельно на истощенный упорными болѣзнями организмъ. Благодаря нѣкоторымъ изъ своихъ составныхъ частей, кумысъ сперва производитъ легкое опьяненіе, затѣмъ дремоту и крѣпкій, освѣжающій сонъ. Больной замѣтно поправляется, вѣсъ его увеличивается, онъ толстѣетъ, на лицѣ появляется румянецъ и т. п., измѣняется и расположеніе духа. Самое разительное—дѣйствіе на очищеніе крови, на желудокъ, и при чахоткѣ. Теперь по Волгѣ, особенно около Самары, основано нѣсколько большихъ кумысолечебныхъ заведеній, изъ коихъ своимъ хорошимъ и удобнымъ устройствомъ отличается заведеніе доктора Постникова, видъ фасада курзала котораго помѣщенъ въ этомъ №. Лѣтомъ еще 1857 года докторъ Постниковъ, замѣтивъ удивительное дѣйствіе кумыса на чахоточныхъ, арендовалъ землю для устройства заведенія и для настбищь и основалъ *первое* кумысолечебное заведеніе въ 1858 году. Мѣстность гдѣ оно находится, въ 6 верстахъ отъ Самары, вверхъ по Волгѣ, въ 1 верстѣ отъ берега рѣки, холмиста и красива, покрыта чернолѣсьемъ, и около 35 саж. выше уровня Волги, что избавляетъ отъ опасности схватить лихорадку и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ сухость воздуха. Съ балкона прямо видъ на Волгу, съ ея пароходами и парусами, вправо—Жигулевы горы, лѣвѣе—сосѣднія дачи, городъ и монастырь, сзади безконечная степь. Самая обширная постройка—курзалъ. Тутъ большой залъ въ два свѣта, направо дверь въ кумысную, другая дверь въ общую гостиную, съ цвѣтами, рояллемъ, журналами и газетами. Девять домовъ по сосѣдству съ курзаломъ для помѣщенія больныхъ съ платою отъ 10 до 60 р. въ мѣсяцъ. Нѣкоторыя квартиры—совершенно отдѣльныя дачи со всѣми принадлежностями. Въ 12 верстахъ отъ этаго мѣста есть еще такъ наз. „Дальній кумысъ“ въ живописной и красивой мѣстности, окруженной лѣсистыми холмами, гдѣ устроено отдѣленіе для больныхъ, нуждающихся въ большемъ спокойствіи и уединеніи или желающихъ лечиться за дешевѣйшую цѣну. Лечебный сезонъ продолжается съ 1-го мая по 1-е сентября.

Кромѣ заведенія доктора Постникова, есть близъ Самары и другія такія заведенія напр. Чембулатова и друг. болѣе или менѣе подходящія или уступающія типу описаннаго нами заведенія для леченія этимъ въ высшей степени полезнымъ питъ-

ПЛАНЪ

Всероссійской Художественно-Промышленной Выставки въ Москвѣ

1882 года.



А. Павильонъ ЕГО ИМПЕРАТОРСК. ВЕЛИЧЕСТВА.
Б. Павильонъ экспертовъ.
В. Центральное зданіе выставки.
Г. Павильонъ Художественнаго и Учебнаго отдѣловъ.
Д. Павильонъ Машиннаго отдѣла.
Е. Соединительныя галлереи.
Ж. Помѣщеніе пароваго котла.
З. Водонапорная башня.
И. Насосы съ навѣсомъ.
І. Дымовая труба.
К. Складъ для топлива.
Л. Домъ Администраціи.
М. Полицейская станція.
Н. Музыкальная зала.
О. Павильонъ для музыки.
П. Зданіе для выставки Садоводства.
Р. Зданіе для выставки животныхъ.
С. Манежъ.
Т. Ледники.
У. Сѣновалы.
Ф. Дополнительныя зданія для машинъ.
Х. Дополнительн. зданіе для кустарн. промышленности.
Ц. Навѣсъ для выставочныхъ вагоновъ.
Ч. Крытая платформа для разгрузки товаровъ.
Ш. Паровая желѣзная дорога.
Щ Желѣзно-дорожная пассажирская станція.
Ъ. Пассажирскій перронъ паровой желѣзной дороги.
Ы. Конно-желѣзная дорога.
Ь. Платформа конно-желѣзной дороги.
Ѣ. Ватеръ-клозеты.
Э. Ресторанъ Лопашева.
Л. Трактиръ Лопашева.

1. Зданіе Общества Краснаго Креста.
2. Зданіе общества спасенія на водахъ.
3. Выставка Гусарева.
4. Павильонъ Алексѣева.
5. " Богданова.
6. " Любвина.
7. " Брокара.
8. " Фармацевтическое общество.
9. Павильонъ Абрикосова сынов
10. Павильонъ Рагозина.
11. Колокола Оловянишникова.
12. " Финляндскаго.
13. " Самгина.
14. Павильонъ Компаніони.
15. " Лапина.
16. " Варшавскаго металлическаго завода Лильпопъ-Рау и Левенштейнъ.
17. Павильонъ цементнаго завода Портъ-Кунда.
18. " механическ. завода Сименса и Гальске.
19. Электрическая дорога Сименса и Гальске.
20 Мѣсто испытанія пожарныхъ трубъ.
21. Зданіе военнаго вѣдомства.
22. Павильонъ С.-Петербургскаго металлическаго завода.
23. Лѣсопильня Финляндскаго княжества.
24. Мельница Доброва и Набгольцъ.
25, Павильонъ Русско-Балтійскаго вагоннаго завода.
26. Колокола Рыжова.
27. Пчельникъ Вольнаго Экономическаго Общества.

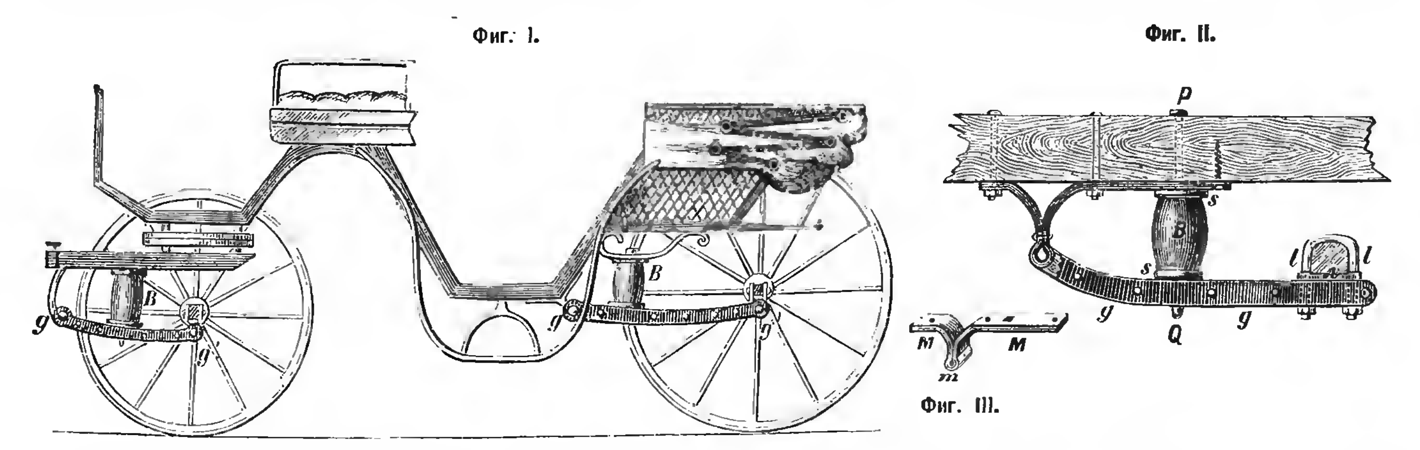
РАЗМѢЩЕНІЕ ПРЕДМЕТОВЪ ВЪ ГЛАВНЫХЪ ЗДАНІЯХЪ ВЫСТАВКИ.

I. Художественный отдѣлъ.
II. Научно-Учебный отдѣлъ.
III. Сельско-хозяйственный отдѣлъ.
IV. Горный Отдѣлъ.
V. Мануфактурный отдѣлъ.
VI. Издѣлія изъ металловъ.
VII. Произведенія заводской обработки.
VIII. Фабричныя и ремесленныя издѣлія.
IX. Машинный и инженерный отдѣлы.
A. Кустарный отдѣлъ.
B. Выставка произведеній Кавказа и Туркестана.
C. Выставка произведеній Финляндіи.
D. Выставка произведеній Привислянскихъ губ.

емъ, слава котораго растетъ. До устройства этаго перваго заведенія, на кумысъ ѣздили больные къ башкирамъ на кочевки, гдѣ лишенные всѣхъ удобствъ, которыми теперь такъ избалованъ современный туристъ, жили просто въ войлочныхъ палаткахъ. Теперь о такомъ первобытномъ леченіи исчезло кажется самое воспоминаніе. Разумѣется при своихъ планахъ леченія больные руководствуются соображеніемъ попасть въ такое заведеніе, въ которомъ было бы строгое и компетентное наблюденіе за леченіемъ и приготовленіемъ кумыса опытнаго врача.

Москов. Выставка. Каучуковыя рессоры.

Въ галлереѣ экипажей на московской промышленной выставкѣ обращаетъ на себя вниманіе публики чрезвычайно легкій и красивый деревенскій шарабанъ, выставленный А. П. Энгельгардтомъ. Шарабанъ этотъ сдѣланъ изъ угловаго желѣза, матеріала весьма прочнаго и вездѣ легко находимаго въ продажѣ и поставленъ на каучуковыя рессоры системы Энгельгардта. Оригинальность самой системы и примѣненіе каучука выдѣляютъ этотъ экипажъ изъ ряда обыкновенныхъ каретъ и колясокъ, а простота конструкціи такова, что у самаго изобрѣтателя уже давно имѣется въ употребленіи коляска сдѣланная простымъ деревенскимъ кузнецомъ только изъ угловаго желѣза, имѣя каучуковыя рессоры.



Фиг. I. Фиг. II. Фиг. III.

Настоящее изобрѣтеніе представляетъ множество преимуществъ. Назначеніе всякой рессоры заключается въ смягченіи толчковъ, получаемыхъ экипажемъ во время движенія. Толчки передаются колесами оси, а эта послѣдняя передаетъ ихъ кузову, посредствомъ рессоръ, которыя, сжимаясь, принимаютъ большую часть удара на себя. Обыкновенныя рессоры прекрасно выполняютъ это назначеніе; но, будучи сдѣланы изъ стали, матеріала весьма капризнаго, непрочны и на дурныхъ дорогахъ часто ломаются. Этотъ недостатокъ стальныхъ рессоръ особенно ощутителенъ въ деревняхъ, гдѣ чинить ихъ очень трудно, а иногда и невозможно.

Каучуковыя рессоры имѣютъ передъ стальными то громадное преимущество, что сломать ихъ невозможно; ихъ можно испортить нарочно, можно рѣзать, жечь и т. п. *но ѣздою испортить нельзя.*

Кромѣ этого главнаго преимущества, каучуковыя рессоры представляютъ еще слѣдующія выгоды:

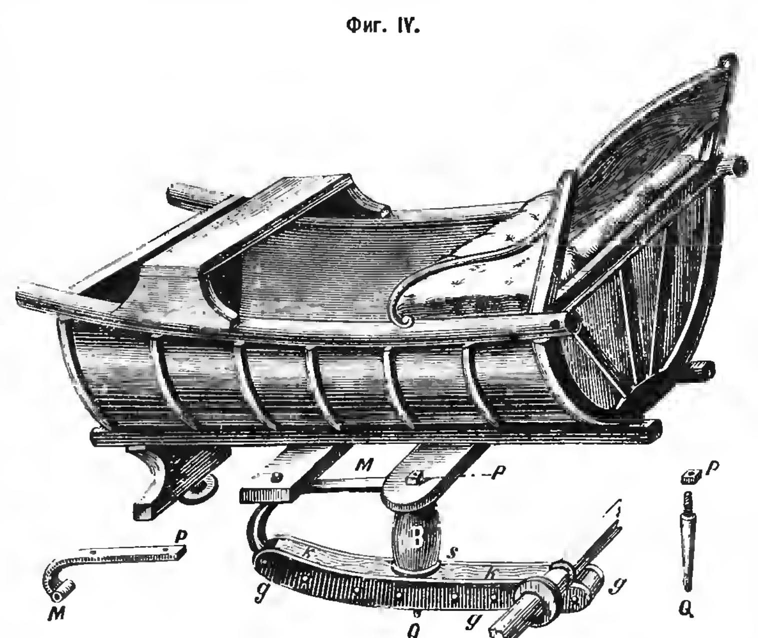
1) Постановка ихъ можетъ быть сдѣлана каждымъ простымъ деревенскимъ кузнецомъ.

2) Замѣна одной рессоры другою можетъ быть сдѣлана кучеромъ.

3) Самыя рессоры гораздо легче и дешевле стальныхъ.

Устройство каучуковыхъ рессоръ очень просто: къ кузову придѣлывается на шарнирѣ g рычагъ gg, который однимъ концемъ скрѣпленъ (шарниромъ) съ кузовомъ, другимъ—съ осью. Между рычагомъ и кузовомъ помѣщается каучуковый буферъ B, (фиг. I) который и служитъ упругою подкладкою между осью и кузовомъ. При толчкахъ, колесо, подпрыгивая, подбрасываетъ вверхъ ось, которая, въ свою очередь поднимаетъ задній конецъ рычага, а этотъ послѣдній, вращаясь около шарнирнаго болта g, сжимаетъ буферъ B; точка g, принадлежащая кузову, какъ центръ вращенія, остается неподвижною, а слѣдовательно и кузовъ остается неподвижнымъ, т. е. толчка не получитъ. На фиг. I представленъ экипажъ, поставленный на каучуковыя рессоры; на фиг. II изображенъ общій видъ собранной рессоры съ рычагомъ и осью; на фиг. III отдѣльный видъ шарнирной скобы, загнутой изъ простаго полосоваго желѣза. Три такихъ скобы прикрѣпляются къ кузову рядомъ (двѣ по краямъ, третья посрединѣ) такъ, чтобы всѣ три шарнирныя отверстія m находились на одной прямой линіи. Рычагъ состоитъ изъ трехъ частей: двухъ щекъ gg (фиг. II) сдѣланныхъ изъ двухъ кусковъ полосоваго желѣза и деревянной подкладки, проложенной между ними. Передніе концы щекъ загнуты немного кверху; всѣ три части склепаны между собою длинными заклепками. Между выступающими передними концами gg (фиг. II) помѣщается продушина m (фиг. III) шарнирной скобы M, а въ отверстія щекъ g и продушину m проходитъ шарнирный болтъ. Въ деревянной подкладкѣ просверливается сквозное отверстіе для буфернаго болта PQ. Буферъ состоитъ изъ каучуковаго цилиндра B (фиг. I, II, IV) и двухъ круглыхъ чугунныхъ шайбъ S и S'; нижняя шайба S' имѣетъ внизу четырех-гранный приливъ (фиг. II) которымъ она врѣзана въ прокладку рычага.

Скрѣпленіе рычага съ осью дѣлается посредствомъ обоймы ll, которая обхватываетъ ось и притягиваетъ ее къ рычагу гайками. Между осью и рычагами прокладывается каучуковая прокладка Л. Для простыхъ деревенскихъ телѣжекъ, вмѣсто шарнирныхъ скобъ MM (фиг. III) удобно отковывать дугообразныя оковки MP, какъ это представлено на фиг. IV. Въ простыхъ телѣгахъ подрессоривается только задній ходъ. Приспособленіе это ясно представлено на фиг. IV.



Фиг. IV.

Изобрѣтатель каучуковыхъ рессоръ въ Россіи, помѣщикъ Могилевской губерніи Александръ Петровичъ Энгельгардтъ. Выписывать рессоры и узнавать всѣ подробности можно: въ Петербургѣ, въ конторѣ Ѳ. П. Сазонова, Фонтанка, на углу Гороховой, № 67.

Планъ всероссійской выставки.

(Рис. на стр. 545).

Начиная рядъ рисунковъ и сообщеній съ Московской выставки, прежде всего мы прилагаемъ планъ ея, по которому можно ясно видѣть расположеніе и устройство ея группъ и отдѣловъ.

Съ 21 мая, послѣ торжественнаго открытія выставки Е. В. Вел. Кн. Владиміромъ Александровичемъ, двери ея открылись для публики, которая и наполняетъ отдѣлы и павильоны. Публи и на первый разъ собралось немного. Въ кассу поступило всего 3,254 руб. (на 2-й день 2,814, а на третій 6,188 руб., что для праздника тоже очень не много). Въ Воскресенье, 23 мая, по значительному наплыву посѣтителей, выставка уже представлялась достойною своихъ грандіозныхъ размѣровъ. Слѣдуетъ оговориться, что въ три предшествующіе дня, въ моментъ открытія выставки, въ павильонахъ б. ло оволь о пр с орно, хотя число посѣтителей достигало около 3,000. Прошло чрезъ турникеты, частію по особымъ входнымъ билетамъ, во-

обще, посѣтителей, оплатившихъ свой входъ рублемъ, около 7,0 0. Если къ этой цифрѣ накинуть болѣе 2,000 лицъ, снабженныхъ билетами на второй концертъ музыкальнаго Общества, состоявшійся въ концертномъ павильонѣ выставки, подъ управленіемъ А. Г. Рубинштейна, и освобожденныхъ отъ особой входной платы на выставку, а также принять во вниманіе массу экспонентовъ, обладающихъ постоянными билетами то въ результатѣ получится до 12.000. Какое же впечатлѣніе производитъ эта въ полномъ смыслѣ слова *всероссійская* выставка? Достаточно даже бѣглаго обзора, чтобы почувствовать, что выставка удалась вполнѣ. Удача чувствуется во всемъ—въ одобреніи посѣтителей, въ довольствѣ выставщиковъ (какъ уже начали въ Москвѣ порусски называть экспонентовъ), въ самомъ убранствѣ и нарядности выставки. Осужденій вы почти вовсе не услышите.

Несомнѣнно, что такой выставки еще не было въ Россіи. Политехническая 1872 года передъ настоящей кажется весьма незначительной. О ней вспоминають только, чтобы указать на важность нынѣшней. Въ десять лѣтъ много воды утекло, но не даромъ—образовалась уже могучая рабочая сила. Уже самый размѣръ выставки, пространство ею занимаемое, ея зданія, все производитъ самое внушительное впечатлѣніе. Въ два часа даже спѣшно не обойти и половины выставки.

Какъ по величинѣ построекъ, такъ и по количеству экспонентовъ и цѣнности выставленныхъ предметовъ это первая въ свѣтѣ между мѣстными народными выставками. По обширности занимаемаго мѣста она больше первой Парижской Всемірной и только на четверть меньше послѣдней парижской. Не смотря на такую обширность она не въ состояніи вмѣстить всѣхъ экспонентовъ, подавшихъ заявленія. Мѣсто выставки почти квадратная площадь въ 50000 слишкомъ кв. саж. Окружность почти 1½ версты. Фасады главныхъ зданій, какъ видно на планѣ, обращены къ Петровскому парку. Главное центральное зданіе имѣетъ видъ правильнаго многоугольника и занимаетъ 12000 кв. саж. Площадь внутри кольца зданія представляетъ садъ, въ центрѣ его громадный акваріумъ. Въ передней части этаго зданія отдѣлъ фабричныхъ и ремесленныхъ издѣлій; въ правую сторону металлы, далѣе горный отдѣлъ, заводской промышленности и мануфактурной. Съ центральнымъ зданіемъ, какъ видно на планѣ, галлереями соединяются: павильонъ Его Величества, зданіе художественнаго и научно-учебнаго отдѣловъ, находящееся вправо (88 саж. дл. и 25 шир.) и слѣва такое же помѣщеніе для машиннаго и инженернаго отдѣловъ. Все остальное пространство также застроено различными зданіями и павильонами, которыя всѣ обозначены на планѣ и о которыхъ мы будемъ постепенно давать болѣе подробныя свѣдѣнія.

Нельзя не подивиться множеству прекрасныхъ и изящныхъ предметовъ, обширности и важности многихъ производствъ и тому что у насъ появляются уже такія издѣлія, о которыхъ прежде не было и слуху. Помимо значенія выставки въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, конкурренція и стараніе выставить всё лучшее поведетъ къ высокому улучшенію и удешевленію производства, кромѣ того развивается общественный вкусъ. Послѣ каждой выставки покупатель и потребитель становятся разборчивѣе и требовательнѣе что раньше сходило съ рукъ—будетъ оставаться уже на рукахъ. Развивая требовательность покупателя выставка двигаетъ промышленость, не даетъ ей застаиваться на мѣстѣ. Вотъ почему тѣ громадныя суммы, которыя требуются на устройство выставокъ нельзя назвать непроизводительными затратами или напрасно употребленными деньгами. Первая группа, чисто художественная, прекрасно размѣщенная и освѣщенная, благодаря распорядительности и умѣнью М. П. Боткина, производитъ невольное впечатлѣніе количествомъ и разнообразіемъ произведеній русской живописи, около 140 нумеровъ разныхъ болѣе или менѣе уже извѣстныхъ картинъ нашихъ наиболѣе талантливыхъ художниковъ. Здѣсь есть много произведеній, копіи которыхъ уже помѣщались въ „Нивѣ", и они уже знакомы нашимъ многочисленнымъ читателямъ. Поименуемъ нѣкоторыя изъ помѣщавшихся у насъ копій: *К. Е. Маковскаго* „Масляница" (1870 № 13). *В. Е. Маковскаго* „Псаломщики" (1871 № 11). *Ю. Ю. Клевера* „Первый снѣгъ" (1880 № 39), „Зимній вечеръ" (1882 № 8) „Островъ Наргенъ" (1880 № 15) *Р. Г. Судковскаго* „Буря" (1882 № 8) Новоскольцева „Дмитрій Донской" (1882 № 4) *К. Б. Венига* „Лжедимитрій" (1880 № 17) *Г. Семирадскаго* „Грѣшница" (1874 № 15) *В. П. Верещагина* „Посѣщ. заключеннаго" (1879 № 17) „Крещеніе св. Владиміра" (1881 № 43) „Водвореніе Христіанства въ Кіевѣ „1881 № 25) *Н. Н. Ге* „Тайная вечеря" (1881 № 14). *Н. Мясоѣдова* „Лжедмитрій на литовской границѣ, (1882 № 47) *А. Д. Кившенко* „На морскомъ берегу въ Нормандіи" (1882 № 15) „Военный совѣтъ въ Филяхъ въ 1812 г." (1882 № 1) *А. И. Корзухина* „Въ монастырской гостинницѣ" (1882 № 21) и будутъ помѣщены его же „Сцена изъ стрѣлецкаго бунта" и „Привалъ охотниковъ въ лѣсу" *В. Д. Орловскаго.*

Во II, научно-учебномъ отдѣлѣ, находящемся въ распоряженіи нашего извѣстнаго писателя и знатока искусствъ Д. В. Григоровича, обращаютъ на себя невольное вниманіе работы учениковъ рисовальныхъ техническихъ и ремесленныхъ школъ. Большинство—учрежденія недавнія, молодыя, и значительные успѣхи ихъ не могутъ не радовать каждаго русскаго посѣтителя выставки. Желательное развитіе подобныхъ училищъ должно, кажется, состоять въ томъ чтобы они соотвѣтствовали именно насущнымъ потребностямъ русской промышленности и чтобы отвѣчали потребностямъ мѣстнымъ.

Повторяемъ, общее впечатлѣніе выставки—наилучшее, грандіозное впечатлѣніе. Кромѣ изящества и богатства внѣшней отдѣлки невольно на каждомъ шагу останавливаетъ вниманіе и замѣчательное совершенство техники и удовлетвореніе требованіямъ современности и вкуса; съ разными отдѣльными производствами и наиболѣе выдающимися предметами Выставки мы и будемъ знакомить нашихъ читателей въ рядѣ рисунковъ и описаній нашихъ спеціальныхъ художниковъ и корреспондентовъ.

Воспитатель принца.

Въ книгѣ Виланда „Золотое зеркало", отразившей въ себѣ воззрѣнія мыслящихъ людей прошлаго столѣтія и имѣвшей въ свое время большое значеніе, есть много прекрасныхъ и глубокихъ мыслей. Приведемъ, какъ примѣръ, его сужденія „О воспитаніи и школѣ".

„Ни самые совершенные законы, говоритъ авторъ, ни высокія истины религіи, ни цвѣтущее состояніе наукъ и искусствъ не могутъ способствовать правильному ходу жизни въ странѣ, разъ если пренебреженъ вопросъ о воспитаніи юношества. Никакая юриспруденція не сдѣлаетъ адвоката честнымъ, судью неподкупнымъ; никакія усилія не могутъ развить истинной религіозности; прекраснѣйшія полицейскія правила и мѣры окажутся недѣйствительными, если гражданину чужды понятія о любви къ отечеству, къ порядку, о воздержаніи, о честности и открытомъ образѣ дѣйствій; самые мудрые государственные законы не защитятъ порядка и стройности жизни среди слабохарактерныхъ и распущенныхъ людей. Когда-же и приступать къ образованію юношества какъ не въ такіе годы, когда душа такъ воспріимчива ко всему и когда она такъ опасно и нерѣшительно колеблется между добродѣтелью и порокомъ? Душа въ эти годы также легко наполняется благородными помыслами, привыкаетъ къ твердымъ правиламъ и укрѣпляется въ добродѣтели какъ и предоставленная чувственнымъ стремленіямъ и страстямъ и соблазнительному примѣру, легко принимаетъ несчастныя привычки легкомыслія и порока. Благосостояніе государства, счастіе народа зависитъ отъ его нравовъ. Законодательство, религія, полиція, науки, искусства могутъ уважать всѣ проявленія жизни и служить имъ защитой; но коль скоро въ основаніи испорчено воспитаніе и нравы, всѣ эти столбы жизни перестаютъ быть устойчивыми; потокъ распущенности прорываетъ эти плотины, обезсиливаетъ законы; обезображиваетъ религію, парализуетъ развитіе каждой полезной науки и дѣлаетъ искусства рабами легкомыслія и разврата. Только строгое воспитаніе, одно, создаетъ нравы; при помощи его развивается стремленіе къ изящному, привычка къ порядку. Нравственность должна развить любовь къ отечеству, національную гордость, презрѣніе къ слабости, ко всему неестественному, любовь къ чистой простотѣ, всегда соединяющейся съ другими общественными и гражданскими добродѣтелями и овладѣвающей сердцемъ воспитаннаго юноши. Мужчины должны стать мужчинами, женщины женщинами, каждый отдѣльный классъ каждая группа государства должны быть тѣмъ, чѣмъ предназначены быть. Воспитаніе, это важнѣйшее и существеннѣйшее дѣло государства, достойнѣйшая и неотложная забота правителя! Все остальное легко достижимо, разъ общественное воспитаніе достигло высокой степени совершенства. Законы исполняются строго; религія, во всей величавой простотѣ, остается основой добродѣтели, науки станутъ неизсякаемымъ источникомъ дѣйствительныхъ пріобрѣтеній въ обыденной жизни. Искусства украсятъ жизнь, облагородятъ чувства; каждый гражданинъ останется вѣренъ своему назначенію; общая энергія въ связи съ умѣренностью жизни придастъ спокойствіе и довольство своимъ положеніемъ. Съ того момента, какъ станутъ небрежно относиться къ мѣропріятіямъ, обусловливающимъ правильное воспитаніе, незамѣтнымъ образомъ приходятъ въ безпорядокъ и всѣ остальныя отправленія государственной жизни; упадокъ воспитанія влечетъ за собою деморализацію.

Если во время не открыть источника этого зла и не уничтожить его, неминуемо должны послѣдовать большія усложненія и бѣды для страны".

Эта именно книга — и именно это выписанное мѣсто книги были поводомъ для приглашенія автора ея стать воспитателемъ двухъ принцевъ. Виландъ—авторъ книги и мудрая герцогиня Анна Саксенъ-Веймарская оцѣнила его по достоинству и назначила Виланда воспитателемъ своихъ сыновей, однимъ изъ которыхъ былъ принцъ Карлъ-Августъ. Это было въ 1772 году и принцъ, впослѣдствіи герцогъ, былъ знаменитый другъ геніальнаго Вольфганга Гёте.

Политическое обозрѣніе.

Алеко-Паша и Порта.—Египетскій вопросъ.—Князь Бисмаркъ.—Смерть Гарибальди.

У Порты никакъ, повидимому, не ладятся отношенія съ Алеко-Пашей; недавно между ними пробѣжала кошка. Дѣло въ томъ, что на неоднократныя просьбы князя Вогоридеса о дозволеніи ему посѣтить Европу Порта отвѣчала ему отказомъ, разрѣшивъ ему только поѣздку въ Константинополь; на это генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи отвѣчалъ, что для пріѣзда въ Константинополь онъ въ предварительномъ разрѣшеніи Порты вовсе не нуждается, что для этого ему надо только увѣдомить Порту и что состояніе его здоровья требуетъ поѣздки въ Европу. Согласно органическому уставу генералъ-губернаторъ можетъ быть смѣщенъ въ случаѣ оставленія имъ своего поста безъ разрѣшенія Порты, но увѣряютъ, что не взирая и на это, Алеко-Паша желаетъ выполнить свое намѣреніе. Впрочемъ, въ настоящее время, въ Турціи какъ и вообще въ Европѣ, на первомъ планѣ—египетскій вопросъ; Англія и Франція предложили Портѣ и великимъ державамъ, заинтересованнымъ прямо или косвенно, созвать въ Константинополѣ конференцію посланниковъ, причемъ предложенія, которыя будутъ разсматриваться на этой конференціи, сводятся къ тремъ главнымъ пунктамъ: обезпеченіе верховныхъ правъ султана и хедива, охраненіе вольностей, дарованныхъ турецкимъ фирманомъ и разъясненіе и развитіе инструкцій касательно Египта. Почти всѣ державы уже согласились, но Порта еще не изъявила своего согласія и поторопилась (какъ мы уже сообщали читателямъ) послать въ Египетъ двухъ коммисаровъ для улаженія тамъ всѣхъ затрудненій, командированы Дервишъ-Паша и Лебибъ-бей, вслѣдствіе чего турецкое правительство и отвѣтило, что не находитъ необходимости въ конференціи, если коммисары выполнятъ свое порученіе. Однако, въ принципѣ Турція не отвергаетъ европейскаго совѣщанія и, даже, говорятъ, будто у султана приготовленъ какой-то планъ; Абдулъ-Гамидъ убѣжденъ, что какое-бы соглашеніе ни состоялось, оно состоится отъ его имени и въ рѣшительную минуту онъ намѣренъ выступить на сцену и возвратить халифату его прежнее обаяніе. Какъ это онъ сдѣлаетъ—то его секретъ, котораго уже, конечно, никто не проникнетъ. А между тѣмъ, у Александріи собралось уже 12 англійскихъ и французскихъ броненосцевъ, но кромѣ того, Франція и Англія готовятъ на островѣ Критѣ, въ Судской бухтѣ еще новый отрядъ судовъ; въ бухтѣ этой сосредоточено теперь 10 судовъ; Греція и Италія тоже посылаютъ свои корабли. Что касается Тевфика-Паши, то его положеніе не поколеблено въ Константинополѣ пока; а каково оно въ Каирѣ — трудно сказать съ опредѣлительностью: Араби-Паша, вліяніе котораго, повидимому, довольно сильно, колеблетъ его власть, — но, зато, вожди бедуиновъ недавно явились и выразили ему свою преданность, заявивъ, однако, при этомъ, свое неудовольствіе по поводу европейскаго вмѣшательства. О положеніи въ Каирѣ мы находимъ нѣкоторыя подробности въ интересной корреспонденціи, полученной одною изъ нашихъ газетъ: „Въ Европѣ, говоритъ корреспондентъ, повидимому считаютъ положеніе европейцевъ въ Каирѣ отчаяннымъ, — все это преувеличено, несомнѣнно что дѣла идутъ анормально, но опасности никакой нѣтъ. Англія играетъ здѣсь двойную игру и сама не прочь возбудить волненія (не найдется-ли въ этомъ объясненіе всему), чтобы имѣть возможность занять страну. Англичанъ ненавидятъ въ Каирѣ, по словамъ того-же корреспондента, такъ какъ разные англійскіе выходцы мозолятъ глаза египтянамъ, распоряжаясь дѣлами и наживаясь огромными окладами, достающимися имъ безъ особаго труда. Несмотря на напряженное состояніе въ странѣ, хедивъ, министры и весь каирскій beau-monde катается совершенно спокойно въ Шубрѣ—широкой аллеѣ за городомъ, ведущей къ Нилу. На дняхъ катался тамъ и Араби-Паша въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, слѣдовавшихъ за нимъ въ 4-хъ колясках. На другой день корреспондентъ познакомился съ Араби-Пашей. Онъ производитъ сильное впечатлѣніе; это высокій, плотный мужчина арабскаго типа съ усами, но безъ бороды; лицо его не красиво, но весьма выразительно; умный и энергическій взглядъ говоритъ о твердой волѣ, но въ его лицѣ есть что-то звѣрское; президентъ совѣта министровъ, Махмудъ Буруди гораздо симпатичнѣе; Араби не говоритъ ни слова по французски и съ нимъ немыслимо объясняться безъ переводчика.

Какъ еще не такъ давно все валили на Наполеона III, такъ теперь причина всего—Бисмаркъ; многіе увѣрены совершенно, что онъ и въ египетскомъ вопросѣ тоже играетъ значительную роль. Пока эта роль еще не опредѣлилась, сообщимъ читателямъ, что князь приглашенъ быть однимъ изъ воспріемниковъ, при крещеніи новорожденнаго сына принца Вильгельма; это—великое отличіе, такъ какъ согласно прусскому этикету воспріемниками при крещеніи королевскихъ принцевъ служили до сихъ поръ только особы, принадлежащія къ царственнымъ домамъ; само собою ясно, что эта честь оказывается великимъ заслугамъ, оказаннымъ канцлеромъ Германской имперіи. Братъ императора, принцъ Карлъ упалъ въ Касселѣ съ лошади и сломалъ себѣ ногу; состояніе его здоровья внушаетъ опасенія.

Въ Австро-Венгріи на мѣсто Слави, министромъ финансовъ назначенъ состоявшій въ томъ министерствѣ Каллай.

Италія въ трауръ. Гарибальди умеръ; его смерть была неожиданностью; въ засѣданіи палаты депутатовъ 21 мая, т. е. въ день его кончины, министръ-президентъ Депретисъ заявилъ, что Гарибальди заболѣлъ бронхитомъ, но, что опасности не предвидится, нѣсколько часовъ спустя, пришло извѣстіе о кончинѣ народнаго героя, одного изъ трехъ основателей, такъ сказать, итальянскаго единства (т. е. Виктора-Эммануила, Кавура и Гарибальди). Почти во всѣхъ городахъ въ тотъ день были закрыты магазины и лавки.

Въ Испаніи, около Барселоны, появилось нѣсколько вооруженныхъ инсургентскихъ бандъ и замѣтна агитація въ мѣстностяхъ, преданныхъ Донъ-Карлосу. войска посланы за инсургентами, и уже успѣли захватить въ плѣнъ многихъ изъ нихъ.

Библіографія.

Сочиненія С. М. Соловьева. Спб. 1882. Большой томъ, съ портретомъ автора и снимкомъ почерка. Ц. 3 р. Въ концѣ этой книги приложенъ списокъ сочиненій нашего знаменитаго историка,--и нельзя не подивиться сколько имъ помѣщено статей въ разныхъ газетахъ за сорокъ лѣтъ его дѣятельности, статей самаго серьезнаго значенія. Въ спискѣ около 140 названій; и это писалось, не прерывая его гигантскаго труда — 29 томовъ исторіи. Настоящій томъ имѣетъ особый интересъ, такъ какъ здѣсь собраны всѣ тѣ сочиненія покойнаго историка, въ которыхъ выражаются его основные взгляды и выводы. Въ особенности замѣчательны по законченности и блестящему изложенію „Чтенія о Петрѣ Великомъ", сообщавшіяся покойнымъ историкомъ публично въ Москвѣ передъ 200-лѣтнимъ юбилеемъ великаго преобразователя. Изъ другихъ, здѣсь помѣщенныхъ изслѣдованій и статей, обращаетъ на себя вниманіе „Начала русской земли", „Древняя Россія", „Восточный вопросъ", „Историческія письма" и друг.

Полный карманный путеводитель (съ росписаніемъ лѣтняго движенія) Спб. 1882. Вотъ чрезвычайно удобная по формату для путешественниковъ, очень дешевая (40 к.) изящно изданная и тщательно и полно составленная книжка. Здѣсь свѣденія о всѣхъ желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и прямыхъ почтовыхъ сообщеніяхъ въ Россіи и заграницею. Тутъ есть и подробныя росписанія 1200 маршрутовъ прямаго сообщенія и не дурно отпечатанная подробная карта.

Искуство Средней Азіи. Сост. Н. Е. Симаковымъ. Спб. тетр. II. Мы уже говорили объ томъ небывало великолѣпномъ изданіи Общества Поощренія художествъ. Теперь вышла II тетрадь прекраснаго изданія.

О тульскомъ лѣвшѣ и стальной блохѣ. Разсказъ Н. С. Лѣскова. Спб. 1882. Извѣстная легенда о стальной блохѣ „специально оружейничья" разработана авторомъ съ свойственнымъ ему талантомъ и остроуміемъ. Многіе эпизоды этой легенды, изображающей борьбу нашихъ мастеровъ ружейнаго дѣла съ англійскими, изъ которой борьбы наши выходятъ побѣдоносно, разсказаны очень живо и весело и замѣчательно оригинально, хотя нѣкоторая, быть можетъ излишняя, вычурность языка мѣстами нѣсколько вредитъ цѣльности впечатлѣнія.

Спутникъ по главнымъ городамъ Россіи. Спб. 1882. Теперь путешествіе по Россіи стало не такою рѣдкостью какъ прежде и многіе предпочитаютъ поѣздки напр. по Волгѣ заграничнымъ путешествіямъ. Очень естественно это должно было вызвать необходимость изданія путеводителей, столь разнообразныхъ и многочисленныхъ заграницей и имѣющихъ огромную извѣстность какъ путеводитель напр. Бедекера. Настоящее изданіе удовлетворяетъ въ значительной мѣрѣ этой цѣли. Здѣсь въ каждомъ большомъ городѣ указаны лучшія гостинницы, достопримѣчательности, мѣстныя періодическія изданія, указаны мѣстности извѣстныя здоровымъ климатомъ, цѣлительными водами, кумысомъ и т. п. Тутъ же приложена прекрасная карта желѣзныхъ дорогъ. Туристу очень будетъ полезно запастись такой книгой.

О дѣйствіи массажа. Д-ра Заблудовскаго. Спб. 1882. Массажъ (арабск. валять, мѣсить) механическое дѣйствіе, состоящее въ растираніи, разминаніи руками частей тѣла, чтобы возбудить жизнедѣятельность кожи, кровообращеніе и т. п. что искони практикуется въ баняхъ восточныхъ и нашихъ и огромную пользу массажа авторъ доказываетъ весьма убѣдительно.

Смѣсь.

Русскій огнетушитель Буркгардтъ и Урлаубъ. Вслѣдствіе бывающихъ у насъ въ Россіи частыхъ пожаровъ, происходящихъ большею частью отъ самыхъ незначительныхъ причинъ, — дешевый, общедоступный пожарный аппаратъ, соединяющій въ себѣ простоту, легкость дѣйствія и удобство переноски, особенно нуженъ и будетъ встрѣченъ съ удовольствіемъ всѣми, въ особенности же земскими учрежденіями, домовладѣльцами и помѣщиками. „Русскій Огнетушитель“, Урлауба и Буркгарда удовлетворяетъ этимъ условіямъ и предлагается по весьма умѣренной цѣнѣ т. е. 18 рублей.

Огнетушитель этотъ—насосъ двойнаго дѣйствія съ воздушнымъ колпакомъ, укрѣпленнымъ въ жестяномъ сосудѣ, въ который и наливается вода. Одною рукою приводится въ дѣйствіе поршень, другою же направляютъ черезъ мундштукъ струю воды въ желаемое мѣсто. Въ дѣйствіи онъ до того легокъ, что даже 8-ми лѣтній мальчикъ можетъ свободно, въ случаѣ надобности, управлять имъ. Въ огнетушителѣ должна постоянно быть вода и тогда его можно хранить въ домахъ, въ жилой комнатѣ, конюшнѣ, сараѣ, амбарѣ, на чердакѣ, а также на пароходахъ, въ вагонахъ жел. дорогъ и тому под. Рисунокъ дѣйствія его мы помѣщаемъ на этой страницѣ.

Практическая химія. Значеніе химіи, ея сущность и понятіе о ней выражаются двумя словами: анализъ и синтезъ. Первое происходитъ отъ греческаго слова analyo—раствори, второе отъ слова syn-tithemi—соедини. Анализъ—это разложеніе составнаго тѣла на его составныя части, синтезъ—напротивъ, это соединеніе составныхъ частей тѣла, сдѣлавшихся извѣстными черезъ анализъ въ такой пропорціи и при такихъ посторонних условіяхъ (напримѣръ, теплота, давленіе воздуха и проч.), чтобы искомое тѣло получилось какъ готовый результатъ. Такимъ образомъ анализъ можно уподобить разборкѣ зданія, а синтезъ—отстройкѣ зданія. Ясно, что анализъ сдѣлался извѣстнымъ ранѣе чѣмъ синтезъ; онъ сопряженъ также съ меньшими расходами. Прежде всего разлагали простыя вещества, изслѣдовали отношеніе ихъ первыхъ составныхъ частей, изучали свойства ихъ и опредѣляли особенности. На этомъ изученіи основывается важнѣйшая часть испытанія жизненныхъ припасовъ и предметовъ потребленія. Разлагаютъ молоко, вино, медицинскія вещества и пр. на ихъ составныя части, испытываютъ ихъ особенности (цвѣтъ, густоту, специфическій вѣсъ и пр.) и поэтому становится возможнымъ опредѣлить всякое отступленіе отъ нормальныхъ условій, всякую примѣсь въ продуктѣ.

Если анализъ требуетъ много вниманія и большаго изученія, то синтезъ требуетъ всего этаго несравненно болѣе; до сихъ поръ найдено средство составлять только нѣкоторыя вещества. Такъ напримѣръ составляютъ нѣсколько органическихъ кислотъ, мало примѣнимыхъ на практикѣ, также составляютъ дорогую краску крапъ и индиго, ароматическое масло изъ горчичныхъ зеренъ, цвѣтовъ геліотропа и стручковъ ванили и въ такой степени хорошо, что искуственные продукты не только равняются естественнымъ, но даже превосходятъ ихъ большей концентраціей, силой и соразмѣрностью дѣйствія. Химическій синтезъ не составляетъ ни подделки, ни подражанія, но есть дѣйствительное воспроизведеніе матріи. Но синтетическій процессъ требуетъ такихъ затратъ, что только немногія тѣла, составленныя путемъ синтеза, могутъ соперничать съ продуктами естественными. Гдѣ вопросъ о затратахъ разрѣшенъ, тамъ искуственный продуктъ имѣетъ перевѣсъ надъ продуктомъ природнымъ. Уже много лѣтъ былъ извѣстенъ способъ приготовленія индиго путемъ химическимъ, но до тѣхъ поръ изобрѣтеніе это было безполезно, пока расходы по изготовленію его не сдѣлались ниже цѣны настоящаго индиго.

Для примѣра возьмемъ ваниль и искуственно приготовленный ванилинъ. Анализъ доказалъ, что стручокъ ванили содержитъ только два процента ванилина, т. е. той матеріи, которая составляетъ дорогой ароматъ; все остальное, т. е. 98 процентовъ, состоитъ изъ растительныхъ волоконъ, вмѣстѣ съ растительнымъ масломъ. Поэтому вначалѣ $2^1/_2$ фунта искуственнаго ванилина стоили не менѣе 5.000 рублей—цѣна дѣлавшая изобрѣтеніе непригоднымъ для обращенія не смотря даже на то, что $2^1/_2$ фунт. ванилина равны 150 фунтамъ ванили. Неутомимые опыты привели къ такому упрощенію и улучшенію искуственнаго приготовленія, что теперь $2^1/_2$ фунта ванилина стоятъ отъ 600 до 650 р. и это условіе способствовало распространенію этаго фабриката на всѣхъ шеколадныхъ фабрикахъ. Изъ вышесказаннаго выходитъ, что 20 граммъ ванилина замѣняютъ $2^1/_2$ ф. ванили. Эти 20 граммъ стоятъ отъ 12 до 13 рублей; но такъ какъ настоящая ваниль гораздо дороже, то не удивительно, что ее замѣняютъ составленнымъ химически ванилиномъ. Такимъ то образомъ человѣкъ проникаетъ въ тайны природы, но конечно есть границы, за которыя онъ никогда не въ состояніи будетъ перейти.

Огнетушитель.

Фотографіи съ птицъ во время ихъ полета. Французскому физіологу профессору Марей удалось фотографировать птицъ во время ихъ полета, причемъ каждое отдѣльное движеніе полета получается въ одну тысячную секунды. Изобрѣтеніе это интересно въ томъ отношеніи, что до сихъ поръ не существовало точнаго представленія, изъ какихъ движеній составляется полетъ птицъ. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, профессору Марей удалось въ подробностяхъ прослѣдить полетъ птицъ по фотографіямъ, воспроизведеннымъ помощью аппарата, снабженнаго револьвернымъ механизмомъ, имѣющимъ форму ружья и которымъ цѣлятся въ птицу. При помощи этаго аппарата въ секунду получается двѣнадцать изображеній, изъ которыхъ каждое для воспроизведенія его требуетъ $^1/_{700}$ секунды. При употребленіи бромисто-серебряныхъ пластинокъ изъ желатина, время это ($^1/_{700}$ секунды) вымѣренное хронографомъ, достаточно даже въ туманные дни; въ дни свѣтлые для воспроизведенія изображенія достаточно $^1/_{1500}$ секунды.

Сердца рудокоповъ. Въ маленькой лавочкѣ въ Монтанѣ — странѣ рудниковъ, родилось первое бѣлое дитя. Мать его послѣдовала за мужемъ изъ Соединенныхъ Штатовъ и перенесши много невзгодъ наконецъ подарила его мальчикомъ. Это было здѣсь такимъ большимъ событіемъ, что по этому случаю празднества продолжались цѣлую недѣлю. Суровые рудокопы бросали полныя горсти золота въ колыбель малютки, которая почти совсѣмъ была имъ засыпана. Одинъ рудокопъ далъ нѣсколько горстей золота, причемъ сказалъ, что хочетъ хотя разъ слышать дѣтскій крикъ, котораго онъ не слышалъ нѣсколько лѣтъ. Видъ этихъ загорѣлыхъ, бородатыхъ людей, собравшихся вокругъ колыбели ребенка, представлялъ трогательное зрѣлище, пишетъ корреспондентъ; многіе изъ нихъ плакали, одинъ просилъ позволенія подержать малютку на рукахъ хотя одинъ разъ, другой хотѣлъ видѣть какъ онъ пьетъ молоко изъ бутылки. Когда ребенокъ заболѣлъ, работы прекратились до тѣхъ поръ пока ему не сдѣлалось лучше. Вотъ чувства людей, удаленныхъ отъ семьи.

„Земноводный" экипажъ поставленный не на колесахъ, но на шарахъ, возбуждалъ недавно въ Нью-Іоркѣ общее вниманіе. Съ удивленіемъ смотрѣли всѣ на этотъ странный экипажъ, свободно двигавшійся на парахъ по шоссе и затѣмъ безъ задержки продолжавшій путь по водѣ, какъ по сушѣ. Новое это изобрѣтеніе названо „Фрейеръ". по имени изобрѣтателя; дѣйствительно, оно одинаково хорошо движется паромъ по водѣ и по сушѣ, но главное назначеніе его для передвиженій на водѣ. Фрейеръ утверждаетъ, что изобрѣтеніе его очень пригодно для прѣсныхъ водъ, такъ какъ нечего опасаться мелей; шарообразныя колеса устраняютъ возможность стать на мель. Новымъ этимъ устройствомъ достигается кромѣ того большое сбереженіе силы. Шары внутри полые, а потому держатъ весь экипажъ надъ водою, чѣмъ устраняется сопротивленіе отъ тренія, какъ это бываетъ съ кораблями, идущими глубоко въ водѣ. Новый этотъ экипажъ не предназначенъ еще для практическаго примѣненія; это только большихъ размѣровъ модель, долженствующая наглядно доказать возможность устройства корабля идущаго не *въ водѣ*, а *по водѣ*. „Фрейеръ" вѣситъ около 120 пуд.

Земляное пиво. Странное происшествіе, случилось въ Франклинѣ, въ одномъ изъ городовъ петролейной области Соединенныхъ Штатовъ. На берегу ручья тамъ находился холмъ, дававшій очень много нефти. Въ особенности посчастливилось фирмѣ „Реаль и сынъ", нашедшей обильный источникъ, который черезъ нѣкоторое время изсякъ. Тогда фирма поручила работникамъ заложить буравъ глубже. И когда это было сдѣлано и вставленъ насосъ, то дорогая жидкость полилась снова изобильно. При этомъ однако замѣтили, что жидкость имѣетъ какой то странный цвѣтъ и запахъ и не зажигается при приближеніи огня. Одинъ изъ болѣе смѣлыхъ работниковъ вздумалъ попробовать жидкость; но попробовавъ нѣсколько капель онъ приложился къ трубѣ и сталъ пить съ жадностью. Товарищи его изъ боязни, чтобы онъ не причинилъ себѣ вреда, силою оттащили его отъ насоса. Но любопытство ихъ одолѣвало и они поочередно стали тоже прикладываться къ трубѣ, и спустя часъ лежали всѣ безъ сознанія. Вѣсть о томъ, что у источника Реаля происходитъ что-то необыкновенное, быстро разнеслась. Всѣ живущіе вблизи стали приходить и пробовать удивительный напитокъ и вскорѣ испробовавшіе его падали и теряли сознаніе. Наконецъ къ источнику пришелъ и самъ Реаль со стоимъ управляющимъ и оба они были поражены представившимся имъ зрѣлищемъ. Управляющій попробовалъ жидкость и сказалъ что она вкусомъ совершенно походитъ на пиво. Поспѣшно было послано за пивоваромъ Гросманомъ, знатокомъ пива. Испробовавъ жидкость пивоваръ воскликнулъ: „Боже! да это пиво, мое пиво; они пробуравили мой погребъ!" Дальнѣйшія разслѣдованія показали, что пивоваръ не ошибся; былъ осмотрѣнъ погребъ, въ которомъ наибольшая бочка въ 2,000 ведеръ была почти совершенно уже пуста. Потребители пива послѣ нѣкотораго времени пришли въ себя.

Обезьяна у дантиста или вѣрнѣе дантистъ у обезьянъ—это новѣйшая идиллія зоологическаго сада въ Регентъ-Паркѣ въ Лондонѣ. У большого павіана распухла щека, мрачный сидѣлъ онъ въ углу, стоналъ и прижималъ руку къ больному мѣсту. Пищи онъ вовсе не принималъ, однимъ словомъ держалъ себя какъ человѣкъ, страдающій зубной болью. Тогда одинъ членъ общества покровительства животныхъ уговорилъ врача вырвать у бѣднаго павіана больной зубъ. Но тотъ былъ очень угрюмъ и только по уговору своего любимаго сторожа позволилъ положить передъ собою тряпочку съ хлороформомъ. Хлороформъ повидимому понравился ему запахомъ и вкусомъ и онъ сталъ слизывать капли съ полотна и такимъ образомъ уснулъ. Мистеръ Гаммондъ открылъ у него ротъ и увидѣлъ испорченный зубъ, который, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, былъ вытащенъ гораздо ранѣе нежели павіанъ проснулся. Проснувшись обезьяна стала опять рѣзвой, но очень казалась удивленной пустымъ мѣстомъ во рту. Показанный ей зубъ она отбросила отъ себя и завтракала съ аппетитомъ.

Игры и задачи

Рѣшеніе задачи ходъ коня № 32.

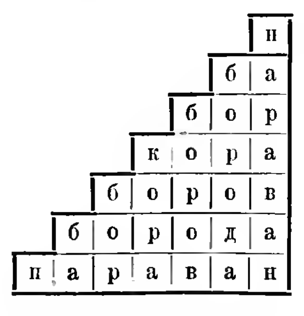
							32	37							
					31	22	29	26	33	38					
					28	25	34	23	36	41					
			19	136	21	30	27	94	39	62	71	42			
			16	9	18	95	24	35	72	97	40	61			
	15	8	135	20			93	96			63	70	43	60	
	134	13	10	17			106	73			98	45	64	69	
14	7	110	133	12	107	92			105	74	65	68	47	44	59
5	132	11	108	111	128	103			90	99	46	75	52	67	48
	109	6	127	2			91	104			53	66	49	58	
	4	131	112	129			102	89			100	57	76	51	
			3	126	1	114	85	118	101	54	79	50			
			130	113	84	117	88	123	80	119	56	77			
					125	86	115	120	55	78					
					116	83	124	87	122	81					
							121	82							

Тѣнь высокаго дуба
Голосистая птичка любила:
На вѣтвяхъ, переломленныхъ бурей,
Одинокій покой находила.
И, какъ будто бы старому дубу
Было внятно ея щебетанье,
Веселѣй его вѣтви качались,
И слышнѣй было листьевъ шептанье.
Улетѣла-ль веселая птичка,
Или слабую бурей умчало.
Только въ листьяхъ высокаго дуба
Неуютно и холодно стало.
И стоитъ онъ, склоняясь вѣтвями,
Весь наполненъ тоской и истомой,
Вспоминая любимую птичку,
Сиротѣя безъ пѣсни знакомой.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: отъ гг. Спб.—Волоцкой, Кавелина, Москва—Матвѣева, Дружинина, Шварева, Варшава—Блюмбергъ, Вел. Луки—Нотылицина, Кіевъ—Лангельшельдъ, Ревель—Отоцкаго.

Рѣшеніе магическаго треугольника № 33.

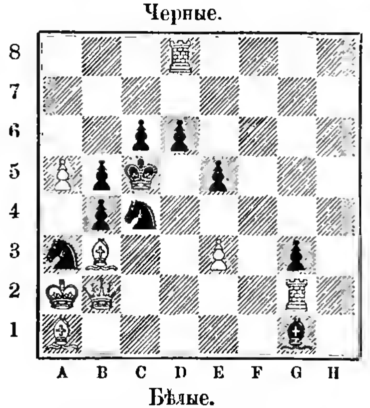
Рѣшеніе магическаго треугольника № 34.



Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано отъ г. Боронина въ С.-Петербургѣ.

Шахматная задача № 44.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 3 хода.

Рѣшен. шашечн. задачи № 35.

Бѣлые.	Черные.
d 6 — c 7	b 6 — d 8
e 5 — b 8	a 1 — g 7
e 1 — d 2	d 8 — f 6
d 2 — g 5	f 6 — h 4
b 8 — e 5	g 7 — g 1
a 3 — b 4	h 4 — f 2
b 4 — e 1	и дам а и шашка черныхъ заперты.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: отъ гг.: Суходаева въ Дмитровѣ и Ботошева-Зыбина въ Тулѣ.

Заявленіе.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги только за **первое полугодіе,** поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе.** Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, **большой картины Профессора В. И. Якобія „Дорогой гость", слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ однаго города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.**

Редакторъ Ф. Берг. Издатель **А. Ф. Марксъ.**

При этомъ № прилагается для гг. иногор. подп. (за исключен. московскихъ) прейсъ-курантъ отъ чайн. магаз. К. Е. Киселева въ Москвѣ

Дозволено цензурою. СПБ. 3 іюня 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ — годъ XIII

№ 24 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 12 Іюня 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Джузеппе Гарибальди.

† Мая 21-го вечеромъ скончался, на принадлежавшемъ ему островѣ Капрерѣ, одинъ изъ замѣтнѣйшихъ современныхъ историческихъ дѣятелей, генералъ Джузеппе Гарибальди. При полученіи въ Римѣ извѣстія о кончинѣ маститаго итальянскаго героя, спектакли въ театрахъ были прерваны. Въ засѣданіи итальянской палаты депутатовъ президентъ на слѣдующій день увѣдомилъ о кончинѣ Гарибальди, засѣданія палаты пріостановлены на 10 дней и наложенъ двухмѣсячный трауръ; на о. Капреру выѣхали депутаціи для погребенія, въ церемоніалѣ котораго будутъ участвовать всѣ члены палаты. Издержки погребенія принимаются на счетъ казны, въ залѣ палаты помѣщается памятная мраморная доска, будетъ поставленъ памятникъ герою Италіи и назначается пенсія въ 60,000 фр. семьѣ покойнаго. Лавки и магазины въ Палермо, Генуѣ, Неаполѣ, Веронѣ и другихъ городахъ были 21-го мая закрыты, а въ Римѣ, Неаполѣ и Генуѣ закрыты биржи и повсюду подняты траурные флаги. При гробѣ Гарибальди поставленъ почетный караулъ. Согласно завѣщанію покойнаго, трупъ его будетъ сожженъ.

Джузеппе Гарибальди. † 21 мая. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

Человѣкъ почтённый такими знаками вниманія и почтенія всей страны, былъ главнымъ дѣятелемъ объединенія своего разрозненнаго отечества и ему принадлежитъ завидная честь признанія заслугъ его при жизни. Джузеппе Гарибальди родился въ Ниццѣ въ 1807 году и въ ранней молодости началъ свою тревожную жизнь службою въ торговомъ флотѣ. Въ 1831 году Мадзини, первый началъ дѣятельность по объединенію родины, кончившуюся неудачей, причемъ и Гарибальди долженъ былъ бѣжать. Долго служилъ онъ на французскихъ судахъ, затѣмъ служилъ въ войскахъ южно-американскихъ республикъ, но въ апрѣлѣ 1848 г., при первыхъ слухахъ о движеніи умовъ въ Италіи, поспѣшилъ на родину, гдѣ между тѣмъ дѣла уже близились къ развязкѣ. Карлъ Альбертъ отказался отъ его услугъ.

Затѣмъ въ 1849 году онъ сражался противъ французовъ и австрійцевъ, былъ арестованъ, бѣжалъ въ Тунисъ, откуда снова переѣхалъ въ Америку, пустился тамъ въ спекуляціи, нажилъ деньги, на которыя въ 1854 году и купилъ остр. Капреру, гдѣ жилъ, занимаясь земледѣліемъ, пока въ 1859 г. событія не вызвали его на историческую сцену.

Гарибальди получилъ начальство надъ альпійскими стрѣлками, съ которыми и открылъ дѣйствія противъ французско-итальянскихъ войскъ, и одержалъ побѣду при Варезе, взволновавшую всю Ломбардію. Послѣ битвы при Сольферино заключенъ былъ Вилла-Франкскій миръ. Тутъ Гарибальди вступилъ въ войска средне-итальянскихъ государствъ и хотѣлъ перенести войну прямо въ папскія владѣнія, но Сардинія его до этого не допустила и онъ съ неудовольствіемъ удалился на Капреру. Между тѣмъ началось движеніе въ Сициліи. Съ 1.000 только человѣкъ приверженцевъ, на двухъ пароходахъ высадился онъ 11-го мая близь Марсалы, 14-го мая сталъ диктаторомъ, на слѣдующій день одержалъ побѣду при Каталафими, послѣ нѣсколькихъ сраженій утромъ 27-го явился съ восточной стороны Палермо и занялъ островъ. Затѣмъ высадка къ Капо-дель-Арми, побѣда близь Реджіо и вступленіе въ Неаполь. Послѣ перехода войскъ Гарибальди въ Калабрію, населеніе Неаполя привѣтствовало Виктора-Эммануила какъ короля Италіи; отъ диктатуры Гарибальди отказался и 9-го ноября вернулся на Капреру.

Ставъ членомъ Итальянскаго парламента, онъ не пользовался правами этого званія, а въ 1862 г., послѣ движенія въ Соренто, высадился въ Сициліи, чтобы начать дѣло завоеванія Рима, но это не удалось и не могло удасться. Генералъ завладѣлъ Катаною, а 29 го августа въ сраженіи при Аспромонте былъ тяжело раненъ. Признанный военноплѣннымъ и заключенный въ Специю, 5-го октября онъ былъ помилованъ и больной поселился на Капрерѣ, когда безпокойный духъ его, привыкшій къ волненію и тревожной жизни, увлекъ его въ новую поѣздку въ Англію въ 1864 году, памятную поѣздку, бывшую для раненаго героя рядомъ овацій. Въ палатѣ депутатовъ въ Неаполѣ онъ произнесъ только одну незначительную рѣчь противъ присоединенія Ниццы къ Франціи. Въ событіяхъ 1866 года, завершившихся освобожденіемъ Венеціи, Гарибальди принималъ самое второстепенное участіе и неудачное. При Монте-Спелло онъ былъ раненъ 7-го іюня а 21-го іюня разбитъ на голову австрійскими войсками. Но онъ не успокоивался. Опять, уже противно всякимъ соображеніямъ благоразумія, онъ затѣялъ вторженіе въ папскую область. Тутъ по распоряженію министерства Ратацци его арестовали и водворили на Капрерѣ, откуда онъ бѣжалъ во Флоренцію, опять возбуждая движеніе. Онъ собралъ отрядъ, разбилъ папскія войска и двинулся къ Риму, но при Ментанѣ понесъ пораженіе и былъ арестованъ и опять отосланъ на Капреру въ 1867 г.

Затѣмъ его дѣятельность болѣе обнаруживаетъ безпокойство духа героя, чѣмъ цѣлесообразность. Онъ все болѣе переходитъ на сторону республиканцевъ, пишетъ прокламаціи противъ папы и послѣ Седанской катастрофы предлагаетъ чужому, французскому „правительству обороны" свои услуги, высаживается въ Марсели, гдѣ республиканское правительство дѣлаетъ его корпуснымъ командиромъ, чѣмъ обидѣлись многіе французскіе генералы и вышли въ отставку. Дѣла, которыя Гарибальди имѣлъ съ прусскими войсками, были незначительны, а заключенное перемиріе заставило его кончить свои дѣйствія. Онъ сталъ представителемъ четырехъ департаментовъ чуждой страны. Въ палатѣ его встрѣтили холодно, какъ чужеземца и онъ отказался какъ отъ званія депутата, такъ и отъ командованія войсками.

Въ 1873 году Гарибальди очутился въ затруднительномъ положеніи и долженъ былъ заложить свой островъ Капреру. Въ палатѣ ему назначили пожизненную пенсію въ 50.000 фр., но Гарибальди письмомъ въ газетахъ отказался принять эту пенсію, по соображеніямъ имъ изложеннымъ. Онъ потомъ былъ депутатомъ отъ округовъ Рима, гдѣ ему по пріѣздѣ его устраивали манифестаціи. 28-го января онъ видѣлся съ Викторомъ-Эммануиломъ, и великодушный король-рыцарь, забывая всѣ весьма рѣзкія выходки стараго героя противъ его правительства и помня только его заслуги, обнялъ его всенародно и ввелъ въ залу государственнаго совѣта. Однако и послѣ этого Гарибальди продолжалъ свою оппозицію. Онъ требовалъ въ публичной рѣчи возстановленія республики, однако въ 1876 г. при Депретисѣ объявилъ, что доволенъ дѣйствіями правительства и „соглашается принять" національный даръ въ извѣстную сумму. Женатъ Гарибальди былъ два раза и отъ перваго брака у него сынъ Менотти и дочь Тереза, вышедшая за Медести замужъ; въ 1879 г. онъ хлопоталъ о разводѣ со второй женой, Раймонди, чтобы усыновить незаконныхъ дѣтей, прижитыхъ имъ послѣ, но судъ отказалъ ему въ этомъ ходатайствѣ.

Въ концѣ прошлаго года Гарибальди опасно заболѣлъ и по совѣту врачей въ мартѣ нынѣшняго года переселился изъ Капреры въ Неаполь, гдѣ настолько поправился, что могъ съѣздить въ Палермо. Вездѣ престарѣлаго героя объединенія Италіи народъ встрѣчалъ самымъ восторженнымъ образомъ. Эти восторженныя встрѣчи, оказалось, были какъ бы прощальными оваціями. Вернувшись на Капреру, Гарибальди снова заболѣлъ и на этотъ разъ смертельно.

Гарибальди въ свободное время предавался и литературной дѣятельности, но его романы „Волонтеръ Контони", „Владычество монаха" и „Тысяча" показываютъ только, что это быль совсѣмъ не его родъ дѣятельности. Ихъ слѣдуетъ назвать плохими.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

III.

Дорогіе гости.

Цесаревичъ вернулся къ себѣ значительно успокоенный. Онъ самъ, вслѣдствіе своей болѣзненной раздражительности, которая усиливалась въ немъ съ каждымъ годомъ, былъ способенъ на быстрое, необдуманное рѣшеніе, но стоило этой раздражительности утихнуть, стоило его гнѣву пройти (а гнѣвъ его проходилъ быстро), и онъ тотчасъ же сознавалъ ошибку и спѣшилъ ее исправить. Передъ нимъ всегда стоялъ идеалъ справедливости, которому онъ страстно поклонялся. Его сердце способно было чутко понимать такія тонкости, которыя были совсѣмъ недоступны для многихъ людей, всегда спокойныхъ, считающихся добрыми и справедливыми. При этомъ почти всю жизнь, чувствуя себя несчастливымъ, онъ пуще всего любилъ быть устроителемъ чужаго счастья. Внезапная радость на человѣческомъ лицѣ, за минуту передъ тѣмъ грустномъ и страдающемъ, радость, причиною которой былъ онъ, составляла его любимое зрѣлище и вотъ, когда ему предстояло доставить себѣ такое зрѣлище, онъ забывалъ всѣ собственныя тревоги и заботы, отгонялъ свои мрачныя мысли, входилъ въ чужую жизнь и дѣятельно работалъ надъ благомъ ближняго.

Уединенная жизнь, почти полное отсутствіе живой дѣятельности, въ которой онъ не принималъ участія не по своей винѣ, развили въ немъ большую мечтательность; его нервность, его съ дѣтства пылкое и яркое воображеніе способствовали этому. Передъ нимъ постоянно носились красивыя картины блаженной жизни и поэтому онъ любилъ форму, любилъ эффекты... Но вѣдь эффекты нисколько не мѣшали благополучію близкихъ ему людей: они тѣшили его, ничего не отнимая отъ добраго дѣла, котораго онъ былъ устроителемъ.

Такъ и теперь онъ уже нарисовалъ себѣ яркую картину и тотчасъ же возвратясь въ Зимній дворецъ присѣлъ за письменный столъ и написалъ великой княгинѣ:

„Другъ мой, успокойте княжну и немедленно пріѣзжайте съ нею въ Петербургъ."

Съ этой запиской былъ посланъ въ Гатчину нарочный.

Великая княгиня не заставила себя ждать. Она тотчасъ же пустилась въ путь въ сопровожденіи Тани и

карлика. По запискѣ цесаревича была доставлена часовъ въ шесть и, хотя сборы были недолги, все же они пріѣхали только поздно вечеромъ.

Цесаревичъ встрѣтилъ ихъ очень довольный.

— Благодарю, сказалъ онъ великой княгинѣ, я не ожидалъ васъ ранѣе завтрашняго утра, хорошо сдѣлали, что не испугались поздняго времени. Карликъ съ вами? Нужно позвать его.

— Я не стану томить васъ, княжна, обратился онъ къ Танѣ,—у васъ слишкомъ усталое и блѣдное лицо, но мой разсказъ надѣюсь оживитъ васъ. Потомъ вы хорошенько выспитесь, на утро будете свѣжи и прекрасны какъ всегда и своимъ блескомъ озарите несчастнаго узника.

Таня ничего не спрашивала, она знала цесаревича и видѣла, что онъ сейчасъ самъ все разскажетъ.

Въ эту минуту вошелъ Моська. Онъ зорко всмотрѣлся въ лицо цесаревича и подумалъ весело:

— Ну, слава тебѣ Господи, авось вѣсти не дурныя!

Вѣсти дѣйствительно оказались не дурныя, а главное для Тани было то, что теперь явилась возможность увидать Сергѣя—покуда ей только это и было нужно.

Разъ она съ нимъ, она уже ничего не боится.

— А какъ же мнѣ то теперь быть? робко спросилъ Моська.

— Тебѣ какъ быть, сударь! шутливо обратился къ нему цесаревичъ,—а никуда носу не показывать. Ты опять арестованъ... здѣсь у меня арестованъ и коли вздумаешь, какъ вчера, спаивать караульныхъ да замышлять побѣгъ, я съ тобой раздѣлаюсь какъ слѣдуетъ. Тогда ужь не жди отъ меня пощады!

— Ваше императорское высочество, окажите божескую милость, засматривая ему въ глаза лепеталъ карликъ, успокойте мою душу, скажите—что-же теперь Сергѣю-то Борисычу? ничего не будетъ? Арестъ-то скоро снимутъ?

— Ну этого я не могу сказать тебѣ—я почемъ знаю! Можетъ ему что и будетъ—его еще допросить надо, а коли виноватъ такъ и казнить.

— Да кто же его допрашивать то будетъ? не зная пугаться или нѣтъ, спросилъ Моська.

— Я буду допрашивать.

Карликъ успокоился и съ глубочайшимъ старомоднымъ поклономъ вышелъ изъ комнаты.

На слѣдующее утро очень рано карета цесаревича подъѣхала къ дому Горбатова. Быстро распахнулись дверцы, быстро мелькнула мужская фигура въ треугольной шляпѣ и за нею фигура стройной женщины.

Большая зеркальная дверь отворилась, но караульные загородили входъ.

Цесаревичъ поднялъ голову, крикнулъ: „не узнаете?“ и, взявъ Таню подъ руку, прошелъ мимо изумленныхъ и вытянувшихся въ струнку солдатъ.

Въ домѣ было все тихо; прислуга бродила неслышно, испуганная, недоумѣвающая, пораженная странными обстоятельствами послѣднихъ дней. Все имѣло такой видъ какъ будто въ домѣ или тяжко больной, или покойникъ.

Такое же впечатлѣніе было произведено на Таню и у нея невольно сжалось сердце.

Цесаревичъ остановилъ перваго попавшагося ему лакея.

— Гдѣ Сергѣй Борисычъ? спросилъ онъ.

— Почивать изволятъ! отвѣчалъ совсѣмъ оторопѣвшій лакей.

— Ступай, доложи, что его дожидаются по важному дѣлу, что очень спѣшно и нужно. Только не смѣй говорить кто дожидается, а спросить—отвѣчай: „невѣдомо какой господинъ.“ Скажи—„генералъ“, слышишь? понялъ?

— Слушаюсь-съ ва... ва... ва... отвѣчалъ лакей, имѣвшій случай прежде видѣть цесаревича и его узнавшій.

— Поздно встаетъ! замѣтилъ цесаревичъ Танѣ,—теперь туалетъ свой будетъ дѣлать, избаловался... petit-maitre... намъ дожидаться придется. Смотрите, вы отучите его отъ такой лѣности, когда здѣсь хозяйкой будете.

Таня вся вспыхнула. Она теперь чувствовала себя совсѣмъ счастливой, она теперь знала, что онъ живъ и здоровъ, иначе вѣдь лакей сказалъ бы.

Цесаревичъ своимъ мѣрнымъ, военнымъ шагомъ прохаживался съ ней по большой роскошной залѣ, въ которой они остались.

— Я въ первый разъ въ этомъ домѣ, говорилъ онъ, хорошій домъ, обратите вниманіе, хозяюшка. Эхъ! да и вы тутъ избалуетесь въ такой роскоши, послѣ нашего гатчинскаго убожества!

— Не избалуюсь, прошептала Таня, едва слушая что̀ говоритъ цесаревичъ.

Она вся была ожиданіе. Но ждать пришлось недолго.

Сергѣй уже давно всталъ и былъ готовъ, когда ему доложили, что неизвѣстный генералъ его спрашиваетъ по важному, спѣшному дѣлу.

Шевельнулась наконецъ тяжелая драпировка и на порогѣ залы показалась его стройная фигура.

Блѣдный, мрачный онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и съ невольнымъ крикомъ кинулся на встрѣчу подходившимъ къ нему цесаревичу и Танѣ.

— Таня! Ваше высочество!

Онъ совсѣмъ растерялся. Онъ крѣпко сжалъ руку Тани и въ невольномъ порывѣ припалъ губами къ протянутой ему рукѣ цесаревича.

— Такъ вы явились спасти меня! шепталъ онъ, я ждалъ васъ... я предчувствовалъ это...

— Ну, сударь, теперь не до нѣжностей, принимая на себя суровый тонъ, сказалъ цесаревичъ,—проводи куда нибудь гдѣ сѣсть можно.

И пока Сергѣй показывалъ имъ дорогу онъ продолжалъ:

— Спасать тебя! Я не знаю еще удастся ли это и заслуживаете ли вы этого, сударь? Знаете-ли вы какія тяжкія на васъ обвиненія?

— Ничего не знаю, ваше высочество, я знаю отъ кого они происходятъ, кто авторъ этого нанесеннаго мнѣ оскорбленія—это я знаю, а остальное мнѣ неизвѣстно. Меня лишили свободы, у меня отобрали всѣ мои бумаги и только благодаря преданности моего вѣрнаго карлика, я могъ послать вѣсти въ Гатчину. Меня стерегутъ какъ звѣря, какъ висѣльника.

— А вы чувствуете себя невиннымъ, такъ что-ли?

— Конечно, ваше высочество, никакой вины за собою не знаю.

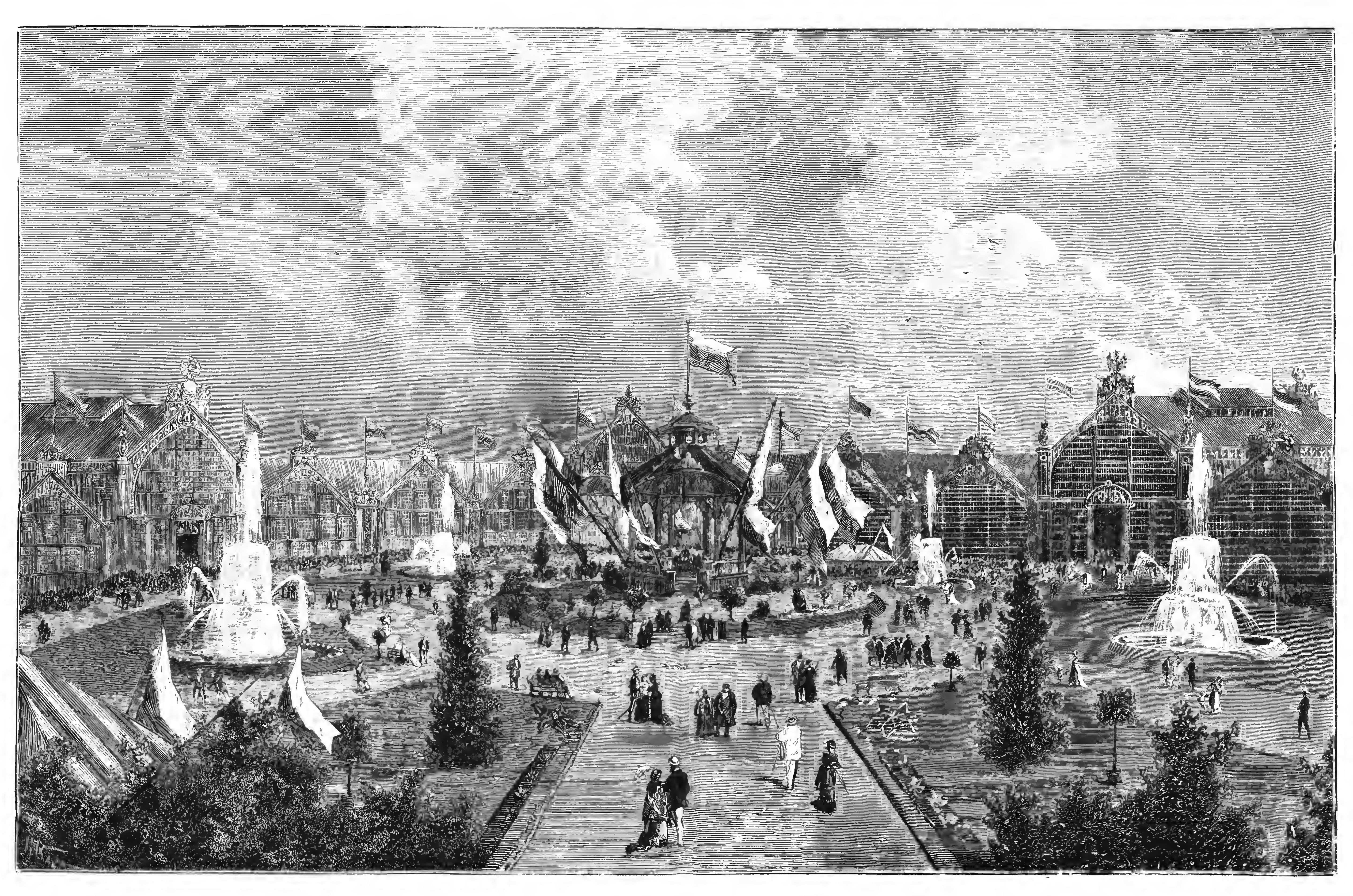
— Хочу вѣрить, что такъ, но вѣдь говорятъ: нѣтъ дыму безъ пламени, къ чему нибудь да прицѣпились. Помоги же мнѣ разъяснить вопросъ этотъ.

И цесаревичъ передалъ Сергѣю въ чемъ состоятъ возведенныя на него обвиненія.

Сергѣй слушалъ съ глубокимъ негодованіемъ. Онъ ожидалъ чего угодно, но не этого. Онъ думалъ, что на него возведена все та же басня о его волтерьянствѣ—волтерьянствѣ въ томъ смыслѣ, какой получило это слово въ послѣдніе годы въ Россіи. Онъ думалъ, что его обвиняютъ въ сношеніяхъ съ дѣятелями французской революціи, съ якобинцами, что въ обвиненіяхъ этихъ фигурируетъ имя Рено—но такого обвиненія онъ не ждалъ и сразу понялъ всю злобу Зубова, всѣ его разсчеты.

— Откуда же могло произойти это? спрашивалъ цесаревичъ.

— Откуда? Изъ того, что я дѣйствительно былъ три раза у лорда Витворта, которому привезъ изъ Лондона письма отъ его двоюроднаго брата, съ которымъ постоянно встрѣчался въ Лондонскомъ обществѣ. Лордъ



Московская художественно-промышленная выставка. Внутренній видъ главнаго круглаго зданія. Ориг. рис. нашего спеціальн. корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Витвортъ, какъ вашему высочеству хорошо извѣстно, человѣкъ умный, интересный и я съ большимъ удовольствіемъ съ нимъ бесѣдовалъ. Я вѣроятно тоже представлялъ для него интересъ, такъ какъ долгое время прожилъ въ Лондонѣ и только что оттуда вернулся. Онъ мнѣ былъ благодаренъ за доставленныя ему мною письма и посылки. Онъ возвратилъ мнѣ визитъ—вотъ и все.

— Да, конечно, проговорилъ цесаревичъ, иного я и не думалъ. Все это очень естественно, но мнѣ нужно спросить тебя и отвѣчай мнѣ совсѣмъ искренно—отъ этого много зависитъ—что заключается въ отобранныхъ у тебя бумагахъ? увѣренъ ли ты, что въ нихъ не найдется ничего, что бы могло повредить тебѣ, тебя компрометировать?

Сергѣй задумался.

— Мнѣ очень тяжело, сказалъ онъ, что эти бумаги попали въ такія руки. Изъ этихъ бумагъ выяснится вся моя жизнь и всѣ ихъ, отъ первой до послѣдней, я, безъ малѣйшаго колебанія, могъ бы отдать вашему высочеству... но онѣ у Зубова. Между ними находится мой дневникъ, онъ не понравится Зубову—я всегда бесѣдовалъ съ собою откровенно.

— Твой дневникъ... дневникъ, нахмурившись повторилъ цесаревичъ, очень нужно было писать его! Этимъ, сударь, только дѣвицы отъ скуки занимаются, а у васъ слава Богу могли найтись и посерьознѣе занятія. Дневникъ... очень нужно было писать его! Богъ васъ знаетъ, сударь, что вы тамъ наболтали—вотъ теперь на себя и пеняйте! Какъ бы этотъ дневникъ не погубилъ васъ! Тому бывали примѣры...

Мысли его невольно вернулись ко времени его дѣтства, онъ вспомнилъ своего перваго воспитателя, молодого талантливаго Порошина, который былъ удаленъ отъ двора и преждевременно погибъ главнымъ образомъ потому, что имѣлъ обыкновеніе откровенно бесѣдовать съ собою каждый вечеръ.

— Я могу только повторить, сказалъ Сергѣй, замѣтивъ тревожный взглядъ Тани, что въ дневникѣ моемъ не найдется ничего преступнаго. Онъ можетъ только поднять желчь въ господинѣ Зубовѣ, только въ немъ одномъ... но вѣдь онъ не станетъ отъ этого злѣе. Увеличить его злобу на меня ничто уже не можетъ.

Цесаревичъ всталъ со своего мѣста и началъ ходить по комнатѣ.

— Ну заранѣе сказать трудно, тамъ будетъ видно.

Онъ подошелъ къ двери, ведшей изъ маленькой гостиной, гдѣ они находились, въ рабочій кабинетъ Сергѣя.

Онъ заглянулъ и увидѣлъ обширную комнату, заставленную книжными шкафами.

— Это что-же, твоя библіотека, сударь? обернувшись спросилъ онъ Сергѣя.

— Да, ваше высочество, половина этихъ книгъ собрана мною еще прежде, привезена изъ деревни, затѣмъ много вывезено изъ-за границы.

Цесаревичъ поморщился.

— Воображаю сколько вздору тамъ теперь печатается! Навѣрное много сочиненій вредныхъ по своему духу.

— Не думаю, ваше высочество, я выбиралъ книги осмотрительно, да и наконецъ все что найдено предосудительнымъ—задержано. Три ящика съ книгами я такъ и не получилъ.

Павелъ взглянулъ на часы.

— Еще рано, сказалъ онъ, я даю вамъ четверть часа времени, побесѣдуйте! А я все-же самъ процензурую твою библіотеку. Давай ключи.

— Шкафы отперты, ваше высочество.

Павелъ прошелъ въ кабинетъ, заперъ за собою дверь. Сергѣй и Таня остались вдвоемъ, въ тишинѣ маленькой красивой гостиной.

Добрый волшебникъ не хотѣлъ мѣшать имъ своимъ присутствіемъ. Они это хорошо поняли.

— Таня! Таня! прошепталъ Сергѣй беря ея руки и покрывая ихъ поцѣлуями,—вы здѣсь, у меня, наконецъ-то! Вы спасаете меня отъ отчаянія, которому я невольно сталъ предаваться. Судьба положительно смѣется надо мною, ужь теперь-то я не ждалъ такой бѣды, я ждалъ чего угодно, только не ареста въ своемъ домѣ... и когда!—ну, какъ-же это не насмѣшка!—въ ту самую минуту когда я собрался ѣхать къ вамъ по вашему зову. Что вы должны были думать! Какъ объясняли вы себѣ мое отсутствіе, мое молчаніе? Впрочемъ нѣтъ — мнѣ не надо знать это, теперь это не интересно. Вы здѣсь—все объяснилось, вы здѣсь — и этимъ вы отвѣчаете мнѣ на всѣ мои вопросы. Таня, наконецъ-то!.. Таня, вы забыли все? вы простили то, въ чемъ считали меня виноватымъ передъ вами? Мы вѣдь не разстанемся больше? Да? скажи мнѣ, моя дорогая!..

Она глядѣла на него совсѣмъ блѣдная, но несмотря на эту блѣдность отъ нея вѣяло счастьемъ, глаза ея блестѣли, она жадно вслушивалась въ слова его.

— Да, да, шепнула она склоняясь надъ нимъ и улыбнувшись ему съ такой лаской, съ такой страстью, что онъ привлекъ ее къ себѣ и они долго не могли оторваться отъ жаркаго, столько лѣтъ жданнаго поцѣлуя.

— Но постой, вдругъ сказала Таня отстраняясь отъ него, но не выпуская его рукъ и продолжая сжимать ихъ.—Постой, ты сказалъ сейчасъ, ты спросилъ меня, что думала я о твоемъ молчаніи, о твоемъ отсутствіи... Тебѣ это не интересно теперь, а все-же я должна сказать тебѣ, что̀ думала, я должна признаться тебѣ въ своей новой винѣ передъ тобою!..

И она разсказала ему все, всѣ свои глупыя мысли. Она безпощадно относилась къ себѣ, превратилась въ немилосердную обвинительницу.

— Вотъ что я думала, вотъ въ чемъ я была увѣрена до самаго появленія Степаныча, вотъ до какого безумія, до какого оскорбленія тебѣ я дошла! Простишь-ли ты меня? И стою-ли я твоего прощенія?

Сергѣй укоризненно качалъ головою, а лицо его все улыбалось. Куда дѣвалась его блѣдность, его усталый видъ, его холодная усмѣшка. На щекахъ его вспыхнулъ румянецъ, онъ совсѣмъ преобразился, онъ помолодѣлъ на нѣсколько лѣтъ.

— Такъ вотъ какъ, Таня! Вотъ ты какого обо мнѣ мнѣнія! Да, это большая вина, это преступленіе и не слѣдуетъ прощать тебѣ! Но я глупъ — и прощаю отъ всего сердца, только съ однимъ условіемъ, Таня, чтобы больше такихъ недоразумѣній, такихъ ошибокъ никогда не было между нами.

Она прижалась головой къ груди его и шептала:

— Конечно не будетъ! Этотъ долгій, мучительный сонъ прошелъ безвозвратно.

Они замолчали на нѣсколько мгновеній и эти мгновенія молчанія были чуть-ли не самыми счастливыми въ ихъ жизни.

— Значитъ все рѣшено, все кончено, значитъ на зло судьбѣ мы все-же вмѣстѣ и вмѣстѣ ужь навсегда? сказалъ Сергѣй.

— Навсегда, повторила Таня.

— Значитъ вычеркнемъ восемь лѣтъ изъ нашей жизни, я теперь вижу, что это возможно! Мнѣ кажется теперь, моя дорогая, что я заснулъ, тамъ, далеко, въ голубой бесѣдкѣ твоего знаменскаго парка, помнишь, въ тотъ ужасный и счастливый день, который начался нашимъ свиданіемъ и кончился для меня такъ страшно, нежданной смертью отца моего? Да, мнѣ кажется, что я заснулъ тогда и что вотъ теперь только сейчасъ проснулся. Ты та же, ты также довѣрчиво на меня смотришь.

Онъ разглядывалъ ея прелестное лицо, онъ чувствовалъ какъ безконечно она дорога ему.

Но вдругъ какая то тѣнь мелькнула по лицу ея.

— Та же!.. грустно проговорила она,—нѣтъ, Сережа.

И когда она произнесла его имя, мило невыго-

варивая букву р, ему дѣйствительно показалось, что онъ вернулся къ давно позабытому времени. Она точно такъ-же назвала его какъ тогда, въ бесѣдкѣ, и онъ почему-то, какъ и тогда, обратилъ вниманіе на этотъ недостатокъ ея выговора.

— Та же! Та же! восторженно шепталъ онъ.

— Нѣтъ, много прошло времени, перебила она доканчивая свою мысль, а время никогда не проходитъ безслѣдно. Я постарѣла, я измѣнилась, я уже не та что была прежде.

— Ты постарѣла? Ты измѣнилась? изумленно и улыбаясь говорилъ онъ. Да, ты права — время не прошло безслѣдно, разница есть. Разница въ томъ, что ты несравненно красивѣе, лучше прежняго и что я горячѣе люблю тебя; мы уже не дѣти — вотъ въ чемъ разница.

Но имъ пора было нѣсколько отстраниться другъ отъ друга и принять болѣе сдержанный видъ—ручка двери изъ кабинета начала шевелиться, за дверью послышался громкій кашель. Охраняющій ихъ любовь волшебникъ предупреждалъ ихъ о своемъ появленіи. Цесаревичъ вошелъ держа передъ собою часы и въ то же время окинувъ Сергѣя и Таню зоркимъ взглядомъ.

— Однако, пора! сказалъ онъ, я долго возился съ твоими книгами. У тебя есть нѣкоторыя изданія, съ которыми я незнакомъ, кое-что интересное—ты потомъ мнѣ дашь эти книги для прочтенія.

— Поѣдемте, сударыня! обратился онъ къ Танѣ.

— Я готова, ваше высочество.

— Готовы? И что-же, ничего не забыли сказать ему? Если забыли—такъ припомните, потому что неизвѣстно теперь, когда увидитесь—онъ узникъ и до какихъ поръ будетъ продолжаться его заключеніе—я не знаю.

Сергѣй подошелъ къ цесаревичу.

— Ваше высочество, сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, довершите всѣ ваши благодѣянія, благословите насъ какъ жениха и невѣсту.

— А! Порѣшили! Ну чтожь, хоть и не время и не мѣсто — Богъ съ вами! Будьте счастливы!

Онъ движеніемъ руки подозвалъ къ себѣ Таню, набожно перекрестилъ ее и Сергѣя, потомъ обнялъ и поцѣловалъ ихъ.

— Будьте счастливы! повторилъ онъ, я радъ! Я всегда зналъ, что вы этимъ кончите, такъ должно было совершиться. Ну, теперь Богъ дастъ ждать вамъ недолго! Я буду у васъ посаженымъ отцомъ на свадьбѣ. Но теперь толковать объ этомъ рано — прежде нужно освободить тебя, сударь. Пойдемте!

На глазахъ цесаревича стояли слезы, все лице его улыбалось.

IV.

Сорвалось.

Въ это-же самое утро Зубовъ явился со своими обычными докладами къ императрицѣ.

Исполненный печальныхъ мыслей о постигшей его неудачѣ, силившійся подобрать нити англійской интриги и никакъ не достигавшій этого, занятый погибелью ненавистнаго ему Сергѣя Горбатова болѣе чѣмъ государственными дѣлами, изливая свою злобу на приближенныхъ, Зубовъ не замѣчалъ въ это послѣднее время перемѣны, происшедшей въ Екатеринѣ. Каждый разъ входя къ ней онъ привычною фразой освѣдомлялся о ея здоровьѣ, и на отвѣты, что она не хорошо себя чувствуетъ, высказывалъ приличныя случаю сожалѣнія и утѣшенія—этимъ все ограничивалось.

Но въ это утро ея утомленный и страдальческій видъ не ускользнулъ даже и отъ его разсѣяннаго взгляда. Онъ вдругъ озабоченно взглянулъ на нее и уже не прежнимъ равнодушнымъ тономъ, а съ оттѣнкомъ испуга спросилъ ее: лучше-ли она себя чувствуетъ?

— Нисколько не лучше, отвѣтила она,—сегодня мнѣ совсѣмъ плохо — ноги замучили. Искуство Роджерсона оказывается безсильнымъ. Онъ меня успокоиваетъ, но не приноситъ мнѣ никакого облегченія и я по лицу его вижу, что онъ озабоченъ.

Роджерсонъ такъ давно лечилъ императрицу, такъ давно находился въ числѣ близкихъ къ ней людей, которымъ она оказывала свое расположеніе, которымъ довѣряла, что Зубовъ не могъ его не ненавидѣть. Онъ съумѣлъ въ восемь лѣтъ своего вліянія отдалить отъ нея многихъ, но почтеннаго медика отдалить не могъ и это только усиливало его къ нему ненависть.

Онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы задѣть его, чтобы пустить на его счетъ язвительную фразу. Онъ все выжидалъ минуты когда можно будетъ пошатнуть довѣріе къ нему императрицы. Такая минута наконецъ наступила.

— Роджерсонъ! презрительно проговорилъ онъ, — я давно замѣчаю, что онъ гораздо ниже репутаціи, которую ему сдѣлали,—онъ вовсе ужь не такой проницательный и искусный докторъ, какъ многіе полагаютъ.

— Во всякомъ случаѣ онъ хорошо знаетъ мою натуру, сказала Екатерина.

— Къ чему-же поведетъ его это знаніе если онъ не въ силахъ помочь вамъ, если онъ не можетъ даже облегчить ваши страданія.

— Ахъ Боже! человѣческому искуству и знанію положенъ предѣлъ. Видно подходитъ время когда уже никто и ничто помочь мнѣ не будетъ въ состояніи! печально замѣтила Екатерина.

— Зачѣмъ-же такія ужасныя мысли? Эти мысли слѣдствіе ошибки Роджерсона. У васъ такая крѣпкая организація, вы такъ сильны и бодры. Нужно найти только средство уничтожить эти временныя страданія, вмѣстѣ съ ними пройдутъ и печальныя мысли.

Екатерина грустно усмѣхнулась.

— Укажите мнѣ такія средства!

— Я указать не могу, я не занимался медициной; но я знаю человѣка, который смыслитъ навѣрное больше Роджерсона, который дѣлаетъ просто чудеса, излечиваетъ самыя сложныя и опасныя болѣзни.

— Кто-же этотъ чудодѣй? насмѣшливо спросила Екатерина.

— Я говорю очень серьезно, ваше величество, если я рѣшаюсь указать вамъ на этого человѣка, такъ потому что имѣю много доказательствъ его искуства.

— Назовите его!

— Это Ламбро-Качіони, грекъ, о которомъ вы вѣрно слышали.

— Онъ кажется участвовалъ въ послѣднюю войну противъ турокъ?

— Онъ самый, я хорошо его знаю и убѣжденъ, что онъ въ самомъ скоромъ времени поможетъ вамъ. Не далѣе еще какъ вчера я призывалъ его и разсказывалъ ему признаки вашей болѣзни. Онъ увѣряетъ, что у него было много подобныхъ случаевъ и что онъ ручается въ скоромъ и полномъ выздоровленіи вашемъ, если вамъ угодно будетъ послѣдовать его совѣтамъ.

Екатерина задумалась. Она бодро выносила свои страданія, но мысль о серьезности и неизлѣчимости ея болѣзни, мысль о возможности близкой смерти начинала ее преслѣдовать, а она еще хотѣла жить. И чѣмъ чаще приходили мрачныя мысли, тѣмъ жажда жизни усиливалась въ ней больше и больше. Она съ ужасомъ замѣчала задумчивость Роджерсона. Она предчувствовала, что онъ не можетъ ее вылечить и готова была испробовать всякія средства, сулившія ей спасеніе.

И вотъ Зубовъ называетъ ей грека Ламбро-Качіони, такимъ увѣреннымъ тономъ говоритъ о его необыкновенномъ искуствѣ. Она уже слышала объ этомъ грекѣ.

— Если вы такъ въ немъ увѣрены, то призовите его ко мнѣ, я готова испробовать его леченіе. Только это нужно сдѣлать осторожно, мнѣ никакъ не хотѣлось бы обижать старика Роджерсона.

— Сегодня же Ламбро-Качіони здѣсь будетъ! сказалъ Зубовъ.

Онъ былъ очень доволенъ и рѣшился какъ можно скорѣе довести до свѣдѣнія Роджерсона о томъ, что грекъ будетъ лечить императрицу.

— Какія у васъ нынче дѣла? спросила Екатерина. Я хотя и больна, но все же не на столько, чтобы забывать о дѣлахъ. Дайте мнѣ ваши бумаги и принесите очки—вонъ я ихъ оставила на томъ столикѣ.

Они принялись за работу; но на этотъ разъ дѣлъ было мало—скоро все было кончено.

Екатерина сняла очки, понюхала табаку, приласкала завертѣвшуюся у ея ногъ собаченку. Зубовъ хотѣлъ уже удалиться; но она его остановила.

— Постойте, скажите мнѣ, разобрали вы бумаги Горбатова?

— Нѣтъ еще, государыня, у меня столько дѣлъ...

— Такъ вотъ что, немедленно пришлите мнѣ ихъ, я сама займусь ими.

Зубова такъ и покоробило.

— Зачѣмъ же?! Зачѣмъ вамъ безпокоиться?! Я взялся за это, я и исполню. Навѣрно въ этихъ бумагахъ много пустяковъ и вздору, который только затруднитъ васъ. Я сдѣлаю выборку и если найдется что нибудь интересное, если окажутся даже письменныя доказательства его виновности—я все это привезу.

— Ахъ, Богъ мой! Но если я хочу сама разобрать эти бумаги! Я говорю вамъ, пришлите мнѣ ихъ немедленно, всѣ безъ исключеній. Я совершенно свободна сегодня... не выйду весь день изъ этой комнаты... Мнѣ дѣлать нечего... я и займусь...

Зубовъ пожалъ плечами.

— Это капризъ больной, который слѣдуетъ исполнить, мой другъ! улыбаясь прибавила Екатерина.

Возражать было нечего.

— Желаніе вашего величества будетъ исполнено! стараясь любезно улыбнуться сказалъ Зубовъ.

Онъ былъ очень раздосадованъ. Онъ конечно уже хорошо ознакомился съ бумагами Сергѣя и не нашелъ въ нихъ никакихъ признаковъ его виновности въ томъ преступленіи, которое онъ взводилъ на него. Онъ не далѣе еще какъ сегодня утромъ принялся за чтеніе его дневника.

Онъ встрѣтилъ въ этомъ дневникѣ и свое имя, и свою характеристику, которая довела его до крайнихъ предѣловъ бѣшенства. Онъ глоталъ страницу за страницей, жадно ища какой нибудь черезчуръ рѣзкой фразы, какого нибудь непочтительнаго разсужденія объ императрицѣ и къ досадѣ своей не находилъ ничего подобнаго.

У него уже мелькала мысль: нельзя ли поддѣлаться подъ почеркъ Сергѣя, включить въ дневникъ кое что. Нельзя ли съ другой стороны вырвать нѣкоторыя страницы. Но это оказалось довольно трудно и во всякомъ случаѣ требовало много времени, требовало большого искусства и осторожности.

Переслать бумаги императрицѣ было необходимо, если она такъ настаиваетъ; но конечно дневникъ онъ оставить у себя, онъ не можетъ отдать его въ такомъ видѣ. Какъ ни былъ онъ увѣренъ въ своей силѣ и въ своемъ вліяніи, но все же тамъ было не мало такого, чего бы онъ ни за что въ мірѣ не могъ показать императрицѣ. Этотъ проклятый дневникъ можетъ навести ее на мысли, которыя заставятъ ее кой чѣмъ заинтересоваться.

„Нѣтъ, объ этомъ и говорить нечего, она не должна увидать этого дневника. Нужно будетъ придумать какое нибудь новое доказательство виновности Горбатова.

Если же это окажется невозможнымъ, если не удастся окончательно погубить его, добиться его ссылки, то вѣдь во всякомъ случаѣ онъ изрядно отомстилъ ему. Онъ прошелъ черезъ всю его жизнь и испортилъ самое лучшее время этой жизни. И теперь, теперь вѣдь развѣ это не мщеніе?! Онъ, этотъ гордый человѣкъ, чуть ли не единственный, который осмѣлился не признать его величія, который умѣлъ смущать его своимъ взглядомъ, онъ, представитель знаменитой старой фамиліи, владѣтель огромнаго состоянія—онъ уже цѣлую недѣлю плѣнникъ въ своемъ собственномъ домѣ. И хотя, по настоянію императрицы, это дѣло не разглашается, все же конечно многіе о немъ знаютъ, а кто еще не знаетъ, узнаетъ въ скоромъ времени!..“

„Воображаю что съ нимъ дѣлается! думалъ Зубовъ и злорадная усмѣшка, вызываемая его мелочностью и жестокостью, показалась на губахъ его.—Можно себѣ представить, какъ онъ обливается желчью, въ сознаніи своего безсилія и вѣдь онъ отлично понимаетъ, кому онъ всѣмъ обязанъ!..“

„Кидай мнѣ свои презрительные взгляды, подымай передо мною голову, а все же я дѣлаю съ тобой все, что мнѣ угодно. Все же ты въ рукахъ моихъ! Все же я заставлю тебя вспомнить тотъ часъ, когда ты осмѣлился оскорбить меня! Ну, что же, пускай тебѣ возвратятъ свободу, не думаю чтобы ты ушелъ отъ меня... Одно не удастся, найду другое, отравлю каждый день твоей жизни. А теперь пусть она читаетъ твои бумаги, можетъ и найдется въ нихъ такое, что и не понравится. А дневникъ не дамъ. Дневникъ я сохраню для себя!..“

И онъ не понималъ, этотъ „дней гражданинъ золотыхъ“, что Горбатовъ будетъ только торжествовать, узнавъ, что нѣкоторыя страницы его дневника прочитаны и удержаны тѣмъ, о комъ въ нихъ говорится. Онъ не догадался, что ему пуще всего нужно скрыть отъ Горбатова свое знакомство съ дневникомъ его.

Какъ бы то ни было, бумаги Сергѣя были доставлены императрицѣ и она, вѣрная своему обѣщанію, извѣстила объ этомъ цесаревича, который тотчасъ же явился въ Таврическій дворецъ.

И вотъ, что случалось рѣдко, Екатерина съ Павломъ за общей работой.

Они перебрали все. Екатерина внимательно прочла письма цесаревича къ Сергѣю и только проговорила:

— Не знала, не знала я, что вы такъ съ нимъ близки и такъ его любите!

— Надѣюсь, матушка, что въ этихъ письмахъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Я писалъ ему только то, что мнѣ диктовало желаніе принести ему нравственную пользу.

— Конечно, конечно! поспѣшно проговорила Екатерина.—А это какія письма?

Это были милыя, почти дѣтскія письма Тани.

Цесаревичъ вдругъ покраснѣлъ и нахмурился.

Императрица замѣтила это.

— Что съ вами? спросила она.

— Мнѣ пришло въ голову, что мы заняты не хорошимъ дѣломъ—это письма его невѣсты. Зачѣмъ намъ читать ихъ, надѣюсь не они заключаютъ въ себѣ доказательства виновности Горбатова.

— Я согласна съ вами, отложимъ ихъ въ сторону. Что дальше? Теперь пропускать не будемъ. Во всякомъ случаѣ, Горбатовъ долженъ простить намъ нашу нескромность. Мы нескромны для его же блага.

— Да, приходится удовольствоваться этимъ оправданіемъ.

Но какъ бы они ни желали быть придирчивыми (а они этого вовсе не желали), трудно было найти въ этихъ бумагахъ, въ этой перепискѣ, что либо предосудительное. Напротивъ, когда чтеніе было окончено, передъ ними выяснилось только нѣсколько интересныхъ фактовъ изъ жизни Сергѣя; изъ писемъ Рено, уже страстнаго дѣятеля контръ-революціи, обрисовывалось нѣсколько подробностей страшныхъ событій французской исторіи—и только.

Легкая ноша. Съ картины Р. Швенингера, грав. А. Паара.

— Матушка, былъ ли я правъ прося васъ быть осмотрительнѣе въ этомъ дѣлѣ и лично просмотрѣть его бумаги?!

— Конечно, и я очень благодарна. Но что же все это значитъ? Откуда взялись эти тяжкія обвиненія?!

Цесаревичъ передалъ то, что онъ услышалъ отъ Сергѣя по поводу его сношеній съ лордомъ Витвортомъ.

Екатерина была взволнована.

— Какъ же это... такой ошибки быть не можетъ! смущенно проговорила она,—я потребую объясненій отъ Платона Александровича.

Павелъ молчалъ, опустивъ глаза въ землю.

— Да, я немедленно же потребую объясненій. Конечно все это произошло отъ излишняго усердія, но я, во всякомъ случаѣ, не могу оправдывать такую неосмотрительность. Вамъ, конечно, будетъ пріятно сообщить Горбатову о томъ, что онъ свободенъ. Объясните ему, что тутъ произошло недоразумѣніе, о которомъ я искренно сожалѣю... Ограничьтесь этимъ—прошу васъ... Да, сегодня же онъ будетъ свободенъ!

Цесаревичъ задумался на мгновеніе, соображая что-то. Потомъ вдругъ рѣшился и проговорилъ:

— Мнѣ кажется, что теперь ему будетъ неудобно оставаться на службѣ въ иностранной коллегіи... Матушка, вы ничего не будете имѣть противъ того, если я предложу ему какое нибудь занятіе при себѣ?

Екатерина нахмурила брови, неудовольствіе выразилось на лицѣ ея.

— Вы желаете, чтобы онъ перешелъ къ вамъ, недовольный мною? если и не въ иностранной коллегіи— ему найдется дѣятельность и я именно должна загладить свою невольную ошибку, уничтожить въ немъ всякое неудовольствіе... Я подумаю и найду ему назначеніе, которымъ онъ останется доволенъ...

— Но было бы жестоко въ настоящее время разлучать его съ невѣстой, а она у насъ!

— Я конечно не стану мѣшать ему проводить время съ невѣстой! сухо замѣтила Екатерина.

Павелъ уже сталъ прощаться; но вдругъ остановился.

— Ахъ, Богъ мой, я и забылъ совсѣмъ! проговорилъ онъ,—если эти бумаги не могли послужить къ обвиненію Горбатова, то есть еще кое что... и очень важное. Горбатовъ сказалъ мнѣ, что въ числѣ отобранныхъ отъ него бумагъ находятся нѣсколько тетрадей его дневника... Гдѣ же онѣ?!

Цесаревичъ вовсе не забылъ о дневникѣ, онъ сразу замѣтилъ, что его недостаетъ. Но сначала не хотѣлъ говорить объ этомъ, теперь же онъ былъ раздраженъ. Онъ сообразилъ, что дневникъ врядъ ли повредитъ Сергѣю, императрица очевидно къ нему расположена. А между тѣмъ то обстоятельство, что Зубовъ осмѣлился скрыть дневникъ и не прислать его вмѣстѣ съ другими бумагами было возмутительно и онъ рѣшился вывести это наружу.

— Дневникъ?! Какой дневникъ?! Вы увѣрены?.. Если былъ его дневникъ, то это конечно самое интересное въ смыслѣ оправданія или обвиненія. Вы увѣрены, что у него эти тетради отобраны?!

— Съ какой же стати ему было лгать?!.

— Да, конечно! Вѣроятно Платонъ Александровичъ забылъ прислать его... Я спрошу... и тогда все вмѣстѣ нужно будетъ возвратить.

Цесаревичъ простился и вышелъ.

Екатерина долго сидѣла съ недовольнымъ и сердитымъ лицомъ. Она даже забыла свои страданія.

Какъ ни постарѣла она въ послѣднее время, какъ ни была слаба относительно Зубова, вліянію котораго безсознательно подчинялась, которому довѣряла безусловно, къ ней все же возвращалось иной разъ ея безпристрастіе, ея любовь къ справедливости и прямому образу дѣйствій. И она не могла не видѣть теперь, какъ много въ дѣлѣ Горбатова натяжки и фальши.

„Излишнее рвеніе! успокоивала она себя. Конечно, все это происходитъ и отъ легкомыслія... это не хорошо!..“

Но внутренній голосъ твердилъ ей, что здѣсь вовсе нѣтъ излишняго рвенія, вовсе не одно легкомысліе. Здѣсь вражда, желаніе погубить человѣка, здѣсь обманъ и ложь.

И не въ первый разъ, не по поводу одного этаго дѣла говоритъ ея внутренній, обвиняющій голосъ, онъ часто указываетъ на самыя дурныя, всегда ненавистныя ей въ людяхъ, свойства человѣка, котораго она хотѣла считать безупречнымъ. И ей тяжело... ей горько...

Сколько разъ готово было у нея сорваться гнѣвное, обвиняющее слово и замирало невыговоренное и она молчала, скрывала свое негодованіе,—она, которая прежде никогда не молчала въ подобныхъ случаяхъ.

Но теперь она должна все высказать, онъ долженъ объяснить, долженъ оправдаться.

Она дрожащей рукой написала нѣсколько словъ Зубову, раздражительно позвонила и приказала какъ можно скорѣе отвезти эту записку свѣтлѣйшему князю.

Онъ не заставилъ себя ждать и явился очень скоро.

— Я уже переговорилъ съ Ламбро-Качіони, сегодня къ вечеру онъ здѣсь будетъ, если ваше величество найдете возможнымъ принять его! заговорилъ Зубовъ входя.

— Хорошо, объ этомъ послѣ, сухо сказала императрица.—Вы привезли съ собой дневникъ Горбатова, который забыли прислать съ этими бумагами?

— Дневникъ? Какой дневникъ?! растерянно прошепталъ неприготовленный къ подобному вопросу Зубовъ.

— Его дневникъ! развѣ онъ не былъ доставленъ?

— Я не видѣлъ никакого дневника.., я не знаю.

— Не знаете, странно! Въ такомъ случаѣ призовите того, кто доставилъ вамъ бумаги и потребуйте отъ него объясненій. Я знаю, что дневникъ долженъ былъ находиться въ числѣ бумагъ... я навѣрное это знаю!..

Зубовъ пожалъ плечами.

— Вы понимаете... дневникъ!—это очень важно! Пожалуйста же скорѣе разъясните...

Екатерина упорно отгоняла отъ себя мысль о томъ, что онъ лжетъ передъ нею, что онъ скрылъ отъ нея дневникъ. И между тѣмъ ей любопытно было, зачѣмъ бы онъ это сдѣлалъ! Ей стало такъ тяжело, такъ неловко, ей трудно было взглянуть на него.

— Я должна имѣть этотъ дневникъ какъ можно скорѣе... слышите?!.

— Неужели я стану скрывать его отъ васъ?! совсѣмъ уже невозмутимымъ и увѣреннымъ тономъ сказалъ Зубовъ. Только мнѣ невольно приходитъ мысль, что врядъ ли онъ существуетъ. Можетъ быть вамъ ложно сообщено о немъ. Если бы онъ существовалъ, какъ же бы осмѣлились мнѣ его не представить...

— Онъ существуетъ и взятъ вмѣстѣ съ остальнымъ, попрежнему несмотря на него сказала Екатерина. Теперь все дѣло въ этомъ дневникѣ, потому что если онъ такъ же невиненъ, какъ эти бумаги, которыя я тщательно просмотрѣла, то нужно немедленно извиниться передъ Горбатовымъ. Вы ошиблись и я очень сожалѣю объ этомъ... я очень огорчена, что возможна подобная ошибка.

— Эти бумаги мало имѣютъ значенія, горячо возразилъ Зубовъ,—и я позволяю себѣ сомнѣваться въ томъ, что я ошибся. Что же такое, что въ его бумагахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ—это доказываетъ только его осторожность. Бумаги необходимо было просмотрѣть конечно, но я и не предполагалъ найти въ нихъ что нибудь особенное. Интрига велась очень тонко, я съ трудомъ собираю ея нити. Но дѣло поручено опытнымъ людямъ и я надѣюсь въ скоромъ времени имѣть возможность доставить вамъ что нибудь серьезное...

— Что интрига существуетъ, что Витвортъ былъ въ

сношеніяхъ съ регентомъ—я въ этомъ почти увѣрена, но не нахожу никакихъ основаній подозрѣвать участіе Горбатова. Вы очень легкомысленно приплели его къ этому дѣлу... Я говорю, меня это огорчаетъ...

Зубовъ поблѣднѣлъ и едва себя сдерживалъ.

Императрица продолжала.

— Вы поступаете несправедливо, вы подозрѣваете человѣка безъ достаточныхъ доказательствъ, вы дѣлаете меня участницей въ нехорошемъ дѣлѣ—развѣ это не правда?

— Еслибы даже я и ошибался, то мнѣ есть оправданіе—при такихъ обстоятельствахъ подозрѣніе на кого нибудь не можетъ быть поставлено въ вину...

— Пустое! горячо произнесла императрица,—вы ненавидите Горбатова, я уже слышала это...

— Я вынесу всякія обвиненія, потому что моя совѣсть чиста, я забочусь только объ интересахъ вашего величества, я себя забываю...

— Оставьте меня, я совсѣмъ больна, я попробую заснуть!.. упавшимъ голосомъ проговорила Екатерина, съ трудомъ поднялась съ кресла и тихо вышла изъ комнаты.

Зубовъ стоялъ блѣдный, его губы тряслись.

„Да что же это?! думалъ онъ,—колдунъ онъ, что ли, этотъ проклятый Горбатовъ! Нѣтъ, она дѣйствительно нездорова, она отъ этого и раздражена... завтра будетъ другая... она сама будетъ на себя досадовать за этотъ тонъ!..“

(До слѣдущаго №).

Обитатели острова Сахалина.

Изъ разсказовъ о крайнемъ Востокѣ.

А. Я. Максимова.

(Продолженіе).

V.

Въ тайгѣ.

Солнце только что поднялось изъ-за горизонта, скользнуло своими мягкими, ласкающими лучами по зеркальной поверхности словно заснувшаго океана и озолотило мохнатыя, щетинистыя вершины крутаго, сахалинскаго, водораздѣльнаго хребта, дикаго, неизвѣданнаго и таинственнаго... Въ глубокихъ долинахъ и заповѣдныхъ падяхъ лежитъ еще темная тѣнь... Въ глухой, едва проходимой заросли только что распустившейся, душистой листвы таинственный полумракъ, среди которaго едва можно разглядѣть осторожно пробирающихся къ сѣверу бѣглыхъ Митьку и Бажина Майданщика. Вотъ уже пятый день бредутъ они по самымъ дикимъ, таёжнымъ мѣстамъ, непролазными чащами, съ увала на увалъ. Арестантскіе ихъ костюмы, сшитые изъ сѣраго, толстаго сукна, уже превратились въ жалкія лохмотья, сквозь которыя просвѣчиваетъ худое, исцарапанное колючимъ кустарникомъ тѣло... Ихъ избитыя, покрытыя кровавыми пузырями и ранами, ноги обуты въ какую-то неопредѣленную рвань, въ какую-то измочаленную смѣсь гнилой кожи, сѣраго сукна и грязныхъ тряпокъ... Исцарапанныя лица и руки запачканы грязью и кровью...

За истекшіе четверо сутокъ бродяги вынесли много невзгодъ, испытали много лишеній, страха и страданій, и нравственныхъ и физическихъ... Пятый день пробираются они по самымъ заповѣднымъ таёжнымъ мѣстамъ, по извилистымъ, звѣровымъ тропамъ, таясь отъ человѣческаго взора, избѣгая встрѣчи съ людьми и хищнымъ звѣремъ. Они знаютъ, что обѣ встрѣчи могутъ быть для нихъ одинаково гибельными... Нѣтъ, они даже предпочитаютъ встрѣчу съ медвѣдемъ, чѣмъ съ человѣкомъ.. Первый, пожалуй, еще раздумаетъ ѣсть сухое, жилистое мясо изможденныхъ каторжныхъ, но человѣкъ навѣрняка угоститъ бѣглецовъ свинцовымъ орѣшкомъ... Особенно хоронятся бродяги отъ инородцевъ, косоглазыхъ гиляковъ и грязныхъ орочонъ, любящихъ поохотиться на горбачей (бѣглыхъ) въ надеждѣ поживиться кое-какою рванью и ошметками...

„Худенькій бѣглый лучше доброй козы—съ козули снимешь одну шкуру, а съ бѣглаго двѣ и три,“ говорятъ сибирскіе инородцы, и, сообразуясь съ этою поговоркою, пользуются каждымъ случаемъ, подстрѣлить двуногаго звѣря—горбача и захватить его лопатину... Знаютъ это наши бѣглецы и берегутъ свою рвань, хоронятъ ее отъ зоркаго глаза инородца и далеко обходятъ жалкія юрты гиляковъ и берестяные шалаши бродячихъ орочонъ, обходятъ, чтобы вѣчно голодныя собаки дикарей не почуяли бродягъ и навели на ихъ слѣдъ своихъ хозяевъ..... Митька, какъ старый, болѣе опытный бродяга, служитъ проводникомъ Майданщику, какъ собака, покорно бредетъ по пятамъ своего неутомимаго товарища, едва волоча выдвинутую, сильно распухшую лѣвую ногу—ушибъ отъ неожиданнаго паденія съ острожной крыши. Съ каждымъ шагомъ Бажинъ морщитъ свое широкое, скуластое лице и крѣпко стискиваетъ острые зубы... Невыносимая, острая боль въ ногѣ выжимаетъ изъ мощной груди глухой, съ трудомъ сдерживаемый стонъ... Крѣпится, бодрится Майданщикъ... Совѣстно ему выказать передъ хилымъ товарищемъ свою слабость, немощь своего богатырскаго тѣла... Опираясь на свѣже вырѣзанный, березовый костыль, безропотно ковыляетъ онъ за опытнымъ вожакомъ и даже не думаетъ о томъ, скоро-ли кончится тяжелое шатанье по глухой тайгѣ... Да и зачѣмъ думать объ этомъ, когда свобода каторжника вся и заключается именно въ этомъ безцѣльномъ шатаніи по таёжнымъ мѣстамъ, въ неизвѣстную даль, все впередъ и впередъ, пока онъ не сложитъ своей головы, отъ истощенія либо болѣзни, въ какой нибудь дикой, непросвѣтной трущобѣ, пока не попадетъ на острые зубы какого нибудь лѣснаго хищника или-же не пронижетъ его мѣткая пуля встрѣчнаго дикаря.....

Не обращая вниманія на свои избитыя ноги, Митька бойко шагаетъ по извилистой, звѣриной тропѣ, чутко прислушиваясь къ малѣйшему шороху и шелесту, зорко всматриваясь своими черными глазами въ чащу. Грудь его дышетъ свободно и легко... Съ какимъ-то неизъяснимымъ блаженствомъ втягиваетъ онъ расширенными ноздрями душистый, смолистый запахъ недавно распустившейся листвы... Свобода преобразила Митьку до неузнаваемости... Его тщедушная, болѣзненная фигура словно выросла и даже дышетъ какою-то мощью... Въ его темныхъ, глубокихъ глазахъ горитъ неуловимый огонь вполнѣ удовлетвореннаго желанія бродяжничества во что бы то ни стало, какою бы то ни было цѣною... Солнце поднимается выше и выше... Вотъ оно уже надъ самымъ островомъ и щедро обдаетъ его своими горячими, яркими лучами... Бѣглецы, въ особенности Майданщикъ, начинаютъ чувствовать большую усталость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и волчій аппетитъ.....

— Не пора-ли отдохнуть? рѣшился напомнить Майданщикъ неутомимому товарищу.

— Отдохнемъ, коли замаялся, отвѣтилъ Митька, продолжая шагать по извилистой, истоптанной звѣремъ тропѣ.

— Поѣсть не мѣшало-бы, продолжаль Майданщикъ нерѣшительно.

— Поѣсть? переспросилъ Митька. А развѣ не помнишь, что послѣдній кусокъ хлѣба слопали...

— Хоть-бы ягоды какой покушать.... Животъ, вишь, свело, проговорилъ Майданщикъ.

— А гдѣ ее возьмешь, ягоду-ту эту! началъ Митька урезонивать товарища. „Время еще не приспѣло для ягодъ“ а вотъ погоди немного, всего вдосталь будетъ.... Брусница, малина, боярка приспѣетъ, а тамъ грибы разные.... А таперича окромя кореньевъ ничего не найдешь...

— Лопать-то голодному все равно что: ягоды либо коренья, согласился Майданщикъ, выходя вслѣдъ за товарищемъ на небольшую лужайку, покрытую густою, ярко зеленою травою.

— Садись тутъ, а я поищу чего нибудь, проговорилъ Митька и юркнулъ въ чащу.....

Майданщикъ тяжело опустился на мягкую, душистую траву, легъ на спину и съ наслажденіемъ вытянулъ свои сильно уставшія ноги..... Яркое, весеннее солнце бросало на лужайку снопы ласкающихъ лучей, обдавая бродягу нѣжащимъ тепломъ.... Хорошо Майданщику, такъ хорошо, какъ никогда раньше не бывало..... Даже голодъ его какъ будто успокоился, пересталъ желудокъ тосковать и требовать пищи.... Заложивъ руки за голову, смотритъ бродяга въ глубокое, синее небо и слѣдитъ слегка прищуренными глазами за высоко бѣгущимъ, бѣлымъ облачкомъ..... Оно сверкаетъ на солнцѣ снѣжною бѣлизною и заставляетъ щурить глаза все больше и больше.... Нѣсколько секундъ онъ слѣдитъ еще за облачкомъ сквозь тѣнь опущенныхъ рѣсницъ.... Но вотъ глаза его невольно сомкнулись, и убаюкиваемый окружающею таинственною тишиною, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ сильно уставшаго человѣка...

VI.

Погоня.

Спитъ онъ и видитъ дивный сонъ... Блестящее облачко, уже коснувшееся однимъ краемъ вершинъ вздымающихся вдали холмовъ, вдругъ остановилось и быстро понеслось въ обратную сторону... Несется оно по синему, глубокому небу и вмѣстѣ съ тѣмъ спускается все ниже и ниже, словно хочетъ придавить собой распластавшагося на мягкой травѣ бѣглаго... Вотъ облако уже совсѣмъ близко... Чувствуетъ бродяга, какъ оно рѣжетъ ему глаза своимъ нестерпимымъ блескомъ и пышетъ на него палящимъ жаромъ... Облако спускается все ниже и ниже... Вдругъ оно превратилось изъ бѣлаго, блестящаго въ кроваво-красное, окутало бродягу съ ногъ до головы и вмѣстѣ съ нимъ

Московская промышленно-художественная выставка. Павильонъ Императорскаго фарфороваго завода.

Ориг. рисунокъ нашего спеціальнаго корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Каразина, грав. Флюгель.

Московск. промышленно-художественная выставка. Внутр. видъ выставки. Павильонъ Брокара и ресторанъ.
Ориг. рисунокъ нашего специальнаго корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

медленно стало подыматься... И страшно ему, и хорошо!.. Поднялось облако высоко-высоко и понеслось въ неизвѣстную даль, куда-то впередъ, понеслось съ такою быстротою что духъ захватило... Повѣяло прохладой... Облако постепенно начало терять свой кровавый цвѣтъ, блѣднѣть, рѣдѣть и наконецъ исчезло... Спящій очутился въ чистой, просторной избѣ... На бѣломъ, выскобленномъ столѣ стоитъ большой горшокъ съ дымящимися, жирными щами. Рядомъ съ горшкомъ лежатъ толстые ломти только что испеченнаго хлѣба... Никого нѣтъ въ избѣ, но все прибрано, приготовлено... И кажется ему что все это принасено для него, что онъ хозяинъ. Саповито распоясываетъ онъ кушакъ, сбрасываетъ на скамью новенькій, тонкаго сукна армякъ и важно усаживается за столъ... Дивится Майданщикъ, видя на себѣ еще немытую, новую ситцевую рубаху, драповый жилетъ, плисовые шаровары и блестящіе сапоги бутылками. По жилету ползетъ толстая, бронзовая цѣпочка... „Ишь и часы ужъ завелъ“, самодовольно подумалъ онъ... Хотѣлъ онъ было и часы сейчасъ-же разсмотрѣть, да раздумалъ: ѣсть такъ захотѣлось, что не въ терпежъ.

Взялъ онъ со стола новенькую, деревянную, ярко росписанную ложку и глубоко запустилъ ее въ горшокъ со щами... Слюнки потекли у бродяги при видѣ жирныхъ, сочныхъ кусковъ мяса, ловко захваченныхъ развалистой, уёмистой ложкой... Взялъ Майданщикъ лѣвой рукой самый большой ломоть хлѣба, подставилъ его подъ ложку, чтобы не закапать стола щами, и осторожно сталъ подносить ее ко рту... Только что онъ приблизилъ свои губы къ ложкѣ, какъ вдругъ дверь распахнулась и въ избу влетѣлъ какой-то здоровенный, свирѣпый мужичина... Подскочилъ мужичина къ столу, ложку изъ рукъ Майданщика вышибъ, щи опрокинулъ, хлѣбъ раскидалъ, да вдобавокъ началъ еще въ бока бродяги здоровенными кулачищами тыкать... Тычетъ мужичина кулаками, да приговариваетъ: „Ты что тутъ развалился?.. Нашелъ время, да мѣсто!... Вставай живо, да улепетывай“... Ошалѣлъ Майданщикъ—глазамъ своимъ не вѣритъ... Протеръ ихъ хорошенько, смотритъ—склонился надъ нимъ Митька и что есть силы тычетъ въ его бока кулаками...

— Ишь разоспался!... Насилу добудился!.. Вставай живо, да духомъ въ самую чащу! кричалъ Митька, продолжая трясти еще не пришедшаго въ себя Майданщика. „Облава близко“!.. При этой фразѣ Бажинъ вскочилъ, словно ужаленный, и съ какимъ-то безотчетнымъ ужасомъ, забывъ о своей вывихнутой ногѣ, бросился въ чащу... Цѣпкій кустарникъ рвалъ съ него послѣднія лохмотья, хлесталъ по глазамъ, царапалъ лицо и оголенное тѣло... Митька отъ товарища не отставалъ и ловко пользовался протоptанной имъ въ чащѣ тропой...

Гдѣ-то вдали, въ одномъ мѣстѣ, слышались громкіе крики преслѣдующихъ и отрывистый собачій лай... Вотъ голоса раздѣлились, послышались сзади, справа и слѣва.... Повидимому, преслѣдующіе напали на слѣдъ бѣглецовъ и старались схватить ихъ со всѣхъ сторонъ...

Бродяги съ какою-то дикою, отчаянною рѣшимостью пробирались въ самую чащу, густо разросшагося, сплетшагося кустарника, стараясь уйти какъ можно дальше отъ неутомимыхъ преслѣдователей... Напрасно, съ каждой минутой голоса слышались все ближе и ближе... Кругъ преслѣдователей все съуживался и съуживался... Майданщикъ началъ замѣтно приставать... Вывихнутая нога отказывалась служить и причиняла невыносимыя страданія... Облава между тѣмъ была уже близко... Бродяги уже слышали позади трескъ раздвигаемыхъ кустовъ и тяжелые шаги преслѣдователей, рѣшившихся, повидимому, захватить бѣглыхъ вочто бы то ни стало... Майданщикъ и Митька бѣжали быстро, что было мочи, спотыкались, падали, подымались съ неестественною быстротою и бѣжали дальше, не обращая вниманія на то, что ихъ лица и тѣло были уже покрыты почти сплошными кровавыми ссадинами и глубокими царапинами... Словно загнанные звѣри бросались они въ почти сплошную стѣну густо разросшейся листвы, пробивали дорогу головами, очищали себѣ путь къ спасенію руками и ногами, даже зубами... Напрасно! Съ каждой минутой преслѣдователи все ближе и ближе... Бѣжавшему позади Митькѣ казалось, что онъ уже слышитъ тяжелое, порывистое дыханіе, и щелканье собачьихъ зубовъ... И кажется ему, что вотъ вотъ эти зубы вопьются въ его икры... Еще минута, и онъ долженъ будетъ отдаться въ руки преслѣдователей... Ужасъ окрылилъ Митьку, окрылилъ и Майданщика... Это былъ послѣдній порывъ донельзя напряженныхъ нервовъ... Бродяги начали уже задыхаться отъ спѣшнаго бѣга, но преслѣдователи не отставали и продолжали гнать ихъ безъ устали, настойчиво... Это была настоящая охота, травля!..

— Измаялся!.. Не могу дальше бѣжать!.. прохрипѣлъ Майданщикъ, едва переводя духъ.

— Полѣзай въ дупло этого дуба и сиди въ немъ, пока не приду, быстро проговорилъ Митька, указывая на стоявшій впереди толстый, старый, дуплистый дубъ.

Утопающій хватается за соломенку!.. Майданщикъ энергично сталъ пробивать себѣ дорогу къ спасительному дубу... Черезъ нѣсколько секундъ онъ уже скрылся въ дуплѣ, а Митька бросился дальше, увлекая за собой своихъ настойчивыхъ преслѣдователей... Вотъ постепенно кустарникъ началъ рѣдѣть, и черезъ минуту бродяга выбѣжалъ на болотистый берегъ небольшой рѣчки... Недолго размышляя, Митька бросился въ рѣчку, забрался по вязкому дну на ея середину и погрузился въ холодную воду по самый подбородокъ... Не прошло и двухъ минутъ, какъ на берегъ выскочили изъ чащи три солдата и зорко начали осматривать берега рѣчки... Митька быстро спряталъ голову въ воду... Черезъ минуту стало ему не вмоготу и онъ осторожно высунулъ голову, чтобы надышаться... Солдатъ не было видно... Митька продолжалъ сидѣть въ водѣ и чутко прислушивался къ раздающимся въ разныхъ мѣстахъ крикамъ. При каждомъ подозрительномъ шорохѣ или шелестѣ онъ быстро погружалъ голову въ воду и сидѣлъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока хватало силы... Надышется немного и опять подъ воду!..

Прошло не мало времени, когда крики преслѣдователей заглохли въ отдаленіи... Солнце уже сѣло, и на рѣчку легли темныя тѣни... Быстро темнѣло... Митька осторожно вышелъ изъ рѣчки... Его трясла лихорадка... Зубъ не попадалъ на зубъ... Нижняя челюсть прыгала такъ сильно, что бродягѣ каждую минуту казалось, что она выскочитъ изъ своего мѣста... Чтобы немного согрѣться, Митька сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ движеній, затѣмъ осторожно вошелъ опять въ чащу и направился къ дубу, въ дуплѣ котораго притаился Майданщикъ.

До глубокой ночи пробродилъ бродяга по чащѣ, пока разыскалъ намѣченный, дуплистый дубъ и розыскалъ-то онъ его только благодаря своему чутью, изощренному за время былыхъ долгихъ похожденій по таинственной тайгѣ...

— Майданщикъ, позвалъ Митька товарища, „выходи! Потеряли слѣдъ, угомонились“...

Никто не отозвался. Еще раза три позвалъ Митька товарища, громче и громче,—напрасно—отвѣта не было... Началъ онъ шарить въ дуплѣ и наткнулся на полуголое тѣло Майданщика уже, холодное, неподвижное... Первый моментъ Митьку поразила мысль: „не мертвый-ли“?! Онъ быстро приблизилъ свою руку къ лицу Майданщика и почувствовалъ дыханіе...

— „Ишь-ты уснулъ“!.. подумалъ Митька съ облегченнымъ вздохомъ. „Славное мѣстечко указалъ я ему... Однако и для двоихъ, кажись, мѣста хватитъ... Другъ дружку грѣть будемъ“...

И Митька, не долго думая, забрался въ широкое дупло и расположился рядомъ со своимъ крѣпко спавшимъ товарищемъ... Черезъ нѣсколько минутъ бродяга забылъ холодъ и голодъ и уже спалъ мертвымъ сномъ человѣка, донельзя измученнаго...

(До слѣд. №).

Изъ Шамиссо.

Лазурь твоихъ очей еще свѣтла, ярка,
Но взоръ какъ бездна моря мраченъ,
И розы на щекахъ цвѣтутъ еще пока,
Но ихъ чудесный блескъ утраченъ.

* * *

Такъ вянетъ на стеблѣ, поломанномъ въ грозу,
Цвѣтокъ лиліи бѣлоснѣжной;
Утративъ ароматъ, тая въ себѣ слезу,
Онъ клонитъ низко вѣнчикъ нѣжный.

Несчастное дитя, души болящей стонъ
Ты мнишь подъ смѣхомъ скрыть напрасно!
Прекрасный образъ твой злой мукой омраченъ,
Ее въ очахъ я вижу ясно...

* * *

Такъ дикій плющъ, обвивъ руинъ столѣтнихъ рядъ,
Виситъ гирляндою зеленой,
Онъ пышенъ и кудрявъ, и свѣжъ еще на взглядъ,
Но онъ ужъ снятъ зимой студёной.

П. Быковъ.

Старое и новое о кофе.

Очеркъ.

Употребленіе кофе наиболѣе значительно въ Аравіи; онъ играетъ тамъ ту же роль, что чай въ Китаѣ.

Ежедневное употребленіе очень крѣпкаго кофе дѣйствуетъ несомнѣнно вреднымъ образомъ на организмъ; умѣренно-же крѣпкій кофе дѣйствуетъ хорошо, оживительно, и даже въ извѣстной степени цѣлебно. Послѣднее обстоятельство подало мысль Просперу Альпину въ 1591 году ввести въ Венеціи употребленіе кофейныхъ зеренъ въ видѣ лекарства. Однако кофе

такъ понравился европейцамъ, что они стали употреблять его даже и въ здоровомъ состоянiи и наконецъ оно сдѣлалось обыкновеннымъ и любимымъ напиткомъ.

Проходя въ настоящее время мимо множества прекрасныхъ кофеенъ по улицамъ Парижа, съ трудомъ вѣрится чтобы основателемъ этой отрасли торговли былъ армянинъ, который болѣе чѣмъ 200 лѣтъ тому назадъ на ярмаркѣ въ предмѣстьи Ст. Жерменскомъ продавалъ кофе въ невзрачной лавочкѣ.

Въ первое время ввозъ кофе въ Европу былъ очень затруднителенъ. До пятнадцатаго столѣтiя кофе употреблялся только въ южной Абиссинiи—въ горной странѣ Кафа.

Затѣмъ позже, на востокѣ дервиши пили кофе, чтобы подкрѣпить и освѣжить себя во время продолжительныхъ молитвъ; но это было недолго, такъ какъ ввозъ кофе былъ строго воспрещенъ Каиръ-беемъ, а многiе склады были даже истреблены.

Только въ 1870 году впервые былъ привезенъ кофе въ Вѣну, и тамъ выстроена кофейня. Затѣмъ Нюренбергъ, Регенсбургъ, Гамбургъ и Штутгардтъ послѣдовали примѣру Вѣны.

Въ Берлинѣ первая кофейня была выстроена лишь спустя 51 годъ послѣ ввоза кофе въ Германiю.

При Фридрихѣ II торговля кофе находилась въ рукахъ правительства. Въ особо устроенныхъ заведенiяхъ кофе жарили для народа; цѣна его была очень высока. Только духовныя лица, дворяне и сановники пользовались разрѣшенiемъ жарить кофе дома.

Съ увеличенiемъ потребленiя кофе, стали заботиться о его разведенiи, чѣмъ въ настоящее время по преимуществу занимаются во всѣхъ тропическихъ странахъ. Въ послѣднiя десятилѣтiя потребленiе кофе въ Германiи очень возрасло, что подтверждается статистическими таможенными данными, по которымъ въ 1838—40 гг. приходилось по 2,3 фунта кофе на человѣка, нынѣ-же по 4,35 фунта.

Кофейное дерево извѣстно въ ботаникѣ подъ именемъ „Coffea arabica“, сѣмена его составляютъ употребляемыя нами кофейныя зерна. Послѣднiя сидятъ по два въ кругломъ мясистомъ плодѣ, который въ началѣ бываетъ зеленымъ, а потомъ становится яркокраснымъ. Кромѣ того самыя сѣмена окружены оболочкой, которая на видъ очень похожа на желтый пергаментъ.

Между различными сортами кофе, самымъ лучшимъ считается абиссинскiй, который почти не ввозится въ Европу, а отправляется на берегъ Сомали. Одинаковой доброты съ послѣднимъ вывозится кофе изъ горной страны Iеменъ, гдѣ онъ впервые былъ разведенъ. Въ продажѣ этотъ сортъ извѣстенъ подъ именемъ мокка; но къ сожалѣнiю онъ цѣликомъ идетъ въ Турцiю, Персiю и Египетъ, а у насъ подъ этимъ названiемъ продается яванскiй кофе.

Затѣмъ существуютъ еще двѣ группы: остъиндскiй и американскiй кофе.

Изъ остъиндскихъ сортовъ кофе болѣе всего вывозится съ острова Целебеса, Явы и Цейлона. Прекрасный Манилла-кофе съ Филиппинскихъ острововъ не встрѣчается въ Европѣ. Изъ американскихъ сортовъ болѣе всего извѣстны: суринамскiй кофе, затѣмъ острова Ямайки и изъ Гватемалы. Кофе-Доминиго выдѣлываемый въ Гаити принадлежитъ къ низшимъ сортамъ, но по своей дешевизнѣ и крѣпости очень распространенъ въ продажѣ.

Въ наибольшихъ размѣрахъ кофе разводится теперь въ Бразилiи, такъ что половина всего потребляемаго кофе доставляется оттуда. Однако бразильскiе сорта отличаются не столько качествомъ какъ дешевизною.

При покупкѣ, очень трудно опредѣлить достоинство сырыхъ зеренъ. На это существуютъ извѣстныя данныя, между прочимъ главную роль играетъ мѣсто откуда вывезенъ кофе. Нужно замѣтить, что почва не вездѣ одинакова, способъ собиранiя и сохраненiя не всегда удовлетворителенъ и урожай въ одномъ и томъ-же мѣстѣ не всегда одинъ и тотъ-же. Самый лучшiй и ароматичный кофе разводится на тощей почвѣ въ возвышенныхъ мѣстностяхъ. Такъ напримѣръ на островѣ Явѣ кофе разводится на высотѣ отъ 2,000—5,000 футовъ; на Суматрѣ кофейные сады расположены на высотѣ 4,500 футовъ.

Вообще болѣе всего цѣнятъ сорта съ большими зернами. Дешевые сорта имѣютъ зерна неровныя и разныхъ цвѣтовъ. Хорошiй товаръ долженъ быть старательно собранъ, совершенно зрѣлъ и хорошо разсортированъ.

Въ поперечномъ разрѣзѣ кофейное зерно подъ микроскопомъ представляется въ видѣ пестрыхъ, многоугольныхъ рыхлыхъ ячеекъ, принадлежащихъ къ роговымъ бѣлковымъ тѣламъ, изъ которыхъ большею частью состоятъ сѣмена. Стѣнки ячеекъ представляются разбухшими и узловатыми. Въ самыхъ ячейкахъ находится, бѣлковина, жиръ и сахаръ, которые въ увеличительное стекло кажутся безцвѣтной массой въ комьяхъ. Французскiй химикъ Пайенъ нашелъ въ сырыхъ зернахъ слѣдующiя вещества: растительную клѣтчатку, воду, жиръ, сахаръ, декстринъ, органическiя кислоты, бѣлковину, дубильно-кислый кофеинъ кали, кофеинъ, азотъ, летучее масло, ароматическое эфирное масло и минеральныя части.

Оживляющее свойство кофе зависитъ по преимуществу отъ присутствiя кофеина и летучаго ароматическаго жира. Количество кофеина доходитъ отъ 0,5 до 2,2 на 100 частей кофе. Сырый явскiй кофе, лучшiй суринамскiй, изъ Цейлона, Сантоса и Ямайки содержатъ наиболѣе кофеина, котораго въ яванскомъ кофе бываетъ 2,21%, а въ ямайскомъ 1,43%.

Извѣстно что для полученiя вкуснаго напитка нужно жарить кофе осторожно. Кофе доведенный до свѣтлокоричневаго цвѣта считается пережареннымъ. При медленномъ и равномѣрномъ нагрѣванiи кофе въ металлическихъ закрытыхъ сосудахъ, первоначально выдѣляется вода, при усиленiи тепла дубильно-кислый кофеинъ кали окрашивается и зерно разбухаетъ. При этомъ часть кофеина испаряется немедленно—а остальная часть позже. Затѣмъ жирныя летучiя масла распространяются въ разрыхленномъ зернѣ и окончательно выдѣляются при заваривании кофе кипяткомъ.

Опыты доказали, что изжаренный кофе теряетъ въ вѣсѣ до 20%, но увеличивается въ объемѣ. Такъ докторъ Либихъ говоритъ что 100 зеренъ кофе, послѣ изжаренiя имѣютъ объемъ 150—160 зеренъ.

Не мѣшаетъ мочить кофе минутъ 12 въ водѣ и затѣмъ уже жарить. Этотъ способъ способствуетъ болѣе равномѣрному доступу тепла, черезъ развитiе водяныхъ паровъ. Ошибочно существующее предположенiе, что кофе нужно жарить до тѣхъ поръ, пока онъ не покроется жиромъ. При этомъ испаряется большое количество кофеина отчего теряется достоинство кофе.

Извѣстно что жареный кофе очень скоро теряетъ ароматъ. Во избѣжанiе этого слѣдуетъ послѣ окончанiя жаренiя посыпать кофе мелкимъ сахаромъ и хорошенько встряхнуть. Сахаръ таетъ на зернахъ и покрываетъ ихъ тонкой блестящей корой, которая не допускаетъ улетучиваться аромату.

Количество растворимыхъ частей черезъ обдаванiе кофе кипяткомъ бываетъ различно, смотря по сорту и по степени изжаренiя. Можно предположить, что среднимъ числомъ это опредѣляется 25%.

Для хорошаго растворенiя кофе нужно наблюдать чтобы послѣднiй былъ очень мелко измолотъ, или истолченъ въ ступкѣ. Затѣмъ вода должна быть непремѣнно горячая, такъ какъ охлажденная не въ состоянiи растворить кофе.

На востокѣ не употребляютъ кофейныхъ мельницъ, а толкутъ кофе въ ступкахъ, затѣмъ обливаютъ холодной водой и кипятятъ. Когда кофе отстоится, то его наливаютъ. Въ южной Италiи, точно также приготовляютъ кофе. Дѣйствительно подобнымъ способомъ получается прекрасный напитокъ. Въ Германiи прибавляютъ къ водѣ немного угольнокислаго натра, отъ чего получается болѣе крѣпкiй кофе.

До сихъ поръ не удавалось изготовить кофейнаго экстракта, подобно мясному. Не подлежитъ сомнѣнiю, что сбытъ кофейнаго экстракта былъ-бы громаденъ, предполагая, что цѣна его была-бы недорога. Однако, если-бы удалось приготовить экстрактъ съ такимъ-же точно ароматомъ какъ и кофейныя зерна, то въ виду удобства приготовлять кофе такимъ способомъ и возвышенная цѣна не умаляла-бы его сбыта.

Очень трудно опредѣлить составъ аромата, свойства котораго очень различны; самый тонкiй ароматъ улетучивается скорѣе всего.

Поддѣлка кофе не практикуется въ такихъ размѣрахъ, какъ это бываетъ съ другими продуктами; тѣмъ болѣе что сырыя зерна поддѣлать довольно трудно. Иногда подмѣшиваютъ къ дорогимъ сортамъ болѣе дешевыя или подкрашиваютъ зерна.

Неоднократно въ торговлѣ попадался кофе, зерна котораго были сдѣланы изъ тѣста и такъ удачно, что положительно не отличались отъ настоящихъ. Докторъ Мюллеръ въ Цюрихѣ, также находилъ поддѣланный кофе изъ хлѣбнаго тѣста.

Въ Прагѣ и Вѣнѣ уже 10 лѣтъ какъ существуютъ фабрики, для приготовленiя искуственнаго кофе, который смѣшивается съ настоящимъ и продается простодушнымъ покупателямъ.

Для поддѣлыванiя употребляютъ также жареные жолуди и жито, ихъ мелютъ и приготовляютъ тѣсто, затѣмъ особенными формочками дѣлаютъ зерна. Удается даже придать поддѣланнымъ зернамъ блескъ настоящихъ. Однажды въ продажѣ нашли кофе попорченный морскою водою, подкрашенный охрою, который ничѣмъ не отличался отъ хорошаго кофе. Конечно самая усиленная поддѣлка производится въ мелочной торговлѣ, гдѣ продаютъ молотый кофе. Для этого берутъ, цикорiй, ячмень, жолуди, миндаль и въ крайнемъ случаѣ даже песокъ.

По мнѣнiю доктора Дитша въ Цюрихѣ три четверти жаренаго и молотаго кофе, находящагося въ торговлѣ, поддѣланы. Торговцы подмѣшиваютъ рожь, картофель, рѣпу и другiя овощи.

Подъ микроскопомъ очень легко узнать поддѣланный кофе, такъ какъ кофе отличается отъ другихъ растенiй узловатой тканью. Для неумѣющихъ обращаться съ микроскопомъ достаточно насыпать немного молотаго кофе въ стаканъ съ водою; настоящiй, кофе, какъ содержащiй въ себѣ много жировыхъ частей, очень трудно впитываетъ воду и медленно садится на дно, окрашивая воду въ свѣтложелтый цвѣтъ. Напротивъ, примѣшанный кофе опускается на дно и окрашивается въ темнокоричневый цвѣтъ.

Во всякомъ случаѣ было-бы желательно чтобы правительства болѣе строго относились къ торговцамъ и установили надлежащiй контроль не только надъ продажею кофе но и надъ другими продуктами.

Къ рисункамъ.

Легкая ноша.

(Рисунокъ на стр. 561).

Съ такой прелестной ношей, молодой человѣкъ изображенный талантливымъ художникомъ, готовъ повидимому идти куда угодно. Влюбленные глаза устремлены на милое личико дѣвушки, сильныя руки легко поднимаютъ ее и ни жаръ полуденныхъ лучей, ни томительная духота неподвижнаго зеленаго лѣса—ничего этаго онъ не чувствуетъ. Онъ ступаетъ твердо и смѣло въ воду, одушевленный мыслью, что несетъ свою возлюбленную, свое лучшее сокровище на землѣ; такъ довѣрчиво прижалась она къ нему и на ея лицѣ выражается то спокойное счастье, которое даетъ лишь молодость и чистота душевная.

Новости Спб. Зоологическаго Сада.

(Рис. на стр. 569).

Единственное можно сказать удобное мѣсто для семейнаго гулянья, твердо выдерживающее этотъ характеръ въ продолженіи ряда лѣтъ, Зоологическій садъ, является теперь, въ такую чудесную весну, какими не часто даритъ петербургская природа, особенно посѣщаемымъ мѣстомъ. Каждый вечеръ множество народу, много семействъ съ дѣтьми, стремится въ садъ, ибо туда такъ близко и такъ удобно сообщеніе и администрація сада такъ заботливо собираетъ все, что можетъ служить къ развлеченію и увеселенію массы и такъ постоянно, каждый годъ, заинтересовываетъ новинками — вывезенными вновь экземплярами звѣрей, что публика это оцѣнила по достоинству и лучшая рекомендація учрежденію — это биткомъ набитое каждый вечеръ помѣщеніе сада. Содержатель г. Ростъ много заботился и въ этомъ году объ улучшеніи сада, объ обновленіи коллекціи звѣрей и пернатыхъ и доставленіи публикѣ самыхъ разнообразныхъ удовольствій. Изъ новостей на открытой сценѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія укротитель львовъ Ю. Батти ѣздящій по канату на велосипедѣ безъ контръ-баланса и Ф. Гайекъ. Укротитель Батти, входя въ клѣтку съ своею собакой, заставляетъ львовъ продѣлывать по истинѣ изумительныя вещи. Онъ заставляетъ ихъ ложиться, треплетъ ихъ по мордѣ, ложится рядомъ съ ними, стрѣляетъ, находясь между ними, заставляетъ ихъ прыгать черезъ обручи и наконецъ одну львицу даже тянуть зубами шнуръ для выстрѣла. Свирѣпыя животныя, которыхъ г. Батти подстрекаетъ иногда и легкимъ ударомъ хлыста, послушно и быстро исполняютъ всѣ свои эволюціи и укротитель спокойно удаляется изъ клѣтки съ своею великолѣпною датскою собакою, напутствуемый рукоплесканіями публики.

Семья толстокожихъ обогатилась въ этомъ году маленькимъ слономъ, стоющимъ болѣе 3000 рублей. Въ отдѣльномъ новомъ домикѣ находится много крупныхъ экземпляровъ змѣй, помѣщенныхъ въ ящикахъ, нагрѣваемыхъ паромъ; въ каждомъ изъ ящиковъ находится бассейнъ съ водою.

Маленькій слонъ — изображенный на нашемъ рисункѣ, прекрасный экземпляръ африканскаго слона, съ крутымъ лбомъ и подвижными ушами. Онъ очень живъ и веселъ и часто рѣзко кричитъ. Это самая милая и забавная какъ бы модель большаго слона. Тѣло его еще довольно гибко. Онъ очень добродушенъ, иногда сердится, но и ворча все таки быстро хватаетъ съѣстное и скоро забываетъ свой гнѣвъ. Около него всегда толпится много народу. Змѣи изъ семьи удавовъ, павильонъ которыхъ и изображенія представлены на нашемъ рисункѣ также очень интересные экземпляры. *Пифонъ* (Pithon sebae) на свободѣ живетъ обыкновенно въ болотистыхъ мѣстахъ и охотится за мелкими позвоночными. Впрочемъ иногда пифоны достигаютъ до 25 ф. длины. *Боа* (Constrictor) водящійся въ Америкѣ, съ хвостомъ приспособленнымъ къ схватыванію съ щиткомъ на головѣ и гладкими чешуями. Рисунокъ его шкуры очень красивъ съ правильными пятнами. Эта змѣя достигаетъ иногда 20 ф. дл. и болѣе но рѣдко. Это ночной хищникъ. Онъ обвиваетъ и душитъ животное. Обыкновенно на волѣ они ѣдятъ только ими убитую добычу, но не падаль, здѣсь же онъ привыкъ ѣсть что дадутъ.

Анаконда или водяная змѣя, между удавами Новаго Свѣта достигаетъ наибольшей величины—есть въ 30 ф. длины. Обыкновенно на волѣ она живетъ въ водѣ и можетъ долго оставаться въ глубинѣ но часто выходитъ и на берегъ. Въ рѣкѣ ловитъ рыбу, подкарауливаетъ водяныхъ свинокъ и т. п. Нападаетъ на человѣка рѣдко; кожу ея дубятъ и употребляютъ на разныя подѣлки. Павильонъ змѣй также очень посѣщается.

Украшенію сада много способствуетъ красивый фонтанъ напротивъ ресторана; площадь, нѣсколько лѣтъ занятая манежемъ, превращена теперь въ большой прудъ, гдѣ плаваетъ мно-

Московск. промышленно-художеств. выставка. Ворота изъ бутылокъ водочн. завода А. Штритера.
Ориг. рис. нашего специальн. корреспонд. въ Москвѣ Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

СПБ. Зоологическій садъ. Молодой слонъ. Ориг. рисун. П. Гнѣдича, грав. М. Рашевскій.

СПБ. Зоологическій садъ. Павильонъ змѣй. 1) Пифонъ (Pithon sebae). 2) Боа (Boa constrictor). 3) Анаконда. (Pit. Anaconda). Ориг. рисун. П. Гнѣдича, грав. Гельштейнъ.

го красивыхъ лебедей; налѣво отъ помѣщенія медвѣдей сдѣланъ новый бассейнъ, гдѣ весело плещутся игривыя выдры, тутъ же вокругъ большой клумбы устроенъ прудикъ, гдѣ помѣщено нѣсколько сортовъ утокъ. Всѣ эти прудики и бассейны, во время такъ называемыхъ китайскихъ вечеровъ осенью придаютъ красивый, фантастическій видъ саду.

Изъ знакомыхъ уже публикѣ звѣрей постоянно привлекаютъ общее вниманіе веселые и рѣзвые молодые бегемоты, которые купаются въ своей ваннѣ, плещутся, играютъ другъ съ другомъ, что при ихъ неуклюжее и выходитъ особенно забавно.

Въ концертномъ залѣ также весьма оживленно и разнообразно: тутъ фонографъ Фурмана, сберегающій слова сказанныя въ немъ и потомъ ихъ отчетливо произносящій, особенно поражаетъ публику. Пѣвица г-жа Л. Эрнестъ обладаетъ прекраснымъ контръ-альто, семейство Пьетро-Армානини, въ составѣ котораго есть два премиленькихъ мальчика, очень хорошо исполняетъ пьесы на мандолинахъ, а г. Гинцбургъ своимъ разнообразнымъ и осмысленнымъ репертуаромъ сценъ и разсказовъ очень оживляетъ вечера концертныхъ залъ.

На сколько публика оцѣнила это полезное учрежденіе показываютъ цифры посѣтителей значительно превосходящіе цифры посѣтителей даже великолѣпной Московской Выставки. Здѣсь бываетъ отъ 10—15 тысячъ среднимъ числомъ, до 20—22 тысячъ посѣтителей, по праздникамъ. Нашимъ многочисленнымъ столичнымъ подписчикамъ, такъ интересующимся этимъ прекраснымъ семейнымъ учрежденіемъ, мы будемъ постоянно сообщать о всѣхъ новинкахъ въ немъ появляющихся.

Можно съ увѣренностію сказать, что всѣ петербуржцы, осужденные жить лѣтомъ въ городѣ, съ удовольствіемъ будутъ какъ всегда посѣщать зоологическій садъ, доставляющій столько прекрасныхъ, разнообразныхъ новинокъ.

Всероссійская промышленно-художественная выставка.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

Рис. на стр. 556, 557, 564, 565 и 568.

Десять лѣтъ тому назадъ Россія достойно отпраздновала въ Москвѣ торжество своей мануфактурной промышленной дѣятельности. Я говорю про московскую политехническую выставку 1872 года, когда производительныя силы нашего отечества высказались въ такомъ блестящемъ видѣ, что явилась уже полная возможность конкуррировать съ иностранною производительностью, если не количественностью, то во всякомъ случаѣ качествомъ производимаго. Съ тѣхъ поръ минуло только десять лѣтъ и въ эти десять лѣтъ Богъ послалъ нашему отечеству рядъ тяжелыхъ испытаній, вовсе уже не способствующихъ мирному развитію государственной и народной жизни, а напротивъ могущихъ окончательно разрушить болѣе слабые организмы, или покрайней мѣрѣ надолго затормозить и подорвать ростъ и силу развитія.

Періодическіе неурожаи и эпидеміи, искуственно понижаемыя на вражескихъ биржахъ курсы нашихъ бумагъ и денегъ, кровопролитная, долгая, тяжелая война на Балканскомъ полуостровѣ и, наконецъ, въ довершеніе бѣдствій рокового десятилѣтія, страшный ударъ 1-го марта. Но могучій и полный силъ колоссъ выдержалъ и перенесъ все, и работалъ все это тяжелое время, не спалъ, не опускалъ въ малодушномъ безсиліи своихъ орлиныхъ крылъ и, встрепенувшись, явилъ вновь блестящее, неопровержимое доказательство мощи, способностей и силы духа русскаго народа. Въ эти десять лѣтъ Россія не разъ появлялась на европейскихъ аренахъ мирнаго соревнованія и не оставалась назади другихъ, на выставкахъ Филадельфіи, Парижа и Вѣны русская производительность выдержала блистательно это соревнованіе и теперь, собравъ силы, открыла у себя въ домѣ, въ самомъ центрѣ своей народной жизни такую выставку живыхъ силъ, такое блестящее собраніе образцовъ своей производительности, что всѣмъ любящимъ наше отечество, всѣмъ, даже самымъ закоснѣлымъ скептикамъ остается только осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ и сказать: Слава въ вышнихъ Богу! Слава Царю русскому, слава народу могучему, слава землѣ кормилицѣ!.. Слава!.. Мы стоимъ на твердой, прямой и честной дорогѣ

Вліяніе періодическихъ выставокъ на развитіе промышленности народа неоспоримо: выставки эти даютъ возможность оріентироваться, оцѣнивать свои успѣхи, сравнивая ихъ наглядно съ успѣхами другихъ, также наглядно видѣть и ясно понимать ошибки прошлаго, намѣчать будущее. Безъ періодическихъ выставокъ быстрый ходъ успѣха промышленной жизни не мыслимъ и эта, давно признанная народами, истина, заставляющая не бояться крупныхъ затратъ на устройство выставокъ, зная впередъ, что затраты эти безусловно производительны.

Роскошь и ширь выставки, то что съ перваго взгляда якобы является излишнею безполезностью, тоже необходимы... Нельзя-же рабочему праздновать свой свѣтлый праздникъ въ дырявомъ зипунѣ, нельзя къ такому дѣлу подходить съ грязными руками.

Настоящая выставка, о которой мы теперь пишемъ, въ дѣйствительности можетъ уподобиться священному алтарю духовной жизни русскаго народа, и внѣшній ея видъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержимому.

Расположенная на широкомъ просторѣ такъ-называемаго Ходынскаго поля за Тверскою заставою, она занимаетъ около пятидесяти тысячъ квадратныхъ саженъ; одно только центральное, или, правильнѣе сказать, гладкое, круглое зданіе имѣетъ почти версту по своей окружности, въ чемъ читатель можетъ убѣдиться, измѣривъ ниткою эту окружность на планѣ; число экспонентовъ, представившихъ на конкурсъ образцы своихъ товаровъ, достигаетъ небывалой цифры пяти тысячъ фирмъ, цѣнность представленныхъ товаровъ въ образцахъ далеко уже переходитъ десятокъ милліоновъ. Занимая пространство, какъ я уже сказалъ — около пятидесяти тысячъ квадратныхъ саженъ, и, считая на сажень только двухъ человѣкъ, что конечно, особенной тѣсноты не составитъ, помѣщеніе выставки можетъ свободно вмѣстить одновременно сто тысячъ человѣкъ (на парижской выставкѣ эта цифра была-бы немыслима). Строеніе главныхъ павильоновъ выставки поражаетъ своею простотою и легкостью, соединенными съ изяществомъ линій и пропорцій, всѣ основы строеній сдѣланы изъ желѣза, остальное все стекло или тонкія доски; внѣшніе фасады прелестно и съ большимъ смысломъ орнаментированы живописною и лѣпными работами. Всюду весело шелестятъ въ тепломъ воздухѣ и красными, яркими пятнами вьются цвѣтные флаги; то покрывая говоръ народа, то покрываемые этимъ говоромъ сами, носятся, гулко отдаваясь подъ сводами, звуки музыки... Блескъ золота и красокъ, тѣнистые переходы, необыкновенное разнообразіе предметовъ выставки, оживленная пестрая толпа, многоязычная молвь — все это сразу поражаетъ посѣтителя, не только заставляетъ его быть разсѣяннымъ, однимъ словомъ, мѣшаетъ его благимъ намѣреніямъ—систематично и толково обозрѣвать выставку... Но это разсѣяніе преходящее, стоитъ только внимательно изучить планъ, не разбрасываться по сторонамъ, однимъ словомъ не увлекаться и ваши наблюденія пойдутъ спокойно, самою законною дорогою, развиваясь въ правильной системѣ.

Съ этого именно мы и начнемъ, свой первый очеркъ и поведемъ послѣдовательно благосклоннаго читателя, рѣшившись теперь-же за первымъ разомъ обойдя всю выставку, ознакомиться съ ея общимъ, переходя къ интереснымъ частностямъ своевременно, когда на страницахъ нашего журнала станутъ появляться соотвѣтствующіе рисунки.

Благосклонный читатель, мы съ вами сидимъ, ну положимъ, хоть на возвышенномъ мѣстѣ имперьяла желѣзно-коннаго вагона и проѣхали уже линію дачъ за тріумфальною аркою Тверскихъ воротъ. Передъ нами за громадною пыльною площадью, кишащею тысячами экипажей, пѣшеходовъ, конными жандармами и пр. тянется правый фасадъ выставки—лицевой фасадъ, съ царскимъ павильономъ, съ мачтами, флагштоками, съ хорошенькимъ садомъ, обнесеннымъ легкою, изящною рѣшеткою—видѣнъ нами пока въ довольно сокращенной перспективѣ. Вагонъ поворачиваетъ влѣво и подходитъ вплотную къ подъѣзду съ платформою, гдѣ устроены турникеты-счетчики для публики платной и особая дверь для участвующихъ чѣмъ-либо въ дѣлѣ выставки, очевидно имѣющихъ право посѣщать ее безплатно. Пройдя турникетъ, вы входите въ крайній уголъ втораго отдѣла. Это громадный павильонъ, почти въ пятьдесятъ саженъ длины и двадцать пять ширины состоитъ изъ трехъ продольныхъ галлерей, ровныхъ по своей ширинѣ. Здѣсь собраны образцы нашихъ научно-учебныхъ произведеній, здѣсь мы видимъ представителей главнѣйшихъ изданій нашей прессы, образцы лито-и типографій, художественныя школы, оптическіе приборы, модели и машины для физическихъ кабинетовъ, фотографіи, наконецъ музыкальные инструменты и дѣтскія игрушки. Обойдя этотъ отдѣлъ вокругъ мы возвращаемся къ первоначальному нашему входу и поворачиваемъ уже направо въ отдѣлъ первый, исключительно художественный. Постройка этого отдѣла—это положительное чудо упрощенной архитектуры, павильонъ равенъ по своей величинѣ съ предыдущими, но значительно выше его и освѣщенъ сверху такъ, что развѣшанныя по сторонамъ его лучшія произведенія нашихъ мастеровъ пользуются ровно самымъ выгоднымъ и пріятнымъ для глазъ свѣтомъ. Размѣры этого павильона дозволили распорядителямъ расположить картины и самыя большія и даже самыя крохотныя такъ, что зритель разсматриваетъ ихъ свободно во всѣхъ деталяхъ, не мѣшая при этомъ сосѣду заниматься такимъ-же дѣломъ... Это, между прочимъ сказать, первая на Руси художественная выставка, гдѣ условіе это соблюдено прекрасно. Предполагаютъ при окончаніи выставки павильонъ этотъ не продавать на сломъ а перенести въ Петербургъ и поставить въ академическомъ саду и сдѣлать его постоянно открытымъ для публики. Благая мысль! Не хватитъ размѣровъ журнала перечислить все, что только собрано здѣсь лучшаго по русскому искус-

ству. Всюду передъ вашими глазами блещутъ крупныя, дорогія для насъ имена нашихъ любимыхъ мастеровъ, имена подписанныя на холстахъ произведеній, завоевавшихъ уже себѣ по праву почетное мѣсто въ исторіи родного искуства. Въ этомъ отдѣлѣ вы всегда найдете наибольшее число посѣтителей. Посрединѣ залы въ два ряда спинами другъ къ другу стоятъ покойные диваны и стулья, вѣчно занятые любителями, а больше любительницами живописи и ваянія. Изъ художественнаго отдѣла есть прямо выходъ въ лицевой садъ передняго фасада, но мы туда не пойдемъ, а повернемъ въ соединительную галлерею, которая проведетъ насъ прямо въ главное, кольцеобразное строеніе выставки. Половина этой соединительной галлереи наполнена еще предметами, продолжающими 2-й отдѣлъ, а другая половина уже предметами произведеній заводской обработки, составляющей содержаніе седьмаго отдѣла. Здѣсь сразу останавливаютъ на себѣ вниманіе зрителя роскошныя витрины Императорскихъ заводовъ фарфороваго и стекляннаго. Детальный рисунокъ одной изъ этихъ витринъ, именно фарфоровыхъ издѣлій изображенъ на нашемъ рисункѣ: задрапированная малиновымъ бархатомъ стѣна этой витрины бордюрована роскошнымъ орнаментомъ изъ золота, даетъ чудный фонъ для дивныхъ произведеній завода; росписной, вызолоченный фарфоръ граціозно мѣшается съ красивыми декораціями изъ тропическихъ растеній. Все это приподнято на платформѣ, на которую ведутъ двѣ ступени, а вокругъ, балюстрадою, разставлены бѣлыя мраморныя тумбы съ лампами и вазами колоссальныхъ размѣровъ, украшенными превосходною миніатюрною живописью по фарфору. На самой эстрадѣ и у стѣны стоитъ закрытая стеклами витрина для мелкихъ вещей и публика можетъ разсматривать ихъ совершенно удобно, ибо входъ на эстраду не возбраняется. При витринѣ вы всегда найдете очень внимательнаго къ посѣтителямъ и толковаго объяснителя всего что видитъ вашъ глазъ, не устающаго давать отвѣты подъ перекрестнымъ огнемъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. За Императорскими заводами вправо и влѣво по соединительнымъ галлереямъ внѣшняго и внутренняго круга—расположены тождественныя производства частныхъ фабрикъ и заводовъ, легко указывающія, насколько учрежденія Императорскихъ заводовъ, дорого конечно стоющихъ государству и, хотя не окупающихъ, какъ торговыя учрежденія, своихъ затратъ, имѣютъ, тѣмъ не менѣе, громадное вліяніе на успѣхъ частнаго предпринимательства въ тѣхъ же отрасляхъ заводской производительности. Лишь только вы минуете витрины стекла и фарфора, вы попадаете въ царство Бахуса. Тутъ производители вина и водокъ, словно въ бѣшеной скачкѣ рвались другъ передъ другомъ чтобы блеснуть оригинальностью и вкусомъ своихъ витринъ, чтобы дать понятіе объ этой оригинальности, мы представляемъ на страницахъ нашего журнала рисунокъ громадной тріумфальной колоннады изъ бутылокъ, наполненныхъ разнообразными водками и ликерами извѣстнаго завода Штритера и Комп.—Что ни шагъ далѣе, то вы натыкаетесь на новые и новые сюрпризы въ этомъ же родѣ, но пока намъ нѣтъ времени подробно разобраться въ массѣ этихъ сюрпризовъ, вѣдь мы пошли пока въ общій обходъ и обѣщали пока не заниматься особенно частностями. Будемъ продолжать съ поворота направо, т. е. къ лицевому фасаду. Слѣдующій отдѣлъ центральнаго зданія это отдѣлъ 5-й, издѣлій изъ волокнистыхъ веществъ (мануфактура). Эта отрасль нашей промышленности давно уже стоитъ на высокой степени развитія, давно уже съ успѣхомъ конкурируетъ съ иностранными издѣліями этого рода и даже вытѣсняетъ ихъ изъ насиженныхъ рынковъ, какъ напримѣръ въ Азіи, гдѣ за послѣдніе 20 лѣтъ наши бумажныя ткани расширили свое распространеніе болѣе чѣмъ на двѣ тысячи верстъ къ югу, оттѣснивъ англійскій ширтингъ до горъ Гималаи, несмотря даже на то, что наши цѣны значительно превышали англійскія—это фактъ уже свершившійся, провѣренный цифрами а потому болѣе не нуждающійся въ дальнѣйшихъ доказательствахъ. Роскошь и красота витринъ этого отдѣла поистинѣ изумительна, тутъ вы идете улицами проложенными положительно мимо храмовъ, вмѣщающихъ въ себѣ цѣлыя магазины, изящно разложенныхъ и драпированныхъ тканей, начиная отъ дорогой кованной парчи и бархата и кончая дешевыми копѣечными ситцами и набивными платками нашихъ крестьянъ. Пятый отдѣлъ занимаетъ своими товарами оба соединительныя крыла далѣе, до отдѣла восьмого, гдѣ собраны ремесленныя издѣлія. Здѣсь вы чувствуете запахъ сырья, извѣстный типичный запахъ юфти смѣняется запахомъ сырого картона и клейстера, здѣсь съ гигантскихъ свертковъ, съ цѣлыхъ стопъ заклеенныхъ образцами обоевъ, вы натыкаетесь на изящные, вполнѣ собранные кабинеты, гостинныя и столовыя, чудной мебели, съ группъ сѣделъ и образцовъ упряжи, на стеклянныя, сквозныя со всѣхъ сторонъ витрины нашихъ модистокъ и мастерицъ дамскихъ нарядовъ, выставившихъ такія платья и костюмы, такія шляпки и бѣлье, что всѣ, или по крайней мѣрѣ, громадное большинство посѣтительницъ выставки подолгу останавливаютъ здѣсь вниманіе, забывая что еще впереди очень много интереснаго и что пожалуй скоро раздадутся протяжные, унылые звуки пароваго свистка, оповѣщающіе часъ закрытія и приглашающіе публику къ выходу. Къ лицевому фасаду восьмой группы расположена витрина мѣховщиковъ и препараторовъ, о которыхъ я буду говорить обстоятельно, сопровождая текстъ рисунками съ натуры. Безъ рисунка слово блѣдно и недостаточно.

Изъ восьмой группы вы проходите въ шестую, гдѣ сразу окунаетесь въ совершенно противуположный міръ металловъ, ихъ добыванія и примѣненія къ дѣлу. Сначала васъ слѣпятъ массы художественныхъ произведеній изъ бронзы, серебра, цинка, мѣди и желѣза, но далѣе наша горнозаводская дѣятельность представляетъ вамъ уже колоссальные образцы металловъ въ ихъ только предварительно обработанномъ видѣ. Отсюда, послѣдовательно вы проходите въ отдѣлъ четвертый, отдѣлъ горной и соляной промышленности. Прійдя сюда мы обошли только лицевую половину центральнаго зданія и отсюда ведетъ въ бокъ прямая, соединительная галлерея въ отдѣлы девятый и тринадцатый—машинный, военный и морской. Мы оставимъ ихъ пока въ покоѣ и будемъ продолжать свой кругъ. За четвертымъ отдѣломъ слѣдуетъ отдѣлъ произведеній нашихъ западныхъ, такъ называемыхъ привислянскихъ губерній. Всѣ роды производительности и промышленности этого края собраны вмѣстѣ и поэтому зритель опять натыкается на предметы видѣнныхъ уже имъ отраслей. Отдѣлъ этотъ собранъ и составленъ довольно аккуратно и представляетъ собою наглядное доказательство высокаго уровня культуры края и его кипучей дѣятельности. За привислянскимъ отдѣломъ, означеннымъ на планѣ буквою С, слѣдуетъ отдѣлъ, занятый финляндцами, а отъ него отрѣзана узкая, довольно скромная полоска, предоставленная образцамъ кавказской и мѣстной туркестанской производительности; эти представители, т. е. Туркестанъ и Кавказъ, очевидно или полѣнились, или по какимъ нибудь другимъ, болѣе уважительнымъ причинамъ—не могли познакомить публику съ истиннымъ уровнемъ своего промышленнаго развитія, который, во всякомъ случаѣ, несравненно выше всего выставленнаго. Совершенно противуположное представляетъ собою отдѣлъ финляндцевъ, выставившихъ не только образцы своей работы, но и этнографическія группы своихъ обитателей во всей красѣ ихъ скромной домашней обстановки.

Затѣмъ, пройдя отсюда отдѣломъ третьимъ, самымъ многочисленнымъ и пестрымъ, гдѣ помѣщаются сельско хозяйственные предметы и съѣстные припасы, вы замыкаете кругъ и изъ первой соединительной галлереи выходите подышать воздухомъ—какъ разъ противъ роскошной группы терракотокъ Гусарева, надъ которыми доминируетъ, съ жезломъ въ рукахъ, колоссальная статуя Россіи. За терракотами идетъ отдѣльный павильонъ отдѣла двѣнадцатаго, произведеній кустарной промышленности, за нимъ красивая цементная бесѣдка Портъ-Кунда и прямо большой крытый концертный залъ, гдѣ раздаются звучные аккорды А. Г. Рубинштейна, соловьиные голоса нашихъ первоклассныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ и скоро волною польется родная наша русская пѣсня извѣстнаго Д. Славинскаго. Лѣвѣе этого павильона-театра, ближе къ конторѣ, стоятъ окруженныя войлочными кибитками и перевозочными лазаретными фургонами, павильоны Краснаго креста и военной медицины, а рядомъ—единственное черное пятно выставки, большой ресторанъ Лопашева, гдѣ кормятъ особенно скверно, но зато и особенно дорого. Тѣмъ не менѣе это самое бойкое и людное мѣсто, ибо проведя день на выставкѣ, въ безпрестанномъ движеніи, человѣкъ чувствуетъ жгучую потребность поѣсть и выпить, а эту законную вполнѣ и во всякомъ случаѣ, предвидѣнную потребность болѣе удовлетворить негдѣ, ибо ресторанъ почему-то оказался монопольнымъ. Но и на солнцѣ есть пятно, а потому идемъ мимо сего печальнаго пункта и по широкимъ, гладко утрамбованнымъ аллеямъ сада, между клумбами цвѣтовъ и группами молодыхъ деревьевъ—направляемся далѣе. Справа и слѣва вашъ глазъ пріятно поражается разнообразіемъ и красотою отдѣльно разбросанныхъ въ зелени павильоновъ тѣхъ экспонентовъ, которые захотѣли и имѣли возможность устроиться на свой счетъ отдѣльно. Тутъ вы видите павильонъ парфюмера Брокара, табачника Богданова, кондитерскую Абрикосова, павильонъ фирмы Алексѣева, гдѣ при васъ же производятъ съ помощію сложныхъ машинъ золотую канитель,—павильонъ каменноугольной промышленности, Любавиныхъ и пр. и пр. Въ углу влѣво видѣнъ еще трактиръ того же Лопашева, болѣе дешевый по цѣнамъ, для служащихъ, рабочихъ и болѣе бѣдныхъ посѣтителей выставки, а въ самой срединѣ сада громадный четвеpосторонній павильонъ садоводства и огородничества, надъ которымъ возвышается красивый четырехсторонній же куполъ доминирующій надъ всею этою, открытою частью выставки. Отдѣлана и приведена въ окончательный видъ только центральная часть павильона, а потому мы будемъ говорить о немъ въ свое время, а теперь проходимъ только его на сквозь и попадаемъ въ отдѣлъ рогатаго скота, заключающійся въ двухъ длинныхъ образцовыхъ загонахъ, съ отдѣльными денниками и манежемъ по срединѣ. Сюда уже не долетаютъ звуки музыки, здѣсь парятъ другіе звуки, звуки поля и луга, мычаніе коровъ и быковъ, блеяніе овецъ и какихъ овецъ! изъ которыхъ каждая превышаетъ своею стоимостью общую стоимость нашего скромнаго деревенскаго стада. Правый задній уголъ выставочной площади, предназначенъ для сельско-хозяйственныхъ машинъ, онъ еще не въ полномъ порядкѣ, а отъ него по длинѣ всего лѣваго фасада тянутся сплошь колоссальные павильоны, заставленные, локомотивами и вагонами, всѣхъ конструкцій и типовъ и все это на-

шей русской работы изъ нашихъ же русскихъ матерьяловъ—ба! это что за благовѣсть... точно вы попали въ маленькій городокъ, въ большой престольный праздникъ. Обогните павильонъ—плотничьихъ, цементныхъ и столярно-паркетныхъ издѣлій, означенный на планѣ римскою цифрою IX, вы увидите чрезвычайно миловидно раскинувшійся на зеленомъ газонѣ—рядъ изящныхъ навѣсовъ—колоколенъ съ образцами этой изстари славной русской производительности.

Здѣсь одна за другою идутъ колоколенки Оловянишникова, Самгина, Финляндскаго и Рыжева—онѣ всѣ изображены на нашемъ рисункѣ, и нѣсколько поодаль, на площадкѣ, выстроена красивая круглая бесѣдка Ланина, гдѣ можно утолить жажду вкусными и холодными какъ ледъ, фруктовыми водами этого извѣстнаго производителя. Отсюда вы проходите мимо павильона—машинъ и желѣзныхъ издѣлій Лильпопа и Рау, видите оригинальную вѣтряную мельницу американскаго образца, механизмъ котор й устроенъ такъ, что она сама, безъ помощи рук человѣка приводитъ себя подъ вѣтеръ и попадаетъ прямо въ самое пекло дымной и копотной заводской дѣятельности, пыхтѣнье паровиковъ, грохотъ и стукъ цѣпей и шестерней, плескъ воды, накачиваемой насосами, высокія заводскія трубы и черные клубы дыма переносятъ васъ совсѣмъ въ иной міръ, въ иную жизнь, рѣзко отличающуюся ото всего, что вы сейчасъ видѣли. Тутъ же возвышается—надо всей выставкой громадный чанъ, резервуаръ, поднятый на высоту двѣнадцати саженъ—почтенная высота—и вмѣщающій въ себя тысячи ведеръ воды—этотъ резервуаръ даетъ воду во всѣ фонтаны и пожарные краны выставки, которыми всѣ отдѣлы снабжены въ достаточномъ количествѣ. Мы, вмѣстѣ съ издателемъ „Нивы“, поднимались на верхнюю площадку этой башни и любовались чуднымъ видомъ, съ птичьяго полета всею роскошною, полною оригинальной прелести, понорамою выставки и ея окрестностей. Совѣт ю и вамъ, читатель, если попадете на выставку, не миновать этаго пункта и запастись рѣшимостью подняться по этимъ узенькимъ приставнымъ лѣстницамъ, рискуя впрочемъ перемараться въ грязи и копоти, с обязательной такимъ чернорабочимъ угламъ, гдѣ мы находимся въ данную минуту. Въ этомъ лѣвомъ лицевомъ углѣ, симетрично съ павильономъ художественнаго отдѣла, помѣщенъ отдѣлъ машинъ и военно-морскаго дѣла. Описаніе всего этаго міра техническихъ чудесъ мы предоставляемъ нашему уважаемому сотруднику артиллеристу Фондеръ Ховену, спеціалисту по своей части и официальному представителю военнаго отдѣла, а сами пройдемъ вновь соединительной галлереей и черезъ четвертый отдѣлъ, въ которомъ мы уже были, попадемъ въ центральный круглый садъ—большой рисунокъ котораго передъ вашими глазами, многоуважаемый читатель.

По срединѣ этаго сада на пол томъ возвышеніи—украшенный колоссальными флагами стоитъ граціозный павильонъ для музыки, отъ него радіусами идутъ широкія дорожки сада, обрамленные цвѣточными клумбами и деревьями въ замаскированныхъ кадкахъ—на четырехъ закругленныхъ газонахъ мечутъ водяныя струи четыре громадные, художественно задуманные и выполненные фонтана. Въ этотъ садъ, который одинъ можетъ вмѣстить въ себѣ свободно до десяти тысячъ посѣтителей, можно попасть изъ каждаго отдѣла особымъ ходомъ; проходя этимъ же садомъ, на прямикъ вы можете попадать изъ одного отдѣла въ другой, минуя необходимость кружнаго пути, что конечно представляетъ не мало удобства и, глядя на все это, вспоминая, что до выставки—здѣсь тянулось одно пустое, гладкое поле, предназначенное для маневровъ войскъ, нельзя не подивиться генію человѣка, нельзя не сказать горячаго спасибо этимъ тысячамъ скромныхъ рабочихъ, скромными, закорузлыми руками которыхъ въ годъ времени создано такое колоссальное, грандіозное явленіе! Сердце сжимается невольно когда знаешь, что все это только временное, что все это нынѣшнею же осенью, спустя нѣсколько какихъ нибудь мѣсяцовъ предназначено къ слому и будетъ обращено въ груды мусора, а затѣмъ свезено съ мѣста и слѣда по себѣ не оставитъ; но все это не оставитъ слѣда только въ узкомъ, буквальномъ значеніи этаго слова, за то оно оставитъ въ другомъ значеніи, болѣе обширномъ, слѣдъ неизгладимый во вѣки вѣковъ, слѣдъ, который отзовется въ каждомъ производительномъ дѣлѣ, начиная отъ милліонныхъ заводовъ и кончая хаткою бѣднаго кустаря крестьянина, все это подниметъ его духъ, дастъ ему знаніе и силу, а съ этою нравственною силою, съ этимъ знаніемъ ему ткроется все шире и шире, все дальше и дальше свѣтлый путь къ тому, что мы называемъ—истиннымъ, мирнымъ прогрессомъ.

Вотъ теперь мы съ вами, читатель, обошли в ю выставку, теперь вы знакомы со всѣмъ ея расположеніемъ, вы знаете, гдѣ и какъ надо искать то частное, что васъ лично интересуетъ—и мы своевременно, съ перомъ и карандашемъ въ рукахъ, перейдемъ къ этому частному, отмѣтимъ все это, что дѣйствительно заслуживаетъ поощренія и вниманія. Орьентировавшись такъ какъ мы теперь орьентировались съ вами, васъ не собьютъ съ толку подробности, какъ бы мы не переносились неожиданно изъ отдѣла въ отдѣлъ, повинуясь подъ часъ обстоятельствамъ не всегда отъ насъ зависящимъ.

Мы уже говорили выше, что на нашихъ рисункахъ изображены будутъ красивѣйшіе и болѣе замѣчательные пункты выставки. Теперь кромѣ вида внутренняго двора главнаго круглаго зданія, мы помѣстили еще видъ павильона превосходныхъ издѣлій Императорской фарфоровой фабрики. Въ № 47 1876 года у насъ былъ рядъ видовъ этого завода и обстоятельная статья о самомъ производствѣ. Императорскій фарфоровый заводъ на 10-й верстѣ по Шлиссельбургскому тракту, на берегу Невы и основанъ Императрицей Елисаветой Петровной. Производство преимущественно изъ матеріала добываемаго въ Россіи и главная дѣятельность завода—снабженіе фарфоромъ всѣхъ Императорскихъ дворцовъ. Сбытъ на сторону, преимущественно брака, нельзя назвать значительнымъ. Фарфоровое производство этаго завода въ послѣднее время достигло высшей степени развитія, при которой онъ смѣло соперничаетъ съ лучшими иностранными фабриками. Всѣ мастера на заводѣ—русскіе. При заводѣ двѣ школы для заводскихъ дѣтей. При окончаніи курса ученики распредѣляются по разнымъ частямъ завода. Лучшіе изъ нихъ продолжаютъ образованіе въ Академіи Художествъ. Произведенія теперь выставленныя въ витринахъ, поражаютъ своими качествами и высоко-художественнымъ исполненіемъ.

На второмъ рисункѣ представленъ эффектный павильонъ прекрасныхъ парфюмерныхъ издѣлій Брокара, изъ-за котораго видѣнъ ресторанъ, гдѣ усталые и проголодавшіеся посѣтители собираются во множествѣ, утоляя свой голодъ. Еще болѣе эффектное сооруженіе — колоннада изъ бутылокъ (производство извѣстнаго водочнаго заводчика А. Ѳ. Штритера, на Обводномъ каналѣ въ Петербургѣ и въ Красномъ селѣ подъ Москвою. Обороты заводовъ велики, именно болѣе 2½ милліоновъ въ годъ. Весь матерьялъ эти заводы закупаютъ въ Россіи, сбытъ же произведеній въ Россіи и за границею. Эта красивая, оригинальная колоннада часто останавливаетъ на себѣ вниманіе публики.

Н. Каразинъ.

Политическое обозрѣніе.

Китай и Россія. — Турція. — Египетъ. — Германія. — Италія. — Испанія. — Швеція. — Австрія.

Китайское правительство показываетъ намъ, въ настоящую минуту, свое доброе расположеніе и какъ-бы намѣреніе установить съ нами дружественныя отношенія; признакъ такого поворота въ китайской политикѣ относительно Россіи видятъ въ томъ, что правительство богдыхана смѣнило управлявшаго военнымъ министерствомъ Цео-Цтунгъ-Тенга (завоевателя Кашгара) бывшаго всегда величайшимъ нашимъ противникомъ и поставленнаго во главѣ военныхъ дѣлъ Китая во время готовившагося столкновенія съ нами; теперь онъ назначенъ генеральнымъ секретаремъ обѣихъ Кіангскихъ провинцій и главнымъ торговымъ надзирателемъ южныхъ портовъ Поднебесной имперіи; вообще-же нынѣшній главный правитель Китая, принцъ Кунгъ, держится миролюбивой политики. Изъ Тегерана англичане сообщаютъ, будто русскій офицеръ отправился въ сопровожденіи нѣсколькихъ туркменъ, въ Гератъ, но былъ арестованъ въ Горіонѣ отрядомъ гератцевъ и, по распоряженію Абдула-Кудусъ-Хана, конвоированъ ими до персидской границы, причемъ этому офицеру воспрещено возвращаться въ Гератъ; къ этому извѣстію прибавляется, что сношенія Мерва съ Асхабадомъ все болѣе и болѣе учащаются. Первое извѣстіе, вѣроятно, пріятнѣе англичанамъ, чѣмъ второе. Въ нашихъ газетахъ распространился слухъ, что будто-бы русскій посланникъ въ Константинополѣ, г. Новиковъ, будетъ замѣненъ г. Зиновьевымъ, посланникомъ при Шахѣ.

Султанъ съ большою предупредительностью принялъ четырехъ германскихъ офицеровъ, прибывшихъ въ Турцію въ качествѣ инструкторовъ арміи; Абд-уль-Гамидъ произнесъ при этомъ небольшую привѣтственную рѣчь; выразивъ свою благодарность императору Вильгельму, согласившемуся выполнить его давнишнее желаніе, султанъ сказалъ затѣмъ, что надѣется, что они сослужатъ добрую службу турецкой арміи; „впрочемъ, за это, продолжалъ онъ, ручается превосходство прусской арміи, а равно и то, что офицеры, командированные въ Турцію, были лично выбраны императоромъ“; когда султанъ кончилъ, то полковникъ Келеръ передалъ ему поклонъ отъ императора и кронпринца и заявилъ, что офицеры сдѣлаютъ все возможное, чтобы выполнить возложенное на нихъ порученіе; султанъ еще долго говорилъ съ офицерами о вопросахъ реорганизаціи арміи и, затѣмъ, объявилъ имъ, что они всегда имѣютъ къ нему входъ безъ доклада и пользуются его особымъ покровительствомъ. Въ Египтѣ, и именно въ Александріи, дѣло дошло до открытаго возмущенія; согласно краткимъ извѣстіямъ, собравшейся толпѣ инсургентовъ было дано пять часовъ времени, а затѣмъ противъ нея двинута вооруженная сила (какая? египетская или европейская?), которая и разсѣяла бунтовщиковъ; далѣе сообщается, что во время безпорядковъ

ранено 80 европейцевъ и 28 арабовъ и убито 49 европейцевъ и 5 арабовъ; между прочимъ англійскій консулъ тяжело раненъ; хорошо понять нельзя—какъ все произошло. можно только догадаться, что движеніе было направлено не противъ одного хедива, а и противъ европейцевъ, другомъ которыхъ арабы и считаютъ Тевфика-Пашу. Говорятъ, что будто хедивъ будетъ низложенъ.

Одно лицо, близко стоящее къ князю Бисмарку, недавно высказалось въ томъ смыслѣ, что германскій канцлеръ и вообще нѣмцы склонны признать за Англіею преобладающее вліяніе въ Египтѣ, но что государственные люди Англіи не воспользовались этимъ своевременно; что же касается коллективнаго протектората двухъ западныхъ державъ, то его князь Бисмаркъ считаетъ абсурдомъ и теперь предоставляетъ Франціи и Англіи самимъ выпутываться изъ затрудненія, которое сами себѣ создали. Принцъ Вильгельмъ прусскій пригласилъ короля Гумберта крестнымъ отцомъ своего новорожденнаго сына; король принялъ приглашеніе и прислалъ за себя принца Аостскаго, бывшаго короля Испанскаго; новорожденный нареченъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ-Викторомъ.

По случаю кончины Гарибальди король Гумбертъ прислалъ его сыну слѣдующую депешу: „Прискорбіе, причиненное мнѣ кончиною вашего знаменитаго отца, не менѣе глубоко, чѣмъ и несчастіе, которое поразило націю. Мой отецъ научилъ меня съ дѣтства чтить въ Гарибальди доблести гражданина и солдата. Будучи свидѣтелемъ его славныхъ подвиговъ, я питалъ къ нему наиглубочайшую привязанность, признательность и удивленіе. Эти чувства, какъ и воспоминаніе о тѣхъ, какія засвидѣтельствованы мнѣ и моему семейству отважнымъ генераломъ, заставляютъ меня вдвойнѣ сознавать важность этой невознаградимой потери. Присоединяясь къ скорби итальянскаго народа и къ трауру семейства покойнаго, я прошу васъ выразить, отъ моего имени, всѣмъ роднымъ живѣйшее соболѣзнованіе, которое я испытываю вмѣстѣ со всею націею". Радикалы едва не склонили семейство Гарибальди сжечь его трупъ, но правительство убѣдило отказаться отъ этой мысли и тѣло генерала похоронено на о. Капрерѣ, при участіи членовъ сената и палаты депутатовъ и многихъ другихъ депутацій.

Въ Испаніи снова начинается агитація въ пользу возвращенія Гибралтара и вскорѣ ожидается, что въ Кортесахъ будутъ сдѣланы запросы по этому вопросу.

Въ Швеціи происходятъ празднества по случаю серебряной свадьбы шведской королевской четы; празднества начались 25-го мая въ Стокгольмѣ торжественнымъ богослуженіемъ въ дворцовой церкви, а вслѣдъ затѣмъ у ихъ величествъ состоялся торжественный пріемъ, для принятія поздравленій; въ 7 часовъ вечера въ великолѣпныхъ залахъ дворца былъ сервированъ обѣдъ: король и королева сдѣлали крупныя пожертвованія на разныя благотворительныя учрежденія.

Въ Австріи, въ Брюннѣ предполагается учредить чешскій университетъ.

Библіографія.

Бертенсонъ и Ворониxинъ. Минеральныя воды, грязи и морскія купанья, въ Россіи и заграницею. Спб. 1882 г. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на эту книгу, совершенно необходимую для того кто имѣетъ дѣло, или самъ, или въ семьѣ своей, съ леченіемъ водами. Эта книга совмѣщаетъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія, интересующія по данному вопросу. Свѣдѣнія о русскихъ водахъ представляются новинкою; полнота ихъ и точность должны быть поставлены въ особенную заслугу авторамъ. Для читателей „Нивы", для семьи, книга эта давно желаемая; мы не говоримъ уже о докторахъ, для которыхъ книга должна быть настольною, благодаря своимъ указаніямъ, какъ общимъ, такъ и цифровымъ; таблицы, которыхъ много, образецъ самой добросовѣсти и разработки.

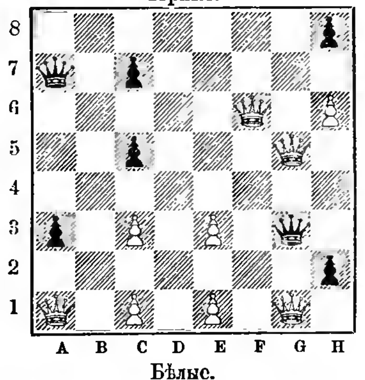
Исторія Турціи. Коллаcа. Спб. 1882 г. Переводъ этой книги появляется очень своевременно, въ виду обстоятельствъ, обратившихъ общее вниманіе на событія въ оттоманской имперіи. Многимъ ли хорошо извѣстны даже событія довольно близкія къ намъ напр. возстаніе Греціи, времена Махмуда и Мегмета-Али? У насъ же нѣтъ ни одного сочиненія, которое бы сжато и ясно, какъ въ этомъ очеркѣ, знакомило бы съ исторіей Турціи.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Историч. изслѣд. П. Кобеко. Спб. 1882 г. Чрезвычайно любопытное и прекрасное изслѣдованіе, очень ярко представляющее благородную личность Вел. Кн. Павла Петровича, обладавшаго многими высокими и блестящими качествами. Вообще теперь особенная чувствуется потребность въ возстановленіи въ истинномъ свѣтѣ разныхъ нашихъ историческихъ дѣятелей, о которыхъ существуютъ и утвердились смутныя, сбивчивыя и невѣрныя представленія и пристрастныя сужденія, часто голословныя, между тѣмъ всѣми повторяемыя. Изслѣдованіе написано такъ живо и интересно, что и не спеціально занимающійся исторіей читатель прочтетъ его неотрывалсь.

Игры и задачи.

Шашечная задача № 45.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ одну дамку и одну шашку черныхъ въ 9 ходовъ.

Задачи магическихъ квадратовъ №№ 46 и 47.

а	а	а	а	в
г	г	н	н	к
к	н	н	н	н
о	о	р	р	р
р	т	ы	ы	э

а	а	а	а	а
а	а	а	д	д
з	з	к	м	н
н	н	о	о	с
с	с	у	у	ч

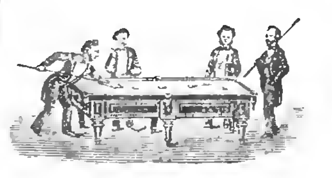
Заявленіе.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, **большой картины Профессора В. И. Якобія „Дорогой гость", слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.**

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**



EAU DE LYS DE LOHSE, Lohse's Lilien-Milch, противъ ВЕСНУШЕКЪ,

солнечнаго загара, красноты, прыщиковъ, желтыхъ пятенъ, укушенія насѣкомыхъ, также для утонченія кожи и для приданія свѣжести и бѣлизны лицу, почти 50 лѣтъ употребляемое лучшее средство для лица. Ежедневное употребленіе „Eau de Lys de Lohse“ дѣйствуетъ освѣжительно, дѣлаетъ лицо совершенно чистымъ и нѣжнымъ и придаетъ ему цвѣтущій здоровьемъ и свѣжій видъ. Цѣна (въ флаконахъ съ фирмой дома) 1 р. 50 к. и 3 р.

LOHSE, МЫЛО — LILIENMILCH по чистотѣ и нѣжности одно изъ лучшихъ туалетныхъ мылъ, цѣна за кусокъ 60 к., а la rose de Turquie 1 р. 25 к.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, парфюмеръ въ Берлинѣ, JAEGERSTRASSE, № 46.

Поставщикъ двора Ея Величества Императрицы Германской Имперіи. Первый призъ золотая медаль **Porto Allegre 1881.**
Требовать у парфюмеровъ, парикмахеровъ и пр. „Eau de Lys de Lohse“.

1-го ІЮНЯ ВЫШЕЛЪ № 6
„РОДНИКА“.

Содержаніе: I. Ласточки. Профессора **М. Н. Богданова.** II. Весной. Стих. **С. Дрожжина.** III, Отъ бревенчатой хижины до Бѣлаго Дома (продолжен.) IV, Добрая слава два вѣка живетъ. (Біогр. Кулибина). **Е. Александровой.** V, Богатырство кіевское (оконч.) **В. Авенаріуса.** VI, Охота (лѣтняя игра). VII, Смѣсь. VIII, Загадки.

Подписка на 1882 г. продолжается.

Годовая цѣна, съ дост. и перес. (12 книгъ журнала и 3 книги педагогическаго сборника) **6** руб., безъ педаг. сборн. **5** руб.

Адресъ редакціи: СПБ., Спасная ул., № 1.
При конторѣ „Родника“ продаются слѣдующія книги: (см. объявленіе въ „Нивѣ“ № 19).

4) **Бриггэмъ.** О вліяніи умственныхъ упражненій на здоровье дѣтей. Ц. **50** к., съ перес. **75** к.

5) **Махъ.** О звуковыхъ ощущеніяхъ. Ц. **75** к. съ перес. **1** р.

6) **А. В. Кругловъ.** Иванъ Ивановичъ и К°. Повѣсть для дѣтей, съ картин. Попова и Каразина. Ц. **90** к., съ перес. **1** р. **20** к.

Подписч. на „Родникъ“ пользуются 20% уступки.

МУЗЫКА ДЛЯ ДАЧЪ:

шарманки, органы, **гармонифлюты съ органомъ,** музыкальные ящики, концертино, гармоніи, **корнеты а пистонъ,** флейты, кларнеты, скрипки, гитары, **цитры,** мандолины, школы (самоучители) для всѣхъ инструментовъ.
Фисгармоніи и гармонифлюты извѣстнаго фабриканта Бюсона въ Парижѣ.
Рекомендуетъ въ большомъ выборѣ по весьма дешевымъ цѣнамъ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана.

С.-Петербургъ, по Большой Морской ул., № 42. А. № 2135 2—1

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
AU BON-MARCHÉ,

34. Магазинъ бывшій ШТАНГЕ, Большая Морская, 34.

ДЛЯ ДАЧИ:

Столовые сервизы на 12 персонъ отъ 8 р.	Умывальникъ съ педалью . . 6 р. — к.
Чайный фарфоров. „ „ „ „ 3 р.	Дачныя стулья дюжина . . . 6 „ 50 „
Хрустальн. гладк. „ „ „ „ 10 р.	Самодѣйствующія мороженицы 4 „ 50 „

Громадный выборъ по хозяйству и для приданаго.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
Всероссійской Художественно-Промышленной Выставки въ Москвѣ, 1882 года.

Во второе и послѣдующія изданія **Оффиціальнаго Указателя Выставки** каждое не менѣе 10,000 экз., открытъ **пріемъ публикацій.**

Для публикующихъ въ первомъ изданіи,—цѣна оставлена прежняя, а со вновь поступающихъ увеличена. Въ десять дней Указатель распроданъ, болѣе чѣмъ въ **6,000** экз., остальные 4,000 распродадутся въ весьма непродолжительное время, поэтому срокъ пріема публикацій ограниченъ. Публикаціи будутъ помѣщены во **всѣ экземпляры указателя,** сколько бы таковыхъ во все время продолженія выставки ни вышло.

Публикаціи принимаются въ зданіи выставки при продажѣ указателя въ группахъ I, II, VIII, IV и соединительной галлереи между II и VII.

Въ Центральной конторѣ объявленій Л. Метцль, Петровка, д. Солодовникова, и ея отдѣльно построенномъ павильонѣ на Выставкѣ, противъ ресторана Лопашева: у Печковской въ Петровской Торговой линіи, и въ Спб. у Оскаръ, Мошковская, № 4 и въ Центр. конт. объяв., Невскій пр., № 11, въ Варшавѣ контора Рейхманъ и Френдлеръ.

Контрагентъ Управленія Выставки по изданію оффиц. Указателя **Мартиновъ.**
Москва, Тверская, д. Локотниковой. Ц. № 2141

Первый призъ „Золотая медаль“ Порто Алегре 1881.
ПЕРЛЫ ВСѢХЪ ДУХОВЪ

для носовыхъ платковъ, платья, кружевовъ и т. п.

Maiglöckchen. Г. Лозе.	**Héliotrope blanc Г. Лозе.**
Edelweiss Г. Лозе.	**Königin der Nacht Г. Лозе.**

Bouquet Garmen Г. Лозе

въ подлин. бутылкахъ съ патентир. замыканіемъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 46, JÄGERSTRASSE, ВЪ БЕРЛИНѢ.

Поставщикъ Двора Е. В. Императрицы Германіи.

фабрика превосходныхъ духовъ и туалетныхъ мылъ.

Мои спеціальности признаны наилучшаго качества и пріобрѣли всеобщее одобреніе, прошу поэтому при закупкахъ обратить вниманіе на мою полную фирму, во избѣжаніе недоразумѣній. 2—2

ГАЛЬМАНИНЪ.

Извѣстный своими свойствами предотвращающими прѣніе частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ, ***Гальманинъ*** *продается въ аптекахъ, а также у дрогистовъ значительнѣйшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи.* ***Главное депо*** *находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца аптеки, магистра фармаціи* ***В. Карпинскаго,*** *улица Электоральная, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к.* ***Нужно остерегаться поддѣлокъ*** *и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г.* **В. Карпинскій** *магистръ фармаціи.*

КОНДИТЕРСКАЯ И ПРЯНИЧНАЯ ФАБРИКА
М. В. КУБЫШКИНА.
ВЪ ОРЛѢ.

Карамель, мармелады, монпасье, роксъ пастила: Печенье коврижки пряники и проч. Прейсъ-курантъ по желанію безплатно. П. 2126 2—2

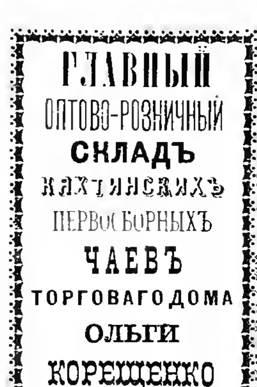
10% уступки при покупкѣ на 100 руб.

ПОКУПАЕТЪ ДЛЯ КОЛЛЕКЦІИ
Ю. ЯКОБСОНЪ

разные предметы изъ стариннаго серебра, золотыя, эмалевыя вещи и табакерки, старыя вещи изъ горнаго хрусталя и другихъ камней въ золотой и серебряной оправѣ: вазы, группы, фигуры и посуду стариннаго фарфора; вещи изъ порфира, мрамора, темной и золоченой бронзы, кости и дерева; мебель съ бронзой, фарфоромъ, инкрустаціями, наборнаго и рѣзнаго дерева; бронзовые часы, канделябры, стѣнники, старинныя кружева, вѣера и матеріи; картины, миніатюры и всякія художественныя вещи.

Малая Морская, д. № 12, магазинъ рѣдкостей. А. № 2137 2—1

Любители и знатоки хорошаго ЧАЯ



СИМЪ ИЗВѢЩАЮТСЯ ЧТО

въ склады извѣстнѣйшаго по своей торговлѣ и превосходному выбору чаевъ Московскаго Торговаго Дома

ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО

ТОЛЬКО ЧТО ДОСТАВЛЕНЫ И ПОСТУПИЛИ

въ Оптовую и Розничную продажу

СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ

ЖЕЛАЮЩІЕ воспользоваться всѣми выгодами покупки **ЧАЕВЪ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ РУКЪ** на условіяхъ сего прейсъ-куранта, съ требованіями своими благоволятъ относиться по нижеслѣдующему адресу.

огромныя партіи свѣжихъ первосборныхъ чаевъ необыкновенно высокаго достоинства, въ особенности же рекомендуются Гг. любителямъ слѣдующія серія: подъ № 4 Императорскій **„Отборный“** черный чай по 1 р. 80 коп. за фунтъ; подъ № 5 необыкновенно пріятнѣйшаго вкуса и аромата, съ сильнымъ букетомъ, **„Рѣдкостный Ханскій“** черный чай **„Царскій Букетъ“** по 2 руб. за фунтъ; подъ № 6 чрезвычайно пріятнѣйшаго нѣжнаго вкуса и аромата **„Ханскій Розанистый“** черный чай **„Царская Роза“** по 2 р. 30 коп.; подъ № 7 необычайно высокаго достоинства весьма рѣдкостный **„Ханскій нѣжно-ароматный“** черный чай **„Индійская Роза“** по 2 р. 60 коп. за фунтъ; подъ № 66 **„Новый сортъ“** чернаго чая, впервые вывезенный изъ Китая, рекомендуется какъ рѣдкость изъ рѣдкостей, **„Особый сортъ“** по 2 р. 75 коп. за фунтъ: изъ цвѣточныхъ и лянсиныхъ чаевъ весьма хороши подъ №№ 13, 14, 15 и въ особенности подъ №№ 16, 17 и 18. Прочіе же лянсины высокіе, а равно чаи Желтые и Зеленые отменно высокаго достоинства.

Прейсъ-курантъ свѣжимъ первосборнымъ чаямъ

СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ И ВЫБОРА.

МОСКОВСКАГО ТОРГОВАГО ДОМА ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО.

ЧЕРНЫЕ ДУШИСТЫЕ ЧАИ:	Цѣна за фунтъ.	
№ 2. Ароматный душистый **„Нанхэо-Пеха“**	1	10
№ 3. Императорскій высшій сортъ **„Фучефу“**	1	60
№ 4. Императорскій отборный, пріятнѣйшаго вкуса и аромата, **„Букетъ Фучана“**	1	80
№ 5. **Ханскіе ароматные чаи**, необыкновенно пріятнѣйшаго вкуса и аромата, нашей собственной выписки и выбора, душистый, съ сильнымъ букетомъ рѣдкостный ханскій черный чай **„Царскій букетъ“**	2	—
№ 6. Чуднаго, необыкновенно нѣжнаго и пріятнаго вкуса и аромата нашей выписки и выбора **„Ханскій розанистый“** черный чай **„Царская Роза“**	2	30

ЧЕРНЫЕ ХАНСКІЕ ЧАИ:	Цѣна за фунтъ.	
№ 7. Превосходнѣйшаго достоинства, весьма рѣдкостный, черный Ханскій, нѣжно-ароматный чай, нашей собственной выписки и выбора, **„Индійская Роза“**	2	60
№ 66. Новый сортъ чернаго чая никогда еще небывалый здѣсь въ продажѣ, изъ рѣдкостей рѣдкость **„Особый сортъ“**	2	75
ЧАИ ЦВѢТОЧНЫЕ:		
№ 13. Цвѣточный **„Отборный“**	2	25
№ 14. Лянсинъ Мьютонъ-Понджимъ-Пеха.	2	50

ЦВѢТОЧНЫЕ ЛЯНСИНЫ:	Цѣна за фунтъ	
№ 15. **„Букетный Лянсинъ“**	2	70
№ 16. **„Букетъ Розы“**	3	
№ 17. **„Китайской Императрицы“**	3	20
№ 18. **„Шилунга“**	3	50

а также имѣются въ продажѣ Лянсины бѣлые по 4 р., 5 р., 6 р., 7 р. и 10 р. за фунтъ.

Зеленые чаи въ 3 р., 50 к., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р. и 10 р. за фунтъ.

Желтые чаи въ 3 р. 50 к., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р., и 10 рублей за фунтъ.

Выписывающіе и покупающіе чай единовременно на 50 руб., кромѣ 5% уступки получаютъ **безплатно** по своему выбору **одинъ** изъ нижеслѣдующихъ предметовъ чайнаго сервиза:

1) Новоизобрѣтенный высшаго достоинства бретонскаго металла **чайникъ**.
2) **Ларчикъ** съ замкомъ, на 1 фунтъ чая.
3) Серебряный вызолоченный **совочекъ** для засыпки чая.
4) Серебряная 84 пробы **ситка** для чая.
5) Серебряные 84 пробы **щипцы** для сахара.
6) Два римскіе **подстаканчика** накладнаго серебра.
7) Три серебряныя вызолоченныя 84 пробы **чайныя ложки** новаго фасона съ рисунками.
8) **Сахарница** бретонскаго металла.
9) **Сливочникъ** бретонскаго металла.
10) Серебряная вызолоченая 84 пробы десертная дѣтская **ложка** съ рельефнымъ рисункомъ.
11) Серебряная вызолоченная 84 пробы **столовая** ложка новаго фасона съ рисункомъ.
12) Два **подсвѣчника** съ гасильниками изъ мельхіора.
13) Серебряный вызолоченный 84 пробы **дѣтскій стананчикъ**.
14) Серебряная вызолоченная 84 пробы **солонка**.

Гг. иногородные желающіе

выписывать чай, съ требованіями своими благоволятъ относиться **въ МОСКВУ, на Кузнецкомъ мосту, въ домѣ Торлецкаго, въ Главную Контору Торговаго дома Ольги Арсеньевны КОРЕЩЕНКО.**

Требованія исполняются немедленно.

ПЕРЕСЫЛКУ ЧАЕВЪ ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ

контора принимаетъ на свой счетъ и сверхъ того дѣлаетъ уступку 5% съ рубля всѣмъ выписывающимъ извѣстныхъ сортовъ чая на 25 руб., а выписывающимъ на 50 руб, высылается кромѣ уступки безплатно одинъ изъ предметовъ чайнаго сервиза, по выбору и назначенію покупателя, или же чая на 3 руб.

ПРИМѢЧАНІЕ: Чай цѣною въ 1 р. 40 к. высылается на нашъ счетъ только на разстояніи отъ Москвы до 1000 верстъ; чай цѣною въ 1 р. 60 к. и 1 р. 80 к. высылается на нашъ счетъ только на разстояніи отъ Москвы до 2000 верстъ. Затѣмъ выписывающіе въ отдаленные города чай отъ 2 р. и выше пользуются уступкой и преміей.

Дозволено цензурою. СПБ. 10 іюня 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ

XIII годъ | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | годъ XIII

№ 25 | 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 19 Іюня 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Графъ Г. Кальноки.

Назначеніе Графа Кальноки на высокій постъ министра иностранныхъ дѣлъ и императорскаго двора состоялось 19 ноября 1881 года, послѣ смерти его предшественника Геймерле и этотъ удачный выборъ встрѣченъ былъ во всей странѣ общимъ сочувствіемъ. Сочувствіе это вызвалось не случайно; графъ Кальноки давно извѣстенъ какъ самый дѣльный и способный изъ молодыхъ австрійскихъ дипломатовъ, котораго заслуги всегда высоко цѣнились правительствомъ. Доказательствомъ послѣдняго могло бы служить то что не смотря на свои сравнительно молодые годы графъ Кальноки достигъ чина генералъ-маіора, и тайнаго совѣтника, удостоенъ званія камергера и въ то же время сдѣланъ почетнымъ кавалеромъ какъ мальтійскаго ордена такъ и ордена святаго Леопольда и многихъ другихъ знаковъ отличія. Графъ Кальноки родился 29

Графъ Г. Кальноки. Австрійскій Министръ Иностр. дѣлъ. Съ фотогр. грав. О. Ротъ.

декабря 1832 года въ Леттовицѣ и былъ вторымъ сыномъ венгерскаго магната, графа Густава Іосифа Кальноки отъ брака его съ Изабеллою, графинею Шраттенбахъ. Такимъ образомъ, принадлежа по происхожденію къ старинной венгерской знати, графъ Кальноки, по обычаю, долженъ былъ избрать военную карьеру и поступилъ сначала въ гусарскій полкъ, въ которомъ дослужился только до ротмистра. Оставивъ полкъ, двадцати двухъ лѣтній Кальноки вступилъ на дипломатическое поприще, начатое имъ весьма удачно: пробывъ лишь одинъ годъ при посольствѣ Мюнхена и Берлина въ качествѣ незначительнаго чиновника, онъ разомъ сдѣлалъ быструю карьеру, назначенный въ 1859 году секретаремъ посольства въ Лондонѣ. Въ 1868 году мы уже видимъ его совѣтникомъ посольства а въ апрѣлѣ 1871 года чрезвычайнымъ и полномочнымъ посланникомъ при папскомъ дворѣ. Впрочемъ миссія его въ Римѣ была лишь временная и въ 1874 году онъ

былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Копенгагенѣ; послѣ увольненія его посланника при русскомъ дворѣ, барона Лангенау, отправился въ Петербургъ для временнаго управленія посольскими дѣлами. Получивъ же въ іюлѣ 1879 года чинъ генералъ-маіора, въ войскахъ резерва, графъ Кальноки одновременно былъ пожалованъ и въ тайные совѣтники, и назначенъ дѣйствительнымъ посломъ при Императорскомъ русскомъ Дворѣ. Въ этомъ званіи онъ оставался до своего послѣдняго назначенія министромъ иностранныхъ дѣлъ и обладая блестящимъ умомъ и живымъ, веселымъ характеромъ пріобрѣлъ общее уваженіе и симпатію тѣхъ лицъ высшаго русскаго общества съ которыми имѣлъ какія либо отношенія; въ дипломатическихъ же кружкахъ Кальноки оставилъ по себѣ воспоминаніе какъ объ опытномъ дѣльцѣ, владѣющемъ прекрасно перомъ, котораго всѣ бумаги отличались не только яснымъ и точнымъ но и блестящимъ, живымъ изложеніемъ. Въ концѣ ноября прошлаго года графъ Кальноки былъ вызванъ Императоромъ Іосифомъ къ назначенію на новую должность; затѣмъ возвратился въ Петербургъ, чтобы откланяться нашему Государю Императору а 10 декабря снова уже былъ въ Вѣнѣ и приступилъ къ исполненію своихъ новыхъ обязанностей министра.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

V.

Освобожденіе.

На слѣдующее утро Сергѣй получилъ записку отъ цесаревича такого содержанія:

„Дѣло твое приведено къ окончанію благополучно, въ чемъ убѣдишься нынѣшній же день, когда тебѣ будетъ объявлена свобода. Государыня къ тебѣ милостива и сожалѣетъ о происшедшемъ недоразумѣніи. Спѣшу въ Гатчину, гдѣ изъ за тебя оставилъ много дѣлъ неотложныхъ. А ты, сударь, какъ освободишься, пріѣзжай къ намъ, ты найдешь у меня всѣхъ въ сборѣ".

Послѣ свиданія съ Таней Сергѣй уже не могъ поддаваться отчаянію. Онъ забылъ все, что его томило во дни этого нежданнаго, безобразнаго заключенія, забылъ оскорбленіе ему нанесенное и свое справедливое негодованіе. Но все же пока онъ чувствовалъ себя запертымъ въ своемъ домѣ, сознаніе неволи, никогда еще имъ неиспытанное, дѣйствовало на него томительно.

„Когда же наконецъ это кончится!" повторялъ онъ себѣ каждый часъ.

И вотъ записка эта извѣстила его о томъ, что испытаніе наконецъ прекратилось.

Онъ вздохнулъ полной грудью, оживился и сталъ ждать. Ждать пришлось недолго. Появился тотъ же толстякъ, который объявилъ ему объ его арестѣ и конфисковалъ его бумаги. Теперь этотъ толстякъ держалъ себя совсѣмъ иначе, раскланивался и расшаркивался, даже нѣкоторое подобострастіе было замѣтно въ его обращеніи.

Онъ въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ объявилъ Сергѣю о томъ, что арестъ снятъ.

— А мои бумаги—развѣ вы не привезли ихъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, относительно бумагъ я не имѣю никакого порученія. Вѣроятно онѣ будутъ доставлены вамъ инымъ путемъ.

Сергѣй поклонился толстяку и тотъ вышелъ изъ комнаты.

— Что же это значитъ? Зачѣмъ удерживаютъ мои бумаги? Впрочемъ вѣроятно все объяснитъ мнѣ цесаревичъ.

Онъ сидѣлъ и обдумывалъ свое положеніе.

„Ну вотъ я и свободенъ, недоразумѣніе разъяснилось. А оскорбленіе все же нанесено, я подвергнутъ позору, о которомъ всѣ знаютъ конечно, о которомъ говорятъ... Э! да что объ этомъ думать! Пусть говорятъ что угодно!"

Онъ окончательно успокоился. Его мысли всецѣло перенеслись теперь въ Гатчину, къ Танѣ и къ цесаревичу, который заперилъ всѣ свои милости истиннымъ благодѣяніемъ, который сталъ его спасителемъ.

И не разслышалъ онъ, поглощенный этими мыслями, шаговъ въ сосѣдней комнатѣ и очнулся только тогда, когда раздался знакомый голосъ. Передъ нимъ стоялъ Моська.

— Здравія желаю, золотой мой! радостно говорилъ карликъ. Нѣтъ солдатъ въ сѣняхъ... и вотъ и я освободился изъ-подъ ареста... отпустилъ меня его императорское высочество, а ужъ какъ пугалъ-то, говоритъ: Сергѣй Борисычъ будетъ свободенъ, а ты, за твой тяжкій проступокъ, за побѣгъ, за ослушаніе царскому указу, потерпишь наказаніе. Да вѣдь какъ говорилъ-то! Я сначала и не вѣрилъ, а потомъ, думаю: какъ же такъ, вѣдь оно и доподлинно ослушаніе царскому указу, что ни говори. И что же бы ты думалъ, батюшка, вѣдь довелъ онъ меня... такъ и ждалъ наказанія... а это онъ все шутки! Не забылъ и меня своею милостью, похлопоталъ видно и за меня. Самъ въ Гатчину уѣхалъ, а мнѣ объявлено: иди на всѣ четыре стороны, нигдѣ дороги ни заказаны. Вотъ я и тутъ!

Карликъ былъ окончательно счастливъ. Не смотря на свою старость, онъ какъ ребенокъ быстро переходилъ отъ отчаянія и горя къ радости. Онъ былъ какъ и въ прежніе годы бодръ и подвиженъ.

— А ты тутъ, батюшка, безъ меня, слышалъ я, дорогихъ гостей принималъ, продолжалъ онъ. Подивился я только: на мой взглядъ не стоишь ты такого посѣщенія. Ну и скажи ты мнѣ хоть теперь то, вдругъ перемѣняя тонъ и строго взглядывая на Сергѣя шепнулъ онъ, хоть теперь-то будешь ты меня слушаться, перестанешь богохульствовать? Видишь теперь, что Господь Богъ не смотря на все свое милосердіе, за грѣхи и наказаніе посылаетъ, вѣдь явное было, явное указаніе... Ну чего ты молчишь, отвѣчай, батюшка, неужьто не увѣрился?

Сергѣй улыбаясь глядѣлъ на него.

— Да успокойся, Степанычъ, что ты пристаешь! Конечно увѣрился... во всемъ увѣрился. Ишь вѣдь у тебя языкъ какой, словно мельница, заговорилъ ты меня совсѣмъ, не успѣлъ я тебѣ и спасибо сказать за то, что ты такъ ловко обдѣлалъ дѣло, не попался въ руки солдатамъ и доставилъ въ Гатчину мои письма.

Моська даже обидѣлся.

— Вотъ нашелъ за что спасибо сказывать! Да нѣчто ты видѣлъ когда Сергѣй Борисычъ, чтобы я сплоховалъ въ трудную минуту? Хоть я человѣкъ и темный и разума большаго Господь мнѣ не далъ, а все же смѣкалка кое какая есть... да и люди глупы, Сергѣй Борисычъ, ой какъ легко провести ихъ—сами во всякую ловушку такъ и лѣзутъ. Чѣмъ больше живу на свѣтѣ, тѣмъ больше вижу глупость людскую. Мало умныхъ людей на свѣтѣ, Сергѣй Борисычъ, много негодныхъ, а глупымъ и счета нѣтъ!..

— Вѣрно, Степанычъ, и остановимся на этомъ, а те-

перь прикажи-ка скорѣй лошадей запрягать—ѣдемъ въ Гатчину.

— Это дѣло, сударь, такъ и его императорское высочество наказывать изволилъ.

Вечеромъ Сергѣй былъ въ Гатчинѣ и явился онъ туда совершенно обновленнымъ человѣкомъ.

Онъ прямо прошелъ къ Танѣ.

Но они еще не успѣли до сыта наговориться, какъ Танѣ доложили о цесаревичѣ.

Онъ появился въ самомъ веселомъ настроеніи духа и вслѣдъ за нимъ внесли и поставили шкатулку, заключавшую въ себѣ отобранныя бумаги Сергѣя.

— Вотъ твое достояніе, сударь, сказалъ цесаревичъ съ удовольствіемъ выслушавъ выраженіе искренней благодарности Сергѣя. Вотъ и ключъ! сдѣлай милость немедля пересмотри все ли въ порядкѣ, все ли цѣло.

— Зачѣмъ же, ваше высочество, еще успѣю.

— Пересмотри, говорю.

Сергѣй исполнилъ его приказаніе, перебралъ бумаги.

— Не все цѣло, ваше высочество, я не нахожу того, что потерять мнѣ очень бы не хотѣлось: здѣсь нѣтъ моего дневника, о которомъ я говорилъ вамъ.

— И ты конечно полагаешь, что я изъ любопытства его оставилъ у себя, чтобы прочесть на свободѣ? Во первыхъ безъ твоего разрѣшенія я бы этого не сдѣлалъ, а во вторыхъ—его у меня нѣтъ. Его нѣтъ и у государыни, съ которой я вмѣстѣ переглядывалъ твои бумаги.

— Что же это значитъ?

— Догадывайся самъ. Князь Зубовъ объявилъ, что никакого дневника у тебя не было отобрано.

— Такъ значитъ это онъ читаетъ на досугѣ! Мнѣ это очень досадно, но я нахожу что такой поступокъ, не говоря о другомъ, просто глупъ съ его стороны.

— Я нахожу тоже самое, отвѣчалъ цесаревичъ. Я этого не забуду и нужно будетъ постараться добыть твой дневникъ—но теперь оставимъ это дѣло! Довольствуйся тѣмъ, что ты на свободѣ, что ничего особенно непріятнаго тебѣ, какъ кажется, уже не предстоитъ. Чтобы ты служилъ мнѣ—этого пока не желаютъ, тебѣ готовятъ какое-то назначеніе, которое должно показать, что сожалѣютъ о случившемся и тебѣ попрежнему довѣряютъ. О томъ, что ты женихъ—уже извѣстно, ты можешь бывать здѣсь такъ часто, какъ тебѣ вздумается—полагаю на этомъ можно успокоиться покамѣстъ. Къ тому же, собственно говоря, вѣдь я былъ бы поставленъ въ затрудненіе пріискать тебѣ у себя какое нибудь подходящее занятіе. Осмотрись хорошенько здѣсь, тогда выяснится. Я всегда радъ тебя видѣть. Я уже расчорядился относительно того, чтобы тебѣ было у меня постоянное помѣщеніе на случай если придется заночевать.

Сергѣю оставалось только опять благодарить.

Ему въ тотъ же день пришлось воспользоваться любезностью цесаревича и переночевать въ Гатчинѣ.

Великая княгиня, пожелавшая его видѣть, была добра по своему обыкновенію, со слезами на глазахъ цѣловала Таню, поздравляла ее невѣстой и первая заговорила о томъ, когда будетъ свадьба.

Сергѣй конечно выразилъ свое желаніе устроить все какъ можно скорѣе. Таня ничего не возражала, но въ разговоръ вмѣшался цесаревичъ, который именно вошелъ въ это время къ великой княгинѣ.

— Конечно откладывать этого дѣла не слѣдуетъ, но и торопиться черезъ чуръ было бы смѣшно, сказалъ онъ. Вѣдь вѣроятно тебѣ, сударь, предстоятъ кое-какія передѣлки въ домѣ?

— Да, конечно, ваше высочество, но на это потребуется немного времени: недѣли двѣ, самое большее—три.

— Возьми пять и помиримся на этомъ. Свадьбу будемъ справлять въ первыхъ числахъ ноября, а до тѣхъ поръ пріѣзжай чаще сюда, гости сколько душѣ твоей угодно. Эти пять недѣль пройдутъ такъ быстро, что и не замѣтишь ты ихъ, а потомъ, увѣряю тебя, ты еще будешь пенять мнѣ, зачѣмъ я не настаивалъ отложить свадьбу на дольшій срокъ...

— И не возражайте пожалуйста! прибавилъ онъ, замѣтивъ недовольную мину Сергѣя, я отъ своихъ словъ не отступлюсь: раньше первыхъ чиселъ ноября не бывать вашей свадьбѣ! Ахъ, Боже мой, да вѣдь это самое лучшее время въ жизни человѣка: на васъ обоихъ и глядѣть то завидно!

— Вѣдь такъ, вѣдь я правду говорю, Маша?! обратился онъ къ великой княгинѣ.

— Конечно, сказала она улыбаясь Сергѣю и ласково беря Таню за руку.

VI.

Новый пріятель.

Сергѣй скоро убѣдился, что цесаревичъ былъ правъ, настаивая, что со свадьбой нечего особенно торопиться. Время проходило совсѣмъ незамѣтно и къ тому же и передѣлки, задуманныя Сергѣемъ въ его домѣ, шли не такъ ужь быстро какъ можно было ожидать.

Сергѣй почти всѣ дни проводилъ въ Гатчинѣ, возвращаясь въ Петербургъ только на самое короткое время. Скоро ему предстояло убѣдиться и въ томъ, что императрица дѣйствительно желаетъ изгладить тяжелое впечатлѣніе, которое долженъ былъ въ немъ оставить его арестъ: онъ былъ пожалованъ званіемъ камергера. Но лично благодарить Екатерину ему пока не было возможности: она продолжала себя дурно чувствовать и не выходила изъ своихъ комнатъ.

Желаніе Зубова осуществилось: грекъ Ламбро-Качіони былъ принятъ государыней, съумѣлъ ее увѣрить, что отлично понимаетъ ея болѣзнь и что у него есть самое дѣйствительное средство для того, чтобы въ скоромъ времени избавить ее отъ всѣхъ ея страданій. Она согласилась подвергнуть себя его леченью.

Старикъ Роджерсонъ считалъ себя крайне оскорбленнымъ. Онъ не довѣрялъ знаніямъ Ламбро-Качіони, почиталъ его шарлатаномъ. Онъ пробовалъ было уговорить Екатерину быть осторожной, но она такъ утомилась страдать, такъ боялась смерти, такъ вдругъ повѣрила всѣмъ чудесамъ, которыя Зубовъ разсказывалъ про Ламбро-Качіони, что Роджерсонъ долженъ былъ замолчать.

Однако онъ говорилъ направо и налѣво о томъ, что дѣло плохо, что шарлатанъ-грекъ не только не излѣчитъ императрицу, а можетъ очень легко погубить ее.

— Онъ предписалъ ей ставить ноги въ соленую воду. Это страшный рискъ въ ея положеніи и я ничего хорошаго не предвижу, повторялъ Роджерсонъ.

Его слушатели пожимали плечами, но дни проходили, во дворцѣ начали поговаривать о томъ, что императрицѣ несравненно лучше, что Роджерсонъ устарѣлъ...

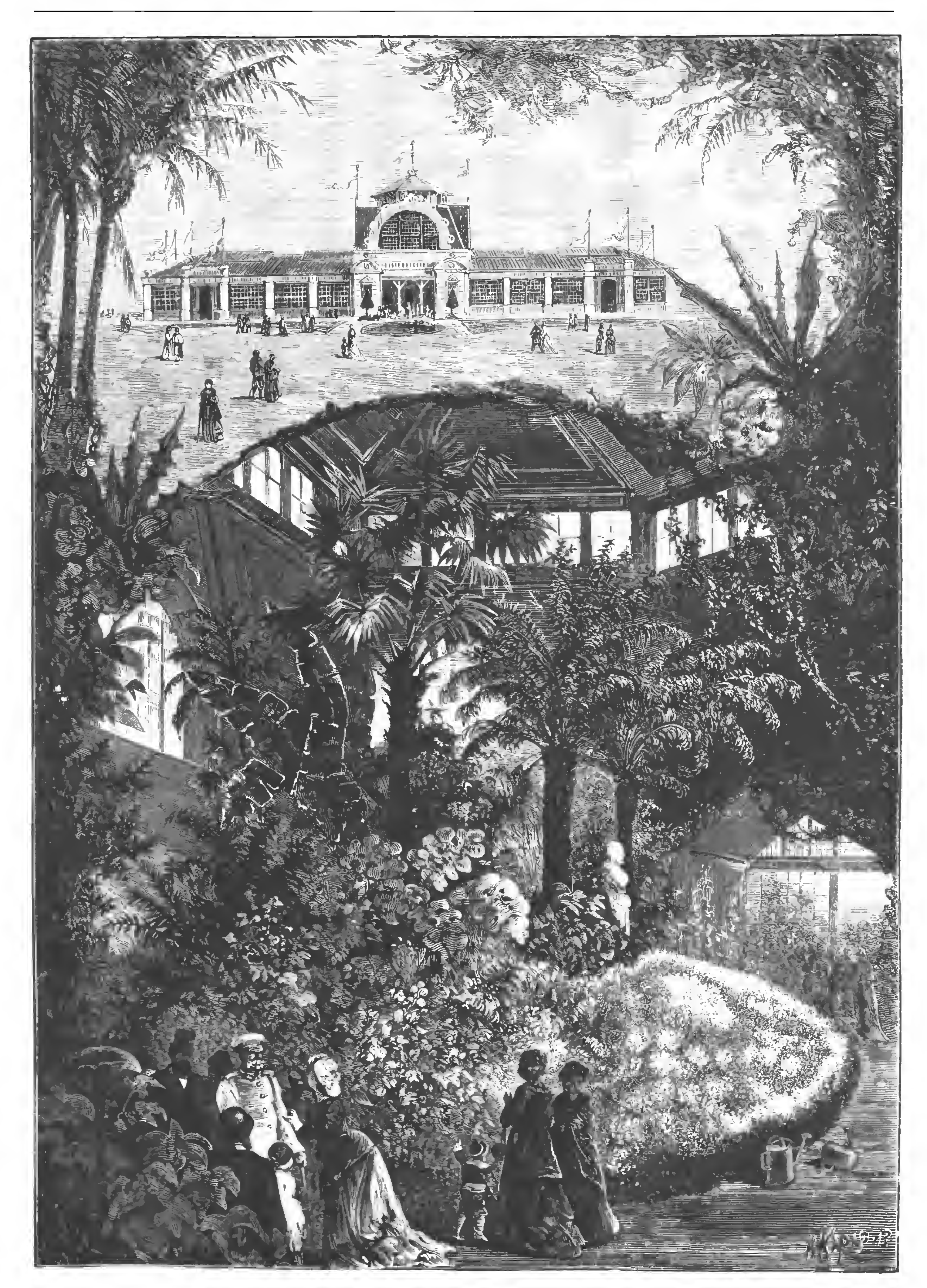
Сергѣй почти все время проводилъ въ Гатчинѣ. Пріѣдетъ на нѣсколько часовъ въ Петербургъ, иногда переночуетъ—и снова въ обратный путь. Теперь онъ окончательно уже началъ освоиваться съ гатчинской жизнью, мало по малу сближался со всѣми гатчинцами, которые конечно выказывали ему знаки особаго вниманія, видя милости къ нему цесаревича.

Сергѣю пришлось особенно сблизиться съ Ростопчинымъ, человѣкомъ его лѣтъ, съ которымъ онъ уже встрѣчался въ обществѣ до своего ареста.

Ростопчинъ ему понравился. Живой, остроумный, образованный онъ былъ всегда душою общества, онъ умѣлъ оживить всякую бесѣду. Цесаревичъ повидимому очень любилъ его и какъ-то выразился о немъ, въ разговорѣ съ Сергѣемъ, что придетъ время, когда онъ окажетъ государству большія услуги.

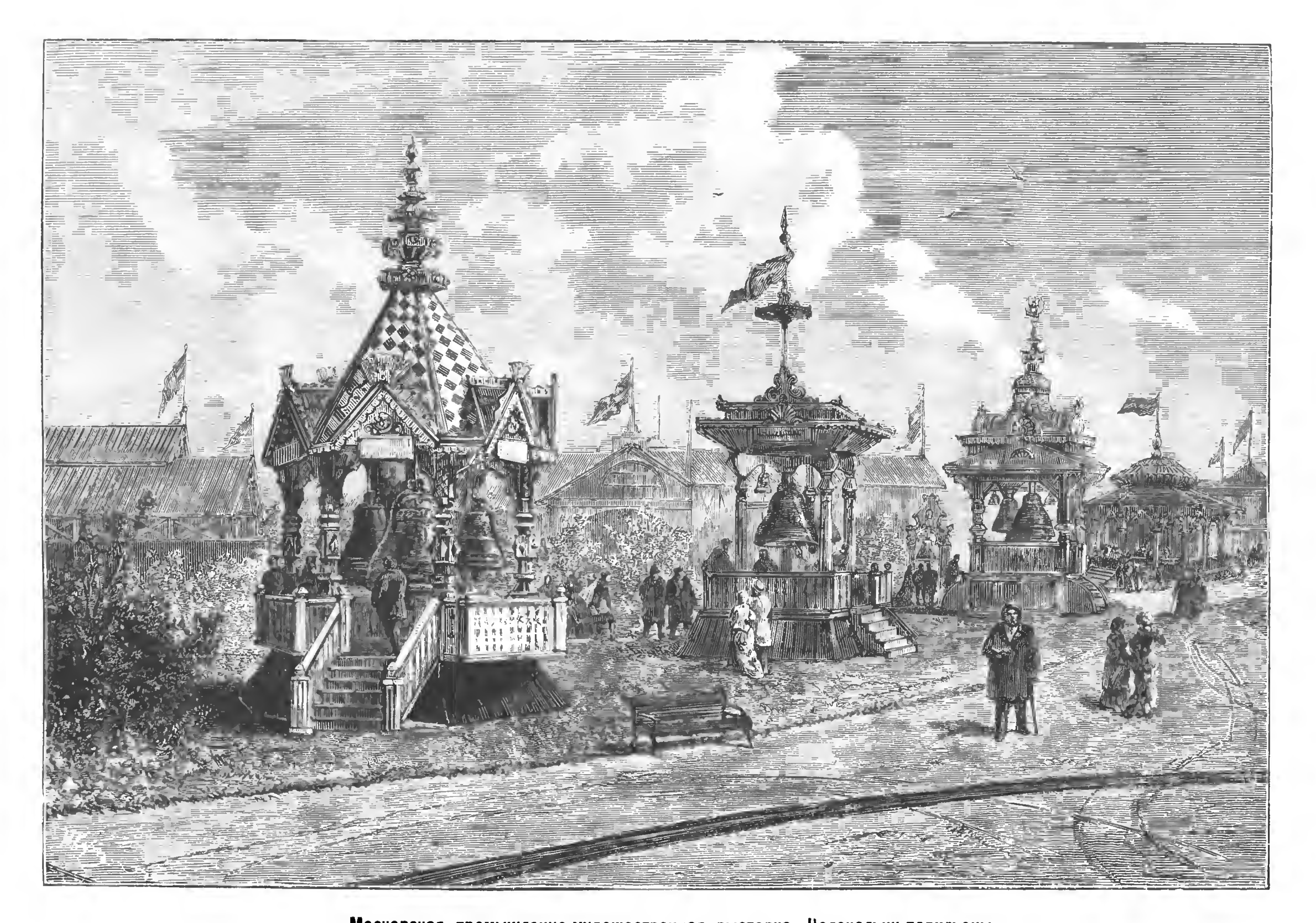
— Иной разъ у него языкъ какъ бритва, но сердце золотое и въ его преданности ко мнѣ я увѣренъ.

Но и безъ рекомендаціи цесаревича Сергѣй очень за-



Московская промышленно-художественная выставка. Павильонъ выставки Садоводства. Переднiй фасадъ и внутреннiй видъ главной залы.

Ориг. рисунокъ нашего спецiальнаго корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскiй.



Московская промышленно-художественная выставка. Колокольни-павильоны.
Ориг. рисунокъ нашего спеціальнаго корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

интересовался Ростопчинымъ и нѣсколько разъ такъ устраивалъ, чтобы имъ вмѣстѣ возвращаться изъ Гатчины въ Петербургъ.

Ростопчинъ такъ-же какъ и онъ проводилъ время въ разъѣздахъ. Въ Петербургѣ у него была молодая жена, въ которую онъ былъ очевидно влюбленъ. Надъ этою любовью иногда добродушно подшучивали въ Гатчинѣ, называли Ростопчина „Отелло" (въ этомъ названіи былъ намекъ и на его крайне некрасивое, но энергическое смуглое лицо съ блестящими глазами).

Какъ-то разъ, во время поѣздки изъ Гатчины, Сергѣй и Ростопчинъ между собою дружески разговорились... Ростопчинъ, проницательный, уже умѣвшій отлично понимать людей, съ перваго-же свиданія расположился къ Сергѣю.

„Не орелъ—никогда не сыграетъ большой роли, честолюбія нѣтъ никакого, но человѣкъ не безъ ума, а главное истинно благородный человѣкъ, не способный ни на какую интригу, человѣкъ съ чистымъ сердцемъ, независимый, гордый хорошей гордостью". — Такъ онъ охарактеризовалъ Сергѣя въ разговорѣ съ ихъ общимъ пріятелемъ Кутайсовымъ и съ каждымъ днемъ пріятельскія отношенія между ними упрочивались.

Теперь, въ этотъ дождливый осенній вечеръ они весело и оживленно бесѣдовали въ удобной каретѣ Сергѣя, которая мягко подбрасывала ихъ на размытомъ дождемъ шоссе гатчинской дороги.

— Вы очень счастливый человѣкъ, говорилъ Ростопчинъ и я пожалуй завидовалъ-бы вамъ, Сергѣй Борисовичъ, если-бы раньше познакомился съ вами, но теперь мнѣ нечего завидовать—я тоже счастливъ. И если вы станете доказывать мнѣ, что моя жена въ чемъ нибудь уступаетъ вашей прелестной невѣстѣ—я поссорюсь съ вами. Шутки въ сторону! Если вы прошли черезъ тяжелую школу, то вѣдь и это должно принести вамъ пользу. Какъ-бы то ни было ваша юность протекла не безслѣдно—вы набрались таки всякихъ впечатлѣній. У васъ много воспоминаній.

— Это такъ со стороны кажется! отвѣтилъ Сергѣй. Если-бы только знали вы, Федоръ Васильевичъ, какъ томительно и однообразно до сихъ поръ проходило мое время, моя жизнь! Но теперь я не хочу и вспоминать объ этомъ. Я слишкомъ истомился этой скукой жизни, теперь ужъ я ее не испытываю.

— Я совсѣмъ не понимаю какъ можно скучать жизнью! перебилъ его Ростопчинъ,—я никогда не скучаю. Я всегда занятъ, меня интересуетъ все, но истинное благополучіе и счастіе я испытываю только у себя дома, съ моей милой женою. Да, меня все интересуетъ, я принимаю дѣятельное участіе въ общей жизни, мнѣ нѣтъ времени скучать. Но иной разъ желчь вскипаетъ, ахъ, если-бы вы знали какъ иногда я бываю золъ. Впрочемъ теперь злюсь меньше, я рѣшилъ что злиться не стоитъ, нужно смѣяться надъ людской глупостью. Ахъ, какъ глупы люди и какое курьезное зрѣлище представляетъ ихъ глупость! Ахъ, какъ глупы люди!

— Это-же самое мнѣ недавно доказывалъ мой карликъ Степанычъ, улыбаясь замѣтилъ Сергѣй.

— Онъ совершенно правъ. Онъ-то не глупъ, я сразу это увидѣлъ; онъ очень милое и интересное существо, вашъ карликъ. Вотъ императрица называетъ меня не иначе какъ „сумасшедшій Федька", я нисколько не обижаюсь, но несогласенъ съ этимъ опредѣленіемъ и смѣю думать, что я во всякомъ случаѣ менѣе сумасшедшій, чѣмъ прочіе умники. Я покрайней мѣрѣ ясно вижу то, чего они не видятъ. Я отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что творится и *здѣсь* и *тамъ*, и во всякомъ случаѣ долженъ сказать, что если гдѣ можно отдохнуть, то единственно въ Гатчинѣ — въ Петербургѣ теперь настоящая вакханалія. И главное—приходится удивляться, глядя на нѣкоторыхъ умниковъ, которые совершенно забываютъ самыя простыя истины. Никто даже и не задумывается о томъ, что на свѣтѣ все измѣняется, что нельзя уподобиться птицамъ и не думать о завтрашнемъ днѣ; напротивъ, теперь болѣе чѣмъ когда либо о завтрашнемъ днѣ слѣдуетъ думать. Я теперь совсѣмъ почти не у дѣлъ, я только сумасшедшій Федька, но полагаю дожить до того времени, когда и отъ меня понадобится большая работа, значитъ нужно къ ней приготовиться.

— Въ Гатчинѣ кажется и готовятся къ будущей работѣ, замѣтилъ Сергѣй.

— Далеко не всѣ и не такъ какъ слѣдуетъ, сказалъ Ростопчинъ. Вотъ приглядитесь побольше къ нашимъ людямъ и увидите, что многаго и у насъ нельзя одобрить. Я всѣмъ моимъ сердцемъ преданъ цесаревичу, я понимаю всѣ прекрасныя его свойства, которыхъ большинство не хочетъ видѣть, но я вижу и его недостатки. Это человѣкъ порыва, увлеченія. Онъ иногда можетъ легко поддаться дурному вліянію и меня въ немъ поражаетъ одна черта: кажется ужъ его то жизнь должна была пріучить не легко довѣряться людямъ, а между тѣмъ онъ остался удивительнымъ идеалистомъ. Вотъ вы вѣроятно замѣтили, что я нахожусь въ числѣ, такъ сказать, его любимцевъ: онъ мнѣ довѣряетъ, хотя я полагаю, что можетъ легко придти день, когда, вслѣдствіе какой нибудь моей неловкости, онъ на меня разгнѣвается...

— Съ нимъ этого легко можно опасаться. Теперь онъ долженъ видѣть, что я дѣйствительно ему преданъ, что могу принести ему кое-какую пользу, но знаете-ли вѣдь если-бы я былъ человѣкъ негодный, если-бы я желалъ только его обманывать, мнѣ это было-бы очень легко. Онъ продолжалъ-бы вѣрить моей преданности.

Я не знаю правы-ли вы, сказалъ Сергѣй, мнѣ приходилось нѣсколько разъ замѣчать въ цесаревичѣ большую прозорливость и пониманіе людей.

— Да, иной разъ, но далеко не всегда и я могу доказать вамъ это исторіей моего съ нимъ сближенія.

Онъ задумался, но вдругъ веселая улыбка скользнула по лицу его, онъ весело и довѣрчиво взглянулъ на Сергѣя.

— Да, я вамъ разскажу—это интересная исторія. Я увѣренъ, что все останется между нами, увѣренъ, что вы не заставите меня раскаиваться въ моей откровенности и въ то же время я докажу вамъ мое довѣріе, мое искреннее къ вамъ расположеніе, Сергѣй Борисычъ. Вотъ послушайте, другъ мой, какъ было дѣло.

Этому уже нѣсколько лѣтъ — я, надо вамъ сказать, вовсе не родился для придворной жизни, покрайней мѣрѣ мало было въ тому задатковъ. Отецъ мой небогатъ, но спасибо ему—онъ постарался о моемъ воспитаніи, о моемъ образованіи. Я еще въ дѣтствѣ былъ записанъ въ службу, а лѣтъ двадцати уже имѣлъ чинъ поручика. Отецъ собралъ денегъ и отправилъ меня, оканчивать мое образованіе, заграницу. Изъѣздилъ я всю Германію, кое-чему научился... Хотя, признаться, учился я немного, но за то много веселился, по студенчески... Славное было время!

Прогостивъ изрядно по разнымъ городамъ нѣмецкимъ, поселился я наконецъ въ Берлинѣ, и тутъ пристрастился къ картежной игрѣ, да такъ пристрастился что теперь могу изумляться только какимъ образомъ удалось отвыкнуть. Игралъ я, нужно вамъ сказать, искусно, а главное счастливо, такъ что почти всегда былъ въ большомъ выигрышѣ.

Какъ-то собрались мы у одного знакомаго нѣмецкаго офицера, картежъ былъ такой что упаси Господи! Засѣлъ я съ прусскимъ старымъ маіоромъ. Старикъ азартный, красный какъ ракъ, глаза налиты кровью, но добродушный малый, за картами все забываетъ, игрокъ однако плохой. Я сталъ выигрывать, онъ горячится и проигрываетъ все больше и больше. Часа въ три, въ четыре я въ пухъ и прахъ обыгралъ его, между тѣмъ

поздно... всѣ мы утомились. Я всталъ изъ-за стола и говорю:

„Довольно, господинъ маіоръ, не угодно-ли расплатиться!“

Вижу старикъ мой сидитъ какъ истуканъ, покраснѣлъ еще больше, потомъ вдругъ такимъ сконфуженнымъ голосомъ обратился ко мнѣ и говоритъ:

„Херъ льѣтенантъ, ich habe kein Geld. Мнѣ нечѣмъ заплатить вамъ мой проигрышъ, но вы не безпокойтесь—я честный человѣкъ. Будьте такъ добры, пожалуйте завтра ко мнѣ, вотъ мой адресъ. Денегъ нѣтъ, да есть у меня нѣкоторыя интересныя вещи — можетъ быть онѣ вамъ понравятся и вы согласитесь принять ихъ за деньги“...

Я былъ раздосадованъ, деньги мнѣ были крайне нужны въ то время и я находилъ недобросовѣстнымъ со стороны этого маіора садиться за игру не разочтя впередъ, можетъ-ли онъ заплатить свой проигрышъ. Но видъ у него былъ такой сконфуженный — и мнѣ оставалось только отвѣтить ему, что хорошо, приду завтра посмотрѣть его вещи.

Такъ я и сдѣлалъ, разыскалъ его. Онъ жилъ въ старинномъ домикѣ, квартирка у него была такая уютная, чистенькая, какая можетъ быть только у нѣмца. Встрѣтилъ онъ меня, извиняется, совсѣмъ сконфуженный. Провелъ меня въ маленькую комнатку, а въ ней—по всѣмъ стѣнамъ шкафы разставлены и въ этихъ шкафахъ за стеклами разложено, въ маленькомъ видѣ, всевозможное оружіе и воинское одѣяніе: латы, шлемы, щиты, мундиры, каски, шляпы, кивера, всевозможныя ружья, пистолеты, алебарды, ну словомъ напрѣдчайшая коллекція оружія, воинскихъ доспѣховъ и костюмовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, начиная съ глубочайшей древности. У меня просто глаза разбѣжались—такъ все это было мило, разнообразно, съ такимъ вкусомъ разложено.

А маіоръ говоритъ:

„Извольте смотрѣть дальше. Вотъ и воины въ полномъ вооруженіи! А затѣмъ обратите вниманіе на этотъ столъ“...

Онъ подвелъ меня къ столу, стоявшему по срединѣ комнаты.

На столѣ было разставлено цѣлое войско. Каждая фигурка была сдѣлана съ большимъ искуствомъ.

Маіоръ тронулъ пружинку и маленькое войско принялось дѣлать правильныя построенія и передвиженія. Это была самая занимательная игрушка, какую только я когда либо видѣлъ, да и къ тому же игрушка со значеніемъ. А коллекція заняла бы видное мѣсто въ какомъ угодно музеѣ.

„Вижу, херъ льѣтенантъ, сказалъ маіоръ, что все это вамъ очень нравится—я такъ и полагалъ. Это наслѣдство доставшееся мнѣ отъ моего покойнаго отца—большаго любителя военнаго дѣла. Онъ всю свою жизнь собиралъ эту коллекцію. Онъ самъ выдумалъ механизмъ, приводящій въ движеніе маленькое войско. Примите все это въ уплату моего вчерашняго долга. Я честный человѣкъ, херъ льѣтенантъ, и не хочу чтобы русскій офицеръ могъ упрекнуть меня въ неблаговидномъ поступкѣ,—возьмите пожалуста“...

Я сталъ было отговариваться — мнѣ жалко было лишать добродушнаго нѣмца его сокровища, но съ другой стороны сокровище это меня плѣнило и наконецъ я разсудилъ: такъ вольно-же было ему играть не имѣя денегъ!

Однимъ словомъ хорошо-ли, дурно-ли я поступилъ, но я забралъ все съ собою, уложилъ въ ящики и по возвращеніи въ Петербургъ разставилъ и разложилъ все въ томъ порядкѣ въ какомъ оно было у маіора.

Мою коллекцію и маленькое маневрировавшее войско приходили смотрѣть всѣ гвардейскіе офицеры: много забавлялись и восхищались.

Вотъ однажды докладываютъ мнѣ объ адъютантѣ цесаревича.

Онъ говоритъ мнѣ, что великій князь слышалъ про мою коллекцію, очень желаетъ ее видѣть и для этого намѣренъ ко мнѣ пріѣхать,

Само собою я поспѣшилъ отвѣчать, что его высочеству нечего безпокоиться; что я все самъ привезу къ нему. Привезъ, разставилъ и жду...

До этого времени я почти не зналъ великаго князя: онъ не обращалъ на меня никакого вниманія.

Доложили ему, что все готово... выходитъ... я все показываю, объясняю, завелъ пружинку... Цесаревичъ въ полномъ восторгѣ, глаза блестятъ, разсматриваетъ каждую малѣйшую вещицу, не можетъ нахвалиться... А маленькое воиско такъ совсѣмъ его разстрогало.

„Какъ правильно! Какъ правильно! повторялъ онъ, да по этой модели просто можно учить нашихъ солдатъ! Какимъ образомъ вы могли составить подобную коллекцію—вѣдь жизни человѣческой мало чтобы исполнить это!“

Ну-съ, Сергѣй Борисычъ, теперь я признаюсь вамъ какъ на духу въ грѣхѣ своемъ. То есть я то, нераскаянный грѣшникъ, и грѣхомъ сего не почитаю, а ужь вы навѣрное почтете. Слушайте-ка, сударь мой, вы полагаете я разсказалъ цесаревичу всю исторію?—Ничуть не бывало. Я опустилъ глаза, принялъ скромный видъ и съ чувствомъ проговорилъ:

„Ваше высочество, усердіе къ службѣ все превозмогаетъ: военная служба моя страсть.»

„Удивительно! воскликнулъ онъ. Вы, сударь, какъ я вижу, большой знатокъ военнаго дѣла, поздравляю васъ!»

Онъ снова принялся разглядывать мою коллекцію и затѣмъ обратился ко мнѣ:

„Продайте мнѣ все это, сударь, я постараюсь выплатить вамъ такую сумму, какую вы сами назначите. Не стѣсняйтесь цифрой, я хорошо понимаю, что такія вещи дешево не продаются!“

„Ваше высочество, отвѣтилъ я, продать эту коллекцію я не могу никакимъ образомъ—она не продажная“.

Онъ нахмурилъ брови, покраснѣлъ, но я поспѣшно прибавилъ:

„Я почту для себя за великое счастье если вы дозволите мнѣ поднести все это вашему высочеству“.

— Цесаревичъ сконфузился, покраснѣлъ еще больше, но по его глазамъ я сразу замѣтилъ какое пріятное впечатлѣніе произвели слова мои. Онъ горячо поблагодарилъ меня, обнялъ крѣпко, поцѣловалъ и вотъ, Сергѣй Борисычъ, съ тѣхъ поръ начались его ко мнѣ милости и уже вы не разубѣдите его въ томъ, что я знатокъ военнаго дѣла!...

Сергѣй внимательно слушалъ этотъ разсказъ и по выраженію его лица Ростопчинъ могъ замѣтить, что онъ произвелъ на него не особенно пріятное впечатлѣніе.

„И зачѣмъ это я выбалтываю, подумалъ онъ. Конечно онъ меня не выдастъ, но вѣдь онъ такъ благороденъ... наивно и дѣтски благороденъ... У него такое фантастическое понятіе о жизни!“

Но не смотря на это размышленіе, онъ все же былъ доволенъ, что высказался. Онъ испытывалъ особенное наслажденіе отъ своей циничной откровенности: въ немъ кипѣла желчь. Ему хотѣлось смѣяться, смѣяться надо всѣми и въ томъ числѣ и надъ самимъ собою.

— Такъ вотъ-съ какими способами очень часто выходятъ въ люди! заговорилъ онъ снова, видя что Сергѣй молчитъ и уныло смотритъ въ сторону. И повѣрьте, такъ всегда было, есть и будетъ и иначе быть не можетъ. Все дѣло случая, ловкой фразы, подходящей минуты... И если подобный случай выдвинетъ дѣйствительно достойнаго человѣка, съ достаточнымъ талантомъ и доброй волей, то это будетъ только опять таки случай и, къ несчастію, очень рѣдкій.

— Я надѣюсь, проговорилъ Сергѣй, что вашъ случай будетъ именно такимъ счастливымъ и рѣдкимъ слу-

чаемъ — но все же бы испортили мое веселое и радостное настроеніе.

— Что дѣлать! отвѣчалъ, пожимая плечами, Ростопчинъ. Я это понимаю, но я чувствую истинное къ вамъ расположеніе, мнѣ кажется, что намъ предстоитъ много соли съѣсть вмѣстѣ и мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы на мой счетъ заблуждались. Полюбите, Сергѣй Борисычъ, насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ! Если начало моего сближенія съ цесаревичемъ не въ вашемъ вкусѣ, то я зато надѣюсь, вы не сдѣлаете мнѣ упрека въ томъ, что я злоупотреблялъ его довѣріемъ, что я недостоинъ этого довѣрія. Видитъ Богъ, какъ я искренно расположенъ къ нему и видитъ Богъ, какъ я теперь работаю. чтобы приготовить себя къ полезной дѣятельности! Въ дѣлѣ военномъ я не считаю себя знатокомъ—это не моя сфера—меня гораздо болѣе занимаютъ иные вопросы и надъ ними-то я работаю. Я стараюсь добросовѣстно слѣдить за всѣмъ, но, воля ваша, съ каждымъ днемъ я больше и больше убѣждаюсь, что нужно хитрить, что нужно быть ловкимъ эквилибристомъ, что нужно за хвостъ ловить каждую удобную минуту для того чтобы не оказаться не у дѣлъ, для того, чтобы не уступить свое мѣсто кому нибудь, кто будетъ совсѣмъ ужь недостоинъ занимать его.

— Да, что-жь... вы правы съ практической точки зрѣнія, сказалъ Сергѣй, я съ вами спорить не буду, но это очень печально во всякомъ случаѣ.

— Ахъ, это ужь другой вопросъ, живо перебилъ Ростопчинъ, въ годы юности и я представлялъ себѣ счастливую Аркадію, но, по счастію для себя и можетъ быть для дѣла. я рано забылъ эти юныя грезы. Совѣтовалъ бы и вамъ, Сергѣй Борисычъ, отгонять ихъ какъ можно чаще. Жизнь имѣетъ свои права и выставляетъ свои требованія—мы забывать этого не можемъ если желаемъ сыграть свою роль въ жизни.

— Я хорошо знаю, что не сыграю никакой роли, сказалъ Сергѣй,—и, даю вамъ слово, не страдаю отъ такого сознанія. Въ жизни есть, быть можетъ, иныя задачи и иное удовлетвореніе.

— Да, конечно, конечно! горячо повторилъ Ростопчинъ, но найти удовлетвореніе въ томъ, что васъ удовлетворяетъ—я не въ силахъ. Я не могу ограничиться семейными радостями, не могу ограничиться созерцаніемъ—у меня сердце кипитъ, меня желчь душитъ. Я долженъ усиленно двигаться, я долженъ работать, бороться. Я пропаду если окажусь въ уединеніи, вдали отъ этой толпы, которую презираю, надъ которой смѣюсь, но которая дастъ мнѣ тотъ воздухъ, которымъ дышу я...

Они уже въѣзжали въ городъ.

VII.

Гатчинцы.

Горбатовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ счастливыхъ людей, которыхъ называютъ симпатичными. Онъ нравился почти всѣмъ безъ исключенія съ перваго раза. Уже начать съ того, что самая его внѣшность, его мягкія непринужденныя манеры, его красивое изящно очерченное лицо, задумчивые добрые глаза, усталая и грустная улыбка говорили въ его пользу. Онъ умѣлъ ко всѣмъ относиться всегда съ равной внимательностью и ласковостью. Только при рѣдкихъ столкновеніяхъ съ такими людьми какъ Зубовъ въ немъ проявлялись признаки гордости и сознанія своего нравственнаго достоинства. Зубовъ не могъ выносить его вида, потому что съ нимъ Сергѣй былъ совсѣмъ не тотъ, какимъ его знали остальные.

Ростопчинъ вѣрно охарактеризовалъ его и къ этой характеристикѣ можно было немногое прибавить. Дѣйствительно онъ былъ не орелъ, но и не безъ ума, человѣкъ истинно благородный, въ широкомъ значеніи этого слова, человѣкъ независимый, не способный ни на какія сдѣлки со своею совѣстью. Такихъ людей впослѣдствіи стали называть идеалистами.

Онъ не былъ рожденъ для того, чтобы играть видную роль на сценѣ общественной жизни, онъ жилъ своею внутренней жизнью и вполнѣ могъ удовлетворяться ею съ тѣхъ поръ какъ идеальная, всю жизнь преслѣдовавшая его, любовь къ Танѣ превратилась въ живое и счастливое чувство. Онъ хорошо понималъ все, что кругомъ него происходитъ; наблюденія его въ большинствѣ случаевъ были вѣрны.

Онъ всегда слѣдилъ за перипетіями совершавшейся передъ нимъ жизненной драмы съ большимъ интересомъ, но постоянно въ то же время чувствовалъ себя только заинтересованнымъ зрителемъ, а не актеромъ. Ему не доставало таланта, но натура его была натурой художника, задачи котораго выше земной повседневности.

Будь у него честолюбіе, онъ сталъ бы насиловать свою природу, онъ сдѣлался бы мученикомъ и еслибы даже достигъ своихъ честолюбивыхъ цѣлей, еслибы даже оказался въ положеніи крупнаго дѣятеля, то не нашелъ бы себѣ никакого удовлетворенія, оказался бы только уставшимъ отъ скучной насильной работы. Но онъ никогда не ставилъ себѣ никакихъ честолюбивыхъ цѣлей: онъ не любилъ обращать на себя вниманіе. Онъ думалъ только о томъ, чтобы не поставить себя въ такое положеніе, когда приходится бороться съ самимъ собою, когда приходится невольно не одобрять себя, доходить даже до презрѣнія къ себѣ.

Онъ чутко прислушивался къ тому, что творится внутри его и если былъ доволенъ собою, то ему уже никакого не было дѣла до того, будутъ ли имъ довольны другіе.

Иногда ему приходило въ голову:

„А вѣдь меня навѣрно считаютъ глупымъ—я не мечусь, не выскакиваю, я никогда не стараюсь изобразить изъ себя что нибудь особенное. Другіе говорятъ наслаждаясь собственнымъ краснорѣчіемъ, собственнымъ умомъ, лихорадочно слѣдя за производимымъ ими впечатлѣніемъ, а я молчу и слушаю и выражаю свое мнѣніе только отдѣльными фразами никого не поражающими. Что-же, можетъ быть я и дѣйствительно глупъ—но какое мнѣ до этого дѣло? Съ какой стати я стану стѣснять себя, стану учиться быть умнымъ, это такъ скучно!..“

И онъ уходилъ въ міръ своихъ мыслей, а иногда и фантазій. Онъ запирался съ какой-нибудь интересной книгой и находилъ въ этомъ для себя большое наслажденіе.

Но всякій кто съ нимъ сходился, если считалъ его съ перваго раза недалекимъ вслѣдствіе его сдержанности, скромности и молчаливости, скоро замѣчалъ въ немъ его дѣйствительныя качества и въ концѣ концовъ, невольно начиналъ уважать его, чувствуя въ немъ такую нравственную высоту, какую рѣдко можно было найти въ обществѣ.

Его положеніе, какъ человѣка принадлежавшаго къ знатному роду и обладавшему большимъ богатствомъ, тоже не могло вредить ему. Если къ нему привлекали не его личныя качества, то привлекало его знатное имя и богатство, которыми онъ никогда не кичился и которыя давали ему возможность быть пріятнымъ для многихъ.

„Онъ такъ богатъ! У него такія связи! И онъ никогда не отказываетъ ни въ какой услугѣ! Добрый, хорошій человѣкъ!“

Такъ говорила о немъ большая половина его знавшихъ.

(До слѣдующ. №).

Иванова ночь въ Финляндіи. Ориг. рис. Колларца, грав. Рау.

Обитатели острова Сахалина.

Изъ разсказовъ о крайнемъ Востокѣ.

А. Я. Максимова.

(Продолженіе).

VII.

Бѣдствуютъ.

Упорная погоня страшно измучила бѣглецовъ. Солнце стояло уже высоко въ небѣ, когда они проснулись и рѣшились выползти изъ своего логовища... Наружность бродягъ за послѣднія сутки измѣнилась до неузнаваемости... Изможденныя, исцарапанныя лица ихъ носили отпечатокъ крайняго истощенія: глубоко впавшіе глаза, окруженные синевою, горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Грязное, сильно исцарапанное тѣло бродягъ едва было прикрыто какою-то рванью, безобразными клочьями холста и толстаго сукна. Отъ казенныхъ сапогъ остались однѣ только голенища, да и тѣ расползлись уже по швамъ и издырявились.

Первымъ выползъ изъ дупла Майданщикъ и съ трудомъ началъ подниматься на затекшія за ночь ноги... Вздумалъ было онъ немного размяться, да не успѣлъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ съ глухимъ стономъ повалился на траву...

Ползетъ изъ дупла Митька и дивится, что сталось съ товарищемъ... Кажись, могъ бы отдохнуть за ночь!

Выползъ Митька и бойко вскочилъ на ноги, хотѣлъ онъ показать передъ товарищемъ удаль да молодечество... Хотѣлъ шагнуть Митька къ Майданщику, да вмѣсто того только сморщился и быстро присѣлъ, словно кто ударилъ его по ногамъ здоровенной палкой...

„Эхъ-ма! дрянь дѣло"... подумалъ онъ и молча, сосредоточенно началъ осматривать свои ноги, чернѣвшія изъ-подъ отрепьевъ казенныхъ голенищъ... Смотритъ бродяга на ноги и глазамъ не вѣритъ... Ступни превратились въ какія-то безобразныя, толстыя, безформенныя копыта... Запекшаяся кровь, смѣшанная съ грязью залила пальцы, покрыла толстымъ слоемъ подошвы и пятки и придала ступнямъ бродяги подобіе слоновыхъ ногъ. Поскоблилъ Митька около пятки—словно ножемъ рѣзнулъ.... Началъ осторожно ощупывать сильно распухшіе пальцы—закололо въ ступнѣ такъ, что бродяга едва не застоналъ и тотчасъ же прекратилъ освидѣтельствованіе израненныхъ ногъ...

Взглянулъ Митька на притихшаго Майданщика, да такъ и обмеръ... Передъ нимъ лежалъ на спинѣ не краснощекій, плотный Бажинъ, первый силачъ дуйской каторги, а какой то страшно исхудавшій, съ изможденнымъ, мертвенно блѣднымъ лицемъ. Глубоко впавшіе, обведенные черными кругами, глаза Майданщика были закрыты, зубы крѣпко стиснуты, блѣдныя, безкровныя губы плотно сжаты, словно прикушены... Если бы не судорожное вздыманіе груди, то обезпамятѣвшаго бродягу можно было бы принять за человѣка, давно сведшаго всѣ счеты съ здѣшнимъ міромъ...

— Не по силѣ, видно, молодцу варнацкая воля! прошепталъ Митька, угрюмо посматривая на распластавшагося товарища...

Черезъ нѣсколько минутъ Майданщикъ открылъ глаза и простоналъ:

— Все нутро жжетъ... Дай водицы испить!..

Митька молча всталъ на четвереньки и поползъ къ знакомой рѣчкѣ, накалывая свои ладони и голыя колѣна объ острые камни и колючки. До рѣчки было не болѣе ста саженъ, но эти сто саженъ показались Митькѣ длиннѣе сотни верстъ, до того онѣ были мучительны и невыносимы. Онъ ползъ до рѣчки не менѣе часа... Онъ содралъ съ ближайшей березы бересту и мастерски сдѣлалъ огромный черепокъ... Добравшись до воды, Митька прежде всего осторожно обмылъ свои ноги и тогда только разсмотрѣлъ, отчего свершилось съ нимъ такое странное, неожиданное превращеніе... Подошвы, пальцы и пятки были положительно изрѣзаны острыми камнями, во время безпорядочнаго, поспѣшнаго бѣгства отъ настойчиво наслѣдавшихъ солдатъ. Въ мягкихъ частяхъ оказалось до десятка глубоко вонзившихся занозъ, вокругъ которыхъ уже образовалась болѣзненная опухоль. Въ раны набился мелкій камень, грязь и песокъ... Вытащивъ занозы и употребивъ лохмотья на подвертки, Митька зачерпнулъ въ берестяный ковшъ воду и поползъ обратно, къ нетерпѣливо ожидавшему его товарищу...

Майданщикъ, оставшись одинъ, предался самымъ чернымъ думамъ... Ему казалось, что Митька бросилъ его на произволъ судьбы... Въ его болѣзненно настроенномъ воображеніи начали рисоваться страшныя картины мучительной смерти въ тайгѣ, вдали отъ человѣческаго взора, картины смерти отъ голода и жажды. Онъ проклиналъ часъ, когда вздумалъ бѣжать съ каторги, начиналъ раскаиваться, что соблазнился этою волею, оказавшеюся страшнѣе самой ужасной, тяжелой каторги... Нѣсколько разъ онъ порывался бѣжать, ползти, самъ не зная куда, но не могъ и пошевелиться... Страшно распухшая, вывихнутая нога приковала его къ мѣсту и при малѣйшемъ движеніи вызывала невыносимо-мучительную, острую боль... Прошелъ часъ, другой—Митьки нѣтъ какъ нѣтъ... Майданщикъ пришелъ уже къ убѣжденію, что онъ коварно брошенъ на произволъ судьбы и страшная, нечеловѣческая злоба охватила все его существо... Въ немъ проснулся во всей силѣ звѣрь... У него явилось неутомимое желаніе, страсть растерзать своими острыми зубами вѣроломнаго товарища... Въ безсильной злобѣ онъ скрежеталъ зубами, метался по травѣ, рвалъ на себѣ волосы, одежду, кусалъ руки... Онъ уже начиналъ приходить въ дикое изступленіе, какъ вдругъ въ кустахъ раздался шорохъ, и черезъ минуту на лужайку выползъ крайне утомленный, блѣдный Митька. Въ одной рукѣ онъ держалъ берестяной ковшъ съ водою, замѣтно убавившеюся за время перехода... Майданщикъ разомъ успокоился и вперилъ въ товарища воспаленные глаза...

— А я ужь думалъ, ты оставилъ меня издыхать какъ собаку, проговорилъ онъ прерывающимся отъ волненія и страданія голосомъ.

— Напрасно!.. Вмѣстѣ бѣжали—вмѣстѣ и умремъ, коли смерть наша придетъ, отвѣтилъ Митька подползая съ водою къ Майданщику.

Тотъ съ трудомъ приподнялся, схватилъ поданный берестяной ковшъ и жадно прильнулъ къ оживляющей влагѣ... Черезъ минуту ковшъ былъ уже пустъ...

— Эхъ-ма! укоризненно проговорилъ Митька... А ноги-то твои чѣмъ обмою?..

— Жрать хочу, простоналъ Майданщикъ, опрокидываясь опять на спину. Хоть корешочекъ какой!..

— Припасены были корешки, да вишь, все вчера растеряли, отвѣтилъ Митька. Подожди, я поищу здѣсь—можетъ и розыщу черемшу, либо сарану... И онъ, несмотря на утомленіе, поползъ опять въ чащу...

Черезъ часъ Митька вернулся, держа въ рукѣ пучекъ какихъ-то кореньевъ.

— Нако-сь, покушай, проговорилъ онъ суя въ руки товарища принесенный пучекъ... Кушай, кушай!.. Я уже погрызъ, когда искалъ, добавилъ Митька, замѣтивъ, что Майданщикъ желаетъ подѣлиться... Черемши и сараны я не нашелъ, а вотъ покушай два корешка мангиря (родъ дикаго чеснока), да козьяго звѣробоя (такъ называемый бѣлый корень)... Отдохну маленько—еще поищу, да за водой схожу, чтобъ было чѣмъ ноги твои обмыть, а то гляди страсть какая!.. Съ такими ногами и шагу дальше не сдѣлать... Надо отдохнуть, да полечиться...

Майданщикъ не слушалъ. Онъ съ жадностью грызъ принесенные сладкіе коренья мангиря и козьяго звѣробоя... Въ эту минуту онъ даже забылъ о недавно рисовавшихся въ его воспаленномъ воображеніи мрачныхъ картинахъ и сталъ опять мечтать о варнацкой волѣ...

Между тѣмъ неутомимый Митька взялъ свой берестяной черпакъ и поползъ опять къ ручью за водой...

Солнце склонилось уже за окрестные холмы, когда возвратился онъ къ дубу, измученный и донельзя обезсиленный... Майданщикъ, утолившій свой голодъ кореньями, крѣпко спалъ, раскинувшись на душистой, пышной травѣ... Осторожно стащилъ Митька съ опухшихъ ногъ Майданщика обрывки казенныхъ сапогъ и началъ обмывать израненныя, заноженныя ступни. Трудно было представить что нибудь ужаснѣе этихъ ногъ, сплошь покрытыхъ ранами и болѣзненными опухолями, образовавшимися вокругъ глубоко вонзившихся, едва видимыхъ полудюймовыхъ занозъ. Какъ ни осторожно обмывалъ Митька раны товарища, послѣдній при каждомъ прикосновеніи болѣзненно стоналъ и инстинктивно отдергивалъ свои ноги. Повидимому, самое легкое прикосновеніе причиняла Майданщику невыносимую, острую боль...

Обмывъ ноги, Митька приступилъ къ самой мучительной операціи—выдергиванію занозъ... Майданщикъ проснулся съ глухимъ, болѣзненнымъ стономъ...

— Больно?.. заботливо спросилъ Митька, выдергивая самую большую занозу.

— И не говори!.. простоналъ Майданщикъ. Точно кто тупыми ножами ноги рѣжетъ...

— Ну, потерпи малость!.. проговорилъ импровизированный операторъ. Вѣдь знаешь нашу острожную поговорку: хочешь варнакомъ быть—сдѣлайся звѣремъ, умѣй голодать, холодать, терпѣть муку—невзгоду, холодъ и непогоду. Для варнака звѣрь не страшенъ, потому онъ самъ двуногій звѣрь, а страшенъ человѣкъ... Со звѣремъ варнакъ сживется, либо сладитъ...

Слова Митьки придали Майданщику бодрость... Онъ отдался въ полное распоряженіе опытнаго товарища и терпѣливо старался сносить мучительную операцію выдергиванія занозъ. Стонать ему стало совѣстно... За то вдвойне онъ морщился, когда Митька начиналъ слишкомъ неосторожно ковырять въ страшно наболѣвшихъ ранахъ...

Очистивъ тѣло Майданщика отъ занозъ, Митька разодралъ остатки своей рубахи и сдѣлалъ необходимую перевязку, да съ такимъ искуствомъ, что ему могъ бы позавидовать любой фельдшеръ...

— Готово!.. торжественно проговорилъ Митька, сдѣлавъ послѣдній узелъ... А танерича ползи въ нашу избу на отдыхъ..

Придется пожить въ ней, пока ногъ не залечимъ, прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанія.

Бродяги поползли къ дубу, залезли въ обширное дупло, прижались одинъ къ другому, чтобы было теплѣе, и уже черезъ минуту опять спали мертвымъ сномъ.

VIII.

На морѣ.

Бурная, темная, іюньская ночь. Бѣшено гудитъ вѣтеръ въ заповѣдной чащѣ столѣтнихъ, могучихъ кедровъ и сосенъ и съ какою то демонскою злобою качаетъ ихъ гордыя, пышныя вершины. Дико завываетъ онъ въ прибрежныхъ утесахъ и кекурахъ и пригибаетъ до самой земли растущій изъ расщелинъ цѣпкій кустарникъ... Стонетъ, реветъ море... Непогода оживила его, вдунула въ него дикую, страшную, необузданную жизнь. Грозно ползетъ это стихійное чудовище на скалистое, неровное прибрежье материка и, встрѣчая непреодолимую преграду, съ яростнымъ ревомъ вздымается къ небу, словно силясь преодолѣть нагроможденныя на дорогѣ громады камней... Массы пѣнящейся воды съ ужасающею быстротою бросаются на крутое прибрежье, вскидываются отвѣсно вверхъ на огромную высоту, и, обрушившись съ грохотомъ внизъ, съ безсильною злобою отпрядывають назадъ... Яростно сталкиваются эти отброшенныя волны со вновь прибывающими и, накопляясь новыми, страшными громадами, опять обрушиваются на берегъ съ поражающимъ грохотомъ и ревомъ... Море представляетъ картину самаго грознаго волненія...

Тяжелыя, точно налитыя свинцомъ, тучи опускаются все ниже и ниже, словно хотятъ придавить своею поражающею громадою двухъ отважныхъ, безумно смѣлыхъ бродягъ, крѣпко прильнувшихъ къ большой корчагѣ... Тяжело покачивается корчага среди шумящаго, клокочущаго моря и медленно ползетъ, подъ напоромъ волнъ и вѣтра, все ближе и ближе къ мрачному, темному берегу... Одна волна за другой, одна выше и злѣе другой, обрушиваются на корчагу съ какимъ-то зловѣщимъ шумомъ, обдавая захолодѣвшихъ, полунагихъ бродягъ массою искрящейся воды, и несутся дальше, бурча и клокоча, словно досадуя и сожалѣя, что слабыя жертвы выскользнули изъ ихъ хищническихъ, мертвенныхъ объятій, словно сердясь, что не удалось еще поглотить дерзкихъ бѣглецовъ, осмѣлившихся довѣриться произволу измѣнчиваго моря...

Вотъ луна бросила черезъ образовавшійся просвѣтъ свой блѣдный лучъ и на минуту освѣтила корчагу съ ея пловцами... Трудно узнать къ этихъ донельзя изможденныхъ и исхудавшихъ бѣглецахъ Майданщика и Митьку.

Трехънедѣльное прозябаніе въ тайгѣ, въ которой кровомъ имъ служилъ дуплистый дубъ, а пищей—коренья саромы, козьяго звѣробоя и черемши, да четырехъ-суточное мотанье впроголодь среди моря, положили на эти сильныя натуры свою страшную, рѣзкую печать... Въ теченіи трехъ недѣль бродяги залечивали свои израненныя ноги, странно тощая на малопитательныхъ корняхъ... Несмотря на всѣ невзгоды, имъ и въ голову не приходило вернуться. Молча переносили они физическія страданія, мечтая только, какъ бы добраться до материка.

Прошло три недѣли... Бродяги поправились и рѣшились пуститься въ дальнѣйшій путь, рѣшились совершить невѣроятную переправу на материкъ. Предусмотрительный, опытный Митька прежде всего сдѣлалъ запасъ съѣдобныхъ кореньевъ, затѣмъ смастерилъ изъ остатковъ сѣраго сукна и голенищъ что-то въ родѣ опметокъ, какъ для себя, такъ и для своего товарища... Одно смущало бродягъ—это почти полное отсутствіе одежды, пополнить которую не представлялось возможности... Плечи Майданщика едва были прикрыты грязными, перетлѣвшими клочьями холщевой рубахи, едва доходившей до колѣнъ. Этотъ костюмъ дополнился берестяною, остроконечною шапкою собственнаго издѣлія и опметками. Митька былъ одѣтъ также. Спину, плечи и отчасти грудь Митьки защищала отъ непогоды рваная, арестантская куртка.

Бродяги, изготовившись въ дорогу, выбрались на западный берегъ Сахалина и берегомъ направились къ сѣверу, къ проливу Невельскому, отдѣляющему островъ отъ материка воднымъ пространствомъ не болѣе трехъ верстъ шириной. Этотъ пунктъ былъ удобнѣйшимъ для переправы на материкъ...

Розыскавъ выброшенную Амуромъ на берегъ огромную корчагу, бродяги сдѣлали нѣчто въ родѣ веселъ, перекрестились, усѣлись на свою допотопную, неуклюжую ладью и, пользуясь тихою погодою, пустились въ крайне опасный путь. Довѣряясь бурной стихіи, бродяги и не думали объ ожидавшихъ ихъ впереди опасностяхъ. Противуположный берегъ казался такъ близко, что бѣглецы уже къ вечеру надѣялись быть на материкѣ... Однако надежды ихъ далеко не оправдались... Тяжелая корчага, несмотря на дружныя усилія бродягъ, подвигалась впередъ невыносимо медленно. За то довольно сильное теченіе относило ее къ югу, въ открытое море, дальше и дальше отъ узкаго пролива...

Только къ вечеру увидѣли пловцы всю безъисходность своего положенія... Вернуться на островъ не было уже возможности и они рѣшились отдаться на произволъ моря... Страшно обезсиленные почти полусуточною, непрерывною греблею и томимые жаждою, бродяги съ ужасомъ смотрѣли, какъ относило ихъ корчагу все дальше и дальше отъ берега...

Утромъ подулъ однако восточный вѣтеръ... Постепенно крѣпчая, онъ достигъ послѣ полудня до степени умѣреннаго шторма... Забурлило, заволновалось море... Заходили пѣнистыя волны и каждую минуту начали окачивать бродягъ съ головы до ногъ... Тяжело запрыгала корчага по поверхности разбушевавшаго моря... Бродяги съ надеждою на спасеніе, съ радостью стали замѣчать, какъ постепенно стало прибивать корчагу все ближе и ближе къ завѣтному берегу... Съ этой минуты они начали смотрѣть на бурю, какъ на единственную спасительницу въ ихъ отчаянномъ положеніи. Они молили Бога только о томъ, чтобы вѣтеръ не перемѣнилъ направленія или не стихъ... Прошли еще мучительныя сутки... Берегъ былъ недалеко, но все таки не такъ еще близко, чтобы можно было быть увѣреннымъ въ спасеніе... Запасъ кореньевъ вышелъ. Начались мучительныя страданія жажды. Пробовали бродяги пить морскую воду, но она жгла, вызывала рвоту, и въ результатѣ страданія отъ жажды все увеличивались и увеличивались... Обоихъ бродягъ трясла сильная лихорадка... Окоченѣлые, измученные и донельзя истощенные, они едва держались на корчагѣ и воспаленными глазами пожирали темный контуръ берега, на которомъ они уже различали отдѣльныя группы деревьевъ и даже морскихъ птицъ, вьющихся надъ песчанымъ побережьемъ... Надежда на спасеніе согрѣвала ихъ и придавала имъ силу выносить страданія...

Прошли еще сутки... Къ страданіямъ жажды присоединились страданія голода... Берегъ былъ совсѣмъ близко, такъ близко, что бродягамъ казалось, что стоитъ сдѣлать хорошій прыжокъ и они будутъ на материкѣ... Корчагу то несло еще ближе къ берегу, то отбрасывало въ море... Въ теченіи цѣлаго дня каждую минуту имъ казалось, что вотъ-вотъ корчагу выброситъ наконецъ на песчаное прибрежье; но между тѣмъ она только металась то впередъ, то назадъ и медленно ползла вдоль берега, словно выбирая болѣе удобное мѣсто для высадки измученныхъ, изможденныхъ бѣглецовъ... Наконецъ наступила только что описанная ночь, страшная и мучительная...

IX.

Спасеніе.

Гудитъ и реветъ вѣтеръ, вздымаетъ, гонитъ передъ собой пѣнистыя горы искрящейся воды... Зловѣще шумятъ гигантскія волны своими закрученными впередъ вершинами, и стройными рядами, словно грозная рать, бѣгутъ на приступъ скалистаго, мрачнаго берега. Волна за волной хлещутъ въ фантастическія, базальтовыя скалы... Встрѣчая непреодолимую преграду, онѣ взлетаютъ къ небу и съ грохотомъ падаютъ на вновь прибывающіе ряды водяныхъ громадъ... Каждую минуту слышатся глухіе, громовые удары, словно гдѣ-то вдали, подъ землею, раздаются могучіе залпы сотни орудій—это бьютъ волны въ глубокія фантастическія пещеры и гроты, созданные неутомимымъ, грознымъ моремъ въ базальтовыхъ скалахъ...

Со страхомъ смотрятъ изможденные бродяги на темный, отвѣсный берегъ и возносятъ къ Богу отъ всей полноты размягченнаго страданіями сердца молитвы, чтобы валъ не разбилъ ихъ корчагу объ острыя скалы... Молча, ждутъ они или спасенія, или смерти... Они сознаютъ, что ихъ спасеніе слишкомъ еще призрачно, а смерть уже смотритъ на нихъ своими грозными глазами, уже протягиваетъ къ нимъ свои цѣпкія, холодныя объятья... Съ тоской ждутъ они разсвѣта и съ надеждой смотрятъ на постепенно проясняющійся востокъ, словно убѣждены, что первый лучъ благодѣтельнаго солнца принесетъ имъ страстно желаемое спасеніе...

Ночь кажется имъ безконечною. Окружающій непроницаемый мракъ наводитъ уныніе...

Но вотъ востокъ зарумянился и запылалъ... Цѣлый снопъ яркихъ лучей разсыпался по просвѣтлѣвшему небу, скользнулъ по тѣнистой, изборожденной волнами, поверхности моря и заигралъ на смоченныхъ морскою водой прибрежныхъ скалахъ... Черезъ минуту показалась на горизонтѣ золотая макушка солнца... Все засіяло...

Обдало солнце бродягъ нѣжащими теплыми лучами, и кажется, что непогода смягчилась, море бурлитъ не такъ уже грозно и страшно...

Корчагу между тѣмъ несло вѣтромъ и волной все дальше и дальше вдоль отвѣснаго берега, покрытаго густою, мохнатою шапкою еловыхъ, сосновыхъ, кедровыхъ и дубовыхъ лѣсовъ... Жадно всматривались бродяги въ мрачный берегъ... Вотъ онъ началъ постепенно понижаться и образовалъ въ саженяхъ стахъ дальше далеко выдающійся въ море низменный мысъ, преградившій путь корчагѣ. По песчаному прибрежью ходили грозные буруны... Море вокругъ мыса клокотало, какъ въ котлѣ, и зловѣще шумѣло... Волны, встрѣчая на мелкомъ мѣстѣ преграду своему поступательному движенію, вздувались и съ страшною быстротою неслись къ мысу въ видѣ крутыхъ, тѣнистыхъ горъ... Чѣмъ ближе прибивало корчагу къ этому опасному мѣсту, тѣмъ сильнѣе крутило ее, тѣмъ неистовѣе прыгала она съ одной волны на другую, трепетала и трещала... Съ отчаянною силою вцѣпились бродяги въ дерево и съ трепетомъ ждали смерти или чудеснаго спасенія...

Вотъ корчага вздрогнула, словно задѣла за морское дно и исчезла въ страшномъ омутѣ пѣнящихся, рокочущихъ волнъ... Бродягамъ стало не по силамъ держаться на неистово прыгавшей въ бурунахъ корчагѣ, и они отдались на произволъ грозныхъ валовъ... Началась страшная борьба слабыхъ, изможденныхъ людей съ разсвирѣпѣвшей, могучей стихіей. Съ отчаянною энергіею пробиваются они къ спасительному мысу... Съ зловѣщимъ ревомъ крутятъ буруны изможденныхъ страдальцевъ и стремительно несутъ ихъ исхудалыя, измученныя тѣла на песчаное прибрежье...

Черезъ нѣсколько минутъ страшной, неравной борьбы, волны выбросили на берегъ безчувственныхъ, ошеломленныхъ бродягъ и съ глухимъ рокотомъ отхлынули назадъ.

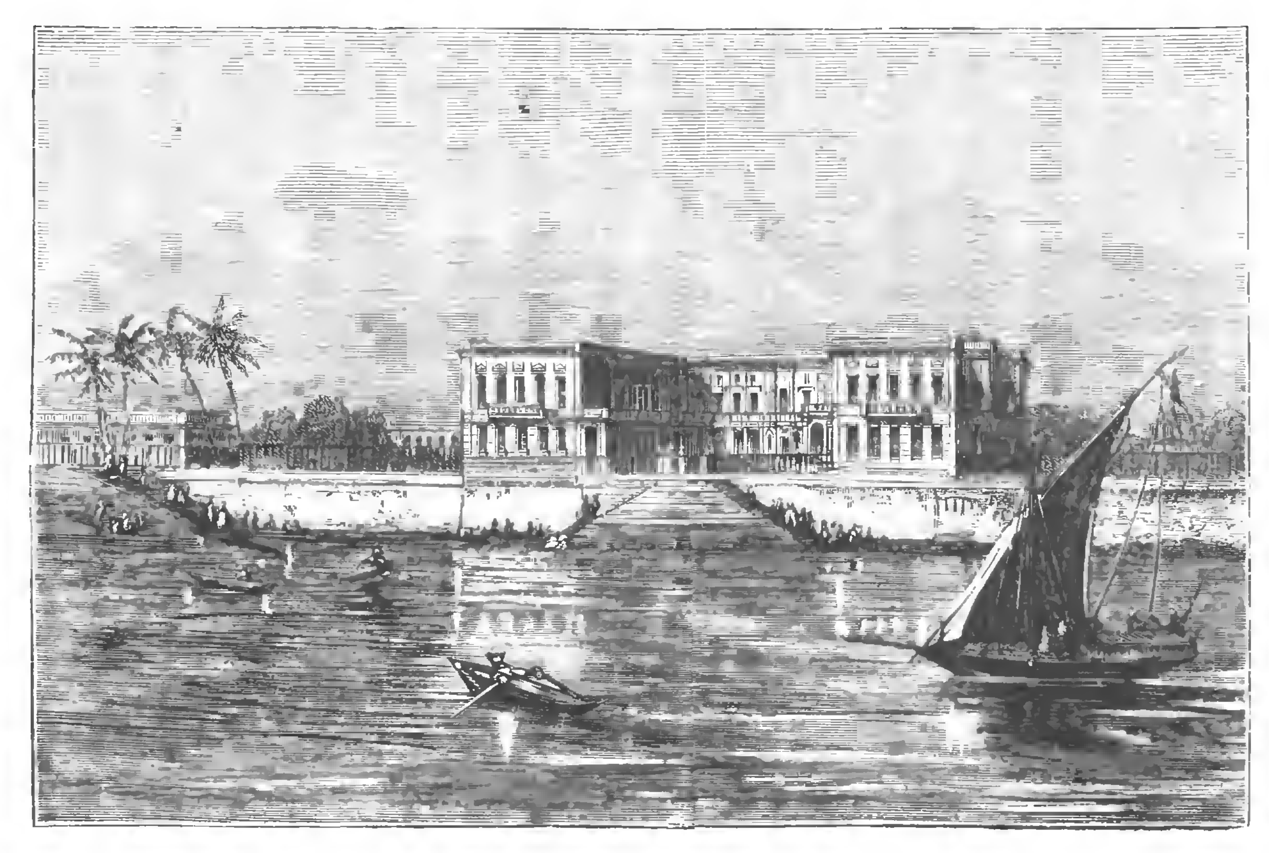
Высоко поднялось солнце по прояснившемуся небу и сыплетъ на изможденные тѣла бродягъ снопы яркихъ, теплыхъ, лучей... Разметали бродяги свои исхудалыя руки по песку... Лежатъ — они не шелохнутся, словно угасла въ нихъ послѣдняя искра жизни... На ихъ обросшихъ, блѣдныхъ лицахъ печать невыразимыхъ страданій... Безкровныя губы крѣпко сжаты... Глубоко ввалившіеся глаза окружены синевою и рѣзкими, лучистыми морщинами...

Волна за волной съ рокотомъ и зловѣщимъ шумомъ набѣгаютъ на мысъ и обезсиленныя разсыпаются почти у самыхъ ногъ изможденныхъ страдальцевъ... Вотъ идетъ съ моря гигантскій девятый валъ... Бѣшено вздулся онъ на мелководьѣ и, завернувъ впередъ свою пѣнистую, зловѣще шумящую вершину, стремительно, грозно бѣжитъ на мысъ, словно желая вторично поглотить только что выброшенныхъ имъ отважныхъ бѣглецовъ...

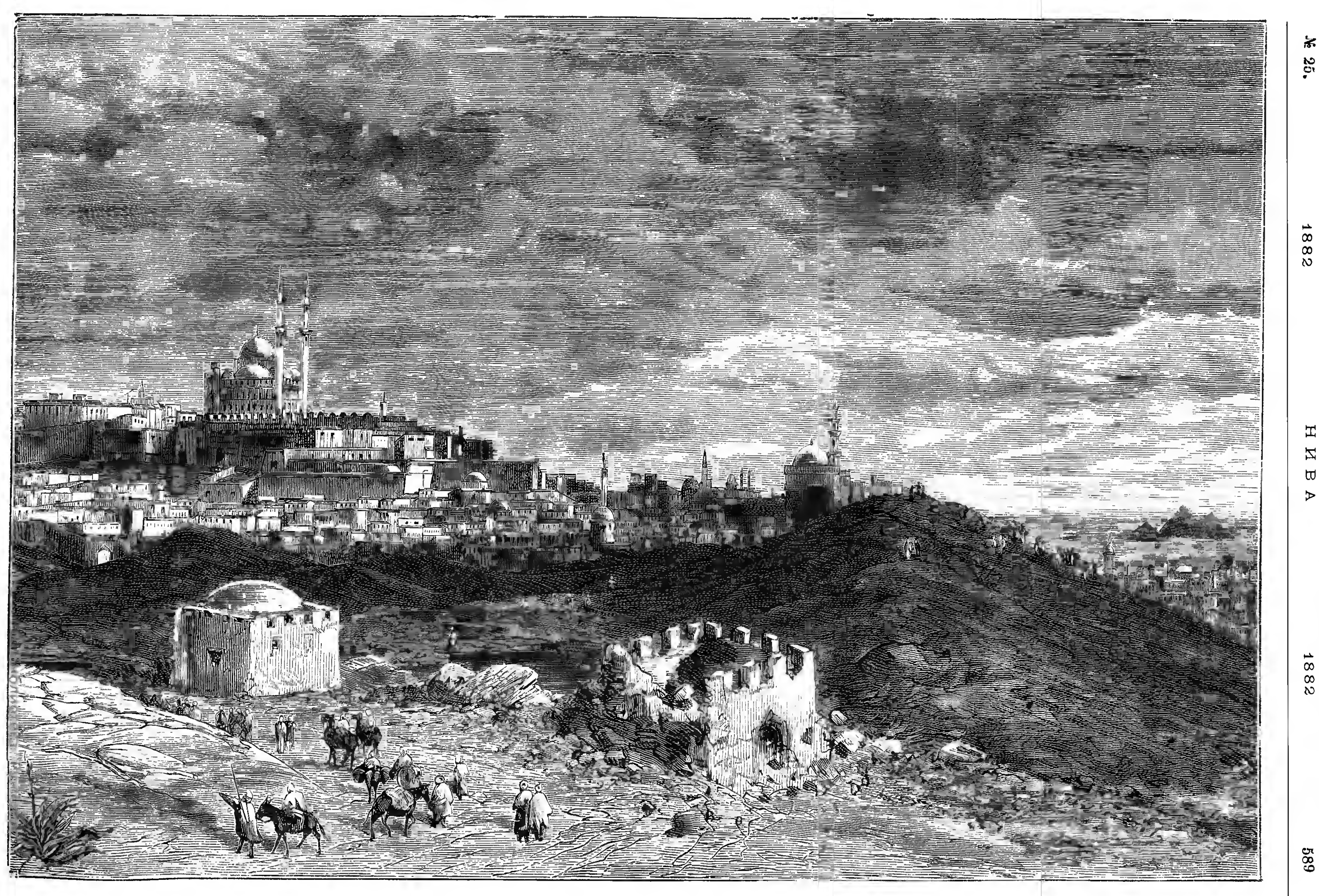
Открылъ Майданщикъ свои воспаленные глаза и тупо смотритъ на набѣгающій съ грознымъ ревомъ валъ... Близкая, страшная опасность возвратила ему самообладаніе и чувство самосохраненія... Собравъ послѣднія силы, поползъ онъ дальше отъ коварнаго моря, дальше отъ бѣшено набѣгающей волны... Въ этотъ моментъ взоръ его остановился на безчувственномъ тѣлѣ товарища... Еще моментъ и волна безвозвратно поглотитъ Митьку; съ отчаянною рѣшимостью поползъ Майданщикъ назадъ и схватилъ товарища за руку...

Съ глухимъ рокотомъ набѣжалъ на бродягъ грозный девятый валъ и покрылъ ихъ своимъ холоднымъ, мертвящимъ покровомъ... Судорожно вцѣпился Майданщикъ въ

Событія въ Египтѣ. Военный министръ Ахмедъ Араби-Паша. Съ фотог. грав. Гельштейнъ.



Событія въ Египтѣ. Дворецъ Хедива въ Каирѣ. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.



Событія въ Египтѣ. Видъ города Каира. Съ фотографіи грав. Флюгель.

рыхлую почву прибрежья и смѣло встрѣтилъ послѣдній напоръ разсвирѣпѣвшаго моря... Набѣжала волна и отхлынула назадъ... Майданщикъ поползъ дальше отъ моря, волоча за собой безчувственное тѣло товарища...

Не успѣлъ Майданщикъ проползти и сотню шаговъ, какъ его слухъ поразило мелодичное, нѣжное журчанье ручейка... Бродяга встрепенулся, и, словно пронизанный электрической искрой, вскочилъ на ноги. Невыносимыя страданія жажды пробудились въ немъ съ новою, страшною силою... У бродяги позеленѣло въ глазахъ и ему вдругъ показалось, что освѣжающая влага льется прямо на него широкою, блестящею, шумящею струею... Близость прѣсной воды едва не свела его съума; его глаза загорѣлись какимъ-то горячечнымъ огнемъ и онъ, шатаясь и скрыпя зубами, побѣжалъ къ прыгающему съ камня на камень, съ уступа на уступъ, нѣжно журчащему ручью... На каждомъ шагу онъ спотыкался, падалъ, опять поднимался и съ какою-то дикою яростью бѣжалъ къ роскошному своду густой, древесной зелени, подъ которымъ быстрый ручей мелодично пѣлъ свою безконечную пѣснь... Подрубленнымъ деревомъ свалился Майданщикъ на пышный коверъ ярко зеленой травы, прямо лицомъ въ ручей, и, чуть не зарывшись въ него головой, жадно началъ глотать холодную, живительную влагу... Въ этотъ моментъ онъ забылъ всѣхъ и все на свѣтѣ... Подъ вліяніемъ благодѣтельной влаги, нестерпимая боль во всемъ его разбитомъ тѣлѣ словно утихла, мысль сдѣлалась свѣтлѣе и въ немъ затихло то невыносимо тягостное чувство тупаго озлобленія, не покидавшее его въ теченіи двухъ послѣднихъ дней мучительнаго странствованія по коварному, бурному морю...

Майданщикъ пилъ не отрываясь и ему казалось, что онъ въ состояніи выпить весь ручей... Кругомъ его царила таинственная тишина... Густо разросшіеся жасминъ, сирень и колючая азалія склонили свои пышныя вершины надъ ручьемъ и, казалось, съ удивленіемъ смотрѣли на изможденнаго полунагаго страдальца, осмѣлившагося нарушить покой таинственной заросли...

Вотъ въ чащѣ, на противуположномъ берегу ручья, раздался трескъ съ силою раздвигаемыхъ вѣтвей. Послышались чьи-то тяжелые, медленные шаги, сильный храпъ... и на берегъ ручья вышелъ громадный, черный медвѣдь. Увидѣвъ распластавшагося Майданщика, лѣсное чудовище остановилось въ нерѣшительности, подняло морду и, вытянувъ толстую, мохнатую шею, сильно началъ втягивать въ себя воздухъ... Майданщикъ услышавъ трескъ и храпъ, на минуту оторвался отъ оживляющей влаги, какъ-то апатично взглянулъ на стоящаго въ десяти шагахъ страшнаго звѣря и опять прильнулъ къ ручью. Подъ давленіемъ мучительной жажды, бродяга отнесся даже къ появленію чудовища равнодушно; въ тотъ моментъ онъ даже не сознавалъ всей опасности неожиданно-близкаго сосѣдства съ хищникомъ...

Медвѣдь, мучимый жаждою, также склонился, послѣ минутной нерѣшительности къ ручью и жадно началъ втягивать холодную влагу... Звѣрь и человѣкъ пили изъ одного ручья, не обращая одинъ на другаго вниманія; ихъ отдѣляло всего только нѣсколько шаговъ, но хищникъ не выказывалъ къ человѣку враждебныхъ чувствъ, и человѣкъ, съ своей стороны, не пугался присутствія страшнаго хищника... Каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ—утоленіемъ жажды...

Майданщикъ пилъ безъ мѣры... Его животъ раздулся, а онъ продолжалъ пить, пить безъ конца... Но вотъ ему стало уже не вмоготу... Глотка устала глотать холодную воду... Майданщикъ нехотя оторвался отъ ручья, лѣниво поднялся, потянулся и, сдва взглянувъ на утолявшаго жажду хищника, пошелъ отъ ручья въ чащу съ непреодолимымъ желаніемъ хорошо выспаться на пышномъ коврѣ густой, ярко зеленой травы... Въ этотъ только моментъ онъ вдругъ вспомнилъ, что на берегу моря оставилъ почти бездыханное тѣло товарища, умирающаго отъ мучительной жажды. Майданщику сдѣлалось страшно совѣстно за свою странную забывчивость и онъ, не теряя ни минуты, бросился къ Митькѣ, безпомощно распластавшемуся на горячемъ пескѣ морскаго прибрежья. Осторожно приподнялъ онъ товарища и отнесъ къ ручью, гдѣ и положилъ на мягкую траву, подъ прохладную тѣнь густолиственныхъ деревьевъ...

Медвѣдя уже не было... Утоливъ жажду, онъ скрылся въ таинственной заросли...

Съ трудомъ раскрылъ Майданщикъ крѣпко стиснутые зубы Митьки и прямо изъ ладони влилъ ему въ ротъ нѣсколько горстей холодной воды... Черезъ минуту Митька открылъ мутные глаза и безсознательно началъ осматриваться... Майданщикъ склонился надъ нимъ и принялся растирать ему грудь и смачивать голову водой... Постепенно Митька началъ приходить въ сознаніе... Въ мутныхъ глазахъ, обращенныхъ къ небу, мелькнулъ огонекъ; на губахъ заиграла слабая улыбка... Тяжело приподнялъ онъ правую руку и сотворилъ крестное знаменіе...

— Да, братъ, чуднымъ маперомъ добрались мы до земли, проговорилъ Майданщикъ. „Нáкось, испей теперь, а тамъ поищемъ чего нибудь поѣсть“, прибавилъ онъ, придвигая товарища къ ручью...

Митька не замедлилъ прильнуть къ оживляющей влагѣ... Тѣмъ временемъ Майданщикъ отправился на поиски за пищей... Тутъ-же на берегу онъ наткнулся на малиновыя перья черемщи и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ цѣлымъ пучкомъ вкуснаго, питательнаго овоща... Утоливъ голодъ, бродяги забрались въ густую заросль, раскинулись на пышной травѣ и уснули мертвымъ сномъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Стихотворенія.

(Изъ А. Казалиса).

I.

Въ полдень.

Небо и море,
Море и небо!..
Въ небѣ же—солнце,
Полное блеска...

* * *

Въ небѣ, что хлонья
Рыхлаго снѣга—
Рѣзвыя стаи
Тучекъ прозрачныхъ!

* * *

Море и небо,
Небо и море!..
Въ морѣ же—гребни
Волнъ изумрудныхъ,
Бѣлой и легкой
Пѣной покрытыхъ,
Солнечнымъ свѣтомъ
Ярко залитыхъ!

II

Я отдаюсь объятьямъ блѣдной ночи,
Смѣнившей зной блистательнаго дня...
Лучистыхъ звѣздъ мерцающія очи
Съ привѣтомъ тихимъ смотрятъ на меня!

* * *

О эта ночь! Вѣдь лаской равнодушной
Не можетъ грусти тайной разогнать!..
Напрасно я стремлюсь въ просторъ воздушный,
Моей мечтой разсѣянной витать!

* * *

Ея вопросъ умолкнетъ безъ отвѣта:
И глухъ, и нѣмъ свѣтилъ несмѣтныхъ рой,
И не отъ силъ невѣдомаго свѣта
Она отвѣтъ получитъ роковой!

В. М.

Письма о здоровьи.

III.

Вегетаризмъ.

Очеркъ.

Вегетаріанцами называются люди, воздерживающіеся отъ употребленія мяса, питаясь растительной пищей. Нужно сказать, однако, что это не совсѣмъ точное и вѣрное названіе. Вегетаріанцы не питаются однако исключительно растительной пищей и за самыми рѣдкими исключеніями, постоянно присоединяютъ къ ней молоко, масло, яйца и сыръ, продукты животнаго происхожденія. Въ этомъ смыслѣ, вегетаріанцы издавна весьма многочисленны. Съ самой глубокой древности, индѣйцы, послѣдователи религіи браминовъ, воздерживались отъ употребленія мяса какого-либо животнаго. Да и среди современныхъ народовъ есть масса людей, цѣлые общественные классы, волей неволей остающіеся безъ животной пищи, т. е. безъ мяса.

Нашъ русскій крестьянинъ и рабочій человѣкъ, какъ извѣстно, мяса почти не знаетъ, живя, большею частью, чисто растительной пищей, хлѣбомъ, чистымъ или даже съ примѣсями и овощами Во Франціи, потребленіе мяса весьма значительное, вообще начинаетъ все болѣе и болѣе распространяться, съ нѣкотораго времени, и среди рабочихъ классовъ. Наоборотъ, въ

странахъ, наиболѣе потребляющихъ мясо—въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ и въ Германіи, обнаруживается противодѣйствіе мясной пищѣ. Въ этихъ трехъ странахъ образовались даже цѣлыя общества, уже довольно многочисленныя, члены которыхъ принимаютъ на себя обязательство—воздерживаться отъ употребленія мяса животныхъ.

Въ настоящее время въ Англіи существуютъ три такихъ общества, имѣющія рестораны, въ которыхъ можно получать весьма дешево вкусный обѣдъ, въ составъ котораго совершенно не входитъ мясо. Одно изъ этихъ обществъ, находящееся въ Манчестерѣ, насчитываетъ въ своей средѣ три тысячи членовъ.

Англійскіе вегетаріанцы образовали даже нѣкоторое подобіе секты съ нелѣпымъ, сантиментальнымъ ученіемъ о томъ, что человѣкъ „не имѣетъ права убивать животныхъ“. На этомъ основаніи, каждый членъ общества принимаетъ на себя обязательство не ѣсть мяса. Любопытно что эта теорія, которая не могла бы кажется понравиться во всякомъ случаѣ практичнымъ французамъ—имѣла, хотя и чрезвычайно малый, успѣхъ между ними.

Мясо представляется крайне необходимымъ при нѣкоторыхъ болѣзняхъ, напримѣръ при анеміи или малокровіи. Больные этого рода нуждаются въ крови—нужно дать имъ ее, пользуясь для этого мясомъ. Такимъ больнымъ дѣлаютъ поэтому кровяной сиропъ, даютъ пить теплую кровь, наконецъ предписываютъ кровяныя ванны, хотя безусловно доказано, что кровь кожей не поглощается. Далѣе совѣтуютъ имъ обязательно потреблять нетолько вареное или жареное мясо, но даже сырое, приготовляютъ для нихъ эликсиры изъ мяса и спирта и пр. и пр; Въ виду многочисленности случаевъ подобной болѣзни во Франціи, подъ опасеніемъ эпидемическаго ея распространенія, понятно, что вегетаризмъ мало имѣлъ здѣсь почвы подъ собою: какъ разъ наоборотъ, должно было усиливаться потребленіе мяса, что дѣйствительно и произошло. Однако, возникшее уже злоупотребленіе мясомъ создало во Франціи новую не менѣе серьезную опасность—увеличились болѣзни подагра и ревматизмъ—эти слѣдствія постояннаго употребленія хорошаго мяса.

И вотъ, три года тому назадъ, одинъ французскій докторъ, происходившій отъ отца и дѣда, страдавшихъ ревматизмомъ и самъ мучившійся этой болѣзнью, г. Гюро де-Виллнёвъ (извѣстный между прочимъ своими трудами по воздухоплаванію) началъ борьбу противъ тираніи мяса. Онъ окончательно исключилъ мясо изъ своей пищи. Ревматизмъ его прошелъ, аппетитъ возстановился, здоровье превосходно укрѣпилось. Скоро онъ собралъ вокругъ себя порядочное число послѣдователей и, въ началѣ 1880 года, основалъ въ Парижѣ общество вегетаріанцевъ, избравшее его своимъ президентомъ.

Это новое общество, прежде всего, отказалось пройти ту ступень, черезъ которую обязательно переступили аналогичныя общества, основанныя въ другихъ странахъ. Желая остаться на чисто научной почвѣ, оно рѣшилось не образовывать изъ своей среды какой-то секты. Такимъ образомъ, оно не требуетъ отъ своихъ членовъ никакихъ обѣщаній. Каждый изъ нихъ можетъ жить какъ ему угодно; общество не беретъ на себя труда—предписывать какое-либо исключительное питаніе. Въ этомъ состоитъ его отличіе отъ германскихъ и англійскихъ обществъ вегетаріанцевъ.

Болѣзнь анеміи (малокровія) происходитъ не отъ недостатка мяса, а отъ недостатка движенія, вольнаго воздуха и солнечнаго свѣта. Крестьяне, потребляющіе гораздо меньше мяса, нежели городское населеніе, и даже почти незнающіе его, тѣмъ неменѣе, отличаются весьма крѣпкимъ здоровьемъ. Это потому что они предаются физическому труду на вольномъ воздухѣ, тогда какъ горожане дѣлаютъ весьма мало движенія и совсѣмъ отказываются отъ мускульной работы. Ручная-же работа не есть трудъ, а представляетъ физіологическую необходимость для организма.

Для развитія какого-либо органа необходимо упражнять его. Наша мускульная ткань ослабѣваетъ и исчезаетъ при отсутствіи мускульнаго труда, какъ-бы высокаго качества не употреблялось при этомъ мясо и наоборотъ, она быстро возстановляется при мускульной работѣ.

Есть-ли основаніе думать, что не потребляя мяса, нельзя выполнять работъ, требующихъ большой мускульной силы? Животныя, отвѣчаетъ онъ далѣе, долго переносящія усталость, питаются растительной пищей. Быкъ, лошадь, слонъ питаются исключительно растеніями, несмотря на то, что ихъ желудки, какъ показали опыты, отлично могутъ перерабатывать и мясную пищу. Постоянныя-же, какъ-то: левъ, тигръ и кошка, могутъ обнаруживать, правда, огромную силу но на короткое время и ихъ энергія непродолжительна; они проводятъ во снѣ большую часть своего существованія.

Большое число людей, извѣстныхъ своей нравственной энергіей и физической силой, слѣдовали наставленіямъ Пиѳагора. Плутархъ, Франклинъ, Монтіонъ, достигшіе глубокой старости, вовсе не знали мяса. Президентъ Линкольнъ, отличавшійся высокимъ ростомъ, огромной мускульной силой и непобѣдимой энергіей, былъ вегетаріанецъ.

Съ другой стороны, указываютъ на опасности, соединенныя съ потребленіемъ мяса, именно на паразитовъ, попадающихъ съ нимъ въ нашъ желудокъ, трихину, глистовъ, наконецъ, на скорбутъ, происходящій отъ употребленія солонины. Далѣе, по его мнѣнію, единственно мясо животныхъ является причиной многихъ случаевъ чахотки, рака, подагры, ревматизма, сыпи, каменной болѣзни. Ничего подобнаго не влечетъ за собою потребленіе растительной пищи.

Животная пища, продолжаетъ онъ, можетъ еще не имѣть вышеупомянутыхъ послѣдствій для людей, занятыхъ сильной мускульной работой, но она вредна для тѣхъ, которые производятъ мало движенія. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, богатые люди, незнающіе физическаго труда, именно и ѣдятъ мясо. Любопытно то, что медики, предписывающіе нѣкоторымъ изъ своихъ больныхъ животную пищу для увеличенія красныхъ шариковъ въ ихъ крови, въ то же время посылаютъ паціентовъ на щелочныя минеральныя воды, имѣющія обратное дѣйствіе, въ смыслѣ уменьшенія этихъ шариковъ.

Вотъ ученіе вегетаризма. Но препятствіемъ распространенія его является затруднительность разнообразить растительныя блюда. Правда, парижскіе вегетаріанцы вздумали доказать противное, устроивъ однажды обѣдъ, состоявшій, конечно, изъ однихъ растительныхъ блюдъ и весьма вкусный, по разсказамъ; но подобное доказательство, разумѣется, недостаточно практически убѣдительно. Простой народъ и вообще большинство людей не могли-бы, безъ сомнѣнія, воспользоваться тѣми средствами, которыми располагали богатые устроители этого обѣда, для приданія вкуса и разнообразія своимъ растительнымъ блюдамъ.

Въ пользу своихъ теорій вегетаріанцы указываютъ на спартанцевъ, питавшихся черной похлебкой и отличавшихся столь славной энергіей, храбростью; на греческихъ атлетовъ вообще, пожинавшихъ лавры за свою силу и ловкость на олимпійскихъ играхъ; наконецъ, на евреевъ, выбиравшихъ изъ своей среды нѣсколько молодыхъ людей, предназначавшихся стать сильными и храбрыми, изъ которыхъ вышелъ Самсонъ, несмотря на исключительно растительное питаніе.

Вегетаріанцы могутъ, конечно, найти и еще нѣсколько подобныхъ фактовъ, но нельзя назвать эти доказательства справедливости ихъ ученія особенно убѣдительными. Мы не говоримъ уже о принципѣ, въ силу котораго они возстаютъ противъ мясной пищи, о томъ выводѣ изъ него, къ которому человѣкъ не имѣетъ права убивать животныхъ для своихъ нуждъ и пользъ. Недаромъ-же, человѣкъ издавна стремится къ животной пищѣ, всегда потреблялъ и потребляетъ ее: не даромъ-же, потребленіе этой пищи все болѣе и болѣе распространяется. Такъ велика, слѣдовательно, насущная, естественная въ немъ потребность.

События въ Египтѣ. Араби-Паша.

(Портр. и рисунки на стр. 588 и 589).

Какъ ни тревожно нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Европѣ, столь много обѣщающее для болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, но въ настоящую минуту, общее вниманіе обращено не въ эту сторону,—оно сосредоточено, въ значительной степени, на Египтѣ. Волненія, броженіе въ странѣ фараоновъ разростается. Причину ихъ нечего искать далеко. Бывшій хедивъ, „великолѣпный“ Измаилъ-Паша, извѣстный своею расточительностью, сильно разстроилъ финансы своего государства; онъ втянулъ его въ неразрывныя отношенія съ европейскими спекуляторами, наложилъ на него путы европейскихъ кредиторовъ: его исторія и исторія долговъ, навязанныхъ имъ Египту, слишкомъ извѣстна, чтобы повторять ее здѣсь; скажемъ только, что однимъ изъ послѣдствій былъ чрезвычайный наплывъ европейцевъ, во всѣхъ видахъ: одни прибыли въ качествѣ контролеровъ, другіе явились для того, чтобы, въ ущербъ туземцамъ, занять самыя видныя должности, третьи—для того, чтобы, также въ ущербъ тѣмъ же туземцамъ, завладѣть естественными богатствами страны; въ результатѣ—египтяне оказались у себя дома какими-то посторонними зрителями того, какъ чужеземцы хозяйничаютъ на ихъ родинѣ, управляютъ ею, забираютъ себѣ все, что она можетъ дать, зрителями, не смѣющими раскрыть рта, пошевельнуться.

Едва ли можно было ожидать, чтобы, наконецъ, египтяне не „пошевельнулись“, напротивъ, ожидать этого было надо. Такъ и случилось. Оскорбленное національное чувство, въ связи съ причинами и побужденіями, чисто экономическими, возбудили настоящее движеніе. Извѣстныя обстоятельства, извѣстные историческіе моменты выдвигаютъ часто и людей „минуты.“ Такимъ человѣкомъ для Египта и египтянъ явился бывшій полковникъ египетской службы Ахметъ-Араби-Бей. Онъ сумѣлъ стать, въ особенности въ самомъ началѣ движенія, выразителемъ національныхъ стремленій, сумѣлъ овладѣть этимъ движеніемъ, сдѣлаться его главой. Едва-ли есть основаніе думать, что это простой честолюбецъ, что въ свою дѣятельность онъ не вложилъ извѣстной доли искренности. Его прошлое, по крайней мѣрѣ, говоритъ въ пользу того, что онъ всегда относился не-

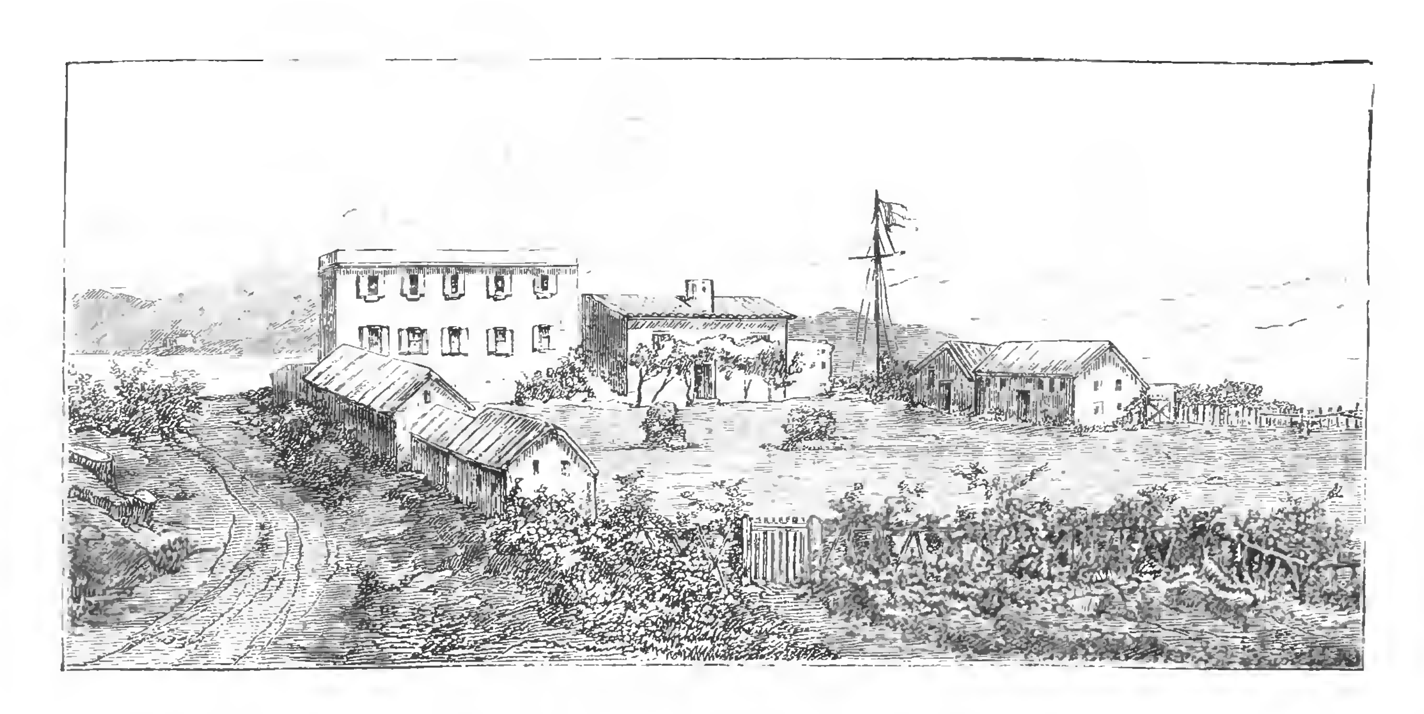
равнодушно къ тяжелому положенію своей родины; еще при Измаилѣ-Пашѣ онъ смѣло выступилъ противъ систематическаго разоренія страны, противъ злоупотребленій, которыя вели и привели его отечество въ настоящее положеніе, за это онъ и лишился должности и былъ уволенъ въ отставку, хотя въ послѣдствіи и былъ прощенъ. Теперь онъ выступилъ еще смѣлѣе. Понятно, что сразу онъ сдѣлался популяренъ и опираясь на общее національное чувство массы, быстро достигъ власти и совершенно особаго, почти независимаго положенія въ хедиватѣ. Народъ привѣтствовалъ его восторженно, въ первое время, когда онъ показывался на улицахъ, его обступали, цѣловали ему руки, плащъ, край одежды. Значеніе хедива начало сильно падать; но, не смотря на это, Тевфикъ-Паша, человѣкъ, вообще, мягкій, добрый и не отличающійся особою силою характера, пригласилъ его въ свои совѣтники, поручивъ ему портфель военнаго министерства. Араби-Паша (онъ былъ произведенъ въ генералы), очень хорошо понимая значеніе военной силы — какова бы она ни была — немедленно же принялся за организацію ея и потребовалъ увеличенія военнаго бюджета на 3 милліона рублей (на наши деньги). Заинтересованные въ египетскихъ дѣлахъ европейцы тотчасъ же подняли тревогу о томъ, что Араби-Паша затѣваетъ бунтъ; ему начали приписывать всевозможные планы, одинъ страннѣе другаго для европейскихъ гостей Египта. Въ этомъ отношеніи очень интересно, конечно, изложенное самимъ Араби, его такъ сказать, profession de foi. Его, между прочимъ, съ самаго начала, обвиняли въ томъ, что онъ благоволитъ усиліямъ султана упрочить свою власть въ Египтѣ, затѣмъ, что онъ желалъ бы вступить въ союзъ съ мусульманскимъ движеніемъ, обнаружившимся въ египетской Аравіи, далѣе, что онъ добивается военнаго преобладанія и главенства арміи и что онъ намѣренъ удалить европейскихъ чиновниковъ изъ Египта и замѣнить ихъ туземцами. На первое Араби возразилъ на своемъ образномъ языкѣ, что онъ считаетъ султана своимъ повелителемъ, главою ислама; владѣнія султана подобны большому дворцу, въ которомъ каждая нація имѣетъ свою комнату, приноровленную къ ея нуждамъ и меблированную въ ея вкусѣ; ввести постороннихъ въ эти комнаты, значило бы перевернуть вверхъ дномъ все ихъ устройство къ явной невыгодѣ ихъ владѣльцевъ, что было бы въ высшей степени несправедливымъ, поэтому онъ и рѣшился сопротивляться вмѣшательству султана въ управленіе Египтомъ и введенію туда турецкихъ войскъ. Противъ втораго обвиненія онъ отвѣчалъ, что онъ не изувѣръ и смотритъ на всѣхъ людей добродѣтельныхъ и справедливыхъ, какъ на своихъ братьевъ, но думаетъ, что и они обязаны относиться точно такъ-же къ нему.

Въ послѣдовавшихъ событіяхъ однако, Араби-Паша, показалъ что не удовольствуется платоническою ролью человѣка, воплотившаго въ себѣ національныя стремленія, честолюбецъ все-таки сказался въ немъ; онъ пошелъ противъ хедива, котораго совершенно заслонилъ собою. Есть предположеніе, что онъ задумалъ самъ стать хедивомъ. Мало по малу, желая опираться на поддержку арміи, онъ отчасти умалилъ самъ свое значеніе, превратившись изъ вождя національнаго движенія, въ главу военной партіи, хотя и съ тѣмъ же національнымъ оттѣнкомъ.

Франція и Англія, болѣе другихъ державъ „заинтересованныя" въ Египтѣ, прислали свои броненосцы въ Александрію и, чрезъ консуловъ, вручили хедиву торжественную ноту, смыслъ которой заключается, главнымъ образомъ въ томъ, что державы намѣрены поддержать верховныя права султана и права хедива, а также и европейскій контроль, т. е. status quo.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было выражено требованіе объ удаленіи Араби-Паши. Нѣсколько ранѣе, когда уже державы пригрозили—всѣ министры, въ томъ числѣ и Араби-Паша, явились къ Тевфику-Пашѣ и заявили ему о своей преданности, заявили съ цѣлованіемъ руки и одежды, чѣмъ, однако, мало тронули хедива, отпустившаго ихъ довольно холодно; но, затѣмъ, когда хедивъ принялъ ноту — декорація перемѣнилась: Араби началъ агитировать среди своей, преданной ему, военной партіи, среди населенія, и не только сталъ въ явную вражду съ своимъ государемъ, но оказалъ ему неповиновеніе, несмотря ни на консуловъ, ни на присутствіе эскадры: вопреки запрещенію Тевфика-Паши и требованію державъ, онъ возвелъ укрѣпленія у Александріи и объявилъ въ странѣ наборъ. Но этого было мало. Объявивъ, что признаетъ своимъ верховнымъ государемъ только султана, онъ обратился въ Константинополь съ предложеніемъ низложить Тевфика-Пашу и назначить на его мѣсто (принца-халима). Объявивъ хедиву, что онъ считаетъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ страны фактъ принятія имъ ноты, министерство подало въ отставку, (убѣжденное, между прочимъ, въ томъ, что вице-королю не изъ кого будетъ составить новаго министерства). Хедивъ созвалъ пашей, желая сформировать ка-

Московская промышленно-худ. выставка. Павильонъ-лодка общества спасанія на водахъ
(для поданія помощи заболѣвающимъ на Выставкѣ). Ориг. рис. нашего спеціальнаго корреспондента Н. Н. Каразина, грав. Гельштейнъ.



Видъ дома Гарибальди на остр. Капрера. Съ фот. грав. Гельштейнъ.

Кабинетъ въ домѣ Гарибальди. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

бинетъ, но никто не принялъ предложенія; тогда Тевфикъ-Паша потребовалъ къ себѣ всѣхъ нотаблей, пашей, муллу, улемовъ и старшихъ офицеровъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой высказалъ надежду, что они помогутъ ему возстановить порядокъ; нотабли и улемы отнеслись къ словамъ хедива довольно сочувственно, но офицеры дерзко потребовали, чтобы Тевфикъ возвратилъ ноту консуламъ, и затѣмъ, не поклонившись хедиву, быстро вышли изъ дворца вице-короля.

Въ Каирѣ многіе увѣрены, что если бы Тевфикъ-Паша не растерялся въ ту минуту и велѣлъ бы арестовать ослушниковъ и Араби — онъ, вѣроятно, овладѣлъ бы движеніемъ; но онъ этого не сдѣлалъ, что и придало Араби болѣе увѣренности. Нотабли и улемы собрались у одного изъ значительнѣйшихъ жителей Каира, Султана-Паши, съ цѣлью добиться соглашенія между хедивомъ и Араби-Пашею и здѣсь были мотивированы три предложенія; потребовать: 1) удаленія союзной эскадры, 2) возстановленія Араби-Паши и 3) низложенія хедива; первыя два приняты были единогласно, но третье, за которое высказались военные, было отвергнуто нотаблями и улемами. Послѣ этого засѣданія Араби-Паша послалъ хедиву ультиматумъ (!), въ которомъ требовалъ вновь назначить его министромъ, а въ противномъ случаѣ грозилъ демонстраціей. Тевфикъ-Паша, хотя и не поддержанный растерявшимися французскимъ и англійскимъ консулами—отказалъ. Вечеромъ народъ собрался въ мечетяхъ, требуя назначенія Араби-Паши вновь къ власти, а затѣмъ произошли безпорядки, о которыхъ разсказано уже читателямъ своевременно въ политическомъ обозрѣніи нашего журнала.

Араби-Паша—человѣкъ высокаго роста, атлетическаго сложенія; насколько видно изъ приложеннаго къ этому № портрета, выраженіе его лица строго и даже сурово; по отзыву очевидцевъ, онъ съ перваго взгляда, кажется немножко тяжелоnатымъ, но когда оживляется, глаза его блещутъ, рѣчь энергична и понимающіе по арабски (онъ не говоритъ ни по французски ни по англійски) утверждаютъ, что онъ отличается краснорѣчіемъ.

Всероссійская промышленно-худож. выставка.

(Рис. на стр. 580, 581 и 592).

Мы переходимъ къ десятой группѣ (отдѣлъ садоводства и огородничества и, Рузское общество поданія помощи на водахъ). Когда выходите изъ павильона подъ буквою Б. (къ свѣдѣнію читателя, нужно имѣть планъ выставки предъ своими глазами) во внѣшній садъ то ваше вниманіе сейчасъ привлечетъ чрезвычайно изящный и оригинальный корабликъ, стройно поднимающій свою мачту и распустившій бѣлые паруса, какъ бы на полномъ ходу: хотя подъ нимъ и не бушуютъ волны а стелется ярко желтый песокъ садовыхъ дорожекъ, да красивый пестрый коврикъ цвѣточныхъ клумбъ. Этотъ корабликъ изображаетъ собою представителя одного изъ благотворительныхъ обществъ, именно общества спасенія на водахъ, основаннаго и существующаго въ г. Рузѣ. Размѣръ этаго кораблика не превышаетъ размѣровъ обыкновеннаго лоцманскаго бота. Павильонъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій, задняго, гдѣ, въ довольно просторной каютѣ, входъ въ которую идетъ съ кормы, по небольшой лѣстницѣ въ три ступеньки. помѣщается дежурный врачъ и всѣ необходимыя средства для поданія помощи, даже если бы медицинская помощь потребовалась бы и не на водахъ, а на сушѣ, какъ въ настоящее время на самой выставкѣ, а среднюю, бо́льшую часть, занимаетъ помѣщеніе для лотереи аллегри; и въ этомъ помѣщеніи, подойти къ которому можно съ обоихъ бортовъ. взойдя на устроенныя для сего платформы, красиво расположена группа недорогихъ выигрышей, а на стойкѣ извѣстное колесо, около котораго постоянно дежуритъ дама благотворительница съ своимъ ассистентомъ, одѣтомъ въ матросское платье.

Оригинальная форма павильона, останавливая на себѣ вниманіе посѣтителей выставки, заставляетъ ихъ подойти поближе. подняться на эстраду и, само собою разумѣется, принести и свою лепту на доброе и полезное дѣло.

Сейчасъ же за павильономъ кораблика высится грандіозный фронтонъ павильона садоводства и огородничества. Надъ среднею частію этого зданія высится громадный куполъ съ четырьмя колоссальными полукруглыми окнами—отъ купола зданіе идетъ четыреугольникомъ, въ видѣ каре, въ которомъ лицевая, фронтальная часть заставлена произведеніями тропической флоры и декоративными цвѣтущими и нецвѣтущими растеніями, а боковой и задній фасъ предназначены для выставки предметовъ нашего, уже дѣйствительно отечественнаго, садоводства и огородничества. О первомъ фасадѣ можно бы многое сказать по поводу его красоты и цвѣтовыхъ эффектовъ. но онъ вѣдь вовсе ничего не выражаетъ и даетъ понятіе только о томъ. что у насъ на Руси много хорошихъ оранжерей и теплицъ, гдѣ можно выростить и выходить такихъ кудрявыхъ и красивыхъ дѣтей далекаго юга, а значитъ и много еще богатыхъ людей, могущихъ покупать эти драгоцѣнности для своихъ комнатъ—вотъ и все. Добавивъ къ этому, что растенія сгруппированы очень эффектно, изображаютъ собою кусочекъ до нельзя перепутаннаго и смѣшаннаго тропическаго лѣса, съ чуднымъ пестрымъ ковромъ цвѣтущихъ. что называется во всю, азалій и рододендроновъ. съ бюстомъ Государя Императора, въ главнѣйшемъ пунктѣ, въ самомъ центрѣ этаго поистинѣ волшебнаго уголка—и болѣе уже нечего говорить, предоставивъ читателю обратить вниманіе на самый рисунокъ, вѣрно передающій впечатлѣніе, производимое самою натурою. Боковые и задніе фасы зданія садоводства пока еще пустуютъ, дожидаясь своего болѣе поздняго времени, когда на грядахъ россійскихъ огородовъ дозрѣютъ представители этой обширной области нашей промышленно-хозяйственной жизни.

Третій нашъ рисунокъ въ этомъ № изображаетъ прекрасные павильоны-колокольни Оловянишникова, Самгина, Финляндскаго и Рыжова. Колокола отличаются тщательной работой, нѣкоторые своими размѣрами и гармоническимъ звукомъ. Здѣсь часто слышится ихъ перезвонъ.

Иванова ночь въ Финляндіи.

(Къ рис. на стр. 585).

Несмотря на всѣ успѣхи цивилизаціи XIX вѣка и водвореніе повсемѣстнаго христіанства, въ народной жизни свято чтутся старыя языческія повѣрья. Слабымъ отголоскомъ давнозабытыхъ миѳическихъ вѣковъ, той эпохи, когда глубоко поэтическій фетишизмъ замѣнялъ человѣку понятіе о божествѣ. послѣднимъ слѣдомъ могучихъ, мрачныхъ картинъ до-исторической жизни человѣчества являются они — и искоренить ихъ изъ народныхъ нравовъ невозможно, да и не зачѣмъ...

Къ числу самыхъ популярныхъ, чисто языческихъ праздниковъ принадлежитъ и „Купальная ночь“, которую съ переходомъ въ христіанство, несовсѣмъ ловко связали съ памятью Іоанна Крестителя. Сдѣлавъ изъ Волоса, — *скотьева бога*,— св. Власія, покровителя стадъ, не затруднились создать и Ивана Купала. Языческое чествованіе ночи осталось и до сей поры во всей силѣ. Очистительные купальные огни, черезъ которые надо прыгать, сожженіе чучелы „Купалы“, погруженіе въ воду,—все это практикуется до сей поры на Украйнѣ, да и въ остальной Россіи, не исключая Финляндіи. Эта суровая, горная страна съ своимъ оригинальнымъ чисто сѣвернымъ міровоззрѣніемъ. тоже отдаетъ должное старымъ преданьямъ и жжетъ смоляные костры, бочки и пирамиды въ таинственную „Иванову ночь“.

Въ Финляндіи нѣтъ дикаго праздничнаго разгула. Все ограничивается хороводами подъ звуки монотонной, скучной пѣсни, бѣганьемъ съ горъ, да иногда стрѣльбою изъ ружей, какъ это изображено на прилагаемомъ рисункѣ.

Блѣдныя, непомеркшія небеса, съ алыми лентами зари придаютъ особенную таинственную прелесть празднеству. Старухи набираютъ какіе-то травы, сушатъ ихъ, настаиваютъ, колдуютъ. Травы, набранныя въ эту ночь, имѣютъ особенную силу. И если въ ихъ ремеслѣ есть и шарлатанство, то вмѣстѣ съ тѣмъ есть много и такихъ знаній, которыми по справедливости могла-бы гордиться фармація.

Домъ Гарибальди на о. Капрерѣ.

(Рисунокъ на стр. 593).

Островъ Капрера принадлежитъ къ округу Темпіо, сардинской провинціи Сассари и къ небольшой группѣ островковъ на восточной сторонѣ пролива св. Бонифація, отдѣляющаго Корсику отъ Сардиніи. Мѣстность холмиста и красива, здѣсь водится много дикихъ козъ, отъ которыхъ островокъ и получилъ свое названіе (островъ козъ—Капрера). Величина островка всего десятинъ около 30 на нашу мѣру. Островъ прославился съ тѣхъ поръ какъ знаменитый Гарибальди (портретъ котораго мы дали въ № 21) нажившій себѣ деньги какими-то оборотами въ Южной Америкѣ, купилъ въ 1854 году этотъ островокъ и построился на немъ. занимаясь земледѣліемъ. Множество восторженныхъ почитателей перебывало у знаменитаго вождя, между прочимъ извѣстный писатель Н. В. Бергъ, очень интересно разсказавшій свою поѣздку (Русск. Вѣстн. 1855 г.) и нашъ знаменитый Пироговъ, съ которымъ совѣтовался о своемъ здоровьи Гарибальди. Всѣ видѣли тамъ его скромную трудовую жизнь, встрѣтили привѣтъ и радушіе. „Только здѣсь я нахожу спокойствіе, котораго такъ жаждетъ моя душа“, говорилъ, обыкновенно, Гарибальди о Капрерѣ. Этотъ живописный, бѣдный островокъ воздѣланъ теперь и на немъ есть довольно строеній. Самый домикъ, гдѣ жилъ удалившійся на покой воинъ, вначалѣ образецъ простоты, впослѣдствіи украсился подарками множества восторженныхъ поклонниковъ Гарибальди; длинный и невысокій домъ увеличенъ пристройками и наполнился массою дорогихъ вещей. Внутренность комнаты его, кабинета, уже убранной болѣе чѣмъ прилично, даже роскошно, можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ. Всегда качалось у пристани Капреры не мало яхтъ и лодокъ (тоже подарки почитателей): одна изъ нихъ. какъ извѣстно, прислана въ 1880 году изъ Монтевидео, тамъ она была построена и оттуда ее доставили Гарибальди трое безстрашныхъ итальянскихъ моряковъ, не побоявшихся переѣхать на ней Атлантическій океанъ. Въ главныхъ чертахъ. однако. Капрера. какъ „эрмитажъ“, какъ „убѣжище“ современнаго Цинцинната. вполнѣ достойнаго носить это почтенное имя, осталась такою. какою желалъ всегда его видѣть Гарибальди. такъ любившій жить на своемъ островѣ, среди своей семьи, своихъ родственниковъ и нѣсколькихъ друзей, оставшихся вѣрными ему и въ свѣтлые дни, и въ ненастные. и въ минуты торжества его, и въ дни страданій.

Царскосельская желѣзная дорога.

Прошло немногимъ болѣе 40 лѣтъ со времени открытія для движенія Царскосельской желѣзной дороги, и нѣкоторыя свѣдѣнія о первомъ періодѣ этой дороги не безъинтересны.

Въ чьемъ вѣдѣніи, напримѣръ, находилась въ первое время эта первая русская желѣзная дорога, которая, до тѣхъ поръ пока она была *единственной*, въ печати называлась просто *„желѣзная дорога“*,—отгадывать пришлось бы очень долго. Завѣдываніе ею было поручено Третьему отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи. О всякомъ даже малѣйшемъ безпорядкѣ и случаѣ доносилось Бенкендорфу, а впослѣдствіи князю Орлову: виновные отсылались въ Третье Отдѣленіе съ доказательствами виновности.

4-го апрѣля 1838 г. дорога была открыта для движенія, а 12-го апрѣля Императоръ Николай Павловичъ проѣхалъ по ней въ первый разъ въ обыкновенномъ пассажирскомъ поѣздѣ. Путь въ Царское Село продолжался 29 минутъ, обратный путь 28 минутъ. Государь, который и впослѣдствіи никогда не бралъ экстреннаго поѣзда, а всегда ѣздилъ съ обыкновеннымъ пассажирскимъ, въ которомъ ему отводилось восьмимѣстное купе перваго класса, былъ совершенно доволенъ и скоростью ѣзды и удобствомъ вагоновъ, за что благодарилъ строителя дороги. 13-го апрѣля Государь съ Императрицей и всѣмъ августѣйшимъ семействомъ снова поѣхалъ въ Царское Село. И въ этотъ разъ поѣздка совершилась вполнѣ благополучно.

Спустя недѣлю послѣ открытія дороги, произошелъ первый несчастный случай, вызвавшій цѣлый рядъ предохранительныхъ мѣръ. 11-го апрѣля нѣсколько камеръ-фурьеровъ отправились въ Царское Село съ посудой, серебромъ и проч. въ корзинахъ. Всѣ эти корзины были установлены на открытой платформѣ, на которой также помѣстились названные служители. Отъ искръ, вылетавшихъ съ паровоза, загорѣлись нѣкоторыя вещи на платформѣ, огонь однако былъ скоро потушенъ. Но вдругъ ѣдущіе почувствовали жаръ подъ собою и увидѣли, что корзины и сундуки загорѣлись. Они стали кричать, чтобы машинистъ остановилъ поѣздъ, но такъ какъ платформа была прицѣплена послѣднею въ поѣздѣ, то голоса ихъ машинисту не были слышны. Тогда камеръ-фурьеры побросали горѣвшія корзины и сундуки, а сами перелѣзли на предъидущій вагонъ. Наконецъ имъ удалось обратить вниманіе машиниста на пожаръ, поѣздъ былъ остановленъ, а горящая платформа отцѣплена. Этотъ случай послужилъ первымъ поводомъ введенія въ употребленіе сигнальныхъ веревокъ, существующихъ и по нынѣ.

Вскорѣ послѣ открытія движенія былъ введенъ рядъ довольно оригинальныхъ мѣръ. Такъ какъ свистки локомотива пугали публику, то были замѣнены *музыкой*. Для этой цѣли у трубъ локомотивовъ были придѣланы, выписанные изъ за границы, оркестріоны, которые во время ѣзды издавали различные музыкальные звуки. Верченіе ручки инструмента входило въ обязанность одного изъ служащихъ на поѣздѣ.

Была принята еще одна мѣра для предотвращенія несчастій съ пассажирами при столкновеніи поѣздовъ. Между тендеромъ и вагономъ въ поѣздѣ были три или два открытыхъ вагона, наполненныхъ соломою, чтобы ослабить силу удара въ случаѣ столкновенія поѣздовъ.

За время ея существованія многіе извѣстныя лица ѣздили по Царскосельской дорогѣ; по случались и затрудненія на этой дорогѣ, какія при настоящемъ порядкѣ движенія конечно немыслимы. Между прочимъ интересна поѣздка князя Бисмарка, бывшаго въ 1859 г. прусскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ. Разсказываютъ, что Бисмаркъ однажды былъ вызванъ въ Царское Село по весьма важному дѣлу. Въ ту минуту, когда посолъ подъѣзжалъ къ вокзалу, поѣздъ уже ушелъ въ Царское Село. Бисмаркъ требуетъ экстренный поѣздъ, но ему отказываютъ изъ боязни столкновенія, такъ какъ дорога была въ одинъ путь и ожидался поѣздъ изъ Царскаго Села. Послѣ долгихъ переговоровъ Бисмаркъ рѣшился ѣхать въ Царское Село на дрезинѣ. До Средней Рогатки все шло благополучно; тамъ смѣнили рабочихъ и пустились снова въ путь, когда вдругъ показался встрѣчный поѣздъ. Въ виду поѣзда рабочіе въ испугѣ спрыгнули, оставивъ Бисмарка на дрезинѣ, которую приходилось снять какъ можно скорѣе, чтобы пропустить поѣздъ. Остальная часть дороги была пройдена безъ приключеній. Въ Царское Село Бисмаркъ пріѣхалъ какъ разъ во время: начальнику движенія и рабочимъ князь далъ щедрые подарки.

Не смотря на то что управленіе Царскосельскою дорогою находилось въ строгихъ рукахъ Третьяго Отдѣленія, тѣмъ не менѣе здѣсь случались довольно характерные эпизоды. Извѣстный трагикъ Каратыгинъ, говорятъ, держалъ пари на дюжину шампанскаго, что остановитъ поѣздъ. Близъ Тярлева Каратыгинъ, скрестивъ на груди руки, сталъ на рельсахъ и спокойно ожидалъ приближенія поѣзда, который дѣйствительно былъ остановленъ, такъ какъ машинистъ замѣтилъ, что кто-то стоитъ на дорогѣ. Но, какъ было сказано, „лишь въ виду заслугъ артиста и въ уваженіе къ его таланту“, поступокъ этотъ былъ оставленъ безъ послѣдствій.

S. P. Z.

Смѣсь.

Мемуары трупа.

(Разсказъ Эдгара Поэ).

„..... Вслѣдствіе усиленныхъ занятій, со мной сдѣлалась нервная горячка, которая быстро истощала мои силы. Но странная вещь! По мѣрѣ того какъ жизнь мало по малу покидала мое тѣло, мнѣ казалось, что она вся цѣликомъ сосредоточивалась въ моихъ душевныхъ способностяхъ. Доведенный до послѣдней степени физической агоніи, никогда не чувствовалъ я прежде столько силы или въ крайней мѣрѣ столько моральнаго возбужденія.

Минута окончательнаго кризиса наступала. Я чувствовалъ, что меня какъ будто уноситъ какой-то свѣтлый вихрь, посреди котораго носились самыя фантастическія фигуры и въ то время какъ тѣло мое подергивалось конвульсивными вздрагиваніями, въ моихъ ушахъ раздавались раскаты грома и свистъ ужасной бури.

Я всѣми силами старался удержать въ себѣ жизнь, пока наконецъ ощущенія мои не сдѣлались до того смутны, что я, противъ воли, отдался этому состоянію, которое однакожь было не безъ нѣкоторой доли пріятности, и потерялъ вскорѣ всякое самосознаніе.

Не знаю, сколько времени оставался я въ этомъ положеніи, какъ вдругъ пробудился въ страшной, поражающей тишинѣ. Но тѣло мое испытывало какія-то сладостныя ощущенія, и чувства мои также какъ и мои умственныя способности совершенно возвратились ко мнѣ.

Въ эту минуту докторъ подошелъ къ моей кровати и проговорилъ: „Все кончено!“ Затѣмъ накинулъ простыню мнѣ на лицо и мнѣ послышались рыданія моихъ семейныхъ.

Я усиливался сдѣлать движеніе; но никакъ не могъ и тогда замѣтилъ, что языкъ мой недвижимъ и члены окоченѣли. Я предвидѣлъ рядъ мученій, которыя приводили меня мысленно въ ужасъ,—члены все-же отказывались мнѣ повиноваться—словно удерживаемые невидимыми путами, и я не могъ никакъ пошевелиться.

На другой день тѣло мое приготовляли къ погребенію и въ продолженіи трехъ дней я былъ выставленъ; ко мнѣ приходили друзья съ своимъ послѣднимъ цѣлованіемъ и многіе плакали и рыдали. Я слышалъ и понималъ все, что происходило вокругъ меня и съ минуты на минуту надѣялся, что роковое очарованіе, тяготѣвшее надо мною, сейчасъ прервется.

Утромъ, на четвертый день, меня передали на руки погребальщиковъ, которые обращались со мной съ самой возмутительной жестокостью, и когда одинъ изъ нихъ, укладывая меня въ слишкомъ узкій гробъ, нажалъ колѣнкою на грудь, я ощутилъ такую жестокую боль, что возъимѣлъ надежду какимъ нибудь образомъ выразить свое страданіе. Но ничего не могъ сдѣлать! Я оставался нѣмъ, недвижимъ: чувствительность пережила во мнѣ все остальное, но не могла высказываться.

Гробъ закрыли крышкою и вскорѣ я услышалъ глухой звукъ вколачиванія гвоздей въ дерево.

Нѣтъ словъ выразить какой ужасъ, какое отчаяніе наполнили мою душу. Каждый ударъ молота болѣзненно отзывался въ моемъ сердцѣ, точно звонъ по усопшемъ; я видѣлъ назначенную мнѣ неизбѣжную участь. Если-бы я могъ еще закричать, даже хоть безъ всякой надежды быть услышаннымъ, если-бы я былъ въ состояніи испустить какой нибудь стонъ! Но нѣтъ! Когда грудь и плечи мои были сжаты въ тѣсномъ пространствѣ, когда мои измятые члены терзали грубымъ прикосновеніемъ къ шероховатости гроба, я лежалъ недвижимъ и безъ голоса. Я никогда-бы не повѣрилъ, что сердце человѣческое въ состояніи перенести такую страшную тоску и ужасъ и не разорваться.

Вскорѣ меня подняли, поставили на погребальную колесницу, которая тронулась въ путь и по истеченіи нѣкотораго времени остановилась у кладбища. Въ эту-то минуту я хотѣлъ сдѣлать послѣднее усиліе, но — напрасно. Я чувствовалъ какъ меня раскачивали надъ могилой, которая должна была поглотить меня, и въ то время когда меня медленно опускали, я слышалъ явственно какъ гробъ шурыгалъ объ стѣны могилы.

Когда меня опустили на дно зіяющей пропасти, я услышалъ важный и торжественный голосъ моего лучшаго друга; онъ обращался ко мнѣ съ послѣднимъ дружескимъ привѣтомъ, которое дошло до меня, какъ послѣдній отголосокъ звуковъ земной жизни, и вскорѣ странный шумъ, который мало по малу сталъ уменьшаться, какъ отдаленные раскаты грома, далъ мнѣ понять, что меня зарыли. И такъ, теперь все кончено! Я на вѣки разлученъ съ міромъ живыхъ людей...

И какъ не умеръ я въ эту ужасную минуту—съ горя и отчаянія?..

Сколько долгихъ часовъ я такимъ образомъ оставался, я не знаю. Я надѣялся, что моя агонія будетъ непродолжительна и что быстрая асфиксія положитъ конецъ моимъ ощущеніямъ и моему ужасному бытію. Напрасная надежда! Тѣло въ состояніи каталепсіи не подлежитъ обыкновеннымъ условіямъ жизни.

Я не могъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія, сердце мое не би-

лось, грудь не подымалась, а между тѣмъ я всетаки жилъ, потому что мои собственныя способности, какъ и моя память, ничуть не утратили своей энергіи.

Вдругъ какой-то глухой шумъ прервалъ мои печальныя мысли и я ощутилъ неопредѣленную боязнь, полную безконечной тоски. Шумъ мало по малу приближался, сопровождаемый безостановочнымъ сотрясеніемъ, и я почувствовалъ какъ гробъ, въ которомъ заключалось мое тѣло, вытащили изъ нѣдръ земли. Его открыли, и я ощутилъ впечатлѣніе холода, которое мнѣ показалось восхитительнымъ: у меня мелькнулъ лучъ надежды.

Было темно; какіе-то черные люди подняли мой гробъ на плечи и понесли меня съ кладбища.

Они шли долго. Когда прибыли къ мѣсту назначенія, меня вынули изъ моей гробовой оболочки; потомъ довольно грубо бросили на каменный полъ, сырой и холодный.

Тогда я услышалъ вокругъ себя голоса; руки щупали меня по всѣмъ направленіямъ; одинъ глазъ мой случайно открылся и я увидѣлъ себя въ анатомическомъ театрѣ; меня окружало множество молодыхъ людей, между которыми я узналъ бывшихъ сотоварищей шумныхъ пирушекъ. Не умѣю объяснить что во мнѣ было сильнѣе въ эту минуту, ужасъ или радость. Мое положеніе не было уже такъ безотрадно; легко могло случиться, что опыты, которымъ станутъ подвергать меня, возвратятъ меня къ жизни или покрайней мѣрѣ сократятъ мою пытку, причинивъ быструю смерть.

Въ эту минуту я видѣлъ какъ дверь амфитеатра растворилась и вошли два человѣка; студенты, казалось, отстранялись отъ нихъ съ какимъ-то особымъ брезгливымъ чувствомъ.

И меня опять стали переносить куда-то и бросили на столъ. Одинъ мой глазъ, какъ я уже сказалъ, былъ раскрытъ; я имъ разсматривалъ вокругъ себя и старался дать себѣ отчетъ, чтобы это могъ быть за аппаратъ какого-то страннаго вида, что за машина, которую люди воздвигали среди комнаты, громко стуча молотками. Никогда въ Англіи я не видѣлъ подобной машины, — и старался сосредоточить всѣ свои способности, чтобы объяснить себѣ, какое отношеніе могъ имѣть ко мнѣ этотъ снарядъ.

Въ эту минуту одинъ изъ работниковъ вынулъ изъ ящика широкій и блестящій стальной треугольникъ. Я разслышалъ тогда вопросъ на французскомъ языкѣ: „все-ли готово для опыта г-на Самсона“?

При этомъ слишкомъ знакомомъ имени я понялъ все, и въ самомъ дѣлѣ сталъ припоминать какъ въ послѣдніе дни до моей болѣзни намъ объявили въ медицинскомъ училищѣ, что Самсонъ, палачъ французскаго суда, долженъ былъ показать опытъ надъ трупомъ и тогда англійское правительство должно рѣшить слѣдуетъ-ли принять ему машину доктора Гильотена.

Такъ я долженъ былъ служить препаратомъ для этого опыта!

Удары молота прекратились, ужасная минута наступила: я буду обезглавленъ!..

Я чувствовалъ какъ люди вонесли меня на страшный помостъ, среди зловѣщаго молчанія ожидающей толпы: я сдѣлалъ наконецъ сверхъестественное усиліе и испустилъ крикъ—должно быть онъ былъ ужасенъ, ибо я услышалъ восклицанія присутствующихъ; я могъ только видѣть корзину съ древесными опилками, куда голова моя должна была скатиться. Душевное волненіе мое было слишкомъ сильно и я снова упалъ въ обморокъ.

Меня рѣшились гальванизировать.

Снарядъ приготовленъ и, при первомъ выпускѣ тока, тысяча молній посыпались передъ моими глазами, ужасное сотрясеніе поколебало все мое существо. Второй зарядъ былъ еще сильнѣй; я чувствовалъ какъ мои нервы потрясались словно струны арфы, а мое тѣло поднялось на ноги и потомъ сѣло, мускулы сократились, глаза открылись но были неподвижны. Я увидѣлъ передъ собою моихъ друзей, лица которыхъ выражали глубокое душевное волненіе и горе: они требовали настоятельно, чтобы положили конецъ этимъ отвратительнымъ экспериментамъ, такъ какъ потеряли всякую надежду возвратить меня къ жизни.

Тогда одинъ изъ профессоровъ подложилъ мнѣ подъ пятки раскаленное до бѣла желѣзо, и въ ту же самую минуту произошло во всемъ моемъ существѣ страшное потрясеніе: узы, сковывавшія меня, расторглись: я возвратился къ жизни!..“

Политическое обозрѣніе.

Египетъ.—Турція.—Германія.—Франція.—Италія Америка Афганистанъ.

Событія въ Египтѣ продолжаютъ составлять главный интересъ минуты и пока поглащаютъ общее вниманіе. Судя, однако, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ Александріи установилось, по крайней мѣрѣ, относительное спокойствіе, если это только не затишье передъ новой бурей. Европейцы продолжаютъ бѣжать изъ Египта массами и за это короткое время ихъ выѣхало 32 тысячи. Комисаръ Порты, Дервишъ-Паша высказался, что находитъ положеніе удовлетворительнымъ и что Араби-Паша выполняетъ приказанія хедива. Араби-Паша стоитъ во главѣ отряда въ 12 тысячъ человѣкъ и именно его-то отрядъ и разогналъ толпу, совершившую безпорядки. Кое-что о нынѣшнемъ положеніи мы можемъ видѣть изъ слѣдующаго разговора корреспондента одного французскаго журнала съ Араби. „Войска, сказалъ онъ, всегда дѣйствовали честно, а потому Эфенди (вѣроятно — Хедивъ) можетъ довѣрчиво относиться къ нимъ. Мы никому не угрожали, а отстаивали свою безопасность, которой часто угрожали; наше желаніе—чтобы падишахъ нашъ былъ свободенъ и не слушался дурныхъ совѣтовъ. Никого мы не боимся, пусть европеецъ остается дома—исламъ замкнутъ для него: торговля на рукахъ европейца—и довольствуйся онъ этимъ, но не вмѣшивайся въ нашу религію, политику и внутренніе вопросы, не будь его—мы бы давно ихъ разрѣшили. Въ Александрійскихъ безпорядкахъ виноваты европейцы. Дѣло началось съ убіенія европейцами двухъ нашихъ ни въ чемъ неповинныхъ и населеніе отомстило за невинно пролитую кровь. Армія намѣрена уважать права всѣхъ и каждаго; отъ ея имени я обѣщалъ это въ присутствіи хедива, Дервиша-Паши и многочисленнаго собранія. Мои братья присоединились ко мнѣ; я ничего не дѣлаю не посовѣтавшись съ ними; вамъ нечего бояться, но пусть остерегаются тѣ изъ васъ, кто замышляетъ дурное; къ европейцамъ, которые держатъ себя спокойно, мы относимся вполнѣ дружески и вамъ нечего бояться ни въ Каирѣ, ни въ Александріи, нигдѣ. Но—армія не дозволила бы высадиться командѣ хотя бы только одного военнаго судна,—въ случаѣ чего либо подобнаго, ни одинъ не вернулся бы на бортъ живымъ; толпа ихъ сокрушила бы; на нашей священной землѣ тысяча мусульманъ способна дать отпоръ десяти тысячамъ чужеземцевъ; армія твердо рѣшилась выполнить свою обязанность; если англичанами сдѣланъ будетъ десантъ, вы увидите подъ моимъ начальствомъ сотню тысячъ борцовъ. Султанъ есть калифъ: онъ нашъ повелитель и никогда не двинетъ правовѣрныхъ противъ правовѣрныхъ: что же касается Дервиша-Паши, то это человѣкъ благоразумный; онъ прибылъ сюда для производства слѣдствія и заставить другихъ относиться съ уваженіемъ къ нашимъ правамъ; онъ—мусульманинъ, а потому не можетъ не держать нашу сторону, онъ солдатъ и потому не можетъ не внимать нашимъ жалобамъ; онъ далъ это понять консуламъ, которые отказались отъ своихъ притязаній; Дервишъ-Паша, какъ и мы, потребуетъ чтобы хедивъ пользовался свободою и независимостью и не былъ обязанъ слушаться консуловъ, тогда мы будемъ имѣть государя, настоящаго представителя султана; прочемъ халифъ всегда одобрялъ нашъ образъ дѣйствій; въ Константинополѣ требованія наши были хорошо извѣстны; я—послушнѣйшій слуга пророка и до тѣхъ поръ, пока мои вѣрные друзья, вручившіе мнѣ знамя Ислама, не отнимутъ его отъ меня, Египетъ будетъ мусульманская страна, управляемая кровными мусульманами и гдѣ европейцамъ будетъ разрѣшено только пребываніе.“

Въ этихъ словахъ чувствуется не одно честолюбіе человѣка, желающаго добиться для себя высокаго положенія и власти, но въ нихъ звучитъ убѣжденіе, искренность. Порта, по прежнему, не желаетъ конференціи, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ что конференція соберется и уже теперь называютъ членовъ ея: отъ Австро-Венгріи—баронъ Калице, отъ Германіи—завѣдывающій дѣлами германскаго посольства, г. Гиршфельдъ, отъ Россіи—завѣдывающій дѣлами русскаго посольства, г. Ону, отъ Италіи—графъ Корти, отъ Франціи—маркизъ де Ноайль и отъ Англіи—лордъ Дёфференъ.

Въ Турціи предполагается введеніе табачной монологіи, съ предоставленіемъ доходовъ отъ нея владѣльцамъ турецкихъ облигацій, объ этомъ проэктѣ особенно хлопоталъ германскій делегатъ; Порта, однако, желаетъ предоставить владѣльцамъ облигацій четверть дохода, и остальныя 3/4 дѣлить между ними и правительствомъ, на что согласна итальянская фракція собственниковъ турецкихъ бумагъ.

Князю Бисмарку не удалось провести свой проектъ табачной монополіи въ Германіи; онъ встрѣтилъ въ палатѣ громадное большинство противъ себя и проектъ отвергнутъ; во время преній канцлеръ произнесъ большую и, какъ всегда, обстоятельную рѣчь; какъ и надо было ожидать, къ канцлеру обратились со всевозможными упреками и, между прочимъ,—съ упреками относительно чрезмѣрныхъ расходовъ по военному вѣдомству; въ отвѣтъ, князь сказалъ, что правительство германіи содержитъ многочисленную армію не для собственнаго удовольствія; оно вынуждено къ тому центральнымъ положеніемъ Германіи: затѣмъ онъ опровергалъ обвиненіе въ томъ, что не способенъ управлять конституціоннымъ образомъ, утверждая, при этомъ, что правительство партіи въ Германіи не мыслимо; „найдется ли кто другой—спросилъ онъ—кто положилъ бы всю свою жизнь въ національную политику, кто рисковалъ бы изъ за нея войною, исходъ которой зависѣлъ не отъ человѣческаго усмотрѣнія“? Говоря за табачную монополію, онъ указывалъ на примѣръ Франціи, на покровительственный тарифъ въ Соединенныхъ Штатахъ. „Единеніе, сказалъ далѣе, канцлеръ, есть условіе sine qua non нашей независимости; вотъ почему остерегайтесь раздоровъ, страха предъ общественнымъ мнѣніемъ, византійскаго ухаживанія за популярностью; отнынѣ мнѣ придется говорить предъ вами не часто, я чувствую себя усталымъ и мой интересъ къ тому также охладѣваетъ; но я не желалъ бы сойдти со сцены, не напомнивъ вамъ, что необходимо вы-

ставлять предъ Европою національную идею; въ настоящую минуту она какъ-то померкла."

Во Франціи египетскій вопросъ дастъ Гамбеттѣ средство къ нападкамъ на нынѣшнее министерство, его нерѣшительность и неумѣлость; въ свое время бывшій первый министръ прямо заявилъ, что Франція, вмѣстѣ съ Англіей, принимали активное участіе въ египетскихъ дѣлахъ, съ цѣлью поддержанія хедива и существующаго порядка вещей, что же касается Фрейсинэ то этотъ министръ рѣшительно отказался отъ всякаго участія въ египетскомъ вопросѣ. но затѣмъ,—нынѣ ему, все-таки пришлось вступить на тотъ путь, по которому шелъ Гамбетта.

Итальянское правительство намѣрено купить Капреру и соорудить тамъ, въ память Гарибальди, огромную пирамиду, которая была бы видна въ морѣ со всѣхъ сторонъ.

Въ Америкѣ — громадная стачка желѣзныхъ заводчиковъ, вслѣдствіе того, что рабочіе просили прибавки заработной платы и теперь около 100 тысячъ рабочихъ—безъ занятій; эмиграція доставила заводчикамъ рабочія руки, но американскіе рабочіе взялись за оружіе: нѣсколько заводовъ осаждены и тамъ происходятъ едва ли не настоящія сраженія; нѣкоторые изъ этихъ заводовъ превратились въ крѣпости.

Англичане затѣяли снова отношенія съ Афганистаномъ, куда недавно пріѣхалъ ихъ посланникъ; эмиръ встрѣтилъ его болѣе дружелюбно, чѣмъ жители Кабула.

Разныя извѣстія.

Выставка индійскихъ художественныхъ предметовъ въ Берлинскомъ музеѣ. Большой залъ художественно-промышленнаго музея въ Берлинѣ, предназначенный для передвижныхъ выставокъ, со времени открытія зданія, вмѣщаетъ выставку, предметы которой, по распоряженію управленія Музея, позаимствованы изъ Кенсингтонскаго музея въ Лондонѣ, а также коллекцій королевы Англіи, графа Литтона, герцога Эдинбургскаго и сэра Георга Бирдвоода.

Сказочное великолѣпіе поражаетъ входящаго; сокровища древней Индіи лежатъ передъ нами, свидѣтельствуя о прилежаніи индійскихъ рабочихъ и высокомъ развитіи художествъ и культуры этой древней страны.

Во всѣ вообще древніе періоды исторіи, высшее культурное развитіе сосредоточивалось преимущественно около большихъ рѣкъ. такъ и древнее великолѣпіе индійскаго царства проявилось прежде всего въ священной Дуабѣ—области окаймленной рѣками Гангомъ и Джумной. Здѣсь въ XII столѣтіи до Р. Х. находились великолѣпныя резиденціи браманскихъ владыкъ, какъ то: Индрапраста, Гастинапура и Мадура. Ни одна тропическая страна не представляетъ столько чудесъ. великолѣпія и разнообразія какъ Индустанъ. Подъ палящимъ солнцемъ, богато орошенная земля покрывается необычайною растительностью, избавляя человѣка отъ непосильныхъ трудовъ.

Чудесная и могущественная природа должна была дѣйствовать и на душу человѣка, наполняя фантазію блестящими образами и представленіями. Искусство и религія въ Индіи были тѣсно связаны между собою; религіознымъ символизмомъ проникнуто все индійское искусство. Всѣ предметы предназначаются для религіознаго употребленія или по меньшей мѣрѣ по смыслу и значенію стоятъ въ близкомъ соотношеніи съ религіей.—Религіозныя постановленія опредѣляли даже матерьялъ и цвѣтъ различныхъ предметовъ; въ большинствѣ случаевъ въ формѣ и цвѣтѣ строго придерживались древнихъ образцовъ. Такъ напримѣръ, прекрасныя издѣлія индійскаго гончарнаго производства сохраняютъ и донынѣ тѣ же формы, какія представляютъ древне-буддистскіе рисунки и скульптура. При выдѣлкѣ посуды глазированной съ украшеніями. ея украшенія всегда извѣстной традиціонной формы; простой сельскій гончаръ выказываетъ при этомъ самое тонкое художественное чувство. Все индійское художественное производство поражаетъ красотою и гармоніей цѣлаго. Какъ прекрасные примѣры могутъ служить предметы украшенные золотыми насѣчками: щиты и драгоцѣнныя курильницы.

Изъ работъ эмальированныхъ особенно замѣчателенъ письменный приборъ, принадлежащій принцу Уэльскому (фиг. I). Онъ сдѣланъ. въ Бенаресѣ, въ видѣ индійской гондолы, изъ золота и великолѣпно разукрашенъ эмалью. Носъ кораблика представляетъ павлина, эмальированный хвостъ котораго тянется почти во всю длину лодки.

Выставленное оружіе поразительно по великолѣпію; тутъ находятся мечи съ богатой насѣчкой, въ золотыхъ ножнахъ; рукоятки этихъ мечей блестятъ брильянтами и другими благородными камнями, прекрасныя ружья съ украшеніями изъ золота и слоновой кости, тонкой работы шлемы, панцыри и большая коллекція луковъ и стрѣлъ.

Велико разнообразіе туалетныхъ украшеній, начиная отъ первобытныхъ изъ золотой проволоки браслетъ, кушаковъ и пр. и кончая богатѣйшими и искуснѣйшими вещами изъ драгоцѣнныхъ камней.

Прекраснѣйшія эмальированныя, украшенныя дорогими каменьями драгоцѣнности вывезены изъ Кашмира и Пенджаба. Подвѣски для серегъ, браслеты сдѣланы изъ червоннаго золота съ превосходной филигранной работой. Красивы также украшенія изъ цвѣтовъ акацій, которыя изготовляются въ Деди для индійцевъ. По этимъ послѣднимъ работамъ видно, что искуство финикіянъ спаивать золотыя зерна, въ Индіи никогда не выводилось, въ то время какъ въ Европѣ оно давно было забыто.

Необыкновенно тонко и изящно сработано одно серебряное ожерелье. Серебряная филиграновая работа имѣетъ тотъ же характеръ какъ тѣ-же работы на Мальтѣ, въ Генуѣ, Швеціи, Даніи и Греціи, которыя вѣроятно финикійцами были завезены на западъ, а Норманнами въ Скандинавію.

Очень своеобразны браслеты изъ золотыхъ слоновъ, нанизанныхъ на шнуръ и украшенія для носа, изъ Цейлона. Мозаика изъ дерева также доведена въ Индіи до возможнаго совершенства, чему примѣрами могутъ служить, оригиналы вывезенные изъ Бомбея. Драгоцѣнная рѣзьба на слоновой кости на спинкѣ для носилокъ, на которой представлена борьба слоновъ. Подобными работами въ Индіи и теперь украшаютъ всевозможную мебель и утварь. Выставленныя ткани и шитье представляютъ такое совершенство, о которомъ Европейское производство не имѣетъ и понятія. Шитые золотомъ чапраки для лошадей и слоновъ, ковры и маты поражаютъ великолѣпіемъ и гармоніей красокъ. Узоры ситцевъ также очень хороши и своеобразны. По красотѣ рисунка ситцы эти не уступаютъ рисунку лучшихъ ковровъ нашихъ.

Цвѣтъ солнца. Одинъ американскій астрономъ, профессоръ Ланглей, дѣлаетъ слѣдующее предположеніе относительно цвѣта солнца. Со времени Ньютона, физики считаютъ, что свѣтъ, происходящій отъ солнца, *бѣлый*; американскій-же ученый утверждаетъ, что онъ *голубой*. По его мнѣнію, солнечный дискъ принимаетъ, по временамъ, то бѣлый, то желтый, то красный цвѣтъ, подъ вліяніемъ нашей атмосферы и измѣненій, въ ней происходящихъ. Профессоръ Ланглей считаетъ, что солнце такое-же голубое, какъ и электрическій свѣтъ, такъ что, если мы станемъ разсматривать послѣдній свѣтовой источникъ черезъ ту или другую атмосферу, желтую или сѣроватую, то замѣтимъ, что и электрическій свѣтъ принимаетъ различные оттѣнки, подобно солнечному. Поэтому, нужно думать что солнечный дискъ показался-бы намъ совершенно бѣлымъ, еслибъ мы могли видѣть его внѣ этихъ условій. Если это мнѣніе подтвердится, то теорія свѣта, преподаваемая въ школахъ, должна будетъ претерпѣть измѣненія.

Черный и песочный дождь. Въ сентябрѣ прошлаго года наблюдалось весьма интересное явленіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ департамента Нижней-Сены, во Франціи. Хозяйки не мало удивились однажды, увидѣвъ, что, поставленные ими подъ кровельные жолоба, ведра и лоханки наполнились какой-то черноватой жидкостью, вмѣсто прозрачной воды. Нѣкоторыя изъ нихъ подумали, что проливные дожди смыли грязь съ крышъ и, такимъ образомъ, получилась черная вода: теперь, подумали онѣ, крыши достаточно чисты и замѣнили эти ведра и лоханки новыми. Однако, прежнее явленіе повторилось и на этотъ разъ: значитъ, шелъ черный дождь. Впрочемъ, подобное явленіе наблюдалось здѣсь не впервые: оно было замѣчено, между прочимъ, въ 1879 году и въ Роллевиллѣ въ 1866 году. Выпаденіе чернаго дождя замѣчается, обыкновенно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ и должно быть приписано развитію сѣмечекъ грибковъ, весьма быстро происходящему на крышахъ домовъ. Утромъ 12-го апрѣля 1881 года. въ Катанѣ, въ Сициліи, выпалъ небольшой дождь желѣзистаго песку, продолжавшійся до слѣдующаго дня. Изслѣдованіе показало, что дождевая пыль состояла, главнымъ образомъ, изъ ма-

ленькихъ частичекъ углекислаго желѣза, покрытымъ тонкимъ слоемъ окиси. Частички эти имѣли неправильную форму, были то угловатыя, то круглыя, чрезвычайно малой, микроскопической величины.

До сихъ поръ не объяснено еще, съ надлежащей точностью, происхожденіе подобныхъ явленій. Одни предполагаютъ, что ихъ нужно приписать дѣйствію сильныхъ вѣтровъ, подымающихъ песокъ съ пустынь, степей и береговъ и приносящихъ его черезъ верхніе слои атмосферы. Другіе-же, опираясь на почти полное сходство, по химическому составу, этой пыли съ пылью, падающей изъ атмосферы, и камнями (метеоритами), предполагаютъ, что песочный дождь имѣетъ одинаковое происхожденіе съ послѣдними. Относительно настоящаго песочнаго дождя эта теорія не можетъ быть, впрочемъ, принята: песокъ этотъ носитъ несомнѣнные признаки происхожденія изъ Африки; быть можетъ, вѣтеръ занесъ его сюда, въ Италію, съ безпредѣльныхъ равнинъ великой Сахары.

Самая маленькая паровая машина въ свѣтѣ. Самая маленькая паровая машина въ свѣтѣ была устроена и подвергалась испытаніямъ въ Америкѣ, часовщикомъ Бекомъ. Это настоящее чудо ручнаго искусства. Вся машина, со своимъ паровымъ котломъ, регуляторомъ скорости и питательнымъ насосомъ, занимаетъ пространство равняющееся немного немало, тремъ квадратнымъ сантиметрамъ. Достаточно трехъ капель воды для наполненія ея пароваго котелка. Вѣситъ вся машина только одинъ граммъ (22½ доли на русскія мѣры вѣса). Обыкновенный наперстокъ, употребляемый для шитья, совершенно покрываетъ ее. И что всего поразительнѣе—дѣйствуетъ она такъ-же, какъ-бы и большая модель машины.

Новая электрическая бумага. Примѣненія электричества, изобрѣтенія и открытія, основанныя на немъ, слѣдуютъ одно за другимъ. Нѣкто Видеманъ изобрѣлъ, между прочимъ, электрическую бумагу.

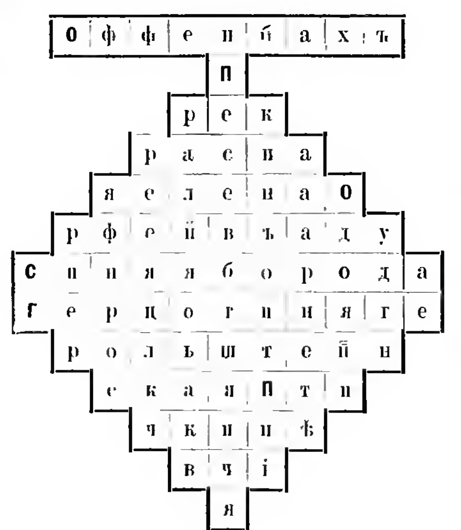
Извѣстно, что писчая бумага, слегка нагрѣтая и потертая рукой или гребенкой, пріобрѣтаетъ электрическія свойства: она пристаетъ къ столу, на который положена, къ стѣнамъ и пр.; приведенная въ соприкосновеніе съ рукою, она даетъ, наконецъ, небольшія электрическія разряженія, видимыя въ темнотѣ. Но если взять, подобно г. Видеману, шведской бумаги, употребляемой для фильтрованія (процѣживанія), или тонкой бумаги, какую обыкновенно кладутъ между листками ученическихъ тетрадей, для просушки чернилъ, то можно усилить ея электрическія свойства настолько, что изъ подобной бумаги можно будетъ извлекать искры значительной величины, видимыя въ темной комнатѣ. Съ этою цѣлью, достаточно погрузить бумагу въ смѣсь сѣрной и азотной кислотъ, взятыхъ въ равныхъ количествахъ, какъ это дѣлается для производства хлопчатобумажнаго пороха. Затѣмъ, нужно только слегка потереть ее, положивъ на навощенную пластинку, чтобы придать бумагѣ сильныя электрическія свойства. Съ пироксилиной бумагой можно повторить всѣ опыты электричества: полученіе искръ, разряженіе лейденской банки, сотрясенія и пр.

Разведеніе улитокъ. Во многихъ мѣстностяхъ въ Италіи, южной Швейцаріи и южной Германіи встрѣчаются сады единственно для разведенія улитокъ. Съ давнихъ поръ улитка считалась лакомымъ блюдомъ въ Италіи не только у простаго народа, но и самые утонченные гастрономы временъ Римской Имперіи чрезвычайно любили ихъ и теперь въ Римѣ ни одна траторія не обходится безъ этого блюда. Для этой цѣли разводится большая садовая улитка (Helix pomaВia); въ католическихъ странахъ она составляетъ праздничное блюдо. Животныхъ кормятъ травою, листьями капусты и иногда отрубями; въ сырую погоду ихъ кормятъ два раза въ день. Отведенное для нихъ мѣсто очищается отъ деревьевъ и кустарниковъ и густо посыпается еловыми вѣтками и мягкимъ мохомъ, куда улитки прячутся во время сильной жары и холода. Сборъ улитокъ производится осенью, а пересылка—въ корзинахъ, наполненныхъ соломою. Самые большіе улитковые сады содержатъ отъ 15 до 20 тысячъ улитокъ, изъ которыхъ многія лѣтомъ погибаютъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ улитки собираются также для составленія цѣлебныхъ средствъ.

Игры и задачи

Рѣшеніе задачи буквъ № 38.

1) Уха.
2) Кабинетъ.
3) Офицеръ.
4) Рейн.
5) Град.
6) Очи.
7) Горб.
8) Шар.
9) Бѣк.
10) Фея.
11) Яд.
12) Глина.
13) Чай.
14) Сон.
15) Няня.
16) Софія.
17) Перепел.
18) Сок.
19) Пять.
20) Ева.



Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. **Спб.** -Болдина, Бутовской, Лагусъ; **Пенза** Шипановича; **Рыбинскъ** Трусова; **Серебряниа** -Червонской.

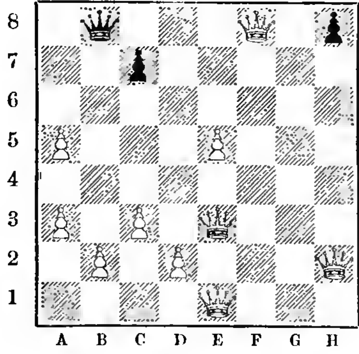
Рѣшеніе ребуса № 37.

Театръ вѣрный и правдивый судъ порока.

Шашечная задача № 48.

Б. О. Цѣхановича.

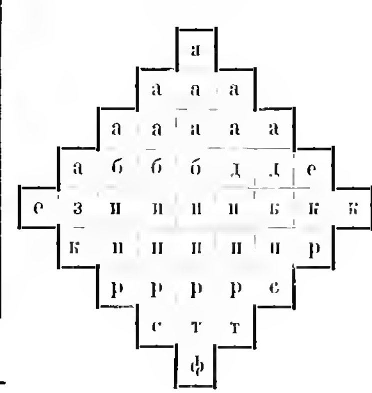
Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ дамку и одну шашку черн. въ 8 ходовъ.

Задача магическихъ крестовъ № 49.



Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Учрежденное С.-Петербургскимъ Собраніемъ Сельскихъ Хозяевъ Сельскохозяйственное Коммиссіонерство

„РАБОТНИКЪ“.

Въ С.-Петербургѣ: Фонтанка, Соляной городокъ, въ зданіи Императорскаго Сельскохозяйственнаго музея.

Въ Москвѣ: Воздвиженка, № 11.

Въ Кіевѣ: Уголъ Безаковской и Жилянской улицъ.

Имѣетъ на своихъ складахъ постоянно большой выборъ **земледѣльческихъ машинъ и орудій** новѣйшихъ системъ и лучшихъ заводовъ, а также **молочную посуду**, приборы по садоводству и для домашняго хозяйства.

Заказы на **локомобили, паровыя молотилки, мельницы** и нѣкоторыя другія машины, направляемыя съ заводовъ прямо къ гг. заказчикамъ, выполняются коммиссіонерствомъ **по заводскимъ цѣнамъ** безъ надбавки коммиссіи. Коммиссіонерство состоитъ агентомъ лучшихъ иностранныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутльворта, Рансома, Іеда и Джеферса, Говарда, Джонстона и К°, Пеннея, Экнерта, Беннера** и др. Заказы исполняются немедленно. Каталоги выдаются и высылаются безплатно. № 2069 10—10

!!! НѢТЪ БОЛЬШЕ ПОЖАРОВЪ !!!
Вездѣ примѣняемая полная пожарная Команда за 75 рублей.
Состоитъ **изъ 4 ручныхъ пожарныхъ насосовъ** выбрасывающихъ воду на 40 футовъ, помощью даже одного мальчика. Насосы никогда не портятся.
1. Механическ. носилки для спас. вещей
1. Снаряда для спасанія людей.
1. Устройства предохраняющаго отъ сильной жары во время тушенія **дозволяющаго подойти къ самому огню.**
1. Резервоара для воды.
1. Патентованнаго пожарнаго ведра.
1. Пояса пожарнаго.
1. Сигнальнаго пожарнаго рожка.
1. Металлическаго англійскаго шлема.
2. Большихъ пожарныхъ крюковъ.
1. Стальнаго пожарнаго топора.
Укупорка 5 рублей. Требованія и деньги адресовать: **Генриху Барыцкому** Владѣльцу Торговаго Дома „Commerce Russe“ **въ Варшавѣ.** № 2080 10—7

КОНКУРСНОЕ УПРАВЛЕНІЕ

по дѣламъ несостоятельнаго должника Ф. Шпакенбурга, торговавшаго подъ фирмою „Ф. Шпакенбургъ и К°“, помѣщающееся Литейной части, 2 уч., по Знаменской ул., д. № 47, кв. № 1, приглашаетъ гг. кредиторовъ несостоятельнаго должника представить въ конкурсъ къ 24 сентября сего года документы въ подтвержденіе заявленныхъ ими претензій, причемъ предваряетъ, что, въ случаѣ непредставленія документовъ, съ претензіями будетъ поступлено, согласно 1964 ст. 2 ч., XI т. № 2151

МЫЛЬНАЯ ЭССЕНЦІЯ ДЛЯ МЫТЬЯ ГОЛОВЫ.

Приготовленная съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Безподобное и всѣмъ доступное средство для сохраненія и укрѣпленія волосъ.

Подробное описаніе о свойствахъ и способѣ употребленія эссенціи прилагается при каждомъ флаконѣ. Главный складъ въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи Ф. Линде, Невскій просп., № 23, въ бель-этажѣ, а также можно получить во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. Цѣна флакону 50 к., съ пересылкою 1 руб.; выписывающіе 6 фл. платятъ 4 руб. и 12 фл. 7 руб. съ пересылкою. Зимой эссенція высылается въ жестяныхъ флаконахъ двойной величины. Цѣна флакону съ пересылкою 2 руб., выписыв. 3 фл. платятъ 4 руб. и 6 фл. 7 руб. Гг. оптовымъ покупателямъ обычная уступка. № 2013 25—13

Только что вышли изъ печати и продаются въ конторѣ журнала „НИВА“, С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9 и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА:

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историч. романъ конца XVIII вѣка. въ 2-хъ частяхъ, большой томъ in—8, всего 672 стр., напечатано на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. Спб. 1882 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ коленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Для новыхъ подписчиковъ „Нивы“ 1882 г. ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ такомъ же переплетѣ 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историч. повѣсть съ 20 рисунками Ив. Панова. 2-е изданіе. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. 2-е изд. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историч. романъ XVII вѣка. Спб. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Подписчики „Нивы“ 1882 г. за пересылку послѣднихъ четырехъ романовъ не платятъ.

!! НѢТЪ БОЛѢЕ ПОЖАРОВЪ !!
ТОВАРИЩЕСТВО НА ВѢРѢ,

ИЗГОТОВЛЕНІЕ ОГНЕУПОРНЫХЪ СОСТАВОВЪ,

ПОДЪ ФИРМОЮ

„АНТИПИРЕМЪ“

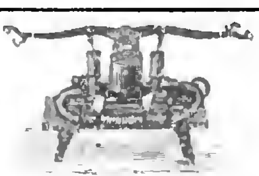
(привиллегія испрошена 15 февраля 1882 г.).

Новый способъ обработывать всякаго рода предметы въ невоспламеняемые.

Способъ былъ подвергнутъ испытанію 15 Января сего года экспертною коммиссіею созванною по предложенію СПБ. Оберъ-Полицiймейстера, въ Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ, подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Торговли и Мануфактуръ, изъ экспертовъ отъ городскаго и Оберъ-Полицiймейстера управленій, признавшими единогласно способъ дѣйствительнымъ къ устраненію всякой воспламеняемости и распространенію огня и примѣнимымъ ко всякаго рода предметамъ: цѣлымъ зданіямъ, декораціямъ, костюмамъ, паклѣ, соломѣ, дереву, обоямъ, матеріямъ всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ и т. д.

Обозрѣніе образцовъ, прейсъ-куранты состава и всѣ разсчеты по заказамъ ежедневно (кромѣ праздничныхъ дней) въ Главной Конторѣ Товарищества, Большая Конюшенная, д. № 9. № 2150

Подробныя разъясненія и цѣны высылаются желающимъ безплатно.



Русская пожарная труба
ТОВАРИЩЕСТВА
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,
САМАЯ ДЕШЕВАЯ, ПРОЧНАЯ, ПРОСТАЯ И ЛЕГКАЯ.

Цилиндры и скородоступные клапаны изъ мѣди, штоки и коромысла изъ желѣза. При двухъ человѣкахъ прислуги она выбрасываетъ въ часъ 480 ведеръ воды на разстояніе 14 саж., сильнымъ напоромъ. Цѣна трубы со всѣми рукавами, брандспойтомъ и ключами 115 р.—съ заливнымъ ящикомъ 135 р.

Кромѣ того товарищество обращаетъ вниманіе на свой

Русскій Огнетушитель,

лучшій аппаратъ для тушенія пожаровъ въ зачаткахъ, и для поливки цвѣтовъ, растеній и деревьевъ. Уменьш. цѣна 16 р. Съ заказами просимъ обращаться въ наши конторы: **С.-Петербургъ:** Вас. Остр., 1 линія, № 10 и **Москва:** Мясницкая, д. Сытова. **На Всероссійской промышленно-художественной выставкѣ въ Москвѣ,** издѣлія товарищества **БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,** состоящія изъ насосовъ и пожарныхъ трубъ —выставлены въ гидравлическомъ отдѣлѣ, въ IX группѣ и въ отдѣльномъ павильонѣ товарищества, близь водокачки, можно видѣть ежедневно въ дѣйствіи „Пульзометры системы К. Г. Голля и паровой насосъ Челенса системы товарищества Буркгардтъ и Урлаубъ. № 2146 4—1

Иллюстрир. каталоги по востребованію.

Открыта полугодовая подписка на газету

„ЭХО“.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи; 2) Телеграммы; 3) Новѣйшія политическія извѣстія; 4) Русская печать; 5) Иностранная печать; 6) Корреспонденціи изъ-за границы политическаго содержанія; 7) Внутреннія корреспонденціи; 8) Хроника; 9) Эхо (толки и слухи); 10) Очерки петербургской жизни; 11) Очерки русской жизни; 12) Судебная хроника; 13) Театральная и музыкальная хроника; 14) Телефонъ (разныя мелкія извѣстія); 15) Маленькое „Эхо“; 16) „Эхо юмористики; 17) Листокъ; 1) Обзоръ: а) русской журналистики; б) духовной журналистики; в) медицинской; г) промышленности; д) изобрѣтеній и открытій; 2) Воскресные фельетоны; 3) Иностранная хроника и 4) Романы, повѣсти и разсказы, русскіе и переводные съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго; 18) Биржевыя извѣстія и курсы; 19) Пріѣхавшіе и выѣхавшіе; 20) Желѣзныя дороги; 21) Театры; 22) Скорбный листокъ; 23) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1882 ГОДЪ:

На годъ	10 руб.
„ полгода	6 „
„ три мѣсяца	3 „
„ одинъ мѣсяцъ	1 „

За границею: на годъ 16 р., на 6 мѣсяцевъ 9 р., на 3 мѣсяца 5 р.

Подписка принимается:
Литейный проспектъ, домъ № 54. № 2152

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Д-РА Ф. ЛЕНДИЛЯ

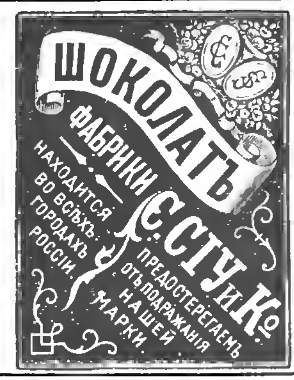
уничтожаетъ въ короткое время веснушки, угри, прыщи и **морщины**. Представляетъ на этикетѣ березовое дерево: утвержденъ какъ фабричная марка для защиты отъ поддѣлки. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

О-де-Капилъ: посѣдѣвшіе волосы принимаютъ свой первоначальный цвѣтъ, безвредное, очень пріятно и чистоплотно при употребленіи, 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Орѣховый экстрактъ для окрашиванія сѣдыхъ волосъ въ черный, коричневый и блонде цвѣта 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Depilator, для удаленія волосъ на лицѣ и другихъ частяхъ тѣла, 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

КОСМЕТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Невскій пр., № 25, С.-Петербургъ. № 2147



Ц. № 1903 12—5

55 к.

машинки **„паукъ“** для рѣзанія стекла, точенія ножей и другихъ практическихъ употребленій: инструментъ **„все въ одномъ“,** содержащій 15 различныхъ инструментовъ 4 р.; **спичечница-автоматъ** 2 р., спичечницы **свѣтящіяся** въ темнотѣ 75 к. 1 р. и 3 р.; такіе же **подсвѣчники** 2 и 3 р.; **чудо мундштукъ** образующій картинки при куреніи 75 коп.; **диво-птица** поющая какъ настоящая съ движеніемъ хвоста и клюва 1 р. 50 к.

ФОНАРИ
для иллюминацій 5 руб. за сотню и дороже; бенгальскій огонь въ палкахъ въ 25 и 35 к.

изъ **ПОДДѢЛЬНЫХЪ БРИЛЛІАНТОВЪ**

но игрѣ не уступающихъ настоящимъ: **серьги** отъ 2 р. 50 к. до 9 руб., **брошки** отъ 4 до 13 р., **булавки** отъ 2 до 5 р., **кольца** отъ 1 до 4 р., **запонки** грудныя 4 р., 50 к., **звѣзды** (въ волосахъ носить) 10 р.

НАКЛАДНАГО ЗОЛОТА

цѣпочки мужскія и дамскія отъ 2 р. 50 к. до 12 р.; **медальоны** мужскіе и дамскіе отъ 2 до 5 р.; **браслеты** 6 и 8 р.;

Всѣ цѣны назначены съ пересылкою; менѣе чѣмъ на 3 р. не высылаютъ. Магазинъ „НЮРНБЕРГЪ“ въ Москвѣ, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, домъ Шаховскаго, наискось церкви Успенія, напротивъ брилліантщика Сергунина. Тутъ же: **Распродажа заграничныхъ палокъ, зонтовъ, зонтиковъ,** и фотографическихъ альбомовъ. II № 2145

Единственный самый лучшій въ Имперіи источникъ для покупки перчатокъ
СОКРАЩЕННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
на двѣ пуговицы за дюжину лайковыя дамскія и мужскія 8 руб. Шведскія 9 р. Замшевыя желтыя и сѣрыя 14 руб. Замшевыя офицерскія бѣлыя 18 руб. За отправку по почтѣ 50 к. Требованія и деньги адресовать. **Торговый Домъ „Commerce Russe“ въ Варшавѣ.** № 2083 5—4

Вниман. Гг. Иногор. торговцевъ обращ. на укс. 3-ей, выгодн. по крѣпости для транспорта.—На **100 р.** дѣлаю **10%** уступки, покрыв. провозъ тройн. уксуса по жел. дор. до **600** верс.—**Въ розливѣ имѣю всѣ сорта**

БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!... Романъ *Э. Вернера.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 съ перес. 1 р. 25 к., для подп. „НИВЫ“ 1882 г. 75 к. съ пер. 1 р.

При этомъ № прилагается для гг. иногор. подп. (за исключен. московскихъ) объявленіе отъ книжнаго магаз. С. И. Леухина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 17 іюня 1882 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.

XIII годъ — № 26

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XIII — 1882

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 26 Іюня 1882 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Графъ Д. А. Толстой.

Состоявшееся недавно назначеніе графа Димитрія Андреевича Толстаго сначала президентомъ академіи наукъ, а вслѣдъ затѣмъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ — назначеніе призывающее его на трудное и широкое поприще, конечно возбудило самыя оживленные толки во всѣхъ слояхъ нашего общества. Но во всѣхъ этихъ толкахъ, личность графа, выдѣляется какъ личность человѣка энергическаго, стойкаго и непоколебимаго въ своихъ цѣляхъ и убѣжденіяхъ. Никто не можетъ не признать, что онъ всегда оставался вѣренъ своимъ принципамъ; что онъ всегда дѣйствовалъ прямо и смѣло, безъ нерѣшительности, двуличности и таинственности, искренно и открыто. Энергія его въ достиженіи разъ намѣченныхъ цѣлей извѣстна всякому и конечно всякій согласится, что въ настоящее время болѣе всего нужны энергичные и преданные своему дѣлу государственные дѣятели.

Графъ Димитрій Андреевичъ Толстой родился въ 1822 году и по окончаніи курса въ

Графъ Д. А. Толстой. Министръ Внутр. Дѣлъ. Съ фотогр. грав. Барановскій.

Царскосельскомъ Лицеѣ съ золотою медалью, поступилъ въ 1843 году на службу сначала въ канцелярію Государыни Императрицы, а въ 1847 перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ на него были возложены довольно важныя обязанности по департаменту Духовныхъ Дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; въ слѣдующемъ году ему же была поручена серьезная работа — составленіе исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Графъ Димитрій Андреевичъ съ жаромъ и свойственною ему энергіею принялся за составленіе этого труда, тѣмъ болѣе что другой трудъ, не менѣе важный и серьезный, былъ имъ только что оконченъ, а именно „Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи", остающаяся до сихъ поръ единственнымъ капитальнымъ сочиненіемъ по этому предмету. Въ 1853 году графъ Толстой былъ назначенъ директоромъ канцеляріи морскаго министерства, гдѣ тотчасъ же проявилъ свою обычную дѣятельность, принявъ самое ревностное участіе въ составленіи хозяйствен-

наго устава морскаго министерства а также и новаго положенія объ управленіи министерствомъ. Въ 1861 году графу Толстому привелось въ первый разъ ознакомиться съ положеніемъ министерства Народнаго Просвѣщенія, которымъ ему пришлось управлять, впрочемъ очень короткое время. Призванный для присутствія въ Сенатѣ, графъ Димитрій Андреевичъ съ 1863 по 1864 г. провелъ за границей, гдѣ и издалъ свой замѣчательный трудъ. „Le Catholicisme romain en Russie"—трудъ оцѣненный по достоинству даже чужеземцами и за который авторъ удостоился получить отъ Лейпцигскаго университета ученую степень доктора. Конечно занимаясь исторіей иновѣрцевъ въ нашемъ отечествѣ, графъ Толстой. какъ добросовѣстный изслѣдователь, не могъ оставить безъ вниманія нѣкоторыхъ сторонъ русской религіозной жизни и такимъ образомъ подготовить себя къ изученію положенія и нуждъ нашей православной церкви и духовенства, интересы которыхъ всегда были близки его сердцу. Вотъ почему какъ нельзя болѣе кстати было его назначеніе въ 1865 году Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, которое дало ему наконецъ возможность провести нѣкоторыя важныя реформы въ духовномъ вѣдомствѣ, стараясь главнымъ образомъ возвысить умственный уровень духовенства преобразованіемъ мѣстъ ихъ воспитанія и окончательнымъ искорененіемъ духа рутинной, давно отжившей бурсы. Такъ во время управленія графа Толстого духовнымъ вѣдомствомъ были изданы новые уставы для всѣхъ духовныхъ учебныхъ заведеній и кромѣ того ихъ преподаватели получили всѣ преимущества общей учебной службы. Въ 1866 году состоялось новое назначеніе графа Димитрія Андреевича на постъ первостепенной важности а именно министромъ Народнаго Просвѣщенія. Эту послѣднюю обязанность онъ выполнялъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ и нельзя не сознаться что въ это время въ дѣлахъ нашего просвѣщенія замѣчалась живая, необычная до того времени дѣятельность; вводились важныя реформы, преслѣдовались извѣстныя цѣли и проводилось извѣстное направленіе.

Это то направленіе, строго классическое, и подняло цѣлую бурю противъ министерской дѣятельности графа Толстого. Глубоко вѣрующій въ преимущество и пользу классической системы образованія, графъ Дмитрій Андреевичъ, не смотря на сильныя нападки на него печати и многочисленныхъ враговъ, спокойно, съ прежнею энергіею продолжалъ вводить именно эту, а не другую систему, оставаясь вѣрнымъ до конца своему убѣжденію, что только она одна можетъ способствовать умственному и нравственному развитію Россіи. Конечно вопросъ о превосходствѣ классицизма надъ реализмомъ въ дѣлѣ воспитанія не можетъ быть предметомъ обсужденія въ нашемъ очеркѣ и такъ какъ система осталась и до сихъ поръ та же, то это было бы и излишне. Графъ Толстой значительно увеличилъ бюджетъ народнаго просвѣщенія и потому тратилъ на школьныя потребности вдвое болѣе нежели его предшественники. Такъ при его вступленіи въ министерство народнаго просвѣщенія отпускалось лишь съ небольшимъ семь милліоновъ, а въ 1880 году цифра эта достигла уже до семнадцати. Учреждая массу новыхъ училищъ, графъ Толстой создалъ много учебныхъ заведеній совершенно новаго типа; такъ при немъ возникли учительскія семинаріи и институты, прогимназіи, женскія гимназіи и т. п. Кромѣ того во время управленія графа Дмитрія Андреевича составленъ былъ новый уставъ гимназій и прогимназій, уставъ реальныхъ и народныхъ училищъ и проектированъ новый уставъ университетовъ; открытъ Варшавскій университетъ, историко-филологическій институтъ; созданъ новый учебный Оренбургскій округъ и предположено открытіе новаго университета въ Сибири. Всѣ эти факты конечно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ неутомимой дѣятельности графа Димитрія Андреевича Толстого, и въ виду ихъ даже противники его системы, не соглашаясь съ нимъ въ направленіи, все таки не могли отказать ему въ энергіи, постоянствѣ убѣжденій и административномъ талантѣ.

„Вольтерьянецъ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка.

Продолженіе романа „Сергѣй Горбатовъ"

Всеволода Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Такой человѣкъ какъ Сергѣй являлся вовсе не лишнимъ въ средѣ гатчинцевъ и не мудрено, что въ Гатчинѣ у него не нашлось недоброжелателей, что напротивъ не одинъ Ростопчинъ, но и всѣ къ нему относились искренно и привѣтливо.

Никто не сталъ завидовать тому расположенію, которое оказывалъ ему цесаревичъ: новый любимецъ никому не становился поперегъ дороги. Каждый изъ гатчинцевъ рѣшилъ, что этотъ мѣшать не станетъ, ничего не отобьетъ, не будетъ высоко заноситься. Онъ не опасенъ, а человѣкъ милый, душевный... Жена вотъ у него будетъ красавица... большимъ домомъ заживетъ... Нѣтъ, къ нему надо поближе—не въ томъ, такъ въ другомъ пригодится!

Особенно любилъ его Кутайсовъ. Болѣе чѣмъ кто-либо человѣкъ случая, Иванъ Павловичъ очень чувствителенъ былъ къ своему прошлому, вступая въ сношенія съ новымъ человѣкомъ онъ тщательно въ него вглядывался, вслушивался въ каждое его слово; онъ боялся себѣ обиды, непріятныхъ для него напоминаній и если замѣчалъ что либо подобное то считалъ себя глубоко оскорбленнымъ, дѣлался невольно врагомъ своего обидчика. И уже конечно пуще всего слѣдилъ онъ за людьми родовитыми.

И вотъ знатный баринъ, Сергѣй Борисовичъ Горбатовъ, съ перваго своего появленія въ Гатчинѣ, еще тогда, восемь лѣтъ тому назадъ, не смотря на всю мнительность Ивана Павловича, ни разу не заставилъ его поморщиться, обидѣться. Онъ всегда держалъ себя съ нимъ какъ съ равнымъ, бесѣдовалъ съ нимъ просто и искренно, выказывалъ ему даже знаки уваженія. Иванъ Павловичъ ему нравился какъ человѣкъ хотя нѣсколько грубый, но безспорно умный, а главное беззавѣтно преданный цесаревичу, котораго такъ почиталъ онъ. Сословныхъ же предразсудковъ и чванства у Сергѣя, подъ вліяніемъ его стараго воспитателя Рено и собственнаго житейскаго опыта, не было.

Иванъ Павловичъ въ послѣдніе дни особенно чувствовалъ себя расположеннымъ къ Сергѣю. И вотъ почему. Во время одной изъ откровенныхъ бесѣдъ онъ мимоходомъ высказалъ нѣкоторыя свои семейныя затрудненія, происшедшія отъ недостатка денегъ.

Цесаревичъ далъ бы, но Иванъ Павловичъ не смѣетъ и заикнуться ему объ этомъ, потому что знаетъ, что у него у самаго денегъ теперь совсѣмъ нѣту.

Сергѣй заинтересовался, разспросилъ подробнѣе и со свойственной ему простотою и добродушіемъ предложилъ Кутайсову нужную сумму.

— Батюшка Сергѣй Борисычъ, только какъ же это—вѣдь раньше какъ года черезъ два, я вамъ не въ силахъ буду выплатить.

— Хоть десять лѣтъ не выплачивайте, Иванъ Павлычъ, улыбаясь сказалъ Сергѣй, я слава Богу не бѣденъ, такая ничтожная сумма стѣснить меня нисколько не можетъ. Все равно деньги часто лежатъ у меня безъ всякаго употребленія и я сердечно доволенъ, что могу услужить вамъ.

— Ну, батюшка, въ такомъ разѣ большое вамъ спасибо! Истинное, можно сказать, благодѣяніе оказываете, изъ бѣды выручаете. Спасибо, сударь, во вѣкъ этой услуги не забуду, позвольте васъ, золотой мой, обнять да расцѣловать по просту, по русски.

Сергѣй расцѣловался съ Кутайсовымъ и оба они остались крайне довольными другъ другомъ.

Кутайсовъ не могъ нахвалиться.

— Душа человѣкъ! Золотое сердце! Вотъ бы такихъ людей намъ побольше! говорилъ онъ про Сергѣя.

Сергѣй нерѣдко, выходя отъ Тани, заходилъ къ Кутайсову, заставалъ его въ скромной обстановкѣ обыкновенно за чаемъ, до котораго Иванъ Павловичъ былъ большой охотникъ.

— Что, батюшка, невѣста то видно прогнала? ска-

залъ онъ разъ Сергѣю, вставая ему на встрѣчу. А минутами пятью раньше бы пришли, не застали бы меня—самъ только что вернулся. Задалъ мнѣ нынче работы его высочество, ухъ какъ усталъ! Чайку вотъ напейтесь, нынче ромъ у меня первый сортъ! Взгляните-ка въ бутылочку, подарокъ это отъ пріятеля большаго, да и вашего кажется тоже пріятеля, отъ Федора Васильевича Ростопчина. Не выпьете-ли чашечку съ ромкомъ, коли минутка есть свободная?

— Съ большимъ удовольствіемъ, Иванъ Павлычъ, затѣмъ и пришелъ, чтобы посидѣть съ вами. Татьяну Владиміровну великая княгиня звать приказала, ну а одному что мнѣ тамъ дѣлать, вотъ и захотѣлось васъ провѣдать.

— Спасибо, сударь, что не забываете. Присядьте-ка сюда вотъ, къ печкѣ поближе, тутъ тепленько, Я знаете тепло люблю и ужь двѣ недѣли какъ у меня топится—холода что-то рано начались нынче.

Они усѣлись и принялись за чай.

Ромъ дѣйствительно оказался отличный и Иванъ Павловичъ то и дѣло похваливалъ.

— Спасибо Федору Васильичу, говорилъ онъ,—и въ каждомъ-то дѣлѣ знатокъ онъ. Умная голова, нечего сказать! И помяните мое слово, придетъ время, покажетъ онъ себя. Большому кораблю большое и плаваніе.

— Да, онъ человѣкъ умный и съ богатыми способностями.

Кутайсовъ утвердительно кивалъ головою.

— Будетъ изъ него прокъ, будетъ! А и хитеръ онъ, ловокъ... Иной разъ смѣху съ нимъ сколько.

— А что? спросилъ Сергѣй.

— Шельмоватъ, охъ какъ шельмоватъ! Ну да что-же, оно ничего—простячкомъ-то зачѣмъ быть? А вы, батюшка, на шпагѣ-то у него крестикъ анненскій замѣтили?

— Нѣтъ, не замѣтилъ. Какъ это анненскій крестикъ на шпагѣ?

— Тутъ цѣлая исторія, да и преютѣшная, вотъ прислушайте-ка, а потомъ и рѣшайте сами: шельмоватъ онъ или нѣтъ? Конечно вамъ, сударь, вѣдомо, въ какомъ уваженіи у цесаревича орденъ святыя Анны.

— Ну да, это голштинскій орденъ и великій князь въ качествѣ герцога голштинскаго одинъ имѣетъ право имъ жаловать.

— Такъ-то оно такъ, да не совсѣмъ. Грамоты подписываетъ великій князь, а жаловать, безъ дозволенія государыни, онъ не можетъ. И въ томъ все у насъ дѣло! Захочетъ великій князь пожаловать анненскимъ орденомъ кого нибудь, а государыня и неразрѣшаетъ. Такъ и со мной не разъ было, и по сію пору я безъ ордена. Ну извѣстно, оно и досадно великому князю. Съ полгода тому будетъ, вдругъ призываетъ какъ то онъ меня и приказываетъ заказать нѣсколько маленькихъ анненскихъ крестиковъ безъ колечка, а съ винтикомъ по срединѣ.

Я спрашиваю, зачѣмъ такіе крестики понадобились, а онъ даже разсердился.

„Не твое, говоритъ, дѣло“! Замолчалъ я и никакъ не могу сообразить, на что тѣ крестики будутъ навинчивать. Заказалъ, изготовили, принесъ я великому князю. Онъ принялъ, заперъ къ себѣ въ столъ. Только вотъ потомъ и открылось: призываетъ онъ Федора Васильевича Ростопчина, даетъ ему крестикъ съ винтикомъ и говоритъ:

„Жалую тебя анненскимъ кавалеромъ! Привинти этотъ крестикъ къ шпагѣ, только на заднюю чашку, а то молъ узнаетъ государыня и не разрѣшитъ тебѣ—она тебя не любитъ.

Ростопчинъ взялъ, поблагодарилъ въ приличныхъ выраженіяхъ, а самъ потомъ ко мнѣ. Разсказываетъ:

Такъ и такъ, говоритъ, что я теперь стану дѣлать? Узнаетъ императрица—большія мнѣ будутъ непріятности, а не исполнить приказа его высочества не могу—разгнѣвается.

— Ну ужь, говорю ему, батюшка, самъ выпутывайся, а отъ милости, извѣстное дѣло, не отказываются.

— Чтожь бы вы думали, сударь, онъ сдѣлалъ? Протасова Анна Степановна ему сродни приходится, а у государыни она въ большой силѣ, такъ онъ прямо къ ней. Разсказалъ ей, выставилъ свое трудное положеніе и просилъ ее доложить въ добрую минуту государынѣ, что онъ очень опасается носить орденъ, а между тѣмъ боится оскорбить цесаревича.

Такъ госпожа Протасова и сдѣлала, выбрала удобную минуту и шуткою все передала императрицѣ. Императрица выслушала, улыбнулась и говоритъ:

„Вотъ онъ какими игрушками занимается! Ну да пусть его тѣшится! Скажи ты Ростопчину, чтобы носилъ онъ свой орденъ, не боялся—я замѣчать не стану“.

Какъ узналъ объ этомъ Федоръ Васильевичъ, тотчасъ-же взялъ, привинтилъ свой крестъ, только не къ задней, а къ передней чашкѣ шпаги и въ такомъ видѣ является во дворецъ на выходъ.

Цесаревичъ какъ увидѣлъ его, взглянулъ на шпагу—а крестъ-то и на самомъ видномъ мѣстѣ, — подходитъ къ нему и говоритъ шопотомъ:

— Что ты дѣлаешь, сумасшедшій! Я тебѣ приказалъ задней чашкѣ, а ты привинтилъ къ передней... увидитъ государыня... вотъ сейчасъ пройдетъ и увидитъ, и тебѣ и мнѣ достанется.

А Федоръ-то Васильевичъ нашъ глаза, вытянулся въ струнку и говоритъ:

„Милость вашего высочества такъ мнѣ драгоцѣнна, что и скрывать ее я не въ силахъ“.

„Да ты погубишь себя“!

„И погубить себя готовъ, но тѣмъ самымъ докажу свою преданность вашему высочеству“!

Вамъ, сударь, извѣстна чувствительность сердца цесаревича и его довѣрчивость: даже прослезился онъ, такъ его слова эти тронули. Это мнѣ самъ Федоръ Васильевичъ разсказывалъ. Ну, и носитъ онъ съ тѣхъ поръ крестъ на шпагѣ, а цесаревичъ за него опасается. А ужь кабы зналъ всю истину, намылилъ-бы онъ ему голову! Да зачѣмъ ему знать? Мы выдавать не станемъ... Худаго тутъ ничего нѣтъ, а что шельмоватъ Федоръ Васильевичъ, это теперь, сударь, сами рѣшить можете.

— Я не могу оправдать такого поступка, сказалъ Сергѣй, и все это кажется мнѣ недостойнымъ.

— То-то вотъ кажется, батюшка, мало вы наглядѣлись! Потерпите, вотъ поживете съ нами, такъ и сами увидите, что съ цесаревичемъ иной разъ трудно ладить,—поневолѣ на всякія хитрости пустишься. Добрый человѣкъ, ужь такой добрый что и на всемъ свѣтѣ не сыщешь, а не такъ сказалъ, оплошалъ малость—и невѣсть какъ накинется. Что ни годъ — то хуже. Прежде еще туда сюда, а теперь,—у, какъ трудно съ нимъ ладить! Совсѣмъ его раздражили, совсѣмъ замучили! Иной разъ къ нему и притронуться невозможно, вотъ ровно къ человѣку, у котораго все болитъ... А Федора Васильевича вы не браните да шельмоватостью не упрекайте—оно смѣшно только, а онъ человѣкъ хорошій, доброжелательный.

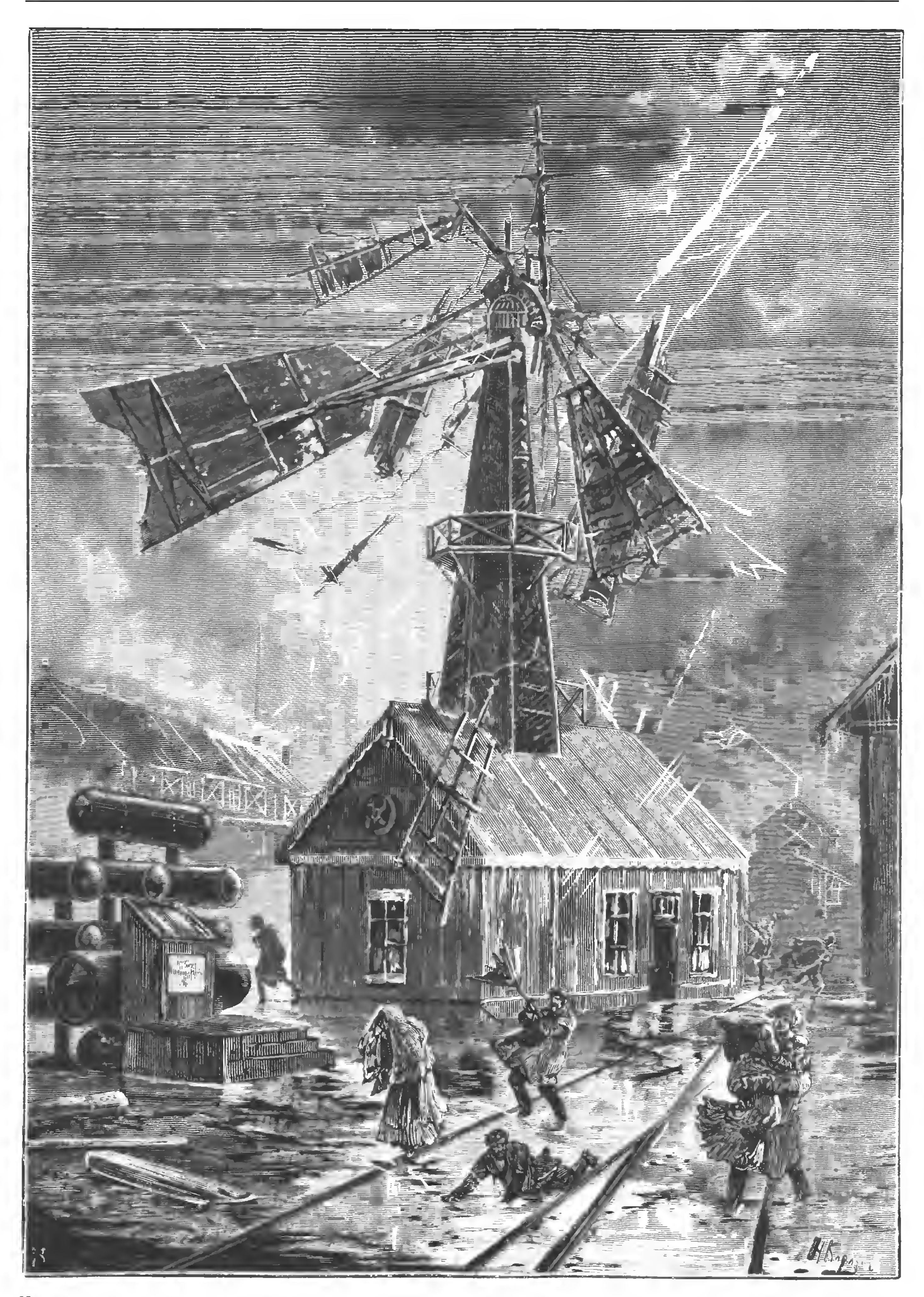
— Я въ этомъ не сомнѣваюсь сказалъ Сергѣй. Мнѣ Ростопчинъ самому очень нравится и я вмѣстѣ съ вами полагаю, что ему его хитрость простить еще можно, а вотъ я хотѣлъ васъ спросить по старому пріятельству нашему, что вы думаете о другомъ человѣкѣ, съ которымъ я здѣсь познакомился и который, какъ мнѣ кажется, въ большомъ довѣріи у великаго князя.

— О комъ вы это, сударь?.. Ну да ужь по лицу вашему вижу о комъ—объ Аракчеевѣ?

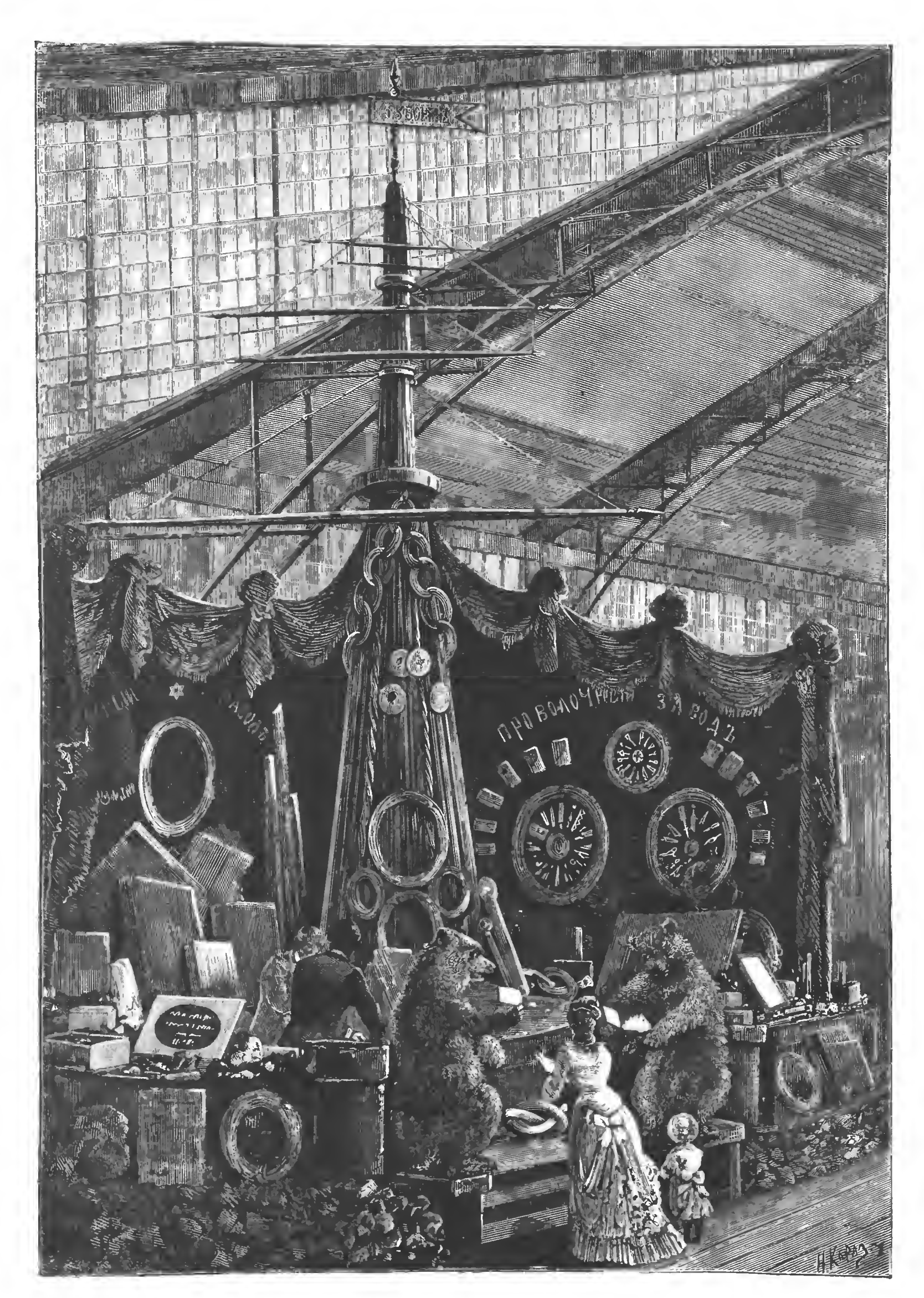
— Угадали! Но при чемъ тутъ лицо мое?

— Гримаску, батюшка, сдѣлали — не по нраву вамъ нашъ Аракчеевъ. Я ужь это не впервой замѣчаю.

— Я, видите-ли, мало знаю его, могу ошибаться, только дѣйствительно онъ какъ-то не внушаетъ къ себѣ особеннаго довѣрія.



Московская промышленно-худож. выставка. Вѣтряная мельница г. Давыдова, во время урагана 30 мая.
Ориг. рисунокъ нашего специальнаго корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.



Московская промышленно-худож. выставка. Витрина желѣзодѣлательнаго завода П. Губонина и К°.
Ориг. рисунокъ нашего спеціальнаго корреспондента въ Москвѣ Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Кутайсовъ улыбался.

— Да, этотъ другаго сорта, этого, признаться, и я не долюбливаю. И ужъ не знаю какъ сказать: достаточно-ли въ немъ качествъ, чтобы забыть о его дурныхъ свойствахъ. Только по нраву онъ намъ, или не по нраву, а этому человѣку тоже предстоитъ большая роля — цесаревичъ о немъ — ухъ, какого мнѣнія! И пичѣмъ того мнѣнія поколебать невозможно. А что такое Аракчеевъ— мужикъ, какъ есть мужикъ! Ума въ немъ нельзя сказать, чтобъ было много. Онъ вонъ хвастается — я молъ учился на мѣдные гроши, а лучше всякихъ ученыхъ да умниковъ свое дѣло знаю!.. и вретъ онъ, извините вы меня, и хвастаться тутъ нечего — я вотъ тоже на мѣдные гроши учился, такъ вижу, что нечѣмъ тутъ хвастаться, а напротивъ такъ полагаю что кабы вотъ времени у меня было теперь довольно, такъ снова за указку бы принялся. Ищешь какъ-бы что узнать полезное да съ умнымъ, ученымъ человѣкомъ потолковать, вотъ хоть бы съ вами Сергѣй Борисычъ! Узнать какъ, что и почему, какъ о томъ да о другомъ въ наукѣ сказано. А онъ, вишь ты—„наука вздоръ, одно усердіе нужно"! Ну и выѣзжаетъ этимъ усердіемъ. И такъ цесаревичъ полагаетъ, что усерднѣе полковника Аракчеева никого и не найдти ему. Чѣмъ взялъ—ума не приложу! Медвѣдь неотесанный, ни кожи, ни рожи, только и знаетъ свою маршировку, а смотрите, онъ и инспекторъ здѣшней пѣхоты и губернаторъ гатчинскій. А ужъ людей-то какъ мучаетъ! Что слезъ изъ-за него пролилось! Солдаты-то еле живы — по двѣнадцати часовъ въ день на ученьи ихъ держитъ. Изъ силъ солдатъ выбьется — такъ его палкой! Аракчеевъ только и повторяетъ — „гдѣ ученье тамъ и палка!" А потомъ и то замѣтьте: ни до кого до насъ ему нѣтъ никакого дѣла, ни съ кѣмъ не сходится и все равно ему: любимъ мы его, али нѣтъ. „Я, говоритъ, свое дѣло знаю и больше знать ничего не хочу".

— Да что-же, вѣдь въ этомъ онъ совершенно правъ, замѣтилъ Сергѣй. Это вѣдь, въ сущности, есть настоящее отношеніе къ службѣ.

— Такъ точно. Оно такъ, сударь, да вѣдь это слова только! Жестокій онъ человѣкъ. Аракчеевъ! Ему солдатъ все равно что кукла. Онъ жизнь человѣческую ни въ грошъ не ставитъ: хоть перемри всѣ, лишь-бы его высочество сказалъ ему „спасибо"—такъ ужъ это чтожъ! Это ужъ не служба... Это ужъ звѣрство называется.

— Ваша правда! Такъ вотъ значитъ я и не виноватъ, что гримаса у меня выходитъ когда думаю объ Аракчеевѣ. Значитъ вы согласны со мною?

— Какъ, батюшка, не согласиться! Да тутъ только ничего не подѣлаешь—не избавимся мы отъ этого лютаго звѣря и много еще онъ бѣдъ понадѣлаетъ, увидите.

Такъ сидѣли они и бесѣдовали.

Осеннія сумерки уже быстро набѣгали. Изъ оконъ слышались далекіе звуки военной команды; мѣрно постукивалъ маятникъ; сверчокъ чикалъ гдѣ-то за печкой.

Бесѣда вдругъ смолкла. Иванъ Павловичъ зѣвнулъ и отклонился на спинку кресла.

— Заспите-ка, сказалъ Сергѣй, отдохните, а и мнѣ пора, чай ужъ меня поджидаютъ.

И съ горячо забившимся сердцемъ онъ поспѣшилъ въ комнаты Тани, гдѣ его дѣйствительно ждали.

VIII.

Послѣдняя встрѣча.

Ламбро-Качіони повидимому намѣревался оправдать рекомендацію Зубова,—покрайней мѣрѣ императрица объявила всѣмъ приближеннымъ, что чувствуетъ себя несравненно лучше.

Она переѣхала изъ Таврическаго въ Зимній дворецъ и хотя не показывалась передъ публикой, но продолжала вести свою обычную трудовую жизнь: каждое утро рано вставала, внимательно выслушивала доклады, писала, интересовалась самыми разнообразными дѣлами и не покидала своей любимой мысли устроить таки въ концѣ концевъ бракосочетаніе короля Шведскаго съ Александрой Павловной.

По вечерамъ иногда собиралось въ Эрмитажѣ, какъ въ прежніе годы, ея интимное общество.

Она появлялась, повидимому, бодрая и свѣжая, шутила съ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, садилась за карточный столъ съ Зубовымъ и Безбородко.

Даже Морковъ, который подвергся было сильному съ ея стороны неудовольствію и долженъ былъ на одномъ себѣ выносить всѣ послѣдствія неудачи одиннадцатаго сентября, снова сталъ получать знаки ея вниманія. Она была съ нимъ любезна и ни однимъ намекомъ не возвращалась къ недавнимъ событіямъ. Она такъ держала себя будто ничего не случилось и, ободренные ею, всѣ мало-по-малу стали успокоиваться и возвращаться къ прежней жизни.

Одна только Марья Савишна Перекусихина, эта простодушная и скромная старуха, бывшая однако въ теченіи долгихъ лѣтъ чуть ли не самымъ близкимъ другомъ Екатерины и ея наперстницей, съ каждымъ днемъ все казалась задумчивѣе и печальнѣе. Иногда ее заставали въ слезахъ; но на вопросы о томъ, что означаютъ эти слезы она упорно молчала, поспѣшно вытирала глаза и заговаривала о чемъ нибудь постороннемъ.

Только она одна, по многимъ несомнѣннымъ для нея признакамъ, не довѣряла этому внезапному улучшенію въ здоровьи императрицы, этому нежданно вернувшемуся благоденствію.

Но на Марью Савишну, пока не требовалось прибѣгать къ ея добротѣ и всегдашней готовности услужить ближнему, обращали мало вниманія.

Къ концу октября стала зима, выпало много снѣгу, морозъ держался отъ трехъ до пяти градусовъ.

Екатерина объявила, что желаетъ выѣхать прокатиться въ санкахъ. Однако намѣренія этого она не исполнила.

Втораго ноября утромъ она никого не принимала. По дворцу разнеслась вѣсть, что у императрицы всю ночь были сильныя колики такъ что она заснула только подъ самое утро.

Однако къ обѣду она вышла изъ спальни и на тревожные вопросы внуковъ и внучекъ отвѣчала, что чувствуетъ себя хорошо, что дѣйствительно были колики, но совсѣмъ прошли и что это пустое...

Въ эти дни у Сергѣя Горбатова было много хлопотъ. Всѣ приготовленія къ принятію новой хозяйки были сдѣланы въ его домѣ. Онъ самъ все осматривалъ, совѣщался съ Моськой, закупалъ богатые подарки своей дорогой невѣстѣ.

Свадьбы теперь уже недолго осталось дожидаться, она должна была совершиться на дняхъ въ Гатчинѣ. Цесаревичъ и великая княгиня благословятъ жениха съ невѣстой и послѣ вѣнца молодые отправятся прямо въ Петербургъ.

Не такъ предполагалось сначала: свадьба должна была отпраздноваться со всею пышностью, но цесаревичъ вдругъ рѣшилъ, что будетъ такъ. И конечно ни Сергѣй, ни Таня не стали съ нимъ спорить.

Они были очень рады избѣжать въ такой торжественный для нихъ день пышности, присутствія людей совсѣмъ постороннихъ.

Четвертаго ноября Сергѣй совсѣмъ было собрался въ Гатчину, какъ вдругъ къ нему заѣхалъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ.

— Куда это ты, другъ любезный? спросилъ онъ входя и видя дорожныя приготовленія Сергѣя,—опять въ путешествіе! Ну на сегодня моя будущая племянница тебя подождать должна, сегодня тебѣ въ Гатчину ѣхать никоимъ образомъ невозможно...

— Что же, я опять арестованъ что ли?!. улыбаясь

сказалъ Сергѣй. Съ вами, дядюшка, съ полчаса побесѣдую если угодно, а ужъ потомъ не задерживайте...

— Не поѣдешь ты нынче въ Гатчину. Слушай-ка, государыня пожелала тебя видѣть, вѣдь ты еще не представлялся ей послѣ твоего пожалованія въ камергеры?!.

— Да вѣдь не было пріемовъ, дядюшка!

— Знаю, знаю и не нужно тебѣ офиціальнаго пріема, государыня приглашаетъ тебя нынче вечеромъ въ Эрмитажъ... Понимаешь, вѣдь это такая милость, которою теперь кромѣ насъ стариковъ никого неудостоиваютъ. И представь ты себѣ какъ перекоситъ твоего друга свѣтлѣйшаго князя Платона Александровича, онъ ничего не знаетъ. Это въ нѣкоторомъ родѣ сюрпризъ для него готовится. Мы съ тобой вмѣстѣ пріѣдемъ—такъ приказано. Помнишь, какъ когда то, давно, когда я въ первый разъ представлялъ тебя?!.

Какъ ни былъ теперь Сергѣй равнодушенъ ко всему, что не касалось до Тани, но все же онъ почувствовалъ нѣкоторое удовольствіе.

— Да, въ такомъ случаѣ поѣздку въ Гатчину дѣйствительно отложить придется... Поѣдетъ одинъ Степанычъ,—сказалъ онъ.

— Вотъ и хорошо, и невѣста не будетъ беспокоиться. А ты сегодня у меня пообѣдаешь и вмѣстѣ мы послѣ обѣда во дворецъ поѣдемъ... Ну что, племянникъ, не говорилъ ли я тебѣ что нечего кипятиться, ничего съ тобой неподѣлаетъ господинъ Зубовъ...

— Да, хорошо это говорить послѣ того какъ я больше недѣли просидѣлъ здѣсь въ качествѣ преступника и измѣнника...

— Кто старое помянетъ тому глазъ вонъ... Да и наконецъ это къ твоей же пользѣ послужило... о тебѣ заговорили съ самой выгодной стороны... Зубова за тебя бранятъ еще пуще прежняго... А она... сегодня она доказываетъ тебѣ какъ ей хочется загладить эту ошибку. Твоему положенію наши царедворцы только завидовать могутъ—государыня въ долгу у тебя и начинаетъ расплачиваться—чего же лучше...

Тихій свѣтъ лампъ прикрытыхъ абажурами озаряетъ нѣсколько строгую, но величественную обстановку одной изъ обширныхъ комнатъ Эрмитажа. Со стѣнъ глядятъ, выступая изъ за золотыхъ рамъ, произведенія кисти знаменитыхъ художниковъ.

Сцены религіознаго содержанія смѣняются сценами нѣги и наслажденій золотаго вѣка. То выступаетъ на темномъ фонѣ кроткій, одухотворенный ликъ Богоматери и загадочная улыбка божественнаго ребенка, то сверкаетъ, озаренная полосой рефлектора, классическая нагота греческой богини. Но всѣ эти разнородные образы, созданные въ минуты вдохновеннаго трепета, запечатлѣнные никому невѣдомыми муками и восторгомъ ихъ творцевъ, не обращаютъ на себя ничьего вниманія...

Тихіе, сдержанные разговоры ведутся въ обширной комнатѣ. Партія только что окончена. Толстякъ Безбородко то и дѣло утираетъ платкомъ свое красное, лоснящееся лицо. Зубовъ съ небрежнымъ и скучающимъ видомъ чертитъ что то мелкомъ на сукнѣ карточнаго столика!

Императрица отклонилась на спинку своего кресла, полузакрыла глаза и не то дремлетъ, не то погружена въ размышленія. Рѣзко обрисовывается глубокая складка между ея бровями, губы крѣпко сжаты, нижняя часть лица скрыта за кружевами, покрывающими ея высокую грудь, которая по временамъ колеблется отъ тяжелаго дыханія.

Вотъ звуки шаговъ достигаютъ ея слуха. Она открываетъ глаза и видитъ входящихъ Нарышкина и Горбатова.

Зубовъ не удержался, дернулъ свой стулъ и мѣлокъ сломался отъ нервнаго движенія руки его. Но Екатерина не замѣчаетъ этого. Она съ благосклонной улыбкой киваетъ головой входящимъ, она протягиваетъ имъ для поцѣлуя свою руку, обмѣнивается нѣсколькими шутливыми фразами съ Нарышкинымъ и, сдѣлавъ ему почти незамѣтный знакъ, указываетъ Сергѣю на стулъ рядомъ съ собою.

Зубовъ внѣ себя; онъ даже и не скрываетъ своего бѣшенства. Онъ шумно встаетъ и быстрыми шагами выходитъ изъ комнаты.

Нарышкинъ вступаетъ въ разговоръ съ Безбородко, отводитъ его въ сторону. Сергѣй и императрица одни передъ карточнымъ столикомъ.

Сергѣй благодарилъ государыню за пожалованіе. Она улыбнулась ему еще ласковѣе.

— Я давно думала объ этомъ, сказала она. Но вѣдь это совсѣмъ не та служба, которой мнѣ отъ васъ нужно: я все думаю о серьезной работѣ, которую бы хотѣла поручить вамъ, мой другъ. Время терпитъ конечно, я вовсе не желаю стѣснять васъ теперь... Но постойте! Вѣдь у насъ есть счеты, которые прежде всего надо кончить. Вы имѣете право на меня очень сердиться, но я прошу васъ, навсегда забудьте объ этомъ.

— Я такъ и сдѣлалъ, ваше величество.

— Знайте, что мнѣ очень грустно, что случилось такое печальное недоразумѣніе. Я можетъ быть менѣе виновата въ немъ чѣмъ вы полагаете, да и вообще, если разобрать хорошенько, то виноватыхъ пожалуй и не окажется. Случаются иногда очень странныя недоразумѣнія. А теперь довольно объ этомъ, тѣмъ болѣе, что вы сами нѣсколько виноваты передо мною, вы сами хитрили и скрытничали и обманули меня.

— Когда же? Въ чемъ, ваше величество? смущенно проговорилъ Сергѣй.

Но онъ уже понималъ въ чемъ дѣло.

— Я хотѣла вамъ сватать невѣсту, а вы скрыли отъ меня, что невѣста была уже у васъ готова и именно та особа, о которой я васъ спрашивала.

— Я это очень хорошо помню, ваше величество, но дѣло въ томъ, что въ тотъ день у меня не было невѣсты и я самъ не зналъ чѣмъ кончится это дѣло. Я боялся самъ обмануться и нисколько васъ не обманывалъ.

— Да, я понимаю. Конечно, я шучу... я хочу сказать вамъ, что очень за васъ рада. Я, признаюсь, имѣю мало свѣдѣній о вашей невѣстѣ, но то немногое, что я о ней знаю, очень говоритъ въ ея пользу. Recevez mes felicitations, mon cher, soyez heureux, je vous le souhaite de tout mon coeur.

— Отъ глубины души благодарю ваше величество, и смѣю надѣяться, что добрыя пожеланія ваши исполнятся.

— И я тоже надѣюсь. Скажите, когда ваша свадьба? Какъ вы намѣрены устроиться? Мнѣ это нужно знать именно въ виду мыслей о предстоящей вамъ новой службѣ, которую мнѣ хотѣлось бы поручить вамъ.

Сергѣй передалъ ей все, о чемъ она его спрашивала.

— Вотъ и прекрасно, это ничему не помѣшаетъ и во всякомъ случаѣ будьте увѣрены, что я не желаю стѣснять васъ. Я все нездорова,—хотя теперь мнѣ гораздо лучше.—но во всякомъ случаѣ я желаю, чтобы вы представили мнѣ вашу жену немедленно послѣ вашей свадьбы.

— Она почтетъ для себя величайшимъ счастьемъ эту милость вашего величества.

— Левъ Александровичъ, обратилась Екатерина къ проходившему въ эту минуту невдалекѣ отъ нихъ Нарышкину, что это ты прихрамываешь?

— Ревматизмъ одолѣлъ, матушка государыня.

— Смотри ты, совсѣмъ старикомъ становишься, то и жди умрешь. Я про тебя ужъ и сонъ дурной видѣла.

— Ахъ, матушка, ради Создателя не стращайте, скорчивъ испуганную мину, афектированно крикнулъ Нарышкинъ,—я смерти до смерти боюсь!

— Да ужь боишься, либо нѣтъ, а она за тобою.—Я вотъ тоже было испугалась какъ прихворнула, такъ и думала—умирать приходится. Вонъ и гроза была въ концѣ сентября, а это рѣдкій вѣдь случай. Помнишь, когда такая поздняя гроза была?

— Не помню что-то, государыня, отвѣтилъ Нарышкинъ, который отлично помнилъ и который ужь слышалъ отъ Марьи Савишны Перекусихиной, что Екатерина не разъ заговаривала о грозѣ этой.

— Не помнишь? Такъ у тебя знать память коротка, я то помню: въ годъ кончины тетушки, императрицы Елисаветы Петровны была такая гроза. Вотъ и я, старуха, перепугалась. Только нѣтъ, я еще не умру, а вотъ ты—другое дѣло, и гроза то эта можетъ быть къ тебѣ относится.

— Чтобы сферы небесныя да о такихъ людишкахъ, какъ я, помышляли... И—и! Нѣтъ, матушка—они тамъ своими дѣлами заняты и не токмо, что насъ грѣшныхъ, а даже и ваше величество въ грошъ не ставятъ.

И такимъ образомъ переговариваясь и перешучиваясь съ „матушкой,“ старый Левушка исполнялъ свою вѣчную должность шутника и забавника, а самъ не безъ грусти поглядывалъ на своего неизмѣннаго державнаго друга и отшучиваясь думалъ:

„Не ладно что-то: меня стращаетъ, а сама боится, уже и въ знаменія начинаетъ вѣрить; прежде этого не бывало. Да и глаза не хороши, совсѣмъ другая стала. Не вылечилъ ее грекъ мошенникъ.“

Зубовъ не возвращался.

Безбородко предложилъ было еще игру, но Екатерина отвѣтила, что на сегодня довольно, что у нея, еще до отхода ко сну, есть работа.

Съ помощью Левушки, она приподнялась съ кресла, простилась съ обществомъ, ласково улыбнулась Сергѣю и тяжелою, непрежней поступью, вышла изъ комнаты.

Сергѣю вдругъ стало почему то неловко и даже грустно, что-то сдавило сердце, будто духота и тягость чувствовались въ воздухѣ. Унылымъ свѣтомъ горѣли лампы, уныло и безжизненно глядѣли со стѣнъ грезы старинныхъ художниковъ.

Но онъ не сталъ предаваться этому внезапному чувству, онъ поговорилъ нѣсколько минутъ съ Безбородко и, въ сопровожденіи Нарышкина, вышелъ изъ Эрмитажа.

IX.

Обѣдъ на мельницѣ.

Сергѣй еще до разсвѣта выѣхалъ въ Гатчину. Погода стояла прелестная, день начинался ясный, вѣтру никакого. Небольшой морозецъ.

Въ гатчинцахъ было замѣтно особенное оживленіе. Цесаревичъ вышелъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа, ничто его не раздражало, онъ всѣмъ былъ доволенъ и объявилъ, что въ такой день грѣшно сидѣть на мѣстѣ, что слѣдуетъ непремѣнно прокатиться и, самое лучшее, пообѣдать на гатчинской мельницѣ.

До мельницы отъ дворца было всего верстъ пять.

Великая княгиня приказала сдѣлать нужныя распоряженія. Сергѣй конечно получилъ приглашеніе участвовать въ этой partie de plaisir и въ двѣнадцатомъ часу нѣсколько троекъ, впряженныхъ въ широкія сани, выѣхали изъ дворца по сверкавшей на яркомъ, зимнемъ солнцѣ еще не наѣзженной дорогѣ.

Жениху и невѣстѣ оказывались всевозможные знаки вниманія и въ первыя четырехмѣстныя сани помѣстились цесаревичъ, великая княгиня, Сергѣй и Таня. Павелъ шутилъ всю дорогу, поддразнивалъ Сергѣя, увѣряя его, что свадьбу нужно еще отложить, такъ какъ онъ ни за что не отпуститъ княжну въ городъ, пока стоитъ такая прекрасная погода:—пусть она надышется на послѣдокъ чистымъ воздухомъ.

— Вы считаете себя очень счастливой, княжна, и ошибаетесь. Вы еще будете вспоминать Гатчину.

— Не придется, ваше высочество, отвѣчала Таня— мы часто сюда будемъ возвращаться.

— На это не разсчитывайте—посмотрите какимъ звѣремъ онъ взглянулъ сейчасъ. Всѣ они хороши пока еще не чувствуютъ своей власти, заберетъ онъ васъ въ руки и запретъ въ четырехъ стѣнахъ.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ пожалуюсь и вы должны будете явиться моимъ спасителемъ, ваше высочество.

— Извините! вы отъ насъ отказываетесь, вы намъ измѣняете и намъ до васъ никакого не будетъ дѣла. Вы отдаетесь во власть его, помните это, время еще есть, одумайтесь... вотъ теперь я еще могу защитить васъ, хотите сейчасъ его изъ саней выброшу?

Но Таня этого не хотѣла. Они подъѣзжали къ мельницѣ.

— Что-же, готово обѣдать? крикнулъ цесаревичъ, входя на крыльцо, мы проголодались, живо!

Ему доложили, что можно садиться за столъ, что все готово.

Веселое общество размѣстилось, цесаревичъ самъ разливалъ и подавалъ мужчинамъ водку въ маленькихъ рюмкахъ. Присутствовали Плещеевъ, Кушелевъ, графъ Вьельгорскій, камергеръ Бибиковъ и неизмѣнный Кутайсовъ. Все это были люди, считавшіеся въ Гатчинѣ своими. Недоставало только Аракчеева, который никогда не покидалъ своихъ служебныхъ обязанностей, да Ростопчина.

— Жаль недостаетъ нашего Ѳедора Васильевича, проговорилъ вдругъ Павелъ, онъ-бы повеселилъ насъ, навѣрное разсказалъ-бы что нибудь смѣшное: всегда является съ цѣлымъ запасомъ. Скажи, Горбатовъ, не видалъ ли ты его вчера? Я такъ полагалъ, что онъ нынче утромъ пріѣдетъ.

— Какъ-же, ваше высочество, я съ нимъ встрѣтился вчера утромъ и онъ сказалъ мнѣ, что будетъ здѣсь завтра и на нѣсколько дней.

— Обидно! А я даже хотѣлъ спросить у него разъясненіе моего нынѣшняго сна — вѣдь онъ на всѣ руки мастеръ: и дѣло дѣлаетъ и сны разъясняетъ. Но шутки въ сторону, господа, я серьезно видѣлъ нынче ночью очень странный сонъ и почему-то этотъ сонъ не выходитъ у меня изъ головы.

Великая княгиня, говорившая въ это время что-то своему сосѣду Плещееву, вдругъ замолчала и стала прислушиваться.

Лицо ея сдѣлалось серьезнымъ, даже озабоченнымъ.

Между тѣмъ великій князь продолжалъ:

— Да собственно это и не сонъ, а какое-то странное необычайное ощущеніе: мнѣ казалось, что вдругъ будто меня разбудили и какая-то невѣдомая сила подхватила меня и понесла все выше и выше. Кругомъ будто сіянье, лазурь небесная, звѣзды со всѣхъ сторонъ яркія...

Великая княгиня слабо вскрикнула.

Но всѣ внимательно слушали и никто не обратилъ на это вниманія.

— Я проснулся, говорилъ Павелъ,—потомъ снова заснулъ и опять тотъ-же сонъ, — то же ощущеніе, опять невѣдомая сила подхватываетъ меня, поднимаетъ и опять безконечное небесное пространство и, повѣрите-ли мнѣ, господа — такъ было всю ночь. Нѣсколько разъ я просыпался, засыпалъ и опять видѣлъ то же самое. Неправда-ли. странно?

— Другъ мой, сказала взволнованно великая княгиня, вы изумитесь еще больше когда узнаете, что и я испытала то же самое. Я ничего не могу прибавить къ словамъ вашимъ, мнѣ придется только повторить ихъ.

— Не можетъ быть! воскликнулъ Павелъ, даже приподнимаясь съ своего мѣста. Какъ. и вы то же видѣли? Зачѣмъ-же вы мнѣ раньше этого не сказали?

— Я не хотѣла васъ безпокоить понапрасну, я знаю

Передъ моднымъ магазиномъ. Съ картины Э. Урлауба, грав. Гельштейнъ.

какое вы придаете значеніе такимъ вещамъ, о которыхъ по моему убѣжденію слѣдуетъ какъ можно меньше думать... но сегодняшній случай дѣйствительно кажется мнѣ страннымъ.

Цесаревичъ не то насмѣшливо, не то печально улыбнулся.

— Вотъ видите, значитъ я не напрасно придаю значеніе подобнымъ вещамъ и очень естественно, что все таинственное, необъяснимое, выходящее изъ сферы нашей повседневной жизни, останавливаетъ мое вниманіе, интересуетъ меня. Иначе быть не можетъ, я хорошо знаю, что въ каждомъ изъ насъ на ряду съ жизнью нашего тѣла есть иная, душевная жизнь. Есть въ душѣ нашей предчувствіе высшихъ законовъ, дѣйствующихъ въ иной высшей сферѣ, откуда мы явились и куда, рано или поздно, вернемся изъ нашего временнаго странствованія.

Онъ совсѣмъ измѣнился. Веселость исчезла съ лица его, глаза приняли задумчивое, мечтательное выраженіе.

— Рано или поздно... повторилъ онъ, глухимъ голосомъ, уходя въ свой внутренній, никому невѣдомый міръ. Мнѣ уже недолго ждать этого возвращенія, я увѣренъ, что мое странствованіе прекратится скоро.

— Покрайней мѣрѣ сегодняшній сонъ вашего высочества никакъ не указываетъ на это и, если придавать ему значеніе предзнаменованія, то онъ вѣроятно предвѣщаетъ величіе и блестящую жизнь, а не смерть! невольно проговорилъ Сергѣй, вспоминая свои ощущенія въ Эрмитажѣ.

— Величіе, блестящая жизнь, отвѣчалъ ему Павелъ, развѣ здѣсь можетъ быть истинное величіе и истинный блескъ! Жизнь настоящая начинается только съ того мига, когда временная жизнь тѣла окончилась.

Всѣ какъ-то пріумолкли, шутки прекратились. Конецъ обѣда прошелъ вовсе неоживленно.

Сергѣй тихо бесѣдовалъ съ Таней: цесаревичъ молчалъ, и одна великая княгиня, борясь съ невольнымъ волненіемъ, въ которомъ даже не отдавала себѣ отчета, всѣми мѣрами, какъ и всегда, старалась поддерживать свою роль любезной хозяйки.

Послѣ обѣда рѣшено было тотчасъ же возвратиться въ Гатчину.

На полъдорогѣ къ санямъ, въ которыхъ ѣхалъ цесаревичъ, подлетѣлъ на всемъ скаку гатчинскій гусаръ, быстро осадилъ свою лошадь и объявилъ о томъ, что во дворецъ пріѣхалъ изъ Петербурга шталмейстеръ графъ Зубовъ съ какимъ-то очень важнымъ извѣстіемъ.

— Что такое? Что? тревожно спросилъ Павелъ.

— Не могу знать, ваше высочество, графъ Зубовъ не сказываетъ. Мнѣ приказано только доложить, что очень важно.

— Пошелъ скорѣй! крикнулъ Павелъ кучеру.

— Что такое может быть? обратился цесаревичъ къ Сергѣю. Ты вчера не слыхалъ ничего? вѣдь ты говорилъ, что былъ вечеромъ въ Эрмитажѣ?

— Ровно ничего особеннаго не знаю, ваше высочество.

— Государыня была здорова?

— Повидимому. Она сама изволила говорить мнѣ, что чувствуетъ себя несравненно лучше.

— Что же бы это могло быть? Que pensez-vous? обратился Павелъ къ великой княгинѣ.

— Не могу придумать, тревожно отвѣтила она, развѣ...

— Что развѣ?

— Быть можетъ получены извѣстія изъ Швеціи.

— Да, пожалуй... конечно... можетъ онъ пришелъ въ себя и рѣшился наконецъ дѣйствовать какъ слѣдуетъ... Да, вѣроятно! Такъ оно и есть!.. Скорѣй, скорѣй! нѣсколько разъ повторилъ онъ.

Но кучеръ и такъ изо всѣхъ силъ гналъ тройку. Другіе далеко отстали, ихъ не было и видно.

По пріѣздѣ во дворецъ цесаревичъ тревожно спросилъ гдѣ дожидается графъ Зубовъ, велѣлъ звать его къ себѣ въ кабинетъ.

Графъ Николай Зубовъ, братъ Платона Александровича, былъ самымъ порядочнымъ членомъ этого семейства, онъ не отличался никакими способностями, но въ то же время и не воображалъ о себѣ очень много, держался болѣе или менѣе въ сторонѣ, никому не мѣшая, и цесаревичъ не чувствовалъ къ нему такого невольнаго отвращенія, какъ къ его братьямъ Платону и Валерьяну.

Графъ Зубовъ вошелъ въ кабинетъ цесаревича съ такимъ растеряннымъ, испуганнымъ видомъ, былъ такъ блѣденъ, что Павелъ сразу понялъ, что онъ привезъ ему какое-нибудь необычанное и въ то же время печальное извѣстіе.

— Что такое? спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Ваше высочество, государынѣ худо.

— Какъ? Что?

Павелъ остановился неподвижно.

— Жива она? наконецъ прошепталъ онъ.

— Жива, ваше высочество, но надежды мало. Государыня чувствовала себя цѣлый день хорошо и нынче утромъ въ семь часовъ Марья Савишна вошла къ ея величеству, спросила каково она почивала, государыня изволила отвѣтить, что давно не проводила такой пріятной ночи...

— Ну, скорѣй, дальше!

— Затѣмъ государыня, вставъ съ постели, одѣлась, выпила кофе, прошла въ кабинетъ, затѣмъ...

Зубовъ запнулся на мгновеніе, но потомъ продолжалъ:

— ...Вышла въ гардеробъ и болѣе получаса не выходила оттуда... такъ полагали, что она изволила пойти погулять по Эрмитажу... Между тѣмъ встревожились...

— Ну?

— Нашли лежащую на полу въ гардеробѣ. Медики не могутъ привести въ чувство.

— Боже мой! прошепталъ Павелъ, хватаясь за голову. Скорѣй велите закладывать.

Онъ кинулся въ комнаты великой княгини.

— Маша, она умираетъ, можетъ быть ее ужь нѣтъ на свѣтѣ... могъ только проговорить онъ.—Собирайся и ѣдемъ.

Великая княгиня вскрикнула и залилась слезами, а онъ, ничего не видя передъ собою, бросился опять къ себѣ и, пока подавали экипажъ, заставилъ Зубова разсказать всѣ подробности.

Оказалось что камердинеръ Зотовъ, видя что происходитъ что-то неладное, рѣшился отворить дверь гардероба. Дверь была незаперта, но отворить ее почти не было возможности—мѣшало что-то. Это что-то было тѣло императрицы, лежавшее на полу въ самомъ неудобномъ положеніи. Мѣсто было узкое, дверь затворена, она не могла упасть на полъ и почти сидѣла съ закинувшейся головой, съ подвернутой ногой. Пришлось позвать нѣсколько человѣкъ камердинеровъ, которые съ большимъ усиліемъ подняли императрицу и перенесли ее въ спальню; но она такъ была тяжела, что не могли ее поднять на кровать и уложили на полу на сафьянномъ матрацѣ.

— Господи! Да что же говорятъ медики? спрашивалъ цесаревичъ. Что сказалъ Роджерсонъ?

— Всѣ согласны въ томъ, что это ударъ въ голову и какъ я уже докладывалъ вашему высочеству, имѣютъ мало надежды, отвѣчалъ Зубовъ.

Въ это время доложили о томъ, что карета подана.

— Ѣдемъ, ѣдемъ! Скорѣй! повторялъ Павелъ, обращаясь къ вошедшей въ комнату великой княгинѣ.

— Я готова.

Проходя корридоромъ, они столкнулись съ Сергѣемъ, который ужь зналъ въ чемъ дѣло.

— За мной! сказалъ ему цесаревичъ.

(До слѣдующ. №).

Обитатели острова Сахалина.

Изъ разсказовъ о крайнемъ Востокѣ.

А. Я. Максимова.

(Окончаніе).

X.

Мошкара.

Солнце только что скрылось за мрачнымъ, неизвѣданнымъ хребтомъ Сихотъ Алина... Всюду легли темныя, длинныя тѣни... Изъ падей и съ низменныхъ мѣстъ потянуло сыростью и прохладой... Въ вечернемъ воздухѣ появились неизвѣстно гдѣ таившіяся весь день миріады мошекъ и комаровъ; безчисленными массами носятся они надъ низменными мѣстами, то суетливо сбиваясь въ подвижныя, теряющіяся въ выси, колонны, то разстилаясь почти надъ самою поверхностью земли неправильными, волнующимися тучами... Безшумно носятся въ воздухѣ милліоны микроскопическихъ, но страшно злыхъ, насѣкомыхъ, зорко высматривающихъ жертву для утоленія своихъ кровожадныхъ инстинктовъ...

Смѣлость и дерзость этихъ миніатюрныхъ, кровожадныхъ разбойниковъ тайги превышаютъ всякую мѣру. Съ безумною отвагою аттакуютъ они каждое живое существо, осмѣливающееся появиться въ ихъ царствѣ, и одинаково обращаютъ въ позорное бѣгство и грознаго тигра и мохнатаго, прикрытаго толстой шубой медвѣдя и быстроногую козулю и полевую мышь...

Долго волновались въ воздухѣ мошки и комары надъ крѣпко спящими бродягами и наконецъ стремительно опустились на нихъ... Черезъ минуту бродяги были обсыпаны такой массой кровожадныхъ насѣкомыхъ, что не было на ихъ тѣлахъ живаго мѣста, въ которое не вонзилось-бы острое, жгучее жало. Первымъ вскочилъ, словно обожженный, Майданщикъ и судорожно началъ скрести ногтями тѣло, стараясь избавиться отъ нестерпимаго, жгучаго зуда. Мошки и комары окружили бродягу сплошными тучами и съ какимъ-то озлобленіемъ аттаковали его со всѣхъ сторонъ, забивались въ уши, носъ и ротъ, обсыпали сплошной массой спину, грудь, плечи, руки и ноги. Бродягѣ казалось, что его облили съ головы до ногъ какою-то горячею, жгучею массою... Нестерпимый зудъ распространился по всему тѣлу съ невѣроятною быстротою и приводилъ Майданщика въ бѣшенство и ожесточеніе. Съ остервенѣніемъ скребъ онъ себя обѣими руками, терся о дерево, валялся по травѣ и наконецъ, увидя безполезность борьбы съ этими ядовитыми полчищами мошекъ и комаровъ, завылъ съ отчаянія дикимъ, неестественнымъ голосомъ...

Въ этотъ моментъ въ ближайшихъ кустахъ кто-то шарахнулся въ сторону... Послышались быстро удаляющіеся, тяжелые шаги, и черезъ минуту все смолкло...

Майданщикъ не обратилъ вниманія на этотъ подозрительный шорохъ и продолжалъ выть самымъ отчаяннымъ голосомъ... Болѣе терпкій и лучше прикрытый своими рубищами Митька проснулся только отъ дикаго воя своего товарища. Въ первый моментъ ему показалось, что Майданщикъ воетъ подъ крѣпкими, всеразрушающими зубами какого нибудь лѣснаго хищника... Но черезъ секунду онъ догадался объ истинной причинѣ отчаяннаго воплья своего товарища...

Не успѣлъ Митька вскочить на ноги, какъ и самъ былъ аттакованъ мошками и комарами съ такимъ ожесточеніемъ, что мгновенно почувствовалъ во всемъ тѣлѣ нестерпимый зудъ...

— Ахъ, дьяволы растреклятые!.. Гнусы ненасытные!.. съ озлобленіемъ крикнулъ онъ и принялся скрестись съ неменьшею энергіею.

— Смерть моя, смерть моя!.. вопилъ Майданщикъ, видя полное свое безсиліе.

— Живо къ водѣ! крикнулъ болѣе опытный Митька и сталъ быстро пробираться изъ чащи къ морю.

Майданщикъ бросился вслѣдъ за товарищемъ... Миріады мошекъ и комаровъ назойливо преслѣдовали бѣглецовъ, тѣла которыхъ были уже покрыты крупными, жгучими, почти сплошными опухолями... Вотъ постепенно чаща стала рѣдѣть, и черезъ минуту бродяги выскочили, словно ошпаренные, на берегъ моря, значительно уже успокоившагося послѣ послѣдней, жестокой бури... Дулъ ровный восточный вѣтеръ... Ясное, глубокое небо мерцало милліонами блестящихъ звѣздъ. Недавно народившаяся луна обдавала землю ровнымъ, блѣднымъ свѣтомъ, придававшимъ всѣмъ окружающимъ предметамъ и деревьямъ странный, фантастическій видъ... Волны съ шумомъ набѣгали на несчастное прибрежье, окаймляя его бѣлоснѣжною пѣною и разсыпаясь на камняхъ на тысячи блестящихъ искръ— микроскопическія самосвѣтящіяся инфузоріи...

На берегу моря положеніе бродягъ значительно облегчилось... Мошки и комары постепенно оставили своихъ жертвъ и скрылись отъ непріятнаго морскаго вѣтра въ заповѣдной чащѣ. Только болѣе отважные, продолжали назойливо кружиться вокругъ бѣглецовъ, уловляя удобный моментъ, вонзить свои острыя, жгучія жала. Впрочемъ и эти враги вскорѣ прекратили свои аттаки: одни изъ нихъ присоединились къ своимъ отступившимъ въ чащу товарищамъ, другіе пали жертвой своей излишней смѣлости отъ рукъ остервенившихся бродягъ...

— А—ахъ, жалость какая, что при насъ спичекъ нѣтъ, проговорилъ Митька, въ изнеможеніи опускаясь на желтый, сырой песокъ... Развели-бы костеръ, такъ ни одинъ гнусъ не сунулся бы, да и отъ звѣря-бы схоронились... Да и теплѣе было-бы, добавилъ онъ, начиная чувствовать на сыромъ, морскомъ вѣтрѣ холодъ.

— Безъ одежи-то плохо бродяжуть, да безъ хлѣба, началъ жаловаться Майданщикъ. Право, какое тутъ бродяжество, коли и холодно, и голодно, да еще и гнусы поѣдомъ ѣдятъ...

— А по мнѣ и одежы не будь, и хлѣба не будь—лишь бы жить на волѣ, резонерствовалъ Митька. Все вытерплю—лишь бы шататься по таёжнымъ, привольнымъ мѣстамъ... До холодка самъ чортъ изъ тайги меня не выживетъ!

— Полюбился, братъ, ты мнѣ и я останусь съ тобой въ тайгѣ до той же поры, какъ и ты... А что жаловаться сталъ опять, такъ все отъ гнуса проклятаго—вишь зудитъ шкура словно кто крапивои меня ожегъ! проговорилъ Майданщикъ.

XI.

Нападеніе.

Страшно томимый жаждою медвѣдь не обратилъ тогда особеннаго вниманія на близкое сосѣдство человѣка; но какъ только жажда была утолена, въ хищникѣ проснулись его инстинкты. Притаившись въ чащѣ, медвѣдь зорко слѣдилъ за неожиданными пришельцами, нарушившими спокойствіе тайги, и ждалъ удобнаго момента. Напасть засвѣтло—хищникъ не рѣшился... Солнечный блескъ отнималъ у него смѣлость... Онъ терпѣливо ждалъ ночи для нападенія на давно намѣченную жертву... Зарывшись въ траву и прошлогодніе листья, медвѣдь впалъ въ полудремоту... Изрѣдка подымалъ онъ тупую морду, раздувалъ ноздри и жадно втягивалъ въ себя струю воздуха. Осторожный звѣрь терпѣливо ждалъ. Спустилась ночь. Хищникъ осторожно вылѣзъ изъ подъ листьевъ и безшумно направился къ спящимъ бродягамъ... Черезъ каждые три, четыре шага медвѣдь останавливался, вытягивалъ мохнатую шею и съ силою вдыхалъ въ себя сырой, ночной воздухъ. Въ ночной тьмѣ глаза его искрились зловѣщимъ блескомъ... Острые зубы хищника невольно скрипѣли и щелкали... Вотъ еще нѣсколько шаговъ и опять онъ прислушивается... Въ этотъ моментъ Майданщикъ, опять аттакованный мошками и комарами, вскочилъ, какъ ошпаренный, и завылъ дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ... Хищникъ, испуганный этимъ неожиданнымъ, дикимъ крикомъ, шарахнулся въ сторону и бросился бѣжать во всѣ лопатки. Пробѣжавъ порядочное разстояніе, медвѣдь остановился и сталъ чутко прислушиваться... Вой прекратился и вокругъ господствовала опять невозмутимая тишина... Хищникъ сталъ опять пробираться къ намѣченнымъ жертвамъ. Добравшись до того мѣста, на которомъ только что спали бродяги, хищникъ обнюхалъ помятую траву и пошелъ дальше...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ на опушку чащи и остановился... Зоркіе глаза его тотчасъ-же замѣтили на желтомъ прибрежномъ пескѣ темный безформенный предметъ, слегка освѣщенный блѣдными лучами мѣсяца. Медвѣдь рѣшительно направился къ неподвижному предмету... Безшумно, мягко ступалъ онъ по сырому песку, все ближе и ближе подходилъ къ крѣпко спящимъ, нечуявшимъ близкой опасности, бродягамъ... Искрящіеся зловѣщимъ огнемъ глаза хищника упорно были направлены на спящихъ бродягъ... Отъ осторожнаго шага перешелъ онъ въ нетерпѣливую рысь и быстро сталъ приближаться къ жертвамъ... Черезъ минуту, раздался въ ночномъ воздухѣ пронзительный, страдальческій крикъ и затѣмъ страшное хрипѣнье и урчанье... Хищникъ зарылъ свою тупую морду въ затылокъ Майданщика и съ жадностью пилъ горячую кровь... Митька проснулся отъ страдальческаго крика товарища и съ безумнымъ ужасомъ ударился бѣжать, и самъ не зная куда, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что случилось... Во время бѣгства онъ почувствовалъ, что по его груди течетъ что-то горячее... Безсознательно приложилъ онъ къ ней руку, взглянулъ на ладонь и обмеръ: при лунномъ свѣтѣ онъ ясно разсмотрѣлъ, что ладонь была выпачкана чѣмъ-то темнымъ, похожимъ на кровь... Въ первый моментъ Митькѣ показалось, что кровь течетъ изъ раны на груди, но, ощупавъ себя, убѣдился что невредимъ... Ясно, что онъ омоченъ кровью товарища, попавшагося въ зубы кровожаднаго хищника...

Только тутъ Митька вспомнилъ, что, когда онъ вскочилъ отъ пронзительнаго, страдальческаго крика товарища, то наткнулся съ просонья на какое-то громадное, мохнатое чудовище, склонившееся надъ хрипѣвшимъ Майданщикомъ. При этомъ воспоминаніи кровь застыла въ жилахъ его, волоса зашевелились на

Разрушеніе геркулана и Помпеи. Съ картины Э. Боля, грав. Кезебергъ и Эртель.

головѣ... Невыразимо жалко сдѣлалось ему товарища... Онъ остановился и началъ прислушиваться... Въ воздухѣ стояла невозмутимая тишина: ни звука, ни крика, ни шороха... Только волны шумѣли у прибрежья, да въ груди Митьки глухо, сильно стучало сердце... Напрасно всматривался Митька въ темную даль, напрасно силился уловить стонъ, хрипѣніе или крикъ... Видно все уже совершилось, Майданщикъ покончилъ свои счеты съ здѣшнимъ міромъ и избавился отъ всѣхъ дальнѣйшихъ случайностей жизни...

Долго стоялъ Митька на одномъ мѣстѣ, словно тупо, упорно глядя въ одну точку мутными глазами, потерявшими, повидимому, жизнь и огонь... Его трясла лихорадка... Онъ чувствовалъ, что къ его груди подступаетъ что-то давно невѣдомое... Давно зачерствѣвшее сердце его словно размякло и сбросило съ себя толстую кору, наросшую за время каторги... Изъ воспаленныхъ глазъ Митьки выкатилась, крупная слеза и затерялась въ окровавленной, изорванной одеждѣ... Что-то давно невѣдомое подступало все выше и выше, къ горлу... Въ глазахъ Митьки пошли красные круги, онъ зашатался и, какъ подкошенный, упалъ на песокъ...

Нѣсколько секундъ лежалъ онъ въ какомъ-то неизъяснимомъ, страшномъ онѣмѣніи и... вдругъ разразился неожиданными рыданіями... Казалось, многими годами накопившееся горе, тоска наболѣвшаго сердца изливались въ этихъ нечеловѣческихъ рыданіяхъ—такъ были они отчаянны и это были даже не рыданія, а какой-то дикій вопль...

— Эхъ, Марфуша, Марфуша!.. И чего ты и меня и себя загубила?!, вдругъ застоналъ Митька, прижимая горячее лицо къ сырому песку.

Мрачныя воспоминанія охватили Митьку. Отчетливо, съ ужасающею ясностью представились ему мельчайшія подробности совершеннаго преступленія... Вотъ онъ возвращается поздно вечеромъ изъ города домой, возвращается совершенно неожиданно, не въ указанное время... Подъѣзжаетъ къ своей избѣ—темно... Торопится онъ осторожно открыть ворота, распречь коня и подбросить ему охапку недавно скошенной травы, торопится скорѣй къ Марфушѣ, порадовать ее, неожиданнымъ пріѣздомъ... Осторожно идетъ въ избу... Вотъ, думаетъ, обрадуется-то Марфуша: небось тосковала, да ждала!... Неуспѣлъ онъ войти въ сѣни, какъ вдругъ услышалъ въ избѣ тревожный, незнакомый шепотъ: „Никакъ Дмитрій пріѣхалъ!!.“ „Ахъ, бѣда!.. Бѣда!..“ застонала Марфуша, охваченная безумнымъ ужасомъ... Потемнѣло у Дмитрія въ глазахъ, зашатался онъ. Рука нащупала топорище. Сжалъ онъ топорище рукой, съ безумнымъ крикомъ бросился въ горницу... Передъ нимъ стояла, оцѣпенѣвъ отъ ужаса, Марфуша и парень изъ сосѣдней деревни.., Взмахнулъ Дмитрій тяжелымъ топоромъ и все кончено! Вбѣжали въ избу сосѣди... Его схватили...

Страшно сдѣлалось Митькѣ отъ этихъ воспоминаній. Волосы встали на его головѣ, по всему тѣлу выступилъ холодный потъ... Съ безумнымъ ужасомъ вскочилъ онъ на ноги и вперилъ воспаленный взоръ въ темную даль... И кажется ему, что съ самаго края потемнѣвшаго моря несутся къ нему два страшныхъ, окровавленныхъ призрака... Несутся они съ демонскою быстротой... Вотъ они ближе, ближе, яснѣе и яснѣе... Вотъ они уже протягиваютъ къ Митькѣ свои изрубленныя руки, словно хотятъ схватить. Дико вскрикнулъ Митька и въ безумномъ ужасѣ бросился бѣжать...

XII.

Конецъ.

Ясный, теплый день... Въ воздухѣ невозмутимая тишина. Зеркальная оверхность моря словно замерла подъ ласкающими лучами блестящаго солнца... Пользуясь тихой погодой, медленно пробирается вдоль берега на неуклюжей лодкѣ *) гиляцкая семья, пріискивающая мѣсто для рыбной ловли. Перегруженная лодка, заваленная сложенной юртой, рыболовными снарядами и разнымъ домашнимъ хламомъ, едва ползетъ, несмотря на дружную греблю младшихъ членовъ гилякской семьи. На четырехъ короткихъ, лопатообразныхъ веслахъ сидятъ двѣ дѣвочки, не старше двѣнадцати лѣтъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати и пожилая, некрасивая гилячка, повидимому мать семейства. На кормѣ сидитъ и правитъ весломъ бородатый гилякъ, отецъ семейства, съ маленькими глазами, одѣтый въ оригинальный, узорчатый костюмъ, сшитый изъ искусно выдѣланной рыбьей кожи. Это прямая, доходящая ниже колѣнъ, рубаха съ широкими рукавами и узкіе панталоны, схваченные у лодыжекъ ремешками. На головѣ гиляка коническая, берестяная шляпа, съ различными узорами; ноги обуты въ чарки, сшитыя изъ лосиной кожи. Изъ подъ берестяной шляпы ползетъ по широкой спинѣ гиляка толстая коса.

Одежда остальныхъ членовъ гилякской семьи, безъ различія пола, состояла изъ тѣхъ-же неизмѣнныхъ рубахъ изъ рыбьей кожи и коническихъ берестяныхъ шляпъ... Лица дѣтей можно было бы назвать симпатичными, если-бы не портили ихъ воспаленные глаза... Вообще среди гиляковъ трудно встрѣтить здоровые глаза. Всѣ почти инородцы страдаютъ глазною болѣзнью, которая нерѣдко усложняется. Катарральное воспаленіе глазъ обусловливается особенностями быта дикарей. Проводя все время или въ дымной, чадной юртѣ, или созерцая постоянно необъятныя, снѣжныя пустыни, гиляки портятъ свое зрѣніе такъ сильно, что нерѣдко воспаленіе дѣлается положительно неизлечимымъ...

Медленно ползетъ лодка вдоль берега, слегка розмущая чистую, зеркальную поверхность моря. Зорко смотритъ старый гилякъ впередъ и старается высмотрѣть удобное мѣсто для рыбной ловли... Вотъ онъ замѣтилъ хорошо знакомую, бухточку, прикрытую съ моря двумя далеко выдающимися, песчаными мысами. Лучше этой бухточки трудно найти, и гилякъ, ловко гребнувъ весломъ, направилъ лодку прямо въ берегъ, къ знакомому, широковѣтвистому дубу, склонившемуся надъ небольшимъ, быстрымъ ключемъ... Дно лодки заскрипѣло по мягкому песку, и она остановилась, упершись тупымъ носомъ въ песчаное, ровное прибрежье... Первыми выскочили на берегъ, все время дремавшія на носу лодки, двѣ мохнатыя, остроморфдыя собаки, съ торчащими, остроконечными ушами, и съ громкимъ лаемъ забѣгали по прибрежью, словно обрадовавшись, что наконецъ-то спустили ихъ на берегъ, на которомъ онѣ могутъ размять свои затекшія ноги...

Вслѣдъ за собаками выскочила гилякская семья и, дружно ухватившись за борта лодки, втащила ее на берегъ... Старикъ осмотрѣлся и выбралъ мѣсто подъ юрту, подъ тѣнью развѣсистаго дуба, вблизи ключа... Черезъ нѣсколько минутъ подъ дубомъ уже стоялъ конусообразный остовъ юрты, изъ тонкихъ, крѣпкихъ жердей. Въ то время, когда младшіе члены семьи клали снаружи остова, кромкой на кромку, большія пластины, состоящія изъ сшитыхъ олѣньими жилами кусковъ бересты, старикъ устраивалъ внутри юрты мѣста, *) для размѣщенія семьи, и очагъ, на которомъ и развелъ огонь, которому дикари оказываютъ большое уваженіе.

Гиляки говорятъ: „когда огонь на очагѣ хорошъ, гилякъ живетъ хорошо, когда-же огонь малъ—гилякъ хвораетъ и умираетъ... По ихъ понятію, огню очага должно оказывать уваженіе. Напримѣръ, отъ этого огня нельзя зажигать свѣчу; около него нельзя просушивать онучи; каждый, закуривъ трубку отъ очага, не имѣетъ права выходить съ нею изъ юрты, а долженъ выкурить ее у того-же очага, въ который выбрасывается обыкновенно пепелъ...

Гилякская семья работала молча, сосредоточенно, не развлекаясь разговорами... Работа подходила уже къ концу, какъ вдругъ раздался гдѣ-то вдали бѣшенный, неистовый лай собакъ...

— Шайтанъ ихъ съѣшь! сердито проворчалъ старикъ. „Чего они разлаялись“!?.

— Ты вѣдь знаешь, что наши собаки даромъ не лаютъ, замѣтила старуха. „Вѣрно звѣрь какой, либо чужой человѣкъ“... Дѣти присмирѣли и стали прислушиваться къ бѣшенному яростному лаю собакъ.

— Можетъ абай? **) тихо спросила одна изъ дѣвочекъ, съ любопытствомъ выглядывая изъ юрты.

— Абай днемъ не ползетъ, резонно замѣтилъ мальчикъ. „Это вѣрно на падаль какую нибудь лаютъ!?“

— Ты-бы посмотрѣлъ, рѣшилась замѣтить жена мужу. Старикъ молча взялъ старое кремневое ружье и вышелъ изъ юрты... Не успѣлъ онъ сдѣлать по направленію лая и сотню шаговъ, какъ увидѣлъ своихъ собакъ, бѣшенно бросающихся на какой-то висящій на деревѣ, скорченный предметъ... Старикъ подошелъ ближе и остановился въ нерѣшительности... На сукѣ громаднаго дуба висѣлъ на суконной тесьмѣ, странно худой мужчина, судя по остаткамъ одежды, бѣглый каторжникъ... Сукъ погнулся подъ тяжестью трупа и, казалось, повѣшенный стоитъ на колѣнахъ, крѣпко сжавъ у груди долгіе, какъ жердинъ, руки... Голова его какъ-то неестественно склонилась на грудь; полуоткрытые, тусклые глаза смотрѣли въ землю съ какимъ-то страшнымъ выраженіемъ...

Молча оглядѣлъ трупъ гилякъ, словно прикидывая стоитъ-ли снимать съ него лопатину... Невидимому, осмотръ привелъ старика къ отрицательному заключенію, и онъ, отозвавъ бѣшено лающихъ собакъ, направился къ юртѣ...

— На кого лаяли? съ любопытствомъ спросила старуха мужа.

— Горбачъ тамъ... на деревѣ—видно съ голодухи, хладнокровно проговорилъ гилякъ, присаживаясь къ очагу и набивая табакомъ свою трубочку.

— Что-жъ лопатину-то?

— Не стоитъ! Только клочья остались, отвѣтилъ гилякъ. Скоро гилякская семья усѣлась за свой незатѣйливый обѣдъ, забывъ о несчастномъ. И будетъ онъ висѣть до тѣхъ поръ, пока не расклюютъ его вороны, не растащутъ его лѣсные хищники...

---

*) Гилякская лодка сколачивается деревянными гвоздями изъ четырехъ широкихъ досокъ: двѣ образуютъ борта, и двѣ—плоское дно.

*) Мѣста въ юртѣ устраиваются вокругъ очага, на разстояніи двухъ или трехъ футъ отъ него. Онѣ выложены обыкновенно травою, перемѣшанною съ мелкими древесными вѣтками, и покрываются звѣриными шкурами.

**) Абай—медвѣдь.

Съ Московской Всероссійской выставки.

(Рис. на стр. 604, 605 и 617).

I.

Ураганъ 30 мая.

Утро этого дня было превосходное, но только черезчуръ уже жаркое, воздухъ удушливый и наполненный мельчайшею пылью, туманомъ, стоявшимъ неподвижно надъ обширною площадью Ходынскаго поля. Безчисленные флаги на павильонахъ и мачтахъ выставки висѣли неподвижно въ воздухѣ, публика изнемогала отъ жары и духоты, не спасаясь даже подъ сѣнью колоссальныхъ сооруженій центральнаго зданія. И вся эта тишина разрѣшилась почти мгновенно страшнымъ ураганомъ, надѣлавшимъ не мало кутерьмы на выставкѣ, не мало нагнавшимъ страху даже паники на толпы ея посѣтителей. Сопровождавшійся частыми оглушительными ударами грома и яркимъ блескомъ молній, а вслѣдъ за симъ ливнемъ какъ изъ ведра—ураганъ налетѣлъ такъ неожиданно, что многіе не успѣли добѣжать даже до крытыхъ помѣщеній;—резонансъ громоваго удара и гула вѣтра подъ сводами выставки былъ оглушителенъ;—трескъ ломающихся флагштоковъ и дребезгъ выбитыхъ вѣтромъ стеколъ и цѣлыхъ оконныхъ рамъ такъ напугалъ посѣтителей, что многіе предпочитали лучше мокнуть на дождѣ чѣмъ довѣрять себя этимъ легкимъ и хрупкимъ на видъ сооруженіямъ. Надо было быть спеціалистомъ чтобы понять, насколько прочны эти, повидимому ажурныя сооруженія, чудо и верхъ строительнаго искусства, способные выдержать напоръ какого угодно урагана болѣе чѣмъ многіе петербургскіе каменные дома современной постройки; но вѣдь этихъ спеціалистовъ немного и большинству публики пришлось именно теперь только убѣдиться въ прочности строеній, по волѣ судебъ испытавшимъ, въ лицѣ этого урагана, самую строгую экспертизу.

Болѣе всего пострадала вѣтряная мельница г. Давыдова изъ Коломны, тоже убѣдительно доказавшая, что вѣтеръ и вѣтряная мельница не всегда могутъ жить въ ладу другъ съ другомъ. Довольно остроумный механизмъ этой мельницы заключается именно въ томъ, что ея маховыя крылья съ помощію громаднаго руля, въ видѣ хвоста у птицы сами собою автоматически примѣняются къ вѣтру, мѣняя съ перемѣною вѣтра и свое соотвѣтственное положеніе. Металлическія шестерни, расположенныя на самомъ верху у точки вращенія крыльевъ передаютъ это вращеніе внизъ самому мольному механизму, остается только подсыпать зерна и выгребать готовую муку. Внѣшній видъ этой мельницы ясно показанъ на нашемъ рисункѣ... Но только вотъ бѣда, что ураганъ разрушилъ всѣ надежды экспонента, обломалъ крылья у его мельницы, испортилъ всю верхнюю часть механизма и теперь эта оригинальная мельница, такъ гордо возвышавшаяся надъ всѣмъ лѣвымъ угломъ выставки, представляетъ только очень живописную руину. Убытокъ насчитываемый экспонентомъ простирается до пяти тысячъ рублей, но надо ожидать, что благородная энергія г. Давыдова одолѣетъ первую непріятность и его приспособленіе всетаки выйдетъ съ побѣдою и славою хотя-бы къ концу выставки.

Громадные куски падающихъ съ громадной высоты крыльевъ, далеко относимые вѣтромъ, надѣлали не мало бѣдъ и между прочимъ, переломили, какъ говорятъ, плечо одному изъ инженеровъ—г-ну В—у.

II.

Горная и соляная промышленность.

Русскіе металлы, особенно русское желѣзо, это неисчерпаемое богатство нашихъ горъ, давно уже заслужили себѣ первенство своими чудными качествами; но выдѣлка этаго матеріала долго еще оставляла желать лучшаго и значительно уступала выдѣлкѣ англійскаго и шведскаго желѣза, такъ что много и много лѣтъ существовало въ высшей степени ненормальное и невыгодное для насъ положеніе, въ которомъ наше же родное превосходное желѣзо, въ грубомъ видѣ, шло по дешевымъ цѣнамъ на иностранные заводы и возвращалось къ намъ обратно уже дорогимъ и снабженнымъ англійскими и другими клеймами. Убыточность такого хозяйства трудно опредѣлить даже—такъ она громадна; она выражается даже не въ милліонныхъ а въ милліардныхъ цифрахъ. Но за послѣднее двадцатипятилѣтіе картина нашей горнозаводской промышленности быстро мѣняется. Россія тогда приступила къ постройкѣ своей колоссальной сѣти желѣзныхъ дорогъ, акціонерная компанія обязана была обращаться къ своимъ заводамъ и открывъ громадный спросъ, усиливъ этимъ производительность, подвинула впередъ и технику производства. Благодѣтельные результаты такого оборота дѣлъ не замедлили обнаружиться въ самомъ блестящемъ, превзошедшемъ всѣ ожиданія видѣ. Русскіе рельсы, русское листовое и штучное желѣзо скоро не только стало наравнѣ съ иностраннымъ, но даже значительно перещеголяло это иностранное и быстро вытѣснило его съ своихъ рынковъ. Выдѣланное русское желѣзо перешло предѣлы своего отечества, оно появилось на всѣхъ заграничныхъ выставкахъ стараго и новаго свѣта, оно заслужило тамъ пальму первенства, оно потребовалось тамъ уже не какъ сырой грубый матерьялъ, какъ прежде, а уже обработаннымъ, выкованнымъ, получившимъ даже свое мѣсто и назначеніе, готовымъ предметомъ желѣзно-строительнаго дѣла.

Четвертый отдѣлъ—это отдѣлъ по истинѣ грандіознѣйшій и интереснѣйшій отдѣлъ всей выставки. Здѣсь собраны милліоны пудовъ чуднаго желѣза, во всѣхъ его видахъ и формахъ, здѣсь собрались главнѣйшія фирмы нашего горно-заводскаго дѣла и не пожалѣли своихъ трудовъ и матеріальныхъ затратъ чтобы, блеснуть другъ передъ другомъ, блеснуть на славу, сообща, богатствомъ и могучею ширью этаго суроваго, титаническаго дѣла.

Витрина П. А. Губонина, этаго, когда-то скромнаго мужичка-рабочаго, землекопа на нашихъ первыхъ рельсовыхъ путяхъ, теперь извѣстнаго дѣятеля на томъ же желѣзнодорожномъ поприщѣ, отличается отъ прочихъ своимъ оригинальнымъ видомъ. Она расположена въ углѣ и состоитъ изъ колоссальной мачты, поднимающейся до самаго свода павильона и укрѣпленной на возвышенной платформѣ, задрапированной краснымъ сукномъ. Всѣ части этой мачты: флагштокъ съ флагомъ, стеньги, сама мачта—ванты и реи, все это различные образцы полосоваго, штучнаго, рельсоваго и прочаго желѣза, образцы проволочныхъ канатовъ; у подножья мачты расположены столы, установленные образцами плитнаго желѣза, желѣзныхъ издѣлій мелкихъ, образцы рудъ въ ихъ первоначальныхъ и послѣдовательныхъ формахъ, наконецъ образцы игольныхъ издѣлій и пр.; входъ на платформу стережется двумя медвѣдями, стоящими на заднихъ лапахъ и сдѣланными съ замѣчательною точностью изъ однихъ иголокъ, начиная отъ самыхъ мелкихъ, предназначенныхъ для шитья батиста, до самыхъ крупныхъ обойныхъ.—каждая иголка представляетъ собою щетинку звѣря и ихъ искусный подборъ даетъ полную иллюзію взъерошенной шкурѣ разсерженнаго косолапаго мишки, ласково, впрочемъ, поглядывающаго на вѣчно смѣнныя группы публики, толпящейся у этихъ курьезныхъ диковинъ. Въ этой витринѣ выставлена еще масса предметовъ, производствъ Пестинскаго и Колинскаго заводовъ П. Губонина въ Рязанской губерніи.

III.

Культура табака.

Культура табака давно уже заняла виднѣйшее мѣсто въ промышленной жизни всего южнаго края Россіи. Количество земли подъ плантаціями этого растенія, число рукъ, занятыхъ его обработкою, наконецъ число фабрикъ, изготовляющихъ уже готовыя папиросы, ростетъ не по днямъ, а по часамъ, обрачиваетъ вокругъ себя десятки и сотни милліоновъ рублей, даетъ дѣло, а съ дѣломъ и хлѣбъ милліонамъ работниковъ. Качества южно-русскихъ табаковъ, этихъ акклиматизированныхъ потомковъ Турціи и Ливана, Македоніи и Фессаліи ни чуть не уступаютъ качествомъ своихъ прародителей и давно уже завоевали себѣ обширнѣйшіе рынки сбыта и внутри Россіи и внѣ ея, такъ какъ вывозъ табака въ листахъ за границу съ каждымъ годомъ все усиливается и усиливается. Какъ на разительнѣйшій примѣръ прогресса нашего табакодѣлія нельзя не указать на фирму М. Асмолова и Комп., которая въ какія нибудь 20 лѣтъ начавшая свои операціи всего съ суммы 3,000 р., быстро поднялась до много-милліоннаго предпріятія. Интересны цифры, показывающія наглядно ростъ этой превосходной фирмы за послѣднія десять лѣтъ: въ 1873 году фабрика взяла бандеролей на 294.817 руб., а въ 1881 уже на сумму 800.021 рубль. Принимая въ разсчетъ, что табачныхъ фабрикъ очень много, что между ними встрѣчаются такія популярныя фирмы какъ Бостанжогло, Богданова, Петрова, Лаферма и пр. и что общая доходность государства съ налога на табакъ простирается до 10 милліоновъ, мы видимъ, что одна только фирма М. Асмолова и Комп. составляетъ цѣлую десятую часть всего дохода, занимая, значитъ, собою десятую часть всего табачнаго производства. Вотъ почему мы и остановили вниманіе именно на этой почтенной фирмѣ, какъ на главнѣйшей выразительницѣ всего табачнаго дѣла въ Россіи.

Своимъ успѣхомъ и ростомъ фирма, конечно прежде всего обязана личности В. И. Асмолова, съумѣвшаго твердо и упорно стоять на главнѣйшемъ основаніи успѣха всякаго дѣла: на добросовѣстности и честномъ отношеніи къ труду какъ къ своему личному такъ и тѣхъ другихъ, тѣхъ скромныхъ рабочихъ, связавшихъ свой трудъ въ одно цѣлое подъ управленіемъ опытной руки своего патрона. Глава и основатель фирмы В. И. Асмоловъ скончался немного недождавшись двадцатилѣтія своего дѣла и преемникъ его, родной его братъ, съ прежнимъ компаніономъ и товарищемъ по фирмѣ г-мъ Шукшановымъ, энергично принявшись за оставленное имъ дѣло, конечно не поведутъ его къ упадку, а напротивъ, что уже и опредѣлилось совершенно ясно, увеличатъ еще болѣе сферу дѣйствія своей фирмы, сохраняя тотъ вполнѣ заслуженный почетъ и вліяніе, которое имѣетъ фирма на всемъ обширномъ пространствѣ Россіи.

Красивая и въ высшей степени оригинальная витрина этой фирмы на выставкѣ, изображенная на нашемъ рисункѣ, оста-

навливаетъ на себѣ вниманіе всѣхъ посѣтителей выставки, рѣзко выдѣляясь въ пестрыхъ группахъ остальныхъ витринъ этого отдѣла. Витрина изображаетъ собою граціозный арабскій кіоскъ, весь украшенный золотомъ и цвѣтною орнаментаціею. По угламъ каріатидами стоятъ недурно сдѣланныя фигуры турокъ и горцевъ съ табачными гирляндами въ рукахъ. Вечеромъ, когда косые лучи заходящаго солнца прямо бьютъ на эту витрину, она положительно кажется чѣмъ-то фантастическимъ, переносящимъ зрителя въ страну далекаго востока, въ страну нѣги и кейфа, въ чаду ароматныхъ облаковъ кальяннаго дыма.

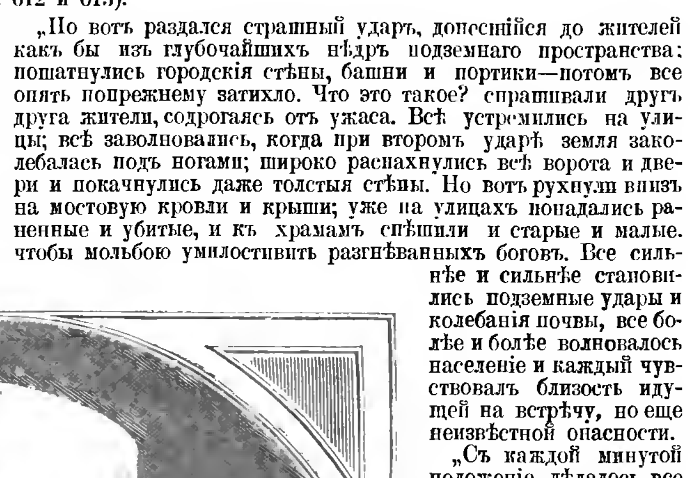
Разрушеніе Геркулана и Помпеи.

(Рис. на стр. 612 и 613).

Прошло почти двѣ тысячи лѣтъ со времени разрушенія въ 79 г. по Р. Х. отъ страшнаго землетрясенія, двухъ цвѣтущихъ городовъ Кампаньи, Геркулана и Помпеи, но до сихъ поръ нельзя безъ содроганія читать подробности этаго ужаснаго, исключительнаго, безпримѣрнаго событія. Недаромъ поэты, романисты и художники не разъ избирали этотъ высоко драматическій сюжетъ для своихъ произведеній; кому неизвѣстенъ въ литературѣ знаменитый романъ Бульвера, а въ живописи знаменитая картина нашего соотечественника, геніальнаго К. Брюллова, имѣвшую сюжетомъ разрушеніе Помпеи. Брюлловъ изобразилъ на громадномъ полотнѣ общую, поразительную картину гибели несчастнаго города; его широкая, плодовитая фантазія вообще не любила узкихъ рамокъ, тѣмъ болѣе что богатый сюжетъ давалъ достаточный просторъ яркой, роскошной кисти. Помѣщаемое нами произведеніе другаго художника — Леру, изображающее сцену изъ разрушенія Геркулана, довольно скромно по избранной темѣ: здѣсь представленъ лишь одинъ эпизодъ, но эпизодъ въ высшей степени трогательный и драматическій, содержаніе котораго прекрасно передаетъ слѣдующій талантливый разсказъ Теодора Симонса, извѣстнаго знатока и изслѣдователя античнаго быта.

„Былъ полдень и божественное солнце высоко мчало свою огненную колесницу, бросая горячіе лучи на раскаленные луга счастливой Кампаньи. Геркуланъ, любимый городъ Афродиты, блисталъ въ морѣ свѣта, былъ полонъ радости и покоя и жители его такъ были безпечны, такъ увѣрены въ безконечности своего счастія, какъ будто на высокомъ Олимпѣ остались лишь одни свѣтлые, благосклонные боги и некому было отворить двери злому, безпощадному року. Богатый красотами природы и какъ бы неимѣющій въ этомъ соперника, лежалъ городъ у ногъ Везувія, роскошный и гордый, не предчувствуя близости страшной, безпощадной судьбы. Правда, что въ послѣдніе мѣсяцы и Геркуланъ и сосѣдніе съ нимъ города много разъ ощущали подъ собою тяжелые удары въ подземной кузницѣ Вулкана, но вѣтряные жители надѣялись на защиту Афродиты и думали что она достаточно обезпечиваетъ ихъ отъ всѣхъ ударовъ гнѣвнаго бога,—и такъ попрежнему одинъ день смѣнялся другимъ, такимъ же веселымъ и обаятельнымъ, какъ и минувшій. Даже и тогда геркуланцы не предчувствовали для себя ничего дурнаго, когда его источники начали давать воду смѣшанную съ сѣрой и копотью, когда рыбы околѣвали въ прудахъ, а съ неба падали мертвыя птицы. Куры отказывались отъ пищи, голуби забивались въ недоступныя убѣжища, собаки страшно выли и всюду можно было замѣтить признаки страха необычайные.

„До сихъ поръ Везувій производилъ лишь глухой, клокочущій шумъ въ своей внутренней лабораторіи и подобно жертвенному алтарю посылалъ къ небу лишь небольшіе клубы дыма, которые ни мало не безпокоили жителей Кампаньи. Даже утро роковаго дня яснилось во всей красотѣ юга и даже сами Авгуры при помощи всей своей высокой науки не могли предвидѣть въ ближайшемъ будущемъ ничего необыкновеннаго.



„Но вотъ раздался страшный ударъ, донесшійся до жителей какъ бы изъ глубочайшихъ нѣдръ подземнаго пространства: пошатнулись городскія стѣны, башни и портики—потомъ все опять попрежнему затихло. Что это такое? спрашивали другъ друга жители, содрогаясь отъ ужаса. Всѣ устремились на улицы; всѣ заволновались, когда при второмъ ударѣ земля заколебалась подъ ногами; широко распахнулись всѣ ворота и двери и покачнулись даже толстыя стѣны. Но вотъ рухнули внизъ на мостовую кровли и крыши; уже на улицахъ попадались раненные и убитые, и къ храмамъ спѣшили и старые и малые, чтобы мольбою умилостивить разгнѣванныхъ боговъ. Все сильнѣе и сильнѣе становились подземные удары и колебанія почвы, все болѣе и болѣе волновалось населеніе и каждый чувствовалъ близость идущей на встрѣчу, но еще неизвѣстной опасности.

„Съ каждой минутой положеніе дѣлалось все болѣе ужаснымъ и наконецъ достигло своей крайней степени, когда солнце скрылось какъ бы облекшись чернымъ покрываломъ. Всѣ въ ужасѣ обратили свои взоры кверху: Везувій горитъ! разомъ раздался страшный крикъ изъ тысячи устъ. „Гора пылаетъ! изъ ея груди сочатся огненные потоки"!

„И едва раздался этотъ крикъ, пронесшійся повсюду страшнымъ эхомъ, какъ началось самое безпорядочное, самое отчаянное бѣгство. Человѣческихъ голосовъ не было слышно, они заглушались ужаснымъ шумомъ, шипѣніемъ и грохотомъ, исходившими изъ вновь образовавшагося кратера Везувія, а небо то и дѣло освѣщалось яркими молніями, прорѣзывавшими воздухъ. Но вотъ скаты горы покрылись какъ бы сотнями раскаленныхъ очаговъ и изъ каждаго изъ нихъ вытекалъ потокъ лавы. Всѣ эти потоки, поглощая все на своемъ пути, медленно направились къ злосчастному городу. Сѣрные пары и удушливые газы поднимались отъ нихъ и заражали воздухъ; лава змѣйками разливалась по покатостямъ горы и спускаясь въ равнину безжалостно обхватывала городъ своими огненными кольцами, отрѣзывая у несчастныхъ жителей единственный выходъ, единственный путь къ спасенію. Теперь только всякій столкнулся лицомъ къ лицу со смертью и всѣ поняли наконецъ всю важность постигшаго ихъ бѣдствія; стремглавъ всѣ бросились бѣжать—и мущины, и женщины и дѣти и даже домашнія животныя, чтобы спастись отъ преслѣдовавшаго ихъ огненнаго потока, который разливаясь все шире и шире, уже захватывалъ собою и улицы и площади.

Крики, стоны и мольбы, какихъ міръ еще ни разу не слышалъ, неслись къ небесамъ изъ пожираемаго огнемъ города, а между тѣмъ разрушеніе все продолжалось и не было границъ для расходившихся стихій, какъ казалось готовыхъ поглотить собою всю вселенную. Амфитеатръ на южной сторонѣ города походилъ уже на громадное, дымящееся огненное озеро и по его ступенямъ отчаянно карабкались люди и животныя, чтобы на его вершинѣ спастись отъ всепожирающаго огня. Но этихъ несчастныхъ грозило поглотить еще другое прожорливое чудовище—все растущая и идущая все впередъ лава. Вотъ уже

Митрополитъ Московскій и Коломенскій, Высокопреосвященный Макарій.
† 10 Іюня 1882 г. Съ фотогр. грав. Б. Пуцъ.

трескаются мраморныя плиты. раскалываются колонны, разрушаются своды и фундаменты, стѣны распадаются. цавъ трещины, цѣлыя обширныя зданія исчезаютъ въ раскаленной пучинѣ и все ихъ убранство исчезаетъ тамъ, какъ расплавляются мелкіе куски руды въ глиняномъ тиглѣ.

„Стаи птицъ". скрывавшіяся до того времени на вершинахъ горъ и въ лѣсахъ. поспѣшно теперь слетали въ долину и порхали между стадами овецъ и быковъ, которые въ смертельномъ страхѣ неслись сломя голову къ вѣрной гибели. Но вотъ на востокѣ заблисталъ рядъ яркихъ факеловъ; то вспыхнули склады масла и хлѣбные магазины, на западѣ же циркъ и театръ: ярко горятъ дворцы и хижины, храмъ и торжище; расходившіяся стихіи, такъ сказать, взаимно уничтожаютъ другъ друга; и нѣтъ болѣе сомнѣнія: пришелъ послѣдній часъ для Геркулана. Безсильными кажутся боги высокаго Олимпа, а мѣсто ихъ заняли фуріи подземнаго міра.

„На колѣняхъ, склонивъ головы молятся юныя жрицы храма Изиды, находящагося на самомъ концѣ города, и котораго лѣвая часть примыкаетъ къ садамъ и террасамъ Серапеума; дѣвы при видѣ страшнаго зрѣлища слезно взываютъ къ милосердію боговъ главная жрица Истацидея въ горести разорвала свои одежды и обнимая ноги богини, кладетъ на ея алтарь, какъ умилостивительную жертву свои длинные роскошные волосы. Напрасно! Подземный ударъ, похожій на раскаты грома, уже предвѣщаетъ близость землетрясенія.

„Удары слѣдуютъ одинъ за другимъ и каждый изъ нихъ расшатываетъ стройныя колонны святилища; мраморное изображеніе богини колеблется и стремглавъ падаетъ со своего пьедестала. Вотъ разрушается и мѣдная кровля преддверія и медленно падаетъ на землю; въ то же время стѣны трескаются и съ крикомъ ужаса убѣгаютъ дѣвы изъ своего священнаго убѣжища.

Московская промышленно-художественная выставка. Павильонъ-кіоскъ Асмолова и К°. (Табачная фабрика). Ориг. рисун. нашего спеціальн. корреспондента Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

„Въ страхѣ и поспѣшности, онѣ захватываютъ съ собою, что попало, изъ священной утвари и почти насильно увлекая за собой свою начальницу, все еще лежавшую передъ алтаремъ, торопятся выдти изъ храма, который грозитъ похоронить ихъ подъ своими развалинами.

„Онѣ поднялись на террасу маленькаго холма, руководимыя лишь свѣтомъ горящаго Везувія: свою главную жрицу онѣ больше тащили нежели вели за собою а дойдя до вершины положили ее, полумертвую, на груду камней. Идти далѣе онѣ были не въ состояніи - онѣ дрожали всѣмъ тѣломъ.

„Ужасно было зрѣлище, которое предстало теперь передъ ихъ взорами. Счастливая Кампанья, столь обильная всѣми дарами природы, казалась теперь имъ однимъ сплошнымъ, и мрачнымъ моремъ, надъ поверхностью котораго носились густыя, черныя облака дыма.

„Надъ Помпеей, сосѣдкой ея съ правой стороны, висѣли тяжелыя темныя тучи, изъ которыхъ сыпался на городъ безконечный дождь пепла. Стабія же, лежащая по другую сторону, была, казалось, поглощена краснымъ потокомъ лавы. Самый же Геркуланъ, этотъ столь еще недавно богатый и цвѣтущій городъ знатныхъ римлянъ, походилъ на мрачный адъ, въ которомъ струились опасные потоки лавы и на островахъ котораго уцѣлѣвшія группы зданій казались какими то привидѣніями.

„Терраса Серапеума. на которой пріютились бѣдныя женщины, являлось среди этой кипящей, огненной пучины какимъ-то спасительнымъ утесомъ среди бушующаго моря. Удушливый дымъ застилалъ всѣ окрестности. еще недавно столь очаровательныя и казалось занималъ собою весь видимый горизонтъ.

„Но и сюда болѣе и болѣе приближалась злая судьба разрушенія. Никакого выхода, никакого убѣжища не оставалось для несчастныхъ жрицъ, почти обезумѣвшихъ отъ горя и ужаса; все тягостнѣе и невыносимѣе становился жаръ; дымъ уже захватывалъ дыханіе. Только иногда стремительный вихрь несущійся отъ близкаго моря, освѣжалъ нѣсколько раскаленный воздухъ и разгонялъ густыя облака удушливаго дыма.

„Силы Истацидеи истощились прежде всѣхъ. Еще послѣдній, грустный взглядъ бросила умирающая туда, на могилу любимаго города, на тѣ мѣста, гдѣ еще за нѣсколько часовъ гордо возвышался храмъ Изиды; но вотъ легкій вздохъ вылетѣлъ изъ ея трепещущей груди и мертвою опустилась главная жрица на руки своей рыдающей прислужницы. За ея послѣднимъ дыханіемъ послѣдовалъ страшный ударъ, который казалось, поколебалъ землю въ самомъ ея основаніи и холмъ началъ колебаться.

„Широко разверзлись скалы—раздавшійся крикъ ужаса пронесся въ воздухѣ—послѣдній крикъ, который былъ слышенъ въ этомъ невыразимомъ стихійномъ хаосѣ; терраса Серапеума исчезла въ зіяющей, огненной бездиѣ, увлекая за собою послѣднія человѣческія существа, пережившія всѣ ужасы этаго роковаго дня смерти и разрушенія..."

Къ рисункамъ.

Передъ моднымъ магазиномъ.

(Рис. на стр. 609).

При первомъ взглядѣ на прекрасную картинку Урлауба видно, по удивленному и почти испуганному выраженію лицъ двухъ бабъ, что это бабы наѣзжія изъ глуши и въ первый разъ идущія по улицѣ столицы. Петербургскую, потершуюся въ столицѣ въ кухаркахъ, бабу не удивишь модными нарядами, она ихъ видѣла не мало, знаетъ даже всѣ ихъ названія, хотя конечно сильно ихъ перевираетъ.

— Ой, мать моя, какъ же это онѣ на себя надѣваютъ. Вѣдь поди сожметъ экое платье такъ—смерть! Господи ты Боже мой, чего только, подумаешь, барыни не носятъ, говоритъ она, разсматривая въ ярко освѣщенномъ окнѣ моднаго магазина всѣ эти хитрыя современныя подобранныя юбки, кружева, шляпки съ широчайшими полями, манто и т. п.

Картины Урлауба, художника отличающагося очень симпатичнымъ, разнообразнымъ талантомъ, на выставкахъ всегда останавливаютъ на себѣ вниманіе своимъ осмысленнымъ и изящнымъ исполненіемъ.

Макарій, митрополитъ Московскій и Коломенскій.

(Портр. на стр. 616).

10 іюня, въ 12½ часовъ ночи скончался высокопреосвященный Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій.

Покойному было еще только 65 лѣтъ, но слабый, болѣзненный съ дѣтства, утомлявшій себя неномѣрными трудами, онъ уже давно внушалъ опасеніе за свое здоровье. Высокій постъ митрополита онъ занималъ всего около трехъ лѣтъ, съ 8 апрѣля 1879 года.

Высокопреосвященный Макарій, въ міру Михаилъ, былъ сынъ бѣднаго священника Петра Булгакова, изъ села Суркова, Новооскольскаго уѣзда Курской губерніи, и дѣтство маленькаго Михаила было преисполнено всяческихъ лишеній, особенно когда послѣ смерти отца онъ остался съ семьей на пенсіонѣ 12 руб. въ годъ. Отданный въ школу, сначала, болѣзненный ребенокъ учился плохо, но потомъ его способности развились, и перейдя въ курскую семинарію, онъ вскорѣ попалъ въ число лучшихъ учениковъ, снискавъ расположеніе не только ректора, но и архіепископа, бравшаго его къ себѣ на лѣто. Окончивъ въ 1837 году курсъ со званіемъ студента, онъ перешелъ въ Кіевскую академію. Здѣсь, на 25 году жизни, онъ рѣшился постричься въ монашество, и на другой же день по окончаніи курса, 29 іюня 1841 года, былъ посвященъ. Къ началу лекцій въ августѣ того же года, онъ уже занялъ кафедру русской церковной и гражданской исторіи, а въ 1842 году былъ переведенъ въ Петербургскую духовную академію, гдѣ и занялъ должность инспектора. Быстро пройдя степени магистра и ординарнаго профессора, къ 1844 году онъ уже былъ цензоромъ церковныхъ книгъ и архимандритомъ.

Съ 1846 года начинаетъ выходить его *Исторія Руской церкви*, доставившая ему громкую извѣстность въ ученомъ мірѣ, идущая въ параллель съ трудомъ покойнаго Соловьева—*Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*. Трудъ этотъ составлялъ величайшую заслугу пр. Макарія, и занималъ его всю жизнь. Послѣдній XI-й томъ вышелъ не задолго до смерти, но сочиненіе осталось далеко не оконченнымъ. Занимаясь *Исторіей*, онъ въ то же время выпустилъ въ свѣтъ пятитомное „Догматическое богословіе,“ удостоенное демидовской преміи,—затѣмъ имъ была написана *Исторія русскаго раскола и Руководство къ изученію православнаго богословія*. Избранный за свои труды почетнымъ членомъ московскаго и харьковскаго университетовъ, получивши степень доктора исторіи, онъ съ 1855 года состоялъ академикомъ императорской академіи наукъ, и предсѣдательствовалъ въ разныхъ коммиссіяхъ и комитетахъ. Назначенный харьковскимъ архіепископомъ, онъ пожертвовалъ капиталъ въ 120 тысячъ, на учрежденіе преміи за лучшее богословское и свѣтское сочиненіе—такъ что бы послѣ его смерти проценты капитала передавались попеременно,—то Св. Синоду, то академіи наукъ. Учреждая множество другихъ стипендій, помогая бѣднѣйшимъ студентамъ, всюду покровительствуя наукамъ,—онъ снискалъ любовь всѣхъ окружающихъ, и несомнѣнно смерть его—огромная утрата. Въ немъ мы лишились прекраснаго пастыря церкви, ученаго,—и наконецъ человѣка, въ полномъ смыслѣ этого слова. Смерть его послѣдовала отъ удара. О послѣднихъ часахъ его московскія газеты разсказываютъ такъ: „въ 12½ часовъ дня съ высокопреосвященнымъ, во время пріема ванны, сдѣлался ударъ. Его немедленно вынули изъ воды, и приглашенный докторъ принялъ мѣры къ приведенію его въ чувство. Окружающіе его до того потерялись, что не знали, что дѣлать, и если бы къ тому времени не было у него въ пріемной адъютантъ генералъ-губернатора А. Н. Вишневскій, то была бы упущена, вѣроятно, своевременная подача первой помощи.“

Мы повторяемъ портретъ преосвященнаго, помѣщенный нами въ 1879 году, въ виду того, что за послѣдніе три года у насъ прибавилось много тысячъ новыхъ подписчиковъ.

Фернандо и Инеса.

(Изъ Иріарта).

Съ кошелькѣ Фернандо рѣдко,
Были звонкіе піастры.
Но взгляните на Фернандо —
Что за гордая осанка!
Черный плащъ мѣстами прорванъ,
Шляпа выцвѣла отъ солнца.
Но за то и плащъ и шляпу
Такъ какъ онъ никто не носитъ.
Да, теперь онъ не бѣднѣе,
Грандовъ города Мадрита:
Двадцать лѣтъ ему, онъ любитъ
Первой, чистою любовью.
Донъ Фернандо не видали
Въ полумракѣ узкихъ улицъ
Ни со шпагой обнаженной,
Ни съ пѣвучею гитарой;
Но никто во всемъ Мадритѣ,
Разъ увидѣвъ донъ Фернандо,
Не сказалъ бы, что боится
Обнажить свою онъ шпагу.
Много взоровъ мимолетныхъ
На него тайкомъ кидали
Изъ подъ вышитыхъ мантилій
Темноокія сеньоры.
И подъ сводами собора,
Отъ молитвенника часто
Отрывалися къ Фернандо
Ихъ задумчивыя очи.
Но Фернандо ихъ не видѣлъ,
Видѣлъ онъ одну Мадонну,
Чей прекрасный, чистый образъ
Возносился надъ толпою.
Подъ торжественные звуки
Величаваго органа
Чей то образъ проносился
Передъ нимъ, какъ сновидѣнье.
Да, теперь онъ не бѣднѣе,
Онъ богаче знатныхъ грандовъ,—
Разъ считаемъ мы за счастье
Полюбить и быть любимымъ.
Онъ нашелъ свою мадонну,
Божество, передъ которымъ
Вся любовь—одна молитва.
Съ той минуты, какъ онъ поднялъ
Черный вѣеръ, на которомъ
Прочиталъ: „Инеса Гамбра“,
Начались его тревоги;
Съ той минуты, какъ глазами
Чаще сталъ онъ съ ней встрѣчаться
И угадывать ихъ тайны—
Начались его восторги.
Да, теперь онъ ихъ богаче
Грандовъ города Мадрита —
Двадцать лѣтъ ему: онъ любитъ
Первой, чистою любовью;
Сердце проситъ первыхъ пѣсенъ,
И любви и счастья проситъ,
А рука беретъ гитару
И настраиваетъ струны.
Ночь подъ каменнымъ балкономъ,
Гдѣ мелькнетъ она, какъ призракъ...
Лунный свѣтъ, ночныя тѣни
И ночная серенада...

* * *

„Пала ночи ароматной
„Серебристая завѣса,
„Покажись, мой ангелъ чистый,
„Покажись, моя Инеса!
„Посеребренная луною,
„Спитъ волна Мансанареса.
„Спишь ли ты, мой свѣтлый ангелъ,
„Спишь ли ты, моя Инеса.
„Пѣснь моя летитъ какъ свѣжій
„Вздохъ каштановаго лѣса—
„Я люблю тебя, мой ангелъ,
„Я люблю тебя, Инеса!“

День проходитъ въ ожиданьи,
Ночь въ молитвенномъ восторгѣ
И конца не видно счастью
Молодаго донъ Фернандо.
Завтра тоже сновидѣнье,
Таже свѣтлая Инеса,
Та Инеса, у которой
Солнце руки не цѣлуетъ.
И Фернандо страстно хочетъ
Чтобы всѣ слилися ночи
Въ ночь одну, съ луной на небѣ
И съ Инесой на балконѣ!
Но недолго счастье длится
И близка его развязка:
За Инесой смерть приходитъ...
И Фернандо ищетъ смерти.
Съ той минуты какъ узналъ онъ,
Что Инесы нѣтъ на свѣтѣ,—
Съ той минуты не видали
Молодаго донъ Фернандо.
Только ночью мѣсяцъ видѣлъ
Ликъ его печальный, томный
У подножія Мадонны,
Слышалъ мѣсяцъ какъ молитвы
Съ блѣдныхъ устъ его лилися.
„Ни одной во всемъ Мадридѣ
Пѣсни впредь не повторю я;
Потому что нѣтъ въ Мадридѣ
Ни одной, любви достойной!
Красотѣ земной не надо
Этихъ пѣсенъ вдохновенныхъ:
Ей довольно поцѣлуевъ,
Жаркихъ ласкъ съ нея довольно.
Лишь тебѣ молюсь, Мадонна,
Разставаясь съ этой жизнью,
И молю успокоенья,
Милосердья и прощенья!“
И на утро по Мадриту
Вѣсть печальная носилась:
Въ ночь глухую донъ Фернандо
Смерть нашелъ въ Мансанаресѣ...
И для памяти потомковъ
Лишь преданье сохранилось...
Ихъ любовь и горе—слава
Береговъ Мансанареса
И лежатъ въ одной могилѣ
Донъ Фернандо и Инеса...

Д. Садовниковъ.

Дикари и ихъ поговорки.

Очеркъ.

Въ прежнее время особенно было распространено мнѣніе, что дикари вообще выродившіяся одичавшія племена, остатки отличавшихся высокимъ уровнемъ культуры древнихъ народовъ. Однако, такой взглядъ можно считать окончательно опровергнутымъ. Изслѣдователями первобытнаго состоянія народовъ дознано теперь, что дикари стоятъ на такой ступени развитія, на какой находились въ доисторическое время народы настоящей степени развитія. Доказательствомъ этого служатъ множество чертъ, болѣе или менѣе ясныхъ, замѣчаемыхъ въ жизни намъ современной и присущихъ дикимъ народамъ. Черты эти носятъ и названіе „преемственныхъ“.

Съ другой стороны, новѣйшими изслѣдованіями опровергнуто многое, что приписывалось дикарямъ, больше досужей фантазіей путешественниковъ, чѣмъ дѣйствительными, точными и безпристрастными наблюденіями. Дикіе народы вовсе не стоятъ на такомъ низкомъ уровнѣ развитія, какъ думали обыкновенно до недавняго времени. Было, наприм., убѣжденіе, что среди дикарей убійство и нѣкоторыя другія явно преступныя дѣянія считаются не преступленіями, а какъ бы доблестью, не наказуемой, а восхваляемой и поощряемой. Нужно ли говорить, что это—нелѣпая клевета, много разъ опровергнутая потомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что со стороны многихъ благородныхъ и доблестныхъ качествъ дикари стоятъ гораздо выше своихъ, изнѣженныхъ и испорченныхъ утонченностями и привитыми потребностями „цивилизованныхъ“ сосѣдей.

Дикарямъ свойственны высокія понятія о божествѣ, отвергаемыя иными кичащимися своимъ развитіемъ людьми современной цивилизаціи. Имъ нечужды точно также понятія о сотвореніи міра, сотвореніи людей, виновникомъ котораго является у нихъ Великій Духъ, Божество. „Первоначально — говоритъ одно преданіе—міръ представлялъ собою огромное, широкое море безъ всякаго живаго существа на немъ, кромѣ гигантскаго Духа, блескъ глазъ котораго производилъ молнію, а удары крылій—громъ“. Погружаясь въ море, Духъ этотъ выдвинулъ изъ него землю, а поверхность ея населилъ животными. Нѣкоторыя дикія племена принимаютъ различныхъ Создателей міра, мужчинъ и женщинъ, причемъ Творецъ первыхъ считается высшимъ существомъ нежели виновникъ появленія женщинъ. Вѣрованіе въ загробную жизнь до такой степени распространено между дикарями, что, по словамъ г. Фаррера, „гораздо труднѣе найти примѣры, гдѣ бы его не существовало“, нежели обратные примѣры. Любопытно то, что въ загробную жизнь дикари переносятъ и всѣ земныя различія, такъ что въ раю, напримѣръ, король остается королемъ, свободный человѣкъ—свободнымъ, рабъ—рабомъ, богатый—богатымъ и такъ далѣе. Что касается до равенства, которое нѣкогда соединяли въ понятіемъ о такъ называемомъ „естественномъ состояніи“, въ которомъ находятся дикари, то, въ дѣйствительности, его тамъ не существуетъ вовсе. Различіе въ силѣ физической и въ нравственныхъ качествахъ всегда обусловливало собою различіе по общественному положенію. Такимъ образомъ, въ первобытномъ состояніи высокое положеніе пріобрѣталось личными заслугами. Поэтому и женщины не были лишены возможности возвышаться надъ уровнемъ массы, если онѣ обладали личными качествами, достаточными для такого возвышенія. Этимъ объясняется, что въ одномъ африканскомъ королевствѣ, Дагомеѣ, господствуетъ полная равноправность женщинъ съ мужчинами. Наравнѣ съ послѣдними, первыя могутъ быть и королевами, и воинами, и важными сановниками. И вотъ, всѣ эти земныя различія, повторяемъ, дикари переносятъ и въ загробную жизнь.

Обладая зачатками религіозныхъ молитвъ и обрядовъ, развившихся вполнѣ самостоятельно, безъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, дикари вообще относятся съ глубокимъ уваженіемъ къ множеству старыхъ искониыхъ обычаевъ, касающихся всѣхъ отраслей жизни. Чрезвычайно интересный взглядъ проводится, между прочимъ, г. Фаррером на многочисленные свадебные обычаи, господствующіе среди дикарей и сохранившіеся въ весьма ясныхъ очертаніяхъ у народовъ „цивилизованныхъ“. У тѣхъ и у другихъ, вступленіе въ бракъ сопровождается, какъ извѣстно, разнообразными проявленіями стыдливости и нежеланія сдѣлать этотъ шагъ со стороны дѣвушки. Такимъ образомъ, явились, какъ-бы по обычаю, чисто притворныя слезы, притворное бѣгство, притворное враждебное отношеніе къ жениху и посредникамъ брака, сватамъ, словомъ, множество обрядовъ такого рода. До сихъ поръ думали, что всѣ эти обряды и обычаи—суть символы или воспоминанія о томъ времени, якобы пережитомъ каждымъ народомъ, когда, вслѣдствіе численнаго неравенства между мужскимъ и женскимъ поломъ, преобладанія перваго надъ вторымъ, существовало, дѣйствительно, насильственное умыканіе или похищеніе женщинъ на подобіе древнеримскаго „похищенія сабинокъ“. Но Фарреръ принимаетъ иное объясненіе, вполнѣ оригинальное и, повидимому, наиболѣе вѣрное. По его мнѣнію, неохота и даже отвращеніе, обнаруживаемыя невѣстой, происходятъ въ силу естественной стыдливости, которую она ощущаетъ, вступая на новый брачный путь, а также вслѣдствіе страха передъ неизвѣстной будущностью и нежеланія измѣнить хорошее положеніе дѣвушки, у дикарей, на дурное положеніе жены.

Вообще, первобытная жизнь представляетъ чрезвычайно много интереснаго по отношенію къ намъ, народамъ современнымъ. Многое изъ того, что господствуетъ среди насъ, оказывается несомнѣнно зародившимся во времена глубокой древности. Наслѣдіе родной старины свято хранится народомъ до сихъ поръ. Волшебства, колдовство, суевѣрія, народныя поговорки, повѣрья и т. д. Пословицы и поговорки дикихъ народовъ особенно интересны въ этомъ отношеніи. Многія и многія изъ этихъ выраженій вѣковой народной мудрости, употребляемыя нами нынѣ, имѣютъ, повидимому, чрезвычайно отдаленное происхожденіе. Въ этомъ убѣждаетъ поразительное сходство между тѣми и другими.

Среди дикаго племени, обитающаго въ южной Африкѣ, чикитосовъ, существуетъ повѣрье, что однажды гнались по небу за луной волки, которые, поймавъ, рвали ее на части, пока не были отогнаны индѣйскими стрѣлами... Спрашивается, какъ смотрѣть, въ виду подобнаго преданія, на общеизвѣстную французскую пословицу „Dieu garde la lune des loups,“ что, въ буквальномъ переводѣ означаетъ: „*Боже, сохрани луну отъ волковъ.*“

Интересно сопоставить нѣкоторыя наши пословицы, пословицы народовъ цивилизованныхъ, съ пословицами дикихъ народовъ. У насъ, есть напр. пословица—„стараго воробья на мякинѣ не проведешь.“ Такой же смыслъ имѣетъ и англійская пословица—„глупа рыба, пойманная два раза на одну и ту же приманку“ и нѣмецкая—„старую лисицу не поймаешь два раза въ одну западню.“ И вотъ пословица, найденная среди дикарей и имѣющая одинаковый смыслъ съ вышеприведеннымъ: „никто не бываетъ дважды дуракомъ.“ Сходство очевидное. Такое-же сходство обнаруживаютъ, между прочимъ, пословицы, касающіяся женщинъ, клонящіяся далеко не въ пользу послѣднихъ. Особенно преслѣдуется дикарями „долгоязычіе“ прекраснаго пола. Такъ одна пословица предлагаетъ желающему сдѣлать что-либо извѣстнымъ на рынкѣ—передать это подъ секретомъ женѣ.

Пословицы дикарей, чрезвычайно, нужно сказать, многочисленныя, обнаруживая большое сходство съ нашими, точно также поражають иногда глубиною своего содержанія. „Прощающій, говорить одна изъ нихъ—выигрываетъ побѣду“ или „обижающій другого, обижаетъ самого себя,“ говоритъ другая. „Доброе имя даетъ спокойный сонъ;“ „прежде чѣмъ цѣлить другихъ, исцѣлися самъ;“ „обладающій терпѣніемъ обладаетъ всѣмъ;“ „любишь медъ, не бойся пчелъ;“ „двумъ крокодиламъ не ужиться въ одной ямѣ;“ „краденое добро нейдетъ впрокъ;“ „нитка идетъ за иголкой;“ „надежда—столбъ, на которомъ міръ стоитъ.“ Уже въ виду, этихъ однихъ немногихъ примѣровъ пословицъ, дикари вовсе не являются стоящими на такомъ низкомъ умственномъ уровнѣ развитія.

Политическое обозрѣніе.

Болгарія. Сербія.—Австрія и славяне. Египетскій вопросъ. Англія.- Германія. Испанія.

Князь Болгарскій возвратился въ свою столицу и на пути изъ Турнъ-Северина, его проѣздъ былъ рядомъ оваций со стороны крестьянъ, во множествѣ выходившихъ на встрѣчу его высочеству; при этомъ къ князю, будто бы, даже обращались съ просьбою править страной, не слушаясь ни либераловъ, ни консерваторовъ. Въ Виддинѣ и Софіи князь былъ встрѣченъ русскими консулами, министрами и другими лицами. Важнѣе всего въ передаваемомъ нами извѣстіи то, что, если вѣрить ему, — въ Софіи очень довольны результатами, достигнутыми поѣздкой князя въ Россію. Примѣръ Сербіи и Румыніи конечно не могъ не оказать своего вліянія и на Болгарію и тамъ теперь начинается агитація за провозглашеніе независимости княжества и возведеніе его на степень королевства; по словамъ Вѣнскихъ газетъ, въ странѣ ходятъ петиціи по этому предмету, а также и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—о возобновленіи конституціоннаго порядка. Въ Сербіи парламентскій кризисъ едва ли еще совершенно разрѣшился. Мы, въ свое время, говорили уже о томъ, что нынѣшнее министерство входило въ сношенія, главнымъ образомъ, для постройки желѣзныхъ дорогъ, а также и для займовъ, съ Бонту и его банкомъ „Union générale;“ банкротство Бонту и „Union générale“ невыгодно отразилось на финансахъ молодаго королевства; и 60 депутатовъ оппозиціи скупштины сдѣлало министерству запросъ о выясненіи отношеній, въ которыхъ Сербія находится къ „Union générale,“ но—кабинетъ, по тѣмъ или другимъ, вѣроятно, личнымъ, причинамъ, можетъ быть, желая выждать время и выйти изъ своего затрудненія,—не далъ отвѣта и тогда тѣ 60 депутатовъ рѣшили выйти изъ скупштины, желая возбудить общіе выборы и добиться этимъ отъ страны мнѣнія—одобряетъ ли она министерство и большинство скупштины, имѣетъ ли желаніе знать—въ какое положеніе приведены финансы королевства сдѣлкой съ Бонту: но кабинетъ, вмѣсто общихъ выборовъ, къ которымъ былъ обязанъ по закону, назначилъ дополнительные т. е. избраніе замѣстителей только вышедшихъ скупштинаровъ; выбраны были тѣ-же самыя лица, но они отказались оставаться безъ отвѣта правительства на ихъ запросъ: тогда уже самъ король принялъ участіе въ столкновеніи: большинству онъ объявилъ, чтобы оно продолжало свои занятія, не обращая вниманія на оппозицію; но все-таки его величество выразилъ желаніе, чтобы между обѣими группами устроилось какое либо соглашеніе; принявъ депутацію отъ меньшинства, онъ спросилъ—на какихъ условіяхъ онъ можетъ придти къ этому соглашенію? Депутація отвѣтила, что главное условіе—въ общихъ выборахъ. На это король не согласился, но предложилъ имъ начать переговоры съ большинствомъ: переговоры эти, однако, не привели пока ни къ чему, а недавно телеграфъ возвѣстилъ, будто министерство уже дало скупштинѣ увѣренія въ томъ, что королевство не имѣло убытковъ отъ своихъ сдѣлокъ съ Бонту, насколько это вѣрно—вѣроятно близкое будущее покажетъ.

Изъ Вѣны сообщаютъ, что возстаніе въ славянскихъ провинціяхъ настолько утихло, что многіе вступили уже въ ряды австрійскихъ войскъ. Правда, это сообщеніе идетъ не изъ оффиціальныхъ, а изъ офиціозныхъ источниковъ; оффиціально же извѣстно, что въ Далмаціи военные суды оставлены еще на 6 мѣсяцевъ: очевидно первое извѣстіе не вяжется съ этимъ послѣднимъ, а кромѣ того, изъ Цетиньи увѣдомили о новомъ сраженіи, въ которомъ усташи хотя и отступили, но успѣли нанести сильный уронъ австрійцамъ.

Конференція въ Константинополѣ по египетскимъ дѣламъ уже открыла свои засѣданія, хотя Порта продолжаетъ высказываться противъ нея; конференція, однако, первымъ же дѣломъ признала суверенитетъ Турціи надъ Египтомъ. Хедиву, наконецъ, удалось составить новое министерство съ Рахебомъ-пашей во главѣ и Араби-Пашей въ качествѣ военнаго министра, но въ этомъ случаѣ обнаружилось не полное согласіе между державами: оказывается, что новый кабинетъ образованъ согласно указаніямъ германскаго и австрійскаго консуловъ и, не признанъ ни Англіей, ни Франціей. Что ни конференція, ни переговоры инымъ путемъ—ничто еще пока не указываетъ на возможность улаженія египетскаго вопроса мирнымъ путемъ, видно изъ приготовленій *Англіи*, положительныхъ *приготовленій къ занятію Египта войсками*; адмиралу Сеймуру, начальнику англійской эскадры уже велѣно, при первомъ же необходимомъ, по его мнѣнію, случаѣ высадить на берегъ солдатъ и матросовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, англійское правительство сосредоточиваетъ войска на Мальтѣ, въ Аденѣ, снаряжаетъ военныя транспортныя суда для перевозки до 20,000 солдатъ, подъ командою генерала Вуда. Понятно—главная, или одна изъ главнѣйшихъ причинъ—Суэзскій каналъ. Съ своей стороны Араби-Паша объявилъ, что въ случаѣ намѣренія европейцевъ сдѣлать десантъ, онъ засоритъ Суэзскій каналъ и окажетъ самое энергическое сопротивленіе; египетская армія, хорошо дисциплинированная, вооруженная и экипированная, доведена до 18,000 человѣкъ. Едва ли все это скоро уладится...

Англійское правительство принимаетъ мѣры усиленной военной предосторожности въ Ирландіи. По слухамъ, въ Коркѣ схваченъ одинъ изъ убійцъ Кэвендиша и Борка.

Въ Германіи новая измѣна: какой-то военный инженеръ Мейлингъ, будто бы, продалъ одной великой державѣ (Россіи или Франціи) планы береговыхъ укрѣпленій.

Князь Бисмаркъ хлопочетъ о включеніи Испаніи въ число великихъ державъ, въ то же время Испанія выразила желаніе также участвовать въ конференціи...

Смѣсь.

Карманные вѣсы „Лиллипутъ“. Не можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей на чрезвычайно остроумное и удобное изобрѣтеніе — это весьма изящные и такіе маленькіе вѣсы, что помѣщаются въ жилетномъ карманѣ. Однако они даютъ возможность взвѣшивать отъ ¼ фунта до 10 фунтовъ, что для подручной работы представляетъ большія удобства, устраняя необходимость тяжелыхъ и громоздкихъ вѣсовъ. Цѣна-же ихъ очень дешева всего 1 р. 50 к.

Второй альбомъ узоровъ для вышиванія. Далматова. Это весьма красиво изданная тетрадка, полная всевозможныхъ узоровъ, фигуръ, орнаментовъ, буквъ. Читатели „Нивы“ знакомы съ дарованіемъ г. Далматова по тѣмъ изящнымъ рисункамъ для вышивки, которые онъ даетъ въ модномъ приложеніи. Новое изданіе можетъ служить прекрасной моделью для вышиванія.

Выдѣленіе взрывчатаго газа изъ озера. Однажды къ большому удовольствію конькобѣжцевъ, замерзло въ февралѣ озеро Кэнъ, въ Англіи. Однако, то тамъ то здѣсь, возлѣ самыхъ береговъ, вода сильно противилась дѣйствію мороза и покрылась слоемъ льда, слишкомъ тонкимъ и опаснымъ для любителей катанья на конькахъ. Изъ этихъ частей озера выдѣлялся газъ. Когда образовался первый слой льда, кто-то обжегъ себѣ лицо, сдѣлавъ во льду небольшое отверстіе и приблизивъ зажженную спичку къ выдѣлявшемуся газу. Черезъ нѣсколько времени, газъ, казалось, потерялъ свою воспламеняемость и опытъ могъ быть повторенъ безнаказанно. И каждый разъ, какъ только дѣлали отверстіе во льду, получали небольшое пламя.

Освѣщеніе морскаго дна. Извѣстно, какими затрудненіями сопровождается работа на днѣ моря, для возведенія-ли каменныхъ построекъ, для отысканія остатковъ кораблей или морскихъ произведеній. Затрудненія эти проистекаютъ для рабочихъ отъ тѣхъ способовъ освѣщенія морскаго дна, которые употреблялись до сихъ поръ. Фонари, находившіеся при рабочихъ, были соединяемы съ поверхностью воды черезъ посредство воздушныхъ трубокъ, и давали свѣтъ крайне недостаточный. Вслѣдствіе этого, пришли къ мысли воспользоваться электрическимъ свѣтомъ, для преодолѣнія этихъ затрудненій, и опыты, сдѣланные въ этомъ направленіи въ Англіи, блистательно удались.

Самовозгараніе. По недавно произведеннымъ опытамъ можно заключить, что нѣкоторые пожары, дающіе поводъ къ различнымъ предположеніямъ, объясняются очень просто. Опыты состояли въ слѣдующемъ: брали старую бумажную тряпку, смачивали ее деревяннымъ масломъ, наполняли ящикъ бумагой и тряпками и въ середину клали масляную тряпку. Ящикъ затѣмъ ставился въ безопасномъ отъ огня мѣстѣ. И хотя кладовая, гдѣ стоялъ ящикъ не была ни свѣтла, ни тепла, спустя недѣлю послышался такой запахъ гари, что сочли нужнымъ осмотрѣть ящикъ; масляная тряпка была совершенно обожжена. Затѣмъ взяли платье маляра, пропитанное краской, свернули его, положивъ въ него горсть стружекъ и выставили на апрѣльское солнце. Не прошло недѣли, какъ платье начало горѣть. Во время жаркихъ дней въ августѣ, подъ крышей была повѣшена жестянка такъ, чтобы она подвергалась дѣйствію послѣ полуденнаго солнца; въ жестянкѣ была чистая бумажная тряпка и двѣ спички. Спустя четыре дня содержимое жестянки совершенно истлѣло. Еще опаснѣе оказались тряпки, испачканныя бензиномъ.

Заявленіе

Такъ какъ настоящимъ № 26 заканчивается полугодіе, то Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за первое полугодіе, поторопиться возобновленіемъ подписки на второе полугодіе. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, большой картины Профессора В. И. Якобія „Дорогой гость“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.

Жестяныя театральныя декораціи. Берлинскіе императорскіе театры постоянно занимаются техническимъ усовершенствованіемъ сцены. Тамъ испытываютъ все что только можетъ служить для обезпеченія театровъ отъ огня. Въ послѣднее время главное театральное управленіе предприняло цѣлый рядъ пробъ въ этомъ отношеніи, и если пробы эти удадутся, то вскорѣ вмѣсто декорацій изъ полотна, онѣ будутъ дѣлаться *изъ жести*. Жесть выдѣлывается теперь тоньше бумаги, притомъ она эластичнѣе и прочнѣе и кромѣ того хорошо принимаетъ краски. Вѣроятно многимъ случалось видѣть очень изящныя визитныя карточки изъ жести, и быть можетъ скоро наступитъ время, когда будутъ введены жестяныя декораціи, которыя немногимъ будутъ дороже полотняныхъ, но зато совершенно безопасны.

Желѣзныя дамскія платья. Въ Нотингамѣ, въ Англіи, сдѣланъ очень удачный опытъ изготовленія лѣтней матеріи и кружевъ изъ тончайшей проволоки. Проволока на машинѣ обработывается до такой легкости какъ нитка изъ хлопчатой бумаги. Предполагаютъ, что эта новая отрасль производства найдетъ большое примѣненіе.

Нервность. Профессоръ Лейбъ, въ Лейпцигѣ, говоритъ что въ послѣднее время нервныя болѣзни, какъ физическія такъ и нравственныя (умопомѣшательство) достигли такихъ размѣровъ, что сдѣлалось необходимымъ выдѣлить „нервопатологію“ изъ прочихъ клиническихъ наукъ. Причину этой устрашающей нервности онъ приписываетъ сильному скопленію людей въ городахъ, неумѣренности въ пищѣ и питьѣ, борьбѣ за существованіе, неумѣренному развитію честолюбія и корыстолюбія, раннему умственному напряженію дѣтей, а также извѣстнымъ ошибкамъ лечащихъ докторовъ. Главная причина во всякомъ случаѣ — въ чрезмѣрномъ приращеніи населенія и недостаткѣ простоты и цѣльности жизни и отдыха.

Соединенные Штаты насчитываютъ теперь 52 милліона жителей, изъ нихъ 27 милліоновъ мужчинъ и 25 милліоновъ женщинъ. Число бѣлыхъ простирается до 44½ мил., черныхъ до 6½ милліоновъ, а остальная часть индѣйцы и китайцы.

Стоимость новѣйшихъ построекъ. Не лишено интереса сравненіе расхода по постройкамъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ зданій. Новая парижская опера стоила 16 милліоновъ рублей, Вѣнская опера 6 мил. Только что оконченное зданіе суда въ Лондонѣ обошлось 9 мил., новое зданіе суда въ Вѣнѣ—8 мил.; между тѣмъ какъ на постройку зданія суда въ Брюсселѣ потребовалось 16 мил., столица Голландіи довольствуется зданіемъ суда, стоившимъ только 680,000. Расходы по постройкѣ новой Парижской ратуши доходятъ до 16 милліоновъ, расходы по еще неоконченной Вѣнской ратушѣ опредѣляются въ 13 мил. Новый музей Викторіи въ Мельбурнѣ стоилъ 1 мил., новый музей въ Антверпенѣ 800,000, новое почтовое зданіе въ Парижѣ 12½ мил. Другое зданіе въ Парижѣ, консерваторія, стоила 3,200,000 р. Гораздо дешевле обошелся англійскій городской архивъ въ Лондонѣ (Record office); онъ стоилъ только 1,200,000 р., британское министерство иностранныхъ дѣлъ стоило 5,500.000. Изъ бельгійскихъ дворцовъ слѣдуетъ упомянуть: Maison du roi въ Брюсселѣ, стоившій 800,000, новыя кавалерійскія казармы тамъ же—1,600,000, столько же брюссельскій монетный дворъ, дворецъ художествъ—1,250,000 и дворецъ въ Брюггѣ 800.000. Но болѣе всѣхъ стоилъ англійскій парламентъ, расходы по постройкѣ котораго простирались до 35 мил.; вмѣстѣ съ Кельнскимъ соборомъ это одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій въ мірѣ.

Безпритязательность Карла XII, короля Шведскаго. Историки и поэты пишутъ, что онъ ѣлъ черствый хлѣбъ и поутрамъ чистилъ самъ себѣ обувь. На дѣлѣ однако это оказывается невѣрнымъ, какъ свидѣтельствуютъ бумаги, найденныя недавно въ шведскомъ придворномъ архивѣ. Это счеты годовъ 1708 и 1709, когда Карлъ стоялъ зимою на Украйнѣ; счеты эти показываютъ, что придворный штатъ короля въ походѣ состоялъ изъ придворнаго управляющаго, двухъ камергеровъ, доктора, трехъ камеръ-юнкеровъ, берейторовъ, епископа и двухъ проповѣдниковъ, двухъ тѣлохранителей, повара, кухоннаго писаря, завѣдывающаго погребомъ, мундшенка, пекаря, рѣзника, женщины для мытья серебра, судомойки и бухгалтера. Кромѣ того при дворѣ было нѣсколько евреевъ поставлявшихъ напитки и провизію. Счеты этихъ людей не упоминаютъ о черствомъ хлѣбѣ, но о курахъ, рыбахъ, приправахъ, лимонахъ, зелени, яйцахъ, дичи и проч. Между прочимъ въ одной замѣткѣ говорится, что 26-го сентября 1708 г. по личному приказанію короля въ одномъ городкѣ откуда жители убѣжали, было для него убито двѣ овцы, восемь куръ и четыре утки, а на другой день три свиньи и одна овца.

О вредѣ плáвиковой кислоты. Одинъ изъ ассистентовъ химической лабораторіи Парижскаго технологическаго института хотѣлъ снять глазурь съ куска фарфора, чтобы пробуравить въ немъ дырочку, для чего употребилъ скребокъ намоченный въ плáвиковой кислотѣ. Замѣтивъ что на пальцы его попала кислота, онъ вымылъ руки, смазалъ ихъ жиромъ и продолжалъ работать въ теченіи 1½ часа. Пробуравивъ фарфоръ въ 11 ч. утра, онъ снова началъ мыть руки прибавивъ къ водѣ немного нашатыря и соды, но вдругъ почувствовалъ сильную боль въ большомъ и указательномъ пальцахъ. Онъ сдѣлалъ примочку изъ масла и известковой воды, но боль не унималась, такъ что къ вечеру пришлось посовѣтоваться съ докторомъ. Пальцы сдѣлались совершенно твердыми и бѣлыми, страшная боль умѣрялась только холодными примочками и то на короткое время; ночью боль еще усилилась и только подъ утро, больной послѣ принятія 10 капель лауданa, впалъ въ тревожный сонъ. На слѣдующій день боль унялась. Кислота проникла въ тѣло и сдѣлала его совершенно безчувственнымъ и твердымъ; прочіе пальцы припухли только немного, верхняя же сторона кисти была здорова, признакъ, что кислота не проникла въ кровь. Спустя только мѣсяцъ, больной началъ снова владѣть пальцами, но чувствительность къ нимъ не вполнѣ вернулась.

Разведеніе волковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ существуютъ правила поощренія вообще скотоводства и разведенія животныхъ, такъ напримѣръ даже за доставленныхъ въ управленіе волковъ выдаются довольно большія преміи. Въ Висконсинѣ съ 11 апрѣля до 7 мая, т. е. въ теченіе 21 дня за волковъ было выплачено 2662 доллара. Охотники сдѣлали изъ этаго ремесло; они берегутъ старыхъ волковъ и волчицъ и доставляютъ только молодыхъ волчатъ; затѣмъ приводятъ волковъ изъ штатовъ, гдѣ выдается меньшая премія, напримѣръ изъ Минезоты, въ штаты гдѣ лучше платятъ за разведеніе животныхъ.

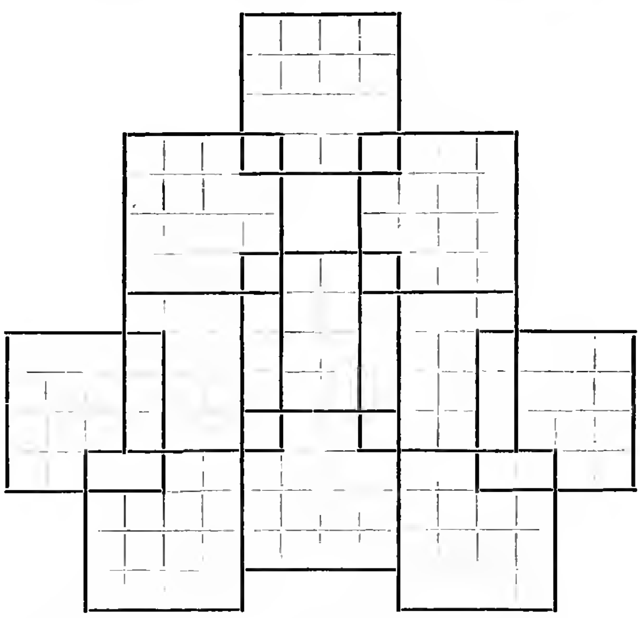
Своеобразный обычай. Когда въ Остъ-Индіи магараджа (князь) боленъ при смерти, то чтобы вполнѣ обезпечить себѣ въ будущемъ прощеніе за грѣхи въ будущей жизни, онъ передаетъ кому нибудь съ извѣстными церемоніями свои грѣхи, за что принявшій грѣхи получаетъ денежное вознагражденіе. Передача грѣховъ происходитъ по строгому церемоніалу, послѣ чего принявшій грѣхи удаляется изъ страны, чтобы какимъ-нибудь образомъ не возвратить снова грѣховъ умирающему; ему подъ страхомъ смерти воспрещается возвращаться когда либо на родину.

Фабричныя клейма существуютъ почти такъ же давно какъ и занятія людей разными производствами. Въ древнемъ Вавилонѣ были уже знаки собственности, а китайцы утверждаютъ, что у нихъ клейма существовали за 1000 лѣтъ до Р. Х. У Гуттенберга былъ процессъ изъ за собственнаго клейма, который онъ и выигралъ. Въ 1300 году англійскій парламентъ утвердилъ клейма и этому примѣру послѣдовали другія государства. Въ прежнія времена очень цѣнились клейма отдѣльныхъ рабочихъ, въ особенности оружейниковъ, такъ какъ успѣхъ много зависѣлъ отъ качества оружія и клеймо обозначало сортъ его.

Сила проникновенія свѣта въ водѣ. На какую глубину проникаетъ свѣтъ въ водѣ до сихъ поръ собственно еще вопросъ не рѣшенный основательно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такую глубину для озера Ламанша профессоръ Форель опредѣлилъ въ 40 метровъ причемъ опыты производились посредствомъ албуминизированной бумаги. Недавно подобные-же опыты производилъ другой ученый, г. Асперъ на Цюрихскомъ озерѣ, но нѣсколько измѣнилъ методъ изслѣдованія. Для опытовъ онъ употреблялъ фотографическія пластинки, такъ называемыя эмульсированныя пластинки болѣе чувствительныя нежели альбуминизированная бумага и погружалъ ихъ на ночь, на глубину 40, 50, 60, 70, 80 и 90 метровъ. Когда-же онѣ были вытащены, пролежавъ въ водѣ цѣлыя сутки, и подвержены дѣйствію щевелевокислой соли желѣза то всѣ безъ исключенія обнаруживали на себѣ слабое вліяніе свѣта. Такимъ образомъ свѣтовые лучи, какъ оказывается по этимъ опытамъ, проникаютъ въ чистой водѣ, по крайней мѣрѣ на глубинѣ 90-ти метровъ.

Первое китайское броненосное судно было недавно спущено на верфи штетинской кораблестроительной компаніи, близъ устья Одера. Судно это называется „Тингъ-Йенъ“ т. е. вѣчный миръ и представляетъ собою типъ башеннаго корвета, котораго двѣ башни защищены двѣнадцативершковой броней и вооружены каждая четырьмя стальными орудіями. Кромѣ того на палубѣ находятся еще другія восемь орудій, вышедшія изъ мастерской Круппа въ Эссенѣ. Штетинская кораблестроительная компанія заключила контрактъ съ китайскимъ правительствомъ на постройку еще другаго броненоснаго корабля подобнаго же типа.

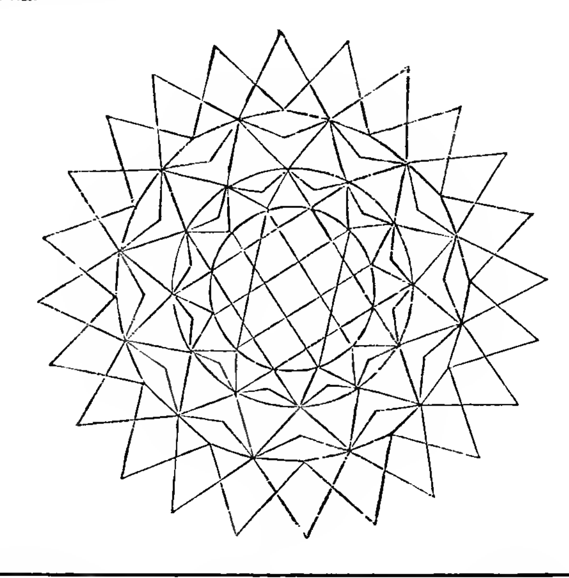
Задача магическихъ квадратовъ № 49.



Въ клѣткахъ данныхъ 11 квадр. вписать буквы такъ, чтобы изъ нижеслѣдующихъ 43 словъ образовалось 11 магич. квадр. адам, амор, аким, авел, алоэ, ахил, атомъ. баба. град, гиря, гриб, дуло, дама, дача, енот, егер, ерет, иван, игра, коса, лото, лань, море, маня, обѣд, орел, огос, осел, орѣх, огон, рѣка, рада, руно, ряса, раба, сбор, сани, сѣни, тула, тигр, тога, хива, чело.

Задача № 50.

Изображенную фигуру надо начертить однимъ почеркомъ. Это легко сдѣлать, если будетъ вѣрно взятъ начальный пунктъ чертежа.



Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

СКОПИНСКІЙ

ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БАНКЪ.

(ОСНОВНЫЙ И ЗАПАСНЫЙ КАПИТАЛЫ 1.200.241 РУБ.)

Банкъ принимаетъ вклады изъ всѣхъ мѣстностей Россіи: отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, монастырей и церквей, земскихъ и общественныхъ учрежденій, городскихъ и сельскихъ обществъ и акціонерныхъ компаній. Вклады принимаются отъ вкладчиковъ, лично и чрезъ почту, на безсрочное время, т. е. до востребованія, на опредѣленные сроки отъ одного года до двѣнадцати лѣтъ и на вѣчное время. По вкладамъ Банкъ выдаетъ:

На безсрочное время	6%	въ годъ.
» одинъ, два и три года	6½%	» »
» четыре, пять и т. д. до 12 лѣтъ	7%	» »
» вѣчное время	7½%	» »

Внесенные въ Банкъ вклады, обезпечиваются не только вышеозначенными Банковыми основнымъ и запаснымъ капиталами 1.200,241 руб., но и ручательствомъ за Банкъ Скопинскаго Городскаго Общества, состояніе котораго простирается на нѣсколько милліоновъ рублей.

Сумма вклада не можетъ быть менѣе 50 рублей. Билеты на вклады: не превышающіе 300 рублей, выдаются только именные; на сумму же свыше 300 рублей могутъ быть выдаваемы, по желанію вкладчиковъ, безъименные, т. е. на предъявителя. *)

Вклады возвращаются и проценты по нимъ выдаются наличнымъ вкладчикамъ въ тотъ же день, иногороднымъ высылаются съ почтою.

Лица, желающія перевести свои вклады изъ другихъ кредитныхъ учрежденій на процентное обращеніе въ Скопинскій Банкъ, могутъ поручать Банку истребованіе откуда слѣдуетъ ихъ вкладовъ, для чего они должны сдѣлать на именныхъ билетахъ засвидѣтельствованную нотаріусомъ или полиціею надпись, о предоставленіи Банку права истребовать слѣдующія по тѣмъ билетамъ деньги, безъименные же билеты, для перевода по нимъ вкладовъ, представляются въ Банкъ безъ всякой надписи.

Банкъ принимаетъ къ учету векселя, купоны отъ процентныхъ бумагъ и облигацій, вышедшія по тиражу, на сроки отъ 1-го до 12-ти мѣсяцевъ, и выдаетъ ссуды подъ залогъ строеній, состоящихъ въ г. Скопинѣ, и земель находящихся въ Рязанской губерніи отъ 1-го года до 12-ти лѣтъ, процентныхъ бумагъ, товаровъ и вещей отъ 1-го до 9-ти мѣсяцевъ. Проценты Банкъ получаетъ по учетной и ссудной операціямъ по восьми на сто въ годъ.

Правленіе Банка открываетъ засѣданіе ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, съ 10 час. утра до 3-хъ часовъ по полудни, и въ производствѣ Банковыхъ операцій и вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется Высочайше утвержденными: положеніемъ 6-го февраля 1862 года о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, и мнѣніями Государственнаго Совѣта 16-го мая 1866 года и 30 ноября 1870 года.

Директоръ *Рыковъ.*

---

*) Вклады вносятся въ Банкъ черезъ почту при объявленіяхъ слѣдующаго содержанія:

Въ Скопинскій Городской Общественный Банкъ (отъ такого-то) объявленіе Представляя при семъ (столько-то рублей), прошу принять эту сумму во вкладъ для обращенія изъ процентовъ (на такой-то срокъ или до востребованія) и составить билетъ на мое имя, (или на имя такого-то или на предъявителя); который выслать въ *такое-то мѣсто. Число мѣсяцъ, годъ.*

Дозволено цензурою. СПБ. 24 іюня 1882 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. А. Ф. Маркса, Англ. пр., № 10.